ЛОИС БУДЖОЛД

"РАЗДЕЛЯЮЩИЙ НОЖ"
"ШАЛИОН"
КНИГИ 1-8

Циклы "Разделяющий нож"-"Шалион". Компиляция. Книги 1-8

Лоис МакМастер Буджолд

Аннотация
Лоис Макмастер Буджолд. Приманка
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

Лоис Макмастер Буджолд. Разделяющий нож: Наследие
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
Лоис МакМастер Буджолд. «Разделяющий нож: В пути
1
2
3

4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
Лоис Макмастер Буджолд. Разделяющий нож.
Горизонт
Глава 1
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Эпилог
Лоис Буджолд. Проклятие Шалиона
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4

Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Лоис Буджолд. Паладин душ

Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвёртая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвёртая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая

Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Лоис Буджолд. Священная охота
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23

Глава 24
Эпилог
Лоис Макмастер Буджолд. Кольца духов
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Эпилог
Послесловие автора

Аннотация

Искатель приключений Даг, странствующий по дорогам одержимого демонами мира, по чистой случайности спасает от одного из демонов юную дочь крестьянина Фаун. Ни Даг, ни Фаун еще не знают, насколько судьбоносной окажется эта встреча для них обоих — и для мира, веками задыхающегося в паутине древнего Зла.../ Внезапное убийство сосланного полубезумного принца, совершенное, по официальной версии, юной девой благородной крови, — искра, от которой может вспыхнуть пожар хаоса и междоусобицы Домов, равно претендующих на право наследовать корону умирающего монарха. Предотвратить это можно, только найдя ИСТИННОГО убийцу принца. И тогда в замок из столицы отправляется с тайной миссией лорд Ингри кин Волфклиф...

Содержание:

РАЗДЕЛЯЮЩИЙ НОЖ:

1. **Лоис Макмастер Буджолд**: Приманка *(Перевод: Александр Александров)*

2. **Лоис Макмастер Буджолд**: Наследие *(Перевод: А. Александрова)*

3. **Лоис МакМастер Буджолд**: Разделяющий нож: В пути *(Перевод: А. Александрова)*

4. **Лоис Макмастер Буджолд**: Горизонт *(Перевод: Елена Рагулина)*

ШАЛИОН:

5. **Лоис Макмастер Буджолд**: Проклятие Шалиона *(Перевод: Татьяна Зименкова)*

6. **Лоис Макмастер Буджолд**: Паладин душ *(Перевод: Александра Ютанова)*

7. **Лоис Макмастер Буджолд**: Священная охота *(Перевод: А. Александрова)*

Отдельный роман:

8. **Лоис Макмастер Буджолд**: Кольца духов *(Перевод: Ирина Гурова)*

Книгу FB2
изготовил
Vitovt

Лоис Макмастер Буджолд

ЛОИС БУДЖОЛД
РАЗДЕЛЯЮЩИЙ НОЖ

Приманка

1

Фаун подошла к дому у колодца незадолго до полудня. Это была уже не ферма, но еще и не гостиница; строения располагались у самого большака, по которому Фаун шла последние два дня. Двор, окруженный полукругом старых бревенчатых построек, был открыт для путников — и посередине располагался колодец. Чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, что здесь можно напиться, к одному из столбов, поддерживавших навес, кто-то приколотил вывеску с изображением колодца и ведра на цепи; ниже виднелся длинный перечень припасов, которые предлагались к продаже, с указанием цены. Каждая тщательно выписанная строчка сопровождалась маленькой картинкой и несколькими цветными кружочками, изображающими монеты, — для тех, кто не знал ни букв, ни цифр. Фаун читать умела, так же как вести счета — этому ее вместе с сотней домашних работ обучила мать. Фаун нахмурилась от непрошеного воспоминания.

«Ну да, я умная, так как же я оказалась в такой переделке?»

Фаун стиснула зубы и сунула руку в карман,

где лежал кошелек. Он был не тяжел, но хлеба-то купить денег хватит. Хорошо бы хлеб оказался свежим. Вяленая баранина из мешка Фаун, которую она пыталась жевать сегодня утром, снова вызвала у нее тошноту, но нужно же было чем-то поддержать силы: ужасная усталость сделала ее шаги медленными, так она никогда не доберется до Глассфорджа. Фаун оглядела безлюдный двор и бросила взгляд на висящий на столбе железный колокол с веревкой, потом оглянулась на расстилавшиеся вокруг фермы поля. На дальнем залитом солнцем косогоре дюжина людей косила траву. Фаун неуверенно обошла дом и постучала в дверь кухни. Полосатый кот, свернувшийся на пороге, приоткрыл один глаз, но вставать не стал. Сытое спокойствие кота приободрило Фаун, да и сам дом выглядел ухоженным: выцветшая черепица крыши и дикий камень фундамента явно были недавно подновлены. Когда на ее стук вышла дородная пожилая хозяйка, сердце Фаун даже не особенно колотилось.

— Что тебе, дитя? — спросила женщина. Вертевшееся на кончике языка «Я не дитя, я просто коротышка» Фаун благоразумно оставила при себе. К тому же морщинки в уголках дружелюбных глаз хозяйки навели Фаун на мысль, что ее годы

и впрямь покажутся той детскими.

— Хлеб вы продаете?

Хозяйка явно обратила внимание на то, что Фаун путешествует одна.

— Да. Входи.

Большой очаг нагрел кухню сильнее летнего солнца; на стенах с железных крюков свисали разного размера кастрюльки и горшочки. Влажный воздух был полон восхитительных запахов: ветчины с бобами, свежего хлеба, вяленых фруктов: хозяйка готовила к полудню обед для косцов. Фермерша откинула полотно, прикрывавшее ряд пышных караваев на столе: чтобы испечь весь этот хлеб, ей, несомненно, пришлось подняться до рассвета. Несмотря на тошноту, у Фаун потекли слюнки. Она выбрала каравай, в который, по словам хозяйки, был добавлен мед и тмин. Фаун выудила из кошелька монетку, завернула каравай в свой платок и вышла во двор. Хозяйка последовала за ней.

— Вода в колодце чистая, и денег за нее мы не берем. Только тебе придется самой вытянуть ведро, — сказала женщина, глядя, как Фаун грызет отломленную от каравая корочку. — Кружка вон там, на крючке. Куда ты направляешься, дитя?

— В Глассфордж.

— В одиночку? — Женщина нахмурилась. — У тебя там родственники?

— Да, — солгала Фаун.

— Тогда им должно быть стыдно. Говорят, у Глассфорджа объявились разбойники. Не следовало отправлять тебя в дорогу одну.

— Разбойники нападают к югу или к северу от города? — забеспокоилась Фаун.

— Я слышала, что к югу, но кто сказал, будто они будут сидеть на месте?

— Я дальше на юг не пойду — только до Глассфорджа. — Фаун положила хлеб на скамью рядом со своим мешком, отмотала цепь и позволила ведру падать, пока из прохладной глубины колодца не донесся всплеск; потом она принялась вертеть ручку ворота.

Новость насчет разбойников была тревожной. Впрочем, разбойники — понятная угроза. Любой дурак догадается держаться от них подальше. Когда шесть дней назад Фаун отправилась в свое печальное путешествие, она при любом удобном случае пользовалась любезностью возниц, как только оказалась достаточно далеко от дома и могла не опасаться, что ее узнают. Все было хорошо до тех пор, пока один парень не начал говорить глупости, смутившие Фаун, а потом

попытался ее облапить. Фаун вырвалась и отбежала, а вознице хватило ума не бросить свой фургон и беспокойных лошадок, чтобы попытаться ее поймать. Однако в следующий раз удача могла Фаун изменить; поэтому она пряталась на обочине и выглядывала только тогда, когда видела: на попутной повозке едет женщина или целое семейство.

Съеденный кусок хлеба помог желудку Фаун успокоиться. Девушка поставила ведро с водой на скамью и взяла протянутую ей хозяйкой деревянную кружку. У воды был привкус железа, но она была чистой и холодной. Фаун почувствовала себя лучше. Она отдохнет немного в тени, и тогда, возможно, ей удастся за остаток дня пройти больше, чем накануне.

С дороги донесся стук копыт и звяканье упряжи. Впрочем, скрипа колес Фаун не услышала, а копыт явно было много. Фермерша, прищурившись, посмотрела вдаль, и ее рука потянулась к веревке колокола.

— Дитя, — сказала женщина, — видишь вон те старые яблони? Не залезть ли тебе на дерево и не посидеть ли там тихонько, пока мы не увидим, что к чему?

Фаун на ум пришли несколько возможных

ответов но она ограничилась тем, что сказала:

— Да, мэм. — Она двинулась через двор, потом вернулась, схватила каравай и побежала к купе деревьев. К стволу ближайшей яблони были прибиты доски, так что получалось что-то вроде лестницы, и Фаун проворно вскарабкалась наверх и спряталась среди густой листвы и мелких зеленых яблок. Ее платье было темно-синим, а жакет — коричневым, так что здесь, как и в придорожных кустах, тени должны были ее скрыть. Фаун уселась на ветку, сунула белые руки, которые могли бы ее выдать, под мышки и встряхнула головой, так что темные кудри закрыли лицо. Фаун настороженно посматривала на дорогу сквозь густые пряди.

Толпа всадников въехала во двор, и напряжение отпустило выпрямившуюся у колодца хозяйку фермы; ее рука, сжимавшая привязанную к языку колокола веревку, разжалась. Приехавших было с полторы дюжины, кони у них оказались разной масти, но все поджарые и длинноногие. Всадники по большей части носили темную одежду, а позади седел виднелись притороченные сумки и спальные мешки. Фаун затаила дыхание, заметив, что все мужчины вооружены длинными ножами и мечами; у многих

за плечами висели луки и имелись полные стрел колчаны.

Нет, не все они были мужчинами. Вперед выехала женщина, спешилась и кивнула фермерше. Одета она была так же, как и остальные, — в штаны для верховой езды, сапоги и длинную кожаную куртку, а ее волосы с сильной проседью были заплетены в косу и свернуты в тугой узел. Мужчины тоже все были длинноволосые: некоторые носили косы, другие — хвосты с блестящими стеклянными или металлическими бусинами или ленточками, третьи — такие же строгие прически, как и женщина.

Стражи Озера. Явно целый дозорный отряд. Фаун только один раз до сих пор видела таких, как они, когда с родителями и братьями ездила в Ламптон на ярмарку за семенами, стеклянной посудой, каменным маслом и красками. Тогда это был не отряд, а клан, живущий в глуши рядом с Мертвым озером, который привез на продажу прекрасные меха, выделанную кожу, искусные поделки кузнецов и еще товары, о которых вслух не говорили: лекарства и, может быть, незаметно действующие яды. Ходили слухи, что Стражи Озера практикуют черную магию.

Вообще о Стражах Озера ходило множество и

менее невероятных слухов. Они не жили оседло, а кочевали из одного лагеря в другой — в зависимости от сезона. Ни один из них не владел землей, которую можно было бы к концу жизни разделить между наследниками; Стражи Озера считали огромные дикие просторы общей собственностью рода. Мужчина владел только своей одеждой, оружием и охотничьей добычей. После свадьбы женщина не становилась хозяйкой в доме мужа, обязанной заботиться о его престарелых родителях; вместо этого мужчина переселялся в шатер матери жены и становился сыном этой семьи. Шептались и о странных постельных привычках Стражей Озера, хоть никто, к огорчению и возмущению Фаун, ничего о них ей не рассказывал.

Одно крестьяне знали точно: если на вас нападало зловредное привидение, вы звали Стражей Озера. И не дай вам бог обсчитать их при расплате за услугу.

Фаун не была уверена в существовании зловредных привидений. Несмотря на все россказни, сама она никогда их не встречала и не знала никого, кто встречал бы. Все это казалось страшными сказками, развлекающими сообразительных и путающими доверчивых. Насмешливые старшие

братья слишком часто дурачили Фаун, чтобы она с готовностью заглатывала приманку.

Заметив, что один из дозорных направляется к ее дереву, Фаун замерла. Этот воин выглядел не так, как остальные, и девушка не сразу поняла, в чем дело: его темные волосы были коротко острижены и небрежно отброшены назад. Человек был устрашающе высок и очень худ. Он зевнул и потянулся, и что-то блеснуло в его левой руке. Сначала Фаун подумала, что это нож, потом вздрогнула, осознав, что левая кисть отсутствует: вместо нее из длинного рукава выглядывало что-то вроде крюка или зажима; как он крепится к запястью, Фаун разглядеть не могла. К ужасу девушки, дозорный растянулся в тени прямо под нею, удобно опершись спиной о толстый ствол, и закрыл глаза.

Фаун дернулась и едва не свалилась с дерева, когда хозяйка фермы все-таки зазвонила в колокол. Два громких удара, потом еще три: явно просто сигнал, а не тревога, потому что фермерша продолжала оживленно разговаривать с женщиной из отряда. Теперь, когда у Фаун было время присмотреться, она разглядела, что среди Стражей Озера были еще три или четыре женщины. Двое мужчин таскали воду из колодца,

наполняя деревянную поилку; коней по очереди подводили к поилке и давали напиться. В ответ на звон колокола из-за одного из строений появился паренек, и фермерша послала его вместе с несколькими дозорными в амбар. Две молодые женщины последовали за хозяйкой в дом и через некоторое время вышли с завернутыми в полотно свертками — должно быть, добрым крестьянским хлебом. Мужчины вынесли из амбара несколько мешков: Фаун решила, что в них овес для коней.

Потом все дозорные собрались у колодца, и хозяйка и седая женщина о чем-то стали договариваться; они пересчитали мешки и свертки, и Стражи Озера вручили фермерше несколько монет и какие-то маленькие мешочки, извлеченные из седельных сумок, — Фаун не сумела разглядеть, что в них; обе стороны явно остались довольны обменом. Потом мужчины и женщины разбились на группки и расположились в тени, чтобы поесть.

Предводительница отряда подошла к дереву, на котором пряталась Фаун, и уселась, скрестив ноги, рядом с высоким человеком.

— Это ты хорошо придумал, Даг.

Тот в ответ только хмыкнул. Открыл ли он глаза, Фаун не знала: со своей ветки она могла ви-

деть только две макушки — одну седую и гладко причесанную, другую темную и взлохмаченную. Еще ей были видны длинные ноги в сапогах.

— Так что тебе рассказала твоя старая приятельница? — спросил мужчина. Его низкий голос звучал устало, а может быть, он от природы был хриплым. — Подтверждаются сведения о Злом?

— Пока ходят только слухи о разбойниках, но в окрестностях Глассфорджа исчезли несколько человек. И тел не нашли.

— М-м...

— Вот тебе, поешь. — Женщина протянула что-то своему собеседнику — судя по восхитительному запаху, долетевшему до Фаун, ломоть свежего хлеба с ветчиной. Потом женщина спросила, понизив голос: — Ты еще ничего не почувствовал?

— У тебя Дар сильнее, чем у меня, — с набитым ртом пробормотал мужчина. — Если ты ничего не чувствуешь, я и подавно не сумею.

— Ты более опытен, Даг. На моем счету всего девять уничтоженных Злых, а у тебя сколько — пятнадцать? А то и двадцать?

— Больше, хоть остальные и были мелочью. Мне просто везло.

— Ха, везло! И мелочь считается тоже. К следую-

щему году они выросли бы. — Женщина откусила кусок от собственного ломтя хлеба с ветчиной и вздохнула. — Ребята волнуются.

— Я заметил. Того и гляди они начнут задирать друг друга, если напряжение еще увеличится.

Женщина только согласно фыркнула. В хриплом голосе неожиданно прозвучало беспокойство:

— Если мы найдем логово Злого, не пускай молодежь вперед.

— Ничего не выйдет. Им нужно набираться опыта — как и нам в свое время.

— Кому нужен такой опыт... — пробормотал мужчина.

Не обращая внимания на возражение, женщина продолжала:

— Я подумала, что в пару с тобой я поставлю Сауна.

— Избави боже! Если только ты снова не отправишь меня сторожить лагерь.

— На этот раз не получится. К тому же жители Глассфорджа дают нам в помощь своих людей.

— Ох, беда! Это же неуклюжие крестьяне, хуже детей!

— Так ведь это их родичи пропали. Они в своем праве.

— Сомневаюсь, что даже с разбойниками они справятся. — Помолчав мгновение, мужчина добавил: — Иначе они уже с ними разделались бы. — Помолчав еще, он заключил: — Если там и правда есть разбойники.

— Я думала поручить жителям Глассфорджа стеречь коней. Если там и вправду Злой и такой большой, как опасается Чато, нам каждая пара рук понадобится в схватке.

После паузы мужчина проворчал:

— Неудачный выбор слов, Мари.

— Ведро у колодца полное. Вылей его себе на голову. Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.

Мужчина взмахнул правой рукой.

— Ну да.

Охнув, женщина поднялась на ноги.

— Поешь. Это, если хочешь знать, приказ.

— Да что ты меня пичкаешь! Я же не дергаюсь!

— Не дергаешься, — вздохнула женщина, — я знаю. — С этими словами она ушла.

Мужчина снова растянулся на траве.

«Уходи, — мысленно приказала ему Фаун. — Я писать хочу».

Однако через несколько минут, прежде чем потребности тела заставили Фаун проявить неже-

ланную смелость, мужчина поднялся и двинулся следом за предводительницей отряда. Он не спешил, но шаги его были длинными, и пересек двор он прежде, чем женщина помахала рукой. Фаун не поняла, как это можно было счесть приказом, но тем не менее все дозорные тут же принялись приторачивать седельные сумки и подтягивать подпруги. Через пять минут всадники покинули ферму.

Фаун соскользнула с дерева и посмотрела вслед отряду. Однорукий воин, ехавший последним, оглянулся через плечо. Фаун снова спряталась за ствол, и только когда стук копыт стих, вышла из своего убежища и отправилась искать фермершу. Ее мешок, как с облегчением заметила девушка, так и лежал на скамье — никто его не тронул.

Оглянувшись, Даг снова подумал о той крестьянской девчушке, которая робко пряталась на яблоне. Теперь она, конечно, слезла, но рассмотреть ее Дагу не удалось. Другое дело, что на таком близком расстоянии ветви и листья не могли скрыть от него яркую искру жизни...

Мысленно Даг представил себе ее уютную ферму, разоренную глиняными тварями Злого, — кровь, пепел, дым. Или еще хуже — и эту картину показало ему не только воображение, но и

память, — то, что случилось в Западном Уровне за рекой Грейс, менее чем в шестистах милях отсюда. Для него, который верхом или пешком проделывал подобный путь дюжину раз, не такое уж это и расстояние, а вот для местных — нечто, что трудно себе представить. Бесконечные мили пустошей, таких безотрадных, что даже скалы рассыпались в серую пыль. Эта огромная плешь высасывала из человека его Дар так же, как пустыня — влагу из его тела; задерживаться там было смертельно опасно. Тысячелетия редких дождей только начали возвращать Западному Уровню какое-то подобие ландшафта. Представить себе зеленые поля этой деревенской девчушки превращенными в такой же кошмар...

«Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы такого не случилось, Искорка».

Даг не думал, что они когда-нибудь еще встретятся или что она узнает, ради чего так спешат странные знакомцы ее... матери? — спешат, чтобы защитить и ее, и себя самих. Не ее вина в том, что он так устал от своей бесконечной погони. Деревенские жители, хоть что-то узнавшие о методах Стражей Озера, называли их черной некромантией и шарахались прочь от дозорных, однако принимали от них бесценный подарок

— безопасность. Что ж, значит, и на этот раз мы купим смерть Злого ценой жизни одного из нас...

Но только одного, если это будет зависеть от него, Дага.

Даг ударил каблуками коня и галопом догнал отряд.

Хозяйка фермы задумчиво смотрела на Фаун, пока та собирала свой мешок, поправляла лямки и закидывала его за спину.

— Отсюда до Глассфорджа почти день езды, — сказала она, — а пешком еще дольше. Тебе придется ночевать по дороге.

— Ничего, — ответила Фаун. — Мне нетрудно найти место для ночлега. — Это было правдой. Найти укромный уголок, откуда ее не было видно с дороги, ей всегда удавалось, а приготовления ко сну сводились к тому, чтобы расстелить одеяло и улечься, не умываясь и не раздеваясь. Единственные неприятности, которые грозили при этом Фаун, заключались в укусах москитов и клещей.

— Ты могла бы переночевать в амбаре и выйти пораньше. — Прикрыв глаза рукой, фермерша посмотрела на дорогу, по которой ускакал отряд Стражей Озера. — Я ничего с тебя за это не возьму, дитя.

На ее лице было написано искреннее беспокой-

ство за Фаун. Фаун раздирали странные чувства — несправедливый гнев и желание расплакаться; болезненный комок в горле мешал ей дышать. «Мне давно не двенадцать, женщина», — хотелось ей сказать. Когда-нибудь ведь ей придется научиться говорить: «Мне двадцать. Я вдова». Такие фразы все еще не давались ей легко.

И все-таки... предложение фермерши звучало соблазнительно. Остаться на день, помочь по хозяйству, показать, какой полезной она может быть... остаться еще на день и еще... На ферме всегда бывают нужны рабочие руки, а Фаун знала, как найти себе дело. Первое, что она собиралась сделать, когда доберется до Глассфорджа, — это поискать работу. А здесь — сколько угодно знакомых и привычных дел.

Только Глассфордж манил ее воображение уже не одну неделю. Отказаться идти туда было бы все равно что остановиться на всем скаку. Да и в городе легче оставаться незаметной. Впрочем, не обязательно, подумала Фаун со вздохом. Куда бы она ни отправилась, рано или поздно ее узнают. Так, может быть, и все равно, где остаться? И на самом деле нигде новые горизонты не откроются?

Она собрала в кулак свою ослабевающую решимость.

— Спасибо, но меня ждут. Родичи будут беспокоиться, если я задержусь.

Женщина кивнула головой, то ли уступая этому доводу, то ли прощаясь.

— Что ж, будь осторожна. — Она двинулась к дому — к собственным делам, которые, должно быть, держали ее на ногах с рассвета до заката.

«Вот такую жизнь вела бы и я, если бы меня не подвел Санни Сомен, — мрачно подумала Фаун, снова выходя на дорогу. — Ради него я примирилась бы с ней и ни о чем другом и думать бы не стала.

Что ж, теперь я думаю о другом, и передумывать не стану. Посмотрим, что ждет меня в Глассфордже».

В Фаун снова вспыхнул усталый гнев — этот подлый, вредный идиот Санни... проклятый дурак! Гнев заставил Фаун выпрямить спину. Приятно знать, что Санни в конце концов нашлось применение — своего рода. Фаун повернула на юг и двинулась вперед.

2

Под ногами лежали черные влажные прошлогодние листья, и Даг, карабкаясь по крутому склону в темноте, поскользнулся. Немедленно сильная рука поддержала его.

— Сделаешь это еще раз, — сквозь зубы прошипел Даг, — и я изобью тебя до полусмерти. Перестань заботиться обо мне, Саун.

— Прости, — прошептал в ответ Саун, ослабляя хватку и убирая руку. После некоторой заминки он добавил: — Мари говорит, что не будет больше ставить тебя в пару с девушками, потому что ты слишком о них заботишься.

Даг с трудом сдержал проклятие.

— Ну, это тебя не оправдывает. Изобью. До крови.

Даже в лесном сумраке было видно, как блеснули зубы Сауна в улыбке. Они поднялись вверх еще на несколько ярдов, цепляясь за камни, выступающие из земли корни и стволы молодых деревьев.

— Стой, — выдохнул Даг.

Справа донесся почти неслышный вопрос.

— Оказавшись на вершине, мы будем их видеть,

а если видим мы, то можно увидеть и нас. Если там есть кто-то с Даром, то ты будешь выглядеть для него как факел среди деревьев. Так что не высовывайся, парень.

Ответом было недовольное ворчание:

— Но я же не вижу Рази с Утау. Я и тебя-то еле вижу — как уголь под пеплом.

— Я слежу за Рази и Утау. Всех нас держит под наблюдением Мари, ты можешь этим не заниматься. Твоя задача — следить только за мной. — Даг скользнул к юноше и принялся массировать его плечо правой рукой. Лучше было бы, конечно, размять оба плеча, но и эта мера, похоже, подействовала: напряжение покинуло Сауна. — Пригнись пониже. Вот так. У тебя все получится.

Даг на самом деле понятия не имел, получится ли что-то у Сауна или его ждет провал, но парень, похоже, отнесся к его словам с удивительной доверчивостью; его пылающее беспокойство приугасло.

— Кроме того, — добавил Даг, — сейчас нет дождя, а потопа, как говорит мой опыт, без дождя не бывает. Так что нас отсюда не смоет. — Шутка была не из лучших, но в данных обстоятельствах пошла на пользу: Саун ухмыльнулся.

Даг выпустил плечо юноши, и они продолжили подъем.

— Злой здесь? — прошептал Саун.

Даг остановился, крюком подцепил какое-то растение и сунул под нос Сауну.

— Видишь это?

Парень резко откинул голову.

— Ядовитый плющ. Убери его от моего лица!

— Будь мы близко от логова Злого, даже ядовитый плющ завял бы, хоть, надо признать, он держался бы дольше остальных растений. Логова здесь нет.

— Тогда что мы тут делаем?

Даг слышал доносящийся сзади шум: это ополчение из Глассфорджа добралось до вершины предыдущего холма и теперь спускалось в ущелье, со дна которого по склону карабкался он сам и остальные дозорные. Вторая волна... Даже Сауну не удавалось так шуметь. Мари следовало бы натянуть вожжи и придержать помощников, иначе никакого неожиданного нападения не получится.

— Чато думает, что в шайку разбойников проник соглядатай или, того хуже, их подкупили. Вот поймай глиняного человека, и он быстро приведет нас к своему создателю.

— У глиняных людей есть Дар?

— У некоторых. Стоит Злому поймать одного из нас, как он получает все: Дар, умение владеть оружием, знания о местах наших лагерей. Похоже, что первый человек, которого поймал этот Злой, был разбойником с большой дороги, прятавшимся в холмах, поэтому-то он и связался с бандой. Нет сообщений о том, что кто-то из нас пропал, так что мы, возможно, еще сохраняем преимущество. Дозорный не позволит Злому захватить себя живым, если это в его власти. — Или своего товарища... Впрочем, для одного вечера уроков достаточно. — Давай карабкайся.

Добравшись до вершины холма, они припали к земле. Саун ловко натянул тетиву на лук. Менее ловко, но так же быстро Даг снял с плеча и взял на изготовку свой — более короткий и приспособленный к его увечью: вывинтил крюк, укрепленный в деревянном основании, привязанном к левому запястью, заменил его на зажим для лука, защелкнул замок, а крюк сунул в кошель на поясе. Это было почти так же удобно, как носить лук в левой руке, когда она у Дага еще была, и по крайней мере ему не грозила опасность лук выронить... Развязав ножны, он проверил, легко ли вынимается большой нож.

Сквозь деревья, росшие на склоне, Даг мог рассмотреть лужайку внизу: три или четыре почти прогоревших костра, несколько палаток, старую хижину с наполовину провалившейся крышей. Дар Дага отметил темные фигуры спящих, обходящий лагерь часовой виделся ему как тусклый огонек; еще кто-то возвращался от выкопанной в стороне ямы — отхожего места. Сонные тени коней, привязанных в стороне... Все это были вести, посланные Дагу Даром, — то, чего он не мог ни увидеть глазами, ни коснуться рукой. Всего, пожалуй, человек двадцать пять — против шестнадцати дозорных и двух десятков добровольцев из Глассфорджа. Даг начал внимательно присматриваться к искрам-жизням, высматривая те, что походили на людей... но ими не были.

Лес вокруг продолжал жить своей ночной жизнью: квакали лягушки, стрекотали цикады, жужжали какие-то неведомые насекомые. Иногда раздавался тихий шорох... Более крупные существа могли быть или распуганы шумом лагеря, или, наоборот, привлечены закопанными в стороне помоями; впрочем, Дар Дага не обнаружил боязливых любителей падали внутри стягивающегося кольца дозорных.

Потом — слишком рано — откуда-то справа

донесся испуганный крик... Хрип, вопли, звон металла. Лагерь зашевелился. Ну вот, началось!

— Нужно подобраться ближе, — бросил Даг Сауну, скользя вниз по склону, чтобы стрелять наверняка. К тому моменту, когда расстояние сократилось до каких-то двадцати шагов и просвет между деревьями дал возможность целиться, мишени любезно начали подниматься на ноги. Откуда-то издалека по крутой дуге прилетела горящая стрела и вонзилась в одну из палаток; еще немного, и Даг даже сможет увидеть, во что стреляет...

Даг заставил страх и надежду изгладиться из своего разума — вместе с беспокойством об истинной природе того, с чем столкнулся. Перед ним были всего лишь мишени. По одной за раз... вон та... и вон та... а теперь та путаница мечущихся теней...

Даг выпустил еще одну стрелу и был вознагражден далеким стоном. Он понятия не имел, в кого попал, но по крайней мере теперь его жертва будет двигаться медленнее. Даг остановился, чтобы сориентироваться, и с удовлетворением отметил, что стрела Сауна, исчезнувшая в темноте, с громким чавканьем вонзилась в чью-то плоть. Всюду вокруг в лесу были заметны дозорные,

пылающие возбуждением; вот-вот они заполнят его поле зрения, как заполняли голову Мари, если воинам не удастся взять себя в руки.

Расстояние в двадцать футов обладало тем преимуществом, что целиться и стрелять с него было удобно; однако имелся и недостаток: тот, в кого вы стреляли, уж слишком быстро добегал до вас...

Даг выругался, когда три или четыре высокие фигуры вынырнули из темноты. Он позволил руке, державшей лук, упасть вдоль тела; правой рукой он выхватил нож. Бросив быстрый взгляд направо, Даг заметил, как Саун вытащил меч, замахнулся и тут обнаружил, что длинным клинком, таким удобным в конном бою, орудовать в лесной чаще несподручно.

— Тут тебе не удастся сносить головы, — бросил Даг через плечо. — Коли, а не руби! — Даг крякнул, согнул руку, к которой крепился лук, и плечом ударил одного из нападавших, заставив того покатиться вниз по склону, и тут же отбил медной чашкой, венчавшей его нож, клинок, возникший словно из ниоткуда. Звон металла указал Дагу направление, и точно направленный удар ногой в пах заставил и этого противника отлететь в сторону. Может быть, эти парни и

считали себя разбойниками, только сражались они как крестьяне.

Саун уперся сапогом в грудь того из нападавших, которого проткнул мечом, и вытащил клинок; крик боли захлебнулся в бульканье крови, а извлекаемая сталь издала мерзкий хлюпающий звук. Саун бегом кинулся за Дагом к разбойничьему лагерю. К ним справа и слева, как пикирующие на добычу ястребы, присоединились Рази и Утау.

Оказавшись на поляне, Саун смог снова прибегнуть к своему излюбленному удару с плеча. Результат оказался поразительно кровавым, однако следующей жертве удалось отскочить, а сам Саун не успел закрыться; его противник тут же кинулся на него, размахивая молотом на длинной рукоятке. Гулкий удар, когда молот попал в грудь Сауну, вызвал у Дага мгновенное ощущение тошноты. Он рванулся к разбойнику, обхватил его сзади левой рукой и глубоко вонзил нож. Что-то влажное и горячее оросило руку Дага, и он, повернув клинок, оттолкнул от себя убитого. Саун дергался, лежа на спине; лицо его налилось кровью.

— Утау! Прикрой нас! — крикнул Даг; запыхавшийся Утау кивнул и занял защитную позицию.

Даг опустился на колени рядом с Сауном, отщелкнул замок, удерживавший лук, приподнял голову юноши, а правой рукой стал ощупывать место, куда пришелся удар молота.

Сломанные ребра, судорожное дыхание, редкие неровные удары сердца... Даг позволил своему Дару, который он пригасил, чтобы не слышать боли противников, вернуться в полной мере и устремиться в Сауна. Боль была ужасной. Сначала сердце... Даг сосредоточился. Единение было опасным: что, если соединенные таким образом органы предпочтут разом остановиться, а не забиться ровно... Жжение, ощущение стиснувшей сердце руки были точно такими же, как испытываемые юношей. Ну же, Саун, потанцуй со мной! Сердце затрепетало, запнулось и начало, прихрамывая, биться. Сильнее и ровнее... Теперь легкие. Вдох, второй, третий — грудь начала подниматься, и сердце и легкие заработали в унисон. Да, хорошо, теперь они будут работать сами. Мучительное эхо предсмертных страданий противников Сауна все еще билось в юноше, который не сумел в достаточной мере заблокировать их. Мари предстоит тут еще повозиться...

«До чего же я ненавижу необходимость сражаться с людьми!»

Даг с сожалением позволил боли вернуться к своему источнику. Сауну придется с месяц ходить согнувшись, но жить он будет.

Даг снова стал воспринимать окружающий мир. Всюду вокруг поляны, как только появились яростно вопящие ополченцы из Глассфорджа, разбойники начали сдаваться в плен. Даг подхватил свой лук, поднялся на ноги и огляделся. Рядом с горящей хижиной он заметил Мари. Ее губы шевельнулись: «Даг!» — но крик утонул в оглушительном шуме. Мари подняла два пальца и показала в дальний конец поляны, потом щелкнула по кожаному браслету, защищающему руку. Даг повернулся в указанную сторону.

Двое разбойников вырвались из окружения и пытались скрыться. Даг взмахнул луком, показывая, что понял, и крикнул:

— Утау! Присмотришь за Сауном?

Дозорный кивнул, беря под свою опеку пострадавшего напарника Дага. Даг кинулся в погоню, по пути стараясь снова защелкнуть замок лука на запястье. Когда ему это удалось, он оказался уже там, куда свет костров не достигал. Совсем рядом...

Лошадь чуть не сбила его с ног: Даг еле успел отскочить в сторону. Беглецы сидели на лошади

вдвоем: впереди здоровенный громила, а позади него — еще более огромный человек.

Нет. Второй человеком не был.

Даг ощутил головокружение: возбуждение погони, не полностью изгладившийся шок от ранения Сауна... Даг на мгновение согнулся, выравнивая дыхание. Рука его скользнула под рубашку, проверяя, на месте ли второй нож — обнадеживающий груз на груди. Темный, теплый, смертоносный груз. Глиняный человек. Ты наш. И ты, и твой создатель.

Даг терпеть не мог отправляться в погоню верхом, но пешком он не догонит всадников, хоть та лошадь и несет двоих. Он снова постарался успокоиться: нечего, нечего, он наш, — и позвал своего коня. Копперхеду понадобится несколько минут, чтобы прискакать сквозь чащу оттуда, где отряд спрятал своих коней, поэтому Даг опустился на колени, отстегнул и закинул за плечо лук, выудил из кошеля самое полезное из приспособлений — простой крюк с прикрепленной к нему стальной пружиной, образующей что-то вроде пинцета — и ввинтил его в крепление. Вытащив из кармана куртки жестяную коробочку с пропитанными смолой палочками, Даг зажал одну пружиной и зажег. Когда пламя разгорелось, он пригнулся к

земле, разглядывая отпечатки копыт, и поднялся на ноги, только удостоверившись, что теперь наверняка узнает их.

Беглецы уже почти оказались вне пределов, где их мог чувствовать Дар Дага, когда его скакун, фыркая, появился из чащи, и Даг вскочил в седло. Там, где прошла одна лошадь, есть дорога и для другой, не так ли? Даг погнал Копперхеда со скоростью, которая заставила бы Мари выругаться: только дурак станет рисковать сломать себе шею в темноте.

Фаун все брела в сторону Глассфорджа.

Теперь, когда она наконец пересекла равнину и добралась до юго-восточных холмов, дорога стала не такой ровной, как была с самого Лампгона, и не такой прямой. Пологие склоны и повороты перемежались крутыми подъемами по узким ущельям в скалах или дощатыми мостиками, заменившими разрушенные каменные арки, обломки которых, как Древние кости, валялись на дне непреодолимых расселин. Дорога неуклюже обходила старые камнепады или мочила ноги, вброд пересекая ручьи.

Фаун гадала, когда же она наконец доберется до Глассфорджа. Он не мог быть особенно далеко, хоть сегодня утром она и припозднилась. Что ж,

по крайней мере после последнего ломтя хлеба той доброй фермерши ее не тошнило. День постепенно становился все более жарким и душным. Здесь дорога шла в приятной тени: с обеих сторон тянулся лес.

Пока что Фаун встретилась крестьянская тележка, караван мулов и небольшая отара овец; все они двигались навстречу Фаун. Уже почти час она не встречала никого. И тут Фаун заметила лошадь и услышала далекий стук копыт. Только, к несчастью, лошадь бежала не в том направлении. Фаун отошла на обочину. Лошадь не только скакала на север, на ней уже сидели двое всадников. Без седла... Животное передвигало ноги почти так же устало, как сама Фаун, ее неухоженная гнедая шкура была покрыта белесыми полосами засохшего пота, в черной гриве и хвосте застряли репейники.

Всадники выглядели не лучше своего скакуна. Впереди ехал здоровенный парень примерно одних лет с Фаун в драной куртке, с заросшим щетиной подбородком. За него цеплялся еще более массивный спутник. У второго всадника были крупные черты лица и длинные ногти, такие грязные, что выглядели черными когтями. Взгляд его казался пустым, а одежда, которая

была ему явно мала, словно пришла ему на ум в последнюю очередь: рваная рубашка с закатанными рукавами, штаны, не достававшие до сапог. Возраст его было трудно определить. Фаун подумала: уж не деревенский ли это дурачок. Оба всадника выглядели так, словно возвращались домой после загула, а то и чего похуже. У парня на поясе висел большой охотничий нож, хотя его спутник казался безоружным. Фаун ограничилась еле заметным кивком и не стала здороваться, хотя краем глаза заметила, что обе головы повернулись в ее сторону. Она двинулась дальше, не оглядываясь.

Неровный стук копыт умолк. Фаун с опаской оглянулась через плечо. Всадники, похоже, спорили но голоса их были слишком неясными, чтобы Фаун могла разобрать слова. Долетали только постоянно повторяющиеся настойчивые восклицания дурачка: «Хозяин желает!» — и резкие и сердитые «Зачем?» второго парня. Фаун опустила голову и пошла быстрее. Стук копыт раздался снова, но вместо того чтобы растаять вдали, начал приближаться.

Скоро лошадь оказалась рядом с Фаун.

— Доброе утро, — окликнул девушку парень с фальшивой жизнерадостностью. Фаун подняла

глаза. Парень вежливо дернул себя за грязную белобрысую прядь, но глаза его не улыбались. Дурачок просто напряженно таращился на Фаун.

Фаун попыталась объединить вежливый поклон с неприступным выражением лица, молясь в душе: «Ох, только бы появилась тележка, или коровы, или другие всадники — хоть кто-нибудь. И не важно, в каком направлении они будут ехать».

— В Глассфордж идешь? — поинтересовался парень.

— Меня там ждут, — коротко ответила Фаун. «Убирайся. Просто поворачивайся и убирайся».

— У тебя там семья?

— Да. — Фаун подумала, не изобрести ли ей большую семью в Глассфордже — кучу свирепых дядюшек и братьев — или просто переместить поближе свое настоящее семейство. Оно вечно отравляло ей жизнь, но теперь Фаун почти мечтала увидеть кого-нибудь из родных.

Дурачок, хмурясь, похлопал своего спутника по плечу.

— Нечего болтать. Просто хватай. — Голос его звучал неотчетливо, как будто язык не соответствовал рту.

Телега с навозом тоже прекрасно подошла бы —

особенно сопровождаемая толпой работников...

— Вот сам и хватай, — рявкнул парень.

Дурачок пожал плечами, размял руки и соскользнул с крупа лошади. На землю, впрочем, он соскочил более ловко, чем ожидала Фаун. Девушка ускорила шаги, потом, когда дурачок обошел лошадь и двинулся к ней, бросилась бежать, в ужасе оглядываясь.

От деревьев было мало проку. Даже если бы Фаун смогла влезть на дерево, это страшилище тоже наверняка смогло бы. Скрыться из виду так, чтобы успеть спрятаться, нечего было и думать.

Фаун брыкалась и вырывалась изо всех сил. Только это было все равно что бороться со столетним дубом...

— Ну вот, теперь ты ее перепугал до смерти, — с отвращением сказал второй парень. Он тоже слез с лошади, посмотрел на Фаун и стал развязывать веревку, поддерживавшую его штаны. — Придется связать ей руки, иначе она выцарапает тебе глаза.

Хорошая мысль. Фаун тут же попыталась. Бесполезно: дурачок по-прежнему стискивал ее руки, так что дотянуться до его лица она не могла. Фаун изогнулась и укусила волосатую руку. Кожа громадины обладала удивительно стран-

ным запахом и вкусом, как кошачья шкурка, — совсем не таким мерзким, как Фаун ожидала. Удовольствие от того, что ей удалось пустить ему кровь, было недолгим: дурачок развернул ее и, не проявляя никаких чувств, так ударил по лицу, что голова ее дернулась назад, а сама Фаун растянулась на дороге. Перед ее глазами заплясали черные пятна.

В ушах у Фаун еще звенело, когда ее рывком подняли на ноги, связали ей запястья и подняли в воздух. Дурачок передал девушку второму парню, уже снова сидевшему на лошади. Тот задрал юбки Фаун и усадил ее перед собой в седло, обхватив за талию. Голые ноги Фаун ощутили тепло конской шкуры. Дурачок взял повод и повел коня.

— Так-то лучше, — сказал парень, державший Фаун, дыша кислятиной прямо ей в ухо. — Жаль, конечно, что он тебя ударил, только ты не должна была убегать. Будь попокладистей, и мы с тобой хорошо поразвлечемся. — Рука парня поползла вверх и стиснула грудь Фаун. — Ух... а ты более зрелая, чем я думал!

Фаун, все еще не отдышавшаяся и дрожащая, лизнула струйку, стекавшую с носа. Что там — слезы, кровь или и то и другое? Она осторожно подергала веревку, болезненно врезавшуюся в

ее запястья. Узлы оказались затянутыми крепко. Фаун подумала, не закричать ли ей снова... Нет, эти мерзавцы могут снова ее ударить или заткнуть ей рот. Лучше притвориться, что она еще не пришла в себя: тогда, если им кто-нибудь повстречается или хотя бы окажется достаточно близко, чтобы ее услышать, она сможет воспользоваться и голосом, и не связанными ногами.

Этот обнадеживающий план утешал Фаун всего минут десять; потом, прежде чем кто-нибудь появился на дороге, они свернули на еле заметную тропу, уходившую в сторону. Хватка парня, державшего Фаун, превратилась в ленивое объятие, а руки его принялись путешествовать по ее телу. Когда тропа пошла вверх по склону, так что Фаун пришлось соскользнуть назад, парень отшвырнул ее мешок и прижался теснее; движения лошади заставляли их тела тереться друг о друга.

Как ни пугали Фаун недвусмысленные намерения ее спутника, безразличие дурачка пугало ее еще сильнее. Мерзкое поведение парня было предсказуемо, зато другой... Фаун представления не имела, о чем он думает и думает ли вообще.

Что ж, если случится то, к чему все идет, по крайней мере насильники не смогут сделать ей ребенка. Спасибо тебе, Идиот Санни. Нужно

признать: это меньшее из зол, хоть и разит от парня, как от выгребной ямы. Фаун ненавидела собственную дрожь, выдающую ее страх, но ничего не могла с собой поделать. Дурачок уводил их все дальше в лес.

Когда из широкой долины сквозь деревья донеслись крики, такие отчаянные, что с трудом удавалось различить слова «Пусти! Пусти!», Даг приподнялся на стременах.

Он ударил каблуками коня, заставив его, несмотря на хлещущие их обоих ветки, бежать быстрее. Странные следы, которые он заметил на дороге в миле или двух отсюда, неожиданно стали гораздо более зловещими. Даг преследовал беглецов уже не один час; его Дар все еще указывал ему направление, и, несмотря на усталость после бессонной ночи, охватившей его тело и разум, Даг надеялся, что след приведет его к логову Злого. Теперь же отчаянные крики добавили ему беспокойства.

Перевалив через вершину холма, Даг сократил путь, спустившись по промоине такой крутой, что его коню почти пришлось сесть на круп. Наконец на маленькой полянке Даг увидел тех, кого преследовал. Что там?.. Увидев, он стиснул зубы и погнал коня вперед, уже не заботясь о

соблюдении тишины. В десяти шагах он натянул поводья, выпрыгнул из седла и проделал все действия, необходимые для того, чтобы закрепить на левой руке лук, не уделяя этому сознательного внимания.

Было совершенно ясно, что ничье романтическое свидание он не прервет. Стоявший на коленях глиняный человек с ничего не выражающим лицом держал за плечи вырывающуюся девушку, разглядеть которую Даг не мог из-за навалившегося на нее мужчины. Насильник пытался одновременно спустить штаны и раздвинуть ноги своей пленницы, яростно продолжавшей брыкаться. Парень выругался, когда маленькая нога попала в цель.

— Держи ее!

— Некогда останавливаться, — проворчал глиняный человек. — Нужно двигаться дальше. На это нет времени.

— Много времени не потребуется, если... только ты... подержишь ее. — Насильник наконец сумел втиснуть бедра между ног девушки.

Отсутствующие боги, уж не ребенка ли они валяют в грязи? Дар Дага был готов взорваться; глиняный человек, отвлеченный своим занятием или нет, вот-вот его заметит, пусть его подельник

ничего не видит. Распростертая на земле фигура на мгновение приподнялась, и Даг заметил раскрасневшееся лицо, черные кудри, округлые, как яблоки, груди. Платье девушки было разорвано сверху и задрано снизу. Ох... все-таки она не ребенок — но все равно беспомощна против этих громил.

Даг взял себя в руки и прицелился. Эти колышущиеся бледные ягодицы были самой правильной мишенью, какая только представлялась его глазам. И хоть раз в его невезучей жизни он, похоже, не опоздал. Даг думал об этом чуде целое мгновение, пока соотносил расстояние с натяжением тетивы: нельзя, чтобы стрела прошла насквозь и поразила девушку... женщину... кто бы она ни была.

Выстрел.

Даг потянулся за второй стрелой, не дожидаясь, пока первая поразит цель. Точность отдачи — прямо в центр левой щеки — порадовала его даже сильнее, чем раздавшийся удивленный вопль. Насильник дернулся и скатился с девушки, завывая и пытаясь дотянуться до пострадавшей задницы.

Опасность не уменьшилась, а вдвое увеличилась. Глиняный человек резко выпрямился,

наконец заметив Дага, схватил девушку и прижал ее, как щит, к груди. Его намерению помешали его собственный рост и миниатюрность пленницы: следующую стрелу Даг послал ему в бедро. Стрела только задела глиняного человека, но все равно боль заставила его подпрыгнуть.

Хватит ли у твари соображения пригрозить пленнице и тем остановить Дага? Даг не стал ждать, пока это выяснится. Яростно оскалившись, он выхватил нож и кинулся вперед. Его приближение означало смерть.

Глиняный человек это понял; на тяжелом мрачном лице отразился страх. В панике он швырнул плачущую девушку в Дага, повернулся и побежал.

Руки Дага были заняты: в левой — лук, в правой — нож, так что поймать девушку он мог, только широко раскинув руки; иначе она порезалась бы или ушиблась. В результате Даг потерял равновесие, и они оба упали.

На мгновение мягкое тело задыхающейся девушки оказалась на Даге. Втянув воздух, она издала странный квакающий звук и вознамерилась вцепиться ему в лицо. Даг попытался найти слова, чтобы успокоить ее, но девушка не дала ему такой возможности; в конце концов Дагу

пришлось выпустить нож и просто отшвырнуть ее. Оба врага были живы, так что с девушкой придется разбираться потом. Даг перекатился по земле, схватил нож и вскочил на ноги.

К этому времени глиняный человек вскарабкался на свою лошадь, дернул за поводья и попытался наехать на Дага. Тот увернулся и собрался кинуть нож, но передумал и потянулся к колчану с немногими оставшимися стрелами. Прицелился, натянул тетиву...

Нет.

Пусть тварь лучше бежит в свое логово. Даг сможет, если придется, найти его по следам. Сейчас единственного раненого пленника с него хватит. Этого пленника определенно удастся заставить говорить. Глиняный человек направил лошадь по еле заметной тропе, уводящей с полянки параллельно ручью. Даг опустил лук и оглянулся.

Разбойник-человек исчез, но его-то выследить было нетрудно. Даг махнул рукой девушке, которая стояла в нескольких ярдах от него, пытаясь привести в порядок платье, и крикнул:

— Оставайся здесь. — Сам он двинулся по кровавому следу.

Из-за молодой поросли и кустов, окружающих поляну, донесся всплеск. У валуна на берегу Даг

увидел распростертую в луже крови фигуру. Штаны у парня были спущены, руки стискивали стрелу.

Слишком он неподвижный... Даг стиснул зубы. Этот глупец явно попытался вытащить сводящую с ума стрелу из своего тела и с силой дернул, повредив при этом артерию. Проклятие, рана была не смертельной — Даг об этом позаботился. Ах, добрые намерения, где это мы раньше с вами встречались? Даг перевернул ногой тело. Бледное небритое лицо запрокинулось к небу; смерть заставила парня выглядеть ужасно молодым. Никаких ответов теперь от разбойника не добьешься: он совершил свое последнее предательство.

— Отсутствующие боги, опять дети. Неужели это никогда не кончится? — пробормотал Даг.

Подняв глаза, он увидел спасенную им девочку-женщину, которая последовала за ним по кровавому следу. Глаза ее были огромными и темными, как у испуганного оленя. По крайней мере она больше не визжала... Девушка взглянула на мертвого насильника, и ее разбитые нежные губы выдохнули беззвучное «Ох». На одной щеке у нее разливался черный синяк, подчеркнутый четырьмя параллельными царапинами.

— Он умер?

— К несчастью. И совершенно зря. Если бы он просто лежал смирно и ждал помощи, я взял бы его в плен и он остался бы в живых.

Девушка со страхом оглядела Дага. Ее темная макушка, если бы они стояли рядом, доставала бы ему до середины груди. Даг смущенно постарался спрятать за спину левую руку с луком и сунул нож в ножны.

— Я знаю, кто ты такой, — неожиданно сказала девушка. — Ты Страж Озера из того отряда, что останавливался у колодца на ферме.

Даг заморгал, поспешно призвав Дар, который приглушил, чтобы избавиться от шока ненужной смерти разбойника. Девушка словно вспыхнула перед его внутренним зрением.

— Искорка! Что ты делаешь так далеко от своей фермы?

3

Высокий дозорный смотрел на Фаун так, как будто узнал. Она растерянно сморщила нос, не понимая, о чем он говорит. Теперь, оказавшись рядом, она смогла наконец разглядеть цвет его глаз — они оказались неожиданного золотого оттенка. На костлявом лице с обветренной кожей, загоревшей до цвета темной меди, они казались очень блестящими. На лбу, щеках и подбородке было множество царапин — некоторые просто красные полоски, но некоторые и кровоточащие. «О боги, это же я наделала...»

В стороне, на обкатанных ручьем камнях, лежало тело несостоявшегося насильника. Струйка еще не свернувшейся крови текла к ручью; прозрачная вода уносила ее, постепенно растворяя красный цвет до розового; потом исчезал и он. Парень был таким пугающе жарким, тяжелым, живым всего несколько минут назад... когда она желала ему смерти. Теперь ее желание исполнилось, и она уже не была так уверена...

— Я... это... — Фаун неуверенно обвела рукой все вокруг и вдруг выпалила: — Прости, что я тебя исцарапала. Я не понимала, что со мной проис-

ходит. — Потом, замявшись, она добавила: — Ты меня испугал. Должно быть, я совсем потеряла голову.

На губах дозорного появилась неуверенная улыбка, на мгновение превратив его в совсем другого человека. Не такого... пугающе огромного.

— Я пытался припугнуть другого парня.

— Тебе это удалось, — кивнула Фаун, и беглая улыбка мелькнула на лице Стража Озера, прежде чем исчезнуть.

Он ощупал лицо и словно с удивлением посмотрел на красные следы на пальцах; пожав плечами, он снова пристально взглянул на Фаун.

Его внимание вновь испугало Фаун: у нее возникло ощущение, что до сих пор никто ни разу в жизни не смотрел на нее — по-настоящему не смотрел. Фаун все еще была взволнована и испугана, и ощущение оказалось не из приятных.

— С тобой все в порядке... в остальном? — мрачно спросил дозорный. Правой рукой он сделал вопросительный жест; левая рука все еще оставалась опущенной, и короткий мощный лук торчал под углом к ноге. — Помимо лица?

— Лица? — Дрожащие пальцы Фаун коснулись щеки там, куда ее ударил дурачок. Щека все еще была онемевшей, но понемногу начинала болеть.

— Уже заметно?

Он кивнул.

— Ох...

— Царапины не очень хорошо выглядят. У меня в седельной сумке есть кое-что, чтобы их промыть. Уйди отсюда и сядь... э-э... не здесь. Уйди отсюда... от этого.

Фаун взглянула на труп и сглотнула:

— Хорошо. — Потом добавила: — Со мной все в порядке. Я через минуту перестану трястись. Глупо с моей стороны.

Не приближаясь к девушке ближе чем на три фута, Даг отвел ее обратно на полянку — помахивая рукой, как если бы гнал утку. Он показал ей на упавший ствол подальше от того места, где вытоптанная трава говорила о недавней борьбе, и двинулся к своему коню, высокому гнедому, который невозмутимо щипал сорняки на обочине тропы. Фаун тяжело уселась на бревно и согнулась, обхватив себя руками. Горло у нее саднило, живот болел, и хотя она больше не всхлипывала, восстановить дыхание в прежнем ритме никак не удавалось.

Дозорный встал спиной к Фаун, сделал что-то, в результате чего лук отсоединился от его левой руки, и стал рыться в седельной сумке. Потом еще

что-то сделал со своей левой рукой и повернулся к Фаун, поправляя на плече ремень от фляги с водой и зажав под мышкой пару завернутых в ткань пакетов. Фаун заморгала: ей неожиданно показалось, что дозорный вновь обрел левую кисть: затянутая в кожаную перчатку, она неловко прижималась к боку. Даг с усталым кряхтением опустился на бревно и вытянул длинные ноги. Теперь, когда он сидел так близко, Фаун ощутила, что от него пахнет высохшим потом, дымом, лошадью и усталостью. Он положил свертки на землю и протянул Фаун флягу.

— Сначала напейся.

Фаун кивнула. Вода была теплая и затхлая, но чистая.

— И поешь. — Даг достал из одного из свертков кусок хлеба.

— Не смогу...

— И все-таки. Так твоему телу будет чем себя занять — не только же ему дрожать. Тело удивительно легко отвлечь. Попробуй.

Фаун с сомнением откусила кусочек. Хлеб был замечательный, хоть и немного черствый, и Фаун подумала, что знает, где его испекли. Ей пришлось отхлебнуть еще воды, чтобы проглотить хлеб, но трясти ее и в самом деле стало меньше.

Пока дозорный разворачивал второй сверток, Фаун искоса взглянула на его неподвижную левую кисть и решила, что она, должно быть, вырезана из дерева — для показухи.

Дозорный смочил тряпочку какой-то жидкостью из бутылочки — снадобьем Стражей Озера? — и протянул правую руку к щеке Фаун. Она поморщилась, хотя прохладная жидкость не щипала.

— Прости. Не хотелось оставлять в царапинах грязь.

— Нет... Да... Я хочу сказать — ничего. Все в порядке. Думаю, дурачок зацепил меня когтями, когда ударил. — Когти. На руках у него были когти, а не ногти. Что за чудовище?..

Губы дозорного сжались, но рука не дрогнула.

— Жаль, что я не добрался до вас скорее. Я заметил, что на дороге что-то случилось. Тех двоих я выслеживал всю ночь. Наш отряд захватил лагерь разбойничьей банды часа через два после полуночи — в холмах по ту сторону Глассфорджа. Боюсь, что я гнал их прямо на тебя.

Фаун покачала головой, хоть и не собиралась этого отрицать.

— Я шла по дороге. Они просто прихватили меня, как... как потерявшуюся собачонку, которую

каждый может назвать своей. — Фаун нахмурила брови. — Нет, не так. Сначала они спорили. Странно. Тот, который меня... э-э... тот, которого ты застрелил... он сначала не хотел брать меня с собой. Это другой настаивал. Только его я ничуть не заинтересовала... потом... перед тем как появился ты. — Фаун прошептала, не ожидая ответа: — Кто же он такой был?

— Скорее всего енот, — ответил дозорный. Он перевернул тряпочку чистой стороной, снова смочил ее и принялся промывать следующую царапину.

Этот странный ответ так не соответствовал вопросу, что Фаун решила, будто дозорный ее не расслышал.

— Нет, я имею в виду того здорового парня, который меня ударил, — того, который от тебя убежал. У него, похоже, не все в порядке с головой.

— Ты сама не догадываешься, насколько права. Я за этими тварями охочусь всю жизнь, так что научился различать. Его сделали. Это подтверждает, что где-то неподалеку появился Злой — твои соплеменники зовут их зловредными привидениями. Злой превращает людей в своих рабов — чтобы сражаться и делать грязную работу. Других существ он тоже иногда использует.

Мы их зовем глиняными людьми. Только Злой не может делать их из ничего. Поэтому он ловит зверей и придает им другую форму — сначала очень грубую, но постепенно тварь делается сильнее и умнее. На самом деле Злой сотворить жизнь не может — только смерть. Его рабы долго не живут, ну да ему это все равно.

Может быть, он разыгрывает ее, как любили делать братья? Ему интересно, какую сказочку проглотит глупая деревенская девчонка, не поперхнувшись? Дозорный говорил совершенно серьезно, но, может быть, он просто умелый шутник?

— Ты хочешь сказать, что зловредные привидения существуют на самом деле?

Теперь пришла очередь дозорного удивиться.

— Откуда ты свалилась, девонька? — спросил он осторожно.

Фаун хотела было назвать деревню, самую близкую к их ферме, но передумала и назвала Ламптон — это был все-таки город, и так легче казалось сохранить анонимность. Фаун выпрямилась, собираясь с силами, чтобы разбитыми губами небрежно выговорить: «Я вдова».

— Как тебя зовут?

— Фаун. Фаун Со... Софилд. — Фаун невольно

поморщилась. Она не хотела носить ни имени Санни, ни имени собственной семьи, а получилось, что теперь она объединила части обоих.

— Фаун... Олененок. Тебе подходит, — сказал дозорный, склонив голову набок. — Должно быть, у тебя такие глаза от рождения.

Пристальное внимание собеседника снова смутило Фаун. Она попыталась небрежно бросить «А тебя как зовут?», хотя догадывалась, что его имя ей уже известно.

— Я откликаюсь на Дага.

Фаун подождала немного и спросила:

— И все?

Дозорный пожал плечами.

— У меня есть имя моего шатра, моего лагеря и местности, но «Даг» легче выкрикнуть. — На его лице снова промелькнула улыбка. — В бою чем короче, тем лучше. «Даг, прячься!» — понимаешь? Если бы имя было длиннее, можно и не успеть. Так что так лучше.

Фаун обнаружила, что улыбается ему в ответ. Она не знала, что ей помогло — болтовня Дага, его хлеб или просто возможность спокойно посидеть, — но ее желудок наконец успокоился. Впрочем, Фаун все равно чувствовала себя разгоряченной, усталой и лишившейся сил.

Даг заткнул бутылочку со снадобьем.

— А тебе самому разве не нужно промыть царапины? — спросила Фаун.

— Ах да. — Даг снова вывернул тряпочку и небрежно провел по лицу. Половина царапин осталась непромытой.

— Почему ты назвал меня Искоркой?

— Так я подумал о тебе, когда ты вчера пряталась надо мной на яблоне.

— Я не думала, что ты можешь меня видеть. Ты же ни разу не посмотрел вверх!

— Ты вела себя так, словно не хотела, чтобы тебя увидели. Вот мне и показалось, что вежливее тебя не замечать. — Потом Даг добавил: — Я думал, что ты живешь на той уютной ферме.

— Она и в самом деле выглядела уютной, но я остановилась там только, чтобы набрать воды. Я шла в Глассфордж.

— Из Ламптона?

Фаун показала на север.

— Да.

Даг хоть и не сказал ничего вроде «Дальняя дорога для таких коротких ножек», однако неизбежный вопрос прозвучал:

— У тебя там семья?

Фаун чуть не ответила «да», но сообразила, что

Даг, возможно, собирается проводить ее в Глассфордж, а тогда может возникнуть неловкость.

— Нет. Я собиралась поискать там работу. — Фаун решительно выпрямилась. — Я — соломенная вдова.

Дозорный медленно моргнул, и лицо его довольно долго ничего не выражало. Наконец он сказал странно осторожным тоном:

— Прошу прощения, миссис... а ты знаешь, что значит «соломенная вдова»?

— Недавно овдовевшая женщина, — быстро ответила Фаун, но заколебалась. — Однажды в нашу деревню пришла женщина из Глассфорджа. Она стала зарабатывать на жизнь шитьем и вязанием... у нее еще был прелестный маленький сынишка. Мои дядья называли ее соломенной вдовой. — За этими словами последовала еще одна странная пауза. — Это ведь верно, да?

Даг запустил руку в спутанные темные волосы.

— Ну... и да, и нет. На фермах так говорят о беременной женщине или матери с маленьким ребенком, муж которой неизвестно где. Это более вежливое название, чем... чем менее вежливое. И не такое уж доброжелательное.

Фаун залилась краской.

— Я не хотел тебя смутить, — виновато сказал

Даг. — Просто мне показалось, что следует проверить...

Фаун сглотнула.

— Спасибо. — «Выходит, я против воли сказала правду...»

— А как твоя девчушка? — поинтересовался Даг.

— Что? — резко переспросила Фаун. Дозорный показал на ее живот.

— Та, которую ты носишь.

От паники у Фаун перехватило дыхание. Еще же ничего не заметно! Откуда он знает? И как, откуда он может знать, что плод этих в самом деле необдуманных и теперь горько оплакиваемых торопливых объятий весной на свадьбе сестры Санни Сомена окажется девочкой или мальчиком?

Даг, похоже, понял, что сделал какую-то ошибку, только не мог сообразить какую. Он неуверенно развел руками.

— Это и привлекло глиняного человека — твое теперешнее состояние. Почти наверняка они поэтому и схватили тебя. Похоже, о другой возможности... о насилии один из них подумал уже позже.

— Откуда ты... как... почему?..

Даг уже открыл рот, но тут же с видимой поспешностью заменил чуть не сорвавшиеся слова другими:

— Теперь с тобой ничего не случится. — Он завернул бутылочку со снадобьем в ткань. Другой человек на его месте завязал бы уголки, но Даг обернул сверток веревкой и каким-то образом умудрился завязать узел одной рукой.

Упершись правой рукой в ствол, на котором они сидели, Даг поднялся на ноги.

— Я должен или подвесить тело на дереве, или завалить камнями, чтобы не добрались любители падали, пока кто-нибудь за ним не приедет. У парня могут быть родные. — Он задумчиво огляделся. — А потом решить, что делать с тобой.

— Отведи меня обратно на дорогу или покажи, в какой она стороне, — я и пойду.

Даг покачал головой.

— Это могли быть не единственные беглецы. Кто-то из разбойников, возможно, не ночевал в лагере, который мы захватили, или у них есть еще убежища. Да и Злой все еще на свободе, если только мой отряд не опередил меня, а это едва ли возможно. Наши ребята прочесывали холмы к югу от Глассфорджа, а логово Злого, как я теперь думаю, находится на северо-востоке. Для тебя в

особенности не время и не место путешествовать в одиночку. — Даг закусил губу и продолжал, словно разговаривая сам с собой: — Тело может подождать. Сначала нужно позаботиться о твоей безопасности. Выйти на след, найти логово, потом как можно скорее вернуться к отряду... Отсутствующие боги, как же я устал... Нельзя было садиться. Как ты думаешь, сможешь ты ехать позади меня на коне?

Он говорил так неразборчиво, что Фаун с трудом расслышала вопрос. «Я ведь тоже устала...»

— На твоем коне? Да, но...

— Прекрасно.

Даг подошел к Копперхеду и взял поводья, но не подвел коня к Фаун, а направился к ручью. Фаун поплелась следом, отчасти из любопытства, отчасти не желая выпускать Дага из своего поля зрения.

Даг явно решил, что припрятать мертвеца на дереве получится быстрее. Он перекинул веревку через сук большой сикоморы, нависавшей над ручьем, и воспользовался конем, чтобы подтянуть тело на дерево. Потом дозорный влез на сикомору, чтобы удостовериться: труп укреплен надежно, — и снять с него веревку. Он двигался так ловко, что Фаун с трудом замечала дополни-

тельные приемы, к которым ему приходилось прибегать из-за своего увечья.

Даг заставил своего усталого коня подняться на вершину последнего холма и был вознагражден тем, что увидел внизу колеи дороги, тянущиеся вдоль ручья.

— Вот и хорошо, — сказал он вслух. — Я давно уже не объезжал здешние места, но все-таки мне помнится, что в этой долине есть приличных размеров ферма.

Девушка, цеплявшаяся за его седло, все еще оставалась слишком молчаливой и настороженной — с тех пор как он заговорил о ее беременности. Дар, которым Даг пользовался, чтобы заранее обнаружить опасность, очень страдал от ее бурных эмоций, однако мысли, их порождавшие, оставались для Дага, как всегда, смутными. Может быть, он был слишком разговорчив. Крестьяне, которым случалось слишком много узнать о Даре Стражей Озера, называли его дурным глазом или черной магией и обвиняли дозорных в чтении мыслей, жульничестве при расчетах, а то и в чем-нибудь похуже. Всегда возникали неприятности...

Если на ферме окажется достаточно людей, он оставит девушку на их попечении, предупредив

о той наполовину охоте, наполовину войне, которая сейчас разгорелась в холмах. Если же жители фермы немногочисленны, нужно будет постараться уговорить их отправиться в Глассфордж или другое безопасное место, пока этот Злой не узнает, что такое смерть. Насколько Даг знал крестьян, они не захотят покидать свою ферму; он только вздохнул в предчувствии нудных и бесплодных препирательств.

Однако одной мысли о беременной женщине — любого роста и любого возраста, — в блаженном неведении разгуливающей неподалеку от логова Злого, было достаточно, чтобы вызвать у него самые ужасные опасения. Неудивительно, что для Дара эта девчушка казалась так ярко сияющей — столько в ней накопилось жизни. Впрочем, Даг подозревал, что Фаун была преисполнена жизненной энергии и до зачатия. Она привлекла бы Злого, как огонь привлекает мошек.

К тому времени, когда они разобрались с тем, что же такое соломенная вдова, Даг пришел к выводу, что высказывать соболезнования Фаун нет нужды. Постельные обычаи крестьян представлялись Дату довольно бессмысленными, если не принять теорию Мари о том, что рождение детей каким-то образом связано с претензией на владе-

ние землей. Мари всегда очень едко отзывалась о неспособности крестьянских женщин управлять собственным плодородием, как правило, читая нотации молодым Стражам обоих полов о необходимости держать штаны застегнутыми, когда отряд находится на фермерской территории... к опытным воинам это относилось тоже.

В рассказе Фаун странным образом отсутствовали всякие упоминания о покойном муже. Даг мог понять, что иногда горе лишает человека слов, но и горя у Фаун он не заметил. Гнев, страх, яростная решимость — да, это было. Шок после недавнего нападения, одиночество, тоска по дому — но только не страдания души, раздираемой надвое. Странным образом отсутствовало и глубочайшее удовлетворение, которое, как он замечал, вызывало зарождение новой жизни у женщин его народа. Крестьяне, фу! Даг знал, почему его соплеменники все немного безумны, но у фермеров-то какое может быть оправдание?

Даг отвлекся от своих мрачных размышлений, когда они выехали из лесу и впереди показалась ферма. Даг сразу почувствовал неладное. Первым делом его внимание привлекло отсутствие коров, лошадей, коз, овец... и еще поваленная ограда пастбища. Не было и собак, которые уже давно

должны были бы заливаться лаем. Даг приподнялся на стременах. Дом и сарай, выстроенные из посеревших от времени бревен, были целы, но двери их стояли распахнутыми настежь, а от сгоревших хозяйственных построек еще тянулся тонкий дымок.

— Что это? — спросила Фаун, и это были ее первые слова за час.

— Тут случилась беда, мне кажется. — Через мгновение он добавил: — Давно уже. — Дар не говорил ему о присутствии в окрестностях хоть одного человека — и нечеловека тоже. — Ферма полностью заброшена.

Даг остановил коня перед домом и спрыгнул на землю.

— Передвинься вперед и возьми поводья, — сказал он Фаун. — Пока не спешивайся.

Фаун перебралась на седло с седельной сумки, на которой ехала, глядя вокруг широко раскрытыми глазами.

— А ты?

— Хочу оглядеться.

Он быстро обошел дом — просторное двухэтажное строение со множеством пристроек. Никакие мелкие, но ценные предметы на глаза ему не попались, а крупные — кровати, шкафы — были

или опрокинуты, или разломаны. Стекла в окнах оказались выбиты — бессмысленное варварство. Даг представлял себе, как нелегко давались хозяевам такие усовершенствования, как долго копила на них деньги хозяйственная фермерша, как трудно было доставить, упаковав в солому, стекло из Глассфорджа по ухабистой дороге. В кладовке при кухне не оказалось припасов.

В сарае не было скота, хотя сено и часть овса остались нетронуты. Позади сарая на куче навоза Даг наконец обнаружил тела трех сильно израненных собак. Он прошел мимо сгоревших построек; из золы и пепла торчали, как черные кости, обугленные доски. Потом кому-нибудь придется поискать здесь и другие кости... Даг вернулся к своему коню.

Фаун настороженно оглядывалась вокруг; то, что она видела, ее явно тревожило. Даг прислонился к теплому плечу Копперхеда и провел рукой по волосам.

— Ферму разграбили разбойники — или еще кто-то — дня три назад, по-моему, — сказал он Фаун. — Тел я не нашел.

— Так это хорошо... да? — В темных глазах девушки появилась неуверенность, когда она вгляделась в лицо Дага. Впрочем, к этому момен-

ту, на его взгляд, ничего, кроме усталости, на его лице не отражалось.

— Может быть. Только если жители фермы убежали и спаслись, новость уже дошла бы до Глассфорджа. Вчера вечером моему отряду еще ничего известно не было.

— Куда же тогда все они девались? — спросила Фаун.

— Боюсь, что их захватили в плен. Если этот Злой уже пытается превращать крестьян в рабов, значит, он быстро растет.

— Зачем... зачем ему рабы?

— Я не уверен, что он уже сам это знает. Тут что-то вроде инстинкта. Впрочем, узнает он довольно быстро... У меня остается совсем мало времени. — От усталости Дага шатало. Может быть, он и поглупел от усталости тоже? — Я все отдал бы за два часа сна, — продолжал Даг, — да только нельзя терять светлого времени. Мне нужно выбраться обратно на дорогу, пока я еще вижу, куда ехать. Я думаю... — он заговорил медленнее, — думаю, что здесь безопасно... безопаснее, чем во многих других местах. На эту ферму уже напали и забрали отсюда все, что представляло ценность — разбойники сюда нескоро вернутся. Вот я и думаю — может быть, оставить тебя здесь? Если

кто-нибудь появится, ты можешь сказать... нет, сначала, если кто-нибудь появится, прячься, пока не удостоверишься, что это порядочные люди. А тогда выйди и скажи, что Даг велел передать своему отряду: он думает, что логово Злого — к северо-востоку от города, а не на юге. Как ты думаешь, сможешь ты показать дозорным, если их увидишь, куда ведет тропа? И где тело того парня, — добавил он, вспомнив об убитом.

Фаун, прищурившись, оглядела лесистые холмы.

— Не уверена, что смогу найти дорогу обратно — так, как ты сюда ехал.

— Есть более легкий путь — вон та дорога. — Он показал на колеи, вдоль которых они ехали под конец. — Она примерно через четыре мили выходит на большак. Там нужно повернуть налево, и мне кажется, что тропа, на которую свернул глиняный человек, отходит на восток примерно в трех милях.

— О, — оживилась девушка, — тогда я, конечно, смогу найти...

— Что ж, хорошо.

Проклятие, она же ничего не боится... Он мог бы это изменить, только хочет ли он, чтобы она перепугалась до смерти? Девушка уже соскользнула

с коня; она явно была рада получить задание, выполнить которое в ее силах.

— А чем так опасны глиняные люди? — спросила Фаун, когда Даг уже сидел в седле и собирался уезжать.

Он довольно долго колебался, прежде чем ответить..

— Они тебя съедят, — наконец сказал он. После того как сделают все остальное...

— Ох...

Слова Дага произвели впечатление. И, что более важно, девушка ему поверила. Ну, это ведь не была ложь. Может быть, Фаун теперь будет достаточно осторожной... Даг приподнялся на стременах, стараясь не обращать внимания на разницу между жестким седлом и пуховой периной. В разграбленном доме оставалась одна невспоротая перина... Даг обратил на нее внимание, потому что ему пришлось прогонять мысль о том, как было бы хорошо растянуться на ней ничком. Он развернул коня.

— Даг...

Он оглянулся через плечо.

Большие карие глаза смотрели на него с лица, похожего на помятый цветок.

— Не позволь им себя съесть.

Губы Дага невольно растянулись в улыбке: Фаун мужественно улыбалась ему, несмотря на все синяки. У Дага возникло странное чувство, которому он благоразумно не стал искать наззания.

Приободренный, несмотря ни на что, Даг поднял свою вырезанную из дерева руку в салюте и галопом поскакал по дороге.

С чувством, будто ее чего-то лишили, Фаун следила взглядом за дозорным, пока тот не скрылся среди деревьев там, где кончались поля. Тишина этого дома, где не было ни людей, ни животных, теперь, когда Фаун обратила на нее внимание, была жуткой и давящей. Она, прищурившись, взглянула на небо. Солнце еще не добралось до зенита, а с рассвета, казалось, прошли годы.

Фаун вздохнула и осторожно вошла в дом. Она обошла все комнаты, прислушиваясь к эху собственных шагов и чувствуя себя незваной гостьей в семье, где поселилось горе. Бессмысленные разрушения, оставленные разбойниками, навалились на Фаун как тяжкий груз.

Фаун вернулась в кухню и, ежась, остановилась посередине. Ну, если весь дом — это слишком много, то как насчет одной комнаты? Да, хотя бы кухню привести в порядок ей по силам.

Фаун стиснула зубы и начала с того, чтобы

перевернуть ту мебель, которая еще могла стоять, — стол, кухонный шкафчик, два стула. Те предметы, починить которые не было надежды, она вытащила наружу и свалила в кучу в углу крыльца. Затем она вымела битые тарелки, чашки, рассыпанную муку, засохшие корки хлеба, а заодно подмела и крыльцо.

Под старым лоскутным ковриком, на который грабители не обратили внимания, Фаун нашла люк с веревочной петлей в качестве ручки. Фаун вытряхнула коврик, вернулась и с беспокойством еще раз оглядела люк. Даг, должно быть, его не заметил.

Фаун закусила губу, потом нашла ведро с отломанной ручкой и принесла несколько тлеющих углей с пожарища. От них она разожгла огонь в очаге, потом затеплила огарок свечи, обнаруженный в глубине ящика. Потянув за веревочную петлю, она открыла люк, поморщившись от резкого скрипа петель, и сглотнула: перед ней в темную дыру вела крутая лестница. Может быть, в подвале кто-то прячется? А вдруг там есть огромные пауки... или мертвые тела? Фаун сделала глубокий вдох и начала спускаться.

Когда она достигла пола и огляделась, подняв огарок свечи, рот ее раскрылся от изумления.

Вдоль стен тянулись полки, и на них, нетронутые, стояли банки, запечатанные горячим горным воском или накрытые обвязанным веревочками полотном. Запас продовольствия для голодных работников фермы. Здесь хранились результаты трудов целого года. Фаун знала это точно: заготовка продуктов впрок, заливка крышек горячим воском дома были ее любимым, пусть и требующим больших трудов, занятием. На банках не было этикеток, но опытный глаз Фаун сразу различил содержимое: фрукты в сиропе, маринованные овощи, овощной соус, тушеное мясо. В бочке в углу хранилась мука, в другой оказались переложенные соломой яблоки — сморщенные и годные уже только на пироги, но не испортившиеся. Фаун ощутила голод, и в ней проснулась жажда деятельности.

Большинство банок были большими, рассчитанными на целую семью, но, поискав, Фаун нашла три маленькие: с какими-то фруктами, с соусом и с чем-то, что она сочла тушеным мясом, — и вытащила их наверх. Потом насыпала в свой платок несколько горстей муки и тоже отнесла на кухню. В углу под сорванной со стены полкой нашлась единственная железная сковородка — все, что осталось от посуды на этой когда-то

удобно оборудованной кухне... но, проявив изобретательность, Фаун скоро уже пекла лепешки на разведенном в очаге огне. В банке оказалась свинина, приготовленная с луком и травами, и Фаун разогрела ее на сковородке после того, как сняла лепешки.

Фаун вознаградила себя за многие дни кормежки впроголодь, потом, наевшись, приготовила еду для Дага — когда тот вернется. Судя по тому, как обходилась с ним женщина — командир отряда, да и по его худобе, Даг был из тех, кого приходилось хватать, сажать на привязь и заставлять вспомнить о необходимости поесть. Был ли он просто непоседой или слишком много внимания уделял своим мыслям, чтобы замечать потребности тела? И что еще творилось в этой голове? Даг казался одержимым. Учитывая, как почти небрежно проявлял он смелость перед физическими опасностями, было страшно думать о том, что пугает его настолько, чтобы вызвать такую бешеную активность.

«Ну, будь я высотой с дерево, я, может быть, тоже была бы храброй». Довольно тощее дерево...

Поразмыслив, Фаун завернула мясо с соусом в лепешки — так Даг мог есть, не слезая с седла: похоже было на то, что, когда он вернется, ему

все еще придется спешить.

Если он вернется... На самом деле он этого не обещал. Возможное разочарование отозвалось холодом в животе Фаун. Ну-ка без глупостей!

«Прекрати», — велела себе Фаун. Лучшим лекарством от ненужных печальных мыслей была работа, Фаун прекрасно это знала, но на нее навалилась такая ужасная усталость...

В одной из комнат Фаун нашла корзину с рукоделием, на которую разбойники не обратили внимания — возможно, потому, что сверху лежали тряпки. Ценные инструменты под ними — острые ножницы, наперстки, целый набор иголок — остались незамеченными. Были ли подручные зловредного привидения... Злого... эти глиняные люди в полной мере людьми? Похоже, нет.

Фаун решила, что зашьет несколько распоротых пуховых перин — в качестве платы за еду, чтобы не казалось, будто она ее украла. Шитье не принадлежало к числу лучших умений Фаун, но прямые швы делать не так уж трудно, и к тому же так можно бороться с липнущим ко всему пухом, летающим по дому. Фаун вытащила перины на крыльцо — там было светлее и к тому же она могла бы увидеть приближающегося

по дороге высокого... могла бы увидеть любого путника. Игла и нить совершали повторяющиеся движения в успокоительном ритме, но в тишине мысли Фаун вернулись к ужасу, случившемуся утром; воспоминания снова заставили девушку задрожать. Требовалось занять ум чем-то другим, и Фаун принялась размышлять о Стражах Озера.

Для них крестьянин был не тем, кто занимается земледелием; им был любой человек — горожанин, рыбак, шахтер, мельник, даже разбойник, — который не был Стражем Озера. Так, очевидно, смотрел на людей и Даг. Фаун задумалась о том, что из этого вытекает. Она когда-то слышала историю о Девушке из Кошотона, которую соблазнил Страж Озера — торговец, как говорили. Девушка трижды убегала из дому следом за ним, и ее трижды возвращали его соплеменники; потом она повесилась в лесу. История служила предостережением. Только какой урок следовало из нее извлечь? Ну, то, что имели в виду рассказчики, представлялось очевидным: девушкам следует держаться подальше от Стражей Озера. Но, возможно, настоящий смысл был иной: если что-то не удается один раз, не нужно повторять то же самое еще дважды, лучше попробовать как-то по-другому; или не следует так быстро

отступаться; или не нужно ходить в лес...

Та безымянная девушка умерла от безответной любви, шептались люди, но Фаун сомневалась: не был ли причиной неутоленный гнев? Она сама, признавалась себе Фаун, испытывала нечто подобное после того ужасного разговора с Идиотом Санни, но на самом деле умирать она не хотела: она хотела заставить его испытать те же мучительные чувства, которые испытывала сама. К тому же ее приводила в уныние мысль о том, что в случае смерти она не сможет в полной мере насладиться местью, и подозрение, что Санни недолго страдал бы от чувства вины... во всяком случае, мертвой она пробыла бы гораздо дольше. Так что той ночью Фаун так ничего и не сделала, а на следующий день у нее появились другие мысли. Значит, настоящий урок из той истории мог быть таким: подожди до утра и скачала позавтракай.

Интересно, не была ли та девушка, что повесилась, тоже беременна? Потом Фаун снова начала гадать, как высокий дозорный все о ней узнал — просто глянув на нее своими сияющими золотом глазами, то холодными, как металл, то теплыми, как летнее солнце. Колдуны, ха! Даг не был похож на колдуна (а вообще, на что похожи

колдуны?). Даг был похож на ужасно усталого охотника, слишком долго не возвращавшегося домой... охотясь на существ, которые охотились на него самого.

Значит, она носит девочку... А может быть, он просто гадал? Пятьдесят на пятьдесят — не так уж мало, чтобы оказаться правым — потом. Все равно слова Дага ее обнадежили. Девочек Фаун знала. Маленький мальчик, каким бы невинным ни был, мог слишком сильно напоминать ей о Санни. Фаун не собиралась становиться матерью в таком молодом возрасте, но раз уж деваться некуда, стоит постараться быть хорошей матерью. Она рассеянно погладила живот. «Я тебя не предам» — смелое обещание... Как могла она обеспечить безопасность младенцу, когда себя-то ей не удавалось защитить? Что ж, впредь она станет осторожнее. Сделать ошибку может каждый. Главное, не повторять одну и ту же ошибку дважды.

Наконец порванные перины закончились, а с ними желание размышлять и способность бодрствовать. Избитое лицо Фаун болело. Она отнесла починенные перины в дом и свалила их одну на другую в углу кухни, потому что в комнатах все еще царил беспорядок, а браться

за уборку у Фаун не было сил. Она с блаженным вздохом свернулась на мягкой куче. Фаун только успела ощутить затхлый запах и подумать о том, что перины давно следовало проветрить, как ее свинцовые веки сомкнулись.

Фаун разбудили тяжелые шаги на крыльце. Даг уже вернулся? Было еще светло. Сколько же она проспала? Фаун огляделась затуманенными глазами и приподнялась... сейчас она покажет ему сокровища, обнаруженные в подвале, и узнает, что ему удалось найти... Только тут до нее дошло, что на крыльце слышны шаги слишком многих людей.

Ее не нашли бы в подвале — можно было бы бросить там на пол пару матрасов... Фаун только и успела подумать: «Какой смысл избегать повторения прежних ошибок, если новые все равно оказываются смертельными?» — как на пороге появились три глиняных человека.

4

Когда еле заметная тропа через холмы превратилась в хорошо протоптанную дорожку, Даг решил, что пора с нее свернуть. То ли Дар, то ли просто здравый смысл — а может быть, и нервы — подсказывали, что так лучше. Даг спешился и повел коня в лес; через некоторое время они вышли на маленькую полянку, где их не могли бы ни увидеть, ни услышать с дороги. Дагу не было нужды беспокоиться о том, чтобы его конь не забрел куда-нибудь: даже Копперхед, с его бесконечной выносливостью, устал так, что начал спотыкаться. Да и сам Даг вымотался не меньше. Чувствуя себя виноватым, Даг закинул поводья на шею коня, чтобы не путались под ногами, но седла с него не снял. Он терпеть не мог доставлять Копперхеду подобные неудобства, но могло случиться так, что вернулся бы он в отчаянной спешке, и тогда не было бы времени снова возиться со сбруей. Даг был готов в случае необходимости загнать коня до смерти. Что ж, завтра или послезавтра оба они отдохнут как следует — так или иначе...

Даг не стал выходить на дорогу, а двинулся

вдоль нее через кусты. Дело шло медленно — Даг крался, рассчитывая каждый шаг, постоянно настороже. Не пройдя и мили, он порадовался своей предусмотрительности: ему пришлось замереть в чаще дикого винограда, когда по дороге мимо него протопали две фигуры.

Глиняные твари. Лиса и кролик, как предположил Даг; ему даже не понадобился Дар, чтобы разобраться — это были грубо сделанные, молодые экземпляры, с еще сохраняющимися отличиями их изначальной породы и бесформенными лицами. Было очень соблазнительно сделать кое-что с этой парой, пробудить в них их истинные инстинкты и позволить природе взять свое, но такая попытка стоила бы Дагу его укрытия и, возможно, привлекла бы внимание хозяина этих существ. Сейчас было не время для игр. Даг с сожалением позволил глиняным людям пройти мимо, порадовавшись тому, что в результате обретения новой неуклюжей формы твари лишились острых звериных чутья и слуха в обмен на человеческие руки и речь.

Первым указанием на то, что Даг приблизился к логову, стало отсутствие птиц. Он постарался как можно сильнее притушить Дар, чтобы не выдать себя: под ногами уже начали шуршать первые

увядшие сорняки. «Я-то думал, что до такого мне идти еще не одну милю». Логово оказалось гораздо ближе к большаку, чем того можно было бы ожидать. Это была поразительно умная уловка со стороны Злого — совсем еще, как предполагалось, молодого — отправить своих подручных на охоту за людьми так далеко от своего логова. «Как же мы это проглядели?» Впрочем, Даг знал, в чем дело. «Нас слишком мало, территория слишком велика, а времени вечно не хватает. Чем реже цепь дозорных, чем более быстрым делается поиск, тем выше риск того, что какие-то следы окажутся незамеченными. Если же искать медленно и тщательно, то возникает опасность опоздать... Что ж, этого Злого мы обнаружили, и это успех, а не провал». Может быть...

К тому времени, когда Даг добрался до высокого места, откуда все было видно, он полз, как улитка, чуть ли не на животе, едва осмеливаясь дышать. Каждая травинка вокруг была мертва, безжизненная почва — мучительно стерильна, а глубоко запрятанный Дар содрогался от близости вампирской ауры Злого. Да, гадина точно была здесь.

По дну каменистого ущелья вился ручеек. Нигде, сколько хватал глаз, не было видно ничего

живого, хотя мертвые остовы нескольких деревьев еще стояли, как часовые. На берегу ручья виднелось что-то вроде лагеря: три или четыре пепелища от костров, небрежно сваленные в кучи украденные припасы. На противоположном берегу ручья пара беспокойных лошадей была привязана к засохшему дереву. Это были настоящие, не исковерканные, пусть и неухоженные лошади.

Тут могли располагаться от двадцати пяти до пятидесяти человек, но в настоящий момент лагерь был пуст; только единственный глиняный человек спал в чем-то вроде гнезда, сооруженного из тряпья. Даг подумал: не попали ли остальные в руки его отряду прошлой ночью? Если так, то дозорные могут скоро добраться сюда, однако задержаться на этой приятной мысли Даг себе не позволил.

На половине высоты противоположного склона ущелья выступ скалы нависал над входом в пещеру; расщелина тянулась в ширину футов шестьдесят; кое-где потолок почти смыкался с гладким серым камнем пола. О глубине пещеры ничего сказать было нельзя. От нее в обе стороны — и к ручью, и вверх по склону — тянулись тропинки.

В настоящий момент Злой был внутри. Интересно, он все еще сидячий или уже достиг подвижной стадии? А если достиг, то произошло ли уже первое превращение? Если еще не произошло, то насколько жадно он собирает необходимый для него человеческий материал? Тело Злого сразу после вылупливания бывало еще более неуклюжим и грубым, чем у глиняных людей, и это, по-видимому, его раздражало.

Дар распахнул рубашку, вытащил свою величайшую драгоценность, перекинул ремешок через шею и мгновение смотрел на ножны-близнецы. Кожа мешочка, в котором они хранились, была гладкой от долгой носки и потемнела от пота. Даг провел пальцем по оплетенным тесьмой рукоятям — одной синей, другой зеленой, — вытащил один из клинков, задумчиво взглянул на шестидюймовое отполированное костяное лезвие и поднес его к губам. В разделяющем ноже пела давняя смерть.

«Не сегодня ли ты будешь отомщена, Каунео, любовь моя? Я так долго ношу эти ножи на шее... Как ты пожелала, так я и делаю. Это гнусный Злой, большой и быстро делающийся все больше. Он почти стоит тебя... почти».

Даг вытащил второе — пустое — костяное лез-

вие и приложил его к первому. Они — пара, о да. Один для тебя и один для меня... Даг снова спрятал ножи под рубашкой.

Мари тоже носит разделяющие ножи, как и Утау, и Чато, — смертные дары других дозорных. Та пара, что сейчас носит Мари, — наследие одного из ее сыновей, знал Даг, и не менее дорогое для нее, чем для Дага — его ножи. Отряд был хорошо вооружен. Обычно вопрос о том, кто употребит свои ножи в дело, не решался жребием; героизм или честь тоже ничего не значили. Кому первому удавалось, тот и делал. Делал как мог. Со всем своим умением. Ведь другого шанса не бывало.

Дар Дага трепетал от близости Злого; это ослабило бы Дага, если бы он задержался тут надолго. Чувствительные молодые дозорные часто бывали так смущены первым столкновением с аурой Злого, что потом неделю приходили в себя. Даг сам был таким когда-то. Один раз...

А теперь пора. Нужно вернуться туда, где остался конь, а потом галопом мчаться к месту встречи.

И все-таки... ведь лагерь был таким пустым. Уж очень соблазнительной казалась возможность справиться в одиночку. Спуститься по склону, перепрыгнуть через ручей, подняться в пещеру...

через несколько минут все было бы кончено. За то время, что потребуется для того, чтобы привести сюда отряд, Злой может тоже собрать подкрепление (а где они сейчас, какие гнусности творят?); дозорным может дорого обойтись даже попытка подобраться близко к тому месту, где Даг уже находиться сейчас. Даг подумал о Сауне. Пережил ли парень ночь?

Однако, не пользуясь Даром, Даг не мог определить, сколько человек или глиняных людей находятся в пещере вместе со Злым. Если он кинется в бой и без пользы сложит голову, его отряд столкнется с гораздо большими трудностями. «Да и я сам буду мертв». Даг в определенном смысле порадовался тому, что такая перспектива все еще его тревожила. Хоть в какой-то мере.

Даг опустил голову, сделал несколько вдохов, чтобы успокоиться, и приготовился пуститься в обратный путь. Его губы дрогнули. «Мари будет так мной гордиться!»

Даг начал отползать от края ущелья, но вдруг замер. На дорожке появились трое глиняных людей. Неужели первый из них… как это Злой нашел в здешних краях волка? Даг думал, что крестьяне выбили хищников в окрестностях Глассфорджа; впрочем, эта гряда холмов, слишком крутых,

чтобы их склоны можно было вспахать, служила убежищем для самых разных животных. Что мы и видим... Глаза Дага широко раскрылись, когда он узнал второго — это был тот самый человек-енот, который сбежал от него утром. Третий, еще более огромный, был, должно быть, раньше бурым медведем. Даг заметил знакомое синее платье на фигуре, которую нес на плече человек-медведь, и сердце у него замерло.

Искорка. Они нашли Искорку! Каким образом?..

Более или менее прямой путь через холмы отсюда до разграбленной фермы был одной стороной треугольника, сообразил Даг, а он сам проехал по двум другим сторонам — чтобы сначала выбраться на большак, а потом двинуться по следам человека-енота.

Глиняные люди нашли ее потому, что искали. Это объясняло и отсутствие прочих подручных Злого, вроде той пары, что Даг видел на тропе. Злой, несомненно, отправил всех глиняных людей на поиски сбежавшей добычи, а о ферме Злой и его приспешники наверняка знали, раз нападали на нее совсем недавно. Уважение Дага к сообразительности твари еще увеличилось: тот явно долго не трогал ферму, чтобы не вызвать

паники в окрестностях. Сколько же силы он накопил, раз начал действовать открыто? Или прибытие отряда вызвало у него панику и заставило преждевременно выдать себя?

Одетая в синее платье фигура, висевшая на плече глиняного человека вниз головой, брыкалась и извивалась, колотила по спине своего врага маленькими кулачками. Видимого эффекта это не производило: человек-медведь только подвинул пленницу на плече да ухватил ее покрепче.

Девушка была жива. В сознании. Наверняка перепугана.

Но перепугана недостаточно. В отличие от Дага... Он хватал ртом воздух, сердце его бешено колотилось. Теперь Злой получил то, что ему необходимо для следующего превращения. Стоит Дагу подать ему на десерт Стража Озера — и к тому же такого опытного, — и сила Злого станет полной.

Даг сам не мог бы сказать, дрожит ли он от нерешительности или просто от страха. Все-таки от страха, решил он наконец. Да, он мог помчаться к отряду и привести сюда их всех, как предписывали правила. Так было бы надежно... Ведь Стражи Озера должны побеждать всегда, каждый раз. Только к тому времени, когда они прибудут, Фаун

может уже погибнуть.

Погибнуть она может в ближайшие же минуты... Трое глиняных людей скрылись за скальным выступом. Значит, там, внутри, их трое. А может быть, и все десять.

Проникнуть внутрь и выбраться из пещеры... Нет. Ему нужно только попасть внутрь.

Даг смутно удивился тому, что мозг его все еще отчаянно пытается просчитать риск, потому что правая его рука уже действовала: снимала лук, колчан и вообще все лишнее. Передвигала на место ножны с разделяющими ножами. Вывинчивала из крепления крюк и заменяла его боевым клинком. Проверяла, легко ли вынимается из ножен второй нож.

Даг поднялся и начал спускаться по склону ущелья, ловко и бесшумно, как змея.

Все произошло так быстро...

Фаун висела вниз головой, ее тошнило. Интересно, будет ли синяк от удара, который она получила по второй щеке, таким же черным, как первый? Плечо глиняного человека с каждым шагом врезалось ей в живот; он не остановился даже тогда, когда Фаун вырвало прямо ему на спину... дважды.

Когда Даг вернется на ферму... если Даг вернется

на ферму, сможет ли он понять, что произошло, по тому разгрому, который ее сопротивление оставило в кухне? Он ведь следопыт, наверняка заметит следы в сливовом варенье на полу: Фаун разбила банку и заставила глиняных людей погоняться за собой. Только не слишком ли много ожидала она от Дага — чтобы он спас ее дважды в один и тот же день? Мысль была невеселой. Представив себе ожидающие ее мерзости, Фаун еще раз попыталась вырваться из хватки чудовища и заколотила кулаками по его спине. С тем же успехом она могла бы бить мешок с песком...

Стоит поберечь силы до лучшего момента.

Только какие силы? И для какого момента?

Горячие лучи вечернего солнца неожиданно сменились серой тенью и прохладным запахом земли и камня. Глиняный человек сбросил Фаун с плеча и поставил ее на ноги. Несмотря на головокружение, Фаун смутно разглядела пещеру, наполовину заполненную то ли мусором, то ли припасами на случай осады. Фаун попыталась разогнать темные пятна, плавающие перед глазами, выпрямилась и, моргая, огляделась.

Еще двое глиняных людей поднялись с пола, словно приветствуя тех, что захватили Фаун. Девушка подумала, что сейчас все они набросятся

на нее и разорвут, как стая собак, окружившая кролика. Кролик кролика... хоть Фаун в этом вполне уверена не была, ей показалось, что самый маленький из глиняных людей когда-то был кроликом.

— Подведите ее сюда, — сказал Голос.

Слова прозвучали более отчетливо, чем бормотание глиняных людей, но тон, которым они были сказаны, заставил Фаун почувствовать себя так, словно ее кости растаяли. Она внезапно обнаружила, что не в силах повернуться в сторону этих ужасных звуков. Голос словно лишал ее способности думать... «Пожалуйста, отпустите меня пожалуйста отпустите пожалуйстаот...»

Человек-медведь схватил ее за плечи и наполовину потащил, наполовину понес в заднюю часть пещеры — к длинному неглубокому углублению в скале. И повернул ее лицом туда, откуда раздавался Голос.

Это могла бы быть еще одна глиняная тварь, пусть и более крупная, более высокая и массивная. Формой она напоминала человека — голова с двумя глазами, носом, ртом, ушами, широкая грудь, две руки, две ноги. Однако кожа чудовища не походила на шкуру животного, не говоря уже о человеческой коже. Фаун представила себе

ящерицу или какое-то насекомое, а может быть, каменную пыль, смешанную с птичьим пометом. Волосы отсутствовали. На голом черепе виднелось что-то вроде гребня. Существо было нагим и, по-видимому, этого не осознавало; странные выпуклости в паху не походили ни на мужские, ни на женские гениталии. Двигалась тварь странно — как слепленная ребенком из глины фигурка, а не живое существо из плоти и костей.

У глиняных людей были глаза животных, и казались они ужасно опасными. Этот же... у него были человеческие глаза на лице, которое не могло присниться Фаун и в самом страшном сне. Нет, такой кошмар мог привидеться разве что Дагу... Глаза загнанного, измученного человека, и все же, несмотря на всю переполняющую их боль, столь же лишенные милосердия, как скала. Точнее, как камнепад.

Злой ухватил Фаун за платье и приподнял, так что они оказались лицом к лицу, и долго, долго смотрел на нее. Теперь уже Фаун плакала, не стыдясь слез. Как бы ей хотелось, чтобы на помощь пришел Даг... да хоть кто-нибудь! Она охотно согласилась бы снова оказаться во власти разбойника-насильника. Она готова была молиться любому богу, дать любое обещание... «Отпустите

меня отпуститеменя...»

Медленным целенаправленным движением Злой другой рукой задрал Фаун юбку, сдернул панталоны на бедра и провел когтями по животу.

Боль была такой ужасной, что Фаун на мгновение подумала, что у нее распорот живот. Она невольно судорожно поджала колени и завизжала.

Из ее многострадального горла вырвался, правда, не вопль, а хриплое шипение. Фаун наклонила голову, ожидая увидеть льющуюся кровь и вываливающиеся внутренности, но на бледной коже ее живота отпечатались лишь четыре еле заметные царапины.

— Отпусти ее! — рявкнул чей-то голос откуда-то справа.

Злой повернул голову и медленно моргнул. Фаун повернулась тоже. То, что чудовище отпустило ее, оказалось полной неожиданностью, девушка упала на пол пещеры и ободрала ладони о камни, но тут же вскочила.

В темноте она разглядела Дага: он сражался с тремя... нет, со всеми пятью глиняными людьми. Один из них упал с перерезанным горлом, но остальные навалились на Дага. Даг почти исчез

под хрипящей грудой. Топот, треск, вопль Дага, путаница ткани и дерева, блеск металла заполнили пещеру. Один из глиняных людей сорвал протез с левой руки Дага и заломил руку Дагу за спину, словно пытаясь оторвать и ее.

Взгляды Дага и Фаун встретились. Правой рукой Даг всадил свой большой стальной нож в ближайшего глиняного человека, словно тот был деревом, где нож мог бы торчать до следующего употребления, потом, разорвав тесемку, сорвал с шеи кожаный мешочек.

— Фаун! Смотри!

Она не сводила глаз с летящего к ней мешочка и, к собственному изумлению, поймала его в воздухе. Никогда в жизни она ничего не ловила... Еще один глиняный человек кинулся на Дага.

— Ударь! — прорычал Даг, снова скрываясь под грудой тел. — Ударь Злого!

Ножи. В мешочке оказались два ножа. Фаун вытащила один. Он оказался костяным. Волшебные ножи?

— Которым? — отчаянно вскрикнула Фаун.

— Острием! Куда угодно!

Злой начал двигаться — в сторону Дага. Чувствуя себя так, словно ее голова плывет где-то в трех футах над ее телом, Фаун всадила костяной

нож глубоко в бедро твари.

Злой повернулся к девушке, взвыв от неожиданности. Фаун показалось, что от этого звука у нее раскололась голова. Злой схватил ее за шею и оторвал от пола; его ужасное лицо судорожно скривилось.

— Нет! — вскрикнул Даг. — Другим!

Одной рукой Фаун все еще сжимала мешочек; другая рука была свободна. У Фаун оставалась, может быть, одна секунда до того, как Злой сломает ей шею, как ломает шею цыпленку поваренок. Она выхватила из ножен второй клинок и ткнула им куда-то вперед. Клинок уперся во что-то — должно быть, ребро, — потом соскользнул и вошел глубже, хоть всего на пару дюймов. И тут нож треснул. Ох, нет...

Фаун падала, падала с огромной высоты. Земля нанесла ей болезненный удар. Девушка, шатаясь, поднялась на ноги; все вокруг нее вертелось.

У Фаун на глазах Злой начал разваливаться. Куски плоти опадали с него, как падающие с крыши сосульки. Чудовищный визг чудовища делался все выше и выше, пока не стал вообще недоступен человеческому уху, оставляя после себя пульсирующую боль в голове.

И все кончилось. Перед Фаун громоздилась

куча мерзко пахнущей желтой грязи. Рядом с ней лежал первый нож, тот, что с синей рукоятью, который не сработал. Тишина стояла такая, что Фаун подумала: уж не оглохла ли она.

Но нет: справа донеслось шарканье. Фаун резко повернулась, собираясь схватить нож и кинуться на помощь. Магия, заключенная в ноже, может быть, и подвела, но острое лезвие сохранилось. Однако те три глиняных человека, что все еще были на ногах, больше не пытались разорвать Дага на части. Напротив, они, подвывая, обратились в бегство. Один в отчаянной спешке сбил Фаун с ног, хотя явно не имел никаких враждебных намерений. На этот раз Фаун так и осталась на четвереньках, ловя ртом воздух. Ей казалось, что ее тело должно было бы перестать дрожать от полного изнеможения, но запас дрожи никак не иссякал. Фаун пришлось стиснуть зубы, чтобы они не стучали, как у замерзающего насмерть человека. Живот у нее болел.

В десяти футах от Фаун, раскинув ноги, на земле сидел Даг; рот его был открыт, и дышал он так же тяжело, как она сама. На лице его было написано потрясение. Левый рукав его рубашки был оторван, и лишенная кисти рука кровоточила. Должно быть, Дага сильно ударили по лицу: один

слезящийся глаз уже заплывал.

Фаун шарила вокруг, пока ее рука не коснулась зеленой рукояти другого ножа — того, который сломался в теле Злого. Только куда же делся Злой?

— Прости... прости... я его сломала, — запричитала Фаун. Слезы текли у нее по носу и попадали в рот. — Прости...

— Что? — Даг изумленно посмотрел на Фаун и медленно пополз к ней, опираясь на одну руку и прижав другую к груди.

Фаун дрожащей рукой показала на нож.

— Я сломала твой волшебный нож.

Даг непонимающе вытаращился на зеленую рукоять, словно видел ее впервые в жизни.

— Да нет, все в порядке... Так и должно было случиться. Они, когда достигают цели, ломаются. Когда им удается научить Злого, как умирать.

— Что?

— Злые бессмертны. Они не могут умереть. Даже если разорвать Злого на тысячу клочков, суть Злого просто скроется в другой норе и восстановит себя, сохранив все свои знания и тем самым став вдвое опаснее. Сами по себе Злые не могут умереть, так что приходится разделять с ними смерть.

— Не понимаю.

— Я тебе все объясню, — выдохнул Даг, — потом.

Он перекатился на спину. Его всклокоченные волосы слиплись от пота, глаза цвета сассафраса, прищурившись, смотрели в потолок.

— Отсутствующие боги... Мы сделали это! Готово... Это сделала ты! Что за неразбериха... Мари меня убьет. Сначала, правда, расцелует. Расцелует нас обоих.

Фаун поднялась на колени и обхватила руками живот.

— Почему первый нож не сработал? Что было не так?

— Он не был заряжен. Прости, я не подумал... в спешке. Дозорный определил бы на ощупь, который нужен. Ты, конечно, не могла различить... — Даг повернулся на левый бок и протянул руку к ножу с синей рукоятью. — Это мой, для меня, когда придет время. — Его рука коснулась ножа и отдернулась. — Что за?.. — Приоткрыв губы и внезапно насторожившись, он снова осторожно протянул руку к ножу. На этот раз он отдернул ее не так резко, но безумная радость у него на лице угасла. — Странно. Очень странно.

— Что такое? — бросила Фаун. Боль и растерян-

ность сделали ее голос резким. Все ее тело болело, голова, казалось, была наполовину оторвана, в животе волнами накатывала боль. — Ты ничего мне не объясняешь, вот я и делаю глупости, только я тут ни при чем.

— Ох, я думаю, что на этот раз при чем. Таково правило. Почет получает тот, кто совершил, независимо от того, как совершил. Поздравляю тебя, Искорка. Ты только что спасла мир. Мой отряд будет просто счастлив. — Фаун подумала было, что Даг безжалостно смеется над ней, но хотя слова его казались дикими, ровный голос звучал совершенно серьезно, а глаза смотрели ласково... без намека на насмешку.

— Может, ты просто свихнулся, — ворчливо сказала Фаун, — поэтому-то и городишь бессмыслицу.

— Неудивительно, если я свихнулся, — с готовностью согласился Даг. Он с кряхтеньем встал на колени, опираясь на правую руку, и подвигал подбородком, словно разминая онемевшее лицо, и заморгал, как сова. — Мне нужно убраться подальше от этой мертвой грязи. Она ужасно оскверняет мой Дар.

— Твой... что?

— Это я тоже объясню тебе потом, — вздохнул

Даг. — Объясню все, что только захочешь. Я перед тобой в долгу, Искорка. Весь мир перед тобой в долгу. — Немного подумав, он добавил: — То есть многие люди. Это ничего не меняет.

Даг протянул было руку к уцелевшему ножу, потом помедлил, и выражение его лица стало отсутствующим.

— Не окажешь ли мне услугу? Возьми нож и неси его с собой. Рукоять и обломки другого тоже. Их следует похоронить как подобает.

Фаун старалась не смотреть на его культю — розовую, припухшую и, похоже, причинявшую боль.

— Конечно, конечно. Они не сломали твою... штуку для руки? — Фаун заметила в нескольких футах от себя кожаный мешочек и поползла за ним — она не была уверена, что уже сможет держаться на ногах. Фаун собрала обломки в свой оторванный рукав, а уцелевший нож сунула в ножны.

Даг потер левую руку.

— Боюсь, что так. Предполагалось, что так протез сниматься не будет. Дирла все поправит, она умеет работать с кожей. Такое случается не в первый раз.

— С твоей рукой все в порядке?

Даг еле заметно улыбнулся.

— Она тоже так уж легко не отделяется, хоть человек-медведь и старался. Ничего не сломано. Ей просто нужен отдых.

Даг рывком поднялся на ноги и постоял, расставив ноги и покачиваясь, пока не убедился, что снова не упадет. Прихрамывая, он обошел пещеру, подняв сначала свой сломанный протез, который он повесил на плечо за ремешки, потом свой большой нож. Вытерев его своей перепачканной рубашкой, Даг сунул нож в ножны. Оглядев пещеру и убедившись, что больше ему ничего не нужно, он вернулся к Фаун.

Резкие судороги, когда девушка попыталась подняться, согнули ее пополам. Даг помог ей встать на ноги. Фаун сунула кожаный мешочек и узелок из оторванного рукава себе за пазуху. Держась друг за друга, Фаун и Даг похромали к выходу из пещеры.

— Как насчет глиняных людей? Они не нападут на нас снова? — со страхом спросила Фаун, когда они ступили на тропу, идущую по краю мертвого ущелья.

— Нет. Все кончается со смертью Злого. К глиняным людям возвращается их звериная суть, только от подобий человеческих тел им никак

не избавиться. Обычно они в панике убегают. Ничего хорошего бедняг, впрочем, не ждет. Мы из милосердия убиваем их, когда удается. Иначе они быстро и мучительно гибнут.

— Ох...

— Те люди, разум которых Злой захватил, приходят в себя — окутывающий их туман рассеивается.

— Злые и людей порабощают?

— Когда их сила возрастет... Думаю, этот мог уже завести людей-рабов, хоть он и был еще на первой стадии.

— И они... освободятся? Где бы ни находились?

— Иногда освобождаются, иногда сходят с ума... Бывает по-всякому.

— От чего это зависит?

— От того, что они делали. Они ведь все помнят, понимаешь ли.

Фаун не была так уж уверена, что понимает, да ей не особенно и хотелось.

Воздух был теплым, но заходящее солнце светило сквозь голые ветви, как будто зима странным образом смешалась с летом.

— Этот день длится как десять лет, — вздохнул Даг. — Мне нужно поскорее покинуть эту отравленную землю. Мой конь слишком далеко, чтобы

я мог его позвать. Пожалуй, мы возьмем этих. — Он показал на двух лошадей, привязанных к дереву у ручья, и повел Фаун по извилистой тропе. — Не вижу никакой сбруи. Ты сможешь ехать без седла?

— Обычно могу, только сейчас я чувствую себя совсем больной, — призналась Фаун. Ее все еще трясло, она чувствовала себя замерзшей и грязной. Глубокий вдох вызвал новую судорогу. Это было нехорошо, что-то шло неправильно. Фаун думала, что уже избавилась от страха, израсходовала запас на год вперед, но теперь начала сомневаться.

— Ах... Как ты думаешь — ты будешь чувствовать себя лучше, если я посажу тебя перед собой?

У Фаун мелькнуло неприятное воспоминание о том, как она ехала с разбойником сегодня утром... неужели только сегодня утром? Даг прав, день больше похож на десятилетие. Не надо глупить. Это же Даг — он совсем другой. Вообще-то Даг не похож ни на кого, кого Фаун встречала в жизни. Фаун сглотнула.

— Ага... я... наверное...

Они, спотыкаясь, добрались до лошадей. Даг провел рукой по спинам коней, что-то беззвучно напевая себе под нос, отвязал одну и отпустил,

сняв с нее веревку. Лошадь потрусила прочь, явно обрадованная возможности покинуть безжизненное ущелье. Вторая была стройной гнедой кобылой с белыми чулками и звездочкой во лбу. Даг привязал к ее узде веревку, чтобы сделать поводья, и подвел к лежащему на земле бревну. Он все время пытался что-то делать левой рукой, морщился и только тогда вспоминал, что лишился протеза, и это заставляло сердце Фаун странно сжиматься.

— Ты сможешь сесть сама, или тебя подсадить?

Фаун стояла, бледная и дрожащая.

— Даг... — прошептала она испуганно.

Он резко обернулся и с вниманием склонился к ней.

— Что?

— У меня кровотечение.

Он снова подошел к девушке.

— Где? Они поранили тебя? Я не заметил...

Фаун сглотнула и подумала, что, не будь ее лицо зеленым там, где его не покрывали синяки, оно стало бы пунцовым. Еще тише она выдохнула:

— Между... между ног.

Ликование, то и дело появлявшееся на лице Дага с тех пор, как был убит Злой, исчезло, словно

стертое тряпкой.

— Ох... — И ему, что самое поразительное, не потребовалось, слава богу, никаких объяснений... у Фаун уже не оставалось ничего — ни слов, ни храбрости, ни идей.

Даг сделал глубокий вдох.

— Нам все равно нужно уйти отсюда. Эта земля смертоносна. Я должен отвезти тебя куда-нибудь. Мы просто будем двигаться быстрее, вот и все. Тебе придется мне помочь... мы будем помогать друг другу.

После двух довольно неуклюжих попыток им обоим удалось наконец взгромоздиться на гнедую кобылу, которая, к счастью, оказалась кроткой и покладистой. Фаун сидела, свесив ноги на одну сторону, положив голову на плечо Дагу и обвив рукой его шею, так что Даг правой рукой мог править лошадью. Он щелкнул языком и послал лошадь рысью к выходу из ущелья.

— Держись за меня, — прошептал он в волосы Фаун, — не отпускай, слышишь?

Мир вокруг кружился, но ее ухо слышало ровное биение сердца Дага, и Фаун печально кивнула.

5

К тому времени, когда они добрались до разграбленной фермы, и юбка Фаун, и штаны Дага пропитались ярко-красной кровью.

— Ох, — смиренно прошептала Фаун, когда Даг помог ей слезть с лошади, — прости...

Даг спокойно, как он надеялся, поднял бровь.

— Что? Да ну, это всего лишь кровь, Искорка. Мне в жизни пришлось иметь дело с большими ее количествами, чем найдется во всем твоем теле. — Проклятие, именно в теле девчонки этот красный потоп и должен бы оставаться. «Не сметь паниковать!» Дагу хотелось взять Фаун на руки и внести в дом, но он сомневался в том, что у него хватит сил. Ему нужно продолжать двигаться, иначе его собственное избитое тело задеревенеет... так что он правой рукой обхватил Фаун за плечи и, предоставив лошадь собственной судьбе, помог девушке подняться на крыльцо.

— Почему так случилось? — проговорила Фаун так тихо и жалобно, что Даг усомнился: говорит она это ему или самой себе.

Даг заколебался. Да, она совсем молоденькая, но ведь...

— Разве ты не знаешь?

Фаун подняла на него глаза. Синяк на левой половине ее лица приобрел лиловый оттенок, царапины подсохли.

— Знаю, — прошептала Фаун. Говорить твердо она заставляла себя только усилием воли. — Но ты знаешь так много... Я надеялась, что у тебя может найтись другой ответ. Глупо с моей стороны.

— Это с тобой сделал Злой... попытался сделать. — Мужество изменило Дагу, и он отвел взгляд. — Он украл жизненную силу твоей малышки. Он использовал бы ее для своего следующего превращения, но мы успели его убить. «А я не успел помешать... Проклятие, всего пять минут! Если бы я появился на пять минут раньше!» Да, только если бы однажды он появился раньше всего на пять секунд, у него бы была цела левая рука, а еще если бы он быстрее скакал по той дороге и был не таким усталым... Хватит! Если бы он добрался до логова намного раньше, он мог совсем не увидеть Фаун.

И что случилось с его разделяющим ножом в той ужасной неразберихе? Он ведь был пуст, а теперь — Даг мог бы в этом поклясться — он оказался заряжен, а такого не должно было произойти. «Эх, старый дозорный, разбирайся со

своими бедами по одной, иначе собьешься с пути». Нож мог подождать. Фаун не могла.

— Тогда... тогда слишком поздно... чтобы спасти... что-нибудь.

— Никогда не бывает слишком поздно спасти что-нибудь, — строго сказал Даг. — Просто это может оказаться не то, чего ты хотела. — Обычно именно такие слова самому Дагу после нанесенного ему увечья требовалось слышать постоянно, только какое отношение они имели к теперешней беде Фаун? Даг попробовал еще раз, понимая, что ни его собственное, ни ее сердце не выдержит неопределенности. — Ее мы потеряли, тебя — нет. Твоя главная забота теперь — выжить сегодня ночью и набраться сил. А дальше посмотрим.

Сумерки сгустились, и в кухне царил унылый полумрак, но все же Даг разглядел, что беспорядок там был не такой, как раньше.

— Сюда, — сказала Фаун. — Не ходи по пролитому варенью.

— Ага, вижу.

— Тут есть несколько огарков свечей — на очаге и еще где-то. Нет, нет, там я лечь не могу — я запачкаю перины.

— Мне они кажутся самым подходящим местом — лежат ровно, Искорка. В чем я уверен, так это

в том, что тебе необходимо лечь. — Дыхание Фаун было слишком быстрым и поверхностным, кожа слишком липкой, а аура обрела нехороший серый оттенок, что, как знал Даг по собственному печальному опыту, говорило о серьезных повреждениях.

— Ну ладно. Только найди что-нибудь... чтобы положить сверху.

Сейчас явно был неподходящий момент, чтобы спорить с женскими чудачествами.

— Хорошо.

Даг раздул еще не погасшие угли, подбросил щепок и зажег два огарка; один он оставил рядом с Фаун, а со вторым торопливо отправился на поиски. Ему смутно помнилось, что в ящиках шкафов на втором этаже еще оставались какие-то вещи. Дозорному полагалось быть изобретательным. Что больше всего нужно Фаун? Выкидыш — достаточно естественное явление, даже если его причина в этом случае совершенно неестественна; Даг был более или менее уверен, что женщины обычно переносят их достаточно легко. Лучше бы было, конечно, если бы они больше рассказывали или если бы Даг слушал более внимательно. Фаун нужно лежать — это он помнил. Устроить ее поудобнее? Звучит как

жестокая шутка... Спокойнее! Наверняка ей будет приятнее оказаться чистой... по крайней мере сам Даг, поправляясь после тяжелой раны, бывал благодарен, когда его мыли.

«Что ж, раз не можешь устранить главную проблему, займись чем-нибудь другим. И кому из вас это поможет больше?»

Спокойнее. Нужно полотенце и не загаженный, если повезет, колодец.

Поиски заняли больше времени, чем Дагу хотелось бы; ему пришлось, стиснув зубы, согласиться с тем, что пока Фаун останется лежать прямо на этом проклятом полу... В конце концов Даг нашел платье, которое, правда, было Фаун велико, несколько старых заплатанных простыней, чистые тряпки для прокладок, мыло и воду. В момент мрачного озарения Даг нашел способ преодолеть смущение девушки: он попросил ее обмыть ему руку, как если бы нуждался в помощи.

Фаун все еще трясло; она относила озноб за счет пережитого страха, но Даг знал, что причина этого, как и ледяной кожи и блеклой ауры, в другом. Чтобы облегчить состояние Фаун, он укрыл ее всем, что только нашел в доме, и развел жаркий огонь. Последний раз, когда Даг видел женщину,

свернувшуюся в такой комок, был, когда клинок проткнул одну из дозорных почти до позвоночника... Он нагрел в очаге кирпич, обернул его тряпкой и приложил к животу Фаун; это, к его радости, кажется, помогло: дрожь прекратилась, а аура просветлела. Наконец, чистая и прибранная, как положено больной, Фаун отодвинула немного кирпич, согревшись, и посмотрела на сидящего с ней рядом на полу Дага.

— Для себя-то одежду ты нашел? — спросила она. — Хотя, наверное, должно очень повезти, чтобы нашлось что-то тебе по размеру.

— Еще не смотрел. У меня есть запасная одежда в седельной сумке. Правда, сумка там же, где мой конь. Если мне выпадет удача, мой отряд найдет Копперхеда и приведет сюда. Хорошо бы, чтобы они уже начали меня искать.

— Если бы ты что-то для себя нашел, я могла бы завтра выстирать... Мне жаль, что я...

— Искорка, — хрипло прокаркал Даг, наклоняясь к девушке, — не нужно извиняться передо мной.

Фаун съежилась. Даг взял себя в руки.

— Понимаешь, уж очень противно выглядит плачущий дозорный. Я и так уже весь слезливый и сопливый. А если прибавить ко всему синяк

вокруг глаза, то этого хватит, чтобы тебя затошнило. И тогда придется убираться снова, а нам это ни к чему. — Даг щелкнул Фаун по носу — пусть это и было совершенно неуместно в отношении женщины, которая только что спасла мир, зато настроение Фаун улучшилось, она даже слабо улыбнулась. — Ладно, по этой части мы многого добились. А как насчет еды?

— Не думаю, что смогу сейчас есть. А ты давай подкрепись.

— Тогда попей. И не спорь со мной. Я точно знаю: после потери крови нужно много пить. — И кровотечение все еще продолжается... Сколько это может длиться?

При обследовании с помощью огарка свечи поразительных находок в подвале Дагу попалась коробка сушеного сассафраса, и, не будучи уверен в качестве колодезной воды, он приготовил для них обоих отвар. Оказалось, что ему ужасно хочется пить, и он показал Фаун пример, осушив подряд две кружки. Фаун послушно, как наивный юный дозорный, сделала то же самое. «И почему это они всегда делают все, что им скажешь?» Кроме тех случаев, конечно, когда не делают...

Даг уселся рядом с Фаун, привалившись к стене и вытянув ноги, и не спеша стал прихлебывать

напиток.

— Я смог бы больше сделать для твоих... внутренностей — обычные штучки дозорных с использованием Дара, — если только...

— Дар, — перебила его Фаун, приподнимаясь и глядя на него серьезными глазами. — Ты обещал рассказать мне о нем.

Даг глубоко втянул воздух, гадая, как объяснить это крестьянской девчонке, чтобы она поняла его правильно.

— Дар... Это способность чувствовать все вокруг — любое живое существо, где оно находится, в каком состоянии... Да и не только живое существо, хотя они светятся ярче всего. Никто на самом деле не знает — то ли мир порождает Дар, то ли Дар порождает мир, только именно Дар высасывают из живых существ Злые, чтобы насытиться, и именно потеря Дара убивает все вокруг логова. Посередине действительно скверного места, опустошенного Злым, не только все, что когда-то было живым, умирает, даже скалы не могут сохранить свою форму. С помощью Дара Стражи Озера как раз и чувствуют жизненную силу.

— Это магия? — с сомнением спросила Фаун. Даг покачал головой.

— Не в том смысле, какой придают этому слову

крестьяне. Нельзя получить что-то из ничего. Просто такова глубинная суть мира. — Даг в ответ на откровенно непонимающий взгляд Фаун попытался объяснить доходчивее: — Мы используем слова, которыми обычно описываем зрение, осязание и другие чувства, но на самом деле Дар на них совсем не похож. Это вроде того, как ты определяешь... Вот что, закрой-ка глаза.

Фаун озадаченно подняла брови, но послушалась.

— А теперь... Где низ? Покажи.

Палец Фаун показал на пол, и большие карие глаза открылись, все еще сохраняя недоуменное выражение.

— Как ты это узнала? Ты ведь ничего не видела.

— Я... — Фаун заколебалась. — Я чувствовала. Чувствовала всем телом.

— Вот и Дар на это похож. — Даг снова отхлебнул из кружки — теплый напиток успокаивал его горло. — Люди — самые сложные и самые яркие существа, которых видит Дар. Мы видим друг друга, если только не ограничиваем Дар, чтобы не отвлекаться. Это вроде того, как если прикрыть глаза или завесить фонарь плащом. И еще ты можешь... Стражи Озера могут уравнять

свою жизненную силу с жизненной силой другого человека. Если удается уравнять в точности — почти что проникнуть в другого человека, — тогда можно поделиться силой, восстановить ритм, заживить рану, остановить кровотечение... вообще не дать пострадавшему соскользнуть в холодную темноту. Вернуть другого к равновесию. Я сделал такое с мальчишкой-дозорным... о боги, неужели это было всего прошлой ночью?

«Саун... Ах, нужно перестать думать о нем как о Сауне-Ягненке, иначе это как-нибудь сорвется у меня с языка, а он мне такого никогда не простит. В бою разбойник огрел его молотом, сломал ребра, ушиб сердце и легкие. Мне удалось сразу же влить в него жизненную силу, заставить танцевать со мной. Вышло довольно грубо, но я спешил...»

— Он бы умер? Если бы не ты?

— Э-э... может быть. Если он так решит, я спорить не буду: вдруг удастся, пока он под впечатлением, отучить его наконец от этих его замахов с плеча. — Даг ухмыльнулся, но тут же снова стал серьезным. Еще питья... проклятие, оно кончилось... — Беда в том... У тебя повреждена матка, я вижу это как дыру в твоей ауре. Только я не могу уравнять свою жизненную силу с твоей и помочь,

потому что у меня-то матки нет. Такого органа у меня нет, и нет соответствующей жизненной силы. Будь тут Мари или одна из девушек, они, наверное, смогли бы помочь. Только мне не хочется оставлять тебя одну на восемь, а то и двенадцать часов — кто знает, сколько времени потребуется, чтобы их найти и привезти сюда.

— Нет, нет, не надо! — Фаун вцепилась в ногу Дага, потом смущенно отдернула руку. Она снова свернулась клубком, и Даг задумался: насколько сильные у нее боли? Очень сильные, решил он.

— Хорошо. Выходит, придется справляться по-крестьянски. Ты знаешь, что в таких случаях делают женщины на фермах?

— Ложатся в постель, я думаю.

— Твоя мать или сестры ничего тебе не рассказывали?

— Сестер у меня нет, а все братья старше меня. Матушка научила меня многому, но она не повитуха. И она всегда так занята... Я просто думаю, что тело ежемесячно очищает себя, хотя некоторые женщины при этом чувствуют себя плохо. По-моему, все в порядке, если крови немного, но плохо, если кровотечение сильное.

— Ладно, так скажи мне, как обстоят дела с тобой, хорошо?

— Хорошо, — с сомнением ответила Фаун.

Выражение лица девушки стало замкнутым и сосредоточенным. Она словно мучительно, лишившись Дара, пыталась расслышать, где ее тело фальшивит, или напрасно высматривала внутри себя тот, другой огонек, который так ярко горел только сегодня утром, а теперь погас. Пожалуй, решил Даг, Фаун была слишком молчалива с того момента, как они выбрались из логова. Это заставляло его тревожиться и отчаянно искать выход.

Даг подумал, не стоит ли ему приписать себе нескольких сестер, чтобы поднять свой авторитет.

— Знаешь, я ведь очень опытный дозорный, — выпалил он в напряженной тишине. — Я однажды принял роды на дороге у Мертвого озера. — Тут он усомнился, что в данных обстоятельствах о том происшествии стоило рассказывать, но было слишком поздно менять тему. — Ну, не одной рукой, конечно, тогда у меня были еще обе руки, только все равно я был очень неуклюжим. К счастью, это был четвертый малыш у той женщины, и она была в состоянии говорить мне, что делать. Так она и поступила — не стесняясь в выражениях. Ей не очень-то понравилось, что

приходится обходиться моей помощью. Как только она меня не обзывала! Ее ругательства я берегу как сокровище — они очень пригодились мне, когда пришлось учить уму-разуму бестолковых молодых дозорных. Мне тогда было двадцать два, и я ужасно гордился своим подвигом, словно сам родил младенца. Скажу тебе честно: ни одного разбойника я не боялся так, как той женщины.

Рассказ вызвал у Фаун слабую улыбку, как Даг и надеялся. Вот и хорошо, что он не стал придумывать несуществующих сестер: ведь Фаун могла спросить, как их зовут, и тут воображение могло ему изменить. Веки Дага стали такими тяжелыми, словно кто-то незаметно привесил к ним свинцовые гири. Комната начинала неприятно кружиться.

— Очень откровенная была та женщина. Показала мне пример, которого я никогда не забуду.

— Это заметно, — пробормотала Фаун и, помолчав, добавила: — Спасибо тебе.

— Ну, ты покладистая пациентка. Мне не придется брить тебя утром, и ты не запустишь мне в голову сапогом, потому что у тебя все болит и ты проснулась не в духе. Капризные и всем недовольные дозорные — та еще компания. Можешь мне поверить.

— Они и в самом деле кидаются сапогами?

— Да. Я по крайней мере кидался.

Даг зевнул так, что у него свело челюсть. Все его синяки и ушибы решили напомнить о себе. Заговорив о сапогах, Даг вспомнил о том, что не снимал их два... нет, четыре дня: он и спал в них в ночь накануне стычки с разбойниками. Медленно поднявшись, он принялся расшнуровывать сапоги.

— Тебе будет удобнее, если я улягусь на крыльце?

Фаун взглянула на него поверх одеяла, которое натянула почти до губ. Розовых губ, хотя и не таких розовых, как Дагу хотелось бы... ну, по крайней мере не серых и не посиневших.

— Нет, — ответила Фаун странно безразличным тоном. — Не думаю, что мне так будет удобнее.

— Вот и хорошо. — Даг не мог сдержать зевоту. — Сейчас я не смог бы проползти через все это липкое варенье. Да и мягче на перинах. Ты оставайся у стенки, а я лягу с краю. — Он растянулся ничком, потом сообразил, что нужно повернуть голову, чтобы дышать. Повернулся он к Фаун — этот вид ему больше нравился — и попытался понять, что же видит из-за целой горы одеял. Темные кудри, нежная, как лепесток цветка,

кожа — там, где не было синяков. Удивленный карий глаз. И пахла девушка гораздо приятнее, чем он сам...

— Мама, — пробормотал он, — овцы сегодня в безопасности.

— Овцы? — через секунду переспросила Фаун.

— Так дозорные шутят. — Шутят над крестьянами, и говорить этого Фаун не следовало. К счастью, усталость мешала ему продолжать разговор. Дагу хватило сил, только чтобы вытянуться и погасить свечу.

— Я не поняла.

— И хорошо. Спокойной ночи. — Его виноватое влечение к этому женскому телу, отделенному от него всего несколькими слоями ткани, было сильным, но очень кратковременным.

Фаун проснулась среди ночи, лежа на правом боку и глядя в стену кухни. Какая-то тяжесть давила ей на грудь, а сзади подпирало что-то вроде длинного комковатого валика. Тяжестью оказалась левая рука Дага, как поняла Фаун; должно быть, он очень крепко спит, раз так раскинулся: он всегда старался держать увечную руку в стороне, не на виду. Подбородок Дага царапал ей шею, нос уткнулся ей в волосы, и Фаун чувствовала, как его медленное дыхание колышет ее кудри.

Даг был очень солидным препятствием между ней и дверью.

И всем, что в дверь могло войти... любыми страшными существами снаружи. Разбойниками, глиняными людьми, зловредными привидениями. И все-таки... не был ли высокий дозорный самым страшным из всех? Потому что к концу дня разбойники, глиняные люди, зловредные привидения неподвижно лежали у его ног, а он все еще шел. Хромал, но шел. Как же может самая страшная угроза давать такое чувство безопасности? Загадка...

Но даже если преодолеть страх перед ним, его усталость все равно пригвождала ее к месту. Выскользнуть наружу, не разбудив Дага, Фаун не удалось. Последовал не очень внятный спор о том, можно ли Фаун отправиться в уборную или лучше воспользовался горшком (Даг настоял на своем), следует ли ей сменить пропитанные кровью прокладки (Даг опять настоял) и где Дагу спать; тут было трудно сказать, кто выиграл спор, но дело кончилось тем, что улегся он на прежнем месте. Хоть Даг и принес Фаун новый нагретый кирпич, мучительные схватки продолжались, и в результате Даг уснул первым. Однако странный комфорт, который давало Фаун это костлявое

тело, отгородившее ее от внешнего мира словно крепостной стеной, скоро помог уснуть и ей.

Когда Фаун проснулась в следующий раз, солнце стояло уже высоко, и Дага рядом с ней не было. Живот, который вчера раздирала боль, теперь просто ныл, хотя прокладки снова промокли от крови. Прежде чем Фаун успела запаниковать, на крыльце раздались шаги и тихое посвистывание. Фаун раньше не слышала, чтобы Даг свистел, но больше ведь никого тут не могло оказаться... Наклонив голову, в дверь вошел Даг и улыбнулся ей; дневной свет делал его золотые глаза особенно блестящими.

Должно быть, Даг умывался у колодца — его волосы были влажными, кровь и грязь с лица были смыты и даже царапины выглядели теперь не такими страшными. Пах Даг тоже вполне приятно, не то что накануне... впрочем, Фаун вспоминала тот запах с благодарностью: и в темноте, и на расстоянии нескольких футов она точно знала, где Даг находится. Дозорный явно воспользовался самодельным мылом бывшей хозяйки фермы — коричневыми комками, в которые женщина добавила лаванду и мяту.

Рубашки на Даге не было, а чистые серые штаны нашлись, похоже, среди одежды прежних

хозяев; их Дагу пришлось подвязать веревкой. Фаун подумала, что они должны быть ему коротки не меньше чем на фут, но точно сказать не могла — штанины были заправлены в сапоги. Загар на теле Дага лежал неравномерно — кожа там, где ее закрывала рубашка, была белой, хоть и не такой белой, как кожа самой Фаун. По-видимому, Даг предпочитал одежду с длинным рукавом даже летом. Коллекция синяков на теле Дага выглядела почти так же впечатляюще, как ее собственная, но без одежды дозорный казался не таким тощим: под кожей перекатывались сильные мышцы.

— Доброе утро, Искорка, — весело сказал Даг.

Первым делом нужно было заняться неприятными, но необходимыми медицинскими процедурами; Даг взялся за дело с такой ловкостью, что Фаун почти сочла сгустки крови своим достижением, а не кошмаром.

— Сгустки — это хорошо. Вот когда кровь жидкая и красная — это плохо. Мы с тобой ведь так и решили, Искорка. Что бы Злой ни повредил у тебя внутри, рана начинает заживать. Ты молодец. Тебе по-прежнему нужно лежать.

Фаун и лежала, а Даг бродил по дому. Происходили разные события: на Даге появилась рваная, но чистая белая рубашка с закатанными рукава-

ми, потом они пили чай с остатками испеченных Фаун накануне лепешек и тушеным мясом из запасов в подвале. Дагу пришлось уговаривать Фаун поесть, но ее каким-то чудом не вырвало, а еда придала сил. Даг постоянно менял нагретые кирпичи, а потом, довольно надолго исчезнув из дома, принес в платке собранную в саду фермы клубнику. Усевшись на пол рядом с Фаун, он с шутливой серьезностью принялся делить ягоды на две равные порции.

Потом Фаун снова уснула, а проснувшись, увидела, что Даг сидит за кухонным столом, мрачно разглядывая остатки своего протеза.

— Сможешь ты его починить? — заплетающимся со сна языком спросила Фаун.

— Боюсь, что нет. Этого одной рукой не сделаешь, даже если бы у меня были инструменты. Все швы разошлись, а чашка, охватывавшая запястье, треснула. Даже Дирле будет не под силу привести все это в порядок. Когда доберемся до Глассфорджа, придется найти шорника и резчика по дереву.

Глассфордж... Стоит ли ей туда стремиться, когда причина ее бегства из дому так неожиданно исчезла? Жизнь Фаун так резко и так быстро менялась за последние дни, что она уже ни в

чем не была уверена. Фаун отвернулась к стене и прижала кирпич — судя по тому, каким он был теплым, Даг еще раз сменил его, пока она спала — к своему ноющему опустевшему животу.

За прошедшие недели младенец был для Фаун источником страха, отчаяния, стыда, изнеможения и тошноты. Ребенок еще не начал шевелиться, хотя каждую ночь Фаун засыпала, ожидая ощутить толчки, о которых так много слышала. Ей было странно думать о том, что этот случайно встреченный человек со своими непонятными дарованиями Стража Озера лучше, чем она сама, ощутил коротенькую жизнь ее малышки. Мысль об этом была мучительна, и тепло кирпича, к которому Фаун прижалась лбом, не помогало.

Фаун перевернулась на другой бок, и ее взгляд упал на ножны, которые лежали рядом с ее пуховым ложем. Уцелевший нож с синей рукоятью так и оставался в ножнах, куда она его сунула. Другой же — зеленая рукоять и обломки костяного лезвия — был, похоже, завернут заново: в кусок вышитой ткани, позаимствованной, наверное, из корзины для шитья, с неуклюже завязанными Дагом концами. Тонкое полотно, хоть и мятое и рваное, было явно когда-то драгоценностью, предназначенной для гостей.

Подняв глаза, Фаун заметила, что Даг следит за тем, как она рассматривает обломки ножа. Лицо его снова лишилось всякого выражения.

— Ты говорил, что расскажешь мне и о ножах тоже, — сказала Фаун. — Ведь не любой же кусок кости может убить бессмертного Злого.

— Нет... конечно, нет. Разделяющие ножи — самые сложные из наших... инструментов. Создать их удается дорогой ценой.

— Ты, наверное, снова скажешь мне, что в них никакой магии нет.

Даг вздохнул, подошел к Фаун и уселся на полу, скрестив ноги. Ножны он задумчиво вертел в пальцах.

— Это человеческая кость, верно? — тихо спросила Фаун, глядя на него из-под ресниц.

— Да, — рассеянно ответил Даг, потом пристально посмотрел на девушку. — Понимаешь, у дозорных уже бывали неприятности с крестьянами из-за разделяющих ножей. Непонимание... Мы научились не говорить на эту тему... но ты заслужила... Есть причина, почему ты должна знать. Я могу только просить тебя потом никому об этом не рассказывать.

— Совсем никому? — удивленно спросила Фаун.

Пальцы Дага дрогнули.

— Все Стражи Озера знают. Я имею в виду чужаков... крестьян. Хотя в данном случае... ну, до этого мы еще дойдем.

Похоже, кружным путем. Фаун нахмурилась: уж очень не похоже это было на его обычное прямодушие.

— Хорошо.

Даг глубоко вздохнул и распрямил спину.

— Годится кость не любого человека... только наших, Стражей Озера. Не крестьянина и уж тем более не похищенного крестьянского ребенка, понимаешь? Взрослого... иначе кость не будет иметь достаточной длины и крепости. Бедра, иногда плечи... Поэтому на свои погребальные обряды мы чужих не зовем. Некоторые самые чудовищные слухи рождались как раз, когда кто-то чужой случайно видел... Мы не людоеды, можешь мне поверить!

— О таком я и не слышала.

— Могла бы и услышать...

Фаун видела, как режут коров и свиней, так что могла себе все представить. Перед ее мысленным взором возникли длинные ноги Дага... нет!

— Некоторые неприятные моменты неизбежны, но мы все делаем достойно, соблюдая обряды,

потому что каждый знает, что следующим может оказаться он сам. Не все Стражи Озера жертвуют свои кости — такого количества не требуется, да и не все подходят. Некоторые Стражи Озера умирают слишком старыми или слишком молодыми, их кости слишком тонкие или хрупкие. Я собираюсь предложить свои, если умру достаточно молодым.

От такой мысли Фаун ощутила комок в животе, не имевший ничего общего с тем, что вызывало схватки...

— Ох...

— Но так получают только сам нож — это первая часть подготовки. Вторая часть, благодаря которой становится возможным поделиться смертью со Злым, — это когда его заряжают. — Быстрая обнадеживающая улыбка, промелькнувшая на лице Дага, не отразилась в его глазах. — Мы заряжаем его смертью — жертвенной смертью одного из нас. При изготовлении на нож накладываются узы, он соответствует тому, кто должен его зарядить, так что это очень личное оружие, как ты понимаешь.

Фаун приподнялась, полная внимания и все более обеспокоенная.

— Продолжай.

— Если ты — Страж Озера, собирающийся подарить свою смерть ножу, и ты умираешь — от смертельной раны в бою или дома от болезни, — то ты сам, или чаще твой друг или родич, должен вонзить разделяющий нож тебе в сердце.

Губы Фаун приоткрылись.

— Но...

— Да, это смертельный удар. В том-то и смысл.

— Ты хочешь сказать, что в ноже поселяется душа человека?

— Ах, не душа! Я так и знал, что ты спросишь об этом! — Даг запустил руку в волосы. — Еще одно крестьянское суеверие. Столько неприятностей из-за них... Даже наш Дар ничего не говорит нам о том, куда души людей отправляются после смерти, но уверяю тебя: в ножах они не поселяются. Только умирающий Дар... смертность. То, что говорят Стражи Озера о богах... — начал Даг, но оборвал себя: — Впрочем, не важно...

А вот этот слух до Фаун доходил.

— Люди говорят, что вы не верите в богов.

— Нет, Искорка. Совсем наоборот. Но сейчас речь не о том. Этот нож, — Даг показал на клинок с синей рукоятью, — мой собственный, связанный с моим Даром. Он особый. Кость для него мне завещала женщина по имени Каунео, погибшая в

бою со Злым на северо-западе от Мертвого озера. Двадцать лет назад. Мы опоздали обнаружить тварь, и она выросла очень сильной. Тот Злой не нашел достаточно людей в глуши, но он нашел волков, так что... Другой нож, тот, которым ты вчера воспользовалась, был ею заряжен, принял ее Дар. Кровь ее сердца оросила его. Кость для него Каунео получила от своего дяди... Я с ним никогда не встречался, но он в свое время был знаменитым воином. Звали его Каунеар. Ты, наверное, не успела этого рассмотреть, но его имя и его проклятие Злым было выжжено на том клинке.

Фаун покачала головой.

— Проклятие?

— По его выбору, раз кость была его. Ты можешь распорядиться, чтобы изготовители ножа поместили на него любые подходящие слова. Некоторые люди пишут на своих ножах признания в любви тому, кто нож унаследует. Иногда встречаются и совсем злые шутки... Каждый решает сам. Надписей на самом деле две: одну заказывает жертвующий кость, другую — тот, кто заряжает нож своей смертью; это делается уже после того, как нож получит Дар... если выпадает шанс.

Фаун представила себе, как нож, который она

сейчас держит, медленно погружался в сердце умирающей женщины... может быть, похожей на Мари. Кто это сделал? Даг? Двадцать лет назад — это же ужасно давно... может ли он и в самом деле быть таким старым — лет сорока?

— Смерть, которой мы делимся со Злыми, — тихо сказал Даг, — это наша собственная смерть, и ничья больше.

— Почему? — потрясенно прошептала Фаун.

— Потому что только это срабатывает. Потому что мы можем... а больше никто. Потому что таково наше наследие. Потому что Злой, любой Злой, если его не убить вовремя, продолжает расти. Он растет и растет, становится сильнее и умнее, и к нему все труднее подобраться. И если когда-нибудь появится такой Злой, с которым мы не сумеем справиться, он будет расти до тех пор, пока весь мир не превратится в серую пыль... только тогда и сам Злой умрет. Когда вчера я сказал, что ты спасла мир, Искорка, я не шутил. Тот Злой мог стать нашей погибелью.

Фаун откинулась на подушку, прижав одеяло к груди и стараясь разобраться в услышанном. Разбираться тут было в чем... Если бы она не видела Злого так близко, если бы не помнила так хорошо его мертвый запах, она, наверное, и не поняла бы

рассказа Дага.

«Я еще не все понимаю, но... Ох, я верю, верю Дагу!»

— Нам остается только надеяться, — вздохнул Даг, — что Злые исчезнут раньше, чем Стражи Озера. — Он прижал ножны к бедру культей и вытащил нож с синей рукоятью. Мгновение он задумчиво смотрел на него, потом поднес к губам и с сосредоточенным выражением закрыл глаза. Лоб Дага прорезали морщины. Он положил нож в точности между собой и Фаун и убрал руку.

— Это возвращает нас к вчерашнему дню.

— Я ткнула ножом в бедро Злого, — сказала Фаун, — но ничего не произошло.

— Нет. Кое-что произошло: этот нож заряжен не был, а теперь он заряжен.

Фаун озабоченно нахмурилась.

— Так что, он высосал смертность Злого? Или его бессмертие? Нет, тут что-то не сходится.

— Не сходится... Я думаю, — Даг бросил на Фаун столь же озабоченный взгляд, — только, учти, это лишь догадка, я должен еще кое с кем все обсудить, — так вот, я думаю, что Злой только что похитил Дар твоей малышки, а нож забрал его обратно. Не душу — и не думай больше о заключенных в ножах душах, — а только смертность.

Как странно, — полушепотом выдохнул Даг, — смерть без рождения...

Губы Фаун дрогнули, но не издали ни звука.

— Вот мы и сидим тут, — продолжал Даг, — и я не знаю, как распутать... Сам нож принадлежит мне, потому что Каунео завещала мне свои кости, но, по нашим правилам, заряд в ноже, заключенная в нем смертность, принадлежит тебе как ближайшей родственнице: ведь твой нерожденный ребенок завещать ее никому не мог. Вот здесь возникает настоящая головоломка: завещать заряд разрешается только взрослому, Дар которого полностью развился; это случается в четырнадцать-пятнадцать лет, с возрастом Дар становится сильнее. К тому же твоя малышка — крестьянский ребенок. А ведь ничья смерть, кроме моей, не должна была бы зарядить этот нож... Так что... так что возникла полная неразбериха.

Несмотря на потрясение от неожиданного выкидыша, Фаун почему-то думала, будто все, касающееся ее личного несчастья, уже решилось помимо ее воли, и испытывала какую-то усталую благодарность за то, что самой ей решать ничего не пришлось. Это было облегчением, утешением в горе. Все оказалось не так...

— А не можешь ты использовать этот нож, чтобы убить другого Злого? — Хоть какое-то воздаяние за все горести...

— Мне нужно будет показать сначала нож лучшему мастеру в лагере и послушать, что он скажет. Я всего лишь дозорный. Это дело выше моего понимания. С ножом случилось что-то странное, неизвестное... может быть, нежелательное. Или он может не сработать вовсе: ты же сама видела — дотянуться до Злого и обнаружить, что твой инструмент негоден, — не так уж приятно.

— Так что нам делать? И что мы можем сделать?

Даг резко мотнул головой.

— Во-первых, мы можем его уничтожить.

— Но разве это не была бы напрасная трата?..

— Двух жертвоприношений? Да. Я не выбрал бы такой путь, но если ты скажешь, Искорка, я прямо сейчас сломаю его у тебя на глазах, и на том все закончится. — Даг положил руку на клинок; его лицо хранило непроницаемое выражение, но глаза смотрели на Фаун вопросительно.

У Фаун перехватило дыхание.

— Нет! Нет, не надо... по крайней мере пока. — А с другой стороны... нет никакого «с другой стороны». Интересно, хватит ли у Дага горького

чувства юмора, чтобы прийти к такому же выводу? Фаун подозревала, что хватит.

Сглотнув, она проговорила:

— Но твой народ... Станут ли они считаться с тем, что думает какая-то крестьянская девушка?

— В этом вопросе — да. — Даг передернул плечами, словно они болели от напряжения. — Если ты согласна, я поговорю сначала с Мари, командиром моего отряда, и послушаю, что скажет она. Потом мы с тобой подумаем еще.

— Конечно, — прошептала Фаун. «Он и в самом деле думает, что мое мнение что-то значит».

— А пока я буду благодарен, если нож будет храниться у тебя.

— Конечно.

Даг кивнул и протянул Фаун кожаный мешочек, предоставив ей взять нож и ножны, хотя то, что было завязано в вышитое полотно, спрятал вместе со своим сломанным протезом. Суставы Дага заскрипели, когда он встал и потянулся, так что Даг поморщился. Фаун снова зарылась в подушки и стала разглядывать костяное лезвие. На светлой поверхности были выжжены еле заметные строки: «Даг. Наши сердца всегда едины. Каунео».

Женщина — Страж Озера, — должно быть, за-

казала эту надпись за какое-то время до своей смерти. Фаун представила себе, как Каунео сидит в шатре, высокая и грациозная, как все женщины этого народа, которых Фаун случалось видеть, и пишет на табличке, оперев ее на то самое бедро, на котором, как она знала, если ей не повезет, будут выжжены эти самые слова. Представляла ли она себе нож, сделанный из ее кости? Представляла ли Дага, который когда-нибудь напоит его кровью своего сердца? Вот чего она не могла себе представить, подумала Фаун, это что обезумевшая от страха крестьянская девчонка начнет им размахивать по прошествии целой жизни — ее, Фаун, коротенькой жизни.

Нахмурив брови, Фаун спрятала разделяющий нож в ножны.

6

Поев, Фаун снова задремала, и Даг это одобрил. Пусть поспит: так она скорее справится с потерей крови. Даг был достаточно опытен в уходе за ранеными, чтобы по прокладкам судить о том, сколько крови Фаун потеряла; мысленно сопоставив это с тем обстоятельством, что девушка была вдвое меньше любого дозорного, которого ему приходилось выхаживать, он порадовался тому, что кровотечение явно уменьшилось.

Когда Даг вернулся в дом, проверив, все ли в порядке с гнедой кобылой, пасшейся на лугу, ограду которого Даг починил, позаимствовав часть уцелевших досок забота, Фаун уже проснулась и сидела, привалившись к стене. Осунувшееся лицо девушки было серьезно, она задумчиво теребила свои спутанные кудри.

— Нет ли у тебя расчески? — спросила она Дага.

Даг провел рукой по собственным волосам.

— Разве я выгляжу таким уж растрепанным?

Улыбка Фаун показалась ему слишком слабой; впрочем, шутка большего и не заслуживала.

— Не для тебя — для меня. Обычно я перевязы-

ваю волосы лентой, иначе получается воронье гнездо — как сейчас.

— Расческа есть в моей седельной сумке, — криво улыбнулся Даг. — По крайней мере я так думаю. Где-нибудь на дне... Я не видел ее, должно быть, с месяц.

— В это нетрудно поверить, — весело прищурилась Фаун, потом снова посерьезнела. — А почему ты не носишь такую же прическу, как остальные дозорные?

— Я много чего умею делать одной рукой, — пожал плечами Даг, — вот только заплетать волосы в косу так и не научился.

— А кто-нибудь другой не мог бы тебе помочь?

Даг поморщился.

— Ничего не получится, если рядом никого нет. К тому же мне и так часто приходится просить об одолжениях.

Фаун удивленно посмотрела на Дага.

— Разве запас одолжений сильно ограничен?

Неожиданная мысль заставила Дага заморгать.

Действительно, ограничен ли? Хороший вопрос. Даг задумался о том, перерастет ли когда-нибудь он свое страстное стремление доказывать, что он способен обходиться без посторонней помощи, несмотря на увечье.

«Со старыми привычками трудно расстаться».

— Может быть, и нет. Я поднимусь наверх, посмотрю, что удастся найти. — Обернувшись через плечо, Даг добавил: — А ты лежи.

Фаун послушно улеглась, хоть и скорчила гримасу.

Даг вернулся с деревянным гребнем, найденным за опрокинутым комодом. Гребень оказался беззубым стариком, но причесаться им было можно, как Даг продемонстрировал на собственном примере. Фаун уже снова сидела, отложив в сторону завернутый в тряпку кирпич, — еще один обнадеживающий знак.

— Вот тебе, Искорка, лови. — Даг кинул гребень Фаун и пристально взглянул на нее, когда девушка неловко вскинула руку, а гребень отлетел от ее пальцев.

Фаун, в свою очередь, посмотрела на Дага с внезапно проснувшимся любопытством.

— Почему ты крикнул мне «смотри», когда кинул мешочек с ножами?

«А девочка сообразительна!»

— Старая уловка дозорных. Так мы учим девушек — а иногда и не только, — которые утверждают, что не умеют ничего ловить. Обычно дело бывает в том, что они слишком стараются.

Рука следует за глазом, если им не мешает разум. Если я кричу «лови мяч», ничего не получается, потому что у них в головах такая картинка. Если я кричу, чтобы они считали, сколько раз мяч перевернется в воздухе, все получается прекрасно, потому что разум в этом не участвует. А мои ученики считают, что я творю с ними чудеса. — Даг ухмыльнулся, и Фаун робко улыбнулась в ответ. — Я не знал, играла ли ты со своими братьями в такие игры, поэтому решил действовать наверняка. Могло оказаться, что это наш единственный шанс.

Улыбка Фаун превратилась в гримасу.

— Единственной их игрой было бросать меня в пруд, что зимой не слишком-то приятно. — Она с сомнением посмотрела на гребень, потом осторожно начала расчесывать одну прядь.

Кудри Фаун, темные как ночь, были упругими и шелковистыми, и Даг поймал себя на мысли о том, как приятно было бы их коснуться... Вот и еще одно преимущество тех, у кого две руки. Даг вспомнил запах волос Фаун, которая прошлой ночью была совсем рядом. Пожалуй, лучше будет еще раз сходить посмотреть на лошадь...

К концу дня Фаун впервые пожаловалась на жару, и Даг и это счел хорошим знаком. Сам он

уже давно обливался потом. Соорудив на крыльце в тени мягкое гнездышко из перин, он позволил Фаун подняться, чтобы дойти до него. Девушка устроилась, прислонившись спиной к стене дома, и стала смотреть на озаренные яркими солнечными лучами окрестности. Зелень полей, более темная зелень леса казались обманчиво мирными; на дальнем конце луга паслась лошадь. От сгоревших построек дым уже не поднимался. Одежда — ее и Дага — сохла на заборе, и Фаун удивилась: когда это Даг успел все выстирать? Даг тоже уселся на крыльце, вытянув длинные ноги и откинув голову, и закрыл глаза, наслаждаясь легким ветерком.

— Не знаю, что задерживает мой отряд, — через некоторое время заметил Даг, открывая глаза и глядя на дорогу. — Не могла же Мари заблудиться в лесу. Если они скоро не появятся, придется мне самому попробовать похоронить тех несчастных собак. Они становятся здорово вонючими.

— Собак?

Даг виновато пожал плечами.

— Хозяйских собак. Я их нашел за сараем. Похоже, это единственные животные, которых не увели глиняные люди. Думаю, собаки погибли, защищая хозяев. По-моему, их нужно похоронить

достойно, может быть, в лесу, в тени деревьев. Собакам это понравилось бы.

Фаун закусила губу, не понимая, почему вдруг у нее на глазах выступили слезы, — ведь даже по собственному ребенку она не плакала.

Даг с неуверенным видом посмотрел на Фаун.

— Среди женщин моего народа потеря вроде твоей была бы личным горем матери, но она не переживала бы его в одиночестве. Рядом был бы ее мужчина, ближайшие друзья, родичи. У тебя же есть только я. Если ты, — он нервно мотнул головой, — хочешь поплакать, не думай, будто я приму это за слабость или отсутствие мужества.

Фаун с несчастным видом покачала головой.

— Должна ли я плакать?

— Не знаю. Я не знаю, как ведут себя крестьянские женщины.

— Тут дело не в том, что я с фермы. — Фаун стиснула кулачки. — Тут дело в моей глупости.

Помолчав немного, Даг нейтральным тоном сказал:

— Ты часто произносишь это слово. Хотел бы я знать, кто тебя так изводил.

— Да многие. Потому что я действительно была глупа. — Фаун опустила голову и стала смотреть на свои руки, которые теребили ткань слишком

свободного платья. — Странно, что я говорю тебе о таком. Наверное, это потому, что я раньше тебя не видела и не увижу в будущем. — В конце концов, Даг был тем мужчиной, который выносил те отвратительные кровавые сгустки... До вчерашнего дня одна мысль об этом заставила бы ее умереть со стыда. Фаун вспомнила схватку в пещере, человека-медведя, убийственное дыхание Злого. Что такое по сравнению со всем случившимся какой-то рассказ о собственной глупости?

Внимание Дага было легко вынести. Он просто слушал и не торопил. Фаун чувствовала, что может говорить так, как ей захочется. На лугу в траве жужжали насекомые, ветерок шевелил листья...

Тихим голосом Фаун начала:

— Я не собиралась заводить ребенка. Я хотела... хотела совсем другого. А потом я так испугалась и разозлилась...

Осторожно, как охотник, боящийся спугнуть дичь, Даг сказал:

— Обычаи крестьян не похожи на наши. Мне приходилось слышать очень зловещие истории... Твоя семья... они что, выгнали тебя? — Даг нахмурился, и Фаун не могла понять — почему.

Фаун отчаянно замотала головой.

— Нет. Они позаботились бы и обо мне, и о ребенке. Я никому ничего не сказала. Я убежала.

Даг изумленно посмотрел на нее.

— Убежала оттуда, где ты была в безопасности? Не понимаю.

— Ну, я же не думала, что дорога окажется такой опасной. В конце концов, та женщина из Глассфорджа одолела ее. Мне это казалось справедливым обменом — она вместо меня.

Даг надул губы и некоторое время смотрел на дорогу, прежде чем спросить:

— Тебя заставили?

— Нет! — Фаун шумно выдохнула воздух. — От этого по крайней мере я могу очистить Идиота Санни. Я хотела рассказать правду и попросила его...

Даг поднял брови; его плечи стали не такими напряженными.

— Разве среди крестьян это проблема? Мне все кажется совершенно нормальным. Женщина приглашает мужчину в свой шатер... впрочем, у вас же нет шатров.

— Да я согласилась бы на шатер... на постель... хоть на что-нибудь! Все случилось на свадьбе его сестры, мы оказались в поле позади амбара, в темноте, посреди молодой ржи, которая могла

бы быть и повыше... Я надеялась, что это будет романтично и смело... а вместо этого пришлось отмахиваться от москитов, спешить, прятаться от его пьяных дружков. Было больно, но этого я ожидала, и не так уж невыносимо больно... Я просто думала, что... что будет интереснее. Я получила то, на что напрашивалась, да только хотела я другого.

Даг задумчиво потер губы.

— И чего же ты хотела?

Фаун помолчала, размышляя. Размышления, похоже, были не тем, чем она занималась у себя дома...

— Думаю, я хотела знать... знать, что мужчина и женщина делают... разрушить стену между собой и взрослой женщиной — ведь я уже не так молода.

— И сколько же это — «не так молода»?

— Мне двадцать, — ответила Фаун с вызовом.

— А-а... — протянул Даг. Ему удалось не позволить смеху прозвучать в голосе, но его золотые глаза предательски блеснули.

Фаун могла бы обидеться, но не станешь же упрекать человека за блеск глаз, да и морщинки в уголках были такие симпатичные... Фаун махнула рукой, признавая свое поражение, и

продолжала:

— Как будто был какой-то большой секрет, который знали все, кроме меня. Я устала быть самой младшей, самой маленькой, вечным ребенком. — Она вздохнула. — Да и пьяными мы были. — После мгновения мрачного молчания Фаун добавила: — И еще он сказал, что девушка после первого раза не должна забеременеть.

Брови Дага поднялись еще выше.

— И ты поверила? Ты же деревенская девчонка!

— Я же говорю — я была глупа. Я подумала, что люди, может быть, отличаются от коров. Я думала, что Санни, должно быть, знает больше меня. Уж меньше-то он знать никак не мог. Ведь со мной никто об этом не говорил. — После короткой паузы Фаун добавила: — И еще... мне так трудно было набраться храбрости, что я не хотела останавливаться.

Даг поскреб в затылке.

— Знаешь, мои соплеменники стараются не быть грубыми в присутствии молодежи, но мы считаем обязательным объяснять и обучаться. Дело в том, что есть опасность неправильно распорядиться Даром, и нет ничего унизительнее, чем если тебя от такой ошибки спасают друзья

или, того хуже, ее родичи. — В ответ на изумленный взгляд Фаун Даг добавил: — Это похоже на транс. Вы делаетесь так увлечены друг другом, что забываете спать, есть, являться на пост... а через пару часов... или дней... потребности тела берут свое. Только это так неудобно... И к тому же небезопасно в незнакомом месте так надолго забывать обо всем, что тебя окружает.

Теперь пришла очередь Фаун сказать «А-а. ?» Она взглянула на Дага и неуверенно спросила:

— А тебе когда-нибудь приходилось?..

— Один раз. Когда я был очень молод. — Его губы дрогнули. — Мне было тогда примерно двадцать. Такому люди обычно не позволяют случиться дважды. Мы присматриваем друг за другом, чтобы первый урок никого не убил.

«Пару дней? Мне кажется, мне потребовалась пара минут». Фаун покачала головой, не зная, верить ли словам Дага. И как их понять, если уж на то пошло.

— Ну, то... то, что Санни тогда сказал... меня разозлило другое. Может, он и сам знал не больше моего. Даже беременность меня не разозлила, а только испугала. Вот я и пошла к Санни, потому что думала — он имеет право знать... Думала, что я ему нравлюсь, что он, возможно, даже любит

меня. — Даг начал что-то говорить, но последние слова Фаун остановили его; на лице его появилось растерянное выражение.

— Должно быть, такое случалось и с другими женщинами на фермах, — все-таки выговорил он. — А что в подобных случаях делают твои соплеменники?

Фаун пожала плечами.

— Обычно молодых быстренько женят. Родные с той и другой стороны собираются вместе, делают хорошую мину... ну, и все идет своим чередом. Я хочу сказать, если никто из любовников не женат или не замужем. Если кто-то уже состоит в браке, ну, тогда дело плохо. Но я думала о другом. Я решила, что раз мне хватило храбрости на одно, хватит и на другое. Только когда я рассказала Санни, все пошло не так, как я ожидала. Я, конечно, не думала, что он так уж обрадуется, но рассчитывала, что он меня поддержит. В конце концов, на что еще я могла надеяться? Но... — Фаун сделала глубокий вдох, — оказалось, что у него другие планы. Его родители обручили его с дочерью того человека, чья земля граничит с их собственной. Я говорила уже, что у семьи Санни большая ферма? И он — единственный сын, а та девушка — единственная наследница, и все было

сговорено уже несколько лет назад. Я говорю: «Что же ты не сказал мне раньше?», а он мне: «Это все знают, и с какой стати мне говорить, раз ты отдалась задаром». Я ему: «Все это прекрасно, но теперь появится ребенок, и все выйдет наружу, так что наши родители в любом случае заставят нас пожениться», а он мне: «Нет, мои не станут». Я — бесприданница, и он подговорит троих своих приятелей сказать, что они тоже валялись со мной, той ночью, — так он и выкрутится. — Последние слова Фаун проговорила очень быстро, лицо ее пылало. Фаун искоса посмотрела на Дага, который продолжал с бесстрастным лицом смотреть на дорогу, однако закусил нижнюю губу. — Вот тут я и решила: да будь я беременна хоть близнецами, я не возьму в мужья Идиота Санни. — Фаун вызывающе задрала подбородок.

— Хорошо! — к ее удивлению, воскликнул Даг, и Фаун смогла только вытаращить на него глаза. — Я вот гадал, что сделать с Идиотом Санни, — продолжал Даг, — после того, что ты рассказала. Пожалуй, лучше всего будет натянуть его шкуру на барабан. Я никогда не дубил человеческую кожу, но это, наверное, не так уж трудно? — Даг весело подмигнул Фаун.

Фаун невольно рассмеялась.

— Спасибо.

— Погоди, я же еще не освежевал его!

— Нет, я имею в виду другое: спасибо, что ты так сказал. Это ведь была шутка, верно? — Фаун вспомнила тела, усеявшие путь Дага накануне, и почувствовала некоторую неуверенность. В конце концов, он же Страж Озера... — Только не делай такого на самом деле.

— Кому-нибудь следовало бы. — Даг потер подбородок, заросший щетиной. Фаун подумала, что кожа у него, наверное, чешется; может быть, бритье — одно из тех дел, с которыми он не может справиться одной рукой? Или просто его бритва — на дне той же седельной сумы, что и расческа?

— У нас все иначе, — продолжал Даг. — Во-первых, о таких вещах мы не можем солгать: это отражается на Даре. Я не хочу, понятно, сказать, что наши люди никогда не запутываются и не страдают в остальном. — Даг нерешительно продолжал: — Я способен понять, что его семья могла предпочесть поверить в его ложь, но как насчет твоей? Из-за этого ты и убежала?

Фаун сжала губы и только пожала плечами.

— В общем-то нет. Дело было в другом. Я терпела бы унижения... до конца жизни. Я навсегда осталась бы... осталась той, кто вел себя так глупо.

А если бы в глазах семьи я стала бы еще более ничтожной, я могла и совсем исчезнуть. Не думаю, что ты это поймешь.

— Нет, — медленно сказал Даг, — не пойму... а может быть, и пойму — если думать не только о рождении ребенка, а о совместной жизни. Мне вспоминается один не такой уж юный дозорный, который однажды был готов перевернуть мир, только чтобы остаться в отряде, хоть в лагере нашлось бы сколько угодно дел для однорукого. Его мотивы тоже не были такими уж разумными.

— Хм-м... — Фаун искоса взглянула на Дага. — Я решила, что с ребенком справлюсь, раз уж так случилось. Вот справиться с Идиотом Санни и со своей семьей мне казалось не под силу.

В точности таким же равнодушным тоном, каким он расспрашивал Фаун о Санни и разбойнике-насильнике, Даг спросил:

— Члены твоей семьи... Они были к тебе жестоки?

Фаун в растерянности посмотрела на него, гадая, что он себе вообразил. Что ее били плеткой? Держали на хлебе и воде? Подобные предположения показались Фаун такими же оскорбительными для ее несчастных замученных работой родителей и доброй тетушки Нетти, как

и клевета, которой ей грозил Санни. Фаун даже подскочила от возмущения.

— Нет! — Подумав, Фаун добавила уже более тихо: — Ну, братья бывали невыносимыми... то есть когда они вообще меня замечали. — Справедливость была восстановлена, но это вернуло Фаун к печальному осознанию того, что ошибку совершила она сама. Что ж, так оно и было...

— Да, с братьями такое случается, — согласился Даг и осторожно добавил: — Значит, теперь ты могла бы вернуться домой? Раз больше нет... — Его жест был ясен — «нет ребенка», но он все же договорил вслух: — Нет ребенка?

— Наверное, — мрачно кивнула Фаун. Даг нахмурил брови.

— Погоди-ка... Ты оставила известие или просто исчезла?

— Ну... в общем-то исчезла. Я хочу сказать, записки я не оставила. Только они должны были заметить, что я кое-что взяла с собой... если, конечно, поискали.

— Разве твоя семья не пришла в отчаяние? Ведь родные могли подумать, что ты ранена или погибла. Или тебя захватили — разбойники... да кто знает — утонула, попала в капкан... Разве этот... Санни не признался бы и не помог в поисках?

Фаун с сомнением сморщила нос.

— Я не так себе это представляла. — Уж насчет Санни точно. Впрочем, теперь, избавившись от паники из-за беременности, Фаун иначе стала думать о переполохе, который ее бегство должно было вызвать в Вест-Блу, и почувствовала угрызения совести.

— Они, должно быть, искали тебя, Искорка. Я наверняка искал бы, если бы был твоим... — Даг резко оборвал себя на последнем слове — каким бы оно ни было. Он даже словно пожевал его и проглотил, неуверенный в том, каково оно на вкус.

Фаун смущенно пробормотала:

— Ну, не знаю... Может быть, если бы я теперь вернулась, Идиот Санни подумал бы, что я все выдумала. Чтобы поймать его — ради его идиотской фермы.

— Тебе так важно, что он подумал бы? По крайней мере по сравнению с тем, что думают твои родные?

Плечи Фаун поникли.

— Когда-то мне это было очень важно. Он казался мне... замечательным. Красивым... — Теперь, оглядываясь назад, Фаун считала его лицо круглым и невыразительным, а глаза тусклыми.

— Высоким... — На самом-то деле он коротышка, решила Фаун. Он был одного роста с ее братьями, это верно... только и они едва доходили бы Дагу до подбородка. — У него хороший конь. — По крайней мере так Фаун считала, пока не увидела длинноногих скакунов дозорных. Санки хвастался своим конем, заставляя его ходить боком и взбрыкивать, чтобы показать: на такого резвого коня рискнет сесть только мастер... Дозорные же ездили с таким спокойным умением, что даже не возникало мысли поинтересоваться тем, как им это удается. — Знаешь, странно. Чем дальше я от него оказываюсь, тем больше он... вроде как съеживается.

Даг спокойно улыбнулся.

— Он не съеживается. Это ты растешь, Искорка. Я видел подобное у молодых дозорных. Иногда они взрослеют очень быстро, попав в беду, когда выбор один: или обрести силу, или пойти ко дну. Потом, конечно, приходится приспосабливаться, имей в виду — как если бы ты вырос за год на восемь дюймов и вся одежда стала мала.

Пример, решила Фаун, не взялся с потолка.

— Этого-то я и хотела. Стать взрослой, стать настоящей — любой ценой.

— У тебя получилось, — задумчиво протянул

Даг. — Кружным путем.

— Да, — прошептала Фаун, и тут наконец плотину прорвало, и у нее вырвалось: — Как же это больно...

— Да, — просто сказал Даг, обнял ее за плечи и крепко прижал к себе: Фаун не плакала до сих пор, но теперь слезы хлынули потоком.

Даг смотрел на макушку Фаун — ничего другого он и не мог увидеть, поскольку, разрыдавшись, Фаун прижалась лицом к его груди. Даже теперь она старалась сдержать всхлипывания, так что ее всю трясло от усилий. Мнение Дага о том, что Дар Фаун нуждается в такой разрядке, подтвердилось; если бы ему пришлось объяснить это словами, он сказал бы, что трещины в ауре Фаун перестали казаться ему такими зловеще темными, когда ее печаль нашла выход, но Даг не был уверен, что девушка его поймет. Печаль и гнев... Ее душа пострадала сильнее, и случилось это задолго до того, как Злой уничтожил ее ребенка.

Инстинкт говорил Дагу, что надо дать Фаун выплакаться, но потом беспокойство вернулось: Фаун снова схватилась за живот, боль возвратилась.

— Ш-ш, — прошептал Даг, обнимая ее одной рукой, — не делай себе хуже. Не нагреть тебе

снова кирпич?

Фаун подняла заплаканное лицо, бледное и припухшее там, где его не украшали синяки.

— Нет, — пробормотала она, все еще цепляясь за рукав Дага. — Мне слишком жарко.

— Хорошо.

Фаун откинулась к стене, ее дыхание постепенно выровнялось, но боль не отступила.

Даг размышлял о том, было ли бегство Фаун из дома столь возмутительно жестоким в отношении ее родных, как это ему казалось, или все-таки были еще какие-то обстоятельства, о которых он не знал. Сам-то он происходил из народа, традицией которого было постоянно присматривать друг за другом — и за супружескими парами, и за членами отрядов, и за дружескими компаниями — эта сеть охватывала всех.

«Уж я-то точно стал бы тебя искать, Искорка, если бы был твоим...» Язык Дага снова запутался между двумя возможностями, каждая из которых смущала его по-своему, — «отцом» или «возлюбленным».

«Прекрати! Ты не то и не другое, старый дозорный».

Но ведь сейчас он был единственным человеком рядом с Фаун. Так что...

Даг приблизил губы к уху девушки, скрытому черными кудрями, и прошептал:

— Подумай о чем-нибудь замечательном, но бесполезном.

Фаун подняла голову и растерянно шмыгнула носом.

— Что?

— В мире полно бессмысленных вещей, и не все они горести. Я по себе знаю: иногда помогает вспомнить о какой-нибудь из глупостей другого рода. Каждый знает, что существует свет, даже если оказался в непроглядных потемках. Подумай о чем-нибудь... — он не сразу нашел слова, которые годились бы для Фаун, — о чем-нибудь, что все считают глупостью, а ты уверена, что это замечательно.

Фаун молчала так долго, что он уже начал колебаться — придумать ли другое объяснение или вовсе отказаться от этой... смешной на самом-то деле попытки, но потом пробормотала:

— Молочай.

— М-м? — Даг снова обнял Фаун за плечи, чтобы она не сочла это возражением.

— Молочай. Это просто сорняк, и мы постоянно выпалываем его в саду и огороде, но мне кажется, что цветы его пахнут лучше, чем те плетистые

розы, за которыми так ухаживает моя тетушка. Лучше, чем сирень... Никто не считает его цветы красивыми, а ведь, если присмотреться, они хороши — розовенькие звездочки. Ажурные, как листики дикой моркови. А уж запах... я им надышаться не могла. — Фаун разогнулась, забыв о боли, поглощенная воспоминанием. — Осенью у молочая вырастают стручки, сморщенные и уродливые, но если их разломить, вылетают прелестные шелковинки. В стручках живут молочайные жучки. Они не паразиты — не кусаются, ничего не едят, кроме семян молочая. У них яркие оранжевые крылышки с черной каемкой и блестящие черные лапки. Они щекочутся, когда ползают по руке... Я их держала в коробке, собирала для них семена молочая, поила с влажной тряпочки... — Губы Фаун снова сжались. — Пока один из моих братьев не опрокинул коробку, и мама заставила меня выбросить жуков. Тогда уже наступила зима.

— М-м... — Что ж, уловка сработала, но история Фаун закончилась... Тем не менее тело Фаун уже не было так напряжено, ее перестало трясти.

Неожиданно девушка сказала:

— Твоя очередь.

— А?

Фаун решительно ткнула Дага пальцем в грудь.

— Я рассказала тебе о бесполезной вещи, теперь расскажи ты.

— Что ж, это справедливо, — пришлось согласиться Дагу. — Только я не могу придумать...

Но тут его осенило. Ох... Несколько секунд он молчал.

— Я уж много лет не вспоминал об этом... Есть одно место, куда мы отправлялись — да и теперь ездим — каждое лето и осень. Это лагерь, который называется Ореховое озеро, милях в ста пятидесяти на север отсюда. Мы там собираем орехи, ягоды бузины, корни водяной лилии — основное, что идет для приготовления наших... Это одновременно и уборка урожая, и посев — мы, Стражи Озера, тоже ведь своего рода крестьяне, Искорка. В общем, много, работы в воде, но и весело тоже, если ты ребенок и любишь плавать. Может, я как-нибудь покажу... так или иначе, мне было лет восемь или девять, и меня послали на плоскодонке собирать ягоды бузины по берегу и на островах. Я уж не помню, почему в тот день я отправился один. Почва там глинистая, и вода в Ореховом озере обычно мутная и темная, но в тех протоках, где никто не бывает, удивительно

чистая.

Я мог видеть дно, ясно, как в кристалле, которые делают в Глассфордже. Водоросли колыхались и обвивали друг друга, как зеленые перья. А на поверхности плавали плоские листья лилий — не той разновидности, корни которой мы употребляем в пищу. Не посаженные специально, бесполезные, они просто росли там с незапамятных времен, когда, может быть, еще и Стражи Озера не появились. Листья были темно-зеленые, с красными краями и красными жилками, а цветы только что раскрылись и плавали на воде, как... как белые звезды, с прозрачными лепестками, похожими на стрекозиные крылышки, и словно светились от пронизывающих их отраженных водой солнечных лучей. А серединки их, усыпанные золотой пыльцой, казались цветками внутри цветков... Мне полагалось собирать ягоды, но я просто перевесился через борт и смотрел на них... должно быть, целый час. Я не мог отвести глаз от праздничного танца света и воды вокруг лилий. — Даг с трудом сглотнул. — Потом, оказавшись в каком-нибудь очень засушливом месте, мне удавалось выжить благодаря воспоминанию о том часе.

Рука Фаун робко протянулась и едва ли не бла-

говейно коснулась лица Дага. Теплый палец скользнул по мокрой полоске у него на щеке.

— Почему ты плачешь?

Даг подумал о нескольких возможных ответах: «Я не плачу», или «Я просто уловил отзвук твоего Дара», или «Должно быть, я устал больше, чем думал». Два из них были в какой-то мере правдой, но язык его сказал то, что было на самом деле:

— Потому что я забыл те лилии. — Даг коснулся губами макушки Фаун, позволив ее запаху заполнить его нос и рот. — А ты заставила меня их вспомнить.

— Тебе от этого больно?

— Пожалуй, Искорка... Только это хорошая боль.

Фаун свернулась калачиком, ее ухо все еще прижималось к груди Дага.

— Хм-м...

Запах ее волос напомнил Дагу о скошенной траве и свежеиспеченном хлебе; он мешался с ароматом ее мягкого теплого тела. Полуденная жара заставила выступить на верхней губе Фаун мелкие капельки пота, и Даг представил себе, каково это было бы: стереть их, а потом не спеша насладиться вкусом ее губ. Он неожиданно остро осознал, что держит в объятиях молодую

женщину с округлым и соблазнительным телом. Весь жар летнего дня словно сконцентрировался у него в паху.

«Если у тебя еще остались мозги, дозорный, оставь ее в покое. Ну!»

Ни время, ни место не были подходящими. И партнерша тоже. Даг позволил своему Дару слишком открыться перед Даром Фаун, а это очень опасно. Чтобы разобраться в том, чем грозит этот порыв, Дагу пришлось бы обнимать Фаун еще час, что было бы непростительной ошибкой. Совершенно непростительной. Даг глубоко вздохнул и неохотно убрал руку, обнимавшую плечи Фаун. Руке сразу стало холодно и одиноко. Фаун что-то разочарованно буркнула и выпрямилась, сонно моргая.

— Стало совсем жарко, — сказал Даг. — Лучше мне заняться собаками. — Рука Фаун скользнула по его рубашке и упала, когда он с кряхтением поднялся на ноги. — Ты тут отдохни еще. Нет, не вставай...

— Тогда принеси мне корзину с рукоделием. И твою рубашку и рукав от нее, если они уже высохли. Я не привыкла сидеть без работы в руках.

— Чинить мою рубашку — не твоя работа.

— Это не мои дом, еда, вода и постель тоже.

— Фаун откинула с глаз спутанные кудри.

— Хозяева этой фермы в долгу перед тобой за Злого. Тебе причитается и ферма, и все, что тут есть.

Фаун переплела пальцы и сурово взглянула на Дага. Тот сдался.

— Хорошо. Корзину принесу. Но только не скачи тут, пока я не вижу, слышишь?

— Кровотечение уменьшилось, — сообщила Фаун. — Может, после того первого, сильного, все быстро закончится.

— Будем надеяться. — Даг ободряюще кивнул Фаун и отправился в дом за корзиной.

Фаун посмотрела вслед Дагу, огибавшему сарай, потом склонилась над корзиной с рукоделием. Перебрав содержимое, она выбрала несколько предметов, с починкой которых могла справиться. Было неприятно нарушать порядок, заведенный другой женщиной, но Фаун рискнула взяться за самые поношенные и рваные вещи. Например, вот за это покрытое пятнами детское платьице. За работой Фаун размышляла, сколько народу жило на ферме и куда они делись. Было очень неприятно думать о том, что она, возможно, чинит одежду кого-то, кого уже нет в живых.

Примерно через час Даг вернулся. Он напра-

вился к колодцу, снял тесную позаимствованную рубашку и принялся мыться куском коричневого мыла; глядя на него, Фаун подумала о том, что работа на жаре была вонючей и неприятной. Она с трудом представляла себе, как ему удавалось одной рукой управляться с лопатой... очень медленно, конечно. Впрочем, ведро из колодца он вытащил достаточно ловко. Налив воды в поилку для лошадей, он вымылся в ней, а под конец просто сунул голову в ведро с водой и встряхнулся, как собака. Полотенца, чтобы вытереться, у него не было, но, наверное, влага давала ощущение желанной прохлады. Фаун представила себе, как вытирает Дагу спину, как проводит пальцами вдоль сильных мышц. Вот и говори о том, чтобы держать руки занятыми... Даг не возражал, когда она накануне обмывала ему руку, но это было медицинской процедурой. Фаун понравилась рука Дага — сильная, с длинными пальцами и квадратными ногтями.

Даг присел на ступеньку крыльца, взял у Фаун свою зашитую рубашку и благодарно улыбнулся. Сначала он было закатал рукава, но тут же снова опустил. Солнце уже почти касалось верхушек деревьев — там, где дорога уходила в лес. Потянувшись, Даг спросил:

— Проголодалась, Искорка? Тебе следует поесть.

— Немного. — Фаун отложила работу. — Тебе тоже следует. — Может быть, она сможет сидеть у кухонного стола и на этот раз помочь с готовкой...

Неожиданно Даг выпрямился и стал всматриваться вдаль. Кобыла в дальнем конце пастбища тоже подняла голову и насторожила уши.

Через минуту из-за деревьев показалась странная процессия. Пятеро мужчин, один верхом на крестьянской лошадке; трое других тянули за веревки упирающихся коров, а высокий паренек с палкой не давал разбежаться полудюжине блеющих овец.

— Похоже, кто-то вернулся домой, — сказал Даг. Прищурившись, он смотрел на вышедших из лесу, но больше никто оттуда не появился. — Только дозорных так и нет. Проклятие!

Не говоря больше ни слова и не спуская глаз с приближающихся мужчин, он опустил рукав на левой руке так, чтобы культя не была видна... но не правый рукав, с замиранием сердца заметила Фаун. Всякое оживление покинуло лицо Дага, остались только внимание и решительность.

7

Крестьяне заметили пару на крыльце к тому моменту, когда свернули с дороги, решила Фаун, судя по тому, что остановились и пораженно уставились на незнакомцев. Жилистый старик на лошади так там и остался, а парнишка, подчиняясь его жесту, снял несколько жердей и загнал овец и коров на пастбище; первые животные сначала упирались, но скоро принялись жадно щипать траву, и остальные присоединились к ним уже охотно. Взрослые мужчины осторожно двинулись к дому, сжимая в руках, как оружие, кто вилы, кто мотыгу, кто большой разделочный нож.

— Если эти ребята отсюда, они пережили нелегкие деньки, — сказал Даг, и Фаун не поняла — предостерегает он ее или просто делится наблюдениями. — Не дергайся и помалкивай, пока они не убедятся, что я им ничем не угрожаю.

— Как они такое могут подумать! — возмущенно фыркнула Фаун, выпрямилась, туже обернула вокруг себя слишком свободное для нее платье и сурово нахмурилась.

— Ну, всякое случалось. В прошлом иногда раз-

бойники выдавали себя за дозорных. Обычно мы предоставляем крестьянам самим разбираться с разбойниками, но таких, если поймаем, мы не щадим. Фермеры не всегда умеют отличить... Думаю, с этими мы договоримся и все будет в порядке, как только они перестанут нервничать.

Даг остался сидеть на ступеньке крыльца, хотя тоже выпрямился, когда мужчины подошли поближе. Его правая рука поднялась к виску — он то ли приветствовал прибывших, то ли просто чесал голову; в любом случае угрозы в этом жесте не было.

— Добрый вечер, — проговорил он.

Мужчины медленно приближались, явно готовые и напасть, и обратиться в бегство по малейшему поводу. Самый старший из них, коренастый здоровяк с сединой в волосах, сжимая в руках вилы, вышел вперед и бросил на Фаун растерянный взгляд. Она улыбнулась и помахала рукой.

На всякий случай решив соблюдать вежливость, здоровяк буркнул:

— Здорово. — Опершись на вилы, он продолжал более сурово: — Кто вы такие и что здесь делаете?

Даг кивнул ему и ответил:

— Я из отряда дозорных Мари Редвинг. Нас вызвали с севера пару дней назад, чтобы разделаться с вашим зловредным привидением. А это мисс Софилд. Ее вчера схватили на дороге подручные того зловредного привидения, за которым мы охотились; она при этом пострадала. Я рассчитывал найти здесь кого-нибудь, кто ей поможет, но вы все отсутствовали. Не по своей воле, как я понимаю.

Очень многие важные подробности он опустил, заметила Фаун, но решила поправить его только в одном:

— Блуфилд, — сказала она. — Меня зовут Фаун Блуфилд.

Даг оглянулся через плечо; брови его поползли вверх.

— Ах да, верно.

Фаун попыталась ободрить крестьян и мягко спросила:

— Это ваша ферма?

— Ага, — кивнул здоровяк.

— Рада, что вы вернулись. Все в порядке?

Выражение благодарности сменило уныние на лицах всех мужчин.

— Ага, — снова кивнул предводитель и шумно выдохнул воздух. — Слава богам, никого из нас

эти... эти твари не прикончили.

— Нам еще повезло, еле уцелели, — пробормотал русоволосый мужчина, судя по семейному сходству, брат или кузен здоровяка.

Более молодой мужчина с рыжими волосами и веснушками на носу обошел Дага слева и — пристально посмотрел на его пустой рукав. Даг притворился, что не заметил этого, но, как показалось Фаун, напрягся.

— Эй, — выпалил парень, — ты не тот ли Даг, которого ищут остальные дозорные, а? Они говорили, ты заметный — длинный тип с коротко остриженными волосами, золотистыми глазами и без левой кисти. — Парень еще раз оглядел сидящего на крыльце Дага и уверенно кивнул.

В голосе Дага неожиданно прозвучало облегчение:

— Вы встречались с моим отрядом? Где они? У них все в порядке? Я рассчитывал, что они найдут меня быстрее.

Рыжеволосый парень сделал кислую мину и ответил:

— Должно быть, рыщут между Глассфорджем и большой ямой в холмах, которую те спятившие ребята пытались заставить нас копать. Тебя ищут. Когда ты к сегодняшнему утру не объявил-

ся в Глассфордже, та страхолюдная тетка, похоже, решила, что ты валяешься мертвый где-нибудь в канаве. Пока мы выбирались из города, четверо дозорных по очереди сообщили мне твои приметы.

При этом описании углы губ Дага поползли вверх, так что Фаун решила, что речь шла о предводительнице его отряда, Мари. Парнишка и жилистый старик на лошади, когда скот был благополучно водворен на пастбище, подобрались поближе и теперь прислушивались к разговору.

Здоровяк опять крепче стиснул свои вилы, хотя теперь в этом жесте не было угрозы.

— Эти другие дозорные — они все твердили, что ты, видать, убил зловредное привидение. Они говорили, что иначе не может быть, раз эти чудища — они их звали глиняными людьми — разбежались вчера к вечеру.

— Более или менее, — ответил Даг, взмахом руки отметая — или скрывая — подробности. — Вы хорошо сделали, что соблюдали осторожность. В окрестностях могут еще бродить разбойники, пока их не переловит ополчение из Глассфорджа. Да и те глиняные люди, которые улизнули от моего отряда или отряда Чато, представляют опасность, пока не вымрут. Двоих я вчера прикончил, но

по крайней мере четверо скрылись в лесу. Сами они не нападут, но если их спугнуть или загнать в угол, будут огрызаться, как любое больное животное. Логово Злого — зловредного привидения — меньше чем в восьми милях к востоку отсюда. Вам повезло, что он раньше за вас не взялся.

— Вы двое выглядите так, словно за вас-то он как раз взялся, — проговорил здоровяк, хмуро взглянув на царапины и синяки Дага и Фаун, и повернулся к долговязому парнишке. — Эй, Тад, сходи-ка за мамой.

Паренек радостно закивал и припустил по дороге к лесу.

— А что тут произошло? — поинтересовался Даг.

Вопрос вызвал поток все более красочных рассказов; мужчины перебивали друг друга, поправляя или сообщая новые подробности несчастья. Два или три десятка глиняных людей выскочили из леса четыре дня назад, избили и запугали крестьян, а потом погнали их в холмы — миль на двадцать на юго-восток. Глиняные люди добились покорности очень просто: они схватили троих младших детей и пригрозили разбить им головы о древесные стволы, если кто-нибудь вздумает противиться. Эта подроб-

ность заставила Фаун охнуть, но лицо Дага стало только еще более бесстрастным, чем раньше. Крестьян в конце концов пригнали к чему-то вроде лагеря, где уже находились дюжины две других пленников. Те по большей части были жертвами разбойников, и некоторые оказались захвачены уже несколько недель назад. Там глиняные люди под неохотным руководством нескольких разбойников принялись заставлять своих рабов копать какую-то загадочную яму в земле.

— Не понимаю я, что это была за яма, — сказал здоровяк; он оказался старшим сыном старика и главой семьи Хорсфордов. Жилистый старик скоро начал проявлять сварливость и взбалмошность — черты, как решила Фаун, свойственные ему и до нападения Злого; родственники привычно, хоть и добродушно, отмахивались от его жалоб.

— Злой — зловредное привидение, — наверное, пытался устроить шахту, — задумчиво проговорил Даг. — Он очень быстро рос.

— Да, но только та яма для шахты не годилась, — возразил рыжеволосый Сасса. Он оказался зятем главы семьи и приехал на ферму в тот ужасный день, чтобы помочь привезти из лесу бревна. Он, по-видимому, не был так потрясен

случившимся, как остальные, возможно, потому, что его жена и ребенок находились в безопасности в Глассфордже и несчастье им не угрожало.

— У них и инструментов-то никаких не было, пока глиняные люди не принесли те, что украли здесь. Они заставляли бедняг, которых захватили, копать землю голыми руками и таскать ее в мешках, сделанных из одежды. Жуткая была неразбериха.

— Так сначала и бывает, пока зловредное привидение не поймает кого-нибудь, кто смыслит в деле, — сказал Даг. — Потом, когда это станет безопасно, вам нужно будет позвать настоящих горняков, чтобы те осмотрели местность. Должно быть, там залежь чего-то ценного, уж в этом-то Злой не ошибся бы. В ваших местах скорее всего окажется железо или уголь. Может, потом тут появятся кузницы или еще что.

— Я думал, не выкапывают ли они другое привидение, — сказал Сасса. — Говорят, они как раз и появляются из земли.

Даг нахмурил брови и посмотрел на Сассу более внимательно.

— Интересная мысль. Когда случается, что два привидения появляются по соседству, что, к счастью, нечасто бывает, они обычно первым делом

нападают друг на друга.

— Это вам, Стражам Озера, здорово облегчает жизнь, верно?

— Нет, к несчастью. Победивший Злой делается сильнее. Легче разделываться с ними поодиночке.

Фаун попыталась представить себе тварь более сильную и более страшную, чем та, с которой она столкнулась накануне. Когда вы уже перепуганы так, как только можете выдержать, какая разница, если чудище окажется еще ужаснее? Фаун подумала, что это, пожалуй, делает понятнее поведение Дага.

Внимание Фаун привлекло какое-то движение на дороге. Из леса показалась еще одна лошадь и тяжеловесно потопала в сторону дома. На ней сидели вдвоем женщина средних лет и долговязый подросток. Спешившись, они задержались на минуту у колодца; женщина на что-то пристально посмотрела; потом они присоединились к остальным.

Рыжеволосый Сасса, то ли более словоохотливый, то ли более наблюдательный, чем его родичи, продолжал описывать непонятный переполох, случившийся накануне в лагере рабов: внезапную панику и отчаянное бегство глиня-

ных людей, за которым, и получаса не прошло, последовало прибытие весьма взволнованных Стражей Озера. За ними спешила толпа обезумевших от тревоги друзей и родственников бедняг, захваченных в окрестностях Глассфорджа. Предоставив местным жителям заниматься друг другом, Стражи Озера занялись своими делами: истреблением всех глиняных людей, каких они только могли поймать, и поисками таинственно исчезнувшего Дага, которого они явно считали причиной всех странных событий. Даг потер свой заросший подбородок.

— Ха! Должно быть, Мари или Чато решили, что та яма и есть логово Злого. Они могли отправиться по следам, ведущим от того лагеря разбойников, что мы разгромили позавчера ночью. Тогда понятно, где они были целый день вчера... и, похоже, большую часть ночи тоже.

— Ага, — кивнул здоровяк, — народ все еще тянулся в Глассфордж — и ночью, и утром. Там были и местные, и ваши дозорные.

Фермерша стояла, слушая все это и пристально разглядывая дом, Дага и особенно Фаун. Из разговоров мужчин Фаун поняла, что это и есть та женщина, которую те называли Петти, — жена главы семьи и хозяйка дома. Легкая седина в

волосах говорила о том, что она одного возраста с мужем, но если тот был массивным, то Петти выглядела поджарой, решительной и деловитой, хоть и усталой. Выйдя вперед, она строго спросила:

— Чья это кровь в том тазу у колодца?

Даг вежливо склонил голову.

— По большей части мисс С... Блуфилд, мэм. Прости, что мы запачкали твои простыни. Я каждый раз выливал на них ведро воды, как шел мимо, и обязательно отстираю, прежде чем мы уедем.

«Мы», а не «я» — сразу же с облегчением отметила какая-то шустрая часть сознания Фаун.

— По большей части? — Фермерша, прищурившись, взглянула на Дага. — Как это она поранилась?

— Она сама должна рассказать, мэм.

На мгновение женщина задумалась, ее взгляд перебежал с лица Фаун на пустой рукав Дага.

— Ты и вправду убил зловредное привидение, которое столько всего натворило?

Даг только долю секунды помедлил, прежде чем ответить твердо, хотя и бесстрастно:

— Да, мы убили.

Фермерша втянула в себя воздух и фыркнула.

— Не вздумай тревожиться насчет стирки. Вот

еще!

Теперь пришла очередь ее семьи; она напустилась на мужчин:

— Что это вы тут стоите и болтаете, как дурачки? До темноты много чего нужно сделать! Хорс, подои-ка бедненьких коровушек, если только у них с перепугу молоко не пропало. А ты, Сасса, принеси дров, если воры не растащили всю поленницу, а если растащили, то наруби. Джей, займись-ка уборкой и почини что сможешь. Ты начни, а чего нельзя сделать без инструментов, отложи на завтра — завтра-то их привезут. Тад, помоги деду с лошадьми, а потом приберись в доме. Ну-ка за дело, пока еще светло!

Мужчины по команде Петти тут же разошлись. Фаун приподнялась и ободряюще сказала:

— Твоих припасов в подвале глиняные люди не нашли... — Но тут ее голова, казалось, опустела и болезненно запульсировала. Мир не то чтобы потемнел, но вокруг Фаун словно сгустились тени, и она почти не почувствовала резкого движения сильной руки, подхватившей ее. Даг наполовину отвел, наполовину отнес ее в дом. Когда Фаун снова смогла все видеть отчетливо, она обнаружила, что лежит на своем мягком ложе, а над ней склонились двое — озабоченная и настороженная

Петти и Даг, озабоченный и... полный нежности? Эта мысль встряхнула Фаун, и она заморгала, пытаясь вернуть себе способность ясно мыслить.

— ... Лежи, Искорка, — говорил Даг. — Покой тебе помог. — Он отвел в сторону пропитанный потом локон Фаун.

— Что с тобой случилось, девонька? — строго спросила Петти.

— Я не девонька, — пробормотала Фаун. — Мне двадцать лет.

— Ей вчера досталось от глиняных людей. — Даг, пристально смотревший на Фаун, взглядом, казалось, спрашивал ее разрешения продолжать, и Фаун согласно кивнула. — У нее случился выкидыш — на двухмесячном сроке. Было сильное кровотечение, но сейчас вроде ослабло. Жаль, что нас не нашли женщины из моего отряда. Тебе не приходилось заниматься акушерством?

— Немного. Правильно, что ты велел ей лежать, раз началось кровотечение.

— А как определить, что с ней... что с женщиной после такого все будет в порядке?

— Если кровь перестанет идти на пятый день, это хороший признак: значит, внутри все заживает. Самое большее — десять дней... Двухмесячная беременность... ну, тут как повезет. Вот когда

больше трех месяцев, тогда и вправду опасно.

— Пять дней, — повторил Даг, словно запоминая это число. — Что ж, тогда пока все в порядке. А лихорадка?.. — — Даг встряхнул головой и поднялся на ноги, потирая левую руку. Заметив, как фермерша оглядывает кухню, он с виноватым видом убрал со стола свой протез, завернул его в тряпку и положил рядом с Фаун.

— А тебе от чего досталось? — спросила Петти.

— Да так, много чего выпадало на мою долю, — уклончиво ответил Даг. — Если мой отряд не найдет нас к завтрашнему дню, я хотел бы отвезти мисс Блуфилд в Глассфордж. Мне нужно доложить... У вас найдется тележка?

Фермерша кивнула.

— Попозже будет. На ней завтра приедут девушки. — Кроме Петти, женщины и дети семейства Хорсфорд оставались в Глассфордже с женой Сассы, разбирали возвращенные вещи и дожидались, пока мужчины сообщат, что домой возвращаться безопасно.

— Потом они поедут туда еще раз?

— Может быть. Посмотрим. — Петти почесала шею, глядя вокруг с таким выражением, словно ее внимания требовала сотня вещей, а в голове у нее умещалось всего десять. Фаун подумала, что

так оно и есть.

— Чем я могу помочь, мэм? — спросил Даг. Петти посмотрела на него, словно его предложение ее удивило.

— Еще не знаю. Все тут вверх дном... Ты... ты пока подожди.

Она отправилась осматривать свой разгромленный дом.

Фаун прошептала Дагу:

— Она не будет знать покоя, пока все снова не приведет в порядок.

— Я это почувствовал. — Даг наклонился и поднял мешочек с ножами, лежавший у Фаун в изголовье. Только теперь Фаун осознала, как старательно Даг избегал смотреть на него в присутствии Петти. — Можешь ты убрать мешочек куда-нибудь с глаз долой?

Фаун кивнула, села — медленно и осторожно — и дотянулась до своего мешка, лежавшего у нее в ногах. Поверх единственного хорошего платья, в котором Фаун собиралась искать работу в Глассфордже, там лежали запасные юбка и блуза — все, что Фаун в спешке взяла с собой в ночь своего бегства. Фаун сунула мешочек на дно и затянула завязки.

Даг одобрительно и благодарно кивнул.

— Лучше не упоминать о ноже при этих ребятах. Могут выйти неприятности... даже больше, чем обычно. — Себе под нос он пробормотал: — Ах, была бы здесь Мари...

Фаун и Даг могли слышать, как Петти ходит по деревянным половицам у них над головами, иногда горестно стеная: «Ах, мои бедные окна...»

— Я заметила, что ты о многом не стал рассказывать, — сказала Фаун.

— Да. И было бы хорошо, если бы ты последовала моему примеру.

— Я ведь тебе обещала. Да мне и не хочется совсем кому-нибудь рассказывать о том ноже.

— Если тебе начнут задавать слишком много вопросов или упомянут о ножах, ты просто спроси их насчет их собственных бед. Обычно это хорошо отвлекает, да и рассказать им есть о чем.

— Ах, так вот какую уловку ты использовал! — Оглядываясь назад, Фаун оценила, как ловко Даг повернул разговор: в результате они много чего узнали о несчастьях Хорсфордов, но Хорсфорды мало что получили взамен. — Еще один трюк дозорных?

Уголок рта Дага пополз вверх.

— Более или менее.

К тому времени, когда фермерша спустилась

вниз, из сарая пришел ее сын Тад, и после некоторого раздумья женщина послала их с Дагом убирать разбитые стекла и мусор вокруг дома. Оглядев еще раз кухню, Петти спустилась в подвал и принесла оттуда несколько банок с припасами, чтобы приготовить ужин. Теперь она выглядела приободрившейся. Расставив банки на столе — Фаун почти слышала ее мысли: сколько едоков и сколько нужно еды на ужин, — Петти, нахмурив брови, повернулась к Фаун.

— Нужно уложить тебя в настоящую постель. Думаю, подойдет комната Берди, после того как Таг выметет стекло, — в остальном она не очень пострадала. — Помолчав, Петти, понизив голос, поинтересовалась: — Этот парень, дозорный, правду о тебе рассказал?

— Да, мэм, — кивнула Фаун.

На лице женщины все еще было написано подозрение.

— Ручаюсь, те царапины на лице он получил не от глиняного человека.

Фаун непонимающе посмотрела на Петти, потом сказала:

— Ах вот ты о чем... Да, это моя вина, только все вышло случайно. Я сначала приняла его за еще одного разбойника. Мы быстро разобрались,

что к чему.

— Эти Стражи Озера — странный народ. Говорят, занимаются черной магией.

Фаун приподнялась, опираясь на локоть, и с горячностью сказала:

— Если так, ты должна им быть за это благодарна. Зловредные привидения хуже. Уж я-то видела — ближе, чем тебя сейчас. Что бы дозорные ни делали, чтобы их извести, я все одобрю!

Петти явно одолевали мрачные мысли.

— Так что... это зловредное приведение тебе навредило?

— Вызвало выкидыш, хочешь ты сказать?

— Ага. Потому что девки не выкидывают просто потому, что их поколотили, или они свалились с лестницы, или еще что. Видала я таких, которые пробовали... из них просто получались мамаши в синяках.

— Да, — коротко кивнула Фаун. Или это были слишком настырные вопросы? Пожалуй, нет, решила она. Даже Даг давал кое-какие объяснения — ровно столько, сколько нужно, чтобы удовлетворить любопытство и не вызвать новых вопросов. — Он был мерзкий. Хуже даже, чем глиняные люди. Похоже, Злые убивают все, чего касаются. Ты потом сходи посмотри на его лого-

во. Лес засох на милю вокруг... Не знаю, сколько потребуется времени, чтобы он снова вырос.

— Хм-м... — Петти деловито открывала банки и нюхала содержимое — не испортилось ли. Кусочки воска она извлекала, чтобы потом растопить и использовать снова. — Те глиняные люди были хуже некуда. Накануне того дня, когда нас пригнали в лагерь, туда попала женщина с больным мальчуганом. Она стала требовать, чтобы ей позволили сходить за помощью. Уж как она молила и рыдала, чтобы их упросить... Только глиняные люди просто убили ее малыша... и съели. К тому времени, как мы попали туда, несчастная мамаша была совсем не в себе, да и остальные тоже. Даже разбойники, хоть я и не думаю, что они были в своем уме, вроде как смутились.

Фаун передернуло.

— Даг говорил, что глиняные люди едят своих пленников. Я сначала не очень-то ему верила... до тех пор, пока... — Фаун распрямила плечи. — Стражи Озера охотятся на этих тварей. Они их ищут.

— Хм-м... — снова буркнула Петти. Она хмурилась, пытаясь приготовить ужин, как обычно, и не находя посуды. В конце концов, как и Фаун раньше, она стала импровизировать. После долгого молчания она добавила: — А еще говорят,

что Стражи Озера могут заморочивать людям головы.

— Послушай, ты! — Фаун резко приподнялась и бросила на Петти сердитый взгляд. — Я уже говорила — этот дозорный спас мне жизнь. По крайней мере дважды. Нет, трижды: я истекла бы кровью в лесу, если бы он погиб в схватке. Он сражался с пятью глиняными людьми разом! И всю прошлую ночь он ухаживал за мной, когда я от боли и пошевелиться не могла, и без звука выносил кровавые тряпки... и кухню твою он убрал, и забор починил, и похоронил ваших собак в тенистом местечке в лесу... а ведь ничего этого делать он не был обязан. — «И его сердце разрывается, когда он — вспоминает о водяных лилиях». — Я видела, как этот человек с одной рукой сделал больше добра в один день, чем любой другой с двумя руками за неделю. И вообще... Если он заморочил мне голову, то изрядно потрудился для этого!

Фермерша выставила вперед руки, словно защищаясь от этой яростной атаки, и усмехнулась.

— Хватит, хватит, я сдаюсь, девонька!

— Ух... — Фаун снова вытянулась на спине. — Вот и нечего тебе твердить «говорят».

— Хм-м... — Улыбка Петти быстро погасла, но

что бы ее ни печалило, Фаун она о том говорить не стала.

Фаун смирно лежала на своем ложе, пока сумерки не заставили мужчин вернуться в дом. После этого Таду было велено унести пуховые перины, и на их месте на кухне был установлен стол на козлах. Наскоро сооруженные скамейки — доски на чурбаках — заменили отсутствующие стулья. Петти сообщила Дагу, что, по ее мнению, Фаун может без последствий посидеть за ужином. Поскольку в противном случае Петти пришлось бы отнести ей еду в постель, устроенную где-нибудь в укромном уголке, Фаун решительно поддержала эту мысль.

Ужин был обильным, хоть и простым; кухня освещалась огарками свечей и огнем очага, разожженным, несмотря на долгий и теплый летний день. Сразу после ужина все, а не только она одна, решила Фаун, отправятся в постель. В кухне было жарко, и разговор сначала был вялым и касался только практических вещей. Все устали, и умы были полны воспоминаниями о недавно перенесенных бедах. Поскольку все вынужденно ели руками, некоторая неуклюжесть Дага не бросалась в глаза, как с удовлетворением отметила Фаун. Хоть можно было ожидать, что отсутствие

протеза мешает ему, однако девушка заметила, что он старательно скрывает свое запястье под столом. Даг говорил только, чтобы побудить сидящую рядом с ним Фаун хорошенько поесть, но уж этого-то он требовал от нее неукоснительно.

— Спасибо, что помог Таду со всем этим разбитым стеклом, — сказала ему фермерша.

— Невелик труд, мэм. По крайней мере теперь вы все сможете ходить, не опасаясь пораниться.

— Я помогу тебе вставить новые стекла, Петти, — предложил Сасса, — как только все немного образуется.

Женщина бросила на зятя благодарный взгляд.

— Спасибо тебе, Сасса.

— Промасленная бумага на окнах была вполне хороша в мое время, — проворчал дедушка Хорсфорд.

На это его седовласый сын ответил только:

— Возьми еще лепешку, папаша. — Земля могла все еще принадлежать старику, по крайней мере формально, но всем было ясно, что хозяйка в доме — Петти.

Разговор — это, на взгляд Фаун, было неизбежно — скоро вернулся к недавно пережитым бедам. Даг, который казался Фаун усталым, был неразговорчив. Она заметила, как он четыре раза подряд

прибег к своему любимому трюку — ответил вопросом на вопрос. Так продолжалось до тех пор, пока Сасса, вздохнув, не заметил:

— Жаль, что твой отряд не появился на денек пораньше. Может быть, удалось бы спасти мальчишку, которого съели твари.

Даг не то чтобы поморщился... его веки просто чуть опустились, голова склонилась к плечу. Усталость на его лице сменилась полным отсутствием выражения. В кухне повисла тишина.

Фаун выпрямилась, чувствуя обиду за Дага.

— Думай получше о том, чего бы еще пожелать. Если бы отряд Дага оказался здесь до того, как я... как мы... до того, как зловредное привидение умерло и глиняные люди разбежались, было бы большое сражение. Очень многих могли убить, и того мальчика тоже.

Сасса, нахмурив брови, обернулся к Фаун.

— Да, но ведь его съели. Разве это тебе все равно? Мне-то точно не все равно.

— Так всегда делают глиняные люди, — пробормотал Даг.

Сасса растерянно взглянул на него.

— Ты к такому привык, да? — Даг пожал плечами. — Но ведь то был ребенок!

— Каждый человек чей-нибудь ребенок.

При этих словах Петти, которая устало смотрела в свою миску, подняла глаза.

Джей с подначкой заметил:

— А вот если бы они явились на пять дней раньше, на нас не напали бы. И все наши коровы, овцы и собаки были бы живы. Раз уж ты принялся желать, пожелай и такого.

С улыбкой, которая больше походила на гримасу, Даг отодвинулся от стола и кивнул Петти.

— Извините меня, мэм.

Он тихо прикрыл за собой дверь кухни, его шаги прозвучали на крыльце и стихли, растворившись в ночи.

— Что это его укусило? — поинтересовался Джей.

Петти шумно втянула воздух.

— Джей, знаешь что: временами я думаю, что твоя мамаша уронила тебя в детстве и ты ушиб головку.

Парень растерянно заморгал и пробормотал скорее изумленно, чем сердито:

— Что?

В первый раз за несколько часов Фаун ощутила озноб. Ее бледность не ускользнула от наблюдательной Петти.

— Вот что, девочка, тебе место в постели. Хорс,

помоги-ка ей.

К счастью, Хорс был гораздо молчаливее, чем его молодые родичи; а может быть, жена уже успела вправить ему мозги насчет их странных гостей. Так или иначе, он молча провел Фаун по темному дому. Ничего не видно, решила Фаун, не потому, что у нее потемнело в глазах, хотя голова у нее снова разболелась. Петти двинулась следом, вставив огарок свечи в чашку за неимением подсвечника.

В одной из пристроек оказались две тесные спаленки одна напротив другой. Хорс отвел Фаун в одну из них; там на кровати уже лежала одна из перин. От кровати уцелела только деревянная рама, но кто-то — Даг или Таг — уже успел привести в порядок веревочную сетку. Влажный летний ветер влетал в лишившиеся стекол маленькие окна. Фаун решила, что это, должно быть, спальня дочери Петти; девушки, наверное, вернутся завтра вместе с фургоном.

Как только Хорс благополучно доставил Фаун в комнату, Петти выставила его за дверь. Фаун, смущаясь, сменила прокладки, прячась под легким одеялом, в котором по случаю жары надобности не было. Петти ограничилась коротким «Давай сюда» и «А теперь ложись». Еще накануне, поду-

мала Фаун, она отдала бы что угодно, чтобы ей помогала любая женщина, только не тот чужой мужчина... Сейчас ей странным образом хотелось обратного.

— Мы с Хорсом будем в комнате напротив, — сказала Петти. — Ты можешь позвать меня, если ночью что-нибудь понадобится.

— Спасибо, — прошептала Фаун, честно стараясь испытывать — благодарность. Вряд ли ее поняли бы, если бы она попросилась обратно на подстилку на кухне. К Дагу... Куда, интересно, эти неблагодарные крестьяне поместят дозорного? В сарай? От одной этой мысли Фаун пришла в ярость.

В проходе, ведущем в пристройку, прозвучали шаги, которые Фаун научилась безошибочно различать, и в дверь коротко постучали.

— Входи, Даг, — крикнула Фаун прежде, чем Петти успела откликнуться.

Даг протиснулся в тесное помещение. На левой руке у него лежала стопка выстиранной одежды, которую Фаун раньше видела на заборе: синее платье и штанишки Фаун, собственные штаны и трусы Дага, так сильно окровавленные накануне. Под мышкой Даг нес мешок Фаун. Мешок он положил на выметенный пол в углу, накрыв его

сверху одеждой.

— Вот твои вещички, Искорка.

— Спасибо, Даг, — просто сказала Фаун. На его лице, как блик света на воде, промелькнула и тут же исчезла улыбка. Неужели никто никогда не говорит дозорным «спасибо»? Некоторые вещи начинали удивлять Фаун.

Настороженно кивнув не спускавшей с них глаз Петти, Даг подошел к постели и положил руку на лоб Фаун.

— Горячая, — сообщил он, потом коснулся лба девушки не ладонью, а запястьем. Фаун попыталась различить его пульс сквозь тонкую кожу, как раньше ловила удары его сердца, но безуспешно. — Но лихорадки нет, — тихо добавил Даг.

Он сделал шаг назад, и губы его сжались. Фаун вспомнила, как эти губы касались ее волос накануне, и почувствовала, что ничего не хочет, только бы эти губы поцеловали ее на ночь. Разве это так уж плохо? Только мрачное присутствие Петти делало подобное желание неуместным...

— Что ты увидел в лесу? — вместо «доброй ночи» сказала Фаун.

— Не свой отряд, — вздохнул Даг. — По крайней мере на милю вокруг.

— Думаешь, они все еще ищут тебя по ту сторо-

ну от Глассфорджа?

— Может быть. Похоже, собирается дождь: к западу молнии так и сверкают. Если бы мне пришлось ночевать в канаве, я не переживал бы, но мне и думать не хочется о том, что ребята прочесывают лес в темноте и сырости, опасаясь за меня, пока я уютно устроился под крышей. Думаю, мне это еще припомнят.

— Ах ты господи...

— Не тревожься, Искорка. В другой раз все окажется наоборот, и тогда придет моя очередь смотреть на вещи с юмором. — Глаза Дага блеснули, — и Фаун захотелось смеяться.

— Мы и в самом деле отправимся завтра в Глассфордж?

— Посмотрим. Во-первых, посмотрим, как ты себя будешь чувствовать утром.

— Сейчас мне гораздо лучше. Кровь... ну, как при обычных месячных.

— Принести тебе снова горячий кирпич?

— Мне кажется, он больше не нужен.

— Хорошо. Спи тогда крепко.

Фаун ответила ему робкой улыбкой.

— Постараюсь.

Даг сделал движение в сторону Фаун, но тут же попятился.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Даг. Ты тоже спи крепко.

Он в последний раз кивнул Фаун и вышел. Следом, держа огарок свечи, двинулась и Петти, решительно закрыв за собой дверь. Слабый всполох зарницы, о которых говорил Даг, осветил комнату сквозь окно. Гроза, была слишком далеко, чтобы услышать гром; снова воцарилась темнота и тишина. Фаун повернулась на бок и попыталась выполнить прощальное пожелание Дага.

— Держи, — буркнула фермерша, протягивая Дагу чашку с огарком — единственный источник света. Отодвинув Дага плечом, она повела его на кухню, освещенную последними отсветами углей в очаге. Стол и скамейки были отодвинуты к стене, немногие миски и горшки, вымытые после ужина, стояли на доске рядом с раковиной. Там же виднелось ведро воды.

Петти оглядела кухню и вздохнула.

— Пожалуй, остальным я займусь утром, — но тут же, противореча сама себе, принялась убирать оставшуюся после ужина еду: лепешек она напекла много, явно имея в виду и завтрак.

— Где ты хочешь, чтобы я улегся, мэм? — вежливо поинтересовался Даг. Ясно, что не вместе с

Фаун... Даг старался не вспоминать запах ее волос и тепло ее молодого прижавшегося к нему тела.

— Можешь взять одну из перин, которые починила девочка; расстели ее, где хочешь.

— На крыльце, пожалуй. Так я смогу увидеть своих ребят, если они объявятся ночью, и не перебудить всех в доме. А если начнется дождь, перетащу перину в кухню.

— Вот и ладненько, — кивнула Пегги.

Даг выглянул в незастекленное окно, позволив своему Дару охватить окрестности. Лошади, коровы и овцы на пастбище были спокойны; одни все еще паслись, другие дремали.

— Та кобыла на самом деле не моя. Мы нашли ее рядом с логовом Злого и воспользовались, чтобы добраться сюда. Ты не знаешь, чья она может быть?

Петти покачала головой.

— Не наша, это уж точно.

— Если я поеду на ней в Глассфордж, здорово будет, если меня схватят за воровство, прежде чем я смогу объяснить...

— Я думала, вы, дозорные, требуете плату за убийство зловредного привидения. Можешь потребовать кобылу.

Даг пожал плечами.

— У меня уже есть конь. По крайней мере я на это надеюсь. Если никто не потребует кобылу, я думал, она достанется мисс Блуфилд. Лошадка покладистая, бегает не тряско. Кстати, поэтому я и подумал, что она принадлежала не разбойникам — а если и принадлежала, то недолго.

Петти помолчала, глядя на лепешки.

— Славная она девочка, эта мисс Блуфилд.

— Да.

— Интересно, как это она вляпалась в такую беду.

— Об этом не мне рассказывать, мэм.

— Ага, я заметила.

Что заметила? Что он не болтун?

— Несчастья случаются и с совсем юными, — продолжала Петти. — Двадцать ей, подумать только!

— Так она говорит.

— Ну тебе-то не двадцать. — Фермерша встала на колени перед очагом и стала сгребать угли.

— Не двадцать, и уже давно.

— Ты мог бы взять ту кобылу и отправиться к своим, раз уж ты о них так беспокоишься. С девочкой ничего не случится. Я не выгоню, ее, пока она не поправится.

Еще вчера Даг именно так и думал сделать.

Только вчера — это было так давно...

— Очень любезно с твоей стороны это предложить. Но я обещал доставить ее в Глассфордж, куда она и направлялась. И еще я хочу, чтобы ее осмотрела Мари — она сумеет определить, все ли у Фаун зажило.

— Ага, я так и знала, что ты это скажешь. Я же не слепая. — Петти вздохнула, поднялась на ноги и повернулась к Дагу, скрестив руки на груди. — А что потом?

— Прошу прощения?

— Да ты хоть знаешь, что с ней делаешь? Стоишь тут, весь из себя благородный... Нет, похоже, не знаешь.

Настороженность Дага сменилась растерянностью. Он, конечно, давно уже заметил, что эта крестьянка сообразительна и наблюдательна; чего он не мог понять, так это ее тревоги.

— Я хочу ей только добра.

— Ясное дело. — Она еще больше нахмурилась. — Только вот был у меня племянник...

Даг слегка склонил голову, приготовившись слушать, хотя, кроме некоторого любопытства, испытывал совсем не магическое предчувствие, что, о чем бы ни хотела рассказать ему Петти, слушать это ему не захочется.

— Славный парень, и красавчик к тому же, — продолжала Петти. — Он нашел работу конюхом на постоялом дворе в Глассфордже, где ваши отряды всегда останавливаются, когда оказываются в здешних краях. Там он и увидел эту вашу дозорную. Молоденькую, хорошенькую. Очень милую. И к нему она была расположена — так он решил.

— Командиры отрядов стараются такого не допустить.

— Да знаю я... Жаль только, что ничего у них не выходит. Вот мой племянник и влюбился без памяти. Потом целый год ждал, когда ее отряд снова объявится. Ну он и объявился. И девица снова была с парнем очень мила.

Даг ждал продолжения, чувствуя себя неловко.

— На третий год отряд опять прибыл, но девушки в нем не было. Вроде как она была только в гостях, а потом вернулась к своим — куда-то на запад.

— Обычное дело — так обучают молодых дозорных. Мы посылаем их в другие лагеря на год, а то и больше. Они узнают разные обычаи, заводят друзей; если когда-нибудь придется объединить силы, будет лучше, если дозорные сумеют не потеряться на чужой территории. А те, кого готовят в предводители, посещают все семь лагерей. О

таких говорят, что они обошли озеро.

Петти пристально посмотрела на Дага.

— А тебе случалось обходить озеро?

— Дважды, — признал Даг.

— Хм-м... — Петти покачала головой и продолжала: — Племяннику втемяшилось, что он отправится следом за своей милой и поступит к вам, Стражам Озера, в отряд.

— Ах, — вздохнул Даг, — у него ничего не вышло бы. Тут дело не в гордости или недоброжелательстве — понимаешь, у нас имеются приемы, которыми мы не делимся.

— Ты хочешь сказать, что дело не только в гордости и недоброжелательстве, мне кажется, — сказала женщина невыразительным голосом.

Даг пожал плечами.

«Не мое это дело. Не вмешивайся, старый дозорный».

— Он таки нашел ее... только, как ты и говоришь, Стражи Озера его не приняли. Через полгода он вернулся, поджав хвост. Унылый и мрачный. На других девушек и смотреть не хотел. Начал пить. Вышло вроде так, что раз ему нельзя любить вашу девицу, он полюбит смерть.

— Такое случается не только с крестьянами, мэм, — холодно сказал Даг.

Петти бросила на него острый взгляд.

— Это уж как получится. После того парень так и не оклемался. В конце концов нанялся в плотовщики на реке Грейс. Через пару сезонов до нас дошла весть, что он свалился в воду и утонул. Не думаю, что по собственной воле — говорили, он был пьян, ночью пошел помочиться и свалился. Простая неосторожность, только с другими такого не случается.

Может быть, и с ним самим такая же беда, подумал Даг: он никогда не был достаточно осторожен. Будь Дагу двадцать, а не тридцать пять, когда его поглотила тьма, все могло обернуться иначе...

— Мы никогда ничего не слышали о той девушке из отряда. Для нее он был просто забавой, по-моему. А она для него — всем на свете...

Даг промолчал.

Петти втянула воздух и продолжала:

— Так что если ты думаешь, что это очень забавно — позволить девчонке в тебя влюбиться, говорю тебе, ничем забавным это не кончится. Не знаю, как для тебя, а для нее будущего не будет. Об этом позаботятся твои ребята, если даже родичи девушки не почешутся. Мы-то с тобой оба это знаем — а вот она нет.

— Мэм, тебе мерещится. — Только мерещится совершенно правильно, хоть ей и ничего не известно о ноже, накрепко связавшем их с Фаун — по крайней мере в настоящий момент. Не объяснять же случившееся этой измотанной нервной женщине...

— Я вижу то, что вижу, спасибочки. И не первый раз.

— Мы знакомы-то всего один день.

— Ах вот как? Что же тогда будет через неделю? Похоже, разгорится пожар, — фыркнула Петти. — Я знаю одно: когда люди отдают сердца таким, как ты, их ждет смерть. Или они мечтают о том, чтобы умереть.

Даг с усилием разжал стиснутые зубы и коротко кивнул Петти.

— Мэм... в конце концов все умирают... или мечтают о том, чтобы умереть.

Петти только покачала головой, поджав губы.

— Доброй ночи. — Даг коснулся рукой лба и отправился за своей периной. Если Искорка будет в силах завтра отправиться в дорогу, решил он, им лучше как можно скорее убираться отсюда.

8

К разочарованию Дага, никто из дозорных ночью так и не появился — ни до, ни после того, как дождь загнал его под крышу. С Фаун он не виделся, пока все не собрались за завтраком. Оба они снова оделись в собственную одежду, высохшую и почти незапятнанную. В поношенном синем платье Фаун выглядела бы вполне здоровой, если бы не сохранявшаяся бледность. Даг оттянул ей веко и взглянул на ногти; они были не такими розовыми, как им полагалось бы. Кроме того, у девушки все еще темнело в глазах, стоило ей резко подняться. Впрочем, положив руку на лоб Фаун, Даг не обнаружил жара. Это было хорошо.

Даг как раз уговаривал Фаун съесть побольше лепешек и выпить молока, когда в кухню ворвался мальчишка Таг, вытаращив глаза и ловя ртом воздух.

— Ма! Папа! Дядя Сасса! Там на пастбище этот — глиняный человек! За овцами гоняется!

Даг устало вздохнул; трое крестьян, сидевших за столом, в панике вскочили на ноги и кинулись искать свои вилы и топоры. Даг проверил, легко ли вынимается из ножен его боевой нож, и вы-

шел на крыльцо. Фаун и Петти последовали за ним, с опаской выглядывая из-за его плеча. Петти сжимала в руке большой кухонный нож.

В дальнем конце пастбища голая человеческая фигура навалилась на блеющую овцу, зарывшись лицом в шерсть на шее животного. Овца дернулась и сбросила тварь. Существо неуклюже покатилось по земле — его руки, словно онемевшие, не могли служить опорой; все же ему удалось подняться и, встряхнувшись, наполовину поскакать, наполовину поползти к намеченной жертве. Остальные овцы испуганно отбежали на несколько ярдов, потом повернулись и уставились на глиняного человека.

— Гоняется? — пробормотал Даг. — Я бы сказал, что овцы просто растерялись. Должно быть, этот глиняный человек был сделан из собаки или волка. Видите? Он не может пользоваться руками, как человек, но не может и по-волчьи схватить овцу челюстями. Он пытается перегрызть горло этой глупой овце, но только забивает себе горло шерстью. Эх...

Даг с отвращением и жалостью покачал головой, спустился с крыльца и двинулся к пастбищу; Петти охнула, а Фаун еле сдержала испуганный крик.

Даг пробежал несколько ярдов по дороге, чтобы оказаться между глиняным человеком и лесом, потом ухватился за забор, подтянулся и перепрыгнул на пастбище. Потянувшись, чтобы вернуть подвижность плечам и правой руке, он вытащил нож. Утренний воздух был влажен, серое небо еще только начинало розоветь над верхушками деревьев. Трава, мокрая после ночного дождя, блестела каплями росы, а почва хлюпала под сапогами Дага. Он обошел несколько коровьих лепешек, подбираясь к глиняному человеку. Название вполне соответствовало его виду — существо было грязным, измазанным в навозе, вонючим, со спутанными волосами, падающими на лицо. Плоть твари уже начала утрачивать черты человеческого тела, кожа стала пятнистой и желтоватой. Тварь оскалилась, зарычала на Дага и в нерешительности замерла на месте.

«Ну же, прыгни на меня, ты, неуклюжий несчастный кошмар. Не заставляй меня за тобой гоняться!»

— Поди ко мне, — проворковал Даг, наклоняясь и пряча нож за спину. — Давай кончать. Я выпущу тебя на свободу, обещаю.

Тварь переступила и припала к земле; Даг напряг мышцы, готовясь к нападению. Он чуть не

промахнулся: глиняный человек споткнулся и неловко взмахнул руками, безуспешно пытаясь своими человеческими челюстями вцепиться в горло Дагу. Отбив левой рукой конечность с черными когтями, Даг развернулся и нанес сильный удар.

Ему пришлось отпрыгнуть, чтобы спасти свою свежевыстиранную одежду: из шеи твари ударила струя горячей крови. Глиняный человек, издав бессловесный вой, протащился еще немного вперед и упал в грязь. Даг осторожно обошел его кругом, но добивать глиняного человека не потребовалось: тело существа дернулось и затихло, полуоткрытые глаза остекленели. Клок грязной овечьей шерсти, прилипший к губам, перестал колыхаться.

«Отсутствующие боги, что за отвратительной уборкой мне приходится заниматься!»

Впрочем, на этот раз он сделал работу ловко. Даг вытер нож о траву и подумал, что нужно будет попросить у фермерши еще и сухую тряпку, чтобы привести оружие в порядок.

Обернувшись, Даг увидел крестьян, сбившихся в перепуганную группу. Стискивая свои орудия, они глазели на него, разинув рты. Тад выскочил было из-за ограды, чтобы посмотреть на тело гли-

няного человека, но тут же был пойман отцом.

— Я ж велел тебе держаться подальше!

— Да он мертвый, папа! — Тад извивался, пытаясь освободиться, и с восхищением смотрел на Дага. — Как он его! Просто подошел и прикончил, и вся недолга!

Ах... Те глиняные люди, с которыми имели дело крестьяне, были связаны волей своего создателя, умного и безжалостного. Ничего похожего на этого брошенного, больного, растерянного зверя, замурованного в чуждом неуклюжем теле... Даг совершенно не чувствовал потребности исправлять ошибочные представления крестьян о своем подвиге.

«Как бы то ни было, безопаснее, чтобы они опасались глиняных людей».

Губы Дага дрогнули в мрачном веселье, но он только сказал:

— Это моя работа. Ну а вы можете его закопать.

Крестьяне собрались вокруг тела, тыкая в него рукоятками вил с почтительного расстояния. Даг прошел мимо них и, не оглядываясь, двинулся прочь.

Большая часть животных на пастбище сгрудилась в дальнем его конце, подальше от страшного пришельца. Гнедая кобыла подняла голову и ста-

ла принюхиваться к Дагу. Даг остановился, вытер нож о теплый бок животного, сунул его в ножны и почесал кобыле нос, отчего та развесила уши, оттопырила губу и довольно вздохнула. В памяти Дага всплыло саркастическое, предложение фермерши: взять кобылу и убираться прочь.

«Соблазнительная идея... Да. Но не в одиночестве».

Даг перелез через забор, пересек двор и поднялся на крыльцо. Фаун смотрела на него почти так же восторженно, как Таг, только с большим пониманием. Петти стояла скрестив руки на груди, явно разрываясь между благодарностью и неприязнью.

Даг внезапно почувствовал, что смертельно устал от подозрительных чужаков. Ему не хватало его отряда со всеми его волнениями и тревогами, но и с привычным товариществом.

— Эй, Искорка, я собирался дождаться фургона и отвезти тебя в Глассфордж, так чтобы ты по дороге могла лежать, но вот о чем подумал. Мы можем вернуться той дорогой, какой прибыли сюда: тебе это не будет особенно тяжело.

Лицо Фаун осветилось радостью.

— Так будет лучше, мне кажется. Дорога такая, что в фургоне все кости из тебя вытряхнет.

— Даже если ехать медленно и осторожно, мы сможем добраться до города часа за три. Как ты думаешь, ты не слишком устанешь?

— Сразу и поедем? Я соберу свой мешок. На это и минуты не требуется! — Фаун торопливо направилась в дом.

— Сунь в него и мой протез, ладно? «Вместе с теми... другими вещами».

Протез, мешочек с ножом, узелок с обломками и мечтами... Все остальное — одежда, в которой он прибыл, на нем, то, что было одолжено, возвращено...

Фаун помедлила, моргая и надув губы — должно быть, мысленно составляя тот же список, — потом закивала.

— Хорошо.

— Не прыгай и не спеши. Будь осторожна! — крикнул Даг ей вслед. Из-за двери кухни до него донесся ее ответный смех.

Обернувшись, Даг обнаружил выразительно глядящую на него Петти. Подняв брови, Даг ответил ей таким же пристальным взглядом.

Женщина вздохнула и пожала плечами.

— Не мое это дело, надо полагать.

Даг сдержался и только кивнул вместо вертевшегося на языке грубого ответа. Повернувшись,

он отправился за кобылой.

К тому времени, когда он вернулся, снова привязав веревку в качестве поводьев и нашептывая в ухо лошади обещания овса и уютного стойла в Глассфордже, Фаун уже стояла на крыльце, закинув за плечо мешок, и осыпала Петти «досвиданьями» и «спасибами». Искреннее тепло в ее голосе вызвало у женщины невольную ответную улыбку.

— Ты уж будь осторожна, береги себя, девонька, — напутствовала Фаун фермерша.

— Даг за мной присмотрит, — весело заверила ее девушка.

— Ну да, — запнувшись, вздохнула Петти. Интересно, что она хотела сказать и не сказала, подумал Даг. — Уж это факт.

Со ступеньки крыльца Даг ловко вскочил на неоседланную кобылу. К счастью, спина у нее была широкая, без выступающего костлявого хребта, так что сидеть на ней было удобно, как на подушке: можно было не просить у хозяев фермы ни седла, ни попоны. Даг подставил правую ногу как стремя для Фаун, и девушка, как и раньше, уселась перед ним. Расправив юбку, она обхватила правой рукой Дага. К удивлению дозорного, Петти подошла и сунула в руки Фаун завернутый

в полотно сверток.

— Это всего лишь лепешка с вареньем. Подкрепитесь по дороге.

Даг поднял руку в благодарственном жесте.

— Спасибо, мэм. Спасибо за все. — Его рука нашла веревку-повод.

— И вам спасибо, — сухо кивнула Петти. Потом она добавила: — Ты все же подумай о том, что я тебе говорила, дозорный. Вообще думай...

На это можно было или ничего не ответить, или пуститься в долгий спор; Даг предусмотрительно решил в пользу первого, помог Фаун сунуть сверток в мешок, еще раз кивнул и повернул лошадь в сторону леса. В последний раз он напряг свой Дар, обследуя окрестности, но так и не обнаружил никого из своего отряда на милю вокруг... и ни одного несчастного умирающего глиняного человека тоже.

Копыта гнедой кобылы продирались сквозь заросли жилистого цикория, цветы которою походили на упавшие на землю кусочки синего неба, и кивающих головками ромашек. Мужчины с фермы тащили в лес труп глиняного человека — и помахали Дагу и Фаун, когда те проезжали мимо ограды пастбища. Сасса подбежал к дорожке, — чтобы сказать:

— Уже отправляетесь в Глассфордж? Я тоже скоро туда двинусь. Если встретите наших, скажите им, что у нас все в порядке. В городе увидимся?

Фаун ответила «Конечно», а Даг — «Может быть». Потом он добавил:

— Если здесь появится кто-то из отряда, не передадите ли, что с нами тоже все в порядке и я буду ждать их в городе?

— Ясное дело! — весело пообещал Сасса.

Потом тропа нырнула в лес, и ферма и все ее обитатели остались позади. Даг вздохнул с облегчением; их окружало спокойное летнее утро, тишину нарушали только удары копыт кобылы, звонкое пение малиновки и журчание оживившегося после дождя ручья. Полосатый бурундук промелькнул на тропе впереди и зашуршал травой где-то в чаще.

Фаун удобно устроилась, положив голову на грудь Дата, и начала дремать, убаюканная мерным шагом лошади. Даг счел это проявлением слабости от потери крови. Перед отъездом она слишком суетилась; Даг знал, что пострадавшие молоденькие дозорные тоже имеют обыкновение переоценивать свои силы, так что нерасчетливая шустрость может смениться обмороком. Он только надеялся, что молодость позволит Фаун быстро

поправиться. Ее тело было мягким и теплым в его объятиях. Ехать на кобыле было, безусловно, удобнее, чем трястись в фургоне по лесной дороге, и Даг вовсе не собирался нарушать покой Фаун, пустив лошадь рысью. Во влажной лесной тени появились москиты, и Даг прибег к помощи Дара, чтобы отогнать их от белой кожи Фаун.

Запах ее волос, колыхание грудей при дыхании, тяжесть бедер возбудили Дага, но возбуждение не могло пересилить ощущения светлого покоя и лестной доверчивости, которое он ловил в Даре девушки. В Фаун не чувствовалось физического желания, но ее открытость, полное принятие его близости делали его странно счастливым, словно тепло от костра. Глубокий алый отсвет внутренних повреждений Фаун все еще был заметен в ее Даре, так же как и лиловые тени синяков на теле, но острые всполохи боли почти исчезли.

Фаун не могла почувствовать его Дара и не подозревала о его обследовании. Женщина из Стражей Озера ощутила бы его пристальное внимание и смогла бы так же глубоко заглянуть в него, если бы он не закрылся, предпочтя слепоту и уединение. Чувствуя себя виноватым, Даг позволил своему внутреннему чувству исследовать Фаун, хоть оправдания необходимостью и не

было — ведь разоблачить его девушка не могла.

Это было немного похоже на любование водяными лилиями или скорее на наслаждение запахом обеда, который ему не суждено отведать. Неужели возможно не есть так долго, чтобы забыть вкус пищи, чтобы чувство голода перегорело и превратилось в пепел? Похоже, так оно и было. И удовольствие, и боль были секретом, глубоко скрытым в его сердце. Дагу неожиданно вспомнилась земля там, где природа заживляет рану, нанесенную Злым: грязь, еле проросшая сорняками, непривлекательная, но полная надежды. Пустошь была немой и серой, бесчувственной. Не вызывает ли возвращение зелени боли? Странная мысль...

Фаун пошевелилась, открыла глаза и стала смотреть на деревья. Здесь по большей части росли буки, вязы, дубы, перемежавшиеся иногда высокими тополями, а на открытых местах у ручья — кизил и иудино дерево, давно уже отцветшие. Лучи солнца ласкали листья на верхних ветках, вспыхивая на не высохших еще каплях дождя.

— Как ты собираешься искать свой отряд в Глассфордже? — спросила Фаун.

— Есть один постоялый двор, где мы всегда

останавливаемся; там располагается наш штаб, когда мы оказываемся в здешних краях. Очень приятно бывает ночевать там после ночлегов на голой земле. Там же мы лечим раненых. Уверен, что не только мой напарник Саун пострадал в схватке с разбойниками, так что там мы кого-нибудь обязательно найдем. На постоялом дворе уже привыкли к нашим обычаям.

— Вы там надолго задержитесь?

— По-разному может получиться. Отряд Чато направлялся на юг, чтобы купить лошадей, когда стало известно о здешней беде. Мой отряд объезжал земли на северо-востоке, когда понадобилось скакать сюда. Все будет зависеть от того, сколько окажется пострадавших, я думаю.

— Ведь не Стражи Озера владеют постоялым двором? — задумчиво сказала Фаун. — Там хозяева — жители Глассфорджа, верно?

— Верно.

— А какая там, на постоялом дворе, есть работа?

Даг поднял брови.

— Служанки, овариха, прачка, конюх... да много кто там работает.

— Я могла бы тоже... Может быть, удастся получить там работу.

Даг напрягся.

— Петти не рассказывала тебе о своем племяннике?

— Племяннике? — простодушно переспросила Фаун.

«Значит, не рассказывала».

— Не важно. Муж и жена, которые держат постоялый двор, занимаются этим уже много лет. Раньше на этом месте была гостиница, принадлежавшая еще отцу теперешнего хозяина. Мари все об этом знает... Постоялый двор замечательный — трехэтажное кирпичное здание... В Глассфордже, знаешь ли, не только стекло делают, кирпичи там обжигают тоже.

Фаун кивнула.

— Я когда-то видела дома в Лампстоне — они все были выстроены из глассфорджского кирпича. Ну и работка была — везти его в такую даль!

Даг немного переменил позу.

— Во всяком случае, никакой работы для тебя, пока ты не перестанешь падать в обморок каждый раз, как встанешь. На мой взгляд, еще несколько дней — если будешь как следует есть и отдыхать.

— Наверное, — ответила Фаун с сомнением. — Только денег у меня совсем мало...

— Мой отряд позаботится о тебе, — твердо сказал Даг. — Не забудь: мы в долгу перед тобой за Злого.

«Мы в долгу перед тобой за твою жертву».

— Ну да, хорошо, но нужно же смотреть вперед, раз я теперь сама по себе. Хорошо, что я повстречала этих Хорсфордов. Славные люди. Может быть, они замолвят за меня словечко, помогут на первых порах.

Так она не собирается отправиться домой? Ни одна перспектива — ни печальное возвращение Фаун во владения Идиота Санни, ни превращение ее в служанку в Глассфордже — Дага не радовала.

— Лучше всего сначала послушать, что Мари скажет о ноже, а уж потом — строить планы.

— М-м... — Глаза Фаун погрустнели, и она умолкла.

Их снова поглотила лесная тишина; у Дага стало немного легче на душе. Пробивающийся сквозь ветви свет, чистый воздух, безлюдье, теплая спина кроткой кобылы, прижавшаяся к нему Фаун, Дар которой медленно избавлялся от накопившегося отчаяния, — все это позволяло Дагу жить настоящим моментом, который ничего от него не требовал, — как и сам Даг от него.

На мгновение он освободился от бесконечной цепи долга, безжалостно тянущей его в унылое будущее — не избранное им, а просто принятое.

— Как ты себя чувствуешь? — пробормотал Даг, уткнувшись носом в волосы Фаун. — Боль есть?

— Не больше, чем утром за завтраком. И я чувствую себя лучше, чем ночью. Все идет на лад.

— Это хорошо.

— Даг... — смущаясь, пробормотала Фаун.

— М-м?

— Что делают женщины твоего народа, если попадают в такую же беду?

Вопрос озадачил Дага.

— Какую беду?

Фаун фыркнула.

— Похоже, в последнее время на меня свалились многие. Я имела в виду — младенец и никакого мужа. Соломенное вдовство.

Даг почувствовал, как воспоминание будит в Фаун горе и вину.

— У нас обычно такого не бывает.

Фаун нахмурилась.

— Неужто молодежь у вас такая... такая добродетельная?

Даг тихо рассмеялся.

— Нет — если ты имеешь в виду, что они дер-

жат штаны застегнутыми. От молодежи больше требуются другие добродетели. Но молодость есть молодость, будь ты крестьянином или Стражем Озера. Каждый ведь переживает это трудное время — когда шаришь вокруг и выясняешь, что к чему.

— Ты говорил, что женщина просто приглашает мужчину в свой шатер.

— Если ему повезет.

— Тогда как... — Фаун окончательно смутилась и умолкла.

Даг наконец понял, о чем она его спрашивает.

— Ох... Тут снова все дело в Даре. В то время, когда женщина может зачать, в ее Даре появляется прекрасный узор. Если время и место не годятся... не годятся для ребенка, двое просто доставляют друг другу удовольствие — так, чтобы это не привело к беременности.

После этих слов Фаун долго молчала, потом наконец прошептала:

— Как?

— Что «как»?

— Как это делают... как удается? Как?

Даг с неловкостью сглотнул. Чего эта девочка может не знать? Судя по всему, очень многого, печально подумал Даг. Так с чего же начинать?

— Ну... во-первых, руками.

— Руками?

— Трогают друг друга, пока оба не получат облегчения. Еще пользуются губами, языками... другими частями тела.

Фаун заморгала.

— Облегчения?

— Трогают так же, как трогают себя, только более умело и в компании... ну и вообще получается лучше... не так одиноко.

Фаун сморщилась.

— Ах это... Парни так делают, я знаю. Наверное, то же самое с ними могут делать и девушки... и им нравится?

— Э-э... в целом да, — осторожно сообщил Даг. Этот неожиданный поворот разговора показался ему занятным, и тут же откликнулось тело. «Успокойся, дозорный». К счастью, Фаун не могла ощутить его возбуждения. — Девушкам это тоже нравится... как говорит мой опыт.

Последовало новое молчание, пока Фаун переваривала услышанное.

— Это тоже особое умение женщин твоего народа? Магия?

— Есть кое-какие уловки, которые можно делать с помощью Дара, но нет. Женщины моего

народа и крестьянки одинаково владеют такой магией. Да и вообще у крестьян тоже есть Дар, просто они не могут его почувствовать.

«Спасибо за это отсутствующим богам!» Выражение лица Фаун было теперь очень задумчивым, и Даг ощутил в ней пробудившееся — со странными запинками — желание. Дело было не только, неожиданно понял он, в препятствии, которым служили ее повреждения. Ему вспомнились давние откровения полукровки — женщины из Трипойнта; тогда он не особенно ей поверил. Женщина рассмеялась, увидев выражение его лица... «Да брось, Даг. Некоторые крестьянки просто не умеют ни себе удовольствие доставить, ни найти облегчение. Парни ведь чуть ли не спотыкаются о свое хозяйство, а у женщин оно аккуратненько спрятано внутри. Его нам бывает так же нелегко найти, как крестьянским неумехам. Ох, многие крестьянки могли бы сказать мне спасибо за то, что я показала их муженькам карту для поиска клада, хоть они и бывали шокированы, когда узнавали...» Поскольку Дагу тоже было за что ее благодарить, он и принялся выражать благодарность, выбросив из головы неуклюжесть крестьянских парней. Скоро и женщине стало не до воспоминаний... Как же давно это было...

— А как еще? — спросила Фаун.

— Прошу прощения?

— Ну, помимо рук, губ и языка...

— Просто... ну... не то чтобы... — Теперь возбуждение Дага было таково, что он испытывал серьезные неудобства. «Надо же — верхом на лошади!» Существовало много вещей, которыми не стоило заниматься верхом на лошади, даже такой покладистой, как эта. Даг невольно вспомнил о некоторых, что вовсе не облегчило его положение.

Фаун не могла чувствовать его Дара. Она ничего не поняла бы, даже сходи он с ума от вожделения, пока он не снял бы штаны. Учитывая ее недавние несчастья, лучше ей было и не понимать.

«Плохо было бы, если бы она рассмеялась... нет, если подумать, это было бы хорошо».

Плохо было бы, если бы она испугалась или испытала отвращение, приняв его за такого же олуха, как Идиот Санни или тот бедняга, которого он застрелил. Если пытка станет совсем невыносимой, он может спешиться и скрыться на некоторое время в кустах, притворившись, будто просто испытывает зов природы. Так оно и было бы в действительности...

«Прекрати! Ты сам виноват. Вот и мучайся мол-

ча. Подумай о чем-нибудь другом. Ты же умеешь управлять своим телом. Она ничего не заметит».

Фаун вздохнула, переменила позу и взглянула ему в лицо.

— У тебя глаза меняют цвет, — с интересом заметила она. — На солнце они блестят золотом, как монетки, в тени становятся карими, как заварка чая в чашке, а в темноте делаются черными, как омуты. — Запнувшись, она добавила: — Вот сейчас они совсем темные.

— М-м... — пробормотал Даг. Каждый его вздох был полон ее кружащим голову запахом... Не может же он перестать дышать!

Какое-то движение на верхушке дерева привлекло внимание их обоих.

— Смотри, краснохвостый сокол! — воскликнула Фаун. — Ну разве не красавец! — Она повернулась, провожая птицу взглядом. Четкий силуэт рисовался на небе, рыжие перья хвоста казались пылающими на фоне размытой синевы. Поворачиваясь следом за соколом, Фаун своей маленькой горячей рукой оперлась о Дага — и попала прямо в его напряженный член.

Даг дернулся так резко, что свалился с лошади.

Падение на спину вышибло воздух из легких Дага. К счастью, упавшая следом Фаун призем-

лилась на него, так что не ушиблась. Даг ощутил ее мягкую тяжесть и быстрое дыхание на своем лице. Зрачки Фаун расширились не только из-за лесного полумрака. Повернувшись и опершись на руку, Фаун пристально уставилась на губы Дага.

«Ну же, поцелуй меня!» Даг стиснул кулаки и прижал их к траве, чтобы не дать себе навалиться на Фаун, и облизнул пересохшие губы. Влага с травы и земли начала проникать сквозь его штаны и рубашку. Даг чувствовал каждый изгиб тела Фаун и каждый изъян в ее Даре. Отсутствующие боги, он был уже на полпути к тому, чтобы соединить свой Дар с ее...

— С тобой все в порядке? — выдохнула Фаун. Дага охватил ужас, сразу же пригасивший его возбуждение: падение могло повредить что-то у Фаун внутри, и тогда началось бы кровотечение, такое же, как и в первый день... Чтобы отнести ее обратно на ферму, потребуется не меньше часа, и девушка, и так уже ослабевшая, может не выжить после еще одного такого несчастья.

Фаун сползла с Дага и, тяжело дыша, неуклюже уселась на землю.

— А ты как? — в свою очередь поинтересовался Даг.

— Вроде ничего. — Фаун морщилась, но терла локоть, а не живот.

Даг сел и провел рукой по волосам.

«Дурак, дурак, разве можно так распускаться! Ты мог ее убить!»

— Что случилось? — спросила Фаун.

— Я... мне показалось, что я что-то заметил краем глаза, но это оказался всего лишь блик на стволе. Я не думал, что шарахнусь, как пугливая лошадь. — Оправдание было самым беспомощным, какое только можно придумать.

Кобыла, как оказалось, была взволнована меньше, чем каждый из всадников. Она просто отошла от них на шаг и теперь мирно паслась в нескольких ярдах от тропы, посматривая на людей с кротким удивлением. Поняв, что больше неприятностей не случится, она опустила голову и принялась щипать сорняки.

— Ну да, после появления того глиняного человека утром неудивительно, что ты нервничаешь, — мягко сказала Фаун. Она с новым беспокойством стала всматриваться в чащу, потом оперлась о плечо Дага, встала на ноги и попыталась отряхнуть грязь с рукава. Даг сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить колотящееся сердце, тоже поднялся на ноги и пошел к кобыле.

Упавший ствол в нескольких шагах от тропы послужил вполне удобной ступенькой, чтобы снова сесть верхом. Даг подвел к нему лошадь, и Фаун послушно двинулась следом. Если все начнется сначала, испугался Даг, он опозорится снова, не успев доехать до Глассфорджа.

— Сказать по правде, — солгал он, — моя левая рука несколько затекла. Как ты думаешь, не смогла бы ты некоторое время ехать позади меня, сидя боком?

— Ох, прости! Мне было так удобно, что я и не подумала, что тебе может быть тяжело! — искренне принялась извиняться Фаун.

«Ты и представить себе не можешь, как тяжело». Даг усмехнулся, стараясь скрыть свою вину и приободрить девушку; правда, у него возникло опасение, что улыбка получилась придурковатой.

Они снова влезли на лошадь. Фаун устроилась, изящно свесив ножки вбок, а теплыми руками крепко обхватив Дага. И все решительные намерения Дага растаяли в единственном желании: «Опусти руки ниже! Ниже!»

Даг стиснул зубы и ударил каблуками ни в чем не повинную кобылу, чтобы заставить ее бежать быстрее.

Фаун поерзала, чтобы усесться поудобнее, гадая: услышит ли она снова удары сердца Дага, если прижмется головой к его спине? Ей казалось, что этим утром она совсем уже поправилась, но случившееся с ними происшествие напомнило ей, насколько она еще слаба, как быстро любое напряжение заставляет ее задыхаться. Да и Даг, похоже, устал больше, чем показывает, судя по его продолжительному молчанию.

Фаун смутило то, как сильно ей захотелось его поцеловать после их совместного падения. Да еще она, должно быть, ударила его локтем в живот, а он был слишком добр, чтобы жаловаться. Он ведь даже улыбнулся ей, помогая подняться. Фаун заметила, что зубы Дага немного кривые, хотя, конечно, ничего страшного в этом не было, они оставались здоровыми и крепкими, а маленькая щербинка на одном выглядела просто очаровательно. Улыбка его была мимолетной, но насмешливо улыбался он уж и вовсе редко, что было спасительно для пострадавшего достоинства Фаун. Если бы он улыбнулся ей, пока они еще лежали на земле, вместо того чтобы посмотреть так странно — может быть, это была скрытая боль? — она поцеловала бы его и тем самым окончательно себя опозорила.

То издевательское прозвище, которым наградил ее Санни во время их спора насчет ребенка, стояло Фаун поперек горла. Одним насмешливым словом Санни каким-то образом превратил ее зарождающуюся любовь, ее боязливое любопытство, ее робкую решительность во что-то отвратительное, гадкое. Он был рад целовать и ласкать ее в темноте на пшеничном поле, называть ее своей красавицей; оскорбления начались позже. Фаун, конечно, не была уверена, но все-таки... не было ли такое обычным — чтобы мужчины презирали потом женщин, внимания которых добивались? Судя по некоторым грубым словам, которые до нее иногда долетали, возможно, так и было.

Фаун совсем не хотела, чтобы Даг ее презирал, чтобы считал ее дешевкой. Впрочем, к Дагу никак нельзя было бы применить слово «обычный».

Так что же... был ли Даг одиноким? Или везучим?

Почему-то он не казался Фаун особенно везучим...

«Откуда ты знаешь?» Только вот сердце Фаун почему-то твердило ей, что Дага она знает лучше, чем любого другого мужчину, нет, вообще любого человека, кого только ей случалось встречать.

Это чувство не выдержало бы пристального рассмотрения. Он мог быть женат, хоть и отрицал это. У него могли быть дети. Его дети могли быть почти ее ровесниками. Кто знает? Он не говорил... если подумать, он много о чем не говорил.

Просто... просто то немногое, что он о себе рассказывал, казалось Фаун ужасно важным. Как будто она умирала от жажды, и все протягивали ей только сущие корки, а Даг предложил кружку чистой холодной воды. Он был прямодушным. Она тянулась к нему, не думая о том, испытывает ли желание и заслуживает ли его. Все это так ее смущало...

Долина, по которой они ехали, расширилась, ручей затерялся в широких полях, и тропа наконец вывела на большак. Даг повернул кобылу налево. И какие бы возможности ни предоставляла поездка через глухой лес, все было кончено.

Сегодня на большаке было больше народу. По мере приближения к городу движение становилось все более оживленным. То ли избавление от угрозы разбойничьего нападения, то ли наступление ярмарочных дней вывело людей на дорогу. Скорее всего и то и другое, решила Фаун. Они с Дагом встречали упряжки тяжеловозов, везущих тяжело нагруженные кирпичом фургоны,

и нагоняли телеги, доставлявшие в город дрова, овощи, изделия ремесленников. До Фаун долетали обрывки веселых разговоров; когда рядом не оказывалось старших, девушки вовсю кокетничали с возницами. Им попались возы с сеном и даже — да, та самая телега с навозом, о встрече с которой еще недавно мечтала Фаун. Запах дыма из труб долетел до Фаун еще прежде, чем дорога свернула, и глазам путников открылся город.

Прибытие в Глассфордж было совсем не таким, как Фаун представляла себе, отправляясь в путь... что ж, по крайней мере она добралась, куда хотела. То, что она начала, уйдя из дому, пришло к концу. Фаун казалось, что она избавилась от проклятия. Глассфордж. Наконец.

9

Фаун высунулась из-за плеча Дага, едва не падая с лошади, чтобы хорошенько рассмотреть все на главной улице Глассфорджа; старые дома на ней были выстроены из камня и дерева, более новые — из кирпича. Дощатые тротуары позволяли людям не пачкать ноги в грязи проселочной дороги; впрочем, через квартал начиналась мощенная булыжником мостовая, а еще чуть подальше — кирпичная. Кирпичная — вот до чего был богат этот город! Улица повернула, следуя за изгибом реки, так что Фаун удалось лишь мельком увидеть городскую площадь, на которой раскинулся рынок. Вниз по течению реки в небо тянулись клубы дыма — должно быть, там и располагались мастерские... Даг направил кобылу в боковую улочку и кивнул на кирпичный дом слева, массивный и приземистый; гостеприимный вид ему придавал только вьющийся по стенам плющ.

— Вон наш постоялый двор. Отряды всегда останавливаются здесь — бесплатно. Так завещал отец теперешнего хозяина — лет шестьдесят назад мы уничтожили в этих краях крупного Злого. Должно быть, нагнал он на здешних жителей

страха. Вот старику и пришла хорошая мысль: теперь мы чаще объезжаем окрестности.

— Вы целых шестьдесят лет не находили здесь другого Злого?

— Ну, парочка-то попадалась, я думаю. Мы просто прикончили их такими маленькими, что крестьяне о них и не знали. Это как выдернуть сорняк, не дожидаясь, пока придется выкорчевывать дерево. Так и для нас, и для всех лучше, только труднее заставить местных жителей раскошелиться. Старик трактирщик был дальновидным человеком.

Они свернули в широкую кирпичную арку и въехали во двор между самим домом и конюшней. Мальчишка-конюх, чистивший, сидя на скамье, сбрую, поднялся и двинулся навстречу, однако руки к самодельным поводьям не протянул.

— Простите, мистер и мисс. — Поклонился конюх вежливо, но взгляд его говорил, что потрепанный вид путников, едущих вдвоем на одной лошади без седла, не внушил ему доверия. — У нас нет мест. Придется вам отправиться в другую гостиницу. — Губы его насмешливо, хоть и не без некоторого сочувствия, изогнулись. — Да и вряд ли комната в любом месте будет вам по карману.

Рука Фаун, обхватывавшая Дага, почувствовала, как дрогнули его мышцы — от гнева? Нет, ему просто стало смешно.

— Мне-то точно не по карману. На счастье, мисс Блуфилд заработала на любую комнату в любой гостинице.

На лице парня появилась растерянность — он никак не мог взять в толк, что имеет в виду Даг. Однако тут из дому вышли, хромая, двое дозорных, которых явно заинтересовал Даг.

Эти двое выглядели как истинные Стражи Озера — в аккуратных кожаных куртках, с длинными волосами, заплетенными в косы и украшенными бусинами. Лицо мужчины покрывали синяки почти такие же черные, как у Фаун, а повязка на голове лишь отчасти скрывала воспаленный шов, тянувшийся по щеке. У женщины забинтованная рука покоилась на перевязи. Оба были темноволосыми и высокими; цвет их глаз — светло-карий — почти не отличался от обычного среди окрестных жителей.

— Даг Редвинг Хикори?.. — осторожно поинтересовалась женщина.

Даг перекинул правую ногу через спину кобылы и мгновение так и сидел, свесив обе ноги на одну сторону. Еле заметно улыбнувшись, он

поднял руку к виску в приветственном жесте.

— Да. А вы из отряда Чато Лонг Холлоу?

Оба патрульных, несмотря на раны, вытянулись по стойке «смирно».

— Да, сэр, — ответил мужчина, а женщина прошипела: — Конюх, возьми лошадь у дозорного!

Парень подскочил как ужаленный и, вытаращив глаза, ухватился за веревку-повод. Даг спрыгнул на землю и повернулся, чтобы помочь спешиться Фаун.

— Эй, не вздумай прыгать, — строго сказал он, и Фаун, кивнув, соскользнула в его объятия; Даг мгновение помедлил, — прежде чем поставить ее на землю. Фаун с трудом подавила желание уткнуться головой ему в грудь и постоять так... ну, скажем, с недельку. Даг повернулся к дозорным, но левая его рука продолжала обнимать Фаун — твердая, надежная опора. — Где все? — спросил он.

Мужчина усмехнулся, но тут же сморщился от боли и прижал руку к шраму.

— По большей части в лесу — тебя ищут.

— Ах, этого я и боялся.

— Ага, — кивнула женщина, — ребята из твоего отряда клялись, что ты объявишься, приземлившись на четыре лапы, как кошка, только все

равно отправились на поиски, как следует не поев и не отдохнув. Похоже, что говорившие про кошку были правы. Тут наверху лежит парень по имени Саун, который сходит с ума от беспокойства за тебя. Каждый раз, как мы к нему заходим, он требует от нас новостей.

Даг облегченно перевел дух.

— Вы тут, как я понимаю, присматриваете за ранеными?

— Угу, — кивнул мужчина.

— Сколько у нас раненых, которые не могут передвигаться?

— Всего двое — ваш Саун и наша Рила. Она сломала ногу, когда ее сбросил конь, испугавшийся глиняного человека.

— Нехороший перелом?

— Довольно паршивый, но она справится.

— Что ж, хорошо, — кивнул Даг. Мужчина заморгал, с опозданием разглядев культю Дага, но говорить на эту тему не стал.

— Не знаю, насколько ты устал, но с твоей стороны было бы истинным милосердием первым делом пойти и успокоить Сауна. Он действительно ужасно тревожится. Думаю, он станет поправляться скорее, если увидит тебя собственными глазами.

— Конечно, — сказал Даг.

— А это... — начала женщина, взглянув на Фаун и тут же вопросительно посмотрев на Дага.

— Это мисс Блуфилд, — сказал Даг. Фаун изобразила нечто вроде книксена.

— Как поживаете?

— Но ведь она... — с сомнением начал мужчина.

— Она со мной. — Твердость, прозвучавшая в голосе Дага, отбила у дозорных желание задавать новые вопросы, и оба они, вежливо, хоть и со сдержанным любопытством кивнув Фаун, повели прибывших в дом.

Фаун смогла бросить только беглый взгляд на холл с высокой деревянной стойкой и дверями-арками, ведущими в какие-то большие комнаты; следом за дозорными она поднялась по лестнице с отполированными временем перилами, гладкими и холодными под ее робкими пальцами. Поднявшись на один пролет, их провожатые свернули в коридор с дверями по обеим сторонам и с застекленным окном в конце.

— Твой напарник сегодня уже не бредит, хоть и твердит все время, что ты вернул его с того света, — через плечо сказал мужчина-дозорный.

— Ну, мертвым он еще не был, — проворчал

Даг.

Мужчина бросил на женщину довольный взгляд.

— Я же тебе говорил!

— У него только остановилось сердце и он перестал дышать, — сообщил Даг.

Фаун растерянно заморгала и, как она с удовлетворением отметила, не она одна.

— Э-э... — Мужчина остановился перед дверью с медным номером «шесть». — Прошу прощения, сэр... Меня всегда учили, что слишком рискованно соединять свой Дар с Даром смертельно раненного, а в спешке снять боль невозможно.

— Так и есть, — пожал плечами Даг. — Я просто не стал заниматься деталями и сделал все быстро.

— А-а, — протянула женщина понимающе; Фаун так ничего и не поняла.

— А разве не было больно? — выдохнул мужчина.

Даг одарил его долгим пристальным взглядом. Фаун порадовалась, что не она оказалась его объектом, поскольку такой взгляд мог оставить от человека просто пятно на полу. Даг помедлил — и Фаун внезапно почувствовала уверенность, что эта пауза была точно рассчитана, — потом кивнул

на дверь. Женщина поспешила ее распахнуть.

Даг вошел внутрь. Если двое дозорных были почтительны раньше, то взгляд, которым они обменялись за спиной Дага, был просто испуганным. Женщина с сомнением покосилась на Фаун, но не стала пытаться вовлечь ее в разговор, когда та направилась к двери следом за Дагом.

На окне в комнате висели льняные занавески, откинутые в стороны, чтобы впустить теплый летний воздух; по обеим сторонам от окна располагались кровати с пуховыми перинами поверх соломенных матрацев. Одна кровать была не занята, хотя на полу рядом с ней лежали седельные сумки и другие вещи. Вещи лежали и рядом с другой, но на ней растянулся — конечно же — высокий молодой человек. Волосы его — в отличие от остальных дозорных — были светло-русыми и разметанными по подушке. Смятая простыня не закрывала его забинтованной груди. Молодой человек уныло смотрел в потолок, нахмурив бледный лоб. Когда при звуке шагов он повернул голову и увидел пришедших, выражение страдания на его лице сменилось радостью так быстро, словно его смыло наводнением.

— Даг! Тебе удалось! — Юноша рассмеялся, но тут же закашлялся, поморщился и застонал.

— Ох... Я знал, что так и будет!

Женщина-дозорная подняла брови, услышал такое, но снисходительно улыбнулась.

Даг подошел к кровати, усмехнулся и жизнерадостно сказал:

— Ну а я знаю, что у тебя сломано по крайней мере шесть ребер. Вот я и спрашиваю: разве сейчас время произносить речи?

— Только коротенькую, — пропыхтел молодой человек. Его рука стиснула руку Дага. — Спасибо тебе.

Даг нахмурил брови, но спорить не стал. В глазах раненого сияла такая искренняя благодарность, что Фаун сразу же прониклась к нему теплыми чувствами. Наконец-то кто-то ценил Дага по достоинству. Саун повернул голову и бросил на Фаун затуманенный взгляд. Девушка улыбнулась ему от всего сердца. Парень ответил ей улыбкой на улыбку, хоть и выглядел несколько растерянным. Даг слегка встряхнул руку Сауна и мягко спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Саун?

— Больно, только когда я смеюсь.

— Вот как? Тогда не признавайся в этом другим дозорным. — Огонек в глазах Дага был насмешливым, поняла Фаун.

Саун фыркнул и снова закашлялся.

— Ой... Чтоб тебе провалиться, Даг!

— Понял, что я имел в виду? — Более строго Даг добавил: — Мне говорили, что ты совсем не спал. Я сказал, что такое невозможно: нам же приходилось силой вытряхивать тебя из одеял по утрам. А теперь что, пуховая перина для тебя слишком мягка? Может, принести несколько камней, чтобы ты почувствовал себя как дома?

Саун прижал руки к забинтованной груди, изо всех сил сдерживая смех.

— Ладно. Все, чего я хочу, — это услышать твой рассказ. Мне говорили, — лицо юноши помрачнело от воспоминания, и он облизнул губы, — что вчера нашли твоего коня в милях от логова, потом нашли логово и твои вещи с ним рядом. Твой лук... Вот уж не думал, что ты когда-нибудь его бросишь. Еще нашли двух тухлых глиняных людей и какую-то кучу... Мари клялась, что это мертвый Злой... и кровавый след, пропадавший в лесу. Что мы должны были подумать?

— Я надеялся, что кто-нибудь подумает о том, что я нашел убежище на ближайшей ферме, — огорченно протянул Даг. — Я начинаю думать, что я не так уж интересен для вас всех.

Глаза Сауна сузились.

— Ты многого не рассказываешь, — сказал он уверенно.

— Очень многого, но сначала все должна услышать Мари. — Даг оглянулся на Фаун.

Саун принял это достаточно покорно.

— Ладно, если только потом я все узнаю.

— Когда-нибудь... — Даг помолчал, потом осторожно поинтересовался: — А нашли они тело, которое я подвесил на дереве? — Трое дозорных вытаращили на него глаза. — Похоже, еще не нашли...

— Помните, что я вам говорил? Помните? — сказал Саун тоном пророка, которому не верили. К Дагу он обратил умоляющий взгляд. — Только не тяни с новостями, ладно?

— Расскажу, как только смогу. — Даг повернулся к двоим другим дозорным. — Мари не говорила, когда вернется?

Те покачали головами.

— Она уехала на рассвете, — сказала женщина.

— Тебе сейчас что-нибудь нужно, Саун? — спросил мужчина.

— Я получил то, что было мне нужнее всего, — сказал юноша. — Ты сам-то отдохни.

— Пожалуй, я так и сделаю. — С еле слышным стоном дозорный опустился на вторую кровать,

явно свою собственную, сбросил сапоги и руками уложил на постель свою негнущуюся ногу. — Ох...

Даг на прощание проворчал:

— Спи крепко, Саун. Глядишь, и проснешься поумневшим.

Саун фыркнул и тут же охнул. Трое посетителей вышли из комнаты, и на лице Дага отразилось облегчение, как у человека, неожиданно услышавшего хорошую новость.

— Да, с ним будет все в порядке, — пробормотал он удовлетворенно.

Женщина-дозорная тихо прикрыла дверь в комнату.

— Так это и есть Саун-Ягненок? — спросила Фаун.

— Да, самый настоящий ягненочек, — ответил Даг. — Если он проживет достаточно долго, чтобы энтузиазм сменился мозгами, из него получится хороший дозорный. Пока что он дожил до двадцати лет — чистое везение. — Улыбка Дага стала чуть насмешливой. — Совсем как у тебя, Искорка.

Когда они проходили мимо одной из дверей, из-за нее донесся слабый женский голос.

— Это Рила, — торопливо пояснила женщина-

дозорная. — Вам что-нибудь еще нужно, сэр?

— Если что-нибудь потребуется, я сам найду, — махнул рукой Даг. — Я давным-давно все здесь знаю.

— Тогда, если не возражаешь, я пойду посмотрю, что ей нужно.

Когда они спускались по лестнице, Фаун услышала, как Даг бормочет себе под нос: «Перестаньте величать меня сэром, глупые вы щенки». Помедлив на последней ступеньке, Даг оглянулся, и лицо его стало озабоченным.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила его Фаун.

— Да вот о чем... Когда ходячие раненые остаются ухаживать за лежачими, это верный признак: нас стало мало. В отряде Мари шестнадцать человек, четыре четверки, а должно быть двадцать пять — пять пятерок. Интересно, сколько не хватает в отряде Чато? Ладно, — вздохнул Даг, — давай раздобудем какую-нибудь еду, Искорка.

Даг отвел Фаун в потрясшую девушку туалетную комнатку, где она наконец смогла сменить прокладки и умыться в красивом расписном тазу. Когда Фаун вышла оттуда, Даг проводил ее в одну из больших комнат первого этажа, где стояло несколько столов, окруженных скамьями

и стульями; в этот час там никого, кроме них, не оказалось. Через несколько минут служанка принесла из кухни тарелки с ветчиной, сыром, двумя разновидностями хлеба, ревеневым пирогом и клубникой; на столе появились кувшины с пивом и молоком — парным, как сообщила служанка, только что надоенным у коровы, содержащейся при постоялом дворе. Фаун мысленно добавила к своему списку возможных работ в Глассфордже занятия служанки и доярки. Под добродушным присмотром Дага она принялась за еду; Даг тоже от души налег на угощение — как с удовлетворением отметила Фаун, таким спокойным она его еще не видела.

Они как раз спорили по поводу последней ягоды клубники — каждый старался заставить другого ее съесть, — когда Даг настороженно поднял голову и выдохнул: «Ах...» Вскоре и Фаун услышала стук копыт и голоса, доносящиеся со двора. Еще через минуту хлопнула дверь и по доскам пола загрохотали обутые в сапоги ноги. В столовую ворвалась Мари в сопровождении двоих дозорных, остановилась у стола, уперев кулаки в бедра, и свирепо уставилась на Дага.

— Ах ты... — выдохнула она, и Фаун подумала, что никогда еще не слышала, чтобы два коротких

слова прозвучали так тяжело.

Даг спокойно налил в кружку пива и протянул Мари. Не сводя с него взволнованного взгляда, та одним глотком выпила пиво и прорычала:

— Ты хотел напугать меня до смерти, парень? — Кружку она опустила на стол с такой силой, что та едва не треснула. Стоящие у нее за спиной дозорные широко улыбнулись.

— Нет, — протянул Даг, наполняя кружку снова. — Думаю, это было бы для меня просто премией. Садись и отдышись, тетушка Мари.

— Я тебе не «тетушка Мари», пока я не кончила тебя отчитывать, — уже более спокойно сказала женщина. Один из дозорных по знаку Дага подвинул ей стул, и Мари села. К тому времени, когда она немного пришла в себя, выражение ее лица стало не столь свирепым; взамен на нем проступила усталость, и Даг, заметив это, нахмурился и сжал руку Мари.

— Прошу прощения за ложную тревогу. Саун сказал, что вы вчера нашли мое снаряжение. Мне было не до него, понимаешь ли.

— Ага, так мне и сказали.

— Ах, так вы в конце концов нашли ферму Хорсфордов?

— Часа два назад. Ну и историю я там услышала!

— Мари с любопытством взглянула на Фаун, потом, переведя глаза на Дага, снова нахмурилась.

— Мари, позволь представить тебе мисс Фаун Блуфилд, — сказал Даг. — Искорка, это командир моего отряда, Мари Редвинг Хикори. Мари — это ее личное имя, Редвинг — имя шатра, а Хикори — от названия лагеря, который служит нам базой.

Фаун вежливо склонила голову. Мари ответила ей небрежным кивком.

Показав на двоих дозорных, Даг продолжал:

— Это Утау и Рази, тоже из лагеря Хикори. — Дозорные дружелюбно поклонились Фаун. Утау оказался немолодым коренастым лысеющим мужчиной, с волосами, собранными на затылке в пучок, как у Мари. Рази был моложе и выше ростом и выглядел простоватым; его заплетенные в косу волосы доставали почти до талии; косу украшала красно-зеленая тесьма.

Старший дозорный, Утау, проговорил:

— Поздравляю тебя с победой над Злым, Даг. Наша молодежь тут с ума сходила, что не участвовала в своей первой охоте. Предлагаю тебе сводить их в утешение по очереди в логово и показать, как ты разделался со Злым.

Даг покачал головой, наполовину смеясь, наполовину хмурясь.

— Не думаю, что это будет так уж для них полезно.

— Насколько это было трудно? — раздраженно спросила Мари.

Все остатки веселья исчезли из глаз Дага.

— Достаточно трудно. История вкратце такова: мисс Блуфилд была захвачена на дороге той парочкой, которую я выслеживал от лагеря разбойников. Когда я догнал их у логова, мне пришлось схватиться с несколькими глиняными людьми, которые принялись разбирать меня на части. Только я заметил, что и Злой, и глиняные люди сделали ошибку: во время схватки не обращали внимания на мисс Блуфилд. Так что я бросил ей мои парные ножи, и она вонзила один в Злого. Прикончила его и спасла мне жизнь. Мир она тоже спасла, получив обычную награду.

— Она подобралась так близко к Злому? — с недоверием и изумлением спросил Рази. — Каким образом?

Вместо ответа Даг наклонился и, взглядом попросив у Фаун разрешения, осторожно отогнул ее воротник и обвел пальцем пятна на шее; Фаун с опозданием сообразила, что душившие ее огромные руки Злого оставили синяки, и она вздрогнула, несмотря на летнюю жару.

— Куда уж ближе, Рази. — Двое дозорных разинули рты. Мари откинулась на стуле и прикрыла рот рукой. Фаун стала гадать, как же выглядят синяки: она ведь уже много дней не смотрелась в зеркало. — Злой недооценил ее, — продолжал Даг. — Надеюсь, вы все не повторите его ошибки. Так что если ты хочешь повторить поздравления тому, кто их заслужил, Утау, не стесняйся.

Под холодным взглядом Дага Утау с трудом вернул своему лицу осмысленное выражение и поднес руку к виску в приветственном жесте.

— Поздравляю, мисс Блуфилд.

— Я тоже, — после момента остолбенения пробормотал Рази.

— Видишь, какие мы, дозорные, разговорчивые, — прошептал Фаун на ухо Даг, к которому вернулось насмешливое настроение.

— Я заметила, — пробормотала в ответ Фаун, и губы Дага дрогнули.

Мари потерла лоб.

— А как звучит подробный рассказ, Даг? Только не знаю, хочется ли мне его услышать...

Мрачный взгляд, которым ответил ей Даг, заставил ее сосредоточить все внимание на них с Фаун.

— Да, — сказал Даг, — тебе нужно его услышать,

и как можно скорее. Только наедине... а потом мисс Блуфилд нужно будет отдохнуть. — Он повернулся к Фаун. — Или ты хочешь отдохнуть сначала?

Фаун покачала головой.

— Лучше сначала поговорить.

Мари обхватила руками колени и потянулась.

— Ах так... хорошо. — Она, прищурившись, оглядела столовую. — В моей комнате?

— Это подойдет.

Мари поднялась на ноги.

— Утау, ты был на ногах всю ночь. Отдыхай. Рази, поешь, а потом скачи к Тейлоре Пойнт и сообщи всем, что Дага мы нашли... точнее, он явился. — Дозорные кивнули и двинулись к выходу.

— Принеси свой мешок, — шепнул Даг Фаун.

Комната Мари находилась на третьем этаже. У Фаун дрожали колени и кружилась голова, когда она одолела второй марш лестницы, и она порадовалась надежной руке Дага, поддерживавшей ее. Мари ввела их в более тесную комнатку, чем та, где лежал Саун, хотя в остальном все выглядело точно так же — даже груда грязного снаряжения и седельные сумки на полу. Даг знаком велел Фаун положить мешок на постель.

Фаун развязала завязки, и лежавшие на дне мешка ножи звякнули.

Брови Мари поползли вверх. Она взяла протез с порванными ремешками и стала рассматривать, как маленького мертвого зверька.

— Тебе досталось. Теперь я понимаю, почему ты не взял с собой лук. Рука-то у тебя уцелела?..

— Едва-едва, — ответил Даг. — Мне нужно починить эту штуковину и приделать к ней более крепкие завязки.

— На твоем месте я хорошенько подумала бы. Чего тебе не жалко в первую очередь — протеза или себя?

Даг помолчал, потом кивнул.

— Ах, пожалуй, ты права. Пожалуй, стоит сделать все так, как и было.

— Так-то лучше. — Мари положила протез обратно, взяла в руки полотняный узелок и пробежалась по нему пальцами, ощупывая содержимое. Выражение ее лица стало печальным и далеким. — Нож, пронзивший сердце Каунео, да? — Даг коротко кивнул. — Я знаю, как долго ты его берег. Этот Злой стоил того.

Даг покачал головой.

— На самом деле все они одинаковы, как я теперь думаю. — Он глубоко вздохнул и подошел к

постели, жестом предложив Фаун сесть тоже.

Она уселась, скрестив ноги, в изголовье постели, натянула на колени юбку и стала смотреть на двоих дозорных. У Мари были такие же золотые глаза, как у Дага, разве что чуть более темные, и Фаун стала гадать, действительно ли она приходится ему теткой или, как она подумала сначала, такое обращение было просто шуткой или проявлением почтения.

Мари выпустила из рук узелок.

— Ты собираешься отослать обломки, чтобы их похоронили в могиле ее дяди? Или сожжешь их здесь?

— Я еще не уверен. Пока, как и раньше, нож побудет со мной. — Даг глубоко вздохнул, глядя на другой — целый — нож. — Вот теперь и начнется длинный рассказ.

Мари уселась на кровати, скрестив руки на груди, и стала внимательно слушать; на этот раз Даг начал с нападения на разбойничий лагерь. Отчет о его действиях был кратким, но очень точным, заметила Фаун: похоже, некоторые подробности обладали особым значением, хоть она и не могла понять, что делало их такими важными. Наконец Даг дошел до той части рассказа, которая была известна Фаун по личному опыту.

— Как я понимаю, глиняный человек захватил мисс Блуфилд на дороге потому, что она была на втором месяце беременности. Из-за этого же он вернулся, чтобы найти ее на ферме.

Губы Мари беззвучно выговорили:

— Была? — Потом она прошептала: — Продолжай.

Голос Дага сделался жестким, когда он дошел до описания своего опасного нападения на пещеру Злого.

— Я совсем немного опоздал. Когда я добрался до входа, Злой уже заполучил младенца.

Мари наклонилась вперед, нахмурив брови.

— Только его одного?

— По-видимому, так.

— Ах... — Мари покачала головой и взглянула на Фаун. — Прости меня. Я так сочувствую твоей потере... Просто все это оказалось для меня новостью. Мы знали, что Злые захватывают беременных женщин, ну так они ловят всякого, кого могут поймать. Иногда потом тела женщин находились... Я не знала, что Злой не всегда отбирает оба Дара.

— Не думаю, — отстраненным тоном сказала Фаун, — что он пощадил бы меня надолго. Он как раз собирался сломать мне шею, когда я вонзила

в него тот нож, что нужно.

Мари перевела взгляд на лежащий рядом с мешком нож с синей рукоятью, потом пристально посмотрела на Дага.

— Что?

Осторожно подбирая слова, Даг объяснил, как Фаун перепутала ножи. Очень благородно с его стороны, подумала девушка, снять с нее всякую вину за это.

— Тот нож не был заряжен. Ты знаешь, для чего я его берег. — Мари кивнула. — Но теперь-то он оказался заряжен — смертью дочери мисс Блуфилд, как мне кажется. Чего я не знаю — так это не извлек ли он из Злого чего-то еще... или сработает ли он как дарящий смерть. Или... боюсь, я очень многого не знаю. Однако, с разрешения мисс Блуфилд, я хотел бы, чтобы ты тоже его осмотрела.

— Даг, я, как и ты, не мастер.

— Не мастер, но ты более... ты менее... Короче, я хотел бы услышать твое мнение.

Мари посмотрела на Фаун.

— Мисс Блуфилд, ты разрешаешь?

— Пожалуйста. Я хотела бы понять... я ведь не понимаю совсем ничего.

Мари наклонилась и взяла костяной нож. Сначала она сжала его в ладонях, потом провела

пальцем по гладкому белому лезвию и, наконец, как и Даг раньше, закрыла глаза и поднесла нож к губам. Когда Мари положила нож, губы ее долго оставались крепко стиснутыми.

— Ну... — она глубоко вздохнула, — он, несомненно, заряжен.

— Это и я определил, — сказал Даг.

— Он кажется... э-э... странно могучим и чистым. Души ведь не поселяются в ножах — ты объяснил это ей, надеюсь? — строго спросила Мари Дага.

— Да. Тут у нее нет сомнений.

— Но ножи, окропленные кровью сердец разных людей, ощущаются по-разному. Какое-то эхо сущности дарителя сохраняется, хотя все ножи как будто действуют одинаково. Может быть, дело в том, что все жизни различны, хоть смерти и одинаковы, не знаю. Я дозорная, а не мастер-сказитель. Думаю, — Мари похлопала указательным пальцем по губам, — тебе следует отвезти его к мастеру — самому опытному, какого ты сможешь найти.

— Нам вместе с мисс Блуфилд, — поправил ее Даг. — Нож — ее собственность.

— Не такое это дело, чтобы вмешивать в него кого-то из крестьян.

Даг скривился.

— Тогда чего ты хочешь? Чтобы я отобрал у нее нож? Или ты сама?..

— Объясните, пожалуйста, — резко проговорила Фаун. — Опять все разговаривают, как будто меня тут нет. Обычно я не возражаю, я к такому привыкла, — но только сейчас не тот случай.

— Покажи ей свои ножи, Мари, — предложил Даг; в голосе его, хоть он и оставался мягким, прозвучал вызов.

Мари взглянула на него, потом медленно расстегнула верхние пуговицы рубашки и достала мешочек с парными ножами — почти такой же, как у Дага, только из более мягкой кожи. Сняв с шеи ремешок, Мари отодвинула мешок и положила ножи рядом на покрывало. Ножи были почти в точности одинаковые, только чуть изогнутые рукояти имели разные цвета — на этот раз красный и коричневый.

— Это настоящая пара, — сказала Мари, ласково проведя пальцами по ножу с красной рукоятью, — обе кости от одного дарителя. Моего младшего сына. Он третий год служил в дозоре — в окрестностях Спарфорда, — и я уже думала, что самая опасная часть обучения позади... — Мари коснулась ножа с коричневой рукоятью. — Этот заряжен. Ему подарила смерть тетка моего мужа

Палаи. С крутым нравом была женщина — отсутствующие боги, мы все любили ее, хоть и старались держаться на безопасном расстоянии, — ну да такая найдется в любой семье. — Рука Мари снова легла на нож с красной рукоятью. — Этот не заряжен, он предназначен мне. На всякий случай я всегда держу его при себе.

— И что же случится, — сухо поинтересовалась Фаун, — с тем, кто попытается их у тебя отобрать?

Улыбка Мари стала мрачной.

— Я бы перещеголяла в гневе саму старуху Палаи. — Мари снова повесила мешочек с ножами на шею и кивнула на Фаун. — Только, мне кажется, тут другой случай.

— Мне все это представляется странным. — Фаун, хмурясь, посмотрела на нож с синей ручкой. — У меня нет счастливых воспоминаний, которые уравновесили бы печаль, но все равно это мои воспоминания. Я предпочла бы, чтобы они... не пропали зря.

Мари вскинула руки, неохотно сдаваясь.

— Так могу я покинуть отряд и отправиться искать мастера?

Мари поморщилась.

— Ты же знаешь, как не хватает нам людей, но

раз ты избавил Глассфордж от угрозы, отказать тебе я не могу. Да и брал ли ты когда-нибудь отпуск? Хоть когда-нибудь? Ты даже никогда не болеешь.

Даг на минуту задумался.

— Я уезжал, когда умер мой отец. Одиннадцать лет назад.

— Это было еще до моих времен. Вот что: напомни мне, когда мы будем отсюда уезжать. Если к тому времени на нас не свалится новая неприятность...

Даг кивнул.

— Мисс Блуфилд и не смогла бы еще отправиться в дорогу. Взгляни на ее веки и ногти — сразу видно, как много крови она потеряла, даже если бы у нее не дрожали колени. Правда, ее не лихорадит. Прошу тебя, Мари: я сделал все, что мог, но не осмотришь ли ее ты? — Даг коснулся рукой живота, поясняя свою мысль.

Мари вздохнула.

— Да, конечно, Даг.

Он выжидающе посмотрел на Мари; та, поморщившись, поднялась с постели, потом показала на седельные сумки в углу.

— Кстати, вон твое имущество. Тебе повезло, что конь не попытался сбросить его где-нибудь в

лесу. А теперь уходи.

— Но разве... нельзя ли мне... Я имею в виду: ты же не будешь ее раздевать.

— Это женское дело, — твердо сказала Мари. Даг неохотно двинулся к двери, прихватив свой протез и седельные сумки.

— Я позабочусь о комнате для тебя, Искорка.

Фаун благодарно улыбнулась ему.

— Правильно, — кивнула Мари. — Исчезни.

Даг закусил губу, но подчинился. Его шаги затихли вдали. Фаун постаралась не очень нервничать, оставшись наедине с Мари. Хоть старшая женщина и пугала ее, в ней чувствовалась такая же прямота, как и в Даге. Мари велела Фаун смирно сидеть на постели и провела руками вдоль ее тела, потом уселась позади девушки и на несколько секунд приникла к ней, обхватив руками ее живот. Если Мари и делала что-то с ее Даром, Фаун этого не чувствовала. Интересно, не так ли чувствуют себя глухие среди людей с нормальным слухом? Когда Мари выпустила Фаун, на лице ее были написаны озабоченность и доброта.

— Все обойдется, — сказала она. — Ясно, что произошло нечто неестественное, поэтому и началось такое внезапное кровотечение, но ты

поправляешься быстро, насколько это возможно при таком истощении, и воспаления матки нет. Горячка убивает женщин чаще, чем кровотечение, хоть она начинается и не так заметно. Повреждения у тебя внутри будут заживать медленнее из-за того, что они — дело рук Злого, как и синяки на шее, но это не помешает тебе иметь других детей, так что будь осторожнее в будущем, мисс Блуфилд.

— Ох... — Фаун с раскаянием призналась себе, что даже и не задумывалась о том, сможет ли рожать в будущем. — Женщины становятся бесплодными после выкидыша?

— Иногда. Или после неудачных родов. Там внутри такие деликатные штучки. Меня вообще поражает, как весь этот механизм работает, — столько всего может пойти не так, как следует.

Фаун кивнула и протянула руку, чтобы убрать нож с синей рукоятью, все еще лежавший на мешке поверх ее одежды.

— И кто же, — спросила Мари подчеркнуто равнодушно, — второй хозяин заряженного ножа — какой-нибудь олух с фермы?

Фаун стиснула зубы.

— Кроме меня, никого нет. Олух очень понятно объяснил, что выкручиваться придется мне од-

ной. Поэтому-то я и оказалась на большаке...

— Эти крестьяне... Я никогда их не понимала.

— А разве не бывает олухов — Стражей Озера?

— Ну... — невнятное мычание Мари было достаточным признанием.

Фаун перечитала выцветшие коричневые буквы на костяном лезвии.

— Даг хотел когда-нибудь вонзить его в собственное сердце, да? — Так задумала та самая Каунео...

— Да.

Теперь не сможет — хоть какая-то радость.

— У тебя тоже есть такой нож.

— Кто-то же должен заряжать ножи. Это делает не каждый, но многие. Дозорные лучше, чем остальные, понимают необходимость этого.

— Каунео тоже была дозорной?

— Разве Даг не рассказал тебе?

— Он сказал только, что это была женщина, которая погибла двадцать лет назад где-то на северо-западе.

— Даже для Дага такая скрытность — чересчур... — Мари вздохнула. — Не мое это дело — рассказывать за него, только если тебе предстоит быть хранительницей ножа, крестьяночка, нужно, чтобы ты понимала, что он собой представляет

и откуда взялся.

— Да, — твердо сказала Фаун, — пожалуйста, расскажи. Я так устала делать глупые ошибки.

Мари с сомнением, но все же одобрительно кивнула.

— Хорошо. Я выдам тебе то, что Даг назвал бы коротким рассказом. — Глубокий вздох Мари показал, что особенно коротким разговор не получится, и Фаун снова уселась, скрестив ноги.

— Каунео была женой Дага.

Шок заставил Фаун вздрогнуть. Шок, но не неожиданность, осознала девушка.

— Понятно...

— Она погибла на Волчьем перевале.

— Мне Даг о Волчьем перевале ничего не говорил. Он только упомянул трудную схватку со Злым. — Впрочем, как подозревала Фаун, легкой схватки со Злым вообще не бывает.

— Девочка, Даг не говорит о Волчьем перевале ни с кем. Один из его заскоков, к которым тебе придется привыкнуть. Понимаешь, Лутлия — самый большой и самый дикий из округов, там меньше всего Стражей Озера, которые могли бы нести дозор. Там ужасно трудно следить за порядком — сплошные болота и непроходимые леса, а зимы чудовищно холодные. Другие округа

посылают в Лутлию больше молодых дозорных, чем куда-либо еще, и все равно справляться не удается.

Каунео родилась в шатре, знаменитом своими свирепыми воинами. Говорят, она была очень красива, и за ней многие ухаживали. Вот тут-то и появился тихий и скромный командир отряда, совершавший свое второе путешествие вокруг озера, и похитил ее сердце прямо из-под носа всех остальных молодых людей. — Фаун подумала, что в голосе Мари прозвучала гордость. «Да, она и в самом деле его тетка». — Даг решил остаться, и они с Каунео были соединены узами — вы, крестьяне, сказали бы, что они поженились, — и Даг получил повышение: стал командиром эскадрона.

— Даг не всегда был простым дозорным? — спросила Фаун.

Мари фыркнула.

— Этот парень был бы теперь лейтенантом округа, если бы не... Ладно. Наши объезды больше похожи на охоту и часто не приносят результатов. Можно всю жизнь провести в дозоре и ни разу не столкнуться со Злым, — тут уж как повезет. Даг знает кое-какие уловки, которые повышают его шанс. Но когда Злой обнаружен,

когда дело доходит до схватки... вот тогда-то все мы и показываем, чего стоим.

Мари поднялась, подошла к умывальнику, налила в кружку воды и залпом ее осушила. Дальше она рассказывала, меряя шагами комнату.

— Большой Злой не был обнаружен дозором. Ему не удалось поработить так уж много народа, никаких разбойников, как здесь, там не было. Фермеров в Лутлии вообще нет, как и повсюду к северу от Мертвого озера, только иногда туда забредают охотники или торговцы, которых нам и приходится выводить на большак. Но тот Злой нашел волков и... что-то с ними сделал. Волки-люди размером с пони, с разумом человека... К тому времени, когда тварь обнаружили, там уже была целая армия волков. Местные дозорные послали зов в соседние округа, но пока помощь не пришла, они могли полагаться только на себя.

Эскадрон Дага, пятьдесят дозорных, в том числе Каунео и два ее брата, должен был охранять перевал и прикрывать фланг другого отряда, пытавшегося захватить долину рядом с логовом. Разведчики донесли, что на них могут напасть пять десятков свирепых волков. То, с чем пришлось иметь дело эскадрону Дага, больше походило на пять сотен.

У Фаун перехватило дыхание.

— За один-единственный час Даг потерял руку, жену и эскадрон — весь целиком, если не считать троих, все еще удерживавших перевал. Однако сражения он не проиграл, потому что за этот час второй отряд сумел добраться до логова. Когда Даг очнулся в шатре среди раненых, вся его жизнь превратилась в пепел от костра... и он отчаялся.

В конце концов родичи его жены отказались от попыток заставить его стать самим собой и отослали его домой... отчего он отчаялся еще больше. И тут Ворон-Громовержец, да будут благословенны его кости, вождь нашего лагеря, тогда еще бывший только командиром эскадрона, то ли догадался, то ли отчаялся, то ли пришел в ярость, — так или иначе, он вытащил его в Трипойнт. Там умелый крестьянин-ремесленник сделал протез, и они с Дагом пробовали и пробовали, пока не подобрали приспособления, которые годились. Даг тренировался со своим новым луком так, что у него пальцы кровоточили. Наконец он взял себя в руки настолько, что смог уговорить Ворона... а надо сказать, что послаблений тот не делал, — вернуть его в отряд. Вот с тех пор он и несет дозор.

Через его руки прошли десять или двенадцать

дарящих смерть кожей — их ему отдают многие, потому что уверены: он найдет им применение, — но эту пару Даг всегда берег для особого случая. Единственная память о Каунео, о которой я знаю, — от всего остального он избавился, как от обжигающих углей... А теперь этот нож в твоих руках, крестьяночка.

Фаун снова взяла нож и провела по нему пальцами.

— Можно было бы ожидать, что он окажется более тяжелым...

«Хотелось ли мне на самом деле узнать все это?»

— Да, — вздохнула Мари.

Фаун с любопытством оглядела Мари с ее седой головой.

— А ты когда-нибудь станешь командиром эскадрона? Ты, должно быть, уже давно несешь дозорную службу.

— На самом деле я не так долго служу в дозоре, как Даг, хотя я на двадцать лет старше. Я выбрала дорогу женщины. Девушкой я четыре или пять лет проходила подготовку — всем девушкам приходится это делать, хоть воины вроде Дага такого и не одобряют, — потому что в случае нападения на лагерь защищаться придется женщинам и

старикам. Потом я была соединена узами, а там и кровью с мужчиной — то есть родила детей — и вернулась в дозор только через много лет. Я рассчитываю заниматься этим, пока мне служат ноги и везение, еще лет пять — десять, но не собираюсь командовать чем-то большим, чем отряд, — нет уж, спасибо. Потом обратно в лагерь — играть с внуками и правнуками, пока не придет мое время поделиться смертью. Такая жизнь мне подойдет.

Фаун наморщила лоб.

— А ты никогда не представляла себе другой судьбы? — И не была выброшена из привычной жизни, как это случилось с Фаун...

Мари склонила голову к плечу.

— Не могу сказать, что представляла. Если бы мне было обещано исполнение желаний, я предпочла бы, чтобы мой сын ко мне вернулся.

— Сколько у тебя всего было детей?

— Пятеро, — ответила Мари с явной материнской гордостью — совсем как крестьянка, решила Фаун, хотя Мари, конечно, стала бы это отрицать.

Раздался стук в дверь, а потом жалобный голос Дага:

— Мари, ну теперь-то ты разрешишь мне вой-

ти?

Мари закатила глаза.

— Ну уж ладно!

Даг проскользнул в дверь.

— Как у нее дела? Все заживет? Ты использовала Дар? Хоть немного?

— Все заживет и так. Даром я не пользовалась, потому что все, что ей нужно, — это отдых и время.

Даг с несколько разочарованным видом обдумал услышанное, но смирился.

— Я договорился о комнате для тебя, Искорка, этажом ниже. Устала?

Только тут Фаун поняла, что у нее совсем не осталось сил, и кивнула.

— Что ж, пошли. По крайней мере отдых тебе обеспечен.

Мари, прищурившись, взглянула на племянника и потерла губы.

Дар... Интересно, подумала Фаун, что дозорная увидела в ней, о чем не стала говорить? Не такая ли черта скрытность в семействе Редвингов, как и золотые глаза? Фаун завязала свой мешок и последовала за Дагом.

— Не позволяй Мари тебя пугать, — сказал Даг, обнимая ее левой рукой — то ли чтобы поддер-

жать, то ли чтобы скрыть из виду свое увечье. С площадки лестницы они свернули в коридор.

— Да она особенно и не пугала. Мне она нравится. — Фаун сделала глубокий вдох. Некоторые секреты так велики, что ходить вокруг них на цыпочках все равно не получится. — Она немного рассказала мне о твоей жене и Волчьем перевале. Она решила, что я должна об этом знать.

После этих слов настала долгая тишина. Потом Даг буркнул:

— Она права. — Больше, похоже, Фаун ничего не было суждено от него дождаться.

Комната Фаун оказалась такой же узкой, как комната Мари, только окно выходило на улицу, а не во двор. Кувшин на умывальнике был уже наполнен, занавески и покрывало на кровати из одной ткани и вязаные коврики на полу делали комнату, на взгляд Фаун, уютной и домашней. Дверь в стене, должно быть, вела в соседнее помещение; Даг тут же запер ее на засов.

— А где твоя комната? — спросила Фаун.

Даг кивнул на запертую дверь.

— Вон там.

— О, хорошо! Ты теперь отдохнешь? Только не говори мне, что тебе не нужно выздоравливать. Я же видела твои синяки.

Даг покачал головой.

— Я пойду поищу мастера, чтобы починить протез. Когда вернусь, мы вместе поужинаем, если захочешь.

— Очень даже захочу.

Даг ухмыльнулся — такие усмешки должны были бы быть запрещены законом — и тихо закрыл за собой дверь.

На стене рядом с умывальником висело зеркало — прекрасное плоское глассфорджевское зеркало. Вспомнив о том, как давно не видела своего отражения, Фаун подошла к нему и отогнула воротник своего синего платья.

Синяк, занимавший почти всю ее левую щеку, начал желтеть по краям; четыре отметины когтей глиняного человека на скуле все еще были болезненны, но по крайней мере не воспалились. Отпечаток руки Злого на шее — четыре пятна с одной стороны и одно с другой — резко выделялся на белой коже. Эти отметины были странного серого цвета и отвратительно припухшие — таких повреждений Фаун никогда не видела. Ну, если требуется какое-то особое умение, чтобы исправить причиненный Злым вред, Даг наверняка все знает. Может, он даже испытал что-то подобное сам, если оказывался рядом с таким множеством

Злых, как это следует из рассказа Мари.

Фаун подошла к окну и как раз успела увидеть высокую фигуру Дага, направлявшегося, перекинув протез за ремешки через плечо, в сторону городской площади. Девушка еще порассматривала город после того, как Даг скрылся из виду, но не особенно долго. Зевая, она сбросила платье и башмаки и забралась в постель.

10

Даг, как и обещал, вернулся к ужину. Фаун надела свое нарядное платье — зеленое, ткань для которого спряла и соткала тетушка Нетти — и спустилась вниз. Громкие голоса, долетающие из комнаты, где они раньше обедали в тишине, заставили Фаун помедлить у входа.

Заметив ее смущение, Даг улыбнулся и прошептал ей в ухо:

— Дозорные, когда соберутся все вместе, бывают шумной компанией, но ты не беспокойся. Ты не должна отвечать на вопросы, если не захочешь. Мы можем сделать вид, что ты все еще слишком потрясена схваткой со Злым, а потому избегаешь о ней говорить. Ребята поймут. — Рука Дага коснулась воротника Фаун, словно поправляя его, и она поняла, что дозорный хочет, чтобы отметины на шее были видны. — Думаю, не стоит упоминать о том, что случилось со вторым ножом; Мари и так уже об этом знает.

— Хорошо, — с облегчением ответила Фаун; Даг ввел ее в столовую, покровительственно обняв за плечи.

На этот раз вокруг столов сидели высокие устра-

шающего вида дозорные — человек двадцать пять, — некоторые еще покрытые дорожной грязью. Благодаря предупреждению Дага Фаун сумела не подпрыгнуть на месте, когда их появление было встречено шумными возгласами, стуком кулаков по столам и грубоватыми шутками по поводу трехдневного отсутствия Дага. Все это искупалось искренней радостью, звучавшей в голосах, и Даг, криво улыбаясь, отшутился:

— Эх вы, следопыты! Держу пари: вы не смогли бы найти глоток воды в дождевой бочке!

— Не дождевой, а пивной, Даг! — ответил ему кто-то. — Что с тобой случилось?

Даг оглядел комнату и отвел Фаун к столу в дальнем углу, за которым сидели всего двое дозорных — Утау и Рази, которых Фаун уже видела раньше. Те ободряюще кивнули девушке, а Рази ногой подвинул ей стул.

Фаун не могла различить дозорных из отрядов Мати и Чато; они перемешались, хотя и не бессистемно. Тут играл роль возраст: за одним столом сидели с дюжину седых воинов, включая Мари и еще двух женщин, которых Фаун не видела на ферме у колодца; она предположила, что они из другого отряда. Девушка с рукой на перевязи сидела за одним столом с тремя молодыми

мужчинами, которые соревновались за честь нарезать для нее мясо; она отбивалась вилкой от их слишком услужливых рук и смеялась. Мужчины-дозорные были самых разных возрастов, а женщины — только совсем юные или довольно пожилые, и Фаун вспомнила рассказ Мари об обычаях Стражей Озера. В их лагерях, должно быть, пропорция была обратной...

Запыхавшиеся служанки сновали между столами, разнося подносы с мисками и кувшинами, которые быстро опустошались. Дозорные больше интересовались быстротой обслуживания и количеством еды, а не хорошими манерами; это так напоминало обычаи крестьянских кухонь, что Фаун скоро стала чувствовать себя свободно.

Когда Даг и Фаун уселись за стол и обменялись приветствиями с Утау и Рази, более молодой дозорный сбегал за тарелками, вилками и кружками, а потом они оба с Утау принялись усердно их наполнять. Они, конечно, засыпали Дага вопросами о его приключениях, но на Фаун бросали смущенные взгляды и ей не досаждали. Даг отвечал кратко и туманно или прибегал к той же эффективной тактике, что и на ферме Хорсфордов: отвечал вопросом на вопрос. В конце концов Утау и Рази оставили его в покое и предоставили

возможность спокойно поесть.

Утау обвел взглядом комнату и заметил:

— Сегодня всем полегчало, особенно Мари. Глядишь, начальство и нам даст поблажку.

Рази мечтательно протянул:

— Может, они с Чато позволят нам устроить веселушки, прежде чем мы снова отправимся в дорогу.

— Чато сегодня в духе, — ответил Утау, кивнув на собравшихся за другим столом; впрочем, кто из сидящих за ним — командир, Фаун разобрать не смогла. — Может, нам и повезет.

— Что такое веселушки? — спросила Фаун. Рази широко улыбнулся.

— Это такая пирушка дозорных. Их иногда устраивают по случаю удачной охоты на Злого или когда встречаются два отряда. Поговорить с другими дозорными — это же праздник... не то чтобы мы не любили ребят из своего отряда, — Утау, услышав это, закатил глаза, — но видеть одни и те же лица многие недели надоедает. На веселушках бывают музыка и танцы. И пиво, если удается его добыть.

— Тут мы получим сколько угодно пива, — задумчиво сказал Утау.

— Да и уютных темных уголков найдется сколь-

ко хочешь, — с предвкушением сказал Рази, теребя кончик своей косы.

— Ну хватит — идею Фаун уловила, — с улыбкой остановил его Даг. Фаун подумала, что воспоминание о пирушках было ему приятно. — Может, и получится, но одно я вам скажу точно: Мари ничего не разрешит, пока не удостоверится, что кругом все чисто. — Он внимательно взглянул на кого-то поверх плеча Фаун. — Похоже, я напророчил. Сначала будет дело, а только потом потеха.

— Даг, вечно ты накаркаешь... — начал Рази.

— Ну как, вояки, отдохнули ножки? — раздался голос Мари.

Фаун повернулась и почтительно улыбнулась начальнице отряда, подошедшей к их столу. Рази уже открыл рот, но тут вмешался Даг:

— Не отвечай, Рази. Это вопрос с хитростью. Безопасно ответить на него так: «Я и сам не знаю, Мари, а почему ты спрашиваешь?»

Губы Мари дрогнули, и сладким голосом она проговорила:

— Как хорошо, что ты этим поинтересовался, Даг!

— Может, и не такой безопасный... — ухмыльнулся Утау.

— Как с ремонтом протеза? — по-прежнему

обращаясь к Дагу, спросила Мари.

Даг поморщился.

— Сделают завтра к вечеру, может быть. Мне пришлось побывать в двух местах, прежде чем я нашел мастера, который согласился починить его бесплатно... или вернее, за то, что мы спасли жизнь ему, его семье, горожанам и всем жителям округи.

Утау сухо заметил:

— Ты, естественно, забыл упомянуть, что именно ты лично разделался со Злым.

Даг раздраженно отмахнулся:

— Во-первых, разделался не я. Во-вторых, никто не сделал бы этой работы в одиночку, так что горожане должны всем. Мне не следовало... никому из нас не следует клянчить.

— Так получилось, — сказала Мари, не обращая внимания на перепалку, — что на завтра имеется сидячая работа для однорукого воина. В чулане хранится сундук с записями об облавах и картами здешних окрестностей. В них нужно как следует разобраться. Обычное дело... Я хочу, чтобы кто-нибудь понимающий попытался разобраться, как этот Злой проскользнул сквозь наши заслоны, и сообразил, как заткнуть эту щель на будущее. Также мне нужен список ближайших округов,

которые получали особенно мало внимания. Мы пробудем здесь несколько дней, пока раненые не поправятся, и займемся приведением в порядок снаряжения и пополнением запасов.

От этих новостей Утау и Рази повеселели.

— В то же время мы прочешем окрестности города, — продолжала Мари, — и сделаем это так, чтобы горожане видели нас за работой. — Мари подчеркнула последние слова и кивнула Дагу: — Устрой для них хорошее представление.

Тот фыркнул в ответ.

— Лучше мы предложим им вернуть вдвое больше зловредных привидений, чем было, если они недовольны нашей работой.

Рази поперхнулся пивом, которое как раз пил, и Утау услужливо, хоть и без особого успеха, заколотил его по спине.

— Ух, хотел бы я, чтобы такое было возможно! — пропыхтел Рази, отдышавшись. — Как было бы здорово хоть разок увидеть, какое выражение появится на этих глупых крестьянских рожах!

Фаун замерла на месте. Все удовольствие от веселой болтовни дозорных пропало. Даг напрягся.

Мари бросила на них обоих загадочный взгляд, но отошла, ничего не сказав. Фаун вспомнила их утренний разговор о том, что олухами бывают и

крестьяне, и Стражи Озера. Вот так-то...

Рази продолжал болтать:

— Объезжать окрестности Глассфорджа — да это же каникулы! Ну да, в седле проведешь целый день, но зато спать будешь в настоящей постели. И ванну примешь! Да и еду не надо готовить, и на костре она не пригорит. Что ни говори, а в городе есть свои удовольствия!

— А ведь город построили крестьяне, — пробормотала Фаун; судя по тому, как Даг поморщился, она поняла: он ясно расслышал не произнесенное ею вслух «идиот».

Рази пожал плечами.

— Крестьяне сеют пшеницу, но кто посеял крестьян? Мы.

«Как это?» — подумала Фаун. Утау, не такой толстокожий, как Рази, бросил на Фаун взгляд и возразил:

— Ты хочешь сказать, что это сделали наши предки. Только не слишком ли большие ты приписываешь нам заслуги?

— Почему бы нам не признать свои заслуги? — буркнул Рази.

— И вину тоже? — спросил Даг. Рази поморщился.

— По-моему, мы это уже сделали. Получили по

справедливости.

Даг улыбнулся, не разжимая губ, и поднялся из-за стола.

— Ох... Если мне предстоит провести завтрашний день, разбирая каракули отчетов, к тому же наверняка неполных, дам-ка я своим глазам отдых. Если все остальные так же не высыпались в последнее время, как я, то нас ждет спокойная ночка.

— Найди завтра побольше интересного в бумагах, Даг, — попросил Рази. — Чтобы работы здесь оказалось на несколько недель.

— Посмотрю, что удастся откопать.

Фаун тоже поднялась из-за стола, и Даг проводил ее до двери комнаты. Он не сделал попытки извиниться за Рази, но выражение его глаз было отсутствующим, и Фаун не понравилось ощущение, что его мысли гуляют где-то, куда ей вход закрыт. За окном густели теплые летние сумерки. Даг с подчеркнутой вежливостью пожелал Фаун доброй ночи.

На следующий день Даг поднялся на рассвете; Фаун, к его удовольствию, все еще спала. Тихо спустившись по лестнице, Даг оторвал от завтрака двоих дозорных, чтобы они отнесли сундук с бумагами в его комнату. Вскоре отчеты и карты

заняли не только стол и постель, но и весь пол.

Даг слышал приглушенный скрип постели и шаги Фаун за стеной, когда девушка наконец встала и принялась одеваться. Через некоторое время Фаун осторожно заглянула в дверь, выходящую в коридор, и Даг вскочил, чтобы проводить ее в столовую. За завтраком было гораздо тише, чем накануне вечером: поодиночке или парами появлялись только последние сонные дозорные.

Поев, Фаун следом за Дагом поднялась наверх и с интересом принялась разглядывать бумаги и листы пергамента, разложенные по всей комнате.

— Могу я помочь?

Даг помнил, как быстро Фаун начинает скучать и как у нее чешутся руки, но в первую очередь он обратил внимание на невысказанное вслух «Можно мне остаться?». Он снисходительно позволил ей чинить карандаши или иногда приносить бумаги из другого угла, специально придумывая для нее занятия, — но такая работа развлекала ее и, к удовольствию Дага, держала поблизости. Фаун зачаровали карты и отчеты, и она принялась их читать, насколько могла. Дело шло медленно, и не по причине выцветших чернил или неразборчивого почерка. Утверждение

Фаун, что она умеет читать, было правдой, но то, как она водила пальцем по строкам и шевелила губами, показывало, что беглости ей не хватает, возможно, из-за того, что ей не на чем было практиковаться. Однако когда Даг набросал на чистом листе бумаги таблицу, благодаря которой путаные данные отчетов становились бы понятны с первого взгляда, Фаун сразу же уловила логику этого.

В полдень в открытую дверь заглянула Мари. Она подняла брови при виде Фаун, которая сидела на постели, разбирая пометки на карте, но спросила только:

— Как дела?

— Почти заканчиваю, — ответил Даг. — Нет смысла смотреть записи больше чем за десять лет, мне кажется. Что-то сегодня здесь тихо. Чем занят народ?

— Кто чинит одежду, кто чистит оружие, а кто отправился в город. Лошадьми тоже нужно заняться: мы нашли кузнеца, сестра которого оказалась среди тех, кого мы спасли, и он охотно согласился помочь. — Мари подошла и взглянула поверх плеча Дага на таблицу, потом, сложив руки на груди, прислонилась к стене.? — Так как все-таки этот Злой проскользнул мимо нас?

Даг постучал пальцем по таблице, разложенной перед ним на столе.

— Вот этот район в последний раз обследовал три года назад отряд из лагеря Хоуп Лейк. Их было тринадцать, а они пытались сделать работу, предназначенную для шестнадцати дозорных. Троих не хватало. Если бы они действовали по плану, предназначенному для двенадцати человек, им пришлось бы сделать еще два рейса, чтобы охватить весь район, а они и так уже отставали на три недели от расписания. Правда, все равно нельзя утверждать, что они что-то пропустили: вполне возможно, что Злой тогда еще не вылупился.

— Я затеяла поиски вовсе не для того, чтобы найти виновного, — мягко сказала Мари.

— Я знаю, — вздохнул Даг. — А что касается пропущенных округов... — его губы раздвинулись в невеселой улыбке, — тут кое-что выясняется. Те окрестности Глассфорджа, которые можно за день объехать верхом, осматривались без запозданий — ну, по крайней мере без опозданий больше чем на год, — а вот по болотам к западу от города и горным ущельям на западе на коне не поездишь. — Даг помолчал и задумчиво пробормотал: — Лентяи.

Мари кисло улыбнулась и почесала нос.

— Понятно. Мы с Чато договорились, что он одолжит мне двоих и мы оба вышлем группы по шестнадцать человек, разделив между собой оставшиеся необследованными районы. Мы с ним оба останемся здесь: нам предстоит договориться с горожанами о том, что они должны нам за работу, так что я надумала поставить тебя во главе нашего отряда. Сможешь сам выбрать, какие округа осматривать.

— Как мило с твоей стороны, Мари! Выбирать между возможностью бродить по пояс в трясине и кормить пиявок или падать на острые камни... Не знаю, что и выбрать.

— Можно и иначе: засучив рукава помогать мне выкручивать руки горожанам. Как я заметила, у тебя это особенно хорошо получается.

Фаун, которая, отложив карту, внимательно прислушивалась к разговору, удивленно заморгала.

Даг с отвращением поморщился. Размахивать перед крестьянами покалеченной рукой, чтобы устыдить их и заставить щедро расплатиться, на его взгляд, было гораздо менее приятно, чем отбиваться от пиявок и даже вскрывать натертые седлом мозоли.

— Я поклялся, когда в последний раз устраивал

по твоей просьбе такое представление, что больше никогда не стану этим заниматься. И сколько раз прежде я давал такую клятву... — добавил он задумчиво. — У тебя стыда нет, Мари.

— Выхода у меня нет, — устало возразила Мари. — Кто-то подсчитал, что нужны усилия по крайней мере десяти человек, остающихся в лагере, не считая детей, чтобы содержать одного дозорного. Любая мелочь, которую нам не удается выбить из жителей городов и ферм, приводит к еще большим опозданиям.

— Тогда почему мы не запрашиваем больше? Разве не для того мы заселили земли крестьянами? — Это был старый спор, и Даг все еще не знал правильного ответа на свои вопросы.

— Стоит ли нам снова делаться правителями? — мягко спросила Мари. — Не думаю.

— Ну а какова альтернатива? Позволить миру катиться в пропасть, потому что нам стыдно просить о помощи?

— Нужно поддерживать равновесие, — твердо сказала Мари. — Как мы всегда и делали. Мы не можем сделаться зависимыми от чужаков. — Ее взгляд упал на Фаун. — От других.

В комнате повисла тишина; потом Даг пробормотал:

— Я выбираю болота. — Мари слишком поспешно и с довольным видом кивнула, и Даг подумал, не сделал ли ошибки. Поразмыслив, он добавил: — И если еще ты разрешишь нам взять с собой кого-то из местных конюхов, нам не придется оставлять дозорного для присмотра за лошадьми.

Мари нахмурилась, но в конце концов неохотно кивнула.

— Хорошо. Это имеет смысл по крайней мере при однодневных вылазках. Начнете завтра.

Карие глаза Фаун расширились в испуге, и Дагу стал понятен источник тайного удовлетворения Мари.

— Погоди-ка, — сказал он, — а кто будет присматривать за мисс Блуфилд, пока меня нет?

— Хотя бы и я. Она не окажется в одиночестве: на постоялом дворе останутся четверо выздоравливающих, да и мы с Чато все время будем поблизости.

— Конечно, со мной все будет в порядке, Даг, — заверила его Фаун, хотя в голосе ее и звучало некоторое сомнение.

— А сможешь ты проследить, чтобы она не переутомлялась? — ворчливо проговорил Даг. — Что, если у нее снова начнется кровотечение?

Или лихорадка?

Даже Фаун подняла брови от такого предположения и прошептала:

— В середине-то лета?

— Ну, я лучше сумею справиться с этим, чем ты, — ответила Мари, внимательно глядя на Дага.

«Смотрит, как я трепыхаюсь», — мрачно подумал Даг и решил на будущее вести себя сдержаннее. Он держал свой Дар под жестким контролем с тех пор, как они добрались до окраин Глассфорджа накануне, но Мари явно не нуждалась в нем, чтобы делать собственные проницательные заключения, тем более что в его присутствии Фаун сияла, как зажженная лампа.

Он скатал карту и вручил ее Мари.

— Ты можешь повесить ее на стену в столовой, и мы будем отмечать обследованные районы. Пусть ребята поразвлекутся. Если ты еще и намекнешь, что по окончании разрешишь веселушки, дело пойдет споро.

Мари согласно кивнула и ушла, а Даг привлек Фаун к тому, чтобы сложить бумаги в сундук по порядку.

Притащив ему охапку растрепанных и покрытых пятнами отчетов, Фаун сказала:

— Ты уже дважды упоминал о создании ферме-

ров. Что ты имел в виду?

Даг сел на пятки и удивленно взглянул на нее.

— Разве ты не знаешь, откуда происходит твоя семья?

— Конечно, знаю. Это записано в нашей семейной книге, которая хранится вместе со счетами по ферме. Мой прапрапрапрадед, — она помедлила, отсчитывая поколения на пальцах, — переселился на север к холмам у реки из Ламптона почти двести лет назад и стал расчищать землю. Через несколько лет он женился, переселился за западный приток реки и основал нашу ферму. С тех пор там и живут Блуфилды. Поэтому даже ближнюю деревню назвали Вест-Блю.

— А где жили твои предки до Ламптона?

Фаун заколебалась.

— Я не уверена. Тогда был только Ламптон, Ламптон-на-Перекрестке и Верхний Ламптон еще не появились.

— Шестьсот лет назад, — сказал Даг, — вся эта страна от Мертвого озера почти до южного берега моря была безлюдной глушью. Стражи Озера из этих мест отправились на восток и на юг, где еще сохранялись поселения людей — твоих предков, — и уговорили некоторые группы переселиться сюда и построить себе дома. Предполагалось, что

эта местность — к югу от определенной линии — достаточно очищена от Злых, чтобы снова стать безопасной. Как оказалось, это было не совсем так, хотя дела обстояли гораздо лучше, чем когда-то. Крестьяне и Стражи Озера обменялись обещаниями... к счастью, мой народ еще помнил, кто мы такие. Было еще два основных района заселения — один к востоку от Трипойнта, другой — к западу от Фермерской равнины, не говоря уже о южном, у Серебряных перекатов на реке Грейс, откуда и происходит большинство твоих предков. С тех пор потомки тех первых поселенцев медленно обживают новые территории.

Стражи Озера придерживаются на этот счет двух разных точек зрения. Одни полагают, что чем больше людей высматривают, не появились ли Злые, тем лучше. Другие считают, что таким образом Злые просто получают больше пищи. Мне приходилось видеть Злых, вылупившихся и в населенных, и в безлюдных местах, и я не вижу разницы между этими кошмарами, так что последний взгляд на вещи мне больше не нравится.

— Значит, Стражи Озера жили здесь раньше крестьян, — медленно проговорила Фаун.

— Да.

— А что было до появления Стражей Озера?

— Как, ты ничего не знаешь?

— Незачем делать вид, что ты так поражен, — обиженно сказала Фаун, и Даг знаком показал, что приносит ей извинения. — Я много чего знаю, просто не могу отличить, что правда, а что легенды и сказки, которые рассказывают детям на ночь. Когда-то давным-давно существовала целая цепь озер, а не одно большое мертвое, как теперь. Вокруг них стояли семь прекрасных городов, которыми управляли великие лорды-волшебники. Был волшебник-король, и прекрасные принцессы, и смелые воины и мореплаватели... и много кто еще. В городах стояли высокие башни, окруженные прекрасными садами, где пели украшенные драгоценными камнями птицы и жили волшебные звери, а благословение богов низвергалось, как вода из фонтанов, и сами боги вмешивались в жизнь людей... я бы такому просто перепугалась. Ох, и еще по озерам плавали корабли с серебряными парусами. Я думаю, что паруса-то были из обычной белой парусины и просто казались серебряными в лунном свете, потому что, будь они и в самом деле из серебра, корабли под его весом просто пошли бы ко дну. Ну, что наверняка легенда — это россказни о том,

будто некоторые города тянулись на пять миль в ширину, — такого ведь не может быть.

— На самом деле, — прочистил горло Даг, — это как раз правда, я точно знаю. Руины Огачи всего в нескольких милях от берега. Когда я был еще только начинающим дозорным, мы с друзьями отправились на шлюпке, чтобы посмотреть на них. В ясный солнечный день хорошо видны верхушки каменных строений, протянувшихся вдоль прежней набережной. Огачи и на самом деле имел в ширину пять миль, а то и больше. Ведь именно его жители построили большаки, знаешь ли, — а они тянулись, пока не разрушились, на тысячи миль.

Фаун поднялась и отряхнула пыль с юбки, потом села на край кровати; на лице ее была написана напряженная работа мысли.

— Так куда же они все делись? Те строители.

— По большей части умерли. Некоторые выжили. Их потомки все еще здесь.

— Где?

— Здесь. В этой комнате. Ты и я.

Фаун в изумлении вытаращила на него глаза, потом с сомнением потупилась.

— И я?

— Легенды Стражей Озера говорят... — Даг

помолчал, отсеивая и отбрасывая лишнее, — что Стражи Озера произошли от тех немногих лордов-волшебников, которые спаслись при катастрофе. А крестьяне — потомки обычных людей, уцелевших на окраинах, вдалеке от озер, которым удалось пережить первую, великую войну со Злыми, и две последующие, уничтожившие озера и оставившие Западные Уровни. — Которые те, кто там бывал, называли Мертвыми Уровнями, и Даг очень хорошо понимал почему...

— Разве была не одна только война? Я никогда о таком не слышала, — сказала Фаун.

— В определенном смысле, — кивнул Даг. — Может быть, та первая война так никогда и не кончалась. Ты не спросила о том, откуда взялись Злые.

— Из земли. Так всегда было. Только... — Фаун заколебалась, потом поспешно продолжала: — Только мне кажется, ты хочешь сказать, что так было не всегда, и собираешься рассказать, как они попали в землю. Верно?

— Я сам не очень ясно себе это представляю. Что мы знаем точно — это что все Злые произошли от первого великого Злого. Только они повелись не как мы — благодаря бракам, рождениям, смене поколений. Великий Злой был больше похож на

чудовищное насекомое, отложившее десять тысяч яиц, из которых через некоторые интервалы времени вылупляются в земле новые.

— Я видела такое, — мрачно сказала Фаун. — Не знаю, что там было, но точно не жук.

Даг пожал плечами.

— Мы просто пытаемся так об этом думать. Я за свою жизнь видел несколько дюжин Злых и мог бы сказать, что первый Злой был зеркалом, которое разбилось на десять тысяч осколков, так что образовалось десять тысяч маленьких зеркал. Злые не материальны по свой внутренней сути. Они просто собирают вокруг себя материю, чтобы сделать себе домик, раковину. Они, похоже, питаются Даром.

— А как случилось, что первое зеркало разбилось?

— Первый Злой проиграл войну... так говорят.

— Боги пришли на помощь?

Даг фыркнул.

— Легенды Стражей Озера гласят, что боги покинули мир, когда явился первый Злой. И что они вернутся, когда земля будет полностью очищена от его порождений. Если, конечно, верить в богов.

— А ты веришь?

— В то, что их здесь нет, верю, да. Это тоже своего рода религия.

— Хм-м... — Фаун скатала последнюю карту и перевязала ее тесьмой, прежде чем передать Дагу. Даг положил свиток на место и закрыл сундук.

Несколько мгновений он сидел молча, положив руку на защелку.

— Какую бы роль они ни играли, — сказал он наконец, — не думаю, что только лорды-волшебники строили те башни и плавали на тех кораблях. Твои предки тоже в этом участвовали.

Фаун только моргнула, но о чем она подумала, Даг догадаться не мог.

— И лорды тоже не появились из ниоткуда и не свалились с неба, — упрямо продолжал Даг. — Среди нас есть такие, кто думает, что изначально был один единый народ и что волшебники вышли из него. Другое дело, что ради усовершенствования своего искусства они заключали браки между собой и использовали магию, чтобы обрести большее могущество и власть; так они отдалились от своих родичей. В этом и была, наверное, первая ошибка.

Фаун склонила голову к плечу и уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент в коридоре раздались шаги и в дверь просунул

голову Рази.

— Ах, Даг, вот ты где! Ты только понюхай! — Он протянул Дагу маленькую стеклянную бутылочку и вытащил из нее кожаную пробку. — Дирла нашла аптекаря в городе, который этим торгует.

За плечом Рази стояла гордо улыбающаяся Дирла.

— Что это?? — спросила Фаун, наклоняясь и нюхая бутылочку. — Ой, какая прелесть! Пахнет ромашкой и клевером.

— Душистое масло, — ответил Рази. — Там продают семь или восемь сортов.

— Для чего вы его употребляете? — наивно спросила Фаун.

Даг мысленно отправил своего товарища на Мертвые Уровни.

— Для растирания усталых мышц, — предостерегающим тоном сообщил Даг.

— Ну и для этого тоже, — задумчиво протянул Рази.

— Растереть спину душистым маслом, — промурлыкала Дирла. — М-м-м, прекрасная идея.

— Как удачно, что вы двое зашли, — переменил тему Даг прежде, чем разговор стал чересчур увлекательным — и для него, вовсе не мечтающего о повторении ощущений во время поездки с фермы

Хорсфордов, и для Фаун, которая, несомненно, стала бы еще и задавать вопросы. — Мне как раз нужно, чтобы сундук отнесли вниз. Тащите.

Рази с Дирлой поворчали, хоть и добродушно, и потащили сундук в кладовую.

Даг закрыл дверь за дозорными, отправил Фаун в ее комнату, а сам последовал за Рази и Дирлой, размышляя, рискнет ли спросить, где находится лавка аптекаря, и не окажется ли она ему по пути к мастеру, который чинит его протез.

Объезд болот к западу от Глассфорджа занял шесть дней.

Даг начал с самых ближних окрестностей и поэтому смог в первую ночь с отрядом вернуться ночевать на постоялом дворе, а заодно проведать и Фаун. После того как он со все с большим беспокойством искал ее по всем комнатам, Фаун нашлась на кухне, где чистила горох и болтала с поварихой и судомойками. Даг с облегчением прогнал видение: Фаун, печальная и одинокая, в окружении снисходительно посматривающих на неё Стражей Озера; однако опасения, что девушка станет слишком тратить силы, у него осталось.

На следующий день Даг выбрал самый дальний район — на осмотр которого ушло бы не меньше трех дней, — чтобы разделаться с самым

неприятным делом. На жалобы молодых дозорных он ответил рассказами об объезде трясин к северу от Фермерской равнины холодной зимой; подробности были такими устрашающими, что даже самые большие ворчуны умолкли. Большую часть вещей можно было оставить там же, где и коней, но необходимость защищаться от москитов и мошек означала, что сапоги, штаны и рубашки снять никак нельзя, и одежда страдала от болотной жижи. Когда через три дня поздно ночью отряд вернулся в Глассфордж, дозорных порадовала протопленная баня, имевшая собственный колодец и расположенная между конюшней и основным зданием, хоть слуги и косились на них, а прачки бросали мрачные взгляды на заляпанную грязью одежду. На этот раз Фаун ждала Дага, занимаясь починкой белья и слушая рассказы руководивших этим занятием портних.

На следующий вечер, вернувшись из объезда, Даг за поздним ужином описал Фаун увиденное. Она, затаив дыхание, слушала рассказ о почти круглом совершенно плоском болоте примерно шести миль в диаметре, которое, как был уверен Даг, в прошлом служило логовом Злого, а теперь снова дало приют жизни — по большей части

ядовитой и прожорливой, но, несомненно, процветающей. Даг полагал, что уничтожение Злого примерно на столетие опередило появление здесь первых поселенцев-фермеров. Фаун в ответ рассказала о своих приключениях в городе. Сасса, зять Хорсфордов, снова вернувшийся домой, заглянул на постоялый двор, чтобы выполнить свое обещание: показать Фаун свою стекольную мастерскую. Завершили они день визитом в бумажную мастерскую брата Сассы, а потом еще и побывали у мастера, делающего чернила, по соседству.

— Здесь больше всякой работы, чем я и мечтать могла, — задумчиво сообщила Фаун Дагу.

Однако она явно переоценила свои силы, так что, когда Даг провожал ее в ее комнату, она еле шла и зевала так, что с трудом сказала ему «Спокойной ночи». Даг занялся тем, что подкрепил ее Дар против начинающейся простуды и проверил, как заживают внутренние повреждения: нет ли воспаления или омертвения там, где Злой оставил свой отвратительный след, — после чего заставил девушку пообещать, что на следующий день она будет отдыхать.

Дальнейшие планы Дага оказались нарушены: один из дозорных умудрился запутаться в корнях

ивы, уйти с головой под воду и к тому же разворошить гнездо водяных щитомордников. Поручив Утау командовать отрядом, Даг вернулся в город, посадив на коня перед собой потрясенного и очень больного дозорного. Дагу, к счастью, в дороге не пришлось делать ничего срочного или опасного с помощью своего Дара, хотя он мрачно думал о том, что Утау настоял на том, чтобы послать с ним двоих воинов как раз на такой случай. Однако пострадавший от укуса змеи пережил не только поездку, но и быстрое омовение в бане, после чего был уложен в постель. К тому времени Мари и Чато уже явились в его комнату, так что Даг смог поручить им дальнейшее лечение.

Новости, которые сообщила ему Мари, заставили Дага отправиться на поиски Фаун, даже не смыв с себя грязь. Голос девушки, задававшей — ну конечно же! — один из своих бесконечных вопросов, донесся со второго этажа, и Даг свернул в коридор. Дверь в комнату — комнату Сауна — была открыта, и Даг помедлил, прежде чем войти. Голос Сауна произнес:

— Мое первое впечатление о нем было как о ворчливом старике, который если и открывает рот, так только чтобы выругать тебя. Ты, верно, знаешь таких?

— О да.

— Он всегда ехал или шел позади и обычно бывал немногословен. Начал я прозревать, когда Мари поставила его крайним — на позицию, при которой за ним уже никого нет. Мы, понимаешь ли, рассредоточиваемся не так, чтобы постоянно видеть друг друга, а в пределах, когда чувствуем остальных при помощи Дара. Если ты и дозорные с обеих сторон от тебя чувствуют друг друга, можно быть уверенным, что Злого вы не пропустите. Мари послала его в сторону на милю. Это более чем вдвое превосходит возможности моего Дара.

Фаун охнула, поощряя рассказчика. Саун, должным образом вдохновленный, продолжал:

— Потом я начал замечать, что Мари, когда нуждается в чем-то, превосходящем обычные возможности, посылает его. Или иногда он сам подсказывал ей... Он редко что-то рассказывает, но если уж рассказывает, то о каких только местах не идет речь... я хочу сказать, что он как будто побывал везде. Я было начал складывать в голове все места и всех людей и подумал: «Как такое возможно?» И еще я раньше думал, что у него нет чувства юмора, и только потом понял, какой его юмор едкий и сухой. Сначала он не кажется ничем особенным, но потом увеличивается и

увеличивается... А как было у тебя?

— Совсем иначе, пожалуй. Он просто явился. Весь целиком... и еще как явился! У меня такое чувство, что я с тех пор все распаковываю и распаковываю его, а до дна еще далеко.

— Хм-м... Он таким бывает и в дозоре.

— Он хороший боец?

— Кажется, что он видит больше, чем остальные... нет, не так. Скорее он более сосредоточен. Не знаю, понимаешь ли ты...

— М-м-м... может быть. Сколько ему на самом деле лет? Я никак не могу сообразить...

Как ни подавлял Даг свой Дар, кто-то из них в конце концов должен был почувствовать болотную вонь в теплом летнем воздухе. Даг придал лицу равнодушное выражение, постучал по двери и вошел.

Саун лежал на постели, и на поверхности виднелись только его повязки; все остальное скрывалось под простыней. Фаун в своем синем платье устроилась на стуле, положив босые ноги на край постели и шевеля пальцами в попытке поймать хоть какой-то ветерок от окна. В порядке исключения ее руки оказались ничем не заняты, но по темным волосам Сауна было заметно, что его недавно причесали, заплетя две аккуратные

косы.

Дага приветствовали две широкие улыбки на лицах, одинаково молодых и одинаково бледных после перенесенных ран. Оба получили почти смертельные повреждения, когда он был в дозоре — от этой мысли Даг чуть не поморщился, — но оба смотрели на него с доверием и обожанием. Красота этих молодых людей была трогательной, хоть и вызвала у Дага смутную ревность. Это никуда не годилось... Шесть дней прочесывания болот без намека на близость Злого не должны были бы вызвать такую усталость и такие странные чувства.

— Привет, Искорка. Я тебя ищу. Здорово, Саун. Как твои ребра?

— Лучше. — Саун решительно приподнялся, но тут же поморщился, опровергая тем свои слова. — Мне велели прохаживаться по коридору. Фаун составляет мне компанию.

— Прекрасно! — жизнерадостно воскликнул Даг. — И о чем вы тут говорили?

Саун смутился.

— Ну, о том о сем...

Фаун быстрее нашла выход из положения:

— Зачем ты меня искал?

— Хочу кое-что тебе показать. Обувайся и пой-

дем в конюшню.

— Хорошо, — послушно ответила она и поднялась.

Босые ноги Фаун затопали по коридору, и Даг крикнул ей вслед: «Эй, погоди!» Он вроде не сказал ничего смешного, но ответом ему был ее обычный легкий смех. Неужели в обычных обстоятельствах эта девушка всегда бегает вприпрыжку?

Даг посмотрел на Сауна, размышляя, не следует ли того предостеречь. Этот широкоплечий парень нравился женщинам, Даг не раз это замечал, но данное обстоятельство раньше не вызывало у него озабоченности. Впрочем, сейчас, на положении больного, Саун не представлял опасности для любопытных крестьянских девчонок, решил Даг. А предостережение могло вызвать вопросы, на которые Дагу не хотелось бы отвечать, например: «А тебе какое дело?» — так что он ограничился дружеским кивком и двинулся из комнаты.

— Эй, Даг! — окликнул его Саун, ухмыляясь с подушки. — Старый дозорный!

— Да? — Проклятие, где мальчишка подхватил это его прозвище? Должно быть, Саун внимательно прислушивался к тому, что иногда бормотал себе под нос сам Даг.

— Можешь не притворяться таким суровым. Все, о чем мечтает твоя Искорка, — это послушать о подвигах Дага. — Саун откинулся на подушку, хихикая.

Даг покачал головой и ушел. Только спустившись на первый этаж, он сумел перестать морщиться.

Даг пришел в конюшню, все стойла которой были заняты конями дозорных из двух отрядов, ненамного раньше Фаун. Он подвел ее к стойлу, где находилась кроткая гнедая кобыла, и сказал:

— Поздравляю, Искорка. Мари договорилась обо всем официально. Теперь ты — хозяйка этой прекрасной лошади. Это твоя доля в плате, которую мы получили от отцов города. Я нашел для тебя и седло с уздечкой; седло как раз будет тебе по размеру. Сбруя не новая, но в хорошем состоянии. — Даг не стал упоминать о том, что это приобретение — результат его сделки с добродушным мастером, который так умело починил его протез.

Фаун просияла, скользнула в стойло и стала чесать уши кобыле; та от удовольствия фыркнула и выгнула шею.

— Ох, Даг, до чего она хороша! Только... — Фаун с подозрением сморщила нос, — не твоя ли это

доля платы? Я хочу сказать... Мари была добра ко мне и все такое, но я не думаю, что она возьмет меня в дозорные.

Уж очень эта девушка сообразительна...

— Если бы все зависело от меня, ты получила бы гораздо больше, Искорка.

Сомнения Фаун, казалось, развеялись не вполне, но тут кобыла подтолкнула ее носом, и девушка снова принялась ее гладить.

— Ей нужно имя. Нельзя же все время называть ее «та кобыла»! — Фаун задумчиво закусила губу. — Я назову ее Грейс, в честь реки. Это красивое имя, а она — красивая лошадь, и к тому же несла меня так плавно. Хочешь быть Грейс, моя красавица? — Фаун продолжала ласкать лошадь, а та охотно заявила о своем согласии и на любовь девушки, и на имя, стукнув копытом и фыркнув, что заставило Фаун рассмеяться. Даг прислонился к стене, улыбаясь.

Через некоторое время Фаун отвлеклась от лошади, занятая новой мыслью, вышла из стойла и замерла, скрестив руки на груди.

— Только... только я не уверена, что смогу прокормить ее на жалованье доярки... или кем я смогу наняться.

— Она твоя. Можешь, если хочешь, ее продать,

— невыразительным голосом сказал Даг. Фаун покачала головой, но выражение ее лица не стало более веселым. — В любом случае, — продолжал Даг, — тебе рано думать о работе. Лошадь понадобится тебе для путешествия.

— Я чувствую себя гораздо лучше. Кровотечение прекратилось два дня назад, и если бы мне грозила горячка, она, должно быть, уже началась бы. И голова у меня больше не кружится.

— Да, но дело в том... Мари дала мне отпуск, чтобы я съездил в лагерь и показал нож мастеру. Я знаю одного — самого лучшего. Вот я и подумал... Ламптон и Вест-Блу более или менее по дороге к лагерю Хикори, и мы могли бы побывать на твоей ферме и успокоить твоих родичей.

Глаза Фаун вспыхнули, но понять, что выражал взгляд, который она бросила на Дага, тот не смог.

— Я не хочу возвращаться. — Голос Фаун дрогнул. — Я не хочу, чтобы моя дурацкая история стала всем известна. — Голос Фаун обрел твердость, когда она заключила: — Не желаю и на сотню миль приближаться к Идиоту Санни.

Даг глубоко втянул воздух.

— Тебе не обязательно оставаться... Да ты и не сможешь: твое свидетельство необходимо в связи с этой историей с ножом. После того как все завер-

шится, ты сможешь выбирать, куда отправиться.

Фаун закусила губу и потупилась.

— Они постараются не отпустить меня — я их знаю. Ни за что не поверят, что я взрослая... — Голос ее зазвучал отчаянно: — Только если ты пообещаешь отправиться вместе со мной и пообещаешь не оставлять меня там!

Даг положил руку Фаун на плечо, стараясь ободрить девушку в ее странном беспокойстве.

— А если ты по доброй воле захочешь остаться?

— М-м-м...

— Я просто пытаюсь понять, что тебя пугает — остаться здесь, остаться там или что я тебя брошу.

Фаун подняла на него огромные потемневшие глаза, ее губы приоткрылись... Даг обнаружил, что его голова склоняется, а рука обнимает тонкую талию... он словно падал с огромной высоты, падал на что-то мягкое...

Позади кто-то сухо кашлянул, и Даг резко выпрямился.

— Вот вы где, — сказала Мари. — Я так и думала, что найду вас здесь. — Голос ее звучал сердечно, но сузившиеся глаза смотрели на Дага в упор.

— Ох, Мари, — выдохнула Фаун. — Спасибо тебе

за эту прекрасную лошадь. Я никак не ожидала... — Она сделала что-то вроде книксена.

Мари улыбнулась ей, умудрившись одновременно с иронией взглянуть на Дага.

— Ты заслужила гораздо больше, но мне не удалось выговорить дополнительной платы. Я чувствую себя в долгу перед тобой. — На это ни у Фаун, ни у Дага не нашлось ответа. Мари невозмутимо продолжала: — Фаун, прости, но мне нужно обсудить с Дагом кое-какие дела отряда.

— О, конечно! — весело воскликнула Фаун. — Пойду расскажу Сауну про Грейс! — Она вприпрыжку убежала, бросив Дагу улыбку через плечо.

Мари прислонилась к столбу, скрестив руки на груди, и молча смотрела на Дага, пока Фаун могла ее слышать. В конюшне было прохладно, хотя снаружи и припекало полуденное солнце, пахло лошадьми и стояла тишина, если не считать редкого шевеления разомлевших от жары животных и ленивого жужжания мух. Даг ждал, понимая, что ничего приятного не услышит, подняв подбородок и сцепив за спиной правую руку и протез.

Долго ждать ему не пришлось.

— Что это ты затеял, парень? — прорычала Мари.

Единственный ответ, который пришел Дагу в голову, был «Что ты имеешь в виду, Мари?» — но это казалось напрасной тратой времени и усилий. Даг прикрыл глаза и стал ждать продолжения.

— Неужели мне нужно перечислять все последствия твоего увлечения? — сказала Мари, и в ее голосе отчетливо прозвучало раздражение. — Проклятие, такую лекцию ты и сам мог бы прочесть. Да и, наверное, не раз читал.

— Раз или два, — кивнул Даг.

— Так о чем же ты думаешь? И думаешь ли вообще?

Даг сделал глубокий вдох.

— Я знаю, ты хочешь сказать мне, чтобы я держался подальше от Фаун. Только я не могу. Пока не могу. Нас связывает нож — до тех пор, пока я не побываю в лагере. Нам предстоит совместное путешествие — ты не можешь этого отрицать.

— Меня беспокоит не то, что может случиться в дороге. Меня беспокоит то, что будет происходить на привалах.

— Я не сплю с ней.

— Не спишь — пока что. Ты наглухо запирал свой Дар в моем присутствии с того самого момента, как вы вернулись. Что ж, я знаю — отчасти такова твоя привычка, ты всегда отключаешься

во сне. Но это... ты похож на кота, который думает, будто его никто не видит, потому что он спрятал голову в мешок.

— Ах, мои мысли должны принадлежать только мне. А кроме того, оказавшись среди крестьян, нужно прятать от них Дар.

— Прекрасное оправдание, — фыркнула Мари.

— Я еду с ней в лагерь, — упрямо повторил Даг. — Это решено.

Ласковым голосом Мари пропела:

— Собираешься похвастаться ею перед своей матерью? Ах, как мило!

Плечи Дага поникли.

— Сначала мы побываем на ее ферме.

— Ах, так ты собрался познакомиться с ее матерью. Превосходно! Вот радости-то будет! Может, лучше вам двоим взяться за руки и прыгнуть со скалы? Это будет быстрее и не так болезненно.

Губы Дага против его воли дрогнули в улыбке.

— Пожалуй. Так и следует поступить.

— В самом деле? — Мари оттолкнулась от столба и стала ходить туда-сюда по проходу. — Ну, если бы ты был сопливым парнишкой-дозорным, которому не терпится порезвиться на стороне, я просто дала бы тебе подзатыльник и положила бы конец приключению. А сейчас я не могу

понять: пытаешься ты дурить голову мне или самому себе.

Даг стиснул зубы и продолжал молчать. Это казалось ему самым разумным.

Мари снова вернулась к столбу, оперлась на него и почистила сапог.

— Понимаешь, Даг, — сказала она со вздохом, — я уже давно слежу за тобой. Когда ты в дозоре, ты никогда не позволяешь себе небрежно отнестись к своему оружию, или к еде, или к отдыху, или к состоянию ног. Ты же не начинающий, полный героического вздора о своей неутомимости, пока не врежется лбом в скалу. Ты готовишь свое тело к длительному употреблению.

Даг согласно склонил голову, хоть и не понимал, к чему клонит Мари.

— Однако хотя ты не моришь голодом свое тело и все еще собираешься жить, как раньше, ты моришь голодом сердце и, похоже, ожидаешь, что оно будет служить тебе вечно. Выплачивать ему долг ты не собираешься... Так что если ты упадешь — точнее, когда ты упадешь, — ты упадешь как изможденный голодом человек. Сейчас я вижу, как ты начинаешь кренироваться, и боюсь, что никакие мои слова не смогут тебя удержать. Да пропади оно все пропадом, я не понимаю,

— в голосе Мари с новой силой зазвучало огорчение, — почему ты так и не связал себя ни с одной из симпатичных вдов, с которыми твоя мать... ну пусть не мать, а друзья и родичи тебя знакомили... пока наконец не отчаялись. Будь все иначе, ты бы имел иммунитет по отношению к теперешней глупости, и никакой нож не сбил бы тебя с толку.

Плечи Дага поникли еще сильнее.

— Это было бы несправедливо по отношению к женщине. Я не способен снова на то, что было у нас с Каунео. Не потому, что другим женщинам чего-то не хватает. Дело во мне. Я не могу дать того, что давал Каунео. Я опустошен и сух.

— Никто иного и не ожидал, за исключением, может быть, тебя. У большинства людей не бывает того, что было у вас с Каунео, если хотя бы половина того, что я слышала, правда. И все же люди вполне сносно живут дальше.

— Женщина умерла бы от жажды, пытаясь достать воду из этого колодца.

Мари покачала головой, неодобрительно поджав губы.

— Ты драматизируешь, Даг.

Он пожал плечами.

— Не настаивай на ответах, которых ты не хо-

чешь слышать.

Мари отвела глаза, посмотрела на увешанные пыльной паутиной и клочьями соломы балки и попыталась подойти с другой стороны.

— Ну, учитывая все, я не могу возражать против того, чтобы ты дал себе волю. В конце концов, у этой деревенской девчонки тут нет родственников, которые могли бы поднять крик.

Глаза Дага сузились; в его сердце пробудилась глупая надежда: не хочет ли Мари сказать, что не станет вмешиваться? Да нет, не может быть...

— Если уж тебя нельзя вразумить, что ж... такие вещи случаются. — Сарказм в голосе Мари ничего не оставил от надежды. — Но если ты так полон решимости влипнуть, ты должен иметь план того, как собираешься выпутываться, и я хочу, чтобы ты мне об этом рассказал.

«Я совсем не хочу выпутываться. Я не хочу, чтобы наступил конец». Понимание этого смутило Дага, он совсем не представлял себе, чего хочет. Проклятие, он ведь и не начал ничего!.. Спор с Мари развивался слишком быстро для него, как, несомненно, Мари и хотела...

— Все великие планы, которые я составлял в жизни, кончались ужасными сюрпризами, Мари. Я уже давно поклялся, что не буду ничего пла-

нировать.

Мари презрительно покачала головой.

— Я почти хотела бы, чтобы ты оказался просто олухом, которому хватило бы подзатыльника. Впрочем, нет... Ты — это ты. Если девчонка погибнет — а я не вижу, как возможно что-либо другое, — то же ждет и тебя. Двойное несчастье. Я вижу, как оно приближается, и ты наверняка тоже. Так что же ты собираешься делать?

Даг напряженно спросил:

— А что ты предлагаешь, провидица?

— Твоя затея не может кончиться добром. Так что не начинай.

«Я и не начал», — хотелось ему сказать. Правда на языке, но ложь перед Даром... Выносливость уже давно была его последней сохранившейся добродетелью; Даг призвал себе на помощь терпение и просто стоял перед Мари.

Не обращая внимания на его упрямое молчание, Мари переменила позу и начала атаку снова:

— Все рожденные с нашей кровью имеют два великих долга. Первый — продолжать бесконечную войну, с непреклонной решимостью, в жизни и в смерти, с надеждой и когда надежды нет. Этому долгу ты никогда не изменял.

— Кроме одного раза.

— Никогда, — возразила Мари. — Полный проигрыш — это не поражение, а просто проигрыш. Такое иногда случается. Я ведь не слышала, чтобы ты бежал с того перевала, Даг.

— Нет, — ответил он, — такого шанса у меня не было. Окружение делает бегство несколько сомнительным, и у меня не было времени разгадать эту загадку.

— Ну ладно... есть еще и второй долг, не менее великий, без которого первый ничего не стоит и делается просто обманом. Этот долг ты до сих пор не выполнял ни в малейшей мере.

Даг вскинул голову, уязвленный и настороженный.

— Я расплатился кровью, потом, годами жизни. Я все еще собираюсь отдать свои кости и смерть сердца, если получится, но в самоубийстве — потворстве своим слабостям и измене долгу — никто меня обвинить не сможет: я так решил много лет назад. Не знаю, чего еще ты от меня хочешь.

Губы Мари сжались, взгляд стал пристальным; в голосе зазвучала убежденность:

— Второй долг — создать следующее поколение, которому можно будет передать воинский долг, потому что все, что мы делаем, вся кровь,

пот, самопожертвование станут ничем, если мы также не передадим свое телесное наследство. И это — дело, к которому ты последние двадцать лет поворачиваешься спиной.

Правая рука Дага стиснула деревянное запястье левой с такой силой, что дерево затрещало; дозорный усилием воли ослабил хватку на протезе, который с такими трудами недавно удалось починить. Он попытался так же стиснуть и зубы, но ответ все же вырвался:

— Уж не позаимствовала ли ты подбородок моей матери?

— Думаю, что могла бы повторить ее речь наизусть — мне достаточно часто приходилось выслушивать ее жалобы, — но нет, подбородок мой собственный, и позиция тоже моя, оплаченная кровью. Послушай, я понимаю, что твоя мать слишком сильно давила на тебя после смерти Каунео, в результате чего ты так ощетинился; я знаю, что тебе нужно было больше времени, чтобы справиться с собой. Но времени прошло достаточно, Даг, пора тебе ожить. Эта маленькая крестьяночка — тому доказательство. И я не хочу оказаться под обвалом, когда ты рухнешь.

— Тебе такое не грозит: мы уезжаем.

— Это хорошо, но недостаточно. Я хочу полу-

чить твое слово.

«Ничего у тебя не получится». Не была ли эта мысль своего рода решением? Даг знал, что доводы Мари поколебали его, но не переступил ли он уже черту? «И что это за черта?» Даг не мог бы сказать, но голова у него разболелась от жары, а усталость стала невыносимой. Грязь на одежде засохла, тело чесалось и воняло. Он мечтал о холодной ванне. Если подержать голову под водой достаточно долго, может быть, боль утихнет? Минут десять—пятнадцать...

— Если бы я погиб на Волчьем перевале, я все равно остался бы бездетным, — прорычал Даг. «Тогда даже мои родичи не могли бы жаловаться или по крайней мере мне не пришлось бы выслушивать...» — У меня есть план. Почему бы тебе просто не притвориться, что я умер?

Даг повернулся на каблуке и вышел из конюшни. Это было бы еще более впечатляющим, если бы Мари так яростно не выкрикнула ему вслед:

— Действительно, почему бы и нет? Ты ведь умер!

11

Даг полагал, что держит свой Дар в узде, но, по-видимому, его раздражение все-таки просачивалось настолько, чтобы трое выздоравливающих покинули баню через пять минут после его прихода. Впрочем, через некоторое время и тело, и разум его охладились достаточно, и Даг решил поискать себе полезное занятие, желательно не в обществе товарищей по дозору. Такое занятие нашлось: нужно было отнести к мастеру седло со сломанной лукой, а заодно и забрать сбрую, которую тот уже привел в порядок; это заполнило время до ужина и прибытия встревоженного Утау и остальных перемазанных грязью дозорных.

Доводы Мари были не так уж неверны... все они были правильны, мрачно признал Даг. Устыдившись, он добросовестно принялся укреплять самоограничения, которые еще недавно были для него естественны, как дыхание... дыхание, почему-то ставшее трудным, как если бы у него на груди лежал тяжелый камень. «Мертвецы не нуждаются в воздухе, а?»

Тем вечером за ужином Даг разговаривал с Фаун с безукоризненной вежливостью, но и только.

Девушка смотрела на него с любопытством и настороженностью. Однако за столом было достаточно других дозорных, к которым она могла приставать со своими вопросами; сегодня ее в основном интересовало, как организованы отряды и куда посылается дозор, так что молчание Дага внимания не привлекало.

Никогда еще сдержанность не казалась ему такой унылой.

Следующий день был официально посвящен отдыху и подготовке к веселушкам, и Даг позволил запрячь себя в доставку припасов из города, закупленных обрадованными дозорными. С Мари он увиделся всего на минуту: предложил себя в качестве охранника у входа и получил короткий отказ.

— Не могу же я поставить в охрану того дозорного, который разделался со Злым и в честь которого и устраивается празднество, — решительно сказала Мари. — Начнется бунт, и совершенно оправданный. — Поколебавшись, она неохотно добавила: — Позаботься о том, чтобы крестьянская девушка знала, что и она приглашена.

Вскоре после этого Даг попался в когти энтузиаста из отряда Чато, который собирал музыкантов-любителей и заставлял их репетировать, что

было ново для всех участников, и не освободился до того момента, когда пришло время идти за Фаун.

Фаун заглянула в зеркальце и нашла, что зеленые ленты, которые одолжила ей для прически Рила со сломанной ногой, очень хорошо подходят к ее зеленому платью. Рила учила Фаун заплетать косы, как это принято у Стражей Озера, что, как выяснилось, имело разные значения: строгий узел, как тот, что носила Мари, был знаком траура, кроме тех случаев, когда такая скромная прическа делалась перед боем. Эти знания позволили Фаун по-другому взглянуть на дозорных и вызвали у нее странное чувство: как будто мир повернулся у нее под ногами, пусть и чуть-чуть, и не мог уже теперь повернуться обратно. Во всяком случае, Фаун могла быть уверена, что, завязав волосы высоко на затылке лентами, так что кудри струились конским хвостом, она не сказала бы тем ничего, что не хотела бы сообщить одному дозорному...

Когда Даг подошел к ее двери, он выглядел веселым и спокойным, и Фаун подумала, что Мари, должно быть, накануне в конюшне сообщила ему какие-то плохие новости, из-за чего он и был таким угнетенным за ужином. Но теперь его гла-

за блестели. Простая белая рубашка заставляла его медную кожу сиять, запах болота, конского пота и усталости был смыт лавандовым мылом, к аромату которого примешивался его собственный теплый запах. Волосы Дага были вымыты и блестели и уже торчали в стороны, хоть и были недавно причесаны... и их очень хотелось погладить, если бы удалось дотянуться. Встать на цыпочки... Принести стремянку... Придумать еще что-нибудь...

В столовой все не слишком отличалось от обычного ужина — собравшиеся были голодными и шумными, — только на этот раз в комнате было тесно, потому что собрались одновременно дозорные из обоих отрядов. Бросалось в глаза только то, что все они были чистыми, а от многих еще и пахло душистой водой. На праздник все надели свою обычную одежду, только выстиранную и выглаженную. Фаун решила, что в седельных сумках не так уж много места, чтобы возить с собой наряды; по крайней мере женщины, как и всегда, были в штанах. Да и носят ли они вообще юбки? Вот в прическах отличие было заметно: некоторые молодые дозорные даже вплели в косы колокольчики.

Угощение и выпивка, в особенности выпивка,

подавались и в соседней комнате, где стулья были отодвинуты к стенам, а половики скатаны, чтобы не мешать танцам. Фаун нашла себе местечко рядом с другими выздоравливающими — Сауном, Рилой и тем бедолагой, которого накануне укусила змея и который теперь терпеливо сносил насмешки товарищей по этому поводу. Впрочем, любители подразнить зато разносили пиво и делали это часто. Фаун отхлебнула из своей кружки и поблагодарила дозорного застенчивой улыбкой.

Даг ненадолго исчез, но потом вернулся, ввинчивая что-то в деревяшку на своем запястье. Фаун изумленно заморгала, когда это оказался тамбурин с добавочным креплением, чтобы Даг мог надежно его удерживать.

— Надо же! Я и не знала, что ты на чем-то играешь! — Даг ухмыльнулся и пробежал пальцами по натянутой коже. Зажигательный ритм заставил Фаун приподняться со стула. — Как здорово! А на чем ты играл до того, как потерял руку?

— Да на тамбурине же, — весело ответил он. — Я пробовал играть на флейте, но никак не мог ее удержать, даже когда пальцев у меня было вдвое больше, чем сейчас. А когда я начинал играть на скрипке, меня ругали за то, что я мучаю кошку.

На тамбурине ведь нельзя сфальшивить. А кроме того, — заговорщицки понизил голос Даг, — это освобождает меня от обязанности танцевать. — Он подмигнул Фаун и отправился в дальний конец комнаты, где уже собирались другие дозорные.

Набор инструментов казался случайным, объединяло их лишь одно: все были маленькими, помещающимися в уголке седельной сумки: несколько флейт, деревянных, глиняных, костяных, две скрипки. В остальном оркестр состоял из барабанщиков, притащивших для себя со всей гостиницы тазы и сковородки. Собравшиеся в комнате притихли.

К тишине поднялся седовласый дозорный с флейтой и начал играть мелодию, которую Фаун нашла зачаровывающей; она почувствовала, как по спине побежали мурашки. Девушка пристально посмотрела на костяной инструмент, на поверхности которого была видна выжженная надпись, и внезапно почувствовала уверенность: кость принадлежала чьему-то родичу. Ведь костей бедра всегда две, но сердца рождаются по одному; так что же делают мастера Стражей Озера с излишками? Мелодия так брала за сердце, что не могла быть ничем иным, кроме молитвы или

гимна, сложенного в память о великом событии; Фаун видела, как губы многих дозорных шевелятся, повторяя слова, несомненно, всем известные. После окончания мелодии целую минуту стояла тишина; все сидели, опустив глаза.

Внезапная дробь ударных инструментов разорвала печаль в клочья; звуки были так сильны, что едва не выбивали стекол в окнах. Музыканты заиграли быстрый танец, и комнату тут же заполнили вскочившие на ноги дозорные. Они танцевали не парами, а целыми группами, выписывая сложные фигуры вокруг друг друга. Если не считать того, что никто не обращал внимания на пол партнера, это было похоже на крестьянские танцы в амбаре, хотя дозорные, похоже, обходились без распорядителя. Фаун подумала, что Стражи Озера, должно быть, используют для этого свой Дар: какими бы сложными ни были фигуры, почти никто не сбивался; если же такое случалось, раздавался свист и смех, и вся компания начинала танец снова, подхватив ритм музыки. Весело звенели колокольчики в косах. Даг стоял позади остальных музыкантов, четко отбивая ритм и иногда подчеркивая его звоном колокольчиков. Он выглядел удивительно довольным собой и, хотя не пел и ни с кем не разговаривал,

отвечал улыбкой на шутки окружающих.

Страсть молодых дозорных к быстрым танцам казалась ненасытной, но в конце концов запыхавшихся музыкантов сменили двое певцов. За окнами долгий летний день уступил место сумеркам, в комнате стало жарко от огня свечей и ламп, от разгоряченных тел. Даг вывинтил из крепления тамбурин и уселся у ног Фаун, подкрепляя силы пивом, которое непрерывно разносили добровольцы.

Одна из песен была Фаун совсем незнакома, вторая имела знакомую мелодию, но другие слова, а третью Фаун приходилось слышать, когда тетушка Нетти напевала ее за пряжей. Фаун стала гадать, сложили ли ее крестьяне или Стражи Озера... Певцами были мужчина и женщина из отряда Чато, и их голоса чудесно сочетались: ее — высокий и нежный, его — низкий и глубокий. Фаун к этому времени уже не могла бы сказать, вымысел или нет песня о заблудившемся дозорном, который танцует с волшебными медведями.

Потом к певцам присоединился игрок на флейте, и когда он заиграл вступление к следующей песне, Даг резко поставил на пол свою наполовину полную кружку. Его улыбка, обращенная к

Фаун, теперь скорее напоминала гримасу.

— Мне нужно выйти. Пиво, понимаешь ли... — Извинившись, Даг поднялся на ноги.

Три пары глаз встревоженно уставились на него: Мари, Утау и еще одного из старших дозорных... Мари даже сделала вопросительный жест: «Не нужно ли?..» — на что Даг только покачал головой и вышел из комнаты, не оглядываясь.

«Пять десятков воинов вышли в путь в тот день...» — начиналась песня, и Фаун быстро поняла, что вызвало неожиданный уход Дага: песня оказалась длинной балладой о битве на Волчьем перевале. В поэтическом кружеве не упоминалось имен, баллада говорила только о мужестве, жертвенности и победе, она звала слушателей проникнуться духом героев, и при других обстоятельствах Фаун сочла бы ее захватывающей. Большинство дозорных были искренне тронуты и зачарованы; Рила вытерла слезу, а Саун слушал разинув рот.

«Они не знают!» — поняла Фаун. Саун, который нес дозор с Дагом и утверждал, что хорошо его знает, не знал... Утау, слушавший, прикрыв рот рукой и с потемневшими глазами, знал; знала, конечно, Мари, кидавшая встревоженные взгляды на дверь, через которую вышел Даг и через

которую не спешил возвращаться... Наконец баллада кончилась и зазвучала другая песня, более жизнерадостная.

Когда Даг так и не вернулся, Фаун сама выскользнула из комнаты. Кто-то еще вошел в туалетную комнату, так что Фаун стала искать вне дома. Снаружи стояла приятная прохлада, голубые тени оживали в желтом свете, льющемся из окон и от фонарей, висящих у входа и над дверью конюшни. Даг сидел на скамье во дворе, откинув голову к стене, и смотрел на летние звезды.

Фаун села рядом с ним; дружеское молчание окутывало их как ночь. Несмотря на свет фонарей, звезды сияли ярко и казались близкими; небо было безоблачным.

— С тобой все в порядке? — наконец спросила Фаун.

— Ага. — Даг запустил руку в волосы и задумчиво добавил: — Когда я был мальчишкой, я просто обожал все эти героические баллады. Я знаю наизусть дюжины. Интересно, может быть, все эти старые боевые песни тоже казались непристойными воинам, которые выжили в тех битвах?

«А он ведь утверждает, что не умеет петь». Не в силах разрешить противоречие, Фаун сказала:

— По крайней мере такие песни помогают людям помнить.

— Да. К несчастью.

— Это была неплохая песня. Я сказала бы, что баллада превосходна. Как баллада.

— Я этого не отрицаю. Вины сказителя тут нет — кто бы ни сложил песню, он потрудился на совесть. Не будь баллада столь совершенной, она не вызывала бы у меня такого желания плакать или крушить все вокруг... — «Поэтому-то я и ушел». — Мой Дар немного чересчур чувствителен — под влиянием музыки. Я не хотел портить всем настроение. Собери вместе на неделю тридцать восемь усталых и нервных дозорных, и уныние быстро может стать заразным.

— Вы часто играете во время объездов? — Фаун попыталась представить себе дозорных, поющих и танцующих вокруг лагерного костра; должно быть, погода не всегда этому способствует...

— Изредка. В лагере вечера часто бывают очень занятыми: мы коптим мясо, сушим лекарственные растения, которые собираем по дороге, пишем отчеты и составляем карты. Если мы в дозоре верхом, много времени уходит на уход за конями. Кроме того, нужно обучать молодежь, да и опытным воинам необходимы тренировки. По-

чинка одежды и обуви, готовка, стирка... Это все простые занятия, но они никогда не кончаются.

Воспоминания заставили Дага говорить медленно и задумчиво.

— Отряды бывают разного размера — в северных землях в дозор отправляются человек сто пятьдесят — двести для большой сезонной охоты в безлюдных местах, но к югу от озера можно обходиться более короткими объездами и меньшими отрядами. Но даже в этом случае многие недели не видишь никого, кроме товарищей по отряду, так что вскоре все знают все песни, и начинаются сплетни. И деление на партии. И розыгрыши. И месть за розыгрыши. И драки из-за мести за розыгрыши. А потом и поножовщина из-за... ну, ты понимаешь. Хотя если командир отряда позволит завариться такому супу, можно не сомневаться: его ждет незабываемый разговор с Вороном-Громовержцем.

— Тебе такое выпадало?

— Не по данному поводу. Впрочем, любой разговор с Громовержцем оказывается незабываемым. — Даг почесал нос и улыбнулся, глядя на мягко светящиеся окна. Пение прекратилось, и снова зазвучали танцевальные мелодии. Топот ног заставлял весь дом вибрировать, как барабан.

— Так, что там еще... Все очень любят отправляться в лес за дровами теплыми летними ночами.

Фаун обратила внимание на юмор, с которым Даг произнес последнюю фразу.

— Казалось бы, дрова скорее нужны холодными зимними ночами.

— М-м-м... понимаешь, в теплую ночь никто не станет жаловаться, если человек проведет в лесу часа два и вернется без дров. Купание в реке тоже очень приятное дело.

— В темноте? — с сомнением спросила Фаун.

— Вопрос скорее возникает насчет реки, особенно когда начинаются заморозки. Хорошая прогулка тоже радует, если пришлось с рассвета еле тащиться. Ну а уж разведка и подавно привлекает многих добровольцев. Ведь в лесу водятся кровожадные белки, и каждую минуту можно ждать нападения. Всегда лучше быть в готовности. — Даг хихикнул.

— Ах вот что... — наконец поняла Фаун. Ее губы растянулись в улыбке, вызванной, впрочем, скорее редким зрелищем: веселыми морщинками в уголках глаз Дага.

— Только такие развлечения часто кончаются ссорами, люди перестают друг с другом разго-

варивать или, что еще хуже, препираются до бесконечности, так что хочется спрятаться под одеяло или завизжать. Впрочем, это мелочи, — снисходительно вздохнул Даг. — Опытные дозорные обычно ведут себя спокойно, это только молодежь бывает непоседливой. Ведь жизнь не ограничивается дозором. Объезды — это не те чрезвычайные обстоятельства, когда бросаешь все и совершаешь геройства, а потом навсегда возвращаешься домой. На рассвете следующего дня все начинается заново. Тебе все равно приходится подниматься и топать, куда положено. — Даг потянулся, и суставы его скрипнули, словно протестуя против раннего подъема. — Мы ведь не безумцы все как один, хотя иногда так кажется, — продолжал Даг тихо. — Благодаря Дару настроения в отряде оказываются очень заразными. Тут не нужны слова и жесты: все носится в воздухе. — Рука Дага очертила уходящую вверх спираль. — Вот как сейчас, например. Как только несколько человек откроются друг другу, возникает... утечка. Веселушки особенно хороши в этом отношении. Дом сейчас просто переполнен Даром. Какие только глупости не начинают казаться удачной идеей... спасибо отсутствующим богам за пиво.

— Пиво?

— Я пришел к выводу, что пиво, — Даг многозначительно поднял палец, и Фаун поняла, что он слегка пьян: друзья в изобилии снабжали музыкантов напитками, чтобы те играли с воодушевлением, — существует для того, чтобы на следующий день винить его во всех грехах. Это очень прискорбный напиток — пиво.

— Крестьяне пользуются им для того же самого, — заметила Фаун.

— Такова всеобщая потребность. — Даг моргнул. — Пожалуй, мне нужно добавить.

— Ты хочешь пить?

— Нет. — Даг согнулся и искоса глянул на девушку. Его глаза казались темными провалами, собравшими в себя всю ночную тьму. Свет фонаря создал оранжевый нимб вокруг его головы и ласково пробежал по покрытой потом коже. — Просто я оценил возможность раскаяния...

Он наклонился к Фаун, и она замерла от надежды такой отчаянной, что она ощущалась как страх. Не поцелует ли он ее? Его дыхание пахло пивом, усталостью... и Дагом. Сама Фаун дышать перестала.

Тишину нарушали только удары сердец.

— Нет, — вздохнул Даг. — Нет. Мари была права.

— Он выпрямился, а Фаун чуть не разрыдалась и едва не кинулась ему в объятия.

«Нельзя! Не смей! Он подумает, что ты... именно такая, как тебя назвал Идиот Санни». То мерзкое слово — «шлюха» — жгло память Фаун, как воспалившаяся рана. Это гадкое слово каким-то образом превратило ее в гадкое существо, как капля чернил или крови окрашивает воду. «Для Дага я хочу выглядеть красивой... высокой». Будь она выше ростом, никто не посмел бы называть ее всякими нехорошими словами просто за то, что она хотела так многого...

Даг вздохнул, улыбнулся и поднялся, протянул Фаун руку, и они вместе вошли в дом.

В холле Даг повернул голову и прислушался.

— Хорошо, что на тамбурине уже кто-то играет. Значит, до конца вечера обойдутся без меня. — И действительно, музыка, доносившаяся из-за двери, казалась более медленной и сонной. Даг двинулся к лестнице.

К Фаун наконец вернулся голос:

— Ты идешь наверх?

— Ага. Все было хорошо, но только для одного дня довольно. А ты?

— Я тоже немного устала. — Фаун двинулась следом за Дагом. То, что случилось (или не случи-

лось) на скамье во дворе, очень напоминало тот момент на дороге... какой-то поворот, который она прозевала.

Когда они достигли лестничной площадки второго этажа, какая-то дверь распахнулась, и из нее вывалились, хихикая, Дирла и двое дозорных из отряда Чато. Они весело приветствовали Дага и двинулись дальше по коридору. Фаун замерла на месте и вытаращила на них глаза: компания задержалась у двери Дирлы, один из парней обнял Дирлу за шею и поцеловал, хотя она все еще прижимала к груди руку второго... Высокая Дирла выставила вперед ногу, толкнула ею дверь, и вся компания исчезла в ее комнате; дверь закрылась, поставив точку на середине какой-то шутки.

— Даг, — нерешительно спросила Фаун, — что это было?

Даг насмешливо выгнул бровь.

— А что тебе показалось?

— Неужели Дирла... Я хочу сказать... неужели Дирла отправится в постель с этими ребятами?

— Похоже на то.

Похоже?.. Если его Дар сообщал ему хотя бы половину того, о чем он раньше говорил, то он должен бы знать точно...

— С обоими?

— Ну, в отряде обычно неравное число мужчин и женщин. Приходится искать выход. Дирла очень... э-э... щедра.

Фаун сглотнула.

— Ох...

Она следом за Дагом свернула в их коридор. Рази и Утау как раз отпирали дверь своей комнаты; от еле держащегося на ногах Утау разило пивом, а растрепавшиеся волосы Рази после танцев прилипли к его потному лбу. Оба вежливо пожелали Дагу доброй ночи и скрылись в своей комнате.

— Что ж, — сказала Фаун, стараясь быть справедливой, — жаль, что им не повезло и они не нашли себе женщин. Они слитком славные парни, чтобы страдать от одиночества. — Бросив подозрительный взгляд на Дага, Фаун спросила: — Почему это ты кусаешь собственное запястье?

Даг прочистил горло.

— Как-нибудь, когда я буду или гораздо более трезвым, или гораздо более пьяным, Искорка, я попытаюсь рассказать тебе очень запутанную историю о том, как эти двое умудрились жениться на одной и той же покладистой женщине в лагере Хикори. Скажем, теперь они присматривают друг за другом.

— Женщины твоего народа могут брать себе

больше чем одного мужа? Зараз? Ты разыгрываешь меня!

— Обычно не могут, но я тебя не разыгрываю. Я же говорю — история очень запутанная.

Они остановились перед дверью комнаты Дага, и он выдавил из себя улыбку.

— По-моему, Дирла жадина, — решила Фаун, — или эти парни уж очень покладисты.

— Ах нет. Среди цивилизованных Стражей Озера — а мы все принадлежим к таким — приглашает женщина. Мужчина соглашается или нет, и позволь тебе сказать, что вежливо отказаться, не обидев, не так уж легко. Не сомневаюсь: происходящее в комнате Дирлы — ее идея.

— У нас такое сочли бы слишком смелым. Только испорченные девушки или... или очень глупые так поступили бы. Хорошие девушки ждут, когда их попросят. — «И даже тогда ожидается, что они скажут «нет», если только мужчина не является владельцем земли». Даг правой рукой оперся о стену, нависая над Фаун, и посмотрел на нее сверху вниз. После долгой глубокомысленной паузы он выдохнул:

— Вот как? — Он закусил нижнюю губу так сильно, что отпечаток был виден еще некоторое время. Его глаза были похожи на темные озера,

в которые можно было упасть и не достичь дна.
— Так что, Искорка... сколько ночей мы, на твой взгляд, потеряли?

Запрокинув лицо, она сглотнула и дрожащим голосом пробормотала:

— Слишком много, да?

Нельзя было сказать, что они упали друг другу в объятия: скорее они кинулись друг на друга.

Даг пинком ноги распахнул дверь своей комнаты и так же пинком захлопнул ее, поскольку руки были заняты Фаун. Ее ноги не касались пола, но не только это было причиной ощущения полета; только половина его поцелуев попадала на ее губы, но это было ничего — любое прикосновение было радостью. Даг поставил ее на пол, потянулся к засову на двери и остановил себя, слегка задыхаясь. «Нет, сейчас нельзя остановиться...»

В его голос вернулась серьезность.

— Если ты в самом деле этого хочешь, Искорка, запри дверь.

Не сводя глаз с его милого, худого, встревоженного лица, Фаун заперла дверь. Дубовый засов вошел в петли с обнадеживающим стуком, который словно олицетворял соблюдение приличий. Даг неохотно оторвался от Фаун — только на то время, что понадобилось ему, чтобы подойти

к столу и вывернуть фитиль масляной лампы. Тусклый желтый огонек расцвел оранжевым сиянием, заполнив комнату светом и тенями. Даг неожиданно присел на край кровати, как будто ноги его больше не держали, и повернулся к Фаун, протягивая ей руку. Рука его дрожала. Фаун скользнула в кольцо его рук, потом опустилась на колени и запрокинула голову. Поцелуи Дага стали более медленными, словно он никак не мог распробовать ее губ, потом сделались нетерпеливыми, и его язык скользнул ей в рот. Странно, но приятно, решила Фаун, и старательно попыталась ответить ему тем же. Рука Дага зарылась в ее волосы, развязала ленту и раскинула кудри девушки по плечам.

Как в таких случаях избавляются от одежды? Санни просто задрал ей юбку и спустил штанишки; то же сделал Злой, если уж на то пошло...

— Ш-ш, что за темные мысли! — укорил ее Даг. — Будь здесь. Со мной.

— Откуда ты узнал, о чем я подумала? — спросила Фаун, стараясь не показать испуга.

— Да не узнал я. Я читаю Дар, а не мысли, Искорка. Иногда собственный Дар только сбивает с толку. — Его рука коснулась верхней пуговки ее платья. — Можно?

— Пожалуйста, — ответила Фаун с облегчением: больше можно было не беспокоиться, как это сделать... Оставалось только наблюдать и копировать.

Даг расстегнул остальные пуговки, мягко стянул рукав и поцеловал голое плечо. Фаун набралась смелости и занялась застежкой его рубашки. После того как было установлено взаимопонимание, дело пошло быстрее, одежда полетела на пол. Последнее, от чего избавился Даг, искоса взглянув на Фаун, был его протез; расстегнув ремешки, крепящие его к локтю, он положил его на стол. На запястье остались красные отметины там, где плоть соприкасалась с деревом и кожей. Фаун смутно уловила, что этот жест был с его стороны проявлением уязвимости и доверия гораздо большим, чем когда он снимал штаны.

— Свет... — нерешительно пробормотал Даг. — Свет? Я слышал, что крестьяне предпочитают темноту.

— Оставь, пусть горит, — прошептала Фаун, и Даг улыбнулся и откинулся на постели. Когда он вытянулся в полный рост, это оказалось очень много. Постель Дага была не такой узкой, как ее собственная в соседней комнате, но все равно он

занимал ее всю целиком. Фаун почувствовала себя как путешественник перед горным кряжем, протянувшимся от горизонта до горизонта. — Я хочу смотреть на тебя.

— Я же не роза, Искорка.

— Может быть, и нет. Но ты делаешь мои глаза счастливыми.

При этих словах в уголках глаз Дага появились очаровательные морщинки, и Фаун пришлось дотягиваться, чтобы поцеловать их. Фаун всем телом скользила по Дату. Мускулы Дага были длинными и твердыми, кожа торса загорела неравномерно там, где была или не была закрыта рубашкой, а ниже талии, на бедрах выглядела совсем белой. Легкая поросль темных волос на груди густела, спускаясь по животу, и пальцы Фаун зарылись в завитки. Что открыли Дагу насчет нее его странные чувства Стража Озера? Фаун сглотнула и отважилась сказать:

— Ты говорил, что можешь определить...

— А-а? — Рука Дага гладила ее грудь; как могла такая нежная ласка неожиданно вызвать сладкую боль?

— Время, когда женщина может зачать... ты говорил, что можешь это определить. — Нет, может быть, это касалось только женщин его народа?

— Красивый узор в ее Даре, ты говорил. — Ну да, ведь она поверила Санни насчет постельных сказочек... если не злонамеренной лжи, что так дорого ей обошлось, а ведь слова Санни казались более правдоподобными, чем сказанное Дагом. Фаун поежилась. «Может, я опять веду себя как дура?» Ее мысли были прерваны Дагом, который приподнялся, опираясь на левый локоть, и посмотрел на Фаун с серьезной улыбкой.

Его рука коснулась отметин, оставленных Злым на ее животе, которые превратились в отвратительные черные шрамы.

— Сегодня ты ничем не рискуешь, Искорка. Только мне не следует... не следует в полной мере заниматься с тобой любовью так скоро после твоих увечий. Ты так миниатюрна, а я... Существует много других вещей, которым я очень хотел бы тебя научить.

Фаун с опаской глянула вниз и под прекрасной рукой Дага разглядела параллельные черные линии; ее передернуло от чувства вины и печали. Сможет ли она когда-нибудь оказаться в постели с кем-то без этого потока нежеланных воспоминаний? А потом она подумала, что у Дага, который, несомненно, обладал гораздо большим грузом, накопившимся в памяти, существует та

же проблема.

— Ш-ш, — прошептал Даг, касаясь пальцем ее губ, хотя Фаун вслух ничего не говорила. — Стремись к легкости, яркая Искорка. Ты не предашь своей печали, если на час отложишь ее. Она терпеливо дождется, пока ты снова не вернешься к ней.

— Сколько же это будет длиться?

— Время обкатывает горе, как река — гальку. Его тяжесть никуда не денется, но острые края перестанут ранить тебя при каждом прикосновении. Только нужно позволить времени пройти: торопить его нельзя. Мы носим волосы узлом в течение года после потери, и это не слишком долго.

Фаун протянула руку к темным волосам Дага, лаская и накручивая их на пальцы. Пальцы были довольны... Фаун слегка дернула одну прядь.

— Так что все же значит твоя короткая стрижка?

— Попытку избавиться от вшей, — пробормотал Даг. Его слова заставили Фаун хихикнуть, что, несомненно, и было целью Дага.

— Да брось, не было у тебя никаких вшей!

— Ну, в последнее время не было. Можно поговорить и о вшах, только для моих губ найдется

более приятное занятие. — Даг начал целовать тело Фаун, постепенно опускаясь все ниже и ниже, и девушка подумала, что его язык обладает собственной магией, поцелуи зажигают на коже холодное пламя... а сказанные им слова, казалось, сняли с ее сердца тяжелый камень.

У Фаун замерло дыхание, когда язык Дага коснулся ее соска и стал делать с ним восхитительные вещи. Санни просто щипал ее за грудь сквозь платье... проклятие, мысли о Санни преследуют ее даже сейчас... Рука Дага скользнула вверх, пальцы принялись ласкать ее лоб, потом Даг сел.

— Перевернись, — пробормотал он. — Давай-ка разотрем тебе спину. Думаю, что смогу привести твое тело и Дар в лучшее состояние.

— Зачем? Если ты хочешь...

— Я не стану говорить «доверяй мне» — просто попробуй, — прошептал Даг, зарывшись лицом в ее темные кудри. — Попробуй.

Для человека с одной рукой он справляется удивительно хорошо, мелькнула у Фаун, уткнувшейся лицом в подушку, смутная мысль. Горестные воспоминания как будто полностью растаяли... Постель скрипнула, когда Даг поднялся, и Фаун открыла один глаз. «Нельзя дать

ему уйти...» — встревожилась она, но Даг тут же вернулся. Раздалось тихое бульканье, холодная капля упала в ложбинку на спине Фаун, она ощутила запах ромашки и клевера.

— Ох, у тебя есть это чудесное масло! — Фаун на секунду задумалась. — Давно оно у тебя?

— С неделю. — Фаун приглушенно хихикнула. — Ну да, ведь дозорный должен быть готов к любому непредвиденному случаю.

— Разве это непредвиденный случай?

— Дай мне еще немножко времени, Искорка, а там выяснится... И для моей руки это полезно — она загрубела. Ведь не хочешь же ты, чтобы мои ногти поцарапали тебя в чувствительном местечке.

Масло изменило характер его прикосновений; Даг добрался до пальцев ног Фаун, перевернул ее и двинулся снова вверх.

Его рука... К которой скоро присоединился язык, очень нежный и касавшийся самых неожиданных мест... Касания были как шелк... там, там и там... Ах! Фаун подскочила от изумления, потом снова растянулась на спине. Значит, вот так и занимаются любовью... Стражи Озера. Замечательно приятно, хотя Фаун начало казаться, что удовольствие несколько одностороннее.

— Разве теперь не твоя очередь? — обеспокоенно спросила она.

— Еще нет, — неразборчиво пробормотал Даг. — Мне и так хорошо. А твой Дар почти пришел в норму. Дай мне только...

Минуты пролетали незаметно. Фаун подхватил водоворот, необыкновенно сладостный и неожиданный. Прикосновения Дага стали тверже, быстрее, увереннее. Глаза Фаун закрылись, дыхание сделалось быстрым, а спина выгнулась. Потом у нее перехватило дух, и она замерла, напрягшись, с открытым ртом, когда все ее чувства словно взорвались, ослепительный свет залил ее мозг, обжигающий поток окатил ее с ног до головы и отхлынул.

Фаун расслабилась и лежала, дрожа и поражаясь испытанному. Когда к ней вернулись силы, она подняла голову и оглядела свое тело, ставшее новым и незнакомым. Даг, опершись на локоть, смотрел на нее темными блестящими глазами с самодовольной улыбкой.

— Стало лучше? — осведомился он, как если бы не знал.

— Ох... Это что — магия Стражей Озера? — Неудивительно, что за такими возлюбленными люди были готовы идти на край света.

— Ничего подобного. Это собственная магия маленькой Искорки. Твоя собственная.

Сотни тайн взлетели и растворились в ночи, как стая вспугнутых птиц.

— Понятно, почему люди стремятся к такому. Теперь мне стало ясно...

— Конечно. — Даг передвинулся на постели и снова поцеловал Фаун. Ее собственный запах у него на губах, мешающийся с ароматом ромашки и клевера, немного смутил Фаун, но она отважно ответила на поцелуй. Ее губы скользнули по его скулам, векам, решительному подбородку и вернулись к губам. Фаун беспомощно хихикнула и ощутила долетевший из глубины груди Дага ответный смешок.

Фаун касалась Дага, но до сих пор не ласкала его. Наверняка теперь его очередь получить свою долю... Руки могут работать в двух направлениях. Фаун села, преодолевая головокружение.

Даг вытянулся на постели и улыбнулся; глаза в милых морщинках выжидающе смотрели на Фаун, такие притягательные. Даг был открыт взгляду Фаун, и это заново поразило ее. Открыт весь, кроме, конечно, загадочного Дара. Это начинало казаться Фаун несправедливым. Ладно... Где начать и как начать? Фаун вспомнила, как

это делал Даг.

— Можно мне... тоже тебя потрогать?

— Пожалуйста, — выдохнул Даг.

Может быть, это было чистым подражанием, но начало было положено, а начавшись, действия Фаун обрели собственный импульс. Она покрыла поцелуями все тело Дага и вернулась к середине.

Ее первое осторожное прикосновение заставило Дага вздрогнуть и судорожно втянуть воздух; Фаун испуганно отпрянула.

— Да нет, все в порядке, — пропыхтел он. — Я просто... несколько повышенно чувствителен в данный момент. Ты хорошо делаешь... Почти все, что ты можешь сделать, будет хорошо.

— Чувствителен... Ты так это называешь? — Уголки губ Фаун поползли вверх.

— Я пытаюсь выражаться вежливо, Искорка.

Она начала экспериментировать — касаться, гладить, стискивать, гадая, правильно ли делает. Ее руки казались неуклюжими и слишком маленькими. Периодические вздохи Дага мало о чем ей говорили, хотя иногда его рука накрывала ее, молча направляя, куда нужно. Говорило ли такое пожатие об удовольствии или боли? Его терпеливость в отношении боли, когда Фаун вспомнила о ней, была несколько пугающей.

— Можно мне попробовать растереть тебя твоим маслом?

— Безусловно! Хотя... в этом случае все может кончиться довольно быстро.

Фаун заколебалась.

— Не сможем ли мы как-нибудь... заняться этим снова?

— О да. Я очень обновляем — просто не очень быстро. — Даг вздохнул. — Не так, как когда я был моложе. Впрочем, сегодня это для меня кстати.

«И для меня». Терпеливость Дага вызвала в ней смирение.

— Ну что ж...

Масло заставило руки Фаун соскальзывать; это интриговало ее, а ему, казалось, доставляло удовольствие. Фаун постепенно становилась смелее. Вот такое прикосновение, например, заставляет его вздрагивать... нет, выгибаться, как это раньше было с ней.

— Смелая Искорка! — выдохнул Даг.

— Так хорошо?

— Да...

— Я подумала, раз такое было приятно мне, то и тебе будет приятно тоже.

— Умница, — прошептал он, снова закрывая глаза.

Фаун замерла.

— Пожалуйста, не смейся надо мной!

Даг открыл глаза, и брови его поползли вверх. Он поднял голову и, хмурясь, посмотрел на Фаун.

— И не думал. У тебя самый ненасытный ум, какой мне только посчастливилось встретить. Тебе может не хватать знаний, но разум у тебя остер, как клинок.

Фаун задержала дыхание, чтобы не всхлипнуть от изумления. Слова Дага не могли быть правдой, но как же приятно было такое услышать!

Заметив ее недоумение, Даг немного нетерпеливо проговорил:

— Послушай, дитя, не можешь же ты быть такой сообразительной и сама об этом не подозревать!

— Папа говорил, что я, должно быть, дура, раз задаю все время так много вопросов.

— Ничего подобного. — Даг склонил голову к плечу, и в глазах его появилось странное отсутствующее выражение. — В твоем Даре есть темное пятно, глубокий провал. Трещина, закупорка... Я... Боюсь, потребуется не один час, чтобы добраться до дна.

Фаун сглотнула.

— Тогда давай отложим это, как и другие камни. Тут нет ничего спешного. — Фаун склонила

голову. — Я перестала заниматься тобой.

— С этим не поспоришь...

Язык, как и пальцы, обнаружила Фаун, так же хорошо действует на мужчин, как и на женщин, хотя и по-иному. Прекрасно! Что будет, если сделать так, и так, и так... а теперь то и это одновременно?..

Фаун все выяснила... Наблюдать за результатом было увлекательно. Даже с неудобной точки зрения Фаун разглядела, как выражение лица Дага стало таким отсутствующим, словно он впал в транс. На мгновение Фаун показалось, что левитация — одно из магических умений Стражей Озера; Даг, казалось, был готов взлететь с постели.

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросила Фаун, когда тело Дага перестали сотрясать судороги. — У тебя на лбу появились такие странные морщины, когда... э-э... у тебя выгнулась спина.

Даг махнул рукой, пытаясь отдышаться; глаза его были зажмурены, потом наконец открылись.

— Прости, что? Прости... Пришлось дождаться, пока перед глазами перестанут взрываться белые искры. Ими было никак не налюбоваться.

— Такое с тобой часто случается?

— Нет. Вот уж нет...

— Так ты в порядке? — снова спросила Фаун. Улыбка осветила лицо Дага, как вспышка огня.

— В порядке? Я думаю, что я просто потрясен. — Из положения, в котором было бы трудно даже приподняться, он взметнулся, обеими руками обвил Фаун, прижал к своей груди и стал покрывать поцелуями ее лицо. Смех вызвал новые прикосновения, которые вели к...

— Даг, ты колешься.

— Ничего подобного. Разве что в некоторых местах... — Когда Даг снова перестал ловить ртом воздух, он добавил: — Фаун, ты ненасытна. Мне это в женщинах нравится. Боги, я не смеялся столько с тех времен... даже не могу вспомнить с каких.

— Мне нравится, как ты хихикаешь.

— Я не хихикаю. Это было бы ниже достоинства человека моего возраста.

— Тогда что это был за шум?

— Фырканье. Да, определенно, фырканье.

— Ладно, — согласилась Фаун, — все равно это тебе шло. Да тебе и все идет. — Она села, опираясь на локоть, и ее взгляд совершил долгое путешествие вдоль его тела. — Нигде на тебе ничего нет, это тоже тебе идет. Тут есть даже какая-то

несправедливость.

— Ох, как будто ты не выглядишь как… как…

— Как что? — выдохнула Фаун, снова утопая в его объятиях.

— Свежая. Аппетитная. Прекрасная. Как весенний дождь и свет звезд.

Даг снова прижал ее к себе, их поцелуи стали более долгими и ленивыми. Сонными. Дагу стоило огромного усилия протянуть руку, чтобы погасить лампу. Теплый воздух летней ночи колыхал занавески. Даг потянулся за простыней и накинул ее на них обоих. Фаун свернулась калачиком, прижавшись ухом к груди Дага, и закрыла глаза.

«Куда угодно, хоть на край света», подумала она, все глубже погружаясь в бархатную темноту.

12

Ясные рассветные часы Даг посвятил тому, чтобы у Фаун не осталось сомнений: нет никакой необходимости оставлять первое в жизни незабываемое впечатление единственным. Когда они проснулись окончательно, время приближалось к полудню. Даг серьезно обдумывал возможность затаиться до тех пор, пока дозорные, как и было запланировано, в полдень отправятся в объезд, но этому помешал внезапно охвативший их с Фаун волчий голод. Пришлось подняться, одеться, умыться и отправиться выяснять, нельзя ли еще что-нибудь получить на завтрак.

Фаун первой начала спускаться по лестнице; ей пришлось прижаться к перилам, чтобы пропустить Утау, направлявшегося наверх за своими вещами. Следовавший за ней Даг широко улыбнулся товарищу по дозору. Голова Утау, в изумлении вытаращившего на них глаза, повернулась чуть ли не 180 градусов, так что он со стуком врезался в стену. Восстановив равновесие, он посмотрел вслед Дагу, который предусмотрительно поспешил за Фаун до того, как Утау заговорил. После этого происшествия Даг решил,

что ему следует лучше контролировать свое лицо, норовившее расплыться в улыбке, и свой искрящийся Дар. Ответственный, зрелый, уважаемый дозорный не должен разгуливать, сияя, как полая тыква с вырезанными глазами и вставленной внутрь свечкой. Так можно и лошадей испугать...

Отряд Мари должен был вернуться на север и возобновить свою работу там, где она была прервана две недели назад из-за призыва на помощь из Глассфорджа. Пополнив свои финансы платой горожан за избавление от Злого, Чато намеревался продолжить намеченное ранее: закупить лошадей в засушливых степях к югу от реки Грейс. Продвижение его отряда на какое-то время должно было замедлиться из-за того, что приходилось везти на телеге Сауна и Рилу, которые еще не могли ехать верхом. Предполагалось, что раненые останутся до выздоровления в лагере Стражей Озера, охранявших переправу через реку, и присоединятся к дозорным на обратном пути. Оба отряда намеревались отправиться в путь в полдень — должны же были люди прийти в себя после празднества накануне. Даг видел в этом умиротворяющее влияние Чато: Мари была вполне способна отдать приказ о выступлении

своего сонного отряда на рассвете, скрыв свое злорадство за деловитостью. Мари, несомненно, была любимой тетушкой Дага, но встреча с ней не сулила ничего приятного, и Даг молился отсутствующим богам, чтобы этим утром они его от этого избавили.

После завтрака Даг помог погрузить имущество Сауна на телегу; тут выяснилось, что его молитва, как обычно, осталась без ответа: Мари стояла рядом, держа под уздцы своего коня, и смотрела на Дага с молчаливым осуждением.

Даг поднял брови, изо всех сил стараясь не усмехнуться или, того хуже, не фыркнуть.

— Что?

Мари сделала глубокий вдох, но просто выдохнула воздух.

— Свихнувшийся дурак. Разговаривать с тобой все равно что увещевать вон тех чирикающих крапивников на вязе. Я свое слово сказала. Жду тебя обратно через несколько недель. Может быть, к тому времени новизна приключения повыветрится и разум вернется к тебе — не знаю. Можешь сам объясняться с Громовержцем — вот все, что я могу сказать.

Даг распрямил плечи.

— Я это непременно сделаю.

— Эх... — Мари отвернулась, разбирая поводья, но снова взглянула на Дага — уже не с гневом, а с озабоченностью. — Будь осторожен в крестьянских землях, Даг.

Даг предпочел бы едкую выволочку этому проявлению искренней заботы, против которой он был беззащитен.

— Я всегда осторожен.

— По моим наблюдениям, это не всегда так, — сухо бросила Мари. Даг молча помог ей сесть в седло, за что Мари поблагодарила его кивком, с усталым вздохом разворачивая коня. Мари, заметил Даг, за последние два года стала совсем худой... Он улыбнулся ей на прощание, но это только заставило Мари пригнуться к луке и тихо сказать:

— Я видела тебя во всяком настроении — в том числе и отвратительном. Я никогда еще не видела тебя таким откровенно счастливым. Прямо плакать хочется мне, старухе... Что ж, тогда позаботься и об этой девчонке тоже.

— Я так и собираюсь.

— Хм-м... Уж тут сомнений нет. — Мари покачала головой и щелкнула языком, посылая коня вперед, а Даг с опозданием вспомнил, что в последний раз говорил ей о своих планах.

Однако он почти мог видеть, как его место в мыслях Мари заняли те сотни мелочей, о которых должен думать командир отряда в походе, как то было хорошо известно Дагу. Взгляд Мари обратился на дозорных, проверяя их снаряжение и коней, оценивая готовность и находя многое, чем еще нужно заняться. Немедленно. В который раз...

Фаун помогала Риле — как казалось Дагу, раненая дозорная принадлежала к тем нескольким дюжинам друзей, которых девушка завела за последнюю неделю. Молодые женщины весело попрощались, и Фаун спрыгнула с телеги и встала рядом с Дагом, глядя, как отряд, выстроившись в колонну, выезжает со двора. Всадники махали ей не меньше, чем Дагу. Через несколько минут за отрядом Мари последовали и дозорные Чато, ехавшие из-за телеги медленнее. Саун попрощался с Дагом и Фаун со всем энтузиазмом, который позволяли его увечья. Наконец во дворе наступила тишина.

Даг вздохнул, раздираемый противоречивыми чувствами: облегчением, сопутствующим избавлению от шумной толпы дозорных, и угнетающим чувством одиночества, всегда возникающим, когда он расставался с товарищами по отряду. Он сказал себе, что бессмысленно

страдать от обоих этих чувств разом; к тому же имелись вполне практические основания соблюдать осторожность, оказавшись единственным Стражем Озера в городе, полном крестьян, поэтому Даг поспешил завернуться в свою обычную настороженную вежливость... только на этот раз внутри укрытия оказалась и Фаун.

Оставшиеся без дела конюхи отправились в кладовую или на кухню, отдыхая от влажной жары и переговариваясь друг с другом.

— Твои дозорные не такие уж плохие ребята, — проговорила Фаун, задумчиво глядя вслед отрядам. — Я не думала, что они меня примут, а вон как вышло!

— Это был отряд в дозоре. В лагере все окажется иначе, — рассеянно пробормотал Даг.

— В чем?

— Э-э... — На ум Дагу пришли только глупые банальности: «Время покажет», «Не накаркай неприятностей»... — Сама увидишь.

Даг испытывал странное отвращение к необходимости этим ясным утром объяснять Фаун, что его личная война со Злыми была не единственной причиной, заставившей его вызваться нести дозор дольше, чем любой другой воин в лагере Хикори. Его рекорд составлял семнадцать

месяцев без возвращения в лагерь, хоть для этого ему и пришлось несколько раз менять отряды.

— Мы тоже должны выехать сегодня? — спросила Фаун.

Даг, вздрогнув, пришел в себя и обвил рукой талию Фаун, прижав ее к себе.

— На самом деле нет. Отсюда до Лампгона два дня пути, но нам нет нужды ехать быстро. Можно не спеша выехать завтра и делать небольшие переходы. — Или выехать еще позднее, возникла у Дага соблазнительная мысль.

— Я подумала, не следует ли мне освободить свою комнату. Я ведь не из отряда Стражей Озера.

— Что? Нет! Комната твоя, пока она тебе нужна, Искорка! — негодующе воскликнул Даг.

— Ну что ж, тебе виднее... — Фаун закусила губу, но глаза ее, как заметил Даг, блестели. — Может, я могла бы спать с тобой? В целях... в целях экономии.

— Ну конечно, экономия! Да, ты права. Какая ты предусмотрительная, Искорка!

Фаун весело подмигнула Дагу; когда она подмигивала, на щеке у нее появлялась очаровательная ямочка, отчего сердце Дага таяло, как масло на солнце.

— Пойду перенесу свои вещи, — сказала Фаун.

Даг двинулся следом, чувствуя себя в точности таким потерявшим рассудок, как назвала его Мари. Ну не мог же он вприпрыжку бегать по улицам Глассфорджа, выкрикивая в голубое небо на радость населению: «Она сказала, что я дарю ее глазам счастье!»

А ведь очень хотелось...

Назавтра они не выехали: шел дождь. Послезавтра тоже: дождь все еще нависал. Еще через день утром Даг заявил, что Фаун слишком утомлена успешными постельными экспериментами прошлой ночи для того, чтобы ехать верхом, хотя к полудню она весело скакала как блоха; впрочем, сам Даг хромал, растянув мышцы во время ночных упражнений. Это послужило оправданием для того, чтобы задержаться ещё на день. Даг представил себе разговор с Громовержцем: «Почему ты так задержался, Даг?» — «Прошу прощения, сэр, я поранился, страстно занимаясь любовью с крестьянской девушкой». Да уж, порадуется Громовержец!

Наблюдать за тем, как Фаун открывает для себя наслаждения, которые могло ей подарить ее собственное тело, было для Дага так же увлекательно, как когда-то смотреть на водяные

лилии. Ему пришлось возвратиться к давним воспоминаниям, чтобы найти сравнение: ведь сам он сделал соответствующие открытия в раннем возрасте. Он помнил, что сначала был даже немного испуган. Теперь же обнаружилось, что ему не требуется напрягать воображение, чтобы разнообразить удовольствия для Фаун: она все еще была очарована тем чудом, которое дарило ей повторение ласк. Так что Даг, пожалуй, все еще вполне мог справляться с ситуацией.

Даг также открыл в себе слабость, о которой раньше не подозревал: любовь к растиранию ног. Если Фаун хотелось удержать его на одном месте, ей не было надобности связывать его — стоило ее маленьким сильным рукам двинуться вниз от колена, как Даг замирал, словно от удара по голове, и лежал неподвижно, стараясь только не пускать слюни в подушку. В такие моменты возможность никогда не покидать постели до конца жизни представлялась ему лучшим вариантом рая.

«До тех пор, пока с ним в постели Фаун...» Короткие летние ночи были очень наполнены, но Дага поражало, как быстро пролетают и длинные летние дни. Короткая поездка за город, чтобы Фаун могла познакомиться со своей новой лошадью и оценить удобство одежды для верховой

езды, превратилась в пикник у реки и объятия под занавесом ветвей ивы, длившиеся до темноты. На постоялый двор снова заглянул Сасса, родич Хорсфордов, и Даг обнаружил, что Фаун обладает ненасытным аппетитом в посещении ремесленников Глассфорджа. Ее бесконечное любопытство и страсть задавать вопросы ни в коей мере не были обращены только на дозорных, но охватывали, казалось, весь безграничный мир. Сасса был не только добровольным проводником, но и гордился своими знаниями и обилием родственных связей, в результате чего они побывали в мастерских по обжигу кирпичей, ювелирной лавке, у кожевника, на трех мельницах и у горшечника, где Фаун вылепила горшок под увлеченным руководством мастера и с наслаждением перемазалась глиной. Наконец, они еще раз побывали в собственной мастерской Сассы, потому что раньше Даг пропустил это удовольствие, отправившись объезжать болота.

Сначала Даг проявлял просто вежливый интерес — он редко обращал внимание на что-либо, что не касалось выслеживания и уничтожения Злых, — но вскоре обнаружил, что увлечение Фаун заразило и его. Мастера-стекольщики так искусно и трудолюбиво соединяли пламя и песок,

создавая хрупкие сверкающие чудеса!

«Это магия крестьян, а они даже не понимают этого!»

Даг зачарованно следил, как комки стеклянной массы помещаются в формы и из них выдуваются абсолютно одинаковые изделия. Сасса подарил Фаун чашу, за изготовлением которой она следила при своем первом посещении, теперь отполированную, и девушка решила отвезти ее своей матери. Даг сомневался, что чаша доедет в целости в седельной сумке до Вест-Блу, но Сасса раздобыл коробку, набитую соломой, и надежды Фаун воспрянули. Везти большую коробку было неудобно, и Даг собрал все свое мужество, чтобы справиться с ситуацией.

Потом Фаун распаковала чашу и поставила ее на стол рядом с их кроватью, чтобы любоваться ею в вечернем свете. Даг, сидя на постели, почти с таким же интересом наблюдал, как узоры на стекле рождают дрожащую радугу.

— У всех предметов есть Дар, — заметил Даг, — за исключением тех, которых его лишил Злой. Дар живого существа постоянно движется и изменяется, но даже камни издают тихое ровное пение. Когда Сасса приготовил стеклянную массу и начал ее выдувать, ее Дар стал почти живым

— такой большой была перемена. Теперь Дар снова успокоился, но стал другим... как если бы, — Даг взмахнул рукой, словно в поисках нужного слова, — как если бы чаша запела более веселую мелодию.

Фаун отступила на шаг, уперев руки в бедра, и бросила на Дага слегка огорченный взгляд, словно, сколько бы вопросов она ни задавала, он уходил от нее куда-то, куда она не могла за ним последовать.

— Значит, — медленно проговорила Фаун, — раз Дар в предметах передвигается... нельзя ли при помощи перемещения Дара двигать предметы?

Даг испытал легкое потрясение. Случайность или строгая логика заставила Фаун задать вопрос, который оказался так близко к сердцу тайн Стражей Озера? Даг заколебался.

— В теории это так, — наконец сказал он. — Не хочешь ли увидеть, как Страж Озера передвинет Дар этой чаши с одного конца стола на другой?

Глаза Фаун загорелись.

— Покажи!

Даг с серьезным видом протянул руку и передвинул чашу на шесть дюймов.

— Даг! — с возмущением воскликнула Фаун. — Я-то думала, ты покажешь мне волшебство!

Даг ответил ей улыбкой — он и вообще не мог на нее смотреть, не улыбаясь.

— Пытаться передвинуть предмет с помощью его Дара — все равно что нажимать на короткий конец рычага. Всегда легче сделать это рукой. Хотя и говорят... — Даг снова заколебался. — Говорят, что древние лорды-волшебники умели объединяться в группы ради больших чудес. Вроде того как мы объединяем Дар пострадавшего и Дар целителя для излечения или как соединяются влюбленные, только с использованием секрета, который утерян.

— А теперь вы такого не умеете?

— Нет. Мы слишком отстали. Может быть, наша кровь была осквернена в темные времена — никто не знает. Как бы то ни было, это к тому же запрещено.

— А ваши объезды?

— Во время объездов используется просто восприятие. Такая же разница, как, наверное, между тем, чтобы нащупать предмет рукой, и его перемещением.

— А почему перемещение запрещено? Или не разрешается объединяться в группы ради перемещения предметов?

Дагу следовало бы знать, что его слова вызовут

новые вопросы. Кинуть Фаун факт было все равно что кинуть кусок мяса стае голодных собак: это вызывало только потасовку.

— Это приводило к печальным результатам, — ответил он успокоительно, да только по тому, как Фаун надула губы и наморщила лоб, стало ясно, что это не сработает. Что ж, раз не помогает успокоение, попробуем отвлечение. — Впрочем, позволь сказать тебе, что ни один дозорный не сунется в Лутлию, не научившись отгонять москитов при помощи Дара. Ужасные твари — высасывают всю кровь досуха!

— Вы используете магию, чтобы отгонять москитов? — переспросила Фаун, словно не могла решить: впечатлиться или обидеться. — У нас для этого есть рецепт жуткой гадости, которой можно обмазаться. Если знаешь, из чего она делается, предпочтешь быть искусанной.

Даг усмехнулся, потом вздохнул.

— Говорят, мы — выродившийся народ, и я в это верю. Древние лорды строили великие города, корабли, дороги, изменяли собственные тела, получали долголетие… а под конец разрушили свой мир. Я, правда, думаю, что до этого момента все было по-настоящему здорово. Мы… я отгоняю москитов и еще могу позвать или прогнать своего

коня, после того как обучу его такому. И помогаю, если повезет, излечить раны. И вижу благодаря Дару двойственность мира. Боюсь, что только в этом и заключается магия Дага.

Фаун посмотрела ему в лицо.

— И убиваешь Злых, — медленно проговорила она.

— Ага. Это мое основное занятие.

Даг потянулся к Фаун и заглушил ее следующий вопрос поцелуем.

Совести Дага потребовалась почти неделя, чтобы заставить его прекратить витать в облаках и вернуться на землю. Ему хотелось просто сбросить с себя надоевшую тяжесть... но однажды утром, вернувшись в свою комнату после бритья, он обнаружил полуодетую Фаун перед мешком; девушка, хмурясь, смотрела на разделяющий нож на дне.

Даг подошел и обнял Фаун, прижавшись голой грудью к ее голой спине.

— По-моему, нам пора, — сказала Фаун.

— Я тоже так думаю, — вздохнул Даг. — Не то чтобы я отлынивал от дозора годами, но Мари отпустила меня ради разгадки тайны ножа, а не для того, чтобы я наслаждался этим раем на постоялом дворе. Слуги уже давно на меня косятся.

— Со мной они были все время любезны, — уточнила дотошная Фаун.

— Ты легко заводишь друзей.

Все на постоялом дворе — от поварихи, судомоек, горничных, конюхов до хозяина и его жены — опекали Фаун, героиню-крестьянку. Дошло до того, что Даг заподозрил: стоит Фаун распорядиться: «Выкиньте этого долговязого на улицу», — и он тут же окажется в дорожной пыли в обнимку со своими седельными сумками. Жители Глассфорджа, работавшие на постоялом дворе, привыкли к дозорным и их странным обычаям, но Дагу было совершенно ясно, что они еле терпят неподходящую пару, да и то только ради Фаун. Теперь здесь появились другие постояльцы, возчики и речники, которые косились на Дага с Фаун, обмениваясь сплетнями на их счет.

Даг гадал, насколько косые взгляды будут на него бросать в Вест-Блу. Фаун постепенно примирилась с предполагаемой остановкой в ее родной деревне, отчасти из-за его описаний того, как беспокоятся ее родители, отчасти благодаря его обещанию не бросить ее. Это было единственное обещание, о повторении, которого она его просила.

Даг поцеловал Фаун в макушку и скользнул

пальцем по заживающим царапинам на ее левой щеке.

— Твои синяки совсем побледнели. Думаю, что если я привезу тебя к родителям в роли твоего защитника, это будет выглядеть более убедительно, если ты не будешь похожа на жертву пьяной драки.

Губы Фаун дрогнули, она поцеловала руку Дага, но ее пальцы тут же коснулись отметин, оставленных на ее шее Злым.

— Эти-то не пройдут.

— Не ковыряй!

— Они чешутся. Когда наконец корочка отвалится? Другие-то шрамы уже зажили.

— Достаточно скоро, на мой взгляд. Эти глубокие красные вмятины еще какое-то время сохранятся, но потом они побледнеют — почти как любые другие шрамы — и станут серебристыми.

— Ох... Тот длинный блестящий шрам у тебя на ноге — от колена и вокруг бедра — это след когтей Злого? — Фаун за последние дни и ночи исследовала все отметины на его теле со старательностью картографа и теперь требовала объяснения каждой.

— Он просто задел... Я отскочил, а мой напарник

в следующий момент вонзил в Злого нож.

Фаун повернулась и обняла Дага за талию.

— Я рада, что он не задел выше, — серьезно сказала она.

Даг подавил ухмылку.

— Я тоже, Искорка!

К полудню они выбрались на большак.

Ехали они не торопясь: отчасти потому, что ни один не спешил добраться до места назначения, но главным образом из-за душной влажности после недавнего дождя. Лошади еле брели под раскаленными лучами солнца. Всадники беседовали или молчали, на взгляд Дага, с одинаковым удовольствием. Половину следующего дня, когда снова пошел дождь, они провели в амбаре той фермы у колодца, где впервые увидели друг друга, наслаждаясь вкусной деревенской едой и слушая успокоительный стук капель по крыше и хруст сена на зубах коней; они даже не заметили, когда непогода кончилась, так что решили там же и переночевать.

Следующий день выпал ясный и свежий, жаркую белесую пелену унес западный ветер, и Даг с Фаун неохотно отправились дальше. На пятую ночь перед прибытием в Ламптон они в последний раз разбили лагерь в поле. Фаун полагала,

что если они рано выедут из Ламптона, то доберутся до Вест-Блу до темноты. Дагу трудно было предположить, что случится потом, хотя неторопливые рассказы Фаун о ее семье по крайней мере позволили ему лучше представить людей, с которыми ему предстояло встретиться.

Место для лагеря они нашли у извилистого ручья рядом с редкой порослью кустов калины, где их не было бы видно с дороги. Позднее, осенью, между листьями будут висеть гроздья ягод, но сейчас кусты еще только цвели, наполняя вечерний воздух сладким ароматом. Ночь была безлунной, но на берегу ручья и на лужайке за ним загорелись огоньки сотен светлячков, мигая в тумане. Тени под кустами сделались непроглядными.

— Жаль, что я не могу лучше тебя видеть, — пробормотала Фаун, когда они улеглись на одеяла и принялись не спеша расстегивать пуговицы на своей одежде. Было все еще жарко, и ни одному из них не хотелось накрываться одеялом.

— Хм-м... — Даг, опираясь на локоть, улыбнулся в темноту. — Дай мне минутку, Искорка, и я, может быть, смогу этому помочь.

— Нет, не нужно подкидывать дров в костер. И без того жарко.

— Я и не собирался. Вот подожди и увидишь. Лучше закрой глаза.

Даг с помощью Дара оглядел окрестности и не обнаружил угрозы на расстоянии мили — только мелкую живность в траве: мышей, землероек, кроликов, сонных жаворонков; в воздухе сновали летучие мыши, иногда, как призрак, пролетала сова. Даг сделал свою сеть более мелкой, заполнив ее более мелкими существами. Не насилие, а мягкое принуждение... да. Его умение все еще работало. Куст все больше и больше заполнялся приглашенными им посетителями. Лицо Фаун становилось все более отчетливо видным, словно всплывая из водных глубин.

— Можно теперь открыть глаза? — Фаун все еще послушно жмурилась.

— Еще секундочку... теперь можно. Открывай.

Даг смотрел на Фаун, когда та подняла глаза, чтобы не упустить самого замечательного чуда. Девушка подняла веки, потом широко раскрыла глаза и охнула.

Куст калины над ними был усеян сотнями, может быть, тысячами — как говорил Дагу его настороженный Дар — слегка ошалелых светлячков; они сидели так густо, что тонкие веточки гнулись под их тяжестью. Многие насекомые

заползли внутрь цветков, и грозди светились, как бледные фонарики. Холодный не дающий теней свет заливал Фаун и Дага.

— Ох... — выдохнула Фаун, приподнявшись на локте. — Ох...

— Подожди. Я могу и еще кое-что. — Даг сосредоточился и заставил светлячков спиралью подняться в воздух и опуститься на темные волосы Фаун сияющей короной.

— Даг! — Фаун растерянно засмеялась наполовину от удовольствия, наполовину от возмущения. — Ты посадил жуков мне в волосы!

— Насколько я знаю, ты любишь жуков.

— Люблю, — честно признала Фаун. — Во всяком случае, некоторых. Но как?.. Ты что, научился такому в лесах Лутлии?

— На самом деле нет. Я научился этому в лагере, когда мой Дар впервые проснулся. Мне было лет двенадцать, наверное. Дети учатся подобным проделкам друг от друга, взрослые никогда этим не занимаются, но, думаю, все умеют командовать светлячками. Мы просто забываем... Взрослеем, занимаемся важными делами и так далее. Впрочем, должен признаться: никогда раньше я не собирал больше десятка за раз.

Фаун продолжала растерянно улыбаться.

— Немного зловеще, но мне нравится. Насчет волос я не уверена... Ой! Даг! Они щекочут мне уши.

— Счастливчики эти светлячки. — Даг наклонился и сдул жучков с уха Фаун, поцеловав его, чтобы не чесалось. — Тебя следовало бы короновать светом восходящей луны.

— И зачем, — немного ворчливо сказала Фаун и шмыгнула носом, следя взглядом за качающимися цветами-фонариками, — тебе понадобилось это делать? Я уже и так полна радости, что она вот-вот выплеснется, а ты еще добавил. Просто транжирство, вот что я скажу. Она сейчас выплеснется... — Свет отразился в ее полных слез глазах.

Даг привлек ее к себе, так что теплые капли пролились ему на грудь, как летний дождь.

— Выплесни ее на меня, — прошептал он. Даг снял с волос Фаун сверкающую корону и позволил крохотным насекомым снова взлететь на куст. В мерцании светлячков они до полуночи ласкали друг друга, пока не уснули.

Ламптон был меньшим, чем Глассфордж, но тем не менее весьма оживленным городком. Он лежал на полуострове между каменистыми руслами двух речек, сбегавших с тянущихся на север

известняковых холмов. Здесь пересекались два древних большака, и тут, несомненно, во времена правления лордов-волшебников находился лесной поселок. Новые здания были в значительной мере выстроены из каменных блоков, отвоеванных у заполонившего заброшенное селение леса; камня хватило и на стенки вокруг окрестных полей, и на заборы у городских домов. Впрочем, наметанный глаз Дага отметил и несколько новых и более роскошных домов на окраинах, выстроенных из кирпича. Деревянные мосты через речки были явно недавней постройки; их широкий прочный настил мог выдержать самые тяжело груженные фургоны.

Постоялый двор, где знали и радушно принимали дозорных, лежал в северной части городка, и, направляясь туда, Даг и Фаун должны были пересечь городскую площадь, на которой вовсю шла рыночная торговля. Фаун вертелась в седле, оглядывая лотки и телеги с товарами, пока они пробирались через бурлящую толпу.

— Для мамы у меня есть та стеклянная чаша, — сказала она. — Жаль, что я ничего не привезу тетушке Нетти. Ее почти никогда не берут с собой, когда родители отправляются на ярмарку. — Поездка в город на ярмарку, как понял Даг из

рассказов Фаун, была ритуалом, случавшимся раз в год.

Тетушка Нетти была старшей сестрой матери Фаун, ослепшей лет в десять после какой-то болезни. Она приехала на ферму вместе с младшей сестрой, когда та вышла замуж, как своего рода приданое. Несмотря на свое увечье, она не была бездеятельной, и большая часть пряжи и домотканого полотна для семейства была ее рук делом; кое-что даже оставалось на продажу. Тетушка Нетти была единственным членом семьи, о ком Фаун говорила без скрытого напряжения в голосе и в Даре.

Даг с готовностью, поняв намерение Фаун, принялся разглядывать товары. Конечно, было бы бессмысленно везти на ферму какую-то еду. Так же не подошли бы одежда и ткани. Даг сосредоточил внимание на лавках, расположенных по краям рынка.

— Инструменты? Ножницы, иголки, что-то для пряжи или шитья?

— Всего этого у нее много, — вздохнула Фаун.

— Тогда то, что быстро расходуется. Краски, например? — В голосе Дага прозвучало сомнение. — Пожалуй, нет...

— Раньше окрашиванием занималась мама,

хотя в последнее время это стало моим делом. Я хотела бы найти для тетушки Нетти что-то такое, что было бы лично для нее. — Фаун прищурилась. — Мех?..

— Что ж, давай посмотрим. — Они спешились, и Фаун начала рассматривать на прилавке у торговки шкурки — на многоопытный взгляд Дага, не особенно хорошие — водившихся в окрестностях зверей: енота, опоссума, оленя.

— Потом я смог бы раздобыть для нее что-нибудь и получше, — пробормотал Даг, и Фаун, поморщившись, перестала рыться в кипе мехов. Они пошли дальше, ведя коней в поводу.

Вскоре Фаун остановилась и повернулась к маленькой аптечной лавке, притулившейся между сапожной мастерской и лавкой парикмахера-зубодера-писца — трудно было понять, оказывает ли все эти услуги один и тот же человек. Витрина аптеки из мелких стеклянных квадратов выступала наружу, чтобы можно было лучше разглядеть выставленные товары.

— Интересно, не торгуют ли здесь душистой водой вроде той, что девушки из твоего отряда покупали в Глассфордже?

«Или маслом», — не удержался от лукавой мысли Даг. Им можно было пополнить запасы

для будущего употребления, хотя ближайшие перспективы использования масла на ферме Блуфилдов представлялись сомнительными. Едва ли благодарность родителей за спасение их единственной дочери была бы столь велика, чтобы позволить им спать вместе. Так или иначе, Даг и Фаун привязали коней к ограждению мощеного тротуара и вошли в лавку.

Аптека торговала четырьмя разновидностями душистой воды, но только обычным маслом, так что Даг не затруднился в выборе. Его внимание привлекли действительно разнообразные лекарственные травы, некоторые из которых явно были куплены у Стражей Озера; Фаун тем временем перепробовала все душистые воды, наслаждаясь возможностью выбора. Наконец решив, что подойдет лучше всего, Фаун и Даг стали ждать, пока их маленькие приобретения упакуют... впрочем, если учитывать, каким тощим был кошелек Фаун, не такими уж они были и маленькими. Даг заметил, как трудно было решиться девушке на приобретение чего-то, что на ферме определенно было бы сочтено роскошью.

Выйдя из лавки, Даг уложил покупки в седельную сумку и повернулся, чтобы помочь Фаун сесть в седло. Девушка стояла рядом со своей

кобылой, в ужасе глядя на нее.

— Мой мешок исчез! — Фаун коснулась болтающихся ремешков позади седла. — Не упал ли он по дороге? Я точно помню, что привязала...

Рука Дага тоже коснулась ремешков, и голос его зазвучал напряженно:

— Ремни обрезаны. Видишь, узлы не тронуты. Проклятый вор!

— Даг, ведь нож был в мешке! — ахнула Фаун.

Дозорный резко развернул свой Дар, поморщившись, когда на него обрушился многоголосый шум. Он искал среди этого гомона тихую знакомую мелодию... Вон там! Даг вскинул голову и на противоположном конце площади заметил щуплую фигурку, исчезающую между домами, небрежно перекинув за плечо мешок, словно это была его собственность.

— Вижу его, — хрипло выдохнул Даг. — Подожди здесь! — Длинные ноги стремительно понесли его через площадь; не было даже необходимости переходить на бег. Оставшаяся позади Фаун принялась расспрашивать прохожих: «Не видели ли вы кого-то, кто отирался рядом с нашими конями?»

Даг усилием воли подавил ярость; осталось только раздражение — в основном в собственный

адрес. Если бы он был в составе отряда дозорных, кто-нибудь непременно остался бы с лошадьми — в качестве обычной предосторожности. Так что же заставило его потерять бдительность? Какое-то неуместное чувство анонимности? Если бы он только поглядывал из окна лавки, он сам мог бы присмотреть за сохранностью имущества. Если бы его Дар был настороже, он мог бы почувствовать беспокойство Копперхеда от слишком близкого соседства чужого человека... Что ж, теперь поздно.

В переулке за домами Даг настиг беглеца. Мальчишка прятался за поленницей, и там его поджидал взрослый сообщник — то ли брат, то ли приятель, то ли более опытный вор. Оба они стояли на коленях и рылись в украденном мешке.

Здоровяк-взрослый говорил с отвращением:

— Тут просто девчачьи одежки. Что ж ты, дурак, не прихватил седельные сумки?

— Тот рыжий коняга пытался меня лягнуть, да и люди начинали уже посматривать, — ответил мальчишка угрюмо. — Погоди-ка, а это что?

Здоровяк поднял за оборванные ремешки ножны разделяющего ножа; рука его потянулась к костяной рукояти...

— Твоя смерть, если только прикоснешься,

— прорычал Даг, приближаясь. — Это я тебе обеспечу.

Мальчишка бросил на него единственный взгляд, взвизгнул и помчался прочь, со страхом оглядываясь через плечо. Здоровяк, вытаращив глаза, вскочил на ноги и ухватил толстое бревно из поленницы. Было ясно, что никаких оправданий — «сэр, мы думали, что это наши кони» — или извинений не последует, даже если бы вору хватило сообразительности и присутствия духа их придумать. Он тут же замахнулся на Дага.

Даг вскинул руку, чтобы защитить лицо от удара, который размозжил бы ему голову. Дубовое полено с мерзким треском обрушилось на предплечье с такой силой, что Даг с трудом устоял на ногах. Острая боль пронзила его руку. Не было никакой возможности выхватить нож, но пружинный захват, прикрепленный к протезу, тоже был хорошим оружием: здоровяк отскочил, когда Даг в ответ нанес ему удар в шею. Быстро оценив свои шансы в схватке с таким одноруким противником, более опасным, чем показалось сначала, взрослый вор бросил и ножны, и полено, кинувшись бежать за своим малолетним сообщником.

Фаун и трое или четверо жителей Ламптона выбежали из-за угла как раз в тот момент, когда

Даг выпрямился. Не растерявшись, он незаметно ногой накинул угол одеяла на лежащие на земле ножны.

— Даг, с тобой ничего не случилось? — в испуге вскрикнула Фаун. — У тебя из носа течет кровь!

Даг чувствовал струйку, стекающую ему на губы; лизнув ее, он ощутил знакомый металлический привкус. Он попытался поднять руку, чтобы ощупать лицо, но рука не слушалась... Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, он отвернулся и сплюнул кровь; ему хотелось выругаться, но достаточно сильные выражения не приходили на ум. Дар не оставлял сомнений...

— С носом все в порядке, — пробормотал он с бессильным отчаянием. — Правая рука сломана. Проклятие!

13

Постоялый двор в Лампстоне представлял собой старое здание на северной окраине городка рядом с большаком. Фаун нашла, что он намного уступает их пристанищу в Глассфордже; маленький и ветхий, он, правда, предоставлял определенные удобства, но зато взимал плату даже со Стражей Озера. Впрочем, летом постояльцы имели возможность есть за дощатыми столами во дворе под прекрасными старыми орехами, что было гораздо лучше, чем тесниться в сыром и темном зале. С любопытством оглядевшись, Фаун обнаружила, что дозорных среди обедающих нет; четверо возчиков за дальним столом были заняты только пивом, а крестьянская супружеская чета пыталась утихомирить шумных детишек. Даже рост, необычная внешность и рука в лубке и на перевязи Дага привлекли к себе только безразличные взгляды, и Фаун почувствовала себя в безопасности — никто не обращал на нее внимания.

Даг рухнул на скамью с усталым кряхтением, и Фаун устроилась с ним рядом. По его просьбе она развязала кожаный сверток, который достала из

его седельной сумки; там оказались разнообразные приспособления для его протеза.

— Господи, что это?

— Да так... Пробные инструменты или те, которыми я не пользуюсь каждый день. — Видя, с какой растерянностью Фаун смотрит на них, Даг добавил, кивнув на деревянный стержень с прикрепленным к нему стальным инструментом, похожим на миниатюрное седло: — Это скребок. На привалах я много времени посвящал выделке шкур. Занятие, конечно, скучное, но оно было одним из первых, которые я освоил после изготовления протеза. К тому же так укрепляются мышцы, что очень пригодилось, когда был изготовлен лук.

Судомойка, выполнявшая заодно работу подавальщицы, принесла им кружки с пивом, и Даг неуклюже потянулся к своей правой рукой в лубке и крюком на левой.

— Ах, ведь костоправ же говорил тебе: нельзя пользоваться рукой, — воскликнула Фаун. — Пять раз, пока я была в комнате, и уж не знаю сколько, когда я выходила. Он чуть не шлепнул тебя за непослушание. — Лекарь едва ли нуждался в просьбах Фаун получше вправить Дагу руку; он сразу оценил, с кем имеет дело, и занялся рукой

со спокойной тщательностью, так что из-под бинтов выглядывали только кончики пальцев. — Ты просто опусти руку на перевязь. Нам нужно подумать, как быть дальше.

Фаун поспешно поднесла кружку к губам Дага; тот поморщился, но выпил с жадностью. Фаун сумела не особенно облить его, когда он отстранился, и выхватила из кармана носовой платок, чтобы не дать ему самому вытереть губы.

— Если ты собираешься использовать бинты вместо салфетки, они испачкаются и не прослужат шести недель. — Даг свирепо нахмурился, и Фаун продолжала: — А если ты будешь так на меня смотреть, я начну хихикать, а ты станешь кидать в меня своими сапогами, и чем же это все кончится?

— Ничего подобного, — прорычал Даг. — Мне ведь даже для того, чтобы снять проклятые сапоги, потребуется твоя помощь. — Однако уголок его губ пополз вверх, и Фаун испытала такое облегчение, что встала на колени на скамью и чмокнула его, что заставило Дага совсем уж откровенно улыбнуться.

Даг виновато вздохнул, извиняясь за раздражительность.

— Вон то, третье слева, — кивнул он на кожа-

ный сверток с приспособлениями, — послужит как ложка и вилка.

Фаун вытащила и стала рассматривать железную ложку с четырьмя короткими зубчиками на конце.

— Хитро придумано!

— Я не особенно часто этим пользуюсь. Обычно удобнее нож, если передо мной на столе что-то, с чем нельзя управиться крюком или парадной рукой. — Парадной рукой Даг называл деревянную руку в перчатке, которую он использовал, только чтобы обмануть незнакомцев, да и то без большого успеха.

С легким стуком Даг прислонил свое деревянное запястье к краю стола.

— Попробуй заменить одно на другое. Орудие, которое Даг употреблял чаще всего — крюк с удобным пружинным зажимом, — было ввинчено прочно. Фаун наклонилась вперед, ухватилась покрепче и вывинтила его. Ложковилку ввинтить было легче.

— Ох, да это совсем не трудно!

Служанка принесла тарелки, полные моркови и картофельного пюре под соусом из сливок в качестве гарнира к свиной отбивной. Молча переглянувшись с Дагом, который с видимым

усилием сдерживал раздражение, Фаун наклонилась и ловко порезала мясо, предоставив Дагу дальше управляться самому. Ложковилка служила достаточно хорошо, хоть Дагу и пришлось неловко выворачивать локоть. Фаун сообразила заказать еще пива, и с помощью выпивки и горячей еды после слишком долгого и тяжелого дня Даг начал медленно приходить в себя. Сутулая судомойка подала им еще и большие куски пирога с вишнями, в результате чего сытость чуть не перешла в сонливость прямо за столом.

— Так что, — сказала Фаун, — останемся мы здесь на завтра или поедем дальше и отдохнем уже в Вест-Блу? Ты сможешь ехать так долго? — Даг доехал верхом от костоправа до постоялого двора, обмотав поводья вокруг крюка, но это была всего миля.

— Я ездил и дальше в худшем состоянии. Да и порошок поможет. — Даг предусмотрительно купил у аптекаря, прежде чем они покинули городскую площадь, снадобье Стражей Озера, которое снимало боль. Фаун не могла понять, стали ли глаза Дага тусклыми от лекарства или от боли; с другой стороны, решила она, и хорошо, что снадобье не так уж помогает, — иначе Дага было бы не остановить. В подтверждение этой ее

мысли Даг потянулся и сказал:

— Я предпочел бы не задерживаться. В лагере Хикори найдутся целители, которые помогут моей руке зажить быстрее.

— Костоправ все сделал правильно? — встревоженно спросила Фаун.

— О да. Он, может быть, и криворукий палач, но свое дело знает. Рука срастется как надо.

Даг называл костоправа и гораздо хуже, пока тот возился с его рукой, но лекарь только усмехался, явно привыкнув к красочным выражениям своих пациентов. Возможно, подумала Фаун, он даже коллекционирует отборные ругательства.

— Если только ты снова ее не ушибешь... — Фаун до смерти боялась возвращаться домой, но если уж этого не избежать, то лучше отделаться побыстрее. Даг явно считал, что таков ее долг, что иначе нельзя, и даже присутствие Идиота Санни и всех ее братьев не стоило того, чтобы Даг счел ее трусихой. «Даже если я на самом деле такая и есть».

— Хорошо. Едем дальше.

Даг потер подбородок левым рукавом.

— В этом случае нам следует договориться, что мы расскажем твоим родичам. Мне не хотелось бы упоминать при них о заряженном ноже — как

мы не упоминали о нем при моих товарищах-дозорных, за исключением Мари. — Это показалось Фаун и справедливым, и предусмотрительным. Она кивнула. — Все остальное — на твое усмотрение, только скажи мне, чего ты хочешь.

Фаун уставилась на крошки на своей пустой тарелке.

— Они не знают обо мне и Санни, так что будут в ярости из-за того, что я так напугала их без всякой причины и просто сбежала.

Даг наклонился и коснулся губами красной отметины на шее Фаун, оставленной Злым.

— Было ради чего.

— Да, но они мало что знают о Злых.

— Значит, — медленно проговорил Даг, словно нащупывая нужный путь, — если твой Санни сознался, ты окажешься в одной ситуации, если нет — в другой.

— Он вовсе не мой Санни, — ворчливо буркнула Фаун. — Об этом мы оба имеем ясное представление.

— Хм-м... Если ты не собираешься говорить своим, почему ты на самом деле убежала, нужно придумать какой-нибудь предлог. Мой опыт говорит, что такая выдумка оставляет темный след в Даре и ослабляет его. Я на самом деле не

понимаю, почему ты хочешь выгородить Санни. На мой взгляд, он получит от этого больше выгоды, чем ты.

Фаун подняла брови.

— Позор в таких случаях падает на девушку. Такую начинают называть испорченным товаром, и ей не найти жениха с землей, если пойдут разговоры о том, что она — не девственница. Правда, мне кажется, что многие девушки все равно... так что на самом деле никто ничего точно не знает.

— Эх, крестьяне... — Даг надул губы. — А вдов это тоже касается? Настоящих вдов, а не соломенных?

При напоминании о том, как она назвалась при первом знакомстве, Фаун покраснела, хоть и улыбнулась.

— Нет. Со вдовами совсем другое дело. Они, правда, не свободны делать что угодно — ведь они могут иметь детей или у них не окажется денег, — но вдовы держат голову высоко и сами определяют свою судьбу. Лучше, конечно, если они богаты.

— Ах... значит, ты хочешь найти жениха с землей, Искорка?

Фаун резко выпрямилась и возмущенно воскликнула:

— Конечно, нет! Я хочу только тебя.

Даг взглянул на нее, подняв бровь.

— Так почему же ты собираешься вести себя по-прежнему? По привычке?

— Нет. — В голосе Фаун прозвучало уныние. — Мне кажется... Я думаю, мы друг другу снимся, и я изо всех сил стараюсь не проснуться. Глупо, наверное... Кто-нибудь когда-нибудь явится и отнимет тебя у меня. Я не смогу сохранить тебя навсегда.

Даг отвел глаза и стал смотреть на золотую пыль, поднятую на дороге тележкой, которую тащил пони, в лучах закатного солнца.

— Какие бы препятствия ни ждали нас в твоем семействе, с моим будет еще хуже, но я все равно собираюсь сопротивляться. Не стану лгать, Искорка: есть вещи, которые могут нас разлучить, вещи, в которых я не властен. Смерть, например. — Он помолчал. — Впрочем, ничего, кроме смерти, я сейчас назвать не могу.

Фаун потрясенно кивнула, уткнулась лицом в плечо Дагу и сидела так, пока не перестала всхлипывать.

Даг вздохнул.

— Что ж, не мне решать, что ты скажешь своим родным. Это твой выбор. Только мой совет — рас-

сказать всю правду, за исключением истории с ножом.

— А как мы тогда объясним, что я еду в твой лагерь?

— Нужно, чтобы ты рассказала моему командиру об уничтожении Злого. Это, кстати, правда. Если нам будут задавать вопросы, я могу высокомерно заявить, что это дело Стражей Озера.

Фаун покачала головой.

— Они не захотят позволить мне отправиться с тобой.

— Посмотрим. Нельзя предвидеть поступки других людей — ты можешь планировать только собственное поведение. Сколько ни старайся, из неприятностей просто так не выпутаешься. — Даг наклонился и поцеловал Фаун в волосы. — Если они прикуют тебя к стене железными цепями, я тебя освобожу.

— Не имея здоровых рук?

— Я очень изобретательный. А если тебя не прикуют, ты можешь просто уйти. Для этого требуется только храбрость, а я знаю, что ее тебе не занимать.

Фаун, утешенная, улыбнулась, но возразила:

— На самом деле в глубине сердца я трусиха. Они... не знаю, как объяснить. Они умеют заста-

вить меня казаться ничтожеством.

— Не знаю, как они, а ты уже не та, какой была раньше. В любом случае все произойдет не так, как ты ожидаешь.

— В этом нет сомнения...

Усталые и обеспокоенные, они не занимались любовью этой ночью, но крепко прижимались друг к другу в душной комнате гостиницы. Сон долго не шел к ним.

Летнее солнце снова клонилось к закату, когда Фаун остановила свою кобылу, глядя на деревенскую улицу, пересекающую дорогу. От Лампгона их отделяло двадцать миль, и Даг должен был признать, хоть только в душе, что дорога, далась ему нелегко: его правая рука опухла и болела сильнее, чем ему хотелось бы, да и левая, на которую пришлась непривычная нагрузка, была не в лучшем состоянии. Они с Фаун проехали пятнадцать миль по большаку, который тянулся вдоль гряды холмов между двумя реками, а потом свернули на запад. Оказавшись в долине, они переправились по каменистому броду и повернули на север по извилистой дороге вдоль реки. Это был короткий путь, объяснила Фаун: иначе пришлось бы проехать еще милю до моста, рядом с которым располагалась мельница.

Теперь она была дома. Даг чувствовал, что ее Дар взбудоражен, но не требовалось сверхъестественной прозорливости, чтобы понять — ее преобладающим чувством была вовсе не радость.

Даг послал своего коня вперед, чтобы поравняться с Фаун.

— Думаю, сейчас мне пригодится моя парадная рука, — пробормотал он.

Фаун кивнула, наклонилась, чтобы дотянуться до кошеля на поясе Дага, и заменила крюк на более бесполезную, но не такую заметную деревянную руку. Прежде чем въехать в деревню, она заново расчесала волосы и завязала их яркой лентой, потом привстала на стременах, чтобы причесать и Дага, который склонил для этого голову, хотя и считал, что попытка придать ему лучший вид бесполезна. Он прекрасно понимал желание Фаун вернуться домой гордой и красивой, а не побитой и оборванной, и только жалел, что не будет выглядеть мужественным защитником в своем печальном состоянии.

«Ты и хуже иногда выглядел, старый дозорный. Вперед!»

Фаун сглотнула и направила Грейс по улице, поднимавшейся вверх по склону почти на чет-

верть мили. С обеих сторон тянулись стены сухой каменной кладки, а потом, за рощицей кленов, орехов и гикори, справа появился старый полуразрушенный амбар, а слева — более новый. За новым амбаром виднелись хозяйственные постройки, в том числе коптильня; от нее поднимались тонкие серые струйки дыма, и Даг уловил приятный запах тлеющих ореховых дров. Во дворе виднелся колодец под навесом, а всю правую сторону занимал большой старый фермерский дом.

Центральная двухэтажная его часть была сложена из желтоватого камня; крыльцо и передняя дверь смотрели на речную долину. С северной стороны располагалась одноэтажная пристройка, а с другой стороны явно шло строительство; груды камня свидетельствовали о том, что запланирована еще одна пристройка, такая же, как первая. С западной стороны вдоль всего дома тянулась крытая терраса, откуда, по-видимому, дверь вела на кухню. Вокруг не было видно ни одной живой души.

— Время ужина, — сказала Фаун. — Они все, должно быть, на кухне.

— Восемь человек, — уверенно сообщил Даг, успевший воспользоваться Даром.

Фаун глубоко вздохнула, спешилась, привязала обоих коней к перилам крыльца и повела Дага внутрь. Ее легкие и его более тяжелые шаги гулко прозвучали на ступенях. Дверь была широко распахнута и закреплена болтами, но за ней находилась еще одна, затянутая сеткой. Фаун толкнула ее, проскользнула внутрь и придержала дверь для Дага. Он положил свою деревянную руку ей на плечо и не сразу ее убрал.

За длинным столом, занимавшим всю правую часть помещения, сидели восемь человек. Они повернулись в сторону вошедших и вытаращили глаза. Даг сразу отличил тетушку Нетти: это была невысокая сутулая женщина с растрепанными седыми волосами и жемчужно-белыми бельмами на обоих глазах; склонив голову, она напряженно прислушивалась. Четверых парней — братьев Фаун — он различил не так уверенно, хотя и предположил, что коренастый крепыш — это Флетч, старший, двое непохожих друг на друга близнецов — темноволосый и темноглазый и голубоглазый блондин — это Рид и Раш, а тощий черноволосый паренек — младший из братьев, Вит. Пухленькая молодая женщина, сидевшая рядом с Флетчем, не была известна Дагу по описаниям Фаун. Вот родителей — Соррела и

Трил Блуфилд — узнать было несложно: седой мужчина, сидевший во главе стола, вскочил так стремительно, что опрокинул стул, а коротенькая пожилая женщина всплеснула руками и запричитала.

Родители кинулись к Фаун; их радость, облегчение и гнев были такими огромными, что Дагу пришлось приглушить свой Дар, чтобы не оглохнуть.

Братья Фаун как один улыбнулись с облегчением, а тетушка Нетти принялась настойчиво спрашивать:

— Что такое? Это Фаун, говорите? Я же твердила вам, что она жива! Пора уже было ей вернуться!

Фаун с неподвижным лицом терпела объятия и поцелуи, хотя влага на ее глазах, решил Даг, была не только ответом на чувства окружающих. Даг напрягся, когда отец, после того как крепко обнял Фаун, пригрозил ее побить; однако если радость его была искренней, угроза, по-видимому, оказалась несерьезной, поскольку Фаун даже не поморщилась.

— Где же ты была, девочка? — наконец перекрыл общий шум пронзительный голос Трил Блуфилд.

Фаун сделала шаг назад, подняла подбородок и

быстро сказала:

— Я отправилась в Глассфордж искать работу и нашла бы ее, только сначала мне нужно вместе с Дагом — вот это он и есть — побывать в лагере Хикори и помочь ему дать отчет в том, как мы убили зловредное привидение.

Семейство вытаращило на Фаун глаза, как если бы она внезапно начала бредить; Даг заподозрил, что единственное, что на самом деле дошло до родичей Фаун, — это название «Глассфордж». Фаун поспешно продолжала, прежде чем ее смогли перебить:

— Мама, папа, это мой друг, Даг Редвинг Хикори, — Она сделала свой обычный книксен и подтолкнула Дага вперед. Он кивнул, стараясь придать лицу вежливое, но ни к чему не обязывающее выражение. — Он дозорный, Страж Озера.

— Как поживаете, — вежливо поздоровался Даг со всеми разом.

Ответом было молчание; семейство снова вытаращило глаза, запрокинув головы: маленький рост был явно отличительной чертой всех членов семьи Блуфилд.

В подтверждение предположения Дага мать Фаун сказала:

— Глассфордж? С чего это ты собралась искать

там работу? Работы хватает и здесь!

— Которую ты взвалила на нас, остальных, — нелюбезно вставил Флетч.

— Разве Ламптон не подошел бы лучше — он ближе? — спросил Вит рассудительным тоном.

— Да знаешь ли ты, сколько беспокойства нам причинила, девочка? — сказал папа Блуфилд.

— Ага, — влез Рид, а может быть, Раш — нет, все-таки Раш, белобрысый. — Когда ты не объявилась к ужину рыночного дня, мы подумали, что ты, как обычно, считаешь ворон или строишь воздушные замки в лесу, но когда ты не явилась и вечером, папа заставил всех нас искать тебя с факелами и звать. В амбаре, в уборной, в лесу, у реки — нам не пришлось бы так таскаться в темноте и вопить, если бы мамаша пораньше пересчитала твои одежки.

Губы Фаун странно дрогнули во время этой речи, и Даг подумал, что потом нужно будет спросить девушку, в чем дело.

— Мне жаль, что вы так тревожились, — старательно придерживаясь формального тона, ответила Фаун. — Мне следовало оставить записку, чтобы вы знали, что со мной ничего страшного не случилось.

— Как будто это нас успокоило бы, глупая

девчонка! — прослезилась мама Блуфилд. — Безмозглая, эгоистичная...

— А меня папа заставил съездить к тетушке Рен — на случай, если ты отправилась туда, а Раша послал в Ламптон, чтобы расспросить про тебя, — сказал Рид.

Жалобы и упреки посыпались со всех сторон. Фаун терпела, не возражая; Даг тоже придержал язык. Резкие слова не выражали недоброжелательства, и Фаун, с детства владеющая этим странным семейным диалектом, воспринимала, по-видимому, содержание, а не форму и пропускала колкости мимо ушей. Ее глаза вспыхнули возмущением только один раз, когда пухлая девушка, сидевшая рядом с Флетчем, выразила согласие с одним из его самых грубых высказываний. Но и тогда Фаун сказала только:

— Привет, Кловер, приятно с тобой увидеться, — что заставило девицу растерянно умолкнуть.

Даг обратил внимание на то, что никаких упоминаний о Санни Сомена не последовало. Значит, Фаун правильно оценила обстановку. Впрочем, делать выводы о последствиях было рано.

Даг уже начал гадать, долго ли будет продолжаться весь этот шум, когда тетушка Нетти поднялась, нащупала срою палку и обошла стол,

чтобы оказаться рядом с Фаун.

— Дай мне разглядеть тебя, детка, — спокойно сказала она; Фаун обняла старую женщину — в первый раз, как заметил Даг, ответив на объятие — и позволила ей провести руками по своему лицу.

— Ах, — пробормотала тетушка Нетти, — ах... А теперь представь меня своему другу-дозорному. Давненько я не встречала Стражей Озера.

— Даг, — Фаун вернулась к своему взволнованному формальному тону, — это моя тетя Нетти, о которой я тебе говорила. Ей хотелось бы прикоснуться к тебе, если ты не возражаешь.

— Конечно, — ответил Даг.

Маленькая женщина подошла ближе, протянула руку вверх и неуверенно коснулась пальцами кадыка Дага.

— Господи, парень, где же ты?

— Скажи что-нибудь, — отчаянно прошептала Фаун.

— Э-э... Я выше, тетушка Нетти.

Рука тетушки Нетти двинулась выше и коснулась его подбородка.

— Надо же, какой высокий, — удивилась она. Узловатые сухие пальцы решительно двинулись по лицу Дага, на мгновение задержавшись на

воспаленных ушибах, полученных накануне, потом скользнули по скулам, векам, губам. Даг был поражен, осознав, что эта женщина обладает смутным восприятием Дара, возможно, развившимся в результате ее пожизненной слепоты; он позволил себе слегка коснуться ее Дара своим.

Тетушка Нетти быстро втянула воздух.

— Да, это точно Страж Озера.

— Мэм... — пробормотал Даг, не зная, что сказать.

— И голос приятный, — заметила Нетти, ни к кому не обращаясь. Она едва удержалась от того, чтобы проверить его зубы, как у коня, но к этому моменту Даг не поморщился бы даже от такой вольности. Руки слепой женщины ощупали его всего, слегка задержавшись на лубке и перевязи; брови ее поползли вверх, когда сквозь рубашку она нащупала протез. Но добавила она только: — Приятный глубокий голос.

— Вы ели? — спросила Трил Блуфилд, и когда Фаун ответила «нет», они весь день провели в дороге, — принялась распоряжаться в обычном материнском стиле: велела сыновьям принести стулья и приборы. Фаун она усадила около себя, а Фаун настояла, чтобы Даг сел с ней рядом:

— Потому что я обещала помогать ему, ведь у

него сломана рука.

Наконец все расселись. Кловер, которую представили как невесту Флетча, была привлечена на помощь: принесла тарелки с похлебкой и кружки с сидром. Даг, давно уже страдавший от жажды, с интересом отнесся к напитку и про себя порадовался, что сможет есть похлебку без посторонней помощи.

— Нужна ложковилка, пожалуй, — пробормотал он на ухо Фаун. Девушка кивнула и вытащила из кошеля у него на поясе соответствующее приспособление.

— Что случилось с твоей рукой? — поинтересовался Раш с другого конца стола.

— С которой? — вопросом на вопрос ответил Даг и спокойно вытерпел обычное разглядывание и удивление, когда Фаун вывинтила парадную руку и заменила ее на более полезный инструмент.
— Спасибо, Искорка. Как насчет питья? — Он улыбнулся Фаун, когда она поднесла кружку к его губам.

В кружке оказался свежий сидр из кислых яблок нового урожая.

— Еще раз спасибо.

— Рада помочь, Даг.

Он слизнул последнюю каплю с нижней губы,

чтобы избавить Фаун от необходимости вытирать его салфеткой.

Раш наконец более или менее пришел в себя.

— Э-э... я хотел спросить насчет лубка...

Фаун тут же ответила ему:

— Вчера в Лампгоне вор украл мой мешок. Даг его вернул, но в драке ему сломали руку, прежде чем воры перепугались и убежали. Даг хорошо описал их жителям Лампгона, так что воров могут еще поймать. — Фаун решительно подняла подбородок. — Так что я в долгу перед Дагом.

— Ох... — выдохнул Раш. Рид и Вит таращились на Дага с новым, хоть и боязливым интересом.

Трил Блуфилд, уже с меньшим было беспокойством смотревшая на свою вновь обретенную дочь, снова нахмурилась, коснувшись четырех параллельных царапин на ее щеке.

— А это что за отметины?

Фаун искоса взглянула на Дага; тот пожал плечами, предлагая ей продолжать, и девушка сказала:

— Это меня ударил глиняный человек.

— Что? — поморщившись, переспросила ее мать.

— Это... вроде разбойника, — поправилась Фаун. — Двое разбойников схватили меня на дороге у

Глассфорджа.

— Как? Что случилось? — ахнула Трил; братцы тоже насторожились. Даг почувствовал, как напрягся сидящий с ним рядом Флетч.

— Да ничего особенного, — сказала Фаун. — Они меня избили, но Даг, который их выслеживал, появился как раз в этот момент и... э-э... прогнал их. — Она снова бросила взгляд на Дага, и тот благодарно прикрыл глаза. Ему вовсе не хотелось начинать знакомство с семейством Фаун с перечисления всех мертвых тел, которые он оставил в окрестностях Глассфорджа, — по крайней мере человеческих тел. «Слишком много в последний раз пришлось убить людей». — Тогда мы впервые и повстречались. Его отряд вызвали в Глассфордж, чтобы разделаться с разбойниками и со зловредным привидением.

— А что потом случилось с разбойниками? — спросил Раш.

Фаун повернулась к Дагу, и тот просто ответил:

— С ними разделались. — Он снова принялся за похлебку — простую добрую крестьянскую еду, в надежде, что больше об этом его расспрашивать не будут.

Мать Фаун склонила голову к плечу и прищурилась; теперь ее пальцы коснулись глубокого

красного следа и темных синяков на шее Фаун.

— А тогда что это за ужасные следы?

— Они... они появились позднее.

— Что еще случилось позднее?

Фальшиво веселым голосом Фаун ответила:

— Это когда меня схватило зловредное привидение. Они оставляют такие следы — их прикосновение смертельно. Оно было огромным... Какого размера, Даг, по-твоему? Футов восемь в высоту, да?

— Семь с половиной, на мой взгляд, — коротко ответил Даг. — Фунтов четыреста весом. Впрочем, с моего места было плохо видно. Да и освещение...

— Так что же случилось с этим так называемым зловредным привидением, если оно такое опасное? — с растущим недоверием спросил Рид.

Глаза Фаун просили о помощи, так что ответил ему Даг:

— С ним тоже разделались.

— Говори дело, Фаун, — презрительно бросил Флетч. — Не думаешь же ты, что мы проглотим эти сказочки.

Голос Дага сделался очень мягким:

— Ты называешь свою сестру лгуньей? — Хотя вслух это и не было произнесено, но все явствен-

но расслышали: «И меня лжецом?»

Густые брови Флетча сошлись над переносицей в искренней растерянности; парень был не особенно чувствителен к намекам.

— Она моя сестра. Как хочу, так и называю!

Даг резко втянул воздух, но Фаун прошептала:

— Даг, не обращай внимания. Это ерунда.

Даг напомнил себе, что еще не разбирается в том, как разговаривают в этой семье. Он тревожился о том, как скрыть странное происшествие с разделяющим ножом; он не предвидел, что столкнется с таким безразличием или откровенным недоверием. Сейчас ему было ни к чему — да и возможности такой он не имел — огреть братьев Блуфилд по головам и рявкнуть: «Ваша сестра спасла мне жизнь и еще сотни, если не тысячи, жизней. Почитайте ее!» Он ничего не сказал и только кивком попросил Фаун налить ему еще сидра.

Откровенно сменив тему, Фаун принялась расспрашивать Кловер о приготовлениях к ее свадьбе и с притворным интересом выслушала длинный и подробный ответ. Сооружающаяся пристройка, как выяснилось, предназначалась для будущих новобрачных. Истинная цель расспросов Фаун обнаружилась, когда она небрежно

поинтересовалась:

— После свадьбы Сари что-нибудь слышно о Соменах?

— Да немногое, — ответил Рид. — Санни много времени проводит у сестры, помогает зятю очистить от пней новое поле.

Мать пристально взглянула на Фаун.

— Его мама говорила мне, что Санни в середине лета обручился с Вайолет Стаункрогх. Надеюсь, ты не разочарована. Мне казалось, что ты вроде как влюблена в Санни.

Вит тут же противным голосом затянул привычную братскую дразнилку:

— Фаун влюблена в Санни, Фаун влюблена в Санни...

Даг поежился, заметив, какая смертельная тьма охватила Дар Фаун. «Он ничего не знает, — напомнил себе Даг. — Никто из них не знает». Впрочем, насчет Трил Блуфилд и того, что она может подозревать, Даг не поручился бы: она бросила резким безапелляционным тоном, какого он от нее раньше не слышал:

— Перестань, Вит. Можно подумать, что тебе всего двенадцать годков.

Даг увидел, как дрогнул подбородок Фаун, когда она с усилием разжала зубы.

— Ничуть не влюблена. А вот Вайолет заслуживает лучшего.

Вит был явно разочарован тем, что ему не удалось вызвать вспышку гнева Фаун в ответ на свою любимую подначку, однако, глянув на мать, воздержался от дальнейших попыток.

— Пожалуй, — мягко сказал Даг, — нам следует заняться Грейс и Копперхедом.

— Кем? — спросил Раш.

— Лошадьми мисс Блуфилд и моей. Они терпеливо ждут во дворе.

— Что? — изумился Рид. — У Фаун нет лошади!

— Эй, Фаун, где ты взяла лошадь?

— А можно, я на ней покатаюсь?

— Нет. — Фаун резко отодвинула свой стул; Даг спокойно поднялся за ней следом.

— Действительно, откуда у тебя лошадь, Фаун? — с любопытством спросил папа Блуфилд, снова вытаращив глаза на Дага.

Фаун выпрямилась во весь рост.

— Это — моя доля за то, что я помогла разделаться со зловредным привидением... в которого наш Флетч не верит. Должно быть, весь путь от Глассфорджа я проделала на выдуманной лошади, а?

Фаун вскинула голову и вышла. Даг вежливо поклонился всем сидящим за столом, хотел было

добавить «Доброй ночи, тетушка Нетти», но передумал и двинулся за Фаун. За спиной он услышал ворчание папы Блуфилда:

— Рид, пойди помоги сестре и тому парню с конями. — В результате все семейство высыпало на крыльцо, чтобы увидеть новую лошадь.

Грейс обсуждали во всех подробностях. Наконец Даг не выдержал и, сменив инструмент в протезе на более практичный крюк, повел своего коня в старый амбар, где имелись свободные стойла. Там он задержался, разглядывая перегородку между стойлами и при помощи Дара вразумляя Копперхеда, чтобы тот не укусил Рида, незнакомого ему конюха. Копперхед — Медная Голова — получил имя не только за гнедую масть, но и за глупость. Когда обе лошади наконец были должным образом вычищены, напоены и накормлены, Даг в лучах вечернего солнца вместе с Фаун вернулся в дом, временно оказавшись вне досягаемости любопытных ушей.

— Ну, — прошептала Фаун, — все могло пройти и хуже.

— Правда? — усмехнулся Даг.

— Правда.

— Поверю тебе на слово. Честно говоря, мне твое семейство показалось довольно странным.

Моим родичам часто не нравится то, что я говорю, но они по крайней мере слышат мои слова, а не что-то совсем другое.

— С ними легче иметь дело по одному, чем со всеми скопом.

— Хм-м... А что это был за разговор про вечер рыночного дня?

— Что?

— Раш сказал, что тебя не хватились до вечера рыночного дня.

— А-а... Да ерунда: я сбежала еще на рассвете того дня. Где, по их мнению, я была целый день?

Все Блуфилды, включая тетушку Нетти с веретеном в руках, собрались в гостиной. Даг опустил на пол седельные сумки и позволил Фаун достать подарки. Флетч, собравшийся провожать домой свою нареченную, помедлил, чтобы все увидеть.

Трил с изумлением вертела стеклянную чашу перед масляной лампой.

— Ты и в самом деле побывала в Глассфордже!

Фаун, которая весь вечер раздиралась между попытками пустить пыль в глаза и совсем на нее непохожей, как казалось Дагу, молчаливой покорностью, только сказала:

— Я так и говорила, мама.

Фаун вручила тетушке бутылочку с ароматной

водой и предложила подушить запястья, что та с ласковой улыбкой и сделала.

— Очень мило с твоей стороны, голубушка, только такие глупости годятся для девчонок на выданье, чтобы понравиться парням, а не для неуклюжих старух вроде меня. Лучше бы ты подарила это Кловер.

— Это дело Флетча, — ответила Фаун, с насмешливой улыбкой взглянув на брата. — К тому же в Глассфордже кто только не душится — например, дозорные, и мужчины, и женщины.

Околачивавшийся рядом Рид только фыркнул, услышав о мужчинах, которые душатся, но Нетти порадовала Дага, сбрызнув душистой водой и себя, и свою младшую сестру, и саму Фаун.

— Ну вот! Какая ты душенька, что подумала обо мне!

Снаружи совсем стемнело. Братья Фаун разошлись, чтобы заняться разнообразными делами, а Кловер стала прощаться с будущими родственниками. Две девушки — Фаун и Кловер — посмотрели друг на друга без особой симпатии, когда Кловер снова поздравила Фаун с благополучным возвращением, и Даг заново удивился странностям крестьянских обычаев. У Стражей Озера единственная дочь была бы основной

наследницей шатра своей матери, но в семье Блуфилд это положение явно занимал Флетч, и не Фаун, а Кловер предстояло занять место Трил как хозяйки дома. Фаун же предстояло отправиться... куда?

— Думаю, — ворчливо заговорил папа Блуфилд, — что если у твоего приятеля есть одеяло, он может лечь на сеновале. Заодно присмотрит и за лошадьми.

— Не говори глупостей, Соррел, — неожиданно вмешалась тетушка Нетти. — Человек со сломанной рукой не сможет влезть по лестнице на сеновал.

— И ему нужно быть недалеко от меня, чтобы я могла ему помогать, — твердо сказала Фаун. — Даг может лечь в той комнате, где прядет Нетти.

— Хорошая мысль, Фаун, — одобрительно сказала тетушка.

Фаун спала с ней вместе, парни располагались на втором этаже, так же как и родители. Папа Блуфилд, похоже, задумался о том, что может случиться, если оставить Дага и Фаун на первом одних под присмотром только слепой Нетти; эта мысль неизбежно привела его к размышлениям о том, сколько времени Даг и Фаун путешествовали вдвоем... Знал ли он о Даре своей пожилой

родственницы?

— Завтра, Даг, брея тебя, я приложу больше усилий, чтобы не перерезать тебе горло бритвой, — пообещала Фаун.

— Мне случалось проливать кровь и ради менее заветной цели, — уверил ее Даг.

— Нам следовало бы выехать пораньше.

— Что? — спросил папа Блуфилд, отвлекаясь от своих размышлений. — Никуда ты не поедешь, девочка.

Фаун повернулась к нему и напряглась для схватки.

— Я же сразу тебе сказала, папа. У меня есть обязанности — я должна выступить свидетельницей.

— Ну и глупа ты, Фаун!

У Дага перехватило дыхание, когда по Дару Фаун пробежала тяжелая мрачная дрожь; он оглянулся на Нетти, но та ничем не показала, что что-то заметила, хотя ее лицо было обращено к спорщикам.

Папа Блуфилд продолжал:

— Твои обязанности — здесь, хоть ты и убегала от них на целый месяц. Хватит тебе шляться неизвестно где!

Даг спокойно и совершенно правдиво заметил:

— Знаешь, Искорка, моя рука не очень хорошо себя чувствует сегодня. Я не возражал бы денек-другой отдохнуть.

Фаун бросила на него растерянный взгляд, не уверенная, являются ли его слова поддержкой или предательством. Даг еле заметно ободряюще подмигнул ей.

Папа Блуфилд искоса взглянул на него.

— Ты можешь отправляться дальше, если тебе нужно.

— Папа! — бросила Фаун, забыв о необходимости сдерживаться. — Что за мысль! Даг трижды спас мне жизнь, дважды рискуя собственной — один раз от разбойников, другой — от Злого... от зловредного привидения, которое меня поранило. Я умерла бы от потери крови прямо там, в лесу, если бы Даг не помог мне. Я не потерплю, чтобы его выставили из дома одного, когда обе его руки бесполезны. Какой стыд! Стыд на наш дом, если только ты посмеешь это сделать! — Фаун топнула ногой, и пол отозвался, как кожа барабана.

Папа Блуфилд попятился. Его жена смотрела на Дага широко раскрытыми глазами, прижав к груди стеклянную чашу. Тетушка Нетти... понять ее отношение было нелегко, но на ее губах играла странная легкая улыбка.

— Э-э... — прочистил горло папа Блуфилд. — Ты об этом не говорила, Фаун.

— А как я могла? — устало ответила Фаун. — Мне и рта не давали раскрыть — сразу заявляли, что я все выдумываю.

Ее папаша снова взглянул на Дага.

— И он помалкивал.

Даг не мог коснуться виска в приветствии, поэтому только кивнул.

— Я размышлял, сэр.

— Ах вот как?

По-видимому, закончить спор в этом семействе было невозможно. Однако когда препирательства превратились в разрозненные выкрики, а потом спорщики в темноте разошлись по своим комнатам, Даг наконец смог расстелить свое одеяло рядом с прялкой тетушки Нетти, получив к тому же множество подушек и покрывал, чтобы устроиться с удобством. Ему было слышно, как две самые малорослые женщины в семье тихо переговариваются в соседней комнате, устраиваясь на ночлег; потом заскрипели кровати, когда они улеглись.

Даг поудобнее уложил свою больную руку, испытывая благодарность за подушки. Если не считать ночи, проведенной на ферме Хорсфордов,

он никогда не ночевал в крестьянском доме, уж во всяком случае, в качестве гостя, хотя иногда его отряд устраивался на ночлег в каком-нибудь амбаре у знакомого фермера. Это бывало лучше, чем на продуваемом сквозняками сеновале. До того как он познакомился с семейством Фаун, он не мог понять, как она могла отказаться от таких удобств...

Даг никак не мог решить, что лучше: если тебя любят, но не ценят, или ценят, но не любят. Лучше всего, конечно, когда и любят, и ценят. В первый раз он начал думать о том, что самое блестящее сокровище этой фермы не обязательно красть тайком; вполне возможно честно завоевать его. Впрочем, появившиеся у него надежды следовало отложить до завтра.

14

Следующее утро прошло спокойно. На взгляд Фаун, Даг выглядел усталым, двигался медленно, говорил мало, и она подумала, что рука, должно быть, беспокоит его больше, чем он признается. Она обнаружила, что волей-неволей включилась в бесконечный цикл крестьянской работы; у коров не бывало каникул даже по случаю возвращения домой блудной дочери. В середине дня они с Дагом все же прошлись по ферме, и она показала ему места, о которых раньше рассказывала. Однако ее предположение насчет его руки подтвердилось, когда после обеда он снова принял порошок, облегчающий боль, который помог ему выдержать долгий путь накануне. Потом он молча выскользнул на крыльцо, откуда была видна долина реки, и уселся там, прислонившись к стене и думая... о чем бы он так не думал. Фаун поручили варить яблочный джем на кухне; «и раз уж ты тут, не приготовишь ли ты, дорогая, на ужин горох?».

Фаун чистила второе яблоко и с огорчением думала о том, что придется разжечь огонь в печи, отчего в душной кухне станет еще жарче, когда

дверь распахнулась и вошел Даг.

— Хочешь пить? — предположила Фаун.

— Да, пожалуйста...

Фаун поднесла кружку к его губам; напившись, Даг сообщил:

— Какой-то парень привязал лошадь к дереву на опушке леса. По-моему, он полагает, что тайком подкрадывается к дому. Его Дар очень беспокоен, но я не думаю, что это грабитель.

— Ты его видел? — спросила Фаун и оборвала себя, осознав, насколько глупым прозвучал бы вопрос для человека, не знающего Дага. Как же хорошо она успела узнать его, раз вопрос так легко сорвался с ее языка...

— Мельком.

— У него светлые волосы?

— Да.

— Это Санни Сомен, — вздохнула Фаун. — Бьюсь об заклад: Кловер разболтала в деревне, что я вернулась, вот он и явился лично убедиться, что это так.

— Так почему бы в открытую не подъехать к дому?

Фаун покраснела, хотя Даг едва ли заметил бы это на ее раскрасневшемся от жары лице, и призналась:

— Он часто так проскальзывал, чтобы целоваться со мной. Он боялся, мне кажется, что нас застукают мои братья.

— Что ж, чего-то он явно опасается. — Даг поколебался, потом спросил: — Ты хочешь, чтобы я остался?

Фаун нахмурила брови и опустила голову.

— Лучше я поговорю с ним наедине. Он не станет разговаривать откровенно в чьем-либо присутствии. — Она смущенно посмотрела на Дага. — Может быть, ты... побудешь где-нибудь недалеко?

Даг кивнул; в дальнейших объяснениях нужды не было. Он прошел в рабочую комнату тетушки Нетти, оставив дверь открытой. Фаун услышала, как он подвинул стул; дерево заскрипело, когда он уселся.

Через несколько секунд на террасе раздались крадущиеся шаги: словно кто-то пытался идти на цыпочках; шаги затихли у кухонного окна. Фаун встала и без особого удовольствия посмотрела в лицо Санни, который, вытянув шею, заглядывал в окно. Увидев ее, Санни было отшатнулся, но потом шепотом спросил:

— Ты одна?

— В настоящий момент одна.

Санни кивнул и проскользнул в заднюю дверь. Фаун смотрела на него, пытаясь разобраться в своих чувствах. Золотые, как солома, волосы все так же вились вокруг его головы, глаза были все такими же ярко-голубыми, нежная светлая кожа — загорелой, плечи — широкими, руки — мускулистыми. Золотистые волоски на коже всегда заставляли ее блестеть на солнце. Физическая привлекательность Санни осталась той же, и Фаун удивилась, как получилось, что теперь она, которая трепетала в радостном волнении, отправляясь с ним на пшеничное поле, остается совершенно равнодушной.

«Его дочка была бы хорошенькой девчушкой». Мысль об этом была похожа на нож, повернувшийся в ране, и Фаун поспешила ее прогнать.

— Где все? — настороженно спросил Санни, озираясь.

— Папа и парни косят сено, мама обрабатывает кур тем порошком от блох, что ей дал твой дядя, а тетушка Нетти прилегла после обеда — у нее разболелось колено.

— Нетти слепая, она меня все равно не увидела бы. — Санни подошёл ближе, пристально глядя на Фаун... нет, только на ее живот. Фаун поборола соблазн выпятить его. Санни склонил голову к

плечу. — Какая ты ни пигалица, он, по-моему, должен бы уже выпирать. Кловер наверняка верещала бы, если бы заметила.

— Ты с ней говорил?

— Да, встретил в деревне в полдень. — Санни беспокойно переступил с ноги на ногу. — Все только о том и болтают — что ты снова объявилась. — Нахмурившись, он в который раз огляделся. — Значит, ты опять собираешься ко мне приставать? Ничего у тебя не выйдет. Я уже обручен с Вайолет.

— Я слышала, — проговорила Фаун равнодушно. — На самом деле я не собиралась с тобой видеться. Мы не задержались бы здесь, если бы Даг не сломал руку.

— Ага, Кловер говорила, что ты притащила какого-то Стража Озера — длинного как жердь, с одной рукой деревянной, а другой — сломанной, который все больше помалкивает. Прок-то тебе от этого какой? Похоже, ты таскалась с ним три или четыре недели. — Санни облизнул губы. — Так что ты задумала? Поменять лошадей на середине переправы? Собираешься сказать ему, что ребенок его, и надеешься, что он не слишком хорошо считает?

На кухонном столе стояла чугунная сковородка.

Если взмахнуть ею как надо, она как раз придется впору по круглому лицу Санни, подумала Фаун, перед глазами которой плавала красная пелена ярости.

— Нет.

— Я в твои игры играть не собираюсь, Фаун, — резко бросил Санни. — На меня ты ребенка не повесишь. Я сделаю все, как сказал. — Руки его немного тряслись — впрочем, и руки Фаун тоже.

— Что ж, можешь успокоиться, — голос Фаун, если такое было возможно, стал еще более равнодушным, — и дать отдохнуть своему поганому языку. У меня случился выкидыш в тот день, когда зловредное привидение едва меня не убило. Так что не осталось ничего, что было бы нужно на кого-то вешать, если не считать тяжелых воспоминаний.

Облегчение, испытанное Санни, было видно невооруженным глазом; он громко вздохнул и даже зажмурил глаза. Напряжение в комнате уменьшилось вдвое. Фаун подумала, что Санни, узнав о ее возвращении, должен был впасть в панику: весь его удобный мирок пошатнулся; теперь она испытывала что-то вроде мрачного удовлетворения. Ее собственный мир перевернулся, но если бы у нее была возможность все

вернуть, избавиться от всех страданий за счет того, что она узнала по дороге в Глассфордж, — согласилась бы она?

Она не могла по справедливости, решила Фаун, винить Санни в том, что его дочка не представлялась ему реальной; она и самой Фаун, в конце концов, большую часть времени реальной не казалась.

— Так куда же, по-твоему, я делась? — спросила она вместо того, чтобы упрекнуть его в бесчувственности.

Санни пожал плечами.

— Сначала я думал, что ты могла прыгнуть в реку. Уж и дергался я какое-то время!

Фаун вскинула голову.

— Но все же не настолько, похоже, чтобы что-то предпринять.

— А что тут было делать? Ты как раз такую глупость и могла сделать, разозлившись. Ты всегда была бешеной. Я помню, как-то твои братья дразнили тебя, и ты орала так, что твой папаша вздул тебя за такой жуткий вой. А потом пошли разговоры, что кое-что из твоих одежек пропало, так что стало ясно: ты сбежала, потому что даже такая дуреха, как ты, не взяла бы три смены одежды, чтобы утопиться. Твои родичи искали тебя,

но, выходит, не так уж далеко.

— Как я понимаю, ты им в поисках не помогал.

— Дурак я, что ли? Мне вовсе не хотелось, чтобы ты нашлась! Ты сама вляпалась, самой надо было и выкручиваться.

— Да, я так и поняла. — Фаун закусила губу.

В молчании они только обменивались взглядами.

«Да уйди же ты наконец, дубина!»

— Я не забыла, что ты мне сказал тем вечером, Санни Сомен. Видеть тебя не желаю — говорю это на случай, если ты сомневаешься.

Он досадливо пожал плечами, и белобрысые брови сошлись над курносым носом.

— Так я и знал: зловредное привидение просто удобная сказочка. А на самом-то деле что случилось?

— Привидения вполне реальны. Одно из них схватило меня — тут и тут. — Фаун коснулась отметин на шее и неохотно положила ладонь на живот. — Стражи Озера изготавливают особые ножи, чтобы убивать Злых — так они называют зловредные привидения. У Дага был такой нож. Мы с ним убили привидение, но спасти ребенка уже не удалось. Нам тоже едва удалось спастись.

— Ах, теперь еще и волшебные ножи в добав-

ление к волшебным чудовищам! Ну как же, так я и поверил! А может, все дело в тайном средстве Стражей Озера, а уж сказочка придумана, чтобы оправдаться перед семьей, а? — Санни придвинулся к Фаун, и та попятилась.

— Они даже не знают, что я была беременна. Об этом я им не сказала. — Фаун глубоко втянула воздух. — Да и какая тебе разница, раз тебя это теперь не касается? Фу! — Фаун запустила руки в волосы, потом провела ладонями по лицу. — Знаешь, мне и на грош неинтересно, что ты думаешь, только думай где-нибудь в другом месте. — Тетушка Нетти как-то сказала, что противоположность любви — не ненависть, а безразличие. Фаун начала думать, что видит в этом смысл.

Санни придвинулся еще ближе; Фаун чувствовала, как его дыхание шевелит волоски у нее на шее.

— Значит, ты теперь перепихиваешься с этим парнем — дозорным? А об этом-то твоя семья знает?

У Фаун от гнева перехватило дыхание. Нет, она не завизжит...

— После выкидыша? Да ты совсем безмозглый, Санни Сомен!

Это заставило парня на мгновение умолкнуть;

в его голубых глазах промелькнуло сомнение.

— Ну а ты, — продолжала Фаун, — ты женишься на Вайолет; так что же, ты с ней уже перепихиваешься?

Губы Санни раздвинулись в чем-то, напоминающем улыбку, только веселья на его лице не было. Он сделал еще шаг в сторону Фаун.

— Я был прав. Ты и в самом деле шлюшка. — Он победно улыбнулся, видя ярость, которая заставила лицо Фаун вспыхнуть. — И нечего хмуриться. — Он протянул руку и ущипнул Фаун за грудь. — Я знаю, как легко тебя поиметь.

Рука Фаун начала нащупывать ручку сковородки.

Из рабочей комнаты тетушки Нетти донеслись шаги; Санни поспешно отскочил от Фаун.

— Привет, Искорка, — сказал Даг. — Есть тут еще сидр?

— Конечно, Даг, — ответила Фаун, пятясь от Санни и поспешно пересекая кухню. Она сняла с полки кувшин и налила сидра в кружку, стараясь, чтобы руки не дрожали.

Каким-то образом Даг оказался между Фаун и Санни.

— Гость? — спросил Даг, кивнув в сторону Санни. По виду того было ясно, что он отчаянно

соображает: давно ли Даг находится рядом и как много услышал, а если услышал, то насколько это выдает вину Санни.

— Это Санни Сомен, — сказала Фаун. — Он уходит. А это Даг Редвинг Хикори, Страж Озера. Он остается.

Санни настороженно кивнул. Даг сверху вниз посмотрел на него без всякого выражения.

— Любопытно наконец увидеть тебя, Санни, — сказал Даг. — Я много о тебе слышал — и одну, как выясняется, чистую правду.

Санни открыл и закрыл рот — его, по-видимому, удивило, что оскорбления и угрозы не заставили Фаун помалкивать. Что ж, теперь ему оставалось винить только собственную болтливость. Санни бросил взгляд на дверь в рабочую комнату тетушки Нетти, откуда не было другого выхода, кроме как в спальню двух женщин, и не нашелся, что сказать.

Даг холодно продолжал:

— Вот интересно, Санни, кто-нибудь уже предлагал тебе вырезать язык и скормить его тебе?

Санни сглотнул.

— Нет. — Он пытался ответить с вызовом, но сумел только хрипло каркнуть.

— Я удивлен, — сказал Даг. Он слегка почесал

нос своим крюком — жест содержал спокойное предостережение, но Санни этого не заметил и не сделал выводов.

— Уж не собираешься ли ты затеять тут что-нибудь? — спросил Санни, к которому вернулась воинственность.

— Увы... — Даг слегка качнул лубком на руке. — Мне придется заняться тобой позже.

Глаза Санни довольно заблестели при виде явной беспомощности дозорного.

— Тогда лучше держи язык на привязи, Страж Озера. Ха! Только Фаун могло хватить глупости выбрать в защитники калеку!

Глаза Дага превратились в золотые щелки, и Фаун съежилась. Тем же ровным любезным тоном он пробормотал:

— Я передумал и займусь тобой сейчас. Фаун, ты сказала, что этот парень уходит. Будь добра, открой ему дверь.

Явно не представляя себе, что способен сделать с ним Даг, Санни стиснул зубы, расставил ноги и бросил на Дага вызывающий взгляд. Даг стоял совершенно неподвижно. Фаун в растерянности поставила кружку, расплескав по столу сидр, потом распахнула внутреннюю дверь и придержала ее.

Когда Даг сдвинулся с места, он сделал это с невообразимой скоростью. Фаун уловила только, как он мелькнул справа от Санни, с силой ударил его ногой под колени, а крюком подцепил сзади за штаны. Санни от неожиданности замахал руками и разинул рот, поднятый в воздух; он перебирал ногами, но едва касался пола, как человек, поскользнувшийся на льду. Три длинных шага Дага, громкий треск рвущейся ткани — и Санни головой вперед полетел за дверь, проехался — по доскам крыльца и неуклюже растянулся на земле кверху задом, уткнувшись лицом в грязь.

Фаун переполняли и ужас, и облегчение от того, что Даг не разорвал горло Санни своим крюком так же спокойно, как сделал это с глиняным человеком; у нее вырвался истерический смех. Зажав рот рукой, она не отводила глаз от приятного зрелища: трусы Санни торчали из большой дыры в его штанах.

Санни извернулся и кинул на Дага разъяренный взгляд; лицо его покрылось красными пятнами. Потом он поднялся на ноги и стиснул кулаки. Из-за забившей рот грязи его проклятия были почти неразборчивы, но общий смысл можно было понять: «Я покажу тебе, Страж Озера! Я покажу вам обоим!» Фаун снова от испуга затаила

дыхание.

— Лучше позови на помощь друзей, — сухо посоветовал Даг, — если они у тебя имеются. — Если бы не раздувающиеся ноздри, трудно было бы предположить, что он только что участвовал в схватке.

Санни сделал два шага на крыльцо, но тут же нерешительно остановился, когда Даг спокойно выставил вперед крюк. Фаун кинулась за сковородкой. Пока Санни колебался, раздался стук палки и шаркающие шаги; из рабочей комнаты вышла тетушка Нетти. Санни, испуганно оглянувшись на нее, споткнулся, задом спустился с крыльца и кинулся бежать за дом.

— Ты права, Искорка, — сказал Даг, снова закрывая дверь, — он предпочитает обходиться без свидетелей. Сама понимаешь, по какой причине.

Тетушка Нетти прошла на кухню.

— Привет, Фаун, голубушка. Привет, Даг. Ох, как приятно пахнет джем... — Она повернулась в сторону удаляющихся шагов за домом. — Молодой дурачок, — протянула она задумчиво. — Санни всегда полагает, что если я не могу его видеть, то и слышать не могу. Как тут не удивляться человеческой глупости!

Фаун сглотнула, поставила сковороду на стол и

кинулась в объятия Дага. Тетушка Нетти повернулась в их сторону и улыбнулась.

— Спасибо тебе за то, что навел чистоту в доме, дозорный.

— Рад был помочь, тетушка Нетти. А знаешь, — шепнул он Фаун, крепче прижимая ее к себе, — он больше боялся тебя, Искорка, чем ты его. — Потом Даг задумчиво добавил: — В этом отношении он похож на змею.

Фаун хихикнула, и Даг выпустил ее.

— Как раз перед твоим приходом, тетушка Нетти, я собиралась стукнуть Санни сковородкой.

— Я что-то такое и предположила. Подобное желание возникло и у меня самой.

— Жаль, что ты не смог на самом деле отрезать ему язык... — Фаун помолчала. — Это была шутка или нет? Я иногда не бываю уверена насчет юмора дозорных.

— Ах, — с легким сожалением ответил Даг, — сейчас это, во всяком случае, неосуществимо. Хотя, пожалуй, я рад, что Санни не верит этим мерзким россказням о том, что Стражи Озера занимаются черной магией.

Фаун перестала дрожать, но все еще, сведя брови, размышляла о случившемся.

— Я так рада, что ты оказался поблизости. Жаль

только, что у тебя сломана рука... С ней все в порядке? — Фаун озабоченно потрогала лубок.

— Руке напряжение было не особенно на пользу, но кость не сместилась. Нам повезло, что пришла тетушка Нетти и Санни неожиданно охватила... э-э... стеснительность. — Фаун запрокинула голову и вопросительно взглянула в серьезное лицо Дага. Он продолжал: — Понимаешь, Санни, хоть и убивал лягушек, в смертельной схватке никогда не участвовал. Я же не занимался ничем другим с детства. Он привык к щенячьей возне — дракам с братьями, кузенами, приятелями — теми людьми, с которыми предстоит жить и дальше. В подобной потасовке на его стороне были бы молодость, вес, сильные мускулы, даже не будь у меня сломана рука. Если ты в самом деле хочешь ему смерти, тогда я тот, кто тебе нужен; если тебе нужно что-то менее окончательное, этого добиться мне будет труднее.

Фаун вздохнула и прислонилась лбом к груди Дага.

— Я не хочу ему смерти. Я просто хочу оставить его позади — на мили и на годы. Что касается лет, то тут, думаю, придется подождать. Я все еще думаю о нем каждый день, хоть и против воли. Если он умрет, будет еще хуже.

— Умница, Искорка, — пробормотал Даг.

Фаун в сомнении сморщила нос. Насколько серьезно сделал он то смертельное предложение, чтобы она испытывала такое облегчение, не поймав его на слове? Вспомнив о прежней просьбе Дага, она принесла ему сидр, и Даг благодарно ей улыбнулся.

Тем временем Нетти подошла к плите и помешала джем, который, судя по запаху, начинал подгорать. Постучав деревянной ложкой, чтобы стряхнуть с нее налипшую гущу, она повернулась к Фаун и Дагу и сказала:

— Ты сообразительный, дозорный.

— Ах, тетушка, — уныло спросила Фаун, — сколько из этих гадостей ты услышала?

— Да, пожалуй, все, голубушка. — Нетти вздохнула. — Санни ушел?

На лице Дага появилось то странное выражение, которое возникало, когда он советовался со своим Даром.

— Давно ушел, тетушка Нетти.

Фаун вздохнула с облегчением.

— Даг, ты славный парень, но мне нужно поговорить с племянницей. Не пойти ли тебе прогуляться?

Даг взглянул на Фаун, потом неохотно кивнул.

— Думаю, не повредит, если я проверю, не искусал ли кого Копперхед.

— Правильно, — согласилась Нетти.

Даг в последний раз обнял Фаун, наклонился и коснулся ее губ своими пахнущими сидром губами, ободряюще улыбнулся и вышел. Фаун слышала, как его шаги затихли за передней дверью.

Фаун больше всего хотелось уткнуться лицом в колени Нетти и выплакаться; вместо этого она принялась раздувать угли, чтобы приготовить к ужину горох. Нетти уселась на стул, положив руки на палку. Сначала запинаясь, потом более свободно Фаун начала ей рассказывать обо всем, что с ней случилось, — начиная с собственного глупого поведения на свадьбе весной до постепенного осознания последствий и ужасного разговора с Санни.

— Ах, — с сожалением вздохнула Нетти, — я знала, что ты чем-то встревожена, и пыталась вызвать тебя на откровенность, да ты не захотела.

— Верно. Не знаю, жалеть теперь об этом или нет. Я решила, что я сама должна расплачиваться за то, что купила. И еще я боялась, что мне не хватит решимости, если я сразу не отрежу все пути к отступлению.

Фаун решила все рассказать Нетти о своем путешествии, не упоминая только о странном происшествии с разделяющим ножом Дага — отчасти потому, что боялась вопросов, которые это неизбежно вызвало бы, отчасти потому, что к ее выкидышу нож не имел отношения, но главным образом потому, что секреты Стражей Озера ей не принадлежали. И не только в секретах дозорных тут было дело: Фаун дорожила доверием Дага. Только теперь она поняла, какой огромной и сугубо личной ценностью был для него нож, напоенный кровью его погибшей жены. Это была единственная тайна, сохранить которую просил ее Даг.

Сделав глубокий вдох, Фаун начала рассказ. Она описала свое одинокое путешествие в Глассфордж, ужасную встречу с молодым разбойником и странным глиняным человеком, первый взгляд на разъяренного Дага, так ее испугавшего, свою ошибку, которая теперь, при взгляде назад, казалась почти смешной. Рассказала Фаун и о жуткой брошенной ферме Хорсфордов, о втором своем похищении, о совершенно ни с чем не сравнимом ужасе, который она узнала, оказавшись в руках Злого, о Даге в пещере, о Даге той ночью на ферме...

Фаун все-таки уткнулась лицом в колени Нетти, хотя ей удалось не разрыдаться и только шмыгать носом. Нетти гладила ее по голове, как не делала этого с тех пор, как маленькая Фаун прибегала к ней, когда от ушиба страдало ее тело или от унижения — душа.

— Ш-ш-ш, голубушка...

Фаун наконец сделала глубокий вдох, вытерла передником глаза и нос и уселась на полу рядом со стулом Нетти.

— Пожалуйста, не рассказывай маме и папе. Им ведь и дальше жить рядом с Соменами. Нет смысла теперь ссорить наши семьи.

— Ах, голубушка, конечно, только уж как мне не нравится, что Санни ничего за это не будет.

— Да, но я не выдержала бы, если бы обо всем узнали братья. Они или попытаются отплатить Санни и вызовут неприятности, или начнут высмеивать мою глупость, а этого мне не вынести. — Подумав немного, Фаун добавила: — Ведь скорее они сделают и то, и другое.

— Не уверена, что даже твои братья настолько безмозглые, чтобы потешаться над таким несчастьем. — Поколебавшись, Нетти неохотно признала: — Разве что полоумный Вит.

Фаун выдавила улыбку, услышав старое про-

звище.

— Бедняга Вит, может быть, эта шутка и заставляет его быть таким ужасным наказанием для всех. Может, стоит начать называть его полным именем — вдруг поможет.

— Это мысль. — Нетти выпрямилась на стуле, устремив незрячие глаза в собственную непроглядную тьму. — Пожалуй, ты и права насчет ссоры между семьями... Да, хорошо. Твой рассказ останется при мне, если только не возникнут какие-то новые проблемы.

Услышав такое обещание, Фаун вздохнула с облегчением.

— Спасибо. После разговора с тобой мне стало легче — в большей мере, чем я ожидала. — Обдумав последние слова Нетти, она твердо добавила: — Но ты должна понять: я уеду с Дагом. Так или иначе.

Нетти не стала тут же возражать или предостерегать и только сказала:

— Ну... Он занятный парень, этот Страж Озера. Расскажи мне и об остальном.

Фаун, занимаясь готовкой, была только рада пуститься в описание своего любимого предмета неожиданно симпатизирующему... или по крайней мере не предубежденному слушателю.

— В Глассфордже я познакомилась с его отрядом... — Фаун описала Мари, Сауна и Рилу и менее подробно — Дирлу, Рази и Утау, а также прогулки с Сассой, гордившимся своим городом; Фаун перечислила все замечательные вещи, которыми можно было заняться в Глассфордже, махнув рукой на коров, овец и свиней. Описание веселушек и неожиданного таланта Дага, игравшего на тамбурине, заставило Нетти рассмеяться вслед за Фаун. Однако следующее замечание Нетти заставило девушку умолкнуть.

— Так ты по уши в него влюблена, — спокойно сказала старая женщина, и когда Фаун ахнула, добавила: — Ну, девочка моя, я же не настолько слепа.

Влюблена... Это показалось Фаун слишком слабым выражением. Она считала, что была влюблена, когда вздыхала по Санни.

— Тут что-то большее. Я доверяю ему... абсолютно во всем.

— Ах вот как? После всего, что ты рассказала, я наполовину влюблена в него сама. — После задумчивого молчания Нетти добавила: — Такой радости в твоем голосе я не слышала очень, очень давно... многие годы, голубушка.

Сердце Фаун возликовало, как будто с него

свалился огромный груз; она рассмеялась и кинулась обнимать и целовать Нетти, в ответ на что та только растерянно улыбнулась.

— Ну, ну... Кое-что нам еще нужно обсудить, знаешь ли.

Но тут горох был готов, а мать Фаун вернулась и принялась готовить остальные блюда к ужину; Фаун она отправила доить коров, чтобы мужчины могли косить сено, пока не стемнеет. Фаун вышла через переднюю дверь, но Даг еще не вернулся на свое место на крыльце.

Даг обошел всю ферму, отчасти чтобы размять ноги, отчасти чтобы убедиться: Санни действительно убрался. Этот парень, кипящий яростью и жаждущий мести после столь неожиданного, хоть и приятного для Дага изгнания из дома Фаун представлял, пожалуй, угрозу для Стража Озера, оказавшегося в одиночестве в крестьянском районе, но Даг не мог жалеть о таком потворстве себе, хоть его сломанная рука и начала снова болеть. Последнее опасение Дага, в котором он старался себе не признаваться — что, оказавшись дома, в безопасности, Фаун может раскаяться в своем увлечении дозорным и вернуться к своей первой любви, — полностью рассеялось.

Было время, когда Санни держал в ладонях

звездный свет — и кинул его в дорожную грязь. Это сокровище он теперь никогда себе не вернет. Сколько бы Даг ни старался, худшего зла, чем причинил себе Санни, он причинить ему не мог бы. Криво улыбаясь, Даг выкинул Санни из головы и начал обдумывать более неотложные личные дела.

Вернувшись в дом, он обнаружил, что Фаун на кухне нет, а ее мать, Трил, накрывает на стол к ужину. Стук и жужжание прялки, доносившиеся из соседней комнаты, говорили о том, что Нетти рядом и в любой момент готова откликнуться на зов сестры. Даг вежливо поздоровался и услышал в ответ дружелюбное, но достаточно равнодушное «Добрый вечер, дозорный». Происшествие с Санни Трил явно известно не было и обсуждать его не следовало, и в целом Даг почувствовал облегчение.

Он попытался помочь Трил, снимая при помощи своего крюка кастрюльки с огня, и стал ломать голову над тем, как еще показать свою полезность женщине, которая, по обычаям Стражей Озера, была бы главой семейства Блуфилд. Однако Трил следила за его действиями с таким неприкрытым ужасом, что Даг начал казаться себе неуклюжим и слишком высоким для этой

кухни, так что в конце концов он просто сел и стал смотреть, как она суетится, чем, похоже, ее только обрадовал. Его попытка поговорить о погоде не вызвала отклика, как и вопрос о курах; к несчастью, Даг мало что знал о домашних животных, кроме как о лошадях. Однако несколько вопросов о приближающейся женитьбе Флетча сделали Трил более разговорчивой, так что начался разговор о свадебных обрядах Вест-Блу, а именно это Дага и интересовало. Как он быстро обнаружил, лучшем способом узнать от Трил все подробности было сообщить ей о соответствующих обычаях Стражей Озера.

Оторвавшись на мгновение от теста для бисквита, Трил вздохнула:

— Прошлой весной я боялась, что Фаун начнет вздыхать по мальчишке Соменов — тут ведь никакой надежды и быть не могло. Его папа и Джас Стоункроп уже много лет как сговорились поженить Санни и Вайолет, чтобы в следующем поколении фермы объединились. Это будет богатое землевладение. Если у Вайолет родится несколько сыновей, земли будет достаточно, чтобы разделить между ними, так что младшим не придется искать себе незанятый участок, как собираются сделать Рид и Раш.

Близнецы поговаривали о том, чтобы отправиться на границу освоенных земель, миль на двадцать к западу, и вместе основать новую ферму, когда Флетч женится. Этот план, как было дано понять Дагу, все время обсуждался, но никаких действий пока предпринято не было.

— У крестьян браки организуют отцы семейств?

— Иногда, — улыбнулась Трил. — Иногда они просто думают, будто все решают. Иногда отцами управляют. Впрочем, договор о земле или доле тех детей, которые землю не получают, пишется и хранится деревенским клерком, иначе потом неприятностей не оберешься.

Опять земля... Все интересы фермеров крутились вокруг земли. Любое другое богатство, похоже, рассматривалось только как эквивалент земли. Даг заметил:

— У Стражей Озера пары обычно сами выбирают друг друга, но от мужчины ожидается, что он сделает подарки семье новобрачной, к которой присоединится. По традиции это бывают лошади и меха, хотя все зависит от того, что он успел добыть. — Словно между прочим Даг добавил: — Я сейчас владею восемью лошадьми. Мерины одолжены мной табуну лагеря, кроме Копперхеда,

который слишком зол, чтобы я мог навязать его кому-нибудь, а три кобылы должны ожеребиться. Моя невестка присматривает за ними заодно со своими кобылами.

— Табуну лагеря? — озадаченно переспросила Трил.

— Если человек владеет большим, чем ему нужно, не может же он просто сидеть на своем имуществе и позволить ему сгнить. Так что лошади, на которых не ездят хозяева, образуют табун лагеря и используются обычно кем-то из молодых дозорных. Писец лагеря ведет все записи. Это очень удобно, если приходится сменить лагерь: ты просто получаешь соответствующую бумагу, и твои нужды удовлетворяются, когда ты оказываешься там, вместо того чтобы все тащить с собой. На общем сборе, который проводится раз в два года, одна из главных забот писцов — сопоставить записи и устранить неясности. Я пользуюсь большим кредитом в Хранилище. — Как перевести все это в акры, Даг сразу сообразить не мог, но надеялся, что Трил поймет: он вовсе не бедняк, несмотря на то что сейчас одет в поношенную дорожную одежду. Даг задумчиво потер нос своим крюком. — Меня пытались сделать писцом лагеря, после того как я потерял

руку, но я не согласился на эту кропотливую работу и всю связанную с ней писанину. Я хотел быть в движении, участвовать в объездах.

— Ты умеешь читать и писать? — Трил посмотрела на него одобрительно, это явно было очко в его пользу. Прекрасно...

— Почти все Стражи Озера умеют.

— Хм-м... Ты старший в своей семье или как?

— Я моложе единственного выжившего брата на десять лет. Моя мать очень печалилась, что у нее нет дочери, которой она могла бы передать шатер, но мой брат женился на младшей дочери в семье, где было шесть дочерей, и она согласилась перебраться к нам и взять имя нашего шатра, так что оно не исчезнет, а моя мать не будет страдать от одиночества. — «Вот видишь, я славный добропорядочный парень, у меня тоже есть семья... своего рода». — Мой брат очень почитаемый мастер в нашем лагере. — Уточнять, в чем его брат мастер, Даг не стал. Изготовление разделяющих ножей было одним из самых ответственных для Стражей Озера дел, и поэтому Даг и его брат пользовались большим уважением, но сообщать об этом Блуфилдам Даг счел преждевременным.

— Разве он не дозорный, как и ты?

— Был в молодости — дозорными становятся

почти все Стражи Озера, — но его искусство слишком ценно, чтобы тратить время на объезды. — К Дагу это, само собой, не относилось.

— А кто был твой отец? Мастер или дозорный?

— Дозорный. Он и умер в походе.

— Его убило одно из тех привидений, о которых говорила Фаун? — Даг не очень разобрался, верила ли Трил в Злых раньше, но ему казалось, что теперь в целом поверила и в результате очень испугана.

— Нет. Он нырнул за молодым дозорным, который упал в воду при опасной переправе в разгар зимы. Меня там не было — я был в дозоре в другом месте — и я не сразу узнал о случившемся.

— Утонул? Странная судьба для Стража Озера.

— Нет, не совсем так. У него началась легочная лихорадка, и он умер на четвертую ночь. Можно, конечно, сказать, что утонул... — На самом деле отец Дага умер, отдав кровь своего сердца ради уничтожения Злого: двое его товарищей, которые пытались довезти больного до дома, нашли его в шатре бросившимся на нож. Выбрал ли он такой конец в здравом рассудке, или в бреду и отчаянии, или просто от изнеможения, Даг так никогда и не узнал.

Так или иначе, нож достался ему, и он использо-

вал его тремя годами позднее, чтобы уничтожить Злого в окрестностях Кэтлика.

— Ох, да, легочная лихорадка — вещь нешуточная, — с симпатией сказала Трил. — Одна из теток Соррела умерла от нее прошлой зимой. Очень тебе сочувствую.

Даг пожал плечами.

— С тех пор прошло одиннадцать лет.

— Ты был близок со своим отцом?

— Не особенно. Когда я был мал, он отсутствовал, а потом уже отсутствовал я сам. Я хорошо знал отца моего отца: у него к тому времени было больное колено, как у Нетти. — Нетти, слышавшая все через открытую дверь, подняла голову и улыбнулась, услышав свое имя. — Дед оставался в лагере и среди прочих дел присматривал за мной. Если бы я потерял ногу, а не руку, я, возможно, делал бы то же самое — стал дядюшкой Дагом для детишек брата. — «Или рано создал бы разделяющий нож...» — А интересно, бывают ли однорукие фермеры?

— О да, на фермах случаются несчастья. Люди как-то приспосабливаются. Я знала человека с деревянной ногой. Только я никогда не слышала о таких штуках, как у тебя.

Матушка Фаун постепенно успокоилась и те-

перь уже не подскакивала при каждом движении Дага. Впрочем, Даг решил, что легче уговорить дикого зверя взять пищу из рук, чем успокоить подозрительность Блуфилдов. Несмотря на это, некоторого успеха ему удалось достичь, хотя он гадал, не подвели ли его привычки Стража Озера и не следовало ли начать с папы Блуфилда, а не с женщин. Что ж, с кого начать — особого значения не имело: Дагу все равно предстояло укротить все семейство, чтобы добиться своей цели.

Тут мужчины и ввалились в кухню, потные и голодные. Следом вошла пахнущая коровами Фаун с двумя ведрами молока на коромысле; их она отставила в сторону, чтобы заняться удоем позднее. Семейство в том же составе, что и накануне, за исключением Кловер, усердно принялось уничтожать ломти ветчины с горохом, ржаной хлеб, различные маринады, бисквиты, масло, джем, запивая все яблочным соком, сидром и молоком. Некоторое время все молчали, занятые едой. Даг не обращал внимания на любопытные взгляды, которые братья Фаун бросали на его ложковилку, которой он отправлял в рот бисквиты целиком; Трил, если он правильно расшифровал выражение ее лица, была просто довольна тем, что бисквиты ему нравятся. К счастью, ему не

пришлось кривить душой, расхваливая еду, хотя в случае необходимости он и этим не побрезговал бы.

— Что ты делал, пока я доила коров? — наконец спросила его Фаун.

— Прошелся до реки и обратно. Рад сообщить, что никаких признаков Злого на милю вокруг я не заметил. Впрочем, я иного и не ожидал. Здешние места дозоры объезжают регулярно.

— Правда? — сказала Фаун. — Я никогда не видела поблизости дозорных.

— Населенные земли мы обычно пересекаем по ночам, чтобы не тревожить жителей. Вы нас и не заметили бы.

Папа Блуфилд бросил на Дага загадочный взгляд. Вполне возможно, что не всегда все отряды бывали такими уж невидимками.

— Ты когда-нибудь бывал поблизости от Вест-Блу? — спросила Фаун.

— В последнее время нет. Когда я был еще мальчишкой лет пятнадцати, только начавшим службу, я довольно часто бывал в здешних местах, так что, может быть, и оказывался поблизости. Теперь уже не помню.

— Мы могли видеть друг друга, не подозревая об этом, — задумчиво протянула Фаун.

— Э-э... нет. Тогда не могли. Когда мне сравнялось двадцать, — пояснил Даг, — меня отправили в другой лагерь, на север от Крестьянской равнины, а потом началось мое первое путешествие вокруг озера. Я вернулся только через восемнадцать лет.

— Ох... — прошептала Фаун.

— Потом я побывал всюду вокруг нашего лагеря, но не здесь. Территория велика.

Папа Блуфилд откинулся на стуле и внимательно взглянул на Дага.

— Так сколько же тебе лет, Страж Озера? Ты здорово старше Фаун, сказал бы я.

— Так и есть, — согласился Даг.

Папа Блуфилд продолжал вопросительно смотреть на Дага. Стук вилок, выскребающих тарелки, внезапно сделался особенно назойливым.

«Загнали в угол...» Неужели так это и должно было выясниться? Впрочем, может быть, и лучше выложить карты на стол. Даг прочистил горло, чтобы его голос не напоминал мышиный писк, но и не прозвучал слишком громко, и ответил:

— Пятьдесят пять.

Фаун подавилась сидром. Даг подумал, что должен был посмотреть сначала, не глотает ли она чего-то... Его протез не подходил для того,

чтобы похлопать ее по спине, но через мгновение девушка отдышалась.

— Прошу прощения, — выдохнула она. — Не в то горло попало. — Она искоса взглянула на Дага со скрытой паникой... или растерянностью? Он только надеялся, что не с ужасом. — Папе, — пробормотала она, — пятьдесят три.

Что ж, немного ужаса есть. С этим можно будет разобраться позднее.

Трил вытаращила на Дага глаза.

— Ты выглядишь на сорок в лучшем случае.

Даг прикрыл глаза, не оспаривая — ее слов.

— А Фаун, — мрачно объявил папа Блуфилд, — восемнадцать.

Даг услышал, как Фаун резко втянула воздух, возмущенная разоблачением.

Даг изо всех сил старался не улыбнуться. Это было трудно, когда рядом девушка была готова чуть ли не взорваться.

— В самом деле? — Даг бросил на Фаун успокаивающий взгляд. — Она мне сказала, что ей двадцать. Впрочем, с высоты моего возраста разницы тут не видно.

Фаун смущенно сникла, но потом их глаза встретились, и она тоже чуть не рассмеялась. Все было в порядке.

Папа Блуфилд сказал печально:

— Фаун всегда была склонна к выдумкам. Я пытался выбить из нее эту привычку, но, похоже, нужно было пороть ее больше.

«Или меньше», — подумал Даг, но вслух этого не сказал.

— Дело в том, что я происхожу из семейства долгожителей, — сказал Даг, пытаясь исправить ситуацию. — Мой дед, о котором я рассказывал, до самой смерти оставался бодрым, а умер, когда ему было за сто. — Если говорить точно, сто двадцать шесть лет, но Даг не стал уточнять: за столом и так все были заняты мысленной арифметикой. Братья Фаун, похоже, совсем запутались и глазели на Дага с новой подозрительностью. — Это все сглаживается, — постарался прервать затянувшуюся паузу Даг. — Если, например, мы с Фаун поженимся, к старости мы не будем слишком уж друг от друга отличаться. Если, конечно, не случится несчастного случая.

Ну вот, он произнес волшебное слово: «поженимся». Ему уже приходилось делать что-то подобное, только очень давно. Только тогда все было иначе. Родичей Каунео было трудно убедить, но совсем по другим причинам. Впрочем, ужас, который испытывал Даг, был тем же са-

мым.

— Стражи Озера не женятся на крестьянских девушках, — проворчал папа Блуфилд.

Даг не имел возможности ободряюще стиснуть руку Фаун под столом; все, на что он был способен, — это ткнуть ее в бок своей ложковилкой, зная, что в этот момент результат мог оказаться непредсказуемым. Он посмотрел в широко раскрытые глаза девушки. Предстоит ли ему прыгнуть с этой скалы в одиночку или с ней вместе? В прекрасных глазах Фаун он прочел испуг, но и возбуждение. Даг шумно втянул воздух.

— А я женюсь. Я этого очень хочу — жениться на Фаун. Вы согласны?

Семеро пораженных Блуфилдов молчали громче, чем Дагу когда-нибудь приходилось слышать.

15

В этот момент, когда все затаили дыхание, Фаун быстро сказала:

— Мне это очень нравится, Даг. Я тоже хочу выйти за тебя и выйду. Да. Спасибо тебе. — Только после этого она перевела дух.

И тут, конечно, разразилась буря.

Когда все разом зашумели, Фаун подумала, что Дагу лучше было бы говорить с членами семьи по одному, а не со всеми вместе. Однако потом она заметила, что ни мать, ни тетушка Нетти не выдвигали возражений, и к тому же, когда папа Блуфилд обращался к жене за поддержкой, вместо этого он встречал молчаливый суровый взгляд, что, по-видимому, его изрядно смущало. Тетушка Нетти молчала, но сухо улыбалась, так что Фаун предположила, что Даг сегодня не только размышлял на крыльце.

Флетч, пытаясь подражать отцу, тоже разразился колкостями насчет возраста Дага:

— В наших краях не одобряют кражу младенца из колыбели, Страж Озера.

Вит с блестящими от азарта схватки глазами с деланной задумчивостью добавил:

— Я, пожалуй, не уверен, стоит тут говорить о краже младенца им или об ограблении могилы ею.

Это заставило Дага поморщиться, однако, покачав головой, он тихо пробормотал:

— Хороший удар, Вит.

Фаун пришла в такую ярость, что пригрозила кусок пирога бросить в лицо Виту, а не на тарелку, а еще лучше — положить на тарелку его голову вместо пирога. Это заставило маму произнести выговор Фаун по поводу неподобающих манер, так что Вит праздновал двойную победу, и его довольная ухмылка чуть не заставила Фаун взорваться. Она ненавидела ту легкость, с которой ее родные умели заставить ее чувствовать себя двенадцатилетней и вести себя соответственно, а потом делать вид, что их придирки оправданы. Если такое продолжилось бы, Фаун не была уверена, что не начнет кататься по полу, как капризная двухлетка... что вовсе не помогло бы ей добиться своего. Она глубоко вздохнула и села, кипя в душе.

— Как я слышал, у Стражей Озера нет земли и они не работают, разве что охотятся, — сказал Флетч, последовательно продолжая атаку. — Если ты нацелился на наследство Фаун, позволь тебе

сказать, что земли она не получит.

— Ты думаешь, что я мог бы увезти поля фермы в своих седельных сумках, Флетч? — мягко поинтересовался Даг.

— Ты мог бы сунуть в них пару куриц, — предложил Вит.

В уголках глаз Дага появились морщинки.

— Уж больно много было бы шума, тебе не кажется? Копперхед ужасно обиделся бы. И представь себе, что было бы, если бы куры стали нестись, яйца разбились и испачкали мои вещи.

Это заставило Вита против воли хихикнуть. Виту, решила Фаун, все равно, на чьей стороне сражаться, лишь бы подливать масла в огонь. И он просто расцветал, когда над его шутками смеялись. Дагу уже почти удалось умиротворить его.

— Так чего же ты хочешь, а? — агрессивно набычившись, спросил Рид.

Даг откинулся на стуле, лицо его стало серьезным и — Фаун не поняла как — он сосредоточил на себе все внимание сидящих за столом. У нее возникло ощущение, что даже сидя он стал выше ростом.

— Флетч поднял действительно важный вопрос, — сказал Даг, одобрительно кивнув старшему брату Фаун, отчего тот невольно выпятил грудь.

— Как я понимаю, если бы Фаун вышла замуж за местного парня, ей полагалось бы приданое — одежда, некоторая мебель, домашние животные, семена, сельскохозяйственные орудия; и еще семья должна была бы помочь в строительстве нового дома. По обычаям Стражей Озера ничего этого я получить не должен, за исключением личных вещей Фаун. Да я и не смог бы воспользоваться таким приданым. С другой стороны, я не хотел бы, чтобы Фаун лишилась того, что ей причитается. У меня есть другой план.

Папа и мама Блуфилды внимательно и серьезно слушали, как если бы они втроем неожиданно заговорили на одном языке.

— И что же это за план, дозорный? — спросил папа, брови которого теперь хмурились скорее в задумчивости, чем от враждебности; лицо его уже не было таким красным, как вначале.

Даг склонил голову, словно в благодарность за вопрос, одновременно ненавязчиво подчеркнув этим, что обращение главы семьи обеспечивает ему возможность говорить, не опасаясь, что его перебьют младшие.

— Я, конечно, буду обеспечивать и защищать Фаун, пока жив. Однако нужно признать: я веду не такую уж безопасную жизнь. — Легкое вы-

разительное постукивание по столу протезом подчеркнуло смысл его слов, решила Фаун. — Я хотел бы, чтобы сейчас свою долю Фаун оставила здесь, нетронутую, но четко определенную — чтобы это было записано в семейной книге и у деревенского клерка в присутствии свидетелей, как положено. Ни один человек не знает часа своей шари — своей смерти. Но если Фаун когда-нибудь придется вернуться сюда, я хотел бы, чтобы ее встретили как настоящую вдову, а не как соломенную. — Даг повернул голову так, чтобы только Фаун заметила, что он слегка подмигнул, и это подняло ее дух в такой же степени, в какой слова обдали холодом; ее сердце разрывалось между радостью и опасениями. — Тогда Фаун и ее дети, если они у нас будут, смогут рассчитывать на поддержку независимо от того, какая судьба выпадет мне. — Трил, сосредоточенно наморщившая лоб, при этих словах задумчиво кивнула. — Поскольку, как я надеюсь, такой день наступит в далеком будущем, а то и вообще никогда, нужно будет, чтобы соглашение подписали и Флетч с Кловер. Мне представляется, что Кловер обрадуется возможности отсрочить выплату приданого и все связанные с этим заботы, которые на нее легли бы.

Флетч, открывший было рот, резко его захлопнул: до него наконец дошло, что не только не придется немедленно расставаться с частью семейного имущества, но и что Фаун будет отсутствовать, когда он приведет в свой дом новобрачную. Только по тому, как блеснули глаза Дага, Фаун догадалась, что он намеренно подводил Флетча к такой мысли и теперь доволен результатом.

Благословенная тишина, воцарившаяся за столом, позволила всем доесть пирог. Фаун уже меняла для Дага ложковилку на крюк, когда Вит вытер губы и с истинно братским удивлением спросил:

— Но почему вообще ты вздумал жениться на Фаун?

Одного тона, которым был задан этот вопрос, было достаточно, чтобы Фаун вновь ощутила себя в ловушке мальчишеских издевательств: как будто никто меньше ее не заслуживал ухаживаний во всей деревне и на сотню миль в округе, как будто она была наполовину деревенской дурочкой, наполовину мошенницей от природы. Она вспомнила, что за идиотскую фразу братья придумали, чтобы выводить ее из себя: «Эй, ты, коротышка! Должно быть, ты с утра пораньше

напилась какой-то гадости!» И теперь слова Вита заставили Фаун почувствовать себя, как тогда...

— Нужно ли мне об этом говорить? — произнес Даг спокойно.

— Нужно! — бросил Флетч таким начальственным тоном, что Фаун захотелось стукнуть его даже больше, чем Вита, а папа Блуфилд насмешливо поднял бровь.

— Давай, старик, — скривился Раш. За столом близнецы говорили меньше всех, за исключением Нетти, но не скрывали своей враждебности. — Приведи хоть три причины!

Даг прикрыл глаза; его холодное согласие таило в себе странную угрозу. Однако взгляд, который он искоса бросил на Фаун, она ощутила как ласку после того, как ее побили.

— Только-то? Что ж, хорошо. — Даг выдержал паузу, заставившую всех замолкнуть. — Я люблю ее за мужественное сердце — ее храбрость в таких кошмарных обстоятельствах, когда любой на ее месте сломался бы, я видел сам. Я люблю ее за острый и любознательный ум, который никогда не устает задавать вопросы и обдумывать ответы. Я люблю ее за сияющий дух, который посрамил бы праздничный фейерверк. Вот три причины, и этого более чем достаточно. — Даг поднялся из-за

стола и слегка коснулся своим крюком плеча Фаун. — Все это передо мной, а вы спрашиваете, не хочу ли я взамен грязи? Не понимаю я крестьян. — Вежливо кивнув всем и пробормотав «Доброй ночи, тетушка Нетти», Даг вышел из кухни.

Фаун не могла решить, что ей больше понравилось — лестные слова Дага или точность, с какой он все рассчитал: он нашел единственный способ оставить за собой последнее слово в споре с Блуфилдами — выстрелить в цель и тут же исчезнуть.

Какие бы замечания, насмешки или оскорбления ни могли теперь последовать, все они были заглушены в смущенной тишине всхлипываниями мамы, уткнувшейся в свой передник.

Споры на этом, естественно, не кончились. Просто семейство разбилось на кучки, а Фаун с Дагом обрабатывали их по очереди, хотя Фаун и должна была признать, что в тот первый вечер Даг сделал основную работу.

На следующий день близнецы отправились в старый амбар следом за Фаун, которая хотела угостить Грейс и Копперхеда яблоками, а заодно и хорошенько почистить.

Раш прислонился к перегородке между стойлами и не скрывая отвращения, сказал:

— Фаун, этот тип стар для тебя. Он старше нашего старикана папы. И к тому же весь побитый... Если вы поженитесь, тебе же придется смотреть на его культю. А то и трогать ее — фу!

— Я видела культю, — коротко ответила Фаун, энергично расчесывая щеткой гнедую кобылу. — Я помогаю ему с его протезом, поскольку вторая его рука сломана. — Она помогала Дагу и во многом другом, хоть и не считала нужным сообщать об этом братьям. — Если уж вы говорите о том, что он побитый, вам следовало бы посмотреть на его бедные ноги.

Рид уселся на бочонок с овсом в проходе, обхватил колени руками и принялся раскачиваться.

— Он Страж Озера. Он нечистый, — сказал он тонким голосом.

Фаун, раздраженно наводившая глянец на лошадиную шкуру, резко остановилась. Грейс протестующе дернула ухом. Фаун вытаращила глаза на братьев.

— Ничего подобного. О чем это вы?

— Говорят, Стражи Озера поедают своих мертвецов ради черной магии. Что, если он заставит и тебя есть трупы? Или еще что похуже? Для чего на самом деле ты ему нужна?

— Я ему нужна в жены, Рид, — ответила Фаун с

мрачным терпением. — Неужели в это так трудно поверить?

Рид понизил голос:

— А что, если он затевает какое-то колдовство?

«Он это уже сделал» — такой ответ, решила Фаун, не принес бы пользы.

— Как, ты боишься, что меня принесут в жертву? Очень мило с твоей стороны, Рид.

Рид возмущенно выпрямился.

— Нечего смеяться! Я однажды видел женщину — Стража Озера, когда она останавливалась поесть в таверне в Вест-Блу. Мы с Санни Семеном поспорили, не побоюсь ли я заглянуть в ее седельные сумки. В них были кости — человеческие кости!

— Скажи, волосы этой женщины были свернуты в узел?

Рид вытаращил глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Тебе повезло, что она тебя не поймала.

— Да она и поймала... Она схватила меня и стала трясти, а еще сказала, что на меня ляжет проклятие, если я еще когда-нибудь трону что-нибудь, принадлежащее Стражам Озера. Она так хмурилась... она сказала, что поймает и съест меня!

Фаун свела брови.

— Сколько лет тебе тогда было?

— Десять.

— Господи, Рид, — воскликнула Фаун раздраженно, — а что сам ты сказал бы сопливому мальчишке, которого поймал за воровством из своих сумок, чтобы припугнуть его и чтобы он больше такого не делал? Тебе просто тогда повезло — ты не наткнулся за тетку Дага Мари: уж она бы рассказала тебе такую страшилку, что ты еще неделю писал бы в постель. — Фаун внезапно ощутила радость от того, что разделяющий нож хранится в ее вещах, но все же решила предупредить Дага, чтобы он присматривал за своими седельными сумками.

Рид как будто несколько растерялся; было похоже что такая точка зрения никогда не приходила ему на ум, но тем не менее он продолжал гнуть свое:

— Фаун, то были настоящие кости. И они были свежими.

В этом-то Фаун не сомневалась. Ей также совершенно не хотелось вступать на скользкую почву объяснений с близнецами, которые только начнут расспрашивать, откуда она знает, и бесконечно изводить ее, когда ее ответы окажутся отличными от их представлений. Фаун молча

докончила чистку боков Грейс и стала расчесывать ей гриву.

Раш все бубнил насчет различий в возрасте.

— Меня просто тошнит от мысли, что этот старик станет тебя лапать. А что, если он сделает тебе ребенка?

Фаун определенно не была готова к столь быстрому развитию событий, но эта перспектива вовсе не наполняла ее ужасом. Может быть, если у них с Дагом будут дети, они не окажутся такими коротышками, как она сама и ее родичи — эта мысль ее явно порадовала. Фаун мягко улыбнулась, когда Грейс мягким замшевым носом ткнулась ей в ладонь и фыркнула.

— Он ведь чуть ли не признался, — продолжал Раш, — что его план — держать тебя при себе, пока ты не забрюхатеешь, а потом спихнуть на нас.

— Только в случае его смерти, Раш!

— Ага, только этого недолго ждать.

— Да какая вам разница? Вы же с Ридом собираетесь отправиться на запад поднимать целину. Вас здесь не будет. — Фаун вышла из стойла и закрыла ворота на щеколду.

— Значит, все свалится на Флетча и Кловер.

— Ух, до чего же вы двое... — Фаун не сразу нашла подходящее слово, — непроходимые дураки!

— Ах вот как? — подхватил Раш. — Он-то говорил, что хочет жениться на тебе, потому что ты такая уж вся из себя умница, да только какой тупой нужно быть, чтобы поверить в его россказни? Он все это придумал, чтобы получить в свои стариковские руки твою молодую... задницу.

— Получить мою руку, — холодно поправила его Фаун. Ах, как ей не хватало прикосновений Дага к ее молодому... всему. Как же ей не терпелось сбежать из Вест-Блу, с венчанием или без него...

Раш весьма реалистично изобразил позыв к рвоте со всеми полагающимися звуками. Фаун решила, что ткнуть его вилами будет, пожалуй, чересчур, а вот по крайней мере огреть обухом по голове...

— И как, по-твоему, — добавил Раш, — мы будем выглядеть перед своими друзьями, если в нашей семье заведется подобный тип?

— Учитывая, что у вас за друзья, не могу сказать, что меня это так уж волнует.

— Не вижу, чтобы ты в последнее время вообще с кем-нибудь, кроме себя, считалась!

Рид настойчиво и со странным страхом в голосе проговорил:

— Я знаю, в чем дело. Он каким-то образом тебя приворожил, вот что!

— Не желаю больше слышать от вас ни слова!

— И что? — осклабился Раш. — Ты никогда с нами больше не будешь разговаривать?

— Я подумаю об этом, — прорычала Фаун и вышла из амбара.

Однако не все разговоры были столь неприятными. Фаун неожиданно обнаружила союзницу в Кловер, с которой никогда раньше не находила общих интересов; теперь же Кловер и сама встала на сторону Фаун, и Флетча быстро привела в чувства. Две девушки теперь очень сочувствовали друг другу; они обнаружили, что могут стать навсегда лучшими подругами, а раньше ошибались. От такой перемены у Флетча голова шла кругом. Даг умело использовал впечатление, которое произвела новость о его возрасте: он поставил себя выше споров и по большей части беседовал наедине с мамой Блуфилд, папой Блуфилд или с Нетти. Вит продолжал говорить колкости, блаженно не обращая внимания на то, кого они задевали, так что в конце концов перессорился со всеми, за исключением Дага, который по-прежнему был терпелив и целеустремлен.

— Мне приходилось наводить порядок в отряде вплоть до примирения противников, бросающихся друг на друга с ножами, — заверил он Фаун

в один из особенно напряженных моментов. — Здесь ведь еще никто не пытался пырнуть другого.

— До этого почти дошло, — проворчала Фаун.

На второй день после предложения Дага родители Фаун запретили обсуждать эту тему за ужином, так что трапеза, к облегчению Дага, прошла тихо и спокойно. Даг начал думать, что его план изящно извлечь Фаун из семейных тисков осуществляется не так успешно, как он надеялся. Впрочем, сколько бы времени ни понадобилось — два дня, двадцать или двести, — он был намерен настаивать на своем; другое дело, что Фаун уже была близка к тому, чтобы расплавиться в родственном тигле. Напряжение, испытываемое Фаун, передавалось и Дагу: он не мог не замечать изменений, происходящих с ее Даром.

Они и так уже потратили слишком много времени. Если еще задержаться в Вест-Блу, Даг может разминуться со своим отрядом в лагере Хикори, а тогда дозорные перепугаются и решат, что он снова пропал. На этот раз у него не будет оправдания — убитого Злого, — ценой которого можно было бы купить прощение.

Блуфилды постепенно начинали ему симпатизировать. Флетч и Кловер открыто его

поддерживали, Нетти спокойно кивала, хоть Трил по большей части и помалкивала. Виту было все равно, а папа Блуфилд все еще пребывал в нерешительности.

Соррел и Трил Блуфилд напоминали Дагу двух командиров отряда, головы которых забиты слишком многими заботами и обязанностями, которым приходится помнить о слишком многих людях и их противоречивых потребностях и желаниях. Если проблема оказывалась неразрешимой, был хороший шанс на то, что ее просто отбросят. Даг думал, что Блуфилды могут сломаться просто потому, что не могут позволить себе тратить все время и силы на одну-единственную проблему, когда их внимания требуют еще многие. Даг иногда казался себе жестоким и безжалостным, но заставлял себя продолжать осаду, оказывая мягкое давление. Что касается давления не слишком мягкого, то его взяла на себя Фаун.

Рид и Раш оставались упрямо враждебными. Лаг не мог понять причины этого, поскольку ни один из близнецов не желал с ним разговаривать, несмотря на несколько дружелюбных попыток со стороны Дага. Если бы ему удалось обработать их по одному, из этого еще мог бы выйти толк, но

они держались вместе и сохраняли непреклонность. Когда Даг пытался расспросить Фаун о том, какие возражения те выдвигают, девушка только мрачно сжимала губы. Впрочем, горячие высказывания близнецов по крайней мере заставляли папу Блуфилда быстрее продвигаться в сторону согласия, чем случилось бы в противном случае — хотя бы по причине раздражения. Иногда оппозиция оказывается собственным злейшим врагом.

«И все-таки... как мне хотелось бы, чтобы они стали мне настоящими братьями по шатру...»

Нет, эту неразумную надежду нужно было выгнать из потайного уголка и уничтожить. Даг сердился сам на себя. Драгоценный дар дружбы, который он когда-то разделял с братьями Каунео в Лутлии, было так приятно иметь и так больно терять... Может быть, так, как теперь, и лучше.

Закончив после ужина все дела, семья обычно собиралась в гостиной, где было не так жарко, как на кухне, чтобы всем можно было пользоваться светом одной лампы. Даг вместе с Фаун отправился кормить кур крошками; когда они проходили через холл, до них из гостиной донеслись раздраженные голоса. К этому времени Даг старался избегать пользоваться Даром в этой

склочной компании, ни один член которой не был способен достойно приглушать свои эмоции, но сейчас голоса были слышны и без использования Дара — гулкий неприязненный рев Рида и высокий испуганный вскрик Трил:

— Рид! Поставь на место! Фаун привезла ее мне из самого Глассфорджа!

Фаун резко втянула воздух и кинулась в гостиную. Даг двинулся следом, заранее готовясь к неприятностям.

В гостиной Рид и Раш, фигурально выражаясь, загнали родителей в угол. Трил сидела у стола, на которой горела яркая масляная лампа, опустив на колени какое-то рукоделие; Нетти в углу держала в руке веретено, с которым редко расставалась; Вит сидел рядом с ней, заинтересованный зритель, в порядке исключения никого не подзуживающий; Соррел и Рид стояли посередине комнаты лицом к лицу, и Раш нервно кружил вокруг них.

Рид держал в руках стеклянную чашу и с пафосом — преувеличенным, на взгляд Дага — вопил:

— Продать свою дочь кровопийце, пожирателю трупов за какой-то кусок стекла?

— Рид! — яростно взвизгнула Фаун. — А ну отдай! Это не твое!

Даг подумал, что ответное действие Рида было следствием привычки: в ответ на знакомое возмущение сестры он, не задумываясь, поднял чашу повыше, чтобы маленькая Фаун, даже подпрыгнув, не могла ее достать, а потом перебросил Рашу, который так же автоматически ее поймал.

Из глаз Фаун брызнули слезы бессильной ярости.

— Вы двое — просто пара дворовых псов!

— Если бы ты не притащила с собой Бесполезного... — начал оправдываться Раш.

Ах, еще одно прозвище для него, понял Даг. Их здесь набралось уже множество. Однако его собственное раздражение не шло ни в какое сравнение с яростью, рожденной в нем унизительной беспомощностью Фаун.

Соррел бросил взгляд на свою огорченную жену, прижавшую руку к губам, и сердито рявкнул:

— Хватит, парни! — Он сделал шаг вперед и попытался отнять чашу у Раша, но, не желая вступать в схватку с сыном, выпустил ее в тот же момент, что и Раш, испугавшийся отца.

В случившемся ничьей вины не было — по крайней мере ни у кого не было намерения разбить чашу. И Даг, и Фаун поняли, что должно случиться, и Фаун горестно вскрикнула еще

прежде, чем чаша упала на деревянный пол, разлетевшись на три больших куска и кучку блестящих осколков.

Все в комнате замерли, одинаково скованные ужасом. Вит открыл было рот, но огляделся и снова его закрыл.

Соррел опомнился первым и тихим хриплым голосом распорядился:

— Вит, не двигайся: ты без башмаков.

Трил воскликнула:

— Рид! Раш! Как вы могли! — и начала всхлипывать, уткнувшись лицом в свое шитье.

Материнский гнев скатывался с этой парочки, как с гуся вода, но искреннее отчаяние в голосе Трил произвело на Рида и Раша впечатление. Оба они начали сбивчиво извиняться.

— Извинениями горю не поможешь! — воскликнула Трил и отшвырнула прочь свое рукоделие. Ткань была запятнана кровью — Трил нечаянно укололась иголкой, когда чаша разлетелась на куски. — Что за наказание мне с вами...

Вопли Блуфилдов были так болезненны для Дара Дага... он пытался закрыться от них и не мог — слишком тесно был он связан с Фаун... что он помимо воли опустился на колени. Под гневные и огорченные выкрики семейства он пристально

посмотрел на осколки стекла. Отгородиться от эмоций Блуфилдов Даг не мог, но мог направить свое внимание в другое русло — это был древний, древний способ справляться с невыносимым.

Он освободил свою сломанную руку из перевязи и пальцами и крюком неуклюже сдвинул большие куски как можно ближе друг к другу. Теперь мелкие осколки... они ведь не крупнее, чем москиты. Если он мог отогнать москита, он сможет сдвинуть осколок... если сможет сдвинуть один осколок, сможет и два, четыре... много. Даг вспомнил, как нежно пел Дар чаши в солнечном свете в их комнате в Глассфордже, рождая радуги, и начал сам тихо напевать, подбирая правильный тон... да, вот такой.

Стеклянные осколки замерцали, потом сдвинулись, потом поднялись над досками пола. Даг передвигал их не рукой, а Даром руки... Даром левой руки, которой у него не было... мысль об этом оказалась такой пугающей, что Даг в ужасе отшатнулся.

Однако даже ужас не мог разрушить его сосредоточенность. Осколки кружились в воздухе вокруг чаши, как светлячки; каждый искал свое место. Золотой свет пробежал по тонким как паутинки линиям разлома — как жар тигля, как свет

звезд, — много сравнения Даг не мог найти. Чаша засияла, отражая его бледное напряженное лицо. Даг продолжал тянуть почти неслышную ноту, и линии света завились водоворотами бледного золота, а потом растеклись по всей чаше, как по поверхности спокойного озера под лучами зимнего солнца.

Свет начал меркнуть... и погас.

Даг пришел в себя, стоя на коленях; волосы его свесились над покрытым потом лицом, как занавес, рот был открыт... и смотрел он на целую чашу. Его кожа была холодной и липкой, как свиной жир зимним утром, его трясло, желудок болел. Даг стиснул зубы, чтобы они не стучали.

Единственными звуками в комнате было дыхание восьми человек: у кого-то тяжелое, у кого-то быстрое и судорожное; кто-то сдерживал слезы, кто-то задыхался от шока. Даг подумал, что может на слух определить, кто как дышит. Вот посмотреть на Блуфилдов он не мог себя заставить.

Кто-то — Фаун, конечно — упал на колени с ним рядом.

— Даг... — раздался ее неуверенный голос. Маленькая рука коснулась его подбородка и подняла голову Дага так, что он смог взглянуть в ее широко-широко раскрытые глаза.

Даг подвинул к ней чашу левой рукой. Чаша была горячей, но не обжигающей. Она не расплавилась, не взорвалась, не распалась снова на тысячу кусков. Она просто тихонько зазвенела — обычный звон обычного стекла, если его двигать по доскам пола, — как будто никогда не разбивалась и не воссоздавалась. К Дагу вернулся голос — по крайней мере что-то похожее на голос, хоть он и казался самому Дагу совершенно незнакомым, словно доносился из-под земли или из воды.

— Отдай ее обратно своей маме.

Даг оперся протезом о плечо Фаун и с трудом поднялся на ноги. Комната кружилась вокруг него, и Даг внезапно испугался, что его сейчас вырвет — прямо посередине гостиной у всех на глазах. Фаун прижала чашу к груди и тоже поднялась, не сводя глаз с лица Дага.

— С тобой все в порядке? — спросила она. Даг коротко кивнул, облизнул свои холодные губы и поковылял к двери, ведущей в холл. Он надеялся, что сумеет добраться до крыльца прежде, чем его вырвет. Трил, вскочив, кинулась было к нему, но застыла на месте. Фаун последовала за Дагом, задержавшись только на мгновение, чтобы сунуть чашу в руки матери.

Даг услышал позади низкий и яростный голос Фаун:

— С сердцами он делает то же самое, знаете ли.

Девушка решительно вышла из гостиной следом за Дагом.

16

Фаун последовала за Дагом на крыльцо и встревоженно следила, как он тяжело сел на ступеньку, оперся левым локтем на колено и опустил голову. Небо на западе за домом цвело красками заката, на востоке, над речной долиной, в темнеющей синеве загорались первые звезды. Дневная жара спала, воздух сделался мягким. Фаун уселась справа от Дага и нерешительно — протянула руку к его лицу. Кожа Дага показалась ей ледяной, его все еще сотрясал озноб.

— Ты весь холодный...

Даг покачал головой и сглотнул.

— Дай мне немного... — Через несколько секунд он выпрямился и сделал глубокий вдох. — Я уж думал, что выверну весь ужин на землю, но, кажется, обошлось.

— Так обычно и бывает? После подобных вещей...

— Нет... не знаю. Я не мастер, это определили, когда мне было еще шестнадцать. Я не мог в достаточной мере сосредоточиться. Мне нужно было все время двигаться. Я не мастер, но это...

— Это было... — подсказала Фаун, когда Даг на-

долго замолчал.

— Это было творение. Отсутствующие боги... — Даг поднял левую руку и вытер рукавом лоб.

Фаун обхватила его за плечи, пытаясь согреть своим теплом; она не была уверена, что ей это удалось, но Даг благодарно улыбнулся, хоть и чувствовал себя заледеневшим.

— Лучше вернуться на кухню, к очагу. Я приготовлю тебе горячее питье.

— Когда мне удастся встать... Может быть, лучше обойти дом и войти на кухню через заднюю дверь, — добавил Даг.

«Так на них не набросится все семейство». Фаун понимающе кивнула.

— Дар, — начал Даг и замолчал, потом все-таки продолжил: — Понимаешь, Дар Стражей Озера — их магия, если хочешь — заключается в том, что мы берем вещь и делаем ее более самой собой, подкрепляя ее собственный Дар. В лагере Хикори есть женщина, которая работает с кожей — делает ее водоотталкивающей. У нее есть сестра, умеющая заставлять кожу отражать стрелы. Она может сделать две такие куртки за месяц. Когда-то у меня была подобная куртка.

— Она действительно обладала таким свойством?

— У меня так и не было случая проверить это. Однако я однажды видел, как такая куртка спасла от копья, брошенного глиняным человеком. Железный наконечник только оставил царапину на коже... коже куртки, а не дозорного, — уточнил Даг.

— Ты сказал «была». А что случилось с твоей курткой?

— Я отдал ее своему старшему племяннику, когда он сделался дозорным, а он передал сестре, когда и она тоже вступила в отряд. Последнее, что я слышал о куртке, — что ее взял младший сын моего брата, отправляясь в путешествие. Я не так уж уверен в пользе подобных курток: они делают владельца беззаботным и к тому же не защищают лицо и ноги. А все-таки, знаешь... всегда беспокоишься за молодежь. — Даг выглядел уже не таким напряженным, но взгляд его оставался далеким. — Вот и эта чаша сейчас... Я вернул ее Дар к чистой идее чаши, и стекло просто послушалось. Я чувствовал это так ясно! Только вот... — Даг наклонился, прислонился лбом ко лбу Фаун и боязливо прошептал: — Я действовал Даром левой руки, а ведь она Дара не имеет. Что бы это ни было, сейчас оно исчезло. Я никогда ни о чем подобном не слышал. Правда, лучшие мастера не

говорят о своем искусстве ни с кем, кроме таких же мастеров. Так что я не знаю... не знаю...

Дверь распахнулась; из темноты выглянул Вит.

— Э-э... Фаун...

— Что тебе, Вит? — нетерпеливо спросила Фаун.

— Э-э... Тетушка Нетти зовет. Она... э-э... говорит, глупости ей надоели, она хочет видеть вас с дозорным у себя, чтобы так или иначе положить глупостям конец, как только дозорный очухается... сэр.

За свесившимися на лицо волосами губы Дага дрогнули в улыбке, и он поднял голову.

— Спасибо, Вит, — сказал он серьезно. — Скажи тетушке Нетти, что мы скоро придем.

Вит сглотнул, кивнул и припустил обратно.

Даг и Фаун поднялись и обошли дом, направляясь к двери, ведущей в кухню. Даг тяжело опирался левой рукой на плечи Фаун, но все же дважды споткнулся. Девушка усадила его у очага, заварила чай с мятой и поднесла кружку к его губам. Выпив горячий напиток, Даг перестал дрожать, и его липкая кожа порозовела и стала теплой. Фаун видела, как ее родители и Флетч осторожно заглядывали в дверь из холла, однако

не вошли и ничего не сказали.

Тетушка Нетти появилась на пороге своей рабочей комнаты.

— Ну, дозорный, — сказала она, — ты, как я понимаю, предпочел на некоторое время исчезнуть.

— Да, мэм, — лукаво согласился Даг.

— Фаун, возьми лампу и веди сюда дозорного. — Нетти повернулась и пошаркала, стуча палкой по полу, в темноту, — не потому, что устала, а, как иногда она делала, чтобы слышать хоть какие-то звуки.

Фаун обеспокоенно взглянула на Дага. Огонь в очаге, который она раздула, бросал на него красно-оранжевые отсветы, ярко освещая его белую рубашку и перевязь на руке; широко раскрытые глаза Дага казались темными провалами. Он выглядел усталым и смущенным — его рука, должно быть, болела, — но успокаивающе улыбнулся Фаун. Она улыбнулась в ответ.

— Ты готов?

— Нет, наверное, но меня слишком мучает любопытство. Качество, не слишком способствующее долголетию дозорного, но что ж тут поделаешь.

Фаун сняла с полки масляную лампу с трес-

нувшим стеклом и зажгла ее, а также три огарка в железном подсвечнике, потом двинулась в рабочую комнату, держа лампу в одной руке, а подсвечник в другой. Даг с кряхтением поднялся со стула и поплелся следом.

Нетти крикнула из их с Фаун спальни:

— Закрой дверь, голубушка. Так мы избавимся от шума.

«И от любопытных ушей», — подумала Фаун. Она ногой захлопнула ведущую на кухню дверь и осторожно прошла между прялкой и седельными сумками Дага. В спальне Нетти сидела на краешке своей узкой постели; она жестом предложила пришедшим сесть тоже. Фаун поставила лампу и подсвечник на стол, потом вернулась и закрыла дверь, ведущую в спальню. Даг оглянулся на нее, потом сел на заскрипевшую под его весом кровать. Фаун примостилась с ним рядом.

— Вот и мы, тетушка Нетти, — объявила она, а Даг добавил:

— Мэм...

Нетти потянулась и поморщилась, потом наклонилась вперед, опираясь на палку; ее незрячие глаза, казалось, уставились на них с пугающей пронзительностью.

— Знаешь, дозорный, я хочу рассказать тебе

кое-что. И я хочу задать тебе вопрос. А потом мы посмотрим, куда это нас приведет.

— Я в твоем распоряжении, — ответил Даг с подчеркнутой вежливостью, которая, как знала Фаун, часто скрывала настороженность.

— Это мы еще посмотрим, — фыркнула Нетти. — Видишь ли, ты не первый Страж Озера, которого я повстречала.

— Я это почувствовал.

— Я веду по большей части унылую жизнь. Живу в этом доме с тех пор, как Трил вышла за Соррела, — уже почти тридцать лет. Я почти никогда не покидаю ферму, только изредка выбираюсь в Вест-Блу по рыночным дням или на посиделки рукодельниц.

На самом деле Нетти делала это регулярно, будучи лучшей мастерицей-ткачихой и любительницей деревенских сплетен, но Фаун поостереглась вмешаться в поток... чего? воспоминаний?

По-видимому, так и было; Нетти продолжала:

— Лето перед тем, как родилась Фаун, было для нас нелегким. Трил немоглось, мальчишки стали непослушными, а Соррел, как всегда, слишком много работал. Я спала плохо, а потому по ночам, когда все укладывались, отправлялась в север-

ный лес собирать травы. Мальчишки были в таком возрасте, что больше мешали, чем помогали в этом деле.

Им было от пяти до десяти лет, сообразила Фаун и поежилась.

— Корни и травы для снадобий и краски, знаете ли... Ночью не только спокойнее, но и запахи чувствуются острее. Мне особенно был нужен дикий имбирь, чтобы сделать питье для бедняжки Трил, которую все время тошнило. Только вышло так, что однажды ночью я пожалела, что кругом никого нет, потому что упала и повредила колено. Сначала я пыталась кричать, но я была слишком далеко от дома, и меня не слышали.

Действительно, лес на крутом склоне долины тянулся мили на три; Фаун сочувственно поцокала языком: Нетти не увидела бы, если бы она просто кивнула.

— Я уже решила, что мне придется лежать в мокрой от росы траве до утра, когда меня хватятся, но тут я услышала шорох и испугалась, что волк или медведь могут меня загрызть, только это был дозорный — Страж Озера. Сначала я решила, что лучше бы на меня напал медведь, но дозорный оказался славным молодым парнем. Он положил руки на мою ногу, боль удивительно

ослабла, а потом он поднял меня и отнес к дому. Я была тогда более тощей, чем теперь, вроде мелкой рыбешки. Он был совсем не таким высоким, как ты, — Нетти кивнула в сторону Дага, — но крепким. И голос у него был приятный — почти такой же глубокий, как твой. Он рассказал, что прибыл по обмену из какого-то лагеря на севере и что он впервые в дозоре в здешних краях... одинокий и скучающий по дому, решила я. Как бы то ни было, я тихо накормила его на кухне, а он очень здорово забинтовал мне колено — туго, так что оно почти не болело.

Не знаю, счел ли он меня своей приемной тетушкой или птичкой с пораненным крылом, которую он нашел и пригрел, только на следующую ночь кто-то постучал в мое окно. Тот дозорный вернулся и принес мне снадобья — одно для моего колена, другое — для Трил. Он не задержался, только отдал лекарства. Его порошки подействовали просто чудесно, должна сказать. — Нетти вздохнула, с благодарностью вспомнив Стража Озера.

— Потом он ушел, и я больше о нем не думала, только на следующее лето ночью опять раздался стук в мое окно. Мы устроили что-то вроде пикника на заднем крыльце и славно поговорили.

Парень был рад узнать, что Трил благополучно разрешилась тобой, Фаун. Он принес мне маленькие подарки, а я дала ему с собой еды и сотканное мной полотно. То же случилось и еще через год. Я уже привыкла ждать его.

Через год он явился опять, но не один. Он привел свою молодую жену — похвастаться ею передо мной, я думаю, уж очень он ею гордился. Он показал мне свои брачные браслеты — они называли их узами, — зная, что я, как мастерица, интересуюсь всем, что относится к ремеслу: нитками, тесьмой, плетением, а не только пряжей и вязаньем. Они позволили мне взять браслеты в руки и ощупать, и тут я испытала потрясение. Это были не просто красивые вещи. В них была магия.

— Да, — сдержанна подтвердил Даг и в ответ на любопытный взгляд Фаун объяснил: — Каждый из супругов помещает в браслет крошечную часть своего Дара. Церемония наложения уз соединяет два Дара, молодожены обмениваются ими.

— В самом деле? — переспросила Фаун зачарованно, пытаясь вспомнить, видела ли такие браслеты на дозорных в Глассфордже. Да, у Мари был такой, и у пары старших дозорных тоже. Фаун сочла их просто украшениями. — А они что-

нибудь делают? Можешь ты через них посылать сообщения?

— Нет. Ну, когда один из супругов умирает, другой это чувствует, потому что Дар исчезает из браслета. Браслеты часто убирают в безопасное место, чтобы не повредить, хотя их и можно сделать заново. Однако если один из супругов отправляется в дозор, тот, который остается в лагере, обычно свой не снимает. Просто... чтобы знать. Если что-то случается, для того, кто в дозоре, шок бывает более тяжелым — ведь не ожидаешь... Я дважды был свидетелем такого. Тяжелое дело. Если есть хоть какая-то возможность, дозорного сразу же отпускают домой. Человек испытывает совершенно особый ужас: знает, что случилось, но не знает как; знает только, что он опоздал, и надеется, что, может быть, браслет сгорел во время пожара, — такая надежда только увеличивает страдания и не приносит утешения. Когда я пришел в себя в шатре лекаря после...

В комнате наступила такая тишина, что Фаун показалось: она слышит, как горят свечи. Она повернулась к Дагу и прошептала:

— Знаешь, такие фразы нужно или заканчивать, или не начинать.

Даг вздохнул и добавил:

— Думаю, тебе я могу сказать. Если не смогу, значит, мне не следует... ладно. Я хотел сказать, что когда я пришел в себя в шатре лекаря после Волчьего перевала, лишившись руки, вместе с ней я лишился и браслета. Его я тоже потерял на перевале. Думаю, я доставил много трудностей своим товарищам, пытаясь найти браслет, — я тогда здорово повредился в голове. Мне не хотели говорить, что Каунео погибла, пока я не окрепну, но пришлось сказать, а я не поверил. Мне казалось, если я найду браслет, я докажу, что они ошиблись. Только через долгое время я опамятовался. — Говоря это, Даг не смотрел на Фаун. Она втянула воздух и медленно выдохнула сквозь зубы. Тогда Даг взглянул на нее, улыбнулся и попытался ободряюще пожать девушке руку, но поморщился, когда боль напомнила ему о его увечье. — Это было давно, — пробормотал он.

— До моего рождения.

— Действительно. — Через мгновение Даг добавил: — Не знаю, почему эта мысль кажется мне утешительной, но так и есть.

Нетти слушала внимательно, склонив голову к плечу. Когда Даг умолк, она сказала:

— Вот что, дозорный: я знаю, что без такого браслета ты не будешь женат в глазах Стражей

Озера.

Даг кивнул, потом вспомнил, что нужно отвечать вслух.

— Да. Я хочу сказать, что такие браслеты — видимое доказательство законного брака, так же как запись деревенского клерка и ваши имена в семейной книге с подписями всех свидетелей. Наложение уз — суть и центр свадебной церемонии. Угощение, музыка, танцы, споры между родственниками — это все дополнения.

— Ага, — согласилась Нетти. — В том-то и проблема, дозорный. Потому что если вы с Фаун встанете перед семьей, как вы хотите, и произнесете обещания, мне кажется, она-то выйдет замуж, но ты не женишься. Я сказала, что у меня есть вопрос, и вот он: я хочу точно знать, что ты затеял, хочу убедиться, что ты не собираешься обвести Фаун вокруг пальца и оставить ее горевать.

Фаун удивилась: почему Нетти возлагает на Дага ответственность за ее будущие слезы, а не на нее — за слезы Дага. Опять эта проклятая разница в возрасте, решила она. Такой подход казался ей несправедливо однобоким.

Даг молчал несколько долгих мгновений. Наконец он поднял голову и сказал:

— Когда я еще только приехал сюда, у меня и мысли не было о крестьянской свадьбе. Однако скоро мне стало ясно, как мало ценит Фаун ее семейство. О присутствующих я не говорю, — поспешно добавил он, и Нетти сурово кивнула в подтверждение. — Не то чтобы ее не любили и не старались заботиться, но делается это между прочим, словно по рассеянности; родные словно не видят ее такой, какая она есть. Такой, какой вижу ее я. Конечно, родственники Фаун не воспринимают Дар, но все же... Может быть, прошлое закрывает от них настоящее, может быть, они просто не смотрели на Фаун внимательно в последнее время, а может быть, и никогда не смотрели — не знаю. Однако замужество, похоже, поднимает женщину в глазах крестьян. Я и подумал, что легко могу обеспечить Фаун такое положение. Теперь я не так уверен в легкости подобного решения. — Даг вздохнул. — Но о том, что касается ее вдовства, я говорил совершенно серьезно.

— Это представляется плохим подарком, дозорный.

— Да, но я не могу организовать здесь наложение уз. Во-первых, я не могу изготовить браслеты: для этого нужны две руки, а у меня нет ни одной,

и я сомневаюсь, что Фаун вообще сможет сделать браслет, и нет никого, кто благословил бы нас и наложил узы. Я думал, что когда мы доберемся до лагеря Хикори, я попытаюсь организовать все там, несмотря на все трудности.

— Думаешь, твоей семье понравится такая идея?

— Нет, — откровенно ответил Даг. — Я ожидаю неприятностей, но до сих пор мне удавалось переупрямить судьбу во всем, что она мне посылала.

— Он знает, о чем говорит, тетушка Нетти, — рискнула вставить Фаун.

— М-м-м... — протянула та. — Так что случится, если твои родичи выгонят ее? Как Стражи Озера до сих пор делали со всеми влюбленными крестьянами, насколько мне известно.

Даг помолчал, потом ответил:

— Я уйду вместе с ней.

Брови тетушки Нетти поползли вверх.

— Ты порвешь со своим народом? Ты сможешь?

— Не по собственному выбору. — Даг пожал плечами, но не мог скрыть глубокой тревоги. — Если со мной решат порвать, я не смогу этому воспрепятствовать.

Фаун заморгала, внезапно встревожившись.

Она мечтала только о той радости, которую они могут принести друг другу, но эта лодка, оказывается, тянула за собой целую вереницу барж, которых до того Фаун не замечала. А вот Даг, похоже, заметил...

— Ох-ох-ох... — Тетушка Нетти тихо постучала палкой по полу. — Я вот думаю, дозорный... У меня — две руки, да и у Фаун тоже.

Даг замер и бросил на Нетти острый взгляд.

— Я совсем не уверен, что это сработает. — Потом помолчал и добавил: — И совсем не уверен, что не сработает. Я знаю, как нужно делать браслет, а Фаун знает эту землю, она может помочь найти все, что необходимо. Волосы каждого из нас... мои, к сожалению, короткие.

— Я знаю некоторые приемы, чтобы управляться с короткими волокнами, — рассудительно сказала Нетти.

— Ты знаешь больше, чем только такие приемы, мне кажется. Искорка, — Даг повернулся к Фаун, — дай мне кусочек ткани, сотканной твоей теткой. Я хочу подержать что-то сделанное ею. Что-нибудь совсем тонкое, знаешь ли.

— По-моему, я знаю, что ему нужно. Посмотрика в сундуке в ногах моей постели, голубушка, — сказала Нетти. — Достань свадебную рубашку

Флетча.

Фаун вскочила и подняла крышку деревянного сундука. Рубашка лежала поверх остальных вещей. Фаун подняла ее за плечи, позволив белой ткани свободно развернуться. Рубашка была почти закончена — оставалось пришить только манжеты. Сборки на верху рукавов и на кокетке были мягкими на ощупь, а пуговицы из радужно переливающегося перламутра, уже пришитые к планке, — гладкими и прохладными.

Фаун принесла рубашку Дагу, и тот разложил ее на коленях, неуклюже и осторожно касаясь ткани кончиками пальцев; потом он неуверенно провел над ней крюком, стараясь не зацепить.

— Тут ведь не одна разновидность пряжи?

— Лен — для крепости, хлопок — для мягкости, немного волокон крапивы — для блеска, — ответила Нетти. — Я спряла особые нитки.

— Женщины моего народа никогда не делают такой тонкой пряжи. На нее уходит слишком много времени, а его и так всегда не хватает.

Фаун по-новому взглянула на грубую ткань рубашки Дага, которую раньше считала потрепанной.

— Я помню, как помогала тетушке Нетти и маме прошлой зимой налаживать станок для этой

пряжи. На то, чтобы соткать ткань для рубашки, ушло три дня, и работа была такая нудная и трудная, что я чуть не визжала.

— Ткацкие станки у Стражей Озера — небольшие, их вешают на стену, чтобы их можно было легко снять и перевезти, когда мы сворачиваем лагерь. Мы никогда не смогли бы управиться с такой большой деревянной рамой, как у станка твоей тетушки. Это типично крестьянский инструмент — неподвижный, как амбары и дома. Мишени для... — Даг снова взглянул на рубашку. — У нее замечательный Дар. Раньше это были растения и... и животные. Теперь их Дар совсем изменился, они превратились в другую целостность — в рубашку. Хорошая работа. — Даг поднял голову и взглянул на тетушку Нетти с острым любопытством. — И в ткань вплетено благословение.

Фаун могла бы поклясться: на губах Нетти промелькнула гордая улыбка, но выражение исчезло прежде, чем Фаун смогла удостовериться.

— Я старалась, — скромно ответила Нетти. — Ведь, это, в конце концов, свадебная рубашка.

— Хм-м... — Даг выпрямился и кивнул Фаун, чтобы она убрала рубашку на место. Девушка снова аккуратно сложила ее, положила в сундук и села

на крышку. Она ощущала напряжение, повисшее между Нетти и Дагом, и боялась вмешаться, чтобы не порвать что-то тонкое и нежное, как паутинка, соединившее их.

— Я готов попробовать создать браслеты, — сказал Даг, — если вы за это беретесь, тетушка Нетти. Это определенно будет доводом в нашу пользу у меня дома. Если же не сработает, мы окажемся не в худшем положении, чем раньше, — если не считать разочарования. Если же сработает, мы сделаем большой шаг вперед.

— Вперед — это куда? — спросила Нетти. Даг сокрушенно фыркнул.

— Это мы узнаем, мне кажется, когда дойдем.

— Справедливо сказано, — согласилась Нетти. — Хорошо, дозорный. Мы с тобой — союзники.

— Ты хочешь сказать, что замолвишь за нас словечко маме и папе? — Фаун хотелось прыгать и визжать от восторга. Сдержав этот порыв, она ограничилась тем, что кинулась — обнимать и целовать Нетти.

Нетти притворно рассердилась.

— Ну, ну, девочка, не расходись. У меня от этого мурашки по коже. — Нетти выпрямилась и обратила лицо в сторону Дага. — Вот еще что... Даг. Не выслушаешь ли ты меня?

Брови Дага поползли вверх от этого непривычного обращения по имени.

— Я хороший слушатель.

— Да, я это заметила. — Нетти долго молчала, потом поежилась, как будто от неловкости... или стеснительности? Нет, такого быть не могло. — Прежде чем тот парень — Страж Озера? — уехал, он сделал мне последний подарок, потому что я сказала: мне жалко расставаться с ним, так и не увидев его лица. Ну, на самом-то деле подарок мне сделала его новобрачная. Она была мастерица в вашем целительстве и помогла мне не хуже, чем парень, вылечивший мое колено при первой встрече.

— Соединение ее и твоего Дара, — понял Даг.

— Да? Это дело довольно интимное... даже очень.

Голос Нетти понизился до шепота, словно она собралась признаться в ужасном секрете.

— Получилось вроде того, как будто она на время одолжила мне свои глаза. Оказалось, что парень примерно такой, каким я его себе представляла, — не красавец, но славный. Чего я не ожидала, так это рыжих волос и загара — он же днем спал, а выходил в дозор ночью. В общем, я удивилась... — Нетти умолкла и долго молчала. — Знаешь, я ведь никогда не видела лица Фаун.

— Небрежный тон, которым она это произнесла, никого обмануть не смог бы, подумала Фаун, даже если бы голос тетушки под конец предательски не дрогнул.

Даг растерянно заморгал.

В тишине Нетти неуверенно проговорила:

— Ты, наверное, слишком устал... Может быть, это слишком трудно. Слишком...

— Э-э... — Даг сглотнул, потом прочистил горло. — Я и в самом деле жутко устал сегодня, но ради тебя я готов попытаться. Только не уверен, что получится. Я не хотел бы тебя разочаровать.

— Если не получится, мы будем не в худшем положении, чем раньше... как ты говоришь.

— Верно, — согласился Даг. Он слабо улыбнулся Фаун. — Поменяйся со мной местами, Искорка.

Фаун вскочила с постели тетушки Нетти и пересела на собственную, а Даг уселся рядом со старой женщиной. Расправив плечи, он снял перевязь с руки.

— Поосторожнее с рукой, — обеспокоенно предупредила его Фаун.

— Мне кажется, я теперь уже могу двигать плечом, вот только нельзя пытаться шевелить пальцами или давить на руку. Нетти, мне нужно коснуться твоих висков. Справа я могу приложить

пальцы, но слева, боюсь, придется использовать крюк для равновесия. Не подпрыгни от испуга, ладно?

— Как скажешь, дозорный. — Нетти выпрямилась и сидела совершенно неподвижно, только нервно облизнула губы. Ее незрячие глаза смотрели в пространство. Даг наклонился к ней и поднял обе руки к ее вискам. За исключением сосредоточенного выражения его лица, смотреть было не на что.

Фаун уловила решающий момент только потому, что Нетти моргнула и охнула, а потом скосила глаза на Дага.

— Нет, не надо смотреть на старуху, — сказала она нетерпеливо. — Уж я-то точно себя видеть не хочу, да и не такая я на самом деле. Ты лучше взгляни туда.

Даг послушно повернул голову, посмотрел туда же, куда смотрела Нетти, и улыбнулся Фаун. Она улыбнулась в ответ; от возбуждения дышала она часто.

— Клянусь... — выдохнула Нетти, — клянусь... — Бесконечное мгновение все длилось. Потом она сказала: — Спасибо, дозорный. Во всем бескрайнем мире нет девушки красивее.

— Я так и подумал, — ответил Даг. — Ты видишь

не только ее лицо, но и ее Дар, знаешь ли. Видишь ее так, как вижу я.

— Вот как, — прошептала Нетти, — вот как... Это многое объясняет. — Ее глаза жадно смотрели на Фаун, как если бы Нетти старалась запомнить лицо Фаун на время своей слепоты. Из-под век выкатилась слеза, блеснувшая в свете лампы.

— Нетти, — сказал Даг голосом, в котором мешались напряжение, удовольствие и сожаление. — Особенно долго я не выдержу. Прости меня...

— Все в порядке, дозорный. Хватит. То есть, конечно, не хватит... Но ты понял.

— Да. — Даг вздохнул и откинулся к стене. Он неловко надел перевязь на сломанную руку, потом наклонился, глядя в пол.

— Тебя снова тошнит? — спросила Фаун, готовясь бежать за тазиком.

— Нет. Только голова разболелась и перед глазами плавают пятна. Ну вот, все прошло. — Он несколько раз быстро моргнул и выпрямился. — Ох... Ну и выжали вы меня... Я чувствую себя так, словно вернулся из дозора. Десять дней... в самую ужасную погоду... по буераками.

Нетти выпрямилась. Слезы проложили дорожки по ее щекам, как родники по поверхности утеса. Нетти вытерла слезы и обвела глазами

комнату, которую не могла больше видеть.

— Ну и ну, в какой же грязной дыре мы все время жили, Фаун, голубушка. Почему ты ничего не говорила? Уж я заставлю парней побелить тут стены!

— Идея мне нравится, — сказала Фаун. — Только меня здесь уже не будет.

— Ну я-то останусь, — решительно шмыгнула носом Нетти. Потратив несколько минут на то, чтобы вернуть себе равновесие, Нетти оперлась на палку и поднялась. — Ладно, пошли, вы двое. Давайте начнем дело.

Фаун и Даг следом за Нетти вышли из рабочей комнаты; как только они миновали дверь кухни, Фаун прижалась к левому боку Дага, и тот обнял ее, ободряя девушку, а заодно и себя. Вся семья сидела вокруг освещенного лампой стола; папа, мама и Флетч — с одного конца, Рид, Раш и Вит — напротив. Все они настороженно подняли глаза. Что бы они ни обсуждали, делали они это удивительно тихо — а может быть, они и не посмели друг с другом разговаривать.

— Они все тут? — пробормотала Нетти.

— Да, тетушка Нетти.

Нетти вышла на середину кухни и стукнула своей палкой, выпрямившись во весь рост. Это

было торжественное заявление, которое Фаун, пожалуй, только единственный раз случилось видеть много лет назад — когда Нетти так окончательно разрешила спор с Бойерами, на поле которых близнецы и Вит загнали коров. Нетти сделала глубокий вдох; все остальные затаили дыхание.

— Я удовлетворена, — громко объявила Нетти. — Фаун выйдет за своего дозорного. Даг получит свою Искорку. Позаботьтесь об этом, Трил и Соррелл. А вы, остальные, — Нетти произвела совершенно сверхъестественное впечатление, обведя парней своими незрячими глазами, — ведите себя прилично.

Нетти повернулась и решительно направилась в рабочую комнату. На случай, если кому-нибудь хватит глупости попытаться оспорить ее заявление, она грозно взмахнула палкой и захлопнула за собой дверь.

17

Даг проснулся от тяжелого сна и обнаружил, что следующая предстоящая ему фигура танца — ехать с Фаун и ее родителями в Вест-Блу, чтобы сообщить о своих намерениях деревенскому клерку и просить его присутствовать на свадьбе. Фаун очень нервничала, брея, умывая и одевая Дага, что сначала очень его смущало, поскольку ее помощь стала довольно бесцеремонной, а Даг, несмотря на усталость, этим утром не мог позволить себе бессовестно капризничать. Даг в конце концов осознал, что наконец увидит жителей деревни, не принадлежащих к семейству Блуфилдов, которых в отличие от него Фаун знала всю свою жизнь. Было верно и обратное: жителям Вест-Блу предстояло впервые увидеть Дага Стража Озера, того долговязого парня, которого Фаун Блуфилд притащила домой, — он еще не был известен местным сплетницам.

Он старался не позволить своему воображению углубиться в особенно неприятные возможности, но не мог не размышлять на тему о том, что пока что встречался с одним-единственным обитателем Вест-Блу — Идиотом Санни. Не приходилось

надеяться на то, что Санни воздерживается от разговоров; к тому же было известно, что он имеет привычку подтасовывать факты в свою пользу. Пережитое унижение скорее сделало его хитрым, чем раскаивающимся. Вполне могло оказаться, что Блуфилды будут единственными союзниками Дага среди крестьян, а это представлялось довольно хлипкой опорой. Поэтому Даг позволил Фаун делать все, что ей захочется, чтобы придать ему респектабельность, хоть это и представлялось ему тщетным.

До главной — и единственной — улицы селения, расположенного в трех милях от фермы, они добирались в семейном экипаже по тенистой дороге, тянувшейся вдоль реки. По ярко-синему небу плыли пухлые белые облака, совершенно не предвещавшие дождя, что рождало иллюзию хорошего настроения. Основной причиной существования деревни были, похоже, мельница, маленькая лесопилка и дощатый мост через реку, который явно недавно был расширен. Вокруг небольшой рыночной площади, в этот день пустынной, располагались кузница, пивная и несколько довольно больших домов, выстроенных из местного камня. Соррел, натянув вожжи, остановил тележку перед одним из них и повел

свое семейство внутрь. Даг еле успел наклонить голову перед слишком низкой для него каменной притолокой, чуть не вышибив об нее мозги.

Осторожно выпрямившись, Даг обнаружил, что потолок все-таки достаточно высок. Комната, в которую они вошли, представляла собой нечто среднее между гостиной крестьянского дома и главным шатром лагеря, со скамьями, столом и полками по стенам, на которых хранились бумаги, свитки пергамента, переплетенные книги записей. Не уместившиеся там бумаги выплескивались в другие комнаты. Из задней части дома поспешно вышел сам клерк, судя по тому, как он отряхивал брюки, только что оторвавшийся от работы в огороде. Это был бойкий пожилой человечек с острым носом и кругленьким брюшком; Дагу назвали его типично крестьянское имя — Шеп Сойер.

Блуфилдов он приветствовал как старых друзей и соседей, но при виде Дага явно растерялся.

— Ну и ну, — воскликнул он, когда Соррел с активной помощью Фаун объяснил ему причину своего визита. — Значит, это все-таки правда! — Тут появилась его сутулая, но такая же бойкая жена, вытаращила глаза на Дага и сделала такой же книксен, который при знакомстве делала

Фаун, растерянно улыбнулась и утащила Трил в сторонку, чтобы пошушукаться.

Сам процесс записи оказался несложным. Сначала клерк нашел нужную книгу, толстый переплетенный в кожу том, раскрыл его на столе и перелистал в поисках последней заполненной страницы, потом написал дату и несколько строк под подобными же записями. Он поинтересовался датами рождения и именами родителей обоих будущих супругов; насчет Фаун он даже ничего не уточнял, но когда дело дошло до Дага, заколебался и даже поставил кляксу, услышав его возраст. С сомнением взглянув на дозорного, клерк поспешно промокнул кляксу и попросил Дага повторить сказанное. Соррел вручил клерку текст брачного соглашения, чтобы тот переписал его хорошим почерком в книгу, и Сойер, торопливо прочитав его, задал несколько уточняющих вопросов.

Только в этот момент Даг узнал, что за подобную услугу полагается платить, и по традиции это должен сделать новоиспеченный супруг. К счастью, Даг не оставил свой кошелек вместе с другими вещами на ферме; вдвойне счастливым обстоятельством оказалось то, что хотя его поездка и затянулась, у него оставалось еще несколько

медяков, полученных на Серебряных Перекатах, которых оказалось достаточно. По просьбе Дага Фаун выудила — кошелек из его кармана и расплатилась. Попутно выяснилось, что те, у кого не было монет, могли рассчитаться провизией или пряжей.

— Сюда вечно являются такие, кто не может написать собственного имени, — сообщил Сойер Дагу, кивнув на его руку на перевязи. — Я расписываюсь за них, они ставят крестик, а свидетели своими подписями это заверяют.

— Прошло шесть дней с тех пор, как я сломал руку, — напряженным голосом сказал Даг. — Думаю, что по такому случаю я справлюсь и сам. — Он кивнул Фаун, чтобы та поставила свою подпись первой, а потом попросил ее окунуть перо в чернильницу и вложить ему в пальцы. Движение оказалось болезненным, но не невозможным. Подпись выглядела не лучшим образом, но по крайней мере была совершенно отчетливой. Такое проявление грамотности заставило клерка поднять брови.

Когда жена клерка и мать Фаун подошли к столу, миссис Сойер вытаращила на Дага глаза с новым уважением. Вытянув шею, она прочла:

— Даг Редвинг Хикори Олеана.

— Олеана? — переспросила Фаун. — Этой части я раньше не слышала.

— Значит, теперь ты миссис Фаун Олеана, а? — сказал Сойер.

— На самом деле это название округа, в котором я живу, — объяснил Даг. — Мое семейное имя — Редвинг.

— Фаун Редвинг, — пробормотала Фаун, в первый раз произнося новое имя и сосредоточенно нахмурив брови. — Хм-м.

Даг поскреб лоб своим крюком.

— Тут все не так просто. По традиции Стражей Озера мужчина берет имя шатра своей жены, так что я должен бы зваться... э-э... Даг Блуфилд Вест-Блу Олеана, наверное.

Соррел посмотрел на него с ужасом.

— Так что же, мы должны обменяться именами? — озадаченно спросила Фаун. — Или каждый взять оба имени? Редвинг-Блуфилд... Редфилд? Блувинг?

— Ред — красный, Блу — синий, — с астматическим смехом проворчал клерк. — Вы двое можете взять имя Лиловый.

— Не могу вспомнить ничего лилового, название чего не звучало бы глупо, — возразила Фаун. — Ну... разве что зрелая бузина. Это выглядело бы

по-страж-озерски.

— Так и сделаем, — заверил ее Даг мягко.

— Хм-м... у нас есть еще несколько дней, чтобы все обдумать, — мужественно заявила Фаун.

Соррел и Трил переглянулись, сделали вдох, собираясь с силами, и склонились над книгой, чтобы поставить свои подписи. День и час свадьбы были назначены самые ранние, какие только были возможны по истечении традиционных трех дней; к явному облегчению Фаун, это оказался полдень третьего дня, не считая сегодняшнего.

— Торопитесь, верно? — добродушно поинтересовался Сойер; Даг не уловил значения косого взгляда, который клерк бросил на живот Фаун, но девушка все поняла и напряглась.

— К несчастью, меня ждут дела дома, — умиротворяюще сообщил Даг, положив свой протез на плечо Фаун. На самом деле, если бы не опасение разминуться с Мари в лагере, проклятая сломанная рука делала его таким же бесполезным в лагере Хикори, как и в деревне Вест-Блу. В общем-то не имело никакого значения, где сидеть и в отчаянии скрипеть зубами; в Вест-Блу по крайней мере была какая-то новизна. Впрочем, связанная с заряженным ножом тайна оставалась постоян-

ной занозой у него в уме, хоть и погребенной под новыми впечатлениями, но никогда не переставшей тревожить.

Трое жителей деревни отскочили от окна дома Сойера и притворились, что просто идут мимо по улице, когда Даг, Фаун и ее родители вышли из двери. Через улицу две молодые женщины, наклонившись друг к другу, начали хихикать. Несколько парней, торчавших перед трактиром, нырнули внутрь — и двое из них весьма поспешно.

— Это не Санни Сомен только что вошел к Миллерсону? — прищурившись, спросил Соррел.

— И не Рид ли был с ним? — присоединилась к нему Фаун.

— Так вот куда Рид отправился сегодня утром! — с возмущением сказала Трил. — Шкуру спущу с этого мальчишки!

— Ферма Соменов — вторая к югу от деревни, — тихо сообщила Фаун Дагу.

Он понимающе кивнул. Это делало трактир в Вест-Блу удобным местом встречи; впрочем, там собирались все жители деревни и окрестных ферм, судя по тому, что Даг слышал. Санни должен был понимать, что его не выдали, иначе его отношения с близнецами Блуфилдами были бы

совсем иными; если не благодарность, то хотя бы облегчение должно было бы сделать его сдержанным. Так не были ли эти зеваки теми самыми друзьями, на помощь которых в очернении Фаун рассчитывал Санни? Или то была пустая угроза, а девушка просто поверила выдумке? Теперь уже не узнаешь. Впрочем, парни вряд ли решились бы обливать Фаун грязью в присутствии ее брата.

Все снова погрузились в тележку, Соррел щелкнул языком и повернул коня к дому. Достаточно было хлопнуть поводьями по крупу, чтобы животное покладисто перешло на рысь. Вест-Блу осталась позади.

«Еще три дня». Не было никакой причины, почему это простые слова должны были бы заставить Дага чувствовать себя так, словно его желудок собрался вывернуться наизнанку, но... «Три дня».

После обеда в полдень Даг выбросил из головы странности крестьянских обычаев и сосредоточился на собственных заботах. Они с Фаун отправились на разведку в окрестности фермы.

— Что мы ищем? — спросила Фаун, когда Даг свернул к старому амбару за домом.

— Тут нет устоявшегося рецепта. Волокна, которые можно прясть и которые что-то для тебя

значат, — чтобы помочь удержать Дар. Всегда хорошо использовать собственные волосы, но мои недостаточно длинные, чтобы использовать только их, а чем больше зацепок, тем лучше. Конский волос добавит длины и крепости, мне кажется. Его часто используют, и не только для свадебных браслетов.

В приятной прохладе амбара Фаун собрала две охапки длинных шелковистых волос из грив и хвостов Грейс и Копперхеда. Даг стоял, опершись о перегородку между стойлами и полуприкрыв глаза, и мягко напоминал Копперхеду, что мерин должен относиться к Фаун с заботой, как к жеребой кобыле, если не хочет стать пищей для волков. Лошади не столько принимали во внимание последствия, сколько полагались на ассоциации, да и рыжий конь не отличался особенным умом, но благодаря постоянным обращениям к его Дару Даг в конце концов вдолбил ему эту мысль. Копперхед настороженно посмотрел на Дага, тихонько заржал и ткнулся носом в руку Фаун, терпеливо снес вырывание волос и съел с ладони девушки кусок яблока, не попытавшись ее укусить.

В окрестностях фермы Блуфилдов водяных лилий было не найти, да Даг и не был уверен,

что они были бы похожи на те, что росли на озере Хикори и волокна из их стеблей можно было бы использовать. К его удовольствию, они обнаружили заросшую рогозом канаву у границы одного из полей, где гнездилось несколько красноплечих черных трупиалов-редвингов. Даг повесил башмаки Фаун на свой крюк и ободряюще улыбнулся, когда девушка со смешанным выражением отвращения и решимости полезла в тину, чтобы набрать несколько пригоршней пуха рогоза в смеси с перьями. После этого они обошли все опушки и невспаханные поля; сезон был неподходящий для сбора пуха молочая — на растениях еще только распускались цветы, — но в конце концов они нашли несколько коричневых высохших стеблей с нераскрывшимися стручками, и Даг решил, что содержащегося в них пуха хватит.

Все найденное они отнесли в рабочую комнату Нетти, где Фаун ощипала перья и извлекла из стручков пушинки молочая, после чего Нетти принялась прясть нить из своих излюбленных составляющих: льна для крепости, драгоценного привозного хлопка для мягкости и волокна крапивы, которое она называла «кэч», для блеска, — все они были выкрашены отваром ореховой

скорлупы. Фаун, закусив губу, выстригла пряди волос у себя и с особым старанием у Дага, как он понял, не столько из опасения уколоть его ножницами, сколько заботясь о том, чтобы он ко дню свадьбы не стал выглядеть как пугало. Собственные кудрявые пряди она остригла перед маленьким зеркалом. Даг сидел рядом, молча наслаждаясь видом ее локонов и отсчитывая назад часы к их последним объятиям и прикидывая, когда у них снова появится такая возможность. «Три дня...»

Под руководством тетушки Фаун смешала составные части в двух корзинках; Нетти погрузила в готовую массу руки и, ощупав ее, сосредоточенно нахмурилась. Фаун затаила дыхание, ожидая ее вердикта, и в конце концов Нетти решила, что можно приступать к следующему этапу. Подготовка волокон в виде длинных валиков, пригодных для прядения, требовала величайшего старания и трудолюбия, и под конец даже усердные пальчики Фаун устали.

После ужина настала очередь самого прядения. Мужчины Блуфилды решили, что троица занята каким-то диковинным делом, принятым у Стражей Озера, но они давно усвоили, что не следует вторгаться во владения Нетти, и Даг надеялся,

что они не заподозрят той тонкой и невидимой магии, которая сопутствовала изготовлению браслетов. После ужина папа Блуфилд и парни занялись обычными вечерними делами; Трил, возясь на кухне, иногда заглядывала в дверь, но молчала.

После некоторых споров было решено, что прясть нити будет все-таки Фаун; она не сомневалась, что Нетти выполнила бы работу лучше, но Даг счел, что чем больше усилий приложит сама Фаун, тем больше будет надежда на то, что браслет будет носить отпечаток ее Дара. Фаун выбрала самопрялку, приспособление, которого до сих пор Даг никогда не видел, сказав, что управляется с ней лучше, чем с веретеном. Когда Фаун наконец уселась, приготовила материалы и почувствовала себя уверенно, дело пошло быстрее, чем ожидал Даг. Вскоре Фаун с триумфом вручила Нетти для инспекции два мотка крепкой, хоть и несколько лохматой нити в два сложения, по текстуре близкой к тесьме.

— Нетти сумела бы спрясть более ровную и гладкую нить, — вздохнула девушка.

— М-м-м... — промычала Нетти, ощупывая пряжу. Она не опровергла Фаун, но потом все же кивнула: — Сойдет.

— Теперь мы можем продолжать? — с нетерпением спросила Фаун. Стемнело, и она уже час работала при свече.

— Утром мы будем более отдохнувшими, — попробовал охладить ее пыл Даг.

— Я не устала.

— Это я буду утром в лучшей форме, Искорка. Пожалей старого дозорного, а?

— Ох... Ну конечно. Работа с Даром выжимает тебя досуха. — Помолчав, она осторожно поинтересовалась: — Это будет так же тяжело, как и с чашей?

— Нет. Наша задача будет гораздо более естественной. К тому же я такое уже делал раньше. Ну... в тот раз спряла пряжу мать Каунео, потому что никто из нас не умел этого делать. А вот сплести браслеты должны были мы сами, чтобы вложить в них Дар.

— Не заснуть мне сегодня, — вздохнула Фаун.

На самом деле она все-таки уснула, хоть Даг из-за закрытой двери и услышал, как Нетти попросила ее не вертеться, а то ее соседство — хуже, чём полная постель клопов. Последнее, что той ночью слышал Даг, был тихий смешок, которым Фаун ответила на слова тетушки.

Сразу после завтрака, как только остальное

семейство разошлось по делам, Даг, Фаун и Нетти собрались в рабочей комнате. На этот раз Даг решительно закрыл дверь. Они с Фаун притащили с крыльца скамейку без спинки; Фаун уселась на нее верхом, а Даг — позади нее. Нетти расположилась на стуле рядом с Фаун; наклонив голову, она прислушивалась к происходящему, пытаясь своим слабым Даром охватить всю комнату. Даг наблюдал, как Фаун практиковалась в плетении на веревочке: нужно было сплести прочную косичку из четырех прядей, которую Стражи Озера за квадратное сечение называли «стеблем мяты»; как с удивлением узнал Даг, у крестьян она носила то же название.

— Мы начнем с моего браслета, — сказал Даг. — Главное, как только мне удастся включить в плетение свой Дар, не останавливайся, иначе связь порвется и придется начинать все заново. Мы, конечно, вполне можем так и сделать, но бывает очень обидно довести дело почти до конца, а потом сорваться из-за небрежности.

Фаун выразительно закивала и поспешно закончила приготовления, привязав четыре нити к гвоздю, вбитому в скамейку. Она разложила клубочки, чтобы они были под рукой и нити не путались, сглотнула и сказала:

— Готово. Скажи мне, когда начинать.

Даг выпрямился, вытащил правую руку из перевязи, придвинулся поближе к Фаун и поцеловал ее в ухо, чтобы приободрить и заставить улыбнуться; первое ему удалось, а второе — не очень. Он взглянул поверх головы Фаун и положил обе руки на пальцы девушки, так чтобы касаться и нитей, и рук Фаун. Дар, хлынувший из его правой руки, тут же вплелся в будущий браслет.

— Получилось. Закрепи нити и начинай...

Ловкие пальцы Фаун начали тянуть, поворачивать, сплетать нити. Тонкий поток Дара, соединившийся с плетением, ясно ощущался Дагом, и он заново вспомнил, каким странным было это ощущение в первый раз, в тихом шатре в лесистой Лутлии. И сейчас ощущение было странным, хотя не неприятным. В комнате стояла полная тишина, и Даг подумал, что, наверное, смог бы заметить, как перемещаются свет и тени за окном; солнце еще только поднималось.

Правая рука Дага дрожала, плечи начали болеть к тому времени, когда Фаун сплела примерно два фута тесьмы.

— Достаточно, — прошептал ей в ухо Даг. — Завязывай.

Фаун кивнула, завязала фиксирующий узел и

соединила нити вместе.

— Нетти! Готова?

Нетти наклонилась вперед с ножницами в руке и, направляемая Фаун, обрезала нити ниже узла.

Даг ощутил, как отделился от будущего браслета его Дар, и еле сдержал восклицание.

Фаун выпрямилась и вскочила со скамьи, потом повернулась к Дагу и взволнованно протянула ему тесьму.

С помощью Фаун Даг пропустил тесьму сквозь пальцы правой руки, где их не стесняли все более грязные бинты. Ощущение оказалось странным: словно смотришь на себя в кривое зеркало, однако присутствие Дара было надежным и добрым.

— Прекрасно! Удалось! Мы сделали это, Искорка, тетушка Нетти!

Фаун, сияя, как солнечный восход, вложила тесьму в руки Нетти. Нетти пощупала ее и тоже улыбнулась.

— Клянусь! Да. Даже я чувствую... Как в прежние времена. Молодец, дитя!

— А когда будем делать второй? — взволнованно спросила Фаун.

— Отдышись, — посоветовал Даг. — Походи, разомни ноги. Второй браслет сделать будет потруднее. — Попытка вполне могла оказаться

невыполнимой, мрачно признался он себе, но Фаун говорить об этом он не собирался: в этих тонких материях уверенность в себе значила очень много.

— Ох, да, ведь твои несчастные плечи наверняка очень болят! — воскликнула Фаун, обежала вокруг скамьи и принялась разминать Дагу мышцы своими маленькими сильными руками: против такого удовольствия возразить он не мог, хотя с трудом не рухнул на скамью лицом вперед и не растаял. Даг вспомнил, что еще могли делать эти ручки, потом постарался не вспоминать. Ему понадобится еще все его самообладание. Теперь остается два дня...

— Достаточно, дай отдохнуть пальцам, — героически выдохнул он наконец. Он встал и тоже стал ходить по комнате, пытаясь вспомнить, что еще он мог бы сделать, или должен был, или не сделал для того, чтобы следующий, самый важный шаг был удачен. Он собирался вступить на непривычную и опасную территорию, заняться делом, которого никогда раньше не делал — да и никто не делал, насколько ему было известно. О таком не пелось даже в балладах.

Они своза уселись на скамью, и Фаун закрепила нити для собственного браслета на гвозде.

— Как только ты будешь готов, начнем.

Даг опустил голову и вдохнул запах ее волос, стараясь успокоиться, потом провел своими негнущимися пальцами и крюком вдоль рук Фаун, нащупывая какой-нибудь открытый фрагмент ее Дара, такого живого, который он чувствовал под ее кожей. Погоди-ка, вот что-то появилось...

— Начинай.

Руки Фаун начали свое движение. После всего трех переплетений Даг сказал:

— Подожди, не то... Остановись. Это не твой Дар, это снова мой. Прости.

Фаун выдохнула воздух и выпрямила спину, потянулась и распустила сплетенное.

Даг посидел несколько мгновений, опустив голову и закрыв глаза. Его преследовало тревожное воспоминание о том, как Дар его левой руки проявился два дня назад, когда он воссоздал чашу. Перелом правой руки ослабил преобладание Дара с той стороны; может быть, левая пыталась компенсировать это, как все время с момента увечья делала правая рука. На этот раз Даг изо всех сил сосредоточился на том, чтобы уловить Дар Фаун слева. Он погладил ее руку своим крюком, стиснул призрачные пальцы, которых не было... Что-то ему удалось поймать, хрупкое и тонкое, и

на этот раз это не был его собственный Дар.

— Давай!

Пальцы Фаун снова начали свой танец. Они сделали уже дюжину переплетений, когда Даг почувствовал, что невесомая нить порвалась.

— Стоп, — вздохнул он. — Она снова потерялась.

— Проклятие! — в отчаянии воскликнула Фаун.

— Ш-ш. У нас почти получилось.

Фаун распустила плетение, расправила плечи и потерлась головой о грудь Дага; он почти физически ощутил ее мрачную гримасу, хотя мог видеть только ее волосы и кончик носа. А потом он почувствовал, как ее гримаса стала задумчивой.

— Что? — спросил он.

— Ты говорил... Ты говорил, в нить вплетают волосы, потому что они когда-то тоже имели часть Дара, и поэтому его легко поймать и удержать... потому что волосы были частью тела. Верно? Живое тело рождает Дар.

— Верно...

— И еще ты однажды сказал, той ночью, когда я расспрашивала тебя о Даре, что кровь человека какое-то время остается живой после того, как покинула тело. Так?

— К чему ты клонишь... — начал Даг обеспокоенно, но Фаун прервала его: она неожиданно ухватилась за крюк и потянула его к себе. Даг почувствовал давление и рывок, потом еще один. — Подожди, перестань, Искорка, что это ты... — Даг наклонился вперед и с ужасом увидел, что Фаун рассекла подушечки обоих своих указательных пальцев острым кончиком крюка. Она стиснула каждый палец по очереди другой рукой, чтобы выжать кровь, и снова взялась за нити.

— Попробуй еще раз, — решительно и деловито предложила она Дагу. — Давай быстрее, прежде чем кровь перестанет течь. Давай же!

Даг не мог не выполнить столь поразительное требование. С яростью, почти такой же, как двигавшая Фаун, он коснулся рук девушки своими руками — реальной и призрачной, и на этот раз ее Дар буквально хлынул в него и в запятнанную кровью нить.

— Плети, — прошептал он, и руки Фаун начали тянуть, поворачивать, свивать.

— Ты перепугала меня до смерти, Искорка, но твоя идея сработала. Не останавливайся.

Фаун кивнула. И продолжала плести. Она изготовила тесьму примерно такой же длины, как первая, — как раз тогда, когда ее пальцы переста-

ли кровоточить.

— Нетти. Твоя очередь.

Нетти снова наклонилась и ножницами обрезала нити за последним узлом. Даг почувствовал, как Дар Фаун оборвал свою связь с тесьмой, как это было и в предыдущий раз.

— Безупречно, — заверил он девушку. — Отсутствующие боги, как же здорово!

— Правда? — Фаун повернулась к нему, лицо ее было по-прежнему напряженным. — Я не почувствовала ничего. Ничего — оба раза. Так в самом деле получилось?

— Это было... Ты была... — Даг искал подходящие слова. — Твоя догадка была замечательной. Нет, более того. Она была блестящей.

Напряжение сменилось победным блеском в глазах Фаун.

— Так в самом деле?

— Я не сумел бы совершить такой умственный скачок.

— Ну конечно, ты не сумел бы. — Фаун шмыгнула носом. — Ты все старался меня оберегать, да еще и пытался спорить.

Даг обнял и встряхнул Фаун, чувствуя странную новую симпатию к ее родителям и их двусмысленной реакции на ее возвращение домой.

— Ты, наверное, права.

— Я несомненно права. — Фаун хихикнула, как и полагалось Искорке.

Даг отпустил ее и натянул на свою ноющую правую руку перевязь.

— Только умоляю тебя: сейчас же вымой пальцы. Не жалей мыла. Ты и представить себе не можешь, где только побывал этот крюк.

— Повсюду, ясное дело. — Фаун весело улыбнулась, погладила сплетенную ею тесьму и танцующим шагом отправилась на кухню.

Нетти наклонилась и с задумчивым видом тоже взяла в руки тесьму.

— Я не знал, что она такое сделает, — виновато пробормотал Даг.

— С ней никогда ничего заранее не знаешь, — ответила Нетти. — Она не даст тебе соскучиться, дозорный. Может быть, ты получишь больше, чем рассчитывал. Самое забавное, что ты думаешь, будто знаешь, что делаешь.

— Раньше так и было, — вздохнул Даг. — Может быть, дело в том, что до сих пор я делал все время одно и то же.

Фаун вернулась из кухни, ведя свою мать, чтобы показать ей свою работу. Даг надеялся, что ей она не стала рассказывать о последнем своем

озарении насчет крови. Трил и Нетти еще раз ощупали тесьму, Трил подергала ее и глубокомысленно одобрила прочность. Выпрямившись во весь рост, мать Фаун запустила руку в карман своего фартука.

— Нетти, помнишь то ожерелье, что было у мамы? С шестью настоящими золотыми бусинами — по одной за каждого ребенка. Ожерелье порвалось, когда тележка опрокинулась в снегу, и все бусины тогда так и не нашлись.

— О да, — ответила ее сестра.

— Остатки ожерелья перешли ко мне, и я тоже ничего с ним не делала. Оно годы и годы хранилось у меня в ящике. Вот я и подумала: может быть, ты могла бы прикрепить бусины на концы тесьмы для Фаун.

Фаун в волнении заглянула в ладонь матери, взяла одну из четырех овальных золотых бусин и посмотрела сквозь дырочку.

— Нетти, сможешь? Даг, это не нарушит волшебства?

— Я думаю, что бусины — чудесный подарок, — ответил Даг, рассматривая ту, что вручила ему Фаун. На самом деле он думал, что подарок — это молитва матери о счастье дочери. Он посмотрел на Трил, которая только коротко кивнула ему.

— Они замечательно красивы и будут чудесно выглядеть на темной тесьме, да и концы лягут лучше. Я сочту за честь принять такой подарок.

Бусины и тесьма были отданы в ловкие руки Нетти, и она быстро прикрепила бусины, превратив концы ниже узлов в бахрому. Когда она закончила, два браслета — один более темный, другой с медным отливом — легли ей на колени, как живые существа... которыми они в определенном смысле и были.

— Они будут хорошо выглядеть, когда Фаун отправится в твою страну, — сказала Трил. — Твои родичи узнают, что мы... что мы люди респектабельные. Правда, дозорный?

— Да, — ответил Даг, услышав в ее голосе мольбу и надеясь, что его ответ окажется правдив.

— Хорошо, — снова кивнула Трил.

Нетти завладела браслетами и убрала их — до послезавтра, когда она соединит ими эту невероятную пару. Скрепленная и получившая благословение, эта связь станет нерасторжимой, если оба сердца этого пожелают. Это был знак настоящего союза, который любой Страж Озера, обладающий Даром, не сможет не заметить. Браслеты были сделаны с верой, и Даг не сомневался, что будет помнить этот час до конца жизни, пока

носит на руке тесьму с золотыми бусинами, будет помнить, как Искорка так самозабвенно оросила ее своей кровью.

«И если ее верное сердце остановится, я об этом узнаю».

18

«Один день», — была первая мысль Дага по пробуждении следующим утром.

Он ожидал, что канун свадьбы будет посвящен спокойным приготовлениям к небольшой семейной церемонии, что время, возможно, будет отведено для медитации с подобающей серьезностью перед тем шагом, который ему предстояло сделать, — и еще для того, чтобы заглушить тихий противный голосок, постоянно звучащий у него в сознании.

«Что ты делаешь? Как ты оказался в таком положении? Твои планы должны быть иными! Ты хоть имеешь представление, что случится, когда ты доберешься до дому?»

На последний вопрос достаточным ответом Дагу казалось простое «нет». Более сложные вопросы вроде «Как ты собираешься защищать Фаун, когда не можешь защитить даже себя?» или «Что будет с детьми-полукровками?» он пытался прогнать, хотя последней мыслью всегда оказывалось «Будут ли они отверженными и несчастными?», которая возвращалась снова и снова.

Однако после завтрака на ферму Блуфилдов явились не две соседки — подружки Фаун, появления которых Даг смутно ожидал, а еще и пять сестер подружек, четыре невестки, несколько общих родственниц и неисчислимое множество матерей и бабушек. Они походили на стаю саранчи наоборот: принесли с собой невероятное количество еды и принялись наводить порядок. Они болтали, они смеялись, они пели, они — по крайней мере младшие — непрерывно хихикали, они заполонили весь дом.

Мужчины Блуфилды быстренько разбежались по дальним полям. Даг, пораженный увиденным, задержался — на время.

Представления молодым женщинам были не так уж тягостны, хотя по большей части те испуганно молчали или нервно улыбались. Самые смелые, впрочем, увидев, как помогает ему Фаун, тоже захотели принять в этом участие, и скоро Дагу пришлось уклоняться от того, чтобы его непрерывно кормили и поили, как какого-то странного ручного зверька. Откормленный как на убой, Даг старался не задумываться над происходящим. Потом еще одна хихикающая компания во главе с суровой матроной вместе с Фаун, которая отказалась что-либо объяснять, загнала

Дага в угол и принялась измерять различные части его тела — к счастью для его убывающего самообладания, все же за одним исключением, — а потом, заливаясь смехом, удалилась. Рабочая комната Нетти, обычно бывавшая тихим убежищем, оказалась полна гостей, а кухня, кроме того, стала еще и невыносимо жаркой из-за непрерывной готовки. К полудню Даг последовал примеру остальных мужчин и отправился в добровольное изгнание, хотя оставался достаточно близко к дому, чтобы слышать песни, долетавшие сквозь открытые окна. В отсутствие мужчин некоторые песенки, что неудивительно, стали довольно игривыми: в конце концов, шла подготовка к свадьбе. Даг порадовался, что странный выбор супруга не лишил Фаун этих удовольствий.

К ужину женщины разошлись, хотя и намеревались вернуться утром для окончательных приготовлений; только после того как все поднялись из-за стола, Даг нашел время для размышлений. Он в одиночестве уселся на крыльце, свесив ноги вниз и глядя на тихую речную долину, сменившую золотисто-зеленый цвет на тускло-серый после того, как солнце село. На крыше старого амбара мягкие бурые горлицы печально перекликались своими мягкими бурыми голосами.

Этот вид нравился Дагу больше всего на ферме, и он подумал, что тот, кто строил этот дом, должно быть, разделял его чувства. Даг испытывал странную неуверенность: все его прежние опоры разрушились, а новых не появилось. За исключением Искорки. Но и она едва ли могла стать неподвижной осью его вращающегося мира — она слишком быстро для этого двигалась, и Даг опасался, что потеряет ее, если моргнет.

Он заметил Раша, идущего в сгущающихся сумерках по тропинке. После случая с чашей близнецы перестали донимать Дага колкостями, но только потому, что старались не разговаривать с ним вообще. Если уж с ними нельзя подружиться, может быть, стоит припугнуть? Вит, напротив, казался зачарованным Дагом и всюду ходил за ним, словно опасаясь пропустить новую демонстрацию магии. Даг старался обходиться с ним, как с особенно беспомощным молодым дозорным, и это, похоже, давало плоды. Не будь его рука сломана, Даг мог бы предложить научить Вита стрельбе из лука, что было бы хорошим способом дружески сблизиться с ним. Теперь же его устные рекомендации заставили Вита с удивившей Дага покладистостью сказать: «Может быть, покажешь, когда вернешься».

Это заставило Дага задуматься о том, вернутся ли они с Фаун когда-нибудь. Первоначальные намерения Дага, когда он предложил жениться на Фаун, заключались в том, чтобы восстановить ее связи с семьей на случай отчаянной нужды — говоря откровенно, на случай его смерти. Страж Озера попытался бы войти в семью жены, стать новым братом по шатру; семейство жены, в свою очередь, ожидало бы, что так и случится. Крестьяне принимали в семью новых сестер, а не новых братьев, и не были привычны к противному. Дагу потребовалось некоторое время, чтобы понять: единственные члены семьи, которым он должен угодить, чтобы получить Фаун, — это старшие, которые в любом случае ожидали, что рано или поздно кто-нибудь ее уведет. Принятие предложения Дага в этом смысле было натяжкой, но не обращением обычая вспять. Возвращение Дага к собственному народу ставило перед ним трудноразрешимые вопросы, особенно трудноразрешимые потому, что о большинстве из них Фаун и не подозревала.

На тропинке снова показался Раш... Заметив Дага на крыльце, он свернул на лужайку между домом и старым амбаром — травянистое пространство, куда иногда загоняли овец попастись.

Трава, которую не съедали овцы, раз в год скашивалась, чтобы лужайка не заросла лесом, который мог бы закрыть вид на реку. Когда Раш приблизился, Даг почувствовал в нем напряжение и решил шире открыть свой Дар, хоть и предчувствовал, что результат окажется неприятным.

— Эй, дозорный, — окликнул его Раш, — ты нужен Фаун. Она у дороги, там, где кончается тропинка.

Даг заморгал, чтобы скрыть тот факт, что только что с помощью Дара оглядел все окрестности. Фаун, как он сразу же определил, находилась вовсе не на тропинке, а почти за пределами его восприятия, на вершине холма. И не одна, а, кажется, с Ридом. Впрочем, ее положение не было затруднительным. Так почему же Раш лжет? Ах... Лес у подножия холма не был безлюдным. Среди деревьев у дороги Даг обнаружил четыре смутных пятна — лошадей, по-видимому, привязанных. С ними находились четверо людей. Троих Даг не знал, но Дар четвертого был ему знаком — он узнал Идиота Санни. Так ли уж трудно предположить, что и остальные — крепкие деревенские парни? Даг не сомневался, что так оно и есть.

— Она сказала, зачем я ей нужен? — спросил Даг, чтобы выиграть немного времени на раз-

мышления.

Раш дважды вдохнул и выдохнул воздух, придумывая ответ. Он явно ожидал, что Даг сразу кинется на зов.

— Что-то связанное со свадьбой, — наконец ответил он. — Она не сказала зачем, но ты ей нужен прямо сейчас.

Даг почесал висок крюком, радуясь тому, что по глубоко укоренившейся привычке ни с кем, за исключением Фаун и Нетти, не делился сведениями о возможностях Стражей Озера. В результате в этой игре он на один ход опережал своих противников и теперь прикидывал, как не потерять это преимущество, подозревая, что оно у него единственное. Было бы занятно просто остаться сидеть и посмотреть, как Раш будет увязать все глубже, отчаянно придумывая причины, по которым Даг должен был бы спуститься с холма и попасть в ожидающую его засаду. Однако это означало бы, что вся компания будет рыскать вокруг, придумывая новые планы. Как бы ни мало желания испытывал Даг разбираться со злоумышленниками сейчас, еще меньше хотелось ему заниматься этим утром, и уж совсем не хотелось ему, чтобы в неприятности оказалась втянута Фаун, о чем, похоже, ее братья-враги как

раз и позаботились. Что ж...

Даг послал свой Дар в лес у подножия холма, который за последние дни он несколько раз обошел пешком, высматривая... Да. Именно это. Прилив — не возбуждения, а очень специфического спокойствия, которое охватывало его в схватке с разбойниками или вблизи логова Злого — рывком переключил его рассудок на другой уровень. Ах, мишени... Он знал, что делать с мишенями. Но будут ли мишени знать, что делать с ним? Даг оскалил зубы. Если нет, он их научит.

— Э-э... Даг... — неуверенно пробормотал Раш.

У Дага не было с собой боевого ножа. Это оказалось и к лучшему: не будет отвлечения, все равно у него нет здоровой руки, чтобы им орудовать. Даг поднялся и размял левую руку.

— Ну конечно, Раш. Где, ты сказал, она ждет?

— У дороги, — ответил Раш, одновременно испытывая и облегчение, и испуг. Отсутствующие боги, ну и плохой же из мальчишки лжец... Что ж, в целом это очко в его пользу.

— Ты идешь со мной, Раш?

— Через минутку. Ты иди вперед. Мне нужно кое-что взять из дому.

— Хорошо, — дружелюбно кивнул Даг и двинулся вниз с холма к тропинке. Пройдя несколько

сотен шагов, он свернул в лес, намечая более подходящий маршрут. Ему нужно было застать врасплох тех, кто устроил ему засаду, подойдя к ним с правильной стороны. Даг задумался о том, как быстро парни смогут бежать: его ноги были длинными, но их — молодыми. Лучше не подпускать их слишком близко.

«Мари прибила бы меня за такой дурацкий трюк». Эта мысль оказалась странно успокаивающей. Как все знакомо.....

Даг крался вниз по склону холма, пока не оказался футах в пятнадцати позади четверых парней, прячущихся в тени деревьев, глядя на тропинку.

«Похоже, Санни запомнил мой совет».

Сумерки еще не сгустились; в темноте Дар дал бы Дагу существенное преимущество, но он хотел, чтобы намеченные жертвы видели его.

— Добрый вечер, ребята, — сказал он. — Ищете меня?

Парни подскочили и обернулись. Золотая голова Санни сияла даже в тени деревьев. Остальные были не такие заметные — один сутулый, другой — такой же мускулистый, как Санни, третий — тощий; все — достаточно молодые, чтобы наделать глупостей, и достаточно большие, чтобы быть

опасными. Неприятное сочетание... Трое были вооружены дубинками, к которым Даг теперь относился с новым уважением. У Санни имелась и палка, и большой охотничий нож — в ножнах на поясе. Пока...

Санни первым пришел в себя и прорычал:

— Привет, дозорный. Позволь сказать тебе, что тебя ждет. — Даг склонил голову к плечу, притворяясь заинтересованным. — Ты здесь не нужен. Через несколько минут Раш приведет твоего коня и притащит имущество, и ты отправишься на север. И обратно не вернешься.

— Ну и ну! — поразился Даг. — И как же, ты думаешь, тебе удастся меня заставить, сынок?

— Если не уберешься, мы тебя поколотим, а потом привяжем к коню, так что ты все равно отправишься на север. Только лишившись зубов. — Белозубая улыбка Санни блеснула в темноте, словно для того, чтобы подчеркнуть угрозу. Его приятели зашевелились, испытывая слишком сильное напряжение и беспокойство, чтобы присоединиться к его веселью, хотя один натужно рассмеялся, чтобы показать Санни свою поддержку.

— Не хотел бы тыкать вас носом, но все же я вижу в вашем плане некоторые прорехи. Во-

первых, явное отсутствие коня. Полагаю, Раш встретится с некоторыми трудностями, пытаясь управиться с Копперхедом. — Даг позволил своему Дару на мгновение переключиться. В старом амбаре у Раша действительно начинались трудности. Даг решил, что не может отвлекаться на то, чтобы управлять конем на таком расстоянии, и разорвал связь. Он ведь сообщил всем членам семьи, в присутствии Соррела и Трил, что нельзя подходить к Копперхеду, если его нет рядом. Раш сам решил свою судьбу. Даг постарался не усмехнуться слишком уж откровенно.

— С твоей лошадью, дозорный, может управляться Фаун.

— Она-то может. Только вы, знаете ли, послали Раша. Вам не повезло.

— Тогда ты можешь отправиться пешком.

— После того как вы меня поколотите? Вы преувеличиваете мою выносливость. — Голос Дага стал мягким. — Думаете, вы вчетвером сможете со мной справиться?

Парни посмотрели на его перевязь, на изувеченную левую руку и переглянулись. Даг почувствовал себя польщенным тем, что они не расхохотались. Он-то думал, что они посмеются, но не стал говорить об этом. Более того: сутулый

даже смутился. Санни, конечно, был более решителен. Охотничий нож явно появился неспроста.

— Ладно, чтобы вы поняли: я отклоняю ваше приглашение. Мне совсем не хочется пропустить собственную свадьбу. Правда, дело выглядит так, что на вашей стороне численное превосходство. Готовы ли вы меня сегодня убить? Сколько из вас готовы умереть ради этого? Вы подумали о том, как ваши родители и близкие будут чувствовать себя завтра? Как те, кто останется в живых, смогут объяснить им то, что произошло? Убийство — гораздо более грязная работа, чем вы думаете, и все не кончается тем, чтобы закопать трупы. Я говорю это на основании большого опыта.

Даг почувствовал, что должен остановиться; судя по выражению лиц парней, по крайней мере до двоих его слова начали доходить, хоть такое и не было его целью, когда он затеял всю эту болтовню. План игры был иным: бегство и преследование. К счастью, Санни и его мускулистый дружок начали подкрадываться к нему, разойдясь в стороны, чтобы удобнее было кинуться на Дага. Чтобы поощрить их, Даг начал пятиться и крикнул: «Неудивительно, что Фаун зовет тебя Идиотом Санни».

Санни резко вскинул голову. Со стороны его

приятелей донесся приглушенный гогот. Санни кинул на них яростный взгляд и бросил Дагу:

— Фаун — шлюха. И ты знаешь это. Не так ли, дозорный?

«Что ж, этого достаточно!»

— Вам придется сначала поймать меня, мальчуганы. Если ноги у вас работают так же медленно, как и мозги, проблем у меня не возникнет...

Санни кинулся вперед, его палка свистнула в воздухе, но Дага уже не было там, куда Санни целился.

Длинные ноги Дага несли его вверх по склону; он обегал деревья, его сапоги скользили на опавшей дисте, на влажных камнях, на зелено-черном мхе вокруг стволов. Судя по болезненному кряхтению, по крайней мере один из преследователей обнаружил, что опору для ног найти нелегко. Даг на самом деле не хотел, чтобы парни потеряли его в лесу, но ему нужно было оторваться от них достаточно далеко к тому моменту, когда он доберется...

Вот сюда.

Ах...

Выбранное им дерево оказалось карией со стволом толщиной фута в полтора, не имевшей сучьев до двадцатифутовой высоты. Оно предо-

ставляло Дагу определенное преимущество, но и грозило опасностью. Если ему удастся влезть на дерево, это, несомненно, послужит вызовом для парней... Даг высвободил правую руку из перевязи, чтобы она не мешала, потянулся вверх левой, вонзил крюк в дерево, обхватил ствол коленями и стал карабкаться. Опять выбросил вверх крюк, вонзил его, подтянулся. Снова. И снова. Он был уже на высоте футов пятнадцати, когда погоня добралась до дерева; парни запыхались, сыпали ругательствами и размахивали дубинками. Даг задумчиво прикинул, подтягиваясь вверх, что даже если не обращать внимания на рвущую боль в левом плече, небольшой кусок дерева и удерживающие его ремни едва ли долго будут выдерживать его вес. Грубая кора трещала и осыпалась, когда он стискивал ствол коленями, опадая вниз ароматным дождем. Если крюк не выдержит, жесткие зубчатые края коры произведут интересный эффект, скользя между его ног...

Даг добрался до первой толстой ветки, перекинул через нее руку и ногу и выпрямился, высматривая то, что ему нужно.

«Отсутствующие боги, еще целых пятнадцать футов...»

Что ж, надо лезть.

Сухая ветка обломилась под ногой Дага, но это отчасти даже пошло на пользу: он сумел уронить ее на запрокинутое лицо тощего парня, которого приятели подсаживали на дерево. Мальчишка вскрикнул и свалился вниз; на некоторое время преследователи прекратили попытки добраться до Дага. Ему этого времени вполне хватило.

К полному удовлетворению Дага, мимо просвистел камень, потом другой. «Ай!» — весьма реалистично вскрикнул он, чтобы поощрить противников. Взлетело и упало еще несколько камней, за чем последовал увесистый удар и вполне настоящее «ай» снизу. Даг позаботился о том, чтобы парни услышали его злорадный смех, хоть сам он к этому моменту пыхтел, как кузнечные мехи.

Почти у цели. Отсутствующие боги, эта штука почти на середине ветки... Даг вытянулся вдоль нее, почти лежа и опираясь ногами на качающийся сук ниже; едва ли не в первый раз в жизни он хотел бы быть выше ростом. Потерять равновесие на такой высоте... так можно быстро сделаться еще глупее, чем Идиот Санни. Ну, еще чуть-чуть! Зацепиться крюком вон за тот сучок... а теперь хорошенько дернуть.

Даг крепко вцепился в дерево, когда серое, слов-

но сделанное из бумаги осиное гнездо размером с арбуз отделилось от ветки и начало свое падение с высоты тридцати пяти футов. С наступлением вечера большинство ос уже вернулись в гнездо, как сообщил Дагу его Дар, и устраивались на ночь.

«Проснитесь! На вас напали!»

Слабая попытка Дага расшевелить ос своим Даром была, по-видимому, излишней: когда падающий шар коснулся земли, раздался громкий и вполне удовлетворительный хлопок; за ним последовало низкое сердитое гудение, которое было хорошо слышно даже там, где находился Даг.

Первые вопли оказались еще более громкими и удовлетворительными.

Даг устроился поудобнее, упершись ногами в надежные сучья, и принялся за некоторые усовершенствования процесса. Заставить разъяренных ос забираться в штанины и за воротники оказалось не так трудно, как опасался Даг, хоть он и не мог просто швырять ос, как москитов, и не мог рассчитывать на их покладистость, как в случае светлячков. Впрочем, все достигается практикой, решил Даг. Он добросовестно принялся за дело.

— Ой! Ой! Они у меня в волосах, в волосах, и жалят! — донесся снизу жалобный вопль; голос был

слишком высоким, чтобы Даг мог его опознать.

— Ай, мои уши! Ух, мои руки! Отгони их! Отгони их!

— Беги к реке, Санни!

До Дага сквозь листья долетели шаркающие шаги отступающих противников; беспорядочное бегство едва ли могло им особенно помочь, поскольку Даг позаботился о том, чтобы их сопровождал почетный эскорт. Даже без помощи Дара Даг мог узнать, когда посланные им путешественники по штанам добирались до цели: оглушительные вопли звучали до тех пор, пока у страдальцев был воздух в легких.

— Хромай к реке, Санни, — яростно бросил Даг вслед удаляющимся к востоку отчаянным крикам.

Теперь пришла очередь подумать о том, как спуститься.

Даг двигался медленно, по крайней мере пока в десяти футах от земли его крюк не соскользнул; крюк прочертил длинную царапину по коре, а колени Дага сорвали с дерева большие куски коры. Впрочем, Дагу удалось приземлиться на ноги и не особенно ушибить сломанную руку. Шатаясь и ловя ртом воздух, он выпрямился.

— Было бы гораздо проще... если бы можно

было просто... выпустить им кишки.

Нет. На самом деле не так.

Даг вздохнул и постарался, насколько возможно, привести себя в порядок, стряхнув с одежды и волос кору, сучки и листья обратной стороной крюка и с облегчением надев на сломанную руку перевязь. Несколько отставших ос жужжали поблизости, высматривая врагов; Даг направил их к товаркам по гнезду, а сам спустился по склону туда, где были привязаны лошади.

Он распутал поводья и сделал все, что мог, чтобы кони не споткнулись о них, потом вывел на дорогу и направил к югу, постаравшись вложить в их ограниченные головы представления о конюшнях и кормушках с овсом. Если лошади сами не найдут дорогу, Санни и его приятелям придется изрядно потрудиться в следующие дни, чтобы найти беглянок — конечно, после того как они смогут извлечь свои распухшие тела из постелей. Парочка забияк, включая Санни — на его счет Даг был совершенно уверен, — определенно не захочет появляться сегодня ночью на ферме Блуфилдов... да и во многие будущие ночи тоже.

Когда Даг устало выбрался на тропинку, он повстречал торопящегося навстречу Соррела. Тот сжимал в руках вилы и выглядел ужасно

встревоженным.

— Что, черт возьми, это были за ужасные крики, дозорный?

— Какие-то молодые дураки забрались в твой лес и решили, что будет здорово покидать камни в осиное гнездо. Все получилось не так, как они рассчитывали.

Соррел фыркнул, наполовину насмешливо, наполовину досадливо; напряжение покинуло его.

— В самом деле?

— Думаю, что лучше всего так и рассказывать. Соррел тихонько зарычал, неожиданно напомнив Дагу Фаун.

— Ясное дело, тут есть что-то еще. Ты приложил руку, верно? — Он повернулся и зашагал обратно плечом к плечу с Дагом.

— В этой части — да. — Даг снова воспользовался Даром, чтобы заглянуть в старый амбар. Его будущий деверь был еще жив, хотя его Дар в данный момент был в состоянии крайнего волнения. — Но есть и другая часть, и с ней, думаю, следует разобраться тебе, а не мне. — Не годилось командиру одного отряда наказывать подчиненных другого. С другой стороны, взаимодействие иногда оказывалось удивительно эффективным. — Хотя, пожалуй, мы доберемся до сути быстрее,

если ты пожелаешь выслушать некоторые мои соображения.

— Насчет чего?

— В данном случае насчет Раша и Рида.

Соррел пробормотал что-то о том, что готов стукнуть эти дурацкие головы друг о друга, а потом спросил:

— Так что с ними?

— Думаю, стоит позволить Рашу самому все рассказать. А потом мы посмотрим.

— Гм-м, — с сомнением протянул Соррел, но последовал за Дагом, когда тот свернул к старому амбару.

Дверь, выходящая к тропинке, была открыта, и изнутри лился мягкий желтый свет масляной лампы, которая висела на гвозде на балке. Грейс, находившаяся в ближайшем к двери стойле, при виде Соррела и Дага беспокойно зафыркала. В проходе с утоптанным земляным полом пахло лошадьми, сеном, навозом и пометом горлиц. Из стойла Копперхеда донесся разъяренный визг. Даг положил руку на плечо Соррела, когда тот рванулся вперед.

— Подожди, — выдохнул он.

Дагу было трудно громко не рассмеяться при виде открывшейся им сцены, хотя сохранить

серьезность ему помогло зрелище его имущества, разбросанного по полу стойла и изрядно пострадавшего от копыт Копперхеда. На дальней стороне стойла из досок было сколочено грубое подобие кормушки, а над ней в потолке вырезано квадратное отверстие, через которое вниз сбрасывали сено с чердака. Хотя дырка была достаточно велика для охапки сена, Рашу оказалось трудно просунуть в нее свои широкие плечи. Когда в амбар вошли Соррел и Даг, Раш, использовав кормушку как что-то вроде лестницы, просунул в дырку обе руки и одну ногу и неуклюже извивался, пытаясь не дать щелкающим желтым зубам Копперхеда добраться до других частей своего тела. Мерин, прижав уши и вытянув шею, снова взвизгнул и щелкнул зубами, явно испытывая злобное удовольствие от того, что заставляет Раша все отчаяннее биться.

— Дозорный! — закричал Раш, увидев пришедших рядом со стенкой стойла. — Помоги мне! Отзови своего коня!

Соррел бросил на Дага встревоженный взгляд; тот слегка покачал головой, положил руки на перегородку и удобно расположился рядом с ней.

— Как же, Раш, — любезно обратился он к парню, — я ясно помню, что говорил тебе и твоим

братьям, что Копперхед — боевой конь и соваться к нему не следует. Ты ведь помнишь это, Соррел?

— Да, помню, дозорный, — ответил тот, подражая спокойному тону Дага, и тоже положил локти на перегородку.

— Я знаю, ты его заколдовал! Убери его от меня!

— Ну, это мы еще посмотрим. А вот что мне ужасно хотелось бы узнать, это как ты оказался в стойле Копперхеда без моего разрешения, да еще и с моими седельными сумками и всем имуществом, которое я оставлял в рабочей комнате тетушки Нетти. Думаю, твой папа тоже хотел бы услышать всю историю. — На этом Даг умолк.

Молчание длилось долго. Раш осторожно попытался спрыгнуть вниз. Разозленный Копперхед взбрыкнул копытами, щелкнул зубами и издал весьма странный звук — что-то среднее между визгом пилы и лошадиным смехом, подумал Даг. Раш поспешно поджал ногу.

— Твоя скотина напала на меня! — пожаловался Раш. Его рубашка была разорвана на плече, и сквозь дыру была видна кровь, но по тому, как Раш двигался, Даг заключил, что у того ничего не сломано.

— Да ну, — протянул Даг издевательски успо-

каивающим тоном, — это всего лишь любовное покусывание. Если бы Копперхед действительно накинулся на тебя, ты был бы там, а твоя рука — тут. Это я говорю на основании опыта.

Глаза Раша расширились, когда до него дошло, что если ему нужно сочувствие, то он обратился не в ту лавку и не с той монетой.

Даг еще какое-то время помолчал.

— Что ты хочешь узнать? — наконец угрюмо спросил Раш.

— Не сомневаюсь, что ты что-нибудь придумаешь, — протянул Даг.

— Па, заставь его освободить меня!

Соррел раздраженно вздохнул.

— Знаешь, Раш, мне случалось вытаскивать вас с братом из колодцев, которые вы сами выкапывали, когда были помладше, потому что каждый мальчишка должен совершить свою долю глупостей. Но ведь вы оба так любите говорить мне, что больше не мальчишки. Вот мне и кажется, что туда ты залез сам. Значит, сам сможешь и вылезти.

Это неожиданное родительское предательство заставило Раша растеряться. Он начал бормотать что-то о том, что попал в переделку, выполняя какое-то воображаемое поручение Фаун.

Даг снова взглянул на Соррела и покачал головой. Тот выглядел все более мрачным.

— Нет, — скучающим тоном прервал Раша Даг. — Это все не то. Подумай получше, Раш. — Помолчав, он добавил: — Мне следует также сообщить тебе, наверное, что Санни Сомен и его три здоровенных дружка сейчас по реке возвращаются в Вест-Блу. Под наблюдением и по большей части под водой. Не думаю, что они объявятся в течение нескольких дней.

— Как тебе удалось... Я не знаю, о чем ты говоришь!

Даг промолчал.

Раш поинтересовался, сильно сбавив тон:

— С ними все в порядке?

— В живых они останутся, — безразлично ответил Даг. — Не забудь потом меня поблагодарить за это.

После еще пары неудачных попыток что-то придумать Раш наконец начал признаваться. Даг услышал то, что более или менее ожидал услышать, — рассказ о заговоре, составленном в трактире, и о мальчишеской браваде. По версии Раша заводилой был Рид, благородно возмущенный мыслью о том, что его единственная сестра выйдет замуж за Стража Озера, пожирателя

трупов, и сделает его деверем этого чудовища. Собственные резоны Раша утонули в невнятном бормотании. Даг не был уверен, правдивое ли это признание или Раш просто перекладывает вину на другого, да его это и не очень интересовало: и так было ясно, что замешаны оба близнеца. Они нашли подозрительно восторженного помощника в Санни, все лето занимавшегося корчеванием пней и теперь рвущегося поиграть мускулами. Дага не удивило, что Санни предпочел не рассказывать близнецам о своей предыдущей стычке с ним. Даг тоже решил этого не касаться. Лицо Соррела становилось все мрачнее и мрачнее.

Наконец Раш, заикаясь, закончил рассказ. В теплом амбаре воцарилась холодная тишина. Раш уже с трудом держался в дыре и начал съезжать вниз; Копперхед снова кинулся на него. Раш вцепился в доски потолка, цепляясь за них, как опоссум за ветку. Даг видел, как трясутся его руки.

— Ну а теперь, Раш, — сказал Даг, — я расскажу тебе, что будет дальше. Я в общем-то готов простить и забыть твое братское намерение изувечить меня, а то и убить и похоронить в лесу твоего папы накануне моей свадьбы. В том, что ты был готов подвергнуть опасности жизнь

своих друзей — потому что я под угрозой смерти не стал бы стесняться, защищаясь, — разбирайтесь между собой вы с твоим отцом. Я даже готов простить то, что ты мне лгал. — Голос Дага стал таким смертельно спокойным, что Соррел в панике отвел глаза. — Чего я тебе не прощу, так это того зла, которое твоя ложь должна была причинить Фаун. Вы планировали, что она, радостная, проснется в день своей свадьбы и узнает, что я ночью смылся; вы хотели заставить ее чувствовать себя опозоренной и преданной, хотели унизить ее перед ее друзьями и родичами — хотя я думаю, что реакция Фаун могла бы вас удивить. — Даг искоса взглянул на папу Блуфилда. — Тебе нравится такая картинка, Соррел? Нет? Это хорошо. — Даг сделал глубокий вдох. — По каким бы причинам ваши родители ни терпели те издевательства, которым вы подвергали свою сестру в прошлом, с завтрашнего дня все это прекратится. Ты говоришь, Рид боится меня? Так вот, он боится недостаточно. Если один из вас завтра хоть раз бросит на Фаун косой взгляд, я позабочусь о том, чтобы вы жалели об этом до конца жизни. Ты слышишь меня, Раш? Посмотри на меня. — Таким голосом Даг не пользовался с тех пор, как был капитаном эскадрона. Он порадовался,

обнаружив, что, это все еще работает: Раш чуть не свалился со своего насеста, Копперхед заржал, и даже Соррел попятился. — Ты слышишь меня? — прошипел Даг.

Раш отчаянно закивал.

— Хорошо. Я надену на Копперхеда недоуздок, и ты сможешь слезть оттуда. После этого ты подберешь все мое имущество и отнесешь туда, откуда взял. То, что сломано, вы с братом почините, то, что перепачкано навозом, — вычистите; это занятие убережет вас от других неприятностей сегодня вечером. То, что нельзя починить, вы замените, о том, что заменить нельзя, договоритесь со своим отцом.

— Ты слышал дозорного, Раш, — прорычал Соррел по-родительски. Даг подумал, что такой тон почти не уступает капитанскому голосу.

Даг направил свой Дар на коня — знакомое, давно освоенное дело: с этим мерином он мучился уже восемь лет. Разочарованный тем, что у него отобрали игрушку, Копперхед опустил голову и начал подбирать с пола сено, притворившись, что ничего и не случилось. Даг подумал, что в этом конь похож на Раша.

— Можешь слезать, — сказал он парню.

— Он же не привязан, — нервно возразил Раш.

— Теперь привязан, — ответил Даг. Брови Соррела поползли вверх, но он промолчал. Раш осторожно слез вниз. Покраснев и боязливо оглядываясь на Копперхеда, он начал собирать с пола расшвырянное имущество Дага: одежду из седельных сумок, порванное одеяло, побитое седло, грязную попону. Специальный лук Дага, отброшенный в угол, не пострадал, и только радость по этому поводу удерживала Дага от бешеной ярости — и еще то, что он старался не думать об Искорке. Однако подумать об Искорке было нужно.

— А теперь, — сказал Даг, закрыв ворота стойла, когда Раш, нагрузившись, вышел оттуда и очень осторожно опустил перепутанное имущество Дага на пол, — мы должны заняться другим вопросом. Что, по-вашему, я должен сказать Фаун?

В амбаре и так было тихо, теперь же стало тихо, как в могиле.

Соррел скривился и обеспокоенно пробормотал:

— Мне кажется, ее рассказ о случившемся расстроит не меньше, чем само происшествие. Я имею в виду — что касается Рида и Раша, — добавил он, явно представив себе, как Фаун рыдает над изувеченным трупом Дага; Даг тоже об этом подумал. Раш, лицо которого до этого было крас-

ным, теперь побледнел.

— Вот и мне так кажется, — сказал Даг. — Дело в том, что правду о случившемся сегодня вечером знают восемь человек. Конечно, четверо будут врать, когда притащатся домой, хотя сомневаюсь, что им хватит сообразительности врать одинаково. Какие-то слухи все равно поползут. — Даг позволил обоим Блуфилдам представить себе отвратительную картину, потом сказал: — Я не приятель Рашу и Риду, хоть и должен бы им быть. Обманывать Фаун ради них я не стану. Но на одно я соглашусь: я не буду говорить первым.

Соррел выслушал это с невыразительным лицом, явно погруженный в мысли о том, какие семейные неприятности его ждут, потом коротко кивнул:

— Так будет справедливо, дозорный.

Даг с помощью Дара быстро осмотрел окрестности, хотя соседство двух потрясенных Блуфилдов и делало это болезненным.

— Рид возвращается домой вместе с Фаун. Предпочитаю оставить разбираться с ним тебя, Соррел.

— Пришли его сюда, в амбар, — сквозь зубы бросил папа Блуфилд.

— Хорошо, сэр. — Даг кивнул вместо своего

обычного военного приветствия.

— Спасибо, сэр, — кивнул в ответ Соррел.

Фаун вернулась в кухню, злясь на Рида за то, что он вытащил ее из дома в темноте, и зажгла несколько огарков свечей, чтобы и осветить помещение, и улучшить собственное настроение. Этому еще больше помогли шаги Дага, донесшиеся из холла. Рид, который зачем-то нырнул в рабочую комнату Нетти, вышел оттуда с непонятно отчего торжествующей улыбкой на лице. Фаун уже собиралась спросить, чему он так радуется, когда неожиданно довольное выражение сбежало с лица Рида при виде входящего в кухню Дага. Фаун подавила раздражение, которое вызвал у нее брат: у нее имелись гораздо более приятные занятия, чем выяснение отношений с Ридом. Первым в списке этих приятных занятий значилось радостное приветствие Дагу.

Даг в ответ быстро обнял ее левой рукой и повернулся к Риду.

— Ах, Рид... Твой папа хочет видеть тебя в старом амбаре. Немедленно.

Рид посмотрел на Дага так, словно тот был ядовитой змеей, неожиданно оказавшейся там, куда Рид собирался положить руку.

— Зачем? — с подозрением спросил он.

— По — моему, они с Рашем многое хотят тебе сказать. — Даг склонил голову к плечу и улыбнулся Риду. Фаун решила, что никогда еще не видела менее дружелюбной улыбки. Рид в ответ открыл было рот, но спорить не стал; к облегчению Фаун, он просто вышел из кухни. Она услышала, как за ним хлопнула передняя дверь.

Фаун откинула со лба свои непослушные кудри.

— Куда это вы вдвоем ходили? — спросил Даг.

— Он зачем-то потащил меня на дальнее пастбище, чтобы помочь освободить теленка, застрявшего между жердями изгороди. Только к тому времени, когда мы туда добрались, этот глупыш высвободился уже сам. Я ничего не имела против прогулки, только у меня столько еще дел! — Фаун отстранилась и оглядела Дага с ног до головы. Он часто бывал не особенно опрятен, но сейчас выглядел просто помятым. — Удалось тебе спокойно поразмыслить?

— Да, я провел очень много объяснивший час. И не без пользы, я надеюсь.

— Знаю я тебя! Держу пари: ты просто не способен посидеть спокойно. — Фаун отряхнула несколько кусочков коры и листья, приставшие к его рубашке, и недовольно отметила новую

прореху в его штанах на колене; штаны были испачканы кровью там, где колено было поцарапано. — Шатался по лесу, конечно. Клянусь, ты столько ходил, что забыл, как остановиться. Уж не на деревья ли ты лазил?

— Всего на одно.

— Что за глупость — со сломанной-то рукой! — ласково принялась отчитывать Дага Фаун. — Ты хоть не свалился?

— Нет.

— Благодарение богам! Ты должен быть осторожнее. Надо же, лазить по деревьям! Я-то думала, что предполагаю такое в шутку. Хочу, чтобы ты знал: мне нужен неполоманный жених.

— Я знаю, — улыбнулся Даг и огляделся. Фаун только теперь осознала, что они каким-то чудесным образом оказались наедине. Даг, похоже, подумал об этом одновременно с ней: он уселся в большое деревянное кресло у очага и привлек к себе Фаун. Девушка радостно взобралась к нему на колени и подняла голову, ожидая поцелуя. Поцелуй получился страстным, и оба ловили ртами воздух, когда их губы оторвались друг от друга.

— Им не удастся, — ворчливо сказала Фаун, — еще долго держать нас порознь.

— Нас не растащат, даже если привяжут к ди-

ким коням, — согласился Даг. Глаза его блестели, но улыбка стала серьезной.

— Ты уже решила, где хочешь провести завтрашнюю ночь? Уедем или останемся?

Фаун вздохнула и выпрямилась.

— А ты что предпочитаешь?

Даг губами отвел локоны со лба Фаун — прикасаться к ее лицу свои крюком он не любил. Это превратилось в ряд поцелуев, которыми он покрыл ее брови. Потом Даг задумчиво откинулся в кресле.

— Здесь нам будет физически легче. До лагеря Хикори за день мы не доберемся, не говоря уже о двух часах завтра вечером. Если мы разобьем в пути лагерь, тебе придется все делать самой.

— Я не возражаю против работы, — вскинула голову Фаун.

— Дело вот в чем. Мы будем не просто заниматься любовью, мы будем творить воспоминания. Завтра такой день, который будешь помнить всю жизнь, даже когда другие дни забудутся. Так что настоящий вопрос, и единственно важный, заключается вот в чем: какие воспоминания ты хочешь унести в будущее?

В нем говорит опыт, подумала Фаун. Лучше к нему прислушаться.

— По крестьянскому обычаю молодожены отправляются в свой новый дом, чтобы спать под новой крышей. Вечеринка все равно продолжается. Если мы останемся, клянусь, дело кончится тем, что я до полуночи буду мыть посуду, чем мне вовсе не хотелось бы заниматься этой ночью.

— У меня нет дома, куда я мог бы тебя увезти. У меня с собой нет даже шатра. Так что тебя ждет крыша из звезд, если не крыша из дождевых облаков.

— На дождь не похоже. Обычно в это время года три-четыре дня держится чудесная ясная погода. Признаю, я предпочитаю комнату на постоялом дворе ночлегу в поле, но по крайней мере с тобой можно не бояться москитов.

— Думаю, нам удастся устроиться лучше, чем в поле.

Фаун, обдумывая его слова, сказала серьезно:

— Этот дом для меня под завязку полон воспоминаний. Некоторые из них приятные, но многие мучительны, а мучительные воспоминания имеют привычку являться первыми. И еще: этот дом будет полон моих родственников. Завтра ночью я предпочла бы быть в месте, не связанном ни с какими воспоминаниями. — «И где не будет моего семейства».

Даг склонил голову, показывая, что понял.

— Так мы тогда и сделаем.

Фаун решительно выпрямилась.

— Кроме того, я выхожу за дозорного. В походном стиле нам и следует жить. Одеяло под звездами — это будет правильно. — Она ухмыльнулась, поцеловала Дага в шею и игриво прошептала: — Мы могли бы выкупаться в реке...

Даг выглядел вполне готовым поддаться соблазну; в углах его глаз появились морщинки, которые Фаун так любила.

— Искупаться в реке всегда хорошо. Чистый дозорный — это...

— Очень необычно? — предположила Фаун. И еще она очень любила, когда в его груди отдавался глубокий смех.

— Это счастливый дозорный, — твердо закончил Даг.

— Мы будем собирать дрова, — продолжала Фаун, и уголки ее губ поползли вверх.

Его губы были заняты другим. Сквозь поцелуй Даг пробормотал:

— Разведем большой, большой костер.

— Найдем шумных белок...

— Эти белки — просто наказание. — Даг посмотрел на Фаун, и она удивилась: как ему удается

фокусировать взгляд на таком близком расстоянии? — Если их будет целых три... Ты оптимистка, Искорка.

Фаун хихикнула, радуясь, что у него так блестят глаза. Даг показался ей таким печальным, когда вернулся...

К огорчению Фаун, на лестнице раздались тяжелые шаги. Приближался не то Флетч, не то Вит. Фаун вздохнула и выпрямилась.

— Значит, едем.

— Если только не начнется гроза.

— Молнии и гром не удержат меня в этом доме и на день, — лихорадочно прошептала Фаун. — Пришло время мне двигаться дальше. Ты понимаешь?

Даг кивнул.

— Начинаю понимать, крестьяночка. Для тебя так и должно быть.

Фаун в последний раз поцеловала Дага, прежде чем соскользнуть с его коленей, думая: «Завтра мы будем целоваться сколько захотим». Сердце ее таяло от нежности в глазах Дага, когда он неохотно выпустил ее из объятий. Любая буря не страшна, если есть такая надежная гавань, как эта улыбка.

19

Бесконечные хозяйственные дела на следующее утро Фаун одолела с лету. Как всегда, она подоила коров, а потом, решительно размахивая палкой, заставила растерянных буренок бежать на пастбище непривычной рысцой. Практические нужды заставили отложить соблюдение правила, согласно которому жених и невеста до венчания не должны видеться в день свадьбы, до окончания завтрака, когда прибыла тетушка Роуз Блуфилд, чтобы помочь Трил с готовкой и наведением порядка, а самые близкие подруги Фаун и к тому же ее кузины Филли Блуфилд и Джинджер Ропер явились наряжать невесту.

Первым делом нужно было как следует вымыться. Женщины отправились к колодцу, а мужчин отослали на реку. Фаун испытывала серьезные опасения насчет того, можно ли оставить Дага в его уязвимом состоянии на милость папы Блуфилда, Флетча и Вита; хорошо хоть близнецам было велено сначала переделать кучу всякой грязной работы. Пока Филли и Джинджер тащили Фаун к колодцу, она все еще продолжала выкрикивать вслед мужчинам строгие приказания не

позволить лубкам Дага намокнуть. Затем последовали глупые полчаса наготы, воды и мыльной пены у колодца; мама Блуфилд принесла ради такого дела свое лучшее душистое мыло. Фаун по возвращении в спальню, где Филли и Джинджер принялись расчесывать ее волосы, с облегчением услышала шаги и голоса мужчин; Даг спокойно отдавал Виту какие-то распоряжения.

Филли и Джинджер очень старались сделать все так, как им велела Фаун, сохранившая, впрочем, довольно смутные воспоминания о рассказах Рилы насчет свадебных обычаев Стражей Озера; Фаун только сокрушалась о том, что ее волосы слишком кудрявы и непослушны, чтобы улечься так, как, несомненно, ложились длинные пряди дозорных. Так или иначе, результат получился очень привлекательный: волосы аккуратными густыми волнами были подняты с висков вверх и сколоты в узел на темени, после чего им было позволено струиться по спине обычным бурным потоком. В маленьком ручном зеркале, которое подружки держали на расстоянии вытянутой руки, лицо Фаун выглядело поразительно благородным и взрослым, и Фаун даже заморгала от непривычного вида. Брат Джинджер этим утром проехал четыре мили до Зеркального пруда, что-

бы доставить цветы, о которых его так просила Фаун: три не слишком помятые водяные лилии; теперь ими украсили волосы Фаун.

— Мама говорила, что ты можешь получить сколько хочешь роз, — сказала Филли, склонив к плечу голову и осматривая плоды своих усилий.

— Эти цветы больше напоминают об озере, — ответила Фаун. — Дагу они понравятся. У бедняги здесь нет ни родных, ни друзей, так что ему приходится обходиться тем же, что и местным крестьянам. Я знаю, как он огорчен тем, что не может по обычаю Стражей Озера прислать свадебные дары до венчания: у них, как я понимаю, принято делать это заранее.

— Мама предположила, — сказала Филли, — что ни одна женщина его собственного народа не пожелала выйти за него из-за его увечья.

Фаун предпочла не обратить внимания на скрытое осуждение ее собственного решения и только сказала:

— Не думаю, что это так. За время службы очень многие дозорные становятся калеками. Как бы то ни было, Даг — вдовец.

— Мой брат говорит, что близнецы рассказывали, как его конь разговаривает с ним по-человечески, когда рядом никого нет, — сообщила

Джинджер.

— Откуда они это знают, — фыркнула Фаун, — если в это время рядом никого не бывает?

— Верно, — неохотно согласилась Джинджер, обдумав слова Фаун.

— И к тому же это ведь говорили близнецы.

— Они такие, — подтвердила Филли и с сожалением добавила: — Должно быть, они выдумали и историю о том, как он своей магией сделал целой стеклянную чашу, которую они разбили.

— Э-э... нет. Про это они не выдумали, — признала Фаун. — Мама убрала ее подальше на сегодня, чтобы ее снова кто-нибудь не уронил.

За этими словами последовало глубокомысленное молчание. Филли принялась расправлять локоны Фаун, отведя в сторону ее руку: Фаун все время пыталась пригладить непослушные кудри.

— Он такой высокий, — с любопытством произнесла Джинджер, — а ты такая маленькая. Думаю, он расплющит тебя, как гусеницу. Да к тому же у него обе руки повреждены. Как же вы двое справитесь с делом сегодня ночью?

— Даг очень изобретателен, — твердо ответила Фаун.

Филли ткнула ее локтем в бок и захихикала.

— Откуда ты знаешь, а?

— Думаю, кое-кто уже кое-что попробовал, — ухмыльнулась Джинджер. — Чем, интересно, вы занимались целый месяц в дороге?

Фаун вскинула голову и фыркнула:

— Не ваше дело, — но не смогла тут же не добавить самодовольно: — Должна сказать, что после него возвращаться к крестьянским парням не захочется. — Это высказывание вызвало новый приступ смеха, впрочем, быстро стихшего: в комнату вошла Нетти.

Джинджер подвинула для нее стул к скамье, на которой сидела Фаун, и Нетти положила на нее завернутый в полотно сплетенный браслет; Дагу его браслет она уже отдала — вместе с подарком от себя.

— Понравилась ему свадебная рубашка? — спросила Фаун, немного сожалея о том, что не может задать Нетти вопрос: «Как рубашка на нем выглядела?»

— О да, голубушка, он был очень доволен. Даже тронут, по-моему. Даг сказал, что никогда в жизни не носил ничего подобного, и удивился, как это мы сумели изготовить ее так быстро и втайне. И еще он сказал, что теперь испытывает облегчение, потому что понял, зачем вы,

девушки, его обмеряли вчера — похоже, это его изрядно тревожило. — Нетти развернула полотно; темная тесьма лежала у нее на коленях, и золотые бусины придавали браслету богатый и законченный вид.

— Где он носит свой браслет? И где мне полагается носить мой?

— Он говорит, что обычно, если человек не левша, он носит браслет на левом запястье, и наоборот, естественно, если левша. Даг наденет свой на левую руку повыше протеза. Даг говорит, что когда придет время наложения уз, он сядет, а ты встанешь лицом к нему, так что я смогу завязать ваши браслеты без особых трудностей.

— Хорошо, — с сомнением протянула Фаун, пытаясь представить себе эту картину. Она протянула левую руку и позволила Нетти обернуть ее несколько раз тесьмой и завязать красивым узлом. Бусины очень изящно свешивались с концов тесьмы, и Фаун повертела рукой, чтобы почувствовать, как они скользят по коже. Часть ее тайной сути была заключена в браслете, вплетенная в него вместе с кровью: так сказал Даг; Фаун могла только поверить ему на слово.

Потом настало время надевать платье — нарядное зеленое хлопчатобумажное платье,

выстиранное и тщательно выглаженное ради такого случая; другое нарядное платье Фаун было из теплой шерсти и предназначалось для зимних холодов. Даг должен был запомнить зеленое платье с той ночи в Глассфордже, когда он так нежно и торопливо снял его с Фаун, словно разворачивая подарок, — но это останется их тайной; впрочем, Фаун надеялась, что вид платья воодушевит Дага. Филли и Джинджер совместными усилиями осторожно надели платье через голову Фаун, стараясь не испортить прическу и не помять лилии.

Раздался стук в дверь, но посетитель не стал ждать разрешения войти; это оказался Вит, заморгавший при виде Фаун. Он открыл было рот, чтобы отпустить свою обычную обидную шуточку, но вовремя передумал и просто смущенно улыбнулся.

— Даг спрашивает: как насчет оружия? — сообщил он, раскрывая причину своего появления: он оказался посланцем. — Он вроде хочет надеть все... то есть все одновременно. Он говорит, что так дозорный показывает, что приносит в шатер своей новобрачной. А Флетч говорит, что на свадьбе никто оружия не носит — так просто не делается. Папа говорит, что он не знает, как лучше. Так что Даг говорит: спросите Фаун, и он

так и сделает.

Фаун хотела ответить: «Конечно, это же его свадьба, он должен соблюсти некоторые свои обычаи», но вместо этого осторожно поинтересовалась:

— А о скольких видах оружия идет речь?

— Ну, во-первых, тот большой мясницкий резак, который он называет своим боевым ножом. Потом еще нож, который он носит в сапоге, и еще один, который он, похоже, иногда пристегивает к бедру. Зачем ему три ножа, когда у него всего одна рука, я не знаю. И есть еще этот его забавный лук и колчан со стрелами, в котором тоже торчат какие-то маленькие ножи. Даг расстроен, что у него нет с собой меча — того, который он получил по наследству от своего папы в лагере, и еще пики или чего-то вроде для сражения верхом — ее тоже у него с собой нет... к счастью.

Джинджер и Филли выслушали это длинное перечисление, разинув рты.

Вит кивнул им, показывая, что вполне разделяет их чувства, и закончил:

— Не иначе как он весь будет звякать на каждом шагу и, не дай бог, еще свалится в воду по пути на свадьбу... — Брови Вита поползли вверх в мрачном предвкушении. — Думаешь, он кого-

нибудь со всем этим арсеналом убил? Не иначе как должен был... Уж такая у него страшноватая коллекция шрамов — я видел, когда мы мылись. Правда, по-моему, у него было много времени, чтобы их насобирать. — Еще мгновение подумав, Вит добавил: — Как тебе кажется, он нервничает перед свадьбой? Он этого, ясное дело, не показывает, да только с ним никогда не разберешь.

С таким помощником, как Вит, едко подумала Фаун, удивительно, как это Даг до сих пор не взбесился.

— Скажи ему... — язык Фаун застрял между «да» и «нет»: слишком хорошо она помнила убийства, которые Даг совершил своим оружием, — скажи ему, чтобы взял только боевой нож. — На случай, если Даг все-таки нервничает, нож послужит ему утешением. — Скажи ему, что этот нож заменит все остальное, ладно? Мы поймем.

— Ладно. — Вит не ушел сразу же, а еще постоял, почесывая затылок.

— Рубашка хорошо ему подошла? — спросила Фаун.

— Ага, кажется, подошла...

— Тебе кажется? Ты что, не видел? Ах да, ведь тебя спрашивать без толку...

— Она очень даже ему понравилась. Он все

трогал ее кончиками пальцев, которые торчат из лубка: вроде как ему приятно ее гладить. Но только вот что ты мне объясни: знаешь, я помогал ему расстегивать и застегивать штаны — так как вообще он справлялся с ними всю прошлую неделю? Я ж ни разу не видел, чтобы он разгуливал с расстегнутыми штанами, а каким бы колдуном он ни был, по нужде же должен он когда-то ходить...

— Вит, — сказала Фаун, — уйди!

Джинджер и Филли, получив пищу для размышлений и глядя на вспыхнувшую Фаун, принялись хихикать.

— Дело в том, — продолжал Вит, никогда не отличавшийся способностью понимать намеки, — я точно знаю: ни я, ни Флетч, ни папа ему не помогали — и уж тем более этого не делали близнецы, которые его не слишком обожают. Наверное, это могла быть Нетти, но на самом деле я думаю, что скорее все же ты... ай! — Тирада Вита закончилась воплем, когда Нетти твердой рукой огрела его своей палкой.

— Вит, — сказала Нетти, — если ты сам не найдешь себе дела, его тебе найду я. И не вздумай приставать к дозорному Фаун со своими догадками, иначе будешь иметь дело со мной: ведь я-то

завтра никуда не уеду.

Наконец-то укрощенный Вит тут же убрался, умиротворяюще бормоча: «Ладно, скажу: только нож».

Снаружи донесся скрип колес и удары копыт: к дому подъезжало все больше тележек, гости обменивались приветствиями. Фаун чувствовала себя очень странно: она смирно сидела в комнате, вместо того чтобы бегать и помогать родителям...

В спальню, вытирая о передник руки, вошла мама Блуфилд и сказала:

— Шеп Сойер с женой только что прибыли — последними. Солнце уже почти в зените, так что можем начинать в любой момент.

— Даг готов? С ним все в порядке?

— Он чистый и одет опрятно, выглядит совершенно спокойным и к тому же Вит уже дважды по его просьбе менял крюк на парадную руку и обратно.

Фаун обдумала услышанное.

— И в пользу чего он решил в конце концов?

— Когда я в последний раз его видела, был ввинчен крюк.

— Хм-м... — Означало ли это, что Даг почувствовал себя свободнее и решил позволить себе при

незнакомых людях остаться с крюком — или наоборот, обеспокоен и предпочел сохранить самое полезное орудие и возможное оружие? — Что ж, скоро все закончится. Я не собиралась подвергать его таким испытаниям, когда согласилась остановиться здесь.

Мама кивнула кузинам Фаун, Джинджер и Филли.

— Девочки, оставьте нас на минутку.

Нетти поднялась на ноги, поддержав тем самым просьбу Трил.

— Пойдемте, цыплятки, дадим новобрачной отдышаться и поговорить с мамой. — Она выставила подружек в свою рабочую комнату и тихо притворила за собой дверь.

— Через несколько минут, — сказала мать Фаун, — ты станешь замужней женщиной. — В ее голосе звучали беспокойство и растерянность. — Это случится скорее, чем я ожидала... да и вообще я не ожидала, что все так сложится. Мы всегда хотели сделать как для тебя лучше, как лучше для твоего замужества. Все случилось так быстро... К свадьбе Флетча мы и то больше приготовились. — Трил нахмурилась: это казалось ей несправедливым.

— Я рада, что для моей свадьбы приготовления оказались короткими. То, что есть, и так застав-

ляет меня нервничать.

— Ты уверена в своем решении, Фаун?

— Насчет сегодня — нет. Насчет того, что будет завтра и потом, — да.

— Нетти хранит в секрете все, что ты ей говорила... Но, знаешь, если решишь передумать, мы можем все остановить. В какой бы беде ты себя ни считала, мы как-нибудь смогли бы со всем справиться.

— Мама, мы уже говорили об этом. Дважды. Я не беременна — чем хочешь поклянусь.

— Есть и другие беды.

— Для девушки, похоже, такая беда единственная, с которой люди считаются. — Фаун вздохнула. — Так сколько же человек говорит об этом, раз ты снова меня спрашиваешь?

— Многие говорят, — признала Трил.

— Целая куча, бьюсь об заклад, — прорычала Фаун. — Что ж, время покажет, что они ошибались, и я надеюсь, ты заставишь их проглотить их слова, когда так и окажется, — меня-то здесь не будет.

Трил обошла вокруг Фаун и без нужды принялась поправлять ее локоны.

— Признаю, Даг кажется славным парнем, нет, более того: хорошим человеком, но как насчет

его родичей? Даже он не может обещать, что они тебе будут рады. Что, если они будут плохо с тобой обращаться?

«Я все равно буду чувствовать себя дома». Фаун одернула себя прежде, чем эти слова сорвались с языка.

— Я справлюсь. Я справилась с разбойниками, глиняными людьми и зловредными привидениями. Уж с родственниками-то я справлюсь. — «Ведь это же будут не мои родственники».

— Разумно ли это?

— Будь люди разумны, разве кто-нибудь когда-нибудь выходил бы замуж?

— Пожалуй, нет, — фыркнула Трил. — Только если ты двинешься по дороге, конца которой не видишь, — тихо добавила она, — есть шанс, что ты повстречаешься со всякими темными вещами.

Собравшись в сотый раз защищать свой выбор, Фаун передумала и просто ответила:

— Это верно. — Поднявшись, она твердо заключила: — Но это моя дорога. Наша дорога. Я не могу стоять на месте и продолжать дышать. — Фаун поцеловала мать в щеку. — Я готова. Пойдем.

Трил издала последний материнский вздох, с которым трудно было спорить, но последовала

за Фаун. По дороге они захватили Нетти и Джинджер с Филли. Трил быстро еще раз оглядела кухню, наконец отложила полотенце, одернула платье и первой вошла в гостиную.

Гостиная была набита битком, гости заполнили и холл: дядя Хок, папин брат, и тетя Роуз Блуфилд с сыном, который еще не покинул родительский дом, дядя и тетя Ропер с двумя младшими сыновьями (один из них как раз и сумел найти водяные лилии), Шеп Сойер и его жизнерадостная жена, всегда радующаяся дармовому угощению, Флетч и Кловер и родственники Кловер, близнецы, необычно добронравные, Вит, папа Блуфилд...

И Даг, на голову выше всех, но все равно кажущийся зажатым в угол... Белая рубашка была ему к лицу. Времени на рюши и вышивку не хватило, но Нетти и тетушка Ропер придумали отделать воротник, манжеты и застежку темно-зеленым шнуром. Рукава сшили широкими — достаточно широкими, чтобы скрыть и лубок, и протез, — а к манжетам пришили по второй пуговице, чтобы потом можно было сделать их поуже. Перламутровых пуговиц хватило в обрез... Фаун накануне отобрала у Дага на некоторое время перевязь, чтобы выстирать и выгладить ее, так что теперь она не выглядела такой заскорузлой, хоть и осталась

довольно потрепанной. На Даге были светлые штаны с меньшим, чем обычно, количеством заплат и пятен — тоже насильственно выстиранные накануне. Потертые ножны на левом бедре казались настолько неотъемлемой частью Дага, что были почти незаметны, несмотря на свой устрашающий размер.

Неожиданные аплодисменты, которым было встречено появление Фаун, заставили ее покраснеть. И вдруг оказалось, что Даг не смотрит ни на кого, кроме Фаун, и все снова стало хорошо. Она подошла и встала рядом с женихом. Его правая рука, лежащая на перевязи, дрогнула, как если б Даг отчаянно хотел, но не мог взять Фаун за руку. Фаун ограничилась тем, что подвинула ногу так, чтобы касаться Дага бедром, и это прикосновение ободрило их обоих. Ощущение напряжения в комнате, где каждый пытался притвориться, будто все в порядке, и быть любезным ради Фаун, почти заставило ее пожелать, чтобы все ее родичи вернулись к своей нормальной ленивой мерзостности, но все же не совсем.

Шеп Сойер вышел вперед, улыбнулся, откашлялся и произнес несколько коротких, давно привычных слов. К облегчению Фаун, он, взглянув на Дага, воздержался от своих обычных грубых

свадебных шуточек, которые все присутствующие слышали от него так часто, что могли бы повторить наизусть. Потом он прочел брачный контракт; представители старшего поколения внимательно слушали, рассудительно кивая или поднимая брови и переглядываясь. Даг, Фаун, ее родители, три пары взрослых родственников, Флетч и Кловер подписали его, Нетти поставила крестик рядом со своим именем, после чего Шеп заверил договор своей подписью и печатью.

Затем папа Блуфилд принес семейную книгу и открыл ее на столе, и процедура была повторена. Даг с любопытством заглядывал в книгу через плечо Фаун, и она перелистала ее немного назад, чтобы показать ему записи о рождениях, смертях, браках, передаче земли, покупках и наследствах, дойдя до записи о собственном рождении, а несколькими годами раньше — о свадьбе родителей с именами и подписями свидетелей, многие из которых уже умерли, а некоторые присутствовали и даже выполняли те же самые обязанности.

Потом Даг и Фаун, по подсказке Шепа, произнесли свои клятвы. Накануне о них было немало споров. Дагу не нравились крестьянские обеты — все эти обещания пахать, сеять и собирать уро-

жай в должный сезон, поскольку, по его словам, он вряд ли мог выполнять все эти обязанности, а в свадебной клятве полагается произносить лишь чистую правду. Что же касается охраны земли для своих детей, он делал это всю жизнь ради детей всех живущих. Однако Нетти объяснила ему, что эти обещания были лишь поэтическими словами о том, что пара будет заботиться друг о друге, растить детей и вместе стареть, и это успокоило Дага. Произносимые слова и в самом деле звучали в его устах странно в этом душном и тесном помещении, но его глубокий звучный голос каким-то образом придавал им такой вес, словно они обещали безопасную гавань кораблю в шторм. Голос Дага, казалось, продолжал звучать, даже когда он умолк, и на лицах всех пожилых пар появилось задумчивое выражение, словно они всматривались в собственные воспоминания. По сравнению с этим голос Фаун в ее собственных ушах прозвучал слабо и тонко, как если бы она была глупой маленькой девчонкой, играющей во взрослую игру и не способной никого убедить.

В обычных обстоятельствах теперь новобрачные должны были поцеловать друг друга и началось бы угощение, но в данном случае

предстояло еще наложение уз, о чем гости были предупреждены в нарочито небрежном тоне.

«Кое-что ради дозорного Фаун»; если же кому-то это казалось слишком опасным, участие Нетти должно было всех успокоить. Папа Блуфилд принес стул и поставил его посреди комнаты, и Даг, благодарно кивнув, сел на него. Фаун закатала левый рукав Дага, гадая, как это ему пришло в голову таким образом выставить свой протез на всеобщее обозрение. Однако тут появилась темная тесьма с медным отблеском и обвила его руку; собственная тесьма Фаун все время была на виду.

Потом отец Фаун привел Нетти, и она на ощупь нашла все, что нужно, — и руки, и тесьму. Она развязала узлы, взяла оба браслета и обвила ими друг друга, вполголоса бормоча благословения собственного изобретения. Потом она сложила обе тесьмы вместе восьмеркой и соединила ею руки Дага и Фаун, завязав общим узлом. Положив на него руку, она произнесла: «Рядом друг с другом или вдали, да будут эти сердца всегда едины, всегда неразлучны».

Именно это велел Нетти произнести Даг, и торжественная формула тревожно напомнила Фаун о словах на ноже из кости Каунео, который Даг

так долго носил с собой и собирался напоить кровью собственного сердца. Возможно, выжженная надпись как раз и должна была напомнить о свадебном обряде или послужить оберегом...

Эти слова, тесьма, два стремящихся друг к другу сердца — все это должно было сделать их брак настоящим браком Стражей Озера — не для родственных пересудов, но для Дара, этого тонкого, невидимого, могучего восприятия. Фаун ужасно хотелось понять, как чувства людей могут отразиться в Даре браслетов. Упорные размышления об этом казались Фаун столь же эффективными, как горячее желание пятилетки получить пони: глаза зажмурены в отчаянной, хоть и бесплодной попытке, потому что ребенок не обладает иной силой воздействия на окружающий мир...

«Деяния не нуждаются в желаниях».

Значит, она сотворит свой брак, час за часом, день за днем, своими собственными руками, и пусть желание остается на положенном ему месте.

Даг склонил голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то, чего Фаун услышать не могла; он довольно опустил веки и улыбнулся. Преодолевая боль, он поднял правую руку и положил пальцы на тесьму, сжав две золотые бусины от разных

браслетов; Фаун по его знаку сделала то же самое. Они вместе развязали узел, и Фаун разъединила два обвивавших друг друга браслета. Затем Фаун завязала свою тесьму на руке Дага, а он с помощью Нетти — или, точнее, Нетти, которой мешал Даг — свою тесьму на руке Фаун. Даг бросил на Фаун взгляд, в котором смешались радость, ужас и триумф, с некоторым оттенком злобного ликования, что напомнило Фаун то сумасшедшее выражение, которое появилось на лице Дага, когда они убили Злого. Он прислонился лбом ко лбу Фаун и прошептал:

— Все хорошо. Дело сделано.

Самая настоящая магия Стражей Озера — на глазах у двадцати человек, и никто ничего не заметил.

«Что мы наделали!»

Все еще сидя на стуле, Даг обвил левой рукой талию Фаун и поцеловал новобрачную, хотя Фаун и показалось странным, что ей для этого пришлось наклониться, а не наоборот. Им с трудом удалось оторваться друг от друга, прежде чем поцелуй затянулся до неприличия. Фаун подумала, что Даг еле удержался от того, чтобы посадить ее к себе на колени и накинуться на нее при всех. Ей это давно причиталось... «Позже», — пообещали

Фаун блестящие глаза Дага.

И наконец пришло время садиться за стол.

Братья Фаун расставили столы на козлах в западной части двора, под деревьями, так что места хватало для всех. Один стол был уставлен блюдами с угощением и напитками, и гости, как голодные хищники, окружили его, наполняя тарелки, чтобы потом усесться за другими столами. Женщины метались между кухней и столами, вынося то, о чем забыли в суматохе. Свадьба действительно могла считаться тихой: присутствовали всего четыре семейства плюс Сойеры, не планировалось ни музыки, ни танцев, и даже не было маленьких детей, которых ошалелым родителям приходилось бы вытаскивать из колодца, снимать с деревьев или извлекать из стойл конюшни.

Люди ели, пили, ели, болтали и снова ели. Когда Фаун в третий раз увидела Дага у стола с полной тарелкой, он нагнулся к ней и испуганно прошептал:

— Сколько еще всего я должен съесть, чтобы не обидеть этих грозных женщин, с которыми я теперь в родстве?

— Ну, разве что еще медового пирога с кремом тетушки Ропер, — рассудительно ответила Фа-

ун, — и ореховых пирожных тетушки Блуфилд, ну и конечно, маминых коржиков с кленовым сиропом, не считая яблочного пирога, который испекла я.

— Все без исключения?

— В идеале — да. Ты, конечно, можешь выбрать что-то одно и обидеть остальных мастериц.

Даг поразмыслил и мрачно сказал:

— Положи мне тогда большой кусок яблочного пирога.

— Мне нравятся мужчины, которые так быстро соображают, — ответила Фаун, накладывая ему щедрую порцию.

— Ух, живот скоро не даст мне посмотреть на собственные ноги. — Фаун усмехнулась. — Знаешь, — жалобно добавил Даг, — твои ямочки на щеках — просто убийственны.

— Ничего подобного, — твердо ответила Фаун и повела его к столу.

Вскоре после этого Фаун улизнула, чтобы в спальне переодеться в дорожные штаны и сапоги и удобную в пути плотную рубашку. Правда, лилии из волос она не вынула. Когда Фаун вышла из рабочей комнаты тетушки Нетти, Даг уже ждал ее с аккуратно уложенными седельными сумками.

— Скажи, когда отправляемся, Искорка.

— Немедленно, — лихорадочно проговорила Фаун, — пока все еще заняты десертом. Так меньше найдется желающих последовать за нами.

— Ты думаешь, они будут не способны пошевелиться? Теперь я понимаю твой хитрый план. — Даг ухмыльнулся и отправился за Флетчем и Витом, которые должны были помочь оседлать коней.

Фаун встретила их на тропе к югу от дома; Даг внимательно следил за тем, как его новоиспеченные родственники привязывают к седлам различное имущество.

— Не думаю, что они попытаются выкинуть какой-нибудь номер, — прошептала Фаун Дагу.

— Будь они Стражами Озера, конца не было бы всяким проделкам, — прошептал он в ответ. — Уж таков юмор у дозорных. Иногда, правда, людям удается выжить.

Фаун лукаво улыбнулась, а потом задумчиво спросила:

— Тебе всего этого не хватает?

— Только не этой части, — покачал головой Даг. Несмотря на все усилия поварих, родственники все же оторвались от столов, чтобы проводить новобрачных. Кловер, бросив взгляд на сооружаемую пристройку к дому, пожелала Фаун самой

большой удачи, Трил обняла Фаун и заплакала, папа Блуфилд обнял ее с мрачным видом, а Нетти просто обняла. Филли и Джинджер кидали в Фаун и Дага лепестками роз, хотя по большей части и промахивались. Копперхед собрался было испугаться толпы и взбрыкнуть, чтобы не утратить навык, но Даг бросил на него такой взгляд, что конь передумал и стал вести себя спокойно.

— Как же мне неприятно, что ты уходишь от нас с пустыми руками, — всхлипывала мама Блуфилд.

Фаун посмотрела на набитые седельные сумки и множество свертков, по большей части с едой, нагруженных на терпеливую Грейс; Фаун с трудом удалось отбиться от настойчивого предложения привязать поверх них еще и корзину. Даг, ссылаясь на капризность Копперхеда, с большим успехом отбивался от сделанных в последний момент подарков. После короткой борьбы с самой собой Фаун сказала только:

— Мы как-нибудь справимся, мама.

Наконец папа Блуфилд помог Фаун сесть в седло, а Даг, обмотав поводья вокруг крюка, одним ловким движением вскочил на своего высокого коня, несмотря на лубок на правой руке.

— Заботься о ней, дозорный, — ворчливо сказал

папа Блуфилд.

— Я так и собираюсь, сэр, — кивнул Даг. Нетти стиснула колено Фаун и прошептала:

— И ты тоже заботься о нем, голубушка. Судя по тому, как этот парень теряет части тела, это может оказаться трудной задачей.

Фаун наклонилась к уху тетушки Нетти.

— Я и собираюсь.

И вот они отправились в путь, осыпаемые исключительно добрыми пожеланиями; день был теплым и ясным, и светлого времени оставалось еще достаточно. К тому времени, когда пора будет разбивать лагерь, они окажутся уже довольно далеко от Вест-Блу. Ферма скрылась за поворотом тропы и за высокими деревьями.

— Нам удалось! — с облегчением сказала Фаун. — Мы снова на свободе. Какое-то время мне казалось, что ничего не получится.

— Я же сказал, что не брошу тебя, — ответил Даг. В послеполуденном свете его золотые глаза блестели ярче, чем бусины на браслетах.

Фаун повернулась в седле, чтобы бросить последний взгляд на холм, за которым скрылся ее родной дом.

— Ты не был обязан делать все так, как сделал.

— Нет, не был. — В уголках глаз Дага появились

веселые морщинки. — Тут есть о чем подумать, Искорка.

Попытка обменяться поцелуем, сидя на конях разного роста и с разными повадками, едва не закончилась падением, но была вполне удовлетворительна как демонстрация намерений. Даг и Фаун повернули коней на идущую вдоль реки дорогу.

Их путешествие было совершенной противоположностью первому побегу Фаун. Тогда она ушла тайком, в темноте, одна, испуганная и разъяренная, пешком, со всеми своими жалкими пожитками в мешке. Даже направление было противоположным: тогда она шла на юг, а теперь они двигались на север.

Только в одном отношении путешествия были одинаковы: каждое ощущалось как прыжок в неизвестность.

Лоис Макмастер Буджолд

ЛОИС БУДЖОЛД
РАЗДЕЛЯЮЩИЙ НОЖ

Разделяющий нож: Наследие

1

Даг был женат уже целых два часа и все еще не мог прийти в себя от изумления. Тяжелые концы свадебной тесьмы, обернутой вокруг предплечья, качались в такт с ленивой рысью его коня. Едущая рядом Фаун — его новобрачная, от одной мысли о чем ум его начинал таять, — ответила на его улыбку счастливым взглядом.

«Моя крестьянская женушка». Такого просто не могло быть. Впереди ждали неприятности...

Неприятности вчера, неприятности завтра. Но никаких неприятностей сейчас. Сейчас, когда стоял самый чудесный летний день, какой только Дагу случалось видеть, он испытывал только безграничное удовлетворение.

Когда первые шесть миль пути остались позади, Даг почувствовал, что настоятельная потребность удрать со свадебного пиршества, которую испытывали они с Фаун, постепенно отпускает их. Они проехали через последнюю деревню у идущей на север вдоль реки дороги, которая теперь превратилась в две колеи, по которым, похоже, не ездили тяжело груженные фургоны; фермы стали встречаться реже, их отделял друг от

друга все более густой лес. Еще несколько миль, и Даг почувствовал уверенность, что им не грозит больше ни преследование, ни грубый розыгрыш, и стал высматривать местечко для привала. Уж если Страж Озера, дозорный, не сможет в этих обширных лесах скрыться от крестьян, значит, в мире что-то пошло не так... Уединение, решил Даг, — вот самый подходящий для них с Фаун пароль.

Наконец они добрались до каменистого брода, потом проехали по берегу вверх по течению до того места, где в реку впадал чистый ручей, сбегающий с восточных холмов. Даг повернул Копперхеда прочь от реки, и через четверть мили нашлась уютная мшистая поляна, окруженная со всех сторон высокими деревьями. Благодаря Дару Даг был уверен, что на милю вокруг поблизости нет ни единого человека. Из-за увечья ему пришлось позволить Фаун расседлать коней и разбить лагерь. Это дело было достаточно простым: только расстелить одеяла и развести костер, на котором можно было бы вскипятить воду для чая. Впрочем, от наблюдательного взгляда Фаун не укрылось, что Даг, растянувшийся на земле, опираясь на толстый ствол упавшего бука, раздраженно теребит крюком протеза перевязь,

на которой лежит правая сломанная рука.

— Для тебя есть работа, — утешила она Дага. — Ты должен защищать нас от москитов, клещей и мошек.

— И белок, — деловито добавил Даг.

— Мы с ними разделаемся, — подтвердила Фаун.

Им не пришлось ни охотиться на дичь, ни свежевать ее, ни жарить; достаточно было просто развернуть свертки, полученные на ферме Блуфилдов. Фаун и Даг ели, пока не почувствовали, что больше не в состоянии, хоть Фаун и попыталась всунуть в Дага еще кусочек. Даг начал гадать, не является ли эта новая мания кормить его традицией Блуфилдов, о которой его не предупредили, или просто следствием волнений этого дня, и Фаун пытается выполнить долг жены-крестьянки, не имеющей фермы, где можно было бы применить ее дарования. Когда Даг сравнивал все это с холодными мокрыми ночлегами во время некоторых походов, голодом, одиночеством и усталостью, он начинал думать, что по какому-то странному стечению обстоятельств забрел в легендарный рай, и вот-вот из леса появятся танцующие медведи, чтобы у костра вместе с ним и Фаун отпраздновать их свадьбу.

Подняв глаза, Даг обнаружил, что Фаун подобралась к нему поближе, и в руках ее на этот раз нет никакого угощения.

— Когда же наконец стемнеет, — вздохнула она. Даг подмигнул ей, чтобы подразнить.

— И для чего же тебе нужна темнота?

— Чтобы лечь спать!

— Ну что ж, признаю, темнота помогает уснуть. Неужели ты настолько сонная? День, правда, был утомительный. Мы можем просто завернуться в одеяла и...

Фаун вспыхнула и укоризненно ткнула Дага локтем.

— Ха! А ты разве сонный?

— И не мечтай! — Несмотря на руку на перевязи, Даг сумел посадить Фаун себе на колени. Жертва не особенно сопротивлялась, хотя соблазнительно повертелась. Как только она оказалась в досягаемости для поцелуев, пара на некоторое время нашла себе занятие. Однако потом Фаун набралась смелости, выпрямилась и коснулась тесьмы, обвивающей ее левое запястье.

— Как странно: теперь она почему-то кажется более тяжелой.

Даг поцеловал волосы Фаун, щекотавшие его подбородок.

— Это — вес ожиданий, которых раньше не было, я думаю. Я не... — Даг заколебался.

– А?

— На прошлой неделе я въехал в Вест-Блу, на ферму вашей семьи, думая... Не знаю точно, о чем я думал. Может быть, что окажусь умным Стражем Озера, который добьется своего. Я рассчитывал изменить жизни твоих родственников. Я никак не ожидал, что они обратят мою вспять. Я не привык к тому, чтобы быть «дозорным Фаун» и уж тем более мужем Фаун, но теперь я им стал. Не знаю, поняла ли ты, но это меняет мой Дар. То, что произошло, отражается не только на тесьме, — изменение касается нашей глубинной сути. — Даг кивнул на рукав, под которым скрывался его браслет. — Может быть, ощущение тяжести — просто растерянность из-за того, что мы стали новыми людьми.

— Хм-м... — Фаун откинулась, на некоторое время успокоившись, но тут же опять выпрямилась и закусила губу, как обычно делала перед тем, как коснуться какого-то трудного вопроса — коснуться, как правило, очертя голову.

— Даг... Насчет моего Дара...

— Я обожаю твой Дар.

Губы Фаун тронула улыбка, но серьезность

сразу же вернулась.

— Прошло четыре недели с тех пор, как... как на меня напал Злой. Думаю, что внутри у меня все уже зажило.

— Я тоже так думаю.

— Так не могли бы мы... Я хочу сказать, не могли бы мы сегодня ночью... мы ведь никогда еще... Я не жалуюсь, ты не думай! Ты... э-э... ты говорил, что в Даре женщины появляется особый рисунок, когда она может зачать ребенка. Сегодня у меня такой рисунок есть?

— Еще нет. Впрочем, не думаю, что пройдет много времени до того, как твое тело вернется к своему обычному состоянию.

— Значит, мы могли бы... Я хочу сказать — сделать все обычным способом... сегодня ночью.

— Сегодня ночью, Искорка, мы можем делать все так, как ты захочешь. То есть в пределах физически возможного, — предусмотрительно добавил Даг.

Фаун хихикнула.

— Никак не пойму, как это ты научился всяким штучкам.

— Ну, не всем сразу, да защитят меня отсутствующие боги. За долгие годы узнаешь тут одно, там другое... Подозреваю, что люди все время

заново изобретают основные вещи. Со своим телом можно делать не все на свете — с успехом и с удовольствием я хочу сказать. А трюки лучше вообще забыть.

— Трюки? — с любопытством переспросила Фаун.

— О трюках мы забудем, — решительно сказал Даг. — Одной сломанной руки достаточно.

— Даже чересчур много, по-моему. — Новое беспокойство заставило Фаун нахмурить брови. — Э-э... Я представляла себе, что ты будешь опираться на локти, но, пожалуй, не стоит. Это не так уж удобно, и я вовсе не хотела бы, чтобы ты повредил руку, так что ей пришлось бы срастаться заново. Да и если рука у тебя соскользнет, ты в самом деле раздавишь меня, как гусеницу.

Дагу потребовалось несколько мгновений, чтобы разгадать, что смущает Фаун.

— Ах, никаких проблем. Мы просто поменяемся местами — кто сверху, а кто снизу. Раз ты можешь ехать верхом на лошади — а это, как я знаю, получается у тебя хорошо, — ты сможешь и меня оседлать. А уж раздавливать меня ты можешь сколько душе угодно.

Фаун обдумала услышанное.

— Не уверена, что сумею делать это правиль-

но.

— Если ты сделаешь что-нибудь действительно неправильное, обещаю: я начну вопить от боли, так что ты сразу все поймешь.

Фаун ухмыльнулась, хоть и не без некоторого беспокойства.

Поцелуи постепенно перешли в раздевание, и снова, к сожалению и удовольствию Дага, большую часть работы пришлось делать Фаун. Даг нашел, что она слишком быстро и деловито снимает собственную одежду, хотя результат показался ему замечательным. Закатное солнце золотыми пальцами дотянулось между ветвями деревьев до Фаун, лаская ее тело, по которому при движениях скользили тени листьев; Фаун вполне могла сойти за сказочную лесную деву, которые, если верить легендам, появлялись из древесных стволов и соблазняли неосторожных путников. То, как ее прелестные грудки колыхались в собственном ритме, не следуя за остальным телом, представлялось Дагу захватывающим зрелищем. Фаун сложила и убрала его потрясающую свадебную рубашку со всей заботой, которой она заслуживала; Даг растянулся на одеяле и позволил стянуть с себя штаны и трусы, одобрив целеустремленность Фаун. Остальную одежду

Фаун тоже аккуратно сложила, потом села — нет, плюхнулась — на одеяло рядом с Дагом. Мгновение наступившего покоя было восхитительным.

— Протез. Оставить или снять?

— Хм-м... Снять, я думаю. Ни к чему рисковать тем, чтобы ткнуть тебя крюком по рассеянности. — Ему на ум пришло тревожное воспоминание об окровавленных пальцах Фаун, сплетающих браслет, и Даг заново ощутил тихое пение живого Дара в обвивающей его руку тесьме. Ее живого Дара...

Умелыми руками Фаун расстегнула ремни и положила протез поверх стопки одежды; Даг заново поразился тому, как легко все у него получается с ее помощью.

За одним исключением: проклятие, ни одной действующей руки он так и не имел. Перевязь Фаун сняла одновременно с рубашкой, и Даг попытался поднять правую руку и пошевелить пальцами. Ох... Нет. Пока еще движения вредны. Кожа, вспотевшая в жаркий день, чесалась под лубком и бинтами. Касаться Фаун рукой он не мог. Что ж, было кое-что, что он сумеет сделать языком — особенно сейчас, когда Фаун вернулась, закончив раздевание, и прижалась к нему, — хотя добраться до нужного места в нужный момент в

этой позиции было бы нелегко.

Фаун оторвала губы от губ Дага и начала передвигаться ниже. Это было замечательно, но казалось почти излишним; в конце концов, прошло больше недели...

«Раньше проходили годы, а я их едва замечал».

Даг попытался расслабиться и позволить Фаун любить себя. Из расслабления ничего не получилось. Бедра Дага резко дернулись, когда внимание Фаун сосредоточилось на нижних частях тела. Фаун перекинула ногу через Дага, повернулась к нему лицом и попыталась найти нужную позицию. Потом замерла.

— Э-э?.. — Даг попытался вежливо задать вопрос, но издал только какой-то неразборчивый звук.

Лицо Фаун было напряженным.

— У меня должно было получиться лучше.

— Масло? — прокаркал Даг.

— Разве мне для этого должно быть нужно масло? «Нет, будь у меня рука, чтобы подготовить тебя...»

— К черту «должно», делай то, что помогает. У тебя на лице не должно было бы быть такой растерянности.

— Хм-м... — Фаун поднялась, дотянулась до се-

дельной сумки и стала в ней рыться. Сзади, когда она наклонялась, открывался тоже очень приятный вид... Раздалось победное восклицание, потом Фаун ойкнула и остановилась, потирая одну ногу о другую: наступила на камешек. Да разве сейчас время обращать внимание на какой-то камешек?

Наконец она вернулась и скользнула по Дагу. Маленькие руки стали втирать масло, что заставило Дага подпрыгнуть, хоть он тут же взял себя в руки. Пусть она делает что хочет и не спешит... Так Фаун и попыталась сделать.

На ее лице снова появилось целеустремленное выражение.

— Девственность ведь не может восстановиться, верно?

— Не думаю, что такое возможно.

— Я не думала, что во второй раз будет больно.

— Наверное, просто мышцы не привыкли. Еще не научились... требуется практика. — Невозможность обхватить руками бедра Фаун и направить куда нужно сводила Дага с ума.

Фаун моргнула, обдумывая услышанное.

— Это правда или еще одна хитрая выдумка дозорных?

— А разве не может быть одновременно и того,

и другого?

Фаун усмехнулась, поерзала и расцвела.

— Ах! Дело пошло!

«И в самом деле пошло».

Даг охнул, а Фаун медленно и очень, очень тесно прильнула к нему.

— Да... очень... здорово.

— Ведь ребенок целиком вылезает оттуда, — пробормотала Фаун. — Наверняка должно было бы растянуться посильнее.

— Дай... себе... время. — Проклятие, при нормальном развитии событий это она сейчас не могла бы найти слов. Сегодня у них не совпадал ритм... Даг терял рассудок, а Фаун вдруг стала болтливой. — Вот теперь хорошо..

Фаун озадаченно свела брови.

— Разве мы не должны бы получать удовольствие по очереди?

— Д-думаю, — Дагу пришлось сглотнуть, чтобы суметь выдавить из себя хоть слово, — надеюсь, тебе хорошо. Подозреваю, что мне приятнее... Мне просто замечательно.

— Ну, тогда все в порядке. — Фаун замерла, потом переменила позу. Сейчас никак не годилось бы завопить, задергаться и умолять ее не останавливаться... Это просто испугало бы Фаун. Даг

совсем не хотел ее пугать. Она могла бы вскочить и убежать, а такое было бы трагедией. Даг хотел, чтобы Фаун успокоилась и обрела уверенность... Ну вот, она снова улыбнулась.

— Какое у тебя забавное сейчас лицо, — заметила Фаун.

— Еще бы.

Улыбка Фаун стала шире. Слишком нежно и робко, но все же она начала двигаться.

«Благодарение отсутствующим богам!»

— В конце концов, — Фаун продолжала развивать мысль, которую Даг давно потерял, — мама ведь родила близнецов, а она ненамного выше меня. Правда, тетушка Нетти говорила, что под конец она их напугала...

— Что? — непонимающе спросил Даг.

— Близнецы. В маминой семье рождались близнецы, так что несправедливо с ее стороны было винить папу, говорила тетушка Нетти, да только тогда мама была не особенно рассудительна.

Это замечание заставило затуманенный разум Дага переключиться на не возникавшую у него раньше мысль о том, что Искорка может родить близнецов — его детей, — и голова у него закружилась. Потом... Он на самом деле еще и об одном ребенке не думал.

«Учитывая, чем ты сейчас занят, старый дозорный, может быть, уже и пора подумать».

Эти глубоко личные размышления оказали на них своеобразное действие: Даг стал казаться себе слишком натянутым — так что тетива вот-вот лопнет — луком, а Фаун расслабилась. Ее глаза потемнели, и раскачиваться она стала с большей уверенностью. Ее Дар, связанный раньше неудобством и неуверенностью, снова начал свободно струиться.

«Наконец!»

Однако при таком темпе Даг долго не выдержал бы... Он позволил своим бедрам начать колебаться в том же ритме, что и Фаун.

— Если бы моя рука могла действовать, нам не пришлось бы думать о том, чья сейчас очередь получить удовольствие... — Пальцы Дага бессильно дернулись.

— Еще одна причина оставить ее в покое, чтобы все скорее заживало, — выдохнула Фаун. — Опусти свою бедную сломанную руку на одеяло.

— Ах... — Как же ему хотелось прикоснуться к ней! Воспользоваться Даром? Того, что было достаточно для москита, здесь не хватит. А если Дар левой руки?.. Даг вспомнил стеклянную чашу, разбившуюся и вновь соединившуюся. Это

уже был не москит... Если так коснуться Фаун, не найдет ли она это извращением, пугающим и отвратительным? И сможет ли он... Но ведь сейчас — свадебная ночь Фаун. Фаун не должна вспоминать о ней с разочарованием. Даг положил левую руку себе на живот — туда, где их тела соприкасались.

«Считай это упражнением для развития силы призрачной руки. Такое не сравнится с обработкой шкур скребком».

Еще немного... Вот!

— Ох! — Глаза Фаун широко распахнулись, она наклонилась вперед, всматриваясь в лицо Дага. — Что ты сделал?

— Поэкспериментировал, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. Наверняка его глаза сейчас были такими же широко раскрытыми и безумными, как и ее. — Думаю, перелом правой руки разбудил Дар левой. Нравится, нет?

— Не уверена... Еще!

— Ох...

— Ох... да... Вот оно...

— Так хорошо?

Ее единственным ответом был громкий вздох... и неистовые движения, которые вдруг замерли. Это было прекрасно: натянутая тетива наконец

лопнула, и все поглотило белое пламя.

Даг не думал, что потерял сознание, но когда он пришел в себя, Фаун лежала у него на груди, тяжело дыша и смеясь одновременно.

— Даг! Это было... это было... Может, ты всегда был способен на такое? Или ты берег это как свадебный подарок?

— Понятия не имею, — признался Дат. — Никогда раньше ничего подобного не делал. Я даже не очень представляю себе, что сделал.

— Ну, это было просто... просто замечательно. — Фаун села и откинула волосы, пытаясь сохранить рассудительный тон, но не выдержала и беспомощно рассмеялась.

— У меня голова кружится. Ощущение такое, словно я сейчас упаду.

— Ты же и так лежишь!

— Очень удачно...

Фаун свернулась калачиком и позволила Дагу обнять себя левой рукой. Некоторое время они оба молчали. Даг не то чтобы заснул, но и назвать свое состояние бодрствованием не мог бы. Словно его огрели по голове дубинкой... Наконец Фаун поднялась, обмыла себя и Дага и натянула на них обоих ночную одежду — голубые тени сумерек сменились ночной темнотой, которая принесла

с собой прохладу. К тому времени, когда Фаун снова улеглась с ним рядом — на этот раз под одеялом, — Даг окончательно проснулся и теперь смотрел сквозь ветви на первые звезды.

Тонкие пальчики Фаун коснулись морщин у него на лбу.

— Ты в порядке? Я-то в полном порядке.

Даг сумел улыбнуться и поцеловал ее пальцы.

— Должен признаться, что немного не в себе. Ты же помнишь, как я... как меня трясло после того случая со стеклянной чашей.

— Ох, тебя же не будет тошнить, как тогда?

— Нет, конечно. Да на сей раз я и не затратил так много сил. Скорее это меня взбодрило. Дело в том... когда я восстановил чашу, я впервые воспользовался... как бы ее назвать... призрачной рукой. Потом я втайне пробовал еще несколько раз заставить ее появиться, но ничего не получалось. Я не мог разобраться... Тогда, в гостиной, ты была огорчена, я тоже, и я хотел... ну, не знаю — наверное, исправить... А сейчас я не был огорчен, хотя, конечно, был... э-э... взволнован. Взлетел, как сказала бы твоя тетушка Нетти. Только теперь я снова упал на землю, и призрачная рука исчезла.

Взглянув на Фаун, Даг обнаружил, что она, опираясь на локоть, смотрит на него со своим

обычным заинтересованным выражением — смотрит счастливыми глазами, без страха или отвращения.

— Ты не возражаешь против всех этих... этих странностей? — сказал он. — Ты ведь считаешь, что тут нет отличия от всех прочих вещей, которые я делаю, верно?

Фаун в задумчивости подняла брови.

— Что ж, ты зовешь к себе коней, отгоняешь москитов, освещаешь кусты светлячками и убиваешь Злых, а еще знаешь, где кто на расстоянии мили в окружности, и что-то сделал с Ридом и Рашем — эффект оказался просто волшебным. А уж что ты делаешь со мной, я и описать не могу — по крайней мере приличными словами. Так откуда ты знаешь, что и тут не то же самое?

Даг открыл рот, потом закрыл, озадаченный тем поворотом, который придала его вопросу Фаун.

Она склонила голову к плечу и продолжала:

— Ты говорил, что у Стражей Озера Дар просыпается не сразу, а дети его и вовсе не чувствуют. Может быть, эта твоя способность просто проявилась с задержкой, хоть и была у тебя всегда. А может быть, она возникает со временем и сейчас подошел нужный момент.

— Такая мысль для меня нова. — Даг вытянулся на спине, глядя в безоблачное ночное небо. В последнее время его жизнь была полна новых открытий. Некоторые из них представляли собой проблемы, но Даг должен был признать: были и такие — старые, надоевшие, вызывающие отвращение, — которые полностью отпали. Даг начал подозревать, что не только перелом правой руки оказался причиной этих странных изменений. Крестьянская девушка словно вспахала его Дар... Как это говорится? Открыла новый путь. Очень точное описание того, что происходило с его Даром. Даг заморгал, чтобы прогнать далеко заводящие мысли и не позволить своей голове разболеться.

— Видишь, это случилось уже дважды, — продолжала размышлять Фаун. — Значит, такое может происходить... э-э... во всяком случае, больше чем один раз. И мне кажется, у тебя нет причин огорчаться. Очень многообещающее событие...

— Не уверен, что смогу снова это повторить.

— Было бы досадно, — задумчиво сказала Фаун, но ее глаза смеялись. — Что ж, попробуй в следующий раз, и посмотрим, что получится. А если не получится, ты, похоже, очень изобретателен

в постели: мы просто попробуем что-нибудь другое, и получится не хуже. — Фаун решительно кивнула.

— Хорошо, — смущенно ответил Даг. — Так и порешим.

Фаун снова улеглась, прижавшись к Дагу, и крепко обняла его.

— Уж ты не сомневайся.

На радость Фаун, следующим утром они не торопились покидать полянку, попытавшись повторить некоторые из достижений прошлой ночи; одни попытки были успешными, другие — нет. Дагу не удалось снова вызвать свою призрачную руку — возможно, из-за того, что он слишком расслабился; это вызвало у него смешанные чувства — и разочарование, и облегчение. Как и предположила Фаун, он нашел другие способы доставить ей удовольствие; правда, ей показалось, что он слишком уж старается, и она снова стала за него тревожиться, что не помогло расслабиться ей самой.

Фаун накормила Дата замечательным завтраком, потом оседлала коней, и к полудню они снова выехали на тянущуюся вдоль реки дорогу. В середине дня долина наконец кончилась, и Даг свернул на ведущую на запад неприметную

тропу. Теперь они ехали по лесистой местности — иногда друг за другом по извилистым дорожкам, иногда рядом, когда тропа расширялась. Фаун скоро перестала ориентироваться — конечно, если свернуть на восток, рано или поздно доберешься до реки, так что, как она решила, она не знала только дороги вперед, похоже, хорошо известной Дагу.

Два дня они спешили через лес... спешили, может быть, было бы чересчур сильно сказано — останавливались на ночлег они рано, а отправлялись в дорогу поздно. Дважды Дагу удалось заставить свою призрачную руку появиться, дважды — — не удалось; явной причины ни для того, ни для другого он не нашел, что его глубоко озадачило. Фаун немного Удивило выбранное им жутковатое название для вновь обнаруженной способности Дара. Даг продолжал тревожиться независимо от удачи или неудачи, и Фаун в конце концов решила: Даг так давно не обращает внимания на совершаемые им постоянно чудеса, что позабыл, каково это — блуждать в потемках; такое заключение заставило ее фыркнуть без особой симпатии.

Фаун постепенно стала замечать, что Даг не торопится добраться до цели, несмотря на опа-

сения разминуться со своим отрядом, и причина этого не только в очевидном желании продлить пребывание под одеялом. Саму Фаун все больше снедало любопытство по поводу того, что ждет их впереди, и она была бы не прочь ехать побыстрее, но Даг пустил коней галопом только на третье утро, да и то только потому, что погода стала портиться. Ветер с запада принес высокие тонкие облака, которые и Стражи Озера, и крестьяне называли «конскими перьями», и они сделали закат замечательно красивым — розовые полосы на вечерней синеве неба, — но воздух стал туманным и душным, предвещая надвигающуюся грозу. После грозы день обычно бывал ясным и свежим, однако сначала нужно было пережить непогоду. Даг сказал, что к концу дня они могли бы добраться до лагеря, если поторопятся.

К полудню путники выехали из леса и оказались на равнине, по которой бежал ручей; вдоль него шла накатанная дорога, и Фаун снова смогла ехать рядом с Дагом.

— Ты как-то обещал мне рассказать историю Утау и Рази, если будешь более пьяным или более трезвым. Сейчас ты выглядишь совсем трезвым.

Даг слегка улыбнулся.

— Правда? Ну что ж...

— Когда мне удается заставить тебя говорить о своем народе, это помогает мне лучше представить себе то, что меня ждет.

— Сомневаюсь, что в этом отношении история Утау тебе поможет.

— Может быть, и нет, но по крайней мере я по незнанию не ляпну какую-нибудь глупость.

Даг пожал плечами, хотя и поправил Фаун:

— По незнанию — может быть, но это никогда не будет глупостью.

— В любом случае мне придется краснеть.

— Ты краснеешь очень мило, но я понимаю, что ты имеешь в виду. Ну так вот... Утау был не меньше десяти лет связан узами с Сарри Оттер, но детей у них не было. Так иногда случается, и даже при помощи Дара Стражам Озера не удается понять, в чем тут дело. Обе семьи — и его, и ее — требовали, чтобы они разорвали узы и попробовали счастья с другими супругами...

— Погоди! Что ты сказал? Люди могут разорвать свои брачные узы? Что это значит и как такое происходит? — Фаун оберегающим жестом положила правую руку на левое запястье, потом поспешно вернула ее на бедро. Фаун пришлось ударить пятками в бока Грейс, чтобы кобыла не отставала от длинноногого Копперхеда.

— У разных пар причины разрыва уз бывают самыми разными, но отсутствие детей после долгих попыток ими обзавестись считается уважительной причиной, не позорящей ни одну из сторон. Трудности возникают, если только один из супругов соглашается на разрыв; тогда споры охватывают оба семейных шатра и могут привести к вражде... или стать очень нудными, ведь приходится выслушивать всех снова и снова. Но если оба супруга согласны, обряд бывает похож на наложение уз, только наоборот. Свадебные браслеты снимаются, и тесьма обертывается вокруг рук, только в обратном направлении, и связывается узлом, а потом тот, кто благословлял союз, берет нож и рассекает узел, и каждый супруг забирает свою часть тесьмы.

Не костяным ли ножом рассекается узел, подумала Фаун.

— Дар каждого супруга возвращается к своему источнику, вот и все. Люди обычно потом сжигают мертвую тесьму. — Даг искоса взглянул на насупившуюся Фаун. — А разве у крестьян браки никогда не распадаются?

— Думаю, такое случается, но нечасто. Земля и дети держат супругов вместе. И еще неудачный брак считается позором. Бывает, что мужчина

или женщина покидает семью, но это больше похоже на попытку отгрызть себе ногу, чтобы выбраться из капкана. Приходится оставлять так много, так много несделанной работы... И так много надежд, мне кажется. Однажды я слышала, — добавила Фаун, — о паре в одной из деревень к югу от нашей фермы, которая рассталась через две недели после свадьбы. Новобрачная со всем своим имуществом просто вернулась в родительский дом — она еще не успела устроиться на новом месте, — а запись в семейной книге стерли. Никто не пожелал объяснить мне, что там случилось, а Флетч и близнецы посмеивались... так что я думаю, дело было в каких-то постельных проблемах, хоть девица и не понесла от кого-то другого или что-то в этом роде. Все отменили быстро и без споров, так что, должно быть, у кого-то были веские причины извиняться.

— На то похоже. — Даг поднял брови, с любопытством, хотя и праздным, обдумывая услышанное. — Ладно, возвращаясь к моему рассказу... Утау и Сарри любили друг друга, несмотря на свои горести, и не хотели расставаться. И оба они были в дружеских отношениях с двоюродным братом Утау Рази. Не уверен, кто кого на что уговорил, только в один прекрасный день Рази взял и пе-

ренес свои вещички в шатер Сарри и поселился вместе с теми двумя. А через несколько месяцев Сарри оказалась беременной. И в довершение всего не только Рази соединился узами с Сарри, они с Утау тоже соединились узами, так что круг замкнулся и каждый стал носить браслеты двух других. Все они теперь Оттеры. Члены всех семей некоторое время выглядели так, словно постоянно страдают от головной боли, но только тут родилась замечательная девчушка, а потом и мальчуган, которых все трое обожают. На этом беспокойство и закончилось, хотя, естественно, не закончились игривые догадки. Фаун рассмеялась.

— Естественно. — Ей на ум пришли некоторые собственные игривые догадки, но тут же пришлось сосредоточиться на другом.

Даг глубокомысленно продолжал:

— Я сам никогда не зачинал ребенка. Я всегда был очень осторожен, хотя не всегда по одной и той же причине. Очень многие мужчины попадают в беду, когда перестают стараться не попасть в цель и переключаются на то, чтобы в нее попасть. Все их прошлые усилия неожиданно начинают казаться такой ужасной ненужной тратой... Вот об этом часто и думаешь, когда ночью не спится.

Не об этом ли думал Даг, глядя на звезды?

— Казалось бы, — сказала Фаун, — раз Дар женщины показывает определенный рисунок, должно быть легче, а не труднее зачать ребенка именно тогда, когда хочешь. — Она все еще испытывала изумление перед тем, с какой легкостью это произошло с ней самой.

— Казалось бы. И все-таки люди так часто промахиваются, и никто не знает почему. Мы с Каунео... — Голос Дага резко оборвался — это стало уже хорошо знакомо Фаун.

Фаун, затаив дыхание, молчала.

— Я никогда об этом никому не говорил...

— Ты и не должен, — тихо сказала Фаун. — Иногда хорошо бывает раскрыть сердце, но если в него слишком сильно тыкать, оно не заживет.

— Это терзает мою память уже очень, очень давно. Может быть, воспоминания обретут другой размер, если будут храниться не только у меня в голове.

— Тогда я слушаю... — Не собирается ли Даг выпустить на волю еще один кошмар?

— Так вот... — Даг смотрел прямо вперед между ушами Копперхеда. — Мы были связаны узами уже почти год, я начал чувствовать, что освоился с обязанностями командира эскадрона, и мы ре-

шили, что пора завести ребенка. Это было как раз перед тем, как разразилась война с волками. Мы пытались добиться зачатия два месяца подряд и потерпели неудачу. На третий месяц в нужный момент я отсутствовал; теперь я уж и вспомнить не могу, какое дело показалось мне таким важным. Я даже не помню, в чем тогда заключались мои обязанности. Проверка готовности воинов или что-то в этом роде... А на четвертый месяц началась война, и мы оба оказались заняты по горло. Если бы к тому времени Каунео была беременна, она осталась бы в лагере и не повела свой отряд на Волчий перевал. И что бы потом ни случилось, и она, и ребенок остались бы в живых. Если бы мы не потеряли тот месяц...

Фаун ощутила странный жар в сердце, как если бы боль от старой раны Дага через Дар передалась и ей.

«Это не такой секрет, который было бы легко нести с собой всю жизнь».

Фаун попробовала пойти по очевидному пути:

— Ты не можешь знать этого наверняка.

— Я знаю, что не могу. Не думаю, что найдется еще какая-нибудь мысль, которую я бы настолько же протер до дыр. Может быть, отряд Каунео и был тем последним оплотом, который удер-

жал перевал после того, как я потерял сознание. Может быть. У меня есть друг, первая жена которого умерла при родах. Я знаю, что он мучается сожалениями не меньше меня, хоть и по прямо противоположной причине. Ничего нельзя знать... Наверное, нужно просто привыкнуть к тому, что не знаешь.

Даг некоторое время молчал, и приунывшая Фаун тоже ничего не говорила. Впрочем, может быть, ему только и нужно было, чтобы его выслушали? Неожиданно Фаун подумала о том, не сомневается ли Даг в своей способности иметь детей. Пятьдесят пять лет — долгое время для мужчины, чтобы оставаться бездетным, хотя у Фаун и не сложилось впечатления, чтобы он имел дело со многими женщинами до или после Каунео; а уж когда имел, то был очень осторожен... Ее собственная история была такова, что, если ребенка не появится, когда они его наконец захотят, не возникнет сомнений в том, кто несет за это ответственность. Может быть, Даг боялся ее разочаровать?

Мысли Дага, по-видимому, текли теперь по другому руслу, потому что он сказал:

— У меня не так много близких родственников, как у тебя — в живых теперь только мать, брат и

его жена. Все мои племянники уже покинули шатер: кто-то — в дозоре, кто-то — в подмастерьях. Пока только один из них связан узами.

Племянники и племянницы Дага были, по его рассказам, примерно того же возраста, что Фаун и ее братья. Фаун кивнула.

— Я рассчитываю незаметно проскользнуть в лагерь, — продолжал Даг. — Никак не могу решить: кому первому доложить о своем прибытии — Громовержцу или моей семье. Наверное, слухи о расправе со Злым в окрестностях Глассфорджа дошли до лагеря еще до прибытия Мари; в этом случае Громовержец захочет получить полный отчет. И о ноже я должен ему сообщить. Однако я хотел бы представить тебя своим матери и брату так, как мне хочется, прежде чем они узнают новости от кого-то еще.

— Ну а кто меньше обидится, оказавшись вторым? — спросила Фаун.

— Трудно сказать, — сухо улыбнулся Даг. — Мама дольше будет испытывать неудовольствие, но и Громовержец таких промахов не забывает.

— Мне не следовало бы начинать с того, чтобы обидеть свою свекровь.

— Искорка, боюсь, что некоторые люди обидятся, что бы мы с тобой ни делали. То, что мы

совершили, не принято, хоть мы и действовали со всей честностью.

— Ну, среди крестьян тоже есть такие, —сказала Фаун, стараясь сохранить оптимизм. — Им ничем не угодишь. Остается только пытаться... по крайней мере пытаться не сломаться первым. — Фаун обдумала проблему и сказала: — Лучше начать с того, от кого ожидаешь самого худшего. Тогда, если уж придется, можно сбежать, сославшись на необходимость повидаться с другим.

Даг рассмеялся.

— Хороший совет. Может быть, я так и сделаю. — Однако кого он считает самой большой угрозой, он так и не сказал.

Весь этот день они ехали, не останавливаясь. Фаун подумала, что могла бы определить, когда до озера останется недалеко: небо становилось все светлее, а настроение Дага — все сумрачнее. Как бы то ни было, он делался все молчаливее, хотя взгляды, которые он бросал вперед, становились все более острыми. Наконец он поднял голову и сообщил:

— Дар часового на мосту и мой только что соприкоснулись. Остается всего миля.

Путники свернули с тропы, по которой ехали, на более торную дорогу, описывающую широкую

дугу. Равнина тут была совсем плоской; леса, где росли дубы, буки, орешник, уступили место широким лугам. На дальнем конце луга кто-то, растянувшийся на спине пасущейся лошади, так что ноги свешивались с обеих сторон брюха, выпрямился, помахал рукой, потом ударил лошадь пятками и поскакал навстречу.

Лошадь не имела ни седла, ни узды, да и всадник немногим уступал ей по части отсутствия одежды. Кроме сапог, довольно мятых полотняных трусов и пояса с ножнами на нем не было ничего, кроме загорелой кожи. Оказавшись рядом, он выплюнул травинку, которую жевал, и воскликнул:

— Даг! Так ты жив!

Остановив своего коня, он вытаращил глаза на руку Дага в лубке и на застенчиво отставшую от Дага Фаун.

— Ну и вид у тебя! Никто не говорил, что у тебя сломана кость. Да еще и правая рука... Отсутствующие боги, как же ты вообще справляешься?

Даг ответил на приветствие ничего не говорящим кивком, хоть и улыбнулся.

— Мне кое в чем оказывается помощь.

— Это и есть твоя крестьяночка? — Часовой смотрел на Фаун так, словно крестьянские де-

вушки были такой же легендой, как танцующие медведи. — Мари Редвинг решила, что тебя оскопила толпа разъяренных фермеров. Громовержец кипит, твоя мама считает тебя мертвым и обвиняет в этом Мари, а брат жалуется, что в таком гвалте не может работать.

— Ах, — глухим голосом сказал Даг, — значит, отряд Мари добрался быстро?

— Прибыл вчера днем.

— У всех было время побывать дома и посплетничать, как я вижу.

— У озера только о тебе и говорят. Опять. — Часовой прищурился и направил своего коня ближе к путникам, что заставило Копперхеда предостерегающе взвизгнуть, демонстрируя свои плохие манеры. Часовой, как поняла Фаун, пытался получше разглядеть ее левое запястье. — Люди целый день передавали тебе срочные сообщения на случай, если я тебя увижу. Громовержец, Мари, твоя мама, хоть и твердит, что ты погиб, и твой брат — все хотят сразу же тебя видеть. — Парень ухмыльнулся, сообщив об этих невозможных требованиях.

Даг был очень близок, подумала Фаун, к тому, чтобы просто опустить голову на гриву коня и не двигаться.

— Добро пожаловать домой, Даг, — пробормотал он, но тут же выпрямился и направил Копперхеда так, чтобы ехать рядом с Фаун. Наклонившись к ней, он попросил: — Закатай мой рукав, Искорка. Похоже на то, что денек сегодня будет жаркий.

2

Мост, сделанный из грубо оструганных досок, у которого нес дозор парень, был низким и длинным, достаточно широким, чтобы по нему могли проехать рядом два всадника. Фаун заинтересованно вертела головой. Мутная вода под мостом была покрыта листьями кувшинок и водорослями; неподалеку утки с зелеными головами сновали в зарослях рогоза, тянущихся вдоль берега.

— Это река или залив озера?

— Понемножку и того, и другого, — ответил Даг. — Тут как раз впадает один из ручьев-притоков, но вода разливается в обе стороны. Добро пожаловать на остров Двух Мостов.

— Мостов и в самом деле два?

— На самом деле три, но третий ведет на остров Кобылы. Второй мост на берег озера расположен в западном конце острова, примерно в двух милях отсюда. А здесь — самый узкий пролив.

— Вроде рва?

— Летом очень даже похоже на ров. Все остальные острова можно защищать прямо здесь, если потребуется защита. После сильных морозов

пролив становится чем-то вроде ледяной дамбы, но к этому времени большая часть народа уже перебирается в зимний лагерь у Медвежьего Брода. Брод там действительно есть, а вот медведи по большей части отсутствуют. Лагерь расположен на низком холме, если, конечно, возвышенности в этих краях можно так назвать. Те, кто не бывал в округах, удаленных от берега, считают их холмами.

— Ты родился здесь или там?

— Здесь. Поздней осенью. Мы должны были уже переселиться в зимний лагерь, но мое появление вызвало задержку. Это была первая из моих многочисленных провинностей. — Улыбка, которая сопровождала эти слова, была еле заметной.

Редкий лес на равнине не позволял многого увидеть впереди; у поворота дороги Копперхед притворился испуганным, когда перед ним оказалась дюжина диких индеек. Птицы посмотрели на мерина с явным пренебрежением и не спеша скрылись в кустах. У следующего поворота Даг съехал на обочину, и Фаун последовала его примеру: нужно было пропустить караван. Впереди ехал седой мужчина, ведя дюжину вьючных лошадей, нагруженных тяжелыми корзинами с какими-то темными круглыми комками; чтобы

они не рассыпались, сверху крепились грубые веревочные сетки. Замыкал вереницу подросток верхом на смирной лошадке. Фаун вытаращила на них глаза.

— Не думаю, что так перевозят отрубленные головы, но издали очень похоже. Неудивительно, что вас считают людоедами.

: Даг рассмеялся, оглянувшись на удаляющийся караван.

— Знаешь, а ведь ты права! Это, любовь моя, кидальники, которые отвозят на зимнее хранение. Сейчас как раз их сезон. В конце лета долг каждого Стража Озера — наесться до отвала свежих кидальников. Ты еще все о них узнаешь.

По его тону Фаун не смогла понять, было ли это угрозой или обещанием, но ей приятно было видеть лукавую улыбку Дага.

— Я рассчитываю узнать все обо всем.

Даг тепло и ободряюще кивнул ей и снова направил коня вперед. Фаун гадала, когда же она наконец увидит шатры — и особенно шатер Дага.

Яркие солнечные блики на воде, которые не скрывала редкая поросль деревьев — росли здесь в основном карий, — говорили о близости берега. Фаун привстала на стременах, пытаясь разгля-

деть озеро.

— Хижины! — удивленно воскликнула она.

— Шатры, — поправил ее Даг.

— Хижины с навесами... — Фаун жадно рассматривала приближающиеся строения. К берегу озера теснилось с полдюжины бревенчатых домов; в большинстве, судя по трубам из дикого камня, имелись единственные очаги, хотя, возможно, и выходящие на две стороны. Окон было немного, а дверей не имелось вовсе: одна стена у домов отсутствовала, замененная широким навесом из шкур на шестах, так что образовывалось что-то вроде длинной галереи. Фаун заметила внутри несколько движущихся фигур; какая-то женщина в юбке пересекала двор, держа за руку только начинающего ходить малыша. Может быть, штаны носят только женщины-дозорные?

— Если в доме нет одной стены, это шатер, а не постоянно существующее здание, и поэтому его не нужно сжигать каждые десять лет. — Даг говорил так, словно отвечает выученный наизусть урок.

Фаун изумленно сморщила нос.

— Как это?

— Ты можешь считать это религиозным верованием, хотя обычно на этот счет идут споры.

В теории Стражам Озера не полагается строить постоянные здания. Города представляют собой мишени, так же как и фермы. Мишенью является все большое и тяжелое или настолько для тебя ценное, что ты не можешь бросить это и бежать, если приходится. Фермеры, защищают свой дом ценой жизни, Стражи Озера отступают, и перегруппировываются. То есть так было бы, если бы мы жили в теории, а не на острове Двух Мостов. На деле при каждом десятилетнем Освящении сжигаются только те постройки, до которых добрались термиты. Некоторые зануды, предрекают тяжкие наказания за подобное вероотступничество. Мой опыт говорит, что тяжкие наказания выпадают нам сами по себе, независимо от вероотступничества, так что я не особенно об этом беспокоюсь.

Фаун покачала головой.

«Может быть, мне предстоит усвоить больше, чем я думала».

Они с Дагом миновали еще несколько групп таких же строений. У каждого из них имелся причал, выступающий в воды озера, или плот, привязанный к шесту на берегу; у одного из таких причалов Фаун заметила странную лодку, длинную и узкую. Из труб поднимался дым, на

веревках совсем по-домашнему сушилось белье. На солнечных участках виднелись огороды, по границам расчищенных полей росли фруктовые деревья, между которыми были расставлены ульи.

— Сколько же Стражей Озера живет на этом острове?

— В разгар лета около трех тысяч. Есть еще две группы островов, слишком удаленные отсюда, чтобы острова можно было соединить мостами; на них живут еще тысячи четыре Стражей Озера. Если мы хотим их посетить, можно или проплыть две мили на лодке, или проехать по берегу двадцать миль. Еще около тысячи человек присматривают за Медвежьим Бродом, так же как тысяча человек остается на зиму тут. Лагерь Хикори — один из самых больших в Олеане. Наш успех заключает в себе и наказание: мы несем дозор на самой большой территории и посылаем по обмену в другие лагеря вдвое больше дозорных, чем получаем сами. — В голосе Дага прозвучала гордость, хотя последние слова скорее можно было бы принять за жалобу, чем за хвастовство. Даг показал на что-то впереди, чего Фаун еще не видела, и жестом велел ей съехать с дороги, направив на обочину и Копперхеда.

Под звон сбруи и стук копыт мимо них колонной по двое проехал отряд — очень похожий на тот, который Фаун впервые увидела у дома с колодцем, что теперь начинало ей казаться событием какой-то прошлой жизни. Эти дозорные выглядели свежими и отдохнувшими и необычно опрятными, так что Фаун предположила, что они еще только направляются в тот округ, который должны объезжать в поисках своей кошмарной добычи. Большинство воинов узнали Дага и принялись выкрикивать удивленные приветствия; поскольку поводья были обмотаны вокруг крюка, а другая рука Дага лежала на перевязи, он не мог помахать им в ответ, но кивнул и улыбнулся. Отряд не задержался, но многие дозорные повернулись в седлах и еще долго глазели на странную пару.

— Ребята Бари, — сказал Даг, глядя им вслед. — Двадцать два человека.

Так он их пересчитал?

— Двадцать два — это хорошо или плохо?

— Для этого времени года совсем не плохо. Сезон сейчас горячий. — Даг дернул за поводья, и они снова выехали на дорогу.

Фаун снова принялась размышлять о том, какой окажется ее жизнь, зависящая от жизни Дага.

На ферме супруги могли работать вместе или порознь, и какими бы долгими и тяжелыми ни были труды, они все равно трижды в день встречались за столом и каждую ночь спали вместе. Даг не смог бы, конечно, брать ее в дозор. Так что ей предстояло оставаться здесь, и их долгие и пугающие разлуки перемежались бы короткими встречами, по крайней мере до тех пор, пока Даг не сделается слишком стар для несения воинской службы или слишком изранен. Или вообще не вернется... Фаун отказалась задерживаться на такой мысли. Если ей придется оставаться с этими людьми в отсутствие Дага, лучше постараться приладиться к ним. Трудолюбивые руки нужны всегда и везде; наверняка ей удастся найти себе место.

Даг остановил Копперхеда на развилке дорог. Он явно колебался, на какую свернуть. Правая, идущая на восток, следовала берегу, и Фаун с интересом посмотрела в том направлении: над водой далеко разносились голоса — веселые крики и пение; расстояние было слишком велико, чтобы разобрать слова. Даг расправил плечи, поморщился и выбрал левую дорогу. Через полмили лес поредел, и между шершавыми стволами появились серебристые отблески воды. Дорога

слилась с другой, идущей вдоль северного берега; возможно, это была часть кольцевой тропы, охватывающей весь остров по периметру. Даг снова повернул налево.

Проехав еще немного, они оказались на просторной вырубке с несколькими длинными бревенчатыми строениями, большинство которых имели все четыре стены и дощатые галереи; всюду виднелись коновязи. Здесь не было ни огородов, ни вывешенного для просушки белья, хотя тут и там виднелись фруктовые деревья — старые яблони и высокие изящные груши. У леса стоял низкий амбар — первый, который здесь заметила Фаун, и виднелись обнесенные жердями загоны, хотя сейчас в них паслось всего несколько лошадей. Три небольшие тощие черные свиньи рылись под фруктовыми деревьями в поисках падалицы или орехов. На берегу далеко в воду уходил большой причал.

Даг направил Копперхеда к коновязи рядом с одним из бревенчатых строений, бросил поводья и потянулся. Вспомнив о присутствии Фаун, он улыбнулся ей.

— Ну вот мы и на месте.

Фаун нашла, что даже и для Дага в плохом настроении он сообщил ей слишком мало.

— Это ведь не твой дом, верно?

— Ах нет. Это штаб дозорных.

— Значит, мы сначала повидаемся с Громовержцем?

— Если он на месте. Вдруг мне повезет и выяснится, что он куда-то отлучился. — Даг спешился, и Фаун последовала его примеру, потом привязала обоих коней к коновязи и следом за Дагом поднялась на крыльцо.

Через дощатую дверь они вошли в длинную комнату, вдоль стен которой тянулись полки., забитые бумагами, свитками пергамента и толстыми книгами, что напомнило Фаун дом Шепа Сойера. За столом в дальнем конце комнаты сидела женщина с седыми волосами, заплетенными в косы, и в юбке; она что-то записывала в большой гроссбух. Она была такой же высокой, как Мари, но более ширококостной и довольно сутулой. Женщина подняла голову и отложила перо, как только заслышала шаги. При виде Дага ее лицо осветилось радостью.

— Ух! Посмотрите только, кто явился!

Даг неуклюже ей кивнул.

— Привет, Массап. Э-э... Громовержец у себя?

— Ага.

— Он не занят? — спросил Даг небрежным

тоном.

— Он разговаривает с Мари. Про тебя, сказала бы я — судя по крикам. Громовержец уговаривает ее не паниковать, а она отвечает, что предпочитает впасть в панику сразу же, как только ты скроешься у нее с глаз, просто чтобы быть готовой. Похоже, они оба правы. Что ты сотворил с собой на этот раз? — Женщина кивнула на лубок, потом резко выпрямилась, когда ее сузившиеся глаза заметили браслет на левой руке Дага. Она повторила ту же фразу, но совсем другим тоном: — Даг, что ты сотворил на этот раз?

Фаун, захлестнутая этим потоком слов, толкнула Дага локтем и послала ему отчаянный вопросительный взгляд.

— Ах, — сказал Даг, — Фаун, познакомься с Массап, командиром третьего эскадрона — отряд Бари, который мы повстречали, как и еще несколько, под ее командой. Она также жена Громовержца. Массап, это миссис Фаун Блуфилд. Моя жена. — Выставленный вперед подбородок Дага говорил не столько о вызове, сколько об упрямстве.

Фаун любезно улыбнулась, стиснула руки так, чтобы была видна тесьма на левом запястье, и вежливо присела.

— Как поживаешь, мэм.

Массап вытаращила глаза и закусила нижнюю губу.

— Вы... — Она неуверенно подняла палец, не нашлась, что сказать, потом повернулась и показала на дверь, расположенную рядом с очагом. — Идите-ка к Громовержцу.

Даг сухо кивнул ей и открыл перед Фаун дверь. Из внутренней комнаты донесся голос Мари, говорившей:

— Если он застрял по пути, его нужно искать где-то вдоль этой линии.

Раскатистый мужской голос ответил:

— Если он застрял по пути, неужели он опаздывал бы уже на три недели? И ты показываешь не линию, а огромный круг, выходящий за пределы этой проклятой карты.

— Если ты никого не можешь выделить, я отправлюсь сама.

— Ты же только что вернулась. Каттагус будет ругаться со мной до посинения и тебя не пустит, а ты начнешь беситься. Послушай, мы ведь предупредили всех, кто покидает лагерь, чтобы держали настороже Дар, да и глаза держали открытыми...

Оба Стража Озера, поняла Фаун, в пылу спора

приглушили собственный Дар, поэтому до сих пор и не бросились к двери. Нет... Фаун заметила, какое каменное лицо у Дага — Дар приглушили они все трое. Фаун уцепилась за пояс Дага, втолкнула его в комнату, а сама осторожно выглянула из-за его спины.

Эта комната ничем не отличалась от первой — по крайней мере, что касалось полок, до потолка забитых бумагами. Дощатый стол посередине с расстеленными на нем картами, несколько отодвинутых к стене стульев... Посередине комнаты стоял, скрестив на груди руки и хмурясь, коренастый мужчина. Подернутые сединой волосы, далеко отступившие ото лба, были заплетены в косу; одет мужчина был как дозорный — в штаны и рубашку, но без кожаного жилета. На поясе виднелся единственный нож, однако Фаун заметила, что у погасшего очага висят большой лук со спущенной тетивой и колчан со стрелами.

Мари, одетая точно так же, стояла спиной к двери и что-то показывала на карте, опершись на стол. Седой мужчина поднял глаза, и его брови поползли вверх. Тонкие губы растянулись в полуулыбке.

— Есть у тебя монетка, Мари?

Мари взглянула на него; вся ее поза говорила о

раздражении.

— Какая еще монетка?

— Та самая, которую ты предложила кинуть, чтобы решить, кто из нас первым спустит с него шкуру.

Заметив наконец выражение его лица, Мари резко повернулась.

— Даг! Ты! Наконец! Где ты был? — Ее взгляд, конечно, первым делом остановился на руке на перевязи. — О боги!

Даг коротко и виновато поклонился обоим офицерам.

— Меня немного задержали. — Он качнул рукой на перевязи, предъявив ее как уважительную причину. — Прошу прощения, что доставил беспокойство.

— Я оставила тебя в Глассфордже почти четыре недели назад! — выдохнула Мари. — Предполагалось, что ты прямиком отправишься домой. Дорога не могла занять больше недели.

— Нет, — рассудительно поправил ее Даг. — Я говорил тебе, что мы по дороге остановимся на ферме Блуфилдов, чтобы успокоить их насчет Фаун. Признаю, что это заняло больше времени, чем я планировал. Правда, когда мне сломали руку, я решил, что спешки нет: все равно я не

смог бы отправиться в дозор недель шесть.

Этот сомнительный довод заставил Громовержца нахмуриться.

— Мари говорила, что, если тебе не изменит удача, ты опомнишься и спровадишь крестьянскую девчонку обратно ее семейству; только если дело пойдет у тебя как обычно, тебя изобьют до смерти и спрячут тело. Это ее родичи сломали тебе руку?

— На их месте я сломала бы ему больше, чем одну кость, — пробормотала Мари. — Остальные части тела у тебя уцелели, парень?

Улыбка Дага стала более напряженной.

— На самом деле я погнался за вором в Лампстоне. Свое имущество получил обратно ценой сломанной руки. Мое посещение Вест-Блу прошло очень приятно.

Фаун решила не вносить поправок в это бессовестное преувеличение. Ей совсем не нравилось, что все трое Стражей Озера, глядя на нее в упор, разговаривали так, словно ее тут нет; однако она была на земле Дага и ждала от него указаний или хотя бы намека. В этом отношении он мог бы и поторопиться, подумала Фаун. Заметив, что Громовержец даже немного наклонился, чтобы разглядеть ее за спиной Дага,

Фаун выбралась из-за супруга. Мари она дружески помахала рукой, а перед Громовержцем почтительно присела.

— Привет, Мари. Как поживаете, сэр...

Даг сделал глубокий вдох и повторил свое отчаянное представление:

— Громовержец, познакомься с миссис Фаун Блуфилд, моей женой.

Громовержец прищурился и потер шею. Молчание затянулось; и старый воин, и Мари, чувствовала Фаун, смотрят на свадебные браслеты не только глазами. Оба офицера, закатавшие рукава по случаю жары, носили на левых запястьях подобную же тесьму, потрепанную и выцветшую. Их с Дагом браслеты выглядели яркими и плотными в сравнении с браслетами старших дозорных, золотые бусины на концах придавали им массивность.

Громовержец искоса взглянул на Мари и прищурился еще сильнее.

— Ты подозревала, что этим кончится?

— Этим? Нет! Ведь это... Как я могла... Только я же сказала тебе, что он, похоже, наделает глупостей, которых никто и предвидеть не может.

— Говорила, — признал Громовержец. — А я не поверил. Я думал, он просто... — Он посмотрел на

Дага, и Фаун съежилась, хоть и не была объектом его внимания. — Не стану говорить, что такое невозможно: ты явно нашел способ. Спрошу я о другом: кто из Стражей Озера тебе помогал?

— Никто, сэр, — твердо ответил Даг. — Никто не участвовал, кроме меня, Фаун и тетушки Фаун, старой девы и мастерицы от природы. Мы все вместе...

Хотя Громовержец был не так высок, как Даг, все же он был устрашающе велик, и когда он, хмурясь, посмотрел на Фаун сверху вниз, ей пришлось усилием воли заставить себя держаться прямо.

— Стражи Озера не признают браков с крестьянами. Говорил тебе Даг об этом?

Фаун показала на свое запястье.

— Поэтому и потребовался браслет, как я понимаю. — Она крепко стиснула тесьму, чтобы набраться мужества. Если они не берут на себя труд быть с ней вежливыми, то и ей нечего беспокоиться. — А теперь вы можете посмотреть на тесьму при помощи этого вашего Дара и сказать, женаты мы или нет. Только ведь вы солжете, с вас станется.

Громовержец попятился. Даг не дрогнул; скорее он казался довольным, хоть и несколько потря-

сенным. Мари потерла лоб.

— Рассказала тебе Мари о моем втором ноже? — тихо спросил Даг.

Громовержец повернулся к нему — не то чтобы с облегчением, но молча согласившись с переменой темы. На какое-то время он отступил; Фаун не могла понять почему.

— Она рассказала о том, что ты ей сообщил, как я понимаю, — сказал Громовержец. — Поздравляю с убийством Злого, кстати. Это был который? И не говори мне, что ты не считаешь.

Даг согласно кивнул.

— Был бы двадцать седьмой, если бы его убил я. Это заслуга Фаун.

— Нет, нас обоих, — возразила Фаун. — У Дага был нож, у меня — возможность его использовать. Каждый из нас проиграл бы, если бы не другой.

— Ха! — Громовержец медленно обошел Фаун кругом, словно глядя на нее — по-настоящему глядя — впервые. — Прости меня... — Он протянул руку, приподнял ее голову и стал рассматривать глубокие красные отпечатки на шее, потом сделал шаг назад и вздохнул. — Что ж, давайте посмотрим на этот второй нож.

Фаун порылась у себя под рубашкой. После ужаса, пережитого в Лампгоне, она сшила новый

мешочек для ножа, меньший и из более мягкой кожи, и носила его на шнуре вокруг шеи, как это делали Стражи Озера. Мешочек ничем не был украшен, но сшила Фаун его заботливо. Фаун неуверенно стащила шнур через голову, взглянула на Дага, который ободряюще кивнул ей, и передала мешочек командиру дозорных.

Громовержец взял мешочек, сел на стул у окна и вытащил костяной клинок. Он обследовал его так же, как это делали Даг и Мари, — даже поднес к губам. Несколько мгновений он сидел, хмурясь, сжимая нож в своих сильных руках.

— Кто делал его для тебя, Даг? Не Дор?

— Нет. Мастер в Лутлии, через несколько месяцев после событий на Волчьем перевале.

— Это кость Каунео, да?

— Да.

— У тебя раньше не появлялись основания думать, что работа может быть дефектной?

— Нет. И я не думаю, что что-то было не в порядке.

— Но если все было сделано как надо, никто, кроме тебя, не смог бы его зарядить.

— Я очень хорошо это понимаю. Если бы мастер сделал работу плохо, зарядить нож не смог бы никто. Но нож-то заряжен.

— Это верно. Так что расскажи мне в точности, что произошло в той пещере.

Сначала Дагу, а потом Фаун пришлось повторить свой рассказ для Громовержца — каждому по-своему. Они коротко упомянули о том, как Даг нашел Фаун, похищенную на дороге служащими Злому разбойниками, и о том, как Даг пришел по ее следам к пещере Злого. И как — тут Даг закусил губу — Даг опоздал помешать Злому вырвать из ее лона Дар ее дочери. Фаун не стала рассказывать, а Громовержец не спросил, как случилось, что она оказалась на дороге одна, беременная — и незамужняя; возможно, Мари, которая обо всем узнала в Глассфордже, уже сообщила ему об этом.

Внимание Громовержца обострилось, вопросы стали более детальными, когда дело дошло до описания путаницы с разделяющими ножами Дага: как Даг, на которого навалились глиняные люди Злого, кинул мешочек с ножами Фаун, как она сначала ударила чудовище незаряженным ножом, а потом тем, которым нужно, и как тот при этом сломался. Как кошмарное создание развалилось, оставив первый нож так странно заряженным смертностью нерожденной дочери Фаун.

К тому времени, когда они добрались до середины рассказа, Мари придвинула себе стул и уселась, а Даг прислонился к столу. Фаун предпочла стоять, хоть ей трудно было заставить свои колени не дрожать предательски. Громовержец, к ее облегчению, не стал расспрашивать о том, что произошло после схватки; его интерес, похоже, ограничивался разделяющими ножами.

— Ты собираешься показать его Дору, — сказал Громовержец, когда рассказ был окончен, и Фаун не поняла, был ли это вопрос или распоряжение.

— Да.

— Сообщи мне, что он скажет. — Громовержец поколебался. — Будем надеяться, что на его мнении не отразится это.– Он кивнул на левую руку Дага.

— Понятия не имею, что подумает Дор о моей женитьбе, — По тону Дага ясно можно было понять, что он хотел бы добавить «да это мне и безразлично», однако вслух он этого не сказал. — Однако я ожидаю, что независимо ни от чего он скажет все, что ему известно как мастеру. Если у меня останутся сомнения, я всегда могу узнать мнение кого-то еще. Вокруг озера живет с полдюжины изготавливающих разделяющие ножи мастеров.

— Все они менее умелые, — сказал Громовержец, пристально глядя на Дага.

— Поэтому-то я и собираюсь пойти к Дору к первому. Или ни к кому не ходить.

Громовержец собрался было отдать нож Дагу, но тот жестом показал на Фаун. Она снова надела шнур на шею и спрятала мешочек на груди.

Громовержец, стоя с ней лицом к лицу, холодно следил за ее действиями.

— Этот нож, девочка, не делает тебя кем-то вроде почетного Стража Озера.

Даг нахмурился. Однако прежде чем он успел что-нибудь сказать, Фаун, вспыхнув, спокойно ответила:

— Я знаю, сэр. — Она наклонилась вперед и глубоким голосом продолжала: — Я девушка с фермы и горжусь этим, и если я достаточно хороша для Дага, вы, остальные, можете хоть в свое озеро прыгнуть! Я только хочу, чтобы вы знали: предмет, который я ношу на шее, почетной смертью не был. — Она коротко кивнула и выпрямилась.

К ее изумлению, Громовержец не обиделся, а только задумался, судя по тому, как потер губы пальцем. Он с кряхтением, напомнившим Фаун усталого Дага, поднялся и пересек комнату, направляясь к стене рядом с очагом.

Все пространство между трубой и наружной стеной почти до пола занимала доска из какого-то очень мягкого дерева. Она была расчерчена на крупные ячейки, в каждой из которых значилось название какой-нибудь местности. Глядя на нее, Фаун поняла, что это что-то вроде схематической карты, на которой округа — все округа, как заподозрила Фаун, — были изображены в виде квадратов. Слева виднелась отдельная колонка с надписями «Остров Двух Мостов», «Остров Цапли», «Бивер Сай», «Медвежий Брод» и «Список больных». Выше их всех в нарисованном красным кружке значилось: «Пропавшие без вести».

Примерно в трети квадратов торчали колышки из твердого дерева. По большей части они образовывали группы — от шестнадцати до двадцати пяти штук, и Фаун поняла, что у нее перед глазами изображения отрядов; в некоторых квадратах виднелись только дырочки — колышки из них, по-видимому, недавно вынули. На каждом колышке меленькими буквами было написано имя и номер. К некоторым колышкам крепились деревянные кружочки, похожие на монетки с отверстием в середине на тонких проволочках, — по одной или по две. Кружочки тоже были пронумерованы.

— Ох! — удивленно воскликнула Фаун. — Тут же все ваши дозорные! — Всего колышков было пять или шесть сотен. Фаун наклонилась поближе, чтобы разобрать знакомые имена.

Громовержец поднял брови.

— Верно. Командир отряда может держать всех своих дозорных в голове, но если ты — командир эскадрона или всех дозорных лагеря, в голове их уже не удержишь — по крайней мере в моей голове они не умещаются.

— Как умно! Ты можешь охватить все одним взглядом. — Фаун подумала, что ей стоит поближе присмотреться к квадрату с надписью «Остров Двух Мостов» — может быть, встретятся знакомые имена. — Ах, вон Мари! И Рази, и Утау — они вернулись домой к Сарри, здорово. А где Дирла?

— На Бивер Сае, — ответил Даг, глядя, как Фаун присматривается к схеме. — Это другой остров.

— М-м?.. Ах да, вон она. Надеюсь, у нее все хорошо. У нее есть возлюбленный? Или возлюбленные? А для чего эти маленькие кружочки?

— Так отмечены дозорные, у которых есть разделяющие ножи, — ответила Мари. — Не у каждого они есть, но когда отряд отправляется в дозор, он должен включать не менее двух воинов с ножами.

— Ну да, в этом есть смысл. Никак не годится найти Злого и не иметь при этом ножа. Да и еще одного Злого потом можно встретить... И несчастный случай может произойти. — Даг с содроганием говорил о том позоре, который ложится на дозорного, случайно сломавшего разделяющий нож, и теперь Фаун поняла почему. Она вспомнила о собственном впечатляющем, хоть и странном опыте применения такого оружия. — А почему они пронумерованы?

— Военачальник в лагере ведет записи того, кто владелец использованного ножа и кто его даровал, — сказал Даг. — Это нужно, чтобы сообщить родственникам и чтобы знать, куда послать остатки ножа, если их удается сохранить.

— Поэтому и дозорные имеют номера? — хмурясь, спросила Фаун.

— Именно так. Есть еще одна книга, куда вносятся сведения о ближайших родичах и другие данные о дозорном, которые могут срочно понадобиться... или когда необходимость минует.

— М-м... — промычала Фаун, хмурясь еще сильнее. Она уперла руки в бедра, глядя на доску и представляя себе все эти жизни — и смерти, — передвигающиеся по огромным пространствам. — Вы что, связываете колышек с Даром каждого

дозорного, как это бывает со свадебным браслетом? Такое возможно?

— Нет, — ответил Даг.

— Она всегда так себя ведет? — спросил Громовержец. Подняв глаза, Фаун обнаружила, что он смотрит на нее так же пристально, как она сама — на схему распределения дозоров.

— Более или менее, — ответил Даг.

— Прошу прощения! — Фаун виновато прижала руку к губам. — Я задаю слишком много вопросов?

Громовержец бросил на нее странный взгляд.

— Нет. — Он протянул руку и вынул один колышек из кружка с надписью «Пропавшие без вести» — один из двух, которые там торчали. Держа колышек в вытянутой руке, Громовержец, прищурившись, посмотрел на мелкие буковки на нем и удовлетворенно хмыкнул. — Что ж, этот можно убрать. — С удивительной ловкостью его сильные пальцы размотали проволочку и сняли один из пронумерованных кружочков. На второй он посмотрел с нерешительностью, потом прикрепил его обратно. — Я никогда не встречался с ребятами из Лутлии — просто никогда туда не попадал. Ты позаботишься, Даг, чтобы обломкам были возданы должные почести?

— Да.

— Хорошо. Спасибо. — Громовержец все еще держал колышек в ладони, словно взвешивая его.

Даг протянул руку и коснулся единственного остающегося в красном кружке колышка.

— От Тела так и не было известий. — В этих словах не было вопроса.

— Нет, — вздохнул Громовержец.

— Уже почти два года, Громовержец, — бесстрастно проговорила Мари. — Ты мог бы его вынуть.

— Разве на доске уже не хватает места? — фыркнул Громовержец, с непонятным выражением глядя на Дага; потом он подбросил колышек, который держал в руке, и решительно воткнул его в квадрат с надписью «Список больных».

Выпрямившись, Громовержец повернулся к Дагу.

— Загляни в шатер целителей и дай мне знать, что они скажут насчет твоей руки. И зайди ко мне после того, как поговоришь с Дором. — Он махнул рукой, отпуская Дага, но тут же добавил: — Куда ты направишься теперь?

— К Дору, — ответил Даг и неохотно буркнул: — И к матери.

Мари фыркнула.

— И что же ты собираешься сказать Камбии насчет этого? — Она показала на тесьму у Дага на руке.

Даг пожал плечами.

— А что тут говорить? Я не стыжусь и не жалею, а потому на попятный не пойду.

— Она будет брызгать слюной.

— Наверняка. — Даг мрачно улыбнулся. — Хочешь пойти полюбоваться?

Мари закатила глаза.

— Пожалуй, я хотела бы отправиться в дозор. Громовержец, тебе добровольцы не нужны?

— Всегда нужны, но сегодня ты не годишься. Отправляйся домой к Каттагусу. Твой потерявшийся дозорный вернулся, и у тебя больше нет оправданий тому, чтобы околачиваться здесь и тянуть из меня душу.

— Эх... — буркнула Мари, то ли соглашаясь с этим, то ли нет — Фаун так и не поняла. Мари небрежно отсалютовала Громовержцу и Дагу, довольно насмешливо бросила Фаун: — Удачи, дитя, — и ушла.

Даг было тоже двинулся следом, но остановился и вопросительно посмотрел на Громовержца, когда тот пробормотал:

— Даг...

— Да, сэр?

— Восемнадцать лет назад, — сказал Громовержец, — ты уговорил меня поставить на тебя. У меня никогда не было оснований об этом жалеть.

— Не хочет ли он добавить «До сих пор», подумала Фаун. — Мне вовсе не хочется защищать тебя перед советом лагеря. Постарайся, чтобы до этого не дошло, хорошо?

— Постараюсь, — ответил Даг.

Громовержец изобразил что-то вроде прощального поклона, и Фаун следом за Дагом вышла из комнаты.

Жены-командирши за столом не было. Небо за окном стало серым и низко нависло, вода озера казалась оловянной, влажность и духота давили на грудь. По дороге к коновязи Даг пробормотал:

— Что ж... Могло оказаться и хуже.

Фаун узнала собственные слова, сказанные раньше, и вспомнила ответ Дага.

— В самом деле?

Губы Дага дрогнули. Улыбка получилась невеселой, и все-таки это была улыбка, а не одна из его мрачных гримас.

— В самом деле. Громовержец мог просто кинуть мой колышек в огонь. Тогда мои проблемы

его больше не касались бы.

— Как, он мог выгнать тебя из дозорных?

— Именно.

— Ох, нет! — ахнула Фаун. — А я еще наговорила ему всякого! Ты должен был меня предупредить. Только он меня разозлил, когда стал разговаривать так, словно меня рядом нет. — Немножко подумав, Фаун добавила: — Вы все трое так разговаривали.

— М-м... — Даг обнял Фаун левой рукой и на мгновение зарылся лицом в ее кудри. — Думаю, так и было. Уж очень быстро все там происходило.

Фаун подумала о том, не обменивались ли дозорные мыслями при помощи Дара, что было ей недоступно. Она и в самом деле чувствовала, что многого в той комнате не уловила.

— Что касается Громовержца, его нельзя обидеть, возражая ему, даже если ты не прав. А уж если прав, то у него достаточно крепкие плечи, чтобы вынести выговор. Громовержец не слишком любит людей, которые ползают перед ним на брюхе, а потом за его спиной жалуются.

— Это представляется разумным.

— Конечно. Ты произвела на него не такое уж плохое впечатление, Искорка. Более того, судя

по результатам, ты произвела очень хорошее впечатление.

— Ну, это снимает с моей души камень. — Фаун помолчала и озадаченно спросила: — Каким результатам?

— Он воткнул мой колышек в «список больных». Я все еще остаюсь дозорным. Совет лагеря вмешивается в споры, которые семьи не могут разрешить сами, или в споры между главами кланов. Но если дело касается дозорного, совет должен действовать через военачальника лагеря. Он как бы глава клана для нас. Не скажу, что Громовержец захочет или сможет защитить меня от последствий этого, — Даг поднял левую руку, показывая свадебный браслет, — но по крайней мере он оставляет вопрос открытым.

Фаун принялась отвязывать коней, обдумывая слова Дага. Заключение нужно было сделать такое: работа Дага — и ее тоже — позаботиться о том, чтобы последствия не вышли из-под контроля. Садясь на Грейс, Фаун заметила под грушевым деревом дощатый стол, за которым, болтая ногами, расположилась Мари, Массап, сидевшая рядом, зачарованно слушала ее. Фаун решила, что ей не требуется Дар, чтобы догадаться о теме разговора, даже если бы женщины и не бросали

любопытные взгляды в их сторону.

Даг обернул поводья Копперхеда вокруг крюка, подвел коня к крыльцу и с усталым кряхтением сел в седло. Жестом предложив Фаун следовать за собой, он выехал на идущую вдоль берега дорогу и повернул на восток.

3

Фаун обернулась в седле, чтобы посмотреть на вьющуюся через лес дорогу, по которой они приехали, потом снова повернулась лицом к озеру; впереди показался деревянный мост, перекинутый через протоку шириной футов шестьдесят. Находящийся за ней остров тянулся на запад, прикрывая со стороны озера тот, на котором располагался штаб дозорных. За мостом дорога поворачивала на север, и с нее на несколько миль открывался вид на озеро. Вдали Фаун могла видеть несколько узких лодок; часть из них были гребными, другие имели небольшие треугольные паруса. На втором острове росло совсем немного деревьев; между ними паслись кони, козы и овцы, а в тени дремали черные свиньи.

— Это и есть остров Кобылы? — предположила Фаун.

— Ага. Есть еще и остров Жеребенка, только его отсюда не видно. — Даг махнул рукой куда-то на северо-восток. — Это наши основные пастбища. Их даже нет нужды огораживать, как видишь.

— Вижу. Здорово! А есть остров Жеребца?

— Более или менее, — улыбнулся Даг. — Боль-

шинство жеребцов мы держим на Ореховом острове. — Он показал на низкую зеленую выпуклость, поднимающуюся из вод озера. — Все получается очень хорошо, пока какой-нибудь красавчик не возбудится и не попытается ночью переплыть на другой берег. Тогда приходится улаживать проблемы.

Дорога свернула под деревья, минуя группу бревенчатых строений на берегу. Через четверть мили Даг натянул поводья и, хмурясь, оглядел лужайку, на которой располагалось всего два жилища. Озеро тускло блестело в свете пасмурного, но жаркого дня.

— Шатер Редвингов, — сказал Даг.

— Ну вот. — Фаун сделала глубокий вдох. — Сейчас все и начнется, как я понимаю.

— Не совсем. Похоже, дома никого нет. Ну, по крайней мере мы можем оставить тут седла и сумки, а коней отпустить пастись.

Они выехали на лужайку. Два строения были расположены так, чтобы смотреть и друг на друга, и на озеро своими открытыми сторонами под навесами из оленьих шкур. Другие шкуры, скатанные и укрепленные на скате крыши, могли, похоже, в случае надобности служить дополнительной защитой стен. И в домах, и под

навесами пол был дощатым, а не земляным. Фаун попыталась оценивать увиденное просто, без предвзятости. Обложенный камнями очаг между двумя домами — Фаун все еще не могла заставить себя думать о них как о шатрах — в добавление к печам, которые обогревали внутренние помещения. Разбросанные повсюду сиденья, сделанные из пней или чурбаков, говорили о том, что по крайней мере летом большая часть работ производилась на воздухе.

Фаун спрыгнула на землю и помогла расседлать коней, возясь с пряжками; Даг своим крюком снял поклажу и сложил ее на крыльце правого дома, потом задумчиво почесал в затылке.

— Не знаю, куда могла отправиться мама. Дор скорее всего в хижине, где хранятся кости. А Омба, если не уехала с острова, явится первой. Поройся на дне седельной сумки, Искорка, поищи связку подков.

Фаун так и сделала; в сумке обнаружились две связки подков, по дюжине в каждой.

— Клянусь, теперь понятно, почему твои сумки были такими тяжелыми! И сколько же времени ты возишь с собой такую тяжесть?

— С тех пор, как мы уехали из Глассфорджа. Это подарок для Омбы. Хикори — богатый ла-

герь, но в здешних краях мало металла, если не считать небольших залежей меди у Медвежьего Брода. Все железо приходится покупать в других лагерях, в основном тех, что в окрестностях Трипойнта. Правда, в последнее время мы начали получать его и от фермеров, которые добывают руду в холмах за Глассфорджем. — Даг быстро улыбнулся. — Когда один молодой дозорный из Трипойнта по обмену попал в отряд Массап и заявил: «Ну, наконец-то я добрался!», ему намекнули, что было бы хорошо, если бы кони, которых он собирался подарить своей невесте — местной девушке, — прибыли с грузом железа. Такая хитрость сделала семейство Массап богатым, а Громовержец прославился изобретательностью.

Фаун подвела Грейс к сколоченной из бревен скамье и взобралась на неоседланную лошадь; Даг подцепил своим крюком обе связки подков и передал Фаун. Сам он тоже сел на Копперхеда, и они вернулись на дорогу, к мосту.

У дальнего конца пастбища Даг снова спешился, снял веревочную петлю со столбика ворот, открыл их для Фаун и закрыл за собой. Садиться на Копперхеда он не стал, а пешком направился к длинному сараю в сотне шагов от ворот. Фаун соскользнула с Грейс, не уронив при этом подко-

вы, и Даг, подцепив их своим крюком, перекинул груз через плечо. Копперхед тут же начал щипать траву; Грейс, после мгновения нерешительности, последовала его примеру.

Из всех своих родственников Даг чаще всего упоминал жену брата, сменившую имя ради свекрови. За ней — в порядке все нараставшей сдержанности — шли дед Дага, которого тот вспоминал с любовью, Дор, к которому Даг относился с холодным уважением, их отец, о котором Даг говорил с отстраненностью и сожалением, и наконец — в омуте молчания — мать. Каждый раз, когда Фаун поворачивала разговор на нее, Даг уклонялся. С Омбой — объездчицей, лошадиной повитухой, шорником и, как выяснилось, кузнецом, подковывающим лошадей, — такой проблемы не возникало.

Обойдя сарай и заглянув под деревянный навес, Фаун легко узнала Омбу — та вышла из двери, восклицая:

— Даг! Наконец!

Омба была не такой худой, как Мари, и гораздо ниже той ростом, хотя все равно оказалась бы выше любого мужчины из семьи Фаун. Фаун дала бы ей лет пятьдесят; это означало, что на самом деле ей скорее всего лет на пятнадцать больше.

Одета она была примерно так же, как одевались женщины-дозорные, и Фаун решила, что штаны носят все Стражи Озера, которым приходится ездить верхом. Кожа Омбы, хоть и загорелая и обветренная, была более светлой, чем у Дага, а глаза имели красивый серебристо-голубой оттенок. Заплетенные в косу темные волосы, тронутые сединой, ничем не были украшены. Заметив лубок на руке Дага, Омба уперлась руками в бедра и воскликнула:

— Отсутствующие боги! Братец, что ты сделал со своей правой рукой? — После мгновенной паузы она добавила: — Отсутствующие боги, Даг, что ты сделал со своей левой рукой?

Даг с кривой улыбкой поздоровался с невесткой.

— Привет, Омба. Мы привезли тебе кое-что. — Он жестом предложил Фаун выйти вперед; она протянула Омбе связки подков.

Лицо Омбы озарилось радостью, и она схватила подарок.

— Как же они мне нужны! — Однако она замерла на месте, увидев тесьму на запястье Фаун; дыхание словно застряло у нее в горле. Омба посмотрела в лицо Фаун расширившимися глазами, разрываясь между недоверием и смятением.

— Ты же крестьянка! Значит, ты та самая крестьянка...

На мгновение Фаун показалось, что для Стражей Озера есть какое-то тайное значение в том, что Даг исхитрился заставить Омбу принять подарок из рук Фаун, но ни времени, ни возможности для того, чтобы задать вопрос, у нее не было. Она сделала книксен и выдохнула:

— Привет, Омба. Я Фаун, жена Дага. — Она не стала претендовать на большую близость, говоря «Я твоя новая сестра»; это должна была решить сама Омба.

Омба повернулась к Дагу, и ее брови полезли вверх.

— И кем же это делает тебя, Даг Редвинг Хикори? Не считая того, что ты свалился в яму вниз головой?

— Мужем Фаун. Дагом Блуфилдом... это еще предстоит уточнить.

А может быть, случившееся делало Дага больше не братом для Омбы? Обычаи Стражей Озера все еще были для Фаун загадкой.

— Ты уже виделся с Громовержцем? — спросила Омба.

— Мы как раз от него. Видели там Мари...

— Ты ему сказал об этом? — Омба кивком ука-

зала на Фаун.

— Конечно.

— И что он с тобой сделал?

— Включил в список больных. — Даг качнул лубком. — Это тоже предстояло уточнить, по крайней мере я так понял.

Омба шумно выдохнула воздух; ее удивление было совсем не лестным. Однако не было в нем, подумала Фаун, и враждебности. Она изо всех сил ухватилась за это открытие. Похоже, Даг не воспользовался ее советом начать с наиболее трудных случаев. Что ж, учитывая все, что могло ожидать их позже, отсутствие враждебности казалось, пожалуй, хорошим знаком.

— Что Мари прошлым вечером рассказала вам всем? — спросил Даг.

— Ох, Мари и закатила сцену! Сначала она, как пришла, спросила, не получали ли мы от тебя известий — нас это потрясло, ведь предполагалось, что ты с ней. Потом она сказала, что отправила тебя домой из Глассфорджа несколько недель назад. Мы перепутались: не ранен ли ты, но она сказала «нет». Это верно? — Омба посмотрела на лубок.

— В то время так и было. Перелом я заработал по дороге. Рассказывай дальше.

— Потом Мари выдала нам дикую историю про какую-то милашку — деревенскую девчонку, каким-то образом замешанную в твоей последней расправе со Злым, — Омба бросила на Фаун любопытный взгляд, — которой я не очень-то верила... до сих пор. Еще Мари сказала, что ты с крестьянкой вместе бросился со скалы, — и твоя мама стала горячо отрицать возможность такого, одновременно упрекая Мари в том, что она это допустила. Ну, тут я помалкивала, хоть и желала, чтобы ты выпутался.

— Спасибо, — мягко сказал Даг.

— Ха! Я и подумать не могла... никак не могла вообразить... Мари сказала, что ты отправился вместе с крестьянской девушкой, предполагалось, что ты доставишь ее домой. Мари опасалась, что ты пострадал от рук ее родичей — она говорила, что опасается, как бы тебя не охолостили. Это, должно быть, и означало, что ты бросился со скалы. Когда Мари и твоя мама принялись упрекать друг друга в грехах двадцатипятилетней давности, я смылась. Только потом Мари отозвала Дора на причал, чтобы поговорить с ним наедине. Он не сказал, о чем шла речь, только буркнул, что это касается его работы по кости, а даже твоя мама теперь уже знает, что ничего больше из него не

вытянет.

По-видимому, Мари сохранила в секрете рассказ Дата о том, что случилось со вторым разделяющим ножом, как и признание Фаун в беременности и выкидыше — по крайней мере в присутствии матери Дага. Фаун неожиданно почувствовала, что относится к Мари лучше, чем раньше.

— Ох, Даг, — вздохнула Омба, — эта твоя выходка превосходит все, что ты вытворял до сих пор.

— Подумай о преимуществах: теперь, что бы ты ни сделала, превзойти меня ты не сможешь. Даже прошлые твои приключения могут казаться теперь безобидными.

Омба смущенно кивнула.

— Уж это точно. — Она повесила связки подков на крюк на столбе и вскинула руки, словно защищаясь. — Думаю, мне лучше держаться от всего этого подальше, если ты не возражаешь.

— Конечно, попробуй, — дружески кивнул Даг. — Мы заглянули в шатер, чтобы оставить там вещи, но там никого не оказалось. Где все?

— Дор ушел в свою хижину — то ли работать, то ли просто чтобы не мозолить глаза. Мари ужасно тревожилась о тебе, и это его, я думаю, поразило сильнее, чем он желал признаваться. Мари ведь

даже сказала вчера твоей матери «Мне очень жаль».

— А мама?

— Сегодня ее очередь развозить на плоту и распределять кидальники.

— Ну как же, — фыркнул Даг.

— Ее пытались убедить остаться на берегу из-за больной спины, но она махнула рукой на спину и отправилась. Сегодня ни один кидальник не похлопает ушами.

Фаун растерялась.

— Распределяет кидальники? Разве их не хватает?

— Нет, — ответил Даг. — В это время года кидальники не просто в достатке — они в излишке.

Омба ухмыльнулась.

— Даг все не может пережить, как она берегла свои запасы в лагере у Медвежьего Брода, словно за это была обещана награда, и к весне сохранила их в неприкосновенности, а потом заставляла всех есть кидальники прошлогоднего урожая, когда уже появились свежие.

Уголки губ Дага поползли вверх.

— Ага.

— Ей что, приходилось голодать? — спросила Фаун. — Это, как я слышала, заставляет людей

относиться к еде по-особому.

— Насколько мне известно, такого с ней не бывало, — сказала Омба.

«Она разговаривает со мной, замечательно!» Впрочем, люди охотно перемывают косточки своей благоприобретенной родне и не побрезгуют разговаривать со всеми, кто готов слушать, так что это, может быть, ничего особенного и не значит...

— Не то чтобы в конце зимы у кого-нибудь был большой выбор, — продолжала Омба, — а моя свекровь прижимистая и всегда была такой. Я хорошо помню то лето, когда мы с Дором влюбились друг в друга... ты как раз тогда сделался таким длинным и тощим, Даг. Мы думали, что тебя морят голодом. Половина лагеря тайком таскала тебе еду.

Даг рассмеялся.

— Я тогда был готов отнимать корм у коз. Их ведь кормят кидальниками, — пояснил он Фаун. — Не знаю, почему я так не поступил. Теперь я был бы не таким нерешительным.

— Все знают, что дозорные всеядны. — Омба задумчиво взглянула на Фаун, подняв бровь, и та подумала: не следовало ли ей покраснеть?

Чтобы прогнать эту мысль, Фаун спросила:

— А кидальники хлопают ушами?

— Когда кидальники извлекают со дна озера, — объяснил Даг, — у них по бокам растет несколько долек размером с половину ладони. Их обламывают и кидают снова в ил, чтобы получить урожай на следующий год, — отсюда, кстати, и их название. Ушей всегда бывает больше, чем нужно для посадки, так что излишки скармливают козам и свиньям. Подростки обожают плескаться вокруг плотов, с которых идет сбор кидальников, — из ушей получаются замечательные снаряды, не особенно смертоносные... особенно если у тебя хорошая рогатка, — добавил Даг, голос которого неожиданно согрело воспоминание. Он помолчал и откашлялся. — Взрослые, конечно, не одобряют такое расточительство.

— Ну, не все, — сказала Омба. — Некоторые еще не забыли собственные рогатки. Наверное, кому-нибудь следовало подарить твоей матери рогатку, когда она была девчонкой.

— Теперь она в таком возрасте, когда люди не меняются.

— Ты же изменился.

Даг пожал плечами и только спросил:

— Как поживают Ласточка и Черныш?

Лицо Омбы просветлело.

— Замечательно. Этот вороной будет прекрасным производителем, когда вырастет. Ты получишь за него хорошую цену. Или, если наконец решишь отправить своего Безмозглого собакам на корм, сможешь ездить на нем сам. Я его для тебя объезжу. Вы с ним в дозоре будете чудесно выглядеть.

— М-м... Спасибо, но нет. Завтра или послезавтра — как только у меня появится время — я заберу их из табуна: Ласточку можно навьючить, а Черныш станет заводным конем. Отправлю их в Вест-Блу как свадебный подарок матери Фаун — я и так ужасно опоздал с этим.

— Твоих лучших коней! — в растерянности воскликнула Омба.

— Почему бы и нет? — лениво улыбнулся Даг. — Они отдали мне свою лучшую дочь.

— Но я — единственная дочь, — возразила Фаун.

— Так тогда и соперничать с тобой некому, — сказал Даг.

Омба поймала свою косу и стала теребить кончик.

— Отправить крестьянам! Что они смыслят в конях Стражей Озера? Что, если они вздумают пахать на Ласточке! Или охолостят Черныша?

Или... — Омба сморщилась, явно представив себе еще худшую участь, которая ждет ее драгоценных коней в руках крестьян.

— Моя семья хорошо заботится о своих конях, — чопорно сказала Фаун, — и обо всех своих животных вообще.

— Они не поймут... — продолжала сокрушаться Омба.

— Ну я-то пойму, — возразил Даг. — Увидимся за ужином. Кто сегодня готовит?

— Камбия. Вы можете по дороге стащить кидальник — другой у коз, чтобы подкрепить силы.

— Спасибо, но мы, по-моему, доживем до ужина. — Даг знаком поманил Фаун прочь. Она на прощание сделала Омбе книксен; та, покачав головой, только насмешливо помахала рукой. Однако женщина не проявила враждебности, напомнила себе Фаун.

Когда они снова подошли к мосту, Даг придержал ворота, пропуская девушку с двумя лошадьми, навьюченными корзинами с кидальником. Девушка благодарно кивнула. Эти кидальники, заметила Фаун, были разломаны или покрыты пятнами, и, оглянувшись, она увидела, что девушка разбрасывает их по бокам дорожки; козы и свиньи сразу начали сбегаться к

такому угощению.

— Животные Стражей Озера тоже едят кидальники, да?

— Кони, коровы и овцы не могут их есть, а вот свиньи и козы охотно хрупают. Собаки тоже.

— Я что-то собак не заметила. Я думала, вы держите их много — для охоты и прочего... даже для выслеживания Злых.

— Много собак мы не держим. Они скорее помеха, чем помощь в дозоре. Злые сразу на них накидываются, а защищаться собакам нечем. Так что если ты пытаешься разделаться со Злым, не следует отвлекаться, пытаясь спасти свою собаку, особенно если Злой набрасывается на тебя самого.

Они шли обратно по идущей вдоль озера дороге, и Фаун с любопытством спросила:

— А твоя мать когда-нибудь была дозорной?

— Думаю, что необходимую подготовку в молодости она получила. Все молодые Стражи Озера совершают хотя бы короткие рейды вокруг лагеря. Дозорных отбирают главным образом по двум признакам: здоровью и силе и дальности, на которую достает их Дар. Не каждый может озирать окрестности с помощью Дара так, как это требуется в дозоре. Небольшая дальность не

воспринимается как недостаток: многие очень искусные мастера не могут распространить Дар больше, чем на длину руки.

— Дор тоже такой?

— Нет, у него дальность почти такая же, как у меня. Ему просто еще лучше удается работать с костями. А вот чего всегда хотела моя мать... — Даг умолк.

Уж не собрался ли он поделиться полезной информацией? Нет, похоже, нет. Фаун вздохнула и попыталась разговорить его.

— Хотела чего?

— Иметь больше детей. У нее не получилось — то ли потому, что отец слишком часто отсутствовал, то ли просто не везло — не знаю. Я должен был родиться девочкой. Это был мой следующий промах после того, что я и родился поздно. До меня должно было родиться еще восемь детей... или в крайнем случае я сам должен был ими обзавестись, и не в Лутлии или где-то еще, а здесь, в лагере Хикори. Вторая попытка у матери была с Дором и Омбой: она вроде как принудительно заставляла Омбу рожать, что сначала вызвало некоторые трения — пока Омба не смирилась и не занялась лошадьми. Все уже утряслось к тому времени, когда я, лишившись руки, вернулся из

Лутлии. Правда, все еще сохраняется некоторая... не сказал бы, что напряженность, но чувствительность в этом вопросе.

Разногласия свекрови и невестки были обычным делом в мире Фаун; ей нетрудно было следить за рассказом Дага. Интересно, не заставит ли Камбию неудовлетворенная жажда иметь дочерей принять под свое крыло крестьянскую девчонку, которую, как какой-то неуклюжий сувенир, притащил из дозора Даг... Приняла же она, в конце концов, одну невестку — что тоже шло вразрез с обычаем. Может быть, у них есть какая-то надежда?

— Даг, — неожиданно спросила Фаун, — а где я буду жить?

Даг оглянулся на нее и поднял брови.

— Со мной.

— Да, но когда ты будешь отсутствовать — отправишься в дозор?

Молчание, которое было ответом, затянулось слишком надолго.

— Даг!

Он вздохнул.

— Посмотрим, Искорка.

Они уже почти дошли до семейного жилища, когда Даг помедлил у начала тропы, уходящей в

лес. Обнаружил ли он что-то при помощи своего Дара, Фаун определить не могла, но Даг сделал приглашающий жест и свернул направо. Листья прямых высоких деревьев — тут росли по большей части карий — пропускали зеленоватый свет, так что казалось, будто Даг и Фаун путешествуют в подводном царстве. На этой плоской равнине кустарник почти не рос; однако Фаун заметила ядовитый сумах и постаралась держаться середины проторенной тропы, кое-где окаймленной побеленными камнями.

Примерно через сотню шагов они вышли на полянку. Посередине ее виднелась небольшая хижина — на этот раз самая настоящая, с четырьмя стенами и, к удивлению Фаун, с застекленными окнами: даже в здании штаба дозорных рамы были затянуты пергаментом. Еще больше смутили Фаун подвешенные к карнизу крыши человеческие кости — по одной или парами; ветерок, вздыхавший в шуршащих листьях карий, слегка колыхал их. Фаун с трудом удалось заставить себя не слышать в этом шелесте призрачный шепот.

Даг проследил за взглядом широко раскрытых глаз Фаун.

— Так их готовят...

— По-моему, этих людей уже ни к чему не под-

готовишь, — пробормотала Фаун, и губы Дага дрогнули в улыбке.

— Если Дор работает, не заговаривай с ним, пока он сам не обратится к нам, — тихо предупредил Фаун Даг. — Впрочем, так же следует себя вести, даже если кажется, что он ничем не занят. — Фаун закивала. Собрав вместе все, что могла почерпнуть из туманных рассказов Дага, она решила, что Дор ближе всего соответствует представлениям о настоящем некроманте — Страже Озера. Ей и в голову не пришла бы такая глупость — прервать какое-нибудь его колдовство. Орех, сорвавшийся с ветки, щелкнул и со стуком покатился по дранке крыши, и Фаун подпрыгнула и вцепилась Дагу в руку. Он ободряюще улыбнулся и повел ее вокруг хижины. У южной стены виднелось крыльцо; выходящая на него дверь была распахнута и подперта чурбаком. Однако хозяин хижины, которого они искали, оказался на окраине полянки: он просто обтачивал деревяшку; это было такое обыкновенное и совсем не колдовское занятие, что Фаун даже заморгала.

Дор был более коренастым, чем Даг, — солидным мужчиной среднего возраста с квадратным лицом и решительным подбородком. Работая, он снял рубашку; его кожа оказалась такой

же медной, как у Дага, хотя более равномерно загоревшей. Темные волосы были стянуты в траурный пучок, и это заставило Фаун гадать, по ком он скорбит, раз Омба, его жена, траура не носит. Если в волосах Дора и была седина, на расстоянии разглядеть этого Фаун не могла. Одной ногой Дор натягивал привязанную к шкиву веревку; шкив вращал заготовку из мягкого дерева. Дор обеими руками держал изогнутый нож, из-под которого вилась светло-желтая стружка, падая на скопившуюся внизу кучу. Две уже выточенные чаши стояли на чурбаке рядом. В куче стружек виднелись треснувшая заготовка и уже законченная чаша, которая показалась Фаун вполне исправной.

Взгляд Фаун привлекли руки Дора: сильные, с длинными пальцами, как у Дага, быстрые и уверенные. Как странно, что это представилось ей таким необычным: видеть две вместе работающие руки...

Дор поднял глаза. Они оказались ясными и более темными чем у Дага. Потом Дор снова опустил взгляд, по-видимому не желая прерывать работу, но после еще одного поворота заготовки пробормотал что-то себе под нос, нахмурился, вынул из зажима заготовку и бросил ее на кучу

стружек. Кинув нож к чурбаку, на котором стояли готовые чащи, Дор повернулся к Дагу.

— Прости, что отвлекаю, — сказал Даг, кивнув на незаконченную чашу. — Мне сказали, что ты хочешь видеть меня немедленно.

— Да! Даг, где ты был?

— Добирался сюда. Случилось несколько задержек. — Даг показал на свой лубок.

На этот раз внимание собеседника переключить не удалось. Голос Дора зазвучал более резко, когда взгляд его упал на браслет на левой руке брата.

— Что за глупость ты совершил? Или, может быть, ты наконец что-то сделал правильно? — Дор с шипением выдохнул воздух, пристально оглядев Фаун. — Нет. На такое надеяться нельзя. — Сведя брови, Дор уставился на левое запястье Фаун. — Как вы это сделали?

— Вполне успешно, — ответил Даг, заработав за это раздраженный взгляд брата.

Дор подошел ближе, продолжая с ужасом глядеть на Фаун.

— Так, значит, и в самом деле имеется крестьянская свинка.

— В самом деле, — голос Дага внезапно стал сухим, — это моя жена. Миссис Фаун Блуфилд.

Фаун, познакомься с Дором Редвингом.

Фаун выдавила из себя дрожащую улыбку. Колени держали ее слишком плохо, чтобы она рискнула сделать книксен.

Дор попятился назад.

— О боги, ты ведь всерьез это затеял!

Голос Дага стал еще более холодным.

— Абсолютно всерьез.

Какое-то мгновение они смотрели друг другу в глаза, и у Фаун возникло сводящее с ума ощущение, что они обменялись какими-то посланиями, которых она снова не уловила, хотя дело явно касалось довольно оскорбительного названия «свинка». Судя по тому, как вспыхнули глаза Дага, это было очень оскорбительное название; правда, Фаун не могла понять почему: «цыпленок», «жеребенок», «свинка» — все это были, по ее опыту, ласковые обращения. Может быть, разницу составляло то, каким тоном они произносятся... Как бы то ни было, уступил Дор; он хоть и не извинился, но поспешно переменил тему.

— Громовержец лопнет от злости.

— Я виделся с Громовержцем. Когда мы расставались, он был цел. И Мари тоже.

— Только не говори мне, что он счастлив от того, что случилось.

— Я и не говорю. Но и глупостей делать он не стал. — Еще один намек на предостережение? Может быть — Дор перестал протестовать, хоть и махнул безнадежно рукой. Даг продолжал: — Омба сказала, что Мари говорила вчера с тобой наедине, после того как увиделась с остальными.

— Ох и крика же было! Мама всегда воображает, что ты валяешься мертвый в канаве, и не то чтобы она была далека от истины на этот раз... но от Мари я такого не ожидал.

— Она рассказала тебе, что случилось с моим разделяющим ножом?

— Да. Только я и половине не поверил.

— Которой половине?

— Ну, это трудно определить, пожалуй. — Дор пристально взглянул на Дага. — Ты его принес?

— Именно поэтому мы явились сюда.

В рабочую хижину Дора? Или вообще в лагерь Хикори? Слова Дага можно было истолковать и так, и иначе.

— С мамой ты уже виделся?

— Это следующий пункт программы.

— Думаю, — вздохнул Дор, — что будет лучше, если я взгляну на нож здесь. Прежде чем начнется настоящий переполох.

— Я тоже так подумал.

Дор жестом предложил Дагу и Фаун пройти к крыльцу. Даг опустился на ступеньку, Фаун села рядом, рассчитывая на его поддержку, а Дор уселся на чурбак рядом с крыльцом.

— Дай Дору нож, — — сказал Даг и подбадривающе чмокнул Фаун в макушку; это заставило Дора скривиться, как будто от дурного запаха. Фаун нахмурилась, но снова выудила мешочек из-за пазухи. Она предпочла бы отдать его в руки Дага, чтобы уже тот передал его брату, но такое оказалось невозможно. Она неохотно протянула мешочек Дору, который взял его у нее почти столь же неохотно.

Дор не стал немедленно вынимать клинок; несколько мгновений он просто сидел, держа мешочек на коленях. Потом он сделал глубокий вдох, словно сосредоточиваясь, всякое выражение сбежало с его лица. Поскольку раньше лицо его выражало неудовольствие и неодобрение, Фаун не возражала против такой перемены. Теперь Дор казался далеким, лишенным всяких чувств.

Обследовал он нож примерно так же, как и другие Стражи Озера: сжал в ладонях, потом поднес к губам; однако Дор коснулся ножа и щекой, и лбом, то открывая, то закрывая глаза; все это тянулось довольно долго.

Наконец Дор поднял глаза и бесцветным голосом попросил Дага еще раз описать ему точную последовательность событий в пещере Злого, указывая примерную длительность каждого движения. Фаун Дор ни о чем не спрашивал. Он посидел еще некоторое время, потом отсутствующее выражение исчезло и он снова поднял глаза.

— Так что же ты можешь сказать обо всем этом? — спросил Даг. — Что случилось?

— Даг, не можешь же ты ожидать, что я стану обсуждать тонкие вопросы своего ремесла в присутствии какой-то крестьянки.

— Нет, я ожидаю, что ты будешь обсуждать их — и в полном объеме — в присутствии матери зарядившей нож девочки.

Дор поморщился, но тут же контратаковал, впервые обратившись прямо к Фаун:

— Да, и как же ты оказалась беременна?

Неужели ей нужно было исповедоваться во всем глупом эпизоде с идиотом Санни? Фаун вопросительно посмотрела на Дага; тот слегка покачал головой. Собравшись с мужеством, Фаун холодно ответила:

— Обычным образом, насколько я могу судить.

Дор раздраженно заворчал, но дальше не расспрашивал.

Вместо этого он обратился к Дагу:

— Она не поймет.

— Тогда ты не выдашь никаких секретов, верно? Начни сначала. Она знает, что такое Дар.

— Сомневаюсь, — кисло протянул Дор.

Даг рукой в лубке коснулся свадебного браслета.

— Дор, она сделала его. И другой тоже.

— Она не могла... — Некоторое время Дор молчал, нахмурив брови. — Ну хорошо, бывает иногда везение... И все-таки я думаю, она не поймет.

— А ты попробуй. Фаун может тебя удивить. — Даг еле заметно улыбнулся. — Вдруг ты окажешься лучшим учителем, чем думаешь.

— Хорошо, хорошо... Хорошо! — Дор недовольно посмотрел на Фаун. — Нож... то есть умирающее тело, которое... ах... Нужно начать с самого начала. Дар есть во всем, ты это понимаешь?

Фаун взволнованно закивала.

— Живые существа создают Дар и меняют его сущность. Накапливают его. Они всегда творят, но творят они себя. Когда человек поедает пищу, ее Дар не исчезает, он переходит человеку и меняется. Когда человек — или любое живое существо — умирает, Дар высвобождается. Та его часть, что связана с материальными частями,

медленно распадается одновременно с разложением тела, но нематериальная часть, самая сложная внутренняя суть, улетучивается вся разом. Ты следишь за моей мыслью? — отрывисто спросил Дор.

Фаун кивнула.

Дор пренебрежительно посмотрел на нее, словно хотел сказать «Не думаю, что это так», но продолжал:

— Так и происходит упадок живых существ: они медленно наращивают Дар по краям и одновременно постоянно теряют его. Болезнь убивает потому, что высасывает Дар слишком быстро, чтобы рост на краях это восполнил. Злой пожирает Дар, вырывая его из живых существ так же, как волк разрывает на части свою добычу.

Услышав такое сравнение, Дат не поморщился, хотя и напрягся. Он даже еле заметно согласно кивнул, решила Фаун. Она поежилась и сосредоточилась на том, что говорил Дор, поскольку не ожидала от него снисходительности, если его начнут прерывать вопросами, — по крайней мере, если вопросы начнет задавать она.

— Разделяющие ножи... — Дор коснулся ее клинка. — Внутренняя поверхность бедренной кости от природы в родстве с кровью, и эта близость

может быть усилена, когда мастер придает ножу форму. Именно это я и делаю в добавление к... к внушению ножу предназначенной ему судьбы. Я действую в согласии с дарителем смерти, и кровь его или ее сердца участвует в создании ножа, потому что живая кровь несет его или ее Дар.

— Ох! — выдохнула Фаун изумленно, но тут же поспешно закрыла рот.

— Что еще? — недовольно спросил Дор.

Фаун оглянулась на Дага; тот только поднял брови.

— Следует ли мне рассказать?..

— Несомненно.

Фаун искоса взглянула на нахмурившегося и грозного — несмотря на отсутствие рубашки — мастера.

— Может быть, лучше, если ты все объяснишь, Даг.

Даг насмешливо улыбнулся брату.

— Фаун заново изобрела эту технику, чтобы заставить свой Дар проникнуть в мой свадебный браслет. Это оказалось для меня полной неожиданностью. Более того, когда я понял, что она делает, я чуть не свалился со скамьи. Так что, сказал бы я, она понимает тебя всей душой.

— Вы использовали прием создания ножа для

изготовления свадебной тесьмы? — растерянно переспросил Дор.

Даг поднял левое плечо.

— Это сработало. Единственный намек, который она получила от меня, — это упоминание за несколько дней до того и по совсем другому поводу, что кровь содержит Дар человека некоторое время после того, как покинет тело.

— Везение, — пробормотал Дор, хотя уже не так уверенно, и снова пристально взглянул на свадебный браслет.

— Ага, такова жизнь с Фаун — одно везение за другим, и так без конца. Ты объяснял процесс изготовления ножа. Продолжай.

Даг, поняла Фаун, уже по крайней мере один раз наблюдал изготовление ножа в положении восприемника, хоть мастер в Лутлии был не Дором. Кроме того, что-то он узнал и от брата, пусть и урывками.

Дор сделал глубокий вдох и стал рассказывать дальше:

— Таким образом, к моменту окончания изготовления мы имеем некоторое количество Дара дарителя в ноже, и этот Дар... можно сказать, что он испытывает голод по остальному. Он жаждет воссоединиться со своим источником. И

наоборот. И теперь дело доходит до заряжения как такового. — Лицо Дора было сурово, и это не имело к ней лично никакого отношения, подумала Фаун.

— Когда нож... — Дор заколебался, потом выбрал простое и жесткое слово, — вонзается в сердце заряжающего, убивая его, исходный Дар умирающего начинает распадаться, и именно в этот момент он входит в нож... и удерживается там.

— Почему он просто не распадается весь? — не удержалась от вопроса Фаун и тут же мысленно выругала себя за то, что перебила Дора.

— Это еще один аспект работы мастера. Если твое везение позволит тебе и это скопировать, желаю удачи. Я ведь не просто резчик по кости. — Улыбка Дора была холодной. — Когда кому-нибудь — например, Дагу — удается вонзить заряженный нож в Злого, Злой, который питается Даром и не может остановиться, пожирает распадающийся Дар, освобожденный сломавшимся ножом. Можно сказать, что Дар смертного отравляет Дар Злого или оказывается чем-то вроде удара молнии в дерево или... существует много способов описать это, и все они слегка неверны. Однако Дар Злого включается в распад смертного Дара, и поскольку Злой состоит из одного Дара,

все материальные элементы, которые он удерживает, делаются ему неподвластны.

Фаун коснулась отметин на шее.

— Это я видела.

Дор нахмурил брови.

— Насколько близко к нему ты была?

Фаун вытянула руку и прищурилась.

— Примерно на половину длины руки, наверное. — А руки у нее не были особенно длинными...

— Дор, — сказал Даг мягко, — если ты еще не понял, повторяю: Фаун вонзила мой заряженный нож в Злого в окрестностях Глассфорджа, и я могу утверждать на основании богатого личного опыта, что она была намного, намного ближе к твари, чем рискнул бы любой разумный человек.

Дор смущенно откашлялся, не отрывая глаз от лежащего у него на коленях ножа.

— Почему вы не можете использовать Дар умирающих животных, чтобы отравить Злого? — вырвалось у Фаун прежде, чем она сумела себя остановить.

Даг слегка улыбнулся, но Дор нахмурился, глубоко оскорбленный, и сухо ответил:

— Они не обладают силой. Только Дар Стража Озера, добровольно им пожертвованный, уби-

вает Злого.

— А нельзя ли было бы использовать многих животных?

— Нет.

— А такие попытки делались?

Дор нахмурился еще сильнее.

— Животные не годятся. Крестьяне не годятся тоже. — Губы Дора искривила злобная улыбка. — Сама найдешь тут связь.

Фаун стиснула зубы: до нее начало доходить, насколько оскорбительно высказался Дор, назвав ее свинкой.

Даг сурово и предостерегающе взглянул на брата, но сказал только:

— Это не только вопрос силы, хотя отчасти и силы тоже. Дело еще и в сходстве.

— В сходстве? — Фаун сморщила нос. — Ладно, не важно. Что произошло с моей... со вторым ножом Дага? — Она кивком указала на клинок.

Дор вздохнул, словно был не особенно уверен в том, что собирается сказать.

— Ты должна понять: Злой — колдун. Его рождает земля, до первой линьки он неподвижен, но все равно остается более могущественным колдуном, чем любой человек в отдельности, и со временем делается все сильнее. Итак... Во-первых,

Злой похитил Дар твоей нерожденной дочери.

Воспоминание родило печаль.

— Да. Мари сказала, что никому не было известно, будто Злые способны разделять мать и дитя. Это важно? — Было бы некоторым утешением, если бы пережитый кошмар дал знание, способное в будущем кому-то помочь.

Дор пожал плечами.

— Мне пока неясно, имеет ли это какое-то практическое значение.

— Зачем Злым младенцы?

Дор вытянул вперед руку и перевернул ее ладонью вверх.

— Тут происходит обратное тому, что делает разделяющий нож. Нерожденные и в меньшей степени совсем маленькие дети наиболее активно творят самую сложную часть своего Дара. Злой, готовящийся к линьке — к главной части своего самосоздания или воссоздания, — жаждет такой пищи.

— А не может он воровать Дар беременных животных?

Дор поднял бровь.

— Возможно, и мог бы, если бы стремился обрести тело животного, а не человека.

— Злые на такое способны и делают это, — вме-

шался Даг. — Злой на Волчьем перевале не мог раздобыть достаточное количество людей, так что он отчасти использовал для своей цели волков. Я слышал от тех дозорных, кто участвовал в уничтожении того Злого, что его форма была весьма... весьма странной, а он уже давно пережил свою первую линьку.

Фаун позволила своему беспокойству отразиться на лице; то же, как она заметила, сделал Дор.

— Во-вторых, — продолжал Дор, — ты вонзила в тварь незаряженный нож Дага.

— В бедро, — кивнула Фаун. — Он сказал — «куда угодно». Я не знала...

— А потом так и оставила нож, верно?

— Да. Это случилось, когда привидение... когда Злой схватил меня во второй раз, за шею. Я думала, он разорвет меня на части, как цыпленка.

Дор взглянул на отметины на шее Фаун и отвел глаза.

— И тогда ты вонзила уже заряженный нож.

— Я подумала, что нужно торопиться. Нож сломался... — Фаун поежилась, вспомнив пережитый ужас, и левая рука Дага крепче ее обняла. — Я решила, что испортила его. Но тут Злой выронил меня и... и вроде как растаял. От него воняло.

— Тут годится простейшее объяснение, — ска-

зал Дор решительно. — Человек, который несет что-то драгоценное для себя, если спотыкается и падает, старается уберечь свое сокровище, даже ценой увечья. Злой получил драгоценный для него Дар, и тут же, через несколько секунд, оказался приобщен к смерти. В момент падения он слепо попытался спрятать этот Дар в безопасное место: в незаряженный нож. Злой, несомненно, обладал достаточной для этого силой, он не был вынужден... Конечный результат оказался таким: Злой был уничтожен, а в незаряженный нож ненамеренно помещен Дар. — Дор задумчиво пососал губу. — Возможно, существует и более сложное объяснение, но я не услышал ничего, что говорило бы о его необходимости.

— Хм-м... — протянул Даг. — Так все-таки будет этот нож работать как разделяющий или нет?

— Дар, который в нем, — странный. Он был пойман и связан в момент наиболее интенсивного самосоздания и в то же время самого абсолютного распада. Что ж, это, в конце концов, всего лишь Дар крестьянки. — Он бросил на Фаун пристальный взгляд. — Если только в ребенке было что-то, о чем мне не сказали... Смешанная кровь, например. — Вопросительный взгляд, который Дор устремил на брата, был холоден и не особен-

но почтителен.

— Это был крестьянский ребенок, — тихо сказала Фаун, глядя в землю. Перед крыльцом в грязь было втоптано несколько древесных стволов... Рука Дага снова обвила Фаун.

— Тогда Дар не имеет сходства со Злым, и нож бесполезен. Незаряженный нож, оказавшийся осквернённым, иногда может быть очищен и посвящен заново, но не в этом случае. Моя рекомендация такая: сломай нож, чтобы освободить бесполезный крестьянский Дар, и сожги или отправь родичам Каунео, придумав пристойное объяснение, — а потом начни все сначала с новым ножом. — Голос Дора стал более мягким. — Мне жаль, Даг. Я знаю, что ты носил этот нож с собой на протяжении двадцати лет не для того, чтобы ему выпал такой бесславный конец. Но, знаешь ли, такое иногда случается.

Фаун оглянулась на Дага.

— Верни мне его, — сказала она Дору упрямо и протянула руку.

Дор вопросительно посмотрел на Дага, не получил поддержки и неохотно отдал ножны с клинком Фаун.

— Очень многие ножи так никогда и не используются, — сказал Даг, притворяясь незаинтере-

сованным. — Не вижу особой необходимости спешно уничтожать этот. Если он не служит никакой цели целым, то уж тем более не послужит сломанным.

Дор поморщился.

— Для чего тогда ты будешь его хранить? Как украшение на стене? Как устрашающее напоминание о твоем маленьком приключении?

Даг улыбнулся Фаун, и она подумала, что выглядит сейчас, должно быть, унылой. Ей было холодно.

— Одной цели он по крайней мере послужил, — сказал Даг. — Он свел нас вместе.

— Тем больше оснований его сломать, — мрачно проговорил Дор.

Фаун вспомнила такое же предложение Дага, сделанное им давно, еще на ферме Хорефордов. «Мы могли бы сэкономить много сил». Как могли два одинаковых предложения восприниматься как полные противоположности? Доверие и недоверие... Она надеялась, что скоро сможет остаться с Дагом наедине, спросить его, принимает ли он суждение брата полностью или отчасти или не принимает совсем и им нужно будет искать совета другого мастера. На лице Дага ничего нельзя было прочесть. Фаун снова спрятала мешочек с

ножом за пазуху.

Даг встал и потянулся.

— По-моему, наступает время ужина. Ты пойдешь и посмотришь на представление, Дор, или спрячешься здесь?

Фаун начинала мечтать о том, чтобы они с Дагом могли спрятаться, потом, взглянув на колеблемые ветерком кости, решила, что лучше не здесь. Но хоть где-нибудь...

— О, я пойду, — сказал Дор, поднимаясь, чтобы отнести внутрь хижины резец и готовые чаши. — Можно разделаться с этим раз и навсегда.

— Оптимист, — усмехнулся Даг, уступая дорогу поднимающемуся на крыльцо брату.

Фаун увидела сквозь дверь опрятную рабочую комнату, стол с аккуратно разложенными инструментами и маленький очаг у противоположной стены. Дор снова вышел наружу, поправляя надетую рубашку и не обращая никакого внимания на ту легкость, с которой его пальцы застегивали пуговицы... запер дверь и расторопно закрыл ставни на окнах.

Зеленый свет в лесу приобрел более угрюмый оттенок — пришедшие с северо-запада облака заполнили все небо. Стаккато падающих на землю орехов напомнило Фаун треск суставов Дага

ненастным утром. Фаун прильнула к левой руке мужа; мускулы его были все такими же твердыми. Фаун стала шире шагать, чтобы идти с ним в ногу, и, к своему удивлению, обнаружила, что особенно стараться нет необходимости.

4

За поляной, где располагались хижины-шатры, по потемневшей воде озера бежали волны с белыми пенными гребнями. Фаун слышала, как они плещут о берег; рогоз шуршал под усиливающимся ветром. Только одна узкая лодка еще виднелась вдалеке; двое гребцов в ней отчаянно гребли к дальнему берегу. На севере воздух стал серым, как графит, и сверкающие вилки молний вонзались с небес в землю; гром еще не долетал до острова. Похожее на крупную жемчужину из-за затянувших небо облаков солнце, клонящееся к западу, на глазах Фаун скрылось за темной тучей, и на окрестности опустился сумрак.

Под навесом правой хижины рядом с грудой сумок и седел стояла худая, прямая, непреклонная женщина в юбке, тревожно глядя на дорожку, по которой спускались Дат и Фаун. Позади нее в хижине, прислонившись к столбу и скрестив руки на груди, виднелась Омба в своих штанах для верховой езды.

— Что ты собираешься сказать? — взволнованно прошептала Дагу Фаун.

— Ну, в зависимости...

— От чего?

— От того, что скажет она. Если слухи дошли до нее давно, она уже успела переключиться с радости по поводу моего спасения на другие вещи. И еще многое зависит от того, кто, помимо Омбы, напел ей в уши: она может быть уже на взводе.

— Ты же оставил наши вещи на виду — она поняла, что ты вернулся, даже без рассказа Омбы.

— Конечно.

Да есть ли у него какой-нибудь план? Фаун начала сомневаться в этом.

По мере того как они приближались, женщина выпрямлялась все сильнее; ее руки только один раз протянулись к Дагу, потом она решительно уперла их в бедра. Камбия Редвинг носила свои седые волосы свернутыми в простой траурный пучок. Ее сухая кожа была темной, хоть и не такой загорелой до цвета меди, как у Дага, и производила впечатление яркого контраста с серебристыми волосами. Фаун могла бы счесть её здоровой семидесятилетней женщиной, если бы не знала, что ей на два десятка лет больше. Глаза Камбии были цвета чая; они пристально смотрели на Фаун из-под грозно насупленных серебряных бровей. Фаун подумала, что на ярком свету глаза Камбии были бы такими же золоты-

ми, как у Дага.

Когда прибывшие подошли к навесу, Камбия выпятила подбородок и рявкнула:

— Даг Редвинг Хикори, у меня нет слов!

Позади Дага и Фаун Дор пробормотал:

— Ну еще бы! — В ответ брови Дага только чуть заметно дрогнули.

Камбия тут же доказала, что Дор был прав, воинственно продолжая:

— Правила известны: что бы вы, дозорные, ни подобрали на дороге, домой вы это не тащите. Ты не можешь притащить свою крестьянскую шлюшку в мой шатер.

Словно не слыша этих слов, Даг подтолкнул вперед смущенную Фаун и сказал:

— Мама, это моя жена, Фаун Блуфилд.

— Как поживаете, мэм. — Фаун сделала книксен, отчаянно пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из тех сотен отрепетированных слов, которые она готовила к встрече. Она не рассчитывала, что ей придется знакомиться в грозу. Она вообще ни на что подобное не рассчитывала.

Даг опередил ее. Он протянул из-за спины Фаун свой крюк, предусмотрительно повернутый вниз острием, и поднял ее левую руку.

— Видишь? Жена. — Он и свое левое предпле-

чье приподнял, показывая свадебный браслет.

Глаза Камбии расширились в ужасе.

— Ты не мог... — Давясь словами, она выдохнула: — Срежь их немедленно!

— Нет, мэм, — странно любезным тоном сказал Даг. Улетел, подумала Фаун. Улетел в то место, куда он отправляется, когда ситуация смертельно опасна, когда все происходит слишком быстро: он обращается к той части себя, которая способна справиться... или нет.

— Даг, если ты не сожжешь эту гадость и не вернешь девчонку туда, откуда ты ее взял, ты никогда больше не войдешь в мой шатер. — Может быть, Камбия тоже репетировала? Ее подзуживали взволнованные сплетники? Камбия явно испытывала глубокое неудобство, как будто ее глаза и губы одновременно пытались сказать совершенно разные вещи. Даг, наверное, мог определить это своим Даром, если только не закрылся, как скорлупа ореха.

Даг улыбнулся — по крайней мере губы его весело изогнулись, хотя глаза выдавали напряжение; это делало его странно похожим на мать.

— Прекрасно, мэм. — Он повернулся к пораженным слушателям. — Омба, Дор, рад был снова повидаться. Фаун, собирай сумки. За седлами

мы кого-нибудь пришлем завтра. Омба, если она выбросит седла под дождь, ты не могла бы их убрать?

Омба, безмолвно вытаращив глаза, только кивнула.

Как это?

— Но, Даг...

Даг наклонился, подцепил крюком сумки Фаун и вручил ей, потом перекинул через плечо свои сумки. Фаун неловко прижала к себе тяжелый груз; Даг обнял ее за талию и развернул прочь от дома. Упали первые крупные капли дождя, громко стуча по листьям деревьев и сухой земле.

— Но, Даг, никто... ей не нужно... я не... — Резко оборвав себя, Камбия сказала: — Даг, ты же не можешь уйти, начинается гроза!

— Пошли, Искорка, — поторопил ее Даг. Несколько тяжелых капель, как чьи-то жесткие пальцы, стукнули Фаун по голове, холодные струйки потекли по ее волосам.

— Но, Даг, она же не... у меня даже не было возможности... — Фаун обернулась через плечо, снова сделала книксен и отчаянно пискнула: — Было приятно познакомиться, мэм.

— Куда вы пойдете? — воскликнула Камбия, словно подслушав мысли Фаун. — Спрячься от

дождя, дурак!

— Продолжай двигаться, — уголком губ пробормотал Даг. — Не оглядывайся, иначе все начнется сначала. — Проходя мимо большой корзины, он вонзил свой крюк в крупный темный кругляш и прихватил его с собой. Шаги Дага стали длиннее. Фаун пустилась вприпрыжку, чтобы не отстать.

Дойдя до дороги, Даг помедлил, и Фаун пропыхтела:

— В самом деле, куда мы идем?

Даг оглянулся через плечо. В просветы между деревьями было видно, что дальний берег озера скрылся за непроницаемой серой пеленой дождя; Фаун слышала его приближающийся шум.

— Есть несколько человек, которые передо мной в долгу, но этим мы, пожалуй, воспользуемся завтра. Сейчас нам нужно убежище. Сюда.

К полному смятению Фаун, он свернул на тропинку, ведущую к хижине, в которой хранились кости. Фаун поправила седельные сумки на плече и потрусила следом. Редкие крупные капли сменились градинами, пролетавшими в просветы ветвей и больно бившими их с Дагом. Ледышки размером с гальку и ветер заставили деревья пугающе раскачиваться, и Фаун уже представила себе, как тяжелые ветви обрушиваются на них,

подобно огромным молотам. Они с Дагом пригнулись и кинулись бежать сквозь мрачные тени.

Фаун ловила ртом воздух, и даже Даг запыхался, когда наконец они добрались до рабочей хижины Дора. Подвешенные под навесом крыши кости раскачивались и бились друг о друга, как устрашающие колокольчики. Градины и падающие с деревьев орехи стучали по дранке кровли и иногда снова отскакивали высоко вверх, чтобы наконец упасть на землю, которая быстро превращалась в грязь. Фаун и Даг взбежали по ступеням крыльца и спрятались под навесом.

Мокрые волосы прилипли ко лбу Дага; он с решительным видом принялся высвобождать свой крюк из кидальника, который прихватил по дороге, зажав его под лубком; при этом седельные сумки соскользнули с плеча Дага и упали ему на ногу. Дат выругался.

— Ох, — забеспокоилась Фаун, — позволь лучше мне.

Она опустила на крыльцо собственные сумки, освободила крюк Дага от кидальника, отодвинула задвижку и распахнула дверь в хижину. Из-за того, что окна были закрыты ставнями, внутри было темно, и Фаун заглянула в комнату с нерешительностью.

Даг наклонился и попытался расшнуровать сапоги крюком, но не сумел.

— Будь добра, Искорка, расшнуруй их... Дор не любит, когда пачкают пол.

Фаун отвела крюк в сторону прежде, чем Даг затянул им мокрые шнурки в неподдающиеся усилиям узлы, расшнуровала сначала его, а потом свои сапоги, стащила их с ног и поставила обе пары на крыльце. Огорченно вытерев руки о собственные штаны, она последовала за Дагом внутрь помещения. Даг наклонился над рабочим столом и зажег восковую свечу в глиняном подсвечнике; Фаун порадовал веселый блеск огня. Когда оказалась зажжена и вторая свеча, ее сияние вместе с тусклым светом, проникавшим сквозь открытую дверь, позволило наконец Фаун отчетливо разглядеть комнату.

Помещение едва достигало двенадцати футов в длину и десяти в ширину; вдоль стен тянулись полки. Имелось также два рабочих стола с исцарапанной поверхностью, но чисто выскобленных, и несколько стульев разной высоты, вырезанных из чурбаков так, что нижние части образовывали ножки, а сверху выступало что-то вроде спинок. В хижине пахло деревом — и старым, и свежеоструганным, травами, медовой теплотой

воска, маслом, кожей и временем. В основе всего ощущалось что-то неопределимое... как ни старалась Фаун отогнать такую мысль, она не могла не думать о том, что это ощущается смерть.

Даг втащил сумки и поставил их у входа; ногой он вкатил в хижину кидальник и закрыл дверь. Если бы не стук костей, удары градин и орехов по крыше, пугающий скрип древесных ветвей, завывания бури и тяжелый день с его только что пережитой ими сценой, не говоря уже о подавленном настроении, можно было бы считать, что устроились Фаун с Дагом уютно. Учитывая же все случившееся, Фаун чувствовала, что разрыдалась бы, если бы не была так готова взорваться.

— Так что же, — сквозь зубы сказала она, — случилось со всем твоим замечательным умением убеждать?

Даг вздохнул и потянулся.

— Есть всего два пути, Искорка: медленный и мучительный и быстрый и тоже мучительный. Я предпочитаю сразу выдрать зуб — чтобы боль скорее прошла.

— Ты даже не дал ей шанса сказать все, что она хотела!

Даг посмотрел на Фаун, подняв брови.

— Чем меньше непростительных вещей мы

сказали бы друг другу, тем лучше, по-моему.

— Я тоже не успела ни слова сказать! Я не имела никакой возможности даже попытаться ее уговорить! Не хочу сказать, будто мне это наверняка удалось бы, но по крайней мере я знала бы, что попыталась.

— Ну, я-то о твоем желании попытаться знаю. Искорка, мое сердце было бы разбито, если бы мне пришлось смотреть, как ты выворачиваешься наизнанку. Я бы этого не вынес.

Даг повернулся и попытался своим крюком развязать их одеяла; мрачно понаблюдав за ним мгновение, Фаун взялась за дело сама, а потом помогла Дату расстелить одеяла на полу. Даг с усталым кряхтением опустился на свое, а Фаун, скрестив ноги, уселась перед ним и запустила руки в мокрые растрепанные кудри.

— Бывает, что, когда люди выпустят пар, они успокаиваются и разговаривают более разумно. — Камбия даже за то короткое время, что имела, уже прошла достаточно далекий путь: от «крестьянской шлюшки» до «этой девчонки», а это было ненамного хуже «того парня», как называли Дага в Вест-Блу. Кто знает, чем все могло бы кончиться, если бы они подождали еще немножко?

Даг пожал плечами.

— Она выиграла. Говорить больше не о чем.

— Если она выиграла, то каков ее выигрыш? — резко спросила Фаун. — Не вижу, чтобы там хоть кто-то что-то выиграл.

— Понимаешь, это не я ушел — она меня выгнала. Или она сдержит слово и никогда больше со мной не заговорит, или ей придется извиниться.

— Другими словами, ты хочешь сказать, что выиграл на самом деле ты. Ну и тактика, Даг!

Даг поморщился.

— Я впитал ее с молоком матери.

— И что на тебя нашло? Я видела тебя во всяких настроениях, но такого до сих пор не бывало! Не могу сказать, что мне это особенно нравится.

Даг откинулся на спину и уставился на обтесанный коньковый брус. Крыша хижины была сделана просто из очищенных от веток тонких стволов, сколоченных треугольниками.

— Мне тоже не особенно нравится то, как я сюда вернулся. Похоже, что я теряю самообладание, как только начинаю иметь дело со своими ближайшими родственниками. В основном это касается мамы и Дора — хотя так, пусть и в меньшей мере, бывало и с отцом, пока он был жив. Мари я могу выносить. Отчасти поэтому я бываю здесь недолго или совсем не бываю, если это от

меня зависит. Стоит удалиться на милю, а еще лучше на сто, и я снова делаюсь самим собой.

— Эх... — вздохнула Фаун, обдумывая услышанное. Теперь она не находила случившееся таким необъяснимым, как могла бы найти раньше: ей достаточно было вспомнить огромные новые возможности, открывшиеся перед ней в Глассфордже, и то, каким удушающе тесным стал ее мир, когда она вернулась в Вест-Блу. Правда, Фаун казалось, что в возрасте Дага люди должны уже давно преодолеть подобные чувства... или просто смириться с привычной колеей. Глубокой, глубокой колеей. — Забавное получилось изгнание.

— Так и есть. — Однако смеяться Даг и не думал.

Чем дольше длилась гроза, тем холоднее становился воздух. Маленький каменный очаг в хижине, судя по всему, был более приспособлен для того, чтобы разогревать в горшках снадобья, а не отапливать хлипкое строение, которое зимой явно не использовалось, но Даг все же решил развести огонь.

— Нужно будет пополнить запас утром, — пробормотал он, перетаскивая к очагу охапку сушняка, приготовленную на крыльце. Однако когда огонь разгорелся — а Даг, похоже, обладал

удивительным счастливым умением разжигать дрова, — желтый свет, запах дыма, взлетающие вверх оранжевые искры придали комнате веселый вид, которого ей так не хватало. Волосы и одежда начали высыхать, и кожа Фаун перестала быть ледяной.

Фаун повесила котелок с водой из дождевой бочки на крюк над углями, чтобы приготовить чай.

— Так что же, — спросила она, надеясь, что в ее голосе не слишком явно прозвучит отчаяние, — мы будем делать завтра?

— Я собираюсь забрать со склада наш шатер.

У них имеется шатер?

— А где мы его установим?

— У меня есть некоторые мысли на этот счет. Если не получится, придумаю что-то другое.

Похоже, рассчитывать добиться от Дага большего сейчас не приходилось. Закончилась стычка с его семейством или нет? Фаун не думала, что Даг ее обманывает, но начинала думать, что их представления о том, что является благополучным исходом, сильно различаются. Если Стражи Озера не женятся на крестьянках — или по крайней мере не привозят их к себе в лагерь, — нельзя было ожидать, что недоброжелательство будет

мимолетным и от него легко будет отмахнуться. Если Даг затеял то, что никому еще не удавалось, ее вера в то, что Даг знает, что делает... была не то чтобы беспочвенной, скорее оказывалась надеждой, а не уверенностью. Фаун не боялась трудностей, но что, если трудности окажутся непреодолимыми?

В животе у Фаун забурчало. Если Даг был хоть наполовину так измучен, как она, неудивительно, что ни один из них не способен мыслить ясно. Пища все исправит. Фаун прикатила поближе к очагу загадочный кидальник и стала его рассматривать. Он все еще казался ей пугающе похожим на отрубленную голову.

— Что с этим можно сделать?

Даг сел, скрестив ноги, и улыбнулся. Улыбка вышла довольно кривая, но все-таки...

— Выбор богатый. Чего только не делают из кидальника! Его можно есть сырым, нарезав ломтиками, можно мелко покрошить и сварить похлебку, можно сварить целиком, можно завернуть в листья и испечь в углях костра или нанизать на меч и поворачивать над огнем как на шампуре. Самый популярный способ — скормить кидальник свиньям и потом лакомиться свининой. Очень питательно. Говорят, можно

вечно жить на кидальнике и дождевой воде. Другие говорят, что такая жизнь потому и покажется вечностью. — Даг показал на нож, который висел у Фаун на поясе, — один из его запасных ножей, который по его настоянию Фаун носила с тех пор, как они выехали из Вест-Блу. — Попробуй кусочек.

Фаун с сомнением зажала кругляш между коленями и воткнула в него кож. Коричневая шкурка была довольно жесткой, но под ней оказалась плотная желтоватая мякоть, не имеющая ни кочерыжки, ни семян. Фаун откусила от ломтика, как от ломтика дыни.

Овощ оказался хрустящим, не таким сладким, как яблоко, и не таким мучнистым, как картошка.

— Похоже на пастернак. Нет, гораздо вкуснее, чем пастернак. — Проблема, похоже, заключалась не в качестве, а в количестве.

Для простоты, а также потому, что Фаун испытывала неловкость при мысли о том, чтобы готовить на очаге Дора, который мог использоваться бог знает для каких колдовских манипуляций, они стали есть кидальник сырым. Фаун воспротивилась попытке Дага просто насадить свою порцию на крюк и откусывать от нее; она

почистила кидальник и настояла, чтобы Даг воспользовался своей ложко-вилкой. Овощ оказался удивительно сытным. Какими бы голодными Фаун с Дагом ни были, они съели только половину... кочана, корня или чем там был кидальник.

— Почему у крестьян нет такого овоща? — удивилась Фаун. — Это же готовая еда. Да и животных можно откармливать. Мы могли бы выращивать кидальник в прудах.

Даг помахал ломтем, насаженным на ложко-вилку. Что ж, пусть это приспособление и не выглядит особенно изящным, все же с ним прием пищи выглядит более пристойно...

— Уши кидальников нужно немножко пощекотать Даром, чтобы они укоренились. Если их станут сажать фермеры, они просто упадут в грязь и сгниют. Нужную уловку знает каждый Страж Озера. Когда я был мальчишкой, я ненавидел работу на плоту, считая ее ужасно скучной. Теперь я понимаю, почему старые дозорные не возражали против такого занятия и смеялись надо мной. Очень успокаивает, знаешь ли.

Фаун доблестно вгрызалась в мякоть кидальника, пытаясь вообразить себе молодого нетерпеливого Дага на плоту, раздетого, с блестящей на солнце загорелой кожей, недовольно касающего-

ся ушей кидальника — одного за другим, одного за другим... Она не сдержала улыбки. С двумя руками, без шрамов... Улыбка Фаун увяла.

— Рассказывают, что древние лорды-волшебники, повелители озер, создавали всякие чудесные растения и животных, — задумчиво сказал Даг. — Немногие из них пережили катастрофу. Вот и кидальники требуют для своего выращивания хитрых условий. Не слишком глубоко, не слишком мелко, и чтобы на дне была тина. Они не выживают в чистой воде глубоких озер с каменистым дном на востоке или на севере. Это делает их местным, так сказать, деликатесом. И, конечно, нужно, чтобы каждый год рядом оказывались Стражи Озера. Я иногда думаю: сколько же времени существует этот лагерь?

Фаун представила себе, сколько потребовалось усилий, чтобы сохранить кидальники. Когда весь мир рушился, какой-то Страж Озера, должно быть, постарался, несмотря ни на что, продолжать посевы. Была ли в этом надежда? Или просто привычка? А может быть, чистое упрямство? Глядя на Дага, Фаун склонялась в пользу последнего.

Они бросили кожуру в огонь, и оставшуюся половину Фаун отложила на завтрак. Снаружи грозовая зеленая тьма сменилась темной синевой

ночи, а ливень превратился в унылую изморось. Даг придвинул их постели поближе друг к другу.

Устраиваясь на одеяле, Фаун почувствовала, как мешочек с ножом скользит по ее груди, и прикоснулась к нему рукой.

— Как ты думаешь, Дор правду сказал насчет ножа?

Даг оперся спиной о седельные сумки и протянул к огню босые ноги, задумчиво хмурясь.

— Я думаю, что все сказанное Дором было правдой. В той мере, в какой это возможно.

— Что это значит? Ты думаешь, он что-то утаил?

— Не уверен... Дело не в том... Я бы сказал так: нож представляет собой проблему, исследовать которую он не хочет и предпочел бы, чтобы она исчезла.

— Если он такой хороший мастер, как ты говоришь, он должен бы проявить больше любопытства.

Даг пожал плечами.

— Сначала все люди любопытны — как Саун-Ягненок или как я сам был в его возрасте: все кругом ново и интересно. Но потом делаешь все одно и то же, и новое встречается редко. Начинаешь ли ты видеть в новизне нечто возбуждающее или

досадную помеху... Понимаешь, Дор больше трех десятков лет каждый день занят тем, что делает оружие для родных и друзей — то самое оружие, которым они себя убивают. Какие бы меры Дор ни принимал для того, чтобы быть в силах продолжать такую жизнь, шутить с этим я не стал бы.

— Может быть, нам следовало бы найти молодого мастера. — Фаун поправила собственные седельные сумки, чтобы расположиться поудобнее, и улеглась рядом с Дагом. — Так что он... и ты... имели в виду, когда говорили, что Дар должен иметь сходство? Ты два или три раза употребил это слово, как будто оно имеет какое-то особое значение.

— Хм-м... — Даг потер нос своим крюком. Черты его лица четко очерчивались оранжевым сиянием огня, а все остальное оставалось в тени. Стены хижины словно отступили в бездонную тьму.

— Ну, просто дело в том, что Злой хорошо воспринимает смертность Стража Озера, так же как Дар кости воспринимает Дар крови.

Фаун нахмурила брови.

— Можно предположить, что кости хорошо воспринимают кровь, потому что они когда-то были единым целым.

— Правильно.

— Значит... — Фаун внезапно почувствовала, что ей не нравится, куда ее заводят эти рассуждения. — Значит...

— Как гласит легенда... знаешь, легенда ведь — то же самое, что слухи, только более высохшие...

Фаун осторожно кивнула.

— На самом деле никто теперь уже не знает ничего наверняка. Те, кто знал, умерли вместе со своим знанием тысячу, а то и две тысячи лет назад. Летописи пропали, время ушло — выпало то ли два столетия, то ли пять; кто знает, сколько поколений кануло во тьму...

— Как бы то ни было, культура кидальников сохранилась.

Губы Дага дрогнули.

— Это верно.

— Так что же это такое — что то ли известно, то ли неизвестно?

— Ну, существуют разные версии того, как в мире появились Злые. Мы только знаем, что раньше их не было.

— Ты видел... сколько? Двадцать семь тварей? Совсем близко? Мне не нужно знать, что говорят другие люди. Во что веришь ты?

Даг вздохнул.

— Я могу опираться только на то, о чем слышал.

Говорят, древние лорды озерной лиги творили чудеса, объединяясь в большие группы. Они склонялись перед властью великих королей. И один король, самый последний, был могущественнее и мудрее всех прочих и возглавлял собрание самых могущественных магов, когда-либо существовавших. Он захотел протянуть руку за пределы мира ради... чего-то. Одни говорят — бессмертия. Другие говорят — власти. Легенды по большей части говорят о греховном намерении из-за того, какие ужасные результаты последовали — раз есть наказание, должно было быть и преступление. Люди винят гордыню и эгоизм... да вообще любой грех, который им особенно отвратителен. Я ни в чем не уверен. Может быть, древний король пытался завладеть каким-то желанным благом для всех, но все получилось ужасно неправильно.

Я говорил тебе, что лорды-волшебники использовали свою магию для того, чтобы изменять растения, животных и себя. И своих детей... — Даг похлопал себя по виску оборотной стороной крюка, и Фаун догадалась, что он приписывает цвет своих глаз таким попыткам. — Продлевали жизнь, улучшали Дар и совершенствовали умение менять мир с помощью Дара. — Даг бросил быстрый смущенный взгляд на свою поднятую

левую руку; Фаун решила, что он опять думает о своей призрачной руке. — Мы, Стражи Озера, как предполагается, потомки мелких лордов, живших далеко от берега... так каковы же были великие древние владыки?

Так или иначе, в попытках увеличить собственное могущество лорды-волшебники извлекли что-то из-за пределов мира. Бога, демона, нечто чуждое... Если они похитили бога, это объяснило бы, почему боги нас покинули. И король соединился с этим существом... или оно с ним. И стал чем-то, что не было ни тем, ни другим, совсем не тем, что было задумано, — огромным, исковерканным, могущественным, безумным, пожирающим Дар...

— Подожди! Не хочешь ли ты сказать, что ваш собственный родич стал первым Злым? — Фаун приподнялась на локте и в изумлении вытаращила глаза.

Даг с сомнением покачал головой.

— Он стал чем-то... Некоторые лорды пали от его руки, гласит легенда, другие бежали. Последовала война, в которой сражались и оружием, и магией. В результате озера исчезли, на их месте образовалось Мертвое озеро и Западные уровни. То ли противники короля-Злого открыли способ

уничтожить его, то ли погибли при попытке это узнать, — неизвестно. Все же кто-то тогда открыл, как делиться смертностью. То должно было быть великое открытие — это все, что я могу сказать. Наши Злые возникли в результате какого-то катаклизма — перерождения земли, — когда он или оно было наконец уничтожено и разлетелось на десять тысяч или сколько-то осколков, семян или яиц. Но с тех пор все Злые, как мы думаем, только одно и пытаются сделать — снова стать королями.

Поэтому — если вернуться к твоему первому вопросу — так важно сходство. Злые воспринимают смертность Стражей Озера, потому что они являются — или были — отчасти нами.

Под навесом крыши кости стучали под порывами ночного ветра. Фаун обнаружила, что пытается съежиться под одеялом, которым за время рассказа укрылась до самого носа. Слова Дага были страшнее любых мрачных россказней, которыми ее мучили братья.

— Ты хочешь сказать, что все Злые — твои родичи?

Даг откинулся на спину и, к возмущению Фаун, рассмеялся.

— Ну зачем тебе эти семейные дрязги? От-

сутствующие боги... — Смех затих раньше, чем Фаун набралась смелости в наказание ткнуть Дага локтем в бок. — Самое большее — какая-то побочная линия, Искорка. Только советую тебе не распространяться о подобных вещах. Кое-кто может обидеться.

«В какую семейку я вошла?» Новые родственники лишали Фаун мужества. Она вспомнила страдальческие и безжалостные глаза Злого. Они, кажется, были цвета чая, с таким знакомым теперь блеском...

Черный юмор заставил Дага вздохнуть еще раз.

— Если и не родичи, то уж что Злые наше наследие — это точно. Наше общее наследие. Не уверен только, какая часть приходится на меня. — Крюк коснулся сердца Дага. — Изрядная, я думаю.

Фаун охватил озноб при мысли о том, что ждет Дага после смерти.

— А вы еще такие гордецы! Ездите мимо нас, как лорды... — И все же Стражи Озера у себя дома жили в большей нищете, чем большинство фермеров, если только другие лагеря не более богаты, чем Хикори. Фаун начинала думать, что не более богаты... Благородного величия что-то нигде не заметно. Скорее их жизнь можно было

бы назвать нищенской борьбой за существование. Даг пожал плечами.

— Мы должны рассказывать себе лестные сказки, чтобы продолжать делать то, что делаем. День, год, десятилетие... Что остается? Лечь и умереть от отчаяния?

Фаун улеглась на спину и стала, как и Даг, смотреть на скользящие по потолку тени.

— Будет ли когда-нибудь конец?

— Может быть. Если мы выдержим. Мы думаем, что посеяно не бесконечное число Злых. Они не появляются под водой, в снегу, там, где нет деревьев или на старых пустошах. По картам, на которых мы отмечаем уничтоженные логова, видно, что их больше вблизи Мертвого озера, а чем дальше от берега, тем они встречаются реже. Мы говорим, что они бессмертны, но на самом деле мы уничтожаем всех тварей, которые выводятся. Так что, может быть, они и не будут существовать всегда, хотя того, что они успевают осквернить, более чем достаточно. А может быть, они перестанут выводиться просто от возраста... только на это лучше не надеяться. Подобные мысли делают людей нетерпеливыми, а это не та война, которую нетерпеливые могут выиграть. Однако раз все на свете кончается, должно кон-

читься и отчаяние, — пусть я до такого не доживу, но хоть когда-нибудь. — Даг прищурился, глядя в темноту. — Я не во многое верю, но в это верю.

Во что он верит — что отчаяние когда-нибудь кончится? Или что не при его жизни? Скорее всего и в то, и в другое.

Даг сел, морщась, потянулся, беспомощно потыкался в пряжки своего протеза пальцами сломанной руки и в конце концов протянул левую руку Фаун, чтобы она на ночь освободила его от деревяшки. Фаун, как обычно, расстегнула ремни и отложила протез в сторону, потом, поколебавшись, решила, что им лучше будет спать не раздеваясь, и свернулась калачиком на привычном месте — под левой рукой Дага, где могла прижаться ухом к его сердцу. Когда она натянула одеяло на них обоих, Даг ни словом, ни жестом не выразил желания этой ночью заняться любовью, и Фаун с облегчением последовала его примеру. Угли в очаге подернулись золой прежде, чем кто-нибудь из них уснул.

5

Даг ушел сразу же, как рассвело, пробормотав какое-то оправдание и оставив Фаун укладывать вещи. Она сложила седельные сумки и одеяла на крыльце, подмела хижину и даже угли из очага выгребла и разбросала по влажной земле под деревьями, а Даг все не возвращался. Фаун собрала новый запас дров взамен израсходованного накануне — гроза наломала много веток — и в конце концов просто уселась на ступеньке крыльца, опершись подбородком на руку, и стала ждать. Стая диких индеек — скорее всего не та, которую они повстречали раньше, потому что теперь птиц было явно больше, — прошествовала по поляне, и они с Фаун обменялись мрачными взглядами.

На дорожке показался человек, и индейки разбежались. Фаун радостно подпрыгнула, но тут же ее плечи разочарованно поникли — это был Дор, а не Даг.

Дор неприязненно, но без удивления посмотрел на Фаун; наверняка его Дар сообщил ему, где они с Дагом нашли убежище накануне вечером.

— Доброе утро, — осторожно сказала Фаун.

В ответ Дор что-то проворчал и неохотно кив-

нул.

— Где Даг? — спросил Дор.

— Ушел. Он велел мне, — настороженно добавила Фаун, — ждать здесь, пока он не вернется.

Новое ворчание. Дор осмотрел свои тиски — мокрые, но не пострадавшие от грозы — и принялся открывать ставни в хижине. Поднявшись на крыльцо, он неприязненно глянул на Фаун, снял грязные башмаки и прошел внутрь. Через несколько минут он вышел снова с несколько разочарованным видом — должно быть, потому, что Фаун не оставила ничего, к чему можно было бы придраться.

— Вы не совокуплялись здесь прошлой ночью? — отрывисто спросил Дор.

Фаун бросила на него оскорбленный взгляд.

— Нет. Только какое тебе дело до этого?

— Иначе мне пришлось бы заняться очищением Дара. — Дор посмотрел на приготовленные на крыльце дрова. — Их собрала ты или Даг?

— Я, конечно.

Судя по выражению его лица, Дор пытался найти причину отвергнуть собранные ветки, но не смог. К счастью, в этот момент на дорожке показался Даг. Выглядел он довольным; может быть, его дело закончилось успешно?

— Ах... — Даг помедлил, увидев брата; они обменялись одинаково невыразительными кивками.

Дор мгновение помолчал, ожидая, что первым заговорит Даг, но потом проворчал:

— Умно было с твоей стороны вчера смыться. Тебе не пришлось выслушивать все жалобы.

— Ты мог отправиться на прогулку.

— Под дождем? Да и вообще — это, по-моему, уловка дозорных.

Даг опустил веки.

— Ты прав. — Он кивнул Фаун и вскинул на плечо свои и ее сумки. — Пошли, Искорка. Пока, Дор.

Фаун двинулась за Дагом, кивнув на прощание Дору; судя по тому, как тот открыл и закрыл рот, он явно хотел сказать что-то еще.

— С тобой все было в порядке? — спросил Даг, как только они отошли достаточно далеко, чтобы Дор их не услышал. — Со стороны Дора, я имею в виду.

— Пожалуй. Только один грубый вопрос он все-таки задал.

— Какой?

Фаун покраснела.

— Он спросил, не занимались ли мы любовью в его хижине.

— Ах... Ну, он правда имел законное основание этим поинтересоваться, только должен был спросить у меня... если уж думает, что в этом мне нельзя доверять.

— Я еще не успела спросить его, не смягчилась ли вчера ваша мама. Разве тебе не хотелось это узнать?

— Если и смягчилась, — рассеянно ответил Даг, — то не сомневаюсь: Дор сумел бы снова ее ожесточить.

Фаун тихо спросила, глядя себе под ноги на усеявшие грязную дорожку листья и ветки:

— Не испортило ли... не испортила ли твоя женитьба на мне твоих отношений с братом?

— Нет.

— Мне показалось, что он сердится на тебя... на нас.

— Я всегда его чем-то раздражаю. Такая уж у нас привычка. Не беспокойся на этот счет, Искорка.

Они вышли на дорогу и свернули направо. Даг не оглянулся, когда они шли мимо поляны с его семейными шатрами, и не сделал попытки к ним свернуть. Дорога шло вдоль озера, поворачивала к югу и тянулась между лесс: и несколькими группами шатров на берегу. Лучи утреннего солнца блестели на каплях воды на деревьях и ложились

золотыми дорожками между стволов; прохладный влажный воздух пах дождем и мхом.

Не пройдя и четверти мили, Даг свернул налево на лужайку с тремя шатрами и таким же причалом, как и у остальных жилищ. Их отделяли от соседей ряд высоких орехов с севера и кряжистые фруктовые деревья с юга; под ними Фаун разглядела несколько ульев. На чурбаке перед одним из шатров сидел старик, одетый в обрезанные выше колен штаны, подвязанные веревкой, и кожаные сандалии, с седыми волосами, собранными в узел. Он резкими движениями выстругивал что-то, похожее на весло, и приветливо помахал ножом в воздухе, увидев приближающихся Дага и Фаун.

Даг опустил седельные сумки на другой чурбак и подвел Фаун к старику. Судя по его покрытым шрамами ногам, тот в прошлом тоже был дозорным. Когда-то могучий воин теперь высох от возраста, сохранив только — что было необычно для Стража Озера — кругленький животик. На Фаун он смотрел с таким же любопытством, как и она на него.

— Фаун, это Каттагус Редвинг, — сказал Даг. — Муж Мари.

Значит, это дядя Дага... и женитьба не вызвала враждебности всех его родичей. Фаун сделала

книксен и робко улыбнулась, незаметно высматривая, нет ли поблизости Мари. Было бы так приятно увидеть знакомое лицо! Однако она никого не заметила, хоть с берега доносились веселые голоса.

Каттагус сухо с ней поздоровался.

— Так вот из-за кого весь переполох! Миленький котеночек, надо признать. — Голос у Каттагуса был сиплый, с резким присвистом. Он оглядел Фаун с ног до головы, с кривой улыбкой покачал головой, втянул воздух и добавил: — Отсутствующие боги, парень! Мне никогда не удавалось отмочить подобный фокус, даже когда я был на тридцать лет моложе.

Даг фыркнул — весело и без обиды.

— Ясное дело! Тетушка Мари сделала бы из твоей шкуры навес для шатра.

Каттагус засмеялся и тут же закашлялся.

— Уж это точно. — Он помахал в воздухе ножом. — Девчонки со склада принесли твой шатер.

— Уже? — переспросил Даг. — Вот это расторопность!

Фаун проследила за взглядами мужчин: у стены одного из строений стояла большая ручная тележка, нагруженная старыми шкурами; с одного края торчали длинные шесты.

— Они велели тебе вернуть тележку сразу же, как ты ее разгрузишь.

— Так я и сделаю. Где Мари и Сарри хотят, чтобы я поставил шатер?

— Лучше спроси их сам. — Каттагус показал в сторону берега.

Фаун следом за Дагом подошла к причалу с привязанными к нему двумя узкими лодками. Слева на воде лежала деревянная рама футов десяти в длину и шести в ширину. Женщина, укутанная до бедер длинными черными волосами — и ничем больше — и черноволосая девочка-подросток энергично что-то на ней топтали. С ними вместе, тоже голый, находился Рази; он хлопал в ладоши и звал к себе маленькую, лет четырех, девочку: «Прыгай, Тези, прыгай!» Девочка заливалась смехом и прыгала, как лягушка, брызгая водой на женщину, которая с улыбкой уворачивалась. Рама явно предназначалась для замачивания какого-то растения с длинными стеблями, и топтальщицы освобождали волокна от сгнившей кожуры. Неподалеку Утау, стоя по пояс в озере, поддерживал мальчика лет двух, толстенькие ножки которого колотили по воде, вздымая фонтан пены. На причале, уперев руки в бедра и улыбаясь, стояла Мари, одетая в простое короткое

платье и такие же, как у мужа, кожаные сандалии. Она только что то ли вынимала из лодки, то ли грузила в нее свернутую в кольца грубую веревку, похожую на ту, которой, как видела Фаун, были привязаны корзины с кидальником.

— Эй, Мари! — крикнул Даг с берега. — Мы вернулись.

Значит, он уже был здесь сегодня — скорее всего, чтобы договориться насчет шатра. Фаун гадала, пришла ли ему такая мысль сразу же и как он объяснил родичам свою просьбу. Похоже, умение уговаривать не совсем ему изменило.

Мари помахала рукой.

— Сейчас приду!

От причала вниз по крутому берегу вело что-то вроде лестницы из плоских камней. Через несколько мгновений Фаун получила возможность полюбоваться целым семейством голых и мокрых Стражей Озера, карабкающихся на берег. Они выглядели ничуть не смущенными своей наготой. Фаун, которая никогда не отваживалась на большее, чем побродить по мелководью, закатав юбку, решила, что так и надо, раз им приходится по разным надобностям десяток раз на дню лазить в воду. Впрочем, она испытала облегчение, когда семейство лишь с краткими приветстви-

ями пробежало мимо и через несколько минут появилось из шатра уже одетым, хоть и легко: Рази и Утау в таких же обрезанных штанах, как и Каттагус, а женщины — в коротких платьях. Маленький мальчик, все еще голышом, снова устремился к воде, но его перехватил и рассмешил, пощекотав, Утау.

Следом за остальными по ступеням поднялась Мари и встала рядом с Дагом.

— Доброе утро, Фаун. — Выражение ее насмешливого лица было не лишено симпатии. — Даг, Сарри предлагает тебе разбить шатер под яблонями. Там пригорок, хоть его и трудно разглядеть, и самое сухое место.

Утау, на плечах которого теперь сидел мальчуган, вцепившись ручонками в волосы отца, подошел вместе с длинноволосой женщиной; на взгляд Фаун, той было лет тридцать, но теперь уже Фаун знала, что нужно лет пятнадцать прибавлять.

— Привет, Фаун, — приветствовал ее Утау без всякого удивления; он наверняка был уже в курсе дела. — Это наша жена, Сарри Оттер. — Кивок в сторону Рази, который, оглядев тележку, подошел к ним, пояснил значение слова «наша».

Фаун к этому времени догадалась, что находит-

ся на территории Сарри и, может быть, Мари. Сделав книксен, она сказала:

— Спасибо, что приютили нас.

Сарри, скрестив руки на груди, только коротко кивнула; смотрела она на Фаун доброжелательно, хоть и не скрывала любопытства.

— Даг... ну, понимаешь, Даг, — проговорила она, как будто этим все объяснялось.

Даг, Рази, Утау и Мари под одышливые советы Каттагуса занялись шатром. Мужчины отвезли тележку под яблони и быстро разгрузили. Непонятная путаница шестов и веревок с удивительной быстротой превратилась в квадратный каркас, потом на полукруглую крышу легли шкуры; другие шкуры, аккуратно прикрепленные колышками к земле, образовали стены. К шатру пристроили небольшое крыльцо, а часть шкур подняли на шестах, так что со стороны озера получился навес. Стену под навесом скатали и подвязали так, чтобы прямые лучи встающего солнца не попали внутрь, но при этом в маленькое помещение свободно проходил бы воздух — совсем как в более основательных строениях.

— Ну вот, — удовлетворенно воскликнул Даг, отступая на шаг и оглядывая результат своих трудов, — шатер Блуфилд!

Фаун подумала, что скорее это можно было бы назвать «конура Блуфилд»; другие шатры по сравнению с их жилищем выглядели настоящими дворцами. Она подошла поближе и с сомнением заглянула внутрь. «Все в порядке, я просто временное пристанище», — как будто говорил о себе шатер. Только что сменит такое временное пристанище?

Даг присоединился к Фаун, глядя на нее несколько обеспокоенно.

— Многие молодые пары начинают жизнь, имея не больше нашего.

«Похоже на то, но ты-то немолод...»

— М-м... — кивнула Фаун, добросовестно изображая одобрение. Внутри было место для двуспальной постели и немногих вещей, но и только. Что ж, по крайней мере кряжистая яблоня едва ли уронит на них тяжелую ветку...

— Ничего пока не раскладывай, — сказал Даг. — Пусть земля еще немного подсохнет. Мы раздобудем тростник для постели и камни для очага, а может быть, и доски для пола. — Дат нашел на лужайке пару чурбаков — один он зацепил своим крюком, другой прикатил ногой, — и поставил их на попа под навесом. — Вот и сиденья.

Малышка Тези обрадовалась новому шатру,

проскользнула внутрь и принялась прыгать, напевая что-то себе под нос. Действительно, это сооружение больше подходило по размеру для ребенка, чем для Дага, хотя он и мог выпрямиться во весь рост под полукруглой крышей. Сарри попыталась позвать дочку прочь, но Фаун остановила ее:

— Не надо — пусть попрыгает. Это своего рода благословение для шатра, мне кажется, — заслужив этим благодарный и весьма проницательный взгляд Сарри.

— Если я могу еще на некоторое время позаимствовать твоих мужей, — сказал Сарри Даг, — то мы могли бы привезти мои вещи, прежде чем я верну тележку.

— Конечно, Даг.

— Мари, — Даг посмотрел на свою тетушку-командиршу, оценивая ее готовность пойти навстречу, — может быть, ты покажешь Фаун окрестности, пока мы будем перевозить вещи?

Понятно: в эту экспедицию Фаун не приглашена... Однако Мари с готовностью закивала. Похоже, эта часть семейства Дага готова была принять Фаун, по крайней мере временно — как и согласиться на установку шатра. Трое мужчин отправились по дороге с тележкой — вовсе не

пустой, поскольку оба малыша немедленно в нее залезли; точнее, залезла Тези, а ее маленький братишка отчаянно запищал, так что Рази пришлось его подсадить.

— Обычно здесь более оживленно, — сообщила Мари Фаун, которая оглядывалась вокруг. — Как только я вернулась из дозора и взяла на себя Каттагуса, моя дочь с семейством отправилась на остров Цапли к родным мужа. Они делают для нее новую лодку. — Мари показала на третью хижину; это явно было жилище отсутствующей семьи. Предстояло ли дочери унаследовать родовое имя Мари? И что еще наследуют Стражи Озера, если землей они не владеют? Ну, конечно, не считая их доли Злых... Отводится ли семьям место на берегу так же, как выделяются шатры и кони из общей собственности лагеря?

Мари в сопровождении молчаливой, но явно полной любопытства Сарри провела Фаун вокруг шатров, показала ей, где среди деревьев прячется уборная — не будочка, а узкая яма за загородкой, похожей на навес шатра. Воду нужно было брать из озера, а на очаге постоянно кипятился чайник. Внутри шатра Мари Фаун заметила очаг с настоящей плитой и позавидовала старшей женщине. Стражи Озера явно не были вынуждены ограни-

чиваться лепешками, испеченными на открытом огне. Впрочем, было бесполезно просить разрешения испечь хлеб, не имея ни муки, ни посуды, ни масла, ни яиц, ни молока или сыворотки...

У стены хижины Сарри стоял простой вертикальный ткацкий станок, на котором виднелась неоконченная работа — какая-то грубая ткань, которую Фаун узнала как употребляемую на штаны для верховой езды. Фаун поинтересовалась, из чего изготовляется пряжа, и Сарри объяснила, что на нее идут стебли все того же кидальника: хорошо вымоченные, они Дают прочное и длинное волокно — этим и объяснялось наличие деревянной рамы у берега. Прялки Фаун не заметила. Вообще в помещении мебели было мало — только столы на козлах и перевернутые чурбаки в качестве сидений. Кроватей не было вовсе; свернутые одеяла у стен говорили о том, что Стражи Озера, похоже, и дома спят, как в походе. Теперь Фаун поняла, почему Даг так охотно расположился на полу рабочей комнаты тетушки Нетти.

Снова выйдя наружу, женщины обнаружили, что Даг с тележкой уже вернулся. Помимо седел и сбруи, меча в потертых ножнах и пики, он привез всего один сундучок.

— Это все, что у тебя есть? — спросила его Фа-

ун, когда Даг выложил все рядом с шатром для последующего размещения. В сундучке едва ли могли обнаружиться неожиданные кухонные принадлежности — в него даже запасные сапоги вряд ли поместились бы.

Даг потер спину и поморщился.

— Мои зимние вещи хранятся в лагере у Медвежьего Брода.

Фаун заподозрила, что и там найдется ненамного больше.

— У меня еще есть кредит, — добавил Даг. — Завтра увидишь, как им пользоваться. — С этими словами Даг снова ушел, волоча за собой пустую тележку.

— Что мне делать? — отчаянно крикнула вслед ему Фаун.

— Отдыхай! — не слишком любезно бросил Даг через плечо и свернул на дорогу.

Отдыхать? Она и так отдыхала... или по крайней мере путешествовала, а это если и не было отдыхом, то полезной работой точно не было. Рука Фаун коснулась ее свадебного браслета, она посмотрела на двух женщин, которые, в свою очередь, с сомнением смотрели на нее. Браслет Сарри, заметила Фаун, состоял из двух перевитых друг с другом частей.

— Я собираюсь быть Дагу хорошей женой, — решительно сказала Фаун, но потом ее голос дрогнул. — Только я не знаю, что это значит здесь. Мама многому меня научила — будь здесь ферма, я управилась бы. Я умею делать мыло и свечи, но у меня нет сала и щелока. Я умею готовить и делать заготовки, но здесь нет ни горшков, ни погреба. Будь у меня корова, я могла бы ее доить и делать масло и сыр, если бы нашлась маслобойка. Тетушка Нетти дала мне с собой веретено, спицы, ножницы, иголки... Никогда еще я не видела мужчину, который больше нуждался бы в носках, чем Даг, и я могла бы связать хорошую пару, но у меня нет шерсти. Я умею вести счета и делать хорошие чернила, но здесь нет бумаги, да и переписывать нечего. — Правда, у тех диких индеек, пожалуй, можно было бы раздобыть перья. — У меня умелые руки, но нет инструментов. Должно же для меня найтись дело — не только мне сидеть и жевать кидальник!

Мари улыбнулась.

— Должна сказать тебе, крестьяночка, что, когда ты возвращаешься после недель в дозоре, очень даже приятно посидеть и пожевать кидальник. Даже Даг этому радуется. — Подумав немножко, она добавила: — Дня три радуется,

а потом снова начинает приставать к Громовержцу, чтобы он отправил его со следующим отрядом. Громовержец говорит, что он убивает втрое больше Злых, чем кто-нибудь другой, потому что проводит в дозоре вдвое больше времени.

— А чем объясняется остальное? — серьезно спросила Сарри.

— Хотел бы Громовержец это знать. — Мари почесала голову, растерянно глядя на Фаун. — Да, Даг говорил, что ты делаешься беспокойной, если кто-то пытается заставить тебя сидеть смирно. У вас больше общего, чем кажется.

— Можете вы показать мне, чем заняться? — жалобно спросила Фаун. — Пожалуйста! Я готова делать что угодно. Я готова даже орехи колоть. — Дома Фаун ненавидела такое однообразное занятие больше всего.

— Сейчас это делать не время, — с кривой улыбкой ответила Сарри. — Орехи старого урожая — гнилые, а нового — еще зеленые. В этом сезоне мы оставляем то, что упало, свиньям. Вот через месяц, когда поспеет бузина и фрукты, у нас начнется горячая пора. Каттагус станет делать вино, и орехов будет много. Сейчас можно плести корзины и вить веревки.

— Я умею плести корзины, — горячо подхвати-

ла Фаун, — если только есть из чего.

— Когда вымокнет следующая порция волокна, я буду рада помощи с прядением, — задумчиво проговорила Сарри.

— Прекрасно! Когда?

— На будущей неделе.

Фаун вздохнула. Рази и Утау как раз заканчивали рыть яму для очага перед шатром Дага, а Тези и ее братишка с пользой проводили время, собирая камни, чтобы обложить очаг. Может быть, Фаун по крайней мере могла бы пока собрать хворост? Пока она осматривала окрестности, заметила Фаун, под навесом их шатра появилась корзина с тремя свежими кидальниками.

— Да ладно тебе, непоседа, — весело сказала Мари. — Отдыхай, пока Даг не вернется от лекарей. Пойди поплавай.

Фаун заколебалась.

— В этом огромном озере? Голой?

Мари и Сарри переглянулись.

— Где же еще? — сказала Сарри. — Хорошо нырять с причала: там достаточно глубоко.

Такая перспектива вовсе не казалась Фаун безопасной.

— Только не ныряй сбоку от него, — добавила Мари, — а то нам придется вытаскивать твою

голову из тины, как кидальник.

— Э-э... — Фаун сглотнула и прошептала: — Я плавать не умею.

Брови Мари поползли вверх, а Сарри надула губы. Обе они смотрели на Фаун, как если бы она была чудом природы вроде двухголового теленка. Обычно Стражи Озера смотрели на нее с меньшим изумлением... Фаун покраснела.

— Дагу об этом известно? — спросила Сарри.

— Я... я не знаю. — Может быть, вероятность того, что она утонет, делает ее неподходящей женой для Стража Озера? Когда Фаун сказала, что хотела бы, чтобы ей показали, чем заняться, она не имела в виду уроки плавания.

— Дагу, — неожиданно решительным голосом сказала Мари, — следует об этом узнать. — И к все возрастающему ужасу Фаун добавила: — Немедленно!

Шатер целителей на острове Двух Мостов представлял собой на самом деле три строения с собственным причалом, расположенные в нескольких сотнях шагов от штаба дозорных. Особо большого числа больных этим утром, как обнаружил Даг, явившись туда после возврата тележки на склад, не наблюдалось. К коновязи было привязано всего два коня. Это хорошо: ни

поветрия в лагере, ни множества раненых дозорных...

Поднимаясь на крыльцо основного строения, Даг столкнулся с выходящим оттуда Сауном. Ах, все-таки один раненый дозорный есть — хоть и явно на пути к выздоровлению. Юноша выглядел хорошо и только двигался немного неуклюже и иногда ощупывал свою грудь. Лицо Сауна озарилось радостью, когда, подняв глаза, он увидел Дага; однако радость тут же сменилась озабоченностью при виде правой руки на перевязи.

— Даг, друг! Сначала мне сказали, что ты пропал без вести, а потом прошел безумный слух о том, что ты вернулся с этой крестьянской девчушкой — женившись на ней, можешь ты такое представить! Ну и болтуны! — Саун вдруг умолк и только тихо охнул, увидев свадебную тесьму, обвивающую левое предплечье Дага как раз над протезом.

— Мы вернулись вчера под конец дня, — сказал Даг, не обращая внимания на последнее высказывание Сауна. — А ты как? В последний раз, когда я тебя видел, ты пластом лежал в фургоне, выезжавшем из Глассфорджа.

— Когда я снова смог сесть в седло, один из дозорных Чато проводил меня до встречи с отрядом

Мари, а уже со своими ребятами я вернулся домой. Мастер-целительница говорит, что я смогу отправиться со своим отрядом, когда они снова выступят в поход, если хорошенько отдохну следующие пару недель. Я все еще иногда охаю, но ничего такого уж страшного. — Взгляд Сауна снова устремился к левой руке Дага. — Но как ты... Я хочу сказать, Фаун милашка и все такое и она здорово тебя веселила, но... Ладно, вы столкнулись со Злым, и, может быть, она... Даг, твоя семья примет ее?

— Нет.

— Ох... — Саун а растерянности умолк. — Если... Куда же вы отправитесь?

— Будет видно. Пока что мы разбили шатер рядом с жилищем Мари.

— Что ж, это разумно. Мари должна защищать своих...– Саун с настороженным и смущенным видом покачал головой. — Никогда не слышал ни о чем подобном. Правда, в Лог-Холлоу мне говорили об одном парне. Он попал в большую беду несколько лет назад — тайком передавал товары и деньги своей любовнице-крестьянке и ее ребенку-полукровке... или нескольким детям — все тянулось довольно долго, пока его не разоблачили. Парень твердил, что добро было

его собственное, но совет лагеря счел, что оно принадлежит лагерю, а значит, произошло воровство. Парень не пошел на попятный, и его изгнали.

Даг склонил голову к плечу.

— Это не шутка, — сказал Саун убедительно. — У него все отобрали, прежде чем выгнали. И это в середине зимы! Никто не знает, что с ним потом случилось, — добрался ли он до своей любовницы или...

Саун смотрел на Дага в глубокой тревоге, как будто представлял своего наставника в такой же ситуации. Подвергнет ли теперь Саун сомнению свое преклонение перед Дагом? Даг счел бы, что это хорошо, но только не по такой причине.

— Сходства не так уж много, Саун. Во-первых, сейчас лето... В любом случае я справлюсь.

Такой прямой намек подействовал — более тонкий не был бы понят, решил Даг, — и Саун смущенно рассмеялся.

— Ага, конечно. — Через мгновение он добавил более жизнерадостным тоном, несколько сменив тему: — Я и сам... Ну , ясное дело не с... Я подумываю попросить Громовержца о переводе в Лог-Холлоу этой осенью. Рила сказала, — в голосе Сауна неожиданно прозвучала робость, — что

будет меня ждать.

Даг узнал глупое выражение лица — он в последнее время часто видел его в зеркале, когда брился, — и сказал:

— Поздравляю.

— Ничего еще окончательно не решено, понимаешь ли, — поспешно сказал Саун. — Некоторые считают, что я слишком молод, чтобы... ну, чтобы думать о чем-то постоянном. Но как можно ждать, когда...

Даг с симпатией кивнул — и насмешка, и жалость были бы с его стороны сейчас лицемерием. «Неужели и я был когда-то таким же беспомощным?» Даг весьма опасался, что ответ должен был бы быть утвердительным... и не обязательно с оговоркой «в его возрасте».

Саун просиял еще сильнее.

— Ладно. Похоже, тебе целители нужнее, чем мне. Не буду тебя задерживать. Может, я попозже загляну и поздороваюсь с Фаун.

— Думаю, она будет рада увидеть знакомое лицо, — согласился Даг. — Ее, бедняжку, приняли не слишком гостеприимно.

Саун коротко кивнул и ушел. Бывая в лагере, Саун останавливался в семье, жившей дальше по берегу, двое детей из которой находились по

обмену в других лагерях, и Даг знал, что юноша, впервые покинувший родной дом, не чувствует отсутствия материнской заботы.

Даг толкнул дверь и вошел в приемную. Знакомый запах трав — резкий и сильный — был особенно заметен сегодня, и заглянув в открытую дверь соседней комнаты, Даг увидел двоих подмастерьев, готовящих лекарства. На огне булькало варево в горшках, на большом столе в центре комнаты лежали груды трав, а одна из девушек что-то усердно растирала в ступке. Подмастерья готовили упаковки снадобий — и для отрядов дозорных, и для фермеров, которые расплачивались монетами или припасами. Даг не сомневался, что некоторые лекарства, запах которых он чувствовал, попадут в лавку в Лампоне, где будут стоить вдвое дороже, чем получают за них Стражи Озера.

Еще один подмастерье поднял глаза от бумаг, которые заполнял за столом у окна, и улыбнулся Дагу, глядя на лубок на его руке с профессиональным интересом. Однако прежде чем он заговорил, дверь в соседнюю комнату отворилась и оттуда вышла худая пожилая женщина; на поясе ее легкого летнего платья висело с полдюжины медицинских инструментов. Она растирала себе

грудь и хмурилась.

Потом она взглянула на Дага и воскликнула:

— Вот и ты, Даг! Я тебя ждала.

— Привет, Хохария. Я встретил Сауна, который выходил отсюда. С ним все будет в порядке?

— Да, он быстро поправляется. Благодаря тебе, по его словам. Как я поняла, ты здорово над ним поработал своим Даром. — Хохария с интересом смотрела на Дага, но от замечаний по поводу его свадебной тесьмы воздержалась.

— Ничего особенного — в нужный момент туда и тут же обратно, только и всего.

Женщина нахмурила брови, но больше ничего уточнять не стала.

— Ладно, заходи. Давай-ка посмотрим на твою руку. — Хохария показала на лубок. — Как же ты справлялся?

— Мне помогали.

Даг последовал за целительницей в ее рабочую комнату и закрыл за собой дверь. Посреди комнаты стояла высокая кровать, на которую за прошедшие годы он не раз укладывал своих раненых товарищей, однако Хохария указала Дагу на стул у стола и сама уселась на соседний. Даг высвободил руку из перевязи и положил на стол, а Хохария сняла с пояса острые ножницы и

принялась разрезать бинты. В ответ на расспросы целительницы Даг коротко рассказал о случившемся в Ламптоне. Женщина провела ладонью по его руке, и он ощутил давление ее Дара на собственный — более заметное, чем нажим длинных сильных пальцев.

— Ну, перелом чистый, и вправили кость умело, — заключила Хохария. — Все идет хорошо. Сколько времени минуло — недели две?

— Ближе к трем. — Казалось, прошло гораздо больше времени.

— Если бы не это, — Хохария показала на крюк, — я бы отправила тебя домой выздоравливать естественным путем, но ты, как я понимаю, хотел бы избавиться от лубка поскорее.

— О да!

Хохария улыбнулась в ответ на его прочувствованное восклицание.

— Я сегодня потратила все силы своего Дара на твоего молодого приятеля Сауна, но мой подмастерье будет рад испробовать на тебе свое умение. — Это предложение вызвало у Дага гримасу, которой и заслуживало, но Хохария только усмехнулась. — Ладно тебе, должны же они на ком-то практиковаться. Опыт — молодым. — Она постучала по протезу. — Как культя? Не

беспокоит?

— Нет... Скорее нет.

Хохария откинулась на спинку стула, проницательно глядя на Дага.

— Другими словами, беспокоит. Ну-ка, снимем протез и посмотрим.

— С культей все в порядке, — сказал Даг, но все же позволил расстегнуть пряжки и снять протез; умелые пальцы Хохарии пробежали по огрубевшим шрамам. — Иногда она немного побаливает, но сегодня все хорошо.

— Я видела ее и в худшем состоянии. Так что выкладывай, в чем дело.

— Приходилось ли тебе сталкиваться с таким, — осторожно начал Даг, — чтобы отсутствующая конечность все же обладала... Даром?

Целительница потерла свой костлявый нос.

— Фантомные боли?

— Да, что-то вроде, — горячо закивал Даг.

— Чешется и болит? Я о таком слышала. Это, конечно, ужасно раздражает: чешется, а почесать нельзя.

— Нет, не так. О подобном мне говорили. Я однажды повстречал в Лутлии человека... лет двадцать пять назад. Он потерял обе ноги — отморозил их. Бедняга ужасно жаловался на зуд,

но при помощи Дара удавалось избавить его и от зуда, и от судорог в отсутствующих ногах. Я имею в виду другое: Дар той конечности, которой нет.

— То, чего не существует, не может иметь и Дар. Не знаю, может ли возникнуть иллюзия Дара, подобно иллюзии зуда. Впрочем, каких только странных галлюцинаций не бывает у людей, так что почему бы и нет?

— Галлюцинация не может выполнять работы.

— Конечно, не может.

— Ну а моя выполнила... точнее, я с помощью призрачного Дара.

— Что еще за чудо? — вытаращила на Дага глаза целительница.

Даг сделал глубокий вдох и описал ей происшествие со стеклянной чашей в гостиной Блуфилдов, ничего не говоря о причине ссоры и уделив все внимание самому восстановлению чаши.

— Большая часть работы — могу поклясться — пришлась на Дар моей левой кисти, — Даг постучал культей по столу, — которой не существует. Потом меня ужасно тошнило и еще час я не мог согреться.

Хохария задумчиво нахмурилась.

— Похоже на то, что ты использовал Дар всего

тела. Такое предположение кажется разумным. Почему он проявился в такой форме... что ж, твоя теория о том, что беспомощность правой руки вызвала... — целительница помахала руками, — своего рода компенсацию, представляется справедливой, хотя, признаюсь, и довольно драматической. А потом такое случалось?

— Пару раз. — Объяснять, при каких обстоятельствах, Даг не стал. — Но я не могу вызвать это по желанию. Даже нельзя сказать, что напряжение непременно вызывает подобный эффект. Тут дело случая — по крайней мере мне так кажется.

— А сейчас ты смог бы?..

Даг попытался, сосредоточившись изо всех сил. Ничего. Он разочарованно покачал головой. Хохария закусила губу.

— Какая-то странная форма проекции Дара — может быть. Дар без плоти — нет, такое невозможно.

Даг неохотно признался в том, чего он даже себе не хотел говорить:

— Злые — это ведь чистый Дар, Дар без плоти.

Целительница пристально посмотрела на него.

— Ты знаешь об этом больше, чем я. Я никогда в жизни не видела Злого.

— Вся материальность Злого — чистой воды воровство. Они захватывают Дар и через него — плоть, придавая ей форму по своей воле. Любую жуткую форму...

— Не знаю, Даг, — покачала головой Хохария. — Мне нужно хорошенько подумать.

— Пожалуйста, придумай что-нибудь. Я... — Даг проглотил слово, которое чуть не сорвалось с языка: «испуган», — и заменил его на «очень озадачен».

Целительница коротко кивнула, поднялась и позвала подмастерье, которого представила как Отана. Паренек выглядел взволнованным — то ли из-за знакомства со знаменитым дозорным, то ли потому, что ему позволили прибегнуть к лечению Даром, — Даг не мог определить. Хохария уступила свое место Отану и встала рядом, скрестив руки на груди. Подмастерье уселся и стал сосредоточенно водить руками над правой рукой Дага.

— Хохария, — сказал он через несколько мгновений, — я не могу пробиться — дозорный закрыл свой Дар.

— Расслабься, Даг, — посоветовала Хохария.

Даг наглухо закрылся сразу же, как накануне пересек мост, ведущий на остров. Ему совсем не

хотелось открываться и теперь. Однако это ведь необходимо... Даг постарался.

Отан покачал головой.

— Все еще не могу пробиться. — Паренек выглядел расстроенным, как если бы считал неудачу своей виной. Подняв глаза на Хохарию, он сказал: — Может, лучше ты попробуешь, мэм?

— Я совсем выдохлась. Ничего не смогу по крайней мере до завтра. Да расслабься же, Даг!

— Не могу...

— Ну и настроение у тебя сегодня! — Целительница обошла стол и, хмурясь, посмотрела на них обоих; подмастерье поежился. — Вот что, попробуйте поменяться ролями. Потянись ты, Даг. Это должно заставить тебя открыться.

Он кивнул и попытался проникнуть в Дар подмастерья. Напряжение, вызванное отвращением к такому заданию, боролось со страстным желанием избавиться от надоевшего лубка — ведь возможность была такой дразняще близкой. Подмастерье смотрел на него, как побитый щенок, растерянный, но жаждущий угодить. Его рука легко лежала на руке Дата, лицо было серьезным, Дар открытым во всю ширь.

Повинуясь порыву, Даг придвинул культю к их сомкнутым рукам. Его Дар сильно и резко

вспыхнул... Отан вскрикнул и отшатнулся.

— Ох! — выдохнула Хохария.

— Призрачная рука, — мрачно сказал Даг. — Отсутствующая кисть проявила свой Дар. Вот так. — Правое предплечье Дата было переполнено Даром, похищенным у подмастерья. Призрачная рука, появившаяся всего на мгновение, снова исчезла. Даг дрожал, но если спрятать руки под стол, это только привлечет к этому большее внимание. Он заставил себя сидеть смирно.

Подмастерье прижимал к груди собственную правую руку, растирая ее и глядя на Дага широко раскрытыми глазами.

— Ой, — прошептал он, — что это было? Я хочу сказать — я ничего... Разве я что-нибудь сделал?

— Прости. Прости меня, — промямлил Даг. — Мне не следовало... — Случившееся было чем-то новым — новым и слишком похожим на магию Злого, чтобы Даг не почувствовал беспокойства. А впрочем, может быть, существует только один вид действия Дара. Разве это было воровство — взять то, что кто-то от всей души тебе предлагает?

— Моя рука совсем холодная, — пожаловался Отан. — Только... тебе-то помогло? Хохария, я и в самом деле совершил исцеление?

Хохария провела пальцами по руке подмастерья и по руке Дага; ее лицо стало странно невыразительным.

— Да. Дар руки Дага получил надежное подкрепление.

Отан явно приободрился, хотя и продолжал нянчить свою руку.

Даг пошевелил пальцами — рука уже совсем не болела.

— Я теперь чувствую в руке тепло.

Хохария, глядя на них обоих с одинаковым вниманием, велела подмастерью наложить Дагу легкий лубок. Отан сначала обмыл шелушащуюся, неприятно пахнущую кожу, к огромной благодарности Дага. Собственная правая рука паренька явно оставалась слабой; он дважды ронял бинт, и Хохарии пришлось помочь ему завязать узел.

— С ним все будет хорошо? — заботливо поинтересовался Даг, кивнув на подмастерье.

— Думаю, через несколько дней все придет в норму, — ответила Хохария. — Он осуществил... гораздо более сильное подкрепление Даром, чем я обычно позволяю делать подмастерьям.

Отан с гордостью улыбнулся, хотя глаза его все еще оставались встревоженными. Хохария

поблагодарила его и отпустила, потом снова села напротив Дага.

— Хохария, — жалобно сказал Даг, — что со мной творится?

— Я не уверена. — Целительница поколебалась. — Тебя когда-нибудь испытывали — чтобы сделать мастером?

— Да, давным-давно. У меня не оказалось ни умения, ни терпения, хотя Дар распространялся на милю, так что меня определили в дозорные — именно этого я ужасно хотел.

— Когда это было — лет сорок назад? А в последнее время тебя не испытывали?

— Не было смысла. Такие таланты не меняются, когда человек уже взрослый... ведь верно?

— Ничто живое не остается неизменным. — Глаза Хохарии заинтересованно блеснули — или это была жадность? — Это был не призрак, сказала бы я. Проявление Дара было самым живым, какое я только видела. Интересно, смог бы ты придавать форму лечебному воздействию?

Уж не думает ли она обучить его искусству целителя, тому тонкому применению Дара, которым владеет сама? Даг был растерян.

— В нашей семье мастер — Дор.

— Ну и что? — Проницательный взгляд женщи-

ны заставил Дага смущенно поерзать.

— Я ведь не контролирую... эти проявления. Скорее призрачная рука делает что хочет.

— Да брось, разве ты не помнишь, каким дрожащим был, когда у тебя впервые проявился Дар? Бывают дни, когда мои подмастерья совсем расклеиваются. Если уж говорить по правде, иногда такое случается и со мной.

— В пятьдесят пять немножко поздно становиться подмастерьем, тебе не кажется? — Хохария была на десять лет моложе Дага; он помнил, когда она сама была еще подмастерьем. — И как бы то ни было — мастеру нужны две руки. — Даг помахал культей, чтобы напомнить о препятствии.

Хохария начала было возражать, но умолкла, обдумывая сказанное Дагом.

— Я — дозорный и всегда им был. Это у меня хорошо получается. — Дрожь страха пробежала по телу Дага при мысли о том, что он может перестать быть дозорным — странное чувство, если учесть, что охота на Злых — самое пугающее занятие. Однако Даг помнил собственные слова, сказанные в Глассфордже: «Ни один из нас не мог бы справиться в одиночку, так что горожане в долгу перед всеми нами». И мастера, и дозорные — все необходимы.

«Все необходимы, и всеми можно пожертвовать». Хохария пожала плечами, признавая поражение, и сказала:

— В любом случае покажись мне завтра. Я хочу еще раз посмотреть на твою руку. — После мгновенной запинки она добавила: — На обе руки.

— Буду рад. — Даг подвигал рукой. — А нужен ли теперь лубок?

— Нужен — чтобы напоминать тебе, что не следует делать глупостей. Знаю я вас. Вы, дозорные, все одинаковы. Дай подкрепленному Дару время оказать действие, а там посмотрим.

Даг кивнул, встал и вышел из комнаты, отчетливо осознавая, с каким любопытством Хохария смотрит ему вслед.

6

Даг, вернувшись из шатра целителей, совсем не хотел рассказывать о пугающем происшествии с подмастерьем, но никто его ни о чем и не спросил; зато пять человек воспользовались возможностью сообщить ему о необходимости научить жену плавать. Даг нашел идею превосходной, однако Фаун с облегчением восприняла тот факт, что рука его все еще оставалась в лубке.

— Ну не можешь же ты отправиться плавать с рукой на перевязи, — твердо сказала она. — Тебе сказали, когда можно будет ее снять?

— Скоро.

Фаун восприняла это с облегчением, и Даг не стал уточнять, что «скоро» вполне могло означать «завтра».

Маленький сын Сарри, которого его отцы раньше уговорили носить камни для очага и похвалили за это, снова взялся за это дело, ковыляя по лужайке с такими большими камнями, какие только его пальчики могли ухватить, и увлеченно кидая их в очаг. Когда излишки его добычи были удалены из очага, это привело к небольшому скандалу. Оскорбленный рев удалось

предотвратить только лакомством из скудных еще сохранившихся деревенских запасов Фаун, и Даг, усмехаясь, отнес малыша к его многочисленным родителям. Тем вечером Фаун и Даг кипятили воду для чая на впервые разведенном домашнем огне, хотя на ужин им снова пришлось ограничиться холодным кидальником. Судя по выражению лица Фаун, она начинала понимать все связанные с кидальником шутки...

Они кинули в огонь шкурку и сидели рядом у потрескивающих поленьев, глядя, как за деревьями на дальнем берегу угасает свет заката. Несмотря на всю свою усталость и тревогу, Даг все еще находил удовольствие в том, чтобы следить, как свет и тени играют на лице Фаун, на ее блестящих упругих волосах, зажигают искры в темных глазах. Даг думал о том, что, сколько бы времени ни прошло, смотреть на лицо Фаун будет для него тем же, что наблюдать закат — никогда не повторяющийся и всегда дарящий радость.

Тени сгущались, и древесные лягушки начали свою хриплую распевку под аккомпанемент гулкого кваканья лягушек-быков в камышах. Наконец наступило время помахать рукой, прощаясь на ночь, обитателям соседних шатров, и опустить полотнище, служившее навесом. При

свете восковой свечи — подарка Сарри — Даг и Фаун разделись и улеглись. Часы, проведенные в обществе Фаун, успокоили нервы Дага, но он, должно быть, все еще выглядел напряженным и отстраненным, потому что Фаун провела пальцами по его лицу и прошептала:

— Ты, наверное, устал. Ты... ты хочешь?..

— Я мог бы взбодриться. — Даг поцеловал упавшие на лицо Фаун кудри и позволил своему Дару обрести свободу. — Хм-м...

— Ты о чем?

— Твой Дар выглядит сегодня очень привлекательно... сияет. Думаю, наступают дни твоей плодовитости.

— Ох! — Фаун приподнялась, опершись на локоть. — Значит, я выздоравливаю?

— Да, но... — Даг тоже приподнялся. — Мари говорила, что ты внутри должна выздоравливать с такой же скоростью, как снаружи. Судя по этим... — он коснулся губами лиловых отметин на шее Фаун, — я предположил бы, что твое лоно еще не готово рискнуть зачать ребенка, и так будет еще несколько месяцев.

— Нет. И вообще я еще не готова. — Фаун откинулась на спину и стала смотреть на сделанную из шкур крышу. — Никогда не думала, что буду

рожать в шатре, хотя, конечно, у Стражей Озера так принято. И мы не готовы к зиме. У нас недостаточно... — Фаун неопределенно помахала рукой, — всяких вещей.

— Мы путешествуем налегке, не как фермеры.

— Я видела, что находится внутри хижины... шатра Сарри. Она-то не путешествует налегке — у нее же дети.

— Ну да... Пока дети Дора и Омбы были малы и еще не разъехались, переезд из одного лагеря в другой оказывался большой морокой. Я обычно старался в это время отсутствовать — быть вместе с отрядом в дозоре, — виновато признался Даг.

Фаун неуверенно вздохнула и продолжала:

— Середина лета миновала. Сейчас время делать запасы и готовиться к зиме, темноте и холоду.

— Поверь, прямо сейчас к Медвежьему Броду движутся караваны с запасами кидальников на зиму. Когда я был мальчишкой и еще не стал дозорным, я обычно сопровождал их. Только сейчас такой сезон, когда легче отправить людей к пище, чем пищу к людям.

— Речь идет только о кидальниках?

— Фрукты и орехи тоже скоро созреют. Большинство свиней мы съедим прямо здесь. Обычно

в сезон приходится по одной туше на шатер; раз здесь четыре шатра, предстоят четыре пиршества. И еще рыба... ну и, конечно, индейки. Охотники привозят оленину из лесов. Я подростком часто охотился, да и теперь иногда занимаюсь этим в промежутках между походами. Завтра я тебе покажу, как работает наш склад.

Фаун посмотрела на Дата, закусив белыми зубами нижнюю губу.

— Даг... Каковы наши планы на будущее? — Ее маленькая рука коснулась его лубка. — Что будет со мной, когда ты снова отправишься в дозор? Ведь Мари, и Рази, и Утау — вообще все, кого я знаю, — уедут тоже.

Дагу не требовалось прибегать к Дару, чтобы ощутить ее опасения.

— К тому времени, я думаю, ты будешь лучше знакома с Сарри, Каттагусом и дочерью Мари и ее семейством. Каттагус, кстати, дядя Сарри — он по рождению Оттер. Я планирую вести себя тихо и позволить всем к тебе привыкнуть — привыкнуть к мысли о том, что моя жена — крестьянка; привыкли же люди к тому, что у Сарри два мужа.

И все же... обычно, когда дозорные отправлялись в поход, они могли быть уверены, что за их

семейством в их отсутствие присмотрят родичи и товарищи по дозору, да и вся община в целом. Даг всегда считал такую заботу несомненной, такой же надежной, как скала, и теперь сомнение пугало, как треск предательского льда под ногами.

Даг небрежно продолжал:

— Думаю, я смог бы пропустить следующий поход и воспользоваться невостребованным отпуском. В лагере тоже найдется много работы. Иногда в свободное время я помогаю Омбе объезжать молодых лошадей, приучать их к тому, чтобы на них ездил высокий мужчина. У нее, понимаешь ли, в подмастерьях по большей части девушки.

Фаун все еще смотрела на него с сомнением.

— Ты думаешь, к тому времени Дор и твоя мама снова начнут с тобой разговаривать?

Даг пожал плечами.

— Следующий ход — за ними. Ясно, что Дор не одобряет мою женитьбу, но скандалов он не любит. Он не даст себе волю, если только его не заставят действовать. Что касается мамы... предостережение она получила. Она умеет приводить меня в ярость, и, наверное, я ее тоже, но матушка не глупа. К тому же она последний человек в лагере, который захочет, чтобы совет диктовал

ей, как себя вести. Она не станет выносить сор из избы. Все, что нам нужно, — это дать время сгладить вражду и не нарываться на неприятности.

Слова Дага ободрили Фаун, но в ее Даре оставались темные пятна, хоть и перемежающиеся со свежим сиянием выздоравливающего тела. Даг подозревал, что к тревогам Фаун добавляло свою тяжесть незнакомое окружение. Он наблюдал, как тоска по дому терзает молодых дозорных, гораздо менее Фаун оторванных от привычной жизни, и решил про себя непременно завтра найти знакомые дела для ее трудолюбивых рук. Да, нужно сделать ее жизнь наиболее похожей на привычную, пока она не найдет равновесия.

Тем временем — здесь, в шатре Блуфилд — предстоящие занятия были не такими уж отчаянными и вполне знакомыми, хотя от этого не менее заманчивыми. «Снова дарить наслаждение по очереди...» Даг нашел нежные губы Фаун и открыл свое сердце ее Дару — во всей его сложности лабиринта света и тьмы.

На следующее утро Даг исчез на несколько часов, но к обеду вернулся — на обед у них снова был кидальник, но Даг, похоже, не возражал. Затем, как и было обещано, он повел Фаун на таинственный склад. Склад оказался рядом длин-

ных сараев, скрытых в чаще леса, тянущегося за штабом дозорных. Внутри одного из сараев находилась женщина-распорядительница; она сидела за столом с пером в руке, обложенная многочисленными амбарными книгами. Рядом с ней в деревянной люльке спал грудной ребенок. Во всю длину строения тянулись высокие — до потолка — полки. В полутемном помещении пахло кожей, травами и какими-то незнакомыми Фаун веществами.

Пока Фаун ходила между рядами полок, разглядывая товары, которыми они были забиты, Даг вполголоса советовался с распорядительницей; потом та достала несколько амбарных книг, что-то в них нашла и сделала какие-то новые записи. В одном случае Даг удивленно переспросил: «Они все еще тут?», засмеялся и окунул перо в чернила, чтобы что-то отметить в книге. Лубок, как заметила Фаун, сегодня ему почти не мешал, и Даг постоянно вынимал правую руку из перевязи.

Потом Даг повел Фаун в дальний угол и с ее помощью отобрал меха и кожаные изделия по какой-то собственной схеме — в том числе полдюжины прекрасных темных шкурок, напоминавших мех каких-то похожих на хорьков зверей; это были, как он сказал, шкурки норки,

мелкого хищника, живущего в лесах к северу от Мертвого озера. Еще он выбрал чудесный белый мех, мягкий, как взбитые сливки, — шкурку снежной лисицы; ничего подобного Фаун никогда не видела и не касалась. Все это, сказал Даг, будет его свадебным даром маме Блуфилд и тетушке Нетти, и Фаун не могла не признать, что они неизмеримо превосходили те меха, что продавались на рынке Ламптона.

— Каждый отряд обычно привозит что-нибудь, — объяснил Даг. — Это зависит от того, где дозорные были и какие возможности подвернулись. Та часть добычи, которую воин не может или не хочет использовать сам, попадает на склад, и дозорный получает за нее кредит и может или воспользоваться чем-то аналогичным позже, или обменять на что-то другое. Излишки накапливаются, а потом их отвозят крестьянам, продают, а мы покупаем на эти деньги то, что нам нужно. После всех лет, которые я провел в дозоре, у меня большой кредит. Ты подумай о том, в чем нуждаешься, Искорка, и есть шанс, что мы все это найдем на складе.

— Как насчет кухонной утвари? — с надеждой спросила Фаун.

— В следующем сарае что-нибудь подберем,

— пообещал Даг.

Он по одной вытащил еще три свернутых шкуры из дальнего угла, и Фаун с трудом отнесла их к столу смотрительницы, чтобы сделать соответствующую запись. Потом Даг, внимательно рассмотрев имеющуюся сбрую, выбрал поношенное, но крепкое вьючное седло, и они вынесли все выбранное через двойные двери склада на крыльцо.

Вернувшись, Даг потыкал носком сапога три большие тюка.

— А вот это, — сказал он, — мое собственное имущество. Я несколько удивлен, что оно еще тут хранится. Две шкуры прибыли из Лутлии, когда я вернулся домой, а третью я добыл зимой три года назад, когда нес дозор далеко на юге. Я предназначаю кое-что твоему отцу. Давай-ка разверни.

Фаун с трудом распутала высохшие сыромятные ремни и развернула невероятного размера волчью шкуру.

— Клянусь богами! Эта тварь, должно быть, была размером с лошадь!

— Примерно так.

Фаун нахмурилась.

— Только не говори мне, что это был обычный зверь!

— Нет. Это глиняный волк. Тот самый, под тушей которого, как мне рассказывали, меня нашли на Волчьем перевале. Оставшиеся в живых мои братья по шатру — ты назвала бы их шуринами — выделали ее для меня. Мне так и не хватило духа сказать им, что шкура мне не нужна. Я отнес ее на склад, рассчитывая, что кому-нибудь она пригодится, но так она тут и осталась.

Фаун подумала, что именно этот волк, наверное, и изувечил Дага.

— Из нее получится ковер на всю гостиную. Только уж очень страшно будет на нее смотреть, зная, как ты ее заполучил.

— Признаю, желания смотреть на эту Шкуру я не испытываю. Не знаю, какие чувства твой папа питает ко мне теперь, — может быть, он и пожалеет, что волку не дали пожевать меня еще. Правда, рассказывать историю этого зверя я, пожалуй, не стану. Две другие шкуры заслуживают, чтобы ты на них тоже взглянула.

Фаун развернула второй огромный сверток и отшатнулась. Толстая черная кожа, кое-где покрытая длинными жесткими серыми волосами, слишком напоминала по форме кожу человека. Морда, похожая на человеческое лицо, все еще сохраняла страшные клыки.

— Еще один глиняный зверь, только другая разновидность. Быстрые и смертоносные, они двигались в темноте, как тени. Это будет, пожалуй, подходящий подарок для Рида и Раша.

— Ох, Даг, до чего он страшен! — Фаун задумчиво кивнула. — Хороший выбор подарка.

Даг усмехнулся.

— Будет им о чем подумать.

— Тварь станет им сниться по ночам, мне кажется. — Или на самом деле следовало бы сказать не «кажется», а «надеюсь»? — Ты сам убил зверюгу? Милосердные боги, как это тебе удалось?

— Наверное, убил. Если не именно эту, то очень многих таких же.

Фаун снова свернула и перевязала ремнями обе шкуры, потом взялась за третью. Она была тоньше и мягче и лишена волос. Шкура все разворачивалась и разворачивалась, пока под изумленным взглядом Фаун не растянулась на крыльце на целых девять футов. Тонкая кожа несла на себе прекрасный рисунок, напоминающий увеличенную шкуру змеи, переливающийся под рукой Фаун бронзово-зеленым и рыже-коричневым. В длину животное не уступало лошади, лапы у него были короткими и толстыми, кончающимися загнутыми черными когтями. При

выделке челюсти сохранили, и выглядели они неправдоподобно страшными: как раскрытый медвежий капкан, полный острых как бритва зубов.

— Какой Злой сотворил такое чудовище? И из какого зверя?

— Это вовсе не глиняное существо. Это аллигатор — ящерица, живущая в южных болотах. Самый обычный настоящий зверь... мы так думаем. Разве что кто-то из наших предков-магов как-то изрядно напился. Злые не так уж часто, благодарение отсутствующим богам, появляются далеко к югу от Мертвого озера, хотя трудно даже вообразить, что получается, когда они там все-таки вылупляются. В южные болота лучше отправляться в дозор зимой, потому что холод делает аллигаторов и тех глиняных людей, в которых их превращают Злые, малоподвижными. Эту тварь мы, впрочем, поймали просто во время обычной охоты.

— Обычной охоты? Он выглядит так, как будто мог бы разделаться с человеком в два укуса!

— На берегах проток они очень опасны. Аллигаторы лежат в воде, как бревна, но двигаться при желании могут очень быстро. Они хватают добычу зубами и утаскивают под воду, чтобы

она утонула, а потом рвут на части и пожирают, когда она немного протухнет. — Даг наклонился и провел пальцами по блестящей шкуре. — Думаю, что тут получатся сапоги для твоего папы и Вита, да еще и пояса и кошельки для мамы и тетушки Нетти.

— Даг, — с любопытством спросила Фаун, — а море ты когда-нибудь видел?

— Ага, раза два. Южный берег, в окрестностях Серой реки. Восточного моря я не видел.

— На что оно похоже?

Даг уселся на крыльце, скрестив ноги, и стал гладить шкуру болотного ящера, задумчиво глядя на ее узоры.

— В первый раз я попал туда почти тридцать лет назад. Никогда этого не забуду. К западу от Серой реки, между ее руслом и Уровнями, земля плоская и по большей части безлесная. В ту широкую, как небо, степь отправляются только конные дозоры. Командир отряда велел нам рассредоточиться, так что между дозорными было по полмили, и цепь протянулась миль на пятьдесят. Мы день за днем ехали на юг. Стояла весна, воздух был мягким и голубым, всюду вокруг еще только появлялась свежая зелень и расцветали цветы. Это был самый приятный дозор в моей

жизни. Мы тогда нашли еще неподвижного Злого и разделались с ним, почти не замедляя движения. В остальном мы просто нежились на солнце, болтали ногами, вынув их из стремян, и едва поддерживали связь с другими дозорными справа и слева. К концу недели цвет неба переменился, сделался серебристым, мы выехали к дюнам, и вот там-то... — Голос Дата стих, и он сглотнул. — Прибой выплескивал пену на песок, шумел и шумел, никогда не прекращаясь. Я и представить себе не мог, что существует столько оттенков синего, серого и зеленого. Море было таким же просторным и ровным, как Уровни, но оно было живым. Дар говорил мне, насколько оно живое, как если бы море породило весь белый свет. Я мог только сидеть и смотреть. Мы все спешились, сняли сапоги и дурачились, прыгая и выскакивая из этой соленой воды, теплой, как молоко.

— А что случилось потом? — спросила Фаун и стала ждать ответа, затаив дыхание.

Даг пожал плечами.

— Мы разбили на ночь лагерь на пляже, потом переместились еще на пятьдесят миль и двинулись на север. На обратном пути было холодно и дождливо, и мы напрасно страдали — Злых мы больше не нашли. — Помолчав мгновение, Даг

добавил: — Дерево, которое волны выносят на берег, горит странным и прекрасным разноцветным огнем. Никогда ничего подобного не видел.

Его слова были простыми и понятными, как всегда бывали его рассказы, и Фаун сама не могла понять, почему ей казалось, будто она подслушивает молитву, и почему слезы затуманили ее глаза.

— Даг, — прошептала она, — а что за морем?

Брови Дага сошлись к переносице.

— Никто этого точно не знает.

— А могут там быть другие земли?

— Ах, это... Да. По крайней мере раньше были. На старинных картах изображены другие континенты — целых три. Оригинальные карты не сохранились, так что можно только гадать, насколько точны копии. Но если какие-нибудь корабли и отправлялись, чтобы узнать, что там находится, я не слышал о том, чтобы они возвращались. Некоторые говорят, что боги наложили запрет, и всякого, кто осмеливается удалиться слишком далеко, уничтожает божественное проклятие. Некоторые же предполагают, что другие земли захвачены Злыми и теперь мертвы от берега до берега, так что ни одного человека там нет. Мне не слишком нравится такая картина. Только

можно предполагать, что, если бы за морем жили люди и у них были бы корабли, за последнюю тысячу лет кого-нибудь занесло бы бурей к нашим берегам, а о таком я никогда не слышал. Может быть, тамошние жители наложили запрет на контакты с нами, пока мы не выполним свой долг и общаться снова не станет безопасно. Это было бы разумно.

Даг помолчал, глядя в даль времени или пространства, недоступного Фаун, и продолжал:

— Легенда гласит, что существует или существовало когда-то другое поселение выживших на нашем континенте, к западу от Уровней и великих гор, которые будто бы стоят за ними. Может быть, мы когда-нибудь узнаем, правда ли это, если кто-то — мы или они — попробует проплыть вдоль берега. Для каботажного плавания не нужны такие уж большие корабли...

— С серебряными парусами, — вставила Фаун.

Даг улыбнулся.

— Думаю, такое когда-нибудь случится. Не знаю, доживу ли. Если...

— Если?

— Если мы сможем достаточно долго прижимать Злых, чтобы люди взялись за такое... Речники достаточно смелы, чтобы попробовать,

только такая затея потребует очень больших ресурсов и людских жизней. Потребовался бы принц или великий лорд, чтобы снарядить подобную экспедицию, а их теперь нет.

— Или компания богачей, — предположила Фаун. — Или очень большая компания самых обыкновенных людей.

— И один болтливый лунатик, который уговорил бы их раскошелиться. Кто знает, может быть... — Даг задумчиво улыбнулся, представив себе такую картину, потом покачал головой и поднялся. Фаун тщательно свернула потрясающую шкуру болотного ящера.

Даг вернулся к хранительнице, чтобы позаимствовать бумагу, чернильницу и перья, и они с Фаун уселись за ближайшим дощатым столом в кружевной тени деревьев, чтобы написать письма в Вест-Блу. Фаун не скучала по родной деревне — она рвалась оттуда и мнения не переменила, — но сообщить родителям, что уже пустила корни в новой почве, не могла. Учитывая, какую кочевую жизнь ведут Стражи Озера, может быть, ее дом никогда и не будет каким-то определенным местом. Дом для нее — это Даг. Она смотрела, как он пишет, стиснув перо пальцами правой руки и придерживая бумагу, которую норовит унести

теплый ветерок, крюком, потом склонила голову и занялась собственным письмом.

«Дорогие мама, папа и тетушка Нетти! Мы добрались до места позавчера. — Неужели прошло всего два дня? — Со мной все в порядке. Озеро очень... — Фаун пощекотала пером подбородок, решила, что не должна ограничиваться словом «мокрое» и написала «большое». — Мы снова встретились с тетушкой Дага Мари. Мне нравится ее... — Фаун вычеркнула «хижина» и написала «шатер». — С рукой у Дага лучше...» — Она продолжала в том же духе, пока не заполнила полстраницы столь же содержательными высказываниями. Свободного места все еще оставалось слишком много. Фаун решила описать детишек Сарри и место, где они разбили свой шатер, так что под конец жизнерадостные описания едва уместились на странице. Ну вот...

Было столько всего, о чем она не написала! Штаб дозорных, разграфленная доска Громовержца, Дор, его пугающая хижина и подвешенные к крыше кости, бесполезность разделяющего ножа после такого далекого пути... Унылое настроение Дага. Угроза уроков плавания, и притом голышом. Нет, о некоторых вещах лучше умолчать.

Даг закончил свое письмо и протянул его Фаун,

чтобы та прочла. Оно было очень вежливым и ясным, почти как список с уточнениями, кому какой подарок причитается. Обе лошади и вьючное седло, а также прекрасные меха предназначались маме, шкура глиняного человека для близнецов описывалась без пояснений. Фаун усмехнулась, представив себе переполох, который возникнет в Вест-Блу, когда там развернут три устрашающие шкуры.

Даг заглянул в сарай, вернул чернильницу и перья и вышел, держа в руках запечатанные письма, как раз когда к крыльцу подъехала девушка на неоседланной красавице-кобыле, серой в яблоках. За ней бежал вороной жеребенок месяцев четырех; Фаун решила, что никогда еще не видела такой изящной головы и прекрасных темных глаз. Пока Даг и девушка навьючивали поклажу, Фаун попыталась с ним подружиться. Жеребенок был не прочь поиграть и в конце концов позволил почесать себе ухо. Фаун не могла себе представить, чтобы ее мать или кто-то другой из семьи ездил верхом на чудесной кобыле; может быть, ее удастся запрягать в легкую тележку для поездок в деревню. Ну и будут же на нее глазеть!

Со стороны штаба показался всадник, одетый

как дозорный. Это оказался курьер, отправляющийся на юг, — старый приятель Дага. На какую старую услугу сослался Даг, Фаун не поняла, но несмотря на сомнение, с которым дозорный смотрел на крестьянскую жену Дага, доставить свадебные дары он взялся. Курьер задержался ровно на столько времени, сколько было нужно для подробного описания фермы родителей Фаун и дороги к ней, и отбыл, ведя в поводу покладистую кобылу; жеребенок вприпрыжку припустил следом. Девушка, приведшая лошадей, смотрела им вслед с совершенно безутешным выражением.

После этого Даг отвел Фаун в соседний сарай, где они нашли почти новую кухонную утварь — конечно, не то, что нужно для оборудования настоящей кухни, но по крайней мере некоторую посуду, с помощью которой можно приготовить более приличную еду, чем сырой нарезанный ломтями кидальник и чай. К радости Фаун, на складе нашлось несколько фунтов хлопка с берегов реки Грейс, чистого и вычесанного, большой куль чесаной шерсти и три пучка хорошего льна. Инструменты, полученные Фаун в качестве свадебного подарка от тетушки Нетти, теперь найдут применение. Несмотря на поклажу, воз-

вращалась Фаун к своему шатру более легкими шагами; она уже планировала, как заставить Дага посидеть смирно, пока она будет снимать мерку с его ног, чтобы связать носки.

На следующий день Даг вернулся из шатра целителей без перевязи и лубка; улыбка не покидала его лица. Он радостно сгибал и вытягивал руку, сообщив, что Хохария велела ему еще неделю беречь ее;, это указание он интерпретировал как запрет только на упражнения с оружием. Всем остальным — включая Фаун — он начал заниматься незамедлительно...

К молчаливому ужасу Фаун, Даг первым делом заставил ее отложить веретено и отправиться на первый урок плавания. Ее страх перед водой заглушался только смущением из-за необходимости снять одежду, но Дату каким-то образом удалось заставить ее забыть и о том, и о другом. Они миновали колышущиеся под ветром камыши и остановились там, где вода доходила Дагу до пояса, а Фаун — до груди. Мутная вода озера давала им вполне достаточное прикрытие: зеленовато-золотистая глубина почти от поверхности делалась непрозрачной. Верхний слой воды, нагретый солнцем, был теплый, как в ванне, хотя ниже чувствовался холод, Фаун поджимала

пальцы, ступая в мягкую тину. Их сопровождало головокружительное движение водяных жуков — маленьких черных овалов, которые весело суетились вокруг, похожие на бусинки, и проворных водяных пауков, чьи тонкие ножки оставляли вмятинки на коричневой поверхности воды. Даг сразу же привел жуков-бусинок в пример Фаун: предложил ей устраивать маленькие водовороты рукой и смотреть, как жучки выныривают на поверхность.

Даг объяснил Фаун, что она от природы более плавуча, чем он сам, и воспользовался возможностью похлопать ее по наиболее плавучим частям. Фаун сочла его жизнерадостное заявление «не важно, насколько глубока вода, Искорка, ты все равно будешь иметь дело только с верхними двумя футами» излишне оптимистичным, но под влиянием его уверенности и неизменного хорошего настроения постепенно начала чувствовать себя в воде более свободно. На второй день, к собственному изумлению, она впервые в жизни поплыла; на третий день она по-собачьи преодолела несколько ярдов.

Даже Даг был вынужден признать, что из-за постоянно цветущей воды озера Хикори все обитатели его берегов к концу лета (гораздо раньше,

подумала Фаун, хоть и не сказала этого вслух) начинали пахнуть ряской, но Сарри показала Фаун родник в лесу, где можно было не только прополоскать выстиранную в озере одежду, но и набрать воды для питья, которую не обязательно кипятить. Фаун впервые в своей замужней жизни занялась стиркой и потом с удовлетворением от хорошо сделанной работы понюхала развешанное на веревке белье.

Вечером Даг принес небольшую индейку, Фаун ощипала ее и радостно сложила перья в мешочек, предвкушая будущие подушки и перины. Птицу они зажарили на своем очаге и позвали Мари и Каттагуса помочь с ней расправиться. Фаун закончила вечер, накинув первую хлопчатобумажную нить на спицу, чтобы связать Дагу носки; у нее возникло чувство, что, может быть, в конце концов лагерь и станет ей домом.

Через два дня Даг заменил урок плавания поездкой на лодке. У него был специальный крюк, крепящийся к протезу, позволявший ему управляться с веслом. Фаун после короткого обучения на причале Даг позволил устроиться на носу с собственным веслом. Сначала она нервничала и чувствовала себя неуклюжей; огромное пространство воды впереди пугало — ведь Даг был

сзади и вне ее поля зрения, — но скоро Фаун уловила ритм движения. Когда они обогнули Ореховый остров, покрытая гребешками волн поверхность озера сменилась зеркальной гладью, и Фаун совсем успокоилась. Они помедлили у берега, любуясь отражением в воде засохшего дерева, голые белые ветви которого ярко выделялись на фоне зелени леса. На дереве гнездились ширококрылые канюки; несколько птиц грациозно кружились в воздухе или сидели на ветвях, и Фаун улыбнулась, вспомнив, как испугал их краснохвостый сарыч в окрестностях Глассфорджа. Более крупных хищников, насколько было известно Фаун, отпугивала от островов магия Стражей Озера.

Потом они свернули в протоку с удивительно чистой водой; воздух над ней был неподвижным и жарким. Над протокой склонялись огромные кусты бузины, ветви которых усеивали тяжелые грозди зеленых ягод, медленно начинавших приобретать многообещающий красный оттенок. Через месяц ягоды созреют и станут черными, и Фаун отчетливо представила себе, как подросток Даг собирал их с лодки. Блеснувший на солнце окунь выскочил из воды и упал в лодку прямо к ногам Дага; смеясь над испугавшейся Фаун,

Даг осторожно поднял трепыхающуюся рыбку и отправил обратно в воду. Он категорически отверг обвинение в том, что приманил окуня своей магией: «Слишком мелкая добыча, Искорка!»

Обогнув заросли водорослей и рогоза, в которых хрипло чирикали и свистели красноплечие трупиалы, они наконец выбрались на широкий плес, заросший круглыми плоскими листьями лилий, широко раскрывших белые цветки, подставляя их солнечным лучам. Тонкие синие стрекозы с радужными крылышками и более массивные алые летуны прошивали воздух над заводью, а на корягах грелись многочисленные черепахи; их коричневые спинки блестели, как полированный камень. Вдоль дальнего берега медленно вышагивала голубая цапля; замерев на мгновение, она вдруг нанесла удар своим длинным желтым клювом. Серебристый гольян блеснул в воздухе, когда цапля изогнула шею, запрокинула голову и проглотила добычу. Птица с самодовольным видом постояла на месте, потом возобновила охоту. Фаун не знала, что ее больше порадовало: красота цветов или умиротворенное выражение лица Дага. Даг с удовлетворением вздохнул, но тут же нахмурился.

— Мне казалось, что это то самое место, но

теперь заводь выглядит меньше, да и гораздо мельче. Я помню, что уходил тут под воду с головой. Неужели я не там свернул?

— Мне заводь представляется очень даже глубокой. Э-э... сколько тебе было лет, когда ты впервые сюда попал?

— Восемь.

— И какого же ты тогда был роста?

Даг открыл было рот, чтобы ответить, но только смущенно улыбнулся.

— Ниже тебя, Искорка.

— Вот видишь!

— Ну да... — Даг отложил весло и стал смотреть вокруг.

Водяные лилии, как ни были прекрасны, ничем не отличались от обычной разновидности, которую Фаун иногда встречала в тихих старицах реки в окрестностях Вест-Блу. И рогоз, и стрекоз, и трупиалов, и цапель она видела и раньше. Здесь не было ничего нового, и все же... это место было волшебным. Безмолвие жаркого влажного воздуха, нарушаемое лишь тихими голосами жителей болотистых берегов, казалось ей священным, как будто она слышала звук, лежащий в глубине всех звуков. «Должно быть, так ощущается Дар». Эта мысль вызвала у Фаун благоговение.

Они молча сидели в узкой лодке, не ощущая никакой потребности в словах, пока солнце не начало припекать слишком сильно. Даг со вздохом снова взялся за весло и развернул суденышко. Движение весла создало зеркальный водоворот, уходящий глубоко в чистую воду, и Фаун заглянула в самую глубину. «Здесь стоит на якоре сердце Дага, и я понимаю почему».

Они почти уже обогнули мыс, отделявший их от основного озера, когда Даг снова перестал грести. Фаун обернулась к нему и увидела, что он, улыбаясь, прижимает к губам палец. Даг сидел, полуприкрыв глаза, с отсутствующим, сонным выражением лица, и это смутило Фаун. Только настороженность помешала ей вывалиться из лодки, когда с неожиданным громким всплеском в воздух взвился огромный черный окунь, извиваясь и разбрасывая россыпь сверкающих капель. Рыбина упала на дно лодки с громким шлепком, яростно побилась и, наконец, затихла, шевеля яркими жабрами.

— Рыба такого размера лучше подходит на обед, — с удовлетворением сказал Даг и снова погрузил весло в воду.

— Ну тут-то без магии не обошлось. Так вот как вы ловите рыбу? — с изумлением спросила

Фаун. — А я еще удивлялась, почему не видно сушащихся на шестах сетей.

— Вроде того. На самом деле мы обычно пользуемся ручными сетками. Если увидишь, как старый Каттагус лежит на причале и дремлет, погрузив одну руку в воду, то так и знай — он ловит рыбу.

— Это выглядит почти как жульничество. Как это в озере еще остается хоть какая-то рыба?

— Ну, не каждый обладает таким умением.

Когда они добрались до причала, обгоревшие на солнце и счастливые, Фаун решила, что выпросит у Сарри некоторые травки из ее огорода, чтобы приготовить рыбу как следует. Она сумела выбраться на потрескавшиеся серые доски качающегося причала, не получив незапланированного урока плавания, и забрала у Дага его добычу, предоставив ему привязывать лодку. Прижимая к себе окуня, она обернулась на каменных ступенях, ведущих на крутой берег, и они обменялись быстрым поцелуем.

Рука Дага обвила талию Фаун, но тут же упала. Подняв глаза, Фаун проследила за его взглядом.

В тени на берегу ждал Дор, хмурясь, как темное зимнее облако, набухшее дождем. Когда Даг и Фаун приблизились, он сказал Дагу:

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Вот как? Зачем? — поинтересовался Дат, но жестом пригласил брата к своему шатру и показал на сиденья вокруг очага.

— Наедине, будь добр, — сухо сказал Дор.

— М-м... — протянул Дат с сомнением, но все же коротко кивнул. Он проводил Фаун в шатер и оставил ее там возиться с рыбиной. Фаун с беспокойством следила, как братья миновали шатры Мари и Сарри и свернули на дорогу, держась поодаль друг от друга.

7

Они свернули налево по тенистой дороге между берегом озера и лесом. Даг слишком устал, так что ему не было необходимости в том, чтобы укорачивать шаг, приноровляясь к брату, и не был еще настолько раздражен, чтобы пуститься с обычной для дозорного скоростью и заставить Дора себя догонять. Впрочем, он не стал бы биться об заклад, что это так и останется дальше.

«Что ему нужно?»

Не требовалось прибегать к Дару, чтобы понять: хоть Дор и пришел к Дагу первым, на уме у него не было ни примирения, ни извинений.

— Ну так что? — поторопил брата Даг, хотя и понимал, что лучшей тактикой было бы подождать и заставить того заговорить первым.

«В конце концов, не ведем же мы друг с другом войну».

— На озере только о тебе и говорят, знаешь ли, — резко бросил Дор.

— Разговоры рано или поздно кончаются. Скоро появится какая-нибудь новая тема для пересудов. — Даг стиснул зубы, чтобы не дать себе спросить: «А что говорят?» Он испытывал мрачную уверен-

ность: Дор и так ему об этом сообщит.

— Твой брак отвратителен. Ты не только притащил сюда крестьянку, так она еще и почти ребенок.

Даг пожал плечами.

— В некоторых отношениях Фаун ребенок, в других — нет. Если говорить о горе и чувстве вины, то она вполне взрослая. — «Уж я-то могу об этом судить». — Что касается практических навыков, я назвал бы ее подмастерьем. Обычные дела еще не стали для нее рутиной, но когда вся ее энергия и внимание высвободятся, ты удивишься! Она необыкновенно сообразительна и быстро учится. Главное в различии возрастов, на мой взгляд, — это то, что на мне лежит особый долг: не обмануть ее доверия. — Даг нахмурил брови. — Впрочем, то же верно для любого человека в любом возрасте, так что, может быть, тут и нет ничего особого.

— Не обмануть доверия? Ты опозорил наш шатер! Мама стала посмешищем для всех своих недоброжелателей, и ей это ужасно тяжело. Ты же знаешь, как она ценит свое достоинство.

Даг склонил голову к плечу.

— Ах... Мне жаль это слышать, но я подозреваю, что она сама виновата. Боюсь, она называет до-

стоинством то, в чем другие видят тщеславие. — С другой стороны, может быть, невезение, в результате которого Камбия имела так мало детей, и заставляло ее так настаивать на их особой ценности, чтобы она могла не склонять голову перед женщинами, имеющими более многочисленное потомство. Впрочем, никто не спорил с тем, что Дор обладает редким и драгоценным даром. Вспомнив о том, что следовало бы умиротворить брата, Даг добавил: — По справедливости говоря, отчасти тут дело в гордости за тебя.

— Она могла бы гордиться и тобой тоже, если бы ты приложил усилия, — проворчал Дор. — Ты все еще простой дозорный после сорока лет службы! Тебе давно следовало бы быть командиром. Мама и Мари в этом единодушны, и они совершенно правы.

Даг стиснул зубы и ничего не ответил. Амбиции семьи были его проклятием с тех пор, как он вернулся из Лутлии и поправился достаточно, чтобы снова отправиться в дозор. Может быть, он сам виноват, раз позволил им узнать, что отклонил назначение командиром отряда, которое, как прозрачно намекали ему, скоро привело бы к повышению. Это повторялось много раз, пока Громовержец не перестал предлагать... Или об

этом проговорилась Массап, которой было известно о планах мужа? Теперь Даг уже не мог вспомнить.

Дор сжал губы, потом продолжал:

— Высказывается предположение — не стану называть имен, — что если мы подождем год, проблема разрешится сама собой. Эта крестьянская девчонка слишком мала, чтобы выносить ребенка Стража Озера, и умрет при родах. Ты об этом подумал?

Даг поморщился.

— Мать Фаун тоже маленькая, но прекрасно справилась. — «Правда, и ее отец — не великан». Даг ощутил озноб, но утешил себя мыслью о том, что размер ребенка и взрослого человека не обязательно жестко связаны: старший сын Каттагуса и Мари, ставший настоящим медведем, доставил много беспокойства семье, родившись маленьким и слабым.

— Примерно об этом я и говорю — не особенно рассчитывай на ее здоровье: крестьяне просто плодовиты. Но хорошо ли ты обо всем подумал, Даг? Если ваши дети выживут, не говоря уже об их матери, какая судьба ждет здесь полукровок? Они не станут мастерами, они не станут дозорными. Все, на что они будут способны, — это есть

и размножаться. Их станут презирать.

Даг выставил вперед подбородок.

— В лагере хватает других необходимых занятий, как мне постоянно твердили. Чтобы содержать одного дозорного, в лагере должны работать десять человек, — так говорит Громовержец. Мои дети могли бы оказаться в числе этих десяти. А может быть, ты втайне презираешь всех вокруг, а я об этом и не знал?

Дор отмахнулся от этой шпильки.

— Так ты хочешь сказать, что твои дети, когда вырастут, станут слугами моим? И ты будешь этим удовлетворен?

— Мы найдем свою дорогу.

— Мы? — скривился Дор. — Значит, ты уже ставишь интересы своего крестьянского потомства выше интересов Стражей Озера в целом?

— Если такое случится, то не по моему выбору. — Способен ли Дор услышать предостережение в его словах? Даг продолжал: — На самом деле неизвестно, действительно ли полукровки лишены Дара. Скорее дело обстоит наоборот: я встречал таких, кто почти не уступает нам. Я путешествовал больше тебя и видел больше. Среди крестьян попадаются настоящие таланты, и я не думаю, что это наследие какого-нибудь случайно спутав-

шегося с крестьянкой Стража Озера предыдущих поколений. — Даг нахмурился. — По-настоящему нам следовало бы обследовать крестьян, выявляя обладающих Даром, — как это делали маги в древности.

— А пока мы будем этим заниматься, кто станет истреблять Злых? — возразил Дор. — Почти подходящий дозорный с этим не справится. Мы нуждаемся в концентрации наследственных линий, чтобы добиться наилучших возможных результатов. Нас и так настолько мало, что мы трудимся из последних сил, и все это знают. Позволь тебе сказать: не только мама в ярости от того, что ты зря тратишь талант, который мог бы передать со своей кровью.

Даг поморщился.

— Угу, я это уже слышал от тетушки Мари. — Он вспомнил собственный ответ на ее слова. — А ведь я мог быть убит в любой момент за эти сорок лет, и моя кровь точно так же пропала бы. Притворись, что я мертв, если тебе так легче.

Дор фыркнул, не обратив внимания на такую приманку. Они дошли до развилки: одна дорожка вела от моста через лес к северному берегу острова. Дор указал на нее, и братья свернули туда. Вечернее солнце бросало на землю пятна зелено-

вато-золотого света, листья почти не шевелились в теплом воздухе. Сандалии поднимали легкие облачка пыли: лужи, оставшиеся от недавнего дождя, быстро высыхали.

Дор собрался с мыслями и продолжал:

— И ты опозорил не только свою семью. Этот твой трюк нарушает порядок и подает дурной пример другим дозорным. Не отрицаю: ты пользуешься у воинов уважением, молодежь вроде Сауна смотрит на тебя снизу вверх. Как теперь командирам предотвращать неуместные связи своих подчиненных? Клянусь, ты думаешь только о себе.

— Да, — согласился Даг и задумчиво добавил: — Это для меня новое ощущение. — Медленная улыбка тронула его губы. — И мне, пожалуй, нравится.

— Глупые шутки неуместны, ' — рявкнул Дор.

«Я не шутил. Да помогут мне отсутствующие боги!» На самом деле, чем больше он думал обо всем, тем меньше находил забавного. Даг сделал глубокий вдох и спросил:

— Чего ты добиваешься, Дор? Я женился на Фаун по-настоящему — в этом участвуют мой разум, тело и Дар. Тут ничто не переменится. Рано или поздно тебе придется иметь с этим дело.

— Я как раз и пытаюсь такого избежать. — Дор нахмурился еще сильнее. — Совет лагеря может все переменить. Он и раньше принимал решения о разрыве уз.

— Только когда пара рассталась и семьи не могли примирить супругов. Никто не может заставить разорвать узы без согласия обоих партнеров. И никто в здравом уме не потерпит прецедента, если совет попытается такое провернуть. Это поставило бы под угрозу все браки и опровергло бы сам смысл наложения уз.

Голос Дора стал более жестким.

— Тогда придется просто принудить тебя этого пожелать, а?

Даг сделал десять шагов, прежде чем ответил:

— Я упрям. Моя жена полна решимости. Ты сломаешь свой нож об этот камень, Дор.

— Ты понимаешь, чем рискуешь? Станешь отверженным! Будешь изгнан! Перестанешь быть дозорным!

— Я еще много лет смогу нести дозор. Ты сам говоришь — мы напрягаем последние силы, и тем не менее ты готов пустить меня под откос? Из простого тщеславия?

— Я пытаюсь добиться как раз обратного. — Дор сердито провел рукой по лбу. — Это ты слепо

устремляешься к обрыву и готов скатиться под откос.

— Не по своей воле. И не по желанию Громовержца. Он меня поддержит. — На самом деле Громовержец только сказал, что не станет поднимать вопрос перед советом лагеря, он все не обещал забыть о своем понятном неодобрении женитьбы Дата, однако Даг не собирался сообщать о своих сомнениях по этому поводу Дору.

— Что? — фыркнул тот. — Несмотря на весь вред, который твой пример принесет дисциплине? Подумай хорошенько.

Может быть, Громовержец и Дор договорились? Даг начал жалеть, что в последние дни не прислушивался к сплетням, хоть ему и казалось более разумным не подставлять лоб под щелчки и не позволять втягивать себя в споры.

— Фаун — особый случай, — возразил он Дору. — Она не просто какая-то крестьянка, она крестьянская девушка, которая убила Злого. Это, кстати, отличается от твоих успехов в этом отношении. Сколько там было убитых тобой Злых? Ах, кажется, ни одного?

Губы Дора растянулись в принужденной улыбке.

— Если угодно, братец. А может быть, счет

совсем другой: каждый Злой, убитый изготовленным мной ножом. Без разделяющего ножа ни один дозорный не станет убийцей Злого. Вы были бы просто ходячей, пищей для тварей.

Даг втянул воздух, стараясь совладать с раздражением.

— Верно. Только без руки, которая нанесла бы удар, твои ножи... как ты их назвал? — просто настенные украшения. Думаю, нам стоит признать счет ничейным.

Дор коротко кивнул. Некоторое время они шли рядом молча.

Когда Даг счел, что может говорить спокойно, он произнес:

— Без Фаун я был бы теперь мертв, да и значительная часть отряда, наверное, тоже. И ты провел бы последние недели, совершая поминальные обряды и произнося прочувствованные речи о том, каким замечательным парнем я был.

— Это было бы почти что лучше, — вздохнул Дор. — По крайней мере проще.

— Я оценил твое «почти». Да, почти... — Даг постарался собраться с мыслями. — В любом случае ты не заставишь эту птичку летать. Громовержец ясно дал понять, что ради дела стерпит мою женитьбу и не станет привлекать совет лагеря.

Мама тоже не станет. Так что постарайся привыкнуть к нам, Дор. — Он заставил свой голос звучать мягче и убедительнее, почти умоляюще. — Фаун обладает собственной ценностью. Ты это увидишь, если позволишь себе смотреть непредвзято. Предоставь ей возможность показать себя, и ты не пожалеешь.

— Ты одурманен.

Даг пожал плечами.

— А солнце встает на востоке. Ты не сможешь изменить ни того, ни другого. Перестань злиться и взгляни на вещи более открыто.

— Тетушка Мари повела себя как безнадежная дура, когда позволила такому случиться.

— Она привела все те же аргументы, что и ты только что. — Лучше сформулированные, но из Дора никогда не получился бы дипломат. — Дор, брось. Время все сгладит. Люди к нам привыкнут. Мы с Фаун, возможно, всегда будем казаться диковинкой, но никто не кинется подражать нам, как не кинулись подражать Сарри с ее двумя мужьями. Озеро Хикори останется все тем же. Жизнь будет продолжаться.

Дор сделал глубокий вдох, глядя прямо перед собой.

— Я обращусь к совету лагеря.

Даг ощутил холод в животе и медленно моргнул.

— Вот как? А что скажет мама? Я думал, ты терпеть не можешь скандалы.

— Это так. Но у меня нет выхода. Кто-то должен действовать. Мама только плачет, знаешь ли. Меры принять необходимо, и необходимо сделать это быстро. — Дор поморщился. — Омба говорит, что если мы дождемся, пока ты обрюхатишь свою крестьянку, тебя уже не свернешь с пути.

— Она права, — сказал Даг с гораздо большим спокойствием, чем испытывал.

У Дора был вид человека, решившегося исполнить свой долг, каким бы неприятным он ни был. Да, Дор будет настраивать Камбию на скандал, даже против ее желания. Неужели оба они думают, что Даг испугается угроз? Или оба понимают, что на это нечего рассчитывать? А может быть, один думает так, а другой — иначе?

— Значит, — сказал Даг, — ты готов принести меня в жертву? Мама тоже к такому готова?

— Мама знает — мы все знаем, — с какой страстью ты относишься к истреблению Злых. Мы помним, как ты боролся за то, чтобы вернуться в дозор после того, как потерял руку. Стоит ли совокупление с этой крестьянской девкой того,

чтобы зачеркнуть всю твою жизнь?

Дор помнит, каким был брат много лет назад, подумал Даг. Измученный, обессиленный, ищущий только смерти, которая уравновесила бы то, что сделало его тем ходячим трупом, каким он себя чувствовал. И тогда, если бы повезло, он воссоединился в смерти со всем, что потерял, потому что ничто другое не казалось ему возможным или даже вообразимым. Что-то новое и странное случилось с тем, прежним Дагом в пещере Злого в окрестностях Глассфорджа. Или... вышло на свет что-то, что уже давно совершалось в глубине.

«Я больше не тот, кем ты меня считаешь, Дор. Ты смотришь на меня, но ты меня не видишь».

Дор в этом отношении казался удивительно похожим на родичей Фаун...

«Так кто же я?»

Впервые за очень долгое время Даг не был уверен, что знает ответ на этот вопрос, и это тревожило его гораздо сильнее, чем устаревшие предположения Дора.

Дор неверно истолковал смущенный вид Дага.

— Ага, это заставило тебя задуматься! Да и пора! Я не пойду на попятный. Считай мои слова предупреждением.

Даг коснулся тесьмы под закатанным левым

рукавом.

— Я тоже не пойду на попятный. Считай это предупреждением.

Оба хранили каменное молчание, повернув по береговой дороге обратно. Дор сумел заставить себя кивнуть Дагу, сворачивая к шатрам Редвингов, но ни слова прощания не произнес, не предложил новой встречи и никак не выказал свои намерения. Разъяренный Даг так же молча кивнул брату и ушел.

В физическом отношении, думал Даг, он может не бояться ни за себя, ни за Фаун. Дор не стал бы собирать компанию горячих голов вроде Санни и его дружков, чтобы учинить насилие. Формальное обвинение перед советом лагеря — именно то, что он предпримет, тут нет сомнений. Дор не был склонен к пустым угрозам. Даг ощущал странную пустоту внутри, немного похожую на то, что чувствовал в момент, предшествующий нападению на логово Злого.

Он стал вспоминать, кто сейчас входит в совет лагеря. Обычно совет состоял из представителей от каждого острова и их заместителей, каждый год избираемых из глав кланов и старейшин, плюс командующий дозорными в качестве их постоянного представителя. Камбия однажды

входила в совет, и дед Дага, пока не стал слишком немощным, дважды бывал заместителем представителя своего острова. Даг не особенно обращал внимание на то, кто в этом (да и в любом другом) году избран в совет; теперь же это внезапно приобрело значение.

Для разрешения большинства конфликтов совет прибегал к открытому обсуждению и обязательным медитациям; только когда речь шла об изгнании или смертном приговоре, голосование бывало тайным, и тогда решение принималось не обычными пятью голосами из семи, а требовало полного единодушия. На протяжении жизни Дага в лагере Хикори было всего два убийства, и в более сомнительном случае совет вынес решение о плате за кровь между семействами; лишь один убийца был казнен. Дагу никогда не случалось быть свидетелем такого изгнания, о котором он узнал из рассказа Сауна. Даг не мог прогнать мысль, что за тем случаем скрывались более неприятные обстоятельства, чем это следовало из краткого описания юноши.

«Как у меня? Наверное, нет».

Даг намеренно держался подальше от гуляющих по лагерю сплетен, чтобы не ухудшать ситуацию, проводя время с Фаун — и выздоравли-

вая, этого тоже не следовало забывать; в любом случае едва ли кто-нибудь из его друзей стал бы пересказывать при нем самые критические высказывания. Даг знал только одного* человека, который сделал бы это, сохраняя полное беспристрастие, и поэтому решил после ужина повидаться с Громовержцем.

Фаун подняла глаза от дошедших до нужной кондиции углей в очаге, когда на лужайку вернулся Даг, мрачный, как ночь. Она еще никогда не видела такой спокойной радости на его лице, как этим днем на поросшей лилиями заводи, и теперь стиснула зубы от ярости: Дор потрудился отравить это счастье. Фаун также молча попрощалась со своей надеждой, пусть и слабой, что Дор явился как миротворец; она уже начала фантазировать о том, что, может быть, тот принес приглашение на ужин от мамы Дага, и планировать, что она могла бы приготовить, чтобы показать свои хозяйственные умения этой ветви семьи Редвингов.

В ответ на ее безмолвный вопрос Даг покачал головой и принужденно улыбнулся, показывая, что его плохое настроение с ней не связано. Он уселся у очага, поднял палочку и задумчиво стал водить ею по земле.

— Так чего хотел Дор? — спросила Фаун. — Он готов примириться с нами? — Она занялась окунем, выпотрошенным, почищенным-; начиненным травами, которые Фаун позаимствовала с огорода Сарри. Рыба зашипела, когда Фаун выложила ее на решетку над углями. Фаун принялась мешать тушенный в горшке кидальник с луком, который приготовила на гарнир. Аппетитные запахи сделали выражение лица Дага не таким тоскливым, но все же ответил он Фаун не сразу.

— Нет, пока нет.

Фаун надула губы.

— Если произошли неприятности, не кажется ли тебе, что мне следует о них знать?

— Да, — вздохнул Даг. — Но сначала мне нужно поговорить с Громовержцем. Тогда я смогу сообщить тебе новости с большей уверенностью.

«Какие новости?»

— Звучит довольно зловеще.

— Может быть, и не так уж, Искорка. — Привлеченный вкусным ужином, Даг придвинулся поближе и рассеянно поцеловал в шею переворачивавшую окуня Фаун.

Фаун улыбнулась ему в ответ, чтобы показать свою поддержку, но подумала: «А может быть, и так». Если что-то было пустяком, он обычно так

и говорил, прямо и решительно. Если бы проблема имела ясное решение, он с оптимизмом обсудил бы его, подробно, если бы понадобилось. Подобная молчаливость, как постепенно стала понимать Фаун, свидетельствовала о необычной для Дага неуверенности. Смутная вера Фаун в то, что Даг знает все обо всем — ну, может быть, за исключением жизни на ферме, — не выдерживала трезвого рассмотрения.

Как и надеялась Фаун, вкусная еда существенно улучшила настроение Дага. Он еще больше просветлел, когда Фаун после ужина вышла из шатра, держа что-то за спиной, и с гордостью вручила ему новые хлопчатобумажные носки.

— Ты их уже закончила!

— Я обычно помогала снабжать носками своих братьев, так что научилась вязать быстро, — довольно сообщила Фаун. — Примерь, посмотрим, будут ли они удобны.

Даг тут же так и сделал и для пробы прошелся вокруг угасающего огня; он выглядел довольным, хотя несколько смешным в сапогах и обрезанных штанах, которые, похоже, все Стражи Озера носили в жаркую погоду, когда им не нужно было ездить верхом.

— Такие лучше годятся для лета, чем те ужас-

ные свалявшиеся шерстяные носки, которые ты носил раньше — на них, клянусь, было больше штопки, чем целых мест. В них у тебя ноги будут сухими, а мозоли станут меньше болеть.

— Какие тонкие! И такие маленькие ровные петли! Держу пари: в таких носках мозоли не будут кровоточить.

— Твои ноги кровоточат? — в ужасе воскликнула Фаун. — Ох!

— Ну, не так уж часто. Только в самую жару или в зимние морозы.

— Я перепряду шерсть для зимних носков потом. Я решила, что такие тебе будут нужны раньше.

— Конечно. — Даг снова уселся и снял сапоги, после чего бережно стянул носки и благодарно поцеловал руки Фаун. Та просияла.

— Я собираюсь помочь Сарри завтра прясть волокно из стеблей кидальника, раз отмачивание уже закончилось, — сказала она. — Вашим женщинам нужна самопрялка, чтобы ускорить дело. Небольшую самопрялку не будет так уж трудно возить с собой, и мы могли бы все ею пользоваться. Я могла бы этому научить ваших женщин — отплатить Сарри и Мари за ту помощь, которую они мне оказывают. Как ты думаешь,

ты смог бы привезти самопрялку, когда твой отряд в следующий раз окажется в окрестностях Лампгона, или Глассфорджа, или Вест-Блу? Мама и Нетти наверняка снабдили бы тебя самой лучшей, — с предусмотрительностью стала размышлять Фаун.

— Попытаться я во всяком случае смогу, Искорка. — Фаун испытала новый прилив нежности: Даг и не подумал пожаловаться на то, каким посмешищем будет выглядеть, нагрузив Копперхеда подобным предметом.

Она заключила его в многообещающие объятия, но через некоторое время Даг вспомнил о сложностях, о которых говорил Дор, и со вздохом высвободился.

— Ты уйдешь надолго? — спросила Фаун.

— Зависит от того, куда отправился Громовержец.

Фаун кивнула, стараясь удовлетвориться этим неопределенным ответом и тем, что осталось невысказанным. Тревожное настроение, похоже, снова окутало Дага, как темный плащ; он двинулся к дороге и исчез за деревьями.

Даг наконец обнаружил Громовержца в одном из шатров его многочисленного клана на западной оконечности острова. Громовержец бросил

на него единственный взгляд и тут же повел прочь от шумной толпы их с Массап детей и внуков, собравшейся перед шатрами, на безлюдный причал. Мужчины, скрестив ноги, уселись на досках. Мелкие волны, набегавшие на берег, сияли шелковистым оранжевым отблеском. Задубелая кожа Громовержца в лучах заката выглядела бронзовой; в его темных глазах прочесть ничего не удавалось.

Даг побарабанил пальцами по дереву причала и начал:

— Я только что говорил с Дором... точнее, он говорил со мной. Он грозит обратиться к совету лагеря. Что, по его мнению, они могут со мной сделать, я себе не представляю. Они не могут приказать разорвать узы. — Голос Дага дрогнул. — Еще он говорил об изгнании. — Громовержец никак не прореагировал, и Даг продолжал: — Ты — член совета. Он к тебе обращался?

— Да. Я сказал ему, что его план плох. Впрочем, пожалуй, можно придумать и худший.

Даг приготовился услышать неприятные новости.

— Что говорят за моей спиной?

Громовержец заколебался: то ли его смущала перспектива повторять сплетни, то ли он просто

подбирал слова — Даг не мог определить; скорее последнее, потому что когда Громовержец заговорил, его слова прозвучали достаточно жестко:

— Массап говорит, что некоторые злорадствуют: гордость Камбии получила щелчок.

— Болтовня, — пробормотал Даг.

— Может быть. Я бы вообще не обращал на это внимания однако чем больше такие разговоры заставляют твою мать корчиться, тем больше она опирается на Дора.

— Ах... А еще что говорят? Конечно, не называя имен...

— Многое. — Громовержец пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего ты ждал?» — Хочешь получить полный список? Не называя, конечно, имен.

— Да... нет, но... да.

Громовержец глубоко втянул воздух.

— Во-первых, среди твоих недоброжелателей те, кто ходил в дозор и пострадал из-за того, что полагался на помощь крестьян. Или испытал их неблагодарность: ведь часто из-за паники, в которую впадают эти деревенщины, дозорные напрасно гибнут или получают увечья.

Даг склонил голову, наполовину соглашаясь, наполовину возражая:

— Крестьяне невежественны. Решение вопроса в том, чтобы их обучать, а не отвергать.

Громовержец в ответ только скривил губы и продолжал, загибая пальцы:

— Еще те, чьи друзья или родичи пострадали, были избиты, а то и убиты крестьянами из-за их необоснованного страха перед колдовством Стражей Озера.

— Если бы мы держались менее отстраненно, такого непонимания не возникало бы. Люди не были бы такими невежественными.

На это возражение Громовержец тоже не обратил внимания.

— Еще болезненнее переживают дозорные или бывшие Дозорные, которым самим пришлось отказаться от любви к крестьянке. Тут очень большая горечь... Некоторые желают тебе удачи, но по большей части все-таки люди гадают, сойдет ли тебе это с рук. Те, кому выпала тяжкая обязанность обеспечивать соблюдение правил, тоже тобой недовольны. Они приносили настоящие жертвы и теперь чувствуют себя преданными, что вполне справедливо.

Даг погладил дерево причала, отполированное многими ногами.

— Фаун убила Злого. Она поделилась смертью.

Она... она отличается от обычных крестьянок.

— Я знаю, что ты так думаешь. Только дело в том, что каждый человек считает свою ситуацию особенной. Так оно для него и есть. Если правила существуют не для всех, то споры делаются бесконечными. А у нас нет на это времени.

Даг отвел взгляд от сурового лица Громовержца и стал смотреть на оранжевый диск солнца, частично закрытый уже черными силуэтами растущих по берегам деревьев.

— Не знаю, к чему, по мнению Дора, он может меня принудить. Я дал супружеский обет своим Даром.

— Угу, — сухо кивнул Громовержец. — Вразрез со своим прежним долгом и обязанностями. Именно это ты и сделал. Клянусь: ты похож на человека, который пытается скакать одновременно на двух лошадях, стоя одной ногой на каждой. Все хорошо, если ему удается удерживать их рядом, но если они поскачут по разным дорожкам, ему придется выбирать, иначе он упадет или будет разорван на части.

— Я хотел — и хочу — сочетать свои обязанности. Если смогу.

— А если не сможешь? Куда ты свалишься?

Даг только покачал головой.

Громовержец, хмурясь, смотрел на мерцающую воду, ставшую в сумеречном свете такой же светящейся, как небо. Несколько припозднившихся ласточек еще кружились над озером, прежде чем скрыться в гнездах.

— Впрочем, соблюдение правил имеет и еще одно значение. Если все увидят, что даже такой выдающийся дозорный, как Даг Редвинг, должен подчиняться дисциплине, это облегчит дело, когда придется одергивать следующего одержимого идиота.

— Разве я выдающийся?

Громовержец посмотрел на него со странным выражением.

— Да.

— Даг Блуфилд, — с опозданием поправил его Даг.

— М-м...

Даг вздохнул и переменил тему.

— Ты знаешь членов совета. Поддержат они Дора? Насколько он уже их обработал? Была ли его сегодняшняя угроза первой пробой или он предоставил мне последний шанс?

Громовержец пожал плечами.

— Я знаю, что разговоры он вел. Как ты думаешь, насколько быстро он стал бы действовать?

Даг снова покачал головой.

— Он ненавидит споры, ненавидит, когда его отрывают от работы над ножами. Я знаю: для дела ему требуется полная концентрация. По доброй воле он вообще не стал бы со мной связываться, но если уж он вынужден, он постарается закончить все как можно скорее, чтобы иметь возможность вернуться к работе. Он злится — не на меня, а на отвлечение. Он станет давить.

— Я воспринимаю его так же.

— Он с тобой говорил? Громовержец, не позволь нанести мне удар исподтишка.

В ответ Громовержец бросил на Дага еще один странный взгляд.

— А ты хотел бы, чтобы я пересказал ему наш с тобой конфиденциальный разговор?

Даг понадеялся, что угасающий свет не позволит Громовержцу разглядеть, как он покраснел. Он прислонился начавшей болеть спиной к причальному столбу.

— Тогда другой вопрос. Есть ли вероятность, что бучу поднимет кто-то другой, помимо Дора?

— В совете, на формальных основаниях? Я могу представить себе несколько возможностей. Твои противники предпочли бы предоставить это твоей семье, но если клан Редвинг свой долг не

выполнит, могут найтись другие желающие.

— Так что если даже я умиротворю Дора, дело не кончится. Будут появляться все новые и новые обвинения... совсем как Злые.

При этом сравнении Громовержец поднял брови, но промолчал.

Даг медленно продолжал:

— Отсюда следует, что единственный способ решить проблему — добиться решения, скорого и публичного. Как только совет примет решение, снова поднять тот же вопрос будет нельзя. Это всех остановит. — «Так или иначе».

Даг с отвращением поморщился.

— Вы с братом больше похожи друг на друга, чем думаете, — искоса взглянув на Дага, сказал Громовержец.

— Дор так не считает, — коротко бросил Даг и добавил после задумчивой паузы: — Он не путешествовал так много, как я. Может быть, поэтому изгнание кажется ему особенно пугающим.

Громовержец потер пальцем губы.

— Как твоя рука?

— Гораздо лучше. — Даг пошевелил пальцами. — Лубок сняли уже неделю назад. Хохария говорит, что я могу снова упражняться с оружием.

Громовержец откинулся назад.

— Я собираюсь скоро послать в дозор отряд Мари. Нужно наверстать время, потерянное в окрестностях Глассфорджа, да и другие отряды в этом сезоне припозднились. Когда ты будешь готов отправиться в дозор?

Даг переменил позу, распрямив ноги, пытаясь скрыть неловкость.

— Вообще-то я подумывал о том, чтобы воспользоваться причитающимся мне свободным временем — побыть в лагере, пока Фаун не освоится.

— И когда же это будет? Даже если не принимать во внимание проблему с советом.

Даг пожал плечами.

— Если бы дело было только в ней, много времени не потребовалось бы. Не думаю, что есть обязанности, с которыми она не справилась бы, если ее научить. В Фаун я не сомневаюсь. — На этот раз он дольше колебался, прежде чем продолжить: — Я сомневаюсь в нас.

— О, вот как?

— Предательство разрывает связи двояко, — тихо сказал Даг. — Конечно, отправляясь в дозор, беспокоишься о своей семье — болезни, несчастные случаи, может быть, даже нападение Злого — всегда есть место опасности, но не... не

недоверию. Однако стоит начать сомневаться, и это расплывается, как грязное пятно. На кого я могу положиться? Кто поможет моей жене в случае нужды, а кто отстранится и предоставит ей бороться в одиночку? Моя мать, мой брат? На них надежды нет. Каттагус, Сарри? Каттагус слаб и болен, а у Сарри хватает своих забот. Ты? — Даг пристально посмотрел на Громовержца, и тот, к своей чести, не отвел глаза.

— Думаю, единственный способ узнать это — попробовать на практике.

— Угу, только для Фаун это будет не проба, а вопрос жизни или смерти.

— Все равно рано или поздно тебе придется на такое решиться, если ты не собираешься расстаться с дозором. — Взгляд, которым сопровождались эти слова, напомнил Дагу хирургический нож Хохарии.

Даг вздохнул.

— Есть «скоро» и «слишком скоро». Можно искалечить молодую лошадь, слишком рано начав ее нагружать, хотя через год ее кости окрепли бы. То же происходит и с молодыми дозорными. — «А с молодыми женами?»

Громовержец после долгой паузы кивнул в ответ.

— Так когда же будет «не слишком скоро», Даг? Мне нужно знать, куда воткнуть твой колышек... и когда.

— Конечно, — согласился Даг. — Можешь ты дать мне немного времени, чтобы обдумать ответ? Сомневаюсь, что могу не обращать внимания на совет.

Громовержец снова кивнул.

— И имей в виду: я могу отвечать только за себя и за Фаун. Я не контролирую поступки кого-то еще.

— Ты можешь убеждать, — сказал Громовержец. — Ты можешь склонять на свою сторону. Ты можешь, позволь мне сказать, не быть упрямым дураком.

«Для этого слишком поздно».

Этот человек, напомнил себе Даг, должен присматривать за шестью сотнями других дозорных.

«Ладно, на сегодня достаточно».

Лягушки уже начали свою серенаду, отряды москитов вышли на тропу войны, стрекоз, летающих над озером, сменили ночные дозорные — летучие мыши. Даг поднялся на ноги, вежливо попрощался с Громовержцем и ушел в сгущающуюся темноту.

8

Они уже собирались укладываться, когда наконец Даг рассказал о своих .разговорах с братом и с Громовержцем. Судя по краткости изложения по сравнению с тем временем, которое он отсутствовал, Фаун заподозрила, что он о многом умалчивает; сказанное его собеседниками, если верить такому сокращенному варианту, не могло бы погрузить его в такую черную тоску.

«От братьев всего можно ожидать...»

Однако новость о совете лагеря была достаточно пугающей.

Освещенная светом огарка, укрепленного на сундучке Дага, который служил им ночным столиком, Фаун уселась на постели, скрестив ноги, и сказала:

— Семеро членов совета могут приговорить тебя — нас — к изгнанию? Это так просто?

— Ну, не совсем. Они должны собраться и выслушать доводы обеих сторон. И каждый член совета должен поговорить с людьми на своих островах и узнать их мнение, прежде чем примет решение такой... такой важности.

— Ну... — Фаун нахмурилась. — Я почему-то

думала, что неприязнь твоих соплеменников ко мне примет форму... чего-то такого... Бросить дохлого протухшего зверька у нашего порога, чтобы мы наступили на него утром, или еще сделать какую-то гадость. Поджечь наш шатер или выскочить из кустов и избить тебя, обрить мне голову или что-то в этом роде.

Даг насмешливо поднял брови.

— Именно так все происходит в крестьянских землях?

— Иногда. — А иногда и хуже, судя по рассказам, которые Фаун приходилось слышать.

— Маска не спрячет тебя от человека, обладающего Даром. Если кому-нибудь здесь придет в голову сделать что-то настолько отвратительное, все знают, что секретом это не останется.

— Ну, наверное, это охлаждает горячие головы, — признала Фаун.

— Да, и к тому же... дело слишком серьезное, чтобы все ограничилось мальчишескими проделками. Наши свадебные браслеты, если уж на то пошло, придают всему совсем другое значение. Серьезные проблемы требуют серьезных размышлений серьезных людей.

— Не следовало бы нам со своей стороны поговорить с этими серьезными людьми? Мне

кажется, Дор не должен получить возможность повернуть все по-своему.

— Да... нет... Проклятый Дор! — — воскликнул Даг в раздражении. — Он заставляет меня совершать как раз то, чего не следует делать, чтобы беспрепятственно ввести тебя в жизнь лагеря. Привлекать внимание, заставлять людей принимать чью-то сторону... Я хотел затаиться, и пока все ждали бы, чтобы кто-то что-то предпринял, время принимать чью-то сторону и ушло бы. Мне казалось, что года на это хватит.

Фаун удивленно заморгала, услышав о таком его взгляде на время. Может быть, год кажется Дагу не таким уж долгим сроком?

— Это не твой любимый образ действий, верно?

Даг фыркнул.

— Ни капельки. Неподходящее занятие в неподходящее время... да я и не слишком ловок в таких вещах. Вот Громовержец — другое дело. Поговоришь с ним минут двадцать, и меняешь мнение на противоположное. Замечательный командир дозорных. Только он ясно дал понять: я сам постелил себе постель, мне в ней и спать. — Даг тихо добавил: — А я терпеть не могу просить об одолжениях. На мой взгляд, я уже израсходовал

все такие просьбы, отпущенные на целую жизнь. — Легкое похлопывание по левой руке показало, какого рода одолжения он имеет в виду, и Фаун в ответ вздохнула. Какое бы особое отношение ни требовалось, чтобы снабдить Дага протезом и позволить ему оставаться в дозоре, на взгляд Фаун, Даг давно и с лихвой расплатился со всеми долгами.

Тем не менее на следующее утро Даг начал демонстрировать свое присутствие более открыто: взялся вместе с Фаун доставлять в лодке собранные кидальники. Сначала они подгребали к плоту, с которого велся сбор урожая и который успел проплыть уже вдоль всего берега залива и скоро должен был повернуть обратно. Дюжина Стражей Озера разного возраста и пола и в разной степени раздетости трудились на бревенчатой платформе десяти квадратных футов размером, пропахивавшей канал сквозь заросли водяных лилии. Эта разновидность отличалась большими кожистыми листьями на длинных стеблях, похожими на сложенные веера, и мелкими невзрачными желтыми цветами, тоже высоко поднимавшимися над водой. Команда плота трудолюбиво выкапывала кидальники, обрывала стебли и корни и сажала «уши». За

плотом оставался грязный след взбаламученной тины и растительных остатков.

Даг приветствовал пожилую женщину, которая, похоже, всем тут заправляла. Двое голых подростков загрузили в лодку кучу кидальников, в результате чего она пугающе осела, и после вежливого прощания Даг и Фаун направили лодку к берегу; управлять ею теперь было гораздо труднее. Фаун мучительно остро чувствовала взгляды, которыми их провожали.

Доставка кидальников заключалась в продвижении вдоль берега от одного шатра к другому и выгрузке части урожая в корзины, укрепленные на каждом причале; теперь Фаун наконец поняла, откуда каждый день появлялся их рацион. Ее ужасно пугала качка лодки в момент разгрузки и перспектива уронить тяжелый кидальник за борт и нырять за ним, особенно на глубоком месте, но все обошлось, и в конце концов лодка опустела. Такой рейс они с Дагом повторили еще дважды.

Даг махал рукой или здоровался с людьми в других лодках или на берегу — таков был, по-видимому, местный обычай, — и заговаривал с теми, кто оказывался на причале; он познакомил Фаун с таким множеством народа, что она быстро начала путаться в именах. Никто не был недоб-

рожелателен, хотя некоторые собеседники Дага казались смущенными, однако и по-настоящему теплых приветствий было немного. Через некоторое время Фаун стала думать, что предпочла бы грубые, но по крайней мере откровенные вопросы этой молчаливой оценке. Однако к полудню испытание закончилось, и они с Дагом устало выбрались па берег перед шатром Блуфилд. На обед, мрачно подумала Фаун, их ждет кидальник...

То же самое они повторяли еще четыре дня, пока работники на плоту и жители шатров не перестали встречать их удивленными взглядами. Во второй половине дня Фаун помогала Сарри прясть волокна кидальника и вместе с Каттагусом плела веревки — это было одно из занятий, которыми старик мог заниматься сидя и не напрягая дыхания. Его немощь, как объяснил Каттагус между хриплыми вздохами, была следствием тяжелой легочной лихорадки, которая почти заставила его оросить кровью сердца разделяющий нож, вынудила отказаться от участия в дозорах и сделала, как он утверждал, толстым.

Фаун обнаружила, что работать вместе со стариком ей нравится больше, чем с другими жителями лагеря. Сарри оставалась настороженной, да и постоянно занятой детьми, Мари

— насмешливой, а вот Каттагус смотрел на крестьяночку Дага с мрачным удовольствием. Фаун огорчала мысль, что его беспристрастность может быть следствием близости смерти — Мари, например, очень беспокоилась, что будет с ним, когда начнется непогода, — но в конце концов Фаун пришла к выводу, что он, наверное, всегда обладал чувством едкого юмора. Кроме того, хоть Каттагус и не отличался таким же терпением, как Даг, учил он Фаун охотно и даже стал посвящать ее в секреты изготовления стрел. Он пополнял колчаны не только своей жены, но и Рази, и Утау. Поскольку это ремесло требовало двух рук, для Дага стрелы в свободное время раньше делал Дор. Было ясно — и Каттагус это никак не комментировал, — что Дагу теперь требуется другой помощник. Скоро обнаружилось, что Фаун одарена умением добиваться равновесия стрелы при ее оперении, и Каттагус быстро научил ее разбираться в достоинствах и недостатках перьев индейки, сокола или ворона.

Даг несколько раз надолго уходил, по его словам, разведать территорию и возвращался то встревоженным, то довольным, а иногда в гневе. Однажды, когда Фаун и Каттагус сидели под орехом, обсуждая оперение стрел, Даг вернулся

настолько разъяренным, что, не говоря ни слова, нырнул в шатер, вышел с луком и колчаном, схватил кидальник из корзины, поставил на пень в лесу и за пятнадцать минут превратил его в нечто похожее на раздавленного камнем дикобраза. Только после этого дыхание его стало нормальным, и он отправился выдергивать стрелы, застрявшие в расположенном рядом с пнем дереве — даже когда он промахивался, дальше стрелы не улетали.

— Ну, этот уже не сбежит, — заметил Каттагус, кивнув на остатки кидальника. — Стрелы причитались кому-нибудь, кого я знаю?

Подошедший к ним Даг смущенно улыбнулся.

— Да теперь уже не имеет значения. — Он со вздохом уселся рядом, отстегнул и отложил лук, потом взял одну из новых стрел и принялся задумчиво разглядывать. — Ты справляешься все лучше и лучше, Искорка.

Фаун решила, что он намеренно меняет тему.

— Знаешь, ты все твердишь, что мне не следует ходить с тобой, потому что так люди будут высказываться откровеннее, только мне кажется, что от некоторых ты добился бы большего, если бы им приходилось быть не такими откровенными.

— В этом что-то есть, — согласился Даг. — Мо-

жет быть, завтра...

Однако на следующее утро Дагу пришлось больше времени посвятить дополнительным занятиям с оружием, поскольку отряд Мари вскоре должен был выступить в поход. К тому же заглянул Саун, которого позвал в гости Рази; Фаун впервые обратила внимание на то, как мало бывало у них посетителей. Если они с Дагом и в самом деле были такой уж новостью для обитателей берегов озера, можно было бы ожидать, что любопытство, если не дружеские чувства, должно было бы побудить соседей под разными предлогами заглядывать, чтобы посмотреть на новобрачную. Фаун не могла решить, в чем причина — то ли в вежливости, то ли в том, что их отвергают... Однако Саун был с ней мил, как и раньше.

Дружеская встреча началась со стрельбы в цель, и Фаун охотно бегала в рощу за стрелами или подкидывала в воздух кожуру кидальника, чтобы мужчины могли стрелять в движущуюся мишень. Она с удовлетворением обнаружила, что ее стрелы не уступают сделанным ее учителем. Каттагус сидел на чурбаке и хвалил стрелков за меткость или ругал за промахи, насколько позволяла ему одышка. Саун явно побаивался

старика, но Мари отвечала мужу, не стесняясь в выражениях; Даг только улыбался. Потом пятеро дозорных начали тренироваться на лужайке с деревянными мечами и кинжалами. Мари двигалась ловко и быстро, но ее молодые подчиненные скоро начали превосходить ее в силе и выносливости — недаром ей было семьдесят пять, — так что в конце концов Мари уселась рядом с Каттагусом и ограничилась замечаниями.

Схватка была жаркой, и Фаун сочла, что противники вовсю прибегают к грязным приемам, так что она даже не всегда могла понять, видит ли бой на мечах или просто потасовку. Стук и треск деревянных мечей перемежался криками и проклятиями или, к удовольствию Сауна, редкой похвалой. Даг загонял остальных до полного изнеможения — на том основании, что в настоящей схватке не бывает перерывов на отдых, так что боец должен уметь двигаться даже тогда, когда уже не в силах пошевелиться.

Потом покрытые потом и грязью противники нырнули в озеро; на берег они вылезли более чистыми, хоть и пахнущими тиной, и расположились на отдых, жуя кидальник и безуспешно пытаясь уговорить Каттагуса откупорить один из бережно хранимых кувшинов с вином из бузи-

ны, приготовленным еще прошлой осенью. Даг, растянувшийся на траве и с улыбкой слушавший препирательства, вдруг нахмурился и сел, глядя в сторону дороги.

— Что случилось? — тихо спросила его сидевшая рядом Фаун.

— Громовержец... чем-то очень расстроенный.

Фаун понизила голос еще больше.

— Ты думаешь, нас вызывают на совет лагеря? — Фаун жила в постоянном боязливом ожидании этой неприятности.

— Может быть... нет... я не уверен. — Глаза Дага сузились.

К тому времени, когда конь Громовержца появился на поляне, все дозорные умолкли, насторожились и встревоженно смотрели навстречу приближающемуся командиру. Громовержец ехал без седла, и таким мрачным Фаун его еще не видела. Хоть она и продолжала сидеть неподвижно, сердце ее отчаянно заколотилось.

Громовержец остановил коня и мрачно поздоровался.

— Вы все здесь, это хорошо. Я первым делом искал Сауна.

Удивленный Саун поднялся с чурбака, на котором сидел.

— Меня, сэр?

— Угу. Только что прискакал вестник из Рейнтри.

Рейнтри — родной округ Сауна... Там что-то случилось? Лицо Сауна вытянулось, и Фаун представила себе, как юноша торопливо перебирает в уме членов своей семьи и друзей.

— У них беда — нападение Злого к северу от Крестьянской равнины, и они просят о помощи.

Для всех эта новость оказалась шоком. Даже Фаун знала, что просьба о помощи к дозорным за пределами собственного округа означает, что неприятности очень велики.

— Похоже на то, что тварь появилась совсем рядом с крестьянским поселением и очень быстро росла, прежде чем ее обнаружили, — сказал Громовержец.

Надкушенный ломоть кидальника выпал из руки Сауна.

— Я поеду сразу же — мне нужно как можно скорее добраться до дому, — рванулся вперед молодой дозорный, но тут же сдержался. Умоляюще глядя на Громовержца, он выдохнул: — Ты позволишь мне уехать, сэр?

— Нет. — Саун вспыхнул, но прежде чем смог сказать еще что-нибудь, Громовержец продол-

жал: — Я хочу, чтобы ты отправился с остальными завтра утром как проводник.

— Ох... Да, конечно. — Саун приуныл, но продолжал стоять в напряженной позе, как собака, натягивающая цепь.

— Поскольку сейчас самое время для объездов, почти три четверти наших воинов находятся в дозоре, — продолжал Громовержец, оглядывая стоящих перед ним внезапно ставших очень серьезными дозорных. — В качестве первой меры, я думаю, я соберу те три отряда, которые должны были бы выступить следующими, — в том числе твой, Мари.

Мари кивнула; Каттагус огорченно поморщился, но ничего не сказал, только потер правое колено.

— Поскольку речь идет о действиях вне нашего округа, это, как всегда, дело добровольное — вы, ребята, конечно, все вызовитесь?

— Конечно, — буркнула Мари. Рази и Утау, переглянувшись, тоже кивнули. Фаун не смела и пошевелиться, ей стало трудно дышать. Даг молчал, и его лицо сделалось странно невыразительным.

Саун резко повернулся к нему.

— Ты ведь поедешь с нами, Даг, правда? Я знаю,

что ты хотел побыть в лагере и заслужил отдых, но... но...

— — Я хочу поговорить с Дагом отдельно, — сказал Громовержец, пристально глядя на Сауна. — Вы, остальные, начинайте собираться. Я намереваюсь отправить первый отряд на рассвете.

— А не могли бы мы выехать сегодня вечером? — горячо заговорил Саун. — Если поторопимся? Время... никогда не знаешь, какую разницу составит даже небольшой выигрыш во времени.

Даг в ответ поморщился, соглашаясь, как подумала Фаун, с юношей.

Громовержец покачал головой, хоть и бросил на Сауна сочувственный взгляд.

— Воины разъехались по всем островам. Мне придется потратить весь вечер, только чтобы всех оповестить. Ты не должен опередить тот отряд, которому собираешься показывать дорогу, проводник.

Саун сглотнул и понурил голову.

Громовержец жестом отпустил воинов, и те поспешно разошлись — Утау и Рази в свой шатер, у входа в который стояла, держа на руках сынишку, Сарри, молча наблюдавшая за происходящим, Мари и Каттагус — в свой. Саун, помахав рукой, бегом припустился на другой конец острова, где

жили приютившие его Стражи Озера.

Громовержец спешился, бросил поводья и отпустил коня пастись. Даг знаком пригласил его в шатер Блуфилд, уединенно расположенный среди деревьев. Фаун поспешила следом за широко шагавшими дозорными. Громовержец бросил на нее взгляд, не означавший ни запрета, ни приглашения, так что когда мужчины уселись у входа в шатер, Фаун расположилась рядом. Даг ободряюще кивнул ей, потом полностью сосредоточился на том, что говорил ему его командир.

— Раз в поход отправляются три отряда вместе, необходим опытный командир эскадрона, — начал Громовержец.

— Риг Кроу или Ивасса Маскрет, — предложил Даг, настороженно глядя на старшего воина.

— Именно таков и был бы мой выбор, — ответил Громовержец, — если бы оба они не были сейчас в ста пятидесяти милях от лагеря.

— Ах... Ты же наверняка не хочешь использовать в этой роли меня, — нерешительно протянул Даг.

— Ты бывал командиром эскадрона. Более того, ты сейчас единственный воин в лагере, который участвовал в по-настоящему крупной операции.

— И уж так успешно, — кисло пробормотал Даг.

— Спроси выживших... Ах да — ведь выживших не было. Так что воины, ясное дело, будут уверены в таком командире.

Громовержец нетерпеливо отмахнулся от возражений.

— Твоя привычка находить себе дополнительные обязанности привела к тому, что ты в то или иное время работал почти с каждым из дозорных в лагере. У тебя не будет трудностей в опознании незнакомого Дара, да и людей ты знаешь как облупленных. Знаешь, какие у кого слабости и на кого в чем можно положиться.

Даг только прикрыл глаза, соглашаясь с этим.

Громовержец понизил голос.

— Есть и еще одно. Я не должен бы этого говорить, но тебе следует ожидать вызова на совет лагеря в самые ближайшие дни. Однако разбирательство не сможет начаться, если тебя здесь не окажется. Ты хотел отсрочки? Так вот твой шанс. Если успешно справишься с делом, то даже если тебя и вызовут на совет, ты будешь обладать гораздо большим влиянием.

— А если не справлюсь? — сухо поинтересовался Даг.

Громовержец почесал нос и невесело улыбнулся.

— Тогда у всех нас будут гораздо более неотложные проблемы, чем личные промахи какого-то дозорного.

— И если меня убьют, проблема сама собой исчезнет, — с фальшивым добродушием сказал Даг.

— Вот теперь ты рассуждаешь как настоящий командир эскадрона, — одобрительно усмехнулся Громовержец. — Я знал, что так и будет.

Даг только хмыкнул.

Такой уж у дозорных юмор, подумала Фаун. Ух...

Громовержец заговорил более серьезно.

— Это не самое первое решение, которое пришло мне на ум. Все знают, Даг, что когда дело касается Злых, ты всегда первый вызываешься добровольцем. Теперь у тебя есть возможность показать, что в этом отношении ничего не изменилось.

Даг покачал головой.

— Не знаю, что изменилось. Иногда мне кажется, что меняется более чем... — Даг коснулся своей левой руки, и хотя Громовержец мог предположить, что он имеет в виду свой свадебный браслет, Фаун подумала, не подразумевает ли Даг свою призрачную руку.

Громовержец посмотрел на Фаун.

— Да при любых обстоятельствах трудно просить дозорного, только что соединенного узами, отправиться в поход. Однако дела обстоят плохо, Даг. Я не хотел сообщать подробности при Сауне, но вестник говорит, что они уже потеряли сотни людей, и крестьян, и Стражей Озера. Злой переместился от своего первоначального логова рядом с тем несчастным городком и напал на лагерь Боунмарш. Большинство жителей спаслось, но нет сомнений: многих Злой захватил. Как только я отправлю первый эскадрон, начну наскребать людей во второй — хотя только отсутствующие боги знают, откуда я их возьму. У меня такое мерзкое подозрение, что потребуются все наши силы.

Даг потер лоб.

— Значит, люди в Рейнтри окажутся в растерянности. Будут заниматься не тем, что важнее всего, а обороной, беглецами, ранеными. Впадут в панику, испугаются за близких и упустят главный шанс — вогнать нож в Злого. Все остальное только отвлекает от этого.

— Чужаку, возможно, будет легче сохранить трезвую голову на плечах, — предположил Громовержец.

— Не обязательно. Прошло тридцать лет с тех

пор, как я нес дозор с ребятами из Рейнтри, но я все еще помню друзей.

— А местность?

— Более или менее, — неохотно признал Даг.

— Вот видишь! Я-то сам никогда там не бывал. Вот я и решил, кстати, что хорошо будет дать командиру эскадрона в проводники Сауна.

Даг на эти слова напрямую не откликнулся, только коснулся рукой горла.

— У меня сейчас нет заряженного ножа — впервые за десятки лет. Обычно я носил с собой два, иногда три ножа. Ты еще удивлялся, как это я справился со столь многими Злыми, если не считать постоянного участия в дозорах. Люди отдавали мне свои ножи — вот и все.

— Не дело командира вонзать нож. Его работа — сделать так, чтобы воин, вооруженный ножом, оказался в нужном месте.

— Я знаю, — вздохнул Даг.

— А я знаю, что ты знаешь. Ладно. — Громовержец поднялся. — Я отправляюсь собирать воинов с этой стороны острова и возвращаться буду здесь же. Тогда и сообщишь мне свой ответ. — Громовержец не сказал «Обсудите это между собой», но его невысказанный совет был ясен. Мгновение он смотрел на Фаун, как будто собираясь

ее о чем-то попросить, но в конце концов просто покачал головой. Его конь как раз в этот момент приблизился, что явно не было случайностью, и Громовержец, встав на чурбак, ловко запрыгнул на спину животному. Еще мгновение — и Громовержец пустил коня рысью по дороге.

Даг поднялся на ноги одновременно с Громовержцем; он смотрел ему вслед, но лицо его было напряженным и сосредоточенным, как будто его глазам представала совсем другая картина. Собственное лицо казалось Фаун таким же застывшим и невыразительным, как холодное тесто; Фаун поднялась и подошла к Дагу. Они обнялись и крепко прижались друг к другу.

— Слишком скоро, — прошептал Даг, слегка отстраняя Фаун и с тревогой глядя ей в лицо. Фаун подумала, что бесполезно притворяться мужественной, когда Даг способен ясно видеть, в каком безумном смятении пребывает ее Дар. Тем не менее она не позволила себе сникнуть и изо всех сил старалась дышать ровно и не позволить губам дрожать.

— Громовержец прав, когда говорит о необходимости поставить во главе отряда опытного человека, — продолжал Даг, и голос его постепенно обрел твердость. — Ситуация сильно

отличается от охоты на сидячих Злых и даже от того кошмара, с которым мы столкнулись вблизи Глассфорджа. Я мысленно пролистал списки дозорных и понял: они не знают, что это такое, особенно молодежь. Да, и насколько далеко от Крестьянской равнины находится пострадавшее поселение? Считается, что фермерам не разрешается селиться за старой границей безопасных земель... — Даг резко встряхнул головой и сжал руку Фаун. В его золотых глазах блеснуло что-то, чего Фаун раньше никогда не видела; она подумала, что это могла быть паника.

Фаун сглотнула и сказала:

— Однажды ты такое уже проделал, так что вопрос не в том, сможешь ли ты справиться, а в том, сможешь ли ты справиться лучше, чем тот, кто взялся бы за дело впервые.

— Нет... да... может быть. Прошло много времени. И все же... если не я, то кого я обреку на это вместо себя? Кто-то же должен...

Фаун протянула руку и прижала пальцы к губам Дага, заставив его умолкнуть.

— С кем ты споришь, Даг? — просто спросила она.

Он молчал на протяжении нескольких ударов сердца, хотя на его губах мелькнула еле заметная

кривая улыбка. Фаун сделала глубокий вдох.

— Когда я выбирала в мужья дозорного вместо фермера, я понимала, на что соглашаюсь. Тебя ждали отъезды, меня — ожидание. — Рука Дага легла на плечо Фаун и стиснула его. — Расставание наступает раньше, чем мы ожидали, но... но ведь всегда все бывает в первый раз. — Фаун подняла руки, крепко сжала в ладонях любимое лицо и решительно встряхнула. — Только позаботься о том, чтобы это не был последний раз, слышишь?

Даг прижал ее к себе. Она услышала, как сердце его стало биться не так отчаянно. Фаун, уткнувшуюся лицом в рубашку Дага, охватил его запах: пота, лета, солнца... и просто Дага. Фаун приоткрыла рот, как будто могла вдохнуть весь этот запах и сохранить его на будущее. Навсегда... и еще на один день.

«Что ж, что не существует никакого «навсегда»... тогда я согласна на день».

— Ты не боишься остаться тут одна? — пробормотал Даг, уткнувшись лицом в ее кудри.

— В списке вещей, которых я боюсь, это отправилось куда-то в конец. В самый, самый конец.

Фаун почувствовала, что Даг улыбнулся.

— Признай: до сих пор я всегда возвращался.

— Ага, дозорные в Глассфордже говорили, что

ты как кошка: всегда падаешь на лапы. — «Да только все равно отправились тебя разыскивать». — А папа обычно успокаивал меня, когда я волновалась за глупую кошку, которая влезла на дерево и жалобно мяукала, боясь спускаться: «Дорогуша, ты разве видела когда-нибудь на дереве кошачий скелет?»

Тот внутренний смех, который она так любила и так редко слышала в последнее время, всколыхнул его грудь. Они стояли, обнявшись, до тех пор, пока с дороги не донесся нежеланный стук копыт.

— Что ж, ладно, — пробормотал Даг.

Фаун отодвинулась от него и подняла глаза.

Даг смотрел на нее со странной улыбкой. Он еще раз прижал ее к себе и отпустил, хоть и продолжал держать за руку. Они оба повернулись к Громовержцу, который смотрел на них с высоты своего коня. Он ничего не сказал, только вопросительно поднял брови.

— Я хотел бы поговорить с посланцем, — сказал Даг. — И взглянуть на те крупномасштабные карты окрестностей Рейнтри, которые у нас есть.

Громовержец только коротко кивнул в ответ.

— Садись позади меня. Я подвезу тебя до штаба. — Он развернул коня, Даг встал на чурбак и усел-

ся за спиной Громовержца. Тяжело нагруженный конь тем не менее быстро двинулся по дороге.

Глаза Фаун горели, но оставались сухими... почти. Сморгнув слезы, Фаун нырнула в шатер, чтобы начать собирать седельные сумки Дага.

9

Уже наступила полночь, когда Даг вернулся в шатер Блуфилд. Фаун при звуке его шагов, в темноте более медленных, чем обычно, подняла голову, пошевелила палкой угли в очаге и зажгла от них огарок свечи. В слабом золотом свете она увидела улыбку на губах Дага, но взгляд его оставался рассеянным.

— Я уж гадала, будет ли у тебя возможность поспать, — тихо сказала Фаун, поднимаясь.

— Немножко поспать удастся, хотя коней нам нужно седлать перед рассветом.

— Не годится пускаться в путь усталыми. Мне не ложиться, чтобы вовремя тебя разбудить? — До этого момента оставалось не так уж много часов.

— Нет. Кто-нибудь за мной придет. Я постараюсь не шуметь, уезжая.

— Только попробуй улизнуть, не разбудив меня! — сурово заявила Фаун и повела Дага в шатер, где аккуратными стопками было разложено содержимое его седельных сумок. Рядом лежали лук Дага и полный стрел колчан. — Я хотела упаковать твои вещи, но потом подумала, что будет лучше, если ты сначала проверишь, все ли, что

нужно, я приготовила.

Даг кивнул, опустился на колени и стал передавать Фаун стопки, быстро их просмотрев; Фаун, насколько могла сноровисто, укладывала их в сумки. Единственным, что Даг отложил, оказался его тамбурин в кожаном чехле. Фаун хотела было спросить: «Разве он тебе не понадобится, чтобы отпраздновать уничтожение Злого?» — но потом подумала, что Даг, возможно, хочет поберечь инструмент, поскольку поход ожидается трудный. Другие возможности она и представлять себе не захотела. Фаун затянула ремешки, застегнула пряжки и повернулась к освещенному мигающим светом свечи сундучку, на который положила ножны.

— У тебя нет разделяющего ножа. Этот ты возьмешь с собой? — Она нерешительно протянула Дату ее — их — нож.

Лицо Дага стало суровым. Все еще стоя на коленях, он взял у Фаун нож, вынул его из ножен и хмуро посмотрел на полустершуюся надпись на костяном лезвии.

— Дор считает, что он не сработает, — сказал Даг наконец.

— Я и не думала, что ты его выберешь. Просто держи его при себе... на всякий случай. Если под

рукой не окажется другого.

— В моем эскадроне будет дюжина ножей, а то и больше.

— Сколько дозорных с тобой отправляется?

— Семьдесят.

— Этого хватит?

— Кто знает? Достаточно одного, но все остальные могут потребоваться, чтобы этот один оказался в нужном месте в нужное время. Громовержец задержит выезд отрядов, которые должны были отправиться в обычный дозор, и соберет всех, кто будет возвращаться, но он должен думать не только о том, чтобы послать помощь, но и о возможной обороне.

— Мне кажется, что отправка людей на помощь и была бы лучшей обороной.

— В определенной мере. В Рейнтри может сложиться тяжелое положение, но вдруг и в Олеане появится Злой? Поскольку из-за этого переполоха осмотр местности опять будет отставать от расписания, такая возможность делается более вероятной. В этом-то и проблема: заранее неизвестно, где ожидать следующей неприятности. Хорошо, конечно, когда мы месяцами не находим ни одного Злого, но потом они появляются пачками, и мы оказываемся перегружены. — Даг

нахмурил брови, медленно вернул нож в ножны и с виноватой гримасой протянул Фаун. — Лучше мне его не брать. Я имею скверную привычку бросаться вперед очертя голову, а на этот раз у меня другие обязанности.

Фаун взяла у него нож и кивнула, хотя сердце у нее болело.

— У меня есть некоторые мысли, — продолжал Даг; его ум явно был занят разнообразными соображениями. — Только мне нужны более свежие сведения, чем те, что сообщила вестница. Она почти загнала своего коня, но все равно ей потребовалось два дня, чтобы добраться до нас. Часть наших потерь на Волчьем перевале была следствием... не столько неверной, сколько устаревшей информации. Впрочем, это слабое утешение: не уверен, что мы могли бы действовать иначе, даже если бы знали, что нам предстоит. Собери мы на перевале больше воинов, мы просто потеряли бы еще больше убитыми, а нас и так было мало. — Губы Дага скривила горькая улыбка. — Тогда ведь подкрепления все равно еще не подошли.

Фаун подумала о том, что Даг не позволит своему эскадрону задерживаться в дороге.

Она так немного могла для него сделать... Нос-

ки, стрелы, укладка сумок... Все это казалось таким незначительным — ведь Даг прекрасно справлялся сам многие годы до того, как появилась она и нарушила привычное течение его жизни. Она могла бы принести пользу, если бы уложила его в постель и силой там удерживала: было ясно, что тело Дага нуждается в отдыхе, но так же не приходилось сомневаться в том, что взбудораженный разум не позволит ему уснуть. Фаун подняла руки и стала с нежностью расстегивать его рубашку. Ее внимание привлекли блеснувшие при движении золотые бусины на свадебном браслете. «Ему нужно думать о предстоящем деле, а не обо мне». Но у них оставалось так мало времени...

— Даг...

— М-м?.. — Пальцы Дага ласково перебирали кудри Фаун, гладя шелковистые пряди.

— Ты можешь чувствовать меня благодаря свадебному браслету, верно? И все другие женатые Стражи Озера — Мари, Каттагус и остальные — они тоже чувствуют друг друга?

Даг кивнул. Фаун стянула рубашку с его длинного мускулистого торса и положила поверх чистых и старательно починенных штанов для верховой езды. Попозже... когда бы ни наступил

тот предрассветный час...

— Ну а я такого не могу, — продолжала Фаун. — Я верю тебе на слово в том, что наши браслеты работают так же, как и у всех других, но почувствовать этого сама не способна.

— Другие чувствуют... и могут рассказать тебе.

— Угу, только не могу же я все время спрашивать — по двадцать раз на день. Каттагус, например, терпеть не может, когда к нему пристают, да у него хватает и своих тревог — насчет Мари.

— Верно, — согласился Даг, внимательно глядя на Фаун. Она выскользнула из собственной одежды; Даг помог ей не столько по необходимости, сколько желая еще раз коснуться ее кожи. Его легкое прикосновение заставило Фаун поежиться.

— Я хочу, чтобы мое сердце было уверено... Неужели нет ничего, что ты мог бы сделать, чтобы я чувствовала тебя? Так же, как остальные?

После мгновенной запинки Даг ответил:

— Так, как остальные, не получится — ты не Страж Озера.

«И никогда не стану...» Однако то, как Даг ответил на вопрос, привлекло внимание Фаун.

— А каким-нибудь другим способом?

— Дай мне немножко подумать, Искорка. Тут

потребуется необычное использование Дара.

Раздевшись перед сном, Даг ничуть не испытал возбуждения. Если он хоть наполовину чувствовал себя таким же расстроенным, как она, ничего удивительного в этом не было. Фаун смутно ощущала, что должна была бы перед разлукой показать ему всю свою любовь, но впервые мысль о близости оказалась насильственной и неуместной. Ничего хорошего в этом не было.

— Ты ужасно напряжен. Не лечь ли тебе, а я растерла бы тебе спину? Может, так тебе легче будет уснуть.

— Искорка, ты не обязана...

— И еще могу хорошенько растереть ноги, — добавила Фаун скромно.

Даг растянулся на постели с улыбкой, выражавшей смиренную покорность, и Фаун усмехнулась про себя. Начала она с шеи. Мышцы здесь были напряженными и твердыми, хоть это и не компенсировало вялость в другом месте. Узловатые мускулы начали расслабляться под гладящими, разминающими, ласкающими руками Фаун. Она медленно прошлась до самых пальцев ног, не страстно, а нежно и любовно.

Возможно, сыграло положительную роль то, что она ни на что не рассчитывала; по крайней

мере, когда Даг наконец перевернулся на спину, в нем определенно пробудился более живой интерес. Может быть, этой ночью ему еще и удалось бы поспать, но уж никак не сразу. Фаун прижалась к нему и прильнула к его губам долгим поцелуем; его рука скользнула по ее плечу и начала лениво перемещаться по спине. Фаун старалась впитать малейшие оттенки ощущений, удержать их, как нанесенные на кожу рисунки, но поток неудержимо утекающего времени постоянно смывал их.

Даг навис над ней, как облачное ночное небо, опустился, вошел в нее; если это далось нелегко, то все же легче, чем при первых отчаянных попытках их первой брачной ночи. «Действительно, практика много значит», — подумала Фаун и улыбнулась воспоминаниям. Ее кольнуло сожаление о том, что эта ночь не могла оказаться ночью зачатия — время лунного цикла было неподходящим, да и выздоровление ее не закончилось. Чрезвычайные, опасные обстоятельства могли бы заставить ее забыть о необходимости полного излечения, но... ведь было бы плохим знамением зачать их первого ребенка только из-за страха и отчаяния.

«Даг вернется. Он должен вернуться».

Даг подсунул левую руку ей под спину, прижал к себе и перевернул их обоих. Фаун поерзала и приняла сидячую позу, с любопытством глядя на него сверху вниз. Теперь выражение лица Дага было отсутствующим, хотя и совсем не таким, как раньше, и на мгновение Фаун испугалась, что они утратят обретенную близость, позволив охватить себя холоду завтрашних тревог.

Но нет, определенно нет... Полуприкрыв глаза, Даг смотрел на нее, а его левая рука начала странные движения — коснулась ее свадебного браслета, потом лба, сердца, живота, лона и снова левого запястья.

— Что ты делаешь?

— Не уверен... Пытаюсь нащупать... Немножко поработать с Даром левой руки...

То, что он называл Даром левой руки, Даг не использовал при их близости с тех пор, как смог владеть правой рукой. Фаун не хватало тех призрачных ласк, хотя она упрекала себя за то, что так скучает по ним и радуется, что вышла замуж за черного мага, а не за обычного крестьянина. Однако сейчас, по-видимому, Даг не это имел в виду.

— Я пытаюсь укрепить твой Дар так, чтобы он сочетался с моим в твоем браслете. Чтобы внутри

твоего Дара — такого прелестного — появился кусочек моего. Если ты откроешь мне свой Дар, думаю, я сумею воспользоваться естественными каналами... Я не уверен в результате, только...

Фаун открыла перед Дагом глаза, сердце и тело, сделавшись полностью беззащитной.

— Нужна кровь? — выдохнула она.

Фаун не смогла бы сказать, был ли его вздох смехом или рыданием.

— Не думаю. Просто... просто люби меня.

Фаун уловила их общий ритм и взяла на себя инициативу в телесной близости, предоставив Дагу заниматься магией. Его широко раскрытые глаза стали темными — озерами ночной тьмы с вспыхивающими в глубине звездами. Левая рука Дата продолжала перемещаться, более медленно, но с большей интенсивностью. В конце концов она вытянулась поперек его живота как раз в тот момент, когда его спина начала изгибаться. Дат зажмурил глаза, и волна изумительного, ставшего уже знакомым наслаждения прокатилась по разгоряченному телу Фаун, заставив ее задохнуться. Одновременно у Фаун возникло странное, более острое чувство сладкого жара, охватившего ее левую руку, накатывавшего и опадавшего в ритме биения сердца.

— Ох... Ох!

Потом, когда Даг осел под ней и сладкие судороги его тела стихли, Фаун охнула уже от изумления и прижала правую руку к свадебному браслету.

— Он... он пощипывает! Как будто на руку падают снежинки!

— Слишком сильно? Тебе больно? — обеспокоенно пропыхтел Даг, открывая глаза.

— Нет, ничуть. Странно... Ой! Стало немного слабее. Может быть, я теряю способность?..

— Ты должна быть в силах вызвать это ощущение по желанию. Попробуй!

Фаун закусила губу и сосредоточилась. Ощущение тепла ослабевало.

— Нет... нет, о боги! Правильно ли я делаю?

— Не нужно сосредоточиваться — наоборот, расслабься. Открой свой Дар.

— Это, — сказала Фаун через несколько мгновений, — гораздо труднее, чем сосредоточиться.

— Конечно. Не применяй силу, а уговаривай... приманивай.

Фаун сидела на нем верхом, зажмурив глаза и держась правой рукой за браслет... Она представила себе, что молча улыбается, пытаясь привлечь Дага, заставить его поцеловать себя.

«Я так тебя люблю...»

Покалывающее тепло вокруг запястья... нет, внутри него показалось ей ответным шепотом: «Да, я здесь».

— Это ты? Там, в браслете?

— Это та часть меня, что вплетена в тесьму с той ночи в рабочей комнате твоей тетушки Нетти, — ответил Даг, улыбаясь.

— И ты тоже можешь чувствовать часть меня в своей тесьме?

— Да. — Потом Даг предупредил: — Может быть, это не продлится больше, чем несколько недель, — пока действует подкрепление твоего Дара.

— Годится. — Фаун вздохнула с глубоким удовлетворением и прижалась к груди Дага. Однако, поскольку в такой позе он мог целовать только ее макушку, Фаун неохотно отстранилась и поднялась. Они быстро помылись и снова улеглись, как раз когда свеча догорела. Даг уснул раньше Фаун.

Фаун проснулась в темноте, повернулась на бок, и ее рука обняла пустоту. Сердце ее панически заколотилось. Судорожно ощупывая постель, Фаун нащупала еще теплую подушку Дата. Она стиснула рукой свадебный браслет, постаралась успокоить дыхание и попыталась нащупать мужа с помощью Дара. «Живой!» — сообщило ей обнадеживающее покалывание; ну конечно, он

просто отлучился.

«Даг только пошел к отхожей канаве, глупая девчонка», — с облегчением выругала себя Фаун. Она прижала руки к груди, потом поднесла к губам и поцеловала тяжелую дважды благословенную тесьму.

Через несколько минут полотнище входа поднялось. Снаружи темнота была почти такой же непроглядной, как и внутри шатра. Замерзший Даг скользнул под одеяло; они с Фаун обнялись, и Фаун прижалась к мужу, чтобы согреть и помочь снова уснуть, воспользоваться возможностью отдыха, которая ему еще оставалась. Однако дыхание Дага еще не стало сонным, когда кто-то похлопал по входному полотнищу шатра и тихо позвал: «Даг...»

«Это Утау», — подумала Фаун.

— Я не сплю, — пробормотал Даг.

— Девушки Омбы привели наших коней.

— Хорошо. Сейчас иду.

Где-то поблизости тихо фыркнула лошадь, и донесся знакомый сварливый визг Копперхеда. Фаун в темноте натянула на себя рубашку и вышла наружу, чтобы попытаться раздуть угли под серым пеплом и разжечь крохотный огарок в глиняном подсвечнике. Вернувшись в шатер,

она обнаружила Дага уже одетым и в последний раз перебирающим свои вещи, чтобы ничего не забыть: вернуться за оставленными вещами возможности не будет. Лицо Дага было усталым и напряженным, но страха, подумала Фаун, на нем не было. По крайней мере — физического страха... Они принялись за ломти кидальника — поспешно и без церемоний... а в случае Фаун и без аппетита.

— А теперь что? — спросила Фаун.

— Эскадрон соберется у штаба. Большинство дозорных прощаются с семьями в своих шатрах.

— Что ж, хорошо...

Даг подцепил крюком свое седло, и Фаун поспешила следом с седельными сумками; они прошли туда, где были привязаны кони. При свете факела, который держал Каттагус, Рази, Утау и Мари уже седлали своих коней, а Сарри держала сумки, готовясь Приторочить их к седлу. На востоке над заливом озера черные силуэты деревьев едва становились различимы на начинающем сереть небе. Над водой стелился туман, и трава под ногами была мокрой от росы.

Каттагус на минуту передал факел Сарри, обнял Мари и пробормотал в ее седые волосы:

— Береги себя, глупая старуха.

Мари тут же ответила:

— Это ты себя береги, глупый старик. — Несмотря на свою одышку, Каттагус помог Мари сесть в седло; рука его на мгновение задержалась на ее бедре, пока она устраивалась в седле.

Дат ткнул Копперхеда коленом в живот, увернулся от щелкнувших желтых зубов и проверил, хорошо ли затянута подпруга. Повернувшись к Фаун, он стиснул ее руку, а потом крепко прижал к себе обвившую руками его шею жену. Поцеловал он ее не в губы, а в лоб: не прощание, но благословение. Нежность и страх за нее, которые Фаун ощутила в этой ласке, заставили ее сердце сжаться сильнее, чем все переживания этого тревожного утра.

И вот уже Даг садится на Копперхеда... Мерин, явно хорошо отдохнувший на пастбище, не преминул высказать неудовольствие тем, что его заставляют трудиться так рано утром: пошел боком и попробовал брыкаться, однако всадник решительно положил этому конец. Четверо дозорных выехали на дорогу и растворились в темноте; Фаун заметила, как к ним присоединились другие всадники. Провожавшие молча направились к своим шатрам; Каттагус, прежде чем скрыться внутри, похлопал по плечу свою

племянницу Сарри.

Фаун и подумать не могла о том, чтобы снова уснуть. Вернувшись в шатер, она стала наводить порядок в своих скромных пожитках — домашние дела при такой бедности не могли отнять много времени — и попыталась придумать себе занятие на день. Прясть, конечно, можно было до бесконечности; Фаун помогала Сарри и с ткацким станком в обмен на часть грубой ткани, из которой Сарри обещала научить Фаун шить штаны для верховой езды, но идти в шатер Сарри было слишком рано. Есть Фаун совсем не хотелось, да и кидальник не вызывал особого аппетита.

Фаун переоделась в юбку и рубашку, надела башмаки и пошла по дороге вдоль берега туда, откуда был бы виден мост. Серый свет делался ярче, на небе начала проглядывать голубизна; только немногие звезды еще светили сквозь ветви деревьев. Фаун обнаружила, что не у нее одной возникла мысль выйти на берег: около дюжины Стражей Озера, мужчин и женщин, старых и молодых, маленькими группами молча стояли вдоль дороги. Фаун попыталась поздороваться с некоторыми соседями, которым они с Дагом доставляли кидальники, и некоторые кивнули ей в ответ, хотя никто не улыбнулся. Впрочем,

улыбок вообще не было видно.

Терпение провожающих было вознаграждено: через несколько минут из леса донесся стук копыт. Длинноногие кони дозорных скакали рысью, быстро преодолевая расстояние. Дат ехал впереди рядом с Сауном, внимательно слушая молодого человека, однако оглянулся на Фаун и улыбнулся ей, проезжая мимо, а Саун повернулся в ее сторону и с удивленным видом кивнул. Остальные люди у дороги тянули шеи, чтобы высмотреть своих близких и в последний раз помахать им. Одна из женщин бегом догнала молодую всадницу и сунула ей что-то — забытый сверток с лекарствами, подумала Фаун. Во всяком случае, девушка благодарно улыбнулась и повернулась в седле, чтобы сунуть сверток в седельную сумку.

Фаун не могла понять, каким образом отряд в семьдесят человек может одновременно казаться и таким большим, и таким маленьким. Однако все дозорные были хорошо оснащены: надежная сбруя, прекрасное оружие, хорошие кони.

«И уж в чем нет недостатка — это в добрых пожеланиях».

Фаун подумала, что видит всего десятую часть находящихся под командой Громовержца воинов.

Нетрудно было понять, куда уходит богатство, нажитое трудами общины на островах.

Когда последние всадники скрылись за поворотом, провожающие начали расходиться по своим шатрам. Почти самой последней из-за жидкого куста жимолости на другой стороне дороги показалась угловатая фигура... Фаун с изумлением узнала Камбию — в тот же момент, когда старая женщина увидела ее. Фаун вежливо поклонилась своей свекрови и на мгновение понадеялась, что получит шанс начать разговаривать с ней. Ей даже показалось, что это может оказаться легче в отсутствие Дага с его... не раздражительностью, а скорее упертостью. Фаун выдавила улыбку, но Камбия резко отвернулась и быстро пошла прочь, непреклонно выпрямив спину.

До Фаун дошло, что подобные предрассветные сборы в дорогу всегда были делом Камбии. И к тому же муж Камбии когда-то не вернулся из дозора живым — вернулся только как смертоносный костяной клинок... Не был ли это первый случай, когда сын уехал, не попрощавшись с Камбией? Фаун не знала, пыталась ли старая женщина спрятаться на другой стороне дороги или хотела, чтобы Даг ее заметил, но в одном она была уверена: в ту сторону Даг не взглянул. Фаун заметила:

Дор с матерью не пришел, и задумалась о том, что это могло бы значить.

Фаун свернула на идущую вдоль берега дорогу; лицо ее было печальным. Она положила руку на свой свадебный браслет, пытаясь ощутить ободряющее покалывание.

«Да что ты, глупая, он даже еще мост не пересек».

Но слабое покалывание все равно ответило на ее безмолвный вопрос. Да, он там... Фаун сделала глубокий вдох и пошла дальше.

В колеблющемся свете костров, озаряющем лужайку у дороги, Даг шел вдоль коновязей, осматривая лошадей — и не только при помощи глаз. Только три охромели... не так уж плохо после трех дней отчаянной скачки. Эскадрон сопровождали несколько вьючных лошадей с запасом продовольствия для людей и драгоценного овса. Кони дозорных обычно кормились травой, за исключением редких случаев, когда у крестьян оказывалось возможным раздобыть фураж; однако для того, чтобы пасти лошадей, требовалось время, да и сил коням овес давал больше. За три дня пути запасы сильно уменьшились; завтра утром можно будет спрятать в укромном месте вьючные седла и заменить захромавших коней,

так что продвижение отряда не будет замедляться необходимостью ехать верхом по двое. По крайней мере некоторое время.

Даг повел свой эскадрон на север от озера Хикори, чтобы выехать на большак, ведущий на запад, несмотря на уверения Сауна, что, как только они пересекут границы округа Олеана и окажутся в Рейнтри, он сможет показать более короткий путь. По расчетам Дага, теперь от лагеря Боунмарш их отделяло полдня езды на юг. Это было не то направление, откуда могла бы ожидаться помощь — а с точки зрения Злого, нападение. Судя по рассказам перепуганных беженцев — Стражей Озера, по большей части женщин с детьми, — которых дозорные встретили вечером третьего дня пути, Злой устроил логово в Боунмарше. Временно, конечно. Даг ждал именно таких новостей. Теперь, когда он получил свежие сведения, пришло время начать осуществлять его план — никаких оправданий, никаких промедлений.

Даг вздохнул и двинулся по лагерю, иногда касаясь плеча того или другого дозорного: «Подойди через несколько минут к моему костру». Среди этих людей были Рази с Утау и, как ни жалел о такой необходимости Даг, Мари и Дирла. Даг хорошо представлял себе возможности воинов

из других отрядов — не столько как лучников и фехтовальщиков, хотя все они были достаточно искусными, сколько обладателей Дара. Некоторые выступили в поход вместе с партнерами, хотя по большей части их супруги остались в лагере или отправились в дозор с другими отрядами.

«Им не понравится то, что предстоит». Что ж, хорошо бы, чтобы это оказалось самой худшей из их неприятностей.

Ночное небо тонуло в тумане, и видны были только немногие звезды; земля была пропитана влагой. Весь день накануне эскадрон скакал под непрекращающимся дождем; восточный ветер бросал капли в лицо всадникам. Ближайшие дни, на взгляд Дага, должны были оказаться ясными, хоть он и не был уверен, пойдет ли это на пользу дозорным или наоборот. Дозорные, которых позвал Даг, бесшумно собрались у еле тлеющего костра, подтащив бревна, чтобы не сидеть в грязи, и внимательно смотрели теперь на командира. Всего собралось шестнадцать человек: двенадцать тех, кого позвал Даг, двое командиров отрядов, и сам Дат с Сауном.

— Вот что, — начал Даг, сделав глубокий вдох, — мы сделаем завтра. Нам предстоит иметь дело со Злым, который не только достиг полной силы

и стал подвижным, но и наверняка знает уже, что такое разделяющие ножи. Подобраться достаточно близко, чтобы убить его, будет гораздо труднее, чем обычно.

Саун пошевелился и снова замер на своем бревне, и Даг кивнул ему.

— Я знаю, Саун, ты недоволен тем, что мы не послали вести о своем прибытии, но вестник ненамного опередил бы нас, а мне не хотелось отправлять одного человека через лес, где, возможно, полно глиняных людей. Мы на несколько дней опережаем подкрепления с востока; возвращающиеся курьеры, отправленные за дозорными из других лагерей, тоже отстают от нас, так что никто не знает, что мы уже здесь, — в том числе и Злой.

Даг сдержал желание расхаживать вокруг костра и продолжал стоять, слегка раскачиваясь на носках и стиснув правой рукой крюк за спиной.

— Я однажды видел, как разделались с таким же опасным Злым — на Волчьем перевале в Лутлии. — Молоды дозорные при этих словах насторожились, а немногие из тех кто был в курсе, понимающе закивали и стали слушать особенно внимательно. — Тогда стратегия состояла из двух частей, хотя так получилось отчасти

случайно. Пока большинство наших воинов сражались с глиняными людьми и рабами Злого и тем привлекали к себе его внимание, небольшая групп воинов, особенно искусных в том, чтобы скрывать свой Даг пробралась к логову. В той группе было восемь пар дозорных, и у каждой был разделяющий нож. Приказ был такой: если один оказывался повержен, его напарнику не следовало оставаться с раненым, нужно было забрать нож и продолжать атаку. Если неудача выпадала обоим членам пары, то же самое должны были делать соседние пары. — Это, как прекрасно понимал Даг и все его слушатели, отличалось от обычной практики: дозорные никогда не оставляли своих. — Когда воины подобрались достаточно близко к Злому, чтобы рискнуть напасть на него, они так и сделали. — Там, на Волчьем перевале, в живых к этому моменту оставались четверо, как после битвы узнал Даг. — Так и удалось прикончить Злого. — Тем, конечно, дело не кончилось: еще несколько месяцев пришлось очищать окрестности.

— Но если Злой был так силен, разве не было опасности, что он вырвет Дар у тех, кто к нему подберется? — спросила Дирла. Если вопрос и был продиктован страхом, никто не мог этого опреде-

лить: голос ее не дрогнул, а свой Дар содержала под жестким контролем.

— С некоторыми так и случилось, — прямо, ничего не смягчая, ответил Даг. — Однако я думаю, что мы можем прибегнуть к такой же тактике. Те силы, что собрались сейчас к югу от Боунмарша и пытаются защитить Крестьянскую равнину, будут играть роль отряда на перевале, привлекая к себе внимание Злого, а мы, — Даг обвел рукой лагерь, — нанесем неожиданный удар. Вас я отобрал за то, что вы лучше всех умеете контролировать свой Дар.

— Только не Саун! — возразила Дирла.

Юноша вспыхнул и бросил на нее сердитый взгляд.

— Нет, но он — наша ходячая карта. И еще — кто-то должен остаться с лошадьми. — Даг виновато посмотрел на юношу; тот поморщился, но не возразил.

— А остальная часть отряда? — спросил Обайо Грейхерон, один из командиров отряда.

— Вы дадите нам полдня форы, — повернулся к нему Даг. — К этому времени или все закончится — или командование перейдет к тебе, и ты сможешь попробовать что-нибудь еще, например, отправиться в объезд и соединиться с дозорными

из Рейнтри.

Обайо опустил голову, мрачно обдумывая услышанное.

— Ты отправишься с... Ну да, конечно.

«Отправлюсь со скрыто подбирающейся группой», —мысленно договорил за него Даг. Все знали, что Дагу лучше всех в лагере удаются подобные уловки. Это заставляло задуматься — его самого, если не остальных, — потому ли он выбрал такую стратегию, что она давала наибольший шанс на успех, или потому, что в наибольшей степени соответствовала его личным склонностям.

«Что ж, если ты выиграешь, эти тайные сомнения не будут иметь значения. А также если проиграешь... Ты ничего не теряешь, старый дозорный. В определенном смысле».

Саун, который что-то чертил в высыхающей грязи каблуком своего сапога, поднял глаза.

— Немного жестоко в отношении тех, кто с боями отступает к Крестьянской равнине. Они даже не знают, что служат приманкой.

— Не знали этого и те, кто сражался на Волчьем перевалу — сухо ответил Даг. И прежде чем Саун смог задать очевидный вопрос: «Откуда ты знаешь?», продолжил: — Саун, Содо, Варлин — вы все

хорошо знаете окрестности Боунмарша. Ну-ка, расскажите нам о них.

Обычная процедура: Даг отступил в тень, предоставив местным дозорным делиться знаниями; остальные принялись задавать им «подробные вопросы, склонившись над драгоценными пергаментными картами, и чертить палками на земле схемы, стирать их и чертить заново. Даг слушал так же или даже еще более внимательно, чем прочие, перебирая в уме тактические подходы; он печально признавался себе, что девять десятых планирования на практике окажется бесполезным.

Собравшимся хватало и мозгов, и опыта, так что Дагу почти не нужно было направлять подробное обсуждение; две неудачные идеи сразу же были отвергнуты Утау и Обайо еще до того, как Даг успел открыть рот, а три удачные, которые Дагу и в голову не приходили, обсуждались, пережевывались и улучшались почти без его участия. Мари, да благословят ее боги, взяла на себя трудную задачу — уговорить отдать разделяющие ножи двоих дозорных, которые не вошли в ударный отряд: иначе у шести пар, отобранных для тайного нападения, было бы всего четыре ножа. Напоследок дозорные по-новому разби-

лись на пары, потом, молчаливые и задумчивые, отправились к своим кострам. Даг пожелал им выспаться лучше, чем это ожидало его самого.

Он вытянулся на спине на своем тонком одеяле, почти не защищавшем от холода и сырости земли, и стал высматривать звезды на затянутом тонкими облаками небе, стараясь успокоить поток мыслей. Не было смысла еще раз перебирать в уме планы на завтра — в десятый, а то и в двадцатый раз. Сегодня он сделал все, что мог, и только уснуть ему не удавалось. Когда Даг сумел изгнать из мыслей заботы об эскадроне, вернулась тоска по Фаун.

Он так привык за эти недели к ее обществу, как будто она всегда была рядом или заполнила какую-то пустоту в его душе, чего он ждал многие годы. Он научился находить наслаждение не только в ее упоительном теле, будившем желания, которые он считал притуплёнными временем, возрастом и усталостью, но и в сиянии ее широко раскрытых глаз, когда она задавала свои бесконечные вопросы, в решительной складке губ, когда перед ней вставала новая проблема, в ее беспредельном изумлении перед чудесами мира. И если ее жадное стремление все узнать в жизни было для него радостью, то его

собственное, вновь пробудившееся, вызывало у него изумление.

Даг тревожно задумался над темной стороной этой блестящей монеты. Не пробудила ли вновь в нем женитьба страх смерти? Неизбежный конец так долго не казался ему ни другом, ни врагом, просто данностью, которую следовало принять и научиться жить с ней, как с отсутствующей рукой. Если человеку нечего терять, никакой риск не вызывает особой паники, а страх не туманит голову. Если такое безразличие превращало его в отточенный клинок, не затупился ли он теперь?

Правая рука Дага скользнула по груди и стиснула тяжелую тесьму, стягивавшую левую руку повыше локтя, вызывая обнадеживающий отзвук живого Дара Фаун. Да, теперь ему было что терять. Благодаря тени, которую отбрасывал его страх, Даг начал яснее видеть собственные желания, любопытство в отношении будущего, которое внезапно перестало быть ограниченным и неизбежным, а стало полным неизвестности, новых мест и людей, о которых он раньше и представления не имел.

«Проклятие, я хочу жить!»

Не лучшее время сделать такое открытие, а? Даг фыркнул с презрением к себе.

Чтобы не позволить своим мыслям снова и снова ходить по кругу, Даг прижал к груди левую руку, как ее бы она могла заменить ему отсутствующую Фаун, и решительно закрыл глаза. Летняя ночь коротка. На рассвете они поскачут на юг.

«Так позаботься о том, чтобы твое тело и твой разум ехали на одном и том же коне, старый дозорный».

10

«Прошло три дня, — думала Фаун. — Сегодня начнется четвертый». Кончилась ли схватка, да и началась ли, и там ли эскадрон Дага — где бы это «там» ни было? Где-то на западе, да, и он все еще жив — это-то свадебный браслет ей говорил. Лучше, чем полная неизвестность, но совершенно, совершенно недостаточно...

Фаун издали смотрела, как Каттагус усаживается за дощатым столом с ножом, шилом и кусочками оленьей кожи.

Сегодня утром ему предстояло сшить пару новых туфелек для своей внучатой племянницы Тези — судя по тому, как та зачарованно сновала вокруг и хихикала, когда старик, примерив ее ножку к куску кожи, пощекотал девчушке пятку. Может быть, его правая рука и совершенно случайно коснулась левого запястья, прежде чем он наклонился вперед и начал кроить...

Фаун потянулась, прислонившись спиной к стволу яблони, и заставила себя снова взяться за вязание. Без двоих детишек Сарри лагерь в эти дни показался бы ей невыносимо тихим. Впрочем, когда они позавчера на несколько часов

исчезли, беспокойство никак не помогло Фаун почувствовать себя лучше. Малышей нашел сосед, которого привлекли на помощь в поисках, в лесу почти на противоположном конце острова — они отправились в путешествие с целью найти своих отцов. С детской точки зрения, решила Фаун, Рази и Утау были прекрасными товарищами по играм, исчезавшими так же загадочно, как и появлялись, и многократно повторенные объяснения Сарри о том, что мужчины отправились в дозор, были столь же невразумительны для них, как если бы та сообщила, что Рази и Утау улетели на луну.

Месячные Фаун начались на следующий день после отъезда Дага; это не было неожиданностью, но послужило неприятным напоминанием о слишком многих разочарованиях. Сарри показала Фаун, как местные женщины пользуются в таких случаем пухом рогоза, набивая им тряпичные мешочки; его потом можно было выкинуть в отхожее место, что делало стирку мешочков не таким утомительным делом. Это, конечно, утешало, но не слишком, и Фаун провела два унылых дня, почти не вставая, прядя пряжу и безуспешно гадая, просто ли ей не повезло с судорогами или они свидетельствуют о каком-то повреждении

— следствии нападения Злого; она жалела, что рядом нет Мари, которую можно было бы спросить, но грызущая боль наконец отступила, и страхи прекратились вместе с кровотечением. Сегодня она чувствовала себя гораздо лучше.

Последний ряд. Фаун аккуратно закрыла петли и разложила новую пару связанных из хлопковой нити носков на колене. Они получились хорошо: несколько упущенных петель были вовремя пойманы, пятки оказались на месте, да и вообще даже ее братья не стали бы грозить надеть такие носки на петуха. Фаун улыбнулась, вспомнив, как рассерженная птица разгуливала по двору в бесформенных шерстяных одежках, хотя сама Фаун тогда испытывала еще большую ярость, чем петух.

Фаун проскользнула в шатер, расчесала свои непослушные кудри и завязала их лентой, потом нашла в своем рукоделии кусочек цветной нитки и перевязала ею новые носки, чтобы они в большей мере выглядели как подарок. Расправив плечи, Фаун двинулась по дороге в сторону шатра Камбии Редвинг.

Ночью западный ветер принес дождь, и высокие деревья роняли с ветвей сверкающие капли. Эскадрону Дага, должно быть, пришлось скакать

в такую же непогоду, решила Фаун, хотя она и не могла знать, застал ли их ливень на открытой местности или в укрытии. Хотя все еще было сыро, Камбия, как еще издали увидела Фаун, работала снаружи, сидя на кожаной подушке, положенной на неизбежный чурбак около дощатого стола. На ней было не доходящее до колен платье без рукавов, которое, по-видимому, было обычной одеждой здешних женщин летом, — из выцветшей фиолетовой ткани, окрашенной какой-то растительной краской. Худая прямая фигура слегка согнулась, серебряная голова склонилась над работой. На столе перед Камбией лежали пряди длинных волокон кидальника, и старая женщина расчесывала их гребнем с четырьмя зубцами, а потом плела из них прочную и легкую веревку, которыми пользовались все Стражи Озера, Как Фаун и надеялась, ни Дора, ни Омбы поблизости видно не было — Дор, должно быть, ушел в свою рабочую хижину, а Омба отправилась на остров Кобылы.

Камбия подняла глаза и нахмурилась, увидев приближающуюся Фаун. Впрочем, ее руки, такие же натруженные, как у любой крестьянки, продолжали умело переплетать волокна.

Фаун сделала книксен и сказала:

— Как поживаете? Прекрасное сегодня утро.

Ответом ей было молчание. Ничего хорошего это не сулило, но Фаун и не ожидала, что ей все дастся легко.

— Я связала для Дага пару тонких носков, чтобы он надевал их с сапогами для верховой езды, и они ему очень понравились. Так что я связала пару и для тебя тоже. — Она протянула свой сверточек. Камбия не сделала никакой попытки взять его; если бы Фаун предложила ей протухшее тельце белки, найденное в лесу, выражение лица Камбии было бы таким же. Фаун положила носки рядом с пучками волокон кидальника и отступила на шаг, стараясь удержаться от того, чтобы не повернуться и не обратиться в бегство. Ей нужно было добиться какого-то ответа — не только этого мертвого взгляда. — Я была рада, что ты пришла проводить Дага. Я знаю, ты хотела, чтобы он стал командиром.

Руки Камбии закончили расчесывать пучок волокон, замерли и с резким стуком положили деревянный гребень на стол. Выражение лица Камбии стало еще более недовольным.

Когда она заговорила, казалось, что слова кто-то вытягивает из нее насильно.

— Но не так.

— А как же еще это могло произойти? Мне кажется, предложение очень подошло Дату.

— Все вышло не так. — Камбия шумно выдохнула воздух. — Да с этим мальчишкой иначе и не бывает. Сколько же огорчений и печали он принес мне — с самого начала и до конца — и не сосчитаешь. — Взгляд, который она бросила на Фаун, не оставлял сомнений в том, что Камбия считает последним пунктом этого списка.

«По крайней мере она начала со мной разговаривать».

— Что ж, самые близкие люди обычно и огорчают нас больше всего — насчет других нам было бы все равно. Только Даг и добро творил — хотя бы двадцать семь убитых Злых. Ты должна этим гордиться.

Камбия поморщилась.

— О, в дозоре он отличился, тут ничего не скажешь, но этого успеха он добился к двадцати пяти годам. Вот в лагере он своим долгом пренебрегал, как будто воинские заслуги снимали с него ответственность за все остальное. Если бы он женился, когда это следовало сделать, давным-давно, мы не влипли бы в эти неприятности сейчас.

— Он однажды был женат, — пробормотала Фаун, пытаясь говорить с достоинством. — Как

раз вовремя для Стража Озера, как мне кажется. Это обернулось мучительной трагедией, которая все еще его преследует.

— Он не первый и не последний, кому так не повезло. Очень многие потеряли близких от клыков какого-нибудь Злого. — И Камбия тоже из их числа, напомнила себе Фаун. — У него было восемнадцать лет, чтобы утешиться.

— Значит, — Фаун сделала глубокий вдох, — похоже, это ему не удалось, верно? Вы все пытались его утешить, и у вас было много времени. Может быть, теперь пришла очередь кого-то еще.

— Твоя очередь? — фыркнула Камбия.

— Похоже на то. Я вот что скажу: я не отняла у тебя ничего, что тебе принадлежало бы. Когда мы повстречались, у Дага не было другой нареченной, кроме смерти, насколько я могу судить. И если он лишился своей одержимости, так это хорошо!

Камбия выпрямилась, теперь все ее внимание было сосредоточено на Фаун. Такое ощущение не было особенно приятным, но по крайней мере Фаун удалось заставить свекровь перестать притворяться, будто ее вообще не существует.

— Вы оба упрямые, — продолжала Фаун. — Думаю, Даг унаследовал это от тебя, сказать по

правде. Кто-то же должен проявить гибкость, прежде чем произойдет беда. — «Например, разобьются сердца». — Прошу тебя, не могла бы ты сделать так, чтобы Дагу не пришлось предстать перед советом лагеря? Добром это не кончится.

— Да — для тебя. — В голосе Камбии, как ни странно, прозвучало скорее равнодушие, чем злорадство.

Фаун подняла подбородок.

— Ты в самом деле веришь в то, что Даг согласится разорвать узы, если его загонят в угол? Что он нарушит слово? Странного же ты мнения о своем сыне, хоть и знаешь его так долго.

— Я думаю, что он в душе будет испытывать облегчение от того, что освободится от своей неуместной клятвы тебе, девушка. Конечно, он будет испытывать смущение и возмущаться — мужчины всегда так себя ведут, когда проштрафятся. Но в конечном счете он будет рад, что его спасли от последствий его ошибки, и еще более рад оттого, что ему не пришлось делать это самому.

Фаун закусила губу.

«Значит, ты думаешь, что твой сын не только лжец, но и трус?»

Вслух этого Фаун не сказала. Ее потрясло смут-

ное ощущение правдоподобия в доводах Камбии.

«Я знаю его пол-лета... А она знает его всю его жизнь».

Фаун вцепилась в тесьму на своем левом запястье, чтобы почерпнуть в ней утешение и мужество.

— А что, если он выберет изгнание?

— Не выберет. Ни один Страж Озера такого не сделает. Он вспомнит, каков и в отношении кого его долг.

Даг всегда старался держаться как можно дальше от своей семьи, и Фаун начинала понимать почему. Люди все время покидают родительские семьи — для мужчины, Стража Озера, это так же обычно, как для крестьянской девушки. Иногда это прямой путь к тому, чтобы стать взрослым, как женитьба Дага на девушке из Лутлии; он явно не собирался возвращаться к матери после того, как женился на Каунео. Иногда родительская семья оказывалась невыносимой, и изменить в этом ничего было нельзя, можно было только сбежать от нее, и Фаун начала подозревать, что данное обстоятельство играло роль и при первом браке Дага. Наконец Фаун сказала:

— Кто настаивает на этой разборке в совете — ты или Дор?

— Семья едина в своем стремлении вызволить Дага из этой — признаю, выбранной им добровольно — западни.

— Думаю, что Дор понимает, что вы совершаете ошибку. И если он говорит тебе иное, то он лжет.

Камбия посмотрела на Фаун с некоторым изумлением.

— Послушай, крестьянка, я Страж Озера. Я знаю, когда кто-нибудь лжет.

— Значит, он обманывает себя. — Фаун попыталась подойти с другой стороны. — Все это мучает Дага. Я вижу, как он напряжен. Неправильно было отправлять его в поход с таким грузом у него на душе.

Камбия подняла брови.

— Так чья же в том вина? Чтобы разрывать человека на части, нужно, чтобы его тянули в разные стороны двое. Решение очень простое. Отправляйся обратно на свою ферму. Тебе здесь делать нечего. Отсутствующие боги, девушка, ты даже не можешь как подобает держать в узде свой Дар. Ты как будто все время разгуливаешь обнаженной, тебе хоть это известно? Или Даг ничего тебе не сказал?

Фаун поморщилась, и на лице Камбии на мгновение появилось победное выражение. В

неожиданном приступе паники Фаун начала гадать, не читает ли свекровь ее Дар с такой же легкостью, как Даг?

«Если так, она сумеет расколоть меня изнутри с такой же легкостью, как топор раскалывает полено».

Камбия склонила голову к плечу и прищурилась; ее следующие слова прозвучали, как прямой ответ на мысль Фаун:

— Какой прок Дагу от такой глупой и невежественной жены? Ты всегда здесь будешь делать не то, что надо, ему постоянно придется тебя стыдиться. Он может быть слишком упрямым, чтобы это признавать, но в душе он будет корчиться. Ты родишь детей со слабым Даром, неспособных выполнять даже самые простые задания. Если, конечно, твое осквернённое чрево вообще окажется способно давать потомство. Что ж, признаю: сейчас ты хорошенькая, но и это ненадолго: ты быстро постареешь, как и весь твои род, станешь глупой и толстой, как любая крестьянка. А Дагу только и останется, что раскаиваться в своей глупости.

«Она прощупывает меня».

Использует не факты, которые и не могут ей быть известны, а пытается использовать соб-

ственные страхи Фаун. Тем не менее воображение Фаун издевательски показало ей маму Блуфилд и тетушку Нетти, расплывшихся с возрастом. Полдюжины шпилек, полдюжины метких ударов — нет, Камбия действовала не вслепую.

«И все же я чем-то тоже ее задела, раз она так жестоко контратакует».

Фаун вспомнила слышанное в Глассфордже описание того, как устраивают дуэли свирепые речники. Их запястья связывают сыромятными ремнями, а в оставшиеся свободными руки дают ножи, так что сражающимся приходится кружить вокруг друг друга, не имея возможности отдалиться и оставаясь в досягаемости для удара противника. Их противостояние с Камбией напоминало такую схватку. Доведенная до отчаяния поведением собственной семьи, Фаун не поверила словам Дага о том, что его родственники окажутся еще хуже; если от ее родичей можно было ожидать синяков и подножек, то удары Камбии и Дора рассекали плоть до кости. Может быть, Даг был прав, когда говорил, что лучшее общение с ними — никакого общения.

«Я пришла сюда не для того, чтобы ругаться со старухой, я хочу добиться перемирия. Так почему же я позволяю ей вовлекать меня в войну?»

Фаун сделала глубокий вдох и сказала:

— Даг самый правдивый человек из всех, кого я знаю. Если у нас возникнут трудности, он мне о них скажет, и мы вместе найдем выход.

— Ха! — Камбия откинулась на своем чурбаке. Фаун почувствовала неожиданную и резкую перемену в ее настроении, но это ее не обнадежило. — Что ж, позволь мне сказать тебе правду насчет дозорных, девушка, — я была замужем за одним из них. Я сестра, дочь и мать дозорных, я и сама с ними ездила, когда была в твоем возрасте, тысячу лет назад. Мужчины и женщины, молодые и старые, щедрые и жадные — в одном все они одинаковы. Стоит им увидеть своего первого Злого, и они не расстаются с дозором, если только не становятся калеками или не гибнут. Они не отдают предпочтения перед этим никому и ничему. Мари — любой разумный человек сказал бы, что ей следует оставаться в лагере и ухаживать за Каттагусом, — но она отправляется в поход. И он ей в этом потакает, ведь он и сам такой же. Отец Дага тоже от них не отличался. Да и все они... Не думай, будто я ожидаю от Дага разрыва уз с тобой из уважения ко мне или Дору или кому-то, кто поддерживал его всю его жизнь.

Результат-то один: если Даг не особенно тебя

любит, он отправится в дозор; если он любит тебя больше всего на свете — он отправится в дозор, потому что ты в центре того мира, который он должен спасти, и если он не спасет мир, он и тебя не спасет. Когда Громовержец примчался к нему с новостями из Рейнтри, долго ли твой любимый колебался, прежде чем решил уехать и оставить тебя? Совсем одну, без друзей и родственников?

«Не слишком долго».

Вслух этого Фаун не сказала — у нее слишком пересохло во рту.

— И никакой разницы не было бы, будь ты Стражем Озера по рождению или в сто раз красивее, мучайся ты родами или рыдай у постели умирающего ребенка. Дозорные все равно уезжают. Ты не сможешь удержать Дага. — Камбия бросила на Фаун холодный взгляд, медленно моргая, как змея. — Я тоже не могла. Так что забирай свое дурацкое вязание и убирайся.

Фаун сглотнула.

— Это хорошие носки. Может быть, Омба захочет их носить...

Камбия выпятила вперед подбородок.

— Ты глуховата, девушка, да? — Она схватила маленький сверток и кинула его на тлеющие угли очага в нескольких ярдах от себя.

Фаун чуть не вскрикнула.

«Работа трех дней!»

Она кинулась за носками. Они еще не загорелись, но сухой хлопок начал дымиться на раскаленных углях, а кончик нарядной цветной нитки, которой носки были перевязаны, начал рассыпать яркие искры, а потом свернулся и почернел. Фаун наклонилась и выхватила носки из очага, отряхнула золу и искры с потемневшего края, судорожно втянув воздух, когда ее пальцы ощутили ожог. На ее синей юбке остались грязные пятна там, где ее колени коснулись мокрой земли, и Фаун попыталась оттереть их, с беспомощным гневом глядя на Камбию.

Не только боль от ожога вызвала слезы на глазах Фаун. Она выдохнула:

— Даг так и говорил: бесполезно пытаться с тобой разговаривать.

— Следовало его послушать, не так ли? — сказала Камня; лицо ее было совершенно лишено выражения.

— Наверное, — коротко бросила Фаун. Ее замечательная теория о том, что если Камбия выговорится, это разрядит атмосферу, теперь казалась ей удивительно глупой. Ей хотелось, уходя, бросить через плечо что-нибудь презрительное,

чтобы оставить за собой последнее слово, но ей было слишком больно и ничего придумать не удавалось. Ей хотелось только как можно скорее оказаться где-нибудь подальше.

— Ну так уходи, — сказала Камбия, как будто подслушав ее мысли.

Фаун стиснула в необожженной руке вязаный комочек и пошла прочь. Она не позволила своим плечам поникнуть до тех пор, пока деревья не скрыли ее; к тому же ей пришлось обходить лужи на лесной дороге. Она испытывала тошноту, и остров неожиданно показался ей унылым и чужим, враждебным и тесным, несмотря на яркое утреннее солнце... гнетущим, как дом, превратившийся в тюрьму. Фаун сердито шмыгнула носом, чувствуя себя глупой... глупой... глупой... и вытерла слезы тыльной стороной руки; потом до нее дошло, что соленая влага может охладить ее обожженные пальцы. Покраснели три из них, и на одном, как показалось Фаун, начал вздуваться волдырь. Мама или тетушка Нетти смазали бы ожоги маслом, утешили бы, может быть, поцеловали. Насчет масла Фаун не была уверена — да и во всяком случае в ее небольшом запасе продовольствия его не имелось, — но остальных целительных составляющих ей ужасно не

хватало.

«Никогда мне этого не видать, никогда больше...»

Эта мысль заставила Фаун захотеть завыть гораздо сильнее, чем боль от ожогов.

Она отправилась к Камбии, чтобы попытаться уничтожить сам источник неприятностей с советом лагеря. Чтобы спасти Дата. Ей это не только не удалось, она, наверное, сделала все еще хуже. Камбия и Дор теперь точно узнали, какой легкой добычей является крестьянка — жена Дага.

«И почему я решила, что смогу ему помочь? Какая глупость...»

На ее домашней лужайке — лужайке Мари и Сарри, поправила себя Фаун — Каттагус все еще возился с кожей, держа маленький башмачок у самых глаз и протягивая сыромятные ремешки через отверстия, проколотые шилом. Тези куда-то убежала, но Каттагусу приходилось присматривать за ее братишкой, развлекавшимся в небольшом загоне с двумя перепуганными черепахами: он стучал по панцирям и уговаривал животных вылезти. Когда Фаун вышла на лужайку, Каттагус отложил работу и проницательно посмотрел на нее. Фаун вспомнила шпильку Камбии — что она разгуливает голой, — и поду-

мала, что, наверное, все ее старания держаться мужественно бесполезны, если любой Страж Озера, взглянув на нее, видит, как она расстроена и растеряна.

К ее удивлению, Каттагус поманил ее к себе. Когда Фаун подошла к столу, Каттагус, опершись на локоть, бросил на нее довольно насмешливый взгляд и пропыхтел:

— И где же это ты была, девонька?

— Ходила, чтобы поговорить с Камбией, — призналась Фаун. — По крайней мере пыталась.

— Пальцы обожгла, да?

Фаун поспешно убрала руку, которую только что лизала, за спину.

— Она кинула в очаг носки, которые я связала ей в подарок. Наверное, мне следовало просто позволить им сгореть, но уж очень жалко мне стало своих трудов.

— Это их ты вязала последние три дня?

— Ну да.

— Хм-м... Ну-ка, посмотрим... Нет, девонька, на ожог, — нетерпеливо добавил Каттагус, когда Фаун протянула его носки. Она показала ему другую руку; старик взял ее в сухие негнущиеся пальцы и слегка склонил свою седую голову. Он, как всегда, был только в обрезанных штанах и

сандалиях, своей обычной летней одежде, и до Фаун донесся его запах — слабая смесь запаха старости и озерной ряски, очень типичный для него. Не будет ли так же пахнуть Даг, когда состарится? Фаун подумала, что, пожалуй, научится находить этот запах приятным.

Пока Каттагус массировал ее ладонь, Фаун смотрела на свое отвергнутое вязанье.

— Как ты думаешь, может, эти носки понравятся Мари? Они слишком большие для меня и слишком маленькие для Дага, но их удобно надевать с сапогами для верховой езды. Если гордость позволит Мари принять подарок от глупой крестьянки, — с горечью добавила Фаун, — к тому же отвергнутый Камбией.

— Это обстоятельство может как раз оказаться приманкой, — сказал Каттагус со своим свистящим смехом.

Старик отпустил руку Фаун; пальцы больше не болели. Фаун взглянула на ожог: краснота исчезла, на месте намечавшихся волдырей была розовая кожа.

«Он так же исцеляет Даром, как и Даг», — подумала Фаун.

— Спасибо тебе, — с благодарностью сказала она.

Каттагус кивнул, взял носки и положил их рядом с обрезками кожи, показывая тем самым, что принимает подарок, и у Фаун на глаза снова навернулись слезы.

Она собралась уходить, но повернулась к старику и выпалила:

— Камбия сказала, что, раз я не могу скрывать свой Дар, это все равно что ходить голой.

— Ну, — задумчиво протянул Каттагус, — сама-то Камбия уж очень зажата... полна того, что не хочет показывать другим. Обычно в нашем возрасте люди перестают обращать на это внимание и просто остаются самими собой.

Фаун склонила голову к плечу, обдумывая услышанное.

— На фермах старики тоже так себя ведут — по крайней мере некоторые. Ну, не с Даром, конечно, а в отношении одежды и того, что они делают и говорят.

— Боюсь, Камбия все еще пытается управлять миром. Она была безжалостной дозорной... Слава отсутствующим богам, что она стала мастерицей. — Каттагус впал в задумчивость, должно быть, вспоминая свою молодость и совместные походы с Камбией, и его передернуло.

— А что она изготовляет?

— Веревки, которые не рвутся. Они, понимаешь ли, очень нужны тем, кто плавает на лодках... ну и для других целей.

— Ох... Значит, я прервала ее магию, когда... э-э... явилась?

— Ничего страшного, если и так. Она уже так давно этим занимается, что, когда к ней приходят те, кого она хочет видеть, даже не замедляет плетения.

— Ну, меня-то она видеть не хотела, — вздохнула Фаун. Она заморгала, пытаясь поймать ускользающую мысль. — Так и Стражи Озера живут, не закрывая своего Дара?

— Если они отдыхают или желают в полной мере воспринимать окружающий мир, то да. К тому же у очень многих Дар действует только на коротком расстоянии, так что ты, так сказать, оказываешься вне их поля зрения, стоит тебе хоть немного отойти, даже если ты пылаешь, как пожар. Однако все живущие поблизости, за исключением детей, воспринимают Дар на большом расстоянии.

У Фаун неожиданно возникла ужасная мысль...

— А когда Даг и я... когда Даг открывается передо мной... мы... э-э...

Фаун умолкла, но это не помогло: Каттагус ехид-

но усмехнулся. Не было ни малейшего сомнения в том, что он очень хорошо ее понял.

— Что касается меня, то я аплодирую Дагу, хоть Мари меня за это и пинает. Женщины из рода Редвингов — суровый народ, скажу я тебе. — Лукаво глядя на залившуюся румянцем Фаун, старик добавил: — Это все одышка — она мешает мне самому делать то же самое. Я мало что теперь могу, кроме как приветствовать более везучих мужчин.

Фаун покраснела еще сильнее, хоть смутно и поняла: Каттагус прибег к этому откровенному признанию, чтобы сравнять счет. Жестокость и доброта — как могло так много и того, и другого уместиться в одно утро?

— Люди есть люди, — глубокомысленно изрекла Фаун.

Каттагус кивнул.

— И всегда ими были и всегда будут. Вот так-то лучше.

Только тут Фаун заметила, что успокоилась; горло у нее больше не перехватывало. Коснувшись тесьмы на левом запястье, она спросила Каттагуса:

— С Мари сегодня утром тоже все в порядке?

— Пока да. — Старик, прищурившись, посмот-

рел на свадебный браслет Фаун. — Даг что-то сделал с ним? Или... с тобой?

Фаун кивнула, хотя воспоминание о том, при каких именно обстоятельствах это произошло, заставило ее снова покраснеть. Однако Каттагус, хотя он мог быть догадливым и бесцеремонным, не стал выпытывать у нее интимные подробности.

— Я заставила свой Дар войти в браслет Дага при помощи... одной уловки, когда мы плели тесьму, но чувствовать Дар Дага я не могла. Поэтому он что-то сделал с моим браслетом, усилил в нем Дар, что ли, прежде чем уехать. Так хорошо знать, что, если понадобится, я смогу его найти... как и он меня, наверное.

Каттагус открыл рот, собираясь что-то сказать, передумал и только заморгал.

— Как это?

Фаун подняла руку, закрыла глаза и стала медленно поворачиваться. Когда она снова открыла глаза, оказалось, что она повернулась лицом на запад.

— Вон там... Чувство, довольно смутное, но, думаю, если бы я оказалась поближе, я лучше ощущала бы, где он находится. Так и получилось тем утром, когда он еще был поблизости.

— Взглянув на Каттагуса, Фаун с удивлением обнаружила, что тот озадаченно поднял брови. — Разве браслет так действует не у всех?

— Нет.

— Ох...

Каттагус потер нос.

— Думаю, не над браслетом он поработал на самом деле. Лучше не говорить никому о таком трюке, пока он не вернется.

— Почему?

— Н-ну... Скажем так: если Даг пожелает еще больше углубить свои противоречия с советом лагеря, пусть уж он сам решает, как это сделать.

В словах Каттагуса явно был какой-то скрытый смысл, но какой именно, догадаться Фаун не могла.

— Хорошо, — послушно согласилась она, но не утерпела и снова повернулась лицом на запад. — Как ты думаешь, когда они вернутся?

Каттагус пожал плечами.

— Откуда мне знать? — Однако, судя по глазам, он слишком много знал...

Фаун кивнула — не столько соглашаясь с неопределенностью, сколько выражал молчаливую симпатию, — и направилась к собственному шатру. Ей нужно было придумать новое занятие

своим рукам. Только не вязание... Солнце стояло в зените, и Фаун пожелала, чтобы оно освещало дорогу Дагу, куда бы та ни вела.

«Мертвая тишина», — подумал Даг; никогда еще это выражение не казалось ему более верным.

Жаркое летнее солнце освещало совершенно зимний ландшафт. Болотистая равнина, открывшаяся взору Дага, выглядела как после недели убийственного мороза. Вместо высоких зарослей зеленого тростника лежали груды поникших и перепутавшихся побуревших стеблей. Посаженные рядком осокори, за которыми укрывался отряд Дага, казались призраками; их пожелтевшие листья один за другим, кружась в неподвижном воздухе, бесшумно падали на землю. Воздух был жарким, влажным и душным, как всегда летом в Рейнтри, но в нем не гудели и не пищали насекомые, не перекликались птицы. Да, это было истинное опустошение, раз даже москиты подохли и теперь плавали среди длинных прядей пожухлых водорослей на неподвижной воде. Среди этого унылого мусора желтели панцири пары мертвых черепах. Синее небо, отражавшееся колышущимися полосами в воде, странно контрастировало с серой пеной.

Мертвая грязь чавкала под ногами Дага, хотя

и не высасывала его Дар, как бывало при соприкосновении с почвой, долго подвергавшейся воздействию Злого. Более того: Даг не чувствовал той сухой дрожи в диафрагме, похожей на отзвук сильного удара в живот, которая говорила бы о близости логова Злого. Даг осторожно выпрямился, чтобы лучше рассмотреть развалины стоявшего на берегу селения Стражей Озера, отделенного от отряда четвертью мили открытой воды.

Скорчившись среди увядшего и увядающего камыша, Мари прошипела предостережение.

— Его здесь нет, — выдохнул в ответ Даг.

Мари, хмурясь, кивнула, но все же прошептала:

— А его рабы могут еще оставаться поблизости.

Даг рискнул чуть-чуть приоткрыть свой Дар; ему пришлось сглотнуть, чтобы преодолеть тошноту, вызванную тяжкой нагрузкой на него, которую порождало осквернение земли Злым. Только убедившись, что его не вырвет, Даг приоткрыл Дар немного больше. Ему не удалось обнаружить поблизости ничего живого, кроме нескольких черных дроздов; птицы улетели от опасности, а теперь вернулись и напрасно искали своих супругов или гнезда.

— На милю вокруг нет ничего живого... нет, подожди! — Даг снова опустился на корточки. В сотне шагов от деревни, на сыром берегу что-то задело его восприятие — знакомый сгусток искаженного Дара, словно стекающегося к одному месту, как вода, просачивающаяся сквозь землю. Даг прищурился и обследовал окрестности внимательнее.

Мне кажется, там, за селением, питомник глиняных людей. Впрочем, сейчас охраны около него не заметно... но есть кое-что еще.

Мари еще больше нахмурилась.

— Можно было бы ожидать, что уж питомник-то будет охраняться.

Даг обдумал возможность хитро устроенной ловушки. Допустить такое — значило, пожалуй, приписать этому Злому слишком большую проницательность. Он сделал Мари знак, и та передала безмолвный сигнал остальным. Дозорные стали красться дальше, мучительно медленно, используя любое укрытие; им предстояло обойти эту похожую на озеро часть большого болота, чтобы добраться до развалин покинутой деревни.

Около сотни шатров стояли на берегу изолированными группами, в которых жили отдельные кланы; до недавнего времени они давали приют

тысяче Стражей Озера. Еще не менее тысячи жителей обитали вокруг болота более разбросанно. В селении десяток шатров сгорел дотла, и только недавний дождь погасил тлеющие угли. Всюду были видны следы поспешного бегства, однако, помимо сожженных строений, особых бессмысленных разрушений Даг не заметил. Он не заметил и трупов и не уловил запаха тления, хотя это было слабым утешением: лишенные Дара тела иногда очень медленно разлагались. Все же Даг позволил себе надеяться на то, что большей части жителей удалось спастись и отступить на юг: Стражи Озера знали, как мгновенно сняться с места и бежать. Потом Даг подумал о том, как сейчас выглядит маленький крестьянский городок, рядом с которым, как считалось, вывелся Злой.

«Что стала бы делать Фаун, если бы...» Даг резко оборвал лишающую сил мысль.

Он добрался до бревенчатой стены крайнего уцелевшего шатра и нерешительно посмотрел оттуда в сторону заболоченного участка шагах в ста от него. Густая поросль деревьев — ивы, молодых ясеней, зловещего вида колючей тедичии — скрывала что-то темное, что Даг едва мог различить обычным зрением. Он снова вос-

пользовался Даром, поморщился и поспешно восстановил защиту.

— Мари, Кодо, ко мне, — бросил он через плечо.

Мари оказалась рядом тут же; Кодо, самый старший из дозорных, если не считать Мари, через мгновение скользнул вперед и присоединился к ним.

— Там кто-то есть под деревьями, — пробормотал Даг. — Не глиняные люди, не рабы-крестьяне... Думаю, это кто-то из нас. Случилось какое-то ужасное несчастье.

— Живые? — спросила Мари, всматриваясь в тень под деревьями. Полдюжины человеческих фигур не шевелились.

— Да, но... Воспользуйтесь своим Даром. Посмотрим, не увидите ли вы чего-то знакомого. — «Потому что мне кажется, что я узнаю».

Кодо с сомнением посмотрел на Дага из-под седых бровей, молча напоминая ему о неоднократно повторенном приказании не пользоваться Даром без прямого распоряжения командира. Оба они с Мари сосредоточились на загадке — сначала с открытыми, потом с закрытыми глазами.

— Никогда ничего подобного раньше не видела, — пробормотала Мари. — Они без сознания?

— Их Дар заперт?.. — предположил Кодо.

— Ах... да. В этом-то и дело, — сказала Мари. — Но почему они...

Даг снова пересчитал фигуры — шестерых он видел глазами, но Даром воспринимал пятерых. Это означало, что одна из фигур — труп.

— Думаю, они привязаны к тем деревьям. — Он повернулся к напарнице Мари Дирле, встревоженно смотревшей в их сторону. — Все остальные остаются на месте. Кодо, Мари, пойдете со мной.

Между последним шатром и порослью деревьев укрытия не было. Дат решил отказаться от попыток остаться незамеченным и открыто двинулся вперед; Мари и Кодо шли следом за ним.

Стражи Озера из Боунмарша действительно оказались привязаны к самым толстым стволам; кто-то из них лежал, кто-то наполовину висел. Все они были, казалось, без сознания. Трое немолодых мужчин и три женщины, выглядевшие скорее как мастера, а не как дозорные, если Даг правильно оценил их внешность и остатки одежды. На некоторых были следы борьбы — синяки и порезы, на некоторых — нет. Одна из женщин была мертва; Даг заколебался, но все же коснулся ее восковой руки, чтобы определить, наступило ли окостенение, и узнать, давно ли она умерла.

Не очень давно, решил он.

«Ты снова опоздал, старый дозорный...»

Кодо яростно зашипел, вытащил нож и потянулся к веревкам, связывавшим пленников.

— Подожди, — остановил его Даг.

— А? — недовольно повернулся к нему Кодо.

— Даг, что это? — спросила Мари. — Ты знаешь?

— Думаю, что да. Злой должен оставаться рядом с питомником глиняных людей, чтобы они продолжали расти, но часть его остается связана с логовом, даже когда он перестает быть неподвижным. Этот Злой стал достаточно силен для того, чтобы... передоверить часть работы. Он оставил этих Стражей Озера — мастеров — заботиться о глиняных людях, пока сам он... отправился в другое место. — Даг обеспокоенно посмотрел на юг.

Кодо выпятил губы и беззвучно свистнул.

— Можем мы разрушить оковы на их Даре? — спросила Мари; глаза ее сузились.

— Не уверен... но подожди. Чего я не знаю — это насколько сильна связь Злого с ними и далеко ли он сейчас. Если мы что-то сделаем с ними, с их Даром, это может выдать наше присутствие здесь.

— Даг, не можешь же ты думать о том, чтобы бросить их, — в ужасе пробормотал Кодо. Мари

казалась не столько шокированной, сколько опечаленной.

— Подожди, — повторил Даг и двинулся в сторону болота. Двое дозорных обменялись взглядами и последовали за ним.

В мокрой почве через каждые несколько футов виднелись углубления, похожие на ямки, выкопанные играющими детьми. Из середины каждого торчали носы, отчаянно втягивавшие воздух. Даг узнал мускусную крысу, енота, опоссума, бобра, даже белку и неторопливую холодную черепаху. Все они уже начали терять свою первоначальную форму, как гусеницы, превращающиеся в куколки, но ни одно животное еще не доросло до размера человека. Даг насчитал около сорока будущих глиняных людей.

— Как удачно, — сказал Кодо, глядя на них с зачарованным отвращением. — Мы можем перебить их в их норах. Избавит нас от мороки в будущем.

— Эти твари не будут готовы еще несколько дней, а то и недель, — сказал Даг. — Сначала нужно разделаться со Злым — тогда его будущие подручные подохнут на месте.

— Что ты задумал, Даг? — спросила Мари.

«Я размышляю о том, как мне не хотелось ста-

новиться командиром, — из-за решений вроде этого».

Даг вздохнул и сказал:

— Остальной отряд отстает от нас на полдня пути. Думаю, что, если мы сможем напоить этих бедняг, они продержатся до ночи, а тогда их вместо нас освободит Обайо. Так мы не выдадим себя Злому. Даже наоборот: он будет думать, что основной отряд — это и есть все преследователи.

— Как ты думаешь, насколько далеко от нас сейчас Злой? — спросил Кодо.

Даг покачал головой.

— Мы, конечно, поищем следы, но едва ли больше, чем на день пути. Ясно, что Злой собрал все свои силы и поспешил на юг. Мне кажется, это означает, что он собрался напасть.

«Это также означает, по-моему, что особенно оглядываться назад он не будет».

— Ты собираешься его преследовать — со всей доступной нам скоростью, — сказала Мари.

— У кого-нибудь есть лучшая идея?

Оба его спутника печально покачали головами.

Они вернулись к остальным, спрятавшимся между строениями деревни. Даг послал двоих дозорных за Сауном и лошадьми, а нескольким

человекам велел поискать следы пребывания в окрестностях Злого. К тому времени, когда Саун и посланные за ним прибыли с конями, Варлин нашла в чаще место, где подручные Злого устроили свое последнее пиршество — кости животных и людей вперемешку, частью обугленные, частью разгрызенные. Судя по останкам, Даг насчитал дюжину погибших, но не больше. Он изо всех сил старался держаться за это «не больше» как хоть за какую-то надежду, но такое ему плохо удавалось. К счастью, никто из дозорных, лучше всех знающих лагерь Боунмарш, не смог среди изуродованных тел узнать знакомых. Даг решил, что похоронить их сможет Обайо и его дозорные.

Передовой отряд Дага отчаянно рвался в бой. Идея о том, чтобы тихо и быстро перекусить, не вызвала одобрения, особенно у тех, кто видел место расправы над пленниками; у Дага тоже не было желания медлить, тем более что яростные споры о том, не следует ли попытаться освободить прикованных к глиняным людям узников, могли начаться снова. Особенно переживал Саун, поскольку узнал среди пленников нескольких знакомых ему по пребыванию в лагере Боунмарш людей.

— Что, если Обайо выберет другой маршрут?

— спорил он с Дагом. — Ты же ведь разрешил ему решать самому.

— Как только мы разделаемся со Злым, — устало отвечал ему Даг, — а это будет сегодня или завтра, мы пошлем кого-нибудь обратно. «Да и когда Злого не будет, они вполне смогут освободиться сами.»

На взгляд Дага, этот довод был весьма сомнительным, но Саун его принял — по крайней мере перестал спорить, а больше Дату ничего и не было нужно. Сам он больше всего жалел о потерянном на медленное продвижение пешком времени; как выяснилось, они могли доскакать до селения галопом. Даг опасался, что из-за такой задержки они догонят Злого уже в темноте, усталыми после выматывающего дня. Часть обязанностей командира как раз и состояла в том, чтобы обеспечить: в решающий момент его люди будут в самом лучшем состоянии тела и духа. На этот раз он не сумел рассчитать время...

По крайней мере следовать за Злым на юг трудности не составляло. Сразу за болотом начиналась полоса мертвой земли шириной в сто шагов, которую не мог бы не заметить даже крестьянин, не говоря уже о человеке, хоть в минимальной мере наделенном Даром.

«В конце следа мы точно найдем Злого». Теперь это было легко.

«Гораздо труднее не дать Злому обнаружить нас первым». Даг поморщился и пустил Копперхеда рысью; его встревоженные товарищи скакали следом.

11

Еще одно ночное нападение — и на этот раз без помощи Дара...

«Боги, я же слеп в темноте, как обычный крестьянин».

Даг опасался, что вспышки Дара дозорных будут замечены расставленными Злым часовыми, однако перспектива физически напороться на глиняных людей теперь казалась ничуть не меньшим риском. На небе, правда, светила ущербная луна, и когда они выберутся из леса, может быть, удастся лучше рассмотреть местность впереди. Даг взглянул направо и налево; то, какими смутными тенями выглядели его товарищи — Мари, Дирла, Кодо и Ханн, — приободрило Дага: если уж его привыкшие к темноте глаза едва их различают, то и враги не разглядят крадущихся воинов.

Даг позволил себе один осторожный шаг, потом еще и еще, стараясь не думать о том, что все это они сегодня уже проделывали. Его отряд наткнулся на следы основных сил Злого вскоре после полуночи; дозорные снова спешились и оставили лошадей в укрытии, чтобы подкрасться к врагу незаметно. Карт окрестностей, в отличие

от Боунмарша, у них не было; Саун тоже мало чем мог помочь. Даг подумал о том, что если остальные так же измучены, как он сам, то его решение нанести удар немедленно, не дав людям отдышаться, было не самым удачным; однако отдыхать здесь было невозможно, а любая задержка грозила тем, что их обнаружат. Отряд выбрался на равнину, где маленькие фермы с отвоеванными у леса полями встречались все более часто. Маленькие покинутые обитателями фермы, похожие на те, что окружали Вест-Блу... Даг надеялся, что жители были предупреждены беглецами из Боунмарша и успели отступить на Крестьянскую равнину.

Лежащие впереди поля давали возможность разглядеть окрестности, но зато не предоставляли укрытия. Отряд достиг кустов, окаймлявших широкое поле, пшеница на котором полегла; к Дагу подползла Дирла и прошептала:

— Ты видишь ту вышку?

— Угу.

На противоположном, конце поля начинался поросший лесом склон невысокого холма. Между деревьями мелькали и тут же исчезали колеблющиеся отсветы факелов. В серебряном свете умирающей луны виднелось угловатое строение,

венчающее вершину холма. Грубо сколоченная из древесных стволов башня, поднимавшаяся футов на двадцать, на мгновение стала ясно видна на фоне далекого молочно-белого облака. Разглядеть, что за твари притаились на бревенчатой платформе на вершине башни, Даг не мог: расстояние было слишком велико; однако, как ни закрывал Даг свой Дар, угроза явственно ощущалась — исходящие от Злого флюиды скверны, казалось, проникали в тело Дата с каждым ударом сердца.

— Сторожевой пост? — прошептала Дирла.

Даг покачал головой.

— Хуже. — «Да помогут нам отсутствующие боги!» Этот Злой уже вырос достаточно, чтобы строить башни. Даже тот, с которым Стражи Озера сражались на Волчьем перевале, еще не обрел такой силы. — Можешь ты разглядеть, сколько их на платформе? — Может быть, молодые глаза Дирлы острее, чем его собственные...

— Всего один, мне кажется.

— Значит, он там. Вот туда-то нам и надо. Передай остальным.

Дирла кивнула и бесшумно исчезла. Теперь отряду нужно было незаметно подобраться к башне. Так близко — всего лишь через вытоптанное

пшеничное поле и по лесистому склону — и так далеко... Даг предположил, что лагерь пособников Злого — глиняных людей и обращенных в рабов пленников — находится на противоположной стороне холма, у протекающего там, возможно, ручья. Тонкие струйки дыма поднимались от невидимых костров, сливаясь с пеленой тумана; это подтверждало предположения Дага. Ветра почти не было, и Даг пожалел о том, что шелест ветвей не поможет скрыть продвижение отряда; с другой стороны, туман наползал на поле, пряча дозорных от вражеских глаз. Теперь уже Дагу почти не требовалось зрение: он чуял вонь лагеря — запахи дыма, навоза, мочи, жарящегося мяса; Даг постарался не думать о том, чье мясо это может быть...

Даг продрался сквозь цепляющиеся кусты ежевики, стискивая зубы, когда в него вонзались безжалостные шипы; добравшись до сложенной из дикого камня стенки, ограждающей поле со стороны холма, он спрятался за ней и, пригибаясь, двинулся вдоль западной стороны ограды. Добравшись до новой заросли ежевики, он осторожно оглянулся. Луна вышла из-за облака, но крадущиеся дозорные ни разу не позволили ей озарить себя своим жидким светом.

«Молодцы, ребята!»

Половину расстояния они преодолели. Даг проскользнул сквозь безжизненные кусты туда, где мрак под деревьями скрывал подножие холма; остальные дозорные, растянувшись цепью, перебегали от тени к тени.

К ужасу Дага, откуда-то поблизости донеслось придушенное хрипение и звуки ударов. Он поспешно двинулся на звук. Кодо и Ханн навалились на фигуру, полускрытую опавшими листьями; Ханн уже вытащил свой боевой нож, но замер и оглянулся, когда Даг положил руку ему на плечо.

Кодо сидел на груди седого человека — раба-крестьянина, стоявшего на часах? — стискивая обеими руками горло брыкающейся жертвы.

— Ханн, скорее! — прошипел Кодо.

Даг коснулся плеча, Кодо и наклонился над пленником. Да, раб-крестьянин в оборванной одежде, с безумными глазами... Может быть, с ближайшей фермы или захваченный по дороге все увеличивающейся армией Злого. Крестьянин не был ни молод, ни силен; у Дага возникло смущающее воспоминание о Сорреле Блуфилде. Даг прицелился и несколько раз ударил пленника по голове; глаза у того закатились, и он перестал

вырываться. Сочные удары показались Дагу громкими, как барабанный бой.

— Проклятие, с перерезанным горлом он был бы спокойнее, — пробормотал Кодо, осторожно поднимаясь. — Нож надежнее.

Даг покачал головой и показал вперед. Место было неподходящим для споров, и дозорные молча стали подниматься на холм, однако Даг и без слов понял возражения — взгляд Ханна обжег его даже в темноте. Часовой с перерезанным горлом не мог бы через несколько минут прийти в себя и поднять тревогу.

«Ненавижу сражаться с людьми».

Из всех ужасов их долгой борьбы со Злыми самым жутким было похищение разума людей, которые должны были бы оставаться друзьями и союзниками Стражей Озера. Даже когда дозорные побеждали, они несли потери — вдоль их пути оставались трупы крестьян. «Мы все проигрываем».

Даг потряс ушибленной рукой.

«Это мог бы быть Соррел».

Чей-то муж, отец, свекор, друг...

«Ненавижу сражения! Ох, Фаун, как же я устал от этого!»

Безумные глаза крестьянина ясно говорили

о том, что он превращен в раба; Дагу не было нужды своим Даром прослеживать хватку Злого. Хоть они и не перерезали горло часовому, его мгновенный испуг мог послужить предупреждением... Нет, решил Даг, Злой скорее заметил бы шок смерти одного из своих рабов, чем его бессознательное состояние, которое можно принять за сон. Многое зависело от того, скольких людей приходилось контролировать Злому, на каком расстоянии они находились, какие задачи выполняли.

«Боги, пусть силы Злого окажутся напряжены до предела!»

Что бы Злой ни делал сейчас на вершине своей башни, Даг чувствовал, как тот высасывает Дар из окружающей природы; поток словно тек в земле под ногами Дага. У него родилась безумная мысль: вцепиться в струящуюся силу своей призрачной рукой и просто позволить ей поднять себя по склону.

Дозорные добрались до края вырубки, усеянной пнями деревьев, пошедших на сооружение башни и срубленных только накануне, как заключил Даг по все еще острому запаху свежей древесины. В тусклом свете луны он различил неповоротливые фигуры по крайней мере четырех глиняных

людей у подножия башни. Может быть, бывшие медведи или даже быки — большие, сильные, вонючие. Даг уловил, как пары дозорных, не дожидаясь приказания, выдвигаются вперед. Желудок Дага сжался, ему пришлось преодолеть приступ тошноты.

«Время очистить дорогу».

Из-за какого-то тихого звяканья или шелеста извлекаемого из ножен клинка голова одного из стражей повернулась в сторону дозорных; глиняный человек задрал рыло, с подозрением принюхиваясь.

Пора!

Даг не стал выкрикивать команду, он просто выхватил свой боевой нож и рванулся вперед, зигзагом обегая древесные пни. Его мысли сосредоточились на одном: убить глиняных людей, позволить своим вооруженным разделяющим ножами товарищам взлететь на башню — со скоростью смерти. Нет, быстрее! Даг кинулся на ближайшего глиняного человека, уклонившись от удара ржавым мечом, украденным бог знает где; тварь изо всех сил размахнулась снова, но клинок Дага рассек ее горло, и дозорный даже не потрудился уклониться от фонтана брызнувшей крови. Выпущенные другими воинами стрелы с

яростным свистом пролетели мимо Дага и вонзились в следующего глиняного человека; впрочем, тот упал не сразу, а, шатаясь, с ревом сделал несколько шагов вперед. Мари, зажав в зубах разделяющий нож, успела добраться до башни и начала карабкаться вверх. Из-за Угла башни метнулся Кодо и тоже полез к платформе. Еще один дозорный оказался у подножия, потом еще один... все двигались в сосредоточенном молчании. Двое оставшихся часовых уже неподвижно лежали на земле, и воины отряда окружили башню, чтобы защитить своих устремившихся наверх товарищей от отчаянно вопящих глиняных людей, которые стали сбегаться на выручку.

Темная фигура наверху зашевелилась и выпрямилась на фоне кобальтового неба, на котором между освещенными луной облаками сияли звезды. Четверо дозорных уже почти достигли платформы. Внезапно фигура пригнулась и прыгнула; пролетев двадцать футов по воздуху, Злой приземлился на согнутые ноги и тут же выпрямился — легко, как танцор, словно в нем не было семи футов могучих мускулов, жил и костей. Развернувшись, он оказался лицом к лицу с Дагом. Этот Злой был худощав, почти грациозен, и Дага поразило, каким красивым он выглядел в лунном

свете. Светлая кожа естественно облегала скульптурный череп; откинутые с высокого лба волосы темным потоком струились по спине. Похожее на человеческое тело Злого было укутано в украденную одежду — штаны, рубашку, сапоги, кожаный жилет Стража Озера, — которая каким-то образом казалась облачением древнего лорда. Как много линек и как быстро должен был претерпеть Злой, чтобы достичь такой человеческой — нет, сверхчеловеческой формы? Его великолепие не давало Дагу отвести глаз, и он почувствовал, как дрогнул его Дар; дозорный изо всех сил закрылся, стараясь не оставить ни щелки...

И тут же широко распахнул свой Дар, увидев, как Утау, выставив вперед разделяющий нож, с криком, шатаясь, рванулся к Злому. Даг почувствовал, как напрягся дозорный, когда тварь вцепилась в его Дар и начала рвать его на части. Даг вытянул левую руку и, в свою очередь, попытался призрачными пальцами вцепиться в Дар Злого. Краем глаза он увидел, как Мари, одной рукой держась за бревно башни, другой кинула разделяющий нож, и тот, вращаясь, полетел в руки Дирлы, рядом с которой в это мгновение не было глиняных людей.

Когда призрачной руке Дага удалось вырвать

кусок из Дара Злого, тварь с изумленным криком обернулась. Дагу вспомнился тот момент в шатре целителей, когда он рванул к себе Дар подмастерья Хохарии, но на этот раз ощущение было такое, словно он схватил пылающий уголь. Его охватил ужас, по левой руке разлилась боль. Даг попытался швырнуть вырванный кусок на землю, но он прилип к его Дару, как растопленный мед. Злой, в глазах которого была черная ярость, обеими руками потянулся к Дагу. Даг снова попытался закрыть свой Дар, но не смог. Он чувствовал, как крепнет хватка Злого, и задохнулся от невыносимой боли, которая, казалось, изливалась изнутри и заполняла его целиком; все его кости словно рассыпались на части одновременно.

И тут Дирла, вскочив на пень, вонзила разделяющий нож Мари в спину Злого.

Даг почувствовал, как Дар умирающего смешивается с его собственным израненным Даром, подобно хлынувшей в бурный поток крови, образующей вихрящееся красное облако. На мгновение он полностью разделил сознание Злого. Они были центром, от которого на мили раскинулся Дар всех существ мира, пылающий, как огонь; он увидел рдеющие ряды глиняных людей и рабов. Неразборчивый гул сотен — нет,

тысяч — этих мятущихся умов ворвался в гаснущее сознание Злого. На глазах Дага могучая воля Злого покидала несчастных, оставляя после себя темноту и растерянность. Нечеловеческий разум великой твари рвался к сознанию Дага, и Даг понял, что если Злому удастся поглотить его, Злой получит почти все, в чем нуждается, хоть и не освободится при этом от собственных стремлений и желаний.

«Он же совершенно безумен! И чем более острым становится его ум, тем более мучительным становится для него собственное безумие».

Это открытие было любопытным, однако бесполезным: Даг достиг конца своей способности дышать, способности видеть.

Злой вскрикнул; его голос странно взвился ввысь, как песня, достигнув неожиданной чистоты. Прекрасное тело, еще удерживаемое одеждой, начало распадаться, превращаясь в лужу крови и грязи.

Земля нанесла свирепый удар в спину Дага, звезды над головой закружились и погасли..

Фаун проснулась, как от толчка, и села в темноте на своей одинокой постели, ловя ртом воздух. Шок сотрясал ее тело, на нее накатил ужас. Был ли это шум или страшный сон? Никаких отзвуков

ее уши не уловили, в уме не было ускользающих видений. Не понимая, почему так колотится ее сердце, Фаун стиснула правой рукой тесьму на левом запястье. Охватившая Фаун паника была полной противоположностью спокойствию и открытости, благодаря которым она могла чувствовать Дага, но под свадебным браслетом вся рука Фаун горела огнем.

«С Дагом что-то случилось!»

Он ранен? Ранен тяжело?

Фаун поднялась и выбралась из шатра под молочные лучи ущербной луны, казавшиеся такими яркими по сравнению с непроглядной тьмой внутри шатра. Не теряя времени на то, чтобы накинуть что-нибудь поверх ночной рубашки, Фаун пересекла лужайку, морщась, когда сучки и камешки впивались в ее босые ноги. Только это неудобство не давало ей припуститься бегом.

Она помедлила у входа в шатер Каттагуса и Мари. После прошедших дождей ночной воздух был холодным, и Каттагус опустил полотнище, служившее навесом. Фаун похлопала по нему, как сделал Утау в тот предрассветный час, когда пришел будить Дага. Она попыталась определить время, оценив, высоко ли стоит над озером луна. Может быть, часа два после полуночи... Изнутри

не доносилось ни звука, и она снова похлопала по коже навеса, потом переступила с ноги на ногу, набираясь смелости проскользнуть внутрь и потрясти старика за плечо.

Прежде чем она это сделала, откинулось полотнище над входом в шатер Сарри; и темноволосая женщина выглянула наружу. Она помедлила, надевая сандалии, но, как и Фаун, не стала одеваться; ее ноги быстро прошлепали по земле между двумя шатрами.

— Ты тоже почувствовала? — тревожно спросила ее Фаун — почти шепотом, чтобы не разбудить детей, но тут же выругала себя за глупость — конечно, Сарри не могла ничего почувствовать через тесьму, завязанную на руке другой женщины. — Ты ничего только что не почувствовала?

Сарри покачала головой.

— Меня что-то разбудило, но что бы это ни было, все исчезло к тому времени, когда я проснулась полностью. — Ее правая рука тоже теребила тесьму на левой.

— Рази и Утау?..

— Они живы. Живы. По крайней мере это я знаю. — Сарри бросила на Фаун любопытный взгляд. — Ты разве что-то почувствовала? Ты же наверняка не могла...

Их прервало донесшееся из шатра кряхтенье. Каттагус плечом отодвинул полотнище, хмурясь и завязывая вокруг кругленького брюшка веревку, поддерживающую штаны.

— Что тут за переполох в лунном свете, девоньки?

— Фаун говорит, что она что-то почувствовала благодаря своей тесьме. Это ее разбудило. — Сарри неохотно добавила: — Я тоже проснулась, только ничего не было. Как Мари?

Тот же самый жест — правая рука тянется к браслету на левой... Каттагус безуспешно попытался за раздражением спрятать выражение беспокойства, потом покачал головой.

— С Мари все в порядке. — После недолгого размышления он добавил: — По крайней мере она жива. Что могут эти неугомонные дураки делать глубокой ночью? — Старик посмотрел на запад, как будто его взгляд мог проникнуть на сотню миль и найти ответ; однако такой подвиг был не под силу даже Стражам Озера, в чем Каттагус и признался, раздраженно фыркнув.

Обе женщины смущенно посмотрели в ту же сторону.

— Послушайте, — сказал Каттагус, словно пытаясь в чем-то их убедить, — раз Утау, Рази, Мари

и Даг все живы, дела у отряда не могут идти так уж плохо. Вы же знаете, как эта компания умеет первыми вляпываться в любую грязь.

Сарри хмыкнула, приняв это слабое утешение, как подумала Фаун, не только ради собственного успокоения, но и ради Каттагуса.

— Особенно Даг, — себе под нос пробурчал старик. — И о чем только думал Громовержец, когда поставил его во главе...

— Каттагус... — Фаун сделала глубокий вдох и протянула вперед руку, обвязанную тесьмой. — Я чувствую что-то странное. Можешь ты что-нибудь понять по браслету?

Седые брови Каттагуса поползли вверх.

— Вряд ли. — Все же он мягко положил пальцы на запястье Фаун. Губы Каттагуса шевельнулись, словно от изумления, потом сжались, придав лицу более сдержанное выражение. — Ну, жив он, это ясно. Раз жив, значит, Дар у него не вырван.

Еще какой-то секрет Стражей Озера, о котором никто не позаботился ее предупредить?

— Что значит — Дар не вырван?

Каттагус обменялся взглядами с Сарри, но прежде чем Фаун успела обреченно стиснуть зубы, смягчился и сказал:

— То же самое, что Злой около Глассфорджа

сделал с твоей дочуркой, как я понимаю. Только взрослый Страж Озера может сопротивляться, может закрыть свой Дар... если Злой еще неподвижен или не очень силен.

— А если силен? — забеспокоилась Фаун.

— Что ж... говорят, это быстрая смерть, только никакого шанса поделиться смертностью. — Каттагус сурово нахмурил брови. — Ты, девонька, не вздумай всю ночь воображать себе всякие ужасы. Твой-то парень жив, ведь верно?

Фаун трудно было представить себе Дага «парнем», но то, что Каттагус назвал Дага «ее парнем», согрело ей сердце; она прижала руку со свадебным браслетом к груди.

«Даг мой, да. А не какого-то проклятого Злого».

— Может быть, все уже кончилось, — тихо сказала Сарри. — Надеюсь, что так и есть.

— Когда мы узнаем? — спросила Фаун.

Каттагус пожал своими костлявыми плечами.

— Из Рейнтри хорошие новости дойдут дня за три, плохие — за два. Совсем плохие... ну, об этом мы можем не тревожиться. Ладно, отправляйтесь по постелям, девоньки. — Старик показал пример, нырнув в свой шатер, пыхтя и отдуваясь. Нарочно, подумала Фаун.

Сарри покачала головой, бессознательно копи-

руя своего раздраженного дядюшку, и вернулась к своему жилищу и своим спящим детям. Фаун медленно побрела к тесному шатру Блуфилд.

Она покорно улеглась, но о том, чтобы снова заснуть, нечего было и думать. Повертевшись некоторое время в постели, Фаун снова поднялась, достала веретено и пучок волокон кидальника и вышла наружу, чтобы в лунном свете, усевшись на свой любимый высокий пень, заняться делом. По крайней мере, так она могла извлечь какую-то пользу из своей бессонницы. Золотые бусины на браслете при движении постукивали ее по руке, и обычно это успокаивало, но сегодня Фаун казалось, что чьи-то пальцы выбивают дробь, вызывая смятение и неуверенность.

Фаун жалела, что не способна наложить защитное заклятие на нить, из которой будет соткана материя для штанов, как это вроде бы умели делать женщины из Стражей Озера. Она могла спрясть крепкую нить, соткать из нее прочную ткань, сделать надежные двойные швы. Она могла вложить в работу всю душу, но это даст всего лишь обычную защиту телу, какую дает любая одежда.

«Недостаточно».

Все те же смятение и неуверенность...

Ох, еще три дня, пока появятся новости.

«До чего же мне не по нраву такое ожидание!»

Бессилие и тревога были гораздо мучительнее, чем Фаун ожидала, она чувствовала себя совершенно выбитой из колеи.

«Сарри и Каттагусу ожидание нравится не больше, чем мне, это ясно, но ведь они не злятся по этому поводу, верно?»

Ее собственное беспокойство было таким угнетающим просто потому, что она к нему не привыкла. Фаун неожиданно почувствовала, что начинает лучше понимать угрюмость Стражей Озера. Заверения, которые она давала Дагу перед его отъездом, казались теперь неподобающе несерьезными и ну, если не глупыми, раз уж Даг запретил ей так о себе говорить, то несомненными проявлениями невежества.

«И теперь мне приходится учиться... опять. Преодолевать смятение и неуверенность».

Если Даг погибнет в дозоре... Взгляд Фаун скользнул по тесьме у нее на запястье, дававшей уверенность в том, что он еще жив, так что мысль о его смерти была, слава богам, только теоретической, и Фаун могла себе позволить обдумать такую возможность.

«Если с ним что-то случится, что будет со

мной?»

Как ни привлекателен был лагерь Хикори, Фаун знала, что корней здесь у нее нет. Хотя соплеменники Дага едва ли вышвырнули бы ее босой и голой, она не сомневалась, что Громовержец немедленно отправит ее обратно в Вест-Блу, да еще скорее всего в сопровождении дозорного, чтобы убедиться в ее прибытии туда. Таково, должно быть, его представление об ответственности. Но теперь и в Вест-Блу у Фаун не было корней: она оборвала их, пусть и с болью и угрызениями совести. Оборвала дважды... Делать это третий раз ей совершенно не хотелось. Если нельзя будет остаться в лагере, а возвращаться домой она не захочет...

То, что эта мысль показалась Фаун не такой уж пугающей, было, пожалуй, показателем того, как изменилась она за последний мучительный год. Существовал же еще и Глассфордж. Существовали Серебряные Перекаты за рекой Рейс, еще более привлекательный город, по словам Дага.

Существовал целый мир возможностей для вдовы, которая не была соломенной, женщины решительной и сообразительной. Фаун была практична. Она теперь знала, как ходить по незнакомым дорогам, — добралась же она до

лагеря Хикори. Ей не было нужды цепляться за Дага, как утопающая хватается за единственную ветку, чтобы ее не унесло потоком.

Все, казалось, чего-то хотели от Дага. Громовержец хотел, чтобы он оставался дозорным. Его мать желала, чтобы он доказал превосходство крови его рода, чтобы, наверное, подтвердить собственную значимость. Его брат Дор хотел, чтобы Даг ничем не выделялся, не отвлекал его от работы, покорно следовал правилам, чтобы братом можно было пренебрегать. Фаун не была уверена в том, что ей самой следует добавить к этому списку: она определенно хотела, чтобы Даг стал отцом ее детей, но этого же, похоже, хотел и сам Даг, так что такое желание, может быть, и не следовало считать обузой для него. Неужели никто не хотел, чтобы Даг оставался просто Дагом? Без всяких оправданий его существования, просто чтобы он был, как молочай или водяные лилии или... или летняя ночь, освещенная светлячками.

«Потом, оказавшись в каком-нибудь очень засушливом месте, мне удавалось выжить благодаря воспоминанию о том часе».

Тут Фаун пришлось перестать прясть — мешала серебристая пелена перед глазами. Она провела

рукой по горячим векам, чтобы стереть ее. Потом еще раз... Потом Фаун просто позволила слезам капать из глаз, уткнувшись головой в колени и прижимая тесьму ко лбу. Прошло много времени, прежде чем ей удалось успокоить дыхание.

«Сердце мое, мой лучший друг, мое утешение — в какую беду ты попал на этот раз?»

Рука под тесьмой все еще пульсировала, хотя уже слабее. Жив да, однако... Фаун могла быть просто крестьянкой без всякого намека на Дар, она могла быть во всех отношениях глупа; она могла не подозревать о тысячах уловок Стражей Озера, но в одном она была совершенно уверена.

Произошло что-то плохое. С Дагом что-то случилось.

Перед закрытыми глазами Дага плавало что-то красное, а не черное. Где-то снаружи был свет, то ли занимающийся рассвет, то ли согревающий огонь. Любопытства по поводу того, что именно, не хватало для того, чтобы заставить Дага поднять тяжелый груз, в который превратились его веки.

Даг помнил перепуганные голоса, помнил, как подумал, что должен встать и устранить причину этой паники, в чем бы она ни заключалась. Да, должен... Кто-то что-то кричал про Утау и о

том, что Рази — ну конечно, это должен был быть Рази — пытается воздействовать на Дар своего напарника. До него доносился голос Мари, резкий и испуганный: «Постарайся проникнуть! Проклятие, не хватало еще нам потерять командира!» Разве Громовержец здесь? Когда он прибыл? Кто-то еще простонал: «Не могу! Он слишком крепко закрыл свой Дар!», а потом: «Не могу... Боги, как же больно...» — и снова Мари: «Если больно тебе, подумай, каково ему!» В раздраженном голосе Мари не было ни капли симпатии, и Даг посочувствовал ее жертве, кто бы это ни был. Чьи-то судорожные вздохи: «Не могу, не могу, прости...» Тут испуганные голоса стихли, и Даг этому порадовался. Может быть, они все уйдут и оставят его в покое.

«Я так устал...»

Даг вздохнул и пошевелился; его глаза открылись сами собой. Ветви полузасохшего дерева четко рисовались на фоне бледной голубизны утреннего неба. Сбоку плясали оранжевые языки большого костра, распространяющего восхитительное тепло. И рассвет, и пламя: вот как решалась загадка. С другого бока между Дагом и небом возникло лицо Мари, и ее сухой голос произнес:

— Пора, пора тебе доложить о готовности нести службу снова, дозорный.

Даг попытался пошевелить губами. Рука Мари легла ему на лоб.

— Я шучу, Даг. Ты просто лежи. — Рука Мари переместилась и стиснула его пальцы — кажется, под одеялом. — Наконец-то ты согрелся. Это хорошо.

Даг сглотнул и наконец нашел куда-то запропавший голос:

— Сколько?

– А?

— Сколько погибло? Прошлой ночью? — Если считать, что схватка со Злым произошла прошлой ночью... Он путался в днях и раньше, в сходных — неприятных — обстоятельствах.

— Ну вот, раз уж ты снова строишь скорбное лицо, скажу тебе: ни одного.

Этого не могло быть. Саун... что с Сауном, который оставался с лошадьми? Даг представил себе, как на мальчишку в темноте напали глиняные люди. Один, окровавленный, окруженный со всех сторон...

— Саун!

— Я здесь, командир. — Над плечом возникло лицо встревоженного, но улыбающегося Сауна.

Значит, то была галлюцинация или сон... а может быть, галлюцинация или сон то, что он видит теперь? Как тут разобраться? Дагу удалось вдохнуть достаточно воздуха, чтобы спросить:

— Что произошло?

— Дирла разделалась со Злым, — начала рассказывать Мари.

— Это я видел. Видел, как ты бросила ей нож. — Нож из кости ее сына... Дагу удалось облизнуть губы. — Не думал, что ты когда-нибудь выпустишь его из рук.

— Ну да. Я вспомнила твой рассказ о том, как ты и та крестьянская девчушка прикончили Злого под Глассфорджем. Дирла была ближе к твари, которая все внимание сосредоточила на Утау. Я воспользовалась подвернувшейся возможностью.

— Утау! — испуганно повторил Даг. Да, ведь Злой пытался вырвать Дар Утау...

Мари сквозь одеяло сжала его плечо.

— Злой задел его, ясное дело, но Рази привел его в чувство. А вот ты — никогда я еще не слышала, чтобы человек выжил после того, как Злой вцепился в его Дар. Никогда не видела, чтобы человек выглядел как труп, но все еще дышал.

— Попьешь? — предложил Саун, просовывая

руку под плечи Дага, чтобы приподнять его.

«Ох, прекрасная мысль!»

Пусть это была несвежая вода из бурдука, но она была восхитительно мокрая! Самая мокрая вода, какую он когда-либо пил, решил Даг.

— Спасибо. — Через мгновение Даг спросил: — Скольких мы потеряли?

— Ни одного, Даг, — радостно ответил Саун. Мари нахмурилась. — Продолжай.

— Ну после этого все закончилось, если не считать криков — их-то, как всегда, хватало, — сказала Мари. — Я послала две пары дозорных за Сауном и лошадьми, а остальных поставила на всякий случай охранять лагерь. Четверых недавно отправила отдыхать. — Мари кивнула на грязные неподвижные фигуры, растянувшиеся у костра на одеялах. Даг приподнял голову, чтобы посмотреть на них. Рядом с одним из спящих сидел, скрестив ноги, Рази; он устало улыбнулся, когда Даг слегка помахал ему рукой.

— А что с бывшими рабами — крестьянами?

— Их тут было не так много, как мы думали. Похоже, Злой отправил большинство рабов и глиняных людей через лес, чтобы они на рассвете напали на город на северо-западной окраине Крестьянской равнины. Думаю, сегодня утром

там начался переполох. Только боги знают, что эти несчастные подумали, когда рассеялся туман, в который Злой погрузил их разум, а глиняные люди разбежались. Я не особенно присматривала за теми, кого мы нашли здесь, хотя их лагерь мы проверили и посоветовали не пытаться добраться до дому в одиночку; только большинство из них уже отправились искать друзей и родных.

Такое можно понять и даже одобрить... Может быть, это и трусость, но Дагу совсем не хотелось, кроме всего прочего, разбираться этим утром с обезумевшими фермерами. Пусть Стражи Озера из Рейнтри позаботятся о своих подопечных.

Даг нахмурил брови.

— Скольких мы потеряли прошлой ночью?

Мари втянула воздух и наклонилась, чтобы посмотреть Дагу в лицо.

— Даг, ты что, меня совсем не слушал?

— Конечно, слушал. — Даг выпростал левую руку из-под одеяла и помахал крюком. — Сколько пальцев я поднял? — Только оказалось, и это очень встревожило Дата, что ответа на этот вопрос он не знает.

Мари раздраженно закатила глаза. Саун, добрая душа, очень мило смутился.

— Мы все еще ничего не знаем о тех Стражах

Озера, которых оставили в Боунмарше, — робко проговорил Саун.

Мари бросила на него гневный взгляд.

— Саун, не смей снова приставать с этим к Дагу.

Да, вот это и был недостающий кусочек головоломки, то, что он так отчаянно пытался вспомнить. Даг вздохнул с облегчением, хоть тревога никуда и не делась.

— Мы пока ничего не слышали от Обайо и его отряда, — сказала Мари, — но для этого еще и времени не было. Они могли уже несколько часов назад добраться до Боунмарша.

— Они могли поехать другой дорогой, — упрямо стоял на своем Саун.

Похоже, наступал ясный день. Люди, связанные и оставленные на солнце в такую жару, без воды и пищи, могли погибнуть удивительно быстро, даже если не считать шока, который вызвало исчезновение власти Злого над их Даром. Если хотя бы одному пленнику удалось освободиться, он наверняка освободил остальных, но что, если никому не удалось... Пульсирующая боль, как в кошмаре, вновь пронзила затылок Дага.

— Нам нужно вернуться в Боунмарш.

Саун горячо закивал.

— Я поскачу вперед.

— Никуда ты в одиночку не отправишься, — резко оборвала его Мари.

— Я оставил их вчера, — пробормотал Даг. — Точно, я сосчитал. А сегодня я могу вернуться. — Да, и как можно скорее. — Что-то было там не так, я это понял, но времени у не было, и это я понимал тоже. Я должен туда вернуться.

«Достаточно жертв для одного Злого, вполне достаточно».

Мари села на пятки и с сомнением посмотрела на него.

— Вот что, Даг, заключим пари: если ты без посторонней помощи взгромоздишь свое глупое тело на своего глупого коня, я позволю тебе ехать. Если нет, ты останешься здесь.

Даг криво улыбнулся.

— Ты проспоришь. Саун, помоги мне сесть.

Юноша снова обхватил его за плечи. Когда Даг поднялся на ноги, у него потемнело в глазах, но ему каким-то образом удалось не подать виду.

— Вот видишь, Мари? Спорю: на мне нет ни единой отметины.

— Ты так зажал свой Дар, что он у тебя занемел. Не говори мне, что ты не пострадал внутри.

— Какие при этом ощущения? — почтительно

поинтересовался Саун. — Когда разрывают Дар, имею я в виду?

Даг прищурился, потом решил, что Саун заслуживает честного ответа.

— По правде сказать, чувствуешь себя так, как будто потерял много крови. Ни в одном месте особенно не болит. — Просто болит всюду. — Должен признать, что я не в лучшем виде.

Мари фыркнула.

Если поесть, может быть, появятся силы на то, чтобы... поесть. Хм-м...

Мари ушла, чтобы заняться менее несговорчивыми дозорными, и Саун, которому так же не терпелось добраться до пострадавших Стражей Озера в Боунмарше, как и Дагу, занялся тем, чтобы привести его в более бодрое состояние. Пока Саун кормил его, Даг договорился с Мари и Кодо о том, чтобы разделить отряд: шестеро должны были отправиться на поиски Стражей Озера из Рейнтри и сообщить им об убийстве Злого, а остальные дозорные могли сопровождать Дага и, если повезет, соединиться с основными силами в Боунмарше.

Даг несколько слукавил и залез на пень, чтобы сесть в седло. Мари, садясь на своего коня, пристально на него посмотрела, но промолчала.

Копперхед был слишком измотан, чтобы фокусничать, и это было удачно, потому что бороться с ним у Дата сил не было. Он позволил Сауну скакать впереди; на этот раз они продвигались быстрее, поскольку уже рассвело и не стало необходимости таиться, да и дорога была известна, но все же не очень быстро из-за того, что все были ужасно усталыми. Даг несколько раз терял сознание, но ему удавалось притвориться, будто он просто дремлет в седле, как это было в обычае у дозорных. Утау, тяжело опиравшийся на луку, выглядел почти таким же обессиленным, как сам Даг; за ним зорко присматривал Рази.

Даг позволил своему Дару оставаться закрытым, как тому, по-видимому, хотелось; это напомнило ему о том, как идет, скособочившись, раненый, оберегая свою рану. Может быть, как и с потерей крови, исцеление придет просто со временем, если дать себе отдых. Даг попробовал пошевелить своей призрачной рукой, но у него ничего не получилось.

Мысль о привязанных к деревьям мастерах, которых он так безжалостно бросил накануне, не покидала его затуманенный разум. Даг попытался найти в памяти что-то, что могло храниться в сознании Злого, в которое он на мгновение

проник, но обнаружил только полную неопределенность. Судьба пленных Стражей Озера висела на тонкой нити, как жестокая месть отсутствующих богов Дагу за то, что он посмел надеяться. Если только...

«Если только мне удастся за время своего начальствования над эскадроном никого не потерять, я мог бы остановиться».

Если бы ему удалось уравновесить тяжкий груз Волчьего перевала... Даг не был уверен в своей арифметике смертей.

«В конце концов никого не останется в живых, и ты это знаешь».

Всадники спустились в каменистое ущелье, по которому тек ручей, и позволили коням напиться. Даг мог поклясться, что у этого брода они были меньше двенадцати часов назад, но направлялись в противоположном направлении. Не обращая внимания на головокружение, он направил Копперхеда вперед, сквозь жаркое летнее утро.

12

Даг понял, что они приближаются к Боунмаршу, по возросшей сырости земли и воздуха и по замеченному краем глаза блеску воды, когда между деревьев проглянул заливной луг. Весь последний час Даг тупо таращился на жесткие рыжие волосы гривы Копперхеда, но теперь поднял глаза, услышав, как Саун выругался и ударил пятками своего усталого коня, заставив его перейти на галоп. В безжизненную пустошь, в которую превратились окрестности Боунмарша, вернулась некоторая жизнь: несколько стервятников кружили в воздухе — их похожие на пальцы перья на концах крыльев ни с чем нельзя было спутать. Желание последовать за Сауном тут же угасло: ни сам Даг, ни Копперхед сейчас не были способны на большее, чем легкая рысь — тряска была бы невыносима для покрытой синяками спины всадника. И к тому же ему не хотелось видеть... Так что Даг позволил коню трусить, как трусил.

Когда они приблизились к южному краю болота, Даг выпрямился, глядя вперед с настороженной надеждой. Стервятники кружили над

лесом за селением, не над болотистой низиной у берега. Может быть, они просто нашли непогребенные остатки пиршества глиняных людей. Может быть...

Остальные дозорные свернули на идущую к берегу тропу, и Даг с колотящимся сердцем вытянул шею, чтобы лучше видеть. К тонким стволам деревьев были привязаны несколько лошадей, и конь Сауна теперь тоже оказался среди них. Значит, отряд Обайо добрался сюда, хорошо! По крайней мере часть воинов... достаточная часть. Даг увидел перемещающиеся в тени фигуры, но тут его сердце снова сжалось: на земле он заметил несколько длинных бугров. Он не мог еще разглядеть, закрыты лица лежащих или нет.

«О боги, пусть это будут свернутые одеяла, а не саваны...»

Может быть, отряд только что прибыл? Наверняка первым делом следовало бы переправить спасенных из этого осквернённого селения в более здоровую местность. Однако Обайо, слава отсутствующим богам, здесь: вон он, идет к ним и приветственно машет рукой.

— Даг! — воскликнул Обайо. — Ты здесь, да будут благословенны отсутствующие боги! — В его голосе прозвучало что-то большее, чем про-

сто радость от того, что он видит Дага живым. Судя по потрясенному выражению лица, Обайо столкнулся с трудностями и теперь отчаянно искал кого-нибудь, на кого можно свалить ответственность.

«Один из нас слишком рано благодарит отсутствующих богов, мне кажется».

Даг постарался открыть оба глаза разом и выпрямить спину. По крайней мере сил, чтобы спешиться, ему хватит, а уж потом он долго, долго не сядет в седло. Даг соскользнул на землю и ухватился за стремя, отчасти чтобы преодолеть головокружение и привыкнуть к стоячему положению, отчасти потому, что не мог вспомнить, что собирался сделать.

Встревоженный голос Сауна вернул его в настоящее.

— Ты должен это увидеть, командир!

Даг повернулся и облизнул губы; ему с трудом удалось выдавить из себя:

— Сколько? Сколько мы потеряли? — Он чувствовал, что вот-вот расплачется, и боялся испугать Сауна своей слабостью. Он хотел объяснить, успокоить парня: «Такое с людьми иногда случается после... Ты со временем привыкнешь...», но Саун продолжал бормотать:

— Все, кого мы нашли вчера, живы. Только теперь возникла новая проблема.

В смутной надежде отсрочить неприятности хоть еще немного, подобно человеку, натягивающему на голову одеяло, когда его будят бесцеремонные товарищи, Даг моргнул и спросил Обайо хриплым от усталости голосом:

— Когда вы сюда добрались?

— Вчера вечером.

— И где теперь все?

— Мы разбили лагерь примерно в миле на восток отсюда. — Обайо показал на далекие зеленеющие деревья. — Я дал ребятам отдых вчера утром и тем временем послал следом за вами разведчиков. В середине дня мы двинулись дальше, чтобы, знаешь ли, на всякий случай сократить расстояние... К вечеру я начал тревожиться: разведчики не вернулись, а дозорные на флангах наткнулись на парочку глиняных людей. Они, конечно, с ними быстро разделались, о стало ясно, что ты не добрался до Злого тогда, когда планировал.

— Нет, не добрался. Это случилось позднее. Часа через два после полуночи, примерно в двадцати милях на юг отсюда.

— Так нам Саун только что и сказал. Только

если... Знаешь, тут Грифф, тот разведчик, который это обнаружил... Пусть сам и расскажет.

Растерянный паренек примерно возраста Дирлы вышел вперед и кивнул Дагу. Грифф уже десять лет служил в дозоре и, на взгляд Дага, был рассудительным и надежным, и это делало его взъерошенный и безумный вид тем более тревожным.

— Видят боги, Даг, как же я рад, что ты здесь!

Даг с трудом удержался от того, чтобы не поморщиться, и положил руку на спину Копперхеду, втайне надеясь найти опору.

— Что случилось? Расскажи с самого начала, — предусмотрительно добавил он, заметив еще усилившуюся растерянность молодого дозорного.

Грифф сглотнул и кивнул.

— Мы — две пары разведчиков — добрались до Боунмарша вчера к концу дня. Мы легко проследили путь твоего отряда. Мы решили... точнее, надеялись, что Злой переместился дальше, а вы последовали за ним. Потом мы нашли этих Стражей Озера — мастеров, — привязанных к деревьям... — Грифф бросил взгляд через плечо, — и тут подумали, что вас, может быть, тоже захватили.

«Вы так решили, потому что хорошие дозорные не бросают в беде своих? Ты очень милосерден, Грифф».

— Нет. Мы оставили их связанными и поехали дальше. — признался Даг.

Грифф расправил плечи; к изумлению Дага, на лице его было написано не презрение и ужас, а уважение.

— Как вы узнали про западню? — серьезно спросил парень.

Что? Западня? Даг покачал головой.

— Я ничего не знал; мы принесли их в жертву из чисто тактических соображений. Я не хотел рисковать: если бы мы помогли пленникам, Злой был бы предупрежден о том, что дозорные идут по его следу и уже подобрались совсем близко.

— Ты сказал, что там что-то не так, — хмурясь, поправил его Саун. — И еще велел тщательно закрывать свой Дар, когда мы прикасались к беднягам.

— Это вовсе не было следствием моей догадливости, Саун. Продолжай, Грифф.

— Мы поняли, что Дар пленников скован — иначе и быть не могло. Так что Маллора стала делать то, что делают обычно в таких случаях — потянулась собственным Даром и попыталась

вывести их из транса. Только вместо этого получилось наоборот: ее саму затянуло. У Маллоры закатились глаза, и она рухнула на землю. Зародыши глиняных людей в своих ямах, — Грифф показал в сторону низины, — когда это случилось, затрепыхались и стали странно булькать. Мы даже подскочили — уже наступили сумерки, а мы до того момента даже и не замечали, какая вокруг стоит тишина. Напарница Маллоры, Брин, запаниковала, мне кажется; она попыталась привести Маллору в чувство, и ее засосало тоже. Я оттащил своего напарника, Орнига, прежде чем он прикоснулся к Брин.

Даг на всякий случай кивнул, но это не помогло: лицо Гриффа скривилось в гримасе отчаяния.

— Иногда зимой в Лутлии такое случалось, — пробормотал Даг. — Кто-нибудь проваливался под лед, а друзья или родичи пытались вытащить беднягу и проваливались сами… один за другим, вместо того чтобы бежать за помощью или за веревкой. Впрочем, предусмотрительные дозорные зимой всегда носили обмотанную вокруг пояса веревку, так что если кто-нибудь проваливался под лед… ладно, не важно. Труднее всего в таких случаях бывало тому, кто останавливался. Держу пари: старшие дозорные поняли, что к чему.

Грифф сморгнул слезы и благодарно склонил голову. Сглотнув, чтобы справиться с голосом, он продолжал:

— Мы с Орнигом договорились, что он останется, а я отправлюсь за помощью. Как же я мчался! Только лучше бы остался я, потому что когда мы добрались сюда, веревки на пленниках были разрезаны — Орниг, должно быть, пытался уложить их поудобнее, — но сам Орниг лежал на земле. Он, наверное, попытался что-то сделать... — Помолчав мгновение, Грифф добавил: — Понимаешь, он неравнодушен к Брин.

Даг понимающе кивнул и отошел от Копперхеда, чтобы лучше разглядеть: что же происходит среди деревьев. Если бы еще удалось найти ствол, на который можно опереться... не на медичию, конечно, каждая веточка которой ощетинилась грозными тройными шипами. Рука Дага нащупала подходящую ветку молодого деревца дикой вишни. Ухватившись за нее, он огляделся. Между одеялами, расстеленными там, где земля была посуше, двигались трое или четверо дозорных, среди которых Даг узнал лучшую целительницу отряда. Даг насчитал восемь неподвижных тел.

«Все больше наших подвергается опасности...»

Впрочем, кто-то уже разжег костер и что-то

кипятил в котелке — воду для питья или целебный отвар.

Все это хорошо, но все равно в открывшейся Дагу картине было что-то неправильное... ох, вот что!

— Почему вы не перенесли их прочь с этой осквернённой земли?

За то время, что Грифф рассказывал, Мари, Дирла и Рази успели спешиться и окружили Дага, внимательно слушая. Рази все еще держал поводья коня Утау; тот щурился от света, с трудом удерживаясь в седле. Даг подумал, что пострадавший дозорный вряд ли воспринимает то, что слышит.

— Мы пытались, — ответил Обайо. — Но только стоит унести кого-нибудь из них больше чем на сотню шагов отсюда, они перестают дышать.

— Ну и затряслись вы, должно быть, когда такое обнаружилось, — сказала Мари.

— Еще бы, — горячо согласился Обайо. — К тому же в темноте, в середине ночи...

— И если убить кого-нибудь из глиняных людей там, в норах, наши начинают стонать во сне, — мрачно добавил Грифф. — Проклятие, такое слушать не слишком-то приятно. Так что мы больше этого не делаем.

— Я-то думал, — сказал Обайо, — что если... когда Злого уничтожат, его власть над Даром лопнет сама собой. Я собирался оставить нескольких человек присматривать за пострадавшими, а отряд вести дальше, как только вернулись бы разведчики и стало ясно, что нужно делать дальше. Только... вы говорите, что и без нашей помощи прикончили Злого, а Дар этих бедолаг все еще скован.

— Злого убила Дирла, — сказал Даг, — разделяющим ножом Мари. Твой первый личный успех, да, Дирла? — Какой позор, что поздравления, которых девушка заслужила, оказались оттеснены на задний план этим новым несчастьем...

Дирла рассеянно кивнула. Хмурясь, она смотрела мимо Дага на распростертые на одеялах тела.

— Может быть, Злых было больше? И поэтому связь с пленниками прошлой ночью сохранилась?

Даг попытался логически обдумать такую ужасную возможность, но его мозг, как ему показалось, успел уже превратиться в кашу. Внутреннее чувство говорило «нет», но объяснить словами, почему это так, Даг не смог бы ни за что на свете.

Ему на помощь пришла Мари.

— Нет, наш Злой обратил бы все силы на борьбу со вторым вместо того, чтобы гоняться за фермерами и Стражами Озера. Злые не объединяются друг с другом — они друг друга едят.

Что ж, это верно.

«Только дело в чем-то другом».

— Я так и думала, — сказала Дирла, — только почему тогда наши не освободились, когда Злой подох, как бывает с крестьянами и глиняными людьми?

Вот это-то и сводит с ума... Стражи Озера... должно быть, дело в том, что все пострадавшие — Стражи Озера.

— Ладно, — вздохнул Даг. — Я вот что думаю. Вчера нам удалось напоить этих бедняг. Если мы сможем вливать в них воду и какую-то пищу — жидкую кашу, суп, — может быть, нам удастся выиграть немного времени.

— Мы это и делаем, — сказал Обайо.

«Да будет благословенна ваша догадливость».

Даг кивнул.

— Выиграем время на размышления. Пока будем настороже, дождемся возвращения разведчиков — вот тогда и решим, что делать. Может быть, разделим отряд — часть отправим помогать жителям Рейнтри навести порядок, а остальных

— сразу же домой, чтобы на Олеану не свалилась такая же беда из-за нехватки у Громовержца людей для дозора.

Ползучая паника из-за этого неестественного положения среди и так уже встревоженных Стражей Озера была явно заразительной. Даг и сам не смог бы сказать, вызвано ли его болезненное беспокойство состоянием жертв Злого или ухаживающих за ними дозорных.

— Проклятие, хотел бы я, чтобы здесь была Хохария. Она все время имеет дело с Даром. Может быть, она сообразила бы, что делать. — С тем же успехом Даг мог бы пожелать, чтобы стая стервятников спустилась вниз, подхватила его и отнесла домой. Он вздохнул и окинул взглядом своих измученных унылых товарищей.

— Все, кто участвовал в нападении на Злого, свободны. Отправляйтесь в лагерь — поешьте, отоспитесь, вымойтесь. Утау, ты числишься среди пострадавших, пока я не решу, что ты в норме. — Вот и еще одно основание пожалеть об отсутствии умелого целителя...

Утау нашел в себе силы проворчать:

— Это мне нравится! Хоть Злой и поцарапал меня, тебя-то он поцарапал не в пример сильнее! Я знаю, как плохо мне, и понять не могу, почему

ты до сих пор на ногах?

Вникать в этот вопрос Дагу не захотелось бы, даже если бы его голова еще работала. До него только теперь дошло, что Утау оставался единственным, кроме него самого, дозорным, чей Дар был открыт, пусть и не по его воле, в тот момент растерянности и ужаса прошлой ночью, когда Даг и Злой оказались соединены. Что тогда уловил Утау? Явно не безнадежную попытку Дага, в свою очередь, разорвать Дар твари. Даг решил пойти на уступку.

— Пока Рази не скажет, что ты в порядке. — Рази ухмыльнулся и с признательностью помахал рукой; Утау фыркнул. — Я и сам собираюсь вскоре прилечь, — добавил Даг.

— Здесь, на осквернённой земле? — с сомнением протянул Саун.

— Я не хочу оказаться в миле отсюда, если что-нибудь неожиданно изменится.

Мари потянула Сауна за рукав и шепнула:.

— Если уж он добровольно соглашается лечь, не спорь с ним по мелочам. — Мари многозначительно кивнула Сауну на Дирлу, и тот, словно внезапно прозрев, подошел к девушке.

— Прошлой ночью я спал больше, чем ты, Мари, — сказал Даг.

— Не знаю, Даг, что было прошлой ночью, когда ты свалился, но сном это уж точно не было. По крайней мере спящего человека можно разбудить.

— Погодите, о чем это вы? — спросил Обайо.

Утау выпрямился, опираясь на луку седла, и насмешливо посмотрел на Дага.

— Прошлой ночью Злой почти вырвал мой Дар. Даг вмешался и заставил Злого переключиться на него.

— Злой тебя порвал? — спросил Обайо, брови которого полезли на лоб.

— Немного, — признал Даг.

— Разве это не похоже на то, чтобы немножко умереть?

— Кажется.

Обайо неуверенно улыбнулся, заставив Дага подумать о том, насколько он сейчас похож на труп. Красавчиком он не выглядит, это уж точно. Сделал бы его вид глаза Фаун все равно счастливыми?

«Бьюсь об заклад: сделал бы».

Ему представилась яркая картина: какая радость расцветет на лице Фаун, когда он подойдет к их шатру после окончания всего этого... Выронит ли она работу из рук, чтобы кинуться в

его объятия? Это была первая приятная мысль, посетившая его за последние часы. Да что там часы — дни. Даг подумал, что он, кажется, заснул стоя, но тут чей-то голос разрушил сладкий образ, и тот утек, как вода между пальцев. Даг почти вскрикнул, пытаясь вернуть сновидение... но вместо этого заставил себя глубоко вздохнуть и прислушаться.

— ...Могу послать гонцов с новостями, — говорил Обайо. — Хотелось бы предупредить Громовержца, пока он не отправил новые подкрепления.

— Да, конечно, — пробормотал Даг.

Дирла о чем-то шепталась с Мари; тут она подняла голову и сказала:

— Я хотела бы вызваться для этого добровольцем, сэр. «Ты сейчас не на посту», — хотел возразить Даг, но сообразил, что такое задание позволит Дирле раньше всех вернуться домой. Даже более того — она ведь была свидетельницей гибели Злого, и не только свидетельницей. Если послать Дирлу, Дагу в его затуманенном состоянии не придется писать отчет: она сможет все рассказать Громовержцу.

— Ты разделалась со Злым. Ты можешь делать все, что хочешь, Дирла.

Девушка весело кивнула.

— На это я и рассчитывала.

Обайо, прищурившись, сказал:

— В таком случае я знаю, кого послать в паре с Дирлой: туг у одного парня жена собралась рожать, когда мы уезжали. Если будет на то милость отсутствующих богов, может, она еще не разрешилась от бремени.

«Так Громовержец узнает и о делах второй части отряда. Это хорошо».

— Прекрасно, — согласилась Мари. — Уж этот гонец не станет медлить, а?

— Нужно позаботиться о свежих лошадях... — начал Даг.

— Мы этим займемся, Даг, — пообещал Рази.

— Ладно. Ладно, — все это было рутиной. — Дирла, передай Искорке... скажи всем, что мы скоро вернемся.

— Ясное дело, командир.

Обайо помог Мари снова сесть в седло, и она повела дозорных, за исключением Дирлы и Сауна, к лагерю и обещанному отдыху. Чтобы подбодрить Обайо и Гриффа, Даг притворился, что осматривает все в роще и в болотистой низине, — впрочем, осмотр особой пользы не принес: Дар Дага все еще был накрепко закрыт.

— Вчера тут была умершая женщина, — начал Даг, обращаясь к Обайо. Тот понимающе кивнул.

— Мы освободили ее от веревок, завернули в одеяло и отнесли в один из шатров. Я надеюсь, что кто-нибудь из жителей Боунмарша объявится и опознает ее, прежде чем нам придется ее похоронить. Правда, при такой жаре откладывать дольше, чем до завтрашнего утра, не получится.

Даг склонил голову и двинулся дальше.

Смотреть на изуродованных животных в их глиняных колыбелях было так же противно, как и накануне. Пятеро выживших пленников и трое дозорных, попавшихся в непонятную западню, теперь по крайней мере не испытывали физических лишений; их устроили насколько возможно удобно на одеялах в тени, где они не страдали от жары. Остальные дозорные по очереди ухаживали за ними: приподнимали и вливали во рты воду и жидкую пищу; все они, как понял Даг, делали это, крепко закрыв Дар.

Помимо того, что странная ловушка для Дара представляла опасность сама по себе, Даг испытывал непонятное предчувствие: если бы он приоткрыл свой Дар, это было бы все равно что снять повязку с раны в животе — внутренности могли бы вывалиться наружу. Оглянувшись, он

заметил, что Саун и Дирла расседлали Копперхеда и расстелили одеяло в сухом местечке, очистив его от мусора. Они не спали так же долго, как и он сам; проклятие, как им удается оставаться такими бодрыми? Ах, эта молодежь... Как только его зад коснулся одеяла, Даг понял, что снова не встанет. Он сидел, мрачно глядя на свои зашнурованные сапоги; память перенесла его на кухню той фермы, где они с Фаун оказались после того, как убили Злого.

Он все еще смотрел на сапоги, когда Саун опустился на колени и взялся за один сапог, а Дирла — за другой. Это было явно проявлением... чего-то — раз он им такое позволил.

— Принести тебе чего-нибудь поесть? Или воды? — спросила Дирла.

Даг покачал головой. Еще по дороге он сжевал несколько ломтей сушеного кидальника, полагая, что так решит разом две надоедливые проблемы: утолит голод и не даст себе заснуть. Сейчас ему не хотелось есть. Ему ничего не хотелось. Саун аккуратно поставил рядом его сапоги и, прищурившись, оглядел безмолвное пустынное болото.

— Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем сюда вернется жизнь? Столетия?

— Сейчас все выглядит ужасно, — сказал Даг,

— но Злой пробыл здесь всего несколько дней, так что опустошение не проникло глубоко. На выздоровление уйдет самое большее несколько десятилетий. Природа возьмет свое, может быть, не при моей жизни, но при твоей — наверняка.

Саун обменялся загадочным взглядом с Дирлой.

— Принести тебе... Хоть чего-нибудь ты хочешь, командир?

«Я хочу Искорку». Позволить себе такую мысль было ошибкой, потому что она немедленно вызвала почти физическую боль в сердце — как будто в его теле был хоть какой-то орган, который бы не болел... Вслух Даг сказал другое:

— С какой это стати я вдруг стал командиром? Ты обращаешься ко мне «Даг», я к тебе — «Эй, парень!». До сих пор этого было достаточно.

Саун застенчиво улыбнулся, но ничего не ответил. Они с Дирлой двинулись прочь, и Даг уснул еще до того, как они покинули рощу.

Фаун, которой не удавалось уснуть почти до рассвета, проснулась поздно, чувствуя себя так, словно ее избили палками. Чай с мятой и кидальник не особенно оживили ее. Фаун занялась следующим определенным ею для себя делом: стала вязать фитили из нити, которую спряла

из волокна кидальника, для восковых свечей, заняться изготовлением которых собиралась Сарри. Через час такого занятия глаза у нее начали слезиться, а пульсирующий жар в левом запястье стал такой же досадной помехой, как и головная боль. Чувствовала ли она собственное сердцебиение или сердцебиение Дага?

« По крайней мере его сердце все еще бьется».

Фаун отложила работу, прошла по дороге до того места, где начиналась тропа, ведущая к рабочей хижине Дора, и остановилась в нерешительности.

«Даг — его брат. Дор не должен остаться равнодушным».

Это обстоятельство Фаун обдумывала, вспоминая собственных братьев. Как бы ни сердилась она на них, разве не отбросила бы она свою досаду, если бы они были ранены или нуждались в помощи? Да, отбросила бы — ведь именно для этого и существует семья, как она считала. Родственники объединялись в случае беды; жаль, конечно, что этого не случалось в остальное время. Фаун расправила плечи и вошла под зеленую сень деревьев.

На краю освещенной солнцем лужайки она снова помедлила. Если она и в самом деле разгу-

ливает с распахнутым для любого взгляда Даром, как обвиняла ее Камбия, Дор должен уже знать о ее приходе. Из-за угла хижины доносились голоса; значит, Дор не погружен в какую-то свою некромантию. Фаун двинулась дальше и нашла Дора сидящим на ступеньке крыльца; рядом с ним сидела пожилая женщина в обычном легком летнем платье с волосами, стянутыми в узел. Дор держал в руке разделяющий нож. Он раздраженно вздохнул и поднял на Фаун глаза, неохотно мирясь с ее приходом.

Фаун прижала к груди левое запястье, словно пытаясь его защитить.

— Доброе утро, Дор. У меня есть к тебе вопрос.

Дор хмыкнул и поднялся на ноги; женщина, бросив на Фаун любопытный взгляд, встала тоже.

— Что там у тебя? — спросил Дор.

— Это личное дело. Я могу прийти позже.

— Мы как раз заканчиваем. Подожди. — Дор повернулся к женщине и взвесил в руке нож.

— Я за день могу освободить его от заклятия. Если хочешь, приходи вечером.

— Хорошо. Или завтра утром.

— Завтра утром я должен заняться другим ножом.

— Тогда я приду вечером. После ужина можно?

— Годится.

Женщина деловито кивнула и двинулась прочь, но помедлила рядом с Фаун, оглядывая ее с ног до головы. Брови ее поползли вверх.

— Так, значит, ты и есть знаменитая новобрачная — крестьянка?

Фаун, которой не удалось по тону незнакомки понять, как та к ней относится, ограничилась безопасным книксеном. Женщина покачала головой.

— Ну, Дор, твой брат... — С этим туманным высказыванием она ушла.

Судя по недовольной гримасе Дора, он извлек из слов женщины больше информации, чем смогла Фаун. Фаун не обратила на это внимания: у нее в данный момент был более неотложный повод для тревоги. Она осторожно приблизилась к Дору, словно опасаясь, что он ее укусит. Дор положил нож на доски крыльца и насмешливо посмотрел на Фаун.

Фаун слишком нервничала, чтобы сразу приступить к делу; вместо этого она спросила:

— Зачем приходила та женщина?

— Ее дед неожиданно умер во сне несколько недель назад, лишившись шанса создать разде-

ляющий нож. Она принесла его нож, чтобы я его очистил.

— Ох... — Да, конечно, такое должно иногда случаться. Фаун стала гадать, как Дор готовит старый нож к тому, чтобы он был погружен еще в чье-то сердце. Жаль, что они не могут стать друзьями — «или даже родственниками», — тогда бы она спросила.

Впрочем, сейчас не до того. Фаун сглотнула и протянула вперед левую руку.

— Перед тем как Даг отправился в Рейнтри, я спросила его, не может ли он сделать так, чтобы я чувствовала его через свою свадебную тесьму, как он чувствует меня. Он сделал это. — Фаун молила всех богов, чтобы Дор не спросил: как именно Даг выполнил ее просьбу. — Прошлой ночью, часа через два после полуночи, я проснулась — вся рука болела. Сарри тоже проснулась примерно в это же время, но она сказала только, что Рази и Утау все еще живы. И Мари тоже, по словам Каттагуса. Так раньше не бывало... я испугалась... думаю, что Даг пострадал. Можешь ты определить... сказать мне больше?

Фаун не особенно много могла прочесть по лицу Дора, но ей показалось, что в глазах его промелькнула паника. Во всяком случае, он не стал

иронизировать, а взял ее за руку и провел пальцами по тесьме. Губы Дора дрогнули и сжались, и он покачал головой — не потому, что потерпел поражение, а скорее раздраженно.

— Отсутствующие боги, Даг, — пробормотал он, — неужели не мог не влипнуть?

— Ну что? — обеспокоенно спросила Фаун.

Дор выпустил ее руку, и она снова прижала браслет к груди.

— Ну... я думаю, что Даг, возможно, получил рану. Сказать , насколько тяжелую, я не могу.

Оскорбленная его безразличным тоном, Фаун бросила:

— Неужели тебе все равно?

Дор развел руками.

— Если он и ранен, это будет не первый случай, когда он возвращается в лагерь на носилках. Я слишком часто видел его в таком состоянии. Признаю, тот факт, что он командует эскадроном, меня немного...

— Тревожит?

— Если угодно. Я не могу понять, как Громовержец... Но ты говоришь, что с остальными все в порядке, так что они о нем позаботятся. Дозорные своих не бросают.

— Если только он не потерялся, не отбился от

остальных или еще что-нибудь. — Фаун могла вообразить сотню «еще чего-нибудь», каждый случай страшнее предыдущего. — Он мой муж. Если он ранен, я должна за ним ухаживать.

— Что ты собираешься сделать? Вскочить на коня и мчаться туда, где идет сражение? Заблудиться в лесу, утонуть в болоте или в реке, быть съеденной первым же встреченным волком — или Злым? Впрочем, если подумать, может быть, стоит попросить Омбу оседлать для тебя коня и отправить в путь. Это наверняка решило бы проблему для моего братца.

Весьма огорчительным было то, что именно такие панические мысли все утро преследовали Фаун. Она нахмурилась.

— А может быть, я вовсе и не заблужусь. Когда Даг поработал над моей тесьмой, он сделал так, что я смогла определить, где он находится. По крайней мере определить общее направление, — честно уточнила Фаун.

К ее смущению, Дор, прищурившись, долго молча смотрел на нее и все сильнее хмурился.

— Никакого отношения к твоему свадебному браслету это не имеет. Даг подчинил часть твоего Дара своему. — Дор, казалось, собирался сказать что-то еще, но неожиданно умолк, и на лице его

отразилось сомнение. Через мгновение он добавил: — Я и понятия не имел, что он... Это умелая работа с Даром, признаю, только нехорошая.

— Не понимаю.

— Естественно, не понимаешь.

Фаун стиснула зубы.

— Это означает только, что ты должен больше мне объяснить.

— Вот как? — Насмешливый взгляд вернулся.

— Да, — очень решительно сказала Фаун.

К ее немалому удивлению, Дор пожал плечами, но уступил.

— Это магия Злых, и она запрещена Стражам Озера по очень веским причинам. Злые при помощи своего Дара порабощают умы крестьян. Отчасти поэтому крестьяне так же не могут нести дозор, как и собаки — достаточно могущественный Злой способен подчинить их сознание и использовать их против нас.

— А почему такого не случается со Стражами Озера? –ударом на удар ответила Фаун.

— Потому что мы. умеем закрывать свой Дар и защищать его от нападения.

Фаун была вынуждена неохотно признать, что Дор, должно быть, говорит правду. Значит, Злой в окрестностях Глассфорджа похитил бы ее разум

и волю, если бы имел на это время? Или просто вырвал бы ее Дар, как сделал это с ее малышкой? Теперь уже не узнаешь. Это и в самом деле бросало новый тревожный свет на то, что Фаун до сих пор считала крестьянской клеветой на Стражей Озера и их способность заманивать неосторожных. Но если...

Фаун неожиданно вспомнила о туманных предостережениях Каттагуса.

— Запрещена?

«Насколько строго запрещена и каково наказание за нарушение запрета?»

Уж не вручила ли она только что брату-врагу новое оружие против Дага?

«О боги, я ничего не способна сделать правильно, когда дело касается этих людей!»

— Ну, во всяком случае, не поощряется. Один Страж Озера не в силах применить такой способ к другому, но Дар крестьянина широко распахнут и может быть подчинен достаточно сильным.. — Дор запнулся, но все же договорил: — Мастером. — В голосе Дора неожиданно прозвучало изумление, но он поспешно его скрыл. Глаза Дора сузились, и Фаун очень не понравилась его хитрая улыбка. — Это отчасти объясняет, как Дагу удалось заставить тебя бегать за ним, как

потерявшегося щенка.

Фаун охватило смятение, но она, в свою очередь, прищурилась, глядя на Дора.

— А это еще что должно означать? — поинтересовалась она.

— Думаю, что это должно бы быть очевидным. Если нет, то братец — молодец.

Фаун постаралась сдержать раздражение.

— Если ты пытаешься сказать, что твой брат приворожил меня, то это неубедительно. Даг ничего не делал ни с моим браслетом, ни с моим Даром до той ночи перед отъездом.

Дор склонил голову к плечу и сухо спросил:

— Откуда ты знаешь?

Это был страшный вопрос. Может быть, он с такой же легкостью, как Камбия, разбирался в ее Даре, чтобы попасть в самую болезненную точку, подкрепить ее тайные страхи. Сомнения нахлынули на Фаун, как бурный поток, но неожиданно разбились о другое воспоминание — о Санни Сомене, его мерзких угрозах опозорить ее после той ночи на свадьбе его сестры. Тогда уловка прекрасно сработала и заставила ее обратиться в бегство... Однако такое случилось только один раз.

«Может быть, я и простая крестьянская девчон-

ка, но я учусь. Так говорит Дат».

Фаун подняла голову и твердо взглянула в глаза Дору, и неожиданно сомнение отразилось на его лице, а не на ее.

Фаун сделала глубокий вдох и сказала:

— Не знаю, кто из вас использует магию Злых, но точно знаю, кто из вас самый злобный.

Дор отшатнулся.

«Ага, задело, Дор?» Фаун тряхнула головой, развернулась и двинулась прочь, не оглядываясь.

Снова выйдя на дорогу, Фаун повернула было направо, но, неожиданно приняв решение, пошла налево. За время, что потребовалось для того, чтобы пройти вдоль берега милю до штаба дозорных, ее храбрость здорово охладилась. В здании штаба было тихо, хотя в конюшне и в загонах шла суета: то ли какой-то отряд вернулся, то ли должен был вскоре отправиться в путь; могло быть и так, что шла подготовка к отправке нового эскадрона на помощь сражающимся.

«Возможно, Громовержца и нет на месте», — сказала себе Фаун, поднимаясь на крыльцо.

Незнакомый дозорный писал что-то за столом и, не поднимая головы, свободной рукой показал на дверь.

— Если дверь открыта, кому угодно можно

войти.

Фаун проглотила приготовленное приветствие, кивнула и прошмыгнула мимо. Будь проклят этот всем открытый Дар! Она заглянула во внутреннее помещение.

Громовержец сидел у своей доски с колышками, положив ноги на другой стул и держа на коленях мелкий деревянный ящик; он передвигал в нем что-то толстым пальцем и хмурился. Еще на двух стульях, стоящих рядом, находились такие же ящики. Громовержец прищурился на доску, вздохнул и сказал:

— Входи, Фаун.

Приободрившись, Фаун подошла поближе. Как и следовало ожидать, в ящиках оказались колышки. Громовержец, решила Фаун, похож на человека, который пытается сообразить, как ему заполнить восемь сотен дырок четырьмястами колышками.

— Я не хочу тебя отвлекать.

— Не так уж ты меня отвлекаешь. — Он наконец поднял глаза и сделал гримасу, которая, наверное, должна была сойти за улыбку.

— У меня есть вопрос.

— Надо же! — Громовержец заметил, как при этих словах Фаун поморщилась, и виновато по-

качал головой. — Прости. Так вот, отвечаю: нет, от Дага гонцов с момента их отбытия не было, да я и не ожидал бы их еще. Еще слишком рано для новостей.

— Я догадалась. У меня другой вопрос.

Фаун казалось, что она не позволила своему голосу дрогнуть, но Громовержец поднял брови, спустил ноги со стула и выпрямился.

— Ну?

— Женатые Стражи Озера ощущают своих супругов благодаря свадебным браслетам — по крайней мере пока живы. Можно предположить, что ты получаешь такие новости насчет дозорных... ведь люди сразу сообщают тебе, если связь через браслет прекращается.

Громовержец несколько растерянно посмотрел на Фаун.

— Верно. Это Даг тебе рассказал?

— Нет, я сама догадалась. Вот что я хочу узнать: гонцы там или нет, не получал ли ты вестей о гибели воинов из отряда Дага?

— Нет. — Взгляд Громовержца сделался более острым. — Почему ты спрашиваешь?

Вот теперь начиналась самая страшная часть. Громовержец ведь член совета лагеря...

«Только я думаю, что он в первую очередь забо-

тится о дозоре».

— Прежде чем уехать, Даг поработал над моим браслетом... или моим Даром, — чтобы я могла чувствовать, жив ли он. Так же, как это бывает со всеми Стражами Озера, только, думаю, немного иным способом. — Почти так же кратко, как и Дору, Фаун рассказала Громовержцу о событиях прошлой ночи и о своем разговоре в лунном свете с Сарри и Каттагусом. — Поэтому утром я со своим браслетом отправилась к Дору — он самый умелый мастер, какого я знаю. И он признал, что я права, что браслет верно сообщил — Даг прошлой ночью пострадал. — Нет нужды добавлять, решила Фаун, что Дор признал бы правоту крестьянской жены брата хоть в чем-нибудь только в том случае, если бы правота была несомненной.

В глазах Громовержца вспыхнули внимание и тревога, которых Фаун не замечала в Доре. Он протянул руку, потом одернул себя и сказал:

— Прошу прощения. Могу я коснуться?..

Фаун собрала в кулак всю свою смелость и протянула левую руку Громовержцу.

— Да.

Теплые пальцы Громовержца скользнули по коже и задержались на браслете. Дозорный напрягся, на его лице отразились сомнение и

беспокойство.

— Ну, что-то тут есть, но... — Громовержец вдруг резко поднялся, подошел к двери и выглянул в соседнюю комнату. В голосе его прозвучала властность, которой Фаун раньше не слышала. — Вион, сбегай в шатер целителей и посмотри, не там ли Хохария. Если она не занята, попроси ее прийти сюда. Есть кое-что, что ей нужно увидеть, и немедленно. — Скрипнул стул, раздалось какое-то бормотание, и входная дверь захлопнулась прежде, чем Громовержец успел договорить. Он виновато объяснил Фаун: — Была причина для того, чтобы я сделался дозорным, а не мастером. Хохария сможет понять гораздо больше, чем доступно мне. Может быть, даже больше, чем увидел Дор.

Фаун кивнула.

Громовержец побарабанил пальцами по спинке стула.

— Сарри и Каттагус сказали, что с их супругами все в порядке, да?

— Да. Правда, Сарри не была вполне уверена насчет Утау, как мне показалось. Но все живы.

Громовержец подошел к столу и стал смотреть на расстеленный на нем лист. Фаун последовала за ним. На стопке других карт была развернута

карта северной части Рейнтри. Палец Громовержца скользнул по ней.

— Даг собирался объехать Рейнтри и напасть на Злого с севера. Я полагаю, что раньше сегодняшнего дня добраться туда они не могли. Не знаю, насколько их задержала вчерашняя буря... Так или иначе, они сейчас могут быть где угодно в радиусе пятидесяти миль от Боунмарша.

Фаун левой рукой провела по карте. Указания, которые она получала от браслета, увы, никак не зависели от значков на карте — только от живого Дага. Однако на карту Фаун смотрела с неожиданно проснувшимся новым интересом.

Карты. Карты могли помочь не заблудиться в местах, где ты никогда раньше не бывал. Та, на которую они с Громовержцем сейчас смотрели, была густо покрыта извилистыми линиями дорог, троп, рек и ручьев; по ней были рассыпаны пометки, говорящие о том, где находятся броды или, более редко, мосты. Дор был прав, предполагая, что если Фаун просто вскочит на коня и поскачет на запад, она скорее всего попадет в беду. Но если она поскачет, имея себе в помощь карту... она, конечно, все равно окажется там, где идет война, а всего двое разбойников раньше легко справились с ней...

«Теперь я была бы более осторожна».

По крайней мере о карте следовало серьезно подумать.

— Что могло случиться с Дагом, как ты думаешь? — спросила она Громовержца. — Только с Дагом и ни с кем больше?

Громовержец пожал плечами.

— Если начинать с наиболее вероятных событий, может быть, его дурак-конь наконец сумел врезаться в дерево. Возможности всяких несчастных случаев бесконечны. Но добраться до Злого они еще не могли.

— Почему?

Голос Громовержца сделался странно тихим.

— Потому что было бы больше погибших. Мы с Дагом прикинули, основываясь на опыте Волчьего перевала, что потери составят примерно половину эскадрона. Вот как я ожидаю узнать, что... — Громовержец умолк и покачал головой. — Обайо Грейхерон возьмет на себя команду. Он хороший воин, хоть и не обладает таким талантом... ах, боги, до чего же я ненавижу это беспомощное ожидание!

— И ты тоже? — широко раскрыв глаза, спросила Фаун.

Громовержец просто кивнул головой. В этот

момент кто-то постучал в дверь, и спокойный голос произнес:

— Проблемы, Громовержец?

Громовержец с облегчением повернулся к вошедшей.

— Хохария! Спасибо, что пришла. Иди поближе.

Целительница приблизилась, небрежно помахав Громовержцу и с любопытством посмотрев на Фаун. Даг познакомил их, когда показывал жене шатер целителей, который Фаун показался самым основательным строением в лагере, но с тех пор женщины не обменялись и несколькими словами. На взгляд Фаун, Хохария была женщиной неопределенного возраста, уступавшей ростом другим Стражам Озера, и ее летнее платье вовсе не красило ее плоскую фигуру, но выпуклые глаза на костлявом лице смотрели проницательно и не без доброты. Как и глаза Дага, они меняли цвет в зависимости от освещения — от серебристого на солнце до серого, как сейчас.

Громовержец поспешно освободил стул у стола с картами и снял ящики с колышками еще с двух. Фаун неловко сделала книксен и села там, куда показал Громовержец, у противоположной стороны стола.

— Расскажи о случившемся, Фаун, — сказал Громовержец, усаживаясь напротив.

Фаун сглотнула.

— Сэр... Мэм... — Справившись с волнением, она повторила свой рассказ, теребя правой рукой тесьму на левой. — Дор обвинил Дага в использовании магии Злых, — закончила она, — но я клянусь: это не так! Даг не виноват — это я попросила его что-нибудь сделать с браслетом. Дор нарочно изображает все в темном свете, и меня это так злит, что я готова плеваться!

Хохария выслушала Фаун, склонив голову к плечу и не перебивая, и мягко сказала:

— Что ж, давай посмотрим на твой браслет, Фаун.

Целительница ободряюще кивнула, когда Фаун положила левую руку на стол, и задумчиво надула губы, глядя на тесьму. Ее тонкие сухие пальцы едва коснулись кожи, но Фаун ощутила глубоко внутри дрожь, когда они двинулись по ее руке. Громовержец так внимательно смотрел на Хохарию, что иногда забывал дышать. Наконец целительница откинулась на спинку стула, но понять что-то по выражению ее лица было невозможно.

— Что ж... Для дозорного Даг произвел очень

мощное воздействие на Дар. Ты тут прячешь таланты, Громовержец?

Тот поскреб в затылке.

— Если кто и прячет талант, то это сам Даг.

— Он рассказывал тебе о происшествии со стеклянной чашей и о своей призрачной руке?

Брови Громовержца поползли вверх.

— Нет...

— Хм-м...

— Дор сказал правду, — сглотнув, прошептала Фаун, — это — скверная магия?

Хохария покачала головой, не столько отрицая, сколько предостерегая.

— Нет, но пойми: я никогда не видела вблизи никого, чей разум поработил Злой. Я только слышала о таких людях. Правда, я вскрывала глиняных людей, и это о многом мне сказало. Случившееся больше напоминает мне о воздействии Дара для исцеления, сказать по правде. Это похоже на танец, когда один Дар подталкивает другой. Другое дело — укрепление Дара, когда целитель на самом деле отдает часть своего. Может быть, воздействие на Дар Злого так сильно, что это уже не танец, а принуждение... и тут есть и несоответствие. Я ничего больше не смогу сказать, пока передо мной не окажется Даг.

Фаун тоскливо вздохнула при мысли о том, что Даг мог бы оказаться перед ними, живой и здоровый.

Громовержец, не скрывая изумления, пробормотал:

— Разве сотня миль — не слишком большое расстояние для того, чтобы один Дар влиял на другой, Хохария? Мне приходилось видеть такое, только когда люди оказывались бок о бок.

— Вот тут-то и играет роль «почти». Даг смешал два вида воздействия. Он сумел — очень искусно сумел — укрепить Дар в левой руке Фаун и одновременно заставить свой и ее Дар танцевать вместе в этой тесьме. Все это очень... э-э... изобретательно.

Возможно, заметив растерянность на лице Фаун, Хохария продолжала:

— Дело вот в чем, дитя. То, что крестьяне называют магией, магией Стражей Озера или магией Злых, это всего лишь определенного рода воздействие на Дар. Мастер извлекает Дар, с которым работает, из себя, и должен восполнить его, как восполняют жизненные силы. Злой ненасытно похищает Дар из окружающего мира и ничего не отдает обратно. Представь себе чистый ручеек и разбушевавшуюся реку. Первый напоит тебя в

жаркий день, а вторая смоет твой дом и утопит тебя. И то, и другое — вода, но любой разумный человек с легкостью отличит одно от другого. Понимаешь?

Фаун кивнула, хоть и немного неуверенно, чтобы показать, что внимательно слушает.

— Так ранен мой командир эскадрона или нет? — нетерпеливо ерзая на стуле, спросил Громовержец. — Что творится в Рейнтри, Хохария?

Целительница снова покачала головой.

— Ты просишь меня сказать тебе, что я разглядела в осколке зеркала, да еще в темноте. Вижу ли я все целиком или только малую часть? Чему это соответствует? — Она повернулась к Фаун. — Где именно у тебя болит?

Фаун пошевелила пальцами.

— По большей части кисть левой руки. Чем выше, тем ощущение слабее, только меня всю немного знобит.

— Но у Дага нет... — пробормотал Громовержец. Лицо его сморщилось; он явно на мгновение оказался даже более растерян, чем Фаун.

— Как бы это сказать, — неохотно проговорила Хохария. — Если весь его Дар так же напряжен, как та часть, которую я ощутила, его телу пришлось несладко.

— Насколько несладко? — рявкнул Громовержец. Это даже порадовало Фаун, потому что сама она была слишком испугана, чтобы самой закричать на целительницу.

Хохария огорченно развела руками.

— Ну, явно недостаточно, чтобы его убить.

Громовержец оскалил зубы, но тут же мрачно сгорбился на стуле.

— Ну, если я и усну сегодня ночью, Хохария, то это не будет твоя заслуга.

Фаун наклонилась вперед и пристально посмотрела на свою руку.

— Я-то надеялась, что ты скажешь мне: я глупая крестьянская девчонка, которая невесть что себе навоображала. Так все всегда говорят, а вот когда нужно... — Она подняла глаза и обеспокоенно спросила: — Даг не попадет в беду из-за того, что сделал с моим Даром?

— Ну, если... когда он вернется, могу обещать: я кое о чем его спрошу, — горячо откликнулась Хохария. — Но мои вопросы не будут иметь никакого отношения к разбирательству на совете лагеря.

— Во всем на самом деле виновата я, — прошептала Фаун. — После разговора с Дором я боялась рассказывать... но я подумала... подумала, что

Громовержец имеет и нужду, и право знать — ради всех дозорных.

Громовержец выпрямился и серьезно сказал:

— Спасибо тебе, Фаун. Ты поступила правильно. Если почувствуешь... какие-то изменения, сразу скажи мне или Хохарии, ладно?

Фаун горячо закивала.

— А что мы теперь будем делать?

— То, что нам всегда приходится делать, крестьяночка, — вздохнул Громовержец. — Будем ждать.

13

К тому времени, когда Даг проснулся, уже давно наступила темнота; он натянул сапоги, не зашнуровывая, и поковылял к отхожему месту. Ночной воздух был неподвижен и влажен, но двое дозорных на посту поддерживали огонь, и костер озарял деревья веселым оранжевым светом. Один из дозорных помахал Дагу, и Даг так же безмолвно ответил на приветствие. Все кругом выглядело обманчиво мирным, как будто бодрствующие Стражи Озера просто охраняли покой спящих товарищей.

Облегчившись, Даг подумал о том, чтобы еще поспать, потому что пронизывающая его до мозга костей усталость никуда не делась. На болоте царили тишина — обычно в этот час ночь была бы полна кваканья лягушек, голосов насекомых и птичьих криков — и странное отсутствие запахов. Туманный воздух должен был бы пахнуть обычной болотной жизнью или смердеть смертью... что ж, разложение, конечно, наступит — через неделю, через месяц или будущей весной, и это, как ни отвратительна окажется вонь, станет первым признаком возвращения жизни,

обновления опустошенной земли — гниль обладает собственным вполне живым Даром.

Даг обвел взглядом рощу; костер светил между деревьев, как фонарь. Даг вспомнил свое первое появление здесь — неужели это было только накануне? Если полночь миновала — Даг посмотрел на звезды, чтобы определить время, — можно было бы сказать, что прошло два дня, хотя это ничего особенно не меняло. Задумчиво нахмурив брови, Даг старательно отсчитал две сотни шагов от рощи и уселся на пень, вытянув ноющие ноги. Раз он раньше приоткрывал свой Дар на таком расстоянии, не приведя в действие западню, наверное, можно сделать это снова.

Впервые за много часов приподняв завесу с Дара, Даг даже зашипел от неожиданности. Мари назвала состояние его Дара онемением, но это никак не соответствовало той пульсирующей боли, которую он испытал. Обычно Даг обращал на свой Дар так же мало внимания, как и на тело — они смыкались без всяких усилий. Теперь же, собравшись обследовать пленников Злого, Дар которых все еще оставался скованным, Дар обнаружил, что его внутренние чувства обращены исключительно на него самого.

Дар его правой руки все еще сохранял тепло

— последние следы целительного подкрепления, которое Даг то ли вырвал, то ли получил в подарок от подмастерья Хохарии. Со временем это подкрепление медленно растворится, теряя качества Дара донора и обретая свойства собственного Дара исцеленного — примерно так же, как пища постепенно входит в состав тела. Последние следы этого исчезнут окончательно через несколько недель. Что же касается Дара левой руки...

В настоящий момент призрачная рука отсутствовала. Дар руки был испещрен дюжиной темных пятен, черных провалов, похожих на дырки, прожженные в ткани разлетевшимися искрами. Еще несколько таких же повреждений нашлись на шее и левом боку. Их окружали серые кольца — узкие полосы омертвления. Это не было просто исчезающим следом хватки Злого, какая пришлась на долю Утау, хотя эхо таких ран Даг ощущал тоже. Пятна были, как понял Даг, клочьями Дара Злого, которые он вырвал в той отчаянной ночной схватке. Ничего подобного Даг раньше никогда не видел, но сразу же опознал. Их совершенное соответствие друг другу казалось странно знакомым.

С другой стороны, он никогда раньше не встречал никого достаточно безумного, чтобы

попытаться вырвать Дар Злого. Может быть, он получил объяснение того, почему такой способ не рекомендуется? Увечье или выздоровление тела вело к повреждению или исцелению Дара; лишение Дара или длительное соприкосновение с омертвением убивали тело. Так какое воздействие оказывает на его тело это загадочное заражение? Ничего хорошего, решил Даг. Руководствуясь такой картой, он мог отследить глубинные источники боли в теле, порожденные повреждениями Дара, хоть они и не слишком отличались от его общего болезненного состояния. Боль обычно говорит о причиненном вреде. Так какого рода был этот вред?

Что происходит? То ли медленное поглощение этой пульсирующей серости Даром Дата, то ли... то ли распространение омертвения? Даг сглотнул и прислушался к себе, но не смог обнаружить различимых перемен.

«Этого и следовало ожидать» — Даг почти услышал голос Фаун. Что сообразительная крестьянская девушка сказала бы по поводу случившегося с ним? Каковы возможные последствия?

Ну что же... Его Дар может медленно исцелить себя, как это происходит с любой раной. Однако возможно, что Дар окажется не способен себе

помочь, пока не устранены источники омертвения, так же как плоть не может начать заживать, пока из раны не извлечена стрела. Иногда, хоть и редко, в теле остается острие, которое невозможно извлечь; такая рана закрывается, но бывает, что снова воспаляется. Или... может быть, омертвение распространяется быстрее, чем Дар восстанавливает себя? В таком случае...

«В таком случае я вижу перед собой смертельную рану». Смертность вливается медленно, как загустевший на холоде мед, но неотвратимо, как время.

«Ох нет, Искорка, мы же так недолго были вместе...»

Неожиданное озарение заставило Дага попробовать ухватить призрачной рукой источник скверны, вырвать его и отбросить подальше... только возможно ли разорвать собственный Дар? Однако странная сила не откликнулась на зов Дага. Тогда он стал растирать правой рукой левый бок, приказав Дару руки проникнуть внутрь, но это оказалось так же невозможно, как добиться, чтобы плоть проникла сквозь плоть. Попытка только привела к тому, что левый бок свела судорога.

Перед внутренним взором Дага предстала еще

более ужасающая картина. Как говорили, частицы первого Злого разлетелись по всему миру и заразили его. Что, если каждый из попавших в него фрагментов обладает такой же способностью?

«Не могу ли я превратиться в Злого? Или стать кормушкой для зародышей?»

Даг опустил голову на колени и вцепился рукой в волосы, тяжело дыша открытым ртом.

«Ох, отсутствующие боги, неужели вы ненавидите меня настолько сильно?»

Он может породить дюжину Злых... или нет, самый сильный, несомненно, поборет и съест остальных и останется единственным победителем... кого? Как только юный Злой пожрет весь Дар и всю жизнь тела, в котором живет, он предположительно должен умереть... если только не найдет способ вырваться на свободу.

Даг в панике хватал ртом воздух, но через некоторое время сглотнул и выпрямился.

«Почему бы не вернуться к идее смертельной раны?»

Что, если он носит в себе не семя, из которого может вырасти Злой, а каплю крови твари, несущую ядовитый Дар, но неспособную к независимому существованию? Даг осторожно снова

направил свои чувства внутрь — и правда, он не ощутил той ауры рождающейся личности, которая окружает даже самого маленького, еще неподвижного Злого. Отрава, конечно, есть. Но он может жить... и быть счастливым с этим...

Даг просидел несколько минут в безмолвной темноте, борясь с ознобом, потом снова заглянул в себя. Никаких перемен. Похоже, он все-таки не рассыплется немедленно в серую пыль. Что ж, это означает, что утром он обречен снова взвалить на себя всю ответственность. Значит... У него ведь было какое-то основание для того, чтобы прийти сюда. Что же это было?

Даг сделал глубокий вдох и очень осторожно стал расширять зону восприятия своего Дара. Окружающая скверна покусывала его, но на это можно было не обращать внимания. Даг нашел засохшие деревья рощи, глиняных людей в их сырых колыбелях в низине, дозорных, несущих ночную вахту. Он обогнул пленников, Дар которых оставался скованным, едва коснувшись их своими чувствами. Раньше он обнаруживал поток Дара, устремлявшийся в земле к питомнику глиняных людей и питающий их. Сохраняется ли он?

Нет. Такое благо, по крайней мере, гибель Злого

принесла.

Только... так ли? Глиняные люди все еще были живы, хоть и перестали расти. Значит, к ним все еще течет Дар, хоть и медленно. Единственным его источником могли быть пленники, к которым теперь добавились и недавно захваченные дозорные. Даг сомневался, что их изможденные тела способны достаточно быстро воспроизводить Дар, чтобы его хватило надолго. Чем же все кончится, если эти проклятые оковы не удастся взломать?

Самые слабые из пленников умрут первыми; нагрузка на остающихся в живых возрастет, и они тоже, как подозревал Даг, долго не продержатся. Смерть забьет фонтаном: последний Страж Озера умрет очень быстро. Будет ли это концом: проблема разрешит сама себя и исчезнет? Или существуют другие элементы, скрытые от глаз, но продолжающие действовать под прикрытием скованного Дара?

Никто не мог этого выяснить, не прикоснувшись своим Даром к оковам. Никто не мог, похоже, прикоснуться к оковам, не сделавшись тут же пленником. Безвыходная ситуация.

«У меня болит голова. Мой Дар пострадал».

Однако сейчас ничего ужасного не происходит.

Даг ухватился за эту мысль, как будто она сулила надежду. Может быть, утро принесет новые знания или даже новых знатоков, которые справятся с делом лучше, чем потрепанный старый дозорный, который ни в чем не может разобраться. Даг вздохнул, с трудом поднялся и поковылял обратно к своему одеялу.

Утро принесло с собой по большей части новые заботы. Вернувшиеся разведчики доложили о том, чего Даг и ожидал: всюду царил хаос, бывшие рабы разбежались, мало что осталось от наскоро сооруженных защитных укреплений, — однако появились и обнадеживающие признаки того, что люди начали приходить в себя, узнав об уничтожении Злого. К середине дня около двух дюжин жителей Боунмарша осторожно приблизились к своему селению. Даг послал дозорных помогать им в самых неотложных делах — опознании и похоронах погибших, в числе которых была и та женщина, Дар которой сковал Злой, и поисках припасов, которые еще годились и могли быть перевезены в другие лагеря Рейнтри: Стражам Озера предстояло принять около двух тысяч оставшихся бездомными беженцев, и их ждала нелегкая зима. Даг порадовался, узнав, что жертв в Боунмарше было сравнительно немного;

однако никто еще не знал, как обстояли дела в городке, который Злой захватил первым.

Трое из жителей Боунмарша согласились остаться и помогать в уходе за мастерами, чей Дар оставался скованным, и их неудачливыми спасителями. Вернувшиеся беглецы сообщили Дагу имена пленников Злого и рассказали истории их жизни; впрочем, Даг сомневался, что это может чем-то помочь. Так или иначе, он отослал выживших в сопровождении дозорных в ближайший лагерь Стражей Озера, передав с ними настоятельную просьбу прислать в Боунмарш любых целителей или других знатоков Дара, кто оказался бы не занят и смог бы помочь разгадать смертоносную загадку. Даг, правда, не ожидал от этого особой пользы: каждый целитель в Рейнтри наверняка был по уши занят лечением своих соплеменников.

Немного больше надежд он возлагал на отряд из двадцати пяти дозорных, которых отправил в лагерь Хикори с сообщением о надвигающихся трудностях: их соседи зимой будут нуждаться в припасах и всяческой помощи; кроме того, Даг послал Хохарии отчаянную просьбу прибыть самой или прислать другого не менее умелого целителя. С собой в Боунмарше он оставил тех

дозорных, кто больше всего смыслил в медицине, главным образом женщин-ветеранов — матерей и бабушек, которые умели ухаживать за беспомощными детьми, неспособными ни говорить, ни есть без посторонней помощи: по крайней мере, раз младенцев они выхаживали, можно было надеяться, что сумеют позаботиться и о взрослых.

Вот чего Даг не ожидал — это что они возьмутся заботиться и о нем.

— Даг, — сказала Мари со своей обычной прямотой, — мешки у тебя под глазами такие черные, что ты похож на какого-то распроклятого енота. Кто-нибудь тебя осматривал?

Даг подумывал о том, чтобы потихоньку увести кого-нибудь из смыслящих в полевой медицине дозорных подальше от рощи и попросить себя осмотреть. Мари, мрачно подумал он теперь, не только самая опытная по этой части, но и немедленно выудит все сведения у того, с кем Даг стал бы советоваться. Так что можно не тратить силы понапрасну.

— Пойдем, — вздохнул он, и Мари кивнула хоть и сурово, но удовлетворенно.

Даг отвел ее к тому же пню, на котором сидел прошлой ночью, и осторожно открыл свой Дар.

Это длилось всего минуты две, но все равно дело кончилось тем, что он уткнулся головой в колени.

«Все еще больно».

Мари с шипением медленно втянула воздух сквозь стиснутые зубы, и это было не менее пугающе, чем если бы она выругалась.

— Ну, выглядит это не слишком хорошо, — сказала она таким тоном, что сразу было ясно: она недоговаривает. — Что это за черная сыпь?

— Какое-то заражение Дара. Я его заполучил, когда... — Даг хотел сказать: «когда попробовал вырвать Дар Злого», но передумал и договорил: — Когда пытался отвлечь Злого от Утау, он взялся за меня. Ко мне пристали его частицы. Они меня жгли, и избавиться от них я не смог. Тогда я закрыл Дар и отключился.

— Уж это точно. Я-то думала, что у тебя просто разорван Дар... Ха! Только послушайте меня — «просто разорван Дар» — как это случилось с Утау. Оно все еще... болит? Выглядит все так, что болеть должно.

— Угу. — Дат обратил свои чувства на собственный Дар, закрыв на мгновение глаза, чтобы сосредоточиться. Два серых пятна на левой руке, которые накануне были отдельными, теперь

слились.

«Мой Дар несет потери». Мари нерешительно спросила:

— Ты хочешь, чтобы я попробовала что-то сделать? Как ты думаешь, что тут может помочь — если я поделюсь своим Даром или если просто подтолкну твой?

— Не уверен. Я совсем не хотел бы, чтобы эта гадость пристала и к тебе. Подозреваю, что она... — «Смертельна», — подумал Дат, но вслух сказал: — Очень вредна. Лучше подождать. Я же ведь не валюсь с ног.

— Но и джигу не пляшешь тоже. Это совсем не похоже на случай Утау — у него Дар поранен и болит, но совершенно ясно, что со временем придет в норму. А у тебя... нет, я тут не разберусь. Тебе нужен настоящий мастер-целитель.

— Вот и я так подумал. Надеюсь, целитель скоро появится... А тем временем я, похоже, ходить все-таки могу. — «Хоть и не плясать джигу». — Если ты воздержишься от того, — поколебавшись, добавил Даг, — чтобы сплетничать о случившемся со мной в лагере, я буду тебе признателен.

— Случись такое с любым дозорным, — фыркнула Мари, — разве ты тут же не зачислил бы его в больные?

— Командир обладает некоторыми привилегиями, — невесело сказал Даг. — Ты же знаешь это по себе — сама командуешь отрядом.

— Ах вот как? Это что же — привилегия делать глупости? Странно, не припоминаю такого за собой.

— Послушай, если тут появится кто-нибудь, кто сможет распутать этот клубок, можешь не сомневаться: и часу не пройдет, как я уже буду скакать на восток. — Только ведь не удастся ускакать от того, что у тебя внутри, верно? — Понятия не имею, смогут ли ребята из Рейнтри прислать кого-нибудь и когда это могло бы случиться, но думаю, что самое скорое, когда мы можем ждать помощь из дому, — это через шесть дней. — Даг Досмотрел на небо; воздух стал душным и жарким, предсказывая, что к вечеру может разразиться гроза.

Мари бросила взгляд в сторону рощи и тихо сказала:

— Думаешь, эти бедняги продержатся шесть дней?

Даг тяжело вздохнул и поднялся на ноги.

— Не знаю, Мари. А вот что нужно сделать — это соорудить над ними что-то вроде навеса. Ночью будет дождь, тебе не кажется?

— Похоже, — согласилась Мари.

Они молча вернулись в рощу мертвых деревьев.

Даг не знал, говорила ли Мари о нем, и если говорила, то что именно, но тем вечером очень многие сочли своим долгом посоветовать ему прилечь. Он охотно послушался, хотя, ничего не делая и только сидя, скрестив ноги, на своем одеяле и глядя на неподвижные тела пленников Злого, почувствовал, что начинает их ненавидеть. Не будь возни с ними, он мог бы сегодня вместе с остальным отрядом отправиться домой и через три дня прижать к себе Фаун и не отпускать даже для того, чтобы сделать вдох. Усталость, которую принес этот поход, не шла ни в какое сравнение с теперешним удушающим отвращением к собственной беспомощности. Спал Дат плохо.

К концу следующего дня двое из пленников — самые старшие — оказались не в силах глотать, а еще один начал задыхаться. Карро, приятельница Мари из отряда Обайо, положила его голову себе на колени, а Даг, опустившись на землю рядом, напряженно следил за его судорожными вдохами. Такое дыхание умирающего обычно служило сигналом к обряду разделения. Но дей-

ствительно ли этот человек умирал? И что стало причиной его немощи? Редкие волосы мастера были седыми, но назвать его стариком было бы нельзя; до того, как на него свалилось несчастье, он оставался, на взгляд Дага, крепким, жилистым и подвижным. Имя его, которого Дагу вовсе не хотелось знать, было Артин; вернувшиеся соседи говорили о нем как о прекрасном кузнеце и оружейнике. Коснувшись мозолистой руки Артина, Даг догадался о целой жизни, посвященной совершенствованию своих знаний и умений.

Мари обтерла влажной тряпицей лицо и волосы лежавшей рядом женщины, которую она уже несколько минут безуспешно пыталась напоить; женщина вырывалась и давилась.

— Если в такую жару нам не удастся вливать в них воду, Даг, они нипочем не продержатся еще пять дней.

Карро кивнула на человека, которого поддерживала.

— Этот проживет еще меньше.

— Вижу, — пробормотал Даг.

Саун обеспокоенно сновал вокруг. Даг предполагал, что юноша попросится в тот отряд, что должен был отправиться в Рейнтри для помощи беженцам, и действительно, Саун отклонил

предложение вернуться в лагерь Хикори; однако молодой воин явно очень серьезно смотрел на свое назначение в помощь Дагу и пожелал остаться с теми, кто ухаживал за жертвами Злого. Ночевал он в обезлюдевшем теперь лагере к востоку от осквернённого селения, но днем вел себя, как левый локоть Дага. Это было бы очень хорошо, если бы только из-за всех свалившихся на них неприятностей Саун не напоминал блоху на сковородке.

Вот и теперь он обратился к Дагу:

— Нужно же что-нибудь делать! Даг, ты говоришь, что эти мастера все еще питают своим Даром глиняных людей; если это так, не стоит ли освободить их от этой тяжести?

— Обайо и Грифф говорят, что они пытались, — терпеливо объяснил юноше Даг. — Результаты, как я понял, были очень нехорошими.

— Но никто же не умер! Может быть, это как хирургия Хохарии: больно, но исцеляет.

Доводы Сауна были вескими, и возможность действовать привлекала Дага гораздо больше, чем перспектива просто сидеть и смотреть, как люди страдают и умирают.

«Мой эскадрон...» Даг не мог вспомнить, когда он стал смотреть на этих мастеров из Рейнтри

как на почетных членов его отряда, но так оно и было. Трое бесчувственных дозорных пока еще были наименее истощенными, но Даг не сомневался, что долго такое положение не продлится.

— Признаю, — медленно проговорил Даг, — я хотел бы сам увидеть, что случится, если уничтожить глиняных людей. — Хотя какие важные изменения он может заметить, не пользуясь Даром, оставалось мучительным вопросом... — Пожалуй, прикончи одного. И тогда посмотрим...

Саун быстро закивал и отправился за своим мечом. Это был тот самый клинок, из-за которого Саун так пострадал в ночной схватке под Глассфорджем; Даг мужественно воздерживался от замечаний о том, что и в этом походе меч оставался мертвым грузом. Однако для того, чтобы разделаться с глиняными людьми в их влажных колыбелях, меч годился не меньше, чем копье, и уж определенно лучше, чем нож.

Вскинув меч на плечо, Саун решительно направился через рощу к болотистой низине; под его сапогами хлюпала грязь, которую породил ночной дождь. Саун замедлил шаги, стараясь найти более сухие места между кочками пожухшей травы и с любопытством и отвращением глядя на ямы в болотистой почве и их обитателей.

Полусформировавшиеся твари выглядели отвратительно: они уже утратили сходство с животными, но были в равной мере далеки от обретения предназначенной им гротескной человеческой формы. Невинные, но обреченные... Даг нахмурил брови. Если... если их превращение будет каким-то образом завершено, теперь, когда Злой мертв, будут ли они обнаруживать рабскую преданность питающим их своим Даром Стражам Озера?

Такая мысль встревожила Дага — как будто его мозг и так уже не был полон тревожных мыслей! Эта встревожила тем более, что .была очень соблазнительной. Могучие полулюди — слуги могли бы быть использованы для очень многих отчаянно необходимых дел. Может быть, лорды-волшебники прошлого создавали себе подобных помощников? Злые, похоже, вылуплялись, уже обладая соответствующим знанием, знанием, не пользоваться которым они не могли; это означало, что такое умение было заложено в них в древности; впрочем, глиняные рабы могли оставаться в живых при условии постоянного подкрепления Даром что делало их смертельно дорогостоящими.

Даг был только рад выбросить эти размышле-

ния из головы, когда его окликнул Саун:

— С какого начать? С самого крупного?

Мари, с сомнением глядя на женщину, за которой ухаживала, буркнула:

— Лучше с самого мелкого.

— Не думаю, что это имеет значение, — откликнулся Даг. — Выбери любого.

Саун сделал шаг по направлению к ближайшей яме, ухватил меч обеими руками, прищурился и нанес удар. Из ямы донесся визг и плеск, вокруг разлетелись брызги. Саун скривился, попятился и поспешно нанес новый удар.

— Что это было? — спросила Мари.

— Бобер, я думаю, иди лесной сурок. — Саун отскочил от ямы, казалось, его вот-вот вырвет; судорожные движения в болотной колыбели затихли.

От происходящего в низине внимание Дага отвлек крик Карро. Пленники — все Стражи Озера, Дар которых был скован Злым, — начали метаться на своих подстилках и стонать, как раненые животные, словно испытывая мучительную боль. Двое присматривавших за ними дозорных в панике бросились к своим подопечным. Судороги, скрутившие Стражей Озера, походили на эпилептический припадок, так что Даг начал

отчаянно озираться в поисках чего-нибудь, что можно было бы сунуть между зубов страдальцев, но ничего, кроме крюка на левой руке или собственных пальцев, ему на глаза не попалось. Неудачная идея...

Артин, дыхание которого и раньше было неровным, стал задыхаться. Карро откинула одеяло и прижалась ухом к груди мастера.

— Даг, плохо дело...

— Хватит, Саун, — поспешно бросил Даг через плечо, опускаясь на землю рядом с Артином. Губы кузнеца приобрели оттенок свинца, веки вздрагивали.

— У него что-то с сердцем, — пробормотала Карро. —. Трепыхается, как крылышки куропатки.

«В тот момент, когда лучник выпускает стрелу в летящую птицу, — докончил Даг ее невысказанную мысль. — Сердце старика отказывает. Проклятие!»

Саун бежал прочь от болотистой низины; Даг перевел взгляд с его покрытых грязью сапог на внезапно побледневшее лицо. Губы юноши дрогнули, но не издали ни звука. Впрочем, Дагу не были нужны слова для того, чтобы понять чувства Сауна — сердце парня словно провалилось куда-то под грузом вины и страха.

«Не по силам тебе такая тяжесть, мой мальчик».

Однако кто-то должен взять ее на себя.

«Ох, только не сегодня...» ,

Может быть, помощь близка, нужно только сохранить мастеров живыми до ее прибытия. Любым способом. Дагу почему-то вспомнилось, как он очертя голову кинулся в пещеру Злого у Глассфорджа.

«Любым способом, который подействует, старый дозорный».

— Я хочу попробовать подтолкнуть его Дар, — коротко бросил Даг, придвигаясь ближе к Артину. — Помочь его сердцу танцевать в правильном ритме, если удастся. — Как он однажды сделал с Сауном.

Даг услышал резкий голос Мари: «Даг, не надо!» — но он уже открывал собственный Дар, искал дорогу в другое тело, а Боль добавилась к боли, пульс боролся с пульсом, но танец сердца Дага был сильнее. На Дага нахлынула истинная реальность с ее скверной и великолепием, и он только теперь почувствовал, как ужасно ему не хватало Дара, словно он много дней скитался, лишившись лучшей части собственной личности.

«Потанцуй со мной, Артин!»

Даг удовлетворенно вздохнул, почувствовав, как сердце и легкие кузнеца снова заработали в устойчивом, здоровом ритме. Сейчас Даг не испытывал такой ужасной боли, какую делил с пострадавшим Сауном, но слабость Дара Артина он отчетливо ощущал и понимал, как близок тот к окончательному распаду и смерти. Неужели и остальные пленники так ослабели? Даг расширил сферу действия своего Дара — и испытал потрясение.

Дар каждого из несчастных Стражей Озера был оплетен и пронизан насквозь тонкими серыми нитями, похожими на переплетающиеся щупальца. Нити соединялись, становились темнее и, как струи дыма, тянулись к ямам, в которых находились глиняные люди; их Дар поразил Дага своей странностью: почти черный, мощный, по форме удивительно похожий на человеческий... Плоть животных напрасно напрягалась, пытаясь ему соответствовать, и умирала от истощения в результате остановленного роста.

Пятна, оставленные Злым на Даре Дага, пульсировали в лад с этой сетью, лишившей свободы мастеров, и Даг внезапно ощутил ужас: ему стало казаться, что именно все еще живые остатки Злого, поселившиеся внутри его Дара, и были

тем, что удерживало в целости всю структуру. Не должен ли он умереть, чтобы разорвать эти цепи? Ох, нет... Сходство между нитями, опутывающими пленников, и скверной, поселившейся в Даге, конечно, имелось, но пятна на Даре Дага были бесформенными, как если бы они были результатом его укрепления, только разрушительного, а не полезного и целительного.

Даг мучительно старался понять, что же он видит. При нормальных обстоятельствах мастер подталкивает и укрепляет Дар предмета, стремясь сделать вещь более самой собой, как в случае старой куртки Дага, защищающей от стрел: обычная прочность кожи делалась защитой от наносимых оружием ран. Целитель дарит свой Дар свободно, не придавая ему форму, чтобы он мог без сопротивления влиться в Дар больного. Подтолкнуть Дар, как Даг это сейчас делал с Артином, означало лишь заставить танцевать его в том же ритме. Порабощение Злым крестьян, неожиданно осознал Даг, было таким же танцем Дара, только невероятно мощным, чтобы подчинять себе столь беспощадно и на большом расстоянии. Однако воздействие должно было оставаться непрерывным, как понял Даг, на мгновение заглянув в сознание Злого во время

схватки; поэтому-то власть Злого прекращалась с его смертью; к тому же она действовала на ограниченном расстоянии, из-за чего Злому и приходилось сопровождать свою армию.

Эта же западня для Дара, хоть и распространялась всего на сотню шагов, пережила своего создателя. Она была компактной, могучей, устрашающей... и знакомой.

«Знакомой? Где же я видел что-то подобное раньше?»

Какое воздействие на Дар и переживало своего создателя, и сохраняло его природу, не растворяясь в том, на кого было направлено, даже после своего осуществления?

«Так действует разделяющий нож».

В гораздо меньших масштабах, конечно, но едва ли менее всеохватывающе. Дару освященного ножа его создатель придает сложную форму сосуда для будущей смерти дарителя, и этот растворяющийся Дар, однажды полученный ножом, сохраняется в нем. Согласно воле дарителя, он делается смертельным для Злого.

Должно быть, Дор отдает часть себя каждому ножу, который делает, подумал Даг. Их соплеменникам это известно, поэтому они и окружают мастеров, изготовляющих разделяющие ножи,

такой заботой. Сколько же сил требует такое мастерство? Ведь отдавать приходится снова и снова. Неудивительно, что Дор так мало может отвлекаться на любые другие цели.

Даг обратил внутреннее зрение на сотканную Злым сеть. Огромная, пугающая конструкция была сложной, подавляла своим могуществом — ничего подобного сам Даг никогда не мог бы создать... но была ли она при этом выше его понимания?

Интуитивное прозрение далось легко, как полет во сне.

«Я вижу, как ее можно сломать!»

Даг усмехнулся и открыл глаза.

Вернее, попытался усмехнуться, попытался открыть глаза...

Он лишился глаз, лица, тела; его разум стал единым целым с Даром и плавал в пустоте, отрезанный от внешнего мира. Серые щупальца тянулись к нему, как голодные рты, как черви, стремящиеся высосать и поглотить.

«Я угодил в ловушку...»

Фаун аккуратно уложила дюжину новых восковых свечей, которая была ее долей результата дневных трудов, в сундучок Дага, закрыла крышку, вышла из шатра под навес и стала смотреть

между деревьями на свинцовые воды озера под обещающим дождь небом. Она рассеянно почесала место, куда ее в голую руку укусил москит, и отмахнулась еще от одного, жужжавшего над ухом. Вот и еще одна причина скучать по Дагу, хоть это и казалось глупым и эгоистичным. Фаун вздохнула... и напряглась.

Пульсирующее эхо боли в левой руке и боку, которое было ее постоянным спутником вот уже три дня, как с цепи сорвалось. Фаун окатила волна ужаса, и в первый момент она не могла бы сказать, ее собственный это ужас или Дага, хотя тяжело дышать, несомненно, стала она сама. Ритм сердцебиения, переданный свадебным браслетом, сделался хаотичным, неровным и стал стихать... «Нет, не умирай!»

Ритм послушался, но прежним не стал. «Да защитят нас отсутствующие боги, что это?» Фаун с трудом сглотнула, опустила навес своего шатра и торопливо пошла по дороге вдоль берега, переходя иногда, пока позволяло дыхание, на бег. Впрочем, ей не хотелось, припустившись испуганным олененком, привлекать к себе удивленные взгляды.

Фаун прошла мимо штаба дозорных, рядом с которым одна из помощниц Омбы выгуливала

двух усталых лошадей, покрытых пеной и забрызганных грязью. Только гонцы со срочными известиями так загоняли коней, но Фаун подавила надежду — или страх — узнать новости об эскадроне Дага: ведь Громовержец говорил, что сегодня для этого все равно будет еще слишком рано. Учитывая, что военачальник ожидал получить известия о многих смертях, Фаун не хотела бы, чтобы новости прибыли так быстро.

Она взбежала на крыльцо медицинской хижины — нет, медицинского шатра, поправила себя Фаун, — постояла мгновение, чтобы отдышаться, и толкнула дверь.

Подмастерье Хохарии — кажется, его звали Отан — вышел из комнаты, где хранились травы, и хмуро взглянул на Фаун.

— Что тебе нужно, крестьянка?

Фаун не обратила внимания на его тон.

— Хохария сказала, что я могу прийти к ней... если что-нибудь изменится с моей свадебной тесьмой. Только что что-то произошло.

Отан оглянулся на дверь внутреннего помещения.

— Она работает с Даром. Тебе придется подождать. — Подмастерье неохотно кивнул на свободный стул у стола и вернулся к своим тра-

вам. В маленьком очаге готовилось какое-то пахучее варево, отчего в жаркой комнате становилось еще жарче.

Фаун нервничала, сидя на стуле, и терла свою левую руку, хотя прикосновение ее пальцев и не меняло ощущений. Прежняя пульсация была для нее источником страха, но теперь Фаун хотела бы, чтобы она вернулась. И почему горло ведет себя так, словно Фаун не хватает воздуха?

Через несколько минут, которые показались Фаун вечностью, дверь во внутреннее помещение открылась, и оттуда вышла полногрудая женщина, держа на руках мальчика лет трех. Малыш явно лихорадил, глаза у него были осоловелые, он капризничал и сосал палец. Следом вышла Хохария, кивнула Фаун и прошла вместе с женщиной в ту комнату, где Отан возился с травами. Оттуда донеслись тихие голоса — Хохария давала подмастерью указания, потом вышла и жестом пригласила Фаун к себе, закрыв за ними дверь.

Войдя, Фаун молча протянула Хохарии левую руку.

— Сядь, девочка, — вздохнула целительница, указывая на стол с двумя стульями в углу комнаты. Хохария поморщилась, усаживаясь напротив Фаун, и потерла спину.

«Как, интересно, она лечила того малыша?» — подумала Фаун. И дорого ли это обошлось Дару Хохарии? Сможет ли она сейчас помочь Фаун?

Пока целительница, прикрыв глаза, ощупывала руку Фаун, та, заикаясь, рассказала о том, что только что случилось. Собственные слова звучали для Фаун путано и непонятно, и она испугалась, что единственный вывод, который сможет сделать Хохария, — это что Фаун сходит с ума. Однако целительница слушала, не перебивая.

Наконец Хохария выпрямилась и покачала головой.

— И раньше все было странно, а теперь еще страннее; только без дополнительной информации будь я проклята, если могу хотя бы предположить, что произошло.

— Какая от тебя помощь! — это был полуокрик, полустон, и Фаун испугалась, что обидела целительницу, но Хохария только снова огорченно покачала головой, соглашаясь с Фаун.

Хохария открыла было рот, чтобы что-то сказать, но замерла, повернув голову к двери. Через мгновение по крыльцу прогрохотали сапоги и скрипнула открывающаяся входная дверь.

— Громовержец, — пробормотала Хохария,

— и еще...

Во внутреннюю дверь постучали.

— Хохария! — донесся голос Громовержца. — Срочное дело!

— Входите.

В комнату протиснулся Громовержец — а за ним высокая Дирла. Фаун охнула и подскочила. Дирла была так же покрыта грязью, как конь, на котором она, должно быть, прискакала; волосы ее были растрепаны, от одежды несло потом, загорелое лицо осунулось от усталости. Впрочем, глаза девушки блестели.

— Они разделались со Злым, — объявил Громовержец, и Хохария так радостно завопила, что Дирла не сдержала улыбки. Громовержец бросил на Фаун загадочный взгляд. — Три ночи назад, примерно через два часа после полуночи.

Рука Фаун легла на ее тесьму.

— Как раз когда... Что случилось с Дагом? Как сильно он пострадал?

Дирла удивленно кивнула и ответила:

— Об этом... э-э... трудно судить.

— Почему?

Громовержец, не сводя глаз с Хохарии, подтолкнул дозорную вперед и сказал:

— Расскажи все еще раз, Дирла.

Когда Дирла начала рассказывать о трудностях, с которыми встретился эскадрон по пути на запад, Фаун поняла: эти двое пришли сюда в поисках Хохарии, а не ее. Так почему?

«Проклятие, Дирла, расскажи наконец, что случилось с Дагом!»

— ...Мы добрались до Боунмарша примерно к полудню, но Злой переместился — на двадцать миль к югу, как потом выяснилось: он затеял нападение на Крестьянскую равнину. Даг не разрешил нам задерживаться ни на минуту, даже чтобы помочь тем несчастным мастерам. Я никогда еще ничего подобного не видела. Злой поработил Дар жителей Боунмарша, каким-то образом заставил их выращивать новую партию глиняных людей, — так, по крайней мере, сказал Даг. Злой оставил их привязанными к деревьям. Воины были очень недовольны, когда Даг приказал оставить бедняг как есть, но его поддержали Мари и Кодо, да и выражение лица Дага было такое, что мы побоялись спорить и просто поскакали дальше.

Фаун принялась уже грызть пальцы, слушая, как Дирла взволнованно описывает тайное продвижение отряда мимо захваченной врагами фермы вверх по холму и отчаянный штурм стран-

ной башни.

— Марк, с которой я была в паре, уже почти добралась до площадки наверху башни, когда Злой спрыгнул вниз, — с высоты, должно быть, футов двадцать. Он словно летел... Никогда не думала, что Злой может быть таким красивым. Утау кинулся на него. Я держала свой Дар плотно закрытым, но потом Утау рассказывал, что Злой расколол его защиту, как скорлупу ореха. Утау уже решил, что ему конец пришел, когда Даг — а у него ведь не было разделяющего ножа — с голыми руками... точнее, с голым крюком атаковал тварь. Злой бросил Утау и повернулся к Дагу. Мари закричала и кинула мне сверху свой нож... а что было дальше, я плохо помню. Так или иначе, я вонзила нож Мари в Злого, и его прекрасное тело словно лопнуло. Это было ужасно. Я тогда подумала, что все кончилось, и что мы все вернемся домой живыми, и что это настоящее чудо. Утау зашатался и повис на мне, потом его подхватил Рази... и тут мы увидели Дага.

Фаун раскачивалась на стуле, сгорбившись и крепко обхватив себя руками, — только так ей удавалось не перебить Дирлу... или не завопить.

— Он лежал на земле, — продолжала Дирла, — неподвижный, как мертвец, закрыв свой Дар так

плотно, что он его душил, и никому не удавалось пробиться внутрь, чтобы подтолкнуть его Дар или укрепить его, хотя и Мари, и Кодо, и Ханн — все пытались. Несколько часов мы думали, что он умрет. Думали, что Злой растерзал его Дар, как случилось с Утау, только хуже.

— Погоди, — перебила ее Хохария. — А разве телесных ран он не получил?

Дирла покачала головой.

— Может быть, ему и досталось, но ничего серьезного. Так вот, к рассвету он пришел в себя. И встал на ноги. Выглядел он ужасно, скажу я вам, но каким-то образом все же сел на коня и заставил нас всех мчаться в Боунмарш. Похоже он очень беспокоился о тех пленниках, которых мы оставили позади… и не без основания.

Когда мы добрались до селения, остальной отряд был уже там, но оказалось, что цепи, которые Злой наложил на Дар захваченных Стражей Озера, не распались с его смертью, и никто не мог понять почему. Хуже того: каждый, кто пытался дотянуться до них своим Даром, оказывался захвачен тоже. Обайо таким образом потерял троих дозорных. Даг думает, что все они умирают. Мари не смогла уговорить Дага оставить их, хоть она и считала, что он сам нуждается в лечении, — Даг

вел себя словно одержимый. Правда, к тому времени, когда мы, гонцы, выехали из Боунмарша, Дага по крайней мере уговорили поспать. И Утау, и Мари все это ужасно не нравится. Так что... — Дирла посмотрела на целительницу, сложив руки в непривычном для нее жесте мольбы, — Даг говорил, что хотел бы, чтобы там была ты, Хохария, потому что нужен кто-то, кто хорошо разбирается в Даре. Поэтому я прошу тебя от его имени — ведь Даг вытащил нас... Он всех нас вытащил.

Громовержец откашлялся и спросил:

— Ты согласишься выехать в Рейнтри, Хохария?

Хохария растерянно обвела взглядом свою комнату. Фаун подумала, что вполне может представить себе перечень неотложных дел, о которых сейчас думает целительница.

— ...Через час, — безжалостно закончил Громовержец.

— Громовержец! — в ужасе воскликнула Хохария. Потом, после долгой паузы, пробормотала: — А через два часа нельзя?

Громовержец удовлетворенно кивнул.

— Я позабочусь о том, чтобы двое дозорных были готовы тебя сопровождать. Возьми с собой

всех, кто может тебе понадобиться.

— Можно мне поехать с тобой? — выпалила Фаун. — Думаю, что я — часть загадки Дага. — Она едва не протянула вперед левую руку в качестве доказательства.

Трое Стражей Озера изумленно — и без особой симпатии — вытаращили на Фаун глаза.

— Там уже не идет война, — поспешила добавить Фаун, — и если я поеду с вами, я не заблужусь, так что не буду вести себя глупо. Я могу быть готова через час... и даже меньше.

— Эта твоя толстая деревенская лошадка не угонится за конями дозорных, Фаун, — сказала Дирла — не презрительно, а с жалостью и добротой, которые были почему-то еще более унизительны.

— Грейс не толстая! — с возмущением возразила Фаун. «По крайней мере не особенно». — Может быть, она и не рысак, но она выносливая. — После нескольких мгновений размышления Фаун сообразила, что можно сказать и иначе: — И разве нельзя дать мне коня дозорных, как Хохарии?

Громовержец слегка улыбнулся, но покачал головой.

— Нет, Фаун. Злого хоть и уничтожили, но северная часть Рейнтри еще многие недели не оправится от разорения. Я обещал Дагу, что при-

смотрю за тобой, пока он отсутствует, и я сдержу слово.

— Но...

Голос Громовержца сделался безапелляционным, напомнив Фаун голос ее отца в самые тяжелые минуты.

— Дитя, ты не та обуза, которой мне сейчас не хватает. Другим тоже приходится ждать возвращения их мужей или жен.

И что на это можно было возразить? «Я не дитя»? Ну да, уж этот довод всегда был безотказным...

— Надо же, восемнадцать лет я обходилась без твоего присмотра и выжила! — «Пусть и едва-едва», — промелькнула удручающая мысль.

Горькая улыбка тронула губы Громовержца.

— Нет, дитя, — пробормотал он, — ты всегда находилась под нашим присмотром. — Фаун вспыхнула и пристыженно опустила глаза. Громовержец удовлетворенно кивнул и продолжал более мягким тоном: — Думаю, Каттагус и Сарри с нетерпением ждут новостей о гибели Злого. Беги-ка ты домой и порадуй их.

Все было ясно. «Беги-ка ты домой...» Фаун оглядела женщин и не нашла у них поддержки, хотя Хохария и бросила на нее загадочный взгляд. У

себя, в медицинском шатре, она была хозяйкой, но в остальном распоряжался Громовержец, и оспаривать его решение целительница не собиралась.

Фаун сглотнула, кивнула и вышла из комнаты. У нее за спиной заскрипели стулья: обсуждение продолжалось. Без нее. Она же не Страж Озера.

Фаун поковыляла по дорожке между шатром целителей и штабом, кипя гневом и растирая левую руку. Пульсация отзывалась в ее сердце, голове, всем теле, доводя до истерики. Так кто она — жена Стража Озера или новобрачная крестьянка? Если первое — она обязана подчиняться дисциплине лагеря, если второе — нет. Нельзя же приклеивать ей то один ярлык, то другой — в зависимости от того, как это в данный момент удобно. Ха, Громовержец, как насчет справедливости?

Уж в одном она была знатоком — в том, как убегать из дому. В этом деле первым правилом было: не давать никому возможности с тобой спорить. Как же она забыла? Фаун стиснула зубы и повернула в сторону штаба.

Двое дозорных совещались у стола и подняли головы, когда она вошла.

— Громовержца здесь нет, — сказал один.

— Я знаю, — уверенно ответила Фаун. — Я только что говорила с ним в шатре Хохарии. — Это же и в самом деле так, верно? Никто потом не сможет обвинить ее во лжи. — Мне нужно ненадолго взять одну из его карт. Я верну ее обратно, как только смогу.

Дозорный пожал плечами и кивнул, и Фаун шмыгнула в комнату Громовержца, поспешно скатала карту, лежавшую поверх других на столе, сунула ее под мышку и вышла, улыбнувшись и помахав дозорным.

Добежав до острова Кобылы, она вошла в ворота у моста и разыскала в сарае одну из помощниц Омбы.

— Мне нужна моя лошадь, — сказала ей Фаун. — Я хочу устроить ей небольшую пробежку. — «Миль сто на север».

— Она в этом нуждается, — согласилась девушка и через мгновение добавила: — Ах, я и забыла: тебе нужно помочь ее позвать. — Девушка фыркнула, сняла с гвоздя узду и вышла на пастбище.

Пока она отсутствовала, Фаун торопливо схватила старый мешок и наполнила его овсом, которого, на ее взгляд, должно было хватить на три дня. Было ли это воровством или она просто взяла то, что ее кобыла и так съела бы за это

время? Фаун решила не вдаваться в тонкости морали: трава росла всюду бесплатно, а зерно с большими трудами привозили на остров издалека. Она подумала, не спрятать ли мешок под юбкой, но решила, что тогда ее походка сделается уж очень странной, потом вспомнила повадки воришки в Лампстоне и перекинула мешок через плечо, как будто имела на это полное право. Помощница Омбы, когда привела Грейс, и не спросила ни о чем.

Вернувшись к шатру Блуфилд, Фаун привязала лошадь к дереву, нырнула внутрь, быстро переоделась в дорожную одежду и торопливо упаковала седельные сумки. Из сундучка Дага она вытащила разделяющий нож и повесила его на шею под рубашкой; тот стальной клинок, что подарил ей Даг, она сунула за пояс. Наконец, она набила одну сумку кидальниками, так что груз уравновесил мешок с овсом, и затянула пряжки. Такого запаса еды с избытком хватило бы для маленькой крестьяночки для трехдневной скачки без остановок.

Перед тем как отправиться в путь, Фаун нашла в сундучке Дага пузырек с чернилами и перо и на обрывке ткани написала короткую записку:

«Дорогие Каттагус и Сарри, отряд Дага убил

Злого, но Даг пострадал, так что я отправляюсь в Рейнтри — я его жена и имею право. Об остальном расспросите Дирлу. Скоро вернусь. С любовью. Фаун».

Она всунула записку в щель навеса; кусочек ткани держался крепко и был заметен. Потом, встав на пень, Фаун оседлала Грейс, навьючила седельные сумки и села в седло. Через десять минут она пересекла мост, ведущий с острова.

14

К закату Фаун удалилась от озера Хикори миль на двадцать пять. Грейс то бежала рысью, то шла шагом: ее хозяйка старалась найти наилучшее соотношение между скоростью и выносливостью лошади; у самой Фаун было достаточно времени на размышления. К несчастью, чаще всего ее мысли были заняты вопросом: «Не пропустила ли я нужный поворот?» Карта Громовержца оказалась не настолько полезной, как Фаун рассчитывала. То, что, на взгляд Стражей Озера, было дорогой, Фаун представлялось тропой, а то, что на карте было обозначено как тропа, оказывалось почти непролазной чащей. В результате Фаун совсем не огорчилась, услышав стук копыт догонявших ее коней.

Повернувшись в седле, она увидела появившегося из-за поворота здоровяка-дозорного; за ним следовали Хохария, ее подмастерье Отан с двумя вьючными лошадьми в поводу и, наконец еще один дозорный. Фаун не стала пытаться ускакать от них, но и придерживать Грейс не стала тоже. Через мгновение скакавшие галопом всадники окружили ее.

— Фаун! — воскликнула Хохария. — Что ты тут делаешь?

— Выгуливаю свою толстую лошадь, — коротко ответила Фаун. — Мне сказали, что она нуждается в нагрузке.

— Громовержец не разрешил тебе ехать с нами.

— А я не с вами. Я сама по себе.

Хохария закусила губу и задумалась; тут же вмешался Отан:

— Ты должна повернуть лошадь и вернуться. Ты не можешь следовать за нами.

— Я еду впереди вас, — возразила Фаун и добавила: — Впрочем, можете и обогнать меня. Давайте, скачите!

Хохария оглянулась на двоих дозорных, которые теперь ехали рядом позади остальных и с сомнением наблюдали за происходящим.

— Знаешь, я не могу выделить человека, чтобы проводить тебя до дому.

— Никто тебя об этом и не просит.

Хохария сделала глубокий вдох.

— Однако я это сделаю, если ты меня вынудишь.

Фаун натянула поводья и оглянулась на двоих здоровенных серьезных парней. Они выполнят

свой долг: на этот счет у Стражей Озера была просто мания. Если она позволит любому из этой мрачной пары нарушить свои планы, ее доставят в лагерь Хикори, и к тому же не особенно любезно. Дозорные не любят расставаться со своими напарниками. Фаун постаралась выиграть время.

— Хохария, пожалуйста, позволь мне ехать с вами. Я вас не задержу, обещаю.

— Дело не в этом, Фаун. Речь идет о твоей собственной безопасности. Тебе нечего делать в Рейнтри.

« Уж я-то знаю, что мне там делать, спасибо тебе большое. Мое место — рядом с Дагом».

Фаун потерла левую руку и нахмурилась.

— Я не хочу лишать тебя охраны. Если там в самом деле так опасно, воины могут тебе понадобиться. — Фаун сгорбилась и опустила голову. — Ладно, Хохария. Прости меня. Я вернусь. — Фаун прикусила язычок, чтобы ничего больше не пообещать.

«Достаточно простого извинения. И поменьше слов».

Стражи Озера видят Дар, но не читают мысли, — так ей говорил Даг, а у Дара Фаун было множество причин взволноваться и помимо обмана.

Хохария в нерешительности долго смотрела на

Фаун, и та затаила дыхание: вдруг целительница все же решит отправить с ней дозорного. Однако наконец Хохария кивнула.

— Ты далеко ускакала. Если твоя лошадь устала и ты не доберешься до дому сегодня ночью, вполне безопасно заночевать милях в десяти от озера.

— Грейс справится, — рассеянно ответила Фаун, разворачивая лошадь. Пусть ей придется подгонять кобылу, она все равно последует за Хохарией и ее сопровождающими.

Даг с помощью Дара мог обнаружить людей в радиусе мили; едва ли кто-нибудь в отряде Хохарии способен на большее. Тем не менее Фаун отъехала обратно на милю и помедлила — Грейс в это время несколько минут пощипала траву, — прежде чем снова пуститься вдогонку за всадниками. Даже в сумерках отпечатки копыт коней дозорных были явно видны на влажной земле.

«Теперь можно не беспокоиться о том, что свернешь не туда».

Фаун усмехнулась и поскакала дальше, остановив Грейс только тогда, когда темнота окончательно сгустилась. Тогда она спешилась, отвела лошадь подальше от дороги и стала дожидаться рассвета.

Напоив Грейс у ручья, Фаун вычистила ее и накормила овсом из мешка, умылась сама, отмахиваясь от москитов, пожевала ломоть кидальника, раздавила рукоятью ножа клеща и завернулась в одеяло. Голоса мелких ночных существ делали окружающую тишину еще более глубокой. Фаун в полной мере ощутила, насколько эта безлюдная тьма отличается от ее, казалось бы, сходного одиночества во время путешествия по обжитым местам к югу от Лампгона. Здесь в нескончаемых лесах жили волки, медведи и рыси; шкуры всех этих хищников Фаун видела на складе лагеря Хикори. После появления Злого лишившиеся разума глиняные люди вроде того, с которым Даг так умело разделался на ферме Хорсфордов, тоже могли тут бродить. Когда они с Дагом после свадьбы ехали к озеру Хикори, Фаун ни о чем подобном не задумывалась, хотя местность была примерно такой же. Тогда рядом был Даг... Засыпать каждую ночь в его объятиях было все равно что укрываться в ее собственной волшебной крепости. Фаун коснулась стали ножа, который Даг ей подарил, и вздохнула.

К тому времени, когда рассвет окрасил первыми солнечными лучами небо, рыси все же не съели ни Фаун, ни ее лошадь. Фаун выехала на

дорогу и снова поскакала по следам отряда Хохарии. Через час ей пришлось остановиться: следы свернули с отмеченной на карте дороги; однако спешившись и присмотревшись внимательнее, Фаун обнаружила, что всадники вернулись и двинулись по дороге дальше — должно быть, они разбивали в чаще лагерь для ночлега.

Свежий лошадиный навоз показал Фаун, что она держится на правильном расстоянии от отряда. Она подхлестнула Грейс с мрачной уверенностью в том, что раньше времени не догонит Хохарию. Впрочем, ее кобыла была нагружена вдвое меньше, чем кони дозорных, так что это могло сыграть более существенную роль, чем предполагалось...

Днем следы Хохарии и ее спутников неожиданно оказались затоптаны копытами гораздо большего отряда, скакавшего в другом направлении. Дозор, решила Фаун, — Стражи Озера из Рейнтри или часть эскадрона Дага, возвращающаяся домой. Отчетливые следы свернули на отходящую от дороги тропу, и Фаун, хмурясь, развернула свою карту и принялась ее разглядывать. Всадники, возможно, свернули к небольшому лагерю Стражей Озера в нескольких милях к югу или осматривали местность, кто знает? В ре-

зультате тропа, на которую они свернули, стала хорошо заметной, но различить следы отряда Хохарии на истоптанной грязной дороге сделалось труднее. Однако к полудню Фаун добралась до одного из редких деревянных мостов через глубокую быструю речку и смогла еще раз уточнить по карте, где находится. Время от времени она проезжала места, где недавние завалы мертвых деревьев были наскоро расчищены; Фаун стала размышлять о том, не занимаются ли дозорные и такими работами, когда им не нужно сломя голову мчаться на бой со Злым.

К концу дня ноги Грейс стали заплетаться, да и у Фаун тело онемело. Как удается гонцам и их коням без отдыха преодолевать огромные расстояния? Фаун было спешилась и повела кобылу в поводу, но тут же стала жалеть о потере драгоценного светлого времени, вспомнила рассказ Дирлы и безжалостно воспользовалась прутом, чтобы подбодрить Грейс. Лошадь снова побежала рысью, что заставило Фаун испытать одновременно и удовлетворение, и чувство вины.

Доехав до места, где дорога была особенно сильно взрыта копытами, а над густым кустарником вились стервятники и вороны, Фаун придержала лошадь. Стервятники с шипением отлетели в

сторону, вороны подняли недовольный крик. Фаун заглянула в неглубокую низинку, где трава была вытоптана до земли, и с замиранием сердца обнаружила там полдюжины разлагающихся нагих мертвых тел. Фаун рискнула приблизиться достаточно, чтобы убедиться — это были глиняные люди, а не Стражи Озера, — и поспешно снова вскочила в седло. Определить, расправились ли с глиняными людьми дозорные или совсем недавно воины, сопровождающие Хохарию, она не могла — зловоние ни о чем наверняка не говорило. То, что поблизости не было заметно рысей, больше не давало Фаун ощущения безопасности; она гнала Грейс вперед еще долго после наступления темноты — ей было слишком страшно, чтобы сделать привал.

Этой ночью в глубокой тьме Фаун свернулась в испуганный дрожащий комочек, проливая глупые слезы по отсутствующему Дагу. Закрыв лицо одеялом, так что никто ее не увидел бы, Фаун решила, что может выплакаться всласть, хоть и опасалась производить ненужный шум. Оставалось надеяться только на то, что всем хищникам на десять миль в округе хватило легкой добычи, которой стали разбредшиеся после гибели Злого глиняные люди, и они не станут охотиться на

крестьянских девчонок и упитанных усталых лошадок. Несмотря на все изнеможение, спала Фаун плохо.

Фаун предположила, что на следующее утро ей придется тяжелее всего, и так оно и оказалось: все ее тело болело. Однако путь в этот день предстоял более короткий, чем накануне, и под конец ее ждала встреча с Дагом. Свадебный браслет все еще говорил ей, что Даг жив; ее рука даже пульсировала сильнее, чем раньше, хотя с каждой милей болела все больше. Не прошло и часа, как Фаун нашла место, где ночевали Хохария и ее спутники; закиданные землей угли костра были еще теплыми. Только ровная дорога и прут в руках Фаун помогли Грейс весь долгий день трусить усталой рысцой.

Когда солнце стало клониться к горизонту, Фаун неожиданно выехала из влажной зелени бесконечного леса на открытое место; сразу стало очень жарко.

«Вот и добралась!»

Теперь вокруг тянулись заливные луга, трава на которых пожелтела и полегла. Поникшие кусты роняли свернувшиеся коричневые листья или стояли голыми. Все кругом казалось Фаун странно сонным. Однако впереди она увидела

дымок костра, поднимавшийся из-за линии превратившихся в скелеты деревьев, и свинцовую воду болота. Фаун больше не была нужна ее краденая карта; последние два часа ее измученное тело шептало ей: «Там, там, он там». Хохария и ее сопровождающие как раз слезали с коней.

В тот момент, когда Фаун подъехала к ним, из-за деревьев быстро вышла Мари, размахивая руками и отчаянно крича:

— Закройте Дар! Закройте Дар!

Хохария удивленно посмотрела на нее, но кивнула, показывая, что поняла, и повернулась к Отану и дозорным; те, видимо, тоже услышали Мари и послушались. Хохария увидела Фаун, которая, сгорбившись, сидела на совершенно обессилевшей Грейс, и нахмурилась, но прежде, чем она успела что-нибудь сказать, рядом с ней оказалась Мари, продолжавшая говорить:

— Вы добрались быстрее, чем я смела надеяться! Это Дирла вас послала?

— Да, — подтвердила Хохария.

— Да благословят ее боги! Вы повстречались с дозорными, которых мы отправили домой?

— Да, примерно в дне пути от озера Хикори.

— О, хорошо. — Тут взгляд Мари упал на Фаун, которая устало опиралась на луку седла. — А

ее ты почему привезла? — Тон вопроса не был враждебным, в голосе Мари прозвучало искреннее любопытство, как будто она предполагала существование какой-то веской, пусть и неясной причины для того, чтобы Фаун оказалась среди сопровождающих Хохарию.

Хохария поморщилась.

— Я ее не брала. Она сама явилась.

Фаун вскинула голову.

Отан наклонился к ней и прошипел:

— Ты солгала, крестьянка. Ты обещала повернуть назад.

— Я так и сделала, — дерзко ответила Фаун. — Даже дважды.

Хохария выглядела недовольной, но любопытное и проницательное выражение лица Мари не изменилось.

— Ты осмотрела Утау, когда вы встретились с отрядом? — спросила Мари. — Мы отправили его домой под присмотром Рази.

— О да, — ответила Хохария. Она спешилась и растирала спину. Все ее спутники выглядели такими же разгоряченными, усталыми и грязными, какой чувствовала себя Фаун. Вот чего стоит все хвастовство Стражей Озера насчет их выносливости! — Самое странное повреждение

Дара, какое я только видела. Я так и сказала Утау: шесть месяцев на выздоровление, и никаких.

— Так долго! — огорчилась Мари.

— Скорее всего потребуется меньше, но мое распоряжение по крайней мере месяца три будет удерживать Громовержца, чего, пожалуй, и хватит.

Обе женщины коротко рассмеялись — они хорошо понимали друг друга.

Фаун соскользнула с покрытой потом Грейс, которая стояла, опустив голову и повесив уши, укоризненно глядя на хозяйку затуманенными глазами; ноги кобылы стали такими же негнущимися, как ноги самой Фаун. Из рощи следом за Мари появился Саун вместе с двумя пожилыми женщинами-дозорными. Женщины начали совещаться с Хохарией и Мари, а Саун с изумленным видом обратился к Фаун:

— Ты не должна тут быть! Даг очень рассердился бы!

— А где Даг? — Фаун поверх его плеча смотрела на рощу. «Теперь уже совсем рядом». — Что с ним случилось?

Саун встревоженно пригладил волосы.

— В который раз?

Не слишком обнадеживающий ответ...

— Позавчера, примерно в то время, когда Дирла выехала в лагерь Хикори. Тогда с Дагом что-то случилось, я знаю. Я это почувствовала. — «Что-то ужасное».

Брови Сауна от удивления поползли вверх, однако когда Фаун попыталась прошмыгнуть мимо него, дозорный поймал ее за руку.

— Подожди! Ты же не можешь закрыть свой Дар! Не знаю, не окажешься ли и ты пленницей... Подожди! — Фаун вывернулась и, спотыкаясь, побежала к деревьям. Саун кинулся следом, в отчаянии восклицая: — Проклятие, ты такая же сумасшедшая, как и он!

Под деревьями несколько человек лежали на подстилках под временными навесами из одеял и шкур: четыре женщины под одним и четверо мужчин — под другим. Они были слишком неподвижны, чтобы их можно было счесть спящими, но не настолько неподвижны, чтобы оказаться мертвецами. Немного в стороне в тени одеяла, развешенного на ветках дерева, виднелась еще одна подстилка. Фаун упала на колени рядом с ней и в ужасе вытаращила глаза на Дага.

Он лежал на спине под легким одеялом. Кто-то снял его протез и положил на седельные сумки, сложенные у изголовья. Фаун много раз смотрела

на любимое лицо, когда Даг спал, и знала, каким оно бывает в разные моменты. Сейчас сон Дага был таким, какого она никогда не видела. Медная кожа стала тусклой бледной, плоть слишком туго обтянула кости. Ввалившиеся глаза были обведены темными кругами. Однако обнаженная грудь Дата поднималась и опускалась: он был жив.

Саун упал на колени рядом с Фаун и схватил ее за руку, когда она потянулась к Дагу.

— Не смей!

— Почему? — яростно рявкнула Фаун, безуспешно вырываясь. — Что с ним случилось?

Саун принялся рассказывать — путано и виновато — о своей попытке помочь пленникам, разделавшись с глиняным человеком в яме, и Фаун в замешательстве оглянулась на болотистый берег, где находился питомник тварей и куда показывал Саун; понять его рассказ ей удалось только потому, что раньше она слышала от Дирлы описание того, как Злой приковал Дар захваченных Стражей Озера к глиняным людям. Саун говорил о том, как Даг подверг себя непонятной опасности, чтобы спасти человека по имени Артин. Да уж, это было похоже на Дага... Говорил о том, как Дага затянуло в ту же ловушку заклятием или чем там оно было... о том, что Дага

уже три дня не удается разбудить... Фаун перестала вырываться, и Саун, сурово посмотрев на нее, выпустил ее запястья; Фаун, хмурясь, стала растирать их.

— Но я не Страж Озера, я крестьянка, — сказала она, — может быть, на меня это и не подействует.

— Мари говорит — никаких больше попыток, — мрачно ответил Саун. — Нам и так они обошлись в троих дозорных и самого командира.

— Но если не... — «Если не трогать предметы, как можно что-нибудь о них узнать?» Фаун села на пятки и сжала губы. Ну ладно: можно сначала оглядеться, а потом уже пробовать... Дыхание Дага, по крайней мере, не становилось более затрудненным.

Тем временем Мари показала Хохарии и Отану болотистую низину и привела их в рощу для осмотра пленников. Мари заканчивала, как показалось Фаун, более связный рассказ о тех же событиях, что ей описал Саун, когда целители подошли к Дагу и опустились рядом с ним на колени. Рассказ о том, как Даг попытался своим Даром помочь останавливающемуся сердцу Артина, заставил целительницу присвистнуть. Еще больше испугало Фаун описание странных

повреждений, оставшихся на Даре Дага после схватки со Злым.

— Хм-м... — Хохария растерла лицо руками, размазав по нему пот и грязь, и огляделась по сторонам. — Ради всего святого, Мари, зачем ты меня сюда вытащила? Ты на одном дыхании просишь меня разорвать эти мерзкие оковы и одновременно настаиваешь, чтобы я не смела использовать свой Дар, чтобы разобраться в деле. Нельзя же бежать разом в двух направлениях.

— Раз Даг попался в ловушку и не смог освободиться, мне это тоже не удалось бы. Насчет тебя я не знаю. Я надеялась, что у тебя найдутся какие-нибудь уловки, Хохария. — Голос Мари сделался тихим. — Я несколько дней пытаюсь распутать этот узел, так что у меня уже ум за разум заходит. Я начинаю думать о том, когда будет пора сдаться и подсчитывать потери. Только вот что... все разделяющие ножи скованных мастеров исчезли за то время, что они были в плену у Злого; из всех девяти жертв только у Брин есть незаряженный нож. Не так уж много можно спасти, а цена высока... И я совсем не уверена в том, что получится, если с кем-то из пленников провести обряд разделения... и что будет с ножом, да и что случится с остальными беднягами. Ведь с этими зародыша-

ми глиняных людей удачи нам не было.

Саун, который стоял, прислонившись к дереву и сложив руки на груди, поморщился, но кивнул.

Фаун передернуло, когда до нее дошло, о чем, собственно говорит Мари. Перед ее глазами возникла картина: Мари, или Саун, или Хохария — нет, скорее все-таки Мари, она сочла бы это своим долгом командира, — методично вонзает костяные ножи в сердца своих товарищей, двигаясь вдоль ряда неподвижных тел...

«Нет, только не Дагу!»

Фаун коснулась ножа под рубашкой, неожиданно испытав яростную радость от того, что странное происшествие в Глассфордже по крайней мере сделало невозможным такое жуткое его использование. Хохария хмурилась, но, как показалось Фаун, скорее печально, чем выражая несогласие.

— Должна сказать, — снова заговорила Мари, — что когда в ловушку попался Даг, всем остальным пленникам это придало новые силы, хоть и ненадолго. Самые слабые теперь снова угасают. Не знаю, сколько нам удалось бы поддерживать их жизнь, если бы каждые три дня мы отдавали нового дозорного, — только, конечно, это делало бы проблему только больше и больше. Заметь, себя

я не предлагаю. И тебя я тоже не отдам, Хохария, так что пусть у тебя не возникает всяких идей.

Хохария потерла шею.

— Ну, какие-нибудь идеи у меня наверняка появятся, но только сегодня вечером я и пробовать ничего не буду. Усталость затуманивает взгляд.

Мари согласно кивнула и стала объяснять, как добраться до лагеря, который был разбит за границей опустошенной земли и где все дозорные, не занятые уходом за пострадавшими, ночевали. Когда она сделала паузу, Фаун показала на Дага и спросила:

— Мари, я в самом деле не могу его коснуться?

— Кто знает, — ответила Мари. — Выяснение этого может дорого тебе обойтись.

«Или нет», — подумала Фаун.

— Я ведь проделала весь этот путь...

С усталой симпатией Хохария сказала:

— Мы же говорили тебе, чтобы ты осталась дома, дитя. Ты ничего не сможешь здесь сделать, кроме как убиваться.

— И мешать, — почти неслышно пробормотал Отан.

— Но я чувствую Дага! Все еще чувствую!

На лице Хохарии не появилось надежды, но все же она приподнялась, перегнулась через Дага и

стала ощупывать левую руку Фаун.

— Что-нибудь изменилось за последнее время?

— Боль усилилась, когда я подошла к Дату, но определенности не прибавилось, — признала Фаун. — Как странно: Даг проделал все это, чтобы я чувствовала себя увереннее, а я только больше тревожусь.

— Это твоя тревога или Дага?

— Я не могу различить.

— Ну... — Хохария выпустила ее руку и села на пятки. — На мой взгляд, это не помогает нам продвинуться дальше. По крайней мере пока. — С болезненным кряхтением она поднялась на ноги, и все остальные поднялись тоже.

Фаун умоляюще протянула руки к Мари.

— Наверняка ведь есть что-то, что я могла бы делать!

Мари взглянула на нее и вздохнула, но в этом вздохе было понимание.

— Нужно стирать белье и тряпки, которыми несчастных подтирают.

Фаун стиснула руки.

— Уж это-то я могу делать. — И что хорошо: эта работа позволит ей остаться в роще, а не отправляться в изгнание, на милю от Дага.

— Ах, какое важное дело! Ты столько про-

скакала, чтобы заняться стиркой, крестьянка! — протянул Отан, не заметивший, какой взгляд при этих словах на него бросили женщины-дозорные. Фаун было нетрудно догадаться, кому до сих пор приходилось заниматься стиркой.

— Нельзя сказать, чтобы тряпок была такая уж куча. В этих бедолаг так трудно влить хоть что-то, что и выходит из них немного. Во всяком случае, ты займешься этим не сейчас, Фаун. Ты выглядишь совсем вымотанной, — твердо сказала Мари.

Фаун коротко кивнула, признавая ее правоту. Все начали устраиваться на ночлег, усталых коней, включая Грейс, дозорные отвели в расположенный на востоке лагерь, но Фаун сумела отнести свои седельные сумки и одеяло туда, где лежал Даг. Ее сводил с ума запрет касаться его, но она нашла своим рукам и другие занятия: стала помогать у костра готовить бульон и жидкую кашу, которыми опытные женщины-дозорные кормили бесчувственных пленников.

Хохария еще раз более тщательно осмотрела своих безмолвных пациентов, и на ее лице появилось выражение крайнего огорчения.

— Я с тем же успехом могла бы быть деревенским костоправом, — пробормотала она,

опускаясь на колени рядом с Дагом. Фаун едко подумала: может быть, и в самом деле было бы лучше, окажись среди них деревенский костоправ: крестьянским лекарям и повитухам всегда приходилось полагаться на догадки, на косвенные свидетельства. Они, должно быть, со временем делались в этом весьма искусными.

На следующее утро, как только она оказалась в силах подняться и двигаться, Фаун решительно взялась за стирку. По крайней мере эта работа нагружала не те мышцы, которые так перетрудились за предыдущие три дня. Закатав выше колен дорожные штаны, Фаун вошла в прохладную воду, толкая перед собой плотик из стволов погибших деревьев, нагруженный запачканными одеялами и тряпками. Вода для заболоченного озера была удивительно чистой и ничем не пахла, что очень подходило для стирки. К тому же отсюда Фаун была видна длинная тень под ясенем, которая была Дагом, и силуэты Стражей Озера, ухаживавших за пленниками в роще, закрыв свой Дар.

К удивлению Фаун один из Стражей Озера — не дозорный, а кто-то из жителей разрушенного селения — подошел и присоединился к ней, молча отскребая и выкручивая мокрые одеяла.

Единственная произнесенная им фраза была:

— Ты крестьянка — жена Дага Редвинга. — Это было утверждение, а не вопрос, и Фаун оставалось только кивнуть. Выражение лица мужчины было странным — замкнутым и отстраненным, так что Фаун не решалась заговорить с ним и только тихо благодарила, когда тот передавал ей выжатые тряпки. Страж Озера взял на себя самую трудную работу — стал развешивать тяжелые мокрые одеяла на мертвых деревьях; поскольку он был гораздо выше Фаун, ему было легче дотянуться до голых ветвей. Когда они закончили, мужчина только коротко сообщил:

— Видишь ли, кузнец Артин — мой отец.

Хохария то присматривалась к своим пациентам, подойдя плотную и прищурившись, то отходила и смотрела на них издали, то, сев на пень, чертила палкой на земле какие-то линии; потом она принялась кричать, щипать бесчувственные тела, колоть их иголкой, встряхивать полусформировавшихся глиняных людей в их влажных колыбелях; Мари и Сауну с трудом удалось отговорить ее от убийства на пробу одной из тварей. Устав от всех этих безрезультатных действий, Хохария уселась, скрестив ноги, рядом с Дагом и нахмурилась еще больше.

Фаун сидела неподалеку от нее, жуя ломоть сырого кидальника. Она жалела, что не может накормить им Дага — может быть, вкус настоящей еды Стражей Озера напомнил бы ему дом? Но даже если бы Фаун могла коснуться Дага, заставить его жевать она не смогла бы — он воду-то глотал с трудом. Фаун подумала, что смогла бы сварить кидальник, размять и развести до жидкой кашицы, как бы неаппетитно это ни выглядело.

— К какому выводу ты пришла? — тихо спросила она Хохарию.

Та только покачала головой.

— Это не то, к чему могла бы привести преувеличенная связь Дара влюбленных. Какая-то часть Злого все еще сохраняется в пленниках — что-то вроде скрученного спиралью и находящегося внутри подкрепления Дара, раз оно пережило Злого. Загадка в том, что поддерживает существование этой сети... впрочем, не такая уж и загадка: это Дар, то ли глиняных людей, то ли людей, то ли и тех, и других. Скорее всего, конечно, людей.

— Как... как клещ? Или глист? Только сделанный из Дара, — добавила Фаун, чтобы показать, что ей это понятно.

Хохария неопределенно помахала рукой, не отвергая сравнения, но и не соглашаясь с ним.

— Дар изменен — изменен Злым. Должно быть... Ну, можно не сомневаться — тут очень сложная система. Я все еще не могу понять, каким образом она привязана к определенному месту. Главный вопрос: как долго она просуществует? Растворятся ли постепенно наложенные Злым узы, как это бывает при подкреплении Дара целителем? А если так, что произойдет: оправятся пленники или умрут? Ослабляет ли их только паралич Дара или их изнутри грызет еще что-то?

Когда Фаун тихо ахнула, Хохария оторвала взгляд от Дага и пробормотала:

— Ох, прости. Боюсь, я начала говорить сама с собой.

— Все в порядке. Я хочу знать все.

— Я тоже, дитя, — вздохнула Хохария. Поднявшись на ноги, она отошла в сторону.

Поскольку Саун после ночной вахты отправился отсыпаться в лагерь за пределами осквернённой зоны, кормить Дага в полдень явился Отан. Фаун с завистью смотрела, как он положил голову Дага себе на колени, и морщилась каждый раз, когда ложка ударяла по зубам или Даг начинал давиться, а бульон тек по подбородку. По крайней мере лицо Дага не заросло щетиной: Саун утром его побрил. Фаун тогда удивилась

стараниям юноши — ведь Даг все равно ничего не чувствовал, — но все же так он казался менее изможденным. Может быть, бритье было нужно не Дату, а тем людям, которые за ним ухаживали и так о нем тревожились. В любом случае Фаун была Сауну благодарна.

Отан же, со своей стороны, бросал на нее сердитые взгляды.

— В чем дело? — наконец спросила Фаун.

— Ты мешаешь. Нельзя ли отодвинуться? Хорошо бы на полмили.

— Я имею право здесь быть. Даг — мой муж.

— Тут еще ничего не решено.

Фаун коснулась своего свадебного браслета.

— Мы с Дагом все решили. И уже довольно давно.

— Вот увидишь, как все будет, крестьянка. — Отан влил последнюю ложку бульона в рот своего пациента, которую тот с трудом проглотил, и опустил его голову на сложенное одеяло, заменявшее подушку. Фаун подумала о том, что нужно будет набрать сухой травы и набить настоящую подушку. — Даг был хорошим дозорным, — добавил Отан. — Хохария говорит, что он мог бы подняться и выше. Говорят, ты соблазнила его и заставила забыть долг. Жизнь его будет разбита,

если совет лагеря не исправит положение.

Фаун с возмущением выпрямилась.

— «Говорят»? Так пусть скажут это мне в лицо, если хватит храбрости. — «Да и вообще, думаю, соблазн был взаимным».

— Так говорит мой дядя-дозорный, а он не трус.

Фаун стиснула зубы, когда Отан — чей Дар был для безопасности закрыт, — отвел прядь мокрых от пота волос со лба Дага. Как смеет он вести себя так, словно Даг — его собственность, просто потому, что он родился Стражем Озера, а она — нет! Этот... этот глупец просто желторотый подмастерье, не старше, чем сама Фаун! Желание заткнуть Отану рот, заставить его выглядеть ничтожеством неожиданно сменилось пониманием: Отан может оказаться источником тех самых сплетен, которые Даг так старательно от нее скрывал. Да и не только... Что говорил Даг в лагере Хикори о недоброжелателях? Фаун вспомнила тот день, когда Даг превратил в дикобраза кидальник, стреляя в него из лука. Наконец Фаун нашла достойный ответ Отану:

— Я — не компания ваших Злых, чтобы разбить чью-то жизнь.

— И вовсе они не «наши» Злые.

Фаун мрачно усмехнулась.

— А вот и ваши. — После мгновенного раздумья она с горячностью добавила: — И никакого «был», если только ты не хочешь сказать, что Даг был хорошим дозорным, а теперь является прекрасным командиром. Благодаря ему, по словам Дирлы, эскадрон прошел сквозь армию этого ужасного Злого, как нож сквозь масло. И добился он этого, несмотря на крестьянку-жену.

— Ну как же — «несмотря», — насмешливо протянул Отан.

К ним подошли Хохария и Мари, и Фаун постаралась взять себя в руки и не позволить ярости вырваться наружу; Отан тоже перестал кидать на нее уничтожающие взгляды: вскочив на ноги, он с беспокойством посмотрел на целительницу. Хохария была мрачной, а Мари — еще мрачнее.

— Так с которого начнем? — спросила Мари.

— С Дага, — ответила Хохария, — Я много работала с его Даром и хорошо его знаю; к тому же он — последняя жертва, если это хоть что-нибудь значит. А, Отан, ты здесь — это хорошо, — продолжала Хохария без паузы. — Я собираюсь проникнуть внутрь этого клубка и хочу, чтобы ты меня подстраховал.

На лице Отана отразилась паника.

— Ты уверена, Хохария?

— Нет, но я перепробовала уже все, до чего только могла додуматься, а бросать дело я не собираюсь.

— Ты просто оставляешь всю грязную работу мне, — раздраженно пробормотала Мари. Хохария ответила ей не менее раздраженным пожатием плеч: их спор явно продолжался уже давно.

— Мы с тобой установим легкую связь, Отан, — продолжала Хохария, — а я попробую заглянуть внутрь связывающей бедняг сети и тут же отстранюсь от них. Если мне не удастся высвободиться, ты должен немедленно разорвать связь, слышишь? Ни под каким видом не пытайся последовать за мной. — Она сурово посмотрела в глаза своему подмастерью. Отан сглотнул и склонил голову.

Фаун съежилась на куче сухой травы и опавших листьев, обхватив руками колени и стараясь сделаться как можно меньше, чтобы ее не заметили и не прогнали.

Хохария помолчала, потом заговорила снова:

— Мари, мой нож — в седельной сумке, если уж дойдет до такого.

— И когда же до такого дойдет, Хохария? Не

заставляй меня принимать еще и это решение.

— Когда начнут умирать самые слабые, на остальных, я думаю, ляжет большая тяжесть, и дело быстрее пойдет к концу. Смерть той бедной женщины, которая умерла еще до прибытия дозорных Дага, не разрушила оковы; скорее узы стали еще более неразрывными. Мне кажется... как только двое или больше из девяти... нет, десяти... умрут, начинай обряд разделения, и тут уж тебе просто придется ориентироваться на то, что при этом случится. — После паузы Хохария добавила: — Начинай, конечно, с меня.

— Ну, — холодно ответила Мари, — тогда будет моя очередь решать.

— Хм-м... — сжала губы Хохария.

— Я не рекомендую все это затевать, Хохария.

— Я тебя слышала.

Слышала, но, очевидно, не услышала: целительница уселась, скрестив ноги, рядом с Дагом и жестом подозвала Отана. Подмастерье опустился на колени. Хохария выпрямилась и на мгновение закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, потом левой рукой взяла за руку Отана; за этим, похоже, последовала невидимая для Фаун подготовка Дара. Хохария без колебания коснулась правой рукой лба Дага. Фаун показалось, что Даг, хоть и

находился в трансе, поморщился, но точно сказать она не рискнула бы.

Глаза Хохарии широко раскрылись, она рывком вырвала руку у Отана и резко толкнула его в грудь, заставив опрокинуться на спину. Потом глаза целительницы закатились, побледневшее лицо утратило всякое выражение, и она рухнула на Дага.

С неразборчивым восклицанием Отан потянулся к Хохарии, и Мари с проклятием вцепилась в него, обхватив сзади и прижав его руки к бокам.

— Не смей! — рявкнула она ему в ухо. — Слушайся Хохарии! Закрой Дар! Проклятие, парень, закрой Дар!

Мгновение Отан боролся с ней, потом, горестно всхлипнув, сдался.

— Их стало десять, — прорычала Мари. — Вот и все, чего нам тут удается добиться. Одиннадцати не будет, слышишь? — Она встряхнула Отана.

Подмастерье уныло кивнул, и Мари выпустила его. Опираясь на руки, он в ужасе смотрел на свою бесчувственную наставницу.

— Что ты почувствовал? — спросила его Мари. — Хоть что-нибудь тебе удалось понять?

Отан покачал головой.

— Я… по-моему, ничего полезного я не узнал.

Мне показалось, что ее Дар утащили прочь от меня, в темноту. — Он с несчастным видом повернулся к дозорной. — Это не я отпустил ее, Мари, клянусь! Она оттолкнула меня!

— Я видела, парень, — вздохнула Мари. — Ты сделал то что мог. — Она медленно поднялась на ноги и теперь стояла, широко расставив ноги и уперев руки в бедра, глядя на два распростертых друг на друге тела. — Мы уложим ее рядом с остальными — она теперь с ними вместе... может быть, ей хоть что-нибудь удастся сделать... изнутри. Только ведь никак не различишь — слабеет эта гадость со временем или нет. Что ж, по крайней мере Хохария дала нам еще три дня времени. — В голосе Мари зазвучала ярость: — Только не хочу я, чтобы у нас появлялось еще время. Я хочу, чтобы все кончилось.

Одеяло для Хохарии постелили под тем же ясенем, под которым лежал Даг. Отан уселся рядом — то ли охранял свою наставницу, то ли просто скорбел. В такой же позе рядом с Дагом расположилась Фаун; они с Отаном старались друг на друга не смотреть.

Перед закатом снова пришла Мари и села между двумя неподвижными фигурами.

— Пропади вы пропадом, — по-свойски обра-

тилась она к бесчувственным Стражам Озера, — за то, что свалили все на меня. Такая работа для командира эскадрона, а я начальствую всего лишь над отрядом. Несправедливо это, мальчик мой Даг. — Мари подняла взгляд и встретилась глазами с Фаун; та приподнялась и вопросительно посмотрела на пожилую женщину. — Брин, — продолжала Мари, ткнув пальцем в сторону женщин, неподвижно лежащих под навесом, — через неделю исполнится двадцать два. Если этот день для нее наступит... Она молодая, и Дар у нее такой, что она далеко видит. Могла бы нарожать кучу ребятишек. Хохарию я знаю дольше. Ей как целительнице цены нет — она могла бы спасти жизни еще дюжине таких девчонок, как Брин. Так как же мне решать, кого из них убить первой? Страшный выбор... Может быть, — вздохнула Мари, — это никакой разницы не составит. Я уж и сама не знаю, чего хотеть.

— Ах, девочка, не обращай внимания на мою болтовню, — продолжала Мари, заметив, какими круглыми глазами смотрит на нее Фаун. — Должно быть, я стала слишком старой. Пойду-ка я спать: скверна этой земли высасывает разум, не только силы — кругом отчаяние и смерть, вот мужества и не хватает. — Мари с трудом подня-

лась на ноги и поверх лежащего навзничь Дага печально посмотрела на Фаун. — Я знаю, что ты не чувствуешь проклятия этого места напрямую, но на тебе оно тоже сказывается. Тебе следовало бы дать себе отдых на неосквернённой земле.

Фаун покачала головой.

— Я хочу остаться здесь. Рядом с Дагом. — «Ведь неизвестно, много ли времени нам остается».

— Что ж, как хочешь, — пожала плечами Мари и исчезла в мягких тенях сумерек.

Фаун проснулась, когда лунный свет начал просачиваться сквозь голые ветви ясеня. Несколько мгновений она лежала неподвижно, пытаясь вспомнить свои сны в надежде, что в них может содержаться какое-то пророчество. В балладах часто рассказывалось о том, как сны подсказывали людям, что делать; нужно было точно выполнять указания, иначе на человека могли обрушиться несчастья. Однако никаких снов Фаун не вспомнила, да если бы и вспомнила, было сомнительно, чтобы от них была какая-нибудь польза.

Крестьянские сны... Вот если бы она была Стражем Озера по рождению... Фаун бросила сердитый взгляд на Отана, который тихо похрапывал рядом с Хохарией. Уж если кому и будут полезные видения, то скорее ему, чтоб ему пусто было.

Нет, не нужно, чтобы ему пусто было. Это несправедливо. Фаун неохотно признала, что парень проявил мужество, да и Хохария не выбрала бы его из всех своих подмастерьев и не взяла с собой, если бы он ничего не стоил. Просто Фаун чувствовала бы себя лучше, если бы он оказался круглым дураком, а не проявлял глупость только в отношении крестьян. Тогда он не заставлял бы ее так сомневаться в себе. Фаун вздохнула, поднялась и побрела к отхожему месту на краю рощи.

Вернувшись, она уселась на своем одеяле и стала смотреть на Дага. Пятна лунного света наставляли его неподвижное лицо казаться пугающе мертвым. Темный блеск его улыбающихся глаз все исправил бы, но ввалившиеся глаза оставались закрытыми. Может случиться, подумала Фаун, что он умрет и она уже никогда больше не увидит яркого золота его взгляда. Она проглотила комок страха, сжавшего ей горло. Позволят ли ей коснуться тела Дага после его смерти?

«Я могла бы коснуться его сейчас». — Только что она могла сделать для Дага, чего уже — и с большей безопасностью — не сделали другие...

«Что ж, лучше подождать».

Спирально закрученное подкрепление Дара... Фаун стала обдумывать фразу, словно пробуя

ее на вкус. Для Хохарии это явно имело какое-то особое значение, как и для Мари с Дагом. Подкрепление Дара, свернувшееся в спираль, которое не становилось постепенно частью своего нового хозяина... Фаун потерла руку, гадая, не было ли таким же то подкрепление, которое проделал с ее Даром Даг. Если она правильно поняла объяснения Хохарии, то такая спираль была отделившейся частью Злого, так же как через браслет на нее действовала отделившаяся часть Дара Дага. Вспомнив Злого, которого они убили в окрестностях Глассфорджа, Фаун порадовалась тому, что они с Дагом остановили его прежде, чем у того развились столь ужасные способности.

Фаун нахмурила брови. Видела ли Хохария когда-нибудь Злого так близко, как она сама? Мастера по большей части оставались в лагере, так что, может быть, и не видела. Разделяющие ножи, возможно, и трудно изготавливать, однако пользоваться ими совсем просто — крестьянский ребенок мог бы это сделать, как это Фаун и продемонстрировала. Она улыбнулась, вспомнив отчаянный крик Дага: «Бей острым концом!»

Мысли Фаун падали, как капли воды в неподвижный пруд.

«Разделяющие ножи убивают Злых».

«В Даге, Артине и других пленниках сохраняются остатки Злого».

«Может быть, чтобы полностью их очистить, требуется дополнительная порция смертности».

«...А у меня есть разделяющий нож».

Фаун сделала глубокий вдох; ее охватил озноб. Ведь невозможно предположить, чтобы она придумала что-то, что не пришло в голову ни Дагу, ни Мари, ни Хохарии; должно быть, они по какой-то веской причине отбросили такую мысль, а Фаун слишком невежественна и поэтому не знает... Или все-таки возможно?

С разделяющими ножами связано очень много чувств и традиций Стражей Озера. Эти предметы — жертва во всех смыслах а потому священны. Никому и в голову не придет дурачиться с разделяющим ножом. Фаун сгорбилась и обхватила себя руками; сна теперь у нее не было ни в одном глазу.

Ведь не обязательно же пронзить им сердце, правда? Это необходимо только для незаряженных ножей, которые еще не получили своей дозы смертности. Чтобы высвободить ее, достаточно попасть в любую часть состоящего из Дара тела Злого. Тогда в Глассфордже Фаун могла ткнуть Злого в ногу, и это дало бы тот же потрясающий

эффект. А где, интересно, находятся части Злого в телах зачарованных Стражей Озера? Слились они воедино или были разрозненными, они наверняка все соединены между собой, потому что прикосновение к любому из них приводило в действие ту же западню.

Ценность и действенность ее ножа, говорил Дор, сомнительны. Он не обладает сходством...

«Но этот нож — единственный, на который я имею право».

Взгляд Фаун упал на Дага.

«И он — единственный, на кого я имею право. Значит...»

Поспешно, прежде чем решимость изменила ей, Фаун поднялась и, стараясь не касаться Дага, осторожно откинула одеяло. Она увидела его грудь с выступающими ребрами, слишком свободную набедренную повязку, длинные ноги. В лунном свете тело Дага казалось сгустившейся тенью — ужасно худым. Фаун думала, что ей удалось немного откормить его, но теперь от ее успеха ничего не осталось; недели ужасного напряжения сделали Дага еще более тощим.

Не в сердце, не в глаз, не в живот... Чтобы рана не оказалась смертельной, приходилось ограничиваться ногами и руками, старательно выбирая

места, где нет больших сосудов или нервов. Фаун знала, что рана под мышкой была бы опасной, так же как под коленом или на внутренней поверхности бедра. Лучше выбрать наружную поверхность бедра или руку ниже плеча. Крепкие мышцы рук Дага показались Фаун слишком тонкими по сравнению с длинным клинком, висящим у нее на шее.

«Значит, бедро».

Фаун склонилась над Дагом.

Если бы Хохария была в сознании, Фаун спросила бы ее; но тогда она ожидала бы помощи от знающей целительницы и скорее всего вообще не додумалась бы до такой отчаянной меры. Теперь же Хохария, как и остальные жертвы, оказалась пленницей магии Злого, и оставался только Отан. Фаун не попросила бы у него и снега зимой, да и едва ли он его ей дал бы. И все-таки...

«Может быть, я опять собираюсь совершить глупость?»

«Думай же, думай!»

Ее замысел может ни к чему не привести, и тогда ей придется, вытерев кровь с клинка, завтра утром объяснять появление на теле мужа ужасной раны. Представив себе это, Фаун потянулась к своим седельным сумкам и вытащила чистую

тряпку, в которую был завернут пух рогоза, и тесемку. Ну вот, из этого получится хорошая повязка.

Из ее затеи может получиться то, на что она надеялась.

«Эта затея может иметь ужасные последствия».

Однако что-то ужасное должно было случиться в любом случае. Ухудшить положение было невозможно.

«Что ж...»

Фаун отложила приготовленную повязку, вытащила из-под рубашки мешочек с ножом и достала светлый клинок. Маленькая задержка, связанная с этим, чуть не лишила ее мужества. Фаун села на корточки рядом с левым бедром Дага, стараясь собраться с духом. Ей хотелось бы помолиться, но Даг ведь говорил, что боги ушли. Фаун не на кого было рассчитывать, кроме себя.

Ей с трудом удалось сдержать стон.

«Даг говорит, что ты сообразительная. Если уж ты не можешь доверять себе, поверь ему».

«Бей острым концом. Куда угодно».

Фаун отвела руку, старательно прицелилась в то место, где, как она надеялась, были надежные мускулы, и, все еще не касаясь Дага, вонзила

костяной нож так глубоко, что его кончик заскрежетал по кости. Спящий Даг застонал и дернулся. Фаун выпустила из дрожащей руки рукоять; нож остался торчать из худого бедра Дага, окрашенного серебряным светом луны в белые и синие тона.

Из-за плеча Фаун донесся вопль Отана:

— Что ты делаешь, сумасшедшая крестьянка!

Отан схватил Фаун за плечи и грубо отшвырнул, однако она еще успела увидеть, как левая рука Дага взметнулась вверх, словно невидимая кисть стиснула рукоять разделяющего ножа, и услышать тихий знакомый треск расколовшегося костяного лезвия.

15

Он плавал в сером тумане, где не было времени и где нечего нельзя было различить. Некоторым утешением служило то, что вместе с остальным исчезли страх, желания и боль. Однако вдруг что-то светлое и теплое необъяснимо встревожило его исчезающее восприятие, как будто полярная звезда оторвалась от небес и приблизилась, полная наивного сияющего, смертельного любопытства.

«Не падай, нет, не приближайся, Искорка!»

Тоска и ужас разрывали Дага на части: обрести эту радость значило убить ее.

«Неужели моя судьба — осквернять все, что я люблю?»

Однако жар звезды не коснулся его. Потом в него хлынул поток новой силы, и на короткий миг к Дагу вернулась способность ясно мыслить. В его темницу упал источник света, хорошо ему знакомый. Даг узнал могучий Дар Хохарии со всей его потрясающей энергией — как странно, что такой фонтан силы обитает в хрупком скромном теле... а надежда, которую могло бы принести появление Хохарии, обратилась в прах, когда Даг

ощутил ее гнев, ужас и отчаяние.

«Я-то думал, что ты наверняка все разгадаешь, оставаясь снаружи, хоть мне это не удалось, — я ведь более слеп, чем ты, мне нужно было заглянуть внутрь, чтобы увидеть...»

И в ответ до него донесся стон: «Я тоже должна была заглянуть, чтобы увериться... я должна была знать наверняка... ох, Даг, прости меня...»

Потом туман снова затянул все безгласной печалью.

Даг поторопился сделать обход за это короткое украденное мгновение передышки, чтобы пересчитать свой отряд, как и положено командиру. Да, вот Артин; он еле держится, его Дар так истощен, что сделался прозрачным по краям; Брин и Орниг; Маллора; Стражи Озера из Боунмарша; и вот теперь еще и Хохария. Даг вспомнил, что и себя должен сосчитать. Десять человек, умирающих вместе. Опять он завел тех, кто доверился ему, в бесконечную тьму.

«По крайней мере на этот раз я не могу их бросить».

Время снова исчезло. Серые пиявки присосались к Дагу.

Звездное пламя снова придвинулось слишком близко, и Дага, как холодный туман, охватил

трепет. Но от небесной искры исходило что-то еще, какой-то еле слышный знакомый мотив; ее ясный свет и песня без слов переплетались. Их совместная красота переворачивала сердце Дага.

«Это — магия живого зеленого мира, и все, что может дать Дар Стражей Озера, не идет ни в какое сравнение с нею...»

И тут боль и песня стали раздирать Дага на части.

Он чувствовал все особенности того кипящего Дара, что вонзился в его бедро. Кость Каунео, его собственная давно засохшая кровь, совершенный сосуд для смертности, созданный мастером в Лутлии. Смерть дочери Искорки, смерть без рождения, перемешавшиеся самосозидание и саморазрушение в чистейшем виде.

Слишком чистые. Они лежали, погруженные в себя, не оскверненные ни желанием, ни движением, ни временем. «У этого Дара нет сходства» — такое утверждение казалось недостаточно глубоким, чтобы описать его неподвижную отстраненность. Никаких привязанностей. Никакой боли.

«Лучше всего делиться тем, что имеешь в избытке. Я могу поделиться болью».

Чувствуя себя невесомым, как никогда раньше,

Даг при помощи Дара поднял левую руку, и его кисть — чистый Дар, испещренный пятнами остатков Злого, — сжала рукоять и Дар рукояти. Его собственная засохшая кровь позволила Дагу проникнуть внутрь спирали; он чувствовал, как его Дар следует по давно проложенному ею пути. Схватить, удержать... Даг вспомнил ту ночь, когда Фаун плела свадебную тесьму окровавленными пальцами и таким образом заключила в ней свой Дар. Он вспомнил, и другую ночь, широко раскрытые глаза Фаун и ее беззащитную готовность: «Нужна кровь?» — как будто она была готова тут же вскрыть себе вены и влить живую влагу в его подставленные ладони, ни перед чем не останавливаясь.

«Как она делает сейчас».

«Не дай ее жертве пропасть, старый дозорный».

Его прикосновение казалось насилием, но Даг скрутил мертвый Дар своими призрачными пальцами так же, как Фаун плела тесьму. В глубине души он ухмыльнулся, представив себе голос возмущенного Дора: «Ты используешь прием плетения свадебной тесьмы на разделяющем ноже?..» Спираль распрямилась и тяжело легла всей своей длиной ему на ладонь. Кость Каунео

радостно треснула, этот звук он услышал не ушами, а Даром, и тут же понял, как неверна была теория Дора о том, что смерть маленькой дочери крестьянки вошла в нож по ошибке; впрочем, у Дата не было времени это обдумывать. Он держал в руке смертность, и она не могла ждать.

Нет, смертность была внутри его руки, а не на ней; они были так же нераздельны, как два волокна, переплетенные в крепкой веревке. Сходство... Теперь наконец Даг смог сжать в руке темную сеть, созданную Злым.

Его призрачная рука повернулась и раскрылась; смертность хлынула из нее в серые рты, потекла по голодным нитям, и Даг беззвучно взвыл от боли. Пятна, оставленные Злым на его Даре, оказались вырваны, как будто рывком, и выброшены. Ослепительный огонь пробежал по Дару, выжигая все следы скверны. Серые туманные полосы созданных Злым спиралей запылали по всей роще, оставив после себя тучу красных искр, на мгновение повисшую в воздухе. Когда эта туча достигла плотных голодных форм глиняных людей, они вспыхнули, как шутихи, и завертелись, как водовороты, оставленные веслом в спокойной воде; их яркие отпечатки еще долго плавали перед бесплотными глазами Дага.

Потом все кончилось.

Даг не знал, что тишина может быть такой раскатистой; а может быть, дело было в нем самом. Освобождение от долгого напряжения способно само стать источником боли... Нет, и правда, это болело его тело. Даг думал, что ему не хватало тела, когда разум его плавал в тумане; теперь он не был так в этом уверен. Его страдания неожиданно стали очень отчетливы. Голова, шея, спина, бедра громко кричали, да и мочевой пузырь настойчиво напоминал о себе. Тело оказалось шумным, раздраженным и настойчивым. Однако у Дага были более неотложные дела.

Он разлепил веки, сморгнув слизь и песок, которые, казалось, намертво их склеили. Оказалось, что он смотрит в ночное небо, залитое таким ярким лунным светом, что посеребренные ветви деревьев отбрасывали переплетенные тени. По всей роще раздавались голоса, полные изумления и шока. Паника сменялась триумфом.

В голубом свете луны и красных отсветах костра, в который подбросили сучьев, взгляду Дага предстала поразительная картина. Фаун и подмастерье Хохарии Отан то ли танцевали, то ли боролись. Точно сказать было трудно. Отан громко пыхтел; Фаун обеими руками вцепилась в

запястье Отана и повисла на нем, оттягивая руку вниз. Отан топтался на месте, с проклятиями пытаясь ее стряхнуть.

Даг прокашлялся и кротко сказал, хотя голос его прозвучал хрипло и жалобно, как скрип старых ворот:

— Отан, перестань лапать мою жену. Заведи себе собственную крестьяночку.

Противники отскочили друг от друга, и Отан выдохнул:

— Сэр, я не...

Чего он не делал, Даг уже не услышал, потому что, всхлипнув от радости, Фаун кинулась ему на грудь и стала его целовать. Губы Дага, как ему казалось, были жесткими и сухими, как прутья старого птичьего гнезда, но Фаун, как ни странно, не имела ничего против. Левая рука Дага лежала мертвым грузом, правая была ужасно тяжелой, но Дагу каким-то образом удалось ее поднять и направить куда надо: пальцы удовлетворенно погрузились в волосы Фаун.

Он понятия не имел, каким образом Фаун оказалась здесь. Это было чистым везением. Ее теплое тело подтверждало надежду на то, что она ему не мерещится; впрочем, сейчас Даг не был уверен, что в состоянии различить действительность и

галлюцинацию.

Фаун оторвалась от губ Дага, только чтобы выдохнуть:

— Даг, мне так жалко, что пришлось ударить тебя ножом! Я не могла придумать ничего другого. Тебе очень больно?

— М-м... — неопределенно промычал он. Он испытывал скорее онемение, чем страдание, но постепенно начал осознавать пульсирующую боль в левом бедре. Он попытался поднять голову, не сумел и вместо этого согнул ногу. Перед его глазами появилась хорошо знакомая рукоять ножа. Даг растерянно заморгал.

— На фут выше, и я подумал бы, что чем-то не угодил тебе, Искорка.

Ее невольный смех сменился всхлипываниями. Теплые капли стали падать на грудь Дагу; он погладил вздрагивающее плечо Фаун и что-то успокоительно промычал.

Через минуту Фаун сглотнула и подняла голову.

— Отпусти меня.

— Ни за что, — мягко ответил Даг.

— Нужно извлечь костяные обломки у тебя из ноги. Я не знала, какой глубокой должна быть рана, и ударила изо всех сил.

— Старательная, как всегда, я вижу.

Фаун выскользнула из-под слабой руки Дага и отодвинулась, но улыбнулась сквозь слезы, так что все, пожалуй, было в порядке. Даг рискнул немного приоткрыть свой Дар, чувствуя, что с ним что-то очень не в порядке, но не в силах определить точно, что именно; тем не менее ему удалось пересчитать находящихся в роще. Все были живы. Некоторые оказались очень слабы, но живы были все. Кто-то вскочил на неоседланную лошадь и помчался галопом в лагерь. Отан забыл свое желание побить настырную крестьянку и принялся ухаживать за Хохарией, приподнявшейся на своем одеяле. Даг прекратил свой начальственный осмотр и с усталым вздохом улегся, предоставив всем остальным делать, что им угодно.

Через некоторое время к Дагу подошел Отан с медицинской сумкой Хохарии и с факелом и принялся делать что-то очень неприятное с его бедром. Еле двигающаяся Хохария давала Отану указания, а Фаун заглядывала через его плечо. Даг понимал, что извлекать нож больнее, чем вонзать, но почему это должно повторяться не один раз?.. Голоса что-то бормотали, то приближаясь, то отдаляясь.

— Слишком много крови!

— Это хорошо: рана очистится. Давай тампон... Хохария, да знаешь ли ты, что это за тампон? Отан, ну подумай сам: конечно, я это знаю. Здорово придумала, Фаун. Теперь завяжи тесемку потуже. И не надо трогать тампон, разве только он промокнет насквозь. Он все вытащил?

— Да, посмотри — приложи обломки друг к другу, как части мозаики, и проверь, нет ли недостающих. Все на месте, видишь?

— Да!

— Хохария, его Дар изорван в клочья! Я никогда еще ничего подобного не встречал!

— Я видела, как это произошло. Поразительное зрелище! Теперь главное — остановить кровотечение у Дага и перевезти всех пострадавших с осквернённой земли в лагерь. Добудь мне какой-нибудь еды — тогда мы справимся.

Перемещение больше всего напоминало парад при свете факелов — из лагеря примчались кое-как одетые ликующие Стражи Озера. Тех освобожденных от заклятия пленников, кто мог удержаться на лошади, усадили по двое: они поддерживали друг друга, не давая свалиться; остальных перенесли на руках. Дага, ногами вперед, перевезли на доске, укрепленной на те-

лежке. Мимо него в отсветах пламени проплыло лицо широко улыбающегося Сауна и донесся голос Мари, которая громко жаловалась на то, что пропустила самый волнующий момент. Даг держал за руку Фаун, пока тележка преодолевала милю до лагеря, и отказывался ее отпустить.

Лагерь бурлил до рассвета. Уснула Фаун поздно и проснулась только около полудня; на ней покоилась откинутая в сторону рука Дага. Она некоторое время полежала, наслаждаясь ее приятной тяжестью и сонным дыханием Дага, шевелившим ее кудри. Потом она все-таки осторожно отползла, села и огляделась; то, что Даг не проснулся при этом, как просыпался всегда раньше, показало ей, насколько же он был измучен.

Их постель находилась под своего рода навесом: верхушки нескольких молодых деревьев пригнули друг к другу и повесили на них одеяло. Лагерь располагался на высоком берегу небольшого ручья под сенью зеленых, не задетых скверной деревьев; вокруг суетились двадцать или двадцать пять дозорных: кто носил воду, кто чистил лошадей у коновязи, кто готовил еду на костре. Несколько человек собрались вокруг изможденных мужчин и женщин, которые, несмотря на слабость, настаивали на том, чтобы есть сидя.

Через некоторое время Даг проснулся тоже, и теперь пришла очередь Фаун помогать ему сесть, опираясь на седельные сумки. Она с радостью принялась его кормить. Даг мог и жевать, и глотать и больше не давился; скоро он ожил достаточно, чтобы отобрать у Фаун миску с нарезанным кидальником и жареной олениной и начать есть самостоятельно. Впрочем, его рука все еще слишком сильно дрожала, чтобы он мог пить, не разливая воду. Беспокоило Фаун другое: левая рука Дага не двигалась совсем; к тому же она заподозрила, что повязка на левом бедре скрывает повреждение, вызванное не только ударом ножа. Глаза Дага покраснели и опухли и были скорее тусклыми, чем блестящими, но Фаун все равно наслаждалась их золотым светом и обращенной к ней улыбкой, которая, как ей казалось, никогда их не покидала.

В целом Фаун порадовалась появлению Хохарии, хоть ту и сопровождал Отан. С ними вместе пришла Мари; выражение облегчения на ее лице сменилось озабоченностью, когда она взглянула на Дага. Целительница выглядела усталой, но совсем не такой изможденной, как Даг, возможно, потому, что пробыла под воздействием заклятия меньше всех. Как бы то ни было, острый ум и

обширные знания были готовы к применению.

Отан разбинтовал ногу Дага, и Хохария похвалила аккуратный шов, который он наложил на вертикальный разрез; покраснения только следовало ожидать, оно не говорило пока о воспалении, да и к воздействию на Дар Дага Хохария позже собиралась прибегнуть, чтобы предотвратить осложнения. Отан явно порадовался возможности заменить тампон на ране на обычные для Стражей Озера бинты. Пока целители занимались всем этим, Мари доложила:

— Знаю я, о чем ты будешь спрашивать! Так вот: все, кто освободился от заклятия, живы.

Даг благодарно прикрыл глаза.

— Я более или менее был в этом уверен. Артин выкарабкается? Мне кажется, у него слабое сердце.

— Да, но за ним присматривает его сын. Все Стражи Озера из Рейнтри могут быть переправлены к родичам уже завтра... ну, по крайней мере в ближайший лагерь. Там они будут поправляться быстрее, чем здесь, в лесу.

Даг кивнул.

— Как только мы их отправим, наши ребята тоже станут торопиться домой, — продолжала Мари. — Брин и Орниг уже на ногах, да и Малло-

ра, думается мне, от них не особенно отстанет. Молодость, знаешь ли... Не знаю, как тебе, а мне здешние окрестности ужас как надоели. Правда, с такой дыркой в ноге, как у тебя, ясно, что ты еще долго не сможешь ходить. А вот как скоро тебе можно будет сесть в седло — это решать Хохарии.

— На этот вопрос я тебе завтра отвечу, — сказала Хохария. — На самом деле нога — не самое тяжелое его ранение.

— А что у меня с рукой, Хохария? — робко спросил Даг. Голос его все еще звучал хрипло. — Меня беспокоит, что она не двигается, — вроде как это возвращает меня к тем временам, о которых я не слишком люблю вспоминать.

Хохария понимающе поморщилась.

— Я знаю, почему не любишь. — Когда Отан закончил вязку и отодвинулся, Хохария спокойно добавила: — Пора мне тебя как следует осмотреть. Тебе придется открыть свой Дар, Даг.

— Угу, — вздохнул Даг.

На взгляд Фаун, энтузиазма в его голосе не прозвучало, однако он откинулся на седельные подушки с равнодушным видом, хотя губы его дрогнули. Мари зашипела в ужасе, Хохария громко втянула воздух, а Отан, который не моргнув

глазом зашивал кровоточащую плоть, внезапно побледнел.

— Ну, тут кое-что похуже, чем у Утау, хоть его повреждения я сочла весьма впечатляющими, — признала Хохария. — Посмотрим, что я смогу сделать.

— Ты не можешь заниматься подкреплением Дара после всего, через что прошла, — возразил Даг.

— У меня осталось достаточно сил для одной попытки, — ответила Хохария, и на ее лице появилось внимательное выражение. — Я приберегла ее как раз для тебя. Мне кажется...

Фаун дернула Мари за рукав и отчаянно прошептала:

— Что происходит? Что вы все чувствуете? — «На что я не способна...»

— Его Дар слева весь поражен скверной — вроде больших темных синяков, — прошептала Мари в ответ. — Только те жуткие куски Злого, которые я обнаружила раньше, исчезли — и это, по-моему, очень хороший знак. А вот Дар его левой руки весь изорван в клочья. Хохария соединяет их с помощью направленного подкрепления — ох и умело! Я думаю, она поможет разрывам срастись.

Хохария выдохнула воздух — похоже, она задерживала дыхание — и сгорбилась. Даг в глубокой задумчивости смотрел на свою левую руку, которой ему удалось немного пошевелить.

— Стало лучше! — пробормотал он с радостным изумлением.

— Со временем... — сказала Хохария, и голос ее прозвучал так же хрипло, как голос Дага; Даг бросил на нее выразительный взгляд, словно говоря: «Ну и кто из нас перенапрягается?» Хохария, не обращая на него внимания, продолжала: — Со временем все придет в норму, по мере того как твой Дар будет выздоравливать. Медленно выздоравливать, Даг, запомни.

Даг разочарованно вздохнул.

— Угу. — Голос его сделался еще более унылым. — Призрачная рука... я ее лишился, верно? Навсегда. Как левой кисти.

Хохария довольно раздраженно ответила:

— Лишился до выздоровления — уж это точно; но не обязательно навсегда. Я знаю, ситуация тебя тревожила, но лучше бы ты перестал считать эту свою руку проявлением какой-то мерзкой магии! Она была всего лишь выбросом Дара, простым... ну, выбросом Дара, вот и все. Когда твой Дар оправится от всей обрушившейся на

него скверны, она к тебе вернется — последней из твоих способностей, я думаю, так что не кипятись и не дергайся.

— Ах... — сказал повеселевший Даг; Фаун готова была стукнуть его за то, как выразительно он ей подмигнул: она чуть не рассмеялась, а объяснить свой смех суровым Стражам Озера она не посмела бы.

— Ну а теперь, — сказала Хохария, выпрямившись и вытирая пот со лба, почтительно наблюдавший за ней Отан тут же протянул ей чистую тряпицу, за что Хохария поблагодарила его кивком, — теперь моя очередь задать некоторые вопросы. Вот что я хотела бы понять: решат ли в случае чего такие же действия сходную проблему? Если так, я должна записать все для шатра, где хранятся летописи, да и, пожалуй, сообщить целителям в других округах.

— Надеюсь, больше такая проблема никогда не возникнет — сказала Мари. — Это значило бы, что появился еще один незамеченный Злой вроде здешнего, который слишком близко подошел к тому, чтобы стать непобедимым. Только, конечно, все записать нужно — никогда ведь не знаешь, как дело обернется.

— Никто не сможет ответить на твой вопрос,

— сказал Хохарии Даг, — пока не попробует такую же меру на практике, только у меня сложилось мнение, что любой заряженный нож, которым ударили бы любого из захваченных Злым Стражей Озера, разрушил бы закруженную им спираль. Нужно только было, чтобы кто-нибудь сообразил — и посмел сделать.

— Такое представляется странным способом принесения жертвы, — согласилась Хохария. — И все-таки... десять за одного. — Все Стражи Озера задумчиво опустили головы, опечаленные такой арифметикой смертей. — А когда ты об этом подумал?

— Практически сразу, как только попал в западню. Я смог все увидеть изнутри.

Взгляд Хохарии скользнул по тесьме на левом запястье Фаун. Фаун, которая к этому времени уже привыкла к тому, что Стражи Озера говорят о ней так, словно ее нет рядом, все же поморщилась от этого неожиданного пристального внимания.

— Должно быть, в этот момент ты и почувствовала перемену в том странном подкреплении твоего Дара, которое проделал Даг, верно, Фаун? Не сопровождалась ли она чем-то вроде принуждения?

Отан тут же насторожился.

— Ну конечно! Этим все и объясняется — иначе откуда бы она знала, что нужно сделать!

Может быть, и правда что-то такое было? Фаун с сомнением нахмурила брови.

— Ничего настолько ясного я не ощутила. Хотела бы я, чтобы было иначе.

— Так откуда же ты узнала, — терпеливо продолжала расспрашивать Хохария, — что нужно именно так воспользоваться твоим разделяющим ножом?

— Я... — Фаун помолчала, вспоминая свои переживания накануне ночью. — Я догадалась.

— Каким образом?

Фаун пожала плечами: ей трудно было выразить свои путаные мысли словами — многое ведь предстало ей не в виде слов, а как яркие картины.

— Ну, ты сказала, что узы, сковывающие пленников, — это отделившиеся части Злого, а ведь Злого убивает разделяющий нож. Вот я и подумала: чтобы добить его, требуется дополнительная доза смертности.

— Но ведь твой нож не обладал сходством!

— Что? — Фаун растерянно посмотрела на целительницу.

— Дор был прав насчет этого, — откашлявшись,

мягко сказал Даг. — Смертность в твоем ноже была слишком чиста, чтобы иметь сходство со Злым, но мне удалось вклиниться в эту спирать и кое-что добавить. Немножко проявившегося в последнюю минуту мастерства... как ты думаешь, Хохария?

Целительница пристально посмотрела на него.

— Мастерства? Не уверена, что дело обошлось без магии, Даг.

Фаун в ужасе повернулась к Дагу.

— Так это и лишило тебя твоей призрачной руки? Ох, если бы я знала...

— Ш-ш, — успокоительно пробормотал Даг. — А если бы знала, то что?

Фаун опустила глаза на свои стиснутые руки. После долгой паузы она прошептала:

— Я все равно сделала бы то же самое.

— Молодец, — одобрил Даг.

— Значит, — продолжал гнуть свое Отан, — на самом деле ты ничего не знала — ты просто предполагала. — Он с явным облегчением кивнул. — Ну да, удар наобум. К тому же если бы Даг не вмешался в последний момент, у тебя ничего не вышло бы.

Фаун глубоко втянула воздух, обдумывая это

неприятное предположение.

— Иногда, — сказала она спокойно, призвав на помощь все свое чувство собственного достоинства, — важно не то, знаешь ли ты правильные ответы, а правильные ли вопросы ты задаешь.

Даг медленно моргнул; лицо его стало странно неподвижным. Однако он тут же улыбнулся Фаун, так что тяжесть свалилась с ее сердца, и одобрительно кивнул.

— Ага, вот это мы в шатре Блуфилд и называем везением, Отан. — Теплый взгляд, который Даг бросил при этих словах на Фаун, заставил ее ощутить удивительную легкость во всем теле.

В тот же день Саун вырезал из орешника костыль; с его помощью и опираясь к тому же на плечо молодого дозорного, Даг сумел доковылять до отхожего места. Эта прогулка излечила Дага от стремления к каким-либо еще перемещениям: он лежал на одеяле, где рядом с ним иногда примащивалась и Фаун, и просто молча наблюдал за всем происходящим в лагере. Особенно доволен он был возможностью ни с кем не разговаривать. Для того чтобы побудить Фаун рассказать ему о своем поразительном путешествии, ему было достаточно пробормотать всего несколько слов; Даг чувствовал себя виноватым из-за того, что

сам в ответ мало что сообщил ей, но тут он мог полагаться на Сауна и Мари, которые были щедры на все подробности, интересовавшие Фаун.

На следующий день вернулись последние разведчики, высланные Мари в окрестности; с ними прибыли и еще несколько жителей Боунмарша, интересующихся судьбой своих живых и мертвых соседей. Теперь, когда рабочих рук стало больше, было решено перевезти бывших пленников Злого в более удобное место, и после полудня местные Стражи Озера покинули лагерь. Оставшимся делать было особенно нечего, и дозорные сообразили, что единственным препятствием к возвращению домой остается их поправляющийся командир. Те несколько воинов, кто был способен принять участие в подкреплении его Дара, вызвались сделать это ради его скорейшего выздоровления. Даг с благодарностью принимал помощь всех желающих, пока наконец левая рука у него не начала дергаться, речь стала неразборчивой, а вокруг всех предметов не появился легкий сиреневый ореол, так что Хохарии, сердито бормочущей что-то о времени поглощения, пришлось прогнать лишних помощников.

Беспокойство и тоска по дому повисли над лагерем, как сырой туман; к вечеру Дагу удалось

уговорить Мари и Кодо разделить дозорных и отправить домой Хохарию с большей частью отряда; несколько телохранителей, а точнее, нянек, должны были остаться с Дагом и сопровождать его, как только он сможет снова сесть на коня.

Мари, посовещавшись с Хохарией так, чтобы Даг их не слышал, назначила себя главой этого эскорта.

— Кто-то же должен наводить порядок, когда тебе станет скучно и ты решишь на три дня сократить срок, назначенный Хохарией, — прямо заявила она Дагу, когда тот напомнил ей о Каттагусе. — Если мы оставим с тобой детишек, ты же не станешь их слушать.

Несмотря на испытываемую боль и слабость, Даг был вполне удовлетворен возможностью спокойно лежать ночью рядом с Фаун в их убежище под одеялом; ему казалось, что он нашел место, где все его потребности удовлетворялись, а никаких действий от него не требовалось. Такое равновесие представлялось ему совершенством. По дому он не скучал. У него вовсе не было желания думать о лагере Хикори и обо всем, что там его ожидало. Нет.. лучше об этом не думать.

«Будь здесь, с ней».

Даг ласкал Фаун, с наслаждением пропуская

ее темные шелковистые волосы сквозь пальцы. В своей седельной сумке Фаун привезла свечи собственного изготовления, одну из которых вставила в подсвечник из найденной на берегу ручья гладкой гальки с выемкой. Даг не испытывал возбуждения, да и не мог его испытывать в своем теперешнем состоянии, но, глядя на Фаун в золотом сиянии свечи, испытывал чистое наслаждение, какое дарит вид резвящегося жеребенка, парящий сокол, красочный закат. Он испытывал изумление перед красотой, которую человек мог сохранить для себя только в неуловимых воспоминаниях. Время было грозным противником, который, впрочем, был бессилен в «сейчас», «сейчас», «сейчас»...

Фаун не возражала против того, чтобы свернуться в клубочек на одеяле и обмениваться поцелуями, хотя через некоторое время она все же поднялась, чтобы снять пояс и сапоги: как и остальные дозорные, они спали не раздеваясь, но терпеть ненужные неудобства Фаун не хотела. Задумчиво сведя брови, она сняла и шнурок, на котором висели ножны разделяющего ножа.

— Пожалуй, теперь можно спрятать это в седельную сумку. — Фаун вытащила из ножен рукоять и разложила на одеяле три длинных

обломка костяного клинка, пальцем подтолкнув их один к другому.

Даг придвинулся поближе и стал смотреть на них, опершись на локоть.

— Ха! Так вот что Отан выуживал из меня... а то я все гадал.

— Что мы теперь должны сделать с обломками ножа? — спросила Фаун.

— Использованный нож, если его удается найти, обычно возвращается родичам того, кто даровал для него свою кость, или, если это невозможно, сжигается на маленьком погребальном костре. Прошло двадцать лет, но у Каунео в Лутлии должны быть родственники, которые ее помнят. У меня дома в сундучке все еще хранятся обломки ножа из кости ее дяди, Каунеара, — я не успел заняться ими из-за всего этого переполоха в Рейнтри. Мне следует отправить осколки с гонцом в Лутлию и написать письмо с описанием всего, что было достигнуто ценой такой жертвы. Так, я думаю, будет лучше всего.

Фаун серьезно кивнула, осторожно касаясь пальцем острого обломка.

— В конце концов этот нож сделал больше, чем просто соединил нас, что бы Дор ни говорил о том, что Дар крестьянки бесполезен. Благодаря

твоему мастерству он сыграл свою роль.

— Я... нельзя сказать, что рада — радоваться тут нечему, — но удовлетворена, пожалуй. Дор говорил...

Даг потянулся к Фаун и закрыл ее рот поцелуем.

— Не обращай внимания на то, что сказал Дор. Я ведь не обращаю.

— Вот как? — Фаун нахмурилась. — Но разве он не был прав насчет сходства?

Даг пожал плечами.

— Знаешь, было бы странно, если бы в этом он ошибся. Ножи — его призвание. Впрочем, не уверен, что он был прав и в отношении остального.

— Остального?

— Насчет того, как Дар твоей малютки попал в мой нож.

Черные брови Фаун сошлись к переносице.

Даг откинулся на одеяле, поместив правую руку на некотором расстоянии от культи левой, как любой человек мог бы положить две руки рядом.

— Понимаешь, это было мимолетное впечатление, когда я развернул спираль и высвободил смертельный Дар ножа. Доказать я ничего не могу, все исчезло в один миг, и видел это только я один. Только... тогда в Глассфордже Злого поразил

не один нож... и существует не одна разновидность сходства. Существовала определенная связь, канал... С одной стороны, ножи были парными, с другой — поразивший Злого клинок нес отпечаток смерти сердца Каунео. Нож не заключает в себе душу, если вообще такая вещь существует, но сохраняет какой-то отпечаток личности того, кто его зарядил. Думаю, Каунео умерла, многого желая и о многом сожалея, и в одном я уверен: она печалилась о том, что у нее не было ребенка. Я не посмел бы сказать это никому другому, но тебе могу поклясться: не Злой загнал Дар твоей дочери в клинок — это Каунео дала ему там убежище.

Губы Фаун приоткрылись от изумления, глаза ее стали огромными и темными; в их влажной глубине танцевали отблески пламени свечи.

— Если это был подарок из могилы, — очень тихо продолжал Даг, — это самая странная вещь, о каких мне только приходилось слышать, но... Каунео любила детей, она спасла бы любого, будь это в ее власти.

— Она не одна такая, — прошептала Фаун, прижалась к Дагу и крепко его обняла; потом, отстранившись, серьезно сказала: — Расскажи мне о ней побольше.

К собственному удивлению, Даг так и поступил.

Казалось, поток прорвал давно сдерживавшую его плотину. Возможность свободно говорить о Каунео, извлечь из-за скрывавшей его боли все богатство воспоминаний была столь же невероятной, как обретение через многие годы похищенного сокровища. Это было таким же чудом, как возвращение потерянной конечности. Слезы Дага, когда они наконец пролились, были полны не печали, а благоговения.

16

Следующие два дня, к радости Фаун, Даг послушно лежал, как ему было велено, хотя она заметила, что беспокойным и раздражительным он переставал быть только в ее присутствии. В лагере рядом с Боунмаршем оставались Саун и его напарник Грифф; Варлин заменила Дирлу в качестве помощницы Мари. В лагере было не так уж много занятий для Фаун, поскольку за предыдущие дни со стиркой и починкой одежды было покончено; впрочем, она с удовольствием вместе с молодыми дозорными ухаживала за лошадьми. Грейс не охромела, чего опасалась Фаун; кобыла явно набиралась сил быстрее, чем Даг. Фаун заподозрила, что Стражи Озера лечат своих коней, пользуясь магией, — если не в открытую, то уж исподтишка точно.

На третий день удушливую жару сменил грозовой ливень. Ветви деревьев гнулись и стонали под ветром, листья показывали свою серебристую подкладку. Дозорные в конце концов сделали из нескольких навесов один — только какая-то шкура улетела в лес, как обезумевшая летучая мышь, — на тех деревцах, под которыми обитали

Даг и Фаун. Ручей вспух и быстро нес коричневую от грязи покрытую желтой пеной воду. Потом гроза ушла, но дождь продолжал лить. По общему молчаливому согласию все просто сидели и смотрели на дождевые струи, передавая друг другу холодную еду: выложенный из камней очаг, в котором раньше горел костер, превратился в серую мутную лужу.

Грифф вытащил деревянную флейту и принялся учить Сауна играть на ней. Фаун узнала примерно половину веселых мелодий. Потом Грифф отобрал флейту у Сауна и начал долгий мрачный дуэт с дождем; Варлин и Саун глухо отбивали ритм палочками по котелку. Даг и Мари задумчиво слушали этот концерт.

Потом все снова принялись жевать. Даг, который с закрытыми глазами сидел, опираясь на седельные сумки, неожиданно выпрямился и спросил Сауна:

— Ты знаешь название городка, рядом с которым, как считается, появился Злой?

— Гринспринг, — рассеянно ответил Саун, безуспешно высматривавший просвет в тучах.

— Ты знаешь, где это? Бывал там?

— Да, пару раз. Это примерно в двадцати пяти милях к северо-западу от Боунмарша. — Саун

неопределенно махнул рукой куда-то за полотнище навеса.

Даг надул губы.

— Получается примерно пятьдесят миль за границей очищенных земель?

— Около того.

— Как же поселение возникло в такой дали? В мое время его там не было.

Саун пожал плечами.

— Кто-то там селился на протяжении всей моей жизни: место удобное, пересечение трех дорог и реки. Если я правильно помню, сначала там поставили лесопилку, а потом, когда вокруг появились деревни, и мельницу выстроили. Рядом поселился кузнец и другие ремесленники. Мы несколько раз пользовались кузницей, хотя тамошние жители и не очень приветливо принимают дозорных.

— Почему? — спросила Фаун, готовая обидеться за Стражей Озера.

— Это старая история. Несколько раз, когда крестьяне пытались там поселиться, дозорные из Рейнтри прогоняли их, да только они все равно просачивались обратно. Сгонять фермеров с расчищенной земли хуже, чем корни выкорчевывать. Может быть, как раз потому, что для

расчистки им и приходится корчевать корни. В конце концов упрямцев-фермеров стало слишком много, так что без кровопролития их было не выставить, и наши ребята махнули рукой и позволили им остаться.

Даг нахмурился.

Саун обхватил колени руками, пытаясь защититься от сырого холода.

— Один парень там мне как-то сказал, что Стражи Озера просто жадничают: хотят такие замечательные пахотные земли оставить своими охотничьими угодьями; крестьяне будто бы могут при помощи плуга получить с них больший доход, чем мы со своими луками и капканами.

— Они не смогли бы есть добычу, на которую мы охотимся, — проворчала Мари.

— Это был тот самый парень, который говорил мне, что зловредные привидения — просто страшилка, которую Стражи Озера придумали, чтобы не пускать туда крестьян, — мрачно добавил Саун. — Интересно, где он теперь.

Грифф и Варлин только головами покачали. Фаун закусила губу.

Даг накрутил на палец прядь своих отросших волос — давно ему пора стричься, подумала Фаун, если только он не решил по примеру товарищей

отрастить их подлиннее.

— Я хочу взглянуть на те места, прежде чем мы отправимся домой.

Грифф нахмурился.

— Это три дня пути в сторону, Даг.

— Может быть, только два — если мы поторопимся и к тому же поедем по большаку. — Подумав, Даг добавил: — Мы могли бы выехать отсюда на два дня раньше и вернуться домой вовремя.

Мари бросила на него подозрительный взгляд.

— Как я и думала — пора тебе начать проявлять нетерпение. Хохария сказала: семь дней покоя для твоей ноги. Мы все это слышали.

— Да брось, ты же знаешь, что она перестраховывается.

Мари не стала этого отрицать, но сказала:

— Да и вообще, зачем тебе туда? Ты и так знаешь, как выглядит пустошь, — она всюду одинакова, это и делает ее пустошью.

— Таков долг командира эскадрона. Громовержцу нужен будет отчет о том, как это все началось.

— Там же не его территория, Даг. Пусть за всем следят парни из Рейнтри.

Даг выразительно прикрыл глаза, дав понять Мари, что спорить не собирается; встретив любо-

пытный взгляд Фаун, он заключил:

— Тем не менее я должен увидеть все, что только можно. И обсуждению это не подлежит — на случай, если кто-то не понял. — В голосе Дата прозвучало железо: таким тоном он пользовался редко. Спорить он не собирался, но и сдаваться тоже.

Мари поморщилась.

— Но почему? Я могла бы в точности описать тебе все, что ты там увидишь, не сходя с места, — да ты и сам мог бы. Картина была бы безрадостной, но точной. Ответы на какие вопросы ты хочешь найти?

— Если бы я знал, мне не нужно было бы туда ехать. — Даг снова принялся теребить волосы. — Мне кажется, ответы мне и не нужны. Я собираюсь найти новые вопросы. — Он посмотрел на Фаун и кивнул ей.

Следующее утро оказалось ясным и теплым, и все занялись просушкой вещей, раскладывая их на солнце или развешивая на ветках. К полудню Даг счел, что все приведено в порядок, и снова заговорил о том, чтобы отправиться в путь — не напрягаясь и небольшими переходами; последнее он подчеркнул, чтобы успокоить встревоженную Мари, с сомнением ворчавшую что-то

себе под нос. Впрочем, окрестности Боунмарша надоели ей не меньше, чем всем остальным, так что Даг вскоре добился своего.

Поскольку перспектива вернуться домой, пусть и кружным путем, была заманчивой, молодые воины свернули лагерь за час, и шестеро всадников и вьючная лошадь под предводительством Сауна двинулись на северо-запад. Они объехали стороной мертвое болото, бурое и плоское, которое даже яркий солнечный свет не мог заставить блестеть, хотя путь через пустошь сократил бы дорогу на несколько миль.

На полдороге Мари натянула поводья и поставила лицо порыву влажного ветра.

— Что такое? — окликнул ее сразу насторожившийся Саун.

— Чувствуешь запах? — откликнулась Мари.

— Прилично пованивает, — сморщила нос Варлин.

— Что-то начало гнить, –объяснил Даг подъехавшей к нему Фаун, которая бросила на него вопросительный взгляд. — Это хорошо.

— Нашли чему радоваться... — покачала головой Фаун.

— Надежду подают даже такие мелочи, — улыбнулся ей Даг и сжал пятками бока Копперхеда,

радуясь тому, как улучшилось настроение усталых дозорных.

Как Даг и обещал Мари, через леса Рейнтри они двигались не спеша. Теперь не было нужды закрывать Дар, и Стражи Озера ехали, оглядывая окрестности, хоть и не были формально в дозоре. Такая предосторожность являлась обычной — ведь никогда не знаешь, с чем столкнешься. Сам Даг однажды обнаружил только что вылупившегося Злого и уничтожил его на дальней окраине округа Сигейт, когда ехал в одиночку с поручением к тамошним Стражам Озера. Несмотря на медленное продвижение, отряд к вечеру, когда был разбит лагерь, удалился от Боунмарша миль на двенадцать. Этой ночью все спали лучше, даже Даг, заживающая рана которого все еще болела.

На следующий день они выехали пораньше, но двигаться продолжали медленно. Варлин заметила рядом с тропой тела двух глиняных людей, которые, по-видимому, погибли от естественных причин — просто кончилась краденая сила, которой их снабдил Злой; это говорило о том, что опасность, которую могли бы представлять эти твари, существенно уменьшилась. Даже передвигаясь медленно, к середине дня маленький отряд добрался до окрестностей Гринспринга, где уже

были заметны следы мертвящего присутствия Злого.

В тени последних живых деревьев, там, где тропа выходила на голые поля, Даг остановился и поднял вверх свой крюк; все дозорные тоже натянули поводья.

— Нет необходимости ехать туда всем. Лагерь можно разбить здесь. Ты лучше оставайся тут с Варлин и Гриффом, Фаун: пустошь такого размера высасывает Дар, даже если ты ничего не чувствуешь, а это вредно. Да и картина там может оказаться неприглядной. — Именно такой она и будет...

Фаун оперлась на луку седла и пристально взглянула на Дага.

— Если это вредно мне, то разве тебе не будет еще вреднее? Ты и так медленно выздоравливаешь, насколько я могу судить.

Мари кисло усмехнулась.

— А девочка-то тебя поймала!

Фаун втянула воздух и выпрямилась в седле.

— Здешнее селение — оно ведь похоже на Вест-Блу, правда?

— Возможно, — признал Даг.

— Тогда... тогда я должна все там увидеть. — Фаун подкрепила свои слова решительным

кивком.

Они с Дагом обменялись долгим взглядом; Фаун явно собиралась стоять на своем.

«И чему тут удивляться?»

— Что ж, чем скорее начнем, тем скорее кончим. Мы там долго не задержимся. — Даг махнул рукой Сауну, предлагая ему показывать дорогу.

Сначала они ехали мимо заброшенных ферм; растения на полях были привядшими, потом умирающими, потом мертвыми, потом мертвыми и странно посеревшими... Даг хорошо знал все эти признаки и, как и другие дозорные, держал свой Дар плотно закрытым.

— Чего мы ищем? — спросил Грифф, когда из-за облетевших кустов крушины, которые раньше были чьей-то живой изгородью, показались первые дома городка.

— Для начала я хотел бы найти логово, — ответил Даг, — увидеть, откуда Злой начал продвижение, и понять, как он мог остаться незамеченным.

Это оказалось нетрудным делом: дозорные просто следовали за все более заметным осквернением окрестностей. Впечатление было такое, будто они опускаются в темную пропасть, хотя земля здесь, как и всюду в Рейнтри, была ровной.

Пожухлая растительность становилась все более серой, и даже дощатые домики с их покосившимися заборами выглядели лишившимися всех оттенков цвета. Сухость и отсутствие всяких запахов напоминали пыльную пещеру. Городок, на взгляд Дага, был раза в два больше Вест-Блу: он состоял из трех или четырех улиц. На берегу реки — она заслуживала этого названия и не была просто сделавшим карьеру ручьем — виднелся крепкий причал; русло реки было достаточно глубоким для небольших парусных судов, не говоря уже о многочисленных плотах и плоскодонках, заплывавших сюда с реки Грейс. На рыночной площади обнаружились трактир и кузница; всего в городке насчитывалось домов сто. Еще недавно здесь жила тысяча человек.. теперь же не было никого.

Логово Злого, похоже, находилась в леске на окраине городка. Лошади встревоженно зафыркали, когда всадники захотели подъехать поближе. В склоне неглубокой лощины, промытой в сланце ручьем, виднелась пещера, похожая на ту, что Даг видел в окрестностях Глассфорджа, только меньше. Теперь она была пустой, и камни образовали осыпь, наполовину перегородившую ручей. Вдоль берега тянулись ямы, в каждой из кото-

рых мог бы поместиться человек; в некоторых местах их было так много, что земля напоминала пчелиные соты. Должно быть, это был первый питомник глиняных людей, устроенный Злым.

— Вокруг было так людно, — сказал Клифф. — Трудно поверить, что никто не заметил первых признаков появления Злого.

— Может быть, кто-нибудь и заметил, — отозвалась Фаун, — да никто не обратил внимания его их слова. — «Подростка кто же станет слушать». — Рощица ведь принадлежала всем горожанам. Наверняка мальчишки все время играли тут у ручья.

Даг оперся о луку седла и глубоко втянул воздух, стараясь преодолеть тошноту.

«Да. Любимая пища Злого, самая питательная, с доставкой на дом».

Поэтому-то Злой и рос так быстро. Даг вспомнил красоту твари, озаренной лунным светом. Сколько же было линек? Да сколько угодно...

— И никто не сообразил, что нужно спасаться бегством? — спросила Варлин. — Или Злой просто слишком быстро рос?

— Быстро, конечно, но все-таки не настолько, — высказала свое мнение Мари. — Некоторым просто не повезло, но другие, я думаю, погибли

из-за своего невежества.

— Почему... — начала Фаун и умолкла. Даг, подняв брови, повернулся к ней. — Я собиралась спросить, почему они были невежественными, — продолжала Фаун тихо, — но я сама совсем недавно была такой же, так что я, пожалуй, знаю почему.

Даг, которого кошмарные видения, представшие его умственному взору, лишили слов, только покачал головой и развернул Копперхеда. От лощины всадники двинулись по широкой тропе.

Когда они свернули на главную улицу городка поблизости от причала, Саун неожиданно поднял голову.

— Клянусь, я слышу голоса!

Даг позволил себе чуть приоткрыть свой Дар, но тут же плотно его закрыл, морщась от неприятного ощущения; однако искры жизни он все же заметил.

— Вон там.

Дозорные свернули в боковую улочку, вдоль которой тянулись голые деревья и брошенные дома — некоторые новые, обшитые досками, другие бревенчатые, более старые. В кое-каких строениях виднелись разбитые стекла в окнах, хотя большинство обходилось старомодным перга-

ментом или сеткой от насекомых — теперь тоже рваными. Мостовая скоро превратилась в грунтовую дорогу с глубокими колеями, выводящую на широкое поле, покрытое серо-коричневой полегшей травой и сорняками. На дальнем конце поля под мертвыми деревьями копошилась дюжина человеческих фигур. Рядом виднелись несколько телег, запряженных понурыми лошадьми.

— Не могут же они пытаться засеять это поле, — в растерянности пробормотал Саун.

— Нет, — ответил Даг, приподнявшись на стременах и прищурившись, — сегодня они сеют не зерно.

— Они могилы копают, — тихо проговорила Мари. — Должно быть, некоторые беженцы вернулись и ищут своих, как это было в Боунмарше.

Грифф печально покачал головой.

Даг намотал поводья на крюк, хотя его левая рука все еще еле двигалась, чтобы освободить правую, и жестом приказал дозорным двигаться вперед; впрочем, осторожность заставила его остановиться на некотором расстоянии от выживших жителей Гринспринга.

Горожане выстроились неровным строем, сжимая лопаты и мотыги; это напомнило Дагу о том, как Хорсфорды со страхом приближались к нему,

мирно сидевшему на их крыльце. Если у Хорсфордов были причины нервничать, то эти люди имели все основания быть полубезумными, а то и совершенно лишившимися рассудка.

После того как горожане, переглядываясь, обменялись несколькими тихими словами, вперед вышел один человек и осторожно приблизился к всадникам; он остановился в нескольких шагах от них, но все же так, что можно было разговаривать, не повышая голоса. Это хорошо. Сочувствие лучше высказывать без крика. Даг поднял руку в приветствии.

— Здравствуйте.

Человек ответил коротким мрачным кивком. Это был измученный заботами старик; его рваная рабочая одежда нуждалась в стирке. Запах пота, такой человеческий, был почти приятен в мертвом, лишенном запахов воздухе. Лицо человека казалось заживо утратившим всякие оттенки — таким серым от усталости оно стало. Даг невольно снова вспомнил Соррела Блуфилда.

— Вам не следовало бы оставаться на осквернённой земле, — начал Даг.

— Это наша земля, — возразил человек, безразлично взглянув на Дага.

— Она отравлена зловредным привидением

и станет отравлять и вас, если вы здесь задержитесь.

— Нечего каким-то пожирателям трупов здесь командовать, — фыркнул горожанин.

Даг постарался сдержаться.

— Вы можете, если хотите, похоронить погибших здесь, хотя я вам этого не советовал бы. Только по крайней мере не разбивайте здесь лагерь для ночлега.

— Тут есть где укрыться. — Человек выпятил подбородок и нахмурился. — И мы будем стеречь нашу землю ночью, — предостерегающим тоном добавил он, — если вы вздумаете прокрасться обратно.

Что этот идиот вообразил? Что дозорные явились, чтобы похитить тела мертвых горожан? Даг стиснул зубы, не позволяя вырваться яростным протестам: «Не станем мы творить такую гадость! У нас хватает мертвых тел и своих соплеменников. И кости крестьян, спасибо вам, нам ни к чему, тем более крестьян, из которых Злой высосал весь Дар...» Даг ограничился коротким:

— И все же сделайте, как я говорю.

Горожанин, возможно, смутился от того, что нанес обиду; впрочем, извиняться он не стал, а только объяснил:

— А как еще нам, тем, кто выжил, найти друг друга? Привидение наложило на нас проклятие и разбросало по сторонам...

Может быть, он был в числе захваченных Злым рабов и теперь находился в растерянности? Похоже, так оно и было...

— Неужели никто не догадался обратиться за помощью, когда привидение еще только появилось? Поднять тревогу?

— Да за какой там помощью! — снова надулся старик. — Вы, Стражи Озера, на своих высоких конях на нас и напали. Я же сам все видел. — Голос его упал. — Мы все были не в себе после заклятия привидения, это верно, но все же...

— Они должны были защитить... — начал Даг и остановился. Толпа горожан не опустила свои орудия, превращенные в оружие, и не вернулась к прежнему занятию. Даг искоса глянул на Фаун, тревожно следившую за мужчинами, и потер лоб. — А что, если я слезу со своего высокого коня? — коротко бросил он. — Ты подойдешь и станешь со мной разговаривать?

Пауза, недоверчивый взгляд, наконец кивок.

Даг стиснул зубы, готовясь спешиться. Пристально наблюдавшая за ним Варлин ухватила Копперхеда за узду, а Саун соскочил с собствен-

ного коня, отвязал костыль, притороченный к седлу, и поспешил подставить командиру плечо. Нога Дага едва не подвернулась, когда он на нее оперся; Даг слабой улыбкой поблагодарил Сауна, который поспешно убрал руку, вспомнив, должно быть, выговор Дага при нападении на разбойничий лагерь... как же давно это было! Даг крепко ухватил костыль и повернулся к удивленно заморгавшему горожанину: тот только теперь понял, в каком плачевном состоянии его собеседник.

Даг показал на ствол упавшего дерева, и старик снова кивнул. Фаун тут же оказалась рядом с хромающим Дагом и взяла его за руку — еще не поддерживая, но готовая прийти на помощь, если его нога снова подвернется. Даг подумал было, не отправить ли ее обратно к Грейс: ему не хотелось, чтобы Фаун услышала о самых печальных подробностях случившегося. Впрочем, он прогнал свои сомнения — да и было уже поздно что-нибудь делать, — когда они дошли до поваленного дерева.

«Фаун ведь говорит на языке, понятном крестьянам».

С этой мыслью Даг развернулся так, чтобы Фаун села между ним и стариком. Оба мужчины могли

видеть друг друга поверх ее головы, и к тому же, раз этот бедняга в последний раз видел Стража Озера как своего врага и преследователя, он, наверное, предпочел бы, чтобы их кто-то разделял.

«Мы оба такое предпочтем».

Даг с облегчением перевел дыхание, заметив, что горожане вернулись к своей работе. Теперь пришла очередь держащих под уздцы своих коней дозорных, сбившись в тесную группу, настороженно следить за действиями Дага.

— Привидение причинило вред всем, — снова начал Даг. — Стражи Озера из Рейнтри понесли урон и лишились жилищ. Лагерь Боунмарш осквернен — он останется заброшенным лет тридцать, на мой взгляд. А здешние окрестности останутся безжизненными еще дольше.

Горожанин хмыкнул, и нельзя было понять, согласен он с этим или нет. Может быть, он просто застонал от боли...

— Многие из вас вернулись? Чтобы найти друг друга? — спросила Фаун.

Старик пожал плечами.

— Кое-кто вернулся. Большинство понимало, что придется только хоронить погибших, но все же кое-кто вернулся. Я нашел свою жену.

— Это хорошо, — с симпатией сказала Фаун.

— Она похоронена вон там, — продолжал горожанин, кивнув на длинную насыпь свежевскопанной земли под деревьями. Братская могила, понял Даг.

— Ох... — выдохнула Фаун.

— Они ждали, когда мы вернемся, — продолжал старик. — Все жены, все дочери... Все парни. Все старики. Похоже на то, что с их телами случилось что-то странное: они не разлагаются даже в такую жару. Как будто они ждали, что мы вернемся и найдем их.

Даг сглотнул и решил, что момент для того, чтобы объяснить самые загадочные проявления скверны, неподходящий.

— Мне так жаль... — тихо прошептала Фаун.

Горожанин пожал плечами.

— Могло оказаться хуже. Вон Дейзи и Купер — они час назад нашли друг друга живыми. — Он показал на мужчину и одну из немногих здесь женщин, сидевших на передке одной из телег, отвернувшись друг от друга и бессмысленно глядя в пустоту.

Маленькая рука Фаун коснулась колена старика.

— А... почему это хуже? — Фаун могла спрашивать о таких вещах; сам Даг не осмелился бы и

снова порадовался тому, что она с ним.

— Дейзи, она ведь думала, что вся их малышня с отцом. А Купер считал, что это она их увела. У них было четверо детишек. — Через мгновение старик добавил: — Мы оставляем детей напоследок, на случай, если кто из их родственников еще объявится. — Даг проследил за его взглядом; наполовину скрытый засохшими сорняками, под деревьями был виден ряд неподвижных тел. Рядом с ними горожане начали копать длинную яму. Она была длиннее, чем уже засыпанная могила.

— Сирот отвели подальше от осквернённой земли? — спросила Фаун, только отсутствующие боги знали, какие мысли промелькнули у нее в голове: может быть, кто-то взял на себя заботу о том, чтобы потерявшие друг друга родственники встретились...

Старик долго смотрел на Фаун. Должно быть, она показалась ему очень юной, как в свое время и Дагу, потому что ответил он ей очень мягко:

— Здесь нет сирот, мисс.

— Но... — Фаун закусила губу, явно не сразу сообразив, что кроется за этой короткой фразой.

— Мы не нашли ни одного ребенка младше двенадцати. Да и из тех, кто постарше, немногие

выжили.

Когда Фаун повернулась к Дагу с таким видом, словно надеялась: он сможет тут чем-то помочь, он тихо сказал:

— После беременных женщин, дети — лучший источник Дара для Злого, готовящегося к линьке. Вот он за ними в первую очередь и охотится. Когда люди спасались из Боунмарша, женщины схватили детей и бежали первыми. Остальные последовали за ними со скотом и теми припасами, которые могли унести, а оказавшиеся в селении дозорные образовали заслон позади них. Детей увели из лагеря в первые же четверть часа после тревоги, да и другие задержались ненамного дольше. Потери все равно были: кое-кого не удалось предупредить. Те мастера, которых мы освободили от заклятия Злого, задержались, пытаясь связаться с группой подростков, которые в тот день отправились в лес за орехами.

Фаун нахмурилась.

— Я об этом не слышала. Удалось им предупредить их вовремя?

Даг вздохнул.

— Нет. Вернувшиеся жители Боунмарша потом нашли тела... и похоронили, как и этих бедняг. — Он кивнул в сторону насыпей; горожанин,

слушая его рассказ, только ковырял каблуком сухую землю, задумчиво сведя брови.

«Да, — подумал Даг, — бери с нее пример. Крестьяне могут задавать вопросы и получать ответы. Почему бы и тебе не попробовать?»

— Родичи не забрали... — Фаун резко оборвала фразу, вспомнив, что спрашивать в присутствии своих соплеменников о костях, используемых для изготовления разделяющих ножей, нельзя. Она только покачала головой.

Горожанин искоса взглянул на Дага.

— Ты ведь не из Боунмарша.

— Нет. Мой эскадрон прискакал из Олеаны на помощь. Мы теперь возвращаемся домой.

— Отряд Дага и убил ваше зловредное привидение, — с гордостью вставила Фаун. — Проклятие Злого... зловредного привидения как раз тогда и отпустило тебя.

— Ха... — уныло буркнул старик. — Могли бы поспеть и побыстрее.

Оскорбленный несправедливостью, Даг резко бросил:

— Если бы кому-нибудь из вас хватило ума сразу же поднять тревогу, все случилось бы намного быстрее. Мы сделали все, что могли, и сразу же, как только узнали.

Между мужчинами повисло упрямое молчание. Горе и усталость, глубокие, как трясина, не позволяли им ни спорить, ни извиняться. Даг в целом получил представление о событиях. Пожалуй, пора было уезжать.

Из чащи голых деревьев вышли трое горожан — они то ли искали там погибших, то ли просто справляли естественные надобности, — и вытаращились, открыв рты, на дозор. Седой старик резко вскинул голову и, не спуская глаз с Фаун быстро двинулся к упавшему дереву, все ускоряя и ускоряя шаги. Наконец он не выдержал и побежал; на лице го отразилось страшное волнение; размахивая руками, он закричал:

— Сасси! Сасси!

Даг напрягся, его рука скользнула к рукояти ножа. Сидевший рядом с Фаун горожанин со стоном выпрямился и безнадежным жестом вскинул руки.

Седой старик бежал тем медленнее, чем ближе оказывался; хватая ртом воздух, он тер покрасневшие глаза и присматривался к Фаун. Бесцветным голосом он прошептал:

— Ты не моя Сасси...

— Нет, сэр, — ответила Фаун виновато. — Я Фаун Дага.

Старик продолжал присматриваться к ней.

— Но ты же одна из наших? Тебя привезли обратно дозорные? — Он махнул рукой в сторону всадников, все еще настороженно следивших за происходящим. — Мы можем попытаться найти твоих родных.

— Нет, сэр, я из Олеаны.

— Почему это ты с ними?

— Я замужем за одним из Стражей Озера.

Седой старик растерянно оглянулся и уставился на Сауна, который все еще держал поводья Копперхеда. Старик неприязненно поджал губы.

— Если так тебе сказал тот парень, мисси, то, боюсь, он солгал.

— Это не он... — начала Фаун и умолкла, когда Даг предостерегающе сжал ее руку.

Седой человек глубоко втянул воздух.

— Если захочешь остаться здесь, мисси, мы могли б найти тебе... — Он умолк, печально озираясь.

— Убежище? — пробормотал его товарищ. — Вряд ли. — Он поднялся с бревна и стиснул плечо несчастного. — Брось, приятель. Она — не наша забота... уж во всяком случае сегодня.

Кинув через плечо разочарованный взгляд, седой старик потащился прочь.

— Надеюсь, он найдет свою Сасси, — сказала Фаун. — Кто она ему? Дочь?

— Внучка, — пробормотал горожанин.

– Ах...

— Нам нужно покинуть эти осквернённые места, Фаун, — сказал Даг, гадая, не счел ли бы горожанин Фаун своей заботой, будь это какой-то другой день. Мысль была неприятной, но опасный момент, если он таковым и был, миновал.

— Ох, конечно! — Фаун тут же вскочила на ноги. — Тебе, должно быть, здесь особенно тяжело. Как твоя нога?

— Ей полегчает, как только я снова окажусь в седле. — Даг тяжело оперся на свой костыль и поднялся. У него уже болело все тело, как при лихорадке. Пока Даг, хромая, ковылял к своему коню, горожанин тащился следом.

На этот раз Саун и Варлин общими усилиями с трудом подняли Дага на Копперхеда. Даг со вздохом поник в седле и даже позволил Сауну вдеть свои ноги в стремена и забрать костыль. Варлин ловко подсадила в седло Фаун, и та благодарно улыбнулась дозорной.

— Готов, Даг? — спросил Саун, похлопав того по ноге.

— Насколько я на это способен, — ответил Даг.

Саун двинулся к своему коню, а брови горожанина поползли вверх.

— Ты и есть ее Даг? — В голосе старика прозвучали удивление и глубокое неодобрение.

— Да, — буркнул Даг. Они несколько мгновений молча смотрели друг на друга, потом Даг начал говорить: — В следующий раз не забудь... — и оборвал себя. Ни час, ни место, ни собеседник не годились для разговора о будущем.

«Да и когда, где и кто окажется подходящим? »

Горожанин поджал губы.

— Вряд ли нам есть еще о чем разговаривать, дозорный.

— Пожалуй. — Даг поднял руку в прощальном приветствии и щелкнул языком, разворачивая Копперхеда.

Фаун на Грейс двинулась следом. Даг опасался, что она все же уловила невысказанный мрачный намек горожанина: на ее лице ясно отражалась борьба между сочувствием горю жертв Злого и вызванным стариком гневом. Она наклонилась в седле и бросила горожанину:

— Мог бы сказать «спасибо». Должен же кто-то хоть раз поблагодарить дозорных, пока мир не рухнул.

Старик смущенно потупился под ее пылающим

взглядом, а потом долго в растерянности смотрел ей вслед.

Когда отряд покинул осквернённый город и выехал на дорогу, идущую по берегу реки, Мари сухо спросила:

— Ну как, удовлетворен тем, что увидел, Даг?

Он только хмыкнул в ответ.

Голос Мари стал более мягким:

— Ты не можешь в одиночку исправить все зло в этом мире.

— Похоже, что так. — Через несколько мгновений он совсем тихо пробормотал: — Может быть, и никто не сможет.

Фаун с тревогой смотрела на поникшего в седле Дага, однако об отдыхе и речи не было: он желал, чтобы между ними и тем, что оставалось позади, оказалось как можно больше миль. Гринспринг... Не окажется ли теперь городок переименован на картах в Мертвую Пристань? Мари была права: Даг совсем не нуждался в новом запасе кошмарных воспоминаний, не говоря уже о том, чтобы нарочно их собирать. Он получил по заслугам. Даже Фаун приумолкла. Ни вопросов, ни ответов — только тишина.

Так, в молчании, они и ехали на север вдоль реки, высматривая тропу, которая вела домой.

17

Через шесть дней после того, как они повернули на север, копыта коней маленького отряда застучали по доскам такого знакомого моста, ведущего на остров. Фаун повернулась в седле, глядя на Дага. Он выпрямился и поднял голову, но, в отличие от остальных, не завопил от радости, и его кривая улыбка каким-то образом заставила его выглядеть еще более измученным, чем раньше. Мари распорядилась, чтобы отряд совершал короткие переходы, не утомляя без нужды усталых лошадей, но все понимали, что она заботится о Даге. Беспокойство Мари пугало Фаун даже сильнее, чем та не похожая на Дага вялость, которая не покидала его всю дорогу. В последние два дня необходимость беречь коней как-то забылась: дозорные торопились к привычной конюшне даже больше, чем их лошади.

Всадники задержались на развилке дорог, и Мари помахала Сауну, Гриффу и Варлин, а потом кивком головы подозвала Дага.

— Думаю, нам стоит отправляться прямо домой.

— Хорошо, — откликнулся Саун. — Помощь

нужна?

— Там должны быть Рази с Утау. Да и Каттагус. — Черты строгого лица Мари смягчились, и она с отсутствующим видом улыбнулась. — Ага... — Фаун подумала, что Мари, должно быть, как раз коснулась Дара Каттагуса, чтобы предупредить того о своем прибытии.

Даг встрепенулся.

— Мне первым делом нужно повидаться с Громовержцем.

— Громовержец уже обо всем знает от Хохарии и остальных, — решительно возразила Мари. — А мне нужно повидаться с Каттагусом.

Саун взглянул на своих нетерпеливо ерзающих в седлах спутников, которых ожидали их семьи, и сказал:

— Я по дороге заеду к Громовержцу и сообщу ему, что мы вернулись.

Даг прищурился.

— Это, пожалуй, сгодится.

— Считай, что дело сделано, Даг. Отправляйся отдыхать, ты выглядишь ужасно.

— Спасибо, Саун, — сказал Даг; легкая сухость его тона говорила о том, что благодарит он за первую часть фразы, а не за ее завершение. Саун ухмыльнулся, и молодые дозорные пустили ко-

ней рысью, которая перешла в галоп еще прежде, чем они скрылись за поворотом.

Даг, Мари и Фаун двинулись по идущей вдоль берега дороге, и хотя никто не предложил тоже пустить коней галопом, Мари все-таки подхлестнула своего. К тому времени, когда они добрались до своих шатров, она уже стояла на стременах, глядя вперед.

На поляну высыпали все — Рази и Утау каждый держал на руках по ребенку, Сарри радостно махала руками, Каттагус, несмотря на одышку, торопился навстречу Мари; оказались среди встречающих и новые лица — высокая женщина среднего возраста, мужчина, который мог быть только ее мужем, и шестеро детей — от старшего, ровесника Фаун, до весело подпрыгивающей девочки лет восьми. Женщина, конечно, была старшей дочерью Мари, которая вернулась с другого берега озера вместе со всем своим семейством и с новой лодкой. Все они кинулись к Мари, хотя и уступили Каттагусу первую очередь. Старик крепко обнял жену, как только та спешилась.

— Пора уж тебе было вернуться, старуха, — пробурчал он ей в волосы.

— Ага, ты тут. Это хорошо — не придется

разыскивать тебя, чтобы поколотить, — грозно пообещала Мари, не выпуская мужа из объятий.

Рази протянул брыкающегося сына Сарри, и та посадила малыша себе на бедро; Утау отпустил Тези, строго наказав ей держаться подальше от Копперхеда, и двое мужчин помогли Дагу спешиться. Утау выглядел бледным, но достаточно бодрым, нашла Фаун. Зять Мари и Рази быстро расседлали всех трех лошадей и отнесли сумки к шатру, а потом отвели коней на остров Кобылы, прежде чем фыркающий Копперхед сумел укусить или лягнуть кого-нибудь из резвящихся вокруг детей.

Шатер Блуфилд по-прежнему стоял под яблоней, и Сарри с улыбкой подняла и привязала навес. Внутри все выглядело очень опрятно; Фаун попросила Утау сложить их потертые сумки под навесом. Ей предстоит нешуточная стирка, решила она, прежде чем можно будет позволить грязной и пропахшей потом дорожной одежде снова присоединиться к остававшимся дома родичам.

Даг взглянул на постель с ее мягким матрацем из душистого сена, как голодная собака смотрит на кусок мяса, пробормотал «Хоть сапоги снять», упал на чурбак и принялся расшнуровывать

сапоги. Подняв глаза, он поинтересовался:

— Пока мы отсутствовали, никаких неприятностей не было?

— Ну, — неохотно начала Сарри, — была тут небольшая стычка с девицами со склада.

— Они пытались украсть твой шатер, эта паршивки, — с возмущением сообщил Утау.

Сарри замахала на него руками; Фаун подумала, что спорят на эту тему они не в первый раз.

— Что? — переспросил Дат, удивленно прищурившись.

— На самом деле воровства не было, — пробормотала Сарри.

— А вот и было, — возразил Утау. — Проклятые проныры!

— Они сказали, что получили приказание вернуть шатер на склад, — продолжала Сарри, заставив Утау умолкнуть. — Они уже протащили его полпути, когда я их поймала. Меня они слушать не хотели, но тут появился Каттагус, начал пыхтеть и отпугнул их.

— Мы с Рази ходили собирать бузину для Каттагуса, — объяснил Утау, — иначе я сам шуганул бы их. Какая наглость: забрать шатер дозорного, пока он сражается!

Фаун нахмурилась, представив себе, какой оше-

ломляющий эффект это произвело бы, если бы они с Дагом, измученные трудной дорогой, вернулись и обнаружили, что всего лишились. Судя по виду Дага, он тоже такое себе представил.

— Дядюшка Каттагус в ярости так пыхтел, что это оказало нужное действие, — продолжала Сарри. — В таких случаях он багровеет и задыхается, и начинаешь думать, что он сейчас рухнет прямо к твоим ногам. Девчонки испугались и ушли.

— Сбежали, по словам Каттагуса, — довольно сообщил Утау.

— Когда Рази и Утау вернулись, они поставили ваш шатер на место, а потом сходили на склад и кое-что сказали начальнице. Та утверждала, что произошла ошибка.

Утау фыркнул.

— Черта с два это была ошибка! Какая-то приятельница Камбии постаралась сделать мелкую гадость. Ну, я еще поговорил с Громовержцем, тот поговорил с Массап, а она поговорила еще с кем-то, и больше ничего такого не случалось. — Утау решительно вскинул голову.

Даг потер шею с огорченным и отсутствующим видом. Будь у него больше сил, подумала Фаун, он мог бы прийти в такую же ярость, как Утау, но сейчас он просто опечалился.

— Понятно, — только и сказал он. — Спасибо. — Он кивнул Утау и Сарри.

— Фаун, я не собираюсь учить тебя твоей работе, — сказала Сарри, — но мне кажется, что тебе следовало бы уложить мужа.

— Я тоже так думаю, — ответила Фаун. Они вместе с Утау подняли Дага на ноги и отвели в шатер.

Утау, снимая руку Дага со своего плеча, когда они с Фаун опустили его на постель, пробормотал:

— Клянусь, ты выглядишь хуже, чем когда я уезжал из Рейнтри. Так на тебе отразились узы, наложенные Злым на Дар? А нога у тебя не загноилась? Судя по словам Хохарии я думал, что она получше заштопала тебя перед своим отъездом.

— Ему и было лучше, — сказала Фаун, — но потом мы побывали в Гринспринге по дороге домой. Уж очень там оказалась сильна скверна. Думаю, это и вызвало что-то вроде нового приступа. — На самом деле Фаун совсем не была уверена, что именно воздействие безжизненной земли виновато в том, что Даг утратил жизнерадостность, которую испытывал после победы над наследием Злого. Она помнила выражение его лица — а вернее, отсутствие всякого выражения, когда они

проезжали мимо горожан, роющих могилу, и ряда маленьких не подверженных разложению мертвых тел.

«Он ведь пересчитал их...»

— Ну, это была глупость — у него и так пострадал Дар, а тут еще добавочное воздействие скверны, — нахмурился Утау. — Тебе следовало быть умнее, Даг.

— Угу, — вздохнул тот, послушно вытягиваясь на постели. — Что ж, теперь мы все дома.

Сарри и Утау ушли, пригласив вернувшихся путешественников попозже прийти к ним на ужин; Фаун с благодарностью приняла приглашение. Она устроила Дага поудобнее, поцеловала его в лоб и оставила не то чтобы дремлющим, а скорее впавшим в забытье. Фаун принялась распаковывать сумки, поглядывая на навес шатра Блуфилд, так недавно оказавшегося предметом спора.

Вот она и дома.

Только дома ли?

На следующее утро Фаун принесла Дату завтрак в постель. Это были всего лишь кидальник и чай, но сдобренные заботой, и по крайней мере заботу Даг нашел восхитительной. Хотя аппетита у него не было, он позволил Фаун уговорить себя немного поесть, а потом устроить на подушках

так, чтобы можно было смотреть сквозь дверное отверстие на озеро. Поднимающееся солнце освещало Фаун, на причале стирающую их одежду. Время от времени она махала Дату рукой, и он отвечал ей тем же. Потом Фаун с охапкой мокрых вещей исчезла за деревьями — отправилась, должно быть, развешивать белье на просушку.

Даг все еще смотрел вдаль в умиротворенной апатии, когда чья-то рука решительно похлопала по боку шатра, и внутрь вошла Хохария.

— Вот ты где! Саун сказал мне, что вы вернулись, — приветствовала она Дага.

— А, Хохария! Да, мы добрались вчера к вечеру.

— Я также слышала, что ты не в таком уж хорошем состоянии.

— Бывало и хуже.

Хохария снова была одета в свое летнее платье; впрочем, и в дорожной одежде она не слишком походила на дозорную. Она опустилась на колени, потом уселась, поджав ноги, и критически оглядела Дага.

— Как твоя нога после всех нагрузок?

— Заживает. Медленно. Воспаления нет.

— Это преимущество глубокой раны и сильного кровотечения. Впрочем, после полученного тобой подкрепления Дара инфекции я и не ожи-

дала. А рука?

Даг приподнял левую руку.

— Все еще очень слаба. — Этим утром он даже не стал надевать протез, хотя Фаун уговорила его переодеться в чистые штаны и рубашку. — Но хуже не становится.

— К настоящему времени должны были бы быть заметны улучшения. Ладно, открой свой Дар.

Даг вздохнул и распахнул перед Хохарией свой Дар. Теперь это не сопровождалось ощущением, напоминающим боль; неприятное чувство было более неуловимым, более всеохватывающим и длительным.

Хохария нахмурилась.

— Куда ты дел все то подкрепление, которое получил на прошлой неделе в Рейнтри? Теперь оно почти незаметно.

— Оно мне помогло. Но на обратном пути мы пересекли еще одну пустошь.

— Не слишком умно. — Глаза Хохарии сузились. — Далеко ли сейчас ты видишь при помощи Дара?

— Хороший вопрос. Я не пробовал... — Даг напряг свое внутреннее зрение. Чтобы обнаружить шумных внуков Мари, с криками носящихся

между шатрами, можно было Даром и не пользоваться. Взрослые виделись ему как неясные контуры; в сотне шагов от шатра, в ореховой роще, ярко светилась искорка Фаун... а дальше — ничего. — Вижу на очень ограниченном расстоянии. — Пугающе ограниченном. — Я не был так слаб с тех пор, как потерял руку.

— Что ж, если ты хочешь получить ответ на вопрос «Как я поправляюсь?», то это весьма показательно. Никаких выездов в дозор, командир, до тех пор, пока твой Дар не вернется к своему обычному состоянию.

Даг отмахнулся от предостережения.

— Я же не спорю...

— И это тоже о многом говорит. — Пальцы Хохарии коснулись его бедра, пробежали по руке, по боку; Даг чувствовал ее внимательный осмотр как давление на свой Дар. — После наших с Сауном рассказов Громовержец решил, что твоему колышку место в коробке отсутствующих по болезни. Он хотел знать, надолго ли.

— Да? И надолго?

— Дольше, чем Утау, по крайней мере.

— Громовержцу это не понравится.

— Что ж, мы поговорили и об этом тоже. Насчет тебя. С тобой в Боунмарше случилось кое-что и

кроме попадания в ловушку, знаешь ли.

Что-то в тоне Хохарии заставило Дата если не насторожиться, — это ему по-прежнему не удавалось, — то все же сосредоточить внимание. Даг позволил своему Дару снова закрыться. Хохария уселась на плетеной циновке рядом с постелью и обхватила руками колени, холодно рассматривая Дага.

— Ты уже очень давно служишь дозорным, — заметила она.

— Больше сорока лет. Ну и что? Каттагус ходил в дозор почти семьдесят лет, а мой дед еще дольше. Такова наша жизнь.

— А ты когда-нибудь думал о другой жизни? Более оседлой?

— В последнее время не думал. «По крайней мере до этого лета».

Даг не собирался рассказывать о том, в какую растерянность повергла его собственная жизнь со времен Глассфорджа.

— Кто-нибудь предлагал тебе сделаться целителем?

— Да, ты предлагала, только ты этого хорошенько не обдумала.

— Я помню: ты жаловался, что слишком стар, чтобы делаться подмастерьем. Позволь тебе

сказать, что срок твоего обучения оказался бы самым коротким из всех известных. Ты уже знаешь все о целебных травах — пользовался ими многие годы, пока ходил в дозор. Ты знаком с экстренной помощью с практической точки зрения — возможно, лучше, чем я сама. Твое умение обращаться с Даром поразительно — выживший Саун готов сообщить об этом любому, кто пожелает слушать.

— Саун, как ты могла заметить, натура увлекающаяся. Я на твоем месте не стал бы принимать его слова слишком всерьез, Хохария.

Целительница покачала головой.

— Я сама видела, что ты способен делать своим Даром, — мы ведь были одновременно скованы узами Злого; я до сих пор не могу всего понять. Я обследовала Артина после того, как все закончилось. Ты не только смог ему помочь, ты сделал это на совесть, Даг. Многие могут быть дозорными. Гораздо меньше людей способны достичь мастерства и уж совсем мало кто может напрямую работать с Даром. Уж я-то знаю — я каждый год ищу себе подмастерьев.

— Будь разумна, Хохария. Есть у него Дар или нет, но целитель должен иметь две умелые руки для... ну, для разных дел. Мне никто не даст за-

шить штаны, не то что рану. И этот список можно продолжить.

— Конечно. — Хохария улыбнулась и наклонилась к Дагу. — Только ведь дозорные привычны к тому, чтобы работать парами. Ты все время это делаешь. А мне время от времени попадаются молодые люди, мечтающие заняться медициной, с умелыми руками, но не обладающие необходимым для этого Даром. Ты хорошо управляешься с новобранцами, хоть сначала и пугаешь их до смерти. Вот я и подумала: а не поставить ли тебя в пару с кем-нибудь из них?

Даг заморгал. Искорка? У нее самые ловкие руки, какие он только встречал... и отсутствующие боги свидетели: ей хватает и сообразительности, и решительности. У Дага взыграло воображение и заколотилось сердце: перед его умственным взором замелькали соблазнительные картины открывающихся возможностей. Они могли бы работать вместе и здесь, в лагере Хикори, и в лагере у Медвежьего Брода. Почетная, нужная работа, которая обеспечит Фаун уважение и место среди Стражей Озера. Он мог бы быть с ней рядом каждый день. И каждую ночь. А когда она всему научится, они смогут делать и больше... Понравится ли Фаун такое предложение? Нужно

спросить ее немедленно. Даг улыбнулся Хохарии, и та просияла.

— Как я вижу, ты понял мою мысль, — с удовлетворением сказала она. — Я так рада! Как ты, наверное, догадываешься, у меня есть кое-кто на примете.

— Да.

— Ох, так Отан уже говорил с тобой?

— Прошу прощения?

— Речь идет о его младшем брате, Ошо. Он еще не совсем готов для такого дела, ну так и ты еще не готов. Однако если я буду знать, что он станет работать в паре с тобой, я сразу же начну его учить.

— Подожди, о чем ты? Нет! Я думал о Фаун.

Теперь пришла очередь Хохарии удивленно заморгать.

— Но, Даг... Даже если она... у нее же вообще нет восприятия Дара! Крестьянка не может быть целительницей, да и вообще овладеть мастерством.

— Крестьяне по-своему делают это все время — повитухи, костоправы...

— Безусловно, но нашими способами пользоваться они не могут. Не сомневаюсь, что они обладают ценными умениями, и это лучше, чем

ничего, но они просто не могут работать с Даром.

— Это делал бы я. Ты сама сказала.

— Даг... Больные и раненые чувствительны и обидчивы. Боюсь что очень многие не станут доверять Фаун, не примут ее как целительницу. Такая вещь была бы для них слишком странной. Мне нравится Фаун, но ее присутствие — со всегда широко распахнутым Даром — там, где происходят деликатные манипуляции, может помешать или отвлечь. Нет.

«Меня не отвлекло бы», — хотел возразить Даг, но только откинулся на подушки; вспышка возбуждения была недолгой, и по контрасту упадок сил стал чувствоваться особенно сильно. Вместо того чтобы настаивать на своем, Даг медленно проговорил:

— Почему бы нам не делать больше для крестьян? Нет, я не имею в виду таких сильных мастеров, как ты: вы редки и нужны здесь, — но всем нам? Дозорные бывают в землях, где живут крестьяне, постоянно. Мы знаем и используем множество приемов, которыми могли бы поделиться с ними. Это значило бы больше, чем просто продажа лекарственных трав и снадобий. Со временем возникла бы взаимная благожелательность. — Даг вспомнил рассказ тетушки

Нетти о ее вывихнутой ноге. Доброе деяние даже через много лет приносило полезные плоды.

— Ох, Даг, — покачала головой Хохария, — уж не думаешь ли ты, что никто, искушаемый жалостью, не пытался такого сделать? И даже подружиться? Все это звучит прекрасно, но только до тех пор, пока не возникают сложности, — а они возникают неизбежно. Доброжелательность в мгновение ока превращается во враждебность. Тех Стражей Озера, кто пытался оказать крестьянам помощь, забивали до смерти, а то и хуже.

— Если бы... — Голос Дага оборвался. Ему нечего было возразить Хохарии — она была совершенно права. «Должен быть лучший путь» — так сказать легко; гораздо труднее представить себе, каким именно он должен быть. Возвращаясь к прежней теме, Хохария сказала:

— Громовержец не слишком хочет расставаться с тобой, но ради такого дела согласится. Он видит в тебе то же, что и я — он ведь давно к тебе присматривается.

— Я должник Громовержца, — ответил Даг, поднимая левую руку. — Я всем ему обязан. Мой протез — его затея. Понимаешь, он высмотрел что-то подобное в Трипойнте: тамошний ремесленник и костоправ додумались, как помогать

людям, потерявшим руки в шахтах или кузницах. Ни у одного из них не было и намека на Дар, но зато им приходили идеи.

Хохария начала что-то говорить, но умолкла и обернулась: через мгновение в двери шатра показалась Фаун, которая казалась одновременно и встревоженной, и обрадованной.

— Хохария! Как я рада, что ты пришла! Как дела у Дага? Мари беспокоится.

Фаун, похоже, не ожидала, чтобы ее собственное беспокойство произвело впечатление на целительницу... «И так ли она ошибается в этом?» Хохария обнадеживающе улыбнулась.

— Ему требуется главным образом время и отдых... ну и еще не делать глупостей.

Даг, неспособный подняться с постели, жалобно протянул:

— Как я могу делать глупости, когда я вообще ничего не могу делать?

Хохария не сочла нужным откликнуться на эту жалобу и принялась давать Фаун наставления; все сводилось в основном к тому, что Даг должен есть, спать и заниматься всякими нетрудными делами, когда окажется в силах. Фаун внимательно слушала и кивала. Даг не сомневался, что она запоминает каждое слово и будет при случае

повторять их ему.

Хохария поднялась.

— Через пару дней я пришлю Отана снять швы.

— Я и сам могу это сделать, — возразил Даг.

— Нет, не надо. — Хохария сверху вниз посмотрела на Дага. — Подумай о том, что я сказала. Когда твои ноги — или сердце — станут слишком болеть, если понадобится пройти милю, то ты сможешь принести много пользы, не трогаясь с места.

— Подумаю, — с сомнением откликнулся Даг. Хохария помахала ему рукой и ушла.

Фаун, хмурясь, опустилась рядом с постелью на колени и положила свою маленькую руку на лоб Дагу.

— У тебя брови взъерошены. Нога болит? — Она разгладила морщины на лбу мужа.

— Нет. — Даг поймал ее руку и поцеловал. — Просто устал. — Он поколебался и добавил: — И есть о чем подумать.

— Это те самые твои размышления, когда ты часами сидишь как чурбан, а потом прыгаешь в сторону, как лягушка?

Даг невольно рассмеялся.

— Разве я так делаю?

— Делаешь.

— Ну, сегодня-то я никуда прыгать не буду.

— Это хорошо. — Фаун поощрила такое похвальное намерение поцелуем, а потом и еще несколькими. В результате У Дага расслабились те мышцы, о которых он и не знал, что они напряжены. Впрочем, одна мышца осталась вялой, что встревожило бы Дага, если бы он не имел опыта выздоровления после ранений.

«Нужно поправляться поскорее».

Следующие три дня Дат провел все в той же вялой неподвижности; с постели его в конце концов подняла не вернувшаяся энергия, а просто скука. Выбравшись наружу из шатра, он неожиданно обнаружил, что в выполнении сидячих работ у него имеются соперники — Каттагус и выздоравливающий Утау. Дат смотрел на Каттагуса, который ходил так же медленно, как и он сам, и думал: вот это и значит быть старым...

Дело кончилось тем, что Дату пришлось ограничиться колкой орехов — в конце концов, для этого у него всегда имелся при себе инструмент; шкур, которые можно было бы выскребать, в настоящий момент не оказалось, а Утау и Рази успели раньше Дага предложить Каттагусу свою помощь в производстве вина из бузины. Снача-

ла, правда, Дату кропотливая работа давалась плохо, но потом он приспособился к ней. Фаун морщила нос, явно считая такое занятие самым скучным на свете, но оно как раз соответствовало настроению Дага; от него не требовалось ничего, кроме ленивых размышлений о различиях в форме орехов и толщине их скорлупы. Орехи... Скорлупа... Снова и снова.– на них можно было положиться. Они могли сопротивляться Дагу, но очень редко нападали — лишь очень немногие орехи оказывались злобными в душе.

Компанию Дагу составляла Фаун, сначала занятая прядением, а потом шитьем двух пар новых штанов для верховой езды из ткани, которую она спряла совместно с Сарри, — одних для Дага, других для себя. Однажды, сидя в тени навеса рядом с Дагом, Фаун заметила:

— Я наделала бы еще стрел, но у всех колчаны и так полны.

Даг возился с особенно несговорчивым орехом.

— Тебе больше нравится делать стрелы, чем шить штаны?

Фаун пожала плечами.

— Это просто кажется более важным. Дозорным ведь нужны стрелы.

Даг обдумал ее слова.

— А разве штаны нам не нужны? Думаю, тут ты ошибаешься, Искорка. В лесах ведь полно ядовитого сумаха, знаешь ли, не говоря уже о крапиве, чертополохе, колючках и кусачих насекомых.

Фаун надула губы, медленно протыкая иголкой жесткую ткань.

— Стрелы нужны в бою — когда это важнее всего.

— И все равно я не согласен. Штаны мне необходимы. Вот если на нас ночью нападут, я, проснувшись, первым делом схвачусь за штаны, а только потом за сапоги и лук.

— Но дозорные же спят в походе в штанах, — возразила Фаун. — Правда, иногда они останавливаются на постоялых дворах, — добавила Фаун; воспоминание явно доставило ей удовольствие.

— Вот видишь: это говорит о важности штанов. — Даг с невинным видом захлопал глазами. — Представляю себе: отряд скачет, вооруженный до зубов, и все дозорные с голыми задницами. Ты только подумай, во что превратятся наши самые нежные части от трения о седла! Разве после этого мы справимся со Злым?..

— Ах! Ну и картина! — Фаун согнулась вдвое от смеха. — Ладно, будут тебе твои штаны.

— Я благодарен тебе от всего сердца, — заверил

ее Даг. — И от нежных частей тоже. — Фаун снова захихикала.

Даг подумал о том, что давно уже не слышал, чтобы Фаун так смеялась, и эта мысль отрезвила его. Впрочем, он продолжал улыбаться, глядя на снова склонившуюся над шитьем Фаун, и решил, что очень хотел бы отблагодарить ее своими нежными частями, как только они наконец снова будут готовы выполнить свой долг. Даг вздохнул и принялся за очередной орех.

К счастью или к несчастью, пока он выздоравливал, у Фаун начались месячные — болезненные, по-видимому, и тревожно кровавые. Даг забеспокоился и притащил в шатер Блуфилд Мари для консультации. То, что на Мари ситуация не произвела впечатления, обнадежило Дага; старая дозорная выдала, как решил Даг, женский эквивалент страшилок, которые рассказывают у костра в походе, о том, что видела вещи и похуже.

— Не припомню, чтобы у женщин-дозорных в отряде бывали такие же неприятности, — нервно сказал Даг.

Мари бросила на него выразительный взгляд.

— Это потому, что девчонки с такими же неприятностями, как правило, предпочитают не становиться дозорными.

— Ох... Это разумно, конечно...

Мари, смягчившись, признала, что Фаун, должно быть, еще не вполне поправилась, и Даг, вспомнив, как выглядят отпечатки пальцев Злого на ее шее, решил, что так все и обстоит и что через несколько месяцев все уладится; он даже позволил себе слегка подкрепить Дар Фаун, чтобы ускорить выздоровление.

Вспомнив свой короткий брак с Каунео, Даг подумал о том, как существование женатого мужчины подчинялось этим интимным ритмам и как это иногда его раздражало... и как он потом желал бы, чтобы все вернулось. Теперь он безропотно приносил Фаун нагретые кирпичи и уговаривал ее выпить вина из бузины, которое выпросил у Каттагуса; скоро Фаун стало лучше.

Наконец одним ясным тихим утром Даг вытащил из шатра свой сундучок, чтобы использовать его как письменный стол: он взялся за письмо в Лутлию. Сначала он хотел описать все коротко, чтобы не причинять никому боли, — одной фразой просто сообщив, какая кость какого Злого убила. Даг так привык скрывать сложности, возникшие из-за ненамеренной зарядки ножа, что ему казалось невозможным все ясно изложить, да и история Фаун и ее погибшего ребенка представ-

лялась ему слишком личной, чтобы выставлять ее на обозрение чужих глаз. Промолчать было бы легче. И все же... умолчание означало бы, что он отрицает ту роль, которую сыграла крестьянская девушка в уничтожении двух Злых и спасении от заклятия Стражей Озера. Даг в последний раз перед тем, как завернуть их в полотно, сотканное Фаун, взвесил в руке гладкие обломки кости Каунео и решил поступить иначе.

Он написал настолько полный и подробный отчет, насколько был способен, особенно подчеркнув свое представление о том, как Дар малышки нашел в кости Каунео убежище от Злого. Случившееся все еще представлялось Дагу таким невероятным, что он не был уверен — не покажется ли его рассказ невразумительным или бредом безумца, — но он постарался изложить события так, как их себе представлял. Закончив, Даг дал Фаун прочитать письмо, прежде чем его запечатать; она вернула ему лист, коротко кивнув.

— На мой взгляд, все правильно.

Фаун помогла Дагу аккуратно уложить обломки ножей и письмо; поверх полотна она обернула их оленьей кожей и для надежности обвязала ремешком. Даг адресовал письмо родным Кау-

нео; Рази должен был отвезти его в штаб, чтобы передать гонцу. Даг провел пальцем по приготовленному пакету и медленно проговорил:

— Как много воспоминаний... Если души существуют, может быть, они остаются в том времени, которое мы оставляем позади, и не уходят в будущее — поэтому мы и не можем их найти даже с помощью Дара. Мы смотрим не в том направлении.

Фаун в ответ только криво улыбнулась и нежно поцеловала Дага.

— А может быть, они все время здесь, с нами рядом, — прошептала она.

На следующий день заглянул Громовержец. Даг уже ожидал его появления. Мужчины уселись на чурбаках в ореховой роще, там, где их не услышали бы шумные обитатели шатров.

— Рази говорит, что ты чувствуешь себя лучше, — сказал Громовержец, внимательно оглядывая Дага.

— По крайней мере тело снова двигается, — согласился Даг. — Вот с тем, насколько далеко действует мой Дар, дела обстоят не так хорошо. Не думаю, что Хохария права в том, что мне не следует отправляться в дозор, пока это умение не вернется полностью. Наполовину вполне сойдет.

— Речь идет не о том, чтобы тебе отправляться в дозор: тут я больше полагаюсь на мнение Хохарии, чем на твое. Тебя хочет видеть совет лагеря. Я отговаривался тем, что ты еще слишком слаб после Рейнтри, но это становится затруднительным, когда все видят, что ты снова на ногах, так что ты можешь ожидать вызова сразу же, как только совет разберется со склокой по поводу углубления дна у острова Цапли.

— После Рейнтри, — прошипел сквозь зубы Даг, — после всего, что мы с Фаун сделали, они все еще стараются натравить на нас совет лагеря? Хохария, я сам, Брин, Маллора, Орниг — мы все были бы мертвы и похоронены в осквернённой земле Боунмарша, если бы не Фаун. Не считая пятерых искусных мастеров. И все это, и Злой у Глассфорджа — чего еще можно хотеть от крестьянской девушки, что бы наконец признать ее заслуживающей уважения? — Гнев Дага охладила печальная мысль: за сорок лет службы в дозоре он и сам в глазах некоторых не стал достойным уважения. Даг давно уже решил, что дело не в нем, а в этих глазах, и никакие его действия тут ничего изменить не могут. Так почему же в случае Фаун что-то должно быть иначе?

Громовержец почесал ухо.

— Угу, я так и думал, что новости тебя не порадуют. — Он поколебался. — Я должен перед Фаун извиниться — я ведь пытался ее остановить, когда ты попал в ловушку и звал ее. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, как это было жестоко. Я и не подозревал, что за ее тогдашним беспокойством стоишь ты.

Даг нахмурил брови.

— Ты беседовал насчет ловушки в Боунмарше с Отаном?

— Я разговаривал со всеми кто там был, пытаясь составить себе полное представление о тех событиях.

— Ну так вот, знай: вовсе не я надоумил Фаун воткнуть нож мне в бедро, как... как обошелся бы Злой с порабощенным крестьянином. Фаун сама все сообразила!

Громовержец поднял руки, признавая поражение.

— Как бы там все ни происходило, нужно подумать, что тебе отвечать на вызов совета. Я тянул дело, как только мог, без того чтобы меня отстранили от участия из-за предвзятости. Поскольку я не собираюсь давать повод для того, чтобы меня выгнали из совета, следующий ход должен сделать ты. Как этому и следует быть, должен я

тебе заметить.

Даг сгорбился и устало вздохнул.

— Не знаю, Громовержец... С тех пор, как я вернулся, мозги у меня шевелятся медленно. По правде сказать, мой ум похож на жука, который увяз в меду.

Громовержец бросил на него любопытный взгляд.

— Как ты думаешь: это последствие того странного повреждения Дара, которое причинил Злой?

— Не знаю. Что это последствие чего-то, сомнений нет. —. Может быть, всего, что накопилось. Даг чувствовал, как растет в нем нечто, но не мог найти ему имени.

— Не повредило бы, если бы ты больше рассказывал о том, как все было, — сказал Громовержец. — Не думаю, что люди понимают, как много потеряет и этот лагерь, и Олеана, если тебя изгонят.

— Так что, я должен похваляться? — поморщился Даг. — Тогда мне разрешат сохранить Фаун, раз я такой замечательный?

— Если ты не хочешь говорить о своих заслугах друзьям, то как ты собираешься явиться на совет и говорить о них врагам?

— Это не мой стиль, и к тому же оскорбление

всем, кто выполняет свой долг несмотря ни на что, без фанфар и ожидания благодарности. А вот если ты хочешь, чтобы я настаивал на том, что мне следует разрешить сохранить Фаун, потому что она замечательная, на это я согласен.

— М-м... — промычал Громовержец. Если он и представил себе такую картину, она, похоже, не очень его порадовала.

Даг смотрел вниз, ковыряя сандалией влажную землю.

— Вот что я тебе скажу. Если продолжение существования лагеря Хикори — или Олеаны, или всего мира — зависит всего от одного человека, то мы уже проиграли нашу долгую войну.

— И все же в конце концов уничтожение Злого совершается рукой одного человека, — сказал Громовержец, внимательно глядя на Дага.

— Неверно. На острие разделяющего ножа балансирует весь мир, да, и удар наносит рука одного дозорного, о нож, который она сжимает, — это кость другого человека, сердце третьего, искусство и точность глаза мастера, который нож изготовил. И все дозорные участвуют в том, чтобы этот единственный человек оказался в нужном месте. Мы, дозорные, охотимся стаей. А за спиной дозорных — их лагерь и родичи, те,

кто дает им коней и оружие, кто обеспечивает их пищей. И эту цепочку можно продолжить. Так что не один человек, Громовержец; скорее кто-то один из многих.

Громовержец медленно кивнул, соглашаясь. Через несколько мгновений он поинтересовался:

— Кто-нибудь сказал тебе «спасибо» за Рейнтри, командир эскадрона?

— Не припоминаю такого, — сухо ответил Даг, но тут же пожалел о своем тоне, заметив, как поморщился Громовержец. — Надеюсь, Дирла получила свою вечеринку, — добавил он задумчиво.

— Да, в ее честь устроили празднество в Бивер Сае, как я слышал от тех, кто после него остался в живых.

Даг ухмыльнулся.

— Это хорошо.

Громовержец потянулся, и в прохладной тишине его суставы тихо хрустнули. Между темными стволами деревьев была видна блестящая поверхность озера, которую морщил ветерок.

— Мне нравится Фаун, и все-таки... Я не могу не думать о том, как все упростилось бы, если бы ты вернул эту милую крестьяночку ее семье в Вест-Блу и предложил им оставить себе свадеб-

ные подарки.

— Это довольно оскорбительно, Громовержец, — сказал Даг, хоть и не уточнил, для кого. Таких оказалось бы много, решил он.

— Ты мог бы сказать, что сделал ошибку.

— Но это не так.

Громовержец поморщился.

— Я и не думал, что ты согласишься, но попробовать предложить тебе такое стоило.

Даг сдержанно кивнул, показывая, что понял резоны Громовержца. Тот говорил так, будто все вертелось вокруг Фаун; и действительно, неприятности начались с ее появлением; однако теперь Даг не был уверен, что дело только в его крестьянке-жене. Проблема стала казаться ему более значительной и более сложной. Когда все началось? В Рейнтри? В Вест-Блу? В Глассфордже? Или еще раньше, а он не замечал?

— Громовержец...

— М-м?..

— Этот год был неудачным для дозорных. Стало ли больше чрезвычайных ситуаций или они просто сделались более тяжелыми?

Громовержец молча начал загибать пальцы, производя подсчеты, и его брови удивленно поползли вверх.

— На самом деле в этом году Злых было обнаружено меньше, чем год или два назад, но в Глассфордже и в Рейнтри они оказались такими могущественными, что кажется, будто их было много: из-за этих двух мы отстаем от графика.

— Оба самых тяжелых случая произошли в крестьянских землях.

— Да. Ну и что?

— Крестьянские земли теперь стали более обширными. Фермеры расчищают все новые поля... В результате нас ждет еще больше чрезвычайных ситуаций, и не только в Олеане. Ты ведь из Трипойнта, Громовержец, ты знаешь о ремесленниках больше других. Мастеров вроде тех, что сделали мой протез, — Даг поднял руку, — я этим летом видел в Глассфордже: они производят все больше товаров и становятся все более умелыми. Ты слышал о том, что случилось в Гринспринге. Что, если бы жертвой Злого стал большой город вроде Трипойнта или такой, каким становится Глассфордж?

Громовержец сидел неподвижно, слушая Дага, слушая очень внимательно; однако о чем бы он ни думал, на лице его ничего не отразилось.

— Стоит Злому захватить подобный город, — продолжал Даг, — и он не только получит рабов

и уничтожит их Дар, он получит знания, инструменты, оружие, лодки, кузницы, мельницы — все, что уже построено, силу и власть, а не только насытится краденым Даром. И чем больше городов построят фермеры — а это непременно случится, — тем скорее вероятность несчастных случаев превратится в неотвратимость.

Громовержец мрачно покачал головой, соглашаясь с Дагом.

— Мы не можем насильно загнать крестьян обратно в безопасные районы — не можем тратить на это силы, их и так не хватает.

— Значит, они останутся там, куда уже проникли, а? Я не предлагаю действовать насильно. Но что, если мы добьемся от них помощи, воспользуемся их силой вместо того, чтобы позволить это делать Злым?

— Мы не должны делаться зависимыми. Мы не должны снова стать лордами. Эта ошибка наших отцов чуть не погубила весь мир.

— А разве нет другой возможности для Стражей Озера и крестьян существовать, не становясь лордами и слугами, Злыми и рабами?

— Да, такая возможность есть: жить порознь, — сказал Громовержец, делая резкий рубящий жест рукой. — Так мы предотвратим опасность.

Даг промолчал; у него перехватило горло.

— Итак, — через некоторое время снова заговорил Громовержец, — как ты планируешь действовать в отношении совета лагеря?

Даг только покачал головой.

Громовержец раздраженно посмотрел на него, потом продолжал:

— Дело обстоит так. Когда я вижу хорошего тактика — а мне известно, что ты именно таковым и являешься, — который сидит и ждет, вместо того чтобы сопротивляться наступающему врагу, я могу предположить одно из двух: или он не представляет себе, что делать, или его враг сам идет ему в руки. Я знаю тебя очень давно... и все-таки, глядя на тебя теперь, я не могу решить, что именно происходит.

Даг отвел глаза.

— Может быть, я и сам этого не знаю.

Последовало тяжелое молчание; потом Громовержец вздохнул и поднялся.

— Что ж, возможно. Я сделал все, что мог. Будь осторожен, Даг. Похоже, теперь мы увидимся на совете.

— Наверное. — Даг поднял руку в приветствии и стал смотреть вслед устало пересекающему рощу Громовержцу.

Рассвет следующего дня был ясным, обещая прекрасный день — теплый и сухой. Поверхность озера казалась стеклянной. Даг, лежа под навесом, наблюдал, как Фаун плетет шляпы — она нашла водоросли, которые, по ее мнению, напоминали привычную для крестьянки солому и потому подходили для плетения. Фаун, взяв ножницы и забавно высунув кончик языка, осторожно принялась подравнивать торчащие на длину пальца из полей концы растений.

— Ну вот, — сказала она, поднимая готовую шляпу, — эта для тебя.

Даг взглянул на другую шляпу, лежащую рядом.

— А почему у моей края так же аккуратно не заделаны, как у той?

— Дурачок, то шляпа для девочки, а эта — для мальчика. Как же иначе их различить!

— Не хочу подвергать сомнению обычаи твоих соплеменников, но я обычно иначе определяю различия между мальчиками и девочками.

Его слова, как Даг и рассчитывал, заставили Фаун захихикать.

— Ну, соломенные шляпы тоже нужно различать, верно? Зато теперь я могу выходить на солнце, не опасаясь, что у меня носа не станет

видно под веснушками.

— Я думаю, что твой нос выглядит очень мило со всеми веснушками. — «Или без них».

— Ну а мне так не кажется. — Фаун решительно тряхнула головой.

Даг откинулся назад, полуприкрыв глаза. Им вновь овладела глубокая, пронизывающая его до мозга костей усталость. Может быть, Хохария была в конце концов права, говоря о том ужасно долгом времени, которое потребуется для выздоровления...

— Придумала! — Фаун вскочила на ноги.

Открыв глаза, Даг обнаружил, что она смотрит на него, задумчиво сведя брови.

— Мы отправляемся на пикник, — безапелляционно заявила она.

— Что?

— Вот подожди, и увидишь. Нет, не вставай. Это сюрприз, так что не подсматривай.

Даг все равно следил за Фаун, пока она суетилась, укладывая в корзину огромное количество еды, ставя туда два глиняных кувшина и сворачивая два одеяла. Потом она скрылась за шатром Каттагуса и Мари и вернулась с веслом. Ошеломленный Даг был препровожден на причал и уложен на подушки на корме лодки, а сама Фаун

с веслом в руках уселась к нему лицом.

— Ты умеешь управлять лодкой? — осторожно поинтересовался Даг, устраиваясь поудобнее.

— Э-э... — смутилась Фаун. — Это выглядело совсем просто, когда ты правил. — Через мгновение она добавила: — Но ты же будешь говорить мне, что делать?

— Договорились, Искорка.

После того как Фаун оттолкнулась от причала, обучение заняло минут десять. Их извилистый маршрут сделался более прямым, когда Фаун уловила принцип управления лодкой, и Дагу оставалось только уговаривать ее не спешить, чтобы не выбиться из сил. С этим Фаун тоже скоро разобралась. Даг сдвинул на затылок свою новую шляпу и улыбнулся Фаун. Даже под широкими полями шляпы лицо Фаун сияло в отблесках света, отраженного водой, на фоне глубокой синевы неба.

Даг чувствовал удивительное спокойствие и нежелание двигаться.

— Если бы твои родичи сейчас нас видели, — проговорил он, — они и в самом деле поверили бы россказням о том, что мужчины — Стражи Озера — лентяи и бездельники.

Даг подумал, что почти забыл, какая очарова-

тельная ямочка появляется на щеке Фаун, когда она улыбается.

Фаун продолжала грести; они обогнули Ореховый остров, задержавшись ненадолго, чтобы полюбоваться жеребцами, грациозно скачущими по пастбищу, потом двинулись по протокам между кустами бузины. Им встретилось несколько лодок: сбор ягод был в самом разгаре. В ответ на свои приветствия Даг и Фаун по большей части получали смущенные взгляды: исключением были Рази и Утау, которые трудились на пользу Каттагусу и в определенном смысле на свою собственную: Каттагус готовил вино в больших глиняных кувшинах, вкопанных в землю, унаследованных им от другого старика, который тоже получил их по наследству; Даг не знал, как давно существовала эта традиция, но не сомневался, что бузинное вино не моложе кидальников.

Даг и Фаун задержались, чтобы поболтать немного с дозорными. Добродушные насмешки, которые вызвала шляпа Дага, только заставили его еще решительнее ее надвинуть; Фаун вскинула голову, но не перестала улыбаться.

Наконец, как с удовольствием и предвкушал Даг, лодка скользнула в прозрачные воды уединенной заводи, где росли лилии. Он весело

наблюдал, старательно скрывая усмешку под весьма удобными для этого полями шляпы, как Фаун озирается, обнаружив, что кое-чего она не учла: все покрытые густой травой участки берега, на которых можно было бы расстелить одеяла, оказались островками, окруженными по крайней мере двумя дюймами воды. Даг слушал ее разочарованное ворчание до тех пор, пока мог делать это, не выдав своей веселости, потом все же уступил более благородным чувствам и предложил устроить пикник в лодке, загнав ее между полузатопленными бревнами в тени ивы. Фаун нацелилась в пространство между ними и, лишь слегка оцарапав борт, причалила к этому импровизированному доку.

Даг и Фаун уселись на дно лодки лицом друг к другу, так что ноги их переплелись; Фаун до тех пор предлагала мужу еду и вино, пока ей не удалось выполнить рекомендации Хохарии: хорошенько его накормить. Потом он задремал, а когда проснулся, обнаружил, что даже фермерская шляпа и тень ивы не спасают от жары, и стал раздеваться и отстегивать протез.

Фаун сонно приоткрыла один глаз, потом встревоженно приподнялась, увидев, что Даг снимает штаны.

— Не думаю, что нам это удалось бы в узкой лодке...

— Ну, на самом деле можно бы, — рассеянно ответил Даг, — но я не это сейчас имею в виду. Я собираюсь нырнуть, чтобы охладиться.

— А разве, если плавать сразу после плотной еды, не начинаются судороги?

— Я не собираюсь плавать. Я хочу полежать на воде — при этом не нужно напрягать ни единого мускула.

Даг выбрал сухое поленце футов трех в длину из груды на берегу, спустил его на воду и повис на нем, почти не шевеля ногами. На поверхности вода была теплой, как в ванне, но более глубокие слои дали ту прохладу, к которой стремился Даг. Струи ласкали его тело, как шелк. Даг закинул руки на импровизированный поплавок, оперся о него подбородком и полностью расслабился.

Через некоторое время Фаун, к его удовольствию — увы, чисто эстетическому, — стянула с себя платье, тоже выбрала поленце и нырнула в воду. Даг с удовольствием висел в воде, глядя как Фаун с юношеской прытью резвится вокруг, не боясь намочить волосы; потом она окунула в воду лицо и нырнула в глубину.

— Эй! — изумленно сообщила она, вынырнув.

— Я не могу погрузиться до дна, значит, и утонуть не смогу!

— Ну вот видишь, — проворчал Даг.

Фаун брызнула на него водой, не добилась реакции и тоже повисла на бревне рядом. Даг приоткрыл глаза ровно настолько, чтобы наслаждаться видом ее светлого нагого тела, кажущегося текучим в танцующих в воде солнечных лучах; длинные пряди водорослей ласкали ее. Даг задумчиво посмотрел на желтые листья ивы, качающиеся на волнах у его носа — предвестники скорого листопада.

— Свет стал другим. И звуки тоже. Я всегда замечаю эти перемены — когда лето минует свой пик и начинает клониться к осени. Появляются цикады. Это делает меня... не грустным, а... не знаю, какое слово тут подходит. — Как будто время ускользало, и даже его призрачная рука была не в силах его ухватить.

— Цикады такие громогласные, — пробормотала Фаун, опираясь подбородком о свое поленце. — Я слышала, как они как раз начали свои песни, когда я ехала в Рейнтри.

Они оба долго молчали, прислушиваясь к контрапункту жужжания насекомых. Коричневая голова ондатры вынырнула из воды и оставила

расходящиеся волны на спокойной поверхности, потом с плеском исчезла, когда осторожное животное почувствовало, что на него смотрят. По протоке проплыла голубая цапля, потом застыла, стоя на одной ноге. Утки с зелеными головами дремали в тени, застыв неподвижными силуэтами. Ясный свет казался дышащим, как живое существо.

— Это место — нечто противоположное пустоши, — через некоторое время пробормотала Фаун. — Полная жизни чаша... если ты откроешь свой Дар, не хлынет ли жизнь внутрь, чтобы напитать тебя?

— Я распахнул свой Дар два часа назад, и думаю, так оно и происходит.

— Это что-то объясняет насчет подобных мест, — с удовлетворением сказала Фаун.

Прошло еще какое-то время, и Даг с Фаун с сожалением вылезли из воды и снова забрались в лодку, оделись и отправились домой. Солнце опускалось за деревья на западном берегу озера, когда лодка выплыла из протоки, и оставило только оранжевый блеск на облаках к тому моменту, когда Даг и Фаун поднялись на берег у шатра Блуфилд. В эту ночь Даг спал так спокойно, как ему не удавалось уже давно.

18

На следующее утро Фаун проснулась поздно, судя по тому, как ярко светило солнце в щели у входа в шатер. Воздух внутри еще хранил ночную прохладу, но скоро должна была прийти жара и духота. Лежавший рядом с Фаун Даг вздохнул и пошевелился, потом крепче прижал ее к себе. Что-то твердое ткнулось в ее бедро, и Фаун медленно улыбнулась, поняв, что это не его рука.

«Я так и думала, что пикник пойдет ему на пользу».

Даг уткнулся лицом в волосы Фаун, подтверждая ее весьма приятную догадку, и Фаун извернулась так, чтобы оказаться к нему лицом. Из-под полуопущенных век глаза Дага блестели, и Фаун погрузилась в его полусонную улыбку, как в мягкую подушку. Даг поцеловал ее в висок, в губы, потом скользнул губами по шее. Фаун позволила своим рукам начать блуждать по его телу, даря и получая наслаждение от прикосновения к его теплой коже в первый раз после того, как Даг был вызван в Рейнтри. Он прижал ее к себе еще крепче, радуясь близости ее мягкого тела. Теперь они не нуждались в словах... ни подсказок, ни

вопросов больше не было. Чья-то рука трижды громко хлопнула по коже шатра, и резкий женский голос окликнул:

— Даг Редвинг Хикори!

Даг застыл и беззвучно выругался. Он прижал к груди лицо Фаун, словно пытаясь помешать ей что-нибудь сказать, и не ответил на зов.

Хлопки раздались снова:

— Даг Редвинг Хикори! Выходи, я знаю, что ты там.

Даг раздраженно зашипел сквозь зубы. Ощущение твердого предмета у бедра Фаун, увы, исчезло.

— Здесь нет никого, кто носит такое имя, — ворчливо откликнулся он наконец.

Голос снаружи зазвучал раздраженно:

— Даг, не дури, я не в подходящем настроении. Мне это нравится не больше, чем тебе, могу тебе доложить.

— Едва ли такое возможно, — пробурчал Даг, но со вздохом сел, провел рукой по всклокоченным со сна волосам и потянулся за своими короткими штанами.

— В чем дело? — нерешительно спросила Фаун.

— Это Дови Грейхерон. Она заместительница

представителя острова Двух Мостов в совете в этом сезоне.

— Нас вызывают?

— Похоже на то.

Фаун натянула платье и последовала за Дагом; тот откинул полотнище входа и стоял, щурясь от яркого света.

Пожилая женщина, седые волосы которой, как у Омбы, были заплетены в косу, стояла рядом, барабаня пальцами по бедру. На взъерошенного Дага она посмотрела смущенно, на Фаун — с любопытством.

— Слушания совета по твоему делу состоятся в полдень, — объявила она.

Даг вытаращил на нее глаза.

— Сегодня? Не торопитесь же вы с предупреждением!

— Я дважды приходила вчера, но тебя не было. И я знаю, что Громовержец тебя предупреждал, так что не притворяйся, будто это для тебя неожиданность. Ладно, дай мне закончить. — Она расставила ноги, расправила плечи и провозгласила: — Даг Редвинг Хикори, я вызываю тебя на совет в связи с серьезной жалобой, поданной в совет Дором Редвингом Хикори от имени шатра Редвинг; слушание состоится сегодня в полдень в

роще совета. Ты слышал и понял?

— Да, — прорычал Даг.

— Спасибо, — сказала женщина. — Вот и все.

— Но я не Даг Редвинг, — спохватился Даг. — Этого человека больше не существует.

— Прибереги это для совета — именно туда следует обращаться с возражениями. — Она замялась, кинув быстрый взгляд на Фаун. — Должна указать, что на совет вызываешься ты, а твоя малышка-жена — нет. На нашем совете нет места крестьянкам.

Даг стиснул зубы.

— Она исключена решением совета? Если это так, нам есть что оспорить еще до слушаний.

— Нет, — неохотно признала Дови. — Но поверь мне: она не поможет тебе выиграть дело, Даг. Все, кто считает, что ты думаешь гениталиями, а не головой, не изменят мнения, увидев ее.

— Спасибо, — со сладким ядом в голосе ответил Даг. — Я тоже считаю свою жену привлекательной.

Дови только покачала головой.

— Как же я буду рада, когда этот день кончится. — Ее сандалии зашлепали по пяткам, когда она двинулась прочь.

— Вот женщина, которая знает, как испортить

настроение, — пробормотал Даг, разжимая зубы.

Фаун прижалась к Дагу; его рука обвила ее плечи. Фаун сглотнула и спросила:

— Не родственница ли эта женщина Обайо Грейхерону?

— Он в родстве с ней через жену. Дови — глава шатра Грейхерон на нашем острове.

— И у нее есть голос в совете? Не очень-то это обнадеживает.

— На самом деле она одна из тех, кого я считаю дружественно к нам настроенными. Я с год вместе с ней нес дозор, когда я был молод и еще не отправился в другой отряд по обмену, а она не завела еще семьи.

Если уж эта женщина дружественна, подумала Фаун, то как же будут вести себя враги? Что ж, скоро она это узнает. Да и было ли все таким неожиданным, каким казалось? Пожалуй, нет. Обсуждение на совете было окружено молчанием с тех пор, как Даг вернулся из Рейнтри, и Фаун позволила ему в этом руководить собой. Конечно, Даг к тому же был слишком болен, чтобы в первые дни о чем-то беспокоиться. Но потом?..

«Даг сам не знает, что хочет делать, — поняла Фаун, чувствуя, как в животе сворачивается холодный клубок. — Даже сейчас он этого не

знает».

Ведь то, чего он хочет, невозможно, и всегда было невозможно... так какова же альтернатива? Что в таких обстоятельствах может человек поделать?

Они с Дагом оделись, умылись, поели. Даг не стал колоть орехи, а Фаун — прясть. Даг принялся бесцельно бродить по берегу и роще, стараясь не встречаться с занятыми утренними делами Мари и членами ее семьи. Когда любители раннего купания ушли с причала, Даг уселся на досках, обхватив колени руками, и долго смотрел в воду. Фаун подумала, не занялся ли он старой детской игрой, которую ей как-то показывал: заставлял мелких окуньков, обычно прячущихся в тени причала, подняться к поверхности и плавать, образуя какие-нибудь узоры. Солнце поднималось все выше...

Когда тени стали совсем короткими, Даг вернулся к шатру и сел на чурбак рядом с Фаун. Опершись правым локтем на колено, он склонил голову и стал смотреть в землю, потом повернулся к озеру. По его отсутствующему взгляду Фаун не могла определить, пытается ли он запомнить открывающийся вид или не видит того, что у него перед глазами. Фаун вспомнила об их поездке в

заводь с лилиями.

«То место питает его душу»..

Будет ли в случае изгнания его дух страдать от голода? Человек может умереть, хоть на нем не будет ни царапины, если его Дар окажется разорван пополам.

Фаун сделала глубокий вдох, выпрямилась и заговорила:

— Любимый... — Даг с усталым видом улыбнулся ей. — Что ты собираешься делать?

— Не знаю. — На мгновение Фаун показалось, что он хочет смягчить свою резкость, обнадежить ее, но потом передумал.

фаун повернулась так, чтобы Даг не видел ее лица.

— Я не собиралась тебе этого говорить, но теперь думаю, что сказать следует. Когда ты только еще отправился в Рейнтри, я связала еще одну пару носков вроде тех, которые так понравились тебе, и отнесла их в подарок твоей матери. Вроде как умиротворяющий дар.

— Ничего не вышло. — Это не был ни вопрос, ни укор; скорее выражение сочувствия.

Фаун кивнула.

— Она сказала... ну, мы много чего наговорили друг другу, это теперь не имеет значения. Но

одну вещь я запомнила. Она сказала, что стоит дозорному увидеть Злого, и он — или она — уже никогда не сочтет ни дело, ни человека более важным, чем несение дозора.

— Я иногда думал о том, кто так предал ее и кем был тот дозорный. Мой отец, должно быть.

— Похоже на то, — согласилась Фаун. — Но мне кажется, он изменил ей не с другой женщиной.

— Согласен. Тетушка Мари однажды проговорилась — у нас с Дором была сестра, в детстве трагически погибшая. Дор говорит, что он ничего такого не помнит, так что она, наверное, родилась или раньше его, или когда он был совсем малышом. Как бы то ни было, она оказалась окружена глубоким, глубоким молчанием: отец тоже никогда не упоминал о сестренке.

— Хм-м... — Фаун обдумала услышанное. — Могло быть и так. Но... — Она закусила губу. — Я не дозорная, но Злого я видела, и если в чем твоя мама и права, то как раз в этом. Она говорила, что если ты любишь меня недостаточно, то предпочтешь дозор. — Фаун подняла руку, не позволив Дагу возразить. — И что если ты любишь меня больше всего на свете, ты выберешь дозор, потому что иначе никак не сможешь меня защитить.

Даг не нашелся, что на это ответить. Фаун под-

няла голову и взглянула в его прекрасные глаза.

— Вот я и хочу, чтобы ты знал, — продолжала она, — что если ты выберешь дозор, я от этого не умру. Для меня благо уже то, что я какое-то время знала и любила тебя. Я все равно буду богаче, чем была, когда ты меня встретил, — хотя бы потому, что у меня теперь есть лошадь, инструменты и знания. Я никогда не думала, что в мире есть столько знаний, которые можно получить. Может быть, оглядываясь назад, я буду вспоминать это лето как чудесный сон... даже те моменты, когда он превращался в кошмар. Если мне не удастся сохранить тебя навсегда, то хоть какое-то время ты был моим... а это чудо для любой крестьянской девушки.

Даг серьезно слушал Фаун, не делая больше попыток прервать ее; он просто пытался разобраться в услышанном.

— Ты хочешь сказать, что устала продолжать бороться?

Фаун пристально взглянула на него.

— Нет. Устал ты, мне кажется.

Даг с горечью фыркнул.

— Может, и так.

— Пойми все правильно. Я люблю тебя и пойду за тобой по любой дороге, которую ты выберешь,

но... выбор не за мной. Его должен сделать ты.

— Верно. И очень мудро... — Даг вздохнул. — Я думал, что мы оба сделали выбор в той маленькой душной комнатке в Вест-Блу. И все же правильность или ошибочность твоего выбора зависит от моего решения. Они зависят друг от друга.

— Да, зависят. Однако имеет место очередность. Вест-Блу все это было до того, как ты или я увидели Гринспринг. Этот городок мог бы быть Вест-Блу, а те люди — мной и моей семьей. Я видела, как шевелятся твои губы, когда ты пересчитывал мертвецов... Есть много такого, с чем я сражалась бы зубами и ногтями, чтобы сохранить тебя. Твои родные, мои родные, другая женщина, болезнь, глупость крестьян — назови что хочешь. Но я не могу сопротивляться Гринспрингу. И не хочу.

Даг быстро моргнул, и на мгновение золото его глаз показалось расплавленным. Он смахнул рукой блестящие капли со щек, наклонился и поцеловал Фаун в лоб — тем же пугающим поцелуем, так похожим на благословение.

— Спасибо, — прошептал он, — ты и представить себе не можешь, как это мне помогло.

Фаун коротко кивнула и сглотнула горячий комок в горле.

Они вошли в шатер, чтобы переодеться; Даг

скинул свои короткие штаны и сандалии, Фаун — повседневное платье. Когда, опустившись на колени перед сундучком, Фаун достала самую чистую рубашку Дага, он удивил ее, сказав:

— Нет, достань мою лучшую рубашку — ту, что сшила твоя тетушка Нетти.

Свою свадебную рубашку Даг ни разу не надевал со дня венчания. Удивленная Фаун достала ее, завернутую в другую одежду, чтобы не испачкать и не помять; там же оказалось и ее зеленое нарядное платье.

— О да, надень его, — сказал Даг, оглянувшись через плечо. — Оно так тебе идет.

— Ну, не знаю, Даг... Оно такое деревенское! Не стоит ли мне одеться, как одеваются Стражи Озера?

Даг криво улыбнулся.

— Нет.

В сложившихся обстоятельствах перспектива оказаться перед всеми в свадебной одежде беспокоила Фаун. Она поправила тесьму на своем левом запястье и почувствовала прохладное прикосновение золотых бусин к коже. Предстоит ли им в этот полдень перестать быть мужем и женой, словно проделывая обратный путь из-за того, что они заблудились? Может быть, они и

вправду свернули куда-то не туда... Однако, перебирая в памяти звенья цепочки событий, Фаун не могла найти ошибки.

Даг взял с собой свой костыль, так что Фаун решила, что путь до рощи совета неблизкий — Даг уже несколько дней как перестал опираться на костыль, если идти было недалеко. Фаун расправила складки юбки, надела башмаки и вышла следом за Дагом из шатра.

Через некоторое время Даг понял, что прошел милю, не заметив ничего, что представало его глазам, и вовсе не потому, что вид был таким знакомым. Его разум словно попал в какое-то пустое пространство, и он не мог определить, готов ли он к действию или просто онемел. Они шли мимо здания штаба, когда Фаун, странно .молчаливая все это время, задала свой первый вопрос:

— Так где же эта роща совета?

Даг взглянул на нее. От жары и быстрой ходьбы лицо Фаун раскраснелось.

— Уже недалеко, — ответил Даг. — Сразу за медицинским шатром Хохарии.

Фаун кивнула.

— Народу соберется много? Это будет похоже на собрание городского совета?

— Я не знаю, каким бывает собрание городского

совета. Вокруг озера Хикори живет примерно восемь тысяч человек; смысл существования совета и заключается в том, чтобы им не приходилось всем собираться для обсуждения возникающих вопросов. Впрочем, прийти может любой, кому интересно Все зависит от того, сколько народу или семей или шатров участвует в споре. Сегодня дело касается только шатра Редвинг — и шатра Блуфилд. Придут Дор и мама, но вряд ли многие из их друзей — мои родные не захотят выставлять себя напоказ. Мои друзья по большей части сейчас в дозоре, так что увидеть большую толпу я не рассчитываю. — Даг поколебался, потом взмахнул костылем и дернул левым плечом. — Все зависит от того, как совет посмотрит на наши свадебные браслеты. Это касается почти каждого, и интерес может оказаться широким.

— Сколько времени длится совет?

— В начале заседания глава совета зажигает специальную свечу. Совет продолжается, пока свеча не догорит, — а это примерно три часа. Принято говорить, что спор занял одну, две или десять свечей. Понимаешь, разбирательство может длиться и несколько дней. — Сделав еще несколько шагов, Даг добавил: — С нашим делом такого не случится — если это будет зависеть

от меня.

— Откуда ты знаешь? — спросила Фаун, но ответа не получила: пора было сворачивать в рощу.

Рощей это называлось ошибочно; место собрания совета было скорее лужайкой — широким кругом на опушке леса, где были выполоты колючие растения, а вокруг посажены цветущие кусты — бузина, форсития, сирень; некоторые из них были такими старыми, что их стволы напоминали деревья. На траве, которую щипала пара кротких овечек, были расставлены чурбаки. С одной стороны лужайки виднелся навес с крышей из дранки — убежище на случай плохой погоды, но сегодня сиденья располагались в тени деревьев опушки. Когда Даг и Фаун прибыли, люди еще только собирались, так что они не опоздали.

Последним пришел Громовержец, который, опустив голову, что-то говорил Мари. На поляне они разошлись в разные стороны; Громовержец занял единственный свободный чурбак в конце ряда сидений, установленных под огромным кустом бузины, усыпанным ягодами. Мари присоединилась к группе дозорных, расположившихся справа от Дага. Даг не удивился, увидев среди них Сауна, Рази и Утау; Саун при виде Мари вскочил и прикатил для нее бревно. Вот кого Даг не ожи-

дал увидеть, так это Дирлу — неужели она ради присутствия на совете гнала лодку с самого Бивер Сая? — и Гриффа из отряда Обайо.

Слева от места, отведенного членам совета, находились только Дор, Камбия и Омба, которой явно было не слишком приятно здесь присутствовать. Камбия подняла глаза от тесьмы, которую плела по привычке или чтобы успокоиться, кинула на Дага единственный взгляд, полный мрачного триумфа — «Видишь, до чего ты меня довел?» — и отвернулась. Этот жест Дагу было нетрудно понять: он сам сделал то же самое, подобно пациенту, который не хочет смотреть, как целитель обрабатывает его рану. Дор выглядел так, словно у него болит живот, и явно, как обычно, винил в этом Дага.

Прямо напротив сидений совета был приготовлен единственный чурбак. Утау что-то шепнул Рази, и тот поспешно прикатил еще один и поставил рядом с первым. Посередине поляны свободными не оставалось и десяти футов — никому не придется кричать... по крайней мере только для того, чтобы быть услышанным.

Фаун, настороженная, как молодой олень, остановила Дага, схватив за руку, там, где их никто не мог бы услышать, и отчаянно прошептала:

— Быстро скажи мне, кто все эти люди.

Громовержец сидел — и, вероятно, не случайно — ближе всего к группе дозорных; рядом с ним расположилась Дови Грейхерон. Даг шепотом ответил Фаун:

— Слева от Громовержца и Дови сидит Пакона Пайк. Она в этом сезоне глава совета. Она из шатра Пайк. — Это была женщина лет девяноста, такая же прямая, как Камбия, и одна из ее ближайших подруг; от нее снисходительной нейтральности Даг не ожидал, но говорить об этом Фаун не стал. — За ней — Ласки Бивер и Ригни Хаук, представительницы острова Бивер Сай. — Восьмидесятилетняя Ласки была главой шатра Бивер и мастерицей по обработке кожи; это ее сестра делала куртки, непробиваемые для стрел, — ее никто и не подумал отвлечь от такого важного дела ради представительства в совете. Ригни, ровесница Дага, происходила из шатра, специализирующегося на изготовлении лодок и строительстве, и была матерью большого семейства; к тому же, как тетка Дирлы, она могла быть настроена в пользу Дага и Фаун. — За ними сидят Тиока Кеттейл и Огит Маскрет с острова Цапли. Их я знаю не очень хорошо. — Дагу было известно только, что Тиока — целительница и после

недавней смерти матери — глава шатра Кеттейл. Огит был бывшим дозорным примерно возраста Камбии, таким же скрягой, как Каттагус, но без его шарма; не обладая никакими умениями, он, как слышал Даг, наслаждался своим положением члена совета. Хоть Огит и не состоял в близких друзьях Камбии, они, несомненно, знали друг друга не один десяток лет. Несмотря на принадлежность Огита к дозорным, Даг не рассчитывал, что старик окажется его союзником.

Фаун заморгала и кивнула, и Даг подумал, что она наверняка запомнит все на будущее. Как бы то ни было, теперь Фаун позволила Дагу подвести ее к чурбакам. Он усадил ее справа от себя, поближе к дозорным, и сел сам, положив у ног свой костыль, потом вежливо кивнул членам совета.

На низеньком чурбаке перед Паконой была укреплена восковая свеча. Женщина сурово кивнула Дагу, зажгла свечу и опустила на чурбак квадратный пергаментный футляр, похожий на абажур, защищающий огонек от ветра. Взяв в руки короткую палочку — жезл, дающий право говорить, — она трижды ударила им по дощатому столу. Все замолчали и обратили взгляды на главу совета.

— Последнее время это дело вызвало много раз-

говоров и сплетен, — начала Пакона, — так что не думаю, чтобы нужно было многое объяснять. Жалобу выдвинул шатер Редвинг против члена того же шатра Дага Редвинга. Кто будет говорить от имени шатра Редвинг?

Даг дернулся, услышав свое имя, но не стал возражать. «Пусть это так и останется. У меня еще будет возможность высказаться».

— Я, — сказал Дор, поднимая руку; сидевшая у него за спиной Камбия кивнула. Будучи главой шатра, она вполне могла бы говорить сама, и Дага несколько озадачило такое решение. Это имело целью подчеркнуть отвержение Дага или она просто не была уверена в том, что сумеет заставить свой голос звучать твердо? Выглядела Камбия как железная, но скрыть своей старости не могла.

— Тогда передайте жезл Дору, — сказала Пакона, и палочка пошла по рукам членов совета. — Выскажи свою жалобу, Дор.

Дор взял жезл, глубоко вздохнул и бросил на Дага решительный взгляд.

— Это не займет много времени. Как все мы знаем, Даг этим летом вернулся из дозора в сопровождении крестьянки-любовницы, которую он именует своей женой на основании того, что они

носят свадебные браслеты, изготовленные без свидетелей. Мы утверждаем, что тесьма поддельная и изготовлена мошеннически. Даг нарушил давно установленное правило, запрещающее подобные... потворства своим желаниям в пределах лагеря. Шатер Редвинг требует, чтобы совет лагеря и дозорные наложили на него обычное наказание, вернули девушку ее родным любыми потребными для этого средствами и оштрафовали Дага Редвинга за его прегрешения.

Даг застыл от изумления. Надо же, какая умная уловка со стороны Дора — да, Даг не сомневался, что идея принадлежит его брату. Дор совершенно изменил свои требования по сравнению с теми, которыми грозил Дагу перед его отъездом в Рейнтри, — насильственным лишением их свадебной тесьмы или изгнанием. Поднятые брови Громовержца сказали Дагу, что и командира дозорных заявление Дора застало врасплох; он бросил на Дага виноватый взгляд. Даг не знал, давно ли Дор придумал эту уловку, но было ясно: Дор оказался достаточно ловок, чтобы скрыть все от Громовержца.

Даг почувствовал, как семеро членов совета обследуют Дар его и Фаун. Тиока Кеттейл склонила голову к плечу и сказала:

— Прошу прощения, но свадебные браслеты представляются мне совершенно нормальными. Не могла бы девушка закрыть свой Дар... нет, думаю, она этого не может. Почему ты думаешь, что тесьма фальшивая?

— Она была фальсифицирована при изготовлении, — ответил Дор. — Обмен Даром через браслеты — знак истинного брака, да, но он также — в нормальных обстоятельствах — служит препятствием для любого, в чьих жилах не течет кровь Стражей Озера, при попытке осквернить эти узы. Это, правда, не особенно высокий барьер, он скорее отмечает нижнюю границу Дара. Мы обычно считаем, что любой может совершить такой обряд, но это само по себе говорит о том значении, которое он имел в прошлом.

Я утверждаю, что крестьянка не сама создала свою тесьму, это сделал Даг при помощи трюка, украденного им у мастера, изготовляющего разделяющие ножи: он использовал кровь, чтобы зарядить тесьму Даром. Для этого требуются некоторые знания, ничего больше.

— Откуда ты это знаешь, Дор? — спросил, нахмурившись, Громовержец.

Дор неохотно ответил:

— Мне сказал сам Даг.

— Это не то, что я говорил! — резко возразил Даг. Пакона подняла руку, призывая его к молчанию.

— Подожди, пока получишь жезл, Даг.

— Погодите-ка, — сморщила нос Ригни Хаук. — Мы выслушиваем свидетельства, основанные на слухах, когда перед нами сидят двое непосредственных участников!

— Спасибо, Ригни, — с облегчением выдохнул Громовержец. — Ты совершенно права. Пакона, я думаю, что для рассказа обо всех обстоятельствах жезл должен перейти к Дагу.

— У него есть причины для того, чтобы лгать, — надувшись, заявил Дор.

— Это решать нам, — твердо сказала Ригни.

Пакона взмахнула рукой, и Дор неохотно передал жезл через Омбу Дагу.

— Так как же вы изготовили эту тесьму? — с любопытством спросила Тиока.

— Мы с Фаун делали все вместе, — напряженно заговорил Даг. — Как некоторые из вас, возможно, помнят, в то время моя правая рука была сломана, а левая, — Даг пошевелил своим протезом, — ну, то, что вы видите. Хоть во мне и течет кровь Стражей Озера, я был совершенно не способен плести тесьму. Фаун плела ту тесьму, которую сейчас носит; я сидел позади нее на скамье, положив

свои руки на ее, и обычным образом направлял свой Дар в тесьму. Не понимаю, как кто-нибудь в своем уме может утверждать, будто эта тесьма — фальшивая!

Пакона подняла было руку, чтобы оборвать его, но в конце концов только пробормотала:

— Продолжай. Что насчет второй тесьмы?

— Признаю: я пытался помочь Фаун поймать свой Дар и направить его во вторую тесьму. Нам это не удавалось, но неожиданно Фаун по своей инициативе надрезала указательные пальцы и стала плести тесьму, пока они еще кровоточили. Ее Дар хлынул в тесьму. Я не оказывал ей большей помощи, чем она мне; скорее, моя помощь была меньше.

— Значит, ты научил ее этому, — сказала Тиока.

— Нет, она сама...

— За несколько дней до этого, — выдохнула Фаун, — мы с Дагом говорили про Дар, и он сказал мне, что кровь сохраняет свой Дар некоторое время после того, как вытекла из тела, потому что она вроде как живет отдельно от человека. Тогда это показалось мне очень странным, и я запомнила сказанное.

— Тебе не разрешается говорить здесь, девушка,

— резко сказала Пакона.

Фаун съежилась и испуганно прижала руку к губам. Даг сквозь стиснутые зубы добавил:

— Фаун совершенно права. В ее действиях я узнал способ, который все, кто имеет дело с разделяющими ножами, хорошо знают, но я ей ничего не советовал. Фаун додумалась до этого сама.

— Они использовали технику изготовления разделяющих ножей для свадебной тесьмы, — оскорбленно бросил Дор.

— Как говорит Хохария, Дар есть Дар, — возразил Даг. — Ты нигде не найдешь правила, которое бы это запрещало.

Тиока заинтригованно прищурила глаза.

— Целителям и в самом деле приходится проявлять... большую гибкость в работе с Даром, чем другим мастерам, — признала она. Слова, которых она не произнесла — «чем изготовителям разделяющих ножей», — повисли в воздухе, хотя сладкий тон Тиоки не оставлял сомнений в том, кого она имела в виду. Даг позволил себе насладиться моментом, видя, как заскрипел зубами Дор.

— Слово одного брата против слова другого, — пробурчал со своего места Огит Маскрет. — Один из них — мастер, другой — нет. Когда дело каса-

ется работы с Даром, я знаю, кому из них верить.

Фаун, крепко сжав губы, бросила на Дага умоляющий взгляд.

«Ты же тоже мастер!»

Даг только слегка покачал головой. Он позволил отвлечь себя на посторонние вещи. Дело ведь было не в их свадебных браслетах.

Очень ловкий ход со стороны Дора. Он сумел кинуть в озеро пылающую головню обвинения, грозящего изгнанием, против... как его назвал Громовержец? — заслуженного дозорного. Была ли это уловка Камбии, мучимой сомнениями по поводу поведения сына, несмотря на все горькие слова, сказанные Фаун? Или реакция на признание, которое Даг заслужил своей победой в Рейнтри? Перемена обвинения, несомненно, давала возможность избежать яростных споров по поводу права совета расторгать брачные узы. Если Дору удастся настоять на своем, это все упростит и решит проблему, не принуждая никого ничего менять.

Если же Дор не сможет добиться решения совета в свою пользу, он всегда сможет прибегнуть к другой стратегии. Однако Даг сомневался, что в совете найдется хоть кто-нибудь, кто не отдал бы предпочтения простому решению, — не исклю-

чая даже и Громовержца.

— Однако если вы решите, — сказала Ласки Бивер, почесав в затылке, — что тесьма девушки ненастоящая, а тесьма Дага — настоящая, будет ли это означать, что он на ней женат, а она — не замужем? Бессмыслица какая-то.

— Фальшивки — оба браслета, — рявкнул Дор. Пакона с подчеркнутой непредвзятостью адресовала ему такой же укоризненный взгляд, что и Дагу, и Дор умолк.

Пакона повернулась к Дагу и распорядилась:

— Покажи-ка нам свой браслет. Нам нужно получше его рассмотреть. — Неохотно она добавила: — И девушка тоже.

Даг предоставил Фаун закатать мягкую тонкую ткань левого рукава, послушно поднялся и медленно прошел мимо ряда членов совета. Фаун, молчаливая и испуганная, шла следом. Прикосновения — и пальцев, и Дара — были по большей части короткими и вежливыми, хотя руки некоторых женщин, с любопытством коснулись ткани рубашки. Тиока, предположил Даг с уверенностью, обнаружила исчезающие следы того подкрепления Дара, которое он вложил в браслет Фаун перед отъездом в Рейнтри, но ничего не сказала об этом другим. Сидевший в конце

ряда Громовержец только махнул рукой:

— Я их видел... и не один раз.

Даг и Фаун вернулись на свои места и снова сели. Даг взглянул на склоненную голову Фаун, расправлявшей складки платья. В своем зеленом платье она напоминала одинокий цветок, который можно найти в лесном пруду, если весна запоздает... очень сильно запоздает.

«Она не твоя награда, старый дозорный, ее нельзя выиграть или заслужить. Она — дар самой себе. Так всегда бывает с лилиями».

Пальцы единственной руки Дата коснулись свадебной тесьмы Фаун, потом отдернулись и стиснули его колено.

— Что ж, давайте голосовать, — сказала Пакона. — Сочтем ли мы такой странный способ изготовления тесьмы законным или нет?

— Нужно учесть вот что, — медленно проговорила Ласки. — Как только станет известно о случившемся, думаю, найдутся желающие повторить этот трюк. Оправдание откроет двери для новых нежелательных браков.

— Но эти браслеты — исправные творения Дара, — сказала Тиока, — такие же, как мой собственный. — Она подняла левую руку с обвивающей ее тесьмой. — Разве браслеты больше не являются

доказательством брачных уз?

— Может быть, впредь создание браслетов нужно будет совершать при свидетелях, — сказала Ласки.

Ответом ей было общее унылое «хм-м».

— Предлагаю, — сказала Пакона, — не делать предметом обсуждения на нашем заседании будущие поступки людей которые еще не родились: иначе мы будем спорить до сотой свечи. Мы сегодня должны принять решение, касающееся только этой пары. Мы видели все, что тут можно увидеть, и слышали свидетельства единственных участников. Кому бы ни принадлежала идея — Дагу или этой девушке, — по-моему, особой разницы не составляет. Исход остался тем же самым. Ответ «да» будет означать, что дело закрыто. Ответ «нет»... ну, он этого означать не будет. Дор, удовлетворит ли это шатер Редвинг?

Дор наклонился к своей хмурящейся матери и вполголоса с ней посовещался. Камбия больше уже не могла плести тесьму и теперь начала теребить ткань платья на своих худых бедрах. Поморщившись, она кивнула. Дор повернулся к членам совета.

— Да, удовлетворит, — сказал он.

— Даг, а тебя?

— Да, — медленно протянул Даг. Он искоса глянул на Фаун, которая тревожно и доверчиво на него смотрела, и ободряюще кивнул ей. — Голосуйте.

Дор, ожидавший возражений, бросил на брата удивленный и подозрительный взгляд. Даг вспомнил слова Громовержца об умелом тактике.

«Да, Громовержец мудрый человек».

Даг стал смотреть на догорающую свечу, а Пакона начала опрос.

— Огит?

— Нет! Никаких крестьянских жен! — Что ж, его позиция была ясна.

— Тиока?

Женщина слегка заколебалась.

— Да. Я не могу заставить свою совесть мастера признать браслеты фальшивкой.

Ригни, когда очередь дошла до нее, жалобно посмотрела на Тиоку и в конце концов сказала «да».

Ласки, явно после внутренней борьбы, сказала «нет».

Сама Пакона сказала «нет» без всяких колебаний и добавила:

— Если мы дадим добро, начнется бесконечная

возня, с которой мы никогда не разделаемся. Дови?

Дови оглядела остальных членов совета, пересчитала голоса «за» и «против» на пальцах и смутилась. Если она скажет «нет», все будет закончено, а ответ «да» сделает счет равным и все станет зависеть от Громовержца. После долгой, долгой паузы она откашлялась и пробормотала «да».

Громовержец ответил на ее откровенную трусость долгим неприязненным взглядом, вздохнул, выпрямился и огляделся. На поляне царило молчание.

«Ты же знаешь, что с браслетами все в порядке, Громовержец», — подумал Даг.

Он следил за борьбой честности и практичности на лице командира и восхищался тем, как долго Громовержец сопротивлялся победе последней. Даг в определенной мере хотел бы, чтобы верх одержала честность: по существу дела это роли не играло, а потом Громовержец меньше себя упрекал бы.

— Громовержец? — осторожно спросила Пакона. — Командир дозорных всегда высказывается последним — таков его долг.

Громовержец отмахнулся, словно говоря: «да

знаю я все это», и откашлялся.

— Даг? Ты больше ничего не хочешь сказать?

— Хочу, и довольно многое. Я пойду окольным путем, но в конце концов дойду до сути. Впрочем, сразу должен сказать что для меня не важно, смогу ли я высказаться до или после того, как ты объявишь свое решение.

Громовержец кивнул Дагу.

— Тогда давай — жезл ведь у тебя.

У Паконы был такой вид, словно она хотела воспрепятствовать этому, но потом решила не раздражать Громовержца, пока тот еще не отдал свой голос. Скрестив руки на груди, она промолчала. Дор и Камбия встревоженно заерзали, но приготовились слушать Дага со всем вниманием.

Собственный ум казался Дагу неповоротливым, голова у него болела, но на сердце было легко, оно словно парило в вышине.

«С высоты можно и упасть. Узнаем, когда ударимся о землю».

Даг отложил жезл в сторону, наклонился, поднял свой костыль и встал во весь рост.

— За исключением тех дозорных, которые недавно вместе со мной вернулись из Рейнтри, многие ли из вас слышали название основанного

крестьянами городка Гринспринг?

Почти все члены совета посмотрели на Дага непонимающе, только тетка Дирлы Ригни, взглянув на племянницу, на мгновение подняла руку. Даг ей кивнул.

— Неудивительно, что о нем слышали немногие. Это тот самый городок в Рейнтри, где появился и не сразу был обнаружен последний Злой. Никто не сообщил мне этого названия и тогда, когда нас позвали на помощь западному округу. Отчасти причиной этого послужила неразбериха, всегда сопровождающая подобные происшествия, — но, знаете ли, не только. Никто его не знал и не называл потому, что это всем казалось не важным.

Так многие ли здесь, за исключением моих дозорных, знают, сколько народу погибло в Боунмарше?

Огит Маскрет ворчливо пробурчал:

— Мы все о них слышали. Примерно пять десятков взрослых и около двадцати детишек.

— Такой кошмар... — вздохнула Тиока.

Даг кивнул.

— Девятнадцать, верно. — Громовержец с любопытством смотрел на Дага.

«Нет, я не решил воспользоваться твоим со-

ветом и похвастаться, Громовержец. Скорее наоборот. Ты только подожди!»

— А кто знает, сколько было погибших в Гринспринге?

Дозорные, сидевшие справа от Дага, сжали губы, не торопясь с ответом. Большинство членов совета выглядели растерянными. Наконец через некоторое время Пакона сказала:

— Думаю, очень много. Только какое отношение это имеет к вашим поддельным свадебным браслетам, Даг?

Даг не стал возражать против «поддельных свадебных браслетов».

— Я предупредил, что пойду окольным путем. Из тысячи жителей — а это примерно половина населения Боунмарша — Гринспринг потерял триста взрослых и всех — или почти всех — детей, Я насчитал не меньше ста шестидесяти двух тел на кладбище, а потом мы нашли косточки еще по крайней мере троих, съеденных глиняными людьми. Я не стал говорить об этих троих горожанам, занятым похоронами. Тогда это ничему бы не помогло.

Даг взглянул на смотревшую на него Фаун и понял, что оба они гадают, не принадлежали ли те разбросанные кости пропавшей Сасси. Даг

надеялся, что нет... Он покачал головой, словно говоря «не знаю», и Фаун кивнула в ответ и съежилась на своем чурбаке.

— Неужели никто, кроме меня, не видит ужасной неправильности в этих двух наборах цифр? — Ответные взгляды были смущенными, на лицах Стражей Озера отразилось сочувствие, даже жалость, но никакого понимания. Даг вздохнул и продолжал: — Ладно, тогда подумайте вот о чем.

Боунмарш погиб — люди перебиты, животные истреблены, прекрасная земля не избавится от скверны на протяжении жизни целого поколения, — потому что мы не справились в Гринспринге. Если бы Злой был обнаружен и уничтожен там, он никогда не добрался бы до Боунмарша.

Гринспринг погиб не из-за того, что было недостаточно дозорных или они плохо выполняли свой долг. Отряды в Рейнтри так же рассредоточены, как и повсюду, но их сил хватило бы, если бы... Им не хватило чего-то другого. Сообщений. Знаний. Даже дружбы. Так много самых простых вещей, которые могли бы быть иными, которые кто-нибудь мог изменить, но не сделал, этого.

— Ты винишь дозорных из Рейнтри? — взорвалась Мари, не в силах больше сдерживаться. — Я

смотрю на вещи иначе. Ведь крестьянам говорили, чтобы они там не селились, а они не стали слушать. — Пакона снова подняла руку, останавливая Мари, но сделала это как-то неуверенно.

— Я не виню одну сторону больше, чем другую, — ответил Даг, — и я не знаю всех ответов. Но я понимаю, что мне они неизвестны, и это меня и остановило. Только видите ли... когда-то я не знал ничего и о дозоре, а половина того, что я о нем думал, была ошибкой. Для невежественных молодых дозорных существует лекарство: мы посылаем их в путешествие вокруг озера. Это превращает их в опытных старых дозорных. Такая система хороша, она работает надежно. Так было на протяжении многих поколений.

Вот я и подумал: может быть, теперь уже недостаточно просто обходить вокруг озера. Может быть, мы — или некоторые из нас, или хотя бы кто-то один — должны обойти вокруг мира.

На поляне установилась глубокая тишина.

Даг сделал глубокий вдох.

— И может быть, этот человек — я. Иногда, если не знаешь, с чего начать, нужно просто начать двигаться и по ходу дела узнать о том, чего ты никогда не узнаешь, оставаясь на месте. Я не собираюсь спорить и не собираюсь защищаться,

потому что это выглядело бы, как будто вы просите меня рассказать об окончании того, что я еще даже не начал. Да окончания может и вовсе не оказаться... Так что, Громовержец, можешь голосовать, как тебе кажется правильнее. Завтра мы с женой отправимся в дорогу. Вот и все. — Даг коротко и резко кивнул и снова опустился на чурбак.

19

Фаун шумно выдохнула воздух, когда Даг уселся с ней рядом. Сердце ее колотилось так, будто она долго и быстро бежала. Фаун обхватила себя руками и обвела взглядом круг надменных лиц Стражей Озера.

Со стороны группы взволнованных дозорных до нее долетел шепот Утау:

— Вы все спрашивали меня, как себя чувствуешь, когда из тебя вырывают Дар; вот теперь вы это себе представляете.

Ему вполголоса ответила Мари:

— Заткнись, Утау. Жезл не у тебя.

Рази пробормотал:

— Нет, я думаю, мы все просто получили жезлом по головам. — Мари и ему жестом приказала замолчать.

Пакона и Громовержец сердито посмотрели на дозорных, и те притихли. Громовержец сложил руки на груди и мрачно уставился на свои сапоги.

— Передай это обратно Паконе, Искорка, — пробормотал Даг, протягивая маленькую деревяшку, которую собравшиеся называли жезлом. — Мне

он больше не потребуется.

Фаун кивнула, с опаской взяла жезл и прошла через открытое пространство к суровой старой женщине, которая гораздо больше походила на сестру Камбии, чем Мари, ее родная сестра. Может быть, дело было в одинаковом возрасте... или они все-таки в близком родстве — эти Стражи Озера все между собой родичи. Никто из членов совета не стремился оказаться достаточно близко к другому, чтобы передать жезл из рук в руки. Фаун положила деревяшку на чурбак со свечой и поторопилась обратно, под крылышко Дага. Несмотря на то что ей говорить здесь запретили, Фаун, сглотнув, наклонилась к уху Дага и прошептала:

— Там, под кустом со светлячками, я думала, что если стану любить тебя еще сильнее, то не смогу дышать. Так оно и есть. — Сглотнув еще раз, она села рядом с мужем.

Кривая улыбка Дага была такой нежной, что пронзила ее сердце, как сладкая боль, говорящая: все в порядке. Все не так и все в порядке, так странно перемешалось... Даг крепко обнял Фаун за плечи, и они оба, как и все на поляне, повернулись к Громовержцу.

Громовержец поморщился, поскреб в затылке

и наклонился вперед. На губах его играла та его особая улыбка, в ответ на которую улыбаться никому не хотелось. Наконец он сказал:

— Я воздерживаюсь.

По ряду членов совета пробежал встревоженный шепот; Дор возмущенно воскликнул:

— Что?!

— Ты не можешь так поступить! — возразила Дови, поворачиваясь к Паконе. — Так разве можно? — И совсем тихо добавила: — А мне можно воздержаться? — Громовержец только потер лоб и вздохнул, однако ответил Дови:

— Могу воздержаться и воздерживаюсь, хотя и редко. Обычно я предпочитаю, чтобы все было закончено и дело закрыто. Однако если Даг все равно увозит свою жену-крестьянку, я не вижу необходимости решать вопрос в срочном порядке.

— А что насчет требований шатра Редвинг? — требовательно спросил Дор. — Где наша компенсация?

Громовержец склонил голову набок, обдумывая вопрос.

— Шатер Редвинг может поступить так же, как любой участник рассмотрения в случае отложенного решения совета. Обратитесь со своей

жалобой к тому совету, который будет избран в следующем сезоне. Остается всего два месяца до переезда в лагерь у Медвежьего Брода.

— Но он же уедет! — взвыла Камбия; она была в таком отчаянии, подумала Фаун, что даже не протянула руку к жезлу, чтобы получить право говорить. Однако в этом случае

Пакона не стала наводить порядок; наверное, ей приходилось унимать дрожь в собственных коленках.

Громовержец покачал головой.

— Вопрос о свадебной тесьме слишком сложен, чтобы его мог решить один человек, даже если дело не терпит. Проблему должно рассмотреть общее собрание лагеря, отрешившись от эмоций, связанных с данным конкретным случаем. Людям нужно тщательно все обдумать и обсудить.

Фаун видела, что этот довод произвел впечатление на членов совета. И еще было ясно одно: для большинства не важно, каким образом избавиться от Фаун, — лишь бы она уехала. Впрочем, на лицах дозорных было написано упрямство, не уступавшее упрямству Дора.

Дор быстро и тихо посовещался о чем-то с Камбией. Старая женщина покачала головой то ли в гневе, то ли в тревоге, но в конце концов согла-

силась с сыном.

Дор повернулся к членам совета.

— Шатер Редвинг желает получить жезл.

Пакона кивнула, взяла в руки жезл, но заколебалась.

— Ты, знаешь ли, не можешь настаивать на повторном голосовании по тому же вопросу до собрания в Медвежьем Броде.

— Я знаю. У меня другой вопрос... но тесно связанный с предыдущим.

— И твоя идея насчет расторжения брачных уз — это тоже для общего собрания. Как я тебе говорила раньше, едва ли ты в этом добьешься своего, особенно если она, — Пакона мотнула головой в сторону Фаун, — уже уедет.

— Я не о том буду говорить, — возразил Дор, и Пакона, пожав плечами, передала ему жезл.

— Шатер Редвинг не имеет другого выбора, — нам Дор, — как примириться с проволочкой. — Он бросил яростный взгляд на Громовержца. — Однако для всех ведь ясно что ко времени собрания в Медвежьем Броде Даг давно уже уедет. Наше требование, если собрание его удовлетворит, приведет ко взиманию крупного штрафа в пользу лагеря. Мы просим, чтобы кредит Дага был закрыт до нового разбирательства, чтобы

лагерь не понес убытков в том случае, если штраф будет наложен. Это также обеспечит явку Дага на следующий совет.

Пакона и Огит сразу же одобрительно закивали. Ласки и Ригни задумались, Тиока и Дови смутились. На лице Громовержца нельзя было прочесть ничего.

Пакона с облегчением сказала:

— Ну, у такого решения по крайней мере имеется много прецедентов.

Даг улыбался странной сухой улыбкой. Фаун рискнула похлопать его по колену и прошептать ему в ухо:

— Что это значит? Могут они заставить тебя вернуться обратно?

— Нет, — прошептал в ответ Даг. — Понимаешь, бывает, что проигравший дело в гневе забирает все свое имущество, что хранится на общем складе, и прячет его, чтобы не платить штраф. Закрытие кредита предотвращает подобную неприятность. Однако поскольку у Дора не будет никакой возможности обратиться с жалобой к совету в Медвежьем Броде или еще куда-нибудь, потому что ответчика — меня — там не будет, мой кредит окажется закрыт навсегда. Так я окажусь бедняком, хоть и не буду изгнан, и Дору

не придется возиться со всем этим непростым делом. У него может выгореть — никто не любит рисковать ресурсами лагеря. Дор ловко придумал только я готов, если придется, уйти и голышом. На этот крючок я не попадусь, Искорка.

— Эти братья... — пробормотала Фаун, поникнув на своем жестком чурбаке.

Губы Дага дрогнули:

— Действительно.

— Требование шатра Редвинг представляется мне разумным, — сказала Пакона, — особенно если учесть, что Даг Редвинг говорил о своем намерении уехать из лагеря.

— Уехать? — встрял Огит. — Ты так это называешь? А я говорю — это просто дезертирство, замаскированное всякой чепухой. Что ты собираешься предпринять, Громовержец? — Старик наклонился вперед, чтобы бросить на командира дозорных злой взгляд.

— Это внутреннее дело дозора, — ответил Громовержец, и железная окончательность его тона заставила замолчать даже Огита, который, хоть и пыхтел, больше ничего сказать не рискнул.

Нарушив свое решение больше не говорить, Даг кивнул Громовержцу и сказал:

— Мне нужно поговорить с тобой после совета.

Это мой долг.

Громовержец кивнул в ответ.

— Приходи в штаб. Это тебе по дороге.

— Хорошо.

Пакона постучала костяшками пальцев по чурбаку, на котором стояла свеча.

— Что ж, давайте голосовать. Следует ли закрыть кредит Дагу Редвингу до заседания совета в Медвежьем Броде. «Да» будет означать, что имущество Дага под арестом, «нет» что он волен им распоряжаться. — Было ясно, что она с трудом удержалась, чтобы не добавить: «и растратить на крестьянских любовниц», но дисциплина все же помешала ей. Едва-едва, решила Фаун. — Огит?

— Да. — Тут все было ясно. Последовало еще три «да» — твердых или нерешительных, разочаровавших Фаун; вопрос был решен не в пользу Дага еще до того, как Пакона сказала свое твердое «да». Дови оглядела членов совета, произвела мысленную арифметику и пробормотала безопасное и бесполезное «нет».

Громовержец поморщился и тоже буркнул:

— Нет.

— Требование шатра Редвинг удовлетворено, —подвела итог Пакона. — Совет лагеря постановляет, что Даг Редвинг не может пользоваться

кредитом до нового разбора его дела в Медвежьем Броде.

Наступившая тишина была разорвана криком вскочившего на ноги Сауна:

— Проклятое ворье! — Рази и Грифф вдвоем вцепились в молодого дозорного и заставили его сесть. — После Рейнтри! После Рейнтри! — Мари повернулась к нему и нахмурилась, но явно не нашла в себе сил отчитать. Когда она взглянула на своего племянника Дора, ее взгляд мог бы поджарить бекон, подумала Фаун.

Омба уже давно порывалась что-то сказать. Теперь она выхватила жезл из руки своего удивленного мужа, взмахнула им и выкрикнула:

— Заставьте его забрать своего коня! Копперхед — чистое бедствие! Он искусал трех моих девушек, двух брыкнул и так покалечил нескольких лошадей на пастбище, что мне пришлось накладывать швы! Мне нет дела до того, уйдет ли Даг из лагеря без штанов, но я требую, чтобы он забрал этого коня! — Слова Омбы прозвучали очень раздраженно, если не считать того, что она незаметно для Дора подмигнула Дагу.

— Вот ты только представь себе, Искорка, — краем губ пробормотал Даг. — Мы с Копперхедом — он без седла, я без штанов...

Фаун готова была вцепиться в Дага и начать его трясти изо всех сил за то, что он чуть не заставил ее расхохотаться в такой серьезный момент. Ей пришлось зажать рот рукой и опустить глаза в землю, пока она не смогла справиться с собой.

— Мои глаза были бы счастливы! — прошептала она и испытала сладкое чувство мести, заметив, как Даг чуть не давится смехом.

Дор бросил на них яростный взгляд, бессильный помешать им обмениваться шутками. Это оказался лакомый кусочек для Фаун посреди пепла, в который обратилось их благосостояние.

— Откуда у тебя взялся этот конь? — тихо поинтересовалась Фаун.

— Я проигрался в кости, когда однажды ехал в лодке через Серебряные Перекаты.

— Ах, проигрался... Тогда понятно.

Пакона бросила на Дага недружелюбный взгляд.

— Остается вопрос: что входит в имущество, которое должно храниться на общем складе, а что является личными вещами. — Если она и представила себе Дага, нагишом покидающего лагерь, то ее чувства очень отличались от тех, которые испытывала Фаун.

— Лучше не начинай этого, Пакона, — пророко-

тал Громовержец, — если не хочешь, чтобы среди дозорных вспыхнул бунт.

Саун, все еще подпрыгивавший на чурбаке и удерживаемый только тяжелой рукой Утау, выглядел так, как будто был готов поднять восстание прямо сейчас, и если от Дирлы, Рази и Гриффа не шел пар, то только потому, что они не были мокрыми.

Пакона, подняв брови, посмотрела на командира дозорных.

— Разве ты не можешь держать в узде свою буйную молодежь, Громовержец?

— Пакона, я их возглавлю.

Старая женщина сжала губы, не оценив его черный, но вполне искренний юмор. Однако она поняла, что зашла слишком далеко.

— Хорошо. До совета в Медвежьем Броде дозорный... бывший дозорный может пользоваться своим конем Копперхедом, оружием и тем имуществом, которое сможет увезти. Крестьянка может уехать со всем, что имела по прибытии, — нам до этого дела нет.

— А как насчет свадебных подарков, которые он послал ее родне? — неожиданно спросил Дор.

— Лучше не начинай этого разговора, Дор, — подняла на него глаза Мари. Фаун не была

уверена, прибегла ли Мари к голосу, которым командует отрядом, или заговорила, как строгая тетушка, только Дор сник и даже Пакона не рискнула одернуть Мари.

Пакона выпрямилась и оглядела собравшихся.

— Шатер Редвинг, хотите ли вы еще что-нибудь сказать, прежде чем я закрою совет?

Дор выдавил непослушными губами:

— Нет, мэм. — Решение насчет кредита вызвало у него горькое удовлетворение, но Камбия позади него сидела молча и неподвижно.

— Даг Редвинг?

Даг молча покачал головой.

Пакона протянула руку, и жезл вернулся к ней. Она трижды ударила им, наклонилась вперед и задула свечу.

Закрыв дверь комнаты, Громовержец оставил за порогом возмущенных дозорных, которые выкрикивали все более изобретательные и горячие предложения по поводу того, как отомстить Дору. Даг порадовался относительной тишине. Громовержец жестом предложил им с Фаун сесть, но Даг покачал головой и остался стоять, устало опираясь на свой костыль.

«Мы больше не товарищи по оружию, по-моему».

Кем теперь он был — дозорным Фаун? Даг и сам не знал. Принадлежащий Фаун Даг. Принадлежащий навсегда. Она держала его за руку, встревоженно глядя на Громовержца, и Даг позволил себе слегка опереться на ее хрупкое плечо.

— Мне очень жаль, что все так вышло, — сказал Громовержец, мотнув головой в направлении поляны совета. — Я не ожидал, что Дор меня проведет. Причем дважды.

— Я всегда говорил, что мои родичи невозможные, но никогда не утверждал, что они глупы, — вздохнул Даг. — По-моему, между вами ничья. Я принял решение, когда явился на совет, ожидая, что меня и в самом деле изгонят; раз они этого не потребовали, я решил уехать сам. Я, конечно, подаю в отставку, — добавил Даг. — Мне следовало побывать здесь до совета, и тогда ты не попал бы в трудную ситуацию, но я не был уверен, как все повернется. Если ты сочтешь это дезертирством, я не стану спорить.

Громовержец протянул руку и вытащил колышек Дага из клетки, обозначенной «Отсутствующие по болезни». Выпрямившись, он задумчиво взвесил колышек на ладони.

— Так что ты собираешься делать — там, в крестьянских краях? Я не могу себе представить тебя

пашущим землю.

— По крайней мере я буду двигаться, хотя сейчас и хотелось бы посидеть; это настроение пройдет, оно всегда проходит. Я не шутил, когда сказал, что не знаю. — Когда-то он побывал в дальних краях, а теперь совершенно не был уверен в том, что следующее его великое путешествие не будет протекать на одном месте, но заведет его далеко во времени — путь, который он с трудом мог себе представить и уж тем более не мог описать. — Ни один план, который я составлял, не принес мне ни малейшей пользы, а иногда планы мешают увидеть другие открывающиеся дороги. Я хочу некоторое время сохранять ясный взгляд. Выяснить, можно ли действительно научить новым трюкам старого дозорного.

— Ты в последнее время освоил их немало, если верить Хохарии.

— Ну да. Передай ей мои извинения и благодарность, — добавил Даг. — Она почти сманила меня от тебя. Но... такая дорога вела бы не туда. Я многого не знаю, но это мне известно.

— Никаких властителей и подданных, — пристально глядя на Дата, сказал Громовержец.

— Верно, — согласился Даг. — Я хочу найти другую дорогу, которая была бы достаточно широка

для всех. Кто-нибудь должен же ее разведать. Может быть, я и не пройду по этой новой дороге, но я ее укажу тому, кто окажется умнее меня, — если буду держать свой Дар открытым и внимательно осматриваться и прислушиваться.

— Нет смысла человеку узнавать новое, — задумчиво проговорил Громовержец, — если он не возвращается, чтобы научить ему других.

Даг покачал головой.

— Перемены необходимы. Однако они не произойдут здесь и сейчас, с этими людьми. Совет лагеря это доказал.

Громовержец вытянул вперед руки и покачал ладонями, как чашками весов.

— Голосование не было единогласным.

— Надежда есть, — признал Даг. — Даже если это произошло главным образом из-за гибкости спины Дови Грейхерон. — Громовержец хохотнул, неохотно с ним соглашаясь.

— Отъезд не был моим первым намерением, — сказал Даг, . — Мы с Искоркой остались бы здесь, если бы нам позволили. Я бы сейчас готовился снова отправиться в дозор.

— Нет. Ты все еще был в списке раненых, — возразил Громовержец и опустил взгляд. — Как нога? Ты, как я заметил, берег ее, когда шел обратно.

— Постепенно заживает. Ее все еще дергает, когда я устаю. Я рад, что уеду на Копперхеде, а не уйду пешком, спасибо Омбе за догадливость. Мне будет не хватать этой женщины.

Громовержец задумчиво посмотрел в окно на сверкающую воду озера.

— Значит... если бы ты мог вернуться к своему изначальному плану... прости, Фаун, теперь даже магия Стражей Озера не могла бы заставить его осуществиться... так вот: если бы можно было, ты бы так и поступил?

Взгляд Громовержца был испытующим, и Даг понял, насколько важен этот вопрос. Он молча склонил голову, несколько раз моргнул и просто сказал:

— Нет. — Взглянув в серьезное лицо Фаун, он на мгновение стиснул ее плечи. — Брось-ка ты мой колышек в огонь. С дозором я покончил.

Громовержец коротко кивнул.

— Что ж, если когда-нибудь передумаешь — или если жизнь снова даст тебе пинка, — ты знаешь, где нас найти. Я все еще буду на месте.

— Ты ведь никогда не сдашься, верно?

— Мне Массап не позволит, — хмыкнул Громовержец. — Она ужасно опасная женщина. В тот день, когда я ее встретил — сорок один год назад,

— все мои замечательные планы рухнули в озеро и больше никогда не всплыли на поверхность. Вот и ты держись за свою опасную женщину, Даг. Они редки, найти их нелегко.

— Это я заметил, — улыбнулся Даг.

Громовержец еще раз подкинул колышек на ладони, потом резким движением протянул его Фаун.

— Вот. Думаю, что теперь он твой. Смотри не потеряй.

Фаун посмотрела на мужчин, удивленно подняв брови, потом улыбнулась и стиснула колышек в своей маленькой руке.

— Уж можешь быть в этом уверен, командир.

Даг намеревался уехать с первыми лучами рассвета — отчасти ради того, чтобы проделать хотя бы часть пути по хорошей погоде — день обещал оказаться прохладным и дождливым, — но главным образом для того, чтобы избежать прощаний или споров: желающих отговорить его от принятого решения все еще было достаточно. Они с Фаун упаковали седельные сумки еще с вечера, и Даг раздал то, что не собирался брать с собой: сундучок — Сарри, пику — Рази, меч своего отца — Утау, поскольку совсем не хотел, чтобы он достался Дору. На зимнюю одежду, хранящуюся

в лагере у Медвежьего Брода, он, должно быть, теперь рассчитывать не мог — как и на кредит. Шатер Блуфилд он оставил стоять на месте — пусть достанется девушкам со склада, раз уж они так рвались им завладеть.

Даг удивился, когда, вместо того чтобы прислать кого-то из своих помощниц, из тумана вынырнула Омба, ведя в поводу Копперхеда и Грейс. Женщина тепло обняла Дага.

— Прошмыгнула, чтобы попрощаться тайком от родственников? — поинтересовался Даг, в свою очередь обнимая Омбу.

— Ну, и это... а еще мне нужно повиниться перед Фаун.

Фаун, взяв у нее поводья, сказала:

— Ты никогда не делала мне ничего плохого, Омба. Я рада, что имела возможность с тобой познакомиться.

Омба откашлялась.

— Ничего плохого, конечно, только... ну, скорее это случайность. — Она покраснела как с удивлением заметил Даг: на деловитую Омбу такое было совсем не похоже. — Фаун, мне очень жаль, но я боюсь, что твоя кобыла беременна.

— Что? — воскликнула Фаун и повернулась к Грейс. Кобыла посмотрела на нее ласково и ни-

чуть не раскаиваясь и ткнулась мягкими губами в руку, рассчитывая на угощение. — Грейс! Ах ты плохая девчонка, чем это ты занималась? — Фаун, смеясь, дернула за повод.

— Омба, — сказал Даг, прислонившись к плечу Копперхеда и невольно улыбаясь, — кому это ты позволила соблазнить кобылу моей жены?

Омба тяжело вздохнула.

— Жеребец Рига Кроу Облачко сорвался с привязи и переплыл с Орехового острова на остров Кобылы пять ночей назад. Он здорово поразвлекся, прежде чем мы его поймали. Фаун не единственная хозяйка кобылы, перед которой мне теперь предстоит извиняться, хоть с остальными я еще и не говорила. Не могу сказать, чтобы предвкушала такие разговоры с радостью.

— Хозяева рассердятся? — спросила Фаун. — Они планировали, что их кобыл покроют другие жеребцы? Этот Облачко — он что, плохой конь?

— О, Облачко — прекрасный конь, — заверил ее Дат. — Ты не поверишь, сколько мехов требует — и получает — Риг за случку с этим своим красавцем. Уж я-то знаю. Я в прошлом году очень дорого заплатил за то, чтобы Облачко покрыл Ласточку — после этого и родился Черныш.

— Так что, — сказала Омба, подергав себя за

седую косу, — все как можно убедительнее будут кричать о том, как они огорчены, если Риг попытается содрать с них плату. Дело может дойти до разбирательств на совете лагеря.

— Надеюсь, ты простишь меня, если я пожелаю им долгих и нудных препирательств, пока горит не одна свеча, — сказал Даг. — Если Риг будет спрашивать, передай, что я и моя жена просто в ярости. — Даг так зловеще рассмеялся, что Фаун даже удивленно подняла брови.

— Я и упоминать о Грейс не собираюсь, — заверила его Омба. — У меня хватит неприятностей и без этого.

Утау и Рази пришли, чтобы помочь оседлать коней; следом явились Сарри, Мари и Каттагус. С ними Даг обменялся только короткими кивками, за исключением Мари, которую он обнял. Фаун обняла всех по очереди.

— Не надумаешь ли вернуться? — ворчливо пробормотал Утау. — Может, явишься на совет в Медвежьем Броде?

— Ради этого точно не вернусь. В остальном — кто знает? Я навсегда покидал дом по крайней мере четыре раза — Мари может подтвердить.

— Я помню очень эффектный отъезд лет восемь назад, — кивнула Мари. — Сколько крику

было! Тогда ты сумел исчезнуть на семнадцать месяцев.

— Может быть, опыт позволит мне на этот раз действовать успешнее.

— Все возможно, — согласилась Мари. — Только я надеюсь, что этого не произойдет.

В конце концов пришло время садиться в седла. Рази подсадил Дага и отскочил в сторону: Копперхед принялся за свои обычные штучки, так что Дагу пришлось его сурово отчитать. Утау подсадил Фаун на Грейс. Выехав на дорогу, Даг и Фаун оба обернулись и помахали остающимся; те молча помахали им в ответ. Потом туман поглотил расплывчатые фигуры людей, расходящихся по своим шатрам.

Даг и Фаун не разговаривали между собой, пока копыта коней не застучали по длинному дощатому мосту, ведущему с острова. Фаун заметила, что Даг оперся о заднюю луку и через плечо оглянулся назад.

— Я не собиралась, — тихо сказала она, — когда в тебя влюбилась, сжечь твою жизнь до основания.

Даг обернулся к Фаун с грустной улыбкой.

— Я был сухой доской, а они здорово горят, Искорка. Все будет хорошо. — Он посмотрел впе-

ред и больше не оглядывался. Через некоторое время Даг добавил: — Правда, мне действительно жаль, что я лишился всего своего имущества. Я и в самом деле думал, когда обещал твоим родным позаботиться о тебе, что буду иметь все необходимое для твоей безбедной жизни этой зимой и всеми будущими зимами тоже. Теперь все запасы кидальников в подвалах Медвежьего Брода не про нас.

— Как я понимаю, совсем ты своего имущества не лишился. Оно скорее удерживается до будущих времен, как и мое приданое.

Брови Дага поползли вверх.

— Я не догадался посмотреть на дело под таким углом.

— Да я и не знаю, как бы нам удалось путешествовать, ведя в поводу... сколько — восемь лошадей?

Даг представил себе такую картину.

— Я больше рассчитывал обратить то, чем владею, в золотые тридены Трипойнта или серебряные масселы Серебряных Перекатов. Эти деньги признают всюду и вверх, и вниз по течению Серой реки и реки Грейс. Однако если бы все мои накопления за последние восемнадцать лет перевести в лошадей... средних лошадей, не

таких, как Копперхед или Облачко... хм-м, дай-ка я подсчитаю... — Даг из интереса занялся мысленной арифметикой. — Получилось бы примерно сорок лошадей. Слишком много, чтобы вести их всех сейчас в поводу.

— Сорок лошадей! — воскликнула Фаун растерянно. — За цену сорока лошадей можно ферму купить!

— Но я не знал бы, что с ней делать, даже если бы и получил.

— Ну, я-то знала бы... Ах, не важно. Я рада, что вчера этого не знала, — добавила Фаун. — Я была бы гораздо сильнее огорчена.

— Идет против твоих представлений об экономии, да?

— Ну да! И против моих представлений кое о чем еще.

Даг подмигнул Фаун.

— Ты стоишь вдвое дороже, Искорка. Поверь мне.

— Хм-м... — Однако Фаун быстро успокоилась и ударила пятками в широкие бока Грейс, чтобы кобыла не отставала от Копперхеда.

Там, где в миле от моста дорога делилась на три, всадники остановились.

— Итак, куда теперь? — спросил Даг.

— Разве ты не решил?

— Нет. Ну, во всяком случае не на север. Лето ведь скоро кончится. — Солнце согрело воздух, и цикады в полях стали стрекотать громче, но заморозки скоро заставят их умолкнуть. — Куда бы мы ни двинулись, больших переходов делать мы не будем — нужно помнить о деликатном положении Грейс. — Даг решил, что сможет извлечь массу пользы из деликатного положения Грейс, если вспоминать о нем в подходящий момент.

Ничуть не обманутая его словами, Фаун, прищурившись, глянула на мужа и сказала:

— Совершенно с тобой согласна. — Она огляделась. — Так все-таки — по какой дороге? — —Внимание Фаун неожиданно привлек какой-то звук, и она повернулась в седле. — Что это?

Даг проследил за ее взглядом и почувствовал, как в животе свернулся холодный комок: к ним во весь опор скакали Саун и Дирла, отчаянно размахивая руками.

«Отсутствующие боги, только не новый Злой! Я не хочу снова переживать все, что связано с отъездом!»

Однако на разгоряченных лицах молодых дозорных, когда они, пыхтя, остановили коней, не было написано паники.

— Я боялась, что мы с вами разминемся, — выдохнула Дирла.

Даг поднял руку в приветствии.

— — Рад вас видеть, но я думал, что мы попрощались еще вчера вечером. — Того прощания, конечно, было недостаточно... и все же им следовало ограничиться.

Все еще не отдышавшийся Саун отмахнулся от возражения.

— Дело не в том. Мы привезли вот что. — Он сунул руку за пазуху и извлек кожаный мешочек, в котором что-то звякнуло. — Ребятам из нашего отряда, да и вообще многим дозорным очень не понравилось, как все вчера обернулось на совете лагеря. Так что мы с Дирлой и Гриффом кое-что собрали. Это мелочь по сравнению с тем, что у тебя, Дат, отобрали, но хоть что-то. — Саун протянул мешочек Дагу, но тот позволил Копперхеду попятиться.

— Спасибо тебе большое, Саун, но я не могу этого взять.

— Не все поучаствовали, на кого я рассчитывала, — раздраженно сказала Дирла, — но по крайней мере проклятый совет лагеря никакого отношения к этому не имел.

Даг был и тронут, и смущен.

— Послушайте, ребятки, я не могу...

— Громовержец внес три золотых тридена, — перебил его Саун, — и велел нам не говорить Массап.

— А Массап дала десять серебряных масселов, — добавила Дирла, — и велела не говорить Громовержцу. — Дирла задумчиво покачала головой. — Интересно, что они скажут друг другу, если это выяснится?

— Ты собираешься наябедничать? — заинтересованно спросил Саун.

— Ничего подобного!

Что ж... семейство Кроу — богатое. Даг вздохнул, глядя на серьезные молодые лица. Ясно, что отвертеться ему не удастся.

— Надеюсь, некоторые из тех коней, которых отобрали у меня, достанутся дозорным.

— Наверное, — кивнул Саун.

Даг улыбнулся, признавая свое поражение, и протянул пуку. Саун, ухмыляясь, вручил ему мешочек.

— Постараюсь не забыть ничего из того, чему ты меня учил. Не буду больше размахивать мечом в лесу.

— Ну, для начала хоть это, — согласился Даг. — Нужно еще быстрее отскакивать, ну да этому ты

уже и сам научился — так уроки лучше запоминаются. Присматривайте друг за другом, вы двое.

— Дозор заботится о своих, — твердо сказала Дирла. Даг тепло на нее взглянул.

— Дозор заботится о каждом, Дирла. Девушка усмехнулась в ответ, совсем как Искорка.

— Тогда ты все еще остаешься дозорным, Даг, не правда ли? Будь осторожен... командир.

Дозорные попрощались и развернули коней.

Даг дождался, пока Саун с Дирлой перестали оборачиваться и махать, потом подкинул мешочек на руке и заглянул внутрь.

— Ух... неплохо! Что ж, теперь ясно, в каком направлении ехать.

— Как так?

— На юг, — решительно сказал Даг.

— Я уже бывала на юге, — возразила Фаун, — до самого Глассфорджа.

— Искорка, южные края еще даже и не начинаются, пока не доберешься до Серебряных Перекатов. Я вот подумал... в это время года спуститься на плоскодонке по реке обойдется недорого. Мы можем не спеша доехать до Серебряных Перекатов, а потом нанять лодку... такую, куда можно погрузить и Копперхеда с Грейс. Я мог бы увидеть значительную часть кре-

стьянских земель, спокойно сидя в лодке. Очень соблазнительная мысль... Мне всегда хотелось это сделать. Следовать за осенью на юг до моря, чтобы и ты его увидела. Потом не торопясь поехать обратно — можно здорово продлить весну, возвращаясь следом за ней на север. Спорю, что за это время мой Дар исцелится. Что ты думаешь на этот счет?

Фаун только разинула рот, когда на нее обрушилось это неожиданное предложение, показавшееся ей, подумал Даг, совершенно фантастическим. Фаун закрыла рот и сглотнула.

— Когда ты задумываешь путешествие, — сказала она, — ты не мелочишься.

— Ну, по меркам старого дозорного это всего лишь прогулка, — заверил ее Даг. Он повернулся в седле, чтобы сунуть кошель в седельную сумку, потом нахмурился, когда его пальцы нащупали непонятный сверток. Он вытащил его, развернул и изумленно уставился на уши кидальника.

— Что это? Это ты взяла с собой? — спросил он Фаун.

Она покраснела.

— Э-э... да. Я подумала, что тебе следует иметь привычную еду, где бы мы ни устроили себе дом.

— Мы не едим уши, любимая.

— Я знаю. — Фаун вскинула голову. — Они для посадки. Сарри говорила мне, что даже сухие уши не теряют всхожести года два или три. Прошлой ночью, когда ты уснул, я позаимствовала несколько штук из кормушки коней на острове Кобылы. Может, это и не лучшие, но я старалась выбрать самые крупные.

— Что ты задумала, крестьяночка?

— Я надеюсь, что, может быть, у нас когда-нибудь будет свой пруд. — В ответ на пристальный взгляд Дага она решительно повторила: — Такое может случиться!

Этого Даг отрицать не мог. Откинув голову назад, он расхохотался.

— Контрабанда кидальников! И незаконно зачатый жеребенок! Нет, Искорка, мне теперь все ясно. Нас ждет будущее грабителей с большой дороги!

Фаун смущенно улыбнулась и покачала головой.

— Ладно, поехали, Даг.

Когда они шагом пустили коней по южной дороге, над ними с криком пролетела стая диких гусей, и оба они запрокинули головы, любуясь чудом бьющих крыльев.

— Немного рано они собрались в перелет, —

сказала Фаун.

— Может быть, они тоже задумали прогуляться.

— Или заблудились.

— Только не гуси. Мне это кажется скорее указанием. Давай последуем за ними.

Так они и сделали — стремя к стремени.

Лоис МакМастер Буджолд

ЛОИС БУДЖОЛД
РАЗДЕЛЯЮЩИЙ НОЖ

«Разделяющий нож: В пути

1

Даг ехал по дорожке, лениво размышляя о том, накормят ли их на ферме Блуфилдов обедом и удастся ли после обеда вздремнуть, когда мимо его виска просвистела стрела.

В панике он правой рукой сдернул с седла жену и вместе с ней соскользнул влево, чтобы оказаться под прикрытием лошадиных тел. Одновременно он отчаянно пытался сориентироваться при помощи Дара, который, к прискорбию, все еще действовал всего на сотню шагов. Его мысли метались между Фаун, ножом на поясе, бесполезным луком за спиной — и, главное, «сколько их и где?». Сосредоточиться ни на одной мысли ему не удалось: его, как удар молнии, пронзила боль в левой, еще не вполне зажившей ноге, которой пришлось принять на себя вес и его самого, и Фаун. Даг хотел крикнуть «Искорка, держись позади меня», но сумел выдавить лишь «О, проклятие!», когда нога подкосилась. Кобыла Фаун помчалась вперед. Копперхед заржал и дернул поводья, все еще обмотанные вокруг крюка, заменявшего Дагу левую кисть; только это обстоятельство и поддержка Фаун, устоявшей на ногах, позволили

Дагу не упасть.

— Даг… — выдохнула Фаун, согнувшаяся под его весом.

Даг выпрямился и опустил руку, которой пытался выдернуть из-за спины лук: он наконец обнаружил источник опасности — и не при помощи Дара, а простым зрением. Его зять Вит Блуфилд бежал через двор от старого амбара, размахивая в воздухе луком и отчаянно крича:

— Ох, простите! Простите!

Только теперь Даг заметил служивший мишенью мешок, прибитый к дубу на другой стороне дороги. Ну… можно было предположить, что это мишень, хотя единственная стрела торчала из дуба футах в двух ниже. Остальные выпущенные Витом стрелы валялись на земле вокруг; та, что чуть не выбила Дагу глаз, воткнулась в землю не меньше чем в двадцати шагах от мишени. Даг в гневе шумно выдохнул воздух, потом сделал глубокий вдох, силой воли пытаясь успокоить колотящееся сердце.

— Вит, неуклюжий идиот! — крикнула Фаун, поднявшись на цыпочки и выглядывая из-за защищавшей ее конской спины. — Ты чуть не застрелил моего мужа!

Запыхавшийся Вит подбежал к ним, повторяя:

— Простите, простите! Я так удивился, увидев вас, что у меня рука дрогнула…

Грейс, кобыла Фаун, пробежала всего несколько ярдов и успокоилась; убедившись, что такой необычный для хозяйки способ спешиться не грозит дальнейшими неприятностями, она принялась щипать траву на обочине. Вит, знакомый с необщительным характером Копперхеда, далеко обошел его, прежде чем приблизиться к сестре. Даг отпутал поводья с крюка и позволил своему коню присоединиться к Грейс, что гнедой и сделал, несколько раз демонстративно взбрыкнув — просто чтобы выразить свое мнение по поводу происходящего. Даг подумал, что разделяет его чувства.

— Я в тебя не целился! — продолжал оправдываться Вит.

— Очень рад это слышать, — протянул Даг. — Я знаю, что пришелся не по нраву некоторым тут, когда женился на твоей сестре, но мне казалось, что ты не из таких. — Губы Дага мрачно сжались: Вит вполне мог попасть в Фаун.

Вит вспыхнул. Будучи на голову ниже Дага, он все же намного возвышался над Фаун, которую, после некоторого колебания, неуклюже обнял. Фаун поморщилась, но тоже его обняла. Брат и

сестра Блуфилды походили друг на друга кудрявыми черными волосами и светлой кожей, но если Фаун была пухленькой, с очаровательной ямочкой на щеке, когда она улыбалась, то Вит оставался тощим и угловатым, а руки и ноги у него казались слишком большими для его тела. Похоже, он все еще рос и после двадцати лет, о чем говорили торчащие из рукавов домотканой рубашки запястья… А может быть, он просто донашивал свою старую одежду, не имея младшего брата, которому можно было бы ее передать.

Даг сделал шаг вперед и зашипел от боли, прижимая крюк к подгибающейся левой ноге. С трудом выпрямившись, он пробормотал:

— Пожалуй, мне все-таки нужна моя палка, Искорка.

— Конечно, — кивнула Фаун и кинулась через дорогу к Копперхеду, к седлу которого была приторочена палка из орехового дерева.

— С тобой все в порядке? Я же знаю, что не попал в тебя, — заныл Вит; его губы скривила унылая гримаса. — Я и вообще ни во что не попадаю.

Даг криво улыбнулся.

— Все хорошо. Не беспокойся.

— Ничего не хорошо, — сурово поправила его Фаун, вернувшаяся с палкой. — Дага жутко из-

ранили месяц назад, когда его отряд уничтожил того ужасного Злого около Рейнтри. Ему еще поправляться и поправляться.

— Ах, так то были твои парни, Даг? Это и в самом деле было зловредное привидение… Злой? — Вит со второй попытки назвал чудовище так, как было принято среди дозорных, и слегка склонил голову перед Дагом. — До нас доходили всякие страшные слухи о переполохе на Крестьянской равнине…

Фаун озабоченно перебила его:

— Рана у тебя не открылась, Даг, когда ты так тяжело приземлился?

Даг кинул взгляд на светлую ткань своих дорожных штанов. Крови на ней не было, да и боль постепенно отпускала.

— Нет. — Он взял у Фаун палку и с облегчением на нее оперся. — Все будет хорошо, — добавил он, чтобы успокоить глядевшую на него, широко раскрыв глаза, Фаун. Даг с любопытством посмотрел на лук, который все еще сжимала левая рука Вита. — А это что? Не думал, что ты лучник.

Вит пожал плечами.

— Пока что я не особенно хороший стрелок. Только ты сказал, что поучишь меня, когда… если вернешься сюда. Вот я и готовился, практиковал-

ся и вообще… На всякий случай. — Он, словно в подтверждение своих слов, протянул Дагу лук.

Даг заморгал. Он совершенно забыл свое случайное замечание, сделанное при первом посещении Вест-Блю, и поразился тому, что парень явно принял его слова близко к сердцу. Даг присмотрелся повнимательнее, но на лице Вита не было заметно и следа его обычного дурачества.

«Гм-м… Похоже, я произвел на него большее впечатление, чем предполагал».

Вит недолго переживал по поводу полетевшей не туда стрелы и начал весело расспрашивать:

— Так почему же вы двое так быстро вернулись? Уж не потому ли, что твой отряд оказался неподалеку? Вы все могли бы заглянуть, папа не стал бы возражать, знаешь ли. Или у тебя поручение, как у того парня — гонца, который привез твое письмо и подарки?

— Так мои свадебные дары благополучно добрались до вас? Ох, прекрасно, — протянул Даг.

— Ага, а как же. И удивились же мы все! Мама хотела написать тебе, только гонец уже уехал, а мы не знали, как связаться с твоими соплеменниками, чтобы передать письмо.

— Ах… — вздохнул Даг.

«Действительно, проблема».

Именно проблема, по крайней мере, один из ее аспектов: крестьяне и Стражи Озера не в состоянии разговаривать друг с другом.

«Вот и сейчас…»

Сколько Даг ни репетировал в уме, в этот момент он неожиданно ощутил, как трудно с ходу рассказать о своем изгнании.

К счастью, в разговор вмешалась Фаун.

— Мы просто заехали по дороге. Даг вроде как в отпуску, пока его раны не заживут.

В определенном смысле это было верно… впрочем, нет, неверно. Однако для объяснений еще будет время — может быть, когда все соберутся вместе, так что ему не придется повторять все снова и снова: перспектива, которая заставляла Дага морщиться даже еще сильнее, чем мысль об объяснениях с целой толпой.

Путники прошли вперед, чтобы забрать лошадей, и Вит махнул рукой в сторону старого амбара.

— Стойла, которыми вы раньше пользовались, свободны. Ты, как я вижу, все еще ездишь на своем людоеде. — Он с осторожностью обошел Копперхеда, чтобы взять поводья Грейс; по тому, как кобыла сопротивлялась, стараясь ухватить еще хоть травинку, ее можно было счесть го-

лодающей, — что никак не соответствовало ее упитанному виду.

— Угу, — Даг с кряхтением нагнулся, чтобы поднять поводья мерина. — Я так и не встретил человека, настолько мне неприятного, чтобы отдать ему это чудище.

— Он же ездит на Копперхеде полных восемь лет, — улыбнулась Фаун, и на щеке ее появилась ямочка. — Просто чудеса какие-то! Признайся, Даг, тебе нравится эта мерзкая лошадь. — Она повернулась к Виту и весело поинтересовалась: — А что нового в Вест-Блю?

— Ну, Флетч и Кловер поженились уже недель шесть назад. Мама жалела, что тебя не было на свадьбе, — Вит кивнул в сторону каменного дома на холме над лесистым берегом реки. Пристройка для новобрачных, еще незаконченная, когда Даг в прошлый раз был здесь, теперь выглядела вполне жилой: в окнах поблескивали стекла, а вокруг даже цвели осенние цветы, скрывшие следы строительства. — Кловер уже совсем освоилась, ясное дело. Ха! Ей не потребовалось много времени, чтобы выжить близнецов. Они быстренько вымелись и отправились вместе с одним своим приятелем осваивать землю милях в двадцати к западу. Уехали только на прошлой неделе — вы

совсем ненамного с ними разминулись.

Даг не мог не подумать, что из всех Блуфилдов он, пожалуй, по вредным близнецам Риду и Рашу станет скучать меньше всего; судя по улыбке, появившейся на лице Фаун, она разделяла его чувства.

— Я помню, они уже давно поговаривали об этом, — кивнул Даг.

— Ага. Папе с мамой не особенно пришлось по вкусу, что они смылись перед самой жатвой, да только все так радовались их отъезду, что никто не стал жаловаться. Флетч, понятно, каждый раз вставал на сторону Кловер, когда они цапались — а цапались они, почитай, каждый день, — ну а близнецам не нравилось, когда эта парочка говорила им, что нужно делать. Так что теперь у нас дома стало много спокойнее. — Подумав немного, Вит добавил: — Даже скучно.

Пока Даг и Фаун расседлывали коней в стойлах старого амбара, Вит продолжал добродушно рассказывать о всяких мелких событиях в жизни многочисленных тетушек, дядюшек и кузенов. Посмотрев на палку, на которую опирался Даг, Вит без всяких просьб вскинул на плечо седельные сумки. Даг счел, что так Вит пытается загладить инцидент на дороге, и не стал возражать. Фаун

отказалась отдать Дагу свой мешок, посоветовав ему «присматривать за собой», и со своим обычным решительным видом двинулась вверх по склону к дому. Несмотря на все пережитые неприятности, ее, похоже, возвращение домой тревожило гораздо меньше, чем в прошлый раз, и Даг улыбнулся в ответ на ее улыбку.

«Что ж, мы как-нибудь переживем это, Искорка. Вместе».

* * *

Кухня фермерского дома пахла ветчиной с бобами, свежеиспеченным хлебом, бисквитами, яблочным пюре, тыквенным пудингом и дюжиной знакомых Фаун приправ, и это влажное благоухание вызвало у нее странное чувство тоски по дому, хотя именно домой она и вернулась. Мама Блуфилд и Кловер, обе в фартуках, суетились вокруг стола, но когда в заднюю дверь вошли вновь прибывшие, старшая из женщин с удивленным и радостным восклицанием кинулась на шею Фаун. Слепая тетушка Нетти, сидевшая за прялкой у открытой двери своей рабочей комнаты, проковыляла на кухню и крепко обняла племянницу, а потом и Дага. Ее рука на мгновение коснулась свадебной тесьмы, обви-

вавшей левую руку Дага повыше протеза, и ее улыбка стала еще более теплой.

— Рада, что она все еще на месте, — пробормотала Нетти.

— Да, — шепнул ей в ответ Даг, обнимая старую женщину так, что ноги ее оторвались от пола.

В этот момент в кухню ввалились папа Блуфилд и Флетч, возившиеся, судя по запаху, с овцами, и приветствия возобновились. Толстушка Кловер, правда, вскоре напомнила, что еда не может ждать, и отправила Фаун и Дага переодеваться и мыться. Поставив на стол дополнительные тарелки, от помощи Фаун она отказалась:

— Садись, садись! Вы двое, должно быть, устали с дороги. Ты теперь гостья, Фаун! — «Ведь правда?» — безмолвно добавили ее встревоженные глаза. Флетч смотрел на сестру так, словно его занимала та же мысль, хотя Фаун и ее странного мужа он встретил достаточно любезно.

Ввосьмером они уселись за длинным кухонным столом, ломившимся от изобилия крестьянских блюд; Фаун всегда воспринимала это как нечто само собой разумеющееся, а у Дага такое угощение все еще вызывало оторопь, и теперь, познакомившись со скудостью жизни в лагере дозорных, Фаун хорошо понимала, почему. Даг, впрочем,

явно ничего не имел против и нахваливал поварих, подкрепляя похвалы делом — наполнял свою тарелку до краев.

Фаун порадовалась его вернувшемуся аппетиту: за трудную летнюю кампанию он совсем отощал, да и до того был не слишком упитан. Со своим ростом, медной кожей, угловатым лицом, взлохмаченными темными волосами и странного металлического оттенка глазами он выглядел таким же чужаком в кухне, полной крестьян, как птенец цапли среди цыплят. Ощущение легкой угрозы, исходившей от него, только подкреплялось протезом вместо левой кисти этого колдуна-дозорного… или, как говорили невежественные или испуганные фермеры, дозорного-некроманта.

«И не без причины», — призналась себе Фаун.

Флетч, не выдержав пронзительных взглядов своей половины, первым задал вопрос:

— Мне удивительно, что вы двое так быстро вернулись. Вы ведь… э-э… не собираетесь здесь остаться?

Фаун предпочла не заметить настороженного тона.

— Просто заглянули. Мы держим путь далеко. Хотя, признаюсь, отдохнуть несколько дней было

бы хорошо.

— Ох, конечно! — воскликнула Кловер, с облегчением переводя дух. — Это будет здорово! Мне так хочется послушать о вашем новом доме. — Игривым тоном она добавила: — А приятных новостей у вас еще нет?

— Прошу прощения? — недоумевающе переспросил Даг.

Фаун, которая с легкостью расшифровала вопрос Кловер как «Ты еще не беременна?», ответила как подобает:

— Еще нет. А как насчет вас с Флетчем?

Кловер захихикала, положив руку на живот.

— Ну, определенно говорить еще рано. Но уж мы стараемся изо всех сил. Наша помолвка затянулась — то одно мешало, то другое, — так что мы решили не тянуть с пополнением семейства.

Флетч посмотрел на свою новобрачную с гордой улыбкой собственника, как любой крестьянин мог бы глянуть на свою породистую кобылу, и Кловер ответила ему самодовольным взглядом. Фаун раньше не всегда ладила с Кловер, но теперь не могла не признать, что та оказалась очень подходящей женой для недалекого Флетча, даже если не считать ее приданого — поля в сорок акров и большого участка леса совсем рядом с

землями Блуфилдов.

— Мы надеемся, что к зиме новости появятся, — уточнил Флетч.

Фаун посмотрела на Дага. Несмотря на урон, причиненный Злым его Дару, на таком расстоянии он наверняка мог бы определить, беременна Кловер или нет. Даг криво улыбнулся и коротко помотал головой. Фаун коснулась отметин, оставленных Злым на ее горле, которые теперь приобрели карминный оттенок, и подумала:

«Не стоит больше об этом говорить».

Мама Блуфилд осторожно поинтересовалась:

— Так как у тебя пошли дела с твоими новыми соплеменниками в лагере Хикори, Фаун? С твоей новой семьей?

Семьей Дага… После паузы, которая, возможно, была слишком красноречивой, Фаун выдавила:

— По-разному.

Даг взглянул на нее и сглотнул — явно не только для того, чтобы доесть последнюю ложку, — но сказал достаточно откровенно:

— По правде говоря, не слишком хорошо, мэм. Но мы не поэтому оказались в дороге.

— Эта свадебная тесьма, которую мы сплели, — тревожно спросила Нетти, — она что, не сработала?

— Сработала прекрасно, тетушка Нетти, — заверил ее Даг. Он обвел взглядом сидевших за столом. — Мне следовало бы объяснить вам кое-что, о чем только Нетти знала, когда мы с Фаун поженились. Наша свадебная тесьма, — он коснулся темной полоски над левым локтем и кивнул на такую же тесьму, обвивавшую левое запястье Фаун, — это не просто украшение. Стражи Озера вплетают в тесьму свой Дар.

Эти слова были встречены пятью недоуменными взглядами, и Фаун стала гадать, как Даг собирается объяснить ее семейству, что такое Дар: ведь никто из них не видел того, что видела она. К тому же ему приходилось преодолевать привычку всей жизни — нет, необходимость — хранить секрет. Что ж, судя по тому, как глубоко он вздохнул, Даг все же собирался начать.

— Только вы, фермеры, употребляете слово «магия». Стражи Озера зовут это просто Даром. Мы считаем, что в нем не больше магии, чем в посадке семян тыквы, чтобы вырастить урожай, или в прядении шерсти, чтобы соткать материю. Дар есть… есть во всем, он все пронизывает, живое и неживое. В живом Дар ярче всего, он пульсирует и меняется. В неживом он постоянен и только мурлычет. Вы все имеете Дар, только не

чувствуете этого, а дозорные воспринимают его напрямую. Можно думать о Даре как о втором зрении, хотя зрение не вполне… нет… — «Выражайся попроще, Даг», — буркнул он себе под нос, поднял глаза и продолжил: — Просто думайте о Даре, как о втором зрении, ладно?

Восприняв непривычное для этого семейства молчание как поощрение, Даг добавил:

— Так как мы можем видеть Дар в предметах, мы можем… по крайней мере, многие из нас… двигать вещи с помощью их Дара, менять их, помогать им…

Мама Блуфилд облизнула губы.

— Значит, ты таким образом починил чашу, которую разбили близнецы? Ты свистнул осколкам… это и есть работа Дара?

Лишив весь клан Блуфилдов дара речи, как живо вспомнила Фаун. Вот уж тут точно без магии не обошлось!

Даг с широкой улыбкой благодарно посмотрел на маму Блуфилд.

— Да, мэм. Вот именно. Ну, свист тут, правда, ни при чем… То была, пожалуй, лучшая моя работа с помощью Дара.

«Ну, все-таки самой лучшей была другая», — подумала Фаун, вспоминая Рейнтри. Однако

события в Рейнтри произошли позже, да и обошлись дороже: едва не стоили Дагу жизни. Понимают ли ее родичи, что сделанное Дагом было не просто трюком?

— Стражи Озера предпочитают думать, будто только они ощущают Дар, — продолжал Даг, — да только я встречал и фермеров, у которых обнаруживались следы такого умения… а иногда и больше, чем следы. Вот Нетти — как раз из таких. — Даг кивнул на тетушку Нетти, которая улыбнулась в его сторону, хотя ее белые, как жемчужины, глаза его и не видели. Флетч, Кловер и Вит выглядели пораженными, а мама Блуфилд — не особенно. — Не знаю, обострила ли слепота ее умение, однако с помощью Нетти мы с Фаун сумели вплести наш Дар в свадебную тесьму не хуже, чем любые дозорные.

Даг не стал пугать собравшихся рассказом о крови, заметила Фаун. Он обходил разные стороны правды так же осторожно, как человек с завязанными глазами пробирается между торчащими из пола ножами.

— Так что когда мы добрались до лагеря, — продолжал Даг, — все Стражи Озера там могли видеть, что тесьма — самая настоящая. Это многих озадачило. Мои родичи полагались на то, что

неспособность изготовить тесьму сделает браки между дозорными и крестьянами невозможными, понимаете ли. Чтобы сохранять чистоту крови, а Дар — сильным… Они все еще спорили, когда мы с Фаун покидали лагерь.

Папа Блуфилд таращился на Нетти, но последние слова Дага привлекли его внимание.

— Так твои родичи выгнали тебя за то, что ты женился на Фаун, дозорный?

— Нет, не совсем, сэр.

— Так в чем дело?

Даг заколебался.

— Не знаю, с чего и начать. — Последовала долгая пауза. — Что все вы в Олеане слышали о Злом, который появился в Рейнтри?

— Говорили, — ответил папа Блуфилд, — что где-то к северу от Крестьянской равнины появилось зловредное привидение, убившее или наславшее безумие на множество народа.

— Или что это была нервная лихорадка или мозговые черви, — вставил Вит, — из-за чего люди поубивали друг друга. Там местность болотистая, говорят, вот всякие странные болезни и приключаются.

— А в пивной Миллерсона, — добавил Флетч, — я слышал, как кто-то говорил, что это все отговор-

ки: дозорные просто хотели прогнать фермеров из своих охотничьих угодий. Что никакого зловредного привидения и вовсе не было, и не было околдованных привидением крестьян, нападавших на дозорных, а совсем наоборот.

Даг зажмурился и потер губы.

— Нет… — выдавил он.

Кловер откинулась, нетерпеливо передернув плечами; вслух она ничего не сказала, но на лице у нее было написано: «Ну естественно, что ты так скажешь, не правда ли?» Мама Блуфилд и Нетти молчали, но явно внимательно прислушивались к разговору.

— Это был настоящий Злой, — сказал Даг. — Мы услышали о нем, когда дозорные из Рейнтри, терпевшие урон, прислали гонца в лагерь Хикори с просьбой о помощи. Мой отряд был отправлен в Рейнтри. Мы выбрали окольный путь, и нам удалось зайти Злому в тыл, как раз когда он гнал глиняных людей и людей-рабов на юг, чтобы напасть на Крестьянскую равнину. Один из моих ребят сумел ударить Злого разделяющим ножом… и прикончить. Я был от него вот на таком расстоянии. — Даг вытянул левую руку. — Злой был уже очень зрелым, очень… э-э… зрелым. — Он обвел взглядом собравшихся и попытался объ-

яснить: — Сильным, умным. Он выглядел почти как человек.

Ни слова о том, как Злой чуть не убил его, или что он был командиром отряда, или что именно он придумал оказавшийся успешным план… Фаун нетерпеливо закусила губу.

«Вот о чем нужно сказать… это важно. Нет, сделай шаг назад, Даг». — Он потер переносицу.

— Прошу прощения. Так много тогда всего случилось, а я объясняю с конца… Прошу прощения. Попробую так. Злые тоже обладают Даром, только гораздо более сильным, чем человеческий. Они целиком состоят из Дара и поглощают его, чтобы жить, чтобы создавать… свое колдовство, глиняных людей, собственные тела… все вообще. Они по-своему безумны. — Лицо Дага неожиданно затуманилось каким-то воспоминанием, о котором Фаун догадаться не могла. — Так и возникает скверна. Это место, где Злой высосал весь Дар из мира, оставив… ну, пустошь. Это очень легко заметить.

— Ну и как она выглядит? — рассудительно поинтересовался Вит.

— Не похоже ни на что другое, — ответил Даг, заработав этим несколько неодобрительных взглядов.

— Не похоже ни на сожженное поле, — пришла ему на помощь Фаун, — ни на ржавчину, гниль или побитые морозом растения, хотя и напоминает все это. Сначала все, что было живым, умирает, потом разваливается, потом рассыпается в прах. Стоит один раз увидеть эту иссохшую серость, и ты никогда ее ни с чем не спутаешь. А для человека, ощущающего Дар, это, как я понимаю, выглядит еще ужаснее.

— Так и есть, — с благодарностью подтвердил Даг.

— Значит, ты это видела, Фаун? — тихо спросила мама Блуфилд.

— Да, дважды. Один раз вокруг логова Злого около Глассфорджа, когда мы еще только встретились с Дагом, а потом в Рейнтри. Когда все кончилось, я объехала окрестности. Даг сильно пострадал в схватке, о чем, как я посмотрю, ничего вам не сказал. — Фаун укоризненно посмотрела на мужа. — Если бы мы все еще оставались в лагере Хикори, он бы еще числился раненым.

— Вам пришлось отправиться в Рейнтри? — спросил Вит с завистью.

Фаун вскинула голову.

— Я видела всю местность, которую осквернил Злой. Я видела, откуда это началось. — Она

оглянулась на Дага, проверяя, готов ли он продолжать.

Даг кивнул Фаун и опять приступил к рассказу.

— Дело вот в чем. В последние двадцать — тридцать лет фермеры осваивают земли в Рейнтри к северу от старой границы — то есть к северу от той линии, за которой местные дозорные считают жизнь небезопасной. Или, по крайней мере, не советуют там селиться. Записи дозорных показывают, что Злые возникают чаще к северу от Мертвого озера, понимаете ли, и реже к югу. К югу от реки Грейс они встречаются совсем редко, хотя, к несчастью, не настолько редко, чтобы мы могли перестать патрулировать те районы. Самый последний Злой появился на севере Рейнтри, около городка под названием Гринспринг… практически на окраине.

Фаун кивнула.

— Он вывелся, судя по всему, в расселине в пригородном лесу.

— Понимаете, — продолжал Даг, — между дозорными и жителями Гринспринга были серьезные трения из-за споров о старой границе. Так что когда Злой зародился, никто из горожан не мог опознать ранние признаки. Люди не догадались, что нужно собирать вещички и бежать, и

не знали, куда обратиться за помощью. А может быть, им об этом и говорили, да они не поверили. Тут и удача не могла им помочь, потому что в тот момент, когда крестьянин увидел бы опустошение вокруг логова, он скорее всего лишился бы своего Дара или был превращен в раба, — вроде как запутался бы в паутине. Однако народу там было много, и если бы все они знали, чего следует бояться, то, может, кому-нибудь и удалось бы вырваться и поднять тревогу. Вместо этого Злой практически всех их сожрал… и слишком быстро сделался сильным. Я думаю, таких жертв в северном Рейнтри этим летом можно было бы избежать, если бы дозорные и фермеры разговаривали друг с другом.

— Я никогда до тех пор не видела массового захоронения, — тихо сказала Фаун, — и не хотела бы увидеть еще раз.

Папа Блуфилд бросил на нее острый взгляд из-под седых бровей.

— Я видел однажды, — неожиданно сообщил он. — Давно, после наводнения.

Фаун удивленно взглянула на отца.

— А я и не знала.

— Я никогда об этом не рассказывал.

— Хм-м… — пробормотала тетушка Нетти.

Папа Блуфилд посмотрел на Дага.

— Твои соплеменники не так уж охотно говорят о таких вещах, знаешь ли. Что в Рейнтри, что в Олеане.

— Я знаю, — Даг повесил голову. — Раньше, когда к северу от реки Грейс было немного фермеров, особого значения это не имело. Дозорным к северу от Мертвого озера — я дважды там бывал — по-прежнему ничего не нужно менять, потому что крестьян там нет. Вот где сотрудничество важно, так это в пограничных землях, где для нас многое меняется, — как, например, в Гринспринге. И в Вест-Блю. — Даг обвел взглядом сидящих за столом. Еда на его тарелке, заметила Фаун, давно остыла.

— Я никогда не замечал, чтобы дозорные хотели получить помощь от фермеров, — сказал Флетч.

— По большей части так и есть, — признал Даг. — Ни один фермер не может сражаться со Злым напрямую. Во-первых, вы не можете закрыть свой Дар, чтобы защититься… и вы не можете изготовить… определенное оружие. — Даг моргнул и нахмурился, словно всадник, приготовившийся заставить упрямую лошадь перепрыгнуть через преграду, и выпалил: — Разделяющие ножи. Вы не можете делать разделяющие ножи,

чтобы убивать Злых. — Сглотнув, Даг продолжал: — Только хоть вы и не можете стать бойцами, вы могли бы найти способ не становиться едой. Каждого живого человека следовало бы обучить различать признаки опустошения — как учат узнавать ядовитый сумах или гремучую змею или не попадать под дерево, которое рубишь.

— И как бы ты взялся за это дело, дозорный, — обучить каждого? — с любопытством спросила тетушка Нетти.

— Не знаю, — вздохнул Даг. — Если так посмотреть на дело, мое предложение выглядит довольно безумным. Прошлой весной мы наткнулись на Злого у Глассфорджа достаточно рано только потому, что там случайно остановился отряд Чато и дозорные болтали с местными о появлении разбойников — этого оказалось достаточно, чтобы Чато заметил некоторые странности. Если бы можно было каким-то образом показать людям… рассказывать мне не пришлось бы. — Даг кисло улыбнулся. — Я никогда не был красноречивым человеком.

— Ты ешь, Даг. — Фаун показала на его тарелку. Все остальные свои давно опустошили. Даг послушно принялся за еду.

— А ведь можно было бы показывать ту пу-

стошь, что, как ты говоришь, образовалась рядом с Глассфорджем, — сказал Вит. — Тогда люди знали бы, как это выглядит.

Кловер прищурилась.

— С какой стати кто-нибудь захочет смотреть на подобное? По описанию звучит отвратительно.

Вит откинулся на стуле и потер нос, потом оживился:

— Нужно брать за это деньги.

Даг перестал жевать и вытаращил глаза.

— Что?

— Ясное дело! — Вит наклонился вперед. — Если люди должны за что-то платить, они думают, что увидят нечто особенное. Можно было бы организовать поездки на фургонах из Глассфорджа. Брать по пять медяков за поездку и еще по десять — за еду в дороге. Ну а лекцию оставить бесплатной… Уж тут люди начнут рассказывать, вернувшись домой, — «Что ты видела в Глассфордже, дорогая?». Могло бы стать прибыльным дельцем — держать фургон и продавать еду… не то что корчевать пни. Будь у меня деньги, чтобы купить ту пустошь, я бы так и сделал. Она принесла бы больше дохода, чем поле в сорок акров.

Фаун подумала, что никогда еще не видела Дага таким растерянным. Она приложила все усилия,

чтобы не захихикать, хотя больше всего ей хотелось пнуть Вита.

— Ну так денег у тебя как раз и нет, — поддразнил брата Флетч.

— Благодарение богам, — добавила Кловер, обмахиваясь ладонью. — Это было бы все равно что бросить деньги в колодец.

— Кончай паясничать, — нетерпеливо бросил папа Блуфилд. — Никому не смешно.

Вит пожал плечами, отодвинул стул и поднялся, чтобы отнести тарелку к мойке. Даг снова начал медленно жевать. Он смотрел на Вита со странным выражением — совсем не сердито, что удивило Фаун, знавшую, как серьезно Даг относится ко всему, что касается Злых. Все семейство ожидали дела, и обед пора было заканчивать.

* * *

Позже, разложив свои вещи в бывшей комнате близнецов, Даг прижал к себе Фаун и вздохнул.

— Ох, и каша у меня получилась… Отсутствующие боги! Если я не способен все объяснить членам собственной семьи и заставить их понять, на что рассчитывать, когда дойдет дело до чужих людей?

— Не думаю, что у тебя так уж плохо получи-

лось. На них просто свалилось все сразу, им еще нужно это обмозговать.

— Не так я объяснял… И о разделяющих ножах я не рассказал, так что мне наполовину не поверили… или половина их мне не поверила… уж не знаю, так или этак. Ох, Искорка, я и сам не знаю, что мне делать на новом пути. Я всего лишь старый дозорный. Наверняка я человек, не подходящий для нашей затеи.

— Это же была первая попытка. У кого все получается с первого же раза?

— У того, кто хочет дожить до второй попытки.

— Это верно для случаев, когда от попытки зависит жизнь или смерть… например, в схватке со Злым. Люди не умирают от того, что споткнулись на слове.

— Мне казалось, что меня задушит собственный язык.

Фаун собралась обнять мужа, но тут отстранилась и посмотрела ему в лицо.

— Тебе трудно не просто потому, что дело сложное, — проницательно сказала она. — Дозорным не положено открывать такие секреты фермерам, верно?

— Уж это точно.

— У тебя были бы неприятности с твоими со-

племенниками, если бы они узнали?

Даг пожал плечами.

— Трудно сказать.

Это не слишком обнадежило Фаун. Она задумчиво прищурила глаза, но потом махнула рукой и просто крепко обняла Дага — было видно, что он никогда в этом еще так не нуждался. Его дыхание взъерошило ее кудри, когда Даг поцеловал ее в макушку.

2

Под давлением нехватки рабочих рук на жатве и установившейся сухой погоды Фаун и Даг почти немедленно утратили статус гостей. Даг совсем не возражал, проявляя и добрую волю, и острый практический интерес к работе на ферме. Все это было так же ново и странно для него, как раньше совершенно незнакомый ритм жизни лагеря дозорных — для Фаун. Она гадала, не тоскует ли он уже по дому.

Как всегда, Блуфилды объединили силы при сборе урожая с Роперами, семьей папиной сестры. Ферма Роперов располагалась на северо-восток от угодий Блуфилдов. Двое сыновей и дочь — любимая кузина Фаун Джинджер — все еще жили дома, и общими усилиями двух семей большое кукурузное поле Роперов было убрано за три дня. Потом очередь дошла до пшеницы Блуфилдов. Даг проявил неожиданную ловкость в обращении с длинной косой. Его протез состоял из деревянной основы, к которой вместо обычного крюка можно было привинчивать несколько удобных приспособлений, в том числе специально сконструированный лук. Тот инструмент, который

Даг обычно использовал, чтобы держать весло узкой лодки на озере, подошел и для рукояти косы, и после некоторого экспериментирования Даг ловко приноровился скашивать высокие злаки, что и было поручено ему папой Блуфилдом.

Подбирать колосья было обязанностью детей с самого раннего возраста: Фаун, Джинджер и Вит занимались этим, когда еще под стол пешком ходили. Все они теперь выросли, но подбирать колосья по-прежнему требовалось. Фаун, согнувшись, передвигалась по яркой золотой стерне, размышляя о том, что Кловер и Флетч могли бы и поторопиться с производством следующего поколения низкорослых сборщиков. Вдоль изгороди, окружающей пастбище, выстроились лошади, с ленивым любопытством следя за странным поведением своих хозяев.

Дойдя до конца ряда, Фаун выпрямилась, чтобы дать отдых спине и посмотреть, как справляется Даг, работавший на дальнем конце поля с папой Блуфилдом, дядей Ропером, его сыновьями и Флетчем; мужчины вязали снопы и складывали их в ожидающую тележку. Даг выделялся среди фермеров, хотя его загар был не темнее, чем у них, а шляпа из озерного тростника почти не отличалась от их соломенных: уж очень он был высок.

Вит тоже выпрямился, поправил лямку сумы на плече и проследил за взглядом сестры.

— Нужно предупредить папу, чтобы он не позволял Дагу переутомляться, — озабоченно сказала Фаун. — Сам он не догадается передохнуть.

— Так куда все-таки его ранили? — спросил Вит. — Когда мы вчера вечером ходили к реке мыться, я только и разглядел, что небольшой шрам у него на левом бедре.

— Рана была хоть и небольшая, зато глубокая, — ответила Фаун. — Лезвие ножа дошло до кости и переломилось. Целительнице в лагере дозорных пришлось потрудиться, пока она выудила все осколки. Только не это так на него подействовало. — Беря пример с Дага, Фаун решила ограничиться изрядно упрощенной версией правды. — Злой в Рейнтри чуть не вырвал у него Дар во время схватки — пострадали левая рука и бок Дага. Это чуть его не убило. Похоже на то, что Даг теперь поправляется от собственного личного осквернения.

— И сколько же на это нужно времени?

— Я не уверена. Думаю, он и сам точно не знает. Большинство тех, у кого пострадал Дар, просто умерло на месте. Даг говорит, что когда Злой из Глассфорджа оставил эти отметины у меня на

шее, — Фаун коснулась пугающих красных следов — одного справа, четырех слева, — он повредил и тело, и Дар. Будь это просто синяки, оставленные рукой человека, они прошли бы два или три месяца назад, и ничего уже не было бы заметно. Повреждение Дара — дело скверное. — Рука Фаун легла на живот, но она тут же отдернула ее и спрятала в складках юбки. Даг был не единственным, самые страшные раны которого оставались скрыты внутри.

— Угу, — буркнул Вит. — Вот уже действительно!

— Слабость и боли совсем не так его беспокоят, как урон, который понес его Дар.

— Это то второе зрение, о котором он говорил?

— Да. Обычно он чувствует вещи на милю в окружности — как я понимаю, это поразительно даже для дозорного. А теперь, по его словам, расстояние сократилось всего до сотни шагов. Целительница говорила, что Даг почувствует улучшение Дара, когда сможет видеть, как раньше.

Вит заморгал.

— А как… как насчет того, что он может делать своим Даром? Вроде той чаши?

Да, случай с чашей произвел впечатление на

Вита. И с полным основанием, подумала Фаун.

— Пока еще нет. Не так хорошо. — Фаун вспомнила о других чудесах, которые помогал Дагу совершать его Дар, и вздохнула. Когда Стражи Озера занимались любовью, в этом участвовало не только тело, но и Дар, и о таком искусстве фермеры и мечтать не могли… но *это* объяснять Виту она не собиралась.

Вит, хмурясь, посмотрел на жнецов и покачал головой.

— Он тут кажется не на месте. Фаун заслонила глаза рукой.

— Почему? По-моему, он здорово управляется с косой.

— Ну вот, например, эта его шляпа…

— Я сама ее ему сплела! Так же как и тебе.

— Ах, так вот почему он не желает с ней расставаться! Чего только он не заставил тебя делать… Только… — Вит сделал непонятный жест. — Любому видно: Даг выглядит нормально на своем злющем коне, он выглядит нормально с этим своим луком, который как будто растет из его деревяшки, не говоря уже о том, что стрелы у него летят, куда он пожелает. Я никогда не видел, чтобы он обнажал свой здоровенный нож, но уверен: мне не хотелось бы быть его противником, когда

он это сделает…

— Верно, — согласилась Фаун.

— Но стоит ему взять косу, или вилы, или ведро — и он выглядит не на месте, как… как вон та длинноногая серая кобыла, если ее запрячь в соху. — Вит кивнул в сторону ограды пастбища.

Ласточка, серая в яблоках кобыла, которую Даг прислал в Вест-Блю как свадебный дар в стиле дозорных, насторожила свои изящные уши. Она выглядела элегантной, как лунный свет на воде, и быстрой, как ручей, даже когда стояла неподвижно. Рядом с ней ее жеребенок Черныш, с гордостью принявший свою долю восхищенных взглядов, взбрыкнул и затанцевал по пастбищу, задрав хвост.

Грейс со скучающим видом стояла у ограды, ее гнедая шкура сияла теплым светом на солнце. Копперхед из-за своего вздорного характера остался в изгнании в маленьком загоне около амбара, но две молодые крестьянские лошадки, которых все называли упряжкой Вита, спокойно щипали травку в нескольких шагах от кобыл. Варп и Вефт были милыми, работящими, сильными животными, но… их никогда нельзя было представить себе крылатыми.

— Предполагалось, что Ласточка станет подар-

ком для мамы, — вздохнула Фаун. — Только не думаю, что мама на ней ездит.

Вит фыркнул.

— Куда ей! Она слишком пугается этой красотки. Что касается меня, я сделал всего несколько кругов по лугу, да только, когда сидишь на такой кобыле, земля кажется уж очень далеко внизу.

— Даг не хотел, чтобы она бездельничала. Я подумала, не приучите ли вы ее возить тележку.

— Может быть. Папа собирается снова получить от нее жеребенка — если удастся найти поблизости достойного жеребца. Он поговаривал о Надежном дядюшки Хаука или о том показушном жеребчике Санни Сомена.

— Надежный подойдет, — безразлично сказала Фаун и добавила: — Родители, надеюсь, не собираются охолостить Черныша? Невестка Дага Омба беспокоилась об этом.

— Охолостить этого жеребенка? Да ты с ума сошла! — проворчал Вит. — Ты только подумай о плате за услуги такого племенного жеребца года через два! Он будет содержать в старости и свою маму, и нашу тоже.

Фаун кивнула, порадовавшись за Омбу.

— Значит, все в порядке. Грейс свела знакомство с замечательным жеребцом из табуна

дозорных по имени Тень, прежде чем мы уехали из лагеря. — Так вышло случайно, но об этом можно было и не говорить. — Даг ожидает, что весной у нее родится действительно прекрасный жеребенок — с отцовскими пропорциями и материнским характером.

Вит ухмыльнулся.

— Как бы не вышло наоборот.

— Эй! Грейс тоже по-своему очень хорошенькая лошадка!

— Если тебе нравятся низенькие толстушки — что, надо отметить, стало тут у нас популярным.

Фаун с подозрением посмотрела на брата, но решила, что он намекает на Кловер, а не на нее, и не стала реагировать на колкость.

Вит, подняв брови, хихикнул.

— Нужно сказать Кловер, что твоя кобылка опередит ее в детской гонке. Хочется посмотреть на выражение ее лица.

«Я ни в какой детской гонке не участвую!»

Фаун собралась уже рявкнуть на брата, но громкий резкий свист с другого конца поля прервал ее. Папа Блуфилд решительно показывал большим пальцем на землю. Его отпрыскам ничего не стоило перевести этот знак и, пожав плечами, они снова взялись за подбирание колосьев.

* * *

Когда мама Блуфилд, Кловер и тетушка Ропер принесли к пшеничному полю обед, все расположились на отдых под яблонями. Фаун набрала в подол падалицы и отправилась к ограде пастбища, чтобы побаловать лошадей. Все они сгрудились в углу, так напирая на загородку, что она заскрипела, и потянулись мордами к Фаун, радуясь ароматным фруктам; их мягкие подвижные губы защекотали ее ладонь. Фаун нравилось наблюдать, как животные со счастливым видом жуют и довольно вздыхают, как раздувают ноздри и моргают большими карими глазами.

Она вытерла конскую слюну о юбку и двинулась обратно. Даг сидел рядом с дядюшкой и тетушкой Ропер и их детьми, что-то говоря и жестикулируя. Должно быть, пытается объяснить им, что такое Дар, предположила Фаун, основываясь отчасти на прикосновении его руки к свадебной тесьме, но по большей части на том, как его слушатели с напряженными улыбками пытались отодвинуться в сторону, несмотря на трудность такого маневра, если сидишь, скрестив ноги. Тетушка Ропер заметила Фаун, помахала ей и похлопала рукой по земле рядом с собой: «Иди

сюда и защити нас от своего дикого дозорного!»

Фаун вздохнула и поспешила присоединиться к родственникам.

* * *

Запланированные несколько дней отдыха в Вест-Блю незаметно превратились в недели тяжелой работы, но Даг обнаружил, что испытывает странное умиротворение, несмотря на задержку. Долгие дни на свежем воздухе вместе с остальными жнецами были полны трудов — бобовое поле, например, оказалось гораздо больше, чем казалось, и к тому времени, когда оно было убрано, Дагу начали сниться груды бобов, — однако он спал ночами, и спал крепко. В доме, на настоящей кровати, обняв Фаун. Еда тоже не была теми сушеными припасами, которые легко возить с собой и приходится тщательно отмерять, чтобы хватило до конца похода, — здесь на столе каждый раз появлялось весомое, роскошное угощение. И здесь не было более серьезных источников беспокойства, чем случайная перепалка, не было большей угрозы, чем несвоевременно пролившийся дождь.

Перерыв в путешествии пошел Дагу на пользу. Темная мучительная боль во всех костях после

ранения Дара уступила место чистой усталости хорошо потрудившихся мускулов. Его левая нога окрепла — уже много дней он не нуждался в палке. И он чувствовал себя менее… неуверенным. Конечно, он не пытался прогуляться до деревни, где был риск встретить некоторых молодых людей, имевших все основания вспоминать его предыдущий визит без удовольствия. Однако какие бы слухи ни ходили о нем в деревне, скверные парни тоже не осмеливались появиться на ферме Блуфилдов, и Даг был доволен тем, что окружают его фермеры, ради Фаун проявляющие к нему доброжелательство.

— Ну так что, дозорный…

Голос Соррела прервал размышления Дага; он поднял голову, закрыл рот и протер глаза, надеясь, что не начал похрапывать, сидя в кресле. По сложившейся привычке все семейство Блуфилдов собралось после ужина в гостиной, чтобы воспользоваться светом одной лампы на всех. Флетч и Кловер отправились этим вечером к ее родственникам, но Трил сидела на своем обычном месте и шила; Нетти, не нуждавшаяся в освещении, предпочла прясть в обществе, а Фаун и Вит расположились за столом, оперяя стрелы: за время жизни в лагере дозорных Фаун овладела

этим искусством.

Оказалось, что жуткие промахи Вита объяснялись не только полным отсутствием практики; стрелы из его маленького запаса, бесплатно подобранные где-то, были плохо сделаны и не сбалансированы. Когда Вит жалобно попросил Дага привести их в порядок, Даг подумал, кивнул и, к ужасу Вита, переломил все через колено. После этого Даг пожертвовал десяток старых кремневых наконечников для новых стрел, хотя и предпочел сохранить свои лучшие стрелы со стальными наконечниками для более серьезных нужд, чем обучение новичка. Новыми стрелами занялась Фаун, и Даг нашел, что Виту полезно подчиняться указаниям младшей сестры. Парень все еще, на взгляд Дага, слишком часто был склонен относиться к Фаун свысока.

Услышав голос папы Блуфилда, Даг встряхнулся и постарался не выглядеть сонным.

— Да, сэр?

Соррел задумчиво смотрел на него.

— Кажется, я не поблагодарил тебя за то, что вы остались на жатву. Ты одной рукой делаешь больше, чем большинство парней двумя.

Фаун, старательно прикручивая три подрезанных пера к древку стрелы, улыбнулась; на ее лице

было написана: «А я что говорила!»

— Я никогда раньше особенно не задумывался, — продолжал Соррел, — о том, чем занимаются дозорные. Только, должно быть, работа это нелегкая — в своем роде. Более тяжелая, чем я предполагал, и не слишком благодарная.

Даг согласно кивнул. Соррел с трудом подбирал слова, но говорил явно искренне, пытаясь разобраться в новых для него понятиях.

— Только вот в чем дело… не могу не поинтересоваться… случалось ли тебе когда-нибудь работать, чтобы обеспечить пропитание?

Фаун возмущенно выпрямилась, но Даг успокаивающе махнул ей рукой.

— Это не оскорбление, дорогая. Я знаю, что он имеет в виду, — в определенном смысле ответ ведь отрицательный. В походе мы можем охотиться, выделывать шкуры, собирать целебные травы, немного торговать и охранять дороги, но все это на втором месте после выслеживания Злых. Дозорные не собирают урожай и не хранят выращенное, как фермеры. Этим занимаются мои родичи в лагере. Дома меня всегда ждала приготовленная постель… хоть я и немного времени ею пользовался.

Соррел кивнул.

— Но теперь у тебя больше нет лагеря.

— Нет…

— Так как же вы с Фаун собираетесь жить дальше? Не думаете завести ферму? Или еще что?

— Не знаю пока, — медленно проговорил Даг. Он хотел дать честный ответ. — Я полагал, что уже слишком стар, чтобы учиться новому образу жизни, но должен сказать, что в последние недели мне пришлось пережевывать не только вкусную стряпню Трил. Наверное, мне просто не приходило в голову, что найдутся добрые люди, которые покажут мне новую дорогу.

— Фермер-дозорный? — пробормотала Трил, подняв брови. Вит скорчил гримасу, хотя Даг и не был уверен, что это могло означать.

— Сам по себе — вряд ли. Однако Фаун знает дело, и может быть, для нас вдвоем это станет не таким невероятным, как раньше казалось. — Другой потенциальный талант Дага — целительство — был слишком опасен в крестьянских землях, как неоднократно говорили ему соплеменники. В любом случае ослабленный Дар сейчас делал размышления об этом бесполезными.

Соррел осторожно поинтересовался:

— Не подумать ли вам о том, чтобы обзавестись землей здесь, в Вест-Блю?

Даг взглянул на Фаун, и та в ответ еле заметно, но выразительно помотала головой. Нет, она не имела никакого желания поселиться всего в трех милях от предмета ее первой несчастной любви — и первой ненависти. Даг был не единственным, кто предпочитал не появляться в деревне.

— Еще слишком рано говорить об этом.

Трил подняла глаза от шитья и сказала:

— Так что вы собираетесь делать, когда появится ребенок? Мой опыт говорит, что они не придерживаются расписания. — Пронзительный материнский взгляд Трил был откровенно вопросительным: то ли Даг, как и все мужчины, просто идиот, то ли что-то скрывает…

Даг не собирался посвящать Блуфилдов в разнообразные методы, с помощью которых дозорные не заводили детей, пока не хотели того; некоторые из этих методов, как он подозревал — нет, был уверен, — родители Фаун не одобрили бы. Секрет того вреда, который причинил чреву Фаун Злой (ее выздоровление было столь же медленным, как и его собственное), Фаун предпочла держать при себе, и он уважал ее выбор. К тому же… как говорят фермеры о прошлых горестях? «Перемелется — мука будет»…

— Наши женщины рожают в дороге, — уклон-

чиво ответил он.

Трил бросила на него скептический взгляд, какого и заслуживал такой ответ.

— Только мне кажется, что Фаун так и не стала одной из ваших женщин. К тому же, судя по твоим рассказам, твоих соплеменниц поддерживает весь род, весь клан и весь лагерь, даже если их мужья в это время гоняются за зловредными привидениями.

Дагу хотелось возмущенно воскликнуть «Я о ней позабочусь!», но ему хватило ума сдержаться. Опустив глаза, он коротко кивнул:

— Это так, мэм.

— Мы собираемся попутешествовать, прежде чем решим, где устроиться, — решительно сказала Фаун. — Даг обещал показать мне море, и я не дам ему нарушить обещание.

— Море! — изумленно прошептала Трил. — Вы не говорили, что собрались так далеко! Я думала, вы просто хотели побывать в долине Грейс. Голубушка, это же опасно!

— Море! — повторил за матерью Вит столь же изумленно, но совершенно другим тоном. — Фаун собирается увидеть море? И уже побывала в Рейнтри! А я никогда не выбирался дальше Ламптона…

Даг посмотрел на него, пытаясь представить себе всю жизнь, ограниченную пространством не более территории, которую его отряд объезжал за один день.

— К твоему возрасту я уже побывал в двух округах, убил своего первого Злого и спускался и по реке Грейс, и по Серой. — Подумав мгновение, он добавил: — Правда, море увидел года на два позже.

— Можно мне поехать с вами? — взволнованно спросил Вит.

— Вот уж нет! — воскликнула Фаун.

Вит растерялся. Даг подавил злорадную улыбку: за всю свою жизнь, безжалостно третируя сестру, Вит явно и представить себе не мог, что ему когда-нибудь понадобится ее добрая воля для того, чтобы он мог получить желаемое.

«Вот так и отзываются наши грехи, парень!»

— Мы еще не закончили жатву, — сурово сказал Соррел. — У тебя есть работа здесь, Вит.

— Да, но они же не завтра уезжают, верно? — Вит с отчаянным видом оглянулся на Дага.

Даг занялся быстрыми умственными подсчетами. У Фаун вот-вот начнутся месячные — болезненные и кровавые с тех пор, как на ней оставил свою метину Злой, хотя Фаун постепенно

и выздоравливала. Это время им определенно лучше переждать в самых комфортабельных условиях.

— Мы задержимся и поможем с жатвой еще недельку, пожалуй. Только больше оставаться у нас не получится: до реки Грейс не меньше недели пути. Чтобы выбрать подходящее судно, нужно добраться туда вовремя и захватить осенний паводок, иначе можно оказаться застигнутыми в дороге ледоставом. Да и вообще в холод и сырость путешествовать плохо.

На несколько мгновений воцарилась напряженная тишина. Веретено Нетти продолжало жужжать, Вит снова взялся за шлифовку древка стрелы, а Даг представил себе, насколько спать в постели лучше, чем дремать в кресле, рискуя свалиться и расквасить нос.

— Что вы собираетесь делать со своими лошадьми? — неожиданно спросил Вит.

— Возьмем их с собой, — ответил Даг.

— В лодку? Вряд ли там будет место.

— Нет, я имел в виду баржу.

— А-а…

Снова стало тихо, но вскоре Вит со стуком опустил на стол древко, и Даг осторожно приоткрыл глаз.

— Но ведь кобыла Фаун жеребая. Вы же не захотите, чтобы она ожеребилась в дороге. Я имею в виду волков, рысей… Да и задержку. Не лучше ли будет оставить ее здесь со всем удобством, а забрать на обратном пути?

— А мне что делать, идти пешком? — презрительно спросила Фаун.

— Нет, но понимаешь… А что, если ты оставишь ее здесь для мамы — она ведь все равно не может ездить на Ласточке. А мы с тобой поедем каждый на лошадке из моей упряжки. Я все равно собирался продать эту пару весной в Лампгоне, но бьюсь об заклад: в городе у реки можно взять за них лучшую цену. К тому же папе с Флетчем не придется кормить их целую зиму. А вы сэкономите на том, что не будете платить за перевоз беременной кобылы, да и ей вряд ли понравится плыть на барже.

— А как я вернусь? Копперхед не сможет нести двоих, да еще и вьюки.

— Вы могли бы купить другую лошадь, когда вернетесь к устью Серой.

— Ах, Даг еще и должен за это платить!

— Лошадь можно будет продать, когда вы вернетесь. То, что выручите, плюс сэкономленное за перевозку покроет расходы, а то еще и в прибыли

окажетесь.

Фаун раздраженно фыркнула.

— Вит, ты не можешь ехать с нами.

— Хотя бы только до реки! — В голосе Вита появились просительные нотки. — Мама, я ведь не один поеду — я буду с Дагом, да и вообще… Туда дорогу он мне покажет, а уж обратно я и сам доберусь.

— Да и денежки так будут гореть у тебя в кармане, что тут же прожгут дыру и вывалятся на дорогу, — проворчал Соррел.

— А если повстречаешься с разбойниками, как случилось с Фаун? — сказала Трил. — Тогда и денег лишишься, и жизни.

— Фаун же едет! Нет, даже хуже — Фаун едет опять!

Соррел посмотрел на него так, словно хотел сказать: «Фаун теперь — дело ее мужа», но, учитывая свои расспросы, не решился.

Сонный мозг Дага наконец пришел в действие; Даг стал обдумывать не денежные вопросы, а безопасность. Муж-дозорный и жена-крестьянка в фермерской стране — такая пара выглядела странно, и они повстречались уже не с одним недоброжелателем, который, имея на то время, мог и более действенно высказать свое

неодобрение. А если это будет муж-дозорный, жена-крестьянка и ее братец-фермер? Не сможет ли Вит послужить буфером? И не полезно ли будет иметь еще одну пару глаз? Отсутствующие боги, не может же Даг бодрствовать все время?

«Даже еще полчаса не сможет…» Даг подавил зевок.

— Ты можешь попасть в плохую компанию, там, у реки, — продолжала тревожиться Трил.

— Хуже, чем Даг? — весело поинтересовался Вит.

Вопрос был бестактным, но красноречивым. Соррел и Трил оценивающе посмотрели на Дага, и тот смущенно поежился.

Он уже многие месяцы с беспокойством думал о противостоянии крестьян и Стражей Озера и не мог найти решения проблемы, — и вот теперь Вит практически вызывается стать партнером и братом по шатру дозорного. Если Даг оттолкнет парня, получит ли он еще когда-нибудь такое предложение?

«Вит и не догадывается, что из этого может выйти.

Только и я ведь тоже…»

— Даг… — нерешительно начала Фаун.

— Мы с Фаун это обсудим. Как ты сам сказал,

мы уезжаем еще не завтра, — сказал Виту Даг.

— Даг сможет показать мне ту пустошь, когда мы будем ехать мимо Глассфорджа, — продолжал увлеченно рассуждать Вит. — Мне удалось бы…

Даг твердо оборвал его:

— Мы все обсудим с Фаун. С тобой мы поговорим позже.

Вит, сделав над собой усилие, замолчал.

Фаун с возрастающим любопытством взглянула на Дага. Когда он поднялся, чтобы отправиться спать, она отложила стрелу, с которой возилась, и последовала за ним.

Когда она закрыла за собой дверь их комнаты, Даг взял ее за руку и усадил на край постели — кровати близнецов они сдвинули вместе. Посередине был все же заметен выступ, но мягкие чистые простыни позволяли с легкостью преодолеть его ночью. Похоже на небольшой снежный сугроб, только теплее. Гораздо теплее.

— Даг, — в смятении заговорила Фаун, — о чем только ты думаешь? Стоит хоть немного поощрить Вита, и он замучает нас до смерти своими просьбами взять его с собой.

Даг обвил ее рукой и крепко прижал к себе.

— Я вот думал… Я выбрал эту дорогу, чтобы попытаться научиться разговаривать с фермера-

ми… чтобы испробовать другой подход — быть не господами и слугами или Злым и рабами… и не держаться порознь. Найти брата по шатру как раз и есть другой путь.

Лоб Фаун прорезала морщина.

— Ты снова ведешь себя как Страж Озера. Пытаешься поселиться в шатре жены, найти нового брата среди ее родичей.

Даг склонил голову набок.

— Пожалуй, так и есть. Ты же знаешь: я собираюсь называть себя Даг Блуфилд.

Фаун кивнула.

— Твоя семья в лагере Хикори… то, что от нее осталось… Мне представляется, они не были с тобой так уж сердечны еще до того, как ты обрушил им на голову меня. Твой брат вел себя так, словно одно доброе слово будет стоить ему кучу денег. А ты воспринимал его поведение, как будто это нормально.

— Хм-м… — Даг прикрыл глаза и склонил голову. Прижав к губам локон Фаун, он наслаждался его шелковистостью.

— Ты так истосковался по семье, Даг? Должна признаться: я-то уже сыта своим семейством по горло.

Даг развернул ее так, что они оказались лежа-

щими лицом к лицу, и серьезно улыбнулся.

— Тогда ты не должна возражать против того, чтобы разделить его.

— Ох, сколько раз я мечтала о том, чтобы полоумный Вит куда-нибудь делся!

Губы Дага дрогнули. Он отвел темные кудри со лба Фаун и поцеловал ее в бровь.

— И еще одно, — яростно добавила Фаун, хотя ее пальцы уже гладили подбородок Дага. — Ты не думал о том, как быстро он испортит нам настроение на ночлеге, сидя с другой стороны костра и отпуская свои шуточки?

Даг пожал плечами.

— Уединение на привале для дозорных не новая проблема.

— Пойти собрать дрова, искупаться в реке, поохотиться на белок… Да, ты говорил мне — это целый особый язык, только Вит его не знает.

— Тогда мне просто придется научить его языку дозорных.

— Да? Лучше воспользуйся своей ореховой палкой, чтобы вколотить ему что-то в голову.

— Мне приходилось обучать и более тупых молодых дозорных.

— Бывают более тупые? — Фаун откинулась на спину, чтобы яснее видеть лицо Дага. — И как же

им удавалось научиться ходить?

Даг усмехнулся, но ответил:

— Им помогают их напарники. Признаюсь, иногда это похоже на скачку на трех ногах… Идея заключается в том, чтобы сохранить им жизнь до тех пор, пока они не научатся выживать сами. Такой подход срабатывает. — Его улыбка несколько поблекла. — По большей части.

Тонкие пальцы Фаун перебирали его волосы; потом она сжала голову Дага в ладонях и слегка встряхнула.

Ты все еще думаешь как дозорный. Не как фермер.

— Мы как раз и говорим о том, как это изменить. Я рассчитываю потренироваться на Вите… может быть, тогда я стану делать меньше ошибок.

— У нас принято говорить: двое — компания, а трое — уже толпа. Клянусь, по-твоему следовало бы сказать так: двое — это напарники, трое — уже отряд.

Пальцы Фаун переместились к застежке рубашки Дага; он поцеловал их один за другим.

— В последние недели я слушал и наблюдал — и не только за тем, как собирать бобы. В этом доме свободы для Вита не больше, чем было для тебя. Тут все предназначено для Флетча, Кловер

и их детей. Может быть, если Вит сможет оказаться под более высоким потолком, ему удастся немного выпрямиться… с некоторой помощью даже и повзрослеть — менее мучительно, чем это выпало на твою долю.

Фаун поежилась.

— Такого я даже Виту не пожелала бы. — Улыбка вернулась на ее лицо. — Так ты представляешь себя в роли брата по шатру? Может быть, даже отца? Ах ты, старый дозорный…

— Веди себя прилично, дитя, — с шутливой строгостью укорил ее Даг. Он попытался проделать то же самое с ее пуговицами одной рукой и, благодаря большой практике, преуспел.

— Вести себя прилично, когда твоя рука уже *там*?

Единственная рука Дага доставляла ему весьма приятные ощущения, пальцы его продолжали скользить… По сравнению с этой нежной дышащей кожей шелк проигрывал.

— Я не имел в виду… — Даг хотел найти синоним выражению «вести себя прилично», но слова куда-то подевались, когда их тела согрели друг друга.

Запах волос Фаун наполнил ноздри Дага, и он с наслаждением втянул его. Фаун неразборчиво

пробормотала:

— Уж поверь мне — он доставит нам множество неприятностей.

Даг слегка откинул голову, чтобы удостовериться в том, что правильно прочел выражение ее лица.

— «Доставит»? Не «доставил бы»? Так это решено, ты не оговорилась?

Фаун вздохнула.

— Пожалуй.

— Ну, тебе он неприятностей доставлять не будет, или ему придется держать ответ передо мной.

Фаун нахмурила брови.

— Он выдает свои колкости за шутки. С этим трудно бороться. Особенно злит, когда он тебя же и заставляет смеяться.

— Если я справлялся с целым отрядом тупоголовых дозорных, с твоим братцем как-нибудь справлюсь. Уж ты мне поверь.

— За такое зрелище можно и денежку заплатить.

— Для тебя представление будет бесплатным.

Губы Фаун приоткрылись; большие карие глаза казались особенно темными. Маленькие руки добрались до последней пуговицы. Все крестьяне

— кроме одной крестьяночки — перестали занимать Дага. На таком расстоянии было совсем нетрудно открыть для нее свой Дар. Даг подумал, что его тело — лук, а Фаун — звездный блеск на конце стрелы.

— Покажи мне… все, — прошептала она.

Воспламенившись, Даг опрокинул ее на спину и приступил к показу.

3

Если папа и мама Блуфилд сомневались, стоит ли позволять младшему сыну путешествовать по дорогам Олеаны даже под присмотром их устрашающего зятя, то Флетч и Кловер отнеслись к такой идее очень одобрительно. В следующую неделю Соррел и Флетч общими усилиями постарались получить от Вита максимум пользы на жатве; поскольку согласие семьи все еще оставалось в подвешенном состоянии, Вит работал если и не охотно, то по крайней мере без громких протестов. В те немногие свободные моменты, которые раньше отводились обучению стрельбе из лука, Вит и Даг теперь занимались заготовкой дров на зиму, хотя обычно к этому приступали на месяц позже. Пусть вслух ничего еще не говорилось, растущая поленница подразумевала согласие на отъезд Вита; как подумал Даг, даже Флетч не был бы способен, воспротивившись этому, так жестоко разочаровать брата.

Родители Фаун неожиданно с энтузиазмом отнеслись к идее оставить Грейс на ферме. Даг скоро догадался, что причиной этого была не только покладистость кобылы, на которой мог-

ла бы ездить и мама Блуфилд, и даже тетушка Нетти (хотя та, услышав такое предположение, фыркнула и пробурчала: «Мне и тележка вполне подходит, спасибо»), но и то обстоятельство, что Грейс послужила бы своего рода заложницей. Мысль о том, что Фаун должна будет вернуться, чтобы забрать свою лошадь — а к тому времени, возможно, и не одну, — явно утешала Трил. Это, правда, не помешало маме Блуфилд за вечерней едой вспомнить и рассказать обо всех несчастных случаях при переправах, произошедших на расстоянии в сотню миль от Вест-Блю на протяжении жизни поколения. Отдавая должное материнской тревоге, Даг тем не менее про себя решил отвести Вита в сторонку и поинтересоваться, не плавает ли он так же, как раньше Фаун, — то есть как топор; Дагу пришлось потрудиться, чтобы научить жену держаться на воде. Вита тоже нужно было бы научить этому, хотя для уроков плавания становилось уже довольно холодно.

Легкий дождь в ночь накануне отъезда сделал утренний воздух туманным и холодным, приглушив яркие краски осени. Когда трое путешественников двинулись по ведущей прочь от фермы дороге, несколько желтых листьев полетели им вслед вместе с добрыми пожеланиями

и благословениями; на многочисленные непрошеные советы оба отпрыска семейства Блуфилд отвечали одинаковым пожатием плеч.

Даг нашел весьма приятным вновь сидеть на Копперхеде и ехать по берегу реки; испробовав свой Дар, он счел, что некоторые улучшения произошли: теперь он мог охватить внутренним зрением шагов полтораста… После сборов в дорогу Вит был слишком усталым, чтобы вступать в перепалку с сестрой, поэтому день прошел довольно спокойно. А вечером Дагу предстояло остаться наедине с женой: они собирались остановиться в уютной маленькой гостинице в Ламптоне; легкое прикосновение, обмен взглядами, промелькнувшая на щеке Фаун ямочка сделали для Дага вечер ясным и теплым.

В обшарпанной старой гостинице на северной окраине города у дороги, проложенной еще в древние времена, эти планы встретились с неожиданным препятствием. Здание оказалось заполнено возчиками и путешествующими крестьянскими семьями, и компании Дага еще повезло, когда им удалось получить маленькую комнатушку под крышей. Недовольно оглядев ее, Даг подумал, что расположиться на сеновале над конюшней было бы лучше… только сеновал

оказался уже кому-то сдан. Однако сгустившиеся сумерки, угроза дождя и усталость после двадцати миль в седле, не говоря уже об аппетитных запахах, доносившихся с кухни, избавили от соблазна искать другое пристанище, и споры вызвал только вопрос о том, кому спать на кровати, а кому — на полу. Дело кончилось тем, что на кровати (которая была к тому же коротка для Дага и слишком узка для двоих) расположилась Фаун, Даг — с ней рядом на полу, а Вит — на полу у двери. Даже невинные ласки оказались невозможны, и Фаун только свесила руку и переплела пальцы с Дагом, после того как была потушена лампа.

Покой так и не наступил. Прежде чем они спустились к ужину, Вит имел неосторожность открыть окно — в комнатушке было душно; тут же в окно влетел отряд припозднившихся москитов, воодушевленных не по сезону теплой и влажной погодой. Как только кто-то из людей начинал дремать, тонкий угрожающий писк заставлял жертву махать руками, заворачиваться в одеяло и раздраженно ворчать, будя остальных. Даг инстинктивно отшвыривал маленьких мучителей от себя и Фаун, воздействуя на их крошечный Дар; к несчастью, это только заставляло

их сосредоточиться на Вите.

После бесконечных почесываний и ругательств Вит поднялся в темноте, чтобы истребить кровожадных паразитов, ориентируясь на звук. После того как он дважды наткнулся на кровать и наступил на Дага, Фаун села, зажгла лампу и рявкнула:

— Вит, не угомониться ли тебе? Ты хуже москитов!

— Меня уже три раза укусили! Подожди, вот я сейчас… — Вит прищурился и поднял руку, пытаясь схватить летающую точку. Три быстрых шлепка не попали по цели, Вит пошатнулся и снова наткнулся на Дага, но продолжал попытки загнать насекомое в угол, где оно было бы заметнее на фоне побеленной стены. Разраженный и еще не вполне проснувшийся, Даг сел, поднял левую руку и призрачными пальцами вырвал Дар москита.

Писк резко прекратился, и в протянутую руку Вита упал комочек серой пыли. Расширившимися глазами парень уставился на Дага и прошептал:

— Это ты с ним расправился?

Даг подумал, что ему следовало бы сказать нечто внушительное, вроде «Да, и если ты не уляжешься и не успокоишься, твоя очередь —

следующая», однако он сам был поражен еще больше, чем Вит.

«Эта способность возвращается, как и Дар!»

Но тут же все исчезло… Даг прижал левую руку, освобожденную на ночь от протеза, к груди и укутал одеялом — пусть Вит уже не раз ее видел, — и постарался дышать нормально.

Впервые призрачная левая рука пришла ему на помощь, когда он так блистательно восстановил летом разбитую чашу; потом она тоже изредка появлялась. Это было всего лишь проявление Дара, как заверила его целительница, хотя и необычно сильное и непредсказуемое, а не какое-то сверхъестественное благословение или проклятие. Такое же проявление Дара, каким пользовались некоторые особенно сильные мастера. Однако для Дага это было напоминанием о боли и потере, поэтому он и назвал явление призрачной рукой, когда еще не понимал его природы. Призрачной рукой, невидимой для обычного взгляда, но вполне ощутимой для Дара… А потом, решил Даг, эта рука стала жертвой борьбы со Злым в Рейнтри.

Там, дойдя до пределов паники и необходимости, он вырвал Дар Злого и чуть не погиб в схватке.

— Вит, ляг наконец. — В голосе Фаун прозвучало больше волнения, чем в прежнем ворчании, и даже Вит уловил это.

— Ага, ага, конечно… — Вит гораздо осторожнее пробрался мимо Дага и улегся.

Даг оглянулся на жену и увидел, что она приподнялась, опираясь на локоть, и, хмурясь, смотрит на него.

— С тобой все в порядке, Даг? — тихо спросила она. Он открыл рот, помолчал и ограничился кратким «Угу».

Глаза Фаун с подозрением прищурились.

— У тебя странное выражение лица.

Уж в этом-то Даг не сомневался. Он попытался выдавить что-то вроде улыбки, но это, похоже, не слишком успокоило Фаун. Даг чувствовал странное резкое жжение Дара в левой руке, как будто на кожу — точнее, под кожу — попала искра от лагерного костра. Эту искру он не мог стряхнуть, хотя его телесные пальцы под одеялом и попытались сделать это.

Фаун стала укладываться, но все же спросила:

— А что ты сделал с тем бедным москитом?

— Вырвал его Дар, кажется. — Только никакого «кажется» на самом деле не было. Даг мог чувствовать чужеродное включение в собственный

Дар, каким однажды были клочья Дара Злого. Это была маленькая помеха, не ядовитая, не оскверненная, не несущая смерть, — но также ничуть не похожая на подарок целительницы, благотворный, теплый, желанный, несущий выздоровление. Дар москита ощущался как что-то липкое и жгучее, словно капля горячего дегтя. Больно… и что-то в этом было неправильное.

Фаун снова приподнялась, опираясь на локоть. В отличие от Вита, она-то точно знала, насколько необычным для Дага было такое действие.

— В самом деле?

— Наверное, не следовало этого делать… — пробормотал Даг.

Фаун с сомнением посмотрела на него.

— Но… это же всего-навсего москит. Ты наверняка убивал их сотнями.

— Скорее тысячами, — согласился Даг. — Только… теперь мой Дар чешется. — Он снова потер культю.

Брови Фаун поползли на лоб; с веселым облегчением она выдохнула:

— Ах, боги…

Даг не сделал попытки избавить Фаун от ошибочного впечатления. Он поцеловал ее свесившуюся с кровати руку и кивнул на масляную

лампу. Фаун потянулась к ней и снова погасила. Кровать скрипнула, когда Фаун укладывалась, и Даг прошептал:

— Доброй ночи, Искорка.

— Доброй ночи, Даг. — Фаун уже уткнулась в подушку, и голос ее прозвучал глухо. — Постарайся уснуть. — До Дага долетел смешок. — И не чешись.

Даг прислушивался к дыханию жены, пока оно не сделалось медленным и спокойным; потом, скрестив руки на груди, он принялся обследовать собственный Дар.

В нем все еще тлел крохотный чужеродный уголек. Даг попытался избавиться от него, усилить им Дар пола, или простыни, или даже собственных волос, однако уголек упрямо оставался на прежнем месте. Не обнаруживал он и склонности раствориться в Даре Дага, стать его частью, как становится частью человеческого тела переваренная им еда… по крайней мере, пока. Даг подумал о том, не причинил ли он себе в момент сонного раздражения вреда на всю жизнь.

Неосторожность… вовсе не смертельная паника. Не напряжение всех сил, героический порыв, который случается раз в жизни, когда на какой-то момент тело, душа и Дар совершают нечто, пре-

восходящее человеческие возможности. Вырвать Дар москита — уж никак не великое деяние, да и суровой необходимости в этом не было…

Только лишение Дара кого-то или чего-то совсем не было человеческим деянием. Это была магия Злых, самая суть их магии. Разве не так?

Мастера из Стражей Озера пользовались Даром двумя способами, хоть и с множеством вариаций. Они могли заставить Дар предмета измениться или приобрести другую форму, тонко переменить свою природу. Так и получалась ткань, которая почти не изнашивалась, сталь, которая не ржавела, веревка, которая не рвалась, или кожа, которая не пропускала воды… и отражала стрелы. Вторым способом можно было передать другому человеку часть Дара собственного тела; чаще всего такое происходило при изготовлении свадебной тесьмы или для усиления Дара какого-то органа пострадавшего, чтобы ускорить его выздоровление, остановить кровотечение, избавить от шока или инфекции. Однако всегда возможности Дара были ограничены способностями мастера.

Злой похищал Дар из всего вокруг себя, и ограничено это не было ничем, кроме внимания, которое Злой обращал на своих жертв… и внимание это, готов был поклясться Даг, существенно

превосходило человеческое. Однако если человек преобразовывал полученный от другого Дар в собственный медленно — с той же скоростью, с какой заживает рана, — то Злые делали это почти мгновенно, и не с помощью постепенного преобразования, а грубой бесцеремонной силой — тем большей, чем больше Дара уже поглотил Злой… захватывая его по расширяющейся спирали.

Вероятно, такая сила не была свойственна человеку. Даже в схватке со Злым Даг завладел только смертоносными обрывками. Любой, кто попытался бы вырвать Дар целиком, как это делали Злые, просто лопнул бы, как человек, попытавшийся выпить озеро.

Однако человек был в силах выпить кружку озерной воды…

Может быть, Дар москита был подобен такой кружке?

Даг обдумал этот вопрос, а потом с беспокойством спросил себя, не безумен ли разум, способный такой вопрос задать. А может быть, в нем поселились мозговые черви, слухи о которых пересказывал Вит? Может быть, нужно просто выспаться… Наверняка к утру от тлеющего уголька не останется и следа, как от обычного укуса москита: Дар исцелится, как тело исцеляется от

чисто физических повреждений. Даг фыркнул, повернулся на бок и решительно закрыл глаза.

Жжение, впрочем, не проходило.

* * *

К следующему утру левая рука Дага так воспалилась, что он не мог прикрепить к ней протез.

Фаун предпочла бы на денек задержаться в Лампоне, но Даг настаивал, что может ехать, обходясь одной рукой, а Вит, жаждавший выехать за пределы известных ему земель, не поддержал ее разумное предложение. К концу дня Фаун без особой радости получила доказательство своей правоты: Дага начало лихорадить. Словно в подтверждение ее опасений Даг уселся на одеяло и без возражений позволил Фаун с Витом разбить лагерь у дороги. В сгущающихся сумерках от влажной земли поднимался холодный туман, но по крайней мере угрозы дождя не было.

— И все это от укуса москита? — пробормотала Фаун, усаживаясь рядом с Дагом, который сидел сгорбившись и обхватив распухшую руку.

— Не думаю, что он меня убьет, — пожал он плечами. — Тот участок моего Дара начинает уже казаться не таким горячим.

Фаун с сомнением пощупала лоб мужа. Од-

нако его кожа была просто горячей, а не такой обжигающей, как раньше, и Даг ел и пил, хотя и без особого аппетита. Укладываясь спать, Фаун отобрала у Вита запасное одеяло и укутала Дага, безжалостно игнорируя протесты брата.

К следующему дню опухоль спала, и Даг предположил, что чужеродное включение поглощается, как случилось бы с обычным подкреплением Дара, хоть и медленнее. Тем не менее весь день Даг был молчалив, и по его сведенным бровям и остановившемуся взгляду Фаун заподозрила, что его мучает головная боль.

Если Фаун чувствовала себя защищенной, когда Даг был здоров, то его болезнь рождала у нее отвратительное чувство беспомощности. Он обладал сверхъестественными познаниями Стража Озера и множеством умений дозорного, настолько внушительным, что главная целительница в лагере Хикори даже пыталась сделать из него своего помощника. Только кто лечит самого целителя? Крестьянка-повитуха или костоправ мало могли бы помочь при этой странной болезни Дара, и Фаун только теперь в полной мере поняла, что, несмотря на весь приобретенный этим летом опыт, она на самом деле не знает, как в случае нужды найти Стражей Озера. До лагеря

Хикори было слишком далеко, а до переправы и лагеря на реке Грейс оставалось еще несколько дней пути. Отряды дозорных или гонцы иногда останавливались в гостинице Ламптона или на постоялом дворе Глассфорджа, но могло пройти несколько дней или недель, прежде чем кто-то из них появился бы.

Лагерь, откуда действовал отряд Чато, как казалось Фаун, был ближе, но и его она не смогла бы найти. Этому хотя бы можно было помочь: прошлым вечером она спросила Дага, где искать Чато, и он ей объяснил. В первый раз Фаун начала видеть пользу от того, что в их маленьком отряде теперь три человека: не только лишь двое Блуфилдов смогли бы хоть поднять Дага, но и один из них мог оставаться с ним, пока другой отправился бы за помощью.

Только окажут ли странные Стражи Озера помощь Дагу после его полуизгнания? Такая мысль была новой и весьма неприятной.

Однако еще через день Дагу стало явно лучше. Они выехали на рассвете, а к полудню добрались до придорожной фермы с колодцем во дворе, где Фаун с Дагом впервые повстречались. Они весело обменивались воспоминаниями, закупая у доброй фермерши провизию. Вечер застал их совсем

недалеко от Глассфорджа. Даг высказал мнение, что они на следующий день могли бы свернуть с большака, чтобы показать Виту пустошь, и все же добрались бы до города до темноты.

* * *

Нельзя было бы выбрать лучшего денька для поездки в безлюдные холмы к востоку от большака. Небо сияло глубокой синевой, какую в Олеану приносят только северо-западные ветры, а прохладный воздух бодрил, как яблочный сидр. Деревья тут по большей части еще сохранили листву, и ее яркие цвета буквально слепили глаза: ярко-алый соседствовал с золотисто-желтым, а увядающие сорняки добавляли лиловые пятна. В словно процеженном осенью свете глаза Дага стали похожи на золотые монеты. Фаун порадовалась, что именно Даг ведет их по звериным тропам в чаще, потому что сама она запуталась сразу же, как только они свернули с большака. Она, конечно, совсем не заблудилась бы: достаточно было повернуть на запад, чтобы снова выбраться на дорогу. Однако пустошь — к счастью — была довольно маленькой мишенью: всего десять или двенадцать миль в окружности.

Солнце приближалось к зениту, когда Даг оста-

новил Копперхеда на протоптанной тропе, по которой они ехали. На лице его отразилось напряжение. Фаун подхлестнула Вефт и поравнялась с ним, хотя Копперхед выразительно прижал при этом уши.

— Мы уже близко?

— Да.

Собственные воспоминания Фаун были слишком расплывчатыми, чтобы она могла узнать местность. К пещере Злого ее, пленницу, несли вниз головой, в ушах у нее звенело, от побоев и ужаса ее тошнило… А обратно… этого Фаун предпочитала не вспоминать.

Даг показал вперед.

— Эта тропа подходит к расщелине с той стороны, откуда к ней подобрался я. Видимые признаки опустошения появятся шагов через двести.

— А саму пустошь ты еще не видишь?

Даг пожал плечами; лицо его оставалось напряженным.

— Я почувствовал тень ее еще за полмили отсюда.

— Стоит ли тебе приближаться — ведь ты еще не поправился?

Даг поморщился.

— Пожалуй, не стоит.

— Тогда подожди здесь… или, еще лучше, вернись по тропе. А я проведу Вита, чтобы он быстренько посмотрел.

С логикой Фаун Даг спорить не мог. Поколебавшись, он кивнул.

— Только не задерживайся, Искорка.

Фаун помахала Виту. Брат ее выглядел несколько растерянным. Когда лошадки по привычке потрусили рядом, он спросил:

— В чем дело?

— Близость пустоши делает Дага больным. Ну… больным становится тут любой, но я побоялась, что у Дага случится такой же ужасный приступ, как после Гринспринга. Слава богам, что ему хватило здравого смысла подождать нас здесь, а самому дальше не ездить.

Вит огляделся.

— Только ведь все засыхает и умирает осенью и так… Как ты различишь пустошь зимой? Как ты сможешь отличить ее от… ох!

Они остановили лошадей на краю расселины. Должно быть, сейчас они были очень близко от того места, откуда в тот день смотрел на пещеру Даг. Пещера виднелась на середине противоположного склона; длинный скальный выступ нависал над входом. Сама расселина имела цвет

серой пыли и была лишена всякой растительности; сохранилось только несколько скелетов деревьев. Извивающийся по дну сверкающий на солнце ручей был единственным, что тут двигалось, единственным источником звука. Ни птиц, ни насекомых; никакие мелкие зверьки не шуршали в мертвых сорняках. Даже ветер, казалось, замирал здесь. До Фаун долетел слабый странный запах, как в сухом погребе, — запах, оставленный Злым. Фаун сглотнула и ощутила озноб, несмотря на гревшее ей спину солнце.

— Это самый жуткий цвет, какой я только видел. — Вит с трудом сглотнул. — Даже и вовсе не цвет… Даг был прав. Это не похоже… ни на что.

Фаун кивнула, порадовавшись тому, что Вит сегодня, похоже, в своем уме: его глупых шуточек она сейчас не выдержала бы.

— Даг думает, что Злой вылез из земли, вывелся прямо здесь. Злые, похоже, все появляются одинаково, но потом меняются в зависимости от того, что едят… то есть каким Даром питаются. Если им удается поймать много людей, они становятся похожи на человека, а в Лутлии однажды был Злой, в основном поедавший волков, и говорят, он был очень странный. Даг думает, что первый человек, которого поймал здешний Злой, был

разбойником с большой дороги, прятавшимся где-то неподалеку, потому что когда Злой вырастил глиняных людей и захватил больше рабов, он сначала собрал их в шайку разбойников. — Правда, некоторые члены шайки могли и не быть рабами; эта мысль особенно встревожила Фаун. — Те негодяи, что похитили меня на дороге, принесли меня сюда. Даг выслеживал их и заметил… — Отсюда Дагу хорошо должны были быть видны глиняные люди, тащившие ее, как ворованный мешок с зерном. — Он схватился с ними… чтобы освободить меня… в одиночку. Не было времени дожидаться его отряда. Шанс был невелик… Только Даг кинул мне свой разделяющий нож, и мне удалось добраться до Злого. А Злой… — Фаун снова сглотнула. — Наверное, можно сказать, что развалился… растаял. Стражи Озера утверждают, что Злые бессмертны, но разделяющие ножи их убивают. Убивают их Дар.

— А что вообще такое разделяющие ножи? Даг, как только упомянет о них, так сразу умолкает.

— Ну да. Для того есть причины. Их делают Стражи Озера. Из костей других Стражей Озера.

— Так, значит, они и правда грабят могилы!

— Нет! Это не ворованные кости. Даг… да и любой Страж Озера очень обиделся бы, если бы

услышал тебя. Они завещают свои бедренные кости своим родичам, чтобы их… извлекли после их смерти. Это часть похоронного обряда. Потом мастер — брат Дага Дор как раз такой мастер — очищает кость и вырезает из нее нож. Они не используют разделяющие ножи ни для чего, кроме уничтожения Злых.

— Так именно это ты и воткнула в Злого? А чья была бедренная кость, ты знаешь? А Даг знает?

Фаун решила, что такой мерзкий интерес все же лучше равнодушия.

— Да, только тут все гораздо сложнее… Изготовление ножа из кости — лишь первый шаг. Потом нож должен быть заряжен. Заряжен… смертью сердца. — Фаун втянула воздух, не глядя на Вита. — Это самая трудная часть. Каждый нож, после того как изготовлен, бывает связан узами со своим хозяином — Стражем Озера… кем-то, кто вызовется подарить ножу собственную смерть. Когда такой Страж Озера думает, что умирает — от старости, болезни или смертельной раны, — он пронзает ножом свое сердце и улавливает в него смерть. Так что каждый заряженный нож стоит двух жизней Стражей Озера — одного, подарившего кость, и другого, зарядившего его кровью сердца. А владеть ножом… купить его нельзя. Он

может быть только дан тебе.

Глянув на Вита, Фаун заметила, что тот хмурится, прищурив глаза.

— Значит, это вроде как… как человеческое жертвоприношение, — медленно проговорил он, — запечатанное вроде консервов и сохраненное для последующего применения.

Фаун вспомнила о длинных рядах залитых воском стеклянных банок, которые они с мамой Блуфилд только на прошлой неделе заполнили припасами на зиму и расставили в кладовке. Подобное хозяйственное сравнение было верным… о боги!

— Похоже. Только не говори такого при Даге. Стражи Озера хранят свои ножи в тайне и обращаются с ними, как со святыней. Это же их родственники, понимаешь ли. И их горе. Вот это разделяющие ножи и разделяют со Злыми — смерть.

Вит, все еще хмурясь, оглядел расселину и спросил:

— Далеко вглубь уходит пещера?

— Она неглубокая.

— Можем мы в нее заглянуть?

Фаун сморщила нос.

— Наверное, если не останемся там надолго.

Вит глянул на крутой спуск, кивнул, спешился и привязал свою лошадь к дереву. Фаун сделала то же самое и последовала за братом. Серый сланец скрипел и скользил у них под ногами. Даже глина в промоинах, которая нормально была бы тускло-коричневой, приобрела тот же безжизненный серый оттенок. Вит перебрался по камням через ручей и оглянулся, только дойдя до входа в пещеру.

— Не отставай, коротышка, — бросил он тащившейся следом за ним Фаун.

Она испытывала слишком сильный озноб, чтобы обидеться на старую семейную кличку. Фаун вскарабкалась ко входу в пещеру, и ей в лицо ударил сухой горький запах Злого.

«Сколько же дождей и снега понадобится, чтобы смыть его?»

Вит с мерзким удовлетворением нырнул в тень скального выступа.

— Каким замечательным местом для стоянки могла бы оказаться эта пещера! Она действительно годится для того, чтобы в ней прятались разбойники! — Он пнул ногой разбитый старый бочонок, который тут же рассыпался в прах. — Так где именно были вы двое? А где был Злой? Далеко ли пришлось Дагу кидать свой нож? Он

же не знал, какая ты… Чудо, что тебе удалось его поймать.

— Вот здесь… — «Лучше все упростить». — Злой схватил меня за шею. — Фаун коснулась вмятин на горле.

«Здесь, прямо здесь Злой вырвал Дар моего нерожденного ребенка, бедной нежеланной малышки… Здесь она умерла, а Дага чуть не разорвали на части завывающие полузвери, полулюди… Здесь я нанесла удар, и здесь Злой взвизгнул и распался. Здесь одна жертва смешалась с другой, здесь у меня случился выкидыш и началось кровотечение…»

— Мне нужно выйти отсюда, — вслух сказала Фаун. Она видела все как в тумане, ее трясло так, что с трудом удавалось дышать.

«Здесь ничего нельзя упростить».

— Эй, ты в порядке? — окликнул Фаун Вит, когда та, спотыкаясь, выбралась из пещеры на воздух. Во всем широком зеленом мире не хватало света на то, чтобы осветить эту бездну тьмы, чтобы сделать ее, Фаун, чем-то кроме *дуры, дуры, дуры*… Фаун не сразу заметила, что плачет; слез у нее не было, только сухие всхлипы раздирали грудь.

Вит, выскочивший из пещеры следом за сестрой, выпалил:

— Это что, на тебя так действует пустошь? Вот что, может… Отведу-ка я тебя обратно к Дагу, ладно?

Фаун кивнула. Ей никак не удавалось выровнять дыхание: оно словно застревало у нее в груди. Она попыталась сглотнуть между вдохами, но горло у нее совсем перехватило. Вит с беспокойством обхватил ее за талию и наполовину повел, наполовину понес через ручей. Фаун поскользнулась, и одна ее нога окунулась в воду. Холодная сырость заставила Фаун охнуть, но по крайней мере она сумела при этом втянуть в себя воздух. К тому времени, когда Виту удалось втащить ее по склону и взгромоздить в седло, Фаун уже только пыхтела. Щеки ее были мокрыми, из носа текло. Фаун яростно вытерла лицо рукавом и закашлялась.

Когда они добрались до того места, куда отъехал Даг, Фаун как сквозь серебряный туман увидела скачущего им навстречу Копперхеда. Даг так резко натянул поводья, что конь затряс головой и фыркнул. Резкий голос, какого Фаун никогда раньше не слышала, рявкнул:

— Что ты с ней сделал?

— Ничего! — в панике проблеял Вит. — Я ничего не сделал! Она болтала о том о сем, а потом вдруг

собралась хлопнуться в обморок. Я подумал, что это действие пустоши, хотя сам ничего такого и не чувствовал. Вот, держи ее.

Угрожающее выражение покинуло лицо Дага, когда он обратил внимательный взгляд на Фаун; должно быть, он обследует и ее тело, и ее Дар, подумала она. Бросив поводья на шею Копперхеда, Даг обхватил жену и перетащил из ее седла на свое. Она изо всех сил прижалась к мужу и спрятала лицо у него на груди, глубоко вдыхая теплые запахи чистой рубахи и пота в надежде, что они изгонят мертвое зловоние пещеры. Сильная, прекрасная рука Дага обвила ее.

— Прости меня, — пробормотала Фаун. — Я не думала, что все это снова обрушится на меня. Все дело в запахе… Я вдруг почувствовала, что не могу дышать. Глупость какая…

— Ш-ш, — успокаивал ее Даг, касаясь губами ее волос. Его понимание согрело Фаун даже больше, чем рука. Даг мотнул головой в сторону Вита. — Приведи ее лошадь. Нам нужно как можно скорее покинуть эту вредоносную землю. А потом, может быть, поесть.

Копперхед послушно развернулся — то ли поняв движение ноги Дага, то ли под воздействием Дара; в любом случае мерин явно понял, что

сейчас не время для его выходок. Вернувшись на большак, путники проехали добрые две мили, прежде чем Даг свернул в сторону. Он привел Фаун и Вита на небольшую полянку, где среди камней пробивался чистый родник, — на уютное местечко для пикника. Может быть, ему его подсказал опыт дозорного? Во всяком случае, Даг просто буркнул:

— Это подойдет. — Потом озабоченно спросил Фаун: — Ты сможешь сама спешиться?

— Да, мне теперь лучше. — Ну, не то чтобы совсем хорошо, но по крайней мере ее перестал бить озноб.

Даг подхватил жену, когда она соскользнула с Копперхеда, а потом они с Витом занялись устройством лагеря: достали из седельных сумок еду и жестяные кружки, ослабили подпруги у коней и отправили их пастись. Даг внимательно посматривал на Фаун, пока та усаживалась на камне, пила родниковую воду и жевала несколько высохший сыр с хлебом, оставшиеся с прошлого вечера. Наконец он уселся с ней рядом, скрестив ноги. Вит выбрал себе местечко на стволе поваленного дерева, где было не слишком сыро и мох рос не особенно густо.

— Прости, — повторила Фаун, дожевав и вы-

прямившись. — Глупо было с моей стороны.

— Ш-ш, — тоже повторил Даг, ободряюще похлопав ее по колену. — Не надо вспоминать.

Вит прочистил горло.

— Мне кажется, тот Злой был очень страшный.

— Угу, — кивнула Фаун. Родниковая вода была благословенно прохладной; так почему же горло у нее так горит? Она потерла оставленные Злым на ее шее отпечатки.

Вит снисходительно добавил:

— Ну, в конце концов ты же девчонка.

Фаун просто поморщилась, решив, что Вит по-своему старается. Очень старается…

Брови Дага поползли вверх, словно он пытался понять, что Вит имел в виду: он явно не видел связи между двумя утверждениями. Когда же он понял, на лице его появилось довольно странное выражение.

— Мне приходилось видеть, — сказал он, — как первая встреча со Злым приводила в полное расстройство и хорошо подготовленных дозорных. Я сам несколько недель после такого числился среди раненых, хотя Злой ко мне и не прикоснулся.

Вит снова прочистил горло, но принял мудрое решение не пытаться исправить положение и вместо этого спросил:

— А сколько ты их видел? Всего?

— Я сбился со счета, — ответил Даг. — Вот собственной рукой своим ножом я прикончил двадцать шесть.

— Двадцать семь, — поправила его Фаун.

Даг улыбнулся жене.

— Ну, тогда двадцать шесть с половиной — нож был мой, а рука твоя.

Фаун смотрела, как шевелятся губы Вита, производившего подсчеты — убитых Злых… нет: ножей, жизней Стражей Озера, смертей. На лбу Вита появилась складка.

Фаун торопливо объяснила:

— Я рассказала Виту про разделяющие ножи… по крайней мере попробовала. Не уверена, что он все понял как надо. — Ее встревоженный взгляд спросил Дага: «Это ничего?»

Даг склонил голову, отвечая и на ее слова, и на взгляд.

— Ох, хорошо. Спасибо.

Вит поскреб сапогом мох.

— Тебе пришлось обзавестись кучей этих ножей?

— Да, конечно.

— У тебя… э-э… большая семья?

Фаун с трудом подавила порыв стукнуться

головой — или, может быть, стукнуть Вита — о дерево. Он и в самом деле старался…

Даг старался тоже. Он ответил откровенно:

— Нет. Мне их давали друзья, родичи друзей, другие дозорные, — давали, потому что у меня было умение находить им употребление. Дозорный может носить заряженный нож долгие годы и ни разу не столкнуться со Злым, а это делает жертву… ну, не бесполезной, конечно, а… Людям нравится, когда из этого что-то получается.

— Тут есть смысл, по-моему, — согласился Вит. Он откусил от куска хлеба с сыром, который держал в руке. — А есть у тебя… ну, как это… один из… самоубийственных ножей?

— Незаряженный нож, связанный узами со мной? — предположил Даг.

— Ну, он же должен быть незаряженным, верно? — сказал Вит. — Так получается. Потому что если бы он был заряжен…

— У меня и в самом деле такой был. Я носил его с собой двадцать лет — на всякий случай. Так делают многие дозорные.

— Можно мне посмотреть? Ох, нет… Что с ним случилось?

Даг посмотрел на Фаун. Та слегка помотала головой. «Нет, до этой части мы не доходили».

— Несчастный случай.

— Ох… — Вит заморгал, усмиренный — как надеялась Фаун. Однако, как выяснилось, усмиренный недостаточно, потому что он тут же с любопытством спросил: — А чья то была кость?

— Каунео. Она завещала одну кость мне, а другую — одному из своих братьев. Моему брату по шатру в Лутлии.

Вит посмотрел на Дага со смесью искреннего интереса и сомнения.

— А кто?.. — Ему пора научиться задавать вопросы с осторожностью, подумала Фаун. И с осторожностью выслушивать ответы.

Даг глотнул родниковой воды и сумел ответить достаточно сдержанно:

— Моя первая жена.

Фаун бросила на Дага тревожный взгляд.

«Тебе не тяжело говорить об этом?»

Даг ответил ей кивком. Да, теперь он мог говорить о Каунео; им удалось уйти от прошлого. Даг откашлялся и объяснил вполне добродушно, поскольку даже бесцеремонное любопытство Вита иссякло, когда он услышал последние слова Дага.

— Она тоже была дозорной и погибла в схватке со Злым в Лутлии. Она оставила мне нож, пронзивший ее сердце, так же как и кость для того,

чтобы сделать предназначенный для меня. Мы думаем, что она бросилась на свой нож, когда поняла, что не выживет. Ее брат говорил… — Даг резко втянул воздух. — Говорил, что она, должно быть, проделала это очень быстро, потому что не могла долго находиться в сознании после того… после того как была изранена.

— Это там ты?.. — Взгляд Вита переместился на левую руку Дага.

Новый короткий кивок.

— В той же схватке. Меня ранили раньше, чем ее, поэтому есть только догадки. Она была тогда… совсем девчонкой. На пять лет моложе меня.

«Совсем девчонкой, — подумала Фаун. — Даг ведь не случайно выбрал именно эти слова».

— Ох, — выдохнул Вит и смущенно добавил: — Мне… э-э… жаль.

Даг снова кивнул и повторил свою коронную фразу:

— Это было давно.

«Тебе иногда кажется, что все случилось только вчера, верно? — с любопытством подумала Фаун. — Как мне встреча со Злым… только что в пещере. Да. Теперь я понимаю, откуда ты все знал». — Фаун снова принялась жевать хлеб с сыром, чтобы заглушить спазм в животе. Вит

нахмурил брови.

— Ты и в самом деле собирался вонзить костяной нож в собственное сердце?

— Да, если бы так случилось.

После этих слов Вит не сразу вспомнил, что нужно жевать и глотать. Наконец, почесав ухо, он спросил:

— А другой раздобыть ты можешь?

— Вит! — с возмущением воскликнула Фаун.

Даг сделал жест, говорящий: «Все в порядке».

— Это не от меня зависит. Нужно, чтобы кто-то завещал мне кость. Или передал незаряженный нож — тогда его и меня можно было бы соединить узами. Я очень хочу получить нож. Я ужасно мучился бы стыдом от мысли, что моя смерть окажется бесполезной из-за отсутствия ножа.

Фаун поняла, что, как ни хорошо знает она Дага, ей о нем известно не все. Вит мог теперь только моргать — молча, слава богам.

Втянув в себя воздух, Вит все же сказал:

— Люди всего этого не знают. Они говорят, что Стражи Озера — людоеды. Что вы грабите могилы… и поедаете своих мертвых ради магической силы.

Даг мягко ответил:

— Ну, теперь ты знаешь правду.

— Ага! — Вит повеселел. — Но ведь я всего единственный крестьянский парень, который кое-что узнал!

— Один узнал, — вздохнул Даг, — тысячи на очереди. Главное — начать.

— Правильно, — мужественно заявил Вит. Он выглядел так, словно боялся, как бы Даг не расплакался.

Фаун тоже немного этого опасалась, но Даг только криво улыбнулся и поднялся на ноги, заскрипев суставами.

— Давайте-ка доберемся до Глассфорджа, ребятки.

4

Даже в конце дня на большаке, ведущем в Глассфордж, было много путников. Фаун заметила, как вертит головой Вит, разглядывая караван вьючных мулов, фургоны, ярко расписанные названиями перевозимых товаров и именами владельцев, огромную телегу для перевозки кирпичей, порожняком возвращающуюся откуда-то. Ее везла восьмерка мышастых тяжеловозов, неуклюже трусивших по дороге, радуясь близости конюшни; колокольчики на их сбруе рассыпали веселый звон, словно крупинки соли. Возница и его помощник тоже выглядели очень живописно в украшенных бахромой и маленькими зеркальцами кожаных куртках и с длинными красными шарфами вокруг шеи. Фаун подумала, что двое здоровенных грузчиков, сидевших, свесив ноги, на задке телеги, наверняка разразились бы игривыми воплями в ее адрес, будь она одинокой путешественницей, но присутствие ее спутников заставило их лишь смущенно кивнуть; Вит радостно ответил на их приветствие. Копперхед притворился испуганным этой шумной компанией, но тут же был призван к порядку своем

усталым хозяином; даже кроткие Варп и Вефт поставили уши торчком, слегка смущенные соседством тяжеловозов.

Вит похлопал свою лошадку по шее.

— Ну, ну, Варп, не бойся этих огромных зверюг. Тебя же никто не собирается заставлять везти тонну кирпичей. — Парень вытянул шею, глядя вслед удаляющейся упряжке. — Вот это была бы жизнь, верно, Фаун? Держу пари: некоторые из этих фургонов отправляются в Трипойнт, а то и к Серебряным Перекатам. Только подумай! Где только не удалось бы побывать, с кем только не поговорить, да тебе еще за это и заплатят! Ночуют они небось каждую ночь в другом месте.

— Такая жизнь быстро надоедает, — чуть насмешливо попытался охладить его пыл Даг.

Бросив на него презрительный взгляд, ясно говоривший, что слова Дага он считает стариковским ворчанием, Вит продолжал:

— Я раньше об этом не думал, но ведь наверняка такой город, как Глассфордж, нуждается в лошадях. И в возницах тоже. Я умею управлять упряжкой… интересно, не удастся ли мне купить такую же нарядную куртку… — Вит умолк, но Фаун не сомневалась: колесики у него в голове продолжают вертеться, даже если временно ока-

зались отсоединены от языка.

«Держу пари: ты больше в Вест-Блю не вернешься, — подумала Фаун. — Так же как и я».

Она улыбнулась, предвкушая удовольствие от показа Глассфорджа Виту, словно это она сама его придумала; не такое ли удовольствие испытывал Даг, показывая ей город? Даг никогда не уставал знакомить ее со всяческими новыми вещами… Нет, тут все было сложнее. Ее нескрываемая радость делала для него мир снова новым, так что усталость отступала. Это представлялось справедливым обменом.

Вит, к ее удовольствию, был должным образом впечатлен постоялым двором — трехэтажным зданием из местного кирпича, увитым плющом.

— Он больше, — изумленно воскликнул Вит, — чем новый амбар дядюшки Хаука!

Уголки губ Дага поползли вверх, когда Фаун принялась с жаром объяснять брату, почему дозорные и гонцы могут бесплатно останавливаться на постоялом дворе: так распорядился отец теперешнего владельца в благодарность за уничтожение в прежние годы Злого в окрестностях города. Вит нашел это очень удачным.

Фаун про себя сомневалась, распространится ли такой порядок на бывшего дозорного с сомни-

тельным статусом и его спутников-фермеров, но когда они спешились во дворе перед конюшней, выяснилось, что ее здесь хорошо помнят как героиню-крестьянку, прикончившую Злого. Взволнованные конюхи обращались к ней по имени, а хозяйка постоялого двора рассыпалась в любезностях, когда они вошли внутрь. Даже еще приятнее для Фаун, чем немедленно предоставленные в их распоряжение лучшие комнаты, был ошарашенный вид Вита, когда он узнал, какой славой пользуется здесь его младшая сестра. Он даже не рискнул пошутить по этому поводу.

Путники отнесли свои седельные сумки наверх. По их просьбе Фаун и Дагу отвели ту же комнату, полную приятных воспоминаний, в которой они ночевали в прошлый раз. Еще лучше было то, что от комнаты Вита ее отделяла толстая дощатая дверь с надежным засовом, так что ночью Фаун с Дагом были бы избавлены от братьев, москитов и прочих отвлечений. У Фаун оказался час до ужина, чтобы пробежаться по городу и поздороваться со всеми горожанами, с которыми она познакомилась прошлым летом: портнихами, горничными, поварихами. Вит любезно сопровождал ее. Фаун не была уверена в том, кому с кем знакомство оказалось приятнее: некоторые

молодые девушки стали строить Виту глазки, перепугав его так, что он сделался чрезвычайно вежливым. Впрочем, чары, которые он обратил на повариху Сэл, порождались исключительно интересом к ужину: она была замужней женщиной с выводком детей.

— Сэл позволяла мне сидя выполнять некоторые работы, пока я поправлялась и ждала Дага, заканчивавшего дела своего отряда, — объяснила брату Фаун, глубоко вдыхая соблазнительные запахи кухни постоялого двора. Котелки кипели, окорок поворачивался на вертеле, на столе остывали только что вынутые из печи пироги; судомойка решительно выставила из кухни полного надежд конюха: ему предстояло ждать, пока насытятся хозяева и постояльцы. — Я, должно быть, перечистила сотни стручков гороха, только это помогло мне тогда не лишиться рассудка.

— Ты сначала была такая бледная, — согласилась Сэл. — Думаю, моя стряпня помогла розам вернуться на твои щечки! — Она ущипнула Фаун за щеку, оставив на ней мучное пятно.

— Я тоже так думаю, — сказала Фаун, стряхивая муку и улыбаясь. — Твоя стряпня, ну и еще Даг.

Улыбка Сэл несколько увяла, и она бросила оценивающий взгляд на Вита.

— Значит, этот безрукий дозорный в конце концов благополучно довез тебя до дому?

Фаун кивнула.

— Мы не были так уж в нем уверены, — призналась Сэл. — Некоторые говорили, что он приколдовал тебя, как, по слухам, умеют Стражи Озера. Правда, нужно признать: те, кого мы видим здесь, ведут себя обычно хорошо. Как они обходятся друг с другом — не наше дело.

Фаун подняла подбородок.

— Если уж и было какое-то колдовство, я бы сказала, что оно было взаимным. Мы ведь поженились.

— Не может быть! — пораженно ахнула Сэл.

Фаун показала на своего брата.

— Вит может подтвердить.

— Ага, — сказал Вит. — Они обменялись клятвами в гостиной нашего дома в Вест-Блю перед всей семьей и сделали запись в семейной книге… ну и все такое.

— Ох, голубушка… — Сэл заколебалась, тревожно глядя на Фаун. — Уж очень он странный парень, как и все дозорные… Хоть сразу и было видно, что он в тебя влюбился, только… Я лучше о нем думала. Разве вы двое не знаете, что Стражи Озера не признают браки с нами, простыми

людьми? Боюсь, не одурачил ли он тебя, да и твою семью заодно.

— Нет, не одурачил, — ответила Фаун. — Мы одновременно поженились и по обычаю Стражей Озера — сплели и обменялись свадебной тесьмой, как и любая пара его соплеменников. Вот видишь? — Фаун показала на свое левое запястье, обвитое темной полоской, которую она встряхнула, чтобы заставить золотые бусины блеснуть и зазвенеть; Фаун хвасталась тесьмой уже третий или четвертый раз за вечер.

— Это она и есть? — с сомнением протянула Сэл. — Я видела похожие плетеные браслеты у некоторых дозорных, которые здесь бывали.

— Это свадебная тесьма, да.

— Выходит так, — сказал Вит, — что они поженились дважды. Не думаю, что Даг к тому времени стал бы мошенничать. Скажу одно: когда он завязывает узел, узел остается завязанным.

Глаза Сэл стали такими же круглыми, как и ее открытый рот.

— И его родичи согласились с этим?

Фаун вскинула голову.

— Не стану утверждать, что они были так уж счастливы, но никто не говорил, будто мы не женаты.

— Ну и дела!

В кухню заглядывали мальчики-слуги, судомойки окликали Сэл, и ей пришлось отказаться от дальнейшего обсуждения такой замечательной сплетни ради приготовления ужина. Она выпроводила своих гостей за дверь с явным сожалением.

В коридоре, ведущем к столовой, Вит остановился и озадаченно посмотрел на сестру.

— Фаун…

— А?

— Так родичи Дага признали эти ваши браслеты, верно? Они не стали заявлять, что вы просто… э-э… сожительствуете?

Фаун понизила голос.

— По правде говоря, на этот счет было четыре или пять мнений. Кто-то признал их настоящими, кто-то счел подделкой… а были и такие, кому это было все равно, только они хотели любым способом от нас избавиться. Понимаешь, они спорили не только с Дагом, они спорили между собой. Мы вроде как этой тесьмой впустили кота на голубятню. Когда мы уехали, должно быть, споры поутихли. — Даг не хотел заставлять соплеменников принимать решение, опасаясь, что оно окажется решительным и категорическим «нет».

— Эти их правила — их принимает каждый лагерь по отдельности или они действуют сразу везде?

— Каждый лагерь сам по себе, но они сносятся друг с другом. Гонцы развозят сообщения отрядов, плюс письма от одного совета лагеря другому. Ну и еще личные письма… сплетен тоже хватает, как говорит Даг. Молодые дозорные переезжают из лагеря в лагерь ради тренировки, лагеря обмениваются товарами. Иногда и старшие ездят в гости к родне. Так что есть способы обмениваться новостями. Стражи Озера не позволяют себе оказаться отрезанными друг от друга. — Фаун нахмурилась. — Я просто не представляю себе, как Даг будет обходиться без своих соплеменников. Для Стража Озера это неестественно. Они ужасно нас разозлили… но я и в самом деле не представляю…

— Хм-м… — только и ответил Вит.

Должно быть, Вит произвел хорошее впечатление на Сэл, потому что порции, появившиеся перед тремя путешественниками за ужином, были весьма щедрыми. Наевшись до отвала, Вит отправился на кухню говорить комплименты поварихе и служанкам и вернулся оттуда, полный планов ночных приключений в городе, однако

Даг — как с благодарностью отметила Фаун — его образумил.

— День сегодня был долгий, — поддержала мужа Фаун. — Даг еще не выздоровел, знаешь ли. — Даг из-под опущенных век бросил на нее взгляд, в котором совершенно не замечалось сонливости, и получил улыбку в ответ.

— А, ладно, — проворчал Вит. — Да и ты сама сегодня не очень хорошо себя чувствовала… Завтра поразвлекусь. — Он утешился тем, что отправился в конюшню посмотреть на лошадей и поболтать с конюхами.

Даг и Фаун сразу отправились в постель, хотя и не спать. Вскоре Фаун сделала неожиданное и приятное открытие: призрачная рука Дага снова действовала — по крайней мере достаточно, чтобы проделать некоторые замечательные нескромные вещи… Мнение Фаун о целительнице, которая предсказала подобное развитие событий, существенно повысилось. Они, правда, услышали, как вернулся Вит, — главным образом благодаря тому, что тот постучал в стенку и пожелал им доброй ночи… Фаун хихикнула, когда Даг поднял голову и ответил Виту таким же пожеланием — очень любезно, учитывая, чем он в этот момент был занят.

* * *

На следующее утро после завтрака они отправились прогуляться по центру города, где отходящая от рыночной площади улочка привела их к речке, протекавшей мимо Глассфорджа к реке Грейс. Впадавшие в речку позади плотины ручьи обычно позволяли вращаться колесам нескольких мельниц, однако сейчас из-за сухой погоды — благословения для жнецов и путников — вода стояла так низко, что лишь легкие лодки могли перевозить вниз по течению товары, произведенные городскими ремесленниками. В осеннем воздухе стоял горький запах дыма от кузниц, пары домен, гончарных печей и, конечно, стекловарен, которыми был знаменит Глассфордж.

В одной из них, как Фаун и надеялась, они обнаружили Сассу Клея, одного из ее лучших друзей со времени приключения со Злым. Рыжеволосый Сасса тоже радостно их приветствовал и охотно познакомился с Витом. Он проявил утешительное мужское равнодушие к каким бы то ни было свадебным обычаям, но зато с увлечением принялся рассказывать о спросе на стеклянные изделия и с гордостью показал новичку Виту свою ма-

стерскую. Сасса был ненамного старше Вита, и двое молодых людей сразу так подружились, что Фаун со спокойной душой отпустила после обеда брата к его новому приятелю, вернувшись вместе с Дагом в свою комнату, где бывший дозорный собирался, по его словам, вздремнуть. Это не было ложью: Фаун не сомневалась, что через некоторое время Даг и в самом деле уснет.

Впрочем, Фаун все же начала беспокоиться, когда Вит не явился к ужину, однако Даг рассудительно заметил, что Сасса прекрасно знает, где их найти, если в том возникнет необходимость, и Фаун успокоилась. Она даже попыталась уговорить мужа задержаться в Глассфордже на три дня вместо намеченных двух, но Даг придерживался мнения, что сухая погода вряд ли продержится еще долго; действительно, в ночном воздухе чувствовался холод, предвещавший перемену погоды.

Вит вернулся так поздно, что Фаун и Даг к тому времени уже спали. Фаун сквозь сон услышала, как Вит неуклюже возится в своей комнате, пытаясь ходить на цыпочках; потом его кровать заскрипела под весом тела, и Фаун, успокоенная, снова свернулась калачиком под боком Дага.

* * *

У нее снова появился повод для беспокойства, когда по утреннему морозцу она пошла в конюшню, чтобы попросить конюха оседлать Варп и Вефт — Копперхеда Даг должен был оседлать сам, — и обнаружила, что пара лошадок отсутствует. Отсутствовал, как выяснила Фаун, заглянув в его комнату, и Вит. Паника Фаун немного утихла, когда она обнаружила седельные сумки Вита все еще сваленными у его постели. Спускаясь по лестнице, Фаун размышляла о том, следует ли ей попросить Дага поискать Вита с помощью Дара, но тут ее братец ввалился через ведущую к конюшне дверь.

— Где ты был? — взволнованно спросила Фаун. — И где лошади?

— Продал их, — самодовольно сообщил Вит.

— Что? Нам еще два дня ехать!

— Знаю. Я все устроил. — В ответ на скептический взгляд Фаун Вит с оскорбленным видом добавил: — Я продал Варп и Вефт хозяину Сассы. Он дал за них хорошую цену.

— Я думала, ты собрался подрядиться возить уголь. По пути домой, — многозначительно сказала Фаун.

— Ну да… Только конюшня при стекловарне понравилась мне больше. Там чище, понимаешь ли. К тому же учти: при перевозке стекла лошадок не гонят и не перегружают, они вроде как будут прогуливаться налегке. — Вит с довольным видом кивнул, представив себе легкую жизнь своей упряжки.

Этот довод не мог не подействовать на Фаун, но она все равно в растерянности запустила пальцы в волосы.

— Да, но… как, по-твоему, мы теперь доберемся до реки? Нагрузим все сумки на Копперхеда, а сами пойдем пешком?

— Нет! Не говори глупостей! Я договорился. Хозяин Сассы отправляет два фургона с товаром к переправе у Серебряных Перекатов. Я буду помогать возницам и грузчикам, а тебя повезут бесплатно. Даг может ехать рядом на Копперхеде.

Фаун несколько растерялась, узнав о новых обстоятельствах.

— Так что — ты собираешься вернуться в Глассфордж и работать возницей на стекловарне?

Вит пожал плечами.

— У них вроде как достаточно парней для этого. Не знаю. Только вам с Дагом нужно поторопить-

ся: фургоны уже нагружены и готовы в дорогу. Хозяин хочет пораньше их отправить, чтобы захватить светлое время — дни-то стали короче.

Так и получилось, что Фаун, вместо неспешного завтрака, пришлось жевать хлеб с сыром на ходу и торопливо прощаться со знакомцами на постоялом дворе. Даг, как многоопытный дозорный, с легкостью собрался в дорогу, несмотря на неожиданность такого поворота событий, хотя и не позволил торопить себя во время бритья. Седельные сумки были просто перекинуты через седло Копперхеда — мерину предстояло нести их только до стекловарни. Там Фаун устроилась на груде ящиков с упакованной в солому посудой в фургоне, и путники выехали по дороге на юг из Глассфорджа еще до того, как утреннее солнце растопило иней на сорняках по обочинам.

Они миновали карьер, где добывался мелкий белый песок — основа производства, которым был знаменит город. Судя по тому, как были нагружены телеги, направлявшиеся оттуда в Глассфордж, Фаун заключила, что Варп и Вефт предстоит более тяжелая работа, чем предполагал Вит, хотя в данный момент лошадки были запряжены в тот самый фургон, на котором ехала Фаун, — на пробу, как она предположила. Мо-

жет быть, и Вит тоже проходил испытание на предмет будущей работы? Передним фургоном их маленького каравана правил седой возница по имени Мейп, не торопивший лошадей, как и мечтал о том Вит, что, впрочем, заставило Фаун задуматься: сколько же времени потребуется им, чтобы добраться до переправы? На козлах рядом с возницей сидел тощий паренек по имени Хог, который должен был помогать с лошадьми и с разгрузкой, — как и Вит. Четверкой коней, тянувших тот фургон, в котором сидела Фаун, правил спокойный пожилой человек по имени Таннер, и Фаун скоро узнала, что он — родственник хозяина стекловарни и у него в Глассфордже остались жена и дети.

Бесконечные вопросы Вита о производстве стекла скоро избавили путников от стеснительности. Фаун передвинулась вперед, чтобы лучше слышать Таннера; Даг ехал рядом, такой молчаливый и погруженный в себя, что можно было и не заметить, что он тоже прислушивается. Когда любопытство Вита оказалось утолено, Таннер, оглянувшись через плечо, стал расспрашивать Фаун о том Злом, которого они с Дагом уничтожили летом. Фаун удивленно заморгала, сначала из-за того, что вопросы явно давно вертелись на

языке возницы и он не сразу решился их задать, а потом с трудом поверив в то, что кому-то приходится собраться с духом, чтобы с ней заговорить. Однако она спокойно отвечала Таннеру в упрощенном варианте; потом, бросив взгляд на Дага, столь же упрощенно поведала о том, как действует разделяющий нож. Это заставило Таннера разинуть рот и поднять брови; он искоса взглянул на Дага, но напрямую обратиться к нему не решился. Вит включился в разговор и красочно описал пустошь, тоном коммивояжера добавив в конце рекомендацию там побывать.

— Пожалуй, стоит посмотреть, — ответил Таннер, изумленно качая головой. — Никто из моей семьи тогда не пострадал, как родичи бедняги Сассы, но уж слышал-то я достаточно — не считая самого главного. Теперь мне все стало понятнее. Надеюсь, вы не обиделись на мои вопросы. Я не хотел задавать их при Мейпе, — он кивнул в сторону седого возницы переднего фургона, который ничего не мог слышать и из-за расстояния, и из-за стука колес, — потому что в той заварушке погиб племянник его жены и он переживает.

— Мне очень жаль, — сказала Фаун.

— У него что, Злой вырвал Дар? — с людоедским интересом спросил Вит.

Таннер угрюмо покачал головой.

— Думаю, так было бы легче… в конце концов. Он был из тех, кого захватили разбойники и заставили присоединиться к шайке. Потом было тяжелое время — поди-ка разберись, кто был настоящим разбойником, а кого заколдовало зловредное привидение. Ну и дело кончилось тем, что местных простили, а чужаков по большей части повесили, что, на мой взгляд, было не очень-то правильно. Только племянника Мейпа сразу убили дозорные, когда сражались с разбойниками. Это, может, и избавило семью от позора, да только жена Мейпа смотрит на вещи иначе.

— Ох… — выдохнул Вит.

Фаун сглотнула.

— Он случайно не был белобрысым парнем?

— Нет, он был черноволосый.

Фаун с тайным облегчением перевела дух. Значит, это не тот разбойник, которого Даг застрелил у нее на глазах, — уж его-то он точно избавил от петли. Лицо ехавшего рядом с фургоном Дага стало еще более неподвижным, и до Фаун дошло, что тот насильник, возможно, был не единственным, чьей гнусной карьере Даг лично положил конец. Накануне ночью, как ей было известно, он участвовал в нападении на лагерь разбойников

— поэтому-то он и преследовал ее похитителей. У него оставалось мало стрел… некоторые, должно быть, нашли свои жертвы.

— Спасибо, что предупредил, — сказала Фаун Таннеру. — Мне не хотелось бы задеть чьи-то чувства. — Возница понимающе кивнул. Глянув на тощего парня, понуро сидевшего рядом с Мейпом, свесив руки между колен, Фаун спросила: — А как насчет Хога? Он тоже пострадал?

— Нет, он тогда слишком много сидел дома. — После длинной паузы Таннер добавил: — Хог малость недотепа, если хотите знать мое мнение. Он сирота и жил со старшей сестрой, пока ее муж не выкинул его вон за лень… и за воровство, по его словам. Сасса Клей пожалел парнишку и приставил его присматривать за лошадьми на конюшне. Это он и делает — исправно, нужно признать, хоть мы его все время и находим спящим в соломе.

— Он что, учится управлять упряжкой? — спросила Фаун, предположив, что Хог может оказаться соперником Виту в занятии желанной должности.

— Трудно сказать. Он не слишком-то сообразителен. Уж Мейп-то точно не позволит ему взять в руки вожжи. — Таннер понизил голос. — Не

скажу, что мальчишка совсем испорченный, да только насчет воровства — все правда. Я сам видел… Пока вроде ворует только еду. Женушка Сассы иногда подкармливает его, да только его это не останавливает. Боюсь, он как-нибудь попадется на чем-нибудь крупном и влипнет в неприятности. Так что… э-э… присматривайте за своими сумками.

Фаун было трудно определить, сказал ли Таннер это в их интересах или в интересах Хога.

Действительно, когда они остановились, чтобы поесть самим и напоить и накормить коней, Фаун показалось, что тщедушный парень немногого стоит. Его тусклые волосы были грязными и нуждались в стрижке, кожа выглядела нечистой, зубы — плохими, и двигался он, постоянно сутулясь. Хог был настолько косноязычен, что мог показаться немым; попытка Фаун сказать ему пару дружелюбных слов повергла его в полную растерянность. Дага парень явно боялся и старался держаться от него подальше. Фаун даже усомнилась, что Хог — его настоящее имя.

Вит растерялся, когда выяснилось, что хозяин не позаботился о провизии для возниц и грузчиков, так что те должны были сами обеспечивать себе пропитание, — такая маленькая деталь

ускользнула от его внимания, когда он договаривался о поездке. Фаун в утренней суете тоже упустила это из виду. Даг позволил им обоим посокрушаться, прежде чем спокойно вытащить из сумки сверток, приготовленный Сэл, пока он брился. Даг не то чтобы обращался со спутниками сухо, но не торопился и заставил Вита униженно попросить свою порцию. Как раз такой урок, подумала Фаун, благодаря которому ни один из них не совершит подобной ошибки в будущем.

* * *

Даг с удовольствием наблюдал, как Фаун и Вит разглядывают южные окрестности Глассфорджа — местность, давно знакомую ему самому, которую ни один из них раньше не видел. Впрочем, в этих местах Даг не бывал уже несколько лет. Вит то и дело спрашивал, не горы ли те поросшие яркой растительностью холмы, что поднимались по обеим сторонам дороги, и Дагу приходилось его разочаровывать. Правда, собственное определение Дагом горы относилось ко всему, при падении откуда можно сломать шею и, таким образом, включало любую вершину от десяти до тысячи футов высотой; с этой точки зрения достаточно крутые холмы тоже могли претендовать

на подобное название. Местность становилась все менее обжитой, придорожные хутора встречались все реже.

Темнота застала путников в нескольких милях от той деревни, где обычно останавливались на этом маршруте возницы; Мейп принялся ворчать, что во всем виновата задержка с отправлением; более терпимый Таннер отнес эту неудачу за счет укоротившегося дня. Все вытащили свои припасы и поужинали, запивая еду водой из ручья, переправа через который и заставила караван остановиться. Возницы принялись совещаться, дать ли отдых лошадям и медленно ехать дальше при свете фонарей или остаться у ручья и улечься спать под фургонами. Дождя не ожидалось, но холодок, которым тянуло из долин между холмами, вызвал всеобщее одобрение плану продвижения с фонарем; Вит тут же предложил Дагу ехать впереди, повесив фонарь на крюк, — эта идея заставила Фаун поморщиться. Перспектива ехать с фонарем, из которого капало масло, на капризном Копперхеде, усталом и раздраженном после дневного перехода, заставила Дага просто сказать: «Я подумаю».

Даг прошелся вдоль ручья, разминая затекшие мускулы, уселся, прислонившись к стволу каш-

тана, вытянул ноги и огляделся с помощью Дара. Он весь день держал его закрытым в присутствии незнакомых людей с их непредсказуемыми крестьянскими эмоциями. Может быть, сегодня ночью он сможет видеть на две сотни шагов? Даг все еще чувствовал себя полуслепым. Сняв с Копперхеда уздечку и ослабив подпругу, он отправил его пастись под легким контролем Дара. В сгустившихся сумерках Даг лучше слышал коня, чем видел, однако для его Дара Копперхед был давним знакомцем, сиявшим ровным светом, более ярким, чем даже этот парнишка Хог. Тот отходил облегчиться в кусты и теперь возвращался, держась в тени и подбираясь к Копперхеду…

Даг насторожился, хоть и не открыл глаз. Уж не собрался ли этот придурок порыться в седельных сумках? Даг задумался о своей ответственности. Хог не был молодым дозорным из его отряда; и если уж парню следовало преподать хороший урок, лучше было сделать это не откладывая, и лучше Дагу, чем кому-то другому. Сцена будет, конечно, неприятной, но поможет Хогу избежать худших бед в будущем. Даг перестал контролировать Копперхеда и предоставил событиям идти своим чередом.

Даг ожидал услышать яростный визг начав-

шего брыкаться коня, но чего совсем не ожидал, так это глухого Удара и стона, громкого, полного муки и бесконечного.

«Проклятие, что?..»

Даг во всю ширь распахнул свой Дар, но отшатнулся, когда на него обрушилась раскаленная волна боли. Судорожно втянув воздух, он вскочил на ноги.

Мимо него пробежали двое возниц; за ними мчался Вит, выкрикивая предостережения насчет Копперхеда, который фыркал и взбрыкивал. Следом показалась Фаун, которой хватило сообразительности захватить фонарь. Стараясь не хромать, Даг двинулся за остальными.

Хог валялся на земле, перекатываясь с боку на бок, обхватив колено и продолжая стонать. Его пошедшее пятнами и покрытое холодным потом лицо было искажено болью. И не удивительно… По несчастью подкованное копыто Копперхеда угодило парню по коленной чашечке, раздробив кость и размозжив плоть.

«Проклятие, проклятие, проклятие…»

— Что случилось? — выдохнул Таннер.

— Конь лягнул его, когда он собрался пошарить в моих седельных сумках, — сказал Даг. При этих словах Фаун встревоженно снизу вверх глянула

на мужа: «Ты знал?» Это обстоятельство им предстояло обсудить позже. Даг двинулся вперед…

… И обнаружил, что дорогу ему загораживает седой и весьма широкоплечий Мейп.

— Не вздумай трогать его, Страж Озера!

Вит и Таннер опустились рядом с Хогом на колени, безуспешно пытаясь успокоить парня, который колотил кулаками по земле и продолжал вопить.

Даг разжал стиснутые зубы и сказал Мейпу:

— У меня есть некоторый опыт в первой помощи.

— Пропусти его! — крикнула Фаун, и в тот же момент Вит позвал:

— Даг, помоги!

Мейп неохотно уступил дорогу.

— Фаун, разожги костер — нам потребуется и тепло, и свет, — сквозь зубы распорядился Даг.

Фаун, не говоря ни слова, кинулась к охапке хвороста. Даг наклонился над правым коленом Хога и вытянул обе руки — настоящую и призрачную — над местом увечья.

«Отсутствующие боги, не следовало бы мне и пытаться…»

Быстрое уравнивание Дара, чтобы остановить внутреннее кровотечение — сустав уже рас-

пух и натягивал ткань штанов Хога — и чтобы успокоить горящие нервы… Правое колено Дага откликнулось болью. Даг стиснул зубы и постарался не обращать внимания на порожденное Даром эхо. Хог перестал вопить и только ловил ртом воздух, тараща на Дага безумные глаза.

Через несколько минут, показавшихся бесконечными, мужчины уложили Хога на одеяло у костра и сняли с него штаны; парень пытался помешать этой процедуре и снова начал стонать, хотя Даг и не мог бы сказать — от боли или от стыда. Трусов у Хога не имелось, и Таннер прикрыл его одеялом. Все четыре нашедшихся у возниц фонаря и яркое пламя разожженного Фаун костра бросали золотой свет на устрашающую картину: колено распухло и посинело, под натянувшейся блестящей кожей уже собралась кровь. Обломки кости натягивали кожу изнутри, и каждый раз, когда Хога передергивало, грозили прорвать ее.

— Ты можешь что-нибудь сделать, Страж Озера? — спросил Таннер.

— Конечно, может! — отважно заявил Вит. — Я сам видел, как он восстановил разбитую чашу!

— Дело плохо, — сообщил Даг. — Коленная чашечка расколота на шесть частей и одно сухожилие почти разорвано. Тут не обойтись

наложением шины и покоем.

«Мне и думать не следует о лечении без другого целителя, который страховал бы меня от захвата Дара или еще чего похуже. Недаром ведь целители всегда работают парами».

Сорок миль до ближайшего лагеря дозорных — по дороге до переправы; сорок миль обратно… Даже Копперхеду такое не по силам, да и согласится ли настоящий целитель отправиться помогать пострадавшему крестьянину — обстоятельство настолько невероятное, что, случись оно, вошло бы в историю…

— Он чего, собирается отрезать мне ногу? — всхлипнул Хог. — Не давайте ему меня резать! Не смогу работать, никто не даст мне денег, да и вернуться не могу — Хоппер прибьет меня, если я вернусь…

«Хоппер? Ах, его брат по шатру… Зять, — поправил себя Даг. — Ну и братец…»

— Больно, — скулил Хог.

Никто в этом не сомневался.

— Даг… — тихо и неуверенно пробормотала Фаун. — Можешь ты… что-нибудь сделать? — Она незаметно показала на его левую руку. — Поработать Даром…

Простого подкрепления Дара тут было бы недо-

статочно, да и — отсутствующие боги! — Даг совсем не знал парнишку, чтобы суметь найти тонкие подходы к его телу и к его Дару. Он посмотрел в огромные, темные, испуганные и доверчивые глаза Фаун и сглотнул.

— Я попытаюсь, — сказал он.

Скрестив ноги, он уселся рядом с правым коленом Хога, распрямил спину, ответившую скрипом, и снова наклонился над пострадавшим. Таннер и Мейп, стоя на коленях по обе стороны страдальца, со страхом смотрели на Дага.

— Сильно ли нужно его прижать к земле? — спросил Таннер.

— Не сунуть ли ему в зубы кожаный ремень, чтобы он его грыз? — поинтересовался Мейп.

«Проклятие, я же не какой-то деревенский костоправ, собравшийся ампутировать ногу!» Даг покачал головой.

— Тут все работает не так. — То есть если вообще сработает. Даг вытянул правую руку и левую… вид его бесполезного крюка неожиданно разозлил его, и он снял и отбросил протез. Попробовать еще раз… Правая рука над левой… культей.

«Ну давай, ну давай, ты, проклятый призрак, вылезай…»

Хог скулил, глядя на Дага в безумном ужасе. Его страх накатывал на Дага горячими волнами.

«Мне придется открыть Дар перед этим несчастным бедолагой…»

Один вдох, два, три… дыхание Хога замедлилось, а Дага — участилось, пока грудь того и другого не стала подыматься и опускаться в унисон. Правая рука над левой… успокаивая, поглаживая… и вдруг невидимая призрачная рука медленно начала проникать в растерзанную плоть, нащупывая ее взбаламученный Дар.

Даг ухватил Дар разбитой кости. Его телесная рука протянулась к здоровому колену, чтобы вобрать в себя пение его целостности. Вот так. Да, вот так.

«Продолжай петь…»

Даг начал напевать, совсем не музыкально, однако это помогало… Куски кости дрогнули и стали сползаться под натянутой кожей.

Это было совсем не так просто, как соединять части чаши, однородные и сплошные; живые структуры содержали в себе другие структуры, те — еще и еще… глубже и глубже. Но этот обломок мог соединиться с тем, порванный кровеносный сосуд находил свою пару и осторожно и мягко соединялся с ней… минута за минутой, фрагмент

за фрагментом. Дар Дага полностью сосредоточился на этой мозаике; мир за пределами кожи их тел мог расколоться с тысячью громов, и Даг ничего не заметил бы. Вот этот сосудик, вот этот осколок, и еще, и еще… Вот поэтому-то целители и работали с напарниками, когда требовалась такая глубокая сосредоточенность. Кто-то, страховавший снаружи, должен был разрушить чары. Иначе можно было скользить все глубже и глубже и никогда не вернуться обратно.

«Всего сделать я не могу. Нужно остановиться, пока мой Дар не иссяк. Я починил и связал кое-что, и нужно позволить дальше всему заживать самому по себе — так делают и настоящие целители. Выбирайся, старый дозорный, пока можешь».

Даг думал, что ничего нет труднее, чем уравнять свой Дар с Даром Хога, пока не начал высвобождаться. Он почувствовал, как поднимается грудь парня, и целенаправленно разрушил одинаковый с ним ритм дыхания.

«Отпусти его, старый дозорный. Выбирайся, пока не искалечил себя, дурака. Хватит».

Открыв глаза, Даг заморгал от света фонарей и костра; да, ему повезло, и Дар его не оказался захвачен…

«Ох, перенапрягся я, наверняка перенапряг-

ся…»

Даг сделал долгий, долгий вдох и наконец почувствовал свое собственное тело.

Без особой радости.

Его бил озноб, хоть Фаун и закутала его в три одеяла; она принесла и поставила ему на колени тазик, предвидя, что желудок его взбунтуется, и поднесла к его холодным, как глина, губам кружку с горячей водой. Даг с благодарностью сделал несколько глотков, пролив совсем немного. Горячая жидкость встретилась с его двинувшимся вверх обедом и уговорила его вернуться; больше желудок Дага не бунтовал.

— Г-гах, — выдохнул Даг.

— Не пытайся говорить, — распорядилась Фаун и через плечо объяснила кому-то: — Так было и в прошлый раз: он похолодел, и его затошнило, но через некоторое время все пройдет. — Тревожный взгляд Фаун добавил: «Я надеюсь».

Голос наконец вернулся к Дагу, и он пробормотал:

— Фаун, Вит, найдите две крепкие дощечки и что-нибудь, чтобы их привязать — полоску ткани или еще что. Заключите ногу Хога в шины с двух сторон — привяжите выше и ниже колена, крепко, но не туго. Пусть не сгибает ногу и не опи-

рается на нее. Она еще долго будет распухшей, ей еще долго заживать. Одеяла… нужно держать его в тепле. Ходить он пока не сможет.

— Так он будет ходить? — спросил кто-то голосом, в котором мешались благоговение и недоверие.

— Ну, сегодня — нет. И утром его лучше отнести в фургон. Позже, наверное, он сможет пользоваться моей палкой. — Только не завтра; завтра она потребуется самому Дагу… Он наклонился ближе к мигающему оранжевому сиянию и жалобно попросил: — Нельзя ли подбросить дров?

На угли тут же легли дрова, полетели искры, взвились язычки огня… значит, какой-то бездельник-бог все же услышал его молитву. Только через десять минут Даг перестал дрожать.

— Не прилечь ли тебе? — с беспокойством спросила Фаун, опускаясь на колени с ним рядом. — Не съешь чего-нибудь?

Даг покачал головой.

— Не сейчас. Я еще не кончил. С парнем еще что-то не так. Я почувствовал, когда был внутри…

Брови Фаун поползли вверх, но она ничего не сказала. Даг наклонился вперед и стянул одеяло с живота Хога. Парень широко открыл глаза и тихо заскулил, однако руки по-прежнему прижимал к

бокам. Даг своей культей сделал круг над напряженным животом. Да, вот тут…

— Копперхед его и в живот лягнул? — спросила Фаун. — Не вижу никаких отметин…

Даг снова покачал головой.

— Нет. Тут старые неприятности. Парень таскает в себе скверную тварь — солитера.

Фаун отшатнулась, скривив губы.

— Фу!

Дагу приходилось иметь дело с москитами, блохами, вшами, но ни с чем более сходным с этим внутренним паразитом, чем клещи, которых он с легкостью уничтожал, он не сталкивался. Всех тех мучителей можно было уговорить или попросту отшвырнуть. Они не шли ни в какое сравнение с этим…

— Он крепко в него вцепился. — Даг взглянул на Хога. — Эй, парень, схватывало у тебя живот?

Хог испуганно кивнул, потом огляделся, словно боясь, что признался в чем-то, в чем признаваться не следовало. Таннер и Мейп подошли поближе и стояли, наблюдая и прислушиваясь.

— Ага! А кровь бывала? — продолжал Даг. — Ты иногда не какаешь с кровью?

Хог снова неохотно кивнул.

— Ты кому-нибудь об этом рассказывал?

Парень решительно замотал головой.

— А почему нет?

После долгой паузы Хог буркнул:

— Не знаю.

— Боялся? — более мягко поинтересовался Даг.

Молчание, потом шепот:

— Кому я рассказать-то мог?

Даг нахмурил брови.

— Все время голодный, даже когда еды полно, слабый и усталый… и еще кровь… Не нужен, знаешь ли, целитель — Страж Озера, чтобы угадать солитера. Нужно просто, чтобы кто-нибудь заметил…

— Он не вороват, — сказала Фаун. — Он голодал.

Таннер смутился, и Мейп, к удивлению Дага, смутился еще больше.

Культя Дага описала еще один круг.

— По всем признакам парень кормит эту зверюшку уже год, а то и больше. Давно ты недомогаешь, Хог?

Парень пожал плечами.

— Я всегда недомогаю, только обычно из-за носа. Живот начал временами побаливать прошлый год в это же время.

— Угу… — протянул Даг.

— Ты можешь его от этого избавить? — спросила Фаун. — Ох, пожалуйста! Такая гадость…

— Может быть. Дай-ка мне минутку подумать.

О том, чтобы вырвать у твари Дар, не могло быть и речи. Солитер был гораздо больше любого москита, да и сама мысль о поглощении Дара паразита вызывала тошноту, даже если со временем собственный Дар Дага и переварил бы чужака. Даг попробовал выгнать солитера, но безуспешно: червь от природы не был способен передвигаться. Кроме того, нужно было не просто удалить паразита; требовалось его умертвить, чтобы лишить возможности размножаться.

Так что же… если подкрепление пострадавшего Дара заставляет плоть исцеляться, то его ослабление может?.. Проклятая тварь была большой для своего ограниченного мирка, но по сравнению с человеком маленькой. Так что и нужно-то совсем немного разрушить Дар. Нажать тут, перекрутить там… вывернуть наизнанку — вот так! Даг почувствовал, как голова гадины лопнула и как потекла кровь оттуда, где она присасывалась к Хогу. Даг перекрыл мелкие сосуды в кишечнике Хога, чтобы ранка могла затянуться, потом снова ухватил тонкое тело солитера и принялся уничтожать сегмент за сегментом. У Дага возникло

странное ощущение: будто он перекручивает веревку… призрачной рукой, внутри чужого тела…

«Мне совсем не хочется думать о том, что я там делаю».

Однако паразит умирал, и Дагу удалось не позволить его извивающемуся, бьющемуся Дару прилипнуть к его собственному.

Хог подозрительно хмыкнул и зашевелился. Фаун тут же прижала одну его руку к земле и ободряюще улыбнулась. Вит закусил губу, чтобы не рассмеяться, и Хог в конце концов робко улыбнулся им в ответ. Больше он не пытался помешать Дагу.

— Готово, — наконец прошептал Даг и выпрямился, баюкая левую руку правой. Его измученный Дар поблек, и ему показалось, что призрачная рука истаивает, как туман.

«Отсутствующие боги, ну и погано же я себя чувствую…»

Дагу казалось, что теперь его Дар не распространится и на десять шагов, а то и десять дюймов. Что ж, по крайней мере ему удалось благополучно избавиться от Дара мерзкого паразита.

«Вот и пересчитай свои удачи, старый дозорный. Одна есть».

В следующий раз он отправит страдальца в лав-

ку травника за обычным снадобьем от глистов — такой курс лечения, как он подозревал, предпочел бы и опытный целитель из Стражей Озера. Даг знал, что те приберегали свои дорогостоящие услуги для серьезных случаев вроде опухолей. Еще больше, чем раньше, он пожалел о том, что отклонил предложение Хохарии о настоящем обучении: тогда бы он знал, что делать, а не блуждал в потемках. Однако Хохария не пожелала учить и его крестьянку-жену.

«Что ж, перемелется — мука будет».

Таннер и Вит устроили Хога на ночлег. Даг перетащил свою подстилку на другую сторону костра, подальше от своего неаппетитного пациента… жертвы… ну, кем бы он ни был. Он предпочел бы отодвинуться и подальше, но уж очень не хотелось лишаться тепла. Хог, измученный шоком и лишившийся сил, после того как боль отступила, заснул почти сразу. Даг, не менее измученный, уснуть не мог.

Пока Фаун, Вит и Таннер занимались лошадьми, Мейп подошел к Дагу и опустился на корточки. Помолчав, он буркнул:

— Я и не догадывался, что он болен. Просто считал его лентяем.

— Я тоже не сразу понял. — Дага сбили с толку

рассказы Таннера, да, но ведь стоило приоткрыть Дар, и он бы во всем разобрался…

— Я пару раз побил его, когда он спал, вместо того чтобы работать, — добавил Мейп. Голос его был тихим и невыразительным — как раз таким, каким делают признания в темноте, когда тебя никто не видит. — Я вот что хочу сказать… Спасибо тебе, Страж Озера.

— Колено у него заживет недели через две, если парень даст себе отдых. Что касается другого… вы начнете видеть разницу дня через два, мне кажется. — Даг мог тем и ограничиться и больше ничего не объяснять, соблазн был велик. «Ох, проклятие…» — Я исправлял собственную оплошность. Я увидел, как он подкрадывается к моим седельным сумкам, и подумал, что позволю Копперхеду преподать ему урок. Вместо этого урок получил я. Не могу сказать, чтобы испытал от этого удовольствие.

— Угу, — согласился Мейп. — Вот и я тоже… — Он кивнул и поднялся. Теперь он вел себя хоть и не по-дружески, но все же по крайней мере с признательностью. Скоро Мейп растворился в темноте.

Когда наконец Фаун улеглась с ним рядом, Даг прижал ее к себе, как иногда Фаун прижимала к

животу нагретый завернутый в тряпку кирпич, чтобы унять боль. Даг держал ее крепко. Это помогло.

* * *

Утром Хога уложили в фургон Мейпа, а Вит занял его место на облучке рядом с возницей. Рядом с Таннером теперь ехала Фаун. Даг перенес свою подстилку, седло и сумки во второй фургон и улегся там. Копперхед, необычно тихий, бежал рядом с караваном; Фаун предположила, что Даг снова держит его под загадочным контролем Дара. Даг, казалось, дремал на солнышке, но Фаун видела, что он не спит. Это ее тревожило: слишком свежи были воспоминания о той глубокой усталости, которая охватила его после Гринспринга. Возчики из Глассфорджа не обращали на это внимания, но Вит, знакомый с обычной для Дага неуемной энергией, не раз бросал через плечо обеспокоенные взгляды.

Вит, по крайней мере, взялся ухаживать за Хогом на остановках. Хог в основном помалкивал, но при любой возможности таращился на Дага со смесью тревоги и зачарованности. Таннер и Мейп обращались с парнем мягко, но это только приводило его в растерянность, словно доброта была

приманкой в ловушке, куда он боялся попасть.

Даг весь день был молчалив. На следующую ночь они остановились в амбаре, который сдавал путешественникам хозяин придорожной фермы. Это был, конечно, не постоялый двор, но все же амбар предоставлял больший комфорт, чем ночевка под открытым небом на холодной земле. На следующее утро Фаун с облегчением увидела, что пришедший в себя Даг оседлал Копперхеда для последней части маршрута.

К полудню упряжки достигли пологого склона, поднимавшегося к поросшим лесом холмам. Даг, ехавший рядом с фургоном, предложил Фаун: «Залезай на коня». Фаун заметила на его лице ту полуулыбку, которая обычно говорила о его желании чем-нибудь ее удивить, так что встала на облучке, взмахнула руками, восстанавливая равновесие, и перекинула ногу через конскую спину, очутившись позади Дага. Как только она надежно уселась, Даг пустил Копперхеда той рысью, которой обычно ездили дозорные в походе, и они обогнали фургоны с такой легкостью, словно те стояли на месте. На вершине холма Даг велел Фаун спешиться и спешился сам. Взяв жену за руку, он вывел ее на обочину дороги.

Перед ними в голубом и золотистом осеннем

свете раскинулась долина реки Грейс. Река, казалось, надела свое праздничное платье: ее берега и сбегающие к ней холмы были расцвечены самыми яркими красками — пурпурной и ржаво-красной, сияющей желтой и буро-коричневой. Вода отражала голубизну неба, а в тех местах, где были перекаты, блестела серебром — это было ожерелье, надетое рекой к нарядному платью. Имелись на нем и брошки — по воде скользили суда: быстрые парусные, неторопливый широкий паром, целая череда барж у дальнего берега. Фаун еле заметила, как до них с пыхтением добрался Вит, покинувший фургон, чтобы полюбоваться видом. Она смотрела на Дага. Фаун не была уверена, что он видит перед собой только речную долину; возможно, его глазам предстало и что-то еще… Так или иначе, выражение его лица отражало ее радость, разделенная радость возвращалась к ней и от нее снова к нему…

— Ох… — сказал Вит голосом, какого Фаун от него никогда не слышала. Удивленно оглянувшись на него, Фаун увидела, что рот брата раскрылся. «Это от изумления», — подумала она, хотя Вита вполне можно было принять за человека, получившего удар в солнечное сплетение. — Посмотри только на те лодки…

Посмотри! — хотя было ясно, что Вит забыл, что у него есть слушатели. — Ну и большая река! Даже наполовину пересохшая, она все равно больше любой реки, какую я видел. Она как дорога… Огромная-преогромная дорога из одной тайны в другую… — Вит повернулся к излучине реки, словно танцор, вращающий свою даму. — Она похожа… похожа… похожа на самую лучшую дорогу в мире! — Вит быстро заморгал; его глаза блестели.

Нет, не блестели. Были мокрыми.

5

Сидя на Копперхеде, Даг старался держаться как можно ближе ко второму фургону, когда караван повернул на вершине холма и начал спускаться в долину. Сидевшая рядом с Таннером Фаун напряженно смотрела вперед, готовая в любой момент по команде возницы навалиться на тормоз. В переднем фургоне выполнявший те же обязанности Вит то и дело высовывался, чтобы посмотреть на реку. Даг проследил за его взглядом.

В полумиле вверх по течению сквозь полуоблетевшие листья на лесистом склоне холма виднелись крыши шатров — Фаун назвала бы их хижинами — лагеря Жемчужная Стремнина. На другом берегу напротив лагеря рядом с устьем ручья располагалась Опоссумья Пристань — ровный участок берега, куда причаливал паром и где традиционно товары перегружались с повозок, прибывших по большаку, на речные суда, и наоборот. По склону холма от берега поднималось больше крестьянских домов, чем Даг видел в последний раз, когда бывал здесь, и больше складских помещений для хранения товаров.

Восемь барж и плоскодонка были привязаны к деревьям у топкого противоположного берега в ожидании подъема воды, который позволил бы преодолеть перекаты. Дагу предоставлялся хороший выбор, однако в случае неожиданного сильного ливня в верховьях все эти суда могли отчалить в течение часа. Впрочем, пока еще уровень реки понижался, судя и по широким полосам грязи вдоль берегов, и по тому, что две баржи, непредусмотрительно привязанные слишком близко к берегу, застряли носами в высыхающей глине. Даже паром оказался сидящим на мели.

Даг повернулся в седле и оглянулся через плечо. На их берегу в полумиле ниже сверкающих на солнце перекатов, там, где река делала еще один поворот, находился крестьянский хутор Жемчужная Излучина, где тоже имелась пристань с паромом. Торговцы предпочитали оставлять там тяжелые грузы до отправки к Жемчужной Стремнине, а баржи загружать, когда они уже преодолеют опасный участок реки. Именно туда и должны были доставить большую часть товара возчики из Глассфорджа. Жемчужная Излучина тоже могла похвастаться большим числом домов, чем помнил Даг; она теперь стала практически деревней.

Предусмотрительные возчики, заботясь о своем хрупком грузе, остановили фургоны на широкой площадке, где можно было разъехаться со встречными. Вверх по холму по двое в ряд поднимались всадники — по-видимому, отряд дозорных из лагеря Жемчужная Стремнина. Дюжина мужчин, вдвое меньше женщин — обычное подразделение. Даг поставил Копперхеда позади фургона Таннера и, прищурившись, глянул на дорогу. Вместо того чтобы, поддавшись первому импульсу, широко распахнуть свой Дар, он его закрыл. Видеть можно и глазами.

Еще только отправляются в поход, решил Даг, когда всадники стали цепочкой объезжать фургоны — у них был слишком опрятный и отдохнувший вид, чтобы было иначе. Даг подавил обычный для командира порыв проверить состояние оружия, а также каждого коня и каждого всадника. Это больше не его дело…

Командир отряда, едва удостоивший взглядом фургоны, оживился, увидев Дага, и направил к нему своего коня. Даг слегка приоткрыл Дар, только чтобы не позволить Копперхеду лягнуть незнакомого коня.

— Гонец? — спросил командир отряда, подтянутый пожилой дозорный с проницательным

взглядом.

Понятно: почему бы иначе Страж Озера ехал один, а если новости, которые мог нести Даг, оказались бы плохими, отряду, возможно, следовало бы заняться более срочным делом, чем обычный дозор. Командир явно не связывал Дага, одетого, как Страж Озера, на боевом коне, с теми крестьянскими фургонами, с которыми пришлось разминуться его отряду.

Даг поднес руку к виску в вежливом приветствии, но ответил:

— Нет, сэр. Просто еду мимо.

Дозорный вздохнул с облегчением.

— Есть какие-нибудь новости с севера?

Он имел в виду новости, имеющие значение для его отряда, новости дозорных.

— Все было спокойно, когда я проезжал Глассфордж три дня назад.

Командир кивнул. Ему явно хотелось задержаться и более подробно обменяться новостями, но последний всадник его отряда миновал фургоны и послал коня в галоп, чтобы занять свое место в строю; поэтому командир только вернул приветствие и сказал:

— Ну, тогда безопасного путешествия тебе.

— Вам тоже. Удачной охоты.

Дозорный подмигнул и поскакал догонять отряд.

Даг занял прежнее место рядом с облучком, на котором сидела Фаун. Она повернулась на сиденье, глядя вслед удаляющемуся отряду, потом посмотрела на Дага. В ее больших темных глазах он прочел беспокойство, хотя и не был уверен в его причине.

Таннер тоже с любопытством глянул через плечо.

— Так значит, все эти дозорные отправились выслеживать зловредных привидений, верно? С этим их… как его… Даром?

— Да, — ответил Даг. — Дозорные из лагеря Жемчужная Стремнина ответственны не за такую большую территорию, как из Хикори — моего… бывшего моего лагеря. Там живет восемь или девять тысяч человек — Хикори самый большой лагерь в Олеане. Сомневаюсь, чтобы в Жемчужной Стремнине набралось восемь или девять сотен. Они могут отправить два или три отряда, едва ли более крупные силы. Однако их самая важная задача в другом: обеспечивать работу переправы на случай, если в ней возникнет необходимость. Если бы Злой из окрестностей Глассфорджа стал представлять опасность… то

есть большую опасность… может быть, пришлось бы посылать за подмогой в лагеря к югу от реки Грейс. Или наоборот — если бы неприятности случились здесь.

— Так же как лагерь Хикори послал Дага с большим отрядом на запад, чтобы расправиться со Злым, который появился в Рейнтри пару месяцев назад, — пояснила Таннеру Фаун и в ответ на его вопросительный взгляд принялась описывать летнюю кампанию, пусть и без подробностей и в выражениях, понятных крестьянину, — в конце концов она и сама была крестьянкой. Это вызвало новые вопросы; Даг в благодарном молчании слушал ответы Фаун, изредка подтверждая ее слова кивком. Такая плодотворная беседа продолжалась, пока фургоны не достигли конца длинного откоса и не выехали на узкую речную пойму.

Доехав до перекрестка, Даг сказал:

— Фаун, ничего, если ты на какое-то время останешься с Витом? Я хотел бы нанести визит. — Он кивком показал на дорогу, уходящую вверх по течению.

— Конечно. Это тот самый лагерь, где были Саун и Рила?

Сауном и Рилой звали двоих дозорных, пострадавших в схватке у Глассфорджа: сюда их

отправили на поправку, как в ближайший лагерь. Саун был собственным напарником Дага, а с Рилой Фаун более или менее подружилась, пока та лежала на постоялом дворе со сломанной ногой.

— Да, — ответил Даг.

— У тебя там друзья? Или ро… — Последнее слово — «родичи» — Фаун не договорила.

— Сам не знаю, — сказал, не обращая внимания на ее запинку, Даг. — Я давно здесь не бывал. Вот я и подумал — стоит узнать. — На самом деле его желание было вызвано не этим, но обсуждать истинную причину при Таннере Дагу не хотелось… особенно учитывая, что в успехе своей затеи он сомневался. — Я потом разыщу вас. Поездка может занять какое-то время. Держись рядом с Витом, хорошо?

— Даг, мне вовсе не нужна постоянная охрана братца.

— Кто сказал, будто я считаю, что это за тобой нужно присматривать?

На щеке улыбнувшейся Фаун появилась ямочка; Даг подмигнул ей с более веселым видом, чем то соответствовало бы его чувствам. Фургоны свернули на дорогу, идущую вниз по течению к Жемчужной Излучине; Даг направил Копперхеда

в противоположном направлении.

Миновав отмели и поднявшись на холм, Даг оказался на краю лагеря; он слегка приоткрыл Дар, только чтобы его смогла узнать охрана, если таковая имелась. Он ощутил безмолвный вопрос и, подняв глаза, увидел двоих Стражей Озера, сидящих на пнях у обочины дороги. Старик вытесывал колышки, и у его ног громоздилась кучка вытесанных за утро; до Дага донесся приятный запах свежих стружек. Молодая женщина плела корзину из ивовых прутьев, однако лук и колчан были у нее под рукой. Оба дозорные — выполняют легкие дела по лагерю…

Даг натянул поводья и кивнул.

— Привет.

Старик поднялся на ноги.

— Добрый тебе день. — Даг заметил в его взгляде легкое сомнение, пока Страж Озера оглядывал его с ног до головы. Потом на его лице появилась тревога. — Ты что, гонец?

— Нет, сэр, просто оказался поблизости. Не скажете ли вы мне, где найти командира лагеря и кто сейчас занимает этот пост?

Молодая женщина, хмурясь, взглянула на крюк, вокруг которого были обмотаны поводья, и Даг поспешил опустить левую руку, чтобы

протез не бросался в глаза. Старик посоветовал Дагу поискать Амму Оспри в третьем шатре слева от расколотого молнией дуба, и Даг, не желая оказаться втянутым в разговор, подхлестнул Копперхеда. Его Дара коснулось легкое «Проезжай, друг».

При виде знакомого домашнего окружения Даг испытал смесь облегчения и тревоги. Между деревьями виднелись шатры — обычные бревенчатые строения с поднятыми с одной стороны — обычно выходящей к реке — тентами. Кое-где группами росли фруктовые деревья, под ними стояли ульи, на веревках сушилось белье. Пахло дымом, готовящейся на очагах едой, коптящимся мясом. Издалека долетел менее приятный запах — где-то дубили кожи. С десяток черно-белых кур с квохтаньем что-то клевали на дороге, и Копперхед вскинул голову и фыркнул.

На берегу у самой воды двое мужчин сооружали лодку, заколачивая соединяющие доски колышки. Двадцати пяти футов в длину, широкое в середине суденышко явно предназначалось для перевозки товаров по реке; доски корпуса выглядели явно изготовленными не вручную. Из таких же материалов были построены и некоторые более новые шатры; должно быть, фермеры из

Опоссумьей Пристани или Жемчужной Излучины построили лесопилку на одном из притоков реки.

Даг узнал штабной шатер по коновязи перед ним и отсутствию очага для готовки и веревок с выстиранным бельем. Строение могло похвастаться окнами из привезенного из Глассфорджа стекла; в этот последний теплый день осени окна были распахнуты. Даг спешился, привязал коня и снова слегка приоткрыл Дар. В шатре находились двое, и у обоих Дар был закрыт. До Дага долетел резкий женский голос:

— Если мы снимемся с места и перенесем лагерь и переправу на милю, а лучше на пять миль выше по течению, мы избавимся от этих проклятых стычек.

— И лишимся остатков возможности торговать: все торговцы поедут по большаку к Излучине и ее парому. Мы и так уже несем убытки, — ответила другая собеседница. У нее был более низкий и теплый голос — голос немолодой женщины.

— Ну и пусть. Торная дорога для наших дозорных и вьючных животных не нужна.

— Амма, три четверти доходов лагеря дают фермеры, пользующиеся нашей переправой. И именно этими деньгами мы расплачиваемся:

ведь все — от муки до подков — мы теперь получаем со складов Жемчужной Излучины.

— Так не должно быть. Твои слова только подтверждают мою точку зрения.

Повисло мрачное молчание. Когда ни одна из женщин его не нарушила, Даг поднялся на деревянное крыльцо и постучал, еще плотнее закрыв свой Дар.

— Это ты, Верел? — откликнулся первый голос. — Входи. Когда ты собираешься отпустить тех двоих?.. — Высокая широкоплечая женщина, опиравшаяся бедром о дощатый стол, обернулась к вошедшему. Даг поднес руку к виску в вежливом приветствии. Ему было нетрудно определить, что это и есть командир дозорных, — женщина была в штанах для верховой езды, потертом кожаном жилете и с длинным ножом за поясом. Вид у нее был встревоженный. Шатер, как и полагается штабу, был полон снаряжения и раскиданных по столу карт; полки вдоль стен ломились от свитков с отчетами. Другая женщина в помещении была примерно того же возраста; она была более дородной и носила юбку. Судя по тому, что держала она себя не менее властно, чем командир, она, должно быть, была кем-то из глав кланов.

— Что еще? — рявкнула командир, в голосе

которой прозвучало давно накопившееся раздражение. Губы ее сложились для следующего вопроса.

— Я не гонец, мэм, — поспешил заверить ее Даг, и женщина с облегчением кивнула. — Я просто ехал мимо. Меня зовут Даг Блуфилд. — Обе женщины недоуменно посмотрели на него. Блуфилд не было именем Стража Озера, да и своего лагеря Даг не назвал. Прежде чем они успели начать выяснять эту странность, Даг торопливо продолжал: — Я хотел поговорить насчет разделяющего ножа, но могу заглянуть и позднее.

На лице командира отразилось непонятное Дагу прозрение.

— Нет, нет, если ты что-то видел, я определенно хочу услышать обо всем сейчас. Садись, мы скоро начнем. — Она показала на скамью у задней стены. — Прошу прощения. Я думала, что пришел целитель, за которым мы послали.

Похоже, возникла путаница, однако прежде чем Даг успел открыть рот, чтобы объясниться, другая женщина выглянула в окно и сказала:

— Ах, вон они идут. Отсутствующие боги, какой же потрепанной и несчастной выглядит эта парочка!

— Они станут еще потрепаннее и несчастнее,

когда я с ними разделаюсь. — Амма Оспри заправила за ухо прядь седых волос, выбившуюся из косы, скрестила руки на груди и сжала губы.

В дверь, хромая, вошли двое молодых людей. Один был рыжий коротышка крепкого телосложения; правая кисть его была забинтована, а рука покоилась на перевязи; светлую кожу лица сплошь покрывали синяки. Чистая рубашка парня не сходилась на груди — должно быть, была позаимствована у кого-то из друзей, а штаны, не отличавшиеся чистотой, украшали пятна засохшей крови. Шел парень, сгибаясь на один бок.

Вошедший следом его товарищ был темноволос и высок; он казался постарше, но все равно, на взгляд Дага, выглядел совсем юнцом. На его лице синяков оказалось еще больше, один глаз заплыл, нижняя губа распухла. Под порванной рубашкой виднелась повязка, стягивавшая, должно быть, сломанные ребра. Два длинных пореза на левой руке были зашиты черными нитками. Правой рукой парень тяжело опирался на палку; кулаки его носили следы изрядной потасовки.

Все ясно: дозорные, которые накануне проиграли схватку. Подрались друг с другом? Обе женщины, находившиеся в шатре, наградили попытавшихся встать по стойке смирно парней

одинаково ледяными взглядами. Рыжий коротышка попытался улыбнуться, но его улыбка быстро увяла при виде нахмуренных бровей командира. Даг устыдился своего любопытства. Ему следовало бы извиниться и уйти… Вместо этого он отодвинулся в тень, как охотник, притаившийся в высокой траве, тихий и незаметный.

— Не самая мелкая ваша провинность, — резко сказала Амма Оспри, — в том, что сегодня утром пришлось отозвать двоих ваших товарищей из отпуска, чтобы они заняли ваши места в отряде. Не забудьте попросить у них прощения, когда они вернутся.

Дагу в свое время приходилось такое переживать — сокращать и без того короткий отпуск, чтобы заменить заболевшего, раненого или находящегося в трауре.

Темноволосый парень приуныл еще больше, но рыжий вызывающе поднял голову и попытался оправдаться:

— Но начали ведь не мы! Мы просто…

Амма Оспри подняла руку, заставив его умолкнуть:

— Ты еще сможешь высказать свою точку зрения, Барр, обещаю. — Это прозвучало скорее как угроза, чем как обещание; так или иначе рыжий

коротышка сник.

По деревянному крыльцу протопали чьи-то ноги, и дверь снова распахнулась. Вошла широкоплечая женщина, кивнула двум другим и кинула на парней хмурый взгляд. Судя по желтым кожаным перчаткам, засунутым за пояс, и сапогам на толстой подошве, это была паромщица; по тому, как держалась эта пожилая женщина, Даг счел ее и хозяйкой парома. Из-за пояса она вытащила какой-то сверток и сказала:

— Это я нашла в лесу около Опоссумьей Пристани.

— Ох, замечательно! — воскликнула Амма. — Ремо, остальное у тебя?

Темноволосый парень прохромал к столу, вытащил из-за пазухи что-то, завернутое в ткань, и неохотно передал командиру. Амма развернула оба свертка. Даг встревожился, разглядев обломки разделяющего ножа из белой кости. Предполагалось, что такой нож ломается, когда отдает свою ношу смертности Дару Злого, однако у Дага возникло нехорошее подозрение: тут дело было не в Злом, потому что тогда оба дозорных были бы гораздо жизнерадостнее. Амма Оспри быстро сложила вместе обломки.

— Теперь на месте все, Исси, — сообщила она.

Хозяйка парома с удовлетворением кивнула; даже темноволосый Ремо с облегчением перевел дух.

— У нас есть кворум, — сказала женщина в юбке, и трое членов совета расселись — двое на стульях, Амма снова на кромке стола. Молодым дозорным сесть не было предложено.

— Хорошо, — мрачно сказала им командир, — давайте объясняйте. Как все это началось?

Дозорные обменялись унылыми взглядами. Ремо с распухшей губой ткнул покрытой синяками рукой в сторону своего сотоварища и выдавил:

— 'Овори 'ы, 'Арр.

Барр сглотнул и начал:

— Началось-то все хорошо, будь оно проклято! Когда последняя баржа с углем пыталась пройти мимо Стремнины по низкой воде десять дней назад, дно ее оказалось пробито, и уголь на полмили рассеялся по перекатам. Мы с Ремо взяли лодку, чтобы подобрать тех из команды, кто застрял на камнях. Троих спасли, наверное, — по крайней мере так они, похоже, считали. Отвели их в таверну в Жемчужной Излучине, жалких, как мокрые крысы, высушили… хотя бы снаружи. Так или иначе, угостили они нас выпивкой. Раз уж все спаслись, они надумали это отпраздно-

вать и повеселиться… ну, кроме хозяина баржи, который лишился всего груза… так что кое-кто из матросов с парусных лодок и с барж затеял игру.

— Вы же *знаете*, что не должны играть в азартные игры с фермерами. — В голосе Аммы Оспри прозвучала угроза. Стражей Озера всегда винили в том, что они выигрывают с помощью колдовства, — правда, только в тех случаях, когда из-за невезения или неумения им случалось выиграть.

— Я и не и'рал, — запротестовал Ремо.

— Это была борьба! — воскликнул Барр. — С парой матросов… И что бы они ни говорили, мы не жульничали — хотя я вполне мог, чтоб им провалиться! — Возмущение невинно обвиненного заставило его голос зазвенеть, и Даг, все еще тихо сидевший на скамье, с трудом сдержал улыбку. — Они так меня разозлили, — продолжал Барр, — что я сказал им: мы и вправду колдуем, но они могут защититься от зловредных происков Стражей Озера металлическими шлемами — вроде тех, что бывают видны на разбитых статуях древних воинов: для того они тогда и были нужны. И дураки-фермеры купились! На следующий день половина матросов из Опоссумьей Пристани щеголяла, напялив на головы кухон-

ные горшки и тазы. Это было… это было… — Барр задохнулся от мстительной радости при воспоминании. — Это было великолепно! — Парень попытался выпятить подбородок, но тут же поморщился и стал тереть свои синяки.

— Так вот откуда пошла вся эта чушь! — воскликнула паромщица Исси. Голос ее дрожал от смеха, хотя она изо всех сил пыталась изобразить гнев. Она отвернулась от провинившихся и стала тереть лицо, пока с него не исчезли все следы ухмылки. Даг, который хорошо мог представить себе толпу наивных, устрашенных Стражами Озера матросов, разгуливающих по Пристани в звякающих доморощенных шлемах, прижал ладонь к губам.

«Ах, оказаться бы здесь на прошлой неделе!»

— Я просто слегка уравновесил весы, — продолжал Барр. — Вы же знаете, как много мы делаем для этих тупых фермеров и как мало мы видим от них благодарности. Да это никому и не вредило, пока твои девицы не рассказали им, что это все розыгрыш.

Паромщица вздохнула.

— Моим девочкам потребовалось почти три дня, чтобы уговорить матросов бросить их глупости, да и то некоторые так и не пожелали

расстаться со своими шлемами. Ну а остальные, — задумчиво добавила она, — изрядно взбеленились. Жители Пристани, да и старые речники вдоволь над ними посмеялись.

Амма Оспри потерла переносицу.

— Несмотря ни на что, думаю, вода все унесла бы вниз по течению при следующем паводке, если бы вы, безответственные дураки, не отправились туда прошлым вечером и снова их не раздразнили. Почему?..

— Я попался на крючок, — уныло признался Барр.

— 'Оворил ведь тебе, — буркнул его напарник, вытаращив здоровый глаз.

— Так в чем было дело? — потребовала ответа Амма.

Барр молчал еще более уныло.

— Я слышала одну версию происшествия сегодня утром на пристани, — вмешалась паромщица. — Лучше, если ты сам все расскажешь.

Барр совсем съежился.

— Расскажи правду, чего уж, — пробубнил Ремо. — Хуже, чем мне, тебе не будет.

Барр совсем сник. Голосом, который, казалось, исходил откуда-то из его колен, он сказал:

— Девчонка с баржи назначила мне свидание…

В лесу за Пристанью.

Ледяное молчание, последовавшее за этим признанием, нарушила Амма Оспри.

— Где и когда она тебя пригласила?

— У переправы в Опоссумьей Пристани… вчера днем. — Барр вызывающе обвел взглядом осуждающие лица. — Она прямо горела. Я не думал, что она врет. Ну вы же знаете, как эти крестьянские девчонки иногда вешаются на шею дозорным.

— Предполагается, что вы должны их отваживать, — суровым голосом сказала женщина в юбке.

— 'Оворил же я, что это запа'ня, — мрачно глядя на напарника, заявил Ремо. — А он — «Нет, 'акое 'ыло 'ы 'слишком очевидно!»

Лицо Барра там, где его не покрывали синяки, покраснело.

— Я не просил тебя ходить со мной.

— Ты мой на'арпик. Я 'олжен 'рикрывать 'вою спину.

Барр глубоко вздохнул, потом выдохнул воздух, ничего Ремо не возразив.

— На меня в темноте накинулись шестеро матросов с баржи. У меня никакого оружия не было, у Ремо тоже. Сначала матросы работали кулаками и палками. Потом, когда мне на помощь

пришел Ремо и дело повернулось в нашу пользу, один из матросов вытащил нож. Ремо *должен был* воспользоваться своим ножом, чтобы защититься, — больше у нас ничего не было, кроме голых рук!

— Ты обнажил заряженный разделяющий нож в обычной потасовке. — Голос Аммы Оспри был холоднее и тяжелее зимнего льда.

— Лучше бы я 'рался голыми 'уками, — пробормотал Ремо и добавил совсем тихо; — Или 'одставил шею…

Дагу все было ясно, и он почти жалел об этом. Он смотрел на обломки светлой кости, разложенные на дощатом столе. Сердце у него болело за этих двух молодых глупцов. Обхватив себя правой рукой, он стал ждать, что будет дальше.

— Ну вот мы и добрались до главного, — сказала Амма Оспри. — Почему вообще ты взял с собой прошлой ночью разделяющий нож, хотя знал, что в дозор отправишься только сегодня?

На лице Ремо было написано страдание, не имевшее никакого отношения к синякам.

— Он… он 'ыл новый. Мне его 'олько что 'али. Я хотел 'ривыкнуть к нему…

Картина была ясна. Даг хорошо знал, какое возбуждение и гордость испытывает молодой

дозорный, которому в первый раз доверили разделяющий нож. Обычно такая гордость отрезвляла и вместе с личным горем порождала всепоглощающую решимость быть достойным подобного посмертного доверия.

«Ох…»

Даг подумал, что суровая внешность женщин скрывает такие же переживания.

— И тут эти проклятые матросы, эти проклятые фермеры разломали его на куски, — продолжал Барр, и в его голосе зазвенело воспоминание о тогдашней ярости. — Ну и мы оба накинулись на них. Я даже не помню, как это случилось. — Парень коснулся руки на перевязи. — Они струсили и разбежались. Некоторые до сих пор бегут, насколько мне известно.

Это Даг тоже мог себе представить: ярость, ужас, чувство страшной вины привели к такой потере власти над собой, что она ужаснула, должно быть, самих страдальцев не меньше, чем их жертв.

«Дозорный никогда не должен терять власти над собой. Особенно, когда рядом фермеры».

Это вдалбливалось дозорным, но иногда недостаточно глубоко. Ведь когда подобное случалось, плохо приходилось всем: испуганные фермеры платили сторицей.

— Твоя прапрабабка Грейджой не ради такой судьбы поторопилась умереть, — сказала женщина в юбке. — Она могла бы прожить еще несколько месяцев, если бы не боялась умереть во сне.

Лицо Ремо сделалось из красного белым.

— Знаю… — Парень изо всех сил закрывал свой Дар, но тело выдавало его: он дрожал, как при невыносимой физической нагрузке.

— Я собиралась сама отнести обломки твоим родителям, но, пожалуй, это следует сделать тебе.

Ремо закрыл глаза.

— Да, мэм, — прошептал он мертвым голосом. Барр не произнес ни звука.

Амма Оспри показала на Дага.

— Теперь ты, сэр. Как я понимаю, ты вчера был в Опоссумьей Пристани. У тебя есть какая-то информация по этому делу?

Исси уставилась на незнакомца; она должна была знать, что он не переправлялся через реку с прошлого вечера. Бросив взгляд на его протез, она спросила:

— Я тебя знаю, дозорный?

Даг смущенно откашлялся и поднялся.

— Прошу прощения, командир. На самом деле я только что приехал из Глассфорджа и пришел к

тебе совсем по другому делу. Впрочем, не думаю, что сейчас для него подходящий момент.

Недовольный взгляд Аммы подтвердил его мнение, но в этот момент Исси щелкнула пальцами.

— Я тебя видела! Ты обычно ездил с Мари Редвинг из лагеря Хикори. Ты ведь ее племянник, верно?

Да, Исси и Мари вполне могли быть ровесницами, знакомыми, даже подругами, кто знает?

— Да, мэм.

Женщина в юбке сказала:

— Но он сказал, что его зовут Даг Блуфилд.

— Я недавно женился, мэм.

— Что это за имя?.. — начала женщина в юбке.

Двое молодых дозорных озадаченно посмотрели друг на друга. Барр выпалил:

— Сэр! Ты не Даг ли Редвинг Хикори, напарник Сауна? Который убил Злого у Глассфорджа — в одиночку?

Даг вздохнул.

— Нет, не в одиночку. — Ну да, эти двое как раз такого возраста и наклонностей, чтобы стать приятелями Сауна, пока тот поправлялся здесь прошлой весной. Даг поморщился при мысли о том, какого рода истории о нем Саун мог рассказывать, чтобы развеять скуку и развлечь новых

друзей. Даг видел, как его надежда на анонимность испаряется, словно утренняя роса, под взглядами этих двух пар заинтересованных глаз.

Командир Оспри заморгала.

— Тогда ты также тот Даг Редвинг, который возглавил силы лагеря Хикори в Рейнтри пару месяцев назад и уничтожил ужасного Злого, с которым там никак не могли справиться?

Даг стиснул зубы.

— К тому времени я был уже Дагом Блуфилдом, мэм.

— В последнем отчете Громовержца для дозорных назван командир Даг Редвинг.

Ах вот как распространяются новости… Да, из-за того, что они задержались в Вест-Блю, официальный отчет успел опередить Дага. Громовержец времени не терял.

— Тогда Громовержец назвал меня неправильно, — предположил Даг, — возможно, по привычке. Я восемнадцать лет был под его командой как Даг Редвинг. Я входил в его отряд еще до того как он возглавил всех дозорных лагеря Хикори.

— Э-э… так что же у тебя за дело?

Даг заколебался.

Амма нетерпеливо взмахнула рукой.

— Выкладывай, и давай закончим. Что бы это ни было, хуже того, что я услышала сегодня утром, уже не будет.

Даг кивнул, стараясь справиться с неожиданным поворотом событий: его репутация опередила его, пусть отчасти это и было следствием преувеличенных рассказов Сауна. Впрочем, может быть, это и сослужит ему службу…

— Я покинул лагерь Хикори по собственным делам после… и из-за кампании в Рейнтри. За несколько следующих месяцев я намерен посетить многие места. Свой последний заряженный нож я израсходовал на Злого из Глассфорджа, а другого еще не приобрел. Не требуется участвовать в дозоре, чтобы столкнуться со Злым, — когда я в одиночку ездил гонцом в Сигейт, я однажды обнаружил еще сидячего Злого, который мог вырасти в очень опасную тварь, прежде чем его обнаружил бы какой-нибудь отряд. С тех пор я взял за правило никогда не путешествовать безоружным. Я знаю, что иногда люди завещают заряженные ножи дозорным вообще, чтобы вооружить тех, кто их не имеет. Вот я и хотел бы узнать, нет ли у вас такого ножа. — Взгляд Дага смущенно остановился на обломках ножа на столе; на Ремо он старался не смотреть. — За-

пасного.

Амма Оспри скрестила руки на груди.

— А почему ты не обзавелся ножом прежде, чем покинуть лагерь Хикори? — На лице женщины в юбке тоже появилось вопросительное выражение.

Потому что он все еще был болен и расстроен, да и без сил… и многого не предвидел.

— Тогда еще мои планы не определились.

— Какие планы? — спросила Амма.

— Я собираюсь спуститься по реке до Греймаута, а весной вернуться. Что я буду делать после этого… не уверен. Может быть, тогда я смогу вернуть одолженный нож, если не повстречаюсь со Злым. — А если повстречается и использует нож, никому и в голову не придет желать для ножа лучшей судьбы. — Я обещал своей жене показать ей море, — тихо закончил Даг.

Женщина в юбке потерла губы.

— Погоди-ка. Так ты тот самый Даг Редвинг, которого только что изгнали из лагеря Хикори за связь с какой-то крестьянской девчонкой?

Даг резко вскинул голову.

— Я не был изгнан! Откуда ты услышала такую ложь?

— Ну… — женщина помахала рукой, — не то

чтобы изгнан… Однако в решении совета лагеря о счастливом расставании не говорилось.

Чтобы получить время собраться с мыслями и взять себя в руки, Даг коснулся виска и сухо произнес:

— У тебя преимущество надо мной.

Женщина в юбке показала на себя.

— Ниси Сэндвиллоу. Председатель совета лагеря в этом сезоне.

Значит, она старшая из глав шатров — именно из них с помощью ротации избираются члены совета лагеря. Командир дозора — постоянный член совета, да и хозяйка парома, наверное, тоже. Таким образом, сегодняшнее расследование вдвойне важно — и для дозора, и для совета разом.

Однако это означает, что одной из обязанностей Ниси Сэндвиллоу является получение и передача новостей от других советов по всей Олеане, так же как обязанностью Аммы Оспри — следить за событиями в дозоре.

— Мнение совета лагеря Хикори в моем случае разделились, — осторожно сказал Даг.

— Но обвинение все-таки было.

Даг не обратил на эти слова внимания.

— Пакона Пайк — руководительница совета

Хикори этим летом — была не на моей стороне. Однако я не могу поверить, чтобы она настолько исказила факты.

— Факты, которые она сообщила, заключаются в том, что ты явился в лагерь, опоздав с возвращением из отпуска, в сопровождении какой-то крестьянской девчонки и со свадебной тесьмой на руке, которую вы с ней каким-то образом соорудили, и стал утверждать, что это твоя жена, а не просто шлюха. В письме содержится предупреждение всем советам лагерей остерегаться подобного жульничества.

Даг мрачно закатал левый рукав.

— Я утверждаю, что это настоящая тесьма, и так же думают многие, включая Громовержца. Смотрите сами. Эту тесьму изготовила Фаун.

Он ощутил, как Дар собравшихся коснулся тесьмы и живого Дара Фаун в ней и тут же отпрянул. Женщины выглядели растерянными, молодые дозорные — смущенными. Все это очень напоминало разбирательство в лагере Хикори, и Даг с горечью вспомнил о том, почему покинул родной лагерь.

— И Фаун — не *какая-то крестьянская девчонка*, — с жаром продолжал Даг. — Именно ее рука нанесла удар Злому около Глассфорджа, хоть и

моим ножом. Там была свалка, признаю, но не могу поверить, чтобы история дошла до вас такой искаженной, потому что и Саун знал правду, и Рила тоже.

— Хм-м… — Амма Оспри потерла подбородок. — Насчет свалки я верю.

— Это к делу не относится, — бросил Даг. — Есть у вас разделяющий нож, который вы могли бы одолжить?

— Хороший вопрос, Даг Редвинг Блуфилд-кто-то-там, — сказала Амма. — Ты все еще остаешься дозорным или нет?

Даг заколебался. Он мог сказать, что еще не поправился после ранения или находится в длительном отпуску… или в отпуску на время разбора его дела — уж этому-то они поверили бы! Однако, чтобы не запутаться в полуправдах, лгать ему не хотелось.

— Нет. Я подал в отставку. Правда, Громовержец дал мне понять, что если я захочу вернуться, место для меня он найдет.

— А как насчет твоей… крестьянки? — спросила Ниси Сэндвилоу.

— Это и был камень преткновения. Один из них.

Амма оглянулась на слушавших разинув рты

молодых дозорных; теперь они уже опирались друг на друга, еле держась на ногах. Даг снова пожалел о присутствии этих свидетелей, потому что Амма, принимая решение, конечно, учтет, какое оно произведет впечатление на парней. По крайней мере сам Даг, пока оставался командиром, никогда не упустил бы такой возможности.

— Такие ножи завещаются дозорным, и именно дозорным Жемчужной Стремнины. Спросить мертвых, пожелают ли они сделать исключение, я не могу. Как хранительница я вижу свой долг в том, чтобы сберечь их для своего отряда — особенно потому, что может случиться нехватка.

Ремо поморщился.

«Их…» Значит, не то чтобы у нее оставался последний… Она могла бы одолжить нож и все же не лишить оружия собственных дозорных.

«Но не мне. И не сегодня».

Даг с огорчением подумал, глядя в решительное лицо Аммы, что, если бы он с той же просьбой обратился накануне, до того как начались все неприятности с матросами, весы могли бы качнуться в другую сторону. Он с новой неприязнью глянул на двоих жалких нарушителей.

Были, конечно, другие источники, другие лагеря Стражей Озера вниз по реке. Ему просто

придется попытать счастья где-то еще.

— Понятно. Не буду больше отнимать у тебя время, командир. — Даг коснулся рукой виска и вышел.

6

В пятидесяти шагах вверх по склону от пристани Жемчужной Излучины фургоны остановились перед дощатым сараем, и Фаун вытянула шею, разглядывая строение. Оно, по-видимому, пыталось дорасти до склада, давая отростки: пристройки расползались во все стороны. Вит спрыгнул с облучка переднего фургона, чтобы помочь Хогу дохромать до скамьи, с которой были согнаны двое бездельников; впрочем, Мейп, удостоверившись в их трезвости, тут же нанял их для разгрузки своего хрупкого товара. К удивлению Фаун, из ее фургона был выгружен только верхний ряд ящиков; после этого Вит залез внутрь, Таннер взял вожжи и направил лошадей к реке.

— Куда мы едем? — спросила Фаун.

Таннер кивнул на привязанный к пристани паром, похожий на дверь амбара, уложенную на баржу; только с одной стороны торчало, как короткая толстая мачта, бревно.

— Через реку, потом мимо Стремнины. Эта часть товара предназначена для верховьев.

Что ж, Даг наверняка найдет ее и там. Фаун взялась за повод Вефт, чтобы провести ее по ши-

роким сходням на паром; Вит сделал то же самое в отношении Варп. Лошадки сначала отнеслись к парому с сомнением, но потом все-таки поверили в то, что это просто какой-то странный мост, и не опозорили ни себя, ни своего бывшего хозяина, попытавшись заартачиться. Равнодушное спокойствие другой пары коней тоже помогло делу.

Короткая мачта оказалась воротом; вокруг нее был несколько раз обернут толстый пеньковый канат. Один его конец был прикреплен к крепкому дереву на этом берегу, другой, поддерживаемый несколькими поплавками, — к такому же дереву на противоположном берегу реки. Фаун была несколько разочарована, что переправляться им предстоит не на знаменитом пароме Стражей Озера, но с интересом наблюдала, как двое крепких перевозчиков вставили шесты в отверстия ворота и начали его вращать. Вит, не менее ее зачарованный, предложил паромщикам свою помощь и принялся толкать скрипучий шест; канат медленно раскручивался с одной стороны, накручиваясь с другой, и тянул паром через реку. Вода казалась Фаун спокойной и прозрачной, но она так и подпрыгнула, когда ствол вывороченного с корнем дерева, незаметный с поверхности, ударил в борт парома,

напомнив о том, что река — это не спокойное озеро. Управлять паромом могло быть не так уж приятно, когда уровень воды повышался и течение становилось быстрым или когда начинались дожди и холода. С середины русла река казалась гораздо более широкой.

— А как же другие суда минуют канат? — спросила Фаун Таннера, глядя, как древесный ствол зацепился за канат, потом поднырнул под препятствие, снова всплыл на поверхность и неуклюже двинулся дальше.

— Паромщикам приходится его снимать, — ответил Таннер. — Они обычно перевозят его туда-сюда на ялике, но когда вода стоит так низко, никто не пересекает перекаты, так что канат просто остается укрепленным все время.

Когда паром ткнулся носом в противоположный берег, перевозчики выдвинули сходни, и Фаун с Витом повторили процедуру — успокоили лошадей и благополучно, хотя и с грохотом, выкатили фургон на твердую землю. Брат и сестра уселись рядом с Таннером, и тот направил упряжку по ухабистой дороге вверх по течению.

Когда они достигли вершины холма, Фаун с предвкушением принялась разглядывать баржи, привязанные к деревьям за Опоссумьей При-

станью. Они были совершенно не похожи на грациозные остроносые узкие лодки Стражей Озера; баржи напоминали хижины, установленные на больших плоских ящиках, — не слишком-то красивые. На некоторых даже имелись очаги с каменными трубами, из которых вился дымок. Все это выглядело так, словно какая-то деревня неожиданно решила отправиться к морю, и Фаун улыбнулась, представив себе, как какой-то домик удирает от своих изумленных хозяев. Люди все время убегали из дому; так почему бы не случиться и обратному? На одной из этих барж они с Дагом проделают весь путь до Греймаута. Все вместе отправятся в бегство… Улыбка Фаун погасла.

Однако даже такие мысли не могли умерить ее любопытство, и когда Таннер остановил фургон перед еще одним сараем-складом, Фаун выпрыгнула на землю и сказала брату:

— Я собираюсь пойти посмотреть на баржи.

Вит бросил на нее огорченный взгляд, но, хоть и позавидовал, отлынивать от дела не стал: откинул задний борт и принялся таскать ящики.

— Будь осторожна, — крикнул он вслед сестре — скорее, решила она, с завистью, чем с беспокойством.

— Я буду все время на виду! — Фаун с трудом

удержалась от того, чтобы не пуститься вприпрыжку: в конце концов она теперь солидная замужняя женщина. К тому же это было бы жестоко по отношению к Виту; несмотря на это соображение, Фаун все-таки позволила себе немножко пробежаться.

Добравшись до берега, она отдышалась и стала с интересом оглядываться. Людей вокруг оказалось меньше, чем она ожидала. Она заметила нескольких парней у склада и еще нескольких — на пристани, которая, как рассказал ей Таннер, служила для речников местом торговли. Некоторые дома хутора, скрытые от ее взгляда еще не совсем облетевшими деревьями, были, должно быть, тавернами. Наверное, мужчины с барж отправились охотиться в холмы, чтобы пополнить запасы провизии во время вынужденной задержки. Еще несколько человек удили рыбу с бортов барж; один из них почему-то напялил на голову, как шлем, железный котелок. Фаун не могла догадаться, зачем: может быть, он проиграл спор? Несколько человек, сидя на плоской крыше хижины, во что-то играли; похоже, в кости, хотя с такого расстояния Фаун и не могла разглядеть все в точности. Один из игроков оглянулся, заметил Фаун и собрался, похоже, отпустить какую-то гру-

бую шуточку, но в это время игра закончилась, начались споры, и он отвернулся. Из хижины на одной из барж вышла женщина и выплеснула за борт содержимое горшка — привычный домашний жест…

Фаун пошла вдоль берега, высматривая подходящее для них судно. Некоторые имели длинные надстройки, явно не оставляющие места для коня; на других уже была всякая живность — Фаун заметила четырех волов, спокойно жующих жвачку на корме одной из барж; значит, крупных животных на борт брали, но тут все было уже заполнено. Почти на всех судах имелись курятники, кое-где на палубах на солнышке дремали собаки; правда, ни одна из них не стала облаивать Фаун. Все же нужно было выбрать что-то подходящее… Парень, сидевший на бочонке на носу одного из суденышек, сдвинул на затылок потрепанную шляпу и ухмыльнулся, показав отсутствие половины зубов.

— Вы берете пассажиров? — окликнула его Фаун.

— Тебя бы я взял, малышка!

Фаун нахмурилась.

— Речь идет обо мне, *моем муже* и его коне.

Парень церемонно сорвал с головы шляпу, от-

крыв жирные волосы.

— Ах, мужа и его коня лучше оставить на берегу. Держу пари: со мной ты прокатишься лучше! Если ты… Ой! — Парень прижал руку к макушке, от которой с явственным «щелк» отскочила непонятно откуда прилетевшая деревяшка. Посмотрев налево, парень пожаловался: — Ну и зачем ты это сделала? Я только пытался быть любезным…

На крыше каюты привязанной рядом баржи в качалке сидела женщина в домотканой юбке и что-то выстругивала из дерева. Присмотревшись, Фаун обнаружила, что это совсем молоденькая девушка, довольно тощая, с прямыми светлыми волосами, выбившимися из завязанного на затылке хвоста. Выражение ее голубых глаз было сердитым.

— Чтобы напомнить тебе, дураку, что следует вести себя прилично, — резко сказала девушка. — А теперь извинись, Джос.

— Прошу прощения, хозяйка Берри.

По воздуху пролетела еще одна деревяшка, увернуться от которой Джос не сумел.

— Ой!

— Перед *ней* извинись, безмозглый!

Джос натянул на голову шляпу — чтобы, по-видимому, было что снять перед Фаун.

— Прости, мисс… миссус, — пробормотал он и нырнул в каюту — чтобы избежать нового обстрела.

— Болван, — спокойно подытожила девушка.

Фаун прошла еще немного по берегу; она с интересом отметила, что если суденышко Джоса сидело на мели, то баржа Берри, стоявшая на якоре ниже по течению, была на плаву. И на корме у нее имелся пустой загон для скота, а от курятника, вокруг которого клевали зерна несколько несушек, совсем не воняло: кто-то его регулярно чистил. Уперев руки в бедра, Фаун запрокинула голову и еще раз посмотрела на хозяйку баржи, которая с виду была ненамного старше ее.

— Что это ты вырезаешь? — окликнула девушку Фаун.

Девушка показала ей закругленный брусок.

— Поплавки. Из тополя получаются хорошие поплавки. Годятся и другие мягкие сорта дерева.

Фаун кивнула. Ее обнадежила общительность девушки: недовольное выражение ее лица сменила улыбка. Берри могла ведь просто буркнуть «поплавки», а то и «не твое дело».

— Так что… берешь ты пассажиров?

Светловолосая девушка наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть Фаун.

— Да не собиралась… Я планирую поторговать, спускаясь по реке, так что буду делать много остановок. Путешествие было бы медленным.

— Это ничего. Мы не торопимся. А как далеко ты направляешься?

— Я еще не решила.

— Можно мне заглянуть к тебе на баржу? Я никогда не бывала на судах, — улыбнулась Фаун. Обратиться с подобной просьбой к слишком игривому Джосу она бы не рискнула; ей повезло, что она повстречала женщину.

Девушка склонила голову к плечу, потом кивнула. Сунув свой нож в ножны на поясе, она просто спрыгнула с крыши каюты, не воспользовавшись грубой лестницей из прибитых к стене планок; высота в пять футов ее не смутила, она только сильно согнула колени. Схватив длинную доску, она перекинула ее на берег. Фаун с опасением посмотрела на узкую и прогибающуюся доску, потом затаила дыхание и пробежала по сходням, не свалившись в грязь. Спрыгнув на палубу, она с интересом огляделась.

— Привет. Меня зовут Фаун Блуфилд.

Девушка поклонилась. У нее были высокие скулы и острый подбородок, что делало ее похожей на дружелюбного хорька. Она оказалась выше

Фаун — да и кто бы не оказался? — и, пожалуй, повыше Вита. На ее нежной светлой коже были заметны солнечные ожоги.

— Берри Клиркрик. Я хозяйка этой баржи.

Хозяйка баржи могла быть ее капитаном, владелицей или и тем, и другим; Фаун предположила, что Берри имеет в виду как раз последнее, и порадовалась этому. Берри гостеприимно протянула ей руку — маленькую, но еще более загрубелую, чем ее собственная. Фаун с улыбкой обменялась с Берри рукопожатием.

— А кто живет в загоне? — спросила она, потом разглядела катышки в соломе. — А, коза!

— Наша нянюшка Дейзи. Мой маленький брат пасет ее на берегу.

— Значит, у вас есть свежее молоко. И яйца. — Баржа уже начала казаться Фаун по-домашнему уютной.

— Некоторое количество, — кивнула Берри.

— Я выросла на ферме, рядом с Вест-Блю. — В ответ на непонимающий взгляд Берри Фаун пояснила: — Это к северу от Лампгона. — Судя по выражению лица Берри, она была не особенно сильна в географии, поэтому Фаун добавила: — Лампгон стоит на реке, которая впадает в Грейс у Серебряных Перекатов.

Лицо Берри прояснилось.

— А, у Каменной Вилки. Там такая большая песчаная отмель… Ты ведь умеешь доить козу?

— Конечно.

— Хм-м… — Берри явно колебалась. — Ты и готовить умеешь, я думаю. Ты хорошая повариха?

— По крайней мере так говорит мой муж.

Хозяйка баржи оглядела маленькую фигурку Фаун, рост которой, как той было известно, заставлял ее выглядеть еще моложе, чем в действительности.

— И давно вы поженились?

Фаун покраснела.

— Около четырех месяцев. — За это время столько всего случилось, что, казалось, прошло много больше…

Берри слегка улыбнулась.

— Ну, тогда не знаю, можно ли доверять его мнению. Ладно, иди осмотри баржу.

Низенькая дверь в передней стене каюты вела к лесенке из нескольких дощатых ступенек; внутри было темно. Даже Фаун пришлось нагнуться, чтобы пройти в дверь; Даг тут должен будет складываться чуть ли не вдвое и очень осторожно выпрямляться. Передняя часть каюты была заполнена товарами: мотками пеньковой

веревки, рулонами шерстяной и льняной ткани, связками шкур, бочонками и горшками. Фаун почувствовала запах яблок, масла, свиного сала и чего-то, что могло быть медвежьим жиром. Один бочонок был установлен на козлах и имел снизу краник. Из него доносилось довольно зловещее шипение: там бродил яблочный сидр. Еще Фаун разглядела мешки с орехами и копченые окорока, подвешенные к балкам, а по всем углам оказались распиханы бочарные заклепки — явно местные продукты, закупленные где-нибудь вверх по притоку реки Грейс. В одном углу хранились металлические изделия из Трипойнта — от лопат и топоров до иголок и булавок.

— Ты проделала всю дорогу от Трипойнта? — с почтением спросила Фаун, проведя пальцем по новому блестящему плугу.

— Нет, это я закупила на полпути. Мы покупаем в одном месте, продаем ниже по течению в другом — как удается.

Остальная часть каюты была отведена под жилье; ее освещали два маленьких застекленных окошечка и открытая дверь, ведущая на заднюю часть палубы. Вдоль стен располагались две узкие койки с наваленными на них матрасами; под койками тоже хранились товары. Одна из

коек была задернута занавеской. Баржа Берри имела даже настоящий каменный очаг; над углями висел закопченный железный чайник. Изобретательно укрепленный на петлях стол мог откидываться и крепиться к стене, закрывая полку с металлической посудой и припасами.

— Как тебе удалось приобрести такое замечательное судно?

Улыбка Берри сменилась гримасой.

— Мой отец строит… строил… строит каждый год по одному такому для плавания к Греймауту. Они с моим старшим братом сколачивают корпус, а я конопачу и занимаюсь оборудованием. Отец стал брать нас, детей, с собой с тех пор, как умерла мама, — мне было тогда десять лет. — Выражение лица Берри смягчилось. — Потом он возвращается в верховья, нанимаясь с моим старшим братом на гребные лодки. Мы с младшим братом плавали как груз, пока я не научилась играть на скрипке для гребцов. После этого мне стали платить даже больше, чем отцу! Ну и жаловался он на это — правда, с гордостью.

Фаун понимающе кивнула.

— Уж эти отцы… — пробормотала она, и Берри согласно вздохнула.

Фаун заметила неловкую запинку Берри, когда

та говорила об отце, и задумалась о том, как тактично сформулировать следующий вопрос.

— А теперь он… э-э… судов больше не строит?

Берри скрестила руки на груди и оценивающе посмотрела на Фаун; потом, сделав глубокий вдох, она, по-видимому, пришла к решению.

— Я не знаю. Они с моим старшим братом прошлой осенью отправились в низовья, но весной обратно не вернулись. Я так ничего о них и не услышала, хотя просила всех речников, кого только знаю, высматривать их и прислать весточку. А эту баржу отец оставил недоделанной. Я ее оснастила и загрузила товаром, и вот теперь сама отправляюсь вниз по реке. Так его работа хоть не пропадет даром… — Голос Берри дрогнул. — Это последнее судно отца — все, что он мне оставил. Я собираюсь часто останавливаться по дороге и расспрашивать… может, удастся что-то узнать.

— Понятно, — сказала Фаун. — Думаю, что это очень умно с твоей стороны.

Существовало множество причин, по которым человек мог не вернуться из путешествия к низовьям, и большинство из них ничего хорошего не сулило. По крайней мере, если дело касалось семейного человека… Молодой парень, возможно, и соблазнился бы каким-то новым приключени-

ем по дороге, жестокосердно ничего не сообщив встревоженным родичам, но не отец семейства.

— Как получилось, что в это последнее путешествие ты с ним не отправилась?

Последовало короткое молчание, потом Берри отрывисто сказала:

— Пойдем, покажу тебе остальную часть, — и вывела Фаун на заднюю палубу, которая оказалась близнецом передней.

Фаун, щурясь от отраженного водой света, оказалась, как она решила, на заднем дворе баржи. Длинное тяжелое весло, укрепленное на прочных деревянных опорах, отходило под углом от крыши каюты к воде за кормой; Фаун догадалась, что это и есть руль. Берри или еще кто-то забросил с борта несколько лесок, привязанных к веревке с колокольчиком.

— Хорошо клюет? — спросила Фаун.

— Когда как. Здесь на хороший улов надеяться не приходится — слишком много конкурентов. — Берри взглянула на длинный ряд барж, с большинства которых в воду тоже свешивались рыболовные снасти.

— Даг — мой муж — здорово умеет ловить рыбу.

— Правда? — Берри забеспокоилась. — Он раз-

бирается в судах?

— Гораздо больше, чем я, только это не значит, что хорошо разбирается. Не знаю, бывал ли он хоть раз на барже, но грести и ходить под парусом он умеет. И плавать. Да вообще он умеет почти все, за что берется.

— Хм-м… — протянула Берри и потерла нос.

Фаун набралась смелости и спросила:

— Сколько ты взяла бы с нас? За двоих человек и коня?

— Ну, дело в том… — начала Берри и умолкла. Фаун с тревогой ждала. Берри смотрела на воду, рассеянно теребя в пальцах леску. — Дело в том, что двое из моей команды — парни, которые сидят вон на тех больших веслах по каждому борту, — ввязались в какую-то глупую потасовку на Пристани прошлой ночью и не вернулись на борт. — Она окинула взглядом берег. — Начинает походить на то, что они вообще сбежали… так что осталась только я, мой маленький брат и старый Бо. Я могу управляться с рулем, но делать это целый день, быть впередсмотрящим, да еще и еду готовить у меня не получится. Ты говоришь, что умеешь готовить. А если твой муж крепкий крестьянский парень с двумя сильными руками, который не боится воды, мы с дядюшкой

Бо смогли бы достаточно быстро научить его управляться с большим веслом. Тогда мы могли бы заключить сделку: вы отработали бы свою перевозку. Если, конечно, захотите, — неуверенно добавила Берри.

— Конечно, я могла бы готовить, — смело заявила Фаун, вдохновленная мыслью о возможной экономии. Их кошелек, на ее взгляд, был не таким уж толстым для предстоящего им путешествия, хотя в своих опасениях по поводу денег Дагу она и не признавалась. — Я начала дома помогать на кухне с восьми лет. Ну а Даг… — Даг, конечно, не слишком соответствовал описанию Берри, но Фаун не сомневалась, что он сможет управиться с любым веслом. — Даг сам должен будет решать, когда появится.

Берри склонила голову.

— Что ж, это справедливо.

Наступившее неловкое молчание нарушила Берри, весело предложив:

— Не хочешь кружечку сидра? У нас его много. В такую жару он быстро бродит, вот я и продала, чтобы мои труды не пропали даром, бочонок матросам, которым нравится, когда он шипучий; только даже они не станут пить его, когда сидр превратится в уксус.

— С удовольствием, — ответила Фаун, радуясь возможности посидеть и поговорить с такой интересной собеседницей, как эта женщина, выросшая на реке: сама-то Фаун до последней весны и носа со своей фермы не высовывала. Она попыталась представить себе, каково это: проплыть по рекам Грейс и Серой от истока до устья, и не один раз, а восемь или десять… нет, даже восемнадцать или двадцать. Берри показалась Фаун очень высокой и завидно уверенной в себе; она провела гостью обратно в каюту, по пути прихватила две помятые кружки с полки и наполнила их из бочонка на козлах. Сидр и в самом деле оказался шипучим и пенистым, но еще не утратил сладости, и Фаун, успевшая проголодаться, с благодарностью улыбнулась Берри. Та провела ее к откидному столу, и они уселись за ним на табуретках.

— Хорошо бы поскорее начались дожди, — сказала Берри. — Я всех расспросила здесь в первый же день, а застряла на целую неделю. Мне нужно, чтобы вода поднялась по крайней мене на восемнадцать дюймов, чтобы «Надежда» прошла через пороги, да и то скребя днищем по камням. — Она отхлебнула из кружки и вытерла рот рукавом, потом осторожно поинтересовалась: — Ты ведь

недавно на реке, верно?

Фаун покачала головой и ответила на тот вопрос, который подразумевался:

— Нет, мы ничего не могли услышать о твоих родичах. — Подумав, она добавила: — Ну, по крайней мере мы с Витом. Насчет Дага не могу сказать.

— С Витом?

— Это мой брат. Он добрался с нами вместе до реки Грейс, а завтра отправится обратно с возчиками стекла. — Фаун рассказала Берри про Варп и Вефт и финансовых планах Вита. После того как половина сидра была выпита, Фаун почувствовала, что теперь ей хватает храбрости спросить: — А как вышло, что прошлой осенью ты осталась дома? — Фаун прекрасно знала, как мучительно не знать, что за несчастье случилось с теми, кого ты любишь, однако подумала: может быть, Берри повезло, что и с ней ничего не случилось.

— Ты в самом деле вышла замуж этим летом? — задумчиво спросила Берри.

Фаун кивнула. Под столом ее пальцы коснулись свадебной тесьмы, обвивавшей левое запястье. То ощущение направления, которое Даг заложил в тесьму перед отправкой в Рейнтри, почти исчезло. Может быть, теперь, когда его призрачная

рука вернулась, он сможет обновить заклинание? «Воздействие Дара», — тут же старательно мысленно поправила себя Фаун.

— Я думала, что и я к лету выйду замуж, — вздохнула Берри. — Я осталась, чтобы обустроить мой… наш новый дом, вот папа и поручил мне младшего брата: ведь я должна была стать взрослой женщиной. Элдер, мой суженый, отправился с папой, потому что никогда раньше не спускался по реке, а папа решил, что ему нужно обучиться ремеслу речника. Мы должны были пожениться, когда они весной вернулись бы с заработанными деньгами. Папа говорил, что это будет его лучшее путешествие… Правда, он так говорил каждый раз, независимо от того, ожидал удачи или нет. — Берри отхлебнула еще сидра. — Весна-то вернулась, а вот они — нет: ни сами, ни те матросы, которых они наняли. У меня все уже было готово… совсем все… — Голос Берри оборвался.

Фаун кивнула: ей не нужен был список, чтобы представить себе это «все»: белье и кухонную посуду, супружескую постель с пуховыми перинами, покрытую вышитым покрывалом… занавески повешены, продукты запасены, дом убран — все блестит. Подвенечное платье сшито… и начинается ожидание: сначала с нетерпением,

потом с гневом, наконец с беспомощным страхом, когда надежда начинает исчезать… Фаун поежилась.

— Земляничный сезон наступил и миновал, и я перестала возиться с домом и принялась обустраивать баржу. Единственный родственник, который мне помог, был дядюшка Бо — он старший сводный брат моей матери, так никогда и не женившийся. Мои двоюродные братья с ним дела не имеют, потому что, как они говорят, он слишком много пьет и ненадежен… это и в самом деле так, только даже такая помощь лучше, чем никакой… а от них-то я никакой помощи не видела. Они заявили, что не женское это дело — самой спускаться по реке, как будто я не знаю о баржах в десять раз больше, чем любой из них!

— Ты думаешь, что найдешь их? Всех твоих пропавших мужчин? — робко спросила Фаун. — Должно быть, они где-то крепко застряли. — Она не стала упоминать самые вероятные несчастья: баржа могла разбиться на камнях и вся команда могла утонуть; людей могли съесть медведи или те ужасные болотные ящерицы, о которых рассказывал Даг, или ужалить гремучие змеи; еще более вероятной была мрачная возможность какой-то внезапной болезни, от которой люди

умирают на холодном речном берегу, и даже никого не остается, чтобы похоронить тела в безвестной могиле…

— Поэтому-то я назвала свою баржу «Надежда», а не «Искатель», как сначала хотела. Я ведь не дура, — тихо сказала Берри, — я представляю себе все, что могло случиться. Только я не могла прожить еще и недели, ничего не зная наверняка, когда у меня под рукой было судно, на котором можно отправиться на поиски. Ну, отчасти под рукой. — Она запрокинула голову, допивая сидр. Сглотнув, она продолжала: — Вот почему мне нужно иметь в готовности команду. Если вода вдруг быстро поднимется, я не хочу застрять, дожидаясь тех двух перепуганных дураков.

— А если они все-таки вернутся, для нас место на барже найдется?

— Ага! — Берри неожиданно улыбнулась, и ее широкий рот стал еще шире. Нельзя сказать, чтобы Берри была хорошенькой, но привлекательной — точно, решила Фаун. — Я не люблю готовить.

— Если ты… — начала Фаун, но ее прервал жалобный голос, донесшийся с берега.

— Фаун! Эй, Фаун, куда ты делась?

Фаун поморщилась и допила свой сидр.

— Это Вит. Должно быть, он закончил разгрузку. Я лучше пойду успокою его. Даг велел мне присматривать за братцем. — Она поднялась и двинулась через темную часть каюты, крикнув на ходу:

— Я здесь, Вит!

— Вот ты где! — Вит сбежал по берегу, вытирая покрасневшее лицо. — Ну и перепугала ты меня, когда исчезла, не предупредив! Даг же с меня шкуру бы спустил, если бы я позволил чему-нибудь с тобой случиться.

— У меня все хорошо, Вит. Мы с Берри просто пили сидр.

— Тебе не следовало заходить на баржу к незнакомым людям, — принялся отчитывать ее Вит. — Если бы ты… — Вит умолк, забыв закрыть рот, и вытаращил на что-то глаза. Фаун оглянулась.

У нее за плечом стояла улыбающаяся Берри. Опершись о поручни, она дружелюбно помахала Виту.

— Это и есть твой муж?

— Нет, это брат.

— Ах да, он на тебя похож.

Вит все еще неподвижно стоял у перекинутой на берег доски. Почему его так поразило, что

сестра решила поболтать с хозяйкой баржи? Только на Фаун он и не смотрел. Ошеломленное выражение его лица показалось Фаун странно знакомым, и Фаун поняла, что уже видела его — и совсем недавно.

«Ах, никогда еще я не видела, чтобы человек дважды за один день влюблялся с первого взгляда…»

7

День начинал клониться к вечеру, когда Даг наконец догнал фургон Таннера у склада Опоссумьей Пристани. Ему пришлось сделать крюк — сначала побывать в Жемчужной Излучине, откуда Мейп и направил его в нужную сторону, на другой берег реки. Долгое ожидание парома, потом короткая поездка по берегу, поворот к Пристани… Даг напрягся, когда его хромающий Дар не смог обнаружить знакомой искорки — Фаун. Однако тут он увидел Вита, возбужденно ему махавшего.

— Даг! — закричал парень, когда тот натянул поводья, останавливая Копперхеда. — Я уж и не знал, когда же ты появишься! Стал придумывать, как тебя искать… Мы уже обо всем договорились насчет баржи!

Таннер, сидевший на облучке, разобрал вожжи и несколько растерянно посмотрел на Вита.

— Так что, ничего передавать не надо?

— Нет, раз он явился! Спасибо. Ох… подожди чуток. — Вит подошел к упряжке, похлопал Вефт по крупу, потом обнял за шею. Обойдя фургон, так же он попрощался и с Варп. — До свидания, лошадки.

Слушайтесь теперь Таннера, слышите? — Лошади насторожили уши, а Варп потерлась о Вита мордой — то ли прощаясь, то ли приняв его за столб, о который можно почесаться. Это заставило Вита быстро заморгать.

— Они прекрасная пара, хоть и молодые еще, — заверил Вита Таннер. — Удачи тебе. — Он коснулся шляпы, кланяясь Дагу. — И тебе тоже, Страж Озера.

К удивлению Дага, фургон покатил прочь без Вита. Быстро оглядевшись, Даг заметил седельные сумки и Фаун, и Вита у ступеней склада. В тени на скамье у входа сидели двое местных жителей; один что-то выстругивал, другой просто сидел, свесив руки между колен, и с любопытством таращился на Дага.

— Разве ты не будешь помогать ему в дороге? — спросил Вита Даг, кивнув на удаляющийся фургон Таннера.

— Я только помог ему погрузить кучу товаров из Трипойнта и с верховьев, которые он повез в Глассфордж. Мейп должен загрузить свой фургон в Жемчужной Излучине — хлопок и чай, говорил Таннер, и индиго, если найдется… ну и если цена будет подходящей.

— Он так и сделал. Я его только что видел.

— Ну и прекрасно.

— Мейп говорил, что они собираются выехать завтра утром, когда лошади отдохнут. Ты… э-э… их догонишь?

— Да не совсем.

— Как это — «не совсем»? — Боги, он начал разговаривать с этим парнем совсем как Соррел! Впрочем, Вит ничего не заметил.

— Ох, ты должен это увидеть! Давай, грузи наши сумки на Копперхеда, и я тебе покажу!

Даг не решился охладить такой энтузиазм, несмотря на собственное унылое настроение. Он послушно спешился и помог перекинуть сумки через седло, обмотал поводья вокруг крюка и двинулся за Витом, который рвался вперед, как щенок на поводке. Сидящие на скамье зеваки проводили их взглядами. На Дага они смотрели с подозрением и не слишком дружелюбно, но все же без той враждебности, какой можно было бы ожидать, если бы кто-то из жертв Барра и Ремо прошлой ночью умер.

«Спасибо вам, отсутствующие боги!»

Вит, успевший пройти вперед, вернулся и попрощался с сидящими на скамье, из чего Даг заключил, что Таннер нанимал их для погрузки: так обычно и бывало на пристани — местным

бездельникам удавалось заработать несколько монеток.

— Так если ты не собираешься вернуться в Глассфордж вместе в Таннером, Мейпом и Хогом, что ты собираешься делать? — поинтересовался Даг.

— Хочу попробовать поторговать на реке. Я потратил часть денег, вырученных за лошадок, на оконное стекло — буду продавать его по пути «Надежды». Это баржа Берри… — объяснил Вит с кривой улыбкой.

— А как насчет обещания твоим родителям сразу же вернуться домой?

— Это на самом деле было не обещание… скорее план. А планы меняются. Да и вообще — если я распродам стекло к тому времени, когда мы доберемся до Серебряных Перекатов, я могу вернуться домой по дороге вдоль реки — там не заплутаешь. И времени уйдет ненамного больше.

В таком новом плане чувствовалась смущающая неопределенность… Что ж, Даг скоро сможет узнать, что думает об этом Фаун. Он снова стал настороженно оглядывать окрестности.

Они шли вдоль ряда барж, привязанных к деревьям на берегу. Парень, сидевший на ящике на палубе одной из них, при виде Дага нахмурился. Женщина на другой схватила своего малыша,

глазевшего на Дага, засунув палец в рот, и утащила в каюту. Несколько речников, болтавших и смеявшихся на плоской крыше каюты, внезапно умолкли, поднялись на ноги и в упор уставились на Дага.

— Чего это они таращатся? — спросил Вит, поворачивая голову в ту сторону. — На тебя, что ли, Даг? Я тут проходил дважды, так на меня они и не глядели…

— Ты просто продолжай идти, Вит, — устало ответил Даг. — Не поворачивай головы. Да отвернись же!

Вит уже снова двинулся было обратно, но послушно развернулся.

— А?

— Я Страж Озера, один, в крестьянской стране. Пожиратель мертвых, грабитель могил, колдун — ты не забыл? Они гадают, что я затеваю.

«Они гадают, не окажусь ли я легкой добычей. Они гадают, не напасть ли на меня».

Возможно, решил Даг, они также гадают, не является ли его появление следствием потасовки прошлой ночью — не собирается ли он отомстить.

— Но ты же ничего не затеваешь? — спросил Вит, оглядываясь через плечо. — Ты уверен, что

они не разглядывают просто твой крюк?

Даг стиснул зубы.

— Совершенно уверен. Ты разве не помнишь, что подумал, когда Фаун в первый раз ввела меня в кухню вашей фермы?

Вит заморгал, пытаясь вспомнить.

— Ну, я, должно быть, подумал, что моя сестрица притащила довольно странного парня. И очень высокого — это я помню.

— Разве ты не испугался?

— Да нет, не особенно. — Вит заколебался. — А вот Рид и Раш струсили, я думаю.

— Вот видишь.

Вит скосил глаза; компания матросов на крыше каюты снова расселась на прежнем месте.

— А знаешь, в дрожь бросает…

— Да.

— Хм-м… — Темные брови Вита сошлись на переносице. Задумался? Хотелось бы надеяться…

— Что ты слышал на складе о драке прошлой ночью? — спросил Даг.

— Ах да, такая удача для нас!

— Что? — Даг от изумления даже замедлил шаг. Вит взмахнул руками.

— Похоже, парней с «Надежды» их приятели подговорили напасть на кого-то из местных

Стражей Озера, которые их разозлили. Когда хозяйка парома и еще несколько Стражей Озера явились их разнимать, эти дурни перепугались и сбежали — вместе с какой-то девицей и ее ухажером. Еще троим было не до бегства — они теперь отлеживаются на своих судах. Вот так и вышло, что Берри понадобились двое крепких мужчин-гребцов. — Вит показал на Дага и на себя, широко ухмыльнулся и поднял два пальца. — А Фаун будет стряпать.

— Хотелось бы все понять в точности, — сказал Даг. — Ты подрядил меня — и Фаун — в качестве команды на баржу?

— Ага! Разве не здорово? — весело ответил Вит. Даг собрался было объяснить ему, насколько это «здорово», но тут Вит добавил: — На самом деле это была идея Фаун, — и Даг просто выдохнул воздух, ничего не сказав.

Снова сделав вдох, он все-таки поинтересовался:

— А ты хоть представляешь себе, как управляться с большим веслом?

— Нет, но ты-то наверняка умеешь, а Берри и Бо сказали, что научат меня.

Все это было не слишком похоже на то свадебное путешествие, которое Даг обещал Фаун — да и

себе тоже. Дело было не просто в работе, которую Вит явно недооценивал. Даг все еще чувствовал упадок сил после случая с Хогом, хотя тогда физически он и не пострадал; но тут Даг вспомнил, какое оздоровляющее действие оказала на него работа на жатве, и заколебался.

— Ты сказал этому хозяину баржи, что я Страж Озера? — осторожно поинтересовался Даг.

— Э-э… не помню, заходил ли об этом разговор, — смущенно признался Вит.

Даг вздохнул.

— А не носит ли он на голове железный горшок?

— Не он, а она — нет, не носит. Что за горшок? Зачем его носить?

Короткий рассказ Дага о злоключениях Барра и Ремо вызвал у Вита взрыв хохота.

— Ух и круто! Нет, грузчики на складе об этом мне не говорили. Может, и они тоже были из тех, кто напялил горшки?

— Не так уж круто в результате, — сказал Даг. — Один из дозорных имел при себе разделяющий нож, чего не должен был делать, и в драке его сломали. Стражи Озера из Жемчужной Стремнины очень этим сегодня встревожены.

Вит прищурился.

— Это что, очень плохо?

Даг попытался найти сравнение.

— Представь… представь, что ты затеял пьяную драку с Санни Семеном и его дружками на площади в Вест-Блю и что в толчее один из парней свалил с ног тетушку Нетти и убил ее на месте. Это было бы примерно так же плохо.

— Ох, — пораженно выдохнул Вит.

— Думаю, те дозорные чувствуют себя так же скверно, как чувствовал бы себя ты на следующее утро. — Даг нахмурился. — И думаю, что друзья тех речников, которые отлеживаются после драки, сейчас не пылают особой любовью к попавшемуся им на глаза одинокому Стражу Озера. — Даг снова вздохнул. Что ж, так или иначе им нужно уплыть из Серебряной Излучины, как только поднимется вода. И лучше бы она поднялась поскорее…

К этому моменту они подошли к барже, о которой шла речь.

Фаун — наконец-то нашлась! — стояла на палубе и разговаривала с высокой светловолосой девушкой в практичной домотканой одежде, закатанные рукава которой открывали тонкие, но мускулистые руки. У девушки была милая широкая улыбка, в которой, когда она смотрела

на Фаун, проглядывало то же возбуждение от только что обретенной дружбы, которое Даг заметил в Вите. Фаун выглядела столь же довольной. Даг постарался не чувствовать себя стариком. В загоне на палубе мальчик, стоя на коленях, доил козу. У него были такие же соломенные волосы, как и у девушки, остриженные под горшок, и такие же высокие скулы. Мальчик был слишком велик, чтобы быть сыном девушки, так что скорее всего приходился ей братом. Пожилой мужчина, небритый и довольно хилый, стоял, прислонившись к стене каюты, глядя на девушек мутным, но доброжелательным взглядом.

Даг кивнул на светловолосую девушку.

— Это и есть твоя хозяйка Берри?

— Ага, — с гордостью подтвердил Вит.

Даг внимательно посмотрел на парня.

«Так вот откуда ветер дует!»

— Ее следовало бы называть хозяйка Клиркрик, но она говорит, что так зовут ее отца, а она просто хозяйка Берри. Разве не повезло Фаун, что на борту будет еще одна женщина? Ясно, что Берри это тоже нравится. Они сразу нашли общий язык.

У Дага возникло чувство неизбежности. Он позволил своему Дару раскрыться и оглядел суденышко. По крайней мере, вся вода была сна-

ружи, а не внутри корпуса. Дар баржи обладал единством, которое говорило: «Это судно, а не набор досок».

— Эта баржа хорошо сработана, — признал Даг.

Увидев Дага, Фаун вприпрыжку пробежала по доске над прибрежной грязью и обняла мужа так, словно он отсутствовал многие дни, а не часы. Он отпустил Копперхеда щипать траву и прижал к себе Фаун, позволив своему Дару на мгновение коснуться ее. После лагеря в Жемчужной Стремнине это было как целебное лекарство, наложенное на рану. Даг выпустил Фаун, увидев, как по доске на берег спускается хозяйка баржи; ее широкая улыбка несколько поблекла.

— Даг, я нашла самую лучшую баржу, — начала Фаун, отстраняясь от мужа только для того, чтобы заглянуть ему в лицо. «Она как цветок вьюнка!» — Берри говорит, что мы можем плыть с ней, расплачиваясь работой, если ты сочтешь, что это получится…

— Я уже рассказал ему об этом, — вмешался Вит.

— Не торопи события… — начала Фаун.

Светловолосая девушка спрыгнула на берег и теперь стояла, скрестив руки на груди.

— Это и есть твой Даг? — сказала она Фаун.

Фаун выскользнула из однорукого объятия Дага, но продолжала сжимать его пальцы.

— Да, — с гордостью ответила она.

Теперь улыбка сменилась выражением растерянности.

— Но он же Страж Озера!

«Только теперь это под вопросом…»

Даг вежливо кивнул хозяйке баржи.

— Добрый день, мэм.

Растерянность на лице девушки сменилась неприязнью.

— Фаун, я знаю Стражей Озера. Я… я скорее выйду замуж за… за нашу козу Дейзи, чем один из них женится на крестьянке. Не знаю, ты или обманываешь меня, или он обманул тебя, только одно знаю точно: я не желаю иметь у себя на борту мошенников.

Фаун и Вит хором принялись за обычные объяснения насчет свадебной тесьмы и брака, заключенного в Вест-Блю; Даг почувствовал, что его терпение на исходе. Дело было не только в хозяйке Берри и подозрительных взглядах разозленных матросов; все это наложилось еще и на сцену в штабе дозорных. Даг неожиданно ощутил себя пловцом, которого увлекает течение, не позволяя достичь ни одного из берегов. Он стиснул

зубы. «Никто и не обещал, что будет легко». Даг только надеялся, что Фаун не лишится желанного плавания по реке… и своей новой дружбы.

Берри коснулась свадебной тесьмы, которую показала ей Фаун; судя по выражению лица хозяйки баржи, ее если и не удалось полностью убедить, то все же удалось несколько успокоить. Ее взгляд упал на протез Дага.

— Они говорят, что ты смыслишь в судах, — наконец в первый раз обратилась она напрямую к Дагу.

Даг снова вежливо кивнул.

— Я никогда не управлял баржей или плоскодонкой, но плавал на парусных лодках, больших и малых, и по реке Грейс, и по Серой, хотя ни разу не добирался до устья за один раз.

— А я никогда раньше не имела в команде Стража Озера… даже никогда не видела ни одного на крестьянских судах. — Теперь в голосе Берри звучала скорее озабоченность, чем враждебность.

— Я отправился в это путешествие, чтобы сделать много вещей, которые никто не делал раньше. — Даг посмотрел на взволнованное лицо Фаун и решил постараться убедить Берри. — Я плавал и по низкой воде, и по высокой; я сумею отличить топляк от коряги. И я могу показать

тебе фарватер между мелями и камни даже в мутной воде и днем, и в темноте.

— Ах, это тебе покажет твой Дар? — радостно проговорила Фаун. — Ну конечно!

— Верно, — сказала Берри, — я ни разу не видела, чтобы парусная лодка села на мель. Вы, Стражи Озера, пользуетесь своей магией, чтобы направлять суда?

— В определенной мере. — Если Берри решит взять его и его спутников на борт, у него будет много времени, чтобы объяснить ей тонкости использования Дара. Даг кивнул в сторону щипавшего траву Копперхеда. — А место для моего коня у тебя найдется?

— Твоя жена… — Берри запнулась, потом продолжала: — Фаун упоминала коня. Сможет он находиться в одном загоне с Дейзи?

— Да, его можно заставить.

— Что ж, тогда… — Глаза хозяйки баржи все еще оставались настороженными, и Даг подумал, что они казались более голубыми, когда девушка улыбалась. — Пожалуй, вы подойдете.

Вит завопил от радости, а Фаун улыбнулась. Даг почувствовал, что их энтузиазм заразителен, и криво улыбнулся тоже. Даже губы Берри дрогнули, когда она, пройдя по доске, вернулась на

палубу своего суденышка.

Небритый старик с затуманенным взглядом слушал разговор, не шевелясь и повесив голову; светловолосый мальчишка перестал доить козу и во все глаза смотрел на Дага.

— Ну вот, Бо, — сказала Берри старику, кивнув на троицу на берегу, — похоже, у нас будет гребец — Страж Озера.

Одна кустистая седая бровь приподнялась; старик сплюнул через борт, но только протянул:

— Такое будет в новинку, — и следом за Берри нырнул в каюту.

— А как нам завести Копперхеда на баржу? — неожиданно спросила Фаун, как будто только теперь заметила такую проблему. — Он гораздо больше, чем коза Дейзи.

— Нужно уложить еще несколько досок, — коротко ответил Даг.

— Ах…

— Фаун, мне удалось купить стекло для продажи! — возбужденно начал Вит, не сводя глаз с двери каюты, за которой скрылась Берри. Даг мог только подумать: «Не раскатывай губы, парень».

Фаун озабоченно нахмурила лоб; Даг предположил, что она подумала о том же, что и он. Взяв Вита за руку, она, понизив голос, проговорила:

— Пойдем — как будто нам нужно привести Копперхеда. — Даг двинулся следом за ними; вскоре они оказались там, где их не услышали бы с баржи.

Фаун притворилась, что возится со своей седельной сумкой.

— Вит, ты умчался, прежде чем я сумела тебе кое-что сказать. Берри не просто отправляется вниз по реке торговать. Ее отец прошлой осенью отправился к устью и не вернулся. С тех пор о нем она не слышала ни слова. Берри собирается искать его.

— Ох, так мы можем ей помочь… — начал Вит, но Фаун его перебила:

— Ее отец, ее старший брат и ее жених — пропали они все.

С лица Вита исчезло всякое выражение. После паузы он проговорил:

— Так она обручена?

— Да… а может быть, в трауре. Она сама этого сейчас не знает. Так что постарайся немного… немного… ну, просто постарайся не вести себя, как идиот, ладно?

Вит заморгал.

— Э-э… угу. — Сглотнув, он храбро продолжал: — Ну нам же все равно нужно судно, а ей — ко-

манда, верно?

— Верно, — ответила Фаун, внимательно глядя на брата.

— Такая девушка и в таком несчастье — она заслуживает всей помощи, какую только может получить. Две крепких пары рук… три пары… точнее, две с половиной. — Улыбка Вита получилась принужденной.

— Если ты отпустишь еще хоть одну из твоих дурацких шуточек, — ровным голосом сказала Фаун, — клянусь, я огрею тебя по уху.

— Ладно.

Даг начал разгружать седельные сумки, думая: «Нам нужен дождь, и поскорее».

* * *

Они устроились быстрее, чем ожидала Фаун. Дядюшка Бо принял присутствие Дага без возражений, хотя младший брат Берри Готорн, которому должно было скоро сравняться двенадцать, молча глазел на Дага и пятился, если тот оказывался слишком близко. Берри и Фаун вместе занялись ужином; Берри по большей части только показывала Фаун, где и что хранится на барже. После вкусной еды и Бо, и Готорн стали вовсю улыбаться Фаун.

Решив, что лучше сразу установить порядок, которого она намеревалась придерживаться и впредь, Фаун поручила мытье посуды Виту с Готорном. Когда с наступлением сумерек похолодало и от реки поднялся туман, все собрались вокруг маленького очага, в котором еще тлели угли. Разгонять темноту помогала лампа, заправленная каменным маслом. Берри угощала всех пенящимся сидром: его пили столько, сколько могли вместить.

Вит выглянул в задний люк каюты, потом со вздохом снова уселся на свой табурет.

— Интересно, скоро ли пойдет дождь? — ни к кому конкретно не обращаясь и, похоже, не ожидая ответа, пробормотал он.

Бо приподнял ногу в поношенном сапоге.

— Мой погодный палец говорит, что этой ночью дождя не будет.

Вит скептически посмотрел на старика.

— У тебя есть палец, который предсказывает погоду?

— Ага. С тех пор как мне его сломали.

Берри усмехнулась.

— Эй, не вздумай усомниться в пальце дядюшки Бо. Он никакой гадалке не уступит.

— В это время года погода в долине Грейс может

измениться неожиданно, — дружелюбно сказал Виту Бо. — То дождь, то снег, то ветер, то туман. Знаешь, однажды, когда я шел на парусной лодке от Серебряных Перекатов, туман опустился такой, что руки перед собственным носом было не разглядеть. Такой был туман, что лодка в нем застряла, хочешь верь, хочешь — нет, и в конце концов хозяин велел бросить якорь. На следующее утро мы проснулись — а рядом коровы мычат; оказалось, что в тумане мы на добрых полмили удалились от реки и бросили якорь на чьем-то пастбище.

Вит поперхнулся сидром. Вытерев лицо рукавом, он сказал:

— Не выдумывай, ничего такого с вами не было!

Готорн столь же скептически спросил:

— А как же вы вернули лодку в реку?

— На катках, — невозмутимо ответил Бо.

Хотя ответ был логичным, Готорн продолжал сомневаться.

Бо вскинул голову в шутливой обиде, шевеля седыми бровями.

— Нет, все так и было! Вот смерчи — о них стоило бы рассказать!

— Смерчи? — испуганно переспросила Фаун. —

Они на реке бывают?

— Иногда, — ответила Берри.

— Тебе случалось попадать в смерч? — спросил Вит.

Берри покачала головой, но тут в первый раз за весь вечер раздался глубокий голос Дага.

— А я однажды попал — в верховьях Серой.

Все оглянулись с таким изумлением, как если бы заговорил один из стульев. Сидя в темноте, куда не достигал свет очага, вытянув длинные ноги, Даг поднял свою кружку и отхлебнул сидра. Только Фаун заметила, как он втянул воздух: усилие, которое он собрался предпринять, далось ему нелегко.

— Мы вшестером отправились из Лутлии на большой лодке торговать мехами. Смерч налетел неожиданно, небо стало темно-зеленым. Мы с трудом догребли до западного берега и все, что могли, привязали к деревьям, да только не очень-то это помогло: вихрь вырывал деревья из земли, как травинки. Вот тогда-то я и увидел самую странную вещь в своей жизни: ветер сдул с пастбища где-то поблизости белую лошадь, и она пролетела прямо над нами, колотя ногами так, словно мчалась галопом. Мчалась галопом по небу…

На несколько мгновений воцарилась тишина; седые брови Бо поползли на лоб. Наконец Готорн спросил:

— И что же случилось с лошадью? Ты видел, как она опустилась?

— Мы были слишком перепуганы и слишком крепко цеплялись за землю, чтобы думать об этом, — ответил Даг. — Бедная животина разбилась, наверное.

Лицо Готорна сморщилось. Даг быстро взглянул на Фаун и поспешно поправился:

— Или могла кувырнуться вниз и приземлиться в пруду. Выплыла бы, встряхнулась и пошла щипать травку.

Готорн повеселел. Вит повеселел тоже, заметила Фаун и закусила губу.

— Это же выдумка, верно? — неуверенно протянул Вит.

Даг с невинным видом широко раскрыл глаза.

— Ты разве ожидал от меня небылицы?

— Ну, так обычно состязаются фермеры, — начал объяснять Вит. — Полагается на невероятную историю отвечать еще более невероятной.

— Ох, прошу прощения, — склонил голову Даг. — Значит, правдивые истории рассказывать нельзя? Похоже, я опростоволосился.

— Я… — Вит сконфуженно умолк.

Берри потерла губы. Лицо Бо осталось неподвижным, но он поднял свою кружку, молча приветствуя Дага.

* * *

Берри, окинув взглядом Дага и сравнив его рост с длиной койки, предложила им с Фаун расположиться в отведенной для товаров части каюты. Там было темно и довольно сыро, пахло кожами, на которых пришлось расстелить одеяла, но зато Берри принесла кусок толстой ткани, и они с Фаун повесили его на балку, обеспечив таким образом супружеской паре уединение. Это безмолвное признание за Фаун статуса новобрачной заставило Берри погрустнеть, но доброй ночи она пожелала новой подруге без каких-либо комментариев.

Таким образом, оказалось, что Фаун не лишится общества Дага, как она опасалась, учитывая скученность на борту. Куча кож не издавала предательского скрипа каждый раз, когда тела на ней двигались. Дагу пришлось только заглушить смешок Фаун поцелуем, когда они занялись приятным делом поиска друг друга в темноте, что явно пришлось ему по вкусу. Фаун вспомнила,

что его Дар действует одинаково как днем, так и ночью. Видеть Дага было для Фаун наслаждением, и она жалела, что не имеет такой возможности, но зажечь свечу было бы слишком рискованно: отделяющая их занавеска могла загореться, лишив их драгоценного уединения.

Потом, лежа рядом с Дагом в своей любимой позе — ухом к его сердцу, — Фаун прошептала:

— То, что ты рассказал про летающую лошадь, — правда?

— Угу. — Помолчав, Даг добавил: — В следующий раз я эту историю изменю. Ясно, что обязательно нужно упомянуть про пруд. — Грудь его дрогнула от сдерживаемого смеха.

— Ну, мне кажется, это зависит от того, кто твои слушатели. Некоторые мальчишки предпочли бы услышать, что летун лопнул, ударившись о землю.

— Так, возможно, и случилось, — печально признал Даг.

— Мне нравится Готорн, — подумав, сказала Фаун. — Для мальчика он удивительно добросердечен и при этом не застенчив и не боязлив. — Это хорошо говорило о Берри, которая воспитывала брата. — По детям и животным всегда видно, как с ними обращались. Я хочу сказать… если

вспомнить про беднягу Хога.

— Я бы предпочел не вспоминать, — вздохнул Даг.

Они тесно прижались друг к другу, и даже неровный храп, доносившийся с койки в глубине каюты, не мог помешать Фаун уснуть в их уютном убежище.

* * *

Даг проснулся в гораздо лучшем настроении. Готорн и Дейзи показали им с Копперхедом дорогу к лужайке за Опоссумьей Пристанью, где речники пасли своих животных. Кроме них, там никого не оказалось. Даг мирно провел два часа, растянувшись под деревом, пока его конь щипал траву; это к тому же позволило ему уклониться от участия в бурной деятельности Вита, затеявшего перетаскивание ящик за ящиком стекла со склада на «Надежду». Когда парню не удалось привлечь Дага, он попытался захомутать Фаун, но та предусмотрительно сослалась на необходимость пополнить запас продовольствия на барже в соответствии со своими представлениями о готовке; воспрепятствовать ей в этом никто Виту не позволил бы.

После обеда, доказавшего обоснованность за-

бот Фаун о разнообразии припасов, Даг ушел на заднюю палубу и уселся там на ящике, прислонившись спиной к стенке каюты; здесь он не был виден речникам с других судов. Пока он ходил туда-сюда по доске-сходне, ему пришлось вытерпеть обычное любопытство соседей, несколько смягченное, впрочем, тем обстоятельством, что его приняли и хозяйка баржи, и ее маленькая команда. Берри, похоже, пользовалась авторитетом в плавучем сообществе. Даг оглядел лески, свешивающиеся с кормы, и подумал: не следует ли ему своим способом наловить рыбы на ужин, чтобы доказать пользу от присутствия на борту бывшего дозорного. Чистка рыбы, впрочем, требовала двух рук; эта обязанность легла бы на Вита. Даг ухмыльнулся.

Эх, если бы этот ясный осенний день стал пасмурным и дождливым…

Голоса, донесшиеся с носа, сообщили Дагу о том, что Вит на одолженной тележке привез еще один ящик… но этим дело не ограничилось: через каюту кто-то быстро протопал. Вит высунул голову из двери и смущенно сказал:

— Даг, лучше бы тебе выйти…

«Что там еще?»

Даг неохотно обернулся.

— Куда? Зачем?

— На нос. Ну… трудно объяснить зачем.

Вит нырнул обратно в каюту. Даг подтянулся и влез на крышу каюты — так было удобнее, чем пробираться понизу, рискуя удариться головой о балку. Дойдя до противоположного конца крыши, он обнаружил там сидящую, свесив ноги вниз, хозяйку Берри; она растерянно смотрела на то, что происходило на носу.

Там рядом с загоном для козы на бочонке, стиснув в руках палку Дага, сидел Хог; на его длинном лице было написано беспокойство. Вокруг него суетилась Фаун. Вит вынырнул из каюты и возбужденно взмахнул руками.

— Я наткнулся на него у склада, — объяснил он. — Он сказал, что ищет тебя.

С недоумением посмотрев на Хога, Даг спрыгнул с крыши каюты на палубу. Его не особенно порадовало наличие заинтересованных зрителей: на соседней барже двое матросов, опершись на поручни, разинув рты наблюдали за происходящим, как за увлекательным представлением.

— Страж Озера! — обрадовался Хог; впрочем, улыбка на его лице быстро сменилась выражением неуверенности.

— Привет, Хог, — кивнул ему Даг. — Что приве-

ло тебя сюда? — Ведь Мейп и Таннер собирались выехать на рассвете: иначе им было бы не добраться до Глассфорджа за два дня. — Что-нибудь случилось?

Хог, запинаясь, выдавил:

— Я принес обратно твою палку, — и он в доказательство поднял ореховую трость Дага.

— Ну… — Даг растерянно почесал затылок. — Это очень любезно с твоей стороны, только необходимости в том не было. Я могу вырезать себе в лесу другую палку. Совсем не стоило тебе проделывать такой дальний путь со своей больной ногой.

Хог повесил голову и сглотнул.

— Да… моя нога. Она все еще болит.

— Неудивительно. От Жемчужной Излучины тут идти не меньше мили. — Даг закусил губу. Говорить Хогу, что такая идея была не слишком умной, представлялось бесполезным.

— Я хотел… я думал… не сделаешь ли ты со мной того же снова. Ну… как ты говорил — колдовство Стражей Озера.

— Укрепить твой Дар? — предположил Даг.

Хог быстро закивал.

— Ага, ага. Отчего нога перестает болеть.

— Чтобы твое колено не болело, нужно не на-

гружать его, как тебе и было сказано, — строго заметил Даг.

— Пожалуйста… — пробормотал Хог, раскачиваясь на бочонке. Он было протянул к Дагу руки, потом уронил их на колени. Лицо паренька сморщилось, и Даг с изумлением увидел, что глаза его полны слез. — Пожалуйста! Никто никогда раньше не снимал боль… Пожалуйста!

Фаун беспомощно похлопала бедолагу по плечу и озабоченно посмотрела на Дага. Тот вздохнул и присел на корточки перед Хогом, положив правую руку на пострадавшее колено.

— Ладно, посмотрим, что там происходит.

Он осторожно раскрыл свой Дар. Прежнее подкрепление Дара в колене сохранялось, плоть хорошо заживала, но сустав, несомненно, снова воспалился из-за несвоевременной нагрузки. Даг нахмурился.

— Послушай, Хог, — заговорила Фаун, с тревогой наблюдавшая за мужем, — ты же знаешь, что Даг не может в любой момент прибегнуть к целительству. Это отнимает у него очень много сил. Ему нужно время, чтобы прийти в себя.

Хог сглотнул.

— Я подожду. — Умоляюще глядя на Дага, он повозился на своем бочонке, словно готовясь

просидеть на нем весь день, а то и неделю.

Даг покачался на пятках, глядя на паренька.

— Ты не сможешь ждать так долго. Разве Мейп и Таннер не собирались выехать пораньше? — Если из-за этой глупой затеи Хога им пришлось задержаться, возчики будут недовольны.

— Они и выехали…

— Что? — изумленно переспросил Вит. — Они что, просто бросили тебя здесь?

— Нет, они рассчитали меня.

— Но это же нечестно! Просто потому, что ты неделю или две не сможешь ходить, они не должны были тебя вышвыривать! — Вит нахмурился при мысли о такой несправедливости.

— Да нет… Я сам попросил отпустить меня.

— Почему?

— Я хотел остаться. Здесь. Нет, не здесь, — Хог неопределенным взмахом руки обвел Жемчужную Излучину. — С *ним*. — Он показал на Дага. — Он мог бы меня нанять.

— Для чего? — недоуменно спросила Фаун.

— Не знаю, — пожал плечами парнишка. — Так… для чего-нибудь. — Он настороженно посмотрел на Дага. — Ну, сначала, конечно, для какой-нибудь сидячей работы… — После паузы он добавил: — Платить мне ничего не нужно.

— Ты хоть что-нибудь о судах знаешь? — задумчиво спросила Фаун. Она бросила взгляд на Берри, которая все еще сидела на крыше каюты и с тревогой следила за происходящим.

Хог неуверенно покачал головой.

Вит скривил губы. Подойдя к Берри, он прошептал:

— Боюсь, Хог не слишком сообразителен.

— Ну, мои сбежавшие гребцы тоже были туповаты. Мне по нескольку дней приходилось ждать, пока они вернут миски, из которых ели.

Вит спрятал ухмылку и продолжал:

— Но он старательный. Я хочу сказать — станет, когда у него заживет колено, по которому его лягнул злой конь Дага, — так это случилось. Даг его вылечил, как водится у Стражей Озера.

— Хм-м… На «Надежде» все еще не хватает команды, это верно.

— Он вроде как сирота, насколько я понял.

Брови Берри поползли вверх.

— Занятно… Я тоже вроде как сирота. — Она посмотрела на Хога более оценивающе.

Даг подумал о том, не удастся ли ему уговорить Хога сесть позади него на Копперхеда, чтобы галопом догнать Мейпа и Таннера и вручить им их подручного для доставки в Глассфордж. Впрочем,

было ясно: Хог не захочет ехать, и у Дага возникло очень нехорошее подозрение о причине этого. Дело тут было не только в несчастной прошлой жизни мальчишки.

Удастся ли ему проверить свое подозрение? Хог согнулся, снова обхватив обеими руками колено. Не приходилось сомневаться: боль и в самом деле мучила его.

Даг откашлялся.

— Ладно, Хог, я смогу еще немного укрепить твой Дар. Но после этого ты должен вести себя как положено и выполнять распоряжения, чтобы твое колено зажило. Хорошо?

Лицо Хога засияло от радости, он закивал. Приоткрыв рот, мальчишка следил, как Даг наклоняется над его коленом и кладет руку на больное место.

Воспользоваться Даром оказалось легко; Даг почувствовал, как из его руки словно волна тепла растеклась по пульсирующему суставу. На мгновение все напряжение исчезло из тела Хога; он втянул воздух, наслаждаясь облегчением.

— Хорошо, — прошептал он, — до чего же хорошо!

Фаун ободряюще похлопала паренька по плечу.

— Вот видишь! Скоро ты совсем поправишься.

Берри задумчиво потерла губы.

— Очень интересно. Страж Озера, так ты еще и костоправ?

— Иногда приходится, — признал Даг, поднимаясь на ноги. Сердце его колотилось, и не только от предпринятого усилия. — Только в чрезвычайных ситуациях. Я не был обучен настоящему целительству.

Фаун начала с гордостью рассказывать Берри, как Даг с помощью своего Дара восстановил разбитую чашу, но умолкла, когда Даг ухватил ее за руку и увлек в каюту. Он не остановился, пока они не оказались у очага, где их никто не мог бы услышать.

— Что-то не так? — испуганно спросила Фаун. — Нога у Хога не заживает?

— Да нет, заживает прекрасно. И его живот тоже.

— Ну, я рада это слышать. Знаешь, я подумала: может быть, путешествие по реке пойдет ему на пользу — теперь он ведь не будет мучиться все время. Уверена: мы сможем присмотреть за ним лучше, чем те возчики.

— Тихо, Фаун. Дело не в этом. Тут кое-что другое.

Напряженный голос Дага заставил Фаун заморгать и внимательно на него посмотреть.

— Хог… — Даг глубоко втянул воздух, — совершенно околдован. И я не знаю, как его от этого избавить.

8

Выражение лица Дага было очень встревоженным, даже испуганным; Фаун тоже пришла в смятение.

— Как это случилось? — спросила она.

— Не уверен… Наверное, когда я лечил его колено… только… только я совсем этого не хотел. Я всегда думал, что околдовать можно лишь нарочно.

— Значит, такое колдовство существует? — Фаун считала это россказнями, выдумками. Клеветой на Стражей Озера.

— Я сам никогда с таким не сталкивался, только слышал о подобном. Сплетни, всякие истории… Мне не приходилось встречать крестьянина, который… Ну, до тех пор как я встретил тебя, я вообще как следует не знал никого из крестьян. Я проезжал мимо, вел с ними дела — да, все это было, но так долго близок ни с кем я не бывал.

— На что похоже такое колдовство?

— Ты видела почти столько же, сколько и я. Хог хочет все больше — больше исцеления, больше подкрепления Дара, больше… меня, наверное.

Фаун недоуменно наморщила лоб.

— Но ведь Стражи Озера лечили меня. Ты, Мари, старый Каттагус как-то, когда я обожгла руку. И я не стала околдованной. — «Или стала?» Эта мысль вызвала более сильное чувство, чем просто смятение. Фаун вспомнила, в какую ярость пришла, когда брат Дага Дор именно это и предположил, издеваясь над их браком.

— Я… — Даг покачал головой, и Фаун понадеялась, что это отрицание ее зависимости от него, а не просто попытка прогнать туман в голове. — Это все были мелочи. То, что я проделал с Хогом, являлось самым глубоким погружением, на какое только может отважиться целитель. Я едва сумел высвободить собственный Дар.

Фаун испуганно прижала руку к губам.

— Даг, ты же ничего мне об этом не говорил!

Даг жестом успокоил ее.

— Что касается тебя… не знаю, как и сказать. Твой Дар не голоден, как Дар Хога. Ты — само изобилие. Думаю, ты и не подозреваешь, как много ты мне даешь — даешь каждый день. — Даг нахмурил брови, словно пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль. — Я даже почти убедил себя в том, что риск околдовать крестьянина, оказывая ему медицинскую помощь, преувеличен… что у других могут возникать проблемы, но

я-то — исключение. Похоже, мне нужно крепко подумать.

Оба они резко повернулись при звуке шагов. Хозяйка Берри, хмурясь, пробралась между загромождавшими каюту товарами.

— Что ты собираешься делать с тем парнем, Страж Озера? Берешь ты на себя ответственность за него или нет? Пока от него не слишком-то много пользы.

— Он мог бы быть судомойкой, — с некоторым сомнением сказала Фаун. — Даг, сколько времени пройдет, прежде чем его можно будет посадить за весло?

— Если его удастся этому обучить, имеешь ты в виду? Через пару недель, при условии что он снова не повредит колено. — Даг посмотрел на Фаун, сведя брови. — Через две недели мы уже спустимся далеко вниз по реке.

— Это если хоть когда-нибудь снова пойдет дождь, — вздохнула Берри.

— Если ссаживать Хога на берег, то лучше здесь, чем где-то в незнакомом месте, — сказал Даг. — Я не знаю, что с ним делать.

Не знает, как его расколдовать… А если оставить Хога в Опоссумьей Пристани, не попытается ли он следовать за Дагом? И если попытается, то

до какого предела?

— Ну… — пробормотала Фаун, — если мы возьмем его с собой, тебе то ли удастся разобраться, то ли нет. Если же оставить его здесь, ты никогда этого не узнаешь.

Даг огорченно поскреб подбородок.

— Ты, пожалуй, права, Искорка.

Фаун взглянула на Берри, которая слушала их, подняв брови. Нет, собственные дела хозяйки баржи были не так хороши, чтобы просить ее еще и позаботиться о Хоге. Это было их с Дагом дело.

— Я готова взять его с собой, — сказала Фаун, — если ты, Даг, согласен.

Даг глубоко вздохнул.

— Значит, потащим его с собой.

Хозяйка Берри коротко кивнула.

— Выходит, на «Надежде» появилась судомойка. — С некоторым сожалением она добавила: — За проезд я с него ничего не возьму.

* * *

Когда среди дня солнце согрело воздух, дядюшка Бо возглавил поход к Излучине, где местные жители собирались спасти сколько удастся угля с недавно разбившейся баржи, пока вода стоит низко. Хог остался на «Надежде», чтобы не потре-

вожить колено; считалось, что он должен нести вахту, но, как подумала Фаун, скорее всего он будет дремать. Вит преисполнился энтузиазма, узнав, что хозяин разбившейся баржи покупает извлеченный из воды уголь, хоть и по грошовой цене. Некоторые сборщики предпочитали забирать уголь себе, и тогда под ругань хозяина баржи за те же гроши его могли купить все желающие. Берри рассказала Фаун, что такой порядок установился несколькими днями раньше, после того как сборщики опрокинули свои корзины на самом глубоком месте, чтобы заставить хозяина баржи вести себя разумно. Вит разделся и вместе с Бо и Готорном принялся нырять за рассыпавшимся по дну грузом баржи — или, изогнувшись, захватывать куски угля пальцами ног. Фаун присоединилась к Берри: подоткнув юбки, они шлепали по мелководью, забирали у ныряльщиков мокрые мешки и рассыпали уголь на берегу сушиться. Осень сделала воду холодной.

Даг решительно заявил, что, будучи одноруким, участвовать в сборе угля не может; это заставило Фаун поднять брови и фыркнуть. Даг с удобством расположился на берегу, привалившись к стволу дерева и глядя на реку. Фаун забеспокоилась: не лишило ли его сил новое подкрепление Дара

Хога… Даг не обращал внимания на глазевших на него речников и жителей деревни, занятых сбором угля ниже по течению. Никто из молодежи из лагеря Стражей Озера не явился, чтобы поживиться плодами крушения, как заметила Фаун.

После часа спокойной работы мимо сборщиков в направлении Излучины прошла компания из полудюжины загорелых матросов. На некоторых из них были полосатые штаны, другие щеголяли цветными платками, повязанными вокруг головы, или перьями на шляпах. Парни начали было выкрикивать грубые шутки в адрес Фаун и Берри, но потом кто-то узнал хозяйку баржи и одернул приятелей. Берри достаточно дружелюбно помахала им; Даг приоткрыл один глаз, но увидев, что ничего не происходит, снова его закрыл.

— Куда это они направляются? — спросила Берри Фаун.

— В Жемчужную Излучину — думаю, чтобы выпить в таверне.

— А разве в Опоссумьей Пристани нет таверны? — Фаун вспомнила, что именно туда отправлялась Берри на поиски Бо, когда тот надолго исчезал.

Берри ухмыльнулась и, понизив голос, ответила:

— Есть-то есть, да только сейчас ниже Излучины причалила постельная лодка. Ее содержат три сестры и пара их кузин. В Пристани такого нет — хозяйка парома их не потерпела бы.

Фаун запнулась: ей не хотелось обнаруживать собственное невежество. Некоторые подозрения у нее, конечно, имелись… Впрочем, она ведь теперь замужняя женщина.

— Постельная лодка? — переспросила она наконец.

— Некоторые из девиц, которые спят с речниками за деньги, держат собственные суда и плавают вверх и вниз по реке. Так им легче смыться, если женщины в городе начинают возражать, и не приходится делиться доходом с хозяевами таверн.

Фаун задумалась о том, было ли известно маме Блуфилд о таком экзотическом промысле на реке.

— Ты когда-нибудь встречала хозяек постельных лодок?

— Время от времени. Когда плаваешь на плоскодонках, задавая гребцам ритм игрой на скрипке, рано или поздно знакомишься практически со всеми речниками. Ну, конечно, не самыми отпетыми: папа не брался работать на постель-

ных лодках. Большинство этих девиц славные: некоторым пришлось заняться таким ремеслом из-за невезения, другим оно, похоже, нравится. Встречаются среди них и воровки — поэтому у постельных лодок дурная слава. Ну, проходимцы встречаются и среди матросов, — поморщилась Берри.

По молчаливому соглашению разговор на эту тему прекратился, когда Вит помахал им, приглашая забрать улов. Фаун гадала, слышал ли Вит о постельной лодке; она не сомневалась, что он проявил бы даже большее любопытство, чем она сама. А денежки у него в кармане сейчас были… Фаун решила ничего при Вите о постельной лодке не говорить. Потом она задумалась о том, не навещают ли легкомысленных девиц мужчины из лагеря Стражей Озера. Даг должен знать… И если задать ему прямой вопрос, он, наверное, расскажет ей, хотя, конечно, первый на эту тему не заговорит.

Она высыпала уголь из мешка Вита, а Берри — из мешков Бо и Готорна на образовавшуюся кучу; потом Берри зашла в воду, чтобы кинуть мешки мужчинам. Вит благодарно улыбнулся ей посиневшими губами. Солнце садилось, и на берег легли тени; Фаун принялась тереть

одна о другую замерзшие ноги, гадая, долго ли Берри и Бо собираются продолжать… Тут Даг приподнялся и повернул голову; согнув колено, он принял сидячее положение. Фаун проследила за его взглядом.

По тропинке вдоль берега приближались трое немолодых Стражей Озера — две женщины и мужчина. Одна из женщин была одета как дозорная, другая носила шерстяную юбку и кожаные туфли, украшенные иглами дикобраза; на мужчине были опрятные штаны и рубашка, а на спине лежала аккуратная коса, ничем не украшенная. В отличие от женщин, в его волосах не было седины, однако лицо мужчины выдавало возраст. Левая рука его была перевязана. Все трое выглядели одинаково хмурыми.

Стражи Озера остановились перед Дагом. Женщина-дозорная сказала:

— Даг Блу-как-тебя-там, нам нужно с тобой поговорить.

Даг сделал приглашающий жест, указав на траву и корни дерева рядом с собой.

Берри подошла к Фаун, и обе женщины вытаращили глаза на Стражей Озера. Те оглянулись на них, и женщина-дозорная мотнула головой в сторону.

— Наедине.

Даг прикрыл глаза, потом кивнул.

— Хорошо. — Он поднялся на ноги и сказал: — Я скоро вернусь, Искорка, или догоню вас уже на «Надежде».

Никто из Стражей Озера не обратил внимания на Берри, но все они пристально посмотрели на Фаун — и особенно на тесьму на ее левой руке. Фаун коснулась тесьмы пальцами правой руки и подняла подбородок. Она ожидала, что Даг представит ее, но он этого не сделал, просто коснувшись виска и довольно сурово кивнув. Было ли ему известно, чего хотят эти Стражи Озера? Если и было, то Фаун он ничего не говорил… Он вообще ничего не рассказал ей о своем посещении лагеря, когда догнал ее накануне, и в возбуждении от последующих событий она его ни о чем не спросила, просто предположив, что он не нашел тех друзей, с которыми хотел повидаться. Теперь стало ясно, что дело было не только в этом. Фаун с беспокойством следила, как Даг удаляется по тропе вдоль реки вместе с тремя мрачными Стражами Озера.

* * *

Поскольку его Дар снова был закрыт, Даг не мог напрямую распознать настроение своих спутников, да в этом и не было нужды. Амма Оспри и Ниси Сэндвиллоу явно были недовольны, еще более недовольны, чем накануне, а мужчина казался потрясенным; правой рукой он прижимал к груди свою пострадавшую левую. У него не было с собой сумки с инструментами, но одежда и осанка явно выдавали его ремесло.

Амма свернула с тропы и углубилась в лес, выбрав место, где их никто не мог бы увидеть и услышать. Троица уселась на стволе поваленного тополя, и Амма показала Дагу на дубовый пень рядом. Взмахнув рукой, она коротко представила незнакомого мужчину:

— Верел Оулет, целитель из нашего лагеря.

Напряжение, исходившее от троих Стражей Озера, оказалось заразительным. Даг не мог решить, следует ли ему резко поинтересоваться «В чем дело?» или холодно спросить «Что я могу для вас сделать?». В конце концов он просто склонил голову и назвался:

— Даг Блуфилд.

Под неуверенными взглядами остальных Амма

сделала глубокий вдох и заговорила:

— Первым делом я хочу узнать, есть ли основания в слухах, распространившихся по Жемчужной Излучине. Правда ли, что ты вылечил ногу какому-то возчику из Глассфорджа пару дней назад?

Даг поколебался, затем ответил:

— Да. Мне пришлось — его лягнул мой конь.

Целитель взволнованно спросил:

— Ты прибег к помощи Дара или просто вправил ему кость?

Вместо ответа Даг показал ему свой крюк. Однако призрачная рука осталась скрытой — как и вообще его Дар.

— Я редко делаю что-то, требующее участия двух рук.

— Ах, ну да… — пробормотал целитель. — Прости. А поняли возчики, что ты сделал?

— Да. Я не делал секрета из своих действий. — Скорее он постарался произвести на зрителей впечатление…

Амма зашипела сквозь зубы и выдохнула:

— Проклятие!

Различные возможные оправдания боролись в душе Дага с желанием выспросить у целителя обо всем, что тот знает об околдовывании.

Вместо этого он осторожно поинтересовался:

— А почему вы спрашиваете?

Верел Оулет выпрямился, положив раненую руку на колено.

— Впервые я услышал о твоем трюке, когда какой-то крестьянин из Жемчужной Излучины — он вроде тамошний плотник — явился сегодня утром в мой шатер и потребовал, чтобы я пошел к его больной жене. Когда я сказал ему, что Страж Озера может лечить только других Стражей Озера, он начал болтать об этой истории с возчиком, о которой, как видно, говорили в таверне накануне. Сначала он умолял, потом предложил мне деньги и наконец кинулся на меня с ножом, чтобы заставить пойти в деревню. Рядом было несколько дозорных, так что они успели отнять у него нож, а потом отвели до перекрестка. Он ушел, плача и ругаясь.

Верел был, конечно, потрясен нападением, решил Даг, но также и отчаянием нападавшего. Целители бывали обычно очень чувствительны из-за необходимости быть открытыми для своих пациентов. Насколько больна была жена этого плотника? Образ смертельно больной Фаун непрошено явился Дагу, и он подумал: «Я бы сделал много больше, чем просто броситься

с ножом».

— Но ведь это же неправда.

— Что неправда? — спросила Ниси.

— Неправда, что Стражи Озера не могут с помощью Дара лечить крестьян.

— Именно так мы говорим здешним крестьянам, — нетерпеливо бросила Амма. — Отсутствующие боги, ты подумай головой! У нас всего один умелый целитель и два его помощника — едва достаточно для нас самих!

— Скорее недостаточно, — пробормотал Верел.

— Мы продаем крестьянам те лекарства, которые изготовляем и которые есть в излишке, да, — продолжала Амма, — но они же высосут бедного Верела досуха, если узнают… Они будут приходить и приходить, и сцены вроде сегодняшней окажутся еще не самой большой из наших бед.

— Они никогда не поймут, что такое Дар, — сказал Верел, — чего его использование нам стоит, какой опасности подвергает.

— Не поймут, если им никогда ничего не рассказывать, — сухо ответил Даг. — Странно, правда?

Амма пристально посмотрела на Дага.

— Тебе-то хорошо — ты уедешь, как только вода поднимется. А мы останемся здесь, и нам придет-

ся каждый день иметь дело с этими людьми.

Верел смотрел на Дага с новым интересом.

— Твой напарник Саун говорил, что у тебя необычно сильный — для дозорного, конечно, — Дар.

О боги, ну конечно: здешний целитель наверняка разговаривал с выздоравливающим Сауном, да и с Рилой тоже.

— Я делал, что мог, с тем, что имел. Медицинская помощь в походе требуется иногда экстренно. — Правда, с появлением призрачной руки Даг как будто стал иметь… больше. Была ли это какая-то новая сила или просто проявление исцелившегося после давнего увечья Дара, даже знаменитая целительница Хохария не смогла определить.

Верел не упомянул о неумышленном околдовывании как об основании отказывать в помощи крестьянам. Да и знал ли он вообще о таком, если никогда никого, кроме Стражей Озера, не лечил? Может быть, воздействие Дага на Хога было чем-то уникальным? Даг неожиданно подумал: а знает ли Амма о том, что Хог не отправился домой вместе с другими возчиками? Наверное, не знает, раз не упомянула об этом.

Ниси Сэндвиллоу усталым жестом потерла свое

морщинистое лицо.

— Что именно ты говорил этим крестьянам и речникам, Даг?

— Ничего. Иногда правду, но по большей части ничего. По крайней мере, — мрачно добавил Даг, — я не прибегал к удобной лжи.

— Отсутствующие боги! — воскликнула Амма. — Тебя только изгнали, или ты собрался стать предателем?

— Ни то и ни другое! — Даг возмущенно выпрямился. «Предатель» было еще более гнусным оскорблением, чем «беглец». Стражи Озера, каковы бы ни были их дарования, редко становились отступниками; на памяти Дага такого не случалось ни разу, однако страшные предания прошлого он слышал. Дозорные, имевшие опыт выслеживания, несомненно, быстро обнаружили бы такого безумца и уничтожили его — совсем как Злого. — Громовержец фактически дал мне свое благословение. Если мне удастся найти ответ, он хочет его узнать. Он так же ясно видит проблему, как и я.

— И что же это за проблема? — скептически поинтересовалась Амма.

— Я столкнулся с нею летом в Рейнтри, — начал Даг, стараясь собраться с мыслями. Предшество-

вавший разговор был не слишком хорошим вступлением к обсуждению такого серьезного вопроса, но тут уж он ничего поделать не мог. — Там Злой чуть не ускользнул от нас, потому что вывелся совсем рядом с городом и украл силу пяти сотен горожан даже еще до того, как двинулся на юг. Так случилось потому, что никто не учил крестьян опасаться Злого. Вот я и спросил Громовержца: что произошло бы, появись он у незаконно возникшего поселения? Или у большого города, такого, как Трипойнт или Серебряные Перекаты? Для Злого это было бы мгновенно приобретенное богатство. И чем больше фермеров просачивается на север, чем большую территорию они заселяют, чем крупнее становятся их города — а Жемчужная Излучина выросла вдвое с тех пор, как я в последний раз проезжал здесь, — тем более вероятным делается такое несчастье. И что же мы тогда будем делать?

— Оттесним крестьян обратно на юг, — немедленно ответила Амма. — Им здесь не место.

— Ты же знаешь, что они не уйдут. Они уже не одно поколение осваивают земли к северу от Грейс, они тяжелым трудом сделали эти земли своими. Нас и так слишком мало, чтобы вовремя обнаруживать всех Злых, и если мы еще ввяжем-

ся в войну с крестьянами, то победителей в ней не будет, а выиграет от нее только следующий появившийся Злой. Фермеры уже здесь, и здесь мы должны искать выход.

Даг не мог не подумать о том, что там, где вместе будут жить крестьяне и Стражи Озера, предстоит жить и их с Фаун детям. Эта новая и очень личная сторона проблемы стала беспокоить его только теперь; Даг многие годы — пока она не обрела такого значения для него — просто от нее отмахивался.

«Этот кризис назревал всю мою жизнь. Он не должен был бы оказаться сюрпризом».

Новая мысль заставила Дага помолчать, прежде чем он продолжил:

— Лагерь Хикори не имеет дела с крестьянами — с ними соприкасаются только дозорные, — потому что окружен лесами, куда фермеры еще не проникли. Здесь, на переправе Жемчужная Стремнина, вы сталкиваетесь со всеми проблемами уже не один год. Вы должны были уже найти способ уживаться с крестьянами.

— Еще чего, — проворчала Амма. — Ты только подумай об этих идиотских горшках на голове — вот пример того, с каким страхом и подозрительностью относятся к нам эти люди. И ты

полагаешь, что мы дадим им доказательство того, чем в действительности занимаемся? Если нельзя вытурить крестьян, значит, нужно переселиться нам — как минимум на пять миль выше по течению. Вот мой ответ. — Она сердито посмотрела на Ниси, которая ответила ей тем же.

Даг покачал головой.

— Со временем крестьяне заполнят всю эту долину. Если уже сейчас трудно держаться от них подальше, позднее это сделается невозможным, когда переселяться станет некуда. Нам следовало бы подумать о будущем заранее.

— Кому это «нам», Даг Блуфилд-без-лагеря? — бросила Амма. — Твоя светлая мысль о помощи крестьянам чуть не привела к убийству нашего целителя сегодня утром.

Верел изобразил слабый протест, хотя только по поводу собственной возможности погибнуть.

Амма воинственно продолжала:

— Я сказала этим недотепам из деревни, что лечить крестьян могут только Стражи Озера с золотыми глазами, хотя и тревожусь теперь за бедолагу с такими же глазами, который им попадется в следующий раз. Пожалуй, следует сказать им, что на это способны только дозорные из лагеря Хикори; вот пусть твои соплеменники

и разбираются с любителями помахать ножом.

— На самом деле, — медленно проговорила Ниси, — лечение крестьян — такая же проблема, как и война с ними. Такая ноша тяжело ляжет на нас, еще больше осложнит борьбу со Злыми.

По крайней мере она прислушивалась к тому, что говорил Даг. Что ж, она — член совета, привычная к спорам… Даг попытался предложить выход:

— Мы сохранили бы равновесие, если бы крестьяне, в свою очередь, взяли на себя часть наших обязанностей. Не в подарок, а в обмен. — Он посмотрел на Ниси и рискнул добавить: — Или даже в виде денежной сделки. — Такова была тайная мысль Дага о том, как заработать на жизнь в крестьянской стране… до того момента, как проблема с околдовыванием так его смутила.

Ниси подняла брови.

— Так что, лечить только богатых фермеров?

Даг открыл было рот и тут же его закрыл. Похоже, он не все продумал… да что там, тут сложностей не оберешься.

Верел странно посмотрел на Дага.

— Немногие способны на глубокое подкрепление Дара.

— А это не каждому и нужно. Очень многие

могут оказывать помощь в легких случаях. Мы, дозорные, все время лечим друг друга.

— Чем именно ты, дозорный, помог тому возчику? — спросил Верел.

Даг пожал плечами, потом, сглотнув, как можно более кратко описал, как передвинул обломки кости, как соединил сосуды и нервы, чтобы повреждения могли начать заживать. Он был очень осторожен, когда упомянул о своей призрачной руке: назвал ее проекцией Дара, как делала и Хохария. Даг надеялся, что целитель одобрит его действия, если уж не то, что совершены они были на пользу крестьянину. Он не стал упоминать о неожиданных последствиях своего вмешательства, хотя и позволил себе высказать сожаление об отсутствии страхующего напарника.

— Целительница в лагере Хикори знала, что ты на такое способен, и *отпустила* тебя? — спросил Верел.

В Рейнтри Хохария видела, как Даг совершает и более странные вещи…

— Хохария пыталась привлечь меня к своим делам, и если бы она была готова признать Фаун как мою жену и, может быть, как помощницу, я, возможно, согласился бы. Только она не захотела, так что мы расстались. — Даг заметил, что Верел

смотрит на него с алчностью, хотя и настороженно. Следовало ли ему понять намек? Вдвоем с Фаун они могли сойти за полутора целителей — ценное добавление к недостаточному для лагеря штату.

Верел, похоже, думал о том же, потому что Даг ощутил прикосновение его Дара к свадебной тесьме, скрытой от обычного взгляда рукавом.

— Она похожа на настоящую, — с сомнением протянул целитель.

— Таковой она и является.

Верелу явно очень хотелось уединиться с Дагом и расспросить его о том, как удалось изготовить тесьму. Дагу столь же сильно хотелось отвести целителя в сторонку и вытрясти из него все, что тот знал о подкреплении Дара, о его повреждениях, об околдовывании и сотне других сложностей… однако ему было ясно, что раздраженная Амма не для того к нему явилась.

— Старые обычаи прекрасно годились в течение тысячи лет, — мрачно сказала Амма. — Нет ничего, что сохранялось бы так долго без веской причины. Так пусть крестьяне остаются крестьянами, а Стражи Озера — Стражами Озера; так все мы выживем. Смешивать разные вещи опасно. Хорошо, если такое падет только на твою

собственную глупую голову, но ни к чему, чтобы это вредило кому-то еще. — Она показала на перевязанную руку Верела.

— Это все, чего ты хочешь? — вызывающе спросил Даг. — Чтобы проблема переместилась куда-нибудь прочь?

Амма фыркнула.

— Если бы я попыталась взвалить на себя беды всего мира, я бы сошла с ума. И Жемчужная Стремнина пострадала бы. Я командую здешними дозорными. Соседние лагеря отвечают за свои территории, их соседи — за свои, по всей равнине, да и за ее пределами тоже. Так мы и выживаем — каждый сам по себе и все мы вместе. Я должна доверять соседям, они должны доверять мне. Доверять, в частности, в том, что я не стану гоняться за болотными огоньками. Так что будь добр, Даг-без-лагеря, держись в сторонке и не будоражь народ на моей территории.

— С подъемом воды я уеду, — сказал Даг. Показав на холодную синеву безоблачного неба, он добавил: — Только управлять дождями я не могу.

— Это меня устраивает, — проворчала Амма Оспри. Она резко поднялась, показывая, что разговор окончен. Двое ее спутников поднялись тоже, хотя продолжали хмуриться скорее от тре-

вожных мыслей, чем в раздражении.

Было ясно, что момент снова заговорить о разделяющем ноже неподходящий. Даг вздохнул и поднял руку к виску в вежливом приветствии.

9

Фаун то и дело оглядывалась на лес, но Даг так и не вернулся на берег до того, как хозяин угольной баржи явился с тачкой и выкупил их добычу. Берри скрупулезно разделила скромный заработок на пять частей. Когда они возвращались к «Надежде», Бо бесшумно исчез в удлиняющихся тенях, направившись в Опоссумью Пристань.

Берри только покачала головой. На вопросительный взгляд Фаун она ответила:

— Мы с Бо заключили соглашение: он не пропивает деньги, которые я зарабатываю на барже. До сих пор он его соблюдал. — Берри вздохнула. — Не думаю, что мы увидим его до утра.

Все еще дрожа, несмотря на сухую одежду, Вит и Готорн развели огонь в очаге, пока Фаун и Берри, натыкаясь друг на друга, накрывали на стол и готовили горячую еду. Встревоженный Даг явился, как раз когда Фаун раскладывала по мискам бобы с беконом. На вопросительный взгляд жены он только покачал головой.

— Может, прогуляемся после ужина? — шепнула Дагу Фаун, когда он садился к столу.

— Было бы неплохо, — согласился Даг.

И прогуляться, и поговорить… Фаун видела, что Дага что-то гнетет. Впрочем, она тут же отвлеклась на готовку, счастливая возможностью иметь хоть тесную, но настоящую кухню после того, как целое лето коптилась в дыму у открытого огня. Она принялась угощать стеснительного Хога, и тот впал в противоположную крайность: накинулся на свою порцию с такой жадностью, словно кто-то мог отнять у него миску. Вит принялся отчитывать парнишку, и Фаун пришлось отвернуться и спрятать улыбку при виде того, как Хог с почтением выслушивает указания Вита — да к тому же насчет правил поведения за столом. Готорн весело обсуждал разнообразные способы потратить заработанные на добыче угля деньги. Берри посоветовала ему приберечь денежки, а Вит — купить на них что-то, что можно с выгодой продать ниже по течению.

— Лучше всего что-нибудь небьющееся, — предложила Фаун, заработав недовольный взгляд Вита. Даг молча улыбнулся, и на сердце у Фаун стало легче. За квадратными окнами каюты наступала морозная ночь — к утру на стеклах, должно быть, появятся ледяные узоры, — но внутри было уютно и светло от масляной лампы. Уютно… и в компании друзей. Фаун нашла, что

это очень ей нравится. Даг повернул голову и положил вилку. Через мгновение по сходням прогрохотали тяжелые шаги и кто-то спрыгнул на палубу. Баржа слегка качнулась. В переднюю дверь каюты — люк, мысленно поправилась Фаун, — заколотил чей-то кулак, и мужской голос прорычал:

— Хозяйка Берри, вышли-ка к нам того длинного Стража Озера, который у тебя тут прячется!

— Что? — удивленно спросил Вит поморщившегося Дага. — Кто-то к тебе пришел, Даг?

— Довольно много этих «кто-то», — вздохнул Даг.

— Вечно Бо нет, когда он нужен, — проворчала Берри, поднимаясь со скамьи. Вит и Фаун последовали за ней к двери; Готорну Берри знаком велела оставаться на месте. Хог боязливо съежился, а Даг остался сидеть, где сидел, только провел правой рукой по волосам, а потом оперся о нее подбородком.

— Берри! — прокричал тот же голос. — Давай его сюда, говорят тебе!

— Потише, Вейн, ты перебудишь всех мальков в реке своими воплями, — раздраженно крикнула в ответ Берри. — Я прекрасно тебя слышу, я не глухая. — Она распахнула люк и вышла нару-

жу. — Что за переполох? — Вит встал у ее локтя, Фаун выглядывала из-за спины брата.

На передней палубе между загоном для козы и курятником высился здоровенный речник. Даг оставил Копперхеда привязанным к дереву на берегу в стороне от тропы, утешив охапкой сена, но коза Дейзи забеспокоилась и заблеяла. Речник — Вейн? — размахивал факелом. Оранжевый свет плясал на его широком лице, разрумянившемся не от ходьбы или холода, а, судя по исходившему от него густому запаху, от пива.

На берегу собралась толпа человек из двадцати. Фаун смотрела на них в панике. Некоторых из матросов она узнала: это были те самые обладатели красно-синих полосатых штанов, что днем прошли мимо, направляясь в Жемчужную Излучину. Остальные, должно быть, были деревенские жители; между ними виднелось несколько женщин. У кого-то имелись фонари, пара речников размахивала факелами. На фоне темного берега сборище сияло, как костер.

Обычно речники носили за поясом ножи, некоторые из которых не уступали боевому ножу Дага, но теперь почти все сжимали еще и дубинки. Шестеро матросов держали на плечах снятую с петель дверь, на которой лежала закутанная

в одеяла стонущая фигура. На мрачных лицах было написано напряжение, улыбки казались то глупыми, то волчьими. Фаун подумала, что эти люди выглядят скорее возбужденными, чем разозленными, но их число ее смущало. Разбуженные шумом, речники на соседних баржах собрались у поручней, наблюдая за происходящим.

— Марк-плотник говорит, что эти надутые Стражи Озера отказались лечить его жену, а ей ужас как плохо. — Хозяин Вейн ткнул толстым пальцем в скорчившуюся фигуру на двери. — Так что мы на «Кусачей черепахе» проголосовали и решили, что нужно заставить помочь ей *этого!*

Толпа согласно заворчала и качнулась вперед; носильщики накренили дверь, и с нее донесся резкий крик. Широкоплечие матросы виновато переглянулись и более бережно перехватили ношу.

Фаун подумала о том, не стоит ли ей заявить, что Даг отсутствует, и не последует ли в этом случае насильственный обыск баржи, как, прежде чем она успела открыть рот, Даг вынырнул из люка и выпрямился во весь рост — он был на ладонь выше хозяина Вейна, с удовольствием отметила Фаун.

— Привет, — обратился он к толпе своим

глубоким спокойным голосом. — Что у вас приключилось?

Речник наклонил голову, как бык, готовый броситься на обидчика.

— У нас тут очень больная женщина.

Взгляд Дага скользнул по берегу.

— Вижу.

Благодаря Дару он наверняка видел гораздо больше и разобрался в ситуации еще до того, как вышел на свет факелов. Фаун ухватилась за эту мысль. Только знает ли он, что делает? Если и нет, то все равно он знает о каждом из собравшихся больше, чем те догадываются.

— Ты вылечил разбитое колено тому парню-возчику, — продолжал Вейн. — Он прошлым вечером показывал его нам в таверне. Мы все видели. Мы знаем, что ты можешь помочь.

Даг сделал глубокий вдох.

— Я, знаешь ли, не настоящий целитель, я всего лишь дозорный.

— Не пытайся своими увертками обмануть нас!

Даг вскинул голову; речник отступил на шаг, встретившись с его сверкнувшими глазами.

— Я не обманываю. — Про себя он прошептал: «И не стану лгать». Он потер шею, поднял взгляд

и тихо спросил Фаун, подобравшуюся к нему поближе: — Ты не замечаешь туч на горизонте?

Длинные прозрачные полосы облаков предвещали перемену погоды. Фаун посмотрела в ту же сторону, что и Даг. Легкая пелена, похожая на снятое молоко, скрыла осенние звезды на западе.

— Да… пожалуй.

Даг ободряюще улыбнулся жене.

— Что ж, рискнем. — Он повернулся и распорядился: — Несите ее сюда и положите на палубе. Нет, для всех вас здесь нет места. Только ее муж и… есть тут кто из ее родственниц? А, сестра — хорошо. Поднимись сюда, мэм. — Толпа зашевелилась, матросы принесли еще пару досок, чтобы расширить сходни, внесли на палубу дверь и с кряхтением опустили ее.

— Вит, оставайся поблизости, а ты, Фаун, стой рядом, — сказал Даг; шум на берегу заглушил его слова. — Это и есть ее муж? — спросил Даг, когда вперед вышел молодой человек с черными кругами под глазами. — Вот дерьмо, он же не старше Вита!

Риск уронить импровизированные носилки в грязь заставил людей отойти подальше; тех, кто оказался на территории Берри, тоже удалось потеснить — на это ее авторитета хватило: она

просто объяснила, что места на барже для них нет. Кроме мужа и сестры больной, остался только Вейн. Фаун предположила, что вся экспедиция была организована в таверне. Доброе дело в сочетании с шансом избить кого-нибудь показалось, конечно, полупьяным матросам идеальным сочетанием. Двадцать на одного — уж не думали ли они, что справятся с Дагом? Даг бесстрастно смотрел на больную женщину.

«Может быть, и нет».

Жена плотника напомнила Фаун Кловер — до того как болезнь скрутила ее, она, должно быть, была пухленькой и веселой. Теперь ее круглое лицо осунулось и блестело от холодного пота. Темные волосы на висках слегка завивались: из углов глаз женщины текли слезы боли. Быстро дыша, она теребила юбку на животе влажными от пота руками. Фаун заметила, как из каюты выбрался Хог; Готорн тоже с любопытством выглядывал из люка.

Марк-плотник опустился на колени и взял женщину за руку; их пальцы переплелись. Он посмотрел на Дага с душераздирающей мольбой.

— Что с ней такое, Страж Озера? Она так не стонала, даже когда рожала нашего малыша.

Даг потер губы, потом опустился на колени с

другой стороны от больной, потянув за собой Фаун.

— Мне уже случалось видеть такую неприятность раньше. Давно, в медицинском шатре Лутлии. — Фаун бросила на мужа тревожный взгляд: она-то знала, когда именно он долго пробыл в этом шатре. — Туда принесли парня, которого неожиданно схватила боль в животе. У нее тоже все началось внезапно?

Плотник встревоженно закивал.

— Два дня назад.

— Угу… — Даг потер руку о колено. — Не знаю, случалось ли тебе видеть внутренности человека… — Не самый удачный выбор слов, забеспокоилась Фаун: ведь половина крестьян подозревает Стражей Озера в людоедстве. — Внизу в уголке живота имеется такой скользкий слепой отросток размером с мизинец ребенка. Целители так и не смогли объяснить мне, для чего он нужен. Так вот у того парня этот отросток то ли перекрутился, то ли воспалился, и в результате началось жуткое воспаление — отросток раздулся, как пузырь. К тому времени, когда парня доставили в медицинский шатер, этот пузырь лопнул… и вся мерзость из него разлилась по кишкам — парня как будто ранили в живот.

Из слушателей Дага по крайней мере хозяин Вейн, похоже, знал, к чему такое ведет, и его губы издали беззвучный свист.

— Заражение распространялось слишком быстро, чтобы даже подкрепление Дара лучшим целителем могло его остановить, так что через три дня тот парень умер. Странная вещь: когда его отросток лопнул, боль уменьшилась, поскольку пузырь перестал давить на кишки. Думаю, это парня и обмануло: он решил, что дело пошло на поправку, а потом было уже поздно…

Плотник спросил внезапно охрипшим голосом:

— Так у Кресс в животе эта штука тоже лопнет?

— Пока еще не лопнула, — ответил Даг. — Болезнь такая очень опасна, но для Дара тут дело несложное. Есть множество болезней, особенно у женщин, когда никакой целитель на свете не поможет, но эта… — Даг шумно выдохнул воздух. — Я по крайней мере могу попытаться. — Он толкнул локтем Фаун. — Искорка, будь добра, сними мой протез.

Даг прекрасно мог справиться с этим и сам, но такая просьба заставила всех зрителей сосредоточить внимание на ней — крестьянской жене

дозорного. Он сделал так намеренно? Фаун расстегнула пряжки и сняла деревянную основу и тонкий хлопковый чехол, который она связала, чтобы протез не натирал мозолей, и отложила все это в сторону. Насколько Фаун было известно, протез никак не мешал призрачной руке Дага, но он, наверное, решил, что плотник будет меньше тревожиться, если над животом его жены не будет маячить устрашающий крюк.

— Что я могу… что я попытаюсь сделать… — Даг поднял глаза и огляделся, и Фаун предположила, что только она замечает, сколько неуверенности и страха скрывается за неподвижностью его лица, — это первым делом окружить воспаленное место Даром. Большинство из вас не знает, что такое Дар, да вы и не увидите ничего. Потом я попытаюсь открыть конец отростка, чтобы тот опорожнился в кишку, как это нормально и должно происходить. Думаю, будет больно, но потом полегчает. Однако есть опасность… две опасности. Посмотрите на меня — муж и сестра… и ты, Кресс. — Даг улыбнулся женщине, и в ее глазах промелькнула надежда. — Когда Даг удостоверился, что все внимательно его слушают, он тихо продолжал: — Тот маленький отросток сейчас очень раздут. Есть шанс, что он лопнет,

когда я попытаюсь освободить его от гноя. Только я думаю, что он в любом случае скоро прорвется… Хотите ли вы, чтобы я попытался?..

Слушатели переглянулись, и больная стиснула руку мужа. Тот облизнул губы и кивнул.

— Есть и еще одна угроза… которая может возникнуть потом. Тут дело более хитрое… — Даг судорожно сглотнул. — Иногда, когда Стражи Озера своим Даром помогают фермерам, те делаются околдованы. Такое не делается намеренно, но отчасти поэтому местные Стражи Озера и не хотят лечить вас. Я уплыву отсюда, как только вода поднимется, и скорее всего Кресс какое-то время будет тосковать по тому, чего никогда не сможет получить. Такое может случиться и с человеком, который не околдован… Не знаю, будешь ли ты страдать от глупой ревности, Марк-плотник, или поведешь себя разумно. Только если подобное случится с Кресс, твое дело как мужа будет помочь ей, а не упрекать. Ты меня понял?

Плотник сначала помотал головой, потом кивнул, потом растерянно вздохнул.

— Ты хочешь сказать, что моя Кресс убежит? Бросит меня, бросит малыша? — Он вопросительно взглянул на Фаун. — Такое и с тобой случилось?

Фаун резко покачала головой, встряхнув черными кудрями.

— Мы с Дагом вместе убили зловредное привидение — так и встретились. — Она хотела было добавить: «Я не околдована, я просто влюблена», — но подумала, что разница не так уж заметна. Дыхание Кресс было быстрым и поверхностным, и Фаун, сжав ее руку, закончила: — Она не убежит, если только ты ее к тому не вынудишь.

Плотник сглотнул.

— Сделай, что можешь, Страж Озера… чем бы это ни было. Помоги ей, избавь от боли.

Даг кивнул, наклонился над женщиной и вытянул правую руку поверх культи левой над животом женщины. Его лицо приобрело то же отсутствующее выражение, которое Фаун видела, когда он лечил Хога: как будто его внимания не хватало на то, чтобы управлять лицевыми мышцами. Это было в полном смысле слова отсутствующее лицо. Через несколько секунд вернулось просто бесстрастное выражение лица…

— Ох, — выдохнула Кресс, — полегчало…

Фаун гадала, догадывается ли кто-нибудь, от какой неуверенности страдает сейчас Даг: то ли подкрепление Дара помогло, то ли случилась

самая страшная беда и отросток лопнул… Не надеется ли Даг, что вода поднимется и он окажется вне досягаемости, когда смертельная лихорадка больной сделает это очевидным?

— Это и было подкрепление Дара, — сказал Даг. Его гримаса должна была сойти за обнадеживающую улыбку. — Нужно несколько минут, чтобы все успокоилось.

— Магия? — с надеждой прошептал плотник.

— Это не магия, это работа Дара. — Даг впервые оглядел собравшихся вокруг людей: двоих хозяев барж, любопытного матроса, должно быть, помощника Вейна, встревоженных родичей и друзей больной, выглядывавших из-за их спин Вита, Хога и Готорна. — Ух… — Он оперся рукой о палубу и поднялся на ноги; Фаун последовала его примеру. Медленно повернувшись, Даг взглянул на толпу, все еще переминавшуюся на берегу; люди вытягивали шеи и переговаривались. — Знаешь, Искорка, до меня только сейчас дошло, какие у меня здесь внимательные слушатели.

— Я-то думала, — прошептала Фаун в ответ, — что они собирались избить тебя, а что останется — поджечь.

Даг ответил ей быстрой улыбкой.

— Тогда, дожидаясь такой возможности, они

выслушают меня со всем вниманием, верно? Как шестеро кошек у единственной мышиной норки…

Он прошел на нос баржи, широким жестом левой руки предложив собравшимся на палубе присоединиться к нему, потом обхватил Фаун за талию и поставил ее на крышу курятника, так что она оказалась выше остальных. Спрятав культю у нее за спиной, Даг в приветствии поднес правую руку к виску и громко спросил:

— Вы все слышали, что я только что говорил Марку-плотнику и Кресс? Нет? Я объяснял, что я прибег к подкреплению Дара, чтобы уменьшить воспаление у Кресс в животе. Полагаю, большинство из вас не знает, что такое подкрепление Дара, да и Дар тоже, так что я собираюсь рассказать вам…

И тут, к изумлению Фаун, Даг пустился примерно в те же объяснения, которые с такими запинками давал на кухне в Вест-Блю. Только на этот раз речь его была более гладкой, более логичной, со всеми деталями и примерами, которые оказались наиболее убедительными для недоверчивых Блуфилдов. Говорил Даг, как решила Фаун, голосом командира дозорных — так, чтобы его все услышали.

Вит, стоявший за плечом Фаун и слушавший Дага, широко раскрыв глаза, прошептал ей в ухо:

— Думаешь, им все это понятно?

— Пожалуй, один из трех тут достаточно умен или трезв, чтобы понять, — прошептала она в ответ. — Значит, получается не меньше чем полдюжины, по моим подсчетам. — Однако все люди в толпе перестали переговариваться между собой, а речники на палубах ближайших барж казались столь же поглощенными речью Дага, как если бы он был проповедником.

К еще большему изумлению Фаун, закончив объяснять работу Дара и скверну, которую несут Злые, он оглянулся через плечо и тут же принялся говорить о разделяющих ножах. Тишина сделалась мертвой, словно люди увлеченно слушали историю о привидениях.

— Поэтому-то, — закончил Даг, — когда тот глупый мальчишка-дозорный сломал свой костяной нож в потасовке за пристанью прошлой ночью, все Стражи Озера из Жемчужной Стремнины восприняли это так, словно он убил свою бабушку. Примерно это и случилось… Поэтому, понимаете ли, они и с вами такие раздражительные.

Как показалось Фаун, по крайней мере некоторые слушатели действительно поняли: закивали

и стали обмениваться осторожными замечаниями, а другие изумленно разинули рты.

— Вы можете спросить: почему никто из Стражей Озера не рассказывал вам об этом раньше? Ответ вы видите перед собой — или сжимаете в собственных руках. Вы говорите, что боитесь нас, нашего колдовства и наших тайн? Что ж, мы смертельно боимся вас тоже. Того, как вас много, вашего непонимания. Спросите беднягу Верела, целителя из лагеря, рискнет ли он приблизиться к кому-нибудь из фермеров. В том, что Стражи Озера ничего вам не объясняют, как следовало бы, не только наша вина.

Мужчины, сжимавшие в руках дубинки, переглянулись и стали смущенно прятать их за спину. Один из крестьян даже вовсе отбросил дубинку и вызывающе сложил руки на груди.

Даг глубоко втянул воздух и обвел взглядом толпу; те, с кем он встречался глазами, поднимались на цыпочки, так что по стоящим на берегу словно пробежала волна.

— Вот Марк-плотник только что спросил меня, не магия ли работа Дара, и я ответил ему, что нет. Дар — это часть мира, и работает он лучше всего, когда действует в соответствии с природой, а не наперекор ей. Тут такая же разница, как если

рубишь бревно вдоль или поперек волокон. И никакого чуда в этом нет — по крайней мере чуда в Даре не больше, чем в посеве и прорастании зерна, хоть это, может быть, и чудо. Фермер сажает четыре зернышка и надеется, что хоть одно прорастет; если прорастут два, он окупит расходы; три принесут ему прибыль, а четыре он, возможно, назовет чудом. Работа Дара не чаще совершает чудеса, чем посадка семян, но иногда нам удается окупить расходы. — Даг снова оглянулся через плечо. — А теперь, вы уж простите меня, мне нужно еще поработать Даром. И если среди вас есть те, кто готов надеяться, надейтесь вместе со мной, что сегодня мои труды окупятся.

Даг закончил своим привычным приветствием и повернулся к своей пациентке.

«Уж сейчас-то он никого не обманывает», — решила Фаун.

— Отсутствующие боги, — выдохнул Даг так, что его слышала только Фаун, — если еще и остались правила, которые можно было бы нарушить, я таких вспомнить не могу.

— Летаешь, дозорный? — прошептала она в ответ. Так проницательно отозвалась о Даге тетушка Нетти в тот вечер, когда он так замечательно восстановил разбитую чашу, удивив себя

этим еще больше, чем Блуфилдов.

Губы Дага дрогнули от воспоминания, но тут же глаза его снова стали серьезными. Он подошел к Кресс и опустился на палубу, неловко согнув свои длинные ноги. Когда он наклонился над больной, лицо его опять утратило всякое выражение.

Все происходило очень быстро: Дар коснулся тут… коснулся там… где бы это «там» ни было… Фаун мысленно занялась приготовлениями, усевшись на прежнее место рядом с Дагом, — горячий чайник на очаге, одеяла в каюте расстелены…

Тихие стоны Кресс превратились в задыхающийся крик. Фаун крепко сжала ее руку, не давая больной схватиться за живот. Прикоснуться к Дагу Фаун боялась, чтобы не разрушить его сосредоточенность, но то, как сильно он побледнел, заставило ее предположить, что его все сильнее бьет внутренний озноб. Ночной воздух становился ледяным, и фонари и факелы, которые держали зачарованно сгрудившиеся вокруг зрители, тепла не давали.

Минуты шли за минутами, но все-таки не так много, как потребовалось для колена Хога… Наконец Даг выпрямился, шумно выдохнул воздух, расправил плечи и потер лицо. Кресс перестала стонать и смотрела на Дага, приоткрыв губы в

благоговении.

— Ну, пока что я сделал все, что мог. Отросток освободился от гноя, отек идет на убыль. — Даг свел брови к переносице. — Думаю, Кресс, ее сестре и Марку лучше провести ночь здесь, на барже. Воспаление все еще сильное, новое подкрепление Дара утром будет не лишним. Стражи Озера, когда лечат таких больных, дают им пить кипяченую воду с капелькой сахара и соли, а потом чай, только пару дней никакой еды — внутренностям нужен отдых, пока они заживают. И нужно Кресс хорошо укутать на ночь.

— Только я же не видел, чтобы ты что-то делал, — неуверенно сказал хозяин Вейн; его голос теперь уже ничем не напоминал воинственный рев.

— Ты можешь верить мне или не верить, как пожелаешь, — ответил Даг. Он посмотрел на Кресс, и слабая улыбка тронула его губы. — Будь ты Стражем Озера, ты многое бы увидел.

Даг дрожал, и Фаун решительно вмешалась:

— Пора тебе уйти в каюту и согреться, целитель ты мой. Думаю, кружка горячего питья будет тебе на пользу.

Даг склонил голову и улыбнулся жене, потом обхватил ее левой рукой и крепко поцеловал.

Его губы были холодными, как глина, но глаза горели огнем.

«Печь для обжига нуждается в глине и в огне, — озадаченно подумала Фаун. — Какой новый сосуд мы слепили тут и обжигаем?»

* * *

Несмотря на все события, посетители баржи были так измучены, что немедленно уснули на шкурах, постеленных у очага. Даг, словно сраженный наповал, упал на одеяла в их закутке и скоро начал похрапывать, уткнувшись лицом в кудри Фаун. Утром после завтрака он еще раз занялся Кресс, потом отправил супружескую пару и их сопровождающих домой. Непроспавшиеся, страдающие от похмелья матросы в сером утреннем тумане были совсем не такими угрожающими, как пьяная возбужденная толпа накануне; впрочем, они с похвальным усердием повторили свое доброе дело: без жалоб потащили дверь, на которой лежала Кресс, в обратном направлении.

Как только шествие скрылось из вида, Даг сказал Фаун:

— Собери-ка нам корзинку для пикника, Искорка. Мы с тобой отправляемся на прогулку.

— Ох, сегодня такой пасмурный холодный

день, — возразила Фаун, удивленная внезапным намерением мужа.

— Тогда захвати с собой побольше одеял. — Даг понизил голос. — Стражи Озера из Жемчужной Стремнины вчера ясно дали мне понять, что не желают, чтобы я раскачивал их лодку. Думаю, мне стоит затаиться. Не сомневаюсь, что командир дозорных услышит обо всем за завтраком, если не раньше. Не знаю, видела ли ты когда-нибудь Массап, жену Громовержца, в настоящем гневе, только Амма сильно мне ее напоминает. К тому времени, когда она переправится на пароме на этот берег, я намерен оказаться где-нибудь в другом месте. — Когда Фаун запротестовала, он только добавил: — Поговорим по дороге, — и отправился седлать Копперхеда.

Когда Фаун удобно устроилась на седельных сумках и обхватила Дага за талию, он пустил коня рысью; они проскакали добрых две мили на юг по большаку. Это очень бодрило, но разговаривать не позволяло. Несмотря на двойную ношу, Копперхед явно был рад размяться после двух дней безделья. Только свернув налево в холмы и проделав извилистый путь в лес — чтобы сбить со следа возможную погоню — Даг рассказал Фаун о своем бесплодном посещении штаба дозорных и

о том, как сплетни в таверне и их опасные для лагерного целителя последствия заставили явиться к нему делегацию недовольных Стражей Озера. Фаун начала горячо возмущаться, но Даг только покачал головой.

Серый туман после восхода солнца не рассеялся, а скорее сгустился. В животе у Фаун уже начало бурчать, когда Даг высмотрел ствол огромного вывороченного из земли тополя; под его смотрящие в небо корни нанесло сухих листьев. Расстелив в этом углублении одеяла, Фаун и Даг устроили что-то вроде уютной лисьей норы и принялись за поздний холодный завтрак: разводить костер Даг не захотел, чтобы дым не выдал их убежище. Вспышка энергии в нем погасла так же быстро, как и возникла, и Даг погрузился в усталую дрему. К счастью, отдых освежил его, и остаток сумрачного дня они провели в неспешных ласках — такого уединения им не выпадало уже давно. Туман превратился в изморось, но в их гнездышко сырость не проникала. Свернувшись в клубочек под боком Дага, Фаун подумала, что они напоминают впавших в спячку белок.

В следующий раз Даг проснулся со счастливым смехом. Фаун уже и не помнила, когда видела его таким веселым. Приподнявшись на локте, она

ткнула его пальцем в бок.

— Что это ты?

Даг притянул ее к себе и поцеловал в улыбающиеся губы.

— Я ведь и в самом деле спас жизнь той женщине!

— Как, ты только сейчас это заметил? — Фаун поцеловала его в ответ. — Тебе нравится целительство, верно ведь? Мне кажется, оно тебе очень подходит. — После короткой паузы она добавила: — Я так тобой горжусь!

Лицо Дага стало серьезным.

— Мой народ всегда предостерегает от подобного. Не то чтобы Стражи Озера считали, что лечить крестьян невозможно, да и не в околдовывании дело, — о нем и не говорят почти. Беда в том, что фермеры считают умения Стражей Озера магией, а магия всегда должна действовать без осечки. Мне удалось с Хогом, мне удалось с Кресс, но только потому, что мне повезло и у нее оказалось что-то, с чем я мог справиться. Я знаю множество болезней, за которые мне браться не следует.

Фаун потеребила волосы у Дага на груди и прижалась губами к его шее.

— Что бы ты делал в таком случае?

— И не начинал бы ничего, наверное. Вел себя

паинькой, как и желала Амма Оспри. Просто смотрел бы, как бедняжка умирает. — Даг задумчиво свел брови. — Некоторые молодые целители очень переживают, когда теряют своего первого пациента, но я уже давно миновал эту стадию. Да помогут мне отсутствующие боги… я ведь не раз убивал людей. Только в чем Стражи Озера видят самую большую опасность, так это в неудачной попытке помочь: тогда фермеры на них накидываются. Так уже случалось, знаешь ли. Я не первый, кто уступил подобному искушению. И я не знаю, как тут быть. Полечить и бежать? Жалобы Аммы Оспри не из пальца высосаны.

— А может быть, — медленно проговорила Фаун, — если бы ты долго жил на одном месте, люди узнали бы тебя и стали бы доверять. И тогда было бы безопасно иногда терпеть неудачу.

— Безопасно терпеть неудачу… — Даг словно пробовал эти слова на вкус. — Для дозорного это очень странная идея. — После долгого молчания он добавил: — Никогда не бывает безопасно терпеть неудачу в охоте на Злого. Нужно добиваться успеха каждый раз. И даже не любой ценой, потому что нужно сохранить силы на то, чтобы добиться успеха и завтра тоже.

— Для Злых такая система хороша, — согласи-

лась Фаун. — Не уверена только, что она хороша и для людей.

— Хм-м… — Даг перекатился на спину и стал смотреть на пятнышки света, проникающего через дырочки в одеяле, которое они накинули на растопыренные корни тополя. — Да, ты здорово умеешь взбаламутить мои мозги, Искорка.

— Ты хочешь сказать, что я путаю твои мысли?

— Скорее что тебе удается добраться до таких глубин, которые слишком долго оставались непотревоженными.

Фаун усмехнулась.

— И кто это у нас говорит такие глупости о глубинах?

— Я всегда бываю готов вызваться добровольцем, — ответил Даг, покрывая поцелуями ее нагое тело. И действительно, последовали очень милые глупости, и щекотка, и смех, и еще один час пролетел незаметно.

* * *

Они добрались до «Надежды», когда уже совсем стемнело; холодная морось явно очень разочаровала речников — ее было совсем недостаточно для того, чтобы перекаты могло преодолеть судно большее, чем бочонок. Вит доложил о четырех

посещениях мрачных Стражей Озера, искавших Дага: дважды являлась командир дозорных, один раз — хозяйка парома и один раз тайком проскользнул целитель; Даг пожалел, что с ним не встретился. Судя по настороженности, которую он проявлял, Фаун решила, что Даг держит свой Дар открытым, но ничего не случилось, никто больше не появился, и ночь прошла спокойно.

После долгого дня в лесу ни одному из них не хотелось чем-то еще заниматься в постели — только спать, в чем Даг, по мнению Фаун, все еще нуждался. Они проспали примерно час, когда Даг сел, разбудив жену.

— Что там? — сонно пробормотала Фаун.

— Думаю, что у нас посетитель.

Фаун не слышала ни шагов на палубе, ни недовольных жалоб козы и кур.

— Берри разве на ночь не убрала сходни?

— Он не по тропе идет — приближается со стороны реки. Отсутствующие боги, думаю, что он плывет!

— В такой холодной воде? Кто?

— Если не ошибаюсь, это молодой Ремо. Что он задумал? — Даг нашарил штаны, натянул их, поднялся со шкур и выглянул из-за занавески.

— А мне что делать? — прошептала Фаун.

— Оставайся здесь, пока я не выясню, в чем там дело.

Даг бесшумно прошел мимо груд товаров, стараясь не разбудить похрапывающих соседей. Фаун едва расслышала, как люк открылся и закрылся.

10

Еле горевший масляный фонарь на кухонном столе был искусным изделием мастеров из Трипойнта: стеклянный корпус защищала проволочная сетка, масло наливалось в специальный резервуар, и всю конструкцию венчала металлическая крышка с проволочной ручкой. Проходя мимо, Даг прихватил его с собой. Осторожно открыв люк, ведущий на заднюю палубу, он выскользнул наружу, закрыл его за собой, потом повесил фонарь на кривой гвоздь и открутил фитиль, чтобы сделать пламя ярче. Луна и звезды скрывались за тучами, и по чернильно-черной воде зазмеились оранжевые отблески света фонаря.

Через несколько секунд мелкие волны ударили в борт, разбив отражение фонаря, и из воды вынырнула темная фигура. Даг разглядел сначала мокрые волосы Ремо, потом его бледное лицо; пловец развернулся и подплыл к корме «Надежды». Левой рукой, на которой все еще были заметны швы, он тащил за собой плотик из плавника, кое-как связанного лианами. На плотике виднелись седельные сумки, а поверх них

— свернутая одежда. Ремо проплыл под рулевым веслом баржи и выдохнул:

— Будь добр… не возьмешь ли ты все это?

Если парень в такую погоду приплыл с другого берега, он должен был окоченеть и быть совсем без сил, какие бы преимущества ни давала ему юность. Даг поднял брови, но все же наклонился, схватил узел и вытащил его на палубу. Ах, конечно: сапоги и одежда Ремо… Затем последовали седельные сумки, содержавшие, судя по их весу, все остальные сокровища парня. Даг крякнул и опустил их на палубу рядом с узлом. Когда он обернулся, Ремо пытался вскарабкаться по рулевому веслу, но его трясущиеся руки все время соскальзывали. Даг вздохнул, наклонился, протянул руку и втащил дрожащего молодого дозорного на палубу. Брошенный плотик стукнулся о борт и поплыл прочь.

Ремо благодарно кивнул и принялся онемевшими пальцами распутывать узел с одеждой. Вытершись полотенцем, в которую она была завернута, он натянул штаны и рубашку.

— С-спасибо.

— Внутри все спят, — тихо предупредил его Даг. Он колебался: следует ли ему отвести парня в каюту и посадить у очага или же выкинуть за

борт. Ну, это, несомненно, скоро выяснится…

— Ага, понял, — прошептал Ремо. Его губа снова приняла нормальный вид, но синяк вокруг глаза, начинавший зеленеть по краям, приобрел живописный лиловый оттенок. Застегнув наконец рубашку, Ремо стоял перед Дагом, сжимая и разжимая кулаки, и молчал, словно слова застряли у него в горле.

Ради этого разговора наедине, подумал Даг, парень преодолел нешуточные трудности, и вот теперь не может выдавить ни слова. Осторожность возобладала над любопытством, и вместо того чтобы спросить: «Чем я могу тебе помочь?», Даг просто вопросительно поднял бровь. Впрочем, этого оказалось достаточно.

— Возьми меня с собой, — выпалил Ремо.

— И с какой стати мне это делать?

Ответный взгляд огорчительно напомнил Дагу Хога.

— Ты хоть знаешь, куда я направляюсь? — попытался прояснить ситуацию Даг.

— Вниз по реке. Прочь отсюда. Куда угодно, только прочь отсюда.

Это был тот самый дозорный, напомнил себе Даг, которому пришлось представить своей семье сломанный, пропавший даром разделяю-

щий нож, стоивший жизни его прапрабабушке. Нетрудно было представить себе, какой тяжелой была сцена, хотя и имелся широкий выбор между «плохо», «ужасно» и «невыносимо». Из двоих бесшабашных напарников Ремо был более совестливым, он хотя бы пытался вести себя как положено. Да только вышло все у них нескладно…

«Ну уж ты-то знаешь, как такое бывает, старый дозорный».

Даг потер лоб и опустился на скамью у стены каюты. Поскольку протез на ночь он снял, левую руку он старался не показывать, а правую положил на колено.

Ремо поспешно уселся на палубе, скрестив ноги, возможно, почувствовав, что не стоит обращаться с просьбой, нависая над собеседником.

— Туда направляются десять других судов, — сказал Даг. — Почему тебе нужна именно «Надежда»?

Ремо поджал губы и раздраженно посмотрел на Дага.

— Потому что они полны *крестьян!*

Даг не очень понял, как воспринимать такой тон. У него возник соблазн задать Ремо взбучку, чтобы тот сбавил гонор, но было поздно, а Даг

устал. Ну, со взбучкой еще успеется…

— Это судно тоже их полно.

Вторую стрелу Ремо выпустил ближе к цели.

— Ты же уезжаешь!

— Я не…

— Если тебя и не изгнали, то выжили! Сделали так, что ты не мог оставаться. Я думал, ты меня поймешь. — Горький смех подчеркнул и юность Ремо, и то, что он дошел до крайности.

«Ох, понимать-то я понимаю…»

— Ты отбросил их старые правила. Ты восстал. Ты выбрал собственный путь и вступил на него в одиночку. И никто не скажет тебе, что все это только потому, что ты глупый мальчишка!

«Мы видим мир не таким, каков он есть, а похожим на нас».

— Это не совсем то, к чему я стремлюсь. Вот что должен тебе сказать: что бы ни происходило между тобой и твоей семьей, все это пройдет. Так всегда случается с великими горестями, хотя бы потому, что ни у кого не хватит сил выносить их долго.

«По крайней мере не больше, чем двадцать лет».

Ремо только покачал головой. Может быть, он слишком погружен в свое горе, чтобы слушать?

Чтобы услышать?

Даг с печалью вспомнил собственную семью и решил, что его мудрый совет нуждается в уточнении.

— А пока ты ждешь перемен к лучшему, всегда есть возможность отправиться в дозор.

Ремо еще сильнее затряс головой.

— Отряд из Жемчужной Стремнины кишит моими родичами — в нем почти все мои братья и сестры… и кузены тоже, и дяди с тетками. И все они уверены, что нож прапрабабушки должен был достаться им, а не мне… и они правы! — Ремо сглотнул и добавил: — Я вчера зашел к мастеру, чтобы он сделал нож для меня, а он даже на это не согласился!

«При твоем-то настроении?»

Даг мысленно похвалил осмотрительного мастера, а вслух терпеливо проговорил:

— Каковы бы ни были твои трудности, ты не разрешишь их тем, что убежишь. Моя дорога не для тебя. Вот что я тебе скажу: лучшее, что ты можешь сделать и для себя, и для лагеря, — это вернуться и притвориться, что реку ты не переплывал.

Губы Ремо задрожали.

— Я могу проплыть обратно до середины реки.

Это разрешит мои трудности.

Даг вздохнул, но прежде чем он успел привести следующий довод, люк бесшумно открылся, и на палубу проскользнула Фаун. Она закуталась поверх ночной рубашки в одеяло, как в шаль, а в руке держала объемистый сверток. Глянув на Дага, Фаун вскинула голову.

— Может быть, мне стоит вставить словечко — как-никак я тут главный специалист по побегам из дому. — Она развернула сверток. — Вот, возьмите-ка по куску яблочного пирога. Я сделала начинку сладкой.

Ремо автоматически взял угощение, но воззрился на него в полной растерянности. Фаун протянула кусок Дагу, а сама взяла последний. Даг принялся жевать, жестом предложив Ремо последовать его примеру. Фаун прислонилась к стене каюты и толкнула Дага в колено босой ногой.

— Это и есть твой Ремо, верно? Или это Барр?

Даг слизнул с ладони крошки и представил Фаун и Ремо друг другу:

— Да, это Ремо. Ремо, это моя жена, Фаун Блуфилд.

Ремо, держа в руке кусок пирога, смущенно сделал попытку встать, но Фаун махнула рукой,

так что он ограничился тем, что только кивнул.

— Ты и есть жена-крестьянка? Я думал, что ты окажешься… выше.

Даг с любопытством подумал о том, какое прилагательное Ремо проглотил вместе с пирогом, и решил, что это наверняка было «старше».

— А теперь, — весело сказала Фаун, — вот в чем я совершенно уверена, когда дело касается побега из дома: план, придуманный в середине ночи, не всегда самый удачный. Утром, после завтрака, обычно удается придумать гораздо лучший план. — Она обменялась с Дагом многозначительным взглядом и продолжала: — Сейчас как раз середина ночи, и ты вытащил Дага из моей постели. Я разложила для тебя меха и одеяла у очага, где прошлой ночью спала больная; они теперь уже не только нагрелись, но стали прямотаки горячими.

Ремо бил озноб, холодный туман лип к мокрой коже. Пряди, выбившиеся из намокшей косы, свешивались на лоб.

— Если ты согреешься, держу пари: ты тут же уснешь, несмотря на все свои горести. Ты выглядишь ужасно усталым — переплыть реку не шутка. Да и болит еще у тебя все, наверное.

Болело у бедняги многое, не только ушибы, по-

думал Даг. Он не позволил себе улыбнуться при виде того, как Ремо, открыв рот, вытаращил глаза на Фаун: как ему было не поддаться на первые добрые слова, услышанные за последние дни… Милая молодая женщина, накормившая его, мягкая постель, симпатия и сочувствие — этому противиться он не мог, пусть женщина и была крестьянкой.

— Умница Искорка, — похвалил жену Даг. — Воспользуйся предложением, Ремо: лучшего тебе никто не посоветует. — Ему едва хватило мудрости не добавить вслух: «Это много лучше, чем доплыть до середины реки». Не стоит сыпать соль на раны, даже если их нанес себе сам страдалец.

Ремо с удивлением взглянул на собственную руку, в которой уже не оставалось пирога, потом посмотрел на баржу и темную реку. Только немногие оранжевые огоньки светились между голыми деревьями в лагере на противоположном берегу.

— Эта баржа сегодня ночью все равно никуда не поплывет, — сказала Фаун.

Ремо покачал мокрой головой.

— Нет, но высокая вода близка. Это хорошо чувствуется там, на середине реки. Поэтому-то я и приплыл сейчас — к утру такое стало бы

слишком опасным, а завтра к вечеру здесь уже не останется ни одной баржи.

Ремо всю жизнь прожил на переправе, и Даг предположил, что он хорошо разбирается в настроениях реки. И еще: преодолев реку вплавь, он не оставлял свидетельств того, куда направился. Пропажа коня говорила бы о том, что он поскакал на север, свидетели переправы на пароме могли бы предположить, что он выбрал южное направление. Как только Ремо выбрался бы за пределы чувствительности Дара Стражей Озера из лагеря, никто не мог бы сказать, направился ли он на север, на юг, на запад или на восток… или до середины реки.

Легкое дуновение ветра заставило посиневшую кожу молодого дозорного покрыться мурашками, и он отрывисто бросил:

— Хорошо.

— Только тихо, — прошептала Фаун, кладя руку на ручку двери. — Там все по большей части спят.

— Берри? — вопросительно пробормотал Даг.

— Я сказала ей, что ты все объяснишь утром, и она перевернулась на другой бок.

— Угу…

Укутав Ремо в одеяла, как большого и ужасно

измученного младенца, Даг и Фаун наконец смогли вернуться в свой закуток. Их постель успела остыть; они растерли друг друга, как могли, и улеглись, тесно прижавшись друг к другу.

— Интересно, почему ты появилась именно в тот момент? — прошептал Даг, зарывшись лицом в кудри Фаун. — Решила, что он серьезно говорит насчет середины реки?

— Посреди ночи о таком думаешь всерьез. К тому же Ремо настолько ослаб, а река такая широкая, что все могло закончиться само собой до того, как он добрался бы до того берега. Грейс гораздо больше реки, протекающей через Вест-Блю, — задумчиво продолжала Фаун, — чтобы утопиться там, потребовалось бы гораздо больше решительности. Здесь достаточно просто зазеваться…

Даг крепко прижал ее к себе.

— Никакой середины реки!

— И еще я не верю в твой совет не убегать от неприятностей — уж больно ты жуликоват, любитель пикников.

Грудь Дага дрогнула от беззвучного смеха.

— Но я не бегу прочь от неприятностей — я бегу к ним. — Он вздохнул. — И на случай, если я с какими-то разминусь, они бегут следом. Эта баржа будет переполнена, Искорка.

* * *

Утром Фаун с волнением обнаружила, что потрескавшаяся глина, окаймлявшая берега, исчезла под прибывающей водой. Однако Берри сказала, что подъем воды еще недостаточен для того, чтобы «Надежда» могла преодолеть пороги. Фаун предположила, что на движущейся барже будет не очень безопасно заниматься готовкой на очаге, и дала себе волю — ведь такой шанс мог оказаться последним — приготовила завтрак в фермерском стиле.

В результате, когда все собрались за столом, некоторое время никто не разговаривал — все только жевали, хотя и бросали любопытные взгляды на Ремо. Берри была любезна с незваным гостем, Бо то ли страдал от похмелья, то ли был безразличен, Хог выглядел смущенным и только поглядывал на Дага в поисках одобрения. Вит вел себя настороженно — Ремо был и старше его, и выше, не говоря уже о том, что входил в отряд дозорных. Только Готорн ни на что не обращал внимания: на одну из заработанных монеток он купил детеныша енота и теперь только им и интересовался.

Зверюшка, не могла не признать Фаун, была за-

нятной. Готорн пытался держать ее за пазухой, но без особого успеха. Вит выразил сожаление, что мальчик не купил себе опоссума вместо енота, а Бо, считавший енотов шкодливыми, пообещал сделать из приобретения Готорна шапку, если парнишка не будет следить за своим питомцем.

— Ладно тебе, Бо, — прервала Берри жаркие протесты родича. — Могло быть и хуже. Помнишь медвежонка Бакторна?

Бо рассмеялся и перестал донимать Готорна. Вит и Хог принялись спорить о том, как назвать малыша. Даг помалкивал, но Фаун заметила, как он скормил любопытному зверьку кусочек хлеба.

Ремо не пытался принять участие в разговоре. Даг раньше назвал его мальчишкой, но Фаун он казался вполне взрослым мужчиной — хоть и не особенно высоким, но широкоплечим и сильным. Его нельзя было назвать красавцем, но лицо Ремо было достаточно приятным, и если бы не последствия побоев, он, должно быть, выглядел бы привлекательным здоровяком. Его волосы, высохшие и расчесанные, были заплетены в косу, спускавшуюся до середины спины. Выскребя дочиста тарелку, Ремо наконец поднял глаза и обратился к Дагу:

— Так что ты решил? Можно мне отправиться с тобой?

Даг перестал подкармливать детеныша енота и посмотрел на Ремо.

— Не знаю. А сам ты как думаешь?

Ремо неуверенно пожал плечами.

— Я не твой командир, — продолжал Даг. — Более того, это не моя баржа, я только на ней работаю. Если ты хочешь плыть, ты, как и все, должен договариваться с хозяйкой. — Он кивнул на Берри; Ремо повернулся к девушке, встретил ее насмешливый взгляд и смутился окончательно.

Ответ Дага показался Фаун несколько чересчур безразличным, но она решила, что у мужа, должно быть, имеются для того основания, и стала ждать, что будет дальше.

— Так как, мне можно было бы плыть с вами? — наконец обратился Ремо к Берри.

— Ну, ты должен или оплатить свой проезд, или отработать. Все остальные пассажиры решили расплачиваться работой.

— И сколько ты берешь с пассажира?

— Зависит от того, докуда ты хочешь доплыть.

— Я… я не знаю. — Ремо взглянул на Дага. — До Греймаута, наверное.

Берри назвала сумму, которая заставила Ремо

приуныть. Похоже, кошелек его был тощим. Это Фаун не удивило.

— А если отработать?

— Ну, не знаю… Что ты умеешь делать? Я слышала, как вы, парни, вытащили с порогов тех угольщиков, — так что с лодкой ты управляться умеешь. А вот как насчет большого весла на барже?

— Я однажды греб целый день — на спор с Барром… — Ремо замолк.

— Хм-м… — Берри взглянула на Дага, но тот только пожал плечами. — Никак не думала, что у меня в команде появится один Страж Озера — не говоря уже о двух. Так что… как ты посмотришь на такой вариант: я возьму тебя на пробу до Серебряных Перекатов — это моя следующая стоянка. Папу и Элдера там прошлой осенью видели одни наши друзья, так что дотуда они добрались наверняка.

Ремо вопросительно хмыкнул, и Вит сурово принялся объяснять ему, какая у Берри цель. Судя по выражению лица Ремо, ему не приходило в голову, что не только у него, но и у других людей могут быть большие неприятности; парень посмотрел на Берри так, словно увидел ее впервые. Фаун подумала о том, что на мир сквозь

пелену собственных бед Ремо смотрит все еще рассеянно.

— Имей в виду, — с намеком на вызов сказал Даг, — что если ты решишь работать на барже, то с момента, когда ты ступишь на борт «Надежды», и до Серебряных Перекатов хозяйка Берри будет твоим командиром.

Ремо пожал плечами.

— Это же всего только баржа. Насколько тяжело может оказаться на ней работать?

Вит нахмурился и собрался уже вместо Берри отчитать дозорного, но прежде чем он успел открыть рот, с кормы донесся удар, и все головы повернулись в том направлении.

— Бревно, — сказал Бо.

— Течение ускоряется, — кивнула Берри. «Надежда» покачнулась, и удерживающие ее веревки натянулись и загудели.

Готорн выбежал на заднюю палубу и, вернувшись, доложил:

— Вода в реке сделалась коричневой. Теперь уже недолго!

Мытье посуды было поручено Виту, Готорну и Хогу. Дома Вит бессовестно увиливал от этой обязанности, сваливая ее на Фаун, но теперь у него под началом оказались Готорн и Хог, да к

тому же и Берри наблюдала, так что он неожиданно проявил удивительное старание. Фаун уже собралась вытащить свое веретено и заняться прядением, когда кто-то пробежал по дорожке вдоль берега и прокричал:

— Эй, Берри! Выше по течению лодки тянут на бечеве!

Берри ухмыльнулась и поднялась на ноги.

— Пойдем, Фаун! Ты должна это увидеть!

Берри вытащила из-под своей койки странной формы кожаную сумку, Фаун накинула жакет, и они направились к сходням. Вит потащился следом.

Утро было пасмурным и холодным, но туман разошелся. С деревьев ветер срывал последние листья, и они лежали мокрыми желтыми грудами на земле; обнажившиеся стволы, такие же серые, как и воздух, призрачными рядами взбегали по склону холма. Берри свернула на дорожку, которая вела мимо пристани и причала парома. Как заметила Фаун, проходя мимо, паром Стражей Озера находился у другого берега, и канат, прикрепленный к вороту, был свернут в бухту. Значит, никто не сможет пока переправиться через реку, даже если за Ремо была бы погоня.

Немного выше по течению от того места, где

они собирали уголь, Берри влезла на высокую скалу, откуда открывался прекрасный вид на перекаты. Там, где начинались камни, которые уже потихоньку скрывала вода, вдоль противоположных берегов двигались вверх по реке две лодки. У дальнего берега суденышко против течения тянула восьмерка быков, которых погоняли двое местных фермеров. Лодку вдоль ближнего берега за толстый канат волокли человек двадцать бурлаков. Фаун наконец поняла, почему все деревья вдоль идущей по берегу дорожки были вырублены. По палубе обеих лодок туда-сюда бегали матросы с длинными шестами и отталкивали свои суда от камней и коряг. Обе команды перекликались через реку, выкрикивая оскорбления и подначки, смысл которых сводился к одному: «Мы будем в Трипойнте раньше вас!»

— Так это гонка? — зачарованно спросила Фаун.

— Ага, — кивнула Берри. Наклонившись, она вытащила из сумки полированную ореховую скрипку, проверила, как та настроена, подкрутила колки, встала на самый высокий камень и извлекла долгий звук — сначала низкий, но потом взвившийся так высоко, что, казалось, вовсе улетел со струн. — Я играла бурлакам на

всех порогах и Грейс, и Серой. Работа идет легче, если задается ритм. Когда хозяин лодки хотел, чтобы ее перетащили побыстрее, он платил мне за более быструю игру, а бурлаки платили, чтобы я играла помедленнее, — дельце получалось прибыльным.

Фаун заметила, что на пристани собралось много народа; речники кричали, подбадривая соперников.

— Уж не заключила ли ты пари насчет исхода гонки? — спросила Фаун Берри.

Хозяйка баржи ухмыльнулась.

— Угу. — Берри взмахнула смычком, и по речной долине разнеслись удивительно громкие звуки. Бурлаки на ближнем берегу взбодрились и стали налегать на канат в такт музыке Берри. Фаун предположила, что та играет знакомую речникам мелодию — со знакомыми и скорее всего грубыми словами; впрочем, на то, чтобы подпевать, дыхания бурлакам не хватало. Быки на противоположном берегу остались безразличны к музыке.

Повторив несколько раз одну мелодию, Берри переключилась на другую, потом на третью. Некоторые хозяева других барж, включая Вейна с «Кусачей черепахи», тоже вышли на берег,

чтобы видеть представление. Лодка с бурлаками приближалась, и Берри слезла с камня, перешла на другую сторону дорожки и заиграла еще более быструю мелодию, резко взмахивая рукой. Зрители двинулись за ней следом. Пряди светлых волос, выбившиеся из прически Берри, упали ей на лицо, и девушка то сдувала их, то начинала сосредоточенно жевать. Ее пальцы двигались так быстро, что за ними трудно было уследить. Все речники смотрели на лодки, а Вит блестящими глазами смотрел на Берри, приоткрыв рот.

Проходя мимо, бурлаки ухнули, потом снова согнулись и потопали дальше. Берри заставила свою скрипку ответить им почти человеческим голосом. Лодка речников явно обгоняла ту, которую тащили быки. Берри продолжала играть, пока бурлаки не достигли пристани; там их лодка пристала к берегу, и победители, бросив канат, разразились радостными воплями. Скрипка Берри откликнулась таким же ликующим звуком; только теперь девушка, тяжело дыша, опустила смычок.

Деревенские жители и матросы, наблюдавшие за гонкой, собрались у паромного причала; проигравшие расплачивались, выигравшие на радостях пропускали по рюмочке, однако ни

Берри, ни другие хозяева барж к ним не присоединились. Они пристально смотрели вверх по течению: там одна из барж снялась с якоря и медленно двигалась к середине реки.

— Вон пошла «Лилия Олеаны», — пробормотал кто-то. Фаун поняла, что все следят за смельчаками: пройдет ли их судно через пороги, не повредив корпус о камни.

— Если им удастся, мы тоже отправимся? — спросила она Берри.

— Еще нет, — ответила Берри, следя из-под руки за баржей, которая набирала скорость. — «Лилия» имела меньшую осадку, чем «Надежда», даже до того как я взяла на борт еще людей, тонну стекла и скандальную лошадь. Вон видишь, из воды ниже пристани торчит длинный шест?

Фаун посмотрела, куда показывала Берри, и увидела что-то вроде тонкого ствола дерева, очищенного от веток, с верхушки которого футах в тридцати от поверхности воды свисал красный флаг. Через каждые полфута на стволе виднелась зарубка, выкрашенная красной краской; в нескольких футах над водой метка была черной.

— По нему видно, как высоко стоит вода, верно? Безопасно плыть через пороги, когда она дойдет до черной метки? — Воде, похоже, предстояло

подняться еще на несколько футов.

— Зависит от того, как нагружена твоя баржа и как глубоко она сидит в воде. Когда вода дойдет до черной черты, любой дурак проведет свое судно через пороги.

— Зарубки идут до самой вершины, — обеспокоенно сказала Фаун. — Вода ведь не поднимается так высоко, правда?

— Нет, — ответила Берри, но не успела Фаун успокоиться, как хозяйка баржи добавила: — К тому времени, когда вода дойдет до середины шеста, его обычно уже сносит течением.

Фаун наконец поняла, почему здесь речники доски пристани крепят на лодках, а не строят более основательные доки вроде тех, что она видела на озере Хикори. Такая пристань могла подниматься и опускаться, следуя за уровнем воды в реке, ее можно было вытащить на зиму на берег, ее не снесло бы паводком и не раздавило льдинами. Скорее всего не снесло бы и не раздавило, мысленно поправилась Фаун.

Некоторые хозяева барж, выстроившись вдоль берега, выкрикивали советы рулевому «Лилии Олеаны»; тот с гордостью игнорировал их. Впрочем, большая часть речников наблюдала за баржей молча. Когда рулевой резко наваливался

на руль, изо всех сил разворачивая судно, многие на берегу тоже наклонялись и стискивали кулаки, словно помогая ему своей силой. Когда баржа еле уклонилась от столкновения с камнем, процарапав по нему всем своим дубовым корпусом, стоявшие на берегу в один голое застонали. Они наклонялись, как деревья на ветру, одновременно выпрямлялись и вздыхали в ответ на понятные им, но совершенно непонятные Фаун знаки; наконец «Лилия» миновала последнюю скалу и последнюю корягу и благополучно поплыла дальше.

Речники начали расходиться; Берри только ненадолго задержалась на пристани, чтобы получить выигрыш с приунывших деревенских жителей, ставивших на упряжку быков. Бурлаки от души благодарили девушку, чуть не переломав ей кости в медвежьих объятиях, и щедро предлагали пиво, сидр или любой напиток на ее выбор, но Берри отказалась:

— Мне еще править баржей, парни. Мы и так тут слишком надолго застряли — вот вы и выпили все, что только могли!

Берри задержалась на берегу, чтобы еще раз взглянуть на шест с отметками.

— Ну, еще не совсем тот уровень, какой нуж-

но, но, я думаю, можно уже загрузить на баржу коня.

Вернувшись на «Надежду», именно этим они и занялись: укрепили сходни, и Даг принялся уговаривать упирающегося коня ступить на прогибающиеся доски. Копперхед испуганно фыркал, но в конце концов послушался и был водворен в загон к козе Дейзи. К какому воздействию Даром прибег Даг, чтобы обеспечить послушание мерина, Фаун, конечно, не видела, но заметила поднятые брови Ремо: на того умение Дага явно произвело впечатление.

Берри взобралась на крышу каюты и оттуда наблюдала, как две соседние баржи, отчалившие одновременно, запутались веслами; матросы принялись осыпать друг друга ругательствами. Берри прикрыла рот рукой, чтобы скрыть усмешку.

— Думаю, наша очередь следующая, — сказала она стоявшей у нее за плечом Фаун. — Тут приходится гадать: желательно отчаливать попозже, чтобы захватить самую высокую воду, но и не опоздать: при такой толкучке какой-нибудь торопливый дурак может посадить на камень свое судно и перекрыть фарватер.

Тем не менее отплытие происходило нето-

ропливо. Готорн бегал, отвязывая веревки от деревьев, а Хог, хромая, сворачивал их в аккуратные бухты: две на передней палубе и две — на задней. Гребцы не сидели на веслах, а стояли или ходили, налегая на весла по мере надобности. С одним длинным веслом управлялись Бо и Вит, с другим — Даг и Ремо, так что Берри, взявшаяся за руль, командовала просто: «Крестьяне, гребите!» или «Дозорные, гребите!» или «Теперь табаньте, дозорные! Разворачивайте баржу!»

Толчок качнул судно, когда его корпус задел скрытое под поверхностью бревно. Звон посуды из каюты заставил Фаун броситься проверять, все ли как следует закреплено и надежно ли закрыта железная дверца печки. Когда Фаун снова вышла на палубу, судно уже находилось на середине реки, которая казалась гораздо шире, чем с берега. Баржа двигалась по фарватеру; если раньше вода была прозрачна и спокойна, то теперь она стала мутно-коричневой и кипящей; быстрое течение несло обломки и мусор. Фаун и представить себе не могла, чтобы пострадавший в потасовке Ремо смог переплыть такую реку.

Фаун заколебалась: усесться ли ей на скамье у переднего люка или вскарабкаться на менее надежную крышу каюты. Решив, что ей надоело

из-за своего маленького роста ничего не видеть, она влезла наверх и устроилась на середине крыши, там, куда не достал бы взмах ни одного из весел. Решительно усевшись там, Фаун только пожалела, что крыша не имеет перил или чего-то, за что можно держаться. Может быть, потом удастся уговорить Бо что-нибудь такое прибить… Пока же можно было любоваться прекрасным видом.

Баржа достигла порогов, и движение ее ускорилось. Неожиданно Даг закричал:

— Держи правее, хозяйка! В двух футах под водой здоровенная коряга!

Берри посмотрела туда, куда показывал его палец.

— Ты уверен? Я ничего не вижу!

— Проверь!

— Ладно, — с сомнением ответила Берри и налегла на руль, поворачивая судно — в результате чего оно оказалось в опасной близости от хорошо видных камней у края фарватера. Бо пришлось поднять весло, чтобы не сломать его; старый речник вопросительно посмотрел на Берри. Та только пожала плечами и налегла на рулевое весло, возвращая баржу на середину реки. Вит, управлявшийся с веслом на пару с Бо, выглядел ужасно взволнованным.

— Твоя баржа слушается руля, как пьяная свинья, — буркнул Ремо, табаня в ответ на следующий приказ Берри.

— Ага, это тебе не ялик, — весело ответила та, ничуть не обидевшись. — Век живи, век учись, дозорный.

Хозяин судна, шедшего следом за «Надеждой», предпочел держаться подальше от камней. С громким треском его баржа сначала почти замерла на месте, потом начала разворачиваться поперек фарватера. С криками и руганью команда навалилась на весла, чтобы не дать барже подставить борт течению. Берри, подняв брови, взглянула на Дага, который в ответ поднес руку к виску.

— Что ж, век живи, век учись, — повторила Берри уже совсем другим тоном.

Фаун смотрела назад, на удаляющуюся переправу Стражей Озера, и гадала, не следят ли оттуда за ними недоброжелательные глаза членов совета. «Надежда» миновала скалы, кучу плавника, в которой застряла раздувшаяся туша овцы, и еще несколько невидимых на поверхности препятствий; потом река стала шире, и водовороты, напоминавшие Фаун кипящий суп, исчезли. Водная гладь сделалась спокойной.

— Ну, парни, расслабьтесь: пороги мы наконец прошли, — сказала Берри. — Теперь на три мили русло прямое.

Даг и Бо отошли от весел. На легких участках пути, как поняла Фаун, гребцы должны были сменять друг друга, чтобы баржа могла плыть целый день без остановок. Даг влез на крышу каюты, уселся, свесив одну ногу, и обнял Фаун за плечи.

— Все в порядке, Искорка?

— Как здорово! — Фаун посмотрела на Жемчужную Излучину, уже едва видную на берегу, и оглянулась на хозяйку баржи, с довольным видом опиравшуюся на рулевое весло. — Мы плывем так быстро!

Берри в ответ широко улыбнулась.

— Не менее быстро, чем скакала бы лошадь!

11

«Надежда» до наступления сырых осенних сумерек прошла по реке тридцать миль. На ночлег баржу привязали к дереву на берегу, насколько Фаун могла судить, вдали от любого жилья. В ответ на безответственное предложение Вита продолжать путь Берри с сожалением ответила, что не хочет плыть вниз по течению в темноте. В добавление к тем опасностям, которые представляли скалы, плавник, отмели, река делилась на протоки вокруг островов, часто менявших свое расположение. Если бы оказался выбран не тот канал, можно было застрять в непроходимых тростниках, в результате чего команде пришлось бы с трудом выгребать против течения, чтобы вернуться к развилке. Это было бы нелегко даже для ялика, не говоря уже о неповоротливой барже. Как сообщила Берри, в таких обстоятельствах речники иногда даже бросали свои суда. Фаун ткнула Вита локтем в бок, чтобы заставить замолчать, когда он начал предлагать Дага на роль ночного лоцмана. Даже если бы Дар Дага полностью восстановился, некоторые острова имели до пяти миль в длину, да и река была достаточно

опасна и при свете дня.

После остановки на ночлег Фаун стало некогда тревожиться: нужно было приготовить ужин. День был полон волнений, и все были рады пораньше отправиться на покой. К тому же Фаун подозревала, что Даг все еще страдает упадком сил после лечения женщины в Жемчужной Излучине — усталостью более глубокой, чем просто физическая. Даг обнял Фаун на постели скорее ради утешения, чем ради чего-либо еще; судя по тому, каким крепким было его объятие, он особенно нуждался в комфорте и ласке. Фаун подумала о том, что, возможно, Дага тревожит присутствие на борту Ремо. Занавеска не служила укрытием от Дара. Впрочем, предположила Фаун, поскольку крестьяне вообще не были способны скрывать свои эмоции, Ремо мог, как это часто делал Даг, закрыть свой Дар во избежание неприятных ощущений. Фаун так устала за день, что скоро все ее размышления сменились сном.

Отправились в путь они на рассвете; к полудню облака разошлись, и выглянуло солнце. Хотя его лучи были бледными и грели мало, настроение у всех улучшилось. По предложению Берри Фаун начала экспериментировать с печкой и сумела к обеду испечь пироги, не останавливая баржу.

Пожара она тоже не устроила — чем и гордилась больше, чем пирогами, которые, впрочем, были съедены с завидным аппетитом. После полудня Фаун нашла Дага, сменившегося с вахты, на скамье на передней палубе; он явно наслаждался отдыхом в обществе Копперхеда, козы Дейзи и кур. Фаун перегнулась через перила, глядя на гладкую бурую воду. «Надежда» опережала полосу сырого тумана, но плывшие по течению опавшие листья, казалось, оставляли судно позади.

— Даг, — обратилась к мужу Фаун, — как ты думаешь, не сумеешь ли ты наловить рыбы на ужин?

Даг открыл глаза и выпрямился.

— Какой рыбы?

— Я даже не знаю, какая рыба водится в реке. Бо тут недавно распространялся о том, как он любит сома, зажаренного в кляре. Удастся ли тебе наловить достаточно, чтобы накормить восьмерых?

Углы рта Дага дрогнули в улыбке.

— Могу попытаться, Искорка.

Он поднялся, потянулся и наклонился через борт позади загона, опустив левую руку. Его крюк скользил по поверхности воды. Фаун следила за мужем, внезапно забеспокоившись. Когда Даг

заставил того крупного окуня так неожиданно выпрыгнуть из воды на озере Хикори, они плыли в небольшой лодке, борта которой были гораздо ниже. Поручни на палубе «Надежды» казались Фаун слишком высокими для того, чтобы какая-нибудь рыбина могла через них перепрыгнуть. Да и прыгают ли когда-нибудь сомы? У Фаун было смутное представление о них как о рыбах, держащихся на глубине.

Когда в течение десяти минут ничего не произошло, Фаун собралась вернуться в свои владения у печки и подумать о том, что можно приготовить на ужин из бекона, но побоялась оставить Дага: как бы он не уснул. Конечно, упав в воду, он проснулся бы, и плавать он умел гораздо лучше ее… но только если бы она ухватила его за ноги, Даг мог утянуть ее с собой вместе… Однако тут Даг напрягся и выдохнул:

— Ха…

Фаун вытянула шею, глядя в воду.

В этот момент Даг испуганно вскрикнул и чуть не свалился за борт.

Фаун рванулась вперед, стараясь обхватить его вокруг талии. Она успела бросить только один взгляд за борт, прежде чем отчаянно начала тянуть Дага назад, скользя ногами по палубе.

Огромная серая бьющаяся тень, казалось, заглотила крюк Дага до середины и пыталась утащить рыбака в воду. Несомненно, желая его съесть. На взгляд Фаун, это, возможно, и было справедливо, но она не собиралась отдавать своего лучшего мужа какому-то жуткому речному чудищу.

— Даг, отпусти его! Не нужно! Я не настолько мечтаю о рыбе на ужин!

— Не могу! Проклятие! Эта тварь застряла на крюке! — Даг безуспешно попытался отстегнуть протез, но тут ему удалось упереться коленями в борт изнутри и сильно дернуть. Фаун повисла на нем всем своим весом.

Из мутной воды поднялись несколько футов бьющейся серой мокрети, изогнулись в воздухе и грохнулись на палубу так, что вся баржа содрогнулась. Даг, все еще удерживаемый рыбиной, упал тоже, и Фаун с ним вместе. Ей, правда, сразу же удалось подняться на четвереньки. Испуганный Копперхед стучал копытами, мотал головой и ржал, коза Дейзи блеяла от страха — то ли боясь коня, то ли речного чудища, Фаун не могла решить.

— Вит! — закричал Даг. — Тащи киянку! Скорее!

Шум заставил всю команду «Надежды» ки-

нуться на переднюю палубу. Вит, Хог и Готорн столкнулись в переднем люке, Берри, Ремо и Бо свесились с крыши каюты. Услышав крик Дага, Вит нырнул в каюту; Готорн скрылся следом за ним, а Хог, увидев свирепого Копперхеда, попятился. Вскочив на ноги, Фаун теперь смогла разглядеть самую огромную рыбу — если это была рыба, — какую она только могла себе представить. Чудище в длину было с нее ростом. На уродливой голове горели желтые глаза, протез Дага все еще наполовину скрывался в широкой разинутой пасти. Красные жабры открывались и закрывались, длинные усы хлестали по палубе. Изгибаясь, рыбина швыряла Дага из стороны в сторону.

Вит выскочил, сжимая в руках блестящую новенькую лопату из запасов Берри и попытался прикончить или по крайней мере укротить рыбу, подгоняемый Дагом:

— Бей ее, Вит! Сильнее! Ой… Цельсь в голову, будь ты проклят!

Наконец сом почти перестал шевелиться, и Даг перевел дух, сел и осторожно высвободил свой крюк. Если бы чудовищу удалось утащить его за борт, не уволокло бы оно его на дно и не утопило бы? Фаун почувствовала дурноту. Даг

потряс рукой, оглядел потрясенных зрителей и откашлялся.

— Ну вот, Искорка, тебе рыба на ужин для восьмерых.

— Спасибо, Даг, — выдохнула Фаун. Она была вознаграждена улыбкой, напряжение на лице Дага исчезло. Он выглядел почти так, словно сделал то, что и собирался, но Фаун подумала, что он тоже хорошо представляет себе путешествие на дно реки.

— Больше похоже на ужин для сорока восьми, — заметил Вит, шагами измеряя длину добычи. — Сколько же весит эта тварь?

— На мой взгляд фунтов сто — сто двадцать, — протянул Бо.

Это мнение знатока, решила Фаун. Вит присвистнул.

— Ну, — покачала головой Берри, глядя на Фаун, — ты ведь и правда говорила мне, что твой муж умеет ловить рыбу… Никогда еще не видела, чтобы в качестве наживки использовали живого Стража Озера.

— Как же ее засунуть в кастрюлю? — почти застонала Фаун. Она представила себе, как по футу туши торчит с обоих концов противня… Да она и поднять-то рыбину не сможет… Может быть,

зажарить ее на вертеле, как свинью?

— Вит и Хог почистят и нарежут ее для тебя, — великодушно предложил Даг. Он осторожно поднялся на ноги, выпрямил спину и вытер крюк о штаны. — Не сомневаюсь, Бо объяснит им, как это делать.

Энтузиазм Вита несколько увял, однако возражать он не стал. Они с Хогом потащили добычу на заднюю палубу и там, под насмешливым присмотром Бо, принялись ее разделывать.

Оставшись на минуту наедине с Дагом в каюте, пока он приводил себя в порядок, Фаун приподнялась на цыпочки и обхватила мужа за плечи.

— Знаешь что, совсем не обязательно делать глупости только потому, что я попросила. Надеюсь, ты будешь вести себя как разумный взрослый человек!

Даг обнял ее и возразил:

— Я совсем не считал просьбу поймать рыбку на ужин неразумной. По крайней мере в реке. Вот будь мы посреди пустыни, это было бы действительно жестокое требование. — Он с невинным выражением заморгал.

Демонстрируя свою жестокость, Фаун ткнула мужа в живот и нахмурилась.

Даг весьма насмешливо скосил на нее глаза,

но сказал:

— Признаю, рыбина действительно несколько отбилась от рук.

— Правильнее было бы сказать, что она почти проглотила твою руку — я же видела! — Фаун снова вцепилась в Дага и попыталась его встряхнуть. — Ты мог бы выбрать добычу и поменьше. Ты ничего не должен мне доказывать!

В ответ Даг только тихо рассмеялся и поцеловал Фаун в волосы. Она сдалась и расслабилась в его объятиях, хотя и не была уверена: следует его ласку рассматривать как извинение за то, что он так ее перепугал, или просто как попытку ее отвлечь.

Все же Фаун ворчливо пробормотала:

— Не возражаю против того, чтобы поужинать рыбой, хоть у нас на ферме мы такое и нечасто готовили. Только мне не нравится идея иметь дело с рыбой достаточно большой, чтобы она могла съесть меня.

— О, в реке встречаются сомы и покрупнее. И еще есть морской осетр, который заходит в низовья Серой, — он раз в десять больше нашей сегодняшней добычи.

— Ой, не пугай меня! — пискнула Фаун. — Сначала болотные ящерицы с огромными зубами,

теперь рыбины такие здоровенные, что могут проглотить «Надежду»? В какие края ты нас тащишь? Вот что, я устанавливаю новое правило: ты не будешь вытаскивать на палубу рыб, которые больше меня ростом. Слышишь, Даг Блуфилд?

В ответ Даг только усмехнулся и крепче обнял жену. Само по себе это было вполне удовлетворительно, но ответом все-таки не являлось.

* * *

На ужин Фаун нажарила столько филе сома, что все наелись до отвала. Белое мясо было нежным и сочным, но уж очень бесконечным. На завтрак все получили то же самое. Обед посередине реки состоял из хлеба с жареной рыбой. И ужин. И еще один завтрак… После этого Вит возглавил бунт и отправил остатки рыбы за борт, где с ними быстро расправились ее родственники-каннибалы. Разрываясь между сожалениями по поводу расточительства и искренним облегчением, Фаун только выдохнула:

— Ух!

На это Вит буркнул:

— Вот что, будь в следующий раз поосторожнее с тем, о чем просишь Дага, ладно? Этот парень

иногда просто пугает меня.

* * *

К концу дня Даг спросил Берри, нельзя ли ненадолго причалить у еще одного лагеря Стражей Озера — на южном берегу Грейс. Фаун знала, что Берри хочет воспользоваться этим подъемом воды, чтобы миновать Серебряные Перекаты: иначе можно было застрять и дожидаться новых дождей в верховьях. Однако хозяйка баржи посмотрела на Дага, кивнула и только сказала:

— Постарайся побыстрее, дозорный.

Место переправы представляло собой всего лишь расчищенную площадку на берегу; лагерь, расположенный за скалами, с берега не был виден. Этот паром обслуживал не торговую дорогу, а только тропу дозорных, а потому им пользовались немногие фермеры. Даг отправился в лагерь один, не позвав с собой ни Фаун, ни Ремо; да Ремо едва ли и принял бы приглашение.

Дозорный из Жемчужной Стремнины выполнял приказания хозяйки баржи без возражений и жалоб, но между вахтами оставался молчаливым и нелюдимым. Неуклюжие попытки Вита подружиться с ним оставались без ответа. Фаун заметила, что даже со старшим Стражем Озера

Ремо не разговаривал, хотя иногда она ловила его на том, что он наблюдает за Дагом, словно пытаясь что-то понять и терпя в этом неудачу. Хог в присутствии Ремо был застенчив — ну да он был застенчив в присутствии любого из членов команды.

Готорн вывел козу на берег попастись, а Ремо вызвался сделать то же самое с Копперхедом; это удивило Фаун, но она скоро догадалась, что это дает Ремо повод побыть вдали от остальных. Вит, как пришитый, следовал за Берри. Фаун, воспользовавшись передышкой в делах, объявила:

— Я, пожалуй, пройдусь — встречу Дага.

Тропа, ведущая от берега вверх по склону холма, была покрыта скользкими мокрыми желтыми листьями; на ней Фаун никто не встретился. Пройдя с полмили, она увидела Дага, возвращающегося сквозь буро-серый лес. По его мрачному лицу Фаун заключила, что его попытка не удалась.

— Не повезло? — тихо спросила она.

Даг покачал головой.

— Я постарался не повторять ошибок. Я назвался Дагом Оттером из лагеря Хоуп и притворился гонцом. Мог и не жертвовать своей гордостью — у них просто нет запасных ножей. Что ж, это совсем

небольшой лагерь, так что неудивительно.

— Жаль. — Фаун повернулась и пошла рядом с мужем. Сейчас их не только никто не мог услышать с «Надежды», они были и вне пределов досягаемости Дара. Поэтому Фаун сочла, что нужно воспользоваться возможностью и спросить: — Твой Ремо выглядит довольно несчастным. Что ты думаешь с ним делать?

— Он не мой Ремо.

— Он, похоже, берет с тебя пример.

— То, что мы оказались на одной барже, еще не значит, что я его усыновил.

— А ему не грозят крупные неприятности от лагеря в Жемчужной Стремнине за дезертирство?

Даг вздохнул.

— Может быть. Не уверен, что он понимает разницу между тем, чтобы быть изгнанным и подать в отставку.

— Он не слишком много говорит. — Фаун подумала и добавила: — О чем бы то ни было.

— Однако он слушает. — Даг склонил голову набок. — Ты вспомни: когда я явился в Вест-Блю, еще до нашей свадьбы… это был первый раз за время гораздо более долгое, чем вся жизнь Ремо, когда я спал в крестьянском доме, ел за семейным столом и слушал, как фермеры разговаривают

друг с другом. Ремо даже никогда не бывал в другом лагере по обмену, никогда раньше не покидал родной лагерь — совсем как Вит. Думаю, ему не повредит, если он какое-то время будет накапливать новые впечатления.

— М-м-м… — протянула Фаун. — Вчера после своей вахты он стащил детеныша енота у Готорна, спрятался с ним в укромном уголке между припасами, положил зверюшку себе на колени и так и сидел, сгорбившись над единственным живым существом, которое на него не злилось. Только Готорн быстро хватился своего любимца, нашел их и заставил Ремо отдать малыша.

— Никто на барже на Ремо не злится.

— Никто на барже не кажется Ремо реальным, кроме тебя. А ты им не так уж доволен.

Даг безразлично хмыкнул.

Фаун решительно подняла подбородок и продолжала:

— Думаю, для Стражей Озера нехорошо неожиданно оказываться отрезанными от всего, что им знакомо. Они начинают чахнуть.

— С этим не поспоришь, — вздохнул Даг.

Фаун бросила на мужа острый взгляд.

«Ну да».

— А вот Хог стал выглядеть лучше, — сделав

еще несколько шагов, заметила Фаун, надеясь переменить тему на более веселую. — Его кожа порозовела, и движется он шустрее, когда вся пища стала доставаться ему самому. Он теперь почти не пользуется твоей палкой. И он следит за тобой и за Ремо, который следит за тобой. — Фаун закусила губу. Пожалуй, тема оказалась не такой уж веселой. — Ревность — неправильное слово, и зависть тоже, но… Хог заставляет меня почему-то вспоминать о собаке, охраняющей свою единственную косточку.

Даг кивнул.

— Это результат околдовывания. Не могу сказать, что у меня на этот счет появились свежие идеи…

— А ты пытался что-то придумать? Потому что… ай! — Фаун сморщилась и остановилась. Ветка, которую она беззаботно отвела от лица, хлестнула ее снова — это оказалось колючая гледичия. Ветка не только оцарапала кожу, но и запуталась в волосах.

— Постой. — Даг протянул руку и осторожно извлек ветку, переломил и отвел в сторону с тропы. — Я просто ненавижу эти вредные деревья! Я встречал их по всей Олеане. Плодов они не дают, древесина мало на что годится — для таких

шипов просто нет никакого оправдания.

— Наверное, живая изгородь из них была бы хороша, чтобы отвадить нежеланных гостей.

— А еще лучше устроить из них костер. — Даг не выпустил ветку; на лице его появилось отсутствующее выражение, внезапно встревожившее Фаун. — Никто не минует это дерево. Если бы Злой вырвал Дар у подобного вредителя, это было бы просто благодеянием. — Даг помолчал. — Помнишь москита, у которого я вырвал Дар в гостинице в Лампгоне?

— Да. Ты после этого был очень болен.

— С тех пор я гадаю: что произойдет, если я попытаюсь повторить что-то в том же роде…

— Даг, не думаю, что это удачная идея. — Что за настроение на него нашло после разочарования, которое он испытал в лагере?

— Нет, ты послушай — ведь целители… Я тут думал о целителях… Самые умелые наверняка имеют какие-то секреты ремесла. У них такой плотный Дар — это практически признак их способностей. И им не обязательно видеть далеко. Из Хохарии никогда не получился бы дозорный, но она может день за днем производить подкрепление Дара. Я всегда думал, что это врожденная способность, но что, если тут что-то другое? Я

никогда не видел…

— Никаких больше москитов, — решительно перебила его Фаун. — И вообще никаких насекомых. Ты помнишь, что было с твоей рукой?

— Да, но как насчет этого вот дерева? По нему-то не промахнешься.

— Оно же в сто миллионов раз больше москита!

— Москит заставил меня чесаться, не спорю. Может быть, дерево сделает меня колючим и неподвижным.

— И ты думаешь, никто ничего не заметит? — В ответ на непонимающий взгляд Дага Фаун неискренне добавила: — Прости. — Губы Дага дрогнули.

Фаун не могла себе представить, что может сделать с человеком поглощение Дара целого дерева. Не знал этого, как она подозревала, и Даг. Однако взгляд его стал пугающе пристальным; он продолжал смотреть на колючие ветви и ствол. Колючки были тройными и торчали угрожающими остриями из всех возможных частей мерзкого растения.

— Подумай как следует, — умоляюще сказала Фаун. — По крайней мере не начинай с целого дерева — попробуй на чем-то меньшем. — Она

порылась в кармане юбки, нашла несколько зернышек, застрявших в шве, и вытащила одно. — Вот!

Даг протянул руку за подарком.

— Овес?

— Я утром кормила Дейзи и Копперхеда.

— Одно зернышко? — Даг пристально смотрел себе на ладонь.

— От овса ты не заболеешь, даже если съешь целую миску. Не то что если бы это была бы миска москитов или этих жутких колючек. Даже Копперхед не смог бы съесть целое такое дерево!

— Ну… любопытная параллель. Ха… Мы и в самом деле поглощаем Дар пищи и преобразуем его, — все так делают, Стражи Озера, фермеры, животные — все живые существа. Это естественное подкрепление Дара. — Даг оглядел тропу. Они были на ней одни. Даг сжал руку, провел по ней своим крюком и разжал ладонь. Зернышко исчезло. Даг вытер о штаны тонкую серую пыль. — Ха… — повторил он. Лицо его неожиданно стало очень задумчивым.

— Ну и как? — с тревогой спросила Фаун.

Даг потер левую руку.

— Я чувствую застрявший во мне кусочек Дара… совсем не такой неприятный, как Дар

москита. У тебя в кармане больше овса нет?

— Помнишь, тебя начало лихорадить не сразу. Ограничься пока одним зернышком… а через день попробуй еще… может быть.

— У Берри на «Надежде» целая бочка овса, — протянул Даг. — Интересная мысль, нужно ее проверить: не безопасно ли вырывать Дар того, что съедобно? Я, пожалуй, предпочту есть свою пищу, но может быть, так получится быстрее — в чрезвычайных обстоятельствах.

— Не знаю, Даг. Мне кажется, тебе для подобных экспериментов может быть нужен напарник — Страж Озера. — Кто-нибудь, кто мог бы сказать Дагу, что он вредит своему Дару, — и предупредить Фаун, чтобы она могла вмешаться и топнуть ногой. Достаточно вспомнить того сома… — Как ты думаешь, от Ремо могла бы быть польза?

Даг сложил губы трубочкой и медленно выдохнул воздух.

— Не уверен, что хотел бы пробовать такое в присутствии юного Ремо. Это очень обеспокоило бы любого Стража Озера, который видел, как действует Злой.

— А Ремо видел?

Даг нахмурил брови.

— Может быть, и нет, Искорка. Сообщений о

том, что в округе Жемчужной Стремнины находили Злых, не было уже несколько лет. Если Ремо никогда не бывал по обмену в другом лагере, то он такого шанса еще не имел.

— Так что он не узнал бы магию Злого, если бы ее увидел.

— Возможно.

Оставив колючую гледичию в покое — к большому облегчению Фаун — Даг двинулся дальше по тропе, прижимая к себе жену, чтобы та больше не пострадала от цепляющихся ветвей.

— Значит, — заговорила Фаун, — если у целителей Дар плотный, а у дозорных — далеко достающий, как же ты назовешь того, кто имеет оба качества?

— Почтенным… или почтенной мастером по изготовлению ножей.

— Среди мастеров по изготовлению ножей бывают женщины? — Фаун встречала только одного мастера — недоброжелательного брата Дага Дора… По крайней мере недоброжелательного по отношению к крестьянкам-невесткам.

— О да.

— А как ты назовешь того, чей Дар и не плотный, и не далеко достающий?

— Фермером, — улыбнулся Даг, потом глянул

на Фаун и извинился: — Прости.

Только не слишком-то он раскаивался… Фаун вскинула голову.

— Впрочем, это не совсем верно, — задумчиво продолжал Даг. — Мы встречаем среди фермеров и таких, кто на грани овладения Даром, — по крайней мере встречают те из нас, кто покидает лагерь и отправляется в дозор… и если обращает на это внимание. Вот пример — тетушка Нетти и отчасти ты.

— Я? — удивленно переспросила Фаун. — Мой Дар никуда не достигает. У меня и нет такого Дара, который куда-то достигал бы.

— Совсем никакого, — весело согласился Даг, и Фаун едва не пнула его в бок. — Только у тебя очень необычный Дар… не плотный, хотя и это есть, а яркий. Твой Дар очень красив, знаешь ли. Почему, как ты думаешь, я называю тебя Искоркой, Искорка?

— Я думала, это просто ласковое прозвище… для домашнего зверька, — добавила она вызывающе.

Даг обиженно глянул на нее, но сказал:

— Нет, это точное описание. Называть тебя так столь же естественно, как назвать рыжеволосого Сассу Морковными Вершками.

— Морковные вершки зеленые. Уж я-то знаю

— я ведь крестьянка. — Все же Фаун не сдержала улыбку. Может быть, красота Дара — в глазах смотрящего? Не иначе… Другие Стражи Озера не были очарованы ее Даром, как Даг. А может быть, это дело вкуса… как сказала старая леди, целуя корову. Фаун улыбнулась еще шире, вспомнив старую присказку тетушки Нетти. И все же мелькнула у Фаун мысль, что, если в словах Дага кроется истина? Что, если это не лесть и не следствие влюбленности, а правдивое описание? Даг предпочитает говорить правду. Что, если он и в самом деле видит в ней яркость, как чувствительные глаза видят ее в солнце? Как жаждущий видит ее в воде…

— Что я тебе даю? — отрывисто спросила Фаун.

— Дыхание.

— Нет, серьезно! — Фаун остановилась, и Даг тоже остановился и повернулся к ней лицом.

— Я и отвечаю серьезно, — по крайней мере улыбка его была серьезной.

— Помнишь, когда Хог явился на «Надежду», ты сказал, что я сама не знаю, что каждый день даю тебе. А ты знаешь?

В этот момент Фаун поняла разницу между «остановиться» и «замереть на месте».

— Что знаю? — спросил Даг.

— Что я даю твоему Дару?

Даг медленно моргнул, крепко обнял жену и припал к ее губам долгим поцелуем — не для того, чтобы уклониться от ответа, а чтобы распробовать ее Дар. Когда наконец он отпустил ее, брови его были задумчиво сведены.

— Равновесие, — сказал он. — Ты меня распутываешь.

— Не понимаю.

— Я тоже.

— Даг, — взмолилась Фаун, — если ты ничего не можешь понять и мне объяснить, то кто может?

Даг с шутливой покорностью склонил голову.

— Ты заставляешь мой Дар исчезнуть. Нет, это неправильно, — продолжил он, когда Фаун начала возражать. — Представь себе… представь, что все твои мышцы напряжены, завязаны узлами и болят, не давая тебе пошевелиться. А теперь представь, что все твои мускула разогреты и работают без усилий. Достаточно пожелать — и все исполняется… как безупречный выстрел в цель.

— Хм-м? — Фаун видела, что Даг еще сам не все понимает, но уже ухватил за хвост ускользающую мысль.

— Когда мне удается безупречно выстрелить из лука… Такое временами случается, хотя всегда

реже, чем хотелось бы. Я не имею в виду просто попадание стрелы в цель — этого-то я добиваюсь постоянно. Совершенный выстрел — все то же самое, и одновременно не то. В такой неуловимый момент все мои горести, мое тело, лук, цель, даже стрела — все исчезает. Остается только полет. — Даг сжал руку в кулак и снова разжал. — Работа Дара моей левой руки похожа на полет стрелы без стрелы.

Даг смотрел на свою ладонь с таким выражением, словно его слова упали ему в руку неожиданно, как украшенный драгоценным камнем зуб.

«Он только что сказал что-то важное. Запомни услышанное, крестьянская девчонка, даже если ты пока ничего не поняла».

— Так почему я не околдована, как Хог? Ты воздействовал своим Даром на нас обоих. «Почему» и «как» должны лежать где-то между нами тремя.

Даг медленно закрыл рот; глаза его погасли. Однако он только проговорил:

— Мы задерживаем Берри, — и двинулся по тропе.

Фаун пошла рядом, довольная тем, что Даг не отмахнулся от ее вопроса. Его неожиданная задумчивость только означала, что колесики в его голове со скрипом завертелись в непривычном

направлении.

«Так, может быть, мне следует постоянно смазывать эту ось, а?»

12

Несмотря на задержку, связанную с безрезультатной попыткой Дага, «Надежда» прошла еще восемь миль по реке, прежде чем сумерки заставили Берри причалить к берегу. За ужином хозяйка баржи высказала мнение, что на следующий день они доберутся до Серебряных Перекатов, если вода в реке за ночь не спадет. Даг только молча улыбался в свою кружку с пенистым сидром, глядя, как от этой новости оживились Фаун и Вит. Они оба принялись расспрашивать Берри и Бо о знаменитом городе; разговор длился до тех пор, пока Готорн и Хог не стали относить посуду на заднюю палубу, чтобы вымыть ее. Это занятие должно было занять у них изрядное время, потому что Готорн попутно пытался научить детеныша енота сидеть у него на плече. До полной темноты оставалось еще довольно много времени, и вечер был тихий, сравнительно теплый, без дождя.

— Как насчет урока стрельбы из лука? — предложил Даг Виту. — Мы уже давно этим не занимались. — Действительно, и Глассфордж, и Жемчужная Излучина надолго отвлекли мужчин

от тренировок.

Вит радостно вскочил, но тут же засомневался:

— А разве для этого не слишком темно? Луны еще какое-то время не будет, да она и на ущербе.

— На «Надежде» есть несколько фонарей. Может, Берри одолжит нам парочку.

Берри, явно заинтересованная предложением Дага, кивнула.

— Один фонарь поставь рядом с мишенью, другой — рядом с нами, — сказал Даг.

— Напрасная трата хорошего каменного масла, — проворчал Бо. — Да и фонари могут пострадать.

— Вит будет целиться не в фонарь, а при его свете… будем надеяться, — ответил Даг. Вит только смущенно улыбнулся. — Ты должен учиться стрелять при любом освещении. Был бы ты Стражем Озера, я поучил бы тебя стрелять в полной темноте — ориентируясь с помощью Дара. Деревья при дневном свете теперь уже для тебя слишком легкая цель. Скоро нужно будет давать тебе задания потруднее. Ну а сегодня можно одолжить у Дейзи и Копперхеда тюк соломы и установить его где-нибудь на берегу.

— Погоди-ка, — вмешалась Фаун. — А кто будет собирать стрелы, не попавшие в цель, в тем-

ноте? — При предыдущих уроках это было ее обязанностью — главным образом потому, что Фаун дорожила собственноручно изготовленными стрелами.

— Не беспокойся, — заверил ее Даг. — Ты будешь приносить только те, что попадут в мишень, а остальные найду я. — Он бросил на Вита шутливо-свирепый взгляд. — Это значит, что тебе, парень, следует хорошенько целиться.

Фаун понесла фонари, а Вит потопал на берег, взгромоздив на плечо тюк соломы. Берри двинулась следом. Бо пошевелил кочергой угли, потом уселся, протянув ноги к очагу. Даг не торопясь допил свой сидр.

Ремо слушал разговор, недовольно хмурясь. Наконец он сказал:

— Ты в самом деле собрался учить этого болтливого крестьянского парня стрелять, как Стража Озера? Почему?

— Во-первых, он мой брат по шатру. Во-вторых, он попросил.

Ремо запнулся, но все же продолжил:

— Думаю, ты сам давно уже не имеешь возможности пользоваться луком. — И более тихо добавил: — Раньше ты был хорошим стрелком?

Ремо явно не слышал всех рассказов Сауна про

Дага; может быть, это с таким же неугомонным, как он сам, Барром и подружился Саун, когда был в их лагере. Судя по его тону, Ремо пытался извиниться перед Дагом.

«Жаль, что он так плохо умеет это делать».

На языке Дага вертелось несколько едких ответов, вроде «Еще на прошлой неделе *я* бил без промаха», но он ограничился тем, что сказал:

— Пошли, если хочешь, с нами: поможешь мне. Есть вещи, которые я просто не могу показать Виту — например, стрельбу левой рукой.

Ремо явно растерялся, услышав такое предложение.

— Знаешь, — спокойно добавил Даг, — если ты собираешься жить среди фермеров, тебе пора учиться разговаривать с ними.

— Не собираюсь я жить среди фермеров!

— Ну, похоже, что и среди Стражей Озера ты жить не собираешься. Уж не надумал ли ты поселиться на дереве с белками и всю зиму питаться желудями? Выбор тебе обязательно придется сделать.

Ремо упрямо сжал губы. Даг только покачал головой, поднялся, чтобы последовать за Фаун и Витом, и бросил через плечо:

— Если передумаешь, приходи.

Вит укрепил тюк соломы на пне на прогалине выше по течению — там было меньше деревьев и более ровная почва — и теперь спорил с Фаун о том, где лучше разместить фонарь. В конце концов они сговорились на том, чтобы повесить его на сухом стволе тополя. Фаун пришпилила к тюку соломы потрепанную мешковину с нарисованными на ней двумя концентрическими кругами. Светлая ткань была отчетливо видна даже в неярком желтом свете фонаря. Потом Вит и Фаун вернулись на баржу, и Вит нырнул в каюту, чтобы взять свой лук. Когда он вышел снова, за ним медленно последовал Ремо, хотя ограничился тем, что дошел до перил на палубе, на которые и облокотился.

Ночь была тихая — песни лягушек и насекомых смолкли после недавних заморозков, волны еле слышно плескали в темный берег. Даг с удобством расположился на стволе упавшего дерева рядом со вторым фонарем и оттуда поправлял Вита, пока тот выпускал дюжину стрел; потом он с кряхтением поднялся и отправился на поиски тех шести, которые пролетели мимо мишени. Однако в следующий раз ему пришлось искать всего две стрелы, и Даг, довольный успехами своего ученика, увеличил дистанцию на десять шагов.

Тут явился Готорн, мечтающий о том, чтобы и ему разрешили попробовать. По крайней мере после мытья посуды руки у него были чистыми, и можно было не опасаться появления жирных пятен на луке. Даг тут же поручил Виту учить паренька: старый трюк дозорных, заставлявший новичка взглянуть на свои проблемы со стороны. Даг усмехнулся, услышав некоторые свои излюбленные выражения, с важностью повторяемые Витом. Ремо, как с удивлением заметил Даг, подбирался все ближе — сначала до сходней, потом до того бревна, на котором сидел Даг. Руки молодого дозорного иногда дергались. Если у него и был лук, он не захватил его с собой в ночной заплыв через реку. Что ж, если ему захочется попрактиковаться, придется, как и Готорну, просить у Вита его лук…

Когда Даг вернулся из очередного поиска пролетевших мимо мишени стрел и посоветовал Виту поставить Готорна поближе к цели, Ремо неожиданно сказал:

— Поиск стрел всегда был делом новичков, а не командира.

Уж точно не командира, на счету которого двадцать семь уничтоженных Злых, хотел он сказать? За кого это Ремо обиделся?

— Ты притаскивал их, когда был начинающим?

— Да!

— Вот и молодец.

Фаун подошла и стала наблюдать из-за спины Дага; ее неугомонные руки принялись массировать плечи мужа, так что ему сразу расхотелось снова отправляться на поиски.

— Как насчет тебя, Даг? — спросила она. — Ты тоже давно не практиковался.

— Да ну, Искорка, я же полдня греб. Я устал. Если я не смогу попасть в мишень, я буду плохо выглядеть в глазах всех этих молокососов.

— Ха! — бесчувственно фыркнула Фаун и прекратила свое восхитительное занятие, так что Даг еле сдержался, чтобы не охнуть. Проскользнув по сходням на баржу, Фаун через минуту появилась с усовершенствованным луком Дага и его полным стрел колчаном.

Ремо выпрямился, и глаза его широко раскрылись.

— Что это?

— Это мой лук. — Даг вывинтил свой крюк из деревянной основы и сунул его в кошель на поясе. Поднявшись, он всем весом навалился на короткий тяжелый лук, натягивая тетиву. Вставив в

деревянную часть протеза болт, Даг повернул лук, чтобы установить его на место, удостоверился, что тетива находится на внутренней стороне, и защелкнул замок.

— Эту штуку сделал для меня много лет назад фермер-умелец, которого знал в Трипойнте Громовержец, — продолжал Даг. — К ней прилагались и ремни, и все прочие приспособления. Потребовалось четыре попытки, прежде чем удалось создать конструкцию, которая работала бы. Интересный то был парень. Он начал делать деревянные руки и ноги для горняков и сталеваров, понимаешь ли: тамошние жители занимались опасными вещами. Они с Громовержцем подружились, еще когда тот был молодым дозорным и путешествовал в тех краях. Никогда не знаешь, когда тебе пригодится старый друг.

Дар Ремо был таким же взволнованным, как и выражение его лица; Даг не мог сказать, как воспринял парень это нравоучение. Ремо только пробормотал:

— Похоже, натягивать этот лук трудно.

— Да — словно борешься с медведем. К тому времени пришлось изрядно помудрить. Требовался короткий лук, чтобы он не путался у меня в ногах, если придется бежать, поскольку быст-

ро его не отсоединить. В то, же время мне было нужно, чтобы лук был мощный. Когда у меня были две руки, я пользовался длинным луком, соответствовавшим моему росту и длине рук. Пришлось тренироваться многие месяцы, прежде чем удалось избавиться от прежних привычек. — Пальцы правой руки Дага кровоточили.

— Ты говоришь об этом так спокойно…

Неизвестно, что Ремо ожидал услышать в ответ на свое замечание, так что Даг предпочел сказать правду:

— Сначала было иначе. Мне долго пришлось привыкать… — Легкое движение левой руки Дага ясно показало, что он имеет в виду. — Не сказал бы, что нет таких, кто остается проклятым дураком навсегда: я видел парней, которые так и не сумели себя преодолеть. Только я в конце концов решил, что эта компания не по мне.

Ремо надолго умолк.

Появление нового замечательного приспособления заставило Готорна запрыгать на месте, не в силах сдержать любопытства. Подошедший следом за мальчишкой Вит добродушно протянул:

— Ну-ка, Даг, устрой нам представление!

— Этот лук не годится, чтобы учить тебя, знаешь ли. Он требует иной позиции и иных ухваток, чем

твой, и к тому же у меня полно скверных старых привычек, которым тебе лучше не подражать.

Вит ухмыльнулся.

— «Делай, как я говорю, а не как я делаю?»

— Вот именно, — кивнул Даг.

Готорн вытащил из колчана одну из тяжелых, со стальным наконечником стрел Дага.

— Эй, а эти-то получше тех, которыми мы стреляли! Спорю: они точнее попадают в цель!

— Ваши ничуть не хуже. Их делал один мастер. — Даг подмигнул Фаун. — Ну-ка дай мне ваши, а эту положи обратно.

Готорн охнул, и Фаун пришлось вынуть стрелу из его окровавленной руки.

— Дай сюда, пока глаз не выколол. Это боевые стрелы Дага. Он не тратит их на стрельбу в мишень.

— А для чего он их бережет?

Даг предусмотрительно оставил этот вопрос без ответа и обменялся колчанами с Витом. Отойдя от мишени на то расстояние, с какого Виту удавалось не промахнуться, Даг распрямил плечи и лениво послал в цель дюжину стрел с кремневыми наконечниками. Все они вонзились между двумя концентрическими кругами. Результат был вполне удовлетворительным.

— Вот видишь, Готорн, они прекрасно работают. А теперь пойди-ка их принеси. — Мальчишка кинулся выполнять распоряжение. — Мой стиль не годится для соревнований в стрельбе, — сказал Даг Виту. — Я всегда спорю на этот счет с ортодоксами: по-моему, дозорный должен стрелять из любой позиции, и тут не годится заботиться о правилах. А они твердят… ладно, пожалуй, не стоит повторять то, о чем они твердят.

Фаун не сводила глаз с мужа и решила, что теперь его мышцы разогрелись и стали послушными. Фальшиво напевая себе под нос, Даг взял свой колчан, неуклюже зажал под левой рукой, вытащил половину стрел и передал их Фаун; оставшаяся дюжина тяжелых стрел теперь лежала в колчане свободно. Повесив колчан через плечо, Даг вернулся на прежнее место; прикинув расстояние до тюка соломы, он отошел еще на десяток шагов. Потянувшись, он прогнал все мысли и повернулся к мишени.

Первая стрела ушла в цель с гораздо более громким звуком, чем прежние. Вит, разговаривавший у сходен с Берри, резко обернулся. Вторая стрела последовала за первой еще до того как та достигла цели. Одну за другой Даг доставал стрелы из колчана, целился, спускал тетиву. Он

увеличил расстояние не ради показухи: это было нужно, чтобы получить замечательный эффект потока — две или три стрелы были в воздухе одновременно.

Двенадцать выстрелов меньше чем за минуту…

«Давненько ты не делал такого, старый дозорный!»

Даг опустил свой короткий лук и оценил результаты. Что ж, все стрелы попали в нарисованный на мишени круг. Не то чтобы точный выстрел в сердце, но и сбежать тюку соломы не удалось бы. Даг немного пожалел, что не сумел написать колышущимися перьями «Д+Ф»; впрочем, если прищуриться, получается что-то вроде «Ах»… тоже неплохо.

Фаун подошла и встала рядом, зачарованно глядя на мишень.

— Это и были безупречные выстрелы? Клянусь звездами, выглядело потрясающе!

— Почти, — удовлетворенно кивнул Даг. — По крайней мере качественная работа. Можешь пойти вытащить стрелы, Вит.

Парень побежал к мишени. Даг разумно решил прекратить соревнование, пока остается непревзойденным. Он отсоединил лук и предоставил

Виту продолжать развлекаться. Готорн был безжалостно отстранен, стоило только Берри, наблюдавшей за событиями со сходней, намекнуть, что и она не прочь попробовать пострелять. Даг уютно устроился на бревне в обнимку с Фаун. Становилось холодно. Скоро захочется вернуться в каюту.

Фаун толкнула его локтем в бок и ухмыльнулась. Ремо стоял рядом с Витом, с увлечением объясняя какую-то тонкость стрельбы из лука. Даг в ответ приложил палец к носу и поднял брови; губы его кривила улыбка. Когда пришло время идти собирать выпущенные Берри стрелы, молодой дозорный махнул Дагу и отправился с Витом вместо него.

Громкий удар, донесшийся с баржи, заставил и Берри, и Дага резко обернуться.

— Что это было? — спросила Берри, однако, поскольку все оставалось тихо, снова стала смотреть на Ремо и Вита.

Даг напряженно смотрел в темноту, нахмурив брови.

«Хог… Что теперь затеял этот глупый мальчишка?»

Через несколько мгновений Бо высунулся из переднего люка и крикнул:

— Эй, Страж Озера, не заглянешь ли сюда на минутку?

«Нет, не загляну…» Однако так ответить Даг не мог. Он поднялся, жестом предложив обеспокоенной Берри продолжать развлекаться с Витом и Ремо. Фаун, бросив на мужа острый взгляд, двинулась следом за ним.

В той части каюты, что была отведена для ночлега, на полу сидел, закатав правую штанину, Хог; паренек раскачивался и скулил.

— Что случилось? — спросил Даг.

— Я упал на задней палубе, — простонал Хог. — Повредил колено. Вылечи его… пожалуйста, ты ведь можешь снова его вылечить…

Фаун сочувственно вздохнула. Даг покачал головой, опустился на колени и протянул руку к колену паренька, на мгновение приоткрыв Дар. Повреждение было не особенно глубоким, но Хог действительно умудрился обновить только что зажившую трещину в коленной чашечке. Проклятие!

— Хог, ты опять потащил слишком много посуды за раз? — сурово проговорила Фаун. — Помнишь, что я тебе говорила насчет трудов лентяя?

— Нет, я просто упал, — возразил Хог и, подумав,

добавил: — Я пытался не наступить на енота.

Дар тут же доложил Дагу, что детеныш мирно спит на их с Фаун постели. Даг поднял глаза и нахмурился.

Бо встретился с ним взглядом и поднял свои кустистые брови. После долгой многозначительной паузы он медленно проговорил:

— На самом деле звереныша поблизости не было. И судя по звуку, Хог не оступился на палубе. Похоже, он налетел на заднюю стенку каюты.

Хог испуганно пискнул:

— Ты меня не видел! — потом с запозданием добавил: — Ага, верно. Я споткнулся и ударился о стену.

Даг сел на пятки, обдумывая все неприятные возможности.

— Хог, скажи правду. Ты что, ударился коленом о стену нарочно?

Хог постарался не смотреть ему в глаза.

— Упал, — повторил он с вызовом.

Даг глубоко вздохнул. Хог, конечно, повредил колено, но срочности никакой не было. Не требовалось поспешно ставить заплаты. Даг мог повременить, остановиться, подумать. Сейчас размышления не казались его лучшим умением, но может быть, как и со стрельбой из лука, требо-

валась практика…

«Интересно, будет ли мозг, как и пальцы, кровоточить?»

Хог выглядел глуповатым и надутым, но может быть, он просто косноязычен и перепуган? Даг вляпался в неприятности, полагаясь на свои предположения насчет Хога. Его собственная привычка к секретности встретилась с молчаливой растерянностью парнишки, так что нечего удивляться, что прозрения не последовало.

— Хог, ты же стоял рядышком на передней палубе, когда я с помощью Дара избавил Кресс от боли в животе. Ты слышал, что я сказал ей и Марку насчет околдовывания? Ты понял мои слова?

Хог умудрился одновременно и кивнуть, и покачать головой. Даг не мог понять, значит ли это, что парень не слышал, или не понял, или просто не уверен, что признаться в чем-либо безопасно.

— Ты хоть знаешь, что такое околдовывание? — А знал ли это сам Даг? Похоже, теперь он как раз начал выяснять…

Хог снова затряс головой, но потом буркнул:

— Магия Стражей Озера? Они заставляют людей совершать с ними выгодные сделки… или девушек, — паренек кинул взгляд на Фаун и покраснел, — по доброй воле отправляться с ними

на сеновал.

Последнее, решил Даг, было собственным словечком Хога или, может быть, принятым в Глассфордже обозначением соблазнения.

— Ничего подобного, — возразил Даг, несколько кривя душой. По крайней мере в данном случае действительно ничего подобного не было, и он совсем не хотел, чтобы это оскорбительное — или пугающее — представление затуманило Хогу мозги… или мозги ему самому. — Мы с тобой на самом деле как раз и выясняем, что же такое околдовывание, потому что я случайно околдовал тебя, когда лечил твое поврежденное колено. Похоже, такое случается, когда фермер — это ты — испытывает исцеление Даром и хочет, чтобы это произошло снова. Хочет так отчаянно, что делает всякие глупости, чтобы получить желаемое. — Даг коснулся пальцем воспаленной кожи на колене Хога; парень заскулил.

— Больно… — выдохнул Хог.

Было ли это жалобой или попыткой смягчить Дага?

— Не сомневаюсь. Что я хочу понять — это почему ты жаждешь подкрепления Дара так сильно, что готов навредить себе, лишь бы выманить у меня подкрепление.

Хог выглядел таким же перепуганным, как попавший в капкан опоссум. Он сглотнул, но так и не разжал губ.

— Проклятие, я не пытаюсь тебя подловить! — рявкнул Даг. Хог от испуга подпрыгнул, и Даг смягчил тон. — Стражи Озера постоянно… ну, во всяком случае, часто — подкрепляют Дар друг другу, и на нас это так не действует. Мне нужно знать… потому что у меня было намерение… мечта: поселиться где-нибудь с Фаун и стать целителем, который помогает крестьянам. Только я, конечно, не могу этого сделать, если буду сводить с ума всех моих пациентов. Я очень надеюсь, что ты поможешь мне разобраться.

— Ох, — прошептал Хог голосом, в котором прозвучало доступное ему прозрение, — мне помочь тебе? Мне? — Он поднял на Дага глаза и заморгал. — Почему ты раньше не говорил?

Почему не говорил? Может, это ему, Дагу, следовало выйти на заднюю палубу и стукнуться головой о стену… Даг заметил, что Фаун, сложив руки на груди и подняв брови, смотрит на него так, словно вполне разделяет недоумение Хога.

Чтобы уклониться от ответа, Даг продолжал:

— Первым делом нужно это прекратить. Ты не можешь продолжать причинять себе вред,

только чтобы получить подкрепление Дара.

Хог с надеждой посмотрел на него.

— А ты мне его дашь, если я не стану себе вредить?

— Не думаю, что тебе следует вообще получать его больше. Не знаю, выветривается ли околдовывание со временем, но я практически уверен: повторение ухудшает дело.

— Ох… — Хог осторожно коснулся колена и сморгнул слезы. — Ты собираешься заставить меня… ждать?

— Если бы у меня было два пострадавших Хога, я мог бы заставить одного ждать, а другого — нет, а потом сравнить. Тогда бы я знал.

— Которым из двух буду я?

Даг не нашелся, что на это ответить, и только провел рукой по волосам.

— В определенном смысле у тебя есть второй Хог, который ждет, — вмешалась Фаун. — Это Кресс. Если мы когда-нибудь вернемся в Жемчужную Излучину, скажем, следующей весной, ты сможешь узнать, как у нее дела.

— Хорошая мысль, Искорка.

Хог сразу повеселел и посмотрел на Фаун почти с симпатией.

— Значит, это дает мне возможность попро-

бовать что-то другое. — Даг, прищурившись, смотрел в огонь очага. Ему ужасно не хотелось прерывать первый разговор, который Ремо по доброй воле завел со своими спутниками со времени отплытия, но с необходимостью не поспоришь. — Фаун, не попросишь ли ты Ремо на минутку зайти сюда?

Фаун нахмурила брови, но кивнула и вышла из каюты. Через несколько минут Ремо пробрался между грудами товаров и вышел на освещенное очагом и лампой место. Фаун шла следом. Ремо хмуро глянул на Хога и вопросительно — на Дага.

— Ах, Ремо, — заговорил Даг, — рад, что ты здесь. Тебя учили, как во время дозора подкреплять Дар в случае небольшого повреждения?

— Верел обучил всех нас, кто имел способности, — осторожно ответил Ремо. — У меня, правда, ни разу не было случая попробовать это на практике.

— Прекрасно, значит, тебе самое время попробовать. Я хотел бы, чтобы ты подкреплением Дара помог поврежденному колену Хога.

Ремо шокированно вытаращил на него глаза.

— Он же крестьянин!

— Я думал, что ты собрался нарушать прави-

ла?

— Но не это!

«Что-то ты неожиданно стал очень разборчивым…»

Даг потер губы, напоминая себе, что Ремо не присутствовал, когда он лечил Кресс… и несчастья с Хогом не видел тоже. Стиснув зубы, Даг кратко описал оба случая и закончил так:

— Хог уже околдован мной, и последнее, чего я хочу, — это сделать еще хуже. Вот чего я не знаю — так это что случится, если околдовывание разделится между двумя Стражами Озера. Я надеюсь… по крайней мере хотел бы узнать, не уменьшит ли такое разделение проблему вдвое.

Ремо с подозрением надул губы.

— Ты что, пытаешься взвалить это на меня?

— Нет, — терпеливо ответил Даг. — Я пытаюсь разрешить проблему Дара. Для себя, да, но если я сумею разрешить ее для себя, появится шанс, что я разрешу ее и для многих целителей тоже. Похоже, попытаться стоит.

— Я думал, ты дозорный.

— Старые привычки умирают нелегко. Или ты думал, что я ушел в отставку только потому, что разозлился из-за хорошенькой маленькой крестьяночки втрое меня моложе? — Фаун на-

смешливо взглянула на него, подняв брови, и Даг подмигнул ей. — Я также становлюсь — пытаюсь стать — мастером. — «Я только никак не определюсь, в чем именно». — Присмотрись хорошенько к колену Хога, ощути его Дар и скажи мне, не обманывает ли меня моя надежда.

Ремо неохотно опустился рядом с Дагом на колени; Хог неуверенно улыбнулся ему. Молодой дозорный оглянулся на Дага и в первый раз за несколько дней открыл свой Дар. Даг заметил, как поморщился Ремо, когда на него обрушились ничем не сдерживаемые эмоции окружающих крестьян: темная настороженность Бо, растерянность Хога, яркий оптимизм Фаун. Молодому дозорному потребовалось несколько мгновений, чтобы сосредоточиться на пострадавшем колене. Когда он все же сделал это, брови его поползли вверх.

— Это все совершил ты? Даже Верел не соединяет обломки так прочно!

— Хотелось бы мне, чтобы рядом был Верел… или еще кто-нибудь, кто страховал бы меня. Я едва не углубился в его Дар до предела, откуда нет возврата.

Теперь, когда наконец Дар Ремо был открыт для Дага, его догадка о том, в какой растерянности тот

пребывает, подтвердилась. Взволнованный дозорный… признаки были Дагу хорошо известны. Иногда он жалел о том, что способность воспринимать Дар не позволяет читать мысли, хотя обычно благоразумие не изменяло Дагу. «Мы и так уже слишком много знаем друг о друге». Как, интересно, воспринимает его Ремо?

— Что тебя тревожит? — мягко спросил Даг молодого Стража Озера.

Ремо лизнул свою еще не совсем зажившую губу.

— Не знаю, чего ты от меня хочешь! — выпалил он. — Раньше ты не видел во мне пользы!

Даг чуть не ответил ему: «Я же только что сказал тебе, чего от тебя хочу», но вовремя остановился.

— Что ты имеешь в виду?

Ремо повесил голову и пробормотал:

— Не важно. Глупость это… — Он сделал попытку уйти, но Даг протянул руку, останавливая его. — Когда вчера ты чуть не влип с той рыбой… ты же позвал Вита. Крестьянина! Не меня — Ремо-неумеху… Да и с какой стати тебе доверять мне? — яростно закончил он.

Ну да, ведь Ремо раньше не удалось помочь в беде своему напарнику Барру. Даже если не считать вспышки ревности к Виту, бедняга страдает

от укоров совести… Даг понимал, что не может вернуть парню самоуважение как готовенький подарок, и подумал, не стоит ли рассказать ему историю Волчьего перевала. Он вспомнил уловку Мари: та, чтобы пристыдить местных фермеров, скупившихся на деньги или припасы после убийства Злого неподалеку от их угодий, не стеснялась пользоваться историей увечья Дага. Одна мысль о таком заставила Дага поморщиться от отвращения. Нет. Негоже выставлять на обозрение свои старые несчастья, чтобы пристыдить Ремо: стыда парню и так хватило бы на двоих. «Уж очень ты все усложняешь, старый дозорный. Попробуй попроще…»

— Ты сидел на веслах, а Вит был свободен — вот и все.

«Мир не вращается вокруг одного тебя, малец, хоть сейчас ты этого и не видишь».

Даг вспомнил о шутливом родительском проклятии, о котором слышал от Фаун: «Пусть у тебя родится шестеро детей и все в тебя». Разве не возникает подобной мысли и у командира отряда? Это многое бы объяснило…

Ремо сглотнул.

— Ох… — Лицо его залилось краской, но напряжение немного отпустило парня.

Даг не стал говорить Ремо, что стал бы звать его раньше, чем Готорна или Хога, чтобы обидчивый дозорный не счел себя всего лишь возглавляющим список неподходящих кандидатур. «Проявляй такт, старый дозорный». Ему все же удалось чего-то достичь…

Рука Ремо протянулась к колену Хога, потом отдернулась.

— А дело не кончится тем, что он начнет таскаться за мной, как таскается за тобой?

Даг отверг оба пришедших ему на ум ответа: «Если бы я знал, не нужно было бы пробовать» и «По крайней мере он не сможет таскаться за нами одновременно». Он посмотрел на Хога, не сводившего с них встревоженных глаз.

— А почему бы тебе не спросить у него самого?

«А то тебе придется проделать весьма интимную работу над человеком, с которым ты и слова не сказал с тех пор, как оказался на барже».

Ремо неохотно взглянул в лицо Хогу.

— Ты собираешься ко мне приклеиться? — резко спросил он.

Парнишка снова полуутвердительно-полуотрицательно потряс головой, озадачив Ремо так же, как раньше остальных.

— Не знаю, — наконец выдавил он. — Не хотел

бы. Только колено очень болит, а я хочу помогать Дагу. Разве ты сам не хочешь помогать Дагу?

Ремо поскреб голову, отводя глаза.

— Пожалуй, хочу.

Дагу случалось и раньше обнадеживать молодых дозорных, когда они в первый раз неловко подкрепляли чей-то Дар; в этом отношении Ремо не представлял для него ничего нового. Само действие заняло всего мгновение. Хог судорожно втянул воздух, когда охватившее его колено тепло сняло боль. Даг строго предупредил его, чтобы впредь он вел себя осторожнее и номеров не выкидывал. Хог изо всех сил замотал головой — на этот раз совершенно однозначно.

В этот момент в каюту вошли Вит, Берри и Готорн, раскрасневшиеся от ночного холода, и начали убирать лук и колчан со стрелами. Даг, чувствуя себя таким же выжатым, как если бы он сам, а не Ремо производил подкрепление Дара, устало откинулся на стуле у очага, предоставив Фаун объяснять хозяйке баржи, что тут произошло. Фаун и описала все с точностью, заставившей смутиться не только Хога, но и Ремо; впрочем, поскольку делала она это, одновременно раздавая всем теплый яблочный пирог, все восприняли ее слова достаточно спокойно.

Дагу выпало неожиданное удовольствие: в течение получаса выслушивать, как крестьяне над тарелками с остатками пирога серьезно обсуждают проблему околдовывания — не как темную магию, а скорее как поиск фарватера после наводнения, переместившего все мели и коряги. За исключением Фаун и Вита, все они путались в своих предположениях и предложить ничего путного не могли; однако тон их разговора странным образом согрел Дага. Ремо, сначала обращавший внимание только на путаницу, со скучающим видом сложил руки на груди, но потом помимо собственного желания оказался втянут в первые для него, как предположил Даг, попытки объяснить посторонним правила, которых придерживаются Стражи Озера.

Собравшиеся разбрелись по постелям, не найдя лекарства для горестей мира, однако Даг несмотря ни на что чувствовал определенное удовлетворение.

Фаун, проходя мимо Хога, положила руку ему на плечо и сказала:

— Знаешь, ты ведь мог тоже пойти со всеми и попроситься в очередь за луком Вита, как и Готорн. Попробуй сделать так в следующий раз.

Парнишка взглянул на нее удивленно; обнажив

в улыбке свои кривые зубы, он благодарно кивнул. Может быть, ему только и нужно было такое приглашение? Какое воображаемое отчуждение заставило его ударить коленом в стену? Неужели его переживания были так мучительны, что даже жестокое причинение себе вреда показалось ему лучшим выходом? Даг, покачав головой, добавил к ласковым словам Фаун пожелание доброй ночи, что вызвало новый благодарный кивок и румянец удовольствия на лице Хога. Направляясь следом за Фаун в отведенный им уголок, Даг задумчиво вздохнул.

Потребовав от Готорна, чтобы тот забрал своего енота — зверек, выспавшись, теперь хотел играть, — Даг и Фаун свернулись в своем теплом гнездышке.

— Как дела с твоим зернышком овса? — пробормотала Фаун.

Даг удивленно потер левую руку.

— Я почти забыл о нем. Ха, похоже, оно уже влилось в мой Дар. Почти ничего не осталось — только теплое пятнышко. Может быть, завтра я попробую десяток зернышек.

— Я-то думала о двух.

— Ну, пять. — Поколебавшись, Даг признался: — Я рад, что ты отговорила меня от того дерева.

— Угу, — сухо согласилась Фаун. Даг почувствовал, как ее губы у его плеча растянулись в сонной улыбке, и через минуту она добавила: — Ты действительно расшевелил Ремо сегодня. Если бы только нам удалось отучить его путать фермеров с их скотиной, думаю, из него получился бы приличный парень.

— По-твоему, он настолько плох? Он ведь хочет, как лучше.

— Я и не спорю. Он просто… полон привычек Стражей Озера.

— Скорее был полон, пока его не вытряхнули из колыбели. Подозреваю, что путешествие по реке не такой уж бунт, каким он его считает.

Фаун хихикнула, и Даг ощутил тепло ее дыхания на своей коже.

— Он был просто обычным дозорным, — медленно проговорил Даг, — пока его нож не сломался. Однако если обычные люди не могут исправить мир, значит, ему не суждено исправиться. Лордов теперь нет. Боги отсутствуют.

— Знаешь, сначала это кажется привлекательным, но я не уверена, что хотела бы, чтобы мир исправляли лорды и боги, потому что они исправляли бы его для себя… и не факт, что мне в таком мире было бы хорошо.

— Ты права, Искорка, — прошептал Даг.

Фаун кивнула, и веки ее смежились. Даг еще долго лежал с открытыми глазами.

13

К общему возбуждению — правда, Фаун подумала, что Даг и Бо умело его скрывают, — «Надежда» к полудню добралась до Серебряных Перекатов. Был очередной серый промозглый день; дождь навис, но так и не пошел.

Взобравшись на свой наблюдательный пост на крыше каюты, Фаун порадовалась своему теплому жакету.

На северном берегу реки раскинулась деревня с паромной переправой. Вит, сидевший на веслах, бросил на нее неуверенный взгляд.

— Это и есть Серебряные Перекаты? Деревня раза в четыре больше Жемчужной Излучины!

— О, это еще не город, — сказала Берри, наваливаясь на рулевое весло, чтобы удержать баржу на середине фарватера. — Здесь только переправа. Вот подожди, пока мы минуем тот утес и повернем на юг. — Прикрыв глаза рукой, она присмотрелась к шесту, торчащему из воды у переправы. — Река опять мелеет. Думаю, мы пройдем перекаты, пока это еще возможно, и остановимся ниже по течению. Я не хочу застрять еще на одну неделю.

Ремо стал особенно молчалив, когда русло реки сделало поворот и наконец показался город; раскинувшийся на холмах южного берега; Даг, сидевший за тем же веслом, что и молодой дозорный, проследил за его взглядом. Многие дома были выкрашены в белый цвет и ярко выделялись на фоне облетевших деревьев; самые новые, более высокие здания были кирпичными, и Фаун подумала, что одно из них, должно быть, знаменитый монетный двор. Во влажном воздухе плавал дым из труб, а вдоль берега тянулись пахучие мастерские ремесленников, нуждавшихся в большом количестве воды, — дубильщиков, красильщиков, мыловаров, коптильщиков; виднелась среди них и верфь. Производства, использующие водяные колеса, подумала Фаун, должно быть, расположены по притокам — по крайней мере одно такое, судя по всему, лесопилку, она уже углядела. По грязным улицам грохотали фургоны, запряженные тяжеловозами, а по деревянным тротуарам торопились пешеходы. Город был больше, чем Лампт­он и Глассфордж вместе взятые и раз в сорок больше Жемчужной Излучины.

Резкий окрик Берри заставил всех зевак заняться делом: чтобы преодолеть перекаты — очень

похожие на пороги у Жемчужной Стремнины, только больше — требовались усилия всей команды. Несколько скелетов судов, застрявших на камнях, предупреждали о судьбе неосторожных или невезучих. Даг коротко предупреждал Берри о скрытых опасностях — теперь уже она только кивала в ответ — и они миновали все камни и мели, даже не поцарапав корпус баржи. Потом гребцам пришлось навалиться на весла, чтобы подвести «Надежду» к берегу.

Десятка два судов — и плоскодонок, и парусников — были пришвартованы к участкам берега между несколькими пристанями, от каждой из которых вверх по склонам холмов тянулись складские помещения. Идущая вдоль берега дорога была заполнена фургонами, которые загружали или разгружали команды грузчиков.

— В этом городе можно потеряться, — растерянно пробормотал Ремо, что вызвало у Дага легкую улыбку. Вит откровенно глазел по сторонам, разинув рот. Хог, выросший в Глассфордже, был впечатлен меньше и старательно принялся вместе с Готорном перекидывать веревки на берег и привязывать баржу к сваям.

Когда «Надежда» была благополучно пришвартована между другой баржей и яликом, Берри

поинтересовалась у соседей новостями с низовий, однако оба суденышка, как и они сами, прибыли из верховий реки. Бо перекинул на берег сходни, и Берри двинулась вверх по берегу к ближайшим складам, пригласив с собой Фаун; Вит, конечно, увязался следом.

В передней части склада располагались прилавки, за которыми сидели клерки и хозяева товаров. С последними Берри вступила в переговоры о бартере, предлагая кожи, бочарные клепки, медвежий жир и перебродивший сидр. Попутно она всех расспрашивала о судне своего отца, которое могло оказаться здесь прошлой осенью. Большинство в ответ только качало головами, но кто-то вспомнил о каком-то парне из Трипойнта, который задавал такие же вопросы о пропавших судах и с которым стоило бы поговорить. Эта информация была бы гораздо более полезной, если бы доброжелатель помнил его имя или где его искать.

Однако на третьем складе нашелся торговец, который не только обнаружил в своих книгах запись о покупке кож у хозяина «Шиповника-4» по имени Клиркрик, но и сумел назвать парня из Трипойнта. Он посоветовал Берри искать торговца по прозвищу Камнерез, которого в это время

суток можно было найти в таверне на улице, тянущейся позади складов. У этого добросердечного торговца Берри сделала свою единственную покупку — несколько коробок жемчужных и перламутровых пуговиц, производством которых славился город.

Виту она посоветовала попридержать свое оконное стекло, так же как сама она не торопилась продавать инструменты из Трипойнта: ниже по реке за них можно было получить гораздо более высокую цену. Этот разговор открыл Фаун то, что она и так уже подозревала: Вит и не думал возвращаться из Серебряных Перекатов домой. Фаун решила, что нужно по крайней мере заставить брата написать письмо родителям или написать самой. Правда, она не знала, как переправить послание в Вест-Блю без помощи гонца — Стража Озера; у нее возникла мысль, что тот сообразительный торговец, что пришел на помощь Берри, знает способ обмениваться новостями по крайней мере с Лампоном… нужно будет потом его спросить.

Пока же Фаун и нагруженный коробками с пуговицами Вит поспешили по дощатому тротуару следом за Берри; на противоположной стороне грязной улицы обнаружилось здание с раскачи-

вающейся на нем вывеской, гласящей, что это таверна «Серебряная мидия». На вывеске была изображена раковина с ножками, глазками и зубастой улыбкой. Если мидии сколько-нибудь похожи на свой портрет, подумала Фаун, то ей совсем не хочется класть их в рот даже запеченными. Однако запах, доносившийся из-за двери, совсем не напоминал вонь от засолочной мастерской ниже по берегу; в таверне приятно пахло луком, чесноком и свежим пивом. Вит принюхался и заулыбался.

Внутри таверна состояла из большой комнаты с посыпанным опилками полом и длинным прилавком вдоль одной стены. Судомойки и мальчики-служки не спеша убирали со столов — обеденный наплыв закончился. Фаун проследила за взглядом Берри; та оглядела комнату и высмотрела человека, который вполне мог быть тем, кого они ищут, за столом в дальнем конце комнаты.

«Крупный мужчина лет сорока, — сказал торговец, — начавший полнеть, с кудрявыми темными волосами и аккуратно подстриженной бородкой. Одет как речник, это точно, только все у него самого лучшего качества». — Берри кивнула, словно подтверждая соответствие описанию,

и двинулась между столами к привлекшему ее внимание человеку.

Тот поднял глаза от раковины мидии, которую рассматривал, слегка улыбнулся приближающимся молодым женщинам и поспешно проглотил то, что жевал, когда Берри остановилась рядом с ним и спросила:

— Ты Камнерез? Из Трипойнта?

— Капитан Камнерез, ага, — ответил мужчина. — Чем могу быть вам полезен, мисс… и мисс? — Заметив Вита, он кивнул и ему.

Берри протянула ему свою загрубевшую от работы руку.

— Я хозяйка «Надежды» Берри Клиркрик. Это мой гребец Вит Блуфилд и моя подруга и повариха миссис Фаун Блуфилд.

Брови Камнереза полезли было вверх, но тут же приняли обычное положение, когда Берри ответила на его матросское рукопожатие таким же. Он кивнул на Фаун и Вита:

— Женаты? — но тут же поправился: — Ах да, брат и сестра.

— Я слышала, что ты расспрашивал о пропавших судах, — сказала Берри.

Прохладное дружелюбие Камнереза сменилось напряженным вниманием.

— Вы идете с низовий?

— Нет. «Надежда» — плоскодонная баржа… но мы туда направляемся. Понимаешь, прошлой осенью мои папа и брат отправились на барже из Клиркрика и так и не вернулись. С тех пор от них ни слова… Такое впечатление, что они просто исчезли. Вот я и отправилась на поиски, чтобы что-то о них узнать.

— Суда, которые пропали у нас, вышли в плавание весной, гораздо позже… Вот что, садитесь! — Камнерез привстал и показал на свободные стулья у квадратного дощатого стола. Тарелка рядом с ним, полная раковин мидий, говорила о том, что раньше с ним обедал кто-то еще — может быть, человек, от которого Камнерез пытался что-то узнать? Пока Берри и ее спутники усаживались, Камнерез, хмурясь, о чем-то думал.

— Суда, ты сказал? — с любопытством поинтересовалась Фаун. — Больше чем одно?

Камнерез кивнул.

— Я был капитаном парусника в Трипойнте, пока не женился и не пошли детишки, так что женушке стала нужна моя помощь дома. Тогда я обзавелся складом и начал продавать товары вместо того, чтобы их возить. Сначала у меня было немного товара, потом я обзавелся судном,

потом двумя и наконец четырьмя. В целом мне везло, и я нашел надежных капитанов. Суда у меня тоже были надежные, построенные на верфи в Бивер-крик. Не то что самодельные корыта, которые сколачивают береговые жители из сырых или гнилых досок, да еще и не конопатят как следует. Я однажды потерял груз, отправленный с такой баржей, и хорошо усвоил урок. Баржа пошла ко дну ясным днем на спокойной воде — клянусь, напоролась-то всего лишь на сома.

После того как она увидела пойманного Дагом сома, Фаун не была уверена, что такое происшествие свидетельствовало о ненадежности баржи, но предпочла промолчать.

— Надежные суда, надежные команды, — продолжал Камнерез, — и все-таки две баржи не вернулись летом. А когда я начал расспрашивать, оказалось, что пропали не только они. Целых девять судов из окрестностей Трипойнта не вернулись, когда были должны. Можно ожидать, что одно-два судна будут потеряны за сезон, но девять? И даже потонувшие суда иногда удается поднять или их хотя бы видят. Тела всплывают, и люди, которые их вытаскивают и хоронят, обычно посылают весточку. Когда мы, речники, собрались вместе и все обсудили, стало ясно, что

кому-то нужно все выяснить, и выбор пал на меня. Должен вам сказать, что потеря двух судов для меня тяжелый удар.

Тут их прервала служанка, убравшая со стола использованные тарелки и спросившая, не хотят ли они чего-нибудь. Фаун из осторожности помотала головой, Берри, увлеченная разговором, отмахнулась, но Вит заказал миску мидий и кружку пива.

— Мой папа провел на реке больше двадцати лет, — сказала Берри после того как служанка ушла. — Он хороший судостроитель, а в команде у него были только наши местные парни, много раз с ним уже ходившие. Я обычно тоже его сопровождала, только не в этот последний раз…

Глаза Камнереза широко раскрылись.

— Скажи, ты не играешь ли на скрипке?

Берри кивнула.

— Я хорошо зарабатывала, когда играла гребцам при путешествии вверх по течению.

Улыбка их собеседника стала более почтительной, хотя и раньше грубости он себе не позволял. Тут действовало товарищеское чувство речников, решила Фаун.

— Я слышал о тебе! Белобрысая девчонка, которая сопровождает своего папу и уж так живо

играет! — Камнерез высосал содержимое очередной раковины и продолжал: — Мой парусник, пришвартованный ниже по берегу, — «Сталь Трипойнта», и команду я подбирал тщательно. Все крепкие парни, и на этот раз мы вооружены до зубов. У некоторых пропали друзья или родичи, и они сами вызвались, когда услышали, что я затеваю. В чем бы ни была причина неприятностей, мы рассчитываем до нее докопаться.

Берри потерла нос.

— Сталь не поможет, если их свалила болезнь или случилось крушение, но признаюсь, твои слова воодушевляют. Ты думаешь, что виноваты какие-то речные разбойники? Баржи грабили и раньше, это верно, но обычно об этом быстро становится известно.

Камнерез в сомнении поскреб свою короткую бородку.

— В том-то и дело. Так много народу пропало, и все так шито-крыто… Тут некоторые думают, что дело нечисто. — Губы мужчины сжались. — Что, может, не обошлось без колдовства… или чего похуже. Штука в том, что не только суда и тела никто не видел от истока Грейс до Греймаута, но и товары, похоже, исчезли. Вот и начинаешь гадать: что, если их завернули на север, в Лутлию

— к этим диким Стражам Озера?

Фаун возмущенно выпрямилась.

— Стражи Озера не станут грабить крестьянские суда!

Камнерез покачал головой.

— Товары-то были ценные. Отличная трипойнтская сталь и изделия из железа. К тому же я дал капитанам немало серебра для покупки в низовьях чая и специй. Кто угодно соблазнился бы… а некоторым это было бы легче, чем другим.

— Не похоже, — настаивала Фаун. — Даже если не считать того, что Стражи Озера такого просто не делают, Лутлия — один из немногих округов, который сам производит сталь, и хорошую сталь — я своими глазами видела. Даг говорит, что шахты и кузницы Лутлии снабжают оружием лагеря от Мертвого озера почти до Сигейта! Они умеют делать сталь, которая даже не ржавеет! Так зачем же им грабить твои баржи?

Камнерез понизил голос.

— Так-то оно так, но ведь и тела пропали тоже! Может быть, имеется особая причина того, что в низовьях ни одно тело не нашли, и не очень-то это приятная мысль. — Он многозначительно постучал ногтем по зубам, потом бросил на побледневшую Берри виноватый взгляд. — Прости,

красавица… Да только мысли-то не прогонишь.

Фаун захотелось вскочить и в возмущении выбежать из таверны, но тут как раз служанка принесла заказанных Витом мидий и пиво, а к тому времени, когда она ушла, Фаун привела свои мысли в порядок.

— Я могу назвать гораздо более вероятную причину, чем Стражи Озера — которые к тому же не едят людей, — для того, чтобы люди исчезали: это Злые. Зловредные привидения. Я участвовала в уничтожении Злого у Глассфорджа прошлой весной — уж ближе такое увидеть невозможно. Злые, если могут, превращают крестьян в рабов. Если тварь вывелась у реки, думаю, речниками-рабами она не побрезговала. А о том, что товары можно продать ниже по течению, Злой может и не знать. — Только об этом наверняка знали его новые пособники. Мог ли Злой отправить их торговать, не утратив над ними контроля? Возможно, и нет.

Но все-таки… Вся речная долина регулярно прочесывается отрядами, и не только Стражами Озера из нескольких лагерей у переправ, но и теми дозорными, кто плавает по реке в своих лодках. Это не какое-то позабытое захолустье.

Мог ли Злой такой же силы, как у Глассфорджа,

оставаться незамеченным больше года?

«У Глассфорджа именно так и произошло, — напомнила себе Фаун. — Нужно все рассказать Дагу».

Судя по выражению лица Камнереза, идея о речном Злом не пришлась ему по вкусу, но просто так он ее не отверг. Если захватывает суда Злой, все его крепкие ребята с большими ножами будут ему ни к чему.

«Но очень пригодятся Злому». — Фаун поежилась.

Вит, с беспокойством следивший, как на лице сестры появляется знакомое упрямое выражение, предложил:

— Эй, Фаун, попробуй-ка, — и подвинул к ней блюдо с раскрывшимися раковинами мидий. Фаун взяла одну и стала рассматривать; Берри наклонилась к ней и показала, как извлекать мякоть. Фаун осторожно попробовала, прожевала, не почувствовав ожидаемого вкуса, и запила пивом из кружки Вита. Берри рассеянно потянулась за мидией тоже.

— Если найдешь жемчужину, — сказал наблюдавший за Фаун с улыбкой Камнерез, — она твоя. А вот раковины хозяева забирают.

Ну конечно — пуговицы нужно из чего-то де-

лать. Однако мысль о жемчужине заставила Фаун взяться за мидий, пока Вит не отодвинул от нее блюдо, чтобы защитить свой обед.

Камнерез снова повернулся к Берри.

— Твои пропавшие мужчины не обязательно связаны с моими. А может быть, проблема глубже, чем я думал. Однако мой парусник, наверное, опередит твою баржу, и я могу поспрашивать и о твоих родичах. Как их зовут, напомни.

Камнерез внимательно выслушал Берри, когда та принялась описывать своего отца, брата Бакторна, Элдера и гребцов. Она не упомянула того, что помолвлена с Элдером, и судя по тому, что Вит перестал жевать, он это заметил. Похвастав шись, что две пары весел лучше, чем одна, Камнерез в ответ описал суда из Трипойнта и их капитанов; Фаун быстро запуталась, тем более, что некоторые суда были названы именами людей, но Берри все схватывала на лету. Она даже заметила:

— Ох, я знаю тот парусник. Мы с папой ходили на нем из Греймаута вверх по реке три года назад, — чем заслужила одобрительный кивок Камнереза.

Откинувшись на спинку стула, Камнерез оглядел молодых женщин и Вита и спросил:

— Так кто у вас на «Надежде» есть из мужчин,

не считая этого паренька? — Вит в ответ выпрямился и расправил плечи.

— Двое крепких мужчин и мой дядя Бо, который, когда трезвый, кое на что годится. И пара мальчишек.

Берри не упомянула, как заметила Фаун, что эти двое крепких мужчин — беглые Стражи Озера. Уж не начала ли Берри вставать на защиту своих необычных гребцов?

Камнерез озабоченно закусил губу.

— На вашем месте, девушки, я нашел бы еще пару барж, чтобы плыть вместе: так вы смогли бы присматривать друг за другом. Если на реке шалят разбойники, они скорее нападут на одиночное судно, чем на несколько. Чем больше народу, тем безопаснее.

Берри кивнула, хотя и не высказала вслух согласия с планом, и они распрощались с речником из Трипойнта.

* * *

Фаун, хоть и кипела возмущением по поводу клеветы Камнереза на Стражей Озера, не собиралась пересказывать эту часть разговора Дагу, когда они вернулись на «Надежду», но, к сожалению, возбужденный Вит сразу же все выболтал.

Даг прореагировал на это только своим странным бесстрастным выражением лица и движением век, которое Фаун поняла как «Спорить я не собираюсь» и которое могло скрывать что угодно — от усталого равнодушия до безмолвного гнева. Отмахнувшись от хулы, Даг, впрочем, очень заинтересовался новостью о пропавших судах. Он согласился с оптимистическим предположением Фаун о том, что существование у реки Злого маловероятно по причине тщательного прочесывания окрестностей дозорными, однако Фаун заметила, что его рука рассеянно коснулась того места, где так долго висели ножны с разделяющим ножом.

* * *

Перед ужином, оставшись ненадолго на палубе наедине с Витом, Фаун сказала:

— Знаешь, Берри все еще считает себя помолвленной со своим Элдером. Что ты будешь делать, если мы найдем его где-нибудь в низовьях?

Вит поскреб затылок.

— Тут вот что. Думаю, если мы узнаем, что он погиб, Берри понадобится плечо, на котором можно выплакаться. А если окажется, что он сбежал с какой-то другой девицей и больше Берри не любит — ей все равно будет нужно плечо, на

котором выплакаться. У меня два плеча, так что я готов к любому повороту событий.

— А если мы найдем и спасем его от… от не знаю чего, и они по-прежнему не откажутся друг от друга?

Вит поднял брови.

— От чего спасем? Прошло слишком много времени. Если бы он любил ее по-настоящему, он вернулся бы к ней, даже если бы пришлось проползти вдоль всей реки на четвереньках. И на это у него было достаточно времени, на мой взгляд. Нет, я не боюсь Элдера.

— Даже если Элдер больше не будет фигурировать, это не значит, что начнешь фигурировать ты.

Вит оценивающе взглянул на сестру.

— Ты Берри нравишься. Тебя не убудет, если ты иногда замолвишь за меня словечко. — После запинки он добавил: — Или по крайней мере перестанешь меня шпынять.

Фаун покраснела, но ответила:

— Так, как ты переставал меня шпынять, когда я тебя об этом просила и плакала?

Вит тоже покраснел.

— Мы были моложе.

— Угу.

Они мрачно смотрели друг на друга.

Подумав еще минутку, Вит буркнул:

— Прости.

— Я должна забыть годы мучений за единственное «прости» — да и то, когда тебе что-то от меня потребовалось? — Фаун сжала губы. Она терпеть не могла проявлять слабость, прощая, но в данных обстоятельствах… — Ладно, я подумаю. Мне Берри тоже нравится. — Однако она не смогла удержаться от того, чтобы добавить: — Вот я и гадаю: стоит мне содействовать твоему ухаживанию или нет, знаешь ли.

— Что ж, — вздохнул Вит, — может быть, мы найдем ее Элдера, и тогда оба мы с тобой окажемся ни при чем. — Отвернувшись, он пробормотал себе под нос: — Интересно, он высокий?

* * *

В темноте Даг сидел на краю крыши каюты, свесив ноги, и осторожно пробовал оглядеться при помощи Дара. Знакомое тепло Копперхеда, козы Дейзи, кур, знакомые фигуры людей поблизости: Вит и Готорн на задней палубе мыли посуду после ужина и дружелюбно спорили, яркий огонек Фаун, вместе с Берри устраивающей для них новую постель после того, как шкуры, на которых они

спали, были проданы, Ремо сидел в углу, старательно закрыв свой Дар, и был почти незаметен для Дага… Бо отправился по окрестным тавернам, заявив, что собирается еще поспрашивать про «Шиповник-4», — этот план заставил Берри поморщиться. Хог присоединился к нему.

Даг расширил сферу своего внимания, охватив соседние суда и десятки людей. Там, где начинались склады, было безлюдно, если не считать пары ночных сторожей и бродяги, который то ли высматривал незапертую дверь, то ли просто брел куда глаза глядят. Река с ее живой текучей водой, водорослями, обычным плавучим мусором, Дар которого казался подозрительно активным, несколько рыбин с их яркой аурой, моллюски, цепляющиеся за камни или зарывшиеся в ил… Еще дальше вдоль улицы тянулись дома, где кипела жизнь — люди бодрствовали, спали, спорили, мошенничали, любили, ненавидели… а вот теплый свет Дара матери, кормящей младенца…

«Это в трех сотнях шагов. Попробую-ка подальше».

На дальнем берегу реки в тростнике спали утки, спрятав головы под крыло. В сарае дремали усталые волы, целый день по утоптанной

дорожке перетаскивавшие через перекаты суда. Вокруг переправы теснилось с дюжину домов, окруженных складами. Даг мог пересчитать всех, кто там находился.

«Это уже больше полумили, да!»

Даг принялся изучать Дар своей левой руки. Пять зернышек овса, Дар которых он тайком вырвал сегодня утром, позаимствовав их из пригоршни, предназначенной Копперхеду, все уже превратились в теплые пятнышки — часть его собственного Дара. Тот десяток, который он прихватил среди дня, уже почти усвоился тоже. Его Дар выглядел сильным и здоровым, прежние пораженные участки побледнели, как давние синяки. Даг осторожно вытянул свою призрачную руку, убрал ее обратно, снова вытянул. Пугающая проекция Дара, появление которой раньше было непредсказуемым, теперь подчинялась, и даже хорошо подчинялась Дагу.

«И почему я этого боялся?»

Может быть, завтра стоит попытаться вырвать Дар из чего-то более крупного… Не из дерева, конечно, — умница Фаун права, лучше пока ограничиваться съедобными вещами.

Тень закрытого Дара Ремо, как рябь на чистой воде, приблизилась, когда молодой дозорный

вынырнул из переднего люка и остановился у колен Дага, глядя на него снизу вверх. Легкая вспышка его Дара показала, что он слегка приоткрылся. Ремо повернул голову и стал смотреть на огни Серебряных Перекатов. Город тянулся по склону холма и уходил дальше, за его вершину. Даже в этот час на улицах еще виднелись люди и повозки. За рядом складов открылась и закрылась дверь таверны, выпустив в ночь луч света и взрыв смеха. Шум был достаточно громким, чтобы достичь берега.

— Как ты это выносишь? — спросил Ремо, прижимая руки к вискам, словно у него разболелась голова. Он не имел, конечно, в виду долетавшие до них звуки мирной осенней ночи. Серебряные Перекаты были, должно быть, самым большим скоплением людей с их неприкрытыми чувствами, с которым он столкнулся в своей короткой жизни.

Даг посмотрел на него, потом дружелюбно похлопал по крыше рядом с собой. Ремо легко вскарабкался наверх. Он уже вполне оправился после полученных побоев — помогло лечение Верела, обилие хорошей пищи и простая работа на свежем воздухе, хотя по большей части, как мрачно подумал Даг, дело было в его молодости.

— Крестьянский Дар малость шумный, — сказал Даг, — но к нему можно привыкнуть. У фермеров славный Дар, только уж очень их много. Вот осквернённый Дар мучителен. Дар Злого причиняет страдания, как ничто больше на белом свете.

Это воспоминание Дага должным образом впечатлило молодого дозорного.

— И все равно привыкнуть трудно, — продолжал Даг, — даже к горожанам. Если ты присмотришься, то заметишь: встречаясь на улице, они гораздо меньше смотрят друг на Друга или разговаривают, чем деревенские. Они учатся так себя вести, потому что невозможно остановиться и поговорить с каждым, когда вокруг тысячи людей. Нельзя сказать, что они закрывают свой Дар, но тут что-то подобное, мне кажется. В определенной мере это делает большие города безопас… удобнее для Стражей Озера, чем маленькие селения. Горожанам привычнее не обращать внимание на странных людей.

— Только их и больше окажется, если ты попадешь в беду, — с сомнением протянул Ремо.

— Тоже верно, — согласился Даг. — Попробуй открыть свой Дар до пределов возможности — всего один раз — и посмотри, что получится.

Уверяю: это тебя не убьет.

— Может, на месте и не убьет, — пробормотал Ремо, но послушался. Сведя брови, он стал открываться все шире и шире; то, что раньше было рябью на воде, постепенно густело и делалось видно Дагу во всей своей сложности.

«У парня Дар охватывает не меньше чем полмили», — с удовлетворением подумал Даг. Ремо явно очень подходил в дозорные, может быть, в будущем сгодился бы в командиры отряда, если бы удалось не дать ему разбиться на скалах собственных ошибок.

С тихим «уф» Ремо закрыл свой Дар, но, как заметил Даг, не полностью; он теперь охватывал «Надежду» и ее обитателей… и Дага. Ремо потер лоб.

— Ничего себе.

— Города вроде этого так и кипят Даром, — согласился Даг. — Только это жизнь, как на болоте или в лесу, — в отличие от пустоши. Если наша долгая война должна сдерживать наступление пустоши и питать Дар всего мира, если ты с правильной точки зрения посмотришь на места вроде этого, — Даг кивнул на склон холма, на котором, как светлячки летом, перемигивались огоньки, — то города — наш самый большой

успех.

Ремо заморгал, усваивая эту новую для себя мысль. Даг надеялся, что она заставит молодого дозорного пошевелить мозгами.

Даг сделал глубокий вдох и наклонился вперед.

— Меня очень тревожит, что такой город окажется настоящим пиршеством для Злого, которому удастся завестись поблизости. Что вы в лагере Жемчужной Стремнины слышали о потерях во время нашей летней кампании в Рейнтри?

— Потери были ужасные, как я слышал, — серьезно ответил Ремо. — Местность вокруг лагеря Боунмарш была полностью опустошена, и при отступлении наши потеряли от семидесяти до ста человек.

— Название Гринспринга когда-нибудь упоминалось?

— Это разве не то поселение фермеров, рядом с которым Злой вывелся?

— Молодец Громовержец, хоть это стало известно. Да. А слышал ты об их потерях?

— Сам я не читал отчет, только слышал разговоры. Много погибло, наверное.

— Правильно. Они потеряли почти половину населения, всего около пятисот человек, в том

числе почти всех детей. Ведь ты знаешь: Злой в первую очередь охотится на самых юных. Отсутствующие боги! Видел бы ты того Злого — после такого-то пиршества, — когда мы с ним разделались. Я и представить себе не мог, что Злой может быть таким ужасающе красивым. Сидячие твари, еще не созревшие — они грубые, отвратительные создания, и можно подумать, что уродство — это и есть их суть, да только это не так. — Даг умолк, но потом прогнал мучительные воспоминания и продолжал, пользуясь тем, что и Дар, и разум Ремо открыты ему. — Я повел свой отряд через Гринспринг на обратном пути, и мы повстречали некоторых горожан, которые вернулись хоронить своих мертвых. Дело было в летнюю жару, но у большинства жертв был вырван Дар, так что тела разлагались медленно. Я проехал вдоль ряда — до чего же они были бледные, эти дети, как слепленные из снега… Как ты думаешь, какой длины траншею пришлось бы выкопать, чтобы похоронить всех детей из Серебряных Перекатов?

Губы Ремо дрогнули, но он только покачал головой.

— По моей оценке, в милю длиной, — ровным голосом проговорил Даг. — И это еще самое ма-

лое. Если бы я мог, я бы протащил вдоль того ряда всех Стражей Озера, кого только знаю. Только это не в моих силах, так что приходится обходиться словами. — И может быть, его неуклюжие слова производили большее впечатление здесь, где перед глазами Ремо раскинулся город, чем в уютном уединении лагеря Жемчужная Стремнина.

— Да, я вижу, какая в этом проблема, — медленно сказал Ремо.

«Да будут благословенны отсутствующие боги!»

— Но я не вижу, что еще мы можем сделать, — продолжал молодой дозорный. — Мы и так уже изо всех сил выслеживаем Злых.

— Нужно изменить не наши объезды. Понимаешь… Дело в том, что если бы жители Гринспринга больше знали о Злых и о Стражах Озера, о том, что мы делаем, кто-то мог поднять тревогу раньше. Больше жизней — не все, я знаю, но больше — могли бы быть спасены в Гринспринге, а лагерь Боунмарш не подвергся бы опустошению, если бы нас предупредили и мы разделались со Злым, прежде чем тварь двинулась на юг. И единственный способ сделать так, чтобы крестьяне знали больше, — это начать их учить.

Глаза глядевшего на город Ремо широко рас-

крылись.

— Как мы могли бы научить их всех?

Что ж, по крайней мере Ремо уже не задавал обычного вопроса: «Как можно их чему-то научить? Крестьяне же не могут…» — за чем обычно следовал набор высокомерных насмешек Стража Озера над неспособностью фермеров управлять Даром. Даг чуть не улыбнулся.

— Ну, понимаешь, если бы нам пришлось поднимать и тащить каждого крестьянина, мы сломали бы себе спины; если же начать с того, чтобы научить кого-то из них в каком-то месте, может быть, после этого они начнут учить друг друга. Спасать друг друга. Если еще им удастся изготовить подходящие орудия… Эти парни здорово умеют изготавливать орудия, как я обнаружил. — Даг приподнял левую руку, и крюк и пряжки протеза блеснули в тусклом желтом свете фонаря.

Ремо молча глядел на берег.

Через некоторое время Даг сказал:

— Фаун и Вит с ума сходят по местному монетному двору, мечтают побывать там, прежде чем мы отправимся дальше вниз по реке. Не хочешь к ним присоединиться?

Ремо полностью закрыл свой Дар.

— Безопасно ли Стражу Озера в одиночку разгуливать по городу? — Ремо почти не покидал «Надежды»; если бы ему не пришлось помогать с разгрузкой, Даг сомневался, что он вообще сошел бы на берег.

— Вполне, — уверенно ответил Даг. Он подозревал, что Ремо последует за ним просто по привычке подчиняться командиру, если Даг проявит достаточно решительности; и нет никакой нужды сообщать парню, насколько неискренней такая решительность часто бывает. — Кроме того, мы же будем не одни.

— Я подумаю, — осторожно ответил Ремо и после паузы добавил: — Вит очень любит свои денежки. Но ведь их Дар ничтожен. Они просто металлические кружки.

— Если у денег и есть Дар, он существует только в людских головах, — согласился Даг. — Однако для торговли это очень удобно. Деньги как память о сделке, которую ты можешь держать в руке и взять с собой куда угодно. — Куда угодно, где они имеют хождение. Четыре больших крестьянских города — все, что интересно, расположенные у рек — теперь чеканили собственные деньги в дополнение к тем монетам, что сохранились с древности и время от времени появлялись в

обращении. Клерки на складах имели богатую практику в их пересчете, решил Даг, производя справедливый обмен, — или не такой уж справедливый, как приходилось слышать. В таких случаях у людей появлялась богатая практика в спорах. Даже Стражи Озера пользовались крестьянскими монетами, и не только отправляясь в поход.

— Кредит лагеря Стражей Озера лучше, — сказал Ремо. — Грабители не могут огреть тебя по голове и все у тебя отобрать. Так у слабовольных или жестоких не возникает соблазна.

— Да, с помощью дубинки кредит не отберешь, — согласился Даг, настроение которого испортилось от воспоминания. — Однако тебя могут ограбить с помощью слов. Можешь мне поверить.

Ремо с удивлением посмотрел на Дага. Однако прежде чем он смог задать вопрос, у сходней появились Бо и Хог. Хог перекинул руку Бо себе через плечо и помогал старику идти посередине доски.

Даг удивился, увидев их. Одной из причин, по которым Берри не возражала против предполагаемого похода на монетный двор, была уверенность, что своего дядюшку она до утра не

увидит. Она полагала, что они с Готорном, которого их отец уже водил однажды на монетный двор, займутся поисками Бо, пока Фаун и Вит будут удовлетворять свое любопытство.

Бо сварливо говорил Хогу:

— Я так и не понял, зачем было заставлять меня пить столько воды. Она просто заняла место, куда могли бы попасть лучшие напитки. Да еще и писать хочется ужасно.

— У тебя не так будет утром болеть голова, — заверил его Хог. — Это хороший трюк, я точно знаю.

— Ага, посмотрим, — проворчал Бо, но позволил Хогу провести себя по сходням. Когда он спрыгивал на палубу, колени его подогнулись, но Хог сумел удержать старика на ногах. Несмотря на то, что он несколько часов сопровождал Бо по всем прибрежным тавернам, парнишка был относительно трезвым, как заметил Даг. Хог оглянулся на Дага и Ремо, наблюдавших с крыши, и смущенно улыбнулся. Он направил шаги Бо к каюте, где их с еще большим удивлением встретила Берри.

— Интересно получается, — пробормотал Даг.

— Ты о чем? — спросил Ремо.

— Похоже, у Хога талант управляться с пьянчугами. Вот уж не ожидал. И где только в столь

юном возрасте он мог такому научиться?

Ремо нахмурил брови и довольно долго молчал.

— В этом есть что-то тревожное — особенно учитывая, как он боится всего на свете.

— Ага, — сказал Даг, довольный тем, что Ремо поддерживает разговор. Из парня все-таки мог получиться командир отряда, — если он выживет, конечно. Дар Ремо был достаточно открыт, чтобы молодой дозорный ощутил одобрение Дага, и Ремо, сам того не замечая, расправил плечи.

Даг улыбнулся и спрыгнул с крыши: пора было пойти поинтересоваться, какую постель им приготовила Фаун.

14

К изумлению Фаун, на следующее утро Ремо присоединился к походу на монетный двор; это заставило ее гадать, что Даг сказал накануне вечером молодому дозорному. Она-то считала, что Ремо испытывает слишком большой страх перед городом, чтобы войти в него. Вначале на лице Ремо было такое напряженное выражение, что его легко можно было принять за неодобрение. Это в свою очередь навело Фаун на размышления о том, что скрывает мрачное выражение лица Дага; жена Стража Озера, его соплеменница, со вздохом подумала Фаун, не должна была бы гадать… В последний момент Даг надумал спросить Хога, не хочет ли тот присоединиться; мальчишка покраснел от удовольствия и молча закивал.

К общему разочарования, монетный двор в тот день не работал, но за несколько медяков сторож провел посетителей по зданиям и ответил на их вопросы; кроме того, как заподозрила Фаун, он при этом за ними еще и присматривал. Уж на пару Стражей Озера он точно кидал косые взгляды. Даже бездействующие, прессы выглядели потрясающе; они были почти такие же сложные, как

прялка тетушки Нетти, только много тяжелее.

— Сидячие, — пробормотал Даг, глядя поверх плеча Фаун на агрегаты с обычным для Стража Озера недоверием к неподвижным мишеням. Ремо согласно кивнул.

Возвращаясь обратно по городской улице, Фаун и Вит очень заинтересовались, обнаружив лавку, где продавались инструменты и изделия из железа. Она скорее походила на склад, а не на кузницу, поскольку в ней производился только мелкий ремонт. Большинство товаров были, похоже, привезены из верховий — включая потрясающую печку из Трипойнта, целиком выкованную из железа, с трубой, отводящей дым. Она явно предназначалась для того, чтобы стоять в комнате.

— Смотри! — взволнованно обратилась Фаун к Дагу. — Она, должно быть, дает гораздо больше тепла — ведь очаг обращен в комнату всего одной стороной, а эта штука… сколько там… шестью. В шесть раз лучше! И не нужно наклоняться, чтобы на ней готовить, и она не будет дымить тебе в лицо, и меньше шанс, что твоя одежда или волосы загорятся!

«Ох, как же я хочу такую!»

Даг посмотрел на жену с беспокойством.

— Тебе понадобится фургон и упряжка, чтобы

сдвинуть ее с места, Искорка!

— Естественно, возить с собой ее не будешь — ведь не возишь же ты очаг! Или камни для костра, — поправилась Фаун, вспомнив лагерь Стражей Озера. — Ей нужно постоянное место.

— Хм-м… — Даг посмотрел на Фаун с одной из своих странных улыбок. — Крестьянский инструмент.

— Ну конечно. — Фаун вскинула голову, представив себе постоянное жилище, где можно было бы установить такую печку, и окружающий его сад. И детей… Не лагерь Стражей Озера — в этом они убедились. И не крестьянская деревня, по крайней мере не такая, как Вест-Блю. Город вроде этого? Пожалуй, нет, поскольку такое скопление людей явно заставляло Стражей Озера чувствовать себя не в своей тарелке.

«Где же тогда?»

Фаун с сожалением позволила Дагу и Ремо увести их от этой потрясающей лавки.

Вернувшись на «Надежду», они обнаружили, что там назревает кризис: Берри и Бо были готовы отчаливать, но исчез енот Готорна. Бо требовал, чтобы они отплыли без этой надоедливой зверюшки, и уверял безутешного Готорна, что его питомец поплывет вниз по реке, чтобы найти

себе место для норы в каком-нибудь уютном лесу. Готорн во все горло расписывал гораздо более печальную участь любимца. Но тут молча слушавший Ремо проявил героизм — по крайней мере в глазах Готорна: он прошел вдоль берега и нашел зверька на соседней барже, где его, забравшегося на кухню, ожидал печальный конец или от рук рассерженной поварихи, или в зубах возмущенной собаки. Фаун обнаружила, что улыбка, осветившая лицо Ремо, когда он вручал зверька не помнящему себя от радости Готорну, была столь же опасно привлекательна, как улыбка Дага. Берри заметила это тоже и улыбнулась в ответ; Вит сначала просиял, радуясь ее радости, но тут же нахмурился, ревниво глядя на Ремо.

Когда баржа достигла фарватера и все успокоилось, Фаун с веретеном в руках уселась на корме, чтобы, прядя шерсть, смотреть на проплывающие мимо берега и думать. Для такого молниеносного спасения маленького енота Ремо должен был открыть свой Дар, несмотря на все свое отвращение к окружающим крестьянам. Для Стражей Озера охота, должно быть, совсем не то, что для фермеров, раз они могут просто войти в лес и найти добычу с такой же легкостью, с какой хозяйка находит горшок на кухонной

полке. Впрочем, продолжала размышлять Фаун, убедить, скажем, медведя расстаться со шкурой для Стража Озера не менее опасно, чем для любого крестьянина. А может, и нет… Не было ли в их арсенале и других средств убеждения, кроме тех, которыми они пользовались, общаясь с торговцами или девушками? «Или с лошадьми, москитами, светлячками…» Нужно будет спросить Дага.

Взбив комок шерсти, чтобы согреть руки, — так и нитка скорее прялась бы, — Фаун успела напрясть целый моток, прежде чем настало время идти готовить обед. Железная печка, со вздохом подумала она, могла бы быть установлена и на судне; тогда она была бы и не такой «сидячей». Однако подобный роман оказался бы коротким — печку пришлось бы продать вместе с баржей, добравшись до устья: иногда суда превращали в плавучие дома для бедняков, но чаще просто разбирали на доски. Большая часть домов в Греймауте была, как слышала Фаун, построена из таких досок. Ей ужасно не нравилось думать о том, что и «Надежду» ожидает такая участь, и Фаун принялась мечтать о том, что баржу кто-нибудь превратит в уютный плавучий дом.

Войдя в кухню, Фаун обнаружила Дага, в

странной позе сидящего у откидного стола. Он пристально смотрел на пугающий серый комок на тарелке. Лицо Дага было измученным, почти зеленоватым.

— О боги, что это такое? — спросила Фаун, кивнув на тарелку. — Уж не собираешься ли ты это есть? — Мужчине, конечно, требовалось много пищи, но желательно чего-то более съедобного. То, что лежало на тарелке, выглядело как нечто давным-давно мертвое, выуженное со дна реки.

— Последний кусок яблочного пирога, испеченного вчера, — ответил Даг.

— Не может же это быть мой… — Фаун присмотрелась внимательнее. — Даг, что ты с ним сделал?

— Вырвал Дар. Точнее, попытался. Похоже, я как раз нашел свой верхний предел.

— Даг! Я же сказала — два зернышка!

— Я уже попробовал два. Получилось хорошо. И с пятью, и десятью… Пришло время попробовать что-то еще. Это же тоже была пища!

— Была, ага! — Фаун смотрела на мужа со смесью возмущения и ужаса. Даг неожиданно сорвал и отбросил протез, потом согнулся, прижав к груди левую руку, и судорожно сглотнул. Фаун кинулась за тазиком и сунула его под нос Дагу как

раз вовремя. Вцепившись в тазик, Даг отвернулся от Фаун, стараясь, чтобы его рвало не слишком громко. Однако желудок его был практически пуст. Фаун молча протянула Дагу кружку с водой, чтобы прополоскать рот.

— Спасибо, — прошептал Даг.

— Все?

— Не уверен. — Даг поставил тазик на скамью рядом с собой, чтобы тот был под рукой. — Странное чувство… Как будто мой Дар пытается избавиться от лишнего и не может, а вместо него старается тело.

— Да у тебя же в желудке и не было ничего.

— И я очень этому рад.

— Тебя тошнило так же, как после лечения Хога?

— Нет, — медленно проговорил Даг. — Тогда в голове было пусто, как после потери крови, и головокружение быстро прошло. А это… давит, как после отравления — просто сидит и никуда не девается. Только в обоих случаях воздействие на Дар отзывается на теле.

— Так на что твой Дар похож — на лошадь или на собаку?

Даг непонимающе моргнул.

— Что ты сказала?

— У нас на ферме были собаки, которые жрали все, что только попадалось, а потом, если съеденное оказывалось не по ним, выташнивали… обычно там, где ходили люди. — Воспоминание заставило Фаун поморщиться. — А еще у Рида была собака, которая обожала валяться во всякой вонючей гадости — навозе, тухлятине, — а потом кидаться к тебе, чтобы поделиться радостью. Собаки, они такие.

Даг прижал руку ко рту.

— Да уж… Ты что, дразнишь меня, Искорка?

Фаун покачала головой, хотя ее яростный взгляд говорил: «Ты заслуживаешь, чтобы тебя дразнили!»

— А вот лошади другие. Лошади не могут избавляться от всякой дряни, как делают собаки. Если лошадь съест что-то неподходящее, беды не избежать. Папа однажды лишился славного пони из-за колик, когда тот наелся ядовитых листьев, так что с тех пор Флетч следил за тем, что растет в живых изгородях, а короб с овсом хорошо закрывал — пони-то был его. Так если в твой Дар попало что-то не то, можешь ты от этого избавиться или нет?

— Очевидно, нет. — Даг нахмурил лоб. — Я ведь не мог избавиться от тех ядовитых ошметков

Дара Злого в Рейнтри. Они оскверняли меня, отравляли мой Дар. Они вышли наружу и исчезли вместе с оковами, которые Злой наложил на бедняг-дозорных, когда мы разрушили его сеть, только сейчас этот прием не сработает.

— Уж не убьет ли это тебя? — Фаун внезапно охватил ужас. — Всего лишь кусок пирога — моего пирога?

Даг покачал головой.

— Не думаю. Это же не яд. И я не вырвал… не смог вырвать весь Дар. Только лучше бы я вовсе этого не делал… — Он снова, морщась, согнулся над тазиком.

— Тогда, значит, ты будешь выздоравливать медленно, как после случая с москитом?

— Скоро выяснится, — вздохнул Даг.

— Колики Дара… — пробормотала Фаун. — Ну и ну…

Она унесла тарелку и тазик и выплеснула их содержимое с кормы, потом вернулась и решительно отправила Дага в постель. О степени его болезненного самочувствия говорило то, что он послушался ее без споров.

За обедом Фаун извинилась за мужа перед остальными — «Он, должно быть, что-то не то съел», — что было принято без вопросов, но со

множеством догадок о том, в чем могло быть дело, поскольку все тоже ели стряпню Фаун. В отчаянии — а также чтобы защитить свою репутацию — Фаун наконец предположила, что Даг мог что-то купить утром в городе, и все согласились с ней, глубокомысленно кивая. Больше всех встревожился Ремо; подойдя к их с Фаун закутку, он спросил Дага, все ли с ним в порядке и не может ли он чем помочь. Даг невнятно буркнул что-то отрицательное. Фаун подумала, что Дагу следовало бы ввести в курс дела единственного другого Стража Озера и рассказать ему о своих экспериментах с Даром, но настаивать она не решилась. В этих делах она мало смыслила, и мысль о том, что и Даг ненамного от нее в этом отличается, не особенно обнадеживала.

Потеря Дага обернулась выигрышем Хога, который неожиданно оказался повышен в звании: сделан гребцом вместо Дага. Хог был неуклюж, медлителен и путал правую руку с левой, но постепенно усвоил терпеливые наставления Берри и похмельные окрики Бо. Ошибки, которые парнишка в панике совершал, становились реже; впрочем, он так изумился, когда ему сказали, что он справляется с веслом, что чуть не уронил его за борт.

К огромному облегчению Фаун, Даг достаточно ожил к вечеру, чтобы поесть настоящей пищи, хотя, как заметила Фаун, протез все-таки не надел. Даг оставался молчаливым и в ответ на большинство вопросов только качал головой, каждый раз прижимая руку ко лбу, словно жалел об этом движении. Однако на следующий день Даг уже сел на весла, правда, пообещав горячо просившему его Хогу, что будет с ним регулярно меняться.

В полдень они причалили в деревне, которая, похоже, была постоянной стоянкой Клиркриков; там Берри нашла парня, который ее знал и к тому же помнил, что «Шиповник» останавливался здесь прошлой осенью. Значит, по крайней мере досюда ее отец добрался. Хозяин местного склада не мог припомнить, чтобы капитан Клиркрик рассказывал что-то необычное про свое путешествие, очень огорчился, узнав, что старый речник пропал, и только покачал головой, услышав об исчезновении судов из Трипойнта. В деревне Вит продал первую партию оконного стекла, и «Надежда» снова двинулась вниз по течению. Холодное осеннее солнце заставляло воду сверкать, а берега гореть яркими красками; Фаун радовалась красивым видам, но Берри с огорчением

смотрела на мелеющую реку.

Ближе к вечеру мрачные предчувствия Берри подтвердились. Хозяйка баржи сидела с Фаун, Дагом и Хогом у кухонного стола, жуя остатки обеда и расспрашивая о жизни в Вест-Блю, когда скрежет корпуса о камень заставил ее стиснуть зубы. По палубе торопливо затопали чьи-то ноги, и Берри крикнула:

— Бо, ты держишь слишком близко к берегу, нужно круто развернуться… — но только горестно охнула, когда «Надежда» ощутимо вздрогнула и остановилась.

— Что это? — испуганно спросила Фаун; Хог тоже явно струсил.

— Мель, — бросила через плечо Берри, выскакивая на заднюю палубу. Все последовали за ней и влезли на крышу каюты, откуда Берри, уперев руки в бедра, мрачно посмотрела за борт.

— И что тебе вздумалось так забрать к берегу? — рявкнула она на Бо. — Мы здорово застряли!

Бо виновато и одновременно ворчливо принялся оправдываться, виня остров, рядом с которым они сели на мель, в том, что мель переместилась, куда ей совсем не полагалось. Вит покраснел, а Ремо, встретившись с Дагом глазами, уныло опустил голову. Берри только раздраженно вздох-

нула, так что Фаун приободрилась, поняв, что это обычная неприятность; Берри и Бо принялись привычно распоряжаться действиями команды.

Первым делом нужно было попытаться, используя весла как шесты, снять баржу с мели. Даг и Ремо так с кряхтением налегали но весло, что в конце концов сломали его, а «Надежда» ничуть не сдвинулась; тогда Берри распорядилась прекратить попытки, чтобы не сломать и другое — запасных было не так-то много — или не вывороти массивную дубовую уключину. Следующий шаг заключался в том, чтобы отправить всю команду на берег, облегчив тем баржу, и попробовать стянуть ее с мели веревками. Коперхеда, которого Берри прозвала сухопутной лодкой Дага, тоже приставили к делу, привязав веревку к седлу. Мужчины разделись до штанов и попрыгали в холодную воду — кто с мрачной решимостью, кто с визгом: это было довольно забавно — Берри и Фаун даже обменялись улыбками, — но сдвинуть «Надежду» так и не удалось.

Третий способ заключался в том, чтобы просто подождать подъема воды, когда баржа могла бы всплыть сама. Такому выбору, который замерзшая команда отвергала еще два часа назад, теперь она аплодировала. Пока люди перекрики-

вались через узкое водное пространство между баржей и берегом, откуда-то сверху по течению до них донесся длинный низкий звук рога, закончившийся тремя резкими свистками.

— Это сигнал «Кусачей черепахи», — сказала Берри, поворачивая голову на звук.

Из-за поворота показался парусник, легко скользящий посередине русла. Человек на палубе в полосатых синих с красным — сухих — штанах весело помахал длинным жестяным рогом перемазанной в грязи команде «Надежды».

— У тебя ж баржа, а не плуг, хозяйка Берри, — прокричал человек. — Или ты решила проложить там новый канал?

Берри возмущенно фыркнула, но губы ее тронула улыбка.

Капитан Вейн прошел на нос и встал, заложив большие пальцы за зеленые кожаные подтяжки и ухмыляясь во весь рот. Берри сложила руки рупором и крикнула:

— Эй, Вейн, у тебя в команде такие силачи! Как насчет того, чтобы взять нас на буксир?

Вейн прокричал в ответ:

— Ну, не знаю, Берри, — как насчет поцелуя?

Стоявший на берегу Вит, хоть и посинел от холода, вспыхнул, услышав такое.

— Моя коза Дейзи готова упасть в твои объятия! — ответила Берри. — Можно подумать, ты принял «Надежду» за постельное судно!

— Так не пойдет, — покачал головой Вейн. — А что у тебя за груз?

— По большей части соленое масло, орудия из Трипойнта и оконное стекло.

«Кусачая черепаха» скользнула мимо «Надежды» с ухмыляющимся Вейном на борту.

— Похоже, мы продадим свои товары в низовьях раньше тебя! — Вейн красноречиво коснулся губ. — Может, передумаешь насчет поцелуя?

— Тупой охальник, — буркнула Берри себе под нос. — Он никогда не меняется. — Повысив голос, она крикнула вслед паруснику: — Как, все твои парни так измотались и ослабели, кидая кости? Им не под силу помочь маленькому суденышку? Ах, бедняжки, у «Черепахи» в команде одни девчонки! — Она насмешливо помахала руками.

Вейн согнул руку и похлопал себя по мощному бицепсу.

— Хорошо стараешься, Берри!

Фаун подумала, не предложить ли свой поцелуй, чтобы выручить Берри, но глянув на шумную компанию на палубе «Черепахи», подавила свой благородный порыв.

— Я сыграю вам, когда придет время перетаскивать судно через пороги! — Берри жестом изобразила игру на скрипке.

Это вызвало горячий спор среди дюжины крепких парней на борту «Черепахи»; прежде чем препирательства переросли в бунт, Вейн крикнул:

— Концерт плюс поцелуй!

Берри стиснула зубы.

— Я лучше дождусь дождя.

С парусника донеслись стоны разочарования, но река безжалостно несла судно дальше, и через несколько минут ничего не стало слышно, а потом «Кусачая черепаха» скрылась и из виду. Берри огорченно вздохнула. Все, что говорилось, было вполне добродушным, подумала Фаун, но… но они все еще сидели на мели.

Копперхеда выпустили пастись на острове, поскольку, хотя он послушно и спрыгнул в воду по привычному приказу Дага, поднять его обратно на борт было бы практически невозможно до того как они смогут развернуть «Надежду» носом к берегу и перебросить сходни. Мужчины смыли с себя грязь, вернулись на борт и сгрудились вокруг очага, где Фаун принялась готовить ранний ужин: больше в общем-то занять долгий вечер

было и нечем. Замерзшая команда ежилась, топала ногами и растирала руки — кроме Дага, который сунул свою единственную правую руку под мышку левой. Постепенно все угомонились и расселись так, чтобы не мешать Фаун готовить пироги и похлебку. Даг спросил Фаун, не наловить ли рыбы, но почему-то это услужливое предложение оказалось единогласно отклонено.

* * *

Ночью Фаун, проснувшись, обнаружила, что Дага в постели нет. Сначала она подумала, что он отправился облегчиться, но когда он не вернулся через разумный промежуток времени, завернулась в одеяло и отправилась на поиски. В щель переднего люка сочился свет, слишком желтый, чтобы быть лунным. Фаун выскользнула на палубу и закрыла за собой люк. Ночной воздух был холодным, сырым и пах опавшими листьями и рекой; чувствовался теплый дух козы и спящих в курятнике кур; на небе горели яркие звезды.

Скамья оказалась отодвинута от стены, и на ней, оседлав ее, сидел Даг; на другом конце скамьи стоял фонарь. Одет Даг был кое-как, волосы стояли дыбом, протез отсутствовал. Даг хмуро смотрел на две маленькие кучки овса и кукуруз-

ных зерен, лежавших на скамье между его колен; когда Фаун подошла и встала рядом, Даг поднял глаза и улыбнулся жене.

— Что ты делаешь? — прошептала Фаун.

Даг провел рукой по волосам, не уменьшив этим беспорядок.

— Вот надумал вернуться к овсу. Решил, что ты это одобришь.

Фаун неуверенно кивнула.

— Ты что, собрался вырвать у зерен Дар? — Она не видела кучек серой пыли, так что, может быть, поймала Дага вовремя. Оставался, правда, вопрос: для чего вовремя? Что ж, возможно, само ее присутствие помешает ему предпринять новую неразумную попытку…

Даг сделал странную гримасу.

— Я тут подумал… Даже Злой обычно не лишает свои жертвы Дара до полного разрушения их физической структуры — серая пустошь образуется скорее вследствие долгого воздействия скверны. Злой пожирает только Дар жизни — так сказать, слизывает сливки.

Фаун сосредоточенно свела брови.

— Я помню, как Дор рассказывал мне о разделяющих ножах… Нож заряжается, впитывая Дар умирающего. Человек при этом не распадается.

Так что подобное делают не только Злые.

Даг приоткрыл рот, потом снова сжал губы.

— Это… интересная мысль, хотя я представлял себе разделяющий нож не столько вырывающим Дар, сколько принимающим самый огромный подарок. Я… — Даг нахмурился, потом прогнал отвлекающую мысль, в чем бы она ни состояла, и продолжал: — Живой Дар сложнее, чем Дар неодушевленного предмета, — более легкий, более светлый и подвижный. Похоже на то, — он пальцем передвинул зернышко из одной кучки в другую, — что живой Дар лучше усваивается. Вот тебе и объяснение колики от Дара.

Фаун прикинула, сколько зернышек было в каждой кучке. Уж больше десятка-то точно…

— Даг, — обеспокоенно спросила она, — на скольких ты собираешься пробовать?

Даг пожевал губу.

— Ну… Помнишь, как в Рейнтри каждый дозорный, кто только умел это делать, подкреплял мой Дар, чтобы я скорее поправился и мог ехать со всеми домой?

— Да.

— Через некоторое время я начал видеть расплывчатое красное облако вокруг предметов, и Хохария велела всем прекратить — сказала, что

мне нужно время на усвоение Дара.

— Ты не говорил мне о красном облаке!

Даг пожал плечами.

— Все прошло через день или два. Так или иначе, это навело меня на мысль. Мне думается, что я пойму, что достиг своей ежедневной нормы в поглощении живого Дара, когда вокруг предметов начнет появляться что-то вроде красной каемочки.

Фаун в сомнении надула губы. Однако как может она требовать, чтобы Даг не исследовал собственные возможности, когда сама она полна вопросов? У них рядом не было знатока, от которого можно было бы ждать объяснений. Даг мог только спрашивать свое тело и свой Дар и внимательно выслушивать ответы. Ведь кто-то должен был все пробовать в первый раз, иначе не появилось бы знатоков.

— Ты думаешь, что если получишь больше Дара в виде пищи, чтобы подкрепить себя, то сможешь лучше и быстрее лечить?

Даг кивнул.

— Может быть. По крайней мере Стражей Озера. Только я хочу лечить и крестьян, а если не смогу разобраться с проблемой околдовывания… — Даг передвинул еще одно зернышко овса, потом

— кукурузы… потом выпрямился, поморгал, обернулся и посмотрел в лицо Фаун.

— Что, теперь и вокруг меня красное облако? — мрачно спросила Фаун.

Даг протянул руку, передвинул еще одно зернышко и снова заморгал.

— Вот теперь — да, — удовлетворенно сказал он.

— Ну так остановись!

— Да, — вздохнул Даг, потер отросшую щетину на подбородке и задумчиво взглянул на две кучки на скамье. — Э-э…

— Что?

— Эта кучка, — Даг показал на ту, что находилась справа, — живые семена. Если их посадить в землю и полить, вырастут новые растения.

— Может быть, — кивнула прожившая всю жизнь на ферме Фаун. — Если посадишь достаточно много, что-нибудь да вырастет. Плюс сорняки.

— А вот та кучка, — не обращая на нее внимания, продолжал Даг, — семена мертвые. Если их посеять, они просто сгниют… со временем.

На его лице отразилась печаль, и Фаун подумала, что перед его умственным взором предстал длинный ряд неразложившихся детских трупов. Проклятие, семена овса — не дети! С другой сто-

роны, можно видеть в них детей растения, только такая мысль в конце концов сведет с ума любого, кто собирается продолжать жить в этом мире… Фаун быстро сказала:

— Семена не прорастут, и если их приготовить. Разве тут есть отличие от обычной готовки пищи?

Даг прищурился, потом благодарно кивнул.

— Ты права, Искорка.

Фаун внимательнее пригляделась к двум кучкам зерен. Та, что была слева, показалась ей более блеклой, чем яркие желтые зернышки справа. Она показала на левую кучку и спросила:

— Их можно есть, как приготовленную пищу?

Даг растерянно посмотрел на жену.

— Не знаю. Они ведь что-то потеряли.

— Ими можно отравиться?

— Понятия не имею. — Даг долго смотрел на маленькие кучки. — Я бы скормил эту пригоршню Копперхеду, только он на острове… да и лошади… А собаки у нас нет. — Даг, прищурившись, глянул на козу Дейзи.

— Мы пьем ее молоко, — поспешно сказала Фаун и добавила, когда Даг повернулся к куриному загону, — и едим яйца.

Даг нахмурился, потом в его глазах на мгно-

вение появилось отсутствующее выражение. Царапание когтей по палубе заставило Фаун посмотреть вниз: рядом с Дагом появился маленький енот и принялся теребить того за штанину. Даг наклонился и поднял зверька. Маленькие лапки вцепились в его рукав, блестящие черные глазки на мохнатой мордочке уставились на человека.

— Даг, не смей! — ахнула Фаун.

— Ни конь, ни коза, ни куры, ни ты — никто не годится, — терпеливо проговорил Даг. — Кто же остается из тех, кто стал бы есть зерно? Ну, пожалуй, Хог, — нет, тоже не годится. Да я и не думаю, что этот малыш отравится.

— Все равно это неправильно. Я хочу сказать — ты по крайней мере должен был бы спросить разрешения Готорна, а как все это ему объяснить, я не представлю.

— Я и себе-то ничего не могу объяснить, — вздохнул Даг. — Ладно. — Он сгреб семена в ладонь и поднес к губам.

— Нет! — Фаун зажала себе рот рукой, чтобы заглушить крик.

Даг, подняв брови, посмотрел на нее.

— Не можешь же ты сказать, что я не имею на это права.

Фаун даже подпрыгнула в отчаянии и наконец бросила:

— Что ж, попробуй на еноте.

Даг насмешливо поклонился ей и протянул зерна зверьку. Тот не особенно заинтересовался: избалован, подумала Фаун, вкусными кусочками, которыми все на борту угощали забавного малыша; однако под настойчивым взглядом Дага — и не без использования Дара, как заподозрила Фаун, — все же начал жевать зерна, шевеля усами. Когда Даг опустил енота на палубу, тот убежал как ни в чем не бывало — по крайней мере не упал тут же мертвым. Даг кинул оставшиеся зерна за борт, вытер руку о рубашку и стряхнул с себя несколько волосков енота. Его взгляд упал на загон для кур.

— Еда… — рассеянно пробормотал он. — Интересно, что получится, если я попытаюсь вырвать Дар у курицы? В следующий раз, когда соберешься приготовить курицу на обед, Искорка, дай мне знать.

Фаун мысленно исключила курятину из меню на обозримое время.

— Ну, не знаю, Даг… Идея лишения Дара зерен овса меня ничуть не волнует, но если ты можешь вырвать Дар у курицы, значит, ты можешь… —

Она оборвала себя.

Даг смотрел на нее, прекрасно все поняв.

— Вырвать Дар у человека? Совсем как Злой? Не знаю. Человек больше курицы. Я начинаю думать, что *повредить* Дар человека я мог бы. Да, эта мысль очень меня тревожит, можешь не сомневаться.

Фаун потерла губы ладонью.

— Ты можешь нанести вред и телу, и Дару человека своим боевым ножом, и тебе случалось это делать. Разве тут такая уж большая разница?

— Еще не знаю, — вздохнул Даг. — Искорка, я на самом деле многого не знаю. — Даг привлек к себе Фаун и уткнулся лицом в ее волосы. — Я давно уже гадаю, не наткнулся ли случайно на секрет мастерства лучших целителей. А теперь ты заставляешь меня гадать, не наткнулся ли я вместо этого на секрет мастеров, изготовляющих разделяющие ножи. Они еще старательнее хранят свою работу в тайне, и наверное, не зря. Потому что…

— Почему? — поторопила его Фаун, когда Даг умолк.

— Потому что не может же быть, чтобы я один обладал такими способностями… если только я и в самом деле не осквернен Злым. Хотелось бы

мне, чтобы можно было кого-то…

— Кого-то спросить?

Даг покачал головой.

— Кого-то спросить без опасений.

— Ах… — Фаун сразу поняла, о чем он.

— Хохария подошла бы, но она в лагере Хикори. Она видела, как я… кажется, я тебе об этом не рассказывал…

Фаун закатила глаза.

— Еще о каком-то красном облаке, да?

— Прости. Тогда я сам ничего не понимал, вот и не рассказывал. Когда ее подмастерье Отан пытался подкрепить мой Дар, чтобы помочь срастись сломанной руке, у него ничего не получилось. Кончилось дело тем, что я… вырвал у него то, что он пытался мне дать. Хохария была рядом и все видела.

— И что?

— И ее единственная реакция была немедленно рекрутировать меня в целители… пока я не обратил ее внимание на маленькую проблему: тонкая ручная работа не для меня. — Даг взмахнул своей культей. — Потом она предложила мне в напарники брата Отана — он заменил бы мне руки. Предложи она мне в напарники тебя, я мог и согласиться, и мы были бы сейчас там, а не тут.

Только она и слышать не захотела.

Фаун не могла решить, хорошо это было бы или плохо, поэтому только склонила голову, показывая, что слышит. Однако она сразу же обратила внимание на важный момент:

— Это ведь было задолго до того, как ты вырвал Дар Злого в Рейнтри?

— Да. И что?

— Значит, твои новые способности, — Фаун откинула голову и коснулась его культи, — не могут быть чем-то, чем ты заразился от Злого, потому что они появились раньше. Не думаю, что ты превращаешься в Злого. — «Тогда ты был бы пугающим, а не просто вызывающим тревогу». — Если именно это тебя смущает.

По быстро меняющемуся выражению его лица — сначала растерянности, потом облегчению, — Фаун поняла, что коснулась его самого тайного страха. Как только его удалось извлечь наружу, он обнадеживающе съежился.

— Да, такая мысль у меня мелькала, — признался Даг. Он склонил голову, криво усмехнулся и крепче прижал к себе Фаун. — Если бы я превратился в Злого, ты продолжала бы меня любить?

— Если бы ты в самом деле превратился в Злого, ты бы просто меня съел, и такой вопрос не под-

нимался бы, — довольно язвительно ответила Фаун.

— Вот так бы мы все и выяснили, — пробормотал Даг.

— По крайней мере выяснил бы ты. — Подумав, Фаун добавила: — А может, и нет. Ты был бы слишком погружен в собственные страдания, чтобы заметить мои.

— Ах… Да, ты попала не в бровь, а в глаз. — Пальцы Дага коснулись шрамов на шее Фаун, словно говоря «Я должен был об этом подумать». Глаза Дага потемнели от воспоминания. — Судя по тому, что я успел увидеть внутри Злого, ты права. У тебя есть привычка иногда быть уж очень проницательной, Искорка, — даже страшно становится.

Фаун только покачала головой. Разговор уходил в пугающую темноту, и было ясно: пора возвращаться в постель, потому что ни до чего хорошего сегодня они не договорились бы. Она подняла фонарь и двинулась к каюте.

15

Рано утром Даг убедился в здоровье маленького енота: тот разбудил его, ткнувшись любопытным носом в ухо. Зверек также оставил на одеяле комочек помета — и не в первый раз, поскольку уже давно облюбовал их закуток для этих целей. Даг в сером утреннем свете вынес катышек к козьему загону и расковырял палочкой. Он не удивился бы, если бы обнаружил, что зерна с вырванным Даром не переварились, но все выглядело нормально, без всяких следов серой пыли или крови. Похоже было на то, что Даг мог оставлять за собой след из безжизненных семян, и это не причинило бы миру вреда. Впрочем, Даг все еще с глубоким подозрением относился к тому, что такие зерна можно использовать в пищу; может быть, на следующей стоянке стоило купить собственных кур, чтобы изучать вопрос более методично. И поручить дело Фаун, поскольку Даг совсем не был уверен в своей способности сохранить жизнь курам, а ошибку совершить не хотел.

Опершись на поручни, Даг следил, как небо из стального делается серебряным, а потом золотым; ясный осенний восход возвращал цвета

низким холмам, окаймлявшим одетую туманом реку. Предстоял еще один ясный день, как и накануне, что не предвещало освобождения «Надежды» из плена мели. Впрочем, день отдыха был не лишним. Может быть, они с Фаун смогут отправиться на пикник на другой конец острова. Даг воспользовался Даром, чтобы убедиться в отсутствии нежелательной компании; от Вита, Хога, Ремо, Готорна и енота они уж как-нибудь ускользнут. Остров тянулся на добрые две мили и, как обнаружил Даг, был безлюдным; Дар его растительности был щедрым и здоровым, без всяких признаков скверны.

Даг резко втянул воздух и, медленно поворачиваясь, еще раз окинул остров внутренним взглядом. Да, он видел обе оконечности — там, где твердость земли встречалась с непостоянным движением воды; Дар показывал Дагу дальние холмы с деревьями, готовящимися к зимнему сну, сухую умирающую траву с яркими искрами семян, множество мелких животных в норах, гнездах, чаще кустов, птичек, перелетающих с ветки на ветку, семейство бурых медведей, медленно ковыляющее по ложбине.

«Вернулось, все вернулось! Я снова вижу, как раньше!»

Если бы он оставался в лагере Хикори, он снова мог бы быть дозорным.

Даг слышал, как гремит мисками Фаун, готовя завтрак, как фыркает на путающегося под ногами маленького енота и требует, чтобы Готорн вылез из постели и занялся своим любимцем. Губы Дага дрогнули: он с уверенностью осознал, что будь ему в эту минуту предоставлен ничем не ограниченный выбор — вернуться или двигаться вперед, — он выбрал бы последнее. С улыбкой Даг прошел в каюту и отправился на заднюю палубу умываться.

Сытный завтрак был долгим; солнце стояло уже высоко, когда Фаун перестала придумывать, какие еще новые вкусности можно приготовить из имеющихся на «Надежде» припасов. Молодые едоки, обычно голодные как волки, стали проявлять признаки превращения в сидячих существ и потеряли интерес к идее поохотиться на острове, по крайней мере до тех пор, пока Берри не начала долгое перечисление работ на борту, которыми могли бы заняться имеющие свободное время мужчины.

Даг неожиданно перебил ее:

— Я хотел бы позаимствовать у тебя Ремо и Хога. И Фаун. Хочу кое-что испробовать.

Берри бросила на него проницательный взгляд.

— Это насчет околдовывания Хога?

— Ага, — подтвердил Даг, поразившись тому, как далеко они зашли, если он мог открыто в таком признаться — и быть понятым, по крайней мере достаточно хорошо, чтобы можно было начать действовать.

Хозяйка Берри кивнула.

— Не возражаю. А скажи, — добавила она заинтересованно, — не могли бы вы, Стражи Озера, наколдовать дождь?

— Мне очень жаль, но я не знаю никакого способа при помощи Дара воздействовать на погоду, — серьезно ответил Даг. — Правда, неизвестно, на что были способны древние лорды, прежде чем мир начал распадаться.

Берри выразительно посмотрела на него.

— Это была шутка, Даг.

— Ох…

— Ничего, — похлопала его по руке Фаун. — Я тоже не всегда понимаю юмор дозорных. Как правило, если случается что-то ужасное, Стражи Озера находят это уморительным.

Ремо посмотрел на нее так, словно хотел возразить, но не смог: рот у него был полон.

Сначала Даг собирался провести задуманные пробы на крыше каюты, но потом решил, что лучше будет удалиться подальше, где не будет помех от Дара команды баржи. Не замочив ног, они перебрались на берег в маленькой лодочке, имевшейся на «Надежде», хотя почти могли пройти посуху — так низко стояла вода; с берега они помахали Берри и Виту, которые устанавливали что-то вроде водомера в надежде заметить хоть слабый подъем воды, который мог бы освободить баржу из песчаной ловушки. Поднявшись на высокое место, откуда открывался вид на реку, окаймленную ивами, Фаун расстелила одеяло, на котором все и расселись, скрестив ноги, вокруг Дага. Хог нервно сглатывал, Ремо с подозрением хмурился, Фаун просто ждала, глядя на мужа.

Даг прочистил горло, сожалея, что ни в чем не может быть уверен.

— Фаун говорит, что мы все вместе должны найти ответ на загадку, если только сможем его разглядеть. Я хочу приложить все силы… Почему Хог оказался околдован, а Фаун — нет? Почему Стражи Озера друг друга не околдовывают? Что на самом деле делает наш Дар, когда мы чувствуем то, что чувствуем? Я предлагаю нам с Ремо открыть свой Дар как можно шире, попытаться

обменяться со всеми присутствующими небольшими подкреплениями Дара и посмотреть, что получится.

— И что же мы будем искать? — жалобно спросил Ремо. — Я хочу сказать — мы же делали такое раньше.

Даг покачал головой.

— Нужно высматривать что-то, чего мы обычно не замечаем. Особенно обращать внимание на вещи, насчет которых мы думаем, будто знаем: такого не может быть. Нужно высматривать различия между Хогом и Фаун. Лежит ли причина различий в том, кто воспринимает подкрепление Дара, или в том, как передается Дар? Очень надеюсь, что дело не в том, кто воспринимает, потому что тогда я ничего не смогу с этим поделать — я смогу лечить только некоторых больных или раненых крестьян, а других не смогу… и как можно это определить заранее? Как смогу я сказать человеку, попавшему в беду: «Нет, уходи, тебе я помочь не в силах»… — Даг оборвал себя, сглотнул и обратился к Ремо: — Начинай ты. Дай небольшое подкрепление Хогу.

Ремо с сомнением скривил губы.

— Опять в колено?

— Как насчет его носа? — предложила Фаун. —

По-моему, после вчерашнего холодного купания он начал хлюпать. И тогда не будет путаницы со старым применением Дара.

Хог, который все утро устрашающе шмыгал носом, покраснел, но кивнул. Болезненно осознавая, что полностью открывается перед Ремо, Даг снял всякую защиту со своего Дара и закрыл глаза. Он чувствовал поток Дара, исходящий от Ремо, быстрый всплеск, как будто капли влились в спокойную гладь Дара Хога, ощутимое касание тепла. Ремо чихнул, и Даг открыл глаза.

Хог смущенно потер нос.

— Ощущение замечательное, — пробормотал он.

Даг прищурился, но ни обычным зрением, ни внутренним взглядом не смог обнаружить ничего необычного. Он запустил руку в волосы.

— Ладно, а теперь сделай то же самое с Фаун.

— Ты уверен, что так надо, Даг? — спросил Ремо. — Я имею в виду — я не хотел бы рисковать тем, чтобы случайно околдовать твою жену. — Он искоса настороженно глянул на Дага.

— Фаун же получала от меня довольно основательное подкрепление Дара и менее значительные — от Мари и Каттагуса… Так, Фаун?

Та кивнула.

— Старый Каттагус вылечил ожог у меня на руке, а Мари… ты же был рядом, когда она мне помогла. — Фаун положила руку на живот; медленно заживавшие повреждения, нанесенные Злым, все еще делали ее месячные очень болезненными.

— До сих пор Фаун не становилась околдованной, а сейчас воздействие будет даже легче, чем в тех случаях, — сказал Даг. — Давай, Ремо.

— Куда? — спросил Ремо. — Барр говорил, что если ты используешь подкрепление Дара крестьянской девушки… — Он внезапно умолк, отчаянно покраснел и закрыл свой Дар.

— Договаривай, — терпеливо проговорил Даг. — Кто знает, какая незамеченная мелочь окажется важной?

Ремо приоткрыл свой Дар только наполовину и стал смотреть на реку, чтобы ни с кем не встречаться глазами. Наконец он выдавил из себя:

— Барр говорит, что если подкрепить Дар тай… тайного местечка… крестьянской девушки, — слова явно давались ему с трудом, — это сделает ее очень покладистой.

— А? — спросил Хог.

— Девушка захочет отправиться с ним на сеновал, — перевел Даг на понятный Хогу язык.

— А-а, — многозначительно кивнул тот. — Ясное дело.

Судя по выражению лица Фаун, она в переводе не нуждалась. Однако она выпрямилась и нахмурила брови.

— Даг… уж не поэтому ли ты, когда мы в первый раз встретились, сказал, что не можешь лечить мою матку после вреда, который причинил Злой?

Ремо, услышав это, резко повернул голову, и впервые за время их знакомства позволил своему Дару заметить оставленные Злым шрамы не только на шее Фаун. Глаза его расширились.

— Нет, — ответил Даг. — Просто так меня всегда учили насчет экстренной помощи в полевых условиях. Для тех, кто не обучен целительству, лучше всего направлять подкрепление из органа собственного тела в тот же орган пострадавшего — как Ремо только что сделал с носом Хога. Не имея матки, я не имел соответствующего Дара, чтобы поделиться с тобой. — Даг заколебался. То, что он теперь пытался проделывать своей призрачной рукой — *проекцией Дара,* — определенно происходило не так. — Я не стал бы особенно верить болтовне Барра.

— Но это не болтовня, — выпалил Ремо. — Барр

говорил, что он это проделывал.

Даг, после небольшой паузы, надул губы и спросил:

— Ты знаешь это наверняка?

Ремо смущенно кивнул.

— Наш отряд однажды остановился на ферме, мы расположились в амбаре. Барру приглянулась одна из дочек фермера — самая хорошенькая, понятное дело. Он подначивал меня попробовать ту же уловку с другой сестрой, но я пообещал рассказать все командиру, если он еще раз выкинет подобный номер, так что с тех пор он заткнулся. — После минутного молчания Ремо добавил: — Только я уверен, что он проделывал такое не раз.

— Не мог же он пользоваться Даром своей матки, — медленно проговорил Даг, все еще не убежденный, что похвальбе Барра можно верить.

— Нет, он говорил, что это был… — Ремо неловко показал на свой пах, — параллельный орган. Его-то Даром он мог делиться сколько угодно… так он говорил.

Фаун задумчиво проговорила:

— Тогда это не было *лечебным* подкреплением Дара. Может, он просто… возбуждал девушку.

Знаешь, Даг, то, чему тебя учили, наверное, предназначено для молодых дозорных, чтобы они… не попали в беду. А потом, если никому не пришло в голову проверить то, чему его учили, все стали принимать это как факт. Так что вы каждый по-своему можете быть правы.

Даг потер шею, обдумывая слова Фаун. Пожалуй, нужно будет проделать эксперимент — наедине… Дагу пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуться к проблеме настоящего момента.

— В локоть. Попробуй направить небольшое подкрепление в ее локоть.

— Хорошо, сэр. — Тон Ремо ясно говорил: «И если что-нибудь пойдет не так, не забудь, что это ты велел мне сделать такое». Молодой дозорный наклонился вперед.

Насколько Даг мог судить, эта попытка ничем не отличалась от того, что Ремо проделал с Хогом. Фаун потерла локоть, глядя на Ремо, потом откинулась на одеяле с безмятежной улыбкой.

Что ж, тут ничего особенного заметить не удалось…

— Ладно, — вздохнул Даг, — теперь, похоже, моя очередь… если ты готов. Отдохнуть тебе не нужно?

Ремо покачал головой.

— После таких небольших подкреплений — нет.

Даг выпрямился и как можно шире распахнул свой Дар, стараясь уловить все, что только удалось бы.

— Мне тоже в локоть, только не в левый: что-то культя у меня воспалилась.

Ремо склонил голову набок, губы его приоткрылись.

— Даг, у тебя самый странный Дар, какой я только встречал. С одной стороны весь в шрамах, с другой — завязан в узел, и плотный… Твой Дар не менее плотен, чем у любого целителя. Тут уж и не знаешь, куда направлять подкрепление!

Даг кивнул.

— Призвание целителя росло у меня уже некоторое время… дольше, чем я догадывался. Попробуй в ногу. Уж ноги-то у меня всегда рады любой помощи. — Он подмигнул Фаун, вспомнив удовольствие, которое доставлял ему ее массаж. Фаун подмигнула ему в ответ.

Ремо сосредоточился, коснулся своей правой ноги, потом ноги Дага. Даг почувствовал, как его охватил вихрь Дара. *Вот оно!* Между ним и Ремо словно прозвучало эхо Дара, как еле заметная

радуга, иногда возникающая как отражение основной. Потом Дар ноги Ремо снова закрылся, подобно густой жидкости, сомкнувшейся вокруг теплого ответного подарка.

— Ты видел? — возбужденно спросил Даг.

— Что видел? — осторожно поинтересовался Ремо. — Мне показалось, что это было обычное подкрепление.

— Тот слабый поток Дара от меня к тебе — что-то вроде обратного течения.

— Не могу сказать, что заметил.

Даг от огорчения стиснул зубы и с трудом удержался от резкого окрика: «Так откройся пошире, будь ты проклят!» Ремо всего лишь молодой дозорный. Было более чем вероятно, что увеличившаяся чувствительность к Дару росла у Дага вместе с остальными талантами мастера. Разве в молодости он когда-нибудь воспринимал такое простое подкрепление Дара как нечто отличное от расплывчатого пятна? Хотя, если Ремо и в самом деле не может чувствовать того, что ощутил Даг, от него не будет большого прока при проверке предположений Дага…

Даг вздохнул и выпрямился.

— Ладно. Моя очередь. Мне нужно, чтобы ты был очень внимателен, Ремо. Я начну с правого

локтя Хога, потому что там никакого вмешательства не было. — Фаун правильно сообразила, что нужно проводить подкрепление там, где его еще не было, для более ясного сравнения.

Даг протянул свою призрачную руку и направил в цель небольшое подкрепление. Ха, никакого эха Дара! Подкрепление было жадно усвоено, словно проглочено. Хог удовлетворенно вздохнул.

Однако Ремо чуть не упал — так сильно он рванулся прочь. Опираясь на одно колено, явно готовый обратиться в бегство, он показал на крюк Дага и выдохнул:

— Проклятие! Что это?

Даг совсем забыл, что не сообщил Ремо о своем новом таланте.

— Успокойся. Это всего лишь призрач… проекция Дара. Вместо того чтобы устанавливать связь между отдельными органами, она черпает Дар из меня всего. Хохария — она старшая целительница в лагере Хикори — говорит, что это проявление способностей целителя. У других мастеров оно обычно не принимает такой формы, но ведь ясно, почему у меня получилось именно так.

— Э-э… — пробормотал Ремо. — Да. — Даг предпочел бы, чтобы молодой дозорный не таращил

так глаза, но по крайней мере он снова уселся и постарался быть внимательным.

— Я подожду, — терпеливо сказал Даг, — пока ты сможешь снова открыть свой Дар.

Ремо сглотнул. Ему понадобилось несколько минут, но в конце концов он сумел расслабиться и раскрыться, как было нужно Дагу.

Даг задумчиво потер подбородок и сказал:

— Пожалуй, теперь я попробую передать подкрепление тебе. Ты следи не за ним, а за тем еле заметным эхом, которое подкрепление вызовет, — от тебя ко мне. Я бы сказал, что это обратное течение, хотя больше похоже на то, что встречный поток Дара проходит прямо сквозь Дар, направленный от меня к тебе, только с небольшим запозданием. Готов?

Ремо кивнул. Даг наклонился вперед и снова протянул свою призрачную руку, потом дождался, чтобы Дар Ремо, всколыхнувшийся было в панике, успокоился. Кивнув, Даг направил подкрепление в правую руку Ремо. На этот раз, когда он знал, за чем следить, встречный поток Дара был ясно различим. Слабое эхо оказалось поглощено Даром Дага так быстро, словно его руки коснулась пушинка, слетевшая с одуванчика. Брови Дага поползли вверх.

— Я видел… — взволнованно начал Ремо, но тут же сбился. — Я сам не знаю, что я видел.

— Ты видел эхо своего Дара. Я почувствовал, как оно скользнуло в меня… и было усвоено гораздо быстрее, чем обычное подкрепление. — То, что нога Дага получила от Ремо, все еще явственно ощущалось, а эхо, вернувшееся от ноги Ремо, уже почти растворилось. Даг шумно выдохнул воздух и повернулся к Фаун. Она внимательно смотрела на него, явно изо всех сил пытаясь уследить за происходящим. Даг ободряюще кивнул жене, но это только заставило ее поднять брови.

Даг сосредоточился, открыл свой Дар как можно шире и послал подкрепление в ее другой локоть. Эхо вернулось к нему, как легкий поцелуй, и его губы тронула улыбка.

— Я снова видел это… это… — воскликнул Ремо. — Мне кажется…

Даг откинулся назад и потер лоб.

— Я тоже видел. Почувствовал. Да. Причина того, что Фаун не околдована, в том, что ее Дар вел себя, как Дар Стража Озера, — по крайней мере когда подкрепление исходило от меня. Но ничего такого не было, когда то же самое делал ты, Ремо. Странно…

— Может быть, дело в том, что вы женаты? —

предположил Ремо.

— Не уверен. — Брак — брак по обычаям Стражей Озера — несомненно, отражался на Даре, как об этом свидетельствовала свадебная тесьма. Однако не мог же Даг жениться на всех своих потенциальных пациентах! Тупик…

Для каждого они прошли по кругу… Ответ должен был быть где-то здесь, спрятанный в пересечениях потоков Дара, — ответ или его отсутствие. Даг растянулся на спине и стал смотреть на уже почти лишившиеся листьев ветки ивы, в холодное ясное небо. Даг и Ремо обменялись Даром друг с другом… только Даг обменялся им с Фаун… и никто ничего не получил обратно от бедняги Хога…

Или дело в том, что никто не *принял* обратно Дара от бедняги Хога?

«О боги! Так не я ли виноват в этом? Я не хотел, чтобы во мне оказалась какая-то часть Дара Хога!

Так хочешь ли ты на самом деле стать целителем для крестьян, старый дозорный? Настоящий целитель ведь не может выбирать себе пациентов! Он должен одинаково лечить любого, кто к нему придет».

— Так это неправда, — сказал Даг небу во вне-

запном озарении. — И никогда не было правдой!

— Что неправда, Даг? — спросила Фаун тем терпеливым тоном, который предупреждал о том, что терпение ее на исходе. Углы губ Дага поползли вверх, что вызвало ворчание Фаун, а это заставило Дага улыбнуться еще шире.

— Неправда, — сказал он, — что Стражи Озера друг друга не околдовывают. Мы околдовываем друг друга все время.

— Что? — изумленно переспросил Ремо.

Даг сел, улыбаясь во весь рот, поднял левую руку и послал подкрепление Дара в уже почти зажившее колено Хога. Свой Дар он держал теперь открытым — без суровости, без напряжения, с теплотой и не сопротивляясь.

Обратное течение оказалось настолько сильным, что Ремо вскрикнул:

— Ох!

В конце концов у Хога оказалось такое количество накопившегося Дара, что он неожиданно разрядился навстречу Дару Дага.

Хог согнулся, заморгал, коснулся лба, потом вцепился в колено. На его лице играла неуверенная улыбка.

— Ух, — выдохнул он, — я почувствовал… все ушло! — Через мгновение он жалобно добавил:

— Только можно… можно я останусь твоим другом?

— Да, Хог, конечно, можно, — ответил Даг. — Конечно, можно.

— Даг, — с угрозой в голосе проговорила Фаун, — не хочешь ли ты все объяснить остальным? Потому что если ты только что не сделал чего-то похуже, чем с тем сомом, я съем свою шляпу.

— Я только расколдовал Хога! — возбужденно ответил Даг, с трудом сдерживая совершенно неуместное хихиканье. — В определенном смысле.

— Первая часть звучит хорошо, — согласилась Фаун и стала ждать — с понятным подозрением — объяснения второй.

— Думаю… предполагаю, что стремление околдованного к повторению подкрепления Дара возникает не только потому, что после него человек себя хорошо чувствует. Это происходит из-за отчаянной попытки Дара вернуть себе равновесие… закончить обмен, от которого отказались. Однако дело становится только хуже с каждым подкреплением, если Страж Озера продолжит блокировать… отвергать встречный поток Дара. Это объясняет и то, — с растущим возбуждением продолжал Даг, — почему околдовывание такое

случайное. Все зависит от того, насколько Страж Озера открывает — или не открывает — свой Дар перед крестьянами… или, по крайней мере, перед конкретным человеком. Перед Фаун я был открыт почти с самого начала, так что у нее нарушения равновесия не произошло. Вот с Хогом было иначе — до сегодняшнего дня. — Даг подумал, что напугает до смерти Хога и Ремо, если вскочит и начнет с воплями отплясывать вокруг них, но хотелось ему этого ужасно.

Ремо явно такого же энтузиазма не испытывал.

— Как это — мы околдовываем друг друга все время? Ничего такого мы не делаем!

— И околдовываем, и расколдовываем — если обмен Даром не нарушает равновесия и не отвергается. Клянусь: мы впитываем это с молоком матери, а потом так и идет: ни один ребенок не достигает совершеннолетия, не получив десятков подкреплений Дара от родичей или друзей из-за болезней или травм. А когда вырастает и становится дозорным или живет в лагере с родичами по шатру, он постоянно обменивается Даром с окружающими. Мы плаваем в озере разделенного Дара. Не удивлюсь, если окажется, что именно поэтому, когда Страж Озера оказывается изоли-

рован от остальных, он чувствует себя таким несчастным.

Заинтересованный Ремо продолжал смотреть на Дага с сомнением.

— Даг, ты уверен во всем этом?

— Почти. Уж можешь не сомневаться: теперь я все время буду высматривать доказательства.

— Значит ли это, — спросила Фаун, — что ты сможешь научить других целителей лечить крестьян?

— Искорка, если я прав, любой целитель, который узнал бы о таком, смог бы лечить крестьянина, не опасаясь околдовать, — если только пожелал бы принять в себя часть Дара фермера. — Даг заколебался. Это «если» могло оказаться большим препятствием, чем казалось сначала. Впрочем, целительство никогда не было уделом брезгливых.

— Но что произойдет с тем озером разделенного Дара, — медленно проговорил Ремо, — если многие Стражи Озера начнут впитывать Дар крестьян? И что случится с целителями?

Даг долго молчал.

— Не знаю, — наконец ответил он. — Я отправился сюда сегодня утром в надежде найти некоторые ответы на вопросы — и нам это уда-

лось! Только похоже на то, что я разворошил гнездо еще более загадочных вопросов. На них ответов я не знаю.

После долгого молчания Фаун поднялась и жестом предложила остальным освободить одеяло, чтобы его можно было скатать. По дороге обратно на «Надежду» все выглядели очень задумчивыми… ну, хотя бы Хог перестал шмыгать носом.

* * *

Днем, когда солнце разогрело воздух, Даг с Фаун отправились на остров — как было сказано Готорну, поохотиться на белок. Мальчишка, размахивая рогаткой, немедленно захотел принять участие в охоте. К счастью, Ремо знал условный язык дозорных и отвлек мальчика, позволив Дагу и Фаун сбежать на остров вдвоем.

Выбрать уютное местечко оказалось не так легко — ветер усиливался и задувал с северо-запада; на небе появились облака, то и дело скрывавшие солнце. Однако Дагу удалось найти углубление под корнями вывороченного бурей дерева, которое, благодаря захваченным с собой одеялам, они с Фаун превратили в удобное гнездышко.

За несколько следующих восхитительных часов Даг обнаружил, что полный контроль над

проекцией Дара и в самом деле позволяет ему направлять подкрепления в те органы, которых сам он не имел; однако, по мнению Фаун, то, что раньше делала его призрачная рука, было гораздо лучше. Они принялись сравнивать технику, и серьезное исследовательское выражение лица Фаун тут же сменилось хихиканьем. Даг тоже не мог сдержать улыбки, хотя и надеялся, что ведет себя более солидно. Ну… может быть, и не очень солидно… Ему не удалось проверить утверждение Барра насчет того, что подкрепление Дара заставляет крестьянских девушек испытывать желание, потому что он не мог заставить себя закрыть свой Дар от Фаун, да к тому же такое было бы все равно, что лить молоко в молоко и ожидать, что оно изменит цвет. Даг, правда, надеялся, что его вновь открытое умение поможет ему избавить Фаун от вреда, причиненного Злым, и сделает ее месячные, которые должны были вот-вот начаться, менее болезненными.

— Подкрепление Дара на самом деле не исцеляет, — сонно пробормотал он, когда силы на исследования оказались временно исчерпаны. — Оно просто дает телу силы самому себя быстрее исцелить или побороть инфекцию. Если увечье слишком велико или болезнь распростра-

няется слишком быстро, целитель оказывается побежден.

Фаун, надув губы, повернула голову, лежавшую на плече Дага, и между поцелуями спросила:

— Как может целитель оказаться побежден? Отдаст так много Дара, что погибнет сам?

Даг покачал головой.

— Сначала ты теряешь сознание… это не похоже на потерю крови, которая может происходить помимо твоей воли или неосознанно. Только изнеможение может сделать целителя беззащитным перед болезнью, как и любого человека. — Даг помолчал. — Понимаешь, подкрепление не следует путать с угрожающим целителю захватом Дара. Если целитель слишком углубится и приведение Дара больного в соответствие с Даром целителя превратится в их смешение, а больной умрет, целитель может умереть тоже. Умирающий Дар разрушит и другой.

Фаун прищурилась.

— Ха… уж не из этого ли твои предки в первый раз почерпнули идею разделяющего ножа?

Даг откинул голову.

— Ох, возможно, Искорка! Очень даже возможно!

«Что за умница эта крестьяночка!»

Фаун задумчиво кивнула.

— Так или иначе, следует поддерживать свои силы.

— Так же, как командиру отряда следует держать своих дозорных в хорошей форме, — проговорил Даг.

— И наоборот.

Даг зарылся лицом в волосы жены.

— Верно, Искорка.

* * *

На следующее утро, когда Фаун поцелуем разбудила Дага, он обнаружил, что небо затянуто тучами. Опираясь на локоть, Фаун спросила:

— Ты знаешь, какой сегодня день?

— Я потерял счет, — признался Даг. — Нужно будет спросить Берри.

— Пожалуй, лучше ее спрошу об этом я. — Фаун ухмыльнулась и отправилась готовить завтрак.

Тучи сгустились, но дождь так и не пролился, и «Надежда» оставалась на мели. После обеда Вит потащил Дага на противоположный берег острова. Поваленные деревья образовывали там что-то вроде моста через узкий пролив, отделяющий остров от берега реки, и Вит с Дагом осторожно перебрались по этому ненадежному мосту, хоть

Даг и уверял Вита, что ничего интересного по крайней мере на милю вокруг нет. Когда они вернулись, их встретил Ремо со строгим приказом поварихи: наловить на ужин рыбы, но только не сомов. Это потребовало возвращения к узкому проливу, откуда рыболовы пришли, нагруженные тяжелыми связками судаков и окуней. Бо и Хогу было поручено почистить и выпотрошить рыбу. Потом Вит предложил провести урок стрельбы из лука. Ремо и Даг установили мишень, Вит на лодочке привез лук и стрелы, а потом сплавал за Хогом и Готорном. К тому времени, когда все настрелялись вдоволь, замучив главного учителя, наступили сумерки.

Теплый воздух в каюте «Надежды» был полон восхитительных запахов. Даг, войдя на кухню, обнаружил, что тесное помещение украшено осенними полевыми цветами и листьями, перевязанными цветной тесьмой. Берри и Фаун нажарили горы рыбы с картошкой и луком, а Вит и Бо установили на подставке новый бочонок с пивом. И откуда только он взялся?

— Что мы празднуем? — весело поинтересовался Даг.

Фаун отставила сковородку, подошла к мужу, поднялась на цыпочки и обхватила его за шею,

чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Твой день рождения. Поздравляю, Даг! — Она крепко поцеловала его под аплодисменты и крики всех собравшихся. Когда Фаун отпустила Дага, он изумленно огляделся.

— Ага! — завопил Вит. — Попался! Как мы его поймали!

— Откуда ты узнала, что сегодня мой день рождения? — спросил Даг Фаун. Прошло не меньше двадцати лет с тех пор, как он перестал обращать внимание на эту дату, и уж во всяком случае в последнее время он о ней не упоминал.

— Даг! — с притворным возмущением воскликнула Фаун. — Ты же сообщил о нем городскому клерку, когда мы поженились в Вест-Блю! Конечно, я запомнила.

А день рождения Фаун должен был наступить через шесть недель — Даг узнал об этом из того же источника и не забыл; Даг предполагал, что к тому времени они могут уже добраться до Грейсмаута. Даг не знал, как принято отмечать дни рождения у крестьян, и радовался, что с ними Вит: у него можно и узнать, чем порадовать Фаун, и его общество поможет не дать Фаун почувствовать себя одинокой в незнакомом месте.

«О боги, ей исполнится всего девятнадцать!»

Даг не знал, чувствовать ли себя стариком или счастливцем, однако когда Ремо усадил его на почетное место, а Бо вручил кружку с пивом, решил, что есть все основания для последнего.

Потом последовали нежная рыба и тающий во рту картофель и море разливанное пива, шутки, рассказы и смех, — да, это были друзья, его собственные родичи по шатру. Даг порадовался, что за столом сидит и Ремо; какова бы ни была взаимосвязь Дара и тела, ума и сердца, мир казался более широким потому, что в нем были и Стражи Озера, и фермеры. И праздновали они общество друг друга.

Пиво, как выяснилось, было втайне припасено Витом как раз для такого случая — на последней остановке, где он продал часть своего оконного стекла. Только статус пива как подарка не позволил Бо раньше времени употребить его — факт, о котором Бо говорил с некоторой гордостью. Тайные приготовления Блуфилдов явно начались заранее: когда никто уже не мог проглотить ни кусочка, Фаун достала какой-то предмет, завернутый в ткань и перевязанный нарядной тесьмой. Когда Даг развернул подарок, им оказалась накидка с капюшоном из промасленной ткани, какие носят речники.

— Бо позволил мне использовать свою старую накидку как образец, — с удовлетворением объяснила Фаун. — Мы сговорились с Берри, что она даст мне ткань, а я за это сошью такие же для нее и Бо. Только за остальные я еще не бралась. — Еще одним подарком оказался рукав свитера — незаконченная, но многообещающая работа. — Я рассчитываю закончить его на следующей неделе. Ремо говорит, что Стражи Озера дарят на день рождения новую одежду и оружие, а когда человек становится дозорным, то коня. Конь и целый арсенал оружия у тебя уже есть, но я все-таки сделала тебе несколько новых стрел. Берри дала мне наконечники из трипойнтской стали, а Готорн — перья орла. — Она добавила в колчан Дага полдюжины новых стрел, и Даг решил, что позволит отрезать себе язык, прежде чем скажет, что подобные подарки принято делать в основном подросткам.

Из окружающей баржу тьмы ветер принес капли дождя, забарабанившие по стенам и окнам, и Берри нетерпеливо выглянула наружу. Однако ветер и дождь еще не сдвинули «Надежду» с места, и она вернулась к столу и принялась за пиво. Дага вполне устроило бы, позволь ему Фаун просидеть всю ночь у очага, держа на коленях

теплую жену, но Фаун выскользнула из его объятий и снова куда-то исчезла.

— Что-то еще ожидается? — спросил Даг.

— Ремо говорил, что Стражи Озера не пекут тортов на день рождения, — ответил ему Вит, — но если ты собираешься стать настоящим Блуфилдом, тебе такой полагается. — Фаун с трудом внесла в кухню огромный торт на подносе. — На нем должны быть свечи, — продолжал Вит. — Это крестьянская традиция; по крайней мере у нас дома всегда бывало так.

— Мне особенно нравятся свечи, — сказала Фаун. — По одной на каждый год. — Она поставила поднос перед Дагом. Теперь стало понятно, почему торт такой большой: на нем рос целый лес маленьких восковых свечек. — Я сделала начинку из груш и имбиря, а крем — из масла и меда, — уж очень мне надоели яблоки, пусть у нас их еще и целая бочка.

— Где ты нашла столько свечей? — спросил Даг, очарованный и несколько растерянный. — У того же торговца, у которого Вит раздобыл пиво?

Фаун покачала головой; ее темные глаза и локоны весело блестели.

— Нет, там были только слишком большие. Эти я сделала сама сегодня днем: Берри дала мне

воск из своих запасов, а нить для фитиля я спряла уже давно.

Даг взял одну свечку и покатал в пальцах, вдыхая легкий медовый запах.

— Отличная работа, Искорка.

От похвалы Фаун довольно улыбнулась.

— А теперь, — заявил Вит, — ты должен их все зажечь и загадать желание. Если потом тебе удастся задуть все свечки разом, желание сбудется.

Даг не мог себе представить, какое воздействие Дара могло бы дать подобный эффект, поэтому решил, что имеет дело с крестьянским суеверием, пусть и симпатичным.

— Уж очень это трудно…

— В шесть лет, понятное дело, легче, чем в пятьдесят шесть, — согласился Вит.

— Именно. Ладно, попытаюсь. — Некоторые мастера из Стражей Озера изготовляли такие свечи, которые зажигались и гасли по щелчку пальцев, но, как подозревал Даг, ему такое могло и не удаться. Однако эти восковые свечки были сделаны добросовестно, и к тому же собственными руками Фаун — совсем как их свадебная тесьма. Даг вставил свечку в ее дырочку в креме, сосредоточился, напряг Дар и взмахнул призрачной

рукой над тортом. К его полному удовольствию, все пятьдесят шесть крошечных огоньков вспыхнули с легким «пш-ш».

Подняв глаза, Даг обнаружил, что по бокам от него, разинув рты, стоят Фаун и Берри с горящими лучинками в руках. На всех сидящих за столом опустилась тишина. Хог растерянно моргал, Готорн широко раскрыл глаза, Бо словно язык проглотил.

— Я сделал… неправильно? — неуверенно спросил Даг.

Вит, запинаясь, пробормотал:

— А я еще гадал, как ему удастся *задуть* их все разом!

Ремо громко рассмеялся — даже начал хохотать. Даг подумал, что это его рассердило бы, особенно учитывая, что Ремо никак не мог остановиться и в конце концов прижал к лицу рукав, если бы это не был первый случай с тех пор, когда Ремо оказался на барже, когда парень рассмеялся.

— Это было здорово, — решительно одобрила мужа Фаун. — Теперь ты сможешь зажигать свечки на всех наших тортах. — Она задула свою лучинку и вручила Дагу нож.

Даг подождал минутку, чтобы дать Фаун время полюбоваться на сияние свечей — сам он при

этом любовался теплым отсветом на ее лице, похожим на свет летнего заката. Ему даже не пришлось особенно жульничать, чтобы задуть все свечки разом. Фаун вытащила огарки, собираясь использовать воск для других нужд; Готорн, как деятельный помощник, тут же принялся слизывать с них крем. Торт был разрезан на щедрые порции, а половина оставлена к следующему завтраку. Потом Дагу устроили местечко у очага с Фаун как раз в той позиции, какую он себе рисовал, а остальная команда принялась за уборку. Дождь стучал по крыше, а Хог и Готорн, освободившись, начали приставать к Ремо с просьбой показать, как Стражи Озера мошенничают в азартных играх; молодой дозорный отделался от них, заявив, что не умеет ни играть, ни мошенничать.

И тут с легким скрипом «Надежда» рывком снялась с мели. Берри завопила от радости, и все, побросав свои занятия, выскочили на палубу, чтобы отвести баржу подальше от опасного места. Оставив позади остров, Берри направила судно к берегу, чтобы надежно привязать его на ночь. Оба Стража Озера с их умением видеть в темноте были привлечены к этому делу; когда промокшие мужчины вернулись в каюту, их ждал вскипя-

ченный Фаун чай и нагретые у огня полотенца. Влажная одежда была снята и развешена для просушки — только Дагу это не понадобилось, его новая непромокаемая накидка защитила его от дождя. Когда остальные натянули сухую одежду, те, кто был еще на это способен, принялись за остатки торта и пиво. Проливной дождь сменился осенней бурей, но канаты надежно удерживали «Надежду» на ее новой стоянке, и команда снова расселась вокруг очага.

Потом Берри достала свою скрипку и сыграла три мелодии — две быстрых и веселых, одну медленную и грустную. Места для танцев не было, но пока Берри давала отдых пальцам, Клирк-крики предложили научить Блуфилдов песням речников. Готорн похвастался, что знает все неприличные слова.

— Знать-то знаешь, да не понимаешь, — проворчал Бо.

— А вот и понимаю!

— По-моему, теперь время для колыбельной, — сказала Берри.

— Нет, нет, еще рано! — запротестовал Готорн. Хог явно колебался, а Вит мечтательно посмотрел на Берри.

Ремо, сидевший на полу у очага с объевшимся

енотиком на коленях, вдруг резко поднял голову.

— Что там? — тихо спросил его Даг.

— По реке в лодке плывет Страж Озера.

— В такую-то погоду? — фыркнул Бо. — Этому дураку давно следует быть на берегу, вытащить лодку и спрятаться под ней. Да еще и привязать лодку покрепче, если у него есть мозги.

Даг молча кивнул, но напряг свое внутреннее зрение. Действительно, там был Страж Озера, и в таком жалком состоянии, какого и следовало ожидать. Их Дар соприкоснулся, и лодочка изменила курс, борясь с поднятыми ветром волнами.

Ремо широко раскрыл глаза. Он спустил енота на пол и поднялся на ноги.

— Это Барр!

За скрипом уключин и ударом в корпус баржи последовал стук кулаком по доскам.

— Ремо, идиот! — донесся хриплый голос Барра. — Будь ты проклят! Я же знаю, что ты там! Подай мне руку, пока я не замерз насмерть!

16

Фаун в панике следила, как Ремо, взяв фонарь, вышел наружу; Даг и Вит следом за ним отправились на заднюю палубу, не обращая внимания на ветер и дождь. Хог нерешительно топтался у люка, пока Бо, оставшийся сидеть у очага, не велел ему или выйти, или войти, но не загораживать проход, подобно глупому коту; Хог вернулся в каюту, где в нетерпении подпрыгивал на месте Готорн. Маленький енот предпочел спрятаться среди груза, а Берри убрала скрипку в кожаную сумку и сунула ее под свою койку.

Снаружи донесся спор, потом все перекрыл низкий голос Дага:

— Просто привяжи ее к поручням. Разберемся с лодкой утром. Если в нее и попадет вода, не важно: она и так уже наполовину затоплена.

Еще несколько ударов, кряхтение, тихие проклятия… Вит распахнул люк и передал внутрь спальный мешок, сумку, лук со снятой тетивой и колчан, завернутые в одеяло, и два объемистых мешка, все совершенно мокрое. Хог сложил их на полу в кучу. Вит вернулся в каюту вместе с Дагом и незнакомым Фаун Стражем Озера, с ко-

торого так и текла вода. Последним вошел Ремо, поставил на стол фонарь и прислонился спиной к люку, с мрачным видом скрестив руки на груди.

Вновь прибывший встал перед очагом, тяжело дыша; он явно был совершенно измучен и замерз. Его прилипшие ко лбу волосы, заплетенные в жалкую косицу, могли бы оказаться, когда высохнут, рыжеватыми. Он стянул с широких плеч насквозь промокшую меховую куртку и сжал ее в руках, словно не зная, куда положить, а может быть, просто в растерянности. Команда «Надежды» таращила на него глаза кто с изумлением, кто с сомнением; парень неуверенно оглядел всех и перевел взгляд на очаг: яркий огонь явно был сейчас для него самым желанным зрелищем.

Значит, это и есть Барр. Фаун постаралась подавить немедленно возникшую неприязнь: она не могла забыть рассказ Ремо о том, как тот обошелся с хорошенькой дочкой фермера. Впрочем, совращение, если и имело место, могло быть делом обоих участников. И Барр проявил смелость, спасая речников, чуть не утонувших на порогах. Похоже, этот парень любил риск, хотя сейчас и выглядел унылым.

Очевидно, продолжая разговор, начатый еще на палубе, Барр взглянул на Ремо и сказал:

— Я уж боялся, что не догоню тебя еще через сотню миль!

— А зачем тебе вообще понадобилось догонять меня? — угрюмо спросил Ремо.

— Как это — зачем? Я же твой напарник!

— Больше не напарник. Я ушел из отряда.

— Ну да, никому ни слова не сказав! Амма с Исси добрый час поджаривали меня на медленном огне — они-то думали, что я в курсе. Только как я мог узнать? С помощью магии? Ты передо мной в долгу и за это, и за те три сотни миль, что я проделал на лодке за три дня.

— Если ты отправился из Жемчужной Стремнины, — поправила его Берри, — то это двести миль, если только ты не двинулся кружным путем. — Уперев руки в бедра, она с явным сомнением смотрела на парня.

Барр отмахнулся от ее слов.

— Этих проклятых миль все равно было слишком много. — Он расправил плечи, издавшие легкий треск, встряхнул свою куртку и положил ее у очага, потом повернулся спиной к огню, упершись руками в колени. Это были большие и сильные руки, заметила Фаун, хотя сейчас они были все в мозолях от непрерывной гребли и посинели от холода. — Должен признаться: я по-

радовался, что не нашел тебя плавающим лицом вниз. Утром можем двинуться обратно.

— Куда это — обратно? — кисло поинтересовался Ремо.

— В Жемчужную Стремнину, дубовая башка. Если ты вернешься со мной сейчас, Амма пообещала снова взять нас в отряд. — Выражение лица Барра говорило если не о триумфе, то по крайней мере о большом достижении.

Ремо сжал губы.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Ты должен вернуться! Амма с Исси и так спустили с меня шкуру, как будто я виноват в том, что ты сбежал!

— Так оно и было, — безжалостно ответил Ремо.

— Ну, теперь это вода, которая утекла через пороги. Важно другое: если я привезу тебя обратно, то нам все простят. Я не хочу сказать, что все сразу станет гладко, но рано или поздно кто-то другой вызовет гнев Аммы — так всегда случается. — Барр улыбнулся, и в других обстоятельствах его улыбка могла бы показаться очаровательной.

— Но не на этот раз.

— Ремо, ты говоришь глупости. Куда тебе податься, кроме как обратно?

— Дальше. — Ремо кивнул на Берри. — Думаю, что хозяйка Берри, на пол которой ты налил столько воды, позволит тебе переночевать под крышей, если ты вежливо попросишь. Утром ты отправишься вверх по реке, а я — вниз. Все очень просто.

— Да нет же, Ремо, какое там просто! Если я не притащу тебя обратно целым и невредимым, Амма поклялась, что навсегда выгонит меня из отряда! Я не шучу!

Фаун начала понимать, как обстоят дела. Барром двигало не только беспокойство о напарнике; парень должен был спасти свою и так уже подпорченную шкуру.

Ремо посмотрел на Барра с яростью.

— Я тоже не шучу.

Барр смотрел на него с искренней растерянностью человека, все свою жизнь полагавшегося на свое обаяние, когда это обаяние вдруг перестало работать.

Даг молча наблюдал за всем со стороны. Прежде чем препирательства пошли по новому кругу, он спокойно вмешался:

— Лучше вытри свое оружие, дозорный. Твой лук уже начинает коробиться от сырости.

Барр сделал растерянный жест — как если бы

он хотел возразить против этого вмешательства, но не осмелился. Он настороженно посмотрел на Дага.

— А насчет тебя, Даг как-там-тебя… Амма также хотела, чтобы я сообщил ей, не подговорил ли ты Ремо на эту глупость. Как будто я знаю!

Ремо только возмущенно фыркнул.

— Я сказал, что вы не виделись с тех пор, как повстречались в шатре в первый день. Не уверен, что она мне поверила. Не уверен, что она поверила хоть чему-то, что я говорил, — добавил он с горечью.

— Ну почему, Барр, — с сарказмом протянул Ремо, — почему она тебе не поверила?

Прежде чем Барр нашел слова, чтобы выразить свое возмущение, Берри, обменявшись взглядом с Дагом, вышла вперед.

— Команде время отправлять спать, дозорный, а ты устроил утомительные препирательства в нашей каюте. Если хочешь, можешь доесть вкуснятину, оставшуюся после ужина, и получить сухую постель у очага. Если вы двое предпочитаете вместо этого спорить и дальше, отправляйтесь на берег и чешите языки до полного душевного удовлетворения или до рассвета — что раньше наступит. Выбор за вами, только решайте сра-

зу. — Стук капель по крыше добавил зловещего веса ее холодному требованию.

После долгой паузы Барр проглотил все ругательства, которые ему хотелось обрушить на Ремо, и кивнул Берри.

— Я был бы благодарен за постель, мэм… и за еду. — На Ремо он кинул мрачный взгляд, ясно говоривший, что сдался он только временно.

Команда «Надежды» занялась почти нормальными приготовлениями ко сну. Барр, бросив на Дага косой взгляд, занялся своим оружием. Вит и Хог помогли ему разложить вещи для просушки, Готорн и Берри расстелили перед очагом шкуры, предназначенные для гостя, а Фаун разогрела рыбу, картошку и лук. Барр смел все так, что стало ясно, каким голодным он был, с изумлением уставился на кружку пива, которую налил ему Бо, и тут же осушил ее до дна. Все неловко толкались в каюте, которая неожиданно стала еще более тесной, но в конце концов улеглись.

Свет фонаря сквозь занавеску, отделяющую их закуток, казался Фаун еле заметным красным пятнышком; обняв Дага, чтобы согреться, она прошептала:

— Ты случайно не пожелал, когда задувал свечки, чтобы появился Барр?

Даг подавил смешок.

— Нет, Искорка. — Помолчав мгновение, он добавил: — По крайней мере не совсем.

— Я просто хотела, чтобы ты знал: к этому последнему сюрпризу я отношения не имела.

— Похоже, сюрприз нам преподнесла Амма Оспри. Жаль, что у меня не было случая подслушать тот разговор — могу поспорить, уж она-то в выражениях не стеснялась. Только мне кажется, что она опоздала поджаривать пятки парню.

— Ты считаешь, что Ремо следует с ним вернуться?

— Это не мне решать.

— Ты же хотел, чтобы он вернулся, — тогда, в первый вечер.

— Ну, молодым дозорным полезно повидать мир.

— И еще ты говорил, что не собираешься усыновлять его.

Даг откинул голову и прищурился, разглядывая лицо Фаун в полумраке.

— Ты так хорошо помнишь все, что я говорю? Это может оказаться тяжелой ношей для мужа.

Фаун хихикнула.

— Дело выглядит так, — добавил Даг, — что, если они приползут домой, поджав хвосты, Амма

их примет обратно. Меня это не слишком удивляет. Никому не хочется лишаться дозорных. И все-таки… Мне бы очень не хотелось, чтобы Ремо вернулся… если он так решит. Мне казалось, что я в чем-то сумел его убедить. И с Хогом он очень мне помог.

— Вот ведь какое дело, — задумчиво проговорила Фаун, — нельзя убежать отчего-то одного без того, чтобы не прибежать к чему-то другому. — Она провела рукой по плечу Дага. — Вот ты, например. Я убежала из дома и тут же прибежала к тебе… и ко всему широкому миру. Я никогда не оказалась бы тут, если бы сначала не перестала жить там.

— И нравится тебе тут? На этом судне?

— Мне нравится на любом судне, если на нем находишься ты. — Фаун потянулась и поцеловала Дага. — Хороший получился твой день рождения?

— Лучший за многие годы. — Даг поцеловал ее в ответ и медленно проговорил: — Лучший за все мои годы. А это много, Искорка. Ха!

Фаун уже хотела пихнуть Дага в бок и потребовать объяснений: что он имел в виду под этим «ха», — но в этот момент он зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть; ноги Фаун наконец согре-

лись, и она постепенно соскользнула в сон.

* * *

За завтраком Фаун обнаружила, что Барр, как большинство молодых животных, выглядит гораздо симпатичнее сухим и пушистым. Накануне ночью, глядя на измученного парня, она не могла определить его возраст, теперь же не сомневалась: из двух напарников он младший. Ему удалось обуздать свой нрав; по крайней мере теперь его доводы касались больше Ремо, чем самого Барра.

— Твои родичи по шатру очень беспокоятся о тебе, — сообщил он Ремо.

— Когда мы в последний раз виделись, это не было заметно, — проворчал тот. — Совсем даже не было заметно.

— Ремо, пойми же ты: Амма дала нам ограниченное время для исправления. Не можешь же ты ждать, что ее готовность простить сохранится навсегда.

Ремо ничего не ответил. Барр гнул свое.

— Если мы не вернемся вовремя, есть шанс, что она перестанет тревожиться о тебе и начнет злиться. Нам нужно ловить момент.

Фаун не утерпела и спросила:

— А разве она не будет тревожиться о вас обоих?

Барр посмотрел на нее так, словно не был уверен, следует ли ему разговаривать с крестьянкой; однако, не в силах упустить возможность поплакаться, проговорил:

— Поскольку она практически прямо велела мне вернуться с ним или не возвращаться вовсе, не думаю, что она тревожится и обо мне тоже.

— Барр, которым можно пожертвовать, — пробормотал Ремо.

Барр стиснул зубы, но удержался от резкого ответа; Ремо посмотрел на него с некоторым удивлением.

После минуты молчания, нарушаемой только жеванием и просьбами передать хлеб или масло, Ремо сказал:

— Если говорить о том, что тобой можно пожертвовать, то как получилось, что ты оказался на реке в бурю?

— Я на такое не рассчитывал, — ответил Барр. — Где-то поблизости есть лагерь у переправы, и я старался добраться туда до темноты. Чем сильнее лил дождь, тем более разумным это мне казалось — в такую бурю я уж точно не смог бы найти сухое местечко на берегу… Но до вас я добрался

раньше, чем до них.

— Если ты имеешь в виду лагерь Лисий Ручей, — вмешался Даг, — ты на десять миль проплыл мимо.

— Как же это я его пропустил! — воскликнул Барр. — Я держал Дар широко открытым весь день — я ведь искал тебя, — повернулся он к Ремо. — Или твое тело.

— Вода такая холодная, что мое тело могло долго не всплыть, — равнодушно протянул Ремо.

Даг поднял брови, но сказал только:

— Лагерь Лисий Ручей лежит за грядой холмов. Они перегородили ручей и устроили там пруд. Наверное, у переправы, после того как стемнело, никого не было.

— Ох, дерьмо! — Барр на мгновение сник, но тут же приободрился. — Да так и лучше: если бы я остановился там, я не догнал бы вас по крайней мере до сегодняшнего дня, а это означало бы лишних пятьдесят миль вверх по течению на обратном пути. — Он снова повернулся к Ремо. — Это еще один довод в пользу того, чтобы тебе вернуться со мной вместе. Каждая миля вниз по течению означает дополнительный труд при подъеме.

— Это не моя проблема, — ответил Ремо.

— Зато моя! — рявкнул Барр, снова выходя из себя. — При таком течении лодка всего с одним гребцом даже с места не сдвинется! Нужно двое гребцов, а еще лучше четверо!

Проявляя свою обычную практическую сметку, а также желая предупредить резкий ответ, который явно просился на язык Ремо, Фаун предложила:

— Ты мог бы в следующем городке обменять лодку на коня и вернуться по суше.

— Что за глупая мысль! — возразил Барр. Не замечая, какое впечатление его грубость произвела на Фаун и Дага, он гнул свое: — За эту старую лодку я и одного хорошего коня не получу, не говоря уже о двух!

— Два тебе и не понадобятся, — сказал Ремо.

Вит, вспомнив о своей старой привычке подливать масла в огонь, вмешался в разговор:

— И кто сказал, что конь обязательно должен быть хороший?

Барр стиснул зубы и кинул на него мрачный взгляд. Тут в спор вмешалась хозяйка Берри:

— Вот что я тебе скажу, Ремо. Ты нанялся ко мне гребцом, и, если покинешь судно сейчас, я останусь в этой глуши с неполной командой. Не то чтобы я такое предлагала, но если ты хочешь

уйти, сделай это по крайней мере в деревне или городке, где можно найти тебе замену.

— Это только справедливо, — согласился Ремо, вызывающе взглянув на Барра. Тот сразу не нашелся, что ответить, хотя по его гримасе Фаун заключила, что он мысленно подсчитывает, сколько дополнительных миль придется грести против течения.

— Небо прояснилось, — сказал Бо. — Время трогаться в путь.

— Первая вахта — я, Ремо и Вит, — кивнула Берри. Это положило конец спору по крайней мере на два часа.

Сидевшие за завтраком разошлись, и Ремо с Барром отправились вычерпывать воду из лодки Барра. Потом они подняли ее и привязали на задней палубе, где, как нашла Фаун, она должна была всем мешать. Хог и Готорн занялись своими обычными делами, Даг отправился на берег, чтобы забрать Копперхеда, который с рассвета жалобно ржал из-за лишившихся листвы мокрых деревьев; ему столь же жалобно отвечала коза Дейзи. Конь, казалось, обрадовался возвращению на баржу и даже ткнулся носом в нос Дейзи; как ни странно, животные успели подружиться. Канаты были отвязаны, гребцы заняли свои места, и

«Надежда» отошла от грязного берега, медленно разворачиваясь по течению. Река этим утром выглядела устрашающе: темная вода неслась между берегами, ледяной ветер разогнал остатки тумана. Фаун решила заняться шитьем непромокаемых накидок и со своей рабочей корзиной расположилась в каюте, радуясь тому, что нашла себе занятие под крышей.

* * *

Фаун разложила ткань на столе у окна, где было светлее, и трудолюбиво сшивала отдельные части, когда в кухню вошел Барр, настороженно глянул на нее и принялся приводить в порядок свои высохшие вещи. Дозорных, несомненно, учили быть аккуратными в дороге, подумала Фаун. Она кивнула Барру — на случай, если он хочет поговорить, но не решается. Впрочем, в таком поощрении нуждался скорее стеснительный Ремо; Барр, похоже, не испытывал в прошлом трудностей при общении с крестьянскими девушками. Только это, кажется, не распространялось на крестьянку, каким-то непонятным образом оказавшуюся женой Стража Озера: когда Барр наконец открыл рот, высказался он не слишком любезно.

— Здорово ты прилипла к Дагу. — Он уселся перед очагом и стал смазывать свой лук, перекрыв при этом поток теплого воздуха… впрочем, решила Фаун, может быть, он все еще не согрелся после вчерашнего.

Вместо ответа Фаун подняла левую руку и показала ему обвивающую ее свадебную тесьму.

— Что тебе говорит твой Дар?

Барр изумленно сморщил нос, но отрицать ничего не стал.

— Представить себе не могу, как вам это удалось.

— Мы вместе ее сплели. Как напарники, можно сказать. Я заставила свой Дар вместе с моей кровью войти в тесьму, которую плел Даг. Брат Дага Дор сказал, что подобным образом изготовляют разделяющие ножи. Так или иначе, у нас получилось.

Барр заморгал.

— Саун говорил, что вы двое прыгнули с утеса в Глассфордже. Его это очень удивило: он не думал, что Даг такой — еще упрямее, чем Ремо… только никто никогда… Стражи Озера обычно не женятся на крестьянках, знаешь ли.

Парень, пожалуй, пытался даже быть вежливым: точнее было бы сказать не «обычно не

женятся», а «никогда не женятся».

— Даг — необычный человек.

— Ты хоть представляешь, сколько ему лет? Для фермеров, я знаю, он кажется сорокалетним, но точно могу тебе сказать: он много старше.

«К чему это ты ведешь?»

— Вчера ему исполнилось пятьдесят шесть. У нас по этому случаю была замечательная вечеринка. Как раз остатки угощения ты вчера и ел.

— Ох… — Барр смотрел на Фаун со все большим изумлением. — Ты что, не понимаешь, что он наверняка тебя околдовал?

— А ты что, не понимаешь, как оскорбительны твои слова?

Судя по тому, как растерянно Барр покачал головой, это был не тот ответ, которого он ожидал. Фаун откусила нитку, завязала узелок и вдела в иглу новую.

— Даг ничуть меня не околдовал. Они с Ремо занялись изучением того, как возникает околдовывание при воздействии Дара, и выяснили кое-что просто ужасное. Тебе следовало бы попросить Дага обучить тебя. — Барр не выглядел многообещающим учеником, ну да Дагу наверняка попадались и похуже. Чтобы замысел Дага заработал, нужно было, чтобы обо всем узнали

обычные люди, и Стражи Озера, и фермеры, и не только немногочисленные избранные.

Однако Барра занимали другие проблемы. «Значит, не она, — пробормотал он себе под нос. — Остается только блондинка». Вслух он сказал:

— Ремо втюрился в эту девицу Берри, да? Вот почему он не хочет возвращаться… идет по стопам Дага, наверное. Отсутствующие боги, уж не задумал ли он на ней жениться?

Раздражение Фаун росло; чтобы сдержаться, она не поднимала глаз от своей работы.

— Берри помолвлена с фермером по имени Элдер, который пропал во время плавания вниз по реке прошлой осенью вместе с отцом и братом Берри. Она отправилась на поиски — поэтому и назвала свою баржу «Надежда». Она ведет себя спокойно, потому что такой она человек и потому что поиски — дело долгое, но в душе она тревожится и печалится. Попробуешь хоть чем-то досадить Берри — станешь очень непопулярен среди команды «Надежды». — Удалось ли ей пробиться сквозь самоуверенность Барра? Что ж, если нет, найдется кое-кто, у кого молоток побольше. Недаром Даг дважды бывал командиром большого отряда. Фаун не думала, что молодой

дозорный вроде Барра окажет ему непреодолимое сопротивление.

Барр, опустив голову, принялся укладывать свой мешок.

Фаун посмотрела на его рыжеватые волосы, завязанные в пышный хвост, проткнула иглой толстую ткань, не прибегая к наперстку, и резко бросила:

— Ха! Я вспомнила, кого ты мне напоминаешь, — Санни Сомена.

Барр оглянулся через плечо.

— Кто это?

Фаун мрачно усмехнулась.

— Крестьянский парень, которого я когда-то знала, — такой же светловолосый и широкоплечий, как ты.

Выпрямившись, Барр неуверенно улыбнулся. Интересно, подумала Фаун, почему улыбка не так меняет его лицо, как лицо Дага или Ремо? Может быть, потому, что не такая искренняя?

— Красавчик он был, верно? — сказал Барр.

— О да. — Барр расцвел еще больше, но тут Фаун продолжила: — Такой же эгоистичный, грубиян и врун. Может, и несправедливо было бы назвать его трусом, поскольку при таких мускулах ему мало что угрожало, но уж спрятаться от послед-

ствий своих поступков, когда дело оборачивалось плохо, он любил. — Фаун оглядела Барра с ног до головы, задумчиво надула губы и более добрым голосом закончила: — Наверное, дело в цвете твоих волос; вот и получается, что я переношу на тебя его черты. Я постараюсь не позволить сходству настраивать меня против тебя — это было бы чересчур.

Барр прочистил горло, открыл рот, но предусмотрительно закрыл его опять и вышел из кухни — можно сказать, сбежал — под тем предлогом, что нужно проверить, хорошо ли привязана его лодка. Фаун с удовлетворением воткнула иголку в плотную ткань.

* * *

За обедом Ремо совсем перестал отвечать на уговоры Барра, оставив того в растерянности. Фаун догадливо последовала примеру Ремо, а Вит присоединился к ним. Хог и Готорн вообще не разговаривали с молодым дозорным — Хог потому, что боялся его, а Готорн, которому нравился Ремо, потому что не хотел его отъезда и видел в Барре надоедливого чужака. Бо был смущен, Берри недовольна, а Даг… ну, про Дага всегда было трудно сказать, о чем он думает. Во всяком

случае, простыми его мысли не были.

Только к концу дня и проделав вниз по течению еще сорок миль, они добрались наконец до деревни достаточно большой, чтобы иметь пристань и склад товаров. После того как «Надежда» была привязана, почти все отправились на склад — хотя бы просто для того, чтобы размять ноги и пообщаться с новыми людьми.

Приказчик на складе, увидев троих высоких Стражей Озера, нырнул под прилавок и извлек оттуда железный шлем, изготовленный из старой кастрюли, у которой была вырезана одна сторона; только надев его на голову и затянув ремешок, идущий от ручки, под подбородком, он приготовился обсуждать сделку с посетителями. Ремо хихикнул, глаза Барра полезли на лоб, а Даг устало потер переносицу.

Берри закусила губу, но, не желая терять светлое время дня, быстро задала свои вопросы, никак не комментируя необычный головной убор. К сожалению, приказчик не знал ни одного местного жителя, который хотел бы наняться в гребцы; не помнил он и того, останавливалась ли в деревне прошлой осенью баржа под названием «Шиповник», хотя и вспомнил пару судов из списка Камнереза. Фаун сделала несколько мелких

покупок, чтобы пополнить запасы «Надежды», а Вит продал ящик оконного стекла.

Когда дела были закончены и все повернулись к выходу, Барр неожиданно спросил приказчика, показав на его шлем:

— Откуда ты почерпнул такую идею?

Приказчик улыбнулся с победным видом.

— Интересно тебе, да, Страж Озера?

— Он же ничего на самом деле не дает. Мы разыграли некоторых речников, когда они застряли у Жемчужной Излучины несколько недель назад. Они купились, а мы повеселились.

Те самые речники, поняла Фаун, которые опередили «Надежду». Она закрыла рот рукой и стала ждать продолжения.

— Ага, я так и знал, что ты попробуешь заставить меня снять шлем. Не так ли, молодой человек? — с еще большим удовлетворением ответил приказчик. — Смейся на здоровье. Посмотрим, кто посмеется последним.

— Да я же не пытался ничего у тебя купить или продать!

— Ну да, — кивнул приказчик, — у тебя ничего и не получилось бы.

Барр растерянно развел руками.

— Послушай, я точно знаю, что это была шутка:

я сам все выдумал!

Приказчик откинулся на стуле, проницательно прищурив глаза.

— Ну как же, что еще ты можешь сказать!

— Нет, правда! Это же глупость! Такая штука не мешает Дару. Это был розыгрыш! Я сам придумал…

Берри многозначительно посмотрела на Дага, и тот положил руку Барру на плечо.

— Пошли, Барр, и перестань спорить. Хозяйка Берри собирается отчаливать.

— Но это… но он…

Ремо помог вытащить своего напарника за дверь. Барр уперся на грязном склоне и попытался повернуть обратно.

— Это была шутка. Я придумал…

Даг вздохнул.

— Если ты хочешь остаться здесь и продолжать спорить с тем парнем, мы, конечно, можем сгрузить твое имущество и лодку. Что касается меня, могу предсказать: горшки будут носить на головах по берегам Грейс и Серой реки еще лет сто, так что нужно к этому привыкать. Такое будет длиться до тех пор, пока люди будут бояться Стражей Озера или оставаться в неведении насчет нашего Дара. — Даг помолчал, задумчиво глядя

на мокрую, унылую долину. — Впрочем, если от этого люди чувствуют себя в безопасности, может, оно и на пользу… нет, все-таки нет. — Он покачал головой и двинулся дальше.

— Это не моя вина, — жалобно сказал Барр, следуя за Дагом, но все еще оборачиваясь на склад.

— Твоя, твоя, — раздраженно бросил Ремо одновременно с Фаун, которая пробормотала: «А чья же еще?», и Дагом, рассудительно протянувшим: «Конечно, твоя. Может, намерения у тебя и не было, но последствия на твоей совести. Живи и учись, дозорный».

Барр раздраженно сжал губы, но наконец заткнулся. Фаун, правда, услышала, как он бормочет себе под нос, поднимаясь на палубу: «Я же все выдумал…»

* * *

На следующее утро за завтраком кампания Барра против Ремо была временно прекращена, когда вся команда «Надежды» единодушно предложила ему уняться или приготовиться к заплыву. Полностью это проблему не разрешило, поскольку Барр теперь принялся смотреть на Ремо: то умоляюще, то сердито, то многозначительно. Ремо стиснул зубы и попытался не

обращать на Барра внимания. Фаун понятия не имела, что эта парочка делала со своим Даром, но ничуть не удивилась бы, если бы Ремо пожаловался, как случалось с ее братьями, когда изнемогающие родители прибегали к угрозе поркой, если не воцарится тишина:

«Хозяйка! Даг! Он смотрит на меня! Заставьте его перестать!»

Барр следил, как за окном проплывает берег, и таращился еще выразительнее.

Сама Фаун предпочла заняться шитьем, вязанием и готовкой, не отходя от очага. Ее месячные начались накануне, и она позволила себе надеяться, что новый метод Дага помогает ее исцелению, потому что на этот раз боль была просто неприятной, а не лишающей всех сил. Часы текли, и Фаун начали занимать новые надежды. Даг прибегал ко всяким уловкам, чтобы не зачать ребенка, пока ее матка полностью не заживет, но как было бы прекрасно отказаться от этих уловок… Теперь, решила Фаун, дело было не во времени, а в месте.

Она представляла себе будущее во всех деталях, втыкая иглу в жесткую ткань и иногда — в собственные пальцы; нет, все-таки заниматься готовкой предпочтительнее, чем шить… Новое

жилище Блуфилдов должно располагаться неподалеку от достаточно большого города, чтобы Даг мог иметь постоянную практику как целитель, но не настолько близко, чтобы утомлять его. Требовалось также озеро или по крайней мере большой пруд, чтобы можно было выращивать в нем те лилии Стражей Озера, у которых съедобные корни. Еще нужен огород и выгон для Грейс с ее жеребенком и Копперхеда. Фаун потратила много времени на разработку плана огорода и решение, каких еще животных завести. Если им не придется следовать обычаям Стражей Озера и переселяться каждый сезон, они смогут обзавестись домом с четырьмя стенами… и с железной печкой вроде той, что она видела в Серебряных Перекатах.

Фаун перебирала все имена, которые ей когда-нибудь нравились, и не только детские имена: дети вырастают, и то, что кажется очень милым в детстве, может звучать просто глупо, когда дело касается взрослой женщины или бабушки. Вот, к примеру, Фаун… О чем только папа с мамой думали? У них с Дагом будет больше чем одна дочь, это уж точно… Даг наверняка этого захочет. Следует ли им устроиться поблизости и от какого-нибудь лагеря Стражей Озера? Захотят ли соплеменники

Дага, чтобы он жил рядом с ними? И что, если у этих детей с достойными именами окажется сильный Дар?

Фаун как раз обдумывала, какое имя подойдет жеребенку Грейс, когда ее мечтания прервал далекий крик с реки. Бо, который дремал на своей койке, пока не пришла его очередь вставать к рулю, перекатился на бок, приоткрыл один глаз, прислушался, потом снова улегся на спину. Фаун отложила шитье и выглянула на холодную переднюю палубу, чтобы узнать, что случилось.

Их быстро нагонял парусник. На длинном прямом участке реки ветер, дувший с верховий, нес поставившее все паруса судно быстрее, чем даже сильное течение — баржу. На борту парусника витиеватыми буквами было написано название: «Сталь Трипойнта»; все буквы «т» имели форму мечей. Когда расстояние между двумя судами уменьшилось, капитан Камнерез и хозяйка Берри стали перекрикиваться, обмениваясь новостями над быстро бегущей водой.

Берри сообщила названия судов, которые накануне узнала от одетого в шлем приказчика на складе. Камнерез упомянул человека, приятель которого видел «Шиповник» в городе, до которого оставалось еще сорок миль вниз по течению;

это заставило Берри прищуриться и кивнуть с особой благодарностью — теперь можно было не останавливаться до того города. Берри пожелала Камнерезу удачи, а тот крикнул, когда расстояние между судами уже увеличилось:

— Вы, девушки, будьте осторожны!

— Не все мы девушки, — услышала Фаун ворчание Вита. — Команда «Надежды» может присмотреть за своими девушками, черт возьми.

Даг, вышедший следом за Фаун, обнял жену, внимательно слушая все, что мог сообщить Камнерез; Барр у перил с любопытством разглядывал парусник. Фаун объяснила ему, что Камнерез отправился на поиски пропавших судов.

— Своего рода речной дозор. Они ожидают неприятностей и вооружились соответственно.

Барр только покачал головой.

* * *

В этот день Барр метался по «Надежде» так же неугомонно, как клоп в постели давно не видевшихся супругов, ругаясь вслед каждой миле, которую проходила баржа. Фаун могла поспорить, что теперь у него возникали планы похищения Ремо, но как осуществить это на полном народу судне и скрыть свои намерения от

Дара присутствующих на борту Стражей Озера, придумать он не мог. Когда Фаун возвращалась с задней палубы после последнего визита туда, его открытые глаза все еще блестели в тусклом свете фонаря.

На следующее утро, когда Фаун вышла из своего закутка, чтобы начать готовить завтрак, Барр был уже на ногах и одет — раньше всех остальных. Пока Фаун размышляла, как сделать так, чтобы ограниченного запаса бекона и яиц хватило на неограниченное количество картошки, занавески, закрывавшие койку Берри, зашевелились, и оттуда появилась сама девушка в своей обычной дорожной одежде — рубашке, жилете и кожаной юбке — и сунула ноги в сапоги. Когда она вернулась с задней палубы после утреннего умывания, у люка ее ждал Барр.

— Хозяйка Берри, — понизив голос, обратился к ней молодой дозорный, — могу я поговорить с тобой наедине? — Он махнул рукой в сторону передней палубы.

Берри уперла руку в бок и недружелюбно посмотрела на него.

— В результате ты покинешь мое судно?

— Может быть.

На лице Берри было написано сомнение, но она

повела Барра мимо груды товаров, завязывая по дороге волосы в хвост.

Вит сел на своей койке и, моргая, посмотрел им вслед.

— В чем там дело?

— Барр захотел поговорить с Берри. Наедине.

Они пошли на переднюю палубу.

Вит нахмурился, поднялся и выглянул в окно.

— Нет, они отправились на берег и идут вверх по течению. Он вроде положил руку… — Хмурое выражение лица Вита сменилось злобной гримасой, и он подошел к койке Ремо и растолкал его. Тот сел, явно недовольный, но после тихого совещания оба парня натянули штаны и куртки и вышли наружу. Готорн и Хог, которых разбудил шум, с любопытством двинулись следом.

Даг вышел на кухню из их закутка между кипами товаров и сел к столу. Когда Фаун налила ему кружку крепкого чая, он улыбнулся жене.

— Что это за шествие? — спросил он, кивнув на берег.

На своей койке зашевелился и застонал Бо, потом встал и потащился на заднюю палубу.

— Трудно сказать, — ответила Фаун, поднимаясь на цыпочки, чтобы выглянуть в окно. Голые деревья, клочья тумана, грязный берег — и ни-

кого на виду. Она вернулась к яйцам, луку, сыру и хлебу.

Фаун едва не порезалась, когда издалека внезапно донеслись крики. Даг выпрямился, повернулся к окну и нахмурился. Он напрягся, но на ноги не поднялся. Крика стали тише, потом начались снова, потом стихли совсем. Фаун определенно различила голос Вита и, кажется, голоса Барра и Ремо.

— Что за переполох? — спросил Бо, вернувшийся с задней палубы, наливая себе чаю.

Фаун опять поднялась на цыпочки, вглядываясь в туман.

— Они все возвращаются. Ох… Барр держит одну руку у лица, а вторую Ремо заломил ему за спину. У Вита в руках палка, он размахивает ею и что-то говорит. Берри… Берри, похоже, в ярости. Хог, как всегда, тащится сзади, а Готорн бежит впереди.

Даг потер лоб и сделал глубокий вдох, словно к чему-то готовясь. Фаун порадовалась, что он не вскочил на ноги, но напряжение в каюте чувствовалось отчетливо. По сходням протопали ноги Готорна; насколько он взволнован, стало ясно еще до того, как он ворвался в каюту с криком:

— Даг! Барр пытался заколдовать Берри, и Вит

с Ремо клянутся, что убьют его!

По сходням прошаркали новые шаги, баржа слегка накренилась, когда на палубу ступило сразу много ног, и компания ввалилась в каюту под звуки стольких сердитых голосов, что разобрать отдельные слова было невозможно, кроме отдельных выкриков «Ты пытался!», «Я ничего не сделал!» и многочисленных «Даг!», «Даг!», «Даг!».

Даг поморщился, сделал большой глоток чая, потом повернулся на стуле к толпе, заполнившей тесную кухню.

Левая щека Барра была багровой, глаз уже заплыл; если и были какие-то другие повреждения, Фаун их не разглядела, но Вит и Ремо оба тяжело дышали, а Хог — подумать только! — потирал костяшки пальцев и чуть не плакал. Голос Барра на мгновение перекрыл шум:

— Ничего я не делал! Подумай сам! Разве в это время суток таким занимаются? Ах, да перестань, черт возьми! — Парень приподнялся на цыпочки, когда Ремо дернул его заломленную назад руку.

Даг заговорил, как заметила Фаун, самым низким голосом; его рык сразу стал слышен.

— Говорите по одному, пожалуйста! Хозяйка Берри?

Шум стих, Вит и Хог пихнули друг друга лок-

тями, призывая к вниманию, и даже Готорн прекратил взволнованно вопить. Берри вышла вперед, мрачная и рассерженная.

— Этот твой дозорный, — она ткнула дрожащим пальцем в Барра, — пытался что-то сделать с моей головой. Какое-то колдовство!

— Ага, и мы знаем, чего он хотел, верно? — Ремо опять дернул руку Барра.

— У-у… Да нет же, черт возьми!

— Даг, — смущенно проговорила Фаун из безопасной позиции за плечом мужа, — ты можешь определить, кто говорит правду?

Даг оглянулся на нее, надул губы, склонил голову и откашлялся.

— Хозяйка Берри, можно, я коснусь твоей головы?

Берри заколебалась, потом посмотрела на Фаун. Та быстро закивала. Берри пожала плечами и сделала шаг вперед. Даг слегка повернулся и обвил рукой жену — не для ее или своего спокойствия, как поняла Фаун, а ради Берри. Очень осторожно он коснулся своим крюком лба Берри; должно быть, при этом он сделал что-то своей призрачной рукой, потому что Барр разинул рот и даже Ремо широко раскрыл глаза.

— Я-то думал, он простой дозорный! — шепотом

обратился Барр к своему напарнику.

— Ты думал неправильно, — прорычал тот.

— Что ж, — огорченно вздохнул Даг, — имеет место новое подкрепление Дара. Его попытались превратить в принуждение, но попытка была неумелая, так что я не могу с уверенностью сказать, чем бы все кончилось, если бы дело было завершено.

— Можешь ты меня от него избавить? — нервно спросила Берри.

— Я могу устранить околдовывание и придать подкреплению обычное целительное направление. Твой собственный Дар поглотит его за пару дней. Никакого другого эффекта не будет, ты не станешь страдать от головной боли. Ты хочешь, чтобы я сейчас все проделал? — Голос Дага, заметила Фаун, стал очень мягким.

— Да! — ответила Берри. — Не желаю, чтобы кто-то вкладывал мне в голову вещи, о которых я ничего не знаю.

Отсутствующее выражение в глазах Дага промелькнуло и исчезло.

— Ну вот, — сказал он, опуская левую руку. — Сделано.

Берри потерла лоб.

— Придется поверить тебе на слово.

— Боюсь, что так.

— Я не… — начал Барр.

— Что «не»? — спросил Даг.

В тоне Дага проскользнул легкий намек на удивление, но взгляд, которым сопровождался вопрос, поразил Фаун: никогда еще не видела она на лице мужа такого полного отсутствия юмора.

Барр сморщился.

— Не пытался я ее соблазнить, — прошептал молодой дозорный.

— Что же ты тогда пытался сделать? — спросил Даг все таким же обманчиво ровным голосом.

Барр стиснул зубы.

— Я знаю, где хранится веревка, — мрачно сказал Вит. — Мы могли бы его повесить — деревьев в лесу хватает.

— Не стану тебе мешать, — проворчал Ремо.

Барр поморщился.

Берри неуверенно потерла виски.

— Похоже, я не пострадала — благодаря вам, парни, — добавила она немного ворчливо, кивнув своей команде. Все молодые люди расправили плечи. — Повесить — это, пожалуй, чересчур.

— Чересчур хорошо для него? — поинтересовался Вит. Тут свое предложение внес Хог:

— Сестра однажды заставила меня утопить

котят, которых в амбаре родила бездомная кошка, — сунуть их в мешок и наложить туда камней. У нас есть мешки из-под фуража, а на берегу полно камней. Можно было бы воспользоваться.

Барр растерянно посмотрел на Хога.

— Даг? — хором спросили Вит, Ремо и Хог.

— Погодите-ка, каким это образом я стал судьей? — проговорил Даг. — Это баржа Берри. Она хозяйка, ей и решать.

— Ты лучше всех разбираешься в Стражах Озера, — сказала Берри. «И единственный, кому можно верить» — вслух она этого не произнесла, но слова, почувствовала Фаун, повисли в воздухе.

— Я не командир Барра, я даже не вхожу в отряд Жемчужной Излучины. На самом деле я Даг-безлагеря. Если говорить о том, кто тут скорее всего мог бы рассматриваться как командир Барра, — это Ремо. — Даг кивнул в сторону темноволосого дозорного.

«Что ты задумал, Даг?» — гадала Фаун.

— Ремо, — отчаянно заговорил Барр, — Амма возложила на меня ответственность за тебя, а я ничего от тебя не могу добиться! Это несправедливо!

— Теперь ты знаешь, как я всегда к тебе от-

носился. — Ремо втянул воздух, ноздри его затрепетали. — Это баржа Берри. Как бы она ни решила, я с ее решением соглашусь.

— Это было не то, о чем ты подумал…

Берри подошла к Барру и презрительно оглядела его с ног до головы.

— Ты самый бесполезный груз, какой мне только встречался. Ты не платишь, ты не работаешь. Не нужен ты на моем судне. Вон!

— Нет! — закричал Барр с неуместным вызовом. — Ты не вышвырнешь меня без моего напарника!

Брови Дага поползли вверх.

— Ты слышал, что сказала хозяйка баржи. Хог, Вит, спустите его лодку на воду. Фаун, Готорн, погрузите его вещи. Ремо… — Даг выпрямился в полный рост, когда Барр начал вырываться. — Я помогу тебе.

Команда «Надежды» принялась за дело. Фаун принесла спальный мешок, уже скатанный, лук и колчан и кинула их как попало в качающуюся на волнах лодку вслед за мешками, которые притащил Готорн.

Даг и Ремо вытащили брыкающегося Барра на палубу; впрочем, молодой дозорный перестал сопротивляться, почувствовав крюк около угла

глаза.

— Не делай неожиданных движений, — посоветовал Даг. — Вот так-то лучше. А теперь у тебя есть выбор: ты можешь спуститься в свою лодку с палубы, а можешь влезть в нее из воды.

Этим утром вода была черной и мутной, и даже у берега быстрое течение закручивалось водоворотами. И вода выглядела такой холодной, что Фаун не удивилась бы, если бы заметила в ней льдинки; правда, для этого было еще рано.

— Я спущусь, — выдохнул Барр.

Стражи Озера выпустили его, и он перелез через поручни, каждым своим резким движением выражая беспомощный гнев. Узкая лодка только чуть качнулась, когда он спрыгнул в нее; восстановив равновесие, он опустился на банку. Ремо наклонился и резко оттолкнул лодку от баржи.

Барр оглянулся назад.

— Эй! — возмущенно закричал он. — Где мое весло? — В виде протеста он поднял пустые руки.

— Ой, пусть так и плывет! — радостно воскликнул Вит. — Доберется до устья реки, а потом обратно!

Берри, сжав губы, прошла туда, где у стены каюты лежали весла, потом вернулась к поручням и бросила весло далеко вперед; оно упало в воду

в добрых тридцати футах от лодки Барра и тут же было подхвачено течением. Если бы Берри кинула весло на такое же расстояние вверх по течению, оно подплыло бы прямо в протянутую руку Барра.

— Вот тебе весло, дозорный! Гонись за ним! — крикнула Берри Барру.

— Здорово, — одобрил Вит, глядя вслед лодке горящими глазами.

Барр, ругаясь себе под нос — Фаун могла расслышать только многократно повторяемое «Проклятие!» — начал грести руками в попытке догнать весло.

— Кто наградил Барра подбитым глазом? — спросила Фаун, прислонившись к поручням рядом с Витом.

— Ремо. И я. И Хог, хотя он был слишком перепуган, чтобы ударить как следует.

— Ух ты, — выдохнула Фаун.

— Он получил то, что заслужил.

— Не спорю.

Густой туман скоро скрыл из вида лодку, хотя крики «Проклятие!» доносились еще некоторое время. Берри с удовлетворением прищурилась.

— Вот и прекрасно. Теперь на «Надежде» будет гораздо спокойнее. — Она отряхнула руки и по-

звала свою команду завтракать.

Фаун задержалась рядом с Дагом, который стоял, положив руку на поручень и смотрел в серую муть, но видел, как она заподозрила, много больше ее. Выражение его лица говорило не об удовлетворении, а о напряженном внимании.

— Ну вот, — наконец сказал он, выпрямляясь. — Догнал он свое весло.

— Больше он не будет досаждать? — с надеждой спросила Фаун.

Даг улыбнулся ей.

— Понимаешь, этот парень впервые оказался далеко от дома, и к тому же один. Он наверняка не сможет подняться вверх по течению. Ему ничего не остается, кроме как плыть вниз по реке — куда плывем и мы. Так что посмотрим.

Фаун с сомнением взглянула на мужа.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся?

— Не люблю терять дозорных.

— Ты удержал Ремо. Вот тебе один дозорный.

— Двоих дозорных я не люблю терять вдвое сильнее, чем одного.

— Что ж, надеюсь, ты с помощью Дара найдешь в Барре больше хорошего, чем я обычным зрением и слухом.

— Я тоже на это надеюсь, Искорка, — вздохнул

Даг.

17

Хотя погода оставалась пасмурной и холодной, «Надежда» весь день быстро плыла вниз по течению. Окружающие реку холмы становились все ниже и ниже — признак того, как объяснила Фаун Берри, что они покинули округ Олеана и вступили в пределы более равнинного округа Рейнтри. Берега реки выглядели уныло, пропитанный влагой лес казался бурым или серым, и только иногда вокруг неприглядных деревушек желтели сжатые поля. Это была уже не осень… но еще и не зима.

Берри организовала вахты так, чтобы стоять у руля тогда, когда веслом орудовал Ремо; Фаун решила, что так она стремится заранее узнавать о мелях — она пользовалась подсказками Стража Озера, чего Бо предпочитал не делать. Впрочем, старик не пропускал мимо ушей краткие советы Дага. Фаун подумала о том, что Даг мог бы, в дополнение к профессии целителя, сделаться и лоцманом на реке. Когда Фаун принялась перебирать возможности, оказалось, что фермеры и Стражи Озера многое могли бы делать друг для друга, хотя Стражи Озера и презирали любые

занятия, отвлекающие их от охоты на Злых. Однако должен был настать день, когда последнее зловредное привидение появилось бы и было уничтожено. Чем займутся Стражи Озера, когда отпадет надобность в дозоре? «Не при моей жизни», — сказал когда-то Даг. Может быть, Стражи Озера предпочитали не задумываться о том, до чего никто из них не доживет…

В этот день Фаун раза два замечала впереди баржи лодочку Барра, а ночью на дальнем берегу горел костер; потом, правда, снова пошел дождь, и далекий огонь погас. На следующий день она увидела, что Барр отстал; его лодка казалась черточкой на серой воде. Потом фарватер повернул, и берег скрыл молодого дозорного и его суденышко.

— Разве легкая лодка не быстрее баржи? — спросила Фаун Дага, глядя из-под руки назад, когда они с мужем оба оказались на задней палубе. — Я думала, что Барр нас обгонит… или причалит где-нибудь и выменяет лошадь.

— Он полагает, что выслеживает нас, оставаясь вне поля зрения Дара. Так оно и было бы — если иметь в виду его самого и Ремо. Со мной дело обстоит иначе.

— Как ты думаешь, сколько времени он будет

нас преследовать?

— Не особенно долго. Среди его вещей не было еды, и я не думаю, что охота в дождь и темень будет особенно успешной, да и готовить ему не на чем.

Фаун в спешке не заметила отсутствие припасов у Барра. «А вот Даг заметил». И ничего не сказал. Что он задумал?

— Сегодня ночью снова будет идти дождь, — продолжал Даг. — Очень удачно.

— Удачно для чего?

— Трезвых размышлений, Искорка. Считается, что поститься полезно для медитации на предмет своих грехов. — Даг кисло улыбнулся. — Барр в беде и знает это. Он впервые ощутил, что такое изгнание. Дар Стража Озера таков, что изгнание воспринимается как наказание, лишь немного менее тяжелое, чем смертный приговор. Если тетива его лука намокла так, как мне кажется, я дал бы ему времени самое большее до завтрашнего вечера.

— Для чего?

— Ну, это ему решать.

— Не знаю, Даг… Если бы я хотела достичь чего-то определенного, я не оставила бы это исключительно на усмотрение Барра.

— Я и не собираюсь, — обнадежил Фаун Даг.

На следующий день лодочка Барра уныло тащилась за «Надеждой» до полудня, а потом резко рванулась вперед, словно Барр неожиданно пришел к решению. Фаун подумала, не имел ли к этому отношения запах яблочного пирога: Даг попросил ее испечь пирог к обеду. Они вышли на заднюю палубу и, прислонившись к поручням, стали смотреть, как Барр подогнал свою лодку к тому борту, где греб Ремо. На вахте вместе с ним были Вит и Берри, и все они холодно посмотрели на Барра, когда тот окликнул людей на барже. Барр выглядел осунувшимся и бледным, в нем не осталось ничего от той самоуверенности, с какой он вел себя в первый раз.

Берри бросила на него неприязненный взгляд.

— Что ты здесь делаешь?

Барр вздернул подбородок.

— Это свободная река.

Берри пожала плечами; выражение ее лица не изменилось.

— Ремо, — жалобно проговорил Барр, обращаясь к своему бывшему напарнику, — что ты собираешься делать, когда доберешься до этого проклятого моря?

Ремо с силой налег на весло.

— Поверну назад. Или двинусь дальше. Зависит от того, каковы будут мои чувства.

Барр поморщился.

— Ладно. Возвращаться со мной ты не собираешься, это ясно. Я… э-э… соглашаюсь с твоим решением.

Ремо ничего не ответил.

Барр глубоко вздохнул, собираясь с силами.

— Можно мне отправиться с тобой?

Брови Ремо взлетели вверх.

— Что?

— К морю… можно мне отправиться с тобой к морю? — Барр умоляюще смотрел на Ремо.

Ремо ответил ему удивленным и неприязненным взглядом.

— Зачем ты мне нужен? Да и кому-нибудь другому тоже?

— Уж мне-то точно не нужен, — вмешалась Берри.

— Мэм, — склонил голову перед ней Барр, — я могу заплатить… по крайней мере за часть пути.

— Я не пущу тебя на свою баржу ни за какие деньги, — ответила Берри.

— Я мог бы работать — как Ремо.

— Ты? — фыркнула Берри. — Я до сих пор не видела, чтобы ты хоть что-то сделал.

— Тебе не нужно будет мне платить… Послушай, мне в самом деле очень жаль, понимаешь?

Губы Дага дрогнули; он сжал плечо Фаун, потом влез на крышу каюты. Наклонившись к Берри, он что-то прошептал ей на ухо. Сначала Берри нахмурилась от неожиданности, потом медленно и с уважением оглядела его с ног до головы.

— Ну, не знаю, дозорный… Пожалуй, попробовать ты можешь.

Даг кивнул и снова спрыгнул на заднюю палубу.

— Барр, подведи-ка свою лодку поближе. Нам с тобой нужно обсудить некоторые вещи наедине.

Он поманил Барра к себе, и когда тот подогнал лодку вплотную к барже, спрыгнул в нее. Усевшись лицом к Барру, Даг оттолкнул лодку прочь от «Надежды». Барр греб медленно, пока они не оказались там, где их никто не мог бы слышать, потом положил весло на колени. Только тогда Даг наклонился вперед и начал говорить.

Фаун вскарабкалась на крышу каюты и вместе с Ремо, Витом и Берри стала следить за лодочкой.

— Что затеял Даг? — спросил Вит, вытягивая шею.

— Ну, — ответила Берри, — он сказал, что хочет поговорить с парнем как дозорный с дозорным. А

потом мы увидим, что получится.

Барр замахал руками; Даг выпрямился — вся его поза выражала скептицизм. Потом он наклонился вперед и заговорил снова, а Барр отшатнулся назад.

— По-моему, это больше похоже на то, как командир отряда отчитывает дозорного, — предположила Фаун.

— А разве он был… — начал Ремо. — Ах да, в Рейнтри. — Думаю, знаменитый Громовержец не поручил бы ему такого, если бы не думал, что он справится.

— Громовержец не просто думал, — сказала Фаун, — он знал. Даг уже был командиром большого отряда, когда нужно было помогать Лутлии.

— Лутлии! — повторил за ней Ремо. — Там нелегко живется. Я однажды встречал пару дозорных оттуда — они воспользовались нашей переправой. Я их испугался. — Ремо с новым уважением посмотрел на Дага.

Барр, возможно необдуманно, что-то возразил. Даг показал на свой крюк и заговорил более жестко.

— Ох, — вздохнула Фаун, — если уж Даг заговорил о Волчьем перевале, то парень в большей беде, чем сам догадывается.

— Волчий перевал? — переспросил Ремо. — Тот самый Волчий перевал? Даг был *там?*

— Это там он потерял руку, — сообщил Вит, для наглядности поднимая собственную левую руку. — Ее оторвал ему тот жуткий волк, которого сделал Злой, как он рассказывал. Он не особенно распространяется об этом, но прислал папе шкуру как один из свадебных подарков. Шкура огромная, как лошадиная. Близнецы уверяли, что это, должно быть, подделка, но мы с папой не согласились.

Ремо присвистнул.

— Там немногие выжили… Погоди, он был *командиром отряда* на Волчьем перевале?

— Ага, поэтому он и не любит говорить о тех днях, — сказала Фаун, — так что ты меня не выдавай. С тех пор он испытывает отвращение к командованию, хоть того Злого они и победили.

— Отсутствующие боги, — пробормотал Ремо. Он следил за двоими людьми в узкой лодочке. Даг все говорил, Барр отвечал ему все реже. К тому времени, когда рука Дага сжалась в грозный кулак — чтобы подчеркнуть сказанное, а не в качестве угрозы — Барр вдвое уменьшился в размерах. Он просто съежился, но впечатление на зрителей это производило именно такое. Если

бы Барр попятился еще дальше, он рисковал свалиться с лодки.

Губы парня перестали шевелиться — теперь он только кивал или изредка мотал головой. Наконец Даг откинулся на сиденье, Барр расправил плечи, взялся за весло и начал грести в сторону «Надежды». Когда они снова подошли к борту, Даг сидел, положив руку на колено, и ждал. Барр поднял глаза и прочистил горло.

— Мисс Клиркрик… то есть хозяйка Берри! — поправился он, увидев, как нахмурилась девушка. — Первым делом хочу попросить прощения за то, что я пытался сделать тем утром. Я пытался… понимаешь, я пытался воздействовать на твой Дар так, чтобы ты разозлилась на Ремо, и ему пришлось бы отправиться со мной. Это было неправильно. К тому же я оказался недостаточно силен… — Заметив поднятые брови Дага, он поспешно закончил: — Я был просто неправ, вот и все.

Молодой дозорный сделал глубокий вдох и продолжал:

— И у тебя, Ремо, я тоже прошу прощения. Во-первых, за то, что я пытался сделать с хозяйкой Берри — это было так же скверно в отношении тебя, как и в отношении ее, — а также за то, что

связался с той девицей из Жемчужной Излучины, хоть ты меня и отговаривал, и за то, что ты из-за меня сломал нож, завещанный твоей бабушкой… и за глупую шутку насчет железных горшков, за которую, похоже, мне предстоит извиняться до седых волос. Это, правда, похоже, случится через неделю, но все равно. Мне действительно очень жаль. — Барр посмотрел на Ремо. Парень, решила Фаун, вот-вот расплачется.

«О боги, Даг, уж когда ты берешься за дело, мало не покажется. Ну да я знала…»

Ремо разинул рот.

— Ох… — только и смог он сказать.

— И я прошу прощения у всех на «Надежде», — мужественно продолжал Барр, — за то, что был для вас истинным наказанием в последние дни.

Глубокий голос Дага прервал покаянные слова Ремо.

— Хочу сделать предложение. Я поручусь за Барра, хозяйка Берри, если ты позволишь ему вернуться на баржу и отработать плату за проезд. Взамен ты, Барр, должен подчиняться мне, как командиру отряда. Если ты согласен, можешь подняться на борт. Если нет, ты сам за себя ответчаешь.

Барр окинул взглядом широкое, унылое пустое

русло реки, сглотнул и пробормотал:

— Я согласен, сэр. — Подняв глаза, он добавил: — Я согласен, мэм.

Берри перегнулась через поручни, скептически выпятив губы.

— Не забудь, дозорный, что ты тут только благодаря Дагу. Он заслужил мое уважение, а ты — нет, так что ты пользуешься его кредитом. Не знаю, как ты собираешься уплатить свой долг, — это решать вам с ним. Но я не обязана ничего тебе спускать, и если ты дашь мне хоть малейшее основание для неудовольствия, терпеть я не стану. Понятно?

— Да, мэм.

Берри посмотрела на Дага, и тот кивнул.

— Ну, тогда ладно. Можешь подняться на борт.

Даг перелез через поручни, и Барр снова передал на палубу свои вещи; они с Ремо подняли лодку на заднюю палубу и привязали ее. За обедом, который наступил скоро, Барр вел себя неуверенно, хотя вычистил свою миску до блеска. Это облегчило ему труды, поскольку первым поручением, которое дала ему Берри, оказалось мытье посуды. Он беспрекословно взялся за дело под руководством Хога. Так же без возражений Барр в первый раз вышел на вахту с Дагом и Бо.

За ужином он несколько меньше походил на привидение и даже три или четыре раза вступил в разговор, не считая просьб передать соль или хлеб.

Свернувшись клубочком вечером под боком у Дага, Фаун прошептала:

— Что же ты сказал Барру сегодня в лодке? Я видела лягушек на дороге, которых переехало колесо повозки, — они и то не были такими раздавленными.

— Ну, думаю, будет лучше, если это останется между нами, Искорка. Только ты не тревожься. Барр выносливый. Понимаешь, нужно различать: выговор, после которого Ремо бросился бы на нож, едва взлохматит Барру волосы.

— А ты… ты не применил к нему *принуждение?*

— Этого не потребовалось. Он был готов. Мне вспомнилось, как приходилось объезжать мула в Рейнтри. Сначала нужно изо всех сил огреть его палкой между ушей. Это привлечет его внимание. Потом можно начинать объездку.

— Такой прием действует и на дозорных, не только на мулов?

— На тех дозорных, которые похожи на мулов. Нужно отдать Барру должное: он проплыл

двести или триста миль за своим напарником, несмотря ни на что. У этого парня в голове много неправильных идей, но обвинить его в том, что он легко сдается, нельзя.

— А как ты научился управляться с похожими на мулов дозорными?

Губы Дага, касавшиеся в темноте лба Фаун, дрогнули.

— Когда я был молодым, я присматривался к своим командирам. Очень внимательно присматривался.

— Как это — лицом к лицу?

— Ага.

Фаун улыбнулась, и Даг представил себе ямочки у нее на щеках.

— Человек-мул. И почему я не удивлена? Хотя я скорее предположила бы, что ты был похож на молодого Ремо.

— У Ремо и Барра у обоих имеются черты, которые напоминают мне меня молодого. Глядя на них, я еще больше уважаю моих прежних учителей-командиров, должен сказать.

* * *

На следующий день Барр показал себя весьма полезным членом команды, насколько Фаун

могла судить. Сила его мускулов и Дар оказались очень кстати; еще один гребец позволил остальным больше отдыхать между вахтами — за единственным исключением: обязанности поварихи остались теми же. Только Хог был недоволен тем, что теперь реже сидел на веслах, но и то утешился, когда Даг в очередь с ним назначил Барра посудомойкой. Добрые отношения на «Надежде» после неприятностей, вызванных Барром, начали медленно восстанавливаться.

Берри сделала остановку в довольно большом прибрежном городе, слишком короткую, чтобы Бо успел найти таверну и напиться, но достаточную, чтобы узнать: прошлой осенью здесь видели ее отца. Эта новость заставила хозяйку баржи задумчиво нахмуриться и начать считать мили, остающиеся до слияния Грейс с Серой рекой. «Надежда» проделала уже больше двух третей пути от Трипойнта до Конфлуенса. Возможности найти пропавших, конечно, еще не были исчерпаны, но по мере того как расстояние до устья уменьшалось, напряжение Берри, на взгляд Фаун, росло.

Даг попросил Берри сделать короткую остановку в еще одном лагере Стражей Озера; Ремо оставался на борту и Барр вместе с ним. Даг быстро вернулся, качая головой.

— Все эти прибрежные лагеря слишком малы. Наверное, мне лучше дождаться Конфлуенса: там самый большой в здешних местах лагерь. Там и шанс будет больше.

Фаун сочла Грейс большой рекой в Жемчужной Излучине, но теперь она начала понимать, что была наивна. Ниже по течению река стала гораздо шире, и не только из-за дождей и подъема воды. Она также стала более извилистой; повороты русла заставляли их проделывать многие мили, почти не продвигаясь при этом на запад. Фаун совсем утратила чувство направления, тем более что небо было постоянно затянуто тучами. Однако на следующий день солнце пробилось, а холодный ветер стих, и Фаун влезла на крышу каюты и стала, сидя у ног Берри, смотреть на проплывающие мимо берега. Солнечные лучи сделали краски более насыщенными, а вода засияла, как темный металл.

Когда солнце стало клониться к закату, русло реки сделало крутой поворот, за которым показался знакомый парусник, вытащенный на берег, и костры, вокруг которых расположилась на отдых команда. Когда речники увидели «Надежду», некоторые из них поднялись и стали махать руками, а капитан Вейн с кормы «Кусачей

черепахи» закричал, сложив руки рупором:

— Эй, хозяйка Берри! Как ты посмотришь на жареную баранину на ужин в обмен на мелодию или две?

Берри усмехнулась и повернулась к Фаун.

— Что скажешь? Не хочет ли наша кухарка отдохнуть?

Фаун с сомнением посмотрела на буйных матросов, своими воплями поддерживавших приглашение капитана.

— Не знаю… Это безопасно? — Раньше Берри всегда плавала с отцом и старшим братом, которые за ней присматривали.

— Вполне. Вейн покричать любит, но держится в рамках. Если подвернется случай, он, конечно, им воспользуется, но я не думаю, что он станет приставать к тебе: у тебя же есть Даг.

Вот именно: Даг. И еще Вит, Ремо, Хог, Бо и, пожалуй, Барр; ну и для ровного счета Готорн. Фаун решила быть такой же смелой, как Берри.

— Ладно.

Берри помахала Вейну.

— Будет вам скрипка, парни! — Берри налегла на рулевое весло, подводя «Надежду» к берегу чуть выше «Кусачей черепахи». Матросы подбежали, чтобы помочь со швартовкой.

— Как, Стражей Озера стало еще больше? — воскликнул капитан Вейн, когда команда «Надежды» в полном составе подошла к костру. — Берри, ты что, коллекционируешь их?

— В определенном смысле, — ответила Берри, взмахнув сумкой со скрипкой. — Это Ремо и Барр. Дага ты знаешь.

Вейн почтительно коснулся шляпы, приветствуя Дага, и тут же попросил его посмотреть одного из матросов, повредившего ногу. Даг кивнул. Никто не вспоминал о сидевшей на мели барже; возможно, Вейн пытался загладить свою вину, а Берри вполне была готова это ему позволить.

— Что это ты, Вейн, опять воруешь овец? — спросил Бо, показав на костер, на котором двое речников на самодельном вертеле жарили аппетитно зарумянившуюся тушу. Капающий жир заставлял огонь вспыхивать оранжевыми языками и наполнял холодный воздух соблазнительным ароматом. Рот Фаун наполнился слюной, а Вит облизнул губы.

Вейн засунул пальцы за подтяжки и выпятил грудь.

— Если хочешь знать, здешний фермер *дал* нам этих овец. — Он показал не только на жарящуюся

овцу, но и трех живых, привязанных к деревьям поблизости.

Его широкоплечий помощник добавил:

— Ага, он велел нам взять их в подарок и так жалобно просил, что мы в конце концов согласились.

— В это я просто не верю, — сказала Берри.

— Лопни мои глаза! — возмущенно завопил Вейн, потом лукаво улыбнулся. — Понимаешь, мы проплывали мимо пастбища выше по реке, и ребята начали вздыхать о свежей баранинке на ужин, да только думали, что фермер заломит за овец несусветную цену. Я сказал — нет! Воровать овец я не позволю, речник должен быть выше этого, но только спорю на бочонок пива, что добуду их бесплатно. Садлер сказал, что ничего у меня не выйдет, ну а это было как красная тряпка для быка — вы же меня знаете.

Берри кивнула, хотя ее светлые брови скептически поползли вверх; это только раззадорило Вейна.

— Так что мы привязали «Черепаху», а я с парой парней подкрался к овцам — дело, скажу я вам, было нелегкое, уж очень сколькая там была грязь, — и влили по доброй порции греймаутского перечного соуса в рты шести самым медленно

убегавшим.

— Или самым ручным, — пробормотала Фаун, которой очень не понравилось, к чему шел рассказ. Она отошла поближе к Дагу.

— Видели бы вы, как эти овцы забегали — головами трясли, пена изо рта так и била!

Помощник Вейна Садлер, заходясь от смеха, подхватил:

— Потом капитан Вейн, понимаете ли, идет к амбару, зовет фермера и говорит ему, что с его овцами что-то неладно: похоже, они подцепили ящур, жутко заразную болезнь. Фермер буквально затрясся, когда Вейн рассказал ему, как ниже по течению целое стадо околело от этой напасти за неделю. Тут фермер спрашивает: что делать-то? А Вейн и отвечает: лечения никакого нет, остается только побыстрее прирезать больных животных и туши залить известью где-нибудь подальше от остальных. Бедняга чуть не плакал, так что когда Вейн предложил увезти овец и уничтожить их, фермер был ужасно благодарен. Вот мы и забрали овец — вон они!

— А ты должен мне бочонок пива, — весело хлопнул помощника по спине Вейн.

— Так и есть, — согласился Садлер. — Только оно того стоило: уж очень потешно благодарил

нас фермер, когда мы избавили его от больных овец. И признайте, Вейн фермера не обманул: эти овцы и дня не прожили!

Матросы хохотали, и даже Ремо с Барром улыбнулись. После того как рассказ закончился, все занялись приготовлениями к ужину; с парусника принесли бочонок с пивом и установили на пне. Даг отправился осматривать матроса, повредившего ногу, а Фаун, поймав взгляд Вита, так на него посмотрела, что усмешка мигом слетела с его лица.

— Что случилось? — шепотом спросил Вит сестру.

— Это могли быть папины овцы, — прошипела она в ответ.

Вит нахмурился.

— Не думаю, что папа поверил бы сказочке про ящур, Фаун. Он же хорошо знает своих овец.

— Не в этом дело. Тот фермер мог быть не таким сообразительным, как папа, но могу поспорить: вкалывает он не меньше. На мой взгляд, жульничество ничем не лучше воровства. И это было жестоко по отношению к фермеру.

Ветер пахнул на них дымом, и Вит с предвкушением принюхался.

— Что ж, теперь этих овец уже не спасешь,

Фаун. Лучшее, что теперь можно сделать, — это позаботиться о том, чтобы они умерли не зря. Где нет бесполезных трат, там нет нужды, как всегда говорит мама.

— Ну, я этого есть не буду, — заявила Фаун. — Тебе тоже не следовало бы.

— Фаун! — запротестовал Вит. — Не можем же мы начать жаловаться и испортить… испортить всем удовольствие. Матросы с парусника вкалывают будь здоров, и это достаточно невинное развлечение — пикник с музыкой.

— Тот фермер тоже работал изо всех сил, и ему пришлось тяжелее, чем речникам. Ведь ты сам подумываешь о том, чтобы перейти в гребцы, разве не так?

— Я не поэтому… ох, проклятие! Не ешь этой замечательно пахнущей баранины, если тебе так угодно, но ко мне не цепляйся. — Вит поспешно отошел прочь и тут же утешился кружкой пива.

Фаун решительно сжала губы… но действительно, какое у нее право портить всем вечеринку, особенно если учесть, что так Вейн извинялся перед командой «Надежды» за отказ помочь им сняться с мели? Однако Фаун твердо решила не прикасаться к баранине, полученной с помощью обмана. Ремо помогал Дагу лечить ногу постра-

давшего матроса, и Фаун незаметно вернулась на баржу, уселась на крыше каюты и стала смотреть оттуда на берег. Солнце село, и огонь костра выглядел теперь более ярким и гостеприимным.

Речники веселились все более шумно. Бо уже пошатывался и глуповато улыбался; впрочем, Хог, похоже, присматривал за ним. Готорн демонстрировал трюки, которым обучил своего маленького енота; зрители оказались не слишком требовательными. Барр и Ремо сидели рядом с матросом с забинтованной ногой, так что даже они не вели себя как высокомерные Стражи Озера. Вейн, Садлер и Вит тесно окружили Берри. Фаун начала сомневаться в том, что имело смысл так держаться за принципы, раз этого никто даже не заметил.

Впрочем, один человек обратил внимание на ее отсутствие. Даг поднялся по сходням, влез на крышу каюты и уселся рядом с Фаун, свесив вниз ноги.

— Что случилось, Искорка? Ты себя нормально чувствуешь? Я думал, что твои месячные уже кончились.

— Кончились. — Фаун пожала плечами. — Я просто думала о том бедном фермере, которого ограбил Вейн… или одурачил. Это несправед-

ливо! — Она с подозрением посмотрела на Дага. — Ты-то собираешься есть эту ворованную баранину?

— Э-э… боюсь, что я уже ее ел.

— Ну так не вздумай целовать меня своими жирными губами, — ворчливо сказала Фаун.

Даг прочистил горло.

— Вообще-то я вернулся за своим тамбурином и парой ведер, чтобы парни могли на них барабанить. Берри настраивает свою скрипку и говорит, что не отказалась бы от поддержки.

— Ох, это будет здорово… — Прошло бог знает сколько времени с тех пор, как Даг играл с кем-то у костра, и Фаун знала, что это было одним из редких удовольствий во время похода. Тамбурин не особенно годился для сольных выступлений…

«Будь проклят этот капитан Вейн!»

В темноте на берегу смутно видная белая тень издала печальное «ме-е», и Фаун сообразила, что не все овцы того бедного фермера уже зарезаны. К тому же легкий удар по корпусу баржи напомнил ей о том, что ялик, который в плохую погоду поднимали на палубу, сегодня был привязан к корме. Спустить его на воду Фаун не могла бы, а вот грести в одиночку? И против течения?

Она искоса взглянула на Дага. Не удастся ли

привлечь его к участию в ее замысле? Может быть, и нет. Иногда, если забыть о случае с сомом, он бывал чересчур взрослым и осмотрительным. Оставался еще Вит, но он явно примкнул к противоположной стороне. В любом случае у нее теперь были все основания порадоваться тому, какой шумной стала вечеринка, с изобилием еды и выпивки. А если кто-то из речников или Стражей Озера и остается трезвым, следует помочь ему напиться.

— Я не пропущу случай послушать, как ты играешь, за всю баранину в мире. — Фаун улыбнулась Дагу, который явно обрадовался перемене в ее настроении; она даже позволила ему поцеловать себя жирными губами.

Что же касается легкомысленных братцев, если ты наблюдаешь за кем-то всю жизнь, а этот человек тебя не замечает, в конце концов ты узнаешь о нем много больше, чем он предполагает. Много больше. Фаун почти пританцовывала, спускаясь по сходням следом за Дагом.

* * *

Луна стояла высоко над речной долиной, освещая серебристо-голубым светом стелющийся над водой туман. Ночной воздух был полон без-

молвия, как будто какой-то древний волшебник зачаровал окрестности. Такая полночь была идеальна для влюбленных, хотя холод напоминал о том, что целоваться лучше под теплым одеялом. То, под которым Фаун оставила похрапывающего Дага, очень подошло бы; вместо этого…

— Фаун, это безумие, — прошипел Вит.

— Поднимай с того конца, Вит.

— Кто-нибудь нас услышит.

— Не услышит, если ты заткнешься и примешься за дело. Они там все перепились.

— Вейн придет в ярость.

— Это я пришла в ярость. Вит, если ты не поможешь мне погрузить этих глупых овец в этот глупый ялик, я не только расскажу Берри о том, что ты с мальчишками Роперами сделал с Танси Мейэппл на сеновале Миллерсона, я разбужу ее и расскажу все прямо сейчас.

— Ме-е, — блеяли растерянные овцы, чьи копытца скользили по камням и грязи на берегу.

— Вы тоже заткнитесь, — яростно прошептала Фаун. — Ну же, поднимай!

Кряхтение, толчок, и последнюю овцу удалось перевалить через борт ялика. Двенадцать копытец стучали по дну, рождая громкое эхо. Круглые желтые глаза смотрели с длинных белых фи-

зиономий. Фаун кинулась запихивать обратно передние ноги овцы, которая попыталась выпрыгнуть обратно, и промочила башмаки.

— Нам лучше влезть в ялик и начать грести, — сказала Фаун. — Ты ведь не думаешь, что они попытаются выпрыгнуть в воду, когда мы отойдем от берега?

— Да могут… И к тому же намочат руно и утонут. Овцы глупее кур.

— Вит, не существует никого глупее кур.

— Ну, пожалуй, — согласился Вит. — Тогда почти такие же глупые, как куры.

Фаун влезла в ялик следом за Витом, но тут обнаружилось, что из-за увеличившегося веса нос суденышка завяз в грязи. Она вылезла обратно и собралась оттолкнуть ялик от берега, но замерла на месте, когда озадаченный голос произнес:

— С чего это вы надумали катать овец на лодке?

Фаун резко обернулась и обнаружила почти скрытого полосатыми тенями деревьев Барра, который чесал затылок и сонно таращился на нее.

— Ты чего не спишь? — прошипела Фаун.

— Я спал и встал пописать, — ответил Барр. — Хорошее пиво было у этих речников. А вы что затеяли?

— Это не твое дело. Отправляйся обратно в свой спальный мешок.

Барр потер подбородок и прищурился.

— А Даг знает, что вы двое тут? — Рассеянное выражение, говорившее о том, что молодой дозорный советуется со своим Даром, промелькнуло на его лице. — Нет, он спит.

— Вот и хорошо. Не смей его будить. Ему нужно выспаться. — Фаун уперлась полным воды башмаком в камень на берегу и сильно оттолкнулась. Ялик заскользил от берега.

— Если ты не хочешь, чтобы Даг знал о твоей затее, то тут определенно творится что-то любопытное, — упрямо сказал Барр, двинувшись следом за ними по берегу.

— Мы возвращаем украденных овец, — сказал Вит. — И не смотри так на меня, это была не моя идея.

— Разве капитан Вейн не придет в ярость?

— Нет, — ответила Фаун. — Он подумает, что овцы перегрызли веревки и убежали. Я позаботилась о том, чтобы растрепать концы и вымазать их овечьей слюной. — Она вытерла руки о юбку и взялась за весло. К несчастью, Вит греб примерно в два раза сильнее, чем она, что привело к тому, что ялик поворачивал к берегу, если только Вит

не ждал, когда Фаун сделает еще один гребок, а пауза позволяла течению отнести их назад. Барр с легкостью держался вровень с ними, даже несмотря на то, что ему приходилось обходить камни и поваленные деревья.

— Вам ни за что не удастся доплыть до той фермы при таком течении, — заметил он.

— Ну, мы собираемся попытаться, так что не мешай. — Не то чтобы Барр действительно мешал, но его присутствие очень раздражало. Барр продолжал идти по берегу… очень медленно. Пассажир в ялике сказал «ме-е».

— Вы совсем не продвигаетесь, — снова сказал Барр.

— Давай попробуем отойти подальше от берега, Вит, — предложила Фаун.

— Нет смысла, — ответил Вит. — Течение там еще сильнее.

— Да, но там мы будем более изолированы.

— Ме-е, ме-е…

— Даг спустит с меня шкуру, если я позволю вам, двоим несмышленышам, утонуть в Грейс, — пожаловался Барр.

— Ну так не говори ему, — сквозь зубы процедила Фаун. Ее руки уже начинали болеть.

Еще через несколько минут Барр сказал:

— Мне этого не вытерпеть. Причальте к берегу, и я сменю Фаун.

— Мы не нуждаемся в твоей помощи, — заявила Фаун.

— Очень даже нуждаемся, — возразил Вит и стал грести еще сильнее.

Фаун изо всех сил налегла на свое весло, но не смогла воспрепятствовать повороту ялика.

— Не смей! Эти глупые овцы выпрыгнут!

— Ну так держи их! Ты займись овцами, а мы с Барром будем грести.

Фаун сдалась. Барр протиснулся на ее место, и они с Витом снова отвели ялик от берега. Фаун с недовольным видом уселась на корме и обняла одну овцу за шею, потом постепенно утешилась: их продвижение вверх по течению стало заметным. Мускулы Вита казались не такими уж сильными, но работа на ферме сделала их крепче, чем они выглядели, и парень не уступал широкоплечему Барру.

Овцы роняли какашки, растаптывали их по дну ялика и блеяли. Одна попыталась совершить самоубийство, прыгнув в реку, однако Фаун метнулась и удержала овцу, вцепившись в ее жирную шерсть; другая овца тут же попыталась последовать примеру товарки.

— Не можешь ли ты успокоить овец с помощью Дара? — спросила Фаун Барра. — Спорю: Даг мог бы.

— Я с овцами дела не имею, — холодно ответил Дозорный.

— Ну конечно, ты имеешь дело только с хозяйками барж, — процедил Вит, и в ялике на некоторое время установилась холодная атмосфера. Залитый лунным светом лес медленно плыл мимо, серебряный и удивительно незаметный.

— У меня уже мозоли появились, — пожаловался Вит. — Далеко нам еще?

— Нам нужно найти овечье пастбище, подходящее прямо к берегу, — сказала Фаун.

— А что, если сегодня овцы на ночь загнаны в овчарню? — проворчал Вит. — Тут очень многие пастбища подходят прямо к берегу. Мы, когда спускались вниз по течению, все время плыли мимо них.

Фаун промолчала.

— Ты хоть знаешь, какое нам нужно найти? — спросил Барр.

— Э-э… нет.

— Фаун! — возмутился Вит. — Та ферма может быть в двадцати милях, а то и больше! Скорее больше — вряд ли Вейн остановился бы поблизо-

сти, ведь фермер мог догадаться, что его провели, и погнаться за мошенниками.

— Я не собираюсь грести двадцать миль, — заявил Барр.

Бунт был единодушным. Ялик причалил к ближайшему пастбищу, и Вит с Барром перекинули своих блеющих пассажирок через борт. Овцы пробежали несколько шагов по берегу, остановились и без всякой благодарности вытаращились на своих спасителей. Вит втащил Фаун в ялик и развернул суденышко вниз по течению.

— Очень надеюсь, что они найдет себе более сообразительного хозяина, — пробормотала Фаун.

— Эй, овцы, можете не благодарить нас за спасение ваших жизней, — насмешливо крикнул Вит, помахав им рукой.

— Вит, это же овцы, — сказала Фаун. — Ты не можешь ожидать от них благодарности. Ты просто… просто должен знать, что поступил правильно.

— Как и положено фер… — начал Барр, но резко оборвал себя. Фаун с подозрением посмотрела на него. Через мгновение Барр заговорил снова: — Ну и вонь от них. Кто будет чистить ялик?

— Только не я, — заявил Вит.

— Я займусь этим, — сквозь зубы ответила Фаун.

Лунный свет был умиротворенным, в отличие от молчания, которое установилось в ялике. Путь до «Надежды» занял втрое меньше времени, чем дорога против течения.

— Спасибо вам обоим, — ворчливо проговорила Фаун. — Даже если нам не удалось сделать все как следует, все-таки кое-что мы исправили. Без вашей помощи я бы не смогла этого сделать.

— Буду помнить, — пообещал Вит.

— Не спешите поздравлять друг друга, спасители овец, — сказал Барр, кивнув в сторону баржи. Фаун проследила за его взглядом и замерла, увидев сидящего, скрестив ноги, на крыше каюты Дага. Он смотрел в их сторону.

— Дерьмо, — прошептал Вит.

— А вот я почему-то неожиданно рад тому, что ты здесь, Вит, — пробормотал Барр. — Это предотвратит непонимание. — Он искоса взглянул на Фаун.

Фаун подумала о том, что ужас на самом деле вовсе не был бы непониманием. Ялик подошел к барже, и Даг спрыгнул на заднюю палубу, чтобы принять веревку, которую ему бросила Фаун.

Он принюхался и сухо поинтересовался:

— Хорошо покатались?

— Ага, — ответила Фаун, вызывающе глядя на

него.

— Вит, Барр… вы выглядите, как мокрые овцы, если можно так выразиться.

— Нет, мы только так пахнем, — пробормотал Вит.

— Это была не моя затея! — выпалил Барр.

Губы Дага дрогнули.

— На этот раз я тебе верю, Барр.

Он наклонился через поручень, чтобы помочь каждому по очереди подняться на палубу, и проследил за тем, чтобы ялик был надежно привязан.

Вит встревоженно спросил:

— Ты собираешься нас выдать?

— Кому? Это же были не мои овцы. — Подумав, Даг добавил: — И не ваши.

Барр постарался скрыть вздох облегчения; Даг решительно отвел Фаун в их закуток.

Он постарался сохранить суровое выражение лица, пока не уткнулся в подушку. Он так давился от смеха, что Фаун в конце концов пихнула мужа локтем в бок.

Дагу еще долго не удавалось успокоиться.

* * *

«Надежда» снялась с якоря вскоре после рассвета; не вполне проспавшаяся команда «Кусачей черепахи» еще только начинала поиски в окружающем лесу своей сбежавшей баранины. Вахтенные, склонившись над веслами, гребли еле-еле — только чтобы позволить рулевому направлять баржу по фарватеру. Даже Берри готова была, похоже, удовлетвориться тем, чтобы просто плыть по течению. Хотя Фаун страдала от недосыпа так же, как остальные — от иных причин, она приготовила всем крепкий чай, и к середине утра команда медленно начала приходить в себя. К полудню их неспешное продвижение резко ускорилось, когда баржу подхватил быстрый мутный поток, влившийся в реку справа.

— Это не Серая ли уже? — спросила Фаун Берри, выглянув в окно и обнаружив, что берег стал пугающе далеким.

— Нет, — ответила Берри, с довольным видом прихлебывая чай. — Это Медвежья река. Она протекает через Рейнтри от Крестьянской равнины. Мы проделали три четверти пути от Трипойнта до Конфлуенса! Должно быть, в Рейнтри на прошлой неделе были сильные дожди — нечасто

случается видеть Медвежью такой полноводной.

— По ней ходят суда? — Фаун снова выглянула в окно.

— Ясное дело. Всю дорогу до Крестьянской равнины, которая более или менее и является целью плаваний. Поэтому-то, наверное, город и находится там, где находится. Медвежья река почти такая же оживленная, как Грейс.

Опустошенный Гринспринг расположен на одном из притоков Медвежьей, вспомнила Фаун. И лагерь Боунмарш тоже. Тяжелая кампания прошлого лета против Злого проходила к северу от самого большого города Крестьянской равнины, и разрушения его не затронули. Даг поблагодарил бы за это отсутствующих богов, но Фаун думала, что сказать спасибо скорее следовало бы Дагу.

После слияния с Медвежьей Грейс разлилась широко, а кое-где и вышла из берегов. Некоторые из низких островов скрылись под водой, и голые деревья торчали, словно выросшие со дна; река быстро текла мимо них. Фаун иногда замечала животных, спасающихся на этих деревьях: опоссумов и енотов, пару бурых медведей, а однажды, совсем близко, рысь. Баржа проплыла мимо кабана, решительно боровшегося с течением, и мужчин еле удалось отговорить от попытки по-

охотиться на него с борта судна. Плавник кучами собирался вокруг выступающих из воды высоких частей островов, напоминая издали лохматые головы.

Ближе к вечеру Берри распорядилась, чтобы на каждое весло сели по двое мужчин: иначе трудно было подвести неповоротливую «Надежду» к берегу. Когда команда привязывала баржу к дереву под прикрытием мыса, мимо в сумерках проплыло нечто странное: две баржи, скрепленные бортами. Матросы, по-видимому, напрасно пытались управлять этим громоздким сооружением, потому что течение медленно вращало его.

Увидевший их с задней палубы Бо крикнул, чтобы они разъединили суда и пристали к берегу, пока не стемнело, но матросы то ли не услышали, то ли не поняли его; их ответные крики были неразборчивы.

— Почему это они соединили свои суда таким образом? — с любопытством спросила Фаун, тоже выходя на палубу.

— Наверное, потому, что это дураки из Рейнтри, ни черта не знающие о реке, которым не следовало бы сюда и соваться. — Бо подкрепил свои слова тем, что плюнул за борт.

— Может, ради компании или чтобы не по-

терять друг друга в темноте. Наверное, так они чувствуют себя в большей безопасности на этой большой реке, — медленно проговорил Вит. — Даже «Надежда» начала казаться здесь маленькой.

— Разве ты не видишь, почему это не делает их плавание более безопасным? — спросила Берри.

— Ох, я догадалась! — возбужденно воскликнула Фаун, глядя вслед баржам из Рейнтри.

Берри усмехнулась.

— Ну, ты-то догадалась, а теперь подождем Вита!

Парень прищурился, глядя в темноту, и проговорил:

— Они пытаются перевезти вдвое больше груза, используя вдвое меньше весел.

Фаун быстро закивала.

— Верно, — с удовлетворением сказала Берри. — Из тебя еще может получиться речник.

Вит широко улыбнулся ей.

— Очень на это надеюсь.

Берри невольно улыбнулась ему в ответ — не своей обычной кривой улыбкой, а простодушно и почти радостно. Она потерла губы и качнула головой.

— И к тому же они плывут в темноте… если только у них на борту нет собственного Стража

Озера — да и то, боюсь, не слишком сообразительного. — Берри оперлась на поручни и стала смотреть на реку. Фаун едва расслышала ее шепот: «Папа-то не был деревенским дурачком. Так что же случилось?»

18

На следующее утро плавание оказалось легким: русло реки не делало поворотов, мелей не встречалось. Берри предложила Виту дать ему урок по управлению рулевым веслом, а Даг на передней палубе взялся тренировать Дар Стражей Озера: он давно уже подозревал, что двое напарников гораздо больше внимания уделяли другим умениям: стрельбе из лука и владению ножом, мечом, пикой.

Даг расположился на скамье, Барр прислонился к курятнику, а Ремо, скрестив ноги, уселся на палубе. То открывая, то закрывая глаза, дозорные по очереди упражнялись во внутренней слепоте — добровольном отказе от восприятия ради того, чтобы быть невидимыми для других обладателей Дара. Обнаружилась несправедливость природы: Барр обладал более сильным врожденным Даром, хотя Ремо более дисциплинированно пользовался тем, что имел.

— Ты только едва умеешь закрывать свой Дар, но тебя взяли в отряд? — спросил Даг Барра. — Амме, должно быть, не хватает дозорных гораздо сильнее, чем я думал.

Парень махнул рукой.

— Такая слепота заставляет снова чувствовать себя ребенком, — возразил он, — когда Дар вообще еще не проявился.

— Тут большая разница. Ребенок беззащитен и сам никому не опасен. А ты, если не сумеешь закрыть свой Дар, никогда не сможешь подобраться к Злому достаточно близко чтобы нанести удар разделяющим ножом.

«Если у тебя будет нож…»

— На таком расстоянии он просто увидит меня, верно? Я хочу сказать — у Злых же есть глаза?

— Обычно есть. Но дело не в этом. Хорошая маскировка Дара также не позволит Злому вырвать его, особенно если тварь слабая или молодая. Так что тебе остается только на это и надеяться. — Даг подумал, что тут может пригодиться его собственная, хоть и слабая, способность вырывать Дар: он может тренировать молодых дозорных сопротивляться этому. У него даже возникло искушение проверить эту мысль на практике, однако его остановила уверенность в том, что подобная попытка испугает неопытных парней до медвежьей болезни и ему потом придется давать трудные объяснения. Однако все же его ободрило понимание того, что любой дозорный,

который мог бы противостоять Злому, окажется способен противостоять и ему самому, как любитель подраться сумеет отразить удар в лицо.

«По крайней мере, если будет ждать удара. Любой Страж Озера, но только не фермер…»

Закусив губу, Даг прогнал тревожную мысль: это можно будет обдумать и потом.

— Независимо от того, окажешься ли ты тем, кто вонзит нож, или нет, чем лучше ты умеешь закрывать свой Дар, тем больше шанс, что ты потом не проведешь неделю, выворачивая кишки наизнанку после соприкосновения со скверной.

Ремо внимательно посмотрел на Дага.

— С тобой такое случалось?

— Мне пришлось промучиться две недели, — признался Даг. — После такого я гораздо серьезнее стал относиться к тренировке Дара. Давайте-ка проделаем все еще раз. Сейчас моя очередь закрывать Дар. Вы двое зажмуртесь и попытайтесь наблюдать за мной внутренним зрением.

Даг плотно закрыл свой Дар, и после того как молодые дозорные послушно зажмурились, бесшумно поднялся со скамьи.

Барр ухмыльнулся.

— Эй, куда это ты собрался?

— Сюда, — выдохнул Даг ему в ухо.

Парень вскрикнул и отскочил в сторону.

— Проклятие! Не смей!

— Именно так ты подкрадываешься к Злому. Вам тоже нужно этому научиться.

— Я слышал, что уже развившийся Злой все равно может вырвать у тебя Дар, — с сомнением проговорил Ремо.

— Я за сорок лет дозора сталкивался с такими всего дважды. На Волчьем перевале я не видел Злого вблизи, только слышал рассказы тех, кто выжил после нападения на логово. В Рейнтри я видел Злого лицом к лицу. Та тварь справилась с одним из лучших дозорных в моем отряде с такой же легкостью, с какой ты выпотрошил бы форель.

— Как же можно разделаться со Злым такой силы? — спросил Ремо.

— Наброситься всем разом. Нужно, чтобы много дозорных со многими ножами кинулись на Злого… и надеяться, что хоть один прорвется. Это сработало и на Волчьем перевале, и в Рейнтри. — После паузы Даг добавил: — И это должны быть дозорные, умеющие хорошо закрывать Дар. Давайте-ка потренируемся еще.

После еще нескольких попыток Барр проворчал:

— Значит, если я так и не освою маскировку своего Дара, меня никогда не выберут в самоубийцы-герои?

— В Лутлии мы отвели бы тебе роль приманки, — сказал Даг.

Ремо хихикнул, и Барр бросил на него свирепый взгляд.

— Еще разок, — сказал Даг. К его удовлетворению, Барр явно делал успехи; впрочем, ему и было, в чем совершенствоваться. Судя по тому, как стал мигать его Дар, Ремо начал уставать. Пора было заканчивать.

— На сегодня хватит, — сказал Даг, вновь усаживаясь на скамью. — Пожалуй, впредь нам стоит отводить час на тренировки каждый день.

Барр потянулся и расправил плечи.

— Хоть мы и сбежали из дому, никаких послаблений…

— Зависит от того, с чем предстоит столкнуться, — протянул Даг. — Если за следующим поворотом мы наткнемся на Злого, будете вы к этому готовы?

— Нет, — с горечью ответил Ремо. — Ни у одного из нас нет заряженного ножа.

— Тогда ваша задача — выжить и привести помощь из ближайшего лагеря. Кстати, где он

находится?

— Дерьмо, — пробормотал Барр, — я даже не знаю, где находимся мы сами.

— Амма заставляла нас запоминать расположение всех лагерей в Олеане, — сообщил Ремо.

— Это хорошо, — сказал Даг. — Жаль только, что теперь вы в Рейнтри. — Даг перечислил все лагеря Стражей Озера у переправ от Трипойнта до Конфлуенса и заставил молодых дозорных несколько раз повторить перечень, поодиночке и хором. Как и следовало ожидать, старый похабный стишок на тему очень помог запоминанию.

Холодное утро так и не потеплело, солнце вскоре закрыли серые тучи. Оглядев речную долину, Даг заметил, что собирается густой туман. Берри высунулась на переднюю палубу и сказала:

— Если ты поручишь одному из своих дозорных на несколько минут стать лоцманом, я буду очень признательна. Похоже, нам предстоит пробираться сквозь типичный туман долины Грейс, и я не хочу, чтобы мы оказались на пастбище в полумиле от берега, как в сказочке Бо. Уж очень смешно выглядела бы «Надежда» на катках.

— Иду, — ответил Даг. — Размяться мне не повредит.

Он присоединился к Берри и Виту на крыше

каюты.

— Если мои расчеты верны, — сказала Берри, — за тем поворотом находится большой остров, и нам нужно обойти его с правильной стороны.

— Справа или слева?

— Справа.

— Слушаюсь, хозяйка.

Даг взялся за весло и приноровился к медленным движениям Вита, чтобы обеспечить Берри возможность править рулем и не тратить слишком много сил; так грести они могли часами. Туман сгустился, на куртке Дага, которую Фаун недавно снабдила теплой подкладкой, чтобы приспособить к осенним холодам, стали оседать капельки воды. Главный фарватер медленно поворачивал, и Даг внутренним взором стал высматривать место, где он раздваивался, чтобы не позволить течению увлечь баржу не туда, куда следует.

— Эй, — окликнул он Берри, — на острове кто-то есть.

— Не может такого быть, — возразила та, всматриваясь во влажную муть. Теперь что-то можно было разглядеть не больше чем на три длины судна вперед. — При таком подъеме воды в Медвежьей остров должен был уйти на три, а то и на

четыре фута под воду.

— Этим может объясняться, почему они такие несчастные. — Даг открыл свой Дар как можно шире, стараясь не позволить знакомому Дару окружающих отвлечь себя. — Их там семеро. Проклятие, должно быть, это те парни из Рейнтри, чьи баржи проплыли мимо нас вчера вечером. — Через мгновение Даг добавил: — И еще там есть медведь. Они все спасаются на деревьях.

— Тому, кто делит убежище с медведем, должно быть очень весело, — протянул Вит.

— У медведя собственное отдельное дерево. — Через мгновение Даг добавил: — Не видно ни одного судна — по крайней мере на протяжении мили. Думаю, те парни в серьезной беде, хозяйка. По крайней мере у одного Дар говорит о ране.

Берри втянула воздух сквозь зубы.

— Бо! — крикнула она. — Хог, парни-дозорные — все сюда! Нужно спустить ялик до того как мы проплывем мимо!

Команда собралась на задней палубе, и Берри объяснила ситуацию. После того как Даг подтвердил, что на острове спасаются семеро, было решено спустить на волу и ялик, и лодку Барра, чтобы забрать всех пострадавших разом; кроме того, заметил Даг, две лодки могут помочь друг

другу в случае затруднений. Даг остался на «Надежде», чтобы провести ее по фарватеру, Вит и Ремо сели на весла ялика, Барр — своей лодки.

— Ты уверен насчет тех парней, Даг? — окликнул его уже из лодки Ремо, когда спасатели были готовы к отплытию.

— Да. Примерно полмили в ту сторону, — показал он.

Барр повернул голову.

— Ага, теперь и я их заметил. Двигайся следом за мной, Ремо. Все как в старые добрые времена… — Он оттолкнул лодку от баржи, и ее весло вспенило воду.

Ремо фыркнул, но послушно двинулся следом. Из тумана донесся голос Вита:

— По крайней мере это не то, что возить овец!

— Овец? — переспросила Берри.

Даг только покачал головой.

Минуты тянулись долго на дрейфующей по течению «Надежде». Теперь, когда берега скрыл туман, казалось, что судно стоит на месте в тихой гавани. Пусть оно двигалось со скоростью всего пять миль в час, столкновение с корягой или камнем, способным проделать дыру в корпусе, быстро развеяло бы эту иллюзию, подумал Даг; поэтому он оставался настороже.

— Твои парни — Стражи Озера — сумеют потом найти нас? — обеспокоенно спросила Берри.

— Поэтому-то они и сели по одному в каждую лодку, — заверил ее Даг. — Они уже добрались до острова. Ах, вот и пригодилась узкая лодка Барра: она проходит между стволами деревьев.

— Надеюсь, он не поставит ее поперек течения и не станет слишком наклоняться: так она мигом наполнится водой.

— Эти ребята из Жемчужной Стремнины, я думаю, знакомы со всем, что может выкинуть река, — сказал Даг. — Во всяком случае, лучше, чем я. А лодки Стражей Озера строятся так, чтобы плыть, даже зачерпнув воду. На носу и корме делаются понтоны, промазанные дегтем.

— Так вот в чем дело! Я всегда удивлялась… — Через мгновение Берри добавила: — Мы еще думали, что это благодаря магии.

Фаун позвала Хога и Готорна в каюту — помочь ей приготовить теплый прием несчастным речникам, лишившимся своего судна. Прошел почти час, прежде чем из тумана вынырнула лодка Барра. В ней, боязливо цепляясь за борта, съежились двое спасенных; третий сидел рядом с Барром и помогал ему грести. Бо и Хог протянули им руки, чтобы помочь влезть на палубу; один

из матросов чуть не свалился при этом в воду, но Барр удержал его.

— Эге! — пробормотал тот человек, который сидел на веслах. Выпрямившись, он сдернул бесформенную фетровую шляпу, видавшую лучшие времена. Это был тощий жилистый парень, небритый и босой; его поцарапанные ноги посинели от холода. — До чего же мы рады видеть вас, люди добрые! Мы прошлой ночью врезались бортом в верхушку того острова, и течением тут же затянуло наши баржи под воду: река словно проглотила их!

Бо налег на рулевое весло и глубокомысленно кивнул.

— Угу. Так бывает.

Фаун, выглядывая из заднего люка, смотрела на речников широко раскрытыми глазами.

Команда едва успела поднять на палубу лодку Барра, когда из тумана вынырнул ялик, низко сидевший в воде из-за тяжести четырех спасенных. Вит и Ремо энергично гребли. Их пассажиры выглядели измученными. Один из них был не только без башмаков, но и без рубашки; его плечи и грудь покрывали кровоточащие царапины, кое-где кожа висела клочьями. Он держал пику для охоты на кабана — довольно странную вещь,

чтобы спасать ее при крушении. Когда спутники помогали ему влезть на палубу, он застонал, но как только почувствовал под ногами опору, выпрямился, опираясь на пику, и с улыбкой огляделся по сторонам. Это оказался высокий человек с черными волосами, спадающими на плечи, и блестящими карими глазами.

— Вот это наш капитан Форд Хайкри, — представил его тот матрос, что помогал Барру грести.

— Я хозяйка Берри, и это мое судно, «Надежда», — сказала Берри, откидывая со лба выбившуюся прядь волос. — Добро пожаловать к нам на борт.

Израненный речник с восхищением посмотрел на нее.

— Ну, мэм, твои ребята вытащили нас из изрядных неприятностей! Мы с тех деревьев кричали всю ночь, пока совсем не охрипли, но вы первые, кто нас услышал.

— Благодарите Стража Озера, — ответила Берри, кивнув на Дага. — Это он вас заметил. В таком тумане мы прошли бы мимо вас.

— Ага, и если бы мы вас и услышали, то решили бы, что это привидения заманивают нас, чтобы утащить на дно, — вмешался Готорн.

Эти слова заставили израненного речника от-

вести изумленный взгляд от Дага. Он поскреб в затылке и растерянно посмотрел на Готорна.

— Ага, такого можно было бы ожидать.

— Наслушался сказок, — проворчала Берри, дернув брата за ухо. — Иди-ка лучше помоги Фаун. — Она повернулась к своей команде. — Я хочу, чтобы по крайней мере один из вас, дозорные, оставался с рулевым. — Оба тут же вызвались помогать и подошли к Бо. — И вот что, Бо, — продолжала Берри, — если Ремо скажет тебе, что впереди мель или коряга, слушайся его!

Спасенные последовали за своим капитаном — или бывшим капитаном — через задний люк; Даг направился следом, мысленно прикидывая, где может находиться сумка с лекарствами. В заполненной людьми кухне было жарко; Фаун приготовила галлоны горячего чая и огромное количество жареного с луком и беконом картофеля. Наготове стояла и корзинка с яблоками. Даже вода для мытья оказалась теплой. У очага нагревались все одеяла и полотенца, какие только были на барже. Измученные люди с благодарными стонами расселись вокруг очага. Сухой одежды на всех не хватило, так что ее распределили как могли, дополнив одеялами.

Горячая вода, мыло и сумка с лекарствами тоже

были приготовлены. Выглядело это так, будто Фаун не сомневалась: Даг сразу же возьмется за лечение, против чего тот, впрочем, не возражал. Спасенные речники страдали в основном от царапин и порезов; Даг поручил Хогу промыть их мылом, а Вит занялся перевязками. Хуже всего пришлось бывшему капитану; Даг усадил его на табурет перед огнем и привлек себе в помощь Фаун, чтобы очистить странные повреждения на его торсе.

— Что же это такое с тобой приключилось? — спросила речника Фаун, принимаясь обрабатывать его раны. — Уж не медведь ли тебя порвал?

Капитан Хайкри улыбнулся ей, как обычно улыбались все, хотя и морщился от боли.

— На этот раз не медведь, мисс.

— Что же вы не привезли и медведя? — спросил у Вита Готорн; оба они следили за действиями Фаун.

— Это же не медвежонок, Готорн, — нетерпеливо отмахнулся от мальчишки Вит. — Он потопил бы ялик, да еще и попытался бы нас съесть.

Капитан Хайкри ласково улыбнулся Готорну.

— Медведи прекрасно умеют плавать, если надумают. Этот зверь быстренько уберется с острова, когда ему надоест сидеть на дереве. У

меня дома паренек такого же возраста, — шепотом сообщил он Фаун, — и еще малец помладше, чтобы подбивать братца на шалости, если у того иссякнет запас. Такого, правда, еще ни разу не случалось, должен я сказать. — Повысив голос, он обратился к Готорну: — Понимаешь, как это случилось… Ой!

— Прости, — извинилась Фаун, промокая кровь, выступившую на порезе, который она промывала.

— Не обращай внимания, мисс, я же знаю, что твои действия мне на пользу. А случилось вот что: когда мы добрались до слияния Медвежьей и Грейс, трое матросов испугались такой большой реки и сбежали на ялике. Ну мы и привязали баржи друг к другу — рук у нас теперь не хватало. Только потом я сообразил, что не такая уж это была удачная мысль: слишком упрямым стало наше сооружение. Ну мы и решили просто плыть по течению: рассчитывали потом разобраться и, может быть, даже нанять настоящего лоцмана в низовьях.

— А ходил кто-нибудь из вас по реке раньше? — спросила Берри, присоединяясь к собравшимся вокруг капитана Хайкри.

— Нет, так далеко мы не спускались. Некоторые

из моих ребят раз или два плавали в верхнем течении Медвежьей, но баржа была для меня внове. Мое обычное занятие — охота, по большей части на медведей и кабанов, а женушка разводит огород. У меня руки к фермерству не приспособлены. Я однажды попробовал… ну, если уж чего человек не коснется, все умирает, так охота для него более подходящее занятие. — Он отхлебнул чая, прежде чем продолжил рассказ.

— Я прошлым вечером сидел в каюте у очага, пытаясь согреться и мечтая о том, чтобы снова оказаться на твердой земле, где можно по крайней мере самому решать, в какую сторону направиться… и тут я услышал, как парни забегали и закричали у меня над головой. Тут мы налетели на препятствие. Я сразу понял, что баржу затягивает под воду, потому что она сильно накренилась. Я кинулся к люку, расположенному посередине крыши, но вода уже хлестала в него, как настоящий водопад. Единственным другим отверстием было маленькое окошко, которым мы обычно пользовались, чтобы выплескивать воду.

Берри посмотрела на два люка, ведущие на нос и корму, и на широкие окна «Надежды».

— Понятно. Вы, парни, сами сооружали свои

суда?

— Да нет. Я купил их у вдовы, муж которой погиб в Рейнтри прошлым летом. Это был вроде как способ поддержать беднягу… Ее муж входил в мою артель, вот так и вышло… — Капитан Хайкри сделал еще глоток чаю и продолжал: — Я вскарабкался к окошку, но сразу стало ясно, что оно слишком маленькое. Только вода прибывала так быстро, что я понял: если я не вылезу через него, то утону. Мой папаша всегда говорил, что мне суждено быть повешенным… Ну я и схватил свою пику, просунул руки в окошко и заорал, чтобы Медвежья Приманка и остальные парни тянули меня изо всех сил, иначе мне конец.

Матрос в потертой шляпе — Даг предположил, что Медвежья Приманка — это его прозвище, — закивал.

— Мы не столько его тянули, сколько удерживали, пока река засасывала баржу. Я главным образом думал о том, как не хочется мне возвращаться к твоей жене и рассказывать ей, что ты утонул. Она ведь с самого начала очень не одобряла нашу затею, — пояснил он Фаун, которая понимающе закивала.

— Рама содрала с меня рубашку и освежевала меня, как кролика. — Капитан Хайкри улыбнул-

ся своей команде, ответившей ему улыбками, несмотря на усталость. — Мы все выбрались на остров еще до того, как вторая баржа последовала за первой. Часть ночи мы, как мокрые опоссумы, цеплялись за торчащий из воды нос баржи, потом течение унесло ее. Ну, тут пришлось искать деревья, которые еще не смыло водой. Знаете, я должен был бы приуныть, потеряв свои суда и груз, не говоря уже о рубашке и собственной шкуре, да только никогда еще я так не радовался, как оказавшись на том замечательном дереве. Я то и дело начинал смеяться — ничего не мог с собой поделать. Было так замечательно дышать воздухом, а не водой. — Он вздохнул. — Вряд ли я когда-нибудь увижу свои бедные суда.

— Ну, это неизвестно, — сказала Берри. — Если их не разбило на куски, когда течение ударило их об остров, бывает, что потонувшие суда потом всплывают, хоть и полные воды, и их ловят ниже по течению. Какой у тебя был груз?

— По большей части клепки для бочек и шкуры медведей и кабанов. Ну, еще бочонки медвежьего жира и свиного сала. Заклепок-то мне не жалко, а вот шкуры — другое дело. Их не так-то легко добыть. — Хайкри бросил взгляд на свою пику, стоящую в углу.

— Твои заклепки от воды так покорежатся, что будут годиться только на растопку, ну а шкуры… это зависит от того, как долго они будут мокнуть и удастся ли потом их высушить, не дав заплесневеть. Бочонки с жиром могут не пострадать, если они хорошо закупорены.

Хайкри приободрился, услышав это; его партнер Медвежья Приманка выглядел не таким утешенным.

Фаун кончила промывать раны Хайкри и уступила место Дагу; тот внимательно обследовал пострадавшего — и обычным зрением, и внутренним взглядом.

— Ты изрядно ободран, и суставы выворачивались так, что еще долго будут болеть, но вывихов и переломов нет. Ты, должно быть, за ночь много крови потерял?

— Смотреть было страшно, — подтвердил Медвежья Приманка. — Мне хотелось дать ему в челюсть, когда при таких-то ранах он начинал смеяться.

— Но кровотечение по большей части само прекратилось. — Даг осторожно своей призрачной рукой вытащил щепку, застрявшую в самой глубокой царапине. — Правда, раны слишком рваные, чтобы имело смысл их зашивать. — Он

коснулся лоскута кожи, свисающего со спины Хайкри, размышляя, чем лучше его обрезать — ножницами или ножом. Потом по наитию Даг вырвал Дар кусочка кожи, тонкого, как бумага, на котором держался лоскут. Лоскут отвалился, и Даг кинул его в огонь. — Больно было?

— Что? — спросил Хайкри, пытаясь оглянуться через плечо.

Крошечный фрагмент Дара Хайкри, соприкоснувшийся с Даром Дага, ощущался как обычное подкрепление Дара, даже менее чужеродный, чем Дар москита или зернышка овса. Даг таким же образом удалил еще два обрывка кожи, стараясь вырывать Дар из самых тонких мест. Кровь даже не выступила…

«Лучше на этом остановиться и все хорошенько обдумать».

— Ну, шрамы у тебя останутся.

Хайкри безразлично фыркнул.

— Мне случалось и сильнее себя уродовать.

Даг в этом не сомневался.

— Если ты позволишь, я, как принято у Стражей Озера, немного подкреплю твой Дар, чтобы самые глубокие царапины не воспалились, — это теперь самая большая опасность. Потом пусть Фаун наложит мазь и забинтует тебя, чтобы струпы

не лопались, когда ты будешь двигаться. Через несколько дней будет достаточно прикрывать их чистой рубашкой, пока все окончательно не заживет.

Хайкри криво улыбнулся.

— Будь у меня рубашка, я мог бы ее выстирать, если бы, конечно, нашлись таз и мыло. — Он запнулся. — А что это за штука, которой, как ты говоришь, ты меня подкрепишь?

— Немного целительной магии Стражей Озера, — перевела Фаун.

— Ох… — Хайкри посмотрел на Дага с уважением и испугом. — Это для меня что-то новенькое. Ладно… — Он с подозрением следил за Дагом, потом удивленно открыл рот, когда боль прошла. — Вот так штука! Как странно… Никогда еще ни один Страж Озера ничего такого мне не предлагал!

— Я собираюсь стать целителем для крестьян, когда как следует этому научусь, — объяснил Даг. — Такого никто раньше не делал.

— Ну и странное же место — эта большая река, — вздохнул Хайкри.

Потерпевшие кораблекрушение и их спасители принялись строить планы. Было решено, что Берри довезет команду Хайкри до города,

расположенного в двух днях пути, где Хайкри рассчитывал найти старого друга, который мог бы снабдить пострадавших одеждой, обувью и припасами на обратный путь. Тем временем Берри начала высматривать ушедшие под воду суда. Измученные люди уснули прямо там, где сидели, и не проснулись до тех пор, пока «Надежда» не причалила к берегу на ночь, а Фаун не пришлось попросить освободить кухню, чтобы она могла приготовить ужин.

Даг никак не мог решить, следует ли ему по-супружески охранять Фаун или просто держать ее при себе как талисман в обществе незнакомых крестьян. Так кто в таком случае кого будет охранять? Однако теперь, когда на барже теснились пятнадцать человек, ни о каком уединении — не говоря уже о разговоре наедине — и речи быть не могло.

Даг скоро узнал, что команда Хайкри состояла из его друзей и соседей — жителей маленького городка на притоке Медвежьей к юго-западу от Крестьянской равнины; таким образом, их не затронул кошмар прошлого лета. Эту новость и Даг, и Фаун восприняли с облегчением — Даг с молчаливым, Фаун — с горячо высказанным. Хайкри заработал прозвище капитана за то, что

собрал группу местных добровольцев для помощи пострадавшим, когда Злой обрел достаточно силы, чтобы похищать и порабощать местных жителей, а потом заставил их нападать на другие селения. Барр и Ремо, услышав рассказ об этом самопровозглашенном чине, обменялись насмешливыми взглядами; Даг, в отличие от них, отнесся к действиям Хайкри серьезно.

Форд Хайкри оказался превосходным рассказчиком. Он не был таким хвастуном, как капитан Вейн; его собственная роль в рассказанных им историях иногда бывала комической, хотя бывала и героической; так или иначе, он всегда умел держать слушателей в напряжении до самого конца. После ужина, оценив интерес слушателей и, возможно, в благодарность за оказанное гостеприимство, Хайкри даже рассказал страшную сказку о привидениях, в результате чего у Готорна и Хога глаза вылезли на лоб, а половина взрослых только с трудом удержалась от такой же реакции.

После этого члены обеих команд стали щедры на всякие истории, как игроки в кости — на монеты. Все собрались вокруг очага, и матросы Хайкри выслушали по очереди рассказы о поиске Берри пропавших родственников, о свадьбе Дага и Фаун

в Вест-Блю и — неизбежно, как почувствовал Даг, — о роли, которую Даг сыграл в уничтожении Злого в Рейнтри. Даг не был разговорчив, но благодаря Фаун, Виту, команде «Надежды» и даже иногда Ремо и Барру, ему не пришлось делать ничего, кроме как охлаждать чрезмерный энтузиазм рассказчиков. По мере того как представление потерпевших кораблекрушение о Даге менялось — от случайно встреченного целителя до бывшего командира отряда дозорных — они делались все более взволнованными, и Даг не мог решить, было ли это облегчение или опаска; по крайней мере Хайкри теперь смотрел на Дага с пристальным вниманием.

— Я иногда во время охоты встречал старые логова зловредных привидений, — сказал Дагу Хайкри. Даг задумался о том, как часто охотник проникал на запретны территории, не очищенные от Злых, но момент для того, чтобы спросить, был неподходящим. — Серые пустоши, мертвые и жуткие, — продолжал Хайкри. — Не нужно было чутьистых дозорных, чтобы убедить меня держаться подальше от них, нет, сэр!

Даг позволил своему Дару на мгновение приоткрыться. Умелый охотник вроде Хайкри вполне мог обладать более восприимчивым, чем обыч-

ный фермер, Даром, как тетушка Нетти, если какой-нибудь Страж Озера влез на его семейное древо несколько поколений назад. Спрашивать, впрочем, было бы невежливо, а поскольку Хайкри вел бродячую жизнь вдали от родичей, он мог и сам не знать.

Хайкри продолжал:

— Я встречал ваших дозорных, оказывался рядом и с вашими лагерями — только Стражи Озера меня никогда не приглашали к себе, чаще советовали поблизости не задерживаться; чего я никогда раньше не видел, так это *бегущих* Стражей Озера.

— Они мчались мимо нас, как испуганные кролики, когда мы двинулись к северу от Крестьянской равнины, — сказал один из матросов довольно презрительным тоном.

— Ну, это были по большей части женщины и мальцы, — рассудительно сказал Хайкри.

— Злые в первую очередь хватают детей, — сказал Даг. — Когда Злой становится подвижным, Стражи Озера в первую очередь как можно скорее уводят малышей, а остальные — дозорные, другие взрослые — охраняют их с тыла. Похоже, вы не продвинулись достаточно далеко на север, чтобы повстречать эту стражу, иначе Злой мог

бы и вас захватить.

— Нам попадалось много глиняных людей, — вставил Медвежья Приманка, лицо которого потемнело при воспоминании, — и до, и после того, как они лишились соображения. Жуткие твари!

— Злой делает их из пойманных животных, знаешь ли, — объяснила Фаун, — с помощью Дара. — Фаун стала описывать ужасы питомника глиняных людей, который она видела в Боунмарше, даже не заметив, как ее простое описание затмило рассказанную Орешком сказку о привидениях; после этого немногим удалось бы уснуть ночью.

Поразмыслив, Даг понял, почему отряд Хайкри так успешно расправлялся с глиняными людьми: охота на медведей и кабанов дала им и умение, и смелость. Однако лицо Хайкри потемнело, когда он заговорил снова:

— Какими бы мерзкими они ни были, глиняные люди тревожили меня много меньше, чем порабощенные Злым фермеры. Они ведь не были лишены разума. Не сразу удавалось понять, что у них не все в порядке с головой, потому что они вели себя и разговаривали так, словно все их действия разумны, да и выглядели они, как

обычные люди. Не удавалось разобраться, кто на какой стороне, пока они не набрасывались на тебя, а тогда могло быть слишком поздно. А вот что мы обнаружили. — Хайкри потер подбородок и мрачно посмотрел на Дага. — Что если мы захватывали таких одержимых и отвозили их достаточно далеко на юг, они приходили в себя. Мы обнаружили это, когда попытались поймать подручного Злого и заставить его говорить. Отвезли его на юг — и он заговорил, хотя мало что можно было разобрать: уж так он рыдал. После этого мы старались захватить как можно больше таких бедолаг и отвезти их подальше, пока к ним не возвращался разум. Только никто из них потом не пожелал присоединиться к нам, чтобы сражаться.

Даг, подняв брови, посмотрел на Хайкри с новым уважением.

— Я и не подозревал, что крестьяне на такое способны, — ведь Злой был недалеко. Ха! Это здорово! Уменьшает силы Злого.

— Вы рисковали, — неодобрительно сказал Ремо. — Окажись вы слишком близко к Злому, он мог поработить и вас, и тогда его силы возросли бы, а не уменьшились.

— Мне кажется, — обиженно сказал Хайкри, —

что такой шанс мог выпасть и тому, кто сидел на месте. — Он искоса взглянул на Дага и добавил: — Я никогда особенно не обожал Стражей Озера, и те, кого я встречал, отвечали мне взаимностью, — но должен признать, что после прошлого лета Злые не нравятся мне гораздо больше.

Такую возможность нельзя было упустить; Даг попросил Фаун рассказать про Гринспринг, поскольку сам он этого взять на себя не мог бы. Фаун с помощью Вита сумела вполне понятно рассказать про Дар и разделяющие ножи. Барр и Ремо с тревогой слушали, как все стали обсуждать эти самые важные секреты Стражей Озера; матросы восприняли их кто с беспокойством, кто с недоверием. Впрочем, Орешек молча слушал с глубоким вниманием.

Хайкри производил на Дага впечатление деревенского предводителя — хоть и неумелый на реке, на суше он обладал и инициативой, и сообразительностью для того, чтобы увлечь за собой друзей и родичей в опасное предприятие, если дело того стоило. И его слова, и крохи его Дара дали Дагу пищу для размышлений, когда они с Фаун удалились в свой закуток. Вырванные им части Дара Хайкри растворились в его собственном Даре с гораздо большей легкостью, чем

Дар москита и даже овсяного зернышка; это было почти неотличимо от обычного подкрепления Дара. Как и для Злых, для Дага из человеческого Дара получалась самая лучшая пища…

«Вот и выходит: Стражи Озера — людоеды».

Ни сказка о привидениях, ни рассказы Хайкри об участии в схватках не взволновали Дага, а вот эта последняя мысль долго не давала ему уснуть.

* * *

«Надежда» не стала идти медленнее из-за добавившихся пассажиров, но не стала идти и быстрее, как заметил Даг на следующее утро, сев на весла. Его напарником был Хог, а Вит правил рулем — очень гордый тем, что ему позволили на прямом участке реки делать это самостоятельно. Вскоре его должна была сменить Берри, поскольку, по ее словам, за следующим поворотом начинался один из самых трудных участков реки. Берри позволила потерпевшим крушение матросам принять участие в гребле, но только по одному за раз и под присмотром ее или Бо. Остальные охотно помогали с работами на кухне, которые увеличились с их появлением на борту, так что, если не считать неизбежной тесноты и давления на Дар Стражей Озера, день в их компа-

нии должен был пройти достаточно приятно.

Из-за холодного ветра, продувавшего речную долину, почти все оставались в кают-компании у очага или в грузовом отсеке. Даг, смотревший вперед, чтобы вовремя заметить появление препятствия, увидел, как из устья ручья, впадающего в реку, появился ялик с двумя гребцами и направился в их сторону. Когда он оказался на таком расстоянии, что крик был бы слышен, старший из гребцов встал на колено на скамье и замахал шляпой.

— Эй, на барже!

— Привет! — дружелюбно прокричал в ответ Вит. — Чем мы можем быть вам полезны, ребята?

— Ну, скорее это мы кое-чем можем быть вам полезны. После последнего наводнения фарватер у Кривого Локтя совсем переменился. Я готов безопасно провести вас через эту путаницу.

Это было в порядке вещей по всей реке: местные жители бывали рады заработать несколько монет как лоцманы. Берри, которая теперь полагалась на своих Стражей Озера, обычно вежливо отказывалась от таких предложений, хотя всегда бывала рада возможности обменяться новостями. Иногда на лодках привозили на продажу свежие припасы или другие товары.

— Я не хозяин баржи, — крикнул Вит. — А сколько вы берете?

— Всего-то десять медяков за то, чтобы провести через Локоть. Если еще и через Запястье — то двадцать.

Цена была вполне разумной; обычно хозяин баржи предпочел бы заплатить, чтобы не потерять времени — а то и чего похуже, — пробираясь по незнакомому фарватеру. Даг открыл свой Дар, который держал раньше закрытым, чтобы не слышать гвалта на «Надежде», и замер с поднятым веслом.

— Ха, — обратился он к Виту и Хогу. — Странная вещь! Один из этих парней по уши околдован.

— Злым? — в панике спросил Вит.

Хог только с любопытством вытаращил глаза.

— Нет, никакой скверны не ощущается. Должно быть, он недавно имел дело с кем-то из Стражей Озера. — Даг присмотрелся к гребцам приближавшегося ялика.

Околдованный был пожилым суровым мужчиной — типичным крутым речником. Он был совсем не похож на человека, на которого обратила бы внимание какая-нибудь красотка из Стражей Озера. Может быть, у него и были не заметные на первый взгляд достоинства, но Дар его

был таким же невзрачным, как и внешность. Никаких признаков увечий, которые потребовали бы вмешательства целителя, Даг не заметил. Вот второй гребец мог бы остановить на себе женский взгляд: хорошо сложенный, молодой, красивый, с кудрявыми темными волосами, в чистой одежде. Его Дар не был искажен околдовыванием, хотя и носил следы давнего стресса.

Все это было загадочным.

— Можете подняться и поговорить с хозяйкой, — крикнул Вит, когда ялик подошел к борту баржи. — Не думаю, чтобы нам был нужен лоцман, но у нас есть кое-какие товары на продажу, если вам это интересно. Хотя бы вот замечательное оконное стекло из Глассфорджа.

Гребцы ялика понимающе покивали. Хог положил свое весло и спрыгнул на переднюю палубу, чтобы помочь привязать ялик. Двое прибывших перелезли через поручни рядом с курятником и стали с интересом озираться. Даг взглянул на утес, высившийся рядом с устьем ручья, и понял, что лоцман мог высматривать приближение потенциальных клиентов миль за десять.

— Эй, хозяйка, — крикнул Хог в передний люк, — у нас еще гости!

Даг тоже положил свое весло и прошел к пе-

реднему краю крыши каюты. На его глазах в люк высунулась светлая голова Берри, и тут девушка словно окаменела. Жестяная кружка, которую она держала, выпала у нее из руки и задребезжала по палубе, расплескивая остатки чая.

Красивый молодой речник поднял на нее глаза, и в них Даг прочел узнавание и — Даг мог бы поклясться — ужас.

— Элдер! — вскрикнула Берри, кинулась вперед и повисла на шее изумленного парня. Тот сначала заколебался, потом тоже обнял ее — Элдер, Элдер, — радостно повторяла Берри, уткнувшись лицом в его плечо. — Ты жив!

19

Радость Берри была такой сияющей, что, казалось, осветила все вокруг; взбаламученный Дар Элдера, напротив, потемнел. Даг стоял на крыше, расставив ноги и приложив пальцы к губам, и с удивлением смотрел на них.

«Что это?»

Хог неуверенно улыбнулся, а Вит, бросив рулевое весло, подошел к Дагу и тоже взглянул вниз. Его лицо отразило внезапное напряжение, а глаза расширились.

— Готорн, Бо, Фаун! Идите сюда! Я нашла Элдера! — крикнула Берри.

Руки Элдера бессильно упали; он растянул губы в вымученной улыбке. Готорн вылетел на палубу с радостными воплями и затанцевал вокруг сестры и ее жениха; он обнял бы парня, но Берри все еще висела на нем и не собиралась уступать место. Фаун и Бо последовали за мальчишкой менее торопливо. Заинтересованный неожиданным шумом Ремо обошел их, влез на крышу и тоже стал наблюдать за происходящим.

Спутник Элдера поднял глаза и заметил Ремо.

— Элдер! — ахнул он. — На этой барже есть

Страж Озера! Нужно сматываться! Ты же знаешь, Крейн не хочет, чтобы мы якшались со Стражами Озера.

Элдер тоже поднял глаза на людей на крыше каюты и коротко втянул воздух.

— Скинк, их двое! Высокий тоже из них — издали я не разглядел.

Берри широко улыбнулась.

— На самом деле их трое. Даг и Ремо присоединились к моей команде еще в Жемчужной Излучине, а Барр… появился позже. Они совсем ручные, ты их не бойся.

Элдер сглотнул.

— Да нет, мы не боимся, просто… Как я понимаю, лоцман вам не нужен, верно?

— Нет, нет, — поспешно вмешался Скинк. — Мы тут не нужны. Смываемся, Элдер.

Элдер повернулся к своему напарнику.

— Ты не понял. Эта девушка, — он показал на Берри, — была… Она моя нареченная, из Клиркрика. Неужели вы проделали весь путь… ах, конечно, вы плывете из Клиркрика. Так и есть. Мы *не сможем*… наняться на эту баржу, Скинк.

Скинк поежился.

— Вот я и говорю. Что же ты тогда собираешься делать?

Его возбужденно перебил Готорн:

— Да где же ты был, Элдер? И где папа, Бакторн и «Шиповник»? Где остальные парни, которые ходили с вами?

Берри отстранилась от Элдера; эти серьезные вопросы заставили ее отвлечься от радостных переживаний.

— Ох, и правда, Элдер, почему ты не вернулся домой? Или хотя бы написал или передал словечко с кем-то? Ведь прошло уже одиннадцать месяцев, как вы уплыли. Мы жуть как беспокоились о вас всех.

Губы Элдера дрогнули, но слов не последовало. Наконец, сглотнув, он выдавил:

— Мне очень жаль, Берри. «Шиповник» потопила буря неподалеку отсюда. Мне одному удалось выбраться на берег. Ребята из… — он оглянулся на Скинка, — из охотничьего лагеря у Локтя нашли меня чуть живого. Я проболел несколько недель — подцепил легочную лихорадку. К тому времени как мне полегчало, от судна уже и следа не осталось — только несколько досок прибило к берегу. Остальное забрала река.

— Ты уверен? — взволнованно спросила Берри. — Они могли выбраться на берег ниже по течению и решить, что это ты пропал… нет,

они послали бы весточку… — Берри печально вздохнула.

Надежда на лице Готорна сменилась горем. Берри обняла дрожащего брата за плечи.

— Ш-ш, Готорн… Мы вроде как знали, правда? Потому что папа и Бакторн и… — она запнулась, — не оставили бы нас тревожиться, если только… — Берри вытерла глаза. — Почему же ты ничего не дал знать, Элдер? Это так жестоко…

Элдер сделал глубокий вдох.

— Мне потребовались месяцы, чтобы восстановить силы, да и ребятам я задолжал за их помощь. Вот я и подумал: я отправился вниз по реке, чтобы подзаработать, и не дело возвращаться к тебе с пустыми руками… и плохими новостями… Я хотел хотя бы вернуть тебе стоимость «Шиповника», да на это потребовалось больше времени, чем я рассчитывал.

Ремо отчаянно зашептал в ухо Дага:

— Даг, он же…

Даг остановил его, подняв руку, и пробормотал:

— Подожди. Пусть закончит. — Он внимательно смотрел на взволнованных людей на палубе, открыв свой Дар как можно шире. На таком расстоянии этого можно было и не делать…

— Элдер, да что такое ты говоришь! — воскликнула Берри. — Ты же должен лучше меня знать! Как ты мог подумать, что я поставлю тугой кошелек выше жизней моих родных… или даже известий об их судьбе?

— Мне очень жаль, Берри, — беспомощно повторил Элдер, повесив голову. — Я ошибся, теперь я это вижу. Я никогда не думал, что ты отправишься меня разыскивать.

На лице слушавшего их Бо сменялись разные выражения: от смутной радости до смутного же горя; теперь он смотрел на Элдера без всякого выражения, покусывая ноготь. Фаун выскочила на палубу почти такая же возбужденная, как Готорн; потом на ее лице стали отражаться те же чувства, что и на лице ее подруги Берри. Теперь она стояла рядом с Бо, сложив руки на груди, и внимательно слушала. В целом Даг был рад тому, что она не приняла на веру все услышанное с такой же готовностью, что и Берри; впрочем, это было понятно: не ей Элдер клялся в любви, и те надежды, которые она питала по поводу счастья Берри, умерялись ее беспокойством насчет чувств Вита.

«Моя Искорка умница; она уже почувствовала, что дело нечисто».

Берри напряглась.

— Элдер, тебе рано или поздно придется сказать правду, так лучше уж скажи ее сейчас. Если у тебя появилась другая девушка, тебе в любом случае придется одну из нас бросить, так что тут тебе никак не выкрутиться. Если она, может быть… выходила тебя или еще что, я, наверное, даже не возненавижу ее… — Берри вопросительно глядела на Элдера; теперь они стояли на расстоянии друг от друга.

— Нет! — удивленно воскликнул Элдер. — Никакой другой женщины у меня нет, клянусь!

— Проклятие, — прошептал Ремо. — Парень в первый раз сказал правду!

— Ага, — кивнул Даг. Это его не порадовало: будь у Элдера другая, это хоть как-то положило бы конец трагедии. Даг тихо добавил: — Присмотри за тем околдованным типом. Он собирается сбежать. — Скинк пятился к своему ялику, но когда Ремо проскользнул мимо курятника, остановился и двинулся в обратном направлении, исподлобья оглядывая заполненную народом палубу.

Берри не сводила глаз с лица жениха; в конце концов она решила — даже Даг не смог бы определить, насколько ее решение продиктовано страстным желанием, — что тот сказал правду.

— Тогда присоединяйся к нам! Мы продадим «Надежду» в Греймауте и получим все деньги, которые нам нужны. Дом в Клиркрике ждет. — Голос ее дрогнул. — Я все для нас приготовила.

Элдер растерянно провел рукой по волосам.

— Не могу же я смыться, ничего не сказав тем парням в лагере, которые мне помогли.

— Конечно, нет! — ответила Берри. — Мы можем причалить за поворотом. Я сама хотела бы поблагодарить их за то, что они за тобой ухаживали. Или… — Берри помолчала, обдумывая ситуацию. — Если у тебя есть долги, я расплачусь за тебя. У меня не очень много монет, но хватит, чтобы оплатить лечение больного. — Возникшее подозрение заставило ее снова умолкнуть. — Если только ты не проигрался…

— Берри, это крутые ребята. Лучше с ними разберусь я сам, а ты веди свое судно дальше. Я… соберу свои вещи и догоню тебя у Запястья.

Бо медленно проговорил:

— Ты и тел никаких не нашел, чтобы похоронить, как положено?

Элдер покачал головой. Судя по состоянию его Дара, он был в панике.

— Тебе не нужно смягчать удар, — тихо сказала Берри. — Я знаю, что может сотворить эта река.

Даг задумался о том, его ли это дело. Он взглянул на Фаун — та переживала за Берри, но еще больше переживала за поникшего Вита, — на Бо, на расстроенного Готорна. Даг не был против лжи, которая могла избавить кого-то от бесполезных страданий, но тут все направления вели в тупик.

«Так давайте выясним правду и посмотрим, чьи страдания окажутся заслуженными».

Даг сурово посмотрел на парня и сказал:

— Берри… Элдер тебе *лжет*.

Она повернула к нему побледневшее лицо.

— О чем?

— Обо всем.

Скинк рванулся к поручням.

Его схватили Ремо и Хайкри, который, услышав шум, вышел на палубу и в растерянности слушал рассказ Элдера. Хайкри с его охотничьими умениями ловко помог Ремо остановить пытавшегося нырнуть в воду Скинка, но потом, глядя на вырывающегося человека, с сомнением спросил Дага:

— В чем тут дело, Страж Озера?

— Я не уверен, только этот человек околдован по уши. Не знаю, кто это сделал, когда и почему. И с какой целью.

— Ох, беда, — вздохнул Хог. — Можешь ты привести его в порядок, Даг?

Что случится, если он расколдует этого несимпатичного Скинка? От одной мысли, что придется впустить в себя его отвратительный Дар, Дага начинало выворачивать наизнанку. Однако околдовывание — это своего рода увечье… Если Даг не оставил бы без помощи истекающего кровью или переломавшего кости человека, может ли он отвернуться от Скинка?

— Почему ты пытаешься сбежать, Скинк? Я не причиню тебе вреда.

Скинк с безумным видом озирался по сторонам.

— Крейну это не понравится, — бросил он Элдеру. Дар и Скинка, и Элдера просто вонял страхом, но Элдер по крайней мере сохранил самообладание, когда Даг спрыгнул на палубу и подошел к Скинку.

«Пусть грех падет на мою голову».

Даг поднял левую руку; на таком расстоянии не было нужды касаться Скинка, но одинаковое положение тела и Дара помогало сосредоточиться. Практика сделала операцию более легкой; Даг поморщился, когда отдача взбудораженного Дара Скинка обрушилась на него, но заставил себя принять ее.

Даг сам не знал, какой реакции ожидать, но

уж никак не того, что Скинк рухнет на палубу, сотрясаясь от рыданий.

— Нет, нет, нет, — выкрикивал он. — Нет, нет, нет…

Хайкри озадаченно закусил губу, напряженно наблюдая за Скинком.

«Да, этот предводитель отряда определенно видел подобное раньше, — подумал Даг. — И я видел тоже».

— Скинк, возьми себя в руки, — рявкнул Элдер. Он обвел взглядом растерянных зрителей, к которым теперь присоединились Барр и Медвежья Приманка. — Простите нас, ребята. Такое с ним случается, когда он начинает трезветь… Я лучше отвезу его в лагерь.

Каждая ложь Элдера в отдельности могла бы показаться правдоподобной; все вместе они таковыми не были.

«Какой правды он так отчаянно боится?»

У Дага оставался последний шанс избежать выяснения. Увы, особо выбирать между несчастьем, вызванным ошибкой, и несчастьем из-за совершенно правильных действий не приходилось.

«Нужно ударить в самое слабое место, и ударить быстро».

Он наклонился, поднял голову Скинка за воло-

сы и прибег если не к удару палкой по голове, то к самому грозному своему командирскому тону.

— Смотри на меня. — Скинк поднял глаза, и дыхание замерло у него в горле. — Что вы на самом деле здесь делаете? — рявкнул Даг.

— Речные разбойники... — пробормотал Скинк. — Мы должны следить за направляющимися в низовья судами, и если на них есть что-нибудь стоящее, отводить их туда, где ждут Крейн и парни, чтобы ограбить. О боги!

— Что? — воскликнула Берри. — Элдер, как это? — Она с ужасом смотрела не на Скинка, а на своего жениха.

— Да у него белая горячка!

— Этот человек, — задумчиво проговорил Хайкри, — напоминает мне тех бедняг, которых мы увозили прочь от логова зловредного привидения.

Даг чуть не ответил ему: «Это связано одно с другим», но проводить такую параллель сейчас ему не хотелось. Он ограничился тем, что сказал:

— Может, и так, но тут, похоже, человеческая подлость. — Он снова дернул Скинка за волосы, не позволяя ему найти убежище в рыданиях. — Сколько разбойников и где они?

— Тридцать. Сорок. И Крейн — он всегда тут

как тут.

— Где?

— В пещере. В пещере рядом с Локтем. По реке тринадцать миль, а по перешейку всего три. Это дает время разведать и подготовиться…

«Он разговорился; нужно не ослаблять давление».

— В той пещере был раньше Злой?

— Что?

— Зловредное привидение.

Скинк помотал головой.

— Нет тут никакого зловредного привидения. Только Крейн, его и одного достаточно. И еще братья Драмы. Прежде чем появились Драмы, Элдер был правой рукой Крейна, но теперь Крейн предпочитает их, и даже Элдер не такой безумец, чтобы проявлять недовольство.

Даг снова встряхнул Скинка и одновременно нажал на его плечо, словно тот был бурдюком, из которого нужно было выжать все до последней капли.

— Значит, предлагая услуги лоцмана, вы заманиваете суда в ловушку, а что потом? Грабите? А что делаете с командой?

— Мое-то судно они захватили не так. Когда я впервые тут появился, пещера все еще служила

Пивовару таверной. Нас туда позвали, напоили, а потом набросились, пока мы были не в себе… за исключением тех, кого Крейн приберег для своих игр… Ох, сколько крови и боли…

Бо и Барр незаметно встали по бокам Элдера, как с удовлетворением заметил Даг. Берри отошла от жениха. Ее бескровное лицо стало холодным и непреклонным. Фаун стиснула ее ледяную руку — то ли ободряя, то ли удерживая, то ли и то, и другое.

— А теперь что случается с командами? — продолжал расспросы Даг.

— Приканчиваем во сне или ударом в спину, если удается. Нельзя позволить никому убежать и донести… да только Крейн всегда может найти беглеца. А суда сжигаем или прячем в тайной протоке за островом — ведь нельзя, чтобы их потом узнали. Раньше Пивовар отправлял их в низовья, только Крейн сообразительнее. Пивовар и игру придумал, да Крейн в конце концов его обыграл.

— А тела?

— Раньше их скидывали в ущелье, а потом младший Драм показал, как можно избавляться иначе: взрезать живот, набить камнями и утопить: так они не всплывут. Легче, чем хоронить… О боги! Понимаете, эти братья Драмы не всегда

сразу убивают…

Может быть, достаточно? «Даже слишком много». Даг понимал, в какой страшной опасности они находятся, и наверняка узнать другие чудовищные подробности — что такое, например, игра? — можно было и потом, не в присутствии Фаун, Берри, Готорна и Хога. «Ладно, еще один вопрос».

— Кто такой Крейн?

— Страж Озера. *Наш* Страж Озера.

Ремо и Барр сразу насторожились; Даг понял это по тому, как резко они закрыли свой Дар, словно моллюск — створки раковины.

«Предатель? Безумец? Порождение Злого?»

— Откуда он появился? — безжалостно продолжал допрос Даг.

— Не знаю. Он уже был здесь, когда меня захватили. Откуда-то из Олеаны, я думаю.

— Это он организовал банду?

— Нет, я же говорил: парень по имени Пивовар.

— А Пивовар был Стражем Озера? — Судя по имени, нет.

— Нет, конечно. До меня… до Элдера Крейн был просто пассажиром на барже, которую Пивовар заманил… Каким-то образом Крейн уговорил Пи-

вовара его не убивать, на какое-то время Крейн стал правой рукой Пивовара, и потом… Пивовара не стало. Остался только Крейн. — Скинк помолчал. — Пивовар, он просто хотел жутко разбогатеть, а чего хочет Крейн, никто не знает.

— Он один?

— Нет, нас тридцать или сорок — когда как.

— Я имею в виду — других Стражей Озера с ним нет? — уточнил Даг.

— А-а… Нет, такой он один.

— А сейчас он где, ты знаешь? — Нигде в пределах мили Стражей Озера нет, но миля неожиданно стала казаться Дагу очень коротким расстоянием между этим безумием и Искоркой.

Скинк покачал головой.

— В последний раз я его видел в пещере. — Дагу показалось, что при этих словах Элдер съежился. Он посмотрел на парня с холодным расчетом.

Берри сглотнула и сказала Дагу:

— Спроси его, захватили ли они… видели ли «Сталь Трипойнта».

— Этот разукрашенный парусник? — фыркнул Скинк. — Проходил тут на прошлой неделе. Крейн, он велел затаиться и позволить этим дуракам плыть мимо. Они и уплыли.

Даг встретился глазами с Берри и угадал ее

мысль: «От них помощи ждать не приходится». Ум его лихорадочно заработал. Разбойников было по крайней мере вдвое больше, чем находившихся на борту «Надежды», однако скоро должны были подойти другие суда. Уловка Крейна была, конечно, хитрой: грабить только самые богатые, а остальные не трогать; и все же даже это не могло дать разбойникам возможность долго оставаться необнаруженными. Так сколько же времени было у «Надежды» для приготовлений?

«Приготовлений к чему?»

Кое-кто из матросов из Рейнтри взялся за весла; иначе «Надежда» могла сесть на мель. Теперь они были гораздо ближе к устью ручья и наблюдательному пункту на скале над ним. Даг поманил к себе Хайкри и Медвежью Приманку.

— Приходилось вам выслеживать разбойников в Рейнтри?

— Однажды пришлось, — признал Хикори. — Их, правда, было всего двое, а не тридцать или сорок. Мы их поймали живьем и привели на суд в деревню, а потом ушли: не очень-то я люблю смотреть, как вешают, хотя делать это нужно.

— Похоже, в этом снова есть нужда, — сказал Даг. — Мне пару раз приходилось уничтожать шайки, плюс еще ту большую банду под Глас-

сфорджем. Первым делом надо позаботиться о том, чтобы охотников было больше, чем дичи. «Кусачая черепаха» ненамного от нас отстает, да и другие суда скоро могут появиться. Если к ночи у нас наберется достаточно народу, вы, парни, присоединитесь?

Хайкри посмотрел на Медвежью Приманку; тот кивнул.

— Пожалуй.

— Если бы я мог, я предоставил бы крестьян крестьянам, а Стражей Озера — Стражам Озера, — продолжал Даг. Барр и Ремо оба поморщились, услышав о предстоящем деле, но оба кивнули Дагу. — Этот Крейн может быть опасен, и бороться с ним крестьяне не смогут.

— Меня это устраивает, — медленно проговорил Хайкри. — При условии, что потом правосудие будет одно на всех. — Он бросил на Дага тяжелый вопросительный взгляд.

— Если он виноват хотя бы в половине ужасов, о которых рассказал Скинк, то проблемы с этим не будет. Троих и раньше бывало достаточно для полевого суда.

Хайкри неуверенно согласился с ним.

— Что ж, чтобы сделать рагу из кролика, нужно сначала кролика поймать.

— Верно, — согласился Даг.

* * *

«Надежда» причалила в устье ручья, и Фаун с тревогой следила за Дагом и остальными мужчинами, которые отвели пленников на берег для дальнейшего допроса. Они вернулись примерно через три четверти часа с мрачными лицами, хотя ни на Элдере, ни на его унылом напарнике не было заметно следов побоев. Бо лично проверил, надежно ли скручены руки Элдера у того за спиной; парня привязали к столбу, поддерживающему крышу каюты между кухней и грузовым отсеком.

— Я бы еще и кляп в его поганый рот всунул, — посоветовал старик Дагу.

Даг покачал головой, но сказал Берри и Фаун:

— Не ослабляйте веревки ни под каким видом. Если ему понадобится пописать, отвернитесь и позовите Хога с ведром. — Говоря это, Даг смотрел в глаза Берри. Она коротко кивнула. Теперь оставалось только ждать подкреплений.

Довольно скоро Вит, забравшийся на скалу, подал сигнал, и они с Бо на ялике разбойников отправились к идущей вниз по течению барже, чтобы объяснить ситуацию. Девять человек ко-

манды — все крепкие парни — были поражены новостями, не говоря уже о том, что сами еле избежали опасности; они с готовностью предложили помощь в уничтожении речных грабителей и тут же направили свое судно к берегу.

«Кусачая черепаха» появилась около полудня, и Фаун заметила, что Даг с облегчением перевел дух. Буйная команда парусника выразила полную готовность поучаствовать в грязной работе. После этого предводители и хозяева судов — Вейн и Садлер, Хайкри и Медвежья Приманка, капитан новой баржи и Даг — собрались на берегу, чтобы обсудить планы. Вейн, объявивший себя лучшим драчуном, какие только плавали по реке, счел себя командиром и предложил напасть на разбойников с реки. Даг явно предпочитал, чтобы Хайкри возглавил атаку с перешейка, и когда громкие споры стали казаться нескончаемыми, отвел Вейна в сторонку для разговора наедине. Фаун, наблюдавшая за мужчинами с борта «Надежды», предположила, что для убеждения Даг воспользовался не только словами; в тревоге она смотрела на потемневшее лицо мужа. Однако план нападения с суши в конце концов был принят.

Остаток дня команды провели, собирая и гото-

вя оружие. У всех были ножи, дубинки удалось быстро изготовить, но пик и луков оказалось меньше, чем хотелось бы Дагу. Вита он включил в группу лучников.

— Обязательно ли Виту участвовать? — тихонько спросила Дага Фаун, когда они на мгновение оказались наедине на задней палубе «Надежды».

— Он сам вызвался. Было бы оскорблением после этого оставить его на борту. И мне не хватает лучников. — Даг отвел прядь волос со лба Фаун. — По крайней мере лучники будут на расстоянии от самой жаркой стычки.

— В этом что-то есть, — согласилась Фаун.

— И еще… Мне не хотелось бы оставлять его с Элдером.

Фаун вскинула голову.

— Даг! Как бы ни переживал Вит за Берри, он не убийца!

— Нет, конечно, но уж очень Элдер сладкоречив. Если он уговорит Берри… на что-нибудь, есть опасность, что Вит наделает глупостей из-за ложно понятого благородства… или ударится в другую крайность. Я предпочел бы вовсе избавить его от подобной дилеммы. — Даг помолчал. — Наутро нам всем предстоит стать палачами, если все пройдет, как следует, знаешь ли. Берри

понадобится вся поддержка, какую только ты сможешь ей оказать.

— Нужно ли вешать и Элдера? Я хочу сказать — он же был околдован этим Стражем Озера Крейном, верно? Разве он виноват в том, что делал по принуждению? А Скинк? Разве не будет трудно разобраться с этим… наутро?

Даг долго молчал, глядя на реку.

— Я не собираюсь заводить об этом речь, если другие не станут. Не начинай и ты, пожалуйста. Они все достаточно виноваты.

— Даг… — с упреком прошептала Фаун.

— Я знаю, я знаю! — Даг вздохнул. — Как бы то ни было, первым делом нам нужно поймать разбойников. Это сделать мы должны без колебаний. Спорить можно потом, когда нам не будет грозить опасность.

Фаун с сомнением поджала губы.

Даг обнял ее и зарылся лицом в ее волосы.

— Я думал, — пробормотал он, — что, когда я ушел из отряда, такая работа останется позади и я смогу посвятить и свой ум, и свой Дар лечению людей, а не убийству. — Еще тише он добавил: — И когда я вылечил бы стольких же, скольких убил, счет стал бы равным, и я смог бы двинуться вперед.

— У тебя это получается?

— Не знаю, Искорка. Я могу только надеяться.

Фаун крепко обняла Дага, чтобы он почувствовал ее поддержку.

— Не мог бы ты хотя бы расколдовать Элдера, прежде чем вы отправитесь… Берри было бы очень тяжело увидеть, как он разваливается на части, вроде этого Скинка, но по крайней мере он стал бы не таким опасным.

— Я не могу расколдовать Элдера.

— Почему? Других же ты расколдовывал. Это ведь не излечение, когда ты отдаешь так много Дара, что сам уже не держишься на ногах. Или как с тем куском пирога — сразу не переварить?

— Нет, — неохотно проговорил Даг. — Я не могу расколдовать Элдера, потому что он вообще не околдован.

Последовало молчание.

— Ох… — наконец прошептала Фаун. «О боги! Бедная Берри…» — Когда ты собираешься ей об этом сказать?

— Не знаю. У меня сейчас такая путаница в мыслях, что я боюсь себе доверять. Сначала нужно поймать разбойников. И в первую очередь их главаря, Крейна. В этом я уверен… возможно, это единственное, в чем я уверен.

Такой подход показался Фаун типичным для старого дозорного: «Сначала уничтожить Злого. Все остальное — потом». Она не думала, что Даг ошибается, но «потом» начало пугающе нависать над ними… Фаун взяла себя в руки и решительно встряхнула Дага за плечи.

— Тогда разделайся с разбойниками.

Даг ответил ей благодарной улыбкой.

К концу дня появилась еще одна баржа, но на ней, как оказалось, плавала семья. Отец, старший сын и двое матросов вызвались участвовать в схватке, к ужасу матери, оставшейся с четырьмя младшими детьми и стариком-дедом. Никто не ожидал, что с наступлением темноты можно ожидать прибытия других судов: все разумные капитаны на ночь причаливали к берегу; однако в сумерки появился парусник, который чуть не прошел мимо. Его команда состояла из суровых речников из Серебряных Перекатов, и услышав жуткую историю о грабежах, убийствах и сожженных судах, они с готовностью присоединились к остальным. Теперь нужно было только накормить всех, более подробно обсудить планы и проследить, чтобы к полуночи никто не напился.

На сборы Дагу потребовалось немного времени:

он собирался отсутствовать всего несколько часов, а не недель. Фаун думала, что они покончили с этими расставаниями в темноте, когда Даг ушел из отряда; вернувшиеся воспоминания пугали ее. Однако толпа речников на берегу обнадеживала своей многочисленностью и своей яростью. Даг отправил Ремо, Барра и кое-кого из охотников из Рейнтри вперед как разведчиков. Остальные поднимались на холм при свете нескольких фонарей. Они, конечно, производили больше шума, чем умелые дозорные — Стражи Озера, но по крайней мере решительности им было не занимать.

О сне не могло быть и речи. Фаун и Берри занялись подготовкой на кухонном столе бинтов и лекарств, имевшихся на «Надежде», в ожидании возвращения мужчин — на рассвете, по предположению Дага. Фаун надеялась, что запасом лопат из Трипойнта для похорон не придется воспользоваться, — по крайней мере для тех, кто на их стороне. Скорее всего это была слишком оптимистическая надежда, но Фаун нужно было что-то противопоставить унылому холоду этой ночи. На борту почти никого не осталось, и ряд судов, привязанных к деревьям в устье ручья, казался погруженным в невыносимую тишину.

Готорн некоторое время назад исчез в кустах

— скорее всего чтобы выплакаться; вернувшись, он улегся на свою койку лицом к стене, прижимая к себе енота. Сон ослабил его хватку, и зверек выскользнул и спрятался в грузовом отсеке. Бо ходил вдоль ряда судов, переговариваясь с немногими оставшимися — стариком старше его самого и парнем со сломанной рукой. Хог, отряженный помогать Бо, таскался за ним следом.

Элдер, которого ненадолго сморила дремота, поднял голову. Сидя на табурете привязанным к столбу, он больше не выглядел бодрым красавцем. Фаун подумала о том, часто ли его отправляли заманивать жертвы, — это ему должно было хорошо удаваться благодаря располагающей внешности и красноречию. В свете фонаря было видно, как он воровато озирается; потом его взгляд остановился на Берри.

— Я не мог сбежать, — сказал он. — Ты и представить себе не можешь, что Крейн творит с дезертирами.

Берри посмотрела на него со своего места у стола, но ничего не сказала. Фаун перестала нервно теребить свои принадлежности для рукоделия, гадая, не придется ли ей вскоре зашивать живую плоть, повернулась и стала смотреть на Берри и Элдера.

— И что же этот Крейн делает с дезертирами? — наконец спросила она, видя, что Берри не собирается нарушать молчание.

— Он хитрый, жутко хитрый. Одного или двух человек он просто убил, когда те стали спорить, но по большей части если кто-то собирается уйти из шайки, он притворяется, что отпускает парня вместе с частью добычи, а потом выслеживает. Скрыться от его Дара невозможно. Он из засады убивает дезертира, а его часть добычи забирает себе, и никто в лагере даже ничего не знает. Уйти от него живым невозможно.

Такой исход показался Фаун справедливым. Однако в рассказе Элдера было несколько несоответствий, и Фаун посмотрела на Берри, гадая, заметила ли это та.

— Если все делается тайно, то откуда ты обо всем знаешь? — спросила она. — Что-то мне кажется, что Крейн не мог бы устраивать засаду и хоронить убитых в одиночку. — Элдер бросил на нее неприязненный взгляд. — И как в таком случае кто-то из разбойников остается в живых? Или Крейн рассчитывает под конец остаться один?

— Некоторые присоединяются к шайке — как братья Драмы. Иногда Крейн принуждает пленников — как Скинка.

И как Элдера? Фаун подумала, что не стоит спрашивать об этом в присутствии Берри. Лучше не надо… Она подозревала, что Бо уже знает, — после допроса на берегу, откуда он вернулся таким мрачным. Скорее всего завтра многое расскажут те свидетели, которых удастся захватить живьем…

— Я пытался спасти вас, — сказал Элдер, жалобно глядя на Берри. — Сегодня, когда мы встретились, я делал все, что только мог придумать, чтобы вы продолжали плавание. Я всегда пытался спасти кого только мог, когда меня отправляли притворяться лоцманом. Те суда, на которых были семьи, женщины или дети, я пропускал.

Скорее всего то были самые бедные баржи, заподозрила Фаун.

— А постельные лодки? — поинтересовалась она.

— Такие нам никогда не попадались, — поморщился Элдер.

Берри подняла на него глаза.

Если Крейн действительно был так хитер и так жесток, как говорил Элдер, скорее он позволил бы женщинам заняться их ремеслом в пещере, щедро заплатил им, а потом, когда они собрались бы отправиться дальше, избавился от них, как и

от дезертиров. Иначе весть о таинственной таверне в пещере просочилась бы, а Берри в своих расспросах не обходила вниманием и постельные лодки. А вот то, что Элдер отчаянно старался убедить Берри плыть дальше, было, несомненно, правдой.

В голосе Элдера зазвучало горячее желание убедить Берри.

— Мы же могли бы бежать отсюда — только ты и я. Когда я тебя увидел, я словно проснулся от длившегося целый год кошмарного сна. Я так испугался за тебя… я никогда не позволил бы Крейну наложить на тебя руки. Мне и в голову не приходило, что ты спасешь меня. Понимаешь, я знаю, где находятся некоторые тайники Крейна. Если бы мы ускользнули сейчас, пока остальные заняты, мы могли бы вернуться в Клиркрик богатыми и никогда больше не ходить по реке. Я и видеть ее больше не желаю: она меня погубила. Мы могли бы забыть все это, как дурной сон, и начать все с начала.

— Так вот что ты собирался привезти мне? — сказала Берри хриплым голосом, глядя на свои стиснутые руки. — Мешки монет, покрытые кровью убитых?

Элдер затряс головой.

— Крейн по крайней мере должен тебе заплатить за «Шиповник», я думаю.

— Почему, если судно разбилось в бурю? — поинтересовалась Фаун, подняв брови. Взгляд, которым ответил ей Элдер, был убийственным. Однако он достаточно быстро оправился и продолжал:

— Это все вина колдуна — Стража Озера. Он помрачает рассудок людей, заставляет их трепетать перед ним. Уничтожает хороших людей и наслаждается этим. Ты видела Скинка. Он был обычным речником, ничем не отличался от гребцов твоего отца на «Шиповнике». А потом Крейн поймал его и совратил. Поэтому-то я и не мог скрыться. Боги, как я ненавижу Крейна!

Последняя фраза прозвучала вполне правдиво. Берри подняла на Элдера глаза, и на мгновение Фаун показалось, что ее решимость дала трещину… ведь не вода же блеснула в ее покрасневших глазах.

— Если Крейн околдовал тебя, — сказала Фаун, — тогда ты остаешься околдованным и теперь, и освободить тебя опасно, потому что ты тут же побежишь к нему обратно. Ты не сможешь этому противиться, как не мог противиться всему остальному.

Элдер начал что-то отвечать, но в растерянности умолк. Заметил ли он ловушку, в которую себя загнал?

Берри наконец заговорила:

— Конечно, если ты не околдован, трудно понять, почему ты раньше не мог сбежать. По мне так человек, который хочет бежать, а о деньгах не заботится, мог уплыть ночью на плавнике — на это целое лето было. Добрался бы за день до первого лагеря или поселка за Запястьем и позвал на помощь, хотя бы сообщил, что у Локтя творятся черные дела. Все это можно было сделать давным-давно — если ты не был околдован. Так что тут верно — ты уж выбери, Элдер.

Элдер открыл и закрыл рот. Наконец он принял решение.

— Этот Страж Озера… Он всего меня заколдовал. Я теперь и ясно думать не могу.

— Тогда мне опасно развязывать тебя, а? — сказала Берри, поднимаясь на ноги. — Пойдем, Фаун. Тут не удастся уснуть. Пойдем на крышу. Там и воздух чище.

— Верно, — откликнулась Фаун и следом за Берри через люк выбралась в холодную тьму.

Ночное небо было ясным и покрытым звездами. Над восточным берегом реки вставал месяц.

Берри и Фаун уселись на крыше, скрестив ноги, и стали вглядываться в черную массу утеса; только несколько тусклых огоньков виднелись в окнах судов. Ручей, впадавший в Грейс, громко журчал. Крика и шума битвы слышно не было, да Фаун и не ожидала их услышать: от пещеры разбойников их отделяли три мили.

— Элдер всю свою жизнь там, в Клиркрике, был хорошим человеком, — наконец заговорила Берри.

Фаун ничего ей не ответила.

— Река и в самом деле уничтожила его.

— Может быть, он просто никогда не встречался с настолько сильным искушением, — предположила Фаун и после паузы добавила: — Да не выпадет мне такой судьбы.

— Ага, — выдохнула Берри. Морозную ночь не оживляли песни насекомых. Пар от дыхания серебрился легкими облачками в лунном свете. — Так околдован Элдер или нет? — наконец снова заговорила Берри. — Даг ничего не говорил?

Фаун сглотнула. Вряд ли будет более удобное время и место, чтобы открыть Берри правду.

— Он сказал — нет.

Берри сделала глубокий вдох.

— Я вроде как поняла, что дело нечисто. Иначе

Даг отпустил бы его вместе со Скинком. — Она горько усмехнулась. — Уж и не знаю, что хуже. Плохо и так, и этак.

— Верно, — согласилась Фаун.

— И выхода я не вижу.

— Верно, — согласилась Фаун.

Они долго молча сидели на крыше, дожидаясь проблеска света или слова, но так и ушли, не дождавшись.

20

Даг уперся коленом в поваленный ствол, проверил крепление лука на протезе и защелкнул замок. Открыв свой Дар, он быстро огляделся и выругался: не в первый раз уже он сожалел о неспособности Дара проникать сквозь камень. Барр и двое лучников Хайкри заняли позицию у выхода из пещеры. Ремо и еще один из охотников взбирались к отверстию в скале, откуда вился дымок, серебристо-серый в свете встающего месяца. Задачей Ремо было проследить, чтобы тем путем никто не сбежал. Наконец Даг проверил, готов ли Вит, стоявший с ним рядом. Лицо парня, исполосованное тенями голых ветвей, было таким же бледным и неподвижным, как луна; на нем не было заметно обычной утомительной веселости. Эта перемена оказалась не такой обнадеживающей, как мог бы подумать Даг.

Даг подавил свой гнев, рожденный не только жестокостью разбойников, но и тем, что он столкнулся с ними здесь и сейчас, в середине путешествия, которое он хотел сделать для Фаун запоздалым свадебным подарком. Она однажды пострадала от разбойников под Глассфорджем, и

он поклялся, что больше никогда такой ужас ее не коснется. Правда, сегодня она не выглядела испуганной — только напряженной и решительной. На этот раз он сделает все, чтобы она осталась в стороне от ужасных событий. Даг старался не думать о том, что наступали ее ежемесячные дни зачатия, рождая милый блеск ее Дара; в обычных обстоятельствах они использовали бы изощренные постельные приемы Стражей Озера. Только нужно было оказаться вдали от любых разбойников…

«Прогони эту мысль, старый дозорный, ты только сведешь себя с ума… еще больше, чем обычно».

Однако Даг принял твердое решение: никто не должен вырваться из этой пещеры, чтобы угрожать Фаун, или Берри, или кому-нибудь еще. Он огорченно закусил губу: стены пещеры не позволяли пересчитать врагов.

Чудо из чудес: два двигавшихся с разных сторон отряда речников — один под руководством Хайкри, другой — капитана Вейна — подошли ко входу в пещеру одновременно, и только тогда часовой очнулся от своего пьяного ступора и поднял тревогу.

«Слишком поздно», — с удовлетворением по-

думал Даг. Он то открывал, то закрывал Дар, следя за событиями, но заслоняясь от вспышек, рожденных увечьями врагов. Вся его возня с целительством сделала его более чувствительным к подобным вещам… Даг поморщился от обжигающего ощущения удара ножом, от ослепительного взрыва удара дубинкой. Нужно продолжать поиск его истинной цели…

Где же, будь оно все проклято, этот Крейн? Должно быть, им удалось застать предводителя спящим, как они и рассчитывали, иначе речникам никогда не удалось бы подобраться к пещере незамеченными. Никто из Стражей Озера с «Надежды» не соприкоснулся с его Даром снаружи, по крайней мере на расстоянии мили.

Крики, удары, стоны доносились от входа в пещеру, озаренного мерцающим оранжевым светом факелов и отчаянно раскачивающихся фонарей. Разбойник, попытавшийся вылезти в дымовое отверстие, получил удар от напарника Ремо. Сам Ремо скользнул вниз, исчезнув и из обычного, и из внутреннего поля зрения Дага. Прекрасно! Теперь по крайней мере один разведчик был внутри; он поможет найти предателя. Даг безжалостно подавил беспокойство за неопытного дозорного, когда пятеро ревущих

разбойников тесной группой пробились через людей Вейна и побежали в сторону Дага и Вита.

— Видишь их? — шепнул Даг, поднимая лук и целясь.

— Ага, — выдохнул парень пересохшими губами и последовал его примеру. Две стрелы со стальными наконечниками вылетели одновременно и обе попали в цель.

— Прекрасный выстрел! — похвалил Вита Даг. «Скорее, правда, везение новичка». Даг выпустил следующую стрелу еще до того, как Вит трясущимися руками сумел натянуть лук. На этот раз разбойник не был выведен из строя: стрела попала ему в бедро и только замедлила его движения. Эта группа, должно быть, поняла, как мало милосердия могут они ожидать от речников, превратившихся из добычи в охотников. Трое уцелевших повернулись и бросились бежать — или хромать — в другом направлении: туда, где ждал Барр. Ни одному не удалось миновать дозорного.

Даг подождал еще несколько минут, но никто из разбойников больше не пытался вырваться из пещеры. Задача лучников была выполнена, и Даг двинулся вниз по склону; теперь его больше занимала необходимость быстро добраться до входа,

чем задача удержать Вита на расстоянии от него. Один из их противников лежал неподвижно: стрела торчала из его глаза. Другой стонал и корчился на опавших листьях, пытаясь выдернуть древко, глубоко застрявшее у него в животе.

— Не нужно ли… — неуверенно начал Вит.

— Оставь его пока. Он уже никуда не убежит, — пробормотал Даг. Беспокоиться о раненых, которым утром предстоит быть повешенными, он будет, только когда поможет своим… если будет время и если он сам останется цел.

— Но я… в кого из них я попал? — Вит оглянулся через плечо.

— Твой — тот, кто застрелен в голову. Чистая и быстрая смерть.

— Ох…

На лице Вита выражение триумфа сменилось отвращением, и Даг понял, что когда все кончится, ему предстоит заняться не только Барром и Ремо, чтобы смягчить ущерб, нанесенный агонией Дара жертв.

«А кто поможет моему Дару?»

Не важно, сначала самое главное. Спотыкающихся обезоруженных разбойников речники уже вытаскивали из пещеры и привязывали к деревьям. Даг понадеялся, что уж завязывать

узлы они умеют.

Внутри пещеры царил полный хаос. Валялись перевернутые скамьи и ящики, скомканные одеяла, по полу были расшвыряны всевозможные товары, в том числе множество бутылок и кувшинов, частью целых, частью разбитых. Сама пещера состояла из двух помещений, одного позади другого, каждое футов двадцати в высоту и сорока в поперечнике. Под дымовым отверстием на углях валялся разбитый бочонок, из которого вырывались яркие языки пламени. Из разбитого фонаря растеклось чадящее и шипящее масло; какой-то матрос уже затаптывал расползающийся огонь. На полу лежало несколько стонущих раненых, других разбойников связывали суровые речники. На каждого оставшегося в живых врага приходилось по крайней мере двое парней. Даг этому порадовался, но тут же поморщился, попытавшись с помощью Дара сосчитать разбойников и найти их вожака — Стража Озера. Может быть, он надежно закрыл свой Дар, чтобы спрятаться среди других пленников? Нет… А вон Ремо — живой и здоровый; это хорошо.

К Дагу подбежала Медвежья Приманка и схватил его за руку; Даг еле удержался от того, чтобы машинально нанести ему удар.

— Скорее, Страж Озера! Ты должен помочь!

Он потащил Дага к стене пещеры, подальше от шумной толпы. Там на поспешно собранных одеялах лежали двое раненых. Рядом с одним из них на коленях стоял друг, отчаянно путаясь зажать рану на шее; между его пальцев сочилась кровь. Вторым оказался Хайкри; он неровно дышал, и лицо его было цвета застывшего жира.

«Ох, только не он!»

Даг на мгновение дал свободу Дару. Охотник из Рейнтри получил удар дубинкой по голове; череп был расколот как раз над левым ухом.

«Плохо дело…»

Медвежья Приманка закусил губу.

— Понимаешь, он уложил двоих своей пикой, а третий кинулся на него сзади. Я не успел… — выдохнул он.

Раненому в шею можно было помочь сейчас или никогда. Даг опустился на колени, отстегнул и отбросил в сторону лук и вытянул руки — настоящую и призрачную — над рукой испуганного матроса, одного из речников из Серебряных Перекатов.

— Не двигайся, — распорядился Даг, — продолжай крепко прижимать… вот так. — Парень сглотнул и сделал, как ему было велено.

Яремная вена была только задета, а не рассечена; может быть, и удастся… Шум в пещере перестал восприниматься Дагом, который сосредоточился на раненом. Его призрачная рука нащупала края сосуда и свела их вместе. Направленное подкрепление Дара, небольшое, но точное… Хватит ли его, чтобы выдержать внутреннее давление и внешние воздействия? Не потерял ли уже этот бледный молодой человек слишком много крови, чтобы выжить? Земля под коленями Дага была липкой от крови. Даг глубоко втянул воздух и отстранился, чтобы избежать ущерба собственному Дару.

Он потряс головой, разгоняя туман перед глазами; его бил озноб.

— Теперь можешь отпустить, — сказал он парню с окровавленными руками. — Закутай его в одеяла и постарайся согреть чем только сможешь. Только не ворочай его, иначе та большая вена снова вскроется. Рану нужно зашить, если у вас есть кто-нибудь с легкой рукой. Только не сразу, нужно немного подождать. — Жуткая рваная рана на шее все еще была открытой, но кровь уже еле сочилась, а не била, как ужасный родник. — И не пытайся пока его переносить. — Потом парню нужно будет дать как можно больше питья, но

Даг не решился поить раненого, пока тот не очнется. Если он подавится, это может его убить.

Даг попытался вспомнить, чем он был занят раньше. Целительство и командование отрядом, похоже, плохо совмещались: каждое требовало полного внимания. О боги, Хайкри! Даг не хотел терять Хайкри, и не только из-за общительности охотника. Хайкри был как раз таким предводителем, который мог, вернувшись домой, преобразить жизнь своей деревни, а может быть, и более далеких окрестностей, если его удастся убедить смотреть на вещи так, как видел их Даг.

«Если только он выживет…»

Даг приподнялся и снова опустился на колени — рядом с Орешком. Под пристальным взглядом испуганного Медвежьей Приманки он осторожно обхватил пальцами голову охотника. Там, куда пришелся удар, была вмятина, и вокруг нее кость покрывала паутина трещин, однако острых осколков, повредивших мозг, Даг не обнаружил. Над той странной тонкой оболочкой, которая одевает мозг в черепе, собиралась кровь; она выпрямляла вмятину, но одновременно и давила на нежную ткань внутри. «Это вредит ему, я уверен».

Настоящий целитель или деревенский косто-

прав мог бы просверлить череп, чтобы выпустить кровь… по крайней мере Даг видел подобные сверла среди инструментов Хохарии. У Дага в запасе были тонкий нож, щипцы, иглы, нитки и бинты, травы и порошки, но никаких сверл. «Да и нужны ли мне они?»

Даг сосредоточился и с помощью Дара проделал дырочку в кости и коже Хикори. Ручеек крови сразу потек между пальцев Дага, склеивая черные волосы раненого. Когда давление в поврежденном месте уменьшилось, изнутри снова началось кровотечение.

«Так не годится… Ты рискуешь… рискуешь своим Даром…»

Даг отстранился, все еще касаясь головы Хайкри, и одурманенно огляделся.

В нескольких шагах от него человек, которому в живот всадили нож, в последний раз вздохнул и умер. Разбойник, понадеялся Даг, хотя в своем проклятом затуманенном состоянии не смог бы отличить своих от врагов.

— Страж Озера… — прошептал Медвежья Приманка.

Даг покачал головой.

— У него проломлен череп — ты же знаешь. Еще слишком рано судить о том, есть ли у него

шанс выкарабкаться. — Он осторожно направил подкрепление в мозг рядом с раной и заморгал, пытаясь избавиться от головокружения. Мимо протрусил крупный мужчина, и Даг окликнул его:

— Вейн!

Капитан парусника обернулся.

— Вот ты где! — Он с подозрением выпятил подбородок. — Что это ты делаешь?

— Лучшее, на что способен, — устало ответил Даг. — Я не могу еще отсюда уйти. Ты нашел уже этого Крейна? Если его здесь нет, узнай, куда он мог скрыться, и не бежали ли с ним и другие разбойники. Узнай точное количество, узнай имена. Не позволяй им ничего от тебя скрыть. — Вейн хотел быть вожаком речников, но, к его чести, не ценой жизни его соперника Хайкри. Здоровяк закусил губу, но решил не спорить; бросив на Дага неприязненный взгляд, он заорал, подзывая своего помощника Садлера. Если Даг хотел получить ответы на вопросы, то Вейн, несомненно, был тем человеком, который мог их добиться. Большинство пленников будут мрачными и необщительными, понимая, что надежды у них нет, но среди такой толпы наверняка найдется несколько болтунов — околдованных или нет.

Скинк и Элдер, будь они прокляты, оба утверждали, что Крейн был в пещере, и Даг мог поклясться, что ни один тогда не лгал. Однако они отсутствовали, отправившись на разведку, весь день. Дагу уже приходилось сталкиваться с тем, что устаревшая информация портила все дело.

«Проклятие!»

Дырочка в черепе Хикори закрылась. Своей призрачной рукой Даг вытащил сгусток, позволив крови вытекать. Правильно ли он поступил? Когда кровотечение прекратится? Дагу хотелось заглянуть поглубже, найти источник и перекрыть его, но он не осмеливался. Еще одно глубокое погружение, и неизвестно, сможет ли он пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы сражаться. А сражение, похоже, еще не закончилось.

Вита парни из Рейнтри позвали на помощь, чтобы связать пленников. Теперь он вернулся к Дагу и накинул ему на плечи одеяло. Даг с благодарностью улыбнулся. Вит широко раскрытыми глазами посмотрел на Хайкри.

— Он умрет?

— Пока еще нельзя сказать. Не мог бы ты найти Ремо или Барра? Куда, черт возьми, эта парочка запропастилась?

— Осматривают другую часть пещеры, навер-

ное. Я посмотрю.

— Спасибо.

Вит кивнул и стал пробираться между расшвырянных предметов. Даг подумал, что его молодой брат по шатру хорошо держится, впервые в жизни столкнувшись с такой смертельной жестокостью. Впрочем, помогать Вейну он Вита не послал бы. Даже сам Даг поморщился, когда до него донеслись удары и вопли оттуда, где в углу пещеры Вейн вел допрос; даже стоны раненых не могли заглушить эти звуки.

Через несколько минут Вит привел Ремо и Барра. Оба дозорных были мрачнее тучи, и не только потому, что впервые участвовали в уничтожении шайки разбойников.

Ремо протянул Дагу разделяющий нож.

— Посмотри, что мы там нашли.

— Ага, та часть пещеры набита добычей до потолка, — вмешался Вит, которого увиденное явно поразило. — Должно быть, там держали все самое ценное.

Даг прищурился. Нож не был заряжен.

— Не мог он принадлежать Крейну?

— Я нашел его среди того, что было, должно быть, грузом целой лодки Стражей Озера — лучшими мехами, — ответил Ремо. — Похоже, люди

Крейна не всегда избегали Стражей Озера.

Даг осторожно положил голову Хайкри между своих колен и протянул окровавленную руку за ножом. Ремо отшатнулся, когда заметил, что рукав Дага весь пропитан кровью, но все же неохотно разжал пальцы. Даг поднес нож к губам. Да, незаряженный… И окруженный странной внутренней тишиной.

— Кому бы этот нож ни был завещан, этот человек мертв. — Значит, он вряд ли принадлежал Крейну, хотя Дагу не хотелось отказываться от надежды.

Барр изумленно спросил:

— Ты можешь это определить?

— Мой брат — мастер, изготовляющий ножи, — уклончиво ответил Даг. Молодые дозорные посмотрели на него с новым уважением. — Убери его, — сказал Даг, возвращая нож Ремо.

Ремо вложил костяной клинок в ножны и повесил себе на шею. Пряча ножны под рубашку, он с яростью прошептал:

— Они убили Стража Озера, даже не позволив ему зарядить нож!

«Ему или ей…»

Дагу не хотелось думать о такой возможности. Среди жертв разбойников, несомненно, время от

времени оказывались женщины, но сейчас речники не обнаружили в пещере ни одной. «Нельзя позволить никому убежать и донести», — вспомнил Даг слова Скинка. Можно ли надеяться на то, что женщины умирали быстро, или подобная надежда ничего не стоит?

Дренаж в черепе Хикори снова закрылся, и давление на мозг опять стало расти.

— Вы хоть какие-то следы Крейна обнаружили? — спросил Даг. Или тех безумных братьев Драмов, ставших его добровольными помощниками; Дагу определенно хотелось их найти — живыми, мертвыми или среди захваченных в плен.

Барр покачал головой.

— По крайней мере на полмили в окрестностях его нет.

— Мы должны его найти. Захватить. — И не только из-за его чудовищных преступлений. Если Страж Озера — предводитель разбойников не будет судим вместе с остальными — какой бы формальностью, как подозревал Даг, ни оказался такой суд, — речники наверняка сочтут, что дозорные помогли ему бежать. — Проклятие, что Вейн так долго…

Словно в ответ на его вопрос к ним подошел

Садлер, покачал головой, глядя на Хайкри, и доложил, что обнаружены все разбойники, кроме пяти. Двое, похоже, ушли накануне ночью, забрав свою часть добычи: они покинули шайку, не в силах выносить больше извращенные жестокости братьев Драмов. Крейн и двое его прихвостней порознь ушли на следующее утро, за несколько часов до того как Элдер встретил «Надежду». Это обстоятельство, возможно, сыграло на руку речникам, потому что в отсутствие предводителя разбойники добрались до нескольких бочонков, которые тот припрятал, и напились даже сильнее обычного.

Значит, пятеро разбойников все еще на свободе, включая самых опасных.

«Достаточно ли в случае чего будет тех, кто остался охранять суда?»

Даг неожиданно усомнился в этом. Однако он пока не мог рискнуть перемещать двоих своих подопечных, да и не было смысла нести их на носилках через перешеек, когда суда в любом случае спустятся сюда: утром они обогнут Локоть и причалят у самой пещеры.

«Только я не могу ждать так долго».

Даг облизнул губы.

— Кто-нибудь из наших убит?

Садлер с сомнением посмотрел на пациентов Дага.

— Пока все живы. Девять разбойников помрут. Двадцать один ждет повешения, хотя среди них один может до этого не дожить.

Даг с отчаянием посмотрел на осунувшееся лицо Хайкри. Ему нужно довести охотника из Рейнтри до состояния, когда он сможет на некоторое время его оставить: преследовать Крейна необходимо. Только в каком направлении? Ошибиться в поиске — хуже, чем просто бессмысленно потратить время. Даг понимал, что для ускорения поиска ему потребуется Копперхед. Барр и Ремо могут воспользоваться лошадьми разбойников: неподалеку от пещеры их нашлось около дюжины.

— Садлер, вернись к пленникам и попробуй выяснить хоть что-то о том, каким путем могли двинуться те, кто покинул пещеру. Барр, обойди еще раз окрестности: Крейн и его подручные могут возвращаться, и мы должны обнаружить их раньше, чем они обнаружат нас. Ремо… ты останься со мной. Ты мне нужен.

Вит, которому ничего не было поручено, двинулся следом за Садлером. Ремо опустился на колени рядом с Дагом.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — тихо спросил он.

— Вытащил меня, если я зайду слишком далеко. Мне нужно глубже заглянуть в бедную пробитую голову Хайкри.

Ремо серьезно и доверчиво кивнул. Отсутствующие боги, неужели Даг производит впечатление человека, который знает, что делает? К этому времени Ремо должен был бы разобраться… Даг вздохнул и протянул к Хайкри свою призрачную руку — это делать становилось все легче…

Перед ним распахнулся внутренний мир Дара Хайкри и заполнил все его поле зрения, такой же бескрайний и загадочный, как леса Лутлии. Неудивительно, что однажды совершив такое, человек начинал воспринимать любое другие применение Дара как тривиальное и скучное. Что уж тут говорить о призвании… Однако возбуждение скоро покинуло Дага. Увечья Хайкри были много хуже разбитого колена Хога, разветвления его Дара уходили глубже и были еще более непонятными. Знаний Дага было недостаточно.

«Мне и не нужно понимать всего. Тело обладает большей мудростью, чем я когда-нибудь достигну, и исцелит себя, если сможет».

Нужно начать с очевидного: заживить самые

крупные сосуды. Такое Даг уже делал раньше. Может быть, этого окажется достаточно…

«Хорошо бы, чтобы оказалось достаточно».

Даг продолжал внутреннее обследование. Этот сосуд нужно восстановить, небольшого подкрепления хватит — хотя бы на время. Еще один, и еще, и еще… Ах! Вон та порванная артерия и есть источник неприятностей, да! Даг соединил концы и подкрепил Дар особенно тщательно. И теперь кровь проникала в рану медленнее, чем вытекала из нее, а потом кровотечение и вовсе прекратилось. На этот раз когда опухоль опала, такой она и осталась. Еще одно усилие — чтобы поставить на место треснувшую кость. Пострадавшая часть мозга заняла свое законное место, хотя еще и продолжала пульсировать. Новое подкрепление успокоило боль…

Чувствительность Дага сейчас была такой, что легкое прикосновение Дара Ремо он ощутил, как удар по голове. Даг охнул и полетел куда-то вверх…

— С тобой все в порядке? — спросил Ремо.

Даг сглотнул и кивнул, моргая и щурясь.

— Спасибо. Ты вмешался вовремя.

— Мне показалось, что уж очень долго ты находишься в трансе.

Правда? Даг считал, что прошло всего несколько минут. Рядом оказался Вит; он протянул Дагу кружку с чем-то, и Даг, не подозревая подвоха, выпил и чуть не задохнулся. Крепкий напиток был приторно-сладким, но он взбодрил Дага. Должно быть, это какое-то жуткое бренди из запасов разбойников. Желудок Дага, поколебавшись, решил не бунтовать.

Даг сделал все, что только мог придумать, чтобы помочь Хайкри. Теперь оставалось только ждать и смотреть, как пойдет дело. Он осторожно опустил голову Хайкри на сложенное одеяло и поднялся на ноги. От долгой неподвижности суставы его заскрипели, как мел по грифельной доске. Снова появился Медвежья Приманка — когда это он уходил? — и внимательно выслушал краткие указания Дага: держать Хикори в тепле и не двигать, пока Даг не вернется. На этот раз Даг не возражал, когда Ремо подставил ему плечо, чтобы помочь устоять на ногах. Каким-то загадочным образом крошечный обрывок Дара Хайкри, который он впитал, дал ему силы, а питье Вита разогнало кровь по венам. Даг подозревал, что позднее ему придется расплачиваться и за то, и за другое, но сейчас…

— Вит, налей мне еще той гадости. Барр… Где

же Барр?

— Здесь, сэр.

— Заметил что-нибудь снаружи? — Даг поднес к губам кружку и через силу глотнул. Пары спиртного помогли ему вернуть остроту восприятия.

Барр покачал головой.

— Пока нет.

— А что-нибудь стало известно о том, каким путем могли двинуться пропавшие разбойники?

— Первые двое говорили о том, что направятся к Медвежьей реке, — доложил Вит. — Никто ничего не знает про Крейна и братьев Драмов.

Они не обязательно должны были выбрать один и тот же путь. Дага на самом деле занимало только трио, отправившееся позднее, так что указание на направление на север было не таким уж полезным. Даг неожиданно вспомнил о том, что Элдер был до появления братьев Драмов помощником Крейна и мог знать больше, чем остальные разбойники. Это давало Дагу прекрасный предлог успокоить свое сердце и первым вернуться к судам — даже лучший, чем необходимость забрать коня. Раньше Элдер не был особенно разговорчив, но его можно заставить, мрачно подумал Даг. Так или иначе…

С помощью Ремо, Барра и Вита Даг выбрался из

вонючей пещеры на прохладный предрассветный воздух. Небо приобрело цвет стали, звезды побледнели, месяц сделался желтым. Теперь Даг мог найти дорогу через окутанный туманом лес, полагаясь только на зрение. Он отправил Барра и Ремо выбирать себе коней из табуна разбойников, а сам двинулся вверх по склону холма за пещерой. Несмотря на усталость, он все ускорял и ускорял шаг, так что Виту оказалось трудно за ним угнаться.

* * *

Фаун не раздеваясь улеглась в своем одиноком закутке, не рассчитывая, что уснет, однако, должно быть, задремала, потому что проснулась, ощущая сухость во рту и резь в глазах. Посеревшие тени намекали на рассвет. Высокая фигура проскользнула мимо — неужели Даг уже вернулся? Облегчение, которое испытала Фаун, было так велико, что она расслабилась и почти позволила себе снова скользнуть в драгоценный сон… Однако нет: она должна услышать его рассказ. Фаун оставалась неподвижной еще мгновение, прислушиваясь к тихим звукам, доносившимся из кухни. Тихие голоса… Стук колец занавески, отделявшей койку Берри… Яркий свет, когда

кто-то выкрутил фитиль фонаря, оставленного на кухонном столе… Потрясенный голос Берри:

— Что?..

Глаза Фаун распахнулись, и она села на постели. Удары, звон, мучительный стон — Бо? Вскрик Готорна, крик Элдера:

— Не трогайте ее!

Незнакомый голос, резкий и жесткий, протянул:

— Не трогать? А как насчет этого?

Фаун вскочила, не зная, куда бежать. Она сделала шаг или два в сторону кухни, вытягивая шею, и остановилась. Элдер был освобожден; он стоял, пошатываясь, а с запястий все еще свисали цепи. Фаун увидела спину высокого человека — суда по одежде и темной косе, Стража Озера, — однако это был не Ремо. Бо стоял на коленях, прижимая к животу окровавленные руки; рядом с ним съежился бледный от страха Хог. Высокий человек, как увидела Фаун, прижимал к себе извивающегося Готорна; в другой его руке блеснул нож.

— Не двигайся, Берри, — отчаянно крикнул Элдер, — иначе он сделает с Готорном то же, что и с Бо!

Фаун повернулась и кинулась бежать.

Она распахнула передний люк, промчалась

мимо курятника, выбежала на сходни и уже открыла рот для вопля, который разбудил бы всех, кто оставался на судах. Из тумана на нее кинулась огромная темная фигура; удар в живот был так силен, что Фаун отлетела назад, и ее крик превратился в тихий стон. Фаун попыталась лягнуть человека-гору, но тот схватил ее и подкинул в воздух. Потная рука обхватила ее лицо от уха до уха; другая рука, как клещи, вцепилась в ее плечо. Хватка становилась все более жестокой, и Фаун поняла, что человек собирается сломать ей шею. Она поспешно перестала сопротивляться.

— Вот так-то лучше, — прорычал хриплый голос. Схвативший ее человек опустил ее на землю и развернул. — Ах, девчушка! Пожалуй, я приберегу тебя для Маленького Драма. — Он двинулся вперед, зажав Фаун под мышкой и держа за шею, как мокрую кошку, пойманную за шкирку. По сходням и мимо Копперхеда, который прижал уши и вытянул шею, но, увы, не заржал.

«Даг, Даг, Даг, помоги!» — Если он где-то на расстоянии мили, он благодаря Дару должен почувствовать ее ужас.

«А если нет, то и не узнает…»

Фаун задыхалась, пыталась втянуть воздух, подумала о том, чтобы укусить держащую ее руку,

но вовремя остановилась. Видно ей было плохо, но все же свет фонаря она различила. Потом ее встряхнули и поставили на ноги; огромный человек заломил ей руки за спину и с легкостью удерживал одной своей рукой. Фаун удалось сделать вдох, прежде чем огромная рука снова зажала ей рот. Затылок Фаун прижимался к теплой груди; судя по тому, как ровно она поднималась и опускалась, человек ничуть не запыхался. Фаун удалось скосить глаза и увидеть толстую, как бревно, руку в рваном рукаве, перепачканном красным и бурым; от нее несло потом и кровью.

Берри, Хог и Бо стояли на коленях вокруг столба, к которому раньше был привязан Элдер, и тот теперь связывал руки пленников вместе веревкой; для этого ему пришлось оторвать руку Бо от раны на животе. Рубашка старика пропиталась кровью, лицо стало серым — он выглядел хуже, чем после любой попойки. Бо растерянно щурился и хватал ртом воздух. Полный ужаса взгляд Берри перебегал с Бо на Готорна, которого по-прежнему прижимал к себе незнакомец.

Страж Озера обернулся. У него были черные брови и грубое небритое лицо; блестящие глаза казались темными. Фаун подумала, что при дневном свете они, возможно, меняют цвет, как

глаза Дага.

— А это что такое? — спросил он, кивнув на Фаун.

— Две девчоночки! — ответил человек-гора. — Одна для меня и другая — для Маленького Драма. — Он ухмыльнулся, обдав Фаун вонючим дыханием.

— Неужели вам двоим мало развлечений на одну ночь? — устало сказал Страж Озера.

— Только не белобрысую! — отчаянно вскрикнул Элдер. — Другую они, если хотят, могут разделить между собой. — Поколебавшись, он добавил: — Она заявляет, будто замужем за одним из Стражей Озера, которых мы застали врасплох на барже, но на самом деле она обычная крестьянка.

Темные глаза, прищурившись, глянули на Фаун. Что этот человек подумал, догадаться она не могла.

— Мне кажется, что это они застали тебя врасплох, Элдер. — протянул Страж Озера. — Что здесь произошло?

— Это все Скинк виноват, — ответил Элдер, продолжая затягивать веревку. — Мы как обычно хотели проверить эту баржу, но Стражи Озера были внутри, и мы их не заметили… ну, был

тут еще один, который выглядел не как Страж Озера. Вот они нас и пересилили. Тот странный парень что-то сделал своим Даром, и Скинк начал разливаться соловьем. Выболтал все о пещере — что да как.

Фаун заметила, что Элдер говорит не все. Он не сказал о том, что его узнали люди из Клиркрика. Уж не думал ли он, что может солгать этому… должно быть, это и был предатель Крейн. А человек-гора — это Большой Драм.

«А где же Маленький Драм?»

— Эти дозорные стали останавливать все суда, спускающиеся по реке, и собрали целый отряд, чтобы напасть на пещеру. Уже несколько часов прошло, как… Они могут в любую минуту вернуться.

— Только в том случае, если добились успеха, — пробормотал Крейн, подняв брови. Похоже, новость не очень его смутила.

— Их набралось шестьдесят или семьдесят человек. А тот однорукий Страж Озера — он, должно быть, был по крайней мере командиром отряда. Вел себя так, словно такое ему не в новинку. Нам крышка. — В голосе Элдера прозвучало что-то похожее на облегчение. — Нужно ноги уносить. Ты сам мне говорил, — льстиво продолжал Элдер, —

что не рассчитываешь, что пещера продержится больше года. Те дураки из Трипойнта были предостережением, ты сказал, и лучше обратить на него внимание.

Крейн вздохнул.

— Что ж, по крайней мере мне, похоже, достанется новая лошадка. — Он умолк, глядя в сторону носового люка. Его странной формы губы сжались, глаза сузились. Использует свой Дар? — Эй, что там затеял Маленький Драм? — Он развернулся и небрежно ударил Готорна в лицо рукоятью своего ножа; удар был так силен, что мальчик отлетел на другой конец кухни. Готорн упал на пол без чувств, Берри вскрикнула, Хог заскулил. Фаун беспомощно забилась в могучих руках человека-горы.

Крейн сделал глубокий вдох.

— Похоже, скоро у нас будет компания. Слишком поздно смываться с этой баржи. Элдер, отвяжи канат на корме, а ты, Большой Драм, — на носу; потом садись на весла. И ты тоже, Элдер. Мы отчалим и попытаемся добраться до Локтя — это даст нам достаточно времени. Дай-ка мне эту девчонку.

Большой Драм неохотно передал Фаун своему вожаку. Крейн крепко ухватил ее за руку и раз-

вернул, поставив перед собой. Лезвие его ножа прижалось к ее горлу весьма убедительно.

— А как насчет Маленького Драма? — спросил человек-гора.

— Это будет зависеть от того, как быстро он умеет бегать. Посмотрим, не удастся ли с помощью девчонки дать ему время добраться к нам, но долго ждать мы не будем. — Следом за Большим Драмом Крейн вышел на переднюю палубу, толкая перед собой Фаун.

* * *

Ноги несли Дага вниз с холма так быстро, что это было похоже на падение. Благодаря Дару он чувствовал весь ужас Фаун. Даг попытался разобраться в той путанице, которая доходила до него с «Надежды»: Бо тяжело ранен, Готорн и Берри перепуганы, Хог растерян, Элдер на свободе; и еще два новых Дара — оба ужасно изувеченные, и тот, который темнее, наполовину закрыт.

Возвращаясь оттуда, куда они отлучались, Крейн и его подручные, должно быть, решили побывать на наблюдательном пункте и обнаружили суда, привязанные около устья ручья. Дар Крейна показал ему Элдера на борту «Надежды» — обеспокоенного, но все еще, возможно, моро-

чащего головы своим жертвам. Крейн, наверное, решил оказать поддержку Элдеру, если это так, или освободить его, если тот оказался пленником, — но во всяком случае Крейну нужно было проскользнуть на баржу и найти своего сообщника. Дар и густой туман наверняка позволили ему остаться незамеченным сонными сторожами.

«А потом все пошло плохо. Для обеих сторон».

К тому времени, когда Даг промчался сквозь последние деревья и увидел «Надежду», он так запыхался, что был вынужден остановиться и упереться руками в колени в ожидании, пока черные пятна перестанут плясать перед глазами. Когда зрение вернулось к норме, Даг поднял голову. Здоровенный парень с уродливым Даром отвязал вторую веревку, удерживающую «Надежду», и взялся за весло. Через передний люк вышел человек с полузакрытым Даром, держа перед собой Фаун. У горла пленницы блеснул нож, грозя вонзиться в нежную плоть. Человек взглянул в глаза Дагу, замершему в двадцати футах от конца сходней. К Дагу подбежал Вит с луком в одной руке и стрелой в другой и попытался прицелиться.

— Твой дружок может бросить свой лук, — сухо сказал человек, заслоняясь Фаун как щитом и крепче прижимая нож к ее горлу. Дагу показа-

лось, что он видит на клинке ручеек крови.

— Брось лук, Вит, — сказал Даг, не спуская глаз с незнакомца. Это, несомненно, Крейн. Вит попытался возразить, но все же уронил лук к ногам. Фаун пошевелилась и перевела взгляд; Даг молился всем богам, чтобы она не попыталась вырваться. Этот убийца перережет ей горло, не моргнув глазом. Трое речников, наконец обратившие внимание на шум, бежали по берегу в сторону «Надежды». Опасения Дага, что он не получит помощи, сменились страхом перед тем, что приближение этих неуклюжих союзников заставит Крейна действовать.

Позади напряженно застывшего Крейна из каюты вынырнул Элдер и взялся за второе весло.

— Отчаливай, — бросил ему через плечо Крейн.

— А как насчет Маленького Драма? — спросил здоровяк, сидевший на веслах.

Странный Страж Озера взглянул на холм.

— Его не видно.

Весло, которое держал Элдер, сделало взмах; второй гребец все еще медлил. Сходни заскрипели, когда баржа начала двигаться. Даг метнулся вперед.

— Ах! — укоризненно покачал головой Крейн,

поднимая нож так, что Фаун пришлось встать на цыпочки. — Значит, ты мне не поверил? — Он широко распахнул свой Дар, чтобы показать Дагу свою холодную решимость.

То, что последовало, не было даже решением.

Даг поднял левую руку, протянул проекцию Дара на двадцать футов и вырвал кусок Дара из позвоночника Крейна чуть ниже шеи.

Темные глаза Стража Озера изумленно раскрылись, нож выпал из его бесчувственных пальцев. Тело его сложилось, как мокрое одеяло, а голова, лишенная опоры, со странным стуком ударилась о палубу. Звук, который он издал, был не стоном, а скорее вопросительным хрипом.

Фаун после мгновения растерянности наклонилась, схватила нож и кинулась в каюту. Здоровяк, сидевший на веслах, подбежал к краю крыши, чтобы посмотреть, что происходит, — и получил стрелу Вита, который успел поднять свой лук. Руки Большого Драма схватились за древко, торчащее из его объемистого живота, но в это время «Надежда» повернула, раненый потерял равновесие и с воплем свалился за борт; вода тут же сомкнулась у него над головой.

Даг кинулся к сходням, заметив при этом, как из заднего люка выскочила Берри, схватилась

за короткий конец рулевого весла и всем весом повисла на нем, так что длинный конец описал большую дугу, врезался в бедро Элдера и смахнул его с крыши в холодную воду.

21

Чего Даг хотел больше всего — так это допросить Крейна; Фаун поняла это, потому что после лишившего ее дыхания объятия и нескольких неразборчивых слов, которые Даг выдохнул ей в волосы, это была его первая фраза, которую ей удалось разобрать. Однако одного взгляда на Бо Дагу хватило, чтобы изменить свои планы. Он поручил пыхтящему Виту с помощью подоспевших речников выудить из воды Элдера и Большого Драма, распорядившись, чтобы их отвели на какое-нибудь судно — желательно не «Надежду» — и связали.

— А что насчет Крейна? — поинтересовался Вит.

— Пусть лежит. Он-то никуда не денется.

При этих словах на лице Дага появилось очень странное выражение, но прежде чем Фаун смогла разобраться, что к чему, Даг привлек ее на помощь: стонущего Бо уложили на поспешно освобожденный пол на кухне, и Фаун, подняв его рубашку, стала промывать нанесенную ножом рану. Даг сел рядом, скрестив ноги, раздраженно отбросил в сторону протез и впал в транс цели-

теля, что делалось для Фаун все более знакомым зрелищем. Он просидел так долго; тем временем потрясенная Берри, с запястий которой все еще свисали веревки, занималась еще более потрясенным и плачущим Готорном, из сломанного носа которого текла кровь. Хог как умел помогал всем.

Вит долго не являлся с докладом. Раненого стрелой Большого Драма поймать было легко: он сам выбрался на берег и не сопротивлялся речникам, когда те стали его связывать. Элдер попытался уплыть. Матросы погнались за ним на ялике и вытащили, избив, чтобы научить покорности. Элдер едва не утонул, и Фаун, взглянув на застывшее лицо Берри, пожалела о том, что его все-таки вытащили. Продолжение существования Элдера еще на один мучительный день представлялось напрасной тратой времени, эмоций и веревки. Оба пленника были привязаны к столбам на «Кусачей черепахе»; древко стрелы в животе Большого Драма обломили, но наконечник извлекать не стали, чтобы он наверняка дожил до повешения.

Фаун уже гадала, не следует ли ей потрясти Дага за плечо или послать кого-нибудь на поиски Барра или Ремо, чтобы те помогли Дагу

разорвать слишком тесную связь с раненым, когда Даг наконец сделал глубокий вдох и выпрямился. Отсутствующее выражение исчезло с его лица. Он, моргая, огляделся, заметил Фаун и слабо улыбнулся ей. Закончив свое дело, на этот раз он выглядел гораздо менее растерянным, словно усилие стало каким-то образом для него привычным. Только Фаун не видела его таким обессиленным со времен Рейнтри…

Бо не терял сознания, но молчал, наблюдая за Дагом и хмуря лоб не только от боли, но и от изумления.

— Ну ты и даешь, Страж Озера, — выдохнул он наконец и едва не закашлялся.

— Здорово он лечит, верно? — высказался околачивавшийся рядом Хог.

— Не пытайся говорить, — прошептал Даг. Его голос был хриплым, и он прочистил горло. Фаун поспешно поправила одеяло, которым еще раньше его укутала, и принесла горячее питье. Дрожащей рукой Даг поднес к губам жестяную кружку, сделал несколько глотков, потом жадно допил все до дна. — Я соединил рассеченные стенки желудка и самые большие сосуды. Нож Крейна не задел основные вены и артерии, иначе ты истек бы кровью еще до того, как я сюда добрался.

Фаун придется зашить рану. — Фаун кивнула и осторожно вытерла сукровицу, которую выдавила призрачная рука Дага. Она уже приготовила иголку с ниткой из медицинских запасов Дага и склонилась над раненым. Бо тихонько охнул, но терпел, не шевелясь.

— Самая большая теперь опасность, — осторожно продолжил Даг, — это инфекция. Думаю, что воспаления не миновать. Придется подождать и посмотреть, как пойдет дело.

Да… Подобная рана в живот обычно бывала смертным приговором; лихорадка доканчивала то, что начиналось с кровотечения; Бо, по-видимому, знал об этом, потому что только коротко кивнул. Когда Фаун сделала последний стежок, Вит, Хог и Берри общими усилиями осторожно подняли Бо на койку. Даг просто растянулся на полу и стал смотреть в потолок.

Фаун уже начала подумывать о том, чтобы поднять и Дага на койку, когда в каюту ввалились Барр и Ремо. Они извинились за опоздание, объяснив его тем, что уничтожили, как они искренне считали, беглого разбойника. Фаун выглянула из переднего люка и увидела у сходней двух оседланных лошадей. Через седло одной было перекинуто тело тощего рыжего парня; его бледное

лицо искажала гримаса смерти.

Крейн все еще валялся рядом с курятником. Его подбородок дернулся, когда его взгляд остановился на Фаун, и та поспешно нырнула обратно.

«Даг, что ты с ним сделал? Я такого никогда не видела и о таком не слышала…»

На кухне Барр, хмурясь, посмотрел на Дага и задал тот самый вопрос, задать который так хотелось Фаун:

— Проклятие, Даг, что ты сделал с тем парнем на передней палубе?

— Это и есть Крейн? — поинтересовался Ремо, бросил взгляд в сторону передней палубы.

— Да, — ответил Даг, все еще глядя в потолок. — Я сломал ему шею… в общем-то. Получшать ему не получшает — на случай если кто-нибудь беспокоится, не нужно ли его связать.

Даг остекленевшими глазами смотрел на склонившуюся над ним в тревоге Фаун. Она вспомнила, какой шок отразился в глазах Крейна, когда он выронил нож и рухнул на палубу.

«В общем-то…»

Но разве не особым образом? Не догадаются ли дозорные последовать этому правдивому указанию вопреки лаконичной уклончивости Дага? Или Даг все объяснит, когда найдет нужным,

или она дождется момента, когда они окажутся наедине, и тогда спросит, решила Фаун.

Хог и Вит, перебивая друг друга, описали дозорным события вокруг «Надежды» и на борту; Бо изредка стонал или фыркал, подтверждая их слова. Берри говорила мало, все еще обнимая всхлипывающего Готорна. Однако по мере того как рассказ превращал пережитый ужас в занимательную историю, мальчишка на глазах оживал и даже слез с колен старшей сестры; в конце концов он даже добавил несколько красочных, хоть и жутких подробностей. К тому времени, когда рассказ закончился, он хотел только одного: пойти посмотреть на тело Маленького Драма.

— Я чуть собственное сердце не проглотил, когда увидел тот большой нож у горла Фаун, — сказал Вит. — Только клянусь: она выглядела скорее разъяренной, чем испуганной.

— Ну, перепугана я была жутко, — возразила Фаун. И все же… Крейн был совсем не так страшен, как Злой в Глассфордже, пусть оба одинаково грозили ей смертью. Как странно… Ей пришлось перейти, не теряя ни секунды, от ощущения ножа у горла к срочной необходимости помочь Бо; может быть, она просто не имела еще времени для того, что развалиться на части.

Снаружи донеслись крики речников: часть матросов вернулась из пещеры, чтобы помочь охранять суда, — с некоторым опозданием, ехидно подумала Фаун. Молодые дозорные и Вит вышли к ним, чтобы помочь разобраться с пленниками. Уже совсем рассвело. Даг сел на полу.

— Я должен… Я не могу… Дай мне поспать часок. Бо можно сделать глоток воды, больше ничего. — Он сначала встал на четвереньки, потом поднялся на ноги и ничего не возразил, когда Фаун подставила ему плечо, чтобы помочь добраться до их закутка. Она настояла на том, чтобы стащить с него сапоги. К тому времени, когда она накрыла его одеялом, Даг уже спал.

Барр, Ремо и Вит с мрачным удовлетворением описали ей свою победу над разбойниками в пещере. После того как они разделались со Злым в окрестностях Глассфорджа, вспомнила Фаун, Даг был радостно возбужден, несмотря на усталость. Теперь же в нем она не почувствовала и следа триумфа, и это отличие удивляло ее. Вернувшись на кухню, все еще пахнущую ночным кошмаром, с запятнанным кровью полом, Фаун со вздохом принялась готовить завтрак.

* * *

Фаун позволила Дагу проспать не один час, а три; он проснулся сам, когда «Надежда» отошла от берега. Доковыляв до кухни, Даг запустил руку в растрепанные волосы и спросил:

— Что происходило, пока я спал?

— Да немногое, — ответила Фаун, протягивая ему кружку чая. — Все решили перевести суда поближе к пещере. Берри, Вит и Хог сейчас на палубе. — Фаун показала пальцем вверх. — Я некоторое время назад послала Хога и Ремо привести в порядок Крейна.

Даг нахмурил брови, и Фаун не смогла определить, вызвано это удивлением или неодобрением.

— Это было нужно больше нам, чем ему, — объяснила она. — Когда его парализовало, кишки и мочевой пузырь опорожнились. Он провонял бы баржу Берри. Кроме того… даже трупы обмывают, перед тем как похоронить.

Даг мрачно кивнул. Фаун отправила его на заднюю палубу мыться, забрала его окровавленную одежду в стирку, а ему принесла чистую. Небо стало голубым, когда взошло солнце, которое, впрочем, не столько грело, сколько разгоняло

туман. Поскольку рука Дага все еще дрожала, Фаун помогла мужу побриться: эту операцию она хорошо освоила, когда его рука была сломана, еще перед их свадьбой. Горячая пища и чистая одежда стоили по крайней мере тех двух часов сна, которых еще не хватало Дагу, решила Фаун.

Их голоса разбудили Барра; Ремо, который лежал на своей койке, не спал и встал тоже.

— Мне нужно допросить Крейна, — сказал Даг и кивнул молодым дозорным. — Вы двое тоже будете присутствовать: так получится своего рода кворум.

— Я тоже хочу услышать, что он скажет, — вмешалась Фаун.

Даг покачал головой.

— Это будет мерзко, Искорка. Я предпочел бы избавить тебя от такого.

— Но ты не сможешь этого сделать, — возразила Фаун. Даг только поморщился. Чувствуя, что ей не удалось убедить мужа, Фаун стала объяснять: — Даг, из меня никогда не получится боец. Я слишком мала, мои ноги слишком коротки, — я даже убежать ни от кого не смогу. Единственное оружие, каким я когда-либо буду обладать, — это мой разум. Однако без знаний разум — как лук без стрел. Не оставляй меня безоружной.

После нескольких мгновений мрачных размышлений Даг согласно склонил голову. Когда он покончил с завтраком, все последовали за ним на переднюю палубу. Впереди «Надежды» шла «Кусачая черепаха», которая уже приближалась к повороту у Локтя; на некотором расстоянии за «Надеждой» следовал парусник из Серебряных Перекатов. Сейчас, посреди полноводной реки, баржа была очень далеко от любого берега.

Крейна переодели — как для похорон, не могла не подумать Фаун, — в запасную рубашку Ремо, накрыли одеялом, а еще одно сложенное одеяло подложили под голову. Его вялые руки лежали вдоль тела, лишенные чувствительности ноги вытянулись к носу баржи. Даг уселся рядом с Крейном, скрестив ноги. Чистая одежда придала встрече двух мужчин странно формальный характер: как будто встретились гонцы из далеких земель, чтобы обменяться новостями.

Даже Крейн, казалось, это почувствовал; по крайней мере он больше не пытался укусить оказавшихся рядом, как делал, когда его мыли. Фаун гадала, казались ли ему те несколько часов, когда мимо него ходили, как мимо кучи грязного белья, такими же жуткими, как для всех остальных. И еще она заподозрила, что Даг так все устроил

нарочно, так же как раньше оставил Барра без пищи, чтобы укротить парня.

Фаун перетащила скамью и уселась на ней так, чтобы не быть в поле зрения Крейна. Впрочем, как бы ни пострадал его Дар, он должен был знать, что она поблизости… Барр прислонился к курятнику, а Ремо сел в ногах Крейна.

— Так каково же твое настоящее имя? — начал Даг. — Из какого ты лагеря? Как случилось, что ты оказался один?

— Ты что, потерял своего напарника? — спросил Барр.

— Или ты дезертировал? — включился в допрос Ремо.

Крейн сжал губы и бросил на своих противников яростный взгляд.

— Один из пленников сказал, что он из дозорных Олеаны, — неуверенно проговорил Ремо.

Последовало молчание.

— Если это так, — сказал наконец Даг, — и он был изгнан, то его, должно быть, зовут Крейн Лог Холлоу. — Подбородок Крейна дернулся, и Даг с мрачным удовлетворением улыбнулся. — Дело в том, что Лог Холлоу — единственный лагерь в Олеане, откуда, как я слышал, изгоняли дозорного в последние несколько лет, и едва ли могло

оказаться два похожих случая.

Крейн, насколько мог, отвел глаза.

— Сойдет и просто Крейн, — сказал он. Это были его первые слова.

— Сойдет, — согласился Даг. — Значит, я знаю начало и конец твоей истории. А что было между ними?

— Какая разница?

— Для твоей судьбы? Теперь уже никакой. Но если ты хочешь рассказать о себе сам, а не предоставить это другим, которые могут быть и не особенно к тебе расположены, то у тебя есть для этого два часа, пока мы огибаем Локоть. После этого ты будешь не в моей власти.

Крейн нахмурил свои черные брови, как будто этот довод неожиданно оказался для него весьма веским, но ответил он только:

— Ты будешь выглядеть смешно, когда потащишь на виселицу человека, который не может двигаться.

— Я не стану смеяться.

Стражи Озера, как помнила Фаун, редко пытались лгать друг другу. Сможет ли Крейн хотя бы закрыть свой Дар в своем беспомощном состоянии? Дагу пришлось отчасти открыть свой, что явно не доставляло ему удовольствия. Барр

и Ремо оставались напряженными, как люди, которые хоть и морщатся, но не могут удержаться от того, чтобы ковырять заживающую царапину; поэтому Фаун предположила, что и они держат свой Дар отчасти открытым.

Крейн, хмурясь, повернул голову в сторону.

— Проклятие, что ты со мной сделал? Я не чувствую своего тела — и Дара тоже.

— Я однажды видел, как человек упал с лошади, — уклончиво ответил Даг, — и сломал шею примерно в том же месте, где я сломал твою. Он прожил несколько месяцев. Такого мучения мы тебе не причиним.

— Но ты даже не прикоснулся ко мне! Ты был в двадцати футах от меня, на берегу. Ты использовал во зло свой Дар!

— Верно, — бесстрастно подтвердил Даг, не пытаясь придумать отговорок. Ремо и Барр посмотрели на него с тревогой. Изумленный взгляд Крейна ясно говорил: «Кто же ты такой?» — но вслух он этого не произнес.

Полная беспомощность Крейна стала совершенно очевидной, когда его мыли. Он должен был уже понять, что является говорящим мертвецом. Фаун знала, как притворяться равнодушной к пытке, которой нельзя избежать, но она ни-

когда не видела подобного безразличия. Крейн казался недовольным тем, что его разум пытаются пробудить от его мрачного забытья.

Снова последовало молчание.

— Значит, — снова попробовал Даг, — ты был упрямым, как мул, нарушителем правил, не пожелал исправляться, и тебя вышвырнули из Лог Холлоу. Возможно, еще и за воровство.

— Это было ложью, — ответил Крейн и через мгновение добавил: — Тогда.

— В самом деле? — мягко переспросил Даг. — Как я слышал, была еще и какая-то крестьянка… и дети. Что случилось с ними? Когда твой лагерь отобрал у тебя все до нитки и изгнал тебя, сумел ты к ней вернуться?

— На некоторое время, — ответил Крейн. — Она была недовольна моей охотничьей добычей по сравнению с тем, что я привозил из походов. А потом проклятая баба померла. Я пожертвовал всем ради пустышки.

— Отчего она умерла?

— От лихорадки. Меня там не было. Я вернулся, как раз когда нужно было все расхлебывать.

Даг глянул на Фаун; лицо его выражало напряжение, и Фаун коснулась тонкого подсохшего струпа на шее — следа ножа Крейна. Прошлой

ночью Даг едва не потерял ее… Фаун иногда тревожилась о том, что может случиться с ней, если Дага убьют; сейчас она неожиданно поняла, что никогда раньше не задумывалась о том, что будет с Дагом, если погибнет она. Овдовев в первый раз, он с трудом выжил, и это при поддержке родных и в окружении знакомого мира; каково же ему пришлось бы, имея вокруг пустоту?

— Что случилось с детьми? — спросил Даг. Голос его был очень ровным, лишенным всякого осуждения. Да иначе и нельзя, подумала Фаун: Крейн может вовсе перестать отвечать. Она закусила палец, думая о несчастных детях.

— Оставил ее сестре. Та не хотела полукровок. Мы поспорили… и я ушел. С тех пор ничего не знаю.

Фаун предположила, что спор был отвратительным… Смерть любого из родителей — ужасное несчастье для малышей, но потеря матери может быть для них смертельной, даже если рядом близкие родственники или друзья. Крейн явно не был тем человеком, у которого оказались бы те или другие. Даг не стал этого касаться.

— А что потом?

— Я некоторое время скитался по Олеане. Когда мне надоедало жить в лесу, я брался за любую

работу, какую мне давали фермеры, или играл в кости. Тут выгода была невелика, и я стал воровать — благодаря Дару это оказалось легко. Я мог входить в лавки или дома, как призрак. Мне особенно нравилось проникать туда, откуда меня выгоняли, хотя я честно просил о работе.

— Ох, и хорошо же там принимали следующий отряд, — с возмущением сказал Ремо, — ведь Стражей Озера начинали подозревать в воровстве! — Даг знаком велел ему молчать. Губы Крейна изогнула насмешливая улыбка. Сколько ему могло быть лет? Конечно, больше, чем Барру или Ремо, но меньше, чем Дагу, решила Фаун.

Ремо посмотрел на склонного к нарушениям правил Барра так, что тот неловко поежился и ответил своему напарнику взглядом, в котором ясно читалось: «Я никогда не стал бы…» Однако Фаун видела, что обоим молодым дозорным понятно: «Да, это так легко!»

— Однажды ночью, — продолжал Крейн, — какой-то фермер проснулся до того, как я закончил, и поймал меня. Мне нужно было заставить его молчать, но я слишком сильно его ударил. Вот тогда я и решил распрощаться с Олеаной. Дошел до реки, за деньги того фермера купил себе место на барже. Тогда я и начал думать: если мне удаст-

ся уехать далеко, может быть, я смогу выдать себя за другого человека. Скинуть кожу, сменить имя и начать заново. Я собирался решить, куда направиться — на юг к Греймауту или на север в Лутлию, — когда доберусь до Конфлуенса. Хоть я и не люблю снег… Говорят, в Лутлии не задают слишком много вопросов, если дозорный может выдержать холод. Только дурак — капитан той баржи — свернул к таверне в пещере, и я познакомился с Пивоваром и его игрой.

— Что это была за игра? — голос Дага стал странно мягким, и Ремо с сомнением посмотрел на него. Слова Крейна лились так, словно он забыл о слушателях, увлеченный своими воспоминаниями. Даг ничего заметного не делал, чтобы нарушить этот поток; Фаун не могла судить о том, не направляет ли он его своим Даром.

— Пивовар развлекался тем, что пополнял свою шайку. Когда ему удавалось захватить речников живьем, двух или больше — лучше всего получалось, если их оказывалось четверо, — он заставлял их парами сражаться друг с другом. Кто отказывался биться, тех убивали на месте. Вторая пара почти никогда не отказывалась… Если пленников бывало много, Пивовар выставлял друг против друга победителей. Призом — по-

мимо сохранения жизни — была возможность присоединиться к шайке. Пивовар говорил, что может справиться почти со всеми: после того как человек убивал своего друга, он принадлежал Пивовару.

«Элдер…» — подумала Фаун. Так случилось и с Элдером? В таком случае какова же была судьба Бакторна, отца Берри и их команды? Фаун передернуло. Она поняла, что Даг говорит тихо не только потому, что так его голос звучит более угрожающе; он не хотел, чтобы их слова услышал кто-то еще.

— Его арифметика, на мой взгляд, была неправильной, — продолжал Крейн. — Однако я, когда там появился, показался ему редкой добычей. Превратить Стража Озера в грабителя и убийцу! Пивовар думал, что он хозяин положения; я не стал говорить ему, что прошел по этой дорожке гораздо дальше.

Странное хвастовство… Если Крейну не удалось стать лучшим, он решил посоревноваться за звание худшего? «По-видимому, так».

— Я, конечно, победил в схватках. Это было слишком легко. Я остался в шайке на несколько недель, все вызнал и околдовал нескольких разбойников — просто чтобы посмотреть, что

получится. Потом я довел игру Пивовара до конца — ударом в спину. Даже не знаю, удивило его это или нет.

— После того как ты победил, ты же мог уйти, — сказал Даг. — Пусть тебя сначала и сторожили, раз ты мог проходить мимо фермеров, как призрак, почему было не уйти от разбойников?

— Куда мне было идти? Фермеры меня к себе не приняли бы, а Стражи Озера… они сразу поняли бы, сколько на мне крови. Так что, может быть, Пивовар в конце концов и выиграл, а?

— А самоубийство? — мягко проговорил Даг.

Крейн изумленно посмотрел на него.

— У меня не было завещанного мне разделяющего ножа! И с тех пор, как меня изгнали, возможности получить его тоже не было. Проклятый совет лагеря лишил меня моего вместе со всем остальным. — Крейн с трудом отвернул лицо. На несколько минут поток его слов иссяк.

Фаун поморщилась; до нее не сразу дошло, что Крейн — даже Крейн! — поражен предложением Дага не потому, что боится самоуничтожения, а из-за отвращения к бесполезной смерти, когда нет разделяющего ножа, которому можно было бы свою смертность передать. Он явно говорил не задумываясь и совершенно искренне. Судя

по выражению лиц Барра и Ремо, те не нашли ничего странного в подобном отношении. Фаун ударила себя кулаком по лбу.

«Они же все Стражи Озера!»

Все как один безумны…

Даг наконец заговорил снова.

— Ты долго командовал шайкой. Я могу понять, что твое извращенное воздействие привязывало разбойников к тебе, но что привязывало тебя к ним?

Крейн дернул подбородком — вместо того, чтобы пожать плечами, что было ему теперь недоступно.

— Монеты, товары… они меня не очень привлекали, а вот игра Пивовара просто зачаровала. Помимо жадности, я думаю, Пивоваром двигало желание иметь перед глазами тварей еще более презренных, чем он сам. Что же касается меня… это было как если бы у меня была свора псов для собачьих боев, только из гораздо более интересных животных. Мне даже ничего не приходилось делать: они сами собирались вокруг меня. Кинь любого Стража Озера в общество крестьян — так оно и выйдет. Если он не встанет на самой вершине, его выгонят. Они *желают*, чтобы ими правил кто-то высший. Клянусь: фермеры как

овцы, которые не могут отличить пастухов от волков.

— Так кто из вас кого заставлял — ты их или они тебя? — тихо спросил Даг.

Губы Крейна растянулись в улыбке.

— Ты то, что ты ешь. Любой Злой знает это.

На сей раз пришла очередь Дага поежиться, и Крейн заметил его смущение.

Даг глубоко втянул воздух и сказал:

— Ремо, дай мне тот нож, который ты нашел.

Ремо довольно неохотно снял с шеи ножны. Даг стиснул клинок в руке и сурово взглянул на Крейна.

— Как он появился у тебя? И та груда мехов, добытых Стражами Озера?

Крейн попытался отвернуться.

— Я не хотел… Просто обстоятельства сложились неудачно. Пара торговцев — Стражей Озера из Рейнтри — разбила лагерь перед самой пещерой. Удержать ребят не удалось, хоть я и говорил им, что они — проклятые дураки. Шестеро этих идиотов полегло в схватке.

— Со Стражами Озера ты тоже пробовал устроить игру?

— Они прожили недостаточно долго.

Даг своим странным привычным жестом под-

нес ножны к губам.

— Думаю, ты говоришь мне только половину правды. Этот нож был завещан женщине.

Крейн раздраженно сжал губы.

— Ладно! Если хочешь знать, это была соединенная тесьмой пара. Они умерли вместе.

— Ты убил эту женщину и даже не дал ей разделить смертность? — сказал Ремо.

— Она умерла до того, как я до нее добрался. Слишком яростно сражалась… вот и получила смертельный удар. По крайней мере мне не пришлось препираться с братьями Драмами. Мне не нравилась идея позволить им узнать, что они могли бы развлекаться и с женщинами — Стражами Озера.

За этими словами последовало мрачное молчание.

Крейн не нарушил его. У него не осталось ни надежды, ни гнева, ни желания отомстить миру. Только ожидание. Не ожидание чего-то… просто ожидание. Он говорил так, словно край могилы — не то, чего можно бояться, а как усталый человек, мечтающий о постели.

Рука Дара сжалась вокруг ножен.

— Если бы у тебя был завещанный тебе нож, — спросил он, — что бы ты предпочел: разделить

смертность или быть повешенным?

Крейн посмотрел на него, как на недоумка.

— Если бы у меня был завещанный нож!..

— Я думаю, что смог бы связать узами этот нож с тобой, — объяснил Даг.

Барр разинул рот.

— Но ты же дозорный! — выдохнул он.

— Ты же только целитель! — одновременно, хоть и с некоторым сомнением, проговорил Ремо.

— Я же говорю: «я думаю». Это была бы моя первая попытка создать разделяющий нож. И если она не удастся, — сухо добавил Даг, — по крайней мере никто не станет жаловаться.

Крейн прищурился и осторожно спросил:

— Ты считаешь это справедливым? Прикончить меня собственным ножом той женщины?

— Нет. Это не справедливость — просто экономия. Мне нужен заряженный нож. Ненавижу путешествовать безоружным.

— Даг, — смущенно заговорил Ремо, — этот нож кому-то принадлежит. Разве не следовало бы найти наследника по праву? Или по крайней мере передать нож дозорным в следующем лагере?

Даг стиснул зубы.

— Я думал о том, что к ножу можно применить

правила о спасенном при кораблекрушении имуществе, — как и к остальному содержимому пещеры.

— Разве следует ему разрешать зарядить нож? — сказал Барр. — Совет его собственного лагеря так не считал, даже когда на нем было много меньше преступлений, чем теперь.

— Он теперь Крейн-без-лагеря. Это делает меня его командиром — по праву сильного, если уж не иначе. Могу гарантировать, что по крайней мере нож в полной мере будет сходен с дарителем.

Глаза Дага встретились с глазами пораженной Фаун. Веки его опустились и снова поднялись.

«Да, — подумала Фаун, — уж Даг-то все знает о сходстве».

Барр и Ремо с сомнением смотрели на Дага после этого странного заявления, и Фаун не могла их в этом винить. Еще более ошеломленное выражение появилось на лице Крейна: его поразило, что в этом мире еще оставалось нечто, чего он мог бы желать, и что во власти его врага дать ему это или не дать. Фаун чувствовала, что любопытство мешается в ней с ужасом. Она ожидала, что Крейн скажет: «Будьте вы все прокляты, и пусть Злые завладеют всем миром», а не «Умоляю, позвольте мне разделить свою смерть».

Словно недоверчиво испытывая свое везение, Крейн мрачно проворчал:

— Мы в пещере лучше развлекались. Тебе, длинный, будет так уж приятно прикончить меня собственной рукой?

Даг опустил глаза.

— Я это уже сделал. Все, что теперь остается, — это обсудить организацию похорон. — Он оперся на правую руку и с усталым кряхтением поднялся на ноги. Он, по-видимому, задал все вопросы, которые хотел, хотя, судя по виду Барра и Ремо, молодым дозорным не терпелось порасспросить Крейна еще, и не обязательно о самом Крейне.

— Командир-без-лагеря, — окликнул Дага Крейн, когда тот двинулся прочь. Даг обернулся. — Похорони мои кости.

Даг поколебался, потом коротко кивнул.

— Как пожелаешь.

Фаун следом за мужем прошла на кухню; там Даг извлек разделяющий нож из ножен и повесил их себе на шею. Возвращать нож Ремо он не стал.

— Зачерпни в чайник речной воды и поставь на огонь, Искорка. Я хочу прокипятить нож, чтобы очистить от прежнего воздействия Дара, прежде чем мы доберемся до пещеры.

* * *

После того как «Надежда» причалила рядом со входом в пещеру разбойников, Крейна перенесли на берег на носилках, сооруженных из одеяла, прикрепленного к шестам, позаимствованным на «Кусачей черепахе». И речники, и пленные разбойники начали переговариваться, глазея на Крейна, когда его проносили мимо. Крейн закрыл глаза, возможно, делая вид, будто потерял сознание; это была своего рода попытка спрятаться, единственная, как подумала Фаун, которая была ему теперь доступна. Следом шел Даг, но его тут же увели в пещеру Медвежья Приманка и тот охотник из Рейнтри, который ухаживал за своим другом, чтобы он еще раз осмотрел раненых.

Помощник Вейна, Садлер, спустился по каменистому берегу и окликнул Берри:

— Мы нашли несколько судов, привязанных за тем островом, — сказал он, показав на противоположный берег. Он был таким же плоским и покрытым голыми сейчас деревьями, как и окрестности, за исключением выветренных скал, скрывавших пещеру и образовывавших Локоть. Только относительно узкое русло позволяло взгляду опытного речника определить, что тут

расположен остров. — Вейн хочет знать, сможешь ли ты указать на то, которое принадлежало твоему отцу, или назвать хозяев других.

— Если «Шиповник» там, мне, конечно, следует взглянуть, — неохотно согласилась Берри. Она повернулась к Фаун. — Ты пойдешь со мной?

Фаун кивнула. Для Берри это было все равно, что опознавать выуженного из реки утопленника — не твой ли это пропавший родственник. Конечно, ей хочется, чтобы рядом был друг.

— Я тоже пойду… если хочешь, — сдержанно предложил Вит.

Берри молча кивнула. Ее губы были сжаты, глаза казались серыми и суровыми. На лице Берри трудно было бы прочесть благодарность, хотя, на взгляд Фаун, она была довольна, что получит поддержку. Впрочем, сейчас на лице Берри вообще ничего нельзя было прочесть…

Садлер и еще один силач-матрос сели на весла; скоро ялик причалил к острову. Как оказалось, его пересекали многочисленные тропы, скользкие и мокрые, как будто река недавно заливала все тут и обещала вернуться. Башмаки Фаун промокли прежде, чем они дошли до противоположной стороны. Протока, отделявшая остров от другого берега, была узкой, заваленной поваленными

деревьями и мусором.

Вдоль берега оказались привязаны несколько старых судов — и плоскодонных, и парусных. Вокруг сновало несколько любопытных речников. На тех судах, которые были в лучшем состоянии, разбойники попытались соскоблить прежние названия и заменить их новыми и вообще уничтожить все отличия, по которым их можно было бы опознать. Другие суда, с дырами в корпусе, увязали в прибрежной грязи. На бортах самой недавней добычи, стоявшей выше по течению, Фаун узнала названия барж из Трипойнта, которые им перечислял Камнерез. Всего тут оказалось десятка полтора судов, и Фаун, прикинув численность пропавших команд, поежилась. К тому же это были еще не все жертвы: ведь некоторые суда разбойники сожгли.

«Здесь погибло не меньше народу, чем в Гринспринге…»

Только не за несколько ужасных дней, а на протяжении целого года… и даже без всякого Злого. Впрочем, злых тут хватало.

Две баржи в дальнем конце ряда, должно быть, находились здесь с прошлой осени, потому что доски их покоробились и швы разошлись; шпаклевка, уцелевшая в зимние холода, сгнила

жарким летом. Баржи низко сидели в воде, потрепанные непогодой и пугающие, и даже Фаун смогла во второй с краю узнать «Шиповник», потому что она была точно такой же, как «Надежда».

Берри перешагнула через проломленный борт и осторожно ступила на прогнившую палубу; Фаун и Вит последовали за ней. Берри потянула на себя заскрипевший передний люк и заглянула в темноту внутри. Сморщив нос и подобрав юбку, она вошла в холодную стоячую воду. Фаун, решив, что ее башмаки еще сильнее уже не промокнут, сделала то же самое. Вит поберег свои штаны и остановился у люка, с тревогой следя за Берри.

Все, что было ценного, оказалось снято, включая оконные стекла в зияющих рамах. Голубоватый дневной свет проникал в отверстия, придавая каюте странный подводный вид. Множество полусгнивших клепок для бочек плавало в воде, несколько бочонков, в которых могло когда-то храниться масло или свиной жир, были вскрыты то ли людьми, то ли забредшим сюда зимой медведем. Дикие звери определенно тут похозяйничали. Берри по колено в воде бродила по каюте; дважды она наклонялась и доставала из воды какой-то неузнаваемый мусор. Фаун через

несколько минут догадалась, что Берри ищет тела… или скорее скелеты, и порадовалась, что та ничего не нашла. Берри выглянула через люк на заднюю палубу, потом, все так же молча, вернулась на нос и выпрыгнула на берег, где дожидался Садлер.

— Что-нибудь сохранилось? — спросил он.

Берри покачала головой.

— Баржа теперь годится только на дрова… да и для этого доски слишком мокрые.

Садлер кивнул: иного он и не ожидал.

— Вейн говорит, что тебе причитается доля из того, что хранилось в пещере. Мы собираемся привести в порядок те суда, что еще могут плавать, и отвезти обнаруженные товары в Конфлуенс.

— Ты позаботишься о том, чтобы Камнерез узнал о своих пропавших баржах и командах? Думаю, в Конфлуенсе вы его догоните.

Не пострадает ли гордость Камнереза, когда он узнает, что непритязательная «Надежда» уничтожила речных разбойников, в то время как ощетинившаяся оружием «Сталь Трипойнта» не достигла цели? Нет, скорее всего к тому времени, когда новости достигнут низовий, хвастливый капитан Вейн будет выглядеть героем. Что ж, Берри не станет ему завидовать в этом.

— Камнерез из Трипойнта? Ага, я знаю этого парня. Сделаем. — Садлер склонил голову. — То, чего не востребуют наследники прежних владельцев, будет продано. Вместе с вознаграждением за спасение имущества это составит приличную сумму.

— Я не хочу ничего этого, — сказала Берри.

— Ну, так нам больше достанется, только это неправильно, хозяйка Берри. Думаю, и Вейну будет, что тебе сказать.

— Вейн может говорить, сколько пожелает. На реке слова даются даром. — Берри отвела светлые волосы от глаз.

Садлер пожал плечами, на время отказавшись от спора.

— Тут есть еще пара барж, о которых мы разошлись во мнениях. Я был бы благодарен, если бы ты на них взглянула. Может, внесешь ясность.

Берри кивнула и позволила увести себя прочь от «Шиповника».

Вит стоял на грязном берегу, переводя взгляд с прямой спины удаляющейся Берри на гниющую развалину «Шиповника». Запустив руку в волосы, он сказал Фаун:

— Я готов был подставить ей плечо на случай, если ее суженый погиб, а другое — если он сбежал

с другой девчонкой. Только для этого у меня нет плеча, да она и не плачет вовсе. Я мечтал о том, чтобы отшить Элдера, но не таким же образом! Что мне делать, Фаун? Мне хочется ее обнять, но я не смею!

— Для этого слишком рано, Вит. Думаю, Берри еще не выдержит прикосновения к своим ранам.

— Но я боюсь, что скоро станет слишком поздно!

Фаун задумалась.

— Даг как-то говорил мне, что Стражи Озера носят волосы завязанными в узел в течение года после потери, и это не слишком долго. На Берри только что обрушилось множество потерь. Ее отец, Бакторн… да и Элдер тоже. Элдер хуже всего, потому что она потеряла его, нашла и потеряла снова.

— Она совсем не плачет.

— Может быть, она как Готорн: уходит в лес, чтобы выплакаться. Удивительно… какую жизнь девушка должна была вести, чтобы отказываться от утешения, даже испытывая ужасную боль… как будто потребность в помощи — слабость. Может быть, она думала, что если будет достаточно сильной, то сможет все спасти. Только так не получается… — Фаун нахмурилась и продолжала:

— После Злого в Глассфордже Даг утешил меня, но у него, по-моему, был в этом большой опыт.

— У меня-то такого опыта нет, — грустно сказал Вит.

— Я сказала бы, что как раз сейчас ты его приобретаешь. Мотай на ус.

Вит вытер нос рукой.

— Фаун, признаю, что тот Злой причинил тебе вред и жутко испугал, но тогда все не было таким запутанным, как теперь.

Фаун дважды глубоко вздохнула, прежде чем ответила:

— Вит, когда Злой поймал меня, он… он вырвал Дар десятинедельного ребенка, которого я носила под сердцем. Когда у меня случился выкидыш, я чуть до смерти не истекла кровью. В ту ночь забота Дага спасла мне жизнь. К тому времени уже нельзя было спасти моего ребенка.

«Получил по голове дубинкой», — примерно такое выражение появилось на лице Вита. Что ж, уж вниманием его Фаун точно завладела.

— А? — выдохнул Вит. — Ты никогда не рассказывала…

— Почему, как ты думаешь, я сбежала из дома? — нетерпеливо спросила Фаун.

— Но кто… подожди, это же не мог быть Даг!

Фаун вскинула голову.

— Нет, папашей был парень из Вест-Блю, и теперь не имеет значения, кто именно… если не считать того, что он ясно показал, что не хочет иметь к последствиям никакого отношения. Так что я двинулась в путь в одиночку. — Она втянула воздух через нос и продолжала: — В пути я встретила Дага, так что в конце концов все закончилось хорошо… но простым это никогда не было.

— Ты ничего не рассказывала… — жалобно повторил Вит.

— Молчание не означает, что ты не горюешь… Я тоже не хотела, чтобы мои раны теребили, не хотела выслушивать всякие глупые шутки… или вообще чтобы мое семейство замучило меня до смерти.

— Я не стал бы… — начал Вит и запнулся.

— Что касается Берри, просто будь рядом, Вит. Будь тем единственным человеком, которому она не будет должна ничего объяснять, потому что ты был здесь и все видел сам. Протяни ей чистый платок, если она заплачет, и что-нибудь теплое, если она согнется пополам от боли. Время, чтобы обнять ее, придет. Сегодняшний день еще не кончился.

— Ох… — только и сказал Вит и молча последовал за Фаун, чтобы присоединиться к Садлеру и Берри.

22

В сопровождении Ремо Даг вышел из пещеры, растирая рукой онемевшее лицо. Подкрепление Дара парню из Серебряных Перекатов помогло: рана больше не кровоточила, да и Хайкри некоторое время назад открыл глаза, выпил глоток воды, пожаловался, что у него жутко болит голова, пописал в горшок — все хорошие признаки — и уснул. Однако тем временем один из речников — к счастью, не отец или сын с семейной баржи — неожиданно умер, когда глубокая рана, которую его друзья сочли закрывшейся, снова начала кровоточить под бинтами, и кровь заполнила легкие.

«Будь я здесь, может быть, удалось бы его спасти».

Однако если бы Даг остался в пещере, он не успел бы на «Надежду», и тогда погибли бы другие люди.

«Ну да, будь я десятью тысячами человек и находись одновременно всюду, я мог бы в одиночку спасти мир».

Даг помотал тяжелой головой, еще раз поблагодарив в душе Фаун за те часы сна, что она для

него выкроила; иначе последний удар, обрушившийся на него, мог просто разбить его на куски. Он испытывал давнее глубокое отвращение к потерям тех, кто доверчиво последовал за ним.

«Они не за тобой следовали. Они следовали за Вейном и Орешком».

Даг с сомнением обдумал этот довод: кто, в конце концов, привлек Вейна и Хайкри? Однако некоторым временным утешением он послужил.

День был ясным, хотя и холодным; если смотреть вдаль, то можно было принять его за мирный день начала зимы на реке, блестевшей за осыпью у входа в пещеру, — до тех пор, пока удавалось бы смотреть на серебристо-серые ветви деревьев, а не столпившихся под ними людей. На опушке леса были разложены костры, и матросы готовили на них еду. Другие спали, легко раненные лежали на одеялах… А третьи были привязаны к деревьям. Рассмотреть их Дагу помешал Барр, торопливо подошедший к ним с Ремо.

— Даг, лучше бы ты пошел туда.

Еще один тяжело раненный? Даг позволил потащить себя вниз по склону, спотыкаясь на камнях.

— Почему они еще не повесили разбойников? Я надеялся, что это будет уже закончено к тому

времени, когда мы сюда доберемся.

— С этим возникли проблемы, — ответил Барр.

— Не хватило веревок? Вокруг мало деревьев? — У Берри на барже веревок много, подумал Даг. Однако если придется использовать их для того, чтобы повесить Элдера, Берри об этом лучше не говорить.

— Нет, дело в том… ты только послушай.

— Я всегда слушаю.

На берегу рядом с привязанными судами на стволах поваленных деревьев и пнях уселись в кружок люди. Здесь были Вейн, Медвежья Приманка и трое капитанов судов: Гринап с большой баржи из Олеаны, выглядевший ровесником Ремо, Слейт с парусника из Серебряных Перекатов, мускулистый силач одного возраста с Вейном, и Феллофилд, пожилой хозяин баржи из Рейнтри. Кто-то из них был растерян, кто-то встревожен, кто-то рассержен, но все одинаково выглядели смертельно уставшими после бессонной ночи, проведенной в свирепой схватке, за которой последовали рассказы об ужасах пещеры. Исповеди разбойников, которые им пришлось выслушать, были, может быть, полны еще более чудовищных подробностей, чем те, которые Даг узнал от Скинка, Элдера и Крейна. Сам Крейн теперь

лежал на одеяле по другую сторону осыпи под кустом, и речники далеко обходили его, нервно оглядываясь. О чем бы ни шел спор, начался он явно уже давно.

— Вот и он, — сказал Слейт.

Не слишком любезное приветствие… Даг кивнул собравшимся.

Привет. — Он не стал добавлять рискованно любезного «Что я могу для вас сделать?» и чтобы не возвышаться надо всеми, уселся, скрестив ноги. Нерешительно переглянувшись, Барр и Ремо последовали его примеру.

Вейн, всегда стремящийся верховодить, заговорил первым.

— У нас тут проблема с разбойниками и этим их Стражем Озера.

— Мы договорились, что крестьяне будут заниматься крестьянами, — осторожно сказал Даг, — а Стражи Озера — Стражем Озера. К счастью, мы поймали Крейна сегодня на рассвете, когда он пытался добраться до Элдера на «Надежде».

Показав на Барра, Медвежья Приманка проворчал:

— Ага, твой парень так нам и сказал. Как я слышал, вы также разделались с Большим и Маленьким Драмами. Это тоже хорошо.

— Дело в том, — продолжал Вейн, — что кое-кто из разбойников утверждает, что вешать их не следует, потому что они не могли сопротивляться, что убивать их заставлял Крейн своим колдовством.

— Ага, и как только один из них сказал такое, — вмешался капитан Феллофилд, — так и остальные завопили хором.

— Какой сюрприз, — буркнул Барр.

Даг пригладил волосы.

— И вы прислушивались к их оправданиям больше пяти секунд?

Медвежья Приманка нахмурился.

— Ты что, хочешь сказать, что никто из них не околдован и не лишен разума? Мне-то кое-кто из них кажется очень даже околдованным.

А ведь Медвежья Приманка мог видеть, как это бывает на самом деле — во время борьбы со Злым прошлым летом в Рейнтри. Даг закусил губу.

— Кто-то околдован, кто-то — нет. Скинк был околдован, как вы знаете. — Все, кто накануне, когда планировалось нападение на пещеру, присутствовал при допросе Скинка, закивали; единственным исключением был поздно присоединившийся Слейт. — А слышали ли вы о жестокой игре Пивовара и Крейна и о том, как

они рекрутировали разбойников?

— Ну да, — закивал Вейн.

К нему присоединились многие из собравшихся, хотя не все выглядели особенно возмущенными; Дагу пришло на ум, что игра несколько напоминала поединки, которыми развлекались грубые речники в тавернах. И все-таки… все было совсем иначе.

— Не думаю, что тут было что-то такое, что вы называете колдовством. У Пивовара все происходило точно так же, не забывайте. — Даг показал в сторону привязанных к деревьям пленников. — Кроме того, часть из них была здесь еще до того, как появился Крейн. А некоторые присоединились сами — братья Драмы, например.

Медвежья Приманка, прищурившись, посмотрел на Дага.

— А можешь ты определить, кто из разбойников в самом деле околдован, а кто врет?

— Ты думаешь, это должно изменить их судьбу, — осторожно поинтересовался Даг, — когда у всех руки по локоть в крови?

— Уж не собираетесь ли вы кого-то из этих убийц отпустить? — с возмущением спросил Ремо. — После всех усилий, которые мы употребили на то, чтобы их изловить!

Гринап поморщился.

— По крайней мере один из них умолял повесить его, чтобы со всем покончить. — Даг не был уверен, что означала гримаса речника. Уж не предпочитал ли молодой капитан, чтобы разбойники проявляли стойкость? Что и говорить, так вешать их было бы менее неприятно.

Медвежья Приманка поковырял землю палкой, которую держал в руках.

— Понимаешь, я видел людей, которых в Рейнтри поработил Злой. Когда заклятие было снято… или выветрилось, они приходили в себя. Становились самими собой.

— Сохранив все воспоминания, — пробормотал Даг.

— Да уж, сомнительное удовольствие, — вздохнул Медвежья Приманка.

Даг заговорил, очень тщательно выбирая слова:

— То, что делал Крейн, очень отличалось от принуждения Злого. — «Только отличалось ли?» — По крайней мере, по силе. Это все равно, что сравнить брошенную гальку с камнепадом.

Капитан Феллофилд поскреб свой седой затылок.

— Камнепады состоят из мелких камешков. Так

что же, ты говоришь, что тут есть разница?

Даг пожал плечами.

— Ты не спрашивал бы, если бы когда-нибудь попал под камнепад. — Его *не должны заставить* сделаться судьей этих людей, не должны заставить решать, кому из них жить, а кому умереть. Но что, если он — единственный, кто обладает достаточными знаниями? — Послушайте. — Даг наклонился вперед, опираясь на свой крюк, и взмахнул рукой. — Все они — или те, кто выжил в игре, или те, кто помогал ее организовать. Все они однажды имели возможность сделать выбор — и в ущелье и на дне реки достаточно тел, чтобы доказать: для кого-то оказалось возможным выбрать другую судьбу. Не думаю, что хоть кто-то из разбойников был околдован так, что не мог бежать или хотя бы попытаться. Ведь Крейна потому и не было в пещере прошлой ночью — он выслеживал двух парней, не пожелавших участвовать в зверствах. Беднягам так и не удалось уйти.

Даг помолчал, понимая, что хорошего решения не существует. Однако было бы ужасной несправедливостью в отношении тех, кто умер, сопротивляясь злу, отпустить этих слабаков на свободу. Большинство из них к этому времени

уже перестали быть собой, привыкли к тайным жестокостям; было бы безумием позволить им вернуться к людям. У речников не было возможности держать их в заключении…

«Но не я должен вынести приговор».

— Если вы все равно собираетесь их повесить, бесполезно мне… или Барру и Ремо, — Даг поспешно устранил возможность противопоставить одних Стражей Озера другим, — разбираться, кто был околдован, а кто — нет. Если же не собираетесь, значит, крестьяне не судят больше крестьян, как делают Стражи Озера в отношении своих. Вам пришлось бы принять наше слово на веру, ведь сами вы проверить этого не можете. Не думаю, что такая идея удачна. Если вы собираетесь кого-то из них отпустить, то должны делать это по собственным резонам, основываясь на собственных доказательствах. Фермеры — фермерам, предатель Страж Озера — нам. — Даг счел, что важно обязательно произнести это слово — «предатель».

«Так кто же теперь не имеет лагеря?»

— Так и Крейн будет повешен вместе с остальными? — спросил Слейт.

Ремо, выбравший неуместно высокопарный тон, проговорил:

— Он выбрал смерть по нашим собственным обычаям. В тайне.

Гринап недоверчиво вытаращил на него глаза.

— Вы, Стражи Озера, уж не собрались ли дать ему сбежать?

Барр закатил глаза.

— Со сломанной-то шеей?

— Это может быть уловкой, — упорствовал Слейт.

Даг неожиданно для самого себя сказал:

— Это не будет сделано в тайне. Вы все увидите — каждый шаг.

— Даг! — в один голос вскрикнули Барр и Ремо. Ремо пораженно выдохнул: — Даг, ты не можешь!..

— Я могу и сделаю. — Сможет ли? Брат Дага Дор, мастер, изготовляющий разделяющие ножи, всегда работал в уединении — возможно, для этого была и другая причина, помимо его нелюдимости.

— По справедливости он должен висеть вместе с остальными, — сказал молодой Гринап.

— Он выбрал смерть от разделяющего ножа, — сказал Даг. — Я обещал подготовить для этого нож… по крайней мере попытаться.

Вейн прищурился.

— Разве Стражи Озера не считают такую смерть почетной? Это уж точно не годится — висеть-то совсем не почетно, дозорный.

— Речь идет не о почете. Так появляется возможность спасти нечто полезное… после всех бессмысленных потерь, — ответил Даг.

— Мне это тоже не кажется справедливым, — сказал Слейт, потирая подбородок.

Теперь уже все речники с подозрением смотрели на Стражей Озера.

— Что ж, тогда поговорим о том, что вам понятно, — вздохнул Даг. — Давайте поговорим о праве на вознаграждение за спасение имущества, которое вы все уже обсуждали. Я требую этот нож как свою долю. — Он вытащил ножны из-под рубашки, снял с шеи тесьму и высоко поднял нож. — Этот нож и возможность его зарядить.

Брови Слейта поползли вверх.

— Только это? — поспешно поинтересовался он. Эти парни из Серебряных Перекатов сразу чуяли выгодную сделку… Гринап тоже заинтересовался, явно что-то подсчитывая в уме.

Даг поспешно добавил, заметив, как зашевелились остальные Стражи Озера:

— Я говорю только о себе. Барр и Ремо тоже рисковали жизнью прошлой ночью, как кое-кто

из вас может вспомнить.

— Да ладно, — весело сказал Слейт. — Отдайте дозорному его нож, раз уж ему так хочется.

— И возможность его зарядить. Для тех, кто не знает, о чем я говорю, — продолжал Даг, — хотя клянусь: сегодня вы все хорошо поймете, — речь идет о смертности Крейна. Он подарит ножу смерть своего сердца.

На лицах всех сидящих в кругу отразилось глубокое сомнение.

Нарушил молчание Медвежья Приманка:

— Что касается других дозорных, они могут сами запросить свою долю, но целителю нужно дать то, чего он просит, по-моему.

Капитан Слейт, возможно, вспомнив о своем матросе с перерезанным горлом, неловко поежился.

— Что ж… пожалуй, это правильно. Только вот что: этот разбойник — Страж Озера — должен умереть первым. Чтобы все, кого он завлек, могли это увидеть.

— Это будет им уроком на всю жизнь, — пробормотал Барр. По крайней мере несколько человек слегка улыбнулись, разделяя его злость.

— Ладно, — устало согласился Даг.

«О боги…»

Вовсе не разбойникам он хотел преподать урок, а речникам. И всем остальным — потому что рассказы о событиях этого дня пойдут гулять по реке от истоков до устья со скоростью, какую только способны развить суда. Факты, конечно, в конце концов будут искажены… однако Даг поклялся себе, что сегодня все поймут все правильно.

«Так что ты уж постарайся, старый дозорный…»

* * *

Даг вернулся на «Надежду», стараясь припомнить все, что видел, когда Дор готовился к наложению на нож уз. Мастера, изготовляющие разделяющие ножи, жили, как он знал, обычно в центре лагеря, в самом уединенном и защищенном месте… в самом сердце жизни Стражей Озера. Ему предстоит вывернуть это сердце наизнанку.

Он попросил неотступно следовавших за ним Барра и Ремо найти себе занятие на полчаса: молодые дозорные были не из тех, кто понимает тонкие намеки, — и увел Фаун на заднюю палубу, где они хоть как-то могли уединиться. Там он объяснил ей, что собирается попробовать сделать.

Фаун только кивнула.

— Все, что умеет делать Дор, ты, я не сомнева-

юсь, сделаешь лучше.

Даг не был уверен, что такая вера в его силы оправдана, но она согрела ему сердце. Он стиснул сильную маленькую руку жены.

— Работа Дара — это моя часть, но есть вещи, которые требуют двух рук. В основном — кровопускание Крейну, чтобы поместить его Дар в нож, когда я закончу устранение других следов, — примерно то же самое, как когда ты вплела свой Дар в нашу свадебную тесьму. Я мог бы попросить помочь мне Ремо или Барра, но я хотел бы держать их подальше от этого дела — на случай, если потом возникнут неприятности.

Фаун нахмурила брови.

— Почему могут возникнуть неприятности?

— Потому что я не просто создам нож. Я собираюсь продемонстрировать работу Дара Стража Озера всем речникам, кого только смогу заставить смотреть и слушать. — Помолчав, Даг добавил: — Ты можешь уйти, прежде чем я… э-э… заряжу нож. Тебе незачем видеть эту часть.

— Ах, — выдохнула Фаун и посмотрела в глаза Дагу, — ты знаешь, есть возможность, если я собираюсь стать настоящей подругой Стража Озера, что когда-нибудь мне выпадет подобная задача. Испортить такое дело — хуже ничего

представить нельзя. Не кажется ли тебе, что мне лучше посмотреть и узнать, как это делается?

Даг сглотнул, кивнул и крепко прижал к себе Фаун.

— Да, — прошептал он, — ты права.

Когда он наконец отпустил Фаун, она отправилась на кухню, чтобы приготовить ему обед — без мяса, потому что Даг вспомнил: Дор никогда не ел ничего мясного перед обрядом. Когда, старательно вымывшись, Даг сел за стол, Фаун поставила перед ним миску с картофелем и луком, жаренными в соленом масле, и яблоки; сама она тоже немного поела, а остальное отдала Хогу и Готорну, которые оставались присматривать за Бо. Пытаясь избавить Дага от лишних усилий, Ремо прибег к подкреплению Дара, чтобы распухший нос Готорна не так болел; Даг решил, что потом снимет все следы околдовывания, когда у него будет время заняться мальчишкой как следует.

Когда Даг выскреб миску, Фаун поставила рядом с ним плошку, полную овса. Даг с удивлением посмотрел на нее.

— Ну-ка давай! Пока ты тут сидишь, займись-ка, вырви у них Дар, слышишь?

— А?

Фаун уселась с ним рядом.

— Мне кажется, что когда в тебя попадает что-то скверное, от чего ты не можешь избавиться, самое милое дело — разбавить его чем-то безобидным.

— Ах, так ты поняла, что я вырвал часть Дара Крейна.

— Ага, сразу же. Так что теперь в тебе часть его Дара, верно? По крайней мере до тех пор, пока ты его не прикончишь.

— Это тебя тревожит?

— Мне кажется, это тревожит тебя. Очень тревожит.

— Верно, Искорка, — вздохнул Даг, взял ее руку и на мгновение прижал к своему лбу. — Оставайся со мной рядом. Ты помогаешь мне помнить, кто я есть и что делаю, когда возникает путаница.

Взяв зернышко овса, Даг покатал его между пальцами. Вырывая Дар одного зернышка за другим и бросая их в свою грязную миску, он наконец почувствовал, что предметы вокруг видятся ему необыкновенно отчетливо.

Если что-то еще и нужно было сделать, готовясь к обряду, Даг ничего об этом не знал. После мгновения задумчивости он снял свой протез и опустил рукав, застегнув пуговицу, чтобы тот не хлопал. Поправив на груди ножны, он взял Фаун

за руку и поднялся.

* * *

Даг велел поставить носилки в середине осыпи в нескольких шагах от берега, левым боком к реке, чтобы шесть десятков речников могли расположиться на склоне, поднимавшемся ко входу в пещеру, и все видеть. Вит, Вейн и двое матросов развернули носилки, как им было сказано, и забрали шесты, позаимствованные с «Кусачей черепахи»; потом Вит отошел туда, где сидела Берри. Ремо и Барр расположились с другой стороны — на расстоянии, указанном Дагом, чтобы быть свидетелями, но не участниками. Даг положил сложенное одеяло для себя и Фаун сбоку от Крейна, где они не загораживали бы его от зрителей. Фаун опустилась на колени и выжидающе посмотрела на Дага.

Речники устраивались на камнях, переговариваясь, усаживаясь или оставаясь стоять. Никто не подошел слишком близко. С полдюжины матросов «Кусачей черепахи», слышавшие рассказ Дага о Даре Стражей Озера в Жемчужной Излучине, уселись в передних рядах, с интересом глядя на приготовления. По крайней мере в этот день все они были совершенно трезвы. Итак…

Даг выпрямился и заговорил достаточно громко, чтобы его услышали все:

— Сначала я должен объяснить, что такое Дар и как им пользуются Стражи Озера. Дар все пронизывает, он есть во всех вещах, живых и неживых, но в живых существах он ярче всего. Вы все обладаете Даром, но не чувствуете этого… — Даг так много раз повторял свое объяснение, что слова стали гладкими, как обкатанная галька на берегу. Некоторые слушатели уже были знакомы с более ранними версиями, но повторение никогда не вредит… Сколько сотен раз приходилось Дагу объяснять, как действуют дозорные, каждому новому набору молодых Стражей Озера?

Дар… Действие Дара… Злые… Упоминание о Злых привлекло внимание даже тех, кто до сих пор не очень прислушивался. Молодежь воспринимала это как увлекательную историю; старшие — те, кто своими глазами видел пустоши, и жители Рейнтри, которых коснулась борьба с тварью, кивали и переговаривались — и между собой, и с любопытствующими соседями.

Крейн не сводил с Дага широко открытых глаз, не веря своим ушам. Даг не стал просить его разрешения на то, чтобы сделать его наглядным пособием, но угрызений совести не испытывал.

Если бы даже Крейн не лишился права выбора, убив первого фермера в Олеане, он лишился его с тех пор сотни раз. Его разрушительная жизнь принесла миру много зла. Так пусть его смерть хоть немного послужит добру.

«Если таково добро…»

Теперь речь Дага достигла своей тайной сути. Он заговорил еще громче.

— Создание разделяющих ножей считается самым ответственным деянием Стражей Озера и по большей части является… — Он запнулся на слове «тайным» и заменил его на «частным делом». — Ножи вырезаются из костей, костей Стражей Озера, завещанных дозорным. Не украденным из могил, и уж тем более, несмотря на все слухи, не из похищенных костей крестьян. Это — наследие нашего рода. Дарение — самая торжественная часть наших похоронных обрядов. — И самая кровавая, но говорить об этом Даг пока не собирался, потому что теперь наступала самая главная и самая сомнительная часть сегодняшнего отчаянного урока.

Даг извлек костяной нож из ножен у себя на шее и протянул его Фаун, которая поднялась на ноги, чтобы принять его.

— Моя жена Фаун сейчас пройдет между вами

и покажет настоящий разделяющий нож. Пожалуйста, пусть каждый его коснется.

«Только, отсутствующие боги, сделайте так, чтобы никто не уронил его на камень!»

— Все, о чем я прошу, — это обращайтесь с ним осторожно и с уважением, потому что… потому что однажды такой нож был завещан мне моей первой женой, и я знаю, каково… — Голос изменил Дагу, и он умолк.

Фаун ходила между речниками, следя, как его передают из рук в руки. Голос вернулся к Дагу, и он продолжал:

— Мы нашли этот нож в пещере среди похищенных мехов. Как мы поняли, его сделал какой-то мастер в Рейнтри из кости своего родича. Нельзя определить, чей он: на лезвии нет посвятительной надписи, какую иногда делают. Он был связан узами с женщиной, которую убили речные разбойники примерно на том месте, где я сейчас стою.

Из всего, что Даг собирался сегодня открыть речникам, нож был самой важной частью, и Даг хотел, чтобы они это поняли, — не только увидели и услышали, но и почувствовали, коснувшись клинка. Как еще можно было приобщить людей, не ощущающих Дара, к пониманию так назы-

ваемой страшной магии Стражей Озера, как не позволив им коснуться прохладной, гладкой, хрупкой кости, взвесить в руке, передать соседу? Даг, который никогда не молился, сейчас молил о прощении неизвестного дарителя за такое использование его наследия. Однако, к его огромному облегчению, там, где проходила Фаун, не раздавалось голосов, полных отвращения, или, того хуже, нервного смеха. Молчание было уважительным или по крайней мере вежливым.

Губы Ремо и Барра были плотно сжаты, глаза широко раскрыты. Оба молодых дозорных выглядели так, будто готовы обратиться в бегство, если бы только знали куда. Однако они держали себя в руках.

Наконец Фаун вернулась, вручила клинок Дагу и снова опустилась на колени рядом с Крейном. Даг поднял нож вверх.

— Мастер, изготовляющий нож, не просто вырезает его из кости; он также придает форму его Дару — и естественным образом, при преобразовании кости в нож, и готовя его к следующей цели — к тому, чтобы хранить в себе смертность Стража Озера, как в запечатанной бутылке. Этот нож уже был подобным образом посвящен, но сегодня при помощи своего Дара и кипящей воды

я освободил его от неиспользованных уз. Сейчас он чист, как если бы только что вышел из рук резчика. Поэтому следующий шаг, который я вам покажу, — это наложение новых уз.

Он опустился на колени слева от Крейна, обратившись спиной к тусклому блеску реки.

— Кровь имеет особое значение при наложении уз, — сообщил Даг слушателям, — потому что несет в себе живой Дар человека даже тогда, когда покидает его тело, по крайней мере до тех пор, пока не высохнет и не умрет. Обычно тот, кто в будущем подарит ножу смерть своего сердца, помещает немного своей крови в новую чашу из дерева, но нам придется без этого обойтись.

Нож, которым вскрывается вена, обычно должен был бы быть прокален на огне, чтобы не занести инфекцию. Были и другие подробности, которые Даг помнил с тех пор, как сам был связан узами с ножом Каунео; только сейчас они не были нужны. В момент паники Даг подумал о том, не сможет ли притвориться, если ничего не получится, будто все же сумел наложить узы, — ударить Крейна бесполезным ножом прежде, чем тот успеет возразить, и сообщить зрителям, что все удалось. Только, проклятие, Ремо и Барр все поймут…

Даг поудобнее уселся, скрестив ноги, как если бы собирался прибегнуть к целительству… это вызывало тревогу, ну да придется это обстоятельство присоединить ко все возрастающему грузу сомнений, с которыми предстояло разобраться позже. Предстоящая работа Дара оставляла даже меньше места для нерешительности, чем поиски Злого. Взглянув на Фаун, Даг успокоил ее:

— Он ничего не чувствует ниже шеи. Ты не причинишь ему боль.

Фаун мрачно кивнула. Даг коснулся костяным ножом груди Крейна, а Фаун, неловко приподняв мертвый вес его руки, сделала глубокий надрез на бледной коже, потом сжала его, чтобы заставить кровь потечь.

И тут Даг перешел в другой мир, где суть человека видна изнутри. Материальный мир — свет солнца, голые деревья, каменистый склон, вытягивающие шеи люди — растаял, как призрачное видение, а пересекающиеся потоки Дара стали ясно ощутимы. Окружающие превратились в меняющиеся сгустки света, Фаун — в пылающий огонь. Даг сам теперь был Даром. Нож в его руке словно ждал силы, которую можно в него заключить, а Крейн… Крейн был темной колышущейся массой, и только кровь его ярко светилась.

Даг вытянул свою призрачную руку под этим живым ручейком, вспоминая посвящение, которое знал лучше всего: то, которое содержал его собственный нож, за изготовлением которого он наблюдал в Лутлии. Он сам уничтожил его в Рейнтри, чтобы избавиться от смертельной хватки Злого. Посвящение было самым ценным, что вкладывал в нож мастер: образ двух рук, готовых принять смертность. Даг своей призрачной рукой обхватил Дар Крейна; его возникшая прошлой ночью нежеланная связь с предателем, возможно, облегчала дело… эту мрачную мысль тоже нужно будет обдумать позднее, сейчас на это нет времени… Даг позволил своему Дару заструиться по желобку на клинке, а потом слиться с собственным ожидающим Даром ножа. Пусть все это соединится…

Даг отстранился, расставшись с той частью себя, из которой он сделал чашу для Крейна.

И охнул от неожиданности.

«Проклятие, я и не знал, что это так больно!»

Он как зачарованный с ужасом следил, как его призрачная рука отрывается от той части, что осталась соединена с ножом. Ощущение было такое, словно он откусил себе палец. О боги, и Дор проходил через такое каждый раз, как накла-

дывал узы?

«Брат, я прошу у тебя прощения!»

Если применение Дара было правильным…

«У меня или получилось, или нет. Если нет, я могу опять прокипятить нож и начать все заново… многим подмастерьям так и приходится делать попервоначалу».

Однако все вытеснила более ясная, более уверенная мысль:

«У меня получилось».

Даг, моргая, вернулся в реальный мир, слабый и дрожащий, как после трудного исцеления. Его рука крепко сжимала окровавленный нож, но болела у него не правая рука, а культя левой; призрачная рука тоже горела огнем. Быстро проверив свое внутреннее зрение, Даг обнаружил, что дальше сотни шагов ничего не может различить. Снова…

«От этого мне не оправиться за один день…»

Однако работа Дара была закончена. Все после этого будет… Даг отказался заканчивать эту мысль, хотя чуть не подумал: *легко.* Все после этого будет так же чертовски запутано, как и до сих пор.

Даг сглотнул и хрипло проговорил:

— Теперь в обычных обстоятельствах мастер

протер бы нож и вручил его новому владельцу для последующего использования. Хорошо наложенные узы служат всю жизнь. — По определению…

Даг вслепую протянул руку Фаун. Она, подняв брови, вынула нож из его онемевших пальцев и стерла тряпкой с него кровь. Даг не был так уж уверен в том, что узы совершенны: ощущение было менее тонким, чем с его ножом из Лутлии. Однако они были прочны, да. Может, даже чересчур? Может быть, следовало, так сказать, откусить не весь палец, а только кончик? Однако та жизнь, на которую должно было хватить этих уз, измерялась минутами…

— Зарядить нож можно по-разному. Мой отец несколько лет назад вонзил нож себе в сердце, когда тяжело заболел. Моя первая жена бросилась на нож, когда умирала от ран, полученных в сражении далеко на севере. У Ремо был клинок, ради которого его престарелая родственница пожертвовала последними драгоценными месяцами жизни. — Краем глаза Даг увидел, как поморщился молодой дозорный. — Ей в этом пришлось помочь ее собственной дочери. Мне приходилось видеть, как дозорные помогали друг другу. Как вы понимаете, обычно разделяющий

нож не становится инструментом казни. — Или как наглядное пособие для просвещения толпы крестьян, должен был признать Даг. — Так или иначе то, что предстоит, не видел ни один фермер… так что *смотрите внимательно!* — Последние слова Даг произнес своим командирским голосом. Люди вздрогнули и выпрямились.

— Ты знаешь, что ты — проклятый безумец? — пробормотал Крейн. Он, насколько мог, отвернул лицо от толпы, пытаясь спрятаться от любопытных взглядов.

— У меня есть свои причины, — тихо ответил ему Даг. — Когда-то, возможно, прежде чем ты разрушил себя, ты и сумел бы их понять.

— Меня они изгнали. Будь у них хоть капля разума, тебя они сожгли бы живьем.

Не обращая на него внимания, Даг снова сел на одеяло и сказал:

— Распахни его рубашку, Искорка.

Ловкие пальцы Фаун расстегнули пуговицы и развели полы рубашки, обнажив грудь Крейна. Даг подумал, не понадобится ли Ремо эта его запасная рубашка… Он посмотрел в серебряные глаза Крейна и получил в ответ мрачную гримасу.

— Готов? *Ты даешь согласие?* — Из всех требова-

ний, связанных с разделяющим ножом, это было самым обязательным.

— Если хочешь получить мое проклятие, — прорычал Крейн, — то получи.

— Этого я ожидал.

— А если мое проклятие — все равно что благословение, не сойдет ли мое благословение за проклятие? Получи и то, и другое. Разбирайся сам. С меня хватит. — Он повернул лицо в сторону переливающейся на солнце реки. — Дай мне уйти из этого безнадежного мира. — После паузы он добавил: — И не позволь своей руке дрогнуть.

Такого согласия было достаточно.

Даг направил острие ножа под ребра Крейна, помедлив секунду только для того, чтобы объяснить Фаун, как определить правильный угол и с какой силой ударить, чтобы пронзить сердце, но не сломать клинок преждевременно. Лицо Фаун было бледным, но глаза смотрели внимательно. Она кивнула, показывая, что все поняла.

Даг нащупал своей призрачной рукой сердце Крейна, сжал рукоять и одним резким движением загнал клинок на полную длину.

Губы Крейна дрогнули, а глаза выкатились, но Даг сейчас не был в реальном мире. Он замер, все еще сжимая нож, в который вливался исче-

зающий со смертью Дар, словно всасываемый в воронку. Выдержат ли узы? Закупорится ли смертность как следует?

«Да!»

Даг снова начал дышать… в отличие от Крейна.

Когда Даг огляделся, его поразило, какая глубокая тишина царит на холме, полном людей.

Даг извлек заряженный нож из послужившей ему ножнами плоти и поднял его высоко над головой.

— Этот Страж Озера, — на сей раз Даг не пожелал называть его предателем или разбойником, — отдал свою смертность ножу, чтобы поделиться ею, если мне повезет, со следующим Злым, которого я встречу. — Двадцать шесть Стражей Озера до Крейна доверяли Дагу достаточно, чтобы отдать в его руки свою смертность, и он оправдал их доверие. Из всех ножей и всех жизней, которые прошли через его руки, этот, несомненно, был самым темным.

«Проклятие, но и достался он мне нелегко».

Даг протянул нож Фаун, чтобы та вытерла его, и попросил спрятать в ножны и повесить ему на шею, потому что рука его все еще тряслась, и сам он не справился бы.

— Заплатил ли Крейн за свои преступления, я не могу сказать. Тут отдельный счет.

23

Старательно сохраняя на лице безразличное выражение, чтобы никто не догадался, как ее тошнит, Фаун помогла Дагу подняться с одеяла рядом с телом Крейна. Она предусмотрительно захватила ореховую палку Дага; опираясь одной рукой на нее, а другой — на плечо Фаун, Даг двинулся вдоль берега. Фаун кивнула Берри, и та вместе с Витом последовала за ними. Ремо и Барр остались, чтобы присмотреть за похоронами Крейна. Толпа посуровевших речников разошлась; матросы двинулись к деревьям, чтобы заняться следующим мрачным делом.

Даг пошел не в сторону «Надежды», а вниз по течению, где по берегу ручья тянулась лужайка, на которой разбойники пасли своих лошадей. Часть травы еще была зеленой, особенно поблизости от воды, но по большей части осеннее золото уже сменилось бурым цветом; сухая трава была своего рода стоячим сеном. Около дюжины лошадей, пасшихся на лужайке, при приближении людей насторожили уши, но тут же вернулись к прежнему занятию. Только один крупный гнедой жеребец с любопытством понюхал воздух

и потянулся к Дагу. Тот остановился и почесал коню голову; животное тут же с глупым видом развесило уши.

— Мне нравятся лошади, — пробормотал Даг. — Они такие большие, а их Дар простой и светлый. А лучше всего, — вздохнул он, — то, что они не люди. Пойдем вон туда, Искорка. — Он показал на одинокий тополь на опушке, голые ветви которого, казалось, доставали до неба. Дохромав до него, Даг уселся на землю, прислонился головой к морщинистой серой коре и закрыл глаза. Фаун села рядом. Даг, что было для него необычно, положил левую руку ей на колени, и Фаун стала ее поглаживать; от этого лицо Дага стало несколько напоминать морду того коня. Конь тем временем добрел до опушки, хотя и был стреножен, и ткнулся головой в плечо Дага, требуя новой ласки. Даг, не открывая глаз, потянулся к нему и стал почесывать.

Фаун подумала, что присутствие животных — спокойных, теплых, со светлым Даром, — может быть, помогало Дагу отгородиться от того, что происходило у пещеры. Если внутреннее зрение Дага после того напряжения, которого потребовали от него предыдущие действия, и охватывало те окрестности, то он мог бы закрыть

свой Дар; однако это погрузило бы его в тишину и одиночество. Тишина была сейчас желанна, а вот одиночество, как казалось Фаун, не пошло бы ему на пользу.

Вит бродил среди лошадей, оценивая их опытным глазом. Берри, остановившаяся, чтобы погладить спокойную кобылу, повернула голову, когда со стороны пещеры донесся крик. Они отошли достаточно далеко, чтобы ничего не видеть, но все же недостаточно, чтобы до них не долетали звуки. Берри отошла от лошади и застыла, глядя в сторону покрытого лесом склона; лицо ее было напряженным. Высокая девушка начала дрожать, когда крик резко оборвался. Она выглядела, подумала Фаун, как осинка, которую грызет бобер, — тоненькая и обреченная.

Вит с тревогой следил за Берри, потом протянул к Фаун руки, отчаянно прося совета. Фаун ободряюще кивнула ему. Вит сглотнул, подошел к Берри и, ни слова не говоря, обнял ее. Это не было любовное объятие: просто утешение, предложенное в трудную минуту.

«Что-то теплое, к чему можно прислониться, чтобы облегчить боль…»

Берри положила голову на плечо Вита и зажмурилась. Ее светлые волосы были особенно

заметны на фоне темных — Вит все-таки был Блуфилдом, — пока не смешались, когда Берри еще ниже опустила голову.

Вит долго прижимал ее к себе — пока Берри не перестала дрожать, — потом усадил на поваленное дерево у самой воды. Так они и сидели, глядя на пасущихся лошадей.

— А дозорные стреноживают своих коней? — спросила Дага Фаун, чувствуя, что еще не в силах говорить о чем-то серьезном. — Удивительно, как хорошо это удерживает животных.

Даг охотно присоединился к этой теме, возможно, по той же причине.

— Иногда стреноживаем, потому что, если дозорный оказывается слишком далеко и не удерживает коня своим Даром, приходится много пыхтеть, чтобы поймать его, — как и любому фермеру. — Углы губ Дага поползли вверх при каком-то забавном воспоминании. Открыв глаза, он стал смотреть на мирно пасущихся лошадей. — Путы не слишком мешают коню, если он серьезно испуган. Пожалуй, привычка кормиться в определенном месте удерживает коней лучше, чем путы.

— Они не выглядят такими неухоженными, как можно было бы предполагать. Интересно, сколь-

ко из них были похищены с судов, а скольких разбойники привели с собой? Ну, Вейн и другие речники разберутся с этим.

— Ага. Теперь лошади — тоже спасенное имущество, — сказал Даг. Он поглубже засунул за пазуху ножны с разделяющим ножом и снова прислонился к стволу тополя и закрыл глаза.

Через некоторое время по склону холма спустились Ремо и Барр, перешли ручей и направились к тому дереву, под которым сидел Даг. Оба молодых дозорных выглядели мрачными.

Даг открыл глаза.

— С повешением закончили?

— Не совсем, — ответил Ремо. — Крейна мы похоронили. Я рад, что нам не пришлось его вскрывать.

Барр поморщился.

— Кто захотел бы получить нож из костей Крейна?

— Речники вырыли траншею, — продолжал Ремо. — Крейн был первым, кто в нее попал.

— Траншея не очень глубокая, — сказал Барр, — но, я думаю, они навалят поверх камней. Некоторые матросы хотели заставить разбойников самих копать себе могилу, но потом решили, что сторожить их при этом труднее, чем выкопать

самим.

Ремо угрюмо добавил:

— У одного из парней с парусника были родичи на барже, которую разбойники захватили месяц назад. Он выяснил, что именно с ними случилось… Вейн позволил ему своими руками отрубить голову Большому Драму… да и Маленькому Драму тоже, хоть тот был уже мертв. Речники собираются насадить головы на шесты перед пещерой, чтобы другим неповадно было.

— Сразу после этого мы и ушли, — заключил Барр.

Хоть они и были крепкими парнями, на взгляд Фаун, Ремо и Барр были так же потрясены, как и она сама, и, возможно, не только потому, что не сумели достаточно плотно закрыть свой Дар. Барр отправился на лужайку и стал гладить славную пегую кобылку.

— Эй, — крикнул он через плечо, — да эта красотка жеребая! Тому, кто ее получит, достанется премия!

Ремо подошел к нему, чтобы посмотреть, и Фаун двинулась следом. Она вспомнила о Грейс, оставленной в Вест-Блю, и неожиданно затосковала по дому. Как можно скучать по дому из-за лошади? Только Фаун вдруг отчаянно затосковала по

своей кобыле и стала думать о том, все ли с ней в порядке и не округлился ли ее толстый живот еще больше. Раскинув руки, Фаун прижалась к черно-белому брюху, гадая, скоро ли эта кобылка ожеребится. Лошадница Омба, сестра Дага по шатру, благодаря Дару смогла бы сказать точно. Может быть, и Барр обладает таким талантом?

Ремо положил руку на холку лошади и посмотрел на Барра, который принялся выбирать колючки из гривы.

— Вейн говорит, нам причитается доля вознаграждения за спасение имущества, — тихо сказал Ремо. — Мы могли бы взять пару коней и вернуться в Жемчужную Стремнину еще до того, как ляжет снег.

Барр изумленно взглянул на него.

— Ха! И давно ты переменил мнение?

— Крейн… это было жутко. Я теперь не думаю, что так уж хорошо Стражу Озера жить отдельно от своего народа… даже если его затыркают до полусмерти. Может быть, нам следует просто это вытерпеть.

Фаун, гладившая теплый бок кобылы, заметила:

— Ни для кого нет ничего хорошего в том, чтобы стать отщепенцем, — ни для фермера, ни

для Стража Озера. Посмотрите только на этих разбойников…

— А то как бы не закончить свои дни в могиле, которую сам же себе и выкопаешь, — сказал Барр, осторожно извлекая колючий репейник из опутавших его жестких прядей. — Я думал, ты хочешь увидеть море… или утопиться в нем.

— Больше не хочу — ни того, ни другого. — Голос Ремо сделался еще более тихим. — Мир отвратительнее, чем я себе представлял. С меня хватит. Поехали домой.

«Этот безнадежный мир», — сказал Крейн. И он определенно сделал много для того, чтобы мир стал еще хуже…

— Не все так уж плохо, — мягко ответил Барр. Он посмотрел на опушку. Фаун проследила за его взглядом: Даг, все еще сидевший под деревом, выглядел совершенно обессилевшим. — Дело в том, что я… я тоже передумал. И даже если бы не передумал, вряд ли хорошо позволить ему, — он кивнул в сторону Дага, — отправиться дальше в одиночку. Я даже думаю, — добавил он рассудительно, — что из всех глупостей, которые я когда-нибудь совершал, это была бы худшая. — Он поднял глаза на Ремо. — А ты знаешь, что по этой части я чемпион.

Фаун прочистила горло.

— У Дага есть напарник, — сказала она, показывая им свое обвитое тесьмой запястье, которое сразу привлекло взгляды — а может быть, и Дар — молодых дозорных. — Мы так же связаны друг с другом, как Стражи Озера из Лутлии, когда идут по льду. И я не собираюсь позволить Дагу утонуть в темноте и холоде.

Ремо потер губы, а Барр выпутал еще одну колючку. Ни один ей не возразил.

«Я приняла Дага полностью и считала сделку справедливой, потому что и он полностью принял меня. Только ему нужно больше, чем одна я».

Она выпрямилась и продолжала:

— И все-таки я на самом деле думаю, что ему хорошо иметь вас рядом. Вы — якорь в его прошлом, когда он стремится к чему-то настолько новому, что никто никогда такого не делал. Он ведь по своему Дару больше не дозорный. Он пытается превратиться в кого-то другого.

— Да, в целителя, — кивнул Ремо.

— Или мастера — изготовителя ножей, — с сомнением протянул Барр. — И если он в самом деле им станет, тогда уж точно наш долг — охранять его. Есть у него лагерь или нет!

Фаун покачала головой, хотя с последним утверждением и была согласна.

— Первое, что должен сделать новый мастер, — это сделать себя. Думаю, это трудно для любого начинающего, даже если он становится подмастерьем наставника в избранном деле, а Даг пытается до всего дойти сам, не получая помощи. Я видела, как он восстановил разбившуюся стеклянную чашу, как помогал многим раненым, как вернул силу потерянному разделяющему ножу, а уж что он сделал в Рейнтри, я и описать не могу. Только чего он на самом деле хочет — это исправить мир.

Ремо растерянно вытаращил на нее глаза.

— Это никому не по силам!

— В одиночку — никому. Думаю, Даг сказал бы, что мир велик, а мы малы; в конце концов все мы бессильны. Однако сколько бы бесконечные споры о фермерах и Стражах Озера ни шли по кругу снова и снова до полного изнеможения, проблема Гринспринга так и останется. — Фаун сглотнула. — Может, нам и не удастся выиграть в этой игре, только определенно хорошо было бы иметь компанию, пока мы проигрываем. Это во-первых.

Губы Ремо шевельнулись, но слов не последо-

вало; он только быстро заморгал.

Фаун втянула воздух и продолжала:

— Одна только разгадка тайны околдовывания стоила того, чтобы вы отправились с нами. Это во-вторых. И я не знаю, сколько еще судов и жизней было бы уничтожено разбойниками, если бы мы тут не оказались, чтобы их остановить. Это в-третьих. Три хороших причины, как говорит Даг, стоят того, чтобы начать действовать.

Фаун искоса взглянула на Берри.

«Только хотела бы я, чтобы ей не пришлось так тяжко».

Однако хозяйка баржи, сидевшая рядом с Витом на стволе упавшего дерева, понемногу начинала разговаривать. Вит внимательно ее слушал, обнимая за талию, и Берри не стряхивала его руку. Сила Берри всегда поражала Фаун, но теперь она радовалась, что, может быть, Берри не придется оставаться сильной, но одинокой. Уж очень это трудно для женщины…

— Ну, не знаю… — пробормотал Ремо. — Кажется, я уже ничего больше не знаю.

— Проклятие, я и никогда ничего не знал, — сказал Барр. — И это меня не останавливало. — Он весело подмигнул и заговорил своим прежним умоляющим тоном: — Ты должен присоединить-

ся, Ремо, чтобы не дать мне свалиться в море… или столкнуть меня туда, уж как получится.

Ремо почесал голову и лукаво ответил:

— Трудный выбор…

— Эй!..

Фаун, удовлетворенная, вернулась туда, где сидел Даг, предоставив молодым дозорным по привычке подначивать друг друга.

Через некоторое время после того, как из-за холма перестали доноситься жуткие звуки, сидевшие на лужайке кружным путем вернулись на «Надежду», чтобы не видеть ни деревьев с их странными плодами, ни шестов у входа в пещеру. Фаун подумала, что не утерпит и сходит глянуть на эти устрашающие знаки, о чем потом будет жалеть. А вот в голый зимний лес до того, как урожай не будет убран природой, она заглянуть не рискнет. «А может быть, не рискнет и тогда».

* * *

Даг думал, что Берри захочет отчалить в тот же день, как поступила семейная баржа Феллофилдов, но речники захотели, чтобы Даг еще раз оказал помощь раненым. Однако к следующему утру Хайкри явно пошел на поправку: сел и принялся за еду, хоть и морщился от головной боли.

Его команда собиралась провести у пещеры еще несколько дней, а потом, забрав лошадей разбойников как свою долю, не спеша отправиться домой в Рейнтри. Фаун придерживалась мнения, что чем скорее Хайкри попадет в руки миссис Орешек, тем скорее он поправится; к тому же Даг полагал, что охотники вернутся домой с более полными кошельками, чем если бы им удалось успешно завершить плавание по реке, и к тому же гораздо скорее, так что миссис Хайкри может и не очень сердиться из-за разбитой головы мужа. Впрочем, Медвежья Приманка опасался, что скорее она еще долго не позволит никому забыть о случившемся.

После того как Даг около полудня отпустил помогавших ему с ранеными Стражей Озера, те куда-то исчезли и не появлялись до сумерек. Он встретил их у сходней, когда молодые дозорные украдкой приблизились к «Надежде»; каждый из них нес тяжелый мешок.

— Что это? — спросил Даг.

— Ш-ш, — ответил Ремо, оглянувшись на баржу. Даг позволил увести себя на берег, где их разговор никто не услышал бы.

— Мы решили пройти вверх по течению и попытаться найти то место, где Крейн и братья

Драмы разделались с дезертирами. Ну, и нашли… Тела мы похоронили. — Барр поморщился, и Даг догадался, что нашли они не просто мертвые тела. Расспрашивать о подробностях у него никакого желания не возникло.

— А вот чтобы найти тайник Крейна, — сказал Ремо, — потребовалось время. Не думаю, что не обладающий Даром человек смог бы его обнаружить.

— Вейн знает об этом?

— Ну да, — кивнул Барр. — Сначала мы все отнесли ему. Он решил, что все это вроде как было украдено дважды, да и не нашлось бы без нас, а потому отдал нам как нашу долю. Мы поменялись тем, что нам не нужно, с матросами: у пещеры теперь настоящий рынок. Я не смог бы пользоваться одеждой и сапогами, но некоторые из парней с парусника не такие брезгливые.

— Да одежда нам и по размеру не подходила, — уточнил Ремо.

— Кто-нибудь мог бы вернуться сюда когда-нибудь и заняться настоящей охотой за сокровищами в окрестностях пещеры, — с задумчивым видом пробормотал Барр.

— Это объясняет, почему вы пропустили обед, но почему теперь вы крадетесь на цыпочках? —

спросил Даг.

Ремо потер губы.

— Хозяйка Берри отказалась от доли спасенного имущества, которая причиталась «Надежде».

— Это едва не разбило сердце бедняге Виту, мне кажется, — вставил Барр, — только он не мог ничего взять, раз она отказалась.

— Я знаю, ты сказал, что на нас это не распространяется, — снова заговорил Ремо, — только я решил, что лучше ее этим не тревожить.

Даг, который спрятал новый разделяющий нож поглубже в седельную сумку, потому что не мог и подумать о том, чтобы носить его там же, где так много лет носил нож, освященный смертью Каунео, понимающе кивнул.

— Да, — согласился он, — спрячьте мешки незаметно и не тревожьте сейчас Берри.

— Так точно, сэр, — весело ответил Барр. Дозорные явно испытали облегчение от того, что с них снята ответственность, хотя Даг сомневался, что Берри сказала бы что-нибудь, даже если бы заметила. Парни тихо поднялись по сходням, хотя секретность оказалась несколько нарушена шумным приветствием козы Дейзи. Даг, качая головой, двинулся следом.

* * *

Печальное расследование Берри было закончено, но время и река текли только в одном направлении, и баржам волей-неволей приходилось двигаться туда же. На рассвете следующего дня «Надежда» отчалила от пещеры. Из пациентов Дага Готорн поправился достаточно, чтобы стать непоседливым, хотя все еще охал, когда задевал свой вправленный Дагом нос; это не мешало ему наслаждаться освобождением от повседневных обязанностей. Когда непоседливость превратилась в озорство, Даг объявил мальчишку здоровым. Бо вызывал гораздо больше беспокойства: у него началась лихорадка. Даг отказался от своих обязанностей гребца, чтобы сидеть со стариком и вместе с Фаун ухаживать за ним. Хог очень тревожился за Бо; он оказался замечательным помощником, умелым и ловким, когда нужно было переворачивать раненого, и мужественно терпел, когда раздражительный Бо несправедливо его ругал.

В те минуты, когда Бо забывался тревожным сном, Даг, собрав те немногие листки бумаги, что нашлись на «Надежде», садился писать письмо Громовержцу — о предателе Крейне и его судьбе.

Еще когда он был командиром отряда, Даг терпеть не мог составлять отчеты и как мог уклонялся от этого занятия. Несмотря на это, ему пришлось написать больше этих проклятых бумаг, чем он теперь мог вспомнить. Мрачные события и гнусная история Крейна удивительно гладко ложились в привычные формы отчета, хотя Даг и полагался на умение Громовержца читать между строк. Дагу не очень нравился результат его трудов, но бумаги уже не осталось… Строго говоря, Громовержец больше не был командиром Дага, и все-таки Даг не мог избавиться от мысли, что кто-то с головой на плечах должен узнать все факты.

К ночи лихорадка Бо усилилась, и Даг подкреплял его Дар до тех пор, пока совсем не обессилел; на следующее утро раненому полегчало. Даг рухнул на собственную постель, а когда в середине дня проснулся, почувствовал себя простуженным — в первый раз за многие годы. К счастью, Ремо и Барр могли ему помочь: это было знакомым делом для дозорных, совершающих путешествия в любую погоду, — и Даг, после того как Фаун молча подала ему миску овса, отделался лишь болью в горле и насморком.

Даг попросил, чтобы «Надежда» причалила у последнего лагеря Стражей Озера на север-

ном берегу Грейс; он задержался там ровно на столько, чтобы передать письмо гонцу, вручить вещи убитых разбойниками Стражей Озера для возможного опознания и кратко сообщить о последних событиях у Локтя пораженному командиру дозорных.

* * *

К концу следующего дня они добрались до Конфлуенса. Даг, Берри и Вит несли вахту. Теперь у Дага не было нужды просить — или хотя бы пытаться просить — о ноже, и Берри была рада возможности не причаливать у большого лагеря Стражей Озера на мысу, хотя Ремо и Барр влезли на крышу каюты и оттуда долго смотрели на шатры, лодки, паром и склады среди деревьев на берегу.

Фаун присоединилась к дозорным, когда «Надежда» обогнула мыс и наконец стала видна Серая река. Заслонив глаза рукой, она зачарованно смотрела на удивительный мир, приоткрыв рот, чем порадовала сердце Дага. Воды двух могучих потоков смешивались не сразу; несколько миль они текли рядом, мутные и бурные.

— Серая река действительно серая! — воскликнула Фаун.

* * *

— Ага, — подтвердил Даг. — Она несет пыль из Западных Пределов. В низовьях берега лесистые, но в сотне миль вверх по течению деревья исчезают и начинаются пустоши. Говорят, после первой великой войны со Злыми скверна распространялась досюда, и вся Серая река была мертвой от ее яда, но уже давно жизнь сюда вернулась. Мне эта легенда представляется очень утешительной.

Заходящее солнце играло в прятки с холодными серыми тучами, заполнившими небо от горизонта до горизонта.

— Мне кажется, такого просторного неба я еще не видела, — сказала Фаун. — Это потому, что земля тут такая плоская?

— Угу, — пробурчала Берри.

— А я еще думал, что это в Рейнтри земля плоская! — удивлялся Вит.

— Она красивая, хоть и суровая. Никогда я не видела дома такого неба. — Фаун повернулась вокруг своей оси, вбирая все, что видели ее глаза. — Такое стоит увидеть!

С материнским чувством она вытащила на палубу Хога, чтобы тот тоже полюбовался видом; он весьма удовлетворительно разинул рот, но

скоро, потирая покрасневший нос, вернулся обратно к очагу. Несмотря на холодный ветер, Фаун еще полчаса просидела у ног Дага, ожидая, когда же наконец два потока станут неразличимы. На прямом участке, где не нужно было грести, Вит и Берри накинули друг на друга теплые плащи, чтобы не замерзнуть.

«Как же я рад, что мы захватили Вита», — подумал Даг. Он желал парню всяческих успехов в его ухаживаниях за Берри, потому что, как ему казалось, Фаун очень обрадовалась бы такой сестре по шатру.

«Это будет и моя сестра по шатру. Как неожиданно!»

Самая важная вещь в путешествиях, решил он, не найти то, что ищешь, а найти нечто, чего даже и представить себе не мог, пока не отправился в путь.

«Имей это в виду, старый дозорный».

* * *

Год шел к самой темной своей части, и поздние рассветы и ранние закаты оставили всего пригоршню светлых часов. После снегопада утром того дня, когда они добрались до Конфлуенса, хозяйка Берри, пользуясь наличием на борту троих

Стражей Озера, отменила свой запрет на ночное плавание — отчасти еще и потому, решила Фаун, что теперь ей не нужен был дневной свет, чтобы высматривать обломки «Шиповника». Пять ночей подряд они плыли по широкому фарватеру, так что за кормой осталась почти половина расстояния между Конфлуенсом и Греймаутом, и холодное дыхание зимы сменилось если и влажной, то менее зябкой погодой.

Затем однажды днем ветер подул с юга, облака разошлись, и воздух стал теплым. Берри подобрела настолько, что разрешила подвести «Надежду» к берегу при свете красочного заката на необъятном западном небосклоне и объявила, что вечером все будут отдыхать. После нескольких ночей, когда ей приходилось поспешно кормить сменившихся с вахты гребцов, жавшихся к очагу, Фаун отпраздновала это, приготовив обильный ужин, когда вся команда смогла собраться за столом, даже Бо; Фаун только позаботилась о том, чтобы ничего твердого он не ел.

Все ели с аппетитом, но в необычном усталом молчании. Оглядев мрачные лица, Фаун проглотила последнюю ложку картошки и заявила:

— Ну, так дело не пойдет. Вы все выглядите унылыми, как лягушки, лишившиеся пруда. По-

мыв посуду, нужно будет что-то сделать, чтобы расшевелить народ. Как насчет урока стрельбы из лука? Они вроде всем нравились. У нас много фонарей, а ветра сегодня почитай что и нет.

Готорн и Хог сразу же заинтересовались, но Вит провел рукой по лицу и проворчал:

— Нет. Не думаю, что это теперь послужит развлечением.

Даг сидел, прикрыв глаза отчасти от усталости, отчасти от вызванной сытостью лени, но тут пристально взглянул на Вита, хотя сначала и промолчал.

Фаун оглянулась на мужа, потом спросила:

— А почему нет?

Вит пожал плечами и поморщился; казалось, он собирается снова погрузиться в мрачное молчание, ко потом все-таки выдавил:

— Странно устраивать из этого игрище, после того как я застрелил человека.

— Большого Драма? — спросила Берри. — Вит, мы очень даже рады, что ты застрелил Большого Драма.

— Нет, не его. — Вит печально махнул рукой. — Еще раньше. А Большого Драма я не убил; это сделал тот парень, который отрубил ему голову. Я застрелил другого… первого.

— Какого первого? — осторожно поинтересовалась Фаун.

— Накануне ночью, у пещеры. Несколько человек выбежали и пытались скрыться — именно поэтому Даг и поставил нас, лучников, на расстоянии. Я был так перепуган и взволнован, что плохо видел, что делаю, но… мой первый выстрел, самый первый выстрел… стрела попала прямо в глаз разбойнику. Убила его на месте.

Фаун поморщилась. Готорн, проявив бесчувственность, восхищенно выдохнул:

— Ох!

Вит снова взмахнул руками.

— Меня смутило не то, что стрела попала в глаз… ну, смутило, конечно, но не это главное… — Он шумно втянул воздух и попытался объяснить: — Это было слишком легко.

Бо с симпатией потер свой небритый подбородок, но проворчал:

— Вит, некоторых людей нужно убивать.

Берри проявила большую проницательность:

— Такое не должно стать заразительным.

— Да не в этом дело, — пробормотал Вит, хмуря брови.

В этот момент в первый раз подал голос Даг — так неожиданно, что Фаун даже подскочила.

— Дело в том, что после ты становишься другим человеком. Твой Дар меняется, это факт. Вит, Барр и Ремо все в первый раз пересекли черту той ночью у пещеры, и обратной дороги нет. Приходится идти дальше.

— Думаю, когда-то и с тобой такое случилось, — с уважением проговорил Ремо. — Только это было так давно, что ты, должно быть, и не помнишь.

— Ох, я помню, — ответил Даг.

Все за столом закивали.

Даг так резко опустил кружку на стол, что содержимое расплескалось.

— Отсутствующие боги! Неужели вы так и будете проглатывать все, что я скажу? Неужели никто не поперхнется?

Глаза Фаун широко раскрылись, и не только она удивилась: все сидевшие за столом с любопытством посмотрели на Дага. Хог вздрогнул.

— Что тебя укусило? — спросил Барр, опередив Фаун, которая, хоть и более тактично, собиралась поинтересоваться тем же.

Даг побарабанил пальцами по столу, поморщился и выпалил:

— Я убил Крейна, вырвав Дар из тоненького ломтика его позвоночника. Так мне удалось заставить его упасть на палубу. С расстояния в

двадцать футов, не забудьте. Вит, помнишь того москита в Лампоне? Так вот, точно так же… Только внутри тела — так же, как я лечу с помощью Дара.

— Ох, — выдохнул Вит, вытаращив глаза. — Я… э-э… я и не подозревал, что ты такое можешь.

— А я понимал, даже и тогда. — Даг обвел глазами всех сидевших за столом. — Это было слишком легко.

Фаун вспомнила, где слышала именно эту фразу раньше — не только что от Вита — хоть и произнесенную другим тоном: так сказал Крейн. Однако Вит не присутствовал при его признаниях. То, что он повторил слова предателя, было случайностью.

«А вот Даг произнес их не случайно».

Уловили ли Ремо и Барр подтекст?

«Да и все ли уловила я?»

— Так вот что ты сделал с Крейном? Вырвал его Дар? — растерянно спросил Барр.

— Я и не знал, что такое кто-то способен сделать, — более настороженно проговорил Ремо. — Мне казалось, что только Злые…

— Мои действия — очень слабое подобие того же самого, да. У меня есть основания полагать, что подобным умением в какой-то форме обладают и

очень искусные мастера; только с тех пор, когда умение пришло… вернулось ко мне, у меня не было случая задать этот вопрос умелому мастеру. От такого нападения легко защититься, закрыв Дар, — поэтому мне и пришлось ловить момент, когда Крейн раскрыл свой. У меня получилось только потому, что я застал его врасплох.

— Ах, — протянул Барр, переводя дух, — ну, тогда все в порядке.

— Для некоторых из нас, — сухо ответил ему Даг.

Вит, однако, смотрел на него так, словно понял все возможные последствия; рот его раскрылся. Только чего ради Даг заговорил об этом здесь и сейчас, в этой компании? Ради Вита? Или ради себя?

Фаун выпрямилась.

— Даг, это отвратительно! Ты же не превратился в Злого или даже Крейна, как Вит не стал Маленьким Драмом. Кстати сказать, ту стрелу сделала я своими руками — такую крепкую, прямую и острую, как меня учил Каттагус. И я сделала ее для того, чтобы убивать — кого бы ни требовалось убить, — потому что понимала: то будет или противник, или Даг, и уж я-то точно знала, что предпочитаю. То же касается и моего брата,

на случай если кто-нибудь сомневается. — Фаун перевела дыхание. — Нож, стрела, вырывание Дара — это все просто разные орудия. Если уж на то пошло, человека можно убить и молотком.

Паника, которую начали было испытывать собравшиеся за столом крестьяне, отступила, когда до них дошла мысль Фаун. Даг промолчал, хотя его напряжение тоже пошло на спад. Он медленно кивнул и бросил на Фаун благодарный взгляд. Неужели он раньше никогда не думал о вырванном Даре как об орудии, и такое действие представлялось ему каким-то таинственным магическим злом? Фаун любила Дага всей душой, но иногда его свойственная всем Стражам Озера манера погружаться в уныние ужасно раздражала.

— Так что видишь, Вит, — снова заговорил Даг, — если и существует лекарство от твоей тревоги, то я его не нашел. А что касается уроков стрельбы, то, хоть я и получаю от них удовольствие, я никогда не смотрел на них как на игру, даже когда был головастиком вроде Готорна. Они — серьезная подготовка к серьезному делу. — Прищурившись, Даг добавил: — Если подумать, то же самое можно сказать об обучении закрывать свой Дар, которым мы всю прошлую неделю тоже пренебрегали. Жду вас двоих завтра утром

на палубе, — обратился он к Ремо и Барру, которые и не подумали спорить.

— Я не стал бы предлагать вам сыграть в игру, Вит, — ни Хогу и Готорну, ни остальным, — продолжал Даг, — но продолжить обучение я определенно хочу вам предложить, потому что, как вы видели, никогда не знаешь, когда тебе потребуется умение, а от него может зависеть не только собственная жизнь.

— Мой папа говорил. — Берри запнулась, но справилась с собой. — Папа часто говорил: «Никакое стоящее дело не бывает все время приятным, но все равно его все время нужно делать».

Вит криво улыбнулся ей и кивнул.

Как только посуда была вымыта, при свете фонарей начался урок стрельбы из лука. Фаун порадовалась тому, что все пришли в лучшее настроение, чему очень помогла возможность размяться, бегая за стрелами по берегу; собственно, это и было ее целью с самого начала, так что с этим все было в порядке.

Вот о Даге она беспокоилась: этой ночью он, прижавшись к ней, впал в забытье совершенно обессиленного человека. Любовью они не занимались с тех пор, как приблизились к пещере. Если бы Фаун не наблюдала за выздоровлением

Дага после Рейнтри, она могла бы счесть это признаком того, что его привязанность к ней угасает, однако она прекрасно знала, что дело в невероятной усталости. Только ведь на этот раз Даг не был ранен, не пострадал от Злого, у него не был поврежден Дар. Он, конечно, прибегал к подкреплению Дара — к невообразимо сложным целительным действиям, — пока уже не мог держаться на ногах; попали к нему и частицы чужого Дара — непосредственно или в результате освобождения от околдовывания: Скинк, Хайкри, Бо, Готорн и бог знает сколько речников… а главное, тот большой ломоть Дара Крейна.

Фаун не была уверена, что причинило больший вред: сомнительный Дар Крейна или его ядовитый язык. Крейн определенно пытался отравить душу Дага… следовало бы парализовать и эту способность предателя, решила Фаун. Не была ли странная вспышка Дага за ужином каким-то запоздалым откликом на слова Крейна… или просто много всего накопилось?

Если подумать, Дар самого Дага должен был сейчас быть в ужасном состоянии — как дом после шумной попойки, куда явились все соседи и родичи, ели, танцевали, пили и дрались, а твоего самого несносного кузена вырвало на пол. Нельзя

было и ожидать, чтобы стало возможно что-то делать, пока не приведешь дом в порядок, да и этим не займешься, пока не минует похмелье.

Подумав, Фаун порадовалась тому, что Даг не проявлял склонности к пьянству. Напившись, дозорные, должно быть, становились самыми угрюмыми пьянчугами на свете.

Фаун фыркнула, перекатилась на бок и крепко обняла Дага.

«Пожалуйста, поправляйся, мой любимый мрачный мужчина».

24

На следующий день «Надежда» плыла мимо все тех же унылых, безлесных, ненаселенных берегов, что и на протяжении предыдущей сотни миль. Берри обещала, что это продлится еще всего один день, а потом окрестности станут более привлекательными, чем эти бесконечные поросшие низкорослым кустарником песчаные дюны: появятся незнакомые деревья, зеленые и увитые лианами, несмотря на зиму, таинственные заросшие протоки, множество птиц. Фаун все гадала, увидят ли они тех страшных болотных ящериц Дага и правдивы ли рассказы Бо об огромных змеях. К полудню воздух стал достаточно теплым, чтобы можно было сидеть на крыше каюты без жакета или плаща, и Фаун присоединилась к Берри, Дагу и Виту, несшим вахту, чтобы погреться на неярком, но теплом солнце. Поскольку ей не нужно было высматривать угрозу, таящуюся под водой впереди, она была первой, кто оглянулся назад. — Эй, это не лодка ли Стражей Озера идет вниз по течению? Если лодка, то таких больших я еще никогда не видела!

Даг обернулся. Узкое судно футов тридцати

пяти в длину быстро их нагоняло. В неярком свете зимнего солнца вспыхивали лопасти весел; на каждой стороне сидело по десятку гребцов, громко певших, чтобы грести в едином ритме. Расстояние не позволяло разобрать слов, но песня показалась Дагу знакомой, и он улыбнулся.

Барр, вахта которого должна была скоро начаться, вышел из каюты и стал всматриваться в приближающееся судно, забыв о полусъеденном яблоке в руке.

— Это разве лодка не из Лутлии? — взволнованно воскликнул он.

— Ага, — ответил Даг. — Только на веслах сидят не жители Лутлии. Это Стражи Озера — южане, возвращающиеся домой после пары лет службы в дозоре по обмену.

— Как ты это определил? — спросила Фаун. — По их одежде или по возрасту?

Большая лодка уже мчалась мимо «Надежды» — на расстоянии полумили, но не уклоняясь от фарватера: в этом месте ширина реки превышала милю. Даже на таком расстоянии Фаун могла разглядеть, что в лодке сидели сильные молодые мужчины и женщины, со смехом налегавшие на весла.

— И по этим признакам, и по их веселью. Чтобы

обогнать зиму в Лутлии, еще и не так начнешь грести. Там двадцать или тридцать будущих предводителей дозора — молодые ветераны. Знаете, на юге есть районы, где Злые не появлялись двести, а то и триста лет. Однако существует правило: ты не можешь стать командиром отряда, пока не поучаствовал по крайней мере в одной схватке со Злым, а лучше — в нескольких. Ну, причина этого очевидна.

Фаун, которая не только видела, но и сама убила Злого, понимающе закивала. Барр, которому такого не выпало, посмотрел на лодку с завистью.

— Поэтому южане отправляют всех своих лучших молодых дозорных вверх по Серой реке на пару сезонов… и надеются, что те вернутся.

— Неужели Злые забирают многих? — спросила Берри.

— Да нет. Самые большие потери среди молодых дозорных в Лутлии — из-за несчастных случаев и сурового климата, а также браков. Злые не на первом месте в этом списке. Говорят, что Злые совсем не так опасны, как девушки из Лутлии. — Даг улыбнулся.

— Ну, только не для тебя! — воскликнула Фаун.

— Я, когда был молод, был гораздо более стойким.

Вит склонил голову к плечу, глядя вслед лодке, которая уже почти скрылась из виду: впереди великая река делала плавный поворот.

— Эй, Даг, мне только сейчас пришло на ум… Как тебя знали в Лутлии, когда ты был женат на Каунео? Тебя ведь тогда не могли называть Даг Редвинг Хикори Олеана. Даг-такой-то Лутлия, верно?

Барр, который собрался было уйти с задней палубы, помедлил, оглянулся и насторожил уши. Даг откашлялся и проговорил:

— Даг Волверин Пиявка Лутлия, — и поспешно объяснил: — Пиявка — по названию озера Пиявка, как Хикори — по озеру Хикори.

— Значит, имя шатра Каунео было Волверин… а Пиявка — это и название лагеря?

— Ага. В тех краях это довольно известный лагерь.

Вит почесал подбородок.

— Знаешь, имя «Даг Блуфилд» неожиданно стало казаться мне очень многозначительным.

Не обращая на него внимания, Фаун спросила мужа:

— А в том озере действительно водятся пиявки?

— О да, — кивнул Даг. — Огромные — в шесть

дюймов, а то и фут длиной. Играть с ними, впрочем, было довольно безопасно, хотя, плавая, нужно было сохранять бдительность.

Он усмехнулся, видя, как сморщила нос Фаун… и та подумала, что такова, должно быть, и была цель рассказанного им анекдота.

* * *

Еще через шесть дней они добрались до Грейм-маута — однако, как с разочарованием обнаружила Фаун, не до моря. Город лежал не на морском берегу, а в десяти милях от него. Ниже скал, на которых стояли дома, река разбивалась на множество рукавов, образовывавших широкую болотистую дельту. Сам город делился на две части: Верхний город на скалах и Нижний город, иногда называемый Подводным, на самом берегу реки.

Верхний город, насколько Фаун могла разглядеть с баржи, состоял из основательных домов, складов и привлекательных гостиниц, а Нижний — из строений, производивших впечатление временных: навесов, таверн, дощатых сараев. Вдоль воды тянулись примерно такие же причалы, как в Серебряных Перекатах, хотя и не такие многочисленные, и еще ряды и ряды барж и парусников:

некоторые на продажу, некоторые используемые в качестве плавучих жилищ. В южной части гавани суда были совсем другими, с высокими мачтами. Эти рыбачьи лодки и каботажные суда, преодолев дельту, выходили в море.

В Нижнем городе располагался кипевший жизнью рынок, где продавались всевозможные товары и совершались многочисленные сделки. Не успела «Надежда» причалить, как капитаны парусников, отправлявшиеся вверх по реке и набиравшие команды, стали предлагать Виту и Хогу наняться к ним, а какой-то торговец захотел купить Копперхеда прямо с палубы. Копперхед, отдохнувший и отъевшийся за время долгого плавания, тут же показал себя, попытавшись разнести загородку загона. Даг спас собственность Берри и собравшихся зевак, оседлав мерина и галопом отправившись на нем в длительную поездку.

Вит и Готорн решили прогуляться вдоль ряда судов, а Фаун попросила Берри пойти с ней на рынок, чтобы купить свежих продуктов к ужину. Барр и Ремо последовали за ними, стараясь выглядеть высокими и суровыми, как и полагается телохранителям. Фаун подумала, что, если бы смущение не заставило их избрать такую роль,

они цеплялись бы друг за друга, как потерявшиеся в лесу дети, в окружении этих незнакомых фермеров. Они держались поближе к Фаун и настороженно озирались.

— Этот город не такой большой, как Серебряные Перекаты, — пробормотал Ремо.

— Не уверен, — так же тихо ответил Барр.

«Так кто кого охраняет?»

Фаун не сказала этого вслух — все-таки такт хорошая вещь.

Она заметила на другом конце рынка двоих пожилых Стражей Озера, мужчину и женщину, но они были слишком далеко, чтобы их окликнуть, а к тому времени, когда Фаун и Берри добрались туда, уже ушли. Были ли они местными или из верховий? Нет ли где-то поблизости лагеря Стражей Озера? Нужно будет спросить Дага… Они с Берри и дозорными вернулись на «Надежду» еще до того, как парни из Олеаны так накрутили друг друга, чтобы впасть в панику от крестьянского окружения.

На барже выяснилось, что Вит нарушил обеденные планы Фаун, притащив рыбину, размером и формой напоминающую блюдо. Он сообщил, что купил только что пойманную морскую рыбу с рыбачьей лодки в гавани.

Фаун с ужасом посмотрела на добычу, которую с гордостью демонстрировал Вит.

— Вит, у нее же два глаза!

— У всех рыб два глаза.

— Но не на одной же стороне! Вит, эти рыбаки поняли, что ты парень из глубинки, и подсунули тебе какую-то дефектную рыбу!

— Нет, эта порода так и должна выглядеть. — Вит с некоторым сомнением взглянул на рыбину. — Так они сказали. Только это не важно; главное — я договорился, что завтра утром они возьмут нас в море на своей лодке. Они выходят на лов каждый день, когда погода позволяет. Утром они высадят нас на пляже, а вечером на обратном пути заберут. Мы можем устроить пикник!

Пикник в разгар зимы? А почему бы и нет? В Вест-Блю к этому времени снегу уже навалило на фут, а тут только облачно и прохладно…

Бо поручился за двуглазую рыбу, что, впрочем, не совсем успокоило Фаун, особенно после его рассказов о свернувшихся в кольца змеях, которых используют как колеса повозок; однако рыбу одобрила и Берри, так что Фаун приготовила ее, как сумела. Даг ел рыбину без всяких колебаний, ну да что возьмешь с дозорного… В конце концов

Фаун, заметив насмешливые морщинки у его глаз, тоже попробовала; рыба оказалась удивительно вкусной.

Так и получилось, что на рассвете следующего дня при свете фонаря Фаун принялась собирать большую корзину для пикника и еще одну — с одеялами; неторопливое солнце не собиралось вставать еще целый час. Берри и Вит с трудом растолкали Готорна; Фаун подумала, что им с Дагом предстоит так же вытаскивать Ремо и Барра.

Хог решил остаться со все еще не поправившимся Бо, и не только потому, что его пугали рассказы о морских рыбах с огромными зубами, питающихся людьми, и о тварях со щупальцами, присоски на которых выпивают всю кровь из человека. Эти двое — давно лишившийся родителей Хог и бездетный Бо — привязались друг к другу, как родные. Все они проделали дальний путь из Олеаны, думала Фаун, но Хог — особенно. Он превратился в умелого гребца; он больше не был таким тощим и таким робким и к тому же вырос по крайней мере на два дюйма, отчасти благодаря хорошему питанию, отчасти потому, что перестал сутулиться. Они пробудут в Греймауте еще несколько недель; когда Бо поправится, Фаун уж позаботится о том, чтобы Хог побывал на

берегу моря.

Фаун никогда раньше не приходилось плавать на парусной лодке. Скрип снастей и резкий крен, когда заплатанный парус поймал легкий утренний ветерок, заставляли ее нервничать, однако под внимательным взглядом Дага Фаун подняла подбородок и постаралась выглядеть смелой. Четверо рыбаков — двое братьев и их сыновья-подростки — явно знали, что делают, и были рады все показать любопытному Виту. Через некоторое время даже Барр и Ремо осмелели настолько, что присоединились к ним. Даг удовлетворился тем, что откинулся на скамье, обняв за талию Фаун.

Над болотами занималось золотое и серое утро, обладавшее собственной суровой зимней красотой. Птицы криками приветствовали рассвет, хотя их непривычные уху северян голоса казались печальными. Время от времени Фаун замечала у берега гниющие останки судов, принесенные сюда высокой водой или просто брошенные хозяевами. Полная наполовину страхом, наполовину надеждой, она принимала каждое бревно за подкрадывающуюся болотную ящерицу, но Даг каждый раз ее разочаровывал, хотя и обещал позднее обязательно найти для нее такую тварь; Фаун вежливо, но без всякого

энтузиазма поблагодарила его за предложение.

— Одно по крайней мере хорошо в это время года, — проворчал Вит, хлопнув себя по шее, — почти нет москитов.

— Верно, — добродушно подтвердил Даг. — В разгар лета здешние москиты уносят маленьких детей, чтобы скормить своему молодняку.

— Ничего подобного! — возмущенно воскликнул Готорн, заставив рыбаков ухмыльнуться. — Ты не должен рассказывать Виту такие сказки: он ведь поверит тебе, потому что вы — братья по шатру!

Уголки губ Дага поползли вверх.

— Ах, ты никогда не встречал моих братьев по шатру из Лутлии, — протянул он. — Уж те парни быстро отучили меня от выдумок.

Лодка свернула налево на следующем разветвлении, и через полчаса на плоском горизонте показались бурые песчаные дюны. Взошедшее солнце начало разгонять туман, но даль все еще оставалась словно завешенной золотистым газовым занавесом, колеблемым легким ветерком. Нос лодки захрустел по песку как раз за дюнами; рыбаки спрыгнули в воду, перенести на берег корзины, а потом Фаун, Готорна и Берри, чтобы те не замочили ног. Потом мужчины общими

усилиями столкнули лодку на глубокое место.

Фаун следила за уплывающей лодкой. Что будет, если суденышко пойдет ко дну в море? Сумеют ли они вернуться обратно в Греймаут? Вдалеке мелькнул вылинявший красный парус; может быть, им тогда удастся докричаться до других рыбаков? С этой обнадеживающей мыслью Фаун взяла протянутую руку Дага, теплую и надежную, и вскарабкалась на дюну. Песок осыпался у нее под ногами, заставляя ее пыхтеть и смеяться. Даг с беспокойством следил за ней, когда, встав на вершине дюны, Фаун пораженным взглядом обвела открывшийся ей край мира.

Бескрайнее водное пространство сверкало, как сталь, сливаясь вдалеке с серебристо-золотым и таким же бескрайним небом. Казалось, что они находятся внутри огромной чаши жидкого света. На прибрежную полосу, похожую на расчесанную шерсть, с шорохом набегали волны. Влажный, странно пахнущий воздух ласкал разгоряченное лицо Фаун. Этот запах представлялся старшим братом запахов реки или ручья, но с таким привкусом, которого Фаун раньше никогда не ощущала. Она глубоко втянула воздух.

— Ох…

Готорн с радостным воплем помчался вниз по

песчаной дюне; Берри, смеясь, попыталась его остановить и заскользила вниз тоже. Вит, Ремо и Барр, переглянувшись, последовали их примеру.

Даг оглядел горизонт и нахмурил брови.

— В первый раз, когда я был здесь, было тепло и безоблачно. Впрочем, это было миль на пятьдесят или сотню к западу отсюда.

— И то был конец весны, ты говорил. Конечно, тогда было теплее, — ответила ему Фаун.

Даг печально посмотрел на нее и сглотнул.

— Боюсь, это не то… не то свадебное путешествие, которое я тебе обещал.

— Ты обещал показать мне море. Вот оно передо мной, не так ли? Совершенно потрясающее море, — вскинула голову Фаун.

— Я не предвидел появления Крейна и речных разбойников, не ожидал, что тебе выпадут все эти ужасы. — Даг нерешительно провел пальцем по шее Фаун, там, куда целился нож Крейна. После короткой паузы он добавил: — И я не собирался делать из тебя повариху для полной баржи народа.

«Проклятый Крейн…»

— Не думаю, что мы вообще предвидели плавание на «Надежде» и ожидали встречи с Берри, Бо, Готорном, Орешком, Вейном и всеми остальны-

ми, но я рада, что мы с ними повстречались. Даже Ремо и Барр в конце концов оказались кстати. Я узнала так много новых вещей, что уж и счет им потеряла, и отдать их обратно я не хотела бы. — Фаун поколебалась, пытаясь найти слова, которые успокоили бы необоснованные опасения Дага: она не испытывала разочарования, хотя и не хотела делать вид, будто пещера ничего не значила. — Мама обычно говорила мне, когда я была молодой и начинала жалеть, что мой день рождения или другое развлечение не наступает немедленно: «Не нужно тратить жизнь на желания». — Фаун крепче стиснула руку Дага. — Вот и ты не трать мою жизнь на желания.

Даг слабо улыбнулся, хотя Фаун опасалась, что улыбка скорее относилась к ее словам «когда я была молодой».

— В этом что-то есть, Искорка.

— Вот так и считай. — Фаун решительно потянула его вниз по склону.

Готорн уже снял башмаки и носки, закатал штаны и скакал в прибое, который шипел и пенился вокруг его ног. Барр и Ремо с завистью смотрели на него. Поставив свои корзины около груды плавника, все пошли по пляжу, наклоняясь за раковинами и удивляясь их причудливым

формам и цветам. Фаун особенно понравились круглые полые ракушки, похожие на конфетки с вытесненным в центре узором; она пыталась вообразить, какие чудесные существа создали их или в них жили.

Убедившись, что никакие щупальца с присосками не хватают Готорна за щиколотки, Фаун сняла башмаки и носки, отдала их Дагу и стала бродишь по щекочущей ноги пене, несмотря на холод. Зачерпнув пригоршню воды — хотя ее и предупреждали, чего ожидать, — она попробовала ее, соленую, с металлическим привкусом, отвратительную! Несмотря на это, Фаун не жалела о своей попытке: когда она, морщась, выплюнула воду, Даг усмехнулся.

Пройдя полмили, они нашли огромную дохлую рыбину, которую выбросили на берег волны. Она была даже больше, чем пойманный Дагом сом; гладкая кожа отливала серым, живот был светлым, а в страшной пасти виднелось множество острых треугольных зубов. Эти зубы росли *рядами*! Рыба, должно быть, уже долго лежала на берегу, потому что от нее ужасно воняло, что по крайней мере положило конец спорам о том, съедобна ли она и не следует ли Фаун попробовать ее приготовить. Ремо, Барр и Готорн были

очень довольны находкой, особенно их порадовали челюсти рыбы. Фаун и Даг ушли вперед, а парни остались, пытаясь отрезать челюсти от вонючей туши; они собирались забрать их с собой на память, а потом попытаться сделать из зубов украшения для волос в стиле Стражей Озера. Зубов точно хватило бы на любые поделки. Берри и Вит тоже сморщили носы и двинулись бок о бок по вершине дюны.

Даг и Фаун, взявшись за руки, шли все дальше, хотя после рыбины с зубами Фаун надела башмаки и стала держаться подальше от мокрого песка. Никогда нельзя было угадать, какие из рассказов Бо — правда. Подняв глаза, Фаун заметила, что Даг снова хмурится. Сначала она хотела заставить его войти в воду, чтобы развеяться, но потом просто спросила:

— Что так тяжело лежит у тебя на душе?

Даг сжал ее руку, но улыбка его была мимолетной.

— Слишком много всего… У меня в голове все перепуталось.

— Расскажи… Начни с чего-нибудь — не важно, с какого конца. — То, что угнетало его, отпускать не собиралось — это было Фаун ясно.

Даг покачал головой, но сделал долгий вдох, так

что, по крайней мере, хранить мрачное молчание он не собирался.

— Во-первых, мое целительство. Я спас двух человек в пещере. Если бы было три или больше раненных так же тяжело, остальные все равно умерли бы. Как могу я объявить себя целителем для крестьян, когда я знаю: это было бы жестоким невыполнимым обещанием, потому что помочь я мог бы только тем, кто придет первыми.

— Даже у целителей Стражей Озера есть помощники.

Даг задумчиво кивнул.

— Теперь я определенно понимаю, почему целители предоставляют естественным силам природы так много, как только могут.

— Двое все равно больше, чем никого. И по большей части больные же не будут приходить толпами.

— Но в те дни, когда будут, получится ужасно. — Даг не переставал хмуриться. — Там, в пещере, возникли и другие проблемы, о которых я не думал раньше. Например, правосудие. Как могут Стражи Озера и крестьяне жить вместе, если правосудие для них разное? Ведь будут стычки, а правосудие для того и существует, чтобы улаживать споры, которые люди сами не могут

разрешить.

Теперь пришла очередь Фаун неопределенно хмыкнуть.

— Крейн сказал… — Даг запнулся.

— Ты не должен позволять лжи Крейна отравлять тебе жизнь.

— Меня беспокоит не его ложь, а его правда.

— А разве он и правду говорил?

— Иногда. Например: ты то, что ты ешь.

Фаун закусила губу.

— Все люди чему-то учатся у других — и хорошие, и плохие. Тут ничего нельзя изменить.

Даг опустил голову.

— Стражи Озера считают, что они выше этого, когда оказываются среди крестьян. Их очень удивляет, когда их чему-то учат. — После паузы он добавил: — По крайней мере так было со мной. И еще он говорил…

Неожиданно Даг умолк.

«Ну вот мы и добрались до сути…»

— М-м?.. — вопросительно протянула Фаун.

— О том, что Стражи Озера всегда оказываются на вершине — так или иначе. Хотят они того или нет. Боюсь, что я такое уже видел. На своей собственной барже Берри подчиняется мне!

Фаун в сомнении сморщила нос.

— Ты ведь мужчина и почти в три раза ее старше, — сказала она. — Ты был предводителем Стражей Озера. Странно было бы ожидать, что ты перестанешь быть предводителем среди крестьян.

— Среди Стражей Озера были другие, которые указывали мне мое место.

— Ну… Вейн, например, не так уж тебе подчинялся.

— Ах да, Вейн. Разве я не утихомирил его? — Рука Дага сжалась; что означал этот жест — раздражением или досаду на себя?

— А, перед схваткой, имеешь ты в виду, когда капитаны судов никак не могли договориться?

— Ты это заметила? Да, я заставил его. Сделал то, что Барр пытался сделать с Берри, но оказался слишком неуклюжим. — Лицо Дага при этом воспоминании исказила гримаса. — Что ж, по крайней мере я не оставил его околдованным.

— Это была чрезвычайная ситуация, — объяснила Фаун.

— Всегда будут возникать чрезвычайные ситуации. Сколько понадобится времени, чтобы необходимость превратилась в привычку, а потом и в порок? Слишком легко у некоторых возникает любовь к власти. И именно любовь к

власти едва не уничтожила мир.

Шаги Дага становились все длиннее, и Фаун приходилось почти бежать, чтобы не отстать.

— Может быть, и нужно жить отдельно, — продолжал Даг. — Неужели мы проделали весь этот долгий путь по реке, чтобы узнать, что люди, с которыми мы спорили в лагере Хикори, были в конце концов правы?

— Не спеши так! — пропыхтела Фаун.

Даг остановился. Фаун вцепилась в его рукав, развернула мужа лицом к себе и посмотрела в его встревоженные золотые глаза.

— Если они правы, тогда именно ради понимания этого мы и проделали весь долгий путь, да. И мы должны смотреть правде в глаза. Только я не верю, что эта истина такая непробиваемая, чтобы в ней не нашлось щели, в которой мы не могли бы поселиться.

— До тех пор пока существуют Злые, дозор необходим, как необходимо и все, что обеспечивает его работу.

— С этим никто и не спорит. Только если крестьяне станут менее невежественными, а Стражи Озера — менее высокомерными, мир от этого не перевернется вверх тормашками. Я думаю, ты по пути сюда положил хорошее начало!

— Да? — Даг ногой выкопал из песка обкатанный камешек, поднял его, размахнулся и бросил в волны. Камешек исчез с тихим всплеском. — Начало, которое я положил, — тот же камешек, брошенный в море. Я мог бы стоять здесь и годами кидать камешки, и все равно никакой разницы никто не заметил бы.

Фаун выпрямилась и сурово посмотрела на Дага.

— Ты переживаешь не потому, что не смог выполнить обещание показать мне море. Ты переживаешь потому, что где-то в твоем путаном уме таилась надежда на то, что вся проблема окажется к этому времени разрешена, и ты сможешь подарить мне на день рождения перевязанное бантиком решение!

Даг долго молчал, потом виновато хмыкнул:

— Ох, Искорка, боюсь, так и есть.

— Мне казалось, что дозорный должен быть более терпеливым!

— Видела бы ты меня в девятнадцать лет, — фыркнул Даг. — Я собирался безотлагательно спасти мир.

«Терпение и усталость имеют много общего…»

— Что ж, значит, к этому времени ты должен был научиться терпению.

Даг рассмеялся — наконец-то рассмеялся по-настоящему — и крепко прижал к себе Фаун.

— Ты этого и ожидаешь, верно?

Они повернули обратно и двинулись в сторону оставшейся далеко позади рыбины. Фаун порадовалась, увидев, что Ремо и Барр наконец сняли сапоги и бродят по воде вместе с Готорном, хотя сначала это и было вызвано необходимостью вымыться после разделки туши. Такая практическая цель не могла бы объяснить того, с каким азартом они плещут водой друг на друга.

Они забрали парней и их добычу — теперь, когда с них были смыты кровь и остатки вонючей плоти, Фаун с интересом вертела в руках массивные зубы с их странными похожими на пилу краями, — и двинулись туда, где оставили корзины. Мужчины разложили костер из плавника. Готорн заставил Дага поджечь растопку, пристально наблюдая за его действиями и издавая восторженные вопли. Фаун была благодарна оранжевому пламени за тепло: ветер оставался холодным и влажным. Даже дозорные нашли яркие цвета, рождаемые огнем из выцветшей древесины, — синие, зеленые, алые — магическими.

Через некоторое время вернулись и Берри с Витом. Только теперь они шли по влажному

песку не просто рядом, а крепко держась за руки. Фаун заметила, что Берри выглядит задумчивой, а на лице Вита играет глупая счастливая улыбка. Завернувшись в одно одеяло, они с Дагом обменялись понимающими взглядами.

Когда парочка уселась у огня, Даг, весело прищурившись, крикнул:

— Поздравляю!

Вит посмотрел на него довольно испуганно.

— Эти Стражи Озера! — вздохнула Берри.

— Даг! — укоризненно толкнула его в бок Фаун. — По крайней мере позволил бы им самим нам сказать!

— Э-э… — промычал Вит.

Берри откинула с лица прядь светлых волос.

— Вит попросил меня выйти за него замуж.

— И она сказала «да»… — с изумлением в голосе добавил Вит.

Новость, конечно, превратила пикник в настоящее празднество. Готорну страшно понравилось, что теперь у него будет брат по шатру, совсем как у Стражей Озера. Вит посмотрел на Готорна, посмотрел на Дага и неожиданно впал в задумчивость.

Позже, раздавая еду, Фаун шепнула Виту:

— Славная работа, только ты ведь рисковал…

Тебе очень повезло, что все решилось так быстро.

— Ты же сама говорила, — прошептал он в ответ, — что я должен подождать, пока мы не окажемся как можно дальше от пещеры. — Он глянул на искрящееся море и заключил: — Уж дальше-то точно некуда.

Они ели, пили, отдыхали — иногда даже дремали — и следили за непрерывно повторяющимся чудом волн. Солнце начало клониться к западу, окрасив далекие облака розовым и сиреневым цветом над голубым горизонтом; эта картина заставила Фаун вспомнить легенды о великих сияющих городах, ушедших под воду озера на другом конце континента. То озеро было таким огромным, что другой его берег нельзя было разглядеть… должно быть, оно походило на море.

«Хотела бы я когда-нибудь увидеть то озеро…»

Даг спал, положив голову на колени Фаун, когда белая точка далеко в море превратилась в знакомый парус. Маленькие фигурки рыбаков издали махали им; прилив и попутный ветер несли лодку ко входу в дельту. Фаун поцелуем разбудила Дага; собрав корзины, они поднялись на дюны, чтобы встретить лодку на том же месте, где она причаливала утром.

Поднявшись на дюну, Вит остановился.

— Это и в самом деле край света!

«Когда-то я сказала, что последую за Дагом на край света. Ну вот мы и здесь».

— Конечно, море производит впечатление, — продолжал Вит, — только оно слишком большое. Думаю, в будущем в реке для меня воды хватит. — Он улыбнулся своей найденной на реке суженой и попытался поцеловать ее, но не сумел, потому что она поцеловала его первой. Готорн только нос сморщил.

— «Надежда» не может идти против течения, — напомнила Виту Берри. — Домой мы отправимся по суше.

— И все в гору, — подхватил Вит лукаво.

— Долгая будет прогулка, — сказал Ремо, на что Барр ответил:

— Ага, мне нужны новые сапоги.

Фаун отвернулась от моря и стала смотреть на плоское болото, уходящее в неизмеримую даль; на мгновение у нее закружилась голова: весь огромный мир словно покачнулся у нее под ногами.

— Знаешь, Вит, все дело в том, в какую сторону смотреть. С этой позиции мне кажется, что здесь только начало мира.

Даг крепко сжал руку Фаун, хотя ничего и не сказал. Все вместе они заскользили по песчаному склону навстречу лодке.

Лоис Макмастер Буджолд

ЛОИС БУДЖОЛД
РАЗДЕЛЯЮЩИЙ НОЖ

Разделяющий нож. Горизонт

Глава 1

Рыночный день в Подводном городе был в полном разгаре. Нос Фаун распирало от сильных запахов: рыба, моллюски, всякая живность с извивающимися лапками, похожая на гигантских раков, обмотанных водорослями; жареный «хворост», вареные крабы, сушеные фрукты, сыры; стопки не слишком хорошо стиранной поношенной одежды; цыплята, козы, овцы, лошади. Со всем этим смешивались речные ароматы Серой, растянувшейся так далеко, что ее дальний берег выглядел размытым пятном в зимнем утреннем свете.

Свинцовая вода мерцала в тишине вдали от яркого пятна занятой толпы, собравшейся под утесами, которые отделяли Верхний город Греймаута от более шумного — и, Фаун должна была признать, более вонючего — берега. Глиняные мели были исчерчены пристающими к берегу баржами, лодки готовились к отплытию, а рыбацкие и прибрежные судна приходили и отплывали уже несколько более в ритме все-еще-в-десятимилях-отсюда моря, чем в речном. Улочки криво петляли вокруг складов, рыбацких таверн и вре-

мянок, построенных из разобранных барж или, иногда, не разобранных, а приведенных к берегу целыми на колесах скотом и уложенными на землю. Владельцы последних клялись быть готовыми к следующему наводнению, безуспешно пытающемуся смыть запахи и суету Подводного города в море, пока Верхний город смотрел свысока, не замочив подола. Такая жизнь казалась очень странной. Должна ли она продолжать думать о скалистом ручье, текущем у подножия ее семейной фермы, как о реке?

Фаун подхватила корзину повыше, ткнула локтем своего провожатого Ремо и сказала, указывая:

— Смотри! Еще несколько новых Стражей Озера появилось здесь этим утром!

На другой стороне площади, где все более крупные животные были выставлены их оптимистичными владельцами, двое женщин и мужчина хлопотали вокруг полудюжины длинноногих лошадей. Все трое были одеты как Стражи Озера: штаны для верховой езды, крепкие ботинки, рубашки и кожаные куртки и жакеты, чем-то неуловимым отличающиеся от одежды крестьян вокруг. Самым отличительным были их волосы, уложенные в украшенные прически,

высокий рост и заметное неудовольствие от окружения большим количеством людей, никто из которых не был Стражем Озера. Фаун гадала, глядя в отражение, понимает ли кто-нибудь еще здесь, что чопорность неприятна, или все вокруг думают лишь о презрении с задранным носом. Когда-то и она бы увидела это таким же образом.

— М-м, — сказал Ремо без энтузиазма, — полагаю, ты захочешь подойти поговорить с ними?

— Конечно, — Фаун поволокла его к дальнему концу рынка.

Мужчина вывел лошадь и придерживал ее для крестьянина, который, нагнувшись, щупал ей ноги. Две молодые женщины наблюдали за Фаун и Ремо, пока те приближались; их глаза несколько расширились от вида Ремо, чей рост, одежда и длинные черные волосы, уложенные в прическу, выдавали в нем дозорного Стража Озера. Уловили ли они Даром родственника-чужака, или их Дар был заперт от мучительного шума Дара окружающих крестьян?

Южные Стражи Озера, которых встречала Фаун, обладали более светлой кожей и волосами, чем их северные кузены, и эти двое не были исключением. Женщина повыше… девушка — она казалась не слишком-то старше Фаун, каким-то

образом — носила волосы заплетенными в одну толстую светлую косу, напоминающую рысий мех. Ее серебряно-голубые глаза ярко блестели на прекрасном лице цвета кости.

У женщины пониже были красно-рыжие волосы, уложенные венком вокруг головы, и медного цвета глаза. Ее круглое лицо было усыпано веснушками. Фаун подумала, что они могут быть напарниками в дозоре, как Ремо и Барр; едва ли это были сестры.

— Доброе утро! — радостно поздоровалась Фаун, глядя на них. Верхушка ее собственных темных кудрей приходилась примерно посредине груди Ремо, и не сильно выше у женщин. В почти девятнадцать Фаун оставила надежду подрасти еще на несколько дюймов кроме как в ширину и смирилась с постоянным растяжением связок шеи.

Рыжеволосая женщина кивнула в ответ; блондинка, казалось, пребывала в неуверенности как воспринять странную пару, поэтому ответила куда-то посредине между ними:

— Доброе утро. Вам нужны лошади? У нас есть несколько действительно хороших рысаков. Сильные копыта. Из тех, что легко пронесет всадника весь путь до Трипойнтского тракта и в жизни не захромает. — Она показала рукой

на лошадей, хорошо вычищенных несмотря на зимнюю шкуру. Те смотрели назад и прядали мохнатыми ушами. Позади них Страж Озера водил лошадь взад и вперед перед крестьянином, который стоял, уперев руки в бока и придирчиво хмурясь.

— А я думала, Стражи Озера продают крестьянам только тех, что похуже, — сказала Фаун невинно. Рыжая слегка поморщилась — слегка виновато, нежели оскорбленно, подумала Фаун. Те еще торговцы лошадьми… Подавив усмешку, она продолжила: — Конечно, не сегодня. Я вот думаю, из какого лагеря вы родом? И есть ли у вас там хорошие целители?

Блондинка ответила немедленно, заученным тоном:

— Стражи Озера не лечат крестьян.

— О, я все об этом знаю, — Фаун откинула голову. — Я спрашиваю не для себя.

Две причесанные головы повернулись к покрасневшему Ремо. Он ненавидел краснеть, по его словам, потому что неловкость этого заставляла его краснеть еще более, чем настоящая причина. Фаун с восторгом наблюдала за все более темнеющим цветом его лица. Она не могла почувствовать вспышку вопрошающего Дара,

но у нее не было сомнений, что пара прибегла к нему сейчас.

— Нет, я также не болен, — сказал Ремо. — Это не для нас.

— Вы двое вместе? — спросила блондинка, сузив серебряные глаза менее дружелюбным образом. Вместе как любовники, предположила Фаун, имелось в виду — чего Стражи Озера категорически не принимали по отношению к крестьянам.

— Да. Нет! Не в этом смысле. Фаун — друг, — сказал Ремо. — Жена друга, — добавил он торопливо со значением.

— В любом случае мы не можем вам помочь. Целители не возятся с крестьянами, — поддержала рыжая подругу.

— Даг — Страж Озера, — Фаун повела плечом, удерживаясь от того, чтоб схватиться за свадебную тесьму, охватывающую ее левое запястье под рукавом. Или выставить ее напоказ, что привело бы к вечным объяснениям и доказательствам ее неподдельности. — И он не болен. — «Вот именно». — Раньше он был дозорным, но сейчас думает стать мастером. Он уже много знает, и кое-что может делать сам, некоторые удивительные штуки. Вот почему ему нужен учитель

— помочь ему со следующий шагом. — «Каким бы он ни был».

На придирчивый взгляд Фаун, Даг и сам этого не знает.

Блондинка повернула сконфуженное лицо к Ремо:

— Вы ведь не отсюда, да? Вы дозорный по обмену?

— Нита, — сказала рыжая, горделивым жестом указывая на блондинку, — всего лишь два года как по обмену дозором из Лутлии.

Блондинка скромно пожала плечами.

— Ты не должна говорить об этом каждому, кого мы встречаем, Тавия.

— Нет, я вовсе не по обмену, — сказал Ремо. — Мы спустились из Олеаны на барже примерно неделю назад. Я, гм, я…

Фаун с мрачным интересом ждала как он себя опишет. Сбежал из дома? Дезертировал? Присоединился к командиру Дагу Без Лагеря в ослоголовой кампании по спасению мира от него самого?

Он сглотнул и отступился:

— Меня зовут Ремо.

Наклон украшенной венком головы и живой жест пригласил его продолжить названиями

его шатра и лагеря, но он лишь едва сжал губы в неубедительной улыбке. Тавия пожала плечами и продолжила:

— Мы спустились вниз из лагеря Русло Новолуния вчера, чтобы распродать нескольких лошадей и подобрать курьера с недельной почтой, — явно идентифицируя себя и свою напарницу и ту высокую, темную, северную чужачку как дозорную, перевозящую почту между лагерями, что являлось задачей дозорных.

Фаун гадала, узнает ли она флирт дозорных, если столкнется с ним, и будет ли он так же страшен, как юмор дозорных.

— Лучший целитель в этих местах живет в Новолунии, — продолжила Тавия, — но не думаю, чтобы он брал подмастерьев.

— Это, должно быть, Аркадий Уотербич? — рискнула спросить Фаун. — Его еще называют «наладчиком Дара»? — Последнее было для Фаун новым словом, но у местных Стражей Озера был, казалось, их большой запас. Когда рыжая подняла брови, Фаун объяснила: — Последние несколько дней я поспрашивала вокруг всякий раз, как видела Стража Озера на рынке. Они всегда начинали рассказывать о целителях в своих лагерях, а сводилось все к этому парню, Аркадию.

Тавия кивнула:

— Звучит разумно.

— А почему он не берет подмастерьев? — упрямо спросила Фаун. Все целители, которых она встречала до этого, были очень охочи до новых талантов в их деле. Ну, пока эти таланты не обнаруживались в крестьянской невесте. — Может, у него полный набор? — добавила она совестливо. — Не то чтобы Даг обязательно хотел стать подмастерьем. Он мог бы просто… хм… побеседовать.

Две женщины обменялись сдержанными взглядами. Нита сказала:

— Не думаешь ли ты, что Аркадий может искать нового подмастерья как раз сейчас?

— Не уверена. Он был очень расстроен из-за Суто. У него была куча неприятностей из-за него.

— Его ведь даже там не было!

— Полагаю, это и есть самое обидное.

Не будучи уверенной, что девушки станут объяснять слухи лагеря какой-то крестьянке, Фаун толкнула Ремо. Тот бросил на нее измученный взгляд, но добросовестно спросил:

— А что случилось?

Тавия потерла свой круглый подбородок и нахмурилась:

— Пару месяцев назад одного мальчика в Новолунии как следует покусал аллигатор. Когда его друзья прибежали в шатер к целителям, Аркадий отлучился проведать другого пациента, поэтому к мальчику пошел его подмастерье Суто. Он объединил с ним свой Дар и умер от шока, когда умер мальчик.

Ремо моргнул; Фаун подавила холодок внутри. Ремо сказал:

— Неужели никого не было, чтобы вытащить его?

— Мать мальчика, но она лишком долго ждала. Другие мальчики… Но они, конечно, не поняли. Было много осложнений, после, между родителями мальчика и родственниками Суто, но сейчас все это, в основном, улеглось. Аркадий берег себя.

— Не то чтобы была заметна разница, — сказала Нита. — Он всегда был угрюмым как мастер по ножам. Может быть, новый подмастерье придется ему по душе. — Она улыбнулась Ремо. — Думаю, твой друг может спросить. Но ты его лучше предупреди, что старик Аркадий хм… иногда трудный.

— Да? — Ремо отвесил Фаун иронический взгляд. — Это очень интересно.

Две девушки из Русла Новолуния представили

себе Дага как юного дозорного, такого, как Ремо, поняла Фаун. Она решила не пытаться объяснять еще более сложные аспекты ее мужа Стража Озера. Он ведь не изгнан, не в самом деле…

Мужчина из Новолуния закончил подсчитывать монеты от крестьянина в бумажнике, шлепнул лошадь по крупу в дружественном прощании, когда ее повели прочь, и повернулся к своим компаньонам. Фаун вспомнила, что ее рыночная корзина должна будет солидно наполниться и стряхнула ее Ремо, чтобы с этого времени он нес покупки.

— Ну что ж, спасибо, — Фаун сделала книксен. — Я передам.

К ней вернулось два кивка, приятный от девушки поменьше ростом, несколько неохотный от высокой блондинки, однако обе наблюдали за Ремо заинтересованными взглядами, когда Фаун вела его прочь через всю площадь — еще раз. Их внимание вскорости отвлек другой потенциальный покупатель, глазеющий на лошадей.

Ремо глянул назад за плечо и вздохнул с сожалением:

— А Барр бы быстро их очаровал до снятия носков.

Ямочки Фаун стали заметнее.

— Только лишь носков? Я думала, Барр был бы более целеустремлен. По меньшей мере, он сам сказал бы именно так.

Ремо покраснел вновь, но запротестовал:

— Эти девушки — дозорные. Они бы держали его в строгости, — и после долгого, печального молчания добавил: — если бы захотели.

Фаун потрясла головой, улыбаясь.

— Ну же, Ремо, улыбнись. Нам свадьбу готовить нужно.

Яркое пятно привлекло ее взгляд, и она пошла вдоль тележки с фруктами, чтобы сторговать коробку сушеной хурмы и ярких круглых апельсинов, упакованных в солому. Оба этих впечатляющих южных фрукта она попробовала впервые всего лишь несколько дней назад. Еще одна женщина из Греймаута продала Фаун банку мелассы, сладкой как кленовый сироп, который готовили на ферме Блуфилд каждую весну — только с более сильным, странным запахом. Она прекрасно пойдет с бисквитами, подумала Фаун, или, может быть, с чем-то более привычным, чем последняя бочка сморщенных яблок, которая проехала с ними весь путь от Олеаны.

— Так, — задумчиво сказал Ремо, когда они прокладывали дорогу к следующему продавцу

из мысленного списка Фаун, — если Даг столь сильно хочет найти себя как целитель, почему он сам не поспрашивает вокруг?

Фаун задумчиво покусала губу.

— А ты слышал, чтобы он говорил об этом?

— О, конечно, пару раз.

— Мне он говорил об этом еще больше. Но Даг — тот, кто делает дело, а не говорит о нем. Так что если он продолжает болтать, но не делает… то мне кажется, что-то где-то не то.

— Что?

Ее шаги замедлились.

— Он напуган, я полагаю.

— Даг? Ты шутишь?

— Не физически напуган. Какой-то другой вид страха. У меня для него нет слов, но я могу его почувствовать. Напуган потому, что он не может получить нужные ему ответы, может быть. — «Или потому, что получит ответы, которых ему не нужно».

— Хм, — сказал Ремо с сомнением.

Когда они направлялись обратно к берегу реки и вверх мимо ряда барж, где была привязана «Надежда», мысли Фаун вернулись к ужасной истории подмастерья с пойманным в ловушку Даром. Все верно, это мог быть Даг. Мальчик в

опасности, отчаянная битва за выживание — не важно, что это не напарник, он бы нырнул и не вышел. У него это даже не было подвигом. Это была бы проклятая привычка.

Когда Даг впервые заговорил о том, чтобы оставить дозор и заняться медициной для крестьян, Фаун это показалось чудесным планом: это было бы безопасной работой, не отрывало бы его он нее, и он мог бы заниматься этим сам, без других Стражей Озера.

Без других Стражей Озера, которым бы потребовалось принимать ее, скажем прямо. И все эти обещанные плюсы при более близком рассмотрении оказались неверными.

У меня мысли как запутанный клубок, жаловался ей Даг. Что, если это были не только его мысли? Что, если это был его Дар в том числе? В том не было бы ничего удивительного после всех тех случайных манипуляций Даром, которые предпринимал Даг в последнее время. Чудеса и ужасы. Может быть, ему действительно нужен другой целитель, чтобы помочь выпрямить это все?

«Наладчик Дара». Фаун покатала эти слова у себя в сознании. Они звучали загадочно и многообещающе. Ее подбородок нырнул вниз в

твердом кивке, пока ноги несли ее по сходням «Надежды».

* * *

Мощеная дорога из нижней в верхнюю половину Греймаута обвивалась вокруг дальних концов длинного утеса, но несколько цепочек ступеней зигзагами взбирались на крутой склон весьма захватывающим дух образом. Они были построены, несомненно, из обломков старых барж, и были достаточно широкими, чтобы пройти по ним вчетвером. Даг повернул голову, чтобы бросить быстрый взгляд на занятый берег, лежащий внизу, с блестящей рекой, уходящей в туман в обе стороны. Он вдохнул послеобеденный холодный воздух этого зимнего дня, обозревая толпу людей вокруг, явившихся затем, чтобы официально стать частью его, ну… семьи, предположил он. Шатра Блуфилд. Рост его был кардинальным за недели их бедственных приключений. Даг был почти шокирован, когда оглянулся и увидел, как далеко они зашли, и вовсе не в речных милях. Даже в этом были они все.

Участники вечеринки на «Надежде» забирались наверх по двое. Впереди хрипел дядя Берри Бо, корявый речник, единственный член семьи

молодой хозяйки «Надежды», вернувшийся в Клиркрик, который вызвался помочь ей в долгом путешествии. Около него шумел Хог, готовый подхватить Бо — но Даг заметил, что хрипы его обманули: Бо был таким же крепким, как старый кожаный ботинок, который он напоминал, и ножевая рана, полученная им в живот, была уже почти полностью вылечена. Хог после их совместных приключений стал куда более чем просто матросом, и был практически принят в семью «Надежды».

Одиннадцатилетний брат Берри, Готорн, шел следующим. На его плече сидел его ручной енот, и оба, мальчик и зверек, с осмысленным любопытством нюхали воздух вокруг. До этого было некоторое количество споров, подходит ли енот для украшения свадьбы, но зверек проехал с ними весь путь от Олеаны и за эти недели стал чем-то вроде корабельного талисмана. Даг лишь порадовался, что никто не расширил спор на козу Дейзи, такую же верную и куда более полезную. Запястья Готорна торчали из рукавов его рубашки более, чем помнил Даг с момента их первой встречи, и вряд ли это села его одежда, особенно с учетом редкости ее стирки. Когда его соломенная голоса в конце концов перерастет его

сестру Берри, он станет впечатляющим молодым человеком. Еще три года, сказал бы Даг; вечность, взвыл бы Готорн, а Даг попытался бы вспомнить время, когда три года казались вечностью.

Следом поднималась сама невеста; ее поддерживала Фаун. Несколько раньше этим утром Фаун провела долгое время, укладывая своими ловкими пальчиками прямые волосы Берри, обычно завязанные узлом на затылке, в прическу, похожую на свадебные прически Стражей Озера. Где-то на рынке Подводного города Фаун нашла свежие зимние цветы, причем Даг не мог точно сказать, росли ли они в этом южном климате или были выращены в теплицах. Она уложила все крупные белые соцветия вокруг соломенно-золотистого узла Берри и вплела побеги плющом в шелковистый водопад волос позади. Свои собственные волосы она собрала в задорный хвост в короне из веточек красных цветов, которые, казалось, светились в темных кудрях. Взбираясь позади обоих девушек, Даг наслаждался эффектом. У них не было времени для свадебного платья в этих торопливых приготовлениях к свадьбе так далеко от дома, но вчера на «Надежде» было много стирки после того, как Фаун вернулась с рынка вместе с Ремо.

Вся их одежда, может быть, была потрепанной и поизносившейся в путешествии, но зато чистой и починенной.

Когда они достигли поворота лестницы и сменили направление, маленькая ручка Фаун стиснула руку Берри в жесте ободрения. Закаленные работой пальцы Берри казались неожиданно холодными и слабыми. Даг видел, как Берри с мужеством встречала беснующиеся рыбные косяки, мели с топляками, грубых моряков, проныр-торговцев, убийц-бандитов, поножовщину, несчастье, виселицу, паводок и отлив, устроенный речниками. Так что любой, кто посмел бы хихикать над ее предсвадебным волнением… никогда не женился сам, решил Даг.

Брат Фаун, Вит, поднимающийся рядом с Дагом, весело хихикал над сестрой и Дагом шесть месяцев назад, когда они связали свои узлы в Вест-Блу. Сейчас он не смеялся, и уголки рта Дага приподнимались уже только из чистой справедливости момента. Никто, глядя на Фаун и Вита вместе, не воспринял бы их иначе, как брата и сестру даже когда они молчали. У обоих были одинаковые темные кудри и чистая кожа, и пусть даже Вит был выше Фаун на голову, он все равно был коротышкой Блуфилдом. Более высоким он

едва ли станет, но его плечи были достаточно широкими, как свидетельствовала об этом его туго натянутая рубашка.

И, хоть он не потерял своего все-еще-иногда-раздражающего юмора, его глаза стали более серьезными, более задумчивыми; более чем единожды в последнее время Даг видел его готового выпалить остроумную — или полоумную — шпильку, но останавливающегося и проглатывающего ее вместо того. Он также прошел длинный путь от Вест-Блу.

Но достаточно ли, чтобы быть готовым к собственной свадьбе? Нет, возможно нет; да и мало кто был бы. Достаточно ли, чтобы быть готовым ко всем последующим дням? Это также был вопрос обучения в процессе, по опыту Дага. «Но я думаю, он ее не предаст». Он ободряюще улыбнулся своему… зятю, словами крестьян, брату по шатру, если говорить названиями Стражей Озера, и подумал, что Вит прошел испытания обоих этих ролей. Вит расправил плечи и оскалился в ответ.

Позади Дага, длинные ноги Ремо и Барра вместе перепрыгивали некоторые из коротких неровных ступенек по две за раз. Про них также вряд ли было бы большим удивлением для Дага думать сейчас как о части их забавного семейного

шатра, наполовину крестьянского, наполовину состоящего из Стражей Озера, по крайней мере Даг вполне мог представить обоих напарников как своих дозорных. С таким же трудом, как и обстоятельства их нынешнего пребывания здесь, но Даг был рад, что они оказались связаны с его маленьким отрядом, как бы его ни называть. Один Страж Озера в среде крестьян был странностью.

Три были… может быть, началом.

Все они отправились пешим путем в Верхний город. Даг смотрел вокруг с интересом, это была его первая прогулка на утес по ступенькам. Сегодня было почти безветренно в жидком свете, но Даг представлял, что в разгар лета Верхнему городу доставались бы все москито-сдувающие бризы. Улицы, более сухие, чем те, внизу, были менее грязными; они были выложены из аккуратных блоков с полосами дощатых настилов — укороченными бывшими баржами, без сомнения. Дома и строения выглядели солидными, менее хаотичными собранными вместе и без пятен, оставшихся от потопов.

Люди казались не столь разными: владельцы кораблей и торговцы, рулевые и гуртовщики, корчмари и конюхи; некоторые женщины казались одетыми лучше, по крайней мере, более

благоразумно, чем яркие наряды девушек с плавучих борделей, стоящих на якоре вдоль Подводного берега.

Офис клерка здесь был не первой комнатой в каком-то деревенском доме, как Даг помнил по крошечному Вест-Блу, но отдельным зданием в два этажа высотой, построенного из крепкого кирпича, возможно, приплывшего вниз по реке из Глассфорджа в далекой Олеане. Фаун указала на кирпич Хогу; тот широко улыбнулся, узнав его, и кивнул. Команда «Надежды» неуклюже поднялась на крыльцо и зашла внутрь.

Берри и Вит осмелились прийти сюда три дня назад, чтобы зарегистрировать свои семейные намерения и выполнить предписания клерка — город нанимал нескольких, как понял Даг. Большая, загруженная комната справа от холла занималась кораблями и флотовым бизнесом; слева — земельными записями. Берри и Вит оба сглотнули, схватились за руки и пошли по лестнице наверх в маленькую, более тихую комнатку.

В несколько пустой комнате наверху стоял письменный стол; там было окно и полдюжины деревянных стульев, придвинутых к стене, что было совершенно недостаточно для экипажа

«Надежды». Хог видел, как Бо занял сиденье вместе с Фаун и Берри. Даг оперся плечом о стену и скрестил руки, и Барр и Ремо, поглядев на него, сделали так же.

Ожидание не было ни длинным, ни дискомфортным. По крайней мере, не для Дага. Но он не поручился бы за Вита, который все поправлял воротник своей рубашки.

Через несколько минут в комнату вбежал мужчина, несший большую книгу записей и лист бумаги. Даг сказал бы, что он всего на десяток лет старше Вита и Берри; он мог бы быть опрятным торговым клерком, работающим с владельцами товаров. Увидев Дага, он резко остановился и с тихим «ух» отступил назад. Его глаза пробежались по крюку, заменяющему Дагу левую руку, по длинному ножу на его поясе, поднялись обратно к его коротко обрезанным непослушным волосам, осмотрели Барра и Ремо с их более явными прическами и облачением Стражей Озера. Обе — длинные темные волосы Ремо и короткие каштановые косички Барра были декорированы по случаю украшениями из акульих зубов и жемчужных раковин.

— А, — сказал клерк Дагу, — помочь вашим друзьям найти нужную комнату? Здесь назна-

чена регистрация брака вскорости для команды Блуфилдов.

— Да, мы часть именно этого дозора, — дружелюбно ответил Даг. Он кивнул в сторону Берри и Вита, которые вскочили на ноги, нервно улыбаясь.

Собеседник Дага, оказавшийся все же клерком, оторвал взгляд от Стражей Озера, взглянул в свою бумагу и спросил:

— Вайтсмит Блуфилд и Берри Клиркрик?

Оба наклонили головы; Вит выпрямился и сказал:

— Меня больше называют Вит.

— Я клерк Бейкербан, — сказал клерк. Он пожал руку Виту и, после краткого взгляда на Фаун, кивнул Берри. — Как поживаете, мисс Клиркрик? — Он выложил свою большую книгу на стол. — Ну что ж, мы можем приступать. У каждого из вас есть главные свидетели?

— Да, — сказала Берри. — Это мой дядя Бо, и это мой маленький брат Готорн. — Оба поднялись и кивнули, Готорн крепко придерживая енота, издающего звуки ленивого протеста.

Вит добавил:

— Да, а это моя сестра Фаун и ее муж, Даг Блуфилд, — его жест, указывающий на Дага, заставил

клерка заморгать.

— Извините, я думал вы Страж Озера, — сказал клерк Дагу. Он посмотрел в золотые глаза Дага: — Постойте, так вы и есть Страж Озера!

Вит повысил голос, чтобы перебить неминуемый поток вопросов:

— А это Хог, Ремо и Барр, друзья и матросы с «Надежды», баржи Берри из Клиркрика, Олеана. Они тоже подпишутся как свидетели. Она плавала под управлением хозяйки Берри вниз по реке, между прочим. — Он гордо улыбнулся своей нареченной. Обычно у Берри была широкая усмешка, делавшая ее лицо похожим на добродушного хорька; сейчас ее улыбка была несколько натянутой из-за нервов.

Клерк посмотрел на Готорна, который улыбнулся ему в обычном стиле Клиркриков.

— Э-э… молодой человек выглядит так, что ему еще нет двадцати лет. Он не может быть свидетелем, не в Греймауте.

— Но Берри сказала, я могу подписать. Я учился! — запротестовал Готорн. Он высвободил одну руку из-под толстого спящего енота и помахал заляпанными чернилами пальцами в доказательство. — Сейчас, когда Бакторн и папа были убиты, я ее единственный брат!

— Я пообещала, что он сможет, — сказала Берри. — Я не знала. Извини, Готорн.

Бо добавил грубовато:

— Ой, да ладно, пусть малец подпишет. Вреда от того не будет, а для него это много значит. Для них обоих.

— Ну… — клерк выглядел удивленным. — Не думаю, что так можно. Это может скомпрометировать юридическую силу документа в случае, если он будет поставлен под сомнение.

Даг нахмурил брови. Обычаи крестьян иногда ужасно сбивали с толку. Все эти бумаги, чернила, суета вокруг имущества и свидетелей… Он подумал о своем свадебном браслете, обвившемся вокруг его предплечья, скрытом под рукавом куртки, спряденном собственными руками Фаун и содержащем внутри частицу ее живого Дара, доказательство их союза для любого, владеющего Даром. Она же носила его близнеца, выглядящего как волосяной браслет, выглядывающего из-под рукава рубашки, на своем левом запястье. Браслет жужжал от кусочка Дара Дага в ответ. Не что любой лагерь Стражей Озера не ухватился бы за свадьбу как за повод для вечеринки, и не то чтобы родственники по шатру с обеих сторон не вмешивались до тех пор, пока вы уже были

готовы обернуть пару запасных шнурков вокруг их шей и завязать потуже, но в конце концов, брак заключался единственно между двух людей, наблюдающих изменения внутри себя. Даже если пара оказывалась среди чужаков, браслеты безмолвно свидетельствовали за них.

— Не обращай внимания, Готорн, — сказал Вит расстроенному мальчику. — Я куплю Берри и себе новую семейную книгу, для начала, и ты сможешь там расписаться. Потому что это будет наше, а не принадлежащее этим с Греймаута. — Он добавил, обращаясь к Берри. — Это будет мой первый свадебный подарок тебе, дорогая.

Ее бледное лицо осветила настоящая улыбка.

Вит полез в сумку с одеждой, которую нес, и вытащил большой том, обитый новой кожей того сорта, в которой хранят свои записи торговцы товарами. Он положил ее на стол и открыл на первой чистой белой странице. Даг вспомнил семейную книгу, которую видел в Вест-Блу, на три четверти заполненную записями о свадьбах, рождениях и смертях Блуфилдов, продажах, обменах и покупках земель и животных, в которую он и Фаун и по этому случаю Вит внесли свои имена как участники и свидетели. Этот том был последним в серии, уводящей назад на более чем

двести лет. Остальные аккуратно хранились в сундуке в комнате. Драгоценные семейные книги передавались в наследство вместе с самой фермой старшему брату Вита и Фаун и его невесте.

Как четвертый сын, Вит был сам по себе. И, предположил Даг, сейчас он об этом не сожалел.

Фаун измерила толщину книги в добрых два пальца и улыбнулась:

— Амбициозно, Вит!

Готорн осмотрел ее с одобрением, явно успокоенный. Будут ли тогда старые семейные книги Клиркриков переданы Готорну, а не Берри? Все это было полностью отлично от образа жизни Стражей Озера, где старшая дочь унаследовала семейный шатер у своей матери.

— Хм, — сказал клерк тоном сомнения, но не стал препираться.

Он положил свою собственную большую книгу с клеймом Греймаута на кожаной обложке на стол возле Вита и открыл ее на новой странице.

— Раз я должен сделать две копии, нам лучше начать. — Он сел за стол, поставил перед собой чернильницу, закатал рукава, выбрал перо из банки и вновь посмотрел на Берри и Вита. — Назовите ваши полные имена, имена ваших родителей и место проживания — или, если они

умерли, места их захоронения, даты вашего рождения, места рождения и профессии.

У них ушло несколько минут на то, чтоб дважды записать все это. У парня красивый почерк, решил Даг, наклонившись взглянуть. Правда, с момента как Бейкербан прекратил писать и в тревоге уставился за плечо, Даг вернулся к своей позе у стены. Берри назвала своей профессией «капитан» и, после некоторой паузы, «скрипач»; Вит, поколебавшись, сказал «матрос», а не «фермер». Даг порадовался тому, что почти слышит «цванг!», с которым разорвалась последняя связь Вита и Вест-Блу.

— Дальше, клянетесь ли вы в том, что у вас нет препятствий? Других помолвок, брака или соглашений?

Оба пробормотали об отсутствии препятствий, несмотря на то, что Берри слегка моргнула при упоминании других помолвок.

— Хорошо, дальше проще, — пробормотал клерк. — Вы пришли из Подводного города, так что я не думаю, что у вас есть недвижимое имущество, о котором стоило бы беспокоиться. Должен сказать, народ из Подводного обычно сюда не приходит за этим, но это Подводный.

— У меня есть «Надежда», — сказала Берри.

Клерк заволновался.

— Баржа, вы говорите? Не лодка?

— Верно.

— Мы не должны учитывать баржи. Что у вас, Вайтсмит Блуфилд?

— У меня есть мой заработок за поездку.

Клерк махнул рукой.

— Настоящее имущество. Земля, дом, здание для ведения дела? Ожидание наследства?

— Нет. Пока нет, — поправился Вит со сдержанным выражением лица. — У меня есть семейный надел от фермы в Вест-Блу, но я в действительности не знаю, когда вернусь за ним. В любом случае, он невелик.

Клерк рассудительно нахмурился.

— У тебя должен быть дом твоего отца и холм в Клиркрике, Берри, — встрял Бо. — Твой и Готорна.

Клерк встрепенулся:

— Знаете ли вы, как он был оставлен? На каких условиях?

— Не могу точно сказать. Не думаю, что кто-то в Клиркрике даже знает, что папа Берри умер. Он исчез на реке осенью, понимаете ли, вместе с ее старшим братом, так что мы поплыли следом чтоб узнать, что с ними стало. Ну, мы это

сделали.

Внезапный поток вопросов от клерка извлек информацию о том, что дом был солидным, или по меньшей мере большим и беспорядочным, а холм, слишком крутой для земледелия, приносил семье Берри строевой лес для постройки ежегодной баржи и был с добрую квадратную милю.

И никто не был уверен, оставил ли папа Берри опекунство над Готорном Берри или кому-то еще из родственников в случае своей смерти. Такая идея очень сильно встревожила Готорна. Все записи были в Клиркрике в пятнадцати милях отсюда.

— Очень неловко, — сказал клерк наконец, потирая нос и оставляя слабый след чернил на верхней губе. — Не думаю, что я смогу зарегистрировать этот брак.

— Что? — закричал Вит в тревоге вместе с испуганным возгласом Берри «Почему нет?»

— Таковы правила, мисс. Чтобы избежать воровство посредством бегства или мошеннического брака. Были случаи, потому и правила.

— Я не сбегу, — сказала Берри упрямо. — Я хозяйка баржи! И у меня брат моей мамы рядом!

— Да, но ваш брак даст Вайтсмиту, здесь, некоторые права на ваше имущество, тогда как ваши

другие родственники могут этого не захотеть. Или если этот дом и холм это все, что осталось мальчику как единственному выжившему сыну вашего отца, он возможно должен как-то разделить это имущество с вами, но он слишком молод, чтобы им управлять. Я уже видел такие запутанные дела. Приводящие ко всем видам столкновений, споров и даже убийствам, и все это было ради меньшего имущества чем ваш холм в Олеане!

— В Греймауте может быть! — закричала Берри, но Бо почесал подбородок в тревоге.

— Лучше вам подождать и пожениться в Клиркрике, мисс, — сказал клерк.

— Но мы вернемся туда только через четыре или шесть месяцев! — сказал Вит неожиданно смущенным тоном. — Мы хотим пожениться сейчас!

— Да, Фаун испекла торт и наготовила еды и все остальное! — встрял Готорн. — И заставила меня искупаться!

— Кто-нибудь с этой же проблемой наверняка приходил сюда раньше.

Даг повысил свой голос настолько, чтобы отрезать поднимающийся шум протеста.

— В городе с таким количеством путешествен-

ников, проезжающих мимо по торговым делам, как в Греймауте… Разве не могли бы вы, скажем, не упоминать об имуществе? Пусть бы об этом написал клерк из Клиркрика позже.

— Мне надо было держать рот на замке, — пробормотал Бо. — Прости, Берри.

Неудовольствие людей, собравшихся в комнате, поднималось вокруг Дага как миазмы, и он закрылся плотнее от него.

— Регистрация брака для того и существует, чтобы предотвратить все эти критические моменты! — сказал клерк. — Не то чтобы я ожидал, что Страж Озера это поймет, — добавил он вполголоса. — Разве вы, парни, не продаете ваших женщин вокруг? Как девчонок с плавучих борделей, только с большими ножами и не таких дружелюбных.

Даг окаменел, но решил притвориться, что он этого не слышал — несмотря на то, что Ремо задергался от раздражения, а песчаные брови Барра высоко поднялись.

Клерк выпрямился, прочистил горло и оперся о край стола:

— Иногда случаются разные варианты время от времени, — сказал он. Вит издал живой звук. — Парень оставил обязательство у городского

клерка на размер обсуждаемого имущества или решаемый процент. Когда он доставил необходимый документ или свидетелей чтобы доказать свои права, он получил его обратно за минусом пошлины. Или, если его права не подтверждались, родственники женщины получали его за ущерб.

— Какой еще ущерб? — сказал Готорн с любопытством, но Бо оборвал его, сжав плечо.

Нос Вита сморщился:

— Но о какой сумме денег мы сейчас говорим?

— Ну, о стоимости холма и дома, полагаю.

— Но у меня столько нет!

Клерк безнадежно пожал плечами.

— Мы все еще можем продать «Надежду», — сказала Берри нерешительно, — но там близко не получится стоимости нашей земли в Клиркрике. И кроме того, нам нужны эти деньги дома, чтобы жить на них в следующем году.

Ремо взглянул на Барра и прочистил горло.

— Барр и я… ну… в любом случае, у меня все еще есть моя доля вознаграждения из пещеры, — предложил он. — Я мог бы, хм, внести свою долю.

Барр сглотнул и с усилием сказал:

— Мы.

Вит, Бо и Берри начали решительно объяснять клерку Бейкербану все причины, почему его правовое решение не имеет смысла; плечи клерка и его лицо окаменели.

Фаун скользнула назад под руку Дага и прошептала ему:

— Даг, это безумие! Эти из Греймаута не имеют прав на деньги Вита, и ни на какую часть их. Они не работали, ран не получали, жизнями не рисковали чтобы их заработать. Свадебное свидетельство не должно стоить так много! Тебе не кажется, что это обман? Что парень держит нас за сухопутных жителей, стоит заблеять так шкуру снимут?

— Откуда же я могу знать?

Она посмотрела на него со значением. Даг вздохнул и слегка ослабил Дар несмотря на дискомфорт, давящий на него от всех неожиданно расстроенных людей, заполняющих комнату. Меньше енота, который сейчас дремал на стуле.

— Его Дар более напряженный, чем коварный, — прошептал он в ответ. — Но если он взял курс на взятку, будь я проклят, если позволю моему брату по шатру уплатить ее. Не за это.

Со взяточничеством было бы справиться достаточно легко. Просто ввалиться толпой в главное

здание и громко требовать объяснений от настолько большого количества людей, насколько получится. Правда вылезет наружу, и тогда клерку придется несладко. Даг не думал о парне, как о глупце этого сорта. Нет…

Даг предположил, что это ослиное упрямство под видом раздутой честности пересекается с глубоко спрятанным презрением к странным, потрепанным людям из Подводного города.

Спор с таким человеком сможет разве что заставить его залезть на его высокую лошадь, отправить Вита и Берри в путешествие неженатыми и быть счастливо убежденным в его низком мнении о морали речников. Раздражение Дага усилилось.

Какой бы неуместной не казалась вся эта бумажная церемония Дагу, она значила много для Вита и Берри, бывших так далеко от дома; возможно даже больше для Вита, чем для Берри, ведь это было его первое приключение в огромном мире и тревога о том, чтобы с его с трудом завоеванной речной невестой было все правильно. Проклятье, счастливый день, который Фаун и Берри готовили и планировали с таким трудом не должен разваливаться в смятенную неразбериху, по крайней мере если Даг в состоянии

этому помешать.

«А я могу».

Очень спокойно, он протянул свою левую руку позади клерка и проекцией Дара призрачной левой руки стал производить подкрепление для уговаривания. Такая тонкая работа была невидима для всех главз вокруг, но не для внутреннего зрения Барра и Ремо. Брови Ремо полезли вверх, Барр уронил челюсть, а его губы сложились в непроизнесенные слова «Как ты смеешь?..»

Даг не придавал значения деталям, лишь основному направлению чувств.

«Тебе нравятся эти молодые умельцы. Ты желаешь им добра. Ты хочешь им помочь. Этот далекий клиркриковый дровяной склад — не твоя ответственность. Пусть этот ленивый деревенский клерк из Клиркрика тоже поработает немного для разнообразия. А эта молодежь уйдет вверх по реке, и ты никогда их больше не увидишь. Никаких проблем для тебя. Такие милые люди.» Он позволил усилению вывернуться из его призрачных пальцев и раствориться в затылке клерка. Как дополнительный бонус, несколько дней у того не будет болеть голова…

И, как необходимость, Даг принял небольшой ответный поток Дара от клерка Бейкербана в

свой собственный, чтобы не оставлять человека дезориентированным.

Клерк потер лоб и нахмурился.

— Говорите, вы собираетесь вверх по реке прямо сейчас?

— Да, очень скоро, — сказала Берри.

— Это против правил, но я полагаю, что смогу выкинуть упоминания об имуществе… — Он остановился во внутреннем размышлении. — Если я внесу распоряжение клиркриковому деревенскому клерку добавить эту информацию позже. Это его работа, в конце концов.

— Очень разумно, — пробурчал Даг. Он довел дело до конца волной одобрения.

Без чувства Дара, клерк не был способен сказать, пришло ли это ощущение счастья снаружи или изнутри его головы.

Фаун оценивающе взглянула на клерка, на Барра и Ремо, на Дага — и поджала губы.

Клерк снова потер лоб, потом радостно посмотрел на Вита и Берри:

— Вы выглядите как милые молодые люди. Думаю, я должен отправить вас с добром.

После этого события потекли чередой, похожей на те, что пережил Даг в Вест-Блу. Клерк записал ряд стандартных обещаний, призванных ввести

пару во взаимную ответственность. Он казался удивленным, когда оба смогли прочитать их с бумаги за себя, и каждый добавил от себя несколько слов. Как предположил Даг, из местных обычаев Клиркрика и Вест-Блу. Вит и Берри нагнулись и расписались в обеих книгах, клерк поставил свою подпись и печать, и свидетели выстроились в ряд, чтобы в свою очередь взять перо.

Клерк казался очень удивленным, когда никто не попросил его написать имя после чьего-либо крестика. Бо писал с трудом, но тем не менее разборчиво, также как и Хог — правда, лишь потому, что он практиковался вместе с Готорном.

Фаун прикусила кончик языка и написала свое имя ровно и ясно. Она заколебалась над тем, какую написать профессию, поглядела на запись Вита и записала себя как «кок».

Она подняла глаза, внезапно встревожившись:

— Даг, а какое у нас место проживания?

— Хм… Напиши, «Олеана». Пока.

— Правда? — Она странно посмотрела на него, так что даже Дар не помог ему расшифровать этот взгляд, нагнулась и дописала свою запись.

Даг был следующим, и он тоже неожиданно обнаружил себя глубоко задумавшимся над пустой строкой собственной профессии. Дозорный? Уже

нет. Целитель, мастер ножей? Не уверен. Бродяга? Маг? Его собственный разболтанный Дар не мог дать ему ответа. С некоторой решимостью он также написал «матрос». Это не было ложью, даже если и не будет правдой слишком долго.

Ремо после своего имени приписал «лагерь Жемчужные Перекаты, Олеана», профессией поставил «дозорный» и, после изучения страницы, «матрос». Барр скопировал его запись. Берри и Вит убедились, что настала пора Готорна засвидетельствовать страницу новой семейной книги Блуфилдов-Клиркриков. Вит стоял наготове с носовым платком, готовый промокнуть случайную кляксу, но их не было.

И, наконец, все закончилось. Или, по крайней мере, Вит и Берри выдохнули, посмотрели друг на друга с некоторой сумасшедшинкой, обняли друг друга и стали целоваться с огромным облегчением.

Клерк добросовестно пожал руки всем вокруг и произнес поздравления.

Даг постарался, чтобы компания не стала засиживаться. Он не знал, как скоро его уговаривание перестанет действовать, однако надеялся, что это произойдет только через несколько дней, когда события будут уже как следует размыты в вос-

поминаниях клерка Бейкербана под грузом его остальной работы, и настроения у того ворошить хитрую перемену настроения не будет.

Глава 2

Спускаясь по ступенькам в Подводный город, Берри широко улыбалась Фаун через плечо; Фаун улыбалась ей с таким же удовольствием. Теперь они поменялись местами, Вит и Берри крепко держались за руки, а Фаун сжимала руку Дага едва ли менее крепко. Барр и Ремо шли следом. Но когда они дошли до площадки, где лестницы сдваивались, на плечо Дага хватко опустилась ладонь Барра.

— Погоди-ка, Даг, — проворчал он. Даг остановился, вежливо рассматривая берег реки.

Фаун повернулась, озадачившись тоном Барра. Ремо, посмотрев на два напряженных лица, махнул Виту и остальной команде идти дальше. Вит поднял брови, но затопал по доскам за остальными членами его новой клиркриковой семьи.

Барр сжал зубы и сказал сквозь них:

— Ты поместил уговаривание в этого клерка.

Веки Дага опустились, затем поднялись с неким своеобразным Даговым видом, который он иногда принимал — его можно было бы назвать «Я же не спорю». Это могло весьма раздражать человека с другой стороны не-спора, как знала

Фаун. Она дотронулась до губ в тревоге. «Я так и думала, что это могло там случиться». Однако, она не могла ощутить работу с Даром напрямую, как это, очевидно, могли Барр и Ремо.

Ремо не выглядел сердитым как Барр, но он казался обеспокоенным на другой лад. Более обычного, что ли.

— Ты с меня проклятую шкуру спустил за попытку применить уговаривание к хозяйке Берри раньше, а я ее даже не заставлял работать! — сказал Барр.

Даг моргнул снова и ждал спокойно и без ободрения. Фаун заметила, что он также этого не отрицал.

— Так что же ты уговариваешь крестьян, а мне нельзя?

Ремо неуверенно возразил:

— Это его успокоило. Ты же не хотел бы допустить, чтобы вся эта чушь о земле, завещаниях и обязательствах порушила свадьбу, а?

— Нет, но… но это же не повод! Или, может быть, это повод. Тогда что же, уговаривание можно применять, если причина хорошая? Так моя тоже была хорошая! Я только пытался сделать так, чтоб Ремо вернулся со мной в Жемчужные Перекаты, меня послали, чтоб я это сделал — так

что это было не просто доброе дело, это была моя обязанность! Если ты вводишь правила для меня и потом сам их нарушаешь, как я могу доверять тому, что ты говоришь?

— Может, и не можешь, — сказал Даг сухо.

До того, как Барр смог придумать достаточно достойный ответ, Фаун влезла в разговор.

— Даг, ты не оставил этого парня заколдованным?

— Конечно, нет.

— Так что, ты взял кусочек его Дара?

— Просто добавил в коллекцию, Искорка.

Разум Фаун пробежался по всем тем кускам и кусочкам странного Дара, которые Даг впитал в свой за последние недели, в том числе через фокус с расколдовыванием всех тех, кого лечил, в странных экспериментах с едой и животными или темной историей с разрыванием Дара предателя Крейна. «Это и впрямь очень странная коллекция».

— Да, ну… да.

Барр начал протестовать заново, но остановился, когда напарник схватил его за руку. Ремо потряс его; Фаун не была уверена, что еще пробежало между ними, кроме самого факта. Ремо сказал:

— Мы вернемся к этому позже. Пойдемте догоним остальных. Это еще и день рождения Фаун, между прочим.

— Да, мне нужно вернуться на «Надежду» и закончить ужин, — воскликнула Фаун.

Барр выдохнул; он одарил последним взглядом своего приятеля Стража Озера, но ради Фаун смог улыбнуться.

— Ты прав. Не время и не место для этого. — И добавил шепотом: — Это займет больше времени… и больше места.

Ремо удовлетворенно кивнул; Даг ничего не сказал, у него лишь слегка искривились губы.

Они снова начали спускаться. Фаун могла думать только «На этот раз я на стороне Барра».

* * *

Хлопоты по скомбинированному свадебному и деньрождественскому ужину не легли на Фаун тяжким грузом, так как каждый вызвался помочь, шныряя вокруг маленького очага в кухне-бункере позади каюты «Надежды». Она сервировала неизбежную ветчину, картофель и лук, а еще свежую морскую рыбу, золотой ямс, яркие апельсины и тягучую сладкую сушеную хурму, и мелассу рядом с остатком соленого масла для бисквитов.

Бо подарил целый бочонок пива, и оно было темнее цветом и крепче на вкус, чем более бледное варево, которое Фаун считала пивом из долины Грейс. Ну, может быть, это было не затем, чтоб скрыть мутность воды возле Греймаута, потому что им прекрасно всё запивалось.

Деньрождественско-свадебный торт в основном пах яблоками. Был спор по поводу свечей — торт ко дню рождения украшают свечками, а свадебный цветами. Готорн просил свечей в основном ради удовольствия заставить Дага их зажечь, так что Фаун прикрепила эти палочки тонкого пчелиного воска на верхушки цветов по краю.

Готорн, к счастью, сохранил брови, которые едва не спалились, когда Даг взмахнул крюком и, по предположению Фаун, призрачной рукой вверх и девятнадцать маленьких огоньков вспрыгнули на верхушки с торжествующим «ффух».

Стоя лицом к лицу с ярким теплом, отраженным в мерцающей улыбке Дага, Фаун поняла, что она была слишком занята, готовя вечеринку, чтобы загадать желание. Наблюдая, как Вит и Берри улыбаются друг другу, она, подумав, пожелала им добра, но по-настоящему именно этому моменту был посвящен весь день у всех. Эта часть

— день рождения, желание, свечи — была только для Фаун.

Внезапно затаив дыхание, она подумала: «Я хочу домой».

Это не была тоска по дому в ее обычном смысле, потому что последним местом в мире, куда она хотела бы отправиться, была ферма ее родителей в Вест-Блу. Ее очаровала жизнь на барже, но «Надежда» была слишком тесным обиталищем, плывущим вниз по очень широкой реке, и не всегда носом вперед — и каким-то образом она должна достичь конца своего путешествия. Фаун хотела настоящий дом, стоящий на твердой земле, ее собственный, ее и Дага. С железной кухонной плитой. «Я хочу мое будущее». И она хотела этих людей в нем — она взглянула на них на всех: Даг, Вит и Берри, Ремо и Барр, Готорн и Бо, и даже Хог, ждущий момента чтобы начать аплодировать ей, когда она задует свечи… И, с болью, столь внезапно пронзившей ее сердце, она захотела новых — незнакомых еще детей, которых она и Даг еще не сотворили вместе. «Я хочу нас всех дома в безопасности. Где бы ни оказался наш настоящий дом.» Она потрясла головой, набрала воздуха в грудь, закрыла глаза и дула до тех пор, пока свет не перестал светиться красным

сквозь закрытые веки. Когда раздались хлопки, она посмела вновь открыть глаза и улыбнуться.

После торта пришла очередь подарков, и ко дню рождения, и к свадьбе. Обычно свадебные подарки были практичными, чтобы помочь молодой паре обустроить новый дом или ферму, или шатер, если они были Стражами Озера — с той же целью, как поняла Фаун, но с разницей в деталях. Но Виту и Берри все еще предстоял долгий путь обратно к спорному дому в Клиркрике. Так что все подарки должны были быть маленькими, легкими и хорошо паковаться. Барр обеим, и Берри, и Фаун предложил новые туфли, сделанные из кожи красно-коричневого аллигатора. Они прекрасно подошли, и не случайно: до этого Барр стащил их старую обувь для снятия мерки. Готорн и Хог горделиво подарили Фаун чистую книгу в переплете, найденную в том же месте, где Вит купил свою, но поменьше размером, чтобы помещалась в седельную сумку и более подходящую к их бюджету.

Фаун подарила Виту и Берри две пары хлопкового белья, так как она нашла хорошую хлопковую готовую одежду здесь на рынке дешевле, чем хлопковую пряжу раньше в Олеане, и они были совершенно очаровательными, чтобы пройти

мимо. Последние несколько дней ее пальцы летали над прямыми швами и простыми шнурками, но это не было первым случаем, когда ей нужно было бы сшить что-то для Вита, потому что шить белье было одним из первых умений, которым ее научила тетя Нетти. Для пробы, она сделала пару для сироты Хога. Когда она порадовала его, тот вытер слезу, набежавшую от волнения, рукавом рубашки; потом скрылся в темноте каюты, чтоб натянуть подарок немедленно. Слишком скромный, чтобы демонстрировать его всей команде, он позвал Вита взглянуть. У Вита было забавное выражение лица, когда он вернулся, и он задумчиво погладил свою собственную пару перед тем, как сложить ее — несколько более аккуратно, чем он всегда выказывал ранее к принятой как само собой разумеющейся работе Фаун.

Затем Вит и Ремо вышли на цыпочках с загадочным видом, оставив Фаун и Берри улыбаться друг другу, пока все остальные убирали со стола. Из всех даров, которые принес этот день, заполучить сестру было для Фаун в глубине сердца очень дорого. У Берри также не было сестер — а вскоре после того, как родился Готорн, и матери — так что у нее даже не было старшей женской компании, которую Фаун составляли ее мама и

тетя Нетти. Когда Берри была меньше, дом в Клиркрике управлялся, как она рассказывала Фаун, рядом старших кузин. Однажды, когда настала пора запускать баржу и двигаться на восход, такой женщины не нашли, так что папа Клиркрик просто упаковал всех троих детей с собой на все шестимесячное путешествие. К изумлению всех родственников, никто из юных Клиркриков не удовлетворил их жуткие предсказания, не упал за борт и не утоп, так что потом он стал забирать их каждый год. Фаун эта жизнь казалась интересной, но на баржах и лодках женская компания отсутствовала также. Она подозревала, что Берри тоже сочла Фаун лучшим подарком Вита.

Громкое буханье с палубы заставило всю команду выскочить и обнаружить Вита, держащего поводья маленькой пегой кобылки, и Ремо с ухмылкой удачливого конспиратора. Каштановый мерин Дага, Копперхед, делящий загон с козой Дейзи, ревниво прижал уши, но Даг быстро успокоил его. К крайнему шоку Фаун, Вит передал поводья ей.

— Ну-ка, давай, — сказал он. — Это потому что я заставил тебя оставить свою лошадку в Вест-Блу. Берри купила тебе седло и уздечку, а Ремо нашел седельные сумки. — Вся упряжь была не новой,

но в хорошем состоянии; кто-то старательно ее вычистил. — Хотя если бы я знал, каких лошадей отправляют в Греймаут, я бы купил Варп и Вефт, чтобы продать здесь!

— Вит! Ремо! О!

— Да все в порядке — мои стекла ушли по такой цене, что челюсть падает, — отбивался Вит в шутливом смущении в ответ на ее объятья. — Берри была права, что заставила меня попридержать большую часть, пока мы не спустились к низу, — он отсалютовал своей молодой жене и былой хозяйке, которая приняла это с довольным кивком.

— Погоди-ка, — сказала Фаун Ремо, — это не одна из тех лошадок, которых продавали Стражи Озера из Русла Новолуния вчера на площади?

— Ага. Я туда вернулся с Витом потом, — сказал Ремо самодовольно. — Не беспокойся; это хорошая кобыла. Маленькая и живая, года четыре ей, думаю. Они ее отбраковали только потому, что она для дозорных маловата.

Действительно, кобыла выглядела так, будто не дотягивала до длинноногого Копперхеда пару шагов, но также она не выглядела так, чтобы возражать против этого. Фаун погладила ее с удовольствием; Берри, не слишком хорошо знающая

лошадей, гладила ее гриву с большей осторожностью.

— А еще я узнал имена шатров тех девушек, — для Ремо его голос звучал почти радостно.

— Каких девушек? — спросил Барр.

— О… ну… одних девушек. Они уже уехали.

— Хм, — Барр поглядел на него с некоторым подозрением, но его отвлекла радостная суета вокруг кобылы. После того, как Фаун предприняла короткую поездку вверх и вниз по речному берегу, за которым Даг внимательно наблюдал, она позволила Готорну и Хогу тоже опробовать шаг ее лошадки-подарка. Они подняли кобылу обратно на борт, привязав к поручням напротив Копперхеда и обложив охапками сена. Через некоторое время Фаун вернулась внутрь, пытаясь придумать лошадке имя. Сначала она подумала о черно-белом окрасе, и это привело ее к имени «Скунс» — но это казалось одновременно зло и неблагодарно. Она решила подумать еще, серьезнее.

После проверки уровня пива, оставшегося в бочонке, они все расселись возле очага с кружками. Фаун радостно вздохнула и стала уговаривать Берри вытащить скрипку и сыграть им пару мелодий как подарок на день рождения Фаун,

который не упакуешь, как Вит сказал вдруг:

— Эй, Даг! А что ты Фаун подарил на день рождения?

— Э-э… — сказал Даг. Он посмотрел вниз в свою кружку с явным дискомфортом. — Я старался смастерить сюрприз, но он не сработал. — Он глотнул пива и добавил: — Пока не сработал.

— А какой? — спросила Фаун с живым любопытством. Учитывая, что у него только одна рука, едва ли Даг попытался вырезать что-то или смастерить другую сложную ремесленную вещь. И тут она поняла — под «мастерить» он подразумевал мастерство Стражей Озера, работу с Даром. Магию, с точки зрения крестьян, несмотря на то, что Фаун старалась отучить себя от использования этого слова. Но, надо полагать, попытка его, какой бы она ни была, не удалась, и он был разочарован. Особенно после огромного подарка Вита.

Она добавила:

— Иногда бывает нужно отказаться от части-сюрприза. Помнишь твой день рождения, когда я тебе подарила один рукав от свитера?

Даг слегка улыбнулся и дотронулся до уже законченного свитера, который был надет на нем сейчас, чтоб защититься от холодного влажного

ветра, задувающего в баржу с тех пор, как суета с ужином закончилась.

— Конечно, Искорка. Только вот, ты всегда знаешь, что сможешь выполнить свое обещание. Для начала тебе не нужно останавливаться и изобретать вязание.

— Ну хорошо, но теперь тебе точно надо рассказать, — сказал Вит, откидываясь назад. — Тут у тебя не получится просто забросить удочку с приманкой, а потом тянуть за леску.

— Да, Даг, расскажи нам сказку, — сказал Бо несколько сонно. — Сказка так же хороша как звонкая монета… иногда.

— Ну… — Даг неохотно опустил руку в карман, затем вытащил и выложил темный грецкий орех, все еще в скорлупе, на камень возле очага.

Все крестьяне вокруг огня смотрели в непонимании на орех, а потом на Дага; но Барр и Ремо вскочили, и это заставило Фаун тоже навострить уши.

— Даг, что ты такого сделал с этим бедным орехом? — спросил Ремо. — Его Дар весь… светится.

Даг потрогал пальцем твердые морщины скорлупы, покатал темно-зеленый шарик по камню, затем сел обратно и угрюмо уставился на него.

— Скорлупа защищает и охраняет жизнь. Это

казалось хорошей природной сущностью для того, чтобы попробовать заякорить спиральность. Таким способом мастера по ножам заякоривают спиральную закрученность в кость разделяющего ножа, только этот сосуд делается, чтобы удерживать смерть, а этот… должен был удерживать кое-что еще.

Даг сделал свой первый разделяющий нож всего лишь несколько недель назад, после ужасов бандитской пещеры. Барр и Ремо были глубоко потрясены; Фаун была менее удивлена, так как раньше встречалась с братом Дага, Дором, мастером по ножам.

— Я все пытался придумать, — продолжил Даг, — что могло бы защитить крестьян, закрывая их Дар так, как это делают дозорные.

— Отсутствующие боги, Даг, как могут крестьяне закрываться? — сказал Ремо. — Это ведь как повернуть весь твой Дар к миру боком. У меня истерика была, когда я впервые учился. Даже не все Стражи Озера могут этому выучиться.

Даг кивнул, но не согласился.

— Видишь ли… Фаун не может чувствовать меня через свой свадебный браслет так же, как я могу чувствовать ее, и как любой женатый Страж Озера может, но летом я смог сделать сформи-

рованное подкрепление Дара в ее руке, которое дало ей похожее чувство на некоторое время, пока ее Дар не поглотил подкрепление. Это не то же самое, но результат был таким же.

Фаун энергично кивнула:

— Даже лучше, на самом деле. Старый Каттагус сказал, что с обычным браслетом нельзя почувствовать направление, только то, жив ли твой супруг или нет. А я могла сказать, в какой стороне ты находишься. Грубовато, но каким-то образом.

Брови Барра поднялись:

— С какого расстояния?

— Часть времени — больше сотни миль… Не знаю, может быть на больших расстояниях оно бы ослабло, — добавила она скрупулезно.

Ремо тоже вздернул бровь.

— Понимаешь, дело обстоит так, — продолжил Даг, — что никто не пытался работать с Даром крестьян. Исключая некоторые молчаливые излечения там и сям из жалости, ну и также чтобы не оставлять случайно заколдованных, или случайных… — он прочистил горло, — запрещенных уговариваний. Самые сильные мастера не отходят далеко от лагеря, а дозорные не знакомы со сложным или умным мастерством.

— Если бы ты выказал талант мастера, — сказал

Барр, — они не послали бы тебя в дозор. Так как же ты смог сменить свой путь, Даг?

— А я был… трудным подростком, — Даг сокрушенно почесал голову. Но не пояснил, несмотря на то, что восемь человек оживились в ожидании истории. — Я не знаю, что не было сделано, потому что это невозможно или потому что этого никогда не пробовали сделать. Или пробовали и хранят в секрете, или открыли и после потеряли снова.

— Это все еще не объясняет почему ты хотел подарить моей сестре на день рождения грецкий орех, — сказал Вит.

— Я думал, она сможет надеть его на шнурок и носить на шее.

— Она бы, наверное, носила. Так же как ты носишь эту нелепую соломенную шляпу, которую она тебе сплела.

— Это очень полезная шляпа, — сказал Даг, защищаясь.

— Так а в чем же польза ореха, скажи еще раз?

Даг вздохнул.

— Ни в чем, очевидно. Я хотел сделать что-то, что будет защищать ее Дар.

— От чего? — спросила Фаун.

Даг глотнул воздуха.

— От чего угодно. От людей вроде Крейна, например.

Фаун удержалась от указания на то, что предатель на деле угрожал ей самым обычным стальным ножом, а не какой-либо магией.

«Что происходит в твоей темной голове, любимый?»

— Еще это могло бы быть что-то вроде щита, который бы размывал или смягчал Дар крестьян, так что он не бил бы по Дару Стражей Озера так сильно, — продолжил Даг.

Так что она не била бы, поняла Фаун, хотел он сказать, гуляя с незащищенным Даром перед Стражами Озера. Так что ее присутствие в лагере Стражей Озера не беспокоило бы соседей?..

— Другими словами, — медленно сказала Берри, — ты думаешь о чем-то, что работало бы так, как должны были работать те шлемы из кастрюль, которые Барр делал и которые у него не получились.

Барр моргнул.

— Это была глупая шутка, — пробормотал он. — Я говорил уже, что пожалел о ней.

Несколько задумчивых улыбок скользнуло по кругу, когда команда «Надежды» вспоминала переполох в Жемчужных Перекатах, когда Барр

подшутил над толпой матросов, заставив их поверить, что они могут защитить себя от магии Стражей Озера, нося железные шлемы. Железных шлемов на кораблях обычно не водилось, а вот железные кастрюли были; и результат был весьма забавным — некоторое время.

Фаун подумала, что, если бы Барр еще раз прикинул сколько было тех парней, он был бы готов убегать действительно быстро.

— О, Даг, — сказал Вит и его глаза внезапно вспыхнули, — если ты хочешь сделать что-то для Стражей Озера, чтобы продавать крестьянам за деньги, то ставь на это. Заколдуешь кучу орехов, и сможешь распродать их по любой цене, какую ни назови!

— Ага, — сказал Бо. — И самое позднее на следующий день там же будет куча народа, продающая поддельные. Это будет разовое дело, вот что это будет. — Он вдруг задумался. — Малец может убийство устроить, если правильно время прикинуть.

— Отсутствующие боги… — Даг вытер лоб рукавом левой руки с выражением некоторого ужаса во взгляде. — Никогда об этом не думал. Вы правы. Я только хотел защитить Фаун. Мастера бы не стали… но если… не обращайте внимания,

это не имеет значения. Я в любом случае не могу добиться того, чтобы это работало.

— Даг, — сказала Фаун, — раз это затрагивает мой Дар, разве ты не мог бы поработать с моим Даром? Как ты сделал, хм, с тем подкреплением в моей руке?

— Да. Ну, может быть не так, как тогда… Хотя это явно сделало бы продажу щитов Дара крестьянам необычным предприятием… — С усилием он погасил сияющую улыбку. — Его понадобится привязывать к его владельцу, да. Ручная настройка. Таким же способом разделяющие ножи привязываются к Дару своих будущих доноров, — добавил он в объяснение для всех вокруг. И Фаун подумала, что получить в ответ на это понимающие кивки было высокой оценкой тому, как далеко они зашли.

Даг испустил унылый вздох.

— Исключая то, что все, на что я оказался способен — это сделать небьющийся орех.

— Правда? — спросила Берри, откидываясь назад в удивлении.

Готорн, потрясенный глубинами магии Стражей Озера, при этих словах убежал искать стальной молоток из Трипойнта, чтобы проверить утверждение.

Множество «тваков» спустя, вызвавших кучу разлетевшихся отбитых от камня у очага кусочков и нервных припадков у Барра и Ремо, каждый согласился, что это был в самом деле единственный проклятый небьющийся орех, всё так и есть.

Вит почесал затылок и уставился на маленький темный шарик.

— Он ведь совершенно бесполезен, полагаю. Вы его даже съесть не сможете!

— О, не знаю, — протянул Бо. — Подозреваю, на нем можно ставки выигрывать. Заключать пари с теми здоровыми лодочниками, что они не смогут его сломать, и смотреть как пиво рекой течет…

Он обменялся длинным, подозрительным взглядом с Витом, который сказал:

— Скажи, Даг… Если у тебя планов на него нет, можно я его заберу?

— Нет! — закричала Фаун. — Даг его для меня сделал, даже если он не работает, как он хотел. Пока. И в любом случае вы сегодня с Бо не собирались в таверну идти, так?

Берри легонько дернула Вита за волосы, заставив того ухмыльнуться.

— Нет, — сказала она уверенно. — Он не собирается.

Фаун схватила орех и положила его в карман своей юбки. Снаружи окон каюты стемнело, заметила она с удовольствием. Было все же одно преимущество в свадьбе в середине зимы — ранние сумерки. Бо кинул в огонь еще кусок плавника, а Берри засветила масляную лампу. Фаун поймала взгляд Дага и легонько кивнула.

Как и планировалось, Даг поднялся и пригласил команду «Надежды» наружу в ближайшую рыбацкую таверну пропустить с ним по кружечке.

Любезное замечание Готорна о том, что они здесь пиво не допили, было проигнорировано, и Хог и Бо выпроводили его. Фаун задержалась, чтоб обменяться быстрым объятием с Берри на прощанье, которая прошептала ей в ухо «Спасибо!»

— Ага, — шепнула ей Фаун, — думаю, нас большую часть вечера не будет, но Готорн и Хог убедятся, что Бо не останется снаружи на всю ночь. О нас не беспокойся. — И добавила спустя мгновение: — Уверена, мы как будем возвращаться — ужасно нашумим.

Она оставила Берри и Вита. Те держались за руки, смотрели друг на друга с одинаково испуганными улыбками и украдкой поглядывали на их новый уголок для сна.

В прошлом хозяйка корабля спала одна на уз-

кой, тройной высоты койке со стороны кухни так же, как ее команда, за исключением того, что ее койка была чуть более приватной — отделена занавесками на веревках. Фаун и Берри вместе переставили прошлым вечером спальные места, и с помощью освободившегося пространства убывшего карго сделали две маленькие задернутые занавесками комнатки на каждой стороне прохода. Задача закончилась тем, что они залезли на крышу для того, чтобы действительно долго, робко и секретно поговорить. Берри, как она сказала, хотела получить штурмана среди топляка и перекатов супружеской постели. Потому что пока Берри была храброй капитаншей и опытной речницей на пару лет старше Фаун, та была замужем уже полгода. Так что Фаун изо всех сил постаралась ей всё объяснить.

По крайней мере, Берри улыбалась и не была такой напряженной, когда они вернулись.

Вит в то же самое время пошел на длинную прогулку с Дагом и вернулся бледный и испуганный. Фаун отвела Дага в сторонку и сердито прошептала:

— Знаешь, если бы это был только Вит, я бы позволила тебе тренироваться в своем дозорном юморе от всей души, но я не позволю чтобы это

задело Берри, слышишь?

— Не беспокойся, Искорка. Я себя контролировал, — убедил ее Даг, блестя от удовольствия золотыми глазами. — Должен сказать, миг борьбы был. Два девственника, ух.

— Правда? — спросила Фаун, удивленно посмотрев за спину Дага на Вита, который грел руки у огня, согнувшись. — А я-то думала Тэнси Мэйэппл… хм, не важно.

— С ними все будет в порядке, — пообещал он ей.

Сейчас, когда они вышли следом за всей командой, и Фаун оглянулась через плечо на сияние лампы, подвешенной на нос «Надежды», Даг повторил:

— Они всё сделают хорошо, Искорка.

— Очень надеюсь на это… — Фаун подумала, что, наверное, хорошо, что всё в этой свадьбе было иначе настолько, насколько это возможно в сравнении с той, которую Берри планировала в Клиркрике со своим умершим женихом Элдером. Никаких воспоминаний. Потому что если плохие воспоминания были, несомненно, плохими, были и хорошие воспоминания, и потеряться в них было хуже худшего.

В таверне сегодня вечером было шумно и полно

народа, так что после того как Даг выполнил свою обязанность и поставил всем по кружке, Фаун завещала свою, из которой едва хлебнула, столу и поволокла его наружу прогуляться несмотря на темноту. На полпути подъема в Верхний город Фаун нашла точку обзора, с которой раньше шпионила. Она нырнула под поручень вокруг площадки и пошла дальше по мокрой земле, слабо освещенной половинкой луны, скользящей в прерывистых облаках. В конце пути обнаружилась доска, уложенная на две стопки камней — получилось удобное, сухое сиденье с прекрасным видом на безмятежную реку, туманно-серебряную в ночном тумане.

Летом, предположила Фаун, парочки устраивали здесь свидания. Даже для них, северян сейчас была неподходящая погода, чтобы устраивать свидания на свежем воздухе. Она благодарно прижалась к правому боку Дага. Несмотря на его тепло, щедро делимое на двоих, и романтичный вид было ясно, что сейчас он не в романтичном настроении. Расположение духа у него было беспокойное, и он был погружен в него все последние дни, если не недели. Достаточно долго, в любом случае.

Фаун погладила пальцем орех в кармане и тихо

сказала:

— Что тебя беспокоит, Даг?

Он пожал плечами:

— Ничего нового. — После долгих сомнений, пока Фаун ждала, ожидая, в тишине, он добавил: — В этом и сложность, полагаю. Мой разум продолжает возвращаться вновь и вновь к одним и тем же проблемам, и никогда не приходит к чему-то другому.

— Одни и те же пути приводят к одним и тем же местам. Расскажи мне о них тогда?

Он накрутил ее локон на палец, как бы в утешение или для храбрости, потом его рука вновь ее обняла; может быть, она была здесь не единственной, кто мерз.

— Когда мы вдвоем оставили лагерь Хикори в конце лета… когда нас выкинули…

— Когда мы ушли, — твердо поправила Фаун.

Уступающий кивок.

— У меня была идея, что если я обойду весь мир с открытыми глазами, такими же, как твои, я, может быть, смогу увидеть какой-то путь для крестьян и Стражей Озера вместе работать против Злых. Потому что однажды дозорные не сдюжат, и Злой уйдет от нас вновь, и не в глуши или даже в деревне вроде Гринспринга, но в большом

крестьянском городе. И тогда мы все будем вовлечены в это. Но если Стражи Озера и крестьяне уже будут едины до того как нежелательное случится… может быть, у нас будет шанс в битве.

— Я думала, «Надежда» была неплохим началом, — предложила Фаун.

— Хорошим, но… таким маленьким, Искорка! Восемь людей, считая с тобой. За шесть или сколько там месяцев попыток.

— Так, и это будет, хм, шестнадцать человек за год. Сто шестьдесят за десять лет. А за сорок, хм… — долгая пауза, пока Фаун потихоньку загибала пальцы под юбкой. — Шесть или семь сотен.

— А если кризис случится в следующем году, а не через сорок лет?

— Тогда это не будет хуже, чем если ты вообще не попробуешь. В любом случае, — «действительно, можно подумать, отчаяние стало его любимой игрушкой, с тем как он за него хватается», — я думаю, твои подсчеты уводят тебя прочь. Там были все мои родственники из Вест-Блу, с которыми ты говорил, и те фермеры из Глассфорджа, и Кресс, которую ты вылечил в Жемчужных Перекатах и все ее родственники, и полные лодки речников на реке. И твое шоу в бандитской пещере с Крей-

ном; боги, Даг, они будут говорить об этом вверх и вниз по рекам еще по меньшей мере столько же лет, сколько люди будут пытаться носить эти глупые кастрюли Барра. Я поняла — река как деревня в одну улицу шириной и две тысячи миль длиной. Это прекрасное место для тебя рассказывать свою историю. Потому что речной народ разносит слухи. И обменивается слухами так же, как делает бартер. И иногда они меняют разум друг друга даже тогда, когда ты этого не видишь.

Даг потряс головой:

— Только отсутствующие боги могут знать, какой путь я проложил вниз из долины Грейс. Я не уверен. Зажег ли я огонь или было это все только пустыми словами, а дальше все вернется обратно во тьму?

— Почему здесь только два варианта выбора, всё или ничего? — спросила Фаун колко. — Ну а я думаю, что…

Даг посмотрел вниз с удивленно поднятыми от решительности ее голоса бровями.

— Я думаю, что ты пытаешься тащить груз ленивого человека. Внутри своей головы ты пытаешься поднять весь мир сам и за один раз. Неудивительно, что ты изнурен. И начал уменьшаться.

— Уменьшаться? Куда же еще меньше я могу стать? — Даг показал вниз на речной берег, как поняла Фаун, указывая на их скромную баржу. В любом случае это был риторический ответ, так что она не обратила на него внимания.

— Твой собственный Дар. Я знаю, что это правда, потому что ты сказал мне об этом сам, и ты никогда мне не лгал: первая вещь, которую должен сделать мастер — это сделать себя. Но никто еще не говорил, что он должен это сделать самостоятельно.

— У тебя есть идеи, Искорка?

Она проигнорировала его язвительный тон и ответила прямо:

— Да. Это правда для готовки, или шитья, или постройки лодок, или изготовления упряжи или стрел — и не думаю, что это не так для работы с Даром. До того, как ты возьмешься за любую новую работу, ты должен сначала раздобыть свои собственные инструменты, чистые, острые и аккуратные, лежащие в готовности, пока за них не возьмется рука. Главный инструмент для работы с Даром — это твой собственный Дар. А твой, судя по тому, что говорят все и всегда о нем, находится прямо сейчас в самой ужасной путанице.

А что я думаю, так это то, что тебе нужен другой

мастер. Не крестьянка, как бы она тебя ни любила, и не пара простых честных парней-дозорных, как бы они ни хотели тебе помочь, потому что они тоже не знают ни капли обо всем этом, но вместо них нужен кто-то вроде Хохарии или Дора. — Фаун набрала воздуха, вздрогнув в момент паники, когда поняла, что Даг в отличие от ее семьи действительно ее слушает. Идея о том, что мужчина столь сильный может действительно измениться или сделать что-то иначе оттого, что она что-то болтает, была тревожащей. С другой стороны, когда она напрасно желала любого знака того, что ее услышали, представляла ли она когда-нибудь также принятие ответственности за результат? «Ну, так теперь это в моих руках». Она сглотнула.

— Так что… так что я поспрашивала вокруг. Каждого заезжего Стража Озера, которого смогла встретить в рыночный день, я спросила о лучшем целителе в этих краях. Они рассказали мне о многих разных людях, но был один, о котором говорили они все — некий Аркади Уотербёрч. Вроде бы его можно найти в лагере Стражей Озера, который называется Русло Новолуния. Он находится менее чем в тридцати милях к северу отсюда, правее Отпечатка. Не более чем день вер-

хом на Копперхеде. — Она добавила в тревожной мольбе: — Они называли его наладчиком Дара, что бы это ни значило.

Даг выглядел ошеломленным.

— Правда? Так близко? Если… — Но потом он потер лоб левой рукой и сокрушенно улыбнулся. — О боги, Искорка. Разве не мог бы я просто… но это не сработает. Скорее всего, это снова окажется Дор и Хохария — повсюду, разве ты не видишь? — Он сжал зубы в непрошенных воспоминаниях. — Я патрулировал эти места раз или два. Эти южные Стражи Озера работают с крестьянами не больше, чем в Олеане — и более ревниво относятся к земле, так что лагеря жмутся между крестьянскими землями. С тем, как редко в этих местах рождаются Злые, крестьяне не оказывают дозорным даже той небольшой благодарности, которую мы получаем на севере. Хотя, когда южный дозор нашел маленького сидячего Злого, наверное, раз за век, ты бы могла подумать, что это второй Волчий перевал, так они… ну, не важно. Я сомневаюсь, что наша пара будет принята с большим гостеприимством в Русле Новолуния, чем мы были приняты на озере Хикори.

— Может, да, может, нет, если мы ясно обозначим, что приехали на время. Сдается мне, это в

основном были твои родственники, кто считал нас проблемой, которую надо решать.

— М-м… — сказал Даг.

Фаун сглотнула.

— Или ты мог бы отправиться без меня. Хотя бы повидаться и поговорить с этим человеком. А я останусь с Берри и Витом, у меня все будет в порядке.

— Ты свет, благодаря которому я вижу, Искорка. Я не позволю тебе уйти снова.

Вспышка его глаз напомнила ей блик от фонаря, отраженный лезвием ножа Крейна, крепко прижатого к ее горлу, который пробежал по лицу Дага немного раньше… немного раньше.

— Тогда мы отправимся оба, и я разберусь со всеми, кто вздумает задать мне жару. Если это не лучше, чем Хикори, то и не хуже, и я это переживу. — Она вытащила небьющийся орех из ее кармана и покатала его в руке с любопытством. — Ты говоришь, то, что ты делаешь сейчас сам, не работает. Если бы кто-то из нас мог бы тебе помочь, мы бы это уже сделали. Пришло время попробовать что-то еще. Само собой, Даг! И если этот парень Аркади тоже не сработает, ну, по крайней мере, ты вычеркнешь его из списка и пойдешь дальше.

Она посмотрела на его лицо, сморщенное в сомнении столь сильно, что это напоминало боль, и добавила:

— Я не могу быть счастливой, пока тебе больно. У нас есть немного времени, пока мы здесь, на краю мира пережидаем холода перед тем, как вновь отправиться в путешествие. Ты выполнил все свои обещания показать мне реку, Греймаут и море. Теперь ты можешь просто показать мне Русло Новолуния на десерт. И если он не так прекрасен, как море, по крайней мере, он будет для меня новым, и это уже достаточно хорошо, — она решительно кивнула, и это заставило его улыбнуться, хоть и несколько слабо.

— Если это впрямь то, что ты думаешь, Искорка, — сказал он, — тогда я дам парню попытку.

Глава 3

Два дня холодного дождя скрыли нежелание Дага путешествовать в Русло Новолуния, так что Фаун не настаивала, но зато она подключила Барра и Ремо к проекту. На следующий день заря была ясной, и все трое сопровождали Дага на северной дороге еще до обеда, если не раньше. Барр и Ремо клялись, что им интересно купить лошадей по цене более выгодной, чем на рынке в Подводном городе, где матросы с барж не горели желанием соглашаться на цены лодочников на скакунов, чтоб везти их потом на Трипойнтский Тракт. Фаун не была уверена, что им удалось обмануть Дага, так как он смотрел на все это весьма иронично, но ничего язвительного он не говорил. Фаун ехала верхом на Мэгпи[1] — так назвали новую кобылу — с некоторым чувством вины; три седельных сумки были сложены на Копперхеда, которого вел хозяин; дозорные шли пешком.

Или пытались. За пределами Греймаута дорога превратилась в болото.

На колесах было почти невозможно передвигаться. Несколько раз они останавливались, чтобы предложить помощь крестьянам, насажи-

вающим колеса на втулки; один раз мужчина был в таком отчаянии, что принял предложение помощи несмотря на то, что трое высоких странников были Стражами Озера. Однако его благодарности после были краткими и боязливыми, брошенными через плечо, когда он вместе со своими спутниками заторопился прочь. Погрузка караванов лошадей или мулов отнимала весьма приличное время на истоптанной копытами обочине — пара их, груженных хлопком, чаем и другими загадочными товарами, прошла на юг в речной порт. Барр, однако, едко жаловался о трудностях пути в его ботинках крестьянской работы, недавно купленных в Греймауте.

— Они что, не подходят по размеру? — спросила Фаун. — Ты хотел сказать, что ты их как-то испортил? Или они протекают?

— Не больше, чем ожидалось, — сказал Барр. — Но глянь! — Он согнул колено и дал оглядеть ботинок.

Фаун глядела недоуменно на него со своего седла.

— Там, наверное, десять фунтов грязи на каждом налипло! — взорвался Барр.

Фаун посмотрела на Ремо, сложившего руки на поясе и улыбающегося напарнику, и поняла, что

его ботинки были, конечно, мокрыми и запачканными, но без налипших комьев грязи.

— Эй, Ремо, а чем твои ботинки не такие же?

Ремо вытянул ногу и щеголевато крутанул лодыжкой.

— Их для меня сделал мой кузен. Их смастерили так, чтобы отталкивать грязь.

— Веселее, Барр, — посоветовал Даг, слабо улыбаясь. — Я тебе помогу их починить, как вечером станем на привал. Разве ты не учился как подновлять работу с кожей, когда был с дозором в Олеане?

— Ну, да, но…

— Он обычно любезничал с какой-нибудь из девушек, и она делала это для него, — заметил Ремо, уставясь невинно на мокрые поля.

— Я хотел сказать, подновить, да, но над этими ботинками никогда и не работали! Я думал, нужно, чтоб сперва их кто-то смастерил.

— Обычно да, но я посмотрю, что я смогу вложить, — сказал Даг. — Это не так трудно, как было бы, если бы я не чинил кожаную упряжь тысячу раз.

Они устало тащились вперед мимо деревенского строения вроде постоялого двора, но у них еще оставалось два часа солнечного света; лишь Фаун

взглянула назад с сожалением. Когда сгустились сумерки, они нашли местечко повыше за дорогой, чтоб разбить лагерь. Фаун не была потрясена его комфортом несмотря на то, что парни развели костер невзирая на сырость. Она распаковала еду и разделила ее.

Вскоре Даг и Барр склонились над раздражающими ботинками. Даг, весьма сведуще, как показалось Фаун, проинструктировал Барра как уговорить их стать более водоустойчивыми. «Грязеботинки. Скоро будут антигрязеботинки, правда, они не будут ходить сами по себе, не будут заставлять владельца танцевать всю ночь напролет, и не будут отмахивать семь миль за шаг. Так круто для эффектной магии Стражей Озера, грешной некромантии со всеми этими слухами об обрядах каннибалов. Видели бы другие этих парней, как я сейчас…»

— Эй, Фаун! — позвал Ремо с другой стороны костра, где он чем-то шуршал вокруг забитой водорослями водосточной канавы. — Хочешь аллигатора?

— Нет! — закричала она в тревоге. — Я его не хочу! — «Он нашел аллигатора? Большого? А если он унюхает, из чего сделаны ее туфли? И он тогда рассердится? А если Ремо его поймает

вместо того, чтобы быть жестоко искусанным этими вот челюстями, похожими на капкан, как его беспечный энтузиазм заслуживает, заставят ли ее его готовить?..»

Ремо, топая, пришел из темноты с чем-то извивающимся, растянутым в обеих его руках. Обувная магия была временно забыта, потому что Барр тоже вскочил посмотреть. Даг бесчувственно сидел на своем бревне и улыбался выражению на лице Фаун. Это бы раздражало ее, наверное, если бы в последнее время его улыбки случались не столь редко.

— Он… маленький… — сказала Фаун, когда чудовище было радостно ей предоставлено для осмотра. Выдирающаяся ящерица в полтора фута длиной; Ремо одной рукой крепко сжимал ее челюсти, а другой тянул за дергающийся хвост. Ящерица протестующе шипела и шевелила короткими лапами, пытаясь оцарапать агрессора.

— Совсем малыш, — согласился Ремо. — Они из яиц выводятся, говорят. Как цыплята.

Выпуклые желтые глаза с вертикальными прорезями зрачков смотрели гораздо менее дружелюбно, чем цыплячьи. Малыш или нет, но Фаун почувствовала, что это не то животное, которому будут приятны ласки. Сказка Бо о маль-

чике, медвежонке и колючке закончилась бы совсем по-другому, если бы мальчик вытащил колючку из лапы создания вроде этого.

Когда парни из Олеаны закончили ахать над поимкой, они начали спорить над тем, где ее выпустить. Фаун приняла эту мысль без особой радости.

Даже исключая ужасы, которые Злой может сделать из такого создания, эти ужасные твари вырастают, по-видимому, в тех, которые искусали мальчика в лагере Стражей Озера. И если она вызовется его приготовить, это не сможет закончиться тем, что оно приползет ночью в ее постель, хоть она и предполагала, что мальчики предпочли бы опробовать эту игру на ком-то другом, нежели на Даге. Они не были ее братьями. Их гвалт бы все еще мешал ей спать.

Они пожарили тонкие мясные кусочки над углями. Фаун нашла, что мясо аллигатора на вкус является чем-то средним между свининой и вареными клешнями краба, которые она пробовала на рынке Подводного города — и, как все, приготовленное на костре, конечно, с запахом дыма. Оно утоляло голод, но Фаун не видела в будущем разведения аллигаторов. Обработка шкурки заняла дозорных на остаток вечера, поз-

волив Фаун обнять Дага в их постели, где не было аллигаторов, в слабой попытке согреться.

Когда лагерь, наконец, утих с приходом ночи, она пробормотала ему в ключицу:

— Даг?..

— М-м?

— Я думала то, что ты и Ремо узнали о расколдовывании, там на Грейс, было замечательным. Я думала, тебе нужно рассказывать об этом каждому новому Стражу Озера, которого ты встречаешь. А вместо этого я вообще не вижу, чтобы ты говорил хоть с каким-то Стражем Озера, которые мимо проходят…

Даг что-то буркнул. Словесный эквивалент того, как он опускает веки, решила она.

— Вот я и гадала, отчего так, — закончила Фаун, отказываясь покориться.

Он вздохнул.

— Здесь всё не так просто. Да, этот трюк позволяет расколдовывать крестьян, в этом я уверен, но я все еще не знаю, какой эффект это оказывает на Стража Озера, говоря обо всем странном Даре. Я волен экспериментировать на себе. Но менее волен подвергать риску других, пока я не знаю… — Он замолчал.

— Чего?

— Того, чего я пока не знаю.

Она хотела ободрить его, сказав что-то вроде «ну, по крайней мере мы двигаемся в верном направлении чтоб узнать», но из всего, что было ей известно, она вытащила их всех в дурацкую поездку. «Завтра будет видно.»

— Но ты расскажешь об этом Аркади, да? Обещаешь?

— О, да, — пробормотал он, потрепав ее кудри. — Давай спать, Искорка.

* * *

В середине дня по боковой дороге, отходящей к западу от Тракта, они прошли из невспаханных полей в леса; Даг предположил, что они пересекли земли крестьян и вышли к лагерю Стражей Озера. Сам лагерь показался скорее, чем они ожидали, всего лишь через несколько миль. Мэгпи, узнав былой дом, рванулась вперед, и впервые за все время Фаун пришлось натянуть поводья, чтоб вернуться к скорости пешего шага своих спутников. Дорога взбиралась на небольшой подъем, который оказался бывшим речным обрывом, и сердце Дага странно подпрыгнуло, когда он уловил знакомый блеск озерной воды сквозь голые деревья. «В этом дозоре я оказался

далеко от дома…» Это русло был старым водным путем Серой, которая века назад была пущена по дуге на тридцать миль к западу отсюда, оставив озеро в форме полумесяца и русло в земле, где она лежала раньше.

Четверть мили вдоль полумесяца, и дорога вновь вильнула влево, спускаясь к мелководью озерной долины. Отрог извивался обратно вниз по склону в леса. Сразу после того, как тропинки встретились, два обрубленных дерева по обеим сторонам поддерживали потертую жердь, перекинутую через дорогу на высоте колена; не столько ворота, сколько их идея. Менее небрежными были двое снаряженных дозорных, несущих в свою очередь эту несложную лагерную обязанность между дозорами. Они наблюдали за приближением небольшой компании Дага с тревожным любопытством. Даг предположил, что их открытый Дар — его собственный сейчас был практически закрыт — уверил их, что посетители явились не с враждой.

— О, ого! — сказал Ремо, выпрямляя спину. — Это те две девушки, которые продавали лошадей на рынке Подводного на прошлой неделе!

— Да? — Барр проследил за его взглядом, приподняв брови. — Ага! Так вот почему, напарник,

ты не взял меня помогать тебе покупать лошадь, да?

— Не думал, что ты интересуешься лошадьми, — сказал Ремо любезно.

Они все остановились перед жердью.

— Ба, это же наш спокойный приятель из Олеаны! — сказала одна из дозорных, та, что с красно-рыжими косами, обвившимися вокруг головы. — Как дела, Ремо? Что тебя сюда привело? — Ее высокая напарница-блондинка одобряюще поглядела на парней, с любопытством на Дага и с сомнением на Фаун. Рыжая добавила более тревожно: — С пегой кобылой, надеюсь, все в порядке?

Ремо наклонил голову и улыбнулся:

— Привет! Да, с кобылой все хорошо.

Фаун дружелюбным кивком подтвердила эти слова, сидя в седле Мэгпи, которая вытянула шею и обнюхивала своих бывших владельцев.

— Мы просто привели нашего, гм, друга Дага сюда увидеться с тем человеком, Аркади Уотербёрчем, о котором вы нам рассказывали.

Ремо, очевидно, взял на себя ораторствующую роль, Даг был склонен позволить ему продолжать; он только кивнул и дотронулся до лба в вежливом приветствии. После он гадал, что в

точности Фаун и Ремо говорили о нем, потому что две женщины уставились на него с некоторым удивлением. Он еще раз намотал поводья Копперхеда на крюк и ждал.

Вмешался Барр с широкой честной улыбкой:

— Привет, меня зовут Барр. Я напарник Ремо, о чем он, наверное, забыл упомянуть. Я тоже с Олеаны… лагерь Жемчужные Перекаты, наверх по Грейс. Настоящая страна Злых там на севере, знаете ли. Похоже, он также забыл сказать мне, как вас зовут… — Он приглашающе замолк.

Последовал обмен любезностями, в которых Барр мягко разузнал имена девушек-дозорных, имена их шатров, предварительное расписание дозоров, семейное положение, факт, что высокая блондинка только что вернулась из дозора по обмену, а рыжая никогда не покидала территорию родного лагеря, а также есть ли у них прекрасные сестренки — или страшные братья. Даг бы несколько забавлялся, если бы не был таким уставшим и напряженным.

Ремо слушал с растущим беспокойством. Дождавшись естественной паузы в разговоре, он сжал руку Барра и перебил его:

— А где нам найти целителя Уотербёрча?

— О, — сказала рыжая Тавия. Она повернулась

и описала рукой дугу вокруг озера. — Если ехать этой дорогой вниз и на развилке направо вдоль берега, то через полмили будет шатер целителей. Шатер старого Аркади — третий после него, наособицу. Там две большие магнолии с двух сторон от входа, не пропустите. — Она посмотрела наверх на слушающую Фаун, прибавила толчок от блондинки-напарницы Ниты и добавила: — А если пойдете по этой дороге на запад отсюда, обратно и вниз по склону, то там укрытие и лагерь для крестьян, которые приходят торговать. Там свой колодец и все прочее. Ваши крестьянские друзья могут подождать там.

— Она со мной, — сказал Даг.

Тавия посмотрела на него с вежливым смущением; блондинка нахмурилась.

— Крестьянам не разрешается посещать лагерь, — сказала Нита. — Убежище не плохое, и там должны быть дрова для очага. Сейчас там никого нет.

Даг сжал челюсти.

— Мы войдем вместе или не войдем вообще.

Ремо и Барр обменялись встревоженными взглядами.

— Даг, — сказал Ремо неловко, — мы сюда два дня шли…

— Если Фаун не позволено будет войти, ни это место, ни его люди для меня не подходят. Если отправимся сейчас, до ночи будем на полпути к «Надежде».

— Постойте, постойте! — сказал Барр, когда Даг повернулся, чтоб уйти. Но, когда Даг остановился и поднял брови, не смог привести возражения.

Фаун, которая слушала этот спор с кулаком, прижатым ко рту, отняла его, чтоб умиротворяюще сказать:

— Все в порядке, Даг. Не похоже, чтобы меня кто-то беспокоил в том убежище, и я смогу развести огонь. Я могу подождать там немного, пока ты пойдешь и поговоришь с этим человеком. И тогда посмотрим.

— Нет, — сказал Даг.

— Хм… Она тебе кто? — спросила Тавия.

— Моя жена, — сказал Даг.

— Обе дозорные посмотрели друг на друга; блондинка округлила глаза. Тревога в глазах Барра переросла в панику. «Проклятье, парень, я не знаю, какая вожжа тебе под хвост заехала. Я закрыт так же плотно, как тот орех. Я не могу допустить утечки любого настроения. Мерзко, когда это настроение вырастает…»

Тавия посмотрела на Дага и рассудительно

обратилась к Ремо.

— Для чего ему нужно видеть Аркади?

— Это… сложно, — сказал Ремо беспомощно.

— Сложная проблема с работой с Даром, — вмешалась Фаун. — И целительства. Точно не то, что надо обсуждать, стоя на дороге. Вы, двое также не мастера, так?

Блондинка казалась обиженной, но Барр добавил торопливо:

— Да, возможно Аркади может быть единственным, кто в состоянии решить. Двое дозорных действительно не слишком подходят чтоб решать, что нужно мастеру. Я знаю, что я тоже нет! Вот почему мы здесь. — Он заморгал и победно улыбнулся девушкам. — Я думал, это было достаточно важно, чтобы идти два дня — и при этом, в плохих ботинках. Я с ума сойду, если остановлюсь в полумиле. Если вы не можете впустить Фаун, — а поверьте, я знаю как суровы могут быть командиры дозорных, когда речь о правилах лагеря, — то не могли бы кто-нибудь из вас пойти и позвать его, чтобы мы могли поговорить? И тогда что бы ни решилось, это будет на нем, а не на вас, как и должно быть. — Глаза Барра увлажнились и заморгали, как у эмоционального щенка; Даг мог бы поклясться, что его светлая коса стала

пушистей, а улыбка стала ослеплять. Ремо сжал переносицу и вздохнул.

Брови Тавии изогнулись, но жульническая улыбка появилась у нее в ответ против ее желания.

— Ну… — сказала она слабо.

— Все, — рыкнул Даг, — или ничего.

Барр сделал умоляющий жест и продолжил улыбаться. Даг вспомнил историю Бо о парне, который улыбался медведю с дерева. Хоть это и не имело ничего общего с запрещенной работой с Даром, но напоминало некоторую форму уговаривания, потому что Тавия почесала затылок и повторила:

— Ну… Я думаю, я могу быстро сбегать и спросить его, конечно. Думаю, после этого это будет его забота.

— Тавия, ты — сокровище среди всех дозорных у ворот! — закричал Барр.

— Барр, просто здравый смысл требует так поступить, — сказал Ремо успокаивающе. Он отвесил Тавии уважительный салют, полный благодарности. Она ушла, игриво взглянув напоследок через плечо, и, казалось, взгляд этот был поровну разделен между двумя дозорными.

Нита потрясла головой и вернулась к прежнему

твердому выражению лица. Повисла тишина. Ремо потер обветренные руки и украдкой взглянул на нее. С высоты Фаун сказала:

— Думаю, мы можем напоить лошадей в том колодце, пока ждем. Пойдем посмотрим.

Даг хмыкнул, но не оставил ее без внимания, когда она натянула поводья кобылы и спешилась. Барр пошел следом, схватив Ремо за Руку и потащив за собой. Крестьянский торговый лагерь оказался большой поляной, укрытие — тремя бревенчатыми стенами с очагом, уютно покрытое крышей, аккуратное и в достаточно хорошем состоянии. Ремо и Барр принесли несколько ведер воды и опустошили их в лохань, из которой Копперхед и Мэгпи выхлебали достаточно, чтобы признать ее уместной.

Когда они вернулись к воротам, Тавия как раз показалась вдали на дороге, и рядом с ее плечом шел высокий мужчина.

— Проклятье, Барр, — пробормотал Ремо. — Впервые вижу, чтоб твои таланты оказались полезными.

— Да? — пробурчал в ответ Барр. — Я считаю их полезными. Ты просто их впервые оценил.

Когда пара подошла ближе, Даг осторожно изучил Настройщика Дара.

Аркади Уотербёрч был одет в чистые штаны, рубашку и плащ некрашеной шерсти до колен, распахнутый по такой умеренной прохладе. Его светлые волосы, исчерченные серым, были забраны назад в аккуратный скорбный узел на затылке; в этом бледном свете зимнего дня он светился как посеребренный. Линия его волос пока не истончалась, но, казалось, уже подумывала об этом. Когда он подошел ближе, Даг разглядел его смуглую кожу с мелкими морщинками от уголков глаз и вокруг рта, и понял, что не может сказать, сколько тому лет; седина в волосах говорила о возрасте, а необветренная кожа предполагала юность; в любом случае, он не ушел далеко от собственного поколения Дага. Его руки также были мягкими, с чистейшими ногтями среди всех, какие Даг ранее видел даже и у целителей. Его глаза были медными с золотым отливом. Общий эффект несколько сбивал с толку.

Что представлял собой Дар этого человека, Даг не мог сказать до тех пор, пока не откроет свой собственный, в основном закрытый с тех пор как… после происшествия с Крейном, на самом деле. Когда взгляд мастера в свой черед прошелся по нему, Даг осознал собственную потрепанную путешествием внешность. Два дня пешего хода

по болоту и путевая ночевка вернули его к его виду дозорного: потертая, в пятнах пота одежда — хоть и, спасибо Фаун, аккуратно чиненная; короткие волосы взлохмачены; небрит, потому что утром им нужно было быстрее выдвинуться из сырого лагеря. Большая часть старых шрамов прикрыта одеждой, но впервые за долгое время Даг ощутил желание спрятать свою искалеченную руку за спину.

Мальчики были достаточно аккуратными для дозорных; их юность, подумал Даг с внутренним вздохом, заставила бы хорошо выглядеть и надетую на них рогожу, хоть они этого и не знали. Фаун, сидящая в седле Мэгпи, была красивой, маленькой, сильной самой собой, с карими глазами, горящими от надежды и тревоги, и на каждый немногий свой дюйм — крестьянской девушкой. Он вспомнил день, когда она сказала жуткому командиру Ворону Громовержцу пойти и утопиться в озере Хикори во время не самого легкого знакомства, и почти улыбнулся.

Когда мастер остановился и присоединился к людям, ждущим его, он казался все более и более удивленным. Он повторно окинул компанию беглым взглядом, остановился на Ремо и обратился к Дагу:

— Рассказ Тавии показался несколько путаным. Но если это ваш мальчик, тогда я должен сказать вам прямо сейчас, что у него неподходящий Дар для подмастерья целителя. Он рожден дозорным. Если вы прошли весь этот путь ради другого ответа, тогда вам следует отправиться домой, извините, потому что я не могу вам его дать.

Ремо казался захваченным врасплох.

— Нет, сэр, — сказал он торопливо, — мы здесь не для этого. И Даг — не мой отец, он мой… хм… командир, полагаю.

Командир Без Лагеря, как злополучный Крейн поименовал Дага; имя оказалось липучим вместе с несколькими менее желательными подарками.

Медные с отливом глаза сузились при виде крюка Дага. Аркади сказал несколько мягче:

— А. Вы, возможно, обмануты слухами. Иногда, если ветер попутный, мне удается сделать что-то полезное, но чудеса не по моей части. Боюсь, для вашей руки я не смогу сделать много. Это ранение слишком старое.

Даг прочистил горло:

— Я здесь не по поводу отсутствующей руки, сэр. — «Я здесь по поводу того, что рука стала возвращаться». С таким прямым сопротивлением Даг обнаружил, что ему трудно объяснить,

что ему нужно. — Это не Ремо заинтересован в обучении на целителя. Это я.

Глаза Аркади расширились:

— Конечно, нет. Таланты мастера, если они у вас есть, проявились бы к двадцати. Даже потенциал настройщика Дара должен был начать проявлять себя к сорока.

— Я тогда подолгу уезжал как дозорный, и никто не мог остановить меня. Мое мастерство было… отложенным. Но в этом году все изменилось, от моего имени до моего Дара. — Даг сглотнул.

— Как бы то ни было, — встряла Фаун, — тогда Даг просто не думал, что он может быть целителем, а теперь лечил людей вдоль Грейс и в долине Серой. Он исправил разломанную коленную чашечку Хога, когда его лягнула лошадь, и болезнь живота у Кресс, и проломленный череп Хайкри и еще перерезанное горло одному парню после драки в бандитской пещере, и кто знает что еще, и он вылечил Бо, когда его пырнули в живот, и мы все были уверены, что он умрет. И он сделал разделяющий нож. До этого он лечил в дозоре по пути, я уверена, но с прошлого лета все изменилось. Я не знаю, почему именно сейчас, но талант у него есть. Ему нужны инструкции. Чтоб не наделать ошибок по незнанию и потом жалеть, я

могу вам рассказать все о том, как это бывает.

Голова Аркади откинулась назад. Его глаза сузились на Дага, затем переключились на Ремо.

— Вы это видели? — спросил он.

— Да, сэр, — сказал Ремо. — Ну, коленную чашечку я видел потом, после того как она в основном вылечилась, и меня не было там при женщине с Жемчужных Перекатов, но все остальное — да.

— И больше, — сказал Барр, его губы изгибались.

— Если так, почему его не пригласили — не похитили! — целители одного из тех лагерей вдоль реки?

— Все эти люди, кого он лечил, были крестьяне, — сказала Фаун.

Аркади отпрянул; он повернулся к Дагу. Полным сдавленной ярости голосом он сказал:

— Вы непроходимый идиот! Вы оставили всех этих бедолаг сходить с ума заколдованными?

Губы Дага изогнулись.

— Нет, сэр. Потому что мы — Фаун, Ремо, Хог и я — мы удачно раскололи расколдовывание. Я решил, что это первое, что нужно было сделать, раз я собирался стать целителем для крестьян. Я это делал и делаю.

Все трое из Полумесяца уставились на Дага открыв рот. И видели… немного; он все еще держал свой Дар крепко закрытым. Никто не мог сказать, скрывает он правду или ложь, только лишь что он скрывает себя.

— Вы бредите, — внезапно сказал Аркади. — И я не буду иметь дело с предателем.

— Я не предатель! — сказал Даг, задетый за живое. «А ты уверен, старый дозорный?» Он был готов открыть Дар, открыть себя этим медно-золотым глазам и всему, что лежало за ними, и чего он не хотел делать в этих воротах. Или вообще не хотел, признался он себе.

— Дезертир? — спросила Нита подозрительно. Она поглядела на Фаун, и ее голос стал острей от презрения. — О, конечно же. Это очевидно. Изгнан за любовь к крестьянке, в Олеане.

— Нет! — Несмотря на то, что последнее было близко к правде. — Я уволился из дозора должным образом. Мой бывший командир знает, куда я отправился и зачем. — Проблема была огромна, сложна, с запутанными нитями, ведущими к самому личному аспекту его Дара и наружу, охватывая весь мир. Проклятье, это просто невозможно рассказать эту путаницу связно. Но на него смотрели настойчиво глаза Фаун. Он не

должен обмануть ее огромное доверие.

— Предатель, дезертир, изгнанный или просто сумасшедший, ясно одно — вы не подходите для того, чтобы быть целителем, — сказал Аркади холодно. — Прочь. Уходите из этого лагеря. — Он стал поворачиваться, чтоб уйти. Рука Фаун взметнулась в мольбе; он не взглянул на нее.

«Мы пытаемся спасти крестьян», думал Даг, «но по правде — поворачиваемся спиной…»

Открыть свой Дар здесь и сейчас ощущалось так, будто бы он сорвал повязку, прилипшую к наполовину залеченной ране. Даг почти ожидал увидеть разлетающиеся кровь и гной.

Впервые за недели он вытянул призрачную руку в полную силу.

И вырвал полоску Дара из левой руки мастера, прямо из материи. Кровь хлынула из нее как после кошачьей царапины. Аркади зашипел и обернулся.

Открытый наконец этому человеку, Даг согнулся перед плотностью его Дара, подавленный блеском, похожим на солнце за облаками. Что Аркади делал бы с темной мешаниной, которой был в настоящее время Даг, догадок не было.

Лицо целителя подергивалось от волны эмоций: шок, возмущение, холодная ярость.

Аркади дотронулся до кровоточащего пореза пальцем другой руки; кровь остановилась. Некая посторонняя часть разума Дага преисполнилась восхищения: «О! Он может лечить себя сам!»

Даг сказал безжизненным голосом:

— Вы были открыты. Я мог дотянуться до артерии в вашем сердце так же легко. На первом ударе оно бы взорвалось, на следующем вы были бы мертвы. И я ушел бы отсюда. И если я не превратился в настоящего предателя, человека, которому нужно убивать, то мне нужен проводник. Потому что прямо сейчас я потерялся так сильно, как почти что никогда. — «Спасшись после Волчьего перевала и смерти Каунео». Ничто не было бы вновь столь же темным; понимание странным образом успокоило его.

Оба стража ворот обнажили ножи, трясясь от напряжения, но Аркади жестом попросил их вернуть оружие обратно. Его явно трясло; его губы произносили некое имя… «Суто.» Он выпрямился, пренебрежительно смахнул красные капли с пальцев, сделал глубокий вдох и сказал холодно:

— Это был непростительно неуклюжий образец настройки Дара. Если бы вы были моим подмастерьем, я б с вас шкуру снял за работу с Даром, которая режет пациента, как эта.

Казалось, от головы у Дага отлила вся кровь, так глубоко было его облегчение. «Он знает это. Он знает что это. Это выглядит нормально для него. Это известная техника настройки Дара. Не магия Злых. Я не превращаюсь в Злого…»

Даг понял, что упал на колени, только когда Фаун появилась сбоку, спрашивая испуганно:

— Даг? Ты в порядке? Ты смеешься или плачешь? — Она отняла его руку от лица. Его плечи тряслись.

— Не уверен, Искорка, — простонал он. — И то, и другое, кажется… — Лишь сейчас он понял, сколь сильно этот секретный ужас угнетал его, когда исчез столь внезапно. Был ли он дураком?

«Может быть, нет».

Аркади потер свой точеный подбородок. И, с высоты, вздохнул.

— Вам всем лучше спуститься вниз, ко мне. Не думаю, что смогу разобраться с этим посреди дороги.

— Им всем, сэр?.. — спросила Нита, с сомневающимся взглядом на Фаун.

— Они, кажется, пришли как команда. Да, всем. Тавия, скажи женщинам, что у меня будет четверо гостей на обеде сегодня. — Он подошел и протянул правую руку Дагу.

«В самом деле, мне нужна рука».
Даг принял ее, выпрямляясь вновь.

Глава 4

Полумиля пешком, с лошадьми в поводу, привела их к шатру Аркади. Фаун уставилась на него в изумлении. После опыта жизни на озере Хикори она думала, что знает, какие бывают шатры Стражей Озера: грубые, нарочито временные бревенчатые хижины, собранные в группки родственников вокруг причала или центрального очага, обычно с открытой стеной, защищенной пологом из шкур. Строения, которые она заметила в Жемчужных Перекатах, были похожими. Здесь… здесь был дом.

Два огромных дерева с грузом темно-зеленых листьев, свисающих как языки — но без цветов в это время года — росли с двух сторон мощеной камнем дорожки.

Выше фундамента, врезанного в откос и отделанного подходящими друг к другу камнями, поднималось несколько комнат, связанных длинным крыльцом. Комнаты были выстроены из серебряно-серых, потрепанных непогодой кедровых досок, с крышей из деревянной кровельной дранки.

Даг казался менее удивленным, но Фаун была

не слишком уверена, на что он обращал внимание. После его краткого, пугающего полуобморока на воротах, он пришел в себя и выглядел ужасно закрытым. Вновь.

Они привязали лошадей к перилам крыльца и прошли за Аркади в помещение вроде гостиной, дважды остановившись вытереть ноги: один раз на коврике снаружи и еще раз на тряпичном коврике сразу за дверью. В дальней стене был целый ряд стеклянных окон и дверь на открытое крыльцо, возвышающееся над озером. Большой камин справа подходил для приготовления еды и, как подозревала Фаун, приготовлений целителя. За камином стоял крепкий стол высотой по пояс для работы, а около окна — низкий круглый столик, судя по его виду, только для еды. Он кичился настоящими изготовленными стульями с приделанными к сиденьям подушками. На озере Хикори люди в основном делали столы, похожие на скамьи, и сидели на перевернутых кусках бревен.

— Вы можете вымыть руки в раковине, — указал Аркади и занялся чайником с кипятком, заварочным чайником и прочей посудой. Фаун предположила, что он тянет время, чтобы подумать о том, что будет после; он почти ничего

не сказал по дороге сюда, кроме лаконичного указания на штаб-квартиру дозорных и шатер целителей с обеих сторон дороги.

Эти здания также были построены из досок и похожи на дома.

Под окном, выходящим на озеро, была оловянная раковина с бочкой воды, деревянным краником справа и сухой доской слева. Фаун наполнила раковину и взяла в свою очередь кусок прекрасного белого мыла, наблюдая, как Даг исполняет свой однорукий номер с мылом и водой после нее. Аркади, заметила она, прервался, чтобы тоже незаметно понаблюдать. Мальчики-дозорные следовали примеру; очень грязная вода, булькая, стекла вниз в деревянную трубу, ведущую наружу. Все это было такое же удобное, как хорошо сработанная кухня на ферме, и настолько же трудно перемещалось. Фаун фантазировала, что может почти что слышать, как Даг думает «Сидячие!» — и вовсе не с одобрением.

Они уселись впятером вокруг стола и наблюдали, как Аркади разливает чай по чашкам из обожженной глины и предлагает им кувшинчик меда. Фаун с благодарностью отхлебнула сладкий настой, гадая кому начинать и что говорить, если это выпадет ей. К ее облегчению, начал Аркади.

— Итак, бывший дозорный, каким образом вы пришли ко мне? Путь из Олеаны до Русла Новолуния кажется весьма дальним. — Он выпил глоток и откинулся назад, внимательно наблюдая за Дагом.

Это был — намеренно ли? — очень размытый вопрос. Даг поглядел на Фаун как-то отчаянно и спросил:

— С чего начать, Искорка?

Она укусила себя за губу.

— С начала? Которое было в Глассфордже, полагаю.

— Так давно? Все это? Ты уверена?

— Если мы не объясним, каким образом твой нож оказался заряжен в Глассфордже, ты не сможешь объяснить, что ты сделал с ним в Боунмарше, и почему сама Хохария сказала, что она думает, что это было какое-то колдовство.

Глаза Аркади слегка расширились.

— Кто это — Хохария?

— Главный целитель на озере Хикори, — объяснил Даг.

— А, — Аркади успокоился, услышав это. — Продолжай.

— Что, если я начну? — сказала Фаун. Их рассказ должен убедить настройщика Дара принять

Дага всерьез несмотря на то, что Даг якшается с крестьянами. Потому что если их смогли впустить в лагерь по единственному слову этого человека, их смогут, конечно, и вышвырнуть по той же причине.

Связно и правду. Больше ничего им не остается. И очень хорошо — Фаун не думала, что смогла бы лгать под этим пронизывающим медным взглядом.

— Это началось в сезон клубники прошлым летом в Олеане. Я отправилась в Глассфордж поискать работу по причине того, что… — Она набрала воздуха для храбрости. Личная часть этого рассказа будет новой для Барра и Ремо тоже; перед ними было говорить даже тяжелее, наверное, чем перед этим светящимся незнакомцем. — …по причине того, что я была беременна от крестьянского парня, который не стал на мне жениться, а я не стала оставаться в округе и разбираться с тем, во что превратится моя жизнь, когда об этом станет известно. Так вот, по дороге… Дозор Дага вызвали туда, чтобы помочь найти Злого, который руководил бандитской шайкой в холмах. Пара бандитов — глиняный человек и околдованный парень — поймали меня, потому что я была беременна, видимо.

Глаза Ремо расширились, а Барр заморгал, но оба держали рты крепко закрытыми. Рука Аркади дотронулась до его губ.

— Так, значит, это правда, что Злым нужны беременные женщины для линьки?

— Да, — сказал Даг. — Хотя они также используют беременных животных, если не могут добыть людей. Им не сами женщины нужны, им нужен быстро растущий Дар плода, который они носят, и, гм, образец вынашивания. Чтобы научить их, как, понимаете. Я прибыл… почти вовремя. Там была нужная пещера. Злой вырвал Дар у ребенка Фаун в то время, когда я дрался с его глиняными стражами. У меня были ножны с двумя разделяющими ножами в них, одним заряженным и одним, предназначенным мне. Я бросил ножны Фаун, которая была ближе, и она воткнула оба ножа в Злого, один за другим.

— Сначала неправильный, — призналась Фаун. — Незаряженный. Я не знала.

— Ты и не могла знать, — уверил ее Даг. Он посмотрел на Аркади почти сердито, хоть на самом деле тот не выказывал ни малейшего желания критиковать Фаун.

— В это время он схватил меня за шею, вот откуда это взялось, — продолжила Фаун, указывая на

темно-красные вмятины, портящие вид ее шеи, четыре с одной стороны и одна с другой.

— Так вот они от чего! — сказал Аркади, наклонившись вперед и вглядываясь. Он убрал руку до того, как на самом деле дотронулся до нее. — Не ожидал найти шрамы Злого на крестьянине. А это самые свежие, какие я когда-либо видел. Этот вид повреждений Дара не слишком часто у нас здесь попадается.

Барр откинулся назад, его брови нахмурились; запоздало понял только сейчас, как близко к Злому была тогда Фаун, подумала она. «Если на мне отпечатки пальцев Злого, он не мог быть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, знаешь ли.»

— Считайте, что вам повезло, — сказал Даг сухо. С уже возникшим началом он, кажется, уже мог продолжить рассказ. — В любом случае, предназначенный мне нож оказался заряжен Даром ребенка Фаун. Главный мастер по ножам на озере Хикори и я имеем разное мнение, отчего так вышло, но это сейчас не важно. В общем, мы забрали нож в мой лагерь, чтоб раскрыть эту загадку. По пути мы остановились в Вест-Блу — родственники Фаун владеют фермой чуть выше речной долины — я думал, им нужно узнать, что она жива. Там мы поженились. Дважды, один раз

по крестьянским и один раз по нашим обычаям. Вот. Закатай рукав, Искорка.

Он слегка двинул плечами, чтоб освободиться от куртки, и закатал свой собственный левый рукав, обнажив протез на запястье и свадебный браслет, сплетенный Фаун. Обычно Даг перед чужаками не поднимал рукавов, но Фаун предположила, что этот мастер, как крестьянская акушерка, должен увидеть что происходит, чтоб делать свою работу, так что тут просто приходится отбросить смущение. Почти так же неохотно Фаун потянула свой левый рукав, чтоб открыть свою тесьму.

Даг выставил вперед плечо.

— Говорит ли ваш Дар, что эти браслеты — настоящие? — спросил он. Проворчал, вернее.

— Да, — сказал Аркади с любопытством. Фаун вздохнула с облегчением.

— Спасибо за честность, сэр, — Даг сел с удовлетворенным кивком. — Позже у нас было проклятое идиотское разбирательство о них на озере Хикори.

Аркади прочистил горло.

— Ваши родственники не были рады вашей невесте, я правильно понял? — Вашей очень молодой невесте, добавил он взглядом, как по-

казалось Фаун, но он благоразумно не сказал этого вслух.

— Я думаю, твоя тетя Мари и дядя Каттагус были очень милы со мной, — сказала Фаун с некоторой защитой дома Дага, которую могла оказать. — Погоди, Даг, ты забыл про стеклянную вазу. Это важно. Это был первый раз, когда твоя призрачная рука проявилась. — Она повернулась к Аркади. — Так Даг назвал ее сначала, потому что она его сначала ужасно пугала, но Хохария сказала, что это была проекция Дара. Эту часть рассказывай лучше ты, Даг, потому что для меня она все равно что магия.

— Там была стеклянная ваза, — Даг помахал рукой. — В Вест-Блу, прямо перед тем, как мы поженились. Она много значила для Фаун — она привезла ее из Глассфорджа в подарок своей маме. Ставшей позже моей хозяйкой шатра. Ваза упала и разбилась.

— Три крупных куска и около сотни осколков, — добавила Фаун в поддержку. — Рассыпалась по всему полу. — Она была благодарна за то, что Даг опустил предшествующий семейный скандал. Как бы она ни сердилась иногда на родичей, ей бы не хотелось выставлять их дураками перед этим Аркади.

— Я… — Даг сделал жест крюком. — Это появилось, и я как бы скрутил стекло обратно все вместе через его Дар. Понимаете, я до этого видел, как такие вазы делали в Глассфордже. Их Дар как бы жужжит… — Его губы изогнулись, как если бы он пел ноту, но беззвучно.

Аркади, Барр и Ремо уставились на его крюк… Нет, не на крюк, поняла Фаун. На невидимую, неуловимую проекцию Дара, которая заняла место его левой руки. Которую она никогда, скорее всего, не увидит, но может иногда — она подавила улыбку — ощутить. Даг расслабился, трое Стражей Озера тоже, и она решила, что он позволил проекции Дара исчезнуть.

— Впервые слышу об этой вазе, — пробормотал Барр Ремо. — Боги! Ты об этом знал? — Ремо потряс головой и показал тому жестом помолчать.

— До того, как встал вопрос на озере Хикори, — продолжил Даг, — произошло появление крупного Злого в Рейнтри. Вы здесь внизу слышали об этом?

— Немного, — сказал Аркади. — Признаюсь, дозорные здесь слушают новости с севера более внимательно, чем я. Там, кажется, всегда происходит что-то волнующее.

— Злой из Рейнтри оказался более чем обыч-

ным волнением. Он обещал быть настолько же дрянным, как Волчий перевал в Лутлии двадцать лет назад. Даже хуже, потому что он укрепился, чтоб прорваться через густонаселенные крестьянские земли. Еда для Злых на тарелочке.

Аркади пожал плечами.

— Но, вы сказали, вы были из Олеаны?

Даг поджал губы. Фаун быстро встряла:

— Рейнтри выслало гонцов за помощью. Озеро Хикори — ближайший сосед в этом районе на северо-западе. Ворон Громовержец — командир лагеря Хикори — выбрал Дага как командира кампании для сил, которые отправил на помощь. Объясняй о разрывании Дара Злого, Даг.

Даг набрал воздуха и изогнул левую руку, поворачивая крюк. Снова появилась призрачная рука или он просто что-то показывает?..

— То, что я сделал с вами на воротах, сэр. За что я извиняюсь, но я был должен… не важно. Что, как вы думаете, это было?

Аркади, вспомнив, дотронулся до тыльной стороны руки, где теперь была царапина, и нахмурился, глядя на Дага.

— Проекция настройки Дара, примененная слишком сильно, с повреждением вышележащих тканей. Преднамеренно, как я понял. Хотя быва-

ют случаи, когда такое выхватывание является полезным инструментом — только используется куда более аккуратно, должен сказать.

— А используемое гораздо более мощно и совсем не аккуратно — это то же самое, что вырывание Дара, которое производят Злые, — сказал Даг.

Брови Аркади взлетели вверх.

— Конечно, нет, — его глаза метнулись к горлу Фаун.

— Конечно, да, — сказал Даг. — Я видел, как это происходит и проделывается, и здесь нет ошибки — я могу позже показать вам старый шрам от Злого у меня на ноге. Как с той стеклянной вазой, впервые, когда я это проделал, я был очень расстроен. Мы подобрались близко к Злому и он попытался вырвать Дар у одного из моих дозорных. Я просто потянулся… — Даг набрал воздуха. — Бесплатный совет, мальчики, купленный по обычной цене. Никогда не пытайтесь вырвать Дар Злого. Его Дар прилипнет к вашему, и он смертельно ядовит. Вот откуда у меня эти шрамы… — Он показал широким жестом на свою левую сторону. Он указывал не на тело, поняла Фаун, а на Дар.

— О, — сказал Аркади странным тоном. — А я

не мог понять, что оставило эти темные волны.

Даг заколебался.

— Вы никогда не видели Злого, верно, сэр?

Аркади покачал головой.

— А в дозоре вообще были?

— Когда был мальчишкой, они отправляли меня несколько раз вместе со сверстниками. Но талант мастера проснулся у меня очень рано.

— А, лагерные путешествия с детьми, — пробормотал Барр. — Терпеть их не могу. — Сосредоточенный Ремо тычком призвал его к молчанию.

— Так что вы никогда не видели живого глиняного человека, — вздохнул Даг.

— Э… нет. — Аркади добавил после паузы: — У целителя, который учил меня в лагере Мшистой Реки, был мертвый, он его хранил для демонстрации. Хоть и высушенным, из-за этого было трудно разобрать все отвратительные детали. Он вскоре упал и развалился. Жаль, я считаю.

— И вы также никогда не видели ясли глиняных людей. Поэтому следующее объяснить будет трудно.

Аркади выдержал длинную паузу с неким особенным выражением на лице, проглотил какой-то первый ответ и сказал вместо него:

— Попробуйте.

— Хорошо. Мы поняли все это по кусочкам, мысленно. Злой, до того, как мы выехали, появился в месте под названием лагерь Боунмарш. Большинство Стражей Озера ушли, — Даг мельком взглянул вокруг на дом Аркади и Фаун снова почудилось бормотание о «сидячих», — но он захватил полдюжины мастеров. Он связал их Дар вместе…

Аркади издал тихий шипение и передернулся.

— О, дальше хуже. Он соединил их Дар в одну огромную, сложную спиральность, чтоб поработить их и сделать оптом примерно пятьдесят глиняных людей, которых Злые растят из местных животных. Между прочим, наполовину сформированный глиняный человек — это, наверное, самая жалкая тварь из всех, которых вы когда-либо видели. Вы захотите его убить быстро просто из жалости. Когда мой отряд вернулся в Боунмарш, мы обнаружили, что Дар все еще связан, а мастера без сознания. Понимаете, до этого я думал, что конструкция распадется, когда умрет Злой, но ошибся. Еще хуже было то, что когда кто-то открывал свой Дар, чтобы попробовать проникнуть внутрь и сломать замок, его втягивало внутрь ловушки как в колодец. Я потерял троих дозорных, чтоб это узнать.

— Это… изумительно, — сказал Аркади. Первый страх Фаун, что Аркади выкинет их вон до того, как они смогут все рассказать, ослаб. Под его спокойной сдержанностью, подумала она, кроется сильная увлеченность. И ему нравятся рассказы о работе с Даром.

Даг коротко кивнул.

— Это был очень развитый Злой, самый развитый из всех, каких я видел.

— И э… как много вы их видели?

Даг пожал плечами.

— Я перестал считать годы назад. Тех, что я убил ножом собственноручно, было двадцать шесть или около того. Включая сидячих. В любом случае, вернувшись в Боунмарш, я сглупил и попробовал соединить Дар, чтоб успокоить сердцебиение умирающего мастера в ловушке. И меня тоже засосало. Вот так я и узнал о спиральности — видел ее изнутри. После этого история переходит к Фаун, потому что следующие несколько дней были для меня серым туманом.

Фаун решилась на упрощенную версию:

— Я приехала в Боунмарш с Хохарией, потому что Даг послал за ней, ему нужна была помощь из-за этой ужасной штуки с запертым Даром. Никто из Стражей Озера, казалось, не знал что с этим

делать, это меня прямо с ума сводило, смотреть и ждать. Тогда Хохария попробовала какой-то эксперимент — я не знаю что, хотя я думаю, она подозревала о спиральности.

— Да, — кивнул Даг.

— В любом случае, когда ее засосало, Мари, которая была следующая за ними, запретила все эксперименты. Но той ночью я подумала об одном. Если спиральность — это отрезанный кусок мастера или Злого, а, кажется, это она и была, то может быть, этому оставшемуся куску Злого просто нужна отдельная доза смертности, чтоб его разрушить. Так что я вытащила свой разделяющий нож… — она сглотнула от воспоминаний, — и воткнула в ногу Дага. Потому что когда я убивала Злого раньше в Глассфордже, он сказал, что я могу воткнуть его куда угодно.

Даг улыбнулся и пробормотал:

— Острым концом вперед.

Фаун улыбнулась в ответ.

— Я думаю, это сработало и оживить призрачную руку Дага, таким способом его рука смогла двигаться, но он должен сам рассказать об этом, — закончила Фаун.

Даг нахмурился и почесал затылок.

— Самый странный эксперимент из всех. Мы

все знали, на что похоже, когда есть тело и нет чувства Дара, из детства, до того как Дар просыпается, или из закрытого состояния. Пока я был в ловушке Злого, казалось, я был своим Даром, но не своим телом. Я ощутил, как нож вошел в меня, и я сразу его узнал, ведь он был мне предназначен и все еще содержал сродство с моей кровью. Но у Дара ребенка Фаун отсутствовало сродство со Злым — он был очень странный и чистый — так что там не было резонанса, не было… не было зова, чтоб сломать спиральность ножа и высвободить умирающий Дар. Так что я сломал спиральность ножа сам и добавил сродство из своей призрачной руки. Это было, как если бы я разобрал нож. Обратный процесс к его созданию, все наоборот. Оно разорвало мою призрачную руку весьма жестоко, но уничтожило ловушку Злого и очистило в моем Даре те ядовитые пятна. Жертва Фаун — ну, с небольшой доработкой Дара с моей стороны — позволила нам всем десятерым выйти из ловушки живыми. — Он поморгал, посмотрел на Аркади — тот уставился на Дага, прижав руку к открытому рту, как будто сдерживая некий возглас — и добавил извиняющимся тоном: — Это не было, как если бы я увидел это, все сразу понял и сделал. Это было больше похоже на

то, что я увидел, сделал, а понял гораздо позже.

Ремо сказал откровенно разраженным тоном:

— Ты никогда не рассказывал мне всего этого, Даг! Ты рассказывал только о Гринспринге!

— Мне казалось, что Гринспринг был самым важным.

Фаун вздрогнула, припомнив; Даг, с легкой гримасой, потянулся через стол и кратко сжал ее плечо, будто подбодряя юного дозорного.

Аркади отнял руку ото рта и сказал:

— И что за Гринспринг?

Даг вздохнул.

— Когда я достаточно пришел в себя, чтобы ехать верхом, мы все отправились домой и заехали по пути в осверненную крестьянскую деревушку, где появился Злой. Когда мы прибыли, мы нашли там немного вернувшихся людей, они проводили массовые похороны тех, кто не успел убежать. Около полутысячи людей. Этот первый званый ужин был ответом на вопрос «как Злой вырос так быстро и так сильно».

Он обменялся понимающим взглядом с Фаун, и она подхватила тему:

— Они уже закончили размещать взрослых, в основном женщин и стариков, и начали хоронить детей. — Она набрала воздуха, оглядела

Аркади и посмела сказать: — Мне говорили, лагерь Новолуния потерял мальчика пару месяцев назад… Там было… Как много детей там было в ряду перед этим рвом, Даг? — «Бледных, лежащих вытянувшись, казалось им нет конца.»

— Сто шестьдесят два, — сказал Даг ровно.

— Разрывание Дара сохранило их от разложения в эту жару, — объяснила Фаун и сглотнула. «Бледные как лед дети…» — Это не так сильно помогало, как можно было бы подумать.

Аркади в этот момент закрыл свой Дар, подумала Фаун; он стал каким-то даже более чем без выражения, по любым меркам.

— Потом это заставило меня задуматься, — сказал Даг. — Каким образом Гринспринг смог произойти и что сделать, чтобы этого больше не происходило? Это проблема Олеаны; на юге почти нет Злых, а на севере почти нет крестьян. А вот там, где они вместе… — он поднял руку и крюк, как бы показывая жест пересекающихся пальцев; Фаун подумала, что всем удалось его понять. — Было ясно, что что-то нужно делать, и еще яснее — что никто этого не делает. И что мы убегаем от времени, чтоб дождаться кого-то умнее себя, кто сможет это сделать. Вот почему я порвал с родственниками и ушел из дозора. Они

решили, что это из-за Фаун, и так оно и было, но это Фаун привела меня в Гринспринг. Иносказательно. — Даг решительно кивнул и умолк.

— Понятно… — сказал Аркади медленно.

Он взглянул на входную дверь; раздражение мелькнуло на его лице, но затем сменилось болезненным выражением. Он поднялся и пошел к двери. На полпути раздался стук. Высунув наружу голову, Аркади обменялся негромкими фразами с посетителем; Фаун успела увидеть женщину средних лет, которая в свою очередь изгибала шею, но не входила. Аркади вернулся с большой накрытой тканью корзиной, которую водрузил на стол.

— Я думаю, сейчас всем нам не помешает подкрепиться.

Фаун, Ремо и Барр подпрыгнули, чтобы помочь Аркади расставить тарелки и приборы; Даг остался сидеть с усталым видом. Перерыв после напряжения был нужен каждому, подозревала Фаун, даже Аркади. В корзине оказался большой закрытый крышкой глиняный горшок, полный жирного жаркого, хлеб двух видов, завернутый в ткань, и, еще более удивившие Фаун, чем такой крестьянский подход к обеду, пара кидальников, шары размером с половину ее головы с

коричневой шкуркой. Вскрытые, они оказались цельными с более красной сердцевиной и слаще, чем кидальники, к которым она привыкла на озере Хикори.

— Почему у вас на севере нет этого сорта, Даг? — спросила она с полным ртом.

— Зреет дольше, наверное, — ответил он, также жуя. Судя по чавканью, все северные Стражи Озера за столом явно думали, что это вкусно. Аркади объяснил, что такие растут в мелком месте озера-полумесяца.

Пока они ели. Аркади прекратил расспросы — думал или, может быть, просто имел медицинское мнение о важности пищеварения? И Даг тоже не выказывал желания продолжать. Мальчики, думала Фаун, не посмели бы воспротивиться. «Но Аркади бы не кормил нас всем этим, если бы хотя бы не подумывал оставить, верно ведь? Или, может быть, он просто считает, что диких дозорных, как диких животных, можно приручить кормежкой?»

В конце концов, насытившись, Фаун решила спросить Аркади:

— А откуда вся эта еда? Кого мы должны благодарить?

Он, казалось, был слегка удивлен вопросом.

— Шатры моих соседей по очереди присылают мне обеды и ужины. Завтраки я делаю себе сам. Обычно, чай.

— Вы больны? — спросила она робко. Его брови приподнялись.

— Нет.

Он занялся приготовлением еще одного чайника чая, пока Фаун и Ремо вновь сложили корзину и поставили ее снаружи входной двери по указанию Аркади.

Он вновь вымыл руки, сел, налил чаю и уставился, нахмурясь, на Дага. Даг ответил таким же хмурым взглядом.

— Ваша жена, — сказал Аркади деликатно, — не выглядит околдованной.

— Она никогда не была околдованной, — сказал Даг.

— Вы никогда не работали с ее Даром?

— Немного, время от времени, — сказал Даг, — но она никогда не оставалась околдованной мной. Это было половиной разгадки к ключу расколдовывания. Хог был второй половиной.

Взмах чистой руки Аркади пригласил Дага продолжить. Может быть, эта тема будет менее удручающей, чем Гринспринг?

— Вы знаете, что околдовывание может быть

странным, — сказал Даг.

— Мучительно осведомлен, — Аркади скорчил гримасу. — Как большинство молодых и глупых целителей, я однажды попробовал лечить крестьян. Результат был пагубным. Урок я запомнил.

Фаун хотела услышать больше об этом, но Аркади махнул Дагу снова.

Даг вздохнул, как бы придавая себе решимости для следующего признания:

— Хог был помощником возницы в Глассфордже. Мы ехали с его фургоном вниз до Жемчужных Перекатов. Моя лошадь лягнула его в колено, что наложило на меня некую ответственность. Я вспомнил, что я сделал со стеклянной вазой и заставил себя попробовать настоящее излечение. Которое я сделал — хорошо собрал обратно его разломанную коленную чашечку. Но я бросил его, околдованного по уши, мы узнали об этом, когда он прокрался за нами на нашу баржу. И Фаун сказала: «Возьмем его с собой, и может быть тебе удастся разобраться что с ним, но если мы его оставим, то никогда этого не поймем». И она была права. Придя к этому, мы все — я, Фаун, Хог и Ремо — сидели кружком и обменивались маленькими подкреплениями Дара, пока не поняли. Я

не думаю, что тот, у кого одновременно не было околдованного и неоколдованного крестьянина для сравнения, смог бы это увидеть.

Ремо сказал:

— Даже я смог увидеть. Когда Даг мне показал. Хотя, пока я не могу расколдовывать сам.

Аркади с удивлением посмотрел на Ремо:

— И что ты увидел? — спросил он.

— Не рассказывай ему, Даг, — сказала Фаун. — Покажи ему. — Она ощутила неудовольствие, вызываясь на роль Демонстрационного Крестьянина, но, судя по выражению лица Аркади, она подозревала, что у того имелись весьма упрямые представления на эту тему, которых обычное заявление, вероятно, не поколебало бы.

— Снова локоть? — спросил Ремо.

— Пусть так, — согласился Даг. — Смотрите внимательно, Аркади, за обменом Даром.

Ремо потянулся через стол и дотронулся до левого локтя Фаун; она ощутила распространяющееся тепло от крошечного подкрепления Дара. Она попыталась определить, заставило ли оно ее чувствовать некую дружелюбность по отношению к парню или сделало его в ее глазах лучше; но так как она уже относилась к нему хорошо, на этот вопрос было сложно ответить.

Аркади глянул на Дага с некоторой озадаченностью.

— И?

— Смотрите дальше. Наблюдайте за небольшим ответным потоком Дара от Фаун ко мне, почти таким же, как от меня к ней. При подкреплении он течет похожим образом.

Даг улыбнулся и потянулся левой рукой к ее правому локтю. Как и раньше, она ничего не видела; но Аркади выругался — она поняла, что впервые слышит, как он ругается.

— Отсутствующие боги! Это все объясняет.

— Да. Вы только что видели расколдовывание. Дар крестьянина пытается сбалансировать себя через обмен Даром, таким же образом, как обмениваются Даром двое Стражей Озера, но если Страж Озера закрыт — отвергает его — он отбрасывается обратно и вызывает этот странный хм… дисбаланс в Даре крестьянина, который заставляет крестьянина искать других подкреплений. Одержимость, если дисбаланс достаточно силен.

— Нет, да… — Аркади потянулся и почти разлохматил свой аккуратный узел на затылке. — Да, я видел, но не только это. Вот почему ваш Дар в такой ужасной неразберихе? Как много такого вы делали? — Он разве что не кричал. Фаун устави-

лась на него с разочарованием. Она чувствовала, что открытие Дага заслуживает более сильных аплодисментов.

— Я расколдовывал каждого крестьянина, которого лечил, конечно. С тех пор как я это понял, — добавил Даг слегка виновато. Фаун гадала, как поживает Кресс.

— И еще там был овес, — встряла Фаун. — И пирог. И москит, не забывай, с него началось. Твоя бедная рука тогда раздулась так плохо, что ты не мог протез натянуть после того, как вырвал Дар того москита, помнишь?

— Вы приняли Дар из всех этих вещей? — сказал Аркади в ужасе. — Чудо, что вы еще живы! Отсутствующие боги, человек, вы могли убить себя!

— Ага! — сказала Фаун с триумфом. — Я тебе говорила, что брать Дар того дерева с шипами — плохая идея, Даг!

Даг слабо улыбнулся.

— Я некоторым образом сам это понял, сэр. Ну… Фаун и я поняли. Несколько позже.

— Должным образом контролируемый подмастерье, — сказал Аркади несколько сквозь зубы, — никогда бы не был допущен к загрязнению себя такими ужасными экспериментами!

— Подмастерье наладчика Дара, вы имеете в

виду?

— Конечно, — сказал Аркади беспокойно. — Никто больше не был бы способен на такой идиотизм.

Даг почесал ощетинившийся подбородок и мягко сказал:

— Тогда он никогда не смог бы стать способным понять расколдовывание. А он смог. Может быть, хорошо, что я начал неконтролируемо.

— Это всё? — спросил Аркади. Даг утратил свою вспышку юмора.

— Нет, — признал он. — Потому что потом был Крейн.

Аркади, наклонившийся было, чтоб излить что-то гневное, медленно сел прямо. Внезапно нейтральным тоном он сказал:

— Расскажите мне о Крейне.

— На этот раз мальчики там были, — сказал Даг с усталым кивком на Барра и Ремо.

Ремо сказал:

— Крейн был настоящим предателем Стражей Озера. Мерзейший подонок из всех, каких я видел. Вот почему, сэр, вы не должны называть так Дага. — Благоговеющий до сих пор перед наладчиком Дара тихий Ремо сейчас вспыхнул искренней яростью; голова Аркади слегка отдер-

нулась назад.

Вмешался Барр:

— Крейн был из Олеаны, изгнанный из лагеря за воровство и, гм, связь с крестьянкой. Он стал лидером той бандитской шайки внизу реки Грейс, ловящей и сжигающей корабли и убивающей их команды — жуткие события. Думаю, если бы нас, Стражей Озера на борту не было, наша баржа была бы обманута, как и другие.

Ремо продолжил:

— Даг отправил нас собрать все другие лодки и людей, которые пришли вниз по реке в этот день, чтоб атаковать лагерь и вычистить его. Мы это сделали. Даг, хм, сам поймал Крейна. Барр и я были на холме, разбирались с другим бандитом, так что на самом деле я не свидетель… — закончил он с умоляющим взглядом на Дага.

Даг сказал невыразительным голосом:

— Я уложил его, вырвав кусочек Дара из его спинного мозга, сразу ниже шеи. Однажды я видел мужчину, упавшего с лошади и сломавшего себе шею в этом месте, так что имел очень хорошее представление о том, что с ним будет.

— Это… звучит чрезмерно, — сказал Аркади почти таким же тоном. Он твердо взглянул на Дага.

— В это время он держал нож у моего горла, —

вмешалась Фаун, нервничая, как бы Аркади не начал представлять Дага как какого-то хладнокровного убийцу, — а его люди собирались увести нашу баржу. Не думаю, что у Дага был выбор.

— Если бы я мог что-то изменить… — сказал Даг, — …ну, если бы мог что-то изменить, я бы оставил больше людей охранять баржи, и не важно, насколько бы это ослабило нас в пещере. Но случись все так же, я бы сделал это снова. Я не сожалею. Но это привело меня к последней путанице в моем Даре… — Он показал общим жестом на свое тело.

Аркади рассудительно нахмурился:

— Понятно.

— А разве ты не собираешься рассказывать о разделяющем ноже? — спросил Ремо озабоченно.

— О, — Даг пожал плечами. — Мы нашли в бандитском логове незаряженный разделяющий нож, который они отобрали у убитой женщины из Стражей Озера. Крейна должны были повесить с остальными, так что я предложил ему разделение вместо этого. Он согласился. Удивил меня немного. Я откипятил старую привязку с ножа, восстановил спиральность и привязал ее к Крейну. И использовал его для казни, что было

не слишком правильно, но относительно этого человека все было неправильно. Так что я решил, что это подойдет. Первый сделанный мной нож. Я бы хотел, чтобы ваш мастер по ножам в лагере послушал как он звучит, если получится, хотя я совершенно уверен, что не бывает такой штуки, как наполовину сделанный нож. Он или заряжается или нет.

— И, — сказал Аркади, — вы думали, что вы сможете это сделать… почему?

Даг вновь пожал плечами.

— Мой брат — мастер по ножам на озере Хикори, так что я нагляделся на процесс. Но самое главное я понял о работе с Даром ножа в Боунмарше.

— А, э… — сказал Аркади, — другая сторона «почему»?

«Что дало Дагу право, он хочет спросить?», гадала Фаун.

Даг спокойно посмотрел на него.

— Мне был нужен нож. Терпеть не могу ходить голым.

За столом стало тихо.

— Знаешь, Даг, — сказала Фаун тихо, — мы все время с прошлой весны провели, прыгая из огня да в полымя так плохо — чудо, что мы успевали

дышать. Но когда ты вывалил все это в ряд вот так… не делаешь ли ты некоторого вывода из того, что происходит?

— Нет, — сказал Даг.

Она посмотрела на Аркади:

— А вы, сэр?

Она подумала, что выражение его лица говорит «да», но вместо ответа он отодвинул свой стул. Он сказал:

— Вы, ребята, выглядите так, как если бы последнюю ночь спали в канаве.

— Почти так и есть, — подтвердила Фаун. «Кишащей пугающими болотными ящерицами, именно что».

— Тогда я думаю, вам всем понравится горячее купание, — сказал Аркади.

У трех дозорных это заявление вызвало остолбеневшие взгляды. Фаун, потрясенная видением горшков с углями и с водой на очаге, торопливо сказала:

— О, мы не можем причинять вам столько забот, сэр!

— Это несложно. Я вам покажу.

«Несколько… чопорно?» Аркади вывел их наружу и провел по нескольким ступенькам, спускающимся вниз с крыльца со стороны озера

к некоей мощеной дорожке. В дальнем конце ее был замечательная система: душевое ведро с веревкой, привязанной к основанию, закрытое занавесками, и большую бочку с медным дном над огнем. Угли внизу все еще слабо светились.

— Вы можете воспользоваться дорожкой вниз к озеру, чтобы набрать еще воды, если хотите, — Аркади указал на пару ведер на коромысле, — и нагреть ее в бочке. Еще дрова есть в стопке позади тех кустов форситии. Наливаете горячую воду в ведро, намыливаетесь и споласкиваете, потом снова погружаете в бочку. Не торопитесь. Мне нужно пойти поговорить кое с кем, но через некоторое время я вернусь. — Он остановился и оглядел Дага. — Э… Вы бреетесь?

— Время от времени, — сказал Даг суховато.

— Тогда пришло время.

Аркади скрылся сзади постройки, через несколько мгновений появился со стопкой полотенец и новым куском мыла и снова ушел, уже надолго. Фаун смотрела ему вслед, озадаченная таким поворотом событий, однако без неблагодарности.

— От нас что, так воняет? — спросил Ремо, обнюхивая свою рубашку. Барр проверял механизм душа и был занят, чтоб ответить.

— Мы просто не такие уж красавцы, если сравнить с Аркади, — допустила Фаун.

— И это задержит нас здесь занятыми достаточно долго, как он того хочет, чтобы поговорить с… кое с кем. Сколько этих кое кого, интересно? — сказал Даг менее потрясенно.

«О. Конечно.» Благодарность Фаун растворилась в новой тревоге. Как много людей в лагере имели больший авторитет, чем этот настройщик Дара, что ему нужно с ними консультироваться? Это было ответом на вопрос Дага, пусть и в несколько тревожащей манере: немного.

Но Даг помог Фаун выкупаться первой и выкупался сам с видимым удовольствием. Она думала, что со стороны Барра было очень вежливо вызваться купаться последним, до тех пор, пока он не отказался выйти снова. Он отмокал в бочке, над которой в прохладном воздухе курился парок, с блаженством на лице. Он там все еще мок, когда вернулся Аркади, найдя остальных одетыми и собравшимися вокруг огня, чтобы просушить волосы. Способом Дага было один раз намотать полотенце на голову, зато Ремо возился со своими больше, чем Фаун.

Аркади сложил руки на поясе и осмотрел Дага.

— Лучше, — допустил он. — В конце концов,

я не мог позволить вам сопровождать меня по лагерю с видом, как у голодного бродяги.

— А я сопровождаю? — спросил Даг настороженно. — Зачем?

— Таким образом в порядке вещей производится обучение.

Фаун едва не вскрикнула от радости, но Даг только почесал свой свежевыбритый подбородок.

— Я принимаю ваше предложение с охотой, сэр, но я не уверен, как надолго мы сможем остаться. Моя работа на севере, не здесь, внизу. — Он взглянул на Фаун.

Аркади ответил на незаданный вопрос.

— В настоящее время вы все можете остаться здесь у меня. Включая вашу жену-крестьянку, хотя была просьба, чтобы она не передвигалась по лагерю в одиночку.

Фаун радостно кивнула, принимая правило, однако Даг слегка нахмурился, и это заставило Фаун запоздало задуматься «Просьба от кого?»

— Понимаете, вы будете в первую очередь только смотреть и слушать, — сказал Аркади, — по меньшей мере до того времени, пока я смогу понять, как можно почистить ваш грязный Дар. Если смогу.

Даг изогнул бровь.

— У меня хорошо получается слушать. Так я ваш подмастерье или ваш пациент?

— Немного того и другого, — подтвердил Аркади. — Вы спрашивали… Нет, она спрашивала, — поправил он себя негромко, — делаю ли я какой-то вывод из вашего рассказа. Я делаю. Я вижу человека, поздно и внезапно пришедшего к силе настройщика Дара, бесконтрольно сделавшего жуткую кашу из себя.

— Знаете, сэр, это не звучит сильно обнадеживающе, но мои два наилучших предположения были, что я схожу с ума, либо что я превращаюсь в Злого. Ваша версия нравится мне больше.

Аркади фыркнул.

— Обычно обучению тому, что вы пережили, отводится пять или шесть лет, а не пять или шесть месяцев. Конечно, вы нашли это сложным. И… сколько вам лет? Примерно пятьдесят пять?

Даг кивнул.

— Ну, в придачу, ваш талант поздно проявился — около пятидесяти. Не знаю, что вы делали раньше все это время…

— Был в дозоре, — сказал Даг кратко.

— Или почему это все открылось сейчас, — продолжил Аркади.

Даг улыбнулся Фаун.

— Вы думаете, это ваша крестьяночка сделала что-то с вами? — спросил Аркади. — Признаю, я не вижу каким образом.

Улыбка Дага стала шире.

— Мой брат по шатру Вит — у которого, точно знаю, такой рот, что однажды он лишится в такой вот день всех зубов — однажды сказал, что он не знает, это я похищаю младенцев из колыбели или Фаун грабит могилы. Думаю, второе. Я совсем уж лежал в своей и только ждал кого-то, кто придет и забросает меня землей. Вместо этого пришла она и вытащила меня оттуда. Должен сказать, сэр, лежать там было гораздо более спокойно, чем делать все, что я делал позже, но там было мучительно тесно. Я не хочу возвращаться.

Сердце Фаун затрепетало.

Аркади только потряс головой. Он повернулся к двери, сделал два шага, затем повернулся вновь.

— О, Даг? — Он сложил вместе обе руки.

Фаун увидела это только отраженно, но этого было вполне достаточно; Барр и Ремо вскочили, потрясенные, и Даг — лицо Дага просто засветилось.

У Аркади тоже были призрачные руки!

— Позже мы посмотрим, что можно будет

сделать с вашей маленькой проблемой асимметрии, — сказал Аркади. — Кроме прочего. — Он дернул подбородком в сторону Ремо. — Идем со мной, юный дозорный. Я покажу тебе, где забрать ваших лошадей.

Глава 5

Ученичество Дага началось раньше, чем он — да и Аркади, по предположению Дага — ожидал. Они все сидели за столом, уже заканчивая завтрак, который прислали в корзине поддержать увеличившиеся хозяйство — хлеб, кидальник и сваренные вкрутую яйца, еще чай — когда после краткого стука в дверь запыхавшийся мальчик ворвался внутрь и выпалил:

— Мастер Аркади, сэр! Мастер Челла сказала сказать вам, что там принесли раненого дозорного, и если вы будете так любезны прийти…

— Очень хорошо, — сказал Аркади спокойно. — Скажи ей, что я скоро буду.

Мальчик кивнул и убежал так же внезапно, как появился.

Аркади пил чай. Даг сказал нервно:

— Разве не должны мы идти немедля?..

— Если дозорный был бы настолько плох, сомневаюсь, что он смог бы прибыть живым, сказал Аркади. — У вас есть время допить чай. — Он поставил кружку, поднялся без торопливости и добавил: — Когда дело действительно срочное, Челла звонит в большой колокол, который уста-

новлен перед шатром целителей. Два удара и три. Все шатры мастеров в пределах слышимости, в ту или иную сторону. Тогда мы бежим.

Сейчас, очевидно, они шли. Даг обнял Фаун на прощание, благодарно кивнул в ответ на ее тихое «Удачи!», набросил куртку на плечи и вышел следом за Аркади. Утро не было ранним; уставшие от их тридцатимильной прогулки Барр, Ремо и Фаун отсыпались, хотя даже так они поднялись до их хозяина. Даг проснулся на рассвете, с полной головой неуверенностей, которые гонялись друг за другом всю ночь и сейчас были готовы к новым кругам.

Аркади вчера днем после того, как показал Ремо где устроить лошадей, очевидно, решил, что Даг отмыт достаточно хорошо, чтобы его можно было показывать людям. Он сопроводил его в шатер целителей для знакомства. К удивлению Дага выяснилось, что Аркади не был главным целителем Русла Полумесяца; этот пост занимала женщина старше его годами, полная, мешковатая и веселая. Мастер Челла проницательно оглядела Дага и показала ему свое владение, познакомив его в свою очередь с мастером-травником и двумя его подмастерьями и со своей напарницей, женщиной примерно возраста Дага. Они не зада-

вали так много вопросов, как опасался Даг; было понятно, что Аркади уже обсуждал с ними своего странного найденыша. «Условно принят». Но в чем состояли условия?..

Спустя пять минут прогулки по дороге вдоль берега показался шатер целителей. Это было разросшееся серое строение, похожее на дом Аркади, почти того же размера. У перил снаружи была конструкция, с которой Даг познакомился в дозоре: две оседланные лошади спереди и волокуша сзади. Челла и тощий шатен-дозорный как раз поднимали седого, более плотно сложенного дозорного на ноги, держа его руки на плечах и помогая ему. На каждом шагу старый дозорный бормотал «Оу. Оу. Оу…»

— Ну, Тапп, — сказал Аркади с грубоватой радостью, когда они поравнялись с группой, — и что вы с собой сделали?

— Ничего, будь оно проклято! — отрезал седой человек, его коса порядком разлохматилась. — Все, что я сделал — забросил седельные сумки на лошадь точно так же, как десять тысяч раз до того. Клянусь! Внутренности человека не должны вываливаться просто потому, что он эту поганую лошадь решил оседлать. Оу. Оу!

Аркади открыл им дверь. Тощий патрульный

нагнулся, чтоб снять с напарника ботинки, потом осторожно провел его через первое помещение, забитое полками с записями, в светлую комнату со стеклянными окнами с видом на озеро. Все четверо помогли уложить больного на узкую, высокую как стол кровать в центре комнаты. Тапп покрылся холодным потом и мучительно дышал, но при этом с любопытством оглядывал Дага и его левую руку.

Аркади и напарник Таппа между тем стащили с него штаны, и Челла живо закатала его трусы до уровня паха, подняла белые брови и указала на красную шишку на его животе.

— Ага, — сказал Аркади. — Идите сюда, Даг, и скажите мне, что вы чувствуете.

Тапп нервно посмотрел на Дага.

— Проклятье, а это кто еще?

— Вымой рот, Тапп, — проворчала Челла.

— Если человек не может ругнуться когда болен, то когда ж ему еще можно? — пожаловался Тапп.

— Не в моем шатре, — сказала Челла твердо.

Тапп фыркнул, затем подмигнул:

— Да, мэм. Мастер-мэм. — Его любопытный взгляд вернулся к Дагу. — Ты разве не дозорный? — спросил он недовольно. — Не из наших.

Курьер?

— Был когда-то, — сказал Даг. — Сейчас, хм…

Аркади ждал с холодным интересом, чтоб посмотреть как Даг себя опишет.

— Ты знаешь, как мы обмениваемся молодыми дозорными с другими лагерями в надежде, что кому-то другому повезет вбить в них немного мозгов? — спросил Даг.

— Да, и что? — сказал Тапп.

— Тогда думай обо мне как о целителе по обмену. На испытании. — Даг прочистил горло и добавил: — Понимаешь ли, и сегодня первый испытательный день.

— Аркади, Челла, нет! — закричал Тапп. — Вечно вы напускаете на меня своих ногоруких новичков!..

Аркади широко улыбнулся:

— Успокойся, Тапп. Даг здесь только наблюдает.

Он устремил внезапно острый медный взгляд на Дага:

— И что вы наблюдаете?

Даг сложил правую руку чашечкой над шишкой и неохотно открылся.

— Его резкое движение при поднимании сумок, похоже, порвало слабое место в мускулах живота,

и кусок кишки вывалился наружу и пережал сам себя весьма нехорошо. Он весь горячий и раздутый, что тоже делу не помогает. Я думаю, он пытался крепиться слишком дох… — Даг взглянул на Челлу, наблюдающую за ним так же пристально, как Аркади, — слишком долго… «Не надо мне волокуши, сам поеду…»

Напарник засмеялся:

— Точно так он и говорил! — Тапп посмотрел на него.

— И сделал этим хуже, — продолжил Даг. — Как далеко был ваш дозор?

— Два дня езды, — сказал напарник. — Мы были на северо-западе почти у берега Серой.

— Где-то в поездке его кишка завязалась узлом, и дыра распухла и туго сжалась, и сейчас, без сомнений, дело плохо. Я думаю, ему повезло, что поездка не заняла три дня.

Аркади склонил голову в неохотном уважении:

— Очень хорошо. И что бы вы сделали с этим?

Даг сказал осторожно:

— Я знал одного парня в… в месте, где был с дозором однажды, с ним случилось что-то похожее. Целители каким-то образом запихнули кишку обратно внутрь и уговорили отверстие закрыть-

ся, потом отправили его в лагерь до завершения лечения. Я не знаю точно, как было произведена часть с кишкой.

— Если бы не было перекручивания, и рызрыв мускульной ткани был достаточно большим, вы могли бы сделать это надавливанием пальцев, на деле, — сказал Аркади.

— Я так делал на пути сюда раз пять, — пожаловался Тапп, — но кишка продолжала выпадать до тех пор, пока не распухла.

Челла моргнула. Аркади вздохнул:

— И, полагаю, вдобавок вы настаивали на том, что можете есть?

— После первого дня — уже нет, — сказал Тапп тише.

Аркади закатил глаза и пробормотал «Дозорные!» себе под нос. Он набрал воздуха и снова повернулся к Дагу.

— При перекрученной и сжатой, как сейчас, нужно произвести некоторую осторожную коррекцию Дара, чтоб восстановить кишку без ее разрыва, проливания крови и гниющей еды в брюшную полость, иначе это приведет к заражению.

Даг понимающе кивнул:

— Как ножевая рана в животе.

— Правильно. Челла, если я могу обеспокоить вас — дайте густое подкрепление Дара в воспаленную зону, посмотрим, сможем ли мы несколько ослабить сжатие перед тем, как двигать что-либо.

Челла кивнула, положила руки на вздутие и закрыла глаза. Даг ощутил поток несформированного Дара, хлынувшего в больную плоть Таппа. Дополнительный Дар, возможно, поддержит и ускорит собственные попытки тела вылечиться, а также снизит воспаление и боль. Самая простая процедура; все патрульные обучались хотя бы этому, даже моложе Дага. Фокус работы Челлы был, однако, в лучшем и более густом воздействии.

— Пока мы ждем эффекта, — продолжил Аркади, — позвольте, я расскажу вам больше…

Далее Даг охотно и Тапп куда менее охотно выслушали детальное описание полудюжины других способов. Даг в жизни не мог представить, чтоб человеческие внутренности оказывались в местах, им не предназначенных, и что следовало делать с этим. Особенно Даг был потрясен — или шокирован — версией, когда желудок продавливался сквозь небольшое отверстие в диафрагме, связанное с пищеводом, и оставался половиной

на одной и половиной на другой его стороне. К тому времени, когда Тапп должен был пожелать никогда не рождаться на свет, Аркади прервал рассказ и мягко сложил руку чашечкой над шишкой. Даг поднял чувствительность до предела. «Глубже и глубже.» Аркади проницательно взглянул на него, затем сосредоточил внимание на задаче, закрыв глаза в концентрации.

Пальцы-проекции Дара Аркади были формой не похожи на пальцы. Они мягко расширяли дыру, отделяющую перекрученную кишку, и вдвигали напряженную материю обратно внутрь. Тапп стонал и обливался болезненным потом; его напарник сжал его руку и наблюдал за ним в тревоге, забыв о юморе дозорных.

Сила, думал Даг. Сила так легко двигать материю через ее Дар была потрясающей, хоть проекция Дара Аркади танцевала так деликатно, как если бы он выкладывал лепестки цветов, которые старался не помять. Он уговорил две стороны разорванной дыры сойтись вместе, потом сделал аккуратно сформированное подкрепление Дара, чтобы держать их вместе. Напряженное лицо и хватка Таппа ослабли и он обмяк на столе. Все было закончено менее чем за десять минут, даже не повреждая кожи.

— Я отправлю одного из ногоруких учеников в ваш шатер сегодня вечером, чтобы дать вам еще одно подкрепление, — сказал Аркади Таппу и посмотрел вверх.

— Кто-нибудь сказал его жене, что он уже дома?

— Я послала мальчика, — сказала Челла.

И действительно, жена Таппа появилась спустя несколько минут, вне себя от тревоги, и возгласы «Тапп, что ты с собой сделал?» и «Я не виноват!» повторялись в разных вариациях. Аркади рассудительно дал ей большинство своих инструкций — постельный режим и никакой еды до завтра, оставаться в лагере, пока Челла не скажет обратного. Даг помог нести Таппа обратно до лошадиной волокуши и смотрел, как его покатили прочь в сопровождении его напарника и жены.

Смотря им вслед, Даг поворачивал крюк то так, то эдак, пытаясь представить работу Дара, которая могла бы уговорить половину чьего-нибудь желудка вернуться в его надлежащую позицию сквозь такое маленькое отверстие без того, чтобы разорвать его прямо под сердцем.

Аркади, потягивающий спину рядом с Дагом, сказал:

— Он прекрасно выздоровеет, если не пере-

усердствует. Не поможет даже то, что он, по словам напарника, два дня дурачился с разрывом и говорил своему командиру, что он будет в порядке еще до того, как отправится домой. Иногда у дозорных совершенно нет мозгов.

— Растрясают в дороге, — сказал Даг. — Разумные люди не отправляются искать Злых.

— Полагаю, кому и знать, как не тебе.

— Сорок лет тем и занимался, сэр.

— Ух. Думаю, ты об этом? — Он нахмурился на крюк Дага. — До и после руки, так? Потому что, похоже, что это случилось лет двадцать назад.

— Ага, — сказал Даг. — Как раз об этом. — Но если Аркади выуживал историю из старого дозорного, он был обречен на разочарование. У Дага появился более важный вопрос.

— Сэр… Почему вы не холодеете и вас не трясет после этой работы?

Голова Аркади повернулась.

— А что, ты?..

— После всех моих излечений, весьма сильно, а тот эпизод со стеклянной вазой сбил меня с ног. Все тело было как желе и тяжесть в желудке.

— Ну, значит, ты что-то делал неправильно.

— Что?

— Нужно будет разобраться. — Аркади потер

рот тыльной стороной ладони и с любопытством посмотрел на Дага, но не стал задавать вопросов. Вместо этого он передал Дага Челле, пока он отойдет, по его словам, проверить новеньких.

Челла показала Дагу способ хранения записей в своем шатре, больше довольная, нежели польщенная узнать, что потрепанный северянин умеет читать и писать. Однажды их прервала женщина, малышу с больным горлом которой требовалось подкрепление Дара. Во второй раз их прервал мальчик, которого втащил внутрь отец — он разбил голову до крови в драке с братом. Камень, как-то относящийся к делу, был оставлен гневным, потрясенным проигравшим как доказательство или, возможно, как сувенир.

Работая, Челла сохраняла вежливый и кажущийся привычным поток инструкций и комментариев, которые Даг впитывал — с растущим ощущением, что он был всего лишь последним в длинной цепочке подмастерьев, прошедших через ее шатер. Даг был мучительно осведомлен о том, что ничем не может помочь в пришивании куска скальпа, но по крайней мере его крюк оказался полезен для отвлечения внимания, пока шло пришивание. Мальчик прямо попросил историю — сурово сокращенную Дагом — о том,

как пропавшая рука была откушена глиняным волком, потом прикусил трясущуюся губу и вынес свое собственное маленькое испытание под изогнутой иглой Челлы с новой решимостью.

Челла подавила улыбку и похвалила его храбрость.

Барр ворвался внутрь с новостью о том, что корзинка с обедом и Аркади оба прибыли обратно домой. Даг шел тихо рядом с ним вверх по дороге, и в голове его вертелись уроки сегодняшнего утра. Множество вещей, которых он не знал, казалось увеличивающимся с тревожащей быстротой.

* * *

В корзинке с обедом были сэндвичи с ветчиной и кидальник, немедленно уничтоженный.

Пока Фаун, Ремо и Барр убирали тарелки и крошки с круглого стола, Аркади поднялся и пошел к одной из своих полок. Он вернулся с листом бумаги и вновь уселся напротив Дага. Вместо предложения прочесть, он перевернул его и разорвал напополам.

— Сейчас, — сказал он, — давайте посмотрим, что вы делаете такого, что доставляет вам неприятности. Наблюдайте. Э… с чувством Дара, пожалуйста.

«Чего он добивается?» Даг открылся и стал наблюдать, призывая утреннюю концентрацию против послеобеденной дремоты.

Аркади уложил два куска рядом на стол и прошелся пальцем по линии обрыва. Под едва ощущаемой проекцией Дара бумага, шурша, соединялась обратно. Он поднял ее и пощелкал, потом повернул и снова разорвал на половинки. Фаун и мальчики бросили раковину и торопливо скользнули обратно на свои стулья, чтоб посмотреть.

Это произошло так быстро, Даг едва был уверен в том, что именно он почувствовал. Но он ответственно расположил половинки на столе перед собой, соединил их края так хорошо, как мог, высвободил призрачную руку, закрыл глаза и нашел тот странный уровень восприятия, «глубже и глубже», который открыл впервые, когда лечил Хога. Бумага, казалось, была во многом как войлочная ткань, масса крохотных волокон, спутанных вместе — и сейчас оторванных друг от друга. Он вспомнил, как Фаун пряла нить для их свадебных браслетов, заставляя волокна закрутиться и удерживая их.

Только что разделенный Дар этих волокон все еще обладал эхом их бывшего трения. Это будет

несложно. Он улыбнулся и повел крюк вниз к краям, чтоб призрачным пальцем уговорить их соединиться обратно.

И открыл глаза в испуге, когда бумага загорелась вдоль линии починки. Он прибил пламя в торопливом смущении.

Барр увернулся от летящего уголька и сказал:

— Даг, это ведь не день рождения! Осторожней!

Даг тщетно потер подпалины на столе Аркади.

— Извините. Извините! Не знаю, как это случилось.

— М-м-ух, — сказал Аркади и откинулся, прищурившись. Он не выглядел удивленным. — Так я и думал. Вы расходуете гораздо больше силы, чем требует задача, и опрометчиво себя истощаете. Излишек становится, в данном случае, теплом.

— Но колено Хога не загорелось! — возразила Фаун. Добавив после мгновенья задумчивости: — К счастью.

— Это была гораздо более обширная задача, и живое тело впитывает Дар на таком уровне, которым не обладают обычные объекты. Лечение неприятных последствий, которые вы испытывали, холод и тошнота, это не какой-то особенный трюк. Это результат основной привычки рас-

считывать эффективность чьей-либо работы. Не делать настройкой Дара ничего, что можно сделать физически или даже другим целителем; успокаивать себя, потому что вы никогда не знаете, как скоро появится другой пациент; и никогда не использовать больше силы, чем это действительно необходимо. Это не только менее расточительно, это более элегантно. — Аркади очень любовно покатал последнее слово на языке.

Даг почесал затылок в сомнении.

Барр захихикал:

— Не знаю, как Даг сможет быть элегантным.

Фаун ощетинилась и открыла было рот, чтоб кинуться в жаркую защиту. Даг мягко перебил:

— Тренировка по закрыванию Дара. Когда вы с Барром последний раз тренировались закрывать свой Дар, Ремо? Еще перед свадьбой Вита и Берри, не так ли?

Ремо ядовито глянул на напарника.

— Да, сэр. — Он не добавил «Ты же там был, Даг!»; некий бывший командир, очевидно, вылечил его от любой склонности к рискованному нахальству.

— Сейчас, полчаса. Внизу у озера будет замечательным местом. Там никто не прервет вашу

концентрацию.

Ремо послушно встал, сердито посмотрел на Барра и дернул подбородком. Барр заворчал и вышел следом, бросив последний взгляд обманутого любопытства через плечо. Установилось подобие спокойствия.

Аркади не комментировал происходящее, если не считать слегка приподнятых серебряных бровей. Вместо этого он допил свою чашку чая, поставил ее на край стола и с резким хрустом отломил ее ручку.

— Ой! — сказала Фаун, вскакивая, затем крепко сжала губы. Она взглянула на дверь через которую ушли мальчики и чопорно сложила руки на коленях в чрезмерном усилии казаться меньше.

Аркади толкнул две половинки к Дагу:

— Попробуй еще раз. Не пытайся вместить целую чашку или даже целую ручку, хоть и держи в голове знание об их внутреннем Даре. Думай о поверхностях. Еще раз, позволь мускулам делать так много, как возможно. Крепко держи части вместе… — Он прервался; оттенок цвета окрасил его щеки. — Э…

— Фаун, займи мне свои руки для этого, — попросил Даг.

Она понимающе кивнула, поднялась, лизнула

пальцы, чтоб подобрать пару крохотных фрагментов, все еще лежащих на столе, разместила их снова перед Дагом. Сжала чашку и ручку и свела их вместе.

— Совсем как вазу, да? — Она сверкнула на него ямочками, как бы говоря «Ты сможешь это сделать».

— У-гу. — Даг послал Аркади многообещающий взгляд, но мастер никак не отреагировал. «Поверхности, так?» Даг закрыл глаза, подвинул руку так, чтобы крюк звякнул и упал вниз и внутрь, найдя Дар чашки, затем ручки. Двух поверхностей. У обожженной глины был более грубый голос, чем высокий звон стеклянной вазы, эдакое бормочущее тихое ворчание.

Недавний излом все еще вибрировал, хотя глина была гораздо более инертной, чем концы сломанных кровеносных сосудов, которые Даг несколько раз соединял обратно. Но у них был все еще хороший захват. Два осколка поднялись в воздух, отыскивая надлежащее место. Цванг. Цванг. Лучше и лучше, цвангцвангцвангцванг… И еще лучше…

— Хорошо, — сказал Аркади. — Стоп.

Даг сглотнул и открыл глаза.

Фаун осторожно отпустила ручку. Та осталась

на месте.

Еще более осторожно она взялась за ручку и отпустила чашку. Соединение держало.

— Она теплая, — доложила она, — но совсем не такая горячая, как была ваза, Даг. До той ты едва мог дотронуться, даже когда она перестала светиться. — Она вгляделась пристальнее. — Я вижу только линии в глазури.

Два осколка заблудившейся глины также были на месте, очерченные слабыми линиями.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Аркади у Дага. Его голос и взгляд оба были спокойными.

— Не… плохо, — сказал Даг слегка удивленно. — Что-то взялось у меня, конечно, но я не чувствую головокружения или холода. И мой обед остается на месте.

В этой починке не хватало парящей экзальтации и яростной слабости, как в предыдущих, стеклянной вазы, или колена Хога, или головы Хайкри; она была более… интересной и легкой. Бесспорно, менее возбуждающей. «Но менее утомительной, должен признать».

Аркади поднялся и вернулся с еще одной смятой запиской. Он сел, разорвал ее надвое и вновь подвинул половинки к Дагу.

— Попробуйте еще раз. Не так сильно.

Даг с пониманием кивнул и выровнял обрывки. Фаун скользнула обратно на стул, все еще сжимая чашку и наблюдая широко открытыми глазами. В ожидании еще одного пожара ее рука сжала влажное посудное полотенце, которым она до этого вытирала стол, но затем храбро вернулась на колени.

В этот раз Даг нарочно успокоил себя, убрал призрачную руку до того состояния, чтобы она едва проглядывала. Он не торопился, скользя вдоль обрыва, тревожно посматривая сквозь ресницы, чтобы не появилось нежелательной вспышки пламени. Закончив, он открыл глаза и посмотрел вниз на починенную бумагу. Хороша, как… старая.

— Странно, — сказал он. — Каким-то образом это труднее, чем колено Хога. Тело со своим собственным лечением, кажется, кооперируется, мертвые объекты так не умеют.

— Ух, — сказал Аркади. — Вы уже знаете это, так?.. — Даг глянул вверх, чтоб поймать немигающий нахмуренный взгляд. Аркади продолжил: — Сделайте это еще раз. Настолько мягко, насколько сможете.

На этот раз Даг разорвал страницу надвое сам, разгладил и срастил вместе еще раз. Протянул

ее Аркади.

— Хорошо, — сказал целитель просто. — Обычно кое-что из этой техники используется, чтобы сращивать вместе кожу. Однако, лучше приберечь для случаев, когда не сможете дотянуться иглой.

— Это… все случаи, если говорить обо мне, — вежливо заметил Даг.

— А. — Пойманный второй раз, целитель сделал гримасу. — Мои извинения. Привычка, я боюсь. Я постараюсь быть более внимательным.

— Я привык, — сказал Даг.

Подмигнул ли Аркади? Сложно сказать. Но он только сказал:

— К слову… Пытались ли вы вызвать проекцию Дара правой руки?

Даг потряс головой.

— Она появилась с левой стороны по своей воле, казалось бы. Я думал это было… ну, я не уверен в том, что я думал, чем это было.

Фаун сказала лояльно:

— Для меня это не казалось страннее всего того, что ты делал.

— Да… Твое первое предположение было, что это что-то, что у меня всегда было и запоздало появилось, — он также улыбнулся, вспомнив

когда она это сказала. — Кажется, ты была права.

Она пожала плечами.

— Я думаю, это само собой разумелось.

— Попробуйте сейчас, — сказал Аркади. — Правую руку.

Даг попробовал; ничего не произошло. Его Дар справа оставался твердо переплетенным с плотью, которая его производила, также как всегда.

— Упоминал ли Даг, — сказала Фаун, — что в то время, когда его призрачная рука появилась впервые, его правая рука была сломана? Вся в лубках и на перевязи. Хотя я продолжала заставлять его засовывать ее обратно в перевязь.

Аркади расслабился.

— В самом деле? — Это был больше возглас удивления, чем недоверия. — Это… интересно. — Спустя мгновение и еще один взгляд, брошенный на крюк, его брови взметнулись в удивлении. — Честное слово! Как же вы справлялись?

— Мне немного помогали, — сказал Даг.

— Ты кого это назвал «немного»? — шепнула ему Фаун с глубокими ямочками на щеках. Он не мог не улыбнуться обратно.

Аркади потер бровь и вздохнул.

Даг застенчиво выпрямился, прочистил горло.

— Кроме того, что я так перекошен, — сказал

он, — вы говорили о проделывании чего-то, чтобы, э… очистить мой грязный Дар. О чем вы думали? — Или лечение загрязнения, как последствий настройки Дара, было простым, скучной саморегуляцией? Успокоиться может быть совершенно бесполезным советом посреди некой давящей критической ситуации.

— Ну… Признаюсь, пока я не знаю. Вы — странная коллекция загадок, пришедшая к моим дверям.

— Сначала мне казалось, что мой Дар прочистится, или вылечится, или заново себя сделает сам спустя какое-то время. Таким образом, как все впитывают подкрепления Дара — или Дар еды, если на то пошло. Если подумать, проблема состояла в том, что я взял слишком много и слишком быстро.

— Несомненно, и то, и другое. Хотя кто-то сказал бы, что любой Дар крестьянина — это слишком много.

«Кто-то» или Аркади? Даг нахмурился от уклончивости этих слов.

— Исключая то, что Дар, которым я больше всего подавился, был от чистого Стража Озера. — «Или, рассмотрев Крейна, нечистого Стража Озера». — На самом деле, я нашел Дар еды при-

дающим сил. По меньшей мере, после того, как я научился ограничиваться Даром жизни таких вещей, как семена, вместо того, чтобы отбирать Дар у материи.

Фаун сказала:

— Да, та путаница, которую ты сделал из моего пирога, нехорошо пошла, верно? Полагаешь, потому что он был приготовлен и мертв?

— Может быть, — сказал Даг. — Это мне напомнило, я собирался попробовать живую рыбу… мелкую! — поправился он торопливо под ее испуганным взглядом.

Аркади проглотил крик ужаса.

— Нет! Нет! На следующие несколько дней — на деле до того, как я дам разрешение — не забирайте Дар ни у чего! По крайней мере, до тех пор, пока я не смогу понять, в чем нарушение вашей самоочистки. И кстати…

Он поднялся и прошел к полкам, затем вернулся с пером, бутылкой чернил и чем-то, в чем Даг распознал журнал целителя.

Он положил все это, открыл книгу на чистой странице, окунул перо и стал писать. Он посмотрел и добавил рассеянно: «Откройтесь, пожалуйста». Следующие пару минут он описывал что-то, что Даг, поглядывая искоса, опознал как

записи о состоянии его Дара, хотя из-за почерка и сокращений он едва ли смог бы предположить, что думал Аркади. Собственный странный сияюще-туманный Дар Аркади был совершенно нечитаем.

— Так, — сказал Аркади, закончив. — Мне нужно было сделать это вчера. Само собой понятно, что… Нет, наверное не понятно. Также вам нельзя осуществлять подкрепление Дара пока я вам не разрешу, ясно?

— Сэр? — сказал Даг неуверенно. «Никакого целительства вообще? Как метод обучения, наблюдение может зайти так далеко…» Это только начало, упрекнул себя Даг. «Ты думаешь, как будто тебе шестнадцать и это твой первый дозор, и ты оглупел от грез о немедленном успехе». Он даже не мог спорить «Но ведь теперь есть проблема Гринспринга!», потому что проблема Гринспринга была на своем месте всю его жизнь, и была незамеченной. Но пока что все его внимание к особенностям его собственного Дара здесь, в этом тихом южном лагере, казалось очень удаленным от оказания помощи осажденному северу.

— Мы не хотим распространять это загрязнение Дара по лагерю. Хотя бы до тех пор, пока не узнаем, насколько сильно ваши настоящие проблемы

являются его результатом.

Даг кивнул с неохотным пониманием. Он собирался спросить «Но могу ли я лечить крестьян? Ведь их не заботит, насколько я загрязнен крестьянским Даром» — но понял, что обязательное расколдовывание также нарушит запрет Аркади принимать странный Дар. Он вздохнул, подчиняясь своему — временному, он верил — карантину.

Глава 6

Даг упрямо раз за разом разделял остракизм Фаун, оставаясь в доме Аркади, когда тот не был на дежурстве, но в шатре целителей лагерь приходил к нему сам. Его время было разделено между традиционными занятиями подмастерьев, которые, по мнению целительницы Челлы, мог выполнить однорукий человек, и внимательным наблюдением. Волей-неволей он запомнил имена, названия шатров, личности и более личное — Дар — удлиняющейся цепочки жителей Русла Новолуния; менее уверен он был в том, кем считают его они. Было ясно, что целитель лагеря через какое-то время знает своих людей таким же образом, каким дозорный запоминает тропинки на своей территории.

Барр и Ремо между тем не теряли времени. Они собирались отбыть на исследование лагеря на просторе и впоследствии подготовить план вхождения в дозор как дозорных по обмену. Даг разрешил; это было неплохим использованием их времени и сняло бы их кормежку с соседей Аркади на пару недель, а также в некотором роде вернуло что-то лагерю за гостеприимство. Вскоре

оказалось, что их предусмотрительность в представлении плана Дагу была не за разрешением, а потому что они хотели одолжить его разделяющий нож.

Ношение заряженного ножа отмечало дозорного как проверенного и надежного, и оба они заслужили у него эти звания. На территории этого лагеря, где не появилось даже сидячего Злого на протяжении трех поколений, Даг был почти уверен в том, что получит свой нож обратно неповрежденным. Сомневался Даг не из-за ответственности Барра и Ремо, а из-за своей собственной работы. Так что на следующий день после обеда он взял нож, собрался с духом и отправился искать главного мастера Русла Новолуния по ножам.

Ему рассказали, что ее имя было Вейв Блэктертл. Ее рабочую хижину, аккуратный домик из кипариса, глядящий на озеро с его южного берега, была легко узнать по небольшой коллекции человеческих бедренных костей, подвешенных для обработки под скатами ее крыши. Взобравшись выше, Даг обнаружил несколько более неожиданное — садик, окружающий хижину, но не для какой-то полезной еды, а для цветов. Даже сейчас, в тусклости завершающегося года, пятна ярких

пурпурных и желтых крокусов выглядывали из аккуратных удобренных грядок, а нераскрывшиеся бутоны на цветочных кустах были красными и толстыми.

Поскольку он пробирался не в убежище Злого, Даг заставил себя частично приоткрыть свой Дар. Так что он еще не успел подняться на ступеньку крыльца, как появилась женщина и уставилась на него. Она была худощавая, с проницательным взглядом и тревожно напоминала Дагу его тетю Мари более молодой версии.

Ее каштановые волосы были забраны назад в обычный скорбный узел, который носили мастера за работой, но ее благоразумно подрезанная юбка и жакет были вышиты узнаваемыми цветами кизила[2]. Суровый вид, свойственный мастерам по ножам, был ей также присущ, хотя ее взгляд говорил не об оскорбленной затворнице — Даг подумал о своем брате — но об открытом любопытстве.

— Мастер Вейв? Мое имя Даг Блуфилд. — Он умолчал о части «Без Лагеря». — Могу ли я побеспокоить вас вопросом о ноже?

— О, вы, вероятно, чудо Аркади Уотербёрча? Я о вас слышала. Поднимайтесь. — На ее крыльце, защищенном от дождя, было несколько удобных

сидений с подушками; переплетенные ивовые прутья скрипнули, когда Даг уселся. Она села на соседнее сиденье с другой стороны низкого деревянного столика.

Даг заинтересовался, услышав такое описание себя. Он точно не делал здесь ничего чудесного. Он зацепил крюком шнурок, сплетенный Фаун, снял через голову кожаные ножны и положил их на стол, после чего извлек ровное костяное лезвие.

— Несколько недель назад, вверх по реке Грейс, мне пришлось перепривязать — и зарядить — разделяющий нож. В условиях относительной срочности.

— Я слышала, вы путешествовали с теми двумя дозорными, который выкурили гнездо речных бандитов. Вы все из Олеаны, правда? Вы далеко забрались от дома.

Даг решил не уточнять то, что Барр и Ремо рассказывали о себе и о нем. «Плыли вниз по реке и попались бандитам» легко может быть переделано в «Нас послали вниз по реке, чтоб уничтожить бандитов» и позволит избежать смутных вопросов о том, как напарники присоединились к Дагу.

Опустив преамбулу о Рейнтри, Даг выдал ма-

стеру Вейв такой же урезанный рассказ о Крейне и его смерти, как ранее Аркади. Пока он рассказывал, ее хмурая мрачность усиливалась.

— Разделяющий нож, — сказала она, — создается как инструмент жертвования и спасения, а не казни преступника.

— Этот некоторым образом стал и тем, и другим, и третьим. Крейн заплатил гораздо меньше, чем был должен, но зато все, что имел. Я не прошу вас судить нравственность его создания, мэм. Лишь его качество. Понимаете, это первый нож, который я делал. Убьет ли он Злого?

— Слухи, которые слышала, не проясняли, были ли вы дозорным или целителем. — Она из вежливости не упомянула «предателя», «дезертира», «изгнанного» или, совершенно очевидно, «сумасшедшего». — Откуда вы вообще знаете, как делать ножи?

— Мой старший брат — главный мастер по ножам в лагере Хикори в Олеане. Я немного нахватался у него, от случаю к случаю.

Ее брови изогнулись в некотором сомнении.

— Если мельтешить под ногами — это все что нужно, чтоб создать талант, мне бы везло куда больше с моими подмастерьями. — Но она взяла нож и открыла Дар, чтобы его проверить,

прикладывая его по очереди к губам и ко лбу, с открытыми глазами и закрытыми. Даг наблюдал с тревогой.

Она мягко положила его обратно на стол.

— Ваша спиральность примерно в четыре раза сильнее, чем нужно, но он звучит и не выказывает признаков утечки. Не вижу причины, отчего бы ему не сломаться как положено, когда он подвергнется влиянию Злого. Подтверждаю, что он кажется необычно темным и несчастливым ножом, но заряженные ножи вообще редко радостно щебечут.

— Крейн был настолько близок к бешеному псу в человеческом теле, что разницы особой не было, но дураком он не был. Я думаю, ему понравилась ирония повесить это на мою шею, — признал Даг. Но, кажется, этот нож вполне безопасно одолжить; так он и сделает.

Влажный бриз, едва теплый, заставил кости слабо стукнуть под скатом. Вспомнив о другой надобности, он спросил:

— Нет ли у вас запасных чистых ножей? У моего брата обычно были. Там было всегда больше костей, чем сердец.

— Почему вы спрашиваете? — спросила она в ответ.

— Я сам сейчас без предназначенного мне ножа. Мой старый был… потерян. Я предполагал заменить его, как получится. Я предпочел бы сделать его сам, под лучшим контролем — если пожелаете, мэм.

— Кажется, вы немного за пределами проверочных заданий для подмастерьев, — Она кивнула на нож на столе. — Вы хотите обучиться искусству? Не знаю, посмею ли я украсть вас у Аркади.

— Нет, мэм. Я всего лишь хотел большей уверенности, если я когда-либо вновь попаду в такую ситуацию.

— Уверенность? Нервозность, я б это так назвала. — Она оглядела его с тревожащей смесью любопытства и неодобрения во взгляде. — Этот нож, привязанный к убитой женщине, кому-то принадлежал, и это были не вы. И вы взяли его без сомнений, не задумавшись ни на минуту.

— У меня была масса сомнений, мэм. Мне недоставало времени.

Она пожала плечами.

— Это не срочно. Попросите пожертвования у родственников по шатру.

— А вам не было оставлено костей для общих нужд? Или без имеющихся родственников?

Ее выражение лица и ее Дар стали чуть менее

прозрачными.

— В настоящее время нет.

Другими словами, хитроумные олеанские парни пусть отправляются просить милостыню у себя дома. Возможно, он сможет, позже, если заслужит какое-то положение для себя в этом лагере.

Вейв глянула вниз. Наверх к ее хижине взбирались две девушки-дозорные, которых Даг встретил в первый день своего пребывания здесь на воротах. Длинноногая блондинка наполовину закрыла Дар и была отчего-то несчастлива. Они посмотрели с удивлением на Дага, и он несколько закрылся, сложил нож Крейна обратно в ножны и повесил на шею. Обе напарницы провожали его глазами.

— Привет, Тавия, Нита, — сказала сердечно мастер. — С чем вы пришли сюда?

— О, Вейв! — сказала Нита горестно. — Что-то ужасное случилось с моим заряженным ножом… Ну, он должен был стать моим заряженным ножом. Мой отец обещал его мне, когда я вернусь из Лутлии, но сегодня утром, когда его достали с полки… посмотри!

Она поднялась по ступенькам, вытащила из ножен нож, который сжимала в руках, и поло-

жила его на стол перед мастером. Сухое костяное лезвие треснуло, разделившись на две половинки. Следы оборванной работы с Даром еще держались на нем, но его спиральность и смерть, содержащаяся в ней, исчезли.

— Он клянется, что с ним было все в порядке, когда его последний раз убирали, и никто его не ронял… что с ним случилось? Вейв, ты сможешь починить его?

— О, дорогая, — сказала Вейв, беря нож. — Как стар он был, Нита? Это не моя работа.

— Я не знаю точно. Мой отец носил его, когда был моложе, и его дядя перед ним. Может, мы сделали что-то неправильно — может, его надо было маслом смазывать, или, или?..

Мастер перевернула лезвие, изучая раскол.

— Нет, разницы бы не было. Он попросту был слишком стар, Нита. Работа с Даром на ноже не может держаться вечно, знаешь ли.

— Я собиралась взять его в дозор завтра!

Дозор, к которому присоединятся Ремо и Барр. Вот и нашлись причины их срочного и добровольного желания выступить, одна блондинистая и одна рыжая. Даг не думал, что позволил улыбке проступить на своем лице, но Тавия, пытливо наблюдавшая за ним, вернула неуверенную по-

луулыбку.

— Можешь ли ты что-нибудь сделать? — продолжила Нита. — Неужели жертва моих родственников просто пропадет? Выброшенная на ветер?

Даг уже однажды был в такой сцене с расстроенным юным дозорным. Он сказал мягко:

— Если этот нож носили в дозоре много лет, она не выброшена, даже не будучи использованной на Злом. Он помогал вам все это время.

Нита посмотрела на него взглядом, говорящим «Ты кто такой, поганец, чтоб это говорить?»

— Но я могла взять его в Лутлию вместо того, который мне дала бабушка, и использовать в прошлом году на сидячем Злом, которого нашел мой дозор. И тогда у нас все еще был бы другой.

Большинство юных дозорных, которые меняются с севером Мертвого озера, привозят с собой заряженные ножи из дома; что-то вроде обычая, вознаграждения за обучение. Даг сам увозил заряженный нож в Лутлию дважды в начале своего длинного счета. Примерно половина дозорных возвращается, готовые принять расширившиеся обязанности. Ножи не возвращаются. Устойчивый поток жертвования, текущий на север.

— Ты не можешь этого знать, — успокаивала ее

Вейв. — Думаю, нож, который ты взяла с собой, также был очень стар, разве нет? Их судьбы могли просто поменяться.

— Тогда, может быть, мне стоило забрать оба. — Но руки Ниты разжались и она вздохнула. Она добавила противоречиво: — Не знаю, когда мне выдастся шанс получить другой. Все мои родственники отвратительно здоровы.

Юмор дозорных, но Тавия добавила более серьезно:

— Никто здесь не хочет жертвовать. Никто в моем шатре не даст мне заряженный нож, потому что его ни у кого нет. Мама даже не дает мне разрешения привязать ко мне чистый! Она говорит, я слишком молода. Нита клянется, что в Лутлии говорят, что если ты достаточно взрослый для дозора, то ты достаточно взрослый для жертв.

«В Олеане тоже». Даг подумал о своем двоюродном брате-дозорном, который принес жертву в девятнадцать. «Слишком молодым.» Обе стороны этого спора казались Дагу правыми, что несколько перекосило ему разум. А может, это было его сердце.

Заставив себя говорить, чтоб повернуть юных дозорных в более оптимистичную сторону, Даг полюбопытствовал:

— Так значит, завтра вы будете командиром дозора?

— Пока нет, — сказала Нита мрачно, затем добавила, — но наш лагерь обещал мне следующее вакантное место.

— А как много дозоров вокруг Русла Новолуния?

— Восемь, когда мы в полной силе. — Она нахмурилась, глядя на него. — Вы забавный человек. Те парни из Олеаны говорят, что вы одержимы крестьянами.

— Вам следовало бы зайти к Аркади и поговорить с моей женой Фаун, — сказал Даг суховато из-за ее тона. — Вы можете померяться убийствами Злых. Она также убила одного, Барр или Ремо не рассказывали вам об этом? Недалеко от Глассфорджа. — «И это не был просто сидячий Злой».

Ее нос сморщился.

— Звучит весьма фальшиво. Вы ведь дали ей нож, не так ли?

Даг склонил голову:

— Мы все обменялись ножами. В конце концов.

— Но она никогда не сможет принять разделение в свою очередь.

«И я этому рад». Но даже это была половина

правды. Странная история потерянного ребенка Фаун не была тем, что ему хотелось бы рассказывать здесь — если, конечно, у мальчишек хватило мозгов оставить ее при себе.

— Многие Стражи Озера также никогда не принимают разделение — разве не на это вы только что жаловались?

У Дага было, понял он, трое слушателей, далеких от теплоты, но достаточно захваченным этим чужаком из дальних земель, чтоб не перебивать его. Нита заняла последнее сиденье, Тавия удобно склонилась над одной из подпорок крыльца, и Вейв, казалось, не торопилась возвращаться к задаче, которую он прервал. Он сглотнул и неожиданно свернул на то, что называл «балладой о Гринспринге», так, как он рассказывал об этом Аркади и дюжинам людей перед ним. Слова Дага становились все более отполированными с каждым разом, но, он надеялся, не настолько легкими, чтобы не суметь донести вес его ужаса. К тому времени, когда он стал рассказывать об общей могиле детей, глаза его слушательниц были темными от жалости, однако их рты оставались закрытыми.

— Ваши ответы, мне кажется, достаточно просты, — сказала Нита, когда он, наконец, за-

кончил. — Гоните всех ваших крестьян к югу от Грейс. Не то, чтоб мы желали их принять…

— А вы пробовали согнать крестьянина с земли? В этом нет ничего простого, — сказал Даг.

— Это тоже правда, — сказала Вейв. — Сотни лет назад народ Полумесяца все еще жил кочевыми лагерями, зимними и летними. А потом пошло так, что если ты оставляешь землю на сезон, то возвращаешься и находишь ее вычищенной, распаханной и засаженной. Мы в конце концов должны удерживать нашу территорию сидением на ней, деля шатры между этим лагерем и Мшистой Рекой. И посылать людей от совета лагеря вниз в Греймаут рисовать линии на листах крестьянской бумаги, чтоб заявить, что мы ей владеем! Абсурд!

— Цена для нас за обучение крестьян — ничто в сравнении с ценой, которую заплатят все, если мы этого не сделаем, — сказал Даг упрямо.

— У вас на севере — может быть, — сказала Тавия.

— Везде. Мы должны начать там, где мы есть, с каждым кусочком, который перед нами. Никогда не упускать шанса стать другом и обучить — эту задачу может выполнить каждый.

Вейв небольшим жестом указала на плечо Дага,

где свадебный браслет под рукавом его куртки не мог спрятаться от ее Дара. Она сказала сухо:

— Я б сказала, что в своей дружбе вы зашли несколько далеко, человек из Олеаны.

«Пока еще недостаточно далеко.» Даг вздохнул, поднимаясь, вежливо дотронулся до брови:

— Я как-нибудь зайду узнать о тех пустых ножах. Доброго дня, мэм, дозорные.

* * *

На протяжении следующей недели Даг все сильнее втягивался в работу в шатре целителей. Не то чтоб он и раньше множество раз не оказывался в руках целителей, но смена угла зрения, глядящего в корень настолько разнообразных проблем, вносила большую разницу, чем он предполагал. Как дозорный, он никогда не шел к целителю до последнего; сейчас, став частью этого последнего, он обнаружил в себе понимание не столько этого, сколько раздраженного мастера, выговаривающего «И почему бы тебе не прийти раньше?»

Полдюжины людей в день приходило с незначительными хворями или ранами, хотя однажды пришел мужчина со сломанной ногой, а днем позже — более интересный и гораздо более слож-

ный случай — женщина в возрасте с переломом ребра. Еще более деликатной проблемой была женщина с уродливой опухолью в груди, которую Аркади лечил каждый день, отщипывая ее кровоснабжение, крохотные кровеносные сосуды один за другим. Его объяснение того, почему он не попробует уничтожить ее посредством вырывания Дара заставило Дага взрогнуть — Дар опухоли, видимо, был бы почти так же токсичен, как брызги Дара Злого. Аркади также начал брать Дага с собой на ежедневный обход шатров, хотя Даг не был уверен, чем он заслужил такой прогресс — ему все еще не разрешалось выполнять даже простейшую работу с Даром, и он мог лишь что-то доставать, нести или придерживать.

Старые журналы, сложенные на полках, оказались неожиданно захватывающими после того, как Челла научила его разбирать их. Они напоминали Дагу записи дозорных: запятнанные, потертые, с ужасным почерком и сбивающими с толку аббревиатурами. Но также, как и в записях дозорных, чем больше он читал, тем больше он начинал видеть между строчками — так же хорошо, как и сами строчки. Люди, заходящие в шатер, показали Дагу, как целители обращаются с некоторыми жалобами; записи учили его тому,

чего он еще не видел, так что он проглядывал их страницы ежедневно до тех пор, пока не угасал свет. Он поздно начал учиться искусству целителя, и теперь старался взять так много, как только можно. Он перебарывал нерешительность своего северного языка, чтоб задать Челле и Аркади столько вопросов, сколько обычно задавала Фаун.

Его голова гудела от всего этого, когда он вернулся в дом Аркади однажды после обеда за забытой связкой зубоврачебных инструментов и нашел Фаун плачущей, свернувшейся в их постели. Он уселся рядом с ней, когда она села, торопливо вытирая глаза и притворяясь, что зевает.

— О, ты вернулся! Я всего лишь вздремнула, я от этого всегда в беспорядке и ужасно выгляжу, если днем сплю… — Но ее улыбке не хватало ямочек, а ее большие карие глаза были печальны.

— Искорка, что случилось? — Он мягко провел большим пальцем по влажным дорожкам из уголков ее глаз.

— Ничего. — Она встряхнула темными локонами, отказываясь, к его облегчению, от своих шатких отговорок. — Я просто… просто глупа, наверное.

— Не «ничего». Потому что ты не глупа. Расскажи мне. Ты ведь можешь рассказать мне что угодно, правда? — Он надеялся на это. Потому что здесь, так далеко от дома и родственников, он был всем, что у нее было.

Она уныло фыркнула и, подтверждая, кивнула.

— Я просто… я просто… по ночам все хорошо, когда ты возвращаешься и говоришь со мной, но весь день так тихо, целыми днями, с тех пор как Барр и Ремо уехали. И мне нечего делать. — Она помахала пустыми руками. — Я закончила шить последнюю пару белья, и у меня кончилась шерсть для носков, и даже нечего приготовить или вымыть, потому что соседские женщины Аркади делают все это. Слишком серо и холодно, чтоб сидеть снаружи, поэтому я просто сижу здесь и, и ничего не делаю. И это вовсе не так весело, как я думала. — Она потерла лицо и продолжила тише. — Это не тоска по Вест-Блу, потому что не хочу туда возвращаться. Может, просто потому, что у меня месячные скоро начнутся. Ты же знаешь, какая я от них делаюсь злая.

Он нагнулся и поцеловал ее влажный лоб, обдумывая оба ее предположения.

Вполне можно было, как он прекрасно знал, тосковать по дому, куда вовсе не хочешь воз-

вращаться. И ее месячные без сомнения скоро начнутся. Всё правда, подумал он, но неполная.

— Бедная Искорка! — он поднял ее руки, одну за другой и поцеловал их, что заставило ее сглотнуть и снова фыркнуть.

— «Ничего» — это как раз то, чем является проблема. Твоим рукам одиноко, вот и все. Они не привыкли быть сложенными.

— Можешь ли ты достать мне… в этом лагере ведь есть Склады, как в Хикори? Можешь ли ты достать мне еще немного шерсти или хлопка или еще чего-то? — Она нахмурилась. — О. Но, полагаю, у нас здесь нет никакого кредита.

— Нет, у нас его нет. — Он посмотрел вниз на нее. Должна ли его голова в самом деле быть набита так плотно, если он перестал заботиться о ней? Каждый вечер ее глаза блестели, ее губы приоткрывались, когда она живо слушала его рассказы о прошедшем дне, и он думал, что это главное. Он должен был заметить, что она все меньше и меньше могла дать ему в ответ. Ее дни должны быть заполнены новыми событиями так же, как и его; только отсутствующие боги знают, насколько ее голова была более приспособлена для обучения, чем его когда-либо будет.

Она села прямее.

— Не обращай на меня внимания. Я обещала, что вынесу всё, что мне в этом лагере подадут до тех пор, пока тебе это нужно, и не собираюсь нарушать свое слово. Со мной все будет в порядке.

— Ш-ш, Искорка. Конечно, мы что-нибудь придумаем. — Он обнял ее и устроил так удобно, как мог, пока она, наконец, не начала легонько улыбаться, а затем пошел искать Аркади.

* * *

— Это исключено, — сказал Аркади, когда Даг закончил излагать свою просьбу. — Крестьяне не могут обучиться нашим техникам.

Даг не был удивлен. Он продолжил, несмотря ни на что:

— Я всегда подумывал обучить ее сам, позже, но заставлять ее просто сидеть вот так — это огромная трата ее времени. И ресурсов лагеря. Фаун может обучиться всему, что вы сможете преподать — исключая работу с Даром — мы всегда предполагали, что она станет моими «запасными» руками, если я появлюсь среди крестьян как настоящий целитель. Вы этого не видели, а я видел. Когда она рядом со мной, крестьяне успокаиваются и перестают меня бояться, и не важно, что я обычно выгляжу как заморенный

бродяга. Женщины — потому что они видят, что она не боится, а мужчины — потому что она такая хорошенькая, что они забывают бояться смертельной магии Стражей Озера. И если я собираюсь обследовать крестьянских женщин и девушек, а, я думаю, их будет половина клиентов, мне нужно, чтоб она была рядом, потому что я не смогу до них дотронуться. — Он подумал о лечении грудной опухоли, которое проводил Аркади, и других еще более интимных женских хворях и поежился. — Отсутствующие боги, да!

Аркади закончил краткую записку об удалении зуба, которую набрасывал, положил перо и нахмурился, глядя на Дага.

— Вовсе не решено еще, что вы сможете свободно лечить крестьян. Что касается пребывания Фаун в шатре целителей — уверяю вас, пусть у нее умелые руки, но ее яркий Дар, всегда открытый, будет раздражать пациентов. Да и целителей.

— Меня он не раздражает, — сказал Даг. — Это все те же дурацкие доводы, которые приводила Хохария на озере Хикори. Один открытый Дар маленькой крестьяночки настолько сильно беспокоит людей, насколько они хотят этого сами. Стражи Озера прекрасно имеют дело с Фаун, когда хотят.

— Да, но почему они должны хотеть?

Даг укусил себя за губу.

— Я здесь чужак. У меня нет доверия в этом лагере. Я знаю, что не могу просить этого у людей. — Его глаза поймали взгляд Аркади и удержали его, а голос превратился в командирский рык. Судя по тому, как Аркади слегка отпрянул, это оказалось для него неожиданным. — Но вы можете. Я видел, как этот лагерь вас уважает, и сейчас я слишком хорошо знаю почему. Вы можете сделать так, чтоб это произошло, если захотите, и мы оба это знаем. — Даг позволил своему голосу и взгляду стать полегче. — Кроме того, что мы теряем? Попробуйте ее взять на пару недель. Если Фаун не сработается, придумаем что-нибудь еще. Ни я, ни моя крестьянская жена не просим принять нас навсегда.

— Хм, — сказал Аркади, опуская глаза и закрывая журнал. — Вы так думаете? Хорошо. Возможно, я смогу поговорить с Челлой и Леваном.

* * *

Фаун была в экстазе, когда Даг рассказал ей новости, заставившие ее в глубине себя гордиться своим мужем. Следующим утром, когда он взял ее

с собой, чтобы представить новым начальникам в шатре целителей, она запрыгала вниз по дороге, поймала его изумленный взгляд, остановилась, пригладила волосы и запрыгала снова. Но когда она прибыли, она уже шла спокойно.

Даг внимательно наблюдал за тем, как ее встретят, стараясь, чтобы его внимание не было замечено. Челла вежливо подчинялась необходимости. Леван, пожилой травник, имел вид человека с большим запасом терпения.

Две его девушки-ученицы и мальчик Челлы сначала были чопорны и холодны, а потом стали более приветливы, когда поняли, что Фаун может забрать многие из наиболее утомительных их обязанностей, от отмывания горшков и постелей до чистки стеблей и подметания полов. Когда прошли первые дни, ее терпеливая улыбка и энтузиазм смягчили и старых целителей. Спустя еще половину недели даже жители лагеря, зашедшие за лечением или лекарствами, перестали удивляться, найдя ее там.

Сердце Дага радовалось и разум успокаивался оттого, что она так часто была в круге его зрения и слуха, и от ее явного счастья тоже. Понемногу Даг начал звать ее затем, чтобы дать ему руку — когда представлялась возможность, и понемногу

другие обитатели шатра привыкли к этому. Когда Челла впервые рассеянно назначила их паре задачу для двух рук, Даг улыбнулся своей тайной победе.

* * *

Однажды утром, когда Даг поднялся из-за стола с завтраком, Аркади сказал:

— Подожди.

Даг послушно сел обратно.

— Достигли ли вы каких-нибудь успехов в исправлении вашей асимметрии?

Даг пожал плечами.

— Не могу этого сказать. — Это звучало лучше чем «Я об этом почти не думал».

— Попробуйте сейчас.

Даг положил свою правую руку и попытался вызвать проекцию Дара с тем же отсутствием результата, как и раньше.

— У-гу, — сказал Аркади и отошел, чтоб порыться на полке.

Он вернулся с парой кусков веревки и перочинным ножом. После того, как одну веревку привязали к крюку Дага, он завел левую руку Дага за спину и крепко привязал ее к спинке стула и вокруг, стараясь закрепить как следует. Даг

неохотно помогал ему.

— Как, держит?

Даг подергался.

— Похоже, что так.

— Правая рука свободна?

Даг пошевелил пальцами.

— Угу.

Фаун закончила паковать корзинку с остатками завтрака и скользнула обратно на стул, чтобы понаблюдать. Она встретилась с Дагом взглядом и улыбнулась. Аркади явно придал большее значение, чем полагал Даг, словам Фаун о том, как его призрачная рука проявилась впервые.

Аркади зажег свечу, помахав над ней рукой, сел справа от Дага и взял острый маленький нож.

— Вы говорили, вам доводилось соединять кровеносные сосуды раньше при лечении крестьян?

— Угу, — сказал Даг, наблюдая в тревоге, как Аркади водит лезвием ножа в пламени свечи. — В колене Хога и проломленном черепе Хайкри. Они вытягиваются и закручиваются при повреждении, но концы, кажется, хотят найти друг друга снова. И большие так же. Они становились мельче и мельче до тех пор, что я уже не мог следовать за ними вглубь без риска захвата Дара.

— М-м, да. Я всегда гадал, маленькие артерии

опустошаются в некий резервуар в тканях и потом вены высасывают кровь вновь, или они соединены на всем протяжении, непредставляемо крохотные? Если б только Суто был достаточно обучен, чтоб вытащить меня из захвата Дара, я бы наверное попробовал… Ну, не важно. Сегодня нас это не заботит. — Он помахал ножом в воздухе, чтоб остудить его. — Давайте дадим вам что-то несколько более интересное для работы, чем куски бумаги, м?

Он провел маленьким лезвием поперек тыльной стороны своей левой руки, зацепив крупную вену. Фаун пискнула, когда начала литься кровь. Аркади положил кровоточащую руку перед Дагом.

Даг, глядя на красную струйку со смесью тревоги и раздражения, вновь попытался извлечь проекцию Дара из своей правой руки.

Его левая рука задергалась в путах позади него, но справа… ничего.

— Что, — сказал Аркади, — так и будем сидеть и смотреть, как ваш учитель истекает кровью? Стыдитесь, Даг.

Даг покраснел, скорчил гримасу, сжал и вытянул пальцы. Потряс головой.

— Извините. Мне очень жаль.

Аркади подождал, потом пожал плечами, провел своей правой рукой над левой — вспышка проекции Дара была для Дага едва уловимой — и стер капли носовым платком. Кровотечение прекратилось.

Он наклонил голову и долго изучал Дага проницательным взглядом, заставившим того ощущать себя более чем дураком.

— Да-а, — протянул Аркади. — Возможно… — Взяв второй кусок веревки, он нагнулся к стулу Дага. — Фаун, помогите мне, здесь. Я хочу жестко привязать его ноги к стулу.

— Зачем? — спросил Даг. — Никто не извлекает проекций Дара из ног.

— Предосторожность. Так безопасней.

Фаун дотронулась до плеча Дага, подбодряя его, и склонилась на колени с другой стороны; она и Аркади передавали веревку взад и вперед и обсуждали узлы. Фаун старалась сделать все как можно тщательнее. Даг изгибал шею и пытался увидеть, что они делают, но не мог. Он пошевелил лодыжками в путах — те держали хорошо, и подождал, пока они оба усядутся обратно с обеих сторон. Аркади снова подготовил нож в пламени свечи со скучающим видом.

Потом, внезапно, он перегнулся через стол и

схватил Фаун за руку, дернул ее к себе, прижав ее руку к столу перед Дагом, и резанул по тыльной стороне.

— Оу! — закричала она.

Даг едва не упал, пытаясь вскочить со стула. «Для кого безопаснее, ты, поганец?!» Он забился в путах, царапая узел спереди, дико думая, не выхватить ли Дар куска веревки, потом с трудом перестал раскачиваться, пока Аркади прижимал руку Фаун к столу, сжимая ее, чтоб она кровоточила. Ее глаза были расширены, и она слегка задыхалась, но не пыталась освободиться. Вместо этого она с надеждой смотрела на Дага.

— Ты можешь это исправить. Можешь? — промурлыкал Аркади в правое ухо Дага.

— Будь ты проклят… — прохрипел Даг. Аркади не сговорился с Фаун заранее, не спросил ее разрешения; ее удивление и страдание были непосредственными и громкими в чувстве Дара Дага, пусть она и переборола быстро оба этих чувства. Ее боль осталась, дрожаще-острая, как осколки стекла.

Аркади отпустил руку Фаун и откинулся назад, когда Даг протянул над раной свою правую руку, не касаясь пальцами ее бледной кожи. Порез был едва в полдюйма длиной, точно попавший на

голубую вену. Даг заставил себя дышать, чтоб открыть Дар, чтоб сконцентрироваться. «Глубже и глубже.» Рука Фаун увеличилась в его восприятии, заслонив собой весь мир. Он ощутил сжимающиеся концы вены. Дар его правой руки, казалось, получил прилив энергии и задергался. «Будь ты проклят, Аркади, я ж не умею с этой стороны!..»

Умея или нет, Дагу удалось вытолкнуть свой Дар за пределы кожи. Он поспешно поймал два обрезанных конца большого сосуда, помог им срастись вместе — они, казалось, искали друг друга, и это помогало — и дал сильную поддержку Дара, чтоб удержать их вместе. Хотя нет, не очень сильную, из-за Дара правой стороны. «Так.» Он заставил себя успокоиться, чтобы не обжечь руку Фаун и не причинить больше повреждения, чем Аркади. «Глубже и глубже...» он нашел живые волокна кожи и начал сращивать их вместе. «Немного глубже, еще немного глубже...»

Он вырвался из начинающегося транса не прикосновением Дара, а когда Аркади просто пошлепал его по щекам. Даг заморгал и вывалился в комнату, залитую утренним светом. Он глубоко вдохнул, глядя вниз. Фаун стирала кровь с руки носовым платком Аркади. Ничто не указывало

на нападение, кроме бледной розовой линии.

Даг набрал полную грудь воздуха.

— А вам нравится играть с огнем, правда, Аркади?

Пожатие Аркади было лишено извинений.

— Настало время для вас двигаться дальше. Это сработало, не правда ли? Теперь давайте поглядим на проекцию снова.

Его правосторонняя проекция ощущалась как слабая и неуклюжая, но она была. Снова. И снова. У Дага кружилась голова и его тошнило, когда Аркади, наконец, перестал его донимать и позволил Фаун отвязать его.

Даг встряхнул обеими руками, распрямляя ноющую спину. Единственной причиной, по которой он не встал и не съездил целителю по его находившейся в большой опасности нижней челюсти, была внезапная мысль: «Значит ли это, что мой карантин почти закончен?»

Глава 7

Ярким днем, дышащим обещанием ранней южной весны, Фаун помогала Ноле и Цери, ученицам травника, собрать ручную тележку, чтоб отвезти ее на крестьянский рынок Русла Новолуния. Три девушки поволокли свой груз кругом через хлипкие ворота и вниз по холму на поляну, куда в самый первый день пребывания водили поить лошадей. Ветви деревьев на фоне холодного голубого неба были все еще голыми, но почки набухли и покраснели, и из пожухшей коричневой травы выглядывало несколько зеленых побегов.

Фаун наконец-таки стало понятно, почему кухня шатра целителей всегда столь занята. После приготовления достаточного для нужд лагеря количества лекарств травник и его помощники производили их еще и для того, чтобы продавать поблизости. Некоторые лекарства не слишком отличались от тех, которые составляли тетя Нетти и мама Фаун, но с Даром других работал сам мастер Леван, чтоб сделать их более эффективными и более — кажется, он считал это важным — одинаковыми. В отличие от панацей, продающихся на рынке в Подводном городе — Даг уверял, что у

них состав как у духов, а Барр шутил, что может вы все еще будете болеть после приема, но зато будете слишком пьяны, чтобы это замечать — у лекарств Стражей Озера были ограниченные предписания. Противоглистные для людей, лошадей, скота и овец; эффективные лекарства от болотной малярии и паразитов, не являющихся проблемой в Вест-Блу, но распространенных здесь, особенно длинным жарким летом; горький обезболивающий порошок из коры ивы и мака — Фаун видела такой на севере, его принимал Даг, когда у него была сломана рука; настойка наперстянки от болезней сердца; серый порошок, любимый местными жителями, для посыпания ран против инфекции.

На поляне несколько Стражей Озера развернули пологи под скатами убежища и уселись там за дощатыми столами.

Сегодня они предлагали в основном ручную работу того сорта, что Фаун видела раньше: хорошую кожу, которая не гнила, почти нервущиеся веревки и шнуры, небольшой, но все же выбор инструментов от кузнеца лагеря, которые не ржавели, и ножей, которые не тупились. Фаун помогла двум ученицам разложить предлагаемое из шатра целителей покрасивее, после чего они

все уселись на чурбаки, чтоб дожидаться своих покупателей.

Ожидание было недолгим. Когда солнце миновало зенит, несколько крестьян показалось на поляне, некоторые правили грохочущей тележкой или фургоном, некоторые с грузовыми лошадьми или мулами. День будет медленным, проинформировала Фаун Нола; рынок был более оживлен летом, когда дороги лучше. Большинство людей здесь на обеих сторонах, казалось, уже знали свое дело, так же как и имена друг друга, и сделки заключались быстро и эффективно. Например, две тележки пухлых мешков с зерном были обменяны на несколько бочонков глистогонного для животных и пару бухт нервущихся канатов.

На поляну въехала повозка, раскачивающаяся на рессорах. Ее тянула четверка красивых пегих светлогривых лошадок. Повозка остановилась, и на поляну спустились пятеро людей: очень хорошо одетый крестьянин с седыми прядями в волосах, служанка с маленьким мальчиком, конюх, который немедля начал освобождать и протирать лошадей, и женщина, — очевидно, жена седеющего мужчины.

Она была на полголовы выше него, но так же

хорошо одета, в юбке для поездок, прилегающем жакете и прекрасных ботинках. Ее светлые волосы были уложены в аккуратную прическу. Без смущения она подошла к одному из вооруженных дозорных, прячущихся по краю поляны, и заговорила с ним. Спустя мгновение он кивнул, несколько неохотно, и пошел вверх по дороге.

— Смотри! Она вернулась, — прошептала Нола.

— Вижу, — пробормотала Цери.

Мальчик схватил отца за руку и потащил его по убежищу, чтоб рассмотреть все чудесные вещи на столах. Высокая женщина огляделась и пошла сразу к столику целителей. Фаун выпрямилась и заморгала, когда она подошла ближе. Несмотря на крестьянскую одежду, у этой женщины были точеные черты лица и яркие серебряно-голубые глаза чистокровного Стража Озера.

Она поглядела на Фаун, сидящую через стол, с точно таким же удивлением, как Фаун на нее.

— Отсутствующие боги, — сказала она с изумлением в голосе. — Новолуние теперь принимает крестьян? Какие чудеса!

— Нет, мэм, — сказала Фаун, вздергивая подбородок. Она едва не дотронулась до своего лба, как делал Даг; но потом, опасаясь, что этот жест будет

ошибочно воспринят как насмешка, сцепила руки на коленях. — Я всего лишь с визитом. Мой муж — Страж Озера из Олеаны, однако временно учится настройке Дара у мастера Аркади.

— Действительно!

Не будучи уверенной, что означает это восклицание, Фаун только улыбнулась, как она надеялась, дружелюбно. Потом взгляд женщины остановился на браслете, выглядывающем из левого рукава куртки Фаун, и ее дыхание остановилось.

Она внезапно наклонилась вперед, разглядывая его, затем взяла себя в руки, выпрямилась и указала более вежливо:

— Могу я посмотреть? Это ведь настоящая свадебная тесьма, правда?

Фаун отдернула рукав и положила руку на стол.

— Да, мэм. Мы с Дагом сделали их друг для друга в Олеане.

Прибежал мальчик и, внезапно смутившись, уцепился за юбку матери и уставился на Фаун. Мужчина, идущий следом, собственнически положил руку на запястье женщины.

Краткая неподвижность мелькнула на лице женщины, говоря о том, что она приоткрыла

свой Дар.

— Как? — спросила она удивленно.

— Даг вплел свой Дар в свой браслет обычным для Стража Озера образом. Когда мы дошли до моего, то обнаружили, что мой Дар следует за живой кровью в тесьму, когда я ее плету, а Даг может закрепить ее.

— Кровь! Я никогда об этом не думала…

Мужчина тревожно наблюдал за профилем жены. Она искоса взглянула на него, подняла подбородок и сказала упрямо:

— Это не важно. Мне они не нужны.

Фаун не была уверена, какая эмоция согрела ее взгляд — гордость, или, может быть, облегчение? В любом случае, женщина выбрала немного болеутоляющих порошков, несколько малярийных лекарств и половину их запаса сиропа от тошноты, очень рекомендованного, как недавно узнала Фаун, при утреннем недомогании. Она расплатилась за все это добрыми греймаутскими монетами из тяжелого кошеля, и она и ее муж и сын вернулись в повозку, где служанка раскладывала все для пикника.

— Кто была эта женщина? — спросила Фаун своих спутниц. — Она выглядит как Страж Озера… Она отсюда?

— Была отсюда, — сказала Нола тоном неодобрения. — Она была дозорной, но около десяти лет назад сбежала и вышла замуж — если это так назвать — за этого крестьянина, который приехал с ней.

— Говорят, у него несколько мельниц в городе на Мшистой Реке, — добавила Цери, кивая на повозку, — и он построил ей дом с видом на реку в три этажа высотой, с цветочным садом вдоль реки…

— Ее изгнали?

— Надо было бы, — сказала Нола. — Но ее шатер не подавал жалобу на совет лагеря.

— Изгнание дезертиров — это шутка, — вздохнула Цери. — Едва ли кто-то из них вернется, так что это значит всего лишь, что их родичи по шатру не будут говорить с ними или навещать их на их крестьянской земле. Если их родичи начинают охотиться за ними и приводят их обратно, они просто убегают снова при первой возможности. И едва ли кто-то хочет ловить их и вешать. Некоторые считают, что если кто-то столь недоволен, лучше пусть он уходит до того, как их настроение распространится по лагерю.

— Разве таких, кто ушел, очень много?

Цери пожала плечами:

— На самом деле, нет. Может, дюжина в год?

В сравнении с «Неслыханно!» на озере Хикори Фаун это количество показалось очень большим. И если такова была утечка наружу из каждого лагеря на юге, это, возможно, имело смысл обдумать. Казалось, нарушение барьера между полюсами на воротах лагеря работало только в одном направлении.

Через некоторое время со стороны истоптанной дороги появилось трое Стражей Озера, пожилая женщина и двое светловолосых средних лет. Они уселись на пикник вместе с семьей с Мшистой Реки, тихо разговаривая. Однажды пожилая женщина встала на колени и измерила рост мальчика около своего плеча, потом сказала что-то, что заставило его рассмеяться. А в другой раз женщина-Страж Озера в крестьянском платье положила руку на живот и показала что-то жестами, что вызвало натянутые улыбки у прочих. В конце концов, семья собралась, сдержанно попрощалась, и они уехали. Пожилая женщина, повернув голову, смотрела им вслед, пока они не исчезли из вида, затем эти трое исчезли вновь по дороге наверх.

Спутники Фаун неспокойно поглядывали на движущееся солнце и их сокращающиеся запасы

лекарств и покупателей, когда легкая повозка с запряженной в нее уставшей кобылой въехала в убежище. Кобыла опустила голову и стала щипать скудную траву, а с повозки соскочил молодой человек и выгрузил несколько дощатых ящиков. Он огляделся и понес их к столу целителей, потом вернулся еще за двумя. Фаун мельком увидела, что они были заполнены кучей стеклянных банок и бутылок, упакованных в чистую солому.

Почти такой же запыхавшийся, как его лошадь, парень поставил на пол последние ящики и сказал:

— Я не слишком поздно? Хорошо! У меня монет не много, но, думаю, вот это вам будет полезно.

Цери и Нола и в самом деле обрадовались предложенному бартеру — хорошие стеклянные контейнеры были всегда нужны в шатре целителей — и, обежав стол, уселись на колени рядом с ящиками и стали копаться в них. Взгляд молодого человека уперся в Фаун:

— О, привет! Вы не Страж Озера!

— Нет, сэр. — «Сэр» вышло немного дрожащим, но вреда в этом не было.

Она повторила свою хорошо отработанную речь, повторяемую почти каждому покупателю

сегодня:

— Но я замужем за одним из них. Мой муж — Страж Озера из Олеаны — учится здесь целительству.

— Да ладно! Вы не выглядите достаточно старой, чтоб быть замужем хоть за кем!

Фаун постаралась не смотреть сердито на покупателя. Она решила, что женщина становится взрослой, когда такой замечание вызывает у нее благодарность, но не раздражение.

— Мне девятнадцать. Люди думают, что я моложе потому, что я маленького роста. — Она села прямее, так, чтоб он мог убедиться, что она слишком фигуриста для ребенка.

— Девятнадцать! — повторил он. — О… — Он сам выглядел на девятнадцать, свежелицый шатен с яркими голубыми глазами. Он был гибкий как Вит, но, конечно, выше. — Я надеюсь ваш… м-м… муж должен быть очень важным, раз вас приняли в лагерь. Они обычно не позволяют крестьянам проходить в ворота, знаете ли.

Фаун пожала плечами.

— Новолуние не приняло нас как членов лагеря или кого-то вроде. Мы всего лишь на время. Даг нашел мне работу здесь, когда у меня вышел запас пряжи и я стала скучать по дому. Раньше он

был дозорным в Олеане, но сейчас он чувствует призвание стать целителем. Для крестьян, — добавила она горделиво. — Никто не делал этого раньше.

Его рот приоткрылся от удивления.

— Но это невозможно! Крестьяне сходят с ума, если Стражи Озера колдуют на них.

Удивительно точный отзыв, но, может быть, он был близким соседом и потому лучше информированным, чем большинство.

— Даг думает, что разгадал расколдовывание, понял как сделать чтобы этого не происходило. — Она добавила честно: — Он еще не знает, причинит ли это какой-то вред Стражу Озера. В медицине он всего лишь новичок. Но он думал, что сможет это сделать… Он считает, что крестьянам Олеаны нужно гораздо больше рассказывать о Стражах Озера, из-за того, что у нас рождается так много Злых — зловредных привидений, и опасно для людей оставаться такими несведущими. Он думает, что лечение проложит ему дорогу к тому, чтоб учить людей.

— А там действительно… с привидениями так плохо всё?

— Нет, потому что дозор Олеаны их сдерживает, но их работу можно сделать проще.

Молодой человек потер губы.

— Пара моих друзей все говорят о том, чтоб прогуляться по Тракту, может быть, двинуться в Олеану. Это правда, что там есть свободная земля и ее можно просто занять?

— Ну, вы регистрируете вашу заявку у ближайшего деревенского клерка и вычищаете все деревья и камни, корчуете пни. Это земля требует усердной работы, да. Двое моих братьев заводят ферму таким образом, прямо на краю большого леса, который все еще держат Стражи Озера. Мой старший брат получит ферму папы, конечно.

— Да, мой тоже, — вздохнул молодой человек, и добавил после некоторой паузы: — Между прочим, меня зовут Финч Бриджер. Дом моих родителей примерно в десяти милях в ту сторону, — он махнул рукой на юго-восток.

— Я — Фаун Блуфилд, — ответила Фаун.

— Рад познакомиться. — Он дружелюбно протянул огрубевшую от работы руку; Фаун пожала ее и улыбнулась. Спустя мгновение он добавил: — А зимы в Олеане суровые?

— Даг говорит, вовсе не настолько, как на севере, к Мертвому озеру. К ней готовятся. Хранят запасы еды, корма и дров, делают теплые вещи.

— И там снег?

— Конечно.

— Я снег только раз видел, да и то он исчез к обеду. В это время года у нас вместо него обычно просто холодный дождь.

— Зимой хорошее, спокойное время. И здорово кататься в санях. Папа вешал на упряжь колокольчики… — Неожиданный спазм ностальгии пробился в воспоминания Фаун.

— Ух, — сказал Финч, явно пытаясь представить это. — Звучит мило.

Нола и Цери закончили подсчеты и вернулись к столику. Финч порылся в карманах и выложил несколько монет вдобавок.

— Давайте поглядим… Мне нужно это, и это… И без этого мне не обойтись, или меня прикончат.

Он забрал весь их оставшийся запас противорвотного. Фаун подняла брови:

— Вы также не выглядите достаточно старым, чтоб быть женатым.

— Хм? О. — Он покраснел. — Это для моей невестки. Она снова ждет прибавления, и ей так плохо, что едва голову поднимает. Вот поэтому я все бросил и приехал сегодня.

— Ну, тогда этот прекрасный сироп поможет ей нормально есть и к ней вернутся силы. Он даже на вкус приятный, для лекарства-то. — Фаун

хотела бы, чтобы у нее он тоже был в свое время. Она изгнала печальные воспоминания.

Ее собственное дитя было потеряно для нее до того, как стало чем-то большим, чем тошнота и общественное порицание; у нее не было надобности представлять ее себе как яркоглазую маленькую девочку ростом с сына-полукровку той женщины из Стражей Озера.

Юный Бриджер аккуратно упаковал свои лекарства в тележку, затем два раза прогулялся к столам на другой стороне убежища, оттащив полдюжины пухлых мешков, похожих на набитые наволочки. Фаун не видела, что он получил взамен, но он вернулся к ее столику с похожим едва наполненным мешком. Он протянул его ей.

— Вот. Это вам.

Фаун заглянула внутрь и увидела несколько фунтов промытого хлопка.

— А что еще вам нужно? Я не знаю, насколько он ценен. — Она взглядом попросила помощи у Нолы.

— Ничего. Это подарок.

— Для меня? — удивилась Фаун. Он резко кивнул. — Я не могу это принять!

— Это остатки. Нет смысла опять тащить их домой.

— Ну… Спасибо!

Он снова кивнул.

— Ну. Хм. Было приятно поговорить с вами, Фаун Блуфилд. Надеюсь, у вас все сложится. Когда вы отправляетесь на север?

— Я пока не знаю. Это зависит от Дага.

— Хм. О. Конечно. — Он неуверенно насупился, будто желая сказать что-то еще, но потом поглядел на солнце, улыбнулся ей еще раз и убежал.

Еще через полчаса последний крестьянин купил последний товар, оставшийся на столе, — банку пурпурной мази для лошадиных колен — и уехал. Все три девушки помогли оставшимся Стражам Озера убрать столы и развернуть пологи. Цери и Нола были рады хорошему улову звонких монет за день так же, как и ценному стеклу. Они потащили тележку, нагруженную всем, что наменяли, по истоптанной дороге. Фаун посмотрела через плечо на убранную поляну, думая при этом «Это место — не то, чем кажется на первый взгляд».

Так ли было везде? Она вспомнила маленькую речку под фермой в Вест-Блу зимой. Все твердое, жесткий лед, кажущийся совершенно неподвижным — но с водой, текущей внизу и втайне подтачивающей его силы до тех пор, пока одна-

жды он весь не шел трещинами и не смывался неровными кусками. Как близки были лагеря южных Стражей Озера, чтобы расколоться таким же образом? Это была тревожащая мысль.

* * *

Даг наблюдал, как Фаун раскладывает содержимое обеденной корзины по столу, когда далекий звон колокола разорвал тишину.

Аркади вскочил на ноги, уронив бутерброд с сыром, хотя он отхлебнул глоток горячего чая до того, как сказать Дагу:

— Пойдемте. — И, после короткого раздумья: — Вы тоже, Фаун.

Они выскочили на дорогу к шатру целителей. Аркади шел быстрым шагом и несколько запыхался, когда они столпились у двери и попытались войти все одновременно. Он схватил Дага за руку.

— Я думал, у нас есть еще минимум неделя чтоб потренировать вас, — пробормотал он. — Ничего, вы справитесь. Давайте, делайте в точности то, что я вам скажу, и не волнуйтесь. Снимите крюк, он только помешает.

— А что по поводу моего загрязненного Дара?

— В следующие полчаса у нас будут более важ-

ные заботы.

Даг закатал рукав и стал снимать протез на ходу.

Он узнал беременную женщину на носилках и ее родственников, несущих их, почти так же быстро, как Аркади, потому что посещал их ежедневно вместе с ним.

К некоторому неудовольствию Дага, Аркади с момента его прибытия таскал его на каждые роды в Русле Новолуния. Даг, будучи перепуганным молодым дозорным, однажды принял ребенка на Большой Северной дороге под указания его взбешенной, но, к счастью, опытной матери, так что это уже не было для него настолько смущающе, но он все еще чувствовал себя незваным гостем в шатрах этих женщин. Двое родов прошли нормально, и у Дага не было иных задач, кроме как сидеть тихо, слушая инструкции Аркади, и стараться не маячить. На третьих ребенка нужно было передвинуть в лучшее положение внутри тела его матери, что Аркади выполнил с помощью комбинирования рук, Дара и, Даг был почти в этом уверен, поучений.

Все это было куда более сложным процессом, чем представлял Даг.

«Что, думал, женщины там соломой наби-

ты?» колко спрашивал Аркади. И продолжал объяснять, что примерно раз в год все ученики целителей в этом районе собираются, чтоб наблюдать за препарированием человеческого тела, когда кто-то завещает свое тело для этой цели, и при этом весь двигающийся, мерцающий Дар юных целителей непосредственно направлен на изучение тайной физической структуры, которая его производит.

Аркади обещал — или угрожал — что Даг непременно будет наблюдать следующую такую демонстрацию. Но сегодня Даг сможет взглянуть внутрь все еще живого тела. Возможно.

Сложность Тавы Килдир напугала Дага. Таинственная питающая плацента выросла в отверстии матки вместо того места, где ей полагалось быть. При таких родах поддерживающий орган должно было разорвать задолго до того, как ребенок окажется снаружи и сможет дышать; без помощи результатом стало бы посиневшее мертвое дитя и мать, стремительно истекающая кровью до смерти. Предложенный выход был решительным: вырезать ребенка прямо из живота его матери. Шанс ребенка выжить при этом способе был хорошим; для матери — низким; без работы с Даром — невозможным. Сейчас Даг

понимал, почему Аркади заставлял его так серьезно учить контролировать кровотечение на их практических занятиях.

Родственники Тавы, Челла и Аркади — все вместе подняли беременную женщину на кровать высотой на уровне талии в дальней светлой комнате. Челла успела обмыть ее туго натянутый живот спиртом, пока ее сестра снимала с нее одежду. Между ног ее одежда пропиталась ярко-красной кровью.

«У нее даже нет с собой приготовленного разделяющего ножа, и ее родственники ни одного не носят. У северной женщины бы был…»

— Сюда, Даг, — рявкнул Аркади. — Откройтесь. Глубже и глубже. — Он схватил левую руку Дага и расположил ее над нижней частью живота Тавы. Комната откачнулась прочь; до того, как Даг закрыл глаза, чтоб сконцентрироваться на Даре Тавы, он уловил вид ее бледного лица и сжатых челюстей, сдерживающих крик.

Ее сестра держала одну руку с побелевшими костяшками, ее испуганный муж — другую, а подмастерье Челлы убеждал ее разжать зубы, чтоб дать ей закусить кожаную полосу. Последний раз Даг видел такое выражение лица у дозорного рядом со Злым. Вызывающе широко открытые

глаза, глядящие в смерть.

Голос Аркади в его ухе:

— Плацента разорвалась слишком быстро и кровоточит снизу. Позвольте проекции своей левой руки нырнуть глубже. Распространите ее так далеко как сможете. Держите давление так же, как при остановке кровотечения любых других ран, но только работая изнутри. Хорошо…

Даг изогнул свою призрачную руку как широкий лепесток лилии, нажимая изнутри матки Тавы. Проекция его правой руки делала то же самое с противоположной стороны, обеспечивая давление с двух сторон. Поток крови между ее ног снизился до струйки. Уголком одного глаза, едва открытого, он увидел как Челла наклонилась, вспышку острого ножа, так же хорошо ощущаемого, как и плоть.

Два разреза, один на брюшине, другой на самой матке. Аркади работал напротив, следуя за лезвием своими руками-проекциями, останавливая кровотечение. Даг уловил мимолетно крохотное, пурпурно-скользкое тельце, выскальзывающее из разреза ногами вперед, вспышку детского потревоженного, но живого Дара. Чьи-то руки приняли его у Челлы. Шум удушья, тонкий плач.

— Один готов, один остался[3], - пробормотал

Аркади.

Боль и страх Тавы заполнили Дар Дага, который он совместил с ее Даром настолько плотно, насколько мужчина может совместить свой Дар с женским. Он думал о выражении ее лица и терпел. Он должен был наглотаться подобного раньше, при лечении «раз и готово» ранений в дозоре. Сестра и муж также делили с ней количество боли и стресса, и при таком разделении Тава уже могла их перенести; главный целитель ухитрялся закрыть Дар от боли, но не от человека, и непоколебимо работал.

Даг надеялся, что пара людей следила за тем, чтобы не возникло общего захвата Дара всей группы.

Такое разделение выносили не все. Два ученика травника должны были удерживать лодыжки Тавы. Одна из них была сейчас в углу, склонив голову и рыдая, борясь с черной слабостью, с крепко закрытым Даром; ее место заняла Фаун с упрямым выражением лица.

Она улыбнулась, когда он искоса взглянул на нее, решительно и украдкой. Даг вспомнил том, что может дышать.

— Сейчас, — пробормотал Аркади на ухо Дагу, — вы должны позволить плаценте выйти,

не ослабляя давления, так что мы сможем извлечь ее оттуда и срастить разрезы. Позвольте своей проекции провалиться в ткани… Немного потянем за пуповину, о, хорошо, у нас вся она… правильно… держим…

Аркади и Челла вместе закрыли внутренний разрез, он снова соединил ткани вместе хрупким сращиванием, она дала сильную поддержку Дара. Потом брюшную полость, шов здесь накладывался физически, изогнутой иглой и стежками. Еще раз обмыли сморщенный дряблый живот спиртом, затем сухой тканью и одеждой. Грудь Тавы вздымалась, слезы боли стекали по ее щекам, но ее глаза горели и она слабо кивнула, когда ее сестра показала ей завернутую в одеяло краснолицую маленькую девочку. Ее муж, ошарашенный, плакал не стыдясь. «Проклятье, и ты бы тоже плакал», подумал Даг без неодобрения.

Малая вечность прошла до того, как Аркади снова зашептал в ухо Дага:

— Ослабляем понемногу, давайте посмотрим, что у нас есть. Кровеносные сосуды в стенке матки должны закрыться самостоятельно на этом этапе — это их фокус. Ага. Да. Похоже, они ведут себя пристойно…

Даг медленно высвободил свою призрачную

руку. Широкая естественная рана, оставленная плацентой внутри тела Тавы кровоточила, но не сильно. Она сдержала крик, когда он разорвал связь их Дара, вернув ей ее боль. Он отшатнулся, и женщина из родственников приблизилась, чтоб взять на себя заботу об оставшемся.

Даг заморгал, вновь осознав свое трясущееся тело, холодное как глина. Фаун появилась под его плечом. Они прошли через комнату и оказались на ярко освещенном крыльце до того, как он перегнулся через перила и его вырвало. Солнце странным образом все еще было в зените. Дагу казалось, что уже должен быть закат.

Аркади вышел и протянул ему чашку горячего чая. Его рука слегка тряслась.

— Вот.

Даг схватил ее и с благодарностью отхлебнул. Аркади уселся в сиденье у стены, согретое почти весенним солнцем, а Даг сел рядом, а Фаун уселась, поджав ноги, с другой стороны от Дага.

— Это было все равно что сбросить вас в воду там, где поглубже. Но я рад, что вы сегодня были здесь. Нечасто нам удается победить при таких шансах, — сказал Аркади.

На этот раз, заметил Даг, он не обвинял его в неэлегантной неэффективности.

— Тава выживет?

— Если инфекция не попала внутрь. Я буду посылать каждого, кто может оказать подпитку Дара, в ее шатер по очереди следующие пару дней. — Он добавил, помолчав: — Вы хорошо держались, дозорный. Обычно моих учеников начинало шатать, когда при них впервые кого-то резали ножом.

— Полагаю, я старше, чем обычно бывали ваши ученики. — Даг поколебался. — И я резал раньше людей ножами. Правда, никогда не делал этого для того, чтобы спасти им жизнь.

— А, — Аркади отхлебнул чай.

Даг разделил чашку с Фаун и задумался о других сложностях вынашивания детей, которые раньше описывал ему Аркади. Преждевременное отторжение плаценты от стенки матки; смертоносное кровотечение, скрытое до того, пока не становится слишком поздно; дети, удушившиеся пуповиной; слишком крупный ребенок, чтоб пройти таз матери. Без работы с Даром крестьянские акушерки иногда должны убивать такого ребенка в теле матери и извлекать его мертвым. Даже с работой с Даром иногда это был единственный путь.

— Как вы делаете выбор? Одну жизнь за дру-

гую? — Даг гадал, понял ли Аркади, что его вопрос был прикладным, а не заданным от отчаяния.

Аркади потряс головой.

— Обычно по лучшему шансу. Он меняется, и часто не можешь знать, пока ответственность не ляжет прямо на тебя. — Он заколебался. — Есть кое-что другое, что ты должен об этом знать. И это не выбор.

Иногда — к счастью, очень редко — плацента вообще не врастает в матку, но укореняется в той маленькой трубе, идущей к сияющему органу внизу. Ребенок не может быть рожден оттуда, не может выжить. Вместо этого он растет, пока не разорвет материнский орган изнутри, и тогда женщина умирает от кровотечения и воспаления. Это ужасная боль и страх. Это не быстрая смерть и не милосердная. Если вы когда-нибудь столкнетесь с этим, вы должны немедля забрать Дар жизни плода.

Не позволяйте матери или родственникам спорить с вами. Возможно, у вас получится уговорить материальные фрагменты спуститься в матку, чтобы они могли выйти при ее следующих месячных, хотя чаще к тому времени, когда вы это видите, труба уже разорвана и все, что вы можете сделать, это давать подкрепление Даром

и надеяться, что тело само приберет весь мусор.

— Вырвать Дар, — сказал Даг пересохшими губами. — Как Злой. — В точности так, как Злой из Глассфорджа поступил с ребенком Фаун; по ее окаменевшему лицу было понятно, что она думает о том же.

— Забрать Дар, — сказал Аркади, — как настройщик Дара. За сорок лет я видел такое только трижды, и спасибо отсутствующим богам, что в первый раз я был со своим собственным учителем, который объяснил мне это. Иначе я не смог бы этого сделать.

— Значит, этот Дар… останется во мне.

— Как и все ваши эксперименты с едой. Боюсь, что так. Он быстро абсорбируется. — Но, кажется, не быстро забывается, судя по слабой тени, пробежавшей волной по яркому Дару Аркади.

Даг отправил глоток чая навстречу поднимающемуся содержимому желудка. Фаун выдернула чашку из его пальцев и отпила тоже, возможно по той же причине.

— Я никогда не был уверен, — сказал Аркади, — молиться ли мне о том, чтоб никогда не сталкиваться с этим вновь, или о том, чтоб следующая женщина, по крайней мере, встретила меня. Вовремя.

Даг всегда знал, что главный целитель не обсуждает с посторонними секреты своего искусства. Он начал понимать почему.

— Я всегда думал, быть целителем менее мучительно, чем дозорным.

— Сегодняшний день был счастливым. — Аркади допил чай и тяжело поднялся. — Держитесь за эту мысль.

Даг последовал его примеру. Впервые за все время он задумался, почему умница Аркади не был женат. С тех пор как он прибыл в Новолуние, он был настолько зверски занят, что не заметил этого необъяснимого отсутствия. Нужно спросить Челлу, решил он. Когда-нибудь потом. Потому что некоторые возможные ответы прямо сейчас он слышать не желал.

* * *

Спустя два вечера Даг сидел с Аркади за круглым столом и старался перебороть сам себя. Или, по крайней мере, проверял свою правую проекцию Дара против своей же левой. Левая сторона всегда выигрывала, и это несколько раздражало. Он посмотрел на Фаун, сидящую у огня и прядущую хлопок, который получила на крестьянском рынке, и подумал, что мог бы придумать лучшие

упражнения, очень эффективные, и отправиться в постель пораньше с ней в то же время.

Аркади откашлялся, когда проекции угасли от невнимания Дага. Но до того, как Даг поправился, раздался стук в дверь. Аркади кивнул, и Даг поднялся открыть.

Двое людей, сказал ему наполовину свернутый Дар. Без срочности, не как большинство вечерних визитов к Аркади. Он открыл дверь, чтоб найти там, к своему удивлению, мужа и сестру Тавы Килдир.

— Привет, ребята! Заходите.

Сестра Тавы помотала головой:

— Мы не можем остаться. Но шатер Килдир желает, чтоб у вас это было, Даг. — Она сунула длинный узкий сверток, завернутый в подшитую ткань, ему в руки. — Мы слышали, что вам это нужно.

«От кого слышали?..» Даг, взяв сверток, сразу же понял, что внутри.

— Двоюродный дедушка Тавы оставил это шатру год назад или около того, — объяснил ее муж. — В юности он был дозорным по обмену на севере.

— Ну что ж… Спасибо! — Едва ли он мог отказаться от этого дара, даже если бы хотел. А он не

хотел. Неуверенная улыбка тронула его губы. — Поблагодарите ваш шатер… и Таву.

— Мы так и сделаем. — Молодой отец и тетя ушли в прохладный вечер, счастливые, избежавшие потери.

«Да…» подумал Даг, сжав руку вокруг свертка.

Он принес сверток на стол и развернул его в свете лампы. Фаун подошла к его плечу, улыбаясь его улыбке. Ее улыбка погасла, когда из свертка появилась человеческая бедренная кость. Даг провел рукой по ее гладкой поверхности: чистая, сухая, обработанная и готовая к вырезанию нового ножа. А еще крепкая; кости, пожертвованные слишком старыми людьми часто были слишком хрупкими и непригодными для вырезания. Кто-то выцарапал имя донора и название шатра иглой на конце. Эта часть кости будет отрезана, когда кости придадут форму для убийства Злого. Даг решил выжечь имя на законченной стороне лезвия, чтобы оно осталось в памяти.

Далеким и каким-то натянутым голосом Фаун сказала:

— Ты собираешься сделать из этого нож?

— Да. Мастер Вейв сказала, в целом, что поможет мне, если у меня будет кость. — И это не был урок как быть осмеянным — во всех смыслах.

— И привязать его?

— Да. — Он погладил гладкую поверхность. — Это почетный дар. Понимаешь, он правильно чувствуется. В таких личных вещах очень хочется правильных чувств.

Кости Крейна, к примеру, зарытые вместе с ним на отмелях Грейс, ощущались бы… ну, Даг не был полностью уверен, как они ощущались бы чужаком, но его они вогнали бы в ужас.

Фаун укусила себя за губу, набрала воздуха:

— Я знаю, что ты хотел этого, и я не могу тебе запретить. Но… обещай мне, что ты не станешь его заряжать, пока я сама не похоронена и дышу!

— Я тоже этого не хочу, Искорка. — Но после того, как она… Думать об этом было невыносимо. При естественном ходе событий было более вероятно, что они состарятся вместе.

— Я просто вспомнила эту ужасную балладу.

— Какую ужасную балладу?

— О двух дозорных.

Это не сильно сузило выбор, но он понял, что она подразумевала — драматическую историю о напарниках, отделившихся от своего дозора и нашедших опасного Злого. Никто из них не обладал заряженным ножом, но у обоих был привязанный пустой. Спор о том, кто из них пожертвует

собой тут же на месте, а кто отнесет горестную весть вдове или нареченной (в зависимости от результатов спора), занимал три душераздирающие строфы. Это была известная песня на севере; люди под нее танцевали. Не то чтоб похожих событий не случалось в настоящей жизни вовсе, но Даг подозревал, что обстоятельства не складывались настолько одно к одному.

— Это же только песня! — запротестовал он. Она упрямо поджала губы.

— Все равно обещай.

— Обещаю, Искорка. — Он поцеловал ее губы, чтоб смягчить их. И после того, как она отодвинулась, чтоб заглянуть ему в глаза и потом кивнула, добавил: — Можешь быть твердо уверена.

Глава 8

Фаун вернулась поздно вечером из шатра целителей вместе с Дагом и Аркади — сегодня там был еще один ребенок с упрямой лихорадкой — чтоб найти корзинку с ужином, оставленную у их двери, с прикрепленным к ней письмом.

Аркади прочитал надпись на конверте и поднял брови.

— Это вам, — сказал он, протягивая его Фаун. — Должно быть, курьер принес.

Удивленная, она прочла на конверте имя свое и Дага, шатер Аркади, лагерь Русло Новолуния, надписанные неразборчивым почерком Вита. Вит неохотно писал письма; любое письмо от него было важным. Она забрала его на круглый столик, пока Аркади разжигал огонь, чтоб заварить свой бесконечный чай. Даг поставил корзину, зажег пару настольных свечей, потом подошел к ее плечу и озабоченно спросил:

— Неприятности?

— Нет, в самом деле нет, — ответила она, наклоняя бумагу, чтоб изловить мерцающий свет. Каракули Вита были на самом деле разборчивыми, если сначала как следует поломать глаза.

— Вит пишет, Берри нашла покупателя на «Надежду», который хочет превратить ее в плавучий дом.

«Надежда» была построена гораздо лучше, чем большинство кустарных построек, пригоняемых с ручьев верховий Грейс отважными парнями с холмов Олеаны. Берри, должно быть, счастлива оттого, что последнее судно ее папы не пойдет на лесоматериал или, хуже того, на дрова. Козу Дейзи продадут вместе с ее плавучим домом, увы.

— Еще он пишет, что Берри нашла им всем работу у шкипера на килевой лодке, которому можно доверять, он скоро идет вверх по реке, пока еще зимой спокойно. Все вместе: Вит, Бо, и Хог идут матросами, Готорн юнгой, а она скрипачом. — Берри должна была вытребовать ровно столько спальных мест, хотя когда бы она нашла их — было все еще неизвестно в тот момент, когда Даг и Фаун оставили Греймаут. Вит тогда поговаривал о том, чтоб всей командой устроить давно обсуждаемую сухопутную поездку по Тракту, но теперь с деньгами будет намного лучше. — Вит пишет, если мы хотим передумать, мы должны встретиться с ними в Греймауте до конца недели, а если нет — то дать ему знать письмом, когда мы вернемся в Клиркрик.

— А, — сказал Даг.

Она взглянула на него.

— Я, наверное, поскорее напишу ответ, а то письмо не успеет дойти к нему до отплытия. Так… что мы будем делать, Даг? Когда мы уехали в Новолуние, я думала, что это только на несколько дней, но мы здесь уже больше месяца.

Даг задержался с ответом, пока мыл руку в раковине перед ужином — ритуал, на котором Аркади настаивал более чем с материнской твердостью.

Фаун последовала его примеру. Они разложили содержимое корзины, и Аркади принес чай до того, как Даг заговорил.

— Едва ли я закончил обучение на целителя.

Аркади, разливая чай, фыркнул:

— Едва ли вы начали. Я даю вам два года. Большинству учеников требуется три или четыре.

— Два года! — сказала Фаун.

Даг только кивнул:

— Начинаю видеть почему…

— В самом деле, — сказал Аркади, — целители никогда не перестают учиться друг у друга и у своих пациентов. Обычные хвори становятся рутинными очень быстро — и, я скажу, вы самый непреклонный ученик из тех, что у меня были — но некоторые случайности ускорить нельзя.

Вы просто должны будете ждать, пока они не произойдут.

Даг откусил от своего бутерброда, прожевал, проглотил.

— Когда, по вашему мнению, я буду готов, чтоб приступить к действительной работе с Даром?

Аркади ответил не сразу. Вместо этого он отправился к своим полкам, извлек знакомую книжечку и пролистал страницы. Он спокойно осматривал Дага с минуту — весьма лишающую спокойствия минуту, потом, с опасностью набросать крошек в чернила, набросал несколько слов и подул на страницу, чтоб высушить ее.

— Завтра, — сказал он.

Даг выглядел удивленным, но был рад.

— А как же мой так называемый загрязненный Дар, о котором вы так беспокоились?

— Как я и надеялся, лучшим лекарством оказалось время. Ваш Дар прекрасно очищается самостоятельно и будет продолжать делать это, пока вы не загрязните себя снова. Постоянной заботой о нем, конечно, станет перестать это делать.

Даг задумчиво отпил чаю.

— Этого… недостаточно, Аркади. Если я собираюсь лечить крестьян и не оставлять их сходить с

ума заколдованными, значит я собираюсь принимать самые разные фрагменты странного Дара.

Аркади сердито посмотрел на него.

— Раньше это все смешалось вместе в моей голове, — продолжил Даг, — но, оглядываясь назад, я все меньше и меньше уверен, как много моей расстроенности произошло из-за принятия странного Дара и как много — просто от взаимодействия с Крейном и его бандитами. Этого было достаточно, чтоб любой думающий человек заполучил кошмары.

— Разум и Дар — и эмоции — пересекаются на самом глубоком уровне, — уступил Аркади. Он странно взглянул на Фаун.

Даг кивнул:

— Потому что после всего, что я принял — за исключением Крейна — мне показалось, что это сделало меня сильнее и улучшило работу с Даром на всем пути вниз по реке. Ну, не считая того, что он был неаккуратным… так что же по поводу того, что иметь грязный Дар не соответствует тому, чтоб заниматься целительством?

— Каждый кусочек странного Дара, который вы принимаете, меняет ваш собственный — вот таким образом это работает. Результат — неконтролируемый риск.

Даг нахмурился:

— Все, что я делаю и изучаю — проклятие, да каждое мое дыхание — изменяет мой Дар. Он не может не меняться, пока я жив. Может быть, с грязным Даром можно просто жить, так же, как с тараканами, волдырями, погодой и усталостью в дозоре?

— Грубый, но эффективный подход сгодится для дозора. Но не для деликатного контроля, необходимого при настройке Дара.

— Настройка Дара такая же не слишком приятная и деликатная, как все то, что я видел раньше.

— Ваша проекция меняет все, до чего вы ей дотронетесь.

— Моя рука изменяла все, до чего я ей дотрагивался. Всегда изменяла. В любом случае, я хочу изменить людей.

— Даг, вы не можете лечить крестьян. Не в Русле Новолуния.

— А что, если Фаун заболеет? Я, конечно, буду ее лечить!

Аркади отмел этот довод прочь.

— Это другое.

— Да? Почему? В отношении Дара.

Аркади вздохнул и потер бровь.

— Видно, мне нужно прочитать вам вводную. Обычно для моих подмастерьев она начинается со слов «Когда я был в вашем возрасте…», но для вас это не подойдет.

— Когда вы были в моем возрасте? — предложила Фаун услужливо. Аркади окинул ее взглядом.

— Немного старше. Совсем немного, признаю.

Даг откинулся назад и занял свой протестующий рот другим куском хлеба. Он кивнул Аркади в знак того, что слушает с полным вниманием.

Аркади набрал воздуха в грудь:

— Когда я был гораздо моложе, глупее и гораздо энергичней, я со своей женой вместе обучался на целителя в лагере под названием Топориная Топь, который примерно в ста пятидесяти милях к северу отсюда.

«Жена?..» Фаун не замечала ни малейшего признака госпожи Аркади с тех пор как приехала и не слышала о ней ни единого слова, что было еще более примечательно. Даг понимающе кивнул… в плане географии? Или чего-то еще? Она не была уверена, видел ли Аркади, как Даг при этих словах слегка вздрогнул. Истории о злой судьбе первых жен действовали на Дага похожим образом. Фаун сглотнула и промолчала.

— Мы вдвоем только недавно пришли к полной

силе целителя. У Брины был особенный талант по женским заболеваниям. Уже были намеки на то, что я стану настройщиком Дара, когда полностью раскроюсь. Казалось, у нас больше энтузиазма, чем у больных или раненых в Топориной Топи. Излишек энергии, который сейчас сложно представить…

Будучи молодыми, мы говорили о проблемах наших соседей-крестьян. Она думала, что это великая идея — предложить им лечение. Возможно, поставить небольшой шатер целителей на крестьянском рынке лагеря, рядом со столиком с травами и лекарствами. Наши учителя были решительно против этой идеи еще до того, как она стала более чем разговором, конечно, но вы можете видеть, как далеко мы ушли в раздумьях. Ваши идеи не новы, Даг.

Глаза Дага вспыхнули.

— Но с расколдовыванием это действительно можно делать!

Аркади сделал небольшой жест, означающий «подождите остального».

— Отчаявшаяся крестьянка, у которой умирал муж и которая слышала наш злосчастный разговор, пришла к Брине за помощью. Та отправилась с ней.

— Это одна их историй о тех, у кого не получилось, и на них за это возложили вину? — тяжело сказал Даг. Фаун вздрогнула. Обвинения в черном колдовстве могли привести к тому, что одинокого Стража Озера избивали — или сжигали заживо, если толпа была достаточно разъяренной. Поймать Стражей Озера парой или группой было гораздо сложнее.

— Нет. У нее все получилось. Мужчина даже не остался заколдованным. — Аркади еще раз глубоко вдохнул, как бы набираясь мужества. — Поползли слухи. Пришел еще один обезумевший крестьянин и еще один. Я стол ходить к ним вместе с ней. Одна больная женщина осталась глубоко заколдованной и начала все время приходить в лагерь. Ее муж решил, что ее соблазнили, устроил засаду и попытался меня убить. К счастью, поблизости оказалось несколько дозорных, которые спасли меня и прогнали его.

Это все дошло до апогея тогда, когда на воротах лагеря был бунт, устроенный родственниками каких-то отчаянно больных людей, они пытались прорваться и силой увести нас. Он был отражен с множеством разбитых голов на обеих сторонах — был убит один дозорный и двое крестьян. Совет лагеря решил выйти из тупика, и ночью нас

вывезли контрабандой. Мы были тихо перевезены в лагерь на Мшистой Реке, чтоб продолжать учиться там. Стражи Озера Топориной Топи запутывали всех, кто нас искал. И это был конец наших экспериментов с крестьянами. — Аркади сел прямо и пригвоздил Дага взглядом. — Я не позволю вновь оживить этот кошмар. Вы будете держаться подальше от крестьян, пока находитесь в Русле Новолуния. Достаточно ясно?

Даг коротко кивнул как некий несчастный, но дисциплинированный дозорный.

— Да, сэр.

Аркади сказал умиротворяюще:

— Конечно, это не касается Фаун. За ней не придет ревнивый крестьянский супруг, и родственников здесь, чтоб разжечь бунт, у нее нет. Едва ли она создаст проблемы лагерю. — Он добавил после некоторой задумчивости: — По крайней мере, таким образом.

Брови Фаун вздернулись в недоумении.

— А что случилось с вашей женой, сэр?

Даг настойчиво помотал головой, но она не была уверена, значило ли это «Не спрашивай!» или «Я потом объясню».

Но Аркади ответил только:

— Сейчас она работает в лагере на Мшистой Ре-

ке. — Голос и выражение лица его были ровными и непривлекательными, так что Фаун проглотила дюжину возникших у нее вопросов.

— Будучи гостями здесь, — сказал Даг, — Фаун и я, конечно, обязаны следовать правилам вашего лагеря. Я не доставлю вам неприятностей, сэр.

Фаун совершенно не была уверена, как понять скептический подъем бровей Аркади, но его напряжение ослабло; он принял обещание Дага и кивнул. Целитель открыл было рот, как если бы хотел добавить что-то, но, видимо, подумал лучше и вместо этого запоздало принялся за свой ужин.

* * *

У Фаун не было возможности расспросить Дага, пока они не улеглись в свою постель в запасной комнате в самом дальнем углу дома.

— Так что же там с госпожой Аркади? Целительницей госпожой Аркади, наверное. В одну ужасную минуту я подумала, что Аркади нам расскажет, что ее крестьяне убили, но нет.

Даг вздохнул и обнял ее покрепче.

— Я слышал об этом от Челлы несколько дней назад. Вроде бы Аркади и его жена счастливо работали здесь вместе в шатре целителей многие

годы. Они были партнерами так же, как и супругами, настолько же близкими. Но у них была та же проблема, что у Сарри и Утау.

— Не было детей? — Печальное обстоятельство, которое пара с озера Хикори разрешила радикально, приняв в свою семью еще одного человека, кузина Утау, Рази; необычный способ, как поняла Фаун. Но их малыши были прекрасными, пусть и обладали большим количеством родителей.

Даг кивнул:

— Не просто зачать не получалось. Выкидыш за выкидышем, и они становились все хуже, так как она становилась старше. Аркади был особо опечален, по словам Челлы, потому что как главный целитель он думал, что должен это как-то исправить. В самом деле, может, поэтому выкидыши становились все опасней. Если с неприятностью не смириться, становится только хуже. Это нередкая проблема — я сталкивался с ней на севере. Двое особенных людей связывают себя узами, и их родственники счастливо ждут, что будут вылупляться особенные дети, а ничего не происходит. Я и Каунео… — Он укусил себя за губу.

Она дотронулась до его брови.

— Ты не должен рассказывать.

Он благодарно кивнул, но продолжил:

— Мы не настолько долго были вместе, чтоб узнать, не наш ли это случай. Был один месяц, когда мы надеялись… Ну, не важно. Жена Аркади, Брина. Она становилась старше, время шло, и она внезапно попросила его разорвать с ней узы.

«Развод Стражей Озера». Фаун кивнула.

— Я думаю, Аркади не был сильно счастлив, но не сопротивлялся. Они разделили Новолуние и Мшистую Реку между собой, более или менее, и вскорости она связала себя узами с дозорным-вдовцом оттуда. У него было до того двое детей. Думаю, сейчас они уже почти выросли.

Фаун попыталась решить, был ли то счастливый конец истории или нет. Половина его, наверное.

— А ты думал, почему Аркади не женился еще раз?

— Даже мой Дар не может мне помочь понять, что происходит в его голове. Я могу видеть, что он весьма чувствительный человек, и, может быть, это только частично происходит от тренировки его Дара — к той степени, которую я никогда не видел раньше.

— Думаешь, поэтому он так… не знаю, как сказать… аккуратен? Может, беспорядок ранит его

в его Даре?

Он поднял брови:

— Может, Искорка.

Она прижалась ближе, целуя его в ключицу. Его рука сжала ее бедро. Пока они не переключились с разговоров на другой метод общения, она спросила:

— Так что мне написать Виту и Берри?

Он неуверенно вздохнул:

— А что ты хочешь делать, Искорка?

Она лежала в его теплом объятии, воспротивившись своей первой мысли до того, как та спрыгнула с языка. «Я хочу домой» не имело смысла. Ферма в Вест-Блу должным образом будет принадлежать жене ее старшего брата. У Дага было все, но его изгнали с озера Хикори. Весь дом, который у нее был, был прямо здесь под ней, квадрат одеяла на чьем-то полу. И Даг. Для двоих этого было достаточно.

Но не для троих.

Или, может быть, даже больше; в семье Фаун, случалось, рождались близнецы. Два года здесь? Ей это казалось огромным отрезком времени, хотя Даг, без сомнения, видел его всего лишь как загвоздку на своем гораздо более долгом пути. Многое может случиться за два года. Рождения.

Смерти. И то, и другое.

Ее мысли бежали по слишком большому кругу, и у нее не получалось поймать смысл. Она как бы свернула их. День, неделя, месяц, — это было все, что она могла планировать прямо сейчас.

— Я увидела реки, и они все были хороши, исключая одну милю. И море я видела. Я все еще хочу посмотреть на Тракт той долгой весной, что ты… — она поймала слово «обещал» до того, как оно убежит и ранит его, — мне рассказывал. Какая бы весна это ни оказалась.

Он наклонил голову, но молчал.

Аркади сказал, сколько времени потребуется, чтобы Даг стал настоящим целителем. Он ведь не сказал на самом деле, что Даг и его крестьянка-жена приглашены оставаться здесь так долго. Было ли это «я даю вам два года» замечанием или предложением?

Она набрала воздуха:

— Как бы там ни было, я напишу Виту и Берри, что мы не вернемся к «Надежде». — Этот плавучий дом уже может быть передан новому владельцу, а их вещи перенесены на другое судно. — Возможно ли послать письмо отсюда в Клиркрик?

Даг поджал губы, видимо, проверяя свою мыс-

ленную карту — пути курьеров и расположение лагерей.

— Да. Хотя без гарантии того, как быстро оно дойдет.

Фаун кивнула с пониманием. Это была медленная, тяжелая работа отводить лодку наверх по реке: четыре месяца или больше от Греймаута до Трипойнта в сравнении с шестью неделями или около того, требуемых на то, чтоб спуститься вниз. Сухопутный путь по Трипойнтскому Тракту срезал угол речного маршрута и был короче на много миль. Он был быстрее, если ехать верхом или с легким грузом, но недружелюбен по отношению к тяжелым грузам. Они могли оставить Новолуние неделями или даже месяцами позже, считая от настоящего времени, и все еще обогнать Вита и Берри в дороге… домой, тут ее мысли запнулись. В общем, в Клиркрик. Где Вит наконец-то обретет настоящий дом с Берри и Готорном. Она и Даг будут там желанными гостями, Фаун не сомневалась в этом. Она сглотнула.

— Я напишу ему, что если мы не встретимся в Клиркрике к клубничному сезону, то пусть ждет другого письма.

Даг снова кивнул.

Было ясно, что сегодня ночью он не сможет

ответить на вопрос «Даг, что с нами будет?» Она его не задавала. Вместо этого она откинула назад голову и нашла его губы для бессловесного поцелуя.

* * *

Даг взял Фаун с собой к Вейв, чтоб поработать над его новым разделяющим ножом, притворяясь чуть больше, чем на самом деле, что ему нужны ее умные пальчики. Понаблюдав, как Фаун помогает резать и полировать обработанную кость, понимающе, но внимательно ожидая в тишине, пока Даг заякорит спиральность в нож, а потом надрежет свою кожу горячим ножом, чтоб пустить струйку крови на лезвие для привязки, мастер утратила суровость по поводу нахождения крестьянина в своей рабочей хижине. Еще одна маленькая победа доброй натуры и яркого дара Фаун; или, если подумать, как далеко это действие заходило в сердцевину секретов Стражей Озера, может, не такая уж и маленькая.

У Дага не так много времени отняло оправиться от дрожащей боли после размещения спиральности, как тогда, с ножом Крейна — этот был если не элегантен, то, по крайней мере, не так ужасающе перегружен. Он попросил Фаун выжечь шилом,

нагретом на пламени свечи, его имя и имя донора на обеих сторонах кости, затем одолжил подаренный ей на день рождения орех из кармана ее юбки и положил его перед Вейв.

Губы Вейв поджались, когда она рассмотрела и проверила его.

— Что это? Практика в размещении спиральности? Если так, то она тоже слишком густая.

Даг потряс головой:

— Я хотел совершенно иного. Надеялся, что вы сможете подкинуть каких-то идей. Я некоторое время думал о том, чтоб сделать для Фа… для крестьян что-то. Что защищало бы их от Злых, как закрытие Дара защищает дозорных. Не таким же образом; не вижу, как крестьяне могли бы повернуть свой Дар боком к миру так, как делаем мы. Это должно быть что-то иное. Что-то, что сможет сделать любой хороший мастер.

Вейв выглядела удивленной.

— Вы хотите, чтоб мастера Стражей Озера тратили себя, создавая такие щиты для крестьян? Где нам взять столько времени?

— Делать и продавать их, как любые другие предметы, произведенные при помощи Дара.

— Вы ведь знаете, что мы продаем только обычные вещи. Эти ваши щиты… если их вообще

можно сделать… не будут обычной работой.

— Значит, не будем продавать их за обычную цену. — Даг взглянул на свой нож на верстаке, его простые линии повторяли линиям кости, из которой он только что появился. А затем на другой нож, пустой, висящий на стене, который выточила Вейв. Резьба на лезвии была сложной. Позднее он, может быть, будет инкрустирован перламутром или цветными камнями, а рукоятка обмотана текстурной кожей. Некоторые дизайны были эксклюзивными для определенных шатров или лагерей, являя происхождение ножа знающему глазу; по этому признаку всегда можно было на глаз отличить южную работу. Великая боль и гордость вкладывались в мастерство. На севере, подумал Даг, в основном это просто боль. «Это ведь твое свободное время, Вейв. Разве ты не видишь?»

Фаун сказала:

— Даг начал с того, что хотел защитить только меня, и только потом подумал о крестьянах вообще. Но я думаю, что такие щиты могут защитить маленьких Стражей Озера тоже. Таких, как те девятнадцать, потерянных в Боунмарше. Ведь не только Гринспринг оплакивал потери. Это ведь очевидно.

Вейв неожиданно умолкла.

И так же сделал Даг, моргая. «Конечно. Конечно!..» Упрямая проблема того, как уговорить мастеров Стражей Озера заинтересоваться этой дикой его придумкой, испарилась с потрясающей внезапностью прямо перед глазами Дага. Дар Вейв взволновался от новых мыслей.

Почему он не продвинул свою мысль еще на шаг вперед? Невзирая на тот факт, что его голова набита последние месяцы новыми вещами так плотно, что готова взорваться, и он был так потрясен всем этим, что не знал уже, на каком он свете. Может, по той же причине, по какой Стражи Озера ничего не делали — у них уже было решение проблемы или они думали, что оно у них было. Молодые родственники Стражей Озера по шатру или учителя в дозоре был все вовлечены в обучение закрытию Дара. Зачем биться над проблемой, ставить кучу экспериментов наудачу, которые могут стоить жизней, когда у тебя уже есть проверенная временем система?

Даг неуверенно набрал воздуха и продолжил:

— Я думал, что спиральность может также быть расширена или заякорена в некий ускользающий щит так, чтоб Злой не мог взяться за Дар. Хотя бы некоторое время, чтобы крестьянин — или

ребенок — смог убежать. Если спиральность может содержать умирающий Дар, то почему не живой?

Брови Вейв поднялись:

— Но спиральность ножа ломается, когда входит в контакт со Злым.

Даг быстро кивнул:

— Но она ломается не снаружи. Она ломается изнутри, из-за сродства умирающего Дара с находящимся рядом Злым. Это некая вибрация. Я не понимал этого все двадцать шесть ножей, которые прошли через мои руки, пока не получил один, не содержащий сродства со Злым.

Он набрал побольше воздуха и снова начал объяснение того, как его бывший привязанный нож оказался заряжен смертью нерожденного ребенка Фаун в Глассфордже, а потом его дальнейшую судьбу в Рейнтри. Вейв задавала гораздо более детальные вопросы о событиях, чем Аркади. Она особенно заинтересовалась колдовскими яслями глиняных людей Злого, тем, как они выглядели изнутри.

Даг объяснил:

— Я распознал их также как некую спиральность, но огромную и очень сложную, заякоренную на множестве пойманных в ловушку

мастеров, которых Злой поработил всех вместе. Она не просто сидела пассивно, как спиральность в ноже. Она каким-то образом жила за счет мастеров. Первое, что я понял, было, что это колдовство — живое.

Хотя, я не знаю, где щит мог бы взять такую… живую силу. И он не сможет работать все время, или будет изнашиваться слишком быстро. Я думал, ему понадобится просыпаться только когда нужно, так же, как ножи ломаются лишь тогда, когда в самом деле погружаются в Злого.

— Ну, — сказала Вейв медленно, — там может быть четыре возможных источника Дара в такой момент. Сама спиральность, личность, которую она защищает, непосредственное окружение или сам Злой.

Даг нахмурился:

— Я не вижу, как вы сможете вложить достаточно силы в спиральность, чтоб продлить ее больше чем на мгновение, если она будет живой, как то колдовство, которое я видел в Рейнтри.

— Было бы умнее, если бы вы смогли вытащить ее из самого Злого, — мечтательно сказала Вейв. — Это как схватить руку атакующего и дернуть за нее, нарушая его баланс.

— Больше похоже на то, чтоб схватить руку

атакующего и оторвать ее, — сказал Даг, — но нет. Вы не захотите, чтоб Дар Злого входил в вас или попадал на вас. Он смертельно ядовит. Это сама скверна.

— В окружении может быть что угодно. Нет способа взаимодействовать с этим, — сказала Вейв. — Остается лишь личность, которую защищают.

— Это кажется… окольным, — сказал Даг, пытаясь это представить.

— Если прикосновение Злого пришпорит ваш щит и тот сработает, — сказала Фаун, — как вы будете его осаживать?

Даг нахмурился:

— Я думаю, он сам выключится довольно быстро.

— Если он будет использовать Дар человека, то не будет ли это несколько смертельно?

— Хм… — сказал Даг, почесывая затылок.

Они обсуждали спиральности и работу с Даром еще больше часа, пока свет, падающий через открытую дверь рабочей хижины, и ворчание желудка Дага не напомнили ему, что корзинка с их ужином уже, вероятно, ждет их дома у Аркади. Они не решили ни одной проблемы, но неспокойность Дага теперь была забавно подбодренной.

Может быть, он всего лишь шагает назад или в стороны, а не вперед, но он, хотя бы, не танцует один. Фаун была права. Мастерам нужны другие мастера. Как и мастер по ножам и брат Дага Дор Вейв явно выполняла одни и те же задачи снова и снова одинаковым образом длительное время; в отличие от Дара, ее разум не успел окостенеть.

— Возвращайтесь, если придумаете что-то еще, — сказала она Дагу с дружелюбной улыбкой, когда он и Фаун сошли вниз по ступенькам крыльца.

Он улыбнулся в ответ:

— Вы тоже.

* * *

С юга шептал бриз. Спускавшееся солнце обжигало сквозь влажный воздух с удивительной силой. Фаун могла лишь представить время (до него осталось вовсе не так уж долго), когда весна войдет в полную силу; когда почки набухнут, и пробьются робкие побеги. Во всяком случае, в этот день было достаточно тепло, чтоб сидеть снаружи на открытом крыльце Аркади с видом на озеро.

Сидя на скамье, придвинутой к дощатому столу, она склонилась над своей задачей, зажав кончик

языка зубами и обводя изогнутым стальным резаком новый разделяющий нож Дага, лежащий на кожаном лоскуте.

Южные Стражи озера делают ножны для своих ножей из тщательно выделанной кожи, иногда инкрустированной серебром или даже золотом, но эти будут простыми, в северном стиле. Простыми и свирепыми, как ее мысли. Она старалась сделать их как можно лучше, как будто держа себя гордо, спокойно и прямо перед лицом врага.

Аркади вышел из дома с чашкой чая в руке, на мгновение заглянул ей через плечо, потом отошел к перилам крыльца, оперся на них и стал смотреть вниз со склона. Тридцатью шагами ниже на кряжистом причале сидел Даг, скрестив ноги и спиной прислонившись к дому, склонившись над своей собственной задачей.

— Что это он делает там внизу? — ворчливо пробормотал Аркади. — И что у него в этих мешках?

— Сумка орехов, — ответила Фаун, не отрываясь от разреза, который заканчивала, — и коробка мышей. И стеклянная банка.

— Мышей!

— Он не забирает у них Дар! — добавила она торопливо, когда Аркади выпрямился. — Он обещал мне, что будет осторожен насчет этого. — Она

некоторое время назад спустилась, чтоб узнать, как у него успехи. Она принесла ему орехи и банку, но мышей заставила ловить самого. Даже у супружеской поддержки есть пределы. Хотя зрелище мышей, выбегающих из ближайшего леска нестройной цепочкой и запрыгивающих в коробку по указанию Дага, сохранится в ее памяти навсегда. — Он сказал, что собирается попробовать сделать щит для всего тела, как та обработанная Даром куртка, отражающая стрелы, которая у него была когда-то. Идея вроде бы сработала, но потом мыши не могли бегать и дышать.

Настояв на втором походе в лес за мышами немного раньше и утихомирив сомнения Фаун обо всем этом, Даг мог быстро сделать много маленьких испытаний, отрабатывая ошибки и тупики. И позже увеличить масштаб до, например, ее размера. Гораздо позже. — Он вернулся просто, чтоб попробовать защиту Дара.

— Сумасшествие, — пробормотал Аркади.

— Если он сможет это сделать, — указала Фаун вежливо, — это сможет спасти тысячи жизней.

— Тысячи, — прошептал Аркади. — Боги. — Он наклонился и снова отпил из чашки, уставясь вниз на склон с нечитаемым выражением.

— Когда ваш муж впервые появился у моей двери, — продолжил Аркади после долгой паузы, — я воспринял его как простого человека, если не полного простака. Потрепанный, неряшливый, с этим северным бормотанием, которое звучит как будто у него рот полон камней…

— Он не слишком хорошо говорит только когда смущается и не уверен в себе, — сказала Фаун в защиту. — Он может говорить как агитатор, когда на него находит. И ему нравится быть чистым так же, как и любому другому… — Ну, пока другим не оказывался Аркади. — Он просто не тратит время, стремясь к тому, чем не может обладать прямо сейчас. У него крепкое терпение.

— Конечно, — пробормотал Аркади. Он отпил еще чаю. — Знаете, я всю жизнь провел в трех лагерях. Я путешествовал между ними, но никогда не выбирался за их пределы.

Брови Фаун взлетели в удивлении.

— Что, вы никогда не ездили вниз, чтоб взглянуть на море? Или Греймаут? Ведь они так близко!

Аркажи махнул пустой рукой.

— Избранная мной реальность лежит под кожей. Она кажется для меня огромной страной. — Он вновь уставился на склон. — Но Даг…

вхож в каждый мир. Он просто перешагивает границы, наружу и внутрь. Дозорный и целитель. Север и юг. — Он взглянул на нее. — Страж Озера и крестьянин. Мастер по ножам и мастер-целитель, боги. Он, наверное, наименее всего простак из всех, кого я знаю.

Фаун не нашла что возразить. Она склонила голову над следующим разрезом, закончила его и сказала:

— Это, я думаю, от его умения чинить то, что сломалось. Вазы. Кости. Сердца. Миры, может быть. Чтобы что-то починить, вам сначала нужно погулять вокруг этого и увидеть его целым.

— И все это каким-то образом приводит к тому, чтоб сидеть на моем причале, мучая мышей?.. — Аркади только что за голову не хватался. Вместо этого он схватился за свой узел на затылке. — Что он делает? — повторил он. Отставив кружку на перила, он протопал вниз по ступенькам крыльца и спустился по склону. Фаун наблюдала, как он стоял рядом с Дагом, говорил, жестикулируя. Рука Дага вернула ответный жест. Когда она поглядела после следующего разреза, Аркади тоже сидел, скрестив ноги, придирчиво разглядывая банку, в которую Даг забросил за хвост извивающуюся мышь. Они, казалось, все еще разговаривали.

Спорили. Но когда Даг снова наклонился, сконцентрировавшись, Аркади сделал то же самое.

Фаун выровняла свои кусочки и взяла квадратное шило, чтоб пробить дырочки для соединительных петель. Ей нужно зачернить кожу соком грецкого ореха, решила она, а соединительную нить для контраста отбелить. Она взглянула на костяной нож, который помогала создать своими собственными руками, спасите боги ее сердце. Ее смертельный враг обрядится в элегантнейшие цвета скорби, мягкие как шепот на груди Дага, когда он повесит ножны себе на грудь. Темное платье ее соперника будет пошито хорошо, хватит на года. На десятилетия. И дольше, если желание Фаун сбудется.

«Если бы желания были лошадьми, все мы ездили бы верхом.»

Она наклонилась вперед и пробила первую пару дырочек в коже.

Глава 9

Мальчишки из Олеаны вернулись из дозора в холодный дождливый день, похожий на последний вздох южной зимы. Даг как раз подбросил полено в огонь, чтоб согреть гостиную Аркади, где они все собрались: Даг читал старый врачебный журнал, Аркади писал новый, Фаун вязала. О напарниках возвестило топанье, шаркающие шаги на крыльце и голос Ремо: «Лучше оставь ботинки здесь, снаружи, и все остальное, пока не высохнет. Ты ведь знаешь, как Аркади относится к своим полам.» Согласное фырканье. Женский голос: «Я тогда просто постою на пороге». Фаун отложила рукоделье и заулыбалась радостно и гостеприимно. Даг выпрямился и с любопытством повернул голову.

Дверь распахнулась, и ввалились дозорные, топая и шумно переводя дух. Ремо был в мокрых носках, из дыр в которых выглядывали его пальцы и пятки, а Барр и вовсе без носков, с бледными и холодными ногами с красными, натертыми ботинками мозолями. У обоих мокрые от дождя волосы прилипли к головам. Их промокшие куртки явно были повешены на крючки за дверью, так

что рубашки и жилеты не полностью вымокли, лишь у шей, но зато их штаны были испятнаны глиной, летевшей из-под копыт. Нита в грязных ботинках остановилась на пороге. Она носила практичную шляпу с полями, защищающими от дождя, так что воротник ее куртки оставался сухим. Девушка держала в руках тяжелую ивовую корзину.

— Добро пожаловать обратно, — сказал Даг, удивленный плохим настроением, повисшим вокруг обоих напарников. Нита же, хоть и совершенно мокрая, улыбнулась ему радостно, как весенний цветочек.

— Я не буду входить, — сказала она с порога. — Меня будут ждать в моем шатре. Но дозор хочет, чтоб у вас это было, Даг, — она приподняла корзину.

Он вздернул брови, вставая, чтоб забрать корзину у нее. Внутри был большой копченый окорок и несколько стеклянных банок с чем-то вроде фруктовых заготовок, завернутых в ткань.

— Хм… спасибо дозору от меня, — сказал он слегка удивленно.

Она улыбнулась ему, ее щеки были розовыми от холода. Ее голубые с серебром глаза блестели, как звезды в закатном небе.

— Это самое меньшее, что мы могли сделать для вас, сэр. Мы всегда останавливаемся на том крестьянском рынке в последний день дозора, понимаете, по дороге домой. Это часть традиции. Ну что ж… Не буду напускать вам холода. — Она издала некий звук, который у любой другой девушки был бы смущенным хихиканьем, а у нее получился более похожим на серебристую трель. — Всего хорошего, сэр! — Она пылко оглядела его сверху донизу на мгновение перед тем, как выйти и позволить двери захлопнуться за ней.

Ремо, хмуро глядящий ей вслед, тяжело вздохнул. Барр фыркнул.

Фаун освободила Дага от корзины и водрузила ее на круглый стол.

— Прекрасный окорок, — прокомментировала она. Ее собственные брови изумленно приподнялись, когда она развернула разноцветные переливающиеся банки, чтоб обнаружить, что они были завернуты в рубашку из хлопка размером на Дага, очень аккуратно сшитую. Даг попытался понять, что он мог сделать для дозора Ниты, чтоб заслужить такую честь, и ничего не вспомнил. Он всего лишь работал с Даром в шатре целителей две недели, у них в последнее

время не было каких-то чрезвычайных случаев, и, кроме того, дозора здесь даже не было.

Как бы то ни было, ни один из вернувшихся парней не был похож на молодого человека, успешного в ухаживании. Дага это удивило. Обычно дозорные по обмену со всем шармом экзотики вокруг них легко попадали в постели к желающим дозорным девушкам — по крайней мере, им было легче, чем местным парням, найти к ним подход, — ведь те не знали их всю жизнь. Это преимущество было одной из многих причин, чтоб пойти на обмен. Все четверо в данном вопросе были здоровы и, насколько Даг знал, свободны. Интерес определенно присутствовал. Даже число совпадало. Но Барр и Ремо явственно не были отдохнувшими, удовлетворенными, глупыми от радости или наслаждающимися любой другой счастливой эмоцией из тех, которые женщины могут вызвать в мужчинах — при этой мысли Даг улыбнулся Фаун.

Совсем наоборот. Если бы Дар можно было сделать видимым, то их превратился бы в личный грозовой фронт вокруг голов.

Даг сказал нейтрально:

— Итак, как прошел ваш первый дозор на юге? — Они не могли найти Злого, сидячего или

нет, или основное настроение было бы совсем другим.

— Не хочу говорить об этом, — сказал Ремо. — Бочка Аркади для купаний теплая?

— Этим утром была, — сказала Фаун. — Там есть кучка угля. Вы, наверное, можете подсыпать еще и нагреть.

— Отлично, — проворчал Ремо. — Часами об этом думал. — Он убрел через черный ход.

— Ну конечно, Ремо, конечно, ты можешь пойти первым, — заметил Барр беспечно вслед закрывшейся двери. Даг услышал, как Ремо протопал вниз по наружной лестнице. Барр плюхнулся на плетеный коврик перед очагом и зло уставился в потолок.

— Какая муха его укусила? — спросила Фаун в удивлении. Ее взгляд наткнулся на Барра: — А тебя?

Барр издал невнятное бурчание, если не предсмертный хрип, свидетельствующий о его нежелании общаться.

— Было ли твое э-э… ухаживание неудачным? — добродушно предположил Даг, вновь занимая стул. Он действительно не понимал, как у них могло не получиться. — И за которой ты ухаживал, кстати? Едва ли я мог бы сказать.

Фаун собрала иголки и уселась на мягкий стул напротив, но не начинала вновь вязать. Аркади положил перо и подпер рукой подбородок, пряча усмешку и бесстыдно слушая.

— Тавия, — вздохнул Барр. Он помахал рукой в воздухе. — Тавия, Тавия, Тавия. Такие мягкие волосы… И остальное ее, — оптимистично широкое движение руки перед грудью, — тоже все такое мягкое. Мужчина не порежется об ее кости, как у той ледяной блондинки, по которой Ремо пускает слюни, хоть это ему тоже ничего хорошего не приносит. — Его руки апатично улеглись на коврик.

— И в чем же неприятность всего этого?.. — подтолкнула Фаун.

— Тавии нравится Ремо. Почему? Почему? Мне она нравится гораздо больше, чем ему когда-нибудь будет. Спорю, я тоже сделал бы ее счастливой… Я ведь такой-всегда-улыбчивый парень. Ирония, ах, какая ирония.

— Предполагаю из этого, что Ремо, э-э, влюблен в Ниту? — спросил Даг.

— Не думаю, что она нашла бы его отталкивающим. — Он не был уверен, стоит ли спрашивать, влюблена Нита в Барра или нет. По-настоящему изобретательный дозорный с достаточно боль-

шим одеялом мог бы сделать что-нибудь с этим войском. Он решил не упоминать эту мысль. Не стоит шокировать молодежь.

— О, у него было с ней все хорошо сначала, а я был готов поймать Тавию, как только она отпрыгнет, и тут он сделал большую ошибку и рассказал Ните, кем ты был на самом деле.

— Даг Блуфилд Без Лагеря? Это не секрет.

— Нет, кем вы были раньше в Лутлии. Даг Волверин[4] из лагеря на озере Пиявки.

Желудок Дага сжался.

— О. Но ведь это было примерно поколение назад.

— Нита недавно вернулась из обмена, прожив два года в Лутлии, и полна всем этим. Ты знаешь, что они там до сих пор поют баллады о капитане Даге Волверине на Волчьей Войне?

— Одну балладу, — проворчал Даг. И то его это не заботило. Его жена Каунео должна быть героиней Волчьего Перевала, и ее братья, и сорок с лишним других. Даг был разве что выжившим.

Фаун, тревожно глянув на него, предложила:

— Ты не можешь стыдить народ за то, что они хотят петь песни, которые помогают им помнить их войну.

— Да, ну хорошо. Но я не хочу ее помнить. — Не-

смотря на то, что старые воспоминания перестали обжигать и всего лишь слабо болели; спасибо времени и Фаун за это. — Кроме того, эта баллада врет. Они режут правду, чтобы уложить ее в строчки. Учат не тем урокам.

Барр застонал с пола:

— Одна баллада? Да там пара дюжин! Целый цикл о Волчьей Войне. И Нита выучила каждую из них, чтоб им провалиться, пока была там. Она их все может спеть. И поет. И с тех пор, как Ремо проболтался о твоем прошлом имени, она не желает слышать от нас ничего, кроме историй о Даге.

Даг уже выдерживал одержимую молодежь, и не такую уж молодежь тоже, раз или два до этого; в лагере Хикори в итоге условились его не беспокоить, или возможно он просто стал слишком старым и скучным. Это всегда было неловким, но до сих пор все оставались в живых. Он мрачно вздохнул, пытаясь вспомнить свои методы взаимодействия с подобным. Они обычно включали в себя Громовержца, посылающего его в следующий дозор, пока все не уляжется. Этот метод здесь он, увы, применить не мог.

— Милая Тавия, — продолжил Барр (провыл, на самом деле), — милая, мягкая Тавия. Тавия,

дурочка, смотрит влюбленно только на Ремо. Ремо страстно желает Ниту. Нита одержима капитаном Дагом Волверином, причем я не уверен, что он все еще существует. Сейчас, если только Фаун возжаждет меня, круг замкнется — но этого не произойдет, мы это установили. — Он испустил огромный вздох. — Так что здесь я совершенно один плетусь в хвосте поезда любви, глотая пыль…

Даг хотел сказать что-то другое, но остановился из-за жестокого подозрения.

— Это где и когда вы такое установили?

— Еще на «Надежде», — пробормотал Барр. — Очень давно. Очень.

Даг сердито уставился на распростертую на коврике фигуру, но его жертва была слишком вялой даже для отработки упражнений. Кроме того, если бы Фаун была серьезно оскорблена, уголок ее рта не загибался бы так при напоминании.

— Ремо ушел навсегда, — сказал Барр, наконец. — Пойду-ка я искупаюсь в озере.

— Так ведь вода холодная! — сказала Фаун.

— Здорово, — свирепо сказал Барр, содрогнулся, встал и вышел, пошатываясь.

Аркади приглушенно хихикнул и уронил руку на стол.

— Полагаю, если мы собираемся над ними посмеяться, нам нужно делать это сейчас, а не в их присутствии.

Даг посмотрел на него, извиняясь.

— Простите, Аркади. Я считал, что у этих двоих уже все должно быть в порядке на личном фронте. — Единственное, что было хуже, чем один страдающий от любви юный дозорный под крышей его шатра, — это два страдающих от любви юных дозорных сразу. Даг задумался, как скоро пара сможет снова отправиться в путь.

Фаун робко спросила:

— А Нита не станет проблемой, Даг?

— Нет. Я просто буду ее избегать. Это не будет трудно; она будет в дозоре, я — в шатре целителей.

Фаун приподняла брови, но не стала высказывать свое мнение об этом плане.

Взгляд Аркади стал серьезней, остановившись на Даге.

— Что за Волчья Война? — спросил он.

— Вы о ней не слышали? Какое облегчение, — сказал Даг. — Это была всего лишь одна из многих северных стычек со Злыми, примерно двадцать лет назад. Там, кроме прочего, это случилось, — он слабо махнул крюком. Финал Волчьей Войны

никак не был связан с его нынешними устремлениями; так что у него не было нужды обсуждать это здесь. Он попытался не кричать мысленно «Ура!».

— Извините меня, но — капитан кампании? В Лутлии? — продолжил расспрашивать Аркади.

— Это была недолгая карьера.

— Я думал, вы были рядовым дозорным из Олеаны.

— Я и есть. То есть был. Это мне больше подходило, после… — Он снова взмахнул рукой. — Лутлия — тяжелый край, это страна для молодого человека. Когда я перестал быть молодым, я отправился домой.

— А как долго в самом деле вы пробыли там?

— Примерно десять лет. — Он ощутил растущее неудобство под продолжительным взглядом Аркади. — А что?

Аркади помолчал, потом пожал плечами:

— Вы продолжаете меня удивлять, вот и все. Я думал о себе как о более проницательном человеке.

Даг не смог придумать ничего в ответ на это, так что вновь уткнулся в старый журнал и попробовал его читать. Через минуту Фаун вернулась к своему вязанию, а Аркади — к письму. Только

все они теперь часто посматривали на окно, глядящее на озеро.

* * *

К тому времени, когда напарники вымылись, натянули сухие вещи, согрелись, вернули нож Дагу и закопались в корзинке с ужином как оголодавшие псы, их настроение улучшилось. К счастью, по мнению Дага.

Фаун посмела спросить:

— Отличался ли этот южный дозор от олеанских?

Барр и Ремо обменялись нечитаемыми взглядами. Аркади жевал и наблюдал с интересом.

— Нет… — сказал Ремо медленно. — И да.

— Да, — Барр кивнул. — Это забавно…

— Что? — спросил Даг.

— Я всегда думал, что мне бы хотелось, чтобы в дозоре было посвободней. — Он покачал плечами, чтоб проиллюстрировать желаемую расслабленность, потом добавил: — Хотя охота на аллигаторов была приятной. Крестьяне, земли которых мы пересекали, не хотели, чтоб мы охотились на их медведей. Они здесь слишком редкие и ценные, так что они берегут медвежий жир, шкуры и мясо для себя. Но зато крестьяне

просто счастливы награждать нас за каждого аллигатора, которого мы сможем найти, чем больше — тем лучше. На диких свиней также нет ограничений. Мы вернулись со стопкой сырых шкур, которые продали на крестьянском рынке. — Он откусил еще один кусок хлеба, густо смазанный абрикосовым джемом из одной из подаренных Дагу банок, и стал блаженно жевать.

Фаун скорчила гримаску:

— Разве они не страшные? Вы охотились на них по ночам? — Она повернулась к Аркади и объяснила: — В Олеане дозоры Стражей Озера пересекают фермы по ночам, чтоб не беспокоить жителей. Обычно никто и не знает о них.

— Нет, — сказал Ремо, — здесь это не годится. Здесь слишком заселенные земли. Ночей вам не хватит. Мы просто ехали при дневном свете. Мы не беспокоили крестьян, и они не беспокоили нас.

Барр добавил:

— Некоторые притворяются, что не замечают нас, это так странно ощущается. Некоторые кивают. У этого дозора налажена цепочка крестьянских амбаров, где можно остановиться, или стоянок в лесах. Крестьяне берут с командира дозора за их пользование пару монет.

— Так значит… крестьяне вокруг не настолько не знают ничего о дозорных, как я раньше, когда жила в Вест-Блу? — спросила Фаун.

Ремо почесал затылок:

— Думаю, нет.

— Это хорошо.

— Не уверен. — Подбодренный жестом Дага, Ремо продолжил: — Казалось, и не было ничего такого, о чем им можно было знать. Мы были всего лишь компанией охотников.

— Больше компанией, чем охотников, — сказал Барр, хмуря брови. — Я не о том, как дозорные Новолуния выскальзывают из лагеря по ночам. Это меня не волнует. Я о том, как они ходят о время дозора. Они шумят. Они все время ломают строй, чтобы поговорить друг с другом. Они поют. Пока идут. Проклятье, ты никогда не заметишь глиняного человека таким образом. Наш командир дозора в Жемчужных Перекатах всегда говорила, что это первый признак того, что Злой где-то рядом, даже если скверны нет. Она бы заколола наши языки вилкой за кашель во время поиска, но здесь они творится настоящий гвалт. — Он посмотрел на Дага: — Все южные дозоры такие или только этот?

Даг проглотил то, что жевал, и запил чаем:

— Я был здесь в дозоре только один сезон примерно четыре года назад. Я понимаю, что земли, где они нашли сидячего Злого за последний век, не такие э-э… свободные, но мне совершенно ясно, что гораздо большая вероятность нахождения Злого сформировала нас на севере.

— Бесформенный… — сказал Ремо. — Да, именно так и ощущается этот дозор.

— Вот почему так важно чтоб дозорные с юга ездили на север, — сказал Даг, взглянув на нахмурившегося Аркади. — Не только, чтоб нам помогали дополнительные руки, но для обучения, которое они привезут домой. Без этого южный дозор развалился бы на кусочки. — «Быстрее». — Нита более ценная, потому что вернулась домой, чем двое добровольцев, оставшихся в Лутлии.

— Не уверен, что она сознает это, — медленно сказал Ремо. — Это был ее первый дозор после возвращения сюда, и она видела его новыми глазами. Она была… как будто… она была единственной, кто понимал, что мы видели. И ей было стыдно за дозорных. И она этого не ожидала.

— А разве ваш командир не обучался на севере? — спросила Фаун. — Я думала, они должны.

— Он давно вернулся, — сказал Ремо. — Десятилетия назад. У меня сложилось впечатление,

что он вроде как сдался. — Он взглянул на Дага. — Дозор, в котором ты участвовал здесь, был таким же?

— Перестал быть таким же после сезона со мной.

Барр фыркнул чаем через нос. Ремо проигнорировал его и сказал:

— Но ведь ты не был командиром.

— А тебе и не надо быть.

Ремо прожевал кусочек жаркого, проглотил.

— Угу.

* * *

Фаун казалось, что слух о новой (или старой) славе Дага распространился по Руслу Новолуния с тревожащей быстротой. Она предположила, что двадцать пять сплетничающих дозорных, рассеянных по двадцати пяти шатрам добавляются ко всем тем людям, которых они встречают в шатре целителей.

Даг уже не был всего лишь своеобразным проектом Аркади, но человеком с несомненно более чем местной славой. Это заставило ее задуматься о том, что еще было в тех балладах, которые распространяла Нита — Фаун слышала только одну, тогда, в Олеане, и в ней не назывались имена.

Она могла сказать, что Даг ее ненавидел. Но, как самый долготерпеливый человек из всех, кого встречала Фаун, он выносил это вежливо, в основном. Он отвечал довольно обескураживающим отказом обычным любопытным, а если это был пациент, которого он лечил Даром, тогда он заворачивал вопросы вежливо. Дети добывали из него прямые, хоть и краткие ответы, но больше этого никто не мог.

Впервые с тех пор, как они приехали сюда, Даг начал получать приглашения посетить шатры в лагере по каким-то другим причинам, нежели медицинский обход Аркади. Тем, что не включали в себя Фаун, он отказывал резко. Тем, что включали — брал на себя труд отвечать, что Фаун установлено быть в доме у Аркади и шатре целителей по приказу совета лагеря.

После чего пришло приглашение, на которое нельзя было ответить отказом.

— Ужин в шатре командира лагеря? — сказал Даг в таком замешательстве, что Фаун поняла: командир дозора Новолуния был членом совета. — Мы оба?

— Мы все. Ваши дозорные мальчики и я также приглашены, — сказал ему Аркади. — Я думаю, там будет большая часть совета лагеря.

Даг заморгал:

— Думаете, мы должны идти?

— Конечно, вы должны идти. Это может быть вашим шансом.

— Шансом на что?

Аркади помолчал.

— Устроиться получше, — сказал он наконец.

— Я думал, мы прекрасно устроились. Для практических целей.

— Ну, да, — сказал Аркади загадочно.

Они отправились.

Там был жареный поросенок снаружи шатра (на самом деле, здания) командира лагеря, и Фаун для разнообразия показалось, что все совсем как на озере Хикори.

Командир Энтан Булраш и его жена-мастер были пожилыми, а их дети — взрослыми. На ужин собралась целая толпа: трое глав шатров, все зрелые женщины, которые в этом году были членами совета; их супруги, семьи и внуки; и, так как одна из дам-членов совета была тетей Тавии, обе напарницы. Нита казалась особенно радостной. Ужин на открытом воздухе был совсем как пикник крестьянской семьи, с разными дамами, принесшими, как проявление участия, блюда своего приготовления. Но когда все наелись и

дети убежали играть к озеру, а в ветвях повисли фонари, более избранная группа собралась в круг на перевернутых пнях. И начала расспрашивать Дага.

Они спрашивали о командире Даге Волверине времен Волчьей Войны. Получили они разговор о командире Даге Блуфилде из Рейнтри с побочным рассказом о Гринспринге. Волчья Война была безжалостно отодвинута на второй план, хоть она и помогла несколько объяснить, каким образом кампания Дага оказалась способна дойти до Злого из Рейнтри, как горячий нож сквозь масло — на проинформированный взгляд Фаун. Но если альтернативный рассказ имел целью нейтрализовать интерес к командирской карьере Дага, Фаун не думала, что это сработало.

Аркади жевал палец и говорил мало, наблюдая, как его протеже вертится на вертеле и иногда шкворчит. Он изучал лица кворума совета и лишь морщился время от времени. Было ясно, что ему хотелось, чтоб Даг принял более компромиссный тон. Фаун же было ясно, что Даг не собирается упускать настолько пленную публику.

Он, конечно, не говорил сегодня так, будто у него рот набит камнями.

Наконец круг распался, часть его отправи-

лась на поиск десертов. И, судя по склоненным головам, на приватный обмен откровенными мнениями.

Даг пробормотал Аркади:

— Есть ли возражения, если мы с Фаун ускользнем пораньше?

Аркади поджал губы:

— Нет, на самом деле. Это было бы неплохо. Мне нужно задержаться, что поговорить кое с кем.

Даг кивнул. Фаун отказалась уходить, не поблагодарив господу Булраш как следует, но когда эта обязанность была выполнена, позволила себя увести.

Они остановились в штаб-квартире дозора, чтоб проверить своих лошадей, скучающих в деннике, где те ели корм Новолуния со своего прибытия. Потом они пошли дальше по дороге вдоль берега в прохладную темноту.

— Так все же, — сказала Фаун нерешительно, — что все это было?

Даг осторожно почесал затылок крюком:

— Я не совсем уверен. Нас проверяли, это точно. Наверное, они могли бы прийти в шатер целителей для этого.

— Как ты думаешь, они решали, позволить ли нам остаться на два года?

— Может быть, — он пожевал губу. — А может, и больше.

— Даг Блуфилд Русло Новолуния? — Она примерила имя к губам. Названия лагерей не просто сообщали ваше место проживания. Если вы носили его, это отмечало вас как члена некоего большого сообщества, и даже после большей части года, проведенной вместе с Дагом, Фаун не знала всех нюансов, которые оно накладывало. — Это то, хм… чего бы ты желал?

— Странно… — вздохнул он. — В конце прошлого лета это была бы сумма всех моих амбиций. В точности то, чего я хотел от Хохарии. Обучаться целительству вместе с тобой, работая в лагере. Позволить моим уставшим ногам отдохнуть от дозора. Но Хохария не смогла тебя проглотить, и это был конец всему. Я думаю, я дал понять достаточно ясно этим ребятам из Новолуния, что мы будем здесь как напарники или не будем вообще — так что они не сделают ее ошибки.

— Гадаю, какую ошибку они сделают?

Он фыркнул.

— Трудно сказать, Искорка. — Его сильная, сухая рука нашла ее руки, и ее маленькие замерзшие пальчики благодарно воровали у нее тепло. — Я знаю, что Аркади не заинтересован в

том, чтоб тратить два года своего времени, обучая меня настройке Дара только для того, чтоб я уехал на север лечить крестьян. Если я — мы — станем членами лагеря, нам нужно будет соблюдать правила лагеря и дисциплину.

— Мы?

Он потянул носом, будто защищаясь.

— Разве это не было бы достижением? Впервые принять крестьянскую девочку как полноправного члена лагеря Стражей Озера?

— А они примут?

— На меньшее я не соглашусь. Надеюсь, я ясно дал им это понять.

Фаун предпочитала думать, что ясно. Она наморщила брови. Фаун ощущала волнение и, по ее подозрению, Даг тоже. Такое предложение — если оно, конечно, будет сделано — не было чем-то, чего она ожидала или на что рассчитывала, но с другой стороны ничто в ее жизни с тех пор, как она встретила Дага, не было тем, что было возможно представить заранее в тот момент, когда она впервые покинула Вест-Блу. «Вся моя жизнь — набор случайностей». Но некоторые из этих случайностей принесли ей счастья гораздо больше, чем она могла мечтать. Она, конечно, выбрала свой и хороший, и плохой путь, когда

впервые шагнула на дорогу. «Интересно, а я — тоже величайшая случайность Дага?»

У Аркади Даг зажег фонарь, чтоб разогнать холодный мрак, медленно улыбнулся и заметил:

— Кажется, весь дом в нашем распоряжении.

— Замечательное разнообразие, — сказала она согласно.

Даг сдерживался и не предлагал заняться любовью с тех пор, как вернулись мальчики-дозорные, частично из-за усталости по причине длинных учебных дней, к которой теперь добавилась выматывающая работа Даром под управлением Аркади.

Напарники расстилали свои постели в гостиной, и между ними была дверь, но деревянные стены не сильно блокировали Дар.

Сегодня же вечером у Дага и Фаун был краткий миг уединения, если, конечно, они смогут им воспользоваться после пива с поросенком. Они быстро вымылись в раковине, и Даг унес фонарь в их маленькую комнату.

Фаун расстелила постель, и помогла Дагу снять рубашку и протез. Он вернул ей услугу, снимая ее блузку нежно, будто это были цветочные лепестки. Они стояли на коленях лицом друг к другу, кожа к коже, прильнув за поддержкой и теплом.

Они раньше занимались любовью в самом различном настроении; сегодня Фаун показалось, что в объятии Дага было что-то отчаянное.

— Боги, Искорка, — пробормотал он. — Помоги мне понять, кто я такой.

Она крепко обняла его. Он ослабил свои объятья в пользу ласк, длинными пальцами поглаживая ее спину, зарываясь в ее волосы, и она подумала, уже не впервые, что из-за того, что все эти ощущения приносила ему лишь одна рука, он придает им благоговейное значение. И, как следствие, так же делает она сама.

Она прошептала ему в плечо:

— Кем бы мы ни были, ты всегда сможешь прийти домой ко мне.

Он склонил лицо в ее кудри, вдыхая их запах, безрукая рука обвилась вокруг нее. Он был нежен; ей не было нужды думать о тонущем человеке, хватающем воздух.

— Всегда, — пообещал он.

И они утонули в одеялах своего обиталища.[5]

* * *

Даг медленно проснулся в сером утреннем свете, чувствуя себя безмерно лучше, и улыбнулся, вспомнив почему. Фаун еще спала. Он отнял руку

от ее теплого бока, потом перевернулся и открыл второй глаз.

На уровне его лица полдюжины пар крохотных черных глазок уставились на него с немигающим обожанием.

— Снова вы! — простонал он полевым мышам. — Валите! Брысь!

Фаун проснулась от звука его голоса, привстала на локте и заметила гостей:

— С ума сойти! Они вернулись.

— Я думал, ты вчера говорила, что избавилась от них. Опять.

— Так я избавилась. Ну, я так думала. Отнесла коробку на другую сторону озера и выпустила их в лес.

Даг пристально разглядывал этих оставшихся после его провалившихся экспериментов с щитами мышей. Они все выжили; была ли у них какая-то особенная решимость? Должна была быть — чтобы оббежать половину лагеря Новолуния.

— Я думал, у крестьянской девушки вроде тебя найдутся более беспощадные способы, как избавиться от мышей.

— Ну, если бы они гадили в моей кладовой, то конечно. Но их единственное преступление в

том, что они в тебя влюбились. Смерть кажется очень жестоким наказанием за это. — Ее большие карие глаза задумчиво смотрели на него.

— Заколдовались, — поправил он ее строго. — Не думаю, что у мышей достаточно мозгов, чтоб влюбиться.

На ее щеках появились ямочки:

— Никогда не замечала, чтоб для этого были нужны мозги.

— Это точно, Искорка. — Он поднялся на ноги, поскрипывая суставами, затуманенным взглядом окинул комнату, нашел свою коробку, положил ее на бок перед уставившимися на него мышами — их головки поворачивались вслед за его движениями — и загнал их туда. Отнеся их за дверь на открытое крыльцо Аркади, он высыпал их за перила. Они с тихим писком упали в траву, прыгая там неповрежденные, и, выведенные шоком из транса, резво убежали прочь. На некоторое время. Даг потряс головой и поплелся обратно вовнутрь, где сидела Фаун, прелестно нагая, и хихикала в ладошку.

— Бедняжки!

Он улыбнулся и открыл свой Дар навстречу ее, светящемуся, будто нагретому солнцем. И замер, моргая.

Под ее живой воронкой вертелась еще одна маленькая искра. Он узнал ее сразу же — по тому разрывающему сердце почти что месяцу, когда он и Каунео…

У Фаун нет чувства Дара. Это было его задачей — следить, когда изменение блеска в ее Даре просигналит о времени ее плодовитости, и переключиться на другие формы удовольствия. И все восемь месяцев их брака и до того она доверяла ему в этом вопросе. Как он мне упустить сигналы прошлой ночью? Проклятье, он ведь знал, что время почти настало!..

«Нет, не проклятье… ничего такого». Дыхание сбилось в его горле в комок вины, ужаса и радости. Если бы он взял один из скальпелей Челлы и вскрыл себе грудную клетку, его сердце не стало бы в этот момент более уязвимым.

Она может не удержаться… Более половины таких зачатий не происходит, многие из оставшихся обрываются в первые несколько недель, лишь едва откладывая месячные женщины. Это было одно из самых строгих и наименее обсуждаемых общественных правил Стражей Озера — не отпускать замечаний по поводу этого мерцающего знака в Даре женщины, пока она сама не заговорит об этом. Должен ли он сказать

что-нибудь до того, как сам будет уверен? И когда это будет? Фаун уже однажды была беременна; как скоро она узнает симптомы?..

Будут ли они такими же относительно ребенка-полукровки? Если эта искра выживет до того, чтобы стать ребенком?..

— Даг? — сказала Фаун неуверенно. — Ты хорошо себя чувствуешь? Почему ты на меня так смотришь?

Он упал рядом с ней на колени, склонился, схватил ее на руки и обнял яростно и как бы защищая. Он чувствовал себя беспомощным, как никогда.

— Потому что я люблю тебя, — сказал он ей.

— Ну, хорошо, — сказала она, несколько потрясенная его пылом. — Я знаю… — И польщенно обняла его в ответ.

«Отсутствующие боги… Что же нам делать теперь?»

Глава 10

— Когда вы собираетесь сказать ей, Даг? — спросил Аркади с любопытством.

Даг поспешно свернул свой тянущийся Дар, тревожно следующий за Фаун вниз по дороге к шатру целителей. Сегодня она ушла раньше, чтоб помочь ученицам травника собрать утренний груз для крестьянского рынка. С того часа нежности в их постели прошло пять головокружительных дней…

Он поднял голову, обнаружил, что мальчишки широко улыбаются ему над чашкой чая и кидальником, и сжал зубы. Он подумал, что сможет выдержать эти ухмылки, обращенные к нему; и никогда не сможет, если они будут обращены к ней. Уже из-за этого он должен сказать ей побыстрее. Или отколотить их, смотря по тому, что произойдет раньше.

— Когда будет понятно… что это не то, что мы проходили… боги. Тот ужас, о котором вы мне рассказывали. Когда она укрепляется в неправильном месте. И мне нужно… Сначала я должен…

Барр и Ремо смотрели непонимающе.

— Это благополучно пройдено, — успокоил его Аркади. Даг выдохнул.

— И другое… как у Тавы Килдир…

— Тоже нет, — сказал Аркади. — Этим утром оно похоже на очень милое зачатие в правильном месте стенки матки, точно там, где ему полагается быть.

И не близнецы, мог добавить Даг. Женщины Стражей Озера почти никогда не рожали близнецов, но когда это случалось, как раньше рассказывал Аркади, то возникали проблемы. К другим неприятностям добавлялся стресс матери, или даже совершенно дикое сращивание детских тел. «И Фаун такая маленькая…» Этого тоже нет, напомнил себе Даг. Ничего этого нет. Целую категорию сложностей он мог отбросить прямо сейчас.

— Знаете, — сказал Аркади, — почти все подмастерья проходят этап, когда они убеждены, что идут вниз с каждой новой болезнью, о которой узнают. Я думал, вы будете выдающимся исключением. Кажется, мне не стоит больше так думать.

Барр захихикал. Даг сумел не рвануться к нему через стол, и на мгновение возгордился от собственного самоконтроля. Прямо сейчас ему были

нужны позитивные мысли.

— В этой игре это женское дело, — уверил его Ремо со всей уверенностью полной неопытности. — Они следят за всеми этими штуками, Даг. Расслабься.

— Это не игра, — проворчал Даг. — Отсутствующие боги! Неужели я был таким же идиотом в вашем возрасте? Наверное, был. — Беззаботная реплика Ремо немедленно напомнила ему, что у Фаун здесь нет родственниц, чтоб окружить ее заботой, как неким фамильным одеялом.

Барр потряс головой:

— Никогда не видел тебя в таком смятении, Даг.

«Я никогда не сталкивался с этим раньше, ты, юный дурень!.. Это все в новинку!» В новинку для него, по меньшей мере. И старо, как мир.

— Забавный я, правда?! — отрезал Даг. Он резко встал. — Пойдемте, Аркади. Поговорим на крыльце. Оставим этих двоих с их помоями.

— Это завтрак! — запротестовал Барр с насмешливым возмущением. — Мы не завтракаем помоями!

— Разве что чаем, — предположил Ремо, постучав по кружке.

Аркади пошел за ним без слова протеста. Даг

захлопнул за ними дверь, отрезав смех.

Когда он склонился над перилами в спокойном воздухе, стало легче. Солнце было еще недостаточно высоко, чтоб согреть спину Дагу, но зато оно залило золотой дымкой поверхность озера и дальний берег. Первая слабая зелень пробивалась на деревьях с розовыми всплесками яркого багряника на строгих серых ветвях. И, когда Аркади оказался у перил рядом с ним, Даг не смог выдержать его взгляда.

— Не знаю, как это случилось, — сказал Даг.

Аркади тихо засмеялся.

— Вы ведь не ждете, что я в это поверю.

Руки Дага сжали поручень; он проглотил проклятье.

— Вы ведь знаете, что я не это имею в виду! Я думал… это случится тогда, когда мы будет более устроены. Когда мы будем знать, что будем делать. Когда это свадебное путешествие закончится, хотя оно уже так затянулось, что его лучше называть брачным. Я даже считал — относительно ребенка — что это Фаун нужно выбрать, где и когда. Когда… где… она была бы в безопасности. — Его хватка ослабла. — Я так мало знаю!

— Вы ведь знаете, — сказал Аркади осторожно, — что девять из десяти женщин проходят

через это без каких-то особенных проблем. Кто бы они ни были — Стражи Озера, крестьяне или полукровки.

Даг сказал задумчиво:

— Такие шансы принято считать хорошими.

Аркади сказал, глядя на озеро:

— Вы, наверное, понимаете, что Русло Новолуния было бы самым безопасным местом, которое вы сможете для этого подобрать.

— Эта мысль приходила мне в голову, — подтвердил Даг. — Может, даже безопаснее, чем с ее собственной семьей. И в особенности безопасней, чем где-то на севере только со мной, пытаясь понять как быть.

— Тогда, может быть, пришло время более э… спокойного подхода к людям вокруг, как вы думаете? — мягко предложил Аркади. — Более адаптивного?

— Какой у вас деликатный язык, Аркади, — вздохнул Даг и слегка повернулся, чтоб взглянуть на его профиль. — Хоть вы им кружева плетите…

— Я был бы удовлетворен, если бы смог воспитать хорошего настройщика Дара, — Аркади приподнял кружку, чтоб отдать должное Дагу, и выпил. — Но я думаю, это вы уже знаете.

Даг немного постоял тихо, позволив ароматно-

му воздуху ласкать свою обветренную кожу.

— Вы сможете найти другого ученика. Они всегда к вам идут. Но где на севере найти других Дага и Фаун?

— Услуга за услугу. Человек всегда сможет сделать только свою работу за день, где бы он ни был.

— Достаточно честно. — Так много дорог их жизней расходилось из этой точки, и так неожиданно нацелены они были в сердце Дага. Странно для таких крохотных искр весить столь много; они могли бы двигать миры.

Пока впустую что-либо доказывать. Даг взглянул на Аркади с новым уважением. Сколько раз он прошел все эти сомнения лишь затем, чтоб его надежды смыло горем? Дагу внезапно стало стыдно.

— Извините за все это беспокойство. Понимаете, у меня это впервые. — Конечно, это была такая же глубокая трансформация Дара, как и все, что он пережил за этот ошеломляющий год, когда впервые стал дозорным Фаун, затем мужем Фаун, командиром, импровизированным магом, затем вообще перестал быть дозорным. Вырванным с корнем странником… новым мастером. И сейчас Фаун вновь полностью его переделала. Отец

ребенка Фаун. Когда это произойдет, это будет другой человек.

Как же мучительно это было — начать такое преобразование и затем прервать его, не окончив? Фаун это известно, понял он вдруг. И добавил:

— Челла рассказала мне о вас и Брине.

— А… — сказал Аркади. — Хорошо. — И, после паузы: — Тогда вы понимаете.

Даг кивнул.

— Ну… кое-что. — «Больше, чем те двое хихикающих придурков».

Аркади потер подбородок и уставился в утренний свет, его глаза были похожи на две медные монеты. И тогда он сказал странную вещь:

— Не позволяйте страху поглотить все ваше счастье. Не забывайте радоваться.

Даг сглотнул. Оба их Дара сейчас были почти закрыты; и только голос Аркади подсказывал, сколь тяжело мог стоить ему этот кусочек мудрости, пусть даже слова были невыразительны.

Даг обдумал свой самый тайный страх. Если Фаун от этого умрет, получится, что я ее убил точно так же, как если бы вовлек в бой на перевале против врага, которого невозможно победить. Так был ли этот страх за нее или за себя самого?

Он знал двоих мужчин, чьи жены умерли при родах; это не было чем-то, что можно изжить, несмотря на то, что время стирает все. Его боль в этом случае не будет новой. «Но теперь у меня есть привязанный нож. Мне не нужно будет с этим жить. Недолго будет нужно.»

Это был своеобразный довод для придания храбрости.

Боги, он сходит с ума. Лучше рассказать Фаун поскорее, чтоб она могла дать ему дозу своего спокойного здравого смысла и радостного оптимизма. Он мог почти что слышать ее голос: «Это ведь ясно, Даг!»

Ну, однажды она сойдет с ума из-за него. И это будет справедливо. Если она будет кидаться в него вещами, он не станет уворачиваться, решил он благородно.

— Скажу ей сегодня вечером, — сказал он. — Думаю, нам будет много о чем поговорить.

— Хорошо, — сказал Аркади.

* * *

Через час на крестьянском рынке столик целителей уже радовался честной торговле. Была ясная погода и несколько дней прошло с последних дождей, так что дороги подсохли. Нола и

Цери думали, что сегодня будет достаточно покупателей, чтоб они распродались пораньше и ушли за несколько часов до заката. Фаун сердечно здоровалась с постоянными покупателями, улыбаясь тем, с кем успела познакомиться. Она даже начала узнавать людей издали, узнав Финча Как-его-там, когда он приехал, по его открытой повозке. Его кобыла была темной от пота и стояла тихо, когда он бросил поводья и спрыгнул на землю.

Он быстро подошел к столику целителей, и его глаза искали, к ее удивлению, именно Фаун.

— Вы здесь, вы здесь, о, благодарение небу! Могу ли я поговорить с вами лично, госпожа Блуфилд?

— Ну, конечно, можно… — Фаун огляделась. — Вон там за деревьями будет достаточно лично?

— Да, как угодно. — Его рука расслаблялась и сжималась, как если бы он хотел схватить ее за руку и поторопить, но не смел. Они остановились на краю леса, на виду у рынка, но за пределами слуха.

И не за пределами чувства Дара, по правде говоря, но она сомневалась, что чувство Дара сможет сделать больше в уговаривании молодого крестьянина, чем она.

Напряженное лицо Финча было мокрым от ис-

парины и красным от напряжения, и это делало его голубые глаза нелепо яркими.

— Скажите, ваш муж все еще намеревается лечить крестьян? — спросил он вдруг. Он наблюдал за ее губами с болезненным интересом, как будто от их движений зависела его жизнь.

— Ну… на севере, конечно, в свое время. Но здесь он всего лишь подмастерье. Ему не разрешают.

Его рука отмела это прочь, едва только он ее услышал. Его слова падали в полной тишине:

— Это мой племянник Спарроу. Маленький сын моего брата. Ему едва пять. У него столбняк. И это по моей вине! Я позволил ему бегать босиком в амбаре. Там был этот гвоздь, он наполовину пропорол его бедную ножку. Мне нужно было смотреть за ним! Он плакал и плакал, пока мог. Сначала пришел жар. Прошлой ночью началось напряжение. Ужасные крики, но тишина еще хуже, о боги.

— Да, я знаю, что такое столбняк, — сказала Фаун медленно. — Маленький братик Виолет Стоункроп умер от него, о, годы назад. Они были нашими соседями, когда я росла в Вест-Блу. Я не видела, но Виолет потом рассказала мне все. — И эти описания были страшными.

— Может он прийти? Может ваш муж, Страж

Озера помочь? — Финч схватил ее за рукав. — Вы можете его спросить… как его звали?.. Пожалуйста? Моя невестка плачет, и мама с ума сходит так, что даже на меня не смотрит. Пожалуйста, вы можете его спросить? — Он тряс ее руку, причиняя ей боль. — Это все настолько ужасно!

— Даг, — сказала Фаун, отвечая на самый простой вопрос и отчаянно пытаясь думать. — Даг Блуфилд. Он настоял на том, чтоб взять мое имя, когда мы поженились, так, как делают Стражи Озера. Взял крестьянское имя, чтобы быть больше Стражем Озера. Так смешно. — Ей нужно поймать Дага одного, не перед всеми в шатре целителей. Она посмотрела на солнце. Почти полдень — он мог уже вернуться домой на обед.

Или для этого решения она может заменить Дага. Потому что оно будет тяжелым вне зависимости от ответа, хотя, раз дело касалось малыша, у нее не было сомнений, в какую сторону побежит Даг. Она знала правила лагеря так же хорошо, как и он. Она может отослать Финча обратно к его кошмару наяву и не разделять дилемму на двоих. Время сейчас не было хорошим для Дага. Он казался таким напряженным со времени того жареного поросенка. Все время смотрел на нее, как будто гадая — о чем? Например, сожалея о

том, как его крестьянская женушка отделяет его от своего народа?

Во всем огромном мире было любое количество людей, болеющих или умирающих прямо в эту минуту, и что значил еще один? Аркади, конечно, запретил бы это, если бы поймал даже дуновение мысли. У Фаун даже уверенности не было, что Стражи Озера могут сделать что-нибудь со столбняком; она не встречала его случаев в шатре целителей. Это может стоить Дагу его обучения. И как дорого это обойдется всем остальным, вниз по цепочке?

Она тихонько выдохнула, зная, что ее выбор вообще не является выбором.

— Я не могу обещать, что он пойдет. Но я его спрошу. Пойдемте.

Финч шумно выдохнул, кивнул и, поняв наконец, что его хватка причиняет ей боль, отпустил ее руку. Он посмотрела наверх и махнула Цери и Ноле, с опасением наблюдавшими за ними через луг. Это ничего не объясняло, но хотя бы сделало вид, что она не прячется. Потом был путь через заросший лесом гребень, который пролегал прямо около дома Аркади, так было гораздо быстрее, чем через ворота. Периметр лагеря, как она уже знала, охранялся вовсе не так строго, как

на воротах могло показаться.

Тем не менее, ей лучше не испытывать лишний раз удачу. Когда вода уже почти показалась, она сказала Финчу:

— Оставайтесь здесь, внизу в этой маленькой низине. Дом Аркади всего лишь в паре сотен шагов дальше. Я приведу Дага или… или принесу обратно его слово. Я могу немного задержаться.

Он тихо кивнул и присел на упавшее бревно, чтоб оставаться под прикрытием земляного вала, повернув лицо к пятнам солнечного света с крепко закрытыми глазами. Фаун поторопилась уйти.

Она нашла Дага и Аркади заканчивающими обед; они складывали корзину.

Мальчишки куда-то ушли, это было хорошо.

— Фаун! — сказал Даг, вставая из-за стола в удивлении. — Я думал, ты на рынке. Ты голодна? — Она легонько помотала головой. Он заколебался, глядя на нее своим некомфортным проницательным даговым взглядом. Чувство Дара, боги, ее кожа могла бы быть прозрачной как стекло. — Ты в порядке?

— Кое-что произошло, — сказала она ему, не глядя на Аркади. — Могу я поговорить с тобой лично?

— Э-э, хм, — сказал Аркади, его брови непостижимо выгнулись. — Возможно, так даже лучше. Я пойду обратно в шатер целителей, Даг. У тебя есть столько времени, сколько тебе нужно. — Мягко махнув рукой, он забрал корзину с собой, чтоб оставить ее снаружи. Что ж, это было проще, чем она ожидала. Пока. Она не была уверена, что это к лучшему. Фаун подождала, пока его шаги не утихли.

— Фаун, — медленно начал Даг, — есть кое-что…

Но она перебила его, говоря:

— О, Даг, это так ужасно!

— Да? — сказал он с тревогой. — Нет, Искорка, это не может быть так плохо, я буду с тобой каждый…

— Племянник Финча Бриджера! Бедняжка. Он наступил на гвоздь и заполучил столбняк. О, Даг, я знаю, что Аркади это не понравится, но можем мы пойти к нему? Ему только пять!

Даг моргнул. Помолчал. Снова моргнул.

— Кто?

Фаун быстро пересказала то, что Финч рассказал ей.

— Можем мы отправиться к ним? Мы посмеем? Целители Стражей Озера вообще могут лечить

столбняк?

Даг ответил мучительно медленно:

— Я читал о нем в одном из журналов Аркади. Они лечат Даром нервы и стараются напоить и накормить больного между спазмами, чтобы дать пациенту выжить, пока не пройдет худшее. Я только два раза его встречал. Один раз с ним пришла женщина на озере Хикори — после родов, боги, здесь другое! — Хохария как-то провела ее через это. Я этого не видел, только слышал слухи в лагере. Другим был дозорный, заболевший на пути домой из глуши в Лутлии, летом. Лечение не удалось. Он принял разделение. Не сразу — когда он и его дозор больше не могли этого выносить.

— Как думаешь, ты сможешь провести это лечение нервов? Несмотря на то, что не видел его?

Даг тяжело вздохнул, почесал затылок:

— Сколько этому малышу, скажи еще раз?

— Финч говорит, пяти нет.

— Отсутствующие боги, — пробормотал Даг.

— Ферма Бриджеров примерно в десяти милях отсюда. У Финча есть тележка. Как ты думаешь, мы сможем попасть туда и обратно до того, как Аркади… хм, явно нет.

Даг потряс головой.

— Лечение от столбняка может отнять дни.

Или… нет.

— Я могу упаковать все, что нам понадобится на несколько ночевок — глазом моргнуть не успеешь.

— На самом деле я бы предпочел, чтобы ты осталась здесь.

— И одной объясняться с Аркади? — Она решительно потрясла головой. — Не смей меня ему оставлять! Он из меня фарш сделает. И так будет достаточно плохо, когда мы вернемся. В любом случае, будет сумасшествием отправлять тебя в дом к расстроенным крестьянам без меня, я там тоже нужна, чтоб их успокоить. Чтоб знать, что из обычаев Стражей Озера нужно объяснить и как.

— Бесспорно, так… — Он уставился на нее взглядом, сбивающим с толку. — Ну… столбняк обычно не слишком заразен… Ты не будешь в опасности рядом с ним.

— Конечно!

— Если не будешь подходить слишком близко.

Она озадаченно уставилась на него. «О чем это он?» Не важно. Когда они приедут к Бриджерам, она будет заниматься тем, что нужно делать так же, как всегда. Она облизала губы и мысленно прошлась по всему, что должно быть сказано.

— Еще раз… Ты уверен, Даг? Потому что, если

нет, я могу сама пойти сказать Финчу «нет». — В этом она, по крайней мере, в состоянии его заменить. — Это может стоить тебе Аркади.

Он криво улыбнулся ей и провел большим пальцем по ее теплой щеке.

— Если так случится… значит его цена слишком высока, а я слишком бедный и старый дозорный, чтоб позволить себе это.

Она коротко кивнула ему, проглотив комок в горле:

— Тогда нам лучше поторопиться.

Она отправилась в их комнату, чтоб упаковать сумку, а он пошел в рабочий кабинет Аркади, чтоб занять несколько вещей, которые, как он думал, ему могут понадобиться. В общем-то, без разрешения, и Фаун подозревала, что Аркади это тоже не понравится. Она вернулась в гостиную и нашла Дага, набрасывающего для Аркади краткую, честную записку.

Ну, в ней было сказано, что его позвали лечить больного ребенка, и чтоб не ждали его в обычное время. Если он опустил слово «крестьянского» перед «ребенка» — это ведь не ложь. И даже, по всей вероятности, не утаивание.

Она отвела Дага в низину с солнечными зайчиками. Они увидели Финча, сидящего на земле

с руками вокруг коленей и опущенной головой. Услышав их шаги, он вскочил на ноги, вытирая рукавом мокрое лицо. Он переводил взгляд с Дага на Фаун, и было видно, что Даг его безмерно удивил.

— Э-э…

— Это Даг, — сказала Фаун, несколько собственнически хватая его за левую руку. Ее глаза резко похолодели. Посмей Финч выразить неодобрение, уставься он на крюк, или если он хоть слово скажет о том, насколько она маленькая и юная или насколько Даг старый…

Даг вежливо кивнул.

— Финч?

— Сэр! — Финч сглотнул. — Вы э-э… — Он поглядел в сторону. И вверх. И обратно на напряженное лицо Фаун. — …не то, что я ожидал.

— В основном нет, но это не смертельно, — сказала Фаун весьма колко, но потом умерила свою колючесть. У Финча и так достаточно неприятностей; ему не нужно знать, чем они, возможно, пожертвовали из-за него. — Я тут подумала, будет более осмотрительно, если мы сделаем круг и встретим вашу тележку в конце дороги, там, где ее не видно с рынка.

— Не думаю, что от этого будет потом какая-то

разница, Искорка, — сказал Даг.

— Все равно незачем напрашиваться на вопросы, споры и задержки.

Финч решительно кивнул, и план был одобрен. Быстрая прогулка сквозь лесок привела их к началу дороги. Вскоре появилась тележка, и Даг помог Фаун забросить их сумки в возок. Она уселась рядом с Финчем, а Даг занял сиденье, смотрящее назад позади них, со вздохом поджимая свои длинные ноги. Финч стегнул кобылу поводьями, побуждая ее поскакать так быстро, как позволяла дорога.

* * *

На взгляд Дага, ферма Бриджеров выглядела не такой уютной и богатой, как ферма семьи Фаун в Вест-Блу. Она была более тесной и беспорядочной, на ее плоском дворе все еще было полно взбившейся грязи от зимних дождей. Но у нее вроде бы было все нужное: большой амбар, хороший лесной участок, постройки разной степени ремонта, загоны с изгородями для коров, свиней и цыплят — правда, от их запаха это не помогало. Некрашеное деревянное здание фермы было квадратным и в два этажа высотой.

Даг прошел следом за Финчем в темный цен-

тральный холл с чувством, что они были шумным вторжением; на мгновение тишина показалась мертвой, и он подумал «Слишком поздно!», не зная, печалиться или чувствовать облегчение. Но стон с лестницы сверху и женский плач излечили это впечатление так же быстро, как его потянувшийся Дар.

Они взобрались по лестнице в тесную угловую комнату. На кровати, которая казалась для него слишком большой, маленький мальчик корчился от боли. Его губы были растянуты в характерной «усмешке» его болезни, шея застыла, а дыхание пробивалось со свистом сквозь крепко сжатые маленькие зубы. Молодая женщина, явственно его обезумевшая мать, гладила его, как будто могла убедить его натянутые мышцы расслабиться. Его мрачная бабушка сидела с другой стороны кровати, держа его сжатую руку, и выглядела изможденной.

Обе они вскочили и уставились на Дага при их появлении. Их глаза были полны страха и отчаянной надежды. Несколькими днями раньше, подумал Даг, это был бы в основном только страх. Даг сглотнул и пустил Фаун вперед себя как некий человеческий щит. Его собственный Дар, казалось, сосредоточился на самом себе,

притянутый как магнитом к агонии на кровати.

— Фаун, — пробормотал он, — поговори с ними. Мне нужно взглянуть на него.

Он отпустил ее правое плечо, и она шагнула вперед, отвлекая на себя взгляд женщин. Улыбаясь, Фаун присела в легком реверансе и сказала живо:

— Здравствуйте! Я — Фаун Блуфилд, а это мой муж, Даг Блуфилд. Наверное, Финч рассказал, как мы встретились на крестьянском рынке новолуния. Даг учится здесь на целителя Стражей Озера.

Хорошо, что она прошла это обучение совсем недавно и может предостеречь их, чтоб не ждали таких чудес, как мог, без сомнений, продемонстрировать Аркади. В ответ тонкими голосами были названы имена: мама Черри Бриджер, бабушка — госпожа Бриджер. Мать Финча посмотрела на своего невнимательного сына, который преподнес им это чудо Стражей Озера, новые сомнения ослабили былую ярость.

— Сначала, — оживленно продолжила Фаун, — Дагу понадобится осмотреть маленького Спарроу, взглянуть на его Дар, и потом мы узнаем, что делать. Так что, не могли бы пропустить его, мэм… — Она поджала губы и отстранила бабушку

с пути Дага.

— Сначала сними мой протез, Искорка. Сомневаюсь, что он мне для чего-то здесь пригодится.

Фаун кивнула, закатала его левый рукав и стала расстегивать застежки. Он склонил к ней голову, но наблюдал за остальными уголком глаза. Этот ритуал, выполняемой миловидной Фаун над страшным, наводящим ужас крюком, всегда, казалось, успокаивал пациентов-крестьян. Даг не был уверен, было ли это отвлечение внимания, проявление его уязвимости, какой-то сигнал или просто зрелище, говорящее «Вы все видели мужчину, закатывающего рукава, чтоб приняться за работу? Вот и смотрите.»

Даг потер красные отметки, оставленные кожаными полосами на его руке, и проскользнул мимо женщин. Их глаза были широко раскрыты. Он прервал свою попытку поздороваться с испуганным пятилетним мальчиком, когда стало ясно, что мальчика слишком сильно скрутило спазмом, чтобы он мог слышать что-либо или понимать. Он пробормотал Фаун на ухо:

— Сейчас, если покажется, что я ушел слишком глубоко или остаюсь там слишком долго, ударь меня по голове так, как Аркади это делал, ты видела. Так сильно, как нужно. Сможешь?

Она твердо кивнула. Даг опустился на колени рядом с кроватью, видимый мир в его ощущении поблек, а воронка его настоящей сущности поднималась вперед. Позади себя он слышал, как Фаун начинает лекцию для новичков: «А сейчас давайте я расскажу вам о чувстве Дара Стражей Озера…»

Дар ребенка был взволнован. «Глубже и глубже». Вспышка лихорадки была теперь знакома; нехорошо, но это не главная проблема. Глубокий прокол ноги не был вычищен как полагается и был горячим, грязным и ядовитым внутри, несмотря на то, что его покрывала обманчиво здоровая кожа. И, конечно, был сводящий с ума шум вдоль нервов, которые заставляли мускулы безостановочно сжиматься. Даг послал успокаивающее подкрепление Дара, перекручивающее их ветви, как будто налил краски в поток, и ощутил, как безумие ослабевает.

Он нашел путь наружу до того, как попал в захват Дара, и вернулся, моргая, в комнату, где было ужасающе тихо. Он вновь сел на корточки. Смутно осмотрелся, нашел Фаун.

— Как долго я был?..

— Примерно десять минут. Даг, это великолепно! Ты бы видел, как его бедные маленькие

мышцы расслаблялись одна за другой!

Появилась новая фигура, видимо, старший брат Финча, тяжело смотрящий на происходящее. Он крепко держал мать Спарроу за плечи.

— Ему лучше? Он вылечился? — задыхалась он.

— Пока нет, мэм, — сказал ей Даг с сожалением. — Просто временное облегчение. Когда оно пройдет, я повторю его. Но каждое лечение выигрывает немного времени. Для начала нам нужно впихнуть в него столько еды и воды, сколько сможет проглотить такой малыш, чтобы болезнь не убила его голодом. И нам нужно получше вычистить эту рану. Понадобится кипяченая вода — Фаун, присмотришь за этим? И какая-то мягкая, богатая еда, которую легко съесть… я не знаю…

Фаун кивнула:

— Я думаю, овсянка со сливками и медом сгодится для начала.

— Отлично.

Женщины, желая, наконец, сделать хоть что-то эффективное, все вместе подняли суматоху. Отец мальчика — как, он сказал, его зовут? Ларк Бриджер, вот как — уселся на стул, на котором до этого сидела бабушка.

Финч прислонил лоб к высокой спинке кровати

и закрыл глаза.

— Папа? Дядя Финч? — тонкий слабый голос.

Ларк схватил мальчика за руку:

— Эй, воробей-чирикалка[6]! — Его голос был хриплым и казался несуразным для такой мягкости. — Как хорошо наконец услышать тебя! Твоя дядя Финч привел этого Стража Озера, чтоб тебе помочь.

— Он странный, — сказал Финч, — но хороший. — Голова мальчика повернулась. Запавшие юные глаза взглянули искоса на Дага. Спарроу должен был согласиться с суждением своего дяди, потому что он не отшатнулся, но неизбежно спросил первое, что произносили все дети, как Стражи Озера, так и крестьяне:

— Что случилось с твоей рукой?

Даг проигнорировал смущенное беспокойство взрослых и дал малышу прямой ответ:

— Волк откусил.

— Ух, — сказал Спарроу. Это прозвучало так потрясенно, как умеют только пятилетние; но потом, вдруг, он заморгал от слез сопереживания. — Тебе было больно?

— Да, но это было давно. Сейчас уже не больно. Эй, ты что, все в порядке, не надо из-за меня плакать. Нам еще тебя лечить, ты знаешь об этом?

Моргание. Подозрение.

— Как лечить?

— Я знаю, ты этого не чувствуешь, но тебе нужно очень много съесть и выпить — так много, как сможешь. Все, что твоя мама и Фаун тебе дадут. Твои мускулы работают сильнее, чем поле в сорок акров перепахать, понимаешь ли, так что тебе нужно много еды. Потом Фаун и я — это моя жена, вот эта красивая девушка, которую ты только что видел — собираемся еще немного почистить твою рану на ноге.

Некоторым образом Даг был благодарен своей задаче; она была видима глазам крестьян, была понятной и обнадеживающей. Хотя, подумав еще раз, он перестал быть уверен, что хочет, чтоб Фаун так близко взаимодействовала с раной. Вместо нее он заставил Финча вымыть руки и помогать ему.

— У меня все болит… — простонал Спарроу отцу.

«Спорю, что так».

Первое воздействие Дага уже почти прошло к тому времени, как Фаун пришла обратно с кипяченой водой, мальчика начало вновь скручивать спазмом. Когда она все приготовила, Даг занялся им снова. На этот раз было легче, так

как он знал что делал, но также он чувствовал изможденность Дара и начал бояться прихода долгой ночи.

Когда он пришел в себя, Даг поручил его маме убедить его проглотить дозу болеутоляющего порошка; Фаун кивнула ему в знак понимания. Но она явно не понимала, почему он назначил Финча вместо нее очищать рану.

— Нет! — захныкал Спарроу, когда они перевернули его и положили его ногу на полотенца на коленях его дяди. — Это будет больно! Папа, не позволяй им!

— Обещаю, что это будет не так больно, как укус волка, и это чистая правда, — пропел Даг.

Брыкающееся сопротивление стихло, и Даг который раз изумился тому, как этот лицемерный довод работает на малышах. Фаун, уже знакомая с этой уловкой, улыбнулась ему уголком рта.

Даг вбросил подкрепление Дара в маленькую ножку, как можно лучше обезболил нервы и склонился над противной задачей. Одной рукой он снова вскрыл порез одним из острых скальпелей Аркади, а потом вычистил отравленную плоть при помощи спринцовки с кипяченой водой, которую приготовила Фаун и работы с Даром. Вместе с Финчем они забинтовали ногу;

работать с ним было более неловко, чем с Фаун, но результат был достаточно хорош. После этого Даг собрал все и отдал бабушке мальчика, чтобы прокипятить или сжечь. Он тяжело думал об Аркади, когда еще раз мыл руки.

И после этого снова настало время успокаивать кипящие нервы ребенка.

Так продолжалось по кругу все время, пока спускались сумерки. Десять минут работы Даром давали двадцать минут облегчения от спазмов, во время которого Спарроу уговаривала поесть одна из женщин или он просто отдыхал. После чего снова начинались болезненные подергивания и полные боли рыдания, и Даг становился на колени, склонял голову и уходил в транс.

Жар оставался высоким, но они давали телу мальчика возможность бороться самому. Еще одно краткое облегчение. И еще одно.

Когда задача стала привычной, Даг нашел возможность внутри нее подумать и осмотреться. Может ли целитель поставить здесь какой-то вид спиральности, заключающей Дар, чтоб успокаивать обезумевшие нервы, что-то что действовало бы хотя бы дольше, чем полчаса? И почему эта болезнь странно напомнила Дагу Дар жертв укусов некоторых змей? Задумавшись над этим

интересным вопросом, он был выведен из транса резким шлепком по голове.

Он заморгал в свете лампы и увидел Фаун, которая тревожно хмурилась и смотрела на него.

— Я что-нибудь прервала? — спросила она.

— Нет. Спасибо. Это было правильно.

— Хорошо.

Проклятье. Он думал, что может отправить ее в другую комнату отдохнуть, но похоже было, что ей придется провести эту ночь без сна около него. Больше никто здесь не сможет предположить, когда его транс начнет опасно перетекать в захват Дара.

Они разложили одеяла на полу и спали урывками.

К утру они оба были измотаны. Когда Фаун в следующий раз вывела его шлепком из транса, он только фыркнул на нее, ужасно раздраженно. Склонив пылающий лоб к набитому хлопком матрасу, он закрыл глаза.

— Почему вы его останавливаете? — нервно спросила Черри Бриджер. — Может, если он продолжит, то сможет вылечить его совсем?

— Потому что, — рыкнула Фаун, — если Даг объединит Дар со Спа… с пациентом, и этот пациент умрет, Даг может умереть вместе с ним. Это

случилось с предыдущим учеником Аркади.

— О, — сказала Черри тихо. — Я не знала.

— Теперь знаете. Крестьяне нужно узнать больше о Стражах Озера, так, чтобы не было недопонимания как с ними обращаться. Они жутко нервный народ, знаете ли. Просто как натянутые струны.

Деликатное указание на то, что с Дагом следует обращаться осторожно. Даг не был неблагодарен.

Полдень был плох, а вечер и того хуже. Даг начал раздумывать, не было ли его согласие пойти с Финчем самой страшной ошибкой всей его жизни. Но уже ночью иногда его десять минут сна урывками превращались в двадцать, потом в сорок. Когда Фаун разбудила его, моргающего, через полных два часа, он понял, что они миновали кризис. Эта мысль и добротный крестьянский завтрак достаточно оживили его, чтоб он мог продолжать.

Промежутки между приступами удлинялись, и у Спарроу появилось время в его беспокойных страданиях, чтоб заскучать. Даг рассказал ему все детские истории, которые смог вспомнить из своей далекой юности и баллады Стражей Озера, рассказанные как былины. Хотел бы он, чтоб здесь был Бо. Другие члены семьи мальчика,

когда входили и выходили, чтобы помочь, беззвучно слушали.

Когда следующий рассвет превратился в полдень, а затем в ночь, Дагу стало казаться, что он заперт в этой комнате уже эдак тысячу лет.

Как-то решилось — не им — что ему больше не нужно оставаться у кровати, но что кто-то сможет прийти позвать его, когда понадобится его работа, которую сейчас надо было производить через три-четыре часа. Его отвели в другую комнату, где была настоящая постель. С умывальником. И Фаун.

Это была его первая возможность поговорить с ней наедине за целые дни — он потерял счет, как много их прошло. Но разве для такого важного разговора у него не должна быть способность мыслить?

Он был совершенно уверен, что должна. И что сейчас у него ее нет.

Так что он позволил ей натянуть ярко-раскрашенное одеяло поверх них обоих, крепко обнял ее и уснул мертвым сном.

Глава 11

Фаун проснулась, свернувшись клубком под левой рукой Дага. Туманный рассвет был настолько ранним, что на ферме было все еще очень тихо. На Фаун была одна из ее ночных рубашек; Даг во сне был, как обычно, обнажен. Она выгнула шею и прижалась ухом к его груди, чтоб послушать, как бьется сердце; затем взглянула выше. Он проснулся и смотрел на нее.

— Выспался, наконец? — спросила она.

— Да, теперь гораздо лучше. — Его рука прошлась по ее щеке, груди, животу и осталась там, с распростертыми пальцами. Выражение его лица стало забавно нежным. Она улыбнулась ему сонно.

— Что?

— Ты меня изумляешь, — прошептал он. — Изумляешь меня каждый день…

Она прижалась к нему плотнее. «Думаю, я не в проигрыше». В этот момент она задумалась, насколько он отдохнул этим утром, и не приподнять ли одеяло, чтоб проверить. У них было мало уединения еще со времен «Надежды», урывая время, приглушая утреннее хихиканье, даря друг

другу быстрые поцелуи.

Но лицо Дага оставалось серьезным, и он вздохнул. И при этом не стал подниматься. Значит, разговор? Или, может, сначала разговор, а потом…

— Помнишь ночь после жареного поросенка?

Она поцеловала его в ключицу.

— Да? — сказала она ободряюще, приглушив тревогу. Неужели он, наконец, собрался выложить то, что тревожит его с тех пор? Самое время.

— Я тогда был несколько расстроен… Я был… Боги, Даг, прекращай оправдываться… — Его бормотание стихло. Он набрал воздуха и попробовал снова. — Началось твое плодородное время, а я этого не заметил. Я… Мы… Я сделал… Ты беременна.

Она замерла в изумлении. Его грудь замерла, не дыша. Волна шока, казалось, поднималась от ее ноги через легкие к макушке, и на мгновение она не была уверена, было ли это хорошо или плохо или просто необычайно, потому что весь ее мир обратился внутрь. С писком дикой радости она обняла его и звучно поцеловала.

— О! О!

Он разжмурился; поцеловал ее в ответ, обнял

покрепче и отпустил; и только тогда осмелился сделать вдох.

— Хорошо. Какое облегчение! Я думал, ты разозлишься на меня, Искорка.

— Вот почему ты выпалил мне это так резко? — Она уставилась на него озадаченно и слегка встревожено. — Ну, действительно, если бы я выбирала место и время, оно было бы другим, но никто ведь не ждет от младенцев, чтобы они появлялись по расписанию. По крайней мере, если есть немного здравого смысла. Разве ты не счастлив?

Его руки обвили ее крепче.

— В экстазе. Ошеломлен. — Он поколебался. — Застигнут врасплох.

— Но ведь мы женаты. Мы знали, что это должно случиться однажды, ведь для этого и есть брак. Конечно, сегодня это сюрприз, но не… но не в целом. — Она наморщила нос. — Полагаю, это что-то вроде охоты на Злых. Они именно то, что вы выискиваете, но найти его именно сегодня — каждый раз удивление.

Низкий смех заклокотал в его груди, и она приободрилась.

— Если бы я выбирал сравнения, Искорка, они были бы другими! — Его смех утих. — Исключая

страх.

— Страх? Когда ты отправлялся за ними вновь и вновь? Должна сказать, ты храбрец.

Он потряс головой, его выражение лица стало обращенным внутрь себя, как если бы рылся в воспоминаниях.

— Нет. Это не храбрость, просто такой вид оцепенения. Это было так, будто я потерял сродство с миром. Сейчас же… боги, я чувствую столько, что едва дышу. — Он покрыл ее лицо быстрыми, неистовыми легкими поцелуями. — И я напуган до одури.

Она хотела сказать «Даг, все будет хорошо!», но сложность их нынешнего положения прокралась обратно в ее разум. Вместо этого она сказала:

— Дети, когда они решили появиться, делают это в свое время, а не в твое. А ты просто должен разобраться с задачей как можно лучше.

Она потянулась и приложила палец к его губам, останавливая то, что он собирался сказать, когда ее охватили собственные воспоминания. Мальчик, который был отцом ее первого потерянного ребенка, боялся только из-за угрозы собственному комфорту. Он встретил уже только новость о его существовании с гневом, неприятием и угрозой непростительной клеветы. Поразительный

человек в одной постели с ней желал переделать целый мир в безопасную колыбель для ее второго ребенка. Или, по крайней мере, вывернуть свое сердце наизнанку в попытках достичь этого. У нее было тайное подозрение о том, что мудрость можно найти посредине, но в целом она предпочитала подход Дага.

— Ты тоже изумляешь меня, Даг, — прошептала она.

Он повернулся к ней и обнял ее.

Она зарылась носом в волоски на его груди, а затем подумала об еще одном преимуществе быть супругой Стража Озера.

— Эй! А это мальчик или девочка?

— Еще слишком рано, чтоб понять это даже при помощи Дара. Нужно подождать несколько недель до того, чтоб можно было сказать точно. — Он поднял ее выше, чтоб поцеловать, потом добавил: — Девочка сможет носить имя нашего шатра. — Его попытка скрыть заинтересованность и произнести это ровным тоном провалилась.

— Но если она выйдет замуж за крестьянина, то примет фамилию мужа, — почувствовала необходимость указать Фаун.

— Любой мальчик, который женится на нашей

дочери, возьмет ее имя и полюбит его!

Она неистово захихикала.

— Ты так сурово это сказал!

Он покраснел.

— Допускаю, я немного забегаю вперед, Искорка.

«Да ладно».

Неуверенность начала подтачивать ее первое радостное удивление. Потому что ее попытки представить рождение натолкнулись на первый вопрос: «Где?» Где-то между гарантированным завтраком этим утром и воздушной мечтой о будущей свадьбе ребенка лежала целая куча повседневной работы. И необходимость все уладить, сгорающая так же неумолимо, как свеча с часовыми отметками. Ежегодные осенние приготовления к зиме научили ее, как нужно планировать вперед и как сделать, чтобы будущее случилось так, как должно. Ну… по крайней мере, показали ей один из способов, решила она. Они не научили ее, как следовать за длинноногим мужем из Стражей Озера через пол-континента; этому ей пришлось научиться в пути. И она все еще учится. На вопрос «Как мы сделаем это?» было не так просто ответить, как ее родителям.

Рука Дага перестала гладить ее живот и нашла

более желанное место ниже. Она расслабила бедра, чтоб дать ему пространство, но затем заколебалась:

— Послушай, это безопасно?.. Может быть, надо быть разумней? Многие бы сейчас даже не знали…

— Да, — сказал он твердо. — Я спрашивал.

— У кого?

— У Аркади.

— О. — Она обдумала это, насколько могла это сделать с учетом его приятных прикосновений. — Значит, он знает, что я?.. О. Да. Конечно, он знает, раз ты знаешь… — Она заморгала. — Погоди минутку. То есть, все кроме меня знали? Барр и Ремо тоже? И… — Она его стукнула, но было слишком поздно, чтобы это показалось убедительным.

— Чувство Дара, — вздохнул он. — Смирись. — Он провел языком по ее шее. — Ты улыбаешься.

На самом деле, она подозревала, что улыбается как хомяк с полными щеками.

— Это ужасно для моего достоинства.

— Не забывай радоваться, — прошептал он.

Она вспомнила, что он сказал, когда обдумывал их брачную ночь; что она останется резкой и чистой, когда тысяча других ночей поблекнет. И он оказался прав, хотя тысячи дней у них еще пока

не было. Она открыла ему свой разум, сердце и тело, когда он стал убеждать ее, что вместе со всеми другими ее воспоминаниями этого примечательного утра она может вспомнить о том, что любима.

* * *

После того, как они умылись и оделись, Даг пошел к Спарроу провести еще один сеанс лечения. Мальчику стало настолько лучше, что присматривать за ним оставили незамужнюю сестру Финча, девочку пятнадцати лет. Середина утра застала Фаун и Дага одних на кухне фермы. Остальная семья Бриджеров разбежалась по своим беспрестанным крестьянским делам. Фаун подогрела горшок с крупой, оставленный для них и не сильно застывший, и пожарила ветчину и яйца к ней. Они наполовину расправились с едой, когда Даг поднял и повернул голову в никуда. Это напомнило Фаун кота, смотрящего на то, что больше никто не видит. Стражи Озера… Неудивительно, что народ их все время пугается.

— Что? — спросила Фаун.

— Просто натолкнулся на Дар Ниты кроме прочих людей. Что она здесь делает?

— Нас ищет? — Фаун вскочила.

— Похоже, что так. Сядь, Искорка, она еще едет. Заканчивай завтрак. Тебе нужно поесть. — Он улыбнулся ей по-доброму.

Она улыбнулась в ответ. Глубоко внутри ее головы возбужденный голос все еще кричал «Малыш-малыш-малыш, да-нет-даааа!» Она хотела прыгать и бегать, как сумасшедшая, что-нибудь приготавливая, хотя, по правде сказать, пока делать было нечего, особенно здесь. Кроме того, чтобы съесть завтрак. Она проглотила последний кусочек масляной каши, а затем пошла вслед за Дагом на крыльцо.

Нита как раз въехала рысью на двор фермы, грязь хлюпала от копыт ее вспотевшей лошади, которая встряхнула головой, когда та натянула поводья, и встала, тяжело дыша круглыми, красными ноздрями.

— Даг! — вскричала она. — Сэр! Вы живы!

«А были сомнения?» Единственная рука Дага сжала запястье Фаун. Она не была уверена в том, был ли это хозяйский жест или он должен ее о чем-то предупредить.

— Я успела? — добавила Нита, запыхавшись. Она бросила странный взгляд на Фаун, ее светлые брови стали жестче, как будто от смущения, беспокойства или… разочарования?

— Успела к чему, Нита? Думаю, мы еще сможем наскрести вам немного завтрака, — произнес Даг, намеренно растягивая слова. Та неспокойно махнула рукой, отметая легкомыслие.

— Командир Булраш выедет не более чем через час после меня, а скачет он быстро. Если поторопиться, сможете убраться отсюда.

— Убраться куда и почему? Я не верю, что Энтан Булраш повредился в уме таким прекрасным весенним утром.

— Нет, нет, конечно, нет, но вы все еще сможете вернуться в лагерь. Проскользнуть мимо него. Никто даже не узнает, что вы здесь были. О боги, мне надо было взять еще одну лошадь. Я могу одолжить вам свою, если хотите, а я пойду домой пешком. — Она спешилась и взбежала по деревянным ступенькам, одновременно как бы протягивая поводья Дагу.

Даг засунул руку в карман.

— Я полагаю, люди знают, что мы уехали. Разве Аркади не получил мою записку?

— Да, Барр и Ремо сказали. Исключая только то, что они молчали до следующего вечера, когда слухи уже расползлись по всему лагерю.

Тяжелый вздох сорвался с губ Дага.

— Так… ты не хочешь начать с начала, Нита? —

Он позволил проскользнуть в его тоне нотке твердости командира дозора — преднамеренно ли?

Возможно, поэтому Нита расправила плечи.

— Да, сэр. Ну, думаю, старый Аркади не был сильно рад, когда узнал, что вы уехали… Это был больной крестьянин?

— Столбняк, — сказал Даг коротко.

Губы Ниты сложились в тихое «О»; она выглядела слегка обескураженной, но продолжила:

— Я не знаю, что там у Аркади было в голове, но следующим утром, когда вы оба не пришли в шатер целителей, он сказал Челле, что дал вам день отдыха. Правда, Нола и Цери пустили слух, что видели, как Фаун отправилась в лес днем раньше с каким-то милым крестьянским мальчиком и не вернулась. Ну, Цери сказала, что не уверена, что это что-то такое, а Нола думала иначе. А Аркади только фыркал.

— Что что-то такое? — сказала Фаун ошарашенно.

— Что вы сбежали с этим крестьянином, а Даг погнался за вами обоими, — губы Ниты поджались с таким неодобрением, будто она узнала, что так и есть.

Фаун задохнулась от ярости от подобной кле-

веты:

— Да я никогда!..

Даг обнял ее, и она умолкла. Он вытащил руку из кармана, но всего лишь потер лицо.

— Продолжай.

— Любые слухи из шатра целителей разносятся по всему лагерю очень быстро. Вечером Барр и Ремо сказали мне и Тавии о вашей записке, но они заставили нас поклясться, что мы будем молчать, что лично я была только счастлива сделать. Я все еще думала, что это мог быть ложный след — если бы вы исчезли с налитыми кровью глазами. Я не знаю, как вся эта искаженная путаница дошла до ушей командира Булраша, но на следующее утро он ворвался в шатер целителей, чтобы узнать, что в действительности происходит. Он сказал, что не собирается позволить разыгрывать в его районе дозоров какую-то дурацкую балладу с убийствами. Он еще больше разозлился, когда мы выложили правду, а еще на то, что Аркади его не предупредил. Я слышала, у них был свирепейший спор. Они решили дать вам время до вечера, чтобы прийти и объясниться, а потом командир собирался явиться за ответами сам. Что он и делает этим утром. О, сэр! — Нита страдальчески протянула Дагу руку. — Мы с Аркади почти уго-

ворили лагерь предложить вам право на шатер! Я думала, вы так старались по поводу вашего обучения… разве оно больше для вас не важно?

— Больше, чем я мог бы сказать.

— Тогда должен быть какой-то способ спасти его. Может, вы смогли бы заставить этих крестьян поклясться, что вас здесь не было?

Фаун видела, что Даг хотел хлестнуть Ниту ровным «Нет» и так и оставить. Но многолетняя привычка воспитывать юных дозорных взяла верх до того, как он смог себя порадовать этим.

— Бесполезно, Нита. Энтан тут же распознал бы правду. Я не стану лгать. Но я охотно поунижаюсь, если вы думаете, что это поможет.

— О! — Нита едва не топнула ногой; она сжала кулаки. — Пожалуйста, разве вы не можете уйти?..

— Пока нет. Я думаю, еще один день лечения нервов будет немного лучше, чем неделя в постели для Спарроу. Вы когда-нибудь видели столбняк, Нита?

Она потрясла головой, ее губы были поджаты.

— Нет. Но слышала, что он ужасный.

— Правильно слышали. — Даг выпрямился и потянулся, как бы готовясь с силами. — Оставьте мне вашего командира, Нита. Это происходит

быстрее, чем мне бы хотелось, но эти вопросы когда-нибудь все равно легли бы на стол. Лучше разобраться с ними и закончить с этим.

— Сэр, вы… Вы проклятый дурак, сэр!

— Бриджеры позволят вам воспользоваться их конюшней. Позаботьтесь о лошади, дозорный. — Даг вздохнул. — Вы порядком измотали ее сегодня утром.

— И, похоже, впустую, — пробормотала Нита свирепо. Она размашисто сбежала с крыльца и повела свою гнедую вокруг дома.

— Я бы предпочел, чтоб Аркади не вздумал меня покрывать, — пробормотал Даг. — Я этого не ожидал. Неужели он открыто лгал? О, боги. И снова будет все как в Хикори. Мне так жаль, Искорка.

— Не думаю, что будет так же, — сказала Фаун упрямо.

— Уверен в этом, очень уж напоминает. Проклятье. Если бы только у меня было больше времени, чтобы прижиться, чтоб уговорить… Я думал, проект шатра целителей на крестьянском рынке был первоклассным, или мог бы таким стать с расколдовыванием. Поставить его и проработать в нем два или три года, оставить его за собой как зернышко, когда мы снова отправимся

на север…

— Высаживать идеи? — Фаун покатала идею в уме. — Это сработает, только если собираешься остаться поливать и пропалывать их. И собирать гусениц.

— Угу. — Он поцеловал ее в макушку. — Это всегда было не так уж просто, правда, Искорка?

* * *

Даг ощутил Дар командира Булраша через час. Он отправился ожидать его на верхнюю ступеньку крыльца, прислонившись к столбу. Фаун сидела у него на коленях, подперев подбородок кулачками. Нита развалилась на ступеньках напротив Фаун, нахмурившись и вытянув одну ногу в ботинке. Взрослая часть семьи Бриджеров тоже мало-помалу оказалась на крыльце. Папа Бриджер и Ларк прогуливались у передней двери со скрещенными руками, Мама Бриджер безуспешно пыталась вязать в своем кресле-качалке, Черри и Финч в тревоге сидели на скамье рядом с ней.

— Я думаю, командир Булраш захочет перебросится со мной словом-двумя. Я бы хотел, чтобы вы, ребята, не перебивали его, когда он захочет что-то сказать, — предупредил Даг Бридже-

ров. — Здесь на кону мое и Фаун места в лагере Новолуния.

Финч повернулся к Фаун, его источнику многих уроков о Стражах Озера за последние четыре дня — исключая этот — и сказал:

— Извините. Я не знал!

Даг сухо улыбнулся ему через плечо.

— А если бы знал, сделал что-то по-другому?

Финч взглянул в направлении угловой спальни, где его племянник лежал в мирном сне.

— Думаю, нет. В самом деле, нет.

— Вот и я нет.

Маленький дозор Стражей Озера проскакал рысью по лужайке. Командир лагеря в самом деле приехал не один; он выбрал напарником для этого расследования своего сверстника Таппа. А также, возможно, свидетелем. Что было неудивительно, сзади него тащились Барр с Ремо. Когда они увидели Дага и Фаун, на их лицах появилось облегчение, а когда Ниту — смущение. Все четверо остановили своих лошадей на грязном дворе перед крыльцом.

Энтан Булраш, сидя в своем седле, был лицом к лицу с Дагом. Он не стал спешиваться, но ослабил поводья и наклонился к луке седла. Его сутулая спина, так же как и почти полностью

закрытый Дар, выдавала его настроение: усталое раздражение, сдерживаемое неловкостью и осторожностью. Если бы он был моложе и мерее уставшим, он бы, вероятно, был бы более сердит. Даг понял, что его злость сидит очень глубоко.

Взгляд командира упал на Ниту, и девушка вздрогнула.

— Что вы здесь делаете, дозорный? — проворчал он. Она вздернула подбородок.

— Я не на дежурстве, сэр. И свободна ехать, куда нравится.

— Неужто?

Она благоразумно не стала отвечать. «К счастью». Энтан перевел взгляд на Дага и продолжил:

— Вижу, ваш доносчик оказался быстрей. Так что, северянин, какая из сказок была правдой? Это был побег или жест милосердия?

— Это был пятилетний мальчик со столбняком. Сэр. — Даг дотронулся пальцами до лба в привычном салюте, лишенном настоящего уважения на деле.

К его чести, по лицу капитана пробежала тень сочувствия. Мерцание его Дара расширилось; он поднял взгляд по направлению к угловой комнате и кивнул:

— Понятно. Это тоже проясняет дело, полагаю. — «Даже, если дело было не таким, как он предпочел бы?»

— Я говорил ему, что это не мог быть побег, — пробормотал Ремо.

— А похищение — могло быть, — сказал Барр рассудительно, то ли в шутку, то ли всерьез, с ним всегда было сложно это понять. — Я бы в это поверил.

Резкий взмах кулака Энтана попросил у них молчания.

Папа Бриджер решительно вышел вперед.

— Я думаю, без этого тощего малого и его малютки-жены моего внука сегодня бы хоронили.

Даг повернул левую руку в успокаивающем жесте, который должен был быть ладонью вниз, если бы эта ладонь оставалась у него. Он понял, что смутная угроза от его крюка и напоминание о его жертве были бонусом для Энтана.

Энтан заметил множество глаз Бриджеров, уставившихся на него, и сказал Дагу несколько сквозь зубы:

— Нам бы лучше поговорить без аудитории.

— Это их крыльцо, — заметил Даг. — Вы находитесь на их дворе.

Энтан посмотрел угрюмо, но, на самом деле,

ему нечего было возразить.

— Что я думаю, — сказала Фаун, внезапно вставая, — это что сейчас подходящий момент, чтобы познакомить присутствующих друг с другом, чтоб ни у кого не было повода разговаривать друг через друга. — Следующие несколько минут она это делала. Попытка Энтана беспрестанно смотреть сердито на Дага была прервана необходимостью узнавать имена и краткие истории жизни. К тому времени, когда Фаун закончила представление всех, включая Таппа с его недавней проблемой кишечника, стало ясно, что план Энтана провести разговор по своим знакомым правилам — в виде сурового дозорного нагоняя — ушел у него из рук.

Энтан посмотрел на крестьян, потер лицо и ухватился за соломинку:

— Как много людей знают сейчас об этой вашей вылазке, Даг? Только те, кто здесь, или больше — соседи, родственники?

— Соседи, женатые сестры, зятья — кто только не останавливался здесь, чтоб помочь последние несколько дней. Так делается у крестьян, знаете ли, сэр.

— У-гу. Так что нет никакой надежды, что в такой толпе это останется в секрете?

— Боюсь, что так, сэр, — сказал Даг, понимая его идею и ее безнадежность. — Я уже пытался объяснить это Ните. Но я верю, что она думала только о половине этой картины.

Нита взглянула через плечо на всех Бриджеров и тревожно заморгала.

Энтан посмотрел на Ниту взглядом «Я с тобой позже разберусь». Он сказал Дагу:

— Разве Аркади не разъяснил вам, что вся такая деятельность запрещена?

— Он разъяснил, что он считает ее нежелательной, и объяснил почему. — Даг заколебался. — Мне было ясно, что я не смогу отвернуться от умирающего в жуткой агонии ребенка и продолжать смотреть на свое отражение в зеркале во время бритья.

Энтан явно был задет последним доводом — но не достаточно.

— Если повторится история Топориной Топи, мои дозорные примут на себя удар этого. — Он взглянул на Таппа, на Ниту. «Ищешь разбитые головы? Или что-то большее?»

Даг тоже был задет — но не достаточно.

— Плохо выполненная хорошая мысль — вовсе не то же самое, что плохая мысль. Я верю, что с расколдовыванием былой замысел Аркади поста-

вить шатер целителей на крестьянском рынке был бы правильным путем попробовать новое без риска бунтов на ваших воротах. Это бы не было повторение истории Топориной Топи.

Энтан отшатнулся, сидя в седле.

— Значит, вот что за вожжа заехала тебе под хвост?

Даг кивнул. «Боги, разве сейчас подходящие время, место и человек для этого спора? Не важно, продолжай.»

— Потому что однажды, когда все Злые исчезнут — когда это долгое зло не будет больше сформировывать нас — кем станут Стражи Озера? Я видел массу возможностей. Сейчас не слишком рано пробовать что-то новое, особенно здесь. По многим причинам, юг — представление будущего севера.

Энтан стал жестким, как человек, который борется не только против внешнего, но и против внутреннего врага.

— Послушай меня, северянин. Это мое призвание — удерживать Русло Новолуния. Чтоб защищать его от того, чтоб наши традиции и наша кровь не уничтожались дюйм за дюймом.

Даг фыркнул:

— Наши традиции? В самом деле? Куда вы ез-

дили по обмену, когда были молодым дозорным, Энтан?

— Южные Морские Врата, — неловко ответил командир лагеря.

— Для севера весьма южные. Так когда Новолуние производило свое последнее перемещение? Я знаю, как выглядит традиционный лагерь, и это вовсе не похоже на Новолуние. Если бы вы были традиционными, вы бы сожгли каждый дом в нем. Потому что традиционные Стражи Озера не защищаются. Мы бежим.

Новолуние стало таким же «сидячим», как его соседи-крестьяне. А вы так сильно сжимаете кулаки лишь потому, что в них осталось так мало.

Энтан посмотрел вниз на поводья и с усилием разжал пальцы с побелевшими костяшками. Он нахмурился, глядя на Фаун.

— Я думал, у вас появились новые причины для того, чтобы защищать то, что перед вами, Даг.

Даг пожал плечами.

— Я был бы очень счастлив вернуться в Новолуние и продолжить свое обучение. — Он уделил взгляд сияющей Фаун, наделившей его таким непоколебимым доверием. «Отсутствующие боги, а буду ли я счастлив…»

— И вы поклялись бы не делать втайне ничего

такого, — взмах руки в сторону семьи Бриджеров, — снова?

Тишина. Потом:

— Могу ли я иметь целительский кабинет, чтоб у меня не было секретов?

Более долгая тишина.

— Это называется «поунижаться»? — пробормотала Нита сквозь зубы.

Фаун сидела на ступеньках рядом с ней; Даг расслышал ее ответный шепот:

— В стиле Дага, да. Смотри и слушай.

Даг продолжил более настойчиво:

— Будущее происходит прямо здесь, каждый день. Вы можете плыть или тонуть, но вы не можете выбрать не быть наводнению. Полагаю, настоящее понимание кроется в том, что так было всегда. — Он набрал воздуха. — Я думаю, нам пора учиться плавать.

Энтан отрезал:

— У людей, таких как я и Тапп, тоже есть дети, которых нужно защищать. Всех детей, не только наших.

Даг понимающе кивнул, но обвел рукой вокруг не только Фаун, но и Ниту, олеанских дозорных, Финча и Спарроу и его сестру наверху лестницы.

— Если вы в действительности подразумеваете

всех детей, Стражей Озера и крестьян, то я с вами. Потому что они могут быть сложностью сейчас, но потом они станут нашими судьями, когда падут воды.

— Проклятье, — медленно сказал Энтан. — Я думал, вы опасны всего лишь как мягкосердечный дурак. Но ведь вы настоящий предатель, так? В десять раз больший, чем тот бедолага-бандит, которого вы зарезали на Грейс.

— Отлично, сэр. — Что за ответ это был? Точно не отрицание.

— Боги, мне от вас дурно. Если я еще буду сидеть и слушать вас, небось свалюсь с этой проклятой лошади. Послушайте, северянин. У нас не было проблем, пока вы не явились. Безусловно, быстрейший способ избавиться от них — это избавиться от вас. А у меня нет времени.

Фаун смотрела куда-то в пространство, но ее голос был неожиданно резким:

— Моя мама обычно говорила мне: «Что, времени сделать это правильно у тебя нет, зато на переделку найдется?»

Энтан посмотрел на нее холодно и вернул хмурый взгляд к Дагу.

— Вы не мой дозорный, Даг Блуфилд. Отсутствующие боги, вы здесь даже не чей-нибудь

родственник. Если вы настолько погрязли в отношениях с крестьянами, берите их куда хотите — исключая границы моего лагеря. И что бы вы ни начали творить здесь, пусть оно преследует вас не до наших ворот.

— Мое обучение… — начал Даг.

— Вам следовало подумать о нем раньше.

— Я думал.

— Тогда вы сделали свой выбор. Так что, нет ни одной проклятой причины мне сидеть здесь, споря с вами, так? Просто не возвращайтесь в Новолуние. Мы не позволим вам войти снова. — Он повернул коня. Тогда его взгляд упал на Барра и Ремо, сидящих верхом на своих скакунах. — А, — приостановился он, — вы двое. Вы идете со мной или остаетесь с ним?

Губы Ремо приоткрылись в удивлении; он взглянул на Ниту и обратно на Энтана.

— А мы можем остаться в Новолунии, сэр?

— Можете попробовать. Ваш командир дозора сказал мне, что вы исключительно дисциплинированные дозорные.

— О, только не я, сэр! — сказал Барр радостным тоном. — Я слишком долго общался с предателями. Мой Дар полностью порочен, видите ли. Вы не захотите, чтоб я был в вашем дозоре. Что-

нибудь беспорядочное может в нем завестись. Например, мозги.

Энтан сжал зубы, и это было совсем не похоже на улыбку.

— Хорошо. Значит, вы сможете принести Дагу обратно его лошадь и вещи. — Его взгляд молнией метнулся к Ремо. — А вы?

Ремо с мучением посмотрел на Барра, Ниту, Дага.

— Я… могу я подумать какое-то время, сэр?

— Можете, пока ваш напарник собирается. — Рука Энтана повернулась к Ните. — Вы, идите за вашей лошадью и догоняйте. — Он дернул подбородком, адресуясь к Таппу. — Хватит всей этой дури. Обратно в лагерь.

Когда дозорные повернули своих коней, Барр подвел лошадь к крыльцу:

— Думаю, я вернусь завтра с Копперхедом и прочим. Какие-нибудь сообщения?

— Скажи Аркади… — Нет. Едва ли Даг мог сказать Аркади, что он сожалеет о произошедшем, потому что он не сожалел о нем. Лишь о том, что вернуться не выйдет. — Скажи Аркади, я сожалею о том, как все вышло. Но разве ты не будешь спорить за меня там столько, сколько там еще пробудешь? Потому что Энтан Булраш не

единственный авторитет в Новолунии. А твоему рту терять нечего.

Барр по-крысьи ухмыльнулся и ускакал вслед за остальными.

Глава 12

Фаун поднялась вслед за Дагом по лестнице, чтоб понаблюдать, как тот лечит Спарроу. Потом они вернулись в кухню Бриджеров и нашли семейный совет в самом разгаре. Это напомнило Фаун застольные разговоры у нее дома в Вест-Блу. В любом случае, они все отзывались весьма грубо о командире Булраше.

— Ну, верно, но я несколько симпатизирую Энтану, — сказал Даг, когда Черри Бриджер поставила перед ними кружки с чаем.

— Да он разве что за уши вас не оттаскал! — сказала Черри. Финч вжал голову в плечи и выглядел виновато.

— Человек старается защитить свой лагерь, — и Даг кратко повторил историю Аркади о трагедии в Топориной Топи.

— Но ведь это было давно, — сказал Финч. — До моего рождения!

— Однако, такие люди, как командир Булраш и Аркади, помнят это так, будто оно случилось вчера, — Даг отхлебнул чай и потряс головой. — Я думаю, Энтан ощущает, что его методы поизносились, но предложить взамен ему нечего, так что

ему остается только держаться за них покрепче. Таких людей много.

— Но Даг пытается изменить все это, — вставила Фаун с гордостью.

— Не нагружай чрезмерно мою лодку, Искорка. Один человек не может изменить весь мир точно так же, как не может изменить сторону, в которую дует ветер. Самое большее, на что он способен — это понять, куда ветер дует, и плыть туда же. Думаю, тот, кто сможет это сделать, переправит свой груз с берега на берег в целости. — Он потер лицо. — Боги, послушай же меня. Все эти ветра, воды, прочая чепуха… Неудивительно, что все утекает у меня сквозь пальцы. Искорка, мне нужно немного доброй крестьянской грязи, чтоб укрепить меня. Понимаешь, все дело во времени. Я совершенно не понимаю времени, и чувство Дара здесь не поможет; оно привязано ко времени так же, как и все прочее. — Он оглядел круг непонимающих лиц и склонил голову. — Извините. Слишком много зимних ночей в дозоре, когда нечего рассматривать, кроме звезд. Это делает человека странным.

Фаун подумала, что почти слышит, как Бриджеры называют про себя Дага странным, но никто не сказал этого вслух.

— Тогда что мы делаем дальше, Даг?

Папа Бриджер сказал, подчеркивая слова:

— Вы, двое, если хотите — оставайтесь здесь. Настолько долго, насколько пожелаете. — Ларк коротко кивнул, а Черри и Мама Бриджер пробормотали что-то в поддержку.

Фаун попыталась представить себе это. Могли бы они жить как постоянные гости в комнате наверху? Что делая? Положим, она представляла себе крестьянские заботы; она бы приняла свою долю в них. Но она подозревала, что, если Даг займется целительством среди крестьян столь близко к Новолунию, против этого возникнут возражения. И… с ребенком? В доме какой-то другой женщины? Хотя Черри Бриджер могла бы стать заменой родственницы… По меньшей мере, какое-то время они будут в безопасности.

Финч с серьезным лицом наклонился вперед, поставив локти на стол.

— Фаун, помните тех друзей, о которых я вам рассказывал? Они поговаривали о том, чтоб уехать на север.

— Да?

— Я рассказал им о том, что мне говорили вы о своей стране, и это их подтолкнуло. Мы решили, что когда-нибудь должно наступить этой весной.

Мы думали отправиться вместе, потому что Тракт — это не место для одиночек. Мы собирали все нужное по порядку — Сейдж попросил руки у своей любимой, чтоб она отправилась с ним — и должны были отправиться на прошлой неделе, но Спарроу заболел, и я все отложил. Я хотел взять гнедую кобылу и двух вьючных мулов как свою долю наследства, а также свои инструменты и припасы.

Папа Бриджер и Ларк кивнули.

— У Сейджа есть фургон, так что они будут передвигаться медленнее, чем вьючный караван. Я думал догнать их, когда… ну, я планировал так или иначе уехать.

Финч подразумевал, что, если Спарроу умрет, то он сбежит с позором с фермы. Фаун понимающе кивнула. Мама Бриджер вздохнула.

— Я рад, — Финч взглянул на Дага и набрал воздуха в грудь, — что этого не случилось. Но я все еще хочу догнать Сейджа и ребят. О чем я думал… вы ведь были на Тракте, сэр?

Брови Дага взлетели вверх.

— Я никогда не проезжал его из конца в конец за раз. Но проходил пешком и верхом многие его отрезки.

— А я никогда не был севернее Крокодильей

Шляпы, — сказал Финч. Фаун уже знала, очарованная названием, что это ближайшая деревня, примерно в пятнадцати милях по Тракту на Север. Ей было любопытно, действительно ли там продают шляпы из аллигаторов.

— Но вы, сэр, — продолжил Финч, — раз вы теперь собираетесь домой… если бы вы поехали с нами сейчас, вы были бы кем-то вроде проводника. Что скажете? — Он взглянул тревожно на Фаун.

— Кем-то вроде… — сказал Даг. Он также взглянул на Фаун с вопросом в глазах. — Я пока не целитель, которым намеревался стать.

Она задумчиво пожевала губу.

— Раньше ты бы и не задумался перед тем, чтоб отправиться в подобное путешествие без обучения и всего лишь с целительством дозорного.

— Я был проклятый дурак раньше. Это просто опасно.

— Весьма удачливый дурак, если так. И ты ведь не стал более необразованным за эти пару месяцев, проведенных у Аркади.

— По моим ощущениям — именно так. Аркади открыл мне глаза на целую новую реальность. Есть перед чем склонить голову. Мастер Вейв тоже — я думал, что знаю все о мастерстве ножей

из своих наблюдений за Даром, но стиль Вейв совершенно другой. Между ними двумя я чувствую себя так, будто кто-то взял мой череп и встряхнул его хорошенько, как бутылку сидра — так, что пробку вышибло.

— Тебе не нужно быть лучшим целителей в семи землях. — Хотя, она предполагала, что Аркади можно было бы так назвать. — Конечно, Аркади ставит высокую планку, хотя мне кажется, кое-что из этого в твоей голове — голос твоей мамы. Она сведет тебя с ума, ты же знаешь это, Даг. Единственное, чем ты действительно должен быть — это немного лучшим того, что сейчас есть у людей. И быть с ними.

Даг мрачно потряс головой.

— Может быть, ты сможешь найти другого целителя в Олеане, который примет тебя на твоих условиях. Аркади не может быть единственным хорошим учителем.

Его мрачность немного посветлела.

— Точно, Искорка. — Он почесал затылок, изучая Фаун. — Ты хочешь домой.

По правде говоря, если они собираются в этом году на север, это нужно делать быстрей. Беременность на раннем сроке — это не пикник… Она вспомнила свою тошноту и выматывающую

усталость — но беременность на позднем сроке для путешествия еще хуже.

Для нее, как бы то ни было. Да, нам нужно двигаться дальше, пока я не стала слишком круглой. Даг трепетно переживал за ее здоровье — участие, которое она ценила столь высоко после пугающей изоляции ее первого опыта — но еще более ее беспокоило то, что будет дальше. Ее никогда сильно не интересовали чужие дети, хотя ей всегда хотелось своего. Так что… насколько пугающе взять на руки ребенка, которого ты не сможешь отдать обратно?

Ей не нужна замена родственницы; у нее теперь есть настоящая в лице Берри Блуфилд. «Лучшее, что Вит для меня когда-либо делал». Если Фаун собирается родить ребенка в чьем-то доме, то она хотела бы, чтобы это был дом Берри в Клиркрике.

Бесполезно пытаться лгать человеку с чувством Дара, но она хотя бы попробовала:

— Я хочу того, что нужно тебе.

Кривая улыбка:

— Я думаю, мне нужно домой. Нам нужно. — «Нам троим», а не «нам двоим»; она услышала это и улыбнулась ему в ответ. Даг выпрямился. — Отправляться домой и начинать. Аркади ошибся

кое в чем; имеет значение, где ты кладешь руку на рычаг. Но мы никуда не поедем без наших лошадей. Посмотрим, что Барр и Ремо — или только Барр — привезут нам.

* * *

Барр привез Аркади.

А еще Копперхеда, Мэгпи и двух тяжело груженных вьючных лошадей. Когда Даг почувствовал их, он выпрыгнул на крыльцо и уставился с открытым ртом на караван. Сам Барр ехал верхом на Копперхеде, но вел в поводу чужую лошадь под седлом с его сумками. Даг тщетно искал Ремо, и сердце сжималось от его отсутствия.

С тех пор, как командир Булраш принял решение об изгнании, прошло два дня.

Даг не ожидал, что Барр вернется раньше вчерашнего полудня. Сотня причин могла его задержать, и в первую очередь надежды возлагались на какие-то уговоры Барра, которые могли бы отменить решение Энтана. И чем дольше Даг ждал, тем более его надежды крепли. Но Барр, конечно, не смог бы упаковать все это всего лишь за краткий визит в Новолуние, и, во имя богов, как он заполучил всех этих лошадей?..

— Это всё — это что? — спросил Даг, потрясенно

возвращая Барру приветственный взмах.

Аркади ответил первым.

— А на что это похоже, вы, дурень несказанный? Я ведь говорил вам, что из этого выйдет? Или не говорил?

Внешний вид Аркади был типично утонченным, если исключить измятую в седле одежду и несколько прядей, выбившихся из его прически. Но взволнованность его обычно безмятежного Дара и дикая решимость в его взгляде отчаянно напомнили Дагу кошку, которую заперли в бочке и столкнули со склона.

— Вы нарушили свое слово, данное мне! — продолжил Аркади.

— Я не искал этого, сэр. Проблема пришла ко мне, и я не смог уклониться.

— Да имели ли вы представление, чем бросаетесь? Нет, конечно, нет! Дозорные! Энтан — бык, а вы — осёл. Единственная, кто действительно понимает — это Челла, и даже она не на моей стороне!

— Стороне? — спросил Даг. Его взгляд на Барра не прояснил картину. Барр не то чтобы смотрел в небо и невинно насвистывал, но вполне мог бы.

— Это бессовестно… просто бессовестно!..

Даг восхищался способностью Аркади про-

износить такие слова, об которые язык можно сломать, даже в приступе ярости, но сейчас он все еще плыл по течению. Если Аркади был послан не для того, чтоб предложить Дагу прощение, то зачем он здесь? Просто для того, чтоб выплеснуть свои чувства?

— …выбрасывать такой талант, как ваш. И еще хуже выпускать вас в мир обученным на одну десятую и полностью без контроля. Так что раз это стадо дурней не позволяет вам вернуться… — голос Аркади стих, — …я еду с вами.

Челюсть Дага упала.

— Что?

— Вы меня слышали. — Аркади опустил глаза к земле. — Я отправляюсь с вами. Чтобы продолжить ваше обучение, пока оно не будет закончено к моему удовлетворению.

— Куда?

— На север, полагаю. Вы ведь туда собираетесь, не так ли? Ваша жена будет стремиться домой как голубь — женщинам в ее положении это свойственно, знаете ли. Это было очевидно.

Даг хотел сказать «Не для меня», но вместо этого сказал лишь:

— Аркади, вы хотите поехать с нами верхом по Тракту?

Аркади кивнул.

— Это восемь сотен миль и больше, вы знаете это?

Он снова кивнул, более резко.

— Скажите, на какое самое большое расстояние вы когда-либо ездили за один раз?

Аркади вздернул подбородок:

— Двадцать миль.

— За сколько дней?

Аркади прочистил горло:

— За один.

— И как долго вы когда-либо оставались без ванны?

Аркади посмотрел на него сердито, но не снизошел до ответа на этот вопрос. Он расправил плечи и спешился; Барр последовал его примеру. Целитель несколько рассеянно отдал юному дозорному поводья, а потом поднялся на крыльцо.

— И Новолуние это разрешит? — Скрипящие мозги Дага наконец-то начали работать снова. Если это предложение — правда, он должен упасть на колени и благодарить отсутствующих богов. «Но так ли это?» — Они вообще знают, что вы уехали?

— Узнают, — отрезал Аркади. — Я предупреждал Энтана и прочих слюнтяев на совете лагеря.

Если они думали, что я блефую, в следующий раз пусть думают лучше.

— Вы не сможете жить в пути так же, как в лагере. — Дак взглянул вдаль на полосу деревьев вдоль дороги, туманную в послеобеденном влажном тепле, а затем обратно, успев поймать уклончивый взгляд Аркади.

— Похоже, в этой поездке у меня на руках будет больше народа, чем я рассчитывал. Я не смогу быть вашей сиделкой, а Барр — слугой.

— Я не стану после верховой езды падать с седла как куль, благодарю вас, — сказал Аркади сквозь зубы. — Даже после поездки в восемьсот миль.

— Ваша страна — это мир под кожей, но мир снаружи — мой. Моя дорога, мои правила. Сможете ли вы принять это?

— Думаю, не менее успешно, чем это делали вы, — ответил Аркади. Их взгляды встретились с неприятной силой, и никто не отвел взгляда.

— Тогда вы можете начать с заботы о вашей лошади, — сказал Даг, наконец. — Конюшня сзади дома.

Взгляд Аркади вспыхнул. Барр выглядел весьма встревоженным. Но после долгой паузы Аркади сказал только «Хорошо» и взял обратно поводья. Когда он начал обходить дом, он добавил через

плечо:

— Когда я вернусь, я хочу проверить, что вы сделали для этого мальчика со столбняком.

Правила определились достаточно четко; Даг согласно кивнул.

Во дворе еще оставался Барр, держащий упряжь пяти лошадей, хотя Дар Копперхеда выказывал признаки глубокого уговаривания; это и десятимильная прогулка мерина этим утром без сомнений объясняли, почему он не пытался оборвать привязь со своими компаньонами прямо сейчас. Даг принял его и Мэгпи из рук Барра. Барр благодарно передал их.

— А где Ремо? — спросил Даг.

Лицо Барра поблекло.

— Он остался.

— А. — «Неожиданный обмен». Даг нахмурился вслед Аркади. — Барр… Аркади блефовал по поводу этого сумасшедшего гамбита? Объявить самого себя заложником, чтоб заставить совет лагеря уступить и принять меня обратно?

Уголок рта Барра пополз вверх.

— Я думаю, он думал, что блефовал. Уверен, они думали, что он блефовал.

Даг кивнул с пониманием и некоторым облегчением, а затем взгляд его стал строже:

— Ну и в чем тогда польза?

— Хм, я его здесь подловил. И решил, что с остальным ты справишься лучше.

— Да?..

Челла — целитель; Аркади — учитель целителей. Фаун бы сказала, что разница между ними такая же, как между зерном и сеятелем. Когда отправляешься покорять новые земли, последнее явно более значимо. Так что было лучше — раскрыть блеф Аркади или совета лагеря? С медленной улыбкой Даг подумал: «Ни то и ни другое. Лучше всего было бы схватить подарок из проросших семян и сбежать, пока первоначальный владелец не стал требовать их обратно.»

— Я скажу Финчу, что мы все готовы выехать на север завтра, — сказал Даг и повел лошадей в конюшню.

* * *

Их отъезд утром задержался, но поскольку до первой намеченной остановки нужно было покрыть пятнадцать миль, то им на самом деле и не нужно было отбывать на рассвете. Даг и Барр снарядили своих лошадей с эффективностью дозорных, а Финч и его мама то и дело вспоминали о чем-то, что надо было добавить в сумки — ка-

кие-то нужные вещи, о которых вспоминаешь в последнюю минуту. Это некоторым образом напомнило Фаун ее собственный отъезд — из Вест-Блу после свадьбы, только самой свадьбы не было. Финч тоже был самым младшим ребенком без земли и со скудной долей наследства, и пространство, которое он занимал, было нужно следующему поколению даже больше, чем его рабочие руки.

Его семья не была рада тому, что он уезжает, но они также не спорили с ним об этом слишком сильно. Чувства его матери, похоже, были смешанными.

Его папа, казалось, был рад, что нашелся взрослый проводник, пусть он все еще и находил Дага тревожащим. Аркади и Барр также сбивали с толку Бриджеров несмотря на то, что Барр развлекал семью за ужином рассказами об их путешествии на «Надежде» — хотя, посмотрев на Маму Бриджер, историю о речных бандитах он опустил, к облегчению Фаун. Самые завиральные истории Бо едва ли вызвали бы более широко распахнутые глаза; большая река всего лишь в тридцати милях к западу отсюда явно казалась им экзотическим миром.

«Когда-то я была еще более невежественной».

Время, казалось, сместилось, как если бы десять лет перемен упаковались в ее последние десять месяцев. Фаун потрясла головой в удивлении и послала Мэгпи вслед за длинноногим Копперхедом. Финч продолжал крутиться в седле и махать, хотя когда они повернули на дорогу и деревья, покрытые бутонами, скрыли дом, он достаточно живо повернулся лицом вперед.

Барр и Аркади продолжали посматривать назад. Фаун подозревала, что Барр все еще желал, чтобы Ремо передумал и нагнал их, а Аркади имел похожие надежды относительно совета лагеря. Аркади не привык проигрывать в споре, поняла Фаун. Она немного отстала так, чтоб оказаться рядом с Барром, когда караван вытянулся по дороге в мягком весеннем воздухе. Барра обременяли две вьючные лошади, но они, казалось, следовали за ним без протестов.

— Где ты взял этих лошадей и снаряжение? — спросила она.

— Это все Аркади. Я думаю, он едва затронул свой кредит даже после того, как снарядил меня. Хотя целый тюк набит только медицинскими штучками, которые он не хотел оставлять. Я должен был напоминать ему упаковать одежду. — Барр сделал гримасу. — Он сказал, что если

не сделает мобильный шатер целителей, совет не поверит, что он это серьезно.

— А он серьезно?

Барр ухмыльнулся.

— Даг серьезно.

— Угу.

День был многообещающим для начала поездки: бледно-голубой цвет поверх их голов, бледно-зеленый по бокам. Когда наступил теплый полдень, Фаун начала клевать носом. Позевывая и сползая в седле, она боролась с тяжелыми веками и соблазнительными видениями того, как можно было бы валяться на одеяле за кустами и дремать.

Она вдруг заморгала, проснувшись в шоке понимания. «Я действительно беременна».

Последние несколько дней на ферме ее усталость имела достаточно других причин, так что Фаун не замечала, как она нарастает внутри. Если бы не чувство Дара Дага, это стало бы ее первым подозрением. Она уставилась со смесью благоговения и тревоги вниз на свой живот, аккуратно обтянутый брюками для верховой езды. «Смогу ли я сделать все правильно на этот раз?»

— Спишь, Искорка? — голос Дага встряхнул ее, и она проснулась.

— Боюсь, так… — пробормотала она. — Может, мне стоит привязать себя к седлу? Ты рассказывал, курьеры так иногда делают…

— У меня есть идея получше. Почему бы тебе не перебраться сюда, — он показал на свои колени, — и мы смогли бы тогда повторить тот путь, который проделали когда-то в Глассфордж.

Она улыбнулась при воспоминании.

— А Мэгпи?

— Она обучена Стражами Озера. Будет идти следом.

— Ну, если ты думаешь, что получится…

Копперхед пошел рядом, и Фаун завязала поводья узлом на шее своей кобылы и позволила Дагу помочь ей скользнуть к нему. Она устроилась довольно ловко, обвив его руками и прижавшись щекой к сердцу, вдыхая запах чистого хлопка и теплого Дага. «Повезло носу».

— Так мило, — пробормотала она, прижимаясь плотнее. — Только я не буду закрывать глаза. Не хочу пропустить милю Трипойнтского Тракта. — Хотя, пока все мили были весьма похожими — ровные поля перемежались коричневатыми каналами. Но, по крайней мере, все эти видневшиеся вдали деревья, украшенные понизу фестонами серого свисающего мха, были

другими, нежели в Олеане. Болотный кипарис, магнолия, живой дуб… какой сонный полдень…

* * *

— Искорка?

Она расклеила веки от бормотания Дага.

— Что? Что я пропустила?

— Примерно четыре мили ничего. В основном, болот.

— Я спала час? — Она скосила глаза, надеясь, что не закапала слюнками его рубашку. — У тебя, наверное, рука отваливается!

— Потерпит. Но мы подъезжаем к Крокодильей Шляпе.

— О!

Даг остановился, чтобы она смогла слезть, и она ощутила прилив бодрящей силы до того, как заново оказалась в седле у Мэгпи. Они пошли шагом за остальными, и это тоже помогло ее пробуждению.

Крокодилья Шляпа оказалась типичной маленькой деревней из тех, что разбросаны по Тракту. Несколько дюжин деревянных домов с садиками различной аккуратности стояли в стороне от дороги. На некоторых воротах были нарисованы знаки, оповещающие о комнатах и

местах в стойлах для усталых путешественников. Крепкий мост стоял над мельничной запрудой. Дорога расширялась в площадь, вокруг которой скопились заведения, обслуживающие как местных крестьян, так и Тракт: пара пивных, аккуратная двухэтажная гостиница со своей собственной большой конюшней сзади, офис деревенского клерка, еще одна конюшня, знаки упряжи и ремонта, фургонщика и большой кузницы. Финч помахал рукой и, развернувшись, повел караван во двор кузницы.

Сбоку стоял большой фургон дышлом к земле. Он был свежеокрашен в зеленый цвет с красивыми волнистыми желтыми полосами, а колеса были украшены красным. Под его полукруглой холщовой крышей Фаун заметила фигуру женщины, которая возилась с какими-то корзинами. Двустворчатая задняя дверь в кузницу была широко распахнута, изнутри подмигивало красным сияние, вырывающееся из кузни, рядом с которой стоял, сложив руки на поясе в ожидании, дородный молодой человек. Возле двери, в лучшем свете, высокий, тощий парень держал за голову большого коричневого мула, почесывая ему макушку и бормоча что-то успокаивающее в длинные уши.

Мул не складывал кремовые губы петлей, даже когда закатывал глаза в тревоге. Жилистый парень в кожаном фартуке зажал его заднее копыто коленями, держа в руках молоток, а в зубах — гвоздь.

Он быстро взглянул на Финча, махнул молотком и крикнул, не вынимая гвоздь изо рта:

— Привет вам! — после чего вернулся к успокаиванию мула.

Стук молотка разнесся по двору, гвоздь аккуратно вошел в копыто. Парень отломил выступающую часть гвоздя, забил ее и разровнял. Он отпрыгнул назад, когда отпустил копыто, но мул только вздохнул и наклонился почесать ухо. Двое парней ухмыльнулись друг другу, а потом тощий привязал веревку мула к кольцу на столбе.

Все трое — дородный, тощий и жилистый — вышли во двор. Несмотря на то, что плечи его друзей были шире, казалось, именно жилистый был кузнецом, потому что он приветствовал компанию с видом хозяина.

— Финч! Ты сделал это! — Он подошел к спешивающимся Финчу и остальным и уже тихо, с тревогой спросил: — Как Спарроу? — а затем перевел дух с облегчением, когда Финч ответил, что его племянник поправляется.

Жилистый парень взглянул на остальных с некоторым удивлением, явно гадая, не клиенты ли они, пришедшие с Тракта.

— Что я могу сделать для вас? Подковы, починка?

Финчу, видимо, только сейчас стало понятно, что четверо чужаков и шесть животных — это многовато для того, чтобы влиться в путешествующую компанию его друзей без знакомства. Он поторопился их представить.

— Это Даг Блуфилд, парень, которому мы обязаны жизнью Спарроу. Он целитель из Стражей Озера, который хочет поехать на север в Олеану и лечить крестьян, а это его жена, Фаун Блуфилд, думаю, вот почему. — Он посмотрел на Фаун и явно решил, что нет необходимости добавлять «Она крестьянка». Фаун присела в маленьком реверансе; трое парней уставились на нее, а потом, спустя мгновение, на Дага с уже привычным удивлением. — А это, гм, друг Дага Аркади Уотербёрч, который собирается поехать с ним, и Барр, гм, как, вы сказали, ваша фамилия?..

— «Барра» вполне хватит, — сказал дозорный, разглядывая с интересом этих почти сверстников-крестьян. Барр, который всегда казался щенком рядом с Дагом, вдруг стал старым псом.

— А это мои друзья, Сейдж Смит, — он указал на жилистого парня, — Эш Теннер, — это был дородный, — и Индиго Эйкс. — Это был тощий парень с весьма, несмотря на недавнюю зиму, смуглой кожей, длинным лицом и впечатляющим размерами носом.

В это время женщина спрыгнула на землю из фургона и подошла к группе. Сейдж взял ее за руку.

— А это моя жена, Келла, — представил он ее с застенчивой гордостью. — Индиго ее младший брат.

Последнее едва ли нужно было объяснять. Келла Эйкс Смит была на полголовы выше, чем ее молодой муж, такая же высокая и худощавая, как Индиго, с той же теплой кожей, удлиненным лицом и птичьим носом. Черные волосы, едва ли длиннее, чем у ее брата, были коротко подстрижены и ложились красивыми завитками вокруг ее головы. Она не была красавицей, но Фаун подумала, что однажды, когда она перерастет свою юношескую неловкость, она станет изумительной. Фаун затруднилась с предположением о том, сколько ей лет, но подумала, что Келла может быт даже младше ее самой, что было бы приятным разнообразием. Исключая только то,

что Индиго, как и прочие мальчишки, был в последних юношеских годах, так что Келла должна была быть старше.

— Как поживаете? — спросила Фаун, приседая в еще одном поклоне. — Рада слышать, что в компании будет еще одна замужняя женщина.

— А все они собираются ехать с нами? — спросила Келла, и ее голос вовсе не был радостным. Она холодно нахмурилась, глядя на такую странную пару, как Даг и Фаун. Индиго тоже тревожно посматривал на них.

— Даг знает Тракт, — сказал Финч. — Он уже ездил вдоль него.

— Это наша повозка, — Сейдж с гордостью указал на фургон, казалось, не замечая неприветливости жены, хотя Даг внимательно смотрел на нее. — Как тебе новая раскраска, Финч? Келла рисовала полоски.

— Здорово! — сказал Финч с восхищением.

— Она красивая, но великовата для Тракта. Как вы ее поведете? — спросил Даг тоном дружественного интереса.

— У нас шестеро хороших мулов, — Сейдж указал большим пальцем через плечо на крепкое животное, которое недавно подковывал. — Они и их упряжь были наследством Келлы. Семья Кел-

лы занимается этим. — Келла скорчила слабую гримаску, но Сейдж продолжил с неустрашимым энтузиазмом: — Все мои инструменты внутри, и моя новая наковальня, которую дал мне отец. Раз у кузнеца есть наковальня, значит он сможет себе сделать все прочие инструменты, чтоб делать любые другие вещи, которые вам нужны.

— Шесть мулов — это здорово, пока вы не переехали Кипящую реку, и пока вам нужно только вытаскивать фургон из ям, — сказал Даг. — Но дальше будет по меньшей мере три длинных перехода по горам, на север от переправы, где понадобится больше, чтобы тащить этот вес. Большинство людей, которые берут фургоны на Тракт, едут группами по двое и трое в этих местах, вытаскивая по одному фургону за раз. — Даг осмотрел животных, стоящих во дворе. — Если вы прицепите двух мулов Финча и двух наших вьючных лошадей, и, может быть, возьмете часть груза себе, то получится. Хотя, тогда вам понадобятся дополнительные пары упряжи.

Сейдж воспринял новую информацию с огромным интересом.

— Как хорошо, что мы узнали об этом! У нас только одна запасная пара. Я попрошу у папы еще одну до того, как мы отправимся.

— Вы собираетесь осваивать новые земли? — Фаун приподнялась на цыпочках и взглянула внутрь фургона на кучу инструментов и вещей, аккуратно сложенных внутри. Сейдж показывал дополнительные преимущества своего фургона, включая сложенные перины; Келла нахмурилась в слабом смущении, но не покраснела. — А вы уже знаете, в какую часть Олеаны вы собираетесь попасть?

— Нет, пахота — это не для меня! С этим обращайтесь к Финчу и Эшу. А я отправляюсь в Трипойнт! — Сейдж ликующе набрал воздуха в грудь: — Откуда идет трипойнтская сталь! Я должен это увидеть.

— Правда? Вы сможете хорошо работать там. — Даг высвободил свою левую руку и повернул крюк, который до этого едва не прятал за спиной. — Пара трипойнтских мастеров сделала это для меня.

— О, в самом деле? Когда? А какую сталь они использовали для этого маленького спирального язычка сзади? Умно… позволяет держать под давлением, да? Маленький, но сильный…

Сейдж был первым человеком, которого Фаун встретила до сих пор (кроме полностью лишившихся дара речи от увечья Дага), который

спрашивал о протезе, а не о руке. Дага, она видела, это сильно обрадовало, и они оба пустились в обсуждение о достоинствах трипойнтских мастеров, что угрожало затянуться до тех пор, пока кто-нибудь не начнет падать.

К счастью, женщина постарше появилась из дома и позвала:

— Финч, это ты? Будешь ужинать?

Она оказалась мамой Сейджа, миссис Смит, и это снова вызвало представление всех вокруг. Она казалась ошеломленной тем, что возникло пять дополнительных ртов, которые нужно накормить, за час до еды. Даг спешно вызвался увести свою часть компании вниз по улице в гостиницу. Этому, однако, она твердо воспротивилась, особенно после того, как узнала о Спарроу.

Следующим необходимым па в танце, хотя Даг этого не ожидал, было то, что Фаун присела в реверансе и радостно спросила:

— Как поживаете, мэм? Чем я могу вам помочь?

Это вызвало некоторое одобрение во взгляде и приглашение на кухню вслед за Келлой.

Даг притянул ее к себе и прошептал:

— Ты не должна делать это, Искорка. В гостинице нас накормят, а ты отдохнешь.

Она прошептала в ответ:

— Нет, так лучше. Мы собираемся путешествовать с этими людьми следующие шесть недель. Будет лучше, если я погляжу, откуда они вышли.

Он заколебался, затем кивнул с пониманием. Фаун посмотрела на хаотичный, но небольшой дом:

— Хотя, мы можем взять комнату в гостинице позже. Потому что, я подозреваю, все мальчишки собираются улечься в одеялах на чердаке кузницы. Там будет сухо и бесплатно, но не уединенно.

Его губы изогнулись.

— Точно, Искорка. — Он отпустил ее и повернулся обратно к мужчинам, чтоб помочь с кормом и постелями для четвероногих гостей.

Кухня оказалась оборудована железной плитой вроде той, которую Фаун захотела еще на реке Грейс — не доставленная с севера, а домашняя имитация, подаренная Папой Смитом жене после того, как он увидел настоящую в Греймауте. К тому времени, как Фаун были показаны все ее тонкости, она наохалась над ней и уверила маму Смит, что плита так же хороша, как любая трипойнтская работа, лед был на верном пути к тому, чтобы быть сломанным, или, по меньшей мере, подтаявшим.

Но на кухне также прятались незамужняя дочь и две неожиданные невестки, жены старших братьев Сейджа, мальчиков, которым было назначено стать следующим поколением кузнецов Крокодильей Шляпы. Шестеро женщин на одной кухне были, несомненно, слишком большим числом. Как гость, Фаун заняла нижнее место в списке рабочих задач, сместив Келлу, которая была там три недели, неожиданно высоко. Высокая, неуклюжая Келла казалась больше напряженной, чем благодарной.

Мама Смит, ее дочь и обе невестки также выказывали несомненную холодность по отношению к Келле, что удивило Фаун. По правде, в этом доме уже было слишком много женщин, не упоминая Смитов в кузне, но Келла, казалось, сделала многое в поддержку своего юного мужа и его поездки на север. Фаун полагала, что свекровь Келлы должно было бы это смягчить, так как она явно любила младшего сына. Но думам Фаун пришлось подождать, пока они накормят, в конце концов, пятнадцать взрослых и двоих детей в кухне и столовой и переместятся в комнату. И потом начнется мытье посуды.

Даг выскользнул наружу до ужина, чтоб договориться об их комнате в гостинице, так что смог

освободить Маму Смит от дилеммы, каких членов семьи куда переместить в ее перегруженном доме, чтоб разместить неожиданных женатых гостей. Как Фаун и предполагала, Финчу, Барру и Аркади было предложено холостяцкое пространство рядом с Эшем и Индиго на чердаке кузни, хотя Фаун заметила, что Мама Смит сомневалась насчет Аркади.

Барр оживил ужин, рассказывая некоторые из своих речных анекдотов, что помягче, когда ему предоставлялось слово. Фаун говорила теплые слова об Олеане. Даг позволил Финчу описать его историю со Спарроу; это сделало его смущенный вид мудрым и загадочным.

Аркади не сказал вообще ничего. Фаун не думала, что любой дом вызывает у него хорошо скрываемый ужас, но чопорная гордость Стража Озера была почти так же хороша. Она гадала, был ли он когда-нибудь раньше внутри крестьянского дома до сегодняшнего вечера. Барр помог ему расстелить постель на чердаке.

Фаун помахала на прощанье в густеющую темноту и позволила Дагу проводить ее через площадь.

Комната в гостинице оказалась маленькой, но милой, чистой и замечательно тихой. Даг гаран-

тировал отсутствие клопов. Фаун обняла мужа за эту новость, а потом с усталым вздохом уложила голову ему на грудь.

— С тобой все хорошо? — спросил он, поглаживая ее волосы. — Это был длинный день для тебя.

— Много нового. Нет, я в порядке. Хотя, продолжаю думать, что происходит с Сейджем и Келлой. Он мне понравился, но она холодна как рыба. И его семья ее не любит. Но мне никто не изливал чувств. Обычно в такой большой семье есть хотя бы один человек, который расскажет все их жалобы кому угодно, кто согласится слушать. Их просто не заткнуть.

Дак поколебался.

— Как, разве ты не поняла?

— Не поняла что?

— Келла и ее брат оба полукровки.

Рука Фаун без ее желания скользнула на живот, раскинув пальцы в защитном жесте.

— Нет, — сказала она медленно. — Я этого не понимала.

Глава 13

При утреннем отъезде из кузницы было даже больше суеты, чем предыдущим днем. Когда Даг подтянул подпругу во второй… нет, в третий раз и запрыгнул в седло Копперхеда, ловко увернувшись от приветственного лягания, он обнаружил, что его старая привычка командира дозорных проверять Дар всех людей, животных и снаряжения в пределах досягаемости никуда не делась. Результат был ободряющим: молодые, здоровые и целые — в итоге. Ну, с парой исключений в том, что касается молодых, — например, Копперхед. Но с передвижной кузницей и передвижным шатром целителей, вместе с людьми, которые знали как с этим управляться, компания Дага была гораздо лучше подготовлена к пути на Тракте, чем большинство путешественников.

«Моя компания? В самом деле?» К слову о привычках. Потому что, честно говоря, он был уверен, что Сейдж думает о ней, как о своей, и так же Финч, и, из всего, что Даг знал, Эш чувствовал то же самое. Аркади был единственным достоверным исключением. Несмотря на суровые замечания Дага о самоуверенности, Барру, молча-

ливому конспиратору, удалось добиться того, что Аркади и все его снаряжение было погружено за нужное время, не давая ему повода ни вернуться в Новолуние в панике, ни тащиться в надежде на парламентеров от лагеря.

Вся семья Смитов собралась на улице, чтобы проводить своего младшего сына в его новую жизнь на пугающем севере, с множеством маленьких подарков, закидываемых в фургон в последний момент. Еще пара людей пришла от семьи Эшей. Из-за толпы прошло некоторое время, пока Даг понял, что не было никого, кто провожал бы Келлу и Индиго. Для этого могло быть полдюжины причин, начиная с той, что они могли попрощаться раньше, как Финч. Но разум Дага все равно подметил это вместе с шестью мулами, фургоном, семью всадниками и четырьмя вьючными животными, выезжающими на Тракт и поворачивающими на север.

К счастью, был еще один сухой день. Тракт здесь содержался в хорошем состоянии жителями деревни, которые жили от его щедрот. Глубокие ручьи были забраны крепкими мостами, а мелкие — бродами, которые были почти как мостовые.

Даже грязные лужи сегодня были несерьезны-

ми и всего лишь весело хлюпали, а не устраивали ловушек в метр глубиной для колес фургона. Выспавшись, Фаун ехала на Мэгпи с высоко поднятой головой, разглядывая все вокруг. Не ведая, как усердно мерцает в ее животе кусочек яркого Дара, являя собой мастерство высшего разряда. Сейчас в этом была настоящая магия, магия мира.

Через час караван выстроился и вошел в ритм дороги. Путь здесь был широким и прямым. Даг использовал шанс ехать бок-о-бок с Финчем, по пятам за которым шли его вьючные мулы. Фаун с любопытством посмотрела на Дага и пристроилась с другой стороны от Финча. Финч дружелюбно улыбнулся им обоим, упрощая Дагу начало беседы:

— Давно знаешь Сейджа?

— О, годы. Кузница его отца был ближайшей крупной для нас, так что мы отправлялись туда каждые пару месяцев чинить что-то, делать особенные подковы и прочее такое. Обычно оставались на ночь в Крокодильей Шляпе. И мы мальчишками играли вместе, пока работа делалась. Когда стали постарше, его отец и старшие браться позволили нам вместе работать рядом с ними. Они меня многому научили, — Финч издал

ностальгический вздох.

— А Эша?

— Он больше друг Сейджа, чем мой. Живет недалеко от Шляпы. У его семьи небольшой надел под ферму, так что он всегда знал, что ему надо будет искать другой путь. Годами говорил о севере.

— А Келлу и Индиго?

Фаун посмотрела на него через луку седла Финча, сознавая, в отличие от Финча, причину нового резкого интереса Дага к полукровкам. И ее. Даг почти что видел, как она навострила уши.

— Они были соседями Сейджа, когда были моложе. Их семья владела магазином упряжи на площади.

Даг тщательно обдумал свой следующий вопрос. Было ли происхождение Келлы и Индиго известно в их деревне? Полукровки были не в обычае Стражей Озера.

Любой ребенок, рожденный женщиной из Стражей Озера, был полноправным членом ее шатра вне зависимости от того, были ли они с отцом связаны узами или нет. И в случае, если Страж Озера — отец, напомнил себе Даг. Крестьяне уделяли большее значение отцовству, связывая его с наследством. Если эти брат с сестрой были тайным подарком какого-то проезжего дозорного,

Даг не хотел быть первым, кто взорвет их жизнь этой вестью. В конце концов он сказал:

— Расскажи мне об их родителях?

Брови Фаун изогнулись; она кивнула ему с одобрением. Он явно сделал это правильно, отлично.

— О, да, вас должно было это заинтересовать, не так ли? — сказал Финч жизнерадостно. — Их отец был Страж Озера, мастер из Мшистой Реки. Он ушел из лагеря, чтоб жениться на их маме и взял ее крестьянское имя так же, как вы взяли имя Фаун. Забавно. Я не уверен в том, как они познакомились; думаю, это что-то связанное с их торговлей.

Даг немного расслабился.

Фаун спросила:

— А что случилось с ними? Они не пришли проводить их сегодня утром, верно?

— О, нет. Восемь или десять лет назад в Крокодильей Шляпе была самая жуткая вспышка желтой лихорадки — они до сих пор называют ее «летом лихорадки». Вся семья Индиго слегла тогда. Его мама и маленькая сестра умерли, но Индиго, Келла и их отец выздоровели.

Глаза Фаун расширились:

— О, Боже. — Она видела юг в его самый идиллический сезон. Даг был настолько же рад тому,

что она не подвергнется лету полной силы, когда жара падает вниз как молот, и ты едва не задыхаешься от влажности воздуха, а москиты патрулируют облаками почти настолько же плотно, как в северных болотах Лутлии, и это длится месяцами. И смертельные лихорадки полудюжины видов неумеренно свирепствуют вплоть до первых заморозков.

— А что было потом?

— Ну, их отец долго приходил в себя и был очень несчастлив. Магазин упряжи прогорел.

«От потери работы рук его жены? Или от разбитого сердца дома? И его хозяина, может быть.» Дагу стало тревожно. Пока его работа с Даром могла помочь Фаун в некоторых жутких болезнях, он никогда не представлял себе, что может сам смертельно заболеть одновременно.

— В конце концов, он оставил Келлу и Индиго с сестрой жены и вернулся к своему народу в лагерь на Мшистой Реке.

— Бросил детей? — спросила Фаун негодующе.

— Нет, в самом деле нет. Он приезжал и привозил лошадей их тети и дяди и шкуры пару раз в год и другие подарки для них — деньги, когда они у него были. Индиго и Келла были достаточно счастливы на ее ферме, когда были моложе,

полагаю.

Даг с неудовольствием вспомнил историю предателя Крейна. Если бы Крейн имел более сговорчивую свояченицу — или более сговорчивый лагерь — могли бы его постигнуть менее разрушительная судьба? Была ли это проблема жесткости севера или собственного хаоса Крейна? Или и того, и другого?

Фаун взглянула за плечо на фургон, катящийся сзади, может быть, в двадцати шагах с Сейджем и Келлой внутри. Индиго ехал рядом. Сейчас вне пределов слышимости.

— А когда они стали постарше? — спросила она.

— До последнего времени все было хорошо. — Губы Финча сжались. — До последнего года или около того. А потом начались обвинения. Я об этом много не думал. Я хочу сказать, Индиго ладит с животными, но ведь многие ладят. Хотя, Келла приняла это близко к сердцу, по словам Индиго.

— Обвинения в чем? — спросила Фаун.

— Э-э… — Финч посмотрел искоса на Дага. — В колдовстве Стражей Озера. Или в их силе, что ли. Индиго много дрался из-за этого. И потом, конечно, если что-то плохое случалось, ну просто

не повезло людям, с которыми он задирался, или которые с ним задирались, то были подозрения, что это не просто так, а Келла что-то сделала, и Индиго опять лез в драку. Защищая сестру.

— Ой, мама, — сказала Фаун.

— В общем, стало так плохо, что их тетя заставила их отца взять их на Мшистую Реку для вроде как проверки. Наверное, им бы разрешили быть Стражами Озера, если бы они ее прошли — в чем бы она не заключалась, но они не прошли ее, и лагерь отправил их обратно. Вы могли бы думать, что слухи на этом кончатся, но не тут-то было.

— Люди… — вздохнула Фаун.

— Проверки? — спросил Даг.

— На магию Стражей Озера, наверное. Плетение чего-то, ну для меня это не звучало как слишком колдовское. Я этого не понимал, когда Индиго пытался объяснить. Не уверен, что он сам понимает.

— Как ты думаешь, плетение свадебной тесьмы? — спросила Фаун у Дага, дотрагиваясь до своей.

— Может быть…

— Плохо, что они не знают о… не важно. А что потом?

— Ну, повезло, что этой весной Сейдж влюбил-

ся в Келлу, и все начало складываться. Я слегка удивился, когда она в него влюбилась — она ведь старше на четыре или пять лет. В основном девчонки постарше глядят на тебя как будто ты мучной жук у них в тесте. — Раздался отчетливый вздох. — В общем, Индиго решил, что надо ехать на север, где им не нужно будет каждому рассказывать про их отца Стража Озера, так что больше не будет причин для того, чтоб причинять им неприятности.

Даг обдумал этот план. Он показался ему излишне оптимистичным. Конечно, крестьяне не смогут сказать, что пара является полукровками, но большинство Стражей Озера узнает об этом с первого взгляда на их Дар. А они, конечно, иногда будут встречать Стражей Озера. Но сейчас он сказал всего лишь «М-м…» Фаун сказала осторожно:

— Мне показалось, что семья Сейджа несколько настроена против Келлы. Это из-за ее возраста?

— Не настолько она старше. И много других таких же бедных девчонок вокруг Крокодильей Шляпы. У одной из невесток Сейджа вообще нет наследства. Я думаю, кто-то из его семьи верит тем глупым слухам, хотя по правде, если бы у Келлы были эти силы, так лучше иметь их на своей стороне.

Он не отрицал семейную холодность, отметил Даг. Костяк истории вырисовывался четко. Всего лишь с одним пропавшим звеном, но это будет легко проверить сейчас, когда Даг знал куда смотреть.

— Что ж, — сказала Фаун, — надеюсь, у них все получится.

«Искренне».

Махнув Фаун продолжать дружескую беседу с Финчем, Даг отправил Копперхеда назад, пока тот не оказался сбоку от фургона. Он слегка поклонился Сейджу, который правил, и дотронулся до лба, смотря на Келлу и Индиго, едущему по другую сторону.

— Прекрасное утро для начала пути.

Сейдж кивнул и дружелюбно ответил:

— Я решил, что это хороший знак.

Келла села прямо и повернула голову к Дагу, наблюдая за ним с таким видом, будто боялась, что тот спрыгнет с Копперхеда и нападет на нее. Даг вспомнил о своем росте, крюке и главном — как там Аркади говорил? — виде голодного бродяги. Ему и в самом деле нужна Фаун рядом, чтоб выглядеть прирученным. Хотя Келла должна гораздо более привыкнуть к Стражам Озера, чем обычная крестьянская девушка. Ее тревога

была чем-то более обычным.

Даг слегка улыбнулся им всем и открыл Дар. «Конечно». Дар Сейджа был усеян плохо сформированными уговариваниями, поблекшими, как будто впитавшимися со временем. Однако, тот не выказывал признаков заколдовывания.

«Интересно».

Внимание Келлы обострилось, так же как и Индиго. Оба явственно обладали остаточным чувством Дара, чувство Келлы было заметно сильнее. Скорее не двойное видение мира, которое мог призвать полнокровный Страж Озера, не переливающиеся светом тени, более плотные и честные, чем формы, которые их отбрасывают. Но точно то, что Даг внезапно стал гораздо лучше чувствоваться для них, когда открылся. Понимают ли они, почему? Это точно не должно быть для них ново.

— Что? — спросила Келла резко, сузив глаза. Напряжение дрожало в ее натянутом Даре, как шум от плохо настроенной скрипки. Индиго был менее напряжен, но встревожен.

Может, Фаун сможет помочь Дагу разгадать эту девочку-полукровку? Ведь они обе молодые женщины. Даг почесал затылок для вдохновения и сказал:

— Я вот о чем подумал, Сейдж. Так получилось, что моя жена беременна, частично поэтому мы едем домой именно сейчас. Она пока чувствует себя хорошо, но сильно устает после полудня. Я думаю, ей было бы полегче, если бы она могла прилечь в вашем фургоне, позже, когда поездка начнет ее утомлять.

Лицо Келлы почти что кричало «Нет!», но до того, как она заговорила, Сейдж сказал радостно:

— О, конечно! Мы будем счастливы ей помочь. Она такая маленькая, веса добавит не больше, чем тюк с пером.

— Спасибо вам огромное! Дам ей знать. — Даг сдернул поводья с крюка и поднял левую руку как бы в знак благодарности.

Следом он выпустил на свободу призрачную руку и расширил ее как сеть, пропуская ее через затылок Сейджа, распыляя в ничто истрепанные уговаривания и принимая слабые ответные всплески Дара. Сейдж просто улыбался ему, моргая.

Келла выглядела обеспокоенной, но глубоко неуверенной.

«Как я и думал. Хорошо.» Даг продолжил:

— Ребята, если есть что-то, что я могу для вас сделать — что угодно, — его взгляд сверлил Кел-

лу, — не стесняйтесь спросить. Я помогал обучать толпу юных дозорных примерно ваших лет. Мало такого, чего я раньше не видел.

Если Келла пыталась управлять рудиментарной силой Дара, — явственно казалось, что так оно и есть, — ей понадобится любая помощь, которую она сможет получить.

Проклятье, только она должна была получить помощь раньше. О чем думал ее отец-мастер? Разве что она была поздним цветочком — как Даг — выброшенным, потому что кто-то не разглядел его вовремя?

Но, для начала, она мне не доверяет. Что, вообще-то, не должно было происходить в их первый час знакомства. «Спокойствие, Даг». У них есть недели, совсем как в новом дозоре. Он кивнул и дернул поводьями, направляя Копперхеда прочь.

Аркади и Барр ехали следом за их багажом на достаточном расстоянии, чтобы не попадать под комья грязи, летящие от фургона. По взмаху Барра Даг присоединился к ним.

Аркади спросил, нахмурившись:

— Что это вы делали своим Даром?

— Просто немного прибрался. Вычистил некоторую старую работу из Сейджа. Она бы сама растворилась еще через несколько недель, но я

хотел посмотреть что это было.

— Этот мальчик со столбняком… теперь поговорим об этом… ваш Дар, похоже, вернулся обратно в плохое состояние, в котором пребывал раньше.

Даг пожал плечами.

— Боюсь, что так. Не делать ничего — это в наших условиях недостаточно хороший план. Нам нужно попробовать что-то другое.

— Что?

— Я надеялся, вы что-нибудь придумаете, раз у вас стало больше жвачки пожевать. Вы ведь превосходный настройщик Дара. Или нет?

Аркади посмотрел на него со смесью удовольствия и раздражения:

— Не надо применять на мне эти учебные фокусы. Я их изобрел.

— Ну, тогда… — Губы Дага изогнулись в надежде. Два дня без новых проблем, и Аркади уже становится нетерпеливым. Дагу всего лишь нужно передвигать его на север и ждать.

Барр, явно мучимый раздражающим видением Аркади в роли коровы, сказал Дагу:

— Так что ты делал Даром?

— А, — сказал Даг. — Это может повлиять на то, что Аркади называет работой в шатре целителей. То есть, если я тебе объясню, это для помощи

кому-нибудь, а не для болтовни.

Барр задумался над этим.

— Звучит так, что ты меня вздуешь, если я буду болтать об этом?

— Звучит так, что ты не будешь болтать об этом. Некоторое время.

Барр раскрыл руки в знак согласия и вернул их обратно на бедра.

— Думаю, Келла пыталась уговорить или заколдовать своего любимого Сейджа, — сказал Даг. — И у нее не получилось, насколько я могу сказать.

— Уговорить его на что? — спросил Барр.

— Похоже, на то, что крестьяне назвали бы любовной магией.

Аркади фыркнул:

— Бессмысленно. Мальчик влюблен в нее.

— Гадаю, понимала ли она это? — Даг вспомнил Фаун в то время, когда впервые встретил ее, загроможденную отчаянными сомнениями. Как могли все те молодые женщины не знать, как прекрасны они были? — Я пока не вижу ясно свой путь, но предполагаю, что если ждать и наблюдать, то все это само упадет ко мне в руки. В то же время у нас тут двое мальцов с более чем проблесками Дара, и нет никого, чтоб проинструктировать их как с

ним управляться. Они кажутся… — он взглянул на Аркади и подобрал слово, — поврежденными.

— О? — сказал Аркади, выпрямляясь в седле.

«Зацепил!» Даг повторил рассказ Финча, более или менее, о двух полукровках, двигающихся ощупью между мирами и не находящих ясного пути. Или пути были преднамеренно заблокированы? Любопытство Дага возросло.

Барр сказал озадаченно:

— Но ведь ты встретил их только вчера, Даг. Мы им даже не нравимся. Почему ты вообще задумался о них? — Одинаковые взгляды Дага и Аркади скрестились на его голове, когда он продолжил: — О! Беременность Фаун. Конечно, вы сейчас изучаете полукровок.

Даг набрал воздуха в грудь:

— Поэтому тоже. Но помнишь ли ты время, когда я встретил тебя и Ремо? Почему я задумался о вас двоих?

— Не знаю, — сказал Барр. Вспомнив, он взглянул назад через плечо на пустую дорогу, где, к его явному разочарованию, не было нагоняющего их галопирующего своенравного напарника. — Я… не знаю. — Он обратился взглядом за помощью к Аркади, но тот лишь пожал плечами. — Я также не знаю, как это назвать. Но это трогает сердце

и говорит о настоящем мастерстве. Говорю вам точно, что вы не заманили бы меня на эту сумасшедшую дорогу только потому, что Даг может фокусничать.

Даг отсалютовал ему по справедливости — ради взвешенного кивка Аркади, — а затем повернул Копперхеда, чтоб догнать Фаун.

* * *

Фаун обрадовалась приглашению вздремнуть в фургоне, и едва ли ей нужна была подсказка Дага попробовать подружиться с Келлой. Но Тракт так очаровал ее, что она оставалась верхом на Мэгпи всю вторую половину дня.

Ландшафт оставался одинаковым с самого Греймаута — уже более пятидесяти миль позади — последовательность болот, лесов, лесов в болотах, расчищенных полей на возвышенностях и небольших деревень.

Хорошая погода вызвала не только местное движение — крестьянских фургонов и всадников и вьючных мулов — но и активность дорожных команд. Они проезжали мимо больших групп мужчин и мальчиков, разгребающих курганы грязи с обочины, чтоб поднять верхнюю часть над влажной землей, или наполняющих низины

вагонами гравия. Казалось, для каждой деревни было делом чести поддерживать знаменитую дорогу в своих окрестностях; Фаун научилась определять сомнительные границы между поселениями по колеям.

Во время полуденного отдыха мимо них прошел караван, о котором Фаун подумала, что это и есть настоящее движение по Тракту. В нем было около сорока движущихся на север мулов, тяжело груженных ящиками с ценным черным чаем. У каждых трех животных прохаживался отдельный погонщик. Грубый вид этих ребят встревожил бы ее до ее поездки на реку, но теперь она видела, что это всего лишь бывшие команды барж, отрабатывающие путь домой. Они разглядывали яркий фургон и ее с Келлой, но не отпускали грубых смешков и прочего такого. Индиго пожаловался, что караван захватит лучшие места для ночевок, а его животные съедят всю весеннюю траву и оставят кучу болезней мулов со страшными названиями на своем вытоптанном пути, но Сейдж дружелюбным тоном заявил, что их компания найдет другие места для стоянок.

Некоторые фермы по краям дороги сдавали для этой цели огороженные пастбища на ночь за плату. С семнадцатью животными на руках,

которых надо было кормить, это было искушением, несмотря на по-юношески тонкие кошельки, хотя женская часть семьи Смитов наготовила им достаточно еды для людей, чтобы никто не готовил в первые три дня. Но прямо перед закатом они вышли на открытый луг вдоль русла реки, за который никто вроде бы не спрашивал платы и не объеденный предыдущими визитерами, так что они остались здесь.

Над спокойным, коричневатым каналом нависали увитые плющом кипарисы. Вода была мутной, с загадочными тенями и птичьими голосами вокруг, и Фаун была благодарна тому, что Стражи Озера устроили дозор против аллигаторов перед сном. Они вспугнули лишь семью засуетившихся животных, которые выглядели как нежелательные потомки опоссума с черепахой. Обвиненный Даг отрицал, что древние или настоящие Стражи Озера что либо делали бы с бронированными опоссумами. Когда мальчишки тыкали в них палкой, те сворачивались как мокрицы, вызывая краткий приступ спонтанной игры в мяч, пока животные не разворачивались и не убегали резво в негодовании.

Отупев от усталости, Фаун упала в их одеяла, радуясь возможности узнать, как звучат ночные

песни пересмешника изнутри объятий Дага; следующее, что она ощутила, был утренний свет, щекотавший ее веки.

Начало этого дня было более быстрым, но не таким ярким. Ее тело не было совсем уж одеревеневшим, когда она взбиралась на лошадь снова; Аркади скрипел больше, но так холодно поглядывал на прочих, что они удержались от комментариев. Даг и Барр повторили движения друг друга в серии потягиваний дозорных с аккомпанементом грубой рифмованной речевки, которая заставила их обоих рассмеяться, зато позволила им запрыгнуть на скакунов без стонов. Индиго смотрел с удовольствием, помогая Сейджу запрягать мулов. Когда он разговаривал с животными, убеждая, умасливая и нахваливая их, Фаун почти что могла представить, что те ему отвечают, или хотя бы подают сигналы своими длинными мягкими ушами. Это не было похоже на обескураживающий эффект, производимый Дагом на мышей — к счастью, так как быть преследуемым полудюжиной мулов в трансе довольно странно — но она вспомнила об этом.

Уже после полудня все очарование Тракта не смогло удержать ее в седле. Она залезла в теплую и скрипящую тень под холщовой крышей фур-

гона со стоном благодарности и не просыпалась до тех пор, пока свет солнца не стал золотым. Во рту был такой вкус, будто она жевала хлопок, но по крайней мере ее конечностям больше не казалось, что они сейчас отвалятся. Вспомнив поручение обзаводиться друзьями, она прошла в переднюю часть фургона. Келла застыла при ее приветствии, но Сейдж услужливо подвинулся, чтоб она смогла присесть с другой стороны.

— Долгая дорога в Трипойнт, — приглашающе заметила Фаун, разглядывая спины запряженных мулов. Ей понравилось, как их уши прядали; это было похоже на то, как покачиваются ветви, когда они быстро проезжают мимо них.

— Да, — согласился Сейдж. — Хотя пока что мы взяли неплохой темп. Если мы сможем его сохранить, то через неделю окажемся в Пустоши, или может через две — сразу после парома на Кипящей реке. А она будет примерно на полдороге, как мне сказали.

Пустошью, как Даг объяснял Фаун, был язык древней скверны в двести миль шириной. Скверна расползлась на восток от Западных Уровней и надолго отделила север от юга. На большую часть тысячелетия единственный путь через нее был в обход, либо вниз по Серой реке, либо

вверх на западных морских кораблях. Она стала безопасной для перехода всего лишь несколько сотен лет назад. Злые не рождались на старой скверне, так что Стражи Озера не патрулировали здесь, а крестьяне не пытались вырастить жизнь на ее по-прежнему бесплодной земле. Без лагеря или деревенских рынков люди, пересекающие ее, должны были брать все с собой. Слухи населяли этот район бандитами, которые, как предположила Фаун, появились при отсутствии дозоров.

— Я видела кусочек Пустоши, когда мы плыли мимо нее вниз по Серой на «Надежде», — сказала Фаун. — Пустынная страна, вся песчаная и плоская, и там совсем нет речных городков. Там испытываешь напряжение, но было и облегчение, когда мы проплыли ее и снова увидели зеленую траву.

Это вызвало у Сейджа поток заинтересованных вопросов об их речном путешествии. Конечно, тут же обнаружилась их встреча с ужасными речными бандитами, обосновавшимися на Кривом Локте, но Фаун не слишком уделила этому внимания, больше рассказывая о мечте Дага излечить раскол между ее и его народами. Она думала, что его образ целителя из Стражей Озера, лечащего крестьян, заинтересует Келлу, но молодая жен-

щина продолжала упорно молчать.

Фаун испробовала более прямой соблазн, рассказав, как Даг, она, Хог и Ремо раскусили расколдовывание в тот запомнившийся день на Грейс.

— Это не было чем-то таким, что Страж Озера или крестьянин смогут понять в отдельности. Оно потребовало нас всех, работающих вместе.

И тогда, наконец, от Келлы прозвучал вопрос:

— Твой муж может заколдовывать людей?

— Он может — мог в те дни — не заканчивать работу Даром. У Аркади получалось еще лучше.

Новость не развеселила Келлу; более того, она выглядела… напуганной?

Фаун никак не могла понять, как девушка, у которой отец — мастер Стражей Озера, может бояться работы с Даром.

— Разве ты никогда не наблюдала, как работает твой папа?

Келла пожала плечами.

— Я была ребенком. Не могу сказать, чтоб он делал что-то еще, кроме того, что шил кожу.

«О. Верно.» Чувство Дара не развивалось, пока человек не вырастал хотя бы наполовину, и Келла едва ли выросла настолько, когда умерла ее мама и отец оставил ее с родственниками-кре-

стьянами.

Келла добавила спустя мгновение странным тоскующим тоном:

— Хотя, люди всегда хотели купить его работу. Упряжь, седла, уздечки… Они были простые, но почему-то очень красивые. И никогда не ломались. — Она выпрямилась, сжав зубы, будто сожалея о том, что позволила вырваться добрым воспоминаниям.

— Я это помню, — сказал Сейдж.

Еще некоторое время Фаун говорила с Сейджем — но не с Келлой, — заставляя его вспоминать детство в Крокодильей Шляпе, а взамен предложила ему рассказ о Вест-Блу. Затем прискакал рысью Индиго, разведывавший обстановку впереди и уверяющий, что приметил одно из арендуемых пастбищ, слишком хорошее и дешевое, чтобы проходить мимо. Прибыв на место, каждый согласился с ним, и они остановились здесь на ночь.

Сейдж поставил фургон под пекановыми деревьями, которые только начинали покрываться листьями, с видом сверху на искрящийся ручей, слишком мелкий для аллигаторов. Фаун это понравилось. Сейдж отправился найти ферму и заплатить, и Фаун следом за Келлой спустилась на землю, радуясь тому, что она не качается под

ногами. На мгновение они оказались лицом к лицу, и Фаун мило улыбнулась.

— Почему вы продолжаете меня беспокоить? — спросила Келла сквозь зубы.

— Мне нравится иметь друзей. У нас долгая дорога впереди. — Почему Фаун чувствовала что-то вроде материнской заботы по отношению к девушке на пять или шесть лет старше ее самой было трудно объяснить, но это было так. «А может не так уж и трудно». — Кажется, у меня появился новый интерес делать полукровок счастливей.

— Если вы действительно хотите, чтобы счастья было больше, не рожайте полукровок, — отрезала Келла и ушла прочь.

Фаун заморгала, несколько обескураженная. «Нехорошо вышло».

«Пока. Продолжай пробовать.»

Она отправилась к менее раздражительному Индиго, который начал распрягать мулов, мысленно расхваливая его заботу о животных.

* * *

Когда стало темно, Даг обошел пастбище по периметру чисто по привычке дозорного, но не ощутил никакой опасности на милю вокруг в любом направлении. Он побрел обратно к ручью

и остановился у скалы, слушая журчание воды и чавканье мулов. Появился Копперхед и дотронулся губами до его волос, и Даг потратил мгновение, чтобы отпечатать в мерине еще раз мысль о том, что сегодня ночью не будет случайных нападений на его товарищей по пастбищу. Мэгпи, будучи более женственной, в таких уговорах не нуждалась.

Две лошади побрели прочь вниз по течению в поиске травы послаще.

Дага стало беспокоить, более или менее, что за ним по пятам кто-то шел. Тонкая фигура появилась из теней так же осторожно, как охотник, выслеживающий медведя или рысь или другое опасное животное, которое может повернуться и напасть. Он сел тихо и стал ждать.

Спустя долгое время хриплый голос Келлы спросил:

— Что вы хотите?

— Извини?.. — спросил Даг.

— Что вы хотите такое, что вы могли бы принять за то, чтоб уйти и оставить меня в покое?

Брови Дага изогнулись.

— Госпожа Смит, я искренне не понимаю вопроса.

— Не издевайтесь надо мной! — Ее голос был

резким, но с дрожью в конце.

Он считал, что год совместной жизни с Фаун должен был сделать его более разбирающимся в женщинах. Он уже мог сказать, что это один из тех самых разговоров.

— Мэм, я не издеваюсь над вами. Я принял бы как честь помочь вам. И вашему брату, хотя явно, что в чувстве Дара вы одарены более. Кто-то для этого должен взять вас в свои руки.

— Нам не нужна помощь. Нам не нужны Стражи Озера. — Ее голос стал тише и, если это было возможно, злее. — Мы не нужны Стражам Озера.

— Может быть, не на Мшистой Реке, но не все Стражи Озера думают подобным образом. Что был за тест, о котором говорил Финч — вплетение вашего Дара в шнур?

— Вы о чем?

— Вы должны были его пройти.

Ее голос стал еще тише.

— Индиго не прошел. Так что и я не стала.

Брови Дага приподнялись.

— Вы намеренно провалились?

— Они бы разделили нас. Оставили меня и выбросили бы Индиго прочь. Кто угодно еще оставили бы нас вместе, так или иначе. Я не собиралась проделывать это с ним снова.

— И чья идея была отправиться на север? Ваша, его или?..

— Мальчишки всегда говорили об этом. Но это был только разговор. После Мшистой реки я хотела уйти от всего очень сильно, но ехать самим было слишком опасно. У меня достаточно магии, чтобы нацелить нас, но не защитить. Мы должны были обзавестись остальными, должны.

— Мысль кажется мне разумной, — сказал Даг осторожно.

— Пожалуйста… — ее голос надломился. — Не забирайте их у нас.

Даг держал свой Дар широко открытым в надежде, что она может почувствовать, что он не лжет.

— Вы говорите о ваших попытках уговорить Сейджа?

— Вы их почувствовали? — Резкий всхлип. — Не трогайте их, вы!.. Я дам вам… не знаю что… У меня не много денег, но немного могу вам дать.

— Отсутствующие боги, я не хочу ваших денег!

Длинная пауза.

— Кроме них у меня есть только одно. — И из хруста плеч можно было заключить, что это не то, в чем она была бы рада принять участие, не с ним.

Даг вскочил, ошеломленный и более чем немного обиженный:

— Отсутствующие боги! Нет. Знаете ли, ты достаточно молода, чтоб быть моей дочерью.

— Так же как и ваша жена. — Хрупкая пауза. — А, чистокровные… Вы ведь, должно быть, старше, чем выглядите. Тогда внучкой.

— Сейчас ты заходишь самую малость далеко! — Он не знал, ужасаться ему или смеяться.

Келла стояла, выпрямившись.

— А может, это у вас такая одержимость. Молоденькие женщины.

Даг сказал строго:

— Фаун и я — это долгая история, о которой вы сможете узнать больше, если будете слушать, а промеж тем не надо болтать несведущую чепуху. Фаун заслужила каждую частицу верности, которую я к ней питаю. — Его голос замедлился. — Так что у нас происходит честный обмен.

Келла вздрогнула. И все, наконец, стало на свои места. «О боги, какой же я тупой».

— Я так понял, что вы считаете, что заколдовали юного Сейджа, чтобы он женился на вас и забрал вас с братом на север?

— Вы знаете, что я это сделала, Страж Озера. Его семья это подозревает. Его сестра сказала мне в

лицо, что Сейдж без того не посмотрел бы дважды на такую кучу костей с лошадиной мордой.

Даг начал говорить, заколебался и переменил порядок:

— А вы думаете, ваши заклинания еще держатся? Он не переменился к вам за последние пару дней? — Это был безопасный вопрос, и ответом на него были два счастливых Дара в пуховой перине прошлой ночью вместе со слабым, но различимым скрипом фургона, который их скрывал.

— Конечно, держатся. Или он уже выкинул бы меня.

— Так вот и нет. Если бы вы были обучены так, как должно, вы бы знали, что такой род уговаривания впитывается со временем и должен обновляться, чтобы продолжать работать. Ваша работа Даром ослабла недели назад. В любом случае, я вычистил остатки из Сейджа вчера утром.

Слабый вскрик, всхлипы. Она дрожала как молодая лошадка, которая собирается понести.

— Спокойно! — Даг использовал свой старый командирский тон; она застыла. — Выпрямись, девочка, и подумай головой, с которой родилась. Я не утверждал, что твое начальное уговаривание не заставило Сейджа посмотреть на тебя второй раз, потому что я думаю, так оно и было. Но то,

что он увидел, заставило его остаться. Он любит тебя не потому, что ты его заколдовала, — голос Дага смягчился. — Он любит тебя потому, что тебя есть за что любить.

Доброта едва не сломала ее так, как жесткость никогда бы не смогла; и снова Даг вспомнил Фаун. Слезы прорвались в ее всхлипы, но она успокоила дыханием. И слушала; боги, сейчас она слушала всем своим сердцем. Вот он, твой шанс, старый дозорный; вперед и будь осторожен.

— Говоря больше, — продолжил он, — Сейдж никогда даже частично не был тобой заколдован. По той же причине, почему моя работа с Даром не заколдовывает Фаун. Твое сердце полностью ему открыто, так что оба ваших Дара текут свободно в обе стороны, и он никогда не подавится дисбалансом.

Так что, раз он любит тебя и раз тебе он тоже нравится достаточно сильно, — и оба ваших Дара доказывают это — нет причины по всем огромном мире, по которой вам нельзя быть вместе так же замечательно или лучше, чем любой другой женатой паре. Ты могла поместить уговаривания в любого другого юношу в Крокодильей Шляпе. Ты выбрала хорошо, когда выбрала Сейджа. Думаю, ты это знаешь.

— О!..

— Хотя, ты можешь позаботиться о том, чтоб разрядить атмосферу признанием. Тогда вам обоим будет проще, и не нужно будет хранить этот бесполезный секрет. И это выправит твой Дар для следующих уроков по работе с Даром.

— Он меня возненавидит!

— Ну… — Даг картинно почесал затылок, — я не хочу сказать, что он не будет малость расстроен, но он ведь знал о твоей силе раньше, и она его не отпугивала. И, может, ему это польстит. Высокая, красивая, — скользкий момент, — девушка старше него выбрала его из всех остальных парней… может, он даже загордится.

По ее неподвижности он мог сказать, что это была для нее совершенно новая мысль.

— И если у него есть какие-то вопросы, он может прийти с ними ко мне или Аркади. Я это хотел сказать, когда говорил, что помогал обучать толпу молодежи управлять их Даром. И, поверьте, некоторые из них были даже более колючими, чем вы. Возможно, вам не нужна Мшистая Река — на самом деле, похоже, Мшистая Река была именно тем, что вам не нужно — но вам нужен кто-то, кто покажет вам, куда двигаться дальше.

Она придвинулась достаточно близко к нему,

чтобы он мог ее увидеть; она стояла, обхватив руками голову.

— Но я не хочу этого. Этих сил.

— Тогда вы можете выбрать не использовать их. Но вы не сможете выбрать до того, как обучитесь ими управлять. До этого вы будете бродить вокруг в темноте, спотыкаясь обо всё и причиняя себе боль — и, может быть, другим — из-за незнания.

Впервые тишина стала задумчивой, а не только лишь испуганной.

— Я могу… выбрать не быть?..

— Если достаточно обучитесь. И то, что я не смогу преподать, сможет Аркади. Удача принесла вам выигрыш в этом путешествии. Отсутствующие боги, девушка, хватайте его. Я это хочу сказать.

Келла издала слабый, смущенный звук, и Даг пояснил:

— Аркади мой учитель.

— У вас есть учитель? В ваши годы?

Даг предпочел не заметить вторую часть реплики.

— Да. И Фаун тоже учит меня. Она за последний год научила меня большему, чем я мог представить возможным. Весь мир учит меня новому

каждый день. Сейчас тому, что это она сделала меня вновь живым для этого. Вы меня учите.

— Чему это я вас учу? — Келла уставилась на него в изумлении.

— Тому, что нужно полукровкам для начала. Полагаю, когда мы начнем, здесь будут еще сюрпризы. — Он поднялся со своего камня, отвешивая ей свой мягчайший салют. — Едва могу дождаться этого. Доброй ночи, миссис Смит.

— Э… доброй ночи, мистер Блуфилд.

Он проследил ее обратный путь до фургона и ожидающего ее мужа. И вспомнил, что у него есть свое одеяло, согретое ожидающей его женой, но пошел в обход через ближайшие деревья. Длинная бледная тень отклеилась от пекановых стволов, когда он приблизился.

— Как вы думаете, у нее есть талант мастера? — спросил Даг у Аркади.

— В некотором небольшом практическом виде — несомненно.

— Надеюсь, вы не возражаете, что я привлек вас, сэр.

— Нет… — Задумчивая пауза. — В общем, это было хорошо проделано.

От Аркади, который обычно предварял свою более мягкую критику репликами вроде «Вы

бестолковый, безрукий недоумок!», это была огромная похвала.

— Надеюсь, так, сэр, — сказал Даг. — Действительно надеюсь.

Глава 14

Следующие несколько дней Фаун радовалась, видя, как Аркади часто разговаривает с Келлой. Обычно он ехал рядом с фургоном, а иногда даже сидел на козлах. Барр помогал Индиго с животными. Пристроив каждого из полукровок под крылышко подходящего Стража Озера, Даг ехал в одиночестве, когда Фаун дремала из-за усталости. Она с любопытством наблюдала из-за задней стенки фургона за тем, как он вертит в руке грецкий орех и размышляет над ним. «У него что-то получается».

Болотистая Крокодилья Шляпа осталась в сотне миль позади, когда они впервые попали под дождь, и даже тогда им пришлось всего лишь раз вытянуть фургон из грязи и дважды — перетащить его веревками через разбухшие броды. Когда они достигли последней полосы крестьянских земель к югу от Пустоши, Эш Теннер увел их вбок на несколько миль к запланированной остановке на ферме его дяди, где их радушно приняли, несмотря на неожиданное дополнение к компании. Животных выпустили попастись на денек, а люди занялись пополнением своих

запасов.

Во второй половине дня Даг и Фаун вылезли из одеял, в которых нежились в самом уединенном уголке чердака теннеровского сарая — хотя, по подозрению Фаун, их товарищи предполагали иную причину.

В любом случае их оставили совершенно одних, что как нельзя больше подходило для целей Дага.

Спустившись вниз, Даг оставил ее, чтоб найти Барра и Аркади. Навес на подпорках с одной стороны сарая защищал рабочую площадь от дождя с туманом. Барр разложил их седла и упряжь на козлах и чистил их. Если Аркади делал что-либо кроме того, что составлял Барру компанию, это не было заметно Фаун; но они прервали какой-то разговор, когда она и Даг вышли из-за угла.

Даг поставил ее перед собой, положив руку ей на правое плечо, а деревянную чашу протеза — на левое.

— Вы двое нужны мне на минутку, — сказал он Стражам Озера.

Барр положил щетку с тряпкой; Аркади, прислонившийся к столбу со скрещенными руками, поднял брови.

— Что, во имя неба, вы сделали с Даром Фаун? —

спросил Барр. — Он весь… светится. — Он закрыл глаза для того, чтобы — по предположению Фаун, лучше увидеть, хоть это и не звучало разумно. Почувствовать этого она, конечно, не могла, но легкий дискомфорт наполнил ее оттого, что она оказалась в фокусе сверхъестественного внимания. Что касалось Аркади, она не делала даже попытки прочесть глубочайшее спокойствие на его лице.

— Ну, — сказал Даг, — это именно то, что мне нужно проверить с вашей помощью. Барр, попробуй поместить уговаривание в Дар Фаун.

— Э-э… какого рода?

— Того, который у тебя лучше получается. Оно не должно быть хорошо сформированным.

— К счастью, — пробормотал Аркади.

Даг посмотрел на него успокаивающе:

— Я удалю его, если у него получится. Просто что угодно.

Колеблясь, Барр приблизился и провел рукой по ее груди вдоль ключицы, глядя на Дага. Он нахмурился, увидев орех, который висел у Фаун на груди, удерживаемый шнурком, сплетенным из ее волос. Орех не был проколот; вместо этого он лежал в сплетенной сетке, которая превращалась в шнурок, обвивающий ее шею, не прерываясь.

— Ого! — сказал он через мгновение. — Я чувствую ее Дар — он на самом деле не закрыт, но воздействие скатывается с него, как дождь по стеклу.

— Хорошо, — Даг повернул ее; она послушно повернулась кругом. Он убрал руку и сказал: — Сейчас вы, Аркади. Попробуйте вырвать ее Дар. Тем способом, который я применил в день нашего знакомства на воротах.

Аркади встряхнул рукой и сделал короткий жест. Ничего не произошло.

Он заморгал, подошел ближе и взял ее руку в свои. Его палец прочертил линию по тыльной стороне ее руки. Фаун ощутила боль, похожую на покалывание, когда замерзнешь.

— Интересно, — сказал он нейтральным тоном. — Ее Дар, кажется, проваливается в яму, когда я пытаюсь его вырвать.

— Даг, неужели мы сделали это? — сказала Фаун, едва дыша. — Сделали щит Дара для крестьян?

Он неуверенно вздохнул.

— Может быть. Его достаточно, чтобы защитить тебя от обычного уговаривания или заколдовывания, и от того вырывания Дара, которое я… некто может делать. Но Злой гораздо более силен, и я

не знаю, как это проверить. Не использовать же тебя как приманку.

— Может быть, кто-то, — она взглянула на Барра, — сможет получить дозор, чтоб где-то взять крестьян-добровольцев и проверить его. На севере, может, где Злые встречаются чаще. Или, хотя бы, проверьте его на детях.

Даг помотал головой:

— Я все еще не уверен, что этот щит сработает на Даре Стражей Озера. Они слишком активны.

— Так попробуй его на Барре и выяснишь.

Барр сглотнул.

— Э-э… хорошо. Звучит разумно.

Фаун сказала:

— Плохо, что у нас нет ребенка Стражей Озера, чтобы проверить. Может, позже.

Даг сказал радостно, обращаясь к Аркади:

— По крайней мере, мы решили проблему как его выключать. Все что Фаун нужно сделать — это снять ожерелье, и связь с ее Даром прервется. Правда, ей нужен я, чтобы заново привязать его к ней. В идеальном дизайне крестьянин снимал бы и надевал его по желанию. Но, по меньшей мере, я разработал его принцип.

Аркади посмотрел на него задумчиво:

— Не думал, что вы сможете зайти так дале-

ко. — Нахмурив брови, он снова взял руку Фаун и провел по ней пальцем; она вздрогнула, ощутив пощипывание. — Стесняюсь спросить, как вам это удалось.

Даг внимательно следил за его рукой.

— Это сжатие каким-то образом похоже на естественную реакцию. После того, как Злой в Рейнтри почти что вырвал у меня Дар, Мари сказала, что мой Дар был сжат так сильно, что никто не мог помочь мне. Пришлось поверить ей на слово… я был без сознания. Она сказала, что никогда не видела, чтобы кто-то был настолько похож на труп и все еще дышал.

— Даже если он не защитит крестьян от Злых, он защитит их от Стражей Озера, — сказала Фаун. — Как горшки-шлемы Барра, только настоящие. Это кое-что меняет… Хм… — Она взглянула на Барра и Аркади. — А что насчет того, что ма… кое-кто на озере Хикори однажды сказал мне, что оттого, что крестьяне не могут закрывать свой Дар, они все равно что голые для Стражей Озера. Он делает что-нибудь с этим? И не нужно быть вежливыми, — добавила она резко. — Скажите мне правду.

— Когда закрываешь Дар, — Барр поднял руку и повернул ладонь боком, — это как если бы Дар

Стража Озера медленно становился тоньше и тоньше, пока не исчез. Изнутри это выглядит так, как будто Дар мира делает то же самое, как будто вновь становишься ребенком и не можешь его чувствовать. С этим же частота твоего Дара все еще присутствует, но он как будто находится под водой. Я не могу рассмотреть детали. Понимаешь?

«Что ж, быть одетой в тоненькое платье лучше, чем расхаживать в чем мать родила». Фаун удовлетворенно кивнула. Ее рука обвилась вокруг ореха. Каким необыкновенным подарком на день рождения он обернулся!

— Нужно ли мне продолжать носить его? — спросила она у Дага.

— Да, я хочу посмотреть как долго продержится эта спиральность. Разделяющие ножи живут срок длиной в жизнь, но меньшая работа ослабевает раньше.

— Спорю, ненадолго ее хватит, — сказал Аркади. Фаун спрятала орех в вырез блузки.

— Интересно, а как работать с Келлой и Индиго? Как с крестьянами или как со Стражами Озера?

Глаза Дага сузились.

— Хм. Хороший вопрос, Искорка. — Его рассеянный взгляд уткнулся ей в пояс. — Если они

однажды станут мне достаточно доверять… я попрошу их позволить мне попробовать. Позже. Не сейчас. У меня займет несколько дней восстановиться от этого.

— Поговорите с Келлой до того, как предложите такой щит Сейджу, — посоветовал Аркади. — Не хочу, чтобы она поняла это неправильно. У меня, конечно, получилось прикормить ее с рук, если можно так выразиться, но она все еще нервничает. — Он помолчал. — Прошло много времени с тех пор, как я учил начинающих. Я дам ей это — по меньшей мере, плохое обучение не будет иметь последствий, которые мне надо будет устранять.

Даг понимающе кивнул. Лукавая улыбка скользнула по его губам и исчезла. Фаун предположила, что он был рад тому, как серьезно Аркади относится к своим новым ученикам.

* * *

Через несколько дней болотистая страна крокодилов осталась позади. Деревни стали беднее и реже, поверхность дороги — хуже, с редкими мостами и плохими бродами. В тех местах, где земля была мягкой, дорога просела широкой полосой между земляными валами, которые

поднимались выше головы. Фермы сменились сосновыми лесами. Когда становилось теплее, деревья источали тонкий, странно северный аромат, который заставлял Дага улыбаться — без причины, думалось Фаун, но она была этому рада несмотря ни на что.

Движения на дороге здесь было мало. Их компания стала единственной, отправившейся на дальнее расстояние. Большинство направлялось на север, потому что реки извергали своих путешественников на Тракт только в Греймауте. Они обогнали команду речников, отправившихся домой, а их самих обогнал на более быстрых лошадях караван, в числе которого было несколько Стражей Озера, осуществляющих торговлю между лагерями. Они несколько дней играли с чайным караваном в чехарду, и, когда Фаун, Даг и Барр выказали знание речных словечек, то познакомились в итоге с несколькими погонщиками.

Последняя деревня перед Пустошью, если ехать на север, или первая — если на юг, обслуживала паром, уменьшенную копию того, который Фан видела на Грейс. Толпа желающих перебраться через реку задержала их на полдня. С другой стороны реки дорога снова стала выше. Сосновые леса стали более потрепанными и грустными,

затем поредели и превратились в лес, где жили только мыши, ястребы, кролики и дикие свиньи.

Жара на участках дороги без тени навевала головную боль. Стало сложно отыскать местечко вдоль дороги с водой и пастбищем, так как вьючные животные предыдущих путешественников съели весь скудный корм далеко по сторонам.

Прошло два дня в Пустоши, и ее новизна поблекла для Фаун, заслоненная тошнотой от беременности. Это продолжалось до тех пор, пока она однажды утром не убежала от костра, чтоб спрятаться в кустах, и Аркади с невероятно самодовольной ухмылкой не извлек из своего багажа бутылку с лекарственным сиропом Стражей Озера. За это он всего лишь заставил Дага немного попресмыкаться. Вечерами Аркади отводил Дага в сторонку для создания проекции Дара и тренировки чувствительности, а Даг отвечал тем, что заставлял Барра и Аркади выполнять тренировку дозорных по закрытию Дара. Результат последнего заставлял его хмуриться.

Однажды вечером они остановились на стоянку вместе с дружелюбными матросами, которые бывали в Клиркрике, и обменялись большинством речных слухов, включая искаженный пересказ ужасных событий на Кривом Локте. Даг,

Фаун и Барр постарались их поправить. Даг полечил одному матросу болячку на ноге и ухватился за возможность выступить со своей лекцией для начинающих про Стражей Озера; Фаун не была уверена, что именно из этого заставило Аркади потирать лоб. Но, по меньшей мере, это был задумчивый жест.

Отсутствие пастбищ оказывалось хуже, чем они предполагали. Зерновой корм, который они так старательно паковали на ферме Теннеров, стал уменьшаться, затем кончился. Но однажды, ближе к вечеру, Эш, чья очередь была нести разведку впереди, прискакал обратно рысью весь возбужденный. Плодородная долина, которую он описал, казалась слишком замечательной, чтобы оказаться настоящей — но несколькими милями дальше, в низине, где бежала река между высоких каменных стен, петляя, они обнаружили раскинувшийся широко луг, испещренный полевыми цветами, который светился зеленой травой на ярком свету. Дюжины кизиловых цветов облепили ветви, как белые цветочные фонтаны. Молодые листья, поняла Фаун, были не просто бледно-зелеными, но с оттенком бронзы и красной меди. И люди, и животные замерли, испустив одинаковый радостный вздох.

Блаженство продолжалось до тех пор, пока Сейдж, который ушел в заросли, окаймляющие луг, чтоб набрать валежника, не прибежал назад, размахивая окровавленным топором и крича:

— Змеи! Их сотни! И все они гремучки!

Фаун, которая собиралась расседлать Мэгпи, взлетела обратно в седло и натянула поводья:

— Что?

— Не может быть, чтоб их были сотни, — заявил Финч. — Змеи не путешествуют стадом, Сейдж. Ты просто паникуешь.

— Да, как много ты на самом деле видел? — спросил Эш. — Двух? Трех? — Говоря это, он серьезно распаковывал еще один топорик на длинной ручке из своего багажа.

— На самом деле… — сказал Даг, медленно поворачиваясь кругом и проверяя каменистые склоны.

Установилась тревожная и внимательная тишина, нарушаемая только пыхтением Сейджа. Все взглядом следовали за Дагом, как заколдованные мыши.

— …там их сотни, — продолжил Даг. — Вон в тех выступах настоящее змеиное логово. Понимаете, они там свернулись клубками, чтобы переждать холодные времена. Они только выходят из зим-

ней спячки.

Финч внезапно залез на козлы фургона рядом с Келлой.

— В крупном логове вы можете заиметь пару сотен гремучек за раз… — добавил Даг небрежно.

Индиго смотрел на зеленую траву. Все уставшие, голодные животные опустили головы и рвали ее.

— Мы все могли бы спрятаться в фургоне, полагаю, но… они могут покусать мулов и лошадей?

— Могут, — сказал Даг. — Хотя обычно они просто уползают. Но с таким их количеством вокруг шанс несчастного случая очень велик.

— А вы, Стражи Озера, не можете их, ну, уговорить оставаться подальше? — спросила Фаун нервно. — Раз вы можете призывать своих лошадей, может, вы можете, ну, отозвать змей?

Эш поднял топор:

— Если мы все будем работать вместе, спорю, что мы сможем вычистить их отсюда навсегда.

Аркади заметил как бы в воздух:

— Обычно жертвы укусов змей, которых я лечу, — это молодые люди. Часто присутствует пиво. В основном, укусы приходятся на руки, но один парень умудрился быть укушенным за ухо и одну… ну, я думаю, это случилось, когда он

спал. Потому что иначе потребовалась бы просто прорва пива.

— Спал?.. — спросила Фаун.

— Змей привлекает тепло тела, — объяснил Даг. — Им нравится прижаться к тебе под одеялом. В тех районах, где много змей, дозорные учатся просыпаться очень осторожно.

— Точно, — пробормотал Барр. — Особенно если вокруг другие дозорные.

Широкая усмешка, витающая на губах Дага, не уверила Фаун ни на мгновение. Их одеяла должны были сегодня лежать на траве…

— Даг?.. — Это прозвучало недостаточно громко для стенаний, но, тем не менее, довольно жалко. Он отогнал какие-то мысли, о которых она решила не спрашивать, пока они не будут в милях отсюда, и помахал Барру и Аркади.

— Пойдемте. Давайте покажем этим крестьянским мальчикам и девочкам, как дозорные танцуют со змеями.

Аркади вздохнул так, что это прозвучало примерно как «И я тоже?..», но не спорил, когда Даг назначил его на другую сторону речушки. Он поднялся, перешел через нее и выбрался на противоположный берег.

— Келла, Индиго — хотите посмотреть как это

делается?

— Нет! — сказала Келла.

— Э-эм… — сказал ее брат.

— Это может быть полезным фокусом, если вы обнаружите змею на пороге вашего дома. До того, как это сделают ваши дети, — заметил Даг.

На лице Келлы появилось затравленное выражение. После краткого молчания она кивнула и присоединилась к Дагу. Еще через мгновение Индиго неохотно пошел следом за Барром. Сейдж сглотнул, сжал топор и пошел следом за Келлой. Голос Дага растаял вдали, становясь то тише, то громче в ритме лекции командира дозора, когда он увел их вверх по течению и под углом в заросли.

Фаун оставалась верхом на Мэгпи. Если я на пороге найду змею, буду звать Дага, решила она твердо.

Сначала она их не замечала, но потом увидела шевеление в траве: здесь, затем там, и там, а потом, казалось, везде. И она слышала треск, становившийся громче. Затем, у края воды появились извивающиеся тела в коричневых и грязно-белых ромбах с острыми головками. Сначала по одной и по две, а затем уже дюжинами гремучие змеи скользили в пенящуюся воду и

уплывали вниз по течению, извиваясь спутанными клубками, как ветви деревьев.

На противоположном берегу змеи Аркади приближались аккуратным строем по десять и заползали в воду с синхронностью, которая, к сожалению, вскоре разбивалась, когда они встречали камни и змей Дага. Даг и Аркади через воду подвергали друг друга грубой критике за стиль выпаса змей. Фаун решила, важнее, что все они уходят.

Даг, Барр, Аркади и их неохотные ученики двигались вниз в долину широкой неровной линией, теряясь из вида из-за изломов реки. Примерно через час они вернулись. Большая часть компании наконец-то расседлала лошадей и освободила от упряжи мулов. Эта задача несколько осложнялась тем, что каждый нес длинную палку.

— Мулы могут пастись в безопасности, — радостно возвестил Даг. — Ко времени, когда эти бедные змеи вылезут из воды, они достаточно охладятся и ночью будут едва ползать. У них займет несколько дней на то, чтоб найти путь домой.

Барр, уперев руки в бока, наблюдал за долиной в свете садящегося солнца. Он потряс головой:

— Знаешь, если кто-то остановился лагерем

вниз по течению от нас, у них будет крупный сюрприз.

* * *

Они выехали из Долины Гремучих Змей (как называла ее Фаун про себя) поздно утром, чтобы дать животным время наесться про запас. Фаун была рада оказаться в дороге до того, как вернутся первые мокрые и сердитые ее обитатели.

Когда день клонился к вечеру, она, наконец, стала замечать, что они покидают Пустошь. Вода стала встречаться чаще, деревья стали выше и богаче — они уже выбирались подальше от воды и снова покоряли возвышенности. Здесь еще не было ферм, хотя Даг сказал, что бродячие пастухи весной пригоняют сюда свои стада. Спорная земля; южане называли ее северной, а северяне — южной.

Еще один день, уверил ее Даг, и Тракт начнет длинный спуск к долине Кипящей Реки, самого большого западного притока Серой к югу от Грейс. После этого они скоро достигнут парома — а потом Даг обещал ей зеленые горы, похожие на огромные катящиеся волны. Фаун оставалась верхом весь день просто от возбуждения при этой мысли.

Они проехали первый перекресток за сотню миль и вскоре после него — еще один, с явственными колеями, оставленными фургонами. Фаун ехала впереди, между Аркади и Дагом, чтобы глотать поменьше дорожной пыли. Она заметила возвращение движения на дороге: несколько всадников и пешеходов, не обременных грузом, фургон или два, относящихся к фермам, мужчину, мальчика и собак с несколькими овцами. Прохожие смотрели на них и несколько раз оборачивались, и Фаун вспомнила, что не каждый будет столь дружелюбен к смешанной компании крестьян и Стражей Озера, как речники. Как и реки, дорога проходила через разные места, не принадлежа им, она не была ничьей родиной и родиной каждого, местом, где путникам приходилось быть друг с другом, хотели они того или нет.

Фаун предположила, что сегодня вечером им нужно послать вперед Барра и Финча разведать где остановиться на ночь, просто на всякий случай, когда Аркади повернулся в седле. По легкому склону к фургону приближалась пара всадников из Стражей Озера. Они, возможно, были напарниками, подумала Фаун. «Наверное, курьеры». Нельзя сказать издали по одежде женщина дозор-

ный или мужчина, но, когда они приблизились, Фаун увидела, что в паре присутствовали оба, высокие и стройные с волосами, заплетенными в косу. Женщина была одета в длинный темный кожаный плащ для верховой езды, широко распахнутый из-за жары и расходящийся на спине. Черная коса, которая раскачивалась у нее за спиной, была толщиной с руку Фаун в том месте, где она была обрезана, чтобы не мешаться на луке седла.

Коса ее напарника только миновала его плечи, утончаясь на конце в печальный хвостик. Лицо женщины обратилось к ним с любопытством, когда их лошади проезжали мимо; у нее была медная кожа настоящей северянки, а ее глаза отблескивали золотом.

— Прекрасные волосы, — пробормотал Аркади. Даг уставился тоже; Фаун гадала, заметили ли мужчины ее спутника.

— Я знаю этот плащ! — Даг привстал в стременах, вглядываясь. — Может ли это быть?.. — Он поднял руку ко рту и крикнул:

— Сумах!

Женщина натянула поводья столь сильно, что ее лошадь почти села на задние ноги, повернувшись кругом тем же движением. Она тоже

привстала в стременах. Даг перебросил поводья и помахал крюком.

Золотые глаза женщины расширились. Таким же удивленным голосом она закричала в ответ:

— Дядя Даг!

* * *

Даг улыбнулся, когда его племянница подскакала к нему и остановила свою лошадь. Он резко дернул поводья Копперхеда, когда мерин попытался ее укусить.

— Повежливее с нашим семейством, парень. Редвинги слишком редкие, чтобы ими бросаться.

Глаза Сумах заблестели от смеха:

— Я смотрю, ты все еще ездишь на этой ужасной лошади!

— А я смотрю, ты все еще носишь этот ужасный плащ. — На самом деле, он ей подходил по размеру менее, чем ее старшему брату, когда-то давно — но старший сын Дора во время своей дозорной юности был тощим щенком. Плащ достался по наследству Сумах, а затем ее младшему брату; Даг думал, что он был потерян.

— Можешь спорить, что ношу. Я заставила Уинна отдать его обратно, когда он приехал домой из своего последнего обмена. Тебе это понравится,

взгляни. — Она изогнулась, сидя в седле, и подняла свою толстую косу. — Видишь эту царапину поперек спины?

— Это свежая? — Царапина была темно-красной, едва видимой на черной коже.

— Эдак с год назад. Мой дозор устроил засаду на Злого, который только перестал быть сидячим, рядом с Орлиными Водопадами. Глиняный человек выдернул у одного из моих дозорных кабанье копье. Которого я потом заставила землю есть — ты бы мной гордился. Нконечник копья должен был пройти насвозь через грудь и испортить мне новую рубашку, но вместо этого всего лишь скользнул по спине. Я позволила ему сбить меня, ушла в перекат, затем поймала ножом и аккуратно разделала.

Даг унял сердцебиение и выдал соответствующую усмешку безбашенного дозорного. Она не рассказывала об этом дома, или он услышал бы эту историю раньше. С упреками.

— Впервые вижу, чтоб это старая рваная одежка окупилась. Я верил, что это случится, после всех тех лет, что таскал ее сам.

Их прервал фургон, прокатившийся мимо. Даг помахал озадаченному Сейджу, Келле и мальчикам с вьючными животными. Барр поглядел

через плечо, передал веревку Эшу и подъехал рысью к ним.

Глаза Фаун расширились, когда она разглядывала через луку седла Дага высокую Сумах.

— Это и есть твой старый волшебный плащ, который должен был отводить стрелы, Даг?

Взгляд Сумах скользнул по маленькой Фаун с неменьшим любопытством.

— Стрелы я не пробовала. Только дождь и копья. Я к нему очень привязалась, потрепанный он или какой. Заплатила Торри Бивер горшком монет, чтоб она подновила на нем работу с Даром, когда последний раз была дома, хотя она предлагала мне сделать новый за ненамного большее. Я попросила ее оставить царапину, чтобы хвастаться. Э-э… ты ведь не хочешь его обратно, дядя Даг?

— Я — нет. Ты его храни. Мои дозорные дни закончились.

Сумах покрутилась в седле, прекрасные губы поджались, затем сомнение в ее узких глазах сменилось весельем.

— По правде, я едва узнала твой Дар. Я очень старалась его распознать.

— Ну, прошло ведь около года с тех пор как мы перекрестили пути? Когда ты была дома последний раз?

— Этой осенью. Мне сказали, прошел месяц с тех пор, как ты уехал.

— Значит, ты слышала о… хм… обо всем.

— И во многих разных версиях. — Ее голос замедлился. — Так значит… это и есть твоя печально известная крестьянская женушка, дядя Даг?

Даг на мгновение опустил веки, затем открыл глаза.

— Сумах Редвинг Хикори, познакомься с Фаун Блуфилд, моей женой. Можешь проверить нашу свадебную тесьму, если желаешь.

Сумах повернула голову, дважды моргнула.

— Кажется, Дирла и Громовержец были правы насчет этого.

Она могла бы сказать «Кажется, папа и бабушка были правы насчет этого». Даг вздохнул свободней. Или, может быть, Сумах просто была вежливей. Он верил, что ее последние несколько лет в дозоре в качестве командира под руководством Ворона Громовержца научили ее некоторому такту лидера, однако в основном она всегда презирала неискренность.

— Это сделало меня Дагом Блуфилдом э-э… Без Лагеря в настоящее время, — продолжил он.

Ее черные брови изогнулись, но она продол-

жила:

— Так значит… миссис Блуфилд… полагаю, ты теперь моя тетя Фаун, а? — Обе молодые женщины разглядывали друг друга во взаимном созерцании этой абсурдной ситуации. Сумах встряхнула головой. — Дядя Даг. Кто бы мог подумать? — И, после еще одной паузы: — Что, во имя богов, такого с ее Даром?..

— Ничего. Это мой маленький эксперимент. Щит Дара для крестьян.

— Работа Даром? Твоя?

— Это долгая история.

Фаун вставила:

— Даг учится на целителя. Аркади, который едет с нами, учит его. Он настоящий уважаемый настройщик Дара с юга.

Потрясенные губы Сумах выдохнули «Целитель!..»

Аркади дотронулся до лба в почти что даговском салюте:

— Аркади Уотербёрч Русло Новолуния, к вашим услугам. — Когда он слушал все эти семейные сплетни, его лицо было невыразительным, но сейчас его губы слегка изогнулись.

— Мастер Уотербёрч, — Сумах вернула любезный кивок с сильно смущенным видом.

Барр прочистил горло.

— И Барр из лагеря Жемчужных Перекатов, наверх по Грейс, — добавил Даг. — Барр, хм… со мной.

Барр солнечно улыбнулся. Большинство молодых людей так и делали, когда их впервые знакомили с Сумах. На самом деле, большинство всех мужчин так и делали. А плакали уже позже.

Сумах покивала всем и представила своего напарника — или последователя.

— А это Рейз из лагеря Новый Вяз. Я забрала с собой возвращающегося дозорного по обмену вниз в Новый Вяз прошлой осенью, потом осталась там немного, чтоб потренировать их молодежь. Рейз возвращается вместе со мной в Хикори, потому что поехал в свой первый дозор по обмену.

— Надеюсь увидеть знаменитого Ворона Громовержца, — доверительно сказал Рейз Дагу.

Даг подавил импульс сказать что-нибудь лишающее мужества и вместо этого выбрал:

— Вас хорошо примут. Мы посылаем больше дозорных, чем возвращается обратно. — «Мы?» Как легко вернулась эта старая привычка говорить так. — Громовержец также освободит вас от вашего хвоста, но для вас это будет хорошо.

— Надеюсь на это, сэр, — Рейз живо кивнул.

«Проклятье, дозорные-новобранцы с каждым годом стновятся все моложе и моложе…»

Полуоткрытый Дар Дага заметил заряженный нож в сумках мальчика.

«Он хотя бы едет подготовленным».

Собираясь повернуть и вывести их снова на дорогу, Даг последовал за загнанным взглядом Фаун к колену Сумах и впервые заметил букет из пары дюжин свежих шкур гремучих змей, свисающих с ее седельных сумок — видимо, для просушки. Похожая связка свисала с другой стороны, хвостами вниз. Они свободно раскачивались и интересно гремели, когда она ехала. Барр хихикнул. Аркади изогнул бровь. Даг решил не быть первым, кто прервет молчание и спросит.

Индиго прискакал к ним рысью.

— Даг? Ты едешь, или нам тебя подождать, или что?

Даг помахал ему.

— Мы едем.

Глаза Сумах поднялись к удаляющемуся разрисованному зеленым фургону.

— Ты с ними? — сказала она. — Но они же крестьяне!

— Это еще одна долгая история. Мы вскоре станем лагерем — присоединишься к нам?

Она взглянула на своего напарника и на дорогу впереди.

— Мы планировали доехать до… не обращай внимания. Конечно. Я ни за что не упущу эту историю.

Даг позволил Фаун представить ее — отсутствующие боги! — новую племянницу и Рейза Индиго, который ускакал, чтобы рассказать остальным что случилось. Барр разговорился с Рейзом, который был не сильно моложе, чем он сам; Даг, Сумах, Фаун и Аркади поехали в ряд легким шагом.

— На самом деле это твоя вина, что я провела всю зиму в Новом Вязе, дядя Даг, — сказала ему Сумах доверительно.

— О? Я так и… не здесь.

Она улыбнулась:

— Когда это кого-нибудь останавливало от того, чтоб тебя стыдить? Нет, это все твои брачные приключения натворили. Конечно, бабушка всегда давила на меня, чтоб я привела домой мужа, чтоб поддержать шатер, и ты знаешь, как она любила меня, когда я уезжала в дозор.

Даг кивнул с полным пониманием последней саркастической фразы. Из всех его грехов вдохновить племянницу остаться в дозоре был тем,

который больше всех раздражал семью. И ведь он даже не делал этого нарочно.

— В последнее время даже папа перешел на ее сторону, или, по крайней мере, не остался на моей, хотя не то чтобы он раньше был на моей, но ты ни за что не догадаешься, кто следующий взмахнул веслом.

— Омба? — С ее старшим сыном, благополучно связавшим себя узами, и ее двумя младшими детьми, учащимися на мастеров и счастливо влюбленными, Даг не думал, что его сестра по шатру будет столь заинтересованной в этом.

— Уж конечно не мама! Ты ведь знаешь, когда Редвинги начинают спорить, она просто выныривает и уходит возиться с лошадьми. Так она и выживала все эти годы. Это был Громовежец. Громовержец! — Сумах потрясла головой от такого предательства. — Я шутила около него о том, что когда следующее место командира будет вакантно… Ну, наполовину шутила, наполовину серьезно, знаешь вот так, когда ты пытаешься вытянуть информацию из Громовержца — и он выдал мне, что я должна быть первым кандидатом на это место — как только вернусь в дозор после материнства. А потом пошел искать Массап и бабушку Мари.

— А, — сказал Даг.

— И тебя не было, чтобы спрятаться за твоей спиной. Похоже было, что я новая главная цель для свах Редвингов.

— Ну, тебе ведь назначено быть следующей главой шатра Редвинг.

Она дернула подбородком, заставляя свою тяжелую косу взлететь:

— Почему бы не маме?

— Боюсь, Кумбия всегда думала о твоей маме как о некоем заместителе.

— Я давно замышляла, что, когда бабушка уйдет, я изменю свое имя обратно на Уотерстрайдер. Просто чтоб ей показать… хотя, полагаю, в то время я уже ничего не смогу ей показать.

На дальнем конце ряда внимательно слушающий Аркади издал вопросительный звук.

Фаун повернула к нему голову и любезно пояснила:

— У мамы Дага, Кумбии, было только два сына, Даг и Дор. Она уговорила Омбу Уотерстрайдер сменить ее имя на Редвинг, когда та вышла замуж за Дора, чтобы если у нее будет девочка, она могла унаследовать шатер. Это примерно как усыновление, полагаю.

Сумах потрясла головой:

— Мама была самой молодой из шести девочек, уж чего нет недостатка на озере Хикори, так это в Уотерстрайдерах. У меня, наверное, тысяча кузин Уотерстрайдер. А бабушка проживет еще сорок лет просто из упрямства, полагаю, к этому времени меня это уже не будет заботить. Но иногда она выводит меня из себя. Дядя Даг для нее никогда не мог ничего сделать правильно.

Не то чтобы он хотел разочаровать одного из своих немногих партизан, но Даг собрал всю свою возможную зрелость и возразил:

— Жизнь Кумбии никогда не была легкой. И она не слишком вознаграждалась. Или не теми наградами, которых она желала.

Сумах пожала плечами и вздохнула:

— Я знаю. Ой, из всех способов, которыми бабушка выводит меня из себя наихудший — это когда я в конечном итоге говорю о ней что-то вроде этого. Не слушай, Даг.

«Нас обоих, малышка».

— Как поживают Каттагус и Мари? — спросил он, чтоб вернуть ее настроению былую легкость. Она посветлела.

— Все скрипят и ссорятся. Люблю дедушку Каттагуса. Я так Громовержцу и скажу, что если бы я могла выйти замуж так, как Мари и Каттагус,

или как он и Массап, это бы было наполовину менее плохо.

— Хм, э-э… — сказала Фаун (это должна была быть Фаун), — а где ты взяла все эти змеиные шкуры, Сумах?

Глаза той широко распахнулись.

— О, это была самая странная вещь, которую я когда-либо видела! Мы немного заехали в Пустошь, чтоб добраться до Тракта, и пересекали речку, и нашли всех этих утонувших змей!

— Наполовину утонувших, — поправил сердитый голос сзади. Даг взглянул через плечо на Рейза, который, казалось, вспомнил о чем-то неприятном.

— Я тебе говорила использовать Дар, — сказала Сумах совершенно без сочувствия. — В любом случае, насобирали их столько, сколько могли. Шкурки принесут нам несколько полезных монет у парома, думаю.

Рейз сказал:

— Это задало нам загадку, с чего всем этим гремучкам понадобилось там купаться. Я думал, что там было внезапное наводнение, но Сумах сказала, что там не было никакого его следа. Пустошь еще более странное место, чем я думал, — он потряс головой в удивлении.

Даг мягко улыбнулся.

* * *

Лагерь этим вечером был оживленным от обмена историями. Даг в конечном счете сознался в змеях. К облегчению Дага Фаун и Барр взяли на себя рассказ о Рейнтри и их речном приключении. У Сумах было меньше того, что она могла предложить, но зачарованным крестьянским мальчикам ее слова, описывающие спокойные зимние дозоры за пределами Нового Вяза, казались такими же экзотическими. Новый вяз был лагерем в каких-то сорока милях от Тракта к западу; он накрывал большую часть территорий между Пустошью и Кипящей Рекой. Рейз тренировался в ее дозоре и выказывал все признаки обычной безнадежной страсти, которую Сумах, как правило, порождала в молодых мужчинах. Даг тоже не стал тратить жалость на его бедственное положение. Если в нем есть что-то хорошее — а так оно, несомненно, и было, иначе она не стала бы забирать его к Громовержцу — то одна из молодых девушек Воронов точно приберет его к рукам.

Так или иначе, а парень мог никогда больше не увидеть родной лагерь вновь. Даг задушил

усмешку.

Наблюдая за племянницей через языки пламени костра, Даг обнаружил, что любопытно расстроен. Она была для него как глоток бодрящего северного воздуха, как песня о его потерянном доме. Он не сожалел о своем изгнании. Одного взгляда на Фаун было все еще достаточно, чтобы его сердце поднялось к горлу в изумлении.

Он отрезал груз своего прошлого, как будто перерезал буксировочный трос, и у него не было желания тащить снова эту баржу. Но. Тем не менее. Все еще…

Сумах кидала в ответ любопытно расстроенные взгляды. С тех пор как Даг вернулся из Лутлии покалеченным и странным, когда ей было четырнадцать, она сделала из своего единственного дяди Редвинга нечто вроде героя. В отличие от Ниты у нее было мало иллюзий насчет него — она, конечно, видела его в его худшие времена, много раз — но все в семье знали, что она выбрала дозор, а не обучение на мастера ножей, которое предлагал ей отец, именно из-за него.

Всю ее взрослую жизнь он был тем же самым сухим дозорным, единственным родственником, который никогда не критиковал ее выбор, так же прочно посаженным, как ее любимое дерево.

Она не могла бы более удивиться, если бы дерево хикори вдруг поднялось, отряхнуло землю с корней и убежало с крестьянской девушкой. Оставив концы гамака, который она к нему привязала, сиротливо лежать на земле.

Несмотря на весь сумбур в ее сердце, она была вежливой и даже дружелюбной с Фаун. Когда отзвучали истории о Злых и речных бандитах, целительстве и ореховом колдовстве, Даг подумал, что она поняла, что Фаун была его напарницей, а не ручной зверушкой. Она принесла сдавленные, но искренние поздравления, услышав новость об их ожидаемом ребенке, и блеск злой радости в глазах, который был ей свойственен, был совершенно искренним, когда она сказала:

— Не могу дождаться, когда расскажу об этом дома!

* * *

Когда Даг совершал свой привычный дозор по периметру их лагеря этим вечером, Аркади пошел следом.

Голосом, примечательно нейтральным даже для него, Аркади сказал:

— Какая интересная женщина ваша племянница.

— Она такая.

— Сколько ей лет?

Даг поднял бровь. Он думал, что Аркади проницательнее в различении человеческого возраста, чем кто-либо другой, кого он знает.

— Дайте подумать. Мне было примерно двадцать два, когда она родилась, потому что это был год, когда я обходил дозором Великий Северный Путь. Так что ей должно быть… хм… почти тридцать пять сейчас. Она вторая родилась у Дора, видите ли. Должен сказать вам, ее появление было отпраздновано в шатре Редвинг с большим облегчением и радостью. Кредит Омбы у нашей мамы безмерно вырос.

— Она не связывала себя узами?

— Нет.

— Помолвки?

— Насколько я знаю, нет.

— Кто-то мог бы задуматься, почему нет. У нее не было трагедий?

— Я не уверен, что она сказала бы. У нее, конечно, были серьезные женихи. Омба называет их «узы тел».

Даг мог почувствовать, как Аркади медленно моргает в темноте.

Даг отставил честное искушение подразнить

Аркади и сказал серьезно:

— Вы тонкий человек, когда доходит до внутренностей человека. Если вы сможете понять и сказать нам, шатер Редвинг был бы вам признателен. Я был с ней в дозоре раз или два. Она не ненавидит мужчин, она не предпочитает девушек. Конечно, первые ее несколько простодушных женихов были разбиты Дором, но они в любом случае были не ее класса. В действительности, после этого она старалась держаться от них подальше.

— Действительно.

— Некоторое время назад семья перестала беспокоиться, что она совершит ошибку. Сейчас, я подозреваю, семья начала подумывать, что может быть ошибка была бы лучше, чем ничего. — Думать, что Омба должна была бы знать, было несправедливо. Родители Сумах были верными друг другу, даже если Дор был трудным человеком.

— Она более сложная, чем кажется с первого взгляда.

— Угу.

— Так же, как и ее дядя. Хм. — И Аркади ушел в темноту.

Даг наблюдал, как он уходит. «Да уж, конечно».

Глава 15

Сухие дни хорошей погоды закончились громким шумом грозы, начавшейся перед рассветом. К тому времени, как все успокоили перепуганных животных и собрали обратно разбросанные ветром вещи, занялся серый рассвет, но отправились они сквозь зарядивший дождь только через несколько часов, потирая заспанные глаза. Фаун позволила Дагу уговорить ее ехать в фургоне; сам он и Барр были защищены речными дождевиками, которые Фаун раздобыла на «Надежде». По крайней мере, бурлящие коричневые ручьи в этой более ухоженной стране были по большей части перегорожены мостами.

Фаун не была уверена, нужно ли удивляться тому, что Сумах со своим напарником решила ехать вместе с ними со скоростью фургона «до переправы». Когда утих дождь, Сумах скакала между Дагом и Аркади, оживленно общаясь. Фаун предположила, что у нее с Дагом найдется много общих тем для беседы. Аркади, казалось, не говорил много, но он не пришел в фургон в этот день, чтобы продолжить заниматься с Келлой.

Барр и Рейз следовали за ними с некоторой

печалью, вытесненные своими начальниками с первых позиций у стремен Сумах.

Лагерь этим вечером не был совсем уж таким промокшим и тоскливым, как ожидала Фаун. Финч и Индиго нашли полуразрушенный сарай, отданный владельцем застигнутым ночью путешественникам с Тракта. Крыша протекала, и старые доски скрипели от бури, но ее порывы всего лишь заставляли всех под фургоном прижиматься крепче друг к другу.

К следующему полудню, когда они подъехали к краю долины Кипящей Реки, такой же широкой, как долина Грейс, облака превратились в едва заметную влажную дымку. Блестящая лента реки вилась между по-весеннему зеленых лесов и полей, над которыми поднимались паром недавние дожди. Когда они осторожно спускались вниз по скользкой от грязи дороге, Фаун заметила первые признаки города при паромной переправе, который носил захватывающее имя Рубленая Баранина, и самого парома, который казался таким знакомым из-за барж, перетаскиваемых с берега на берег канатным кабестаном. Только здесь две большие лодки работали параллельно, одна переправлялась, а другая собиралась это делать.

Вода была шире, чем представляла Фаун, боль-

ше полумили, а Рубленая Баранина оказалась самым большим поселением, которое она видела за недели — не маленькой деревней, а оживленным речным городом. Когда они приблизились, она смогла различить верфь и товарные склады, отели и конюшни, пивоварни, пекарни, кузницы, канатную и дубильную мастерские, торговца лошадьми; она изумилась, насколько знакомым и удобным все это показалось ей сейчас. Еще там была, обнаруженная при приближении к речному берегу, очередь к переправе, собравшаяся между двумя жилыми кварталами. Кроме местных фургонов, всадников и кучи пешеходов там был знакомый чайный караван с сорока мулами, каким-то образом снова оказавшийся впереди них.

Такое сборище явно было ожидаемым, потому что весь путь до посадки был усеян ларьками и разносчиками, продающими еду, напитки и товары для скучающих, ждущих путешественников. Фаун привстала на стременах и вдыхала заманчивые запахи: мясные пироги, жареный «хворост», пиво, медовый чай.

Еще звуки — кто-то играл на скрипке так же хорошо, как это делала Берри, быстро и красиво. Скрипач начал играть старую речную песню,

музыка, танцуя, поднималась и падала, и сердце Фаун было очаровано. Она скомандовала Мэгпи приблизиться.

Скрипачом оказалась тонкая, высокая женщина, стоящая на пне в стороне у дороги, отставив локоть, ее светлые волосы были забраны назад в тонкий конский хвост, поблескивающий на солнце…

— Берри! — закричала Фаун в изумлении.

Берри посмотрела наверх и широко улыбнулась через головы толпы, собравшейся вокруг нее, набрала воздуха перед тем, как помахать смычком в воздухе, и продолжила играть. Похоже, она удивилась гораздо меньше Фаун. Готорн стоял у ее ног, держа в руках старую бесформенную шляпу Бо. Он повернул голову и заметил Фаун, уронил шляпу к приплясывающим ногам сестры и стал пробиваться через толпу. Когда он оказался рядом, Фаун уже соскользнула с седла и смогла сердечно его обнять, от чего он даже не отстранился в мальчишеском смущении. «О, боги! Он выше меня!»

— Что вы здесь делаете? — спросила Фаун.

— Частично ждем вас. А в основном ждем, пока Вит закончит возиться со своим маленьким караваном.

«Каким еще караваном?..»

— Все в порядке?

— О, конечно. Только мой енот сбежал на полпути к Серой. — Готорн нахмурился при воспоминании об этой потере.

Фаун сочла, что такая уверенность обманчива, но отставила попытки вытрясти все из него, потому что Берри закончила мелодию и закричала:

— Перерыв на обед! Попробуйте здесь рядом лучшие в долине пироги Мамы Флинтридж с сушеными персиками!

Она соскочила с пня, сложила скрипку в футляр, схватила шляпу и пошла сквозь толпу к Фаун, собрав еще несколько монет по пути. На этот раз объятия были взаимными.

— Берри!

— Сестричка! У вас получилось! Мы подумали, если у нас получится перекрестить пути, то это должно случиться здесь.

— А где Вит и остальные?

Берри махнула рукой по направлению к реке.

— У Вита день работы на кабестане на одной барже парома, а у Хога на другой. Бо приглядывает за лошадьми и вещами в местечке у реки. Подальше от таверн.

Даг и Барр спешились и протиснулись к Берри

— живей, чем это делала Фаун, как раз, чтоб это услышать. Люди, увидев высоких Стражей Озера, в основном попятились, а затем застыли с открытыми ртами, когда те обменялись радостными объятьями с улыбающейся скрипачкой.

— Как бы все тут оказались? — спросила Фаун. — Я думала, вы подрядились в лодку, которая идет в Трипойнт.

— Верно, только, думаю, работа на ней оказалась шоком для Вита — он думал, что он на ферме тяжело работал. Как бы там ни было, наш дурак-капитан ухитрился получить плавником пробоину в корпус прямо над устьем Кипящей. Мы выволокли ее на берег и ремонтировали в деревне рядом, но было ясно, что лодка некоторое время никуда не пойдет, не говоря уж о том, что мы потеряли половину ее груза из-за воды. Ну, мы там услышали, что лед в верховьях Грейс еще стоит, а Кипящая уже очистилась. Так что мы нашли места на другой лодке, которая шла в Рубленую Баранину, это было самое высокое место, куда мы могли доплыть на лодке.

Рубленая Баранина отмечала место на Кипящей Реке, куда можно было доплыть кораблями. Тракт пересекал Кипящую здесь не случайно, по предположению Фаун, так как выше в каких-то

тридцати милях начинались непроходимые мели и пороги, давшие реке ее имя. По легенде когда-то там, выше по течению в узком, высоком месте стоял мост и город, но оба они пали в тумане времени, похороненные буйными лесами.

Фаун кивнула.

— Вит всегда сомневался, стоит ли плыть по реке или лучше воспользоваться дорогой, — продолжила Берри. — А так мы получали и то, и другое. Я была согласна, потому что поняла, что дорога домой станет короче на три или четыре недели. А если мы построим до осени новую баржу, нам пригодится это время.

«А мы могли бы попасть туда вовремя, чтобы засадить огород…»

— А вы получили письмо, которое я отправила вам в Греймаут?

— Ага, спасибо.

— Вы ведь не проделали весь этот путь только затем, чтоб был шанс встретить нас, правда? Потому что мы вовсе не были уверены до последнего, что вообще поедем домой в этом году.

— Нет, но мы все равно вас высматривали. Мы поспрашивали на пароме и знали, что вы не уехали вперед нас — Даг запоминается сам по себе, а вас двоих люди и подавно замечают. Не стану

говорить, что мы не задержались тут чуточку в надежде, но я вскоре собиралась на север. До того, как твой братец купит еще лошадей. — Она скорчила гримаску.

Паром остановился у пристани с криками и грохотом, когда легли сходни. Путники и фургоны хлынули на берег, и толпа задвигалась: новые пассажиры спешили занять свои места.

Пока некоторые мулы из чайного каравана, что были помоложе и поживее, сопротивлялись предложенной поездке на борту, Готорн ринулся вниз сказать Виту о встрече. Вит примчался, улыбаясь как сумасшедший, обнял Фаун и едва не вывихнул руку Дагу:

— У вас получилось! Я на это надеялся! Эй, спорим, я смогу пропихнуть вас на паром прямо сейчас!

— Спасибо, но мы не одни, — сказал Даг. — Мы путешествует с другими людьми. Молодые поселенцы. Вон там их зеленый фургон.

— Сейдж — кузнец, собирается искать работу в Трипойнте, — добавила Фаун.

— Еще лучше. Тащите их всех! У меня столько всего есть вам показать… — Вит оглянулся на заполняющийся паром; крупный человек, охраняющий сходни — явно хозяин парома — сердито

смотрел в его сторону. — Но сейчас мне надо обратно на работу. Не могу уйти в середине дня, это было бы неправильно. Поговорю с вами еще, когда будете на борту, а то окажетесь у Хога, и он вам все выболтает. Берри или Готорн проводят вас к нашему жилью, наверное. А где Ремо?

Барр немного погрустнел.

— Остался в Новолунии.

Вит заморгал.

— О. Почему?

— Из-за девушки, — сказала Фаун, выбрав самый простой ответ. Его было достаточно, пока хозяин парома не добавил к своему сердитому взгляду еще и ругань. Вит помахал и умчался на лодку.

Казалось, он одновременно изменился и одновременно остался тем же. Он точно раздался в плечах. И явно прикладывал свой в чем-то тревожащий энтузиазм к новым условиям; если его способность доводить тяжелую работу до конца улучшилась с женитьбой, это было к лучшему. Так как Даг увел их всех, чтобы представить Берри и Готорна компании, Фаун решила приберечь свою главную семейную новость для более уединенного момента.

Паром Вита протащился весь путь через реку

и обратно, пока настала их очередь карабкаться на борт. Фаун уже думала, что лодка сидит в воде тревожаще низко, когда хозяин парома, наконец, прошел на борт. Вит и мальчишки с юга, кажется, тут же подружились: Вит оттого, что был дружелюбным парнем, а остальные — потому что услышали столько о нем, будто знали друг друга всегда. За исключением Серой в тридцати милях от их дома, Кипящая Река была самой большой, которую они когда-либо видели, и они сгорали от любопытства. Это приятно обрадовало хозяина парома, и под его приглядом им было разрешено несколько раз провернуть кабестан для четырех человек.

Внимание Дага в основном уходило на то, чтоб удержать Копперхеда и не позволить затеять драку со всеми чужими лошадьми, собравшимися вокруг них. Некоторые другие путешественники подозрительно поглядывали на Стражей Озера, но паромные рабочие явно видели достаточно их, чтобы не отпускать комментариев, или, хотя бы, не вслух. Ну, на Сумах посматривали украдкой, но даже если кто-то из мужчин думал что-то грубое, Стражи Озера, без сомнения, держали свой Дар закрытым в такой толпе, так что вреда это причинить не могло.

Когда Фаун повела Мэгпи по рождающим эхо сходням на северный берег, она подумала с глубоким волнением «Мы уже на полпути домой!»

* * *

Даг не удивился, когда Берри отвела их на еще одну ферму с полуразрушенным сараем в двух милях от Тракта, недорого сдающимся внаем из-за некоторого отдаления от дороги. Там было хорошее пастбище, но важнее оказалось то, что их толпа голодных животных присоединилась к шести лошадям, которыми обзавелся Вит.

С тех пор, как Вит начал свое предприятие с единственной парой лошадей и одеждой на себе, это казалось неплохим прогрессом, исключая только то, что его новые животные едва не валились с ног. Но при более близком рассмотрении его выбор оказывался более практичным.

Большинству этих передвигающихся мешков с костями нужно было всего лишь вывести глистов, отдохнуть и получить еды, и все это Вит им уже предоставил. Пара отметин предыдущего плохого обращения были зашиты, залатаны и замазаны.

— Все кобылы, — указал Вит Дагу, когда пришел с парома на закате. — К тому времени, когда мы

будем в Клиркрике, я уже буду знать, каких я отбракую, а каких оставлю для разведения. Как ты думаешь, мамин жеребенок Черныш сможет покрыть их следующей осенью? — Свет коневодства засветился в глазах Вита.

Он пришел в восторг, когда узнал, что Сейдж — опытный кузнец, и они быстро объединили усилия над проблемой корректирующих подков для одной из кобыл.

Животным отряда давно не хватало отдыха, и они также получили дополнительный день на пастбище и кров от владельца фермы в обмен на обещание подковать одну из его лошадей. Дагу казалось, что на Сейджа падает неожиданный груз забот, но молодой кузнец охотно взялся за это, и остальные ребята помогали ему чем только могли.

Он не боялся запачкать руки, что было похвально для любого мужчины, с севера или с юга. Аркади же терпеливо сносил все поддразнивания о своей опрятности, когда вносил свою долю, выполняя проверку Дара новых приобретений, чтоб отсортировать серьезные проблемы от излечиваемых. В результате, Вит отвел одну из своих кобыл обратно на рынок в Рубленую Баранину и вернулся с другой. Так что только к вечеру Вит

смог похвастаться своей новой находкой.

Это был арбалет с плечами из пружинной стали и рычажным механизмом взвода работы некоего трипойнтского ремесленника.

— Я его выменял у лодочника, застрявшего на Серой, — радостно объяснял Вит, вертя арбалет в руках, показывая его примечательные особенности, из которых, казалось, состояло все его устройство. Мальчишек-крестьян тянуло к арбалету, как к горячим яблочным пирогам. Каждый хотел немедленно опробовать его, исключая разве что Сейджа, который желал разобрать его и посмотреть, сможет он скопировать механизм или нет — эту операцию Вит пока не разрешил.

— У меня для него только семь болтов, — объяснял Вит. — Было восемь, но один я уже потерял, потому что со мной не было Стража Озера, чтоб помочь найти пропажу. — Он сделал грустное лицо.

Фан нахмурилась, вертя в руках один из коротких болтов со стальным наконечником:

— Полагаю, я не смогу сделать таких стрел. Думаю, Сейдж сможет.

— Хм, на самом деле я надеялся, что ты сможешь сделать мне деревянные болты для тренировок. Не хочу больше терять вот эти отличные

стальные просто потому, что захотелось потренироваться.

Фаун обрадовалась.

— Конечно. В любом случае, я могу попробовать.

Они все отправились поставить мишень на пастбище, потом отошли на расстояние выстрела и стали бросать монетку кому стрелять первому. Стражи Озера прислонились к изгороди, наблюдая, по крайней мере, до тех пор, пока не остынет первый пыл. По перестуку трещоток Даг мог сказать, что Барр, Рейз и Сумах изнывали попробовать новую игрушку.

Аргади был менее впечатлен:

— Сыроват. Дальность короткая, скорострельность малая. Мастер-лучник из Стражей Озера сможет сделать гораздо лучше.

Даг поджал губы:

— Прекрасный нерушимый длинный лук, да — примерно за две недели и еще неделю на отдых. Но я видел эти ремесленные лавки в Трипойнте. После того, как они налажены, они могут легко выпускать по одному арбалету в день. Более чем одному, если постараются.

Аркади фыркнул:

— Быстро и дешево.

— Верно, но раз они могут выпускать двадцать против нашего одного, не слишком большое значение имеет, если несколько сломается или не попадет в яблочко. Они смогут просто заменить их и по-прежнему быть на мили впереди. И это вовсе не дрянь — они настолько же хороши, как мой лук-протез, который продержался долгие годы, требуя только мелкого ремонта. — Даг говорил о специально приспособленном луке, сделанном таким образом, чтоб вкручиваться в его протез вместо крюка. Этот лук превратил его в сносного стрелка после его увечья. И весь его протез, сделанный в Трипойнте, вновь подарил ему жизнь дозорного.

Он полез в карман, нашел медную монету и передал ее Аркади:

— Поглядите-ка на это.

Аркади удивленно взял ее.

— Если бы вы нашли это где-то здесь, не зная что это, как бы вы оценили работу по металлу?

— Ну… рельефный рак сделан весьма хорошо. И буквы, конечно, маленькие, но их легко прочесть… — Аркади прищурился: — Монетный двор Серебряных Перекатов, один рак. И делать идеально круглые изделия, полагаю, тяжелее, чем кажется.

— Ага. Только мы все заехали на монетный двор в Серебряных Перекатах, когда плыли вниз на «Надежде». Там была машина, которая штамповала их по сотне за раз. И каждый из этих кружков был маленьким произведением искусства. Десятки тысяч их… это становится магией крестьян.

Аркади поднял брови; Даг же продолжил:

— Это фишки; память о торговле и труде, которую человек может положить в карман и пронести через весь континент. Они заставляют двигаться. С моим Даром я могу призвать свою лошадь за милю. Когда их достаточно, люди из Серебряных Перекатов могут отослать чайный караван в сорок мулов за восемьсот миль. И частота Дара и сложность такого большого речного города, как Серебряные Перекаты — это мастерство, которое само по себе имеет значение.

— Ты рассматриваешь крестьянский город как мастерство? — спросил Барр. Его лоб сморщился при этой новой мысли.

— Да.

— А лагерь Стражей Озера тогда что?

— Тоже, конечно.

Аркади протянул монету обратно, но Даг улыбнулся и сказал:

— Оставьте ее у себя. Есть гораздо большее,

что можно извлечь оттуда. — Он выждал паузу, вслушиваясь в треск, звуки попаданий и смех, доносящиеся со стрельбища, и его улыбка угасла. — А теперь представьте такой город, как Серебряные Перекаты или Трипойнт. Он выпускает такие луки так же, как выпускает монеты, и вкладывает их в руки тысяч крестьянских мальчиков, таких же, как наши вон там. И следом представьте, как такой город, и все эти мальчики и все их луки попадают в руки Злому. Проклятье, вы даже не сможете этого представить. Я видел, как Стражи Озера в Рейнтри прошлым летом убегали от толпы крестьян, гораздо хуже организованной и снаряженной. Злой из Рейнтри впустую растрачивал свои войска направо и налево, не зная, как их использовать, но он смог бы обучиться лучше, если бы мы дали ему больше времени.

Сумах наклонилась над изгородью, приблизив к нему свое лицо с холодными прищуренными глазами:

— Вот оно что. Значит, когда ты уехал из лагеря Хикори, это было больше чем просто вожжа, попавшая тебе под хвост из-за того, как шатер Редвинг обошелся с твоей женой-крестьянкой, не так ли, дядя Даг?

Аркади моргнул при этой грубом, но живом вопросе, но по тому, как сжались его губы, было ясно, что он поддерживает довод.

— Я бы не узнала этого у папы, — продолжила Сумах. — Он говорил, что ты просто потерял голову. Думаю, Громовержец подсказывал мне, что там было что-то большее. И Мари.

— Громовержец говорил со мной о глобальных проблемах прямо перед тем, как я уехал, — сказал Даг. — Он понимает. Мир изменяет свою форму прямо под нами, и мы не можем продолжать спокойно стоять и не падать при этом. Найти новую опору — это не задача для одного человека, но, разумеется, задача одного человека — начать ее искать. — Он набрал воздуха в грудь. — Не знаю, делаю ли я что-то правильно, но я знаю, что иду в правильном направлении.

Рейз не сказал ни слова, но он слушал.

«Хотя бы так».

* * *

Свистящие квакши, самые шумные лягушки, которых знал Даг, размером всего в полдюйма, завели свой раздирающий уши хор на пруде и в лесу у фермы, когда он заворачивал за угол сарая, совершая вечерний дозор. Он резко остановился,

когда донесся крик Вита, перекрывающий шум:

— Подожди, Даг! — Его брат по шатру, размахивая фонарем, обрушился перед ним. Вит почесал затылок, вслушиваясь в лягушачьи песни. — Кажется, сегодня буду закладывать уши ватой. Жутко рад, что мне не пришлось ухаживать за Берри, опуская голый хвост в лужу и вереща часами, пока она не сжалится.

Даг подавился смехом:

— Ты только запихнул эту картинку в мою голову, так? Может, поэтому леди-квакши выбирают себе друга? Чтоб заткнуть их, наконец.

— Знаешь, звучит убедительно.

Даг пошел дальше, но снова остановился, когда Вит сказал:

— Даг… Фаун обижена на тебя? Она какая-то не такая радостная, как обычно.

Задумавшись, Даг повернулся к нему лицом.

— Она такой тебе показалась? Видя ее каждый день, я могу не заметить тонких изменений. И, конечно, ее Дар сейчас такой яркий и занятой в своем мастерстве, он перекрывает все остальное. Я думал, с ней все по-настоящему хорошо, но раз ты считаешь иначе, может, мне следует…

— Э-э… — сказал Вит. — Мастерстве?

— Разве она тебе еще не сказала?

— Не сказала что?

— Ну… — Дан прикинул, что у него равные права на эту новость. — Мы ждем ребенка… — Будет ли выпрашиванием лакомого куска у судьбы сказать «нашего первого ребенка»? — …ранней зимой. Фаун говорит, что надеется подгадать к моему дню рождения, хотя я думаю, что может немного раньше.

Вит отступил назад на шаг, его глаза и рот широко раскрылись до того, как он засмеялся в изумлении.

— Ух ты! Я стану дядей! А Берри — тетей! Как насчет этого? Ух, не могу дождаться, пока расскажу им там, дома. — Его черные брови взметнулись вверх. — Погоди-ка минутку. А что все те фокусы, о которых ты мне говорил до того, как я и Берри поженились, чтоб это отложить?

Даг надеялся, что Вит не разглядит его пылающих щек в сумерках.

— Ну, никто ведь не говорил, что они безупречные. Случайности случаются даже со Стражами Озера, знаешь ли.

— Похоже на то!

— Я был… э-э… рассеян.

Вит, чтоб ему, захихикал. Даг проигнорировал его со всем возможным достоинством и еще раз

попытался уйти. Вит пошел следом.

— Ну, раз она в положении, значит в этом дело, — сказал Вит, удовлетворенный тем, что его загадка разрешилась. — Спорю, он тоже вспыльчивый, хех.

— Едва ли, — проворчал Даг.

После этого несколько минут они шли в тишине.

Случайность? Или, на деле, это случилось намеренно? Даг надеялся, что его собственный разум не играет с ним игры. Какую угрозу Русло Новолуния представляло для него, в конце концов, чтоб заставить его захотеть предъявить свои права на жену настолько бесповоротно именно в этот момент? Угрозу или покой? Он должен признать, предложение такой жизни как мягкая, защищенная полезность Аркади было настоящим искушением, искушением из-за полезности не менее, чем из-за защиты. Но не там, не на юге.

Даг мысленно прикинул время. Все те недели и мили, оставшиеся позади, а крохотный огонек внутри матки Фаун не ослаб и не стал колебаться, крепко держась с упрямой, такой же как у Искорки, решительностью. Может, это будет девочка, позволил он себе мысль. Сильная, как ее мама. Может, в конце концов, можно позволить

себе начать думать об этой новой искорке как о реальной личности, оригинальной и изумительной. Может быть. «Мое сердце… Ему почти больно оттого, что оно растянулось так далеко от своих бывших безопасных, тайных, сморщенных пределов.»

И какой бы случайности они не были обязаны этим, пока что он не сожалел о том, что стоит на этом пути.

* * *

Пять дней спустя Даг заново обдумал это убеждение.

Оно не было ошибочным, разве что слишком уж бесхитростным. Оно не было похоже на возвращение на север по пятам за весной, которые представилось ему, когда он и Фаун уезжали из Хикори — видение, для воспоминания которого потребовались некоторые усилия — только их двоих, затянувшейся весной, и кучу времени, проводимого вместе под одеялом. Пока что главная цель этого путешествия была получить свежие впечатления, потому что старые, казалось, не годились под новые задачи, стоящие перед ними. Едва ли он мог жаловаться, потому что его план прекрасно сработал.

Он повернулся в седле и оглядел кавалькаду. Шестнадцать человек и двадцать пять животных были почти что полноразмерным отрядом, разве что необученным. Он не был уверен в том, как именно он был выбран командиром. Правда, он продолжал использовать свою старую систему — выдавать как можно меньше распоряжений, потому что каждый раз, когда вы это делаете, люди начинают ожидать приказов, затем клянчить их, а после им становится трудно сделать без них любое движение. Таким образом, здесь эта система подошла очень хорошо.

Это скопление разнообразных людей смешалось лучше, чем он надеялся.

Речная команда привыкла иметь дело с чужаками, и это помогало менее опытным ребятам из Крокодильей Шляпы. Сумах приняла Блуфилдов как родственников по шатру своего дяди, к которому питала уважение, без особенных сложностей, и Рейз не смел что-либо возразить ей, так что помалкивал. Аркади сохранял свою обычную манеру вести себя, но Даг знал, что он все подмечает.

Берри, Келла и Фаун без промедления организовали женское братство, и только сейчас, наблюдая, как они равномерно делят задачи и

помогают друг другу, как смеются вместе над разными женскими шуточками, Даг понял, как мучительно одинока Фаун была в Русле Новолуния. Шатер целителей принял ее ради Дага, но ни одна женщина из Стражей Озера по-настоящему не приняла ее, чтобы показать ей методы их мира. Это наблюдение привело его к весьма неожиданному размышлению о Сумах как женщине, оставшейся одинокой в их компании, не будучи ни крестьянкой, ни мужчиной-дозорным. Может быть, поэтому она ехала так часто рядом с таким же одиноким Аркади.

А глаза Фаун становились все больше от удивления, когда их отряд забирался день за днем в настоящие горы, и это стоило всех усилий. Склоны холмов становились все выше и круче до тех пор, пока она не заметила с тревогой жителя равнин, что небо уменьшилось вдвое, как если бы кто-то украл его половину. Крошечные ручейки потекли со скал, как прядильные нити, спрятанные в разломах и прикрытые розовыми всполохами горного лавра. Резные головки папоротников развернули тонкие листья вокруг темных, глубоких родников.

Под зелеными, высотой до щиколотки, зонтичными яблоками прятались клайтонии и

лапчатки, а белый и розовый триллиум, благодаря которому назвали маму Фаун, спускался волнами со склонов. Каждый знакомый северный цветок заставлял ее улыбаться от узнавания.

— Теперь я понимаю, почему ты не позволял называть горами те холмы около Глассфорджа, — сказала она Дагу.

— У северных Морских Врат есть горы выше этих, — сказал Даг. — Такие высокие, что на их верхушках круглый год зима, и снег и лед никогда там не тают.

— Вы нас разыгрываете! — воскликнул Финч.

— Нет. Видел их своими глазами, — сказал Даг. — Они плыли мимо, пики и скалы, полностью белые на фоне летнего голубого неба — как будто во сне.

— Интересно, можно ли сделать денег на этом льду? — сказал задумчиво Вит. — Паковать его и спускать вниз летом, чтобы продать.

— Это должно быть очень трудно — забраться в горы так высоко, — сказала Фаун в сомнении. — А лед тяжелый. Может, если бы он как-то соскользнул вниз…

— На самом деле, — сказал Даг, — люди в тех краях нарезают лед зимой на озерах и хранят его в погребе упакованным в солому. Он хранится

лучше, чем вы думаете.

— Это звучит гораздо более практично, — сказала Фаун.

— Угу, — сказал Вит. — Чего только не узнаешь, путешествуя. Я ж могу попробовать это дома.

Раз уж он подробно рассказал с чем им придется столкнуться, Даг позволил крестьянским мальчишкам разделиться самим для того, чтобы преодолеть первую большую гору. Этим утром четверо вьючных животных были разгружены и добавлены к упряжке фургона, а груз его был уменьшен. Бо оставили у подножия горы охранять скарб, потому что он вовсе не так оправился от раны в живот, полученной осенью, как высказывал, а Хог остался охранять Бо. План был к середине дня дойти до вершины и спуститься до первой же хорошей стоянки, а затем отправить обратно кого-то из ребят и разгруженных вьючных мулов обратно к Бо на ночь. Другая половина отряда отдохнула бы, дожидаясь их на следующий день, а затем продолжила терпеливый спуск, используя камни и бревна как тормоза для фургона, чтоб он не разбился, внезапно укатившись. После чего должно было быть еще четыре дня относительно легкого путешествия по еще одной длинной долине до того, как им снова придется

напрячься.

Все шло по плану до тех пор, пока они в полдень, поднявшись наполовину, не встретили еще один фургон, заблокировавший дорогу.

Даг, сопровождаемый по пятам Индиго, объехал вокруг него и увидел странную картину.

Фургон тянуло трое мулов и тощая лошадь, запыхавшиеся и покрытые вперемешку мокрыми и белесыми сухими пятнами пота. Один из трех мулов, коренной, упал на колени, запутавшись в упряжи. Женщина стояла на коленях рядом с ним, рыдая, с пылающей головней в руках.

Хриплый, слабый голос донесся из глубин фургона, скрытых полотняной крышей:

— Подпали ему его проклятый хвост! Живо вскочит!

— Миссис, что вы делаете с этим бедным мулом? — закричал Индиго в негодовании.

Она повернула к нему красное, заплаканное лицо, перечеркнутое прядями каштановых волос, выпавших из ее прически в неразберихе.

Ей могло быть сколько угодно лет: может быть, измученные двадцать, может быть, не менее измученные тридцать. Ее рубашка была покрыта пятнами пота, а юбка была грязной.

— Он упал, не поднимется и не станет тянуть.

— Вижу, — сказал Индиго. — Если вы дотащили эту повозку сюда всего лишь с этими хромоножками, это более чем возможно. Вы с ума сошли, если хотите поднять фургон такого размера по этой дороге всего лишь с четверкой! У нашего фургона десять животных, и они едва справляются.

— Это все, что у нас есть. Один мул умер два дня назад, так что мы запрягли вместо него лошадь. Они должны дотащить нас наверх. Это все, что у нас есть…

— С кем ты там разговариваешь, Вио? — снова донесся хриплый мужской голос. — Не разговаривай с чужаками!.. — Под плотным холстом заплакал ребенок.

Даг неохотно открыл Дар, когда на козлы на коленях выполз мужчина. Его лицо было белым, как рыбье брюхо, его руки тряслись, когда он опирался на них. Он подозрительно огляделся вокруг. Кроме мужчины, в фургоне было двое детей. Наполовину взрослая девочка, тоже больная, лежала на тюфяке. Маленький мальчик внутри был привязан чем-то вроде упряжи, явно для того, чтобы он не упал под колеса, и он был сердито раздражен из-за пут. Он явно орал до того и собирался заорать снова, но именно сейчас он готовился к следующему заходу.

Взгляд женщины переместился к Дагу. Она сжалась:

— Грусс, помоги! Здесь на дороге Страж Озера!

— Где? Что?.. — мужчина, шатаясь, скрылся внутри, а затем вновь вывалился на козлы, сжимая в руках кабанье копье. — Вали прочь, ты! Ты наши кости не получишь!

— Он псих? — пробормотал Индиго.

— У него лихорадка, я думаю, — сказал Даг. «Хотя, с равным успехом он может быть психом».

Он отвел Копперхеда подальше от качающегося наконечника копья и закричал, обернувшись назад, туда, где замер фургон Сейджа, а остальные всадники собрались вокруг него:

— Фаун! Берри! Вы нужны мне здесь!

Две женщины подъехали и спешились, рассматривая происходящее. Даг немного попятился, чтобы перестать тревожить обезумевших путешественников. Вио ударилась в исступленные рыдания при виде дружелюбных женских лиц. Мужчина упал на колени за козлы, перегнувшись через сиденье и по-прежнему сжимая в руках копье, которое едва мог поднять. Под успокаивающее бормотание Фаун и резкие вопросы Берри их история быстро вышла наружу.

Бассвуды были бедной парой без семейного на-

дела из деревни к югу от Кипящей Реки, которые сбежали, чтоб спасти свою жизнь от тяжелой рутины в надежде на ничейные земли в Олеане. Сейдж и Финч оставили своих лошадей и подошли поближе вовремя, чтоб услышать большую часть этой грустной истории. Фаун подозрительно осматривала их ветхую упряжь.

— Вы недостаточно экипированы для того, чтоб основать хозяйство. Там хорошая земля, это верно, но для нее требуется много тяжелой работы — больше года, обычно, до того, как вы можете рассчитывать на ней поселиться. Хотя, я думаю, если вы сможете сделать это в долине Грейс, то вы сможете найти там поденную работу и строить хозяйство.

— Это как раз та жизнь, которую мы оставили! — сказала Вио.

Грусс проворчал, не вставая:

— Не вернусь. Ни за что не вернусь, чтоб меня дразнили и высмеивали!

— Что ж, — сказала Берри, бывшая корабельная хозяйка, которая, несмотря на свой вид юной блондинки, не выносила дураков, — раз вы не можете вскарабкаться наверх и не можете отправиться назад, похоже, вам останется только сесть и помереть с голоду на этой горе. Что, конечно,

сэкономит вам сил. Но не надо прижигать этого глупого мула огнем. Он никак не сможет втащить вас на эту гору.

— Будет лучше, если вы повернете назад, — сказал Даг, не желая привлекать внимание к собственной покрытой шрамами стражеозерной персоне, но чувствуя, что Берри необходимо поддержать. — Даже если вы каким-то образом заберетесь наверх, дальше по Тракту есть еще два перевала, которые ничуть не лучше. У вас ничего не выйдет.

— В любом случае, вам нужно убрать фургон с дороги, чтоб другие могли проехать, — сказала Берри твердо.

Рыдания Вио усилились. Дети внутри фургона, Плюм и Оулет, услышав горе своей матери, тоже расплакались.

Даг увидел сочувствие в глазах Фаун и задался вопросом, что случится дальше.

— Сейдж, — сказала она, — мы отправим половину наших животных вниз. Что, если ты со своей командой вернешься сюда и затащишь его вместе с ними? Их животные отдохнут, пока будут ждать. В семь пар этот фургон взлетит на гору за минуту.

Индиго почесал затылок.

— В самом деле, если мы будем вместе на следующем перевале, то мы сможем затаскивать фургоны наверх по очереди на мулах, и нам не надо будет возиться разгружать лошадей.

Вио прекратила сморкаться и посмотрела наверх с надеждой:

— А вы могли бы?.. И мы бы?.. О, пожалуйста, скажи да, Грусс!

Человек с лихорадкой пробормотал что-то вроде «Поубивают нас в постелях», но его жена проигнорировала это, уставившись на Индиго.

— Грусс будет более разумен, когда эта болотная лихорадка попустит. Еще один день, обещаю, и он будет на ногах. О, пожалуйста… это так жестоко, вы не должны были этого говорить, если не намереваетесь в самом деле!..

Вот почему этим вечером они заночевали на вершине перевала в прохладном тумане, а не в более приятном месте ниже. Даг и Аркади под нажимом попробовали вылечить болотную лихорадку полусумасшедшему человеку, который боролся с ними за каждую малость. Ужас Грусса, в основном, принял форму проклятий и оскорблений. Его жена была беспомощна перед лицом этого, но Берри приложила руку и тон, и это успокоило его не хуже, чем пьяного матроса. Аркади

не остался в стороне, и это было неожиданно для Дага; его прежний опыт с трудными больными крестьянами, казалось, был шире, чем должен был быть.

Даг обходил лагерь по периметру, проверяя, не собирается ли кто-нибудь упасть в обрыв, бегая в кустики, и гадая, есть ли у Аркади в запасе какое-нибудь средство от головной боли. Сильное средство…

Он остановился, ощутив приближение лошадей и всадников сзади. У честного народа было мало причин выезжать на Тракт после наступления темноты, и разумные так не поступали. Слабый свет полумесяца только размывал туман. В таких безлюдных местах скорее бандиты нападут на путешественников. Он в тревоге расширил свой Дар.

И ощутил соприкосновение с другим, очень знакомым.

Даг выбежал на дорогу как раз вовремя, чтоб увидеть троих всадников, выныривающих из молочного тумана. Ремо. И Нита. И Тавия.

— Отсутствующие боги, Даг! — раздраженный голос Ремо странно прозвучал во влажном воздухе. — Наконец-то мы тебя догнали, разрази тебя гром!

Глава 16

В этот вечер Дагу удалось улизнуть от конфронтации, так как Аркади уже спал, завернувшись в свое одеяло. Вместо этого Нита и ее маленький отряд утром загнали их с Аркади в угол. Хотя было бы слишком оптимистично называть это время «утром»; уместнее было бы сказать, что туман посветлел. Водяные капли собирались на одеялах, упряжи, на волосах у каждого, мокрые и промозглые. Потрескивающие языки костра, разведенного дозором для завтрака в зоне слышимости крестьянских фургонов, казались бледными и тусклыми, совсем как люди, собравшиеся вокруг. В этом оранжево-сером свете даже Аркади выглядел небритым, потрепанным дорогой и изможденным.

— Я думала, мы догоним вас перед Пустошью, — обстоятельно объясняла Нита. — И догнали бы, если бы нам позволили выехать раньше.

— Мы потеряли первые пять дней из-за попыток Энтана Булраша переупрямить и дождаться тебя, — сказал Ремо Дагу. — Я говорил ему, что Аркади, может быть, и блефует, но ты не станешь. Когда он, наконец, позволил мне поехать на фер-

му Бриджеров и проверить, вы уже четыре дня как были в пути.

— Точно, — сказала Нита, — а потом мы потеряли еще два дня, споря обо всем этом. Совет лагеря, в конце концов, переубедил капитана. Нам нужно было скакать следом так, как это делают курьеры, меняя по пути лошадей, но Энтан этого бы не дозволил.

— Нам повезло с дорогой и погодой, — сказал Даг. «И я нас гнал вперед». Он желал, чтобы у него было еще несколько дней, чтобы подгонять отряд; чем дальше — тем лучше.

— В любом случае, — сказала Нита, — вам нет нужды больше ехать на север. Мы победили!

Аркади с любопытством покосился на нее. Барр, прячущийся за его плечом, нахмурился.

— Я обещал себе и своим родственникам по шатру Блуфилд отправиться на север, — сказал Даг. — И вся та крестьянская молодежь рассчитывает, что я буду их проводником на дороге, которую они не знают. Я более или менее пообещал довести их хотя бы до долины Грейс. — Он украдкой посмотрел на Аркади. — На самом деле, я надеюсь, что Аркади поедет с нами. Я даже не начал показывать ему все, что может предложить север. Там еще много что можно увидеть

и узнать.

— Нет, сэр, вы не поняли! — воскликнула Нита. — Я хочу сказать, мы победили полностью. Дагу разрешено вернуться в лагерь, и ему будут даны права лагеря несмотря на девушку-крестьянку, а еще шатер целителей на крестьянском рынке! Целительница Челла на самом деле очень заинтересована в нем после того, как вы показали ей ваш фокус с расколдовыванием.

Аркади заморгал. И Даг.

Барр огляделся:

— У меня есть мысль получше. Почему бы вам всем не поехать на север вместе с нами? Хотя бы ненадолго. Мы более чем на полпути туда, а мне прошлой осенью было сказано не возвращаться без тебя, Ремо. Подозреваю, что в Жемчужных Перекатах сказали бы то же самое обо мне самом, но предпочитаю закончить это как положено, прежде чем начинать… что-либо еще. Ты тоже мог бы.

Ремо потряс головой:

— Ты не понимаешь. Я нашел для себя новое место — место, где меня не считают грязью под ногами. Я не должен возвращаться и ползать на животе, чтоб выбить место в хорошем дозоре. Новолуние в самом деле хочет меня!

Сбросить свои воображаемые грехи, как змея сбрасывает свою кожу, отбросить прошлое и свою критикующую семью… Даг мог понять привлекательность южного лагеря для юноши.

— Хочет — это не то же самое, что нужен, — сказал Барр. — В Русле Новолуния достаточно дозорных. Нет лагерей к северу от Грейс, которые могли бы сказать то же самое. — Он со значением посмотрел на Тавию, которая дотронулась до губ в сомнении.

Нита высоко подняла голову:

— Барр может заканчивать свои дела сам. Нас послали сопроводить Аркади и Дага домой. — Даг заметил, что она не добавила Фаун в список. — Как бы то ни было, — она повернулась к Аркади, — в вашем возрасте, сэр, у вас и без того полно жизненных трудностей. Мы можем проводить вас прямиком до вашего уютного дома. Он остался за вами.

Аркади потер рукавом глаза:

— Боги… Не могу думать, когда я покрыт дорожной пылью.

Даг не заметил, чтоб Аркади был грязнее, чем любой другой, но он прикусил язык вместо того, чтоб сказать об этом. Фаун и Сумах вместе готовили чай. Сумах приподнялась и молча протянула

первую подслащенную чашку Аркади. Он принял ее с выражением благодарности на лице и отпил немного. Сумах довольно холодно взглянула на Ниту.

— Сегодня никто никуда не поедет, ни вперед, ни назад. Раз нашим животным нужен отдых, вашим скакунам должно быть еще хуже, раз они покрыли то же расстояние за две трети времени. Даг не может оставить свой отряд разбросанным по десяти милям дороги — в дозоре назвали бы это отвратительной операцией. В самом крайнем случае нам нужно, чтобы все безопасно спустились с перевала. Так что у нас много времени, чтоб подумать обо всем этом позже. После завтрака.

— Согласен, — сказал Даг.

Аркади оглядел круг лиц и пожал плечами:

— Даг — командир отряда.

Нита, без сомнения, почувствовала, что ее обошла в маневре женщина старше ее самой, но не смогла найти разумных возражений, так как по поводу лошадей была сказана чистая правда. После напоминания о завтраке спор прервался дружно бурчащими желудками и был защищен от продолжения суматохой в лагере.

Даг подслушал, как Сумах прошептала Аркади:

— После ланча, когда мы спустимся, я покажу

вам фокус дозорных, который они исполняют, чтоб найти теплую воду и вымыться.

— Было бы неплохо, — вздохнул Аркади.

У них ушел целый день, чтоб взобраться наверх, но спустились они с другой стороны всего лишь за полдня. Возможно, помогло то, что сварливый Грусс оставался в постели в своем фургоне, а его жена была более разумной половиной пары. Эш и Индиго помогли ей спуститься. Им удалось спустить вниз фургоны так, что ни один не свалился с извилистой дороги, хотя пришлось убирать с нее два упавших дерева и небольшой камень. Когда они нашли новое место для стоянки в долине между туманным пиком и холмами внизу, был мягкий, теплый весенний день. Последовала суета, чтоб накормить четверых парней-южан и Вита и отправить обратно за перевал переправлять Бо, Хога и остаток их пожиток; хотя те явно желали бы отложить обратный путь до следующего дня.

Когда Даг в конце концов отправился искать Аркади, того нигде не было.

Даже в зоне чувствительности его Дара.

— Ты видела, куда пошел Аркади? — спросил он Фаун.

— Хм… — сказала Фаун.

— Что?

— Сумах увела его в лес, чтоб обеспечить теплую ванну. Так она сказала.

Даг приподнял брови.

— Ну, Аркади взял свое душистое мыло, полотенца и бритву. — И добавила после паузы: — А Сумах — одеяло, которое, наверное, нужно после ванны. — И после еще одной смущенной паузы: — Думаешь, они ушли охотиться на белок?..

Даг набрал воздуха в грудь:

— Не уверен.

Фаун взглянула на него, встревожившись:

— Ты ведь не думаешь, что должен идти их искать? Из-за того, что Сумах твоя племянница.

— Чтобы мне откусили вторую руку? Нет. Сумах — взрослая женщина. А Аркади… вовсе не неподходящий ухажер. — Родословная целителя Аркади явственно была прекрасной настолько, насколько это возможно, а разница в возрасте у них не была чем-то, против чего Даг осмелился бы возразить.

Фаун вздохнула с облегчением.

Губы Дага медленно сложились в улыбку, когда он представил, как Аркади мог бы связать узами себя с шатром Редвинг, если б Сумах притащила его домой в качестве приза. Даг не сомневался,

что Аркади сможет держаться стойко — проклятье, да Дор не продержался бы против него и пяти минут. И Кумбия… ну, Аркади был бы, без сомнения, изысканно вежлив с Кумбией. Но она не сбила бы его с выбранного пути ни на дюйм.

«Не забегай вперед головы, старый дозорный». Аркади и Сумах — оба сложные люди и могут еще подойти или не подойти друг другу. Они не приоткрывались глубоко перед Дагом; Аркади, казалось, был рад слушать воспоминания Сумах и Дага. Скрывая свое уязвимое сердце? Мужчина должен быть мудрым, чтоб иметь дело с Сумах, а Аркади был мудрым человеком.

А еще… Сумах и Рейз намеревались покинуть отряд несколько дней назад, еще на Кипящей Реке, и были бы сейчас на сотню миль ближе к озеру Хикори. Возможно, объединение со старым добрым дядей Дагом было не единственной причиной ее задержки?

А затем появилась Нита, принеся горячее дыхание конкуренции — в некотором роде. Даг подозревал, что Сумах не привыкла к соперничеству за мужчин — ей редко приходилось с ним сталкиваться, потому что они все бродили за ней по пятам как утята. Хотя, как командир отряда, она привыкла быстро думать и действовать в

чрезвычайных ситуациях. А если Аркади отправился бы завтра на юг, вряд ли они могли бы перекрестить пути еще раз…

— Бедные белки, — пробормотал Даг. — У них нет шансов.

Фаун улыбнулась ему:

— Может, мы должны пойти и сами поискать? Если Сумах может найти теплый ручей в этих лесах, то, думаю, ты тоже сможешь.

— Прекрасный план, Искорка.

— Я принесу мыло.

— И одеяло. А в каком направлении нам искать?

— В любом, только не на севере. Я думаю, в этом направлении уже есть хорошая защита от беличьей угрозы.

— Точно.

Когда Даг, улыбаясь, отправился найти Барра и предупредить его об их дневном запланированном отсутствии, он нашел рядом с ним Ниту и Тавию.

— Вы видели Аркади? — спросила Нита. — Я должна поговорить с ним серьезно.

— Он отправился купаться, полагаю.

— Куда?

— Я не видел, — сказал Даг совершенно честно.

И немного менее честно добавил: — Вниз по течению, может быть, как вам кажется? — Ручьи здесь бежали в юго-западном направлении.

— Пойдем, Тавия, — сказала Нита. — Аркади не должен прогуливаться один в этих лесах. Это небезопасно.

— Не думаю, что он ушел далеко, и сомневаюсь, что ему нужно ваше общество, — заметил Даг. — Он ценит уединение.

Тавия испугалась тревожащей мысли помешать мастеру Аркади купаться. Они спорили, сидя на бревне, когда Даг и Фаун шмыгнули прочь по своим собственным делам. На запад.

* * *

Томный полдень был всем, о чем мечтал Даг еще тогда, когда рассматривал это путешествие как свадебное. Глубоко в лесу они с Фаун нашли ручей, текущий тонкой струйкой в залитый солнцем пруд, настолько теплый, насколько позволяла весна. Рядом с ним они расстелили еще более прогретое одеяло поверх испещренного солнцем скопления мягких зеленых хвощей. Вокруг в изобилии цвели дикие горные цветы.

Но, невзирая на отсутствие торопливости, когда они прибрели обратно в тихий лагерь, Аркади и

Сумах все еще отсутствовали.

Горный хребет, который они недавно пересекли, рано закрыл собой солнце, отбросив на лес холодную тень под все еще светящимся небом. Тени густели, когда Даг, наконец, увидел, как Аркади и Сумах появились из-за деревьев. Он мог бы подумать, что у них обоих появился свой собственный внутренний свет, пробивающийся сквозь наполовину прикрытый Дар. Они остановились и разъединили руки, затем Аркади повернулся, чтоб поправить, пропустив сквозь пальцы, свободные сохнущие волосы Сумах, упавшие ночной тенью ей на плечи.

«Повезло им…» У Дага заняло несколько мгновений понять, что же изменилось в Аркади — не считая очевидного. Его серебряно-золотые волосы больше не были собраны в скорбный узел, а были заколоты на затылке и затем спускались прямой волной на плечи. В северном стиле… работа Сумах?

Тем не менее, никто из них не сделал никаких интересных объявлений — совершенно сводящим с ума образом. Они проскользнули обратно в рутину приготовления ужина в стихшем лагере почти по отдельности. Бассвуды были особняком, а Фаун, Келла и Берри совместно жарили

форель, которую Ремо и Барр добыли из шумевшей недалеко реки. Нита наблюдала за Аркади с беспокойством, но у нее хватало такта не допрашивать его, либо же она была слишком занята вечерними обязанностями лагеря и уходом за лошадью, чтоб приступить к этому.

Даг, гадая, должен ли он спросить Аркади о его намерениях, решил, что это был бы неверный конец палки. И когда зажглись звезды, он загнал в угол Сумах:

— Приятный был денек? — добродушно вопросил он.

— Очень. А твой?

— Подозреваю, что так же. Не любопытствуя.

Он мог почувствовать ее усмешку в тени высокого цветущего тюльпанного дерева, за которым они прятались.

— Ты ж умираешь от любопытства.

— Ну… Я чувствую определенную ответственность за своего напарника.

Сумах высоко подняла голову и заметила, как если бы не обращаясь ни к кому:

— Мне нравится мужчина с чистыми руками. Кто знает, что можно сделать с ними.

— Нужно ли мне спрашивать тебя, честные ли у тебя намерения?

— Намерения — это как желания. Ты не всегда можешь их достичь.

— Аркади… очень чувствительный человек. Даже если он силен на своем собственном пути. Ты можешь… если… — Даг замялся в поисках нужного слова. — Ему может быть больно.

— Я это сознаю. — Ее поблескивающие в темноте глаза, наконец, стали серьезней. — Мы говорили об этом.

— Говорили… — Даг попытался представить разговаривающего Аркади. Ему потребовалось приложить усилие. — О чем?

— О многом. Например, о том, что у нас есть общего.

— Вроде чего? — спросил Даг. Они не были парой с очевидно схожими интересами несмотря на то, что он подозревал более тонкую их сочетаемость.

Снова эта сумрачная улыбка.

— Думаю, мне не стоит говорить об этом. Но ты был прав — внутри человек порочен.

Даг прочистил горло:

— Он, хм… рассказал тебе что-нибудь о своем первом браке?

— С Бриной? О, несколько дней назад.

— О, — Даг запнулся. — Неделя — это не так

долго, чтоб принять решение после пятнадцати лет ожидания… чего бы ты ни ждала.

— Да, я несколько задержалась на старте. И он беспокоится, что может повториться история с горем его и Брины. Он думает, что может быть будет лучше, если мы не будем связывать себя узами до того, как будем уверены, что все получается. Так что я не покину дозор и не переверну свою жизнь вверх тормашками ради пшика. Хотя, мы оба были бы рады твоему благословлению.

Мгновение Даг пытался понять, почему кому-то его благословление нужно больше, чем рыбке зонтик. Он представил это: Значит… да… Аркади во что бы то ни стало постарается, чтоб моя племянница забеременела! Семья будет в экстазе! Исключая то, что они вероятно были бы в экстазе уже сейчас.

— Видишь ли, пришло время, — сказала Сумах просто. — Спустя пятнадцать лет у меня было столько практики в рассортировывании того, чего я не хочу, что узнать то, что я хочу, не должно занять много времени. Даже если я никогда раньше его не видела. Сколько времени у вас с Фаун ушло на то, чтоб решиться друг на друга?

— Э-э… Несколько недель. — Он подумал и честно признался: — Ну, два дня. И несколько недель,

чтоб набраться храбрости.

Мелькнула лисья улыбка.

— Ну, что ж, — она набрала воздуха в грудь. — Когда мне было двадцать, я знала все о своем будущем. Сейчас я не знаю ничего. Но я знаю, что твой напарник отправится на север, когда отправлюсь я. Так что ты можешь сказать «Спасибо, Сумах».

— Спасибо, Сумах, — покорно повторил Даг. И добавил более мягко: — Желаю всю радость огромного мира для вас двоих.

Ее губы сложились в самую мягкую улыбку, виденную им на этом суровом лице. Она благодарно кивнула.

* * *

Сумах оказалась права в утверждении о выборе направления Аркади.

Нита, однако, не сдалась и не повернула обратно — частично из-за того, что Ремо пустился в споры, волнуясь и колеблясь из-за слов Барра. Тавия говорила мало. Когда объединенный отряд, в конце концов, выехал на Тракт и снова взял курс на север, он раздулся до двадцати трех человек и целого табуна лошадей и мулов. Что ж, заключил Даг, это сделало его более сложной мишенью для

бандитов.

Спустя три дня путешествия тракт привел их к узкому проходу между непрерывными горными гребнями, которые вздымались вокруг огромными, зелеными, закрывающими небо горбами. Людей здесь почти не было.

Несколько деревень, расположенных на небольших равнинных участках, предложенных долиной, пополняли свои скудные доходы, помогая путешественникам.

Грусс, оправившись от приступа лихорадки достаточно, чтоб держать поводья, жадно ел глазами земли вокруг, но каждая долина с ручьем явно была уже занята.

Само собой, Вит заметил грецкий орех, висящий на шее его сестры, и узнал в нем подарок на ее день рождения. Таким образом, вместо того, чтоб уговаривать своего брата по шатру стать его следующей жертвой, Даг нашел в нем оживленного добровольца. Даг сначала собирался поискать для пробы некое уединенное местечко вокруг, а затем вспомнил шоу, которое он учинил вокруг Крейна и создания своего первого разделяющего ножа. Воспоминание было тревожащим, и ему не нравилась мысль заниматься сложной и зависящей от удачи работой с Даром при зрителях,

но эта толпа была восприимчивой и, в основном, дружелюбной. Его собственные слова пришли ему на память: «Никогда не упускай шанса подружиться и обучить чему-то».

Так что, этим вечером около костра Даг приступил к своей следующей крупной работе с Даром.

Первые несколько минут они решали, чьи волосы использовать для Вита, его жены или его сестры, вместо его собственных слишком коротких кудряшек.

Они выбрали волосы Берри. Та скорчила рожицу, когда Фаун отрезала у нее густой светлый локон. Более толстые пальцы Вита оказались менее ловкими, чем у Фаун, когда он плел шнур. Особенно, когда его кровь сделала перепутанные волосы скользкими. Все столпились вокруг. У Стражей Озера были более удивленные лица, чем у крестьян, когда Даг перешагнул через бревно позади Вита и помог ему вплести его Дар в удлиняющийся шнурок.

— Так вот как они сделали свои свадебные браслеты! — пробормотала Тавия.

Индиго нахмурился, будто от неприятных воспоминаний, шевеля пальцами, как зачарованный.

Мешочек черных грецких орехов, уложенный

на дно седельных сумок и забытый во время речного путешествия, ездил с Дагом еще с озера Хикори. Вытащив сейчас один, он покатал его между пальцами, ощущая неожиданную дрожь от этого напоминания о доме. Он взглянул на Сумах, наблюдающую из-за плеча Аркади, и подавил улыбку. Любой крепкий орешек подошел бы для того, чтобы принять в себя спиральность, но Даг был рад именно этому.

Аркади опустился на колени с другой стороны, пристально наблюдая за тем, как Даг, сняв крюк, положил свои длинные руки вокруг рук Вита, а подбородок уложил на плечо парня. Его пальцы из плоти вместе с пальцами Вита укладывали орех в сетку из волос в то время, как его призрачные пальцы сформировывали спиральность из своей же субстанции, ловя Дар Вита и обвиваясь вокруг него.

— Лучше вам остановиться, Даг, — пробормотал Аркади ему в ухо. — Вы вывернетесь наизнанку, если полезете глубже.

И верно, ведь мастер Вейв тоже обвиняла Дага в перегруженности его работы с Даром; Даг расслабился. Они с Витом вместе приподняли сплетенное из волос ожерелье над головой Вита, и орех-кулон лег ему на грудь в вырез рубашки.

Даг раскрыл призрачную руку и выпустил спиральность, сжав зубы от режущей боли.

Его желудок сжался и ноги похолодели. Аркади резко выдохнул сквозь зубы; губы Сумах поджались. Ремо прошептал: «Оу». И мягко, как разбрызгивающееся пятно, мерцающий щит Дара проявился сквозь кожу Вита по всему его телу. С головы до пят. «Да».

— Ну, что дальше? — спросил Вит, трогая орех пальцем.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросила Сумах.

— Ничего особенного, — Вит посмотрел вверх и заморгал: — Что? Мы уже все сделали?

— Ага, — Даг выпрямился, потянулся и сжал пальцы, гримасничая в то время, как напряжение покинуло его спину. Вит подпрыгнул и затанцевал вокруг костра, требуя, чтоб Барр и Ремо описали, что они видят Даром.

Грусс Бассвуд, явно все еще ожидающий начала человеческих жертвоприношений и каннибалистской части, заморгал и сказал разочарованно:

— Вот и все? Он же ничего не сделал!

— А теперь Берри! — сказал Вит в припадке энтузиазма. — И Готорн.

Готорн шумно возликовал; Бо отвесил ему подзатыльник.

Хог заколебался, неуверенно улыбаясь:

— А я?..

Берри схватилась за волосы и напряженно засмеялась:

— Я так полысею!

Аркади посмотрел на то, как Даг свалился на бревно, и сказал:

— Могу я попробовать сделать следующий?

Даг вскинул голову и удивленно прищурился; Аркади кивнул ему. Сумах ободряюще сжала плечо Аркади, посылая его вперед. Барр подал Дагу руку; Даг зашатался и мгновение стоял, уперев руки в колени, пока не прошло головокружение.

Аркади сглотнул, занимая место Дага на бревне. Фаун повторила действие над волосами Берри своими ножничками, затратив некоторое время на женский спор о том, где отрезать так, чтобы потом лучше отрастало.

— Вы, Стражи Озера, должны потом мне полечить этот порез на пальцах своим Даром, — сказала Берри непреклонно, усевшись и разложив перед собой пучки волос, — чтоб я могла играть на скрипке.

Хор добровольцев выразил согласие, она удо-

влетворенно кивнула и приступила.

Окровавленный шнур получался у Берри явственно аккуратней и мягче, чем у Вита.

Аркади поймал ее Дар со второй попытки — Даг был поражен — и вплел его в свою спиральность с кажущейся легкостью. Аркади в своей работе время от времени творил сложные и искусные спиральности; Даг подумал, что любой мастер по ножам или главный целитель должны быть почти так же опытны и сведущи. Его надежда воспряла духом. Если другие мастера, кроме Дага и по общему признанию исключительного Аркади, смогут выучиться этой технике, она станет гораздо более чем просто фокусом. Может быть, это даже станет решением. Хотя даже Аркади задохнулся, отпуская сформированную спиральность, и его лицо стало истощенным.

Сумах схватила его за руку и держала его прямо до тех пор, пока его дыхание не выровнялось.

— На сегодня лучше остановиться, — сказал Даг. — Теперь у нас три разных образца для изучения. — Работа на каждом немного отличалась, и Даг не был уверен, какой был самым хорошим. Когда он улучшит свое умение, решил он, то вернется и сделает щит Фаун заново. Хоть он и не считал, что ее щит перегружен; если бы он

мог, он сделал был его еще вдвое сильнее, для нее и для ребенка (как он сейчас предпочитал думать, их будущей дочери, хотя из-за щита трудно было быть уверенным), потихоньку растущему внутри нее.

— Смотрится он неплохо, — сказала Вио, рассматривая Берри.

— Это лишь то, что они позволили нам видеть, — проворчал Грусс.

Затем Берри и Барр смутили друг друга, когда он попробовать подкрепить ее Дар в кровоточащих пальцах, но его подкрепление спадало. Они позвали Аркади.

— Что ж, щит отталкивает работу с Даром, все верно, — сказал Аркади, проводя пальцем по руке Берри и нахмурясь. — Его не интересует, направлено воздействие во зло или во благо. Вы можете выключить щит, если снимете его, но я предпочел бы, чтобы вы пока этого не делали.

Берри изучила его слегка осунувшееся лицо и понимающе кивнула.

— Право слово, да, это было бы как утопить корабль, который только что спустили на воду. Я просто промою пальцы и перевяжу их на ночь. Это всего ли маленькие порезы. К утру все будет в порядке.

Даг поймал взгляд Аркади:

— Понимаете теперь, почему он не будет закончен, пока я не пойму как сделать щит чем-то таким, что крестьянин мог бы снимать и надевать?

— Подумать об этом, конечно, стоит, — плечи Аркади поникли от усталости, как после срочного целительского вызова, но его медные глаза блестели от возбуждения.

— Чего я не понимаю, — сказал Грусс, — это зачем вы, Стражи Озера, хотите сделать что-то, что мешает вам что-то делать?

— И впрямь, это кажется бесполезным, — пробормотала Нита.

— Не от Стражей Озера мы хотим защитить крестьян, — сказал Даг. «Или, по крайней мере, не только от них». — Хоть я и ожидаю, что могут быть интересные последствия. От Злых. Зловредных привидений.

Грусс поморщился. Еще один крестьянин, который толком не верит в угрозу, которую никогда не видел и о которой едва слышал — или не рвался бы так на север, понял Даг. Вио выглядела более встревоженной.

Зрелище закончилось, и отряд разошелся укладываться по своим одеялам.

Когда ночной ветерок вздыхал в деревьях, Даг обнял Фаун покрепче.

Она прижалась к нему под одеялом и сказала:

— Это было хорошо проделано, Даг.

— Разве что хорошо начато. До «проделано» мне видится еще долгий путь.

— М-м… — сказала она. — Но остановись и подумай о том, как далеко ты ушел в сравнении с этим же временем прошлого года.

Едва ли ему нужно было чувствовать ее клубящийся Дар, чтобы ощутить поток воспоминаний, волну напряжения, прошедшую по ее спине под его единственной рукой.

— Хм?..

— Как далеко ушли мы оба, — продолжила она тише. — В это время в прошлом году… Я уже сотворила свою глупейшую ошибку и как раз сбегала из дома в панике. Ну, точнее говоря, не в панике. В отчаянии, может быть.

Он позволил своим пальцам поискать напрягшиеся мускулы на ее спине и растер эти напрягшиеся струны. «Отчаяния больше не будет, Искорка. Если я буду в силах помешать этому.»

— А я… дай-ка подумать. Думаю, был в своем тысячном дозоре, до того, как курьер от Чато вызвал нас в Глассфордж. Я провел слишком много лет,

запутавшись в единственном ночном кошмаре и изо всех сил избегая того, чтоб броситься в него и разделиться… и я по-настоящему устал от этого состояния ума. Я помню это.

В свою очередь ее тонкие маленькие пальчики изгнали плохие воспоминания из его мышц.

— А мог бы ты представить нас, здесь, сейчас? Мог бы представить такое мастерство, как делал сегодня вечером?

— Боги. Нет. И никакое другое мастерство. Даже в самых дичайших мечтах. Понимаешь, мои мечты, в основном, не были хорошими.

— Тогда продолжай в том же духе, — ее губы прижались в теплом поцелуе к его ключице, а затем их уголки приподнялись. — Я так понимаю, преимущество того, что ты мрачный парень — это что все твои сюрпризы оказываются радостными.

Он захихикал:

— Точно, Искорка.

* * *

Следующий день привел их к подножью второго перевала, где они пораньше остановились лагерем, чтоб выработать самый эффективный план понятия фургонов наверх. Даг надеялся, что,

если подняться на рассвете, то весь отряд сможет оказаться внизу на другой стороне к завтрашнему вечеру.

Эта долина, труднопроходимая и почти такая же безлюдная, как Пустошь, была последней, где земля приподнималась, как складки на одеяле великана; тропинка в своем начале привела бы их, ныряя вверх и вниз, в заселенные земли, приближаясь к долине Грейс. Даг ощущал странный холодок внутри при этой мысли.

«Искорка, я и наш малыш едут домой. Этот дом надо будет построить, вырезать его из незнакомой земли, и пусть даже для этого явно придется рубить деревья и корчевать пни.»

Обходя дозором ночной лагерь по периметру, Дага обеспокоило то, что за ним следом пошла Нита. Может быть, ему стоит разнообразить свои привычки; а иначе на него слишком легко устроить засаду. Он неохотно замедлил шаг и позволил ей догнать его, не тревожась о том, что спор о выборе направления вновь будет открыт.

— Прекрасная ночь, — заметила она.

— Ага. — Небо было усыпано звездами, а прохладная тьма источала зеленые ароматы весны, оживающей под песни жуков и лягушек.

— Знаешь, — она дотронулась до его рукава, и

ее улыбка потеплела, — я приглашаю тебя пойти со мной.

Неужели ее вдохновила хитрость, примененная Сумах? Она что, думает соблазнить его и развернуть на юг? Что такое случилось со всеми этими прелестными молодыми девушками в этом году? «И где они все были, когда мне было двадцать два, и я мог сделать с этим что-то?» Удручающий ответ «еще не родились» оказался довольно неизбежным. Сначала Келла, теперь Нита… хотя, Келла едва ли этого желала. А вот предложение Ниты было более запутанным.

— Нита, как бы это ни было лестно для человека моего возраста, но знаешь ли, я связан узами, — он дотронулся пальцами до шнурка, обвивающего его левую руку повыше протеза, как бы случайно убирая свою правую руку из ее хватки.

Приглашающая улыбка Ниты не дрогнула:

— Она крестьянка. Она не узнает.

Не сможет прочитать изменений в его Даре, она имела в виду.

— Это не повод. — Ему нужно было пресечь это в зародыше резко и быстро, и, возможно, жестоко. «Прости меня, Каунео, за то, что использую воспоминания о тебе таким образом…» Но Каунео сама была командиром дозорных и поняла бы

его. — Видимо, ты не понимаешь, так что я объясню. Только один раз. Я любил женщину-дозорную очень сильно…

— Ты сможешь снова.

— Нет. Никогда снова. Никогда, пока я еще дышу, я не обменяюсь сердцем с женщиной, по отношению к которой у меня была бы обязанность приказывать, причиняя ей вред.

— Ты говоришь о Волчьем Перевале, не так ли? Это была великая трагедия, но великая битва. — Сочувствие зажгло ее взгляд звездным светом.

— На самом деле, это была очень глупая битва. В течение двух недель после нее я был слишком слаб от потери крови, чтоб вставать, и у меня была куча времени, чтоб лежать там и думать о том, как можно было это сделать лучше. И одно я там понял — если бы я смог повторить все это, я бы пожертвовал целым отрядом, ее братьями и всем, без сожалений или угрызений совести. Это неподходящий выбор для командира отряда или капитана. Вот почему я больше никогда не брал на себя по собственной воле эти обязанности.

Она начала говорить; он перебил ее:

— Одно из того, что я больше всего люблю в Фаун, это то, что она не из дозора, никогда не могла бы в нем быть и никогда не будет. Она является

противоположностью Каунео во всем. Маленькая ростом, а не высокая; с волосами темными, а не цвета ягод остролиста; карие глаза вместо серебряных; не похожа на меня ни возрастом, ни чувством Дара. Крестьянка вместо Стража Озера, куда же дальше? Я могу смотреть на нее дни напролет и не затронуть ни одного болезненного воспоминания. — Исключая искорку в ее Даре; в этом отношении две его жены были ужасно похожи. Он сглотнул при этой мысли и задумался, отчего он никогда не позволял себе подумать об этом раньше. — Давай оставим это, Нита. Ты только будешь смущать себя и меня без какого-то успеха. Для тебя найдутся молодые люди получше.

— Молодые идиоты, — фыркнула она.

— Со временем они станут старше. — Вырастут в старых идиотов? Это было очевидно.

Она выпрямилась. Даг в отчаянии гадал, как еще он мог бы сказать что-то вроде «Ты прелестная, молодая милашка, но твоя тактика прозрачна, и я не дотронулся бы до тебя даже палкой» без того, чтоб раздражить ее и обидеть.

Конечно, он не был самым декоративным добавлением к постели любой женщины. Он предпочитал думать, что Нита до недавнего

времени не размышляла о нем в таком качестве — более того, когда они встретились впервые, до того, как она узнала его историю, она смотрела на него как на майского жука, раздавленного каблуком. Но ореол героя создал дилемму.

К счастью, до того, как он мог бы запутаться еще хуже при помощи собственного языка, она мужественно вздернула подбородок, повернулась и ушла. Она была слишком гордой дозорной, чтоб убегать, так что это принесло ему лишь некоторое облегчение. У Дага появилась надежда, что ему удалось отбить охоту к такому способу решения спора о направлении их движения навсегда, хотя в голове мелькнула мысль, что у Ниты остается возможность отправить в следующую атаку напарницу. Он понадеялся, что у Тавии больше ума.

Потому что у Ниты была проблема, более тяжкая, чем мужчина, которого можно или нельзя было затащить в постель. Даг не был уверен, какой величины шоу она устроила в Русле Новолуния, чтоб Аркади разрешили вернуться, а им — отправиться следом за ним, но не сомневался, что вернуться назад в лагерь без Настройщика Дара было бы для нее значительным унижением. Еще более худшим, если ей придется возвра-

щаться одной, потому что Ремо и Тавия решат отправиться на север (хотя Даг подозревал, что Энтан будет очень рад, если она вернется без Дага и Фаун). Мог ли командир лагеря запланировать ее провал? Неприятная мысль, хотя Даг мог представить Энтана, который поддался искушению одновременно прекратить травлю со стороны юного дозорного и преподать ему тяжелый урок — тем более тяжелый, что нанесла бы его она себе сама.

Так что, обдумав все это. Даг не был удивлен, найдя в утреннем тумане Ниту и ее маленький отряд седлающими лошадей для того, чтоб одолевать следующий перевал вместе с ними. К счастью, это был длинный и трудный день, и к тому времени, когда всем пришлось, скооперировавшись, решить дюжину задач, им удалось вести себя так, будто предыдущей ночной беседы никогда не случалось. Сердце ее, с виду, не было разбито, и Даг едва ли мог винить ее за решимость, пусть это и не принесло ей какой-либо пользы.

* * *

Начало следующего за тяготами перевала дня было поздним из-за проливного дождя. К полудню

потрепанные серые облака разошлись, выглянуло солнце и горячая, яркая, парящая тишина заполнила окрестности. Кавалькада вытянулась вдоль топкой дороги, слегка обгоняя первые выводки москитов, зудящих в лесной тени. Во влажном воздухе даже тихие голоса отражались эхом от скал. Даг обнаружил, что скачет вместе с Фаун, Витом и Берри в голове отряда, и ноги у всех них болтаются рядом со стременами. Несмотря на ленивую жару, он был рад заметить, что Фаун сидит прямо и живо оглядывается вокруг, вовсе не такая уставшая, какой она была в последнее время.

— Как много людей живет в Клиркрике, как думаешь? — спросила она у Берри.

— Может быть, семьсот в деревне и пара тысяч во всей долине.

— Я задумалась, какое место было бы нужного размера для Дага — сейчас уже Дага и Аркади — чтоб устроить их пробный шатер целителей. В слишком маленьком не будет достаточно пациентов, чтоб они были заняты, а в слишком большом их перегрузят работой. Думаю, Серебряные Перекаты были бы слишком крупными для начала. Не знаю по поводу Трипойнта.

— Он больше, чем Серебряные Перекаты, —

сказал Даг. — Не знаю, будет ли у нас время этим летом съездить туда и показать тебе город.

— Это было бы чем-то вроде того, как проехать весь Тракт от Греймаута до Трипойнта, — согласился Вит. — А еще я хочу свозить Берри в Вест-Блу, так что, думаю, у нас всех не будет времени.

Вит явно желал похвастаться молодой женой перед своей семьей. Как ему и положено, подумал Даг.

— У меня уже мозоли на заду от Тракта, — сказала Фаун. — Хотя, вы могли бы привезти обратно мою кобылу и ее жеребенка. И мою сумку с ушами кидальника, которую тетя Нетти хранит для меня.

— О, а я думал, мы отправимся все вместе, — сказал Вит немного разочарованно.

— Ну, посмотрим. Как далеко ваша земля от реки, Берри?

— Немного больше мили вверх по Чистому Ручью[7]. Мы каждый год строим наши баржи прямо в воде на нашей земле.

— Так… вы и в самом деле почти в долине Грейс. А лодки — и матросы — приходят с реки? Как в речном городе?

— Вроде того. Причал Клиркрик, который по-

ставили в устье ручья, превратился в деревню правее — самостоятельную, если не считать того, что ее смывает наводнениями. Ты думаешь о торговле для Дага? Точно, что моряки сами себе причиняют массу вреда время от времени без всяких лихорадок.

— И это, — сказал Даг, — и кое-что, что Фаун сказала однажды. Что река — это как деревня в одну улицу шириной и две тысячи миль длиной. Иногда я думал, что, если я захочу рассказать всем вокруг о том, что я делаю, то речники станут для нас курьерами.

Берру кивнула, подтверждая; если Даг и не был речным человеком, то люди, живущие на реке, явно были по ее убеждению следующими в списке лучших.

— Нам бы с Готорном помогло, если бы вы, Фаун и Аркади оставались в доме, пока мы бы плыли вниз на ежегодной барже — если, конечно, мы построим баржу к осени. Виту надо еще немного поучиться до того, как я буду готова назначить его капитаном и заняться управление складом. Я хочу еще хотя бы раз проплыть вниз по реке перед тем, как осесть на берегу, как Фаун. — Она подбородком указала на середину своей сестры по шатру.

Вит невинно улыбнулся.

— Не думаю, что у тебя там есть пруд, Берри? — спросила Фаун.

— Почему же? На деле он есть.

Фаун посветлела:

— Правда?! — Даг будто видел, как в ее уме вырастают кидальники. Очертания лагеря Клирк-рик, Олеана становились больше и четче с каждым днем. Он начал думать, что неплохо бы управился с ним.

— Право слово, странное место, — сказала Фаун, оглядываясь. — Куда делись все деревья? Здесь ведь не было скверны, Даг?

Лес и впрямь закончился, здесь было лишь несколько высоких красных дубов, растущих в буйстве зеленых кустарников. Кора деревьев была изрезана черными шрамами.

— Нет, это был лесной пожар, — сказал Даг. — В этой долине несколько лет назад была большая летняя засуха. Похоже, все довольно хорошо приходит в норму.

Фаун вгляделась, приложив ладонь ко лбу, в новую растительность, взбирающуюся по склонам долины:

— Должно быть, неплохо горело.

Вит прищурился, вглядываясь в туман:

— Хм… Там странный парень у нас на пути. Эй! Он ведь голый?

Даг взглянул в направлении его взгляда, раскрывая свой наполовину прикрытый Дар. Большой, лохматый человек со странной пятнистой кожей шел, прихрамывая посередине дороги на юг. Дыхание Дага прервалось, его спина выпрямилась, ноги нашли стремена, а ум взорвался сразу в двадцать сторон, как выводок вспугнутых перепелов.

— Проклятье, это глиняный человек!

Он приподнялся в седле и рявкнул назад через плечо:

— Барр! Ремо! Мы нашли глиняного человека! Готовьте копья! Сумах…

Проклятье, где Сумах? И Аркади? Их не было в зоне доступа его Дара. Если здесь на дороге живой глиняный человек, то его хозяин-Злой может быть совсем рядом. Недостаточно далеко… Но Даг, напрягшись, пока не мог его почувствовать. Он понял — боги, где были его мозги? — что за все утро им не встретилось никого, едущего с севера. А всю предыдущую ночь? И как долго?

— Фаун, — паника окрасила мир Дага в красный цвет, — скачи к фургонам, останови их, собери всех крестьян вместе и оставайся там. — Одна

пролетающая мимо мысль успела уронить перо. — Объясни несведущим, что происходит.

Фаун натянула поводья прежде, чем Вит справился с полуоткрытым от изумления ртом.

— Хорошо, — сказала она просто и развернула Мэгпи.

Даг повернулся в другую сторону, намотал поводья на крюк, вытащил стальной нож и пнул каблуками мерина.

Копперхед рванулся вперед в неподвижный свет.

Глава 17

К тому времени, когда Фаун доскакала до фургона Бассвудов (он был первым в караване), каждый дозорный в отряде промчался мимо нее, спеша на помощь Дагу и размахивая оружием. Барр и Ремо среагировали быстрее всех, но Нита, Тавия и Рейз ненамного отстали от них.

Вио Бассвуд стояла на козлах, держась за холщовую крышу фургона и уставившись в ужасе на Грусса, который натянул поводья и резко остановил скрипящую повозку. Ее лицо вытянулось, и она кричала:

— Он его убил! Боги, он просто сбил этого беднягу с ног и убил его!

Фаун повернулась в седле и изогнула шею. Позади, в мареве, Даг верхом на Копперхеде кружил вокруг упавшего глиняного человека.

Она внезапно поняла, что Вио подумала о том, что увидела — как мрачный, крюкорукий Страж Озера, муж Фаун внезапно сошел с ума и грубо, беспричинно атаковал невинного, невооруженного (не упоминая о том, что голого) путника.

— Нет! — закричала Фаун. — Это был не человек! Он не человек, он глиняный!

— Глиняный кто? — сказал Грусс, вглядываясь и хватаясь за свое копье.

— Злые делают их из животных и глины с помощью Дара… магии. Я видела ямы, из которых они выходят. Они придают им форму человека, чтобы они были их рабами и солдатами, и они ужасно опасны. Вы не сможете их в чем-либо убедить, даже если Злой дал им речь. Они полностью теряют разум, когда их хозяин убит… не важно.

Грусс вытащил копье, но направил его не в ту сторону — на Фаун и на Берри, которая в этот момент подъехала, запыхавшись,

Фаун думала, что Вит находится сзади, но вместо этого он повернулся и отправился вслед за дозорными эдакой осторожной рысцой. Внутри фургона Бассвудов от всех этих воплей малыш зашелся плачем.

— Глиняные люди едят детей, — добавила Фаун в отчаянии. — После них остается ужасная бойня. — Нужно ли Вио знать об этом? Возможно. Ей не нужно было пугаться еще больше — она, казалось, была близка к обмороку, но бояться ей нужно было верного врага.

Рейз и Нита галопом прискакали обратно.

— Он мертв? Другие там есть? — закричала Фаун.

Рейз придержал коня достаточно, чтоб пропыхтеть:

— С этим разобрались! Других в зоне чувства Дара нет. Даг отправил нас найти Сумах и Аркади, — он пришпорил коня.

Пара в последнее время отставала более чем однажды, но Фаун не заговаривала с ними об этом — по крайней мере, не об их безопасности. Сумах и Аркади были отлично защищены от любых хищников, обитающих в этих холмах — волков, медведей, рысей или гремучих змей. Банда глиняных людей — это было немного другое.

Все другие крестьяне в отряде собрались на дороге, тараща глаза и раз за разом требуя объяснений. Замученная, Фаун в конце концов сказала:

— Послушайте, вряд ли я смогу объяснить вам глиняных людей. — Ей и верили, и нет. — Просто пойдемте поглядим на эту тварь, разве мы не можем этого сделать?

Она повернулась и повела их, фургоны и все остальное вверх по дороге к месту кровопролития. Даг и Вит были там спешившись. Даг отпустил поводья Копперхеда и поддел тело ногой; Вит выглядел так, будто собирался с духом, чтоб сделать то же самое.

— Проклятье, — сказал Даг, — эта местность должна была хорошо патрулироваться. — Он взглянул наверх. — Фаун, я сказал тебе держаться сзади!

— Нет, Даг, — сказала она твердо. — Эти люди должны увидеть, так же как и твои молодые дозорные.

— О, — он поскреб рукой щетину. Тряслась ли она? — Да.

Фаун соскользнула с кобылы, схватила слегка упирающуюся Вио за руку и потащила вперед; толпа пошла следом.

— Посмотри на него, ты видишь? Взгляни на челюсти, это почти морда, и на мохнатые уши, и на все эти грубые волосы… похоже, это был медведь, как думаешь, Даг? — Она старалась не смотреть на кровоточащее горло, разорванное одним взмахом боевого ножа Дага, доставшего цель со всей силой его руки и напора Копперхеда.

— О да, черный медведь, — согласился Даг рассеянно.

— Он… он голый, — сказала Келла, смутившись.

— Что голый — это хорошо, — сказал Даг. — Это значит, он еще не убивал людей и не крал их одежду.

Фаун взглянула на приоткрытые рты и поняла, что это был первый увиденный ими глиняный человек, живой или нет, и для большинства молодых дозорных тоже. Даг указал — также, носком ботинка — на наиболее отталкивающие черты, а потом взглянул на всю смешанную аудиторию.

— Этот настолько грубо сделан и похож на медведя потому, что является работой Злого до первой линьки. Может быть, этот Злой еще даже сидячий, что для нас было бы хорошей новостью. Когда Злые проходят линьки и становятся сильнее и умнее, глиняные люди у них получаются лучше, вплоть до того, что вы едва ли сможете на глаз отличить глиняного человека от настоящего. А вот чувство Дара Стража Озера различит их сразу. Их Дар, он… он просто неправильный.

Парни проталкивались вперед, чтоб рассмотреть получше, Готорна пропихнули вперед. Фаун позволила Вио отойти. Вио дрожала и плакала от того, что увидела, от запахов, крови, и ее маленькая дочка, которая вылезла из фургона и уцепилась за ее юбку, тоже ударилась в слезы следом за нее. Малыш, привязанный в фургоне, орал, не переставая. Грусс сжимал свое копье и выглядел отчаянно напуганным, его мир внезапно наполнился новыми опасностями, но не дал

явной цели для атаки. Он повернулся к жене и рявкнул:

— Заткни их!

Это казалось неприятным, но Фаун признала, что Вио стала лучше держать себя в руках, вытерла слезы и сопли и занялась детьми, отставив эмоции. Фаун подумала, что Вио начала учиться чему-то, уже хотя бы тому, что мир оказался не таким, каким ей казался.

Бо не рвался вперед и не выглядел сильно удивленным, но его покрытое шрамами лицо задумчиво нахмурилось. Его взгляд неодобрения был направлен не на отряд Стражей Озера, а на окружающие их холмы.

Даг также отошел от толпы подальше и посматривал то вверх, то вниз на дорогу, прикрыв свои золотые глаза. «Проверяет ее Даром?» Небольшое облегчение отразилось на его лице, и он пробормотал:

— О, хорошо, там Аркади.

И в самом деле, через пару минут прискакали потерявшиеся. Сумах спрыгнула с седла и размашисто подошла к Дагу.

— Извини, что мы отстали. Мы просто разговаривали.

По их аккуратному виду Фаун решила, что это,

скорее всего, правда. Хотя они оба обладали достаточной силой духа, чтобы быть невозмутимыми даже будучи полураздетыми.

Аркади с расширившимися глазами спешился и подошел к телу. Он схватился за живот, а его лицо исказилось, как будто бы он глотал что-то.

— Это… самое гротескное мастерство, которое я когда-либо видел.

— Угу, — сказал Даг. — Попробуйте представить мощь работы Дара, которая смогла превратить медведя в… ну, в это, примерно за две недели.

На лице Аркади боролись заинтересованность и тошнота.

— Могу ли я препарировать его?

— Сейчас? Вы с ума сошли?

— Нет, конечно, не сейчас! Позже.

— Посмотрим, — сказал Даг.

— При некоторой удаче ты сможешь выбрать лучшего из помета, — сказала Сумах. — Я притащу тебе всех глиняных людей, которых пожелает твое сердце.

— Не уверен, что мое сердце желает их в целом, — признал Аркади. — Но это… отсутствующие боги, но это существо настолько неправильное!

— А вы их едите? — спросил Эш, усаживаясь

рядом в увлечении. Этот вопрос заставил всех присутствующих дозорных подавиться. Кроме Дага, который только сказал:

— Нет. Их плоть испорчена.

— Стражи Озера иногда выделывают их шкуры, — сказала Фаун, вспомнив определенный подарок на свадьбу.

— Не для того, чтоб использовать шкуру, — сказал Даг. — Просто… в особенных случаях.

Фаун заподозрила, что тогда, когда боль слишком велика, и одной лишь победы недостаточно для мести.

Даг посмотрел на Сумах, а та — на него. Они оценивают друг друга?

Сумах прервала молчание и спросила напрямую:

— Ну, что делать, командир?

Фаун подумала, что почти видит, как вес ответственности лег на плечи Дага, как стофунтовый мешок с зерном. Он вздохнул.

— Идти в разведку, полагаю. На север, как думаешь?

Сумах поджала губы:

— Тварь могла бежать домой. Но мы не заметили ни знака скверны к югу отсюда. У нас недостаточно дозорных, чтоб разбиться и пройти

достаточным паттерном.

— За весь день с севера не было движения на дороге, — сказал Даг.

— Не было и с юга, — указала Сумах, — но я согласна, север кажется лучшей ставкой. Нужно ли нам отправить курьера за помощью? Ближайший лагерь — это, должно быть, Лавровое Ущелье. — Она повернула голову и спросила: — Кто-нибудь еще был в Лавровом Ущелье?

Остальные дозорные пробормотали что-то отрицательное. Сумах прошептала:

— Проклятье. Не хотелось бы, чтобы пришлось мне, но, возможно, придется.

— Пока не нужно, — сказал Даг. — Прямо сейчас мы посредине неизвестно чего, ничего не знаем, этого мало для доклада.

Глаза Сумах блеснули:

— Несомненно.

— Открой мне свой Дар.

Она приподняла брови; слабый румянец окрасил ее высокие медные скулы. Но она, очевидно, подчинилась.

Даг осмотрел ее сверху донизу и кивнул без выражения:

— Выбери напарника и обследуй дорогу наверх. Не более пяти миль. Посмотрим, найдешь ли ты

любой признак скверны. Я попробую организовать, — взгляд Дага скользнул по отряду, — все здесь. — Он вздохнул.

— Хорошо, — Сумах запрыгнула на лошадь, оглядела — не дозорных, но их скакунов, и, явно решив, что лошадь Барра самая быстрая, сказала: — Барр, за мной!

Рука Аркади приподнялась, когда Сумах рванулась прочь, и упала обратно незамеченной.

Двое разведчиков понеслись по дороге, грязь летела из-под копыт их лошадей.

Фаун заинтересовало, что за диалог случился напоследок между дядей и племянницей.

«О. Конечно.» Даг, перед тем, как отправить ее, убедился, что Сумах не беременна. Не просто общая предосторожность; Фаун на собственном мучительном опыте знала, что беременные женщины были самой лучшей добычей для Злого на пороге линьки. Естественное творение женщины делало из нее сигнализирующую ходячую приманку. Новый щит Дара возможно защищал Фаун и Берри — она дотронулась до ореха, висящего на груди — но как же Вио и Келла? Стражи Озера бы знали, даже если пока не знали женщины, уверила она себя. Они бы приняли меры предосторожности. Дети были следующей любимой

закуской Злого — она взглянула тревожно на фургон Бассвудов, плач из которого стих.

— Хорошо, — сказал Даг, повышая голос, чтобы его услышали, — все поднимаемся вон к тому броду. — Он указал на мелкий ручей, пересекающий дорогу сотней шагов выше. — Нам лучше воспользоваться случаем напоить лошадей. Возможно, нам понадобится внезапно бежать.

Кроме того, они отодвинутся от беспокоящего вида и запаха мертвого глиняного человека, что тоже хорошо, подумала Фаун. Подавая пример, она подобрала поводья Мэгпи и живо пошла вдоль дороги.

* * *

Четвертью часа позже Даг обнаружил себя разговаривающим с Сейджем.

— Нет, ты не сможешь взять с собой свою наковальню! — Он взъерошил свои волосы в раздражении. — Если Злой близко, наш лучший шанс сбежать — это бросить фургоны и бежать в горы. Если он поймает вас, крестьян, в зоне силы своего Дара, то поработит вас, и тогда вы даже представить не можете, насколько ужасной станет действительность. Сначала спасите друг друга, затем оружие и животных, затем еду, если

есть время. Но ничего больше. Отсутствующие боги, каждый ребенок Стражей Озера выучивает это назубок еще в пять лет!

— Фургоны — это все, что у нас есть, — закричал Грусс.

— Вы не можете останавливаться, чтоб защищать вещи.

— Но моя наковальня! — проговорил Сейдж. — Это все для меня.

Даг сурово посмотрел на него.

— Больше, чем Келла?

— Э-э… — Сейдж примолк.

— Если что-то не лезет в седельные сумки, оставь его.

— Есть надежда, — сказала Фаун, — что мы сможем вернуться позже и забрать наши вещи. Если выживем. А если мы не выживем, нам они больше не понадобятся, верно?

Сейдж все еще выглядел обеспокоенным. Вит любезно добавил:

— Сейдж, твоя наковальня будет последним предметом, который украдут воры. Нужно двое парней, чтоб ее только приподнять!

— Нет, если она будет в фургоне. Им нужно будет просто забрать всю повозку.

— Мы заберем мулов, — сказала Фаун. К сча-

стью, не упоминая, что Злой может впрячь своих рабов — глиняных людей — и утащить ее. Умница. Даг отвесил ей признательный кивок.

Сейдж заколебался, затем смирился и отправился вместе с Индиго распрягать своих мулов. Даг заторопился к Ремо и Ните, вернувшимся из разведки, в которую они ушли пешком по направлению к другим гребням.

— В зоне чувства Дара на моей стороне — ничего, — доложил Ремо.

— И на моей тоже, — сказала Нита. — И никаких физических признаков. Только следы зверей и лагерей давних путешественников.

Даг с неудовольствием оглядел возвышенности, окружавшие их; то, что там сейчас не было шпионящих вражеских глаз, не означало, что их не было час назад или в любое время за утро.

— Нужно ли нам накормить людей, пока это возможно? — спросила Фаун.

Она была задумчива, как всегда. Даг сказал:

— Бутербродами. Не зажигайте огня.

Все ждали Сумах и Барра. На деле, отряд был ближе к крупному поселению скорее впереди, чем сзади, а перевалы с обеих сторон были примерно одинаковыми. По меньшей мере, обратная дорога была сейчас известна крестьянам. Но

до тех пор, пока они действительно не засекут местоположение Злого, вопрос о том, какое направление безопасней, остается открытым.

Если Злой окажется сидячим, он отправится за ним с четверкой дозорных не сомневаясь, решил Даг, но если он будет более взрослым, то разум требовал, чтоб они отправлялись не на юг, не на север, а напрямую на запад в Лавровое Ущелье просить подкрепления. Или все же… Даг представлял, как тащит всю эту толпу крестьян более пятидесяти миль по нехоженой земле, с глиняными людьми на хвосте, и кусал себя за губу. Он бы мог, конечно, отправить пару дозорных курьерами вперед. Уменьшив охрану детей-крестьян на двоих… Он вернулся к более непосредственным расчетам.

— Рейз, дай-ка взглянуть на твой разделяющий нож.

Мальчик уже вытащил его из седельных сумок и повесил на шею, хорошо. Он вытащил его за шнурок из воротника и продемонстрировал; Даг провел рукой над ножнами. «Хорошая работа».

— Кажется дельным, — сказал он вслух. — Если мы пойдем на Злого, ты будешь в центре атаки. Это тот опыт, за которым ты едешь на север; он всего лишь начался немного раньше, чем ты

ожидал, вот и все.

Ноздри Рейза задрожали от гордости и страха.

— Да, сэр.

— Смерть чьего сердца в нем?

— Моего прадеда. Он умер около двух лет назад.

— Понятно. — Даг дотронулся до лба в уважительном салюте. — Ты умеешь закрывать Дар? Тренируешься? — Под командованием Сумах Рейз точно должен был делать это.

— Да, сэр!

— Хорошо. У меня тоже есть заряженный нож, но я придержу его в резерве.

— Повезло, что у нас два ножа в отряде, — сказал Рейз.

— Это не удача, это подготовка. Пойми разницу. Подготовку ты можешь контролировать. — Он ободряюще пожал плечо юному дозорному, что заставило Рейза застенчиво улыбнуться.

Вспомнив, Даг ушел, чтоб порыться в собственных вещах.

Он достал первым свой новый, привязанный к нему нож, перекинул его богато вышитый шнурок через голову и опустил темные ножны в вырез рубашки. Следом, порывшись глубже, он достал свой заряженный нож — свою риско-

ванную, первую и никем не контролируемую работу. Сама хранимая ножнами кость легко лежала у него на груди, но вес отвратительных воспоминаний, которые она несла, тянул, как наковальня Сейджа. Что ж, если за жестокую смерть предателя Крейна ему полагалась расплата, то это была она.

Он обернулся и увидел Фаун, которая наблюдала за ним, ее темные глаза были печальны. Ее губы шевельнулись, как если бы она начала говорить, но замолчала; вместо этого она указала вниз по течению ручья:

— Хм… что случилось с Аркади?

Целитель сидел на берегу ручья в середине зарослей хвоща, его голова склонилась к коленям.

— Глиняный человек, возможно. Тренированная чувствительность, которая нужна хорошему мастеру, также делает их неподходящими для дозора. Следы Злого слишком сильно бьют по ним.

Фаун нахмурилась.

— Вы ведь делали упражнения на чувствительность с Аркади последние два-три месяца. И что будет с тобой?

Даг вздохнул.

— Боюсь проверять. Посмотрим.

Она подошла ближе; ее маленькая рука под-

нялась и дотронулась до ореховой кожи ножен, прячущихся под рубашкой.

— Полагаю, тебе нужно его носить. Просто не нужно… не сделай с ним чего-то глупого, хорошо? Помнишь, ты мне обещал.

«Пока я сама не похоронена и дышу», отдались ее слова эхом в его уме.

— Я не забуду.

Она мрачно кивнула. Внезапно, он подхватил ее, обнял, закружил и поцеловал в лоб.

— Что это с тобой? — выдохнула она в приятном удивлении, поправляя одежду, когда он поставил ее обратно.

— Ничего. Просто так.

Она уверенно наклонила голову.

— Это хорошая причина.

Крестьяне спорили друг с другом и дозорными, но все вместе неуклонно продвигались к тому, чтоб рассортировать животных для отступления, так что Даг не вмешивался. Седла для груза были наскоро переделаны для всадников, опустошены от их груза и укомплектованы одеялами

Конечно же, предположил Даг, у так называемой верховой лошади Бассвудов нет седла. Он задумался, будет ли лучше разделить двух детей между родителями или между лучшими ездо-

ками, которыми была бы пара дозорных. При условии что все едут в одном направлении.

Он предвидел еще один спор об этом. «Ой-ей». Его сознание снова проделывало эту сумасшедшую штуку с ним, безостановочно проигрывая разные возможные и невозможные сценарии несмотря на то, что он на собственном неприятном опыте прекрасно знал, что мир никогда не оправдывает его ожидания.

Фаун принесла ему кусок сыра, обернутый в холодный поджаренный хлеб, оставшийся с утра. Он проглотил его вместе с несколькими глотками пресной теплой воды из своей фляги, обходя узкий периметр вдоль мутного ручья и вокруг слишком шумного лагеря, его Дар тянулся вдаль. И все же Аркади, а не Даг первым поднял голову от колен и повернул лицо к северу. Даг подпрыгнул и присоединился к нему — а Аркади уже стоял на дороге и смотрел вдоль нее.

Рот его приоткрылся в ужасе, а сам он позеленел больше, чем когда впервые увидел глиняного человека. Лошадь Сумах галопом скакала к ним. Стремена свободно свисали с пустого седла и били ее по бокам.

Каждый дозорный поблизости попытался остановить ее бег, призвав лошадь к себе, так что

бедолага, не выдержав этого, повалилась на колени. Она поднялась и стояла, дрожа, а ее ноги и плечи были покрыты белой пеной.

Даг подбежал, ища следы крови или раны, пытаясь судорожно вспомнить, надела ли Сумах свой кожаный плащ, когда уезжала в жару. Он не был привязан позади седла…

Аркади дотронулся до пустого седла и простонал:

— Нет…

— Она — Редвинг, — сказал Даг сквозь зубы. — Она приземляется на ноги, как кошка. Мы всегда выживаем… — Он круто обернулся и закричал: — Вит! Фаун, Берри! Сажайте на коней этих проклятых крестьян! Дозорные, ко мне!

Люди забегали, закричали, затопали. Заспорили. Дозорные собрали коней и построили их неровной линией, ожидая приказов. Агонизирующим голосом, Аркади сказал:

— Отправляйтесь!

Даг посмотрел на север. На расстоянии мили внезапно появилась лошадь, несущая двух седоков, выскочив одновременно в зоне действия его Дара и зрения.

— Погодите, — сказал Даг.

Аркади повернул голову, следуя за его взгля-

дом. Казалось непривычным наблюдать так мучительно разоблаченное выражение того, как последняя надежда человека возвращается к нему.

«Боги, Сумах», подумал Даг, «если кто-нибудь из нас двоих не получит сердечного приступа до того, как это все закончится, это будет не твоя вина». И тогда уже она унаследует свое командирство, умная девочка. Мучительные минуты проходили, пока нагруженная лошадь подошла рысью ближе.

Как только они оказались на расстоянии крика, Барр возбужденно закричал:

— Мы нашли Злого! Он совсем рядом наверх по дороге!

Волна пробежала по дозорным, как напряжение сквозь толпу лошадей, топчущихся в начале забега.

Барр остановился среди них. Сумах более или менее упала прямо в руки Аркади с того места, за которое цеплялась сзади седла Барра. Утопающий не мог бы сильнее обнять бревно, чем он ее. Ее коса растрепалась, завитки черных волос прилипли к ее вспотевшему, покрасневшему лицу.

Напряженные линии боли обрамили ее рот и глаза, она тяжело дышала, но ее золотые глаза

горели огнем. Она оттолкнула Аркади достаточно для того, чтоб стать на ноги, но не отбрасывала ни его встревоженной руки, поддерживающей ее за локоть, ни нежной, обследующей ее макушку, хоть и вздрагивала. На ней был, спасибо отсутствующим богам, кожаный плащ; так что на ребрах должны были быть только синяки, и только шишка на затылке выросла до размеров куриного яйца.

— Злой выглядит так, будто только что из логова, — прохрипела она. — Он движется вниз по дороге с охраной из двадцати двух глиняных людей, но двигаются они медленно.

— Уже семнадцати, — сказал Барр.

— Ни у кого из них нет одежды или оружия, исключая камни и палки.

— И численность, — пробормотал Даг. — И Злой. Скорей они останутся с нашим оружием и вещами.

— Подумай еще раз. Даг, мы сможем их одолеть! — сказала Сумах.

— Больше похоже, что они почти одолели тебя.

— Хм, ну… — Она отбросила волосы назад в пародии на женский жест и широко улыбнулась. — Не припомню худшего подзатыльника, и тебе надо взглянуть на других его собратьев.

Уверяю тебя, этот Злой — мерзкий.

— И странный, отсутствующие боги, он странный, — сказал Барр.

— Это первый Злой, которого ты видел, — сказал Даг. — Как ты это понял?

— Ну, Сумах сказала, но даже если бы… Он огромный, Даг, по меньшей мере семи футов ростом, страшный как глина, но едва двигается из-за огромного вывалившегося наружу живота. Все время, пока мы, опрометчиво влетев в толпу его охранников, прорубались обратно, он переминался с ноги на ногу. Он не сможет покрыть больше чем две мили в час. Так что они будут здесь только через два-три часа.

— Глиняные люди могут двигаться быстрей, — Даг указал большим пальцем через плечо. — Как мы видели по их, полагаю, разведчику.

— Злой выглядит как сидячий, который собрался линять, исключая только то, что он на дороге. Значит, я никогда раньше не видела Злого, настолько близкого к расщеплению, — сказала Сумах.

— Нам повезло, если он неуклюж, но его угроза таится в силе его Дара, а не в псевдо-теле, — Даг пожевал губу. Ему оставалось очень мало возможностей для выбора, пока он не направит все

безвозвратно в какое-либо действие. — Рейз, ты готов встретиться со своим первым Злым?

— Да, сэр!

Даг кивнул, мрачно ухмыляясь, застарелое возбуждение растекалось теплом по его венам. «Я думал, ты устал от этой игры, старый дозорный?» Живой Злой никогда не был всего лишь учебным упражнением, но, отсутствующие боги, это звучало близко к тому, что было ему нужно. «Так что давай-ка научим эту молодежь нескольким трюкам». Лучше пусть они будут живы однажды, когда Дага здесь не будет, а Злой не будет настолько податлив.

Вит подошел вместе с Фаун к краю толпы, когда прибыла Сумах. Сейчас он пробился вперед и сказал:

— Даг, я могу поехать с тобой? — он дотронулся до ореха, висящего на шее.

Даг сказал автоматически:

— Нет. Ты нужен мне, чтоб повести крестьян.

— Это могут сделать Берри и Фаун! Зачем было делать этот щит Дара, если мы не будем его пробовать?

«Конечно, это создавало некоторую проблему, если мы продолжим делать щиты для людей, которых любим…»

— Проклятье, Вит. Если я когда-нибудь сделаю щиты для Рида и Раша, я буду счастлив привязать их к дереву как приманку. Но не тебя.

Фаун сказала:

— Если твои щиты когда-нибудь сделают в ваших глазах крестьян партнерами Стражей Озера, а не просто детьми, прячущимся за вашу спину, то это должно когда-нибудь начаться. Сдается мне, ты сказал слово или два о человеке, который начинает идти с того места, где он есть. Ну, мы есть здесь.

Она процитировала Дага ему самому… Он дрогнул.

— Думаю, — сказал он, — кому-то надо будет держать лошадей.

— Спасибо, сэр!

— Будь осторожен, Вит, — сказала Фаун сурово. — Не оборачивай все это в наиглупейшую штуку, которую можно выдумать. Я не желаю объяснять это Берри. Или маме.

— Ладно, сестричка! — Вит обнял Фаун и убежал за своей лошадью.

— Аркади отправится с крестьянским отрядом, конечно, — Даг сузил глаза, глядя на целителя, который, к его чести, не протестовал. — И ты, Сумах.

Сумах открыла рот, колеблясь.

— Ты все еще едва на ногах держишься от удара по голове, твоя лошадь выдохлась, а если все пойдет мрачно, нужно, чтобы кто-то знал, как отправить этих крестьян в Лавровое Ущелье. И, кстати, Барр, смени лошадь на свежую.

Барр засуетился. Чудесным образом Сумах не спорила, позволив вместо этого увести ее обеспокоенному Аркади. Она моргала несколько затрудненно, будто бы ее зрение двоилось.

Несколькими минутами позже Даг вел пятерых дозорных и одного парня из Вест Блу рысью по дороге, пока Берри и Фаун заставляли остальных скакать на юг. Даг хотел увеличить дистанцию между атакой и Фаун настолько, насколько мог, чтоб дать крестьянам наилучший шанс на тот случай, если он им понадобится; ну а если нет, то один из молодых дозорных сможет побыть курьером и покрыть разрыв достаточно быстро. Группа глиняных людей верхом могла бы сделать то же самое, но пока что они все передвигались пешком. Лучше бы так и оставалось.

Безопасная схема Дага, состоящая в том, чтоб оставить своего брата по шатру с лошадьми немедленно рухнула, наткнувшись на арбалет Вита. В его небольшом отряде было слишком

мало лучников, чтоб отказываться от оружия или от наиболее опытного его владельца. Он снова подправил план атаки в уме под плавный шаг Копперхеда.

— Барр! — позвал он, перекрикивая стук копыт. — Найди последнее хорошее укрытие перед тем, как мы выскочим на них. — И это будет скоро; Даг мог чувствовать уже, невзирая на закрытый Дар, ощущение сухого шока в теле, говорящее ему о том, что живой Злой был рядом.

— Смотря по тому, насколько они передвинулись с тех пор, как мы напали, — крикнул Барр в ответ. — Прямо здесь, я думаю. — Он указал на небольшую скалу, почти нависающую над дорогой, хвост отрога с западного горного хребта, укрывающий крохотный ручеек. — Вокруг не слишком много деревьев, и огонь спалил все кусты и ежевику. Если нагрянут неприятности, мы увидим их заранее.

И Злой увидит тоже, подумал Даг, но махнул крюком в подтверждение.

Они нырнули в защищенное пространство и нашли там следы того, что раньше его многократно использовали для стоянки предыдущие путешественники. Дозорные спешились и стали вооружаться.

Даг соскочил с Копперхеда и вскарабкался по крутому склону к хребту, сопровождаемый по пятам Барром. Стоя на коленях, он раздвинул крюком заросли ежевики и ядовитого плюща и вгляделся в жаркий зеленый полдень.

Дорога образовывала углубление, заполненное восстанавливающейся низкой порослью; она шла вниз до пересечения со следующим потоком и затем вверх, открывая пространство в добрую милю. В четверти этого пути тащилась по направлению к ним группа Злого. Даг ясно видел эти создания, головы и плечи выдавали в них глиняных людей. Их тела были весьма массивными, с огромным брюхом, а походка — неповоротливой и странной.

— Все еще на Тракте, — пробормотал Даг. — А я-то думал, вы с Сумах побудите их спрятаться. И, кстати, уложили вы пятерых или нет, я вовсе не благодарен вам за то, что вы научили их бояться Стражей Озера и показали как с ними драться. Сумах должна бы знать, что разведка не означает поднять тревогу.

— Мы налетели на них гораздо быстрее, чем ожидали, — как только сделали поворот. Сразу за следующим подъемом. Тогда они были более рассредоточены, — прошептал Барр в ответ. — Они с

тех пор прошли всего лишь примерно милю.

Даг вгляделся в дрожащее марево, пытаясь пересчитать глиняных людей, сдался и сказал Барру:

— Посчитай их. Количество осталось прежним?

Более молодые глаза Барра пытливо сузились; его губы зашевелились.

— Сейчас их двадцать шесть. Эй! Этого быть не может.

Даг не думал, что Сумах могла промахнуться в подсчете.

— Они могли вернуться из своей разведки для защиты и чтоб заменить павших. Это не так плохо.

Так близко к Злому Даг не смел открыть свой Дар чтоб проверить, но он не видел, чтоб глиняные люди подбирались к ним с флангов через кустарник. А более отдаленные глиняные люди не стоили пока тактических размышлений.

Враг сокращал разрыв со скоростью едва ли быстрее шаркающего шага. Отлично, позволим им пройти побольше. Даг соскользнул обратно в укрытие. Лошади были стреножены в стиле дозорных — поводья закреплены, чтоб не тащились по земле, а на самих лошадей было наложено

суровое уговаривание оставаться вместе. Потому что вы не захотите связывать физически лошадь, которую позже вам может понадобиться призвать, и нет риска оставить бедное животное беззащитным, если никто не вернется их освободить. Он еще раз проверил Копперхеда, затем обернулся, чтоб вполголоса отдать распоряжения своему отряду.

— Все хорошо. У нас здесь из-за подъема преимущество, которое я хочу сохранить. Когда Злой и его глиняные люди будут на расстоянии выстрела, если, конечно, они не заметят нас первыми и не сбегут, я, Вит, Тавия и Барр постараемся уложить столько, сколько сможем, пока стрелы не кончатся. После этого начнется охота на кабанов с копьями и ножами, исключая лишь то, что кабаны недостаточно разумны, чтоб объединить силы против вас, а глиняные люди — вполне. Стараемся не разделиться и не превращаться в мишени, помогаем тому, кто все же ей стал. Не останавливаемся, чтоб прикончить глиняного человека, если он достаточно ослаблен и не может двигаться, но помните, что они будут продолжать кидаться на вас даже если ранены, пока жив Злой. И помните, что глиняные люди — это всего лишь показная диверсия; единственная

цель, с которой стоит считаться — это Злой и то, чтоб Рейз и его нож его достигли. Попробуй зайти к нему сзади, Рейз.

Дозорный сглотнул, затем расправил плечи и кивнул. Заставил руку, сжимающую нож, висящий на груди, разжаться и опуститься.

Даг перевел дух и быстро продолжил:

— Я изменяю ваши привычные пары. Нита и Ремо оба идут напарниками к Рейзу, охраняя его с флангов как привязанные, потому что у них лучшая защита Дара для того, чтоб подходить к Злому так близко, и у Ниты уже есть некоторый опыт.

Нита улыбнулась нервной, но довольной улыбкой и кивнула.

— Так что Барр остается с Тавией, а Вит — со мной.

Это точно обрадовало Барра. Вит заморгал с застенчивой гордостью.

Если бы Даг не взял с собой Вита, то он бы пошел в напарники к Рейзу, ведя его к его первому убийству. Вит убивал бандитов; глиняные люди не потрясут его чрезмерно. Но если щит Дара не выдержит, парень рискует тем, что его Дар будет вырван или — возможно, еще хуже, — разум порабощен. Если случится последнее, Даг надеялся,

что ему придется лишь оглушить своего брата по шатру, приложив покрепче по затылку и убрав таким образом со своего пути до тех пор, пока Злой не будет убит. Но это была не та задача, которую он посмел бы перекладывать на кого-либо. Он не говорил об этом риске, чтобы не выбивать Вита из колеи.

— Мы не должны беспокоиться о том, чтоб окружить Злого до тех пор, пока он не приблизится к нашей позиции. Он движется так медленно, что, когда все глиняные люди будут убраны с пути, мы почти что будем способны его обогнать. Но — слушай внимательно, Вит, именно здесь кроется отличие от охоты на кабанов — убить Злого больше похоже на атаку на большого медведя, и не на одного из тех милых черных мишек, которых ты находил вокруг, но большого северного медведя-гризли. Он сильный, он быстро поворачивается и может отбросить человека на тридцать футов, если подпустить его близко. Лишь разделяющий нож убьет его. Так что сконцентрируйтесь на глиняных людях и оставьте Злого Рейзу и его напарникам. Все ясно?

— Да, сэр, — сказал Вит с расширившимися глазами.

— Хорошо. Выпейте воды или сходите в кусты,

если вам нужно, держите Дар крепко закрытым и с этой минуты не разговаривайте. Тавия и Барр, найдите наилучшую позицию для стрельбы. Вит, оставайся со мной.

Даг пошел к Копперхеду и забрал свой адаптированный лук и стрелы.

Он закрепил колчан за спиной, выкрутил из деревянной чаши протеза крюк и бросил его в кожаный мешок на запястье, на его место поставил лук и закрепил его. Даг проверил тетиву: она была сухой и звенела. Пришел Вит, занятый размахиванием арбалетом, и Даг додумался прошептать ему:

— Не взводи эту штуку, пока я не выстрелю в первый раз. Шумная трещотка.

Вит понимающе кивнул. Исключая случайный слабый лязг оружия или всхрап лошади, импровизированный дозор Дага двигался в совершенно жуткой тишине. Сейчас ему было нечего делать, кроме как найти хорошую линию обзора из укрытия на скалистый подъем, притаиться и ждать, когда дела пойдут хуже.

Глава 18

Злой остановился, когда до них осталось едва ли две сотни шагов, несколько правее — там, где дорога начинала изгибаться вокруг скалы. Он, казалось, принюхивался, поворачивая свою большую безволосую голову вперед и назад. Он был по меньшей мере семи футов ростом, и по его синеватой, пятнистой коже Даг предположил, что его первичное логово должно было быть где-то в серых скалах. Это ненамного сузило бы поиски; в этой долине были тысячи лощин, трещин, пещер и навесов. Злой выглядел очень странно, стоя голым на залитом солнце зеленом пространстве.

Ему надлежало прятаться в холодных тенях, куда не заглядывает весна и где задерживается лед — там его монструозность была бы хорошо спрятана.

Даг не знал, как много эти поблескивающие, слишком уж человеческие глаза, прячущиеся под бровями — так же, как они сами прятались под известняковым выступом, — видят в этом освещении. Он молился, чтоб остальные дозорные держали свой Дар закрытым так же плотно, как он сам. Прикрытый щитом Вит будет неясно све-

титься в его чувстве Дара, как что-то туманное; живое, но ускользающее. Скорее Злой мог почувствовать лошадей, тревожно переминающихся за скалой.

Он явно что-то ощутил, так как фыркнул, и дюжина его глиняных людей покинула дорогу и начала продираться к укрытию сквозь кустарник высотой в пояс. Даже глиняные люди дрогнули, наткнувшись на прошлогодние шипы на сухих ежевичных кустах, издающие громкий треск, когда в них вламывались. Угол между позицией Дага и Барра с Тавией был не настолько широк, как он бы желал для перекрестного огня, но высота была превосходной.

«Да, прекрасно. Подходите ближе, звери-бедолаги, да.»

Даг держал свою стрелу со стальным наконечником у тетивы и ждал. Вит наблюдал за ним, сжимая арбалет и держа наготове болт, и его глаза становились все шире и шире, как бы крича «Сейчас? Сейчас?.. Ну, сейчас?»

Даг неторопливо стал на колено, осуществляя свой первый и последний шанс на отличный выстрел. Он выбрал для пристрелки приближающегося… человека-опоссума? Или это когда-то мог быть кролик. Своеобразное облегчение охватило

его; так бывает, когда все решения приняты, — как тогда, когда стрела уже выпущена, но еще не нашла свою цель. Кстати о стреле…

Он натянул тетиву. Успокоился. Отпустил стрелу. «Да!», прошипел он. Прямо в голову; человек-опоссум только пискнул, упал, забившись, и затих. Даг натянул тетиву и прицелился снова, когда механизм взвода арбалета Вита судорожно затрещал позади него. Вторая стрела Дага ушла в воздух прямо перед первой стрелой Вита.

Брови Дага приподнялись при звуке сухого щелчка, который раздался, когда тяжелый болт Вита ударил глиняного человека в руку. Выстрел в брюхо или голову был бы лучше, но он мог бы поклясться, что кость сломалась.

На расстоянии своей малой дальности снаряды этого оружия впечатлили силой выстрела. Уголком глаза он видел, как вылетели еще стрелы. Два выстрела, следом за которыми раздались рев и вой. Глиняные люди рванулись вперед, с хрустом карабкаясь как сумасшедшие по склону, который был просто превосходен, пока у них оставались стрелы.

Следующий треск-и-хруст Вита оказались чистым промахом, но зато потом было четкое попадание, которое сбило с ног мохноухого лисо-

человека, который покатился по склону вниз.

У Дага еще оставались стрелы, когда несколько оставшихся на ногах глиняных людей стали убегать — или были призваны своим хозяином. Даг не трудился пересчитывать упавших, только боеспособных. У некоторых стрелы торчали из тел под странными углами, они скулили от боли, но они не спотыкались настолько, чтоб их вычеркивать.

Злой в этот момент опустился на колени, его огромное брюхо легло на дорогу меж колен, но он вновь поднялся прямо, и дюжина его оставшихся стражей сплотились вокруг него. Даг вывинтил из протеза лук и взял свой боевой нож.

— Все в порядке. Лучше уже не будет.

Лишившийся болтов, Вит начал снимать арбалет, но Даг сказал:

— Повесь его за спину. Тебе может повезти найти те, которые не попали в цель. Или попали.

Вит перекинул лямку арбалета через грудь и взял копье с ясеневым древком, которое одолжил у Сейджа. Парень заорал в возбуждении, когда они побежали, затем заметил, что все остальные сохраняют мертвую тишину, и плотно захлопнул рот. Даг позволил ему вырваться вперед и выплеснуть свой энтузиазм, проделывая путь через

колючий кустарник. Раскачивающееся копье оказалось неожиданно полезным.

Барр и Тавия пробирались по склону справа, а троица с разделяющим ножом — сразу следом.

Они разбежались вокруг Злого; его глиняные люди отвечали им, бросая в них камни, которыми эта земля была укомплектована даже излишне хорошо.

Сила их снарядов была огромной — камни свистели в воздухе, — но, к счастью, прицельность была в основном плохой, только раз Ремо вскрикнул, когда один стукнул и отскочил от его плеча. Злой поворачивался снова и снова, ужасно рыча, но не отступал. Осторожно подбираясь ближе, Даг использовал две из последних четырех стрел со стальными наконечниками, чтоб уложить двоих глиняных людей. Еще двое бились перед ними; один наскочил на копье Вита, выдрал его из его рук, но затем упал, пронзенный в суматохе. Боевой нож Дага вскрыл его глиняного человека от паха до грудины. Вит воспользовался случаем и выдрал обратно один из своих болтов, засевший в ноге упавшей твари, отерев с него запекшуюся кровь.

Размахивающий дубиной глиняный человек, атакующий Рейза, сбил с ног Барра. Даг быстро

выстрелил в него. Троица пыталась обойти Злого, а тот продолжал поворачиваться лицом к ним. Воодушевленный, Вит поднял арбалет и послал свой возвращенный болт в Злого. Тот ударил с чавкающим звуком прямо в левое плечо твари. И исчез.

Злой закричал и развернул свое неуклюжее тело. На левой стороне его груди серая кожа разошлась; болт вышел из отверстия и упал прямо в подставленную руку Злого. И в то время как Злой размахнулся и метнул болт как дротик, кожа пошла волнами и сомкнулась вновь. Он не попал; Даг заслонил собой Вита, который тараторил:

— Ты это видел? Он просто выплюнул его, как лимонную косточку! Он же через сердце ему прошел!

Даже сквозь свой крепко закрытый Дар Даг мог чувствовать, как Злой потянулся, чтоб вырвать Дар его брата по шатру. Сила его через какое-то время должна была взломать щит Вита как ракушку моллюска. Что, конечно, было также справедливо в отношении закрытого Дара. Огромная рука сжалась…

Выстрел Вита был бесполезен как удар, но превосходен в качестве отвлечения.

Воспользовавшись тем, что Злой в это ужасное

мгновение отвлекся, Рейз с побелевшим лицом метнулся к его спине, зажмурился и вогнал в него бледное лезвие своего разделяющего ножа.

Слабый хруст расколовшейся кости и высвобождение его запаса смертности в Злого были самым сладчайшим звуком, какой Даг мог представить.

Крик Злого становился все выше и выше до тех пор, когда он ощущался уже как горячие иголки, воткнувшиеся в барабанные перепонки Дага. Вит согнулся и хлопал руками по ушам, открывая и закрывая рот, говоря что-то, чего Даг не мог разобрать.

Рейз, Нита и Ремо отступили назад; Рейз, которого задела смертельная аура Злого, согнулся и его начало рвать. Сам же Злой медленно, начиная от макушки своего гребенчатого черепа стал распадаться на кусочки, которые опадали как снежинки, крутясь отвратительным облаком.

Разрушение спускалось по спирали вниз, быстрее и быстрее. Затем оно замедлилось, когда дошло до торса, куда пришелся удар. Останки существа — бога, человека, монстра или некоего комка из всего этого — просели в кучу в середине дороги. Семьсот фунтов склизких камней. Внезапная тишина была благословением за пределами

воображения.

Даг смотрел на большую бесформенную кучу, затем вытащил свой заряженный нож из кожаных ножен, висящих на груди, и приблизился с тревогой. Он собирался на волосок приоткрыть свой Дар, чтоб проверить ее, и тогда уж сожалеть. Пахло весьма отвратительно. Мучительная неправильность взорвалась внутри Дага с силой кусачего лутлианского зимнего ветра; его желудок завязался в узел, а рот невольно наполнился слюной. Но новое тело Злого, формирующееся внутри старого, было мертво также или никогда еще не было живым. Даг вновь сжал свой Дар и челюсти, убрал нож и тяжело сглотнул, препятствуя тому, чтоб его поздний завтрак немедленно сбежал.

Вит трясся, но стоял на ногах. Барр сидел на земле, сжимая кровоточащую голову; Тавия с ярко-красными метинами на лице, которые вскоре станут темно-синими синяками, стояла на коленях подле него, пытаясь убрать его руки, чтоб осмотреть рану. Рейз стоял на четвереньках и его рвало, Ремо склонился над ним с участием, а Нита наблюдала с тревогой.

— Вит, Нита, — позвал Даг. — Мы еще не закончили. Нужно зачистить всех глиняных людей,

кого найдем.

До них было рукой подать. Только двое созданий убежали с дороги, пытаясь укрыться на речном берегу или в кустарнике на дальнем гребне. Сейчас они были безумны — или, скорее, неразумны, и это было еще более пугающе — вернуться к своему животному разуму, запертому в теле, похожем на человеческое. Они бы умерли сами, но только после длительной агонии. Тот, что еще был жив в переломанных ежевичных зарослях, издавал отвратительнейшие звуки, животный визг, смешанный с почти человеческими всхлипами. Даг приостановился, чтоб снова заменить лук на крюк, после чего взял нож. Упавшие глиняные люди были все еще опасны, поэтому они шли втроем: двое удерживали глиняного человека, а один наносил рану в эти достойные жалости горла, приканчивая то, что никогда не должно было появляться на свет. Это было настоящее милосердие, и Даг ненавидел каждую его несчастную минуту. Но молодежи не нужно было этого видеть, так что он в тысячный раз устроил методический и доскональный пример. Они собрали все стрелы, которые смогли найти.

Даг убедился, что Рейза не рвет кровью, а затем поручил Ремо оттащить его к лошадям, подальше

от останков Злого. Тавия поддерживала впечатляюще окровавленного Барра — раны в голову всегда кровоточат как ключи, — но его череп был цел. Даг назначил Ните съездить верхом за крестьянами и вернуть их.

— Скажи им, встречаемся у фургонов!

Когда быстрый стук копыт ее лошади стих, Вит обошел вонючую кучу в середине дороги, в изумлении тряся головой.

— Эта тварь, должно быть, весила шесть или семь сотен фунтов. Скажи, Злой Фаун выглядел так же, как этот? — спросил он Дага.

— В основном. Исключая только, что Злой из Глассфорджа был более опасным, так как не был на грани линьки. — А еще у Злого из Гласфорджа была речь; у этого же — вроде бы нет, что давало надежду, что за ним не стояло ни одной человеческой жертвы.

— Как эти линьки работают? Вы так говорите о них, будто это что-то плохое.

Даг пожал плечами:

— Ты понимаешь ведь, как делаются глиняные люди, верно? Злой помещает живое животное в землю и заменяет Дар животного, чтоб побудить его тело вырасти в человеческую форму.

— Я слышал, как Фаун описывала тех, что ви-

дела в Рейнтри. Я бы не поклялся, что понял, но думаю, что общую картину я ухватил.

— Дар — это основная истина мира. Злой обо-рачивает ее в ложь или, как минимум, в что-то еще, и материя начинает меняться, чтоб соответ-ствовать ему.

Вит выглядел еще более озадаченно; Даг быстро оставил тему теории творения.

— Таким же образом Злой использует собствен-ное тело как глиняный горшок, чтоб вырастить новое. Новее, лучше, более развитое, обычно бо-лее похожее на человека. В зависимости от того, каких людей или животных Злой сумел погло-тить. Вырвать их Дар. Злые используют чужой Дар, чтоб научить свое новое тело как расти.

Вит наморщил нос:

— Значит, Злые рожают сами себя?

— Есть причина, почему мы называем это линькой, а не родами. Достигнув полного разме-ра, Злой покидает старое тело, которое умирает вокруг нового, а новое, э-э… выдирается с боем из старой кожи. Новое тело обычно почти такого же размера, как старое, так что Злой на пороге линьки «сидячий» — неподвижный. Он прячется на дни или недели и не двигается до тех пор, пока процесс не закончится. В этом состоянии

они довольно беспомощны и их легко — ну, легче — убить.

— А когда они становятся более человеческими, как тот, который был в Рейнтри? Ты еще говорил, что он был очень красивым.

— Тот же самый процесс. Более грязный, полагаю. Они стараются линять реже, так как нападают.

Вит уставился на кучу гравия и почесал затылок:

— Хм. Думаю, ты бы не хотел, чтоб Фаун видела это прямо сейчас.

Верный Вит выпалил то, что лучше было бы оставить невысказанным. Даг не знал смеяться ему или вздыхать.

— Нет, — согласился он. — Конечно, не хотел бы.

Но Вит уже гнался за другой мыслью.

— Так значит… тогда, когда вы двое встретились возле Глассфорджа, Фаун сделала то, что сейчас сделал Рейз, более или менее?

— Да. Она ударила Злого заряженным разделяющим ножом. Именно так.

Вит молчал довольно долго.

— Моя сестренка… — сказал он в конце концов.

Его тон не выражал чего-то особенного, но Даг подумал, что это, возможно, удивление.

Или благоговение. «Хм».

* * *

Для Фаун было облегчением стать лагерем на ночь прямо на том мелком ручье, где они оставили фургоны, несмотря на изнуряющий переход, который они проехали, чтоб достигнуть их вновь. Грусс был не единственным крестьянином, который ворчал о двенадцати милях вниз по дороге, преодоленных лишь затем, чтоб вернуться на двенадцать миль — просто самым громким.

— Целый день работали, чтоб вечером оказаться ровно там, где были утром. Ну и чего мы достигли?

— Тренировки, — отвечала Сумах без сочувствия. — Практика лишней не бывает.

Как только Фаун убедилась, что Даг не ранен, она стала рассматривать торжествующих, но потрепанных дозорных со всей озабоченностью, которая у нее оставалась. Вит уверил ее, что Барр орал гораздо больше, когда Аркади зашивал ему голову, чем когда глиняный человек угодил в него камнем. Ремо двигался неуклюже и не мог поднять правую руку выше плеча, но не жало-

вался. Все, включая Тавию, казалось, думали, что синяки на лице Тавии были больше заметными, чем серьезными.

Рейз, не задетый ни одним ударом, был гораздо более больным. Фаун с радостью разделила с ним свой уменьшающийся запас лекарства от тошноты, но успешно выпить глоток воды он смог только после заката.

Даг не казался встревоженным, но убедился, что мальчик лежит в постели.

Все Стражи Озера согласились, что Рейз заслужил надлежащих веселушек, вечеринку дозорных, чтоб отпраздновать свое первое убийство Злого, но говорить об этом стоило тогда, когда он придет в достаточную форму, чтоб порадоваться. А Даг сказал, что на это понадобится неделя.

Дозорные собрались вокруг огня после ужина, чтоб сложить вместе использованный Рейзом нож и осторожно завернуть обломки в импровизированный тряпочный саван до тех пор, когда их можно будет отправить в Новый Вяз для захоронения.

Они не казались Фаун достаточно мрачными, чтоб назвать это ритуалом, не казались и достаточно радостными, чтобы назвать праздником, но Сумах завела песню, которую Фаун узнала с

веселушек, на которых была в Глассфордже — на этот раз не на костяной флейте, а лишь голосом. Слова, как оказалось, были не о Злых, смерти или жертве, а о саде на берегу озера, где встречались двое любовников. Это должно было звучать лирично, но почему-то выходило похоже на гимн. Фаун не могла сказать почему, но почувствовала, что мелодия должна быть очень старой.

Берри, когда куплеты дошли до кульминации, извлекла из сумки свою скрипку из дерева хикори и, несмотря на еще не зажившие пальцы, сыграла мелодию с извилистыми напевами даже красивее последней. Мерцающий костер высветил следы слез на лице Рейза, когда он слушал ее из своего одеяла, и когда она закончила, он очень искренне пробормотал «Спасибо». Фаун задумалась, насколько близок был юному дозорному его прадед.

Берри подняла всем настроение, сыграв быстрый рил[8] и вдохновив Плюм привести к костру своего маленького братца Оулета в храброй попытке станцевать. Они раскачивали руками, сцепив их, больше с энтузиазмом, чем грацией, и Оулет пищал от радости, когда Плюм крутила юбками.

По теплой погоде Оулет бегал одетым только в

рубашку, подходящую ему по размеру как платье; из-под подола рубашки торчали его коленки в ямочках и маленькие голые ножки, вымазанные в грязи, и, глядя на него, улыбались даже Бо и Даг.

После того, как Берри встряхнула руками и отложила скрипку, Бо рассказал пару историй. Обе были возмутительно неправдоподобными, и это вызвало поток воспоминаний у дозорных, о правдоподобности которых судить было сложно. Несколько припасенных бутылок передавали из рук в руки. Вклад Аркади вызвал наибольшее уважение; один глоточек, который Фаун посмела сделать, обжег ее как жидкий огонь. Его отхлебнул даже Грусс.

Когда взошла луна, Фаун лежала в одеяле и слушала, как пасущиеся животные жуют траву и приглушенно фыркают, разбредшись вдоль русла ручья. Наблюдая, как Даг ел свой ужин, она подумала, что он несколько разделил в Рейзом тошноту, но уверенности у нее не было. Как он чувствовал себя после Злого из Глассфорджа? Тогда ей самой было слишком плохо, чтоб это заметить. Может, Рейз недостаточно тренировал закрытие Дара, или может однажды он тоже станет мастером? Этим вечером Даг обходил лагерь

дозором по периметру очень широко; прошло много времени до того, как он присоединился к ней. Они улеглись в хорошо знакомую позицию, сплетя ноги под одеялом, лицом друг к другу в серебристой тьме.

— Скажи, сегодня было трудно? — спросила она, водя пальцем по его нахмурившемуся лбу и накручивая на пальчики непослушные завитки его волос, в которых пока еще не поблескивало серых нитей.

— Нет. Так же просто, как с любым другим сидячим, по правде сказать.

— А щит Вита работал хорошо?

— Насколько я мог видеть. Ну, я не знаю, как долго он продержался бы против серьезной попытки вырвать его Дар, но он защитил его от порабощения разума. Если только потому, что сделал Дар Вита таким размытым, что Злой не мог понять что это такое. А мы не дали ему времени, чтоб разрешить проблему.

— А твои дозорные хорошо дрались?

— О, да.

Фаун сказала осторожно:

— Не уверена, что они знают, что ты так думаешь. Ты сегодня вечером был несколько мрачным и угрюмым.

Его брови приподнялись:

— Молодежь очень хорошо справилась. Вит тоже. Он свою долю работы выполнил, и они это видели. Смею сказать, они больше не будут смотреть на крестьян как раньше, — на мгновение он умолк.

— Меня беспокоит Злой.

— Почему?

Он вздохнул и продолжил медленно:

— Не знаю. Просто… придираюсь. Все Злые похожи, пусть даже каждый из них немного отличается. Зачем он был на дороге?

— Может, он просто менял свое логово? Искал место получше для линьки?

— Возможно… — Тон Дага не был убежденным. — Но этот казался еще и ужасно агрессивным для того, который собрался линять. Обычно они в этом состоянии просто ложатся и позволяют своим глиняным людям приносить им жертвы.

— Может… Я не знаю. Может он вырвал Дар какого-нибудь бешеного животного?

— Не думаю, что это бы сработало так, — он потряс головой, обняв ее крепче, когда она чуть повернулась, чтоб прильнуть к его телу плотнее. — Но несколько добрых слов молодежи завтра скажу. Они их заслужили.

* * *

Рассвет следующего дня был ясным; отряд поскрипывал, но оказался готов к тому, чтоб отправиться сразу после него. Рейз чувствовал себя достаточно хорошо, чтоб сесть на лошадь, хоть он и позволил Индиго оседлать ее, а двое товарищей помогли ему забраться наверх. Они проехали четыре мили по дороге и приостановились — потому что каждого, кого не было на поле битвы, просто протащили через нее детальным описанием сражения, удар за ударом теми, кто там был. Фаун наблюдала с седла Мэгпи, самую чуточку беспокоясь о том, какой эффект возможные остатки скверны произведут на ее ребенка. Она нетерпеливо ожидала первого шевеления внутри своего живота. Она даже Дагу не признавалась в своем ни на чем не основанном убеждении, что если ей удастся перенести свою беременность через момент времени, на котором прервалась предыдущая, это станет для нее знаком надежды, как если бы проклятие было снято. Встреча со Злым прямо сейчас разбудила настолько горестные воспоминания, что это потрясло ее более, чем она могла себе позволить.

Наконец, Вит и дозорные закончили трепаться

о каждом выстреле, и они все двинулись дальше.

Поздним утром они оказались в том месте, где Злой, по словам Дага, должен был впервые выйти на дорогу. Даг повел смешанный отрад дозорных и мальчишек-крестьян к западному гребню, чтоб найти логово. Сумах осталась у фургонов, чтоб наблюдать за Рейзом; Нита видела логова в Лутлии, и поэтому осталась помогать ей. Бо также отказался, и Хог, как обычно, повторил за ним.

Берри, улыбаясь, перегнулась через луку седла и прошептала Фаун:

— Я думала, у Бо с головой хуже. В полночь он клялся, что видел, как на фоне луны пролетели летучие мыши размером с грифа-индейку.

— Это, наверное, что-то вроде тех колесных змей, о которых он рассказывал, будто южане их используют вместо колес для фургонов? — спросила Фаун. — Или как аллигаторов запрягают помногу в лодку, чтоб плавать по болотам? Или как дождь шел так сильно, что он видел, как сом плыл по дороге над головами и парни поймали его шляпами?

— Полагаю, так. Хотя, сом не кусался.

Фаун захихикала и пришпорила Мэгпи. Она бы не удивилась, если бы Бо увидел грифов; непогребенные тела глиняных людей воняли и могли

вскоре привлечь падальщиков. Могли стервятники искать падаль в лунном свете?

Пожар охватил мили леса, и Фаун попробовала представить размер пламени, которое уничтожило эти леса. Как быстро ветер подгонял оранжевую стену смерти? Она вспомнила, что Злые были не единственной опасностью в мире, о которой стоило думать. Она не видела особенного выбора между тем, оказаться сожженной или осквернённой. Хотя шрамы от огня заживали годами, а не десятилетиями или веками, и с точки зрения ежевичных зарослей и иван-чая были почти что благословением.

Ее размышления омрачились, когда они остановились пообедать у ручья, пересекающего то, что явно было выгоревшей деревней, разрушенной тем же самым трехлетней давности пожаром. Отсутствие жителей в долине оказалось внезапно объясненным. Она прошлась мимо остатков домов и сараев, которые чернели из зеленых зарослей, как кости, прорвавшие кожу.

— Мы могли бы остаться здесь, — сказал Грусс, жадно разглядывая участок плоской земли вдоль ручья, который, без сомнения, привлек людей из сожженной деревни.

— Я не останусь на этой проклятой замле! —

сказала Вио резко. — Монстры, и огонь, и люди-медведи и кто знает что еще… — ей пришлось прерваться, побежать и спасти своего малыша Оулета от решительной попытки свалиться головой вперед в старый колодец. Когда он оттаскивала его от смерти, а он протестующее сопротивлялся, она взглянула вниз и закричала.

Фаун рванулась к ней, так же как Сейдж и все остальные, кто ее слышал.

Солнце над головами осветило колодец, открыв взглядам кучу смешавшихся костей на дне. Плоть исчезла, но некоторые обрывки волос и одежды все еще были видны.

— Они, должно быть, нырнули в воду, чтоб уйти от огня, — сказала Сумах, заглянув вниз, — и задохнулись, когда им все накрыло.

— Или они утонули, — высказал мнение Бо, — если взбирались друг на друга.

Фаун сглотнула и быстро отошла. Там внизу были кости разного размера. Семья? Пара семей, может быть.

— Неужели здесь никого не осталось, чтоб похоронить их? — спросила Келла.

— Может, выжившие решили, чтоб колодец стал их могилой, — предположил Сейдж. — Не хотели больше использовать его как колодец.

После некоторого спора было решено оставить колодец-могилу в том виде, как он был найден. Фаун потеряла аппетит и была рада уйти от места с привидениями.

Экспедиция, отправившаяся на обследование логова Злого присоединилась к ним несколькими милями дальше. Даг говорил Аркади, что тот пожалеет, если отправится с ними, и по его виду было понятно, что так дело и обстояло — его лицо было потным и бледным как у Рейза. Сумах рванулась помочь ему, но тот лишь потряс головой. Два отряда обменялись одинаково мрачными описаниями сгоревшей деревни и логова Злого, и на этот раз Бо не предлагал рассказать глупых сказок, чтоб увенчать их.

После обеда Фаун ехала между Дагом и Финчем во главе отряда. Каждый начал присматривать хорошее место, чтоб стать лагерем на ночь. Даг сказал, что поздним утром они, вероятно, окажутся у перевала в начале этой длинной долины. Завязался спор о том, когда лучше отдохнуть животным — день до перевала или день после. Фаун подумала, что большинство выскажется за то, чтоб отдохнуть позже. Никому больше не нравилась эта земля.

Финч был все еще полон впечатлений от ло-

гова Злого:

— Никогда бы не поверил! Все мертвое и серое на двести шагов вокруг. И эти дыры, откуда вылезли глиняные люди, совсем такие как ты рассказывала, Фаун!

— Там было сильно плохо? — спросила Фаун.

Даг помотал головой:

— Ничего такого, чего ты не видела, Искорка. Даже менее того. Это меня все еще удивляет. — Он повернулся в седле и нахмурился. — Хотел бы я увидеть сегодня какое-нибудь движение на дороге. В любую сторону.

Сумах ехала за ними вместе с Аркади, которому было лучше, но он все еще был тих.

— Кстати, Даг, — заметила она. — Нам надо бы отправить рапорт в Лавровое Ущелье. Они должны были вычистить этого Злого до того, как мы его нашли.

— Написать дозорный рапорт, о, да, — сказал Даг. — Будет просто замечательно с твоей стороны научить молодежь как это делать.

Она показала ему язык.

Он, не смущаясь, широко улыбнулся, но добавил:

— Мы можем оставить его на курьерской точке сбора в Черноводной Мельнице, когда будем там.

Нет нужды сбиваться с пути.

— Хотя я б хотела знать, где их дозор бродит, — сказал Сумах. Даг скорчил гримасу.

— Угу. — Вернулась его озадаченная мрачность.

Вдохновленная, Фаун выпрямилась в седле:

— А что, если Злой не атаковал нас, Даг? Что, если он от чего-то убегал?

— От чего может убегать Злой? — спросил Финч. Фаун слегка посветлела.

— Дозорные! Может, дальше по дороге мы встретим дозорных из Лаврового Ущелья.

— А они не разозлятся, что мы как браконьеры убили их Злого? — спросил Финч. Его, конечно, не было там, когда убили Злого, — не более, чем Фаун, — но каким-то образом Вит как представитель крестьян отбросил отраженную славу на всех мальчишек. Фаун не думала, что это плохо.

— Спустя некоторое время, — сказал Даг, — ты узнаешь, что их вокруг еще множество. Мы их не пасем, знаешь ли.

— Хотя я думаю, — сказала Сумах, — что дозорные из Лаврового Ущелья будут смущены. На самом деле, дядюшка Даг, я думаю, что напишу этот отчет. Просто чтобы убедиться в этом.

Улыбка Дага вспыхнула, но снова угасла.

— Не думаю, что этот Злой убегал от дозорных. Во-первых, он был настолько свежевылупившийся, что еще не знал о них, и, во-вторых, Злые относятся к нам, как к мясу на ножках. Это как убегать от своего ужина. Мы стараемся сделать разделяющие ножи сюрпризом для них.

Фаун представила забавную картину того, как ее следующая еда спрыгивает с тарелки, хватает ее нож и нападает на нее. Она вытряхнула ее из головы. Ей не хотелось пытаться воображать о чем думают Злые; она боялась того, что у нее может получиться. Может, ей стоит отдохнуть. Она взглянула на Дага, и ее живот свело холодом. Его лицо было совершенно без выражения, как если бы та мысль, которую он обдумывал, его нисколечко не заботила.

— Если только не… — пробормотал он.

«Если только не что, любимый?»

Огненные ожоги, наконец, уступили пятнам здоровых деревьев. Четвертью мили выше по дороге Фаун увидела приближающуюся полосу чистого леса. Может, внезапный дождь спас ее? Или перемена направления ветра… Солнце краем дотронулось до западного хребта, восточный склон которого был уже весь в тени. Краем глаза она увидела движение на обочине дороги в гу-

стой тени под деревьями.

— Голосую за первый пригодный ручей между деревьями для сегодняшнего лагеря, — сказал Финч, также вглядываясь. — Хм. Что это? Похоже, у грифов вечеринка.

Полдюжины темных, хлопающих крыльями силуэтов окружили тушу животного.

— Козел? — спросила Фаун. — Или собака?

— Может, олененок? — предположил Финч, хихикая от ее раздраженного взгляда.

Даг внезапно резко остановился, уставившись.

— Это не козел. Это мул.

— Не может быть… — усмехнулся Финч. — Тогда бы те птицы имели десять-двенадцать футов размаха крыльев.

— Это не птицы. Сумах? Одолжи мне глаза. И чувство Дара.

Сумах коленями послала лошадь вперед, вглядываясь вместе с Дагом. Ее дыхание стало свистящим.

— Что за… Даг, что это за мерзость?

— Глиняные… люди? — Его голос звучал весьма неуверенно. — Глиняные… летучие мыши? Без перьев. Суставы не как у птиц. Крылья как у летучих мышей.

— Злые могут делать людей-летучих-мышей? —

сказал Финч озадаченно? — Почему ты раньше не говорил?

— Я никогда не видел таких раньше, — сказал Даг. — Людей-волков и огромных волков — да. Почему бы не летучих мышей?

Фаун могла бы придумать дюжину отличных причин «почему бы не летучих мышей?», начиная с «почему бы не аллигаторов?». Нет, брр, фу-у.

— Отсутствующие боги, они огромные, — сказал Аркади, который подъехал посмотреть. Его голос дрожал, что было на него совсем не похоже.

У туши мула один силуэт оказался оттеснен своими пирующими друзьями. Он раскинул длинные кожистые крылья и издал резкое рычание, напоминающее звук заевшей лесопилки.

— Тоже выжившие? — спросила Фаун. — Как те, которые, ты говорил, ушли за реку? — Она отчаянно надеялась, на то, что это были выжившие. Потому что альтернативой было…

От чего во всем огромном мире может бежать Злой?

Ни от чего.

Исключая лишь еще более худшего Злого.

— У них крылья заканчиваются руками? —

спросила Сумах. — С… когтями?

— Проклятье! — сказал Даг. — Фаун, Финч, скачите назад и остановите фургоны. Сумах, собирай дозорных. Мне нужно взглянуть поближе.

— Один не поедешь! — сказала Сумах резко. — Аркади, предупреди дозорных.

Аркади, сглотнув, кивнул и развернул лошадь. Фаун неохотно отправилась следом за ним, неловко оборачиваясь в седле и заглядывая через плечо.

Когда Даг и Сумах подъехали к туше, мышетвари отпрянули от нее, издавая те же пилящие звуки. Они были неуклюжими, когда ползали по земле и их крылья тащились как наполовину сложенные пологи шатров. Двое, цепляясь когтями, добрались до ближайших деревьев. Остальные полезли на кучу камней, цепляясь друг за друга, чтоб забраться повыше. Еще одна повернулась и закричала, ярясь и хлопая кожистыми крыльями как кукарекающий петух; лошади Дага и Сумах испугались, развернулись и попытались умчаться. Даг не смогу заставить Копперхеда подойти достаточно близко, чтоб дотянуться до них своим ножом, но уговорил его вертеться и лягаться обеими задними ногами. Подкованные копыта достали цель; Фаун услышала хруст костей.

Мышетварь закричала снова и хлопнулась на землю, таща за собой сломанное крыло. Копперхед дико отскочил.

Мышетвари, забравшиеся на кучу камней, снялись с нее одна за другой с громким шумом хлопающих крыльев и стали, едва не задев за землю, подниматься в воздух. «О нет, они могут летать!» Их тела были грубо слеплены в форму летучей мыши с плоскими, странно прямоугольными телами как у белок-летяг; их головы были большими с острыми, кончиками к спине, ушами. Фаун не видела отсюда форму их ртов. Что было еще хуже, летали они хорошо. Набирая высоту, кошмарное трио пронеслось над деревьями.

Сумах жестикулировала и говорила что-то; Даг кивнул. Они оба понеслись к фургонам.

— Все назад! — пропыхтел Даг.

— Только не снова!.. — взвыл Грусс.

— Даг… — заколебалась Фаун. — Позади нас мили открытого пространства. Если эти твари могут упасть на нас из воздуха, — а по всему выходило что так оно и есть, — может, нам лучше держаться деревьев, в них они будут путаться крыльями?..

Он уставился на нее расширившимися глазами, открыв рот.

— О, — присвистнул он, — точно.

— Хотя бы, — закричала Сумах, чья перепуганная лошадь все еще билась под ней, — спрячьтесь под деревьями, пока мы не проведем разведку и подсчеты. Ножи против этих тварей не годятся. Нам нужны копья и луки.

— Топоры тоже, — предложила Фаун. «Те, что с крепкими длинными рукоятками».

Все, кто ехал верхом, подъехали, сбились вокруг и слушали; Сейдж оставил поводья Келле и тоже прибежал послушать. Он проницательно прихватил свой молот на длинной ручке, хоть его руки и тряслись, когда он его сжимал.

Фургоны снова рванулись вперед. Фаун оказалась рядом с фургоном Келлы.

Все дозорные, кроме Рейза, и половина мальчишек-крестьян поехали вперед, чтоб сделать еще одну попытку убить глиняных летучих мышей. Они быстро приблизились к упавшей; когда толпа рассеялась, силуэт ее лежал спокойно, как упавший шатер. Оставшиеся двое, казалось, запутались в ветвях деревьев. Всадник мог бы достать их копьем, но лошади отказывались подходить близко; Вит уже спешился. Фаун слышала стрекотание его арбалета при взводе и видела, как он обменивается жестами с Сумах об угле его

выстрела.

Таким образом, у Фаун был прекрасный вид того, как черное облако из примерно пяти десятков мышетварей сорвалось с восточного хребта и закружилось над ними.

Она в жизни не визжала и не издавала других пищащих звуков, как другие девчонки, но сейчас она закричала. Реакция Мэгпи на огромные хлопающие крылья была такой же, как у других скакунов — она рванулась и унесла Фаун от фургонов в попытке галопа, чуть не выкинув ее из седла. Если бы только кобыла бежала к деревьям, Фаун позволила бы ей нести. Фаун натянула поводья, пытаясь повернуть голову Мэгпи и надеясь, что тело последует за головой.

Вода струилась из глаз Фаун и сметалась с ее щек ветром, когда она подпрыгивала в седле. Она едва дышала от ужаса при мысли, что может упасть и потерять ребенка, до тех пор, пока не поняла, что на такой скорости она скорее сломает себе шею; эта мысль была странно освобождающей. Она изо всех сил обхватила лошадь ногами, с каждым жестким прыжком чувствуя, что соскальзывает, затем бросила поводья и вцепилась в луку седла.

Каждое животное в отряде умчалось или попы-

талось сделать это. Фургон Бассвудов затормозил, потому что двое ведущих мулов запутались в постромках, а фургон Сейджа и Келлы застрял за ним. Грусс, очевидно, свалился с козел, но подпрыгивал за повозкой, пытаясь достать копьем глиняных мышей наверху. Вио забралась на козлы, одной рукой держась за каркас крыши, а другой размахивая железной сковородкой. Фургон был покрыт тучей мышелюдей так же, как они клубились над мертвым мулом.

Они использовали свои крылоруки, чтоб держаться, но, по большей части, раздирали на полосы холщовую крышу ногами-лапами с когтями, пытаясь дотянуться, будто чувствовали что-то внутри. Вио колотила по сжимающимся когтям сковородкой как молотом, и это заставляло их отдергиваться; она била других глиняных мышей по лицам и телам — везде, где могла достать. Она согнала нескольких, но на их место пришли другие.

Крики Вио оборвались, когда мышетварь захлопала крыльями и начала подниматься, сжимая в когтях ее малыша. Ротик Оулета стал квадратным от ужаса и боли, когда они поднимались в воздух. Низ его рубашки, трепеща, обвивался вокруг брыкающихся ножек. Уголком глаза Фаун видела, как

одного из молодых дозорных, она не была уверена кого именно, стащили с лошади. Три могучих взмаха крыльями, и он освободился — затем, чтоб упасть со слишком резко оборвавшимся криком и одуряющим хрустом ломающихся костей. Рука, нога, шея? Мэгпи дернулась в сторону, и Фаун не увидела, куда он упал.

Вонь и горячий воздух ударили Фаун в спину, и внезапно когтистая лапа схватила ее за плечо. Ее крик боли превратился в протяжный вопль «Прочь! Прочь! Прочь!», в то время как она колотила тварь руками — лишь затем, чтоб быть схваченной за другую руку, пока огромные крылья хлопали снова и снова. Когти ее были как железные, а тонкие мускулы — как канаты. Не держась за луку, она начала подниматься с седла. Фаун лихорадочно обмотала одну ногу стременным ремнем. Галопирующая Мэгпи тянула их за собой, как будто мышетварь была воздушным змеем, а Фаун — его бечевкой. Если тварь отпустит ее и она упадет, то ее потащит по земле за лодыжку, но если отпустить стремя, то ее утащут, как Оулета…

Копперхед, то идя галопом, то брыкаясь, появился справа в поле зрения Фаун. Даг каким-то образом держался, задыхаясь, его золотые глаза

были как у сумасшедшего. Его стального ножа не было видно, но он неистово размахивал крюком и дотянулся по меньшей мере раз, вырвав полосу из кожистого крыла, ударившего его по лицу. Глиняная мышь завопила и вытащила потемневшие от крови когти из правого плеча Фаун.

При следующем взмахе Дага глиняная мышь получила крюком по лапе, отпуская и левую руку Фаун тоже. Она схватилась за седло, обломав несколько ногтей, когда свалилась вниз, но выпутала лодыжку из ремня и упала на землю на ноги, а не на голову, катясь в мокрой земле и траве. Она встала на колени, тревожно оглядываясь вокруг и пытаясь снова увидеть Дага.

Мэгпи унеслась в сторону. Копперхед, обезумев от крылатых монстров над головой, наклонил голову и выдал могучее лягание, которое подкинуло его седока в воздух даже без помощи глиняной мыши. Внезапно вторая глиняная мышь появилась рядом.

— Хватай за ногу! — проскрипела первая, пока Даг вырывался, пинался и бил кулаком. Вторая глиняная мышь запустила когти в один из его ботинков, а затем железной хваткой вцепилась второй лапой в лодыжку Дага. Каким-то образом ухитрившись лететь в паре так, чтобы их крылья

не мешали друг другу, они поднялись выше.

«Они говорят! Они разумны! Они действуют сообща! О нет, нет…» Фаун пошатнулась под крылатой тенью. Она думала, что кричит, но из ее сухого как кость горла не вырвалось ни звука.

Высоко наверху вертелся, извивался, ругался Даг. Фаун вспомнила упавшего дозорного и закричала наверх «Даг! Не дерись с ней, пока не приблизишься к земле!»

Он дико уставился вниз на нее, казалось, только сейчас поняв, насколько высоко его уволокли, и внезапно замер. «Он услышал, он понял, о, спасибо!» Все еще свободными руками он схватился за горло. Рванул кожаный шнурок, на котором висел нож Крейна.

— Искорка, возьми нож!

Она уставилась на него сбитая с толку, открыв рот. Нож в кожаных ножнах упал, переворачиваясь в воздухе, в заросли, где отскочил, неповрежденный, от мягкой земли.

Она взглянула вверх и увидела, как Дага поднимают выше, еще выше…

На некотором расстоянии воющего малыша несли на восток; за ним мышетварь, хлопая сумасшедшее крыльями, несла Тавию, борясь за высоту из-за ее большего веса. Фаун не думала,

что злобные создания могли весить больше сорока фунтов, с крыльями и прочим, но самые большие, кажется, могли унести сотню. Фаун весила меньше. Она скорчилась в грязи, найдя хорошо укорененное деревце, чтоб держаться за него, когда прилетят мышетвари — но они, казалось, не могли схватить свою жертву так низко без того, чтоб не запачкать крылья об землю. Сев же, они становились неловкими и от них можно убежать даже ей, подумала она.

Она снова подняла голову. Фургоны и всадники достигли укрытия под деревьями, оставляя на своем пути след из мертвых и раненых глиняных мышей.

Бойня была безутешной. Лошадь Тавии лежала на земле с распоротым, кровоточащим животом, издавая ужасные звуки. Несколько мышетварей были привлечены ее беспомощностью и вились над ней, как раньше над мертвым мулом, но большинство выживших поднялось в воздух и направилось за своими товарищами, уносящими пленников. Они издавали искаженные визги, в которых отчетливо слышалось «Полетели!» по отношению к голодным отставшим.

У кромки леса с востока Фаун заметила Сумах, которая пришпоривала свою лошадь, то скры-

ваясь за деревьями, то показываясь, в слабой попытке догнать улетевших.

Фаун поползла вперед и подобрала разделяющий нож, сжав его дрожащими, окровавленными пальцами.

Вит прискакал к Фаун галопом из-под деревьев, соскользнул с седла, забросил ее наверх и забрался сам. Она едва дышала, заикаясь и задыхаясь, но убрала нож под рубашку, когда они ее раз рванулись к деревьям. Когда они, наконец, достигли защиты от ветвей, она соскользнула с седла и упала на колени; ее слишком трясло, чтобы она могла стоять. Она хотела бы упасть в обморок, чтоб сбежать из этого ужасающего момента, но ей никогда не удавался этот фокус.

Так что ей пришлось подняться и разбираться со всем, что бы ни было дальше.

— Он дал тебе свой нож! Почему он бросил тебе свой нож? — прохрипел Вит. — Вот уж чего не стоило!..

Прибежала Нита, с диким взглядом, вся в царапинах:

— Я видела. Сумасшествие! У Дага такой же хороший шанс использовать его, как и у нас… даже лучше! Отсутствующие боги, это ведь единственный разделяющий нож, который у нас остался!

Фаун уставилась со страхом сквозь листья на светлое пустое небо и подумала «Нет. У него есть еще один».

Глава 19

Люди мечтают о полетах, слышал Даг. У него же, наверное, будут о них кошмары в будущем, если он выживет. Прямо сейчас они не выглядели настолько…

…особенно если посмотреть вниз! Он судорожно вдохнул воздуха. Мир дико крутился под ним, как огромная зеленая живая карта. Хлопающие крылья глиняной мыши напоминали шатер, который сорвало бурей. Лошади с такого ракурса казались странными — безногими, круглыми, с опущенными как у ищеек головами. Копперхед и Мэгпи бежали без всадников и брыкались. Фаун упала? Где? Вон там. Она неподвижна? Нет — она рванулась, побежала и нырнула под деревце, которое казалось слишком маленьким для того, чтобы прикрыть ее.

Жива. Все еще жива.

На следующем витке он заметил Сумах, смотрящую вверх, погоняющую лошадь, то выскакивающую, то прячущуюся за лесной опушкой. Она осталась позади. Глиняные мыши накренились и внезапно развили ужасающую скорость, которой ничто не мешало.

Нет, неверно. Глиняные мыши изо всех сил старались одолеть восточный хребет.

Даг отогнал мысль о ноже в ботинке и вместо этого ухватил рукой другую лапу глиняной мыши, вцепившейся в его крюк. Теперь она по собственной воле его не сбросит… глиняная мышь затрясла лапой и издала сердитый скрипящий крик, но в этом положении она была почти так же беспомощна для того, чтоб отбиться, как Даг. Ощущение паники, раздирающее его голову, несколько ослабло из-за этого несомненно ложного чувства контроля.

Фаун сразу поняла проблему, пока его голова все еще шла кругом. Если он освободится на такой высоте (он представил размытое падение и горячий хруст удара), даже Аркади не смог бы собрать его заново. «Проклятье, это ведь только кажется, что я знаю, что делаю, потому что слишком много было этих дел за последние сорок лет.» По-настоящему новое приоткрывало его слабости. Вот как сейчас, когда он отчаянно хотел вниз — но не настолько быстро…

Он напряг шею и попробовал посмотреть в другом направлении. Большинство выживших глиняных мышей махало крыльями впереди, а нагруженные — отстали. Плачущий малыш — о,

я тебя слышу, маленький брат, и полностью с тобой согласен — был недалеко от него, несколько впереди и выше. По крайней мере, глиняная мышь Оулета, видимо, обхватила когтями его тонкую детскую ручку, а не проткнула ее жестоко как та, что схватила Фаун за плечо.

Тавия боролась впереди. Она была ниже. Она также ухватилась за лапы своего похитителя и извивалась и пиналась в воздухе, как бы подтягивая свою глиняную мышь ближе к хребту, который вырастал под ними. Серые скалы выглядели костлявыми и смертельно опасными, деревья были похожи на колья на дне волчьей ямы. Сможет ли Даг заставить мышей спуститься похожим образом без того, чтобы они упали или уронили его? Когда они перевалят через вершины, земля снова начнет отдаляться. Это лучший шанс.

Если бы он мог как-нибудь избавиться от глиняной мыши, держащей его правый ботинок, то другая, вероятно, не смогла бы нести его вес. Он лягнул ногой — без какого-либо эффекта, кроме мерзкого шипения и еще более крепкой хватки, поднявшей его правую ногу под еще более неловким углом.

Как близко был Злой? Глиняные мыши вытянулись в линию, которая указывала за следующий

перевал в добрых четырех милях от них. Пока еще. Даг посмел приоткрыть свой Дар и потянулся вперед внутрь тел глиняных мышей как если бы проверял страдающего пациента. Тонкие стенки их грудных клеток раздувались, а сердца стучали с большим усердием.

Их Дар был ужасен, но он это проигнорировал. Он сфокусировался на второй глиняной мыши, ближе и глубже, глубже… Перевал быстро приближался. И совсем не было времени для… ни для чего не было времени.

Он организовал проекцию, потянулся и вырвал крошечный кусочек Дара из большой артерии, выходящей из сердца летучей мыши. Три взмаха крыльями, три грохочущих удара сердца, и сосуд разорвало на куски. Рот глиняной мыши приоткрылся в мучительном крике, глаза закатились и она свалилась вниз, а ее когти бессильно соскользнули с ботинка Дага.

Она свалилась в деревья. Оставшаяся глиняная мышь Дага заметалась в удивлении, удвоив усилия. Глиняная мышь Оулета повернулась и подлетела поближе, выкрикивая в замешательстве «Полетели! Полетели!»

Или бедного малыша съест Злой, или… У Дага однажды едва не вырвал Дар Злой; это была бы

настолько мучительная смерть, что между ней и разбиться о скалы особого выбора не было. Даг потянулся снова, в полную силу. На этот раз он отправился в большую вену, входящую в сердце. Может, медленное воздействие поможет?.. Он ощутил толчок, когда вырывал фрагмент резко… Глиняная мышь Оулета закричала, задыхаясь, ее крылья замедлились… она начала снижаться по спирали вниз… врезалась в ветви.

Плач Оулета прекратился слишком внезапно.

Глиняная мышь Дага тоже падала. Она отпустила его крюк, пытаясь стряхнуть его. Свобода вернула Дагу оружие. Он махнул крюком, разрезая кожу на лапе твари, раздирая в клочья нижний край кожистого крыла. Ярко-красная кровь окатила его ливнем.

Они с шумом и хрустом влетели в ветви бука. Изгибающиеся крылья глиняной мыши снова и снова пытались схватиться за что-то; вместе, мышь и ее жертва, спускались с риском сломать шею в потоке листьев и веточек. Тут Даг понял, что его следующей величайшей опасностью станет глиняная мышь, упавшая сверху, и он разжал потную руку, вцепившуюся в окровавленную лодыжку, и упал вниз.

Он попытался приземлиться на полусогнутые

ноги и перекатиться, но растерял все свое преимущество на крутом склоне; корень, крепкий как трос, поймал петлей его правую лодыжку и жестоко ее повредил. Но зато он прекратил его падение с горы вверх тормашками.

А затем на него свалилась глиняная мышь. Угрожающе рыча.

В мире за пределами боли Даг вырвался из удушающего черного конверта ее крыльев. Его рука сжалась на первом прочном орудии, какое смогла найти — на сломанной ветке. Он размахнулся и стал неистово молотить им по тонкому черепу твари.

На третьем ударе он впервые заглянул в большие карие глаза, моргающие перед ним.

— Оу, — сказала она грустным голоском. — Больно. — Человеческий голос, глаза животного и недоумение ребенка, не понимающего почему с ним должны происходить все эти ужасные события.

Глиняная мышь содрогнулась, захрипела и умерла.

Даг попытался вдохнуть, согнулся и его вырвало. В его желудке было немного. Невеликое удовольствие.

«О, боги, боги». Он свернулся бескостной куч-

кой. Его лицо было мокрым и склизким; он решил, что плакал — хотя что-то из этого могло быть кровью. Его это не волновало. Он сжал голову руками и закричал.

* * *

Через несколько минут он уже мог снова дышать и думать. Слово «перенапряжение» недостаточно хорошо описывало его состояние ума. Тело тряслось, как Грусс в приступе лихорадки. Он приподнял правую руку, нашел свадебный браслет, обвившийся вокруг левой, и сжал его через потрепанную ткань рубашки. Жива, Искорка жива. Он нужен ей. Благодаря этому утверждению он смог встать.

Или хотя бы… сесть. Его поврежденная лодыжка пульсировала в ботинке. Он оглядел ее с неудовольствием, обращая свое чувство Дара на самого себя, хоть это и вызвало у него еще один приступ тошноты. Он был уверен, что лодыжкам не полагается ронять его набок, как вот эта только что сделала.

Он расшнуровал ботинок и с трудом извлек из него погнувшийся стальной нож, уставившись на него в изумлении. «Вот почему кость не сломалась». Да, нож помог ему не тем способом,

который ему представлялся, но все же спас его. Он снова зашнуровал ботинок, пока сустав не распух, чтоб тот поддерживал его.

Фрагменты Дара, которые он вырвал у глиняных мышей, оставили грязное пятно в его Даре — Аркади, без сомнения, этого бы не одобрил — но не нашпиговали его отравленной черной скверной как тогда, когда он вырвал Дар у Злого. Загрязнение сделает его на несколько недель неподходящим для подкреплений Даром, но в этом не было ничего страшного, так как прямо сейчас он сам бы от них не отказался. И, по крайней мере, он не обменял быструю смерть на медленную. Пока что.

В отдалении, где-то внизу по склону, заплакал ребенок.

Слабо, приглушенно. Даг остался сидеть. Он открыл свой Дар, потянулся…

Живой. Малыш пережил падение!

Даг ощупал землю вокруг себя, нашел длинную, крупкую палку и обрубил с нее веточки гнутым ножом. Опираясь на нее, он поднялся и пошел вниз по склону. Так быстро, как мог идти, соблюдая осторожность — он не думал, что еще одно падение окажется ему полезным. Серый сумеречный свет прятал детали, хотя небо сквозь

крышу из листьев все еще просвечивало, переливаясь розовыми оттенками в высоких облаках. Плач становился громче, когда он скатывался от дерева к дереву.

Вон там.

Черный силут упавшей глиняной мыши лежал, как сброшенный плащ, наполовину обернувшийся вокруг ствола дерева хикори. Рыдания исходили откуда-то из складок. Даг прислонил палку к стволу, потянулся и отбросил тушу вбок, чтоб открыть Оулета, который свернулся и дрожал. Малыш взглянул на Дага и зашелся в рыданиях.

Чувство Дара Дага тревожно встрепенулось. Руки не сломаны, ноги, шея, спина. Оба глаза моргают. Легкие явно в рабочем состоянии.

Множество царапин и ушибов, ухо оторвано и кровоточит.

Даг уселся с мучительным всхлипом. Ребенок отдернулся.

Воспоминание о втором разе, когда он встретил Искорку, промелькнуло в сознании Дага. Внезапное спасение от жестокого насилия; она была слишком сбита с толчку, чтоб отличить друга от врага, накинулась на него и едва не выцарапала ему глаза.

— Я, наверное, не слишком ободряюще выгляжу, — сказал он сокрушенно Оулету. — Но я хороший.

Вой приостановился, возможно, от удивления. Затем начался снова, пусть и не так громко.

— Отсутствующие боги, — прошипел голос Тавии. — Ты можешь заткнуть этого ребенка? Он приманит каждого глиняного человека на милю вниз. И вверх. И повсюду.

Тавия спустилась по склону, цепляясь за деревца, и, запыхавшись, упала на колени рядом с Дагом. У нее, явно, тоже не было переломов; зато были синяки, порезы, царапины, оставленные ветками. Темно-рыжая прическа разлохматилась, одна прядь была вырвана и кожа кровоточила. Медно-карие глаза были расширившимися, дикими и пульсировали. Даг предположил, что его глаза были такими же.

— Поздравляю с приземлением, — пробормотал он. — Рад, что получилось одним куском.

— Отсутствующие боги, — сказала она. — Никто не говорил, что на севере будет полно гигантских летучих мышей. — Она взглянула на Дага, как будто здесь была в чем-то его вина. Даг подавил желание извиниться.

— Для меня это тоже было сюрпризом. Что слу-

чилось с твоей глиняной мышью?

— Когда она не смогла одолеть перевал, она сбросила меня в заросли кизила и улетела. — Ее челюсти сжались от разочарования. Но она, кажется, приземлилась мягче, чем он — к счастью.

— А, хм… как у тебя с малышами?

— Я была самой младшей в семье, — ответила она немедленно, разглядывая плачущего ребенка с тревогой. — Ничего не знаю о маленьких детях. Крестьянских или каких еще.

— А, — Даг вздохнул и протянул руку. — Ну-ка, Оулет… — Малыш сжался. — Эх…

Тавия была права по поводу шума. Неохотно Даг открыл Дар и сформировал уговаривание для шокированного мальчика. «Все уже хорошо. Я не причиню тебе боли. Ты хочешь пойти к Дагу и позволить ему сделать хорошее.» Он оставил и заколдовывание — для вящего блага.

— Ма-ма-ма-ма, — загулил Оулет.

«Извини, единственный человек здесь, похожий на маму, играть не хочет. Она просто еще маленькая, знаешь ли. Боюсь, придется иметь дело со мной. Иди сюда.»

— Ма-ма-ма… — Но отползать Оулет прекратил.

Даг дотянулся и затащил малыша к себе на

колени. Оулет внезапно поменял свое мнение, икнул и закопался потным личиком в рубашку Дага, вцепившись в нее, как детеныш опоссума. Даг подумал, что теперь уже это не причинит ей особого вреда.

— Как ты это сделал? — спросила Тавия. Шепотом, на самом деле — возможно, под воздействием внезапно наступившей тишины.

— Схитрил, — сказал Даг.

— А, — Тавия взглянула со страхом наверх, выискивая черные движущиеся пятна.

— Не открывай Дар, — предупредил ее Даг.

— Нет, нет. Но что, если они смогут увидеть нас в темноте?

— Только не через деревья. А еще лучше бы камни. Ты и я можем закрыть Дар, но малыш не может. Он будет светиться как маяк.

— Думаешь, эти мышетвари имеют чувство Дара?

— Возможно… — Он глубоко задумался. Их хозяин-Злой должен был поглотить человека — или людей, — иначе он не был бы способен наделить своих созданий даром речи. Поглотил ли он уже Стража Озера, крал ли более глубокие способности?

— Скоро взойдет луна. Пока мы еще видим хоть

что-то, нам лучше найти расщелину или выступ, чтоб спрятаться. С водой поблизости. — Взрослые могли обойтись без ужина, но Дага мучила жажда после запоздалого приступа паники, и Оулета, вероятно, тоже.

Тавия посмотрела на ногу Дага.

— Как твоя нога?

— Не слишком хорошо.

— Тогда я на разведку.

— Угу.

Тавия ускользнула лучшим дозорным образом; Даг подождал, рассматривая свою новую обузу. Оулет сейчас лежал на боку, головой устроившись на колене Дага, как на подушке, в притворном спокойствии. Истерика все еще пряталась под ним, как рыба, ходящая кругами подо льдом замерзшего озера.

Тавия, к счастью, вернулась довольно быстро, и они пошли сквозь сумерки по крутому горному склону. Карнизов и расщелин было очень много. Отыскать воду на этой высоте было труднее, но Тавия нашла заросший мхом ручеек, который, без сомнения, становился речкой ниже. Ручеек скорее сочился, чем тек, но зато он собирался в естественной каменной чаше перед тем, как бежать дальше. Они по очереди опустили к нему

головы и напились.

Оулета было трудно уговорить на этот новый способ питья, но он, наконец, понял идею, а затем начал играть в лужице, так что его пришлось унести и запихнуть глубоко в расщелину.

Даг хотел занять позицию снаружи, но Тавия явно желала увеличить расстояние между собой и злосчастным крестьянским малышом.

С навесом сзади, расщелина была заблокирована от зрения и чувства Дара с пяти из шести сторон. Менее Даг был уверен, что она защищена от вторжения глиняных мышей — они весьма хорошо могли сложить крылья, когда не запутывались в ветвях. Но создания с когтями на руках и лапах, даже будучи опасными сами по себе, казались не предназначенными для того, чтоб носить оружие… хотя, вовсе не обязательно разведчики у Злого должны были быть исполнены в одном и том же дизайне.

Блокированное восприятие, к несчастью, не работало в обе стороны. Даг желал, чтобы они приземлились по ту сторону хребта, с видом на Тракт. Если бы он был один, он бы поднялся и уже был бы там, с больной лодыжкой или нет.

— Откуда взялись эти ужасные мышетвари? — спросила Тавия, нервно выглядывая в узкую

щель между каменными стенами их временного убежища. На полосе пурпурного неба Даг видел одну-единственную звезду.

— Это были глиняные люди. Их сделал Злой. Не тот, которого мы убили вчера.

— Это я и могу сказать.

Даг несколько раз зажмурился и открыл глаза, чтоб в глазах перестало двоиться.

— Прошло более тридцати лет с тех пор, как я был по обмену в этих местах, и это продолжалось только один сезон. Но весь регион отсюда и на север к Грейс состоит из известняка, пронизанного провалами, пещерами и кавернами. И в некоторых из этих каверн живут летучие мыши.

— Тысячи мышей?

— О, нет, не тысячи.

Она с облегчением расправила плечи.

— Миллионы.

Рот Тавии приоткрылся. Тоном, средним между надеждой и неодобрением, она сказала:

— Это одна из сказок Бо… не так ли?..

— Нет. Самые большие каверны с летучими мышами весьма опасны. Когда они собираются в таких количествах, их помет отравляет воздух — это кроме риска заполучить бешенство, переносчиками которого являются некоторые

мыши. Люди, которые проваливались в большие пещеры, задыхались и умирали от испарений. Правда, еноты и скунсы лазают в пещеры, чтоб поохотиться на мышат в полной темноте — никто не знает, как они это делают.

Лицо Тавии искривилось в растущем ужасе.

— Местный дозор сейчас обыскивает пещеры, но только расположенные близко к поверхности. Глубже идти опасно, хоть они и говорили, что там целые галереи и пассажи, простирающиеся на мили под землей. Но из глубоких пещер еще не появлялось Злых — может, потому что их яйца никогда не падали туда, может, потому что там нет жизни, из которой они могли бы вырасти. Исключая… я так думаю… что если бы Злому в конце концов повезло оказаться рядом или прямо внутри в одной такой крупной пещере с летучими мышами, то он попал бы на пир, ждущий его с самого начала. Он бы очень быстро развивался, и это может объяснить, как его пропустили между дозорами. Такова моя наилучшая версия, по крайней мере.

Тавия осторожно дотронулась до пореза. Она могла наложить швы там и сям — они все могли, в общем-то — но сейчас ни один из них не кровоточил. Лечение должно было подождать. Она

взглянула наверх:

— Что у этого ребенка во рту?

Даг огляделся. Оулет выглядел очень неряшливо и потрепанно; он сидел с выражением ужаса на лице, а его челюсти двигались и слюнки стекали с губ.

— Пф, — заметил он. Даг оттопырил мизинец и отправился на разведку.

— Пяденица, — заключил он, сжав свою зеленую добычу. — Ну, на деле в треть пяди.

— Фу!

Даг улыбнулся. Он ощутил некоторую странность в лице, как будто бы сухая кожа потрескивала.

Но это стоило поприветствовать. Он порылся в кармане и вытащил темную полоску.

— Держи, малыш. Пожуй вот это.

— Что это? — спросила Тавия, вглядываясь в темноту.

— Сушеный кидальник. У меня всегда есть несколько полосок в кармане. Когда они начинают казаться вкусными, невзирая на песок и прочую дрянь, налипшую сверху, значит пора их съесть.

Оулет осмотрел кидальник с куда большим подозрением, чем гусеницу, но вскоре передумал

и начал его грызть. Даг подумал, что его притворное спокойствие стало заменяться настоящим, так что удалил начальное уговаривание у того из уха. Когда же ребенок приполз обратно ему на колени, это было так же успокоительно, как держать на коленях мурчащую кошку. Настроение было заразительным и, казалось, распространялось более чем в одном направлении; вот почему командир не должен был никогда проявлять слабость перед своими дозорными.

Он был благодарен за то, что Тавия не нашла его раньше.

Прислонив спину к теплому камню, Даг метался между нервозностью и опустошенностью. В конце концов он выбрал нервозность, потому что если опустошенность поглотит его, то он не поднимется и через неделю. А им нужно двигаться быстрей. Он нащупал свой свадебный браслет для уверенности — она была жива. Но, конечно, Злой соберет свои силы для еще одной атаки… Тракт должен казаться ему движущимся пикником. Пока дозорные из Лаврового Ущелья будут предупреждены и выдвинутся, давление будет распространяться к северу отсюда.

Здесь была некоторая надежда. И не пустая надежда, между прочим, но… он обдумал весо-

мую разницу между «прибыть в конце концов» и «прибыть вовремя».

— Нам нужно придумать какой-то способ, чтоб нести малыша, — сказал он Тавии. — Он не сможет взобраться на эти скалы в темноте или под луной. Я думаю, мы могли бы соорудить что-то вроде перевязи из моей рубашки и твоего жилета и подвесить ее мне на плечи.

— Как твоя больная лодыжка?

— Ну, думаю… одному из нас нужны обе руки на случай неприятностей, и это точно не я. — Он заколебался. — Нам не нужно охотиться на Злого, но он, без сомнений, будет охотиться за нами. Если он нас поймает… — он перевел дух, — просто чтоб ты знала, мой привязанный нож висит у меня на шее.

Она уставилась на его горло, затем на свои руки.

— Если придется так поступить, то только в самый последний момент, потому что… ну, потому что. Но это означает, что ты не должна колебаться. Ты сможешь выполнить необходимое?

— Я… не знаю, — ответила она честно. Он кивнул.

— Сможешь, если придется. — Он сделал свой голос уверенным, обыкновенным и постарался,

чтоб тот не дрожал. Такие ситуации уже случались раньше, конечно, хотя больше в легендах, чем на деле. Впервые он задумался о том, был ли среди всех этих злосчастных героев тот, который настолько же не желал разделяться, как он прямо сейчас. Возможно. Год назад это было бы легче — отдать свою будущую бесплодную и скудную скорбь. События, казалось, происходили с ним своим чередом.

Например, отцовство. Он хотел наблюдать за своей маленькой, такой запоздалой девочкой как ее живой папа, а не как мертвая легенда. И даже не как живой, но отсутствующий, каким был его собственный отец. «Я хочу видеть, как пишется ее история…» Внезапная мысль о том, как она зависела бы от чужаков так же, как Оулет сейчас был на его попечении, заставила его сердце опустеть.

Не стоит нагружать Тавию всеми этими размышлениями, нет, и обременять последними словами тоже не стоит.

— Злой, — сказал он, — придаст тебе столько инициативы, сколько понадобится. Поверь мне.

Она кивнула с несчастным видом.

* * *

Прошло больше часа, прежде чем Сумах вернулась. Вит чуть ее не застрелил.

Фаун поглядывала сквозь маленький костер, за которым она пыталась помочь попыткам Келлы помочь Аркади с Барром. Когда зловещая фигура возникла из темноты и двойной блеск оказался отраженным ее глазами, Вит опустил дрожащий арбалет:

— Отчего ты без предупреждений? — выдохнул он.

— Я соприкоснулась Даром с Нитой, — сказала Сумах ровным тоном. Нита была где-то в лесу, пытаясь охранить самостоятельно весь их периметр. Волосы Сумах были взлохмачены, ее лицо — исцарапано ветками и напряжено. Она добавила непреклонно:

— Этот проклятый огонь видно за сотню шагов сквозь деревья. И запах его тоже ощущается. Затушите его!

— Пока нельзя, — сказал Аркади приглушенно из глубины транса, в котором пребывал. — Нам нужна кипяченая вода…

Сумах огляделась. С некоторым неудовольствием, подумала Фаун.

Барр лежал на одеяле, со снятым правым ботинком и срезанной штаниной, а его больная нога лежала на полотенце у Аркади на коленях. Руки Аркади накрывали кровавую мешанину. Ужасающие розовые концы кости, прорвавшие кожу раньше, уже вновь скрылись под ней, подчиняясь самой сильной настройке Дара Аркади. Целитель не казался потрясенным переломом — худшим из всех, которые Фаун видела или могла представить, но горько жаловался (когда снова смог говорить) на грязь, в которой должен был работать. Лицо Барра было бледным, и его вид говорил о том, что он бы предпочел потерять сознание снова, как уже делал пару раз. Ремо сжимал его руку с побелевшими костяшками и стирал мокрой тряпкой пот с его лба.

Остальная часть отряда собралась под деревьями, охраняя животных и друг друга. Когда последняя из глиняных мышей скрылась за восточным гребнем, потрясенный отряд убежал еще на четверть мили в глубокий лес, а затем свернул с дороги на ручей и двигался по нему так далеко, как смогли пройти фургоны.

Мальчишки затолкали два фургона под развесистые дубы так глубоко, как смогли; Фаун сомневалась, что этого достаточно.

Сумах ощупала свою голову там, где у нее были вырваны пряди волос:

— Если вы… о, проклятье. Ладно, оставляйте огонь. Никто с чувством Дара не пропустит нас со всеми этой толпой крестьян с незакрытым Даром и стадом скота, в темноте за деревьями или нет. Проклятье, просто вечеринка с танцами.

— Я пас, — сказал Барр слабо с одеяла.

Это была почти что шутка; хриплый лай, который она вызвала у Сумах, был почти что смехом. Смех угас, когда она встретила тревожный взгляд Фаун.

— Я не смогла их поймать… не смогла подобраться к ним поближе, — сказала она. — Другой берег реки, вверх по склону, там камни в в десять и двадцать футов высотой. Никакого способа на мили в обе стороны забраться туда верхом. Фаун, прости.

Барр зажмурился.

Безмолвно Фаун подняла левое запястье, обмотанное свадебной тесьмой. Губы Сумах раздвинулись; она обежала вокруг костра и сжала его.

— О боги, он все еще жив!

— Да. Ремо и Аркади сказали мне. Мы продолжаем проверять.

— Отряд всегда клеймил Дага проклятым котом,

но это!.. Как он смог… где же они должны были…

Внезапный плач прервал ее речь, когда Вио выбежала из темноты:

— Мой малыш! Вы нашли Оулета?

Судя по спазму ее руки, Сумах едва удержала себя от того, чтоб отшатнуться. Она отпустила руку Фаун и повернулась к отчаявшейся женщине:

— Нет. Я потеряла их за гребнем. Не смогла пройти следом.

— Как могли вы потерять их?! Вы ведь Страж Озера, вы можете колдовать!

Сумах застыла:

— Проклятье, я не умею летать!

Фаун заставила себя встать между ними, зацепившись оторванным краем юбки. Опершись левой рукой при этом, так как правая все еще работала не слишком хорошо. Поскольку Аркади был полностью занят срочным переломом, Фаун должна была подождать своей очереди, так что Берри сделала что могла, чтоб вычистить глубокие раны с обеих сторон ее плеча, и обмотала его куском ткани, оторванным от одежды. Пока что он держал. Фаун не собиралась жаловаться на пульсирующую боль, когда Барр лежал, стиснув зубы от гораздо худшей боли.

— Мы думаем, что Даг еще жив, — сказала Фа-

ун. — Если это так, он присмотрит за ребенком, если сможет. — Если, конечно, его не уронили на скалы, как Барра, и не оставили умирать в переломах и агонии.

— Откуда вы знаете? — спросила Вио.

— Потому что… потому что это Даг.

Вио поджала губы.

— Мы можем послать людей на поиски?

— Вы с ума сошли? — спросил Ремо.

— Я отправлюсь сама, если никто из вас, больших мужчин и Стражей Озера, не пойдет!

Грусс, возникнув позади нее, сказал:

— Не глупи, Вио.

Малышка Плюм топталась на месте — тощая, с запавшими глазами и темными редкими волосами. Ее обезумевшая мама раньше кричала на нее, чтоб не позволяла упрямиться своему братцу; ее бешеный папа ударил ее за плач. Сейчас она была очень тихой, снова вцепившись в мамины юбки — потому что, как бы плохо ни было, что же еще должна делать пятилетняя девочка?

Вио сурово посмотрела на мужа:

— Я не вижу, чтоб кто-то еще вызвался добровольцем, значит иду я?

Фаун сказала тихо:

— Мы все потеряли кого-то. Нита напарницу,

Сумах дядю, я, ну… А если Барр сохранит ногу, это будет чудо.

От Аркади донеслось протестующее ворчание. Что это было, в его обычае совершать чудеса?

— Если тут конкурс, не думаю, что будут призы, — закончила Фаун, проигнорировав последнее. — Что нам нужно — это работать сообща.

Вио ядовито уставилась на нее:

— Вы не знаете, что это такое — потерять ребенка!

В списке бесполезных ответов, которые можно было бы произнести, «Знаю» стояло достаточно высоко. Так что Фаун ничего не сказала и обрадовалась, когда Вио произнесла тихо:

— Оулет еще такой маленький…

Сумах было почесала лицо, затем вздрогнула и дотронулась до царапин:

— Мне ясно одно — Даг бы хотел, чтобы я вернулась и присмотрела за вами всеми. — Она взглянула на Фаун так, что та поняла: «Особенно за тобой».

В попытке быть практичной затем, что это было кому-то нужно, Фаун сказала:

— Мы нашли еще одного мертвого мула дальше по дороге. Я не знаю, было ли у вас время заметить это, но ни с одного из тех мулов не сняли упряжь.

Если бы они умерли своей смертью, погонщики из чайного каравана не оставили бы ни груза, ни шкур. Это говорит мне, что они должны были быть атакованы и отбиты или же убежали. Но человеческих тел мы пока не нашли.

Сумах нахмурила брови:

— Хорошо, звучит так, будто проблема на севере. Поскольку нет никакого движения, спускающегося вниз, мне особенно не нравится то, что мы не встретили никого, убегающего с нашего пути.

— Кроме первого Злого, — сказала Фаун.

— Да, — Сумах скорчила гримасу. — Двигаться вперед кажется плохой идеей. Возвращаться не лучше. Мы будем прекрасными мишенями в этой выгоревшей местности. Оставаться здесь также не лучше. Мы крепко ударили по глиняным мышам. Нет сомнений, что они вернутся за добавкой. Но я знаю, что самым наихудшим будет забиться в лес без какого-либо, проклятье, плана действий!

Остальные мало-помалу собрались вокруг спора у костра, выглядя более упрямыми, чем их мулы.

— Нам нужно готовить оружие, — сказал Эш.

— Нужно, — согласилась Сумах, — но нас слиш-

ком много, чтоб спрятаться, и слишком мало, чтоб оказать сопротивление.

— Думаю, — сказала Фаун, — что те погонщики могли быть порабощены. — Она оглядела множество лиц, — некоторые были непонимающими, — и объяснила: — Это пугает меня больше, чем глиняные люди. Я говорила с людьми из Глассфорджа и Рейнтри, которые прошли через это. Это похоже на то, как если бы вы сохраняли свой разум, свою личность, но вам внезапно захотелось бы того, что от вас хочет Злой. Если он захочет, чтобы вы атаковали своих друзей, или съели ваших детей, вам это покажется прекрасной идеей. И потом вы об этом помните. Самое важное, что бы мы ни решили делать, — это держаться подальше от Злого.

Сумах кусала кулак, вероятно, для того, чтобы собраться и говорить своим самым уверенным тоном. Без сомнения, это был тон командира дозора:

— Хорошо. Это то, что мы должны делать. Раненые не могут бежать, их нельзя нести. Их нужно будет спрятать в скалах на этой стороне долины. Заляжьте до тех пор, пока не подоспеют спасатели. Я говорю о Барре, Аркади и Рейзе.

— Я могу драться, — сказал Рейз дрожащим

голосом. Фаун скорее показалось бы, что он едва может стоять.

— Отлично, — бессердечно произнесла Сумах, — потому что если вас найдут, то придется. Мое самое лучшее предположение — что логово Злого находится к востоку отсюда. Так что мы отправляемся на запад. Так случилось, что лагерь Стражей Озера располагается почти точно на западе в Лавровом Ущелье. Так что мы выпускаем животных, берем еду и оружие, сколько сможем унести — и веревки, нам понадобятся веревки — и улепетываем пешком на запад через хребет. Сегодня ночью. — Ее голос стал медленней. — Возможно, лучше оставить Плюм с Аркади.

— Нет! — взвыла Вио.

— Это ваше решение, — сказала Сумах. — У вас есть один час на то, чтоб обдумать, через что ей придется пройти в бегстве. И кто будет нести ее пятьдесят или шестьдесят миль через горы на бегу. — Она повернулась на каблуках, оглядывая остолбеневший отряд. — Нам нужно убедиться, что все луки и стрелы находятся у людей, которые умеют ими пользоваться.

— Лук Тавии сломался, когда ее лошадь упала, — сказала Фаун. — А Нита нашла свой колчан.

Сумах кивнула:

— Ремо сможет взять лук Барра. Нита может забрать мой. Вит, у тебя свой есть.

Она раздает оружие, которое бьет на расстояние, заметила Фаун, исключительно в руки тех людей, которые могут закрывать свой Дар или были закрыты щитом, чтобы уберечься от порабощения.

— Мы можем драться с этими тварями! — сказал Финч. — Мы уже раз прогнали их прочь!

— Говори за себя, мальчик, — прорычал Бо. — Мне вот показалось, что они улетели, потому что им стало скучно.

— Но мы не сможем драться с их хозяином, — сказала Сумах. — Для этого нужен дозор Лаврового Ущелья. Проклятье, для этого нужен каждый лагерь Стражей Озера в этом краю!

— У меня заряженный нож Дага, — сказала тихо Фаун. — Он бросил его мне. В последний момент.

Брови Сумах приподнялись.

— Ну, — сказала она, — теперь у тебя целых две прекрасные причины держаться ко мне поближе.

Фаун сглотнула.

— Даг может вернуться, разыскивая нас. Или, может быть, Тавия.

— Тогда они смогут присоединиться к группе

Аркади, — предположила Сумах. — Спрячутся до тех пор, когда мы сможем прислать помощь.

Фаун подумала, что Сумах эта мысль утешает больше, чем ее.

Аркади посмотрел вверх, скосив глаза, и простонал как из-под воды:

— Иглу. Перевязки. Шины.

Келла и Фаун поспешили к нему, Фаун стала копаться в тюке с лекарствами.

— Ты в порядке? — спросила Сумах таким голосом, который для нее был поразительно робким.

— Буду в порядке. Только не приносите мне еще таких в следующие три дня, ладно? — он скорчил гримасу.

— На тот случай, если ты не слышал, мы собираемся уложить твой шатер целителей поспать в скалах. Твоей задачей будей сохранить им жизнь до тех пор, пока мы не пришлем дозорных выковырять вас обратно из норы.

Он кивнул. Не сожалея, решила Фаун, о том, что Сумах вменила себе в обязанность бежать отсюда со скоростью, с которой она сможет вести свою группу крестьян.

Сумах спровадила забинтованного Барра на импровизированные носилки, которые несли Ремо и Вит, а Аркади вел вьючную лошадь, на

которую погрузили медицинские принадлежности. Рейз, пошатываясь, плелся следом. Вио не отправила с ними Плюм. И снова Фаун заметила, что никто не будет знать, где они будут прятаться кроме тех, кто закрывает Дар или закрыт щитом, так что они не смогут предать их даже под уговариванием Злого.

Отряд рассеялся, чтоб собраться в дорогу.

Глава 20

Через два часа после заката взошла неполная луна, чтоб искупать хребет, глядящий на восток, в молоке и чернилах. В обычных условиях Даг решил бы, что он хорош не менее, чем при дневном свете. Но не сегодня ночью. Он шатался, его единственная рука была занята посохом; он пытался разглядеть что-то поверх корчащегося груза — Оулета, привязанного к его груди, а лодыжка его верещала на каждом шагу. Достигнуть вершины заняло у Дага вдвое больше времени, чем он рассчитывал. Он чувствовал, как нарастает беспокойство Тавии.

— Может, мне стоит понести ребенка, — сказала она, когда они одолели вершину, и Даг запыхался и согнулся.

Он махнул рукой с признательностью.

— Минутку.

Даг смотрел на долину, отыскивая внизу серебряную ленту реки и слабую линию Тракта. Ничто не двигалось по дороге. На севере также не поднималось завитков светящегося дыма. Он посмел открыть Дар, потянуться… но он был в добрых двух милях над долиной, за пределами

зоны действия своего чувства Дара в самой лучшей форме. Фаун была жива, говорил ему его свадебный браслет, но где она?

Прохладная влажность черно-бело-серого мира, фальшиво-безмятежная, липла к его вспотевшему лицу. Что-то неожиданно укололо его чувства… не внизу, а к северу, вдоль гребня. Тонкая нить…

— Тавия, открой Дар и проверь вдоль горы справа. Может быть, в полумиле.

— Вдоль горы справа от меня или?.. погоди-ка. Дозорный? Не из наших?..

— Я не узнал его Дар. Думаю, он ранен.

Она кивнула; они стали пробираться сквозь траву и низкорослые кусты, обходя выступающие камни.

Растения, пострадавшие там, где они шли, остро пахли зеленью в темноте. Деревья вздымались вокруг них в то время, как сами они спускались ниже, сгущая тени, хоть и давая Тавии опору. Даг выяснил, что цепляться крюком за ветви больше мучительно, чем полезно. Его левая рука была повреждена и ныла, культя распухла и чувствовала себя неуютно в деревянной чаше протеза, но он не смел снять его из-за страха, что не сможет надеть вновь.

Тавия обогнала его; когда он догнал ее, она склонилась и разглядывала свернувшийся человеческий силуэт, лежащий у подножия двадцатифутового обрыва.

Сухой, хриплый голос донесся снизу:

— Кто-то… там. наверху? Помогите!

— Мы тебя видим, — крикнула Тавия. — Мы спускаемся.

— Думаю, у меня спина сломана, — ответил голос.

— Не двигайся!

— Проклятье… да я и не могу двигаться!

Они проползли вдоль обрыва, пока Тавия не нашла крутой трудный спуск. Даг был вынужден пройти еще немного и затем вернуться.

Дозорный, верно. Даг увидел это, когда прихромал ближе. Худощавого сложения, среднего роста; нити серебра поблескивали в его темных волосах, разметавшихся вокруг головы из развалившейся прически. Он лежал лицом вверх, его ноги были безвольны, а руки — сжаты. На запястье левой руки был потрепанный и выцветший свадебный браслет. Его губы были сухи, покрылись трещинами и кровоточили. Порванная рубашка была заляпана темной засохшей кровью; Даг уже узнавал следы когтей глиняной мыши. Он был прав

по поводу своей спины. По меньшей мере два позвонка посредине позвоночника были сломаны.

— Воды… — прошептал он Тавии, когда она нагнулась над ним. — Пожалуйста… — Он ощупью нашел кожаную флягу у своего пояса, пустую и дряблую, и протянул ее Тавии.

— Даг? — спросила она неуверенно.

— Да. Он опасно обезвожен. Осторожно снимай ее.

Она отвязала шнурок фляги с его шеи, выпутала его из волос и ушла. Даг с ворчанием сел рядом. Спящий Оулет забормотал что-то протестующее; Даг снял ребенка и перекатил его на бочок, где он на сухой земле свернулся, и его сжатые кулачки вновь расслабились во сне. Вот как малыши это делают — превращаются из извивающегося волчка в мягких маленьких тряпичных кукол за мгновение?

— Вы кто? — прошептал раненый. — Дозорные? Не наши… Помощь с других краев?.. — он покосился на Дага в краткой надежде, оглядел его потрепанную внешность, протез на руке, палку и ответил на собственный вопрос разочарованным: — Нет…

— Мое имя Даг Блуфилд Б… — Даг проглотил «Без Лагеря». — Я путешествую на север со сме-

шанным отрядом крестьян и Стражей Озера. Нас атаковала перед самым закатом стая этих летучих… тварей. Глиняных мышей. Они попытались унести меня, Тавию и малыша через хребет, но мы отбились. Мы пытаемся вернуться к нашим, но я не вижу, куда они ушли.

— Повезло. Я… упал… — Глаза мужчины беспокойно метнулись к Тавии, появившейся из лунной тени. — О, пожалуйста…

— Ты можешь помочь ему приподнять голову, — сказал Даг, — но не приподнимай его плечи и не трогай спину.

Тавия кивнула и следующие несколько минут старалась напоить из полной фляги отчаянно изнуренного жаждой человека без того, чтобы он захлебнулся.

— Ах, — сказал он, когда она вновь опустила его голову. — Так хорошо. Боги. Больно…

— Как давно вы здесь? — спросил Даг. Мочевой пузырь мужчины опорожнился из-за паралича достаточно давно, и его штаны уже успели высохнуть. На деле это было плохим знаком, но вода должна была это поправить.

— Не уверен. Я терял сознание, а затем приходил в себя все еще живой. Это меня удивляло. Один день, два? Было темно, затем светло и тем-

но…

— Вы откуда? С Лаврового Ущелья?

— Ага. Мой дозор… мы получили странный рапорт, отправленный из начала долины и начали проверять, когда на нас с неба свалились эти сумасшедшие твари.

— Значит, к северу от нас. А как далеко?

— Может, десять или пятнадцать миль? Там был сильный западный ветер… ну, не важно. Этот кошмар, что утащил меня, поднимался наверх вдоль этой стороны. Он попытался пересечь хребет вслед за остальными, но не смог и поэтому забирал все дальше и дальше на юг. Все ниже и ниже. В конце концов он устал и просто… отпустил меня. — Потрясенный вздох. — Поначалу я подумал, что мне повезло, но затем я увидел эти скалы и неудачно, слишком жестко упал.

— Вы что-нибудь чувствуете ниже талии?

— Странные вспышки боли иногда, но в основном нет.

— Кто-нибудь из вашего дозора отправился предупредить ваш лагерь?

— Боги, я надеюсь на это.

Значит, Лавровое Ущелье должно быть уже предупреждено, если, конечно, кому-то удалось сбежать и последовать проклятой процедуре

дозорных, чего сам Даг часто не делал. Он ощутил внезапную новую теплоту по отношению к правилам.

— Похоже на то, что глиняная мышь пыталась утащить вас в логово Злого, так же как и нас. — И это предполагало, что Злой был все еще в своем логове. Обнадеживающая мысль. — Оно где-то к востоку отсюда, полагаю. Они поймали кого-то еще?

Если Злому удалось вырвать Дар Стража Озера, он становился непомерно более опасным; но глиняным мышам явно было трудно транспортировать такую большую жертву, как полноразмерный дозорный.

— Не уверен. Тварь поймала меня в самом начале драки. Я не видел ничего, кроме… боги. Обычно мне нравились виды с высоты.

Даг скорчил гримасу понимания.

— Вы ведь… не находили пока других из моего дозора?

— Нет, извините. Вы первый.

— Если бы у меня был заряженный нож, — голос мужчины стал тихим, — эта тварь могла бы отнести меня к Злому по моей доброй воле. А если бы я не оставил мой собственный привязанный нож в моих идиотских седельных сумках, где бы

они сейчас ни были, я бы уже принял разделение. Это, должно быть, менее мучительно. С такой спиной я мертвец, раньше или позже. Вы никогда не сможете доставить меня вниз живым.

— Может, ваша удача еще повернется лицом, — сказала Тавия. — Даг — целитель.

Глаза мужчины расширились.

— С одной-то рукой?

— Я только подмастерье. Моя жена помогает мне, когда мне нужны две руки, но она… — Даг поднял голову, вглядываясь сквозь деревья, но не смог увидеть многого. — …там, с остальными. — Он добавил: — Как вас зовут, дозорный?

— Пакко. Пакко Санфиш Лавровое Ущелье.

— Хорошо. — Даг открылся, падая глубже и глубже.

Перелом был во всех деталях страшен именно так, как предполагал Даг при первом осмотре, два позвонка треснули и сместились. Спинной мозг был скручен, кровотечение и опухоль сжимали нервы и создавали мучительную боль. Одно неверное движение с достаточной силой, и нервы могли оборваться. Предсказание Пакко было верным.

Похоже, самое лучшее, что они могли сделать для него — это доставить его домой, чтобы он

там умер. Даг не был уверен, что это добро. Его собственный отец принял разделение, когда заболел в дозоре, и он был похоронен там, где умер, и ничего не отослал домой к семье, кроме чистого костяного лезвия. Было бы его возвращение только лишь напряжением для его шатра, горем и беспомощным гневом с тем же итогом? Милосердия в этом не было. Милосердия не было нигде, в конце концов. Но у Пакко не было его ножа, и Даг был почти рад этому. Хоть и не ради самого Пакко.

Даг поднялся и вышел вновь из своего погружения. Он обнаружил дозорного, глядящего на него расширившимися глазами. Чувство Дара… Тот, кого ты видишь, видит тебя.

— В нашем дозоре есть лучший целитель, настройщик Дара. Если мы сможем привести его сюда, думаю, мы сможем спустить вас вниз. — Даг не обещал «спасти вашу жизнь». Но он едва смел предполагать, что сможет сделать Аркади с этой мешаниной.

Даг бы попробовал что-то сделать в одиночку, если бы все оказалось достаточно плохо — однажды он проделал грубую настройку Дара человеку с разорванным горлом, зная меньше, чем сейчас — но с водой и кем-то, кто мог бы

ухаживать за ним, Пакко не выглядел так, будто сейчас умрет. Даг был уверен, что сможет поддерживать человека достаточно долго, чтоб дать ему шанс разделиться. А Аркади мог бы вернуть его обратно в его лагерь и дал бы возможность ходить достаточно хорошо, чтоб жить и работать, если не ходить в дозор, еще на долгие годы. Сорок или пятьдесят лет человеческой жизни были слишком многим, чтобы рисковать ими из-за беспокойства самого Дага.

Он взглянул в сторону на спящего клубочком Оулета. «Не ответственности я желал бы прямо сейчас.» Но она оказалась вручена ему.

Он вздохнул.

— Тавия… Мне нужно, чтоб ты наполнила флягу, а затем помогла мне перенести Пакко дальше под вот этот навес без того, чтоб причинить его спине давление или напряжение. Я останусь здесь с ним и малышом. Попробуй найти Аркади и остальных и прислать нам помощь.

Некоторое время Дагу казалось, что он слышит ее дыхание. До этого Тавию приводила в бешенство необходимость подстраиваться к медленному хромому шага Дага. Но с другой стороны… возможно, он отправляет ее в смертельную ловушку. Здесь не было хорошего варианта

действий. Был только менее глупый.

Она кивнула и стала забираться наверх. Даг мрачно смирился с мыслью, что сегодня не сможет пройти дальше.

* * *

Сумах была права насчет скал. Не было никакого способа протащить лошадь по этим местам, а Фаун дополнительно сомневалась насчет толпы перепуганных крестьян. И перепуганных Стражей Озера. Их дозорная мрачность могла скрыть тревогу от прочих, но она слишком долго была рядом с Дагом, чтобы ее это обмануло.

Заставить их всех двигаться в одном направлении — разорганизовать для бегства, как едко выразилась Сумах — заняло мучительное количество времени по стандартам дозорных, и Фаун обнаружила, что думает так же. Сумах лишилась речи, когда увидела, как Сейдж закрепляет цепь вокруг дерева и цепляет ее к оси своего фургона, чтоб защититься от возможного вора. Но поскольку половина остальных еще также не была готова, она не стала возражать. Индиго, плача, выпускал мулов и свою скаковую лошадь.

— Если вернемся живыми, — сказал Ремо, — я помогу тебе снова найти их.

— Но что, если их съедят эти глиняные мыши?

— Лучше уж их, чем нас.

Индиго не выглядел убежденным.

Они протопали пять миль на север через лес, чтоб оказаться ближе к седловине хребта — Сумах решила, что здесь они смогут подняться.

Плюм шла, спотыкаясь, с ними первую милю, а затем начала плакать. Следующие две мили ее нес отец, все еще слабый после болотной лихорадки, затем Вио и, в конце концов, когда семья стала отставать, ее передали на руки большому Эшу. Фаун придумала чередование: Эш, Сейдж, Финч и Вит могли по очереди нести ребенка по скалам.

Сейчас парни могли занять свои силы. Но что потом? Оставалось надеяться, что у них будет это «потом».

Луна поднялась выше, освещая их путь, какой бы он ни был. Цепочка из семнадцати людей ползла по забирающему вверх склону. Нита и Ремо были впереди, разведывая дорогу глазами и Даром, протаптывая тропинку и отсекая тупики и обвалы. Сумах, напряженная и тревожная, была в конце. Фаун плелась прямо перед ней.

Когда она нагибалась и карабкалась, разделяющий нож раскачивался и бился об ее грудь на

шнурке, так что она засунула его за пазуху, под ореховый кулон. Тогда появилась другая помеха: ее грудь была потной, шнурок стал скользким, и ножны терлись о живот, напоминая о другой ноше. Такой желанной… до нынешнего времени, когда все ее страхи, казалось, удвоились. Ее беременность исчерпала свободу принимать на себя риски, о чем она раньше едва ли думала. Обычаи Стражей Озера, связанные с жертвами ножа, были столь осторожны в отношении привязывания и согласия.

Ее собственное положение казалось странно вывернутым наизнанку, привязывая ее не к смерти, но к жизни. Когда она легла со своим мужем, то сделала бесповоротный выбор и не могла сейчас вернуться к нему вновь.

Она дотронулась до свадебного браслета. Где же Даг? В неволе, ранен, сбежал?..

Может, он старался вернуться к ней в то время, как она удалялась от него? Эта мысль ранила ее сердце, быстро и сильно бьющееся в груди.

Фаун взглянула наверх и увидела отряд, растянувшийся зигзагом по открытому пространству — то ли выгоревшему недавно, то ли всегда пустовавшему, она не могла бы сказать определенно в этом молочном свете. Тени пошли волнами

по заросшему склону, как рябь по воде. А затем еще раз. Фаун быстро заморгала, гадая. Не теряет ли она сознание из-за нехватки воздуха при подъеме. А затем она поняла, что видит, и повернулась, вглядываясь в высокий голубой лик луны. Еще одна тень пролетела по нему, и звезды помаргивали.

— Они вернулись, — просипела она. Глиняные мыши, дюжина их. И конечно, они могут летать в темноте.

Сумах проследила за ее взглядом.

— Проклятье! — проскрежетала она. Подняв голову, она закричала вверх по склону: — Лучники, внимание! Всем укрыться под навесом! Грусс, отдай это проклятое копье тому, кто его поднимет! — Грусс в основном использовал его как посох, помогая своим трясущимся ногам забираться наверх. — Обменяйся с Эшем, забери обратно своего ребенка!

От криков и карабканья Плюм снова начала плакать.

Люди бросили тропу и начали карабкаться на скалу в двадцать пять футов высотой, серебристо-серую в бледном свете, что обещало некоторую защиту. Хог и Готорн подперли плечами Бо и тащили его наверх. Сейдж схватил за руку Келлу,

та — Индиго, и они растянулись цепочкой по трудному подъему. Ремо, Нита и Вит соскользнули вниз к Сумах, размахивая луками.

С неба пугающе тихо спустился огромный силуэт и уселся на навес, нависая над ними. У него был размах крыльев вдвое больше, чем у прочих глиняных мышей. Он распахнул крылья-руки в стороны, как черные паруса, затем снова сложил их… Его душок, который нельзя было спутать, запах сухого погреба… осознание потрясло Фаун.

«Это не глиняная мышь. О, боги, боги…»

Злой повернул к ним свое темное точеное элегантное лицо. Огромные глаза блестели в лунном свете, а заостренные уши навострились на черепе с небольшим гребнем. Мягкий, похожий на мышиный мех покрывал его тело; его ноги заканчивались лапами с когтями и были длиннее и более похожи на человеческие, чем у глиняных мышей.

Вес его взгляда был как боевой молот.

Фаун видела Злого из Глассфорджа лицом к лицу при ранней линьке, страшного как грязь. Злой с Волчьего Перевала, как ей говорили, обладал странной формой человека-волка перед своим концом. Даг говорил, что Злой из Рейнтри был красив так, что дух захватывало — он имел фигу-

ру высокого воина исключительного шарма.

У этого Злого также была его собственная ужасающая красота. Фаун уставилась наверх в трансе от ужаса.

Сумах, замершая рядом с ней, издала странный, слабый возглас, который должен был быть ругательством, но получился более похожим на благоговение. Она смогла только прошептать:

— Он летает…

Но ее слова выдернули их обеих из состояния шока. Фаун уже рылась за пазухой, когда Сумах прошипела:

— Нож, дай мне нож!

И когда Фаун наощупь вложила его ей в руки, Сумах подогнула ноги и прыгнула вверх по склону, обходя скалу.

Три лука поднялось, бесполезно целясь в силуэт главного, уставившегося на них с легким любопытством. Ремо так трясло, что он едва не выстрелил понапрасну, но в последний момент повернулся и нашел вместо Злого кружащую глиняную мышь. Его стрела угодила в крыло; тварь завопила и свалилась вбок.

Еще несколько глиняных мышей появилось неподалеку и отлетело обратно. Фаун подумала, что они ищут жертвы не столько затем, чтоб

стащить их со склона, сколько чтоб согнать их ближе к их хозяину. Расползшийся по всем направлениям отряд стал собираться вместе.

Фаун заметила начало этого первой, до Ниты и Ремо. Эш, выше по склону, повернулся и поднял копье. Но нацелил он его не в Злого или глиняную мышь.

— Ремо, пригнись! — закричала она.

Тяжелое, со стальным наконечником древко свистнуло, улетая вниз. Ремо едва успел пригнуться; острие задело его плечо вместо того, чтоб угодить в его горло.

Копье простучало по каким-то камням внизу. По крайней мере, Эш выкинул свое оружие… временно. Он выглядел смущенным, моргал и тряс головой. Финч, Сейдж и Индиго выстроились рядом с ним. Только Келла попыталась отшатнуться, дернувшись как упирающаяся лошадь, но потом упала на колени.

Наверху Сумах вырвалась на навес. Злой просто раскинул крылья и соскользнул прочь, когда она сделала резкий выпад. Два удара крыльями, и он вновь поднялся вверх. Сумах свалилась с края, завершив падение в кустах, растущих в скалистых трещинах, с душераздирающим треском. Она бросила костяной нож в Злого, но тот лишь слабо

поднялся и по дуге ушел вниз. Фаун, задохнувшись, с хрустом ветвей рванулась ближе к ножу, чтоб найти его, когда он упал и провалился в куст волчьих ягод. Вит, после момента колебаний, побежал за ней, размахивая арбалетом на бегу.

Сумах оказалась на земле вместе с кучей листьев и покатилась вниз мимо мальчишек-крестьян, затем встала на ноги и дальше двигалась, цепляясь руками за кустарник. Сейдж с озадаченным лицом встал на колени, подобрал камень и бросил в нее. Финч и Индиго спустя мгновение сделали то же самое. Хог и Готорн повернулись, чтобы присоединиться к ним.

— Готорн, нет! — закричала Берри в испуге, когда он тоже нашел снаряд и запустил его, прицелившись лучше. Камень задел ухо Ремо.

Лук Ниты колебался, поочередно нацеливаясь на крестьян.

— Нет! — заорала Сумах, задыхаясь и все еще судорожно сползая вниз. — Мы не можем сражаться с ними! Убегаем!

Ремо едва не упал; Сумах поймала его, огляделась и заметила Фаун, пробирающуюся через волчьи ягоды за ножом.

Цепочка глиняных мышей двинулась на Сумах, одна за другой, и она резко свернула, ныряя под

низкое укрытие кустарника. Все мыши кружили над тремя Стражами Озера, которые отступали к югу.

— Берри, сюда! — заорал Вит. Белое лицо Берри повернулось, она увидела его; она дернула Готорна за руку как раз вовремя, чтобы избежать надвигающихся на нее Эша и Сейджа и спрыгнула со склона перед ними. Вит поймал ее, когда она уже почти пропрыгала мимо; орех взлетал и бил ее по ключицам.

— Злой, — сказала Фаун, исцарапанная до крови, пряча нож на своей тяжело вздымающейся груди. — Злой похитил их разум. — Она уставилась на своего брата и невестку, те смотрели на нее в ужасе. — У всех, кроме нас… — В умытой луной темноте сновали глиняные мыши; их хозяин парил над ними, так близко и так вне досягаемости. — Сумах права. Нужно бежать.

— Но… Готорн… — задыхаясь, сказала Берри, оглядываясь, в то время как Фаун повернула на север к ближайшим деревьям. — Бо…

— Мы не можем сейчас им помочь, — пропыхтела Фаун через плечо, а Вит схватил Берри и поволок ее следом. — Они тоже кинутся на нас. Единственная надежда всем выжить — это дождаться, пока местные Стражи Озера не при-

дут и не убьют Злого. — Но ожидал ли этого их дозор? Знают ли они вообще о ночном ужасе, творившемся на Тракте? Что, если остальные из их отряда начнут драться с ними? Дозорные из лаврового Ущелья ведь не посмотрят, как Сумах и другие из их отряда, на то что это околдованные друзья, а воспримут их как опасных врагов… Слезы текли вниз по лицу Фаун при этом видении, но она закусила губу и продолжала пробираться дальше. Земля обваливалась под ее слабеющими ногами, развевающиеся нити волос попадали в рот… Берри, бегущая рядом с ней, выглядела совсем как дикарка.

Они, спотыкаясь, забились в укрытие в деревьях и стали смотреть назад. Стражи Озера исчезли с южной стороны открытого пространства, в паре сотен шагов от них, но Фаун подумала, что могла бы сказать, где они находятся, по глиняным мышам, летающим вверх и вниз над деревьями. Злой, казалось, последовал за ними. Остатки их отряда стояли сбитой с толку кучкой, временно оставшись без указаний своего нового хозяина.

— Бежим дальше, — сказал Вит, закидывая арбалет на плечо и освобождая руки для нового рывка — или, может, одну руку чтоб сражаться с подлеском, а другую чтоб мертвой хваткой

держать за руку Берри; она уцепилась за него с такой же силой.

Фаун страстно желала, чтобы у нее тоже была рука, за которую можно было бы ухватиться — «лишь одна, но это все, что мне нужно» — но Даг сейчас казался таким же далеким, как луна в небе. Она, сглотнув, кивнула. Они втроем потащились по горному склону на север.

* * *

Даг вглядывался в ночь. Скала, простирающаяся под их навесом, давала широкий обзор на верхушки деревьев. От вида кружилась голова, и подходить ближе к краю он не решился. Луна была достаточно полной, чтобы наполнить долину голубым свечением, но недостаточно яркой для того, чтоб ясно видеть то, что находилось вдали, даже без поднимающегося тумана.

Самый широкий размах чувства Дара Дага не мог сказать ему, что происходит на расстоянии восьми или десяти миль, и звук также не разносился так далеко. Но ему показалось, что на той седловине на дальнем перевале крутятся злые точки.

Если только, конечно, у него в глазах не плавали пятна как тогда, когда его скинул Копперхед…

но, прислушавшись к противному холодку в желудке, он решил, что нет.

Глиняные мыши были вне своих убежищ, и они нашли новую жертву. Фаун с остальными? Или каких-то других злосчастных путешественников на Тракте?

Слабое жужжание живого Дара Искорки в его свадебном браслете не помогало. Потому что если оно угаснет, будет уже слишком поздно…

Его рука сжалась в кулак, он стиснул челюсти и беспомощно зарычал. Даже если он безжалостно оставит Пакко и Оулета друг на друга — а прямо сейчас он был достаточно безжалостным — у него займет четыре, пять, шесть часов, чтоб дохромать отсюда туда. Что бы там ни происходило, оно уже закончится или место действия переместится куда-нибудь, а он будет разбит и полностью обессилен, а не как сейчас — лишь наполовину. Видела ли это Тавия? Она могла сейчас пересекать реку, но если она была под деревьями — а она должна была быть под ними — то они заслонят ей обзор…

Каждая струна его сердца трепетала. Тем, что осталось от его разума, он приказал себе оставаться.

«Я сойду с ума, пока закончится эта ночь.»

* * *

Фаун сидела, тяжело дыша, на грязном полу их убежища. Крошечные пятна лунного света лежали на ее коленях, как капли пролитого молока; она, Вит и Берри отползали от них, будто бы луна была неким злым глазом, который мог бы заглянуть внутрь и увидеть, где они прячутся.

— Думаешь, этого достаточно? — прохрипел Вит, оглядываясь; Фаун видела только блеск его глаз в густой тени.

Они пробежали на север около двух миль, забирая вниз в пользу скорости, до того, как Фаун поняла, что если они спустятся еще, то удалятся от скал, и вместо этого стала искать расщелину.

— Чувство Дара не может проникнуть сквозь толщу камня, — сказала она. Но чувство Дара Злого всегда было сильнее, чем у Стражей Озера… Фаун старалась быть оптимистичной, потому что альтернативой была паника, которой они могли поддаться. — Полагаю, Сумах спрятала Аркади и Барра с остальными в каком-то месте вроде этого. Не думаю, что ей хочется рисковать Аркади.

Вит выдохнул неохотное согласие с этим, слегка расслабившись.

Берри кивнула, ее светлые волосы блестели

во тьме.

Фаун провела рукой по двум шнуркам, висящим у нее на шее; ее рука сжала орех, висящий в сетке из волос, подарок на день ее рождения.

— Они работают! Вы поняли? Щиты Дара Дага работают! — По меньшей мере достаточно долго, чтобы они смогли убежать от Злого, отвлеченного другими событиями. Но достаточно ли долго, чтобы суметь рассказать об этом? — Мы убежали!

— А остальные — нет. — Голос Берри был ровным — не из осуждения, подумала Фаун, а просто чтобы остаться спокойной.

Вит почесал подбородок.

— А почему этот Злой просто не вырвал Дар у всех прямо там?

— Он охотился за дозорными, — сказала Берри. — Наверное, он уже вернулся. — На последней фразе ее голос задрожал.

— А может, и нет, — медленно сказала Фаун. — Злой, которого вы, парни, убили недавно был похож на Злого из Глассфорджа, грузного при первой линьке. А этот кажется больше похожим на того, которого Даг видел в Рейнтри, развитого, только он ел в основном мышей вместо людей, поэтому развился так… странно. Он был четкий и красивый и выглядел так натурально… Если он

только из линьки, может, он совсем недавно научился летать и выбрался наружу. Может, он не собирается начинать следующую линьку прямо сейчас, особенно потому что из-за этого начнет больше весить и не сможет летать. Может, он захочет, ну, сохранить своих жертв до тех пор, пока не будет готов.

— Как паук? — сказала Берри. Фаун будто видела выражение ее лица. Она нахмурилась, размышляя.

— Если он в основном ел летучих мышей, он, вероятно, пока не слишком умен. — Летучие мыши не делают запасов еды, насколько она знала. Будет ли Злой размышлять как летучая мышь или как человек? Сумасшедший человек. — Она просветлела. — Но он не сможет удалиться далеко от своих пленников. Помните, что рассказывал Форд Чикори тогда в Рейнтри, как он и его приятели наскакивали на армию Злого, хватали людей и увозили их за зону действия, и те приходили в себя? Наверное, этот Злой захочет собрать всех пленников в одном месте, только потом он будет к нему привязан — если он улетит слишком далеко от них, то они придут в себя и сбегут.

— Думаешь, он погонит всех в свое логово? — спросил Вит, также размышляя.

— Может быть. Хотя этот, кажется, больше не привязан к своему логову.

— А что нам теперь делать? — спросила Берри. — Если б у меня было добрых шесть футов под килем, я бы все понимала, но я совсем не знаю этой сухопутной страны. Может, нам стоит вернуться к Аркади?

Вит потряс головой:

— Мы не будем там в большей безопасности, а пока доберемся дотуда — нас поймают.

Фаун подумала о бледной вспышке костяного ножа, взлетевшего из руки Сумах в воздух в последней слабой попытке, и позволила своей руке обвиться вокруг его ножен.

— Вит, у тебя остались болты для арбалета?

— Всего три.

— Дай мне один.

Вит пошуршал чем-то, достал болт из короткого колчана и передал его ей. Он блеснул в полосах лунного света. Фаун взяла болт и провела по нему пальцами, проверила баланс и оперение. Извлекла костяной нож, сравнила длину, диаметр, вес.

Вит сразу уловил ее мысль.

— Хм… если бы это работало, разве не изобрели бы уже Стражи Озера разделяющие стрелы? Или, например, разделяющие копья?

Фаун потрясла головой:

— На самом деле, Даг говорил, что дозорные иногда приделывают разделяющие ножи к древку копья, в поле, но не часто. В тесном пространстве пещеры или леса копье не удобней ножа, и они все справедливо боятся сломать его.

— Как бедолага Ремо, — согласилась Берри. — Он так переживал, когда сломал один случайно, что сбежал из дома.

— Угу, — сказала Фаун. — Это ведь не просто острие на конце палки. Это чья-то жизнь. Смерть. Надежды. Он должен быть такой формы, потому что его носишь с собой годами, и потому что его придется погрузить в свое сердце, даже если умираешь в одиночестве… Заряженный нож достаточно легко может быть переделан в копье, но я думаю дозорные упадут в обморок, если ты предложишь разделяющую стрелу. Представляешь, а если промахнешься и угодишь в дерево или стену пещеры…

— М-м… — произнес Вит. — Полагаю, привидение твоего дедушки будет охотиться за тобой вечно.

— Сейчас он, — Фаун подняла нож, — будет просто кувыркаться и станет бесполезным, если ты попробуешь выстрелить им из арбалета. Но

если я сбалансирую его и приделаю к нему оперение, думаю, он сможет лететь прямо. Достаточно прямо. На короткое расстояние. — Она дотронулась до болта Вита, показывая где намеревается расположить перья.

— А как ты его сбалансируешь?

— Нужно будет срезать немного кости.

Вит подавился.

— А он не сломается? — спросила Берри с сомнением.

Фаун уставилась на кусок кости, поворачивая его в пятне лунного света.

— Я смотрела, как Даг привязывал и заряжал этот нож. При работе с Даром он казался сконцентрированным на внутренней поверхности кости. А конец просто вырезан так, чтобы было удобно держать. Если я подрежу… В общем, если он не треснет, то не сломается.

— Хм? — спросила Берри.

— Он сделан так, чтобы сломаться изнутри благодаря работе Даром, когда придет в соприкосновение со Злым. Если он не треснет по моей глупости, это значит что заряд все еще звучит в нем. — Но Фаун разрушила свое так уверенно звучавшее заявление тем, что добавила: — Я так думаю.

— А кто, — спросил с тревогой Вит, — по твоему мнению должен стрелять?

— Это должен быть ты.

Подавленная тишина. С двух сторон.

— Ты практиковался куда больше меня, — изобрела ответ Фаун, — и, кроме того, у меня плечо болит. — Оно было горячим и ныло после когтей глиняной мыши. Она разберется с этим позже. — Лучше всего подобраться как можно ближе, потому что выстрел будет только один. Но все, что нужно будет сделать костяному болту — это пролететь более-менее прямо и ударить куда угодно, и хоть чуть погрузиться в ложную шкуру Злого. Я воткнула острие старого заряженного ножа Дага в Злого из Глассфорджа не более чем на дюйм, — она подавила дрожь от воспоминаний, — и он прекрасно сработал.

— Мы пойдем на огромный риск только с одним заряженным ножом, — сказал Вит.

— Да, но если мы будем сидеть здесь с ним, прячась, то это будет так же бесполезно, как и сломать его. Лучше попробовать что-то быстрое. До того, как Злой улетит куда-нибудь, где мы его не достанем. И до того, как он закусит нашими людьми. Все, что я узнала о Злых, говорило, что лучше прикончить его раньше, а не позже. Так

же, как тушить пожар. — В затянувшейся тишине Фаун отчаянно добавила: — А если ничего не получится, ну что ж, это был всего лишь Крейн.

— Это, — сказала Берри после прохладной паузы, — действительно хороший довод.

Вит вздохнул, частично соглашаясь, а частично… ладно, опустим.

Им вскоре предстояло потерять слабый свет, когда луна уйдет за гребень скалы. Фаун держала болт в пятне лунного света и разглядывала направления изгиба лопастей, раскладывала осторожно перья, одно, второе, третье. Затем она извлекла из-за пояса свой стальной нож. Это был один из первых подарков Дага; он настаивал, чтоб она носила его всегда и держал его для нее бритвенно-острым. Она балансировала снова и снова разделяющий нож в руках, поворачивая его разными сторонами. Приложила сталь в узловатому фрагменту на рукояти. Нажала.

Фрагмент с тихим щелчком улетел.

Все задержали дыхание. Но костяное лезвие осталось неповрежденным.

Фаун сглотнула, прицелилась ножом снять стружку подлиннее и углубилась в следующий разрез.

Глава 21

Запах костра, плавающий в прохладном влажном воздухе, предупредил Фаун, Вита и Берри о том, что пора сойти с Тракта и еще раз спрятаться в лесу.

Сумах была права о запахе дыма, разносящемся в воздухе, подумала Фаун, а затем стала гадать, жива ли еще племянница Дага. Ранее они обнаружили остальных из отряда, вернувшихся на дорогу и довольно уверенно топающих назад. Их пасли глиняные мыши. Но если дозорные были где-то поблизости, они не оставляли следов. Следуя за легким едким запахом, они пришли к месту, которое явно было постоянной стоянкой у ручья — и нашли свою цель. «Нет, не нашу цель; нашу приманку».

Предыдущие путешественники обобрали в лесу рядом с большой поляной весь хворост, который мог бы гореть, но Берри, пойдя в разведку, нашла кучу старых сгнивших бревен, слишком влажных, гнилых и поросших мохом, чтобы гореть. Они были скрыты огромными старыми кустами горного лавра и раскидистой белой сосной; к тому времени, когда они пробрались к бревнам,

чтоб набрать дров, зрение Фаун снова понемногу стало цветным, а последние звезды поглотило наливающееся сталью небо. Когда солнце поднимется над восточным хребтом, день сразу станет жарким и ясным, но сейчас все было влажным и лишенным теней. И зловеще-тихим. Хныканье Плюм, быстро заглушенное ее мамой, легонько коснулось их слуха, и Фаун напомнила себе, что звуки разносятся в обе стороны.

Вокруг огня столпилось больше, чем их захваченный отряд; там же оказалась, может быть, дюжина погонщиков с чайного каравана и несколько других злополучных путешественников. Они сидели или лежали в сонном изнеможении; некоторые храпели.

На открывшемся лугу чавкали и хрустели мулы, большие серые силуэты двигались по мокрой траве. Они, кажется, были без упряжи; видимо мулетиры были достаточно при памяти, чтоб заботиться о своих животных. Фаун не была уверена, хорошо это или плохо.

— Видишь где-нибудь Злого? — спросил Вит шепотом.

Фаун уставилась поверх мшистого бревна. Там было нечто, балансирующее на ветви сухого дерева на другой стороне поляны, похожее на

высокую фигуру, закутанную в плащ. Она задержала дыхание, но затем рассмотрела еще одну, свисающую с нижней ветви как грязное белье, и поняла, что это всего лишь пара глиняных мышей. Верхняя раздраженно пошевелилась, затем повисла головой вниз; нижняя взвыла и зацепилась когтями правее. Ни одной из них не нравилось новое положение.

Пара больших голых фигур сидела, скрестив ноги с дальней стороны круга пленников, и Фаун поняла, что это были обычные глиняные люди — недавно сделанные или подобранные после другого Злого? Их бугорчатые формы заставили ее подумать, что они подпортились в предыдущем столкновении, том, откуда их Злой — ей было трудно не думать о нем как о «нашем» Злом — сбежал.

Берри проследила за ее взглядом и схватила ее за руку.

— Они могут нас почуять? — прошептала она.

— Думаю, нет, — ответила Фаун шепотом, когда никто из дюжины тварей не обеспокоился.

Даг говорил, что их щиты не делают их Дар таким же невидимым, как у полностью закрывшегося дозорного. Были ли эти ранние создания лишены чувства Дара или размытый Дар просто

не привлекал их внимания? «Может, мы похожи на камни». Фаун постаралась согнуться и оставаться спокойной как камень, чтоб поддержать иллюзию.

— Как думаешь, когда вернется Злой? — прошептал Вит в ухо Фаун; ей пришлось напрячься, чтобы разобрать слова. По крайней мере, не нужно говорить ему о том, чтобы вести себя тихо. Она также постаралась ответить как можно тише:

— Не уверена. Если он миновал стадию вырывания Дара у всего, что встречает, а, кажется, так оно и есть, то следующее, что делает Злой — это собирает силы для атаки. Только здесь нечего атаковать. Ему придется промаршировать со всеми вместе сорок миль вверх по дороге до следующей деревни. — Она заколебалась. — Злой из Глассфорджа начал копать шахту очень рано, но это могло быть потому, что он съел — вырвал Дар — шахтера. Раз этот ел мулетиров и путешественников, он может захотеть всего лишь тащиться вверх по Тракту.

— Угу, — Вит покрепче прижался к земле.

Возможно, им придется долго сидеть в засаде. Это было плохо.

Фаун чувствовала, как нервная энергия заменяется изнеможением. В этой земле было полно

воды, так что ночью их не будет мучить жажда, но никто из них не ел со вчерашнего полудня. И не спал. Волна тошноты захлестнула ее, но еще хуже был холодок внутри от воспоминания о том, чем она рискует. Боги, если ее стошнит из-за ребенка, сможет ли она проделать это беззвучно? «Не думай об этом, будет только хуже». Она сглотнула и стала дышать через рот.

Чтоб отвлечься, она посчитала головы. Весь их отряд был здесь и держался вместе, исключая, что пугало, Келлу и Индиго. Холодный комок возник в груди, когда она поняла, что четыре тела, лежащие кучкой около дороги, не спали. Но они все были чужаками.

Может, это мулетиры подготовили своих товарищей к захоронению? Или глиняные люди держат тела для завтрака? Она снова с трудом сглотнула. Если бы глиняные люди были должным образом бережливы, им нужно было бы сначала съесть самое старое мясо до того, как приняться за более нежную закуску — такую, как, скажем, Плюм. «Только, если бы Злой вырвал Дар хорошей хозяйки, полагаю». Ну, у него все еще есть шанс.

Вит с неудовольствием шевельнулся и поправил арбалет. Дотронулся до шнурка от ножен

разделяющего ножа, которые висели теперь на его шее.

— Если он летает вокруг, как мы заманим его достаточно близко для хорошего выстрела?

— Я думаю, наши щиты его удивят, если он нас увидит. И тогда он подлетит поближе посмотреть. И тогда мы его достанем. Ты достанешь, — поправилась Фаун.

— Может, вам двоим стоит отойти назад.

Берри потрясла головой.

— Кому-то может понадобиться отгонять атакующих, чтоб ты мог выстрелить. — Ее рука сжалась вокруг длинной крепкой палки, и у Фаун не было сомнений в том, что женщина с реки знает, как ей пользоваться.

Себя Фаун чувствовала менее полезной. Если первый выстрел Вита окажется неудачным, но снаряд не сломается, она могла бы метнуться и достать его. В зависимости от того, поймет ли кто либо — Злой, глиняные люди или околдованные люди — что происходит. Это бы дало Виту не один шанс, но два. Но, вероятно, не три.

Она не упоминала вслух об этом пораженческом плане.

Стало светло; в лесу завел бесконечную трель дрозд, тук-тук-тук, и ему ответил другой. Не-

сколько фигур у чадящего костра зашевелились и легли обратно. Фаун приметила, что некоторые (но не все) сумки и одеяла отряда лежат разбросанные вокруг. Может, погонщики делятся едой? Понимает ли Злой, что его новые войска надо кормить? Если так, принесет ли он людям еды или сумки жуков?.. Фаун быстро заморгала, борясь с мягким соскальзыванием в галлюцинации сна. Было вполне достаточно кошмара, когда глаза были широко открыты. Может, мышь-Злой прилетит только ночью. Им бы уйти и спрятаться до того времени; вряд ли они смогут не заснуть и остаться необнаруженными до ночи в таких…

Вит предупреждающе запыхтел. Фаун стала присматриваться сквозь лавровые листья.

Силуэт летучей мыши кружился и скользил вниз с немышиной грацией. Она не могла предположить его размер в пустом синем небе, но его аура, от которой сводило кости, катилась перед ним, как морские волны. Она хотела бежать сейчас, но, конечно, было уже слишком поздно. Не храбрость и не воображаемая полезность держала ее в прежнем согнувшемся положении.

«Папа всегда говорил маме, что меня надо было назвать Кошкой, потому что мое любопытство однажды меня прикончит». Может, сегодня? Даже

под ее страхом любопытство отказалось сдаться. «Сработает ли моя идея дуры-крестьянки?» Она облизала губы и ждала.

— Все хорошо, — пробормотал Вит. Он ощупью извлек модифицированный нож из ножен — Фаун отобрала его у него, чтоб он его не уронил, пока будет взводить арбалет — встал и шагнул вперед. Слишком быстро открылся, может быть, но боги, хорошо, что ему вообще удалось встать… Фаун протащилась следом и вжала костяной болт в его мокрую от пота ладонь.

Злой выписывал круги наверху, с любопытством смотря вниз. Слишком высоко? Двигается слишком быстро? Он захлопал огромными крыльями и поднялся выше.

— Вит, погоди, — задохнулась Фаун, когда он поднял арбалет, водя его волнами за своей целью.

Вместо снижающегося Злого на ноги поднялся отряд.

Повернувшись лицами в их сторону. Начав двигаться спотыкающимся стадом.

Финч тревожно воззвал:

— Нет, не нужно их убивать! Просто снимите с них ореховые ожерелья, и они будут в порядке!

«О, боги!..»

Берри сжала палку и мрачно шагнула вперед. Фаун отчаянно отпрыгнула и фанатично замахала руками в небо.

— Спускайся вниз, ты, тупая мышетварь, Злая мышь… Тупая тварь! Вот чего ты хочешь! Спустись и поймай меня! — Она танцевала вперед и назад. «О, спустись и поймай меня!» — Тупой Злой!

Вит сглотнул, когда Злой с еще одним ленивым взмахом крыльев внезапно стал ближе, разглядывая их. Он все еще оставался вне досягаемости ножа или копья.

Крылья хлопали, насылая порывы подвальных запахов, развеваясь перед ними, когда он спускался с поджатыми ногами. Фаун гадала, как долго выдержат их щиты против полной концентрации Злого, а затем поняла, что скоро узнает это, потому что им удалось полностью завладеть его вниманием. Его ноги распрямились — он готовился сесть на землю. Утро померкло, будто облако наползло на солнце, но небо было безоблачным и солнце еще не приближалось к хребту…

Трясущийся арбалет выровнялся, и Фаун хорошо знала, какой ценой. «Да, Вит!» Щелчок выстрела, глубокий звон тетивы, белая вспышка

улетевшего вперед костяного болта. Треск, когда он вошел в брюхо Злого, который был прекрасной целью — он широко раскинул свои крылья, чтоб зачерпнуть воздуха.

Удивленный крик Злого ранил уши Фаун, резко слабея одновременно с темнотой, опустившейся на ее глаза. «Он вырвал у меня Дар? Но Даг говорил, что это должно быть больно…» Сквозь кипящее черное облако Фаун видела, как крылья Злого раскрылись с двух сторон и обрушились на землю, а его тело распалось. Ценный приз за стрельбу обсыпался вниз. Чернота вжала ее внутрь, твердая и тугая. «Это смерть? О, малыш, о, Даг, простите меня…»

* * *

Даг внезапно проснулся, набрал воздуха и огляделся вокруг. Его сердце колотилось без какой-то причины, которую он мог бы понять. Все было тихо, лес затянут туманом, но мир стал светлее с тех пор, как он задремал под этим выступом в темном холоде. Небо слегка окрасилось из серого в бледно-голубое. Час после рассвета, вероятно? Пройдет еще по меньшей мере два часа до того, как солнце осветит гребень и согреет их, но туман уже стал уползать, так как воздух начал

двигаться. Его две обузы спокойно спали; или, по крайней мере, Оулет спал, а Пакко лежал в затуманенном болью забытье, которое Даг не видел причины прерывать.

Полный страха, Даг ощупал свадебный браслет, обвившийся вокруг его плеча. Она еще жива. Хотя бы это. Крохотное жужжание казалось беспокояще приглушенным, как всегда с тех пор, как Даг вплел ореховый щит Фаун в ее Дар.

Стал ли он сейчас более приглушенным? Почему? Может, Фаун удалилась от него?

Обычные расстояния раньше никогда не мешали их браслетам. Даг попробовал подбодрить себя: «Сумах знает, что за ней надо присмотреть», но зловещая часть его разума не затыкалась и добавляла «…если Сумах сама еще жива.» Найдет ли вообще их разведчик Тавия выживших в долине, не говоря уж об Аркади?

Он покатал плечами, затекшими от некомфортабельного сидения у скалы, и нахмурился, глядя на правую ногу, вытянутую перед ним. Он в конце концов распустил ботинок из страха, что пережатая циркуляция крови приведет к отрезанию синюшной ноги, и точно, как он ожидал, сейчас лодыжка раздулась слишком сильно, чтоб завязать его снова. Скоро ему понадобится

подняться и отправиться за водой.

Он попытался набраться должного участия целителя к своим ранам вместо бесплодной ярости за то, что прикован здесь. Он и Тавия устроили Пакко так чисто и удобно, как это возможно, до того, как она ночью ушла. Последним резервом Дага была одна полоска сушеного кидальника в кармане. Тело Пакко было истощено, но его боль приглушала голод, и удержание Оулета в тишине могло стать более насущной задачей…

Его мысли охотились за своими хвостами как сумасшедшие кошки, и вся надежда задремать вновь угасла. Как можно тише Даг поднялся на ноги с помощью палки, взял флягу и пошел вниз по склону холма. Это должно было занять некоторое время.

Когда Даг, наконец, вернулся, Оулет проснулся и был рассержен и полон страха.

Пакко разглядывал крестьянского ребенка с безжизненной тревогой.

Даже при его ужасной боли дозорный держал свой Дар приемлемо закрытым, что вызывало у Дага одновременно признательность и уважение. Оулет, разумеется, пылал как маяк.

— О, боги, ты вернулся, — сказал Пакко. Напряжение его тона напомнило Дагу о том, как

долго Пакко лежал здесь один, потерянный и без надежды.

Он уселся рядом с мужчиной, вытянул ногу.

— Угу. Воды?

— Только обмочусь еще раз, — скорчил гримасу Пакко, глядя в сторону, скрывая беспомощный стыд.

— Я — целитель. Я разберусь с этим, — напомнил Даг тихо. — Держите флягу, а я подержу вашу голову. — Он придержал затылок Пакко; тот поднял руку, хотя это заставило его задохнуться.

Вместе им удалось влить порцию воды в искалеченного человека. «Отсутствующие боги, что за парочка. Из нас не сложить даже одного дозорного.»

Оулет покружил вокруг Пакко и пробрался к Дагу на колени; Даг дал ему напиться тоже, проливая несколько больше, но угроза рыданий миновала всего лишь в несколько чихов.

В свете дня Пакко разглядывал Дага с новым любопытством (Даг надеялся, не слишком подкрашенным неодобрением).

— За исключением руки я бы принял тебя за дозорного.

— Я был им когда-то.

— Ты из-за этого вместо того стал целителем?

Как вышло, что ты путешествовал с крестьянами? — Он разглядывал покрытого царапинами и грязью Оулета, как если бы ребенок был самым неприятным из всего, что происходило.

— Это длинная история. Пара длинных историй.

— Я никуда не собираюсь, — равнодушный вид Пакко был самую малость слишком осторожным. Все верно, рассказ удержал бы его спасителя перед его взором. Даг вздохнул.

— Да, я тоже… — Но до того, как он смог выбрать откуда начать, рваное движение в деревьях поймало его взгляд. Он сел, щурясь, затем схватил свою палку и с трудом поднялся на ноги; Оулет свалился, захныкав в знак протеста.

— Извини… — Он вынырнул из-под навеса и посмел приоткрыть на мгновение Дар. Глиняная мышь! Он немедленно закрылся снова. Прохромал несколько дюжин шагов по склону туда, где оползень открыл более широкий обзор на небо и уходящие прочь верхушки деревьев.

В нескольких сотнях шагов внизу глиняная мышь с трудом врезалась в ветви, падая и снова борясь за высоту. Летела она очень плохо. Ранена? Слишком тяжелый груз или пленник? Она слишком далеко, подумал Даг, чтобы он мог проделать

вчерашний рискованный трюк с точным выхватывание фрагмента Дара, хотя если его поймают опять и потащат обратно к Злому, он должен будет попробовать. Но когда тварь лихорадочно рванулась ввысь, Даг увидел, что когти ее были пусты. Ее шатнуло ближе. Видела ли она его, будет ли атаковать? Одного погнутого в ботинке ножа и срезанного деревца не будет достаточно, чтоб с ней драться. Даг набрал воздуха, открылся снова, потянулся…

И застыл. В Даре глиняной мыши не было ничего, кроме мыши, самой мыши. Безголосой, бессловесной, лишенной разума. Испуганной и озадаченной оттого, что обнаружила себя в этом полностью неправильном, слишком тяжелом умирающем теле. Отчаянно желавшей добраться до прохладного прибежища своей смутно вспоминаемой пещеры, которая осталась далеко к востоку, подальше от ужасного ранящего света. В жаркой скорости ее полета, без поддержки ее хозяина-Злого распад будет быстрым.

Не было никакой ошибки: перед ним был Дар глиняного человека, утратившего разум; Даг наблюдал эту маленькую трагедию бессчетное число раз, а последний — не далее как два дня назад.

Кто-то разделался со Злым!

Добрые полтысячи фунтов тревоги свалились у Дага с сердца. Его рот приоткрылся, а губы растянулись в неконтролируемой усмешке.

Глиняная мышь врезалась еще раз, затем поднялась и в конце концов исчезла из виду, скрывшись за хребтом. Даг заковылял обратно в их убежище. Если бы он мог, то протанцевал бы это расстояние.

— Эй, эй, эй, Пакко!

— Что там? — Пакко сжимал флягу, единственное оружие, которое у него было.

— Да нет же, хорошие новости! Должно быть, твой дозор нашел логово Злого! Там его умирающий глиняный человек без мозгов. Нам нужно только продержаться, и помощь придет. Мои люди могут подняться сюда уже в конце дня. Твои может даже уже ищут тебя! Они ведь были, ты говорил, всего лишь в пятнадцати милях к северу отсюда, когда вы разделились?

Пакко издал звук глубокого облегчения. Его голова безвольно упала обратно.

Несмотря ни на что, его губы также растянулись в усмешке.

С чувством радости Даг широко распахнул свой Дар, меняя его состояние со сжатого, глухого и

слепого «Здесь никого нет» на приветственный флаг «Мы тут! Заберите нас!». Усмешка Пакко стала шире. Даже Оулет посмотрел вверх и заворковал, обрадованный внезапной радостью этих загадочных пугающих взрослых.

Даг проводил Оулета к ручейку для запоздалого утреннего умывания, затем снова уселся и предложил малышу праздничные полполоски кидальника, которые были с готовностью схвачены. Пакко принял оставшуюся половину. Ребенок вскарабкался обратно в свое прибежище на коленях Дага, чтоб счастливо вертеться и пускать слюни.

— Что ж… — Даг подумал, что мог бы попереливать из пустого в порожнее, но не посмел. Пакко, несомненно, был самой внимательной аудиторией, а Оулет, казалось, находил хриплый голос Дага успокаивающим. — Вы спрашивали меня о моей жизни.

— Мне, конечно же, интересно, как ты повстречался на моем пути, я бы так сказал, — допустил Пакко.

— Ну… Я из Олеаны изначально, но я обошел вокруг озера…

* * *

Позднее Даг потратил некоторое время на то, чтоб превратить нескольких несчастливых белок и печального голубя в готовящийся обед (этот процесс одновременно накормил и очаровал капризного Оулета). Очищенные, выпотрошенные и жарящиеся на палочках кусочки были едва ли на один укус, но укус у Оулета был небольшим.

Дага больше беспокоил Пакко, который едва мог глотать.

После обеда появились Тавия с Аркади, и это было чудесно раньше того, на что рассчитывал Даг. Неожиданно, они также привели Келлу, Индиго и груз припасов. Даг вынырнул из-под навеса, где дремал Оулет, и поймал их раньше, чтоб поприветствовать.

Аркади, все еще запыхавшись после подъема, схватил Дага за плечо так, будто бы не мог решить, обнять его или встряхнуть.

— Не думал, что увижу вас живым вновь! О, боги, что за ужасы вы проделали со своим Даром на этот раз?

— Произвел небольшое хирургическое вырывание Дара у глиняных мышей. Поэтому мы здесь, а не стали едой в логове Злого. Аркади, мы спасены!

Кто-то убил Злого!

— Да, мы видели, — Тавия энергично кивнула. — Умирающие глиняные мыши разбросаны по всей долине. Мы встретили двух по пути сюда.

— Где Фаун? И остальные, — добросовестно добавил Даг.

Аркади и Тавия посмотрели друг на друга так, что Дагу это не слишком понравилось. Аркади сказал:

— После того, как вас троих унесли, мы спрятались под деревья, и атака остановилась. Глиняная мышь попыталась унести Барра тоже, но он упал и сломал ногу. Я сложил ее так хорошо, как мог, но далеко двигать его было нельзя, так что Сумах оставила меня, Барра и Рейза спрятанными в пещере. Вроде того. Сумах решила, что заберет остальных и попытается перейти хребет на западе, чтоб достичь Лаврового Ущелья.

В лучших традициях дозора, убрать женщин и детей из зоны действия Злого. Тревога увеличилась. Или даже сразу две тревоги.

— Хорошо с ее стороны. — Но потом была ли Фаун в безопасности на ее пути в лагерь Стражей Озера?

Видимо, нет, так как Аркади добавил:

— Дальше пусть лучше рассказывает Келла.

Девушка-полукровка набрала побольше воздуха:

— Мы были на полпути наверх прошлой ночью, пытаясь одолеть седловину, когда вернулись глиняные мыши. С ними был Злой. Он летал.

В желудке Дага похолодело, но он напомнил себе, что какой бы ужасной ни была форма этого Злого, сейчас он был уже мертв.

— Он выглядел как летучая мышь, только больше и, и… более красивый, наверное. Когда его увидишь, то ни с чем не спутаешь ни на секунду.

Даг понимающе кивнул.

— Он похитил наш разум. Это было очень странное ощущение. Будто я внешне спокойна, но внутри кричу. — Ее дрожь давно ушла при ярком свете солнца, но Даг чувствовал глубокое, до костей истощение, оставшееся в ней; знакомое состояние после того, как имеешь дело с ужасом перед Злым.

— Он контролировал ее разум иначе, чем наш, похоже, — сказал Индиго. Он также был бледным больше, чем просто от трудной ночи. Келла нахмурилась от воспоминаний.

— Было похоже на то, что эти дикие идеи ослаблялись и усилялись в моих мыслях. Аркади

думает, что я пыталась закрыться.

— Как бы то ни было, — продолжил Индиго, — глиняные мыши прогнали Сумах, Ремо и Ниту. Фаун, Вит и Берри тоже ушли. — Казалось, он хотел сказать больше, но вместо этого сглотнул.

— Вместе? — с надеждой спросил Даг. Может, Фаун в безопасности вместе с Сумах?

Индиго потряс головой.

— Они побежали в разные стороны. Мы решили, что твои ореховые щиты сработали.

— Злой ночью погнал оставшихся на север по Тракту, — продолжила Келла, — но я продолжала падать… Тащилась так медленно, как смела.

— Я пытался помочь ей подняться, — сказал Индиго. — В то время это казалось мне моей мыслью. Это было будто… что-то, что мы должны делать. Но мы уходили дальше и дальше от остальных, и тогда… мой разум будто очистился. Тогда мы повернулись и сбежали.

— Я надеялась, что мы сможем найти Аркади и что Стражи Озера защитят нас, — сказала Келла. — Никогда еще не была так напугана. Мы искали вдоль гребня там, где, я думала, Сумах их спрятала, когда вместо этого нас нашла Нита. Она была совсем одна. Она сказала, что дозорные закрылись, стряхнули глиняных мышей и спря-

тались в расщелине. Сумах была в ярости, но в конце концов решила, что кто-то все же должен известить лагерь Лавровое Ущелье. Так что она взяла Ремо и поспешила на запад и оставила Ниту искать Фаун и попытаться провести ее к Аркади.

— Но Нита сказала, что не смогла, — сказал Индиго. — Найти Фаун, Вита и Берри не смогла. Она сказала, что это хороший знак, потому что если ее Дар не смог их найти, то и Дар Злого не сможет. Она надеялась, что у них хватит ума спрятаться.

Даг пропустил пятерню сквозь волосы и постарался не закричать.

— И что потом?

— Я вышла из пещеры набрать воды и обнаружила Ниту и этих двоих, шастающих вокруг, — сказала Тавия. — Я нашла Аркади парой часов раньше.

— Тавия была первым добрым словом о вашей судьбе, — сказал Аркади Дагу. — Было облегчением узнать, что местный дозор на охоте, но отсутствующие боги, что за кутерьма.

Тавия продолжила:

— Мы пытались решить, что лучше сделать для вас, потому что у нас не было достаточно рук, чтоб снести с горы искалеченного человека, или места лучше, чтоб спрятать его, если сможем. И

тогда мы увидели первую умирающую глиняную мышь, и тогда, гм, изменилась вся ситуация.

— Стало ясно, что проще доставить целителя к раненому, чем наоборот, — сказал Аркади. — Или так я думал, пока не попытался взобраться на эту невидимую в темноте гору. Я оставил Барра с Рейзом, что мне не нравится, но теперь им не нужно прятаться. С ними должно быть все в порядке.

— Нита поймала свою лошадь, — живо сказала Тавия, — так что она решила поскакать на север и попробовать натйи остальных, где бы они ни были с тех пор, как Келла и Индиго отстали, и может связаться с местными дозорными и добыть нам больше помощи.

Все было хорошо и разумно, как только могло в таких трудных обстоятельствах, но где была Фаун? Явно никто этого не знал.

Даг отвел отряд в их пещерку под навесом. Аркади уселся на колени рядом с Пакко и открыл свой Дар раненому мужчине в своей пугающе-проницательной манере.

— Интересно, — пробормотал он.

Даг, уже знакомый с этим особенным тоном, искренне понадеялся, что его вывихнутая лодыжка будет расценена как скучная. Он познакомил их, надеясь, что Пакко понимает что происходит,

несмотря на потускневший взгляд, и продолжил:

— Я не думаю, что для перелома было хорошо оставаться без лечения так долго со всеми мышцами в спазме вокруг него, но в то время когда бы мне надо было заниматься выравниванием костей, я не слишком был уверен в нарушенных нервах.

— Совершенно верно, — сказал Аркади. Он сел на пятки и, нахмурившись, посмотрел на Дага. — Вам бы быть прямо сейчас пациентом, а не ассистентом, но нужда заставляет. Его кожа не повреждена, не считая нескольких царапин, и мне хотелось бы это сохранить. Это означает, что работать будем настройкой Дара. Я хочу, чтоб вы выполнили тяжелую работу, пошли вглубь и осторожно выровняли два позвонка, а затем осуществили подкрепление Даром по линиям трещин. Вы готовы?

Сейчас? Проклятье, Даг только вздохнул с облегчением, и теперь он хотел отправиться искать свою жену! И ребенка. Фаун там не одна, напомнил он себе. С ней ее родственники… в его мысли прокралась змея «когда их видели последний раз». Даг посмотрел на беспомощного, мучающегося Пакко и усмирил свой беспокойное бешенство. Фраза Фаун «Раньше начнешь

— раньше кончишь» всплыла в его памяти.

— Минутку. — Он осторожно уселся с другой стороны Пакко, уложил свою больную ногу, снял протез с руки и положил его рядом.

Пока Даг успокаивал тело, разум и Дар, Аркади сказал:

— Тавия, Келла, Индиго, устройте здесь лагерь. Мы сегодня не будем передвигать этого пациента. Для этого понадобится шестеро крепких парней и для начала крепкая доска, к которой его надо будет привязать.

Пакко сглотнул и сказал:

— Если я не буду снова ходить, сэр, — он не сказал этого вслух, но Даг понял его как «если я буду только лежать в постели и мочиться под себя», — я бы предпочел, чтобы вы нашли мой нож.

Аркади загадочно посмотрел на него.

— У вас будет время, чтоб сделать этот выбор позже. Готовы, Даг?

Аркади мог разведать расположение своей вотчины и выбрать стратегию так же быстро, как Даг, и по той же причине: сорок лет опыта. Несмотря на тревогу, Даг обнаружил, что расслабляется под лидерством, которому доверяет.

Он распрямил пальцы, настоящие и призрачные; зрение и звук погасли, когда он погрузился

в разделенную страну текущего Дара.

Это было не излечение, а скорее подготовка к нему. Боль уходила с горячей красной жестокостью. Мускулы кричали. Сами вылепленные кости были холодны и тверды, их поддерживали странные узоры, уходящие глубже и глубже, живые от крови, текущей свободно и заблокированно, образующей гематомы и сгустки. Аркади занимался намного более нежными нервами, напоминающими веревки, и кнуты, и нити огня, глубже и глубже, глубже и глубже…

— Осторожнее, — пробормотал Даг, сопровождая слова касанием Дара; Аркади задохнулся и прервал начинающийся захват Дара. Даг сейчас не мог бы попасться в захват, даже если бы их жизни зависели от этого; его сердце было слишком далеко и безумно желало вернуться в мир ко всему, что он содержал. Это дало ему хороший якорь, решил он. То, что делал Аркади, было сложной, чрезвычайно трудной задачей, исполненной грации, будто в некоем танце, и само по себе странным удовольствием было просто наблюдать за ним, забыв о результате.

— Спасибо, — пробормотал Аркади. — Хорошая работа. Теперь вам можно выходить…

Даг вдохнул, заморгал и выпрямился, и к нему

рывком вернулись ощущения от их убежища в скале. Как много времени прошло? Солнце, казалось, стало заметно ниже.

— Он потерял сознание какое-то время назад, — доложила Келла, обтирая потное лицо Пакко влажной тканью.

— Я не удивлен, — сказал Даг и откатился назад, бледный и трясущийся.

«Это было здорово!», подумал он с восторгом. Боги, ему нравилась эта работа. Магия во всей ее силе. Разрешенная магия. Он прислонил плечи к прохладной стене навеса и несколько минут позволял другим людям делать все остальное. Тавия принесла ему воды и полоску сушеного красноватого кидальника из Новолуния.

Конечно, это была выплата его последнего долга судьбе; и если он был удачей Пакко, возможно, кто-то еще станет удачей Фаун, передавая долг дальше. Теперь была очередь Дага добиваться собственных целей. И никто лучше него не сможет проделать этот путь.

Сразу, как только ему удастся встать.

— Пакко будет ходить снова? — робко спросила Тавия. Даг потряс головой.

— Слишком рано говорить об этом. Пройдет неделя до того, как отек спадет и останутся посто-

янные повреждения. Но он будет жить и увидит свою жену вновь.

Когда Аркади, наконец, подался назад и оперся о скалу, весьма напоминая мокрую тряпку, Даг сказал:

— Мне нужно отправляться искать Фаун.

— Завтра, — сказал Аркади. — Обещаю, что мы поможем вам спуститься с горы в первую очередь.

— Я сам смогу спуститься.

Аркади фыркнул.

— Как, упасть с нее? Уверяю, это будет достаточно быстро.

Даг дотронулся до левой руки.

— Что-то не так.

Взгляд Аркади вспыхнул, проницательный и быстрый; он нахмурился, но не спорил с этим доводом. Это взволновало Дага еще больше.

— Полагаю, я не смогу вас остановить, разве что свяжу.

— Это меня также не остановит.

— Отсутствующие боги, Даг, если бы у вас была хоть половина мозгов кидальника, вы бы дождались помощи.

«Я и есть помощь». Даг нахмурился.

— И свалитесь вы со скалы или нет, к тому

времени, как вы доберетесь до фургонов, будет темно, — добавил Аркади. — Полагаю, это единственное всем известное место встречи. В противном случае, вам придется обыскать всю долину.

— М-м, — сказал Даг, пытаясь это продумать. Все здесь были такие же вымотавшиеся и недосыпающие, как он сам. Келла тоже потеряла мужа. Даг сам бы стер в порошок любого репоголового наполовину калечного дозорного, который предложил бы такую прогулку. Но ведь… он снова дотронулся до свадебного браслета сквозь прорехи в рукаве, но это не принесло ему большего понимания. Изменился, да, но что это значит?

Возможно, вызывающие столько вопросов их с Фаун свадебные браслеты просто истощились?

«Нет. Это ошибка.»

Даг нашел неожиданного союзника в Оулете, который проснулся во время настройки Дара. Обеспокоенный наплывом людей, малыш снова стал плакать и звать маму. Даг безжалостно его отпустил. Тавия быстро передала его Келле, но той повезло его успокоить не больше. Аркади, вернувшийся после умывания в ручейке, сморщился от шума.

— Лучше будет вернуть малыша к семье, — за-

метил Даг, перекрывая шум. — До того, как он заболеет от плача или гора обвалится. Не надо бы ему сидеть здесь еще одну холодную ночь.

— Кто вызовется добровольцем? — спросила Тавия. — Ты не сможешь его нести!

— Я смогу, — неожиданно сказал Индиго. — Отправлюсь с Дагом и помогу разыскать Бассвудов. — И взглядом добавил Келле: «и Сейджа, и Финча с Эшем».

— Хм, — Тавия потерла вспотевший лоб. — Думаю, Келлы и меня будет достаточно сегодня вечером. Чтоб помогать Аркади и все такое прочее.

— Его родители, должно быть, сейчас сходят с ума от тревоги и горя, — добавила Келла, подбрасывая ребенка, но результатом было только то, что плач расходился волнами. — Жестоко заставлять их испытывать это дольше, чем необходимо.

— Где вы собираетесь искать? — спросил Аркади, дрогнув под общим напором.

— Там весь день был столб дыма из лесу около Тракта, примерно в восьми или десяти милях к северу, — сказал Даг. — Я бы его проверил. Похоже на костер, и путь совпадает с тем, о котором говорили Келла и Индиго. Если там не наши, то

кто-то другой, кто может помочь найти их.

— И вы планируете пройти две мили вниз, пересечь реку, пройти еще милю до дороги и затем большое расстояние вниз по ней с вывихнутой лодыжкой на ночь глядя? — вопросил Аркади. — Волоча этого маленького горлопана? Вы не герой, Даг, вы псих.

Добраться туда… В десятый раз за сегодня Даг дохромал до обрыва и расширил свой Дар в самую дальнюю, тончайшую степень.

И в первый раз за сегодня он получил ответ: далеко внизу долгое жалобное ржание отразилось эхом от склонов ущелья.

Даг ухмыльнулся.

— А кто говорит о «пройти»? Кажется, вернулся мой скакун. Если Индиго сможет спустить меня с горы настолько, чтоб я мог призвать Копперхеда, то я поеду верхом.

* * *

К удивлению Дага его седло было все еще на спине Копперхеда, хотя седельные сумки исчезли, потерявшиеся где-то в лесу. Ему придется потратить день, разыскивая их, не в первый раз за свою карьеру. Не упоминая уже о его боевом ноже, потерянном в схватке. «Позже». Копперхед

не смог избавиться от уздечки, и его мундштук был склизким и покрытым травой. В его гриве и хвосте было полно репьев. Но в целом конь был в гораздо лучшем состоянии, чем его хозяин.

Обрадованный, Даг отдал обратно одеяло, которое раньше попросил у Индиго, чтоб подложить на убийственно костлявую спину мерина.

— Ты не расседлывал лошадей перед тем, как отпустить?

— Остальных — конечно! — Возмущенный Индиго предусмотрительно отошел так, чтоб выйти из зоны брыкания, когда Даг повел коня к ближайшему бревну. — А этот ускакал сразу после того, как сбросил тебя в драке. Мы его не поймали.

— Надеюсь, он смущен. Да, старик? — Даг почесал ореховое ухо; Копперхед фыркнул зелеными слюнями и тщетно попытался сдвинуть узду. Он прижал уши в протесте, когда Даг натянул поводья. Но тот дал коню понять, что сейчас нет времени на разные трюки. Было непривычно тяжело сесть в седло, и Даг выдохнул с облегчением, когда вновь взгромоздил зад на привычное место и сумел вдеть пульсирующую правую ногу в стремя. У него все болело, и его зрение, казалось, пульсировало вместе с болью в лодыжке. Аркади,

хоть и вымотанный и все еще не одобряющий его план, немного подкрепил его Дар в растянутых связках перед отправлением, бормоча «Полагаю, Сумах сейчас на полпути к Лавровому Ущелью», на что Даг ответил «Я буду ее высматривать».

Даг опустил крюк, к которому Оулет протянул чумазые ладошки; раскачиваться на нем было игрой, которую они изобрели раньше днем. Игре удалось на время превратить рев в хихиканье.

— Поднимашки-обнимашки, братец! — Индиго поднял его, а Даг завернул в одеяло и расположил перед собой в седле так осторожно, как мог, придерживая левой рукой маленькую грудь. Оулет издал звук одновременно неудовольствия и очарования при большем видении мира.

Даг взглянул вперед на речную долину и сказал Индиго:

— Копперхед будет тебя обгонять.

— Не думаю, что ты станешь дожидаться… — Индиго помог Дагу засунуть его посох под крыло седла.

— Ты хочешь пойти следом или отправишься обратно к Аркади с Келлой?

Индиго потряс головой.

— Сначала проверю фургоны. Они действительно самое разумное место встречи. Если там пока

никого нет, то пойду следом за тобой вверх по Тракту. Или просто упаду здесь и буду ждать. Но тебе ставить на север будет лучше всего.

Даг кивнул и нажатием коленей направил Копперхеда на запад. Продираться сквозь лес, выплевывая паутину, удавалось медленно, но зато они нашли переправу через реку, где вода поднималась только под брюхо коню еще тогда, когда край солнца дотронулся до западного хребта. Даг решил, что светящиеся горные сумерки будут самым поздним временем, когда он достигнет источника того дыма, поднимающегося над дорогой; а после этого… ну, это будет зависеть от того, что он там найдет. Была немалая возможность того, что он пытается доставить Оулета родителям, которые с вырванным Даром лежат мертвые в канаве.

Он старался быть оптимистичным; с равным успехом могло случиться, что Злой-мышь собирал крестьянские войска для того, чтоб встретить атаку дозорных, двигающихся к северу, и тогда он бы сохранял своих пленников, а не ел их. Его оптимизм заколебался, когда он подумал «Надеюсь, наши не наткнулись на дозорных до того, как Злой пал».

Хотя это зависело от того, как Злой встретил

свой конец, потому что явно эта тварь не была привязана к своему начальному логову. Даг пару раз был с другой стороны сценария, сражаясь с порабощенными крестьянами. Ему не нужно было представлять ужасы, он мог просто вызвать воспоминания. Он встряхнул свои пришедшие в замешательство мозги, как если бы был непослушной лошадью. «Нет. Здесь у нас этого не было.»

Когда они достигли дороги, Даг повернул Копперхеда к северу и скомандовал идти длинным, размашистым шагом; среди многих дефектов коня эта его походка была не единственной. Оулет запищал от восхищения и радости, когда его кудряшки стал раздувать ветер. «Хоть кто-то из нас троих счастлив». Хотя, Копперхед, кажется, не возражал размять ноги, так что Даг позволил ему размять их посильнее. В результате, Даг почувствовал Даром лагерь у костра, когда небо было еще светлым.

«Да!» подумал он, когда ощутил первый знакомый Дар крестьянина. Оставалась полумиля, и он позволил запыхавшемуся Копперхеду перейти на шаг и торопливо начал считать головы. Бо, Готорн, Хог, хорошо. Сейдж… Келла, у тебя теперь все в порядке. Финч и Эш. Бассвуды, очень

расстроенные, но спасибо-отсутствующим-богам Плюм все еще с ними.

Он особенно беспокоился о Плюм, как о закуске с плотным Даром, которую нельзя было использовать как солдата. Много чужаков или почти чужаков… он был почти уверен, что узнает некоторых из них как мулетиров, с которыми они неделями играли в чехарду. Он снова проверил всех. Были ли те дымные кляксы Витом и Берри, спрятавшимися за их щитами? Значит, там была и третья? Да, еще более размытая.

Когда в серых лесных тенях замелькал оранжевый огонек, Даг пустил Копперхеда неохотной рысью. Он выехал к большой поляне с широким лугом, раскинувшимся у ручья, и нашел там пару дюжин народа в импровизированном лагере — погонщики, да, и большую часть своего собственного отряда. Финч, который тащил охапку хвороста, увидел его первым, уронил ветки на землю и радостно закричал:

— Это Даг! Он жив! И с ним Оулет!

Женский крик «Что?!» прилетел с дальней стороны поляны. Даг успел лишь поделиться сильнейшей мыслью «Стоять, или скормлю волкам!» с Копперхедом, как его облепила дюжина бледных, возбужденных людей.

Копперхед опустил голову и фыркнул, но стоял исполнительно спокойно.

Без вопросов все расступились, чтобы пропустить к седлу Дага Вио; Грусс и Плюм спешили следом за ней. Взлохмаченная женщина застыла с открытым ртом, и ее лицо светилось всей той радостью, которую мог бы пожелать Даг, ее руки тянулись будто бы к звездам. Он уговорил Оулета уцепиться за крюк, поднял его с седла и опустил в объятья его матери.

— Даг, Даг, Даг, — зафыркал Оулет. — Кидальник-ник. Пркляте.

Вио засмеялась, блестящие слезы прочертили ее лицо.

— Право слово, какой же он грязный!

— Не грязнее Дага! — воскликнул Грусс, обнимая жену и обоих детей. Когда он так неожиданно вернул себе сына, которого, конечно, считал уже мертвым, на его лице отразилось явное удивление, столь не похожее на любое выражение, которое Даг встречал там раньше. Даг ухмыльнулся. «А что ты теперь думаешь о Стражах Озера, Грусс?»

Взгляд Дага обежал повернутые кверху лица, но не нашел ни Берри, ни Вита, ни Фаун.

— А где Фаун? — спросил он.

Тишина охватила толпу, собравшуюся у его колена, как если бы его слова были камнем, брошенным в воду.

Вио посмотрела вверх; радость исчезла с ее лица и остались лишь слезы. Она крепче сжала Оулета.

— О, Даг… Мне так жаль…

— О чем?

— Бедная малышка была такой храброй и умной, а потом такой окаменевшей и холодной… Если бы мы знали, что ты выжил, мы бы дождались тебя.

— О чем вы говорите?

Бо, протолкавшись вперед, сглотнул и протянул руку, указывая на другую сторону поляны.

— Этот Злой-мышетварь убил ее, как раз тогда, когда Вит попал в него стрелой. Погонщики закапывали своих мертвых, так что мы похоронили ее рядом. И часа не прошло, наверное.

— Похоронили? — сердце Дага забилось, как молот. Он сжал свой свадебный браслет и уставился в дурацком изумлении на насыпь свежей земли под несколькими стройными ясеневыми деревьями. — Но ведь она не умерла!

Глава 22

Даг обнаружил себя наверху низкого холмика, разрывающего грязь крюком без воспоминаний о том, как он тут оказался. Его посоха при нем не было.

— Мы должны вытащить ее оттуда! Она же не сможет дышать!

— Даг, дружище! — Финч схватил его за плечо. Эш сжал другое своей большой рукой, поднимая его более эффективно; он неохотно стал на колени, все еще царапая крюком землю, а затем его крюк перестал доставать до земли.

— Это нехорошо, Даг! — сказал Сейдж. — Пожалуйста, перестань.

Расстроенный женский голос, голос Вио сзади произнес:

— Помогите! Он повредился в уме от горя!

— Я не для того выжил в драке с глиняными людьми, — зло пропыхтел Даг, сбрасывая руки с плеч, — провел ночь на проклятой горе, две мили спускался с нее и проехал десять миль с поврежденной ногой, все это чтоб найти свою жену, чтоб меня остановили какие-то шесть футов!

— Он, что ли, ее кости хочет? — сказал незнако-

мый голос… одного из погонщиков?

— Говорят, Стражи Озера едят своих мертвецов… это для них как поминки. Но нам этого здесь не нужно!

— Хотя, она его женой была. Может, стоит позволить ему…

— Ну, моего брата он не съест, и кости его не украдет!

Даг боролся за свободу; все больше рук сдерживало его. Бо выкрикнул:

— Не нужно продолжать этого, Даг! Позволь ей покоиться с миром. Мы оказали ей все почести, уверяю тебя.

— Она не умерла! Я не знаю, что происходит, но она не умерла! Не могла умереть! Не Искорка! — Он вырывался, отбрасываю людей. «Крестьян.»

— Даг, остановись, это сумасшествие!

— Проклятье, да помогите же мне! — закричал он в муке. Копание одной рукой не было его сильной стороной. Но у кого-то, должно быть, были инструменты выкопать могилу, так что она все еще должны были быть поблизости, чтоб раскопать ее вновь. Он не ожидал, что чужаки поймут его, но, может быть, ребята с юга?..

Мулетир протиснулся слишком близко к нему; Даг почти зацепил его своим смертельным крю-

ком, и едва успел вместо этого просто ударить. Еще шестеро погонщиков прыгнули на Дага и повалили его на траву. Боги! Он не может вырывать у них Дар, как у глиняных мышей… «Да, я могу!» Непрошенная мысль немного замедлила его.

Он зарыдал от разочарования, вода размывала ее потрясенный вид теней, огня костра, испуганные лица людей.

— Послушайте, найдите другого Стража Озера! Кого угодно с толикой чувства Дара! Они подтвердят, что я прав! — Колено надавило ему на грудь, заставив его подумать о земле, которая, должно быть, давит на грудь Искорки. Что, если они продавят могильный холм? — Отсутствующие боги, вы закрыли ей лицо? В ее рот попадет грязь… в глаза… — Они ведь не зашили ей веки? Он слышал, что у крестьян раньше был такой обычай в некоторых местах…

Голос Бо дрожал, хотя должен был успокаивать:

— Даг, не могло быть ошибки. Она была холодной и окоченевшей. Мы не могли нащупать ее пульс. На лезвии ножа не было дыхания.

— Конечно, в жаркий день не было дыхания на теплом лезвии! Где Вит? Где Берри? Дайте мне Вита, он поймет!

— Он слишком болен, чтоб вставать, Даг, и Берри не лучше, — голос Готорна прозвучал тревожно из-под круга маячащих лиц.

«Не то, не то, что же делать?» Мощным усилием Даг упал наземь, раскидывая погонщиков.

«О, боги, спасибо вам!» Прибежал человек с лопатой. Сердце Дага подпрыгнуло в радостном облегчении.

— Да, да, помоги мне!.. — Он протянул руку к дико болтающемуся инструменту. И увидел, слишком поздно его предназначенную цель, когда широкое лезвие оказалось у его головы и сильно стукнуло его. Лица, огни костра, крутящиеся ветви над ним, все растворилось в горячих ярких искрах.

* * *

Он пришел в себя, моргая, его тошнило. Боль пульсировала, взрываясь, как молотом по наковальне в его голове и лодыжке. Легкие. Сердце. Он попробовал вдохнуть, затем сделал более глубокий вдох. Хотел дотронуться до головы и обнаружил, что руки его связаны.

Он повертелся — или попробовал сделать это — и понял, что сидит спиной к тонкому дереву, а его руки связаны за ним. Он недолго был без

сознания — его слезы еще не высохли. Ощущение было похоже на то, как если бы по его лицу ползали улитки, и он вновь попытался освободить руку, чтоб стереть его с лица.

Ворочая запястьем, Даг ощутил веревку. Он мог бы вырвать ее Дар, если придется… он не умрет, если вырвет Дар чего-то, что он мог бы съесть, Искорка это придумала, Искорка, нет! Для него будет плохо пытаться сожрать полный рот пеньковой веревки. Он тяжело дышал, пытаясь собрать разбегающиеся мысли, потому что, кажется, они были его последним резервом. Пытаясь успокоиться, он расширил свой Дар. Слабое ощущение в его свадебном браслете не изменилось. «Хотя бы это…» Туманное размытое пятно под могильной насыпью на краю луга также не исчезло. Что бы ни происходило, хуже не стало. Пока.

Он посмотрел вверх и увидел Финча, Эша, Сейджа и Бо, стоявших рядом с ним полукругом и нерешительно глядевших на него. Хог прятался за Бо. Он тоже плакал, судя по мокрым следам на его рябом лице.

Даг сглотнул, облизнул сухие губы. Прохрипел:

— Мне уже лучше. Вы можете меня отвязать.

— Я это сам решу, Даг, — сузил глаза Бо.

Уловки. Ему нужно сейчас прибегнуть к уловкам вместо того, чтоб растревоживать весь лагерь видом свихнувшегося Стража Озера.

Орать — еще орать, боги, он уже ободрал всю глотку — не поможет. Прислушайся к разуму, прислушайся к разуму… он подавил хихиканье при этой любимой Искоркой мысли, потому что необъяснимый смех ему не поможет тоже.

Вид напряженного лица Сейджа напомнил ему.

— Сейдж… Я видел Келлу и Индиго. Они сбежали прошлой ночью и вернулись к Аркади. Индиго отправился к фургонам, чтобы встретить тех, кто там окажется, а Келла сейчас наверху на восточном гребне с Аркади и раненым дозорным, которого нашли я с Тавией, она тоже сбежала от своей глиняной мыши. Мы все целые. Ну, меня немного погнуло.

Сейдж едва не растекся прямо на глазах у Дага — как любой человек, который только что узнал, что ему не придется хоронить свою молодую жену. Не говоря о брате по шатру. И всем прочем. «Спасите Искорку.» Но, кажется, этот спокойный рассказ успокоил его слушателей более, чем по лишь одному поводу.

— Пожалуйста… Все, что я хочу… все, что я хочу

— это увидеть снова ее лицо. Один последний раз. Разве я многого прошу? — Даг бы, не сомневаясь, упал на колени, но пока он не убедил их отвязать его, двигаться он не мог. Но ведь недостаточно просто освободиться и убежать. Сейчас, когда разум вернулся к нему, он может придумать три разных способа побега, по-кошачьи быстрого. Но ему нужна добрая воля и помощь. «Вот сейчас верно.» Он снова сглотнул, пряча свое безумное отчаяние. — Фаун и я, мы ведь много сделали для вас, ребята. Я знаю, что уже поздно, и что вы все устали, но… пожалуйста. Я просто хочу взглянуть на нее. Один последний раз.

И если этот раз действительно будет последним, что ж, у него все еще есть привязанный нож на шее, разве нет? Раньше, когда он попадал в отчаянные обстоятельства, эта мысль успокаивала и грела его некоторым суровым образом. Но не сегодня. «Я хочу Фаун, я хочу нашего ребенка, я хочу, хочу… Я хочу жить. Я ведь немногого прошу.»

— Умоляю вас… — прошептал он.

Он попробовал собраться достаточно для того, чтобы сделать уговаривание, или даже не одно, пусть он не был готов к работе с Даром любого вида из-за своего состояния. Но затем он увидел сомнение на лице Сейджа и стал ждать — один

удар сердца, два, три…

— Может, это его успокоит, — сказал Сейдж.

Даг подавил радостный вопль «Да, да!» и сказал скромно и мягко:

— Это все, чего я хочу. Пожалуйста.

Брови Бо нахмурились. Рот Финча изогнулся в сомнении.

Эш, чьи размеры сделали его жертвой каждого крика «Помогите это приподнять!» с тех пор, как они покинули Крокодилью Шляпу, вздохнул и грустно сказал:

— Ладно. Я буду копать.

* * *

Здесь была только одна лопата, принадлежащая мулетиру, который оглоушил ею Дага, и который сейчас неохотно ее уступил. Но даже с тремя мальчишками-южанами, сменяющими друг друга, это были бы убивающие минуты до того, как они раскроют надежды, которые столь преждевременно похоронили. Лихорадочное выкрики «Осторожней!» лишь убедили бы их, что Даг сошел с ума. Когда он начал бояться, что они ненадолго остановятся, и он не сможет наблюдать за этим без крика, он заставил себя пересечь поляну, чтоб взглянуть на Вита и Берри — хромая

так жестоко, что Бо даже вскочил и поддержал его под локоть. Даг не протестовал.

Его родственники по шатру Блуфилд лежали вместе на тонком одеяле у края круга света, отбрасываемого костром. Готорн склонился над своей старшей сестрой и зятем, выглядя несчастным; он отпрянул, когда Даг приблизился.

Берри, слабая и мрачная, приподнялась на локте.

Даг уселся на колени подле нее. На этом расстоянии, теперь, когда он немного успокоился, он смог, наконец, понять, что происходит. Сначала он думал, что Злой частично вырвал их Дар. Но, нет — или не в точности.

Но при столкновении с попыткой Злого вырвать их Дар щиты закрылись так плотно, что сам их Дар оказался частично извлечен из тел и конечностей, образовав дрожащие защитные шары.

Даг выдохнул, очарованный, от изумления и потянулся, чтоб снять ореховый кулон Берри с ее шеи. Она запротестовала шепотом.

— Не надо, все в порядке. Он выполнил свою работу. — Не просто выполнил, но и почти кончился. Тонкая работа Даром была близка к своему завершению. Еще несколько часов, и она бы раз-

валилась на части, освобождая ее Дар из своей скорлупы, оставив ее вымотанной, но живой. Когда он отпутал шнурок от ее волос, глубокая связь неохотно разорвалась на кусочки, как кленовый сироп, который внезапно превращается в сахар; и ее Дар тут же вернулся в свою нормальную форму, совпадающую с ее кожей.

Берри прерывисто вздохнула и сжала голову, подняв руки.

— О, — она, с трудом, села. — Что это было? Ох, Даг, ну и ночка! Вит… — она вдруг повернулась к своему юному мужу, лежащему без сознания.

— Минутку, — Даг наполовину ползком перебрался на другую сторону. Он улучил момент, чтоб изучить эффект второго орехового щита. Он также включился от попытки Злого вырвать Дар, но был сжат еще более крепко. И был очень близок к тому, чтоб распасться. После этого Вит не был бы таким уж шустрым, а его Дар восстанавливался бы несколько дней.

«Верю.» Даг снял плетеный шнурок с шеи Вита и ощутил, как связь прервалась.

Вит застонал и пробормотал:

— Ужасно себя чувствую… Бо, что я пил?

Его склеенные веки открылись, и он непонимающе уставился на Дага. Заморгал. И внезапно

понял:

— Даг! Ты здесь! Злой… Фаун… она подрезала твой нож, укрепила на нем перья…

— Вит, мы победили Злого! — сказала ему Берри.

— Да?.. Да, я помню… Его крылья отбросились, с ума сойти… Даг, твои щиты! Они, должно быть, работают! — Вит ощупал свое тело, будто удивлен тем, что оно все еще привязано к его голове.

— Да, хотя, кажется, им все еще нужна некоторая доработка. Отдыхай, дозорный. Ты свою работу выполнил.

Вит радостно свалился обратно.

— Эй, так я и отдыхаю, разве нет? Ух. Погоди, вот услышат это Барр и Ремо!

И многие другие кроме них. Две дюжины людей были свидетелями того, как бывший дозор Фаун застрелил ужасающего Злого. Даг подозревал, что этот рассказ ему не нужно будет трудиться рассказывать людям. Он сам разлетится как на крыльях.

Голоса Вита и Берри перебивали друг друга, рассказывая ему историю прошлой страшной ночи, все то, что они делали с тех пор, как сбежали от порабощенного отряда и до того, как на рассвете застрелили Злого. Даг едва слушал, его

чувство Дара напряженно прислушивалось к могиле. Если щит Фаун распадется до того, как она окажется на земле, и вернет ее Дар обратно в тело, похороненное заживо… Это бы точно произошло, подумал Даг, в какой-то момент до завтрашнего утра.

Отсутствующие боги, и он почти позволил Аркади уговорить его провести ночь на горе. «Не кричи, только не кричи.»

На насыпи парни перестали копать лопатой и склонились, протянув руки. Они работали, доставая их земли что-то жесткое и небольшое. Даг нашел посох и рывком снова поднялся на ноги, торопливо избегая настойчивой просьбы Вита пойти посмотреть на упавшие крылья и слабого, запоздалого вопроса Берри «Эй, а где Фаун?»

Даг упал на колени рядом с открытой ямой как раз вовремя, чтоб принять у них свою жену. Лицо Эша с выражением сочувствующей скорби маячило рядом. Она была везде такой же одеревеневшей и холодной, как настоящий труп, и он должен будет сделать крестьянам на это скидку. Ее мощнейший щит выпил весь ее Дар, концентрируясь на голове, позвоночнике, груди и, в особенности, животе. Савана, чтобы завернуть ее, не было… Ее похоронили в ее рубашке, обуви

и штанах для верховой езды — но, спасибо отсутствующим богам, кто-то пожертвовал старый платок, что прикрыть ей лицо. Он лежал, мокрый и грязный, прикрывая ее рот и ноздри, и, по крайней мере, они не забились землей. Он убрал ткань прочь. Ее лицо было спокойным, губы слишком бледными, но вовсе не лавандово-желтыми, как у трупа. Ее глаза не были повреждены, веки были прочерчены бледно-фиолетовыми линиями вен под тонкой кожей, а черные ресницы лежали на скулах завивающимся веером.

Его рука тряслась так сильно, что он едва мог держать ее… Даг нашел орех и снял его через ее голову. Шнурок запутался в ее темных вьющихся волосах, слипшихся от комочков грязи, и ему пришлось прерваться на мгновение, чтоб отпутать его. Он в страхе вырвал несколько волосков. Мягче, мягче… связь разорвалась так же, как сделала это у Вита и Берри, и он отбросил орех с такой силой, что тот должен был долететь до середины поляны.

Ее окоченелость изменилась под его рукой, в ней появилась нарастающая дрожь. Он склонил голову и целовал ее лоб, щеки, все лицо, но не губы, потому что она сделала внезапный вдох, затем еще и еще, длинные глотки воздуха. Цвет

вернулся на ее лицо и в его мир. Ресницы слабо дрогнули…

* * *

В темноте были голоса — отдаленные, будто слышимые с другой стороны времени.

— Бедная малышка!..

— О, как жаль…

— Это почти милость богов, что он ушел первым.

— Да, он бы не принял этого…

Она задумалась, в смутном негодовании, до того, как голоса утихли, где же ее поздравления?

Затем было давление, не дающее ей дышать, мучившее ее, и страх потери. Воздух, казалось, впитывался сквозь ее кожу, а не через медленно дышаший рот, просачивался в ее легкие и горячий, занятый живот. Куда ушел Даг? Он нужен ей, она была уверена в том. Что-то было ужасно неправильно…

Время утекало в темноту. Часы? Годы?

Наконец, бормочущие звуки вернулись в ее забитый уши, пробиваясь через тревожащую слишком огромную тишину, которая наполняла ее страхом того, что она внезапно оглохла. Она ощутила тяжесть и головокружение, и только то-

гда поняла, насколько она ничего не чувствовала раньше. Почти, почти… вот оно! Воздух!

Ее веки боролись за самое желаемое видение: Дага. Его глаза в серых тенях и мелькающем свете костра были чайного цвета, но несколько песчинок золота все еще блестели в них. От уголков его глаз пролегли к скулам мерцающие линии, будто нити серебра вбили в медный сосуд. Его щеки были покрыты щетиной, лицо в синяках и измучено, а его грязные черные как металл волосы торчали в разные стороны.

Сейчас он действительно выглядел на свой возраст. «И все еще хорош для меня…»

Ее рука стремилась вверх, чтоб дотронуться до серебряной влаги, когда она, наконец, справилась с дыханием. Улыбка почти расколола его лицо, но глаза все еще были сумасшедшими.

Ее пальцы дотронулись до грубой бороды, до его растянувшихся губ, наткнулись на его слегка кривые зубы с таким знакомым любимым сколом на одном из них спереди. Его поцелуи нашли ее пальцы, оставаясь на каждом по очереди. Ее рука скользнула по его лицу, вокруг шеи, сжала воротник… и о боги, что он сделал со своей хорошей хлопковой рубашкой, которую она для него сделала? Она готова была поклясться, что на ней

больше дыр, чем ткани.

Поцелуи возобновились — лоб, щеки, подбородок, губы наконец.

Вот так лучше. Она все еще лежала неподвижно, у нее болело под ключицей и в ранах, оставленных на ее плече когтями глиняной мыши, но под ее рубашкой повязка Келлы, кажется, все еще держалась, натирая ее нежную кожу, когда она двигалась. Она все еще сможет вырезать… им нужно… погодите, что?..

— Даг! Там был огромный Злой-летучая-мышь… он летал… но мы его победили! — Она остановилась, прокашливаясь. — Вит его убил, ты можешь в это поверить? И твои щиты, они, должно быть, работают! Все эти бедные мышки умерли не зря… — Ее свободная рука ощупала горло в поисках орехово-волосяного ожерелья. «Самый лучший подарок на день рождения…»

— Да, да и да, Искорка… — Пылкое объятие при этих словах не обрадовало ее, как обычно, потому что вес его напомнил ей ее удушливый кошмар… значит, она спала? Или была без сознания?..

— Я знала, что ты не можешь умереть… ты выглядел слишком психованным, чтоб умереть, когда те ужасные летучие глиняные мыши утащили тебя… — Она изогнулась, и его хватка, наконец,

ослабла достаточно, чтоб она могла сесть. — Эй, уже вечер? Было утро… я проспала весь день? Я не слишком хорошо себя чувствую… Я простыла? Почему я вся в грязи? Мои волосы… — Ее пальцы, ощупывающие грязные комочки, обнаружили длинный, липкий и холодный объект, который она с трудом извлекла из своих кудрявых волос. Это оказался здоровый дождевой червяк. Она отбросила его с прочувствованным «Фу-у-у!» — Это Вит мне насовал червяков в волосы, пока я спала? Я ему задам… — Ее пальцы ощупывали голову с новой тревогой.

Раздался голос Бо, тихий и невнятный, будто он снова напился:

— Простите… Мне так жаль…

Изумленное бормотание присоединилось к лепету Бо, и Фаун выглянула из круга рук Дага и обнаружила, что у их нежного воссоединения была целая аудитория, столпившаяся вокруг них: Бо, Готорн, Хог, Эш и Финч с Сейджем, незнакомые путешественники с Тракта… нет, погодите, она подумала, что узнает кое-кого, как погонщиков из чайного каравана, — милые ребята, хоть и грубоватые снаружи.

Вит протиснулся сквозь толпу, крича:

— Похоронили? Похоронили ее?! Чего ради вы

взяли и сделали вдруг такую тупую штуку, как эта?! — Он упал на колени и отобрал ее у Дага, чтоб выдать крепкое и беспрецедентно братское объятие. Даг недолго это терпел со странной, милостивой улыбкой, а затем вернул ее обратно.

— Вит, — сказала Фаун с подозрением, — это ты засунул червяка мне в волосы? Ты соображаешь, что в твоем возрасте пора прекратить эти штучки?!

Один из погонщиков воскликнул с дрожью в голосе:

— Он поднял ее! Этот колдун, Страж Озера, поднял ее из могилы!

— Не думай об этом, — пробормотал Даг в ее уже согретые, лишенные червяков волосы. — Не надо думать об этом. — Как если бы он защищал ее от кошмарных видений — ее или своих?

Еще один погонщик, один из тех, что помоложе… как его звали? Спрус, вот как. Он упал на колено с другой стороны и протянул руки в мольбе:

— Мистер, мистер Страж Озера Блуфилд, сэр… вы не поднимете моего брата тоже? Он моложе меня, это была его первая поездка, и я не знаю как скажу о нем матери… пожалуйста!

Даг уставился на него в изумлении, его лицо

было таким озадаченным, будто кто-то ударил его по голове лопатой. Только Фаун ощутила, как он вздрогнул, когда некоторое понимание пришло к нему.

— О. Нет, вы не понимаете. Отсутствующие боги… Нет настолько хороших целителей. Для начала, Фаун не умирала. Вы, тупые идиоты, закопали ее живой. — Его руки задрожали и сжали ее крепче. — Я не могу помочь вашему брату. Извините.

Фаун начала складывать картину случившегося. Она предположила, что должна была испугаться, но на самом деле разъярилась так же, как Вит:

— Вы похоронили меня и даже Дага не дождались?! Бо!

— Мы были уверены, что он тоже умер до того, — сказал Бо в шаткое оправдание.

— Вы могли узнать по моему браслету, что он жив! Мы ведь говорили вам об этом раньше!

— Может, один из других Стражей Озера мог бы, да никого из них тут не было. Никто не подумал спросить ту девушку, что проезжала здесь, Ниту, она очень торопилась, из-за раненого дозорного на горе.

Даг остро взглянул на Бо, но его отвлек погон-

щик, дергающий остаток его рукава:

— Пожалуйста, сэр, ему ведь и двадцати не было, он умер без единой раны. Совсем как она… — Мулетир живо кивнул на Фаун.

Неодобрение, жалость и ужас сменяли друг друга на лице Дага.

— А моего друга Бутджека?.. — сказал еще один погонщик, падая на колени рядом с первым. Фаун и Даг внезапно оказались окружены толпой умоляющих людей. Один из них попытался дотронуться до нее, но его рука упала, отпугнутая взглядом Дага и тем, что он крепче сжал Фаун.

— Вы не понимаете, — повторил Даг и пробормотал себе под нос: — О боги, придется говорить.

Осажденный, Даг начал, запинаясь, объяснять, что такое Дар, Злые, ореховые щиты. Он говорил о своих надеждах изготовить защиту для других крестьян, не только для своих родственников по шатру Блуфилд. Кто-то принес снятые ожерелья и сложил их кучкой у его колена; по настоянию Фаун их передали по толпе, чтобы люди могли подержать руками то, что не могли полностью постигнуть ушами. Кто-то выглядел очень заинтересованным, хотя близкие друзья и родственники убитых погонщиков явно желали другого ответа и продолжали пытаться получить

его, изменяя свои вопросы. Бо, Вит и ребята из Крокодильей Шляпы — все свидетельствовали о том, что видели сами, и это должно было помочь; эти объяснения и явная изможденность Дага привели к тому, что настроение толпы вокруг них сменилось понемногу от опасного отчаяния к обычному разочарованию. Один или двое бросали на Фаун долгие тревожные взгляды, что казалось непропорциональным с ней самой — маленькой и взъерошенной.

С ней самой — маленькой, взъерошенной, грязной и ликующей. Она, Вит и Берри заслужили самые веселые веселушки, думала Фаун. Так что когда спор об ореховых щитах и оживших мертвецах, наконец, угас, она вскарабкалась на ноги и пожелала показать Дагу останки их Злого.

Прохладная весенняя ночь криво завертелась вокруг ее головы, когда она выпрямилась; она ухватилась за руку Дага, и он вновь обернул руку вокруг нее, выронив из-за этого свой посох. Только тогда она поняла, что Даг натворил со своей лодыжкой. Без ботинка его правая нога раздулась вдвое, а цветом была в фиолетовых прожилках, что прекрасно смотрелось бы на петунии, но для человеческой кожи было очень плохо.

Она повела его, пошатываясь вместе с ним, по-

казать гниющие следы крыльев — Даг постарался предупредить всех не касаться ядовитой скверны останков Злого и не прихватывать сувениров. Он явно не хотел даже становиться лагерем так близко к ним, но сгущающаяся темнота и всеобщая усталость явно удерживала их всех на этой поляне до утра.

Все в отряде Сумах несли с собой легкие одеяла и еду для неудавшегося похода в Лавровое Ущелье, и большинство сохранили их, несмотря на форсированный марш Злого. Пока Даг искал с помощью Сейджа свою лошадь, стараясь не терять из вида Фаун, она грызла кусочек галеты до тех пор, пока ее желудок не успокоился и не смог принять пару полосок сушеного кидальника. Еда прогнала холодную дрожь. Это напомнило ей самый первый раз, когда она встретила Дага с его твердой верой в то, что еда — хорошее средство от шока, и она чуть улыбнулась.

В ее скатке был кусок мыла, и, несмотря на поздний час, ей больше всего хотелось вымыться. Они заняли у одного из погонщиков фонарь и прошли через дорогу и крюком вокруг ручья к чему-то вроде озерка. Было слишком прохладно, чтоб задерживаться; они разделись и быстро ополоснулись, разве что Фаун намылила и про-

полоскала волосы дважды, задержав дыхание и встряхивая головой под водой для верности.

Она подняла суету вокруг лодыжки Дага, не говоря уж о его новой впечатляющей коллекции царапин и ушибов, а он беспокоился из-за ее плеча. Они не могли ничего сделать со своей грязной одеждой, поэтому всего лишь выколотили ее о древесный ствол и вытрясли перед тем, как натянуть обратно на влажную кожу.

Когда они вернутся к фургонам и своим припасам, будет лучше.

Пока же это… немного помогло.

Когда же они улеглись вместе между двумя тонкими одеялами на траве, ее разум начал вертеть события прошедшего дня, представляя другие, более мрачные исходы. Тогда она заплакала, уткнувшись в плечо Дага. В основном, он просто держал ее, но он едва ли мог выпустить ее из своих рук после того… после того, как ее… откопали из ее могилы.

Которая казалась достаточно ужасной до того, как ее не раскопали. Пройти весь путь, выжить столько раз только затем, чтоб оказаться убитыми на последнем шаге — и не бандитами, глиняными людьми или Злыми, но всего лишь невежеством и недопониманием.

— Ш-ш-ш, — пробормотал он ей в волосы, когда ее рыдания возобновились.

Она сглотнула, пытаясь успокоить всхлипы — не плачет ли она слишком много? — и спросила:

— А ты можешь сказать, с ребенком все в порядке после всего этого?

Она могла почувствовать знакомое спокойствие его концентрации под ее руками, когда он погрузился в ее Дар.

— Да, кажется так, — сказал он, возвращаясь и моргая, его глаза слегка блестели в тенях и свете костра. — Насколько я могу сказать, по меньшей мере. Знаешь, она не больше твоего мизинчика. Но я попрошу Аркади проверить, когда мы встретимся снова, на всякий случай.

Фаун растаяла от облегчения. Но…

— Она? Теперь ты уверен?

— Ага, — сказал он, и его голос звенел от легкой тайной радости оттого, что с ней было все в порядке. Когда она снова вздрогнула, он сказал ласково: — Мы назовем ее Мари.

Его мягкое поддразнивание было спланированным отвлечением ее от замогильных мыслей, и она была благодарна ему за это.

— Эй, а меня спросить не нужно? — Она подумала. — А как насчет Нетти?

— Дирла — прекрасное имя для умной сильной девочки. Или Сумах.

— Будет сбивать с толку, если Сумах будет поблизости вместе с Аркади. Может, позже.

— Позже, — пробормотал он. — О! Мне нравится это «позже».

— Только никаких зверят. Я иногда гадаю, чем думали мои родители. — Они явно не представляли себе взрослую женщину, тогда или позже. — Представляешь себе бабушку, которую все еще зовут Фаун-Олененок?

— И с огромным удовольствием.

Она захихикала и добродушно пихнула его:

— Лишь бы ты не начал мне говорить однажды: «Да, мой Олень[9]».

Она чувствовала его улыбку в своих кудряшках и в конце концов достаточно согрелась, чтоб ее дрожь унялась. Она задумалась, с каких пор тонкое одеяло на обычной траве начало казаться ей такой неописуемой роскошью. «С тех пор, как Даг в нем со мной, и мы в безопасности.» Безопасность, а не покрывало было настоящим источником ее комфорта, поняла она. И комфорт людей рядом с ними тоже, — едва не потерявших друг друга, спящих рядом на комковатых одеялах вокруг костра этой ночью не только затем, чтоб

было теплей. Она обняла его крепче и, несмотря на все свои раны и разбегающиеся мысли, заснула.

Глава 23

Даг проснулся в сером свете в эдакой затопившей все летаргии, которая обычно следовала за огромным усилием. «Да, я уже бывал здесь раньше…» Он не настолько устал, чтобы не убедиться наощупь, что Фаун все еще здесь, в их одеяле, теплая и мирно спящая под его рукой, как она и должна была. Его затуманенный разум содрогнулся от всего-что-могло-случиться и на чем он вчера запретил ей останавливаться; и с новой силой его ударило осознание того, как мало значимости имело для него спасение мира, в котором ее бы не было.

Ну, и Берри с Витом, и остальных из шатра Блуфилд. И их друзей, а тем понадобятся их соседи, предположил он; эта спутанность расширялась, и он вернулся к началу.

Может, человек не должен любить весь мир — голос Грусса, громко жалующийся на что-то с другой стороны поляны, достиг его слуха — может, ему нужно впустить в сердце только кого-то одного. Дуг вгляделся в нежное голубое небо сквозь свежие буковые листочки. Должно быть, после того, как осядет туман в долине, будет яс-

ный, теплый день.

Фаун пошевелилась и села, выглядя пугающе веселой, если все взвесить.

После того, как она помогла ему дохромать до леса, чтоб исполнить утренние нужды, она вновь устроила его в одеяле, выставив напоказ его пурпурную ногу, что прекрасно помогало отгонять от него все прочие запросы. Разве это симуляция, если ты и в самом деле едва можешь стоять? В любом случае, он был рад благодаря этому поводу лежать и наблюдать, как остальные разбираются с дневными заботами.

Ночью пришло двое заблудившихся погонщиков, а еще несколько появилось на рассвете с пойманными мулами на веревке. На одном животном, к несчастью, лежало еще одно завернутое тело. Кроме погонщиков в лагере было трое трапперов, которых поймал Злой, когда она везли свои меха на продажу в Рубленую Баранину, и еще одна семья, состоящая из пяти взрослых братьев и сестер и их мамы, которые отправились на север обзаводиться хозяйством. Они все собрались ненадолго вознести краткие почести. Зияющая утроба земли, откуда сбежала Фаун, наполнилась, наконец, и это заставляло ее плакать снова и снова.

Даг обрадовался задержке, когда на поляну прискакала Нита, ведя за собой половину дозора из Лаврового Ущелья для того, чтоб спустить Пакко с горного склона. Ее шок, когда она нашла Фаун стоящей на ногах, был быстро скрыт ее закрывшимся Даром. И почти так же она удивилась, найдя Дага.

— Я думала, ты все еще наверху с Аркади! Я привела нескольких дополнительных ребят, чтоб тебя нести.

— Я спустился сам. Копперхед проделал остальное. — «Я разберусь с тобой позже». Он не мог делать это сейчас, так скоро после вчерашнего дня; он был слишком вымотанным и не доверял себе. И, самое малое, он желал, чтоб Сумах была рядом с ним по множеству достойных причин, включающих проверку его разума.

Но шум, который начался, когда дюжина Стражей Озера обнаружила, кто победил страшного летающего Злого, который до того разбил три их отряда, разбросав их по верхней долине, порядком отвлек всех.

Даг едва успевал открывать рот. Двадцати пяти свидетелей-крестьян и Фаун и Берри с Витом в придачу хватало, чтобы рассказывать эту историю.

Каждого отвели подивиться на оторванные крылья, подержать в руках ореховые ожерелья, увидеть и дотронуться до кусочков использованного костяного болта — Берри собрала их и завернула в ткань — и рассказали все подробности засады на рассвете. Вит при этом размахивал во все стороны своим арбалетом. Даг, хромая и цепляясь за посох, должен был признать, что сейчас крестьяне и Стражи Озера на самом деле говорили друг с другом. И, что еще лучше, слышали друг друга.

Полевая целительница, путешествующая с отрядом, расспросила Дага об ореховых кулонах, когда он вернулся к одеялу. Пока Даг не был готов к живой демонстрации, целительница собиралась последовать его инструкциям и обещала передать их целителям и мастерам по ножам в своем лагере. Еще ее восхитило расколдовывание. Даг попробовал показать ей его (и в то же время решил одну из своих тревог), попросив ее осуществить общую поддержку Даром против инфекции в плече Фаун, но целительница была настолько открыта по отношению к крестьянской героине этого дня, что после нее не осталось заколдовывания, которое Даг мог бы снять. Он мрачно обдумал возможность привлечь для при-

мера Ниту, но… не стал.

— Ты можешь рассказать об этом своим знакомым мастерам, — сказал он молодой женщине. — Любой, кто захочет научиться расколдовывать или делать такие щиты, сможет найти меня и целителя Уотербёрча в доме Берри Блуфилд рядом с Клиркриком, наверх по реке Грейс. Мы примем всех. Мы еще не до конца разрешили все особенности работы Даром, так что… может, другие люди, которые тоже будут заниматься проблемой — то, что нужно.

В целом, только к полудню дозорные Лаврового Ущелья вновь ускакали рысью, многократно оглядываясь назад, и еще часом позже собственный отряд Дага собрался для долгой дороги обратно к своим фургонам. Даг ехал верхом на Копперхеде с чирикающим Оулетом на коленях, Фаун взобралась назад, хотя какое-то время спустя она спешилась и посадила вместо себя Плюм, освободив Эша от роли вьючного пони. Было еще светло, когда их блуждающий отряд прибыл на место и нашел Индиго, спокойно сидящего рядом с брошенными вещами, собранным хворостом и вскипевшим чайником, а также уже нашедшимися парой мулов и его скаковой лошадью.

Вит увел двух парней и одного мула, чтоб вы-

вести Рейза и Барра из их укрытия. Вернувшись, они уложили Барра на одеяла рядом с Дагом, где, должен был признать Даг, сломанная нога Барра совершенно затмила его вывихнутую лодыжку. Работа Даром, проделанная Аркади над переломом, заставила Дага присвистнуть.

Они еще не закончили ужин, когда появился дозор Лаврового Ущелья, ведущий своих скакунов в поводу. Шестеро мужчин несли Пакко на жестких носилках под руководством Аркади. Келла, рыдая и смеясь, подбежала к Сейджу и брату, и они обнялись от всего сердца. Тавия шла следом, выглядя уставшей. Из-за спустившейся темноты дозорные устроились лагерем рядом с крестьянами, и за этим последовал обмен разными байками. Аркади оказался весьма авторитетным рассказчиком. У Дага, размышляющего о сковородочных шляпах и горшочных шлемах в верхнем течении Грейс, не говоря уж о его новой нежелательной репутации по подниманию мертвецов, не было иллюзий о том, как их история будет переврана, расходясь, но, по крайней мере, началась она ровно.

* * *

Аркади хотел понаблюдать за Пакко несколько дольше, так что следующий день дозорными Лаврового Ущелья, измученными собственными трудностями, было решено отдыхать. Их задыхающийся рассказ о битве в северном конце долины, с растущим осознанием того, что рутинный дозор превратился в чрезвычайный, а затем в надвигающееся бедствие, был слишком знаком Дагу. Келла и Фаун помогали Аркади ухаживать за Пакко, а его собратья-дозорные, в свою очередь, помогали крестьянам найти разбежавшихся животных, так что до ночи все выжившие звери были возвращены в прекрасном настроении от глотка свободы.

Ожидание принесло плоды наутро. Когда Аркади, командир дозора и дозорная целительница все еще обсуждали соперничающие качества рук против конных носилок для транспортировки перелома позвоночника, появились Сумах и Ремо. Они ехали верхом на чужих лошадях, и с ними было двое новых дозорных.

Сумах и Аркади бросились друг к другу — более или менее, и это заставило приподняться брови тех, кто видел Аркади только в его суровом

настроении. Даг ухмылялся. Один из молодых дозорных оказался сыном Пакко.

— В тот день, когда Злой разделил нас, мы с Ремо прошли пятнадцать миль по скалам, — объясняла Сумах, — были вне себя и стерли все ноги. Мы нашли след дозора на следующем гребне к западу, и сразу же наткнулись на подкрепление из Лаврового Ущелья, идущее следом. Так что донесение было уже выполненным делом, если бы я знала об этом… что ж. Как бы то ни было, мы присоединились к ним и вернулись в долину. Когда мы нашли дозор к северу отсюда, распространилась весть, что Злой был убит, мы могли это понять по умирающим глиняным мышам, которых находили. Сын Пакко был в первом отряде, и обезумел от того, что его отца унесли так же, как тебя, Даг. Затем пришло известие, которое, полагаю, принесла Нита, что его отца нашли раненым. Так что мы вызвались проводить его сюда в обмен на лошадей, которые значительно все ускорили. — Она и Аркади обменялись довольно странными усмешками. Честно заработанными, по мнению Дага.

Ремо приехал на лошади Пакко, пойманной со всеми его вещами. Его привязанный разделяющий нож бы, конечно, все еще в его седельных

сумках, но, как его сын признался позже Дагу, он не собирался отдавать его отцу до тех пор, пока его мама не позволила бы. Даг и целительница — и Пакко — насладились (или вытерпели) вчера огромное количество практических лекций Аркади на тему повреждений нервов, из которых даже Даг уяснил надежду на то, что тот будет ходить снова; он предпочитал думать, что из Пакко получится прекрасный дедушка до того, как встреча с его костяным ножом состоится.

Все рассказы были рассказаны вновь новоприбывшим, так что дозор Лаврового Ущелья вновь отправился к Тракту только после обеда — со скоростью шага людей, которые, сменяясь, осторожно несли носилки Пакко. В лагере у фургонов стало гораздо тише, и люди стали подумывать о своей собственной дороге. Даг подсчитал дни задержки и был удивлен тем, как мало их было — по его ощущениям они оказались заперты в этой выгоревшей долине на месяцы.

Тавия осталась без лошади. Так как Барру нужно было пропутешествовать следующую часть дороги в задней части фургона, он предложил ей своего коня (который на самом деле принадлежал Аркади), если она отправится на север вместе с ним.

Взглянув искоса на Дага, Нита вновь попросила Ремо уехать с ней на юг; юноша казался смущенным ее внезапной теплотой.

И все это привело Дага к задаче, которой он страшился. Дрожь его ярости все еще держалась за сомнения, как за якорь. Что ж, пусть правда выйдет наружу. И если она была такой же уродливой, как зачистка глиняных людей, возможно, она также окажется такой же необходимой.

* * *

Даг выбрал место вне слуха и зрения лагеря, рядом с шепчущим потоком. Он уселся на камень и ковырял землю своим посохом, пока Сумах усаживалась на серый ствол бука со скрещенными руками. Он верил, что одного ее присутствия будет достаточно, чтобы заблокировать любое смущение вроде того, которое случилось при его последнем личном разговоре с Нитой. Вокруг него, скрестив ноги, расселись его другие приглашенные: Ремо, Тавия, Нита. Финч и Эш, которых он также позвал, переминались и смотрели неуверенно.

— К чему все это, Даг? — спросил Ремо. — Дело дозора, ты сказал.

Даг поднял руку, чтоб избавить последнюю

пару от усаживания. Ему следовало выбрать Сейджа для дачи этих показаний как самого рассудительного из парней из Крокодильей Шляпы, но события, последовавшие за убийством Злого, отвлекли юного кузнеца беспокойством за жену и брата по шатру.

— Я не задержу вас надолго. В тот день, когда Вит застрелил Злого, после полудня, что происходило в лагере, когда приехала Нита? В точности, как вы помните.

— О… — Финч пропустил руку сквозь волосы. — Сначала было много крика. Берри смогла рассказать нам, что произошло, или, по крайней мере, достаточно, чтобы мы поняли и объяснили остальным. Мы все беспокоились о ней и о Вите. Бо осмотрел бедняжку Фаун и сказал, что она умерла. Хог и Готорн начали плакать. Было ясно, что мы не сможем оставаться там надолго, и большинство из нас думало, что ты тоже умер. Так что, когда мы рассказали погонщикам о вас, они выкопали место и для нее.

— Как бы в подарок, — подтвердил Эш.

— Нита ехала рысью вверх по дороге, она торопилась, но увидела нас и остановилась.

— До или после похорон?

— До. У нас на одеяле лежали четверо тех бед-

няг-погонщиков и Фаун, и мы смотрели друг на друга, не зная, что говорить. Нита сказала, что ее отправили к местным Стражам Озера за помощью для какого-то раненого дозорного. И что она виделась с Тавией, которая потащила Аркади вверх на хребет, чтоб спасти вас обоих — ты тоже был ранен, но она не знала, насколько сильно.

— По-настоящему хорошо это не звучало, — сказал Эш. — Мы поняли, что у кого-то спина сломана, но не были уверены чья.

— Мы сказали ей, что Вит застрелил Злого, но я не уверен, что она нам поверила. Тогда она поскакала вокруг и взглянула на крылья. Не спешиваясь со своей лошади. А затем она ускакала галопом до того, как Вио смогла спросить ее об Оулете.

Нита начала говорить, но, подчиняясь поднятой руке Дага, затихла. Ее глаза сузились. Видела ли она, что происходило? Даг боялся, что так.

Он сказал:

— Она знала, что вы собирались похоронить Фаун?

— О, конечно, — сказал Финч. — Ну… мы не говорили об этом, но они все лежали там, тела, и наполовину разрытая могила рядом. Не думаю, что ты бы это проморгал.

Эш медленно кивнул и начал открывать рот. Даг перебил его:

— Спасибо, ребята. Это все.

Двое побрели наверх по течению к фургонам, и даже их спины излучали любопытство.

Даг посмотрел на Ниту, нахмурившись. Она подняла подбородок.

— Она выглядела мертвой! Я решила, что у нее вырван Дар. Откуда я знала, что твои щиты делают такие странные вещи? Как бы то ни было, мой Дар был закрыт из-за скверны Злого.

Даг сказал медленно:

— Это лишь твои слова о том, был ли закрыт или открыт твой Дар. Я не могу доказать, что ты лжешь. Ты не можешь доказать, что говоришь правду. — «Можешь, Нита?»

— Что ж, мне это нравится! — На прекрасных скулах Ниты запылали красные пятна: негодование или страх?

— Она может открыться сейчас, — сказал Ремо с сомнением.

Даг и Нита обменялись длинным-длинным взглядом. Он ощущал удары сердца как горячие и слишком далекие. «Странно.» Он думал, что его мир окрасится красным, но он был голубым и отдаленным.

— Нет, — сказал Даг, наконец. — Думаю, нет. Если она откроется, я могу убить ее мыслью, знаешь ли. Точно так, как Крейна. Это должно быть почти так же легко, как убивать молчанием.

Волна неодобрения прошла сквозь Ремо и Тавию и мелькнула от Сумах, но никто не заговорил. Или не смел заговорить?

Взгляд Ниты упал и уполз прочь. Это был ответ, нужный Дагу. Или тот, которого он желал на деле. «А ты думал, почему это было твоим долгом, старый дозорный?»

Он устало провел рукой по лицу, стирая оцепенение.

— Отправляйся домой, Нита. Там дозор. Ты задолжала Новолунию за твое повышение и Лутлии за твое обучение. Ты будешь долго выплачивать этот долг. В конце твоей жизни пройди разделение, если будет твоя воля. Только не приезжай на север. Северу ты не нужна.

Ремо уставился на нее с холодным сомнением.

— Это нечестно! — начала она, а затем крепко сжала челюсти. «Правильно.» Лучший совет для того, кто находится на дне глубокой-глубокой ямы — «перестань копать». Удачный поворот фразы. Что ж, он никогда не считал эту девушку дурой.

— А как же я? — спросила Тавия. Она сильно побледнела, глядя на напарницу.

Сумах пошевельнулась, сидя на своем бревне:

— Я рекомендую тебя Ворону Громовержцу на Озере Хикори, если ты захочешь поехать на севеп по обмену. Мое слово Громовержцу дорого стоит. Можешь поспорить, я также замолвлю словцо за Рейза — думаю, он восстановится к тому времени, когда я его туда притащу. Его прошлый опыт со Злыми повышает на него спрос. И твой тоже.

Тавия опустила глаза, затем посмотрела искоса на Ниту, которая переминалась с неудобством, но ничего не говорила. В конце концов, Тавия ответила:

— Думаю, сначала мне нужно отвезти домой отчет. Быть уверенной в том, что эта история дойдет верно. Должным образом попрощаться. Но затем я буду рассчитывать на твое доброе слово, если предложение останется в силе.

— Останется.

— Тогда скажите Рейзу, что я вернусь до осени.

Сумах кивнула.

«Рейз?» подумал Даг. Многовато для надежд бедолаги Барра. Что ж, Барр жизнерадостен. А Ремо вновь выглядел подавленным. Проклятье, этот парень не может победить, проигрывая.

Они оба были так молоды…

— А ты, Ремо? Куда ты отправишься завтра? — спросила Сумах.

Ремо вдохнул воздуха. Он больше не смотрел на Ниту.

— На север, — сказал он.

Все молчали во время короткой прогулки обратно в лагерь.

* * *

Утром, когда они, наконец, вытолкали фургоны обратно к ручью и на Тракт, два тихих всадника отправились на юг. Аркади одолжил Тавии лошадь, а также нагрузил ее длинным списком своего имущества, чтоб оно приехало вместе с ней, когда она будет возвращаться. Даг не знал, что Сумах доверила Аркади ночью, но он был внушительно холоден с Нитой при расставании. Тавия обернулась в седле единожды, чтоб помахать на прощанье, и жест ее был живо подхвачен Рейзом. Нита с прямой спиной не смотрела по сторонам.

* * *

К радости Фаун, в Черноводных Мельницах

приютилась почти такая же хорошая гостиница, как в Глассфордже, разве что поменьше. Что еще лучше, в ней была прекрасная новая купальня.

Она с радостью убедила раскошелиться на комнату — и, после единственного взгляда на купальню, так же сделал Аркади. Пополам с Сумах из экономии, без сомнений.

Фаун предчувствовала впереди несколько дней питания едой, которую готовил кто-то еще, и не надо было при этом щуриться от дыма костров. Опухоль на ноге Дага прошла за четыре дня путешествия после того, как они покинули выгоревшую долину, но ее цвет — цвета — стали еще страшнее. Они оба могли какое-то время проваляться в настоящей постели, решила она. Посвящая все самим себе.

В городе также была грусть, так как этот город был местом прощания. Он находился на слабо судоходном притоке Грейс, но, что более важно, здесь старую прямую дорогу, уходящую на Жемчужные Перекаты, лагерь Стражей Озера и паром, пересекал Трипойнтский Тракт. Сейдж, Келла и Индиго здесь поворачивали свой фургон на западный Тракт; остальные уйдут на север, откуда в свою очередь свернут на дорогу, ведущую в Клиркрик.

Бассвуды остановились внезапно, когда Вио встала на одном месте и объявила, что с нее хватит, и она не сделает больше ни шага. Что ж, в таком занятом месте Груссу не составит труда найти поденную работу. Для него было очень удачно излечить свою возвращающуюся болотную лихорадку и, в самом деле, Фаун полагала, этой паре будет лучше жить в городе, чем своим хозяйством. Продажа их шаткого фургона и пары мулов даст им достаточно денег для начала. Она улыбнулась, подслушав слова «Наши Стражи Озера», слетевшие с уст Грусса, когда он рассказывал о своих приключениях конюху гостиницы.

Она будет скучать по Плюм, которая, в конце концов, оказалась у нее под крылышком, а Дагу, вероятно, будет не хватать Оулета. Даг после приключения с глиняными мышами казался полностью очарованным своим грязным Маленьким Братом, и Оулет вроде бы платил ему взаимностью. Хоть она и подозревала, что Даг смухлевал с чувством Дара — кроме, разве что, его протеза, который малыш со своей страстью к застежкам, обожал. «Что ж, я просто подарю Дату собственного одного или двух малышей, и все будет отлично.» Разве она станет на самом деле возражать, когда мошенничество будет на

ее стороне?

Но еще более важным событием, произошедшим во время их остановки в Черноводных Мельницах (почти таким же хорошим, как веселушки, по мнению Фаун), был дозор, пришедший из соседнего лагеря для поддержки людей Лаврового Ущелья. Они появились после того как битва была закончена и проехали мили в сторону от своего пути специально для того, чтоб увидеть Дага и Аркади и услышать все из первых рук. Их, казалось, ошеломило то, что они узнали обо всем в основном от Фаун, Вита и Берри, и рассказ их был довершен арбалетом и обломками разделяющего ножа-болта. Но их командир, испытывающий недостаток в людях, как и прочие лидеры дозора, был весьма заинтересован в идее помощи крестьян, которые не будут порабощены Злым, даже если крестьяне будут всего лишь держать лошадей. Даг постарался как можно понятнее объяснить, что его ореховые щиты еще несовершенны, но командир все равно уехал с блеском в глазах после того, как уяснил положение места, где Даг и Аркади собирались осесть.

* * *

Позднее этой ночью Фаун перевернулась на чистой простыне, натянутой на мягкий пуховый матрас, и прижалась к Дагу. Ночник отбрасывал в их тихой комнате мягкий свет. Неспешный весенний дождь звучал сквозь окно из настоящего стекла, приоткрытого достаточно, чтоб прохладный ветерок колебал занавеси.

Просто быть внутри, когда дождь идет снаружи, казалось достаточным удовольствием для любой разумной женщины, но у нее было куда больше блаженства, если посчитать. Ее пальцы потянулись погладить его изогнутые брови, раз и два, и три — прошлись по непослушным волосам. Подсчет мог затянуться…

— Хватит ли этого? — пробормотала она. — Дозорных сегодня вечером? Мне кажется, они слушали нас внимательнее, чем любые Стражи Озера до сих пор. Или это всего лишь еще один камень, брошенный в море?

Губы Дага смягчились улыбкой:

— Этот мир — очень большое море. За все наше путешествие мы видели лишь его кусочек. Достаточно ли… нет, пока нет. Но это начало. И на этот раз от наших камней разойдутся круги.

— Он потянулся к ее рукам, чтобы целовать их мимоходом. — Лучше всего то, что мне не придется ходить вокруг как бродячему оратору, пытаясь уговорить каждого по очереди относиться лучше друг к другу. Это было бы больше похоже на блинчики по воде. — Он потянулся и подобрал ее использованный ореховый кулон, который лежал у ночника, и стал задумчиво вертеть его в пальцах. — У них найдутся свои собственные причины приводить к нам людей, и сейчас я даже не знаю, каковы будут эти причины. Стоит отправить достаточно крестьян в достаточное количество дозоров Стражей Озера, и они узнают все о Стражах Озера и принесут свое честные рассказы домой.

— Ну, — сказала Фаун, — только если Стражи Озера смогут удержаться от того, чтобы практиковаться на них в своем дозорном юморе.

Его губы изогнулись:

— Я думаю, любой человек, выросший на диете из сказок Бо, будет способен разобраться… Ну, может, не сразу.

— Тогда тем речным парням будет в дозоре самое место, — захихикала Фаун. — Обучение, полагаю, будет двусторонним.

— Конечно, я рассчитываю на это. — Он поднял

кулон и покосился на него. — Я все думал о том, что сказали Вит и Бо тогда у тебя на дне рождения, когда я впервые его показал… что в тот день не стоило показывать что-то такое непонятное, что никто не знает как использовать.

— Боюсь, так оно и есть, — вздохнула Фаун. — Но если там достаточно людей… Речные бандиты, на которых мы наткнулись, были ужасными, конечно, но большинство речников достаточно хорошие парни. У реки есть определенная репутация, но это не останавливает людей, они все равно отправляются туда и делают много полезного. Если смазки хватает, то немного песка не застопорит колесо.

— Надеюсь, что так, Искорка. — Он положил кулон обратно и нашел своей руке лучшее применение, поглаживая ее по плечу, что заставило ее кожу покрыться гусиными пупырышками. — Думаю, мы это узнаем.

Она улеглась обратно на свою подушку, и его теплая ладонь погладила ее по животу интересным дрожащим образом. Она подняла голову и скосилась поверх туловища, неспокойно нахмурясь. Ее талия там внизу все еще была разочаровывающе тонкой. Шестью месяцами позже она, вероятно, станет гадать, зачем она так

торопилась раздаться, но сейчас…

— С Нетти-Мари там все в порядке?

— Сейчас она кажется счастливой. Несмотря на все приключения ее мамы. — Он постарался сделать свой тон легким, но все же в нем ощущался след запомнившегося отчаяния.

Она вдохнула воздуха, а затем перестала размышлять о том, как сказать так, чтобы он не мог понять ее неверно.

— Это было превосходное свадебное путешествие. Большинство мужчин только обещают подарить своей любимой весь мир. А ты в самом деле это сделал.

Это признание заработало цепочку легких поцелуев от ее лба до подбородка, которые были знаком согласия, но она не могла позволить себе отвлечься. Она поймала его голову руками до того, как он мог бы спуститься ниже и лишить ее дара речи:

— Так что, ты только не подумай, что я жалуюсь, но не могли бы мы немного пожить в доме?..

Он засмеялся:

— Я бы сказал, что все это время ты путешествовала как дозорный. Теперь моя очередь побыть крестьянином. — Он немного успокоился, но не слишком, и это было хорошо. — Это будет здорово,

так ново для меня — побыть дома. Я никогда не пробовал этого раньше.

— Я буду следить, чтобы ты не падал в обморок от восхищения.

Целоваться сквозь усмешку тоже было хорошо. Его губы прошлись по ее шее и спустились ниже, и они умолкли, отдавшись более нежному общению.

* * *

После еще нескольких дней отдыха в Черноводных Мельницах Аркади объявил, что Барр способен ехать верхом осторожным шагом, если на нем будут шины. На спокойной кобыле, одолженной у Вита. Даг, вспомнив свой собственный гораздо менее суровый перелом руки в прошлом году, понял, что Барр все еще достаточно страдает и принимает лекарства — это подтверждала слабая улыбка парня и отсутствие жалоб на ограничения. Что ж, в успокоенном состоянии Барр был не так уж плох.

Даже при их неспешной скорости прямая дорога на север слишком быстро приведет их к месту следующего прощания. Барр, Ремо и Рейз собирались ехать в Жемчужные Перекаты. Там Рейз собирался гостить, изучая северный лагерь

на переправе в действии и внося свои показания в рассказ об убийстве Злого на Тракте, пока Сумах не догонит его вновь.

Финч и Эш также планировали пересечь реку Грейс на пароме в Жемчужных Перекатах; они уносили с собой пачку пухлых писем в Вест-Блу, которые гарантировали им приют и стол на некоторое время, а еще кучу устных советов, касающихся, в основном, устройства хозяйства.

Собственные планы Сумах были отправиться верхом с Аркади в Клиркрик якобы затем, чтобы убедиться, что тот благополучно устроился — но, судя по блеску в ее Даре, Даг мог бы спорить на деньги, что у пары были более личные причины для того, чтобы следующие несколько дней липнуть друг к другу как репьи. Сама Сумах была не до конца уверена, что она собирается сделать — оставить Аркади в доме у Берри и вернуться к нему через несколько недель после того, как представит Рейза и возьмет отставку, или забрать его с собой, чтобы познакомить с родителями (совсем как охотник, возвращающийся домой с впечатляющей сумкой добычи — Даг старался не ухмыляться), или наложить узы на месте с тем, чтобы ее дядя Даг произнес благословения и клятвы, просто для уверенности, до того, как

предъявлять мужа родственникам по шатру. Даг был счастлив оставаться полностью отстраненным от ее решения.

Ремо повернулся в седле и уставился на испятнанную тенями дорогу к своему дому, его брови омрачились сомнениями.

— Твои родственники и лагерь будут рады тебя увидеть, — сказал ему Даг не слишком неосторожно. — История о том, как вы двое помогали победить бандитов на Кривом Локте, добралась до Жемчужных Перекатов месяцы назад, и если циркуляр дозора о Злых на Тракте не опередит вас, значит это случится вскоре. Хватай свое прощение, пока все будут восхищаться, и все будет хорошо.

— Говоришь из личного опыта, Даг? — Фаун, верхом на Мэгпи, приподняла бровь. Тот дотронулся до лба, подтверждая и кривовато ухмыляясь.

— Только не используй трюк блудного сына слишком часто. Это изнашивает репутацию.

Барр осторожно пустил свою лошадь вперед и заметил:

— С моей ногой, каждый из нас может приписать себе заслугу возвращения второго домой. Гарантирую хромоту и много воплей. Ты будешь

выглядеть молодцом.

— Родной лагерь не готов выглядеть так же, уверяю тебя, — сказал Даг.

«В отношении вас обоих.»

— И отражение в моем зеркале для бритья тоже не готово, — пробормотал Барр, и, может быть, не только лишь сломанная нога придала ему рассудительности. Он повернул голову и серьезно сказал Дагу: — Я много узнал с той ночи, когда впервые увидел тебя на «Надежде», такой дождливой, холодной и сумасшедшей до заикания. Спасибо тебе.

Даг поднял голову в удивлении. И, он должен был признать, тайном удовольствии.

— Да, у Дага есть свой подход, — сказал Вит. — Смею сказать, он многому научил меня с того вечера, когда моя сестра притащила его на кухню в Вест-Блу. Кстати, я уже говорил тебе «Клево сработано, сестренка!»?

— Это было, в основном, везение, — сказала Фаун. — Везение и то, что я схватила свою удачу обеими руками и никуда не отпустила.

«Или даже одной рукой.» Даг скомандовал Коперхеду пойти рядом с Мэгпи.

Сумах, уже хорошо знакомая с печальным настроением Ремо и слушавшая с некоторым

удовольствием, добавила:

— Все будет хорошо, Ремо. А если нет — Громовержец всегда ищет здоровых молодых дозорных. Ему понадобятся минимум двое, чтоб заменить меня, полагаю. Я замолвлю за тебя слово, если захочешь.

Ремо слегка просветлел при этом великодушном предложении-лазейке, если его возвращение пройдет наперекосяк, что Даг полагал очень маловероятным. Как бы то ни было, когда Рейз тряхнул поводьями и ускакал, Ремо сделал так же. Финч и Эш попрощались и отправились следом за ними, ведя за собой цепочку вьючных животных.

Даг убедился, что они его не услышат, и спросил у Сумах:

— Ты в самом деле намереваешься причинить такой ущерб Громовержцу, притащив эту парочку?

— Громовержец тут не при чем. Я обещала девочкам Воронам, когда уезжала осенью, что приведу им несколько симпатичных мужчин. А тут, похоже, Рейз уже сговорен, а мне надо как-то выполнять свое слово.

Даг припомнил скопление черноволосых внучек Массап и Громовержца, прекрасных по

отдельности и пугающих скопом.

— Там их достаточно, чтоб понравиться и мрачному мальчику и легкомысленному, — радостно продолжила Сумах. — Скормить их Воронам, я б сказала.

— Что за судьба… — пробормотал Даг, и его брови приподнялись при этом захватывающем видении.

— Так что девушки не дадут им пойти по ложному пути, — сказала Фаун. — Снова.

— Я доверяю Массап, — сказала Сумах.

* * *

Берри к тому времени очень тревожилась за Клиркрик, так что они ускорили шаг.

— Надеюсь, дом еще стоит, — сказала она, пуская лошадь между Копперхедом и Мэгпи. — Папа оставляет — оставлял — двух своих кузин присматривать за ним; я их называю тетями, потому что они старше меня, одна из них вдова, а другая — старая дева. Сын вдовы приходит туда пару раз в неделю помочь с тяжелой работой.

Фаун представила кликриковую версию Эша Тэннера и кивнула приободренно.

— Я написала два письма — Вит мне помогал — одно после Кривого Локтя и еще одно после того,

как мы поженились в Греймауте, и отослала их вверх по реке с друзьями-лодочниками. Плохая новость и хорошая. Надеюсь, что они добрались туда, — добавила она после мгновения задумчивости, — в верном порядке.

— Если Клиркрик настолько речной город, как ты описывала, то новость о Кривом Локте добралась туда тем или иным способом века назад, — сказала Фаун. — У них были месяцы на то, чтоб воспринять плохие новости. А если хорошая новость приедет вместе с тобой, ну, тогда все будет хорошо.

Берри кивнула и добродушно замедлила ход, когда Фаун пожаловалась, что если они и дальше будут ехать рысью, то или она, или Нетти-Мари начнут икать.

Тем не менее, на следующий день, за пару часов до заката над кромкой крутого лесистого подъема показался Клиркрик.

Долина раскинулась под жадным взглядом Фаун в зелено-золотом великолепии с длинными голубыми тенями, падающими от западных холмов. Слева блестела широкая река Грейс за устьем ручья-притока. Аккуратная деревня… дома, разбросанные по долине, с горящими для приготовления ужина очагами, испускающими

золотящиеся нити дыма… и поток, Фаун представила, как они спускаются по длинному склону и, цокая копытами, пересекают его по деревянному мосту, заслужившему свое имя. Фаун привстала в стременах и вглядывалась, приложив ко лбу руку, а Берри живо показывала земли своего детства.

Даже Сумах и Аркади, ехавшие позади них и всецело поглощенные друг другом, приблизились послушать.

Они ехали вдоль двойной изгороди, огораживающей узкое пастбище, а скалистый, одетый деревьями холм возвышался сзади.

— Смотрите, там пруд, — сказала Фаун радостно. «И безмятежная корова, несколько коз и цыплят».

Они обошли каштановую рощу по короткой тропинке, также огороженной изгородью, и увидели дом.

Это был некрашеный большой дом, выглядящий так, как если бы над ним годами работал рой корабельных плотников. Вместо того, чтобы аккуратно расположить его этажи, как в доме в Вест-Блу, его будто бы сделали из кучи ящиков, сброшенных вниз с холма, и те прицепились друг к другу как получилось. Полдюжины дымовых труб торчали там и здесь. В нем несколько поко-

лений назад должна была жить гораздо большая семья, и, казалось, он еще надеется на это. «Какое превосходное место чтобы расти в нем.» При всей его хаотичной странности там было спереди устроено надлежащее крыльцо, длинное, с крышей и перилами, и если оно было немного похоже на палубу, что ж, это к лучшему.

Готорн гикнул и галопом поскакал вперед. Хог прижался поближе к Бо, выглядя надеющимся и смущенным. Фаун подумала, что письма Берри, должно быть, дошли сюда в верном порядке, потому что две дородные женщины выбежали на крыльцо; обе выглядели взволнованными, но не удивленными, и отчаянно им махали. Готорн спрыгнул с лошади и запрыгал вверх по ступенькам, и одна из женщин вытерла руки о передник, обняла его и проделала всеобщий жест «Право слово, как ты вырос!»

Остальные потупили глаза; Берри улыбнулась во весь рот и выразительно указала на Вита, давая понять «Муж — вот этот!»

Тетя в фартуке подняла руки над головой и потрясла их в жесте разделенного, если не полностью неприличного женского триумфа, отчего Вит покраснел. Когда они подъехали достаточно близко, чтоб донести голоса, она приложила руки

ко рту и крикнула

— Добро пожаловать домой!

Фаун взглянула на Дага. Тот выглядел радостным и самую малость настороженным — совсем как Страж Озера, попавший к незнакомым крестьянам.

«Добро пожаловать домой в дом, который вы никогда не выдели прежде.» Но если какое-то место было домом, потому что содержало в себе ваше прошлое, разве не точно то же будет, если оно содержит ваше будущее?

Она протянула ему руку; он набросил поводья на крюк и, быстро пожав, взял ее.

В свете заката его золотые глаза блестели огнем.

Эпилог

По крыльцу протопали шаги; когда раздался стук в дверь кухни, Фаун схватила тряпку, сняла котелок с крюка над очагом и заторопилась открывать. Она надеялась, что это не еще один срочный вызов. Но дверь распахнулась, и за ней оказался мокрый и прохладный день и Барр. На нем была одежда дозорного, пропахшая лошадью и дождем. Он был без трости. Туман нанизался на его тусклые светлые волосы, поблескивая капельками влаги.

— Привет, Фаун!

— Однако! Какое зрелище для усталых глаз! Входи, входи.

Он протиснулся в жаркое тепло и огляделся.

Фаун на мгновение выглянула в дверь, чтоб взглянуть на промокший коричневый пейзаж. Теплый воздух пришел в долину Грейс вчера вечером, выдыхая струйки низкого тумана над печальными полосами грязного снега. Серым хвостам не продержаться долго. Это была если и не весна, то явно конец зимы. Других всадников во дворе не было и не приближалось со стороны дороги, насколько она могла отсюда увидеть. Она

заперла дверь и повернулась к своему неожиданному гостю.

Барр благодарно придвинулся ближе к огню и потирал красные обветренные руки, напомнив ей самый первый раз, когда они встретились. К счастью, в этот раз он был намного менее мокрый, замерзший и отчаянный. Он принюхался:

— Что ты готовишь?

— Лекарство.

— О, вот как! Я подумал было, что ужин, и обеспокоился.

Фаун засмеялась и показала на открытую книгу, лежащую на кухонном столе:

— Помнишь пустую книгу, которую мне подарили Готорн и Хог на девятнадцатый день рождения в Греймауте? Я записывала в нее все рецепты лекарств, которые делали в шатре целителей в Русле Новолуния, зарисовывала растения и писала о работе Даром травника тоже. Ты мог бы поспорить, что она уехала в моих седельных сумках, когда мы отправились на север. Аркади жутко удивился, когда я ее достала. Он не понимал, как многому я набралась там.

Барр расстегнул свою куртку оленьей кожи и повесил ее на спинку стула сохнуть.

— Да, я встретил Сумах, когда оставлял лошадь

в вашей конюшне. Она явно выглядит радостной. И, хм, тучной. Плавала вокруг, как те корабли, которые мы видели у моря. — Он обрисовал руками пузатый парусник.

— Это все пуховое одеяло, которое я подбила ее плащ, когда Аркади забеспокоился о том, сколько времени она проводит верхом в холод. Теперь она тревожится об этом меньше. Хотя, скоро ее малыш появится на свет. — Она улыбнулась. — Ты бы посмеялся о том, как Аркади хлопочет вокруг нее, если б не знал его истории. Такая смесь грусти и надежды одновременно… Должна сказать, я подозреваю, что не так плохо для мужчины подождать, пока не станешь старше, и тогда заводить детей. Он кажется более понимающим.

Барр кратко улыбнулся. «Уныло?..» Фаун стряхнула слабую фантазию и продолжила:

— К счастью, Сумах не слишком обращает внимание на то, что он ее балует. Совсем как ее мама Омба, я бы сказала. Она в основном занимается нашими лошадьми и управляет конюшней так, как Омба делала на острове Кобылы. Все еще делает, полагаю. Ты видел там дочку моей Грейс, Танцовщицу? Разве она не красавица?

— Ага, Сумах показала ее первым делом.

Фаун подвесила котелок обратно над углями.

— Ты из дозора? — Долина Клиркрик была самой восточной из всей территории дозора Жемчужных Перекатов. Она задумалась, стоит ли предлагать сарай на конюшне для ночлега, не считая только того, что Сумах побьет ее за это. — Или ты сейчас курьер?

— Нет, я приехал сам. Частный визит. Приехал повидать Дага. И тебя.

— Нога тебя не беспокоит?

— Нет, это… о! — Он начал шумно двигать стул к очагу, заметил большую корзину, стоящую в углу комнаты, и вместо этого поднял стул и переставил его с преувеличенной осторожностью, опустив сперва две ножки. Он спросил шепотом: — Это Нетти-Мари? Уснула, мы ее не разбудим?

— Скорее всего, нет, если ты не будешь кричать или ронять мебель. Она только что поела, так что какое-то время будет сладко спать. Не важно, если проснется — она спит ночью лучше, если я не позволяю ей дремать весь день… — Фаун зевнула. — И я тоже. Хотя, так много нужно делать, что огромное искушение позволить ей спать побольше.

Она подошла ближе, а Барр вглядывался внутрь корзины с неясной мужской тревогой. Фаун сказала тише:

— Она все еще круглолицая как Блуфилды, но я надеюсь, что у нее будут скулы Дага. Ее головка сильно выросла за последний месяц. И волосы, к счастью. — Она нагнулась и дотронулась кончиком пальца до черного пуха. — Ты сможешь взять ее на руки попозже.

— Хм… спасибо, — Барр осторожно отошел от корзины и уселся в кресло. Фаун взяла деревянную ложку и помешала свое серо-зеленое варево, которое стало замечательно густым.

— Папа проделал с мамой весь путь из Вест-Блу, шлепая по грязи — они успели всего лишь за пару дней до того, как Нетти-Мари родилась. Оставались здесь три недели, а затем мама уехала обратно к первенцу Кловер. Мама говорит, что не одобряет мужчин при рождении, но Аркади отстоял свое право. Я думаю, на самом деле она чувствовала облегчение — несмотря на всех своих детей, акушерство — это не совсем ее занятие. Даг очень нервничал, но хорошо сохранял хладнокровие, я думаю. Лучше чем я иногда. Это была самая сильная боль в мое жизни, но в итоге сделки у меня есть настоящий прекрасный ребенок, так что, думаю, это честно.

Барр стесненно пошевелился, и Фаун милостиво решила уберечь его от всех ужасных и

прекрасных подробностей. Дети других людей, по ее воспоминаниям, гораздо менее интересны, что свои собственные. Возникла небольшая пауза.

— Даг и Аркади должны скоро вернуться, — преположила она. — Их вызвали к какому-то парню, который поранился при разгрузке, и они собирались остановиться на обратном пути, чтоб осмотреть одну женщину неподалеку с легочной лихорадкой. Я сейчас не уезжаю надолго из-за Нетти-Мари, но я — левая рука Дага, когда люди приезжают сюда. Я стараюсь помогать ему, когда могу, а то Даг увлекается интересной частью и забывает взять деньги. Готова поклясться, это от Аркади. И наоборот — Аркади уже совсем привык к загрязненному Дару за эти дни. — На самом деле Аркади не говорил «думаю, это здорово», но Фаун считала, это подразумевается.

— Значит… твой план шатра целителей для крестьян сработал?

Фаун не была уверена, пытается ли Барр ее разговорить или избежать разговора самому; в любом случае, она продолжила рассказывать без умолку:

— Начало было медленным. Берри была клином, которым провернули этот фокус. Не могу представить, как бы это было, если бы мы просто

приехали как чужаки и обосновались здесь. Но Даг и Аркади вылечили несколько ее родственников и друзей, а Бо и Готорн и даже Хог говорили о нас по всему городу. Можешь быть уверен, первый вечер, когда к нам за помощью постучался кто-то, кого мы едва знали, был большим шагом. — Она задумалась, нахмурив брови. — Но, я думаю, самым важным было… я знаю, это прозвучит странно для тебя… самым важным, что случилось этой зимой, было потерять нескольких пациентов. Потому что целители должны, знаешь ли… спустя достаточное время это должно было случиться. Не тот парень, который умер за два дня до того, как его принесли к двери привязанным к доске, за этого Дага никто не винил, хоть ему и было что сказать. Никогда не видела его таким раздраженным. — Она поджала губы, вспомнив то, что должно было быть забавным с точки зрения черного юмора, если не считать горя друзей умершего. — Но люди, которых мы немного узнали… — Старик со сломанным бедром, ребенок со странно сильной лихорадкой, женщина с выкидышем, которая почти истекла кровью до того, как Даг прибыл, хотя он гнал Коперхеда так, что пена летела. — Даг старался изо всех сил, честное слово, он просто выворачивался

наизнанку… но иногда этого просто недостаточно. Хотя, разумные люди это видели и поправили пару менее разумных. Это мудреный танец, но мы все, кажется, разучиваем па, и мы, и люди вокруг нас.

— Хм, — Барр наклонил голову. — Я всегда знал, что нужно учиться на целителя, но никогда не думал, что на пациента тоже нужно учиться.

— Стражи Озера в лагерях учатся этой мудрости и доверию друг другу так же легко, как плавать, и будучи такими же юными. У нас есть способы крестьянских акушерок и костоправов, но никто точно не знает, что в первую очередь ждать от нас. И даже мы сами, так что мы все учимся вместе.

Барр потянулся, почесал подбородок, огляделся.

— А Берри и Вит построили свою осеннюю баржу и уплыли? Я нигде не видел их, когда приехал.

— О, они уплыли несколько месяцев назад, и взяли Бо, Хога и Готорна в команду, правда Бо клялся, что это его последнее плаванье. Сейчас еще не время ждать их, но осталось недолго. Они не были уверены, вернутся ли обратно по реке или по Тракту. Надеюсь, что по реке, и надеюсь,

Вит привезет мне железную кухонную плиту. Не притащит же он ее в седельной сумке… хотя от Вита никогда не знаешь чего ждать.

— Что бы он не привез, думаю, это будет выгодно. Не знаю, как он это делает.

— У нас дома никто не предполагал за ним этого таланта. Хотя там у нас, думаю, никто не блистал. — Поселение Клиркрик было всего лишь вдвое больше деревни Вест-Блу; Фаун не была уверена в том, как так получилось, что мир стал казаться больше.

Барр прочистил горло:

— А ты… э-э… ничего не слышала о Келле и Индиго? И о Сейдже, — добавил он, подумав.

— О, да! Келла прислала два письма. Я попозже дам их тебе прочитать. К нам достаточно регулярно приходит почта сверху и снизу по реке.

— Как они поживают?

— Ну, Сейдж получил работу в литейной и выучил много нового, совсем как он надеялся. Келла говорит, он все еще хочет устроить свой дом через должное время. Индиго нашел работу, он правит товарным фургоном, и его босс высоко ценит его умение обходиться с лошадьми, хотя самому Индиго не слишком нравится городская жизнь — слишком людно. Он говорит, что от

этого ему неловко, и он чувствует себя смешным. Мы написали в своем письме, что он может приехать в Клиркрик, но он пока не принял наше предложение. Но самое лучшее — Келла так заинтересовалась целительством, когда помогала Аркади, что пошла в подмастерья к повитухе в Трипойнте. Ее чувство Дара обострилось, и она в конце концов призналась в том, что она полукровка. И вместо того, чтоб взять ее за ухо и выкинуть на улицу, эта женщина отвела ее к кому-то, кто знал одного из местных Стражей Озера, и теперь Келла ездит и обучается одну неделю в месяц у целителей в лагере Трипойнта — в том самом месте, где родился Громовержец, представляешь?!

— О! — сказал Барр, светлея. — Это… хорошо. — Он нахмурился. — Даже неожиданно.

— Для меня тоже было, пока я не задумалась об этом. Келлу ведь проверяли в лагере ее отца на юге, но она не осталась у них потому, что они не взяли Индиго.

— Хм. Я этого не знал… — Барр выглядел очень задумчивым, и это было не то выражение, которое Фаун привыкла видеть на его лице. Прежде чем она успела спросить, что его беспокоит, с крыльца донесся звук шагов.

— О, это Даг! — воскликнула Фаун живо. Когда дверь распахнулась, Барр криво ей улыбнулся:

— Неужели ты натренировала чувство Дара за это время?

— Нет, но эти шаги я везде узнаю. — «Так же, как плач моего ребенка или собственную руку в темноте».

Даг, пригибаясь, вошел внутрь, выпрямился и широко улыбнулся:

— Привет, Барр! Что привело тебя сюда? — Должно быть, дела у его пациентов шли неплохо; он не падал от усталости, не был мрачен или заляпан кровью.

До того, как Барр успел ответить, Нетти-Мари в корзине завозилась и запищала.

— Сейчас приду, Искрочка, — сказал ей Даг, торопливо сбрасывая куртку и направляясь к раковине, чтоб вымыть руку.

Писк стал более требовательным, если и не полновесным плачем. Даг бросил полотенце на край раковины и заглянул в корзину с нежным и любопытным выражением на лице. Барр, нахмурившись, наблюдал, как он взял малышку и разместил ее на левом плече, осторожно поддерживая ее головку рукой. Даг уселся в удобное кресло-качалку с другой стороны от огня.

— Она не описалась? — спросила Фаун. — Проголодалась?

— Нет, она просто хочет присоединиться к компании.

— Ей нравится голос Дага, — проинформировала Фаун Барра и, успокоенная, стала вновь помешивать варево. — Я вообще удивляюсь, что дети Стражей Озера выучиваются говорить с этими взрослыми, которые все, что хотят, понимают Даром.

Даг помотал головой:

— Уверяю тебя, не все. Наши малыши должны нас учить так же, как крестьянские — своих родителей. Вот ты разве нет, Искорка? Ты ведь научила своего папашу всем видам фокусов, нет?

Нетти-Мари уселась в своем новом креслице с видом обладателя, ее маленькие пальчики согнулись, а глазки наполовину закрылись. Ее глаза при рождении были довольно мутными, но позднее стали глубокого карего цвета с прекраснейшими красно-золотыми искорками. Даг добавил, обращаясь к Барру:

— Как дела в Жемчужных Перекатах? Как у целителя Верела продвигаются щиты Дара?

— Лучше, с тех пор как Вит приезжал осенью и расхвастался о своем ореховом кулоне и убий-

стве Злого в каждой таверне на Пристани и в Излучине, и у Верела цена выросла вчетверо. Это успокоило совет лагеря — и увеличило число крестьян, которые хотели бы его попробовать, я этого не понимаю, но Вит сказал, что сработает.

— Вит знает что говорит, — сказала Фаун довольно. Она постучала деревянной ложкой по краю котелка, выровняла расстояние до углей, уселась у огня к Дагу на колени и стала слушать.

— Верел взял двух новых подмастерьев в подмогу, — продолжил Барр. — Так что работа над щитами не выбьет его из колеи.

— Отлично, — сказал Даг. — А командир Амма? Она уже решилась поэкспериментировать?

— Да, в конце концов. Она отправила четверых крестьянских парней с моим дозором с наказом мне пасти их — потому что считает, что я знаю крестьян лучше, чем любой другой дозорный у нее. Двое из них ушли после первого похода, когда узнали, как это скучно и неприятно, особенно зимой, и, конечно, вокруг не было никаких признаков Злых. И на них свалилась вся грязная работа, хотя я все время объяснял, что все новые дозорные делают грязную работу. Но другие остались, и пришло еще двое. На следующей неделе мы отправляемся вновь.

— Знаешь, — сказал Даг, — Аркади научил Хохарию делать щиты, когда был на озере Хикори с Сумах, так же как я научил Верела.

Барр кивнул.

— Да, полдюжины выживших после Злого ребят из Рейнтри… До них дошли слухи, и они пришли добровольцами. Громовержец заявил, что это дело дозора, и постарался, чтоб совет лагеря разделился во мнениях и не смог его переспорить. Он поставил к ним в напарники Рейза и Ремо, чтоб те научили их всему, и это сработало довольно хорошо. Скука и работа их не отпугнули, с местью за родню-то. Я всего лишь на прошлой неделе получил от Ремо письмо — они пережили свою первую проверку с настоящим Злым. Это был всего лишь маленький сидячий Злой, но щиты Хохарии выдержали, и ни одно из мрачных пророчеств скептиков не оправдалось. Так что, сейчас все хорошо. Ты вернешься туда? На озеро Хикори?

Даг покачал головой:

— Не сейчас. У меня нет времени. Пока что ко мне и Аркади пришло одиннадцать разных целителей из девяти лагерей, чтоб научиться нашим фокусам, щитам и расколдовыванию и прочему такому. Новые люди, кажется, приходят

каждую неделю.

— У нас всегда наготове спальня для посетителей, — добавила Фаун. — Мы тебя туда положим на ночь.

Барр кивнул с благодарностью.

— Это в дополнение ко всем тем длинным описаниям, которые Аркади отправил Хохарии и Верелу, чтоб те разослали их по стране вместе со своими целительскими отчетами, и Громовержцу и Амме в их дозорные инструкции. Даже если у Копперхеда завтра получится исполнить свою мечту и размазать меня об дерево, идея будет расходиться дальше.

— Счастлив ли Ремо там, в Хикори? Настолько, насколько Ремо всегда мог быть счастлив, конечно, — добавил Барр.

— Сдается, что так, — Даг медленно улыбнулся. — Тиока Ворон была упомянута в письме трижды. Она хорошенькая, насколько я помню — в некоем суровом смысле.

— Надеюсь, в этот раз ему повезет в любви больше, — Барр потряс головой.

— Если это в самом деле Тиока, полагаю, она об этом позаботится.

— Знаешь, он не должен был уходить. Амма была готова засунуть его обратно в дозор Жем-

чужных Перекатов. Мне кажется, было бы лучше, если бы он, как положено, выполнял приказы. Он всегда счастливее, когда думает, что следует правилам.

Даг выразил должное согласие изгибом брови.

— Правила на самом деле создаются не для того, чтобы их нарушать. Они, в основном, изобретаются, потому что кто-то допустил ошибку или неразбериху, и людям неохота вечно прибираться за всеми такими же случаями.

Барр прочистил горло:

— Да. Если говорить об этом…

Сейчас приступит, подумала Фаун. Она не думала, что Барр проскакал бы полтора дня по плохой погоде просто, чтобы повидать Нетти-Мари. Что-то, конечно, засело у него в голове.

— Знаешь, когда я был молодым дозорным, я мог быть куском идиота.

Фаун решила, что будет невежливо слишком уж чистосердечно соглашаться. Она уселась у очага с видом «не позволяйте мне мешать вам». Даг ограничился ободрящим «Хм?»

— Я думал, большинство правил — тупые. И, наверное, я был еще новичок в том, что касалось своих сил, и мне хотелось проверить их. Так же, как мальчишки бегают кругами или поднима-

ют бревна и прочее такое. Как бы то ни было, я кое-что натворил… — Его взгляд переместился к Фаун. — Фаун это не понравится.

Фаун потерла губы. Не то чтоб она желала упростить для него рассказ, но…

— Если ты говоришь о том случае, когда ты заколдовал крестьянскую девушку, чтоб отправиться с ней на сеновал, а затем уговаривал Ремо соблазнить ее сестру, то я об этом уже слышала.

Губы Барра сложились в тихое «О».

— Хм… когда?

— Ремо рассказал нам перед тем, как ты впервые появился на «Надежде». Когда мы все пытались разработать расколдовывание.

— Ремо рассказал! — Барр выпрямился, выглядя так, будто его предали.

— Вспомни, он все еще злился на тебя из-за несчастного случая с разделяющим ножом. Вы двое угодили в засаду в первую очередь потому, что девчонка с баржи затащила тебя туда за нос — или за что бы она тебя там ни тащила, а он полез следом за тобой.

— О. Хм. Да. — Барр снова взглянул на Фаун. — Это поэтому ты едва уделяла мне время, когда я объявился впервые.

— Ну, давай просто скажем, твоему делу это не

способствовало.

Барр предпочел сменить вид преданного товарища на печальный.

— Что ж, это правда. Не то чтобы та крестьянская девчонка этого не хотела даже до того, как… хм. А потом Ремо закатил истерику, и я больше этого никогда не смел делать. И со всем, что произошло потом, я почти забыл об этом вплоть до последнего дозора. Нас занесло именно в ту маленькую деревню. Примерно в тридцати милях к северу от Перекатов.

Даг с отрешенным видом подался вперед. Фаун похолодела, но помалкивала; если она поспешит судить, то не получит всей истории.

— Это ведь была почти шутка. В то время. Я так думаю.

— Вряд ли для нее она была такой уж смешной, — сказала Фаун.

— Да. Я об этом и узнал.

Фаун выпрямилась:

— Она пошла и повесилась, так?

— Повесилась? — Барр широко открыл глаза. — Неужели крестьянки действительно так поступают?

— Иногда. Или топятся.

— Нет, все не настолько, хм… плохо. Другой слу-

чай. Я пошел к кузнецу, и увидел ее… она вышла замуж. И у нее ребенок.

— Один из тех семимесячных детей с волосами как на девятом месяце? — спросил Даг. — Они у нас иной раз получаются.

— Я думаю, они у всех иной раз получаются, — признала Фаун. «У меня у самой мог бы быть такой когда-то, если б не некая странная несчастливая случайность.»

— Мы наткнулись друг на друга около деревенской кузницы. Был холодный, но солнечный день, такие бывают перед первыми оттепелями. Мой дозор сделал остановку, чтоб поправить пару подков. Она вывозила тележку починенных инструментов. И узнала меня сразу, но притворилась, что не знает. Как будто я невидим или она бы хотела этого. За ней плелась маленькая девочка, размером с Оулета, блондиночка, кудряшки везде, в такой вязаной шапочке с длинными розовыми кисточками. Она все время головой вертела, и они летали вокруг, а она хихикала. Даг, она моя.

Фаун нахмурилась.

— Откуда ты знаешь? Просто по ее возрасту и цвету волос?

— Нет, по ее Дару!

Фаун задумчиво посмотрела на Дага; тот кивнул.

— Барр бы узнал, верно.

— И что ты потом сделал? — спросила Фаун в тревоге.

— Поехал за ней, конечно. Нагнал ее тележку за первым поворотом, чтоб в деревне не было видно. Сначала она сказала, что не знает меня, потом сказала мне уходить, потому что она меня ненавидит, и чтоб я уходил или она будет кричать, и тогда я сказал, что эта маленькая девочка — моя, а она сказала, нет, не твоя, а я сказал — моя, и тогда девочка начала плакать и кричать, и ее мама в конце концов остановила тележку, чтоб поговорить. — Он добавил спустя мгновение: — Она назвала ее Лили.

Барр набрал воздуха и продолжил, как если бы боялся, что если он остановится, то не сможет начать заново:

— Она сказала, что у нее хорошая жизнь сейчас и хороший муж, и я не должен вертеться около нее и ломать ее мир.

— Снова, — пробормотала Фаун.

— И я сказал, что, этот парень думает, что моя дочь — его? Она сказала — да. И предложила мне все деньги в своем кошельке, если я уйду тихо.

— Взял? — спросила Фаун ласково.

Барр смотрел на нее, вне себя от ярости.

— Прекрати сейчас же, Фаун, — отругал ее Даг.

Фаун вздохнула. По крайней мере, добром было хотя бы то, что применять к Барру традиционное крестьянское средство — высечь плетью — было уже поздно. Или кого-либо еще, как она поняла.

Он уяснил свои уроки другим способом, возможно, не менее мучительным.

— Тогда она сказала, что если я хочу от нее другой услуги, то я ее не получу, потому что она сейчас беременна, и этот ребенок от ее мужа, и я сказал, нет, я не хочу, и да, я вижу, это крестьянский мальчик, здоровый. Она обрадовалась, когда это узнала, и немного успокоилась. Но затем она сказала, что я должен уехать прочь и оставить ее в покое, потому что я уже нанес ей достаточно вреда, которого хватит на одну человеческую жизнь. — Барр заморгал. — На самом деле, она не выглядела так, будто ей пришлось сильно мучиться.

— Откуда ты знаешь? — сказала Фаун колко. — Тебя там не было, чтоб наблюдать за худшей частью. Лишь одно то, что ты выжил, не означает, что ты не истекал кровью раньше.

— Так что ты сделал? — Глубокий голос Дага

перебил Фаун прежде, чем она смогла углубиться в мысль. Лицо Барра сморщилось.

— Я не знал что делать. Так что повернулся и ушел, как она хотела. Но Даг… эта девочка… она могла бы, должна бы, должна была бы быть моей, наследницей моего шатра. В каком-то другом мире.

— Я думаю, для этого слишком поздно, — сказал Даг.

— Я знаю. Но всю дорогу домой я думал о ней. И о Келле и Индиго. Не знаю, понял бы я проблему до того, как встретил Келлу и ее брата. Что, если Лили вырастет с чувством Дара? Что она будет делать, когда ей будет одиннадцать-двенадцать лет и в ее голове начнут твориться все эти странные штуки — ты знаешь, как это ощущается, когда твое чувство Дара впервые просыпается, все разом — и никого вокруг, чтоб подсказать ей, как быть? Что, если муж ее матери начнет подозревать и, и… не позаботится о ее правах? — Он заколебался. — Что, если я внезапно встречу конец свой жизни в дозоре, и никто не будет знать, что она существует?

Даг сказал:

— Ты не проинформировал, как я понял, своих родителей, что у них есть наполовину кре-

стьянская внучка? Их интерес — следующий ближайший по праву.

Барр содрогнулся.

— Отсутствующие боги, нет!

Фаун вспомнила, что по стандартам Стражей Озера Барр был все еще очень молод.

«Позднее он может изменить свои взгляды».

— Ну. Мы их не знаем, их знаешь ты; не стану спорить с твоим суждением, — Даг скорчил гримасу.

Барр благодарно наклонил голову.

— Но я подумал… Лучше, если кто-то будет знать о Лили. На всякий случай. И если и есть кто-то, кто может сказать мне что делать, то это вы двое. Так что… я приехал сюда.

Даг пошевелился в кресле, и Нетти-Мари на его плече — тоже; она тихонько фыркнула, почмокала и снова задремала.

— А что ты хочешь сделать?

— Ну, для начала… не навредить.

— Тогда тебе лучше оставить бедную женщину в покое жить своей жизнью, — сказала Фаун. — Похоже, она нашла способ выжить… — Она не была уверена, стоит ей сказать «выжить без тебя» или «пережить тебя», так что решила не говорить этого вовсе. — Ты не посмеешь отобрать у нее

что-то до тех пор, пока не будешь готов заменить его, а я не думаю, что ты сможешь. И тут не прозвучало, что она бы сильно этого хотела.

— Нет, наверное… нет.

Даг пососал губу, постучал своим крюком мягко по ручке качающегося кресла:

— Но ты не должен, я думаю, оставлять маленькую Лили одной без какого бы то ни было присмотра. Все меняется. Родители могут умереть — ее или твои, если подумать, и судьба может повернуться другой стороной. Семьи снимаются с места и уезжают. Самое малое, что ты задолжал ребенку — это осмотрительность. И если ты не знаешь, как быть осмотрительным, то пора научиться — проверяй постоянно, сейчас и потом. Так ты сможешь узнать, если ей понадобится какая-либо помощь.

— Я могу это сделать, наверное, — сказал Барр медленно. Его напряжение ослабло, теперь, когда его признание вышло наружу. И если оно заменилось на почти такую же печаль, как у Ремо, что ж, это не нанесет ему постоянного вреда. Взгляд Барра сместился к Нетти-Мари, счастливо спящей на плече своего папы, и Фаун наконец распознала его странный взгляд, как некую зависть. Он добавил, извиняясь:

— Мой отец — отличный, в основном, правда мы обычно бодаемся до тех пор, пока мама не пригрозит утопить нас обоих в Перекатах. Он провел кучу времени со мной и моей сестрой, всему нас учил… Странно думать, что я никогда… не важно.

Установившаяся после этого тишина закончилась, только когда Нетти-Мари завозилась и запищала. Даг взглянул на Фаун и улыбнулся:

— Иди сюда, тут работа для двух рук.

— Хм. Забавно, как твоя ловкость появляется и исчезает, целитель.

Она поднялась, помешала еще раз содержимое котелка, подвесила его безопасно, а затем нагнулась и взяла свою дочь. Ой, мокро. У Дага совершенно не осталось влажных пятен на рубашке, хотя он вытянул руки и повращал плечами. Она могла бы предложить научить Барра как делать иной раз эту работу для двух рук, если, конечно, он еще не научился этому с младшей сестренкой. Хотя, не сейчас — позже, когда его страдание несколько ослабнет. Раньше в их знакомстве она часто желала, чтоб кто-нибудь съездил Барра доской по голове и поправил его зацикленный на самом себе взгляд на мир. Кажется, маленькой Лили, наконец, это удалось,

но за результатом оказалось вовсе не так здорово наблюдать, как ей представлялось.

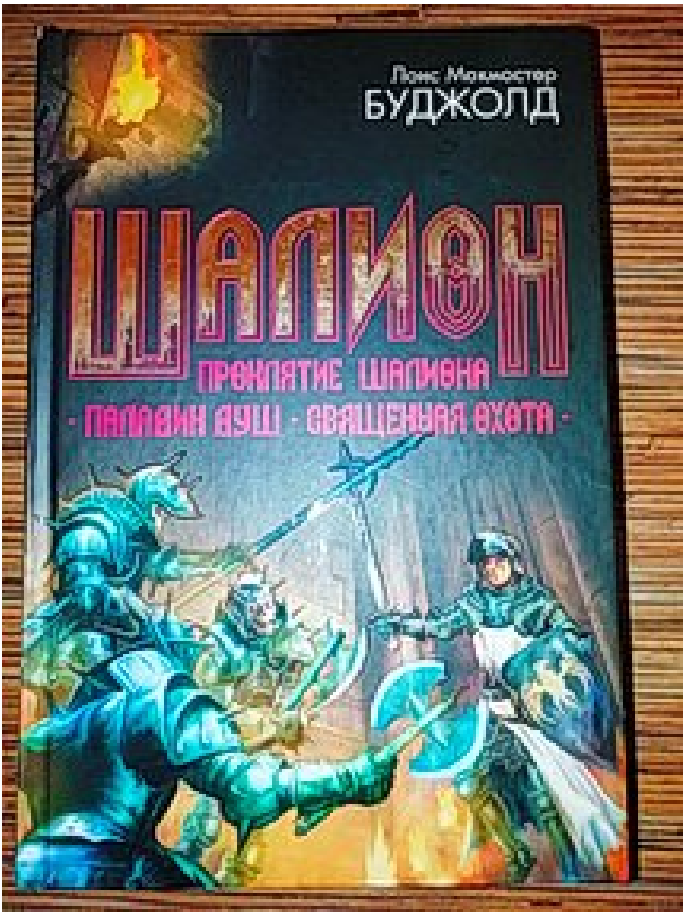
Когда Фаун вернулась, Даг освободил для нее и Нетти-Мари старое кресло-качалку у огня, занял ее место у очага и продолжил живую беседу с Барром. Новый дизайн щитов Дара, обучение расколдовыванию, и то, как много лагерей прислали запросы, и сколько целителей обещали распространять данные. Аркади ворвался внутрь вместе с Сумах, топая ногами и жалуясь, как обычно, на смертельный северный холод (который, на самом деле, был сегодня очень мягким), и разговор повернулся на целительстве в Клиркрике, новых подмастерьев, просящихся к ним, жеребящихся лошадей и планы на весну.

И если надежды на их огромный зеленый мир росли так же медленно, как ребенок растет в матери, что ж, никто никогда не говорил, что воспитание — это задача для слабых сердцем или нетерпеливых.

Фаун покачивалась в кресле и кормила будущее.

© Copyright: Буджолд Лоис Макмастер
© Перевод: Рагулина Елена, 2011-2012

Лоис Буджолд


Лоис Макмастер
БУДЖОЛД
ШАЛИОН
ПРОКЛЯТИЕ ШАЛИВИНА
- ПАЛЛАВИН ЯУШ - СВЯЩЕННАЯ ОХОТА -

Проклятие Шалиона

Автор выражает свою признательность профессору Уильяму Д. Филипсу-младшему за «Историю 3714», четыреста долларов и самые лучшие и с толком потраченные десять недель из всех когда-либо проведённых мной в школе; Пэт — «Да брось ты, всё получится!»; Врид — за игру в слова, в результате которой прото-Кэсерил, моргая и спотыкаясь, впервые выбрался на свет божий из глубин моего подсознания; а ещё, полагаю, коммунальным службам Миннеаполиса за тот горячий душ в холодном феврале, в котором плоды первых двух позиций внезапно вступили во взаимодействие в моей голове, чтобы сотворить новый мир и всех населяющих его людей.

Глава 1

Кэсерил услышал всадников ещё до того, как увидел их. Он оглянулся через плечо. Разбитая просёлочная дорога у него за спиной, спускаясь по склону небольшого холма, который казался чуть ли не горой среди здешних продуваемых всеми ветрами равнин, утопала в грязи, как всегда поздней зимой в Баосии. Впереди дорогу пересекал ручей, слишком мелкий и узкий, чтобы кто-нибудь потрудился перекинуть через него мостки. Ручей бежал сверху, с объеденных овцами пастбищ на холме. Судя по тому, как быстро приближались топот копыт, позвякивание сбруи, звон бубенцов, скрип сёдел и эхо беззаботно перекликавшихся голосов, те, кто догонял Кэсерила, не были ни фермерами с упряжкой, ни развозчиками, неспешно ведущими в поводу своих мулов.

Из-за поворота выехала кавалькада; всадники, несколько дюжин молодых людей, скакали по двое, в полном обмундировании. Не разбойники… Кэсерил с облегчением перевёл дыхание и расслабился. Разбойникам, правда, нечем было бы у него поживиться — разве что позабавились

бы. Он отступил с дороги и повернулся, чтобы посмотреть на отряд.

Посеребрённые кольчуги всадников, служившие скорее для красоты, чем для защиты, сверкали в лучах утреннего солнца. На голубых камзолах красовалась вышитая белая эмблема леди Весны. Серые плащи развевались на ветру, как знамёна. Застёгнуты они были серебряными, до блеска надраенными пряжками. Церемониальные гвардейцы, не воины. Заляпать эти одежды кровью Кэсерила они вряд ли пожелали бы.

Колонна приблизилась, и капитан, к его удивлению, вскинул руку. Всадники резко остановились, ехавшие в хвосте наскочили на тех, кто скакал впереди. Старый конюх отца Кэсерила, увидев такое, был бы оскорблён в лучших чувствах и разразился бы горестными причитаниями. Мальчишки. Впрочем, ему до них дела нет.

— Эй, ты, старина! — окликнул Кэсерила капитан, перегнувшись через луку седла остановившегося рядом знаменосца.

Кэсерил, хотя и был на дороге один, чуть не обернулся в поисках того, к кому относились эти слова. Похоже, его приняли за местного крестьянина, идущего на рынок или ещё по каким делам. Впрочем, таковым он, должно быть, и

выглядел в своих поношенных, облепленных грязью башмаках и дешёвых разномастных одёжках, наверченных поверх друг друга для защиты от холодного, пронизывающего до костей юго-восточного ветра. И за каждую из этих грязных тряпок Кэсерил был благодарен всем богам годового цикла. Подбородок его покрывала двухнедельная щетина. Да уж, только «эй, ты!» к нему и обращаться. Капитан оказался ещё довольно вежлив. Но… почему «старина»?

Капитан указал вперёд, на перекрёсток дорог, и спросил:

— Это путь на Валенду?

Когда это было?.. Кэсерил задумался, подсчитывая в уме пролетевшие годы, и сам поразился. Семнадцать лет! Семнадцать лет назад он в последний раз проезжал по этой дороге, отправляясь не на парад, а на настоящую войну, в свите провинкара Баосии. Хотя и уязвлённый тем, что пришлось трястись на мерине, а не гарцевать на боевом жеребце, он был исполнен тогда такого же тщеславия, самонадеянности и гордости, как эти юнцы, взирающие сейчас на него свысока. «Сегодня я был бы рад даже ишаку, пусть и пришлось бы подбирать ноги, чтобы не волочились по грязи». И Кэсерил, оглянувшись на солдат,

улыбнулся, ничуть не сомневаясь, что в карманах роскошных мундиров у большинства из них лежат весьма тощие кошельки.

Всадники морщили носы, словно от него воняло. Перед Кэсерилом им нечего было стесняться — это не лорд и не леди, вольные щедро осыпать их милостями; наоборот, рядом с ним они сами чувствовали себя аристократами. И взгляды, которые он на них бросал, вероятно, казались им восхищёнными.

Кэсерил испытывал искушение направить отряд по неверному пути, к какому-нибудь коровнику, или на овечью ферму, или ещё куда-нибудь — куда там ведёт эта дорога. Однако шутить с церемониальной гвардией Дочери накануне Дня Дочери не стоило. Людей, собравшихся под священными военными стягами, сложно заподозрить в обладании таким качеством, как чувство юмора, а Кэсерил вполне мог ещё столкнуться с ними, поскольку сам шёл в тот же город. Он прочистил горло, которое ему не приводилось напрягать, обращаясь к людям, со вчерашнего дня.

— Нет, капитан. Дорога на Валенду отмечена каменным указателем, это примерно в паре миль впереди.

Когда-то, во всяком случае, было так.

— Вы сразу узнаете это место.

Кэсерил высвободил из-под плаща руку и показал вперёд. Пальцы ему, правда, выпрямить так и не удалось — словно когтистой лапой взмахнул, а не рукой. В застывшие, негнущиеся суставы тут же голодным зверем впился холод, и Кэсерил поспешно спрятал руку обратно в складки тёплой накидки.

Капитан кивнул широкоплечему знаменосцу, который, уложив древко знамени на согнутую в локте руку, пальцами другой начал копаться в кошельке в поисках монетки помельче. Наконец он выловил парочку и извлёк их на свет. Тут лошадь под ним дёрнулась, и монета — золотой реал, не медная вайда — выскользнула из его руки и упала в грязь. Он глянул ей вслед с ужасом, но тут же взял себя в руки и сделал равнодушное лицо. Спешиться и рыться в поисках её в грязи под взглядами своих товарищей он не мог — ведь он же не нищий крестьянин, каким, на его взгляд, был Кэсерил. И знаменосец вздёрнул подбородок, ожидая в качестве утешения, что Кэсерил сейчас на потеху всем бросится за нежданным подарком судьбы в чавкающую жижу.

Вместо этого тот поклонился и произнёс:

— Пусть столь же щедрое благословение ле-

ди Весны осенит вас, молодой господин, сколь щедры оказались вы сами по отношению к бездомному бродяге.

Если бы юный солдат отличался большим умом, он заметил бы насмешку в словах Кэсерила, и тот получил бы хороший удар плёткой по лицу. Но это было маловероятно, судя по быкообразной внешности гвардейца, ибо таковая редко предполагает наличие разума, не уступающего мощностью мускулатуре. Лишь капитан раздражённо скривился, но ничего не сказал, только покачал головой и жестом приказал колонне двигаться дальше.

Если знаменосец был слишком горд, чтобы копаться в грязи, то Кэсерил для этого слишком устал. Он подождал, пока проедет багажный обоз, затем обслуга, и только когда скрылись из виду замыкавшие отряд мулы, с трудом наклонился и выловил маленькую искорку из студёной воды, набравшейся в след от лошадиного копыта. Шрамы на спине болезненно натянулись. «О боги! Я действительно двигаюсь, как старик!» Он выдохнул и выпрямился, чувствуя себя скрюченным столетним дедом. Или дорожной грязью, которую оставляет за собой Отец Зимы, когда покидает мир, — подсохшей сверху, но жидкой внутри.

Он протёр монету — маленькую, хоть и золотую — и достал свой пустой кошелёк. Уронил тонкий металлический диск в голодный кожаный рот и услышал одинокое звяканье. Затем вздохнул, спрятал кошелёк. Теперь разбойникам снова есть чем поживиться. Появилась причина опасаться. Он вышел на дорогу и задумался о своей новой ноше. Почти не ощутимой. Почти. Золото. Искушение для слабых, утомительная обуза для мудрых… чем оно было для того здоровенного волоокого знаменосца с неомрачённым раздумьями челом, смущённого своей случайной щедростью?

Кэсерил окинул взглядом однообразный пейзаж. Ни деревьев, ни других укрытий было не видать, только редкие кусты, голые ветви которых казались на солнце серыми, росли по берегам протекавшей неподалёку речушки. Единственным более или менее пригодным убежищем была заброшенная ветряная мельница, стоявшая на холме слева от дороги. Крыша её провалилась, крылья сломались и сгнили. Но… хоть что-то.

Кэсерил свернул налево и начал взбираться на холм. Не холм — пригорок по сравнению с теми горами, что он преодолел неделю назад. Подъём, однако, отнимал последние силы, и Кэсерил чуть

не повернул обратно. Ветер здесь задувал сильнее, толкал в грудь, свистел над землёй, вороша серебристо-соломенные пучки высохшей прошлогодней травы. Кэсерил укрылся от жестокого ветра внутри мельницы и, держась за стену, с трудом поднялся по шаткой скрипучей лестнице наверх. Выглянув в окошко, он увидел внизу на дороге скачущего обратно всадника. Не гвардеец — кто-то из слуг. В одной руке он сжимал поводья, а в другой держал здоровенную дубину. Хозяин послал, дабы вытрясти из бродяги нечаянно утраченный золотой? Всадник скрылся из виду, но через несколько минут появился снова, явно пребывая в недоумении. Он остановился у грязного ручейка и привстал на стременах, оглядывая пустынные окрестности. Затем, разочарованно покачав головой, пришпорил коня и ускакал вслед за отрядом.

Кэсерил вдруг заметил, что смеётся. Было так странно и непривычно, что плечи его сотрясаются не от холода, не от жалящих ударов плетью, не от страха. И не менее странным было ощущение в душе пустоты, отсутствия… чего? Разрушительной зависти? Страстей? Желаний? Он не хотел больше следовать за солдатами, он не хотел вести их за собой. Не хотел быть их частью. Он смотрел

теперь на все эти шествия и парады, как смотрят на глупые скоморошьи игрища на рыночной площади.

«Боги, как же я устал! И голоден».

До Валенды осталось ещё с четверть дня пути, а там он сможет разменять у ростовщика свой золотой реал на более ходовые медные вайды. Сегодня ночью, с благословения леди, он будет спать на постоялом дворе, а не в сарае. Купит себе горячей еды, побреется, примет ванну…

Кэсерил отвернулся от окна, и когда глаза привыкли к царившему вокруг полумраку, он вдруг увидел, что внизу, на каменном полу, лежит человек. От ужаса у него перехватило дыхание, но почти сразу же он понял, что живой человек не может лежать в столь неестественной позе. А мертвецов Кэсерил не боялся. Ни мертвецов, ни причины их смерти, какой бы она ни была. Да…

Кэсерил спустился. Хотя тело лежало неподвижно, он выковырял из пола, прежде чем приблизиться, расшатанный камень и зажал его в руке. Мертвец оказался полным мужчиной средних лет, судя по седине в аккуратно подстриженной бороде. Лицо побагровевшее и вздутое. Задушен? Но на шее не видно никаких следов. Одежда простая, но очень изящная. Хотя и слегка

не по размеру — маловата. Коричневая шерстяная мантия и чёрный длинный плащ с прорезями для рук, окантованный серебристым шнуром, могли принадлежать богатому купцу или младшему лорду, приверженцу строгого стиля. Или честолюбивому учёному. Но в любом случае не фермеру, не крестьянину. И не солдату. Кисти рук лиловато-жёлтого оттенка, тоже опухшие, без мозолей и — тут он посмотрел на собственную левую руку, два пальца которой с отсутствующими концевыми фалангами свидетельствовали о проигранном споре с захлестнувшим их когда-то тросом — без повреждений.

На мужчине не было никаких украшений: ни цепочек, ни колец, ни медальонов, хотя одет он был богато. Может, до Кэсерила здесь успел побывать какой-нибудь любитель поживиться?

Кэсерил стиснул зубы и, с трудом преодолевая боль во всём теле, наклонился над трупом. Одежда была вовсе не мала, просто тело тоже невероятно раздулось, как лицо и руки. На такой стадии разложения зловоние должно было бы затопить всю мельницу и ударить Кэсерилу в ноздри, когда он только просунул голову в дверь. Но вони не было. Только едва уловимый запах мускуса, дыма свечей и пота.

Первой мыслью Кэсерила было, что беднягу убили и ограбили на дороге, а затем притащили сюда, но её пришлось отбросить, ибо, осмотревшись, он заметил на полу вокруг тела пять восковых пятен от сгоревших до основания свечей — красного, синего, зелёного, чёрного и белого цветов. А ещё — разбросанные травы и пепел. Тёмная бесформенная горка перьев оказалась дохлым вороном со свёрнутой головой, а чуть поодаль он обнаружил трупик крысы — её маленькая шейка была перерезана. Крыса и ворон, принесённые в жертву Бастарду, богу несвоевременных катастроф и бедствий: торнадо, землетрясений, ливней, наводнений, а также убийств…

«Хотел ублажить богов, а?»

Глупец, похоже, пытался практиковать смертельную магию и заплатил обычную для этого цену. Один?

Ни к чему не прикасаясь, Кэсерил поднялся на ноги и обошёл зловещую мельницу изнутри и снаружи. Ни узлов, ни плаща и никаких других вещей, сложенных где-нибудь в углу, он не нашёл. У противоположной от дороги стены, судя по следам и ещё влажному навозу, совсем недавно была привязана лошадь — или лошади.

Кэсерил вздохнул. Это, конечно, не его дело, но бросить покойника, не оказав ему прощальных почестей, было бы нехорошо. Только боги знают, сколько ему придётся здесь пролежать, пока тело не обнаружит кто-нибудь ещё. Это явно был достойный человек — сразу видно. Не бездомный бродяга, чьего исчезновения никто не заметит. Кэсерил поборол соблазн потихоньку спуститься на дорогу и продолжить путь, словно он никогда не находил никакого трупа. Вместо этого он направился по тропинке от задней стены мельницы туда, где наверняка должны были находиться ферма и люди. Не пройдя и нескольких минут, он увидел шедшего навстречу крестьянина с ослом в поводу, нагруженным дровами и хворостом. Крестьянин остановился и с подозрением уставился на Кэсерила.

— Леди Весны да благословит ваше утро, сэр, — вежливо поздоровался Кэсерил. Какой ему вред от того, что он назовёт крестьянина «сэром»? Во время своего ужасного рабства на галерах он вынужден был пресмыкаться перед неизмеримо более низкими людьми.

Фермер, рассмотрев бродягу, вяло взмахнул рукой в ответном приветствии и пробормотал, глотая буквы:

— Блааслови тя леди.

— Ты живёшь здесь неподалёку? — спросил Кэсерил.

— Ага, — ответил крестьянин. Он был средних лет, упитанный, в простой, но добротной одежде. И ступал по земле уверенно, как её хозяин, хотя, может, и не являлся им.

— А я вот… — Кэсерил указал на тропинку у себя за спиной, — сошёл с дороги, хотел укрыться и передохнуть немного в той мельнице, — он не стал вдаваться в детали и объяснять, почему это ему поутру вдруг понадобилось искать укрытие, — и нашёл мертвеца.

— Ага.

Кэсерил, насторожившись, подумал, что, возможно, поторопился расстаться с камнем.

— Ты знаешь о нём? — спросил он.

— Видал его лошадь, была там привязана утром.

— А-а… — Теперь он мог спокойно спуститься к дороге и продолжить путешествие без всякого ущерба для своей совести. — А ты не знаешь, кто этот бедняга?

Фермер пожал плечами и сплюнул.

— Не местный, вот и всё, что я знаю. Я как понял, что за чертовщина творилась тут прошлой

ночью, так сразу позвал нашу настоятельницу из храма. Она забрала его вещи — чтоб не пропали — и будет держать у себя, пока за ними не придут. Его лошадь у меня в конюшне. А здесь всё надо сжечь, вот как. Настоятельница сказала — нельзя, чтобы он долежал до заката. — Он указал на кучу хвороста и поленья на спине своего осла и, затянув покрепче связывавшую их верёвку, двинулся дальше по тропе. Кэсерил зашагал с ним рядом.

— Как ты думаешь, что он там делал? — спросил он чуть погодя.

— Ясное дело что, — хмыкнул крестьянин, — вот и получил по заслугам.

— Хм… а кому он это делал?

— Откуда мне знать? Пусть храм разбирается. Я просто не хочу, чтобы такое творилось на моей земле. Ходят тут… заклятия сеют. Выжгу их огнём, а заодно спалю и эту проклятую мельницу, так вот. Нехорошо оставлять её стоять, уж очень близко от дороги. Притягивает, — он зыркнул на Кэсерила, — всяких.

Кэсерил помолчал ещё немного, потом спросил:

— Ты хочешь сжечь его вместе с одеждой?

Фермер окинул Кэсерила взглядом с ног до головы, оценивая бедность его обносков.

— Я до него дотрагиваться не собираюсь. И лошадь бы не взял, да жаль было оставлять бедную тварь помирать с голоду.

Кэсерил неуверенно спросил:

— Ты не возражаешь, если я тогда заберу эти вещи?

— А чего ты у меня спрашиваешь? С ним вот и договаривайся. Ежели не боишься. Мне-то всё равно.

— Я… я помогу тебе с ним.

Фермер моргнул.

— Ну, это хорошо бы.

Кэсерил понял, что фермер донельзя обрадовался, что ему не придётся одному возиться с трупом. Правда, таскать большие и тяжёлые поленья у Кэсерила не было сил, но посоветовать, как уложить их в мельнице таким образом, чтобы огонь разгорелся сильнее и спалил остатки здания дотла, — это он мог.

Крестьянин с безопасного расстояния наблюдал, как бродяга раздевает труп, стягивая с закоченевших членов вещь за вещью. Тело раздулось ещё больше. Кэсерил стащил с покойника тончайшей работы исподнюю рубашку, и освобождённый живот вспучился до пугающе огромных размеров. Но заразным тело не было,

да и запах до сих пор отсутствовал. Даже странно. Кэсерил задумался, что будет, если не сжечь труп до заката, — он лопнет? И если лопнет — что выйдет из него… или войдёт? Он встряхнул головой, отгоняя странные мысли, и быстро сложил одежду. Грязи на ней почти не было. Туфли оказались слишком малы, их он оставил. Затем вместе с фермером они уложили тело среди дров.

Когда всё было готово, Кэсерил опустился на колени, закрыл глаза и прочитал погребальную молитву. Не зная, кто из богов забрал себе душу умершего, хотя и несложно было сделать соответствующие выводы, он обратился сразу ко всем пяти членам Святого Семейства:

— Милосердия Отца и Матери, милосердия Сестры и Брата, милосердия Бастарда, милосердия всех пяти — о Величайшие! — мы покорнейше просим милосердия. Какие бы грехи ни совершил покойный, он заплатил за них сполна. Милосердия, Величайшие!

«Не справедливости, пожалуйста, не справедливости. Мы все были бы глупцами, моля о справедливости. Милосердия!»

Закончив молитву, Кэсерил встал и огляделся. Подумав, поднял ворона и крысу и положил их маленькие трупики рядом с телом человека — у

его головы и ног.

Боги нынче явно улыбались Кэсерилу. Интересно, во что это выльется.

Столб густого жирного дыма поднимался над мельницей, когда Кэсерил вновь зашагал по дороге в сторону Валенды с одеждой мертвеца, связанной в тугой узел за спиной. Хотя она была значительно чище и опрятнее лохмотьев Кэсерила, он справедливо рассудил, что прежде чем натянуть её на себя, надо найти прачку и хорошенько отстирать своё приобретение. Он почти слышал, мысленно отсчитывая прачке за труды медные вайды, их грустное позвякивание, но что поделаешь!..

Прошлую ночь Кэсерил провёл в сарае, стуча зубами от холода. Его ужином стала половина вонючего заплесневелого хлеба, вторую половину он съел на завтрак. Примерно три сотни миль прошёл он от порта Загосур на побережье Ибры до самой середины Баосии, центральной провинции Шалиона. Преодолеть это расстояние так быстро, как рассчитывал, ему не удалось. Приют храма Милосердия Матери в Загосуре занимался помощью людям, извергнутым — во всех смыслах этого слова — морем. Сердобольные служители Приюта вручили Кэсерилу кошелёк, который

истощился раньше, чем путник достиг конечной цели. Окончательно он иссяк буквально на днях. Ещё денёк, подумал Кэсерил, даже меньше. Если только он будет в силах переставлять ноги ещё день, то сможет достичь убежища и укрыться в нём.

Когда он начинал своё путешествие, голова его была полна планов, как он во имя былых времён попросит вдовствующую провинкару о месте в её владениях. Но по дороге амбиции его значительно поубавились, особенно когда он пересёк горы и вступил на холодные высоты центрального плато. Может, управляющий замка или старший конюх дадут ему работу в конюшне или на кухне, и тогда вовсе не придётся беспокоить великую леди. Если удастся получить место помощника на кухне, то не нужно будет даже называть своё имя. Кэсерил сомневался, что хоть кто-нибудь ещё помнит его по тем чудесным временам, когда он служил пажом у покойного провинкара Баосии.

Мечты о тихом, спокойном местечке у кухонного очага, о жизни без имени, когда не надо будет подчиняться никому более грозному, чем кухарка, и выполнять поручения более жуткие, чем принести воды или дров, влекли Кэсерила вперёд, наперекор последним зимним ветрам.

Видения отдыха, равно как и мысль, что каждый шаг удаляет его от кошмаров моря, манили и заставляли идти почти без остановок. Долгими часами на пустых дорогах Кэсерил придумывал себе подходящие для будущего безвестного существования имена. Но теперь ему, похоже, не придётся шокировать обитателей замка нищенскими обносками.

Ведь Кэсерил выпросил у крестьянина одежду мертвеца и благодарен им обоим — и фермеру, и покойнику.

«Да. Да. Покорнейше благодарен. Покорнейше».

Город Валенда раскинулся на невысоком холме, как яркое покрывало в красную и золотую клетку: красными были его черепичные крыши, жёлтыми — каменные стены домов, и равно сверкали на солнце те и другие. Кэсерил даже зажмурился при виде этих сочных, таких родных красок своей родины. Дома в Ибре были белыми — и слишком яркими в жаркий северный полдень, сверкающими и слепящими. А этот жёлтый песчаник придавал домам, городу, да и всей стране замечательный, приятный глазу оттенок. На вершине холма, как настоящая золотая корона, высился замок провинкара; его отвесные стены

показались Кэсерилу колышущимися в воздухе.

Остановившись посреди дороги, затаив дыхание, он смотрел на замок некоторое время, затем двинулся дальше, невзирая на дрожь в измученных ногах, столь быстрым шагом, каким не мог идти и в начале своего путешествия.

Для торговли на рынках время было уже позднее, улицы, ведущие к главной площади, были почти безлюдны и тихи. У ворот замка он подошёл к пожилой женщине, у которой вряд ли нашлись бы силы напасть на него и ограбить, и спросил, где можно найти ростовщика, чтобы разменять деньги. Ростовщик в обмен на маленький реал отсыпал Кэсерилу вожделенный груз медных монет и рассказал, где найти прачку и общественную баню. По дороге Кэсерил задержался, лишь чтобы купить масляную лепёшку у встречного уличного торговца, и проглотил её на ходу.

У прачки он заплатил за услуги и выторговал напрокат пару льняных штанов, тунику и сандалии, в которых и поспешил вниз по улице к бане, оставив в красных умелых руках женщины свои облепленные грязью башмаки и одежду. В бане брадобрей аккуратно подстриг ему бороду и волосы, а Кэсерил в это время наслаждался

неподвижностью и покоем в самом настоящем — о блаженство! — кресле. Мальчик-слуга подал чай. Затем Кэсерил прошёл во внутренний дворик и ожесточённо намыливал и скрёб себя всего мочалкой и душистым мылом, а мальчик периодически окатывал его из бадьи тёплой водой. В радостном предвкушении Кэсерил поглядывал на огромную деревянную кадку с подбитым медью дном. Она была наполнена водой, внизу горел огонь. Такая ванна могла вместить шесть человек, но поскольку время было неурочное, вся она оказалась в распоряжении одного Кэсерила. Он мог валяться и отмокать в ней хоть весь день, пока прачка приводит в порядок его вещи. Мальчик забрался на табурет и поливал воду ему на голову. Кэсерил поворачивался под струёй и фыркал от удовольствия. Он открыл глаза и заметил, что слуга пялится на него, разинув рот.

— Ты… ты что, дезертир? — выдавил мальчик.

Ох… Он забыл про свою спину, про красные длинные рубцы на теле — следы последней порки надзирателей рокнарских галер. Здесь, в Шалионе, подобным зверским образом наказывали немногих преступников, и в число таковых входили армейские дезертиры.

— Нет, — твёрдо ответил Кэсерил, — я не де-

зертир.

Изгой — это верно. Возможно, жертва предательства. Но пост он не оставлял никогда, даже при самых страшных обстоятельствах.

Мальчик зажал рот ладонью, со стуком уронив на пол деревянную бадью, и выскочил наружу. Кэсерил вздохнул и залез в ванну.

Как только он погрузил своё ноющее тело в горячую воду до подбородка, во дворик влетел банщик и грозно зарычал:

— Вон! Убирайся отсюда, ты!.. Ну!

— В чём дело? — Кэсерил выбрался из ванны, испугавшись, что банщик выволочет его из воды за волосы.

Банщик швырнул ему его одежду и, мёртвой хваткой вцепившись в руку, яростно потащил через внутренние помещения прямо к выходу.

— Эй-эй! Подожди! Что ты делаешь? Я же не могу выйти на улицу нагишом!

Банщик резко развернулся и выпустил руку Кэсерила.

— Живо напяливай своё барахло и проваливай! У меня почтенное заведение! Не для таких отбросов, как ты! Убирайся в свой бордель, мойся со шлюхами! Или смывай грязь в реке!

Измученный Кэсерил, с которого текла на пол

вода, натянул тунику, влез в штаны и попытался, застёгивая их, одновременно впихнуть ноги в сандалии, когда банщик снова схватил его и вытолкнул на улицу. Кэсерил повернулся, и дверь ударила его по лицу. Тут его осенило — в Шалионе наказывали плетьми ещё за одно преступление: изнасилование девственницы или мальчика. Лицо его запылало.

— Но я… это совсем другое… меня продали в рабство пиратам Рокнара…

Его затрясло. Он хотел постучать в дверь и объяснить всё-таки этим людям, откуда у него рубцы.

«О-о моя бедная честь!»

Банщик — отец мальчика, догадался Кэсерил.

Он засмеялся. И заплакал одновременно. В голову пришла пугающая мысль: у него же нет никаких доказательств, и если он даже заставит выслушать себя, где гарантии, что ему поверят? Он вытер глаза мягким льняным рукавом. Ткань пахла чистотой и свежестью, словно только что из-под утюга. Это напомнило ему о том, что когда-то и он жил в доме, а не в канавах. Как будто тысячу лет назад.

Совершенно убитый, он поплёлся обратно к выкрашенной в зелёный цвет двери прачечной.

Колокольчик мягко звякнул, когда он боязливо вступил внутрь.

— У вас найдётся уголок, где я мог бы посидеть, мэм? — спросил он, когда пухленькая хозяйка выкатилась на звон колокольчика. — Я… закончил раньше, чем… — Голос у него сорвался.

Она с улыбкой пожала плечами.

— Почему же нет? Пойдёмте со мной. Ах, подождите. — Она нырнула под стойку и, выпрямившись, протянула ему маленькую — с ладонь Кэсерила — книжицу в хорошем кожаном переплёте. — Вам повезло, что я проверила карманы прежде, чем замочить одежду. Иначе она бы уже превратилась в кашу, уж можете мне поверить.

Кэсерил машинально взял книжку. Должно быть, та была спрятана во внутреннем кармане толстой шерстяной мантии покойника. В спешке сворачивая на мельнице одежду, он её не заметил. Книгу следовало отдать настоятельнице храма, где лежало и всё остальное, принадлежавшее мертвецу.

«Ну, сегодня-то я точно туда не пойду. Отдам, когда смогу».

Теперь же он просто сказал:

— Спасибо, мэм.

И последовал за хозяйкой во внутренний дво-

рик, очень похожий на тот, который он только что вынужден был так стремительно и позорно оставить. Во дворе находился глубокий колодец, а в центре тоже располагался огромный чан над огнём. Четыре молодые женщины тёрли бельё на стиральных досках и полоскали его в лоханях. Хозяйка указала ему на скамейку у стены, куда он и сел, недосягаемый для разлетавшихся под бойкими руками прачек водяных брызг. Некоторое время он тихо наблюдал за мирной размеренной работой. Было время, когда он не удостаивал взглядом краснощёких деревенских девушек, храня пламенные взоры для утончённых леди. Почему он раньше не понимал, как прекрасны прачки? Крепко сбитые, весёлые, они словно исполняли какой-то танец и казались добрыми, такими добрыми…

Наконец любопытство победило, и Кэсерил решил заглянуть в книгу. Может быть, там указано имя умершего владельца? Открыв её, он увидел испещрённые рукописными строчками страницы. Изредка попадались и рисованные диаграммы. Всё было зашифровано.

Кэсерил прищурился и, поднеся книгу поближе к глазам, от нечего делать занялся расшифровкой. Записи были сделаны в зеркальном отображе-

нии, с помощью замены букв — сложная система. Но случайно короткое слово, трижды встретившееся в тексте, дало ему ключ к разгадке. Владелец книги выбрал самый простой, детский шифр — просто сдвинул все буквы алфавита на одну позицию, не потрудившись даже переставлять их в слове и менять систему по ходу записей. Однако… это был не ибранский язык, на диалектах которого говорили в самой Ибре, Шалионе и Браджаре. А дартакан — на нём говорили в самых южных провинциях Ибры и в Великой Дартаке, за горами. Почерк был ужасный, правописание — того хуже, а знакомство с дартаканской грамматикой практически отсутствовало. Дело оказалось сложнее, чем представилось было Кэсерилу. Ему потребуются перо и бумага. И немного покоя, тишины и света, если он хочет разобраться, что тут к чему. Могло быть и хуже, если бы язык оказался плохим рокнари.

Фактически было ясно, что в книге велись записи о магических экспериментах. Вот и всё, что Кэсерил пока мог сказать. Достаточно, чтобы обвинить и повесить беднягу, если бы тот уже не помер. Наказание за практикование — нет, за попытки практикования! — смертельной магии было суровым. За успешное её использование

наказывать уже никого не приходилось, ибо, насколько Кэсерилу было известно, каждый, кто прибегал к помощи демонов смерти, оплачивал их услуги собственной гибелью, составляя компанию своей жертве. Если связь между колдующим и Бастардом вынуждала последнего послать одного из своих слуг в мир, тот возвращался либо с обеими душами, либо с пустыми руками.

Исходя из этого, где-то в Баосии прошлой ночью умер кто-то ещё… Естественно, смертельная магия не пользовалась в народе популярностью. Уж слишком двустороннее оружие. Убить — значит быть убитым. Нож, меч, яд, удавка — да всё что угодно — более удобные и эффективные орудия, если убийца, конечно, желает пережить свою жертву. Но от отчаяния или вследствие заблуждений люди всё же иногда прибегали и к этому способу. Да, книгу нужно обязательно отправить сельской настоятельнице, чтобы она передала её повыше, по назначению — случай подлежит расследованию. Брови Кэсерила сошлись на переносице, и он, выпрямившись, захлопнул книгу.

Тёплый пар, размеренный плеск воды, голоса прачек, а также крайняя усталость соблазнили Кэсерила прилечь на бок, свернувшись на скамейке и подложив под щёку таинственные

записи, временно оказавшиеся в его распоряжении. Он только прикроет глаза на минутку…

Проснувшись, он потянулся, услышал, как хрустнули шейные позвонки. Пальцы сжимали что-то шерстяное… кто-то из прачек набросил на него одеяло. В ответ на эту трогательную заботу у Кэсерила вырвался невольный благодарный вздох. Поднявшись, он обнаружил, что двор почти весь уже укрыт тенью. Ему удалось проспать большую часть дня. А разбудил его стук его вычищенных до блеска ботинок о каменный пол дворика. Хозяйка прачечной сложила стопку свежевыглаженной одежды — и новой, и его прежних обносков — на соседнюю скамейку.

Вспомнив реакцию мальчика, Кэсерил смущённо спросил:

— Не найдётся ли у вас комнаты, где я мог бы переодеться, мэм?

«Без посторонних взоров».

Она добродушно кивнула, провела его в скромную спальню в задней части дома и оставила одного. Через небольшое окошко туда проникал свет клонившегося к закату солнца. Кэсерил разобрал ещё слегка влажные вещи и с отвращением взглянул на то, в чём ходил последние недели. Окончательный выбор ему помогло сделать

овальное зеркало в углу, самое богатое украшение комнаты.

Вознеся ещё одну благодарственную молитву душе покойного, чьё неожиданное наследство пришлось так кстати, он надел чистые хлопковые штаны, тонкую рубашку, коричневую шерстяную мантию — ещё тёплую после утюга — и, наконец, чёрный, сверкающий у лодыжек серебром плащ. Для худого, изможднного тела Кэсерила одежда оказалась даже великовата. Он сел на кровать и натянул ботинки — стоптанные, со стёртыми подошвами, они явно нуждались не только в толстом слое ваксы. Он не видел своего отражения в зеркале большем и лучшем, чем кусок отполированной стали уже… три года? А тут — настоящее стекло, наклоняющееся так, что можно увидеть поочерёдно верхнюю и нижнюю половину тела. Кэсерил оглядел себя с ног до головы.

Из зеркала на него смотрел незнакомец. «Пятеро богов! Когда пробилась седина в бороде?» Он коснулся подбородка дрожащими пальцами. Хорошо хоть, свежеподстриженные волосы ещё не начали пятиться ото лба к затылку. Вот и ладно. Если бы Кэсерилу пришлось гадать, к какому сословию относится этот человек в зеркале — торговец он, лорд или учёный, — он

бы сказал, что учёный. Преданный своей науке, слегка не от мира сего. Чтобы указывать на более высокую социальную ступень, одежда требовала дополнений в виде золотых или серебряных цепей, пряжек, красивого, украшенного драгоценностями пояса и толстых, переливающихся самоцветами колец. Но она и так была ему к лицу. В любом случае бродяга исчез. В любом случае… такой человек не станет просить места на кухне замка.

На последние вайды он собирался переночевать на постоялом дворе и отправиться в замок провинкара утром. Но вдруг банщик пустил слух, который уже разнёсся по городу? Тогда ему откажут в любом почтенном и безопасном пристанище…

«Нет, надо идти сейчас».

Он должен отправиться в замок немедленно.

«Я не переживу ещё одну ночь в неведении».

До того, как падёт тьма.

«До того, как падёт тьма отчаяния на моё сердце».

Он спрятал записную книжку во внутреннем кармане, где она, по-видимому, и находилась раньше. Оставив стопку старой одежды на кровати, повернулся и вышел из комнаты.

Глава 2

Уже сделав последний шаг к главным воротам замка, Кэсерил пожалел, что не имел возможности обзавестись мечом. Появление безоружного визитёра не вызвало тревоги у двух стражников в зелёной с черным форме гвардейцев провинкара Баосии. Однако и значительности в их глазах отсутствие оружия ему не прибавило. Кэсерил приветствовал одного из них — с сержантской бляхой на шляпе — сдержанным кивком. Подобострастие, мысленно представляемое им ранее, было бы уместным, если бы он входил через задние ворота, а не главные. Сейчас же благодаря стараниям прачек он мог даже назваться своим настоящим именем.

— Добрый вечер, сержант. Я здесь для встречи с управляющим замком, сьером ди Ферреем. Меня зовут Люп ди Кэсерил, — сказал он, предоставив сержанту догадываться, вызывали его в замок или он явился без приглашения.

— По какому делу, сэр? — вежливо, но непреклонно поинтересовался сержант.

Плечи Кэсерила выпрямились; он и сам не понял, из какого уголка подсознания выплыл ответ,

отчеканенный его собственным голосом:

— По его делу, сержант.

Тот автоматически отдал честь.

— Да, сэр!

Кивком велев своему напарнику сохранять бдительность, он жестом пригласил Кэсерила следовать за ним через открытые ворота.

— Сюда, пожалуйста, сэр. Я спрошу, примет ли вас управляющий.

Сердце Кэсерила сжалось, когда он окинул взглядом широкий, мощённый булыжником двор за воротами. Сколько подошв он стёр на этих камнях, выполняя различные поручения для владельца замка? Старшина пажей всё жаловался, что разорится на покупке сапог, пока провинкара, смеясь, не спросила, неужели тот предпочёл бы ленивого пажа, протирающего штаны вместо обуви? Если так, то она найдёт парочку специально, чтобы доставить ему удовольствие…

Вдовствующая провинкара всё так же управляла своими владениями — бдительно, твёрдой рукой. Форма стражников была в отличном состоянии, двор чисто выметен, а аккуратно высаженные растения покрыты яркими пышными цветами — послушно распустившимися как раз накануне завтрашнего праздника Дня Дочери.

Стражник указал Кэсерилу на скамейку у стены, нагретую благословенным дневным солнцем и ещё хранившую тепло, а сам направился к служебным помещениям, чтобы послать за управляющим кого-нибудь из слуг. Он не прошёл и полпути, когда его товарищ у ворот возвестил:

— Принцесса возвращается!

— Принцесса возвращается! Шевелитесь! — крикнул сержант слугам и зашагал быстрее.

Конюхи и слуги высыпали из многочисленных дверей, выходивших во двор. За воротами раздались топот копыт и подбадривающие выкрики. Первыми под арку с совершенно неподобающим леди триумфальным гиканьем влетели две девушки на взмыленных и заляпанных грязью лошадях.

— Тейдес, мы тебя обскакали! — закричала одна из них, оглянувшись через плечо. На ней был синий бархатный жакет для верховой езды и в тон ему шерстяная юбка в складку.

Чуть растрёпанные вьющиеся волосы, выбившиеся из-под шляпки с лентами, были светлыми, но без рыжины — в лучах заходящего солнца они сияли глубоким янтарным цветом. У неё был улыбающийся щедрый рот, белая кожа и любопытные свинцово-серые глаза, искрившиеся в

данный момент смехом.

Её более высокая спутница, запыхавшаяся брюнетка в красном, обнажила в улыбке блестящие белые зубы и согнулась в седле, пытаясь отдышаться.

Следом за ними в ворота влетел, погоняя блестевшего от пота вороного скакуна с развевающимся шёлковым хвостом, совсем юный кавалер в коротком алом жакете. По бокам от него скакали два конюха с мрачными лицами, а позади — нахмуренный господин. У мальчика были такие же кудрявые волосы, как у первой всадницы («Брат и сестра? — подумал Кэсерил. — Скорее всего…»), только чуть порыжее, и широкий рот с более пухлыми губами.

— Гонка закончилась у подножия холма. Ты сжульничала, Исель! — выпалил он.

Она скорчила рожицу, словно говоря своему царственному брату: «Ой-ой-ой». И, прежде чем слуга успел подставить скамеечку, выскользнула из седла, ловко приземлившись на ноги.

Её темноволосая подруга также спешилась, предвосхитив помощь конюха, и передала ему вожжи со словами:

— Выгуляйте хорошенько этих бедных животных, Дени, чтобы они как следует остыли. Мы их

совсем замучили.

И, словно извиняясь за это, чмокнула свою лошадь в белый нос и достала из кармана угощение.

Последней, примерно с двухминутным отставанием, в ворота въехала краснолицая пожилая женщина.

— Исель, Бетрис, помедленнее! Не торопитесь! О-ох, Мать и Дочь, девочки, вы не должны скакать галопом через всю Валенду как умалишённые!

— Мы уже и не торопимся. На самом деле мы вообще уже остановились, — логично возразила брюнетка. — Мы не можем опередить ваш язык, дорогая, как бы ни старались. Он слишком скор даже для самой быстрой лошади Баосии.

Пожилая женщина обречённо вздохнула и подождала, пока конюх подставит ей скамеечку.

— Ваша бабушка купила вам чудесного белого мула, принцесса. Почему вы не ездите на нём? Это куда удобнее.

— И куда как ме-е-едленнее, — смеясь, поддразнила девушка. — Кроме того, бедняжку Снежка вымыли и вычесали для завтрашней процессии. У конюхов сердце бы разорвалось, прокатись я на нём по грязи. Они хотят всю ночь продержать его завёрнутым в простыни.

Вздохнув, пожилая женщина позволила груму помочь ей спуститься. Оказавшись на земле, расправила юбку и потёрла ноющую спину.

Мальчик удалился в окружении толпы суетливых слуг, а девушки, не обращая внимания на недовольное бормотание сопровождавшей их женщины, наперегонки побежали к двери. Она последовала за ними, сокрушённо покачивая головой.

Добежав до двери, девушки чуть не столкнулись с появившимся на пороге полным мужчиной средних лет в строгой чёрной одежде, который без всякого укора, но достаточно твёрдым голосом произнёс:

— Бетрис, если ты ещё хоть раз погонишь своего жеребца галопом на холм, как сегодня, я его у тебя отберу. Тогда ты сможешь тратить свою чрезмерную энергию, догоняя принцессу бегом.

Она быстро присела в книксене и невнятно пробормотала что-то вроде:

— Да, папа.

Янтарноволосая девушка тотчас пришла на выручку подруге:

— Пожалуйста, не сердитесь на Бетрис, сьер ди Феррей. Это я виновата. Когда я поскакала вперёд, у неё не оставалось выбора, и она последовала

за мной.

Бровь сьера ди Феррея приподнялась, и он с лёгким кивком ответил:

— Тогда, принцесса, вам следует подумать о том, какая слава будет у командира, который втягивает своих подчинённых в сомнительные предприятия, зная, что сам избежит наказания.

Девушка прикусила губу и, бросив на управляющего взгляд из-под ресниц, тоже сделала книксен. Затем подруги проскользнули внутрь. Их старшая спутница, благодарно кивнув, двинулась следом за ними.

Кэсерил узнал управляющего ещё прежде, чем того назвали по имени, по связке ключей на отделанном серебром поясе. Управляющий приблизился к Кэсерилу, тот встал и поклонился.

— Сьер ди Феррей? Меня зовут Люп ди Кэсерил. Я прошу аудиенции у вдовствующей провинкары, если… если она удостоит меня своим вниманием. — Голос у него при виде нахмурившихся бровей управляющего сорвался.

— Я вас не знаю, сэр, — ответил тот.

— Милостью богов, провинкара может помнить меня. Я когда-то служил здесь пажом, — он обвёл рукой двор, — в этом замке. Когда прежний провинкар был ещё жив.

У Кэсерила было такое чувство, что куда бы он ни пришёл, всюду окажется чужаком.

Глубокая морщина между седыми бровями немного разгладилась.

— Я узнаю, примет ли вас провинкара.

— Это всё, о чём я прошу.

Всё, о чём он осмеливался просить. И когда управляющий скрылся в дверях, Кэсерил снова сел на скамейку, нервно сплетя пальцы. Через несколько мучительных минут неизвестности, в течение которых проходящие мимо слуги искоса с любопытством поглядывали на него, он увидел, что управляющий возвращается. Ди Феррей смущённо взглянул на Кэсерила и сказал:

— Её милость провинкара примет вас. Следуйте за мной.

Тело закоченело от сидения на холоде, и Кэсерил, проходя за управляющим внутрь, споткнулся. Ему не нужен был проводник. В его памяти всплыл план помещений, каждый поворот. Через этот холл, по выложенному жёлтой и синей плиткой полу, вверх по этой, а потом по той лестницам, через внутренний коридорчик с белыми стенами — и вот она, комната у западной стены, где провинкара любила сидеть по вечерам, поскольку в это время суток здесь было

светлее всего для вышивки или чтения. Кэсерил вынужден был наклонить голову, так как дверь оказалась слишком низкой, — раньше ему не нужно было этого делать. Наверное, единственное изменение.

«Но не дверь же стала меньше!»

— Вот этот человек, ваша милость, — нейтрально представил Кэсерила управляющий, предпочтя не упоминать названного ему имени.

Вдовствующая провинкара сидела, обложившись подушками, в широком деревянном кресле. На ней было строгое тёмно-зелёное платье, соответствующее и её высокому статусу, и положению одновременно, однако вдовьим чепцом она пренебрегла. Волосы были красиво стянуты в два узла и связаны зелёными лентами, скреплёнными зажимами с бриллиантами. Рядом сидела компаньонка — тоже вдова, судя по одежде, — примерно одних лет с провинкарой. Компаньонка отложила своё шитьё и, взглянув на Кэсерила, недоверчиво нахмурилась.

Молясь, чтобы не споткнуться на непослушных ногах, Кэсерил опустился на одно колено и склонил голову в знак уважения. От одежд провинкары веяло ароматом лаванды. Он посмотрел на неё снизу вверх, в надежде отыскать на её

лице признаки узнавания. Если она его не узнает, он действительно станет никем.

Она откинулась назад и в изумлении прижала ладонь ко рту.

— Пятеро богов, — прошептала леди. — Это и вправду вы. Милорд ди Кэсерил. Добро пожаловать в мой дом, — и протянула руку для поцелуя.

Кэсерил проглотил комок в горле и, задохнувшись от волнения, наклонился к её руке. Когда-то рука эта была изящной и белой, с восхитительными перламутровыми ногтями. Сейчас же тонкую пергаментную кожу покрывали старческие коричневые пятна, суставы разбухли, только ногти были по-прежнему ухожены, как в давние времена. Провинкара не вздрогнула и вообще не подала виду, что заметила, как выкатившиеся из глаз Кэсерила две горячие слезинки капнули на тыльную сторону её ладони. Только уголки губ слегка приподнялись в печальной улыбке. Рука выскользнула из его пальцев и коснулась седой прядки в его коротко остриженной бороде.

— Боже мой, Кэсерил, неужели я так постарела?

Он сморгнул слёзы и поднял на неё взгляд. Нет, он не станет плакать, как неразумное дитя…

— Прошло много лет, ваша милость.

— Тс-с… — Она легонько хлопнула его рукой по щеке. — Вы должны были сказать, что я ничуточки не изменилась. Разве я не научила вас, как нужно лгать женщине из вежливости? Столь важную вещь я упустить просто не могла.

Она кивнула в сторону своей компаньонки.

— Позвольте представить вам мою кузину, леди ди Хьюлтер. Тесса, познакомься с милордом кастилларом ди Кэсерилом.

Краешком глаза Кэсерил заметил, что управляющий облегчённо вздохнул, расслабившись, скрестил на груди руки и опёрся спиной о косяк. Всё ещё стоя на колене, Кэсерил вежливо поклонился леди ди Хьюлтер.

— Вы — сама любезность, ваша милость, но я больше не владею Кэсерилом — ни замком, ни землями, принадлежавшими моему отцу, так что я не ношу титул кастиллара.

— Не глупите, кастиллар. — Её мягкий голос стал твёрже. — Мой дорогой провинкар лежит в земле уже десять лет, но пусть демоны Бастарда сожрут любого, кто осмелится именовать меня титулом меньшим, чем провинкара. Мой дорогой мальчик, не позволяйте никому видеть вас проигравшим и сдавшимся.

Кэсерил посчитал неосторожным высказать

вслух, что титул этот теперь по праву принадлежит невестке провинкары. Нынешний провинкар, её сын, и его жена наверняка сочтут эти слова несправедливыми.

— Для меня вы всегда будете великой леди, ваша милость, перед которой все мы преклоняемся, — ответил Кэсерил.

— Лучше, — удовлетворённо отметила она, — значительно лучше. Что мне нравится — так это мужчины, которые умеют шевелить мозгами. — Она повернулась к управляющему. — Ди Феррей, принесите кастиллару стул. И ещё один для себя… а то маячите там, как чёрный ворон. Меня это нервирует.

Управляющий, привыкший, видимо, к подобному обращению, улыбнулся и пробормотал:

— Конечно, ваша милость.

Он пододвинул Кэсерилу резное кресло, буркнув что-то вроде: «Не угодно ли милорду присесть?», и, принеся из соседней комнаты стул для себя, устроился чуть поодаль от своей госпожи и её гостя.

Кэсерил поднялся с колена и, усевшись в кресле, вновь утонул в благословенном комфорте. Он осторожно начал:

— Это не принца ли и принцессу, возвращав-

шихся с прогулки, я увидел по прибытии в замок, ваша милость? Я не побеспокоил бы вас своим вторжением, если бы знал, что они у вас гостят, — просто не осмелился бы.

— Они не в гостях, кастиллар. Они теперь живут со мной. Валенда — маленький спокойный городок, а… моя дочь не вполне здорова. Ей здесь значительно лучше, чем в окружении шумного двора. — В её взгляде он заметил усталость.

Пятеро богов, так леди Иста здесь? Вдовствующая рейна Иста — быстро поправил себя Кэсерил. Когда он только поступил на службу к провинкару Баосии, нескладный, как и всякий юнец в его летах, младшая дочь провинкара была уже вполне сложившейся женщиной несколькими годами старше его. К счастью, даже в том неразумном возрасте он был не настолько глуп, чтобы поведать кому-нибудь о своей безнадёжной в неё влюблённости. Её вскоре сыгранная свадьба с самим реем Иасом — для неё первый брак, для него второй — казалась достойной долей при её красоте, несмотря на значительную разницу в возрасте супругов. Кэсерил предполагал, что Иста довольно скоро овдовеет — однако не ожидал, что настолько скоро.

Нетерпеливо щёлкнув пальцами, провинкара

как будто стряхнула с себя усталость и спросила:

— Ну а вы? Последнее, что я слышала о вас, — это что вы служили адъютантом у провинкара Гуариды.

— Это было… несколько лет назад, ваша милость.

— А что привело вас к нам? — Она оглядела его и нахмурила брови. — И где ваш меч?

— А, это… — Его рука машинально коснулась левого бока, где не было ни пояса, ни меча. — Я лишился его… Когда марч ди Джиронал повёл войска рея Орико на север во время зимней кампании… три?.. да, три года назад… он назначил меня комендантом крепости Готоргет. Потом те злоключения с ди Джироналом… войска Рокнара взяли крепость в осаду. Мы держались девять месяцев. Впрочем, вы знаете. Клянусь, в Готоргете не осталось ни одной живой крысы — к тому моменту, когда мы получили известие о том, что ди Джиронал подписал договор и нам было приказано сложить оружие и сдать крепость нашим врагам, мы съели всех. — Кэсерил выдавил улыбку. Левой рукой судорожно сжал край плаща. — Единственным утешением могло служить лишь то, что наша крепость обошлась рокнарскому принцу в триста тысяч золотых реалов

дополнительных расходов, согласно договору, плюс значительно большая сумма, потраченная при девятимесячной осаде. — «Слабое утешение для потерянных нами душ». — Рокнарский генерал потребовал меч моего отца — как он сказал, чтобы меч напоминал ему обо мне. Тогда я видел свой клинок в последний раз. Потом… — Голос Кэсерила, окрепший было за время рассказа, вновь сорвался. Он прокашлялся и продолжил: — Произошла какая-то ошибка, путаница. Когда доставили деньги — выкуп за пленных — и список подлежащих освобождению, моего имени в нём не оказалось. Рокнарский интендант клялся, что ошибки быть не может, поскольку количество освобождаемых строго соответствовало присланной сумме, но… ошибка всё же где-то была. Все мои офицеры оказались на свободе… меня же вместе с остальными пленными отправили в Виспинг, на продажу в рабство корсарам, на галеры.

У провинкары перехватило дыхание. Управляющий, который во время рассказа всё больше наклонялся вперёд, в сторону Кэсерила, выпалил:

— Но вы, конечно же, протестовали!

— О пятеро богов! Конечно. Я протестовал всю

дорогу до Виспинга, протестовал, когда меня тащили по сходням на корабль и когда приковывали к веслу. Я протестовал, пока мы не вышли в море, а потом… я научился не протестовать. — Он снова улыбнулся. Улыбка была скорее гримасой, клоунской маской, скрывающей боль. По счастью, никто не увидел в его слабости недостойного поведения. — Я плавал то на одном корабле, то на другом в течение… долгого времени. — Как он высчитал позже, восемнадцать месяцев и восемь дней. В то время дни сливались для него в одно непрерывное мучение. — А потом мне несказанно повезло: мой корсар зашёл в воды Ибры, а волонтёры на ибранских судах гребли значительно быстрее, чем мы, так что нас вскоре догнали.

Двоих гребцов свирепые рокнары обезглавили за то, что те случайно — или намеренно? — выпустили из рук вёсла. Один из них сидел рядом с Кэсерилом — был его соседом по веслу в течение долгих месяцев, — и кровь его брызнула в лицо Кэсерилу. Не следовало вспоминать об этом — Кэсерил вновь ощутил на губах её вкус. После того как корабль был захвачен, ибранцы тащили за ним по воде привязанных полуживых рокнаров, пока тех не пожрали огромные морские рыбы.

Многие освобождённые рабы добровольно вызвались помогать грести. Кэсерил не мог. Недавняя порка — почти свежевание — и несколько часов за бортом в солёной воде сделали его совершенно беспомощным. Поэтому он просто сидел на палубе, содрогаясь от боли, и всхлипывал.

— Добрые ибранцы высадили меня на берег в Загосуре, где я пролежал больным несколько месяцев — знаете, как это бывает, когда внезапно исчезает напряжение, в котором человек прожил долгое время. — Он улыбнулся извиняющейся улыбкой. Его колотила лихорадка, пока не поджила спина. Потом началась дизентерия, потом — малярия. И в течение всего этого времени из глаз его почти безостановочно катились слёзы. Он плакал, когда служитель храма приносил ему обед. Когда солнце вставало. Когда оно садилось. Когда под ногами прошмыгивала кошка. В любое время, без всякого повода.

— Меня принял Приют храма Милосердия Матери. Когда я почувствовал себя лучше — когда он перестал плакать и служители решили, что он не сумасшедший, просто душа его не выдержала жестоких испытаний, — мне дали немного денег, и я отправился сюда. Я был в пути три недели.

В комнате стояла мёртвая тишина.

Он поднял голову и увидел гневно сжатые губы провинкары. И пустой желудок его свело от ужаса.

— Я просто придумать не мог, куда мне ещё пойти! — тут же стал оправдываться он. — Я сожалею. Мне очень жаль.

Управляющий, как будто даже не дышавший всё это время, шумно выдохнул и сел прямо, не отводя взгляда от Кэсерила. Глаза компаньонки провинкары были расширены.

Дрожащим от гнева голосом провинкара произнесла:

— Вы — кастиллар ди Кэсерил. Они обязаны были дать вам лошадь. Они обязаны были дать вам эскорт.

Кэсерил, испытав невероятное облегчение, разжал стиснутые кулаки.

— Нет-нет, миледи! Этого было… достаточно. — Он понял, что её гнев направлен не на него. Ох… В горле встал комок, глаза затуманились…

«Нет. Не надо. Только не здесь…»

Он торопливо продолжил:

— Я готов служить вам, миледи, если вы найдёте для меня какое-нибудь дело. Я знаю, что… пока ещё могу немногое.

Провинкара, подперев рукой подбородок, за-

думчиво смотрела на него. Через минуту она сказала:

— Будучи пажом, вы замечательно играли на лютне.

— О-о… — Кэсерил непроизвольно попытался спрятать руки, но тут же, виновато улыбнувшись, вновь положил их на колени. — Думаю, что теперь уже не смогу, миледи.

Она наклонилась вперёд, и взгляд её остановился на мгновение на его левой руке.

— Да, пожалуй. — Закусив губу, она снова откинулась в кресло. — Помню, вы прочли все книги в библиотеке моего покойного мужа. Старшина пажей неоднократно жаловался на вас по этому поводу, пока я не велела оставить вас в покое. Как я помню, вас привлекала поэзия и сами вы были не чужды вдохновения.

Кэсерил, однако, сомневался, что сможет теперь удержать перо в правой руке.

— Уверен, что когда я отправился на войну, Шалион счастливо избавился от плохих стихов.

Она пожала плечами.

— Ну, Кэсерил, я, право, уже боюсь предлагать вам какое-либо занятие. Я не уверена, что в бедной Валенде найдётся достойное вас место. Вы были придворным, курьером, командиром, ко-

мендантом…

— Я перестал быть придворным с тех давних пор, когда был ещё жив рей Иас, миледи. В бытность мою командиром… я участвовал в проигранной нами битве при Далусе, а потом чуть ли не год гнил в тюрьме Браджара. В бытность комендантом… мы проиграли осаду. Как курьера, меня дважды чуть не повесили, посчитав шпионом. — Он вздохнул. («И три раза подвергали пыткам, пытаясь заставить заговорить».) — Теперь же… что ж, теперь я умею грести. И знаю пять способов приготовления блюд из крыс.

«И прямо сейчас съел бы какое-нибудь из них».

Кэсерил не знал, что прочла провинкара по его лицу, пока её острые мудрые глаза изучали его. Может, страшную усталость, но он надеялся, что голод. Он убедился, что она увидела именно голод, когда леди улыбнулась и сказала:

— Тогда поужинайте с нами, кастиллар, хотя, боюсь, мой повар не сможет предложить вам крыс. Их не слишком хорошо готовят в мирной Валенде, да и не сезон. Я подумаю о вашей просьбе.

В знак благодарности он только кивнул, боясь, что голос вновь подведёт его.

Зимой в замке обедали днём, стол обычно на-

крывали в большом зале. Ужин был не столь обилен, и по велению экономной провинкары к столу подавались мясные блюда, оставшиеся от обеда. Однако, к её чести, следует заметить, что были они замечательно вкусны и предлагались с большим количеством превосходного вина. Жарким летом порядок менялся: на обед готовили что-нибудь лёгкое, а основной приём пищи происходил после заката, когда баосийцы всех сословий собирались во дворах своих домов поужинать при свечах.

За стол в уютной комнатке нового флигеля рядом с кухнями сели всего восемь человек. Провинкара заняла место в центре, посадив Кэсерила на почётное место по правую руку. Он смутился, обнаружив, что сидит по соседству с принцессой Исель, а принц Тейдес расположился через стол от неё. Но напряжение его спало, когда, улучив момент, принц прицелился в свою старшую сестру хлебным катышем. Военные действия, впрочем, были немедленно пресечены строгим взглядом бабушки. В глазах принцессы вспыхнул мстительный блеск, но, как заметил Кэсерил, её подруга Бетрис, сидевшая по другую сторону стола, вовремя её отвлекла.

Затем леди Бетрис с дружелюбным любопыт-

ством улыбнулась Кэсерилу через стол, явив милые ямочки на щеках, и уже собралась было заговорить, но тут принесли чашу с водой для омовения рук. Тёплая вода пахла вербеной. Руки Кэсерила дрожали, когда он опускал их в чашу и вытирал потом льняным полотенцем. Но он справился с этой слабостью, как только убрал руки со стола. Место прямо напротив него за столом пока пустовало.

Кэсерил кивнул на него и неуверенно спросил у провинкары:

— Вдовствующая рейна присоединится к нам, ваша милость?

Она скорбно поджала губы.

— К сожалению, Иста не вполне здорова сегодня. Она… чаще всего ест у себя в комнате.

Кэсерил почувствовал неловкость и решил попозже спросить у кого-нибудь, что же такое с рейной, что так беспокоит её мать. Видимо, это было нечто давнее, о чём уже не говорилось вслух, либо слишком болезненное для обсуждений. Давнее вдовство избавляло Исту от недомоганий и опасностей, столь частых у молодых женщин и связанных с беременностью и родами, но ведь бывают и другие болезни…

Иста была второй женой Иаса. Она вышла

замуж за мужчину средних лет, уже имевшего взрослого сына и наследника Орико. Некоторое время, много лет назад, Кэсерил служил при дворе Шалиона, но Исту тогда мог видеть только издалека. В начале своего замужества она казалась счастливой и любимой — свет очей своего мужа. Иас до безумия обожал дочь Исель, делавшую первые шаги, и ещё грудного Тейдеса.

Их счастье было омрачено предательством лорда ди Льютеса, которое, по мнению большинства, и явилось основной причиной преждевременной кончины глубоко опечаленного этим обстоятельством немолодого уже рея. Кэсерил не мог не заинтересоваться, болезнь ли в действительности подвигла Исту покинуть двор её пасынка или некие политические мотивы. Хотя, согласно сведениям из разных источников, рей Орико оказывал уважение своей приёмной матери и был добр к сводным сестре и брату.

Кэсерил откашлялся, пытаясь заглушить бурчание пустого живота, и обратил внимание на господина — судя по всему, старшего воспитателя принца, — сидевшего за дальним концом стола рядом с леди Бетрис. Провинкара царственным кивком головы выразила своё желание, чтобы он прочитал молитву Святому Семейству на благо-

словение еды. Кэсерил надеялся, что процесс этот будет быстрым и они незамедлительно приступят к трапезе. Загадка пустого стула разрешилась с появлением опоздавшего управляющего сьера ди Феррея, который, коротко извинившись перед всеми за задержку, устроился на своём месте.

— Я задержался с настоятелем храма ордена Бастарда, — пояснил он, когда на стол поставили хлеб, мясо и сушёные фрукты.

Кэсерил, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не накинуться на еду как изголодавшийся пёс, издал вежливое, заинтересованное «М-м-м?» и взял первый кусок.

— Весьма настойчивый и многоречивый молодой человек, — продолжил ди Феррей.

— Что ему нужно теперь? — спросила провинкара. — Ещё пожертвований для приюта подкидышей? Мы им отправили посылку на прошлой неделе. У слуг в замке больше не осталось ненужной одежды.

— Им нужны кормилицы, — ответил ди Феррей, прожёвывая мясо.

Провинкара фыркнула:

— Не из моего же замка!

— Нет, но он хотел, чтобы я оповестил наших слуг, что храму требуются кормилицы. Он наде-

ется, вдруг у кого-нибудь найдётся родственница, согласная на такую благотворительность. Им на прошлой неделе подкинули ещё одного малыша, и настоятель полагает, что это не последний случай. Особенно теперь, в это время года.

Орден Бастарда соответственно своей теологии причислял нежеланных детей, то бишь бастардов, а также детей, рано оставшихся сиротами, к прочим несвоевременным бедствиям, за которые отвечал их бог. Приют для подкидышей и сирот храма Бастарда был главной заботой ордена. Кэсерилу вообще-то всегда казалось, что бог, управляющийся с полчищами демонов, должен уметь без труда выколачивать денежные пожертвования на добрые дела.

Из осторожности он разбавил вино водой — на пустой желудок оно могло сразу ударить в голову. Провинкара ободряюще кивнула ему, но тут же, торжественно осушив полбокала неразбавленного виноградного напитка, начала спорить на этот счёт со своей кузиной.

Сьер ди Феррей продолжал:

— Настоятель, однако, рассказал интересную историю. Догадайтесь, кто умер прошлой ночью?

— Кто, папа? — пришла на выручку его дочь.

— Сьер ди Наоза, известный дуэлянт.

Кэсерилу имя ничего не сказало, но провинкара хмыкнула.

— Вот и славно. Мерзкий человек. Я его у себя не принимала и считаю глупцами тех, кто это делал. Неужели его наконец кто-то одолел?

— Вот тут-то и начинается самое интересное. Он был убит при помощи смертельной магии. — И, пока поражённый шёпот облетал стол, ди Феррей неторопливо отпил вина. Кэсерил же застыл с полупрожёванным куском мяса во рту.

— Храм собирается расследовать эту тайну? — поинтересовалась принцесса Исель.

— Мне кажется, никакой тайны здесь нет, это скорее трагедия. Примерно год назад ди Наозу на улице случайно толкнул единственный сын провинциального торговца шерстью. Кончилось это, как обычно, дуэлью, которая, по свидетельству очевидцев, была попросту кровавым убийством. Тем не менее очевидцев и след простыл, когда безутешный отец погибшего юноши решил подать на ди Наозу в суд. Ходили также слухи о продажности суда, но, опять же, только слухи.

Провинкара хмыкнула. Кэсерил кое-как проглотил свой кусок и проговорил:

— Продолжайте, пожалуйста.

Приободрившись, управляющий продолжил:

— Торговец был вдовцом, и юноша был не только единственным его сыном, но вообще единственным ребёнком. Кроме того, молодой человек только собрался жениться. Смертельная магия — грязное дело, но я не могу не посочувствовать бедному торговцу. Хотя, может, и богатому… Однако он в любом случае был слишком стар, чтобы обучаться фехтованию с целью превзойти ди Наозу в этом искусстве. Вот он и обратился к тому, что считал единственным верным путём для достижения цели. Весь последующий год он изучал тёмные искусства — где он черпал сведения на эту тему, остаётся загадкой для храма. Он забросил своё дело и полностью посвятил себя магии. А вчера ночью забрался в развалины заброшенной мельницы в семи милях от Валенды, где попытался вызвать демона. И, клянусь Бастардом, ему это удалось! Его тело было обнаружено там сегодня утром.

Богом всех естественных и своевременных смертей и стихийных бедствий в соответствующее им время года, а также богом правосудия был Отец Зимы; в дар Бастарду вместе с внесезонными природными катастрофами и несвоевременными смертями он передал покровительство над палачами. Ну и конечно же, покровительство

над целым рядом прочих грязных дел в придачу. «Похоже, торговец обратился за помощью куда следовало». Кэсерилу вдруг показалось, что записная книжка у него в кармане стала весить чуть ли не десять фунтов. И что она сейчас вспыхнет огнём прямо под одеждой.

— Мне он совсем не нравится, — заявил принц Тейдес. — Он поступил как трус!

— Да, но чего же ещё ожидать от торговца? — заметил его наставник со своего конца стола. — Люди этого сословия не приучены с детства блюсти кодекс чести, как благородные господа.

— О, но это так грустно, — возразила Исель. — Я имею в виду сына, который собирался жениться.

Тейдес презрительно фыркнул.

— Женщины! Вы только и думаете, что о свадьбах. Но что является большей потерей для государства? Какой-то торгующий шерстью денежный мешок или искусный фехтовальщик? Каждый такой дуэлянт — славный солдат для своего рея!

— Как подсказывает мне жизненный опыт, это не так, — сухо проронил Кэсерил.

— Что вы имеете в виду? — грозно повернулся к нему Тейдес.

Кэсерил слегка замялся и пробормотал:

— Извините, я встрял в вашу беседу.

— Нет уж поясните. В чём разница? В чём разница между хорошим солдатом и искусным дуэлянтом? — настаивал Тейдес.

Провинкара тихо хлопнула ладонью по столу и выразительно взглянула на Кэсерила.

— Продолжайте, кастиллар.

Тот пожал плечами и, вежливо кивнув мальчику, пояснил:

— Дело в том, принц, что солдат убивает ваших врагов, а дуэлянт — ваших союзников. Догадайтесь сами, кого предпочтёт иметь мудрый командующий в своём лагере.

— О! — выдохнул Тейдес и умолк, глубоко задумавшись.

Похоже, не было особой срочности в передаче записной книжки властям, как не было в этом деле и особых хлопот: Кэсерил мог сообщить о ней настоятелю храма Святого Семейства здесь, в Валенде, завтра утром, после того как пролистает её сам. Книжку надо расшифровать; некоторым дешифровка кажется скучным и утомительным занятием, но для Кэсерила это всегда было развлечением. Он подумал, не следует ли из вежливости предложить свои услуги в качестве дешифровщика. Дотронулся до мягкой шерстяной мантии,

во внутреннем потайном кармане которой покоилась книга, и в очередной раз порадовался, что помолился за покойного перед его спешным сожжением.

Бетрис, сведя тонкие тёмные брови, поинтересовалась:

— А кто был судьёй, папа?

Ди Феррей поколебался мгновение и пожал плечами:

— Достопочтенный Вриз.

— А-а… — протянула провинкара, — этот, — и сморщила нос, словно учуяв нехороший запах.

— Может, дуэлянт ему угрожал? — спросила принцесса Исель. — Правда, судья мог попросить о помощи или арестовать ди Наозу…

— Сомневаюсь, что даже ди Наоза был настолько глуп, чтобы угрожать судье провинции, — сказал ди Феррей. — Хотя свидетелей он, возможно, запугал. С Вризом же можно было прибегнуть к иному способу. Вриз всегда был… гм… приверженцем более мирных методов убеждения, — и, отправив в рот кусочек хлеба, он недвусмысленным жестом потёр подушечками большого и указательного пальцев.

— Если бы судья выполнил свою работу честно и смело, торговцу не пришлось бы прибегнуть

к смертельной магии, — медленно проговорила Исель. — Вместо одного — два человека мертвы и прокляты… А будь ди Наоза казнён по закону, у него оставалось бы время очистить душу перед встречей с богами. И как же этот человек до сих пор остаётся судьёй? Бабушка, ты можешь что-нибудь предпринять?

Провинкара поджала губы.

— Назначение судей провинции не входит в мою компетенцию, моя дорогая. Так же, как и их смещение. Однако департамент наведёт порядок, я уверяю тебя. — Она отпила вина и посмотрела на внучку. — В Баосии у меня большие привилегии, дитя моё, но не власть.

Исель взглянула на Тейдеса, потом на Кэсерила и словно эхо повторила давешний вопрос брата:

— А в чём разница?

— Право управлять и обязанность покровительствовать — это одно, и совсем другое — право принимать покровительство, — ответила провинкара. — К сожалению, между провинкаром и провинкарой разница не только в окончании слова.

Тейдес хихикнул:

— Это как между принцем и принцессой?

Исель повернулась к нему и сдвинула брови:

— О! И как ты предлагаешь сместить продажного судью — ты, привилегированный мальчик?

— Достаточно, вы оба! — строго сказала провинкара, в голосе которой явно послышались интонации бабушки. Кэсерил спрятал улыбку. Здесь, в этих стенах, она мудро правила по законам более древним, чем сам Шалион. Здесь было её собственное маленькое государство.

Разговор перешёл на менее острые темы. Слуги внесли сыр, пирожные и браджарское вино. Кэсерил наелся до отвала и понял, что пора остановиться, иначе ему станет плохо. Золотое десертное вино могло заставить его разрыдаться прямо за столом. Его подавали неразбавленным, и Кэсерил постарался ограничиться одним бокалом.

В конце трапезы снова прочли молитву, и принца Тейдеса, словно коршун птенца, утащил на занятия его воспитатель. Бетрис и Исель были отправлены вышивать. Они, весело пересмеиваясь, выбежали из столовой, за ними неторопливым шагом вышел ди Феррей.

— Они что, и впрямь смирно усядутся за вышивание? — недоверчиво поинтересовался Кэсерил, провожая взглядом исчезавшее в дверях облако юбок.

— Они будут ёрзать, шептаться и хихикать, пока не выведут меня из себя, но вышивать, как ни странно, умеют, — ответила провинкара, сокрушённо покачивая головой, что не соответствовало доброму любящему выражению её глаз.

— Ваша внучка — прелестная юная леди.

— Мужчинам определённого возраста, Кэсерил, все юные леди кажутся прелестными. Это первый признак старости.

— Это правда, миледи. — Его губы растянулись в улыбке.

— Она выжила двух гувернанток и, похоже, вот-вот сживёт со свету третью. Ну, фигурально выражаясь, конечно. Бедняжка завалила меня жалобами на девочек. А ещё… — голос провинкары стал тише, — Исель нужно быть сильной. Однажды её увезут далеко от меня, и я не смогу больше помогать ей… защищать её…

Привлекательная, живая, юная принцесса была не игроком, а пешкой в политике Шалиона. Везение для неё заключалось в высоком и выгодном государству политически и экономически замужестве, что не обязательно предполагало счастье. Самой вдовствующей провинкаре повезло в личной жизни, но на её памяти было несчётное количество браков, в которых высокородные

женщины так и не познавали любви. Неужели Исель отправят в Дартаку? Или выдадут замуж за кого-нибудь из кузенов, наиболее приближённого к правящему семейству Браджара? Боги не позволят, чтобы её продали в Рокнар в обмен на временное перемирие с архипелагом.

Провинкара искоса поглядывала на него при свете свечей.

— Сколько вам сейчас лет, кастиллар? Кажется, вам было около тринадцати, когда ваш отец прислал вас на службу моему дорогому провинкару.

— Примерно так, ваша милость.

— Ха! Тогда вам следует сбрить с лица эту омерзительную растительность. Она старит вас лет на пятнадцать.

Кэсерил считал, что его больше состарило рабство на галерах, но вслух сказал только:

— Надеюсь, моё объяснение не слишком рассердило принца, миледи.

— Мне кажется, оно заставило юного Тейдеса остановиться и подумать. Его воспитателю такое не часто удаётся. К сожалению. — Она побарабанила по скатерти тонкими длинными пальцами и осушила свой бокал вина. Поставив его на стол, леди добавила: — Не знаю, где вы остановились в городе, кастиллар, но я отправлю пажа за ваши-

ми вещами. Сегодня вы остаётесь у нас.

— Благодарю, ваша милость, и с признательностью принимаю ваше предложение. — Благодарность богам, о, пять раз благодарность богам. Он принят, хотя и временно. Кэсерил замялся, смущённый. — Но… э-э… беспокоить вашего пажа нет необходимости.

Она изумлённо вскинула брови.

— Это как раз то, для чего мы их держим. Как вы сами помните.

— Да, но… — он коротко улыбнулся и указал на себя рукой, — это весь мой багаж.

В её глазах мелькнула боль, и Кэсерил добавил:

— Это значительно больше, чем было у меня, когда я сошёл на берег с ибранской галеры в Загосуре.

Тогда на нём были лишь лохмотья да язвы. В приюте лохмотья сожгли сразу же.

— В таком случае мой паж, — произнесла она не терпящим возражения тоном, — проводит вас в ваши покои, милорд кастиллар.

И добавила, поднимаясь со стула с помощью кузины-компаньонки:

— Мы ещё поговорим с вами завтра.

Комната, предназначавшаяся для почётных

гостей, находилась в старом крыле. В ней когда-то ночевали принцы, наслаждаясь её абсолютным и совершенным комфортом. Кэсерил сам прислуживал таким гостям сотни раз. Кровать с мягчайшей периной была застелена тонким бельём из отбелённого льна и покрыта пледом искусной работы. Не успел ещё паж удалиться, как пришли две горничные, принесли воду для умывания, полотенца, мыло, зубочистки, роскошную ночную рубаху, колпак и тапочки. Кэсерил рассчитывал спать в рубашке, доставшейся ему по наследству от покойного торговца.

Это было уже слишком. Кэсерил сел на край кровати с рубахой в руке и тихо всхлипнул. С трудом сдержавшись, чтобы не расплакаться при свидетелях, он жестом отослал насторожившуюся прислугу и пажа.

— Что это с ним? — услышал он их перешёптывание, когда они удалялись по коридору. По щекам его покатились слёзы.

Паж раздражённо ответил:

— Сумасшедший, наверное.

После короткой паузы до Кэсерила снова донёсся голос горничной:

— Ну, тогда он почувствует себя здесь как дома, верно?..

Глава 3

Доносившиеся до комнаты звуки — голоса во дворе, стук и звон кастрюль — разбудили Кэсерила ещё затемно, в предрассветной серости. Он в панической растерянности открыл глаза и, как обычно, не сразу смог вспомнить, где находится. Но нежные объятия пуховой перины вскоре убаюкали его снова и увлекли в дрёму. Он парил между сном и явью, и вяло проплывали в голове разрозненные мысли. Это не жёсткая скамья. Нет безумной качки вверх-вниз. Вообще никакого движения, о пятеро богов, какое блаженство. Какое мягкое тепло под его изуродованной спиной.

Празднование Дня Дочери будет проходить от рассвета до заката. Возможно, он проваляется на перине до самого ухода обитателей замка на праздничное шествие, а потом неторопливо встанет. Пошатается по двору и окрестностям, посидит на солнышке вместе с замковыми котами. А если проголодается… ему вспомнились те далёкие дни, когда он был ещё пажом и хорошо знал, как подольститься к кухарке, чтобы получить лакомый кусочек.

Его сладостные ленивые мечтания прервал

резкий стук в дверь. Кэсерил вздрогнул, но снова расслабился, услышав мелодичный голос леди Бетрис:

— Милорд ди Кэсерил! Кастиллар! Вы проснулись?

— Одну минуту, миледи, — отозвался он. Перекатился на край кровати, нехотя расставаясь с обволакивающими глубинами перины. Босые ноги оберегал от холода каменного пола плетёный коврик. Расправив на бёдрах пышные складки длинной ночной рубахи, Кэсерил направился к двери и приоткрыл её.

— Да?

Она стояла в коридоре, держа в одной руке свечу, защищённую от ветра стеклянным колпаком, а в другой — стопку одежды и кожаную перевязь. Под мышкой у неё был ещё какой-то побрякивающий свёрток. Бетрис уже надела праздничный наряд бело-голубых тонов: голубое платье и белый плащ, доходивший до щиколоток. Её тёмные волосы были украшены венком из цветов и листьев. Бархатные карие глаза весело сияли в отблесках свечи. Кэсерил не удержался и улыбнулся в ответ.

— Её милость провинкара желает вам благословенного Дня Дочери, — провозгласила она и

толкнула ногой дверь. Кэсерил отскочил в сторону, и дверь распахнулась. Загруженная Бетрис вошла в комнату, протянула ему свечу и, пробормотав что-то вроде: «Вот, подержите пока», тяжело плюхнула на кровать свою ношу. Стопку голубой и белой одежды, а также меч с поясом. Кэсерил поставил свечу у изножья кровати.

— Она посылает вам эту одежду и просит, если вы не возражаете, присоединиться к домашним в зале предков за утренней молитвой. Потом мы разговеемся… она сказала, вы знаете, где это обычно происходит.

— Да, конечно, миледи.

— Я тут спросила папу про меч. Он говорит, что не много найдётся превосходящих его клинков, и это честь для вас. — Она с интересом посмотрела на него. — Правда, что вы участвовали в последней войне?

— Гм… в которой?

— Вы были больше чем на одной? — Глаза её широко раскрылись.

«На всех случившихся за последние семнадцать лет, полагаю».

Хотя нет. Он пропустил последнюю кампанию против Ибры, сидя в тюрьме Браджара, и не участвовал в той глупой экспедиции в под-

держку Дартаки, потому что был крайне занят, подвергаясь пыткам и издевательствам рокнарского генерала, с которым как раз воевал тогда провинкар Гуариды. Кроме этих двух, за последнее десятилетие он, пожалуй, больше ничего не пропустил.

— Здесь и там, в течение нескольких лет, — туманно ответил он и вдруг смутился, обнаружив, что, кроме тонкого льна ночной рубахи, нет других преград между его наготой и взглядами девушки. Кэсерил отступил назад и, скрестив руки на животе, попытался улыбнуться.

— Ох, — сказала она, заметив его жест, — я вас смутила? Но папа говорит, что у солдат нет стыда и скромности, поскольку в походах они вынуждены жить все вместе.

Она вновь посмотрела на его покрасневшее лицо. Кэсерил ответил:

— Я беспокоился о вашей скромности, миледи.

— О, всё в порядке, — сказала Бетрис, беззаботно улыбнувшись.

Она словно и не собиралась уходить.

Он кивнул в сторону стопки одежды.

— Я не хотел бы помешать семье во время церемонии. Вы уверены?..

Она всплеснула руками и изумлённо устави-

лась на него.

— Но вы должны принять участие в процессии вместе с нами, и вы должны, должны, должны присутствовать при подношении даров в День Дочери в храме. Принцесса в этом году играет роль леди Весны. — Она даже привстала на цыпочки для убедительности.

Кэсерил, глядя на неё, широко улыбнулся.

— Ну хорошо-хорошо, если вам так угодно. — Как он мог противостоять столь очаровательному напору? Принцессе Исель скоро шестнадцать; сколько же, интересно, лет Бетрис? «Слишком юна для тебя, приятель!» Но ведь можно хотя бы смотреть на неё с чисто эстетическим восхищением и благодарить богинь за её красоту и свежесть. Цветок, украшающий мир.

— А кроме того, — продолжила леди Бетрис, — вас просила провинкара.

Кэсерил зажёг от её свечи свою и вернул светильник девушке, намекая этим жестом, что ей следует оставить его одного, чтобы дать возможность переодеться. При свете двух свечей она стала выглядеть ещё прекраснее, а он, несомненно, — ещё безобразнее. И тут, когда Бетрис повернулась к выходу, Кэсерил вспомнил о вопросе, который вчера не давал ему покоя весь

вечер.

— Подождите, леди…

Она с любопытством оглянулась на него.

— Мне не хотелось бы беспокоить провинкару или задавать этот вопрос в присутствии принца и принцессы… но что с рейной Истой? Боюсь по незнанию ляпнуть что-нибудь не к месту…

Свет в её глазах померк. Она пожала плечами.

— Она… слаба. И нервничает. Больше ничего. Надеемся, ей полегчает, когда будет больше солнца. Летом ей всегда лучше.

— Как долго она живёт со своей матерью?

— Последние шесть лет, сэр. — Она сделала книксен. — Мне пора бежать к принцессе Исель. Не опаздывайте, кастиллар! — и, снова согрев его своей улыбкой, Бетрис выпорхнула в коридор.

Кэсерил не мог представить себе, что эта юная леди может хоть куда-нибудь опоздать. Он покачал головой и всё ещё с улыбкой на губах повернулся взглянуть на свой новый наряд. Да, в смысле улучшения своего внешнего вида он явно идёт в гору. Туника из голубого шёлка, штаны из плотного тёмно-синего льна, белый шерстяной плащ до колен — всё отглаженное, чистое, ни малейшего намёка на пятнышко. Должно быть, праздничная одежда ди Феррея, ставшая

ему маловатой, а может, даже и вещи самого покойного провинкара. Кэсерил оделся, подвесил меч — такая знакомо-незнакомая тяжесть — и поспешил через сумеречный внутренний двор к залу предков.

Было сыро и холодно, стёртые подошвы башмаков скользили по булыжнику. В небе ещё мерцали последние звёзды. Кэсерил потянул на себя тяжёлую дверь в зал и заглянул внутрь. Свечи, полумрак… опоздал? Но когда он вошёл внутрь и глаза привыкли к темноте, Кэсерил увидел, что ещё не поздно — наоборот, слишком рано. Перед рядами маленьких семейных мемориальных плит горело всего полдюжины свечей. Две укутанные в плащи женщины сидели на передней скамье, наблюдая за третьей.

Перед алтарём, распростершись, раскинув руки, лежала вдовствующая рейна Иста. Вся поза её выражала глубокую мольбу. Пальцы сжимались и разжимались, царапая камни. Ногти на них были обкусаны до крови. Некогда густые золотые волосы её, теперь тусклые и потемневшие, рассыпались веером вокруг головы. Рейна лежала столь неподвижно, что на мгновение Кэсерил решил было, что она уснула. Но на её бледном лице, прижатом щекой к каменному полу, горели

тёмные немигающие глаза, полные непролитых слёз.

Это было выражение самой горькой скорби и печали. Кэсерил видел его на лицах людей, сломленных в застенках и на галерах не только телом, но и духом. Видел и в собственном взгляде, отразившемся в пластине полированной стали, когда служитель Приюта Матери, выбрив его нечувствительное лицо, поднёс ему это импровизированное зеркало: смотри, мол, так ведь лучше? Но Кэсерил был абсолютно уверен, что рейна никогда не бывала в жутких зловонных темницах, никогда не ощущала ударов бича и никогда, безусловно, ни один мужчина не поднимал в ярости на неё руку. Что же тогда? Он стоял в недоумении, закусив губу, боясь вымолвить слово.

Позади послышались шаги. Кэсерил обернулся и увидел вдовствующую провинкару в сопровождении кузины. Провинкара приветствовала его движением бровей; Кэсерил коротко кивнул в ответ. Ожидавшие рейну женщины, заметив провинкару, вздрогнули и, вскочив со скамьи, быстро присели в глубоком реверансе.

Провинкара прошла между рядами скамеек и печально посмотрела на дочь.

— Ох, бедняжка. Давно она здесь?

Одна из женщин снова поклонилась.

— Она встала ночью, ваша милость. Мы подумали, что лучше позволить ей прийти сюда, чем удерживать. Вы же сами говорили…

— Да-да, — отмахнулась провинкара. — Ей удалось хоть немного поспать?

— Один или два часа, миледи.

Провинкара вздохнула и опустилась на корточки рядом с дочерью. Её голос смягчился, властные нотки исчезли. Кэсерил впервые услышал в нём возраст.

— Иста, доченька, вставай и возвращайся в постель. Сегодня другие помолятся за тебя и всех нас.

Губы распростёртой перед алтарём женщины дважды шевельнулись, прежде чем послышались слова:

— Если боги слышат… А если слышат, то не отвечают. Они отвернулись от меня, мама.

Старая правительница провела рукой по её волосам.

— Сегодня помолятся другие, — повторила она. — Мы заменим свечи и попробуем снова. Позволь своим леди уложить тебя в постель. Ну, вставай.

Рейна всхлипнула, моргнула и неохотно поднялась на ноги. Движением головы провинкара велела женщинам увести рейну Исту из зала. Кэсерил внимательно смотрел ей в лицо, когда она проходила мимо, но не заметил следов долгой болезни. Иста, похоже, даже не увидела Кэсерила — ни единого проблеска узнавания не промелькнуло в её глазах. Он был для неё просто бородатым чужаком. Да и с чего бы ей помнить его? Всего лишь один из дюжин пажей, которых она видела в Баосийском замке и за его пределами за долгие годы.

Провинкара проводила дочь взглядом. Кэсерил стоял достаточно близко, чтобы услышать, как она тихонько вздохнула. Он низко поклонился.

— Благодарю вас за праздничную одежду, ваша милость. Если… — он замялся, — если я могу хоть что-нибудь сделать, чтобы облегчить ваше бремя или бремя, давящее на вдовствующую рейну, располагайте мной.

Она улыбнулась и, взяв его за руку, ладонью другой своей руки мягко похлопала Кэсерила по запястью, ничего не ответив. Затем она подошла к восточному окну и открыла ставни навстречу занимавшемуся персиковому рассвету.

Тем временем леди ди Хьюлтер меняла свечи

вокруг алтаря, собирая огарки в специально принесённую корзину. Провинкара и Кэсерил присоединились к ней. Когда дюжины свежих восковых свечек были установлены в подсвечниках, гордо выпрямившись в них, как солдаты на параде, провинкара отступила на шаг и удовлетворённо кивнула.

Тут зал предков начал наполняться домочадцами, и Кэсерил скромно устроился в задних рядах. Повара, слуги, охотники, старшая экономка, управляющий — все в своих лучших нарядах бело-голубых цветов — заходили и рассаживались на скамейках. Потом вошла леди Бетрис, сопровождавшая принцессу Исель, уже одетую в наряд леди Весны, чью роль она исполняла сегодня. Они обе заняли места на передней скамье, изо всех сил стараясь не хихикать и не шушукаться. За ними появился настоятель городского храма Святого Семейства, чью чёрно-серую мантию Отца тоже сменила сегодня бело-голубая Дочери. Настоятель провёл короткую службу в честь благополучно окончившегося сезона и лежащих в земле предков хозяев замка и с первым боязливо заглянувшим в окошко лучом восходящего солнца торжественно погасил горевшую свечку — последний огонёк во всём замке.

Затем все вышли во двор, где стояли столы с холодным завтраком. Холодным, но отнюдь не скудным, и Кэсерилу пришлось напомнить себе, что невозможно за один день вознаградить себя за три года лишений. Тем не менее, когда привели белого мула для Исель, он успел наесться до отвала.

Мул также был украшен лентами и цветами, вплетёнными в тщательно расчёсанные хвост и гриву. Попона была вышита символами леди Весны. Исель в храмовом одеянии, с янтарным водопадом волос, ниспадавшим на плечи из-под короны из цветов и листьев, была осторожно, чтобы не помять наряда, подсажена в седло, все складочки платья ей помогли тщательно расправить. Услугами пажей она на сей раз не пренебрегла, отметил про себя Кэсерил. Настоятель взялся за синий шёлковый повод и зашагал к воротам. Провинкару посадили на спокойную гнедую кобылу с белоснежными носочками, тоже украшенную лентами и цветами. Её вёл под уздцы управляющий. Кэсерил, предложив руку леди ди Хьюлтер, последовал за ди Ферреем. Остальные домочадцы, собиравшиеся участвовать в шествии, присоединились к процессии. Вся весёлая толпа двинулась вниз по улицам города к

древним восточным воротам, где формально и начиналась праздничная церемония. Здесь уже ожидали несколько сотен человек, включая примерно пятьдесят всадников из гвардейцев леди Весны, прибывших из разных принадлежавших провинции земель. Кэсерил прошёл прямо перед носом того знаменосца, который вчера уронил в грязь золотой, но парень посмотрел на него не узнавая — только вежливо поклонился его шелкам и клинку. А также преобразившим его стрижке и ванне, предположил Кэсерил.

«Как до странного легко ослепляет нас поверхностный блеск. Боги, конечно же, смотрят в самую суть».

Его раздумья были прерваны началом торжества. Настоятель передал поводья мула Исель в руки пожилого господина, исполнявшего роль Отца Зимы. Во время зимней процессии юный новый Отец, занимающий место правящего бога, был бы одет в тёмный, строгий и аккуратный наряд, словно судья, и ехал бы на вороном жеребце, которого вёл бы покидающий мир, одетый в лохмотья Сын Осени. Сегодняшнее же одеяние Отца Зимы было хуже даже обносков, выброшенных вчера Кэсерилом, а борода, волосы и поблёскивавшая среди них плешь были посы-

паны пеплом. Он улыбался и перешучивался с Исель, она смеялась. Церемониальные гвардейцы примкнули к шествию, и процессия начала свой путь по улицам Валенды. Несколько служителей храма шли среди гвардейцев и толпы, следя за тем, чтобы во время песнопений исполнялись только канонические тексты, а не вульгарные народные вариации. Горожане, не участвовавшие в шествии, стояли по сторонам дороги и бросали цветы и травы. Незамужние женщины пробирались к мулу, стремясь прикоснуться к одеждам Дочери, чтобы она в этом сезоне послала им хорошего мужа, затем отбегали, хихикая и весело смеясь. После продолжительной прогулки — хвала небесам, погода выдалась вполне весенняя, не то что в один памятный год, когда в праздничный день на город обрушились буря и ливень, — процессия направилась к храму, находившемуся в самом сердце города. Храм, окружённый садом и низкой каменной стеной, располагался на городской площади. Он был выстроен в форме четырёхлистника вокруг центрального внутреннего дворика. Стены, выложенные из местного песчаника, отливали золотистым цветом в лучах солнца, крыша рдела местной же черепицей. В каждом из крыльев находился алтарь бога одного

из времён года, круглая башня Бастарда возвышалась отдельно, за крылом, где был алтарь его Матери.

Когда Исель сошла с мула и была проведена в портик, леди ди Хьюлтер потащила Кэсерила вперёд. Он заметил, что леди Бетрис заняла место по другую руку от него. Она вытягивала шею, провожая взглядом Исель. Кэсерил ощутил нежный запах цветов её венка, смешанный с тёплым ароматом волос Бетрис, — словно благоухание самой весны. Толпа сдавила их и протолкнула вперёд, в широкую дверь.

Во дворе Отец Зимы выбрал последний пепел из погасшего священного огня и высыпал его на себя. Служители уже спешили с новыми дровами, благословлёнными настоятелем. Усыпанный пеплом старик направился к выходу под шутки, лёгкие пинки и возгласы «брысь-брысь!». Вслед ему летели клочки белой шерсти, символизирующие снежки. Год, когда можно было бросать настоящие снежки, провожая Отца Зимы, считался неудачным. Затем воплощённой в Исель леди Весны вручили церемониальный кремень, дабы разжечь новый огонь. Она опустилась на колени на специально подложенную подушечку и забавно закусила губу, сосредоточась на своей

миссии. Когда Исель разложила священные травы, все затаили дыхание — процессу разжигания огня сопутствовала по меньшей мере дюжина различных суеверий. Например, крайне важным считалось, с какой попытки удастся его разжечь.

Три стремительных удара, сноп искр, дуновение юного дыхания — и родился тонкий язычок пламени. Настоятель быстро, пока случайный порыв ветра не погасил нежный алый цветок, перенёс новорождённый огонь Весны на его место. Всё прошло благополучно. Послышался облегчённый вздох толпы. Маленький огонёк превратился в священное пламя; Исель, улыбаясь, поднялась на ноги. Её серые глаза сверкали, как разожжённый ею молодой огонь.

Леди Весны проводили на трон правящего бога, и начался её царский труд: сбор ежесезонных даров храму, с помощью которых он будет поддерживать своё существование в следующие три месяца. Каждый глава дома выходил вперёд и протягивал леди маленький кошелёк с монетами или другой дар, который она благословляла, а секретарь храма, сидевший справа от Исель, заносил сумму в списки. Даритель в обмен получал горящую лучинку — новый огонь для своего дома. Первым, согласно рангу, подошёл управля-

ющий провинкары. Его кошелёк, переданный в руки Исель, был тяжёл от золотых монет. За ним подходили другие мужчины. Исель улыбалась, принимала и благословляла; настоятель улыбался, передавал лучину и благодарил; секретарь улыбался, записывал и складывал.

Стоявшая рядом с Кэсерилом Бетрис выпрямилась… Чего-то ждёт? Затем вцепилась ему в левую руку и зашептала на ухо:

— Сейчас будет тот мерзкий судья Вриз. Смотрите!

Мужчина средних лет с суровым выражением лица выступил вперёд с кошельком в руке и, натянуто улыбнувшись, прогундосил:

— Дом Вриза подносит свой дар богине. Благословите нас в наступающем сезоне, миледи.

Исель скрестила руки на коленях. Вздёрнула подбородок и, глядя прямо на Вриза, сказала чистым звучным голосом:

— Дочь Весны принимает только дары, идущие от чистого сердца. Она не принимает взяток. Достопочтенный Вриз, ваше золото значит для вас больше всего остального. Можете оставить его себе.

Вриз отступил на полшага, его рот открылся и так и остался разинутым, глаза округлились от

изумления. Стоявшие у трона онемели, и тишина, прокатившись волной по толпе, накрыла храм, только у дальней стены зашушукались: «Что?.. Что она сказала?.. Я не слышал… Что?..» У настоятеля вытянулось лицо. Секретарь ошарашенно посмотрел на него. Хорошо одетый мужчина, стоявший позади судьи, подавил смешок, готовый сорваться с губ, и улыбнулся, но улыбка эта не имела ничего общего с весельем — она была скорее выражением удовлетворения вселенским правосудием. Бетрис привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть, и прошипела что-то сквозь зубы. Горожане торопливо объясняли друг другу, что произошло, и удивлённые восклицания всплёскивались над толпой, как распускающиеся весенние цветы.

Судья повернулся к настоятелю, протягивая свой дар ему; тот протянул было руки, но под твёрдым взглядом Исель вынужден был опустить их. Настоятель покосился на принцессу и уголком рта (однако недостаточно тихо) прошептал:

— Леди Исель, вы не можете… так нельзя… богиня ли говорит вашими устами?

Исель наклонила голову и ответила:

— Она говорит в моём сердце. Разве в вашем не слышен её голос? Кроме того, я испросила у неё

согласия, когда разжигала огонь, и она дала мне его. — Она наклонилась, чтобы увидеть следующего дарителя, и кивнула. — Вы, сэр?..

Волей-неволей судья отступил назад, давая дорогу. Служитель, которого настоятель сверлил глазами, встрепенулся и жестом пригласил судью отойти, дабы обсудить происшествие. Но его попытка придвинуться и принять-таки кошелёк была пресечена холодным и резким взглядом Исель. Служитель спрятал руки за спиной и виновато поклонился судье Вризу. Сидевшая по другую сторону двора провинкара яростно тёрла переносицу большим и указательным пальцами, неотрывно глядя на внучку. Исель только вздёрнула подбородок ещё выше и продолжала обменивать благословения богини на дары.

Среди приносимых даров вместо кошельков всё чаще стали появляться куры, яйца и прочие мелочи, но благословение и новый огонь вручались дарителям всё с той же доброжелательностью. Леди ди Хьюлтер и Бетрис присоединились к провинкаре, сидевшей на скамейке, Кэсерил же встал позади скамьи вместе с управляющим, который одарил дочь подозрительным хмурым взглядом. Толпа постепенно рассеивалась, а принцесса всё исполняла свой священный долг

перед народом, благословляя и прядильщика, и угольщика, и нищего — который вместо дара спел песенку — тем же ласковым голосом, каким благословляла первых людей Валенды.

Гроза, которую предвещало лицо провинкары, разразилась лишь тогда, когда обитатели замка вернулись домой. Гнедую кобылу правительницы вёл Кэсерил, мула Исель твёрдой рукой держал за повод управляющий. Кэсерил собирался по прибытии в замок передать лошадь заботам грумов и тихо исчезнуть, но провинкара коротко приказала:

— Кастиллар, дайте мне руку.

Она крепко взялась за неё и, сжав губы, добавила:

— Исель, Бетрис, ди Феррей — останьтесь.

Она кивнула в сторону зала предков.

По окончании церемонии Исель оставила одеяние леди Весны в храме и снова была теперь просто очаровательной девушкой в бело-голубом наряде. Нет, поправил себя Кэсерил, увидев, как решительно она подняла подбородок, — просто принцессой. Он, придержав дверь, пропустил всех в зал. «Прямо как в те времена, когда был пажом», — подумал было Кэсерил, но тут управляющий остановился и пропустил вперёд его.

Тихий пустой зал был озарён тёплым светом свечей, которым суждено было сегодня догореть дотла. Маслянисто поблёскивали полированные деревянные скамьи. Провинкара прошла в комнату и повернулась к девушкам — те под её суровым взглядом придвинулись друг к другу и взялись за руки, ожидая бури.

— Так. Ну, кому принадлежала эта идея?

Исель выступила на полшага вперёд и присела в книксене.

— Мне, бабушка, — сказала она почти — но не совсем — таким же ясным и чистым голосом, каким говорила в храме.

Потом, повинуясь движению строго сдвинутых бровей правительницы, добавила:

— Хотя Бетрис придумала испросить согласия при разжигании огня.

Ди Феррей набросился на дочь:

— Ты всё знала и ничего мне не сказала?

Бетрис тоже присела в книксене, как Исель — с абсолютно прямой спиной, — и с достоинством ответила:

— Как я поняла, меня приставили к принцессе Исель помощницей, компаньонкой и правой рукой. А не шпионкой, папа. Если моя верность должна принадлежать не принцессе, а кому-то

другому, мне об этом ничего не говорили. «Храни её честь ценой собственной жизни», — так сказал ты, — и добавила, слегка смягчившись: — К тому же если бы пламя не занялось с первой попытки, этого могло и не произойти.

Ди Феррей со вздохом отвёл глаза от философствующей дочери и, посмотрев на провинкару, беспомощно пожал плечами.

— Ты старше, Бетрис, — произнесла та. — Мы надеялись, что ты окажешь на Исель сдерживающее влияние. Научишь её вести себя как положено благовоспитанной девушке. — Она поджала губы. — Так Битим, охотник, объединяет молодых собак в одну свору со старыми, чтобы те учили щенков. Надо было отправить вас к нему, а не приставлять этих бесполезных куриц-гувернанток.

Бетрис заморгала глазами и снова присела.

— Да, миледи.

Провинкара окинула её пристальным взглядом, подозревая насмешку. Кэсерил закусил губу.

Исель набрала в грудь воздуха.

— Молча потакать несправедливости и закрывать глаза на людское горе, которое приводит к проклятию души, чего можно было бы избежать… если так положено вести себя благовоспитанной

девушке, то этому меня никогда не учили.

— Ну разумеется, нет! — сказала провинкара. Голос её наконец смягчился, и в нём прозвучало сожаление. — Но правосудие — это не твоя задача, сердце моё.

— Люди, чьей задачей оно является, открыто пренебрегают им. Я не молочница и не прачка. И если у меня больше привилегий в Шалионе, то и обязанностей больше! И настоятель, и леди ди Хьюлтер не раз говорили мне об этом.

— Я говорила об учёбе, Исель, — слабо запротестовала леди ди Хьюлтер.

— А настоятель говорил о послушании и покорности, Исель, — добавил ди Феррей. — Они не имели в виду… не рассчитывали…

— Не рассчитывали, что я восприму их слова всерьёз? — сладко пропела она.

Ди Феррей смутился. У Кэсерила же невинность и сила духа девушек, отважное пренебрежение опасностью, как у щенков, с которыми сравнила девушек провинкара, вызывали симпатию. Он от души был признателен судьбе, что не должен участвовать в этом разбирательстве.

Ноздри провинкары затрепетали.

— Обе марш в свои комнаты и оставайтесь там! Я засадила бы вас читать псалмы в наказание,

но… Позже я решу, позволить ли вам спуститься к обеду. Идите! — Она нетерпеливо взмахнула рукой. — Милая ди Хьюлтер, проследите, пожалуйста, чтобы они благополучно добрались до своих покоев.

Кэсерил тоже направился к выходу, но она остановила его столь же нетерпеливым жестом.

— Кастиллар ди Кэсерил, на минуту, пожалуйста.

Леди Бетрис с любопытством стрельнула глазами через плечо, Исель же вышла не оглянувшись, с высоко поднятой головой.

— Ну, — устало вздохнул ди Феррей, — в конце концов, мы же надеялись, что они подружатся.

Когда шаги за дверью стихли, провинкара позволила себе печально улыбнуться.

— Увы, да.

— Сколько лет леди Бетрис? — поинтересовался Кэсерил, не отрывая глаз от закрывшейся двери.

— Девятнадцать, — ещё раз вздохнул её отец.

«Что же, её возраст не слишком отличается от его собственного, — подумал Кэсерил, — чего нельзя сказать, конечно, о жизненном опыте».

— Я действительно считал, что Бетрис окажет на принцессу положительное влияние, — добавил ди Феррей, — а получилось, кажется, совсем

наоборот.

— Вы что же, обвиняете мою внучку в том, что она портит вашу дочь? — лукаво спросила провинкара.

— Скажем, скорее вдохновляет. Э-э… вы думаете, лучше их разлучить?

— Это вызовет море слёз и стенаний. — Провинкара утомлённо села, жестом пригласив мужчин последовать её примеру. — Не заставляйте скрипеть мою бедную шею.

Усевшись, Кэсерил зажал ладони между колен в ожидании последующего разговора, каким бы он ни оказался. Не напрасно ведь его попросили остаться. Провинкара задумчиво смотрела на него несколько минут, потом проговорила:

— Кэсерил, как на ваш свежий взгляд, что тут можно сделать?

Брови Кэсерила поползли вверх.

— Я обучал солдат, миледи, и никогда не имел дела с воспитанием молодых девушек. В этом я совершенно ничего не понимаю — не моя стихия. — Он колебался некоторое время и добавил, почти противореча сам себе: — Мне кажется, поздновато учить Исель трусости. Однако можно обратить её внимание на то, от каких ничтожно малых и неподтверждённых свидетельств она

отталкивалась, верша свой суд. Откуда такая уверенность, что судья действительно виновен настолько, как о нём говорят? Из сплетен и слухов? Даже самые убедительные свидетельства могут лгать и вводить в заблуждение. — Кэсерил вспомнил реакцию банщика на «свидетельство» своей спины. — Сегодняшних событий это уже не изменит, но, возможно, научит её сдерживаться в будущем, — и добавил более сухо: — А вам следует быть осмотрительнее в выборе тем, обсуждаемых в её присутствии, особенно если это слухи.

Ди Феррей кивнул.

— В присутствии любой из них, — уточнила провинкара. — Четыре уха, один ум — или один заговор. — Она закусила губу и прищурилась, глядя на Кэсерила. — Кастиллар… вы говорите и пишете на дартакане, я не ошибаюсь?

Кэсерил, растерявшись от внезапной перемены темы, захлопал ресницами.

— Да, миледи…

— И на рокнари?

— Мой… э-э… культурный дворцовый рокнари слегка подзаржавел, а вот вульгарный более чем свободен.

— А география? Вы знаете географию провинций Шалиона, Ибры и Рокнара?

— Пятеро богов, кому, как не мне, знать географию! Места, которые я не проскакал верхом, я прошёл пешком, где не прошёл пешком — там меня протащили. География въелась в мою шкуру. Да ещё я проплыл, работая вёслами, вокруг половины архипелага.

— И вы пишете, шифруете, ведёте книги — делали отчёты, отвечали на письма, вели бухгалтерию и занимались логистикой…

— Рука у меня, возможно, немного дрожит теперь, но да, я делал всё это, — ответил он с нарастающим беспокойством. К чему эти расспросы?

— Да! Да! — Она хлопнула в ладоши, и Кэсерил вздрогнул. — Сами боги послали вас сюда! И пусть меня сожрут демоны Бастарда, если у меня не хватит ума надеть на вас хомут!

Кэсерил непонимающе улыбнулся.

— Кэсерил, вы говорили, что ищете место. У меня есть на примете одно. Специально для вас. — Она победно выпрямилась. — Секретарь-наставник принцессы Исель!

Кэсерил почувствовал, что у него непроизвольно отвисла челюсть. Он тупо переспросил:

— Что?

— У Тейдеса уже есть секретарь, который ведёт

его книги, пишет его письма, когда необходимо… пора и Исель иметь собственного управляющего. Ей нужен мост между её женским миром и внешним, с которым ей так или иначе придётся иметь дело. Кроме того, ни одна из этих квохчущих гувернанток никогда не умела держать её в руках. Она нуждается в мужском авторитете, да, именно так. У вас есть положение, есть опыт… — Провинкара… оскалилась — другого слова для столь пугающе радостного выражения её лица он подобрать не смог. — Что вы об этом думаете, милорд кастиллар?

Кэсерил сглотнул непонятно откуда взявшийся комок в горле.

— Я… э-э… думаю… я думаю, если бы вы предложили мне бритву, чтобы я сразу перерезал себе горло, мы сэкономили бы много времени и сил. Пожалуйста, ваша милость.

Провинкара фыркнула.

— Хорошо, Кэсерил, прекрасно. Мне очень нравятся мужчины, которые не склонны недооценивать ситуацию.

Ди Феррей, поначалу настороженный, теперь смотрел на Кэсерила с неподдельным интересом.

— Полагаю, вы сможете заинтересовать её

изучением дартакана. Вы были там в отличие от всех этих глупых тёток. — Провинкара говорила с нарастающим энтузиазмом. — Да и заняться рокнари тоже не помешает, хотя я молюсь, чтобы это ей не понадобилось. Почитайте ей поэзию Браджара — я помню, она вам когда-то нравилась. Что до манер — вы служили при дворе, вам ли этого не знать. Ну? Да ладно вам, Кэсерил, не смотрите на меня, как потерявшийся телёнок! Вы справитесь легко. Эй, не думайте, что я не вижу, как тяжело вы были больны. — Она вытянула руку ладонью вперёд, словно пресекая его возражения. — Вам придётся отвечать не более чем на пару писем в неделю. Даже меньше. И вы были кавалеристом, так что от прогулок верхом не застонете, а я избавлюсь от нытья этих неуклюжих клуш, у которых от седла вечно мозоли на филеях. Что же касается ведения бухгалтерии — ну, после управления крепостью для вас это просто детские забавы. Так что скажете, дорогой Кэсерил?

Перспектива была одновременно и соблазнительной, и пугающей.

— Не могли бы вы послать меня вместо этого в осаждённую крепость?

Радость на её лице погасла. Она наклонилась и мягко похлопала его по колену. Затем, вздохнув,

сказала дрогнувшим голосом:

— Будет и это, и довольно скоро.

И вновь умолкла на некоторое время, изучая его.

— Вы спрашивали, можете ли вы чем-нибудь облегчить мою ношу. Я отвечаю — практически нет. Вы не можете вернуть мне молодость, не можете исправить… многое.

Кэсерил подумал о нездоровье её дочери, об этом тяжком грузе на плечах старой женщины.

— Но ведь вы можете сказать мне одно маленькое «да»? — Она просила его. Это было ужасно.

— Ну конечно, миледи, я в полном вашем распоряжении. Просто… просто это… вы уверены?..

— Вы не чужой здесь, Кэсерил. И я отчаянно нуждаюсь в человеке, которому могла бы доверять.

Сердце его растаяло. А может, мозги. Он поклонился.

— Тогда я ваш.

— Не мой — Исель.

Кэсерил посмотрел на провинкару, потом на задумчиво нахмурившегося ди Феррея и вновь перевёл взгляд на женщину.

— Я… понимаю.

— Надеюсь, что да. И именно поэтому, Кэсерил,

вы будете рядом с ней.

Глава 4

Так Кэсерил на следующее утро оказался перед дверью в классную комнату девушек. Его привела туда сама провинкара. Это была маленькая солнечная комната на верхнем этаже восточного крыла замка, который занимали принцесса Исель, леди Бетрис, гувернантка и горничная. Принц Тейдес тоже занимал верхний этаж, только не в этом крыле, а через двор, в новом здании напротив. Покои принца, как подозревал Кэсерил, были спланированы гораздо удобнее, и камины в них были получше. В классной комнате Исель стояли два маленьких столика, пара кресел, одинокий полупустой книжный шкаф и несколько этажерок. Когда туда вошёл Кэсерил, ощутивший себя под этим низким потолком неуклюжим великаном, в комнате сразу стало тесно. Гувернантке пришлось забрать шитьё и удалиться в соседние покои, оставив открытой дверь.

Кэсерил понял, что у него будет не одна ученица, а целый класс. Принцесса не может оставаться наедине с мужчиной, пусть даже он и старше её. Кэсерил не знал, что думают обе леди о его

назначении, но втайне он испытывал облегчение. Этот женский уют, покой и тишина были настолько далеки от пережитого на рокнарских галерах, что трудно даже представить. И душа его исполнилась невольной радости.

Провинкара представила Исель нового секретаря-наставника: «Как у твоего брата», и это, видимо, действительно оказалось неожиданным подарком, поскольку принцесса, удивлённо поморгав глазами, приняла его без всяких возражений. Судя по её оценивающему взгляду, в том, что её будет учить мужчина, она усмотрела привлекательную новизну и повышение собственного статуса. Леди Бетрис тоже, как не без удовольствия заметил Кэсерил, казалась скорее заинтересованной, чем безразличной или враждебной.

Он не сомневался, что выглядит вполне достойно учителя благодаря элегантной мантии торговца и отделанному серебром поясу, на котором сегодня не было меча. Кэсерил принёс на урок все книги на дартакане, которые смог отыскать во время беглого осмотра библиотеки покойного провинкара, — примерно с полдюжины томов. Он сложил их на один из столиков и одарил обеих учениц нарочито зловещей улыбкой.

В обучении молодых солдат, коней или соколов главное — сразу же взять инициативу в свои руки и больше её не выпускать.

Провинкара, представив его, исчезла. Кэсерил собирался проверить для начала, какими основами дартакана владеет его ученица, чтобы выработать план дальнейшего обучения. Она прочла ему страницу из одного тома, тема которого была хорошо знакома Кэсерилу: минирование и подкопы в условиях осады. С помощью и подсказками Исель с трудом продралась через три сложных абзаца. Кэсерил задал несколько вопросов на дартакане, дабы выяснить, что из прочитанного она поняла, и в ответ услышал только невразумительное шипение.

— У вас ужасное произношение, — откровенно резюмировал он, — дартаканец с трудом понял бы, что вы хотите сказать.

Она подняла голову и прожгла его глазами.

— Моя гувернантка говорит, что я объясняюсь вполне прилично. И что у меня мелодичные интонации.

— Да, вы говорите, как южноибранская рыбачка, жующая свой товар. О, они тоже говорят очень мелодично. Но любой дартаканский лорд — а все они помешаны на гордости своим жутким

языком — рассмеётся вам в лицо. — По крайней мере именно так однажды произошло с Кэсерилом. — Ваша гувернантка льстит вам, принцесса.

Она нахмурилась.

— Надо понимать, сами вы никогда не льстите, кастиллар?

Её тон и манеры были несколько резче, чем он ожидал. В ответ, не поднимаясь с кресла, он отвесил ей короткий ироничный поклон.

— Уверяю вас, я не совсем мужлан. Но если вы предпочитаете, чтобы вам лгали, не давая тем самым возможности достичь когда-нибудь совершенства в изучаемом предмете, такого учителя, я думаю, найти не составит труда. Не в каждой темнице решётки на окнах. Есть и такие, что удерживают пленника мягкой периной и сладкой едой. Королевские.

Ноздри Исель затрепетали, губы сжались в тонкую линию. Кэсерил подумал, что привёл сомнительное сравнение и был слишком резок. Она ведь всего-навсего нежное создание, ещё почти девочка… Может, следует быть поосторожнее — ведь если она пожалуется провинкаре, он может потерять…

Она перевернула страницу.

— Ну, — произнесла ледяным тоном, — про-

должим.

О пятеро богов, точно такой взгляд разочарованной ярости он видел у юнцов, которые поднимались с земли, выплёвывая грязь изо рта, и становились потом его лучшими лейтенантами. Может, всё не так уж и сложно. Усилием воли он вернул лицу строгое выражение и, нахмурившись, кивнул.

— Продолжайте.

Час пролетел легко и почти незаметно. Правда, легко для него. Когда Кэсерил заметил, что принцесса трёт виски и морщинки между её бровями сделались глубже — что не имело отношения к обиде и злости, — он решил забрать у неё книгу.

Леди Бетрис, сидевшая всё это время рядом с Исель и беззвучно шевелившая губами, продолжила чтение. Кэсерил попросил её повторить упражнение. По сравнению с принцессой Бетрис читала быстрее, но, увы, страдала той же болезнью: жутким южноибранским акцентом, доставшимся девушкам от прежней учительницы. Исель внимательно вслушивалась в исправления.

Всем уже пора было обедать, но ему нужно было решить ещё один вопрос. Об этом его настоятельно просила провинкара. Когда девушки

потянулись и собрались было встать, он откинулся на спинку кресла и кашлянул.

— Вчера в храме… это был очень эффектный жест, принцесса.

Пухлые губы её изогнулись в улыбке, а большие глаза сощурились от удовольствия.

— Спасибо, кастиллар.

Он позволил себе улыбнуться.

— Да уж, удар так удар. Он даже не мог ничего сказать в ответ. Судя по смеху в зале, присутствующие были очарованы.

Она смущённо потупилась.

— Взятки и продажность — главные болезни в Шалионе, а я ничего не могу поделать. Так что этого ещё мало.

— Что ж, то хорошо, что хорошо сделано, — и он кивнул с обманчивой сердечностью. — А скажите, принцесса, какие шаги вы предприняли, чтобы удостовериться в виновности этого человека?

Она уже гордо вскидывала подбородок, но вдруг замерла.

— Но ведь сьер ди Феррей… рассказал о нём. А я не сомневаюсь в его честности.

— Сьер ди Феррей сказал только — я напомню вам в точности его слова, — он сказал, что

слышал, будто *говорят*, что судья взял взятку у дуэлянта. Он не ссылался на подтверждение слухов, полученное из первых уст, и не претендовал на истинность сказанного. Вы не разговаривали с ним после обеда, чтобы выяснить все подробности?

— Нет… если бы я только заикнулась об этом, мне бы запретили даже думать о наших планах.

— И тогда вы решили поговорить об этом с леди Бетрис. — Кэсерил кивнул темноглазой девушке.

Выпрямившись, Бетрис устало ответила:

— Потому-то я и посоветовала загадать на пламя.

Кэсерил пожал плечами.

— Да-да, загорится ли пламя с первого раза. Но ваша рука молода, сильна и ловка, леди Исель. Разве вы не были уверены, что пламя в любом случае загорится сразу?

Её брови сошлись на переносице.

— Горожане аплодировали…

— Ну конечно! Примерно половина из тех, кто обращается к судье, выходят от него разочарованными и рассерженными. Но это ещё не значит, что с ними обошлись несправедливо.

Стрела попала в цель, судя по изменившемуся выражению её лица. И наблюдать это превра-

щение победительницы в проигравшую было не слишком приятно.

— Но… но…

Кэсерил вздохнул.

— Я не сказал, что вы ошиблись, принцесса. На этот раз. Я только отметил, что вы скакали впотьмах. И если не врезались в дерево, то это была лишь милость богов, а не следствие вашей осторожности.

— Ох…

— Вы могли оклеветать честного человека. Или бросить тень на правосудие. Не знаю. Ведь ни то, ни другое не было, кажется, вашей целью.

Она снова охнула, теперь едва слышно.

А до ужаса практичная часть ума Кэсерила заставила его добавить ещё:

— Не важно, были вы правы или нет, но вы создали себе врага и оставили его в живых — у себя за спиной. Великая благотворительность. И отвратительная тактика.

Проклятие! Этого не следовало говорить нежной девушке. Кэсерил еле удержался, чтобы не зажать себе рот ладонью — жест, совершенно неуместный для мудрого наставника.

Брови Исель взлетели и застыли так на несколько секунд; брови Бетрис — тоже.

После долгого и задумчивого молчания Исель спокойно произнесла:

— Я благодарю вас за добрый совет, кастиллар.

Он ободряюще кивнул. Хорошо. Если этот сложнейший вопрос решён благополучно, значит, в том, что касается его ученицы, он на полпути к успеху. А теперь, благодарение всем богам, к щедрому столу провинкары…

Исель снова села и сложила руки на коленях.

— Вы ведь мой секретарь, так же как и наставник, верно, Кэсерил?

Он вновь откинулся на спинку кресла.

— Да, миледи. Вам нужна помощь с письмами? — и чуть не продолжил — после обеда?

— Помощь. Да. Но не с письмами. Сьер ди Феррей говорит, вы служили верховым курьером, это правда?

— Да, когда-то давно я служил провинкару Гуариды, миледи. Когда был моложе.

— Курьер — это шпион. — Взор её стал оценивающим.

— Необязательно, хотя трудно порой… убедить людей в обратном. Мы были доверенными посыльными. Конечно, не предполагалось, что мы будем держать глаза закрытыми и не станем докладывать о том, что видели.

— Очень хорошо. — Подбородок Исель снова взлетел вверх. — Тогда моим первым заданием вам, как моему секретарю, будет наблюдение. Я хочу, чтобы вы выяснили, совершила я ошибку или нет. У меня нет возможности запросто спуститься в город и расспросить людей — я должна оставаться на холме, на моей, — она скорчила гримаску, — мягкой перине. Но вы, вы можете сделать это, — и она посмотрела на него с выражением смутившего Кэсерила доверия.

Желудок его вдруг стал пустым и гулким, как барабан, и это не имело отношения к отсутствию в оном еды. Видимо, он выполнил поручение провинкары слишком хорошо.

— Я… я… прямо сейчас?

Она смущённо поёрзала в кресле.

— Нет, но как только появится возможность.

Кэсерил проглотил комок в горле.

— Я сделаю всё, что в моих силах, миледи.

По пути в свою комнату этажом ниже Кэсерила преследовали воспоминания о тех днях, когда он служил в этом замке пажом. Он мнил себя великим фехтовальщиком, будучи самую малость искуснее полудюжины прочих отпрысков знатных родов, разделявших с ним обязанности и занятия. Однажды прибыл ещё один юный

паж — сердитый коротышка; учитель фехтования пригласил Кэсерила скрестить с вновь прибывшим клинки в тренировочном бою. К тому времени Кэсерил овладел парочкой хитрых приёмов, в том числе и одним замысловатым обманным движением, в результате которого, будь мечи настоящими, он срезал бы уши большинству своих приятелей. Он испробовал этот финт на новеньком и остановился в восторге, когда плоское тупое лезвие коснулось головы соперника. И только когда Кэсерил перевёл взгляд вниз, он увидел, что тренировочный меч новичка согнулся чуть ли не вдвое, упёршись в его обвязанную защитными подушками грудь.

Тот паж быстро пошёл вверх и стал преподавателем фехтования при браджарском дворе. К этому времени Кэсерил уже перестал претендовать на звание мастера меча — его интересы были настолько широки, что он просто не мог посвятить всего себя одному занятию. Но он никогда не забывал тот миг, когда, опустив глаза, увидел упиравшийся в его грудь меч.

Он удивился, что первый урок с Исель вызвал к жизни это старое воспоминание. Живые крохотные искорки воли и энергии, горящие в таких непохожих глазах… как же звали того пажа?..

На кровати у себя в комнате Кэсерил увидел пару появившихся за время его отсутствия туник — свидетелей тех дней, когда управляющий был ещё молод и строен. Убирая одежду в сундук, он вспомнил о записной книжке торговца, которая так и лежала вместе с плащом в этом же сундуке. Вытащил её было, подумав, что можно отнести её в храм и сегодня после обеда, но потом положил обратно. Возможно, среди зашифрованных строчек ему удастся найти ключ к задаче, которую поставила перед ним Исель, — какие-нибудь убедительные доказательства виновности или, наоборот, невиновности судьи. Конечно, надо прочесть книжку, прежде чем отдать.

После обеда Кэсерил ненадолго забылся блаженным сном. Он только успел вернуться в явь и пребывал в чудном умиротворённом состоянии, когда раздался стук в дверь — сьер ди Феррей принёс бухгалтерские книги и сметы из комнаты принцессы. Следом вошла Бетрис, держа в руках коробку с письмами: их следовало привести в порядок и рассортировать. Таким образом, оставшуюся часть дня Кэсерил провёл за перекладыванием сложенных как попало бумаг, знакомясь попутно с их содержанием.

Финансовые отчёты были просты и понятны.

Среди них были счета за покупки безделушек и недорогих драгоценностей, списки принятых и вручённых подарков; более подробный список дорогих ювелирных изделий, унаследованных принцессой и полученных в дар. Гардероб. Верховая лошадь Исель и мул Снежок, их сбруя, парадные попоны. Закупками тканей и мебели ведал прежде бухгалтер провинкары, но теперь это стало одной из обязанностей Кэсерила. Леди столь высокого положения, как Исель, обычно отправлялись к жениху с целым обозом ценных и необходимых вещей. Кэсерил надеялся только, что это будет не корабль. Может, ему следует включить и себя в список приданого принцессы?

Он представил себе следующую запись: «Секр. — наставн., 1 шт. Подарок бабушки. Возраст 35 лет. Сильно пострадал при доставке. Стоимость…»

Поездка к жениху была, как правило, путешествием в один конец, хотя мать Исель — вдовствующая рейна — вернулась… надломленной. Кэсерил старался не думать об этом. Леди Иста беспокоила и озадачивала его. Говорят, безумие — беда многих знатных родов. В роду Кэсерила таких случаев не было — взамен душевных заболеваний семья его страдала от финансовых

кризисов и неудачных политических альянсов. Не грозит ли Исель унаследовать болезнь матери?.. Скорее всего нет.

Корреспонденция Исель оказалась скудной, но интересной. Среди первых писем — ласковые короткие послания от бабушки, писанные ещё до того, как рейна Иста переехала вместе с детьми под её крышу. В них то и дело встречались расплывчатые просьбы быть хорошей девочкой, слушаться маму, читать молитвы, помогать заботиться о маленьком братике. Несколько записок от дядей и тёток — других детей провинкары. Оставшуюся часть писем представляли регулярно высылаемые поздравления с днём рождения и праздниками от её сводного брата.

У Исель не было родственников со стороны отца, кроме рея Орико. В своё время Иас с сыном были единственными уцелевшими представителями семьи. Письма рей явно писал собственноручно — Кэсерил не мог поверить, чтобы Орико держал секретаря, который царапает как курица лапой. И хотя чувствовалось, что рей прилагает все силы, чтобы быть добрым и ласковым с ребёнком — он даже рассказывал о зверинце, который держит у себя в крепости, — звучали его послания несколько официально.

От этого приятного занятия Кэсерила оторвал паж, который принёс сообщение, что принцесса и леди Бетрис собираются выехать верхом и ждут, что Кэсерил присоединится к ним. Он быстро пристегнул одолженный ему меч и поспешил во двор. Лошади были уже осёдланы. Кэсерил почти три года не ездил верхом; он попросил подать специальную скамеечку, чтобы сесть в седло, и паж бросил на него удивлённый и презрительный взгляд. Кэсерилу дали чудесное спокойное животное — того гнедого, на котором выезжала с девушками гувернантка. Эта несчастная, избавленная ныне от мучений и крайне сим обстоятельством довольная, высунулась из окна, когда небольшая кавалькада подъезжала к воротам, и помахала им вслед платочком.

Всё оказалось куда проще, чем ожидал Кэсерил, — они всего лишь спустились к реке и вернулись обратно. А поскольку он объявил, что во время прогулки разговоры будут вестись только на дартакане, то в довершение ко всему удалось насладиться ещё и тишиной.

А потом — ужин, после ужина — в свою комнату, примерять и развешивать новые, подаренные ему вещи и пытаться расшифровать первые страницы дневника того бедного мёртвого глупца.

Однако очень скоро веки Кэсерила налились свинцом. Он рухнул на кровать и проспал до утра как бревно.

Всё шло столь же мирно, как и началось. По утрам — уроки с двумя юными леди: дартакан или рокнари, геометрия, арифметика, география. Для занятий по географии Кэсерил стянул у воспитателя Тейдеса хорошие карты и развлекал принцессу и её подругу несколько подредактированными рассказами о самых своих экзотических похождениях по Шалиону, Ибре, Браджару, Великой Дартаке и пяти вытянутым вдоль северного побережья, вечно враждующим провинциям Рокнара.

Последние его впечатления от Рокнарского архипелага — глазами раба — подверглись ещё более строгой редакции. Откровенную скуку и нежелание заниматься рокнари — ученицы его зевали до боли в челюстях — он излечил тем же лекарством, которым потчевал в своё время парочку других своих учеников, юных пажей при дворе Гуариды. Он пообещал леди знакомить их с одним из рокнарских ругательств (не из самых грубых, разумеется) за каждые выученные двадцать слов придворной речи. Пользоваться этими ругательствами в дальнейшем девушка-

ми, конечно, не предполагалось, но понимать, что говорится в их присутствии, им не помешало бы в любом случае. Подруги краснели и очаровательно хихикали.

Кэсерил ответственно отнёсся к своему первому поручению — собрать доказательства виновности или невиновности судьи. Опираться на слова ди Феррея он не мог, поскольку тот никогда не сталкивался с судьёй на профессиональной почве. Несколько походов в город в надежде отыскать кого-нибудь, кто помнил бы Кэсерила по старым временам — семнадцать лет назад — и мог бы поговорить с ним откровенно, также не принесли особого успеха. Единственным, кто его узнал, оказался пожилой пекарь, который многие годы продавал сладости всему пажескому корпусу замка. Но пекарь был мягким, любезным человеком и в жизни не вёл никаких тяжб и судебных процессов.

Тогда Кэсерил с удвоенной энергией углубился в книжку торговца, тратя на её расшифровку всё своё свободное время. Как ему удалось понять с немалым облегчением, несколько первых, поистине омерзительных экспериментов по вызову демонов Бастарда не удались. Имя покойного дуэлянта ни разу не упоминалось, но по некоторым

деталям нетрудно было догадаться, о ком идёт речь. Имя же судьи не всплывало вовсе.

Но не успел Кэсерил распутать этот клубок и наполовину, как дело из его неопытных рук перешло в руки придворного следователя провинкара Баосии. Следователь прибыл в Валенду из делового Тариона, куда сын вдовствующей провинкары перенёс столицу сразу по принятии наследства отца. Как подсчитал Кэсерил, времени до прибытия следователя прошло ровно столько, сколько требовалось, чтобы провинкар получил письмо от матери, распечатал и прочёл его, отправил приказ в канцелярию юстиции Баосии, после чего следователь собрался в путь вместе со своими подчинёнными. Да, вот они, привилегии. Кэсерил подозревал, что провинкару волновал не столько вопрос правосудия, сколько то, что был нажит враг.

На следующий же день выяснилось, что судья Вриз, спешно собрав пожитки, исчез, сбежал с двумя слугами. Камин в покинутом им доме был полон пепла от сожжённых бумаг.

Кэсерил сказал Исель, что это ещё не является окончательным доказательством вины, но и сам мало тому верил. С другой стороны, ему не давала покоя мысль — а вдруг в тот день устами

Исель *действительно* говорила богиня. Боги, как считали учёные-теологи Святого Семейства, действовали тайным образом — через мир, а не в нём. Даже в случаях таких ярких, исключительных чудес, как исцеление, или тёмных, таинственных катастроф и смертей каналы, по коим входит в мир людей добро или зло, должна открыть свободная воля человека. Кэсерил встретил за свою жизнь нескольких человек, которые, как он подозревал, воистину могли общаться с богами. Но таких было мало. Чаще попадались люди, просто верившие, что способны на это. Рядом с теми и другими ему всегда было как-то… неуютно. Кэсерил искренне надеялся, что Дочь Весны удалилась к себе, удовлетворённая происшедшим в храме. Или хотя бы просто удалилась…

Исель редко бывала в покоях младшего брата, отделённых от её собственных внутренним двориком, и общалась с ним обычно только во время трапез или прогулок верхом. Однако Кэсерил не сомневался, что детьми они были значительно ближе друг другу, пока процесс взросления не развёл их по разным мирам — миру мужчин и миру женщин.

Суровый секретарь-наставник принца, сьер ди Санда, казалось, весьма досадовал на то обстоя-

тельство, что к Кэсерилу обращаются, используя ничем не подкреплённый титул кастиллара. Всякий раз — за столом или в процессии — он торопился занять более почётное место, в качестве извинения улыбаясь столь неискренне, что это более походило на вызов. Кэсерил попытался было объяснить ди Санде, что тому не о чем беспокоиться, но вряд ли попытка удалась — ди Санда только улыбнулся в ответ своей лицемерной улыбочкой. Однажды во время урока он ворвался в классную комнату и потребовал обратно свои географические карты с таким видом, словно ожидал, что Кэсерил сейчас вступит с ним в бой за эти сверхсекретные государственные документы. Кэсерил же вернул пособия со словами благодарности, и ди Санда вынужден был в смущении удалиться.

Леди Бетрис прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Ну и хмырь! Он ведёт себя как… как…

— Как один из наших котов, — пришла на выручку Исель, — когда во двор забредает кот-чужак. Что вы такого сделали, Кэсерил, что он так на вас взъелся?

— Уверяю вас, что у него под окном я не мочился, — не подумав, ответил Кэсерил. Бетрис

тихо захихикала и метнула беспокойный взгляд в сторону гувернантки — не услышала ли та их наставника.

Ох, ну чем он только думает! Это уж совсем не для девичьих ушек. Хихикают… Могло быть хуже. Он до сих пор ещё не был уверен в прочности своего положения и в том, что девушки хорошо к нему относятся, хотя пока они не жаловались на него провинкаре, несмотря на пытки дартаканом.

— Полагаю, он вбил себе в голову, что я хочу занять его место, — проговорил Кэсерил, — и не может расстаться с этой мыслью.

Когда Тейдес только родился, перспектива унаследовать трон Орико была для него более чем нереальной. Однако с годами, когда стало ясно, что жена рея не сможет родить ребёнка, при дворе Шалиона к Тейдесу начал быстро возрастать интерес — возможно, и нездоровый. Вероятно, это было одной из причин, вынудивших Исту оставить двор и столицу и увезти детей в спокойную, мирную Валенду. Мудрое решение.

— О нет, пожалуйста, Кэсерил! — протянула Исель. — Останьтесь с нами. Это куда лучше и интереснее!

— Безусловно, — уверил он.

— Да и вообще вы в два раза умнее ди Санды и в десять раз больше повидали. Почему вы переносите его нападки так… так… — Бетрис замялась в поисках нужного слова, — спокойно, — сказала она наконец.

И отвернулась на мгновение, словно боясь, как бы он не решил, что она хотела произнести другое, менее лестное для него слово.

Кэсерил хитро улыбнулся своим неожиданным защитницам.

— Как думаете, стал бы он счастливее, если бы я представлялся ему лишь мишенью для его глупостей?

— О да…

— Ну вот вы и ответили на свой вопрос.

Бетрис открыла рот и снова закрыла его. Исель коротко хихикнула.

Тем не менее однажды Кэсерил ощутил сочувствие, даже сострадание к ди Санде, когда наставник принца, бледный и трясущийся, ворвался как-то утром к нему в комнату с тревожной вестью, что его царственный подопечный исчез: его нет ни в конюшне, ни на кухне и ни в одном закоулке замка. Кэсерил взял меч, готовясь выехать с остальными на поиски, и мысленно уже делил город и окрестности на сектора,

взвешивая одновременно вероятность нападения разбойников, опасность утонуть в реке… а городские соблазны? Не вырос ли уже Тейдес настолько, чтобы наведаться в бордель?

Прежде чем Кэсерил успел поделиться своими соображениями с ди Сандой, который думал только о разбойниках, как во двор въехал сам предмет волнений, грязный и потный, с переброшенным через плечо луком, привязанной к седлу убитой лисой, в сопровождении мальчика-грума. Тейдес с неподдельным ужасом уставился на готовый к отправке отряд.

Кэсерил, не успевший ещё взобраться в седло, уселся, держа в руках поводья, на скамеечку возле лошади и с интересом наблюдал, как четверо взрослых мужчин пытают мальчика.

«Где вы были? Почему вы так поступили? Почему никого не предупредили?» — Тейдес, стиснув зубы, выносил допрос довольно терпеливо.

Когда ди Санда сделал перерыв, чтобы набрать в грудь воздуха, Тейдес отвязал добычу и бросил её Битиму-охотнику буркнув:

— Вот. Снимите шкуру. Я хочу этот мех.

— Мех в этом сезоне никуда не годится, юный лорд, — строго ответил Битим. — Шерсть тонкая и линяет. — Он показал пальцем на тёмные, раз-

бухшие от молока соски лисицы. — И это очень плохо — отнимать у детей мать в сезон Дочери. Мне придётся опалить ей усы, не то её дух будет всю ночь преследовать моих гончих. И где щенки? А? Вам следовало забрать их тоже — жестоко бросать малышей умирать с голоду. — Тяжёлый взгляд его обратился на мальчика-грума.

Тейдес снял с плеча лук и расстроенно пробормотал:

— Мы искали нору, но так и не смогли её найти.

— Ладно, — отмахнулся ди Санда и набросился на грума: — А ты… ты же знал, что должен был меня предупредить! — Он осыпал мальчика ругательствами, которые не смел употребить в адрес принца, и закончил приказом: — Битим, отстегайте этого мальчишку за его глупость и наглость!

— С удовольствием, милорд, — угрюмо произнёс Битим и зашагал к конюшням, держа в одной руке лисицу, а другой ухватив за шиворот грума.

Два старших конюха завели лошадей в стойла, и Кэсерил облегчённо вздохнул — скачки отменялись, а завтрак, наоборот, маячил в перспективе. Ди Санда, чей испуг сменился гневом, конфисковал лук и повёл своего удручённого подопечного

в дом. Прежде чем захлопнулась входная дверь, Тейдес выкрикнул последний аргумент в свою защиту:

— Но мне так скучно!..

Кэсерил подавил смешок. Пятеро богов, какой это мучительный и тяжёлый возраст для любого мальчика! Подросток исполнен энергии и жажды деятельности и в то же время скован по рукам и ногам не понимающими его желаний взрослыми, вынужден подчиняться их глупым идеям — даже мысли нельзя допустить о том, чтобы улизнуть чудесным весенним утром с молитвы на охоту... Кэсерил взглянул на небо, уже очистившееся от утреннего тумана. Покой, царивший в замке провинкары, являвшийся бальзамом для души Кэсерила, для бедняги Тейдеса был самым настоящим ядом.

Ди Санда вряд ли примет какой бы то ни было совет от Кэсерила, столь недавно принятого на службу. Но Кэсерилу было ясно, что ди Санде в случае, если тот надеется занять высокий пост при взрослом Тейдесе, следует в корне изменить своё отношение к воспитаннику, ибо Тейдес, буде всё так и продолжится, избавится от своего наставника при первой же возможности.

И всё же, на взгляд Кэсерила, ди Санда был

достаточно разумным человеком. Другой с подобными амбициями на его месте потакал бы принцу во всех его слабостях, вместо того чтобы сдерживать безрассудные порывы. Кэсерилу довелось видеть парочку отпрысков благородных семейств, избалованных своими воспитателями донельзя… Но не в Баосии. Пока провинкара у дел, Тейдес избавлен от встреч с такими паразитами. С этой приятной мыслью Кэсерил и поднялся на ноги.

Глава 5

Шестнадцатилетие Исель праздновали в середине весны, спустя шесть недель после приезда Кэсерила в замок Валенды. Подарком принцессе из столицы от сводного брата Орико оказалась замечательная серая в яблоках кобыла. Кэсерил подумал, что это поистине королевский подарок. И ему не пришлось писать ответного письма, поскольку Исель была так довольна, что благодарность свою выразила в письменном виде собственноручно и отправила послание с курьером, который сопровождал подарок.

Но Кэсерил после этого события вдруг ощутил себя объектом пристального внимания и опеки со стороны Исель и Бетрис, и это его даже несколько смущало. Маленькие знаки внимания в виде лучших фруктов и овощей за столом — для улучшения его аппетита; забота о том, чтобы он пораньше ложился спать и обязательно выпивал на ночь вина — но не слишком много; кроме того, обе леди стали приглашать его на прогулки по саду. Что это означает, он не понимал, пока ди Феррей не пошутил как-то в разговоре с провинкарой, при котором присутствовал и Кэсерил,

что девочки, мол, так заботятся о хрупком здоровье своего наставника, что отказались даже от безумных скачек верхом. Кэсерил, поначалу возмутившись, потом едва удержался, чтобы не начать подыгрывать — захромать, например… Женское участие — слишком приятная штука, чтобы над ним насмехаться.

А началось всё с одной из верховых прогулок. Стояла хорошая погода, Кэсерил тоже чувствовал себя неплохо, и привычное напряжение отпустило его. Скоро лето, жизнь потечёт и вовсе размеренно и вяло. Наблюдая, как его воспитанницы нахлёстывают коней, скача по оврагам и по извилистому берегу реки в тени свежей листвы, он слегка расслабился и тоже пустил коня вскачь. И надо же было такому случиться, что именно его лошадь, испугавшись внезапно показавшейся из зарослей оленихи, отпрыгнула в сторону и сбросила седока на груду камней. У Кэсерила при падении перехватило дыхание. Он упал на спину, от боли выступили слёзы на глазах. Два склонившихся над ним перепуганных девичьих личика расплывались на фоне слепящего солнца и зелёной листвы.

При помощи девушек и поваленного дерева ему удалось взгромоздиться обратно в седло.

Обратный путь к замку был неторопливым и вполне благопристойным — гувернантка была бы в восторге, — если бы не терзавшее девушек чувство вины. Бег времени остановился, от муки мир в глазах Кэсерила казался искажённым. Тело периодически сводило судорогой, но больше всего его терзала жгучая боль в спине. Добравшись наконец до двора, он сосредоточился на подставленной ему скамеечке, конюхе и избавлении от проклятой лошади. Спешившись, на мгновение опустил голову и упёрся лбом в седло, пряча гримасу боли.

— Кэс!

Знакомый голос донёсся до него как из небытия. Он поднял голову и огляделся. Широко раскинув руки, к нему бежал атлетически сложенный темноволосый мужчина, одетый в элегантную красную парчовую тунику и красные же высокие сапоги для верховой езды.

— Пятеро богов, — прошептал Кэсерил. — Паллли?

— Кэс! Кэс! Целую руки, целую ноги! — Мужчина набросился на него и чуть не повалил, дословно исполнив первую часть своего приветствия, а вторую заменив медвежьими объятиями. — Кэс, приятель! Я думал, что ты погиб!

— Нет-нет… Палли… — Он почти забыл про боль. Схватил друга за руки и повернулся к Исель и Бетрис, спешившихся и передавших лошадей грумам. Девушки смотрели на них с неприкрытым любопытством.

— Принцесса Исель, леди Бетрис, позвольте вам представить — сьер ди Паллиар, моя правая рука в Готоргете. Пятеро богов, Палли, что ты здесь делаешь?

— Я собирался спросить тебя о том же, причём с большим на то основанием! — ответил Палли, поклонившись обеим леди, которые поедали его глазами со всевозрастающим интересом. Два года после Готоргета сделали своё дело, молодой человек снова обрёл блистательный вид, хотя к концу разрушительной осады все они выглядели как ободранные вороны. — Принцесса, миледи, приветствую вас… Но я теперь марч ди Паллиар, Кэс.

— О, мои соболезнования. — Кэсерил удручённо покачал головой. — Мои соболезнования. Это недавняя утрата?

Палли слегка склонил голову.

— Почти два года прошло. Старика хватил удар, когда мы вынуждены были сдать Готоргет, но он продержался, пока я не добрался до дома благодаря тому, что был сезон Отца Зимы. Он узнал меня,

и я провёл с ним его последние дни, рассказал о кампании — он благословил тебя перед смертью, хотя мы оба были уверены, что ты давно в ином мире. Кэс, приятель, куда же ты подевался?

— Меня… не освободили.

— Не освободили? Как так? Как могли тебя не освободить?

— Вкралась какая-то ошибка. Моего имени не было в списке.

— Но ди Джиронал сказал, что рокнарцы оповестили его, будто ты умер от лихорадки.

Улыбка Кэсерила стала жёсткой.

— Нет, меня продали на галеры.

Палли встряхнул головой.

— Ничего себе ошибка! Но это же невозможно…

Кэсерил скорчил гримасу и толкнул его в грудь. Палли понял и замолчал, но гнев в его глазах не угас. Взглядом он дал понять Кэсерилу: «Хорошо, поговорим позже». Тут к ним подошёл улыбающийся ди Феррей, и оба повернулись к нему.

— Милорд ди Паллиар с её милостью провинкарой пили вино в саду, — объяснил управляющий, — присоединяйтесь, Кэсерил!

— Благодарю.

И Палли с Кэсерилом направились вслед за ди

Ферреем через двор, вокруг дома к небольшому участку, где садовник провинкары выращивал цветы. Она любила сидеть там в хорошую погоду. Пройдя немного, Кэсерил начал отставать. Палли замедлил шаг и вопросительно посмотрел на друга. Провинкара ожидала их с мягкой улыбкой на устах, устроившись в тени розового куста, усыпанного ещё не раскрывшимися бутонами. Она указала им на принесённые слугами кресла. Кэсерил, скривившись и застонав сквозь зубы, опустился в одно из них.

— Демоны Бастарда, — следя за ним внимательным взглядом, пробормотал Палли, — рокнарцы не оставили на тебе живого места?

— Да нет, не совсем. Леди Исель… уф-ф… похоже, решила довершить незаконченное ими, — ему наконец удалось откинуться на спинку, — и ещё эта проклятая глупая лошадь.

Тут без приглашения явились обе юные леди, и провинкара нахмурилась.

— Исель, вы скакали галопом? — громовым голосом спросила она.

Кэсерил вступился за девушек:

— Нет-нет, миледи, во всём виновата моя лошадь — она решила, что на неё напал какой-то ужасный хищный пожиратель кобылиц, и от-

прыгнула в сторону. Ну а я не успел отпрыгнуть вместе с ней. Пришлось упасть. Не беспокойтесь, всё в порядке, спасибо.

И он принял бокал вина у слуги и быстро выпил, опасаясь расплескать. Мерзкая дрожь в теле, хвала богам, начала проходить.

Исель подарила ему благодарный взгляд, не оставшийся, впрочем, незамеченным её бабушкой. Провинкара недоверчиво фыркнула. В качестве наказания она отправила девушек переодеваться:

— Исель, Бетрис, марш к себе и оденьтесь для ужина. Мы провинциалы, но не дикари.

Отосланные юные леди понуро потащились из сада, с любопытством оглядываясь через плечо на необыкновенного гостя.

— Но как ты оказался здесь, Палли? — спросил Кэсерил, когда обе изгнанницы скрылись за углом.

Палли, тоже провожавший их глазами, вздрогнул, словно проснувшись. «Закрой рот, приятель, — весело подумал Кэсерил, — мне тоже пришлось через это пройти».

— О! Я направляюсь в Кардегосс, знаешь, шаркать ножкой при дворе. Мой отец дружил со старым провинкаром и, когда проезжал мимо

Валенды, всегда заглядывал сюда — вот и я по его примеру послал вестового с запиской. Ну а миледи, — он кивнул провинкаре, — любезно согласилась меня принять.

— Я бы обиделась на вас, если бы вы не заехали, я так давно не видела ни вас, ни вашего отца. Мне очень жаль, что он покинул наш мир.

Палли снова кивнул и обратился к Кэсерилу:

— Мы собирались дать отдых лошадям и не торопясь отправиться завтра утром — погода слишком хороша, чтобы спешить. На дороге полно паломников. Нас оповестили, что холмы кишат разбойниками, но увы, нам ни одного не удалось найти!

— Вы их искали? — удивился Кэсерил. Его мечтой на протяжении всего долгого пути до Валенды было не наткнуться на бандитов.

— Эй! Я же теперь лорд-дедикат ордена Дочери в Паллиаре, да будет тебе известно. Что называется, надел отцовские сапоги. У меня есть определённые обязанности.

— Ты ехал с солдатами Дочери?

— Скорее с багажным обозом. Всё завалено книгами, собранной рентой, проклятым оборудованием и прочими тыловыми штучками. Игрушки командующего — сам знаешь, ты же

меня этому и учил. Одна часть славы на десять частей дерьма.

Кэсерил ухмыльнулся.

— С таким удачным соотношением? Да на тебе благословение!

Палли оскалился в ответ и с благодарностью взял предложенные ему сыр и печенье.

— Я расположил своих людей внизу, в городе. Но ты, Кэс! Ребята из Готоргета спрашивали, не встречался ли я с тобой. Ты должен был дать мне знать! Я чуть не упал, когда миледи поведала мне, что ты шёл — пешком! — от самой Ибры и выглядел словно мышь, недоеденная котом.

Провинкара пожала плечами, когда Кэсерил укоризненно стрельнул в неё глазами.

— Последние полчаса я тут рассказывал им военные истории, — продолжил Палли. — Как твоя рука?

Кэсерил пошевелил пальцами.

— Лучше. Значительно. — Он поспешил сменить тему: — А в связи с чем ты едешь ко двору?

— Ну, у меня после смерти отца ещё не было возможности формально войти в должность и предстать перед реем Орико. Кроме того, я должен представлять орден Дочери в Паллиаре при вступлении в должность его нового священного

генерала.

— Генерала? — переспросил Кэсерил.

— А, так Орико всё-же решил этот вопрос? — вступил в беседу ди Феррей. — После смерти старого генерала, я слышал, все знатные семьи Шалиона пытались получить это место.

— Могу себе представить, — усмехнулась провинкара. — Вполне доходный и могущественный орден, хотя и не такой, конечно, как орден Сына.

— О да! — ответил Палли. — Об этом ещё не объявили, но всем известно — генералом станет Дондо ди Джиронал, младший брат канцлера.

Кэсерил вздрогнул и отпил вина, чтобы скрыть свой испуг. После долгой паузы провинкара сказала:

— Странный выбор. Обычно от генерала святого военного ордена ожидают большей… большей аскетичности.

— Но, — поразился ди Феррей, — ведь канцлер Мартоу ди Джиронал уже является генералом ордена Сына! Два генерала в одной семье? Это опасная концентрация власти!

Провинкара прошептала:

— Кроме того, Мартоу должен стать провинкаром, если молва не лжёт. Как только старый ди Илдар прекратит своё жалкое существование.

— Я не слышал такого, — в голосе Палли послышалось беспокойство.

— Да, — сухо подтвердила провинкара, — семья Илдара не слишком рада. Они рассчитывали, что титул провинкара перейдёт к одному из племянников.

Палли пожал плечами.

— Братья Джиронал делают карьеру в Шалионе благодаря расположению рея Орико. Полагаю, будь я умнее, я бы тоже примкнул к их свите и двигался наверх вместе с ними.

Кэсерил нахмурился, делая вид, что разглядывает вино в бокале, и проронил, чтобы сменить тему:

— Какие ещё новости ты слышал?

— Ну, пару недель назад наследник ибранского престола снова поднял знамёна Южной Ибры против старого лиса, своего отца. Все думали, что поражение в кампании прошлым летом образумит молодого принца, но нет.

— Наследник слишком много на себя берёт, — сказала провинкара. — Есть ведь и ещё один сын.

— В последнее время Орико поддерживает наследника, — заметил Палли.

— За счёт Шалиона, — пробормотал Кэсерил.

— Мне кажется, что Орико загадывает на будущее. Ведь в конце концов, — Палли снова пожал плечами, — наследник победит. Рано или поздно. Так или иначе.

— Но сейчас это будет грустная победа для старика, если его сын проиграет, — задумчиво произнёс ди Феррей. — Думаю, они загубят массу человеческих жизней, а потом начнётся всё сначала. Игры на куче трупов.

— Мрачное занятие, — провинкара сжала губы, — ничего хорошего из этого не выйдет. Эй, ди Паллиар, расскажите-ка что-нибудь хорошее. Есть же какие-нибудь хорошие новости? Скажите мне, что жена Орико ждёт ребёнка.

Палли печально покачал головой.

— Насколько мне известно, нет, леди.

— Ну, тогда пойдёмте ужинать и больше не будем говорить о политике. Моя старая голова начинает от неё болеть.

Пока Кэсерил сидел, у него свело мышцы, несмотря на выпитое вино, и, пытаясь подняться, он едва не упал. Палли, озабоченно хмурясь, поддержал его под локоть.

Кэсерил удалился умыться и переодеться. И насладиться в одиночестве подсчётом своих синяков.

Ужин был щедрым и вкусным. Ди Паллиар, который никогда не был неуклюж за столом — и манеры имел прекрасные, и беседу умел поддержать, — завладел вниманием всех, от лорда Тейдеса и леди Исель до последнего пажа, столь увлекательные истории слетали с его уст. Несмотря на вино, голова его оставалась ясной, и из него сыпались только забавные истории, героем которых в основном был он сам. Во время рассказа о том, как он последовал за Кэсерилом в ночную вылазку против рокнарских сапёров и как они вдвоём на месяц отбили у врага охоту к активным действиям, слушатели только переводили расширенные глаза с Кэсерила на Палли и обратно. Им явно нелегко было представить себе скромного, никогда не повышающего голос секретаря принцессы грязным, окровавленным и ползающим по камням с кинжалом в руке и со злобным оскалом. Кэсерилу было неуютно под этими взглядами. Ему хотелось стать невидимкой. Дважды Палли пытался вовлечь его в беседу, и дважды он ловко ускользал, не желая ничего рассказывать. Палли, осознав бесплодность своих попыток, сдался.

Трапеза текла неспешно и закончилась поздно. И наконец настал тот час, которого так ждал и

страшился Кэсерил: когда все разошлись спать, Палли постучал в его дверь. Кэсерил впустил его и, придвинув скамейку к стене, бросил на неё подушки. Сам же устроился на кровати, которая, как и её хозяин, при этом тихонько застонала. Палли сел, уставился на Кэсерила в неярком свете свечей. Затем начал с отличавшей его прямотой:

— Ошибка, Кэс? Ты хорошо подумал об этом?

Кэсерил вздохнул.

— У меня было девятнадцать месяцев на размышления, Палли. Я рассмотрел каждую возможность, даже самую ничтожную. Я думал об этом, пока меня не начало тошнить.

Палли спросил в лоб:

— Ты считаешь, что рокнарцы решили отомстить тебе, спрятав от нас и сообщив, что ты мёртв?

— Я так думал поначалу.

«Если не принимать во внимание, что я видел список».

— Или кто-то преднамеренно вычеркнул тебя из списка? — настаивал Палли.

Список был написан рукой Мартоу ди Джироналом.

— Это был мой окончательный вывод.

Палли выдохнул:

— Низкий, грязный предатель! После всего, что мы перенесли… чёрт побери, Кэс! Когда я прибуду ко двору, я расскажу об этом ди Джироналу. Он самый могущественный лорд Шалиона, боги свидетели. Вместе, уверен, мы доберёмся до задницы этого…

— Нет! — Кэсерил в ужасе подскочил на подушках. — Не надо, Палли! Даже не заикайся ди Джироналу, что я существую! Не обсуждай это, не упоминай обо мне — если мир считает, что я мёртв, так даже лучше. Если бы я знал, что всё обстоит именно так, я бы остался в Ибре. Просто… забудь об этом.

Палли пристально посмотрел в глаза другу.

— Но… Валенду вряд ли можно назвать краем света. Всё равно люди узнают, что ты жив.

— Это спокойное мирное место. Я никому здесь не мешаю.

Многие в Готоргете были столь же смелы, как Палли, многие были куда сильнее, но любимым лейтенантом Кэсерила он стал из-за своего ума. Этому уму достаточно было получить единственную ниточку, чтобы начать быстро разматывать весь клубок. Глаза Палли сузились, поблёскивая в отсвете пламени свечи.

— Ди Джиронал? Сам? Пятеро богов, чем же ты

ему так насолил?

Кэсерил поёрзал, устраиваясь поудобнее.

— Думаю, это не личное. Полагаю, это была лишь маленькая… услуга кому-то. Маленькая незначительная услуга.

— Тогда правду знают ещё двое. О боги, Кэс! Кто же этот второй?

Палли будет раскапывать и разнюхивать — теперь Кэсерилу его не остановить, что ни делай. Он не бросит работу ума на полпути и уже начал собирать головоломку.

— Кто мог тебя так ненавидеть? Ты всегда был самым дружелюбным и мирным человеком. Ты даже отказывался от дуэлей, а побеждённым врагам никогда не предлагал унизительных для них условий и — демоны Бастарда! — даже в шутку не заключил ни единого пари! Маленькая незначительная услуга! Что могло руководить человеком, чтобы так жестоко поступить с тобой?

Кэсерил потёр лоб. Голова начала болеть, но вовсе не от выпитого вина.

— Страх. Так я думаю.

Палли удивлённо скривил рот.

— И если станет известно, что и ты кое-что знаешь, они будут бояться тебя тоже. Я совсем не хочу, чтобы это коснулось тебя, Палли. Я хочу,

чтобы ты оставался в стороне.

— Если это действительно столь сильный страх — я бы даже сказал, ужас, — то один тот факт, что мы встречались и разговаривали, уже делает меня в их глазах подозрительным. Их страх плюс моё невежество — о боже, Кэс! Не посылай меня в бой с завязанными глазами!

— Я больше никого не хочу посылать в бой! — Ярость и решительность, прозвучавшие в голосе Кэсерила, удивили даже его самого. Глаза Палли расширились. Однако Кэсерилу внезапно пришло в голову использовать неуёмное любопытство Палли против него самого. — Если я расскажу тебе, что и откуда я знаю, ты дашь мне слово — твоё слово! — что оставишь это и не будешь пытаться ничего разузнать и ни словом не упомянешь ни о том, что я тебе расскажу, ни обо мне? Ни намёка, ни рискованных игр?..

— В общем, вести себя тише воды ниже травы, как это делаешь ты? — сухо спросил Палли.

Кэсерил хмыкнул — то ли весело, то ли печально.

— Именно так.

Палли опёрся спиной о стену и в раздумье ущипнул себя за губу.

— Торгаш, — наконец ласково произнёс он, —

заставляешь меня купить кота в мешке и даже не даёшь взглянуть на него. Вдруг там вовсе и не кот?

— Мр-р-р.

— Я просто хочу совершить равноценный обмен… о проклятие, ладно, ладно! Я всегда знал, что ты не бросишь нас на неизведанную территорию и не направишь в заведомую засаду. Я поверю твоим суждениям, а ты — в мою рассудительность и осторожность. Таким будет моё слово.

Очень, очень умелый контрудар. Кэсерил не мог не восхититься им. Он вздохнул.

— Что ж, хорошо.

Какое-то время он сидел молча, словно собираясь с мыслями и не зная, с чего начать. Этот рассказ никогда ещё не звучал вслух, хотя мысленно был повторён столько раз, что слова должны были бы слетать с уст без запинки.

— История достаточно короткая. Впервые я встретил Дондо ди Джиронала четыре, нет, теперь уже пять лет назад. Я тогда на стороне Гуариды участвовал в маленькой приграничной кампании против безумного рокнарского принца Олуса — помнишь, он ещё имел привычку закапывать своих противников по пояс в экскре-

менты и сжигать живьём? Через год после тех событий его убили собственные охранники.

— О да. Я слышал о нём. Говорят, его засунули в дерьмо вниз головой.

— Есть несколько версий его кончины. Но в то время он ещё правил. Лорд Гуариды загнал его войска — кучку разбойников — в холмы у самой границы, им некуда было деваться. Лорда Дондо и меня послали как парламентариев доставить Олусу ультиматум и обговорить контрибуции и условия освобождения пленных. Дела на переговорах пошли… плохо. И Олус решил, что доставить его ответ лордам Шалиона может и один посыльный. Он поставил нас с Дондо друг перед другом в своей палатке, окружив дюжими солдатами с мечами. Нам был предоставлен выбор: либо снести мечом голову своему товарищу и доставить её вместе с ответом принца в лагерь лорда Гуариды, либо, если мы откажемся от боя между собой, остаться обоим без голов, каковые катапультируют затем в сторону наших позиций.

Палли открыл рот, но всё, что он мог сказать, было:

— А-ах.

Кэсерил перевёл дух.

— Выбор первому предоставили мне. Я отказался от меча. Тогда Олус прошептал мне своим странным вкрадчивым голосом: «Вы не выиграете эту игру, лорд Кэсерил». Я ответил: «Знаю, принц. Но я могу сделать так, что вы её проиграете». Он немного помолчал, затем рассмеялся. И повернулся к Дондо, который уже был зелёным, как покойник…

Палли нахмурился, но не прервал рассказ, а жестом попросил Кэсерила продолжать.

— Один из солдат ударом под колени сбил меня с ног, схватил за волосы, и голова моя оказалась на скамейке. Дондо нанёс удар.

— По руке того солдата? — уточнил Палли.

Кэсерил заколебался.

— Нет, — наконец вымолвил он, — но Олус в последний момент подставил свой меч. Меч Дондо ударился о лезвие и соскользнул. — У Кэсерила до сих пор стоял в ушах скрежет металла о металл. — Я отделался здоровенным чёрным синяком на шее. Он не сходил примерно месяц. Два солдата отобрали у Дондо меч, а потом нас посадили на коней и отправили в лагерь Гуариды. Когда мне привязали руки к седлу, подошёл Олус и прошипел: «Теперь увидим, кто проиграет». Возвращались мы молча. Когда показались наши

позиции, Дондо впервые обернулся ко мне и сказал: «Если ты кому-нибудь расскажешь об этом — я убью тебя». На что я ответил: «Не беспокойтесь, лорд Дондо, за столом я рассказываю только *забавные* истории». Лучше бы я промолчал. Хотя… может, и это не помогло бы.

— Он обязан тебе жизнью!

Кэсерил покачал головой и отвёл взгляд.

— Я видел его душу нагой, корчащейся от страха. Сомневаюсь, что он когда-нибудь простит мне это. В общем, я молчал, и он тоже. Я думал, что всё уже закончилось. Но потом был Готоргет, а потом… потом то, что было после Готоргета. Теперь я проклят дважды. Если Дондо узнает, что я жив и прекрасно понимаю, почему оказался рабом на галере, — как ты думаешь, сколько будет стоить моя жизнь? Но если я ничего не скажу, ничего не сделаю такого, что бы напомнило ему… может, он забыл обо мне? Я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое в этом мирном тихом месте. У него же наверняка и без меня врагов хватает. — Кэсерил снова перевёл взгляд на Палли и напряжённо произнёс: — Даже не упоминай обо мне в присутствии Джироналов. Никогда. Ты не слышал этой истории. Ты со мной едва знаком. Если ты хоть немного любишь меня, Палли,

оставь всё как есть.

Губы Палли сжались. Кэсерил надеялся, что он не забудет о клятве.

— Как скажешь, конечно, но… проклятие! Проклятие! — Он долго смотрел на Кэсерила в полумраке комнаты, словно пытаясь прочитать что-то по его лицу. — Это не только из-за этой жуткой бороды. Ты действительно изменился.

— Я? Ну да.

— Как… — Палли отвёл глаза, потом снова взглянул на Кэсерила, — насколько всё было ужасно? На самом деле? Там, на галерах?

Кэсерил пожал плечами.

— Мне повезло. Я выжил. Многие — нет.

— Рассказывают массу страшных историй. Говорят, над рабами издеваются, что их всячески… унижают…

Кэсерил почесал свою обруганную Палли бороду.

— Истории недалеки от истины, но рассказчики порой преувеличивают — исключения выдают за правило. Лучшие капитаны обращались с нами, как хороший фермер со своей скотиной, даже заботились немного. Еда, питьё… гм… упражнения на свежем воздухе, более-менее приличные условия и даже чистота, чтобы избежать эпидемий.

Неразумное избиение выводит человека из строя, он не может грести, как ты понимаешь. Бывало, конечно, и такое, но физическое… гм… насаждение дисциплины практиковали в основном на берегу, в порту. В море достаточно моря.

— Не понял.

Кэсерил поднял бровь.

— Зачем портить шкуру, когда можно сломать бунтарский дух, просто выбросив человека за борт, где его трепыхающиеся конечности станут чудесной приманкой для хищных рыб? Рокнарцам нужно было только чуток подождать, и мы бросались вплавь за кораблём, плача и умоляя, чтобы нас вернули в рабство, к вёслам.

— Ты всегда был хорошим пловцом. Это, должно быть, очень помогало тебе? — В голосе Палли опять зазвучала надежда.

— Боюсь, наоборот. Те, кто камнем шли ко дну, уходили милосердно быстро. Подумай об этом, Палли. Я думал. — Он вспоминал это до сих пор, вскакивая в постели, когда в кошмарном сне вода смыкалась над его головой. Или ещё хуже… когда он оставался на плаву. Был случай — однажды надсмотрщик развлекался, наказывая купанием одного беднягу ибранца, и тут внезапно налетел ветер. Капитан поспешил в порт, чтобы успеть до

шторма. Он отказался сделать круг и подобрать раба, а надсмотрщика за небрежность наказал тем, что вычел стоимость гребца из его жалованья. Надсмотрщик долго ещё ходил с кислой рожей.

Палли с минуту молчал, округлив глаза, потом выдохнул:

— Ох.

Именно «ох».

— Когда я только попал на судно, меня часто били из-за моей гордости и моего языка — тогда я ещё считал себя лордом Шалиона. Позже меня… избавили от иллюзий.

— Но… тебе ведь не пришлось… я имею в виду… они не использовали тебя… не унижали, как… ну…

Было слишком темно, чтобы разглядеть краску на щеках Палли, но Кэсерил понял, что его беспокоит и о чём он столь сбивчиво пытается спросить — не насиловали ли Кэсерила. Кэсерил мягко улыбнулся.

— Боюсь, ты путаешь рокнарцев с дартаканцами. Эти легенды представляют собой чьи-то домыслы. Рокнарский еретический культ Четырёхбожия полагает преступными необычные виды любви, которыми управляет Бастард. Рок-

нарские теологи считают Бастарда демоном, как его отец, а не богом, как его святая мать, и объявляют нас всех дьяволопоклонниками. Это глубокое оскорбление как для леди Лета, так и для бедного Бастарда — разве он просил о своём рождении? Рокнарцы пытают и вешают обвиняемых в содомии, а лучшие рокнарские капитаны никогда ни нанимают таких людей в команду и не терпят рабов с подобными наклонностями.

— А-а… — Палли облегчённо вздохнул. Но он не был бы собой, если бы не додумался спросить: — А худшие капитаны?

— Эти могут всё. Со мной такого не случилось — вероятно, я был слишком костляв. Жертвами становились молодые рабы, почти мальчики… и мы обычно знали об этом. Старались быть помягче с ними, когда они возвращались на свои скамьи. Некоторые из них плакали. Некоторые учились пользоваться своим положением ради поблажек… кое-кто из нас делился с ними едой. Этим беднягам всегда угрожала опасность, поскольку капитан мог избавиться от них в любой момент — как от свидетелей своего греха.

— У меня волосы встают дыбом. Я думал, что знаю всё об этом мире, но… Ты по крайней мере избежал худшего.

— Не знаю, что хуже, — задумчиво проговорил Кэсерил. — Однажды со мной позабавились так чудовищно, что рядом со мной те мальчики могли бы показаться счастливчиками. И никто из рокнарцев при этом не рисковал быть повешенным за содеянное. — Кэсерил никогда ещё не рассказывал об этом — ни добрым служителям храмового приюта и, уж конечно, никому из окружения провинкары. Подобную историю он просто не мог поведать до сих пор ни одному человеку. Он почти нетерпеливо продолжил: — Мой корсар совершил ошибку, напав на браджарское торговое судно, — сопровождавшие его галеры он заметил слишком поздно. Когда мы начали отходить, я потерял сознание от жары и выронил весло. И чтобы от меня была хоть какая-то польза, надсмотрщик вытащил меня из оков, раздел и, привязав запястья к щиколоткам, вывесил голого за кормой. Так он насмехался над нашими преследователями. В корму и в перекладину, на которой я болтался, вонзались стрелы браджарских лучников. Уж не знаю, браджарцы ли плохо целились или это была милость богов, но я не закончил жизнь со стрелами в заднице. Может, преследователи думали, что я — рокнарец, который решил поиздеваться над ними, а может,

хотели положить конец моим унижениям.

Заметив расширившиеся глаза Палли, Кэсерил опустил самые жуткие и гротескные подробности.

— Ты знаешь, что в последние месяцы осады Готоргета мы жили в постоянном ужасе, пока не привыкли к нему, как и к той вечной боли в животе, которую мы научились не замечать, но которая от этого никуда не девалась.

Палли молча кивнул. Кэсерил продолжил:

— Но тогда я понял кое-что… странное. Я даже не знаю, как объяснить…

У него до сих пор не было случая выразить словами то, что он испытал.

— Я понял, что есть нечто за пределами страха. Когда тело, душа и рассудок уже не в состоянии выдерживать больше этот страх — мир, время… всё меняется. Сердце бьётся всё медленнее, тело перестаёт потеть… словно впадаешь в какой-то священный транс. Когда меня подвешивали, у меня от страха и стыда текли слёзы — столь сильным было отвращение к происходящему. Когда же браджарцы в конце концов повернули назад, и надсмотрщик снял меня, обожжённого солнцем до волдырей, и швырнул на палубу, я… смеялся. Я хохотал так, что рокнарцы решили, будто я

спятил. Весь мир стал… другим, совсем новым. Конечно, «весь мир» был длиной в несколько дюжин шагов и сделан из дерева, да ещё и раскачивался на воде… а время этого мира отмерялось боем склянок… И я рассчитывал теперь вперёд на часы своей жизни, как иные рассчитывают на годы, причём загадывал не больше чем на час. Все люди стали добры и прекрасны — каждый по-своему, — и рокнарцы, и рабы, с благородной или мужицкой кровью в жилах… всё равно. И я был другом им всем и улыбался. Я больше не боялся. Правда, старался всё-таки не терять больше сознания за веслом.

Голос Кэсерила зазвучал тише, задумчивее.

— С тех пор, когда в моё сердце приходил страх, я только приветствовал его — это убеждало меня, что я не сумасшедший. Или по крайней мере иду на поправку. Страх — мой друг. — Он поднял глаза и улыбнулся короткой, извиняющейся улыбкой.

Палли сидел прямой, напряжённый, с застывшей, как гримаса на лице, улыбкой. Тёмные глаза его округлились и стали похожи на плошки. Кэсерил громко рассмеялся.

— О пятеро богов, Палли, прости меня. Я не хотел нагрузить тебя, словно осла, тюками своих исповедей с тем, чтобы ты унёс их от меня по-

дальше. — А может, потому он всё и рассказал, что Палли завтра в любом случае покинет замок. — Это было бы слишком тяжким бременем. Прости меня.

Палли отмахнулся от извинений, словно отгоняя назойливую муху. Шевельнул губами, сглотнул и только после этого смог выговорить:

— А ты уверен, что это был не солнечный удар?

Кэсерил хохотнул:

— О конечно, и солнечный удар у меня тоже был. Но если он не убивает сразу, то исцеляешься через пару дней. А это длилось… не один месяц.

Вплоть до последнего случая с тем ибранским мальчиком, над которым рокнарцы собрались поиздеваться, что закончилось для Кэсерила жестокой поркой.

— Мы, рабы…

— Хватит! — крикнул Палли, запустив пальцы в волосы.

— Что «хватит»? — озадаченно переспросил Кэсерил.

— Хватит говорить — мы, рабы! Ты — лорд Шалиона!

Кэсерил скривил губы в странной улыбке. Затем мягко произнёс:

— Мы, на вёслах, — лорды? Потные, мочащиеся под себя, изрыгающие проклятия и рычащие господа? Нет, Палли. На галерах мы были не лордами и простолюдинами. Мы были даже не людьми, скорее животными, и кто лучше — определялось не рождением или кровью. Я знал человека величайшей души — то был обыкновенный дубильщик, и если бы его встретил, то расцеловал бы его сапоги, радуясь, что он ещё жив. Мы — рабы, мы — лорды, мы — дураки, мы — мужчины и женщины, мы — смертные… это одно и то же, Палли. Все равны для меня теперь. Ведь все мы — игрушки в руках богов.

Палли после долгого молчания резко сменил тему разговора, перейдя к обсуждению походных проблем эскорта из военного ордена Дочери. Кэсерил с удивлением обнаружил себя дающим привычные советы по лечению потёртостей на конских шкурах и болячек на копытах. Вскоре Палли удалился — или сбежал — к себе. Кэсерил остался наедине со своей болью и воспоминаниями и улёгся в постель. Несмотря на выпитое вино, сон не шёл. Страх мог быть его другом — он не обманывал Палли, чтобы успокоить того, — но братья Джиронал уж точно не были ему друзьями. «Рокнарцы сообщили, что ты умер от лихорадки»

— ложь вопиющая, но умная, и теперь её уже не проверить. Здесь, в тихой Валенде, он защищён. В безопасности.

Он надеялся, что предостережения его помогут Палли сохранять осторожность при кардегосском дворе и не вступать в старую, поросшую мхом трясину. Кэсерил сел в постели и прочёл молитву леди Весны — за Палли. Помолился и остальным богам. А потом — и Бастарду, за избавление на сегодняшнюю ночь от всего, связанного с морем.

Глава 6

На празднике в честь прихода лета леди Весны изображала уже не Исель, ибо роль эта предназначалась для молодой женщины, только что вышедшей замуж. С трона царствующей богини сошла скромная, застенчивая новобрачная, уступив место леди Лета — столь же скромной замужней женщине, носившей под сердцем дитя. Кэсерил заметил краем глаза, что настоятель храма Святого Семейства облегчённо вздохнул, когда церемония, не отмеченная на сей раз никакими сюрпризами, подошла к концу.

Жизнь замедлилась. Ученицы Кэсерила — так же как и их учитель — вздыхали и зевали в душной классной комнате, когда послеполуденное солнце, казалось, прогревает каменные стены насквозь. Наконец он решил, что в жару после обеда занятий проводить не будет.

Как и предсказывала Бетрис, рейне Исте летом стало лучше. Она чаще появлялась за столом и почти каждый день сидела с компаньонкой в саду провинкары под фруктовыми деревьями. Ей, однако, не позволяли взбираться на головокружительно высокие, обдуваемые прохладным

ветром крепостные стены, облюбованные Исель и Бетрис — девушки прятались там от жары и назойливых взрослых, которым лень было карабкаться по лестницам.

Изгнанный из спальни удушливой жарой, от коей язык так и вываливался изо рта, словно у страдающего одышкой пса, Кэсерил направился в сад в поисках прохладного местечка. С собой он взял одну из немногих ещё не прочитанных им книг из библиотеки покойного провинкара — «Пятилистник души: Об истинных методах кинтарианской теологии» Ордолла. Не то чтобы ему хотелось её прочесть, но он надеялся, что с книгой на коленях будет выглядеть как подобает учёному наставнику, даже если вздремнёт ненароком. Обойдя розовые кусты, он остановился, обнаружив возле своей любимой скамейки сидевшую в кресле рейну Исту и её компаньонку, склонившуюся над пяльцами. Женщины подняли на него глаза. Кэсерил, отмахнувшись от пролетавшей мимо любопытной пчелы, поклонился леди и принёс извинения за неожиданное вторжение.

— Подождите. Кастиллар ди… Кэсерил, да? — тихо проговорила Иста. Собравшийся было удалиться Кэсерил вопросительно посмотрел на

неё. — Как успехи моей дочери?

— Чудесно, миледи, — ответил он, склонив голову. — Ей замечательно даются арифметика и геометрия, и она весьма… гм… упорна в изучении дартакана.

— Очень хорошо, — немного рассеянно кивнула Иста, — очень хорошо, — и на секунду отвела взгляд.

Компаньонка продолжала работать над пяльцами. Леди Иста не вышивала. Кэсерил слышал, как служанки шептались, что она с компаньонками почти полгода трудилась над вышивкой для храма, а когда работа была почти готова, внезапно сожгла её в камине своей комнаты. Правда то была или нет, но сегодня леди Иста держала в руках не иглу, а розу.

Кэсерил заглянул ей в лицо.

— Простите… Я давно собирался спросить вас, миледи, не помните ли вы меня по тем давним дням, когда я служил пажом у вашего отца? Хотя вряд ли это возможно, через столько-то лет. — Он осмелился улыбнуться. — Тогда у меня ещё не было бороды.

Чтобы как-то помочь ей вспомнить, Кэсерил прикрыл ладонью нижнюю часть лица. Иста улыбнулась в ответ и произнесла:

— Мне очень жаль, но у моего покойного отца было так много пажей…

— Конечно, он ведь был великим лордом. Впрочем, не важно. — Кэсерил, чтобы скрыть замешательство, переложил книгу из одной руки в другую и виновато улыбнулся.

Компаньонка Рейны, порывшись в коробке с нитками, что-то недовольно проворчала и обратилась к Кэсерилу:

— Милорд ди Кэсерил, если это не очень обременит вас, не могли бы вы остаться с миледи ненадолго, пока я схожу к себе и поищу катушку тёмно-зелёного шёлка?

— С удовольствием, миледи, — автоматически ответил Кэсерил, потом смущённо кашлянул. — А… — Он посмотрел на Исту, которая одарила его полным иронии взглядом. Непохоже было, что рейна может вдруг забиться в конвульсиях, закричать или начать бредить. Кэсерил кивнул леди-компаньонке, и та, поднявшись с кресла, взяла его под руку и отвела на несколько шагов в сторону.

— Всё будет в порядке, только не упоминайте лорда ди Льютеса, — быстро прошептала она ему на ухо, привстав на цыпочки. — Побудьте с ней, пока я не вернусь. Если она заговорит о

ди Льютесе, тогда… не оставляйте её одну, — и поспешила прочь.

Сиятельный лорд ди Льютес в течение тридцати лет был ближайшим советником покойного рея Иаса: друг детства, товарищ по оружию, весёлый собутыльник. За это время Иас отметил его всеми возможными почестями и привилегиями, сделав провинкаром двух областей, канцлером Шалиона, маршалом своей личной гвардии и генералом богатого и могущественного военного ордена Сына. Завистники и недоброжелатели даже распускали слухи, что ди Льютес был истинным реем Шалиона во всём, кроме титула, а Иас был его рейной…

Кэсерил иногда задумывался, было ли это слабостью или мудростью со стороны Иаса — позволить ди Льютесу делать всю грязную работу, оставив себе лишь имя Иас Добрый. Хотя нет, поправился Кэсерил, Иас Сильный. Не Иас Мудрый, не — боги свидетели — даже Иас Счастливый. Именно ди Льютес устроил вторую свадьбу Иаса, женив его на леди Исте, вероятно, в попытке пресечь сплетни среди благородного сословия Кардегосса о неестественной любви между реем и его давним другом. Однако…

Через пять лет после заключения этого брака ди

Льютес потерял расположение Иаса, его милость, все свои привилегии — внезапно и навсегда. Обвинённый в измене, он умер под пытками в застенках Зангра — огромной резиденции рея в Кардегоссе. За пределами двора Шалиона ходили слухи, что изменой этой была любовь ди Льютеса к молодой рейне Исте. В более узких кругах поговаривали, что рейна в конце концов убедила своего мужа уничтожить ненавистного соперника.

Так или иначе, но проблема треугольника разрешилась. Жуткая геометрия смерти свела количество его вершин к двум, а когда по прошествии менее чем года скончался и сам Иас, вершина осталась всего одна — Иста. Иста же забрала детей и покинула Зангр — или была изгнана из него.

Ди Льютес. Не упоминайте ди Льютеса. Не вспоминайте, таким образом, об истории Шалиона на протяжении последних полутора поколений. Так вот.

Кэсерил вернулся к Исте и немного опасливо сел в кресло, покинутое удалившейся за нитками леди. Иста принялась ощипывать розу, но не взволнованно, а аккуратно и неторопливо, выкладывая лепестки круг за кругом в форме

скручивающейся спирали, так что они образовывали новую розу у неё на подоле.

— Прошлой ночью меня навестил покойник, — сказала Иста. — Хотя это был всего лишь сон. Вам когда-нибудь снится такое, Кэсерил?

Кэсерил сморгнул и, решив, что признаков какого-либо припадка не заметно, да и непохоже, чтобы рейна была не в своём уме, ответил:

— Иногда мне снятся мать и отец. Такие же, как и при жизни… и мне бывает жаль просыпаться, потому что это означает потерять их снова.

Иста кивнула.

— Этим-то сны-иллюзии и печальны. Но правдивые сны просто жестоки. Их внушают нам боги, Кэсерил.

Кэсерил нахмурился и склонил голову набок.

— Все мои сны растворяются, как дым или туман, стоит столько проснуться.

Иста наклонилась над оставшейся без лепестков розой — теперь она аккуратно отделила покрытые золотистой пыльцой тычинки и выложила их в центре импровизированного цветка на подоле.

— Правдивые сны ложатся свинцом на сердце и теснят грудь. Их тяжесть погружает душу в тоску. Правдивые сны остаются с нами наяву и

не дают покоя. От них не избавиться — это так же бесполезно, как и пытаться вернуть слетевшее с языка обещание. Не доверяйте снам, кастиллар. Как и людским обещаниям. — Она подняла лицо. Взгляд её был полон решимости.

Кэсерил смущённо откашлялся.

— Ну, миледи, это было бы по меньшей мере глупо. Но мне приятно время от времени видеть отца. Я ведь не могу встретиться с ним никаким иным способом.

Леди Иста улыбнулась загадочной улыбкой.

— Вы не боитесь покойников? Своих покойников?

— Нет, миледи, не во снах.

— Может, ваши покойники не слишком ужасны?

— По большей части нет, мэм, — согласился он.

Высоко в замке распахнулось окно. Из него выглянула компаньонка рейны, чтобы удостовериться, что с её подопечной всё в порядке. Убедившись, что леди ведёт спокойную беседу, женщина снова скрылась в глубине комнаты.

Кэсерилу хотелось знать, как проводит время рейна. Она, кажется, не вышивает; непохоже, чтобы она много читала или играла на каком-нибудь инструменте; музыкантов она тоже не держала.

Кэсерил несколько раз заставал её за молитвой — в течение нескольких недель Иста проводила часы в зале предков или за переносным алтарём, установленным в её комнате. Иногда, довольно редко, компаньонки и ди Феррей сопровождали её в городской храм, когда там бывало безлюдно. В то же время рейна могла неделями не обращаться к богам, словно позабыв об их существовании.

— Вы находите утешение в молитве? — поинтересовался Кэсерил.

Она посмотрела на него и снова тихо улыбнулась.

— Я? Я не нахожу утешения ни в чём. Боги посмеялись надо мной. Моё сердце и душа находятся у них в плену, мои дети — узники судьбы. А судьба в Шалионе сошла с ума.

— Гм… я полагаю, есть более страшные темницы, чем в этом спокойном солнечном замке, миледи.

Брови её поднялись, она выпрямилась.

— О да. Вы бывали когда-нибудь в Зангре, в Кардегоссе?

— Да, в юности. В последнее время не доводилось. Огромная резиденция. Половину того времени, что я пробыл там, я блуждал по коридорам в поисках нужного зала.

— Странно… я тоже там терялась. Знаете, там полно привидений.

— Я бы не удивился, — согласно кивнул Кэсерил. — Это естественно для больших крепостей… ведь сколько народу погибает при строительстве и во время осад. И жители Шалиона умирали в этой крепости, а ещё прежде — рокнарские каменотёсы, первые короли и те, кто был до них и кого уже никто не помнит.

Зангр был обителью множества поколений правителей, благородных мужчин и женщин, скончавшихся в нём кто естественной, а кто и таинственной смертью.

— Зангр старше самого Шалиона. Конечно, в нём… накопилось много всего.

Иста начала медленно выкладывать в ряд шипы со своей розы; выходило нечто похожее на зубья пилы.

— Да, именно *накопилось.* Очень верное слово. Зангр накапливает зло и бедствия, словно отстойник — так же как его водосточные канавы и желоба накапливают дождевую воду. Вам следует избегать Зангра, Кэсерил.

— У меня нет никакого желания ни служить, ни жить при дворе, миледи.

— А мне когда-то страстно хотелось. Всем серд-

цем. Знаете, наиболее чудовищные проклятия богов падают на наши головы, как ответ на наши же молитвы. Молитвы — опасное занятие. Думаю, их должно запретить, — и она стала неспешно очищать стебель от тонкой зелёной кожицы, снимая её длинными узкими полосками и оголяя белую сердцевину.

На это Кэсерилу нечего было сказать. Замявшись, он лишь улыбнулся.

Иста провела пальцами по белому прутику.

— Лорду ди Льютесу предрекали, что он утонет на вершине горы. И потому он никогда не боялся плавать, не важно, сколь злы и неистовы были волны — ведь каждый знает, что на вершине гор нет воды, она вся стекает в долины.

Кэсерил в панике сглотнул слюну и беспокойно оглянулся, не идёт ли леди-компаньонка. Но той видно не было. Лорда ди Льютеса, как говорили, пытали водой, под пытками он и умер в темнице Зангра. Глубоко под каменными стенами замка, но в то же время значительно выше уровня Кардегосса. Кэсерил облизнул пересохшие губы и проговорил:

— Знаете, я не слышал об этом, когда он был жив. Я думаю, это пророчество выдумали позже, чтобы история казалась страшнее и загадочнее.

Губы рейны изогнулись в самой странной улыбке, когда-либо виденной Кэсерилом. Она сняла со стебля последнюю остававшуюся на нём зеленоватую нить кожицы, присовокупив её к остальным, уже разложенным на подоле частям розы, и аккуратно прижала всю конструкцию ладонью.

— Бедный Кэсерил! Как вам удалось стать таким мудрым?

От необходимости придумывать достойный и безопасный ответ, который помог бы перевести беседу в другое русло, Кэсерила избавило появление компаньонки. В руках у неё был целый моток цветных шёлковых ниток. Кэсерил вскочил и поклонился рейне.

— Возвращается ваша милая компаньонка…

Он поклонился приблизившейся леди, которая встревоженным шёпотом спросила:

— Она была в здравом рассудке?

— Да, совершенно, в своём роде…

— И ничего о ди Льютесе?

— Ничего… существенного.

Действительно, ничего такого, о чём следовало бы сообщить.

Дама облегчённо вздохнула и, изобразив беззаботную улыбку, прошла к своему креслу. Села и

защебетала о том, сколько ей пришлось перерыть шкатулок и ящиков в поисках нужных ниток. Иста смотрела на неё с выражением тоскливой покорности. Кэсерилу пришла в голову мысль, что мать Исель и дочь провинкары не может страдать слабоумием.

Если Иста разговаривала с окружавшими её людьми такими же таинственными фразами, как с ним, то немудрено, что ходили слухи о её безумии, хотя… ему сказанное ею показалось не бессвязным бредом, а шифром, к которому нужно только подобрать ключ. Правда, что-то не совсем нормальное в этом тоже было…

Кэсерил хлопнул ладонью по книге и отправился искать более спокойное местечко в тени.

Лето неспешно продвигалось вперёд ленивым шагом; тело и душа Кэсерила пребывали в блаженной расслабленности. Страдал только бедняга Тейдес, измученный жарой, бездельем и своим наставником. Одним из немногих оставшихся у него развлечений была утренняя охота на кроликов в окрестностях замка. Таковое занятие приветствовали и одобряли все местные садовники. Характер мальчика — решительный, пылкий, неутомимый — совершенно не соответствовал этому времени года. Кэсерилу казалось,

что если кто на земле и мог быть воплощением Сына Осени — бога охоты, войны и прохладной погоды, — то это был именно Тейдес.

Кэсерил слегка удивился, когда по дороге в обеденный зал встретил принца с его секретарём-наставником, раскрасневшихся и поглощённых жарким спором.

— О, лорд Кэс! — обратился к нему Тейдес. — Скажите, разве учитель фехтования старого провинкара не водил пажей на скотобойню убивать молодых быков, чтобы приучить их не бояться в настоящей схватке? Он ведь занимался не только этими… этими танцами на площадке для поединков?

— Ну да…

— Вот видите! Я же говорил вам! — крикнул принц своему наставнику.

— Но мы практиковались и на площадке, — немедленно добавил Кэсерил на тот случай, если учитель принца нуждался в поддержке.

Секретарь скривился.

— Борьба с быком — это старая деревенская традиция, принц. Это неподобающий спорт для высокородных. Вы же кавалер, в конце концов, а не ученик мясника!

В замке провинкары в настоящее время не

было преподавателя фехтования, поскольку она считала, что ди Санда вполне способен заменить такового. Кэсерил пару раз наблюдал за учебными поединками и признавал за секретарём принца достаточное мастерство во владении мечом и высокую точность ударов. Но его мастерство было скорее спортивным, благородным. Если он и владел грубыми, обманными приёмами боя, то подопечному своему их не показывал.

Кэсерил кисло усмехнулся.

— Наш мастер не ставил перед собой цель воспитать из нас джентльменов — он готовил нас быть солдатами, и я убедился в действенности его методов. Ни одно из полей сражения, где мне довелось побывать, не напоминало площадку для поединков, это были настоящие бойни. Да, это жестокий и уродливый способ обучения, но мы усвоили главное…

Сам Кэсерил довольно быстро научился поражать быка мечом насмерть столь же ловко и безболезненно, как это делают мясники-профессионалы.

— Благодарение богам, на поле боя нам не приходилось потом поедать тех, кого мы убили, разве что лошадей порой.

Ди Санда фыркнул и обратился к Тейдесу:

— Мы можем выехать с соколами завтра утром, милорд, если сохранится хорошая погода. И если вы справитесь со своим уроком по картографии.

— Дамское развлечение — соколы и голуби! Что мне эти голуби? — со страстью в голосе отозвался Тейдес. — При дворе кардегосского рея охотятся осенью на диких кабанов в дубовых рощах. Вот это настоящий мужской спорт! Говорят, кабаны очень опасны.

— Абсолютно верно, — подтвердил Кэсерил. — Крупные самцы способны завалить собаку и даже лошадь. Или человека. Они куда проворнее, чем кажется.

— Вы охотились в Кардегоссе? — восхищённо глядя на него, спросил принц.

— Да, я бывал там с милордом ди Гуарида несколько раз.

— В Валенде нет кабанов, — вздохнул Тейдес. — Но у нас есть быки! Хоть что-то. Всё лучше, чем голуби… или кролики!

— О, охота на кроликов — тоже обычная тренировка для солдата, — утешительно произнёс Кэсерил. — На тот случай, если придётся охотиться на крыс, чтобы не умереть с голоду. Приёмы те же самые.

Ди Санда метнул на него испепеляющий взгляд.

Кэсерил улыбнулся и, поклонившись, покинул их, предоставив Тейдесу терзаться наедине с наставником.

Во время обеда Исель завела свою версию той же самой песни, только власть, к которой она обращалась, была представлена её бабушкой, а не наставником.

— Бабушка, такая жара! Разве мы не можем ходить на речку, как Тейдес?

В разгар лета дневные верховые прогулки принца в сопровождении воспитателя, пажей и грумов были заменены купанием в отгороженном выше по реке бассейне, за чертой города. Там купались ещё в бытность Кэсерила пажом. Леди, безусловно, на такие прогулки не допускались. Несколько раз Кэсерилу пришлось вежливо отклонить приглашение присоединиться к компании, мотивируя отказ обязанностями перед своей воспитанницей. Истинной причиной, однако, была необходимость раздеваться и обнажать следы прошлого, начертанные у него на спине. Он ещё слишком хорошо помнил недоразумение с банщиком.

— Конечно, нет! — отрезала провинкара. — Это совершенно неприлично!

— Но не с мужчинами же, — настаивала

Исель. — Мы бы ходили только с гувернантками. — Она повернулась к Кэсерилу. — Вы рассказывали, что раньше женщины из замка тоже ходили на реку.

— Прислуга, Исель, — строго уточнила бабушка, — более низкие по рангу. Для тебя это неподобающее занятие.

Исель надула губы и скрестила руки на груди — раздосадованная, покрасневшая, но решительная. Бетрис, напротив, казалась бледной и сдавшейся. Подали суп. Все сидели и с отвращением смотрели на поднимавшийся над тарелками пар. Поддерживая традицию — как и всегда, — провинкара взяла ложку и отправила в рот недрогнувшей рукой первую порцию супа.

Кэсерил вдруг сказал:

— Но ведь леди Исель умеет плавать, ваша милость? То есть, я хочу сказать, её этому учили в детстве?

— Конечно, нет, — ответила провинкара.

— Ох, — пробормотал Кэсерил, — пятеро богов.

Он оглядел присутствующих. Рейна Иста сегодня осталась у себя. И потому, не обнаружив за столом особо чувствительных персон, он решил, что можно продолжить:

— Это напомнило мне об одной ужасной тра-

гедии.

Глаза провинкары подозрительно сощурились, но она промолчала. Только Бетрис заинтересованно спросила:

— Да? Что за трагедия?

— Это случилось, когда я служил у провинкара Гуариды, во время кампании против рокнарского принца Олуса. Рокнарцы пересекли границу под покровом ночи, во время бури. Мне было приказано эвакуировать леди из замка ди Гуариды до того, как город будет окружён. Перед рассветом, проскакав уже полночи, мы переправлялись через реку. Брод был довольно глубокий. Лошадь одной из фрейлин провинкары оступилась, девушка упала в воду. Течение было очень сильным, оно подхватило её и пажа, который бросился на помощь, и быстро понесло их прочь. К тому моменту, когда я развернул наконец своего коня, они уже скрылись из виду… Мы нашли тела только на следующее утро. Река была неглубокая, но леди, не умея плавать, слишком испугалась. Если б она имела хоть какие-то навыки, трагедии можно было бы избежать и падение в воду оказалось бы всего лишь неприятным эпизодом. Три жизни были бы спасены…

— Три? Вы сказали — три? — переспросила

Исель. — Леди, паж…

— Она была беременна.

— О!

За столом воцарилась гнетущая тишина.

Провинкара потёрла щёку и пронзила Кэсерила взглядом.

— Это правдивая история, Кэсерил?

— Да, увы, — вздохнул он. Он ещё помнил, каким синим было лицо девушки, холодным и неподвижным — тело и как тяжелы были мокрые насквозь одежды… На душе же у Кэсерила было ещё тяжелее. — Я должен был поставить в известность её мужа.

— Ух, — выдохнул ди Феррей. Несмотря на своё пристрастие к застольным беседам, поддержать сейчас разговор он не решился.

— Не хотелось бы мне пережить такое ещё раз, — добавил Кэсерил.

Провинкара издала странный звук и отвела взгляд. Через мгновение она сказала:

— Моя внучка не может плавать в речке нагишом, извиваясь, как какой-нибудь угорь.

Исель выпрямилась.

— О-о, ну конечно же, мы будем в льняных рубашках!

— Это правильно. В случае крайней нужды

одежду обычно снимать некогда, — поддержал принцессу Кэсерил.

Бетрис тихо пробормотала:

— И тогда мы будем стучать зубами от холода дважды: сначала — пока купаемся, потом — пока сохнем.

— Может ли какая-нибудь леди из замка научить принцессу? — поинтересовался Кэсерил.

— Никто из них не умеет плавать, — отрезала провинкара.

Бетрис согласно кивнула.

— Они способны только перебраться вброд через лужу, — и с надеждой посмотрела на него. — А вы можете научить нас плавать, лорд Кэс?

— О да! — хлопнула в ладоши Исель.

— Я… гм… — Кэсерил замялся. Рубашку, правда, при таких обстоятельствах ему снимать не придётся, и не надо будет ничего объяснять. — Полагаю, да… если ваши гувернантки тоже поедут с нами, — он кинул взгляд на провинкару, — и если ваша бабушка позволит мне.

После долгого молчания провинкара сердито проворчала:

— Надеюсь, вы не продрогнете там до костей.

Исель и Бетрис благоразумно сдержали вопль радости, но одарили Кэсерила благодарными

взглядами. Он задумался, не решили ли они, что он выдумал всю эту историю с ночными утопленниками ради них.

Первый урок был дан в тот же день. Кэсерил стоял посередине речки на случай, если его подопечные с перепугу пойдут ко дну, не успев замочить волос. Страх его поубавился, когда через некоторое время девушки расслабились и сами перестали бояться воды. Они, естественно, были более плавучими, чем Кэсерил, хотя месяцы за столом провинкары не прошли даром, стерев с его бородатого лица следы измождённости и чрезмерной худобы.

Его старания были вознаграждены. К концу лета девушки плавали и ныряли как утки. Кэсерил просто сидел на камнях у берега по пояс в воде, на всякий случай внимательно наблюдая за ними. Это сидение в воде было необходимо Кэсерилу не только для того, чтобы освежиться. Ему пришлось признать, что провинкара была права — плавание действительно неподобающее занятие. Тонкий лён, намокнув, прилипал к молодым стройным телам девушек, словно смеясь над скромностью, ради которой и был надет. Впечатление от увиденного Кэсерил и пытался всячески скрыть от своих жизнерадостных учениц. Мо-

края одежда плотно облегала не только тела девушек, она выдавала и его принадлежность к другому полу, подчёркивая его — гм! — вполне восстановившееся и отнюдь не хрупкое здоровье. Оставалось только молиться, чтобы девушки ничего не заметили. Исель, кажется, и не замечала. Но что касается Бетрис, он был не вполне в этом уверен. Сопровождавшая их пожилая леди Нан ди Врит, отклонив предложение тоже научиться плавать, ограничивалась тем, что прогуливалась по камешкам, застёгнутая на все пуговицы, не приподнимая даже длинную, до щиколоток, юбку. Она явно всё замечала и с трудом сдерживала хихиканье. Благодарение богам, леди, похоже, доверяла Кэсерилу и уважала его, потому и не смеялась вслух, и не обсуждала подобные детали с провинкарой. Так ему, во всяком случае, казалось.

Кэсерил со смущением сознавал, что его влечение к Бетрис с каждым днём неуклонно возрастает. Не до такой, конечно, степени, чтобы подсовывать ей под дверь записки с глупыми стишками — благодарение богам за то, что сохранили в здравии его рассудок! — но вот поиграть бы на лютне под окном… Гм, как замечательно, однако, что теперь для него это было практи-

чески невозможно! Хотя сходить с ума можно по-разному, и не от всех таких возможностей он был застрахован…

Бетрис улыбалась ему — это правда, он не обманывал себя — и была добра с ним. Однако она улыбалась и своей лошади и с нею тоже была добра. Вряд ли её дружеское расположение было настолько глубоким и прочным, чтобы даже в мечтах возводить на нём фундамент прекрасного замка, вносить туда кровать под льняными покрывалами и пытаться войти самому. Хотя… она действительно улыбалась ему.

Он много раз пытался отделаться от этой навязчивой идеи, но она снова и снова донимала его — вместе с прочими милыми мечтами, — особенно во время занятий на реке. Но он больше не будет строить из себя дурака, чёрт возьми! Возбуждение, столь его смущавшее, было признаком того, что силы и здоровье полностью восстановились, но что ему с того? У него, как и тогда, когда он был пажом, нет ни кола, ни двора, ни денег. А надежд — и того меньше. Он был бы безумцем, лелея мечты о любви, хотя… Отец Бетрис — дворянин и тоже не имеет земли. Живёт на то, что получает на службе у провинкары. Он наверняка не станет презирать себе подобного.

Нет, презирать Кэсерила он, конечно, не будет. Ди Феррей умный человек. Но он достаточно умён, чтобы, учитывая красоту своей дочери и её близость к принцессе, надеяться в будущем на куда более удачного мужа для неё, чем несчастный Кэсерил. Да взять любого отпрыска кого-нибудь из местных дворян — хоть и тех, что сейчас служат здесь пажами. Конечно, Бетрис считает их сопливыми щенками, но ведь у них могут быть старшие братья, наследники хотя и скромных, но состояний…

Сегодня Кэсерил вынужден был забраться в воду до самого подбородка и изо всех сил стараться не смотреть, как Бетрис карабкается на камни в этой своей мокрой, прозрачной рубашке, с повторяющими все соблазнительные изгибы тела мокрыми чёрными волосами и, вытянувшись в струнку, ныряет в реку. Девушки брызгались и громко смеялись. Дни делались короче и прохладнее, по ночам становилось даже холодно. Праздник пришествия Сына Осени был уже не за горами. Всю прошлую неделю даже купаться было уже нельзя — должно быть, немного осталось тёплых денёчков, а потом купания прекратятся вовсе. Это послеобеденное летнее развлечение девушкам скоро заменят верховые прогулки и

охота. А к нему, как верный пёс, вернётся его здравый смысл. Вернётся ли?..

Солнце садилось, поднялся холодный ветер, и девушки выбрались на каменистый берег, чтобы успеть обсохнуть перед возвращением домой. Кэсерил так замёрз, что не в состоянии был заводить с ученицами разговор на дартакане или рокнари. Он натянул плотные брюки для верховой езды, новые ботинки — подарок провинкары — и застегнул пояс с мечом. Подтянув подпруги, Кэсерил снял с лошадей путы и, подведя их к своим леди, помог девушкам забраться в седла. Маленькая кавалькада тронулась в путь. Наконец, после многочисленных вздохов и взглядов через плечо на оставшуюся позади серебристую водную гладь, всадники начали подниматься на холм к замку. Кэсерил, поддавшись неясному порыву, стиснул ногами бока своей лошади и поравнялся с Бетрис. Она кинула на него быстрый взгляд. Но язык его словно прилип к нёбу — от недостатка то ли смелости, то ли ума, а может, и того и другого. Того и другого, решил он. Они с леди Бетрис вместе ежедневно сопровождали Исель. Если попытки ухаживания с его стороны будут сочтены неуместными, не испортит ли это непринуждённость и лёгкость их отношений,

возникшие за последнее время, что он служит принцессе? Нет… он должен, обязан, и он скажет что-нибудь прямо сейчас! Но лошадь Бетрис, завидев ворота замка, перешла на рысь, и момент был упущен.

Когда они въехали во внутренний дворик и копыта лошадей застучали по булыжникам, из боковой двери с криками: «Исель! Исель!» выскочил Тейдес.

Кэсерил увидел кровь на одежде мальчика и потянулся было за мечом, но тут же расслабился и вздохнул с облегчением. Вслед за Тейдесом во двор вышел его наставник ди Санда, весь в пыли и недовольный. Внешний вид принца объяснялся уроком фехтования на бойне Валенды. И не ужас был причиной его возбуждённых криков, а восторг. Обращённое к сестре круглое лицо принца светилось от радости.

— Случилась самая-самая замечательная вещь! Угадай какая!

— Как же я угадаю… — со смехом начала она.

Мальчик нетерпеливо отмахнулся, и новость сама слетела с его губ:

— Только что прибыл курьер от рея. Тебе и мне предписано явиться ко двору и провести осень в Кардегоссе! А мама и бабушка не приглашены!

Как здорово, Исель! Мы сбежим из Валенды!

— Мы едем в Зангр? — округлила глаза Исель. Она соскользнула с седла, взяла брата за руки и отвела его в сторону.

Бетрис, приоткрыв рот в предвкушении неведомого, возбуждённо наклонилась в седле.

Их гувернантка нахмурилась, не испытывая, как видно, особого восторга по поводу услышанной новости. Кэсерил перехватил взгляд сьера ди Санда. Тот стоял с мрачным видом, плотно сжав губы.

В животе у Кэсерила всё похолодело и сжалось. До его сознания дошло — принцессе Исель велено явиться ко двору, и стало быть, её собственный маленький двор отправится в Кардегосс вместе с нею. Включая её первую фрейлину и правую руку — Бетрис.

И её секретаря.

Глава 7

Караван принца и принцессы приближался к Кардегоссу по южной дороге. Лошади упрямо карабкались наверх, отыскивая ровные участки пути между скалами. Из-под ног их то и дело скатывались вниз камни.

В лицо Кэсерилу ударил резкий порыв ветра, и ноздри его раздулись. Холодный дождь, прошедший прошлой ночью, очистил и освежил воздух. Клубящиеся сине-стальные тучи относило к востоку, где они сбивались плотным слоем над горизонтом. Свет с запада пронизывал их, как меч. Зангр, возвышавшийся на высокой горе прямо над местом, где сливались два речных потока, как властелин этих рек, плоскогорий, дальних вершин и всего живого и сущего вокруг, сверкал в лучах солнца на фоне тёмных отступающих туч, подобно расплавленному золоту. Его башни жёлтого камня, увенчанные зубчатыми коронами и похожими на железные шлемы крышами, походили на армию отважных солдат. Излюбленное место правителей Шалиона в течение многих поколений, Зангр выглядел как крепость, а не дворец — он был создан для войны и посвящён

войне, как создаются и посвящаются военным орденам армии.

Принц Тейдес торопил своего вороного коня вслед за лошадью Кэсерила. Лицо его горело нетерпением, жаждой приключений и опасностей. Жаждой свободы. «Однажды эта величественная крепость может стать его владением», — подумал Кэсерил. А иначе зачем рею Орико, отчаявшемуся получить наследника от своей жены, призывать к себе младшего брата?

Исель придержала свою серую в яблоках кобылу и пристально посмотрела на замок.

— Странно, я помню его каким-то более… могучим, огромным.

— Подождите, пока подъедем ближе, — сухо посоветовал Кэсерил.

Сьер ди Санда, ехавший в авангарде, дал знак двигаться вперёд, и обоз, состоявший из всадников и нагруженных мулов, снова тронулся в путь по грязной разбитой дороге: две особы королевской крови, два секретаря-наставника, леди Бетрис, слуги, грумы, вооружённые гвардейцы в чёрно-зелёных цветах Баосии, запасные лошади, Снежок, имя которого теперь казалось насмешкой, и внушительный багаж. Кэсерил, не раз сопровождавший караваны с женщинами,

был приятно удивлён тем, как ловко и умело Исель управлялась с помощью Бетрис со своим двором. Весь путь из Валенды они проделали за пять дней, точнее, за четыре с половиной. И ни одной задержки, без которых подобные поездки не обходятся, не произошло по причине женских капризов.

На самом деле и Тейдес, и Исель, покинув стены замка провинкары, сразу понеслись галопом и мчались на предельной скорости до тех пор, пока не замолкли в их ушах душераздирающие стоны рейны Исты. Исель даже зажала уши ладонями и гнала лошадь во весь опор, убегая от столь необычного проявления материнского горя.

Новость, что её дети должны отбыть ко двору, повергла вдовствующую рейну если не в бездну безумия, то в глубочайшее отчаяние. Она рыдала, и молилась, и упрашивала. Ди Санда рассказал Кэсерилу по секрету, что рейна разыскала его незадолго до отъезда и попыталась подкупить, чтобы он сбежал куда-нибудь с Тейдесом — не пояснив, куда и каким образом. Он описал её речи как бессвязное бормотание, почти бред, и сказал, что сама она выглядела как припадочная, с пеной на губах.

Иста говорила и с Кэсерилом, придя к нему, ко-

гда тот паковал седельные сумки в своей комнате вечером накануне отъезда. Их разговор совсем не походил на бред, и в словах рейны не было и следа бессвязного бормотания.

Она долго изучающе разглядывала его и неожиданно спросила:

— Вы боитесь, Кэсерил?

Кэсерил подумал и честно ответил:

— Да, миледи.

— Ди Санда — дурак. Вы по крайней мере нет.

Не зная, как реагировать на подобное заявление, Кэсерил вежливо наклонил голову. Рейна вздохнула. Глаза её на усталом измождённом лице казались огромными.

— Защищайте Исель. Если вы когда-нибудь хоть немного любили меня, защищайте Исель. Поклянитесь, Кэсерил!

— Клянусь.

Её глаза прожигали насквозь, но, к его удивлению, к сказанному она ничего не добавила.

— От чего именно я должен защищать её? — осторожно спросил Кэсерил. — Чего вы боитесь, леди Иста?

Она молча стояла в свете свечей.

Кэсерилу пришла на ум фраза Палли, оказавшаяся в своё время весьма действенной:

— Леди, пожалуйста, не посылайте меня в бой с завязанными глазами!

Её губы приоткрылись было, но она лишь покачала головой, развернулась и выскочила из комнаты. Её компаньонка, взволнованная до крайности, в отчаянии всплеснула руками и последовала за ней.

Несмотря на воспоминания о болезненной реакции Исты на отъезд детей, Кэсерил немного воспрянул духом, видя оживление и радостное возбуждение Тейдеса и Исель по мере приближения к заветной цели путешествия. Дорога подошла к реке, омывавшей Кардегосс, и вела теперь вдоль берега. Вокруг росли деревья, впереди с основным руслом реки Кардегосс сливался её второй рукав. В долине задувал холодный ветер. На другом берегу высилась отвесная скала высотой более трёхсот футов. Здесь и там маленькие деревца пытались пустить корни в её трещинах, а камни внизу покрывал мох.

Исель остановилась и подняла голову, глядя на крепость. Кэсерил тоже придержал лошадь и остановился рядом с ней. Отсюда не видно было сделанных руками человека укреплений, размещённых на созданной самой природой крепостной стене.

— Ох, пятеро… — выдохнула Исель.

— …богов, — завершила за неё фразу подъехавшая к ним Бетрис.

— Зангр за всю его историю ни разу не взяли штурмом, — сказал Кэсерил.

Плывшие по реке жёлтые листья — предвестники осени — кружились в тёмном потоке. Все трое снова послали коней вперёд, по направлению к одним из семи городских ворот, к которым вела гигантская каменная арка, соединявшая берега реки, словно мост. Кардегосс делил с крепостью отрезанное двумя водными потоками плато. Городские стены, тянувшиеся по краям обрыва, казалось, образовывали корпус корабля, на носу которого возвышался Зангр. В ясном свете холодного дня город не выглядел зловещим. Рынки и разбегавшиеся от них боковые улочки были пестры от цветов, фруктов, овощей и прочих товаров и полны народу.

Кавалькада подъехала к огромной храмовой площади, на каждой из пяти сторон которой возвышалась резиденция одного из священных орденов пяти богов. Богословы, служители и дедикаты сновали туда-сюда и походили скорее на суетливых чиновников, нежели на аскетичных религиозных деятелей. В центре площади

высилось здание знакомой формы, в виде четырёхлистника с отдельно стоявшей башней — храм Святого Семейства, куда более внушительных размеров, чем его уменьшенная «домашняя» копия в Валенде.

К вящему неудовольствию сгоравшего от нетерпения Тейдеса, Исель приказала остановиться и послала Кэсерила во внутренний двор храма, дабы поднести дар леди Весны в благодарность за успешное путешествие. Служитель с признательностью принял деньги и с любопытством уставился на Кэсерила; тот быстро пробормотал невнятную молитву и поспешил обратно к своей лошади. Двигаясь в сторону Зангра, они проехали по улице, застроенной богатыми домами из камня с ажурными, но прочными железными решётками на окнах и дверях. Дома были высокие, прямоугольной формы, похожие друг на друга. Рейна Иста жила в одном из таких в первые годы своего вдовства. Исель возбуждённо присматривалась к ним и, сконфузившись, отметила три дома, похожих на тот, где она провела часть своего детства. И дала Кэсерилу слово узнать точно, где именно ей довелось жить в то время.

Наконец они добрались до внушительных ворот Зангра. Естественная расселина, пересе-

кавшая плато, была глубже любого крепостного рва. Нижний уровень каменной стены на другой её стороне образовывали огромные валуны — неправильной формы, но так плотно пригнанные друг к другу, что между ними нельзя было просунуть лезвие ножа. Выше была более тонкая рокнарская работа — ярус камней, похожих на покрытые резными геометрическими узорами куски сахара. Далее шли ряды камней помельче, вздымавшиеся столь высоко, словно человек состязался с богами, воздвигшими на лице Шалиона огромные скалы. Зангр был единственной крепостью из всех, где побывал Кэсерил, глядя на которую снизу вверх, он всегда ощущал головокружение.

В вышине прозвучал горн, и солдаты в форме рея Орико отсалютовали, когда караван въехал через подвесной мост под узкую каменную арку, ведущую во внутренний двор. Леди Бетрис натянула поводья и остановилась, оглядываясь с приоткрытым ртом. Во дворе высилась прямоугольная башня, самое новое из строений Зангра — память о правлении рея Иаса и лорда ди Льютеса. Кэсерила всегда занимал вопрос, были ли гигантские размеры башни воплощением их мужской силы… или воплощением их страхов.

Чуть дальше за этой башней стояла ещё одна, почти такая же высокая, цилиндрической формы, примыкавшая к одному из углов главного жилого здания. Её крытая черепицей крыша была продавлена, а верхняя часть каменной кладки обожжена и разрушена.

— Великие боги, — прошептала Бетрис, глядя на эту изувеченную великаншу, — что здесь произошло? Почему её не отремонтировали?

— А-а, это, — начал Кэсерил поучительным тоном — больше для придания уверенности себе самому. — Это башня Фонсы Мудрого, ставшего после смерти известным как Фонса Истинно Мудрый. Говорят, он имел обыкновение проводить на ней всю ночь, пытаясь прочитать по звёздам будущее Шалиона. Однажды грозовой ночью, когда он занимался смертельной магией, направляя заклятие на Золотого Генерала, на крышу внезапно пали сильнейшие вспышки света и огня. Занялся пожар, который невозможно было погасить до самого утра, несмотря на сильный ливень.

Когда рокнарцы впервые напали с моря, они при первом же своём жестоком броске захватили большую часть Шалиона, Ибры и Браджара. Добрались даже до Кардегосса, до самых южных скал. Дартаканцы были в ужасе. Но из праха

древних королевств и грубой колыбели холмов появилось новое племя, сражавшееся не одно поколение за то, чтобы отвоевать утраченное в первые годы нашествия рокнарцев. Воины-воры, они создавали экономику своего племени за счёт набегов; богатства их были не нажиты, а украдены. С течением времени рокнарцев оттеснили обратно на север, к морю, и в память об их жестокости остались развалины замков. В конце концов владения завоевателей сжались до пяти вечно враждующих провинций на северном побережье.

Золотой Генерал — Рокнарский Лев — хотел изменить историю. Войнами, хитростью, вероломством, с помощью выгодного брака он в течение десяти лет объединил пять провинций впервые за всё время существования Рокнара. Едва достигнув тридцатилетия, он обрёл такую власть, что сумел собрать огромную армию для очередного похода на юг, угрожая смести всех еретиков-кинтарианцев — приверженцев Пятибожия, поклоняющихся дьяволу-Бастарду — с лица земли, выжечь их огнём и мечом. Отчаявшиеся и разрозненные Шалион, Ибра и Браджар проигрывали сражение за сражением.

Попытки устранить Рокнарского Льва прова-

ливались одна за другой; надежды призвать на помощь против Золотого Генерала смертельную магию также не увенчались успехом. Фонса Мудрый, всесторонне изучив дело, рассудил, что Золотой Генерал, по всей видимости, избран одним из богов. Фонса за время войны с северянами потерял пятерых сыновей и наследников. Иас — последний и самый юный из его сыновей — вёл жестокую борьбу с захватчиком в горах на последних подступах к Кардегоссу, блокируя подходы к городу. Однажды грозовой ночью, взяв с собой только настоятеля храма Бастарда, бывшего его доверенным лицом, и верного пажа, Фонса вошёл в свою башню и запер за собой двери…

Наутро после пожара придворные Шалиона вытащили из башни три обугливших тела, и только разница в росте позволила отличить настоятеля от пажа и пажа от рея. Потрясённый и испуганный двор замер в ожидании. Курьер, отправленный на север с печальной вестью о постигшей Шалион утрате, встретился в пути с курьером от Иаса — он вёз на юг весть о победе. Тризна и коронация в стенах Зангра справлялись одновременно.

Кэсерил вновь оглядел стены башни и подъехал поближе к Бетрис.

— Когда принц — уже рей — Иас вернулся с войны, он приказал заложить кирпичом все нижние окна и двери башни покойного отца и заявил, что никто больше не должен туда входить.

Тут с верхушки башни взметнулась тёмная зловещая тень, и Бетрис, вскрикнув, испуганно прикрыла лицо руками.

— С тех пор там гнездятся только вороны, — заметил Кэсерил, запрокинув голову вслед удалявшемуся чёрному силуэту на фоне яркого синего неба. — Я уверен, это те самые священные птицы, которых кормят во дворе своего храма жрецы Бастарда. Умные создания. Служители приручают их и учат говорить.

Исель, подъехавшая к ним, чтобы послушать историю своего деда, спросила:

— А что они говорят?

— Да так, не слишком многое, — ответил Кэсерил с лёгкой усмешкой. — Я никогда не слышал, чтобы словарь птицы включал в себя более трёх разных криков. Хотя некоторые служители уверяют, что вороны способны на большее.

Оповещённые посланным вперёд гонцом, навстречу гостям уже спешили слуги и грумы. Управляющий замком сам подставил скамеечку, чтобы принцесса Исель могла спешиться.

Возможно, осознав собственную значимость при виде склонившегося перед ней седого старика, она поборола себя и сошла с лошади с грацией истинной леди. Тейдес бросил поводья поклонившемуся груму и с сияющими глазами оглядывался по сторонам. Управляющий быстро обсудил с ди Сандой и Кэсерилом дюжину практических вопросов, от размещения по конюшням лошадей и грумов до — Кэсерил усмехнулся про себя — размещения по покоям принца и принцессы.

Затем управляющий проводил царственных отпрысков в их комнаты в левом крыле главного здания, за ними следовала вереница нагруженных багажом слуг. Тейдесу и его окружению предоставили пол-этажа; Исель и спутницам — этаж над ними. Кэсерилу отвели комнату на мужском этаже, в самом конце коридора. Он задумался, не означает ли это, что он должен охранять ведущую к владениям леди лестницу.

— Отдохните и освежитесь, — сказал управляющий. — Рей и рейна встретятся с вами на торжественном ужине в честь вашего прибытия. Будет весь двор.

Слуги принесли воду, хлеб, фрукты, сыр и вино, словно пытаясь убедить гостей из Валенды, что в

ожидании ужина голодная смерть им не грозит.

— А где сейчас мой царственный брат и его жена? — поинтересовалась Исель.

Управляющий поклонился.

— Рейна отдыхает. Рей в своём зверинце — это его любимое место успокоения и утешения.

— Мне бы тоже хотелось взглянуть на зверинец, — задумчиво проговорила Исель. — Он часто писал мне о нём.

— Скажите ему об этом. Рей будет рад показать его вам, — с улыбкой заверил её управляющий.

Женская компания почти сразу занялась выбором туалетов на вечер — помощь Кэсерила вряд ли им требовалась. Он велел слуге принести к нему в комнату сундук с вещами и отослал его. Оставшись один, Кэсерил бросил седельные сумки на кровать и, порывшись в одной из них, извлёк письмо провинкары, которое та просила передать рею Орико лично в руки тотчас по прибытии. Кэсерил задержался, лишь чтобы смыть с рук дорожную грязь и бросить короткий взгляд в окно. Глубокая расщелина проходила прямо под окнами; сквозь кроны деревьев поблёскивала вода.

По дороге к зверинцу он сбился с пути лишь однажды. Зверинец располагался за стенами, дорога

к нему проходила через сад, рядом с конюшнями. Место, где он находился, нетрудно было обнаружить по характерному резкому запаху. Кэсерил остановился, войдя в каменное здание, дал глазам постепенно привыкнуть к прохладной темноте. Немного освоившись, пошёл дальше. Бывшие стойла были переоборудованы в клетки для пары замечательных лоснящихся чёрных медведей. Один спал на куче чистых золотистых опилок, другой уставился на незваного гостя, приподняв морду и старательно принюхиваясь. По другую сторону прохода размещалось несколько странных животных, незнакомых Кэсерилу, — они были похожи на высоких длинноногих коз, но с вытянутыми изогнутыми шеями, нежными влажными глазами и пышным мягким мехом. Неподалёку он увидел вольер с дюжиной крупных птиц всех цветов радуги — они сидели на ветках, воркуя; другие, помельче, но тоже пёстрые, щебетали в клетках, развешанных вдоль стен. Напротив птичника в одной из комнат он наконец обнаружил людей: грума и какого-то весьма полного мужчину, который сидел прямо на столе, скрестив ноги, и держал за украшенный бриллиантами ошейник взрослого леопарда. Кэсерил увидел, как этот человек приближает лицо

к самой пасти огромной кошки, содрогнулся и замер на месте.

Мужчина тщательно вычёсывал зверя скребком. Леопард ворочался на столе, подставляя то один, то другой бок — процесс этот ему явно нравился, — и во все стороны летели клочья жёлтой с чёрным шерсти. Кэсерил был так поражён видом леопарда, что в ухаживавшем за ним человеке не сразу признал рея Орико.

Двенадцать лет, прошедших с того дня, когда Кэсерил видел рея в последний раз, были к правителю не слишком милосердны. Орико никогда не был красавцем, даже в пору своей юности. Ростом чуть ниже среднего, со сломанным ещё в детстве при неудачном падении с лошади коротким носом — теперь этот нос выглядел, как расплющенный гриб. Когда-то рыжевато-каштановые волосы поблекли и поредели, хотя ещё слегка вились. Но меньше на его теле стало только волос — само тело весьма раздобрело. Лицо бледное и рыхлое, веки потяжелели и обвисли. Он шикнул на свою пятнистую кошку, которая потёрлась головой о его тунику, отчего клочья вычесанной шерсти так и взметнулись в воздух. Леопард энергично лизнул шёлк розовым языком, похожим на махровую мочалку, и оставил на внушительном

животе правителя длинное тёмное пятно. Рукава одежды рея были высоко закатаны, на руках виднелось больше дюжины свежих и старых царапин. Кошка на секунду осторожно коснулась зубами оголённого предплечья, но не сомкнула челюсти. Кэсерил расслабил сжатые пальцы и, сняв руку с рукояти меча, откашлялся.

Рей повернул голову, Кэсерил пал на одно колено.

— Сир, я несу вам исполненное почтения приветствие от вдовствующей провинкары Баосии и письмо от неё. — Он протянул послание и добавил на случай, если рею ещё не доложили: — Принц Тейдес и принцесса Исель благополучно прибыли в Зангр, сир.

— О да. — Рей подал знак пожилому груму, который тут же подошёл и принял письмо с благодарным поклоном.

— Её милость вдовствующая провинкара велела передать письмо лично вам в руки, — неуверенно сказал Кэсерил.

— Да-да, минуту, — прокряхтел Орико и с заметным усилием — ему мешал живот — наклонился вперёд, чтобы быстро обнять кошку и пристегнуть к её ошейнику серебряную цепочку. Рей ещё раз шикнул, и леопард послушно спрыгнул

со стола лёгким движением. Орико спустился на пол с куда меньшей грацией. — Сюда, Умегат.

Так явно звали грума, а не леопарда, поскольку именно грум шагнул вперёд и, передав господину письмо, взял взамен серебряную цепочку. Умегат провёл зверя по проходу и бесцеремонно втолкнул его коленом в клетку. Кэсерил, когда кошка оказалась взаперти, вздохнул с облегчением.

Орико сломал печать, и на чисто выметенный — если не считать свежевычесанной шерсти леопарда — пол посыпались кусочки воска. Он жестом приказал Кэсерилу подняться с колен и начал медленно пробираться через изящную паутину написанных рукой провинкары строк. Рей то подносил лист ближе, то отдалял его от глаз, беззвучно шевеля губами. Кэсерил по старой курьерской привычке сложил руки за спиной и спокойно ждал либо последующих вопросов, либо позволения уйти.

Так, ожидая, он рассматривал слугу — должно быть, старшего над грумами. Даже если не принимать во внимание его имя, по крови он явно был потомком рокнарцев. В молодости Умегат был высок, теперь же немного ссутулился. Кожа, наверняка загорелая и золотистая прежде, побледнела и приобрела с возрастом оттенок

старой слоновой кости. Глаза и рот окружали глубокие морщины. Поседевшие бронзовые волосы, заплетённые от висков в две косы, соединялись, по древнему рокнарскому обычаю, на затылке в одну. Это придавало ему вид истинного рокнарца. В Шалионе было довольно много метисов, в роду самого Орико насчитывалось несколько рокнарских принцесс, как с шалионской, так и с браджарской сторон. Видимо, от них рей унаследовал цвет своих волос. На груме была ливрея служащих Зангра: туника, лосины, плащ до колен с вышитым символом Шалиона — королевским леопардом, опирающимся на стилизованный замок. Грум выглядел гораздо более чистым и опрятным, чем его господин.

Орико закончил читать и вздохнул.

— Рейна Иста огорчилась, да?

— Она, естественно, опечалена разлукой с детьми, — осторожно ответил Кэсерил.

— Этого я и боялся. Ничего не поделаешь. Я не могу позвать её сюда. С ней слишком… сложно. — Он потёр нос тыльной стороной ладони и со свистом втянул в себя воздух. — Передайте её милости провинкаре, что она пользуется у меня особым уважением и что её внуки находятся под защитой их брата.

— Я собирался написать ей сегодня вечером, сир, чтобы сообщить о нашем благополучном прибытии. Я передам ваши слова.

Орико коротко кивнул, снова потёр нос и пристально взглянул на Кэсерила.

— Мы с вами знакомы?

— Я… не думаю, сир. Я недавно назначен вдовствующей провинкарой на должность секретаря принцессы Исель. В юности служил у покойного провинкара Баосии пажом, — добавил он в качестве рекомендации. Он не стал говорить о своей службе у ди Гуариды — это могло напомнить рею невзначай о том, что Кэсерил был не просто одним из людей провинкара. Отчасти выручали борода и седина, появившаяся с тех пор в волосах, да и более жилистая, чем прежде, фигура… если Орико его не признал, может, остальные тоже не станут приглядываться? Интересно, как долго в таком случае ему удастся сохранять инкогнито? Увы, имя менять уже слишком поздно.

Орико удовлетворённо кивнул и взмахом руки отпустил Кэсерила со словами:

— Тогда вы будете на ужине. Передайте моей прелестной сестре, что я с нетерпением жду встречи с ней вечером.

Кэсерил поклонился и покинул зверинец.

Он шёл к воротам Зангра, задумчиво покусывая нижнюю губу. Если сегодня на приёме будет присутствовать весь двор, канцлер марч ди Джиронал — правая рука Орико и второй после него человек в Шалионе — тоже скорее всего придёт. А где марч, там и его братец, лорд Дондо.

«Может, они и не вспомнят меня».

Прошло уже больше двух лет со сдачи — позорной продажи — Готоргета и ещё больше времени — с того неприглядного эпизода в лагере безумного принца Олуса. Существование Кэсерила всегда было не более чем досадной помехой для этих могущественных лордов. Они не знают, что он понял, что на галеры его продали в результате предумышленного подлого предательства, а не по случайной ошибке. Если Кэсерил не сделает ничего такого, чтобы привлечь к себе внимание, они могут и не вспомнить ничего, и он будет спасён.

«Мечты идиота».

Плечи Кэсерила ссутулились, и он ускорил шаг.

Вернувшись к себе, он приготовил было коричневую шерстяную мантию и чёрный плащ, чтобы переодеться для вечера, но прибежавшая с верхнего этажа запыхавшаяся служанка пе-

редала ему распоряжения по поводу одежды от его высокопоставленной подопечной. Поэтому Кэсерил нарядился в менее строгие синие тона: голубая туника, синий шёлковый камзол и тёмно-синие штаны, перешедшие к нему по милости провинкары. Одежда ещё хранила запах трав, которыми была пересыпана от моли. Сапоги и меч дополняли наряд — всё, что требуется придворному; не важно, что Кэсерила не украшают ни кольца, ни цепи.

По просьбе изнывавшего от нетерпения Тейдеса Кэсерил поднялся проверить, готовы ли дамы, и обнаружил, что в своей одежде замечательно вписывается в их общество. Исель была в любимом тонком бело-голубом платье и в накидке, а Бетрис и гувернантка — в синем и тёмно-синем соответственно. Исель украшали скромные, подходящие для молодой девушки простые капельки бриллиантов в ушах, небольшая брошь на лифе платья, тонкий сверкающий поясок и всего два узких кольца. На Бетрис тоже поблёскивало несколько позаимствованных у принцессы драгоценностей. Кэсерил расправил плечи, слегка пожалев о простоте собственного туалета, и собрался вести вниз свой маленький отряд.

Они вышли почти сразу, после всего лишь

семи-восьми — «Ах, погодите минутку» — задержек, чтобы поправить платья и украшения, и спустились по лестнице к Тейдесу и его свите, состоявшей из ди Санды, капитана баосийской гвардии, охранявшего их в пути, и старшего сержанта — двое последних в парадных мундирах, с мечами, рукояти которых были украшены драгоценными камнями. Шелестя одеждой и позвякивая украшениями, все последовали за пажом, присланным, чтобы проводить гостей в тронный зал.

Задержались ненадолго в приёмной, где их выстроили по порядку, согласно произнесённым шёпотом инструкциям управляющего Зангра. Затем двери широко распахнулись, и управляющий торжественным громким голосом объявил:

— Принц Тейдес ди Шалион! Принцесса Исель ди Шалион! Сьер ди Санда… — и далее по списку в строгой ранговой очерёдности: — Леди Бетрис ди Феррей, кастиллар Люп ди Кэсерил, сьера Нан ди Врит!

Бетрис скосила лукавый карий глаз на Кэсерила и прошептала, почти не шевеля губами:

— Люп? Ваше первое имя *Люп?*

Кэсерил посчитал себя вправе не отвечать. Зал был полон придворных — леди и кавалеров, всё

вокруг сияло и сверкало, воздух был насыщен духами, любопытством и возбуждением. Кэсерил рассудил, что его одежда смотрится здесь скромно, но вполне уместно — в чёрно-коричневом наряде он выглядел бы вороной в стае павлинов. Даже стены были обиты красным шёлком.

В конце зала, на возвышении, обрамлённом красными же шёлковыми занавесями, на витых креслах сидели рука об руку рей Орико и его рейна Сара. Орико выглядел значительно лучше, чем днём, — умытый, причёсанный, в чистой одежде и даже со слегка нарумяненными щеками; тяжёлая золотая корона на голове придавала ему почти королевский вид. На рейне Саре была элегантная алая мантия. Она сидела очень прямо. В свои тридцать с лишним она была уже далеко не так свежа и прелестна, как в те годы, когда Кэсерил видел её в последний раз. Выражение её лица было слегка напряжённым — видимо, рейну обуревали смешанные чувства. Из-за бесплодия она оказалась неспособной исполнить свой главный долг перед Шалионом — если, конечно, вина лежала на ней. Когда несколько лет назад Кэсерил приезжал в Зангр, он слышал, что у Орико не было и внебрачных детей. Правда, тогда этот факт объясняли его исключительной

супружеской верностью. Перспективы же Тейдеса как наследника обсуждались только в очень узких кругах.

Тейдес и Исель один за другим подошли к трону и поцеловали руки рею и рейне. Полный формальный поцелуй включал в себя целование лба, рук и ног, но сегодняшняя церемония была не столь официальной. Входившие в свиту принца и принцессы также удостоились чести преклонить колени и поцеловать руки правителю и его супруге. Рука Сары была холодна как лёд, когда Кэсерил почтительно коснулся её губами.

Он встал сразу за Исель, сцепив пальцы за спиной, приготовившись приветствовать длинную вереницу придворных. Никого нельзя было обидеть отказом в любезном приветствии. И когда он узнал приближавшихся к ним двоих мужчин, у него перехватило дыхание и упало сердце.

Марч ди Джиронал был в мундире генерала священного военного ордена Сына — коричнево-оранжево-жёлтого цветов. Он почти не изменился за три года, прошедших с тех пор, как Кэсерил видел его последний раз, принимая из его рук ключи от Готоргета. Всё такой же худощавый, седеющий, с колючим взглядом холодных глаз, энергичный и неулыбчивый. Широкая перевязь,

пересекавшая его грудь, сверкала символами Сына, выложенными из драгоценных камней, — оружием, зверями и винными кубками. На шее висел знак канцлерской должности — толстая золотая цепь. На пальцах поблёскивали три крупных кольца с печатями — его собственного Дома, Шалиона и ордена Сына. Других колец не было — на фоне таких знаков власти драгоценности не могли добавить своему владельцу внушительности.

Лорд Дондо ди Джиронал также был в генеральском мундире — сине-белом мундире ордена Дочери. Более приземистый, нежели брат, но такой же подтянутый и энергичный. Не считая знаков новых привилегий, он выглядел совершенно как прежде, не изменившись за эти три года и ничуть не постарев. Кэсерил думал увидеть его сильно растолстевшим вследствие известной неумеренности за столом, в постели и в прочих наслаждениях, но у Дондо оказался лишь небольшой животик. Блеск драгоценностей на пальцах, не говоря уже об ушах, шее, руках и украшенных золотыми шпорами сапогах, наводил на мысль, что Дондо в отличие от брата не оставил в сундуке ни одной фамильной драгоценности, решив явить миру всё разом.

Канцлер не задержал взгляд на Кэсериле, словно не узнал его, однако чёрные глаза Дондо опустились долу, пока он ожидал своей очереди, и в ответ на нейтрально-любезный жест Кэсерила он нахмурился. Морщина между бровями стала глубже, но внимание его отвлеклось от Кэсерила, как только марч подал знак слуге принести подарки для принца Тейдеса: отделанное серебром седло и сбрую, охотничий лук тонкой работы и копьё для охоты на кабана с блестящим острым стальным наконечником. Тейдес сбивчиво, но от души произнёс слова благодарности.

Лорд Дондо после формального представления щёлкнул пальцами, и слуга его, державший маленький сундучок, откинул крышку и сделал шаг вперёд. Театральным жестом младший Джиронал извлёк из сундучка невероятно длинную жемчужную нить и высоко поднял над головой, чтобы все смогли её увидеть.

— Принцесса, приветствую вас в Кардегоссе от имени моего священного ордена, моей славной семьи и от своего собственного! Позвольте преподнести вам жемчужную нить, вдвое превосходящую вас в длину. — Он качнул жемчуга в руке. Сложенная вдвое нить действительно была длиной в рост изумлённой Исель. — Бла-

годарение богам, вы не очень высоки, а то я бы разорился!

В ответ на эту шутку среди придворных послышались смешки. Дондо очаровательно улыбнулся и прошептал:

— Можно?

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперёд и, наклонившись, пронёс нить над головой принцессы.

Исель слегка вздрогнула, когда его рука коснулась на мгновение её щеки, но, проведя пальцами по переливающимся каплям жемчуга, лишь улыбнулась в ответ, благодаря за подарок. Лорд Дондо поклонился — слишком низко, кисло подумал Кэсерил, как будто не без тайной издёвки.

Лишь затем Дондо, улучив момент, прошептал что-то на ухо брату. Кэсерил не мог слышать, что именно, но обрамлённые усами и бородой губы Дондо сложились так, словно произнесли слово «Готоргет». Ди Джиронал сверкнул глазами в сторону Кэсерила, но тут братья вынуждены были отойти, чтобы дать возможность приветствовать принца и принцессу следующему придворному.

Через некоторое время Тейдес и Исель оказались почти заваленными подарками, среди которых были и дорогие, и исполненные зна-

чения. Кэсерил автоматически отмечал, кто и что подарил Исель, чтобы впоследствии составить опись. Бетрис решила помочь ему в этом занятии. Придворные увивались вокруг брата с сестрой, словно назойливые мухи вокруг плошки с мёдом. Тейдес пребывал в радостном возбуждении, он чуть ли не хихикал от восторга; ди Санда держался слегка скованно, воодушевлённый и смущённый одновременно. Исель вела себя спокойно и достойно, хотя тоже была заметно возбуждена. Она занервничала только раз, когда ей представили посла одной из северных рокнарских провинций — высокого и золотокожего, со сложной причёской из множества причудливо уложенных косичек. Его изысканные широкие льняные одеяния развевались как флаги, когда он, приблизившись, отвешивал принцессе глубокий поклон. Исель без тени улыбки присела в ответном книксене и поблагодарила рокнарца за прелестный пояс из резных кораллов, жадеита и золотых вставок.

Среди подарков Тейдесу преобладало в основном оружие. Дары же, поднесённые Исель, были по большей части украшениями, хотя среди них оказались и три музыкальные шкатулки тонкой работы. Наконец подношения были разложены

для всеобщего обозрения на столе — под охраной пары пажей, и сливки кардегосского общества потянулись в банкетный зал, где всё уже было готово для торжественного ужина. Принца и принцессу проводили к высокому столу и усадили рядом с Орико и Сарой, с другой стороны к ним подсели братья Джиронал — канцлер слегка натянуто улыбался четырнадцатилетнему Тейдесу, а Дондо явно пытался любезничать с Исель и смеялся над собственными шутками куда громче её. Кэсерил устроился за длинным, стоявшим поперёк комнаты столом неподалёку от своей подопечной. Он обнаружил, что его сосед по столу — ибранский посол.

— Ибранцы хорошо относились ко мне во время моего последнего визита в вашу страну, — не вдаваясь в детали, вежливо заметил Кэсерил после вступительного обмена любезностями. — По какому поводу вы прибыли в Кардегосс, милорд?

Ибранец дружелюбно улыбнулся.

— Вы ведь из свиты принцессы Исель? Ну, кроме безусловного желания присутствовать на осенней охоте на кабанов в здешних лесах, у меня есть ещё поручение от рея Ибры. Я должен убедить рея Орико не оказывать поддержки наследнику во время очередного восстания в

Южной Ибре. Наследник принимает помощь Дартаки, но, полагаю, вскоре он обнаружит, что это палка о двух концах.

— Мятеж наследника — болезненное событие для рея Ибры, — искренне, но без лишней горячности ответил Кэсерил. Старый Лис Ибры в течение последних тридцати лет частенько двурушничал в отношениях с Шалионом и считался сомнительным союзником и опасным противником, и если эта непрерывная война с собственным сыном была платой, взимаемой богами за его хитрость и коварство, то богам стоило быть поосторожнее. — Не знаю, что думает по этому поводу рей Орико, но мне кажется, что поддерживать юность против старости — дело в конечном итоге выигрышное. И рею Ибры, и наследнику следовало бы прийти к согласию, ведь время так или иначе всё расставит на свои места. Для пожилого человека наносить поражение собственному сыну — то же самое, что наносить поражение себе самому.

— Не в данном случае. У Ибры есть ещё один сын. — Посол быстро огляделся и, наклонившись поближе к Кэсерилу, продолжил более тихим голосом: — И наследник не оставляет этот факт без внимания. Прошлой осенью он даже организовал

покушение на брата, но когда оно провалилось, всячески отрицал свою причастность, говоря, что отнюдь не приказывал ничего подобного, что всё по собственному почину сотворили его миньоны, якобы неправильно понявшие слова своего господина. Я так полагаю, что они поняли его слова очень даже правильно. В общем, попытка избавиться от конкурента, благодарение богам, провалилась, и юный принц Бергон избежал смерти. Но чаша терпения отца переполнилась. Теперь между ним и наследником и речи не может быть о мире, тем более что последний снова заваривает кашу в Южной Ибре.

— Это печально, — ответил Кэсерил. — Надеюсь, что они всё же образумятся.

Посол кивнул, улыбнувшись тому, как искусно Кэсерил избегает острых углов, не выказывая предпочтения ни одной из сторон, и перевёл разговор на более нейтральную тему.

Подаваемые блюда были изысканными, разнообразными и весьма сытными, и у Кэсерила вскоре начали слипаться глаза. Гости перешли в зал для танцев, где рей Орико почти сразу уснул в своём кресле, к вящей зависти Кэсерила. Придворные музыканты играли превосходно, как, впрочем, и всегда. Рейна Сара не танцевала, но

выражение её лица смягчилось, а рука отбивала такт по подлокотнику кресла — она явно получала удовольствие от музыки. Кэсерил пристроил своё отягощённое ужином тело у стены, удобно опёршись спиной, и блаженно вздохнул. Он лениво смотрел, как танцуют остальные гости, более молодые или же не так объевшиеся, как он. Ни Исель, ни Бетрис, ни даже Нан ди Врит не страдали от недостатка партнёров.

Кэсерил нахмурился, заметив, что Бетрис танцует уже с третьим, нет, пятым юным лордом. Не только рейна Иста посетила его накануне отъезда из Валенды — поздним вечером к нему заглянул и сьер ди Феррей. «Присмотрите за моей Бетрис, — попросил он. — Если бы с ней была её мать или другая леди постарше, которая могла бы научить её правилам игры в этом жестоком мире, но увы… — Ди Феррей разрывался, боясь, как бы с его единственной дочерью не случилось несчастья, и одновременно надеясь, что ей удастся устроить свою судьбу. — Помогите ей не попасться на удочку какого-нибудь проходимца, негодяя, охотника за приданым или безземельного прихлебателя. Вы знаете, что это за люди. — Вроде него самого? Кэсерил не мог не удивиться. — С другой стороны, если она встретит достойного,

честного и надёжного человека, я только порадуюсь её выбору… ну, если это будет такой человек, как ваш друг марч ди Паллиар, к примеру…»

Вполне достойный пример. Интересно, Бетрис ещё ни на кого не положила глаз? Может, она уже тайно вздыхает по кому-нибудь? По тому же Палли… Увы, Палли не было на вечере — он отбыл восвояси сразу после посвящения ди Джиронала в генералы священного ордена. А Кэсерилу было бы приятно увидеть хоть одно приветливое знакомое лицо среди всей этой толпы. В задумчивости он повернул голову и увидел-таки знакомое, но отнюдь не приветливое, холодно улыбавшееся лицо. Канцлер ди Джиронал отвесил ему лёгкий поклон. Кэсерил выпрямился, оторвав спину от стены, и почтительно поклонился в ответ. Разум его усиленно заработал, разгоняя ленивый туман — следствие съеденного и выпитого за ужином. Через мгновение Кэсерил был уже в состоянии полной боевой готовности. Ну, почти полной.

— Ди Кэсерил. Это вы. Мы думали, вас уже нет в живых.

«Бьюсь об заклад».

— Нет, милорд. Я спасся.

— Кое-кто из ваших друзей боялся, что вы дезертировали…

«Никто из моих друзей не мог бояться ничего подобного».

— Однако рокнарцы сообщили, что вы умерли.

— Наглая ложь, сэр, — Кэсерил не стал уточнять, *чья* именно, — они продали меня в рабство на галеры вместе с теми, за кого не заплатили выкуп.

— Какая дикость!

— Да, сэр.

— Это просто чудо, что вам удалось выжить.

— Именно так. — Кэсерил моргнул и улыбнулся. — Но вы же получили обратно деньги, отосланные за моё освобождение? Или их прикарманил какой-нибудь вор? Хотелось бы верить, что никто не смог нажиться на этом обмане.

— Я не помню. Этим занимался интендант.

— Ну что ж, это была ужасная ошибка. Хорошо, что в конце концов её удалось исправить.

— Конечно. Я должен как-нибудь услышать рассказ о ваших приключениях.

— Когда пожелаете, милорд.

Ди Джиронал коротко кивнул, улыбнулся и, явно успокоившись, отошёл.

Кэсерил послал ему ответную улыбку, радуясь своему самообладанию — если, конечно, оно не было следствием болезненного страха. Как оказа-

лось, он мог улыбаться, улыбаться и улыбаться, вместо того чтобы вцепиться в ненавистное лживое горло.

«Я, кажется, становлюсь настоящим придворным?»

Кэсерил успокоился — самые страшные ожидания не оправдались — и, оставив попытки притворяться невидимкой, направился к леди Бетрис с целью протанцевать с ней хотя бы один тур. Он знал, что высок и неуклюж и совсем не искусен в танцах, но по крайней мере не пьян в стельку в отличие от большинства присутствующих кавалеров, что само по себе давало значительное преимущество. Не говоря уже о преимуществе над Дондо ди Джироналом, который после того, как на некоторое время монополизировал Исель, вдруг удалился со своими приспешниками в поисках более низменных удовольствий или — как втайне надеялся Кэсерил — в поисках пустынного коридора, где мог бы извергнуть из недр своего желудка то, что успел погрузить туда за столом. Глаза Бетрис радостно блестели, когда они с Кэсерилом кружились в танце.

Через некоторое время Орико проснулся, музыканты же устали, и вечер подошёл к концу.

Кэсерил мобилизовал пажей, леди Бетрис и сьеру ди Врит помочь перенести подарки Исель в её покои. Тейдес, не интересовавшийся танцами, вполне насладился изобилием разнообразных сладостей. Напитками он как будто тоже интересовался мало, но не исключено было, что ди Санде ещё придётся повозиться до рассвета со своим подопечным, ибо мальчик был всё-таки пьян — не столько от вина, сколько от уделённого ему внимания.

— Лорд Дондо сказал, что кто угодно примет меня за восемнадцатилетнего! — триумфально заявил он Исель напоследок. За последнее лето он сильно вытянулся, обогнав в росте старшую сестру, что служило постоянным поводом для гордости с его стороны и насмешливого фырканья со стороны Исель. Тейдес чуть не летел к своей спальне, распираемый восторгом, едва касаясь ногами земли.

В покоях Исель, когда Кэсерил укладывал подарки в сундук, снабжённый надёжным замком, помогавшая ему Бетрис спросила:

— Так почему вы не пользуетесь своим первым именем, лорд Кэс? Что вам не нравится в Люпе ?[1] Это же замечательное, настоящее мужское имя.

— У меня с ним связаны неприятные ассоциа-

ции. — Он вздохнул и улыбнулся. — Мой старший брат со своими друзьями издевался надо мной, тявкая и подвывая, как волчонок; это доводило меня до истерики… Увы, когда я достаточно подрос, чтобы отколотить его, ему эта игра уже надоела. Жутко нечестно с его стороны.

Бетрис звонко рассмеялась.

— Тогда понятно.

Добравшись до своей спальни, Кэсерил понял, что не в состоянии выполнить данное им обещание написать подробный доклад провинкаре. Раздираемый противоречивыми стремлениями — упасть в постель или всё же выполнить свои долг, — он с тяжёлым вздохом достал перья и воск. И отчёт его оказался куда короче запланированного увлекательного рассказа обо всём происшедшем за это время — всего несколько коротких строчек, завершавшихся словами: «В Кардегоссе всё спокойно».

Он запечатал письмо, отыскал сонного пажа и приказал передать послание любому курьеру, который собирается завтра утром отбыть из Зангра. После чего Кэсерил рухнул на кровать и не пошелохнулся до утра.

Глава 8

Банкет, посвящённый прибытию дорогих гостей, продолжался за завтраком, обедом и ужином на следующий день. Вечерний приём включал в себя маскарад. Изобилие вкусной еды, всякий раз щедро выставляемой на столы, поначалу навевало на Кэсерила печальные думы о том, что чрезмерная полнота рея при таком образе жизни легко объяснима, а потом его стало искренне удивлять, что Орико всё ещё может передвигаться самостоятельно. Наконец поток подарков царственным родственникам постепенно иссяк. Кэсерил внёс все подношения в реестр и задумался, при каких обстоятельствах некоторые из них можно было бы передарить кому-нибудь другому. Ожидалось, что Исель будет щедра.

На четвёртое утро Кэсерил очнулся от безумного сна, в котором он с полными руками драгоценностей метался по замку, не успевая доставить их надлежащим людям в надлежащее время. Протерев глаза и стряхнув с век песок сновидения, он решил, что этот сон — следствие либо креплёных вин Орико, либо большого количества миндальной пасты в сладостях.

Интересно, какие блюда ему предстоит отведать сегодня. Кэсерил рассмеялся своим мыслям, вспомнив скудный рацион времён осады Готоргета. И, продолжая ухмыляться, выбрался из уютной постели.

Встряхнув тунику, которая была на нём вчера, он вытащил из-за обшлага большой кусок засохшего хлеба. Это Бетрис попросила его припрятать хлеб, когда внезапно начавшийся дождь прервал их послеполуденный пикник на реке. Кэсерил подумал, уж не для того ли и были изначально предназначены эти широченные рукава, чтобы таскать со стола провизию. Он стащил с себя ночную рубашку, натянул штаны и подошёл к тазику для умывания.

Из раскрытого окна донёсся странный хлопающий звук. Кэсерил, вздрогнув от неожиданности, обернулся и увидел одного из воронов, гнездившихся в замке, который расселся по-хозяйски на широком каменном подоконнике, склонив голову набок. Ворон дважды каркнул, а потом издал какое-то странное скрипучее бормотание. Поражённый Кэсерил быстро промокнул лицо полотенцем и, взяв хлеб, медленно приблизился к птице. Настолько ли она ручная, чтобы принять от него еду?

Ворон, похоже, заметил угощение, поскольку не улетел, а продолжал сидеть на окне. Кэсерил отщипнул кусочек. Блестящая чёрная птица несколько секунд пристально изучала человека, затем резким движением выхватила зажатый между двумя пальцами хлеб. Кэсерил удержался и не отдёрнул руку, когда большой крепкий клюв задел — но не поранил — его плоть. Птица встряхнула крыльями, вытянув хвост, на котором не хватало нескольких перьев. Она пробормотала что-то ещё, снова каркнула. Резкий звук отдался в комнате эхом.

— Ну что ты всё кар-кар, — передразнил Кэсерил. — Нужно сказать Кэс, Кэс!

Несколько минут он развлекался, обучая ворона новому слову, и добился почти сносного «Кэсерил! Кэсерил!» — с забавным птичьим выговором. Ворон, похоже, развлекался тоже. Однако, несмотря на подачки в виде кусочков хлеба, попытки улучшить его выговор увенчались ещё меньшим успехом, чем борьба с неправильным дартаканским произношением Исель.

Урок был прерван стуком в дверь, на который Кэсерил, не поворачивая головы, привычно отозвался:

— Да?

Дверь приоткрылась, ворон подскочил и вылетел в окно. Кэсерил выглянул и секунду следил за его полётом. Птица направилась вдоль высокой, окружавшей замок стены.

— Милорд ди Кэсерил… — Голос замер. Кэсерил оттолкнулся от подоконника и, обернувшись, увидел потрясённого пажа, застывшего с открытым ртом. Он понял, в чём дело, и похолодел. Увлёкшись обучением ворона, он забыл надеть рубашку.

— Да, мальчик? — изо всех сил стараясь казаться равнодушным, Кэсерил потянулся за туникой и неторопливо натянул её на себя. — В чём дело?

Тон его отнюдь не располагал к расспросам и комментариям по поводу годовой давности узоров на спине.

Паж сглотнул слюну и вновь обрёл голос:

— Милорд ди Кэсерил, принцесса Исель просит вас присоединиться к ней в Зелёной комнате сразу после завтрака.

— Спасибо, — холодно ответил он и кивнул, отпуская пажа. Мальчик скрылся за дверью.

Исель попросила сопровождать её во время утренней экскурсии, которая оказалась нечем иным, как обещанным походом в зверинец. Рей сам вызвался показать племяннице своих

любимцев; Кэсерил, войдя в Зелёную комнату, обнаружил там похрапывавшего в кресле правителя, тело которого, видимо, нуждалось в нескольких минутах покоя после обильной утренней трапезы. Орико проснулся и потёр лоб, словно борясь с головной болью. Затем, стряхнув с туники прилипшие крошки, взял со стола завёрнутые в льняную скатерть свёртки и, тяжко вздохнув, повёл сестру, Бетрис и Кэсерила во двор, потом — через ворота и сад.

Во дворе у конюшен они встретили Тейдеса и придворных рея, собравшихся на утреннюю охоту. Тейдес просил об этом с самого прибытия в замок. Лорд Дондо, похоже, взялся исполнить желание мальчика и теперь возглавлял группу, в которую входили ещё дюжина придворных, грумы и загонщики, три своры собак и сьер ди Санда. Тейдес, верхом на своём вороном, радостно приветствовал рея и сестру.

— Лорд Дондо говорит, что ещё слишком рано, чтобы охотиться на кабана, — поведал он им, — листья ещё не опали. Но вдруг нам повезёт?

Грум Тейдеса, следовавший за ним на собственной лошади, был нагружен целым арсеналом, включая новый арбалет и копьё на кабана. Исель, которую на охоту не пригласили, посмотрела на

брата с лёгкой завистью.

Ди Санда довольно улыбался, как и всегда, когда дело касалось благородного спорта. Лорд Донго гикнул, и кавалькада лёгкой рысью выехала со двора. Кэсерил посмотрел им вслед и задумался, что в этой приятной картине так его смутило. Наконец он понял, в чём дело: всем сопровождавшим принца придворным было не меньше тридцати лет. Никто не поехал с мальчиком из дружеских побуждений, все преследовали личные цели. Если бы хоть у кого-нибудь из этих людей мозги были на месте, он бы уже привёл ко двору своего сына и предоставил бы событиям развиваться своим чередом. Точка зрения, конечно, не бесспорная, но…

Орико обошёл конюшни, леди и Кэсерил проследовали за ним. Ожидавший их старший грум Умегат — явно предупреждённый заранее — стоял у широко распахнутой двери в зверинец. Приветствуя своего господина и его гостей, он склонил голову, увенчанную тщательно заплетёнными косами.

— Это Умегат, — сказал Орико сестре. — Он ухаживает за моим зверинцем. Рокнарец, но очень хороший человек.

Подавив первоначальную настороженность,

Исель грациозно поклонилась. И на вполне сносном рокнари (хотя и неверно обратившись к слуге как к воину) сказала:

— Благословение Святых на тебе на весь день, Умегат.

Глаза Умегата удивлённо расширились, а поклон стал ещё ниже.

— И на вас благословение Святых, госпожа, — с чистейшим выговором жителя архипелага, используя вежливую форму обращения «раб — к господину», ответил он.

Брови Кэсерила поползли вверх. Так, значит, Умегат — не шалионский полукровка, как он подумал раньше. Интересно, что за причуда судьбы привела его сюда. Кэсерил сказал:

— Ты далеко от дома, Умегат.

Он воспользовался обращением «слуга — к младшему слуге».

Лёгкая улыбка тронула губы грума.

— У вас хороший слух, господин, это большая редкость в Шалионе.

— Лорд ди Кэсерил обучает меня, — пояснила Исель.

— Тогда вы в надёжных руках, леди. Но, — он вновь обратился к Кэсерилу, на сей раз как «раб — к учёному», более тонко и почтительно, чем

как «раб — к господину», — Шалион теперь мой дом, мудрейший.

— Давай покажем сестре моих животных, — прервал заскучавший от этих языковых изысков Орико. Он протянул руку с льняным узелком и заговорщицки ухмыльнулся. — Я стащил со стола немного мёда для медведей, и он вот-вот протечёт.

Умегат улыбнулся в ответ и провёл их внутрь прохладного каменного здания.

Здесь было ещё чище, чем во время первого визита Кэсерила, и куда как чище, чем в банкетных залах Орико. Рей извинился и вошёл в клетку с медведем. Зверь проснулся и уселся на корточки; Орико тоже опустился на корточки на солому — оба были чем-то похожи друг на друга. Орико развернул салфетки и отломил кусок медового сота. Медведь проглотил его и начал облизывать пальцы рея своим длинным розовым языком. Исель и Бетрис восхищённо разглядывали густой блестящий мех животного, но войти к зверю вместе с Орико желания не выказали.

Умегат повёл их к травоядным, похожим на коз животным, и в эту клетку леди войти отважились, дабы погладить зверей, восхищаясь их огромными тёмными глазами и пушистыми

ресницами. Умегат пояснил, что это веллы, доставленные откуда-то из-за пределов архипелага, и предложил морковь, которую леди и начали, оживлённо хихикая, скармливать животным. Затем Исель отряхнула юбку, и все проследовали за Умегатом к птичьим клеткам. Орико же, увлечённый медведями, махнул рукой, чтобы продолжали без него.

Тут нечто тёмное залетело со двора внутрь зверинца и, шумно хлопая крыльями, уселось Кэсерилу на плечо. Он от неожиданности чуть не выпрыгнул из сапог. Повернув же голову, обнаружил давешнего ворона. О том, что птица была та же самая, свидетельствовали отсутствующие в хвосте перья. Ворон запустил когти в камзол и прокричал:

— Кэс! Кэс!

Кэсерил расхохотался.

— Ох, ну и напугала же ты меня, глупая птица! К сожалению, хлеба у меня больше нет. — Он дёрнул плечом. Однако ворон лишь крепче вцепился в ткань камзола, и не думая улетать.

— Кэс! Кэс! — снова громко прокричал он прямо в ухо Кэсерилу.

Бетрис засмеялась, открыв рот от удивления.

— Познакомьте меня с вашим другом, лорд

Кэс!

— Он прилетел ко мне на подоконник сегодня утром, и я пытался научить его нескольким словам. Я и не думал, что мне это удалось…

— Кэс! Кэс! — всё твердил ворон.

— Ах, если бы вы были столь же старательны в изучении дартакана, миледи! — сказал Кэсерил. — Ну, сьер ди Ворон, лети давай. У меня нет хлеба. Ну! Найди себе чудесную тухлую рыбку у реки, или восхитительную дохлую овечку, или ещё что-нибудь… Кыш! — Он наклонил плечо, но птица держалась крепко. — О, они такие жадные, эти замковые вороны. Сельские птицы вынуждены сами искать себе пропитание, а эти ленивцы только и ждут, когда им положат кусочек в клюв.

— Точно, — подтвердил Умегат с хитрой улыбкой, — они настоящие придворные по сравнению с прочими птицами.

Кэсерил подавил смешок и бросил ещё один взгляд на безукоризненного рокнарского — бывшего рокнарского — грума. Конечно, раз Умегат уже давно живёт в Зангре, у него было достаточно времени, чтобы изучить повадки придворных.

— Будь ты посимпатичнее, может, тебе и удалось ко мне подлизаться. Кыш! — Кэсерил

сбросил ворона с плеча, но тот перелетел к нему на голову, запустив когти в кожу. — Ой!

— Кэсерил! — резко крикнул ворон со своего нового насеста.

— Вы, должно быть, мастер по обучению языкам, милорд ди Кэсерил, не иначе, — Умегат улыбнулся ещё шире. — Я слышу тебя, — заверил он птицу. — Если вы немного наклонитесь, милорд, я сниму с вас этого наездника.

Кэсерил послушно нагнулся. Бормоча что-то на рокнари, Умегат пересадил ворона к себе на руку, отнёс его к дверям и подбросил в воздух. Птица улетела, обиженно выкрикивая на лету — Кэсерил облегчённо вздохнул — обычное «кар-р».

Компания подошла к птичнику, где Исель немедленно получила со стороны маленьких пёстрых обитателей клеток столько же внимания, сколько Кэсерил — со стороны ворона. На её рукавах повисли разноцветные пернатые комочки, и Умегат показал, как давать им зажатые в зубах зёрнышки.

Потом они прошли к насесту с большими птицами. Бетрис залюбовалась одной из них, ярко-зелёной, с жёлтой переливающейся грудкой и алой шеей. Птица щёлкнула толстым жёлтым клювом, подвигала им из стороны в сторону,

словно прожёвывая что-то, и высунула узкий чёрный язычок.

— Она у нас недавно, — сказал Умегат. — Мне кажется, у неё была тяжёлая кочевая жизнь. Мы её уже приручили, но на это понадобилось немало времени.

— Она разговаривает?

— Да, но страшно ругается. На рокнари, к счастью. Наверное, её хозяином когда-то был моряк. Марч ди Джиронал привёз её с севера этой весной как военный трофей.

Официальные известия и слухи об этой странной кампании доходили и до Валенды. Интересно, может, и Умегата привезли когда-то сюда как военный трофей? А если нет, то как же он попал в Шалион? Кэсерил сухо прокомментировал:

— Красивая птица, но уж очень неравноценный обмен на три города и контроль над проездом.

— Полагаю, лорд ди Джиронал получил значительно больше всякого добра, чем одна эта птица, — ответил Умегат. — Обоз с вещами, привезённый в Кардегосс, входил в ворота замка больше часа.

— Я тоже имел дело с этими медлительными мулами, — пробормотал Кэсерил, на которого услышанное впечатления не произвело. — Ша-

лион потерял значительно больше, чем выиграл в этой непродуманной кампании ди Джиронал.

Брови Исель вскинулись.

— Разве мы не победили?

— Смотря что считать победой. Мы сражались с рокнарскими провинциями, не один десяток лет тесня друг друга взад-вперёд от границы. Раньше это была плодородная щедрая земля, а теперь — пустоши. Фруктовые сады, оливковые рощи и виноградники выжжены и заброшены, фермы покинуты, животные одичали или повымерли с голоду… к процветанию государства ведёт мир, а не война. Война только передаёт владение землёй от более слабого более сильному. Ещё хуже, когда купленное кровью продаётся за деньги, а потом его крадут снова, — и он задумчиво и печально добавил: — Ваш дедушка, рей Фонса, купил Готоргет ценой жизни своих сыновей, марч ди Джиронал продал его за триста тысяч реалов. Страшное превращение — когда кровь одних людей становится золотом других. Превращение свинца в золото — ничто по сравнению с этим.

— Может ли на севере когда-нибудь установиться мир? — спросила Бетрис, испуганная его непривычной горячностью.

Кэсерил пожал плечами.

— Нет, пока война приносит прибыль. Рокнарские принцы ведут ту же игру. Это всемирная коррупция.

— Выиграть войну — значит положить ей конец, — задумчиво проговорила Исель.

— Увы, теперь это лишь мечта, — вздохнул Кэсерил. — Разве что рею удалось бы сделать это так, чтобы его дворяне не заметили, что утратили свои будущие доходы. Но нет. Это просто невозможно. Шалион не может в одиночку нанести поражение всем пяти провинциям Рокнара, а если бы и случилось такое чудо, то у нас ведь в любом случае нет обученного флота, чтобы удержать в дальнейшем побережье. Если бы все наши кинтарианские королевства объединились и сражались в течение целого поколения, то один сверхсильный и могущественный рей смог бы воссоединить и подчинить себе всю землю целиком. Но человеческие, духовные и денежные потери были бы огромны.

Исель медленно произнесла:

— Огромнее, чем эти вечные потери на бесконечной, кровопролитной войне, иссушающей жизнь на севере? Заплатить однажды — лишь однажды — и навсегда.

— Но нет никого, кто бы взялся за это. Нет че-

ловека, обладающего такой энергией, знанием и волей. Рей Браджара — старый пьяница, таскающийся за придворными дамами, Лис Ибры связан внутренними междоусобицами, Шалион… — Кэсерил заколебался, поняв, что эмоции вывели его на путь откровенности, несовместимой с политикой.

— Тейдес… — начала Исель, и дыхание у неё перехватило. — Может, это станет делом Тейдеса, когда он вырастет.

Кэсерил подумал, что заняться этим делом не пожелал бы никому. Мальчик, правда, обладал необходимыми талантами, но таланты ещё надо развивать и шлифовать не один год…

— Завоевание — не единственный способ объединить людей, — заметила Бетрис. — Есть ещё и брак.

— Да, но никто не может сочетать браком три королевства и пять провинций, — фыркнула Исель. — По крайней мере за один раз.

Зелёная птица, видимо, раздражённая тем, что на неё перестали обращать внимание, неожиданно разразилась непристойной бранью на вульгарном рокнари. Хозяин точно был моряк, решил Кэсерил. Умегат сухо улыбнулся, заметив, как Кэсерил невольно хмыкнул и вскинул брови,

а Бетрис и Исель зажали ладонями рты и, покраснев, переглянулись. Грум мягким движением потянулся за колпачком и надел его птице на голову.

— Спокойной ночи, мой зелёный друг, — сказал он. — Полагаю, ты ещё не готов вежливо беседовать в приличном обществе. Может, лорд ди Кэсерил возьмётся обучить и тебя дворцовому рокнари и положит конец этому безобразию, а?

Кэсерил подумал, что и сам Умегат отлично справился бы с такой задачей. Тут, прервав его мысли, позади послышались быстрые шаги, и в дверях птичника появился улыбающийся рей Орико, стряхивая с одежды на ходу медвежью шерсть. Да, управляющий был прав, решил Кэсерил, когда сказал, что зверинец служит рею утешением. Глаза правителя блестели, лицо разрумянилось, сонливость, с которой он боролся перед выходом из Зелёной комнаты, испарилась.

— Вы должны посмотреть на моих кошек, — сказал он дамам. Все двинулись за ним по каменному коридору, в конце которого он горделиво продемонстрировал клетки с парой обитающих в горах Южного Шалиона изящных золотистых зверей с кисточками на ушах. Рядом сидел редкий кот той же породы — голубоглазый, белого цвета.

Кисточки на его ушах были чёрными. В другой клетке расхаживала пара песчаных лис архипелага — как назвал их Умегат, — очень похожих на мелких, почти бесшёрстных волков с большими треугольными ушами и циничным выражением на мордах. Напоследок Орико подвёл их к своему любимцу, леопарду, выпущенному из клетки и разгуливавшему на длинной серебряной цепочке. Леопард ходил кругами, отираясь у ног рея и издавая странные фыркающе-хрюкающие звуки. У Кэсерила перехватило дыхание, когда Исель по примеру брата вдруг опустилась на корточки и стала гладить кошку, и лицо её при этом оказалось напротив мощных челюстей животного. Круглые янтарные глаза зверя казались ему какими угодно, только не дружелюбными. Принцесса принялись почёсывать тонкими пальчиками пятнистую шкуру на горле леопарда, и тот блаженно сощурился и наморщил от наслаждения кирпичного цвета нос. Однако стоило Кэсерилу присесть рядом, как ворчание кошки стало угрожающим, а короткий взгляд золотистых глаз исключил всякую возможность вольностей с его стороны. Потому Кэсерил благоразумно решил держать руки при себе. Затем рей остался обсудить кое-что с Умегатом, а Кэсерил повёл своих

дам обратно в Зангр. По дороге девушки принялись выяснять, кому какой обитатель зверинца понравился больше всего.

— А вы что скажете, какой зверь показался вам самым интересным? — спросила Кэсерила Бетрис.

Он помедлил мгновение, прежде чем ответить, и наконец решился сказать правду:

— Умегат.

Она открыла было рот, чтобы возразить, но, заметив резкий взгляд, брошенный на Кэсерила принцессой, снова закрыла его. И всю дорогу до замка они задумчиво молчали.

Дни становились всё короче, но это не печалило обитателей Зангра, поскольку долгие вечера были прекрасным поводом для разнообразных празднеств. Придворные стремились перещеголять друг друга, предлагая развлечения, не скупясь на выдумку и деньги. Тейдес и Исель были ослеплены великолепием этой жизни, хотя Исель, к счастью, не до конца. Прислушиваясь к замечаниям Кэсерила, которые тот отпускал вполголоса, она начала смотреть глубже, улавливать скрытые намёки и послания, подмечать мотивы, подсчитывать расходы и перспективы.

Тейдес же, насколько мог судить Кэсерил,

проглатывал всё целиком, принимая за чистую монету. Следы своеобразного несварения проглядывали, однако, то тут, то там. Тейдес и ди Санда сцеплялись всё чаще, так как ди Санда безуспешно пытался поддерживать дисциплину, к которой приучали мальчика в тихой Валенде. Стычки между братом и его наставником начали беспокоить даже Исель. Кэсерил узнал об этом однажды утром, когда задумчиво любовался из окна видом реки и окрестностей Кардегосса и на него как бы случайно наткнулась Бетрис.

Обменявшись замечаниями о погоде, которая вполне соответствовала сезону, об охоте, тоже вполне удачной для этого времени года, Бетрис резко сменила тему и заговорила о том, ради чего искала его. Она спросила, понизив голос:

— Что за ужасная ссора произошла вчера между Тейдесом и ди Сандой? Мы слышали шум на вашем этаже через открытые окна и даже через пол.

— Гм…

Пятеро богов, как ему ответить на этот вопрос? Это же девушки. Почему Исель не прислала к нему Нан ди Врит? Ну да ладно, лучше грубая правда, чем неверно понятая ложь. И правду эту куда лучше сказать Бетрис, чем Исель. Бетрис

— не ребёнок и к тому же не сестра Тейдеса. Она сама решит, что можно сказать принцессе, а что нет.

— Вчера вечером Дондо ди Джиронал привёл для Тейдеса проститутку. Ди Санда вышвырнул её вон. Тейдес был в ярости. Разгневан, смущён, хотя втайне, возможно, и вздохнул с облегчением. Позже он залил своё горе вином. Вот она, славная дворцовая жизнь!

— Ох, — пробормотала Бетрис. Услышанное, конечно, шокировало её, но, хвала богам, не слишком. — Ох.

Девушка надолго задумалась, глядя на реку внизу. В долине уже собрали почти весь урожай. Потом Бетрис закусила губу и, чуть сощурив глаза, повернулась к Кэсерилу.

— Это… это совершенно не… что-то очень странное есть в том, что сорокалетний мужчина, такой, как лорд Дондо, зависит от четырнадцатилетнего мальчика.

— Зависит от мальчика? Ещё бы не странно. Но если он зависит от принца, от своего будущего рея, источника привилегий, наград, военной поддержки — это уже другое дело. И если Дондо потеряет своё место рядом с наследником, тут же найдутся трое других, желающих его занять.

Это… образ жизни.

Она брезгливо скривила губы.

— Да уж. Проститутка… фу. А лорд Дондо… это же называется сутенёр, да?

— М-м-м… даже хуже. Но Тейдес… нельзя сказать… гм… что он ещё слишком мал. Мужчина должен однажды научиться…

— А брачная ночь недостаточно хороша для этого? Мы вот учимся именно тогда.

— Мужчины… обычно женятся позже. — Кэсерил решил, что лучше бы ему воздержаться от обсуждения этой темы. Кроме того, он вспомнил вдруг, как поздно научился сам, и смутился. — У мужчины, как правило, есть друг, брат, дядя или, наконец, отец, которые объясняют ему, как… гм… вести себя с леди. Но Дондо ди Джиронал — не друг, не брат и не отец Тейдесу.

Бетрис нахмурилась.

— У Тейдеса никого нет. Ну, разве что… рей Орико, который в каком-то смысле и брат, и отец.

Глаза их встретились, и Кэсерил понял, что не стоит говорить вслух: «От чего, впрочем, пользы не много».

Помолчав ещё немного, она добавила:

— И я не могу представить в этой роли ди Санду.

Кэсерил едва не фыркнул.

— Бедняга Тейдес. Мне тоже не представить такого. — Он поколебался и сказал: — Это опасный возраст. Если бы Тейдес провёл при дворе всю жизнь, он привык бы к здешней атмосфере и не был бы таким… впечатлительным. Или хотя бы приехал сюда, будучи постарше, когда характер уже сложится и окрепнет разум. Двор, конечно, ослепляет в любом возрасте, особенно если сразу попадаешь в центр внимания. Но как бы там ни было, если Тейдес должен стать наследником рея Орико, его нужно уже начинать активно готовить к этому. Учить равновесию между удовольствиями и долгом.

— Разве он готовится? Я этого не вижу. Ди Санда пытается, отчаянно пытается, но…

— Он не в счёт, — мрачно закончил за неё Кэсерил. — В этом-то и беда.

И нахмурив брови, продолжал:

— В замке провинкары ди Санда пользовался её поддержкой и властью, чтобы добиться от мальчика послушания. Здесь, в Кардегоссе, её роль мог бы сыграть рей Орико, но он этим не интересуется. Ди Санда предоставлен в своей борьбе сам себе.

— У этого двора… — Бетрис свела брови, пыта-

ясь выразить словами непривычные мысли, — у этого двора есть центр?

Кэсерил тяжело вздохнул.

— При хорошо поставленном дворе всегда есть человек, обладающий реальной властью. Если не сам рей, то, возможно, его рейна, некто вроде провинкары, кто задаёт тон и поддерживает традиции. Орико… — он не мог сказать *слаб* и не решался сказать болен, — не занимается такими вещами, а рейна Сара… — рейна Сара казалась Кэсерилу призраком, бледным и полупрозрачным, почти невидимым, — тоже не следит за двором. Это приводит нас к канцлеру ди Джироналу. Вот кто дёргает за ниточки, приводя в движение государство, и не желает держать в узде своего брата.

Глаза Бетрис прищурились.

— Так, значит, он подстрекает Дондо.

Кэсерил предостерегающе прижал палец к губам.

— Помните, как Умегат пошутил насчёт замковых воронов? Взгляните на дело с другой стороны. Вы когда-нибудь видели, как стая воронов разоряет чужое гнездо? Одни отвлекают родителей, а другие набрасываются на яйца или птенцов… — Его голос стал резче. — Благодарение богам, большинство придворных Кардегосса не

могут действовать сообща столь же слаженно, как стая воронов.

Бетрис вздохнула.

— Думаю, Тейдес даже не сознаёт, что они вертятся вокруг него вовсе не ради него самого.

— Я боюсь, ди Санда со всем своим здравым смыслом не может говорить с Тейдесом прямо. А ему, чтобы разорвать опутавшую принца паутину лести, следует быть весьма откровенным.

— Но ведь вы же всегда откровенны с Исель, — возразила Бетрис. — Вы говорите: «Посмотрите на этого человека, что он сделает дальше, подумайте, почему он это делает»… Раз двадцать мы ничего не могли понять, только слушали вас, но на двадцать первый раз тоже начали видеть. Разве ди Санда не может так же поступать с принцем Тейдесом?

— На чужом лице грязь всегда заметнее. Эта толпа придворных, по счастью, не давит на Исель с той силой, как на принца. Благодарение богам. Все знают, что её отдадут замуж, может быть, даже за пределы Шалиона. Она в отличие от Тейдеса не станет источником их благополучия в будущем.

На этой печальной ноте они и закончили и некоторое время не возвращались к этому разго-

вору. Кэсерил был крайне доволен, что Бетрис и Исель избежали большинства подводных камней и скрытых опасностей дворцовой жизни. Развлечения ослепляют, соблазняют, заставляют забыть благоразумие, опьяняют и ослабляют разум, равно как и тело. Для некоторых кавалеров и дам — это безобидная весёлая игра, хотя и довольно дорогостоящая. Для других — система тайных посланий, многозначительных взглядов, полунамёков, серьёзных выпадов и контрвыпадов, правда, не всегда убивающих на месте в отличие от фехтовальных приёмов. Чтобы удержаться на ногах, необходимо отличать игроков от пешек. Дондо ди Джиронал был одним из основных игроков по своему положению, хотя… каждый его шаг был если не направлен старшим братом, то по крайней мере разрешён им.

Нет. Такое нельзя говорить. Об этом можно лишь думать.

Благодаря превосходным музыкантам Орико Кэсерил смог отбросить на время тяжёлые раздумья о придворной морали и насладиться чудесной музыкой на очередном балу. Если рейна Сара и имела своё утешение сродни зверинцу Рея, то это были именно певцы и менестрели Зангра. Она никогда не танцевала, редко улыбалась, но

не пропускала ни одного музыкального вечера, сидя в зале рядом со спящим супругом или в галерее напротив музыкантов за ажурной ширмой, окружённая своими фрейлинами. Кэсерил полагал, что понимает её страсть.

Сам он стоял, опёршись о стену зала, отбивая такт ногой и внимательно следя, как его подопечные кружатся в танце по отполированному деревянному полу. Музыканты и танцоры сделали небольшой перерыв после быстрого танца, и Кэсерил присоединился к раздавшимся из-за ширмы аплодисментам рейны. Внезапно над его ухом раздался голос, который он никак не ожидал услышать:

— Ну, кастиллар, ты неплохо выглядишь!

— Палли! — Кэсерил с трудом сдержался, чтобы не броситься к другу. Вместо этого он отвесил почтительный поклон. Палли, одетый в синие штаны и тунику, в белом плаще военного ордена Дочери на плечах, в отполированных сапогах и со сверкающим на поясе мечом, рассмеялся и столь же церемонно поклонился, затем крепко стиснул руку друга.

— Что привело тебя в Кардегосс? — радостно спросил Кэсерил.

— Рука богини, что же ещё? Ну, и дела тоже

— год-то заканчивается. Вообще-то я приехал помочь лорду дедикату провинции Джеррин по его просьбе. Потом расскажу, но… — взгляд Палли обежал полный народа зал, где готовились к новому танцу, — только не здесь. Похоже, ты пережил путешествие ко двору. И вроде немного успокоился, я прав?

Губы Кэсерила скривились.

— Ещё бы. Потом расскажу, но — только не здесь, — повторил он слова Палли. Оглянувшись, он обнаружил, что ни лорда Дондо, ни его старшего брата не видно, но донести братьям об этой встрече и разговоре могли с полдюжины их прихлебателей. Всюду глаза и уши. — Давай-ка поищем местечко попрохладнее.

Они вышли в соседнюю комнату, и Кэсерил подвёл Палли к окну, выходившему на залитый лунным светом внутренний двор. У дальней стены двора сидела парочка, которая, как посчитал Кэсерил, была слишком занята своими делами и не могла расслышать то, о чём они говорят.

— Ну, так что заставило старого ди Джеррина прибыть в Кардегосс? — поинтересовался Кэсерил. Провинкар Джеррина был самым высокородным лордом Шалиона из тех, кто состоял на службе у священного ордена Дочери. Большин-

ство молодых людей с военными наклонностями посвящали себя служению более могущественному ордену Сына, с его славными традициями борьбы с рокнарцами. Даже Кэсерил в юности хотел посвятить себя Сыну, но передумал… после некоторых событий. Более скромный и малочисленный орден Дочери занимался в основном поддержанием внутреннего порядка: охраной храмов, патрулированием дорог, чтобы обезопасить паломников; борьбой с разбоем, конокрадством, а также содействием в поимке преступников.

— Весеннее очищение. — На мгновение на лице Палли появилось такое же выражение, как у песчаных лис Умегата. — Дурно пахнущая кучка в стенах храма будет наконец убрана оттуда. Ди Джеррин некоторое время подозревал, что вследствие длительной болезни и бессилия старого генерала казна ордена здесь, в Кардегоссе, утекала у казначея сквозь пальцы. И, что примечательно, текла она в его личный кошелёк.

Кэсерил хмыкнул.

— Несчастный.

Палли вскинул бровь.

— Ты не удивлён?

Кэсерил пожал плечами.

— В принципе нет. Подобное происходит сплошь и рядом, когда недостаточно нравственный человек попадает под развращающее влияние власти. Я не слышал ничего конкретного о казначее ордена Дочери, но в Кардегоссе такое не редкость.

Палли кивнул.

— Ди Джеррин больше года собирал свидетельства и доказательства. Мы арестовали казначея и все его *бумаги* два часа назад и под охраной препроводили в камеру. Ди Джеррин завтра утром представит дело на заседании совета ордена. Казначей будет освобождён с его поста и лишён всех привилегий. А затем, не позднее вечера, предстанет перед канцелярией Кардегосса, которая и определит наказание. Вот так! — Палли ударил ладонью по подоконнику в предвкушении триумфального завершения длительного дела.

— Отлично! Ты останешься здесь после процесса?

— Надеюсь задержаться на пару недель, поохотиться.

— О, превосходно!

Будет время поговорить, да ещё с умным и достойным собеседником — двойная роскошь.

— Я остановился в городе во дворце Джеррина и не задержусь долго на этом балу. В Зангр я пришёл только в качестве сопровождения ди Джеррина, пока он отвешивает поклоны и докладывает обстановку рею Орико и генералу лорду Дондо ди Джироналу. — Палли сделал небольшую паузу. — Судя по тому, что ты пребываешь в добром здравии, твои опасения по поводу Джироналов оказались беспочвенными?

Кэсерил помолчал. Задувавший в окно ветер становился всё холоднее. Даже парочка поднялась со скамейки и ушла. Наконец он проговорил:

— Я стараюсь никоим образом не сталкиваться с Джироналами. Ни в каком смысле.

Палли нахмурился и, казалось, с трудом удержал при себе готовую сорваться с уст фразу.

Двое слуг пронесли в сторону бального зала котёл с горячим, сдобренным специями и сахаром вином. Из двери выскочила, хихикая, молодая дама, её преследовал, не отставая ни на шаг, кавалер; оба скрылись за углом, и смех их растаял в воздухе. Звучание музыки возобновилось, разливаясь по галереям, подобно аромату цветов.

Лоб Палли разгладился.

— Леди Бетрис ди Феррей тоже прибыла с прин-

цессой Исель из Валенды?

— А ты разве не видел её среди танцующих?

— Нет… первым, кого я увидел, был ты. Эдакая подпирающая стену жердь. Когда я узнал, что принцесса Исель при дворе, я решил попытать счастье и поискать здесь тебя, хотя, помня наш последний разговор, был не слишком уверен в успехе этого предприятия. Как думаешь, у меня есть надежда заполучить леди Бетрис на танец, пока ди Джеррин шушукается с Орико?

— Ну, если ты считаешь, что у тебя хватит сил пробиться сквозь толпу претендентов… — сухо сказал Кэсерил, взмахнув рукой. — Я обычно терплю поражение в этой борьбе.

Палли, однако, справился без особого труда и вскоре уже умело кружил удивлённую, смеющуюся девушку по залу. Он даже протанцевал круг с Исель. Обе леди, похоже, были очень рады встретить его снова. В перерывах между танцами он успел приветствовать четверых или пятерых знакомых лордов, пока наконец к нему не подошёл паж и не прошептал что-то на ухо. Палли откланялся и удалился, чтобы присоединиться к лорду-дедикату ди Джеррину, покидавшему Зангр.

Кэсерил очень надеялся, что новый генерал

лорд Дондо ди Джиронал будет рад и признателен, избавившись от нечестного казначея. Он надеялся на это всем сердцем.

Глава 9

Весь следующий день Кэсерил улыбался в предвкушении визита Палли. Бетрис и Исель тоже радовались приезду молодого человека в Кардегосс и то и дело упоминали его в своих разговорах, что слегка встревожило Кэсерила.

Ну а что? Палли имел землю, деньги, приятную внешность, был обаятельным, надёжным и ответственным человеком. Они с Бетрис составили бы прекрасную пару. Тем не менее Кэсерил невольно пытался устроить всё так, чтобы пообщаться с другом без своих подопечных.

Однако, к разочарованию Кэсерила, вечером Палли при дворе не появился — ни он, ни ди Джеррин. По-видимому, какой-то случай в совете или на заседании одного из комитетов ордена оказался столь запутанным, что они не уложились в запланированное время и вынуждены были задержаться. Если же причиной задержки послужило дело казначея, то пребывание Палли в Кардегоссе, возможно, продлится больше, чем тот рассчитывал первоначально.

Кэсерил увидел Палли только на следующее утро, когда тот внезапно появился в его каби-

нете — одной из комнат, занимаемых Исель и её свитой. Кэсерил удивлённо поднял на друга глаза, оторвавшись от записей в бухгалтерской книге. На Палли был дорожный костюм: тёплая туника, высокие сапоги и короткий плащ для верховой езды.

— Палли! Садись… — Кэсерил жестом предложил ему стул.

Палли пододвинул стул к столу и, усевшись напротив Кэсерила, тяжело вздохнул.

— Я только на минутку, дружище. Не могу уехать, не попрощавшись с тобой. Ди Джеррин и весь наш отряд во главе со мной должны покинуть Кардегосс до полудня под страхом отлучения от святого ордена. — Его улыбка была натянутой, челюсти сжаты.

— Что? Что случилось? — Кэсерил выронил перо и отодвинул бумаги в сторону.

Палли провёл рукой по тёмной шевелюре и покачал головой, словно сам не верил происходящему.

— Не могу спокойно говорить об этом. Мне кажется, я просто взорвусь! Всё, что я сумел вчера вечером, — это удержаться и не вытащить меч, чтобы выпустить кишки мерзкому сукиному сыну. Кэс, они уничтожили дело ди Джеррина!

Конфисковали все доказательства, разогнали всех свидетелей, даже не выслушав их показания! Невероятно! Они освободили этого лживого скользкого червяка, казначея, из-под ареста!

— Да кто они?

— Наш священный генерал Дондо ди Джиронал и его… его… ставленники из совета, трусливые шавки, подпевалы — пусть богиня ослепит меня, если мне раньше доводилось видеть такую свору тявкающих дворняжек! О несчастье на её чистые цвета! — Палли стукнул кулаком по колену и крепко выругался вполголоса. — Мы все знали, что в резиденции ордена в Кардегоссе что-то не так. Нам следовало просить рея отправить старого генерала в почётную отставку — он выглядел слишком слабым и больным, чтобы тащить на себе этот воз, — но ни у кого не хватало решительности на такой шаг. Мы думали, что новый генерал, молодой энергичный человек, сможет твёрдой рукой легко навести порядок. Но это… это хуже, чем просто пренебрежение обязанностями. Это активный саботаж! Они отмыли казначея и отослали ди Джеррина… даже не взглянув толком на доказательства — о богиня, а ведь ими было набито два сундука! Бьюсь об заклад, решение было принято ещё до собрания.

Кэсерил не слышал, чтобы Палли сыпал проклятиями, с тех самых пор, когда упитанный курьер доставил изголодавшемуся, измученному гарнизону Готоргета известие о продаже крепости рокнарцам. Он откинулся на спинку кресла и потянул себя за короткую бороду. Палли продолжал:

— Я подозреваю, нет — уверен, что лорду Дондо хорошо заплатили за такой исход дела. Если только он — не хозяин казначея. А два сундука доказательств теперь пожирает огонь на алтаре нашей леди. Кэс! Наш новый генерал использует святой орден как собственную дойную корову. Один служитель вчера, содрогаясь, рассказал мне, что шесть отрядов Дочери — в качестве хорошо оплаченной услуги — были отправлены им в помощь наследнику в Южную Ибру. Это не в нашей компетенции, не в компетенции ордена! Это хуже, чем красть деньги, — это красть кровь и жизнь!

Раздалось приглушённое «ах!». Оба мужчины резко обернулись в сторону двери, ведущей в покои Исель. Там стояла леди Бетрис, опёршись рукой о косяк, из-за её плеча выглядывала принцесса Исель. Глаза у обеих леди были круглыми от изумления.

Палли открыл рот и закрыл его снова, затем судорожно сглотнул, вскочил на ноги и поклонился.

— Принцесса. Леди Бетрис. К сожалению, я вынужден вас покинуть. Я возвращаюсь в Паллиар.

— Нам будет не хватать вашего общества, — искренне опечалилась принцесса.

Палли повернулся к Кэсерилу.

— Кэс… — он виновато кивнул, — мне жаль, что я не поверил тебе, когда ты говорил о Джироналах. Нет у тебя никакой мании преследования, ты был прав во всём.

Кэсерил непонимающе заморгал.

— Я думал, ты поверил мне…

— Старый ди Джеррин столь же осторожен, как и ты. Он с самого начала предполагал такое развитие событий. Я спросил его, зачем нам нужен такой большой отряд, чтобы идти в Кардегосс. Знаешь, что он ответил? Он прошептал: «Чтобы выйти из Кардегосса, мой мальчик». Тогда я не понял его шутки и не понимал до сих пор, — Палли горько усмехнулся.

— Вы… вы ещё вернётесь сюда? — спросила Бетрис срывающимся голосом и прижала пальцы к губам.

— Клянусь богиней, — Палли поочерёдно кос-

нулся рукой лба, губ, солнечного сплетения и пупка, затем прижал ладонь с растопыренными пальцами к сердцу в священном кинтарианском жесте, — я вернусь в Кардегосс только на похороны Дондо ди Джиронала. Леди, — он ещё раз поклонился, — Кэс… — схватил за руки Кэсерила и, наклонившись, поцеловал его ладони. Кэсерил ответил ему тем же. — Счастливо оставаться.

Палли развернулся и быстро вышел из комнаты.

Оставшимся показалось, что вышел не один человек, а сразу четверо, так пусто стало без него в кабинете. Бетрис и Исель вошли; первая замешкалась у двери, привстав на цыпочки и глядя, как исчезает за углом его развевающийся белый плащ.

Кэсерил снова взял в руки перо и начал нервно теребить пальцами остро заточенный кончик.

— Ну, как много вам удалось услышать?

Бетрис посмотрела на Исель и ответила:

— Думаю, всё. Он не слишком старался понизить голос.

Она отошла от двери и приблизилась к столу. Лицо её было встревоженным.

Необходимо предостеречь невольно подслушавших их беседу девушек, решил Кэсерил.

— Это дело закрытого заседания совета священного военного ордена. Палли не должен был говорить об этом вне резиденции Дочери.

Исель возразила:

— Но ведь он — лорд-дедикат, член этого совета. Разве у него нет права — обязанности! — говорить об этом, как у любого из них?

— Да, но… увлёкшись, он неосторожно выдвинул против своего генерала серьёзные обвинения, для доказательства которых у него нет… соответствующей власти.

Исель резко взглянула на него.

— Вы верите ему?

— Моя вера — не доказательство, она не считается.

— Но если это правда — тогда совершено преступление, даже хуже, чем преступление. Безжалостное попрание доверия не только рея и самой богини, но и тех, кто поклялся служить и подчиняться им.

«Она видит следствия с обеих сторон! Отлично!»

— Нет, погодите-ка, не так.

— Мы не видели доказательств. Может, совет решил, что они не стоят доверия. Мы не можем этого знать.

— Если мы не видели доказательств, которые видел марч ди Паллиар, мы можем судить о тех людях и делать выводы, опираясь на полученную от него информацию?

— Нет, — отрезал Кэсерил. — Даже обычный лжец может иногда сказать правду, а честный человек при определённых обстоятельствах бывает вынужден солгать.

Бетрис уставилась на него и после короткой паузы спросила:

— Вы думаете, ваш друг солгал?

— Поскольку он мой друг — нет, конечно же, нет, но… его могли ввести в заблуждение.

— Всё так запутано, — в отчаянии проговорила Исель. — Пойду помолюсь богине, чтобы она помогла нам разобраться и указала путь.

Кэсерил, вспомнив, что произошло, когда она в последний раз советовалась с леди Весны, твёрдо сказал:

— Не нужно просить никакого совета, принцесса. Вы можете непреднамеренно выдать чужой секрет. У вас есть простая обязанность сохранить в тайне всё здесь услышанное. Не выдать ни словом, ни делом.

— Но если это правда, это *важно!* Очень важно, лорд Кэс!

— Тем не менее нравится вам это или нет, но у нас нет никаких доказательств.

Исель задумчиво нахмурилась.

— По правде говоря, мне никогда не нравился лорд Дондо. Что-то с ним не так. Он странно пахнет, и руки у него всегда такие потные и горячие.

Бетрис добавила с гримасой отвращения:

— Да, и он всё время лапает ими, ф-фу!

Перо сломалось в сжавшемся кулаке Кэсерила. Несколько чернильных капель брызнули на рукав. Заметив это, он отложил обломки в сторону.

— Да? — выдавил он, как ему показалось, безразлично-нейтральным тоном. — Когда это?

— О, да всё время! На танцах, во время обеда, в коридорах. То есть я хочу сказать, здесь многие кавалеры флиртуют, некоторые довольно откровенно, но он… он давит. При дворе полно дам более подходящего для него возраста. Почему он не пробует свои чары на них?

Кэсерил еле удержался от вопроса, кажутся ли ей тридцать пять лет такой же дремучей старостью, как и сорок, но прикусил язык и сказал вместо этого:

— Ему нужно упрочить своё влияние на принца Тейдеса. Поэтому он пытается обрести располо-

жение его сестры — непосредственно или через её подругу.

Бетрис облегчённо вздохнула.

— Ох, вы думаете, это так? Я чуть с ума не сошла от мысли, что он мог действительно влюбиться в меня. Но если он просто пытается использовать меня ради достижения своей цели, то всё в порядке.

Кэсерил ещё размышлял над её словами, когда Исель сказала:

— Он очень странно представляет себе мой характер, если полагает завоевать мою благосклонность, соблазнив мою подругу. И вообще, мне кажется, не следует позволять ему оказывать влияние на Тейдеса. Я хочу сказать, *такое* влияние… будь оно положительным, разве мы не видели бы уже положительных результатов? Нам нужно, чтобы Тейдес вырос сильным, крепким, с твёрдым характером, упорно учился и расширял свой кругозор.

Кэсерил снова прикусил язык, едва удержавшись от замечания, что Тейдес, общаясь с Дондо, расширит свой кругозор. В некотором смысле. И в определённом направлении.

Исель продолжала, всё больше вдохновляясь:

— Разве не следует Тейдесу изучать основы

управления государством? Наблюдая для этого за работой канцелярии, присутствуя на собраниях, слушая послов? А если не управления государством, то хотя бы ведения военных кампаний? Охота — это, конечно, хорошо, но разве не следует ему изучать военные науки, стратегию? Его духовный рацион, похоже, состоит только из сладостей и совершенно не предполагает мяса. Что за рея можно вырастить таким способом?

«Возможно, такого, как Орико, — слабого и болезненного, который не составит конкуренции канцлеру ди Джироналу в борьбе за власть в Шалионе».

Но вслух Кэсерил сказал только:

— Не знаю, принцесса.

— Вот и я не знаю. Откуда мне знать? — Она взволнованно прошлась по комнате. — Мама и бабушка наверняка хотели бы, чтобы я приглядывала за ним. Кэсерил, вы можете выяснить хотя бы, правда ли то, что солдат Дочери отправили к наследнику Ибры? Это не может быть такой уж великой тайной.

Тут она была права. Кэсерил проглотил откуда-то возникший в горле комок.

— Я попытаюсь, миледи. Но если это правда, что тогда? Дондо ди Джиронал — это сила, с которой

следует считаться, которую крайне опасно недооценивать и к которой необходимо относиться с величайшей осторожностью.

Исель пристально посмотрела ему в глаза.

— И не важно, насколько эта сила коррумпирована?

— Чем более коррумпирована, тем более опасна.

Исель вздёрнула подбородок.

— Тогда скажите мне, кастиллар, насколько опасен, по-вашему, Дондо ди Джиронал?

Кэсерил молчал.

«Может, так и сказать: „Дондо ди Джиронал после своего брата — опаснейший в Шалионе человек“?»

Вместо этого он взял новое перо из глиняного стаканчика и начал сосредоточенно затачивать его кончик перочинным ножом. Наконец он проронил:

— Мне не нравятся его потные руки.

Исель фыркнула. От дальнейших расспросов Кэсерила неожиданно спас голос Нан ди Врит. Та звала девушек заняться жизненно важным делом — нанизыванием жемчужных бусинок. И обе юные леди вынуждены были удалиться.

Холодным днём, когда сезон охоты уже ми-

новал, принцесса Исель решила растратить избыток сил, отправившись на прогулку верхом. Она собрала свою немногочисленную свиту и поскакала в дубовую рощу неподалёку от Кардегосса. Следом за серой кобылой принцессы следовали лёгким галопом пара грумов и Кэсерил, бок о бок с леди Бетрис. Кэсерил наслаждался прохладным осенним воздухом, насыщенным запахом опадающих золотых листьев, когда его насторожил приближавшийся сзади топот копыт. Он обернулся через плечо, и под ложечкой у него томительно засосало: их настигал отряд облачённых в маски людей. Всадники испустили воинственный клич. Кэсерил уже почти вытащил меч, когда узнал лошадей и сбрую — те принадлежали молодым придворным Зангра. Мужчины были одеты в живописные лохмотья, а свои оголённые руки и ноги для пущей убедительности тщательно измазали сапожной ваксой.

Кэсерил облегчённо вздохнул и пригнулся к седлу, переводя дух и пытаясь успокоить колотящееся сердце. Они всё же должны были предупредить его заранее. Скалящаяся и хохочущая «шайка» «захватила» принцессу и леди Бетрис и, связав своих пленников, включая и Кэсерила, длинными шёлковыми лентами, от-

правилась в сторону «разбойничьего лагеря». Весело смеющийся лорд ди Ринал подъехал к Кэсерилу и в шутку взмахнул мечом, словно собираясь перерезать ему горло. В настоящем бою под этот взмах мог бы угодить подъехавший с другой стороны паж, а меч Кэсерила уже успел бы выпустить кишки ещё одному, маячившему сзади «бандиту». И всё это произошло бы задолго до того, как его попытались бы опутать верёвками. Ну а сейчас все шутили и пересмеивались.

Компания въехала в «разбойничий лагерь» — то была большая поляна, по которой сновали туда-сюда многочисленные слуги из Зангра, также одетые в тщательно разорванные лохмотья, дымились костры и жарилось мясо. Некоторые развлекались, перепрыгивая через огонь. «Разбойницы», «воровки» и довольно привлекательные, аппетитные «нищенки» приветствовали криками возвращающихся с добычей «похитителей». Исель расхохоталась, когда атаман ди Ринал отсёк небольшой локон её густых вьющихся волос и грозно потребовал за него выкуп. Веселье было в самом разгаре, когда на поляну влетел отряд «освободителей» в бело-синих одеждах Дочери во главе с Дондо ди Джироналом. Разыгралась сцена сражения. Впечатление, одна-

ко, было подпорчено несколькими не слишком приятными моментами: в частности, обливанием «раненых» свиной кровью, предварительно набранной в пузыри. Битва закончилась, когда все разбойники были «мертвы» и лежали на земле, основательно залитые содержимым пузырей, а локон принцессы оказался в руках Дондо. Затем придворный, одетый в наряд настоятеля Брата, окропил «покойников» вином и явил чудо воскрешения, и вся компания разместилась на расстеленных на поляне коврах для весёлой трапезы. Кэсерил разделял ковёр с Исель, леди Бетрис и лордом Дондо. Он сидел, скрестив ноги, и жевал оленину с хлебом, наблюдая, как Дондо пытается развлечь принцессу тяжеловесными и недалёкими шутками. Дондо просил Исель наградить его за доблесть локоном в обмен — тут он щёлкнул пальцами, и к нему подбежал паж с красивым кожаным футляром — на пару черепаховых гребней, отделанных драгоценными камнями.

— Сокровище за сокровище, и мы квиты, — заявил Дондо, пряча завиток её волос во внутренний карман у сердца.

— Какой жестокий подарок, — парировала принцесса, — вы даёте мне эти чудесные гребни,

не оставив волос, которые я могла бы ими закалывать. — Она повертела в руках сверкающие изящные вещицы.

— О, вы сможете отрастить себе новые локоны, принцесса!

— А вы сможете вырастить новые сокровища?

— Уверяю вас, для меня это так же легко, как для вас отрастить волосы, — и он пододвинулся к ней поближе и опёрся на локоть, чуть не положив голову к ней на колени.

Улыбка Исель стала холоднее.

— Так, значит, ваша новая должность настолько прибыльна, священный генерал?

— Безусловно.

— Тогда, полагаю, в сегодняшнем представлении вам следовало играть роль атамана.

Дондо слегка нахмурился.

— Если бы мир был устроен иначе, как бы я, по-вашему, смог покупать столько жемчуга, чтобы доставить удовольствие прекрасным дамам?

Щёки Исель покраснели, и она опустила глаза. Дондо торжествующе ухмыльнулся. Кэсерил, стиснув зубы, потянулся за серебряной фляжкой с вином с намерением пролить как бы случайно его содержимое на принцессу. Увы, фляжка оказалась пустой. Но, к его облегчению, Исель взяла

хлеб и мясо и приступила к еде. Кэсерил заметил, что она отодвинула свои юбки подальше от Дондо, когда устраивалась поудобнее.

С низин уже надвигался вечерний холод и сумрак, когда насытившаяся компания неторопливо двинулась в сторону замка. Исель придержала лошадь и поехала рядом с Кэсерилом.

— Кастиллар, вы уже узнали что-нибудь касательно тех отрядов Дочери, что были посланы в Южную Ибру?

— Один-два человека подтвердили эту информацию, но считать её достоверной я пока ещё не могу. — На самом деле информация была достаточно достоверной, однако Кэсерилу казалось верхом неосторожности сказать об этом Исель прямо сейчас.

Молчаливо нахмурившись, она пришпорила коня и догнала Бетрис.

Этим вечером ужин обошёлся без танцев, и утомлённые кавалеры и дамы рано разбрелись по комнатам — кто спать, а кто посвятить вечер развлечениям в очень узком кругу. Направляясь к себе, Кэсерил увидел, что к нему приближается лорд Дондо.

— Прогуляйтесь со мной немного, кастиллар. Полагаю, нам нужно поговорить.

Кэсерил с деланным безразличием пожал плечами и последовал за ним, стараясь не обращать внимания на двух верзил, державшихся в нескольких шагах позади. Они вышли из здания и очутились в узкой части крепости, в маленьком внутреннем дворике неправильной формы, выходившем к месту слияния двух рукавов реки. По сигналу Дондо два его приспешника прислонились со скучающим видом к каменной стене.

Кэсерил мысленно прикинул свои шансы. Хоть он и долго болел, месяцы работы на вёслах сделали его жилистые руки куда более сильными, чем это могло показаться со стороны. Дондо, безусловно, отлично натренирован. Его помощники — молодые и крепкие парни. Немного пьяные, но молодые. При соотношении три к одному им, возможно, даже не потребуется вынимать мечи. Бедняга-секретарь, перебрав за ужином, прогуливался по крепостной стене и, поскользнувшись в темноте, упал с трёхсотфутовой скалы в воду; его разбившееся тело, обвитое одинокой водорослью, завтра обнаружат выброшенным на берег ниже по течению. Какой печальный конец.

В настенных держателях горели несколько факелов, бросая оранжевые отблески на камни мостовой. Дондо приглашающим жестом указал

на вырезанную из гранита скамью у внешней стены. Камень ожёг холодом ноги Кэсерила, когда он уселся на гранит, а по шее скользнул студёный ночной ветерок, чуть не заставив его поёжиться. Дондо с тихим вздохом уселся рядом и машинально откинул полу плаща, освободив рукоять меча.

— Итак, Кэсерил, — начал он, — я вижу, вы пользуетесь доверием и авторитетом у принцессы Исель.

— Должность её секретаря это предполагает. А должность её наставника предполагает в ещё большей степени. Я очень серьёзно отношусь к своей работе.

— Это неудивительно — вы ко всему относитесь очень серьёзно. Слишком много положительных качеств, сосредоточенных в одном человеке, могут подвести его, знаете ли.

Кэсерил пожал плечами. Дондо уселся поудобнее, вытянув ноги и скрестив их в щиколотках, словно приготовившись к долгой доверительной беседе.

— Что касается принцессы, — он махнул рукой в сторону жилых помещений замка, — мне кажется, девушке её возраста уже пора интересоваться мужчинами, однако я нахожу её странно холодной. Подобные ей кобылки прямо-таки созданы

для любви — у неё прекрасные, столь притягательные для мужчин широкие бёдра. — Дондо сделал недвусмысленный жест руками. — Надо надеяться, она не получила по наследству тех… гм… странностей, коим подвержена её бедная мать.

Кэсерил решил не развивать эту тему и ограничился лишь неопределённым хмыканьем.

— Надо надеяться. Хотя, может, дело вовсе не в этом? Может, кто-то чересчур серьёзный настраивает её против меня?

— Двор полон сплетен. И сплетников.

— Конечно. Да, кстати, Кэсерил, а как вы говорите с принцессой обо мне?

— С осторожностью.

Дондо откинулся назад и скрестил на груди руки.

— Хорошо. Это хорошо. — Он немного помолчал. — Однако я, пожалуй, предпочёл бы, чтобы вы говорили обо мне с теплотой. Да, с теплотой… так было бы гораздо лучше.

Кэсерил облизнул пересохшие губы.

— Исель — очень умная и чувствительная девушка. Она чрезвычайно тонко чувствует фальшь. Лучше оставить всё как есть.

Дондо хмыкнул.

— Ага! Вот оно! Я так и думал, что вы всё ещё точите на меня зуб после той дьявольской дурацкой шутки безумного Олуса.

Кэсерил покачал головой.

— Нет. Всё забыто, милорд. — Близость Дондо, его странный, особенный запах вызвали в памяти Кэсерила чувство отчаяния, лязг металла о металл и последовавший за этим тяжёлый удар по шее… — Это было так давно.

— Ох, до чего же мне нравятся люди с короткой памятью! Хотя… мне кажется, что вы всё-таки относитесь ко мне холодно. Полагаю, вы так же бедны, как и раньше? Некоторые люди, сколько бы ни старались, не могут научиться выживать в этом мире. — С этими словами Дондо принялся с усилием стаскивать кольцо с толстого влажного пальца. Это было тонкое золотое колечко, украшенное крупным, красиво огранённым зелёным камнем. Джиронал протянул подарок Кэсерилу. — Пусть это согреет ваше сердце. И язык.

Кэсерил не шевельнулся.

— Всё, что мне нужно, я получаю от принцессы, милорд.

— Ах, конечно. — Чёрные брови Дондо сошлись у переносицы, глаза сверкнули из-под прищуренных век. — Ваше положение, должно быть,

предоставляет вам достаточно возможностей набить карман.

Кэсерил стиснул зубы, пытаясь подавить рвущуюся наружу ярость.

— Если вы отказываетесь верить в мою честность, милорд, то можете принять во внимание будущее принцессы Исель и поверить в то, что разум, которым одарили меня боги, всё ещё при мне. Сегодня у неё небольшие владения, а завтра это может быть целая провинция или даже королевство.

— Ах вот как! Неужели? — и Дондо как-то странно оскалился, а потом громко рассмеялся. — О бедняга Кэсерил! Когда человек отказывается от синицы в руке ради журавля в небе, он может в конечном счёте остаться вообще без ничего. И это умно, по-вашему? — и он положил кольцо на скамью между ними.

Кэсерил развёл руками и, покачав головой, положил их обратно на колени, давая понять, что отказывается от подарка.

— Приберегите свои сокровища, милорд, чтобы купить себе кого подешевле. Уверен, у вас уже есть кто-нибудь на примете.

Дондо забрал кольцо, хмуро поглядывая на Кэсерила.

— Вы ничуть не изменились. Такой же щепетильный ханжа, как и раньше. Вы очень похожи на этого дурака ди Санду. Хотя чему удивляться — вас наняла одна и та же старуха из Валенды. — Он встал и направился через двор ко входу в замок, на ходу натягивая кольцо обратно на палец. Двое молодцев с любопытством зыркнули на Кэсерила и последовали за хозяином.

Кэсерил, вздохнув, подумал, не купил ли он одно мгновение торжества слишком дорогой ценой. Может, было бы мудрее принять взятку, успокоив этим лорда Дондо. Пусть бы пребывал себе в счастливой уверенности, что ему удалось купить очередного жадного, легко управляемого глупца. Ощутив неимоверную усталость, он поднялся на ноги и побрёл к себе. Когда Кэсерил наконец добрался до спальни и вставил ключ в замочную скважину, мимо, отчаянно зевая, прошёл ди Санда. Они приветствовали друг друга довольно дружелюбно.

— Погодите минутку, ди Санда.

Ди Санда обернулся, удивлённо глядя через плечо.

— Да, кастиллар?

— Вы ведь хорошо запираете свою дверь и всё время носите ключ с собой?

Брови секретаря принца поползли вверх, и он повернулся лицом к Кэсерилу.

— У меня есть сундук с надёжным замком, в котором я храню все ценные вещи.

— Этого мало. Необходимо запирать дверь.

— Даже если там нечего взять? У меня не так много собственности, которую…

— Нет, не в том дело. Туда, где нечего красть, могут что-нибудь подложить.

Рот ди Санды приоткрылся; мгновение он стоял, не сводя с Кэсерила расширенных глаз.

— Ох, — наконец выдохнул он. И медленно кивнул — почти поклонился — своему коллеге. — Благодарю вас, кастиллар. Я не подумал об этом.

Кэсерил кивнул в ответ и вошёл в спальню.

Глава 10

Кэсерил сидел у себя в спальне при свете свечей с томиком браджарской поэзии — романом в стихах под названием «Легенда зелёного дерева» — и вздыхал от удовольствия.

Библиотека Зангра была знаменита во времена Фонсы Мудрого, но в дальнейшем ни её пополнению, ни уже имевшимся в ней сокровищам не уделялось должного внимания — эта покрытая слоем пыли книга не покидала своей полки с тех самых пор, как на престол вступил рей Иас. Какая роскошь — при достаточном количестве свечей, поздней ночью наслаждаться радующими сердце изысканными рифмами несравненного Бихара! И лёгкое чувство вины — затраты на хорошие восковые свечи в хозяйстве Исель несколько возрастут. Строки молниями пронзали разум и эхом отражались в душе. Кэсерил послюнил палец и перевернул страницу.

Однако не только стансы Бихара порождали эхо и грозовые эффекты. Кэсерил поднял глаза, когда с верхнего этажа до него донеслись приглушённые топот, сдавленный смех, голоса и ещё какие-то непонятные звуки, проникавшие через

толстый потолок. Ну, слава богам, за временем отхода ко сну в покоях принцессы следила Нан ди Врит. Он снова углубился в символы и иносказания поэтической теологии, не обращая внимания на шум, и читал до тех пор, пока до слуха его не долетел пронзительный поросячий визг.

Даже великий Бихар не мог соперничать с такой загадкой. Губы Кэсерила недоумённо скривились, он бережно отложил книгу, встал с кровати — по счастью, он ещё не раздевался, — быстро обулся и со свечой в руке направился в коридор. На лестнице он столкнулся с поспешно спускавшимся Дондо ди Джироналом. Дондо был одет в обычный наряд — синюю шёлковую тунику и шерстяные штаны, только белый плащ свой он держал в руках, равно как и меч в ножнах и пояс. Лицо его пылало. Кэсерил открыл было рот, чтобы вежливо приветствовать священного генерала, но слова под свирепым взглядом ди Джиронала застыли на губах. Дондо пронёсся мимо, не проронив ни звука.

Кэсерил поднялся на этаж Исель и обнаружил свет в коридоре и множество собравшихся там людей. Кроме Нан ди Врит, Исель и Бетрис, присутствовал ещё лорд ди Ринал, один из его друзей, какая-то дама и сьер ди Санда. Все весело

хохотали, сбившись в кучу вокруг чего-то, чего Кэсерилу не было видно. И разбежались в стороны, когда из середины вдруг выскочили Тейдес и паж, пытаясь догнать вывернувшуюся из рук свинью, увешанную лентами и украшениями. Паж настиг её у самых ног Кэсерила, Тейдес триумфально гикнул.

— В мешок, в мешок! — призвал ди Санда.

Он и леди Бетрис подошли к Тейдесу и пажу, державшим свинью, которая корчилась и визжала не умолкая, и помогли запихнуть её в большой холщовый мешок, куда она совсем не хотела лезть. Бетрис наклонилась, чтобы напоследок почесать свинку за ушами.

— Примите мою глубокую благодарность, леди Хрюшка. Вы великолепно справились со своей ролью! Вы несравненны! Но теперь вам пора домой.

Паж взвалил тяжёлый мешок на плечо, отсалютовал компании и, ухмыляясь, поспешил прочь.

— Что здесь происходит? — потребовал объяснений Кэсерил, разрываясь между чувством тревоги и желанием рассмеяться.

— О! Это была замечательная шутка! Вам надо было видеть лицо лорда Дондо!

Как раз это лицо Кэсерил успел хорошо рас-

смотреть, и зрелище ничуть его не вдохновило. В животе стало странно пусто и холодно.

— Что вы сделали?

Исель пожала плечами.

— Ни мои намёки, ни прямые и понятные объяснения леди Бетрис не смогли заставить лорда Дондо отказаться от намерений затащить её в постель и нисколько не убедили его в том, что к нему не питают горячей привязанности. Тогда мы решили подать ему знак, что Бетрис якобы готова одарить его столь желанной для него любовью. Тейдес помог нам добыть в свинарнике главную героиню спектакля. И когда лорд Дондо под покровом ночи на цыпочках прокрался к постели Бетрис, в которой, как он был уверен, его ожидает трепещущая девственница, он обнаружил там леди Хрюшку!

— Ох, вы оскорбляете бедное животное, принцесса! — воскликнул лорд ди Ринал. — Ведь она, возможно, тоже девственница!

— Я уверена, что так и есть. Иначе с чего бы ей так визжать? — со смехом вступила в разговор державшаяся за его руку дама.

— Жаль только, — ядовито подметил ди Санда, — что она оказалась не во вкусе лорда Дондо! Признаюсь, я удивлён. По моим сведениям, этот

человек готов лечь в постель с кем угодно, — и он искоса взглянул на хохочущего Тейдеса, чтобы проверить, какой эффект произвели на мальчика его слова.

— И это после того, как мы извели на неё полфлакона моих любимых дартаканских духов, — преувеличенно тяжело вздохнула Бетрис. В глазах её сверкало веселье, а в голосе слышалось явное удовлетворение.

— Вы должны были рассказать мне… — начал было Кэсерил и запнулся. Рассказать о чём? Об этой затее? Но ведь ясно же, что он её не одобрил бы. О том, что Дондо продолжал *давить?* Но чтобы сказать ему об этом, девушкам пришлось бы переступить через свою скромность. Кэсерил с такой силой сжал кулаки, что ногти врезались в ладони. Да и что бы он смог сделать, спрашивается? Обратиться к Орико или рейне Саре? Тщетно…

Лорд ди Ринал, улыбнувшись, сказал:

— Это будет лучшая история во всём Кардегоссе за последнюю неделю — ещё бы, ведь у неё такой очаровательный хвостик колечком. Я имею в виду героиню. Над лордом Дондо уже давно никто не подшучивал, и, мне кажется, он заждался своей очереди. Ох, я до сих пор слышу визг и хрюканье!

Бедняга долго ещё не сможет спокойно видеть свинину на столе — ему всё будут мерещиться эти звуки. Принцесса, леди Бетрис, — он низко поклонился, — я благодарю вас от всего сердца.

Двое придворных и дама удалились, наверняка собираясь поделиться новостью со всеми друзьями, которые ещё не успели лечь спать.

Кэсерил, сдержав упрёки, уже готовые сорваться с губ, наконец выдавил:

— Принцесса, это было не слишком мудро.

Исель непонимающе нахмурилась.

— Мужчина в одеждах генерала леди Весны ворует у женщин священное для богини достояние — девственность, так же как он ворует… ладно, вы сказали, пока нет доказательств, что ещё он ворует. А вот у нас было достаточно доказательств, клянусь богиней! Может, хоть это отучит его воровать в моих владениях! Зангр всё же считается двором рея, а не борделем.

— Не переживайте, Кэсерил! — вступился за девушек ди Санда. — В конце концов, Дондо не осмелится отыграться ни на принце, ни на принцессе! — Он оглянулся, ища взглядом Тейдеса. Тот отошёл, подбирая с пола разбросанные свиньёй в попытке бегства ленты. Воспитатель понизил голос и добавил: — Кроме того, Тейдесу

было полезно увидеть своего… э-э… героя в таком нелестном свете. Когда любвеобильный лорд Дондо, поддерживая штаны, опрометью выскочил из спальни леди Бетрис, он обнаружил в коридоре поджидавших его появления свидетелей. Леди Хрюшка чуть не свалила его на пол, пытаясь проскочить между ног. Он выглядел совершенно по-дурацки. Это лучший урок из всех, какие мог бы получить Тейдес за то время, что мы живём здесь. Может быть, нам удастся отыграть немного потерянных ранее в этой войне земель?

— Молюсь, чтобы вы были правы, — осторожно ответил Кэсерил. Он не стал высказывать вслух свою мысль о том, что принц и принцесса — единственные, кому Дондо не осмелится отомстить.

Однако в следующие несколько дней никакой мести за шутку не последовало. Лорд Дондо встречал взгляды и намёки со стороны ди Ринала и его друзей с холодной улыбкой, но не более того. Кэсерил с содроганием спускался к каждой трапезе, ожидая, что к столу принцессы вот-вот будет подана жареная свинина, украшенная ленточками, но этого так и не произошло. Бетрис была спокойна и уверена в себе. Кэсерил — нет. Лорд Дондо уже успел доказать ему, что умеет, несмотря на свой горячий темперамент, выжи-

дать сколь угодно долго — пока не представится подходящий случай.

К вящей радости и успокоению Кэсерила похрюкивание в коридорах замка прекратилось примерно через две недели после происшествия — хватало и других поводов для шуток и сплетен. Кэсерил начал надеяться, что лорду Дондо всё же пришлось скрепя сердце проглотить столь публично прописанное и влитое ему в рот лекарство, не отплёвываясь. Возможно, его старший брат, канцлер ди Джиронал, значительно более дальновидный, чем основная масса придворных Зангра, подавил желание младшего отомстить каким-либо неподобающим образом. Из внешнего мира поступало огромное количество важных известий: тут и обострение гражданской войны в Ибре, и разбойники в провинциях, и гораздо более раннее, чем обычно, наступление холодов.

Из-за всех этих новостей Кэсерил начал прикидывать, как удобнее перевозить имущество принцессы на случай, если двор решит переехать к месту обычной зимовки, не дожидаясь празднования Дня Отца. Он сидел в своём кабинете, подсчитывая количество мулов и лошадей, когда в дверях появился один из пажей Орико.

— Милорд ди Кэсерил, рей просит, чтобы вы

прибыли к нему в башню Иаса.

Кэсерил удивлённо поднял брови, отложил перо и последовал за мальчиком, пытаясь угадать, зачем он мог понадобиться рею на этот раз. За Орико порой замечались некоторые странности и причуды. Дважды он просил Кэсерила сопровождать его в зверинец, где давал поручения, с которыми мог справиться любой из его пажей и грумов, — подержать на цепи зверя, перестелить солому в клетке, поднести корм. Хотя нет — рей также задавал иногда бессвязные вопросы о том, как дела у его сестры Исель, правда, ответ выслушивал не всегда, то и дело отвлекаясь и витая мыслями неведомо где. Тем не менее Кэсерилу удалось рассказать ему о страхе и нежелании Исель быть проданной на архипелаг какому-нибудь рокнарскому принцу; он очень надеялся, что слух рея уловил сказанное, несмотря на сонное и рассеянное выражение лица.

Паж привёл его в длинную комнату на втором этаже башни Иаса, которую, когда двор размещался в Зангре, ди Джиронал использовал в качестве канцелярии. Стены её были увешаны полками, заставленными книгами, папками, бумагами; в углу высилась куча седельных сумок для курьеров рея — эти сумки запечатывались

сургучом. Два стражника, судя по всему, поджидавших их, проследовали за пажом и Кэсерилом внутрь комнаты и вытянулись у дверей. Кэсерил чувствовал на себе их взгляды.

Рей Орико сидел рядом с канцлером за большим, заваленным бумагами столом. Орико выглядел утомлённым. Ди Джиронал — напряжённый и энергичный — сегодня был одет в свою обычную одежду, в которой приходил во дворец; о государственной службе его говорила лишь цепь канцлера на шее. Придворный, в котором Кэсерил узнал ди Марока — он занимался поддержанием в порядке оружия, доспехов и гардероба рея, — стоял по другую сторону стола. Приведший Кэсерила паж провозгласил:

— Кастиллар ди Кэсерил, сир, — затем, бросив взгляд на другого пажа, отступил к дальней стене.

Кэсерил поклонился.

— Сир, милорд канцлер?

Ди Джиронал сжал в кулаке свою серо-стальную бороду, переглянулся с реем, который пожал плечами, и спокойно произнёс:

— Кастиллар, окажите нам любезность, снимите тунику и повернитесь спиной.

Слова застыли в горле колючим холодным

комком. Кэсерил стиснул зубы, коротко кивнул и, одним движением стянув с себя плащ и тунику, пристроил их на согнутой руке. Затем по-военному повернулся кругом и замер. За спиной он услышал перешёптывание и юный голос, пробормотавший:

— Да, так и было. Я видел.

Он мысленно охнул. Это тот паж. Да.

Кое-как проглотив комок, Кэсерил подождал, пока краска схлынет со щёк, и снова повернулся кругом. Спросил ровным голосом:

— Это всё, сир?

Орико поёрзал в кресле и сказал:

— Кастиллар, ходят слухи… вас обвиняют… были выдвинуты обвинения, что вы понесли наказание за преступление… изнасилование… в Ибре… что вас высекли.

— Это ложь, сир. Кто меня обвиняет? — Он посмотрел на сьера ди Марока, который стал странно бледным, когда увидел спину Кэсерила. Ди Марок не находился в непосредственном подчинении у братьев Джиронал и не был, насколько знал Кэсерил, одним из прихвостней Дондо… может, его подкупили? Или просто ввели в заблуждение?

В коридоре прозвенел знакомый чистый голос:

— Я тоже увижу моего брата, и именно сейчас! У меня есть на это право!

Стражники Орико расступились, и в комнату влетела принцесса Исель в сопровождении весьма бледной леди Бетрис и сьера ди Санда. Её глаза быстро обежали собравшихся. Затем она вздёрнула подбородок и закричала:

— В чём дело, Орико? Ди Санда сказал мне, что вы арестовали моего секретаря! Даже не поставив меня в известность!

Судя по тихому проклятию, сорвавшемуся с губ канцлера, это вторжение в его планы не входило. Орико замахал полными руками:

— Нет-нет, его не арестовали! Никто не арестован. Мы собрались здесь расследовать выдвинутое против него обвинение.

— Что за обвинение?

— В очень серьёзном преступлении, принцесса, и это не для ваших ушей, — сказал ди Джиронал. — Вам следует покинуть нас.

Не обращая внимание на прозвучавшую в его голосе настойчивость, Исель придвинула кресло и сердито уселась в него, скрестив на груди руки.

— Если это серьёзное обвинение против самого доверенного моего служащего, то это очень даже для моих ушей! В чём дело, Кэсерил?

Кэсерил слегка поклонился.

— Ходят слухи, распускаемые неизвестным лицом, что шрамы на моей спине появились вследствие понесённого наказания за совершенное мною преступление.

— Прошлой осенью, — нервно вставил ди Марок, — в Ибре.

Судя по расширенным глазам и прерывистому дыханию Бетрис, она хорошо рассмотрела грубые рубцы, покрывавшие всю спину Кэсерила. Губы сьера ди Санда были закушены.

— Могу я одеться, сир? — спокойно спросил Кэсерил.

— О да, конечно!

— Природа преступления такова, — вкрадчиво начал ди Джиронал, — что возникают самые серьёзные сомнения, может ли этот человек быть вашим доверенным служащим, да и вообще служить какой бы то ни было леди.

— Что, изнасилование? — фыркнула Исель. — Кэсерил? О боги, какая чушь! Никогда не слышала более абсурдной лжи.

— Но всё же, — не сдавался ди Джиронал, — вот следы плётки.

— Это подарок, — выдавил Кэсерил, — от надсмотрщика с рокнарской галеры в ответ на

открытое неповиновение. И было это прошлой осенью, но далеко от берегов Ибры.

— Возможно, но… сомнительно, — проговорил ди Джиронал. — Жестокость на галерах вошла в легенды, но никто не поверит, что опытный надсмотрщик может так изувечить раба, чтобы тот не сумел потом работать.

Губы Кэсерила тронула слабая улыбка.

— Я спровоцировал его.

— Каким образом, Кэсерил? — поинтересовался Орико, выпрямив спину и потерев толстый подбородок.

— Обмотав цепь, которой был прикован к веслу, вокруг его шеи и попытавшись удавить. Мне почти удалось. К сожалению, меня оттащили чуть раньше, чем требовалось.

— Святые небеса, вы что, пытались покончить с собой?

— Я… не вполне уверен. Скорее я был вне себя от ярости… ко мне посадили нового соседа по веслу — ибранского мальчика лет пятнадцати. Он сказал, что его похитили, и я поверил ему. Думаю, он был из хорошей семьи — утончённый, с правильной речью, совершенно непривычный к жестокости мира. Он страшно обгорел на солнце, руки его, стёртые веслом, кровоточили. Испу-

ганный, подавленный, смущённый… он сказал, что его зовут Денни, но не назвал фамилии. Надсмотрщик решил использовать его запретным для рокнарцев способом, и Денни его ударил. Я не успел удержать мальчика. Это было до безумия глупо, но мальчик не понимал… Я подумал… ну… вернее, я не очень хорошо соображал в тот момент… но подумал, что если изобью надсмотрщика, то смогу отвлечь его гнев.

— Отвлечь на себя? — прошептала Бетрис.

Кэсерил пожал плечами. Он сильно ударил надсмотрщика коленом в пах, потом намотал свою цепь ему на шею. После таких упражнений рокнарец не смог бы проявлять любвеобильность с неделю, не меньше. Но ведь неделя пройдёт быстро, и что потом?

— Это был бессмысленный жест. Был бы бессмысленным, если б не случай — на следующий день нас настигла ибранская военная флотилия и все мы были освобождены.

Приободрённый ди Санда сказал:

— Тогда у вас есть свидетели. И, похоже, немало. Мальчик, рабы с галеры, ибранские моряки… Что случилось с мальчиком в дальнейшем?

— Не знаю. Я лежал больной в приюте храма Матери в Загосуре, и к тому моменту, когда я

покинул его, все успели разъехаться.

— Какая героическая история, — сухим тоном отметил ди Джиронал, пытаясь вызвать скептицизм и недоверие слушателей и подчёркивая, что это всего лишь версия Кэсерила. Он нахмурился, мрачным взором окинул присутствующих, на мгновение задержав его на ди Санда и на поражённой Исель. — Однако, полагаю, вам следует отпроситься на месяц и съездить в Ибру, чтобы найти кого-нибудь из этих… э-э… многочисленных свидетелей. Если сможете.

Оставить своих подопечных на целый месяц без защиты? Здесь? А выживет ли он в своей поездке? Или будет убит и похоронен в каменистой земле или в лесу в двух часах езды от Кардегосса, после чего двор сочтёт, что он скрылся, потому что виновен? Бетрис прижала пальцы к побелевшим губам и устремила на канцлера яростный взгляд. По крайней мере она верила его словам, а не его спине. Он почувствовал себя увереннее.

— Нет, — сказал наконец Кэсерил. — Я не поеду. Я даю своё слово, что рассказал правду. Если у вас нет никаких иных доказательств, кроме дворцовых сплетен, я отрицаю эту ложь. Да, а кто же источник слухов? Вы проследили, откуда они исходят? Кто обвиняет меня — вы, ди Марок? — и

Кэсерил сурово посмотрел на придворного.

— Объяснитесь, ди Марок, — предложил ди Джиронал, легко поведя рукой.

Ди Марок задержал дыхание, словно собираясь нырнуть в холодную воду, и начал:

— Мне поведал обо всём один ибранский купец, торговец шёлком. Я закупаю у него ткани для гардероба рея. Он опознал в кастилларе человека, которого, по его словам, били плетьми на лобном месте Загосура, и был крайне удивлён, встретив его здесь. Он сказал, что это было грязное дело… что кастиллар изнасиловал дочь человека, принявшего его под свою крышу и давшего ему приют. Он потому так хорошо и запомнил этот случай, что был поражён низостью преступника.

Кэсерил почесал бороду.

— А вы уверены, что он не обознался и не спутал меня с другим человеком?

Ди Марок резко возразил:

— Конечно, нет — он назвал ваше имя.

Кэсерил прищурил глаза. Вероятность ошибки исключалась — это была открытая ложь, купленная и оплаченная. Но чей язык был куплен? Ди Марока или купца?

— А где теперь этот торговец? — вмешался ди Санда.

— Повёл свой караван в Ибру, пока не выпал снег.

Кэсерил произнёс мягким голосом:

— Сразу после того, как поведал вам эту историю?

Ди Марок поколебался, словно припоминая. Выпрямил один за другим пальцы, как будто подсчитывая дни.

— Прошло около трёх недель с тех пор, как он уехал. А разговаривали мы с ним как раз перед отъездом.

«Теперь я знаю, кто лжёт».

Губы Кэсерила скривились в ухмылке, глаза были холодны. Торговец действительно существовал и действительно выехал из Кардегосса три недели назад, в этом нет сомнений. Но он уехал задолго до того, как Дондо попробовал подкупить Кэсерила изумрудом, а Дондо не изобретал обходных путей для избавления от своего врага до тех самых пор, пока не сорвалась его попытка дать взятку Кэсерилу напрямую. К сожалению, Кэсерил не мог выставить эти логические построения в свою защиту.

— У торговца шёлком не было причин лгать, — добавил ди Марок.

«А вот у тебя они есть. Только какие?»

— Вы знали об этом серьёзном обвинении более трёх недель, но только сейчас довели его до сведения своего господина? Как это странно, ди Марок.

Ди Марок наградил Кэсерила мрачным взглядом.

— Ибранец уехал, — подвёл черту Орико, — и невозможно выяснить, кто из вас говорит правду.

— Тогда, безусловно, следует отдать предпочтение милорду Кэсерилу, — выпрямившись, отчеканил ди Санда. — Вы можете не знать его, но пригласившая его на службу провинкара Баосии хорошо знает кастиллара. Он служил её покойному супругу шесть или семь лет.

— В юности, — уточнил ди Джиронал. — Люди меняются, знаете ли. Особенно среди ужасов войны. И если существуют хоть малейшие сомнения в человеке, ему не следует доверять столь высокий и, я бы сказал, — он стрельнул глазами в Бетрис, — соблазнительный пост.

Длинное и, должно быть, нецензурное восклицание Бетрис, к счастью, было перебито криком Исель:

— Что за чушь! Среди ужасов войны вы сами вручили этому человеку ключи от крепости

Готоргет, которая была якорем и опорой всего северного фронта Шалиона! Вы доверяли ему тогда, марч! И не он предал ваше доверие.

Челюсти ди Джиронала сжались, и он холодно улыбнулся, вытянув губы в тонкую линию.

— О, каким просвещённым в военном деле стал Шалион, если даже наши юные леди готовы давать нам лучшие стратегические советы.

— Вряд ли у них получится давать худшие, — вполголоса пробормотал Орико. Только странный мелькнувший в глазах канцлера блеск показал, что эти слова достигли его ушей.

Ди Санда озадаченно поинтересовался:

— А как так получилось, что кастиллара не выкупили из плена, как всех его офицеров, когда вы сдали Готоргет, ди Джиронал?

Кэсерил сжал зубы.

«Заткнись, ди Санда!»

— Рокнарцы сообщили, что он мёртв, — коротко ответил канцлер. — Полагаю, таким образом они хотели отомстить. Это пришло мне в голову, когда я узнал, что он ещё жив. Так что если купец говорил правду, у Кэсерила была возможность сбежать от рокнарцев и скрыться в Ибре, где его и… гм… высекли, — он посмотрел на Кэсерила и отвёл глаза.

«Ты знаешь, что ты лжёшь. Я знаю, что ты лжёшь».

Но ди Джиронал не знал, знает ли Кэсерил, что он лжёт. Это не казалось большим преимуществом. А просто небольшим слабым участком в обороне противника.

— Ну, я вот не понимаю, как исчезновение Кэсерила осталось не расследованным. — Ди Санда пристально посмотрел на ди Джиронала. — Он же был комендантом крепости, первым человеком там.

Исель задумчиво проговорила:

— Если же рассматривать возможность мести, почему вы не подумали о том, что, поскольку Кэсерил дорого обошёлся рокнарцам на поле брани, они постараются поставить его в самые ужасные условия?

Ди Джиронал скривился, явно не обрадовавшись мысли, куда может завести эта логическая линия. Он уселся в своё кресло и отмахнулся от вопросов.

— Полагаю, мы зашли в тупик. Слово против слова, и мы ничего не можем решить окончательно. Сир, я настаиваю на благоразумии. Назначьте милорда Кэсерила на менее значительный пост или отошлите его обратно в Баосию.

Исель чуть не взорвалась.

— И пусть на нём остаётся обвинение?! Нет! Я протестую!

Орико потёр виски, словно в приступе головной боли, и бросил два коротких взгляда: один на своего застывшего в кресле главного советника, другой на разъярённую сестру. И тихо простонал:

— О боги, как я это ненавижу… — Выражение его лица вдруг изменилось, он выпрямился и сказал: — О! Ну конечно! Есть одно решение… одно-единственное решение… хе-хе… — Он подозвал пажа, приведшего в башню Кэсерила, и что-то прошептал ему на ухо. Ди Джиронал прислушался, но ничего не разобрал. Паж выскользнул за дверь.

— Каково ваше решение, сир? — поинтересовался ди Джиронал.

— Не моё решение, а решение богов. Пусть они скажут, кто невиновен и кто лжёт.

— Неужели вы хотите рассудить их с помощью поединка? — В голосе ди Джиронала явно слышался ужас.

Кэсерил разделял этот ужас — так же как и сьер ди Марок, судя по тому, что кровь отхлынула от его лица.

Орико сморгнул.

— Нет, у меня иная идея. — Он окинул взглядом ди Марока и Кэсерила. — Хотя они примерно в равных условиях. Ди Марок моложе, конечно, и очень неплох на площадке для поединков, но и опыт тоже кое-чего стоит.

Леди Бетрис посмотрела на ди Марока и беспокойно нахмурилась. Кэсерил тоже — хотя, как он подозревал, и совершенно по другому поводу. Ди Марок, безусловно, был прекрасным фехтовальщиком, но в безжалостном боевом поединке он не продержался бы и пяти минут. Ди Джиронал впервые посмотрел в глаза Кэсерилу, и Кэсерил понял, что он придерживается того же мнения. Желудок его сжался при мысли, что он будет вынужден практически зарезать мальчишку, как телёнка.

— Я не знаю, лгал ибранец или нет. Я знаю только то, что слышал, — устало проговорил ди Марок.

— Да-да, — отмахнулся Орико. — Полагаю, мой план лучше. — Он шмыгнул носом, вытер его рукавом и продолжал ждать. Наступила долгая напряжённая тишина. Она была прервана вернувшимся пажом, объявившим:

— Умегат, сир.

Аккуратно одетый рокнарский грум вошёл в комнату и, с любопытством обежав глазами собравшихся, уверенно направился к своему господину. Он поклонился и спросил:

— Чем могу служить, милорд?

— Умегат, я хочу, чтобы вы вышли во двор и поймали первого священного ворона, которого вы там увидите. Затем принесите птицу сюда. Вы, — Орико кивнул пажу, — пойдёте с ним в качестве свидетеля. А теперь поторопитесь.

Ничем не выразив своего удивления, Умегат снова поклонился и вышел. Кэсерил заметил взгляд ди Марока, обращённый на ди Джиронала, вопрошающий: «Ну, что теперь?» Ди Джиронал сделал вид, что ничего не заметил.

— Так, и как же нам это устроить? А! Я знаю — Кэсерил встанет в одном конце комнаты, ди Марок — в другом.

Глаза ди Джиронала уставились в одну точку, словно он пытался что-то рассчитать. Он кивнул ди Мароку, указывая в сторону распахнутого окна. Кэсерилу пришлось остаться в более тёмной части комнаты, у закрытой двери.

— Вы все, — Орико указал на Исель и её сопровождающих, — встаньте в стороне, вы — свидетели. И вы, и вы, и вы тоже, — это уже стражникам

и оставшемуся в комнате второму пажу.

Орико вышел из-за стола и расставил свидетелей в том порядке, какой казался ему подходящим случаю. Ди Джиронал остался на своём месте, поигрывая пером и сердито хмурясь.

Через несколько минут — довольно быстро — вернулся Умегат с сердитым вороном под мышкой и возбуждённым пажом.

— Это был первый ворон, которого вы увидели? — спросил Орико у мальчика.

— Да, милорд, — задыхаясь, ответил паж. — Вообще-то, их там целая стая кружилась над башней Фонсы, так что мы увидели шесть или восемь сразу. Тогда Умегат просто встал во дворе, совсем неподвижно, развёл руки и закрыл глаза. Тогда один ворон сразу спустился и уселся ему на руку!

Кэсерил прищурил глаза, напряжённо всматриваясь — неужто у этой птицы и впрямь не хватает в хвосте нескольких перьев?

— Чудесно! — радостно потёр руки Орико. — Теперь, Умегат, я хочу, чтобы вы встали точно посередине комнаты и по моему сигналу отпустили ворона. Мы посмотрим, к кому он полетит, и всё поймём! Погодите, пусть сначала все помолятся, чтобы боги помогли птице сделать верный выбор.

Исель склонила голову в молитве, но Бетрис подняла глаза.

— Но, сир, как мы узнаем правду? К кому должен полететь ворон — к невиновному или к лжецу? — и она посмотрела на Умегата.

— Ох, — озадачился Орико, — хм…

— И что, если он просто начнёт летать кругами по комнате? — вставил ди Джиронал.

«Тогда мы узнаем, что боги в таком же замешательстве, как и все мы».

Кэсерил удержался и не произнёс этого вслух.

Умегат, поглаживая птицу, чтобы та успокоилась, слегка поклонился.

— Поскольку правда для богов священна, пусть священная птица полетит к невиновному, сир. — Он не смотрел на Кэсерила.

— Отлично, тогда приступим.

Умегат, в котором Кэсерил заподозрил недюжинный актёрский талант и страсть к театральности, занял позицию точно между двумя испытуемыми и усадил ворона на руку. Несколько секунд он стоял с выражением спокойствия на лице. Кэсерилу было интересно, как поступят боги с какофонией противоречащих друг другу молитв, что читаются сейчас в этой комнате. Затем Умегат подбросил птицу в воздух и уронил

руки. Она каркнула и с шумом расправила крылья. В хвосте её не хватало двух перьев.

Ди Марок широко раскинул руки в надежде, что это может привлечь ворона и тот подлетит к нему. Кэсерил, мысленно зовя «Кэс! Кэс!», задумался над теологическим курьёзом. Он знал правду — что же должна показать эта проверка? Он стоял прямо и неподвижно, чуть приоткрыв рот, и взволнованно наблюдал, как ворон, проигнорировав открытое окно, подлетел к нему и тяжело уселся на плечо. Птица выпустила когти и немного поёрзала, устраиваясь поудобнее.

— Хорошо, — спокойно сказал Кэсерил, — хорошо.

Ворон наклонил голову набок и посмотрел на него блестящими глазами-бусинками.

Исель и Бетрис запрыгали, радостно крича и обнимаясь, напугав бедную птицу, которая сорвалась с плеча Кэсерила и улетела. Ди Санда мрачно улыбался. Ди Джиронал заскрипел зубами, ди Марок заметно побледнел. Орико потёр пухлые ладони.

— Отлично. Дело закрыто. А теперь, во имя богов, пойдёмте обедать!

Исель, Бетрис и ди Санда окружили Кэсерила и, как почётный караул, вывели из башни Иаса

во двор.

— Как вы узнали, что я попал в беду? — спросил он. Машинально взглянув вверх, он не увидел в небе ни одного ворона.

— Паж сказал мне, что сегодня утром вас собираются арестовать, — ответил ди Санда, — я тут же поспешил к принцессе.

Оказывается, ди Санда откладывает из бюджета некоторые средства и оплачивает с их помощью самые свежие новости от различных информаторов…

— Благодарю, что прикрыли мою… — он проглотил слово «спину», — мой тыл. Меня бы уже разжаловали, если б вы не пришли мне на помощь.

— Не стоит благодарности, — отмахнулся ди Санда, — я уверен, вы сделали бы для меня то же самое.

— Моему брату нужен кто-нибудь, на кого опереться, — с горечью проговорила Исель, — иначе он клонится туда, куда дует ветер.

Кэсерилу хотелось одновременно и похвалить её за проницательность, и приостановить её откровения. Он посмотрел на ди Санду и спросил:

— Как долго при дворе циркулировали эти сплетни?

Он пожал плечами.

— Полагаю, четыре-пять дней.

— Но мы-то услышали об этом только сейчас! — возразила Бетрис.

Ди Санда, извиняясь, развёл руками.

— Наверное, считалось, что это слишком грубые вещи для ваших ушей, миледи.

Исель хмыкнула. Ди Санда выслушал ещё раз слова благодарности от Кэсерила и поспешил на поиски Тейдеса.

Бетрис, которая вдруг посерьёзнела, сказала уверенным голосом:

— Это всё я виновата. Дондо отыгрался на вас за ту шутку со свиньёй. Ох, лорд Кэс, мне так *жаль!*

— Нет, миледи, — успокоил её Кэсерил, — вы тут ни при чём. Это старая история, которая тянется ещё со времён до… до Готоргета.

Он облегчённо вздохнул, увидев, как просветлело её лицо. Тем не менее не смог удержаться и строгим голосом добавил:

— Но шутка со свиньёй, безусловно, не сыграла нам на руку, так что не следует повторять подобные выходки.

Бетрис вздохнула и улыбнулась.

— Ну почему же? Ведь это остановило поползновения Дондо. Он больше ко мне не пристаёт.

— Не могу отрицать успеха, но… Дондо очень влиятельный человек. Я прошу вас обеих — держитесь от него подальше.

Глаза Исель блеснули, и она спокойно сказала:

— Мы тут в осаде, да? Я, Тейдес и все, кто нас окружает.

— Не думаю, — вздохнул Кэсерил, — что всё так уж плохо. Просто будьте поосторожнее, ладно?

Он проводил дам в их покои, но не вернулся к своим расчётам, а снова спустился по лестнице и пошёл через двор мимо конюшен, прямо к зверинцу. Он нашёл Умегата в птичнике. Тот, надев передник, купал маленьких птичек в золе, чтобы у них не было паразитов. Рокнарец взглянул на гостя и улыбнулся. Но Кэсерил не ответил ему улыбкой.

— Умегат, — начал он без преамбул, — я должен знать. Это вы выбрали ворона или ворон выбрал вас?

— Разве это так важно, милорд?

— Да.

— Почему?

Кэсерил открыл было рот, потом снова закрыл. И наконец сказал почти просительно:

— Это ведь была хитрость, не так ли? Вы нарочно принесли ворона, которого я подкормил из

окна. Ведь боги на самом деле не заглядывали в ту комнату?

Брови Умегата приподнялись.

— Бастард — самый хитрый из богов, милорд. И даже если кто-то где-то слукавил, это ещё не значит, что на вас нет его благословения. — Он немного помолчал. — Я вообще уверен, что только так и бывает.

Он вытащил птичку из золы и, подсыпав зёрнышек из кармана передника, усадил её в ближайшую клетку.

Кэсерил продолжал настаивать:

— Но это ворон, которого я кормил. Конечно, он полетел ко мне. Вы ведь тоже кормили его, да?

— Я кормлю всех священных воронов из башни Фонсы. Так же, как их кормят леди, пажи, и посетители Зангра, и служители, и настоятели всех храмов Кардегосса. Просто чудо, что птицы ещё не разжирели настолько, чтобы разучиться летать. — Ловким движением руки Умегат вынул из клетки следующую пёструю пташку и окунул её в ванночку с золой.

Кэсерил немного отступил, чтобы не запачкаться в золе, и нахмурился.

— Вы — рокнарец. Разве вы верите не в четырёх богов?

— Нет, милорд, — ответил Умегат. — Хоть я и рокнарец, но я — квинтарианец и исповедую Пятибожие со времён моей юности.

— Вы обратились в эту веру, когда прибыли в Шалион?

— Нет, в то время я ещё был на архипелаге.

— Почему же… почему вас не повесили, как еретика?

— Я сбежал на корабле в Браджар прежде, чем меня схватили.

Морщины между бровями Кэсерила разгладились, он посмотрел на чёткие черты лица Умегата и спросил:

— А кем был ваш отец на архипелаге?

— Недалёкий, полный предрассудков человек. Хотя и крайне набожный.

— Я не это имел в виду.

— Я понял, милорд. Но он умер более двадцати лет назад. Так что теперь это не важно. Я доволен своей нынешней жизнью.

Кэсерил почесал бороду. Умегат достал очередную яркую птичку.

— А как давно вы старший грум в зверинце?

— С самого начала. Около шести лет. Я прибыл вместе с леопардом и первыми птицами. Нас подарили.

— Кто?

— О, верховный настоятель Кардегосса и орден Бастарда. У рея как раз был день рождения. С тех пор добавилось много интересных животных.

Кэсерил осмыслил сказанное.

— Да, очень необычная коллекция.

— Да, милорд.

— А насколько необычная?

— Крайне необычная.

— Можете рассказать поподробнее?

— Я прошу вас не расспрашивать меня больше, милорд.

— Почему же?

— Потому что я не хочу вам лгать.

— Почему?

«Многие делают это с удовольствием».

Умегат на мгновение задержал дыхание, затем хитро усмехнулся и ответил:

— Потому, милорд, что ворон выбрал меня.

Ответная улыбка Кэсерила стала немного натянутой. Он поклонился Умегату и удалился.

Глава 11

Дня через три, когда Кэсерил выходил из своей спальни, направляясь на завтрак, его догнал запыхавшийся паж и схватил за рукав.

— Милорд… Кэсерил! Управляющий замком… просит вас срочно прийти к нему во двор!

— В чём дело? Что стряслось? — подчинившись явной неотложности дела, Кэсерил быстро зашагал рядом с мальчиком.

— Сьер ди Санда. На него напали прошлой ночью. Разбойники. Его ограбили и ударили ножом!

Кэсерил зашагал быстрее.

— Как тяжело он ранен? Где он лежит?

— Он не ранен, милорд, он убит!

«О боги, нет!»

Кэсерил бросился вниз по лестнице, оставив пажа позади. Он выбежал в главный двор Зангра как раз в тот момент, когда мужчина в плаще полиции Кардегосса — должно быть, следователь — и ещё один, одетый как крестьянин, сняли с мула застывшее тело и уложили его на булыжники мостовой. Управляющий присел на корточки рядом с телом. Пара стражников взирали на них

с расстояния нескольких шагов, не решаясь приблизиться, словно ножевое ранение могло быть заразным.

— Что произошло? — спросил Кэсерил.

Крестьянин посмотрел на его наряд и, стянув с головы шляпу, прижал её к груди.

— Я нашёл его сегодня утром у реки, сэр, когда привёл на водопой скотину. Река там поворачивает, и я частенько нахожу всякие вещи, которые выносит на берег течением. Вот на той неделе нашёл колесо от телеги. Я всегда всё осматриваю. Нет, покойники лежат там не часто, хвала Милосердной Матери. Не считая бедной леди, что утопилась два года назад. — Они со следователем обменялись кивками. — А этот — не-ет, этот на утопленника не похож.

Брюки на ди Санде были ещё мокрыми, но волосы уже высохли. Тунику с него сняли те, кто его нашёл, она была перекинута через спину мула. Речная вода смыла кровь с ран, и они казались просто тёмными разрезами на бледной коже: на спине, на животе, шее. Кэсерил насчитал около дюжины ран, глубоких и безжалостных. Управляющий указал на кусок шнура, привязанного к поясу ди Санды.

— Они срезали кошелёк. Спешили, наверное.

— Это было не простое ограбление, — сказал Кэсерил. — Вот эти два удара должны были уложить его на землю бездыханным. Не было нужды… но они хотели убить его наверняка и убедиться в этом.

Они или он? Определить невозможно, но ди Санда так легко бы не сдался. Значит, они.

— Полагаю, его меч они забрали.

Успел ли ди Санда вообще достать меч? Или его оглушили первым же ударом… человек, который шёл рядом и от которого он не ожидал подвоха?

— Забрали, а может, меч в реке утонул, — ответил крестьянин. — Кабы сталь его ко дну тянула, он бы так быстро до того берега не доплыл.

— На нём были кольца или драгоценности? — спросил следователь управляющего.

— Да, — кивнул тот, — были. И золотое кольцо в ухе.

Теперь их не было.

— Мне нужно подробное описание всех предметов, милорд, — заявил полицейский, и управляющий с пониманием кивнул.

— Вы знаете, где его нашли, — обратился Кэсерил к следователю. — А где на него напали, как вы думаете?

Тот покачал головой.

— Трудно сказать. Где-нибудь в нижних кварталах, наверное.

Низы Кардегосса — и с социальной, и с топографической точек зрения — теснились по обе стороны стены, которая тянулась между двумя рукавами реки.

— Существует около полудюжины мест, где можно сбросить тело прямо в реку с городской стены. Одни из них более пустынные, другие — менее. Когда его видели в последний раз?

— Я видел его за ужином. Он не собирался в город, — сказал Кэсерил. Он подумал, что и в самом Зангре существует пара местечек, откуда легко сбросить тело в реку… — У него сломаны кости?

— Нет, насколько мне кажется, сэр, — ответил следователь. И действительно, на бледном теле не было видно следов ударов о камни и явных переломов.

Допрос стражников показал, что ди Санда вышел из замка один, пешком, незадолго до полуночи. Кэсерил отбросил нереальный план обшарить каждый фут длинных коридоров и тёмных уголков огромного замка в поисках пятен крови. Позже, после обеда, следователь отыскал троих свидетелей, утверждавших, что видели секретаря принца пьющим в одиночестве вино в

одной из таверн нижних кварталов; один свидетель клялся, что секретарь был совершенно пьян. Этого свидетеля Кэсерил с удовольствием допросил бы наедине, в каземате каменного туннеля, ведущего к реке, чьи стены так славно поглощают раздающиеся в нём крики. Возможно, тогда из него удалось бы добыть какие-то крупицы правды. Кэсерил никогда не видел ди Санду пьяным.

Кэсерилу выпало составить опись имущества и подготовить оставшиеся после ди Санды вещи для передачи его старшему брату, проживавшему где-то в провинциях Шалиона. Пока следователь обыскивал нижние кварталы — совершенно бессмысленное дело, Кэсерил был в этом уверен — в поисках предполагаемых разбойников, секретарь принцессы посвятил себя тщательной проверке всех бумаг ди Санды. Но что бы ни привело покойного в нижние кварталы, эту тайну он унёс с собой в могилу — среди бумаг не оказалось ни единого намёка на возможную причину посещения тех мест.

У ди Санда не было никаких близких родственников, которых можно было бы ожидать на похороны; церемонию прощания назначили на следующий день. Присутствовали принц, принцесса и их приближённые да несколько

придворных, пришедших в надежде заслужить благосклонность брата и сестры рея. Церемония, проходившая в зале Сына в храме, была краткой. Кэсерилу стало ясно, каким одиноким человеком был ди Санда: не было даже друзей, которые, склонясь над изголовьем, говорили бы хвалебные речи. Кэсерил был единственным, кто произнёс слова прощания и сожаления; в рукаве он прятал спешно приготовленную и записанную утром на бумаге речь, которую смущение не позволило ему извлечь и прочитать.

Кэсерил отошёл от гроба и пристроился перед алтарём рядом с плакальщиками, давая дорогу служителям храмов со священными животными. Священники были одеты в цвета бога своего храма; они расположились вокруг гроба ди Санды на некотором удалении друг от друга. В сельских храмах для этого ритуала использовались те животные, что были под рукой. Как-то Кэсерилу довелось наблюдать церемонию прощания с дочерью бедняка, на которую прибыл всего один священник с корзинкой, где мяукали пять котят. Принадлежность каждого котёнка определённому богу была отмечена ленточкой соответствующего цвета. Рокнарцы в основном использовали рыбу — только в количестве четы-

рёх, а не пяти штук. Настоятели Четырёх богов метили рыбин краской и читали выражение высшей воли по следам этой краски на воде. В общем, как бы там ни было, даже самый бедный человек после смерти не был обделён вниманием богов, решавших, к кому из них направится его покинувшая тело душа, и сообщавших об этом через священных животных.

У Кардегосса было достаточно средств для обеспечения своих храмов самыми красивыми и тщательно отобранными по цветам и внешнему виду животными. Служительница Дочери в синих одеяниях держала голубую сойку, вылупившуюся из яйца только этой весной. Представительница храма Матери — вся в зелёном — поглаживала сидевшую у неё на плече яркую зелёную птицу вроде той, что Кэсерил видел в птичнике Умегата. Священник из храма Сына в красно-оранжевой мантии привёл горделивого молодого лиса, чья ухоженная шерсть переливалась, как пламя, в сумрачном сводчатом зале. Рядом с одетым в серое священником храма Отца сидел толстый, исполненный невероятного достоинства старый волк. Кэсерил думал, что служительница Бастарда в её белом плаще прибудет с одним из священных чёрных воронов башни Фонсы, но вместо этого

у неё оказались две сверкающие любопытными глазками белые крысы.

Настоятель храма Святого Семейства обратился к богам с просьбой послать знак, к кому перейдёт душа ди Санды, затем встал в изголовье гроба.

Священники отпустили своих животных. Посланная рукой хозяйки сойка описала круг и вернулась к ней на плечо, так же как и зелёная птица Матери. Лис, освобождённый от серебряной цепи, чихнул и потрусил к гробу. Он вспрыгнул наверх, свернулся клубком рядом с ди Сандой и, положив мордочку ему на грудь, прямо над сердцем, глубоко вздохнул.

Волк, явно очень опытный в подобных делах, даже не двинулся с места, не проявив ни малейшего интереса. Служительница Бастарда опустила своих крыс на каменный пол, но они тут же взобрались обратно и, пробежав по рукаву к её плечу, принялись тыкаться розовыми носиками ей в ухо и цепляться за волосы маленькими лапками, так что их пришлось осторожно отцеплять.

Ничего удивительного. Если человек не был при жизни посвящён иному богу, то души бездетных отходили Дочери или Сыну, а души родителей — Матери или Отцу. У ди Санды детей

не было, а в юности он какое-то время служил военному ордену Сына, так что было совершенно естественно, что душа его призвана Сыном — даже если бы к моменту церемонии семье стало известно, что у покойного где-то растёт внебрачный ребёнок.

Бастард брал к себе души служивших его ордену людей, а также души, от которых отказались остальные боги. Бастард был последним убежищем для тех, кто совершал тяжкие грехи во время своей жизни на земле.

Подчиняясь выбору элегантного лиса Осени, служитель Сына подошёл к алтарю и вознёс молитву, призывающую благословение Сына на отошедшую душу ди Санды. Ряды плакальщиков и прочих присутствующих на церемонии проходили рядом с гробом и клали на алтарь Сына свои скромные дары. Кэсерил чуть не пронзил ладони ногтями, крепко сжав кулаки при виде притворной печали на лице Донго ди Джиронала. Тейдес был растерян и молчалив, сожалея — как надеялся Кэсерил — обо всех обидных словах, которыми он осыпал сгоряча голову своего строгого, но верного секретаря и воспитателя; его даром был тяжёлый кошелёк с золотом.

Исель и Бетрис также были тихи и спокойны

— и в этот момент, и потом. Они не обращали внимания на ходившие при дворе слухи и сплетни, связанные с убийством; девушки с завидным постоянством отказывались от приглашений выйти в город и искали малейшие предлоги, чтобы раз по пять-шесть за вечер заглянуть к Кэсерилу и проверить, всё ли у него в порядке и на месте ли он.

В Зангре шептались об этом таинственном ограблении ди Санды, требуя всё новых и новых, каждый раз более строгих и жестоких наказаний для столь опасных преступников и негодяев, как воры, разбойники и убийцы. Кэсерил молчал. Для него в смерти ди Санды не было ничего таинственного, кроме разве что возможности добыть достаточные и неоспоримые доказательства вины Джироналов. Он снова и снова прокручивал в уме разнообразные способы, но решение не приходило. Он не осмеливался начать открытое расследование, пока не будет ясен каждый шаг и его последствия — в противном случае с тем же успехом и с меньшими потерями он мог сам себе перерезать горло.

Тем не менее, решил он, всё равно какие-нибудь неудачливые разбойники будут ложно обвинены. Тогда он… что? Стало ли его слово

менее весомым и достойным доверия с того момента, как его исполосованная плёткой спина мистическим образом была оправдана вороном Бастарда, а не признана следствием позорного наказания? Большинство придворных искренне поверили в достоверность волеизъявления высших сил, но не все. Несложно было увидеть, кто есть кто, поскольку некоторые кавалеры и дамы отстранялись от Кэсерила при его приближении и избегали его общества. Однако следователь Кардегосса не задержал никаких подозреваемых в нападении на ди Санду, и постепенно слухи, домыслы и перешёптывания о печальном инциденте прекратились. Так перестаёт кровоточить затянувшаяся и зарубцевавшаяся рана на теле и напоминает о себе впредь только болью при резких движениях.

К Тейдесу был приставлен новый секретарь, выбранный среди служителей канцелярии рея самим ди Джироналом-старшим. Это был узколицый парень, полностью подвластный руке канцлера; он никоим образом не пытался сблизиться с Кэсерилом. Дондо ди Джиронал публично вызвался развеять грусть принца с помощью самых восхитительных развлечений. Насколько восхитительных, Кэсерил мог судить

по входившим и выходившим поздней ночью из покоев Тейдеса шлюхам и толпам пьяных приятелей. Однажды Тейдес, видимо, не в состоянии отличить одну дверь от другой, ввалился в комнату Кэсерила, где его вырвало прямо на пол квартой красного вина. Кэсерил провёл его, зелёного, шатавшегося и ничего не соображавшего, к слугам, чтобы те вымыли и уложили своего юного господина. Но самым тревожным, однако, был момент, когда как-то вечером Кэсерил увидел на пальце капитана охраны принца, прибывшего с ними из Баосии, кольцо со знакомым изумрудом. На пальце того самого капитана, который перед выездом из Валенды поклялся матери и бабушке мальчика, поклялся по всей форме — опустившись на одно колено — беречь, охранять брата и сестру ценой собственной жизни… Кэсерил схватил проходившего мимо капитана за запястье. Тот вздрогнул от неожиданности и остановился.

— Милое колечко, — наконец вымолвил Кэсерил.

Капитан освободил руку и нахмурился.

— Мне тоже так кажется.

— Надеюсь, вы не очень дорого заплатили за него. Думаю, изумруд фальшивый.

— Нет, он настоящий, милорд.

— На вашем месте я бы проверил его на подлинность у ювелира, ведь чего только не скажут и не сделают люди ради собственной выгоды!

Капитан прикрыл кольцо ладонью другой руки.

— Это хорошее кольцо.

— По сравнению с тем, что вам пришлось отдать за него, я бы сказал, что это мусор.

Губы капитана сжались. Он отшатнулся и зашагал прочь.

«Если это осада, — подумал Кэсерил, — то мы несём потери».

Погода стала холодной и дождливой, реки вздулись. Сезон Сына неуклонно приближался к концу. Одним промозглым сырым вечером после ужина, когда двор наслаждался игрой музыкантов, Орико наклонился к сестре и прошептал:

— Завтра в полдень приводи своих людей в тронный зал на посвящение ди Джиронала в провинкары. Оденься понаряднее — у меня будет несколько радостных для всего двора объявлений. А! Чуть не забыл — твой жемчуг. Лорд Дондо только вчера вечером жаловался мне, что ты не носишь его подарок.

— Не думаю, что он мне идёт, — ответила Исель. Она стрельнула глазами в сидевшего неподалёку

Кэсерила, затем снова перевела взгляд на руки, сжимавшие складки платья.

— Ерунда! Как может девушке не идти жемчуг? — фыркнул рей и откинулся в кресле, чтобы поаплодировать только что сыгранной пьесе.

Исель молчала до тех пор, пока Кэсерил, провожая леди в их покои, уже не собрался пожелать им спокойной ночи и отправиться зевая к себе. Тогда она взорвалась:

— Я *не* ношу этот жемчуг, потому что он подарен мне вором! Я бы вернула его ордену Дочери, но держу пари, что этот дар оскорбил бы богиню. Этот жемчуг — грязный! Кэсерил, что мне с ним делать?

— Бастард — не слишком прихотливый бог. Передайте его настоятелю для больницы или для сиротского приюта, — предложил он.

— Это страшно раздосадует лорда Дондо. Но он не сможет даже выразить свой протест! Отличная мысль! Передайте жемчуг сиротам от моего имени. А что касается завтрашнего дня — я надену мою красную бархатную накидку поверх белого шёлкового платья. Это достаточно нарядно. И ещё драгоценности, что дала мне мама. Никто не осмелится высказаться против того, что на мне будут украшения моей матери!

Нан ди Врит задумчиво спросила:

— А что имел в виду ваш брат под «радостными объявлениями»? Вы не думаете, что он уже решил вопрос о вашей помолвке?

Исель остановилась, заморгала, но потом уверенно сказала:

— Нет, не может быть. Это дело долгих месяцев — сначала послы, потом письма, обмен подарками, сборы приданого… в конце концов, моё согласие! Должны написать мой портрет. И у меня будет портрет жениха, кем бы он ни был. Правдивый портрет, без всяких приукрашиваний, написанный художником, которого я выберу сама. Если мой принц толстый, косой, лысый губошлёп — так тому и быть, но я хочу честный портрет.

Бетрис поморщилась.

— Я очень надеюсь, что вам достанется красивый молодой лорд, когда придёт на то время.

Исель вздохнула:

— Это, конечно, было бы замечательно, но большинство великих лордов не таковы. Достаточно и того, чтобы он был здоров — не станем обременять богов молитвами о невозможном. Пусть будет здоров и пусть будет кинтарианцем.

— Очень разумно, — кивнул Кэсерил, приобод-

рённый таким практическим и взвешенным подходом к жизни, который должен был значительно облегчить его жизнь в ближайшем будущем.

Бетрис неуютно поёжилась.

— В последнее время при дворе было слишком много рокнарских послов из всех пяти провинций.

Исель поджала губы.

— Хм…

— Среди высших лордов — приверженцев Пятибожия — выбор невелик, — задумчиво вставил Кэсерил.

— Рей Браджара снова овдовел, — в сомнении закусив губу, высказала своё предположение Нан ди Врит.

Исель отмела его:

— Нет, рею уже пятьдесят семь лет, да и у него есть взрослый женатый наследник. Зачем ему сын от меня, который будет дружественно настроен по отношению к своему дяде Орико — или к своему дяде Тейдесу, — но не будет править своей землёй?

— Есть ещё внук рея Браджара, — сказал Кэсерил.

— Ему всего семь! Мне придётся ждать ещё

семь лет!

«Нет, — подумал Кэсерил, — это не годится».

— Да, сейчас слишком рано, а ждать — слишком долго. За семь лет может произойти что угодно. Люди умирают, государства воюют…

— Правда, — согласилась Нан ди Врит. — Ваш отец, рей Иас, помолвил вас, когда вам было два года, с одним рокнарским принцем, но бедный паренёк вскоре подхватил лихорадку и умер. Да. А то бы вас забрали в его провинцию два года назад.

Желая поддразнить, Бетрис сказала серьёзным голосом:

— Рей Ибры тоже вдовец.

Шокированная Исель округлила глаза:

— Но ему же вообще за семьдесят!

— Зато он не толстый. И тебе не придётся его долго терпеть.

— Ха! Он может прожить ещё двадцать лет просто из вредности. Полагаю, он вполне способен на это. Кроме того, его наследник тоже женат. Мне кажется, единственный из всех принцев, кто мне подходит по возрасту, — это его второй сын, а он не наследник.

— В любом случае в этом году вы не будете помолвлены с ибранцем, принцесса, — подвёл итог

Кэсерил. — Старый Лис не в ладах с Орико из-за его поддержки Южной Ибры.

— Да, но… говорят, все верховные лорды Ибры — отличные военные моряки, — ни с того ни с сего вдруг добавила Исель.

— Ну а Орико какая с этого польза? — хмыкнула Нан ди Врит. — У Шалиона нет ни ярда прибрежных земель.

— Польза нашему берегу, — прошептала Исель, глядя куда-то вдаль.

— Когда мы владели Готоргетом и теми проходами, мы были готовы взять порт Виспинг. Теперь такая возможность упущена. Да… Скорее всего, принцесса, вас хотят выдать за какого-нибудь лорда Дартаки, так что давайте подналяжем на наш дартакан на следующей неделе, а?

Исель скорчила рожицу, но покорно вздохнула, соглашаясь. Кэсерил улыбнулся и, поклонившись, вышел. Если даже Исель не предназначалась правящему рею Дартаки, её могли выдать за одного из приграничных лордов. Кэсерил размышлял об этом, спускаясь по лестнице. К примеру, за кого-нибудь из тёплых северных провинций. Там, где расстояние и власть смогут защитить Исель от… проблем шалионского двора. И чем скорее, тем лучше.

«Для неё или для тебя?»
«Для нас обоих».

Из того, как Нан ди Врит прикрыла ладонями глаза и потом всплеснула руками, Кэсерил сделал вывод, что принцесса выглядит ослепительно в своих алых нарядах, с густыми янтарными волнами волос, ниспадавшими на спину почти до пояса. Так оно и оказалось. Поскольку ему вчера намекнули, что следует надеть, он был в шёлковой красной тунике, ранее принадлежавшей покойному провинкару, и в белой шерстяной накидке. Нан выбрала неброские чёрно-белые одежды, Бетрис была в своём любимом красном.

Они быстро шли под дождём по мокрым булыжникам внутреннего двора к огромной башне Иаса. Все вороны башни Фонсы спрятались под крышей, не желая мокнуть. Нет, не все — Кэсерил резко отклонился, когда одна глупая птица, у которой не хватало нескольких перьев в хвосте, ринулась к нему через моросящий туман с криком: «Кэс! Кэс!»

Стараясь защитить от грязных брызг свой белый плащ, он прогнал ворона. Тот с печальным криком развернулся и полетел обратно.

Обитый красным шёлком тронный зал Орико был залит светом укреплённых на стенах

светильников, которые доблестно сражались с осенним сумраком; в зале уже ожидали две или три дюжины кавалеров и дам. На Орико были официальные одежды и корона, рейна Сара сегодня отсутствовала. Тейдеса усадили в низкое кресло по правую руку рея.

Принцесса и её свита, поцеловав правителю руку, заняли свои места: Исель — в кресле слева от пустующего трона рейны, остальные встали рядом.

Улыбающийся Орико начал с подарков. Он передал Тейдесу доходные статьи от ещё четырёх городов, чтобы пополнить его бюджет. За это младший брат выразил свою признательность ритуальным целованием рук и короткой благодарственной речью. Вчера вечером Дондо не взял на себя обеспечение принца развлечениями, так что сегодня Тейдес был менее зелёным и болезненным, чем обычно.

Затем Орико призвал к своему царственному колену канцлера. Как и было сообщено накануне, рей вручил ди Джироналу верительные грамоты и меч, получив в обмен присягу, что сделало старшего Джиронала провинкаром Илдара. Несколько младших лордов Илдара преклонили колена перед новым провинкаром и принесли

ему клятву верности. Титул марча, включая все города и владения с их доходами, был передан лорду — ныне марчу — Дондо, что явилось некоторой неожиданностью.

Исель была удивлена, но явно довольна, когда её брат подарил ей в поддержку её бюджета доход от шести городов. Отнюдь не преждевременно — её бюджет до сих пор был значительно беднее, чем у Тейдеса. Она трогательно поблагодарила Орико, а Кэсерил тем временем погрузился в вычисления. Можно ли Исель теперь обзавестись собственной охраной вместо той горстки людей из Баосии, которую она делила с Тейдесом? И может ли Кэсерил сам выбрать охранников? Сможет ли принцесса переехать в собственный дом под охраной своих людей? Исель вернулась в своё кресло и расправила юбки. Настороженность её исчезла, она расслабилась и мягко улыбалась.

Орико откашлялся.

— Я счастлив перейти к наиболее радостному объявлению: самая яркая и… гм… желанная награда. Исель, встань. — Орико тоже встал и протянул руку сводной сестре; озадаченная, но улыбающаяся, она поднялась и снова подошла к нему.

— Марч ди Джиронал, подойдите, — продолжал

Орико. Лорд Дондо в полном облачении священного генерала Дочери встал по другую сторону от рея. По рукам Кэсерила пробежали мурашки.

«Что задумал Орико?»

— Мой любезный и верный канцлер и провинкар ди Джиронал просил породнить его дом с моим, и после долгих раздумий я пришёл к радостному для моего сердца решению, — однако радостным он не выглядел. — Он просил руки моей сестры Исель для своего брата, нового марча ди Джиронала. Итак, я объявляю об их помолвке и благословляю их.

Он повернул полную руку Дондо ладонью вверх, положил поверх узкую тоненькую ручку Исель, сжал их вместе на уровне своей груди и отступил на шаг.

Лицо Исель побелело. Она стояла не шевелясь, уставившись на Дондо бессмысленным взглядом, словно не веря своим ушам. Тогда кровь зашумела, почти забурлила в голове Кэсерила, и он с трудом восстановил дыхание.

«Нет! Нет! Нет!»

— В качестве подарка в день помолвки, моя дорогая принцесса… думаю, я угадал, чем бы вам хотелось пополнить своё приданое, — проговорил Дондо и кивком подозвал пажа.

Исель, смерив его холодным взглядом, отвечала:

— Так вы угадали, что мне хотелось город на побережье с хорошим портом?

Дондо, отшатнувшись было, разразился хохотом и повернулся к пажу. Паж откинул крышку обитой кожей шкатулки, открыв взорам серебряную, украшенную жемчугом тиару. Дондо взял её в руки и поднял над головой, показывая всем присутствующим. В углу, где стояли его друзья, раздались аплодисменты. Пальцы Кэсерила сжали рукоятку меча. Если бы он вытащил и взмахнул им… то был бы повержен на землю, не успев ступить и шагу.

Когда Дондо поднял тиару и хотел водрузить её на голову Исель, та дёрнулась, как застенчивая пугливая лошадка.

— Орико…

— Эта помолвка — моя воля и желание, дорогая сестра, — ответил Орико непререкаемым тоном.

Дондо, не горя желанием догонять Исель с тиарой в руках, метнул на рея красноречивый взгляд.

Исель проглотила комок в горле. Было видно, что её мозг судорожно ищет выход из ситуации. Она не закричала от отвращения и не упала в

обморок. Она стояла неподвижно, в полном сознании.

— Сир… Как сказал провинкар Лабрана, когда армия Золотого Генерала преодолела его стены… это полная неожиданность.

По толпе придворных пробежал неуверенный шепоток.

Её голос стал тише, и она прошептала сквозь зубы:

— Вы не сказали мне. Вы не спросили меня.

Орико ответил, тоже не разжимая зубов:

— Мы поговорим позже.

После короткой паузы она приняла ответ со сдержанным кивком.

Дондо завершил возложение тиары, затем поклонился и поцеловал руку невесты. С его стороны было мудро не потребовать ответного поцелуя — по лицу Исель было видно, что она скорее всего укусила бы своего жениха. Придворный священник Орико, в цветах Брата, выступил вперёд и призвал благословение всех богов на помолвленных.

Орико провозгласил:

— Через три дня мы вновь соберёмся здесь, чтобы засвидетельствовать брачные клятвы и отпраздновать свадьбу. Благодарю вас всех.

— Три дня! Три дня! — воскликнула Исель, её голос впервые за всё время сорвался. — Вы хотели сказать — три года, сир?

— Три дня, — отрезал Орико, — подготовься.

И подозвав слуг, он собрался покинуть зал. Большинство придворных вышли вслед за ди Джироналами, поздравляя обоих. Несколько наиболее любопытных остались, прислушиваясь к разговору брата и сестры.

— Три дня! Да за это время мы не успеем даже послать курьера в Баосию, чтобы получить ответ от мамы и бабушки!

— Твоя мать слишком больна, чтобы приехать, а бабушка должна остаться в Валенде, чтобы присматривать за ней.

— Но я не… — Тут Исель обнаружила, что обращается к широкой спине рея, поскольку Орико, спешно развернувшись, выходил из тронного зала.

Она выскочила за ним в следующую комнату, за ней последовали леди Бетрис, Нан и Кэсерил.

— Но, Орико, я не хочу замуж за Дондо ди Джиронала!

— Леди твоего ранга выходит замуж не по собственному желанию, а исходя из интересов своего Дома, — жёстко ответил ей брат, когда она

забежала вперёд и преградила ему путь.

— Это действительно так? Тогда объясни, какие выгоды получит Дом Шалиона, если ты отдашь меня — швырнёшь меня — младшему сыну младшего лорда? Мой муж должен привести меня к трону своего владения!

— Это привяжет ди Джироналов ко мне и к Тейдесу.

— Скажи лучше — это привяжет нас к ним! Странно односторонние преимущества, как мне кажется.

— Ты не хотела замуж за рокнарского принца — я не отдал тебя, хотя не было недостатка в предложениях. Только нынешней осенью я отклонил два. Подумай об этом и будь благодарна, дорогая сестра.

Кэсерил не понял, просил Орико или угрожал.

Рей продолжал:

— Ты не хотела покидать Шалион. Очень хорошо — ты останешься в Шалионе. Ты хотела выйти за единоверца — я предложил тебе лорда, почитающего Пятибожие, истинного кинтарианца, более того — священного генерала ордена! А если бы, — голос его начал звучать раздражённо, — если бы я отдал тебя каким-либо нашим сильным соседям, они могли бы использовать тебя, чтобы

претендовать на часть приграничных земель. Таким образом, выдавая тебя за ди Джиронала, я пекусь о мирном будущем Шалиона.

— Лорду Дондо сорок лет! Он продажный, наглый вор! Растратчик! Развратник! Орико, ты не можешь так поступить со мной! — Её голос перешёл на крик.

— Я не собираюсь тебя слушать, — сказал Орико и зажал уши руками. — Три дня. Приди в себя и займись своим гардеробом.

Рей бежал от сестры, словно она была рушащейся, пылающей башней.

— Я не стану тебя слушать.

Так он и сделал. Четыре раза в этот день Исель пыталась встретиться с братом, прорываясь к нему в покои. Четыре раза его охрана не пропускала её. В итоге Орико выехал из Зангра и удалился в охотничий домик в глубине дубовых рощ — открытое проявление трусости. Кэсерилу оставалось только надеяться, что крыша в домике протечёт и прольёт ледяной дождь на его царственную голову.

Кэсерил плохо спал в эту ночь. Поднявшись по лестнице на следующее утро, он увидел трёх издёрганных женщин. Похоже, они совсем не ложились.

Исель — с тёмными кругами под глазами — втащила его за рукав в гостиную и, усадив на подоконник, шёпотом спросила:

— Кэсерил, вы можете добыть четырёх лошадей? Или трёх? Или двух? Или хотя бы одну? Я всю ночь думала об этом. Единственный выход — бежать.

Он вздохнул.

— Я тоже думал всю ночь. Сначала я кое-что проверил. Я попытался покинуть Зангр вечером, но двое гвардейцев рея последовали за мной. Чтобы защитить меня, как они сказали. Я мог бы убить или подкупить одного, но двух — вряд ли.

— Мы можем выехать как будто на охоту, — настаивала Исель.

— В дождь? — Кэсерил махнул рукой на потоки лившейся с неба воды, сквозь пелену которой не было видно даже реки внизу. — Да и если нам даже позволят выехать, то наверняка пошлют с нами целый вооружённый эскорт.

— А если мы оторвёмся от них с самого начала?..

— Допустим, нам это удастся — что дальше? Если — вернее, когда! — они нагонят нас на дороге, то для начала сбросят меня с лошади и отрежут голову, оставив тело лисам и воронам. А потом

отвезут вас назад. И если даже по причуде богов нас не схватят, куда мы можем двинуться?

— К границе. К любой границе.

— Браджар и Южная Ибра тут же отправят нас обратно, чтобы угодить Орико. И пять провинций Рокнара, и Лис Ибры возьмут вас в заложники. Дартака… поди доберись до неё через половину Шалиона и всю Южную Ибру. Боюсь, не получится, принцесса.

— Что же мне делать? — В её юном голоске зазвучало отчаяние.

— Никто не может быть выдан замуж насильно. Обе стороны должны дать свободное согласие перед лицом богов. Если у вас хватит смелости просто сказать «нет», то дальше дело не двинется. Достаточно ли её у вас?

Её губы сжались:

— Конечно, да. Но что потом? По-моему, вы не всё продумали ночью. Полагаете, лорд Дондо так просто и сдастся и на том всё и кончится?

Он покачал головой.

— Если они прибегнут к силе — брак будет считаться недействительным, и все это знают. Держитесь за эту мысль.

В её глазах застыли горе и безнадёжность.

— Вы не понимаете.

Так продолжалось до полудня, а потом в покои принцессы прибыл Дондо собственной персоной, чтобы добиться хотя бы подобия согласия на брак. Двери в гостиную оставались открытыми, но стоявшие возле них вооружённые охранники Дондо удерживали Кэсерила снаружи, а Бетрис и Нан ди Врит — внутри. Кэсерил не разобрал и трети того, о чём громким яростным шёпотом спорили толстый придворный и янтарноволосая девушка, но в конце концов Дондо удалился с выражением жестокой удовлетворённости на лице, а Исель впилась пальцами в подоконник, почти задыхаясь от бешенства и ужаса. Затем она прижалась к Бетрис и выдавила:

— Он сказал… если я не соглашусь, то он всё равно возьмёт меня. Я сказала, что Орико не позволит ему изнасиловать свою сестру. А он спросил: «Почему нет? Он же позволил нам насиловать его жену…» Когда рейна Сара так и не забеременела, а Орико оказался неспособен зачать бастарда, несмотря на всё то множество леди, девушек и шлюх, что они ему приводили, Джироналы склонили его к согласию допустить их в спальню рейны. Дондо сказал, что он и его брат занимались этим каждую ночь в течение года — оба одновременно или по очереди, пока

она не пригрозила покончить с собой. Он сказал, что будет танцевать на мне до тех пор, пока в моём животе не завяжется плод, а если я попробую своевольничать, то он покажет, каким суровым мужем может быть.

Она моргнула полными слёз глазами, взглянув на Кэсерила, и стиснула зубы, чтобы не разрыдаться.

— Он сказал, что живот у меня будет огромным, потому что я маленького роста. Как думаете, Кэсерил, сколько смелости мне понадобится для простого «нет»? И что будет, когда из этой смелости ничего не выйдет? Совсем, совсем ничего?!

«Я думал, что единственное место, где из смелости ничего не выходит, — это рокнарские галеры. Я был неправ».

Он тяжело вздохнул:

— Не знаю, принцесса.

Измученная и отчаявшаяся, Исель объявила пост и принялась молиться. Нан и Бетрис помогли установить в её покоях переносной алтарь и собрали все символы леди Весны, чтобы украсить его. Кэсерил, неотступно сопровождаемый двумя гвардейцами, спустился в Кардегосс и нашёл цветочницу, торговавшую искусственно выращенными фиалками — ведь был совсем не сезон

для этих цветов. Вернувшись, он поставил их в вазочку на алтаре. Он почувствовал себя таким глупым и никчёмным, когда принцесса, благодаря, уронила слезинку на его руку. Отказываясь от еды и питья, она лежала, распростершись на полу, посылая богам глубочайшую мольбу — совсем как рейна Иста, когда Кэсерил впервые увидел её в зале предков замка провинкары. Сам Кэсерил часами бродил по Зангру, пытаясь придумать хоть что-нибудь, но в голову шли только ужасные, жуткие мысли.

Позднее тем же вечером леди Бетрис вызвала его в приёмную рядом с кабинетом и сказала:

— Я придумала! Кэсерил, научите меня, как убить человека ножом.

— Что?

— Охранники Дондо слишком хорошо знают вас, чтобы не подпускать близко, но я буду рядом с Исель утром в день её свадьбы, как свидетельница клятв. От *меня* никто не ожидает ничего подобного. Я спрячу нож за корсаж. Когда Дондо приблизится и наклонится, чтобы поцеловать ей руку, я успею ударить его два-три раза, пока меня остановят. Но я не знаю, куда нужно бить, чтобы попасть наверняка. Понимаю, что в шею, но куда именно? — Она достала из складок юбки огром-

ный кинжал и протянула Кэсерилу. — Покажите мне. Мы потренируемся, пока у меня не начнёт получаться ловко и быстро.

— О боги! Леди Бетрис! Оставьте этот безумный план! Они тут же скрутят вас — а потом повесят!

— Важно лишь то, что сначала я убью Дондо. Потом я с радостью пойду на виселицу. Я поклялась охранять Исель ценой моей жизни. Вот так. — Её карие глаза горели на бледном лице.

— Нет, — твёрдо ответил Кэсерил, отобрав нож. Интересно, где она его добыла? — Это не женское дело.

— Я бы сказала, что это дело того, у кого есть шанс его осуществить. У меня шансов больше. Научите меня!

— Нет, погодите… подождите немного. Я… я попробую что-нибудь предпринять, может быть, что-то и получится.

— Вы можете убить Дондо? Исель молится леди о смерти, своей или Дондо, не важно — лишь бы кто-то из них умер до свадьбы. Но мне важно, кто именно умрёт. Это должен быть Дондо.

— Полностью согласен. Подождите, леди Бетрис. Просто подождите немного. Посмотрим, что я могу сделать.

«Если боги не ответят на ваши молитвы, леди

Исель, я попробую сделать это за них».

День накануне свадьбы Кэсерил провёл, выслеживая Дондо в коридорах Зангра, словно кабана в каменном лесу, но ему так и не удалось приблизиться к нему на достаточное расстояние. Во второй половине дня Дондо вернулся во дворец Джироналов в городе, в который — ни через стены, ни через ворота — Кэсерил проникнуть не смог. После второй неудачной попытки пробраться во двор головорезы ди Джиронала вышвырнули его на улицу, сильно избив. Пока один держал настырного секретаря, остальные наносили удары по голове, груди, животу, и в Зангр Кэсерил возвращался, шатаясь как пьяный и опираясь рукой на стены. Гвардейцы рея, от которых ему удалось улизнуть на улицах Кардегосса, отыскали его как раз вовремя, чтобы полюбоваться на сцену избиения и проследить за тем, как он ковыляет обратно. Они ни во что не вмешивались, видимо, подчиняясь приказу.

В приступе внезапного вдохновения Кэсерил направился к тайному подземному ходу, соединявшему Зангр и дворец Джироналов, ранее принадлежавший лорду ди Льютесу. Одни говорили, что Иас и ди Льютес пользовались им ежедневно для проведения совещаний, другие

— что еженощно, для любовных свиданий. Как выяснилось, туннель теперь был столь же тайным, как и главная улица Кардегосса. С обоих концов стояла стража, двери были заперты. Попытки подкупить стражников навлекли на голову Кэсерила проклятия и ругань, а также угрозу ещё одного избиения.

«Ну и убийца же из меня», — горько подумал он, добравшись до своей комнаты и со стоном рухнув на кровать. В голове словно стучал молот, всё тело болело. Какое-то время Кэсерил лежал, не в силах пошевелиться, затем, собравшись с духом, встал и зажёг свечи. Ему следовало бы подняться наверх и повидать своих подопечных, но он боялся, что не выдержит их слёз. А также того, что последует за его признанием в своей неудаче, — новых просьб Бетрис. Ведь если он не смог сам убить Дондо, какое право он имеет отказывать ей в её шансе?

«Я бы с радостью отправился к праотцам, лишь бы не допустить завтрашнего кошмара…»

«Ты действительно так думаешь?»

Он выпрямился. Ему вдруг показалось, что последнюю фразу произнёс не он. Язык слегка шевелился за губами — как бывало обычно, когда Кэсерил бормотал что-то себе под нос. «Да».

Он кинулся к изножью кровати и, упав на колени, резким движением откинул крышку сундука. Почти зарывшись в аккуратно сложенные, пахнувшие отпугивающими моль травами одежды, он вытащил доставшиеся ему от покойного торговца шерстью плащ и мантию. Развернув тёплую коричневую ткань, он достал книжку с зашифрованными записями, которые так до конца и не разобрал, поскольку срочная необходимость в этом отпала после бегства судьи Вриза. Отдавать записи в храм было уже как-то неловко — потребовались бы объяснения задержки. Кэсерил судорожно открыл книжку и зажёг ещё свечей.

«Осталось мало времени».

Он не разобрал около трети дневника.

«Забудь ты обо всех этих неудачных опытах! Переходи-ка сразу к последним страницам, чего ждать?»

Отчаяние, владевшее торговцем, сквозило даже через плохо зашифрованный дартакан и обретало формы ясного и простого решения. Вот он — ответ! Отвергнув все свои предыдущие измышления и странные эксперименты, он в конце концов обратился не к магии, а к обычной молитве. Крыса и ворон — только чтобы донести

мольбы богу, свечи — чтобы осветить их путь, травы — чтобы укрепить собственное сердце. Он отказался от своей воли, полностью положившись на волю высших сил.

«Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне!»

Это были последние занесённые в книгу слова.

«У меня получится», — изумлённо подумал Кэсерил.

А если нет… тогда придёт черёд Бетрис и её ножа.

«Я не проиграю эту игру. Я потерпел поражение практически во всём, за что только брался в жизни. Я не могу проиграть смерть».

Спрятав книгу под подушку и заперев за собой дверь, Кэсерил отправился на поиски пажа.

Он выбрал сонного мальчика, ожидавшего в коридоре окончания ужина в банкетном зале Орико, где отсутствие Исель породило множество разговоров — и не только шёпотом, поскольку первые люди государства тоже отсутствовали: Орико продолжал скрываться в лесу, а Джироналы устроили пирушку у себя во дворце.

Кэсерил выудил из кошелька золотой и поднёс его к лицу, улыбаясь через образовавшийся между большим и указательным пальцами кружок.

— Эй, мальчик, хочешь заработать реал?

В Зангре пажи быстро делались смышлёными; реал — достаточно крупная сумма, чтобы можно было купить на неё некоторые интимные услуги у тех, кто ими торгует. Но и достаточно настораживающая для тех, кто не рискует играть в подобные игры.

— Что я должен сделать, милорд?

— Поймай мне крысу.

— Крысу, милорд? Зачем?

Ах да. Зачем.

«Да затем, что она потребуется мне в обряде смертельной магии против второго по могуществу лорда Шалиона, конечно!»

Нет, не годится.

Кэсерил опёрся плечами о стену и доверительно улыбнулся.

— Когда я был в крепости Готоргет во время её осады три года назад — ты знаешь, что я был её комендантом?.. так вот, пока наш бравый генерал не продал её, мы научились есть крыс. Маленькие вкусные зверюшки, если, конечно, сумеешь наловить достаточно много. И я очень скучаю по вкусу хорошо поджаренного на свече бёдрышка. Поймай мне большую жирную крысу и получишь ещё один реал. — Кэсерил уронил монету в руку пажа и облизнулся, представляя, каким

безумцем должен сейчас выглядеть. Паж слегка попятился. — Ты знаешь, где моя комната?

— Да, милорд.

— Принеси её туда. В мешке. И чем скорее, тем лучше — я голоден. — Кэсерил развернулся и удалился, смеясь. Не притворяясь, а действительно смеясь. Странное, дикое веселье переполняло его сердце, пока он не поднялся к себе и не сел обдумывать свои дальнейшие действия — свою тёмную молитву, своё самоубийство.

Была ночь, ночью вороны не прилетят к его окну, сколько бы прихваченного с собой хлеба он им ни накрошил. Он повертел хлеб в руках. Вороны гнездились под крышей башни Фонсы. Если они не полетят к нему — он сам полезет к ним. Вскарабкается по крышам. Поскальзываясь в темноте? А потом обратно в комнату с трепыхающимся свёртком под мышкой?

Нет. Под мышкой он понесёт крысу в мешке. Если ему суждено будет умереть там, под полуразрушенной крышей, то проделывать обратный путь уже не придётся. Да и смертельная магия ведь уже однажды сработала там, не так ли? Она удалась деду Исель. Вдруг дух Фонсы протянет руку помощи и грешному солдату его внучки? Башня посвящена Бастарду и его животным, а

ночь — особое время для этого бога, особенно дождливая полночь. Тело Кэсерила никто не найдёт и не похоронит. На его останках будут пировать вороны, поминая своего сородича, — достойная цена за жизнь бедняги. Животные невинны, даже жадные вороны; эта невинность делает их всех немного святыми.

Расторопный паж с шевелящимся мешком в руках обернулся значительно быстрее, чем смел надеяться Кэсерил. Он проверил содержимое — толстая, сердито шипевшая крыса весила почти полтора фунта — и заплатил ещё один реал. Паж спрятал монету в карман и зашагал прочь, оглядываясь через плечо. Кэсерил затянул мешок и прижал его к себе.

Переодевшись в одежды торговца (на удачу), он задумался, что надеть на ноги: туфли, сапоги — или идти босиком? Что будет надёжнее на мокрой скользкой крыше? Босиком, решил он. Однако обулся ещё для одного, последнего похода.

— Бетрис! — громким шёпотом позвал он из своего кабинета. — Леди Бетрис! Я знаю, что уже поздно, но не могли бы вы выйти ко мне на минутку?

Она была полностью одета, всё такая же бледная и измученная. Бетрис позволила ему стиснуть

свои руки и на мгновение прижалась пылающим лбом к его груди. Тёплый аромат её волос на секунду вернул Кэсерила в Валенду, в храм, где они стояли рядом в толпе на праздновании Дня Дочери. Единственным, что не изменилось в ней с того счастливого дня, была её верность.

— Как принцесса? — спросил Кэсерил.

Она подняла взгляд. Вокруг тускло горели свечи.

— Она без устали молится Дочери. Не ела и не пила со вчерашнего дня. Я не знаю, куда смотрят боги и почему они оставили нас.

— Мне не удалось убить Дондо. Я не смог даже приблизиться к нему.

— Я так и поняла, в противном случае мы бы что-нибудь услышали.

— У меня есть ещё одна идея. Если ничего не получится… я вернусь утром, и мы посмотрим, что можно придумать с вашим ножом. Я просто хотел сказать… если утром я не вернусь, не беспокойтесь обо мне, не ищите — со мной всё в порядке.

— Но вы же не бросаете нас? — Её руки сжались вокруг его запястий.

— Нет, ни за что.

Она моргнула.

— Я не понимаю.

— Всё в порядке. Берегите Исель. И никогда не доверяйте канцлеру ди Джироналу. Никогда.

— Могли бы и не говорить мне этого.

— Да, ещё. Мой друг Палли — марч ди Паллиар — знает правду о том, как я был предан после Готоргета и попал на галеры. Как я стал врагом Дондо… это сейчас не важно, но Исель должна знать, что его старший брат собственноручно вычеркнул меня из списка освобождаемых, приговорив к рабству и смерти. Здесь нет сомнений. Я видел список, написанный им лично — его почерк мне хорошо знаком.

Бетрис прошипела сквозь стиснутые зубы:

— И ничего нельзя сделать?

— Похоже, нет. Если бы удалось это доказать, большинство лордов Шалиона отказались бы воевать под его знамёнами. Возможно, этого было бы достаточно для его падения. А возможно, и нет. Это порох, который должен быть в арсенале Исель. Когда-нибудь она сможет взорвать его. — Он сверху вниз смотрел на обращённое к нему лицо Бетрис — белизна кожи, коралл губ и глубокие, чёрные, как ночь, глаза, огромные в полумраке комнаты. Кэсерил неловко наклонился и поцеловал её.

Дыхание девушки прервалось, затем она, вздрогнув, рассмеялась и прижала ладонь к губам.

— Ой, простите, ваша борода щекочется.

— Я… это вы простите меня. Палли будет для вас самым лучшим мужем, если, конечно, он нравится вам. Он очень честный и порядочный человек. Как и вы. Передайте ему мои слова.

— Кэсерил, что вы…

В этот момент раздался голос Нан ди Врит:

— Бетрис, где вы? Идите сюда, пожалуйста.

Он должен был уйти, уйти раз и навсегда, забрав с собой все свои сожаления. Кэсерил поцеловал ладони Бетрис и выскользнул за дверь.

Ночное путешествие по крышам Зангра — с жилого корпуса к башне Фонсы — было столь головокружительным и опасным, как и предполагал Кэсерил. Дождь лил не переставая. Луна просвечивала сквозь тучи, но её тусклый свет помогал мало. Крыша была холодной и скользила под босыми замёрзшими ногами. Самым трудным оказался шестифутовый прыжок на крышу круглой башни. К счастью, прыгать пришлось под удобным углом — иначе всё закончилось бы банальным самоубийством при падении на булыжники двора, где-то там, далеко внизу.

Мешок дёргался в руках, дыхание со свистом вырывалось изо рта. Кэсерила била дрожь после прыжка, он наклонился, упёршись ладонями в крышу, и представил себе, как кусочек черепицы случайно срывается вниз, привлекая внимание стражи к башне…

Затем он стал медленно продвигаться дальше, пока не добрался до разверзшейся в крыше дыры. Усевшись на краю, Кэсерил свесил ноги, но не почувствовал никакой опоры. Он решил дождаться момента, когда луна выйдет из-за туч. Есть ли там пол? Или осталось всего несколько балок? Вороны сонно переговаривались в темноте.

Ждать пришлось около десяти минут, в течение которых он стучал зубами от холода, пытаясь трясущимися руками разжечь вытащенную из кармана свечу. Несколько раз обжёгшись, он наконец запалил маленький огонёк.

Внизу оказались балки и сохранившийся местами пол. После пожара стены отчасти укрепили — наверное, чтобы камни не обрушились кому-нибудь на голову. Кэсерил задержал дыхание и спрыгнул на твёрдый островок прямо под ним. Закрепив свечку, он разжёг от неё ещё одну, затем вынул хлеб и остро отточенный нож Бетрис. Добыть ворона. Да… Там, в его спальне, это каза-

лось так просто. Воронов даже не было видно в пляшущих тенях.

От шума крыльев над головой, когда ворон уселся на балку, у него едва не остановилось сердце. Вздрогнув, он протянул кусок хлеба. Птица выхватила хлеб и улетела. Кэсерил выругался, сделал несколько глубоких вдохов и сосредоточился. Хлеб. Нож. Свечи. Шевелящийся холщовый мешок. Человек на коленях. Со спокойствием в сердце? Вряд ли.

«Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне».

Ворон — или его близнец — вернулся.

— Кэс! Кэс! — негромко прокаркал он, однако от стен отразилось на удивление сильное эхо.

— Да, — выдохнул Кэсерил. — Всё верно.

Он вытащил крысу из мешка, прижал лезвие к её горлу и прошептал:

— Беги к своему господину с моей молитвой.

Резко и быстро он выпустил из неё кровь; тёмная горячая жидкость побежала в ладонь. Кэсерил положил трупик у колена и протянул руку своему ворону, тот уселся на неё и принялся пить крысиную кровь. Маленький чёрный птичий язык испугал Кэсерила, он вздрогнул и чуть не упустил ворона. Прижав птицу к себе, Кэсерил наклонился и поцеловал её в голову.

— Прости меня. Моя нужда очень велика. Может, Бастард накормит тебя хлебом богов и ты будешь сидеть у него на плече. Лети к своему господину с моей молитвой. — Коротким движением он свернул ворону шею. Птица дёрнулась и затихла; он положил её у другого колена.

— Лорд Бастард, бог правосудия, когда правосудие терпит поражение, бог равновесия, бог всего, что приходит не в своё время, бог моей нужды. За ди Санда. За Исель. За всех, кто её любит, — за леди Бетрис, рейну Исту, старую провинкару. За шрамы на моей спине. За правду против лжи. Прими мою молитву. — Он не имел представления, были ли это правильные слова, да и существовали ли какие-нибудь правильные слова. Дыхание стало прерывистым, наверное, он кричал. Да, точно, он кричал. Потом он словно со стороны увидел себя склонившимся над принесёнными в жертву животными. В животе родилась ужасная, непереносимая боль, сжигавшая внутренности. Ох… Он не знал, что это так больно…

«Всё лучше, чем сдохнуть на галере с браджарскими стрелами в заднице».

Напоследок он вежливо добавил (как молился в детстве, отправляясь спать):

— Мы благодарим тебя, Бог несвоевременного,

за твоё благословение.

«Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне».

Ох…

Пламя свечей вспыхнуло и погасло. Темнота стала ещё чернее, и всё исчезло.

Глава 12

Кэсерил с трудом открыл глаза; веки были словно намазаны клеем. Он посмотрел вверх, не понимая, где находится. Увидел заключённое в чёрную рваную рамку серое небо. Облизнув пересохшие губы, он попытался сглотнуть. Он лежал на спине под крышей башни Фонсы. Воспоминания ночи обрушились на него.

«Я жив».

«Значит, я проиграл».

Правая рука нащупала неподвижную кучку остывших перьев. Он лежал, погруженный в воспоминания о пережитом ужасе. Страшная режущая боль в животе. Кэсерил дрожал, промёрзший насквозь, весь мокрый и холодный, как труп. Он дышал. Значит, и Дондо ди Джиронал тоже дышит. В утро… в утро своей свадьбы?!

Когда глаза немного привыкли к окружающему полумраку, он увидел, что не один — над ним, на балке неподвижно сидело около дюжины воронов. Они пристально смотрели на Кэсерила сверху вниз. Он дотронулся до лица, но не обнаружил кровавых ран — ни одна из птиц ещё не приступала к трапезе.

— Нет, — дрожащим шёпотом произнёс он, — я не ваш завтрак. Мне очень жаль.

При звуке его голоса один ворон встряхнул крыльями, но никто из птиц не сдвинулся с места. Даже когда Кэсерил сел, птицы не поднялись в воздух.

Было ещё темно, в голове мелькали обрывки странного сна. Он видел себя Дондо ди Джироналом, пирующим с приятелями и шлюхами в каком-то освещённом свечами и факелами зале. На толстых пальцах сверкали кольца. Он был сильно пьян и предвкушал, как лишит Исель невинности, сопровождая свои мысли непристойными жестами, когда… он вдруг закашлялся, в горле запершило, затем возникла нестерпимая боль. Горло распухло, стало невозможно дышать. Красные лица сотрапезников закружились перед его глазами, их смех и шутки сменились паникой при виде его делающегося пурпурным, раздувающегося тела. Крики, опрокинутые винные чаши, пугающий шёпот: «Яд! Яд!»

Ни слова, ни стона не вылетало из отёкшего горла, распухший язык не шевелился. Безмолвные конвульсии, бешеный стук сердца, разрывающая боль в груди и голове, темнота, сменяющаяся кровавыми вспышками перед меркнущим взором…

«Это был только сон. Если я жив, то и он тоже».

Кэсерил снова упал на пол, согнувшись от боли в животе, обессиленный и отчаявшийся. Стая воронов смотрела на него в напряжённой тишине. До него внезапно дошло, что нужно возвращаться, а он совершенно не продумал, как будет делать это. Он мог спуститься вниз до кирпичной кладки и, стоя на куче скопившегося за долгие годы птичьего помёта и прочих отходов, кричать, чтобы его выпустили наружу. Услышит ли его кто сквозь мощные каменные стены? Не примут ли его глухой голос за бормотание воронов или завывание привидений?

Тогда наверх? Тем же путём, что и пришёл?

Наконец он встал, ухватился за балку и подтянулся на руках, пытаясь забросить непослушное тело наверх. Даже теперь вороны не желали улетать. Кэсерил напряг ноющие мышцы и — вынужденный силой спихнуть пару птиц, чтобы было куда встать — поднялся на ноги. Вороны, недовольно встряхнув крыльями, молча подвинулись. Он подоткнул полы коричневой мантии за пояс. Крыша была совсем рядом. Вздохнув, Кэсерил подпрыгнул и, болтая в воздухе босыми ногами, перекинул тело через край дыры. Туман был такой густой, что двора не разглядеть.

Наверное, светает или только-только рассвело, решил Кэсерил. В это серое утро поздней осени некоторые слуги уже должны были подняться. Вороны, вылетая через дыру один за другим, торжественно последовали за Кэсерилом. Они уселись на крыше и, повернув головы, наблюдали за его манёврами.

Он чувствовал на себе их взгляды, когда прыгал на крышу жилого корпуса замка. Они словно ждали его падения, чтобы отомстить за гибель сородича. Должно быть, представляли себе, как ноги Кэсерила соскользнут и он, размахивая руками, полетит вниз к поджидающей на булыжниках смерти. От боли в животе у него снова перехватило дыхание. Смерти он не боялся, может быть, даже и не сопротивлялся бы, а просто спрыгнул вниз — но пугала возможность остаться в живых после падения, калекой с переломанными костями. Только это заставляло его осторожно продвигаться в поисках незапертого мансардного окна. В тумане Кэсерил не мог разобрать, из какого именно окна он выбрался вчера, и пробовал на прочность задвижки каждого. Окно к тому же могли запереть уже после его ухода. Вороны следовали за ним вдоль водосточной трубы, перелетая с места на место. Туман серебристыми

капельками оседал на лице, волосах, бороде. Четвёртое окно приветливо распахнулось под его рукой. Кэсерил скользнул внутрь, еле успев прикрыть его за собой — вовремя, чтобы избавиться от своего одетого в чёрное эскорта, два первых представителя которого уже сунулись было внутрь. Одна птица ударилась в стекло грудью.

Спустившись по лестнице к своей спальне и не встретив никого по пути, Кэсерил ввалился в комнату и запер за собой дверь. Покрытый холодным потом, мучимый жуткими спазмами в животе, он достал ночной горшок, куда из него изверглись вселяющие ужас огромные сгустки крови. Его руки дрожали, когда он мылся в умывальнике. Открыв окно, чтобы выплеснуть из тазика наружу кровавую воду, он вспугнул с каменного карниза пару мрачных воронов. Кэсерил крепко запер окно на задвижку.

Покачиваясь и еле держась на ногах, словно пьяный, он подошёл к постели и, рухнув, завернулся в покрывало. Так и лежал, весь дрожа, пока не услышал шаги и тихие голоса разносивших воду, полотенца и ночные горшки слуг.

Проснулась ли уже Исель, чтобы умываться, одеваться и примерять украшения для своей ужасной свадьбы с Дондо? Спала ли она вообще?

Или проплакала всю ночь, моля богов о смерти? Он должен подняться наверх, чтобы оказать посильную помощь. Нашла ли Бетрис другой нож?

«Я не вынесу этого».

Он сжался в комок и закрыл глаза.

Кэсерил ещё лежал в постели, прерывисто дыша, чуть не всхлипывая, когда в коридоре раздались тяжёлые шаги и его дверь с шумом распахнулась. Голос канцлера ди Джиронала прорычал:

— Я знаю — это он! Это должен быть он!

Шаги остановились в изножье кровати, и кто-то сорвал с Кэсерила покрывало. Он повернулся и увидел над собой застывшее в изумлении седобородое лицо ди Джиронала.

— Ты жив! — воскликнул тот. В его голосе звучало негодование.

Полдюжины придворных, в которых Кэсерил узнал приспешников Дондо, склонились над кроватью. Их руки лежали на рукоятях мечей, словно собираясь исправить эту ошибку. Рей Орико, в ночной рубашке, в стареньком плаще, который он придерживал руками у горла, стоял позади остальных. Орико выглядел… странно. Кэсерил сморгнул и протёр глаза. Некое подобие ауры окружало рея, но не светлой, а тёмной.

Орико был словно окружён темнотой — облаком или туманом. Эта аура следовала за всеми его движениями, словно одеяние.

Ди Джиронал прикусил губу. Глаза его прожигали лицо Кэсерила.

— Если не ты, то кто? Должен же был кто-то… кто-то близкий к… Чёртова девчонка! Гнусная маленькая убийца! — Он резко повернулся и вылетел прочь, коротким жестом приказав своим людям следовать за собой.

— Что случилось? — приподнявшись, спросил Кэсерил у Орико, который тоже собрался выходить.

Орико обернулся и, разведя руками, недоумённо ответил:

— Свадьба отменяется. Дондо ди Джиронал около полуночи был убит при помощи смертельной магии.

Кэсерил открыл рот, но всё, что он смог сказать, было слабое «ох». Изумлённый, он упал на подушки, а Орико поспешил за своим канцлером.

«Я не понимаю».

«Если Дондо убит, а я жив… значит, мне не было даровано чудо смерти. Но ведь Дондо убит! Как?»

Только если кто-то вырвал Кэсерила из лап смерти и сам занял его место. Внезапно он при-

шёл к тому же выводу, что и ди Джиронал.

«Бетрис?»

«Нет, о нет!»

Он вскочил с постели, тяжело упал на пол, но упрямо поднялся на ноги и потащился за разъярёнными и обескураженными придворными.

Поднявшись в свой забитый людьми кабинет, он услышал рёв ди Джиронала.

— Тогда вытащите её сюда, чтобы я сам мог увидеть её! — рычал тот на взлохмаченную и перепуганную Нан ди Врит, которая закрывала собой проход в покои девушек, грудью защищая от врага последние рубежи. Кэсерил чуть не вскрикнул от облегчения, увидев за спиной Нан сердито нахмурившуюся Бетрис. Если Нан ди Врит была в ночной рубашке, то девушка была полностью одета — в том же зелёном платье, что и накануне вечером, бледная и осунувшаяся.

«Спала ли она? Но она жива! Жива!»

— С какой стати вы подняли такой шум, милорд? — холодно спросила она. — Это совершенно неуместно и несвоевременно.

Рот ди Джиронала приоткрылся, он подался назад. Потом стиснул зубы.

— Где принцесса? Я должен её видеть!

— Она уснула впервые за несколько дней. И я

не собираюсь её беспокоить и никому не позволю это сделать. Скоро ей предстоит сменить сон на кошмар наяву! — Ноздри Бетрис затрепетали от неприкрытой враждебности.

Ди Джиронал выпрямился и напрягся.

— Разбудите её, — прошипел он. — Вы можете разбудить её?

«Великие боги! Неужели Исель?..»

Но прежде, чем новый ужас сдавил горло Кэсерила, появилась Исель собственной персоной. Отодвинув своих дам, она решительным шагом подошла прямо к ди Джироналу.

— Я не сплю. Что вы хотите, милорд? — Она кинула взгляд на стоявшего у двери своего брата Орико, затем снова посмотрела на ди Джиронала. Брови её сошлись на переносице, во взгляде забрезжило понимание. Не задав ни единого вопроса, она знала теперь, чья сила принуждала её к нежеланной свадьбе.

Ди Джиронал смотрел то на одну, то на другую женщину — все были бесспорно живы и вполне самостоятельно стояли перед ним. Затем он повернулся к Кэсерилу, который не отрывал глаз от Исель. Вокруг неё тоже была аура, но не такая, как у Орико, а более беспокойная, в ней смешались глубокие тёмные и светящиеся бледно-голубые

пятна, как сполохи в ночном небе далёкого юга, виденном им однажды.

— Кем бы он ни был, — процедил ди Джиронал, — где бы он ни находился, но я найду труп этого мерзкого труса, даже если мне придётся перевернуть весь Шалион.

— И что тогда? — спросил Орико, потерев небритую щёку. — Повесить его?

Он иронично вздёрнул бровь, глядя на бледное от ярости лицо ди Джиронала. Тот стремительно вышел — Кэсерил еле успел подвинуться, чтобы освободить ему путь. Переводя взгляд с Исель на Орико и обратно, он всё сравнивал свои… галлюцинации? Больше ни у кого он не видел ни подобного свечения, ни хотя бы тени вокруг.

«Может, я болен? Может, сошёл с ума?»

— Кэсерил, — нетерпеливо спросила Исель, как только мужчины ушли, а Нан спешно закрыла за ними дверь, — что случилось?

— Прошлой ночью кто-то убил Дондо ди Джиронала с помощью смертельной магии.

Её рот удивлённо приоткрылся. Она радостно захлопала в ладоши, словно ребёнок, которому только что пообещали исполнить заветное желание.

— О! О! О-ох, какая чудесная новость! О бла-

годарю тебя, леди, о благодарю тебя, Бастард! Я пошлю на его алтарь гору подарков! Но, Кэсерил, кто же?..

В ответ на подозрительный взгляд Бетрис Кэсерил только пожал плечами:

— Не я, как видите.

«Но не потому, что не пытался».

— А вы… — начала Бетрис и прикусила язык. Кэсерил молча поблагодарил её за то, что она не стала задавать свой вопрос вслух при двух свидетелях, вынуждая его признать себя виновным в страшном преступлении. Да и вряд ли ему нужно было что-то говорить — по блеску её глаз он видел, что она всё поняла.

Исель отступила, чуть не прыгая от облегчения.

— Думаю, я почувствовала это, — сказала она немного удивлённым голосом. — В любом случае что-то я почувствовала. Около полуночи, вы говорите?

Этого ей никто не говорил.

— Какое-то облегчение на душе, словно что-то во мне знало, что мои молитвы услышаны. Но я никак не предполагала подобного. Я просила леди о своей смерти… — Она помолчала и прикоснулась рукой к бледному лбу. — Или о том,

как будет ей угодно. — Её голос стал тише. — Кэсерил… могла я… могла я сделать это? Может, богиня так ответила на мои молитвы?

— Я… я не вижу, каким образом, принцесса. Вы молились леди Весны, разве нет?

— Да, и её Матери — обеим. Но в основном Весне.

— Великие леди дарят чудо жизни, а не смерть — обычно так. Но все чудеса непредсказуемы и загадочны. Боги. Кто знает пределы возможностей богов и их цели?

— Это не ощущалось как смерть, — призналась Исель. — Меня словно отпустило. Я даже смогла немного поесть, и меня не вытошнило. Потом я уснула.

Нан ди Врит согласно закивала.

— И я очень этому рада, миледи.

Кэсерил глубоко вздохнул.

— Что ж, полагаю, ди Джиронал займётся поисками убийцы. Он будет рыскать по всему Кардегоссу в поисках человека, умершего прошлой ночью, да что там Кардегосс — по всему Шалиону, я уверен, пока не выяснит, кто убил его брата.

— Благословение на бедную душу, разрушившую его ужасные планы. — В общепринятом

жесте благословения Исель прикоснулась ко лбу, губам, солнечному сплетению и пупку, затем, прижав ладонь к сердцу, широко развела пальцы. — И пусть демоны Бастарда даруют ему прощение во всём, в чём только можно.

— Аминь, — склонил голову Кэсерил. — Будем надеяться, ди Джиронал не обнаружит близких друзей или родственников погибшего, чтобы отомстить им. — Он снова схватился за сведённый отчаянной болью живот.

Бетрис приблизилась к нему, глядя в лицо; протянула было к нему руку, затем, поколебавшись, опустила её.

— Лорд Кэс, вы выглядите ужасно. У вас лицо цвета холодной овсянки.

— Я… болен. Что-то съел. — Он перевёл дух. — Так что сегодня мы готовимся не к печальной свадьбе, а к радостным похоронам. Надеюсь, вы, леди, сумеете сдержать свой восторг на людях?

Нан ди Врит хмыкнула. Исель призвала её к спокойствию и твёрдо произнесла:

— Торжественная скорбь, я вам обещаю. И если моё сердце полно благодарности, а не печали, то об этом догадаются только боги.

Кэсерил кивнул и потёр ноющую шею.

— Обычно жертву смертельной магии предают

огню до темноты, чтобы, как говорят священники, лишить потусторонние силы тела, на которое они могли бы оказать влияние. Похоже, такая смерть привлекает призраков. Это будут исключительно стремительные похороны для такого высокого лорда. Всё должно быть подготовлено задолго до вечера. — Загадочная аура Исель вызывала у него головокружение и тошноту. Он сглотнул слюну и отвёл от неё глаза.

— Тогда, Кэсерил, — сказала Бетрис, — умоляю вас, ложитесь пока в постель. Мы все столь неожиданно оказались в безопасности. Вам не нужно ничего больше делать. — Она дотронулась до его холодных рук, коротко сжала их в ладонях и улыбнулась со странным пониманием. Он попытался выдавить из себя ответную улыбку и удалился.

Упав обратно в кровать, он провалялся там почти час, мучимый болью, и всё ещё дрожал в ознобе, когда дверь тихонько отворилась и вошла Бетрис. Она на цыпочках подошла к постели и, наклонившись над ним, положила ладонь на его влажный холодный лоб.

— Я боялась, что у вас жар, — сказала она, — а вы дрожите от холода.

— Я… замёрз… да. Наверное, ночью сползло

одеяло.

Она дотронулась до его плеча.

— Ваша одежда промокла насквозь, — заметила Бетрис и прищурила глаза. — Когда вы последний раз ели?

Он не смог вспомнить.

— Вчера утром, кажется.

— Ясно. — На мгновение Бетрис нахмурилась, затем развернулась и вышла.

Через десять минут появилась служанка с большим металлическим листом, на котором дымились горячие угли. Ещё через несколько минут прибыл слуга с ведром горячей воды, которому было приказано вымыть Кэсерила и уложить в постель в сухой тёплой одежде. И это тогда, когда весь замок, казалось, ополоумел, готовясь к похоронам. Всем одновременно — и леди, и кавалерам — требовалось мыться и переодеваться, чтобы предстать на людях во всеоружии. Кэсерил ни о чём не спрашивал. Слуга только-только закончил одевать его, когда снова появилась Бетрис с фарфоровой мисочкой на подносе. Оставив дверь открытой, она уселась на край кровати с ложкой в руке.

— Ешьте.

Это был хлеб, намоченный в горячем молоке

с мёдом. Изумлённо открыв рот и проглотив первую ложку, Кэсерил опёрся на подушки.

— Я не настолько болен. — В попытке восстановить своё достоинство он отобрал у Бетрис плошку; она не возражала и сидела на кровати молча, пока он ел. Кэсерил почувствовал, как он, оказывается, был голоден. Всё съев, он понял, что ему больше не холодно.

Бетрис удовлетворённо улыбнулась.

— Теперь цвет вашего лица нравится мне куда больше. Уже не такой призрачный. Хорошо.

— Как принцесса?

— Намного лучше. Она была… совсем убита. А теперь, после того как с её плеч спала эта невыносимая тяжесть, на неё радостно смотреть.

— Да, я понимаю.

Бетрис кивнула.

— Сейчас она отдыхает, пока не пора будет одеваться. — Она забрала из его рук опустевшую плошку, поставила её рядом и понизила голос: — Кэсерил, что вы делали прошлой ночью?

— Ничего. Правда.

Её губы сердито сжались. Но зачем было перекладывать на её плечи этот груз? Признание облегчит его душу, но вдруг ей придётся давать показания под присягой?

— Лорд ди Ринал говорит, вы заплатили пажу за крысу. Это и заставило, по словам ди Ринала, лорда ди Джиронала ворваться к вам в комнату. Паж сказал, вы хотели её съесть.

— Ну да. Это не преступление, когда человек хочет съесть крысу. Маленький праздник в память об осаде Готоргета.

— Да-а? Но вы же только что сознались, что не ели со вчерашнего утра?

Бетрис поколебалась и продолжала:

— Горничная говорит, что в вашем горшке, когда она выносила его утром, была кровь.

— Демоны Бастарда! — Кэсерил, улёгшийся было на подушки, снова сел. — Есть ли хоть что-нибудь святое в этом замке, не подлежащее обсуждению? Человек что, не может считать своей неприкосновенной собственностью даже ночной горшок?

Она протянула руку.

— Лорд Кэс, пожалуйста, не шутите так! Насколько вы больны?

— У меня болел живот. Теперь всё прошло. Такое случается. И не о чем тут разговаривать. — Он поморщился и решил не рассказывать о своих галлюцинациях. — Кроме того, кровь в горшке — крысиная. И живот болел из-за того, что я съел

эту тварь. Ну?

Она медленно произнесла:

— Хорошая история. Всё вроде бы сходится.

— Ну, так чего же ещё?

— Но, Кэс, люди решат, что вы — странный.

— Что же, добавим это в коллекцию сплетен. Будет соседствовать с той, где рассказывается, как я насилую девушек. Наверное, для достижения необходимого равновесия мне потребуется приписать ещё одно извращение — к примеру, попытки использования смертельной магии. Это приведёт к равновесию на виселице.

Бетрис нахмурилась и выпрямилась.

— Ладно. Я не буду давить на вас. Однако мне интересно, — она обхватила себя руками, — если двое — теоретически — одновременно пытаются прибегнуть к смертельной магии против одного человека, могут ли они оба достигнуть цели и остаться… полуживыми?

Кэсерил пригляделся к девушке — нет, она не выглядела больной — и покачал головой.

— Не думаю. Принимая во внимание, что люди давно и разными способами пытаются использовать смертельную магию, таковое, будь оно возможным, уже наверняка имело бы место в прошлом. Бастардов демон смерти всегда изоб-

ражается на храмовых фресках с коромыслом на плечах, на котором висят два одинаковых ведра — одно для души убийцы, другое для души жертвы. — Тут на ум ему пришли слова Умегата: «Я вообще уверен, что только так и бывает». — Не думаю, что демон или сам Бастард может делать выбор.

Бетрис прищурилась.

— Вы сказали, что если не вернётесь к утру, мы не должны беспокоиться и искать вас. Вы сказали, что с вами всё будет в порядке. А ещё вы сказали, что если тела своевременно не сжечь, то ими могут завладеть призраки.

Кэсерил почувствовал себя неуютно и заёрзал в подушках.

— Ну, я просто пытался предусмотреть кое-что — в некотором роде.

— Предусмотреть что именно? Вы собирались уйти, не оставив тем, кто беспокоится о вас, никаких сведений о том, где вас искать и какому богу за вас молиться.

Он откашлялся.

— Вороны Фонсы. Я забрался прошлой ночью в башню, чтобы… э-э… помолиться. Если бы всё пошло… э-э… несколько иначе, то они позаботились бы о моём теле, как их собратья заботятся о

трупах павших на поле брани или затерявшихся в горах овец.

— Кэсерил! — возмущённо закричала Бетрис, но потом снова понизила голос до шёпота. — Кэс, это… это… вы имеете в виду, что полезли туда в одиночку, чтобы умереть в отчаянии, оставив своё тело на растерзание этим… Это ужасно!

Он вздрогнул, увидев слёзы, навернувшиеся на её глаза.

— Ну-ну. Всё не так плохо. Вполне по-солдатски, полагаю. — Он поднял руку, чтобы утешить её, но затем заколебался и не решился дотронуться до неё.

Руки Бетрис стиснули складки платья.

— Если вы ещё хоть раз сотворите что-либо подобное, не сказав мне ни слова, я… я… залеплю вам пощёчину, глупец вы этакий! — Она зажмурилась, пытаясь сдержать слёзы, затем потёрла лицо ладонями и села, выпрямив спину. Голос её вновь обрёл обычное спокойное звучание. — Церемония прощания начнётся за час до заката, в храме. Вы думаете пойти или собираетесь остаться в постели?

— Если вообще буду в состоянии ходить — я обязательно пойду. Я должен там быть. Каждый враг Дондо будет там только для того, чтобы до-

казать, что не он повинен в его смерти.

Ритуал прощания с Дондо ди Джироналом привлёк не в пример больше внимания, чем похороны бедного одинокого ди Санды. Сам рей Орико в траурных одеяниях возглавил прибывших из Зангра дворян. Рейну Сару доставили в носилках. Её лицо было непроницаемо, словно выточено изо льда, а одежда была вызывающе яркой, усыпанной украшениями. Остальные пытались не замечать подобного проявления радости.

Кэсерил украдкой смотрел на неё, привлечённый не этим неуместным нарядом, а другой её одеждой — такой же тёмной аурой, как у Орико. Вокруг Тейдеса он видел такую же — она следовала за ним по мощёным улицам города. Чем бы ни являлось это призрачное облако, оно присутствовало вокруг каждого члена царственной семьи. Кэсерилу стало интересно, что бы он увидел, если бы мог взглянуть сейчас на вдовствующую рейну Исту.

Настоятель храма Святого Семейства Кардегосса в пятицветном облачении начал церемонию на заполненном людьми дворе храма. Процессия из дворца Джироналов установила гроб с телом в нескольких шагах от Очага Богов — круглой

каменной платформы, защищаемой от дождя медным куполом, опиравшимся на пять тонких колонн. Сероватый, не дающий тени свет угасающего дня уже собирался смениться сумерками туманного вечера.

Застывшее тело Дондо было обложено цветами и травами для привлечения удачи и защиты — слишком поздно, подумал Кэсерил — и облачено в сине-белые генеральские одежды священного ордена Дочери. На груди лежал меч без ножен, руки сжимали рукоять. Тело не выглядело раздувшимся или изменившим форму — ди Ринал прошептал, что его, верно, плотно обмотали льняными бинтами перед тем, как одеть. Лицо Дондо было значительно более распухшим, чем у одного из его приятелей, виденных Кэсерилом сегодня поутру. Тело придётся сжечь вместе со всеми кольцами, надетыми на толстые, как сардельки, пальцы; снять их под силу только разве мяснику с разделочным ножом.

Кэсерил сумел дойти из Зангра до храма, не спотыкаясь и не шатаясь от слабости, но живот у него снова скрутило и раздуло; пояс давил, мешая дышать.

Кэсерил шёл позади Бетрис и Нан. Исель пришлось идти между канцлером и реем Орико во

главе процессии; к этому её обязывала краткая помолвка с Дондо. Её аура всё ещё сияла и вспыхивала перед внутренним зрением Кэсерила. Лицо Исель было строгим и бледным. Вид тела Дондо помогал ей удержаться от проявления радости.

Двое придворных выступили вперёд, дабы произнести над покойным слова прощания. Кэсерилу не хотелось слышать эти столь далёкие от истины речи. Канцлер ди Джиронал говорил мало, по его лицу было трудно понять — от горя или от ярости. Он пообещал награду в тысячу реалов тому, кто поможет найти убийцу его брата. На алтарь храма также лёг увесистый кошелёк, словно при помощи этих денег, а также молитв многочисленных священников, служителей, настоятелей и дедикатов Кардегосса покойный мог обрести святость. Внимание Кэсерила привлекла одна из жриц хора — невысокая женщина среднего возраста в зелёных одеждах Матери. Она светилась, словно свеча, прикрытая зелёным стеклом. Один раз она мельком посмотрела на Кэсерила, затем снова перевела взгляд на дирижировавшего священника.

Кэсерил наклонился к Нан и прошептал:

— Вы не знаете, кто эта женщина из служителей Матери — вон там, в конце второго ряда?

Нан ди Врит шёпотом отвечала:

— Одна из акушерок Матери. Говорят, очень хорошая.

— А-а.

Когда выпустили священных животных, толпа замерла. Было не совсем ясно, кто из богов заберёт себе душу Дондо ди Джиронала. Генералами Дочери был и отец, и дед Дондо, да и сам он умер, находясь у неё на службе. В юности Дондо служил в ордене Сына офицером. У него были внебрачные дети, но были и две дочери от его покойной первой жены, оставленные на попечение приюта. И — хотя никто не говорил подобное вслух — если его душу унёс демон Бастарда, она по праву принадлежала и этому богу. Служительница Дочери выступила вперёд и по знаку настоятеля храма Святого Семейства Менденаля отпустила голубую сойку. Птица уселась обратно на рукав, вцепившись коготками в ткань. Служительница вопросительно посмотрела на Менденаля и, повинуясь его нахмуренным бровям и кивку в сторону гроба, попыталась, хотя и без особого желания, ещё раз отправить птицу в полёт. Но птица явно не собиралась никуда лететь. Тогда, под взглядом старшего настоятеля, она взяла сойку в руки и посадила прямо на грудь Дондо.

Но как только служительница убрала руки, сойка подняла хвост, уронила на покойника кучку помёта и с пронзительным криком полетела ввысь. Трое мужчин рядом с Кэсерилом начали перешёптываться, но от смеха их удерживал грозный вид канцлера. Глаза Исель полыхали серо-голубым огнём, она вынуждена была опустить их долу; аура её возбуждённо переливалась.

Служительница, отступив назад и гордо вздёрнув подбородок, следила за парившей в вышине сойкой.

Та уселась на крышу и ещё раз пронзительно закричала. Служительница посмотрела на настоятеля, тот махнул рукой; тогда она вытянула руку, пытаясь призвать птицу к себе.

Зелёная птица Матери тоже отказалась покинуть свою хозяйку. Настоятель Менденаль не решился повторить с позором провалившийся эксперимент и дал служительнице в зелёных одеждах знак, что она может отступить на своё место. Служитель Сына подтащил лиса к самому изножью гроба; зверь наморщил нос и чихнул. Затем, скребя по мостовой чёрными когтями, потянул служителя назад. Настоятель позволил удалиться и ему.

Толстый серый волк сидел неподвижно, вы-

валив из приоткрытой пасти большой красный язык. Он только тяжко вздохнул, когда его служитель потянул за серебряную цепочку, понуждая его встать. Шёпот пролетел по толпе: волк улёгся на брюхо, широко растопырив лапы. Служитель Отца опустил руки и встал рядом; его взгляд, обращённый к Менденалю, кричал: «Я не имею к этому отношения!» Менденаль не спорил.

Все повернулись к одетой в белоснежную мантию служительнице Бастарда с её крысами. Губы канцлера ди Джиронала сжались и побледнели от бессильной ярости, но он ничего не мог ни сказать, ни сделать. Леди в белом вздохнула и, шагнув к гробу, опустила священных животных на грудь Дондо в знак того, что её бог принимает его отвергнутую остальными богами, проклятую и опозоренную душу.

Как только её руки выпустили шелковистые белые тельца, обе крысы бросились к противоположным сторонам гроба, словно выпущенные из катапульты. Служительница метнулась сначала вправо, потом влево, не зная, за которой броситься. Тем временем одна крыса кинулась в поисках спасения за колонны, а вторая — в толпу. Несколько леди нервно завизжали. По толпе кавалеров и дам пробежал изумлённый шёпот

недоверия и испуга.

— Кэсерил! — Возбуждённая Бетрис дёрнула его за рукав, чтобы он наклонился, и зашептала прямо в ухо: — Что это значит? Бастард всегда забирает отверженных. Всегда. Это его… его работа. Он не может не принять такую душу… то есть, я думала, он всегда принимает таких, как Дондо.

Кэсерил тоже был в недоумении.

— Если никто из богов не взял к себе душу Дондо… значит, она осталась в мире. То есть если она не там, стало быть, она — здесь. Где-то здесь…

Беспокойный призрак, отверженный дух. Отделённый от тела и проклятый.

Церемония зашла в тупик; канцлер ди Джиронал с настоятелем Менденалем отошли за Священный Очаг, дабы обсудить случившееся и придумать подходящее объяснение для ожидающей заинтригованной толпы. Настоятель выглянул из-за Очага, подзывая одного из служителей Бастарда. После короткого совещания одетый в белое молодой человек куда-то убежал. Серое небо над головами темнело. Настоятели, не дожидаясь приказа старшего над ними настоятеля Святого Семейства, дали знак певцам продолжать пение. Наконец ди Джиронал и Менденаль закончили совещаться. Они вышли

к толпе и молча чего-то ждали. Певцы перешли к следующему гимну. Кэсерилу очень захотелось иметь в руках ордолловский «Пятилистник души» или что-нибудь в этом роде, чтобы скрыть зевоту. Увы, книга осталась в Валенде.

Если дух Дондо не был принесён демоном своему господину, где же он тогда? И если демон не смог принести обе души — и убийцы, и жертвы, — где в таком случае отделённая от тела душа этого убийцы? И где сам демон? Кэсерил никогда сильно не увлекался теологией. По непонятным теперь ему самому причинам он всегда считал это занятие ненужным и непрактичным, пригодным разве что для мечтателей и философов. Пока сам не окунулся в этот кошмар.

Скребущий звук снизу заставил его опустить глаза. К нему тянулась священная белая крыса, поднявшись на задние лапки и шевеля розовым носиком. Она потёрлась запачкавшейся мордочкой о щиколотку Кэсерила. Он наклонился и поднял зверька, чтобы отдать потом служителям Бастарда. Крыса с удовольствием устроилась у него в ладонях и лизнула большой палец руки.

К удивлению Кэсерила, посланный настоятелем служитель Бастарда вернулся в сопровождении Умегата, одетого в своё обычное одеяние с

символами Зангра. Умегат прямо-таки поразил Кэсерила. Рокнарец светился, окружённый белой сияющей аурой. Кэсерил зажмурился, хотя и понимал, что видит сияние не обычным зрением, а странным внутренним взором. Белый огонь продолжал двигаться за смежёнными веками. Там — темнота, которая не была темнотой, вон ещё две тени, а вот и сполохи Исель. В стороне — яркая зелёная свеча. Его глаза широко распахнулись. Умегат подошёл к старшему настоятелю, поклонился, представился и отступил с ним в сторону для совещания.

Менденаль подозвал служительницу Бастарда, уже поймавшую одну свою белую подопечную, которую та и передала Умегату. Грум взял крысу в руки и посмотрел прямо на Кэсерила. Затем пошёл к нему, пробираясь с извинениями сквозь толпу придворных, которые кидали на него быстрые взгляды. Кэсерил не мог понять, почему они не расступаются перед сиянием Умегата, как море перед носом корабля. Умегат протянул руку ладонью вверх. Кэсерил непонимающе заморгал.

— Священная крыса, милорд, — мягко поторопил его грум.

— А… — Зверёк всё ещё лизал и покусывал его пальцы. Умегат отцепил сопротивлявшегося

зверька от его рукава, удержав при этом крысу, сидевшую на его собственной ладони, от прыжка в руки Кэсерила. С обеими крысами Умегат неторопливо направился к гробу, где ожидал настоятель храма Святого Семейства. Может, Кэсерил совсем спятил, но ему показалось, что настоятель едва удержался, чтобы не поклониться груму. Придворные Зангра не усмотрели ничего странного в том, что настоятель пригласил на помощь в сём необычном случае самого опытного в обращении с животными слугу рея. Все взгляды были сосредоточены на крысах, а не на рокнарце.

Умегат, держа зверьков в руках, что-то прошептал им и приблизился к гробу Дондо. В течение долгих секунд крысы не двигались и не призывали душу Дондо к своему господину. Наконец, когда они так и не проявили к тому желания, Умегат отступил, покачал головой, извиняясь, и передал зверьков озабоченной служительнице Бастарда.

Затем Менденаль встал на колени между Очагом и гробом и принялся молиться. Вскоре он поднялся на ноги. Служители зажгли укреплённые на стенах светильники — во дворе храма быстро темнело. Настоятель подал знак перене-

сти гроб с телом Дондо на заранее подготовленное для его сожжения место. Певцы запели псалом.

Исель подошла к Бетрис и Кэсерилу. Она провела тыльной стороной ладони по усталым, окружённым тенями глазам и сказала:

— Мне кажется, я больше не выдержу. Ди Джиронал, если хочет, может смотреть, как поджарят его брата. Уведите меня домой, лорд Кэс.

Маленькая свита принцессы отделилась от основной толпы присутствующих — хотя они были не единственные, кто не захотел присутствовать при сожжении тела — и направилась к воротам храма, чтобы выйти в сырые сумерки осеннего вечера.

Грум Умегат, видимо, поджидавший Кэсерила у колонны, выпрямился и подошёл к ним. Поклонившись, он произнёс:

— Милорд ди Кэсерил, не могли бы вы уделить мне минутку?

Кэсерила почти удивляло, что сияние ауры Умегата не отражается от мокрых булыжников двора. Он кивнул Исель, словно извиняясь, и отошёл с грумом в сторону. Три женщины остались ждать его у ворот; Исель опиралась на руку Бетрис.

— Милорд, сегодня, как только у вас появится возможность, я очень прошу вас навестить меня.

— Я приду к вам в зверинец, как только провожу Исель в её покои. — Кэсерил замялся. — А вы знаете, что светитесь, как горящий факел?

Умегат наклонил голову.

— Мне говорили это, милорд, те немногие, кто в состоянии видеть свет и тень. Увы, никто не может видеть сам себя. Ни одно из зеркал мира не отражает этого. Только глаза души.

— Там была женщина… она светилась, словно зелёная свеча.

— Мать Клара? Да, она только что говорила со мной о вас. Это лучшая акушерка Матери.

— А что такое эта тень, этот антисвет?

Умегат дотронулся пальцами до губ.

— Не здесь, пожалуйста, милорд.

Губы Кэсерила сложились в молчаливое «о». Он кивнул.

Рокнарец отвесил ему почтительный поклон. Повернувшись, чтобы войти обратно в ворота храма, он оглянулся и добавил:

— Вы сияете словно пылающий город.

Глава 13

Принцесса была так измучена странными похоронами Дондо, что спотыкалась всю дорогу до замка. Кэсерил, оставив Нан и Бетрис, собиравшихся немедленно уложить Исель в постель и попросить слуг принести лёгкий ужин прямо в покои, снова вышел из замка и, очутившись за воротами Зангра, задержался ненадолго, глядя на город. Столб дыма ещё поднимался к небу, Кэсерилу даже показалось, что он различает оранжевые сполохи снизу. Было уже довольно темно, чтобы пытаться разглядеть что-то ещё. Сердце его дрогнуло от испуга, когда, пересекая двор у конюшен, он внезапно услышал у себя за спиной резкое хлопанье. Но это оказались всего лишь вороны Фонсы, опять стаей следовавшие за ним. Он отогнал двоих, пытавшихся усесться ему на плечо, и замахал на них руками, шипя и топая. Птицы отлетели, но продолжали следовать за ним, пока Кэсерил не дошёл до зверинца.

Один из грумов — подчинённый Умегата — ждал его у дверей с зажжённым фонарём. Это был коренастый пожилой человек без больших пальцев на руках. Он широко улыбнулся Кэсе-

рилу и промычал приветствие. То, что это было приветствием, сделалось ясным по его дружелюбной жестикуляции, ибо язык у него, как и большие пальцы, отсутствовал. Он открыл дверь пошире, чтобы пропустить Кэсерила, и быстро закрыл её, шуганув воронов, которые тоже стремились просочиться внутрь. Грум поймал самого настырного и выставил его на улицу. К фонарю — свече под стеклянным колпаком — была приделана широкая ручка, чтобы бедняге было удобно носить его с четырьмя оставшимися пальцами. Грум провёл Кэсерила по проходу. Звери в клетках прижимались к прутьям решёток, глядя на гостя из темноты. Глаза леопарда светились зелёными искрами; его рычание не было тихим и угрожающим — оно было громким, со странными переливчатыми интонациями, словно зверь хотел что-то спросить своей песней.

Спальни грумов зверинца занимали половину второго этажа; в оставшейся половине хранился разнообразный инвентарь и запасы соломы. Дверь была открыта, свет свечей лился в тёмный коридор. Грум постучал по косяку, и голос Умегата ответил:

— Хорошо, спасибо.

Немой грум поклонился и пропустил Кэсерила

вперёд. Тот, наклонив голову, вошёл в узкую комнату с окном, выходившим на двор конюшен. Умегат задёрнул занавеску и обошёл простой сосновый стол, накрытый яркой скатертью, на котором стоял кувшин вина, пара глиняных чашек донышком вверх и блюдо с хлебом и сыром.

— Спасибо, что пришли, лорд Кэсерил. Проходите и садитесь, пожалуйста. Спасибо, Дарис, это всё.

Умегат закрыл дверь. По дороге к столу Кэсерил задержался, разглядывая книжную полку, заставленную книгами на ибранском, дартакане и рокнари. А вот и до боли знакомый корешок с золотыми тиснёными буквами: «Пятилистник души» Ордолла. Кожаный переплёт был истерт от частого использования. На большинстве книг не видно и следа пыли. Теология в основном.

«Почему я ничуть не удивлён?»

Кэсерил опустился на простой деревянный стул. Умегат перевернул чашки, налил в них густое рубиновое вино и, сдержанно улыбаясь, протянул одну гостю. Кэсерил с благодарностью принял чашку, обхватив её ладонями. Руки дрожали.

— Спасибо, мне это сейчас необходимо.

— Представляю себе, милорд. — Умегат взял

свою чашку и уселся по другую сторону стола, напротив Кэсерила. Стол, может, и был простым и бедным, но дорогие восковые свечи горели ярко. Свет для читающего человека.

Кэсерил поднёс чашку к губам и выпил вино одним глотком. Умегат тут же наполнил её снова. Кэсерил закрыл глаза и снова открыл. Хоть открывай, хоть закрывай, но Умегат всё равно светился.

— Вы служитель… нет… священник, богослов. Даже настоятель. Правда? — наконец спросил Кэсерил.

Умегат откашлялся.

— Да, ордена Бастарда. Но здесь я не по этой причине.

— А почему?

— До этого мы ещё дойдём. — Умегат наклонился, взял со стола нож и принялся нарезать хлеб и сыр.

— Я подумал… мне показалось… интересно, а может, это боги послали вас сюда, чтобы направлять меня и помогать мне?

Уголки губ Умегата приподнялись в улыбке.

— Неужели? А вот я думаю — что, если это вас послали боги направлять меня и помогать мне.

— Ох. Это… не слишком удачный выбор, — Кэ-

серил поёрзал на стуле и глотнул ещё вина. — А с каких пор вам так кажется?

— С того самого дня, когда в зверинце ворон Фонсы буквально скакал у вас на голове, крича: «Это он! Это он!» Избранный мною бог, как бы это сказать, любит неясности, но в этом случае было по меньшей мере трудно перепутать и не понять.

— А я тогда светился?

— Нет.

— А когда я… гм… стал таким?

— В промежуток между вчерашним вечером, когда я видел вас в последний раз — вы возвращались в Зангр, ковыляя, как будто свалились с лошади, — и сегодняшним днём, когда я увидел вас в храме. Думаю, сами вы сможете определить точное время лучше меня. Не хотите ли немного перекусить, милорд? Вы не слишком хорошо выглядите.

Кэсерил ничего не ел с тех пор, когда Бетрис в полдень кормила его хлебом с молоком. Умегат подождал, пока гость откусит и прожуёт кусок сыра, затем сказал:

— Одной из моих должностей, когда я в молодости был священником — задолго до того, как прибыл в Кардегосс, — была должность по-

мощника следователя, занимающегося делами, связанными с использованием смертельной магии.

Кэсерил чуть не подавился; Умегат спокойно продолжал:

— Или чуда смерти, если пользоваться более точными теологическими терминами. Мы раскрыли бесчисленное множество самых разнообразных тайн — обычно это был яд, хотя некоторые… гм… менее умные убийцы иногда пытались использовать методы погрубее. И я объяснял им, что Бастард не казнит грешников кинжалом или молотком. Настоящее чудо смерти куда более тонко и изысканно, нежели может предположить их прямолинейное мышление. Я никогда не сталкивался с подлинным случаем применения смертельной магии, когда жертва была бы невинна. Если быть точным, Бастард склонен скорее к чуду правосудия.

Его голос стал твёрже, решительнее; интонации слуги и мягкий рокнарский акцент исчезли.

— А, — пробормотал Кэсерил, выпив ещё вина. «Это самый разумный человек из встреченных мной в Кардегоссе, а я даже не соизволил обратить на него должного внимания за все эти три месяца, потому что на нём одежда слуги». Вероят-

но, Умегат и не стремился обращать на себя чьё бы то ни было внимание. — Знаете, эта одежда грума — словно плащ невидимки.

Умегат улыбнулся и, отпив вина, ответил:

— Да.

— Так… вы теперь следователь?

Всё кончено? Теперь его арестуют, обвинят и казнят, если не за убийство, то за покушение на Дондо?

— Нет, теперь уже нет.

— Так *кто* же вы в таком случае?

К недоумению Кэсерила, Умегат, сощурив глаза, рассмеялся:

— Я святой.

Кэсерил не мигая уставился на него, затем медленно осушил свою чашку. Умегат снова наполнил её. В любом случае Кэсерил не считал этого человека сумасшедшим. Или лжецом.

— Святой. Святой Бастарда.

Умегат кивнул.

— Это… необычное дело для рокнарца. Как так получилось? — Это был глупый вопрос, но вино на пустой желудок затуманило голову.

Улыбка Умегата стала печальной.

— Для вас — только правда. Полагаю, имена не столь важны. Это было целую жизнь назад.

Когда я был молодым лордом на архипелаге, я влюбился.

— И молодые лорды, и молодые простолюдины влюбляются повсюду.

— Моему любимому было тогда около тридцати. Человек ясного ума и доброго сердца.

— О нет. Только не на архипелаге!

— Именно. Тогда я не интересовался религией, а он был тайным приверженцем Пятибожия. Мы собирались вместе бежать. Я добрался до корабля в Браджар, он — нет. Я плохо переносил путешествие — всю дорогу мучился от морской болезни и страдал от отчаяния. Тогда, думаю, я научился молиться. Я ещё надеялся, что он доберётся до Браджара на следующем судне, и мы встретимся в портовом городе, куда и собирались плыть изначально. И только через год, от нашего общего знакомого, рокнарского торговца, я узнал, как мой друг встретил смерть.

Кэсерил взял чашку.

— Как обычно?

— О да. Гениталии, большие пальцы рук — чтобы не мог показывать образ пятого бога… — Умегат дотронулся до лба, солнечного сплетения, пупка и сердца, прижав большой палец к ладони изнутри в жесте Четырёхбожия, — большой па-

лец символизировал Бастарда. — Они оставили язык, чтобы он мог предать своих товарищей. Он никого не предал. И после долгих пыток принял смерть на виселице.

Кэсерил коснулся лба, губ, солнечного сплетения, пупка и прижал ладонь с широко разведёнными пальцами к сердцу.

— Соболезную.

Умегат кивнул.

— Я долго думал обо всём этом. То есть тогда, когда не напивался до потери сознания, и меня не выворачивало наизнанку, и я не впадал в отупение. Да, юность… Всё даётся непросто. Наконец однажды я подошёл к храму и вступил внутрь. — Он вздохнул. — Орден Бастарда принял меня. Бездомному дали дом, одинокому — друзей, отверженному — честь. И работу. Я был… очарован.

«Настоятель храма».

Умегат опустил кое-какие детали, понял Кэсерил. Сорок лет или около того. Не было ничего удивительного в том, что энергичный, умный, целеустремлённый человек поднялся до такого уровня по иерархической лестнице храма. Непонятно лишь, откуда взялось это сияние вокруг его тела, словно свет полной луны над снежной

равниной.

— Хорошо. Чудесно. Замечательная работа — сиротские приюты, расследования… А теперь объясните всё же, почему вы светитесь. — Вина он явно перебрал. И даже более того.

Умегат потёр шею и слегка потянул себя за косу.

— Вы понимаете, что значит быть святым?

Кэсерил откашлялся, почувствовав себя неуютно.

— Ну, вы, должно быть, весьма добродетельны.

— На самом деле нет. Необязательно быть добрым. Или хорошим. — Умегат криво ухмыльнулся. — Согласитесь, жизненный опыт меняет человека. Материальные устремления становятся несущественными. В конечном итоге наскучивают и гордыня, и тщеславие, и жадность.

— А страсть?

Умегат просветлел.

— Рад успокоить, что страсти почти не страдают. Или, точнее, любовь. — Умегат осушил свою чашку. — Боги любят женщин и мужчин, обладающих великой душой, как художник любит тонкий мрамор. Но это не результат добродетели. Это воля. Воля — вот резец и молоток. Кто-нибудь показывал вам классическую церемонию чаши

по Ордоллу?

— Это когда настоятель весь обливается водой? Впервые я услышал об этом, когда мне было десять лет. Тогда меня очень забавляло, что он обольёт себе туфли, но мне было всего десять. Боюсь, наш настоятель храма в Кэсериле был склонен к безделью.

— Ну так посмотрите, вряд ли вы заскучаете. — Умегат перевернул пустую чашку донышком вверх и поставил её на стол. — Человек обладает свободной волей. Богам нельзя вмешиваться в это. Сейчас я налью вино в чашку через донышко.

— Нет, не тратьте вино! — запротестовал Кэсерил, когда Умегат потянулся за кувшином. — Я видел это раньше.

Умегат ухмыльнулся и сел обратно.

— Но вы понимаете, насколько бессильными могут быть боги, если самый низкий раб способен изгнать их из сердца? А если из своего сердца, то и из мира вообще — ведь боги могут добраться до мира только через живые души. Если бы боги смогли проникать куда им заблагорассудится, люди стали бы обычными марионетками. Только если богу удаётся найти такой вход — каковой может быть предоставлен ему человеком, призы-

вающим его по доброй воле, — бог может влиять на этот мир. Иногда богам удаётся проникнуть сюда через разум животных, но это довольно трудно. А иногда, — Умегат снова поставил чашку на донышко и поднял кувшин, — иногда человеку позволяется открыть богам свою душу и дать им возможность прийти в наш мир. — Он наполнил свою чашку. — Святой — это не добродетельная душа, а пустая. Он — или она — по собственному желанию отдаёт свою волю избранному богу. — Поднеся чашку к губам, Умегат взглянул поверх неё на Кэсерила. Затем выпил. — Вашему настоятелю следовало использовать не воду. Вода не оказывает должного эффекта. Вино. Или кровь. Какая-нибудь более существенная жидкость.

— Хм… — выдавил Кэсерил.

Умегат откинулся на спинку и некоторое время молча изучал его. Кэсерил знал, что рокнарец разглядывает не его тело.

«Ну так скажи мне, что рокнарский отступник, настоятель храма, учёный, посвящённый, святой Бастарда делает тут, прикидываясь грумом в зангрском зверинце?»

Однако вслух он произнёс:

— Что вы здесь делаете?

Умегат пожал плечами:

— То, чего хочет бог, — затем, словно сжалившись при виде растерянного выражения лица Кэсерила, уточнил: — Похоже, он хочет, чтобы я сохранял рея Орико в живых.

Кэсерил вздрогнул и выпрямился, пытаясь справиться с дурманящим голову вином.

— Орико? Он что, болен?

— Да. Государственная тайна, хотя это невозможно утаить от того, кто обладает разумом и острым глазом. Тем не менее… — Умегат приложил палец к губам, призывая никому об этом не рассказывать.

— Да, но… я думал, что лечение — привилегия Матери и Дочери.

— Если бы болезнь рея имела естественные причины — то да.

— А причины не естественны? — Кэсерил заволновался. — Тёмное облако… вы его тоже видите?

— Да.

— И у Тейдеса есть такая тень, и у Исель, и у рейны Сары. Что это за дьявольщина, о которой нельзя говорить?

Умегат поставил чашку на стол, потянул себя за косу и вздохнул.

— Всё началось во времена Фонсы Мудрого и Золотого Генерала. Полагаю, для вас это лишь

история. Я же жил в то отчаянное время. Знаете, однажды мне привелось увидеть генерала. Тогда я был шпионом в его провинции. Я ненавидел всё то, чем он занимался и чего хотел, но… если бы он велел мне, просто сказал единственное слово, думаю, я пополз бы за ним на коленях. Он был больше чем тот, кого просто коснулись боги, больше чем посвящённый, осенённый. Он был воплощением, реализацией высшей воли, посланным в мир в подходящий момент. Почти. До того мига, пока Фонса вкупе с Бастардом не пресекли его жизнь. — Умегат замолчал, углубившись в воспоминания.

Наконец взгляд его покинул прошлое и обратился к Кэсерилу. Улыбнувшись, он вытянул руку, отогнул вверх большой палец и покачал им из стороны в сторону.

— Бастард хоть и самый слабый из Семьи, но он бог равновесия. Это большой палец, что помогает остальным четырём надёжно и ловко держать предметы. Говорят, что если один бог воплотит в себе всех остальных, то истина станет единой, простой, совершенной, а мир вспыхнет светом. Некоторые находят эту мысль привлекательной. Лично я считаю её ужасной, но у меня всегда был плохой вкус. В то же время Бастард, не связанный

с каким-либо одним сезоном, присутствует в каждом из них и оберегает всех нас. — И пальцы Умегата — Дочь, Мать, Сын, Отец — поочерёдно ударились о подушечку большого.

Он продолжал:

— Золотой Генерал был очищающей волной судьбы, которой было предначертано снести весь мир. Душа Фонсы смогла справиться с его душой, но не смогла противостоять великому предначертанию. Когда демон смерти унёс из мира их души, невыполненное предначертание бременем легло на потомков Фонсы — миазмы неудач и мучение душ. Тёмные тени, которые вы видите, — незаконченное дело Золотого Генерала в этом мире, окружившее мраком жизнь его врагов. Его посмертное проклятие, если угодно.

Кэсерил задумался, были ли все неудачные военные кампании Иаса и Орико следствием того, о чём ему поведал Умегат.

— Как… как можно разрушить проклятие?

Умегат вздохнул.

— Мне было сказано, что оно будет снято через шесть лет. Другого ответа я не получил. Может, оно закончится со смертью всех потомков Фонсы.

«Но это… рей, Тейдес… Исель!»

— Или же, — продолжал Умегат, — оно просто иссякнет с течением времени, как струйка яда. Оно должно было убить Орико ещё несколько лет назад. Общение со священными животными очищает рея от разрушающего действия проклятия, но лишь на короткое время. Зверинец помогает бороться с разрушением, но бог так и не объяснил мне почему. — Голос Умегата стал мрачным. — Боги не пишут ни писем, ни инструкций, знаете ли. Даже своим святым. Я просил об этом в молитвах. Часами просиживал с пером, на котором то и дело высыхали чернила, полностью отдаваясь ему во власть. А что он послал мне взамен? Всклокоченного ворона, умеющего произносить одно-единственное слово.

Кэсерил виновато заморгал, вспомнив о бедной птице. Откровенно говоря, он жалел о смерти ворона куда больше, чем о смерти Дондо.

— Вот чем я тут занимаюсь, — подвёл итог Умегат и пристально посмотрел на Кэсерила. — Ну а вы что тут делаете?

Кэсерил беспомощно развёл руками.

— Не знаю. Может, вы мне подскажете? Вы говорите… я теперь свечусь и выгляжу так же, как вы? Или как Исель? Или как Орико?

— Вы выглядите, как ничто из того, что мне

довелось видеть с тех пор, как я обрёл внутреннее зрение. Если Исель — свеча, то вы — пожар. На вас… действительно невозможно смотреть спокойно.

— Я совсем не чувствую себя пожаром.

— А чем вы себя чувствуете?

— Вот сейчас? Кучей дерьма. Больным. Пьяным. — Он вылил в рот последние капли вина со дна своей чашки. — У меня ужасная боль в животе, которая то отпускает, то снова накатывает. — Сейчас он не чувствовал боли, но живот всё ещё был раздут. — И я устал. Я не чувствовал себя таким усталым с тех пор, как валялся в приюте Матери в Загосуре.

— Думаю, — осторожно проговорил Умегат, — что очень, очень важно, чтобы вы сказали мне правду.

Губы его улыбались, а серые глаза словно прожигали насквозь. Кэсерилу пришло в голову, что хороший следователь храма и должен быть таким: обаятельным, мастером внушать допрашиваемым доверие. Уметь смягчить их сопротивление выпивкой.

«Ты уже принёс свою жизнь в жертву. Теперь поздно хныкать и сожалеть о содеянном».

— Прошлой ночью я попытался использовать

смертельную магию против Дондо ди Джиронала.

Умегат не выглядел ни потрясённым, ни удивлённым.

— Да. Где?

— В башне Фонсы. Я пробрался туда через дыру в крыше. Я принёс собой крысу, а вот ворон… он пришёл ко мне сам. Он не боялся. Я ведь кормил его раньше.

— Продолжайте… — выдохнул Умегат.

— Я перерезал горло крысе, свернул шею бедному ворону и молился, стоя на коленях. Потом была боль. Непереносимая боль. Я не ожидал такого. Я не мог дышать, свечи погасли. Да, и я сказал «спасибо», потому что почувствовал… — Он не мог объяснить словами, что именно он почувствовал, описать это странное спокойствие, словно он безмятежно отдыхал в тот миг в тихом безопасном месте. И остался в нём навеки. — Потом я потерял сознание. Я думал, что умираю.

— А потом?

— Потом… ничего. Я проснулся в предутреннем тумане, больной, замёрзший, чувствуя себя полным идиотом. Нет, погодите-ка… я видел сон. Мне снился кошмар, я видел, как умирал Дондо. Но я знал, что проиграл. Тогда я встал и полез

по крышам, чтобы вернуться в постель. А потом ворвался ди Джиронал…

Умегат побарабанил пальцами по столу, глядя на Кэсерила из-под полуприкрытых век; затем он стал изучать его с закрытыми глазами. Снова открыл их.

— Милорд, можно мне осмотреть вас?

— Хорошо… — На короткое мгновение, пока рокнарец вставал, шёл к нему и наклонялся, Кэсерил испугался некой нежеланной ласки с его стороны, но прикосновения Умегата были точными и профессиональными, как у опытного врача: лоб, лицо, шея, позвоночник, сердце, живот… Кэсерил напрягся, но руки Умегата дальше не двинулись. Когда он закончил осмотр, лицо его было задумчивым. Рокнарец направился к двери, где в углу, в большой корзине, стоял ещё один кувшин с вином, и принёс его на стол. Кэсерил показал жестом, что вина ему больше не нужно, и отодвинул чашку.

— Мне, пожалуй, хватит. Я буду спотыкаться по дороге к себе, если выпью ещё.

— Мои грумы проводят вас чуть погодя. Нет? — Умегат пожал плечами, наполнил свою чашку и сел. Его палец вывел на скатерти маленький узор, потом ещё и ещё — три раза. Кэсерил не знал,

были ли это священные символы или просто нервические движения. Наконец Умегат заговорил:

— Исходя из свидетельства священных животных, ни один из богов не принял душу Дондо ди Джиронала. Обычно это говорит о том, что неприкаянная душа блуждает по миру; родственники и друзья — а также враги — бросаются подносить дары и оплачивать ритуалы и молитвы храма, кто ради самого покойного, кто ради собственной безопасности.

— Уверен, — горько произнёс Кэсерил, — что у Дондо будут все молитвы, какие только можно купить за деньги.

— Надеюсь.

— Почему? Что…

«Что ты увидел? Что ты знаешь?»

Умегат поднял глаза на своего собеседника и вздохнул.

— Дух Дондо захвачен демоном смерти, но богу он не передан. Это нам известно. Я полагаю, что демон смерти не может вернуться к своему господину, поскольку ему помешали забрать вторую, уравновешивающую душу.

Кэсерил облизнул губы и настороженно спросил:

— Как это — помешали?

— Думаю, что в тот момент, когда демон собирался это сделать, он был пленён — схвачен, связан, если вам угодно — другим таинством, происходившим одновременно с первым. Судя по разнообразным цветовым вспышкам в вашей ауре, здесь прослеживается влияние святой милосердной руки леди Весны. Если я прав, служители храма могут спокойно ложиться почивать, так как дух Дондо здесь не остался. Он привязан к демону смерти, а тот, в свою очередь, — ко второй душе, которая неразрывно связана с принадлежащим ей живым телом. — Палец Умегата указал на Кэсерила. — Он здесь.

Челюсть Кэсерила отвисла. Он уставился вниз, на свой болезненный вздувшийся живот, потом перевёл глаза на святого… тот был сам поражён своим открытием. Кэсерил вспомнил не отстававших от него теперь воронов Фонсы. Яростный протест вскипел в душе, но с уст не сорвался, будучи остановлен видом сияющей светлой ауры Умегата.

— Но я вчера не молился Дочери!

— Значит, это делал кто-то другой.

«Исель».

— Принцесса говорит, что молилась. Вы видели её такой, какой увидел сегодня я? — Кэсерил про-

извёл странные, неописуемые движения руками, не в силах выразить словами то, что видел вокруг Исель. — Это то, что вы видите во мне? Исель видит меня так же, как и я её?

— Она говорила что-нибудь об этом?

— Нет. Но я тоже ничего не сказал.

Умегат снова посмотрел на него.

— Когда вы были на архипелаге, доводилось ли вам видеть ночное море, которого коснулась Мать? Когда в кильватере корабля, в разбегающихся волнах рождается зелёное сияние?

— Да.

— То, что вы видели вокруг Исель, — это в некотором роде кильватер. След прохождения Дочери, шлейф духов в воздухе. То, что я вижу у вас, — не след, а Присутствие. Благословение. Куда более интенсивное. Ваша корона потихоньку меркнет — священные животные уже не будут так очарованы вами через пару дней, — но в центре я вижу плотное сине-сапфировое ядро, внутрь которого мой внутренний взор проникнуть не может. Думаю, это то самое место заточения. — Он сложил ладони, словно держа в них живую ящерку или ещё какую-то мелкую зверюшку.

Кэсерил проглотил слюну и переспросил:

— Так, значит, богиня превратила мой живот

в небольшой филиал ада? Один демон, одна грешная душа; они заперты вместе, как две змеи в бутылке.

Он прижал к животу руки с согнутыми напряжёнными пальцами, как будто собираясь вырвать свои внутренности.

— И вы называете это благословением?

Глаза Умегата смотрели серьёзно, а брови сочувственно приподнялись.

— Что такое благословение, как не проклятие, если посмотреть на него с иной точки зрения. Если это хоть как-то вас утешит, мне кажется, душа Дондо ди Джиронала куда менее счастлива вследствие подобного стечения обстоятельств. — После небольшой паузы он добавил: — Однако не могу представить, что это доставляет удовольствие и демону.

Кэсерил чуть не свалился со стула.

— Пятеро богов! Как мне избавиться от этого… этого… этого кошмара?!

Умегат поднял руку, успокаивая его.

— Я посоветовал бы вам… не слишком беспокоиться и нервничать насчёт этого. Последствия могут быть самыми плачевными.

— Плачевными? Как может что-нибудь быть более плачевным, чем этот ужас?

— Э-э… — Умегат откинулся назад и сложил ладони вместе. — Самый простой путь снять… э-э… благословение — это ваша смерть. Тогда ваша душа освободится от материального тела, и демон сможет улететь к Бастарду с обеими душами.

Холодная волна окатила Кэсерила, когда он вспомнил, что едва не упал с крыши прошлой ночью из-за спазмов в животе. Убежище от пьяного страха он нашёл в спокойной иронии. И сказал, вздохнув:

— О, замечательно. А вы не можете предложить иной способ лечения, доктор?

Губы Умегата скривились, он задумчиво пошевелил пальцами.

— С другой стороны, пропадёт ли благословение, если леди уберёт свою руку? — Он раскрыл руки, словно выпуская птицу. — Тогда, наверное, демон немедленно закончит своё дело. У него нет выбора — демоны не обладают свободной волей. Вы не можете спорить или убеждать его. С ними вообще бесполезно разговаривать.

— Вы хотите сказать, что я могу умереть в любой момент?

— Да. Это как-то отличается от вашей вчерашней жизни? — Умегат склонил голову набок.

Кэсерил фыркнул. И раньше было довольно

неуютно, но всё же не так, как сейчас. Похоже, Умегат — весьма смышлёный святой. Этого Кэсерил никак не ожидал. Встречался ли он со святыми раньше?

«Откуда мне знать? Я же столько времени не замечал и этого человека».

В голосе Умегата появилось любопытство учёного:

— На самом деле это могло бы ответить на вопрос, который мучает меня многие годы: в подчинении у Бастарда целый отряд или всего один демон? Если все случаи смертельной магии в мире прекратятся на то время, что демон заключён внутри вас, то это будет доказательством уникальности этой священной силы.

Резкий смех сорвался с губ Кэсерила.

— Хоть чем-то послужу на благо кинтарианской теологии! О господи, Умегат… что же мне делать? У меня в семье никогда не было ни безумцев, ни осенённых благодатью. Я не гожусь для такого. Я не святой!

Умегат раскрыл было рот, потом снова закрыл. И сказал наконец:

— Человек ко всему привыкает. Сноровка приходит с опытом. Поначалу я тоже был не очень счастлив, но потом втянулся. На сегодняшний

день я бы лично посоветовал вам напиться и лечь спать.

— Чтобы проснуться завтра мучимым и демоном, и похмельем? — Хотя Кэсерил представить не мог, что ему вообще удастся лечь и уснуть при таких обстоятельствах.

— Ну, мне это когда-то помогло. Похмелье — недорогая цена за то, чтобы оказаться обездвиженным на какое-то время и не натворить глупостей. — Умегат отвёл взгляд. — Боги не совершают чудес ради нас, они действуют, исходя из своих целей и желаний. Если кто-то становится их инструментом, на это есть высшие причины, а вы — инструмент. И довольно ценный.

Пока Кэсерил безуспешно пытался разобраться, Умегат вновь налил вина в его чашку. Кэсерил уже не сопротивлялся.

Через час или немногим позже два грума направляли его нетвёрдые шаги по мокрым булыжникам двора, потом по лестнице — в его спальню, где и уложили совершенно безвольное тело в кровать. Кэсерил не помнил точно, когда именно ему удалось улизнуть из плена своего изнемогшего сознания, но никогда он ещё не был так рад сделать это.

Глава 14

Кэсерил оценил вино Умегата по заслугам — первую половину следующего утра он провёл, моля о смерти, а не страшась её. Он понял, что муки похмелья подходят к концу, когда страх начал одерживать верх.

Он обнаружил в своём сердце лёгкое сожаление о собственной потерянной жизни. Он повидал значительно больше, чем практически любой человек из окружавших его; у него были возможности, хотя — боги знают — использовал он очень мало из них. Размышляя обо всём этом, он кутался в одеяла и с удивлением пришёл к выводу, что больше всего боится оставить свою работу незавершённой.

Страх, на который у него не было времени, пока он охотился на Дондо, теперь не отпускал. Кто позаботится о его подопечных? Кто будет оберегать их, если он сейчас умрёт? Кому он может их доверить? Бетрис, возможно, обретёт защиту, выйдя замуж за такого надёжного человек, как марч ди Паллиар. Но Исель? Её бабушка и мать — слишком слабы и далеки, Тейдес — слишком юн, Орико же полностью подчинён канцлеру.

Для Исель не было надёжной защиты, пока она не покинет этот проклятый двор.

Новый спазм привлёк его внимание к персональному маленькому аду в животе; Кэсерил тревожно уставился на свои одеяла. Как долго будут продолжаться эти муки? Сегодня утром из него вышло меньше крови, чем вчера. Моргая, он окинул взглядом освещённую послеполуденным солнцем комнату. Боковым зрением Кэсерил всё ещё видел странные галлюцинации — бледные мутные пятна, — появление которых отнёс было за счёт обильного возлияния накануне. Может, это симптом не опьянения, а чего-то иного?

Раздался короткий стук. Кэсерил выбрался из своего тёплого убежища и, слегка согнувшись и держась рукой за живот, подошёл к двери и отпер её. Умегат, держа перед собой запечатанный кувшин, пожелал ему доброго дня и, войдя в комнату, запер дверь за собой. Он всё ещё испускал сияние — увы, вчерашний день вовсе не был странным ночным кошмаром.

— Вот это да! — Грум изумлённо огляделся и замахал рукой. — Прочь! Кыш! Кыш-ш!

Бледные мутные пятна беспокойно заметались по комнате и нырнули в стены.

— Что это такое? — спросил Кэсерил, снова

устраиваясь в постели. — Вы тоже их видите?

— Привидения. Вот, выпейте. — Умегат налил жидкость из кувшина в стоявший на умывальнике стаканчик и протянул его Кэсерилу. — Это немного успокоит желудок и прояснит голову.

Уже готовый отказаться, Кэсерил обнаружил, что это не вино, а холодный травяной чай. Он с удовольствием попробовал его. Приятная горчинка напитка оказалась как нельзя кстати. Умегат пододвинул к кровати стул и сел. Кэсерил прикрыл глаза и через несколько секунд снова открыл.

— Привидения?

— Я никогда не видел, чтобы призраки Зангра собирались в одном месте в таком количестве. Наверное, вы привлекаете их, как и священных животных.

— Их видит кто-нибудь ещё?

— Любой обладающий внутренним зрением. Насколько я знаю, в Кардегоссе таких трое.

«И двое из них сейчас здесь».

— Призраки были тут всё время?

— Я вижу их то и дело. Обычно они не так назойливы. Вам не стоит их бояться — они совершенно бессильны причинить вам вред. Старые потерянные души, — и в ответ на непонимающий

взгляд Кэсерила он добавил: — Когда случается так, что боги не принимают отделившуюся от тела душу, она блуждает по миру, постепенно переставая осознавать себя и растворяясь в воздухе. Поначалу призраки принимают форму, которой обладали при жизни, но в отчаянии и одиночестве теряют способность её поддерживать.

Кэсерил схватился за живот.

— Ох! — Мысли галопом понеслись сразу по трём направлениям. А что происходит с душами, которые приняты богами? И что именно произошло с духом, столь необычным и ужасным образом заключённым в нём? И… он вспомнил слова вдовствующей рейны Исты. «В Зангре полно привидений». Значит, это не метафора и не безумие, а наблюдение.

Сколько же ещё странных вещей из сказанного ею было не бредом и галлюцинациями, а правдой, тем, что она видела иным зрением?

Он поднял глаза на изучавшего его Умегата. Рокнарец вежливо поинтересовался:

— Как вы себя чувствуете сегодня?

— Днём лучше, чем утром, — потом с лёгкой неохотой добавил: — Лучше, чем вчера.

— Вы ели?

— Ещё нет. Может, позже. — Он потёр рукой

подбородок. — Что нового?

Умегат выпрямился и пожал плечами.

— Канцлер ди Джиронал, не найдя в городе никого, на кого можно было бы повесить убийство брата, выехал из Кардегосса на поиски подходящего трупа и возможных соучастников, оставшихся в живых.

— Надеюсь, он не схватит по ошибке кого-нибудь невиновного.

— Его сопровождает опытный следователь храма — этого достаточно, чтобы предупредить подобные ошибки.

Кэсерил обдумал услышанное. После короткой паузы Умегат добавил:

— Ещё военный орден Дочери разослал курьеров ко всем своим лордам-дедикатам, созывая их на совет. Они не собираются позволить рею Орико вновь назначить такого генерала, как Дондо.

— И как же они собираются «не позволить»? С помощью мятежа?

Умегат жестом отринул неуместную мысль.

— Конечно же, нет. С помощью петиции, прошения.

— Хм… я думал, что они протестовали и в прошлый раз, только безуспешно. Ди Джиронал не захочет потерять контроль над этим орденом и

не станет стоять и смотреть, как он ускользает из рук.

— К настоящему времени военный орден получил поддержку всего своего Дома.

— А… что вы делали сегодня с утра?

— Молился, просил совета.

— И получили ответ?

Умегат неопределённо улыбнулся Кэсерилу.

— Возможно.

Кэсерил на мгновение замешкался, подбирая слова.

— У меня есть кое-какая мысль относительно вас. Мне почему-то кажется, что сейчас для меня лишнее — идти в храм и признаваться настоятелю Менденалю в убийстве Дондо.

Брови Умегата приподнялись.

— Думаю, — произнёс он, — мне не следует удивляться выбору леди Весны. Вы — остро отточенный инструмент.

— Судите сами, вы — настоятель, опытный следователь. Невозможно вообразить, чтобы вы пренебрегли своими клятвами и дисциплиной. Вы привели меня в совершенно недееспособное состояние, чтобы получить время для доклада и для обдумывания ситуации. — Кэсерил поколебался. — То, что я к настоящему моменту не

арестован, явно что-то означает, но вот что именно — я затрудняюсь определить.

Умегат сидел и разглядывал свои руки, лежавшие на коленях.

— Как настоятель, я подчиняюсь вышестоящим. Как святой, я отвечаю только перед моим богом. И если он верит моим суждениям, то я и подавно должен им доверять. Так же как и те, кто стоит выше меня в иерархии храма. — Он поднял глаза, и взгляд его стал неуютно пронизывающим. — Богиня направила ваши стопы на путь служения ей, и это, без сомнения, указывает на то, что она будет оберегать вашу жизнь ежечасно. Храм подчиняется ей. Полагаю, что с полной уверенностью могу обещать вам неприкосновенность со стороны служителей храма.

Кэсерил помолчал, обдумывая сказанное.

— А что же я должен делать?

В голосе его собеседника прозвучали почти извиняющиеся нотки:

— Если судить с точки зрения моего личного опыта — то же, что и обычно. Ваши ежедневные дела.

— Не думаю, что это сильно поможет.

— Да, знаю. — Губы Умегата скривились. — Но если уж речь зашла о наших повседневных делах

— мне пора возвращаться к моим. Орико сегодня нездоровится. Приходите в зверинец в любое время, милорд ди Кэсерил.

— Погодите. — Кэсерил протянул руку к поднимавшемуся со стула Умегату. — Как вы думаете, Орико знает о чудесном свойстве зверинца? Он понимает… знает ли он о своём проклятии? Держу пари, что ни Исель, ни Тейдес не знают об этом. — «С другой стороны, рейна Иста…» — Или рей просто чувствует, что ему делается лучше после общения с животными?

Умегат кивнул.

— Да, Орико знает. Его отец, Иас, на смертном одре рассказал ему всё. Храм сделал множество тайных попыток уничтожить проклятие. Зверинец — единственное, что хоть как-то помогает смягчить ситуацию.

— А что со вдовствующей рейной Истой? Вокруг неё такая же тень, как вокруг Сары?

Потянув себя за косу, Умегат задумчиво нахмурился.

— Я был бы в большей уверенности, если бы мне довелось её увидеть. Семья ди Баосия забрала её из Кардегосса незадолго до моего появления здесь.

— А канцлер ди Джиронал знает?

Морщины между бровями Умегата стали глубже.

— Если и знает, то не от меня. Я часто предостерегал Орико, чтобы он не обсуждал эту тему, но…

— Если Орико и скрывает что-либо от ди Джиронала, то, по-видимому, только это.

Умегат добавил:

— Исходя из случившихся ранее в его королевстве несчастий, Орико верит, что любые его действия будут только во вред Шалиону. Канцлер — это инструмент, посредством которого рей пытается управлять государством, чтобы не навлечь на страну беду своим проклятием.

— Да, только вот интересно: канцлер — это ответ на проклятие, противостоящая ему сила или его часть?

— Поначалу казалось, что первое.

— А потом?

— Потом мы удвоили наши молитвы богам, прося о помощи.

— И что они ответили?

— Похоже, послали вас.

Кэсерил сел, охваченный ужасом. Пальцы впились в одеяло.

— Никто меня не посылал! Я оказался здесь случайно!

— Я хотел бы на днях обсудить с вами подобные случайности. Когда вам будет угодно, милорд. — Умегат поклонился — в его глазах светилась глубокая надежда, напугавшая Кэсерила так же сильно, как и его слова о святости и о святых — и вышел.

Ещё через несколько часов, проведённых Кэсерилом в постели под одеялом, он решил, что если ему и суждено вскорости умереть, произойдёт это не сегодня.

А если и сегодня, то с этим всё равно ничего не поделаешь. Кроме того, живот ныл и бурчал отнюдь не вследствие сверхъестественных причин. Когда начал угасать холодный осенний день, Кэсерил выбрался из своего уютного гнезда, потянулся, разминая затёкшие мышцы, и, одевшись, отправился на ужин.

Зангр был удивительно пуст и тих. Из-за объявленного траура празднеств и музыкальных вечеров не устраивалось. В банкетном зале тоже было довольно малолюдно, не было никого из свиты Исель и Тейдеса; рейна Сара отсутствовала, а рей, сопровождаемый своим тёмным ореолом, быстро поев, удалился к себе.

Причину отсутствия Тейдеса Кэсерил выяснил почти сразу, как сел за стол, — лорд ди Ринал

просветил его, что принц отбыл вместе с канцлером по делам следствия. Кэсерил задумался над этой новостью. Не продолжает ли ди Джиронал совращение мальчика, столь успешно начатое его покойным братом?

Значительно более строгий и аскетичный по сравнению с Дондо, ди Джиронал-старший не получал удовольствия от разгульного образа жизни. Было невозможно представить его бражничающим с мальчишкой. Но не была ли чрезмерной и надежда, что он решил держать Тейдеса в руках, обращаясь с ним по-отцовски, обучая его управлять государством?

Юный принц изнывал от безделья, любой намёк на мужскую работу уже был бы полезен ему. Однако скорее всего, как казалось Кэсерилу, канцлер просто не отваживался пустить на самотёк своё влияние на жизнь Шалиона в будущем.

Лорд ди Ринал, сидевший напротив Кэсерила, печально оглядел пустынный зал и заметил:

— Все дезертируют. Домой, в свои замки — если они есть, — прежде чем выпадет снег. Подозреваю, празднование Дня Отца будет довольно безрадостным. Сейчас заняты только портные да швеи — шьют и утепляют траурные одежды.

Кэсерил увернулся от летевшего прямо на него

призрака, затем наклонился над тарелкой и запил последний отправленный в рот кусочек глотком щедро разбавленного водой вина. Четверо или пятеро бестелесных «поклонников» последовали за ним в банкетный зал и теперь толкались вокруг, словно замёрзшие детишки у камина. Сегодня вечером он машинально выбрал тёмные одежды; вот бы знать, может, ему следовало надеть траурные лавандово-чёрные цвета, как у ди Ринала? Чудовище, угнездившееся у него в животе, сочло бы это лицемерием или знаком уважения? Знало ли оно вообще, что происходит? Как много от омерзительной натуры Дондо сохранилось в этой недавно разлучившейся с телом душе? Ему казалось, что призраки рассматривают его снаружи, а Дондо — мог ли он видеть его изнутри? Кэсерил коротко оскалился — это была альтернатива крику отчаяния, который напугал бы беднягу ди Ринала. Он смог выдавить из себя вежливое:

— Вы остаётесь или уезжаете?

— Скорее всего уеду. С марчессой ди Хирон до Хирона, а там — рукой подать до дому. Пожилая леди рада лишнему клинку в её сопровождении, она даже пригласила меня остаться у неё. — Он хлебнул вина и понизил голос: — Если даже

Бастард не принял к себе Дондо ди Джиронала, значит, он бродит где-то здесь. Правда, некоторые говорят, что он стал привидением во дворце Джироналов, но я на самом деле думаю, он может находиться в любом месте Кардегосса. Дондо всегда был мстительным, а сейчас его, наверное, злоба так и душит. Ещё бы — быть убитым ночью накануне свадьбы, святые боги!

Кэсерил неопределённо хмыкнул.

— Канцлер, похоже, уверен, что использована смертельная магия, но я не удивился бы, если причиной был обыкновенный яд. Теперь уже не узнаешь, так как тело сожгли. Для кого-то это очень кстати.

— Но ведь его окружали друзья. Неужели никто ничего не заметил? Вы там были?

— Это после леди-то Хрюшки? Нет. Благодаря её визгу, я не присутствовал при этой мерзости. — Ди Ринал оглянулся, словно испугавшись, что на него сейчас с яростью накинется призрак Дондо. Того, что рядом с ним витало около полудюжины привидений, он не замечал. Кэсерил с трудом избавился от одного, висевшего прямо перед глазами, стараясь не фокусировать свой взгляд на том, что его собеседнику казалось пустым местом.

К их столу приблизился ди Марок со словами:

— Послушайте, ди Ринал! Вы слышали последнюю новость из Ибры?

Тут он заметил упёршегося локтями в стол Кэсерила и замялся, слегка покраснев.

Кэсерил кисло улыбнулся.

— Надо надеяться, информация касательно Ибры на этот раз получена из более достоверного источника, Марок?

Ди Марок напрягся.

— Если таковым можно считать собственного курьера канцлера — да. Он примчался очертя голову, когда мой старший портной подгонял траурные одежды Орико — их нужно было выпустить на четыре пальца… в общем, всё официально. На прошлой неделе умер наследник Ибры, совершенно неожиданно — подхватил лихорадку в Южной Ибре. Его сторонники потрясены, они спешат помириться со старым Лисом или спасти свои шкуры, сваливая вину один на другого. Война в Южной Ибре закончена.

— Отлично! — Ди Ринал возбуждённо потянул себя за бороду. — Только вот хорошие это новости или плохие? Для бедной Ибры — лучше не придумаешь, а для Орико… он снова выбрал проигравшую сторону.

Ди Марок кивнул.

— Говорят, Лис сердит на Шалион за то, что мы поддерживали огонь под котлом, а когда наследнику требовалась помощь — подбрасывали дрова в огонь.

— Может, воинственные настроения старого рея будут похоронены вместе с его первенцем? — без особой надежды высказался Кэсерил.

— Так, значит, у Ибры новый наследник, ещё мальчишка. Как его зовут?

— Принц Бергон, — подсказал Кэсерил.

— Ага, — подтвердил ди Марок. — Действительно, мальчишка. А Лис может помереть в любой момент и оставить его на троне, совершенно не готового править.

— Ну, не так уж он и не готов, — возразил Кэсерил. — Он видел, как велась одна осада и участвовал в снятии другой; скакал в обозе своей покойной матери и выжил в гражданской войне. Да и в конце концов, он сын старого Лиса и просто не может быть глупцом.

— Ну, первый сын таковым и оказался, — возразил ди Ринал, — оставил своих сторонников в столь дурацком положении.

— Умершего от лихорадки нельзя обвинять в глупости, — не согласился Кэсерил.

— Если это действительно была лихорадка. — Губы ди Ринала недоверчиво скривились от пришедшего ему на ум нового подозрения.

— Что, думаете, Лис отравил собственного сына? — спросил ди Марок.

— Да его шпионы, приятель.

— Ну, тогда он мог бы проделать это давным-давно, чтобы избавить Ибру от войны и беспорядков. — Кэсерил снисходительно улыбнулся и встал из-за стола, оставив ди Ринала и ди Марока предаваться рассуждениям.

Похмелье прошло, и после ужина он почувствовал себя значительно лучше, однако его ещё трясло от накатывающей время от времени слабости — в общем, это было не то состояние здоровья, которое он привык называть хорошим. И поскольку принцесса его не вызывала, Кэсерил решил отправиться спать.

Усталый, не в силах больше бояться, он уснул мгновенно, как только голова коснулась подушки. Тем не менее около полуночи он проснулся как от толчка. В ушах у него ещё стояли крики людей, крики и прервавшийся плач, да ещё жуткие завывания. Кэсерил уселся в постели — сердце у него колотилось — и огляделся в поисках источника звуков. Ясные и странные

— могли они долететь из-за стены Зангра? Или от реки внизу, под окном? Никто в замке, похоже, не отреагировал на шум — ни шагов, ни криков стражников… Немного погодя Кэсерил понял, что звуки раздавались только в его голове, он слышал мучительные завывания не ушами, так же как видел бледные пятна призраков не при помощи физического зрения. Он узнал голос.

Кэсерил снова лёг, тяжело дыша и озираясь, и следующие десять минут силился справиться с охватившим его волнением. Не готовится ли это проклятая душа Дондо вырваться на свободу из удерживающей её руки леди Весны и утянуть его за собой в ад? Кэсерилу хотелось выскочить из постели и в чём есть ринуться к зверинцу, молотить в дверь, чтобы разбудить Умегата и просить святого о помощи — может, Умегат способен что-нибудь сделать с этим? — когда крики вдруг затихли.

Всё произошло примерно в час смерти Дондо, понял он. Может, дух обретал в это время суток какую-то особую силу? Кэсерил не мог сказать, случилось ли что-то подобное прошлой ночью или нет, так как он был совершенно пьян. Этот кошмар мог перепутаться с обрывками прочих безумных сновидений.

«Могло быть и хуже», — пробормотал он про себя, когда сердце стало биться чуть помедленнее. Дондо мог бы обладать членораздельной речью. Мысль о том, что призрак Дондо будет приходить к нему по ночам и разговаривать с ним — не важно, обвиняя, проклиная его или просто яростно крича, — заставила Кэсерила вздрогнуть. Это будет не в пример ужаснее обычных завываний и сломит его очень скоро.

«Доверься леди. Доверься леди».

Кэсерил принялся шептать разные, не слишком подходившие к случаю и сбивчивые молитвы; постепенно он успокоился и взял себя в руки. Если она так далеко завела его по своему пути, так уж, наверное, теперь не оставит.

Когда Кэсерил уже почти расслабился, ему в голову пришла новая страшная мысль — он вспомнил слова Умегата о возможностях богов в этом мире. Если богиня пришла сюда и овладела его волей, только повинуясь страстному желанию Кэсерила жить, то что же будет, если кто-нибудь окажется в силах своей волей вытолкнуть её из нашего мира, её и её чудо?

Её защита может лопнуть как мыльный пузырь, освободив феномен смерти и проклятия… Подобные мысли крутились и крутились в голове,

не давая уснуть, пока ночь не начала медленно уходить прочь. Квадрат окна спальни уже делался серым, когда сознание вновь милосердно отпустило Кэсерила и он провалился в благословенный сон.

Утомлённый ночными переживаниями и впечатлениями, поздним утром следующего дня Кэсерил поднялся по лестнице на своё рабочее место в покоях Исель. Он чувствовал себя помятым и отупевшим от недосыпа и думал о поджидавшем его ворохе неразобранной корреспонденции и бухгалтерских документов, лежавших пыльными стопками на столе с момента объявления безумной помолвки, без энтузиазма.

Кэсерил обнаружил своих подопечных, погруженных в бурную деятельность. В гостиной, сразу за кабинетом, на столе были разложены все его новые, приобретённые для классных занятий, подробные географические карты. Исель склонялась над ними в глубокой задумчивости. Бетрис, сложив руки под грудью, заглядывала ей через плечо и хмурилась. Обе девушки и Нан ди Врит, сидевшая в кресле за вышивкой, были одеты в традиционные траурные цвета: чёрные с лавандовым. Кэсерил порадовался подобной осторожности и предусмотрительности.

Войдя в гостиную, он увидел рядом с рукой Исель листки со списками; некоторые пункты в них были вычеркнуты, иные обведены кружком или отмечены галочкой. Воткнув в карту очередную (их уже было там несколько) булавку, принцесса обратилась к Бетрис:

— А лучше всего будет…

Тут она заметила Кэсерила и умолкла.

Тёмное облако, невидимое обычному глазу, всё так же окутывало её; кое-где на нём вспыхивали синие искры. Пятна призраков поспешили — к немалому облегчению Кэсерила — удалиться из его поля зрения.

— С вами всё в порядке, лорд Кэс? — слегка нахмурившись, спросила Исель. — Вы не очень хорошо выглядите.

Кэсерил кивнул, приветствуя их.

— Примите мои извинения за вчерашнее отсутствие, принцесса. У меня были… колики. Сейчас уже почти всё прошло.

Нан ди Врит в своём кресле в углу подняла глаза от шитья и недружелюбно вставила:

— Горничная сказала, что вы валялись весь день с больной головой после весёлой попойки с грумами. Она видела, как вы вернулись после похорон Дондо — совершенно пьяный и еле пе-

реставляя ноги.

Под испытующим взглядом Бетрис Кэсерил извиняющимся тоном пояснил:

— Пьяный — да, но не после весёлой попойки. Этого больше не повторится, миледи.

И немного тише добавил:

— Всё равно это не выход.

— Это же скандал для принцессы! Её секретарь был настолько невменяем, что…

— Тише, Нан, — Исель нетерпеливо прервала проповедь, — оставьте это.

— Что это такое, принцесса? — Кэсерил показал на утыканную булавками карту.

Исель тяжело вздохнула.

— Я тут всё думала, думала… Дни напролёт. В общем, пока я не замужем, надо мною нависает угроза. Не сомневаюсь, ди Джиронал найдёт очередного кандидата, чтобы привязать меня и Тейдеса к своему клану. С другой стороны, мы знаем, что Орико готов выдать меня за младшего лорда Шалиона, если тот попросит моей руки. Моя единственная надежда и убежище — это оказаться замужем. И не за младшим лордом.

Кэсерил согласно кивнул.

— Признаюсь, я и сам думаю так же.

— Да, и скорее, скорее, Кэсерил. Пока меня не

предложили кому-нибудь ещё более омерзительному, чем Дондо. — Её голос дрожал от волнения.

— Даже наш дорогой канцлер может испугаться подобной перспективы, — пробормотал Кэсерил, с удовольствием заметив мелькнувшую на лице девушки улыбку. Он закусил губу. — Да, дело важное, но опасность прямо сейчас нам не грозит. Ди Джиронал сам будет препятствовать вашей помолвке с младшим лордом, я уверен в этом. А вашей первой линией защиты должно быть блокирование следующего кандидата ди Джиронала. Хотя если подумать о членах его семьи, мне не очень понятно, кого он может выдвинуть. Оба его сына уже женаты, иначе бы он предложил одного из них вместо Дондо. Или женился бы сам, если бы не был уже женат.

— Жёны умирают, — мрачно произнесла Бетрис, — и иногда весьма своевременно.

Кэсерил покачал головой.

— Джиронал тщательно спланировал свои семейные узы. Его невестки, как и его жена, — это связи с самыми сильными кланами Шалиона, дочери и сёстры могущественных провинкаров. Я не говорю, что он не воспользовался бы случаем заполнить вакансию, но он не посмеет навлечь на себя подозрение в освобождении таковой. А

его внуки только учатся ходить. Нет, ди Джироналу следует выждать.

— А племянники? — спросила Бетрис.

Кэсерил подумал, затем снова покачал головой.

— Это довольно слабая связь, управлять таким союзом непросто. Ди Джироналу нужен подчинённый, а не соперник.

— Я не собираюсь, — сквозь зубы процедила Исель, — ждать ещё десять лет, чтобы выйти замуж за мальчишку на пятнадцать лет моложе меня.

Кэсерил невольно посмотрел на Бетрис — он сам был на пятнадцать лет старше её — и выбросил эту печальную мысль из головы. Кроме того, барьером между ними была теперь не только разница в возрасте.

«Жизнь не обручается со смертью».

— Мы пометили булавками на карте все те места, где есть неженатый правитель или наследник, отсюда и до Дартаки, — сказала Бетрис.

Кэсерил подошёл и окинул взглядом карту.

— Что, даже рокнарские провинции?

— Я хотела охватить все возможности, — вздохнула Исель, — без них… э-э… остаётся не слишком богатый выбор. Признаюсь, меня не вдохновляет

перспектива замужества с рокнарцем: даже если оставить в стороне их еретические идеи Четырёхбожия, то обычай выбирать наследником любого из сыновей — будь он сыном от законной жены или от любовницы — практически не оставляет возможности предсказать, выхожу я замуж за будущего наследника или за будущего трутня-бездельника.

— Или за будущий труп, — добавил Кэсерил. — Половина всех побед Шалиона над рокнарцами явилась результатом того, что кто-то из кандидатов в наследники вонзал своему более удачливому брату-сопернику нож в спину.

— Но тогда остаётся только четверо высокорожденных приверженцев Пятибожия, — вставила Бетрис, — рей Браджара, Бергон из Ибры и сыновья-близнецы высшего марча Джисса, сразу за дартакской границей. Но близнецам всего по двенадцать лет.

— Что же, в этом нет ничего невозможного, — рассудительно проговорила Исель, — но у марча ди Джисса нет реальных причин стать союзником Тейдеса против рокнарцев. У него нет с ними общих границ, и он не страдает от их нападений. Кроме того, он верен Дартаке, которая не заинтересована в том, чтобы создание сильного альянса

ибранских государств положило конец вечной войне на севере.

Кэсерилу было приятно услышать отражение собственного анализа политической ситуации из уст своей ученицы; судя по всему, она гораздо внимательнее слушала его на уроках географии, чем ему казалось. Секретарь-наставник ободряюще улыбнулся.

— А ещё, — сердито дополнила Исель, — у Джисса совсем нет выхода к морю. — Её рука медленно двинулась по карте на восток. — Мой кузен рей Браджара довольно стар и, как говорят, слишком много пьёт, чтобы идти на войну. А его внук слишком юн.

— В Браджаре отличные порты, — сказала Бетрис. Помолчала и добавила многозначительно: — Полагаю, рей Браджара долго не протянет.

— Да, но какая тогда от меня польза Тейдесу, я же стану обычной вдовствующей рейной? Даже если я смогу подсказывать своему приёмному внуку, как распоряжаться войсками! — Рука Исель скользнула по карте в другую сторону. — Старший сын Лиса Ибры женат, а младший — не наследник; страну же раздирают гражданские войны.

— Уже нет, — прервал её рассуждения Кэсе-

рил. — Разве вам никто не сказал, что наследник скончался на прошлой неделе? Умер в Южной Ибре от лихорадки. Никто не сомневается, что принц Бергон займёт его место. Он всегда был верен своему отцу.

Исель повернула голову и уставилась на него расширенными от возбуждения глазами.

— Точно! Ну-ка, ну-ка, сколько сейчас Бергону? Пятнадцать, да?

— Ему должно быть чуть больше шестнадцати, принцесса.

— Куда лучше, чем пятьдесят семь! — Её рука мягко двинулась вдоль ибранского побережья по приморским городам, к огромному порту Загосур, где и остановилась, добравшись до булавки с перламутровой головкой. — Что вы знаете о принце Бергоне, Кэсерил? К нему хорошо относятся? Вы видели его, когда бывали в Ибре?

— Сам не видел. Но говорят, он красивый мальчик.

Исель нетерпеливо пожала плечами.

— Всех принцев всегда описывают как красивых мальчиков, если только они не полные уроды. А в таком случае говорят, что у них есть характер.

— Я думаю, Бергон хорошо сложен и уже по-

этому должен выглядеть привлекательным и здоровым. Говорят, он прошёл корабельную школу. — Кэсерил увидел, как глаза Исель загорелись юношеским энтузиазмом, и счёл своим долгом добавить: — Но последние семь лет ваш брат Орико на ножах с реем Ибры. Лис недолюбливает Шалион.

Исель сложила ладони.

— Но что может быть лучше для окончания затянувшейся вражды, чем брачный союз?

— Канцлер ди Джиронал будет возражать. Даже если не принимать во внимание его желание связать вас с его семьёй, он не захочет, чтобы у Тейдеса были превосходящие его по силе союзники.

— Ну, с этих позиций он будет возражать в ответ на любое моё предложение. — Исель снова склонилась над картой, её ладони словно обняли Шалион и Ибру, соединив их — две трети земель между морями. — Но если бы я смогла объединить Тейдеса и Бергона… — Её рука вновь заскользила по карте к северному побережью по пяти рокнарским провинциям; булавки с жалобным звоном падали на пол. — Да, — выдохнула она. Её глаза сузились, челюсти сжались. Когда она снова взглянула на Кэсерила, глаза её

вспыхнули. — Я должна немедленно довести это до сведения моего брата Орико, пока не вернулся ди Джиронал. Если мне удастся заручиться его согласием, подтверждённым публично, тогда даже ди Джиронал не сможет ничего предпринять, правда?

— Сначала обдумайте всё хорошенько, принцесса. Просчитайте все возможные последствия. На первый взгляд единственный недостаток подобного союза — это мерзкий свёкор. — Кэсерил поднял бровь. — Но время покажет. И если кто и может переступить через эмоции ради политики, то это старый Лис.

Она повернулась спиной к столу и заходила по комнате туда-сюда, шелестя тяжёлыми юбками. Тёмная аура неотступно следовала за ней.

Рейна Сара разделила проклятие Орико, выйдя за него замуж. Если Исель выйдет замуж за пределы Шалиона, сможет ли она отделаться от зловещего наследия? Или тёмная судьба Золотого Генерала не отпустит её и за границами королевства? Необходимо посоветоваться с Умегатом. И как можно скорее.

Исель остановилась и посмотрела на окно, возле которого несколько дней назад выслушивала угрозы Дондо. Её глаза сощурились. Наконец она

решительно сказала:

— Я обязана попытаться. Я не могу и не хочу плыть по течению к очередной катастрофе и даже не попытаться как-то себе помочь. Я обращусь с прошением к моему царственному брату. Немедленно.

Она направилась к двери, бросив через плечо, как генерал своим войскам:

— Бетрис, Кэсерил — за мной!

Глава 15

После долгих поисков рей Орико, к вящему изумлению Кэсерила, был обнаружен в покоях рейны Сары, где супруги, сидя у окошка за небольшим столом, играли в шарики. Простая детская игра не соответствовала высокому положению лорда и леди, но… они, похоже, играли не для того, чтобы убить время, как понял Кэсерил, а в попытке забыть о своих страхах и бедах.

Кэсерил обратил внимание на одежды Сары. Вместо траурного платья она надела всё белое — праздничные одежды Дня Бастарда, что отмечается раз в два года после Середины Лета Матери. Отбелённый лён был слишком тонок для этого времени года, и рейна, чтобы защититься от пронизывающего холода, куталась в пушистую шерстяную шаль. В этих белых одеяниях она выглядела тёмной, худой и измученной. Её внешний вид был чуть ли не большим вызовом, чем яркие многоцветные убранства на похоронах Дондо. Кэсерил подумал, будет ли Сара носить белый цвет Бастарда на протяжении всего траура. И осмелится ли ди Джиронал протестовать.

Исель сделала книксен, приветствуя брата и его

супругу, и встала перед ними, сложив ладони перед собой в знак скромной женственности, чему противоречили её очень прямая, словно стальная, спина и блеск глаз. Кэсерил и леди Бетрис, по обеим сторонам от принцессы, также приветствовали своего правителя. Орико, оторвавшись от игры, ответил сестре кивком. Расправил полы камзола и посмотрел на неё с некоторым смущением. С близкого расстояния Кэсерил заметил следы недавней работы портного: точечки от распоротых швов и вставки невылинявшей ткани. Рейна Сара поплотнее закуталась в шаль и отодвинулась в сторону окна.

После короткой преамбулы Исель перешла прямо к сути своей просьбы начать официальные переговоры по поводу её помолвки с принцем Бергоном. Она подчеркнула возможность сделать первые шаги к миру, залечив тем самым раны, нанесённые поддержкой Орико, оказанной покойному мятежному наследнику, так как ни Шалион, ни измотанная Ибра не в силах были продолжать конфликт. Исель отметила, как удачно соответствуют её возраст возрасту Бергона и её положение — его положению. Не остались упущенными и преимущества для Орико — она дипломатично не сказала: «А впоследствии и

для Тейдеса» — в плане обретения союзника и родственника на ибранском дворе. Принцесса живописно изобразила утомительную сцену нашествия младших лордов с просьбами её руки, чего Орико мог бы избежать, согласившись на её предложение. В общем, немного вдохновения и красноречия — и взгляд рея сделался задумчивым.

Тем не менее Орико, зацепившись за последнюю фразу, возразил:

— Но, Исель, от такого нашествия тебя защищает на некоторое время твой траур. Даже Мартоу… я хочу сказать, Мартоу не станет оскорблять память брата, выдавая замуж его осиротевшую невесту на неостывшем ещё пепле погребального костра.

При слове «осиротевшая» Исель сердито фыркнула.

— Пепел остынет довольно скоро, и что тогда? Орико, тебе не удастся больше заставить меня выйти замуж без моего согласия — моего предварительного согласия, полученного заранее. Я тебе не позволю.

— Нет-нет, — быстро согласился Орико, замахав пухлыми руками. — Это… было ошибкой, теперь я понимаю. Прости меня.

«Ошибка… сколь мягко сказано…»

— Я не хотел оскорбить тебя, сестра… ни тебя, ни богов. — С лёгким беспокойством рей огляделся по сторонам, словно опасаясь, что кто-нибудь из обиженных богов вот-вот обрушит на него космическую кару. — Я думал, так будет лучше и для тебя, и для Шалиона.

Тут Кэсерила осенило, что, кроме него и Умегата, никто не знает, чьими же стараниями Дондо так безвременно простился — нет, пока ещё не с миром — со своей жизнью. Зато все знали, что принцесса молилась об избавлении от этого брака. Конечно, никто — Кэсерил был уверен — не подозревал и не обвинял её в практиковании смертельной магии, и никто не подозревал и не обвинял его самого, но ведь Исель всё-таки была здесь, а Дондо — ушёл. Все мало-мальски думающие придворные должны быть озадачены и заинтригованы таинственной смертью Дондо, а некоторые — так и очень взволнованы.

— Ни о какой твоей помолвке я более не объявлю без твоего предварительного согласия, — с непривычной твёрдостью в голосе проговорил Орико. — Клянусь своей головой и короной.

Это была торжественная клятва; брови Кэсерила поползли наверх. Орико действительно имел

в виду именно то, что сказал. Исель закусила губу и ответила на это обещание лёгким, но многозначительным кивком.

Едва слышный вздох привлёк внимание Кэсерила к рейне Саре. Лицо её на фоне окна оставалось в тени. Но он заметил всё же, как её губы сложились в скептическую усмешку. Кэсерил понял, какую торжественную клятву Орико нарушил по отношению к ней, и отвёл в смущении глаза.

— Опять же, — Орико перешёл к следующему пункту, словно перепрыгнул, переходя через ручей, на следующий камень, — наш траур не позволяет пока начать переговоры с Иброй касательно твоей помолвки. Лис тоже может углядеть оскорбление в подобной поспешности.

Исель нетерпеливо передёрнула плечами.

— Но если мы будем тянуть, кто-нибудь приберёт Бергона к рукам! Принц теперь наследник, он в брачном возрасте, а его отец жаждет безопасности и мира на границах. Лис может скрепить союз своего сына с дочерью высокого марча Джисса, например. Или с благородной леди из Дартаки. Пока мы ждём, Шалион упустит свой шанс!

— Слишком рано. Слишком рано. Я не говорю, что твои аргументы нехороши, но всему своё

время. На самом деле Лис посылал дипломатов вести переговоры о браке; он просил твоей руки несколько лет назад — я уж не помню, для которого сына, — но всё расстроилось, как только в Южной Ибре начались беспорядки. Ничто не вечно. Да и моя бедная мать-браджарка была помолвлена пять раз, прежде чем оказалась замужем за моим отцом, реем Иасом. Успокойся и подожди более подходящего времени.

— По-моему, сейчас время более чем подходящее. Просто отличное. Я хочу, чтобы ты принял решение, огласил его и закрепил договором — до того как вернётся ди Джиронал.

— Ах да. Хм… Вот ещё вопрос. Я не могу пойти на такой серьёзный шаг, не обсудив его с канцлером и другими лордами совета. — Орико задумчиво закивал сам себе.

— Ты давно не советуешься с другими лордами. Я думаю, ты просто боишься сделать что-нибудь такое, что не будет одобрено ди Джироналом. Ну так кто же рей в Кардегоссе — Орико ди Шалион или Мартоу ди Джиронал?

— Я… я… подумаю над твоими словами, дорогая сестра. — Орико быстро замахал руками, выпроваживая её.

Исель ещё несколько мгновений прожигала его

взглядом, отчего рей занервничал ещё сильнее, затем коротко кивнула.

— Да, подумайте, пожалуйста, о моей просьбе, милорд. Я спрошу о вашем решении завтра.

После этого обещания — или угрозы? — она снова почтительно присела перед царственными супругами и вышла, уводя за собой Кэсерила и Бетрис.

— Завтра, и послезавтра, и впредь каждый день? — шёпотом поинтересовался Кэсерил, пока она, шурша юбками, сердито шагала по коридору.

— Ежедневно, пока Орико не сдастся, — ответила принцесса сквозь стиснутые зубы. — Внесите это в расписание, Кэсерил.

* * *

Жёлтое зимнее солнце пробивалось через серые облака, когда Кэсерил несколько позднее вышел из Зангра, направляясь к конюшням. Ему пришлось закутаться в тёплый шерстяной плащ, поднять ворот и втянуть голову в плечи, словно черепаха, прячась от сырого промозглого ветра. При каждом выдохе вырывавшийся изо рта пар образовывал перед ним белое облачко. Он несколько раз дунул такими облачками на

тянувшихся к нему призраков, почти невидимых при свете дня, и они пристроились у него за спиной. Булыжники под ногами заиндевели. Подойдя к зверинцу, Кэсерил толкнул тяжёлую дверь, открыв её ровно настолько, чтобы пройти, и сразу же плотно закрыл её за собой. Постояв с минуту, чтобы глаза привыкли к лёгкому полумраку внутри, он чихнул от защекотавшего нос сладковатого запаха сена.

Грум без больших пальцев на руках поставил ведро и поспешил к гостю, кланяясь и издавая приветственные звуки.

— Я пришёл увидеться с Умегатом, — сказал Кэсерил. Низенький пожилой грум снова поклонился и пригласил его следовать за собой. Он повёл Кэсерила по проходу. Красавцы звери в клетках бросились к решёткам, принюхиваясь; песчаные лисы вскочили и возбуждённо залаяли, словно здороваясь с ним.

Комната с каменными стенами в дальнем конце зверинца была переоборудована из сенника в нечто наподобие гостиной, где грумы могли отдыхать и заниматься своими делами. В сложенном из плоских камней очаге весело пылал огонь, изгоняя из помещения холод. Лёгкий приятный запах дыма смешивался с запахом кожи, полиро-

ванного металла и мыла. Обивка на деревянных креслах, на которые ему указал грум, приглашая присесть, истёрлась, а старый стол был изрезан и покрыт пятнами. Однако комната была чисто выметена, а на подоконниках застеклённых окон по обе стороны очага красовались надраенные сковородки и кастрюли, блестя полированными боками. Грум что-то промычал и вышел.

Через несколько минут появился Умегат; он насухо вытер руки и одёрнул камзол.

— Добро пожаловать, милорд, — мягко произнёс он. Кэсерила слегка смутило его обращение — «слуга — к господину». В рокнари не существовало грамматической формы обращения секретаря к святому, поэтому он выпрямился в кресле и — в качестве компромисса — поклонился.

— Умегат.

Умегат закрыл дверь, проверив сначала, что в проходе за ней никого нет. Кэсерил наклонился, хлопнул ладонями по столу и быстро заговорил, как разговаривает пациент со своим врачом:

— Вы видели привидения Зангра. А вы когда-нибудь слышали их?

— Нет. А вы? — Умегат подтащил кресло поближе к столу и уселся под прямым углом к

Кэсерилу.

— Эти молчат. — Он отпихнул самый настырный призрак, всё ещё вертевшийся рядом. Умегат сжал губы и взмахом руки обратил привидение в бегство. — Я слышал Дондо. — Кэсерил описал своё ночное бдение. — Я решил, что он пытается освободиться. Может у него это получиться? Если хватка богини ослабеет?

— Я уверен, что никакой призрак не может пересилить бога, — ответил Умегат.

— Это… не ответ. — Кэсерил печально вздохнул. Может, Дондо и демон хотят убить его, взяв измором? — Вы не можете посоветовать мне что-нибудь, чтобы он заткнулся? Я пытался прятать голову под подушку, но это не помогло.

— Во всём этом наблюдается некая симметрия, — медленно проговорил Умегат. — Призраков снаружи вы видите, но не слышите, а призрак внутри слышите, но не видите… Если к этому приложил руку Бастард, то, по всей вероятности, для поддержания равновесия. Как бы там ни было, я уверен, что вы остались в живых отнюдь не случайно и ваша защита никак не может внезапно исчезнуть.

Кэсерил задумался. Повседневные дела… да. Сегодня они повернулись очень любопытным

образом. Теперь он заговорил как товарищ с товарищем:

— Послушайте, Умегат, у меня есть одна идея. Известно, что проклятие передаётся в Доме Шалиона по мужской линии — от Фонсы к Иасу и Орико. Но рейна Сара тоже в его власти, хотя не является потомком Фонсы. Проклятие перешло на неё, когда она вышла замуж в Шалион, да?

Морщины на лбу Умегата стали глубже.

— Сара была уже окружена тенью, когда я увидел её впервые несколько лет назад, но, полагаю… да, возможно, так дело и обстоит.

— И с Истой, должно быть, случилось то же самое?

— Наверное.

— В таком случае может ли Исель выйти замуж из Шалиона и оставить проклятие позади? Когда она покинет родную семью и войдёт в семью мужа, неужели проклятие последует за ней, заражая и новую родню?

Брови Умегата поползли вверх.

— Не знаю.

— Но вы не считаете это невозможным? Я подумал, что это может спасти… кое-что.

Умегат откинулся на спинку кресла.

— Возможно. Я не знаю. Я никогда не задумы-

вался над этим, поскольку к Орико этот путь неприменим.

— Мне нужно знать, Умегат. Принцесса Исель подталкивает Орико начать переговоры по поводу выдачи её замуж за пределы Шалиона.

— Канцлер ди Джиронал наверняка будет против.

— Я не стал бы недооценивать силу убеждения принцессы. Она не Сара.

— Вы правы. Ох, мой бедный Орико — он попал в такие тиски!

Кэсерил прикусил губу и надолго задумался, прежде чем задать следующий вопрос.

— Умегат… вы наблюдаете за двором много лет. Всегда ли ди Джиронал был таким… отвратительным казнокрадом или это проклятие постепенно развратило его? Переходит ли проклятие только на человека, находящегося у власти, или любой, кто служит Дому Шалиона, обречён со временем на моральное разрушение?

— Вы задаёте очень интересные вопросы, лорд Кэсерил. — Седые брови Умегата сошлись на переносице. — Хотел бы я иметь на них ответы. Мартоу ди Джиронал всегда был сильным, умным и умелым человеком. Оставим пока в стороне то, что касается его младшего брата, который

славился как искусный воин на поле брани, но не как мудрая голова в мирное время. Когда ди Джиронал только занял пост канцлера, он был подвержен соблазнам и греху жадности и гордыни не более чем любой другой лорд Шалиона.

«Довольно бледная похвала. Однако…»

— Однако, — Умегат, казалось, продолжил мысль Кэсерила, — думаю, что проклятие сказалось и на нём.

— В таком случае… избавление от ди Джиронала не решит проблем Орико? Другой человек — возможно, даже хуже него — поведёт себя на его месте так же?

Умегат развёл руки.

— Проклятие имеет сотни воплощений, извращая и портя всё, что может пойти на пользу Орико. Жена, вместо того чтобы подарить ему наследников, стала бесплодной. Главный советник из честного и верного стал продажным. Друзья лгут, вместо того чтобы говорить правду. Пища ослабляет, а не даёт силы. И так далее.

«Секретарь-наставник из смелого и мудрого становится трусливым и тупым? Или даже обречённым и безумным?..»

Если любой человек, оказавшийся в поле действия заклятия, уязвим для него, неужели и

Кэсерил обречён стать для Исель таким же бедствием, каким стал для Орико ди Джиронал?

— И Тейдес, и Исель… их замыслы ждёт провал, как и замыслы Орико? Или Орико, будучи реем, несёт особое бремя?

— Думаю, с течением времени проклятие давит на Орико всё сильнее. — Серые глаза рокнарца сощурились. — Вы задали мне не меньше дюжины вопросов, лорд Кэсерил. Позвольте и мне задать один. Как вы оказались на службе у принцессы Исель?

Кэсерил открыл рот и снова закрыл. Мысли его вернулись было к тому дню, когда провинкара смутила его своим предложением стать секретарём-наставником у принцессы. Но нет, ещё раньше случилось кое-что другое… да и до того…

В итоге Кэсерил начал свой рассказ с того, как солдат Дочери уронил нечаянно в грязь золотой реал и как он сам добрался до Валенды. Умегат заварил чай и поставил дымящуюся чашку перед своим собеседником, который приостановил свой рассказ, чтобы смочить пересохшее горло. Затем Кэсерил поведал, как Исель в День Дочери оконфузила продажного судью, и закончил своим прибытием в Кардегосс.

Умегат потянул себя за косу.

— Полагаете, ваши шаги были предрешены так давно? Возможно. Ведь боги — такие скряги, они используют любой мало-мальски подходящий шанс, как только находят его.

— Если боги направляют меня по этому пути, то где же моя свободная воля? Нет, не может быть.

— Ага! — Умегат просветлел, услышав, что Кэсерил затронул его излюбленную теологическую тему. — У меня есть на этот счёт идея, не исключающая ни свободной воли человека, ни божественного промысла. Возможно, вместо того чтобы управлять каждым шагом избранного человека, боги просто посылают по нужному пути сотни или тысячи Кэсерилов и Умегатов, а добираются до конечной цели лишь те, кто выберет этот путь сам.

— Ну и кто же я — первый или последний из предпринявших это путешествие?

— Что же, с уверенностью могу сказать только, что явно не первый.

Кэсерил понимающе хмыкнул. Немного поразмыслив, он вдруг спросил:

— Но если боги послали Орико вас, а Исель — меня (хотя мне кажется, что тот, кто сделал это, изрядно ошибся), кого же они послали оберегать Тейдеса? Разве нас не должно быть трое? Третий…

наверняка посланец Брата, не важно, орудие он, святой или дурак — богам виднее… но неужели все сто защитников мальчика пали в пути один за другим? Может, этот человек ещё не дошёл?

Тут у Кэсерила перехватило дыхание от новой мысли.

— А может, это был ди Санда? — Он наклонился и спрятал лицо в ладонях. — Если я не прекращу эти теологические изыскания, держу пари, снова закончу в доску пьяным. У меня такое чувство, что мой мозг безостановочно крутится и крутится в черепной коробке и меня сейчас просто стошнит.

— Пристрастие к спиртному отнюдь не редкость среди настоятелей и посвящённых.

— И я даже понимаю почему. — Кэсерил запрокинул голову, выливая в рот последние капли чая, и поставил чашку на стол. — Умегат… если бы я был должен спрашивать богов о каждом своём шаге — мудрый ли он, верный ли… и не смел сделать выбор без их согласия… я бы сошёл с ума. Ещё больше, чем сейчас. И закончил бы тем, что скорчился бы в уголке и ничего не делал вообще — разве что пускал слюни и сопли.

Умегат хохотнул — жестоко, как показалось Кэсерилу, — но затем покачал головой.

— Не следует недооценивать богов. Придерживайтесь добродетели — если сможете понять, в чём она заключается, — и верьте, что возложенная на вас обязанность — это то, чего вы горячо желали. И что ваши таланты — это таланты, которые вы должны предоставить в распоряжение богов, выполняя свою миссию. Верьте, что боги не потребуют от вас того, чем предварительно вас не наградили. Речь идёт не только о вашей жизни.

Кэсерил потёр лицо руками и вздохнул.

— Тогда я приложу все свои силы, чтобы устроить брак Исель, который может избавить её от проклятия. Я обязан верить в свой здравый смысл — почему бы ещё богиня избрала для её защиты рассудительного человека? — Тут он снова вздохнул и вполголоса закончил: — По крайней мере раньше я был рассудительным… — Кэсерил уверенно кивнул (с куда большей уверенностью, чем чувствовал) и поднялся на ноги. — Молитесь за меня, Умегат.

— Ежечасно, милорд.

Уже темнело, когда в кабинет Кэсерила вошла Бетрис со свечой в руке и, пройдясь по комнате, зажгла все светильники, чтобы он мог спокойно работать. Кэсерил улыбнулся и благодарно кивнул. Она улыбнулась в ответ и задержалась,

не спеша возвращаться на женскую половину. Бетрис стояла — как заметил Кэсерил — на том самом месте, где они расстались в ночь смерти Дондо.

— Благодарение богам, всё вроде успокаивается и становится на свои места, — проговорила она.

— Да, понемногу. — Кэсерил отложил перо.

— Я начинаю верить, что всё будет хорошо.

— Да. — Его живот свело болью.

«Нет».

Долгая пауза. Он снова взял в руку перо и макнул в чернила, хотя писать было уже нечего.

— Кэсерил, неужели вам нужно быть уверенным, что вы умрёте, чтобы решиться поцеловать даму? — вдруг спросила Бетрис.

Он вздрогнул, покраснел и закашлялся.

— Мои глубочайшие извинения, леди Бетрис. Этого больше не случится.

Он не осмеливался поднять глаза, чтобы она снова не попыталась сломить его хрупкое сопротивление. Чтобы ей это не удалось.

«О Бетрис, не приноси своё достоинство в жертву моей пустоте».

Её голос стал жёстким.

— Мне очень жаль слышать это, кастиллар.

Он сдержался и не посмотрел на неё. Бетрис

вышла.

Прошло несколько дней с тех пор, как Исель начала свою кампанию против Орико. Прошло несколько ночей, ужасных для Кэсерила, когда душа Дондо завывала в своём узилище. Эти «кишечные» беседы действительно оказались еженощными, они оживляли на четверть часа все ужасы той смерти. Кэсерилу не удавалось уснуть до начала полуночного монолога — он мучился в болезненном ожидании — и долгое время после него, пока он трясся от пережитого в очередной раз кошмара. Неудивительно, что лицо его от недосыпания приобрело серый оттенок. По сравнению с ночными песнопениями бледные старые призраки начинали казаться милыми ручными зверюшками. Кэсерилу ничего другого не оставалось, как пить на ночь больше вина, чтобы всё-таки спать и выдерживать кое-как эти терзания.

Орико сносил атаки сестры с меньшей стойкостью. Он пытался улизнуть от неё всяческими способами, но она с завидным упорством находила его в покоях, в кухне, а как-то раз — к ужасу и смущению Нан ди Врит — даже в ванной. Когда однажды на рассвете рей сбежал в охотничий домик в лесу, Исель последовала за ним сразу

после завтрака. Кэсерил с облегчением заметил, что его собственные призрачные преследователи остались позади, видимо, не рискнув покинуть пределы Зангра, словно были привязаны к месту своей гибели.

Быстрый галоп явно радовал Исель; она словно стряхнула с себя всю тоску, печаль и тревогу жизни в замке. День, проведённый в седле на морозном воздухе ранней зимы, поездка туда и обратно — правда, безрезультатная — придали блеск её глазам и румянец щекам. Леди Бетрис тоже взбодрилась. Четыре баосийских гвардейца, выбранные для сопровождения, неторопливо следовали позади. Кэсерил всю дорогу скрывал страшную боль в животе. После чего вечером у него снова пошла кровь, хотя уже несколько дней этого не случалось, а серенада Дондо оказалась особенно изматывающей, так как ухо Кэсерила впервые смогло вычленить из безумных криков отдельные слова. Это не было осмысленной речью, но восклицания казались вполне членораздельными. Что же будет дальше?

Когда Кэсерил устало поднимался на следующее утро в покои Исель, он не мог даже подумать без содрогания о том, чтобы предпринять ещё раз подобную поездку. Он только устроил ноющее те-

ло в кресле и взялся за бухгалтерские книги, как явилась рейна Сара в белоснежном шерстяном плаще. Изумившись, Кэсерил вскочил на ноги и низко поклонился; она отметила его присутствие лёгким рассеянным кивком.

В кабинет из гостиной Исель донёсся щебет женских голосов. Принцесса радостно приветствовала сноху. Две фрейлины, сопровождавшие рейну, и Нан ди Врит устроились в креслах и принялись за вышивку, обмениваясь свежими слухами, а сама рейна и принцесса удалились в другую комнату. Через полчаса Сара снова проследовала мимо Кэсерила с тем же непроницаемым выражением лица.

Почти сразу в кабинет вышла Бетрис и сказала:

— Принцесса Исель просит вас присоединиться к ней в гостиной.

Её чёрные брови беспокойно хмурились. Кэсерил незамедлительно повиновался.

Исель сидела в резном кресле, обхватив себя руками и тяжело дыша.

— Негодяй! Кэсерил, мой брат — бесчестный негодяй! — воскликнула она, как только он, поклонившись, придвинул кресло поближе.

— Миледи? — переспросил Кэсерил, опускаясь

в кресло с величайшей осторожностью, чтобы не вызвать очередного приступа боли, до сих пор ещё не отпустившей его после ночи и возобновлявшейся при каждом резком движении.

— Никакой помолвки без моего согласия — да, конечно!.. И ведь он говорил так искренне! Да, но только и без согласия ди Джиронала тоже. Сара предупредила меня. После смерти Дондо, перед отъездом из Кардегосса в поисках убийцы, канцлер заперся с моим братом и убедил его написать завещание. В случае смерти Орико канцлер становится регентом Тейдеса…

— Полагаю, это можно было предвидеть. Обычно регентский совет — провинкары Шалиона — не позволяет концентрировать власть в одних руках.

— Да-да, я знаю, но…

— Завещание не исключает совет, не так ли? — с тревогой поинтересовался Кэсерил. — Это могло бы возмутить лордов.

— Нет, условия обычные. Но раньше я была под опекой моей бабушки и дяди — провинкара Баосии, а теперь я перехожу под опеку ди Джиронала. И здесь мне не поможет никакой совет! И ещё, Кэсерил… он будет моим опекуном до того момента, как я выйду замуж, а позволить или за-

претить моё замужество — целиком в его власти! Он может продержать меня в старых девах до самой смерти, если захочет!

Кэсерил подавил беспокойство и поднял руку.

— Нет, это не совсем так — по возрасту он должен умереть гораздо раньше вас. А ещё раньше Тейдес достигнет совершеннолетия и вступит в свои права рея; тогда он сможет выдать вас замуж по собственной воле.

— Тейдес станет совершеннолетним в двадцать пять, Кэсерил!

Лет десять назад Кэсерил разделил бы её ужас перед таким долгим сроком. Теперь же для него это звучало вполне приемлемо.

— Мне будет уже двадцать восемь!

Ещё на двенадцать лет оставить её под властью проклятия… нет, не годится.

— Он сможет немедленно уволить вас с вашей должности!

«У вас есть ещё одна защитница, которая пока не собирается увольнять меня».

— Да, у вас есть причины для беспокойства, принцесса; однако не нужно волноваться преждевременно — ничего этого не случится, пока жив Орико.

— Сара сказала, что он нездоров.

— Немного нездоров, это верно, — осторожно согласился Кэсерил. — В любом случае он ещё вовсе не стар. Ему чуть больше сорока.

По выражению лица Исель было видно, что она считает такой возраст вполне заслуживающим опасений.

— Он… ему хуже, чем кажется с виду. Так говорит Сара.

Кэсерил немного поколебался.

— Она настолько близка с ним, чтобы знать об этом? Я думал, они отдалились друг от друга.

— Я их не понимаю. — Исель зажмурилась. — Ох, Кэсерил, то, что Дондо говорил мне, было правдой! После разговора с ним я было подумала, что он просто хотел запугать меня столь чудовищной ложью. Сара отчаялась зачать ребёнка и согласилась, чтобы ди Джиронал попробовал, когда… когда Орико уже… больше не мог. Она говорит, Мартоу по крайней мере относился к ней с уважением, но когда и у него ничего не вышло, Дондо настоял, чтобы и ему разрешили попытаться. Дондо был ужасен… он получал удовольствие, унижая Сару.

Но, Кэсерил, Орико знал! Он помог убедить Сару пойти на это. Я не понимаю… Орико ведь не испытывает такой ненависти к Тейдесу, чтобы

предпочесть усадить на свой трон бастарда ди Джиронала.

— Нет, конечно.

И да. Сын ди Джиронала не был бы потомком Фонсы Мудрого. Орико, по всей вероятности, предполагал, что ребёнок вырастет свободным от проклятия, наложенного на владык Шалиона Золотым Генералом. Отчаянная попытка, но, возможно, не лишённая смысла.

— Рейна Сара, — добавила Исель, скривив губы, — сказала, что если ди Джиронал обнаружит убийцу Дондо, она оплатит похороны и постоянные молитвы о его душе в храме Кардегосса, а также назначит пенсию его семье.

— Приятно слышать, — заметил Кэсерил, хотя у него не было семьи, чтобы получать эту пенсию. Он немного нагнулся вперёд и улыбнулся, чтобы скрыть гримасу боли. Значит, даже Сара, не поскупившись на все эти кошмарные подробности, не рассказала девушке о проклятии. А он теперь был уверен, что Сара о нём знает. Орико, Сара, ди Джиронал, Умегат, возможно, Иста, может, и провинкара… И никто не захотел отягощать сердца Исель и Тейдеса знанием о тёмном облаке, нависающем над ними. Кто он такой, чтобы нарушить этот молчаливый сговор?

«Но ведь и мне никто ничего не говорил. Разве я благодарен им за это?»

И когда же в таком случае защитники Тейдеса и Исель думают сообщить им правду об окружающем их зле? Орико собирается сделать это на смертном одре, как его отец, рей Иас?

Есть ли у Кэсерила право рассказать обо всём Исель, когда её родные решили молчать?

Готов ли он поведать, каким путём он сам узнал об этом?

Кэсерил взглянул на леди Бетрис, усевшуюся в другое кресло и с беспокойством взиравшую на свою встревоженную госпожу. Даже Бетрис, которая была уверена в том, что он сделал попытку применить смертельную магию, не знала, что это ему удалось.

— Я не знаю, что мне делать, — простонала Исель, — Орико бесполезен.

Есть ли у Исель шанс спастись от проклятия, даже не подозревая о нём? Он набрал в лёгкие побольше воздуха, чтобы предложить нечто не совсем обычное.

— Вы могли бы самостоятельно предпринять шаги для устройства вашего брака.

Бетрис вздрогнула и выпрямилась, уставившись на Кэсерила расширившимися глазами.

— Что, тайно? — спросила Исель. — В тайне от рея?

— На самом деле, в тайне от его канцлера.

— А это законно?

Кэсерил вздохнул.

— Брак, заключённый по всем правилам, не может быть расторгнут даже реем. И если подавляющее большинство шалионцев решат оказать вам поддержку — а у ди Джиронала существует довольно многочисленная оппозиция, — то даже попытка расторжения брака станет довольно проблематичной.

А если Исель покинет Шалион и окажется под защитой такого… э-э… практичного свёкра, как Лис Ибры, то позади останутся и проклятие, и интриги. Дело, однако, надо повернуть так, чтобы не сменить роль безвластной заложницы одного двора на аналогичную роль при другом дворе.

«Но зато не при проклятом дворе, не так ли?»

— О, — глаза принцессы зажглись надеждой, — Кэсерил, а это можно устроить?

— Есть трудности практического порядка, — отметил он, — но все они имеют практическое решение. Самое сложное — найти надёжного человека, чтобы он стал вашим посланником. Он должен иметь голову на плечах, чтобы держать

в переговорах с Иброй по возможности наиболее жёсткую позицию, иметь гибкость, чтобы не обидеть Шалион, выдержку и смекалку, чтобы тайно пересечь неспокойные границы, и отвагу, чтобы всё это выдержать и добиться успеха. Ошибка в выборе может быть фатальной.

И вряд ли в фигуральном смысле слова.

Исель сжала руки и нахмурилась.

— Вы можете найти мне такого человека?

— Я обдумаю все варианты.

— Сделайте это, лорд Кэсерил, — выдохнула она, — сделайте.

Леди Бетрис проговорила странно севшим голосом:

— Вам не нужно далеко ходить.

— Я не гожусь на эту роль. — Он сглотнул комок в горле и, вместо того чтобы сказать: «Я могу в любой момент пасть трупом к вашим ногам», объяснил: — Я не могу оставить вас здесь без защиты.

— Мы все подумаем над этим, — твёрдо заключила Исель.

Празднование Дня Отца прошло спокойно. Ледяной дождь поливал Кардегосс и удержал многих обитателей Зангра от участия в городском шествии. Но Орико, подчиняясь своим

обязанностям рея, присутствовал на нём и в итоге простудился. Он воспользовался этим, чтобы улечься в постель и никого не принимать. В Зангре всё ещё носили траурные лавандово-чёрные цвета, и праздничный ужин сопровождался духовной музыкой, а не танцами.

Дождь лил не переставая целую неделю. Очередным дождливым днём Кэсерил совмещал работу с учебным процессом, показывая Бетрис и Исель, как следует заполнять и обрабатывать бухгалтерские документы, когда дверь со скрипом распахнулась и робкий голос пажа возвестил:

— Марч ди Паллиар просит разрешения увидеть милорда ди Кэсерила!

— Палли! — Кэсерил повернулся в кресле и вскочил на ноги. Лица обеих его учениц зарумянились от радости. — Я не ждал тебя в Кардегоссе так скоро!

— Я сам этого не ждал, — Палли поклонился девушкам и подмигнул Кэсерилу. Затем уронил монету в ладонь пажа и кивнул; мальчик низко поклонился, благодаря за щедрые чаевые, и удалился.

Палли продолжил:

— Я взял с собой только двух офицеров и скакал очень быстро; мой отряд из Паллиара следует за

нами без спешки, чтобы поберечь лошадей.

Он огляделся по сторонам и пожал широкими плечами.

— Богиня свидетельница! Я и не думал, что пророчествую, когда был здесь последний раз. Это вгоняет меня в дрожь больше, чем проклятый холодный дождь. — Он снял промокший насквозь шерстяной плащ, обнажив бело-голубые цвета Дочери на форменном камзоле, и провёл рукой по блестевшим от дождя черным волосам. Пожав Кэсерилу руку, он добавил: — Демоны Бастарда, Кэс, ты выглядишь ужасно!

Кэсерил, увы, не мог ответить на это: «Да, с одним из этих демонов внутри». Вместо этого он пробормотал:

— Да… думаю, это из-за погоды. Всякий станет вялым и скучным…

Палли отступил на шаг назад и окинул друга взглядом с головы до ног.

— Погода? Когда я видел тебя в последний раз, лицо у тебя не было серым, как скисшее тесто, и чёрных кругов под глазами не наблюдалось, и… и… ты был в отличной форме, а не бледным, всклокоченным и с распухшим животом. — Кэсерил вздрогнул, непроизвольно прикрыв живот, когда Палли ткнул в него пальцем. — Принцесса,

вам следует незамедлительно показать своего секретаря хорошему врачу.

Исель вдруг с удивлением уставилась на Кэсерила и поднесла руку к губам, словно только что разглядела его наконец за последние недели. Примерно так оно и было — её внимание было полностью поглощено случившимися за это время происшествиями. Бетрис, переводя взгляд с одного на другого, закусила губу.

— Мне не нужен врач, — твёрдо и быстро сказал Кэсерил.

«Или ещё какой любитель повыспрашивать. О боги, нет!»

— Так говорят все мужчины, страшась ланцета и клизмы. — Палли легко отмёл его протест. — Одного моего сержанта, у которого назрел нарыв от седла, я отвёл к врачу, подгоняя остриём меча. Не слушайте его, принцесса. Кэсерил. — Его лицо посерьёзнело, и он, прося прощения, отвесил Исель полупоклон. — Можно мне переговорить с тобой с глазу на глаз? Обещаю не задерживать его надолго, принцесса. Дело неотложное.

Исель неохотно даровала своё царственное позволение. Кэсерил, быстро сообразив, в чём дело, повёл друга вниз, в свою комнату. К счастью, коридор был пуст. Войдя к себе, Кэсерил тща-

тельно прикрыл тяжёлую дверь, чтобы избежать неожиданного вторжения людей. Призраки же поведать об услышанном никому не могли.

Он уселся в кресло, пытаясь скрыть скованность в движениях. Палли расположился на краю кровати, свесив руки между коленями. Плащ он бросил рядом.

— Курьер Дочери добрался до Паллиара весьма быстро, несмотря на распутицу, — отметил Кэсерил, мысленно подсчитав дни.

Тёмные брови Палли удивлённо поползли наверх.

— Ты уже знаешь? Я полагал, что это… э-э… вполне конфиденциальный созыв конклава. Хотя, конечно, как только все лорды-дедикаты прибыли бы в Кардегосс, всё стало бы ясно.

Кэсерил пожал плечами.

— У меня свои источники.

— Не сомневаюсь. Как и у меня. — Палли погрозил ему пальцем. — В настоящее время ты — единственный разумный человек в Зангре, которому я могу доверять. Что, во имя богов, тут произошло? Вокруг смерти священного генерала ходит столько самых невероятных слухов, что понять, где правда, почти невозможно. И как бы не вдохновляла сия прелестная картина, мне как-

то не верится, что его душу унёс на сверкающих крыльях демон, призванный с небес молитвами принцессы Исель.

— Э-э… да, всё не совсем так. Он просто умер в разгар пьянки в ночь накануне своей свадьбы.

— Хотелось бы верить, что отравился своим же ядовитым лживым языком.

— Почти.

Палли хмыкнул.

— Лорды-дедикаты, которых Дондо привёл в ярость — не только те, кого он пытался безуспешно подкупить, но и те, кто поддался на его речи и теперь устыдился этого, — видят в его смерти знак. Всё возвращается на круги своя. Колесо бытия повернулось. Как только в Кардегосс прибудут все члены совета, мы собираемся сами, не дожидаясь решения канцлера, выдвинуть кандидата на пост священного генерала и предложить его Орико. Или, может быть, список из трёх подходящих кандидатов, чтобы рей мог бы выбирать.

— Не знаю даже, что и сказать. Это тонкий баланс между… — Кэсерил чуть было не сказал «верностью и государственной изменой». — Кроме того, у ди Джиронала наверняка есть своя рука в храме, так же как и в Зангре. Вы же не захотите ввязываться с ним в настоящий бой.

— Даже ди Джиронал не осмелится оскорбить храм, послав солдат Сына против солдат Дочери.

— Хм… — проворчал Кэсерил.

— В то же время некоторые лорды-дедикаты — не буду пока называть поимённо — планируют пойти ещё дальше. Возможно, собрав и предоставив Орико достаточно доказательств продажности — взяток, растрат и прочего — обоих Джироналов, мы вынудим его сместить ди Джиронала с поста канцлера. Заставим рея поступить твёрдо.

Кэсерил потёр переносицу и встревоженно сказал:

— Заставить Орико поступать твёрдо — это то же самое, что пытаться выстроить башню из взбитых сливок. Я бы не советовал. Он не захочет расстаться с ди Джироналом. Рей полагается на него… куда больше, чем я могу объяснить. Ваши доказательства должны быть очень и очень убедительными.

— Да, и меня к тебе привело отчасти и это тоже. — Палли наклонился к нему. — Ты сможешь повторить под присягой перед конклавом Дочери то, что рассказал мне тогда в Валенде, — как ди Джироналы продали тебя на галеры?

Кэсерил заколебался.

— У меня есть только моё слово, Палли. Этого слишком мало, чтобы сразить ди Джиронала, поверь мне.

— Ну не в одиночку же. Это будет просто ещё одна искра, ещё одна щепка в огонь.

Всего лишь щепка? А хочет ли он участвовать в этой заварухе? Губы Кэсерила скривились в усмешке.

— И у тебя есть определённая репутация, — настойчиво добавил Палли.

Кэсерил вздрогнул.

— Не слишком хорошая, однако…

— Ты что! Все знают об умном секретаре принцессы Исель, человеке, который благоразумен сам и учит благоразумию её… А бастион Готоргета? И к тому же все знают о твоём безразличии к деньгам…

— Нет, — возразил Кэсерил, — я просто плохо одеваюсь. К деньгам я отношусь очень даже положительно.

— И пользуешься полным доверием принцессы. И не пытаешься использовать меня в своих интересах. И я сам видел, как ты трижды отказывался взять деньги у рокнарцев, когда те предлагали тебе предать Готоргет, хотя ты тогда уже был полумёртв от голода. Я могу предоставить живых

свидетелей этого.

— Ох, ну конечно, я не взял…

— Твой голос услышат в совете, Кэс!

Кэсерил вздохнул.

— Я… подумаю об этом. У меня есть более важные обязанности. Скажи, что я буду говорить на закрытом заседании и только в том случае, если это действительно будет необходимо. Внутренняя политика храма — не моё дело. — Боль в животе заставила его пожалеть о неудачно выбранном выражении.

«Боюсь, что прямо сейчас я занят внутренней политикой самой богини».

Счастливый кивок Палли сказал Кэсерилу, что слова его приняты за более твёрдое согласие, нежели бы ему самому хотелось. Офицер Дочери встал, поблагодарил друга и удалился.

Глава 16

Двумя днями позже Кэсерил спокойно сидел в кабинете, чиня перья, когда вошёл паж и объявил:

— Прибыл дедикат Роджерас. По приказанию принцессы Исель, милорд.

Роджерасу на вид было около сорока, среди его рыжеватых волос уже виднелись залысины, из-под бровей смотрели голубые проницательные глаза. Занятие его легко можно было определить по зелёным одеждам дедиката Госпиталя Милосердия Матери храма Кардегосса, развевавшимся при каждом его стремительном шаге, а ранг — по нашивке на плече. Кэсерил сразу понял, что дело не в болезни кого-нибудь из его подопечных, поскольку в таком случае орден Матери прислал бы врача-женщину. Он тревожно выпрямился и, вежливо кивнув, встал и направился в покои Исель, чтобы оповестить её о визите. Однако обнаружил, что и Бетрис, и принцесса уже стоят в дверях и приветствуют посетителя. Они явно не были удивлены.

Бетрис присела в лёгком книксене в ответ на почтительный низкий поклон дедиката.

— Вот этот человек, о котором я вам говорила, принцесса. Старший настоятель Матери сказал, что он специализируется на изнурительных болезнях и объездил весь Шалион, изучая их.

Так вот что это значит! Во время вчерашнего визита в храм Бетрис занималась не только молитвами и внесением пожертвований. Исель не нуждалась в том, чтобы её учили плести придворные интриги, как ранее казалось Кэсерилу. Она научилась этому без его участия. Да, его обвела вокруг пальца одна из его же учениц! Кэсерил натянуто улыбнулся, скрывая нарастающий страх. Человек, стоявший напротив, не обладал сияющей аурой, которую могло бы увидеть его внутреннее зрение. Что он мог сказать о самом что ни на есть обыкновенном теле Кэсерила?

Исель посмотрела на врача и радостно закивала.

— Дедикат Роджерас, пожалуйста, обследуйте моего секретаря и доложите мне.

— Принцесса, мне не нужен врач!

«И тем более чтобы он меня обследовал!»

— Что же, тогда мы всего-навсего потеряем немного времени, — рассудила Исель, — которого боги выделяют нам каждый день предостаточно. Как бы мне ни было неприятно принуждать

вас, Кэсерил, я приказываю вам следовать за доктором. — В её голосе прозвучала стальная решительность.

Демон бы побрал Палли! И не только за то, что вбил это в её голову, но и за то, что научил, как не дать Кэсерилу ускользнуть. Исель училась очень быстро. Хотя… этот врач либо сможет обнаружить чудесное явление, либо не сможет. В первом случае Кэсерил призовёт Умегата, и пусть святой, используя свои высокие связи в храме, разбирается с этим. А во втором — никакого вреда не будет.

Кэсерил смиренно поклонился, всем своим видом показывая, что тронут таким участием, и повёл своего незваного гостя вниз, к себе в спальню. Леди Бетрис последовала за ними, чтобы убедиться в их благополучном прибытии на место во исполнение воли Исель. Когда Кэсерил закрывал за собой дверь своей комнаты, Бетрис виновато улыбалась, но в глазах её стояла тревога.

Запершись с Кэсерилом, врач усадил его у окна, где принялся считать пульс и заглядывать в глаза, уши и горло. Затем он попросил Кэсерила помочиться в пробирку. Долго изучал жидкость, встряхивая пробирку и нюхая содержимое.

Он спросил о состоянии кишечника, и Кэсерил был вынужден подтвердить, что время от времени у него бывают кровотечения. Тогда его попросили раздеться и лечь на кровать. Врач выслушал сердце и дыхание, прижав ухо к груди пациента, потом ощупал и простучал быстрыми холодными пальцами всё тело Кэсерила. Кэсерилу пришлось признаться в происхождении рубцов на спине. Комментарии Роджераса свелись к нескольким советам, как можно избавиться от них и связанных с ними неудобств — если Кэсерил, конечно, желает этого и обладает достаточным хладнокровием и терпением. От этих советов волосы вставали дыбом. Кэсерил решил, что предпочтёт подождать. Лучше упасть несколько раз с лошади, чем пережить подобное. Он так и сказал, чем заставил Роджераса рассмеяться.

Но когда доктор приступил к более внимательному и тщательному осмотру живота пациента, улыбка его исчезла. Он прощупал и простучал каждый дюйм, то и дело спрашивая:

— Тут болит? А тут?

Кэсерил, решительно настроенный вытерпеть все издевательства, твёрдо отвечал:

— Нет.

— А если так?

Кэсерил охнул.

— О! Тут немного больно. — И снова начались нажатия, пощипывания, постукивания. Доктор на какое-то время остановился, задержав руку на животе Кэсерила, взгляд его стал задумчивым и рассеянным. Затем он встрепенулся, словно проснувшись, отчего на мгновение стал похож на Умегата.

Роджерас улыбался, пока Кэсерил натягивал одежду, но глаза его были по-прежнему задумчивыми.

Кэсерил ободряюще произнёс:

— Ну же, дедикат, говорите! Я рассудительный человек и не рассыплюсь на части от ваших слов.

— Ах вот как? Что ж, это хорошо. — Роджерас вздохнул и просто сказал: — Милорд, у вас довольно большая опухоль.

— Так вот оно что… — Кэсерил тяжело опустился в кресло.

Роджерас быстро поднял глаза:

— Вас это не очень удивило?

«Не очень, по сравнению с моим последним диагнозом».

Кэсерил подумал, какое облегчение он ощу-

тил бы, если бы его боли были вызваны столь естественными, хотя и ведущими к летальному исходу причинами. Уж опухоли-то, во всяком случае, не завывают среди ночи безумными голосами.

— У меня были подозрения, что с животом что-то не в порядке. Но что это значит? Как вы думаете, чем всё закончится? — Он попытался придать голосу как можно более нейтральное звучание.

— Ну… — Роджерас сел на край кровати и сложил вместе кончики пальцев, — существует множество подобных образований. Некоторые из них бесформенные, расползаются по организму, иные — словно завязаны в узлы, а третьи — как будто заключены в капсулы. Одни убивают быстро, другие существуют долгие годы и почти не доставляют беспокойства. Ваша похожа на заключённую в капсулу, что внушает оптимизм. Это некий особый вид, наподобие кисты, заполненной жидкостью. Я наблюдал одну женщину с такой опухолью в течение двенадцати лет.

— Ох, — проговорил Кэсерил и открыто улыбнулся.

— Её опухоль выросла больше чем на сотню фунтов к моменту её смерти, — продолжал врач.

Кэсерил отшатнулся, но доктор невозмутимо рассказывал. — Были ещё случаи куда более интересные… я видел такое только дважды за годы учёбы — круглой формы масса, в которой при вскрытии обнаружились участки плоти с волосами, зубами и костями. Один раз — в животе женщины, что ещё можно хоть как-то объяснить, но второй раз подобную опухоль нашли в ноге мужчины. Я предполагаю, что эти опухоли были следствием внедрения беглого демона, пытавшегося принять форму человеческого тела. Если бы демону удался его замысел, он, по-видимому, прогрыз бы себе путь наружу и вышел в мир во плоти. Это было бы кошмаром. Мне давно хотелось обнаружить такую опухоль в ещё живом пациенте, чтобы я смог проверить таким образом мою теорию. — Он с интересом взглянул на Кэсерила.

Кэсерилу стоило величайшего усилия не вскочить и не заорать. Он с ужасом посмотрел на свой вздувшийся живот и осторожно отвёл глаза. Раньше он думал о духовном, а не о физическом страдании. Ему не приходила в голову мысль, что они вполне могут сочетаться. Он только и смог выдавить:

— Они что, тоже должны вырасти до сотни

фунтов?

— Те две опухоли, что мне довелось исследовать, были значительно меньше, — уверил его Роджерас.

Кэсерил посмотрел на врача в безумной надежде.

— А это можно вырезать?

— О, только у мёртвого человека, — виновато проговорил доктор.

— Но… это возможно? — Если человек достаточно смел, чтобы лечь под нож и хладнокровно подвергнуться такой операции… если эту мерзость можно вырезать быстро — как при ампутации… возможно ли физически избавиться от сверхъестественного, если оно облечено в плоть?

Роджерас покачал головой.

— Из руки или ноги — вероятно. Но это… вы же были солдатом и наверняка видели, что происходит с раненными в живот. Даже если вы переживёте болевой шок от операции, вас через несколько дней убьёт лихорадка. — Голос доктора стал печальным. — Я пробовал такое трижды, и то лишь потому, что мои пациенты угрожали убить себя, если я не попытаюсь. Они все умерли. Я не посмею убить ещё одного хорошего человека. Не мучайте себя мыслями о невозможном.

Воспользуйтесь той жизнью, что вам ещё осталась, и молитесь.

«Я молился, и вот к чему это привело…»

— Не говорите принцессе!

— Милорд, — твёрдо ответил врач, — я обязан.

— Но я тоже обязан… только не сейчас! Она не может уложить меня в постель! Я не должен оставлять её одну! — В голосе Кэсерила послышалась паника.

Роджерас поднял брови.

— Ваша верность делает вам честь, лорд Кэсерил. Но успокойтесь! Пока нет никакой необходимости укладывать вас в постель. Кроме того, занятие какими-нибудь несложными делами поможет вам отвлечься от тяжёлых мыслей и подготовить вашу душу.

Кэсерил глубоко вздохнул и решил не объяснять Роджерасу, сколь легка его служба Дому Шалиона.

— Как вам кажется, долго ли ещё я смогу выполнять мою работу?

— До тех пор, пока не решите, что больше не справляетесь, — строго ответил Роджерас. — Пока что вам нужно побольше отдыхать. Чаще, чем вы себе позволяете сейчас.

Кэсерил торопливо кивнул, выражая своё согла-

сие с рекомендациями врача, пытаясь выглядеть одновременно и послушным, и энергичным.

— Есть ещё кое-что важное, — добавил врач, потянувшись, словно собирался встать, но остался сидеть. — Я говорю об этом потому, что вы разумный человек и сможете понять.

— Да? — настороженно спросил Кэсерил.

— Перед вашей смертью — которая произойдёт ещё нескоро, надо надеяться — могу я просить у вас письменное разрешение на изъятие опухоли для моей коллекции?

— Вы коллекционируете подобные мерзости? — Кэсерил скривился. — Обычно люди собирают картины, старинное оружие или статуэтки из слоновой кости. — Обида боролась в нём с любопытством и отвращением. — Хм… а как вы их храните?

— В банках со спиртом, — улыбнулся Роджерас; на щеках его вспыхнул слабый румянец смущения. — Знаю, что это звучит ужасно… но меня не оставляет надежда, что если я достаточно узнаю о них, то когда-нибудь пойму, как извлечь опухоль из человека, не убив его при этом.

— Если это только не кара богов, с которой мы не можем бороться.

— Мы боремся с гангреной, иногда путём ам-

путации. Мы боремся с воспалением челюстей, удаляя больные зубы. Мы боремся с лихорадкой, прикладывая холод и тепло и обеспечивая больному хороший уход. Любое лечение когда-то применялось впервые. — Роджерас замолчал. Через некоторое время он добавил: — Принцесса Исель относится к вам с несомненным уважением и теплотой.

Кэсерил, не зная, как ответить на это, сказал:

— Я служу ей с прошлой весны, она ещё жила в Валенде. А когда-то давно я служил её бабушке.

— Она не склонна к истерикам? Благородные женщины порой… — Роджерас пожал плечами, опасаясь, как бы слова его не прозвучали неуважительно.

— Нет, — должен был признать Кэсерил. — Никто из её свиты этим не страдает. Совсем наоборот. Но, может, всё же не следует говорить дамам столь прямо?.. Они будут потрясены…

— Нет, сказать нужно, — мягко возразил врач. И поднялся на ноги. — Как же иначе принцесса сможет принять верное решение, не обладая достаточными знаниями?

Точно в цель. Кэсерил смущённо последовал за дедикатом наверх.

Бетрис выглянула в коридор, как только услы-

шала их приближающиеся шаги.

— С ним всё будет в порядке? — спросила она Роджераса.

Роджерас поднял руку.

— Минутку, миледи.

Все вместе они вошли в гостиную, где Исель, напряжённо выпрямившись в резном кресле и прижав ладони к коленям, ожидала их возвращения. Она ответила на глубокий поклон Роджераса коротким кивком. Кэсерилу не хотелось смотреть ей в лицо, но услышать, что скажет врач, — хотелось, и потому он опустился в спешно пододвинутое Бетрис кресло. Роджерас в присутствии принцессы остался стоять.

— Миледи, — обратился он к Исель, снова кланяясь ей, словно принося извинения за своё бессилие, — ваш секретарь страдает от опухоли в животе.

Исель взглянула на него с испугом. Лицо Бетрис побледнело и застыло. Наконец Исель проглотила комок в горле и проговорила:

— Но он… он ведь не умирает? Нет?

И со страхом посмотрела на Кэсерила.

Роджерас отвечал туманно, решив, по-видимому, всё же отказаться от прямоты:

— Смерть приходит ко всем по-разному. Сказать

точно, сколько осталось жить лорду Кэсерилу, — это за пределами моих возможностей.

Он посмотрел в сторону и, поймав умоляющий взгляд Кэсерила, поспешно уточнил:

— Нет никаких причин, препятствующих ему оставаться на посту так долго, насколько у него хватит сил. Вы только не должны позволять ему переутомляться. С вашего позволения, я хотел бы осматривать его каждую неделю.

— Конечно, — ответила Исель.

Дав ещё несколько рекомендаций касательно диеты и обязанностей Кэсерила, дедикат вежливо попрощался и покинул покои принцессы.

Бетрис, чьи бархатные глаза застилали слёзы, с трудом проговорила:

— Я и не думала, что всё так ужасно. Кэсерил, я не хочу, чтобы вы умирали!

Кэсерил грубовато ответил:

— Я тоже не хочу, так что нас уже двое.

— Трое, — сказала Исель. — Что мы можем для вас сделать?

Кэсерил, чуть было не ляпнув «ничего», воспользовался моментом и отчеканил:

— Прежде всего будьте так добры, не обсуждайте эту тему с дворцовыми сплетниками. Моё самое горячее желание — сохранить эту инфор-

мацию в тайне. Пока это возможно.

Весть о том, что Кэсерил при смерти, могла натолкнуть ди Джиронала на новые догадки по поводу убийства его брата. Канцлер уже скоро должен был вернуться в Кардегосс, наверняка разочарованный бесплодными поисками подходящего трупа и готовый обдумать всё сызнова.

Исель медленно кивнула в знак согласия, и Кэсерилу было позволено вернуться в кабинет, где он безуспешно попытался сосредоточиться на бухгалтерии. После того как Бетрис в третий раз на цыпочках прошлась по кабинету, шёпотом вопрошая, не хочет ли он чего-нибудь — один раз по приказу принцессы и дважды по собственному почину, — Кэсерил понял, что с этим пора кончать. Он перешёл в контратаку, объявив, что настало время для давно заброшенной ими грамматики. Если они так или иначе не собираются оставить его в покое, то ему следует по меньшей мере извлечь хоть какую-то пользу из их присутствия.

Сегодня обе его ученицы были очень милы, послушны и прилежны. Несмотря на то что он давно мечтал о подобном прилежании на уроках, он вдруг понял, что хотел бы, чтобы этого больше не случалось.

Они повторили большинство грамматических тем, даже нудные наклонения дворцового рокнари. Он вёл себя нарочито резко, чтобы подавить излишнее сочувствие и жалость к себе. Дамы — благословенен будь их гибкий ум — не пытались ему противоречить. К концу урока обе девушки уже вели себя почти как прежде, в спокойные времена, на что он втайне и надеялся, хотя на щеках Бетрис так и не появились столь обожаемые им ямочки.

Исель встала и прошлась по комнате, чтобы немного размять ноги. Она остановилась у окна и уставилась на холодный зимний туман, укрывший расщелину под стенами Зангра. Затем рассеянно потёрла рукав и пробормотала:

— Лавандовый — не мой цвет. Ходишь будто вся в синяках. В Кардегоссе слишком много смертей. Мне бы хотелось, чтобы мы никогда не приезжали сюда.

Посчитав, что согласиться было бы аполитично, Кэсерил просто кивнул и вышел переодеться к обеду.

На улицы и стены Кардегосса пали первые хлопья снега, но после обеда они уже растаяли. Палли сообщал Кэсерилу о прибытии в город один за другим лордов-дедикатов и в обмен

узнавал от своего друга последние дворцовые новости. Кэсерил думал, что если лордам придётся выбирать между храмом и Зангром, Шалион в любом случае проиграет.

Ди Джиронал, а значит, и принц Тейдес вернулись, словно принесённые холодным юго-восточным ветром, что явилось неожиданным неприятным сюрпризом. К облегчению Кэсерила, канцлер возвратился с пустыми руками, с неутолённой жаждой мести. По его лицу невозможно было понять — отчаялся он найти убийцу или приехал, узнав о том, что в Кардегоссе собираются некие силы и делают они это отнюдь не по его вызову.

Тейдес, воротившийся в свои покои в замке, выглядел измученным, исхудавшим и несчастным. Кэсерила это не удивляло. Проверить каждую смерть в трёх провинциях, случившуюся в ночь гибели Дондо, было достаточно тяжело, даже если не принимать во внимание отвратительную погоду.

Пока Дондо устраивал бесконечные увеселения, Тейдес пренебрегал обществом старшей сестры. Теперь же он пришёл навестить её после обеда и не только позволил себя обнять, но и радостно ответил на сестринские объятия, явно страстно

желая поговорить с Исель, чего не случалось уже довольно давно. Кэсерил незаметно ускользнул в свой кабинет и уселся за книги, рассеянно водя по бумаге подсыхающим пером. С тех пор как Орико подарил Исель в качестве приданого доход от шести городов и не забрал свой подарок обратно после гибели жениха, расчёты и документация Кэсерила стали гораздо сложнее.

Он слушал доносившиеся до него через открытую дверь молодые голоса. Тейдес подробно описывал сестре все подробности трудного путешествия: грязные дороги, загнанные лошади, грубые усталые мужчины, ужасная еда, пробирающий до костей холод по ночам. Исель подвела итог голосом, в котором звучала скорее зависть, чем сочувствие, сказав, что эта поездка была хорошей подготовкой для его будущих зимних кампаний. Когда же речь зашла о цели поездки, Тейдес начал обижаться на сестру за её неуважительное отношение к его погибшему герою; Исель же явно не хотелось объяснять ему причины своей глубокой антипатии.

Тейдес до сих пор пребывал в потрясении из-за столь ужасной смерти Дондо, кроме того, он был одним из немногих, кто искренне оплакивал его кончину. Ну а почему нет? Дондо льстил ему,

дарил подарки и уделял много времени. Он ввёл мальчика в новый мир, мир взрослых, во многом опасный и неподходящий для его возраста, но откуда Тейдесу было знать, что пороки взрослых мужчин вовсе не являются их честью и достоинством?

Старший ди Джиронал должен был в сравнении с покойным Дондо казаться холодным и скучным. Ощущение разлада и напряжённости в отношениях между ним и Тейдесом углублялось по мере того, как росло недовольство ди Джиронала безуспешным расследованием. И что ещё хуже, ди Джиронал, который отчаянно нуждался в Тейдесе, был даже не в состоянии скрыть, как мало тот ему нравится, и оставил его на своих подручных — секретаря-воспитателя, охранников и слуг, обращаясь с ним скорее как с обузой, чем как с лейтенантом. И если секретарь и занимался заполнением пробелов в благородном образовании Тейдеса, из рассказа мальчика это никак не явствовало.

Через некоторое время Нан ди Врит попросила молодёжь готовиться к ужину и тем завершила визит Тейдеса. Тот медленно прошёл через кабинет Кэсерила, хмуро разглядывая свои ботинки. Принц вырос почти таким же высоким, как его

сводный брат Орико; его округлое лицо намекало, что он может стать впоследствии таким же широким в плечах и склонным к полноте, но пока мальчик был в отличной форме. Кэсерил перевернул страницу, окунул перо в чернила и, подняв глаза, мягко улыбнулся.

— Как ваши дела, милорд?

Тейдес пожал плечами, но потом развернулся и подошёл к столу Кэсерила. На лице его не было раздражения, оно казалось скорее усталым и взволнованным. Он коротко постучал указательным пальцем по столешнице и уставился на стопку книг и бумаг. Кэсерил переплёл пальцы и бросил на Тейдеса вопросительный взгляд, словно поощряя его начать разговор.

Тейдес вдруг сказал:

— В Кардегоссе что-то не так. Правда?

В Кардегоссе много чего было не так, и Кэсерил не знал, что именно имеет в виду Тейдес. Он осторожно спросил:

— Что заставляет вас так думать?

Тейдес взмахнул рукой и хмыкнул.

— Орико болен и слаб и не управляет государством, как должно. Он слишком много спит, словно старик, но ведь он не настолько стар! И все говорят, он больше не… — Тейдес слегка покрас-

нел, и жесты его стали ещё беспокойнее, — ну, знаете… не может действовать, как мужчина… ну, с женщиной. Вам никогда не казалось, что в его странной болезни есть что-то неестественное?

После лёгкого колебания Кэсерил отважился сказать:

— Ваши наблюдения абсолютно точны, принц.

— Смерть лорда Дондо тоже была неестественной. Я уверен, что всё это как-то связано.

«А мальчик-то задумывается; отлично!»

— Вам следует поделиться своими рассуждениями с…

Нет, только не с ди Джироналом!

— …с вашим братом Орико. Это самая высшая инстанция, в которую вы можете обратиться.

Кэсерил попытался представить Тейдеса, добивающегося от Орико прямого и честного ответа, и вздохнул. Если Исель не смогла воззвать к его разуму, используя столь убедительные доводы, какие же надежды оставались куда менее красноречивому Тейдесу? Орико будет избегать ответа всеми способами.

Должен ли Кэсерил взять это в свои руки? Не только потому, что речь идёт о государственной тайне, а у него нет полномочий на её разглашение — он и знать-то о ней не должен. А ещё… о

проклятии Золотого Генерала Тейдесу должен рассказать сам рей — а не кто-то в обход его или вместо него.

Он молчал слишком долго. Тейдес наклонился, прищурился и прошептал:

— Лорд Кэсерил, что вы знаете?

«Я знаю, что нельзя больше держать вас в неведении. Ни тебя, Тейдес, ни Исель».

— Принц, мне необходимо поговорить с вами об этом позже. Я не могу ответить вам сегодня.

Губы Тейдеса сжались. Он нетерпеливо провёл рукой по своим волосам цвета тёмного янтаря. Его глаза выражали недоверие, неуверенность и — как подумал Кэсерил — странное одиночество.

— Да, понимаю, — вяло проговорил он и повернулся к выходу. Из коридора донёсся его шёпот: — Я обязан сделать это сам…

Если он имел в виду — посоветоваться с Орико, это было хорошо. Кэсерилу следовало прийти к Орико первым и, если этого будет недостаточно, привести Умегата. Он положил перья на место, закрыл книги, перевёл дыхание, переждал боль, возникшую от резкого движения, и поднялся на ноги.

Получить аудиенцию у Орико оказалось значительно сложнее, чем ожидалось. Приняв его за

посланца Исель с очередным запросом относительно замужества с принцем Ибры, рей скрылся от Кэсерила и послал отделаться от непрошеного гостя своего камердинера. Дело осложнялось тем, что разговор должен был происходить в приватной обстановке — с глазу на глаз — и так, чтобы их не могли прервать. После ужина Кэсерил прохаживался по коридору у банкетного зала, опустив голову и размышляя, как заставить всё-таки рея пойти на разговор, когда кто-то схватил его за плечо и развернул кругом.

Он поднял глаза, и извинения за рассеянность замерли у него на устах. Перед ним стоял сьер ди Джоал, один из оставшихся не у дел громил Дондо — как же зарабатывали себе на карманные расходы все эти пропавшие души? Подкармливал ли их брат Дондо? С ним были сьер ди Марок и ещё какой-то ухмылявшийся приятель.

— Невежа! — проревел ди Джоал, немного переигрывая. — Да как вы осмелились отпихнуть меня от двери?!

— Прошу прощения, сьер ди Джоал, — проговорил Кэсерил. — Я задумался.

С лёгким полупоклоном Кэсерил попытался обойти эту троицу. Но ди Джоал шагнул в сторону, преграждая Кэсерилу путь к отступлению, и

откинул полу плаща, продемонстрировав рукоять меча.

— Я сказал, что вы отпихнули меня. Вы что, считаете, что я лгу?

«Ах, так это ловушка. Понятно».

Кэсерил остановился, его губы сжались. Он устало спросил:

— Чего вы хотите, ди Джоал?

— Приведите свидетелей! — Ди Джоал махнул рукой своему приятелю и ди Мароку. — Он толкнул меня.

Его приятель послушно повторил:

— Да-да, я видел!

Ди Марок смотрел как-то неуверенно.

— Вы расплатитесь со мной за это, лорд Кэсерил! — прошипел ди Джоал.

— Да, я вижу, — сухо ответил Кэсерил. Было ли это пьяной глупостью или заранее продуманной попыткой убить его? Дуэль до первой крови, под крики: «Меч соскользнул, клянусь честью! Он сам напоролся на остриё!» и при огромном количестве купленных свидетелей, чтобы подтвердить непреднамеренность убийства, — проверенная практика и выход для гордых и пылких молодых придворных.

— Я утверждаю, что получу три капли вашей

крови, чтобы смыть это оскорбление!

Обычный вызов.

— А я говорю, что вам следует подержать голову в ведре с холодной водой, пока она не остынет, мальчик. Я не дерусь на дуэлях. Понятно? — Кэсерил откинул плащ и показал, что не прицепил меч, собираясь на ужин. — Так что позвольте мне пройти.

— Уррак, одолжите трусу ваш меч! У меня есть два свидетеля. Мы разберёмся прямо сейчас! — и ди Джоал подбородком указал на дальнюю часть коридора, ведущего на главный двор.

Уррак отстегнул свой меч и, оскалившись, бросил его Кэсерилу. Тот поднял бровь, но не руку, и меч в ножнах со звоном упал к его ногам. Он подтолкнул его обратно к владельцу.

— Я не дерусь на дуэлях.

— Я что, должен назвать вас трусом в лицо? — спросил ди Джоал. Его губы приоткрылись, дыхание стало прерывистым в предвкушении драки. Краем глаза Кэсерил увидел пару приближавшихся к ним придворных, привлечённых громкими голосами и торопившихся успеть, чтобы не пропустить самое интересное.

— Называйте меня, как вам больше нравится… в зависимости от того, сколь полным дураком вы

хотите прослыть. Ваш лепет ничего для меня не значит. — Кэсерил вздохнул, пытаясь изобразить равнодушие и усталость, но кровь пульсировала в его жилах всё быстрее. От страха? Нет. От ярости…

— Вы носите титул лорда. Неужели у вас нет чести лорда?

Кэсерил приподнял уголок рта, но отнюдь не в улыбке.

— Неверное понимание чести — это болезнь, от которой успешно лечат надсмотрщики на галерах.

— Что же, тем лучше для вашей чести. Вы же не откажете в трёх каплях крови для меня?

— Конечно. — Голос Кэсерила стал странно спокойным, сердце, только что бешено колотившееся в груди, вдруг замедлило свой бег. Губы растянулись в странной ухмылке. — Конечно, — выдохнул он снова.

Кэсерил поднял левую руку ладонью вверх, а правой резким движением выхватил из ножен на поясе нож. Ещё недавно он резал им хлеб. Рука ди Джоала стиснула рукоятку меча и потянула его наверх.

— Только не здесь! — взволнованно закричал ди Марок. — Вы же знаете, что надо выйти во

двор, ди Джоал! Во имя Брата, у него нет меча… так нельзя!

Ди Джоал заколебался; Кэсерил, вместо того чтобы двинуться к нему, засучил левый рукав и медленно провёл лезвием ножа по своему запястью. Он не почувствовал боли. Показалась кровь, блестящая в свете свечей тёмно-красная жидкость. Она не брызнула опасным для жизни фонтаном, потекла медленно. Странный туман заволок глаза, и всё внимание Кэсерила сосредоточилось единственно на неуверенной ухмылке молодого глупца, который так хотел его крови.

«Ты получишь мою кровь».

Он вернул нож на место. Ди Джоал, уже не очень понимавший, в чём дело, опустил свой меч обратно в ножны и загородился от Кэсерила ладонью. Улыбаясь, Кэсерил поднял руки и двинулся к нему.

Он заставил испуганного ди Джоала попятиться к стене, в которую тот и ударился лопатками со стуком, разнёсшимся по всему коридору. Кэсерил сжал правой рукой горло ди Джоала, затем поднял свою жертву, оторвал от пола и прижал затылком к стене; правым коленом Кэсерил упёрся ему в пах, так что ди Джоал не мог вырваться. Когда же тот попытался отбиться, Кэсерил пой-

мал в стальной захват и его руку. Побагровевший на глазах юнец не мог даже вскрикнуть, чтобы не привлекать внимания; глаза его стали круглыми и безумно вращались в орбитах, с губ срывался только хрипящий стон. Головорезы Дондо знали, что руки Кэсерила привыкли держать перо; они забыли, что этим рукам довелось много работать вёслами. Ди Джоал перестал дёргаться.

Кэсерил вполголоса прорычал ему в ухо, тихо, но так, что услышали все:

— Я не дерусь на дуэлях, мальчик. Я убиваю, как убивает солдат, как убивает мясник на бойне — быстро, с минимальным риском для себя. Если я решу тебя убить — ты умрёшь, когда я захочу, как я захочу и где я захочу, а ты даже не заметишь удара.

Он отпустил безвольно повисшую руку ди Джоала и, поднеся к его лицу окровавленное левое запястье, прижал его к трясущимся губам своей жертвы.

— Ты хотел три капли моей крови, чтобы удовлетворить свою честь? Так ты выпьешь их.

Кровь размазывалась по лицу, по стучащим зубам ди Джоала, но тот даже не пытался укусить Кэсерила.

— Пей, будь ты проклят! — Кэсерил плотнее

прижал руку к его лицу, измазанному кровавыми потёками, и ощутил колкость пробивавшейся на подбородке юнца щетины. В слезах, заполнивших испуганные глаза ди Джоала, отражалось яркое сияние свечей. Кэсерил увидел, что эти глаза начинают туманиться.

— Кэсерил, ради всех богов, позвольте ему вздохнуть! — прорвался сквозь красный туман в сознании Кэсерила тревожный крик ди Марока.

Он ослабил хватку, и ди Джоал судорожно втянул воздух. Удерживая его коленом, Кэсерил сжал окровавленную руку в кулак и сильно ударил его в живот. Ноги ди Джоала судорожно дёрнулись. Тогда Кэсерил отпустил его и отступил.

Ди Джоал упал на пол и скорчился, обхватив руками живот, задыхаясь, кашляя, всхлипывая и даже не пытаясь подняться. Через мгновение его вырвало.

Кэсерил переступил через мешанину вина и непереваренной пищи и пошёл к Урраку, который боязливо пятился от него, пока не наткнулся на дальнюю стену. Кэсерил наклонился к его лицу и мягко повторил:

— Я не дерусь на дуэлях. Но если вы ищете смерти, как взбесившийся бык, заденьте меня снова.

Он развернулся; перед глазами качнулось блед-

ное лицо ди Марока, белые пересохшие губы прошептали:

— Кэсерил, вы сошли с ума?

— Проверьте, — свирепо оскалился Кэсерил.

Ди Марок отступил. Кэсерил зашагал по коридору мимо столпившихся там людей, капли крови, стекая с его пальцев, падали на пол. Он вышел в пронизывающий холод ночи. Захлопнувшаяся дверь заглушила обсуждавшие происшествие голоса.

Кэсерил почти бежал по двору к своим покоям, в убежище; и шаги, и дыхание всё ускорялись — запоздалый страх? Отрезвление? Живот скрутило, когда он поднимался по каменной лестнице. Пальцы тряслись, он не мог попасть ключом в замок. Ключ дважды падал на пол, пришлось держать его двумя руками, чтобы наконец справиться с замком. С трудом закрыв за собой дверь, Кэсерил со стоном упал на кровать. Его призрачная свита, разлетевшаяся во время стычки, ещё не вернулась. Кэсерил повернулся на бок и свернулся калачиком, обхватив разрывавшийся от боли живот. Теперь начало болеть порезанное запястье. Голова тоже решила не отставать.

Ему доводилось видеть берсерков — несколько раз, в безумстве боя. Он никогда раньше не пред-

ставлял себе, что подобное состояние возникает изнутри. Никто не упоминал головокружительного восторга, как от вина или занятий любовью. Необычное, но вполне естественное чувство — результат нервного напряжения, близости гибели, испуга, перемешанных вместе в сжатом пространстве и времени. Совсем не сверхъестественное. А что, если эта штука в животе пыталась выбраться, заманить его в ловушку смерти, чтобы освободиться самой…

«Ох».

«Ты знаешь, что ты сделал Дондо. Теперь ты знаешь, что Дондо делает тебе».

Глава 17

На следующий день Кэсерил совершенно случайно обнаружил поздним утром Орико, выходившего из ворот Зангра в сторону зверинца в сопровождении единственного пажа. Кэсерил засунул письма, которые нёс в канцелярию, во внутренний карман камзола и развернулся на сто восемьдесят градусов у самой двери башни Иаса. Камердинер рея ранее отказался потревожить сон своего господина, которому тот предавался после завтрака; видимо, Орико наконец поднялся и отправился в поисках утешения в зверинец, к своим животным. Кэсерилу было интересно, проснулся ли рей с той же головной болью, что и он.

Вышагивая по булыжникам, он перебирал в уме свои доводы. Если рей боится действовать, Кэсерил мог бы возразить, что бездействие — это следствие болезненного влияния проклятия. Если рей будет настаивать, что дети слишком юны, он мог бы заметить, что тогда не следовало привозить их в Кардегосс. Но раз уж они здесь и Орико не может защитить их, он обязан ради самих детей и ради Шалиона сообщить им об

угрожающей опасности. Кэсерил мог позвать Умегата, который подтвердил бы, что рей на самом деле не несёт всё проклятие на себе. «Не посылайте их в битву с завязанными глазами», — попросил бы он в надежде, что отчаянный крик Палли, тронувший в своё время его сердце, убедит и Орико. А если нет…

Если ему придётся взять дело в свои руки — следует ли ему сначала рассказать всё Тейдесу, как наследнику Шалиона, и затем просить его защитить сестру? Или сначала поговорить с Исель, чтобы она помогла ему с более сложным и упрямым Тейдесом? Во втором случае он очень удачно мог бы укрыться за юбками принцессы, при условии, конечно, что выдержит жёсткий перекрёстный допрос, когда та примется дознаваться, каким образом он всё это узнал.

Стук копыт прервал его раздумья. Кэсерил поднял глаза как раз вовремя, чтобы отскочить с дороги выезжавшей из конюшен кавалькады. Возглавлял всадников принц Тейдес на своём вороном жеребце. За ним следовали гвардейцы Баосии и их капитан. На фоне чёрно-лавандовых траурных одежд круглое лицо принца казалось бледным и безжизненным в свете зимнего солнца. Кольцо с зелёным камнем блеснуло на пальце

капитана, ответившего Кэсерилу вежливым салютом.

— Куда направляетесь, принц? — окликнул Кэсерил. — На охоту?

Компания действительно была вооружена как для охоты — мечами, луками, копьями и дубинками.

Тейдес придержал затанцевавшего под ним коня и посмотрел на Кэсерила.

— Нет, просто проедемся вдоль реки. Зангр такой… скучный сегодня.

Действительно. Ну а если удастся подстрелить оленя или двух — что же, они готовы принять этот подарок богов. Но никакой настоящей охоты во время траура, разумеется, нет!

— Да, понимаю. — Кэсерил подавил улыбку. — Это будет полезно для лошадей.

Тейдес снова взял поводья; Кэсерил отступил назад, затем вдруг добавил:

— Я поговорю с вами позже, принц, по поводу того, о чём мы беседовали вчера.

Тейдес повернул к нему голову и нахмурился — на согласие это не больно-то походило, но было именно таковым. Кэсерил низко поклонился, и всадники уехали.

Он так и остался согнутым в поклоне, так как в

живот ударила резкая невыносимая боль, словно жеребец хорошо подкованным копытом. Дыхание прервалось. Мучительные волны, рождаясь в животе, расходились по всему телу; прожигающие спазмы достигали даже ладоней и ступнёй. Страшное видение, навеянное словами Роджераса, встало перед глазами — чудовище-демон, прогрызающий себе путь наружу. Один или два? Без тел, чтобы привязать к ним свои души, в руках леди, запертые её магией, — могли ли демон и Дондо смешаться в единую жуткую сущность? Ведь он различал по ночам только один голос, завывающий в его животе, а не два. Колени Кэсерила ударились о холодные камни двора. Он сделал судорожный вдох. Мир словно заскакал вокруг резкими прерывистыми движениями.

Через несколько минут за его плечом замаячила тень, за которой шлейфом тянулся крепкий запах конского навоза. Чья-то рука легла ему на плечо, и грубый голос пробубнил в ухо:

— Милорд! С вами всё в порядке?

Кэсерил с трудом сморгнул и увидел склонившегося над ним конюха — мужчину средних лет с плохими зубами.

— Не… совсем, — удалось выдавить ему.

— Может, вам следует пойти к себе?

— Да… пожалуй…

Конюх помог ему подняться на ноги и, придерживая под локоть, провёл через ворота к жилому зданию. У подножия каменной лестницы Кэсерил, задыхаясь, проговорил:

— Подождите… немного…

И тяжело осел на ступени.

После неловкой паузы конюх спросил:

— Может, вам привести кого, милорд? Я должен вернуться к работе.

— Это… просто спазм. Сейчас всё пройдёт. Со мной всё будет в порядке, идите. — Боль медленно отступала, оставляя странное ощущение жара.

Конюх неуверенно нахмурился, посмотрел на Кэсерила, затем кивнул и удалился. Кэсерил медленно начал выравнивать дыхание, постепенно обрёл равновесие и смог выпрямить спину. Мир перестал скакать и пульсировать. Даже парочка призраков, пристроившихся у его ног, притихла. Кэсерил посмотрел на притаившиеся в тени лестницы привидения и подумал, какое же холодное и одинокое существование влачат они в своём неизбежном разрушении, теряя всё то, что делало их личностью, мужчинами и женщинами. На что это похоже, когда душа вот так медленно разлагается, — на то, как разлагается, теряя плоть,

тело? Осознают ли это призраки или со временем сознание их милосердно гаснет? Легендарный ад Бастарда, в котором грешника ждали самые разнообразные пытки, казался чуть ли не раем по сравнению с этой неприкаянностью.

— Эй, Кэсерил! — Удивлённый голос заставил его поднять голову. Палли, поставив обутую в высокий сапог ногу на первую ступеньку лестницы, вопросительно смотрел на друга. Позади него переминались с ноги на ногу два молодых человека в сине-белых одеждах ордена Дочери и в серых шерстяных плащах для верховой езды.

— Я как раз к тебе. — Палли прищурился. — Что ты делаешь на лестнице?

— Да так, решил передохнуть. — Кэсерил выдавил лёгкую улыбку и поднялся на ноги, хотя ему и пришлось, как бы случайно, ухватиться рукой за стену, чтобы сохранить равновесие. — В чём дело?

— Я надеялся, что у тебя будет время сходить со мной в храм. И рассказать кое-кому об этом, — указательный палец Палли описал несколько небольших кругов в воздухе, — дельце в Готоргете.

— Уже?

— Ди Джеррин прибыл прошлой ночью. Теперь

нас вполне достаточно, чтобы принять решение. Ну а поскольку ди Джиронал тоже вернулся в город, пора браться за дело безотлагательно.

Конечно. Кэсерил мог повидаться с Орико и после возвращения из храма. Он посмотрел на двух сопровождавших Палли молодых людей и снова перевёл взгляд на друга, словно спрашивая: «Это надёжные уши?»

— А… — Палли широко улыбнулся. — Позволь представить: мои кузены Ферда и Фойкс ди Гьюра. Они прибыли со мной из Паллиара. Ферда — помощник моего шталмейстера, а его младший брат Фойкс… э-э… мы держим его для поднятия тяжестей. Поклонитесь кастиллару, мальчики.

Тот, что был пониже и поплотнее, по-детски широко улыбнулся, и оба брата вежливо и изящно поклонились. У них с Палли были общие фамильные черты — строгие, чёткие линии челюстей и яркие карие глаза. Ферда был среднего роста, жилистый — настоящий всадник; ноги у него уже были кривоваты. Фойкс по сравнению с братом казался коренастым, широким и мускулистым. Оба выглядели настоящими сельскими лордами — здоровые, весёлые и простодушные. И пугающе юные. Однако слово «кузены», слетевшее с губ Палли, ответило на молчаливый вопрос

Кэсерила.

Братья двинулись вслед за Кэсерилом и Палли, когда те вышли из ворот Зангра и направились в Кардегосс. Сколь юны они ни были, но глаза их внимательно следили за всем происходившим вокруг, а рукояти мечей словно ненароком выглядывали из-под плащей. Кэсерил обрадовался, что Палли не разгуливает без сопровождения по улицам Кардегосса даже в такой яркий зимний полдень. Он напрягся, проходя мимо каменных стен дворца ди Джиронала, но из-за обитой железом двери не показался ни один вооружённый головорез, чтобы воспрепятствовать их движению. И по дороге на храмовую площадь самая большая компания, которая им встретилась, состояла из трёх служанок. Девушки улыбнулись мужчинам в форме ордена Дочери, захихикали и зашептались между собой. Это слегка встревожило братьев ди Гьюра или по крайней мере заставило их решительнее зашагать прочь.

Огромное здание дома Дочери вытянулось вдоль одной из сторон пятиугольной храмовой площади. Главные ворота предназначались для входа женщин и девушек, составлявших большую часть служителей, священников и дедикатов Дочери. Мужчины её священного во-

енного ордена пользовались отдельным входом, зданием и конюшней для курьерских лошадей. Коридоры в военном штабе были холодными, несмотря на горящие повсюду свечи и лампы и изобилие на стенах разнообразных ковров и гобеленов, старательно вытканных благородными дамами Шалиона. Кэсерил двинулся было в главный зал, но Палли повёл его по другому коридору и вверх по лестнице.

— Вы не собираетесь в зале лордов-дедикатов? — удивился Кэсерил.

Палли покачал головой.

— Он слишком холодный, слишком большой и слишком пустой. Чувствуешь себя абсолютно незащищённым. Для таких закрытых заседаний и обсуждений мы выбрали комнату, где чувствуем себя сильными. Да и ноги там не мёрзнут.

Палли оставил братьев ди Гьюра в коридоре наслаждаться яркими красками гобелена, на котором была изображена сцена из легенды о деве и кувшине воды — дева и богиня были весьма соблазнительны, — и провёл Кэсерила мимо двух гвардейцев Дочери, пристально посмотревших в их лица и отсалютовавших Палли, в двойные двери, украшенные резными перевитыми лозами. В комнате за длинным столом сидели около

двух дюжин мужчин. Здесь было довольно тесно, но тепло, а главное, как подумал Кэсерил, — достаточно приватно. В дополнение к хорошим восковым свечам свет проникал в комнату сквозь украшенное витражом окно, где любимые весенние цветы леди не сдавались зимней стуже.

Коллеги Палли — лорды-дедикаты в сине-белых ярких одеждах — сидели за столом. Среди них были и совсем молодые, и седобородые, и богатые, и не очень, но всех объединяло серьёзное выражение лиц. Провинкар Джеррина, высокородный лорд Шалиона, сидел во главе стола, у окна. Кэсерил с интересом подумал, как много среди присутствующих шпионов или просто несдержанных на язык людей. Их было слишком много для успешного сохранения тайны, несмотря на все принятые предосторожности.

«Леди, направь их к мудрости».

Палли поклонился и сказал:

— Милорды, это кастиллар ди Кэсерил, который был моим командиром и комендантом крепости во время осады Готоргета. Он пришёл свидетельствовать перед вами.

Палли занял пустовавший стул, а Кэсерил остался стоять. Другой лорд-дедикат привёл его к присяге: говорить только правду во имя богини.

Кэсерил особо рьяно и искренне повторил: «И пусть её руки держат меня и не отпускают».

Ди Джеррин начал задавать вопросы. Он был очень проницателен и, без сомнения, хорошо информирован Палли, так как ему удалось извлечь из Кэсерила весь рассказ о том, что с ним произошло после Готоргета, за считанные минуты. Кэсерил не вдавался в описания особо ярких подробностей. Впрочем, некоторым из присутствовавших они были и не нужны — по сжатым губам стало ясно, как много из недосказанного они поняли сами. Безусловно, кое-кто захотел услышать, с чего началась его вражда с лордом Дондо, и Кэсерилу пришлось неохотно поведать, как он едва не остался без головы в палатке принца Олуса. Считалось невежливым плохо отзываться о покойниках, ведь — теоретически — они не могли защитить своё имя от нападок. В случае с Дондо Кэсерил не был так уверен. В итоге он рассказал всё как можно более сжато и сухо. Несмотря на свою краткость, в течение всего рассказа он упирался ладонями в стол, чувствуя опасное головокружение.

Затем последовали короткие дебаты по поводу поиска свидетелей, что раньше казалось Кэсерилу невозможным. Ди Джеррин, похоже, думал

иначе. Но ведь Кэсерил никогда не задумывался о возможности получить показания у выживших рокнарцев или у сестёр ордена Дочери в приграничных рокнарских миссиях.

— Но, милорды, — вставил Кэсерил в одной из коротких пауз в потоке предложений и возражений, — даже если мои слова подтвердились бы двенадцать раз самыми разными свидетелями, мой случай — это пустяки. Совсем не то, с чем стоит выходить против высокопоставленного человека. Это же не предательство лорда ди Льютеса.

— Как раз это не было окончательно доказано, даже до сих пор, — строго проговорил ди Джеррин тихим голосом.

— А что же тогда не пустяки? — вклинился Палли. — Я считаю, боги принимают во внимание не высокое положение, а деяния человека. Мне кажется, что подобное разрушение человеческой жизни — мимоходом, не задумываясь — просто отвратительно.

Кэсерил ещё тяжелее опёрся о стол, молясь лишь о том, чтобы не упасть в обморок и не «разрушиться» в качестве красочной иллюстрации к этой драматической фразе. Палли настаивал, чтобы его голос был выслушан на совете — что

ж, хорошо, но пусть голос его будет голосом осторожности и благоразумия.

— Выбор нового священного генерала, — сказал он, — целиком подпадает под ваши полномочия, лорды. Орико может даже сразу согласиться с вашим предложением, если вы не станете усложнять его задачу. Угрозы же канцлеру Шалиона и священному генералу ордена Сына уже не в вашей компетенции, и я уверен, что вам никогда не убедить Орико встать на вашу сторону. Я рекомендую вам воздержаться от подобного шага.

— Всё или ничего! — выкрикнул кто-то.

— Мы никогда не допустим второго Дондо… — начал другой.

Ди Джеррин поднял руку, призывая к спокойствию.

— Благодарю вас, лорд Кэсерил, и за ваше свидетельство, и за ваше мнение. — Его слова призывали коллег заметить разницу между первым и вторым. — Мы должны закончить собрание в закрытом составе.

Его отпускали. Палли отодвинул стул и поднялся на ноги. Выйдя из коридора вместе с ди Гьюра и пройдя под воротами дома Дочери, Кэсерил обнаружил, что его эскорт так и следует за ним по улицам Кардегосса, и удивился.

— Разве вы не должны вернуться на совет? — спросил он, когда они свернули с площади на улицу.

— Ди Джеррин расскажет мне обо всём, когда я вернусь, — ответил Палли. — Я хочу доставить тебя к воротам Зангра в целости и сохранности. Я не забыл твой рассказ о бедняге ди Санде.

Кэсерил оглянулся на двух молодых офицеров. Ох. Так вооружённая охрана была не для Палли, а для него. Он решил не обсуждать этот вопрос и поинтересовался:

— А кто самый вероятный кандидат для представления Орико? Ди Джеррин?

— Я выберу его, — ответил Палли.

— Он, похоже, пользуется уважением в вашем совете. У него есть в этом свой интерес?

— Может быть. Но в случае назначения его генералом он собирается передать должность провинкара своему старшему сыну, чтобы полностью посвятить себя ордену.

— О! Это как раз то, что должен был сделать Мартоу ди Джиронал по отношению к ордену Сына.

— Точно. Слишком много постов, и как можно служить хоть на одном из них с полной отдачей?

Они взобрались на холм, петляя по выло-

женным булыжником мостовым города. Узкие улочки с торговыми рядами сменились просторными богатыми кварталами. Кэсерил снова вспомнил о ди Джиронале, проходя мимо его дворца. Если проклятие искажает и извращает добродетель, что именно оно исказило в Мартоу ди Джиронале? Может быть, любовь к семье, которая переросла в преследование всех, кто к ней не относится? Его доверие к брату Дондо наверняка не раз обращалось в слабость и приводило к поражению. Возможно.

— Ну… надеюсь, разум восторжествует.

Палли сморщился.

— Двор сделал из тебя дипломата, Кэс.

Кэсерил слабо улыбнулся в ответ.

— Я не могу даже сказать, что сделал из меня двор… Ой! — Он метнулся в сторону, когда один из воронов Фонсы вдруг сорвался с крыши и с отчаянным криком камнем бросился вниз, к нему. Птица уселась на мостовую возле его ног, каркая и хлопая крыльями. За ней последовали ещё две. Один ворон уселся на отведённую в сторону руку Кэсерила и, крепко вцепившись в рукав когтями, кричал и раскачивался из стороны в сторону. В воздухе закружилось несколько чёрных перьев.

— Проклятые птицы! — Кэсерил уже начал

думать, что вороны потеряли к нему интерес, но вот вам, пожалуйста, они снова здесь со всем своим восторженным энтузиазмом!

Палли, со смехом отскочивший назад, посмотрел наверх.

— Пятеро богов, их что-то встревожило. Над Зангром вьётся целая стая. Смотри, они кружат над замком!

Ферда ди Гьюра приставил ладонь ко лбу и посмотрел туда, куда указал Палли. Там носились вихрем тёмные пятнышки, словно туча чёрных листьев, поднятая ветром. Его брат Фойкс зажал руками уши — вороны продолжали громко каркать у ног — и повысил голос:

— Вот это шум!

Это не священный транс у птиц, понял Кэсерил, они в панике. Сердце заледенело в груди.

— Что-то не так. Скорее!

Для бега в гору у него практически не было сил. И когда они добрались до конюшен, он прижимал руку к разрывавшемуся от боли животу. Над головой его кружились птицы. Сквозь неумолчное безумное карканье воронов едва слышались человеческие крики.

Грум из зверинца, шатаясь, кружил по двору возле входа, плача и крича; по лицу его текла

кровь. Двое гвардейцев Тейдеса в баосийской форме стояли около двери зверинца с мечами наголо, удерживая трёх гвардейцев Зангра, которые нерешительно топтались перед ними, также обнажив клинки, но не отваживаясь вступить в схватку. Вороны выказывали отвагу, граничившую с отчаянием. Они неуклюже пытались царапать и бить клювами баосийцев. Баосийцы, отбиваясь, проклинали их. Две кучки чёрных перьев лежали на камнях — одна неподвижная, другая ещё вздрагивала.

Кэсерил бросился к дверям, рыча:

— Что тут, во имя Бастарда, происходит?! Как вы осмелились поднять руку на священных птиц?

Один из гвардейцев направил на него меч.

— Назад, лорд Кэсерил! Вам нельзя входить! У нас приказ принца!

Губы Кэсерила побелели от ярости, он оттолкнул меч замотанной в плащ рукой и вырвал его у баосийца.

— Отдай сюда, дурак! — Он бросил меч на камни возле гвардейцев Зангра и Палли, побледневшего от ужаса при виде того, как его безоружный друг бросился на клинок. Меч с лязгом упал, и Фойкс наступил на него ногой и прижал своим внушительным весом, хмуро оглядываясь по сторонам.

Кэсерил повернулся ко второму баосийцу, опустившему меч. Тот, пятясь, быстро прокричал:

— Кастиллар, мы делаем это, чтобы защитить жизнь рея Орико!

— Делаете что? Орико там? О чём это вы?

Кошачий рык, донёсшийся изнутри и перешедший в вой и стон, заставил Кэсерила развернуться. Он предоставил растерянных баосийцев гвардейцам Зангра, приободрившимся и почувствовавшим силу, и бросился в тёмный коридор зверинца.

Старый немой грум стоял, согнувшись, на коленях, из его рта вырывались путающие, похожие на вой звуки. Он прижимал к лицу руки без больших пальцев, из-под них тонкой струйкой текла кровь. На звук шагов Кэсерила он поднял голову; испачканный кровью его рот скривился, и он снова застонал. Бегом миновав клетки с медведями, Кэсерил заметил две неподвижные туши с торчавшими из мокрого от крови меха стрелами. Дверь клетки с веллами была распахнута, животные лежали на жёлтой соломе, глядя в пространство широко раскрытыми застывшими глазами. У них были перерезаны горла.

В конце коридора он увидел принца Тейдеса, который поднимался на ноги над распростёртым

телом пятнистой кошки. Принц оттолкнулся от земли окровавленным мечом и опёрся на него, тяжело дыша. Он дико и возбуждённо озирался. Тень нависала над ним, как полуночная грозовая туча. Увидев Кэсерила, он свирепо оскалился.

— Ха! — выкрикнул он.

Капитан баосийцев выглянул из птичника, заметив приближение Кэсерила. В руке его ещё была зажата маленькая пёстрая птичка со свёрнутой шейкой. Кучки разноцветных перьев — мёртвые и умирающие птицы всех размеров — усеивали пол клетки; некоторые ещё беспомощно трепыхались.

— Остановитесь, кастиллар… — начал капитан.

Но слова застыли у него на устах, когда Кэсерил схватил его за тунику и сильным рывком швырнул на пол, под ноги бежавшего позади Палли. Тот бормотал на ходу:

— Бастард плачет. Бастард плачет…

Палли всегда бормотал эти слова в бою, когда меч его без устали поднимался и опускался на вражеские головы, а дыхания на крик уже не хватало. Кэсерил отлично помнил это по Готоргету.

— Взять его, — бросил Кэсерил через плечо и зашагал к Тейдесу.

Тейдес встретил взгляд Кэсерила, вздёрнув подбородок.

— Вы не можете остановить меня — я сделал это! Я спас рея!

— Что-что-что?… — Кэсерил был настолько потрясён и пребывал в такой ярости, что не мог даже подобрать подходящие слова. — Глупый мальчишка! Это же безумие — это… это… — Он развёл руки в стороны и потряс ими.

Тейдес подался к нему, сверкая зубами в торжествующей улыбке.

— Я разрушил проклятие, чёрную магию, которая делала Орико больным! Она исходила от этих адских животных. То был коварный дар из Рокнара, чтобы медленно отравить рея. И мы убили рокнарского шпиона… я думаю… — Тейдес с некоторым сомнением оглянулся назад.

Только тогда Кэсерил заметил на полу в глубине коридора ещё одно тело. Умегат лежал на боку, столь же неподвижный, как его птицы и веллы. Трупики песчаных лисов валялись неподалёку. Кэсерил не заметил его с самого начала, потому что белое сияние исчезло. Мёртв? Застонав, он бросился к Умегату и упал на колени рядом. Слева голова была рассечена, растрёпанные, бронзовые с сединой волосы — в запёкшейся крови. Кожа

была серой, но из раны ещё сочилась кровь, значит…

— Он ещё дышит? — спросил Тейдес, выглядывая из-за плеча Кэсерила. — Капитан ударил его рукояткой меча, когда он не захотел дать нам дорогу.

— Глупый, глупый, глупый мальчишка!

— Вовсе нет! Это он за всем стоял! — Тейдес кивнул в сторону Умегата. — Рокнарский колдун, посланный иссушить и убить Орико.

Кэсерил сжал зубы.

— Умегат — настоятель храма. Посланный волей Бастарда заботиться о священных животных, данных богом, чтобы сохранять жизнь Орико. И если ты не убил его — то это единственный твой удачный поступок. — Слабое дыхание Умегата стало прерывистым, руки и тело были холодны, как у трупа. Но он дышал.

— Нет… — Тейдес покачал головой. — Вы ошибаетесь, этого не может быть… — но героический энтузиазм на его лице впервые сменился сомнением.

Кэсерил поднялся на ноги, Тейдес немного отступил. Повернувшись к Палли, который — благословение богам — оказался за спиной, Кэсерил обнаружил рядом с ним Ферду. Молодой

человек ошеломлённо оглядывался по сторонам. Палли по крайней мере мог оказать первую помощь раненым.

— Палли, будь за старшего, осмотри раненых грумов, за этим пригляди особенно, — и он указал на угасшее тело Умегата. — Возможно, у него проломлен череп. Ферда!

— Да, милорд?

Форма Ферды должна была служить ему пропуском в храм.

— Беги в храм. Найди старшего настоятеля Менденаля. Не позволяй никому остановить тебя, ты должен встретиться с ним лично. Расскажи, что здесь произошло, и пусть он пришлёт врачей. Скажи, что Умегату нужна помощь акушерки Матери, особенной акушерки. Так и скажи. Он поймёт. Поторопись!

Палли, уже опустившийся на колени рядом с Умегатом, добавил:

— Дай мне твой плащ. А теперь — беги, мальчик!

Ферда протянул плащ своему командиру, развернулся и убежал. Палли начал закутывать шерстяной тканью лежавшего без сознания рокнарца.

Кэсерил повернулся к Тейдесу. Тот чувствовал

себя уже весьма неуверенно. Принц отступил к безжизненной туше леопарда — шесть футов от носа до кончика хвоста, — неподвижно лежавшей на полу. Красивый густой мех скрывал раны — о них свидетельствовали только кровавые пятна на боках. Кэсерил подумал об израненном кинжалами теле ди Санды.

— Я убил его моим мечом, потому что он хоть и заколдованный, но всё же королевский символ, символ моего Дома, — пояснил Тейдес. — И у меня хватило на это смелости. Он поцарапал мне ногу. — Он неловко нагнулся и потёр правую голень, штанина на которой и вправду была порвана и испачкана кровью.

Тейдес был наследником Шалиона, братом Исель. Кэсерил не мог желать, чтобы животное перегрызло ему горло. Не должен был по крайней мере.

— Пятеро богов, как вы додумались до такого абсурда?

— Это не абсурд! Вы знали, что болезнь Орико — от колдовства! Я видел это по вашему лицу… демоны Бастарда, да любой бы увидел! Лорд Дондо раскрыл мне тайну перед смертью. Его убили… убили, чтобы это так и осталось тайной — я так думаю, — но было уже поздно!

— И вы придумали это нападение… сами?

Тейдес гордо вскинул голову:

— Нет, но раз уж я остался один, я взял всё на себя! Мы должны были сделать это вместе — я и Дондо, после его свадьбы с Исель. Разрушить проклятие и очистить Дом Шалиона от его адского влияния. Но это довелось сделать мне одному. Я стал знаменосцем Дондо, его карающей рукой, и нанёс этот последний удар во имя Шалиона!

— О! О! — Кэсерил был вне себя. Но неужели Дондо сам верил в эту чушь? Или это просто был хитрый план — использовать Тейдеса для того, чтобы обессилить или убить Орико? Злая воля или глупость? С Дондо нельзя быть до конца уверенным. — Нет!

— Лорд Кэсерил, что нам делать с этими баосийцами? — раздался голос Фойкса.

Кэсерил перевёл взгляд на обезоруженного капитана, которого держали Фойкс и один из гвардейцев Зангра.

— А вы!.. — зарычал на него Кэсерил. — Тупое орудие, глупец… пойти на столь безумное святотатство и не сказать никому ни слова! Или вы до сих пор на побегушках у Дондо? Взять его и этих людей, посадить в камеру до тех пор, пока… — Кэсерил заколебался. За всем этим стоял Дондо

— о да, он всё-таки довёл дело до беды, оставил свой след! — но в данном случае, как подозревал Кэсерил, Мартоу его не поддерживал. Скорее наоборот. — Пока канцлер не будет поставлен в известность и не примет решение! А вы, — коротким командным жестом он подозвал остальных гвардейцев Зангра, — бегите в канцелярию, или во дворец Джиронала, или куда угодно, где можно найти канцлера ди Джиронала, и расскажите обо всём, что произошло! Попросите его дождаться меня, прежде чем он отправится к рею Орико.

— Лорд Кэсерил, вы не можете арестовать мою охрану! — запротестовал Тейдес.

Кэсерил был единственным здесь, кто обладал если не властью, то силой духа, чтобы отдать следующий приказ:

— Вы пойдёте к себе и останетесь там вплоть до дальнейших распоряжений вашего брата. Я провожу вас.

— Уберите руки! — зашипел Тейдес, когда стальные пальцы Кэсерила сжались вокруг его плеча. Но сопротивляться принц не отважился.

Кэсерил процедил сквозь стиснутые зубы обманчиво-заботливым тоном:

— Ну что вы! Вы ранены, мой юный лорд, и я обязан доставить вас в ваши покои и отдать в

распоряжение врача.

И добавил тихим шёпотом в самое ухо Тейдеса:

— Или я швырну тебя на землю и потащу силком.

Тейдес, собрав остатки достоинства, бросил своему капитану:

— Идите с ними. Я пошлю за вами, как только докажу, что лорд Кэсерил ошибается.

Баосийцев увели. Раненые грумы сгрудились вокруг Палли и Умегата, предлагая свою помощь. Палли оглянулся и ободряюще кивнул Кэсерилу. Кэсерил кивнул в ответ и железной рукой вывел принца из зверинца, подальше от этой жуткой бойни. «Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно…» — отдавалось в его мозгу с каждым шагом. Вороны во дворе уже не летали и не кричали. Они расселись на булыжниках мостовой, растерянные и сбитые с толку, как и сам Кэсерил.

Продолжая придерживать Тейдеса за плечо, Кэсерил провёл его в ворота Зангра, где теперь появилось множество стражников. Тейдес не протестовал, но выражение его лица не предвещало в будущем ничего хорошего. Принц отказался от перевязки и оставлял на камнях кровавый след.

Внимание Кэсерила привлекли фрейлина Сары

и паж, вышедшие из дверей башни Иаса.

— Бегом, бегом! — поторопила женщина мальчика, который с совершенно белым лицом бросился к воротам, чуть не сбив по пути Кэсерила.

— Куда, мальчик? — окликнул его Кэсерил.

Паж оглянулся.

— В храм, лорд. Не могу ждать… рейна Сара… рей в беспамятстве! — Он повернулся и ринулся прочь. Стражники уставились на него, потом растерянно посмотрели на башню Иаса.

Плечо Тейдеса под рукой Кэсерила обмякло. Сквозь злость в глазах начал проступать испуг, он смущённо оглянулся, словно ища поддержки.

После минутного колебания, не отпуская Тейдеса, Кэсерил повернулся и направился к башне. Он хотел догнать фрейлину и позвал её, но она уже нырнула в дверь и, похоже, не услышала его, торопливо поднимаясь по лестнице. Войдя внутрь, он заметил, что фрейлина поднялась на третий этаж, к покоям Орико. Кэсерил остановился в центральном коридоре. Показалась рейна Сара в белой накидке; женщина присела перед ней в книксене, затем поспешила дальше.

— Миледи, что случилось? Могу ли я вам помочь?

Она провела рукой по своему испуганному

лицу.

— Я даже не знаю, кастиллар. Орико… он читал мне вслух в моей гостиной, пока я вышивала… он иногда так развлекает меня… и вдруг остановился, заморгал и стал тереть глаза, потом сказал, что не видит слов и что в комнате темно. Но темно не было! И тут он упал на пол. Я закричала, позвала моих фрейлин, мы уложили его в постель и послали за врачом в храм.

— Да, мы видели пажа, он бежал со всех ног.

— Хорошо…

— Это удар, по-вашему?

— Не думаю… не знаю. Он немного говорит и может дышать… А что это за шум был там, у конюшен? — Она, не дождавшись ответа, рассеянно повернулась и начала подниматься по лестнице.

Тейдес, чьё лицо стало свинцово-серым, судорожно облизнул губы, но ничего не сказал; Кэсерил развернул его и повёл вниз, во двор.

Голос не слушался принца и тогда, когда они уже поднимались к его покоям. Наконец он смог прошептать:

— Не может быть. Дондо говорил, что зверинец — чёрная магия, рокнарское колдовство, чтобы сделать Орико больным и слабым. Я же видел, что так оно и было!

— Да, рокнарское колдовство, только белая магия — чудо, которое сохраняло рею жизнь. До этих самых пор, — горько заключил Кэсерил.

— Нет… нет… не так. Дондо говорил…

— Дондо ошибался, — Кэсерил немного поколебался, — или же ему просто хотелось заменить рея, который благоволит его брату, на другого, который благоволил бы ему.

Рот Тейдеса приоткрылся, чтобы запротестовать, но из него не вырвалось ни звука. Кэсерил не думал, что мальчик притворяется — слишком испуганным и потрясённым сделалось выражение его глаз. Единственная отрада, которую принёс сегодняшний день, — Дондо обманул Тейдеса, но не успел испортить его окончательно. Тейдес был всего лишь орудием — не сообщником, не братоубийцей. К несчастью, он оказался орудием, продолжающим действовать и после того, как мастер выпустил его из рук.

«А чья вина в том, что мальчик глотал ложь, если никто не кормил его правдой?»

Болезненный человечек, назначенный секретарём-наставником принца после смерти ди Санды, с удивлением оторвал взор от бумаг на письменном столе, когда Кэсерил привёл Тейдеса в его покои.

— Присмотрите за своим господином, — резко сказал ему Кэсерил. — Он ранен. Он не должен покидать своих комнат, пока канцлер ди Джиронал не узнает о случившемся и позволит ему выйти.

Чуть наклонившись, он добавил с лёгким удовлетворением:

— Если вы знали об этом безобразии и ничего не сделали, чтобы его предотвратить, канцлер будет в ярости.

Человек за столом побледнел. Кэсерил повернулся к ним обоим спиной. Теперь проверить, как там Умегат…

— Но, лорд Кэсерил… — голос Тейдеса дрожал, — что же мне делать?

Кэсерил, повернув голову, бросил через плечо:

— Молиться.

И зашагал прочь из покоев.

Глава 18

Свернув к лестнице, он услышал наверху торопливые женские шаги — по ступеням спускалась леди Бетрис. Она почти бежала, и её лавандовые юбки развевались.

— Лорд Кэсерил! Что происходит? Мы слышали крики — одна из служанок кричала, что принц Тейдес сошёл с ума и пытался убить зверей рея!

— Он не сошёл с ума — скорее его ввели в заблуждение. Надеюсь. И не пытался, а убил. — Несколькими краткими и горькими фразами Кэсерил живописал кошмар в зверинце.

— Но почему? — Голос у неё сорвался от ужаса.

Кэсерил покачал головой.

— Из-за лжи лорда Дондо, насколько я понял. Он убедил принца, что Умегат — рокнарский колдун и использует зверей, чтобы каким-то образом отравлять рея. Всё было как раз наоборот — звери защищали и поддерживали рея, а теперь у него приступ. Пятеро богов, я не могу объяснять всё это на лестнице! Скажите принцессе Исель, что я скоро приду к ней, но сначала я должен навестить раненых грумов. Оставайтесь у себя, не пускайте Исель в зверинец.

Правда, если Исель не дать какого-нибудь занятия, она сама отыщет для себя дело…

— Позаботьтесь о Саре — она несколько не в себе.

Кэсерил спустился вниз, прошёл мимо места, где его — случайно? внезапно? — скрутил поутру приступ боли. Проклятый дух Дондо не сделал ни малейшей попытки схватить его сейчас.

В зверинце Кэсерил обнаружил, что незаменимый Палли и его люди уже перенесли Умегата и наиболее тяжело раненных в госпиталь Матери. Оставшийся грум пытался поймать перепуганную маленькую сине-жёлтую птичку, чудом упорхнувшую из рук капитана баосийской гвардии и спрятавшуюся за верхним карнизом. Кое-кто из конюхов неумело пытался помочь, а один подбрасывал плащ, надеясь поймать им пичужку.

— Стойте! — Кэсерил подавил панику. Из того, что было ему известно, маленькое пернатое создание оставалось последней нитью, связывавшей Орико с жизнью. Он отправил горе-помощников вынести убитых зверей и сложить их трупы во дворе, а также велел отчистить пол от крови. Затем, взяв в клетке велл горсть зёрен, оставшихся от последнего прерванного кормления, Кэсерил

стал приманивать птичку на руку, посвистывая, как это делал Умегат. К его удивлению, она послушалась и слетела к нему, после чего была водворена в клетку.

— Береги её ценой собственной жизни, — велел он груму. Затем добавил для вящего эффекта: — Если она умрёт — ты тоже умрёшь.

Пустая угроза, а что делать? На грума по крайней мере она как будто подействовала.

«Если она умрёт, и Орико умрёт?»

Это вдруг показалось пугающе правдоподобным. Он повернулся, чтобы помочь вытащить тяжёлые медвежьи туши.

— Нам освежевать их, господин? — поинтересовался один из конюхов, глядя на результаты безумной охоты Тейдеса, грудой возвышавшиеся на булыжниках.

— Нет! Ни в коем случае! — Даже те несколько воронов Фонсы, что ещё кружили в небе, не покушались на окровавленные трупы. — Поступите с ними… как с солдатами рея, павшими в битве. Сожгите или захороните. Но не свежуйте. И во имя всех пяти богов — не ешьте! — Сглотнув комок в горле, Кэсерил положил в общую груду тел двух убитых воронов. — Достаточно святотатства на сегодня.

И всё же боги оградили Тейдеса от убийства святого.

Топот копыт возвестил о прибытии Мартоу ди Джиронала, наверняка вызванного из дворца Джироналов; за ним вверх по холму следовали, задыхаясь на бегу, четверо посланных за ним гвардейцев. Канцлер легко спрыгнул с храпящей лошади и, кинув поводья поклонившемуся груму, уставился на курган из мёртвых зверей. Тёмный медвежий мех шевельнулся на холодном ветру — единственное движение. Губы ди Джиронала скривились в беззвучном проклятии.

— Что это за безумие? — Он посмотрел на Кэсерила, и глаза его подозрительно сузились. — Вы подбили Тейдеса на это?

Кэсерил мог поклясться, что ди Джиронал не притворяется — тот был совершенно выбит из колеи.

— Я? Нет! Я не имею влияния на Тейдеса, — и Кэсерил добавил: — Вы, похоже, тоже. Он постоянно был у вас на глазах в течение двух недель… и вы не заметили никаких намёков, что он собирается сотворить такое?

Ди Джиронал покачал головой.

— В защиту Тейдеса можно сказать, что он, судя по всему, был уверен, что этим как-то поможет

рею. В том, что у него не хватило рассудительности, виноват его возраст, а в том, что не хватило знаний, — ну, тут вы оба с Орико сослужили и ему, и себе медвежью службу. Если бы он знал правду, он не клюнул бы с такой готовностью на ложь. Я посадил под арест его баосийскую охрану и проводил Тейдеса в его покои до… — «приказа рея» говорить явно не следовало, и Кэсерил сказал: — …до вашего дальнейшего распоряжения.

Ди Джиронал выставил руку ладонью вперёд.

— Погодите. Принц… он вчера уединялся с принцессой. Она не могла настроить его?

— Пять свидетелей скажут, что нет. Включая самого Тейдеса. Он даже не намекнул, о чём думает, — даже не намекнул.

«А должен был, должен был, должен был…»

— Вы пользуетесь большим авторитетом у принцессы Исель, — обвиняюще проговорил ди Джиронал. — Думаете, я не знаю, кто подстрекал её к неповиновению? Даже если я и не выясню причины её столь странной к вам привязанности, я оборву эту связь!

— Да. — Кэсерил обнажил зубы. — Ди Джоал вчера попытался взять в руки нож. В следующий раз он попросит за свои услуги больше. За риск, знаете ли.

Глаза ди Джиронала сверкнули пониманием; Кэсерил глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Их взаимная враждебность могла вот-вот вырваться наружу. А Кэсерил в самую последнюю очередь желал внимания ди Джиронала к своей персоне.

— В любом случае здесь нет никакой тайны. Тейдес говорит, что ваш любезный братец Дондо перед смертью затевал устроить эту бойню вместе с ним.

Ди Джиронал отступил на шаг. Глаза его широко раскрылись. Он стиснул зубы.

Кэсерил продолжил:

— И вот что я очень хотел бы узнать — а вы скорее угадаете правильный ответ, нежели я, — знал ли Дондо, чем в действительности был для Орико зверинец?

Взгляд Ди Джиронал впился ему в лицо.

— А вы?

— Сейчас все в Зангре знают, ибо Орико ослеп и упал на пол как раз в тот момент, когда умирали его звери. Сара и её фрейлины уложили его в постель и послали в храм за врачом. — Этим ответом Кэсерил убил сразу двух зайцев — пресёк дальнейшие расспросы и переключил внимание ди Джиронала на рея. Канцлер побледнел, развернулся и кинулся к воротам Зангра. Кэсерил

отметил, что тот не спросил об Умегате. Стало быть, Мартоу знал о влиянии зверинца на рея; но понимал ли он механизм этого влияния?

«А ты?»

Кэсерил покачал головой и повернул в другую сторону — ему предстояла ещё одна утомительная прогулка в город. Госпиталь Милосердия Матери храма Кардегосса занимал старый, переделанный из жилого дома особняк, переданный в качестве пожертвования благочестивой вдовой и располагавшийся недалеко от храмовой площади, на улице сразу за домом Матери. Кэсерил нашёл Палли и Умегата на галерее второго этажа над внутренним двором. Комнату, где они находились, охраняли братья ди Гьюра. Они отсалютовали Кэсерилу и пропустили его внутрь.

Умегат без сознания лежал на кровати. Беловолосая женщина в зелёной одежде храмового врача, склонясь над ним, накладывала швы на рану. Ей помогала знакомая Кэсерилу невысокая пожилая женщина, чьё зеленоватое свечение не имело никакого отношения к её зелёному одеянию. Кэсерил видел этот свет с закрытыми глазами. Старший настоятель храма Кардегосса в пятицветной мантии беспокойно топтался рядом. Палли прислонился к стене, скрестив на

груди руки; его лицо прояснилось при виде Кэсерила, и он оттолкнулся от стены.

— Ну как? — вполголоса спросил Кэсерил.

— Бедняга всё ещё холоден как лёд, — прошептал Палли в ответ. — Думаю, ему хорошо досталось. А что у тебя?

Кэсерил рассказал и ему о том, как Орико почувствовал себя плохо и потерял сознание. Старший настоятель Менденаль подошёл поближе, а лекарка оглянулась через плечо.

— Вам уже рассказали об этом, настоятель?

— О да. Я последую за посланным к Орико врачом, как только смогу.

Если беловолосую женщину и удивило, что настоятеля больше волнует судьба раненого грума, чем судьба впавшего в бессознательное состояние рея, она ничего не сказала, только слегка вздёрнула брови. Она наложила последний аккуратный шов и намочила ткань в тазике, чтобы смыть запёкшуюся кровь с обритой вокруг раны головы. Затем вытерла руки, заглянула под веки Умегата и выпрямилась. Акушерка Матери собрала отрезанную левую косичку Умегата, затем перемыла лежавшие рядом медицинские инструменты и принадлежности.

Старший настоятель Менденаль крепко сцепил

пальцы и спросил:

— Ну?

— Что ж, насколько я понимаю, череп не повреждён. Я оставлю рану открытой, чтобы сразу увидеть, если начнётся кровотечение или воспаление. Больше ничего сказать не могу, пока он не придёт в себя. Нужно только держать его в тепле и наблюдать.

— Когда он может очнуться?

Лекарка задумчиво посмотрела на своего пациента. Кэсерил тоже взглянул на него. Аккуратному и утончённому Умегату это зрелище не пришлось бы по вкусу: мятая одежда, наполовину остриженная голова, безвольное неподвижное тело.

Кожа его оставалась мёртвенно-серой и казалась куском старой заношенной тряпки. Дыхание было хриплым. Нехорошо. Кэсерил знал, что люди в таком состоянии могут как выжить и поправиться, так и умереть.

— Не могу сказать, — наконец ответила женщина, словно повторяя мысленный прогноз Кэсерила.

— Тогда оставьте нас пока. Акушерка присмотрит за ним.

— Да, ваше преосвященство. — Лекарка покло-

нилась и обратилась к акушерке: — Пошлите за мной, если он очнётся или поднимется температура и начнутся судороги, — после чего она собрала свои инструменты.

— Лорд ди Паллиар, благодарю вас за помощь, — сказал настоятель. — Лорд Кэсерил, задержитесь, пожалуйста.

Палли сказал только:

— Всегда к вашим услугам, ваше преосвященство.

И после секундной паузы, с намёком посмотрев на Кэсерила, добавил как бы между делом:

— О, ты же в порядке, Кэс?..

— Пока да.

— Ну, тогда я, пожалуй, вернусь в дом Дочери. Если тебе что-нибудь понадобится, в любое время посылай за мной туда или во дворец Джеррина, и я немедленно приду. Тебе не следует выходить одному. — Он строго взглянул на Кэсерила, чтобы удостовериться, что тот понял его слова как приказ, а не как любезность. Затем Палли поклонился и, открыв дверь перед врачом, последовал за нею в коридор.

Как только дверь закрылась, Менденаль повернулся к Кэсерилу и беспомощно развёл руками.

— Лорд Кэсерил, что нам делать?

Кэсерил вздрогнул.

— Пятеро богов, вы спрашиваете меня?

Менденаль скорбно поджал губы.

— Лорд Кэсерил, я являюсь старшим настоятелем Кардегосса всего два года. Меня избрали, потому что я хороший управляющий и — как я полагаю — потому что хотели уважить мою семью, ибо мой брат, а прежде мой отец были могущественными провинкарами. Я вступил в орден Бастарда в возрасте четырнадцати лет; мой отец сделал тогда щедрое пожертвование, чтобы обеспечить моё продвижение в будущем. Я всю свою жизнь верой и правдой служил богам, но… они не говорят со мной. — Он посмотрел на Кэсерила, затем перевёл взгляд на акушерку Матери — в его глазах стояло странное выражение беспомощной зависти, лишённое какой бы то ни было враждебности. — Когда обычный человек оказывается в одной комнате с тремя святыми… если у него есть хоть капля мозгов, он будет просить у них наставлений, а не пытаться их вразумлять.

— Но я не… — Кэсерил осёкся. Сейчас у него были куда более срочные дела, чем теологические споры по поводу точного названия его нынешнего состояния. Хотя если это было святостью, то боги, для того чтобы проклясть его, должны

были бы превзойти самих себя. — Досточтимая служительница, простите, я забыл ваше имя.

— Клара, лорд Кэсерил.

Кэсерил поклонился.

— Служительница Клара. Вы сейчас видите, вернее, не видите свечения Умегата? Мне раньше не доводилось с таким сталкиваться — может быть, когда человек спит или без сознания, его свечение гаснет?

Она покачала головой.

— Боги всегда с нами — не важно, спим мы или бодрствуем, лорд Кэсерил. Уверена, что сила моего внутреннего зрения значительно уступает вашей, но, бесспорно, Бастард снял сень своего присутствия с просвещённого Умегата.

— О нет, — выдохнул Менденаль.

— Вы уверены? — спросил Кэсерил. — Это не может быть ошибкой нашего с вами внутреннего зрения?

Она посмотрела на него и печально улыбнулась.

— Нет. Я прекрасно вижу ваше сияние. Я увидела вас задолго до того, как вы вошли в дверь. Быть с вами в одной комнате почти больно — ваше сияние невыносимо яркое.

— Значит ли это, что магия зверинца раз-

рушена? — встревоженно всплеснул руками Менденаль. — Нам теперь нечего противопоставить проклятию?

Клара замялась.

— Умегат больше не управляет этой силой. Не знаю, передал ли Бастард его полномочия кому-нибудь другому.

Менденаль с надеждой взглянул на Кэсерила.

— Например, ему?

Она нахмурилась и задумчиво поднесла руку ко лбу, словно защищая глаза от нестерпимого света.

— Если я и святая, как называл меня просвещённый Умегат, то весьма непримечательная. Если бы он в течение многих лет не учил меня, я бы думала до сих пор, что мне просто везёт в моей работе.

Удача, однако, как отметил про себя Кэсерил, его самого отнюдь не баловала с того времени, как он попал в этот созданный богами лабиринт.

— Кроме того, Мать действует через меня только иногда. А лорд Кэсерил… сияет. С того самого дня, как я увидела его на похоронах лорда Дондо. Белый свет Бастарда и голубая чистота леди Весны… оба сразу… постоянное живое присутствие двух богов, и всё это сплетается с какой-то тём-

ной субстанцией, суть которой я не могу понять. Умегат увидел бы лучше. Если Бастард и добавил ещё света к тому, что уже было, я не могу этого определить.

Старший настоятель дотронулся до лба, губ, солнечного сплетения, пупка и положил ладонь с разведёнными пальцами на сердце, пожирая Кэсерила голодным взглядом.

— Два бога, два бога одновременно! И в этой комнате!

Кэсерил наклонился и прижал руки к животу; пояс, впивающийся в тело, не давал забыть о таившемся под ним ужасе.

— Разве Умегат не поставил вас в известность о том, что я сделал с лордом Дондо? Разве вы не говорили с Роджерасом?

— Да-да, я имел также и беседу с Роджерасом — он хороший человек, но, конечно, не смог понять…

— Он понял лучше, чем вам кажется. В своём животе я ношу смерть и убийство. Чудовище, которое — насколько я понял — принимает не только психическую, но и физическую форму; чудовище, адская смесь из демона и проклятого призрака Дондо. Оно кричит по ночам голосом Дондо, используя самые грязные его выражения

— язык ди Джиронала и при жизни был грязнее сточной канавы. У него нет иного выхода, кроме как вырваться из меня. Это не святость, это — мерзость.

Менденаль заморгал и отступил. Кэсерил стиснул голову руками.

— У меня кошмарные сны. И жуткая боль в животе. И ярость. А ещё я боюсь, что Дондо просочится наружу.

— О боги, — пробормотал Менденаль. — Умегат сказал только, что с вами не всё просто и что лучше предоставить вас ему.

— Не всё просто, — тупо повторил Кэсерил. — Да, я ещё не сказал вам о призраках?

То, что они казались ему самой малой из его тревог, наверняка тоже кое-что значило.

— О призраках?

— Ну да. Все привидения Зангра следуют за мной по пятам, словно свита, а по ночам толкутся у моей постели.

— Ох, — вдруг обеспокоился Менденаль. — Ой-ой-ой.

— Ой-ой-ой?..

— Умегат не предупреждал вас насчёт призраков?

— Нет… он сказал только, что они не представ-

ляют угрозы.

— Ну, в общем, и да, и нет. Они не могут причинить вам зло, пока вы живы. Но, как объяснил мне Умегат, магия леди отодвинула во времени исполнение магии Бастарда, но не отменила его. Таким образом, если… гм… она раскроет свою руку, демон вылетит вместе с вашей душой и душой Дондо, конечно же. И ваша… э-э… оболочка останется с определённой… и опасной пустотой внутри — в теологическом смысле, — чего не происходит при естественной смерти. Тогда призраки попробуют эту пустоту… э-э… занять.

После короткой зловещей паузы Кэсерил поинтересовался:

— Такое бывает?

— Иногда. Сам я видел подобный случай однажды, будучи ещё молодым служителем. Эти потерянные души творят глупости, но их довольно сложно извлечь обратно, если они уже проникли в тело. Их следует сжигать… э-э… живьём — не слишком верное слово. Довольно неприятно, особенно для родственников… они ведь не понимают, в чём дело, ведь это то же самое тело, да и кричит тем же самым голосом… Конечно, это будет уже не ваша проблема — к тому моменту вы будете далеко отсюда. Но все

мы избежим некоторых мучительных моментов, если рядом с вами всегда будет человек, который понимает необходимость сожжения вашего тела до заката… — Менденаль с виноватым видом опустил глаза.

— Спасибо, ваше преосвященство, — с ледяной вежливостью проговорил Кэсерил. — Я добавлю это к предположению Роджераса о демоне, выращивающем для себя плоть в моей опухоли и прогрызающем путь наружу, если мне вдруг снова будет угрожать опасность забыться ночью сном. Хотя, я полагаю, нет причины, по которой не могло бы случиться и то, и другое. Сперва одно, потом…

Менденаль откашлялся.

— Прошу прощения, милорд. Я думал, вам следует знать.

Кэсерил вздохнул.

— Да… Полагаю, следует, — он вспомнил вчерашнюю сцену с ди Джоалом. — Возможно ли… предположим, рука леди ненадолго раскроется. Возможно ли, чтобы душа Дондо проникла в мою?

Брови Менденаля взлетели.

— Я не… Умегат наверняка знает. Ох, как же я хочу, чтобы он пришёл в себя! Мне кажется, для

призрака Дондо — это более быстрый способ обзавестись телом, чем вырастить его, как опухоль. Ведь выращенное будет слишком маленьким. — И слегка разведя ладони, он показал, насколько маленьким.

— Нет, согласно Роджерасу, — сухо возразил Кэсерил.

Менденаль потёр лоб.

— О бедняга Роджерас. Он думал, что я питаю интерес к его теории, когда я задал ему вопрос относительно вас. Конечно, я не стал его разубеждать. О боги, я думал, он проговорит всю ночь! В итоге я пообещал ему кошелёк за усердие в работе, лишь бы только избежать экскурсии по его коллекции экспонатов.

— Я бы тоже заплатил, чтобы этого не видеть, — согласился Кэсерил. Затем спросил с любопытством: — Ваше преосвященство… а почему меня не арестовали за убийство Дондо? Как Умегат уладил это дело?

— Убийство? Так ведь не было никакого убийства.

— Позвольте, человек мёртв, умер от моей руки, от применения смертельной магии… это же тяжёлое преступление.

— Да, понимаю. Невежды пребывают в заблуж-

дении относительно смертельной магии, хотя даже название её не соответствует действительности. Это интереснейший теологический вопрос, знаете ли. Попытки практиковать смертельную магию — это преступление, покушение, тайный заговор. Успешно исполненный ритуал смертельной магии — это уже не смертельная магия как таковая, это чудо справедливости, правосудия, и не может быть преступлением, потому что рука бога уносит жертву — жертв, я имею в виду, — не пошлёт же в таком случае рей своих офицеров, чтобы арестовать Бастарда, не так ли?

— Вы думаете, нынешний канцлер Шалиона согласится с подобной точкой зрения?

— О нет… Именно поэтому Умегат и посоветовал храму не разглашать сведения об этом… столь щекотливом случае. — Менденаль снова забеспокоился и почесал щёку. — Дело даже не в том, что просивший о подобном правосудии смог остаться в живых… да, в теории всё выглядит значительно проще. Две магии. Я никогда не думал о возможности двух чудес одновременно. Беспрецедентно. Леди Весны должна бесконечно любить вас.

— Как погонщик любит мула, несущего его груз, — горько сказал Кэсерил, — и настёгивает

его, чтобы шагал побыстрее.

Настоятель посмотрел на Кэсерила с лёгким испугом и недоумением; служительница Клара понимающе скривила губы. «Умегат хмыкнул бы», — подумал Кэсерил. Он начал понимать, почему рокнарскому святому нравилось беседовать с ним. Только святые могли так шутить насчёт богов, потому что они знали — богам всё равно, шутка это или вопль отчаяния.

— Да, но Умегат считал, что леди сохранила вам жизнь с какой-то необычайной целью. Вы… вы не догадываетесь, с какой?

— Настоятель, я ничего не знаю об этом. — Голос Кэсерила дрогнул. — И я…

— Да? — подбодрил Менденаль.

«Если я скажу это вслух, то рассыплюсь в прах, не сходя с места».

Кэсерил облизнул губы, проглотил комок в горле. Когда ему удалось наконец выдавить из себя какие-то звуки, они оказались хриплым шёпотом.

— Я очень боюсь.

— Ох, — после долгой паузы пробормотал настоятель, — да… я… понимаю, что это может… Ох, только бы Умегат пришёл в себя!

Акушерка Матери смущённо откашлялась.

— Милорд ди Кэсерил?

— Да, служительница Клара?

— Мне кажется, у меня для вас сообщение.

— Что?

— Великая Мать прошлой ночью явилась мне во сне. Я была не совсем уверена, так как во сне часто вижу отражения своих дневных дел и мыслей, а о ней я думаю постоянно. Я собиралась сегодня посоветоваться с Умегатом… Она сказала мне… она сказала… — Клара вздохнула и продолжила уже спокойнее: — «Передай верному посланцу моей Дочери, чтобы он больше всего остерегался отчаяния».

— Да? И что?..

Проклятие! Боги будут теперь посылать ему сообщения через сны других людей? Он предпочёл бы что-нибудь менее загадочное. И более практичное.

— Это всё.

— Вы уверены? — спросил Менденаль.

— Ну… может, она сказала, верному пажу её Дочери. Или коменданту крепости. Или капитану. Или всем четырём сразу… я не очень-то хорошо помню.

— Если это так, то кем могут быть эти оставшиеся трое? — озадаченно поинтересовался

настоятель.

Воспоминание о словах провинкары, сказанные ему в Валенде, прожгло Кэсерила холодом до самых внутренностей, терзаемых болью.

— Это… я, настоятель. Это я. — Он поклонился Кларе и сказал, с трудом шевеля занемевшими вдруг губами: — Спасибо, Клара. Помолитесь за меня вашей леди.

Она ответила молчаливой понимающей улыбкой и лёгким кивком.

Оставив служительницу Матери ухаживать за Умегатом, старший настоятель Кардегосса извинился и собрался идти к рею Орико. Он смущённо пригласил Кэсерила проводить его до ворот Зангра. Кэсерил был благодарен за приглашение и охотно последовал за Менденалем. Его давешняя ярость и страх уже прошли, оставив после себя слабость и головокружение. На ступенях лестницы колени у него подогнулись, но благодаря тому, что Кэсерил держался за перила, он не упал, а только споткнулся. Менденаль настоял, чтобы Кэсерил устроился в его носилках, а сам пошёл рядом. Кэсерил чувствовал себя полным дураком; он был и смущён, и крайне признателен.

Разговор, которого так страшился Кэсерил, состоялся только после ужина. Паж передал ему

вызов принцессы, и Кэсерил неохотно поднялся в гостиную Исель. Она выглядела усталой, при ней была только Бетрис. Принцесса указала своему секретарю на кресло. Свечи ярко горели, но свет, отражавшийся во всех настенных зеркалах, не мог разогнать нависшую над девушкой тень.

— Как себя чувствует Орико? — первым делом спросил Кэсерил.

Девушки даже не спускались к ужину, оставшись с рейной и лежавшим в постели реем.

Бетрис ответила:

— Вечером он, похоже, успокоился, когда обнаружил, что не совсем ослеп — правым глазом он видит пламя свечи. Но он не может толком помочиться, и врач беспокоится, что отёки будут увеличиваться. А он и так весьма отёкший. Даже распухший.

Она в волнении прикусила губу.

Кэсерил кивнул и обратился к принцессе:

— Вы видели Тейдеса?

Исель вздохнула.

— Да, как раз после того, как канцлер устроил ему хорошую головомойку. Тейдес был слишком разгневан, чтобы рассуждать разумно. Ведёт себя прямо как малое дитя. Жаль, что он уже слишком большой, чтобы залепить ему пощёчину. Отка-

зывается от еды, швыряет в слуг чем под руку попадёт, а теперь, когда ему позволили покинуть его комнату, не желает выходить. С ним нельзя ничего поделать, пока он в таком состоянии, лучше оставить его в покое. Завтра ему полегчает. — Тут её глаза прищурились, и она сжала губы. — Ну, милорд, а теперь скажите-ка мне, как давно вы знаете о чёрном проклятии, нависшем над Орико?

— Сара наконец-то поговорила с вами, да?

— Да.

— Что именно она сказала?

Исель поведала ему почти точную историю Фонсы и Золотого Генерала, завершавшуюся тем, как от Иаса к Орико перешли по наследству злой рок и неудачи в делах. Но ни о себе, ни о Тейдесе она не упомянула.

Кэсерил задумчиво провёл по подбородку костяшками пальцев.

— Что же, значит, вы знаете примерно половину.

— Меня не устраивает половина, Кэсерил. Я вынуждена делать выбор, не имея нужных для этого знаний, а потом мир будет судить меня и объяснять мои ошибки моей молодостью и принадлежностью к женскому полу, как будто это

является оправданием невежества. Невежество — не глупость, но очень на неё похоже. А я не люблю чувствовать себя дурой. — В последних словах её отчётливо послышались стальные нотки.

Кэсерил виновато опустил голову. Ему хотелось плакать о том, что он сейчас потеряет. Он так долго молчал вовсе не для того, чтобы огородить её невинность — и невинность Бетрис — от этого знания, и совсем не из страха быть арестованным. Он боялся потерять рай общения с ними, их уважение, и уже чувствовал себя плохо, видя смятение в глазах девушек, готовых услышать от него нечто ужасное.

«Трус. Говори же наконец».

— Впервые я узнал о проклятии через два дня после смерти Дондо от грума Умегата, который, кстати, вовсе не грум, а настоятель Бастарда, святой, управлявший магией зверинца для поддержания жизни Орико.

Глаза Бетрис расширились.

— Ох. Я… он мне всегда нравился. Как он себя чувствует?

Кэсерил махнул рукой.

— Плохо. Всё ещё без сознания. А что ещё хуже — он… — Ему пришлось сглотнуть комок в горле. «Вот оно». — Он перестал светиться.

— Перестал светиться? — не поняла Исель. — Я и не знала, что он начал это делать…

— Да, я понимаю. Вы не можете видеть его сияние. Это как раз то, о чём я вам не говорил. Смерть Дондо… — Кэсерил глубоко вздохнул. — Это я принёс в жертву ворона и крысу и молился Бастарду о его смерти.

— Ага, так я и думала, — сказала Бетрис, выпрямляясь.

— Да, но вы не знаете, что моя молитва не осталась без ответа. Я должен был умереть той ночью в башне Фонсы. Но была услышана молитва и другого просителя. Исель, полагаю, — и он кивнул принцессе.

Её губы приоткрылись, и принцесса прижала руку к груди.

— Я молилась Дочери, чтобы она освободила меня от Дондо.

— Вы молились, и Дочь освободила меня, — и он горько добавил: — Но не от Дондо. Вы видели, как на его похоронах боги отказались ответить, кто принял к себе его душу?

— Да, и это значит, что он проклят, изгнан, заперт в этом мире, — подтвердила Исель. — Половина придворных боится, что он бродит по Кардегоссу, и пытается защититься от него раз-

ными амулетами.

— Он в Кардегоссе, да. Но не бродит. Большинство неприкаянных душ привязаны к месту своей гибели. Душа же Дондо привязана к его убийце. — Он закрыл глаза, не в силах видеть их побледневшие лица. — Вы знаете о моей опухоли. Только это не опухоль. Вернее, не только опухоль. Во мне находится попавшая в ловушку душа Дондо. Вместе с демоном, который, судя по всему, переносит своё заточение с благословенным спокойствием. Но Дондо не может замолчать. Он кричит на меня каждую ночь. — Кэсерил снова открыл глаза, но не осмелился поднять их. — Все эти магические деяния открыли во мне некое внутреннее зрение. Оно есть у Умегата, у ещё одной маленькой святой Матери в Кардегоссе и у меня. У Умегата… было белое свечение. Мать Клара испускает лёгкий зелёный свет. Они оба говорили мне, что я тоже сверкаю и сияю — белым и голубым светом. — Наконец он заставил себя поднять голову и встретил взгляд Исель. — И я вижу проклятие Орико, как тёмную тень. Исель, послушайте, это очень важно. Не думаю, что Сара знает об этом. Тень не только на Орико — она на вас и на Тейдесе. Похоже, все потомки Фонсы отмечены этим мраком.

После короткой паузы, сидя прямо и спокойно, Исель сказала лишь:

— Это имеет определённый смысл.

Бетрис исподтишка изучала Кэсерила. Застёжка пояса свидетельствовала, что живот его ничуть не вырос, но под её взглядом Кэсерил чувствовал себя чудовищем. Он немного наклонился вперёд и слабо улыбнулся.

— И как же вам избавиться от этого… призрака? — медленно спросила Бетрис.

— Хм… как я понял, если меня убьют, моя душа выпустит их из моего тела, и демон, выполнив свою миссию, вернётся к господину с обеими душами. Я так думаю. Меня слегка беспокоит, вдруг демон попытается схитрить и заманить меня в ловушку, чтобы я поскорее погиб, — у него-то одна мысль в голове, он хочет домой. Или вдруг рука леди разожмётся — демон тогда освободится и вытащит мою душу из тела. Результат будет одинаковым. — Он решил не пугать девушек теорией Роджераса.

— Но, лорд Кэс, вы не понимаете! Я хочу знать, как избавиться от этого, чтобы вы не умерли!

— Мне бы тоже хотелось это знать, — вздохнул Кэсерил. Он с усилием выпрямил спину и сумел изобразить довольно естественную улыбку. —

Впрочем, это не важно. Я обменял свою жизнь на смерть Дондо по собственной воле и получил то, что должен был получить. Платёж по счёту немного отсрочен, но не отменён. Леди держит меня в живых, чтобы я сослужил ей какую-то службу, закончил какие-то дела. Иначе мне следовало бы покончить с собой от омерзения и завершить начатое.

Исель сузила глаза и выпрямилась.

— Лорд Кэсерил, в таком случае я не освобождаю вас от службы мне. Вы меня слышите?

Его улыбка на мгновение потеплела…

— Ох.

— Да, — сказала Бетрис, — не думайте, что нас начнёт тошнить, потому что в вас… кто-то живёт. То есть… э-э… ведь считается, что мы тоже когда-нибудь разделим наши тела с новым существом и новой душой. И это не делает нас ужасными. — Она немного замялась, приведя такое сравнение.

Кэсерил, несколько смущённый этой параллелью, мягко произнёс:

— Да, но Дондо?

Каждый, кого когда-то убил Кэсерил, жил теперь в его памяти и всюду следовал за ним.

«Так мы носим наши грехи».

Исель вдруг прижала пальцы к губам.

— Кэсерил, он ведь не может выйти, правда?

— Я молюсь леди, чтобы ему это не удалось. Самое страшное — это мысль, что он может просочиться в мой разум. Даже хуже, чем… не важно. Ох, я вспомнил, что должен сказать вам ещё кое-что о привидениях. — Он вкратце повторил слова настоятеля о том, что его тело должно быть сожжено до заката, и объяснил почему. Покончив с этим, он почувствовал странное облегчение. Девушки были испуганы, но слушали внимательно; он подумал, что у них хватит смелости исполнить требуемое. И Кэсерилу стало стыдно, что он сомневался в силе духа своих подопечных.

— Послушайте, принцесса, — продолжил он, — проклятие Золотого Генерала пало на потомков Фонсы, но Сара тоже имеет тёмную тень рока. Мы с Умегатом решили, что она получила её, выйдя замуж.

— Её жизнь из-за этого и впрямь стала ужасной, — согласилась Исель.

— Таким образом, рассуждая логически, вы можете, выйдя замуж, оставить проклятие позади. В любом случае это шанс. Надежда. Мне кажется, нам следует как можно скорее заняться этим вопросом — я хочу, чтобы вы уехали из Кардегосса, от проклятия, вообще из Шалиона как можно

скорее.

— Пока двор в таком смятении, приготовления к свадьбе и переговоры… — Она резко оборвала фразу. — Но… а как же Тейдес? И Орико? И сам Шалион? Неужели я должна бросить всё, как генерал, который, проиграв битву, бежит с поля боя?

— Главнокомандующий отвечает не за одну-единственную битву. Если она проиграна — если генералу не удалось ничего сделать в этот раз, — он должен сохранить силы, чтобы выиграть следующий бой, а потом и всю войну.

Исель в сомнении нахмурилась, обдумывая его слова.

— Кэсерил, как вы считаете, мои мама и бабушка знают о проклятии, об этой чёрной тени, что нависает над нами?

— Насчёт бабушки не скажу — не знаю, а вот ваша мать…

Если Иста видела призраков Зангра, значит, в течение какого-то времени она владела внутренним зрением. Что это может значить?

— Ваша мать кое-что знает, но не имею представления, как много. Достаточно в любом случае, чтобы одна мысль о вашей поездке в Кардегосс приводила её в ужас.

— Я думала, что она просто очень нервная. —

Голос Исель упал. — Я считала её сумасшедшей, как шептались слуги. — Она нахмурилась сильнее. — Мне нужно о многом подумать.

Она надолго замолчала. Кэсерил встал и вежливо пожелал обеим дамам спокойной ночи. Принцесса рассеянно кивнула. Бетрис сложила ладони и присела в книксене; в глазах её стояла боль.

— Подождите, — внезапно окликнула его Исель. Кэсерил был уже около двери. Он обернулся; принцесса вскочила с кресла, подбежала к нему и схватила за руки. — Вы слишком высокий. Наклонитесь, — скомандовала она.

Повинуясь, Кэсерил наклонил голову. Принцесса встала на цыпочки. Он изумлённо заморгал, когда юные губы запечатлели традиционный поцелуй на его лбу, затем на каждой ладони; а потом Исель опустилась на пол, вся в ворохе ароматного шёлка, и Кэсерилу оставалось только разинуть рот в немом протесте, когда она с той же непоколебимой решимостью поцеловала и его обутые в сапоги ноги.

— Вот, — сказала она, поднимаясь и вздёргивая подбородок. — Теперь вы свободны.

По лицу Бетрис бежали слёзы. Слишком потрясённый, чтобы вымолвить хоть слово, Кэсерил

низко поклонился и удалился к себе, к очередному беспокойному бдению в постели.

Глава 19

На следующий день Зангр показался Кэсерилу до странного тихим. После смерти Дондо придворные были встревожены, но и возбуждены при этом и перешёптывались по всем углам. Теперь же стих даже шёпот. Те, у кого не было срочных дел, не показывались вовсе, а те, кому нужно было выполнять свою работу, делали её в торопливой напряжённой тишине.

Исель и Бетрис провели день в башне Иаса с Орико и Сарой. На рассвете Кэсерил и мрачный управляющий замком наблюдали за сожжением и захоронением убитых зверей. Весь оставшийся день Кэсерил чередовал слабые попытки разобраться в ворохе документации на рабочем столе с походами в храмовый госпиталь. Состояние Умегата не менялось, лицо оставалось серым, дыхание — хриплым. Навестив его во второй раз, Кэсерил прошёл в храм, где помолился — распростершись на полу, шёпотом — у каждого из пяти алтарей по очереди. Если он и в самом деле был болен этой болезнью — святостью, будь она проклята, — должно же это хоть чем-то помочь!

«Боги совершают чудеса не ради нас, а толь-

ко ради самих себя», — так говорил Умегат. Но Кэсерилу казалось, что всякая сделка должна иметь две стороны. Ведь если люди перестанут предлагать богам свою свободную волю, чтобы те могли творить чудеса, что тогда останется делать богам, а?

«Ну, случись такое, для начала я паду мёртвым».

Вот так. Кэсерил долго лежал перед алтарём леди Весны, но слова не шли с языка, даже губы не шевелились. Смущённый, пристыженный, отчаявшийся? В общем, молчал он или говорил, боги отвечали ему одинаковой глухой тишиной все пять раз подряд.

Поднимаясь по холму, Кэсерил встретил ди Джоала и ещё одного из приспешников ди Джиронала, входивших в его дворец, и вспомнил, как Палли настаивал, не разрешая ему выходить одному. Рука ди Джоала стиснула рукоять меча, но не сделала движения высвободить клинок; враги разошлись, обменявшись на почтительном расстоянии вежливыми сухими кивками.

Вернувшись в кабинет, Кэсерил потёр пульсировавшие болью виски и задумался, что делать с замужеством Исель. Принц Бергон Ибранский, да. Парень как парень, лучше многих других, по

мнению Кэсерила. Но последние события при дворе Шалиона не давали возможности вступить в открытые переговоры, следовало отправить секретного посланника. И быстро. Мысленно пробежав список придворных, способных дипломатично решить вопрос, он не смог остановиться ни на ком, кто внушал бы ему достаточное доверие. Перебрав же куда более короткий список тех, кому мог доверять, он не нашёл в нём ни одного опытного дипломата. Умегат был нездоров. Настоятель Менденаль не мог уехать тайно. Палли? Марч ди Паллиар, во всяком случае, знатный дворянин, к нему в Ибре должны отнестись с уважением. Кэсерил попытался представить себе честного Палли, ведущего переговоры с Лисом, и застонал. Может… может быть, послать Палли, подробнейшим образом расписав ему, как и что он должен говорить?..

«Нужда заставляет действовать».

Необходимо завтра же обсудить это с Палли.

Кэсерил на коленях молился перед сном, чтобы боги избавили его от ночных кошмаров, в которых он уже три ночи подряд видел, как Донго обретает у него в животе жизнь и плоть, а потом, одетый в неведомо откуда взявшиеся погребальные одежды, мечом прорубает себе путь наружу.

Должно быть, леди услышала его мольбу; Кэсерил проснулся перед рассветом с головной болью после нового кошмара. На этот раз Дондо удалось посадить душу Кэсерила на своё место, а самому улизнуть, завладев его телом. Затем злодей пробрался в женские покои, в то время как Кэсерилу оставалось лишь беспомощно смотреть. К ужасу Кэсерила, когда он, задыхаясь, вернулся в предрассветный сумрак яви, плоть его была болезненно возбуждена.

Так был ли Дондо заключён в тёмное узилище, куда не проникали ни звуки, ни ощущения? Или он присутствовал при всём, как незримый шпион? Кэсерилу даже не мечталось, что он занимается любовью с Бе… с женщиной, с тех пор как на него свалилось это проклятое колдовство; он представил это сейчас — тесно сплетённый квартет под одеялом, и содрогнулся.

Ему вдруг страстно захотелось выброситься в окно. Он может просунуть плечи и нырнуть вниз; полёт будет прекрасным, а смерть… быстрой. Можно ещё взять нож и полоснуть по запястьям или по горлу, или пронзить им живот, или всё сразу… Он сел, моргая, и обнаружил полдюжины призраков, алчно толпившихся над ним, словно стервятники над трупом павшей лошади. Он

зашипел, отшатнулся и замахал руками, отгоняя их. Будет ли для призраков привлекательным тело с размозжённой головой? С точки зрения настоятеля — вполне. Что ж, самоубийство, похоже, исключалось — из-за этой омерзительной свиты. Страшась уснуть, он выбрался из постели и отправился умываться и одеваться.

Возвращаясь с завтрака в банкетном зале, который посетил исключительно по привычке, Кэсерил наткнулся на лестнице на запыхавшуюся Нан ди Врит.

— Миледи просит вас немедленно подняться к ней, — с трудом проговорила Нан. Кэсерил кивнул. — Не у неё в покоях, — добавила она, увидев, что он, поднявшись на второй этаж, собирается идти выше. — В спальне принца Тейдеса.

— А! — Кэсерил вскинул брови и повернул на половину наследника. Нан поспешила за ним.

Войдя в кабинет — точную копию своего собственного этажом выше, — он услышал в соседней комнате приглушённый голос Исель и крики Тейдеса:

— Я не хочу ничего есть! Не хочу никого видеть! Убирайтесь все!

Гостиная была завалена беспорядочно разбросанными оружием, одеждой и подарками.

Кэсерил прошёл в спальню.

Тейдес лежал на спине, всё ещё в ночной рубашке. В спёртом, сыром воздухе стоял запах пота и чего-то ещё. Секретарь-наставник Тейдеса беспокойно топтался по одну сторону кровати, Исель стояла, уперев руки в бока, по другую. Тейдес капризно нахмурился.

— Я хочу спать. Убирайтесь, — он зыркнул на Кэсерила, скривился и показал на него пальцем. — А в особенности я не хочу видеть его!

Нан ди Врит очень по-домашнему сказала:

— Ничего подобного, юный лорд. Вы прекрасно знаете, что бывает, когда со старой Нан говорят таким тоном.

Тейдес, словно повинуясь какой-то старой привычке, тут же сменил капризный тон на жалобное хныканье:

— У меня болит голова.

Исель твёрдым голосом отчеканила:

— Нан, пожалуйста, принесите свет. Кэсерил, я хочу, чтобы вы осмотрели ногу Тейдеса. По-моему, она выглядит странно.

Нан высоко подняла канделябр с ярко горевшими свечами, поскольку серого дневного света, проникавшего через окно, было недостаточно. Тейдес стиснул было одеяло руками, прижимая

его к груди, но под суровым взглядом старшей сестры не осмелился сопротивляться; та выдернула одеяло из его рук и откинула в сторону.

По правой ноге мальчика тянулись три длинные параллельные царапины. Они казались неглубокими и не опасными, но плоть вокруг сильно отекла, кожа натянулась и блестела. По краям ран виднелся желтоватый гной. Кэсерил умудрился сохранить спокойное выражение лица, даже когда заметил красные прожилки, поднимавшиеся выше колена Тейдеса и продолжавшиеся на внутренней поверхности бедра. Глаза мальчика блестели. Он дёрнул головой, когда Кэсерил наклонился к нему.

— Не трогайте меня!

— Лежи тихо! — негромко скомандовал Кэсерил. Лоб Тейдеса под его ладонью пылал.

Он поднял глаза на секретаря и нахмурился.

— Как давно у него температура?

— Только сегодня с утра, полагаю.

— Когда врач осматривал его в последний раз?

— Я не вызывал врача, лорд Кэсерил. Принц швырнул в меня кресло, когда я пытался помочь ему, и перевязал себя сам.

— И вы ему позволили?

От резкого голоса Кэсерила секретарь подско-

чил. И смущённо пожал плечами:

— Но он так хотел.

Тейдес проворчал:

— Некоторые мне подчиняются. И позже я припомню кто.

Он взглянул на Кэсерила из-под полуприкрытых век и, выпятив нижнюю губу, перевёл взгляд на сестру.

— У него началось заражение. Я прослежу, чтобы к нему немедленно прислали храмового врача.

Тейдес завернулся обратно в свои одеяла.

— Ну, теперь я могу поспать? Если вы не возражаете, конечно. И задёрните занавеску — свет режет мне глаза.

— Да, оставайтесь в постели, — кивнул ему Кэсерил и вышел.

Исель вышла за ним в кабинет и, понизив голос, спросила:

— С ним не всё в порядке, правда?

— Верное замечание, принцесса. Вы всё рассудили правильно.

Она удовлетворённо кивнула; Кэсерил поклонился и направился к лестнице. По потемневшему лицу Нан ди Врит Исель могла и сама понять наконец, насколько Тейдес не в порядке. Всё, о

чём мог думать Кэсерил, спеша вниз по лестнице и через двор к башне Иаса, так это о том, как редко ему доводилось видеть, чтобы кто-нибудь — не важно, насколько молодой и сильный — выжил после ампутации ноги так высоко. Он ускорил шаг.

По счастью, Кэсерил обнаружил ди Джиронала сразу, едва войдя в канцелярию. Тот как раз запечатал седельную сумку с документами и вручил её курьеру.

— Как сейчас дороги? — спросил ди Джиронал у этого сухощавого, жилистого парня, набросившего плащ с нашивкой канцелярии поверх многочисленных шерстяных одежд.

— Грязно, милорд. Будет довольно опасно скакать по темноте.

— Что же, сделайте всё от вас зависящее. — Ди Джиронал вздохнул и похлопал его по плечу. Курьер отсалютовал и прошёл к выходу мимо Кэсерила.

Ди Джиронал посмотрел на своего визитёра.

— Кэсерил.

— Милорд. — Кэсерил отвесил официальный поклон и прошёл внутрь.

Ди Джиронал уселся на край письменного стола и скрестил на груди руки.

— Вы попытались спрятаться за орденом Дочери и его стараниями свалить меня. Очень глупо, — доверительно сказал он.

Кэсерил нетерпеливо отмахнулся. Он бы больше удивился, если бы ди Джиронал до сих оставался в неведении относительно того, что происходило на совете ордена.

— У вас сейчас куда более серьёзные проблемы, чем те, которые мог бы создать для вас я, милорд.

Глаза ди Джиронала изумлённо раскрылись. Он склонил голову набок.

— Что?

— Как выглядела рана Тейдеса, когда вы её видели?

— Рана? Какая рана? Он ничего мне не показывал.

— На правой ноге — его поцарапал леопард Орико, когда Тейдес убивал несчастного зверя. По правде говоря, царапины неглубокие, но случилось заражение. Кожа у него горит. Вы же знаете, что за горящие полосы тянутся порой от заражённых ран?

— Да, — тревожно пробормотал канцлер.

— У Тейдеса они ползут от щиколотки до паха. И выглядят, как кровавый пожар.

Ди Джиронал вздрогнул.

— Я настоятельно рекомендую вам отослать всю толпу бесполезных для Орико врачей к Тейдесу. Иначе вы можете потерять за одну неделю сразу две царственные марионетки.

Взгляды их столкнулись подобно камню и стали; затем ди Джиронал, резко выдохнув воздух, кивнул и вскочил на ноги. Кэсерил последовал за ним. Ди Джиронал, безусловно, был изъеден завистью и объят гордыней, но он не был некомпетентным глупцом. Кэсерил понимал, почему Орико им дорожил.

Убедившись, что канцлер поднимается по лестнице в покои Орико достаточно быстро, Кэсерил развернулся и направился вниз. Он не имел известий из храмового госпиталя со вчерашнего вечера, и ему хотелось проверить, как там Умегат. Выйдя из Зангра, он прошёл мимо зловещих конюшен. И слегка удивился, увидев немого грума, который шагал по склону холма в его сторону. Заметив Кэсерила, грум замахал руками без больших пальцев и ускорил шаг.

Грум приблизился, запыхавшись и улыбаясь. На его лице виднелись синяки — следы бесполезной борьбы в зверинце, сломанный нос с ободранным кончиком распух. Но глаза грума сияли, и он чуть ли не пританцовывал вокруг

Кэсерила.

Кэсерил поднял бровь.

— Ты выглядишь счастливым… что, Умегат очнулся?

Бедняга неистово закивал. Кэсерил, облегчённо вздохнув, улыбнулся в ответ. Безъязыкий грум что-то забормотал. Кэсерил смог разобрать одно слово из четырёх, чего хватило, впрочем, чтобы понять — грум послан по срочному делу.

Он показал Кэсерилу, чтобы тот подождал его у тихого, опустевшего зверинца, и через несколько минут вернулся с подвязанным к поясу узелком и с книгой в руках, которой он радостно потрясал. Кэсерил понял, что Умегат не только очнулся, но и довольно хорошо себя чувствует, раз послал за своей любимой книгой — то был Ордолл, как не без удивления заметил он.

Радуясь компании немого грума, Кэсерил зашагал вместе с ним в город. Пока они шли, Кэсерил задумался о следах пыток на теле своего спутника, на которые тот, по-видимому, не обращал особого внимания. Это были молчаливые свидетельства мучительных истязаний, выдержанных во имя его бога. Длились эти пытки час, день или месяцы? Была ли рыхлая полнота грума результатом кастрации, или так сказалась на

нём старость? Кэсерил не мог расспросить этого человека. Мычание его было неприятно слушать. Кэсерил не знал даже, был грум шалионцем или ибранцем, браджарцем или рокнарцем. Не знал он, и как его спутник попал в Кардегосс, как долго служил он Умегату, выполняя свои ежедневные обязанности. Грум бодро шагал вперёд с книгой в руке, глаза его блестели. Вот так выглядел верный слуга богов — героический и любимый ими.

Придя в палату Умегата, они застали его полусидящим в кровати с подушками за спиной. Он был бледен и изможд ён, наполовину выбритую голову покрывали аккуратные стежки швов, волосы были спутаны и походили на крысиное гнездо, губы потрескались, лицо заросло щетиной. Грум порылся в узелке, достал бритвенные принадлежности и победно помахал ими в воздухе. Умегат слабо улыбнулся. Затем, не отрывая головы от подушек, посмотрел на Кэсерила. Он неуверенно вскрикнул и протёр глаза.

Кэсерил проглотил комок.

— Как вы себя чувствуете?

— Голова раскалывается, — с трудом произнёс Умегат. И тихо всхлипнул. Наконец он смог спросить: — Мои прекрасные создания, они *все* умерли?

Язык Умегата распух, голос звучал надтреснуто, но речь была вполне разборчивой.

— Почти все. Осталась только маленькая синежёлтая птичка. Сейчас она в безопасности, в своей клетке. Я не разрешил никому воспользоваться тушами и проследил, чтобы их сожгли, как погибших солдат. Ещё вчера. Старший настоятель Менденаль позаботился найти достойное место для захоронения.

Умегат кивнул и сжал пересохшие губы. Кэсерил посмотрел на маленького грума — да, он наверняка знал правду, — потом перевёл взгляд на Умегата и, поколебавшись, спросил:

— Вы знаете, что перестали светиться?

Умегат быстро моргнул.

— Я… подозревал. Во всяком случае, вы теперь выглядите для моих глаз куда менее мучительно.

— Вы потеряли внутреннее зрение?

— М-м… внутреннего зрения тут и не надо. Вы живы — значит, рука леди всё ещё держит вас. Я всегда знал, что у меня это был лишь временный дар. Что ж, это было хорошо. — Его голос упал до шёпота. — Очень хорошо. — Умегат отвернулся. — Я должен был пережить и то мгновение, когда дар будет отнят. Вылетит из моих рук…

«Боги должны были предупредить тебя…»

Маленький пожилой грум, который помрачнел лицом, услышав боль в голосе Умегата, взял книгу и, пытаясь утешить, протянул её своему господину.

Умегат слабо улыбнулся и нежно принял Ордолла.

— В конце концов, у меня осталась ещё моя прежняя профессия, и я могу вернуться к ней, не так ли? — Он открыл книгу на какой-то отмеченной странице и заглянул в неё. Улыбка его вдруг погасла. Голос стал резким. — Это что, шутка?

— Какая шутка, Умегат? Это ваша книга, я видел, как он принёс её из зверинца.

Умегат неуклюже попытался сесть прямо.

— Что это за язык?

Кэсерил подошёл и тоже заглянул в книгу.

— Ибранский, конечно!

Умегат начал листать страницы. Пальцы его дрожали, взгляд скользил по строчкам, дыхание участилось, рот приоткрылся в ужасе.

— Это… это какая-то тарабарщина. Просто… просто… маленькие чернильные закорючки. Кэсерил!

— Это ибранский, Умегат. Просто ибранский.

— Мои глаза! Что-то во мне… — Он сжал лицо

руками, протёр глаза и вдруг закричал: — О боги! — и заплакал. — Я наказан!

— Беги за врачом! Приведи врача! — закричал Кэсерил испуганному груму. Тот кивнул и поспешил в коридор.

Пальцы Умегата, сжимавшие книгу, свело судорогой. Кэсерил неуклюже попытался помочь, похлопал его по плечу и забрал книгу. На ней остались следы пальцев Умегата. Рокнарец плакал… не как ребёнок. Детский плач никогда не бывает таким пугающим.

Через несколько бесконечно долгих минут пришла беловолосая лекарка и успокоила обезумевшего от горя настоятеля; он вцепился в неё с надеждой в глазах, так что ей с трудом удалось осмотреть его. Её объяснение, что многие люди оправляются после таких ранений не один день, помогло Умегату обрести некоторое утешение.

Однако ему потребовалось всё его мужество и присутствие духа, чтобы принять результаты дальнейших проверок: когда один из дедикатов по просьбе врача принёс из библиотеки книги на дартакане и рокнари, выяснилось, что Умегат их тоже не может прочесть, а его рука утратила способность писать. Перо выпало из неуклюжих пальцев и запачкало чернилами льняные

простыни. Умегат спрятал лицо в ладони и простонал:

— Я наказан. У меня отняли мою радость, моё убежище, моё утешение…

— Порой людям удаётся научиться заново делать то, что они забыли, — ободряюще сказала лекарка. — Вы понимаете речь… ваши уши не потеряли навык различать слова, вы не забыли знакомых вам людей. А случается и такое, я видела. Кто-нибудь может читать вам вслух…

Глаза Умегата встретились с глазами немого. По морщинистым щекам грума потекли слёзы. Маленький несчастный человечек прижал кулак ко рту и издал горький, полный отчаяния горловой стон.

Умегат вздохнул и покачал головой, забыв о своих бедах при виде их отражения на лице старика. Он потянулся к груму и сжал его руку.

— Ш-ш, тише. Ну, чем мы теперь не пара? — затем вздохнул и упал на подушки. — Никогда не говорите, что у Бастарда нет чувства юмора. — Глаза его закрылись, то ли от усталости, то ли из желания отгородиться от мира.

Кэсерил подавил собственный страшный вопрос: «Умегат, что же нам теперь делать?» Умегат был не в состоянии что-либо предпринимать

или указывать путь. Может быть, даже молиться не мог? Кэсерил не осмелился просить его помолиться за Тейдеса при таких обстоятельствах.

Дыхание больного стало глубже, и он забылся беспокойным сном. Тихо и осторожно, стараясь не издать ни звука, грум выложил на край стола бритвенные принадлежности и уселся на стул ждать, когда проснётся его хозяин. Лекарка сделала пометки в своих бумагах и вышла в коридор. Кэсерил последовал за ней в галерею, выходившую на внутренний двор. Центральный фонтан в холодное зимнее время не работал, вода в бассейне при сером свете дня казалась тёмной и мутной.

— Он действительно наказан? — спросил Кэсерил.

Женщина размяла свой усталый затылок.

— Откуда я могу знать? Ранения в голову — самые странные из всех. Я наблюдала одну больную, глаза которой были в абсолютном порядке, но которая всё же ослепла после удара по затылку. Я видела людей, потерявших дар речи, и людей, потерявших способность управлять одной половиной тела, в то время как другая половина оставалась им подвластной. Они наказаны? Если так, то боги злы, а я в это не верю. Я думаю, это

случайности.

«А я думаю, боги жульничают».

Он хотел попросить её получше присматривать за Умегатом, но она и так заботилась о нём, а Кэсерилу не хотелось, чтобы лекарка подумала, будто он сомневается в её заботливости и умении. Он вежливо пожелал ей доброго дня и отправился на поиски старшего настоятеля Менденаля, чтобы рассказать ему об опасном ухудшении состояния Тейдеса.

Настоятель Менденаль находился в храме у алтаря Матери, совершая обряд благословения жены богатого торговца кожей и их новорождённой дочери. Кэсерилу пришлось подождать, пока семья возложит на алтарь благодарственные подношения; затем он подошёл к Менденалю и тихо поведал ему новости. Настоятель побледнел и заторопился в Зангр.

У Кэсерила с недавних пор появился свой взгляд на действенность и безопасность молитв, но он тем не менее распростёрся на выложенном каменными плитками полу перед алтарём Матери, думая об Исте. Если надежда на милосердие по отношению к Тейдесу, вовлечённому в святотатственное преступление, а затем брошенному лордом Дондо, была крайне слаба, возможно,

Мать могла бы уделить немного внимания и сострадания его матери Исте. Послание богини Кэсерилу через сон Клары носило довольно милосердный характер. С одной стороны. Хотя оно могло быть и исключительно практическим. Лёжа на отполированном полу, Кэсерил ощущал в животе зловещий комок размером примерно в два его кулака.

Через некоторое время он поднялся и отправился на поиски Палли в старое каменное здание дворца провинкара ди Джеррина. Слуга проводил его в гостевую комнату в задней части дома. Палли сидел за маленьким столиком и что-то писал. Увидев входящего Кэсерила, он отложил перо и указал гостю на кресло напротив. Как только слуга вышел и закрыл за собой дверь, Кэсерил наклонился вперёд и сказал:

— Палли, ты можешь в случае необходимости отправиться в Ибру, как посланец принцессы Исель?

Палли вскинул брови.

— Когда?

— Скоро.

Он покачал головой.

— Если «скоро» означает «сейчас», то навряд ли. У меня сейчас очень много дел как у лорда-де-

диката, кроме того, я обещал ди Джеррину мою поддержку и голос в совете.

— Ты можешь передать свой голос ди Джеррину или другому доверенному лицу.

Палли потёр свою гладко выбритую щёку и издал подозрительное «хм».

Кэсерил мог бы сказать ему, что является святым Дочери и, таким образом, стоит по рангу выше Палли, ди Джеррина и всего священного военного ордена, но тогда потребовались бы сложные и долгие объяснения. Пришлось бы раскрыть тайну проклятия Фонсы. Да и признаться было бы маловато… пришлось бы доказывать как-то своё… странное состояние. Осенённый богом. Отмеченный богом. Изнасилованный богом. Он будет выглядеть ещё большим безумцем, чем рейна Иста. Кэсерил решился на компромисс:

— Я думаю, что это может быть делом Дочери.

— Почему ты так думаешь?

— Просто мне так кажется.

— А мне — нет.

— Погоди, я знаю, что делать. Перед тем как лечь спать, помолись и попроси её послать тебе во сне наставление.

— Я? А почему не ты?

— Мои ночи… слишком заполнены.

— И с каких это пор ты веришь в вещие сны? Мне казалось, ты всегда считал их чепухой и утверждал, что люди обманывают сами себя, доверяя таким снам.

— Недавно… мне пришлось изменить своё мнение. Послушай, Палли, ну сделай это в качестве эксперимента. Чтобы доставить мне удовольствие, если угодно.

Палли уступил.

— Хорошо, помолюсь ради тебя. Что же касается остального… — Он приподнял чёрную бровь. — Ибра? От кого именно я должен хранить это в тайне?

— В основном от ди Джиронала.

— О? Ди Джеррин может заинтересоваться. Там есть что-нибудь для него?

— Думаю, нет, — и Кэсерил, помолчав немного, неохотно добавил: — В некотором роде это секрет и от Орико.

Палли выпрямился, склонил голову набок. Голос его стал тише:

— Поосторожнее, Кэс. Ну-ка скажи, что за хомут ты примеряешь на мою шею? Это государственная измена?

— Хуже, — вздохнул Кэсерил, — теология.

— Что?

— Ох, чуть не забыл. — Кэсерил потёр переносицу, не понимая, болит голова сильнее или нет. — Скажи ди Джеррину, что обо всём происходящем на совете ди Джироналу докладывает какой-то шпион. Хотя он, может, уже понял это, я не знаю.

— Всё хуже и хуже. Тебе удаётся высыпаться, Кэс?

Горький смешок сорвался с губ Кэсерила.

— Нет.

— Знаешь, ты всегда начинаешь выглядеть как умирающий, когда переутомляешься и недосыпаешь. В общем, я никуда не поеду, пока ты будешь кормить меня исключительно тёмными намёками.

— Вскоре тебе представят полную информацию.

— Вот когда я получу полную информацию, тогда и решу.

— Что ж, всё ясно. — Кэсерил вздохнул. — Я поговорю с принцессой. Просто я не хотел предлагать ей человека, который может её подвести.

— Эй! — обиженно вскинулся Палли. — Когда это я кого подводил?

— Никогда, Палли. Именно поэтому я о тебе и подумал, — усмехнулся Кэсерил и с тихим сто-

ном поднялся на ноги. — Я должен вернуться в Зангр, — и он коротко рассказал о ране Тейдеса.

Лицо Палли приняло озабоченное выражение.

— Насколько он плох?

— Не знаю… — Осторожность пересилила желание быть откровенным. — Тейдес молод, силён, хорошо ест. Не вижу причин, по которым он не смог бы одолеть это заражение.

— Пятеро богов, Кэс, он — надежда своего Дома. Что делать Шалиону, если он не выкарабкается? Ещё и Орико слёг.

Кэсерил замялся.

— Орико… уже какое-то время был нездоров, но я уверен, ди Джиронал даже не предполагал, что оба брата слягут одновременно, в течение одной недели. Можешь сообщить ди Джеррину, что канцлер будет очень занят эти несколько дней. Если лорды-дедикаты хотят подать что-либо на подпись Орико в обход ди Джиронала — сейчас для этого самый подходящий момент.

Он кивал в ответ на призывы Палли соблюдать осторожность, но отказаться от эскорта братьев ди Гьюра ему не удалось. И когда Кэсерил взбирался на холм к Зангру, мысли его, вертевшиеся исключительно вокруг того, как избавить Исель от проклятия её Дома, постепенно свелись к од-

ной, куда более простой — как бы не свалиться прямо под ноги этим усердным молодым людям и не вернуться домой на их крепких плечах.

По возвращении Кэсерил обнаружил на своём этаже многообещающее столпотворение. Врачи в зелёных одеждах и их помощники-служители входили и выходили. Слуги сновали туда-сюда с водой, бинтами, одеялами, простынями и серебряными кувшинами с загадочными напитками. Кэсерил собрался было узнать, чем он может быть полезен, но тут увидел появившегося из кабинета старшего настоятеля Менденаля с печальным и задумчивым лицом.

— Ваше преосвященство? — Кэсерил тронул его за пятицветный рукав. — Как там мальчик?

— Ах, лорд Кэсерил. — Менденаль встрепенулся и остановился. — Канцлер и принцесса снабдили меня пожертвованиями, чтобы я помолился за принца. Я как раз иду возложить их кошельки на алтарь.

— Вы думаете… молитвы пойдут на пользу? — «Вы думаете, хоть какие-нибудь молитвы идут на пользу?»

— Молитвы всегда идут на пользу.

«Увы, это не так», — хотел возразить Кэсерил, но придержал язык.

Менденаль, перейдя на шёпот, добавил:

— А ваши могут быть особенно полезными. Сейчас.

Кэсерил этого, однако, не заметил.

— Ваше преосвященство, я ни к одному человеку в мире не испытываю такой ненависти, чтобы посметь навлечь на него результаты моих молитв.

— Ох, — смущённо пробормотал настоятель. Он выдавил улыбку и вежливо попрощался.

Принцесса Исель вышла в коридор и огляделась, ища глазами Кэсерила. Увидев, она подозвала его к себе.

Он поклонился.

— Принцесса?

Она тоже понизила голос — казалось, все здесь говорят шёпотом.

— Речь идёт об ампутации. Вы можете… не могли бы вы помочь держать его, если до этого дойдёт? Полагаю, вы знаете, что нужно делать?

— Конечно, принцесса.

Кэсерил сглотнул. Кошмарные воспоминания о полевых госпиталях всплыли в памяти. Он никогда не мог решить, с кем тяжелее иметь дело — с человеком, который пытается стойко перенести операцию, или с человеком, чей рассудок

не выдерживает мысли о предстоящем ужасе. Несравнимо легче, когда пациент ко времени начала операции пребывает в блаженной бессознательности.

— Скажите врачам, что я в их полном распоряжении. Их и лорда Тейдеса.

Он стоял в кабинете, прислонясь к стене, и слышал, как отреагировал мальчик на предложение ампутации. Похоже, Тейдеса можно было отнести ко второй категории пациентов. Он кричал и завывал, что не позволит кучке предателей и идиотов сделать из себя калеку, и швырялся вещами. Успокоил его только другой врач, высказавший мнение, что у принца не гангрена, а заражение крови — нос Кэсерила был вполне согласен с этим — и что в данном случае ампутация принесёт больше вреда, чем пользы. Таким образом, лечение было сведено к обычному кровопусканию, хотя по воплям Тейдеса вполне можно решить, что врачи всё же приступили к ампутации. Несмотря на то что рану промыли и обработали, температура не падала; слуги вёдрами таскали холодную воду, чтобы приготовить ванну в медном корыте, установленном в гостиной. Врачи собирались окунуть в неё Тейдеса.

Всех этих докторов, помощников и слуг было

вполне достаточно, чтобы справиться с одним пациентом, и Кэсерил решил на некоторое время удалиться в свой кабинет. Там он развлёк себя, сочиняя едкие письма в городские советы, запаздывавшие с выплатами в бюджет принцессы Исель. Писать пришлось во все шесть городов. В своё оправдание городские советы присылали послания, в которых всё сваливалось на неурожай, разбойников, мор, стихийные бедствия и вороватость сборщиков налогов. Интересно, отдав доходы от этих городов в приданое Исель, рей просто хотел отделаться от наиболее злостных неплательщиков или во всём Шалионе царили такие беспорядки и разруха?

Вошли Исель и Бетрис, они выглядели бледными и измученными.

— Моему брату совсем худо, — призналась принцесса. — Мы собираемся установить алтарь и помолиться до обеда. Может, нам вообще следует отказаться от еды и попоститься?

— Мне кажется, нужны не молитвы других людей, а молитвы самого Тейдеса. И не о выздоровлении, а о прощении.

Исель покачала головой.

— Он вообще отказывается молиться. Он говорит, что не виноват, что вся вина лежит на Дондо,

а он никоим образом не хотел причинить Орико вред. И те, кто утверждает обратное, — мерзкие клеветники.

— А кто-нибудь так считает?

— Никто не высказывал этого принцу в лицо, но среди слуг расползаются странные слухи — нам сказала Нан, — ответила Бетрис.

Исель нахмурилась.

— Кэсерил… такое возможно?

Кэсерил поставил локти на стол и потёр разламывающийся от боли лоб.

— Не со стороны Тейдеса. Я верю тому, что он говорит, — это идея Дондо. Что же касается Дондо, насчёт него я готов поверить чему угодно. Посмотрите на дело с его позиций: он женится на сестре Тейдеса, затем помогает Тейдесу взойти на престол, пока мальчик ещё несовершеннолетний. Глядя на Мартоу, Дондо понимает, какой властью обладает человек, сидящий у рея за пазухой. Не знаю уж, как он рассчитывал расправиться с Мартоу, но я уверен, что Дондо метил на место канцлера — возможно, регента — Шалиона. Может быть, даже и рея Шалиона, смотря какую дьявольскую судьбу он уготовил бы Тейдесу.

Исель прикусила нижнюю губу.

— А я думала, что вы спасли только *меня.* —

Она коротко дотронулась до плеча Кэсерила и прошла к себе.

Кэсерил сопровождал дам, когда те перед обедом отправились нанести визит Орико. Рею хоть и не полегчало, но и не стало хуже. Он сидел на свежезастеленной кровати и слушал, как рейна Сара читает вслух. Орико с надеждой поведал об улучшении в правом глазу — теперь он, кажется, мог различать им движущиеся предметы. Кэсерил подумал, что водянка — довольно точный диагноз. И без того отёчное тело рея распухло ещё сильнее; бледный след от пальца на его полной щеке был виден ещё долгое время. Исель не стала говорить ему о болезни Тейдеса, но, уходя, задержалась в приёмной с рейной Сарой и рассказала ей всё откровенно. Сара плотно сжала губы и промолчала; Кэсерил решил, что по крайней мере один человек точно не будет молиться за запутавшегося глупого мальчишку.

После ужина температура у Тейдеса поднялась ещё выше. Он больше не сопротивлялся и не жаловался, впал в апатию.

За пару часов до полуночи мальчик как будто уснул. Совершенно измученные Бетрис и Исель наконец покинули его спальню и поднялись к себе немного отдохнуть.

Ближе к полуночи Кэсерил, будучи не в силах уснуть в ожидании уже ставших привычными криков и приступов боли, вернулся в покои принца. Главный врач собирался дать мальчику жаропонижающий сироп, только что сваренный и доставленный запыхавшимся помощником. Но им не удалось разбудить мальчика.

Кэсерил поспешил наверх и доложил об этом сонной Нан ди Врит.

— Ну, Исель ничем не сможет помочь, — поразмыслив, сказала та. — Бедная девочка только что уснула. Может, позволим ей поспать?

Кэсерил поколебался, затем сказал:

— Нет.

Обе уставшие, встревоженные девушки снова оделись и быстро проследовали в заполненную людьми гостиную Тейдеса. Прибыл канцлер ди Джиронал, вызванный из своего дворца.

Ди Джиронал хмуро взглянул на Кэсерила и поклонился Исель.

— Принцесса, комната больного — не место для вас. — Кислый взгляд в сторону Кэсерила как будто говорил «и вас также».

Исель прищурилась, но ответила спокойно и с достоинством:

— Ни у кого нет на это большего права и боль-

шей обязанности.

И после короткой паузы добавила:

— Кроме того, я должна быть свидетельницей вместо нашей матери.

Ди Джиронал вздохнул, что, безусловно, было лучше любых слов.

«Свои пожелания он мог благополучно приберечь для иного места и времени», — подумал Кэсерил. Ему ещё представится масса возможностей.

Ледяной компресс не снижал жара, и даже уколы иголками не будили Тейдеса. Встревоженные врачи покрылись холодным потом, когда тело мальчика вдруг судорожно дёрнулось. Дышал он ещё более прерывисто и хрипло, чем Умегат. В коридоре квинтет пел псалмы — по одному голосу от каждого ордена. Голоса сливались и разносились эхом — пронзительно красивый фон для страшного события.

Затем голоса смолкли. И когда стало тихо, Кэсерил понял, что в спальне больше не слышно громкого, тяжёлого дыхания. Никто не шевелился и не произносил ни слова. Один из врачей с усталым, мокрым от слёз лицом вышел в кабинет и позвал ди Джиронала и Исель выступить в качестве свидетелей. В комнате Тейдеса послы-

шались и снова затихли голоса.

Оба побледневших свидетеля вышли из спальни. Ди Джиронал был потрясён — по-видимому, как понял Кэсерил, канцлер был уверен, что мальчик выкарабкается. Лицо Исель, белое как мел, ничего не выражало. Вокруг неё злобно клубилась густая чёрная тень.

Все в кабинете повернулись к принцессе, подобно стрелкам компаса. У Шалиона появилась новая наследница.

Глава 20

Красные от усталости и горя глаза Исель были сухи. У Бетрис, которая подошла поддержать её, по лицу катились слезы. И трудно было сказать, кто на самом деле на кого опирался.

Канцлер ди Джиронал прочистил горло.

— Я отнесу эту печальную весть Орико, — и запоздало добавил: — Позвольте мне послужить вам в этом, принцесса.

— Да… — Исель слепо огляделась. — Пусть все эти добрые люди займутся своими делами.

Брови ди Джиронала сошлись на переносице, словно в его мозгу зароились сотни мыслей одновременно и он никак не мог выбрать, на какой из них остановиться. Он посмотрел на Бетрис, потом на Кэсерила.

— Ваш бюджет и ваша свита… их нужно увеличить, чтобы они соответствовали вашему новому положению. Я займусь этим.

— Я не могу думать об этом сейчас. Скоро наступит утро. Милорд канцлер, оставьте меня с моим горем до вечера.

— Конечно, принцесса. — Ди Джиронал поклонился и повернулся к выходу.

— Да, — добавила Исель, — прошу вас не посылать гонца к моей матери, пока я сама не напишу ей письмо.

Ди Джиронал обернулся в дверях и, остановившись, ещё раз согласно кивнул.

— Конечно.

Когда Бетрис повела Исель к двери, принцесса на ходу прошептала Кэсерилу:

— Поднимитесь ко мне через полчаса. Я должна подумать.

Он склонил голову.

Толпа придворных в кабинете и гостиной постепенно рассосалась, остался только секретарь Тейдеса, неуверенно и беспомощно переминавшийся с ноги на ногу. Стройный печальный хор голосов в коридоре допевал последний псалом — теперь уже провожая душу из этого мира, затем голоса смолкли, певцы удалились.

У Кэсерила так болели голова и живот, что он не мог понять, какая боль сильнее. Он проскользнул в свою спальню в конце коридора, запер дверь и подвергся бешеной ночной атаке Дондо, который, как сообщило ему сведённое судорогами тело, не мог больше ждать.

Знакомые спазмы, как обычно, согнули его пополам, но, что удивительно, Дондо был странно

молчалив. Неужели он тоже обескуражен смертью Тейдеса? Если Дондо собирался уничтожить мальчика вслед за Орико, то всё вышло, как он хотел, — правда, слишком поздно, чтобы смерть принца послужила той цели, которую ди Джиронал преследовал при жизни.

Его молчание Кэсерила отнюдь не успокаивало. Обострившееся восприятие говорило ему, что он не избавлен от зловещего присутствия Дондо и дух того по-прежнему заперт внутри. Голодный. Обозлённый. Может, Дондо задумался? Склонность к размышлениям никогда не была его сильной чертой. До сих пор. Возможно, потрясение от собственной смерти уже прошло — и осталось… что? Ожидание. В засаде. Как будто он подстерегает дичь. Что ж, при жизни Дондо был опытным охотником.

Кэсерилу пришла в голову мысль, что если у демона была единственная задача — поскорее заполнить оба свои ведра душами и вернуться к господину, то Дондо наверняка не разделял это стремление. Живот его злейшего врага был для него ненавистной тюрьмой, но ни очистительный ад Бастарда, ни леденящее душу беспамятство отверженных богами призраков не являлись для него желанной альтернативой.

Какой именно вариант существовал ещё, Кэсерилу представить было довольно сложно, но он был совершенно уверен, что если Дондо пытается найти физическую форму и вновь воплотиться в этом мире, то его, Кэсерила, тело более всего подходит для этой цели. Так или иначе. Он положил руки на живот, в сотый раз пытаясь определить, насколько быстро растёт опухоль.

Судороги прошли, миновала мучительная четверть часа в ожидании кошмара. Кэсерил вспомнил о просьбе Исель. Писать письмо Исте, сообщая о трагической смерти её сына, — занятие не из лёгких; неудивительно, что принцесса ждёт от него помощи. Не чувствуя себя готовым к этой миссии, Кэсерил тем не менее считал своей обязанностью выполнить всё, чего бы ни потребовала от него Исель в своём горе. Он выпрямился, встал и отправился наверх.

Исель уже сидела в его кабинете за столом, перед ней были разложены его лучшие перья, бумага, чернила и воск для печатей. По всему кабинету горело множество свечей, разгоняя ночные тени. Бетрис пересчитывала и выкладывала странной маленькой кучкой на квадратный лоскут шёлка украшения: кольца, броши и нить светлых, блестящих жемчужин, подаренную

Дондо, которую Кэсерил не успел ещё отнести в храм.

Исель сидела нахмурившись, глядя на чистый белый лист, и нервно теребила на пальце кольцо с печаткой. Она подняла глаза и тихо произнесла:

— Вы уже здесь? Хорошо. Закройте дверь.

Он запер дверь.

— К вашим услугам, принцесса.

— Молюсь, чтобы это было так, Кэсерил. Молюсь. — Её глаза внимательно рассматривали его.

Бетрис взволнованно проговорила:

— Он так болен, Исель. Ты уверена?

— Я не уверена ни в чём, но времени совсем не осталось. И выбора тоже. — Она тяжело вздохнула. — Кэсерил, я хочу, чтобы завтра утром вы отправились в Ибру как мой посланник, чтобы договориться о свадьбе с принцем Бергоном.

Кэсерил заморгал глазами.

— Канцлер ди Джиронал ни за что не позволит мне уехать.

— Конечно, вы поедете тайно. — Исель нетерпеливо взмахнула рукой. — Сначала поскачете в Валенду — это почти по дороге, — как мой личный гонец, чтобы передать нашей матери известие о кончине моего брата. Ди Джиронал с радостью

согласится на ваш отъезд, он даже выдаст вам курьерский жезл, что позволит вам пользоваться курьерскими лошадьми. Вы же знаете, что уже к полудню он собирается пополнить мою свиту и наверняка наводнит мои покои шпионами.

— Это было ясно с самого начала.

— После того как вы доберётесь до Валенды и выполните своё первое задание, вы не вернётесь в Кардегосс, а отправитесь в Загосур или туда, где сейчас находится принц Бергон. Я же здесь, в свою очередь, буду настаивать, чтобы Тейдеса похоронили в Валенде, в его любимом доме.

— Тейдес не мог дождаться случая, чтобы выбраться оттуда, — заметил Кэсерил, начиная чувствовать головокружение.

— Да, но ди Джиронал этого не знает, не так ли? Канцлер не позволит мне уехать из Кардегосса и вырваться из-под его опеки по любому другому поводу, но он не сможет вслух подвергнуть сомнению святость семейных уз. Я буду просить Сару поддержать мой проект — это первое, что я сделаю утром.

— Вы сейчас в двойном трауре — и по своему брату, и по его. Он не может предложить вам другого кандидата в мужья в течение нескольких месяцев.

Она покачала головой.

— Час назад я стала надеждой Шалиона. Ди Джиронал не может выпустить меня из рук, если он собирается управлять государством и в будущем. Значение имеет не мой траур по Тейдесу, а тот миг, когда начнётся мой траур по Орико. Именно тогда — но не раньше — я попаду в его власть и буду ему полностью подчинена. Если только прежде не выйду замуж. Уехав из Кардегосса, я не собираюсь возвращаться. По нынешней погоде кортеж с телом Тейдеса будет добираться до Валенды не одну неделю. А если погода будет благоприятствовать поездке, я найду другие способы задержаться. К тому времени, как вы вернётесь с принцем Бергоном, я буду в безопасности в Валенде.

— Подождите, подождите… что я сделаю? *Вернусь* с принцем Бергоном?

— Ну конечно же! Вы должны привезти его ко мне. Сами посудите — если я покину Шалион, чтобы выйти замуж в Ибре, ди Джиронал объявит меня мятежницей и вынудит вернуться во главе иностранной армии. Но если я с самого начала захвачу мою землю, мне никогда не придётся отбивать её обратно. Вы сами научили меня этому!

«Я?..»

Она наклонилась вперёд, чётко выговаривая каждое слово:

— Да, у меня будет принц Бергон, но я не отдам Шалион, чтобы заполучить его, ни пяди земли! Ни ди Джироналу, ни Лису! Это мои условия. Бергон и я предоставим друг другу только почётные короны. Полномочия Бергона в Шалионе будут как у принца-консорта, а у меня в Ибре — как у принцессы-консорты, совершенно одинаковые. Наш будущий сын — будь на то воля Отца и Матери — когда-нибудь унаследует и объединит обе короны. Но моя власть в Шалионе должна быть *моей*, а не властью супруги правителя. Я не собираюсь превращаться в Сару, обычную покинутую жену, не имеющую права слова на собственных советах!

— Лис захочет большего.

Она вздёрнула подбородок.

— Поэтому моим посланником можете быть только вы и никто другой. Если вы не сможете договориться с Бергоном, не ущемляя моего будущего суверенитета, возвращайтесь домой. Тогда, когда Орико умрёт, я сама подниму знамёна против ди Джиронала. — Она сурово сжала губы, чёрная тень клубилась над её головой. — Проклятие там, не проклятие… но я не собираюсь ждать,

пока ди Джиронал взнуздает меня, как кобылицу, и поскачет, куда ему вздумается.

Да, у Исель были выдержка, воля и разум, чтобы противостоять ди Джироналу, какими Орико не обладал и какими никогда не обзавёлся бы Тейдес. В её глазах Кэсерил увидел ощетинившиеся копьями армии, возглавляемые Исель; они были черны, словно облака дыма над горящим городом. Вот, значит, как проявится проклятие у этого поколения — не в виде личного несчастья, а в виде гражданской войны между королевой и её дворянами, войны, охватившей всю страну.

А ведь принцесса могла бы отказаться и от Дома, и от проклятия и перейти под защиту Бергона…

— Я поеду, принцесса.

— Хорошо. — Она откинулась назад и провела ладонью по белому листу бумаги. — Сейчас нам нужно составить несколько писем. Первое — ваши верительные грамоты для Лиса. Полагаю, они должны быть написаны моей рукой. Вы имели дело с доверенностями и прочими документами. И должны помочь мне подобрать нужные слова, чтобы я не выглядела невежественной девчонкой.

— Я сделаю всё от меня зависящее, но я же не

законник, Исель.

Она пожала плечами.

— Если мы добьёмся своего, у меня будут мечи, чтобы подкрепить мои слова. Ну а если нет — не помогут никакие хитрости законников. Пусть всё будет просто и ясно. Приступим…

Изнурительная четверть часа сосредоточенности, искусанных губ, перечёркиваний, и вот результат — чёткое письмо, которое Исель размашисто подписала и запечатала своей печатью. Бетрис тем временем закончила подсчёт имевшихся в наличии средств — денег и украшений.

— Это все деньги, что у нас есть? — спросила Исель.

— К сожалению, да, — вздохнула Бетрис.

— Ну, тогда ему придётся зайти в Валенде к ювелиру. — Исель завязала драгоценности в узелок и подвинула их через стол к Кэсерилу. — Ваш кошелёк, милорд. Надеюсь, этого хватит, чтобы проделать путь туда и обратно.

— Более чем достаточно, если меня не обворуют.

— Это чтобы тратить, а не хранить. Вы должны произвести в Ибре хорошее впечатление. Приоденьтесь. Кроме того, принц Бергон должен путешествовать с приличествующими его и

моему рангу удобствами, чтобы Шалиону было не стыдно.

— Путешествие будет трудным, я имею в виду — без армии. Я подумаю над этим. Многое зависит от случайностей. Да, чуть не забыл — нам нужно выработать способы связи. Ди Джиронал и его шпионы постараются прочитать все получаемые вами письма.

— О!

— Есть один очень простой шифр, который почти невозможно раскрыть. Для него нужны две одинаковые книги — одна будет у меня, вторая у вас. Слова шифруются тремя числами — номер страницы, номер строки и номер слова в строке, — по которым получатель и находит нужное слово в своей книге. Нет надобности использовать постоянное число для одного слова — лучше поискать номера на другой странице, если возможно. Есть и лучшие шифры, но у нас нет времени выбирать. Правда… у меня нет двух одинаковых книг.

— Я найду две книги до вашего отъезда, — подала голос Бетрис.

— Спасибо. — Кэсерил потёр лоб.

Было безумием бросаться в такую авантюру: ехать больному, с возможностью кровотечения,

зимой через горы. Он может просто упасть с лошади и замёрзнуть в снегах, и его вместе с лошадью и верительными грамотами съедят волки…

— Исель, моё сердце жаждет исполнить вашу волю, но моё тело — это территория, оккупированная врагом. Я боюсь, что могу погибнуть в пути и не выполнить миссию. Мой друг, марч ди Паллиар, — отличный наездник и хороший воин. Могу я предложить его вместо себя?

Исель задумалась.

— Думаю, что в Ибре будет битва умов, за руку Бергона с Лисом придётся сражаться. Это не бой на мечах. И лучше послать в Ибру разум, а меч придержать в Шалионе.

Хорошая мысль — всё-таки Бетрис и Исель не останутся без защиты, при них будет сильный друг… да не один.

— Могу я привести его завтра на наш совет?

Исель переглянулась с Бетрис; Кэсерил не заметил никакого обмена знаками, но принцесса кивнула.

— Да, приведите его ко мне как можно скорее.

Принцесса пододвинула к себе очередной лист бумаги и взяла новое перо.

— Теперь я напишу личное письмо Бергону, которое вы доставите в Ибру запечатанным.

А потом, — из груди её вырвался печальный вздох, — письмо моей матери. Думаю, тут вы мне ничем не поможете. Попытайтесь поспать, пока есть возможность.

Кэсерил поднялся и откланялся.

Подойдя к двери, он услышал, как принцесса мягко добавила:

— Я рада, что именно вы доставите ей эту новость, Кэсерил, а не казённый курьер канцелярии. Хотя это будет очень тяжело. — Она снова вздохнула и принялась писать. Пламя свечей придавало её янтарным волосам вид ореола вокруг сосредоточенного лица. Оставив принцессу в залитой светом комнате, он вышел в темноту холодного коридора.

Кэсерил проснулся на рассвете от настойчивого стука в дверь. Выбравшись из постели и отперев дверь, он увидел на пороге не пажа с поручением, а Палли.

Обычно аккуратный, Палли выглядел так, будто одевался наспех и в темноте; волосы его были всклокочены после сна и торчали в разные стороны. Глаза были расширенными и тёмными, словно бездонные колодцы. Зевающие братья ди Гьюра выглядели заспанными, но довольными; они улыбнулись Кэсерилу и заняли позиции по

обе стороны двери в коридоре, а Палли бесцеремонно ввалился в комнату. Кэсерил взял одну из стоявших у кровати свечей и протянул Ферде, который был повыше ростом, чтобы тот зажёг её от светильника на стене коридора. Затем Ферда передал горящую свечу своему лорду и командиру. Руки Палли слегка дрожали. Но он молчал, пока дверь за ними не закрылась.

— Демоны Бастарда, Кэс! В чём дело? — набросился он на друга.

— Какое именно? — несколько смущённо спросил Кэсерил.

Палли зажёг свечи возле умывальника и повернулся к хозяину.

— Молись о наставлении, сказал ты. Во сне, стало быть. Этой ночью меня во сне убивали пять раз, да будет тебе известно. Всю ночь куда-то скакал. Каждый раз всё ужаснее. В последнем сне меня съели мои же лошади. Да я теперь неделю не сяду верхом — ни на лошадь, ни на мула, ни даже на пони!

— Ох. — Кэсерил заморгал, переваривая услышанное. Как будто всё ясно. — В таком случае я не хочу, чтобы ты ехал.

— Какое облегчение!

— Я должен поехать сам.

— Поехать? Куда? В такую погоду? Сейчас, между прочим, идёт снег.

— Ох, только этого не хватало. Ты ещё не знаешь? Принц Тейдес умер около полуночи от заражения крови.

Лицо Палли вытянулось, рот приоткрылся.

— Это всё меняет в Шалионе.

— Ещё бы. Позволь мне одеться, и пойдём со мной наверх. — Кэсерил торопливо ополоснулся ледяной водой и натянул вчерашнюю одежду.

Наверху они встретили Бетрис, тоже во вчерашнем лавандово-чёрном траурном платье. Было видно, что она так и не ложилась спать. Кэсерил затащил братьев ди Гьюра в свой кабинет, чтобы они не маячили на виду у всех в коридоре, и закрыл их там. Сам же вместе с Палли прошёл в гостиную.

Бетрис коснулась рукой запечатанного пакета на маленьком столике.

— Все письма готовы к отправке… — она кинула взгляд на Палли и замялась, — в Валенду.

— Исель спит? — спокойно спросил Кэсерил.

— Нет, просто отдыхает. Она захочет поговорить с вами. Обоими. — Бетрис на минуту скрылась в спальне, откуда донёсся приглушённый разговор, затем снова вышла с двумя

книгами под мышкой.

— Я спустилась в библиотеку рея и нашла два одинаковых тома. Выбрала самые толстые, чтобы было больше слов для выбора.

— Отлично, — сказал Кэсерил и взял одну из книг. Взглянув на неё, он вздрогнул и горько засмеялся. «Ордолл» — гласили золотые буквы на переплёте. «Пятилистник души». — Замечательно. Мне как раз нужно освежить свои теологические познания, — и он положил её рядом с пакетом писем.

Вышла Исель в тяжёлом синем бархатном платье, из-под которого выглядывала белая полоска ночной рубашки. Её янтарные волосы густыми волнами ниспадали на плечи. Лицо было бледным и припухшим от недосыпания, как и у Бетрис. Она кивнула Кэсерилу и Палли.

— Милорд ди Паллиар. Благодарю, что согласились мне помочь.

— Я… э-э… — пробормотал Палли. И взглянул искоса на Кэсерила, словно спрашивая: «На что это я согласился?»

— Он поедет вместо вас? — взволнованно спросила Бетрис. — Вам нельзя ехать, вы же знаете, нельзя.

— Э-э… нет. Палли, вместо этого я прошу тебя

служить принцессе Исель и защищать её. Лично. Во имя богов и особенно во имя леди Весны. В этом нет никакой измены — она полноправная наследница Шалиона. Таким образом, ты имеешь честь стать её первым придворным.

— Я… я… я могу принести клятву верности в дополнение к той, что давал вашему брату Орико, леди. Я не могу поклясться в верности вам одной, минуя его.

— Я и не прошу вас быть верной мне в ущерб моему брату. Я прошу только быть верной прежде мне, а уж потом его канцлеру.

— О, тогда конечно. — Палли просиял. — С удовольствием.

Он поцеловал Исель в лоб, затем коснулся поцелуем обеих рук и ног, обутых в тапочки, и, встав на колени, принёс клятву верности лорда Шалиона, засвидетельствованную Кэсерилом и Бетрис. Затем, всё ещё на коленях, он спросил:

— Принцесса, что вы думаете о ди Джеррине как о новом священном генерале ордена Дочери?

— Я думаю… что пока не готова отдать кому-то предпочтение. Но он, с моей точки зрения, в любом случае гораздо больше подходит на этот пост, чем любой кандидат из клана ди Джиронала.

Палли кивнул, одобряя её взвешенные слова,

и встал.

— Я ему передам.

— Исель на время похорон Тейдеса потребуется вся практическая помощь, какую ты только сможешь оказать, — сказал другу Кэсерил. — Он должен быть похоронен в Валенде. Могу я предложить ей включить твой паллиарский отряд в траурный кортеж? Это послужит формальным поводом для частых встреч и обеспечит твоё присутствие рядом с ней, когда она покинет Кардегосс.

— О, как вы быстро думаете, Кэсерил, — отметила Исель.

Кэсерил отнюдь не чувствовал себя быстрым. Напротив, ему казалось, что его мысли по сравнению с мыслями Исель понуро плетутся в тяжеленных сапогах, на которые налипло фунтов по двадцать грязи. Власть, перешедшая к ней прошлой ночью, словно освободила некую дремавшую внутри энергию; принцесса загорелась, запылала внутри своего тёмного кокона. Ему казалось, что если он закроет глаза, то увидит, что она действительно светится.

— Но неужели вы должны ехать один, Кэсерил? — печально спросила Бетрис. — Мне это совсем не нравится.

Исель прикусила губу.

— До Валенды, видимо, придётся. Едва ли в Кардегоссе найдётся кто-нибудь, кому мы могли бы доверить стать его спутником. — Она посмотрела на своего секретаря с сомнением. — А в Валенде моя бабушка, возможно, предоставит вам людей. По правде говоря, вам не следует появляться перед Лисом одному, без сопровождения. Не хочу, чтобы мы выглядели отчаявшимися, — и она горько вздохнула, — хотя так оно и есть на самом деле.

Бетрис потянула её за бархатный рукав.

— А если он почувствует себя плохо в пути? Вдруг опухоль разрастётся ещё? И кто сожжёт его тело, если он умрёт?

Палли вздрогнул.

— Опухоль? Кэсерил! Что ещё за опухоль?!

— Кэсерил! Вы что, не сказали ему? Я думала, он ваш друг! — Бетрис повернулась к Палли. — Он собирается сесть на лошадь и скакать — скакать! — в Ибру с огромной, смертельно опасной опухолью в животе, без всякой возможности получить по дороге помощь! По мне, так это не смелость, а глупость. В Ибру ему поехать придётся, поскольку другой кандидатуры просто нет, но ведь не одному же!

Палли выпрямился, прижал к губам большой палец и посмотрел на Кэсерила, прищурив глаза. Наконец он проговорил:

— Я так и знал, что ты болен. Ты плохо выглядишь.

— Да, но с этим уже ничего не поделать.

— Хм… а насколько плохо… то есть… э-э… ты…

— Умираю ли я? Да. Сколько мне осталось? Никому не известно. Этим моя жизнь несколько отличается от ваших, как заметил просвещённый Умегат, только и всего. Да и кто хочет умереть в постели?

— Ты. Ты всегда так говорил. Глубоким стариком, в постели, с чьей-нибудь женой.

— С моей желательно. — Кэсерил тяжело вздохнул. — Ну да ладно. — Ему удалось не взглянуть на Бетрис. — Моя смерть — это проблемы богов. Что до меня, я отправлюсь, как только будет осёдлана лошадь.

Кэсерил встал и взял в руки пакет и книгу. Палли взглянул на Бетрис, которая стояла, стиснув сплетённые пальцы, и умоляюще смотрела на него. Он что-то прошептал себе под нос, затем вдруг шагнул к двери в кабинет и резким движением распахнул её. Фойкс ди Гьюра — одно большое ухо, прижатое к двери, — отскочил и,

стремительно выпрямившись, улыбнулся своему командиру. Его брат Ферда, стоявший прислонясь к противоположной стене, фыркнул.

— Эй, мальчики, — мягко сказал Палли, — у меня для вас небольшое дельце.

Кэсерил, одетый в зимний костюм для верховой езды, прошёл через ворота Зангра в сопровождении Палли. Через плечо его был перекинут ремень седельной сумки, тяжёлой от уложенного в неё груза: смены одежды, капельки удачи, теологии и государственной измены.

Братья ди Гьюра уже топтались на конюшенном дворе. По приказанию Палли они успели сбегать во дворец ди Джеррина, переоделись из бело-голубых нарядных мундиров в дорожные костюмы и обули высокие удобные сапоги.

С ними была Бетрис, закутанная в белый шерстяной плащ. Они стояли, сблизив головы; девушка возбуждённо жестикулировала. Фойкс поднял глаза и увидел приближавшегося Кэсерила. Его широкое лицо стало серьёзным и несколько испуганным. Он что-то сказал, Бетрис оглянулась, и разговор резко оборвался. Братья повернулись и поклонились Кэсерилу. Бетрис не отрываясь смотрела на него, словно его лицо было уроком, который она хотела запечатлеть

в памяти.

— Ферда! — позвал Палли. Помощник шталмейстера тут же подскочил к командиру. Палли протянул ему два письма, одно запечатанное, другое — просто сложенное пополам.

— Это, — он вложил в руку юноши сложенное послание, — рекомендательное письмо от меня как от лорда-дедиката ордена Дочери, дающее тебе право пользоваться любой помощью наших сестёр в миссиях и храмах во время этого путешествия. Все счета пусть посылают ко мне в Паллиар. А это, — он вручил второе письмо, — вы должны будете вскрыть в Валенде.

Ферда кивнул и убрал бумаги. Второе письмо передавало именем Дочери братьев ди Гьюра в распоряжение Кэсерила, без всяких комментариев. Их путешествие в Ибру станет для ребят интересным сюрпризом.

Палли обошёл кузенов кругом, окинув их внимательным взглядом.

— Взяли достаточно тёплой одежды? Оружие против разбойников?

Они предъявили наточенные мечи и арбалеты — тетива защищена от сырости, запас стрел большой, механизмы в полном порядке. В воздухе кружились редкие снежинки и, падая на зем-

лю и непокрытые головы людей, тут же таяли, превращаясь в маленькие капельки. Утренний снегопад только прибил пыль в городе. В холмах он наверняка был значительно сильнее.

Из-под плаща Бетрис извлекла что-то белое и пушистое. Кэсерил присмотрелся и понял, что это меховая шапка, какие носили шалионские горцы на юге, — с утеплёнными мехом наушниками, которые можно опускать и завязывать под подбородком. Мужчины и женщины носили почти одинаковые шапки, но эта явно была женской — из белой кроличьей шкурки, с вышитыми золотой ниткой цветочками на макушке.

— Кэсерил, я подумала, что в горах вам это может понадобиться.

Фойкс вскинул брови и осклабился, Ферда фыркнул в кулак.

— Миленькая, — сказал он.

Бетрис покраснела.

— Это единственное, что удалось найти за то время, которое у меня было, — защищаясь проговорила она. — Всё лучше, чем ехать с отмороженными ушами!

— Безусловно, — серьёзно произнёс Кэсерил. — У меня нет тёплой шапки. Спасибо.

Не обращая внимания на скалившихся юнцов,

он принял подарок и, опустившись на колено, аккуратно уложил его в седельную сумку. Это был не просто жест признательности Бетрис, хоть он и улыбнулся невольно, услышав, как она шикнула на Ферду. Ничего, когда братья столкнутся с зимним ветром в горах, их веселье быстро увянет.

Из ворот появилась Исель в бархатном плаще такого тёмного фиолетового оттенка, что он казался чёрным. Рядом, ёжась и дрожа, семенил служащий из канцелярии с пронумерованным курьерским жезлом. Ему требовалась подпись Кэсерила в книге учёта. Получив её, чиновник захлопнул книгу и, ссутулившись, быстро побежал обратно в тепло.

— Это ди Джиронал распорядился? — поинтересовался Кэсерил, засовывая жезл во внутренний карман. Жезл давал право его обладателю получать на курьерских постах канцелярии, расположенных вдоль основных дорог Шалиона, еду, свежих лошадей и чистую — правда, жёсткую и узкую — постель.

— Не ди Джиронал. Орико. Он пока ещё рей Шалиона, хотя мне пришлось освежить этот факт в памяти чиновников. — Исель тихо хмыкнула. — Боги с вами, Кэсерил.

— Увы, да, — вздохнул он, прежде чем понял, что это не констатация факта, а прощание и пожелание доброго пути.

Он поклонился и поцеловал её замёрзшие ладони. Бетрис украдкой смотрела на него. Кэсерил поколебался немного, откашлялся и взял её за руки. Пальцы её, когда он прикоснулся к ним губами, обхватили его руки; Бетрис задохнулась на мгновение, но взгляд её был устремлён поверх головы Кэсерила. Он выпрямился и увидел, как съёжились под этим взглядом братья ди Гьюра.

Грум вывел трёх осёдланных курьерских лошадей. Палли пожал руки кузенам. Ферда взял поводья лошади, предназначенной для Кэсерила, — это был мускулистый жеребец, подходивший ему по росту. Крепыш Фойкс поспешил помочь и, когда Кэсерил, усевшись в седло, издал тихий стон, встревоженно спросил:

— С вами всё в порядке, сэр?

Они ещё даже не отъехали; *что* Бетрис им наговорила?

— Да, всё в порядке, — уверил его Кэсерил, — спасибо.

Ферда передал ему поводья, а Фойкс помог прикрепить ценные седельные сумки. Затем Ферда легко вскочил на своего коня, его брат тоже за-

брался в седло, и они тронулись в путь. Кэсерил обернулся и увидел, как Исель и Бетрис возвращаются в замок через ворота. Бетрис оглянулась и высоко подняла руку, Кэсерил помахал ей в ответ. Затем лошади повернули за угол, и ворота скрылись из виду. Всадников, перелетая с крыши на крышу, провожал одинокий ворон.

На первой же улице они встретили канцлера ди Джиронала, который медленно ехал из своего дворца в сторону Зангра. Его сопровождали два пеших гвардейца. Судя по всему, он заезжал домой, только чтобы поесть, умыться, переодеться и разобрать наиболее срочную корреспонденцию. Канцлер наверняка спал не больше, чем Исель, — это выдавали его налитые кровью глаза и серое лицо. Ди Джиронал придержал коня.

— Куда это вы собрались, лорд Кэсерил, — он заметил лёгкие курьерские сёдла с эмблемой Шалиона — леопард и замок, — на лошадях моей канцелярии?

Кэсерил слегка поклонился в седле.

— В Валенду, милорд. Принцесса Исель решила, что скорбную весть её матери и бабушке не должен сообщать чужой человек, и отправила курьером меня.

— К безумной Исте, да? — Губы ди Джиронала

скривились в ухмылке. — Не завидую вам.

— Да уж. — Кэсерил изобразил в голосе надежду. — Прикажите мне вернуться к Исель, я с радостью повинуюсь.

— Нет-нет. — Теперь усмешка ди Джиронала выражала удовлетворение. — Никто лучше вас не подойдёт для этой печальной миссии. Счастливого пути. Да! Когда вы собираетесь вернуться?

— Ещё не знаю. Исель хотела, чтобы я, прежде чем уехать, убедился, что с её матерью всё в порядке. Не думаю, что Иста спокойно воспримет весть о гибели сына.

— Конечно. Ну что же, будем ждать вас.

«Не думаю».

Обменявшись сдержанными кивками, они разъехались. Кэсерил оглянулся и увидел, что перед поворотом к воротам Зангра ди Джиронал тоже оглянулся. Канцлер знал, что никакая засада не остановит Кэсерила на курьерских лошадях. А возвращение — это другое дело.

«Правда, я не собираюсь возвращаться по этой дороге».

Что ещё? Он мысленно перебрал все возможные несчастья, которые могут посыпаться на них в результате провала. А какова будет его судьба, если всё получится? Что делают боги с использо-

ванными святыми? Он никогда не сталкивался с этим, разве что только в случае с Умегатом… а его случай, прямо скажем, обнадёживал не слишком.

Они достигли городских ворот и въехали на мост через реку. Ворон Фонсы не последовал дальше, он уселся на ворота и несколько раз печально, пронзительно каркнул. Крик его отразился эхом в расщелине. Отвесные стены Зангра вздымались высоко вверх, омываемые снизу тёмными бурными потоками речной воды. Кэсерил с интересом подумал, стоит ли сейчас Бетрис у одного из замковых окон, глядя, как они проезжают по дороге. Он бы не увидел её отсюда — окна слишком высоко, да и в тени.

Его мысли были прерваны стуком копыт. Мимо проскакал возвращавшийся откуда-то курьер, лошадь его блестела от пота и тяжело дышала. Он — вернее, она махнула им рукой. Некоторые канцелярские шталмейстеры предпочитали женщин-курьеров, поскольку те выбирали менее рискованные пути, меньше весили и мягче обращались с лошадьми. Фойкс помахал в ответ и обернулся в седле, провожая взглядом её развевавшиеся на скаку чёрные косы. Кэсерил подумал, что юноша восхищён не только мастер-

ством наездницы.

Ферда подъехал к Кэсерилу поближе.

— Может, и нам перейти на галоп, милорд? — с надеждой спросил он. — День короток, а кони свежие.

«Ох, пятеро богов, зато я — нет».

Кэсерил вздохнул, терзаемый мрачными предчувствиями.

— Хорошо.

Он ударил коня пятками, и тот перешёл на лёгкий галоп. Дорога, пролегавшая через заснеженный сумрачный пейзаж, убегала, змеясь, в затянутое тучами небо и пропадала в неизвестности.

Глава 21

Они прибыли в Валенду вечером следующего дня. Смеркалось. Город на фоне серого неба казался чёрным. Сгущавшиеся на улицах тени тут и там расцвечивались оранжевыми сполохами факелов и огоньками свечей — искрами жизни и света. Свернув на Валенду, путники уже не могли поменять лошадей, поскольку тут не было почтовых станций — они остались на дороге к Тариону, так что последний перегон был для лошадей долгим и тяжёлым. Кэсерил с удовольствием отпустил поводья и позволил коню идти шагом по городским улицам и вверх по склону холма. Ему так хотелось остановиться, сесть на обочине и не шевелиться несколько дней. Совсем скоро ему предстоит сообщить матери, что её сын мёртв. Из всех испытаний, с которыми он рассчитывал столкнуться по дороге, это было наихудшим.

Они добрались до ворот замка провинкары слишком быстро. Охранники тотчас узнали его и с криками побежали звать слуг. Грум Деми принял его лошадь и первым задал вопрос: «Почему вы здесь, милорд?» Первым, но не последним.

— У меня послания для провинкары и леди

Исты, — коротко ответил Кэсерил, наклоняясь к луке седла. Фойкс соскочил с лошади и ожидающе уставился на Кэсерила. Тот неторопливо перекинул ногу через круп и, освободив другую от стремени, спрыгнул вниз. Колени у него подогнулись, и он упал бы, если бы сильная рука не поддержала его под локоть. Они скакали очень быстро. Кэсерил устало подумал, как дорого ему придётся за это заплатить. Он немного постоял, пошатываясь, пока снова не обрёл равновесие.

— Сьер ди Феррей здесь?

— Он с провинкарой в городе, на свадебной церемонии, — ответил Деми. — Я не знаю, когда они собираются вернуться.

— Ох… — пробормотал Кэсерил. Он так устал, что не мог думать. Прошлой ночью он уснул на почтовой станции в те несколько минут, пока его помощники вели его к койке, и спал столь крепко, что даже не слышал Дондо. Ждать провинкару? Он собирался доложить сначала ей, чтобы она решила, как лучше преподнести страшную весть дочери.

«Нет. Это невыносимо. Надо разделаться с этим».

— В таком случае я встречусь с леди Истой.

Потом добавил:

— Лошадей нужно вычистить, накормить и напоить. Это Ферда и Фойкс ди Гьюра из благородной семьи Паллиара. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы им дали… всё. Мы не ели…

И не мылись, но это и так было очевидно — шерстяная одежда промокла от пота и была заляпана дорожной грязью, руки чёрные, лица в грязных потёках. Пальцы Кэсерила, с рассвета державшие поводья на холодном ветру, не могли справиться с узлами седельной сумки. Фойкс взял это дело на себя и через минуту снял сумку с лошади. Кэсерил взял её, перекинул через руку и сказал:

— Теперь, пожалуйста, отведите меня к леди Исте. У меня для неё письма от принцессы Исель.

Слуга провёл его в новое здание. Они поднялись по лестнице. Слуге пришлось ждать, пока Кэсерил медленно взберётся по ступеням. Его ноги были словно налиты свинцом. Затем слуга и две присматривавшие за Истой дамы пошептались, и Кэсерил вошёл в покои вдовствующей рейны. Воздух был пропитан ароматом сухих цветочных лепестков, комната освещалась свечами и обогревалась камином. Кэсерил почувствовал себя огромным и неуклюжим в этой изящной гостиной.

Иста в тёплых одеждах сидела на обложенной подушками скамье, её тусклые волосы были убраны в толстую косу, спадавшую на спину. Как и Сару, её окружала чернильная тень проклятия.

«Значит, я угадал».

Иста повернулась к нему, глаза её расширились, лицо застыло. Она наверняка знала, что произошло нечто ужасное, раз он так внезапно появился здесь. Сотни способов осторожно передать ей весть, которые он перебирал по дороге, под взглядом её тёмных огромных глаз вдруг куда-то исчезли из памяти. Любое промедление было теперь жестоким. Он упал перед ней на одно колено и, откашлявшись, сказал:

— Первое. С Исель всё в порядке. Помните об этом.

Он перевёл дух.

— Второе. Тейдес умер две ночи назад от заражения крови.

Две фрейлины, находившиеся в комнате, вскрикнули и прижались друг к другу. Иста же только вздрогнула, словно её пронзила невидимая стрела. Потом она глубоко вздохнула.

— Вы понимаете мои слова, рейна? — засомневавшись, спросил Кэсерил.

— О да.

Уголок её рта приподнялся, но это была не улыбка — гримаса, в которой сквозила жуткая ирония.

— Знаете, когда долго ждёшь чего-то, удар приходит как облегчение. Ожидание закончено. Теперь я могу перестать бояться. Вы в состоянии это понять?

Кэсерил кивнул.

После недолгого молчания, которое нарушали только всхлипывания одной из дам, она спокойно спросила:

— Как это произошло? Он получил рану на охоте? Или как-то… иначе?

— Не… совсем на охоте. Хотя в некотором роде… — Кэсерил облизнул обветренные губы. — Леди, вы видите во мне что-нибудь странное?

— Теперь я вижу только глазами. Я ослепла несколько лет назад. А вы видите?

Кэсерил сразу понял, что она имеет в виду.

— Да.

Иста кивнула и выпрямилась.

— Я так и думала. Сразу заметно, когда кто-то видит тем зрением.

Женщины тут же подошли к Исте и сказали преувеличенно нежными голосами:

— Леди, вам, наверное, пора лечь отдохнуть.

Ваша матушка скоро вернётся…

Она послала Кэсерилу многозначительный взгляд через плечо; естественно, женщины решили, что у Исты начинается очередной приступ безумия. А была ли Иста безумной? Хоть когда-нибудь?

Кэсерил подошёл к ним ближе.

— Пожалуйста, оставьте нас. Мне необходимо переговорить с рейной с глазу на глаз об очень важном деле.

— Сэр… милорд… — Дама выдавила фальшивую улыбку и зашептала ему на ухо: — Мы не отваживаемся оставлять её одну в такое время — она может повредить себе.

Кэсерил выпрямился во весь свой немалый рост и, взяв обеих дам под руки, мягко, но непреклонно вывел их из комнаты.

— Я возьму на себя заботу о рейне. Вы можете подождать здесь, в этой комнате, и если вы мне понадобитесь — я вас позову. Хорошо? — Он закрыл двери, не слушая возражений.

Иста ждала неподвижно, двигались только её руки, державшие кружевной носовой платок, который она начала складывать всё более мелким квадратиком. Кэсерил опустился на пол рядом с ней и скрестил ноги. Лицо рейны было белым

как мел, глаза расширены.

— Я видел призраков Зангра.

— Да.

— Более того. Я видел тёмное облако, которое нависло над вашим Домом. Проклятие Золотого Генерала, наследие Фонсы.

— Да.

— Оно сейчас есть и над вами.

— Да.

— И над Орико, и над Сарой. Исель… и Тейдес.

— Да. — Она склонила голову набок и устремила взгляд куда-то вдаль.

Кэсерилу пришло в голову, что она слишком потрясена — ему приходилось видеть, как во время боя люди, получившие смертельную рану, вместо того чтобы пасть мёртвыми или без сознания, ещё двигались какое-то время, а порой и творили совершенно невероятные вещи. Её спокойствие и связная речь — не следствие ли это подобного шока, который вскоре пройдёт, и не надо ли ему подготовиться к взрыву? А была ли речь Исты когда-нибудь бессвязной?

«Может, он просто не понимал её?»

— Орико очень болен. Как я вижу своим внутренним зрением, он уже стал частью этого чёрного клубка. Но, леди, пожалуйста… пожа-

луйста, расскажите мне, как вы обо всём узнали? Что, когда и как вы видели? Я должен понять. Потому что я думаю… вернее, боюсь… я получил это видение, то есть оно свалилось на меня для того, чтобы я действовал. Но никто не объяснил мне, что я должен делать. Даже внутреннее зрение не в силах пробиться через этот мрак.

Брови рейны медленно приподнялись.

— Я могу рассказать вам правду, но не могу дать объяснений, ибо как можно дать то, чем не владеешь? Я всегда говорила правду.

— Да, теперь я понимаю. — Он вздохнул. — А вы когда-нибудь рассказывали об этом всё?

Она изучающе глядела на Кэсерила, покусывая нижнюю губу. Дрожащие руки, принадлежавшие как будто другой женщине, а не Исте, которая сидела со спокойным, почти неподвижным лицом, начали разворачивать плотный комочек платка на колене. Она медленно кивнула; голос её, когда она заговорила, был так тих, что Кэсерил наклонил голову набок, прислушиваясь и боясь пропустить хоть слово.

— Всё началось, когда я была беременна Исель. Видения. Внутреннее зрение то появлялось, то исчезало. Я думала, это влияние беременности — некоторые женщины бывают такими странны-

ми, когда носят дитя. Меня убедили в этом врачи, и я успокоилась. На время. Я видела летающих слепых призраков. Видела тёмное облако вокруг Иаса и юного Орико. Я слышала голоса, во сне мне являлись боги, Золотой Генерал, Фонса и два его доверенных помощника, сгоревших в башне. Я видела Шалион, пылающий, как та башня. После рождения Исель всё кончилось. Я решила, что во время беременности была не в себе, а теперь выздоровела.

Глазами самого себя не увидишь, даже внутренним зрением. Ему всё это объяснил Умегат — Кэсерил считал это настоящим подарком. Что было бы с ним сейчас, пытайся он найти объяснение необъяснимому?!

— Потом я снова забеременела… Тейдесом. И видения возобновились, только были гораздо страшнее, чем прежде. Я боялась, что схожу с ума, и это было невыносимо. Только когда я пригрозила покончить с собой, Иас признался мне, что дело в проклятии, и рассказал мне о нём. Он всегда знал правду.

Каково это — когда тебя предаёт тот, кто знает правду, но скрывает её, оставляя тебя в бездне отчаяния и страха?

— Я была в ужасе, осознав, что принесла двух

детей в мир, где их поджидала такая опасность. Я молилась и молилась богам об избавлении от проклятия, просила сказать мне хотя бы, как справиться с ним, чтобы не пострадали невинные. Когда я уже была на сносях, ко мне пришла Мать Лета. Это было не видение, и я не спала — всё произошло среди бела дня, я бодрствовала. Она стояла так близко от меня, как вы сейчас, и я опустилась на колени. Я могла дотронуться до её одежд, если бы осмелилась. Её дыхание было, как аромат полевых цветов на летнем лугу. Её лицо было так прекрасно, что мои глаза даже не могли понять её красоту — словно я смотрела на солнце. Её голос был музыкой.

Черты лица Исты смягчились; даже теперь мир и благодать той сцены отразились на её лице — вспышкой красоты, как блик солнца на тёмной воде. Затем брови её снова сошлись, лицо помрачнело, и она заговорила, наклонясь вперёд, сделавшись — если это было возможно — ещё беспокойнее.

— Она сказала, что боги пытаются снять проклятие, потому что оно не принадлежит нашему миру — это последствия их дара Золотому Генералу, которым он неправильно распорядился. Ещё она сказала, что боги могут снять проклятие

только через человека, который по свободной воле трижды отдаст свою жизнь во имя Дома Шалиона.

Кэсерил заколебался. Голос рейны стал таким тихим, что его мог заглушить даже звук его дыхания. Он чувствовал себя дураком и ругал себя за это, но не смог удержаться от вопроса:

— Э-э… а не ошибка ли это — может быть, три человека одновременно, а не один?

— Нет. — Её губы снова скривились в странной, ироничной не-улыбке. — В том-то и проблема.

— Я… не понимаю. Может, это какой-то обман, а не… пророчество?

Она на миг разжала руки, затем опять принялась складывать платок.

— Я сказала Иасу, а он, конечно, рассказал лорду ди Льютесу. От ди Льютеса Иас ничего не скрывал, только от меня. Только от меня.

Любопытство взяло над Кэсерилом верх. Теперь они были товарищами по… святости, или что это там такое, и ему было очень легко разговаривать с Истой. Как святой со святым, душа с душой. Удивительное мгновение хрупкой, почти неуловимой близости, куда более загадочной и полной, чем между любовниками. Он начал понимать, почему Умегат вцепился в него с отчаянием изго-

лодавшегося человека.

— А какими были в действительности их отношения?

Она пожала плечами.

— Они стали любовниками ещё до моего рождения. Кто я была такая, чтобы судить их? Ди Льютес *любил* Иаса, я любила Иаса. Иас *любил* нас обоих. Он так старался принять на себя бремя всех своих погибших братьев и отца — Фонсы. Он сводил себя в могилу этими стараниями и хлопотами, но жизнь всё равно шла наперекосяк — всё было не так, раз за разом.

Она заколебалась, и Кэсерил испугался на мгновение, что неосторожным словом или движением разрушил их близость. Но, похоже, она просто успокаивала… не свои мысли, а своё сердце, так как продолжила рассказ ещё более тихим голосом:

— Я не помню точно, кому первому пришла в голову эта мысль. Мы разговаривали как-то вечером вскоре после рождения Тейдеса. У меня ещё сохранялось зрение. Мы знали, что оба наших ребёнка отмечены тенью и бедняга Орико тоже. «Спасите моих детей, — плакал Иас, уронив голову на стол, — спасите моих детей». Тогда ди Льютес сказал: «Я сделаю это из любви к тебе, я

попытаюсь, отважусь на жертвоприношение».

Кэсерил прошептал:

— Но, пятеро богов, как?..

— Мы обсудили сотни способов, как можно убить человека и вернуть его к жизни, чтобы снова убить. Наконец мы решили остановиться на утоплении. Такой способ казался наименее калечащим, к тому же было много случаев, когда утопленников возвращали к жизни. Ди Льютес даже ездил узнавать об этом поподробнее.

У Кэсерила перехватило дыхание. «Утопление, о боги!» И самым хладнокровным образом… его руки тоже задрожали. Иста продолжала:

— Мы взяли с врача слово держать всё в тайне и спустились в подземелье Зангра. Ди Льютес позволил себя раздеть, связать по рукам и ногам и подвесить вниз головой над огромной бочкой. Мы опустили его в воду… и вытащили обратно, когда он уже перестал двигаться.

— И он умер? — тихо спросил Кэсерил. — Тогда обвинение в измене было…

— Конечно, умер, но не в последний раз. Мы оживили его, довольно быстро и просто.

— Ох.

— Это получилось! — Она сцепила пальцы. — Я чувствовала — в проклятии появилось что-то вро-

де трещины. Но ди Льютес… у него не выдержали нервы. Он не захотел тонуть ещё раз. Он кричал, что я пытаюсь убить его из ревности. Тогда мы с Иасом… совершили ошибку.

Кэсерил уже понял, что произошло. Даже закрыв глаза, он не мог избавиться от вставшей перед ними картины. Он заставил себя открыть их и вновь посмотрел на Исту.

— Мы схватили его и совершили вторую попытку насильно. Он вопил и рыдал… Иас засомневался, а я закричала: «Мы должны! Подумай о детях!» И на этот раз, когда мы вынули его из бочки, он был мёртв, и никакие наши молитвы и слёзы не смогли его оживить. Иас был потрясён. Я была в ужасе. Моё внутреннее зрение погасло. Боги отвернулись от нас…

— Значит, обвинение в измене было ложным.

Совершенно ложным.

— Да. Этой ложью мы скрыли наш грех и объяснили, откуда взялся труп. — Она вздохнула. — Но его семье позволили унаследовать его состояние — ничего не конфисковали.

— Да, пострадала только его репутация. Его честь.

Честь, которая, как оказалось, была незапятнанной. Ни почестей, ни славы — остался только

позор.

— Поначалу мы были потрясены, а потом уже поздно было что-то менять. Думаю, это больше всего угнетало Иаса ещё долгое время спустя. Он не хотел даже искать другого добровольца. А жертвоприношение должно быть добровольным, насильное умерщвление ничего не даст — только осознанная жертва. Иас замкнулся в себе и умер от горя и чувства вины. — Её руки натянули кружево, чуть не порвав платок. — Оставил меня с двумя маленькими детьми, без помощи и защиты от этой… чёрной… тени.

Она содрогнулась, задышала часто и глубоко, но не разрыдалась и не впала в истерику, как испугался было Кэсерил, уже напрягшийся и готовый позвать обеих ожидавших в другой комнате фрейлин.

Потом дыхание её выровнялось; Кэсерил расслабился.

— А вы, — спросила она наконец, — боги коснулись вас?

— Да.

— Сочувствую.

Горькая усмешка исказила его губы.

— О да, — он потёр затылок.

Его очередь исповедоваться. Он мог бы утаить

правду. Но не от Исты. Бремя за бремя, рана за рану. Откровенность за откровенность.

— Что вы знаете о короткой помолвке Исель с покойным лордом Дондо ди Джироналом?

— Было два гонца — один за другим, так что мы даже не успели отпраздновать.

— Отпраздновать? Помолвку сорокалетнего с шестнадцатилетней?

Её подбородок вздёрнулся, совсем как у Исель, — у Кэсерила даже перехватило дыхание.

— Между мной и Иасом была ещё большая разница в возрасте.

Ах да. В таком случае у Исты несколько другой взгляд на вещи.

— Дондо — не Иас, миледи. Это был продажный, развратный негодяй, растратчик… и я больше чем уверен, что это он убил ди Санду, возможно, даже собственноручно. Они с братом Мартоу пытались подмять под себя весь Шалион — используя Орико, Тейдеса и Исель.

Иста коснулась рукой своего горла.

— Я встречала Мартоу при дворе. Он хотел стать следующим лордом ди Льютесом. Ди Льютес — ярчайшая, благороднейшая звезда, когда-либо блиставшая при дворе Шалиона. Мартоу вряд ли достоин был бы чистить ему сапоги. С Дондо я

никогда не встречалась.

— Дондо был сущим несчастьем. Я впервые встретился с ним несколько лет назад, и уже тогда он был негодяем. С возрастом же стал ещё хуже. Исель была в ужасе и ярости оттого, что её принуждали к браку с ним. Она молилась богам, чтобы её избавили от этого ужаса, но боги… боги молчали. Тогда за дело взялся я. Я выслеживал Дондо весь день, пытаясь убить ради неё, но так и не смог приблизиться к нему. Тогда я начал молиться Бастарду о чуде смертельной магии. И оно было мне даровано.

Глаза Исты изумлённо раскрылись.

— Почему вы не умерли?

— Полагаю, я всё же умирал. Придя в себя и обнаружив, что Дондо мёртв, а я нет, я не знал, что и думать. Но Умегат объяснил мне, что молитвы Исель призвали ещё одно чудо, и леди Весны освободила мою душу из лап демона, но только на время. Святой Умегат — тогда я ещё думал, что он грум…

Рассказ становился безнадёжно путаным. Кэсерил перевёл дух и поведал сначала об Умегате и зверинце — как они охраняли бедного Орико от проклятия.

— Однако Дондо незадолго до смерти, готовясь

к свадьбе с Исель, сказал Тейдесу, что зверинец — злая рокнарская магия, призванная постепенно уничтожить Орико, и Тейдес поверил ему. Пять дней назад, собрав свою баосийскую охрану, принц убил почти всех священных животных Умегата и только по чистой случайности не стал убийцей самого святого. Тейдеса поцарапал умирающий леопард Орико — клянусь, это были обычные царапины! Если бы я только понял… Они загноились, началось заражение. Его конец был… — Кэсерил вспомнил, кому он это рассказывает, — …очень быстрым.

— Бедный Тейдес, — прошептала Иста, отведя взгляд. — Мой бедный Тейдес. Ты родился для того, чтобы тебя предали.

— В любом случае, — завершил Кэсерил, — из-за этого странного взаимодействия чудес демон смерти и душа Дондо заключены в моём теле, в моём животе. Заперты, словно в клетке, в некоем подобии опухоли, судя по всему. Когда они освободятся — я умру.

Искажённое горем лицо Исты разгладилось. Её глаза впились в лицо Кэсерила.

— Это будет уже два, — сказала она.

— А?.. Что?

Её руки оставили истерзанный платок и вце-

пились в его воротник. Взгляд рейны стал пронзительным, прожигающим насквозь, дыхание снова участилось.

— Вы ди Льютес Исель?

— Я… я… я… — забормотал Кэсерил; в животе похолодело.

— Дважды. Дважды. Но как быть с третьим разом? О… о… — Глаза Исты расширились, зрачки пульсировали. Губы дрожали. — Кто вы такой?

— Я… всего лишь Кэсерил, миледи! Не ди Льютес, я уверен. Я не богат, не силён, не могущественен. И даже не красив, боги свидетели. И не храбр, хотя, если меня загонят в угол, я, пожалуй, буду сражаться.

Она нетерпеливо отмахнулась.

— Отбросьте эти мелочи… обнажённый, связанный, вниз головой. Искренне. Навстречу смерти… не навстречу двум или трём. Одной.

— Я… это безумие. Это не тот путь, с помощью которого я надеюсь разрушить заклятие, уверяю вас.

Пятеро богов, только не утопление.

— У меня другой план спасения Исель.

Её глаза вопросительно остановились на нём, в них ещё сохранялось пугающее дикое выражение.

— С вами говорили боги?

— Нет, я исхожу из здравого смысла.

Она выпрямилась на скамейке, отпустив, к облегчению Кэсерила, его воротник, и озадаченно нахмурилась.

— Здравый смысл? В этом деле?

— Сара и вы вышли замуж за представителей Дома Шалиона и получили их проклятие. Я думаю, Исель может с помощью замужества избавиться от него. Этот выход не годился ни для Орико, ни для Тейдеса, но теперь… Я еду в Ибру, чтобы устроить брак Исель с новым наследником Ибры, принцем Бергоном. Ди Джиронал постарается пресечь эту попытку — ведь это будет означать конец его власти в Шалионе. Исель собирается ускользнуть от него, сопровождая тело Тейдеса в Валенду, где он будет похоронен. — Кэсерил поведал о намерении Исель ехать с траурным кортежем и затем встретиться с Бергоном в Валенде.

— Возможно, — выдохнула Иста, — возможно…

Он не совсем понял, что она имела в виду. Рейна всё ещё смотрела на него очень странно.

— А ваша мать, — сказал Кэсерил, — она знает? О проклятии, о ди Льютесе?

— Я как-то пыталась рассказать ей. Она реши-

ла, что я окончательно спятила. Впрочем, не так уж плохо быть сумасшедшей. Есть свои преимущества: не нужно принимать никаких решений — ни что есть, ни во что одеваться, ни куда идти… кому жить, кому умирать… Можете сами попробовать. Просто скажите правду. Скажите людям, что вы беременны демоном и призраком, что ваша опухоль разговаривает с вами, а боги направляют ваши шаги, и увидите, что будет дальше. — Её смех не вызвал у Кэсерила желания присоединиться к веселью. Иста скривила губы. — Не нужно так тревожиться, лорд Кэсерил. Если я повторю вашу историю, вам нужно только опровергнуть мои слова, и все подумают, что безумна я, а не вы.

— Я… думаю, от вас уже достаточно отрекались, миледи.

Она прикусила губу и отвела взгляд. Её трясло. Кэсерил встал и тут вспомнил о сумке.

— Исель написала письма, одно вам, другое — вашей матери, и поручила мне их доставить. — Он залез в сумку, извлёк пакет и протянул Исте предназначенное ей письмо. Руки у него дрожали от голода и усталости. Помимо всего прочего. — Мне нужно пойти смыть с себя грязь и что-нибудь съесть. К тому времени, когда вернётся провин-

кара, я, надеюсь, буду уже готов к встрече с ней.

Иста прижала письмо к груди.

— Что ж, тогда позовите ко мне моих фрейлин. Полагаю, теперь мне следует отдохнуть. Больше нет смысла бодрствовать…

Кэсерил резко поднял на неё глаза.

— Исель. Исель — вот причина не спать.

— Ах да. Ещё один заложник, которого нужно освободить. Тогда я смогу уснуть навеки. — Она наклонилась и ободряюще похлопала его по плечу. — Но сейчас мне нужно поспать. Я так устала. Мне кажется, я носила траур все эти годы — заранее, и во мне больше не осталось горя. Все слёзы пролиты.

— Я понимаю, леди.

— Да, вы понимаете. Это так странно.

Кэсерил подошёл к двери и позвал к рейне её всхлипывающих фрейлин. Иста сжала зубы и позволила им наброситься на себя с утешениями. Кэсерил подхватил свою сумку и вышел.

Умывание, переодевание и горячая еда сделали своё дело, восстановили силы Кэсерила, однако мысли его всё возвращались к разговору с Истой. Когда слуги усадили его в маленькой гостиной провинкары, чтобы он дождался хозяйку там, он почувствовал себя признательным за возмож-

ность привести в порядок свои мысли. Для него разожгли огонь в камине. Изнывая от боли в каждой косточке, Кэсерил устроился в обложенном подушками кресле, потягивая изрядно разбавленное водой вино, и изо всех сил пытался не клевать носом. Старая леди вряд ли задержится на свадьбе надолго.

Она и впрямь появилась довольно скоро, в сопровождении своей кузины, леди ди Хьюлтер, и сурового ди Феррея. На провинкаре были зелёные бархатные одежды и украшения, но взглянув на её бледное лицо, Кэсерил понял, что скверные новости уже достигли её ушей. Наверняка проболтался какой-нибудь несдержанный слуга. Кэсерил вскочил и поклонился.

Провинкара схватила его за руки и посмотрела в лицо.

— Кэсерил, это правда?

— Тейдес умер. Внезапно, от заражения. Исель в порядке, — он перевёл дух, — она — наследница Шалиона.

— Бедный мальчик! Бедный мальчик! Вы уже рассказали Исте?

— Да.

— О боги. Как она это восприняла?

«“Хорошо” было неподходящим словом».

Кэсерил выбрал другое:

— Спокойно, ваша милость. По крайней мере она не впала в истерику и не разрыдалась, чего я очень боялся. Я думаю, удары, которые обрушивала на неё жизнь, немного притупили её чувства. Не знаю, что с ней будет завтра. Фрейлины уложили её в постель.

Провинкара вздохнула и стряхнула с ресниц слезинки.

Кэсерил потянулся к седельной сумке.

— Исель поручила мне доставить вам письмо. Здесь есть и письмо для вас, сьер ди Феррей, от Бетрис, у неё не было времени написать много. — Он извлёк два запечатанных послания. — Скоро они обе будут здесь. Исель намерена похоронить Тейдеса в Валенде.

— Ох, — сказала провинкара, взламывая восковую печать, — о, как я хочу её видеть! — Её глаза жадно впились в чернильные строчки. — Короткое, — пожаловалась она. Её седые брови поползли вверх. — «Кэсерил всё объяснит вам», — пишет она.

— Да, ваша милость. Я должен многое вам рассказать, и кое-что из этого — наедине.

Она махнула рукой своим спутникам.

— Идите, я вас потом позову.

Ди Феррей, на ходу вскрывая письмо дочери, вышел из гостиной вместе с ди Хьюлтер.

Шурша юбками, старая леди уселась в кресло и указала Кэсерилу на другое, которое он пододвинул поближе к ней.

— Я должна зайти к Исте, прежде чем она уснёт.

— Постараюсь быть кратким, ваша милость. Я расскажу, что я узнал за этот сезон в Кардегоссе. А через что мне пришлось пройти, чтобы узнать это…

Сможет ли провинкара понять эту цену, крушение его мира, то, что Иста поняла мгновенно… захочет ли она поверить в это?

— …теперь уже не важно. Но старший настоятель Менденаль может подтвердить мои слова, если вы захотите с ним встретиться. Скажите только, что это я послал вас, и он не будет ничего отрицать.

Брови провинкары удивлённо поднялись.

— Почему старший настоятель должен вам подчиняться?

Кэсерил тихо хмыкнул.

— Я выше его по рангу.

Она села очень прямо и поджала губы.

— Кэсерил, прекратите свои глупые шутки. Вы

делаетесь таким же непонятным, как Иста.

Да. Иста. Кто же замолвит за неё слово?

— Провинкара… ваша дочь страдает, она опустошена и жаждет покоя смерти. Но она не безумна. Боги не столь милосердны.

Старая леди ссутулилась.

— Её затянувшаяся скорбь мне не слишком понятна. Неужели до неё никто не становился вдовой? Никто не терял детей? Я пережила и то, и другое, но я не рыдала и не стенала годами. Я выплакала своё горе, а потом занялась делами. И если она находится в здравом уме, в таком случае, выходит, её переполняет жалость к себе.

Сумеет ли он заставить провинкару понять, чем отличается горе Исты, не раскрывая тайн, которые она ему доверила? Может быть, поведать ей часть правды?

— Всё началось с великой войны Фонсы Мудрого с Золотым Генералом… — Кэсерил как можно проще и понятнее описал действие проклятия, тяготеющего над Домом Шалиона. Во время правления Иаса было достаточно катастроф и несчастий, так что о смерти ди Льютеса можно было не говорить. Бессилие Орико, продажность его советников, провал его политики и разрушение его здоровья — так Кэсерил добрался до

последних событий.

Провинкара прищурилась.

— Так это всё из-за рокнарской чёрной магии, да?

— Не совсем… как я это понимаю. Это извращение некоего неописуемого божественного деяния, последствия которого задержались в нашем мире.

Она пожала плечами.

— То же самое. Если оно действует как чёрная магия, значит, это она и есть. Практический вопрос — как от неё избавиться?

Кэсерил не был уверен, что это то же самое. Только верное понимание могло привести к выбору верного пути. Иста и Иас поторопились принять решение, как будто проклятие действительно было магией и от него можно было избавиться с помощью формулы. Механически воспроизвести ритуал.

Она добавила:

— Это каким-то образом связано с теми дикими слухами, что Дондо ди Джиронал умер в результате воздействия смертельной магии?

На это он мог ответить. Кэсерил успел продумать свой ответ заранее и решил как можно меньше упоминать о сверхъестественном — не

говорить о демонах, призраках, святых, внутреннем зрении и других диковинных моментах. Провинкаре хватит и прочих подробностей.

Он начал с помолвки Исель, и хотя и подтвердил использование смертельной магии, но не назвал виновника гибели Дондо, утаив свою причастность к убийству, как он утаил и причастность Исты к смерти ди Льютеса.

Провинкара была не слишком брезглива.

— Если Дондо был настолько отвратительным, как вы говорите, — она наморщила нос, — я буду молиться за неизвестного благодетеля.

— Конечно, ваша милость. Я сам молюсь за него ежедневно.

— Дондо, обычный младший сын, — помолвлен с Исель! О чём думал Орико?

Оставив в стороне подробности, Кэсерил описал зверинец, как предоставленную храмом защиту от разрушительного влияния проклятия на здоровье Орико, держась столь близко к истине, сколь это было возможно. Потом рассказал о тайных политических планах Дондо уничтожить Орико и Тейдеса. Провинкара сжала зубы и коротко простонала, поняв, как жестоко предан был её внук. Однако известие, что Валенда должна теперь готовиться к похоронам, свадьбе и войне (причём

не исключено, что и одновременно), оживило её.

— Исель может рассчитывать на поддержку своего баосийского дяди? — поинтересовался Кэсерил. — Сколько ещё людей вы и он можете собрать против клики ди Джиронала?

Провинкара быстро перебрала всех лордов, которых могла вызвать в Валенду под предлогом похорон, а на самом деле — чтобы вырвать Исель из лап ди Джиронала. Список впечатлил Кэсерила. Следя много лет за политикой Шалиона, леди не нуждалась в карте, чтобы спланировать свои действия.

— Пусть они едут на похороны Тейдеса вместе со всеми людьми, каких им удастся собрать, — сказал Кэсерил. — Больше всего нам необходимо контролировать дороги между Иброй и Валендой, чтобы гарантировать безопасность принца Бергона.

— Это сложно, — заметила провинкара, поджав губы, — там есть земли, принадлежащие лично ди Джироналу и некоторым его родственникам. Вам следует взять с собой отряд. Я соберу для вас людей в Валенде.

— Нет, — медленно произнёс Кэсерил. — Вам потребуется каждый человек здесь, на месте, когда прибудет Исель, а это может случиться до

моего возвращения. И если я возьму с собой отряд, мы не сможем доехать до Ибры так скоро, как требуется. Кроме того, мы не сможем сохранить наши перемещения в тайне. Лучше ехать налегке, быстро и не привлекая внимания. Оставьте отряд, чтобы встретить нас на обратном пути. Да, кстати, чуть не забыл… баосийский капитан, которого вы послали с Тейдесом, продался Дондо — ему нельзя доверять. Найдите способ заменить его по возвращении.

Провинкара свирепо стиснула зубы.

— Демоны Бастарда, я отрежу ему уши!

Они оговорили возможность пересылки шифрованных посланий — от него к Исель и обратно — через Валенду, чтобы создать у шпионов ди Джиронала впечатление, будто он по-прежнему находится в Валенде с бабушкой принцессы. Провинкара взяла на себя заботу обменять на деньги драгоценности Исель по самой высокой цене, чтобы у него было больше наличных для дальнейшего своего путешествия. Затем они обдумали ещё с дюжину разных практических деталей.

— Вы понимаете, — сказал наконец Кэсерил, — я думаю, что это замужество может избавить Исель от проклятия. Но я не уверен, что это по-

может Исте.

Ни Исте, печально блуждающей по замку Валенды, ни Орико в Зангре, слепому и распухшему.

— Даже если это освободит Исель только из паутины канцлера ди Джиронала, я уже буду удовлетворена. Я не верю, что Орико натворил таких дел по собственной воле, — похоже, это возмутило и задело её больше всех сверхъестественных материй, — это же надо — отнять у меня внучку, даже не посоветовавшись со мной!

Кэсерил ущипнул себя за бороду.

— Вы понимаете, что если нам всё удастся, вы станете вассалом собственной внучки? Она будет рейной Шалиона, как и рейной-супругой Ибры.

Её губы скривились в усмешке.

— Это самая безумная часть замысла. Она ведь ещё совсем девчонка! Хотя у неё всегда было больше мозгов, чем у бедняги Тейдеса. О чём думают боги, сажая это дитя на трон Кардегосса?

Кэсерил тихо ответил:

— Возможно, о возрождении Шалиона. На это потребуется очень много времени, вы и я этого уже не увидим.

Провинкара фыркнула.

— Да вы сами ещё почти мальчишка! Дети

у власти, дети повсюду — неудивительно, что мир стал таким безумным! Ну… ладно. Нужно готовиться к завтрашнему дню. Пятеро богов, Кэсерил, отправляйтесь спать. Думаю, у меня это сегодня не получится. Вы выглядите как оживший покойник, а в ваши годы это непростительно.

Он поднялся, хрустнув суставами, и вышел. Активная деятельность, которая предстояла провинкаре, могла лишить её последних сил. Потребуется помощь всех её слуг, чтобы она не загоняла себя до полусмерти. Он обнаружил в соседней комнате встревоженную леди ди Хьюлтер и отослал её к кузине.

Кэсерилу выделили его холодную, почётную, привычную уже комнату в основном здании замка. Он с благодарностью скользнул под нагретые одеяла. Чувство было такое, словно он наконец вернулся домой после долгих лет отсутствия. Правда, его новое зрение сделало знакомое место несколько чужим; он изменился, и мир стал выглядеть по-другому… где же он найдёт покой?

Заснуть в эту ночь ему мешал уже не Дондо, несмотря на всё своё призрачное буйство. Кэсерил, пожалуй, успел к нему привыкнуть и в панику больше не впадал. Теперь его обуревали

новые страхи.

Например, воспоминание о жуткой надежде в глазах Исты. А ещё — мысли о завтрашнем дне, когда он сядет на лошадь, каждый шаг которой будет приближать его к морю.

Глава 22

В целях сохранения секретности Кэсерил не без сожаления отказался от привилегий курьера канцелярии. Не стоило давать ди Джироналу в руки подписанные рапорты о его маршруте и конечной цели путешествия. Вооружённый рекомендательными письмами Палли, он со своими спутниками получал свежих лошадей в храмах ордена Дочери. В предгорьях на западной границе им пришлось иметь дело с местным торговцем лошадьми, который продал им крепких, привычных к горным переходам мулов.

Торговец наверняка обеспечил себя на долгие годы, обирая незадачливых путешественников. Ферда посмотрел на предложенных им животных и возмутился:

— У этого запал. А если у этого нет костного шпата, милорд, то я съем вашу шапку!

Хозяин и Ферда немедленно вступили в горячий спор.

Кэсерил, утомлённо прислонившись к жерди загона, мог думать только о том, как ему не хочется садиться верхом — не важно, страдает мул шпатом или нет — в ближайшую тысячу лет. На-

конец он выпрямился и вошёл в загон. Пробрался в середину табуна мулов и лошадей, встревоженных произведённым на скорую руку пленением их товарищей, вытянул руки и закрыл глаза.

— Если будет на то твоя воля, леди, дай нам трёх хороших мулов!

Он почувствовал лёгкий толчок в бок и огляделся. Любопытный мул с прозрачными карими глазами не сводил с него взгляда. Подошли ещё два, прядая длинными ушами; тот, что повыше — тёмно-коричневый с кремовым носом, — положил голову Кэсерилу на плечо и довольно фыркнул.

— Спасибо, леди, — прошептал Кэсерил, а вслух добавил: — Хорошо, пошли.

И направился к выходу. Три мула, посапывая, последовали за ним.

— Мы возьмём этих, — сказал Кэсерил торговцу, который, как и Ферда, молча смотрел на него, раскрыв рот. Торговец первым обрёл дар речи:

— Но… но это мои лучшие мулы!

— Знаю. — Кэсерил вышел из загона; торговец придержал калитку, не выпуская мулов, но те всё равно пытались следовать за Кэсерилом, напирая на загородку грудью и тревожно фыркая. — Ферда, договорись о цене. Я пока прилягу

на эту чудную солому. Разбудите меня, когда мулы будут осёдланы…

Его мул оказался здоровым, крепким и спокойным. То что надо — с точки зрения Кэсерила. На опасных горных тропах нет ничего лучше спокойного мула. Горячие скакуны, столь любимые Фердой, хороши на равнинах, а здесь, на головокружительных склонах, они ползли бы ничуть не быстрее, да ещё и подвергали бы опасности жизнь своих седоков, пугаясь узких тропинок. Кроме того, мягкая поступь мула спасала его внутренности от лишней тряски. Почему только богиня, пожаловав своему святому хороших верховых животных, не даровала ещё и погоду получше?

Братья ди Гьюра перестали посмеиваться над изящной шапочкой Кэсерила, не добравшись и до середины склона заснеженной гряды Зубов Бастарда. Он опустил наушники и прикрыл уши пушистым белым мехом, плотно завязав тесёмки под подбородком, ещё до того, как колючая снежная крупа, вздымаемая ледяным ветром, начала беспощадно жечь и жалить их закоченевшие лица.

Кэсерил прищурился, защищая глаза, опустил голову к самым ушам мула, тяжело ступавшего

вверх по извивавшейся между камнями и льдом тропинке, и мысленно прикидывал, сколько ещё осталось до наступления темноты. Они уже должны были быть где-то неподалёку от перевала.

Тут Ферда остановился и, дождавшись, пока Кэсерил поравняется с ним, спросил:

— Милорд, может, нам следует поискать укрытие, чтобы переждать буран?

— Буран? — Кэсерил стряхнул примёрзшие к бороде льдинки и заморгал глазами. Да. Братья впервые покинули пределы родной провинции, а в Паллиаре зимы всегда отличались мягкостью и были скорее сырыми, чем снежными. — Если б это был буран, вы не видели бы ушей собственного мула. Это не опасно, просто неприятно. Скоро пройдёт.

На лице Ферды мелькнул испуг, но он натянул капюшон поглубже и наклонился вперёд. И в самом деле, вскоре они вышли из полосы ветра, и видимость улучшилась; перед ними открылась долина. Бледный солнечный свет, пробиваясь сквозь серебристые облака, падал на длинные пологие склоны. Кэсерил указал вперёд и ободряюще воскликнул:

— Ибра!

Погода улучшилась, словно помогая им спу-

ститься к побережью, но мулы не стали ускорять шаг. Приграничные скалистые горы сменились холмами, округлыми, земляными, между которыми лежали широкие долины. Когда путники оставили позади снега и вершины, Кэсерил с сожалением позволил Ферде обменять их замечательных мулов на более быстрых лошадей. Дороги становились всё лучше, постоялые дворы — всё опрятнее, и через два дня маленький отряд уже добрался до реки, несущей свои воды в Загосур. Они проезжали мимо уединённых ферм, пересекали оросительные каналы, вздувшиеся от зимних дождей, по перекинутым через них мостам и с каждым шагом приближались к цели.

Выехав на простор из речной долины, они увидели возвышавшийся перед ними город: серые стены, выбеленные дома с характерной для этих мест зеленоватой черепицей; крепость, словно короной венчавшая Загосур, и знаменитая бухта у её подножия. А дальше — море, серо-стальное, с бесконечно раскинувшимся вширь горизонтом. Холодный бриз доносил особенный, морской солёный запах, от которого Кэсерил покрылся мурашками. Фойкс же глубоко вдохнул новый для себя аромат. Глаза его загорелись, когда он сделал этот первый глоток морского воздуха.

Рекомендательное письмо Палли и положение ди Гьюра гарантировали путешественникам убежище в Доме Дочери на храмовой площади Загосура. Кэсерил отправил молодых людей купить, попросить или одолжить форменную одежду ордена, а сам отправился к портному. Его слова, что мастер может назначить цену по своему желанию, если быстро сошьёт приемлемый наряд, вызвали в доме портного бешеную активность, и когда Кэсерил примерно через час выходил оттуда, под мышкой у него был свёрток с весьма сносной копией траурных одежд шалионского двора.

После умывания холодной водой и яростного отдраивания себя мочалкой Кэсерил быстро скользнул в плотную парчовую тунику с очень высоким воротником-стойкой, натянул плотные тёмно-лиловые шерстяные штаны и сверкающие начищенные сапоги. Затем нацепил пояс и меч, которыми, казалось, целую жизнь назад снабдил его сьер ди Феррей. И меч, и пояс были довольно потёртыми, но это придавало им особое благородство. Поверх всего на плечи приятной тяжестью лёг чёрный бархатный плащ с шёлковой подкладкой. Одно из колец Исель, которое он оставил себе — с плоским аметистом, оправлен-

ным в тяжёлое золото, и налезавшее только на мизинец, — говорило скорее о сдержанности его обладателя, чем о бедности.

«Траурные одежды и пробивающаяся седина в бороде, — подумал Кэсерил, — придают ему суровый и достойный вид, чего он, собственно, и добивался».

Вид серьёзного человека. Он достал пакет с ценными дипломатическими письмами и, взяв его под мышку, вызвал своих спутников, уже успевших переодеться в бело-голубое. Они направились по узким петляющим улицам вверх по холму, в логово великого Лиса.

Кэсерил показал управляющему замком письма с печатями, и его с братьями ди Гьюра быстро препроводили к личному секретарю рея, который встретил их стоя в скромной, выбеленной известью комнате, служившей кабинетом, холодной от вечной сырости загосурской зимы.

Секретарь был в средних летах, сухощав и суетлив. Кэсерил приветствовал его полупоклоном, как равный равного.

— Я кастиллар ди Кэсерил, прибыл из Кардегосса со срочной дипломатической миссией. У меня письма к рею и принцу Бергону ди Ибра от принцессы Исель ди Шалион. — Он продемон-

стрировал печати, но когда секретарь протянул за ними руку, снова прижал письма к груди. — Я получил их лично из рук принцессы. Она просила меня доставить их и передать лично в руки рея.

Секретарь задумчиво склонил голову набок.

— Посмотрим, что я смогу сделать для вас, милорд. Рея просто осаждают просители — в основном родственники бывших бунтовщиков, — пытаясь обрести его прощение и милость, что довольно сложно сейчас. — Он окинул Кэсерила взглядом с ног до головы. — Думаю, вас никто не предупредил, что рей запретил носить при дворе траур по покойному наследнику, поскольку тот умер нераскаявшимся мятежником. Только те, кто хочет бросить рею вызов, носят эти печальные одежды, но большинство из них делает это… э-э… не здесь. Если вы не хотите вызвать у него гнев, я посоветовал бы вам переодеться, прежде чем вы придёте просить об аудиенции.

Кэсерил вскинул брови.

— Вам ещё не доставили новости из Шалиона? Мы, конечно, скакали быстро, но я не думал, что мы их опередим. Я ношу траур не по наследнику Ибры, а по наследнику Шалиона! Принц Тейдес скоропостижно скончался около недели назад от заражения крови.

— Ох! — испуганно пробормотал секретарь. — Ох. — Он выдохнул и взял себя в руки. — Мои глубочайшие соболезнования Дому Шалиона в связи со столь тяжёлой утратой. — Он замялся. — Письма от принцессы Исель, вы сказали?

— Да, — и Кэсерил многозначительно добавил: — Рей Орико тяжко болен и не занимается делами. По крайней мере так было, когда мы покидали Кардегосс.

Рот секретаря открылся, потом закрылся. Он проговорил:

— Пройдите, пожалуйста, со мной.

И провёл посетителей в более уютную комнату с горевшим камином в углу.

— Я узнаю, что можно сделать.

Кэсерил опустился в мягкое кресло у огня, Фойкс уселся на скамью, а Ферда принялся расхаживать взад-вперёд, нахмурившись и рассеянно глядя на развешанные по стенам украшения.

— Нас примут, сэр? — спросил он. — Проделать такой путь, чтобы топтаться под дверью, словно лавочникам каким…

— О да. Нас примут. — Кэсерил усмехнулся, когда вошёл запыхавшийся слуга и предложил гостям вино и маленькие пряники с печатью Ибры, которыми так славился Загосур.

— Почему у этой собаки нет лап? — поинтересовался Фойкс, бросив взгляд на пряник, прежде чем впиться в него зубами.

— Это морская собака, тюлень. У него ласты вместо лап, он охотится на рыб. У них колонии на побережье, отсюда и до Дартаки.

Кэсерил разрешил слуге налить ему глоток вина. Всего глоток — отчасти из сдержанности, отчасти чтобы добро не пропало зря, — ибо, как он и предполагал, едва он успел смочить в вине губы, как показался секретарь и сказал:

— Пожалуйте за мной, милорд, господа.

Ферда отставил свой бокал с тёмным ибранским вином, Фойкс стряхнул с белого плаща крошки, и они поспешили вслед за Кэсерилом и секретарём, который повёл их по лестницам и через каменный мостик к более новой части крепости. Свернув ещё несколько раз, они оказались перед двойными дверями с вырезанными на них фигурами морских животных в рокнарском стиле.

Двери распахнулись, явив взглядам путешественников изысканно одетого лорда, которого вёл под руку другой придворный. Лорд возмущался:

— Но я пять дней ждал этой аудиенции! Что

за шутки?

— Вам просто придётся подождать ещё немного, милорд, — отвечал придворный, придерживая его за локоть твёрдой рукой.

Секретарь провёл Кэсерила и братьев ди Гьюра внутрь и огласил их имена и титулы.

Это оказался не тронный зал, а кабинет, менее официальный и предназначенный не для церемоний, а для совещаний. Стол, достаточно большой, чтобы раскладывать на нём карты и документы, занимал дальнюю часть комнаты. На всём протяжении длинной стены были прорублены застеклённые двери, выходившие на балкон с видом на море — бухту и гавань, сердце загосурской силы, власти и богатства. Сквозь огромные стёкла в комнату падал отражённый морем серебристый свет, рассеянный и бледный, от этого пламя свечей в настенных светильниках казалось тусклым и плоским.

Среди полудюжины мужчин, находившихся в кабинете, Кэсерил без труда узнал Лиса и его сына. Семидесятилетний рей Ибры был худощав и плешив; его рыжая в юности шевелюра превратилась в пушистую белую бахрому вокруг макушки. Тем не менее он выглядел сильным, настороженным и энергичным. У высокого юно-

ши, стоявшего рядом с ним, были прямые тёмные волосы, как у его покойной матери-дартаканки, отливавшие при дневном свете рыжиной.

«По крайней мере он казался здоровым. Хорошо…»

Плащ цвета морской волны на принце был усеян сотнями жемчужин, составлявших причудливый узор, которые мягко блеснули, когда он повернулся к вновь прибывшим.

Судя по массивной цепи на груди, мужчина, стоявший по другую сторону от рея, был его канцлером. Нашивки ещё одного из присутствующих выдавали в нём моряка высокого ранга — адмирала ибранского флота.

Кэсерил приблизился, опустился перед Лисом на колено, довольно изящно, несмотря на боль и усталость, и склонил голову.

— Милорд, я привёз из Ибры печальную весть о смерти принца Тейдеса и срочные письма от его сестры, принцессы Исель. — Он протянул верительную грамоту.

Лис вскрыл печать и быстро пробежал глазами ровные строчки. Его брови вскинулись, и он пристально посмотрел на Кэсерила.

— Весьма любопытно. Встаньте, милорд посол, — пробормотал он.

Кэсерил задержал дыхание, и ему удалось подняться на ноги, даже не оттолкнувшись рукой от пола и — это было бы ужасно! — не ухватившись за кресло рея. Он посмотрел на принца Бергона и увидел, что тот нахмурился и не сводит с него глаз. Кэсерил приветствовал принца сердечным кивком и улыбкой. Бергон был хорошо сложенным юношей, даже красивым, когда не хмурился. Не косой, не губошлёп. Немного коренастый, но не толстый, а мускулистый. И не сорокалетний. Юный, с гладкой кожей, но с пробивающимися на щеках и подбородке тенями, что говорило о его зрелости. Кэсерил подумал, что Исель будет довольна.

Пристальный взгляд Бергона стал просто непереносимым.

— Скажите что-нибудь ещё! — выпалил он.

— Прошу прощения, милорд? — Кэсерил испуганно отступил, когда принц шагнул вперёд и обошёл его кругом, разглядывая сверху донизу. Дыхание Бергона участилось.

— Снимите рубашку! — вдруг приказал он.

— Что?

— Снимите рубашку, снимите рубашку!

— Милорд… принц Бергон… — В памяти Кэсерила немедленно всплыла омерзительная сцена,

подстроенная ди Джироналом, чтобы оклеветать его перед Орико. Только здесь не было священных воронов Фонсы, чтобы выручить его. Он понизил голос. — Я прошу вас, милорд, не позорьте меня перед всеми.

— Пожалуйста, сэр, скажите — не вы ли более года назад, осенью, были освобождены с рокнарских галер на побережье Ибры?

— Ох. Да…

— Снимите рубашку! — Принц почти пританцовывал, вновь обходя Кэсерила по кругу. Кэсерил почувствовал головокружение. Он посмотрел на Лиса, который выглядел таким же обескураженным, как и все остальные, но рей в любопытстве сделал знак рукой, уступая настойчивому и более чем странному требованию своего сына. Смущённый и испуганный, Кэсерил повиновался. Сняв плащ и тунику, он повесил их на согнутую руку и стиснул зубы, пытаясь держаться с достоинством, чтобы снести любые последующие унижения.

— Вы Кэс! Вы Кэс! — закричал Бергон. Хмурость на его лице сменилась безумным оскалом, и он засмеялся. О боги! Принц сумасшедший! После всех этих скачек по горам и равнинам… он не подходит Исель.

— Да, мои друзья зовут меня так… — Кэсерил

оборвал фразу, ибо принц раскинул руки и обнял его, чуть не оторвав от земли.

— Отец, — радостно закричал Бергон, — это он! Это тот человек!

— Что… — начал Кэсерил, потом вгляделся в его лицо попристальнее, прислушался к голосу… и губы его тоже раздвинулись в неудержимой улыбке. «Мальчик вырос!» Представить его годом младше, ниже на четыре дюйма, без тени пробивающейся бороды, с бритой головой, неловким подростком, обгоревшим на солнце… — Пятеро богов, — выдохнул он. — Денни? Денни!

Принц схватил Кэсерила за руки и поцеловал их.

— Куда ты делся? Когда я добрался до дома, то неделю пролежал больной, а когда наконец смог послать за тобой человека, ты уже исчез. Я нашёл почти всех с корабля, но никто не знал, где ты.

— Я тоже лежал больной в приюте Матери в Загосуре. А потом я… э-э… пошёл домой, в Шалион.

— Здесь! Ты был здесь всё это время! Ах, чтоб меня разорвало! О-о! Но я посылал людей в госпитали и приюты — как же они не нашли тебя? Я решил, что ты, наверное, умер от ран — они были ужасны.

— Я был уверен, что он мёртв, — медленно

проговорил Лис, наблюдавший за ними, — раз он не пришёл за наградой, коей обязан ему с тех пор мой Дом.

— Я не знал, что это принц Бергон…

Седые брови Лиса недоверчиво вскинулись.

— Правда?

— Да, отец, — подтвердил принц. — Когда головорезы моего покойного брата похитили меня, они не сказали рокнарскому капитану, кто я. Должно быть, хотели, чтобы я попросту умер на галере.

— Хранить этот секрет глупо, принц, — упрекнул Кэсерил. — Рокнарцы не тронули бы вас в надежде на выкуп.

— Да, несомненно, в надежде на огромный выкуп и политические уступки со стороны моего отца, если бы я позволил себе стать заложником своего имени. — Челюсти Бергона сжались. — Нет. Я не собирался помогать им играть в эти игры.

— Так, значит, — сказал Лис странным голосом, внимательно глядя на Кэсерила, — значит, вы прикрыли собой не принца Ибры, спасая его от осквернения, а просто какого-то случайного мальчишку.

— Мальчишку-раба, милорд. — Губы Кэсерила

скривились, когда он понял, что Лис гадает — был его поступок геройством или глупостью.

— Я сомневаюсь в вашем рассудке.

— Я и сам уверен, что был тогда наполовину безумен, — любезно согласился Кэсерил. — Я находился на галерах с тех самых пор, как меня после падения Готоргета продали в рабство.

Глаза Лиса прищурились.

— О, так вы тот самый Кэсерил?

Кэсерил утвердительно кивнул, мысленно интересуясь, что именно знает Лис о той неудачной кампании, затем развернул тунику. Бергон поспешил помочь ему одеться. Кэсерил чувствовал на себе неотступные взгляды всех находившихся в кабинете, включая Ферду и Фойкса. Он улыбнулся, сдерживая рвущийся наружу смех, хотя в глубине души его уже зарождался новый страх, природы которого он ещё не понимал.

«Как долго я шёл по этому пути?»

Он вытащил из пакета последнее письмо и отвесил глубокий поклон принцу Бергону.

— Как говорится в документе, переданном мною вашему уважаемому отцу, я представляю здесь благородную прекрасную леди и прибыл не только к нему, но и к вам. Наследница Шалиона просит вашей руки. — Он протянул ошеломлён-

ному Бергону запечатанное послание. — Теперь я предоставляю принцессе Исель возможность самой говорить от своего имени, ибо она превосходно справится с этим благодаря своему ясному уму, естественному праву и священной цели. Потом я должен буду о многом побеседовать с вами, принц.

— Я страстно желаю выслушать вас, лорд Кэсерил, — и Бергон, окинув взглядом кабинет, пристроился у застеклённой двери, где вскрыл письмо и прочитал его, удивлённо улыбаясь.

Изумление читалось и на лице старого Лиса, хотя улыбки на нём не было. Кэсерил был уверен, что заставил скакать мысли рея галопом. Для своих же мыслей он сейчас молился о крыльях.

Кэсерил и его спутники были приглашены к рею на обед в большой зал. Ближе к закату Кэсерил и Бергон вышли пройтись вдоль берега у подножия крепости. Здесь можно было говорить без лишних ушей, как Кэсерил и желал. Он сделал ди Гьюра знак следовать за ними на расстоянии, с которого братья не могли ничего услышать. Рокот прибоя заглушал звуки голосов. Несколько белых чаек над морем хлопали крыльями и кричали так же громко и пронзительно, как вороны. Кэсерил вспомнил, что в Ибре Бастарду были

посвящены именно эти златоглавые птицы.

Бергон тоже велел своим вооружённым до зубов охранникам отойти подальше, но не отпустил их. Молчаливая предосторожность эта ещё раз напомнила Кэсерилу, что гражданская война только-только завершилась, а Бергону уже довелось быть и шахматной фигурой, и игроком в этой жестокой игре. А в итоге, похоже, шахматной фигурой, которая играла сама по себе.

— Никогда не забуду тот момент, когда я впервые увидел тебя, — сказал Бергон, — когда меня швырнули рядом с тобой на скамью галеры. Поначалу я испугался тебя больше, чем рокнарцев.

Кэсерил ухмыльнулся.

— Потому что я был грязный, покрытый язвами, обгоревший на солнце, обросший и вонючий?

Бергон оскалился в ответ.

— Примерно так, — и тихо добавил: — Но ты улыбнулся мне и сказал: «Добрый вечер, юный сэр» — таким голосом, словно приглашал меня разделить с тобой стол в таверне, а не скамью у весла.

— Ну, ты же был новичок, таких у нас было немного.

— Я много думал об этом позже. Уверен, тогда я плохо соображал…

— Конечно. Тебя доставили изрядно избитым.

— Это верно. Похищенный, испуганный, впервые в жизни по-настоящему избитый… и ты помог мне. Научил, что делать, чего ждать, как выжить. Дважды отдавал мне свою воду…

— Э, только тогда, когда она была тебе действительно необходима. Я-то к тому времени уже привык к жаре и высох настолько, насколько возможно. Человек со временем ко всему привыкает, и то, что ещё недавно доводило его до лихорадки и обморока, начинает казаться лишь лёгким неудобством. Самым главным было — не терять сознание за работой.

— Ты был добр ко мне.

Кэсерил пожал плечами.

— Почему нет? Чего мне это стоило?

Бергон покачал головой.

— Любой может быть добрым, когда у него всё хорошо. Я потому и считал всегда доброту естественной добродетелью. Но когда были мы голодны, мучимы жаждой, больны, испуганы, а смерть в этом царстве страха заглядывала нам через плечо, ты оставался таким же вежливым, как джентльмен в удобном кресле перед камином.

— События могут быть ужасными и неизбежными. Люди же всегда могут сделать выбор — если

нет, как бы они всё это выносили?

— Да, но… я не знал этого до тех пор, пока не столкнулся сам. Я начал верить в возможность остаться в живых. И я имею в виду не только моё тело.

Кэсерил кисло улыбнулся.

— Я был тогда почти мёртв.

Бергон снова покачал головой и на ходу пнул ногой серебристый песок. Заходящее солнце высветило лисью рыжину в его тёмных дартаканских волосах.

Покойная мать Бергона считалась в Шалионе суровой решительной женщиной, пытавшейся использовать борьбу между своим мужем и наследником в интересах сына. Но Бергон, похоже, очень любил её и помнил; ребёнком он пережил с ней две осады, когда они были отрезаны от армии отца во время непрекращающейся войны с его сводным братом. Он был очень привязан к этой умной женщине с твёрдым характером и с правом голоса на мужских советах. Когда они с Кэсерилом делили весло на галере, он часто говорил о своей покойной матери, желая приободриться, хотя и не называл её имени. Не о своём живом отце. Зрелый разум и самообладание Бергона, выказанные им на галере, не были целиком и

полностью наследием Лиса, решил Кэсерил.

Улыбка Кэсерила стала шире.

— Ну так позволь рассказать тебе, — начал он, — всё о принцессе Исель ди Шалион…

Бергон ловил каждое слово Кэсерила, когда тот принялся описывать Исель — её вьющиеся янтарные волосы, блестящие серые глаза, пухлые улыбчивые губы, её мастерство наездницы и образованность. Её хладнокровие и крепкие нервы, умение быстро и собранно действовать в момент опасности. В общем, продать Исель Бергону было столь же трудно, как продать еду умирающему от голода, воду — изнывающему от жажды, одежду — голому в снежную бурю; а ведь он ещё даже не упомянул, что принцесса унаследует трон Шалиона! Юноша был уже наполовину влюблён. Лис представлял собой большую угрозу — он бы заподозрил подвох. У Кэсерила не было намерений сообщать рею об этом подвохе. Бергон — другое дело.

«Ему — только правду».

— Есть кое-что, что заставило Исель поторопиться со своей просьбой, — продолжил Кэсерил, когда они добрались до конца пляжа и повернули обратно. — Это величайший секрет, и она просит тебя, как её будущего мужа, сохранить

его в тайне. Это только для твоих ушей. — Он набрал в грудь морского воздуха и собрал всю свою решительность. — Всё началось с войны между Фонсой Мудрым и Золотым Генералом…

Они ещё дважды прошли по песку туда и обратно, ступая по своим собственным следам, прежде чем Кэсерил закончил рассказ. Солнце превратилось в красный шар и уже почти касалось плоского морского горизонта, а бившиеся о берег волны потемнели и всё дальше накатывались на берег. Кэсерил был откровенен с Бергоном, так же как с Истой, и ничего не утаил, кроме разве что исповеди несчастной рейны. Рассказал он также и о Дондо, обитавшем ныне у него в животе. Лицо принца, красноватое от закатного солнца, было задумчивым.

— Лорд Кэсерил, если бы мне рассказал это кто-нибудь другой, я бы не поверил. Я бы решил, что этот человек безумен.

— Безумие могло бы быть вполне естественным следствием подобных переживаний, принц, но только не их причиной. Всё это правда. Я видел это сам и убедился. Я почти уверен, что тону в этом. — Неудачное слово вкупе с шумящими морскими волнами рядом заставили Кэсерила вздрогнуть. Интересно, заметил ли Бергон, что

всё это время Кэсерил старался идти так, чтобы его собеседник оставался между ним и морем?

— Ты пытаешься представить меня героем детских сказок, избавляющим принцессу от злых чар поцелуем.

Кэсерил прокашлялся.

— Ну, одним поцелуем тут не обойтись, полагаю. Брак должен быть осуществлён, чтобы считаться заключённым законно. Заключённым с теологической точки зрения, я бы сказал.

Принц бросил на него непроницаемый взгляд. Через несколько шагов он сказал:

— Я видел твою честность в действии. Это… расширило мой мир. Меня вырастил отец, который всегда был осторожным, предусмотрительным человеком, вечно докапывающимся до тайных мотивов людей. Никто не может обмануть его. Но я видел, как он обманул сам себя. Если ты понимаешь, о чём я.

— Да.

— Было очень глупо с твоей стороны набрасываться на того рокнарского надсмотрщика.

— Да.

— Однако я уверен, случись такое снова, ты поступил бы так же.

— Зная то, что знаю сейчас… это было бы слож-

нее. Но надеюсь… молюсь, чтобы боги оставили мою глупость при мне.

— Что же это за изумительная глупость, которая сияет ярче золота моего отца? Ты можешь научить меня ей, Кэс?

— Ох, — выдохнул Кэсерил, — не сомневаюсь.

Кэсерил встретился с Лисом на следующее утро. Его снова проводили в высокую светлую комнату с видом на море, но на этот раз встреча протекала в значительно более узком кругу: он, рей и секретарь. Секретарь сидел за столом перед стопкой бумаг, связкой новых перьев и солидным запасом чернил. Рей расположился у другой стороны стола, где стояли искусно вырезанные из коралла и жадеита шахматы, сама же доска была сделана из полированного малахита, оникса и белого мрамора. Кэсерил поклонился, и рей пригласил его сесть напротив.

— Играете? — поинтересовался Лис.

— Нет, милорд, — огорчённо ответил Кэсерил, — очень плохо.

— Ах, какая жалость! — Лис отодвинул доску в сторону. — Бергон очень воодушевлён вашим описанием шалионского бриллианта. Вы хорошо поработали, посол.

— Всем сердцем надеюсь на это.

Рей коснулся верительной грамоты Исель, лежавшей на блестящей столешнице.

— Необычный документ. Вы знаете, что он обязывает принцессу исполнить всё, что вы подпишете от её имени?

— Да, сир.

— Её полномочия в данном вопросе довольно спорны, знаете ли. Дело в её возрасте.

— Ну что ж, сир, если вы не признаете за ней права самой заниматься своим браком, полагаю, мне ничего больше не остаётся, кроме как седлать коня и возвращаться в Шалион.

— Нет-нет, я же не сказал, что оспариваю её права! — В голосе старого короля промелькнуло лёгкое беспокойство. Кэсерил подавил улыбку.

— Конечно, сир, иметь дело с нами означает публично признать её власть и права.

— Хм… верно. Конечно. Молодые так доверчивы. Вот почему блюсти их интересы должны мы, старики. — Он взял в руки список, полученный от Кэсерила накануне. — Я изучил предложенные вами пункты брачного договора. Нам нужно многое обсудить.

— Прошу прощения, сир, это не предложения, это — требования. Если вы хотите дополнить их своими, я внимательно выслушаю вас.

Брови рея изогнулись дугой.

— Конечно, нет. Возьмём, к примеру, это — о порядке наследования в случае несовершеннолетия наследника, если боги благословят их детьми. Несчастный случай во время поездки верхом — и рейна Шалиона становится регентшей Ибры! Это неприемлемо. Бергон подвергается риску на поле боя в отличие от своей жены.

— Ну, это мы надеемся, что она не будет ему подвергаться. Или я малосведущ в истории Ибры, милорд. Мне кажется, что мать принца перенесла две осады?

Лис откашлялся.

— В любом случае, — продолжил Кэсерил, — это риск обоюдный, и таким же должен быть и пункт договора. Исель подвергается риску тяжёлых родов, что, естественно, не угрожает Бергону. Одни неудачные роды — и Бергон становится регентом Шалиона. Сколько ваших жён пережило вас, сэр?

Лис вздохнул, помолчал и сказал:

— Ну тогда вот этот пункт, об именах.

Несколько минут умеренного спора закончились решением, что Бергон ди Ибра-Шалион звучит ничуть не хуже, чем Бергон ди Шалион-Ибра, и данному пункту тоже было позволено

остаться.

Лис прикусил губу и задумчиво нахмурился.

— Как я понимаю, лорд Кэсерил, у вас нет земли. Почему же принцесса не наградит вас в соответствии с вашим званием?

— Она награждает меня в соответствии со своим. Исель не рейна Шалиона — пока.

— Уф. С другой стороны, я — рей Ибры и имею возможность высоко оценить ваши заслуги.

Кэсерил только улыбнулся.

Ободрённый Лис заговорил о красивом поместье с видом на море и снял с доски между ними коралловую ладью. Заинтересовавшись, как далеко это может зайти, Кэсерил бросил, что море его мало привлекает. Тогда Лис завёл речь о породистых лошадях и о земле под выгоны, а также о том, каким неподобающим ему видится пункт номер три. На стол встало ещё несколько пешек. Кэсерил равнодушно хмыкнул. Лис деликатно вздохнул и упомянул о деньгах, на которые человек может одеваться в соответствии с ибранским титулом, более высоким, чем кастиллар, и о том, как выгодно может быть переписан пункт номер шесть. К растущей кучке фигур присоединилась жадеитовая ладья. Секретарь продолжал делать пометки. Каждый раз хмыканье Кэсерила

вызывало в глазах Лиса выражение уважения и презрения одновременно; кучка фигур всё увеличивалась. Вскоре рей с горечью в голосе заметил:

— Вы играете лучше, чем я ожидал, кастиллар.

В конце концов Лис выпрямился в кресле и повёл рукой в сторону выставленных на стол символов его возможных даров.

— Что вас не устраивает, Кэсерил? Что такого может дать вам эта девочка, чего не могу дать я?

Ухмылка Кэсерила превратилась в весёлую улыбку.

— Ну как же! Уверен, что она сможет предоставить мне недвижимость в Шалионе, которая меня вполне устроит: два шага в длину и шаг в ширину, и это будет моим навечно, — и мягко, чтобы не обидеть, отодвинул фигуры обратно к Лису. — Вероятно, я должен объясниться. У меня в животе опухоль, которая, как я полагаю, скоро убьёт меня. Все эти награды — для живых, как мне кажется. Не для умирающих.

Губы Лиса шевельнулись, на его лице мелькнули изумление, испуг и смущение, каковое было быстро подавлено. У рея вырвался смешок.

— Ха! Пятеро богов! У девчонки достаточно мозгов и жестокости, чтобы преподать мне урок в моём же ремесле! Неудивительно, что она предо-

ставила вам такие полномочия. Демоны Бастарда, она отправила ко мне неподкупного посла!

Три мысли одновременно возникли в голове Кэсерила: первая — у Исель не было столь продуманного плана, вторая — если бы ей указали на это, она сказала бы «Хм!» и запомнила на будущее и третья — Лису не следует знать о первой мысли.

Лис посерьёзнел и более внимательно посмотрел на Кэсерила.

— Мне очень жаль, что вы так больны, кастиллар. Это не повод для смеха. Мать Бергона тоже умерла от опухоли в груди, умерла совсем молодой — в тридцать шесть лет. Все тяготы замужества не укротили и не сломили её, но под конец… ах, впрочем, ладно.

— Мне тридцать шесть, — не мог не заметить печально Кэсерил.

Лис заморгал.

— Тогда вы плохо выглядите.

— Это так, — согласился Кэсерил. Он взял в руки список. — Что ж, вернёмся к брачному договору…

В конечном итоге из списка не было вычеркнуто ни единого пункта, и все они были одобрены. Затем Лис предложил несколько полезных до-

полнений, с которыми Кэсерил легко согласился. Лис для виду немного посетовал, намекнул, что недурно бы жене повиноваться мужу, — Кэсерил дипломатично промолчал относительно недавних событий ибранской истории, в которых таковое повиновение также не имело места, — и прошёлся насчёт упрямства некоторых женщин, которые слишком много на себя берут.

— Держитесь, сир, — утешил его Кэсерил. — Нынче вам не судьба завоевать для сына королевство. Ваша судьба — завоевать для внука империю.

Лис просветлел. Даже его секретарь улыбнулся.

В конце беседы рей предложил Кэсерилу взять шахматы на память.

— Для себя я их, пожалуй, не возьму, — отклонил его предложение Кэсерил, с сожалением глядя на точёные фигурки, — но если их упакуют должным образом, я с удовольствием отвезу их в Шалион в качестве вашего личного свадебного подарка будущей невестке.

Лис засмеялся и покачал головой.

— Хотел бы я иметь придворного, который был бы так же верен мне за столь ничтожное вознаграждение! Вы и правда ничего не хотите для

себя, Кэсерил?

— Только времени.

Лис с сожалением хмыкнул.

— Как и все мы. Но об этом нужно просить богов, а не рея Ибры.

Кэсерил промолчал, хотя губы его дрогнули.

— Я хотел бы увидеть при жизни, как Исель благополучно выйдет замуж. Такой подарок вы и впрямь можете мне сделать, сир, не откладывая дела надолго, — и добавил: — И это действительно срочно — Бергон должен стать принцем-консортом Шалиона прежде, чем Мартоу ди Джиронал станет регентом Шалиона.

Даже Лис был вынужден согласно кивнуть.

Вечером, после обычного банкета у рея и после того, как ему удалось наконец проститься с Бергоном, который, раз уж его друг отклонил все предложенные почести и награды, решил нафаршировать его едой, Кэсерил зашёл в храм. Его высокие круглые залы были пусты и тихи в этот час, служителей тоже почти не было, хотя светильники на стенах горели, как и огонь в центре. Двое священников совершали обход; Кэсерил сердечно поздоровался с ними и прошёл через выложенную плиткой арку во двор Дочери.

Красивые коврики для моления, сплетённые

высокородными дамами Ибры, как благотворительный дар храму, оберегали колени и тела молящихся от холода мраморного пола. Кэсерил подумал, что если этот обычай переедет с Бергоном в Шалион, продолжительность зимних служб заметно увеличится. Алтарь леди окружали коврики всех цветов, форм и размеров. Кэсерил выбрал толстый и широкий, подбитый шерстью, с вышитыми весенними цветами, и расположился на нём. Целью его было помолиться, а не забыться пьяным сном, напомнил он себе…

По дороге в Ибру, пока Ферда занимался лошадьми, он использовал каждую возможность попасть в дом Дочери — даже самый маленький, деревенский — и помолиться: за Орико, за Исель и Бетрис, за Исту. Кроме того, побаиваясь репутации Лиса, он просил об удачном исходе миссии. На эту молитву он, судя по всему, получил ответ авансом. Насколько авансом? Раскинув руки, он поглаживал нити коврика, прошедшие петля за петлёй через спокойные, терпеливые женские руки. А может, эта женщина и не была терпеливой. Может, она была усталой, или раздражённой, рассеянной, или голодной, или сердитой. Может, она умирала. Но руки её всё двигались и двигались…

«Как долго я шёл по этому пути?»

Иногда ему казалось, что он ступил на путь леди в тот момент, когда она одарила его монетой, выпавшей из рук солдата в грязь Баосии. Теперь он совершенно не был в этом уверен, как не был уверен и в том, что хочет получить новый ответ на свои молитвы.

Ужас галер был задолго до монеты в грязи. Были ли его боль, страх, мучения запланированы богами с самого начала? Неужели он был всего лишь марионеткой на ниточке? Или мулом в поводу, упрямым и сопротивляющимся, так что приходилось стегать его, чтобы двигался? Он не мог понять, чувствует удивление или ярость по этому поводу. И вспомнил, как Умегат настаивал на том, что боги не могут подчинить себе волю человека, они могут только ждать, когда она будет им предложена. В какой же миг своей жизни он согласился на *это?*

Ох.

Он вдруг вспомнил.

Однажды холодной, голодной, полной отчаяния ночью в Готоргете он обходил посты. На самой высокой башне он отпустил измученного мальчика, чтобы тот немного отдохнул, и остался вместо него. Он вглядывался в лагерь неприятеля; костры горели в разорённой деревне в долине.

Враги сидели там в тепле, болтали, готовили еду и делали всё то, чего его гвардейцы были лишены внутри этих стен. И он думал о том, что делать дальше, как выиграть время, убедить своих людей верить, и молился. Молился. До тех пор, пока молитвы не кончились.

В юности Кэсерил, следуя проторенным путём большинства благородных молодых людей, вступил в орден Брата, обещавший военную карьеру и приключения. Он возносил свои молитвы этому богу, соответствовавшему его полу, возрасту и рангу. И в башне той ночью ему показалось, что следование по этому пути привело его шаг за шагом в западню, в которой он и его люди оказались покинутыми и основной армией, и богом.

Он носил медальон Брата на внутренней стороне рубашки с момента посвящения — с тринадцати лет. Сразу после посвящения Кэсерил отбыл на службу к старому провинкару. Той ночью в башне по его лицу текли слёзы усталости и отчаяния — и ярости. Он сорвал медальон и вышвырнул его, бросил через крепостную стену, отрекаясь от бога, который отрёкся от него. Вращающийся золотой диск беззвучно исчез в темноте. А он бросился на камни и молился лёжа, как лежал и сейчас, и принёс клятву, что любой

бог сможет воспользоваться им, если освободит его людей из западни. А что касается его — с ним всё кончено. Кончено.

Конечно, ничего не произошло.

Разве что неожиданно пошёл дождь.

Чуть погодя он встал, пристыженный своей выходкой, радуясь, что никто не видел его в таком состоянии. Пришла смена, и Кэсерил молча спустился вниз. Ещё несколько недель ничего не происходило, а потом прискакал упитанный курьер с известием, что всё было напрасно, что вся их кровь и жертвы были проданы за золото, пролившееся в сундуки ди Джиронала.

И его люди были освобождены.

А его ноги в одиночестве зашагали по другой дороге…

Что там сказала Иста? «Самые страшные проклятия богов приходят к нам в ответ на наши молитвы. Молитвы — опасное дело».

Итак, решив отдать свою волю богам, достаточно ли сделать это однажды — всё равно как подписаться на военную службу, принеся присягу? Или этот выбор следует делать снова и снова, каждый день? Или и то и другое? Может ли он взять да сойти с этого пути, сесть на лошадь и уехать, скажем, в Дартаку, взять новое имя и

начать новую жизнь? Так говорил Умегат о сотне других Кэсерилов, которые не взялись за это дело. Уехать, оставив, конечно, тех, кто ему доверился: Исель, Исту и провинкару, Палли и Бетрис…

Но, увы, не Дондо.

Он поёрзал на коврике, ощущая неудобство в животе и пытаясь убедить себя, что причиной тому всего лишь банкет у Лиса, а не рост его ужасной опухоли. Не Дондо, выжидающий, когда рука леди вдруг ослабеет. Может, боги научились чему-то на ошибке Исты, когда у ди Льютеса не выдержали нервы? Может, они решили увериться, что их мул не сбежит с полдороги, как ди Льютес в своё время?..

Ну разве что умрёт. Эта дверь всегда распахнута настежь. А что ждёт по ту сторону? Ад Бастарда? Призрачное исчезновение? Мир и покой?

Ха.

По другую сторону храмовой площади, в доме Дочери, его ждала чудесная мягкая постель. То, что он всё-таки вспомнил о ней, невзирая на безумную пляску мыслей в голове, было верным знаком, что ему пора пойти и лечь в неё. Молитва в любом случае не удалась, получился лишь спор с богами.

А молитва, как он начал подозревать, встав на

ноги и повернувшись к выходу, — это переставлять ноги одну за другой, раз и ещё раз.

Глава 23

В последний момент — когда все основные пункты были согласованы, было сделано секретарём множество копий с договора, и подписано обеими сторонами и свидетелями, и скреплено печатями — при переходе к практическому осуществлению всё чуть не застопорилось. Лис упёрся, и не без причины, по мнению Кэсерила, не желая посылать своего сына в Шалион со столь малыми гарантиями его личной безопасности. Но у рея в его истощённом войной государстве не было ни людей, ни денег, чтобы собрать достаточно многочисленную и надёжную гвардию для охраны Бергона; Кэсерил же боялся того эффекта, который может произвести в Шалионе переход через границу целой армии, даже с такими мирными намерениями. Споры становились всё горячее; Лис, пристыженный напоминанием, что он обязан Кэсерилу самой жизнью Бергона, принялся избегать посла, чем напомнил ему Орико.

Кэсерил получил первое шифрованное письмо от Исель, оно пришло с курьером ордена Дочери. Письмо было написано всего через четыре дня после отъезда Кэсерила из Кардегосса и было

коротким — сообщение о том, что церемония прощания с Тейдесом прошла без эксцессов и что Исель покинет столицу тем же вечером с траурным кортежем. Она с видимым облегчением отмечала, что «наши молитвы были услышаны — священные животные подтвердили, что душу Тейдеса принял Сын Осени. Надеюсь и уповаю, что ему будет хорошо в руках бога». Ещё добавила: «Мой старший брат жив, зрение на один глаз к нему вернулось, но отёчность пока не прошла. Он так и лежит в постели». А также сообщила: «Наш враг устроил двух своих племянниц ко мне фрейлинами. Я не смогу часто писать. Пусть леди поможет вам поскорее завершить дело».

Он просмотрел послание в поисках приписки от Бетрис и чуть было не пропустил её. Она оказалась на другой стороне листа. Несколько цифр, выведенных её характерным почерком, попали под воск печати. Он соскрёб воск ногтем. Цифры отослали его к странице почти в самом конце книги, к одной из самых известных молитв Ордолла — страстной мольбе о спасении любимого от опасностей в дальней дороге. Сколько лет — десятилетий — прошло с тех пор, как кто-то вдали молился за него? Кэсерил не был уверен, предназначено это для его глаз или только для

глаз богов, но приложил маленькую зашифрованную строчку к пяти священным точкам на теле, немного задержав её на губах; потом вышел из комнаты и отправился на поиски Бергона.

Он поделился с принцем содержимым одной стороны листа. Тот пришёл в восторг и от системы шифра, и от самого письма. Кэсерил составил короткий ответ, сообщая об успехе своей миссии, а Бергон, от усердия высовывая между зубами кончик языка, старательно зашифровал собственное письмо своей невесте.

Кэсерил мысленно подсчитал дни. У ди Джиронала наверняка были шпионы при дворе Ибры, значит, рано или поздно канцлер узнает о появлении там Кэсерила. Как скоро это станет известно? Догадается ли ди Джиронал, что переговоры прошли с таким головокружительным успехом? Схватит ли он принцессу? Сможет ли рассчитать следующие шаги Кэсерила? Попытается ли перехватить Бергона в Шалионе?

После нескольких дней топтания на месте Кэсерила внезапно осенило, что надо послать Бергона к отцу, чтобы он сам вступил в дебаты по делу, которое затрагивало его столь непосредственно. Это был посланец, от которого Лис не мог укрыться даже в личных покоях. Бергон был

молод и энергичен, а Лис — стар и утомлён. Кроме того — это было благоприятным моментом для политики Кэсерила, но не являлось таковым для рея — в одном из городов Южной Ибры, ранее поддерживавшем покойного наследника, вспыхнул мятеж, и Лис был вынужден отправить туда войска. Зашедший в тупик с этими свалившимися на него проблемами и разрывающийся между великой надеждой и леденящим душу страхом за своего единственного оставшегося в живых сына, Лис переложил принятие решения на Бергона и его приближённых.

Решительности, как понял Кэсерил, у Бергона было предостаточно. Принц сразу предложил путешествовать налегке и по возможности тайно пересечь вражеские территории, пролегающие между ибранской границей и Валендой. В качестве сопровождения, кроме Кэсерила и ди Гьюра, он выбрал только трёх близких друзей: двух молодых ибранских лордов — ди Тажиля и ди Сембюра — и марча ди Соулда, чуть постарше возрастом.

Воодушевлённый ди Тажиль предложил ехать под видом ибранских торговцев, направляющихся в Кардегосс. Кэсерил настаивал на том, что все, кто войдёт в их отряд — и благородные,

и простолюдины, — должны хорошо владеть оружием. Отряд должен был собраться в день, назначенный Бергоном — Кэсерил молился, чтобы день этот удалось сохранить в тайне, — в одном из поместий ди Тажиля. Как выяснилось, компания оказалась не столь уж маленькой — со слугами получилось около дюжины верховых да ещё с полдюжины навьюченных поклажей мулов. В дополнение всего слуги вели в поводу четверых ибранских белоснежных горных пони — дар невесте Бергона.

Они выехали в приподнятом расположении духа, спутники принца воспринимали предстоящий поход как благородное приключение. Бергон был более серьёзен и задумчив; Кэсерила это радовало — глядя на остальных, ему казалось, что он ведёт группу детей на пикник. Хотя бы Бергон представлял, что их ожидает. Это значительно лучше того, что боги предложили ему самому, мрачно подумал Кэсерил. А может, проклятие пыталось обмануть его, вовлекая в войну, вместо того чтобы дать возможность её избежать? Могло ли оно обвести его вокруг пальца? Ведь и ди Джиронал в начале своей карьеры не был столь продажным, каким стал сейчас.

Поскольку скорость передвижения отряда

диктовалась шагом самого медленного мула, обратное путешествие было не таким мучительным для Кэсерила, как бешеная скачка в Загосур. Путь от побережья до Зубов Бастарда занял целых четыре дня. Там их настигло второе письмо от Исель, написанное спустя четырнадцать дней с момента отъезда Кэсерила из Кардегосса. Она сообщала, что Тейдес с должными почестями похоронен в Валенде и что ей удалось остаться там, продлив свой визит к матери и бабушке. Ди Джироналу пришлось спешно отбыть в столицу, так как он получил известие об ухудшении состояния Орико. К сожалению, вместо себя он оставил не только фрейлин-шпионок, но и несколько отрядов солдат — охранять наследницу Шалиона. «Я теперь думаю, что с ними делать», — писала Исель. От этой фразы волосы на затылке Кэсерила встали дыбом. Исель приложила письмо к Бергону, которое Кэсерил передал ему нераспечатанным. Бергон не поделился его содержанием, но пока расшифровывал послание и листал Ордолла, то и дело улыбался.

Провинкара тоже написала несколько строк, сообщая, что Исель получила обещание поддержки её брака с ибранским наследником не только от своего дяди, провинкара Баосии, но и ещё от

трёх провинкаров. У Бергона по прибытии в Шалион будут защитники.

Когда Кэсерил показал принцу эту записку, тот решительно кивнул.

— Отлично. Дело движется.

Они отдыхали на постоялом дворе, когда туда вернулись другие путники с печальной вестью о том, что дорога завалена снегом. Сверившись с картой и со своей памятью, Кэсерил повёл отряд по другой, более крутой и редко используемой дороге, где снега было меньше. До перевала они добрались, но две лошади повредили во время подъёма сухожилия, а марча ди Соулда, который признался, что чувствует себя увереннее на палубе корабля, чем на спине лошади, тошнило всю дорогу и наконец вырвало.

Отряд сбился в кучу, все тяжело дышали. Кэсерил, Бергон и Ферда совещались, в то время как обычно рассудительный ди Соулд смущённо бормотал извинения и протестовал против остановки.

— Может, нам следует сделать привал, развести огонь и попытаться согреть его? — обеспокоенно спросил принц, оглядывая пустынные склоны.

Кэсерил, сам еле державшийся на ногах, ответил:

— Он только выглядит, как будто у него лихорадка, но жара на самом деле нет. Он родом с побережья. Думаю, это не болезнь, а простое недомогание, которое часто случается с людьми, непривычными к высокогорью. И ему полегчает, когда мы спустимся из этого забытого богами скалистого ада.

Ферда, искоса взглянув на него, поинтересовался:

— А как вы себя чувствуете, милорд? Что с вами?

Бергон тоже нахмурился и вопросительно посмотрел на Кэсерила.

— Ничего такого, в чём мне помог бы привал и сидение в этих горах, так что давайте двигаться дальше.

Они снова сели на лошадей и тронулись в путь. Когда позволяла ширина тропы, Бергон держался рядом с ди Соулдом. Измученный моряк вцепился в луку седла с мрачной решимостью. Через полчаса Фойкс тихо охнул и указал на груду камней, отмечавших границу между Иброй и Шалионом. Все повеселели и остановились ненадолго, чтобы добавить туда и своих камней.

Они начали спуск, ещё более медленный и осторожный, чем подъём. Ди Соулду не станови-

лось хуже, что убедило Кэсерила в правильности его диагноза. Самому Кэсерилу не становилось лучше, но он этого и не ждал.

После полудня пересекли долину и очутились в густом сосновом лесу. Воздух здесь казался душистым, пусть даже и пахло всего лишь соснами. Хвойная подстилка под ногами смягчала поступь лошадей. Деревья защищали путников от вездесущего ветра. Через некоторое время уши Кэсерила уловили приглушённый топот копыт впереди — первый человек, встретившийся им на тропе за день. Судя по звуку, он был один и, следовательно, не представлял собой опасности для их отряда.

Всадник оказался седым мужчиной с густыми мохнатыми бровями и растрёпанной бородой, в заляпанном грязью кожаном костюме. Он подскакал к ним и, к удивлению Кэсерила, остановил лошадь, перегородив тропу.

— Я — управляющий замком кастиллара ди Завара. Мы увидели вас, когда вы спускались в долину, — ветер как раз разогнал облака. Мой господин послал меня предупредить вас, что надвигается буря. Он приглашает вас укрыться в его замке, пока погода не улучшится.

Ди Тажиль с удовольствием поблагодарил его

за гостеприимство. Бергон подъехал к Кэсерилу и шёпотом спросил:

— Как думаешь, Кэс, нам стоит принять приглашение?

— Я не уверен… — Тот пытался вспомнить, слышал ли он что-нибудь о кастилларе ди Заваре.

Бергон покосился на ди Соулда, согнувшегося над лукой седла.

— Я бы многое отдал, чтобы он отдохнул под крышей. Нас много, и мы вооружены.

Кэсерил согласился:

— В буран мы далеко не уедем, да ещё и можем сбиться с пути.

Седой управляющий подал голос:

— Смотрите сами, господа. Поскольку мне по весне приходится, кроме всего прочего, подбирать из канав тела замёрзших путников, я бы лично был признателен вам, если б вы приняли приглашение. Думаю, буран кончится только к утру.

— Ну что ж, я рад, что мы по крайней мере успели спуститься до его начала. Да, — решил Бергон. И повысил голос: — Мы крайне признательны вам, сэр, и принимаем щедрое предложение вашего господина.

Управляющий поклонился и, развернув ло-

шадь, поехал впереди, указывая дорогу. Примерно через милю он свернул налево и провёл отряд Кэсерила по узкой тропе между высокими густыми соснами. Сначала тропка вела вниз, а потом пошла в гору. Кэсерил слышал вдалеке звуки хлопающих крыльев и карканье ворон, и это будило в нём приятные воспоминания.

В сером свете дня перед ними предстала вскоре довольно маленькая обветшавшая крепость, сложенная из местного камня. Над трубами вился приветливый дымок.

Отряд въехал под каменную арку во внутренний двор, выложенный каменными плитами. Прямо напротив въезда располагались конюшни, рядом виднелась дверь, ведущая в дом. Двор был заставлен хозяйственной утварью, бочками и прочими полезными вещами. Стены конюшни были обиты оленьими шкурами. Несколько человек — слуги, грумы или стражники, а может, и все сразу — двинулись помочь гостям и принять их лошадей и мулов. Вдруг у Кэсерила расширились глаза и перехватило дыхание — он увидел с полдюжины свеженьких призраков, беспокойно круживших над двором.

То, что призраки эти образовались совсем недавно, явствовало из наличия у них чётких се-

рых очертаний, повторявших форму утраченных тел: Кэсерил разглядел трёх мужчин, женщину и плачущего мальчика. Призрак женщины указал на седого управляющего, белое пламя вырвалось из его рта молчаливым криком.

Кэсерил придержал коня и, оказавшись рядом с Бергоном, наклонился и прошептал:

— Это ловушка. Приготовь оружие. Передай дальше.

Бергон обернулся к подъехавшему ди Тажилю, который, в свою очередь, наклонился и передал предостережение двум своим грумам. Кэсерил притворно улыбался и, словно случайно, очутился рядом с Фойксом; он поднёс ладонь ко рту, будто стараясь скрыть зевок, и тихо предупредил юношу. Силы были примерно равны. Глаза Кэсерила обежали присутствующих. Здоровенный детина, прислонившийся к стене у ворот, словно невзначай покачивал в руке арбалет. Всё бы ничего, но арбалет был взведён. Кэсерил снова повернулся к Бергону, встав так, чтобы оказаться между ним и воротами.

— Берегись лучника, — выдохнул он. — Наклонись.

Призраки метались по двору, указывая на скрывавшихся за бочками и телегами, прятавшихся

в конюшне и ожидавших сразу за дверью в дом людей. Седой сделал знак одному из слуг, и ворота захлопнулись. Кэсерил повернулся в седле и сунул руку в седельную сумку. Сначала пальцы его нащупали шёлк, затем — холодные, гладкие жемчужины. Он не заложил подарок Дондо, будучи в Загосуре, — жемчуг вблизи от своей колыбели стоил очень дёшево. И теперь, вытащив длинное блестящее ожерелье, он набросил его на шею и что есть силы рванул нить. Жемчужины посыпались на плиты двора и, подскакивая, покатились в разные стороны. Окружавшие их слуги вздрогнули, рассмеялись и бросились ловить сверкающие горошинки. Кэсерил взмахнул рукой и крикнул:

— Давай!

Седой командир, который, похоже, собирался издать такой же клич, несколько опоздал. Люди Кэсерила первыми обнажили клинки и бросились на растерявшихся врагов. Кэсерил чуть не вывалился из седла, спрыгивая на землю, но в последний момент уклонился от вонзившейся в луку стрелы. Его лошадь встала на дыбы и помчалась прочь, а он выхватил меч из ножен, ожидая нападения.

Фойкс, да благословят боги мальчишку, ухит-

рился достать свой арбалет и спокойно, не обращая внимания на кричавших вокруг людей и мечущихся коней, разрядить его в парня, собиравшегося стрелять. Один из призраков-мужчин промчался перед внутренним взором Кэсерила и указал на тёмную тень другого лучника, крадущегося вдоль крыши галереи. Кэсерил хлопнул Фойкса по плечу и крикнул:

— Наверху!

Фойкс повернулся и выстрелил как раз в тот момент, когда второй лучник высунул голову. Кэсерил готов был побиться об заклад, что призрак пытается руководить схваткой. Фойкс нагнулся и перезарядил арбалет.

Кэсерил обернулся в поисках врага и увидел, что враг сам ищет его. В дверях, ведущих в дом, показалась до боли знакомая фигура — сьер ди Джоал, прихвостень ди Джиронала; в последний раз Кэсерил видел его в Кардегоссе. Кэсерил поднял меч как раз вовремя, чтобы отразить первый яростный удар. Живот скрутило мучительным спазмом; казалось, внутренности завязываются в узел. Противники двинулись по кругу, не отрывая глаз друг от друга.

Невыносимая боль вытягивала все силы из руки Кэсерила, ему хотелось сложиться вдвое;

следующий удар он отбил с трудом и ответный нанёс едва ли не механически. Рядом женщина-призрак свилась в клубочек. Она — или это была жемчужина? Или и то и другое? — каким-то образом нырнула под сапог ди Джоала. Ди Джоал поскользнулся и, стремясь удержать равновесие, откинулся назад, затем резко наклонился вперёд. Кончик меча Кэсерила вошёл ему в горло, коротко хрустнули шейные позвонки.

От меча по руке словно прокатилась волна ужаса. Теперь не только живот, но и всё тело его сводило нечеловеческой болью, зрение затуманилось и померкло. Дондо внутри завопил от радости. Демон смерти встрепенулся — Кэсерилу показалось, что под веками заполыхал белый огонь, жадный и безжалостный. Кэсерил зашатался, его вырвало. Меч выскользнул из рук и упал на землю; ди Джоал рухнул к его ногам, в тёмную лужу густой горячей крови.

Кэсерил не помнил, как сам упал на колени; он скорчился, упираясь руками в обжигающе холодные каменные плиты.

Тело била неудержимая дрожь, не давая подняться. В наполненном слюной рту он чувствовал горечь. На кончике лежавшего на камнях меча дымилась, постепенно чернея, кровь ди Джо-

ала. Приступы тошноты сводили вздувшийся, пульсирующий живот. Дондо, завыв и застонав в бессильной ярости разочарования, начал затихать. Демон тоже успокоился, снова устроился на своём месте, словно подстерегающий добычу кот. Кэсерил сжал и снова разжал руку, чтобы убедиться, что ещё владеет своим телом.

Вот так, значит. Демону смерти всё равно, чьи именно души заполнят его вёдра, главное, чтобы их было две. Душа Кэсерила и душа Дондо или душа Кэсерила и какого-то другого убийцы (или жертвы — Кэсерил не был уверен, да и вряд ли это имело какое-то значение в данной ситуации). Дондо же явно надеется занять тело своего врага, предоставив демону душу одного Кэсерила. Желает остаться, так сказать, во плоти. Таким образом, цели Дондо несколько расходятся с целями демона. Демон будет рад, если Кэсерил просто умрёт. Дондо жаждет убийства.

Лёжа на камнях совершенно без сил, Кэсерил чувствовал, как под веками собираются слёзы. Он услышал, что шум вокруг затихает. Чья-то рука дотронулась до его локтя. Встревоженный голос Фойкса спросил:

— Милорд? Милорд, вы ранены?

— Нет… не оружием, — выдавил Кэсерил. Под-

няв голову, он моргнул и потянулся за мечом, но тут же отдёрнул руку и изумлённо уставился на обожжённые пальцы. Сталь была горячей. С другой стороны подошёл Ферда, и братья вдвоём помогли ему подняться на ноги. Кэсерил стоял, всё ещё сотрясаясь от дрожи.

— Вы уверены, что всё в порядке? — недоверчиво спросил Ферда. — Та темноволосая леди в Кардегоссе обещала, что принцесса отрежет нам уши, если мы не привезём вас обратно живым.

— Да, — поддакнул Фойкс, — а *она* заберёт себе наши оставшиеся шкуры и натянет на барабан.

— Ваши шкуры пока в безопасности. — Кэсерил потёр слезящиеся глаза и, кое-как выпрямившись, огляделся по сторонам. Грум с сержантской выправкой прохаживался с обнажённым мечом около полудюжины лежавших на земле лицом вниз врагов. Ещё три бандита, стонущие в крови, сидели, прислонясь спинами к стене конюшни. Другой сержант подтаскивал к ним тело мёртвого лучника.

Кэсерил посмотрел на ди Джоала. Они не обменялись ни единым словом за эту короткую встречу. Кэсерил очень жалел, что его меч пронзил *лживое* горло головореза. Его присутствие здесь говорило о многом, но ничего не подтвер-

ждало. Был ли он посланцем ди Джиронала или действовал сам по себе?

— Где главарь? Я хочу его допросить.

— Вон там, милорд, — показал Фойкс, — но, боюсь, он ничего не скажет.

Бергон отъехал от неподвижного тела — увы, это был седой управляющий.

Ферда смущённо пробормотал виноватым голосом:

— Он неистово дрался и не собирался сдаваться. Он ранил двух наших грумов, и Фойкс был вынужден уложить его из арбалета.

— Вы думаете, это был настоящий управляющий, милорд? — добавил Фойкс.

— Нет.

Бергон, держа меч в руке, подошёл к Кэсерилу и озабоченно спросил:

— Что нам теперь делать, Кэс?

Призрак женщины, немного успокоившийся, теперь настойчиво звал Кэсерила к воротам. Один из призраков-мужчин с той же настойчивостью указывал на дверь в дом.

— Я… я сейчас.

— Что? — переспросил Бергон.

Кэсерил отвёл глаза от того, что видел только он один.

— Заприте их, — он кивнул на уцелевших противников, — в стойле и поставьте охрану. Всех вместе, раненых тоже. Мы займёмся ими потом, сначала нужно перевязать наших. Затем послать кого-нибудь всё здесь осмотреть. Может, здесь что-то спрятано. Или… или кто-то. Или… ну, не знаю. — Он снова посмотрел в сторону ворот, где его ждала женщина-призрак. — Фойкс, возьми оружие и следуй за мной.

— Может, нам взять ещё людей, милорд?

— Нет, не думаю…

Оставив Бергона и Ферду обыскивать крепость, Кэсерил наконец пошёл к воротам. Фойкс последовал за ним, удивлённо глядя, как его лорд, не колеблясь, свернул на тропинку, ведущую в сосновую рощу. Карканье ворон становилось всё громче. Кэсерил обхватил себя за плечи. Тропинка вывела к краю оврага.

— Ад Бастарда, — потрясённо прошептал Фойкс. Он опустил арбалет и осенил себя священным знаком.

Они нашли тела.

Трупы лежали внизу, в овраге, на куче скопившихся за годы кухонных отбросов и навоза из конюшен — один молодой мужчина, двое постарше. В этом удалённом от городов местечке

было невозможно отличить слугу от господина по одежде, так как почти все носили кожаные и шерстяные вещи. Женщина средних лет, обнажённая, мальчик лет пяти — оба изуродованные и, возможно, изнасилованные. Тела сбросили в овраг примерно день назад, решил Кэсерил, судя по тому, что успели сделать с ними вороны. Призрак женщины беззвучно всхлипывал, призрак-ребёнок прижался к ней и плакал. Они не были отвержены богами, просто растерялись, ещё не осознали своей смерти и не могли найти путь без соответствующей церемонии.

Кэсерил встал на колени и прошептал:

— Леди. Если я жив и нахожусь здесь, то и ты тоже. Дай упокоение этим бедным душам.

Выражение лиц призраков резко изменилось, из печального сделавшись удивлённым; бестелесные формы засияли, как солнечные лучи в высоких перистых облаках, затем исчезли.

Простояв так с минуту, Кэсерил сказал:

— Помоги мне встать, пожалуйста.

Сбитый с толку Фойкс поднял его, поддерживая под локоть. Кэсерил повернулся и пошёл обратно.

— Милорд, может, поищем вокруг? Вдруг ещё кто остался?

— Нет, это всё.

Фойкс молча последовал за ним.

Во дворе они увидели выходивших из главных дверей здания Ферду и вооружённого грума.

— Нашли кого-нибудь ещё? — спросил Кэсерил.

— Нет, милорд.

Рядом с дверью всё ещё летал призрак молодого мужчины, хотя его светящееся тело, казалось, вот-вот исчезнет, словно унесённый ветром дымок. Он дрожал, будто в агонии, призывая Кэсерила войти. Что за дело не давало ему броситься в распахнутые объятия богини и удерживало в этом мире?

— Да-да, я иду, — сказал ему Кэсерил.

Призрак скользнул внутрь, Кэсерил махнул рукой Фойксу и Ферде, непонимающе таращившимся на него, чтобы шли за ним. Пройдя через холл по коридору, затем через кухню и вниз по тёмной деревянной лестнице, они обнаружили каменную стену кладовки.

— Вы здесь смотрели? — спросил Кэсерил, обернувшись.

— Да, милорд, — ответил Ферда.

— Дайте больше света. — Он внимательно посмотрел на призрак, который теперь возбуж-

дённо кружил по комнате по всё сужающейся спирали. — Отодвиньте бочки.

Фойкс откатил бочки в сторону. Ферда вернулся из кухни с подсвечником, в котором ярким пламенем горели несколько толстых свечей. Под бочками на полу они обнаружили крышку люка с массивным железным кольцом посередине. Кэсерил снова сделал знак Фойксу; юноша ухватился за кольцо и, потянув, сдвинул крышку в сторону — под ней уходили вниз узкие ступеньки. Из темноты донёсся слабый крик.

Призрак наклонился к Кэсерилу, словно целуя его лоб, ладони и ноги, затем устремился в вечность. Голубое сияние ещё мгновение сохранялось перед внутренним взором и исчезло. Ферда с подсвечником в одной руке и мечом в другой начал осторожно спускаться по лесенке.

В подвале послышались шум и голоса. Вскоре Ферда высунулся из люка и помог выбраться растрёпанному толстому старику с лицом, покрытым синяками и кровоподтёками. За ним один за другим, плача от радости, выбралась ещё дюжина избитых людей.

Освобождённые узники тут же принялись засыпать Ферду и Фойкса вопросами и рассказами о происшедших событиях. Кэсерил скромно стоял

в сторонке, прислонившись к бочке, и мысленно складывал воедино все детали головоломки. Толстый старик оказался настоящим кастилларом ди Заваром, обезумевшая от перенесённых переживаний пожилая женщина — его женой, а двое подростков — сыном и дочерью (как подумал Кэсерил, девочка была невероятно худой). Остальные были слуги и приживалы.

Ди Джоал и его отряд прибыли к ним вчера и поначалу казались обычными путниками, хотя и вели себя довольно грубо и невежливо. Когда они стали приставать к кухарке кастиллара, её муж вместе с настоящим управляющим пришли женщине на помощь и попытались выпроводить беспокойных гостей, тогда те обнажили оружие. В обычаях этого дома было давать кров припоздневшимся или попавшим в непогоду путникам. Никто здесь никогда раньше не видел ни ди Джоала, ни кого-нибудь из его людей.

Старый кастиллар ухватил Ферду за плащ.

— Мой старший сын… он жив? Вы видели его? Он бросился на помощь управляющему…

— Это был молодой человек, примерно такого же возраста, как они, — Кэсерил указал на братьев ди Гьюра, — одетый в такие же кожаные и шерстяные одежды, как на вас?

— Да… — Лицо старика побледнело от недоброго предчувствия.

— О нём сейчас заботятся боги, ему там хорошо, — искренне сказал Кэсерил.

Известие было встречено горестными воплями. Кэсерил устало поднялся по ступенькам на кухню; освобождённые пленники рассыпались по дому и двору, начали перевязывать своих раненых и наводить порядок.

— Милорд, — шепнул Ферда Кэсерилу, когда тот задержался на минутку погреться у кухонного очага, — вам уже доводилось бывать здесь?

— Нет.

— А как же вы… я ничего не слышал, когда мы спустились сюда. И эти бедняги остались бы умирать от голода и жажды, сходя с ума в темноте. Что же здесь произошло на самом деле?

— Думаю, люди ди Джоала во всём сознаются ещё до утра. — Кэсерил мрачно усмехнулся. — Мне и самому интересно кое-что у них выяснить.

Кэсерил с радостью избавился от пленных, передав их в руки хозяев. Головорезы очень быстро рассказали свою часть истории. Они были из случайно собравшейся шайки, в которую входили несколько разжалованных солдат, подчиняв-

шихся покойному седому, и местные наёмники. Ди Джоал приехал к ибранской границе один и подобрал их в городке неподалёку, где они промышляли то охраной путешественников, то грабежом. Наёмники и привели отряд в Завар.

Бандиты знали только, что ди Джоал приехал в поисках человека, который будет возвращаться из Ибры через перевал. Они не ведали, кем на самом деле был их наниматель, хотя о манерах его и придворной одежде отзывались презрительно. Кэсерил понял, что ди Джоал не имел власти над столь поспешно нанятыми им людьми. Когда приставания к кухарке обернулись кровавой стычкой, у него не хватило ни сил, ни твёрдости остановить своих подчинённых и призвать их к порядку.

Смущённый Бергон отвёл Кэсерила в сторону от места, где шёл допрос.

— Кэс, эти ни в чём не повинные люди пострадали из-за меня?

— Нет, принц, я совершенно уверен, что ди Джоал ожидал встретить только меня — посланца Исель. Канцлер уже давно пытается уволить меня со службы у принцессы, и если не подвернётся лучший способ сделать это, он меня попросту тайно прикончит. Как жаль, что я убил этого

глупца! Я многое бы отдал, чтобы узнать, что именно уже известно ди Джироналу.

— А вы уверены, что это канцлер устроил западню?

Кэсерил поколебался.

— У ди Джоала со мной были свои счёты, но… во дворце знали только, что я отбыл в Валенду. О моём истинном маршруте ди Джоалу мог сообщить только ди Джиронал. Наверняка канцлер получил донесения от своих шпионов в Ибре, ему кое-что известно о наших намерениях, но надеюсь, немногое. Ди Джоала отправили остановить меня. И наверняка не его одного. За ним следует кто-то ещё.

— Как скоро мы с ними столкнёмся?

— Не знаю. Ди Джиронал командует орденом Сына; он может послать войска, как только придумает для этого достаточно вескую причину.

Бергон задумался, постукивая ножнами меча по сапогу и хмуро глядя в прояснившееся небо. На западе, на фоне зеленоватого сияния темнела горная гряда, над головой показались первые звёзды. Слова седого о том, что будет буран, не подтвердились, на эту выдумку его, видимо, сподвиг слабый дневной снегопад.

— Луна почти полная и взойдёт к полуночи.

Если мы будем скакать день и ночь, то сможем пересечь эти беспокойные края до того, как ди Джироналу удастся прислать сюда кого-нибудь ещё.

Кэсерил кивнул.

— И пусть его люди стерегут границу, которую мы уже пересекли. Отличная мысль.

Бергон с сомнением посмотрел на друга.

— Но… ты сможешь скакать, Кэс?

— Я лучше буду скакать, чем драться.

Бергон согласно вздохнул.

— Да.

* * *

Горюющий, но благодарный кастиллар ди Завар сделал всё, чтобы помочь Кэсерилу и его людям. Бергон решил оставить мулов, раненых грумов и пострадавших лошадей здесь, чтобы ехать далее налегке. Ферда отобрал самых быстрых и сильных лошадей и проследил, чтобы они хорошо отдохнули перед дорогой и были вычищены, накормлены и напоены. Марч ди Соулд после нескольких часов отдыха вполне оправился и настаивал на том, что будет сопровождать принца. Ди Сембюр сломал руку во время схватки, несколько его ран кровоточили — он решил

остаться с багажом и грумами и помогать ди Завару, пока раненые не будут готовы двинуться дальше.

Судить пленных Кэсерил с облегчением предоставил их жертвам. Выехав в полночь, можно было избежать присутствия при повешении разбойников на рассвете. Кэсерил оставил часть жемчуга Дондо кастиллару ди Завару и сложил оставшийся обратно в седельную сумку.

И, как только луна поднялась из-за холмов впереди, залив заснеженную долину жидким желтоватым светом, отряд принца снова выехал на дорогу. Теперь им предстояло ехать не сворачивая до самой Валенды.

Глава 24

Они возвращались по тому же пути, по которому Кэсерил ехал в Ибру — через западный Шалион, — меняя лошадей на маленьких сельских постах ордена Дочери. На каждой остановке он с тревогой спрашивал, нет ли новых шифрованных посланий от Исель или каких-нибудь новостей из Валенды, что помогло бы им прояснить ситуацию и избрать на подступах к цели верную тактику. Но писем не было, и беспокойство Кэсерила всё возрастало. Согласно прежнему плану, предполагалось, что Исель будет ожидать их в доме своей бабушки и матери, под защитой баосийской гвардии дяди. Кэсерил боялся, что этот план рухнул.

Они остановились ранним вечером в деревушке Пальма, за двадцать пять миль от Валенды. Местность вокруг славилась своими пастбищами; здешний пост Дочери занимался разведением и обучением лошадей для храма. Кэсерил был уверен, что здесь они без труда обменяют своих уставших коней на свежих. И молился о каких-нибудь известиях.

Он сполз с лошади на землю кулём, словно его

тело было вырублено из единого куска дерева. Ферда и Фойкс вдвоём поддерживали его, пока Кэсерил, неуклюже переставляя ноги, ковылял по двору поста. Братья привели его в скромную комнату с ярко пылавшим в каменном очаге огнём. Простой сосновый стол был наспех освобождён от чьей-то партии в карты. Дедикат, комендант поста — старший представитель Дочери здесь, — заторопился к ним навстречу; похоже, их ждали. Дедикат неуверенно глянул на ди Тажиля и ди Соулда, затем повернулся к Бергону — все они от самой границы в целях безопасности путешествовали в одежде грумов. Комендант смутился и рассыпался в извинениях, когда ему представили принца, и отправил лейтенанта за едой и питьём для высоких гостей.

Кэсерил сидел за столом в мягком кресле — великое блаженство после седла! — а комната безостановочно вращалась вокруг него. Он начинал чувствовать такое же отвращение к лошадям, как и к кораблям. Голова у него была как будто набита ватой, а тело, казалось, не могло и пошевельнуться. Он перебил обмен любезностями, хрипло прокаркав:

— Есть что-нибудь из Валенды? Какие-то новости об Исель?

Ферда вложил в его руку стакан с разбавленным вином, и Кэсерил выпил одним глотком сразу половину.

Комендант понимающе закивал, поджал губы.

— Канцлер ди Джиронал на прошлой неделе прислал в город ещё тысячу человек. Другая тысяча разбила лагерь у реки. Они патрулируют окрестности, разыскивая вас. Дважды заезжали сюда. Валенда — в руках ди Джиронала.

— Здесь нет никого из людей провинкара ди Баосия?

— Есть два отряда, но силы канцлера во много раз превосходят их по численности. Во время похорон принца Тейдеса никто не стал бы ввязываться в бой, и после они уже не осмелились.

— Вы получали известия от марча ди Паллиара?

— Обычно он привозил письма, но вот уже пять дней, как у нас нет никаких сведений о принцессе. Ходят слухи, что она очень больна и никого не принимает.

Глаза Бергона тревожно расширились. Кэсерил потёр ноющие виски.

— Больна? Исель? Ну… может быть… А может, этот слух распускают нарочно…

Неужто его письма попали в чужие руки? Он

опасался, что им придётся либо похитить Исель из Валенды, либо освободить силой оружия. Желательно первое. Он не продумал, что делать, если Исель будет настолько больна, что не сможет, к примеру, ехать верхом, когда это понадобится.

В его затуманенную голову пришла безумная мысль — может, Бергон как-нибудь проберётся к ней по крышам и балконам, подобно романтическому любовнику. Но нет. Ночь тайной любви может разрушить проклятие, отправить его из этого мира обратно к богам, но вот какое чудо избавит от двух тысяч очень даже реальных солдат?

— Орико жив? — спросил он наконец.

— Да, насколько нам известно.

— Сегодня мы уже ничего не сделаем. — Он не стал бы доверять ни единому плану из тех, которые мог сейчас придумать его измученный мозг. — Завтра Фойкс, Ферда и я отправимся в Валенду пешком, под видом бродяг. Если по дороге мы столкнёмся с какими-то трудностями, повернём в Тарион, к провинкару ди Баосия, и вместе придумаем новый план.

— Вы сможете идти, милорд? — спросил Фойкс с сомнением в голосе.

В данный момент Кэсерил не был уверен, что сможет даже стоять. Он беспомощно взглянул на Фойкса, усталого, но жизнерадостного, даже скорее розового, чем серого, после многих дней в седле. Молодость. Да…

— К завтрашнему дню смогу. — Он потёр лицо. — Люди ди Джиронала понимают, что они не телохранители, а тюремщики? Что их фактически толкают на государственную измену, покушаясь на права законной наследницы?

Дедикат откинулся на спинку стула и развёл руками.

— Слухи разрастаются как снежный ком. Все говорят, что принцесса отправила посланца в Ибру договориться о браке с новым наследником. — Он поклонился Бергону, принося свои извинения.

Вот такая секретная миссия. Кэсерил прикинул возможные политические партии и альянсы в Шалионе: Исель и Орико против ди Джиронала — чудесно, Исель против ди Джиронала и Орико… крайне опасно.

— Эту новость принимают по-разному, — продолжал комендант. — Леди одобряют, им мерещится романтическая история, поскольку говорят, что принц Бергон отважен и красив. Более пессимистично настроенные головы опа-

саются, что Исель может продать Шалион Лису, так как она… э-э… юна и неопытна.

«Другими словами, глупа и легкомысленна. Пессимистам предстоит ещё многое узнать».

Губы Кэсерила растянулись в холодной усмешке.

— Нет, — пробормотал он. — Этого мы не сделали.

Он вдруг понял, что обращается к своим коленям, лоб как-то незаметно для него уткнулся в стол. Примерно через минуту голос Бергона тихо прошептал Кэсерилу на ухо:

— Кэс? Ты не спишь?

— М-м…

— Не хотите ли лечь в постель, милорд? — после ещё одной паузы спросил дедикат.

— М-м…

Он слабо застонал, когда сильные руки подхватили его и поставили на ноги. Ферда и Фойкс… ведут куда-то. О, какая жестокость. Стол был такой мягкий… Кэсерил не помнил, как очутился в постели.

Кто-то тряс его за плечо.

Омерзительно радостный голос орал в ухо:

— Вставай! Пора в путь, Капитан Солнце!

Он вздрогнул и вцепился в одеяло. Хотел было

сесть, но передумал. С трудом расклеив тяжёлые веки, Кэсерил моргал, пока глаза не привыкли к свету свечи. И наконец узнал голос.

— Палли! Ты жив! — попытался радостно крикнуть Кэсерил. Что ж, кажется, его даже можно было услышать. — Сколько времени? — Он снова решил сесть и упёрся в постель локтем. Похоже, Кэсерил находился в спальне коменданта — скромной, просто обставленной комнате.

— До рассвета ещё примерно час. Мы скакали всю ночь. Исель послала меня разыскать тебя. — Палли поднял руку со свечой повыше; из-за его плеча выглядывали встревоженные Бергон и Фойкс. — Демоны Бастарда, Кэс, на кого ты похож? Краше в гроб кладут!

— Это я уже слышал.

Кэсерил снова лёг. Палли здесь… Палли здесь, и всё хорошо. Он может спихнуть на него Бергона и всё своё бремя, лежать и не вставать. Умереть в мире, покое и одиночестве, забрав с собой из этого мира Дондо.

— Возьми принца Бергона и его людей и отвези их к Исель. Оставь меня…

— Чтобы тебя нашли патрули ди Джиронала? Ещё не хватало… я дорожу своим будущим положением при дворе. Исель хочет видеть тебя

живым и невредимым в Тарионе!

— В Тарионе? Не в Валенде? — Он заморгал. — В безопасности? — Теперь он действительно собрался с силами и сел, потом встал на ноги и, тяжело осев на край кровати, потерял сознание.

Когда тьма рассеялась, Кэсерил увидел Бергона с округлившимися глазами, который поддерживал его за плечи.

— Опусти голову вниз и посиди, — посоветовал Палли.

Кэсерил послушно согнулся над своим терзаемым болью животом. Если Дондо навещал его прошлой ночью, то не застал дома. Призрак пинал его во сне несколько раз — по крайней мере так ему показалось. Пинал изнутри.

Бергон тихо сказал:

— Вчера, когда мы приехали, он ничего не ел. Он просто падал, и мы перенесли его в постель.

— Правильно. — Палли жестом что-то приказал Фойксу, тот кивнул и выскользнул за дверь.

— Тарион? — пробубнил Кэсерил себе в колени.

— Ага. Она улизнула от двухтысячной армии ди Джиронала. Улизнула! Ну, сначала её дядя, ди Баосия, вывел своих людей и отправился домой. Эти идиоты дали ему уйти! После этого Исель

пять дней кряду выезжала верхом покататься — каждый раз в сопровождении эскорта из всадников канцлера — и гоняла их так, что они были едва живы. Люди канцлера были совершенно уверены, что Исель попытается бежать с одной такой верховой прогулки. Так что когда она и леди Бетрис на шестой день отправились гулять пешком в сопровождении пожилой леди ди Хьюлтер, охранники позволили им пойти одним. Я ждал с двумя осёдланными лошадьми и двумя женщинами наготове, которые обменялись плащами с Исель и Бетрис и вернулись вместо них с леди ди Хьюлтер. Мы скакали так быстро… Старая провинкара взялась покрывать побег внучки и заявила, что Исель больна и находится в покоях матери. Держу пари, принцесса была уже в безопасности в Тарионе, прежде чем в Валенде стало известно о её побеге. Но, пятеро богов, как скачут эти девушки! Шестьдесят миль по бездорожью, от заката до рассвета, при полной луне! И только один раз сменив лошадей!

— Девушки? — переспросил Кэсерил. — Леди Бетрис тоже в Тарионе?

— О да. Они обе щебетали как птички, когда я уезжал. Я даже почувствовал себя стариком.

Кэсерил стрельнул глазами в Палли, который

был на пять лет моложе его, и не ответил на эту фразу.

— А сьер ди Феррей… провинкара, леди Иста?

Палли посерьёзнел.

— Остаются заложниками в Валенде. Знаешь, они все убеждали девушек ехать.

— Да.

Фойкс принёс на подносе миску с бобовой похлёбкой, горячей и ароматной, а Бергон собственноручно поправил подушки и помог Кэсерилу устроиться поудобнее. Кэсерил думал, что голоден как волк, но нашёл в себе силы проглотить только несколько ложек. Палли мудро рассудил, что ехать лучше в темноте, пока не взошло солнце, чтобы в сумерках не могли рассмотреть, сколько их скачет. Кэсерил посопротивлялся для порядка, но потом позволил Фойксу помочь ему одеться. Его страшила перспектива снова оказаться в седле.

Во дворе их ожидал эскорт — дюжина людей из ордена Дочери, приехавших с Палли из Тариона. Между сёдлами двух лошадей были прикреплены носилки. Кэсерил поначалу возмутился и с негодованием отверг предложение взгромоздиться на них и ехать лёжа, но затем поддался на уговоры и убедительные доводы Бергона. Кавалькада тро-

нулась в путь в серой предрассветной дымке. На разбитых окольных дорогах и узких петляющих тропках носилки немилосердно трясло и качало. Через полчаса Кэсерил запросил пощады, решив всё-таки пересесть на лошадь. Кто-то догадался захватить с собой для этой цели спокойного, с лёгкой поступью иноходца; Кэсерил вцепился в луку седла, решительно настроившись выдержать весь этот убийственный путь в обход Валенды с войсками ди Джиронала и далее дорогу на Тарион, которая обещала быть получше.

Днём они спустились с поросшего лесом склона холма на открытое место, и Палли поехал рядом с другом, время от времени бросая на него любопытные изучающие взгляды. Наконец он спросил:

— Говорят, ты творил какие-то чудеса с мулами?

— Не я — богиня. — Кэсерил скривил губы в ухмылке. — Похоже, она поступила как хотела.

— Ещё мне рассказали, как ты расправился с разбойниками.

— Нас было куда больше, и мы были хорошо вооружены. Если бы не приказ ди Джоала, они не осмелились бы напасть на нас.

— Ди Джоал был одним из лучших клинков

ди Джиронала. Фойкс говорит, ты уложил его в считанные секунды.

— Это вышло по ошибке. Я не хотел его убивать. Кроме того, он поскользнулся.

Теперь ухмыльнулся Палли.

— Знаешь, тебе не обязательно трубить об этом направо и налево. — Он посмотрел вперёд и после небольшой паузы добавил: — Так, значит, тот ибранский мальчик на галере, за которого ты заступился, был сам Бергон.

— Да. Как выяснилось, это был именно он, похищенный людьми своего сводного брата. Теперь мне понятно, почему ибранский флот так отчаянно преследовал нас.

— Неужели ты даже не догадывался, кто он такой, — ни тогда, ни потом?

— Нет. У него… такая выдержка, я и представить не мог. Одно это уже делает его достойным уважения и говорит о том, каким сильным реем он может стать в своё время.

Палли посмотрел туда, где рядом с ди Соулдом скакал Бергон, и осенил себя священным кинтарианским знаком.

— Боги на нашей стороне, я уверен. Мы можем проиграть?

Кэсерил горько усмехнулся.

— Да. — Он подумал об Исте, Умегате, безъязыком груме. Об игре со смертью, в которую он оказался втянутым. — И когда мы проиграем, боги проиграют вместе с нами.

По крайней мере Исель была в безопасности, под защитой своего дяди; как наследница, она могла привлечь на свою сторону немало честолюбивых людей. У Исель будет достаточно сторонников, не считая самого Бергона, чтобы защитить её от врагов… хотя в будущем ей не помешали бы и мудрые советники, чтобы защитить и от друзей… А что может избавить от грядущих опасностей Бетрис?

— У тебя была возможность по дороге в Валенду, да и потом поближе познакомиться с леди Бетрис? — обратился он к Палли.

— О да.

— Замечательная девушка, правда? Ты разговаривал с её отцом, сьером ди Ферреем?

— Да, честнейший человек.

— Это точно.

— Она очень беспокоится о нём сейчас, — добавил Палли.

— Да, могу себе представить. Как и он о ней… они оба заботятся друг о друге. Если… если всё пойдёт хорошо, она станет фавориткой буду-

щей рейны. Такое политическое влияние стоит большего, чем обычное приданое, даже и очень богатое. Умный, проницательный мужчина это поймёт.

— Несомненно.

— Она умна, энергична…

— Отлично ездит верхом. — Тон Палли стал странно сухим.

Кэсерил проглотил комок в горле и, пытаясь заставить свой голос звучать непринуждённо, выдавил:

— А ты не видишь её будущей марчессой ди Паллиар?

Палли печально скривил рот.

— Боюсь, что эти виды безнадёжны. По-моему, она положила глаз на другого мужчину. Судя по всем тем вопросам, которые она о нём задавала.

— Да? Кто он? — Кэсерил безуспешно старался убедить себя, что Бетрис влюблена в… ну, скажем, ди Ринала или кого-то ещё из придворных Кардегосса. Гм… Большинство из них так легкомысленны… мало кто обладает влиянием или состоянием, а о мозгах и говорить не приходится. Кэсерил пришёл к выводу, что никто из них не годится для Бетрис.

— Это секрет. Но я считаю, что тебе следует

спросить её об этом по прибытии в Тарион. — Палли улыбнулся и послал коня вперёд.

Кэсерил задумался над словами и улыбкой друга, потом вспомнил и о белой меховой шапке, бережно хранимой им в седельной сумке.

«Женщина, которую ты любишь, любит тебя?»

А разве он когда-нибудь по-настоящему сомневался в этом? Но, увы, слишком много горьких обстоятельств, кои обращают сладость этих подозрений в тоску и печаль.

«Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно».

В обмен на её верность он может дать ей только горе; его гроб будет слишком узким и тесным, чтобы предложить его в качестве брачного ложа. И всё-таки эта мысль была единственным светлым пятном среди зловещей тени смерти — всё равно что найти уцелевшего после кораблекрушения человека или цветок, разворачивающий лепестки на пепелище. Однако… однако ей нужно пересилить своё пагубное влечение к нему. А он должен помочь ей в этом. Он должен проявить величайшую выдержку, чтобы не поощрять её чувств. Интересно, удастся ли сблизить её с Палли, если выдать это за последнюю волю умирающего?

В пятнадцати милях от Тариона их встретил большой отряд баосийцев. У них были ручные носилки и достаточно людей для смены носильщиков. Слишком измученный, чтобы чувствовать что-либо, кроме благодарности, Кэсерил без протестов позволил себя уложить. Завернувшись в пуховое одеяло, упокоив больную голову на мягких подушках, он даже проспал два часа под мерное покачивание. Время от времени он просыпался и видел, как темнеющие зимние пейзажи проплывают мимо, подобно сну.

Значит, вот что это такое — умирать. Что ж, лёжа совсем неплохо.

«Но, пожалуйста, позвольте мне дожить до того момента, когда будет снято проклятие с Исель. Я так хочу это увидеть!»

Любой сказал бы, окинув взором пройденный путь, что работа была проделана огромная.

«Это была моя жизнь, и я успел достаточно».

Он не просил ничего, только бы увидеть завершение того, что начал: свадьбу Исель и надёжное убежище для Бетрис. Если боги даруют ему исполнение этих двух желаний, он может уйти спокойно.

«Я устал».

Они вошли в ворота Тариона — столицы

провинции Баосия — через час после заката. Любопытные горожане выглядывали из окон посмотреть на процессию, торопились на балконы, чтобы получше рассмотреть гостей, многие шли рядом, освещая путь факелами. Женщины бросали цветы, которые ибранские спутники Бергона после первоначального замешательства стали ловить на ходу, чему немало способствовала меткость бросавших. Юные лорды посылали в ответ воздушные поцелуи, вызывавшие среди горожанок перешёптывание и хихиканье, особенно на балконах. Неподалёку от центра города Бергон и его друзья, сопровождаемые Палли, свернули к дворцу богатого и влиятельного марча ди Уэста — одного из главных советников и соратников провинкара и, что не было простым совпадением, его шурина. А баосийские гвардейцы пронесли носилки Кэсерила в ворота нового, недавно выстроенного дворца провинкара, расположенного вблизи от крепости, которую разрушило время. Прижимая к себе бесценные седельные сумки, содержавшие будущее двух государств, Кэсерил прошёл за управляющим в тёплую спальню с весело пляшущим в камине огнём. Горело множество светильников, гостя поджидали двое слуг, готовая ванна, обилие горячей воды, мыло,

ножницы и полотенца. Третий слуга принёс на подносе мягкий белый сыр, фруктовые пирожные и горячий травяной чай. Кто-то, явно не понадеявшись на гардероб Кэсерила, положил на кровать смену одежды — траурный костюм, бельё, серебряный, украшенный аметистами пояс. Превращение измученного дорогой странника в элегантного придворного заняло не более двадцати минут.

Из потёртой сумки Кэсерил достал завёрнутый в шёлк, а сверху для надёжности в промасленную ткань пакет и проверил, не испачкан ли тот в крови и грязи. Затем освободил пакет от грубой верхней обёртки и, убедившись, что шёлк тоже чист, зажал документы под мышкой. Управляющий провёл Кэсерила через двор, где при свете факелов рабочие укладывали последние каменные плиты, в соседнее здание. Они прошли через анфиладу комнат и оказались наконец в просторном зале с украшенными гобеленами стенами. Железные канделябры искусной работы высотой в человеческий рост, с пятью светильниками каждый, излучали тёплое сияние. Исель сидела в большом резном кресле у дальней стены, рядом с Бетрис и провинкаром — все в траурных одеждах. Когда Кэсерил вошёл, они посмотрели на него

— женщины с жадным нетерпением, провинкар со смешанным выражением спокойствия и настороженности на лице.

Дядя Исель, будучи скорее плотным, чем худым, среднего роста, только слегка напоминал свою младшую сестру Исту. Общим у них был тусклый цвет уже изрядно поседевших волос. Рядом с ди Баосия Кэсерил увидел тучного мужчину — вероятно, секретаря — и пожилого настоятеля храма Тариона в пятицветной мантии. Кэсерил с надеждой взглянул на него, пытаясь увидеть свет или искры ауры, но это был обычный священник.

Тёмное облако обволакивало Исель всё таким же плотным одеялом, но движение в нём было теперь более вялым.

«Милостью леди, недолго тебе осталось клубиться!»

— Добро пожаловать домой, кастиллар, — сказала Исель. Официальное обращение весьма смягчали нежность в её голосе и забота в глазах.

Кэсерил осенил себя кинтарианским священным знаком.

— Пятеро богов, принцесса, всё хорошо.

— Договор при вас? — спросил ди Баосия, не отводя глаз от пакета при Кэсериле, и нетерпеливо протянул руку. — На советах было множество

споров и волнений по поводу этих соглашений.

Кэсерил улыбнулся и, пройдя мимо провинкара, опустился на одно колено перед Исель, стараясь не застонать от боли и не упасть. Он коснулся губами её ладоней и вложил в руки принцессы — в её собственные руки — пакет с документами.

— Всё как вы приказали.

Во взгляде её засветилась признательность.

— Я благодарю вас, Кэсерил. — Она стрельнула глазами в секретаря дяди. — Принесите, пожалуйста, кресло для моего посла. Он проделал долгий и трудный путь, — и начала разворачивать шёлк.

Секретарь принёс мягкое кресло с шерстяной обивкой. Кэсерил выдавил из себя благодарную улыбку, не зная, как теперь подняться с колена. К его смущению, с одной стороны к нему подошла Бетрис, а с другой, замешкавшись на мгновение, поспешил настоятель. Поддерживая под руки, они подняли его и усадили в кресло. Чёрные глаза Бетрис изучающе взглянули на него, ненадолго задержались со страхом на животе, где таилась опухоль, но сейчас она могла только ободряюще улыбнуться ему.

Исель внимательно читала брачный договор и не видела, как Кэсерил садился в кресло. Он

смотрел на неё и ждал. Прочитав одну страницу, принцесса передавала исписанный ровным каллиграфическим почерком и заверенный печатью лист дальше, своему дяде, нетерпеливо переминавшемуся с ноги на ногу, который, в свою очередь, отдавал его по прочтении настоятелю, а тот уже — секретарю. Секретарь, пробежав текст глазами, складывал листы в нужном порядке.

Ди Баосия, сложив ладони, ждал, когда настоятель дочитает последний лист.

— Ну? — спросил провинкар.

— Она не продала Шалион. — Настоятель осенил себя священным знаком и поднял руки ладонями вверх, благодаря богов. — Она купила Ибру! Мои поздравления, принцесса… вам и вашему послу!

— И всем нам, — вставил ди Баосия. Все трое мужчин изрядно повеселели и приободрились.

Кэсерил откашлялся.

— Конечно. Однако, надеюсь, вы воздержитесь от подобных комментариев перед лицом принца Бергона. Кроме того, договор потенциально выгоден для обеих сторон. — Он взглянул на секретаря. — Возможно, нам следует успокоить народ, вывесив списки договора возле ворот дворца, чтобы с ними могли ознакомиться все

желающие.

Ди Баосия неуверенно нахмурился, но настоятель согласно кивнул и сказал:

— Очень мудрая мысль, кастиллар.

— Я буду очень признательна. — Исель посмотрела на дядю. — Прошу вас взять на себя это дело.

Тут в комнату вбежал запыхавшийся паж и, остановившись перед провинкаром, выпалил:

— Ваша леди просила передать, что принц Бергон и его свита приближаются к воротам и вам следует присоединиться к ней, чтобы встретить гостей.

— Уже иду. — Провинкар набрал в грудь воздуха и улыбнулся племяннице. — Ну, скоро мы приведём к тебе твоего суженого. Помни, что ты должна потребовать от него полного поцелуя подчинения — лоб, ладони и ноги. Чтобы все видели, что Шалион правит Иброй. Береги гордость и честь твоего Дома. Мы не можем позволить ему взять над тобой верх, иначе он быстро подчинит тебя себе. Ты должна начать так, как думаешь продолжать жить дальше.

Исель прищурилась. Тень вокруг неё потемнела, словно сжимая свои объятия.

Кэсерил выпрямился и, покачав головой, по-

слал ей тревожный взгляд.

— У принца Бергона тоже есть гордость и честь, ничуть не ниже, чем ваши собственные, принцесса. И его тоже будут видеть его собственные подданные.

Она ненадолго заколебалась, затем решительно произнесла:

— Я должна начать так, как собираюсь продолжать.

В её голосе послышалась сталь. Исель показала на договор.

— Наше равенство скреплено здесь печатью, дядя. Моей гордости не нужно больших доказательств. Мы обменяемся приветственными поцелуями — только в ладони.

Темнота немного развеялась, и Кэсерил ощутил непонятную дрожь. Как будто над его головой проплыла некая хищная тень, угрожая расстроить все их планы.

— Весьма благоразумно, — с облегчением расслабился Кэсерил.

Паж, пританцовывая от нетерпения, придержал для провинкара двери и юркнул вслед за ним.

— Лорд Кэсерил, как прошло ваше путешествие? — использовала паузу Бетрис. — Вы

выглядите таким… измученным.

— Это просто усталость — мне пришлось много скакать верхом, но всё было хорошо. — Он поёрзал в кресле и улыбнулся.

Её чёрные брови изогнулись.

— Вот как? Что ж, полагаю, Ферда и Фойкс расскажут нам больше. Наверняка всё было не так гладко и скучно.

— Ну да, у нас была небольшая схватка с разбойниками в предгорьях. Дело рук ди Джиронала, я уверен. Бергон проявил себя наилучшим образом. С Лисом… всё оказалось проще, чем я ожидал, по причинам, которых я как раз не ожидал, — он наклонился вперёд и понизил голос так, чтобы его слышали только девушки. — Вы помните, я рассказывал об ибранском мальчике из благородной семьи, Денни с галеры?

Бетрис кивнула, а Исель проговорила:

— Такое вряд ли можно забыть.

— Я даже не догадывался, насколько благородна его семья. Под именем Денни скрывал от рокнарцев своё подлинное имя Бергон. Похоже, его похищение было организовано покойным наследником Ибры. И Бергон узнал меня, когда я предстал перед ибранским двором.

Губы Исель изумлённо приоткрылись. После

минутного молчания она выдохнула:

— Вас послала мне богиня. Я уверена.

— Да, — неохотно признал Кэсерил, — я тоже пришёл к этому выводу.

Её глаза обратились в сторону двери. Руки нервно перебирали складки юбок.

— Как я узнаю его? Он… он красивый?

— Я не знаю, что вкладывают дамы в это понятие…

Тут двери настежь распахнулись, и в зал вошла целая толпа людей: пажи, ди Баосия и его жена, фрейлины, Бергон, ди Тажиль и ди Соулд. Замыкал шествие Палли. Ибранцы успели принять ванну и переодеться в лучшие наряды, которые они, оставляя обоз в Заваре, всё же уложили впопыхах в свои сумки и теперь дополнили — в чём Кэсерил был абсолютно уверен — некоторыми заимствованными деталями. Глаза Бергона с весёлым испугом перебежали несколько раз с Бетрис на Исель и обратно и наконец остановились на Исель. Исель тоже переводила взгляд с одного на другого ибранца. Высокий Палли, стоявший позади Бергона, кивнул на принца и одними губами сказал: «Этот». Серые глаза Исель заблестели, бледные щёки окрасились румянцем. Она протянула вперёд руки для приветственного

поцелуя.

— Милорд Бергон ди Ибра, — произнесла она немного звенящим от волнения голосом, — добро пожаловать в Шалион.

— Миледи Исель ди Шалион, — так же взволнованно ответил Бергон и приблизился к Исель, — ди Ибра благодарит вас! — Он опустился на одно колено и поцеловал её ладони. Она наклонилась к нему и, поднеся его руки к губам, ответила на поцелуй.

Бергон поднялся с колен и представил своих сопровождающих, которые почтительно поклонились. Провинкар и настоятель собственными руками придвинули принцу кресло, поставив его рядом с креслами Исель и Кэсерила. Из кожаной шкатулки, которую держал в руках ди Тажиль, Бергон достал подарок — изумрудное колье его покойной матери, одну из немногих драгоценностей, не заложенных Лисом за время войны для покупки оружия. Белые горные пони, к сожалению, были ещё в пути. Бергон сначала собирался подарить ибранский жемчуг, но, по настоянию Кэсерила, заменил его на изумруды.

Ди Баосия произнёс короткую приветственную речь, которая могла бы оказаться значительно длиннее, если бы взгляд племянницы не призвал

его пригласить гостей в следующую комнату, дабы отдохнуть и перекусить. Жених и невеста остались наедине. Они сблизили головы и принялись что-то обсуждать, так тихо, что никто из любопытствующих, проходя мимо открытых дверей, не мог уловить ни звука.

Кэсерил не принадлежал к числу этих любопытствующих; он сидел, непрерывно глядя на дверь, и разрывался перед выбором — то ли нервно грызть маленькие пирожные, то ли в волнении кусать собственные кулаки. Голоса принца и принцессы звучали то громче, то тише; Бергон жестикулировал, Исель дважды рассмеялась и три раза охнула, расширив глаза и прижав пальцы к губам. Затем Исель что-то горячо зашептала, Бергон наклонил голову к плечу и внимательно слушал, не отводя взгляда от её лица, разве что пару раз поднял глаза на Кэсерила. Потом они зашептались ещё тише.

Леди Бетрис принесла ему стакан разбавленного вина, кивнула в ответ на слова благодарности. Кэсерил подумал, что, кажется, догадывается, чьими заботами его поджидали ванна, горячая вода, слуги и одежда. Её нежная кожа — молодая и гладкая — отливала в отблесках свечей золотом, а строгое платье и убранные назад волосы

подчёркивали её неожиданно зрелую элегантность. Бьющая ключом энергия, перешедшая в силу и мудрость…

— Что происходит сейчас в Валенде, как вы думаете? — спросил у неё Кэсерил.

Её лицо посерьёзнело.

— Думаю, что обстановка весьма напряжённая. Но мы надеемся, что поскольку Исель там уже нет, скоро всё успокоится. Ведь ди Джиронал не осмелится применить силу к вдове, да ещё и тёще рея Иаса?

— М-м… не сразу по крайней мере. В отчаянном положении всё становится возможным.

— Это верно. Во всяком случае, уже меньше задумываешься, что возможно, а что нет.

Кэсерил вспомнил об отчаянной ночной скачке двух девушек, которая так внезапно изменила их общее положение к лучшему.

— Как вам удалось сбежать?

— Ну, ди Джиронал, похоже, ожидал, что мы будем плакать и стенать в замке, напуганные мощью его войска. Но вы же знаете, как смотрит на всё это провинкара. Его шпионки следили за Исель, а не за мной. Я брала Нан ди Врит, и мы спускались в город, делали покупки, выполняли мелкие поручения и наблюдали. Солдаты

ди Джиронала готовились отразить нападение спешащих к нам на выручку мятежников, и мы знали все их сторожевые посты. Никто не мог также запретить нам ходить в храм — где находился лорд ди Паллиар — и молиться за выздоровление Орико. — На щеках заиграли милые ямочки. — Одно время мы были такими набожными! — Ямочки пропали. — Тогда провинкара получила известие, уж не знаю, из какого источника, что канцлер отправил к нам своего младшего сына и ещё тысячу человек, чтобы срочно увезти Исель в Зангр, поскольку Орико при смерти. Может, это и правда, но лучше было не попадать в руки ди Джироналу. Таким образом, наш побег стал срочной необходимостью и он состоялся.

Палли подошёл поближе, ди Баосия тоже направился к ним. Кэсерил кивнул провинкару.

— Ваша мать писала мне, что некоторые провинкары обещают поддержку. Есть ли у вас ещё какие-нибудь новости на этот счёт?

Ди Баосия достал список имён тех, кому написал и кто ему ответил. Он оказался не таким длинным, как хотелось бы Кэсерилу.

— Ладно, это слова. А как насчёт войск?

Ди Баосия пожал плечами.

— Два моих соседа обещали военную поддержку Исель, если это потребуется. Они не очень-то обрадованы тем, что личное войско канцлера заняло мой город. Мне кажется, что это беспокоит их даже больше, чем меня. А третий… третий женат на одной из дочерей ди Джиронала. Он сейчас чувствует себя крайне неуютно и почти ни с кем не общается.

— Ещё бы. А кому-нибудь известно, где сейчас ди Джиронал?

— Мы думаем, что в Кардегоссе, — сказал Паллли. — Военный орден Дочери всё ещё остаётся без генерала. Ди Джиронал боится оставить Орико, чтобы ди Джеррин не убедил его подписать назначение. Как мне тайно сообщили, жизнь Орико висит на волоске. Он болен, но далеко не безумен; мне кажется, рей использует свою болезнь, чтобы избежать принятия ответственных решений, которые могли бы кого-нибудь обидеть.

— Очень похоже на него. — Кэсерил потёр подбородок и посмотрел на ди Баосия. — Кстати о солдатах храма — насколько велик гарнизон Сына в Тарионе?

— Небольшой отряд, человек двести, — ответил провинкар, — это не то что в Гуариде и в других провинциях, граничащих с Рокнаром.

«Значит, в стенах Тариона двести человек», — подумал Кэсерил. Ди Баосия понял его взгляд.

— Настоятель нынче вечером поговорит с командирами. Полагаю, что брачный договор убедил его в преданности новой наследницы… э-э… Шалиону.

— Но они давали присягу, — прошептал Палли, — нельзя доводить дело до того, чтобы им пришлось её нарушить.

Кэсерил прикинул время и расстояние.

— Весть о побеге Исель из Валенды уже наверняка достигла Кардегосса. Новость о приезде Бергона последует за ней. Ди Джиронал почувствует, что регентство, на которое он так рассчитывал, ускользает из его рук.

Ди Баосия радостно улыбнулся.

— Да, всё происходит быстрее, чем он — да и любой другой — мог предположить, — и он бросил на Кэсерила исполненный уважения взгляд.

— Лучше было бы предотвратить те его действия, которые мы потом не сможем исправить, — сказал Кэсерил. Если две стороны, обе несущие на себе проклятие, столкнутся в гражданской войне, могут проиграть обе. И это будет кульминацией посмертного дара Золотого Генерала всему Шалиону; страна погибнет. Победа

подразумевает тонкую борьбу, без кровопролития. Пусть Бергон спасёт Исель от проклятия, но оно всё равно останется над бедным Орико, и ди Джиронал разделит судьбу своего номинального господина…

«А что будет с Истой?»

— На самом деле всё зависит от того, когда умрёт рей. Он может протянуть ещё какое-то время, — продолжил Кэсерил, думая о том, что проклятие наверняка предопределит Орико самую тяжёлую судьбу. Для того оно и существует, чтобы притягивать все мыслимые беды и катастрофы. Зверинец Умегата защищал рея от куда более страшных вещей, чем болезнь. — Нужно подумать, что мы можем предложить ди Джироналу в качестве отступных — как до вступления Исель на трон, так и после.

— Не думаю, что ди Джиронал согласится на какие-то отступные, — возразил Палли. — Он был реем Шалиона во всём, кроме титула, в течение десяти лет.

— Ну, тогда он, вероятно, устал, — вздохнул Кэсерил. — Несколько хороших должностей для его сыновей смягчат его сердце. Его слабое место — верность семье.

Только вот проклятие извратило эту доброде-

тель, превратив в прямую противоположность.

— Дайте ему уйти, но выкажите расположение его клану… выдерните у него зубы медленно и нежно, и дело будет сделано.

Кэсерил посмотрел на Бетрис, которая внимательно слушала разговор. Да, она наверняка потом поделится всем услышанным с Исель.

Бергон и Исель в другой комнате встали. Она положила ладонь на его протянутую к ней руку; они бросили друг на друга застенчивые взгляды, не оставшиеся незамеченными ими обоими, и направились к ожидавшей их компании. Принц и принцесса выглядели настолько довольными, как Кэсерилу даже не мечталось.

— Наследница Шалиона, — произнесла Исель и сделала паузу.

— И наследник Ибры, — добавил Бергон.

— Рады всем сообщить, что мы обменяемся брачными клятвами, — торжественно продолжила Исель, — перед богами и перед нашими благородными ибранскими гостями и горожанами…

— В храме Тариона, послезавтра в полдень, — закончил Бергон.

Слушатели разразились радостными криками и поздравлениями. И — Кэсерил не сомневался

— подсчётами, успеет ли враг прибыть сюда до послезавтра. Не успеет! Теперь следовало перейти к тщательной подготовке. Как только Исель окажется освобождённой от проклятия, время будет работать на неё. С каждым днём число её сторонников будет расти. С чувством огромного облегчения Кэсерил откинулся на спинку кресла и поморщился от боли, когда живот стиснул очередной спазм.

Глава 25

На следующий день, среди суеты совершенно обезумевших в предсвадебной горячке дворцовых слуг, Кэсерилу казалось, что он единственный человек, которому нечего делать. Исель прибыла в Тарион только с теми вещами, которые были на ней надеты; вся корреспонденция и бухгалтерские книги остались в Кардегоссе. Когда же он пошёл к ней, чтобы узнать, будут ли какие-нибудь распоряжения, то обнаружил в её покоях целую толпу близких к истерике камеристок под руководством тёти-провинкары. Все сновали туда-сюда, принося и унося свёртки тканей, нитки, иголки и прочие необходимые предметы.

Исель высунула голову из вороха шёлковых складок и оборок и, задыхаясь, простонала:

— Вы только что вернулись, проскакав ради меня более восьмисот миль. Идите отдыхать, Кэсерил.

Она послушно вытянула руку, чтобы одна из женщин могла примерить рукав.

— Нет, лучше составьте два письма с объявлением о моей свадьбе, чтобы в канцелярии моего дяди с них сняли копии. Одно письмо для всех

провинкаров Шалиона, другое — для старших настоятелей всех храмов. Что-нибудь такое, что они могли бы прочесть своим людям. Это замечательное, спокойное занятие. Когда у вас на руках будут все семнадцать, нет — шестнадцать…

— Семнадцать, — поправила её тётя откуда-то из-за шёлковых волн. — Твой дядя захочет одно для архива канцелярии. Стой ровно.

— Когда все они будут готовы, отложите их. Мы с Бергоном подпишем все завтра после церемонии, и вы тогда проследите, чтобы они были разосланы по назначению, — и она решительно кивнула, вызвав недовольство другой женщины, подгонявшей вырез горловины.

Кэсерил удалился из покоев Исель, прежде чем раздражённые камеристки начали втыкать в него иголки, и ненадолго задержался на галерее, опершись на перила. День был чудесный, ясный, уже дышавший весной. Небо было чистое, бледно-голубого цвета. Мягкий солнечный свет заливал выложенный новенькими плитами двор, на котором вокруг только что заработавшего фонтана садовники устанавливали кадки с цветущими апельсиновыми деревьями. Кэсерил остановил проходившего мимо слугу и попросил поставить письменный стол прямо во дворе, на солнышке.

А ещё — уютное кресло с толстой подушкой, потому что, хотя в голове Кэсерила впечатления и воспоминания о проделанных восьмистах милях уже начинали стираться, задница его, похоже, отлично помнила каждую из них. Он откинулся на спинку, подставил лицо солнечным лучам и, закрыв глаза, начал мысленно составлять письма. Затем Кэсерил быстро написал их и передал результаты своего труда клерку канцелярии, чтобы тот сделал нужное количество копий куда более удобочитаемым почерком, чем его собственный. Завершив сие мирное и спокойное дело, Кэсерил снова откинулся в кресле и закрыл глаза.

Он услышал приближающиеся шаги и вздрогнул, когда о стол брякнул поднос. Слуга принялся выставлять перед ним разные лакомства: блюдо с сушёными фруктами, хлеб с мёдом и орехами, чай и кувшинчик молока. Затем Бетрис отпустила слугу, сама налила ему чая, сунула в руку ломоть хлеба и примостилась рядом, на бортике фонтана, глядя, как он ест.

— У вас так похудело лицо! Вы наверняка почти ничего не ели всю дорогу, — строго сказала она.

— Даже не знаю. Что за чудный день сегодня! Надеюсь, погода продержится до завтра.

— Леди ди Баосия считает, что да, хотя, по её

словам, в День Дочери будет лить дождь.

Запах цветов апельсина заполнял двор, смешиваясь со вкусом мёда на губах. Он сделал глоток чая и удивлённо заметил:

— Через три дня будет ровно год, как я пришёл в замок Валенды. Я хотел просить места на кухне.

На щеках Бетрис заиграли ямочки.

— Я помню. Мы впервые увиделись накануне Дня Дочери за столом провинкары.

— О, я увидел вас раньше. Вы въехали во двор вместе с Исель и… и Тейдесом.

«И беднягой ди Сандой».

Она выглядела изумлённой.

— Правда? А где вы были? Я вас не видела.

— Сидел на скамейке у стены. Вы были слишком заняты, получая нагоняй от отца за скачки по холмам, чтобы заметить меня.

— Ох. — Она вздохнула и опустила руку в воду маленького бассейна, но тут же выдернула её и, нахмурившись, стряхнула капли с пальцев. Хотя в воздухе нынче и веяло дыханием леди Весны, но вода была ещё во власти Отца Зимы. — Мне кажется, это было сто лет назад, а не всего-навсего один год.

— Для меня время промелькнуло в мгновение ока. — Затем Кэсерил сменил тему: — Исель гово-

рила дяде о проклятии, которое мы попытаемся завтра уничтожить?

— Конечно, нет! — и в ответ на его недоумённо вскинувшиеся брови она пояснила: — Исель — дочь Исты. Она не может говорить о проклятии, иначе её тоже сочтут сумасшедшей. И используют это, чтобы захватить… всё. Ди Джиронал уже подумал об этом. На похоронах Тейдеса он распускал разные слухи. Не упускал ни одной возможности с кем-нибудь пошептаться. Если Исель плакала — он интересовался, не истерика ли это; если смеялась — спрашивал, как можно смеяться на похоронах брата; когда она разговаривала — опасался за её рассудок; когда молчала — пугался, отчего она так мрачно молчит? Вы бы видели, как смотрели на неё люди после таких разговоров. К концу своего визита в Валенду ди Джиронал говорил всё это прямо в её присутствии, надеясь, что она возмутится и её гнев можно будет приписать неуправляемости и раздражительности. Он плёл вокруг неё целую паутину. Но я, Нан и провинкара раскусили его хитрость и предупредили Исель, так что она сохраняла при нём полное хладнокровие.

— Умница!

Бетрис кивнула.

— Но когда мы услышали, что едут люди канцлера, чтобы забрать Исель в Кардегосс, она была в панике, не зная, как покинуть Валенду. Ведь если бы она попала к нему в руки, она оказалась бы полностью в его власти, и он легко мог в любой момент объявить её безумной. И кто бы опровергнул его слова? Он заставил бы провинкаров утвердить его регентство над бедной свихнувшейся девочкой, даже не прибегая к мечу. — Она перевела дыхание. — Поэтому Исель не решается рассказывать о проклятии.

— Да, конечно. Она очень умна и потому осторожна. Ну, волею богов, скоро всё кончится.

— Волею богов и кастиллара ди Кэсерила.

Он смущённо отпил ещё глоток чая.

— Когда ди Джиронал узнал, что я отправился в Ибру?

— Не думаю, что он догадывался о чём-то, пока траурный кортеж не добрался до Валенды и вас здесь не оказалось. Старая провинкара сказала, что он получил ещё несколько донесений от своих шпионов в Ибре. Полагаю, он не вернулся бы в Кардегосс, если бы ему не нужно было огородить Орико от ди Джеррина. Он дождался бы прибытия всех своих войск, чтобы утвердиться в Валенде.

— Ди Джиронал послал к границе убийц, чтобы

избавиться от меня. Наверное, рассчитывал, что я вернусь один и что переговоры продолжатся позже. Вряд ли он ожидал принца Бергона так скоро.

— Никто не ожидал. Кроме Исель. — Она выводила пальцем узоры на тонкой чёрной шерсти лежавшего на колене плаща, потом подняла глаза и посмотрела на Кэсерила долгим взглядом. — Пока вы истощали свои силы, пытаясь спасти Исель… вы не узнали, как спасти себя самого?

После короткой паузы Кэсерил просто ответил:

— Нет.

— Это… это неправильно. — Бетрис свела брови.

Он рассеянно обвёл глазами залитый солнцем двор, не желая встречаться взглядом со своей собеседницей.

— Мне очень нравится это новое здание. Вы знаете, что в нём нет ни одного призрака?

— Вы меняете тему. — Морщинка между её бровями стала глубже. — Вы всегда так делаете, когда не хотите о чём-то говорить. Это я уже поняла.

— Бетрис… — тяжело вздохнув, мягко сказал Кэсерил, — наши пути разошлись в ту ночь, когда я вызвал для Дондо демона смерти. Я не могу вернуться. Ты будешь жить, а я нет. Мы не можем

быть вместе, даже если… просто не можем.

— Ты не знаешь, сколько времени тебе осталось. Это могут быть недели. Месяцы. Но даже если боги дадут нам всего час, остальное не имеет значения.

— Дело не во времени, — он поёжился от омерзения, — дело в слишком большой компании. Подумай о нас наедине — ты, я, Дондо, демон смерти… разве это не страшно, разве я не внушаю тебе ужас? — Его голос звучал почти умоляюще. — Поверь, что я сам в ужасе от себя!

Она посмотрела на его живот, затем отвела взгляд. Её подбородок упрямо вздёрнулся.

— Я не верю, что нет выхода, я не верю, что демон и призрак внутри тебя — навсегда. Ты считаешь меня трусихой?

— Ни в коем случае, — прошептал Кэсерил.

Она простонала, опустив глаза:

— Ради тебя я взяла бы штурмом замок богов, если бы знала, где он.

— Ну вот! Ты разве не читала Ордолла, когда помогала Исель зашифровывать письма? Так вот он утверждает, что мы и боги — здесь, все вместе, разделённые только тенью. Между нашими мирами нет расстояний, которые необходимо преодолеть, чтобы достигнуть их. — «На самом

деле я вижу тот мир прямо отсюда, не сходя с места». Ордолл был абсолютно прав.

— Но ты никогда не сможешь силой заставить богов сделать что-то. Это справедливо. Они тоже не могут заставить нас.

— Ну вот, опять!

Снова сменил тему.

— Что вы собираетесь завтра надеть? Что-нибудь обворожительное? Вы знаете, что вам не положено затмевать невесту?

Бетрис свирепо посмотрела на него.

Наверху на галерее показалась леди ди Баосия, вышедшая из покоев Исель, и позвала Бетрис разрешить запутанный вопрос о каких-то тканях. Бетрис неохотно поднялась на ноги и пошла к лестнице. На ходу она внезапно обернулась и сказала:

— Ладно, пусть так, пусть вы обречены, коль вам угодно, но если я завтра упаду с лошади и сломаю себе шею, надеюсь, вы почувствуете себя полным идиотом!

— Даже больше, чем идиотом, — пробормотал он вслед её сердито шелестевшим юбкам. Ярко освещённый солнцем двор затуманился в его непослушных глазах, и он вытер их коротким, резким взмахом руки.

Утро следующего дня выдалось ясным, как и ожидалось. Окутанный запахом апельсиновых цветов двор был до отказа заполнен людьми, когда Исель в сопровождении своей тёти и Бетрис появилась на галерее и начала спускаться по лестнице. Кэсерил посмотрел на них и счастливо улыбнулся. Камеристки продемонстрировали поистине героические усилия в борьбе с шёлком и атласом, задрапировав Исель во все оттенки голубого цвета, подобающего невесте. Синий плащ её был усыпан таким количеством ибранских жемчужин, складывающихся в стилизованное изображение леопарда, какое только смогли сыскать в Тарионе за столь ограниченное время. Раздался взрыв аплодисментов. Невеста улыбалась, её волосы переливались и сверкали на солнце, словно река драгоценностей. Две кузины Исель под строгим надзором матери несли шлейф её платья. Даже облако проклятия, казалось, обвивало её как изящное одеяние.

«Осталось недолго…»

Кэсерил занял своё место рядом с провинкаром ди Баосия и оказался во главе процессии, двинувшейся по извилистым улочкам к стоявшему неподалёку храму Тариона.

Благодаря удивительной слаженности процес-

сия жениха, следовавшая из дворца ди Уэста, прибыла к храму одновременно с процессией невесты. Принц был в красном и оранжевом — цвета, соответствующие его возрасту и полу, — а на лице его были написаны такие решительность и отвага, которые сделали бы честь любому храбрецу, в одиночку штурмующему бастион. Палли, Ферда, Фойкс и дюжина солдат ордена в парадных мундирах сопровождали принца и его скромную ибранскую свиту, чтобы они не чувствовали себя слишком малочисленными. Несмотря на краткий срок, прошедший со дня объявления до дня свадьбы, прибыло множество гостей. Кэсерил насчитал более тысячи дворян, столпившихся на центральном круглом дворе храма. На улицах же, пролегавших между дворцами провинкара и ди Уэста и храмом, собрался, казалось, весь Тарион. Город явно охватила праздничная лихорадка.

Обе процессии слились в одну и вошли в храм. Тарион всегда славился своими храмовыми певцами — от их звонких голосов дрожали священные стены. Молодая чета, следуя за старшим настоятелем, входила в каждое крыло по очереди, принося дары и на коленях произнося молитвы перед алтарями всех богов Семейства, чтобы получить их благословение. Дочь и Сына благо-

дарили за защиту своей жизни до сегодняшнего дня; Мать и Отца просили направить их по верному пути в будущем.

Согласно традиции и теологии, Бастард не участвовал в церемонии бракосочетания, однако предусмотрительные пары обязательно приносили дары и ему. Сегодня священными посланцами были назначены Кэсерил и ди Тажиль. Получив подношения от Исель и Бергона, они, провожаемые поющими детьми, прошли вокруг основного здания к башне Бастарда. Настоятель Бастарда стоял улыбающийся, в белых одеждах, готовый провести их к алтарю.

Молодая чета в день своей свадьбы вынуждена была одалживать одежду, деньги, пищу и крышу над головой, но Бергон не обошёл бога подношением. Ди Тажиль выложил на алтарь тяжёлый кошелёк с ибранским золотом и прочитал молитву. Исель послала Бастарду обещание починить крышу его башни в Кардегоссе, когда она станет рейной. Кэсерил добавил подарок и от себя — испачканную кровью нитку жемчуга, всё, что осталось от порванного ожерелья Дондо после схватки с разбойниками. Эта драгоценность была столь тяжёлой и проклятой, что ею могли владеть только боги. Кэсерил вздохнул с облегчением,

когда она наконец попала по назначению.

Выходя из башни Бастарда во двор, Кэсерил взглянул на толпу и обмер — он увидел среди зрителей пожилого мужчину, окутанного светло-серым, как зимний день, сиянием. Кэсерил посмотрел на него своим обычным зрением и разглядел серо-чёрные одежды, украшенные на плечах красной тесьмой. Служащий муниципального суда Тариона… возможно, это был обычный судья. И обычный святой Отца, как Клара — святая Матери в Кардегоссе?..

Человек этот уставился на Кэсерила открыв рот, с непередаваемым изумлением в глазах; его лицо побледнело. У них не было возможности перекинуться словом, поскольку Кэсерил должен был войти внутрь храма для продолжения церемонии, но он решил при первом же удобном случае расспросить об этом человеке настоятеля.

Молодожёны произнесли по короткой речи у центрального огня, после чего настоятель, Кэсерил и все остальные потянулись обратно по украшенным флагами улицам к новому дворцу ди Баосия, где их ждал большой пир. Блюда подавались столь вкусные и в таком изобилии, что было совершенно непонятно, как удалось всё это организовать за какие-то два дня. Кэсерил подо-

зревал, что в ход пошли запасы, отложенные на празднование приближавшегося Дня Дочери, но он не думал, что богиня обидится. Как почётных гостей, Кэсерила и старшего настоятеля посадили на заранее приготовленные для них места, так что у них не было возможности для приватной беседы до самых танцев по окончании обеда, когда музыка выманила молодёжь во двор. Тогда те два человека, с которыми так хотел поговорить Кэсерил, сами подошли к нему.

Судья стоял чуть позади настоятеля и явно нервничал. Они с Кэсерилом обменялись долгими взглядами, пока настоятель коротко представлял их друг другу.

— Милорд ди Кэсерил, позвольте представить вам достопочтенного Паджинина. Он служит в муниципалитете Тариона… — настоятель понизил голос, — и утверждает, что вы осенены богом. Это правда?

— Увы, да, — вздохнул Кэсерил. Паджинин кивнул, всем своим видом выражая: «Я так и знал». Кэсерил огляделся и отвёл своих собеседников в сторону; было довольно сложно найти уединённое место, но наконец они устроились в небольшом внутреннем дворике возле одного из боковых входов во дворец. Начинало смеркаться.

Издалека доносились звуки музыки и весёлый смех. Слуга зажёг факелы на стенах дворика и вернулся в здание. Над головой быстро бежали высокие облака, то и дело закрывая первые вечерние звёзды.

— Ваш коллега, старший настоятель Кардегосса, знает обо мне всё, — сказал Кэсерил настоятелю Тариона.

— Ох. — Настоятель заморгал, и в глазах его отразилось заметное облегчение. Кэсерил не считал необходимым рассказывать ему свою историю, но и отсылать настоятеля тоже не следовало. — Менденаль — замечательный человек.

— Отец Зимы, как я вижу, сделал вам подарок, — обратился Кэсерил к судье. — Что это за дар?

Паджинин взволнованно кивнул.

— Иногда… не всё время… Он позволяет мне знать, кто из свидетельствующих в судебной палате лжёт, а кто говорит правду. — Паджинин заколебался. — Это не всегда так хорошо, как может показаться.

Кэсерил коротко хмыкнул.

Паджинин заметно просветлел — заметно и для внутреннего, и для обычного зрения Кэсерила — и сухо улыбнулся.

— А-а, вы понимаете.

— О да.

— Но вы, сэр… — Паджинин озабоченно повернулся к настоятелю. — Я сказал «осенён богом», но это не совсем так, неверное описание для того, что я вижу. Это… на него почти больно смотреть. Только три раза с тех пор, как мне дано это зрение, я встречал людей, тоже имевших дело с богами, но такого я не видел никогда.

— Святой Умегат в Кардегоссе говорил, что я выгляжу как пылающий город, — согласился Кэсерил.

— Да… — искоса взглянул на него Паджинин, — это описание довольно верное.

— Он был учёный человек.

«Когда-то».

— Что подарили вам боги?

— Э-э… я думаю, что на самом деле я сам — *дар.* Принцессе Исель.

Настоятель прижал пальцы к губам и быстро осенил себя священным знаком.

— В таком случае это объясняет ходящие о вас слухи.

— Что за слухи? — беспокойно спросил Кэсерил.

— Но, лорд Кэсерил, — перебил его судья, — что

за ужасная тень нависает над принцессой Исель? Это не дар богов! Вы ведь тоже видите это?

— Я… этим я и занят. Пытаюсь избавить её от тени. Это и есть моё предназначение. Мне кажется, я уже почти достиг цели.

— Ох, какое облегчение. — Паджинин повеселел.

Кэсерил понял, что очень хочет уединиться с Паджинином и поговорить без свидетелей.

«Как ты справляешься с этим?»

Настоятель мог быть благочестивым и набожным, возможно, хорошим управляющим и даже весьма сведущим в вопросах теологии, но Кэсерил подозревал, что он никогда не поймёт всех неудобств жизни и деяний святого. Горькая улыбка Паджинина сказала ему самому всё. Кэсерилу хотелось выпить с ним, выслушать его рассказ и поделиться своими заботами.

К великому смущению Кэсерила, настоятель низко поклонился ему и сказал благоговейным шёпотом:

— Благословенный, могу ли я что-нибудь сделать для вас?

Вопрос Бетрис эхом раздался в его голове: «Вы не узнали, как спасти себя самого?» Может быть, невозможно спасти себя самому. Может быть,

должно спасать друга по очереди…

— Сегодня — нет. Завтра… или позже, на неделе, я хотел бы встретиться с вами и обсудить одно личное дело. Можно?

— Конечно, благословенный. Я в вашем распоряжении.

Они вернулись к столу. Кэсерил чувствовал себя измученным до предела и страстно хотел только одного — упасть в постель и спать, спать. Но двор под окнами его спальни был полон шумных, веселящихся гостей. Запыхавшаяся Бетрис пригласила его на танец, он извинился и сказал, улыбаясь, что не готов сейчас к подобным упражнениям. Она не испытывала недостатка в партнёрах. Её взгляд часто останавливался на нём, пока он сидел у стены и наблюдал за танцами, потягивая разбавленное вино. Он тоже не испытывал недостатка в собеседниках — к нему подсаживались и мужчины, и женщины, надеясь обеспечить себе тёплое местечко при дворе будущей рейны. Кэсерил с неизменной вежливостью и непреклонностью отвечал всем, что этот вопрос пока не обсуждается.

Ибранские лорды притягивали женщин, как мёд притягивает пчёл, и выглядели очень довольными. Примерно в середине вечера прибыл

лорд ди Сембюр, присоединился к пирующим и вызвал очередной всплеск восторгов. Ибранцы обменялись рассказами о своих приключениях под восхищённые вздохи знатных шалионок. К удовольствию Кэсерила, Бергон представал в глазах слушательниц романтическим героем, а Исель — после её побега из Валенды — героиней. Эта очаровательная история будет противостоять грязной клевете ди Джиронала о безумии бедняжки Исель, подумал Кэсерил.

«А ведь наша история — правда!»

Наконец подошло время, которого с таким нетерпением дожидался Кэсерил, — молодожёнов проводили в их покои. Никто из них, порадовался Кэсерил, не выпил столько, чтобы быть пьяным в этот ответственный момент. А вот вино, которое пил Кэсерил, отчего-то постепенно становилось всё менее и менее разбавленным в течение вечера, и язык у него несколько заплетался, когда принц и принцесса подозвали его к лестнице, чтобы обменяться церемониальными поцелуями благодарности. Он осенил себя кинтарианским знаком и призвал благословение на их головы. Торжественная благодарность, которую он прочёл в их глазах, его даже смутила.

Леди ди Баосия пригласила небольшой хор,

который пел молитвы, пока молодожёны поднимались по лестнице; звонкие голоса заглушали шум царившего вокруг веселья. Исель сияла от радости, её глаза горели как звёзды, когда она, стоя под руку с Бергоном, улыбнулась всем и бросила вниз цветы.

Новобрачные исчезли в дверях спальни. Два офицера встали в разных концах галереи, чтобы им никто не мешал.

Через некоторое время камеристки и Бетрис вернулись, и танцы продолжились. Гости не угомонились бы до рассвета, но пошёл холодный дождь и прогнал танцоров со двора под крышу соседнего здания. Медленно, опираясь рукой на перила, Кэсерил взобрался по лестнице и ушёл к себе.

«Моё задание выполнено. Что теперь?»

Он не знал. Великий страх, терзавший его, оставил его душу. Теперь он мог жить или умереть — на выбор.

«Я отказываюсь сожалеть. Я не буду оглядываться назад».

Момент равновесия. Встреча прошлого и будущего. Он даже подумал, что может встретиться завтра с судьёй. Его компания рассеет одиночество.

«На самом деле, не так уж я и одинок», — решил он чуть позже, когда омерзительные, непристойные вопли Дондо зазвучали в обычное время в его, и только его, ушах. Заблудившийся дух был сегодня ещё злее и безумнее, нежели во все предыдущие дни. Последние следы его разума и здравомыслия растворились под напором безумной ярости. Кэсерил прекрасно понимал почему и улыбался сквозь слёзы, то катаясь по постели в приступах нестерпимой боли, то сворачиваясь клубочком, чтобы прижать пульсирующий живот.

Кэсерил чуть не потерял сознание и после этого заставил себя встать, ужаснувшись, что восставший Дондо может захватить его ещё живое тело и использовать его для покушения на Исель и Бергона. Содрогаясь в конвульсиях, он старался не кричать, не выпускать рвущиеся наружу слова, ибо не сомневался в том, чьи слова это будут.

Когда атака завершилась, он упал, задыхаясь, на холодный пол, запутавшись в собственной ночной рубашке, с обломанными, кровоточащими ногтями. Его вырвало, и он так и лежал в этой луже, не в силах шевельнуться. Кэсерил коснулся своей мокрой бороды — вокруг рта были хлопья пены. Его живот стал прежнего размера — или

ему приснилось в кошмарном сне, что тот превращался в огромное, раздутое брюхо? — хотя вся брюшная стенка болела и дрожала, мышцы сводило, как после непомерных усилий.

«Я не могу так больше».

Что-то должно уступить — его тело, его рассудок, его дыхание. Его вера. Что-нибудь.

Он встал, вымыл пол и вымылся в умывальнике сам, затем переоделся в чистую длинную рубаху, расправил пропитавшиеся потом сбитые простыни, зажёг в комнате все свечи и заполз в постель. И лежал, широко раскрыв глаза, пожирая ими свет.

Вскоре послышалось приглушённые голоса слуг и тихие шаги на галерее за дверью. Дворец просыпался. Кэсерил, должно быть, задремал, так как свечи догорели, а он не помнил, когда именно они погасли. Серый свет проникал в щель под дверью и между ставнями.

Сейчас должны были начаться утренние молитвы. Утренние молитвы — это замечательно, хотя сама мысль, что нужно подняться, чтобы присоединиться к молящимся, вызывала головокружение. Кэсерил встал. Медленно. Ну что ж, похмелье будет сегодня не у него одного в Тарионе. Даже если он не был пьян. Придворные по

случаю свадьбы сняли траур, и Кэсерил выбрал среди предоставленной ему одежды скромный, но, как ему показалось, жизнерадостный наряд.

Затем он спустился во двор ждать восхода солнца и появления молодожёнов. Солнца, кажется, не ожидалось — дождь хотя и перестал, но небо было затянуто тёмными холодными тучами. Кэсерил вытер каменный бортик бассейна носовым платком и уселся. Он обменялся улыбкой и пожеланием доброго утра с пожилой служанкой, прошедшей мимо со стопкой белья в руках. В дальней части двора в поисках обронённых вчера кусочков еды прогуливался ворон. Кэсерил обменялся с ним взглядами, но птица, похоже, не испытывала к нему никаких особенных чувств и продолжала поиски завтрака. Подумав, он решил, что должен чувствовать облегчение от подобного безразличия.

Наконец выходившая в галерею дверь спальни принца и принцессы распахнулась. Сонные стражи на своих постах вытянулись в струнку. Зазвучали женские голоса и один мужской — тихие и радостные. Появились Исель и Бергон, одетые к утренней молитве, её рука нежно сжимала его руку. Они повернули к лестнице и, выйдя из тени галереи, начали спускаться вниз.

Нет… тень следовала за ними.

Кэсерил протёр глаза, закрыл и снова открыл их. И дыхание у него остановилось. Зловещее облако, раньше обнимавшее Исель, теперь обнимало и Бергона.

Исель улыбалась мужу, Бергон отвечал ей такой же улыбкой. Вчера вечером они выглядели усталыми, возбуждёнными и немного смущёнными. Сегодня же утром они выглядели влюблёнными. С клубящейся вокруг, словно дым от горящего корабля, тьмой.

Когда они подошли поближе, Исель весело пропела:

— Доброе утро, лорд Кэс!

Бергон ухмыльнулся и спросил:

— Вы присоединитесь к нам, сэр? Мы должны поблагодарить вас за это прекрасное утро, не правда ли?

Губы Кэсерила попытались изобразить улыбку.

— Я… я… чуть позже. Я кое-что оставил у себя в комнате.

Он вскочил и бросился вверх по лестнице. Повернулся и увидел с галереи, как они идут через двор. И как тень следует за ними.

Он захлопнул за собой дверь и прислонился к

ней спиной, хватая ртом воздух, почти плача.

«Боги. Боги. Что я наделал?»

«Я не освободил Исель. Я навлёк проклятие на Бергона».

Глава 26

Совершенно убитый, Кэсерил просидел в своей комнате всё утро. После полудня к нему в дверь постучал паж с пугающим известием, что принц и принцесса желают видеть его в своих покоях. Кэсерил хотел было сослаться на болезнь, которую ему, впрочем, даже не надо было изображать. Но тогда Исель тотчас прислала бы к нему врачей, а встреча с Роджерасом была ещё слишком свежа в его памяти. Кэсерил содрогнулся. С огромной неохотой он расправил одежду, привёл себя в порядок и, выйдя, зашагал по галерее к комнатам молодой четы.

Высокие окна гостиной были открыты прохладному весеннему свету. Исель и Бергон в праздничных нарядах, только что вернувшиеся с полуденного банкета во дворце ди Уэста, ожидали его с нетерпением. Они сидели на углу стола перед стопкой бумаги, перьями, чернильницей и прочими необходимыми для письма предметами. С другой стороны был приглашающе придвинут третий стул. Их головы, янтарная и каштановая, были наклонены друг к другу в тихом разговоре. Тень всё клубилась над ними, вязкая, как горячая

смола. Услышав шаги Кэсерила, оба посмотрели на него и заулыбались. Он облизнул пересохшие губы и поклонился с застывшим лицом. Исель указала на бумаги.

— Наша следующая неотложная задача — составить письмо моему брату Орико, сообщить ему о предпринятых нами шагах и уверить в нашей лояльности и подчинении. Я думаю, чтобы помочь Орико принять случившееся, нам следует включить выдержки из всех пунктов договора, показывающих, какие преимущества получил Шалион от нашего брака. Как вам кажется?

Кэсерил откашлялся и проглотил комок в горле.

Брови Бергона непонимающе поднялись.

— Кэс, ты выглядишь бледным, как… э-э… с тобой всё в порядке? Пожалуйста, сядь!

Кэсерил покачал головой. Ему снова хотелось броситься в объятия спасительной *лжи* — или, на данный момент, полуправды, поскольку он действительно чувствовал себя плохо.

— Всё не в порядке, — прошептал он и упал перед принцем на одно колено. — Я совершил ужасную ошибку. Мне так жаль. Очень жаль.

Озабоченное лицо Исель плыло у него перед глазами, словно в тумане.

— Лорд Кэс?..

— Ваш брак… — он проглотил комок и с трудом заставил шевелиться онемевшие губы, — не снял проклятия с Исель, как я надеялся. Наоборот, оно теперь лежит на вас обоих.

— Что? — выдохнул Бергон.

В голосе Кэсерила зазвучали слёзы.

— И теперь я не знаю, что делать…

— Откуда вы это знаете? — спросила Исель.

— Я вижу его. Я вижу его на вас обоих. Ещё темнее и гуще. Плотнее.

Губы Бергона приоткрылись в испуге.

— Я… мы сделали что-то не так? Каким образом?..

— Нет-нет! И Сара, и Иста вышли замуж и получили проклятие Дома Шалиона. Я думал, что проклятие передаётся только по мужской линии наследников Фонсы вместе с именем.

— Но я тоже наследница Фонсы, — медленно проговорила Исель. — А плоть и кровь — это больше, чем просто имя. Когда двое женятся, это не означает, что остаётся один, а другой исчезает. Мы соединены, а не подчинены. Ох, неужели ничего нельзя сделать? Должен быть выход!

— Иста сказала… — начал Кэсерил и остановился. Он совсем не был уверен, что хочет рассказать

этим двум решительным людям, что именно ему сказала Иста. Исель может задуматься снова…

«Невежество — это не глупость, но очень на неё похоже», — кричала тогда Исель. Было слишком поздно ограждать её от этого знания теперь. Волею богов она будет следующей рейной Шалиона. С правом управлять придёт и обязанность защищать — привилегия получать защиту останется среди прочих детских игрушек. Даже защиту от горьких знаний. Особенно от горьких знаний.

Кэсерил вздохнул и откашлялся.

— Иста сказала, есть другой способ.

Он поднялся с колена, ухватившись рукой за кресло, и тяжело сел. Срывающимся голосом, фразами таким простыми, что они казались почти жестокими, Кэсерил повторил то, что Иста поведала ему о лорде ди Льютесе, рее Иасе и о том, как ей являлась богиня. О двух непроглядных адских ночах в подземелье Зангра со связанным мужчиной и огромной бочкой ледяной воды. Когда он закончил, оба его слушателя выглядели испуганными и бледными.

— Я думаю… я боюсь, что могу быть подходящим человеком, — сказал Кэсерил, — из-за той ночи, когда я пытался обменять мою жизнь на смерть Дондо. Я был в ужасе, что могу оказать-

ся подходящим человеком. «Вы — ди Льютес Исель», — сказала мне Иста. Клянусь всеми богами, если б я был уверен, что это поможет, мы прямо сейчас пошли бы во двор и утопили меня в фонтане. Дважды. Но я сейчас не гожусь для жертвоприношения; моя первая — на самом деле уже вторая — смерть будет последней, так как демон улетит с нашими душами — моей и Донго, и я не представляю, как мне вернуться в тело, чтобы умереть ещё раз. — Он вытер влажные глаза тыльной стороной ладони.

Бергон пожирал глазами свою молодую жену, потом хрипло произнёс:

— А если я?

— Что? — не поняла Исель.

— Я приехал сюда спасти тебя от проклятия. Требуется другой способ, посложнее, только и всего. Я не боюсь воды. Давайте утопим меня.

Одновременные протесты Кэсерила и Исель заглушили друг друга; Кэсерил коротким жестом уступил слово принцессе. Исель повторила:

— Однажды это уже пробовали, и ничего не получилось. Я не собираюсь топить никого из вас, уж увольте! Не собираюсь ни вешать, ни творить прочие кошмарные вещи, которые могут втемяшиться вам в голову… нет, нет и нет!

— Кроме того, — подхватил Кэсерил, — богиня говорила, что человек должен по доброй воле трижды отдать жизнь во имя Дома Шалиона. Во имя Дома Шалиона, а не с именем Дома Шалиона!

Согласно словам рейны Исты. А дословно ли она привела слова богини? Или вкралась маленькая, но страшная ошибка? Не важно, во всяком случае, Бергон по этой теории не годится на роль жертвы.

— Я думаю, что проклятие не может быть разрушено изнутри — будь то Иас или ди Льютес. И, пятеро богов, прости меня, Бергон, но ты теперь тоже внутри.

— Что-то здесь не так. — Исель сощурилась. — Не сходится. А что сказал святой Умегат, когда вы спросили его, что вам делать? Насчёт ежедневных дел?

— Он сказал, что я должен вести себя как обычно — заниматься ежедневными делами.

— Ну вот. Я уверена, что боги нас не оставят. — Она побарабанила пальцами по столу. — Мне пришло в голову… может быть, не отдавать, а давать? Моя мать дважды дала жизнь во имя Дома Шалиона — мне и бедняге Тейдесу. Третьей возможности у неё не было. Но это, несомненно, долг, возложенный на нас богами.

Кэсерил содрогнулся, представив себе разрушение, которое проклятие может произвести в жизни правящего дома, объединясь с опасностями беременности и родов, как раньше оно объединялось с рискованными случайностями войн, что вели Иас и Орико. Бесплодие, как у Сары, было, пожалуй, наименьшей из возможных бед.

— Пятеро богов, Исель, мне кажется, что лучше утопить меня в бочке.

— А кроме того, Кэс, богиня сказала — «человек». Она же сказала — «человек», да? Мужчина?

— Э-э… согласно словам леди Исты, да.

— Настоятели говорят, что когда боги учат людей благочестию, они имеют в виду и женщин тоже, — проворчала Исель. — Так что можно понять и так и эдак. В любом случае я жила с этим проклятием шестнадцать лет даже не подозревая о нём, и как-то выжила.

«Но теперь оно стало хуже. Сильнее».

Смерть Тейдеса была для Кэсерила наглядным примером действия зловещей тени — все силы, таланты и добродетели, которыми обладал мальчик, извратились и привели к несчастью. Исель и Бергон вместе обладали значительно большим количеством добродетелей и талантов, так что поле действия проклятия становилось просто

огромным.

Молодожёны взялись за руки. Исель потёрла переносицу свободной рукой и тяжело вздохнула.

— Проклятие или нет, — сказала она, — а нам нужно написать письмо Орико. И немедленно. А не то ди Джиронал объявит меня мятежницей. Если я была рядом с Орико, я бы убедила его в пользе нашего брака для Шалиона!

— Орико очень легко убедить, — сухо заметил Кэсерил. — Трудно сделать так, чтобы он остался при своём убеждении.

— Да, я помню, что ди Джиронал сейчас рядом с ним в Кардегоссе. Я больше всего боюсь, что канцлер убедит моего брата снова переписать условия завещания.

— Привлеките побольше провинкаров на свою сторону, принцесса, чтобы впредь они помогали вам бороться с его происками.

Исель нахмурилась.

— Я хотела бы поехать в Кардегосс. Мне следует быть рядом с Орико, если он при смерти. Нам надо в столицу.

После короткой паузы Кэсерил заметил:

— Это сложно. Вы не должны попасть в лапы ди Джиронала.

— Я не собираюсь ехать без сопровождения. — Её улыбка странно блеснула, словно лунный свет на лезвии ножа. — Но мы должны пользоваться каждой законной лазейкой, как и любыми тактическими преимуществами. Неплохо было бы, к примеру, напомнить лордам Шалиона, что вся законная власть канцлера даётся ему реем. Только реем.

Бергон встревоженно вставил:

— Вы, конечно, знаете ди Джиронала лучше меня. Думаете, он будет спокойно сидеть на месте, узнав такую новость?

— Чем дольше он будет вынужден так просидеть, тем лучше. С каждым днём у нас всё больше поддержки.

— У вас есть какие-нибудь свежие известия о нём? — спросил Кэсерил.

— Пока нет, — ответил Бергон.

«Увы, время работает как на нас, так и против нас».

— Сообщите мне, как только что-нибудь узнаете. — Кэсерил сделал глубокий вдох, вытащил чистый лист бумаги и взял перо. — Ну что ж. Так что вы хотели написать?..

Проблема доставки этого бесценного с политической точки зрения письма довольно

деликатна, рассуждал Кэсерил, пересекая двор с подписанным и запечатанным документом в руке. Совершенно невозможно просто сунуть его в курьерскую сумку и отправить галопом в канцелярию Зангра. Требуется делегация высокопоставленных особ, не только для того чтобы доставить послание, но и чтобы увериться, что оно попало в руки Орико, а не ди Джиронала. Доверенный человек должен прочесть послание незрячему правителю и ответить на возможные вопросы. Лорды или настоятели, а лучше — и те и другие, решил Кэсерил. Дядя Исель вполне мог предложить людей, подходящих для этой цели и способных выехать сегодня же вечером. И скакать быстро. Кэсерил ускорил шаг, оглядываясь в поисках пажа или слуги, чтобы узнать, где сейчас ди Баосия.

В воротах он столкнулся с Палли и самим провинкаром — они спешили обратно во дворец, видимо, возвращаясь с банкета у ди Уэста, так как на них ещё были надеты праздничные наряды.

— Кэс! — окликнул его Палли. — Где ты был во время обеда?

— Отдыхал. Я… я плохо спал ночью.

— Да ну, бьюсь об заклад, ты был одним из немногих, кто лёг в постель трезвым.

Кэсерил оставил реплику без ответа. Он спросил:

— Что это?

У Палли в руках была пачка распечатанных писем.

— Новости от ди Джеррина из Кардегосса, срочно доставленные курьером храма. Я решил, что принцу и принцессе необходимо немедленно ознакомиться с ними. Ди Джиронал выехал из Кардегосса вчера утром, и никто не знает куда.

— Он взял солдат?.. Нет, расскажешь всё наверху. Пошли. — Кэсерил развернулся, и они поднялись на галерею к покоям принца и принцессы. Их встретил один из слуг и удалился, чтобы вызвать молодую чету в гостиную. Ожидая супругов, Кэсерил показал Палли и ди Баосия письмо к Орико и рассказал о его содержании. Провинкар задумчиво кивнул и назвал несколько лордов, которые могли доставить документ в Кардегосс.

Вошли Исель и Бергон; Исель поправляла выбившиеся из-под ленты волосы. Трое мужчин поклонились им. Принц Бергон, насторожившись и посерьёзнев, принял бумаги из рук Палли и предложил всем сесть за стол.

Палли повторил новости о ди Джиронале.

— Канцлер взял с собой только небольшой ка-

валерийский отряд из своего дворца. Ди Джеррин считает, что он либо поехал куда-то недалеко, либо собирается скакать очень быстро.

— Что нового о моём брате Орико? — поинтересовалась Исель.

— Вот… — Палли протянул ей письмо. — Как только ди Джиронал уехал, ди Джеррин тут же попытался встретиться с реем, но рейна Сара сказала, что он уснул, и отказалась его беспокоить. А поскольку она относится к ди Джеррину куда лучше, чем к ди Джироналу, он боится, что рею просто стало хуже.

— А там что за письмо? — спросил Бергон.

— Это уже устаревшие новости, но всё равно довольно интересные. — Палли повернулся к Кэсерилу. — Кэс, что, демон тебя забери, рассказывает о тебе старый настоятель? Командир отряда ордена Сына в Тарионе прибежал ко мне с выпученными глазами, трясясь всем телом, — он считает, что ты осенён богами, и не осмеливается к тебе приближаться. Он хотел поговорить с кем-нибудь, кто, как и он, приносил присягу храму, и показал мне копию приказа из канцелярии Кардегосса. Тебя велено арестовать ни больше ни меньше как по обвинению в государственной измене. Тебя оклеветали…

— Опять? — пробормотал Кэсерил, взяв в руки письмо.

— И обвинили в том, что ты тайно отправился в Ибру с целью продать Шалион Лису. Ну а поскольку сейчас все знают действительное положение вещей, эта бумага ничего не стоит.

Кэсерил просмотрел приказ.

— Да, вижу. Это был его следующий шаг, на случай, если меня не удастся убить. Боюсь, он немного опоздал. Ты прав, это уже не имеет значения.

— Да, но есть продолжение. Этот послушный долгу дурак-командир послал ди Джироналу письмо, в котором сообщил, что видел тебя, но не арестовал. Он заявил, что приказ отдан на ошибочном основании, что ты действовал по приказу принцессы Исель и принёс Шалиону величайшую пользу, а не вред, так что никакой измены тут нет; и что свадьбе этой были чрезвычайно рады все жители Тариона. Принцесса прекрасна, она показала себя мудрой и доброй, и это внушает народу великие надежды после всех бед, случившихся в царствование Орико.

Ди Баосия хмыкнул.

— Что прозвучало, поскольку беды эти случились одновременно в царствование ди Джирона-

ла, как непреднамеренное оскорбление. Только вот вправду ли оно было непреднамеренным?

— Я полагаю, что да. Это человек весьма… э-э… простодушный. Он сказал, что хотел убедить канцлера встать на сторону принцессы.

— И это вызвало обратный эффект, — медленно проговорил Кэсерил. — Письмо убедило ди Джиронала в том, что его влияние быстро убывает и ему необходимо действовать без промедления, чтобы вернуть всё на свои места. Когда он получил этот глубокомысленный совет от своего подчинённого?

— Вчера, рано утром, — ответил Палли.

— Так… похоже, у него вполне могла быть информация и из другого источника. — Кэсерил передал приказ Бергону.

— Значит, ди Джиронал выехал из Кардегосса, — задумчиво сказала Исель.

— Да, только вот куда? — Палли откинулся на спинку стула.

Ди Баосия подёргал себя за губу.

— Если он выехал с таким небольшим количеством людей, то он едет туда, где сосредоточены его силы. Куда-то рядом с Тарионом. Значит, либо к своему зятю, провинкару Тистана, к востоку от нас, либо в Валенду, на северо-запад от Тариона.

— Тистан к нам ближе, — заметил Кэсерил.

— Но в Валенде он держит в заложниках мою мать и сестру, — мрачно возразил ди Баосия.

— Как прежде — меня, — сказала Исель, её голос дрогнул от сдерживаемого волнения. — Они просили меня уехать, дядя…

Бергон внимательно слушал. Ибранский принц вырос среди постоянных гражданских войн, вспомнил Кэсерил, и даже если он и был взволнован, то признаков страха или паники не выказывал.

— Думаю, нам нужно ехать прямо в Кардегосс, пока там нет ди Джиронала, и взять всё в свои руки, — предложила Исель.

— Если мы будем вынуждены действовать таким образом, то сначала мы должны скакать в Валенду и, во-первых, освободить нашу семью, во-вторых — обеспечить себе тыл. Однако если ди Джиронал собирает войско, чтобы атаковать Тарион, я не могу и не хочу оставить своих подданных без защиты.

Исель нетерпеливо взмахнула рукой.

— Но когда мы с Бергоном уедем из Тариона, у ди Джиронала не будет повода для нападения. То же самое и с Валендой. Он именно меня хочет — вернее, должен — иметь в своих руках.

— Мне не слишком нравится мысль, что ди Джиронал нападёт на ваш отряд в пути, где вы будете открыты и уязвимы, — покачал головой Кэсерил.

— Дядя, сколько людей вы можете прямо сейчас предоставить для сопровождения нас в Кардегосс? — спросила Исель. — Верховых? Пехотинцы пусть поспешают за нами как только могут. И как скоро их всех можно будет собрать?

— Я могу подготовить пять сотен всадников к завтрашнему вечеру и тысячу пехотинцев ещё через день, — неохотно ответил провинкар. — Два моих соседа могут выслать столько же, но чуть позже.

Кэсерил подумал, что ди Баосия мог бы достать, как фокусник из шляпы, вдвое большую армию, если бы не пытался страховаться от возможных неприятностей. Когда всё поставлено на карту, чрезмерная осторожность может оказаться столь же гибельной, как и чрезмерное безрассудство.

Исель сложила руки на коленях и сурово свела брови.

— Так пусть они готовятся. Мы будем присутствовать на утренней молитве в День Дочери, затем примем участие в процессии, как и планировалось. Дядя, лорд ди Паллиар… прошу вас

выслать как можно больше разведчиков во всех направлениях — нам нужны данные о передвижениях ди Джиронала. Посмотрим, что нам будет известно к завтрашнему вечеру, тогда и примем окончательное решение.

Двое мужчин поклонились и поспешили из комнаты; Кэсерила Исель попросила задержаться.

— Я не хотела спорить с моим дядей, — сказала она с сомнением в голосе, — но я считаю, что ехать в Валенду — это терять время. Как вы думаете, Кэсерил?

— С точки зрения рея и рейны Шалиона-Ибры… Валенда не является стратегически важным объектом как географический пункт. Ею может владеть кто угодно.

— Тогда пусть там застрянут не наши войска, а войска ди Джиронала. Но я подозреваю, что мой дядя не согласится с этим.

Бергон прокашлялся.

— Дороги на Валенду и Кардегосс расходятся не сразу. Сначала это одна дорога. Мы можем сказать, что едем в Валенду, а на развилке свернуть в Кардегосс.

— Сказать кому?

— Да всем. Смотрите, как замечательно полу-

чится — все шпионы канцлера, которые здесь есть, поспешат направить его по ложному пути.

Да, это действительно сын Лиса Ибры… Кэсерил одобрительно кивнул.

Исель поразмыслила над предложением, затем снова нахмурилась.

— Это получится, только если люди моего дяди пойдут за нами.

— Если мы их поведём, мне кажется, у них просто не будет другого выбора.

— Я надеялась избежать войны, а не начинать её, — вздохнула Исель.

— Ну, тогда имеет смысл *не* идти в город, набитый войсками канцлера. Что ты на это скажешь? — предложил Бергон.

Исель загадочно улыбнулась, наклонилась и чмокнула его в щёку; Бергон дотронулся до щеки и тоже улыбнулся.

— Мы *оба* должны принять решение до завтра, — объявила она. — Кэсерил, отправляйте письмо моему брату, как будто мы и не собираемся никуда двигаться из Тариона. При случае мы нагоним его в пути и доставим сами.

Благодаря помощи ди Баосия и старшего настоятеля Кэсерил не испытывал недостатка в добровольцах — ни в городе, ни в храме, — жаждавших

доставить письмо принцессы в Кардегосс. Тех, кто был на стороне молодой пары, становилось всё больше. Не успевшие приехать на свадьбу стекались в город к празднованию Дня Дочери. Молодость и красота притягивают сердца людей, как могущественный талисман; близившийся сезон леди Весны, сезон обновления, стал символизировать для всех начало правления Исель.

И Кэсерил знал, что никто из пребывавших ныне в Тарионе не забудет это время надежд; память о нём будет светиться в их глазах и тогда, когда они будут смотреть на уже умудрённых зрелостью Исель и Бергона.

Поздним вечером, когда большинство горожан укладывались в уютные постели, дюжина избранных посланцев садились в сёдла. Кэсерил провожал их. Он вручил документы настоятелю, который ехал с ними — сдержанному господину, достигшему в ордене Отца этого высокого духовного чина, — и улыбнулся марчу ди Соулду, включённому в отряд в качестве свидетеля со стороны Бергона. Наконец посланцы принца и принцессы тронулись в путь. Палли проводил Кэсерила до дворца ди Баосия и пожелал ему спокойной ночи.

Когда Кэсерил поднимался по лестнице на

галерею, в голове его лёгкой тенью промелькнула мысль, от которой шаги его стали тяжелее. Проклятие ложилось тяжким грузом на самые светлые надежды. Лет десять назад молодой Орико начинал своё правление, будучи таким же энергичным и волевым, как Исель. Он словно верил, что чёрное облако можно победить, если вложить в борьбу достаточно усилий, доброй воли, благородных порывов. Но всё пошло не так…

Есть судьба и похуже, чем стать ди Льютесом Исель, подумал Кэсерил, он может стать её ди Джироналом. Сколько разочарований и разрушительных ударов проклятия сумеет вынести преданный человек, прежде чем начнёт терять рассудок, наблюдая, как молодость и надежды превращаются в дряхлость и отчаяние? И каким бы ни был Орико, он держался очень долго, позволяя следующему поколению выиграть время, поймать удачу. Словно упрямый маленький герой, он затыкал своим телом дыру в плотине, не давая напирающим тёмным водам проклятия затопить тех, кто мог спастись. Пока не захлебнётся и не утонет сам…

Кэсерил приготовился ко сну и к ночной атаке, но Дондо был нынче странно тих. Устал? Собирается с силами? Ждёт… Несмотря на сознание

его зловещего присутствия, Кэсерил, ожидая, незаметно уснул.

Слуга разбудил его за час до рассвета и провёл в один из внутренних двориков, где маленькая свита принца и принцессы ожидала начала службы. Воздух был холодный и влажный, но прямо над головой виднелось несколько звёздочек, обещая скорый и ясный рассвет. Вокруг центрального фонтана, по ибранскому обычаю, были разложены коврики, на которые молящиеся могли вставать на колени или при желании ложиться распростершись. Исель и Бергон стояли на коленях бок о бок. Леди Бетрис встала между принцессой и Кэсерилом. Ди Тажиль и ди Сембюр, позёвывая, поспешили присоединиться к ним вместе с ещё дюжиной дворян рангом пониже и заняли внешнее кольцо ковриков. Настоятель из храма прочёл молитву вслух, затем предложил всем собравшимся помолиться про себя, дабы сезон Дочери осенил их благословением. По всему Тариону гасли огни Зимы. Наконец задули и последнюю свечу. Воцарились глубокая темнота и молчание.

Кэсерил лёг на свой коврик, раскинул руки. Он прочёл две известные ему молитвы Весны по три раза каждую, потом сдался, поняв тщетность

своих попыток вытеснить священными текстами беспокойные мысли. Если позволить мыслям течь своим чередом, может, поток их иссякнет и в наступившей тишине он услышит… что?

Он сменил тему, как недавно заметила Бетрис, чтобы избежать ответа на неудобный, слишком трудный для него вопрос. Он пытался проделать это с богами, но, похоже, они не попались на его удочку.

Исте была дана возможность разрушить проклятие, но она упустила её, а с нею удачу упустило и всё её поколение. Если теперь проиграет он, ему не будет позволено вернуться обратно и попробовать ещё раз. И тогда Исель, или Бергон, или оба сразу займут место Орико и будут держать плотину, пока не захлебнутся, в надежде, что следующее поколение успеет обнаружить новую возможность спасения.

«Им страшно не повезёт с детьми».

Он внезапно понял это с холодной, очетливой ясностью. Все их грандиозные планы и мечты о мире и порядке строятся на появлении сильного, могущественного наследника, который объединит их государства. Они потратят все свои силы и самих себя на детей, которые будут рождаться мёртвыми, безумными, слабыми…

«Ради тебя я взяла бы штурмом замок богов, если б знала, где он».

Он знал, где этот замок. По другую сторону души каждого живого человека. Такой же близкий, как другая сторона монеты, другая сторона двери. Каждая душа — это потенциальная дверь для богов.

«Интересно, а что произойдёт, если все двери вдруг откроются?»

Хлынут ли в наш мир чудеса, опустошив небесные чертоги? Ему внезапно пришла в голову следующая картина: святые — это ирригационные системы богов, каналы, как вокруг Загосура; продуманная, бережная система открывания и закрывания шлюзов, чтобы доставить каждой маленькой душе-ферме её порцию благословения. Если не считать того, что и здесь тоже может прорвать плотину.

Призраки были изгнанниками; они находились не в том мире, словно люди, вывернутые наизнанку. Не может ли случиться обратное? Каково это было бы — стать антипризраком, существовать во плоти в мире духов? Большинство духов тоже не замечало бы его, невидимого, бессильного и бесправного, как призраки в мире людей, которых почти никто не видит?

«И если я могу видеть души, утратившие свои тела, почему я не могу их видеть, пока они ещё на месте?»

А разве он пробовал? Сколько людей находится рядом с ним прямо сейчас? Внезапно разволновавшись, он закрыл глаза и попробовал взглянуть на них внутренним зрением. Где-то за спиной кто-то захрапел на своём коврике; сосед разбудил его безжалостным тычком, испуганно ворча. Если бы получилось, наверное, это было бы всё равно что смотреть на небо сквозь оконное стекло.

Если боги видят только людские души, а не тела — как раз обратное по сравнению с людьми, которые видят тела, но не души, — это объясняет их беспечность и невнимание к таким вещам, как внешность или телесные функции и ощущения. Боль, к примеру. Является ли боль, с точки зрения богов, иллюзией? Может быть, замок богов, рай — это не место, а всего лишь другой угол зрения, другая перспектива?

«А в момент смерти мы ускользаем. Теряем наш материальный якорь, находя… что?»

Смерть проделывает дыру между мирами.

Если одна смерть проделывает маленькую, быстро затягивающуюся щёлку, что же тогда может вспороть миры, пробив… нет, не потайной

ход, через который можно пробраться ползком, а огромную прореху, брешь в стене, куда могли бы хлынуть священные армии?

«А если умирает бог, какой проход возникает между небом и землёй?»

И что же представляло собой благословение-проклятие Золотого Генерала, эта изгнанная оттуда сущность? Какую дверь открыл в себе рокнарский гений, каким *каналом* он был?..

Раздутый живот Кэсерила сжали тиски боли, он повернулся немного на бок, чтобы не давить на него.

«Сейчас самое непонятное место пересечения миров — это я».

Плоть, заключающая в себе два существа, изгнанных из мира духов. Демона, вовсе не принадлежащего этому миру, и Дондо, который должен был уйти, но оказался скованным неискуплёнными грехами. Дондо не хочет к богам. Превратился в сгусток упрямства, впился в тело Кэсерила свинцовой тяжестью абордажного крюка. Если б не Дондо, он мог бы убежать.

«Мог бы?»

Он представил себе, как этот якорь смерти вдруг внезапно и — ха! — чудесным образом исчезает. Он может убежать… но тогда он так и не

узнает, как всё могло бы получиться.

«Ах этот Кэсерил… Продержись он хотя бы ещё один день, ещё одну милю, он мог бы спасти мир. Но он ушёл всего на час раньше, чем надо было…»

И проклятие, по сравнению с которым потерянные души кажутся всего лишь необычным, забавным пустячком, осталось позади. Новая жизнь — вечность? — для того, чтобы снова и снова познавать себя.

Но единственный способ узнать, что же в действительности его ждёт, — это пройти до конца весь путь к смерти.

«Пятеро богов, я и впрямь спятил. Я доковылял бы до самого ада Бастарда только из-за собственного неуёмного любопытства».

Вокруг слышалось дыхание соседей, иногда — шорох одежды. Слабо шумел фонтан. Звуки убаюкивали. Он чувствовал себя одиноким, но по крайней мере в хорошей компании.

«Добро пожаловать в святость, Кэсерил! Благословением богов ты добрался до целого сонма чудес! Беда в том, что тебе не дано из них выбирать…»

У Бетрис всё получилось наоборот. Нужно не штурмовать замок богов, а позволить им штур-

мовать себя. Может ли старый вояка, комендант осаждённой крепости, научиться открывать свои ворота?

«В ваши руки, о Лорды Света, я вручаю свою душу. Делайте то, что вам нужно, чтобы улучшить этот мир. Я в вашем распоряжении».

Небо просветлело, сменив серые краски Отца Зимы на синеву Дочери. В сумерках двора Кэсерил увидел, что тела его соседей начали отбрасывать тени и обретать дар света — цвет. Аромат апельсиновых деревьев тяжело висел во влажном утреннем воздухе, но и он не мог помешать Кэсерилу чувствовать нежный запах волос Бетрис. Совсем закоченев, Кэсерил поднялся на колени.

Откуда-то из дворца донёсся мужской крик и внезапно оборвался. Пронзительно завизжала женщина.

Глава 27

Кэсерил оттолкнулся руками от каменных плит двора, вскочил на ноги и, откинув полу плаща, освободил рукоять меча. Окружающие тоже поднялись и тревожно озирались по сторонам.

— Ди Тажиль, — Бергон взмахнул рукой, — проверьте.

Ди Тажиль кивнул и убежал. Ди Сембюр — его правая рука была ещё на перевязи — сжал и разжал пальцы левой руки и, отправившись вслед за ди Тажилем, неловко попытался дотянуться до меча.

— Нужно запереть ворота, — бросил он на ходу.

Кэсерил быстро окинул взглядом маленький дворик и арку ворот. Их изящные, обитые железом створки ди Тажиль оставил широко распахнутыми. Есть ли здесь ещё одни вход?

— Принцесса, принц, Бетрис — вы не должны оказаться здесь в ловушке. — Он побежал за ди Сембюром. Сердце так и выпрыгивало у него из груди. Если ему удастся выпустить их, прежде чем…

Едва ди Сембюр оказался у арки ворот, внутрь

влетел перепуганный паж.

— Милорды, на помощь! Во дворец ворвались вооружённые люди! — и обернулся с испуганным лицом.

«А вот и они».

Двое мужчин с мечами наголо бежали за пажом. Ди Сембюр, пытавшийся запереть ворота левой рукой, одновременно держа в ней меч, еле уклонился от первого удара. Кэсерил поспешил ему на помощь. Его первый выпад был яростным, но противник парировал удар, и лязг металла эхом отразился от стен.

— Уходите! — крикнул он через плечо. — По крышам, если придётся!

Сможет ли Исель взобраться на крышу в дворцовых нарядах? Он уже не видел, послушались ли они его приказа, так как противник бросился в атаку. Разбойники или солдаты — кто бы они ни были — носили обычную одежду, как у горожан, без всяких опознавательных знаков; они наводнили город, пробравшись в него небольшими отрядами и смешавшись с праздновавшим народом.

Ди Сембюр с плеча рубанул своего противника. Тот начал валиться на землю, но его тяжёлый ответный удар пришёлся по правой руке ибранца.

Ди Сембюр побледнел и со сдавленным стоном упал на спину. Из-за угла появился другой солдат и побежал к воротам; на нём были баосийские чёрный и зелёный цвета. Поначалу сердце Кэсерила дрогнуло в надежде, но он тут же узнал бывшего капитана охраны Тейдеса — похоже, тот вполне овладел наукой предательства.

Губы капитана при виде старого врага злобно скривились, он, мрачно скалясь, крепче сжал меч и поспешил присоединиться к противнику Кэсерила. У Кэсерила не оставалось ни мгновения между ударами, чтобы свободной рукой попытаться прикрыть ворота, да и умирающий противник ди Сембюра упал как раз между створками. Единственное — и, вероятно, самое лучшее на сегодняшний день — преимущество заключалось в том, что в узком пространстве ворот его противники могли атаковать только по очереди. Рука Кэсерила всё больше немела от ударов, отдававшихся через клинок в рукоять, живот сводили болезненные спазмы. Но каждый его судорожный вдох и выдох давал возможность Исель, Бергону и Бетрис сделать ещё один шаг к спасению. Один шаг, два, три… Где ди Тажиль? Девять шагов, одиннадцать, пятнадцать… Сколько ещё людей подоспеет сюда следом за этими? Его

клинок рубанул по подбородку первого противника, тот с воем отшатнулся и схватился руками за окровавленное лицо, но капитан только выиграл, получив больший простор для атаки. На руке его до сих пор было кольцо с зелёным камнем, доставшееся ему от Дондо. Оно сверкало, когда его меч отбивал удары Кэсерила и наносил свои. Сорок шагов. Пятьдесят…

Мир сузился; Кэсерил уже хотел выиграть не день, и не эту схватку, и не свою жизнь, а всего лишь ещё один шаг. Каждый шаг — маленькая победа. Шестьдесят… он сбился со счета. Начать сначала.

«Раз. Два. Три…»

«Наверное, я сейчас умру. Всего лишь во второй раз». Он плакал в глубине души оттого, что всё было зря, что этой смерти будет недостаточно. Рука дрожала от усталости. Здесь нужен был воин, мастер меча, а не секретарь, но на утренней службе принца и принцессы присутствовали всего несколько дворян. И никто не придёт к нему на помощь? Наверняка даже старый слуга мог бы взять что-нибудь в руки и швырнуть во врага… двадцать два…

Может, ему удастся отступить через двор к лестнице? Успели ли уже Бергон и дамы уйти наверх?

Он бросил короткий взгляд назад и сразу понял, что это было ошибкой — он сбился с ритма; меч капитана с противным лязгом выбил клинок из его онемевшей руки. Сталь зазвенела, ударившись о камни, упавший меч завертелся. Баосиец бросился в проём ворот и сбил Кэсерила с ног. Ещё полдюжины атакующих ворвалось следом за ним и бросились через двор; самые осторожные и опытных пинали Кэсерила, пробегая мимо, чтобы не дать ему встать. Он так и не понял, кто они, но не сомневался в том, кому они служат.

Кашляя, он повернулся на бок, как раз вовремя, чтобы увидеть ди Джиронала, который, изрыгая проклятия, быстрым шагом входил в ворота в сопровождении ещё полудюжины людей. Ди Сембюр скорчившись лежал на земле, страдальчески скрипя зубами. Спаслись ли Исель и Бергон? Через чёрную лестницу? Или по крыше? Кэсерил молил богов, чтобы они не заперлись с перепугу в своих покоях. Ди Джиронал направился к лестнице на галерею, где его поджидал небольшой отряд его людей.

— Мартоу! — взревел Кэсерил, поднимаясь на колени.

Ди Джиронал резко обернулся.

— Ты!

Повинуясь его жесту, баосийский капитан вместе с другим солдатом схватили Кэсерила под руки и подтащили к ногам ди Джиронала.

— Ты опоздал! Она замужем и уже побывала на брачном ложе! Ты ничего не можешь сделать! Шалион приобрёл Ибру за самую лучшую цену, и вся страна празднует эту удачу. Она — Дитя Весны и радость богов. Ты не можешь победить её. Сдавайся! Спасай свою жизнь и жизнь своих людей.

— Замужем? — прорычал ди Джиронал. — Овдовеет, если надо. Она сумасшедшая предательница, она продалась Ибре, и на ней проклятие, а на мне — нет!

Он снова двинулся к лестнице.

— Это ты продаёшь всех, Мартоу! Ты продал Готоргет за рокнарские деньги, от которых я отказался. А потом ты продал меня в рабство на галеры, чтобы заставить меня замолчать! — Кэсерил окинул свирепым взглядом заколебавшихся солдат. «Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь…» — Этот лжец продаёт своих собственных людей. Следуйте за ним, и вы рискуете тоже оказаться преданными, как только он почует прибыль!

Ди Джиронал снова обернулся и вытащил меч.

— Я заткну твою пасть, ты, жалкий дурак! Под-

нимите его.

«Подожди, нет…»

Двое солдат, державших Кэсерила, дёрнулись, подались в сторону, глаза их расширились, когда ди Джиронал, шагнув вперёд, ухватил обеими руками меч и взмахнул им.

— Милорд, это убийство! — нерешительно пробормотал тот, что был слева от Кэсерила. Нанести удар, который снёс бы Кэсерилу голову, ди Джиронал не мог — мешали собственные люди, державшие жертву; канцлер отказался от первоначального намерения и решил нанести удар в живот. Он послал меч вперёд, вложив в удар всю мощь своей ярости. Сталь, пронзив шёлк туники и мышцы, вошла в живот, силой удара чуть не отбросив Кэсерила назад.

Звуки стихли. Меч скользил внутрь так медленно, как жемчужина, тонущая в меду… и совершенно безболезненно. Красное лицо ди Джиронала застыло в гримасе бешенства. Солдаты выпустили руки Кэсерила и отпрянули в стороны, разинув рты, но так и не издав испуганного крика.

Только Кэсерил услышал радостный, триумфальный вопль демона смерти, который, оставляя за собой на металле раскалённый докрасна

след, метнулся вверх по лезвию меча к руке ди Джиронала. С криком боли вслед за демоном из живота вытекла чёрная жижа — Дондо. Вокруг державшей меч руки канцлера засверкали бело-синие искры, обвивая её, словно плющом, а затем охватили всё его тело. Очень медленно голова ди Джиронала откинулась назад, и из открытого рта вылетело белое пламя — его душа была вынута из тела. Волосы Мартоу встали дыбом, глаза расширились и выпучились. Меч под тяжестью своего падающего хозяина всё ещё входил внутрь живота Кэсерила, и обожжённая плоть страшно шипела. Белое, чёрное и красное свились в клубок, переплелись и устремились в никуда. Душа Кэсерила, тоже оказавшись затянутой в этот смерч, поднималась из его тела, словно столб дыма. Три смерти и демон, сплетённые вместе. Они уплывали в сине-голубое Присутствие…

Сознание Кэсерила взорвалось.

Оно раскрывалось всё шире, всё глубже, всё дальше, пока весь мир не раскинулся под ним, видимый словно с вершины высокой горы. Но это было не царство материи. Это был мир духов; краски его, которые не имели названия и сверкали, как бриллианты, вызвали у Кэсерила восхитительное волнение. Он слышал шёпот

всех сознаний в мире, похожий на вздохи ветра в лесу — когда шелест каждого отдельного листочка звучит и сам по себе, и в общем хоре, сохраняя свою индивидуальность. Он слышал крики боли и плач всех живых существ мира. Чувствовал их стыд и радость. Надежду, отчаяние и страстное желание… Тысяча тысяч мгновений тысячи тысяч жизней протекали сквозь его развернувшуюся во всю ширь душу.

С переливавшейся бликами поверхности где-то внизу отрывались и всплывали вверх пузырьки тех же неописуемых, мерцающих цветов мира душ. Они один за другим поднимались, кружась, словно в танце, — сотни, тысячи огромных капель дождя, падающих в небо…

«Вот она, смерть… души, прибывающие через разрывы тени между этим миром и миром материи».

Души, выношенные и вызревшие в телах того мира, проходили сквозь смерть в новое странное рождение.

«Их так много, так много, так много…»

Его разум не мог вместить всех, и видение растаяло, словно вода пролилась из сложенных ладоней через неплотно сжатые пальцы.

Когда-то, в смутных юношеских представле-

ниях, леди Весны виделась ему милой, нежной девушкой. Богословы и Ордолл едва ли продвинулись дальше, описывая её как прелестную, бессмертную и вечно молодую леди. Она — это всеобъемлющее Сознание — воспринимала одновременно каждый крик и каждую песню мира. Она с наслаждением и радостью смотрела на стремящиеся вверх во всей их непостижимой красоте души, словно садовник, любующийся своими цветами и вдыхающий их аромат. Теперь это Сознание обратило всё своё внимание на Кэсерила.

Кэсерил растворился, расплавился и каплей упал в её ладони. Ему показалось, что она выпила его, высвободив из неистовых объятий демона и братьев ди Джиронал, которые отправились куда-то в иное место. Затем она сдула его со своих губ — обратно, вниз, по всё более суживающейся спирали, через отверстие между мирами — через его смерть — снова в тело. Лезвие меча ди Джиронала прошло насквозь и вышло из спины. Кровь вокруг раны алела, словно распускающаяся роза.

«А теперь за дело, — прошептала леди. — Откройся мне, милый Кэсерил».

«Можно мне посмотреть?» — взволнованно спросил он.

«Ты можешь видеть всё, что способен вынести».

И он вернулся на своё привычное место, а богиня проплыла через него в мир. Губы Кэсерила изогнулись в улыбке — или только начали изгибаться; тело было таким же неповоротливым и двигалось так же медленно, как и у всех окружавших его людей. Кажется, он опускался на колени. Труп ди Джиронала ещё падал на плиты двора, хотя меч его сведённые судорогой пальцы уже выпустили. Ди Сембюр поднимался, опираясь на здоровую руку, его рот был открыт — он собирался крикнуть: «Кэсерил!» Кто-то падал ниц, а кто-то, повернувшись, начал бежать прочь.

Богиня собирала проклятие Шалиона в руки, словно густую чёрную шерсть. Где-то на улицах Тариона она сняла его с Исель и Бергона; затем — с Исты в Валенде, с Сары в Кардегоссе. Со всей земли Шалиона — с гор, равнин и рек. Кэсерил не почувствовал только Орико в этом тёмном тумане. Леди отослала собранную тьму обратно, в другой мир; тьма, закружившись и свившись в спираль, прошла сквозь Кэсерила на ту сторону, где сразу потеряла свой чёрный цвет. Он не мог понять, стала она нитью, или потоком сверкающей чистой воды, или вина, или чем-то ещё более

удивительным и прекрасным.

Там ожидало иное Присутствие — торжественное и серое, — принявшее это нечто к себе. И в себя… затем Оно вздохнуло с облегчением… как будто обретя завершённость… или равновесие…

«Я думаю, это была кровь бога».

Пролитая, смешавшаяся с грязью, вновь собранная и очищенная. И наконец возвращённая обратно…

«Я не понимаю. Иста ошиблась? Или я сбился, считая свои смерти?»

Богиня рассмеялась.

«Подумай сам…»

Затем необъятное синее Присутствие вылилось через него из мира плоти стремительным потоком, словно река, летящая водопадом с горы. От пронзительной красоты зазвучавшей в его душе музыки сжалось сердце — он знал, что не сможет вспомнить этих звуков, пока не попадёт снова в её царство. Огромная рана в тени между мирами была закрыта. Залечена. Заперта.

И тут всё исчезло.

Он упал на колени, и твёрдость каменных плит под ними была первым, что он почувствовал, вернувшись. Изо всех сил стараясь держаться прямо, чтобы меч не рассёк его пополам, Кэсерил осел

на пятки. В результате жестокого удара снизу вверх рукоять и не вошедшая в тело часть лезвия смотрели вниз. Меч вошёл в живот чуть ниже и левее пупка, а вышел правее позвоночника и выше. Теперь пришла боль. Когда он сделал первый судорожный вдох, лезвие задрожало. Вонь опалённой плоти ударила в ноздри, заглушив небесный аромат весенних цветов. Кэсерила заколотило. Но он пытался держаться очень прямо и неподвижно.

Ему мучительно хотелось захихикать. Но будет больно. Ещё больнее…

Запах палёного шёл не только от него. Перед Кэсерилом лежал ди Джиронал. Кэсерилу доводилось видеть обгоревшие трупы, но все они горели снаружи, этот же сгорел изнутри. Волосы канцлера и его одежда слегка дымились, но потом перестали.

Внимание Кэсерила привлёк маленький камешек у колена. Он был такой *плотный.* Такой *постоянный.* Боги не способны были поднять даже пёрышко, а он, обычный человек, мог запросто взять этот древний, неизменный предмет и положить его куда угодно — хоть себе в карман. Интересно, почему он раньше не относился с должным почтением к упрямой верности ма-

терии? Сухой лист чуть поодаль заворожил его своей сложностью ещё сильнее. Материя имела великое множество *форм,* являя собою неизъяснимую красоту, а сознания и души исходили из неё словно музыка из инструмента… материя для богов была поразительной и непостижимой. Кэсерил не мог понять, почему он не замечал этого раньше. Его собственная дрожащая рука была чудом, как и дивной работы металлический меч в его животе, как были чудом апельсиновые деревья в кадках — одно опрокинули, но, даже сломанное, оно казалось потрясающе красивым, — и сами кадки, и первые песни птиц, и вода — о пятеро богов, вода! — в фонтане, и лучи утреннего солнца, озарившие небо…

— Лорд Кэсерил! — раздался в стороне слабый голос. Он опустил глаза и увидел подползшего к нему ди Сембюра.

— Что это было? — Ди Сембюр чуть не плакал.

— Чудеса. — Слишком много сразу и в одном месте. Он был переполнен чудесами. Они бросались в глаза, куда бы он ни посмотрел.

Разговаривать было ошибкой — от напряжения боль в животе усилилась. Но он мог говорить. Похоже, лёгкие меч не задел. Ему страшно хотелось откашляться и сплюнуть кровь, но он представ-

лял, как это будет больно.

«Так, значит, досталось моим кишкам. Я снова умру через три дня».

До него доносился слабый запах кала, примешивавшийся к запаху горелого мяса и аромату богини. И всхлипывания… нет, погодите, пахнет не от него. Рядом свернулся калачиком баосийский капитан. Он, обхватив голову руками, плакал и раскачивался. Непохоже, чтобы был ранен. Ну конечно же — он ведь ближайший живой свидетель, богиня, должно быть, коснулась его, проходя через Кэсерила.

Кэсерил рискнул сделать ещё одно усилие.

— Что ты видел? — спросил он ди Сембюра.

— Этот человек… это был ди Джиронал?

Кэсерил осторожно кивнул.

— Когда он ударил вас, раздался страшный треск, и он вспыхнул синим пламенем. Он… его… это боги покарали его?

— Не совсем. Это… несколько сложнее…

Во дворе было до странности тихо. Кэсерил отважился повернуть голову. Примерно половина головорезов и несколько слуг Исель лежали, распростершись, на земле. Некоторые шёпотом бормотали молитвы, другие плакали, как баосийский капитан. Остальные исчезли.

Кэсерил подумал, что теперь ему понятно, почему человек должен был отдать жизнь три раза, чтобы снять проклятие. Первые две смерти необходимы были в качестве подготовки. И самая первая его смерть — чтобы научить его принимать смерть тела — случилась, когда его секли на галере. Он не обсчитался — та смерть ещё не была во имя Дома Шалиона, но стала ею после свадьбы Бергона и Исель; объединившись в единое целое, они разделили и проклятие, и принесённую жертву. Тайное приданое Бергона, не иначе. Кэсерил надеялся, что успеет перед смертью рассказать ему об этом. Принц будет доволен. Вторая смерть — в башне Фонсы, в окружении воронов — была смертью души. И потому, когда дело дошло до третьего испытания, он уже мог быть спокойным и надёжным помощником для богини… на ум ему опять пришло сравнение с обученным мулом.

Послышались торопливые шаги. Кэсерил поднял глаза и увидел бегущего ди Тажиля, растрёпанного и пошатывающегося. Меч его был в ножнах. Он вбежал во двор и резко остановился.

— Ад Бастарда! — мельком взглянул на своего ибранского приятеля. — Ты в порядке, ди Сембюр?

— Эти сукины дети снова сломали мне руку. Вот с ним — ужас что такое. Что там снаружи?

— Ди Баосия поднял людей и выставил всех, кто ворвался во дворец. Сейчас царит полная неразбериха, но уцелевшие солдаты ринулись к храму.

— Штурмовать его? — встревоженно спросил ди Сембюр и попытался подняться на ноги.

— Нет. Сдаться вооружённым людям, которые не разорвут их в клочья. Похоже, все жители Тариона высыпали на улицы, чтобы разобраться с ними. А женщины особенно беспощадны. Ад Бастарда, — повторил он, разглядывая дымящееся тело ди Джиронала, — кто-то из шалионцев кричал, что видел, как канцлера поразила молния прямо с ясного неба, за то, что он устроил побоище в День Дочери. Я не поверил.

— Я сам это видел, — подтвердил ди Сембюр. — Раздался такой жуткий звук, он даже не успел вскрикнуть.

Ди Тажиль оттащил труп канцлера в сторону и, присев на корточки перед Кэсерилом, испуганно уставился на меч в животе. Потом заглянул Кэсерилу в лицо.

— Лорд Кэсерил, необходимо попробовать вытащить меч. Лучше сделать это прямо сейчас.

— Нет… погодите… — Кэсерил видел однажды человека, который прожил со стрелой в груди около получаса и умер, истекая кровью, как только стрелу вытащили. — Сначала я хочу увидеть леди Бетрис.

— Милорд, не можете же вы сидеть так!

— Ну, — рассудительно сказал Кэсерил, — чего я точно не могу, так это шевелиться…

Он начал задыхаться, едва заговорил. Плохо. От холода его била дрожь. Но боль была не такой сильной, как он ожидал, может, потому, что он сидел неподвижно. И пока он сидел совсем неподвижно, ему всяко было не хуже, чем когда в него впивались когти Дондо.

Двор наполнялся людьми. Голоса, восклицания, стоны раненых, рассказы, повторяющиеся снова и снова… Кэсерил не обращал на них внимания, вернувшись к созерцанию камешка. Скала? Гора? Откуда? Сколько ему лет? Кэсерил был поглощён этими мыслями всецело. И если поглотить его внимание так полно мог маленький камешек, что же говорить о большой горе? А боги уделяют внимание горам и всему остальному — всему сразу. Такое же внимание, какое он уделяет чему-то одному. Он видел это глазами богини. Продлись это чуть дольше, чем тот бесконечный миг, его

душа, наверное, разорвалась бы. Возможно, поэтому он чувствовал себя таким странно тесным. Был ли тот миг подарком или неосторожной случайностью?

— Кэсерил!

Дрожащий голос — голос, которого он так ждал. Он поднял глаза. Если камешек был удивительным, то лицо Бетрис — поразительным. Он часами мог бы рассматривать только линии её носа. И ради этого куда более увлекательного процесса тут же оставил камень. Но в её карих глазах блестели слёзы, а лицо было бледным. Это было неправильно. А хуже всего — исчезли ямочки на щеках.

— Это ты, — радостно сказал он. Голос прозвучал глухим карканьем. — Поцелуй меня.

Она проглотила слёзы и, встав рядом с ним на колени, потянулась к его лицу. Её губы были тёплыми. Их аромат был ароматом не богини, а женщины — такой чудесный! Кэсерил прижался к ним своими холодеющими губами, словно пытаясь позаимствовать немного тепла и молодости. Да. Он купался в чудесах каждый день своей жизни и даже не подозревал об этом.

Он отклонил голову назад.

— Хорошо. — Он не добавил: «Этого достаточ-

но», потому что это было не так. — Теперь можно вытащить меч.

Его окружили люди, в основном незнакомые, с озабоченными лицами. Бетрис вытерла слёзы, расстегнула на нём камзол, поднялась на ноги и встала рядом. Кто-то взял его за плечи. Паж протянул сложенную тряпку, чтобы заткнуть рану, ещё кто-то держал наготове длинные полоски ткани, чтобы сразу перевязать её.

Кэсерил оглянулся. Бетрис здесь, следовательно, Исель должна быть… должна быть…

— Исель, Бергон?

— Я здесь, лорд Кэс, — раздался голос Исель. Она встала перед ним, запыхавшаяся, бледная, испуганная. Принцесса сбросила на ходу свою верхнюю тяжёлую мантию. Тёмное облако проклятия тоже было сброшено… или нет? Да, решил он. Внутреннее зрение его постепенно угасало, но он точно знал, что проклятия больше нет.

— Бергон с моим дядей, — продолжала она, — помогает очистить город от оставшихся людей ди Джиронала. — Её голос был твёрд, несмотря на потоком бегущие по лицу слёзы.

— Чёрная тень снята, — сказал он, — и с вас, и с Бергона. Со всех.

— Как?

— Я расскажу об этом, если останусь в живых.

— Кэсерил!

Он коротко улыбнулся, услышав знакомую возмущённую интонацию, с которой она произнесла его имя.

— Тогда живите! — Её голос задрожал. — Я… я приказываю вам!

Ди Тажиль опустился на колени перед Кэсерилом. Тот коротко кивнул.

— Тяните.

— Очень ровно и осторожно, лорд ди Тажиль, — настойчиво указала Исель, — чтобы не поранить его ещё больше.

— Да, миледи. — Ди Тажиль облизнул пересохшие губы и взялся за рукоять.

— Осторожно, — задохнулся Кэсерил, — но не так медленно, пожалуйста…

Лезвие вышло из его тела; из раны хлынула тёплая струя. Кэсерил надеялся, что потеряет сознание, но только напрягся всем телом, когда к животу его прижали тряпку. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть лужу крови, но не увидел ничего, хотя бы отдалённо напоминавшего кровь, — это была прозрачная бледно-розовая жидкость.

«Меч, наверное, проткнул опухоль».

Которая, как выяснилось, не была вмести-

лищем демонического зародыша, о которых рассказывал Роджерас и которые являлись Кэсерилу по ночам в кошмарах.

«В любом случае уже не была».

По толпе прокатился ропот изумления, когда в воздухе от этой жидкости разлился лёгкий аромат небесных цветов.

Тогда Кэсерил, враз обессилев и размякнув, упал на руки своих помощников. Ему удалось прихватить с собой камешек, прежде чем эти руки подняли его и внесли по лестнице в спальню. Друзья были возбуждены и испуганы, а он восхитительно расслаблен и спокоен. Чудесно спокоен. И когда его уложили в постель и Бетрис взяла его за руку, он сжал её руки, не желая отпускать.

Глава 28

Из дрёмы Кэсерила выдернули тихие, приглушённые голоса у дверей. В комнате царила темнота. Одинокая свеча, разгонявшая этот мрак, подсказала ему, что уже наступила ночь.

Он услышал, как шепчет врач:

— Он спит, принц… рейна…

— Нет, не сплю, — нетерпеливо отозвался Кэсерил, — входите, — напрягся было, чтобы сесть, но передумал. — Зажгите свечи. Побольше. Я хочу вас видеть.

В спальню его ввалилась целая толпа, посетители старались вести себя тихо и чинно, словно внезапно смутившиеся гуляки. Исель и Бергон вместе с Бетрис и Палли, а также старший настоятель Тариона и судья Отца окружили его ложе. Они заполнили всю комнату. Кэсерил ласково улыбался им всем из своего горизонтального рая чистых простыней и покоя, пока в спальне одну за другой зажигали свечи.

Бергон встревоженно посмотрел на него и хрипло прошептал врачу:

— Ну, как он?

— В моче ещё было немного крови, но уже зна-

чительно меньше, чем вчера. Жара тоже уже нет. Я не осмеливаюсь давать ему больше нескольких глотков чая, пока мы не узнаем, как заживает рана. Даже не представляю, какую боль он терпит.

Кэсерил решил, что предпочёл бы говорить о себе сам:

— Я ранен, и в этом нет сомнений.

Он сделал попытку приподняться и поморщился.

— Хотелось бы сесть немного повыше. Не могу разговаривать, ничего не видя, кроме ваших носов.

Палли и Бергон бросились помогать ему. Бережно приподняли и подложили под спину взбитые подушки.

— Спасибо, — сказала Исель врачу, который поклонился и, правильно поняв намёк, отошёл от кровати.

Кэсерил устроился поудобнее и, вздохнув, спросил:

— Ну, что нового? Тарион ещё атакуют? И хватит трагически шипеть, говорите нормально.

Стоявшая в изножье его кровати Исель загадочно улыбнулась.

— Новостей довольно много, — сказала она своим обычным твёрдым голосом. — Ди Джиро-

нал отправил приказ своим войскам в Валенде и Тистане как можно скорее идти в Тарион, чтобы помочь засланным им людям похитить меня во время праздника. Прошлой ночью отряд из Валенды столкнулся с нашими посланцами, которые везли письмо Орико в Кардегосс, и захватил их.

— Живыми? — взволнованно спросил Кэсерил.

— Была небольшая стычка, но, слава богам, никто не убит. После чего в их лагере начались долгие споры.

Что ж, он, кажется, и впрямь выбрал самых благоразумных людей из всех достойных кандидатур, предложенных городом Тарионом.

— После полудня мы пошли с ними на переговоры. Отправили, помимо парламентёров, и несколько солдат ди Джиронала, которые были свидетелями его гибели, чтобы они… чтобы они подтвердили, что его убил синий огонь… чем бы этот огонь ни был. Они плакали и несли бог весть что, но не поверить им было невозможно. Кэсерил, что же на самом деле… ох… говорят, что Орико умер.

Кэсерил вздохнул.

«Я так и знал».

— Когда?

Старший настоятель Тариона ответил:

— Это не совсем ясно. Сегодня днём к нам прискакал курьер храма, привёз мне письмо от старшего настоятеля Менденаля с сообщением, что смерть наступила ночью после свадьбы принцессы… то есть рейны. Но люди ди Джиронала утверждают, что Орико умер ночью накануне свадьбы, сделав таким образом канцлера полноправным регентом Шалиона. Мне кажется, это ложь. Но, полагаю, сейчас это не важно.

«Но это было бы важно, если бы события развивались по-другому…»

Кэсерил задумчиво нахмурился.

— В любом случае, — вставил Бергон, — узнав о вселяющей страх кончине ди Джиронала и о поражении его людей в Тарионе, а также поняв, что они выступают против своей полноправной рейны, войска сдались. Солдаты возвращаются домой. Я только что наблюдал за их уходом. — Он и в самом деле был весь в грязи, и в глазах его светилось радостное возбуждение и облегчение.

— Думаете, теперь настанет мир? Ди Джиронал держал в руках концы сетей немалой власти, и многие, имевшие к этому отношение, ещё могут захотеть рискнуть.

Палли фыркнул и покачал головой.

— У них больше нет поддержки ордена Сына — тот остался без генерала, и, что ещё хуже, из их рук уплыл контроль над этим орденом. Клану ди Джиронала придётся научиться смирению и осторожности.

— Провинкар Тистана уже прислал мне письмо с заверениями в своей лояльности, — сказала Исель. — Похоже, оно было составлено в большой спешке. Мы думаем подождать ещё день, чтобы убедиться, что на дорогах всё спокойно, и возблагодарить богов в храме Тариона. Затем мы с Бергоном отбудем в Кардегосс в сопровождении конницы моего дяди, на похороны Орико и мою коронацию. — Уголки её губ опустились. — Я боюсь, вам придётся ненадолго остаться здесь, лорд Кэс.

Он встретился взглядом с Бетрис, её глаза потемнели от огорчения. Куда бы ни ехала Исель, Бетрис, её первая фрейлина, должна следовать за ней.

Исель продолжала:

— Не говорите, если это причиняет вам боль, Кэсерил, но… что произошло во дворе? Дочь на самом деле убила ди Джиронала своим огнём?

— Его тело так и выглядело, — сказал Бергон, — хорошо пропечённым. Я никогда не видел ничего

подобного.

— Это очень интересная история, — медленно произнёс Кэсерил. — Вам следует знать правду, но… полагаю, правда эта не должна выйти за пределы этих стен, не так ли?

Исель вежливо попросила врача оставить их, затем посмотрела на судью.

— А кто этот господин, Кэсерил?

— Это достопочтенный Паджинин. Он… в некотором роде мой коллега. И ему, и настоятелю будет полезно послушать.

Все окружили Кэсерила и затаили дыхание. Ни Паджинин, ни настоятель, ни Палли не знали о Дондо и демоне, так что Кэсерилу пришлось повести свой рассказ с самого начала. Он постарался как можно короче поведать о том, как пытался убить Дондо смертельной магией, и о том, что из этого вышло. И очень надеялся, что рассказ его звучит связно и не походит на лепет безумца.

— Старший настоятель Кардегосса знает об этом, — заверил он поражённых, даже шокированных тарионцев. Лицо Палли выражало нечто среднее между изумлением и отвращением; Кэсерил виновато избегал его взгляда. — Но когда ди Джиронал приказал своим людям держать меня, безоружного, и ударил мечом… когда он убил ме-

ня… демон смерти схватил нас всех: спутанный клубок жертв и убийц. Точнее, демон забрал ди Джироналов, но я каким-то образом оказался к ним привязанным. А потом… потом я увидел… богиню… — Голос у него сел. — Я не знаю, какими словами описать тот мир. Это невозможно. Будь в моём распоряжении все слова всех языков, которые когда-либо существовали или будут существовать, и говори я хоть до конца времён, это всё равно осталось бы невозможным… — Он задрожал, глаза затуманились слезами.

— Но ты же на самом деле не умер? — беспокойно спросил Палли.

— О, я умер. Только ненадолго… хотя, если взглянуть на дело с другой стороны… гм… Если бы я не умер, мне не удалось бы открыть проход между мирами и богиня не смогла бы войти в наш мир и забрать проклятие. Насколько я понял, оно оказалось каплей крови Отца, хотя как вышло, что Золотой Генерал получил её в дар, я не знаю. Впрочем, это скорее метафора. Прошу прощения. У меня… у меня не хватает слов рассказать о том, что я видел. Это всё равно что взять тень от ведра и пытаться нести в ней воду.

«А наши души так иссушены».

— Леди Весны позволила мне смотреть её гла-

зами, и хотя моё второе зрение покинуло меня, мне кажется, мои глаза видят всё по-прежнему не совсем так, как раньше…

Настоятель осенил себя священным знаком. Паджинин откашлялся и робко проговорил:

— И правда, милорд, вы больше не излучаете этот болезненный для глаз неописуемый свет.

— Нет? Как хорошо. Но ведь чёрное облако над Исель и Бергоном тоже исчезло?

— Да, милорд. Принц, рейна, с вашего позволения… Тени над вами больше нет.

— Значит, всё в порядке. Боги, демоны, призраки — все ушли. Во мне не осталось ничего сверхъестественного, — счастливо улыбаясь, подвёл итог Кэсерил.

На лице Паджинина мелькнуло то ли сомнение, то ли усмешка.

— Я бы не сказал… — пробормотал он.

Настоятель резко толкнул судью локтём в бок и тихо прошептал:

— Но он же говорит правду? Это звучит так дико…

— О да, ваше преосвященство. В этом нет сомнений. — В мягком взгляде, которым Паджинин окинул Кэсерила, было куда больше понимания, чем в изумлённом, исполненном благоговейного

страха взгляде настоятеля.

— Завтра утром, — объявила Исель, — Бергон и я отправимся в храм с благодарственной процессией. Мы пойдём туда босиком, чтобы выразить богам нашу признательность.

— Ох. Будьте очень осторожны. Не наступите на битое стекло или ржавые гвозди!

— Мы всю дорогу будем смотреть под ноги, — пообещал Кэсерилу Бергон.

Кэсерил посмотрел на Бетрис; рука его, лежавшая поверх одеяла, медленно двинулась в сторону её руки. Он тихо сказал ей:

— Знаете, меня больше не преследуют призраки. Никакие. Великий груз снят с души. Освободиться от такого — это… это…

Голос у него звучал от усталости всё тише. Бетрис перевернула свою руку, прикрытую его ладонью, и незаметно сжала его пальцы.

— А теперь мы уйдём, чтобы вы смогли как следует отдохнуть, — сказала Исель, снова беспокойно сведя брови. — Вам что-нибудь нужно, Кэсерил? Вы чего-нибудь хотите? Хоть чего-нибудь?

Он чуть не сказал: «Нет, ничего», но передумал и пробормотал:

— О да. Я хочу музыки.

— Музыки?

— Наверно, спокойной такой, — предположила Бетрис, — чтобы убаюкала его.

Бергон улыбнулся.

— Если вы не против, займитесь этим, леди Бетрис.

Посетители на цыпочках — но всё равно шумно — потянулись к выходу. Вернулся врач. Он дал Кэсерилу чай, чтобы потом тот помочился в баночку. Взяв в руки добытое сокровище, врач долго с подозрением разглядывал при свете свечей содержимое, бормоча что-то себе под нос.

Наконец вернулась Бетрис и привела молодого и довольно нервного лютниста, которого, похоже, выдернула из объятий сладкого сна. Он размял пальцы, настроил лютню и сыграл семь коротких пьес. Ни одна из них не была той, которую так жаждал услышать Кэсерил; ни одна не напоминала о леди и о её душах-цветах, пока лютнист не заиграл восьмую. Эта пьеса носила на себе лёгкий след мира богов. Кэсерил заставил музыканта повторить её ещё два раза и немного всплакнул. Бетрис поэтому решила, что он слишком устал и должен отдохнуть. И увела музыканта.

Кэсерил так и не успел рассказать ей, какое чудо — её нос. Попытался было поведать об этом

врачу, но тот в ответ влил в него большущую ложку макового сиропа, после чего они не беспокоили друг друга до самого утра.

Через три дня раны Кэсерила перестали источать пахнувшую цветами жидкость и начали заживать. Врач разрешил ему немного жидкой овсянки на завтрак. Это оживило Кэсерила настолько, что он настоял, чтобы ему позволили посидеть во дворе на весеннем солнышке. Выяснилось, что для подобной экспедиции требуется огромное количество слуг и помощников, но наконец Кэсерил был благополучно усажен в кресло среди бессчётного множества шерстяных и пуховых подушек, а его ноги уложили на другое мягкое кресло. Он разогнал своих помощников и отдался восхитительному безделью. Тихо журчал фонтан, на апельсиновых деревьях распустилось ещё больше душистых цветов. Парочка чёрно-оранжевых птичек деловито сновала туда-сюда с сухими травинками и веточками в клювах — они строили гнездо на одной из колонн галереи. Внушительная пачка бумаг и связка перьев лежали, забытые, на столике у локтя Кэсерила, а он неотрывно смотрел на маленьких неутомимых строителей.

С тех пор как царственные гости и их лорды и

леди покинули Тарион, во дворце ди Баосия было очень тихо.

Кэсерил с ленивой радостью улыбнулся, когда со скрипом распахнулись обитые железом ворота и появился Палли. Новой рейной на марча была возложена скучная задача присматривать за её выздоравливающим секретарём, в то время как все остальные отбыли в столицу. Кэсерилу это казалось крайне несправедливым — разве это достойная награда за верную службу? Палли ухаживал за ним так искренне и трогательно, что Кэсерил, который хотел бы, чтобы Исель оставила вместо него леди Бетрис, чувствовал угрызения совести.

Палли, ухмыльнувшись, шутливо отсалютовал и уселся на бортик фонтана.

— Что ж, кастиллар! Ты выглядишь значительно лучше. Очень даже вертикально. А это что? — Он кивнул на бумаги. — Работа? Вчера перед отъездом твои дамы велели, чтобы я не разрешал тебе заниматься целой кучей вещей, большинство из которых я — тебе на радость — забыл, но я совершенно уверен, что работа в этом списке наверняка была на первом месте.

— Да нет, — отмахнулся Кэсерил, — я собирался написать кое-что в манере Бихара, но потом уви-

дел этих птиц… вон, полетела. — Он замолчал, показывая Палли на чёрно-оранжевую птичку. — Люди восхваляют птиц за их строительное мастерство, но эти, клянусь богами, — полные неумёхи. Может, они молоды, и это их первая попытка. Впрочем, они довольно упорны. С другой стороны, если бы мне пришлось строить хижину, пользуясь только ртом, я бы выглядел не лучше. Я просто должен написать поэму во славу птиц. Если то, что мы можем встать и пойти, является чудом, то насколько более чудесно — встать и полететь!

Палли ошеломлённо уставился на друга.

— Это поэзия или жар, Кэс?

— О, это жар стиха, лихорадка гимна. Знаешь, боги обожают поэтов. Песни и стихи состоят из того же материала, что и души; они проникают из мира в мир почти беспрепятственно. А резчики по камню… боги восхищаются ими тоже. — Он прищурился на солнце и ухмыльнулся, глядя на Палли.

— Тем не менее, — сухо проговорил тот, — кое-кто считает, что твоя вчерашняя ода носу леди Бетрис была тактической ошибкой.

— Но я же не смеялся над ней! — запротестовал Кэсерил. — Она очень сердилась на меня, когда

уезжала?

— Нет-нет, она не сердилась! Она просто решила, что у тебя был жар, и очень беспокоилась из-за этого. На твоём месте я бы всё свалил на лихорадку.

— Но я не мог посвятить поэму ей всей, целиком! Я пытался. Это так сложно!

— Ладно-ладно, только если тебе так не терпится восхвалять в стихах части её тела, займись губами. Губы куда более романтичны, чем носы.

— Почему? — удивился Кэсерил. — Разве восхищения достоин не каждый дюйм её тела?

— Безусловно. Но мы целуем губы. Мы не целуем носы. Обычно. Мужчины посвящают поэмы тому, что их больше соблазняет, чего они желают в большей степени.

— Как практично. Но в таком случае мужчины должны посвящать поэмы самым пикантным уголкам женского тела.

— Тогда женщины просто разорвали бы нас. Губы — безопасный компромисс, они — как первый шаг, мостик к чудесным тайнам.

— Ага. Так или иначе, я хочу её всю. И нос, и губы, и ноги, и всё, что посередине, и её душу, без которой тело будет неподвижным и холодным, и начнёт разлагаться, и перестанет быть объектом

желания вообще.

— Уф-ф. Друг мой, да ты совсем не понимаешь, что такое романтика.

— Уверяю тебя, я вообще больше ничего не понимаю. Я чудеснейшим образом безумен! — Он откинулся на подушки и тихо рассмеялся.

Палли хмыкнул и, наклонившись, взял из пачки верхний лист, единственный, на котором было что-то написано. Он посмотрел на строчки и вскинул брови.

— Что это? Это не о носах леди. — Его лицо посерьёзнело, глаза ещё раз пробежали по странице сверху вниз. — На самом деле я совсем не понимаю, о чём это. Хотя мурашки бегут по телу…

— Ах это. Так, боюсь, ничего особенного. Я пытался, но… — Кэсерил беспомощно развёл руками. — Это не то, что я видел, — и добавил, пытаясь объяснить: — Я думал, в поэзии слова имеют больший смысл, что они могут существовать по обе стороны, в обоих мирах, так же как и люди. А в итоге просто испортил бумагу, которая теперь годится только на растопку.

— Хм… — Палли сложил лист и спрятал его во внутренний карман камзола.

— Я попытаюсь ещё, — вздохнул Кэсерил. — Может, однажды я найду верные слова. И ещё

я должен написать несколько гимнов материи. Птицам. Камням. Это понравится леди, я уверен.

Палли заморгал.

— Чтобы приманить её поближе?

— Может быть.

— Опасное дело эта поэзия, да и молитвы тоже. Я, пожалуй, посвящу себя действию.

Кэсерил усмехнулся.

— Осторожнее, милорд дедикат! Действие тоже может оказаться молитвой!

В дальнем конце галереи послышалось перешёптывание и приглушённое хихиканье. Кэсерил поднял голову и увидел нескольких женщин и детей из прислуги, которые исподтишка разглядывали его, притаившись за резными перилами. Одна девочка отважно высунулась из-за колонны и помахала ему рукой. Кэсерил добродушно помахал в ответ. Хихиканье стало громче, потом зрители поспешили прочь. Палли почесал ухо и вопросительно посмотрел на Кэсерила.

Тот объяснил:

— Люди всё утро пытались пробраться украдкой и взглянуть на то место, где беднягу ди Джиронала поразила молния. Если лорд ди Баосия не поостережётся, он потеряет свой чудесный новый дворик — это станет местом паломничества.

Палли откашлялся.

— На самом деле, Кэс, они пытаются хоть краешком глаза увидеть тебя. Двое дворцовых слуг проводят сюда любопытных, потом выводят их из дворца. Не знаю, может, стоит прекратить это. Если они беспокоят тебя, так я… — Он подобрал под себя ноги, словно собираясь встать.

— О нет, не нужно никого прогонять. Прислуге дворца и так приходится из-за меня работать лишнее, так пусть хоть извлекут из этого какую-то прибыль.

Палли фыркнул, но пожал плечами, уступая.

— А у тебя так и не было жара?

— Поначалу я был не совсем уверен, но нет, не было. Врач наконец разрешил мне есть, правда, слишком мало. Думаю, я уже пошёл на поправку.

— Это уже само по себе чудо, за которое не жалко заплатить вайду, чтобы увидеть.

— Да уж. Не знаю, было ли моё возвращение в мир прощальным подарком леди или она просто сохранила для себя по эту сторону дверь, которой всегда может воспользоваться. Ордолл был прав, сказав, что боги — великие скряги. Впрочем, я не жалуюсь — ведь тогда мы наверняка когда-нибудь встретимся. — Кэсерил откинулся на подушки и устремил взгляд в небо голубого цвета

леди. Губы его невольно растянулись в улыбке.

— Ты был самым серьёзным парнем из всех, кого я знал, а сейчас ты то и дело скалишься, Кэс. Ты уверен, что после всех этих приключений она не ошиблась и запихала в тебя твою душу?

Кэсерил расхохотался.

— Может, и нет! Ты же знаешь, как бывает в дороге — упакуешь вещи в седельные сумки, а к концу пути возникает ощущение, что вещей этих стало в два раза больше. Торчат отовсюду, сумки раздуваются до невозможности. При этом ты можешь поклясться, что ничего в них не добавлял… — Он похлопал себя по бедру. — Наверное, меня просто упаковали в этот старый сундук не так аккуратно, как было раньше.

Палли покачал головой.

— Так, значит, теперь тебя распирает поэзия… Хм…

Ещё десять дней лечения и вынужденное безделье вовсе не утомили бы Кэсерила, если бы он не скучал по тем, кого с ним сейчас не было. Наконец тоска по ним пересилила отвращение, которое нападало на него при мысли вновь сесть на лошадь, и он стал теребить Палли, чтобы тот готовился к путешествию. Палли вяло, исключительно для приличия, упирался и протестовал,

говоря, что Кэсерилу ещё рано ездить верхом, но уломать себя позволил довольно быстро, поскольку и сам горел нетерпением поскорее попасть в Кардегосс.

Кэсерил и его эскорт, включавший неизменных Ферду и Фойкса, не торопясь ехали по дороге, наслаждаясь чудесной тёплой погодой. Путешествие совершенно не походило на их отчаянную зимнюю скачку. Каждый вечер, слезая с лошади, Кэсерил клялся и божился, что завтра они поедут медленнее, но каждое утро всё с большим нетерпением подстёгивал коня. Наконец вдалеке снова показались очертания Зангра. На фоне белых пушистых облаков, голубого неба и зелёных полей крепость казалась украшением пейзажа.

Когда до Кардегосса оставалось несколько миль, они встретили на дороге двигавшийся навстречу небольшой обоз. Люди в ливреях провинкара Лабрана сопровождали три повозки, целую вереницу слуг и нагруженных мулов. Две повозки были набиты багажом, полог на бортах третьей был поднят, открывая свету весеннего дня сидевших в ней леди. Повозка с дамами свернула на обочину, оттуда выглянула служанка и подозвала одного из всадников. Лабранский сержант, наклонившись к ней и выслушав приказ,

поскакал к Палли и Кэсерилу и отсалютовал.

— С вашего позволения, милорды, если один из вас кастиллар ди Кэсерил, миледи вдовствующая рейна Сара повелевает… просит, — тут же поправился он, — вас посетить её.

Нынешний провинкар Лабрана, вспомнил Кэсерил, был племянником рейны Сары. Судя по всему, ему довелось стать свидетелем её возвращения в родовое поместье. Кэсерил ответил на приветствие.

— Я полностью в распоряжении рейны.

Фойкс помог ему спешиться. Леди и их горничные спустились из повозки по лесенке и вместе двинулись в сторону соседнего луга любоваться весенними цветами. Сара осталась сидеть, поджидая Кэсерила.

— Благодарю вас, кастиллар, — тихо сказала она. — Я рада, что нам выпала возможность встретиться ещё раз. Можете уделить мне минутку?

— Почту за честь, леди. — Он пригнулся, забираясь в повозку, и сел на мягкую скамейку напротив рейны. Мимо по дороге проходили нагруженные мулы. Мирную картину дополняли отдалённые звуки голосов, птичье чириканье, позвякивание упряжи, топот копыт и доносившийся изредка смех горничных.

Сара был одета в простое платье и плащ чёрно-лиловых тонов — траур по несчастному Орико.

— Мои соболезнования, — Кэсерил понимающе кивнул на её наряд, — прошу меня простить, что не смог присутствовать на похоронах рея. Я был ещё недостаточно здоров для путешествия.

Она махнула рукой.

— Судя по тому, что рассказали мне Исель, Бергон и леди Бетрис, вы чудом остались в живых.

— Да… именно.

Она одарила его странным, понимающим взглядом.

— Ведь Орико был благополучно принят богами? — спросил Кэсерил.

— Да, Бастардом. Так же отвергнутый всеми остальными богами, как и при жизни. Увы, это породило слухи о его происхождении.

— О леди, он безусловно сын Иаса. Кроме того, я думаю, Бастард особо опекал его Дом со времён Фонсы. Так что в данном случае он выбирал первым, а не последним.

Она повела худыми плечами.

— Далеко не самое удачное опекунство. За день до смерти Орико сказал мне, что хотел бы родиться сыном дровосека, а не сыном рея Шалиона. Из всех эпитафий самой подходящей мне кажется

его собственная. — Она помолчала. — Говорят, Мартоу ди Джиронал был принят Отцом.

— Да, я тоже слышал. Тело было отправлено к его дочери в Тистан. Что ж, он тоже сыграл свою роль и получил от этого не слишком много радости. — Он добавил после короткой паузы: — Могу вас лично заверить, что его брат Дондо был отправлен в ад Бастарда.

Мрачная усмешка скривила её губы.

— Может, там улучшат его манеры.

Похоже, говорить больше было не о чем. Кэ-серил вспомнил, о чём давно хотел узнать. Он откашлялся.

— Орико… когда он умер, леди?

Рейна изумлённо посмотрела на него, подняв брови. И задержалась с ответом не более чем на секунду.

— Как это когда? На следующий день после свадьбы Исель.

— А не накануне? Значит, Мартоу ди Джироналу сообщили неверно. Не говоря уже о преждевременности некоторых его действий. Но… мне это кажется такой насмешкой судьбы — не дождаться одного дня, чтобы получить избавление от проклятия.

— Я, старший настоятель Менденаль и врач

Орико — мы все были там в это время и можем поклясться, что Орико был жив и разговаривал с нами в тот вечер, а испустил дух только на следующее утро. — Она твёрдо выдержала его взгляд. — Так что свадьба Исель и Бергона абсолютно законна.

Стало быть, недовольные лорды из клана ди Джиронала лишились основания для опротестования этого брака и вынуждены были признать новую рейну. Кэсерил представил себе, как Сара целый день скрывала от всех смерть Орико. Какие мысли приходили ей в голову? О чём она думала тогда, долгие часы сидя в его запертой комнате? Тем не менее из этого кошмара она сотворила ценный подарок Исель и Бергону, всему Дому Шалиона, который теперь покидала. Кэсерил вдруг представил себе, как Сара, бывшая хозяйка дома, в последний раз подметает свои комнаты и оставляет на камине вазу с цветами для новой владелицы.

— Я… мне кажется, я понимаю.

— Я думаю, да. Вы всегда схватывали всё на лету, кастиллар. — Она немного помолчала. — И всегда были очень тактичны.

— Это необходимые условия для моей работы, рейна.

— Вы прекрасно поработали для Дома Шалиона. Возможно, лучше, чем он того заслуживает.

— Но и вполовину меньше, чем ему было необходимо.

Она согласно вздохнула.

Он ещё вежливо расспросил её о планах на будущее; она действительно возвращалась в родную провинцию, где собиралась поселиться в одном из замков, который целиком и полностью будет в её распоряжении. Казалось, ей не терпится сбежать из Кардегосса и оставить его следующему поколению. Кэсерил, поднявшись, от всего сердца пожелал ей доброго пути и поцеловал её ладони; она ответила ему тем же и коротким движением коснулась пальцами его лба.

Он проводил взглядом удалявшуюся повозку и сочувственно вздохнул, глядя, как она подскакивает и трясётся на ухабах. Дороги Шалиона явно нуждаются в улучшении, решил Кэсерил. Он проскакал по ним немало, чтобы это утверждать. Он видел дороги архипелага — широкие и гладкие. Может, Исель и Бергону следует привлечь рокнарских каменщиков? Хорошие дороги, очищенные от разбойников… что может быть лучше для Шалиона? Для Шалиона-Ибры, поправился он и улыбнулся, когда Фойкс подсаживал его в

седло.

Глава 29

Пока Кэсерил беседовал с рейной Сарой, Палли отправил Ферду вперёд, оповестить Зангр об их прибытии. В результате, когда путешественники въехали в ворота крепости, их уже встречали управляющий и толпа слуг. Управляющий поклонился, Кэсерил, слезая с коня при помощи грумов, нетерпеливо спросил:

— Рейна Исель и принц Бергон у себя?

— Нет, милорд. Они недавно отправились в храм на церемонию посвящения лорда ди Джеррина и принца Бергона.

Новая рейна, как и предполагалось, избрала генералом ордена Дочери ди Джеррина. Назначение же Бергона на пост генерала ордена Сына, с точки зрения Кэсерила, было блестящим шагом, передававшим управление основными войсками царственной чете. Кроме всего прочего, это убирало яблоко раздора со стола могущественных лордов. Идея назначить Бергона генералом Сына принадлежала Исель, они обсуждали её на совете перед отъездом из Тариона. Кэсерил подчеркнул, что сейчас не стоит лишать верного ди Джеррина поста, который он так страстно желал получить;

кроме того, ди Джеррин уже немолод, и через некоторое время управление войсками ордена Дочери тоже будет передано Зангру.

— О! — вскричал Палли. — Так это сегодня? А церемония ещё не кончилась?

— Полагаю, нет, марч.

— Если я потороплюсь, возможно, успею к концу. Кэсерил, можно я оставлю тебя заботам этого милого господина? Милорд управляющий, присмотрите, чтобы он отдохнул. Он совсем не настолько оправился от последней раны, как будет пытаться вас убедить.

Палли развернул лошадь и весело отсалютовал Кэсерилу.

— Вернусь и обо всём тебе расскажу!

В сопровождении братьев ди Гьюра он поскакал обратно к воротам.

Грумы и слуги занялись багажом и лошадьми. Кэсерил, как ему показалось, с достоинством отказался опереться на руку управляющего — во всяком случае, пока они не дошли до лестницы — и направился к жилому зданию.

— Ваша комната по приказу рейны теперь в башне Иаса, — остановил его управляющий, — чтобы вы находились поближе к ней и принцу.

— О! — Он был рад это слышать. Кэсерил по-

вернулся и зашагал к башне. На третьем этаже находилась резиденция Бергона и его ибранской свиты. Судя по всему, принц сознательно отказался от покоев Орико в качестве официальной спальни. Кэсерилу дали понять, что Бергон не ночует в своей комнате. Исель заняла покои Сары этажом выше. Комната Кэсерила оказалась рядом с покоями принца. Кто-то заботливо перенёс сюда все его вещи из старой спальни, а также разложил на кровати новую одежду для вечернего банкета. Кэсерил подождал, пока слуги принесут воду для умывания, затем выпроводил всех и послушно улёгся отдыхать.

Он выдержал десять минут и встал, проковылял по лестнице наверх осмотреть свой новый кабинет. Узнавший его слуга посторонился и пропустил его внутрь. В комнате, которую Сара отводила своему секретарю, теперь, как и ожидалось, всё было завалено бумагами Кэсерила: бухгалтерскими книгами и счетами по прежнему хозяйству Исель, к которым добавилось несметное количество новых. Что было неожиданностью, так это опрятный темноволосый мужчина лет тридцати в серой мантии Отца, сидевший за его новым столом. Он что-то выводил в одной из хозяйственных книг Кэсерила. Распе-

чатанная корреспонденция лежала от него по левую руку, большая стопка написанных писем — по правую.

Он поднял глаза и вежливо, но прохладно спросил:

— Чем могу вам помочь, сэр?

— Я… извините, я не думал, что здесь кто-нибудь есть. Вы кто?

— Я — служитель Боннерет, личный секретарь рейны Исель.

Рот Кэсерила открылся, потом закрылся.

«Но это же я личный секретарь рейны Исель!»

— Временное назначение, да?

Брови Боннерета взлетели вверх.

— Я полагаю, постоянное.

— А как вы получили эту должность?

— Меня рекомендовал рейне старший настоятель Менденаль.

— Недавно?

— Прошу прощения?

— Вас назначили недавно?

— Две недели назад, сэр. — Боннерет с лёгким раздражением нахмурился. — О… у вас, видимо, есть преимущество передо мной?

«Увы, всё наоборот».

— Рейна… не сообщила мне, — выдавил Кэ-

серил.

Так он уволен, смещён со своей должности? С другой стороны, пока он медленно выздоравливал, не могла же Исель обходиться без секретаря, кто-то должен был делать эту работу. Да и почерк у Боннерета, как заметил Кэсерил, был замечательный. Морщина между бровями нового секретаря углубилась. Кэсерил добавил:

— Меня зовут Кэсерил.

С Боннерета в одни миг слетела вся суровость, сменившись благоговейной улыбкой, которая встревожила Кэсерила ещё больше. Он выронил перо, разбрызгав чернила, и вскочил на ноги.

— О милорд ди Кэсерил! Я польщён! — Он низко поклонился. — Что я могу сделать для вас, милорд? — Теперь в его вопросе звучали совсем другие интонации.

Такое обращение смущало Кэсерила сильнее, чем давешняя холодность. Он пробормотал несколько невнятных извинений за вторжение, сослался на усталость с дороги и спустился к себе.

Некоторое время он занимался перебиранием вещей и перекладыванием с места на место тех нескольких книг, которые у него были, приводя в порядок свою комнату. Затем послонялся из угла

в угол и подошёл к окну, выходившему на город. Он широко распахнул створки окна и высунул голову, но ни один из священных воронов ни прилетел к нему на подоконник. Гнездились ли они ещё на крыше башни Фонсы после исчезновения проклятия и закрытия зверинца? Он посмотрел в сторону храма и решил при первой же возможности навестить Умегата. Затем в замешательстве сел. Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку, потерянным.

Кэсерила била дрожь — отчасти от усталости. Его силы ещё не восстановились, и уставал он быстро. Заживавшая рана в животе болела после утренней скачки, хотя и не столь сильно, как тогда, когда его терзал Дондо. Кэсерил был восхитительно свободен от призраков, в нём больше не жил никакой заблудившийся дух — одного этого было достаточно, чтобы он чувствовал себя невероятно счастливым. Однако сегодня это не помогало. Он так спешил, горел нетерпением, и чем это закончилось? Всего лишь столь необходимым ему, по всеобщему мнению, отдыхом. Кэсерил чувствовал себя разочарованным.

Настроение окончательно упало. Может быть, для него уже не было места в этом новом Шалионе-Ибре. Исель, чтобы вести дела в её ставших

огромными владениях, нужен более образованный, гибкий человек, а не потрёпанный жизнью и — да что скрывать! — странный бывший солдат со склонностью к поэзии. Что ещё хуже — будучи отстранённым от службы у Исель, он лишался ежедневного лицезрения Бетрис. Никто не придёт зажечь ему свечи для чтения, когда стемнеет, никто не заставит надеть тёплую немыслимую шапку, и не заметит, что ему нехорошо, и не приведёт этих ужасных врачей, и не будет молиться о его спасении, когда он путешествует далеко от дома…

Кэсерил услышал во дворе звуки, возвещавшие о возвращении Исель и Бергона с церемонии в храме. Ему следовало бы выбежать им навстречу.

«Нет. Я отдыхаю».

Он и сам почувствовал в этих словах раздражение, обиду и ослиное упрямство.

«Не будь дураком».

Но страшная усталость приковала его к креслу.

Прежде чем Кэсерилу удалось превозмочь нахлынувшую на него меланхолию, к нему в комнату ввалился Бергон, и пребывать в унынии стало просто физически невозможным.

На принце ещё были коричневые, оранжевые

и жёлтые цвета генерала Священного ордена Сына и широкая, украшенная символами осени перевязь — всё это смотрелось на нём куда уместнее, чем на седом старом ди Джиронале. Если уж Бергон не в состоянии порадовать глаз бога, значит, его глаз невозможно порадовать вообще. Кэсерил встал, и Бергон порывисто обнял его, забрасывая вопросами о поездке, о здоровье, и тут же, не дожидаясь ответа, попытался рассказать ему десять разных историй одновременно, а потом рассмеялся сам над собой.

— Скоро у нас будет достаточно времени на разговоры, а сейчас я пришёл по поручению моей жены, рейны Шалиона. Только сначала скажи мне откровенно, лорд Кэс, — ты любишь Бетрис?

Кэсерил заморгал от неожиданности.

— Я… она… очень, принц.

— Отлично. То есть я знал это, но Исель настояла, чтобы я сначала спросил. А теперь ещё один вопрос — это очень важно. Ты не хочешь побриться?

— Я… что? — Рука Кэсерила потянулась к бороде. Она давно уже перестала быть колючей щетиной, как раньше. Отросла, сделалась густой и — как ему казалось — красивой, к тому же он регулярно её подравнивал. — Вы спрашиваете

меня об этом с какой-то целью? Не то чтобы это было так важно… Ведь если что, и заново отрастить несложно…

— Но ведь ты не питаешь к ней болезненной привязанности или чего-нибудь в этом роде, не так ли?

— Болезненной? Нет. Просто после галер у меня долго дрожали руки, и я не брился, потому что боялся изрезаться в кровь, а брадобрей был мне не по карману. А потом привык.

— Отлично, — повторил Бергон и, выглянув за дверь, махнул рукой. — Заходите.

И в комнату вошли брадобрей и слуга с горячей водой. Брадобрей усадил Кэсерила в кресло и набросил на него простыню. Прежде чем Кэсерил успел вымолвить хоть слово, его щёки и подбородок оказались покрытыми густой мыльной пеной. Слуга держал тазик у груди жертвы, а брадобрей, мурлыча себе под нос, принялся орудовать лезвием. Кэсерил, скосив глаза к носу, наблюдал, как падают в оловянный тазик клочья мыльных серых и чёрных волос. Брадобрей несколько раз что-то недовольно пробурчал, но в конце концов удовлетворённо улыбнулся и великодушным жестом отпустил слугу.

— Ну вот, милорд, — завершающими штрихами

его артистических усилий были несколько манипуляций с горячим полотенцем и обрызгивание щёк лавандовой настойкой.

Принц уронил монетку в ладонь брадобрея, после чего тот низко поклонился, попятился к выходу и исчез за дверью.

Из коридора донеслось хихиканье и громкий шёпот:

— Видишь, Исель! У него есть подбородок. Я же тебе говорила!

— Да, ты была права. И очень даже симпатичный.

С этими словами Исель вошла в комнату; она выпрямила спину, пытаясь выглядеть внушительной и как можно более царственной в своём изысканном наряде, в котором только что присутствовала на церемонии, но не выдержала и рассмеялась. Почти столь же элегантно и нарядно одетая Бетрис представляла собой одни сплошные ямочки на щеках. Глаза её сверкали, волосы были уложены в сложную причёску из множества чёрных завитушек, обрамлявших лицо и очень соблазнительно покачивавшихся на ходу. Кэсерил встал и низко поклонился. Исель прижала пальцы к губам.

— Пятеро богов, Кэсерил! Когда вас лишили

этих серых зарослей, я вижу, что вы совсем не такой уж и старый!

— Совсем не старый! — строго поправила Бетрис.

Предмет их обсуждения невольно поднёс руку к непривычно голому и холодному подбородку. Никто не удосужился предложить ему зеркало, чтобы он сам увидел, что именно вызвало у женщин такой восторг.

— Всё готово, — таинственно сообщил Бергон.

Улыбающаяся Исель взяла за руку Бетрис, Бергон сжал руку Кэсерила. Рейна выпрямилась и объявила голосом, вполне уместным для торжественных речей в тронном зале:

— Моя наилюбимейшая и наивернейшая леди Бетрис ди Феррей обратилась ко мне с просьбой, которую я исполняю с величайшей радостью моего сердца. Лорд Кэсерил, поскольку в настоящее время у вас нет отца, Бергон и я, как ваши сеньоры, должны выступить от его имени. Леди Бетрис ди Феррей просила вашей руки. И поскольку нам доставляет крайнее удовольствие сознание того факта, что двое самых любимых наших слуг также любят друг друга — с нашего высочайшего благословения с этого мгновения вы обручены.

Бергон и Исель соединили руки Бетрис и Кэсе-

рила и, радостно улыбаясь, отступили назад.

— Но… но… — от такого поворота событий Кэсерил начал заикаться, — но так же нельзя, Исель, Бергон… нельзя, это отвратительно — приносить эту девушку в жертву моим сединам, как награду! — однако руку Бетрис он не выпустил.

— От ваших седин мы только что избавились, — возразила Исель и оценивающе посмотрела на него. — Должна признаться, кардинальное улучшение.

— Кроме того, непохоже, чтобы девушка умирала от отвращения, — заметил Бергон.

Кэсерил никогда ещё не видел, чтобы ямочки на щеках Бетрис были так глубоки; её глаза счастливо блестели, полуприкрытые в притворной застенчивости густыми чёрными ресницами.

— Но… но…

— И вообще, — продолжала Исель, — это не её я приношу вам в жертву в награду за вашу верность. Я награждаю её вами за её верность. Вот так.

— О… О, хорошо, тогда другое дело… — Кэсерил прикрыл глаза, пытаясь прийти в себя и собраться с мыслями. — Но… ведь есть лучшие кандидатуры, более высокие лорды… богаче, моложе, красивее… достойнее…

— Да, но она просила себе не их, она просила вас. Какой странный вкус, не правда ли? — Глаза Бергона сияли.

— В Шалионе нет более достойного лорда, чем вы, — почти неслышно произнесла Бетрис и сильнее сжала его руку.

— Подождите. — Кэсерилу казалось, что он всё быстрее и быстрее скользит вниз по снежному склону. По тёплому, мягкому снегу. — Но у меня нет земли, нет денег. Как я буду содержать жену?

— Я собираюсь сделать должность канцлера оплачиваемой, — сказала Исель.

— Как Лис у себя в Ибре? Очень мудро, рейна; верность вашего первого слуги будет принадлежать вам, а не разрывать его на части между короной и семьёй, как в случае ди Джиронала. Кстати, кого вы собираетесь назначить на его место? У меня есть кое-какие идеи…

— Кэсерил! — Он услышал в её голосе знакомое негодование. — Конечно же, вас! Кого ещё я могу назначить, по вашему мнению? Тут и говорить не о чем! Это место должно быть вашим!

Кэсерил тяжело плюхнулся обратно в кресло, всё так же крепко держа руку Бетрис в своей.

— Прямо сейчас? — слабым голосом пробормотал он.

Исель взмахнула рукой.

— Нет, конечно, что вы! Сегодня вечером мы будем праздновать. Завтра.

— Если ты будешь в силах к тому моменту, — поспешно добавил Бергон.

— Это ответственнейший пост!

Желая всего лишь кусок хлеба, оказаться приглашённым на пир… Кэсерил решил, что из тех, кто опекал бы его, и тех, кто без задней мысли безжалостно принёс бы в жертву своим целям его спокойствие, он однозначно предпочёл бы последних.

«Канцлер ди Кэсерил. Милорд канцлер».

Он пошевелил губами, пробуя на вкус название своей новой должности, и улыбнулся.

— Мы публично объявим о вашем назначении сегодня после обеда, — сказала Исель, — так что оденьтесь соответственно, Кэсерил. Мы с Бергоном наденем на вас цепь канцлера перед всем двором. Бетрис, зайди ко мне, — её губы изогнулись в хитрой улыбке, — чуть попозже.

Она взяла Бергона под руку и вышла с ним из комнаты. Дверь захлопнулась.

Кэсерил обвил руками талию Бетрис и бережно, но отнюдь не застенчиво, привлёк к себе на колени. Она пискнула от неожиданности.

— Так, значит, губы? — пробормотал он, не сводя с них глаз, и поймал их своими.

Немного позже, прервавшись, чтобы отдышаться, она откинула голову и счастливо потёрла ладонью сначала свой подбородок, потом его.

— Теперь ты не щекочешь меня, когда целуешь!

Только поздним утром на следующий день Кэсерил смог наконец выбраться навестить Умегата в Доме Бастарда. Исполненный почтения служитель проводил его в покои на третьем этаже. Кэсерил постучал в дверь, ему открыл безъязыкий грум, Дарис. Новоиспечённый канцлер ничуть не удивился, увидев на Дарисе одежды дедиката ордена — белые и опрятные. Дарис потёр свой подбородок и, улыбаясь, указал на чисто выбритое лицо Кэсерила. Затем он провёл гостя через обставленную как гостиная комнату на маленький деревянный балкон, выходивший на храмовую площадь, увитый виноградными лозами и уставленный горшками с геранью.

Там за столом в прохладной тени сидел также облачённый в белое Умегат. Кэсерил вздрогнул, увидев перед ним бумагу, чернила и перо. Дарис, опережая просьбу Умегата, поспешно принёс ещё одно кресло, чтобы Кэсерил мог сесть напротив.

Затем Дарис что-то промычал, помогая себе руками, и Умегат пояснил его жесты Кэсерилу. Тот ответил согласием на предложение выпить чаю, и бывший грум заторопился принести угощение.

— Что это? — Кэсерил с интересом показал на бумагу. — К вам вернулась способность писать?

Умегат поморщился.

— Куда там. Мне как будто снова пять лет. — Он поднял лист, показывая результат — коряво выведенные буквы. — Я запихиваю их в голову, а они с той же скоростью выпадают обратно. Рука забыла, как держать перо, хотя я могу играть на лютне… так же плохо, как и раньше. Врач утверждает, что улучшения налицо, и я склонен с ним согласиться — всё же теперь я умею гораздо больше, чем месяц назад. Слова расползаются по страницам, словно крабы, но частенько у меня что-то получается. — Он поднял глаза и отложил лист. — Но вы-то! Натворили дел в Тарионе? Менденаль сказал, что вас проткнули мечом.

— Да, насквозь, — подтвердил Кэсерил. — Зато вырезали из меня Дондо и демона, так что дело того стоило. А потом леди избавила меня от смертельной лихорадки.

— Тогда вы легко отделались.

— Да, чудеснейшим образом.

Умегат слегка подался вперёд, упёршись локтями в стол, и пристально посмотрел ему в лицо.

— Хм… Хм… Похоже, вы побывали в высоком обществе.

— К вам вернулось второе зрение? — вздрогнув, спросил Кэсерил.

— Нет. Просто этот взгляд… Он вполне узнаваем.

И в самом деле. У Умегата взгляд был такой же. Видимо, когда человека осеняли боги, это оставляло в его глазах какой-то загадочный след.

— Вы тоже видели своего бога.

В этом не было сомнений.

— Да, пару раз, — подтвердил Умегат.

— Как долго после этого приходят в себя?

— Я уже не помню. — Умегат задумчиво пощипал пальцами губу, изучающе глядя на Кэсерила. — Расскажите мне… если можете, что вы видели?

Вопрос был задан не только из научного интереса — Кэсерил заметил в серых глазах рокнарца бездонную тоску, голод по богу.

«Я тоже так выгляжу, когда говорю о ней? Неудивительно, что люди странно поглядывают на меня».

Кэсерил начал рассказ со своего стремительно-

го отъезда из Кардегосса по поручению принцессы. Прежде чем он закончил, они успели выпить по чашке принесённого Дарисом чая и налить ещё по одной. Немой дедикат тоже с интересом слушал, пристроившись у дверей, — Кэсерил решил, что нет причины хранить это от него в тайне. Когда дело дошло до описания того мгновения, когда леди позволила Кэсерилу взглянуть на мир её глазами, он вновь почувствовал себя косноязычным и неспособным передать свои ощущения словами.

— Поэзия… это подвластно только поэзии, — сказал он. — Мне нужны слова, которые значат больше, чем значат, слова, обладающие не только шириной и высотой, но ещё и глубиной, и такими измерениями, названий которых я не знаю.

— Хм… — ответил Умегат, — как-то после моего первого… опыта я пытался пленить бога музыкой. Увы, у меня не было дара.

Кэсерил кивнул, затем неуверенно спросил:

— Может, я могу чем-нибудь помочь? Вам что-нибудь нужно? Вчера Исель назначила меня канцлером Шалиона, так что, думаю, у меня довольно большие возможности.

Умегат вскинул брови и, не вставая, поздравил Кэсерила лёгким поклоном.

— Отличное решение со стороны молодой рейны.

Кэсерил скривился.

— По правде говоря, мне до сих пор не даёт покоя мысль о сапогах мертвеца.

Умегат ухмыльнулся.

— Да уж, наследство ещё то. Что же касается нас, то храм довольно хорошо заботится о бывших святых и снабжает всем необходимым. Мне нравятся эти комнаты, этот город, весенний воздух, окружающие меня люди. Надеюсь, бог ещё дарует мне одно-два интересных дела, пока я жив. Желательно не связанных с животными. И с короной.

Кэсерил сочувственно кивнул.

— Полагаю, вы знали беднягу Орико как никто другой, кроме разве что Сары.

— Я виделся с ним ежедневно на протяжении шести лет, и он был откровенен со мной до самого конца. Надеюсь, я служил для него утешением.

Кэсерил заколебался:

— Я пришёл к выводу, что Орико был в некотором смысле героем.

— Да, я тоже об этом думал, — согласился Умегат и вздохнул. — Он был жертвой…

Дарис подошёл собрать со стола пустые чашки.

— Спасибо, Дарис, — сказал Умегат и похлопал его по руке. Дарис составил чашки и блюдца на поднос и удалился. Кэсерил с любопытством посмотрел ему вслед.

— Вы давно знакомы?

— Лет двадцать.

— Значит, он был не просто помощником в зверинце… — Кэсерил перешёл на шёпот. — Он уже тогда был таким?

— Нет… когда мы впервые встретились — ещё нет.

— Ох.

Умегат улыбнулся.

— Не нужно печалиться, лорд Кэсерил. Всё в порядке. То было вчера. А это — сегодня. Я спрошу у него позволения рассказать вам как-нибудь его историю.

— Я буду польщён подобным доверием.

— Всё хорошо, а если нет, то всё равно каждый день приближает нас к встрече с нашими богами.

— Я почувствовал это. Первые несколько дней… после того как я увидел богиню, мне было не по себе. Время и пространство — как и отношение к ним — каким-то образом изменились.

Раздался тихий стук в дверь. Дарис впустил

в покои девушку-дедиката в белых одеждах и книгой в руке.

— А-а, — просветлел Умегат, — это моя чтица. Поклонитесь лорду канцлеру, дедикат, — и пояснил Кэсерилу: — Каждый день ко мне присылают провинившихся дедикатов, чтобы они читали мне в течение часа — наказание за лёгкие нарушения правил Дома. Ну, вы уже решили, какое правило нарушите завтра?

Девушка застенчиво улыбнулась.

— Ещё думаю, просвещённый Умегат.

— Если ваше воображение иссякнет, я покопаюсь в воспоминаниях юности — вдруг вспомню что-нибудь ещё.

Девушка показала Кэсерилу книгу.

— Я думала, что придётся читать нудную теологию, а мне велели принести вот эти истории.

Кэсерил с интересом посмотрел на книгу. Судя по марке печатника, издание было ибранское.

— Занимательная книга, — сказал Умегат. — Автор путешествует с группой паломников, которые по очереди рассказывают свои истории. Очень… э-э… поучительно.

— На самом деле, милорд, — прошептала девушка-дедикат, — некоторые из них совершенно непристойные.

— Я чувствую необходимость стряхнуть пыль с проповеди Ордолла, посвящённой урокам плоти. И пообещал дедикату походатайствовать перед Бастардом о снятии с неё епитимьи в качестве компенсации за её стыдливый румянец. Боюсь, она верит, что моё ходатайство будет успешным. — Умегат улыбался во весь рот.

— Я… гм… был бы крайне признателен, если б вы дали мне почитать эту книгу, когда закончите её изучение, — с надеждой в голосе произнёс Кэсерил.

— Я пришлю её вам, милорд.

Кэсерил попрощался и вышел. Он пересёк храмовую площадь и направился вверх по холму. Однако, не доходя до Зангра, он свернул к городскому дворцу провинкара Баосии. Здание, сложенное из больших серых камней, немного походило на дворец Джироналов, но отличалось чуть меньшим размером и отсутствием окон на первом этаже. Окна второго этажа были защищены железными решётками. Дворец снова был открыт — приехали хозяева, и у них гостили сейчас старая провинкара и леди Иста, прибывшие из Валенды. Гулкая пустота комнат заполнилась шумом и суматохой. Кэсерил представился, и его немедленно препроводили

внутрь. Привратник провёл его в солнечную комнату на верхнем этаже в задней части дома. Там, на маленьком балконе с витыми железными перилами, выходившем на зелёный сад, он обнаружил вдовствующую рейну Исту. Она отпустила свою компаньонку и предложила Кэсерилу освободившееся кресло. Сегодня тусклые волосы Исты были аккуратно заплетены в косы и убраны наверх. Лицо её заметно посвежело, и даже платье, казалось, сидело на ней лучше обычного.

— Здесь очень мило, — заметил Кэсерил, устраиваясь в кресле.

— Да, мне тоже нравится эта комната. Я жила здесь ещё девочкой, когда мой отец брал нас с собой в столицу. Правда, это случалось нечасто. А больше всего мне нравится, что отсюда не видно Зангра. — Она посмотрела на раскинувшийся внизу пышный сад.

— Вы были вчера на ужине во дворце. — Вчера он успел только обменяться с ней формальными любезностями; Иста поздравила его с новым назначением и обручением и покинула Зангр очень рано. — Должен сказать, вы отлично выглядели. Исель была рада.

Она наклонила голову.

— Я там ела, чтобы доставить ей удовольствие,

но спать там я не могу.

— Думаю, призраки по нему ещё бродят, но, к моему глубочайшему облегчению, я их больше не вижу.

— Я тоже не вижу, ни глазами, ни внутренним зрением, но чувствую их, как холод, исходящий от стен. А может, мою душу холодят воспоминания. — Она обхватила руками плечи, словно пытаясь согреться. — Зангр мне отвратителен.

— Теперь я понимаю несчастных призраков гораздо лучше, чем в те дни, когда они внушали мне страх, — нерешительно признался Кэсерил. — Тогда я думал, что их неприкаянность и постепенное разрушение вследствие отверженности богами — это проклятие, а теперь мне кажется, что это — милосердие. Когда боги забирают души в свой мир, те помнят себя… разум воспринимает прошлую жизнь всю сразу, одновременно, подобно тому как воспринимают мир боги, с почти ужасающей ясностью и чёткостью воспоминаний. Для некоторых… такой рай невыносим, едва ли не хуже ада. Поэтому боги даруют им забвение.

— Забвение. Теперь оно кажется мне настоящим раем. Думаю, я буду молиться, чтоб боги сделали меня призраком.

«Боюсь, в этой милости вам будет отказано».

Кэсерил откашлялся.

— Вы знаете, что проклятие с Исель, Бергона и всего Шалиона уже снято?

— Да, Исель рассказала мне об этом, но я и сама почувствовала, как оно отпустило меня. Мои фрейлины в этот миг помогали мне одеться к утренней молитве Дня Дочери. Не произошло ничего такого, что можно было бы увидеть или услышать, но с моего разума словно спала пелена тумана. Я не понимала, насколько глубоко была погружена в это чёрное облако, пока не освободилась от его тяжести. Мне тогда стало очень грустно, потому что я решила, что вы умерли.

— Я действительно умер, но леди вернула меня в мир. Точнее, в моё тело; мой друг Палли утверждает, что она при этом расположила мою душу вверх ногами. — На его лице мелькнула улыбка.

Иста отвела взгляд.

— Исчезновение проклятия обострило мою боль, но сделало её какой-то далёкой. Это очень странное чувство.

Кэсерил снова откашлялся.

— Леди Иста, вы были правы в отношении пророчества. Три смерти. Я ошибся, решив, что замужество спасёт Исель от проклятия. Кроме

того, я боялся. Ваш способ казался мне очень жестоким. Но, несмотря ни на что, милостью леди он оказался правильным.

Она кивнула.

— Я бы сделала это сама, если бы могла. Но моя жертва не была бы принята. — В её голосе послышалась горечь.

— Нет, те давние события — ещё не причина принять вашу жертву, — запротестовал Кэсерил. — То есть они важны, безусловно, но не в данном случае. Вы смогли бы сделать это, используя только оболочку души, а не её содержание. Вам нужно было стать чашей, чтобы позволить наполнить себя. А вы — меч. Вы всегда были мечом. Как ваша мать и ваша дочь — сталь передаётся женщинам вашего рода от одной к другой. Я понял, почему раньше я никогда не замечал святых. Мир не разбивается об их волю, словно волны о скалы, и не обтекает их, рассечённый, как вода кораблём. Наоборот — они податливы и мягки, и это позволяет им тихо проплывать сквозь миры, подобно рыбам.

Она подняла брови то ли в знак согласия, то ли несогласия — Кэсерил не понял, — то ли вовсе с лёгкой насмешкой.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спро-

сил он. — Сейчас вам значительно лучше.

Она пожала плечами.

— Моя мать слабеет. Думаю, нам пора поменяться местами — теперь моя очередь ухаживать за ней в замке Валенды, как раньше она ухаживала за мной. Я предпочла бы уехать куда-нибудь, где никогда не была раньше, и не хочу ни в Валенду, ни в Кардегосс. Хочу туда, где нет воспоминаний.

С этим Кэсерил спорить не мог. Он вспомнил Умегата, который не то чтобы был сильнее её духовно, но так привык нести потери и терпеть горе, что они превратились для него едва ли не в обыденность. У Исты ещё было впереди лет двадцать жизни, чтобы достичь подобного равновесия. Умегат в её возрасте, когда ему пришлось врачевать изуродованного пытками друга, должно быть, тоже отгораживался от мира, как она, плакал, и стенал, и впадал в отчаяние от молчаливого бездействия богов.

— Я хочу познакомить вас с моим другом Умегатом, — сказал он Исте. — Он был святым, призванным охранять Орико. Сейчас он бывший святой, как вы и я. Думаю… вам будет о чём поговорить.

Она только повела рукой, не вдохновлённая этим предложением, но и не отвергая его. Кэсе-

рил решил обязательно устроить им встречу.

Пытаясь вернуться к более радостным темам, он стал расспрашивать о коронации Исель, ради которой Иста и гордая провинкара и приехали в Кардегосс. Кэсерил уже выслушал рассказы о ней от четырёх или пяти человек, но ему ещё не надоело узнавать подробности. Иста немного повеселела, радость за дочь осветила её лицо и заблестела в глазах. О смерти Тейдеса они по обоюдному молчаливому согласию не упоминали. Не стоило касаться свежих ран, ибо они ещё кровоточили. О потерянном мальчике можно поговорить и потом, когда пройдёт достаточно времени и раны заживут. Наконец Кэсерил поклонился и пожелал Исте хорошего дня. И тогда леди, вдруг встрепенувшись, поспешно наклонилась к нему и впервые коснулась его руки.

— Кэсерил, благословите меня перед уходом.

Он растерялся.

— Леди, я теперь не более святой, чем вы, и уж точно не бог, чтобы благословлять по собственному желанию…

Хотя… он ведь и принцессой не был, когда подписывал в Ибре договор от её имени.

«Леди Весны, если мне удалось послужить тебе, верни мне свой долг сейчас».

Он облизнул губы.

— Но я попробую.

Он наклонился к Исте и положил ладонь на её белый лоб. Он не знал, откуда взялись слова, которые полились из его уст словно сами собой:

— Это истинное пророчество, такое же истинное, какое получили когда-то вы. Когда души возродятся в сиянии, ваша не будет ни отвергнута, ни потеряна — она станет украшением божественных садов. Там будут цениться даже ваши грехи, а ваша боль станет священной.

Слова иссякли; он умолк и выпрямился. Его пробила дрожь.

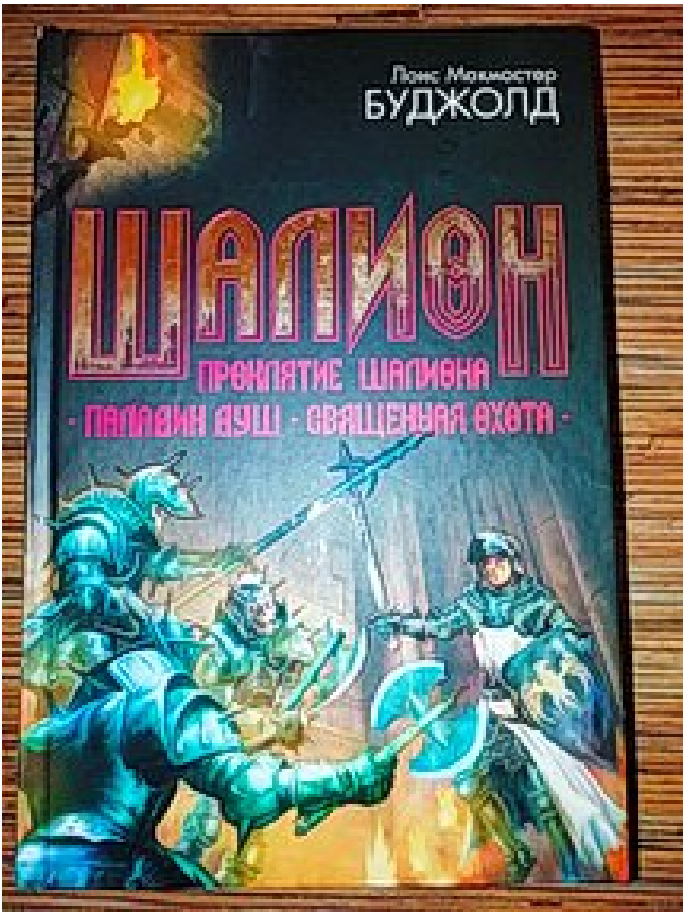
«Это хорошо или плохо? Может, я глупец?»

Глаза Исты наполнились слезами. Руки на коленях оставались неподвижными. Неловко, как ребёнок, который только учится двигаться, она кивнула, принимая благословение. И сказала дрожащим голосом:

— Для человека, считающего себя дилетантом, у вас получается весьма неплохо.

Кэсерил кивнул в ответ, улыбнулся, попрощался и вышел. Оказавшись на улице, он повернул к холму и широким шагом стал подниматься по склону. Его дамы уже заждались.

Лоис Буджолд


Лоис Макмастер
БУДЖОЛД
ШАЛИОН
ПРОКЛЯТИЕ ШАЛИВИНА
- ПАЛЛАВИН ЯУШ - СВЯЩЕННАЯ ОХОТА -

Паладин душ

Посвящается Сильвии Келсо — защитнице чистого синтаксиса и ярой стороннице Исты.

Глава первая

Иста встала между зубцами башни и заглянула вниз через стену, — камень крошился под бледными пальцами вдовствующей рейны, — и в бессильном оцепенении смотрела, как внизу ворота замка покидали последние из приглашённых на похороны. Стук лошадиных копыт и прощальные слова эхом разносились по порталу. Обстоятельный брат рейны — провинкар Баосии, — его семья и свита уезжали в последнюю очередь, спустя две недели после того, как служители богов совершили похоронные обряды и церемонию погребения.

Ди Баосия всё ещё что-то сурово втолковывал управляющему замка, сьеру ди Феррею, который, стоя у стремени господина, внимал, несомненно, последним наставлениям. Верный ди Феррей служил недавно почившей провинкаре на протяжении долгих двадцати лет, проведённых ею в Валенде. Ключи от замка и хозяйственных помещений поблёскивали на поясе, охватывающем его отнюдь не тонкую талию. Ключи, принадлежавшие матери, которые Иста некоторое время хранила у себя, впоследствии были вручены стар-

шему брату вместе с бумагами, инструкциями и описями, составленными после смерти великой леди. А он передал их на хранение вовсе не сестре, а старому, доброму и честному ди Феррею. Те самые ключи, что замкнут ворота замка, оставляя опасности снаружи… а если понадобится, запрут Исту внутри.

Знаете ли, это уже вошло в привычку. На самом деле я больше не безумна.

Нет, ей вовсе не были нужны ни ключи, ни жизнь матери, что ушла вместе с ними. Иста сама едва ли знала, что ей нужно. Но она знала точно, чего боится — быть запертой в тёмном, тесном месте, быть запертой людьми, которые любят её. Враг может покинуть сторожевой пост, халатно отнестись к работе, повернуться спиной; любовь же не признаёт таких оплошностей. Пальцы вдовствующей рейны без устали тёрлись о камень.

Кавалькада ди Баосии вереницей спустилась с холма и вскоре исчезла, затерявшись в мозаике красных черепичных крыш. Ди Феррей развернулся, устало вошёл в ворота и скрылся из виду.

Свежий весенний ветер подхватил прядь пепельных волос Исты и бросил в лицо, прилепив к губам. Рейна поморщилась и убрала непокорную

прядку под обруч, закреплявший причёску. Украшение сильно сдавливало голову.

В последние две недели стало заметно теплее, но даже это уже не смогло облегчить страдания старой леди, прикованной к кровати болезнью и увечьями. Если бы мать не была так стара, сломанные кости срослись бы быстрее, а воспаление лёгких не так крепко укоренилось бы в её груди. Если бы она не была так хрупка, то при падении с лошади кости остались бы целы. И если бы не её могучая воля, она никогда бы не села на лошадь в таком возрасте… Иста посмотрела на руки и, обнаружив, что пальцы кровоточат, поспешно спрятала их в складках юбки.

Во время погребальной церемонии боги дали знак, что душу старой леди приняла к себе Мать Лета. Так все и ожидали, так должно было быть. Даже боги не осмелились противоречить взглядам усопшей на правила дипломатического этикета. Иста представила, как провинкара отдаёт приказы небесам, и усмехнулась.

В конце концов я осталась одна.

Иста задумалась над пустотой одиночества, над его страшной ценой. Муж, отец, сын и мать друг за другом сошли в могилу, опередив её саму. Корона Шалиона держит её дочь не хуже погре-

бального венка, и, будь на то воля пятерых богов, она сойдёт с высокого престола не раньше, чем остальные вернутся из подземного царства. Всё кончено. Всё, что нужно было сделать, — сделано. Когда-то Иста была дочерью родителям. Потом — женой несчастного Иаса. Затем — матерью своих детей. И наконец — сиделкой собственной матери. Теперь я никто и ничто.

Кто же я теперь, когда меня больше не окружают стены жизни? Когда они рухнули в пыль и прах?

Что ж, она всё ещё убийца лорда ди Льютеса. И последняя, кто остался в живых из их тайного общества. Вот, что она сделала с собой, вот что ей осталось.

Иста снова перегнулась через стену, камень цеплялся за шёлковые нити её придворного траурного платья цвета лепестков лаванды. Её взгляд притягивала освещённая утренними лучами дорога, начинавшаяся от ворот замка, бегущая вниз по холму, через город, за реку… куда? Говорят, что все дороги — это одна большая дорога. Грандиозная сеть разветвляющихся и пересекающихся дорог, опутавшая страну. У дорог есть два конца. Так говорят. *Мне нужна такая дорога, которая не приведёт меня обратно.*

Испуганный вскрик заставил вдовствующую рейну оглянуться. Одна из её фрейлин стояла у неё за спиной, прижав руки к губам, широко распахнув глаза, и тяжело дышала после долгого подъёма. Её лицо светилось поддельной радостью.

— Миледи. Я ищу вас повсюду. И… отойдите немедленно от края! …

Губы Исты изогнула ироничная улыбка:

— Успокойтесь. Сегодня мне не хочется встречаться с богами лицом к лицу. — *И не только сегодня. Никогда больше.* — Мне с ними говорить не о чем.

Она терпеливо позволила женщине взять себя за руку и осторожно провести вдоль стены по направлению к спуску. Фрейлина, как заметила Иста, постоянно старалась оказаться между краем и своей госпожой. *Успокойся, женщина. Я не жажду камней.*

Я жажду дороги.

Внезапное осознание поразило её, даже немного испугало. Новая мысль. *Новая мысль и я?* Все старые мысли казались такими тонкими и затёртыми, что напоминали вязание, которое постоянно распускают, а потом вяжут заново, так что нити истончаются, рвутся, но никогда

не становятся крепче и толще. Как она может получить дорогу? Дороги созданы для молодых людей, а не для женщин среднего возраста. Бедный мальчик-сирота собрал вещи и пустился в путь искать сердцу надежду… так начинается множество сказок. Она не бедна и не мальчик, в её сердце нет надежды, и лишь жизнь и смерть могут возместить эту утрату. *Хотя, теперь я сирота. Но достаточно ли этого, чтобы дать мне дорогу?*

Они повернули за угол и подошли к круглой башне, внутри которой была узкая лестница, ведущая во внутренний сад. Иста в последний раз оглянулась на тощий кустарник и хилые деревца, карабкающиеся по стене замка. Внизу, по тропинке, поднимающейся из неглубокой лощины, слуга гнал к задним воротам замка осла, нагруженного дровами.

В саду матери Иста замедлила шаг и, вырвав руку из заботливой хватки фрейлины, упрямо направилась к скамейке, стоящей рядом с ещё голым розовым кустом.

— Я устала, — заявила она. — Тут я немного отдохну. А вы можете принести мне чаю.

Было заметно, что фрейлина подсчитывает возможный риск, недоверчиво глядя на рейну. Иста

холодно нахмурилась. Женщина рассыпалась в любезностях:

— Конечно, миледи. Я скажу об этом горничной. И тотчас же вернусь.

Само собой, вернёшься. Иста подождала лишь до тех пор, пока леди завернёт за угол, затем вскочила и побежала к задним воротам.

Привратник как раз впускал внутрь слугу с ослом. Высоко подняв голову, Иста проследовала мимо, даже не обернувшись. Сделав вид, что не расслышала робкого возгласа привратника «Миледи?…», она быстро зашагала по бегущей вниз с холма дорожке. Шлейф юбки и развевающаяся пелерина из чёрного бархата цеплялись за ветки и колючки, которые, словно когтистые лапы, пытались остановить её. Скрывшись за первыми деревьями, Иста перешла на бег. Будучи девчонкой, она часто бегала по этой дорожке вниз к реке. В те времена она ещё не была кем-нибудь для кого-нибудь.

Приходилось признать — теперь она уже не девочка. К тому времени когда сквозь ветви блеснули воды реки, она уже успела продрогнуть. Иста пошла вдоль берега. Как и раньше, тропа вела к старому мостику, а потом поднималась по холму к одной из главных дорог, ведущих в

Валенду. Или из неё.

Дорога была грязной, испещрённой следами копыт. Может быть, именно здесь некоторое время назад проехала кавалькада брата, направляющаяся в его фамильные владения в Тариуне. На протяжении последних двух недель брат всячески старался убедить сестру, а ныне вдовствующую рейну, отправиться вместе с ним, обещая отвести ей комнаты в замке, выделить множество фрейлин и окружить её бдительной заботой. Как будто здесь у неё не было покоев, фрейлин и повсеместного надзора. Поэтому Иста направилась в другую сторону.

Придворные траурные шёлковые туфельки совсем не годились для сельских дорог. Юбки обвивались вокруг ног, и создавалось впечатление, что шагаешь, продираясь сквозь толщу воды. К подошвам приставала грязь. Солнце немилосердно жарило облачённую в бархат спину, и Иста совершенно неподобающим для леди образом вспотела. Она продолжала идти, но ощущение неудобства и сознание собственной глупости росли. Это же безумие! Именно из-за безумия её заперли в замке и окружили безмозглыми фрейлинами. Разве не достаточно она от него натерпелась? У неё нет ни смены одежды, ни

плана, ни денег, ни одной медной вайды! Иста коснулась ожерелья, обвивавшего шею. Вот *деньги.* Да, украшение стоит слишком дорого. Что может за него дать простой ростовщик? Сейчас драгоценности не источник богатства, а мишень, приманка для разбойников.

Скрип телеги заставил Исту оторваться от выискивания сухих участков между лужами. Фермер погонял плотного тяжеловоза, который вёз компост для удобрения полей. Крестьянин даже обернулся, недоумённо разглядывая леди в дворцовом облачении. Иста ответила ему величественным кивком. В конце концов, что ей оставалось? Она едва не расхохоталась, но мужественно подавила неуместный смех и продолжила путь. Не оглядываясь. Не осмеливаясь оглянуться.

Она выдержала ещё час, прежде чем ноги, измученные весом тяжёлого платья, наконец отказались идти дальше. Иста была готова расплакаться от отчаяния. *Нет. Я не знаю, как это делается. У меня не было возможности научиться, а теперь я слишком стара.*

Стук копыт несущихся галопом лошадей, крики. В голове молнией пронеслась мысль, что ещё одна вещь оставлена без внимания — оружие, хо-

тя бы простой кинжал, чтобы защищаться. Иста представила себе, как обороняется подобранным оружием от человека с мечом, любого человека с мечом, и поморщилась. Воображение нарисовало очень короткую сцену. Едва ли стоило об этом беспокоиться.

Иста бросила взгляд через плечо и вздохнула. К ней, разбрызгивая грязь в разные стороны, скакали сьер ди Феррей и грум. Не настолько она безумна или глупа, чтобы пожелать появления разбойников вместо них. Может быть, беда как раз в том, что она *недостаточно* выжила из ума. Настоящее умственное расстройство не имеет преград. Быть не в себе настолько, чтобы пожелать не быть достаточно невменяемой, чтобы понять… теперь это безумие единственно бесполезно.

Вина кольнула сердце Исты при виде красного, перепуганного, потного лица ди Феррея, который осадил коня рядом с ней.

— Рейна! — воскликнул он. — Миледи, что вы тут делаете? Он буквально выпал из седла, чтобы схватить её за руки и заглянуть в глаза.

— Я очень устала от тоски, царящей в замке. Решила в одиночестве прогуляться по весеннему солнышку.

— Миледи, но вы прошли пять миль! И эта дорога совсем вам не подходит…

Это верно, а я не подхожу ей.

— Ни фрейлин, ни охраны, пятеро богов! Как же ваше положение в обществе, безопасность?! Пожалейте мои седины! Из-за вашего поступка у меня не осталось ни одного тёмного волоса.

— Приношу извинения вашей шевелюре, — сказала Иста, действительно начиная раскаиваться. — Ни ей, ни вам не нужно обо мне так беспокоиться, милый ди Феррей. Я просто… хотела прогуляться.

— В следующий раз сообщите об этом мне, и я всё устрою…

— Я сама справлюсь.

— Вы — вдовствующая рейна Шалиона, — твёрдо объявил ди Феррей. — Вы, благодарение богам, — родная мать рейны Исель. Вы не можете просто так разгуливать по дорогам, словно какая-то простолюдинка.

Иста тяжело вздохнула, подумав, что совсем неплохо быть какой-то простолюдинкой, а не скорбной Истой. Впрочем, у простолюдинок наверняка немало своих печалей, куда менее поэтических, чем у рейн. Но спор посреди дороги вряд ли к чему-нибудь приведёт. Ди Феррей при-

казал груму спешиться, и рейна благосклонно позволила усадить себя на его место. Платье не было предназначено для верховой езды, и юбки ужасно неудобно смялись, едва только ноги нащупали стремена. Иста нахмурилась, когда грум забрал у неё поводья и повёл её коня под уздцы.

Ди Феррей, увидев слёзы в глазах госпожи, перегнулся через луку седла и коснулся её руки.

— Я понимаю, — ласково произнёс он. — Смерть вашей матери — огромная потеря для всех нас.

Я закончила оплакивать её две недели назад, ди Феррей. Однажды Иста поклялась, что никогда больше не будет ни плакать, ни молиться. Но оба обета были нарушены в те последние страшные дни у постели больной. После этого ни плач, ни молитва уже не имели смысла. Она решила не мучить управляющего объяснениями, что на сей раз она оплакивает себя саму, причём не слезами скорби, а слезами ярости. Пусть он считает, что последняя утрата немного выбила её из колеи. Но эта утрата действительно последняя.

Ди Феррей не меньше, чем она, вымотанный трауром и приёмами прошедших двух недель, не приставал к ней с разговорами, а грум просто не осмеливался открыть рот. Иста поудобнее устроилась в седле и принялась смотреть, как до-

рога сворачивается перед ней, словно ненужный ковёр. Что же теперь ей нужно? Рейна закусила губу, глядя между мерно покачивающихся ушей своего коня.

Через некоторое время уши настороженно приподнялись. Иста проследила, куда смотрит их фыркающий владелец, и увидела, как со смежной дороги к ним приближается другая кавалькада человек из двадцати и такого же количества лошадей и мулов. Ди Феррей привстал на стременах и окинул отряд подозрительным взглядом, но потом успокоился, увидев четырёх всадников в голубых туниках и серых плащах, выдающих в них воинов Ордена Дочери, которым предписано обеспечивать безопасность паломников. Группа подъехала ближе, и теперь можно было разглядеть как мужчин, так и женщин, одетых в цвета выбранного ими бога в той степени, в какой позволял гардероб; помимо всего прочего рукава паломников украшали разноцветные ленты в знак их святых намерений.

Два отряда достигли пересечения дорог одновременно, и ди Феррей обменялся кивками с солдатами Дочери, такими же обстоятельными и невозмутимыми ребятами, как и он сам. Пилигримы с интересом разглядывали изящный, но

мрачный наряд Исты. Полная, раскрасневшаяся от езды женщина средних лет — *она не сильно старше, чем я,* — весело улыбнулась ей. Секунду спустя губы Исты сложились в ответную улыбку, и рейна приветливо кивнула паломнице. Ди Феррей направил своего коня так, чтобы оказаться между пилигримами и Истой, но этот манёвр оказался бесполезен, поскольку полная дама придержала свою лошадь, а потом, пустив её рысью, ловко объехала управляющего.

— Да ниспошлют вам пятеро богов отличный денёк, леди, — выдохнула женщина. Толстая пегая лошадь была обвешана множеством набитых до отказа седельных сумок, к которым, в свою очередь, бечёвкой крепились ещё тюки и свёртки; вся эта конструкция покачивалась так же ненадёжно, как и сама наездница. Лошадь снова пошла шагом, дама восстановила дыхание и поправила соломенную шляпу. Она была одета в зелёные цвета Матери, только какого-то тёмного оттенка, подходящего, скорее, вдове. Однако на рукаве красовались ленты цветов всех богов: голубая, переплетённая с белой, зелёная с жёлтой, красная с оранжевой, чёрная с серой и белая с кремовой.

Немного помедлив, Ista снова кивнула:

— И вам тоже.

— Мы паломники из Баосии, — сообщила женщина, — путешествуем к месту чудесной смерти канцлера ди Джиронала в Тариуне. Ну за исключением сьера ди Брауды, он вон там…

Она указала на одетого в приглушённых коричневых тонах пожилого мужчину с красно-оранжевой повязкой, означающей его принадлежность Сыну Осени. Рядом с ним ехал молодой человек в одежде поярче; он слегка нагнулся к холке коня, неодобрительно поглядывая на разговорчивую даму в зелёном.

— А с ним его сынок, вон он… Красавчик, а? Что скажете? — Паренёк выпрямился и принялся смотреть нарочито вперёд, заливаясь краской, что отлично сочеталось с ярко красной лентой на его рукаве. Его отец не смог подавить улыбку.

— Так вот, он везёт сына в Кардегосс, чтобы посвятить в Орден Сына. Парнишка пойдёт по стопам папаши. А церемонию посвящения будет возглавлять сам рей-консорт Бергон! Эх, как бы мне хотелось его увидеть. Говорят, рей ох как хорош собой. Ибранское побережье, откуда он родом, наверное благотворно влияет на юношей. Так что нужно будет как-нибудь подыскать причину, чтобы поехать помолиться в Кардегосс и

порадовать мои старые глаза.

— Хорошая мысль, — невозмутимо заметила Иста, выслушав весьма поверхностное, но в целом верное описание собственного зятя.

— А зовут меня Кария. Я из Палмы. Недавно была женой местного седельщика. Теперь вдова. А вы, милая леди? Этот приятель ваш муженёк, не так ли?

Услышав такое фамильярное обращение, управляющий замка собрался было придержать коня и оттеснить надоедливую даму, но Иста знаком приказала ему остановиться:

— Не надо, ди Феррей.

Тот удивлённо поднял брови, но потом пожал плечами и промолчал.

Иста обратилась к паломнице:

— Я вдова… из Валенды.

— Надо же! Прям как я! — обрадовалась женщина. — Мой первый муж родился здесь. Вообще-то я похоронила трёх мужей.

Она сообщила об этом, как о своеобразном достижении.

— Ну, не всех сразу, конечно. По очереди.

Затем дама окинула взглядом траурное облачение Исты:

— А своего-то вы недавно похоронили, да? Со-

чувствую. То-то вы такая грустная и бледная. Это, дорогая моя, тяжело пережить. Особенно в первый раз. Сначала хочешь умереть — это я точно знаю, самой хотелось, но об этом и говорить-то страшно. Ничего, всё вернётся на круги своя.

Иста улыбнулась и чуть качнула головой, словно не соглашаясь, но не стала объяснять женщине её ошибку. Ди Феррею ужасно хотелось поставить паломницу на место, раскрыв высокое положение Исты, а заодно и свою должность, и отправить разговорчивую вдовушку своей дорогой, но Иста с интересом обнаружила, что Кария её забавляет. Болтовня вдовы её совсем не раздражала и не было желания её останавливать.

Тем более что это никому не приносит вреда. Кария из Палмы перечисляла всех своих спутников, развлекая Исту запутанными перечислениями их общественного положения, мест рождения и святых целей. Если предмет обсуждения ехал достаточно далеко и не мог ничего слышать, паломница сдабривала свой рассказ бесплатными комментариями их манер и поведения. Помимо пожилого дедиката Сына Осени и его краснеющего отпрыска в отряд входили четверо членов гильдии ткачей, которые совершали паломничество, чтобы помолиться

Отцу Зимы о благоприятном исходе судебной тяжбы; отец с лентами Матери Лета просил для дочери успешного разрешения от бремени; и отмеченная бело-голубой повязкой женщина молила Дочь Весны ниспослать её дочери мужа. Худая дама в хорошо скроенных зелёных одеждах служителя Ордена Матери, имевшая при себе служанку и двух слуг, оказалась ни акушеркой, ни целительницей, а ревизором. Торговец вином ехал принести благодарность Отцу Зимы и выполнить обет за успешное возвращение своего каравана, едва не пропавшего прошлой зимой в заснеженных горах по дороге в Ибру.

Те паломники, что ехали поблизости, периодически выразительно закатывали глаза, потому что знали Карию уже не первый день и уже наслушались её россказней. Единственным исключением был весьма тучный молодой человек в белом, правда забрызганном грязью, одеянии служителя Бастарда. Он ехал медленно, пристроив книгу между шеей своего грязного белого мула и собственным внушительным животом, и только тогда, когда нужно было перевернуть страницу, он поднимал голову, окидывал окружающих близоруким взглядом и рассеяно улыбался.

Вдова Кария взглянула на солнце, которое как

раз достигло зенита:

— С нетерпением жду момента, когда мы наконец доберёмся до Валенды. Там есть таверна, где можно хорошенько поесть и попробовать знаменитых жареных молочных поросят, — она причмокнула в предвкушении.

— Да, там есть такая таверна, — кивнула Иста. За все годы пребывания в Валенде она ни разу там не побывала.

Ревизор Ордена Матери, одна из наиболее постоянных невольных слушательниц вдовы, неодобрительно скривила губы:

— Я до мяса даже не дотронусь, — заявила она. — Я дала обет, что на протяжении этого пути ни один кусок плоти не коснётся моих губ.

Кария перегнулась через луку седла и прошептала Исте:

— Мне кажется, если бы она дала обет проглотить свою гордость вместо салата, это было бы более веской причиной для паломничества.

Посмеиваясь, она снова выпрямилась; служительница Матери вздохнула и сделала вид, что не расслышала.

Торговец с чёрно-серой повязкой на рукаве возвёл глаза к небу и, ни к кому не обращаясь, произнёс:

— Богам ни к чему пустая болтовня. Следует проводить время с пользой, беседуя о высших материях, дабы подготовить наши умы к молитве, а не желудки — к обеду.

Кария бросила на него косой взгляд:

— Или кое-что пониже — для развлечений получше? И вы носите на рукаве цвета Отца! Как вам не стыдно!

Торговец вскинулся:

— Тот бог, которому я собираюсь — или вынужден — молиться, *такими* вопросами не занимается, уверяю вас, мадам!

Служитель Бастарда отвлёкся от книги и примиряюще заметил:

— Боги распоряжаются всеми частями нашего тела, от головы до пальцев ног. Бог есть для всех, даже для каждой части тела.

— У *вашего* бога определённо низкие вкусы, — заносчиво ответил торговец.

— Боги не оставят никого, чьё сердце открыто Святому Семейству. Даже самых высокомерных, — служитель кивнул торговцу.

Кария весело рассмеялась; торговец презрительно фыркнул, но промолчал. Служитель снова уткнулся в книгу. Вдова зашептала Исте:

— Мне нравится этот толстый парень, правда

нравится. Говорит немного, но всегда в точку. Мало кто из книжных людей может меня вынести, да и сама я плохо их понимаю. Но у этого манеры что надо. Но всё же, я думаю, мужчина должен обзавестись женой, детишками, работать, чтобы прокормить семью, а не гоняться за богами. Вынуждена сознаться, что мой второй муженёк не работал, а вместо этого пил… И спился окончательно, к облегчению всех тех, кто его знал, упокойте пятеро богов его душу, — она коснулась лба, губ, солнечного сплетения, пупка и потом сердца, прижав ладонь с растопыренными пальцами к пухлой груди.

Затем Кария поджала губы, вздёрнула подбородок и крикнула:

— А вы нам так и не рассказали о цели вашего паломничества, Леарнед.

Служитель Бастарда закрыл книгу, заложив пальцем страницу, и взглянул на разговорчивую вдову:

— Верно, я не помню, чтоб рассказывал, — туманно ответил он.

— Да вы все молитесь о том, чтобы встретиться со своим богом, — вставил торговец. — Разве не так?

— Я всегда молила о том, чтобы богиня косну-

лась моего сердца, — сказала ревизор Ордена Матери. — Моя основная духовная цель — увидеть Её воочию. И время от времени у меня появляется ощущение, что я её действительно чувствую.

Всякий, кто жаждет увидеть богов воочию, — большой глупец, — подумала Иста. Но отсутствие ума отнюдь не препятствие для общения с богом, это она знала на собственном опыте.

— Ну, об этом молиться не стоит, — заметил служитель. — Для этого нужно просто умереть. А это совсем не сложно, — он почесал второй подбородок. — Во всяком случае, это неизбежно.

— Быть осенённым богом при жизни, — холодно уточнила ревизор, — великое благо для всех нас.

Нет, вовсе нет. Если бы ты, женщина, прямо сейчас увидела лицо Матери, то упала бы наземь и, не вставая, прорыдала бы здесь, в грязи несколько дней подряд. Иста почувствовала, что служитель Бастарда со странным любопытством смотрит на неё.

Неужели он один из тех, кого коснулся бог? У Исты была возможность научиться выделять их из толпы. Они, к сожалению, отвечали ей тем же. Или он так смотрит, потому что страдает бли-

зорукостью? Почувствовав себя неуютно, Иста нахмурилась.

Служитель жестом извинился и сказал:

— Я еду по делу моего Ордена. Один дедикат обнаружил маленького заблудшего демона, которым завладел хорёк. Я везу демона в Тариун, чтобы глава Ордена соответствующим образом вернул его богу.

Служитель Бастарда повернулся к вместительным седельным сумкам, порылся в них, и вместо книги у него в руках появилась небольшая клетка из ивовых прутьев. Внутри неё клубочком свернулась серая фигурка.

— Ага! Вот, значит, что вы там прятали! — Кария сморщила нос и подъехала поближе. — По-моему, самый обычный хорёк.

Зверёк встал на задние лапки и дёрнул усами в её сторону.

Тучный служитель развернулся в седле и поднял клетку так, чтобы Исте тоже было видно. Животное, которое до этого бегало кругом по клетке, замерло под её взглядом. На какую-то секунду в его похожих на бусинки глазах мелькнул совсем не звериный ум. Иста продолжала бесстрастно смотреть. Хорёк опустил голову и стал пятиться назад, до тех пор пока не упёрся в

стенку клетки. Служитель одарил Исту очередным долгим удивлённым взглядом.

— Может, бедняга просто болен? — усомнилась Кария.

— А вы что думаете, леди? — спросил приверженец Бастарда у Исты.

Ты и сам отлично знаешь, что это настоящий демон. Так зачем же спрашивать меня?

— Ну… Мне кажется, что глава вашего ордена разберётся, что это и что с ним делать.

Услышав столь сдержанный ответ, служитель улыбнулся уголком губ.

— Верно, это не совсем демон, — он спрятал клетку. — Я бы назвал его, скорее, элементалем, очень маленьким, ещё не сформировавшимся. Как мне кажется, он ещё совсем недолго в нашем мире и вряд ли начнёт искушать людей колдовством.

Демон, конечно, Исту не искушал, но она поняла, почему служителю следовало быть столь здравомыслящим. Демон делает человека волшебником, так же как лошадь делает хозяина наездником, но насколько искусным — вопрос открытый. Так же как и лошадь, демон может унести своего обладателя прочь. Но в отличие от лошади демон не позволит ему спешиться. Прочь

из-под опеки Храма, прямо к гибели души.

Кария снова принялась болтать, но как раз в этот момент дорога в замок отделилась от главного тракта, и ди Феррей свернул в сторону. Вдова из Палмы превратила то, что хотела сказать, в весёлые прощальные слова, а ди Феррей решительно отвёл скакуна рейны подальше от паломников.

Когда они поехали вдоль берега реки, заросшему деревьями, управляющий оглянулся через плечо:

— Какая вульгарная женщина. Держу пари, у неё в голове не найдётся ни одной благочестивой мысли! Она прикрывается паломничеством от родственников, которые не одобряют её безделья, а заодно обеспечивает себе в пути дешёвый вооружённый эскорт.

— Вы совершенно правы, ди Феррей.

Иста обернулась и смотрела, как группа пилигримов продолжает двигаться по главной дороге. Вдова Кария теперь упрашивала служителя Бастарда попеть с ней гимны, несмотря на то, что тот, который предложила она, больше походил на застольную песню.

— Ни один мужчина из её семьи не захотел поддержать её и поехать с ней, — возмущённо продолжал ди Феррей. — У неё, конечно, теперь

нет мужа, но могла же она всё-таки найти брата, сына или на худой конец племянника. Мне жаль, рейна, что вам пришлось выносить такое.

Не совсем стройный, но крайне добродушный дуэт донёсся со стороны тракта, а потом затих вдали.

— А мне не жаль, — сказала Иста. Улыбка медленно изогнула её губы. *Совсем не жаль.*

Глава вторая

Иста сидела среди розовых кустов матери, пальцы рейны бессознательно сворачивали и разворачивали платок тончайшей работы. Фрейлина сидела рядом и тыкала в полотно иголкой, гораздо более тонкой и острой, чем ум самой вышивальщицы. Вдыхая прохладный утренний воздух, Иста без устали ходила кругами по саду, до тех пор пока фрейлина, повысив голос, не попросила её остановиться. Женщина приостановила работу и наблюдала за руками рейны; Иста раздражённо отложила измученный кусок льна в сторону. Надёжно спрятанный завесой королевских юбок шёлковый башмачок принялся отбивать нервную, а вовсе не гневную, барабанную дробь.

Садовник суетился рядом, поливая цветы в кадках, которые украшали все дверные проёмы в ознаменование наступления сезона Дочери. Так на протяжении многих лет приказывала старая провинкара. Интересно, через сколько лет умрут заведённые ей обычаи или они будут жить вечно, как будто бы дотошный дух старой леди продолжает наблюдать за их соблюдением?

Нет, боги забрали её душу из мира людей; в замке не появлялось новых духов, иначе Иста сразу же это почувствовала бы. Все обитающие здесь неприкаянные души были древними, измученными, исчезающими. От них остался один холод, которым ночью тянуло от стен.

Иста вздохнула через сжатые губы, разминая ноги под юбкой. Она специально подождала несколько дней, прежде чем подойти к управляющему замка с предложением отправить её этой весной в паломничество, в надежде, что ди Феррей забудет вдову Карию. Смиренное паломничество в сопровождении нескольких фрейлин; простая одежда и никакого королевского кортежа в сто всадников в длину, которых верный управляющий считал приемлемым минимумом. Ди Феррей выдвинул массу занудных возражений практического свойства и поразился внезапной набожностью рейны. Все доводы Исты о том, что она ищет искупления грехов, были отметены ввиду того, что под его неусыпным оком она не могла совершить ничего достойного покаяния. Само собой подразумевались плотские грехи, ведь ди Феррей не был искушён в теологии. И чем настойчивее становились просьбы рейны, тем неприступнее и осторожнее становился управ-

ляющий, так что порой Исте приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не раскричаться на него. Чем яростнее она просила, тем сомнительнее представлялась ему её затея. Вот такой мучительный парадокс.

По саду пробежал паж, на бегу отвесив Исте весьма своеобразный поклон, и скрылся в главной части замка. Спустя несколько минут оттуда появился ди Феррей и тяжело зашагал по дорожке, за ним по пятам следовал всё тот же паж. Ключи от замка позвякивали на поясе управляющего, выдавая его статус.

— Куда это вы собрались, ди Феррей? — лениво поинтересовалась Иста. Она принудила ноги прекратить отбивать чечётку.

Управляющий остановился и изогнулся в поклоне, подобающем её рангу, его должности и тучности, рукой он сделал знак, чтобы паж последовал его примеру.

— Мне сообщили, что прибыли всадники из Кардегосса, рейна, — ди Феррей немного помедлил. — Ваш довод о том, что согласно присяге, данной мной вам и вашим родственникам, я обязан не только охранять вас, но и подчиняться вам, не давал мне покоя.

Ага, значит, один выпад достиг цели. Отлично.

Иста улыбнулась краешком губ.

Он улыбнулся в ответ, его лицом светилось торжеством:

— Но, поскольку мои мольбы вас не тронули, я отправил тем, кого вы наверняка послушаете, просьбу о том, чтобы они присоединились к моему скромному голосу и добавили ему королевской весомости. Старый ди Феррей в самом деле не имел права препятствовать вам, и я виноват в том, что вам пришлось из-за меня задержаться… Я не прошу меня помиловать… но за все годы, что я вам служил…

При этих словах губы Исты превратились в ниточку. *Я сейчас выругаюсь.*

— Однако рейна Исель и рей-консорт Бергон — ваши сюзерены, и помимо этого они заботятся о вашей безопасности, поскольку вы — мать рейны. Кроме всего прочего, насколько я понимаю, вы наверняка прислушаетесь к мнению канцлера ди Кэсерила. Если я не ошибаюсь, с этими послами прибудет успокаивающий совет, — он удовлетворённо кивнул и продолжил путь.

Иста сжала зубы. Ей хотелось осыпать проклятиями Исель, Бергона или Кэсерила. Или, если честно, *старого ди Феррея*, который готов был лопнуть от гордости, — а ведь он всего лет на де-

сять старше Исты. Напряжение, сковавшее тело, мешало дышать. Если так будет продолжаться, то в скором времени покровители, ограждая её от прошедшего безумия, заново сведут её с ума.

Из-за угла донёсся стук копыт, голоса и окрики грумов. Внезапно Иста вскочила и поспешила за ди Ферреем. Фрейлина, выпутавшись из ниток вышивания, с трудом поднялась и засеменила за госпожой, издавая протестующие звуки. По привычке, видимо, решила Иста.

Во дворе, вымощенном камнями, под доброжелательным и гостеприимным взглядом ди Феррея спешивались два всадника в одеждах Ордена Дочери. Они не походили на служителей местного храма. В их нарядах не было ничего аляповатого, грубого, деревенского. Всё — от начищенных сапог, аккуратных голубых штанов и туник, чистых вышитых накидок из белой шерстяной ткани и до характерных для их Ордена серых плащей с капюшонами, — всё кричало об искусстве кардегосских портных. Всё оружие, все попоны были вычищены, блестящие части отполированы и протёрты масляной тряпкой, всё было ухожено, но отнюдь не ново. Офицер-дедикат был чуть выше среднего роста, жилист и вынослив. Второй, тот, что пониже, казался более

крепким, а тяжёлый меч, висевший на перевязи, совсем не напоминал церемониальный.

Когда ди Феррей закончил приветствовать вновь прибывших и раздавать приказания слугам, Иста пристроилась за ним. Она сощурила глаза:

— Господа, мы знакомы?

Улыбаясь, они передали поводья замковым грумам и изящно поклонились.

— Рейна, — пробормотал тот, что повыше, — мы счастливы видеть вас снова.

И, чтобы Иста не мучилась, добавил:

— Ферда ди Гьюра. А это мой брат Фойкс.

— Ах, да. Вы те самые молодые люди, что три года назад отправились вместе с канцлером ди Кэсерилом в Ибру. Мы встретились, когда Бергон прибыл сюда. Канцлер и рей Бергон ценят вас очень высоко.

— Они очень добры, — прошептал более коренастый Фойкс.

— Это честь служить вам, леди, — старший ди Гьюра вытянулся перед ней по стойке смирно и огласил: — Канцлер ди Кэсерил с наилучшими пожеланиями шлёт нас вам, дабы мы сопровождали вас в пути, рейна. Он просит вас, чтобы вы считали нас своей правой рукой. Руками…

Ферда споткнулся, но быстро нашёлся:

— Или правой и левой рукой, например. — Его брат ехидно поднял бровь:

— И кто какая рука?

Довольство во взгляде ди Феррея сменилось удивлением:

— И канцлер *поддерживает* это… эту авантюру?

Интересно, какое слово он не решился сказать? Ферда и Фойкс переглянулись. Фойкс пожал плечами и принялся рыться в седельной сумке.

— Милорд ди Кэсерил поручил мне вручить это письмо лично вам в руки, леди, — забавно краснея, он передал ей пакет. На нём красовалась большая красная канцлерская печать и личное клеймо Кэсерила — ворон, сидящий на буквах КЭС, — выдавленное на синем воске.

Иста, не скрывая удивления, приняла пакет и поблагодарила. Когда она взломала печать, роняя воск на камни, ди Феррей вытянул шею, чтобы прочесть содержимое. Но Иста отвернулась, чтобы лишить его такой возможности.

Письмо было написано мелким почерком канцлера. Кэсерил указал все её формальные титулы, так что заголовок был длиннее, чем сам текст, который гласил:

«Я посылаю Вам этих двух братьев, Ферду и Фойкса ди Гьюра. Куда бы ни завела вас дорога, они будут Вам верными спутниками и помощниками. Я уверен, что они послужат Вам не хуже, чем когда-то послужили мне. И пусть пятеро богов направляют Ваш путь.

Ваш наипокорнейший слуга».

Дальше следовал небрежный росчерк, конец которого полукругом загибался назад, — подпись ди Кэсерила.

Тем же самым жутким почерком — Иста вспомнила, что в пальцах Кэсерила больше силы, чем изящества, — был написан постскриптум:

«В память о драгоценностях, пожертвованных на путешествие, которые преподнесло королевство, Исель и Бергон шлют вам кошель. Я доверил его Фойксу. И не беспокойтесь насчёт его юмора, он вовсе не так прост, как кажется».

Иста медленно улыбнулась:

— Думаю, тут всё ясно изложено.

Она передала листок переминающемуся с ноги на ногу ди Феррею. По мере того как он прочитывал строки, его лицо менялось. Губы управляющего сложились в беззвучное «О»: он был слишком хорошо воспитан, чтобы произнести вслух то, что вертелось на языке. Иста мысленно

поблагодарила за это старую провинкару.

Ди Феррей посмотрел на братьев:

— Но… Но рейна не может разъезжать по дорогам в сопровождении только двух солдат, какими бы хорошими они не были.

— Конечно нет, сэр, — Ферда отвесил ему полупоклон. — С нами приехал целый отряд. Я оставил их внизу, в городе, подкрепиться в храмовой харчевне. Всех, кроме двоих, которых отправил с другим поручением. Они вернутся завтра и пополнят наши ряды.

— С другим поручением? — переспросил ди Феррей.

— Узнав, что мы отправляемся сюда, Марч ди Паллиар решил прибавить нам работы. Он отправил с нами отличного рокнарского жеребца, захваченного в недавней кампании по взятию Готоргета, чтобы мы доставили коня в Палму, на коневодческую ферму, принадлежащую нашему Ордену, где ему предстоит оплодотворить местных кобыл, — лицо Ферды оживилось. — Ох, рейна, если бы вы видели этого красавца! Он отталкивается от земли и летит по воздуху! А какая у него чудесная серебристая шкура! Торговцы шёлком в обморок попадали бы от зависти. Стук копыт напоминает звон цимбал; хвост развева-

ется, как знамя; грива — словно девичьи косы; настоящее чудо природы…

Второй брат деликатно кашлянул.

— Ээ-э, в общем, замечательный конь, — заключил Ферда.

— Мне кажется, — ди Феррей, глядя в пространство, всё ещё сжимал в руке письмо канцлера, — нам стоит написать вашему брату ди Баосии в Тариун, чтобы он выслал конный отряд в дополнение к тому, что у нас есть. И пусть несколько леди из его домочадцев явятся сюда. Ваша невестка, например, или кто-нибудь из уже взрослых племянниц… какие-нибудь близкие семье дамы, ваши фрейлины, конечно же, и необходимые служанки и грумы. Ещё следует обратиться в храм за подходящим духовным наставником. Нет, лучше будет, если мы отправим письмо в Кардегосс и попросим настоятеля Менедаля порекомендовать какого-нибудь высокообразованного служителя.

— Но это займёт ещё дней десять, — забеспокоилась Иста. *Как минимум.* Надежды на вынужденную капитуляцию ди Феррея начали улетучиваться. Если всё пойдёт так, как он задумал, — а наверняка так и случится, — то вместе с ней в поход отправится целая армия.

— Я бы не хотела откладывать выезд. Пого-

да стоит хорошая, и дороги уже подсохли, — в отчаянии добавила она. — Мне бы хотелось путешествовать при ясном небе.

— Хорошо, хорошо, мы это обсудим, — ответил управляющий, взглянув на безоблачные небеса, словно бы соглашаясь с её доводом. — Я поговорю с фрейлинами и напишу вашему брату.

Он задумчиво потеребил губу:

— Прислав этот кошелёк, Исель и Бергон явно что-то имели в виду. Может быть, рейна, они хотели бы, чтобы вы, совершая паломничество, помолились о внуке? Это стало бы настоящим благословением для королевского дома Шалион и достойной целью молитв ваших паломников.

Эта идея очевидно больше нравилась ди Феррею, чем ей самой, ведь и его совсем недавно осчастливили рождением первого внука. Управляющий в первый раз положительно отозвался о её авантюре, так что Иста не стала его разочаровывать.

Братья ди Гьюра и их лошади были вверены гостеприимству замка и конюшен соответственно, а ди Феррей поспешил претворять в жизнь собственные идеи. Фрейлина Исты принялась трещать о том, что же нужно надеть и взять с собой в такое трудное путешествие, как будто бы

Иста собралась перевалить через горы, пересечь Дартаку и отправиться дальше, а не совершить благочестивое паломничество по Баосии. Иста попыталась остановить словесный поток жалобами на головную боль, но, поняв, что всё бесполезно, скрепя сердце, приготовилась терпеть.

* * *

Служанка продолжала болтать и выражала беспокойство, что так быстро наступил вечер. Сопровождаемая тремя фрейлинами, она носилась по комнате Исты, расположенной в старой части замка, складывала и перекладывала кучи платьев, мантий, накидок и туфель, отбирая одежду, подходящую по цвету для траурных нарядов рейны, стараясь предусмотреть всё, что может и даже не может случиться в дороге. Иста села у окна и принялась рассматривать двор, располагавшийся у главных ворот замка. Слова и реплики сочились со всех сторон, словно вода из водостока. Теперь головная боль стала вполне реальной.

Цоканье копыт и суматоха у ворот возвестили о прибытии нового визитёра. Иста привстала и посмотрела вниз. Во двор сквозь арку влетел стройный гнедой конь. На седоке был плащ с

гербом канцелярии Шалиона, из-под которого виднелась гораздо более потёртая одежда. Всадник, а точнее всадница, мягко соскользнула на камни двора. Курьером оказалась румяная девушка с чёрной косой. Она вытащила из-за седла свёрток, который, после того как его встряхнули, оказался юбкой. Не особо скромничая, девушка задрала тунику, надела юбку поверх штанов и завязала её на тонкой талии. Затем, забавно качнув бёдрами, расправила края, зацепившиеся за сапоги.

Внизу появился ди Феррей; девушка распечатала сумку с канцлерской корреспонденцией и перевернула её. На свет появился лишь один конверт. Ди Феррей прочёл, кому он адресовано, и тут же вскрыл, из чего Иста заключила, что пришло личное послание от его возлюбленной дочери леди Бетрис, фрейлины принцессы Исель. Судя по тому, как лицо управляющего смягчилось, в письме говорилось о внуке. Может быть, у малыша уже начали резаться зубки? Если так, то в скором времени Исте доложат о его достижениях. Рейна улыбнулась.

Девушка потянулась, водворила сумку на место, осмотрела ноги и копыта коня и передала животное груму, снабдив последнего строгими

наставлениями. Тут Иста обнаружила, что её собственная фрейлина пристроилась смотреть ей через плечо.

— Я хочу поговорить с этой девушкой, — решительно сказала Иста. — Приведите её ко мне.

— Миледи, но у неё было только одно письмо.

— Ну и что? Я хочу послушать дворцовые новости. — Фрейлина фыркнула:

— Не думаю, что эта невежественная девица может быть поверенной придворных дам Кардегосса.

— Всё равно, приведите её ко мне.

Может быть, в её голосе прозвучали стальные нотки, но как бы то ни было, фрейлина ушла.

Наконец, резкий запах лошадей и кожи возвестил о приближении девушки к гостиной рейны раньше, чем неуверенные слова фрейлины:

— Миледи, вот курьер, которого вы просили позвать. — Иста отвернулась от окна и жестом приказала фрейлине удалиться. Та неодобрительно нахмурилась, но послушалась.

Девушка удивлённо и даже немного испуганно посмотрела ей вслед. Затем она исполнила нечто среднее между поклоном и реверансом:

— Рейна… Чем могу служить?

Иста едва ли могла ответить на этот вопрос.

— Как тебя зовут?

— Лисе, миледи, — и чтобы заполнить паузу, девушка добавила: — от Энилисс.

— Ты откуда?

— Сегодня? Почтовую сумку мне вручили на станции…

— Нет, я имею в виду вообще.

— А. Хм… У моего отца было небольшое поместье недалеко от Тенерета, в провинции Лабра. Он разводил лошадей для Ордена Брата и овец для продажи на рынке. Насколько я знаю, он и сейчас занимается тем же.

Состоятельный человек. Значит, такая своеобразная для девушки работа — не способ избежать жуткой нищеты.

— А как ты стала курьером?

— Я об этом даже не помышляла до тех пор, пока однажды мы с сестрой не поехали в город, чтобы доставить нескольких лошадей в храм. И тогда я увидела, как мимо галопом промчалась девушка в одежде курьера Ордена Дочери, — вспоминая, она счастливо улыбнулась. — И с того момента меня как будто ошпарило.

Может быть, сказывалось отсутствие свидетелей, может быть, причиной были молодость и сила посетительницы, но Иста с облегчением

заметила, что присутствие рейны не лишает девушку дара речи:

— А ты не боишься в одиночестве разъезжать по дорогам? — Курьер мотнула косой:

— Я объезжаю опасности. По крайней мере до сегодняшнего дня мне это удавалось.

Иста ей поверила. Девушка ростом была выше неё, но всё же ниже тощих парней, которых любят брать в курьеры. Лошади легче с таким седоком.

— Может быть, тебе… неуютно? Ведь приходится скакать и в жару, и в холод, вне зависимости от погоды…

— Ну, под дождём я не растаю. А быстрая езда не даёт замёрзнуть в мороз. И если нужно, я могу, завернувшись в плащ, переночевать под деревом. Или на нём, если место покажется подозрительным. Конечно, койки курьерских станций теплее и удобнее, — девушка иронично сощурила глаза, — хотя ненамного.

Иста вздохнула, сражённая бьющей ключом энергией.

— И сколько времени ты уже развозишь канцлерскую почту?

— Три года. С пятнадцати лет.

Что делала Иста в пятнадцать лет? Наверное, училась быть хорошей женой какому-нибудь

лорду. И когда рей Иас обратил на неё внимание — а тогда ей было столько же лет, сколько сейчас девушке, — результаты обучения превзошли всё, даже самые смелые мечтания родителей. И так было до тех пор, пока эти мечты не превратились в кошмар великого проклятия, висящего над Иасом. Благодаря богам и Кэсерилу теперь проклятие снято. С момента снятия прошло три года. Удушливая пелена спала с её разума в тот день. Бессмысленность существования и душевные скитания, всегда заканчивающиеся тупиками, с тех пор превратились в привычку.

— И семья позволила тебе уйти из дома в столь юном возрасте? — Забавная гримаска осветила лицо девушки, словно лучик солнца проглянул сквозь зелёную листву:

— Кажется, я забыла их спросить. Надо об этом подумать на досуге.

— И тебя приняли на работу без разрешения отца?

— Думаю, его тоже забыли об этом спросить, очень уж были нужны курьеры. Когда что-то очень нужно — правила меняются. У отца осталось ещё четыре дочери, которым нужно готовить приданое, так что я была уверена, они с братьями не побегут за мной и не притащат

силком назад.

— Так ты стала курьером в тот же день? — удивилась Иста. Белозубая улыбка стала ещё шире, — рейна заметила, у девушки были отличные зубы.

— Конечно. Я поняла, что если я вернусь домой и сяду сматывать очередной клубок ниток, то закричу и меня хватит удар. Кроме того, маме никогда не нравились мои клубки. Она говорила, что они кривые.

Иста понимала её чувства. Ответная улыбка тронула губы рейны:

— Моя дочь — отличная наездница.

— Об этом слышал весь Шалион, — глаза Лисе загорелись. — Доскакать от Валенды до Тариуна за одну ночь, да ещё когда враги рыскают повсюду… Со мной не случалось таких приключений. И мне никогда не доставался такой замечательный приз.

— Будем надеяться, что крылья войны больше не коснутся Валенды. А куда ты отправишься дальше?

Лисе пожала плечами:

— Кто знает? Поеду на станцию и, когда мне дадут очередное поручение, отправлюсь его выполнять. Если сьер ди Феррей напишет ответ

быстро, то уеду сразу же, если нет — дам отдохнуть коню.

— Сегодня он точно не напишет… — Исте совсем не хотелось её отпускать, но девушка выглядела растрёпанной и грязной с дороги. Само собой, ей нужно помыться и освежиться. — Зайди ко мне ещё, Лисе из Лабры. В замке обедают в час дня. Жди меня там и пообедай со мной.

Девушка удивлённо подняла тёмные брови, за этим последовал поклон-реверанс:

— К вашим услугам, рейна.

* * *

Стол старой провинкары был накрыт, как накрывался тысячи — десятки тысяч — раз до этого в будние дни, когда какой-нибудь праздник не вносил разнообразия в монотонное течение времени. Обедали в маленькой гостиной, располагавшейся внутри замковых стен, в недавно выстроенном павильоне. Уютно потрескивал камин, и солнце заглядывало в прозрачные стеклянные окна. Общество собралось тоже вполне привычное: леди Хьюлтер, сверстница и компаньонка старой провинкары, Иста, её первые фрейлины и, как всегда важный, ди Феррей. По молчаливому соглашению стул провинкары

всё ещё оставался пустым. Иста не высказывала желания сесть во главе стола, и, возможно, из уважения к её скорби, никто ей не предлагал.

Вместе с ди Феррем вошли Ферда и Фойкс. Оба выглядели очень изящно и молодо. Вслед за ними появилась девушка-курьер. Присутствующие обменялись вежливыми поклонами. Лисе весьма смело разговаривала с рейной наедине, но здешняя степенная атмосфера смутила бы самых отважных из солдат. Девушка аккуратно села и съёжилась, словно стараясь стать меньше. Но это не мешало ей бросать на двух братьев заинтересованные взгляды. Конский дух практически исчез, но леди Хьюлтер всё же поморщила нос. Однако пустовало не только законное место провинкары. К столу был приставлен ещё один стул — прямо напротив Исты.

— Мы ждём гостей? — поинтересовалась рейна у ди Феррея. Наверное, очередные пожилые друзья. Иста уже не надеялась на что-нибудь более экзотическое.

Ди Феррей откашлялся и кивнул на леди Хьюлтер. Её сморщенное лицо растянулось в улыбке:

— Я обратилась в храм Валенды, чтобы нам прислали подходящего служителя на роль вашего духовного наставника во время паломничества,

рейна. Раз уж мы не хотим посылать в Кардегосс за придворным учёным, я подумала, нам подойдёт мудрейшая Товия из Ордена Матери. Она, может быть, не сильно сведуща в теологии, но знаменита как целительница. И более того, она знает вас с тех пор, как вы были ребёнком. Это на случай, если на пути с вами случится какое-нибудь женское недомогание или дадут о себе знать ваши прошлые… неприятности. Всегда хорошо, когда рядом близкий человек. Тем более что, кроме неё, никто не подходит вам ни по полу, ни по положению в обществе.

Хорошо кому? Служительница Товия — закадычная подруга провинкары и леди Хьюлтер. Перед мысленным взором Исты предстало это трио пожилых леди, наслаждающихся медленной прогулкой в лучах весеннего солнца. Пятеро богов, неужели леди Хьюлтер решила тоже присоединиться к паломничеству? Иста подавила неподобающее желание закричать, так же как Лисе в ужасе от того, что остаток жизни предстоит провести в коконе из шерстяной пряжи.

— Я знала, что вы одобрите мой выбор, — продолжала леди Хьюлтер. — Я решила, что вам захочется начать обсуждение маршрута священного паломничества прямо за ужином…

Леди нахмурилась:

— Однако не в её привычках задерживаться.

Но её лоб разгладился, как только слуга возвестил:

— Посланник храма уже здесь, миледи.

— Замечательно, зовите её сюда.

Двери широко распахнулись. В гостиную вкатилась на удивление знакомая круглая фигура и остановилась, наткнувшись на стену поражённых взглядов. Этой фигурой оказался тучный служитель Бастарда, которого Иста встретила на дороге две недели назад. Его белые одеяния были не намного чище, чем тогда, только теперь на них не было налипшей грязи, остались лишь разводы спереди и на подоле.

Лучезарная улыбка вошедшего стала неуверенной:

— Добрый вечер, милые дамы и господа. Мне приказала сюда явиться некая леди ди Хьюлтер. Кому-то требовался духовный наставник для совершения паломничества…

К леди Хьюлтер вернулся дар речи:

— Я та, кого вы упомянули. Но, насколько мне известно, храм обещал прислать целительницу Ордена Матери служительницу Товию. А кто вы?

Иста почувствовала, что леди Хьюлтер чуть не

выпалила «Да кто вы такой?!», но сумела совладать с собой.

— Ох, — он поклонился. — Мудрейший Шивар ди Кэйбон к вашим услугам.

В конце концов, он носит достойное имя. Тут служитель увидел Исту и ди Феррея, и удивление отразилось на его лице.

— А где же мудрейшая Товия? — без обиняков спросила леди Хьюлтер.

— Думаю, ей пришлось уехать по особо сложному медицинскому вызову за пределы Валенды.

Его улыбка стала ещё более неуверенной.

— Добро пожаловать, мудрейший ди Кэйбон, — любезно обратилась к нему Иста.

Ди Феррей очнулся и приступил к выполнению обязанностей:

— В самом деле. Меня зовут ди Феррей, я — управляющий замка. А это вдовствующая рейна Иста…

Глаза ди Кэйбона сузились, и он пристально посмотрел на Исту:

— Вы и сейчас… — выдохнул он.

Ди Феррей, то ли не услышав этих слов, то ли решив не обращать на них внимания, представил братьев ди Гьюра и присутствующих дам в порядке, согласным с их положением в обществе,

а затем немного неохотно добавил:

— И Лисе, канцлерский курьер. — Ди Кэйбон приветствовал всех одинаково радостным поклоном.

— Но тут что-то не так, вкралась какая-то ошибка, мудрейший ди Кэйбон, — взялась за своё леди Хьюлтер, бросая на Исту умоляющие взгляды. — Ведь в паломничество собирается отправиться вдовствующая рейна *собственной персоной,* чтобы молить богов послать ей внука. Но вы же не… То есть… ну мы не знаем… Вы же служитель Ордена Бастарда, тем более мужчина… В общем, вы не совсем подходящий… мм-м… человек… мм-м…

Она оглядела присутствующих, безмолвно умоляя помочь ей выбраться из трясины, в которую забрела сама. Где-то в глубине души Иста начала улыбаться. Вслух она ласково сказала:

— Есть тут ошибка или нет, но я уверена, ужин вот-вот подадут. Не соблаговолите ли вы, мудрейший, озарить этот стол светом ваших знаний и в молитве перед едой обратить наши души к богам?

Ди Кэйбон выдохнул:

— Это честь для меня, рейна.

Улыбаясь и беспрестанно моргая, он уселся на стул, указанный Истой, и принялся с надеждой

смотреть на слугу, который подносил каждому миску с лавандовой водой для омовения рук. Он хорошо поставленным голосом по всем правилам благословил наконец-то появившуюся еду. Кем бы он ни был, в нём не было ничего деревенского. Восторг, с которым ди Кэйбон набросился на кушанья, согрел бы сердце повара провинкары, ведь беднягу так долго мучил хилый аппетит старшего поколения. Фойкс без особого труда поспевал за служителем Бастарда.

— Вы из тех Кэйбонов, что приходятся родственниками нынешнему генералу Ордена Дочери ди Джеррину? — вежливо поинтересовалась леди Хьюлтер.

— Я, кажется, прихожусь ему кем-то вроде четвероюродного или пятиюродного брата, леди, — ответил ди Кэйбон, проглотив очередной кусок. — Моим отцом был Сьер Одлин ди Кэйбон.

Оба брата ди Гьюра с интересом посмотрели на служителя:

— О, — удивилась Иста. — Я видела его несколько лет назад при дворе Кардегосса.

Наш толстый Кэйбон — так шутливо называл его Иас. Он, как и многие из менее тучных воинов рея, храбро погиб в кровавом сражении при Далусе.

Помолчав, Иста добавила:

— А вы на него похожи.

Служитель, не скрывая радости, кивнул головой:

— И совсем об этом не сожалею.

Что-то подтолкнуло Исту на вопрос, который никто больше не осмелился бы задать:

— А леди ди Кэйбон вы приходитесь сыном?

Глаза служителя сверкнули поверх куска жаркого, насажанного на вилку:

— В общем-то, нет. Но отец всё равно был мне рад и заплатил Храму за опеку надо мной, когда я достиг школьного возраста. За что я самым искреннейшим образом ему благодарен. Призвание не вспыхнуло во мне, как молния, а выросло медленно, словно дерево.

Иста решила, что круглое лицо и белые одежды служителя делают ди Кэйбона старше, чем он есть на самом деле. Ему никак не больше тридцати, а может быть, гораздо меньше.

Впервые за долгое время разговор зашёл не о старческих болезнях, болях, недомоганиях и способах их лечения, а о королевстве Шалион-Ибра в целом. Братья ди Гьюра могли многое поведать о недавней кампании марча ди Паллиара по возвращению под корону Шалиона горной крепости

Готоргет, которой завладели враждебно настроенные северные рокнарские князья, а также о трёхмесячном пребывании рея-консорта Бергона на поле битвы.

Ферда рассказывал:

— При последнем налёте на крепость Фойксу досталось от рокнарского боевого молота, и он большую часть зимы провалялся в постели. Сначала никак не могли зажить рёбра, которые превратились в кашу, а потом началось воспаление лёгких. А пока кости срастались, канцлер ди Кэсерил взял его себе писарем. А наш кузен ди Паллиар решил, что лёгкая поездка верхом поможет брату вернуться к утраченной форме.

Лёгкий румянец окрасил широкое лицо Фойкса, когда он смущённо склонил голову. Лисе посмотрела на него более пристально. Иста не могла точно сказать, представила его девушка с мечом в руках или всё-таки с пером. Леди Хьюлтер не преминула высказать всё, что думает по поводу того, что рейна Исель тоже отправилась на север, на поле битвы, чтобы быть поближе к мужу и волнующим событиям, и именно поэтому — а почему же ещё? — в скором времени родила девочку.

— Не думаю, — сухо возразила Иста, — что если

бы Исель осталась бездельничать в Кардегоссе, то на свет появился бы мальчик.

Леди Хьюлтер пробубнила что-то в ответ. Мать Исты тоже была очень недовольна, когда дочь родила Иасу Исель, тогда, много лет назад. Как будто бы Иста могла что-то с этим поделать. Как будто вторая беременность привела к лучшим результатам… Вдовствующая рейна нахмурилась под наплывом болезненных воспоминаний. Она подняла голову и перехватила проницательный взгляд ди Кэйбона.

Служитель направил беседу в более безобидное русло. Ди Феррей блеснул перед новыми слушателями парочкой старых историй, но за это Иста не стала его укорять. Ди Кэйбон поведал несколько не совсем пристойных баек, но всё же они были более скромные, чем те, которые Иста слышала за столом рея. Девушка-курьер громко смеялась, но когда леди Хьюлтер одарила её хмурым взглядом, стала прикрывать рот рукой.

— Прошу вас, не стесняйтесь, — попросила её Иста. — В этом доме никто так не смеялся неделями. Месяцами.

Годами.

А что если в паломничестве её будут сопровождать не множество измотанных хранителей

покоя, чьим старым костям дорога совсем не идёт на пользу, а люди, которые смеются? Молодые, не отягощённые массой грехов и потерь? Те, кто готовы прыгать от счастья? Люди, которые будут уважать её как старшую, а не станут понукать ей, как провинившимся ребёнком? *«Как прикажете, рейна»,* а не *«Леди Иста, вы же не можете…»*

Она решилась:

— Мудрейший ди Кэйбон, спасибо Храму, что он выполнил мою просьбу. Я буду рада, если во время паломничества моим духовным наставником будете вы.

— Это честь для меня, рейна, — ди Кэйбон, не вставая, поклонился так низко, насколько позволял ему внушительный живот. — Когда мы двинемся в путь?

— Завтра, — ответила Иста.

Со всех концов стола послышались возмущённые возгласы: ещё не приглашены целые списки персон, не устроена охрана, ещё не прибыли нужные фрейлины, их горничные, грумы, не доставлены горы одежды, просто необходимые для путешествия, не отобраны кони и мулы и маленькая армия ди Баосии ещё не добралась до Валенды.

Иста чуть не сдалась и не сказала: «Или до тех

пор, пока всё не будет улажено», но вовремя взяла себя в руки. Она взглянула на Лисе, которая, жуя, восторженно прислушивалась к происходящему.

— Вы все правы, — Иста повысила голос, чтобы перекричать гул возмущённых голосов, который тотчас же стих. Она продолжила: — Я не юна, не энергична, не смела и не знаю, что такое путешествовать. Так что мне придётся взять подходящих людей. Моей фрейлиной и одновременно моим грумом будет курьер Лисе. И больше мне никто не нужен. Это уже экономит три десятка мулов.

Лисе чуть не подавилась куском, который так усердно жевала.

— Но она же обычный курьер! — смогла выдохнуть леди Хьюлтер.

— Не думаю, что канцлеру ди Кэсерилу придёт в голову приревновать её ко мне. Курьеры всегда готовы ехать туда, куда им прикажут. А ты, Лисе, что скажешь?

Лисе, которой всё-таки удалось проглотить злосчастный кусок, вытаращив глаза, выдавила:

— По-моему, у меня лучше получится роль грума, а не фрейлины, рейна, но я буду стараться изо всех сил.

— Отлично. Никто большего и не требует.

— Вы же вдовствующая рейна! — простонал ди

Феррей. — Вам нельзя разъезжать по дорогам в таком малочисленном сопровождении!

— Я хотела провести паломничество в смирении, ди Феррей, а не устраивать гордое шествие. Поэтому… может, я не буду рейной? Я могу быть, например, простой вдовой из хорошей семьи. Каких слуг лучше взять в таком случае? Какие предпринять предосторожности?

— Путешествие инкогнито? — Мудрейший ди Кэйбон сразу же понял её идею, в то время как остальные молча ели, выражая несогласие с происходящим. — Такой ход решит множество вопросов, связанных с вашими духовными изысканиями, рейна. Как мне кажется… такая женщина попросит Храм снабдить её обычным эскортом. А Храм приставит к ней всадников, которые находятся в его распоряжении в данный момент.

— Замечательно. Этот пункт у меня уже выполнен. Ферда, ваши люди могут выехать завтра?

Хор протестов перекрыл простой ответ ди Гьюры: — Конечно. Как прикажете, рейна.

Воцарилась недоумённая тишина. Можно сказать, даже немного задумчивая, если, конечно, на это ещё можно было надеяться. Иста откинулась на спинку стула и улыбнулась:

— Нужно подумать об имени, — наконец сказала она. — Ни ди Шалион, ни ди Баосия не подходят, они слишком напыщенные, — ди Хьюлтер? Иста вздрогнула. *Нет.* Она мысленно перебирала имена младших родственников провинкаров Баосии. — А вот ди Аджело совсем неплохо.

Она едва ли встречалась с семьёй ди Аджело, и они ни разу не пытались отправить во дворец своих дочерей, чтобы приставить их… опекать Исту в качестве фрейлин.

— Думаю, имя Иста можно оставить. Оно не такое уж редкое, чтобы привлечь излишнее внимание.

Служитель откашлялся:

— Нам с вами нужно будет сегодня поговорить. Я не знаю, какой маршрут мне лучше для вас избрать. Паломничеству необходим духовный план, а также материальный, для поддержания первого. А у нас нет ни того ни другого. И если каким-то из них пренебречь, то его ей просто-напросто навяжут.

Иста осторожно ответила:

— А как вы организовывали паломничества раньше, мудрейший?

— Ну, это всегда зависело от целей желающих вступить на путь пилигрима.

— У меня в седельной сумке есть несколько карт. Может, они послужат вам источником вдохновения. Могу принести их, если желаете, — предложил Ферда.

— Да, пожалуйста, — благодарно отозвался служитель. — Это должно помочь.

Ферда выбежал из комнаты. Снаружи день уже клонился к вечеру. Появились слуги и принялись бесшумно зажигать настенные канделябры. Ожидая возвращения брата, Фойкс удобно опёрся локтями на стол, мило улыбнулся Лисе и принялся уписывать очередной кусок медового пирога с орехами.

Через несколько минут Ферда вернулся, неся в руках ворох мятых бумаг.

— Вот… нет, вот Баосия, а вот западные провинции вплоть до Ибры, — он расстелил на столе между служителем Бастарда и Истой заляпанную видавшую виды карту. Ди Феррей беспокойно смотрел из-за плеча ди Кэйбона.

Служитель наморщил лоб и некоторое время смотрел на карту, потом откашлялся и поднял глаза на Исту:

— Нас учили, что маршрут паломничества должен зависеть от духовной цели. Она может быть любой, но обычно её можно отнести к одному из

пяти типов: служение, молитва, благодарность, жажда пророчества и искупление.

Искупление. Молитва богам о прощении. Ди Льютес, Иста не могла не подумать о нём. Жуткие воспоминания того тёмного часа до сих пор тенью окутывали её сердце, даже в этот светлый вечер. И всё же кто и у кого должен просить прощения за этот кошмар? Мы все этим повязаны — и боги, и ди Льютес, и Иас, и я. И если унизительные стоны на алтаре богов — единственный способ исцелить эту старую рану, то того количества грязи, что она съела, хватит на десяток ди Льютесов. Но в темноте, если надавить, шрам продолжает кровоточить.

— Один человек у меня на глазах молился о мулах, — заметил Фойкс.

Ди Кэйбон удивлённо моргнул:

— И он их получил?

— Да, и причём отличных.

— Пути богов иногда… неисповедимы, — пробормотал ди Кэйбон, обдумывая услышанное. — Кх-м. А вы, рейна, насколько я понимаю, отправляетесь в паломничество молить о внуке. Так?

Он выжидательно замолчал.

Совсем не так. Но ди Феррей и леди Хьюлтер одобрительно зашумели, и Иста решила им не

перечить.

Ди Кэйбон провёл пальцем по замысловатым линиям карты, исписанной названиями мест, изборождённой маленькими речками, украшенной гораздо большим количеством деревьев, чем в действительности росло на равнинах Баосии. Он принялся указывать на тот или иной храм Матери или Отца, расположенный в окрестностях Валенды, расписывая их заслуги. Иста заставила себя взглянуть на карту.

Далеко к югу, за пределами карты лежал Кардегосс и великий замок-крепость Зангр, хранящий дурные воспоминания. *Нет.* На востоке — Тариун. *Нет.* Остаётся запад и север. Её палец пересёк карту, направляясь к Клыкам Бастарда — высокогорной цепи, протянувшейся с севера на восток, отмечая границу с Иброй, столь недавно присоединённой к Шалиону на брачном ложе её дочери. На север, вдоль гор, по какой-нибудь проходимой дороге.

— Сюда.

Покосившись на карту, ди Кэйбон нахмурился:

— Я не уверен, что…

— В одном дне езды от Палмы расположен городок, где есть скромный постоялый дворик, принадлежащий Ордену Дочери. Там очень

мило, — вставил Ферда. — Мы не раз туда наведывались.

Ди Кэйбон облизал пересохшие губы:

— Хм. Я знаю одну таверну, неподалёку от Палмы. Если не мешкать, мы сможем туда добраться до наступления темноты. Там отлично кормят. Ах да, ещё рядом есть священный источник, он очень древний. Он не входит в список главных сакральных мест, но раз сьера ди Аджело хочет путешествовать без шума, то столь скромное начало подойдёт как нельзя лучше. Тем более что в это время года известные святые места переполнены паломниками.

— Что ж, в таком случае, мудрейший, давайте избегать толпы, искать смирения и воздадим должное этому источнику. Или отличной кухне близлежащей таверны, — Иста улыбнулась.

— Не нужно взвешивать зёрнами молитву, словно фальшивую монету, — весело ответил ди Кэйбон, вдохновившись её мимолётной улыбкой. — Давайте не будем брезговать ни тем ни другим и воздавать изобилие за изобилие.

Толстые пальцы служителя, словно ножки циркуля, соединили на карте Валенду, а затем Палму в том месте, где указал Ферда. Ди Кэйбон задумался, потом наметил новый отрезок на карте:

— В дне пути оттуда, если, конечно, пораньше встать, находится Казилшас. Довольно сонное местечко. Но у моего ордена там школа. Некоторые мои старые учителя всё ещё живут в этой деревушке. А ещё там отличная библиотека, само собой по местным меркам, ведь многие служители-учителя, умирая, оставляли свои книги. Допускаю, что семинария Бастарда не совсем… соответствует цели нашего путешествия, но должен признаться, я совсем не прочь заглянуть в эту библиотеку.

Интересно, в школе тоже исключительно одарённый повар? — ехидно подумала Иста. Она подпёрла подбородок рукой и принялась изучать тучного молодого человека, сидящего напротив неё. Всё же, что нашло на Храм Валенды, что они послали к ней именно его? Наличие в его родословной предков-полуаристократов? Едва ли. Обязанности на духовном фронте более опытных предводителей паломников наверняка расписаны заранее. Несомненно, в природе существует масса книг о духовном наставлении в таких случаях. Может быть, ди Кэйбон и хочет посетить библиотеку, чтобы отыскать учебник, где будет сказано, что ему делать дальше. Вполне возможно, большую часть святых лекций в Касилшасе

он просто-напросто проспал.

— Хорошо, — согласилась Иста. — Гостеприимство Ордена Дочери на первые две ночи, потом приют нам даст Орден Бастарда.

От Валенды их будут отделять по крайней мере три дня пути. Неплохое начало.

Ди Кэйбон явно обрадовался:

— Замечательно, рейна.

Фойкс задумчиво стоял над картами. Он выудил ту, что побольше, изображавшую весь Шалион. Она оказалась менее детальной, чем та, которую изучал ди Кэйбон. Палец Фойкса отметил путь от Кардегосса до Готоргета. Крепость была оплотом Шалиона на рубеже извилистой, но не очень высокой горной цепи, которая протянулась вдоль границы Шалиона и рокнарского княжества Борсаснен. Фойкс пошевелил бровями. Иста попыталась предположить, какие горестные воспоминания пробудило в нём название крепости.

— Вам наверняка захочется обойти этот район стороной, — сказал ди Феррей, заметив, что палец Фойкса замер над Готоргетом.

— Вы правы, милорд. Мне кажется, нам вообще лучше держаться подальше от севера центральной части Шалиона. Со времён прошлогодней кампании там неспокойно, тем более что рейна

Исель и рей Бергон как раз собирают силы, чтобы покончить с этим вопросом раз и навсегда.

Ди Феррей заинтересованно поднял брови:

— Они уже собираются ударить по Виспингу?

Фойкс пожал плечами, его палец скользнул на северное побережье к названному порту:

— Не уверен, что Виспинг *можно* захватить в результате одной-единственной кампании. Но такой исход был бы весьма неплох. Урезать пять княжеств до двух, завоевать морской порт для Шалиона, так чтобы ибранский флот мог найти убежище в…

Ди Кэйбон перегнулся через стол, опираясь на скатерть внушительным животом, и внимательно посмотрел на карту:

— Тогда следующим станет княжество Джокона, к западу от Бораснена. Или мы нападём на Браджар или на оба сразу?

— Воевать на два фронта будет глупо, тем более что Браджар весьма ненадёжный союзник. Новый князь Джоконы юн и неопытен. Нужно зажать Джокону между Шалионом и Иброй, а затем просто прищемить. Потом двинуться на северо-запад.

Глаза Фойкса сузились, пухлые губы сжались, когда он принялся обдумывать такой вариант

развития событий.

— Фойкс, а ты примешь участие в этой кампании? — вежливо поинтересовалась Иста.

Он кивнул:

— Куда направляется марч ди Паллиар, туда и братья ди Гьюра. Как отличного наездника, Ферду в середине лета наверняка направят на кавалерийские сборы. А чтобы я не скучал по нему и не начал чахнуть от тоски, он найдёт для меня какую-нибудь грязную работёнку. А в них никогда не бывает недостатка.

Ферда весело фыркнул. Фойкс беззлобно улыбнулся в ответ.

Иста обдумывала стратегический анализ, озвученный Фойксом. Совершенно очевидно, откуда он всё это взял. Марч ди Паллиар, рей Бергон и рейна Исель совсем не дураки, а канцлер ди Кэсерил вообще умён не по годам и, более того, не питает особо нежной любви к прибрежным рокнарским князькам, которые однажды продали его в рабство на галеры. А если на кону стоит Виспинг, то игра стоит свеч.

— Но мы всё же отправимся на запад, подальше от всех этих событий, — заметила она.

Ди Феррей одобрительно кивнул.

— Прекрасно, рейна, — ответил ди Кэйбон.

Его взгляд слегка затуманился, когда он собрал карты и вручил их обратно Ферде. Боится ли он отцовской военной судьбы или завидует ей? На это ответа не было.

Совсем скоро все разошлись. Но планы, обсуждения и жалобы фрейлин ещё долго мучили Исту. Они никогда не перестанут ссориться, решила она. Но рейна может это прекратить. И прекратит. Говорят, что *нельзя решить проблему, убегая от неё.* И как маленькая девочка, которой она была когда-то, Иста верила этому. Но это весьма далеко от правды. Есть проблемы, которые можно решить, лишь убежав от них. Когда же леди, не переставая жаловаться, задули свечи и наконец оставили Исту одну, улыбка снова осветила её лицо.

Глава третья

Иста провела всё утро, роясь вместе с Лисе в платяных шкафах в поисках одежды, подходящей для путешествия и ничем не выдающей высокого статуса рейны. В шкафах и сундуках скрывалась масса всего, но мало что из этого было простым и неброским. Любой узор, любое изящное платье, заставившее Лисе с сомнением сморщить носик, отправлялось в кучу ненужных вещей. В конце концов Исте удалось составить нечто вроде костюма для верховой езды — леггинсы, юбка с разрезами, туника и накидка, в котором не было ни одной ниточки зелёного цвета, цвета Матери. Потом был совершён безжалостный набег на гардеробы фрейлин и горничных Исты, к вящему неудовольствию последних. Результатом стала аккуратная кучка одежды — удобной, простой, немаркой и, самое главное, немногочисленной.

Лисе сразу повеселела, когда её отправили в конюшни выбрать подходящую скаковую лошадь и мула для перевозки багажа. Одного мула. К полудню яростные усилия Исты, уже в одиночку, увенчались тем, что обе были одеты, лошади осёдланы и мул навьючен. К приезду отряда ди

Гьюра они уже стояли во дворе замка. Братья прибыли в сопровождении десяти всадников в одеяниях Ордена Дочери. Вслед за ними в ворота въехал ди Кэйбон на белом муле.

Грумы придержали коня рейны и подставили скамеечку, чтобы Исте было удобнее забраться в седло. Лисе легко запрыгнула на своего длинноногого гнедого без посторонней помощи. На заре туманной юности Иста много ездила верхом, охотилась целыми днями, танцевала до захода луны при блестящем дворе рея. Слишком долго она была прикована к этому замку старости и скорбной памяти. Ей всего лишь нужно вернуться в прежнюю колею.

Мудрейший ди Кэйбон слез с мула только затем, чтобы прочесть милосердно коротенькую молитву и благословить их начинание. Иста склонила голову, но не стала повторять слова молитвы. *Мне ничего не нужно от богов. Я уже получила от них все причитающиеся мне милости.*

Четырнадцать человек и восемнадцать животных, чтобы сопровождать её в пути. А как же те пилигримы, которые умудряются путешествовать в скромной компании посоха и походного мешка?

Леди Хьюлтер и все фрейлины и горничные

Исты спустились во двор не для того, чтобы попрощаться, а чтобы в последний раз прилюдно и абсолютно безуспешно слезами убедить Исту передумать. Не желая признавать очевидное, леди Хьюлтер простонала:

— О, боги, она серьёзно! Ди Феррей, остановите её, ради Матери!

Крепко сжав зубы, Иста чувствовала, как их вопли отскакивали от её спины, словно стрелы от кольчуги. Белый мул ди Кэйбона повёл отряд через ворота и вниз с холма мягкой иноходью, но и так надоевшие голоса вскоре стихли. Лёгкий весенний ветер играл Истиными волосами. Она не оглядывалась.

На постоялый двор они едва успели приехать до заката. Опираясь на руки тех, кто помогал ей спешиться, Иста вспоминала, когда же в последний раз провела целый день в седле, охотясь или путешествуя. Лисе, которой явно наскучил неспешный темп паломников, резво спрыгнула на землю, как будто весь вечер провалялась на кушетке, а не ехала верхом. Фойкс, по-видимому, оправился от ран, которые его беспокоили, ещё в начале их с братом пути. Даже ди Кэйбон не ковылял и не морщился от боли. Когда служитель Бастарда предложил Исте руку, она с благодарно-

стью приняла помощь.

Ди Кэйбон отправил одного из всадников вперёд, чтобы заранее условиться о кроватях и еде. К счастью, всё сложилось как нельзя лучше, несмотря на то что постоялый двор был весьма мал. Хозяину пришлось отказать лудильщикам, которые приехали позже. Старый узкий фермерский дом был расширен за счёт постройки нового крыла. Братьев ди Гьюра и служителя поселили вместе, Иста и Лисе получили комнату на двоих, а остальным были выданы соломенные тюфяки и спальные места на сеновале, благо ночь стояла тёплая.

Хозяин и его жена накрыли два стола рядом со священным источником, в небольшой рощице, развесив фонарики на ветви деревьев. Мягкий мох и густой папоротник, колокольчики и какие-то цветочки с соцветиями в виде звёздочек, переплетение корней и сучьев, нежное журчание воды, бегущей по гладким камням, образовывали самую замечательную комнату, в какой Иста когда-либо ужинала. Руки вымыли водой из источника, принесённой в медных мисках. Служитель благословил её. Такая вода не нуждалась ни в каких дополнительных отдушках. Кладовая хозяйки славилась по всей округе. Двое слуг без

устали носили бесконечные кувшины и подносы с отличным хлебом, отменным сыром, жареной уткой, бараниной, колбасами, сушёными фруктами, травами и весенней зеленью, яйцами, тёмными оливками и северным оливковым маслом, пирогами с яблоками и орехами, свежим элем и сидром — с простой, но сытной пищей. Ди Кэйбон неустанно совершал набеги на эти разносолы, радуя хозяйку, и даже дремавший долгие годы аппетит Исты вдруг встряхнулся и дал о себе знать. Когда же наконец рейна разделась и легла рядом с Лисе на маленькую чистенькую кровать в комнате со скошенной крышей, то заснула так быстро, что на следующее утро уже не помнила, как это случилось.

* * *

Проснувшись, когда утренний свет проникал в полуоткрытое окно, Иста почувствовала себя немного неудобно. По старой привычке она некоторое время оставалась в кровати, ожидая, когда её, словно куклу, оденут, но потом поняла, что новая горничная нуждается в некоторых указаниях. Решив, что проще будет выбрать наряд и одеться самой, Иста лишь попросила помочь с некоторым шнуровками и завязками. Единствен-

ная трудность возникла с причёской.

— Я не знаю, как укладывать волосы леди, — призналась Лисе, когда Иста вручила ей расчёску и села на низенькую скамью. Девушка с сомнением смотрела на густую пепельную гриву рейны, спускавшуюся до талии. Перед тем как лечь спать, Иста непредусмотрительно распустила сложную плетёную корону, созданную из её волос прежней горничной. Ночью локоны спутались и появились колтуны.

— Сама же ты причёсываешься. Как?

— Ну… Я заплетаю косу.

— А ещё?

— Иногда — две косы. — Иста на секунду задумалась:

— А лошадей ты причёсываешь?

— О да, миледи. Косички улиткой с лентами и особые узлы с бусинами на День Матери, хохолки плюмажиками, украшенные перьями, на День Сына, и…

— Пусть сегодня будет коса. — Лисе облегчённо вздохнула:

— Хорошо, миледи.

Её руки работали быстро и умело, гораздо быстрее, чем руки прежних горничных. Что же до результата, то он весьма подходил скромному

образу сьеры ди Аджело.

Все собрались в рощице для совершения молитв на восходе солнца в честь первого полного дня паломничества Исты. На восходе солнце — некоторое иносказание, ибо солнце встало на несколько часов раньше, чем гости постоялого двора. Хозяин таверны, его жена и дети тоже присутствовали на церемонии, ведь визит служителя столь представительного ордена — редкое событие. Кроме того, — мысли Исты приняли несколько циничное направление, — если к этому служителю отнестись особо гостеприимно, то вполне вероятно, он посоветует и другим паломникам посетить сию не столь известную святыню.

Поскольку этот источник был посвящён Дочери, ди Кэйбон, стоя рядом с ручейком на камнях, освещённых солнечными лучами, начал церемонию короткой весенней молитвой из небольшой книжечки, которую он возил в седельной сумке. Точного ответа на вопрос, почему источник посвящён именно Леди Весны, не было. Уверения хозяина таверны о том, что это тайное место, где произошло чудо о деве и кувшине, звучали малоубедительно, потому что Иста знала по крайней мере ещё три места в Шалионе, которым припи-

сывается связь с этой легендой. Но живописность именно этого местечка не вызывала никаких сомнений.

Ди Кэйбон, чьи заляпанные грязью одежды казались чище в ярком свете, спрятал книжечку в карман и откашлялся, собираясь приступить к утренним наставлениям. За спинами присутствующих в ожидании завтрака стояли уже накрытые столы, так что Иста была уверена, церемония особо не затянется.

— В начале нашего духовного пути я бы хотел обратиться к истокам, знакомым нам с детства, — служитель на секунду прикрыл глаза, как будто бы восстанавливая цепь событий. — Вот что пишет Ордол в «Письмах молодому рею ди Браджар».

Он снова открыл глаза, и в его голосе послышались интонации рассказчика:

— Вначале был мир, и мир был огонь, текучий и ужасный. Когда огонь остыл, появилась материя и приобрела силу и твёрдость — огромный шар с пламенем в сердце. И из пламени в сердце мира медленно поднялась Душа Мира. Но как глаз человеческий не может увидеть самое себя, так же не мог увидеть самое себя и Глаз Души Мира. И раскололась Душа Мира надвое, чтобы познать

себя, и так возникли Отец и Мать. И от сладкого осознания родилась в Душе Мира любовь. Любовь стала первым плодом, который сфера души принесла в дар сфере сущности, ибо любовь была источником сферы души и её основой. Но этот дар не был последним, за ним последовала песня, а потом речь, — продолжая рассказывать, ди Кэйбон усмехнулся и глубоко вздохнул.

— И стали Отец и Мать править миром так, чтобы мир снова не поглотили огонь, хаос и разрушение. И от их любви появились на свет Дочь и Сын, и разделили боги между собой времена года, каждое из которых обладает собственным особым очарованием, и все боги получили по одному во владение. И в безопасности и гармонии такого устройства стремительно начал расти материальный мир. И из стремления создать красоту возникли растения, животные и люди, ибо любовь проникла в жаркое сердце мира, и сфера материи жаждала вернуть дары сфере души так же, как влюблённые горят желанием обменяться залогами своих чувств.

Радость светилась на круглом лице ди Кэйбона, по мере того как он погружался в повествование, его голос менял интонации. Иста заподозрила, что он подходит к любимой части:

— Но огонь, таящийся в сердце мира, сохранил разрушительные силы, с которыми трудно было бороться. И из этого хаоса восстали демоны, которые вырвались на свободу и наводнили мир, охотясь за хрупкими юными душами, словно волки за агнцами, пасущимися в долах. Настало время Великих Магов. Порядок мира был нарушен, зима, весна и лето смешались. Засухи и наводнения, лёд и огонь угрожали жизни людей, и множество дивных цветов и животных, созданных любовью, были возложены на алтарь Души Мира.

И тогда однажды могучий и мудрый демон-лорд, сгубивший великое множество человеческих душ, встретил человека, уединённо живущего в лесу. Словно кошка, играющая с мышкой, демон принял гостеприимство отшельника и стал ждать, когда случится возможность перебраться из тела, которым он недавно овладел, в новое. Ибо был этот человек-отшельник, несмотря на лохмотья, удивительно красив: взгляд — словно укол кинжала, дыханье — божественный аромат.

Но демон-лорд был опрометчив, приняв от отшельника глиняную плошку с вином и осушив её одним глотком. Пока демон вынашивал нечестивые замыслы, святой отделил от тела свою душу

надвое и смешал её с вином, которое собственноручно подал гостю. И так демон впервые обрёл душу, а вместе с ней все её прекрасные и порой горькие дары.

Демон-лорд упал на деревянный пол и забился в судорогах, изумлённо крича, словно новорождённый младенец, ибо он и вправду родился в тот момент для мира материи и духа. И переселившись в тело отшельника, не украв его из зависти, ибо оно тоже было добровольным даром святого, демон в ужасе бросился через лес к своему устрашающему замку и укрылся там.

Многие месяцы скрывался он там, боясь самого себя, но живущий в нём святой начал учить его красоте добродетели. Святой посвятил свою жизнь Матери и теперь призвал на демона её благодать, чтобы избавить от совершённых грехов, ибо добровольный дар святого сделал возможным сам грех и стыд за содеянное, который теперь мучил демона как ничто другое. И среди мук совести и уроков святого душа демона стала расти, обретая честность и мощь. И став магом-паладином, чью могучую руку, облачённую в латы, украшал знак благосклонности Матери, он вошёл в мир сущего и начал от имени богов сражать мрачных бездушных демонов в тех местах,

где их не могли достать сами боги.

И демон с великой душой стал защитником Матери, Её любовь к нему не знала границ, ибо богиню очаровала непорочность его души. Так началась великая битва за очищение мира от яростных демонов и восстановление мирового порядка.

Демоны боялись рыцаря Матери и пытались объединиться против него, но не могли, ибо это было противно их природе. Но и поодиночке их натиск был ужасен, и демон с великой душой, возлюбленный Матери, был сражён в последней битве.

И так родился последний из богов, Бастард, дитя любви богини и демона с великой душой. Некоторые говорят, что он родился накануне последней битвы, плод единения на Её божественном ложе, другие считают, что Мать, скорбя, собрала с поля боя останки возлюбленного демона с великой душой, смешала его кровь со своей и, благодаря своему великому искусству, создала Бастарда. Но в любом случае их Сыну, единственному из богов, было вверено управление и сущим, и духом, ибо Его слугами стали демоны, которых великая жертва его отца победила, поработила и изгнала из мира.

— Что же до настоящей лжи, — ди Кэйбон заговорил обычным тоном, если не обращать внимания на гневные нотки, проскальзывающие в его голосе, — то к ней относится ересь Четырёхбожия. Эти святотатцы считают, что демон с великой душой взял Мать силой и зачал с Ней Бастарда против Её священной воли. Непристойная, бессмысленная и богохульная ложь… — Иста заподозрила, что это уже не цитата из Ордола, а его личные рассуждения. Служитель откашлялся и официально завершил повествование: — Так заканчивается история о пришествии пяти богов.

Иста с детских лет великое множество раз слышала различные версии этой истории, но приходилось признать, что искренность и красноречие ди Кэйбона заставили старую легенду зазвучать по-новому. Конечно, Бастарду обычно уделялось не больше места, чем остальным членам Святого Семейства, но людям простительны всякие вольности. Несмотря ни на что, Иста была тронута.

Ритуал начался, и ди Кэйбон призвал пятикратное благословение, прося каждого бога ниспослать молящимся дары. Присутствующие вслед за ним возносили хвалы небесам. У Дочери просили процветания, познания и любви; у

Матери — детей, здоровья и исцеления; у Сына — крепкой дружбы, удачной охоты и обильного урожая; у Отца — детей, справедливости и лёгкой смерти, когда придёт время.

— И пусть Бастард ниспошлёт нам… — голос ди Кэйбона, нараспев произносящий слова церемонии, замедлился и впервые практически сошёл на нет, — в самой страшной нужде столь малые дары: гвоздь в подкове, спицу в колесе, перо, спиралью летящее вниз, камешек на вершине горы, поцелуй в отчаянии, единственное верное слово… и во тьме — понимание.

Ди Кэйбон моргнул, вид у него был удивлённый.

Иста вздёрнула подбородок; по спине у неё пробежали мурашки. *Нет. Нет. Ничего в этом нет, ничего, совсем ничего. Ничего нет, слышишь?* Она заставила себя медленно выдохнуть.

Это всего лишь обычная формула. Большинство людей молилось о том, чтобы пятый бог обошёл их стороной, ведь Он был владыкой всех бедствий. Служитель поспешно осенил себя знамением — коснулся лба, губ, солнечного сплетения, пупка и сердца, расправив широкую ладонь на груди, потом повторил то же самое в воздухе, призывая благословение на присутству-

ющих. Все зашевелились, потянулись в разные стороны, кто-то в полголоса заговорил, кто-то быстро зашагал прочь, возвращаясь к повседневным делам. Ди Кэйбон подошёл к Исте, потирая руки и беспокойно улыбаясь.

— Благодарю вас, мудрейший, — сказала Иста, — за столь многообещающее начало.

Он поклонился, явно воодушевлённый её одобрением:

— Это великая радость для меня, миледи.

Он засиял ещё ярче, когда слуги с постоялого двора принялись сновать взад-вперёд, вынося на свет то, что обещало стать очень душевным завтраком. Исте, при виде стараний ди Кэйбона, стало немного стыдно за то, что она похитила служителя, ссылаясь на притворное желание совершить паломничество, но было очевидно, что он просто упивается своей работой.

* * *

Сельская местность в западной части Палмы представляла собой бесплодную равнину, только редкие купы деревьев торчали вблизи ручейков, немного оживлявших довольно скучный вид. Вдоль почти нехоженной дороги были разбросаны старые укреплённые фермы, основным

источником дохода которых было не земледелие, а скотоводство. Мальчишки и собаки присматривали за овцами и скотом покрупнее, подрёмывая под прикрытием редких лоскутов тени. В звенящей тишине тёплого вечера хотелось спать, а не ехать, но ввиду позднего отъезда с постоялого двора отряд Исты продолжал героически продираться сквозь ленивый, сонный воздух.

Временами, когда дорога становилась шире, Иста обнаруживала по одну руку от себя крепкого мула ди Кэйбона, а по другую — стройного гнедого Лисе.

Чтобы хоть как-то унять заразительные приступы зевоты ди Кэйбона, Иста спросила его:

— Скажите, Мудрейший, а что случилось с тем маленьким демоном, которого вы везли в день нашей первой встречи?

Лисе, ехавшая рядом, вынув ноги из стремян и ослабив поводья, заинтересованно обернулась.

— Ах да, всё прошло хорошо. Я передал его главному служителю в Тариуне, и мы решили его судьбу. Теперь он благополучно выдворен из нашего мира. Я как раз возвращался домой и провёл ночь в Валенде, когда… — ди Кэйбон кивком указал на вереницу всадников, намекая на неожиданное приглашение к рейне.

— Демон? У вас был демон? — удивлённо спросила Лисе.

— Не у меня, — аккуратно поправил служитель. — Он был заключён в тело хорька. По счастью, с таким животным достаточно легко справиться. В отличие от волка или быка, — он поморщился, — или человека, жаждущего заполучить демонскую силу.

Девушка поджала губы:

— А как изгнать демона?

Ди Кэйбон вздохнул:

— Передать его тому, кто тоже уходит из этого мира.

Лисе на секунду нахмурилась, глядя между ушей своего коня, — а потом переспросила:

— Что?

— Если демон ещё не стал чересчур силён, то самый простой способ вернуть его богам — это передать душе, которая собирается к ним отбыть. То есть кому-нибудь, кто умирает, — пояснил он, увидев непонимающий взгляд девушки.

— Ох, — выдохнула она. Повисла пауза. — Так… так вы убили хорька?

— Всё совсем не так просто. Свободный демон, чья телесная оболочка умирает, просто перепрыгнет в другую. Понимаете, элементаль, про-

никший в мир сущего, не может существовать, не будучи материальным, чтобы пользоваться умом и силой, он не может создать этого для себя, ибо это противоречит его природе. Демон умеет лишь воровать. Сначала он безумен, бесформен, он приносит столько же вреда, сколько дикое животное. И так длится до тех пор, пока он не научится более изощрённым грехам у человека. Демон ограничен возможностями существа или человека, в котором он живёт. Изгнанный, он всегда стремится найти душу сильнее, идёт от существа помельче к существу покрупнее, от животного — к человеку, от человека послабее — к человеку посильнее. Он становится тем, что следующая жертва… ест, в некотором смысле, — ди Кэйбон задержал дыхание, словно погружаясь в глубины памяти. — Но когда опытный служитель или служительница умирает в доме, принадлежащем его или её ордену, демона можно вынудить переселиться в умирающего. Если демон ещё слаб, а служитель силён духом даже на смертном одре, то всё решается само собой, — он откашлялся. — Такой человек должен обладать великой душой, быть отрешённым от мира и полностью посвятить себя своему богу. Ибо демон может искусить слабую душу магией, способной

продлить жизнь.

— Нужна редкая сила духа, — промолвила Иста после минутного молчания. Может быть, недавно он столкнулся именно с таким случаем у смертного одра? Похоже, так оно и есть. Тогда не стоит удивляться его безграничному смирению.

Ди Кэйбон понимающе скривился:

— Верно. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь… К счастью, заблудшие демоны — случай не частый. Если не считать…

— Если не считать чего? — подстегнула его Лисе, когда стало понятно, что лекцию по теологии можно считать оконченной.

Ди Кэйбон сморщил губы:

— Главный служитель очень обеспокоен. Мой демон оказался третьим беглецом, обнаруженным за последний год только в Баосии.

— А обычно сколько ловят? — поинтересовалась Лисе.

— Ни одного за целый год во всём Шалионе. И так было много лет подряд. Последняя большая вспышка пришлась на день рея Фонсы.

Отца Иаса; дедушки Исель, умершего пятьдесят лет назад. Иста обдумывала слова ди Кэйбона:

— А что если демон уже не слаб?

— Да, и вправду, — служитель секунду по-

молчал, разглядывая мягкие уши своего мула, свисающие по обеим сторонам головы животного, словно вёсла. — Именно поэтому мой орден прикладывает максимум усилий, чтобы отловить их в зачаточном состоянии.

Между тем дорога сузилась, спускаясь к каменному мостику, перекинутому через зеленоватый ручей, и ди Кэйбон, вежливо отсалютовав Исте, пришпорил мула.

Глава четвёртая

Следующий день начался рано и длился очень долго, но в конце концов голые равнины Баосии остались позади. Местность стала более холмистой, чаще стали попадаться речки, небольшие рощицы, дорога бежала к горным пикам, едва видневшимся на западе. Но земля ещё не могла похвастаться плодородностью.

Городская стена Касилшаса обнимала каменистый выступ над потоком, прозрачным и холодным от весенних вод, бегущих с дальних высот. Местами серый, а местами охряной камень послужил материалом для постройки стен и зданий, то тут, то там оживлённых розовой или бледно-зелёной штукатуркой, дверями и ставнями из крашеного дерева, которые ярко-красными, синими и зелёными пятнами виднелись повсюду в угловатом вечернем свете солнца поздней весны. *Этим светом можно напиться, словно вином, и опьянеть от окружающей пестроты,* подумала Иста, пока кони несли их по узким улочкам.

Городской храм выходил фронтоном на маленькую площадь, выложенную необычными

гранитными плитами, подогнанными друг к другу наподобие мозаики. Прямо напротив, в здании, напоминавшем старый особняк, завещанный каким-то местным аристократом Ордену, Иста и её кавалькада обнаружили семинарию Бастарда.

В ответ на стук ди Кэйбона в окованных железом двойных дверях открылась дверца поменьше, и появился привратник. На первые приветственные слова служителя он вовсе не ободряюще покачал головой. Ди Кэйбон на несколько минут исчез внутри. Затем обе двери распахнулись, и им навстречу поспешили грумы и дедикаты, жаждущие помочь вновь прибывшим с лошадьми и багажом. Коня Исты под уздцы ввели внутрь. Четыре этажа с деревянными резными балкончиками окружали вымощенный булыжниками двор. Старший служитель поклонился и нижайше попросил пользоваться гостеприимством Ордена. Он назвал имя сьеры ди Аджело, но Иста не стала обманывать себя: расшаркивался он перед Истой ди Шалион. Может быть, ди Кэйбон поступил не так благоразумно, как хотелось бы, но в таком случае они, без сомнения, получат лучшие комнаты, расторопных слуг и добротный уход за усталыми животными.

Воду принесли почти сразу после того, как Исту

и Лисе проводили в их комнату. В семинарии не было просторных покоев, предположила Иста, но здесь вполне хватало места для большой кровати, кровати поменьше, столика и стульев. Картину дополнял балкон, с видом на городскую стену и речку, текущую за главным зданием. Вскоре принесли и еду для обеих гостий на подносах, уставленных наспех подобранной посудой в бело-голубых цветочках, соответствующих времени года.

После ужина Иста взяла с собой свою горничную и, пригласив Ферду и Фойкса сопровождать их, отправилась погулять по городу в свете заходящего солнца. В голубых туниках и серых плащах оба офицера-дедиката смотрелись безупречно, мечи, висящие на поясе, были просто мерой предосторожности, а не попыткой щегольнуть, и немало пар прекрасных глаз, принадлежащих не только касилшасским девушкам, но даже матронам, долго смотрели им вслед. Рост и походка Лисе ничем не уступала стати братьев ди Гьюра, рядом с молодостью и здоровьем шелка тускнели, а драгоценности меркли, словно дешёвые побрякушки. Иста решила, что такого блестящего сопровождения у неё не было со времён королевского двора.

Несмотря на небольшие масштабы храма, планировка была обычной: четыре крыла, увенчанные куполами, каждое из которых посвящено отдельному члену Святого Семейства; внутри — открытый двор и священный огонь в центре; рядом с крылом Матери — башня Бастарда. Стены храма были построены из местного серого камня, а своды украшены резьбой по дереву: ярко раскрашенные демоны, святые, священные животные и растения, свойственные каждому богу, резвились вдоль несущих балок. За неимением лучшего развлечения, Иста решила остаться на вечерние службы. Она устала от богов, но приходилось признать, что пение радовало слух: в семинарии оказался замечательный хор, одетый в белое. Торжественное впечатление немного портило лишь то, что время от времени женщина, дирижирующая певцами, оглядывалась, чтобы посмотреть на реакцию рейны. Иста тихонько вздохнула и принялась старательно улыбаться и кивать, чтобы успокоить бедняжку.

Три походных дня изнурили и людей, и животных, завтра они все останутся здесь отдыхать. В душу Исты стало закрадываться едва уловимое ощущение, что ей стало легче; и не важно, что подействовало — солнечный свет, физическая

нагрузка, жизнерадостная молодая компания, расстояние, разделяющее её и Валенду, — Иста в любом случае был благодарна за это. Она скользнула под пуховое стёганое одеяло, сочтя, что эта узкая кровать гораздо роскошнее, чем все изысканные, но неудобные ложа королевских замков, вместе взятые, и заснула прежде, чем Лисе прекратила ворочаться на своей кушетке.

* * *

Иста видела сон и знала, что видит сон.

Она пересекла мощёный двор замка в полуденном свете поздней весны или раннего лета. Аллея, украшенная каменными арками, вела вдоль стены, тонкие алебастровые колонны были увиты резными лозами и цветами в рокнарском стиле. Солнце жарко пылало в зените; тени плотной субстанцией лежали у её ног. Иста поднялась — нет, не просто поднялась, а поднялась паря, — по каменным ступеням, ведущим из аллеи в деревянную галерею, дальше. В дальнем конце — комната. Иста мягко просочилась внутрь, не открывая деревянной двери, которая разошлась перед ней и сомкнулась позади, словно вода.

В комнате было сумрачно и прохладно, но сеть

солнечных лучей падала на плетёные коврики сквозь щели в ставнях, из-за чего приглушённые цвета нитей становились ярче. Посреди комнаты кровать, на кровати чей-то силуэт. Иста, словно дух, подплыла поближе.

Мужчина, спящий или мёртвый, очень бледный и неподвижный. Он высок, его длинное тело одето в балахон из неокрашенного льна, собравшийся складками на груди и перехваченный льняным поясом на талии. В левой части груди пятно тёмно-алой крови, просочившейся сквозь одежду.

Несмотря на длину тела, черты его лица можно назвать тонкими: широкие брови, точёная челюсть, немного заострённый подбородок. На коже нет ни царапин, ни шрамов, лишь только тоненькие линии пересекают лоб, обрамляют губы, лучиками расходятся из уголков глаз. Его тёмные прямые волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб; волосы волнами разлились по подушке, по плечам, будто река ночи, в которую луна пустила нити серебристого цвета. Его брови выгнуты, словно крылья; нос прямой; губы полуоткрыты.

Призрачные руки Исты развязали пояс, закатали наверх льняной балахон. Редкие волосы,

покрывавшие грудь, становились гуще внизу живота. Птица, свившая гнездо в этой роще, была сильна и прекрасна, и Иста улыбнулась. Но рана на левой части груди зияла, словно голодный рот. И пока Иста смотрела, оттуда забила кровь.

Она закрывала руками тёмный разрез, пытаясь заткнуть струю, но красная жидкость сочилась сквозь её белые пальцы, быстрый поток продолжал растекаться по груди, заливая алым простыни. Глаза мужчины вдруг открылись, он увидел её и хрипло вздохнул.

Иста проснулась, перестала кричать и прижала костяшки пальцев ко рту, не давая воплю вырваться наружу. Она ожидала почувствовать на губах тёплый, липкий вкус крови и поразилась, ничего не ощутив. Сердце бешено колотилось о грудную клетку, и она задыхалась, словно только что бежала.

В комнате было темно и прохладно, но лунный свет проникал сквозь щели в ставнях. У себя на кровати Лисе что-то пробормотала и перевернулась.

Это один из *тех* снов. Вещих снов. Ошибки быть не могло.

Иста вцепилась в волосы, чуть приоткрыла рот и тихонько закричала.

— Проклинаю Тебя, — выдохнула она. — Кто бы это из Вас ни был! Проклинаю Тебя, Тебя одного и Всех пятерых сразу. Убирайтесь из моей головы. Убирайтесь!

Лисе потянулась, как кошка, и сонно спросила:

— Леди? С вами всё в порядке? — девушка, щурясь, поднялась на локте.

Иста сглотнула, чтобы взять себя в руки, и откашлялась:

— Всего лишь странный сон. Спи, Лисе.

Лисе согласно промычала и снова свернулась калачиком. Иста откинулась на подушки, прижав пуховое одеяло к без того мокрому от пота телу.

Неужели всё начинается сначала?

Нет. Нет. Больше у меня такого не будет. Она с хрипом дышала, сглатывала и едва себя сдерживала, чтобы не зарыдать. Через несколько минут дыхание успокоилось.

Кем был тот мужчина? В жизни она его не видела, Иста была уверена в этом. Но если она его встретит, то узнает немедленно. Тонкие черты его лица, словно клеймо, горели в её памяти. И… и все остальные части тела. Он враг? Друг? Это предупреждение? Он Шалионец, ибранец, рокнарец? Благородный или крестьянин? И что значит это странное пятно крови? Ничего хорошего, в

этом сомнений быть не могло.

Что бы Ты ни хотел от меня, я не смогу это выполнить. Я уже доказала это раньше. Уходи. Уходи.

Дрожа, Иста лежала долго; лунный свет успел смениться утренней дымкой, прежде чем она снова заснула.

* * *

Иста проснулась от того, что Лисе не бесшумно ушла, а тихонько вошла. Рейна с удивлением обнаружила, что горничная позволила ей проспать все утренние молитвы, что недопустимо как для паломника, даже ложного, так и для гостя.

— Но вы выглядели такой усталой, — оправдывалась Лисе, когда Иста напустилась на неё. — Вы, видимо, плохо спали ночью.

Это верно. Приходиться признать, что лишнему отдыху можно только порадоваться. Завтрак ей принёс на подносе раскланивающийся прислужник, что тоже не было в порядке вещей по отношению к такому ленивому пилигриму, который умудрился проспать утреннюю службу.

Одевшись и уложив волосы в более сложную косу, чем обычно, — Иста надеялась, что чем-то её причёска всё же отличается от лошадиной, —

она отправилась гулять вместе с Лисе по старому особняку. Они устроились во дворе, где уже во всю светило солнце. Сидя на скамейке у стены, они наблюдали, как спешат по своим делам обитатели школы — студенты, преподаватели, слуги.

Ещё одна вещь, которая Исте нравилась в Лисе, — девушка не болтала без умолку. Когда нужно было, она разговаривала с удовольствием, но оставшееся время, совсем не обижаясь, проводила в блаженной тишине.

Иста шеей почувствовала холодное дыхание, исходящее от стены, на которую опиралась: один из местных духов. Он крутился вокруг неё, как кошка, которая хочет, чтобы её приласкали. Иста чуть не подняла руку, чтобы отогнать его, но наваждение исчезло. Скорбные души, оставленные, отверженные или забытые богами. Свежие духи сохраняют форму тел, в которых они были заключены при жизни. Сначала они зачастую неистовы, жестоки, разгневаны, но со временем они становятся тусклым, бесформенным комком забвения. Крепости, такие как, например, Зангр, хуже всего. Иста перестала видеть эти души внутренним глазом, когда была избавлена от затянувшейся чувствительности. То, что она сейчас видит такой дух, означает, что некий бог

рядом, что иное зрение возвращается, — а значит, возвращается и всё остальное.

Иста вспоминала двор замка, виденный во сне. Раньше она там не бывала, это не стоило подвергать никакому сомнению. Но также очевидно, что это место вполне реально. И чтобы избежать его… чтобы наверняка избежать его, ей нужно просто вернуться в Валенду и жить там до тех пор, пока плоть не начнёт гнить живьём.

Нет. Назад я не вернусь.

Эта мысль окончательно лишила Исту покоя, она поднялась и направилась к школе. Все прислужники и служители, встретив её на балконе, в коридорах, принимались кланяться и улыбаться, из чего рейна заключила, что опрометчивые сведения ди Кэйбона разнеслись повсюду. Притворяться сьерой ди Аджело самой — одно дело, но когда вместе с тобой притворяется целая сотня абсолютно незнакомых людей — это уже начинает злить.

Они заглянули в анфиладу маленьких комнат, забитых книгами, расставленными по полкам, лежащими на столах: вожделенная библиотека ди Кэйбона. К великому удивлению Исты, на диванчике у окна сидел Фойкс ди Гьюра и читал какой-то том. Он поднял глаза от книги, прищу-

рился, встал и поклонился:

— Леди. Лисе.

— Не думала, что ты интересуешься теологией, Фойкс.

— Ох, я читаю всё, что подвернётся под руку. Но это вовсе не теология. Тут полно других вещей, порой даже странных. Здесь никогда ничего не выкидывают. Есть даже комната под замком, где хранятся книги о магии и демонах, а также… хм… книги непристойного содержания. Прикованные цепями.

Иста подняла брови:

— Так их не открыть? — Фойкс усмехнулся:

— Скорее, не унести. — Он указал на томик, который держал в руках. — Здесь много романов в стихах, таких как этот. Я могу подыскать и вам.

Лисе, до этого с удивлением оглядывавшая то, что было для неё самым большим собранием книг в одном месте, казалась заинтересованной. Иста покачала головой:

— Как-нибудь потом.

В дверь просунулся ди Кэйбон и радостно произнёс:

— А, леди! Отлично. Я как раз вас искал.

Он протиснул своё грузное тело внутрь. Иста поняла, что ещё ни разу его не видела с тех пор,

как они приехали, даже на вечерней службе. Он выглядел усталым: серое лицо, мешки под глазами. Может быть, он поздно встал, посвятив всю ночь штудиям?

— Я прошу — молю — о личной аудиенции.

Лисе оторвалась от того, на что смотрела через плечо Фойкса:

— Я должна уйти, рейна?

— Нет. В случае, если леди желает поговорить наедине с неким господином, который не является её близким родственником, фрейлина должна находиться на таком расстоянии от беседующих, чтобы не слышать, о чём они говорят, но быть в поле зрения, готовой прийти по первому зову.

— Ох, — Лисе понимающе кивнула. Исте никогда больше не придётся повторять ей это. Девушка, может быть, и не вышколена должным образом, но, пятеро богов, у неё наконец-то есть фрейлина с мозгами!

— Я могу ей почитать, в этой или в следующей комнате, — сразу предложил Фойкс.

— Хм… — ди Кэйбон жестом указал на стол и пару стульев, видных через арку, ведущую в следующее помещение анфилады. Иста кивнула и последовала за ним. Фойкс и Лисе устроились на уютном диванчике у окна.

Иста подозревала, что предстоит очередная беседа об их паломническом пути, а потом написание скучных писем, чтобы уведомить ди Феррея о дальнейшем маршруте. Ди Кэйбон придержал стул и помог ей сесть, затем обогнул стол и уселся сам. Иста слышала из соседней комнаты голос Фойкса, слишком тихий, чтобы разобрать слова, но всё же передающий стихотворные интонации.

Служитель Бастарда положил руки на стол перед собой. Некоторое время он их рассматривал, а потом посмотрел Исте в глаза:

— Леди, *на самом деле* вы зачем отправились в паломничество? — спросил он ровным голосом.

От такой прямоты брови Исты взлетели вверх. Но она решила на прямой вопрос ответить прямо; слишком редко такие вопросы задают рейнам, такая смелость не должна остаться без поощрения.

— Чтобы сбежать от тех, кто присматривает за мной. И от себя тоже.

— И всё же, у вас не было и нет желания молить богов о внуке?

Иста сморщила нос:

— Даже ради всех богов Шалиона я не стану принуждать ни Исель, ни мою новорождённую внучку Исару к этому. Я до сих пор помню, как

меня стыдили и бранили за то, что я родила Иасу дочь, тогда, девятнадцать лет назад. Ту самую исключительную девушку, которая теперь — средоточие всех самых светлых надежд Шалиона за последние четыре поколения! — она смягчила яростный тон, который немного испугал ди Кэйбона. — Если в должное время появится внук, конечно, мне будет только приятно. Но я не буду просить богов ни о каких одолжениях. — Он принял это, медленно кивнув:

— Хорошо. Я подозревал нечто вроде этого.

— Я, само собой, понимаю, что не очень хорошо использовать паломничество в таких целях и впустую занимать добротную охрану, которую мне обеспечивает Орден Дочери. Хотя, уверена, я не первая, кто устраивает себе отдых за счёт богов. Моя казна компенсирует Храму все издержки.

— Меня это ни коим образом не касается, — ди Кэйбон махнул рукой, словно отгоняя материальные соображения. — Леди, я много читал. Обращался к своим наставникам. Думал. Я… ладно, сейчас это не важно, — он набрал в грудь воздуха. — Знаете ли вы, рейна, понимаете ли, я обнаружил повод думать, что вы необыкновенно одарены в духовном смысле.

Его взгляд словно искал что-то у неё в глазах.

Где он нашёл этот повод? Каких тайных искажённых историй он наслушался? Иста откинулась на спинку стула, словно отступая:

— Не думаю, что вы правы.

— Уверен, вы себя просто недооцениваете. Серьёзно недооцениваете. Признаю, такое редко случается с женщинами вашего социального положения, но я понял, что вы от них отличаетесь. Я верю, что молитвы, умелое руководство, медитации и наставления приведут вас на ту ступень духовной восприимчивости к ощущению выполненного призвания, о каких мы, те кто носит одеяния цвета нашего бога, можем только мечтать. Такие дары нельзя просто оттолкнуть.

И правда просто — нельзя. Их надо отталкивать с силой, не зная жалости. Как, о пятеро богов, он пришёл к этому внезапному заблуждению? Иста заметила во взгляде ди Кэйбона блеск одержимости великой идеей. Неужели он представляет себя её гордым духовным наставником? Никакие пустые протесты не заставят его отступиться от убеждения, что он призван помочь ей посвятить жизнь священному служению. Его ничто не сможет остановить, кроме голой правды. Исте показалось, что на месте желудка у неё пустое место. *Нет.*

Да. Тем более, она уже рассказывала всё одержимому богом человеку. Может быть, с каждым разом будет становиться всё легче и легче.

— Вы ошибаетесь. Поймите, мудрейший. По этому пути я уже однажды пришла к печальному концу. Я была святой.

Теперь настала его очередь поражённо отпрянуть. Он судорожно сглотнул:

— *Вы* были сосудом богов? — его лицо сморщилось от напряжения. — Это объясняет… что-то. Нет, не объясняет.

Он схватился за волосы, но не стал их выдёргивать:

— Рейна, я ничего не понимаю. Как вас коснулся бог? Когда случилось это чудо?

— Очень, очень давно, — Иста вздохнула. — Когда-то эта история была государственной тайной. Государственным преступлением. Но теперь, мне кажется, это время прошло. Станет ли это когда-нибудь сплетней или легендой, или вовсе сотрётся из памяти людей — не знаю. В любом случае, не стоит никому её рассказывать, даже вашим наставникам. А если вам всё-таки придётся так поступить, спросите сначала у канцлера ди Кэсерила. Он знает всю правду.

— По слухам, он очень мудр, — заметил ди Кэй-

бон, широко раскрыв глаза.

— Ну хоть об этом слухи не врут. — Иста замолчала, собирая вместе мысли, воспоминания, слова. — Сколько вам было лет, когда фаворит рея Иаса, лорд Арвол ди Льютес, был подвергнут мучительной казни за предательство?

Ди Льютес. Друг детства Иаса, брат по оружию, верный подданный на протяжении мрачных тридцати пяти лет его правления. Могущественный, умный, смелый, богатый, красивый, обладатель изысканных манер… казалось, не было конца дарам богов и рея, которые сыпались на блистательного лорда ди Льютеса как из рога изобилия. Исте было восемнадцать, когда она вышла замуж за Иаса. Рею и его правой руке ди Льютесу было уже к пятидесяти. Ди Льютес устроил свадьбу, вторую для стареющего рея, ибо уже тогда появились опасения насчёт единственного выжившего наследника Иаса — Орико.

— Ну, я был ещё совсем мал, — ди Кэйбон помолчал, потом кашлянул, — но я слышал разговоры об этом, когда стал постарше. Говорили, что… — он осёкся.

— Говорили, что ди Льютес соблазнил меня и умер за это от королевской руки моего мужа? — холодно подсказала Иста.

— Хм. Да, миледи. Так это… не…

— Да. Это ложь.

Он тихонько вздохнул от облегчения. Её губы изогнулись:

— Это не меня он любил, а Иаса. Ди Льютесу следовало быть мирским дедикатом вашего Ордена, а не священным генералом Ордена Сына.

Кроме незаконнорождённых и других отбросов мира, Орден Бастарда ещё был прибежищем тех, кому не было дано наладить плодотворные отношения между мужчиной и женщиной, освящённые четырьмя богами, тех, кто искал возлюбленных собственного пола. Отдалившись от событий и грехов того времени, было даже забавно наблюдать за лицом ди Кэйбона, пока он осознавал смысл сказанного.

— Должно быть… вам, молодой невесте, было тяжело.

— Это верно, — согласилась Иста. — Теперь… — она вытянула руку и раскрыла ладонь, словно пропуская песок сквозь пальцы. — Всё это в прошлом. Гораздо сложнее было пережить знание того, что после гибели отца Иаса, рея Фонсы, великое и странное проклятие нависло над королевским домом Шалиона. И то, что я, сама того не зная, обрекла на него своих детей. Мне никто не

сказал, не предупредил.

Губы ди Кэйбона сложились в беззвучное «О».

— Я видела вещие сны. Кошмары. Иногда мне казалось, что я сошла с ума. — Иногда Иас и ди Льютес оставляли её в этом ужасе одну, без защиты. Тогда это было, и остаётся сейчас, большим предательством, чем их потные тела и стоны под простынями. — И я молилась, молилась богам. И мои молитвы были услышаны, ди Кэйбон. Я говорила с Матерью, представ пред её очами так же, как я разговариваю сейчас с вами. — Даже от воспоминания об этом непередаваемом жаре по спине бежали мурашки.

— Великое благословение, — в благоговейном трепете выдохнул он.

Иста покачала головой:

— Великая печаль. Следуя указаниям, данными мне богами, мы — ди Льютес, Иас и я — решили совершить опасный ритуал, чтобы снять проклятие и отправить его богам, которые однажды обронили его. Но мы… *я* от беспокойства и страха совершила ошибку, великую, но осознанную ошибку, и в результате неё ди Льютес умер. Магия, чудо, зовите это как угодно, ритуал не был свершён, боги отвернулись от меня… В панике Иас пустил слух о супружеской измене и о смер-

тельной расплате за неё. Ярчайшее светило его королевского двора, его возлюбленный сначала был убит, похоронен, а потом обесчещен, что хуже, чем быть убитым снова, ибо ди Льютес любил свою честь больше, чем жизнь.

Ди Кэйбон сдвинул брови:

— Но… не был ли этот посмертный слух, пущенный вашим мужем о ди Льютесе, клеветой и на вас, леди?

Иста замялась, прежде чем ответить на такое неожиданное замечание.

— Иас знал правду. Разве чьё-то ещё мнение имело значение? То, что меня ошибочно будут считать изменницей, казалось менее отвратительным, чем прослыть убийцей. Но позже Иас умер от скорби, покинув меня, оставив на пепле несчастья, потерявшую разум и всё ещё проклятую.

— Сколько вам было лет? — спросил ди Кэйбон.

— Когда всё это началось — девятнадцать. Двадцать два — когда закончилось, — Иста нахмурилась. По крайней мере, так тогда казалось…

— Вы были слишком юны для такой ноши, — заметил он, словно откликнувшись на её мысли.

Она поджала губы:

— Офицеров, таких как Ферда и Фойкс, посылают драться и умирать в том же возрасте. Я была старше, чем Исель сейчас, а она несёт всю королевскую власть Шалиона на хрупких плечах, и не только женскую часть.

— Но она не одна. У неё есть мудрые придворные и рей-консорт Бергон.

— У Иаса был ди Льютес.

— А кто был у вас, леди?

Иста замолчала. Она не могла вспомнить. Неужели она и вправду была так одинока? Она потрясла головой и набрала в лёгкие побольше воздуха:

— Новое поколение принесло новых людей, более скромных и более великих, чем ди Льютес, людей, обладающих более острым умом, более подходящих для выполнения должного. Проклятие было снято, но не мной. Но не до того, как мой сын Тейдес тоже умер от него — от проклятия, от моей пустой попытки снять его, когда мальчик был ещё ребёнком, от предательства тех, кто должен был защищать и направлять его. Три года назад, трудами и жертвами других, меня избавили от ярма. Я попала в тихую жизнь в Валенде. Непереносимо тихую. А я ещё не стара…

Ди Кэйбон протестующе замахал пухлыми

руками:

— Конечно нет, миледи! Вы очень даже привлекательны! — Иста резким жестом оборвала его восклицания:

— Матери, когда я родилась, было сорок. Я была её последним ребёнком. Теперь сорок мне, этой скорбной весной, когда умерла она. Половина моей жизни осталась позади, и её половина отнята проклятием Фонсы. Половина ещё осталась. Неужели это просто долгое и медленное угасание?

— Конечно нет, леди! — Иста пожала плечами:

— Я рассказывала всю правду уже дважды. Может быть, после третьего раза эта часть моей жизни отпустит меня.

— Боги… боги могут простить многое искренне раскаявшемуся сердцу.

Её улыбка стала горькой, как морская соль:

— Боги могут хоть целыми днями прощать Исту. Но если Иста не простит Исту, боги могут пойти и повеситься.

Его тихое «ох» было едва слышно. Но, как энергичное, верное идеалам существо, он был обязан попробовать ещё раз.

— Но не отворачивайтесь так. Смею сказать, рейна, вы предаёте дарованное вам!

Иста перегнулась через стол и понизила голос

до хриплого шёпота:

— Нет, мудрейший. Не смеешь.

Он выпрямился и несколько минут сидел молча, не двигаясь. Наконец, его лицо снова пришло в движение:

— Так что же делать с вашим паломничеством, рейна? — Иста поморщилась и махнула рукой:

— Если хотите, выберите путь через постоялые дворы с лучшей кухней. Неважно, куда ехать, главное — как можно дольше не возвращаться в Валенду.

Как можно дольше не возвращаться к Исте ди Шалион.

— Но в конце концов вам придётся вернуться домой.

— Я лучше сброшусь в пропасть, если только боги не будут поджидать меня на дне неё, а их я больше видеть не хочу. Этот выход для меня закрыт. Я должна жить. Жить. И снова жить… — она совладала с высокими нотками в голосе. — Мир — это прах, а боги — ужас. Скажите, мудрейший, куда мне в таком случае отправиться?

Широко распахнув глаза, он покачал головой. Иста его мучила, и ей было стыдно. Она смущённо погладила его руку:

— Если честно, эти несколько дней в дороге

дали мне больше, чем три года безделья. Мой побег из Валенды был спазмом, я, словно тонущий, рвалась к воздуху. И я начала дышать, мудрейший. Паломничество, вопреки мне самой, может излечить меня.

— Я… Я… во имя пяти богов, пусть это будет так, леди.

Он осенил себя божественным знаменем. По тому, как рука каждый раз задерживалась на священной точке, можно было сказать, что сейчас этот жест не просто дань обычаю.

Иста хотела даже поведать ему о своём сне. Но нет, это только снова его переполошит. Бедняге на сегодня достаточно. У него и так щёки белые.

— Я ещё всё тщательно обдумаю, — заверил её ди Кэйбон, отодвигая стул от стола. Поднявшись, он поклонился ей, но не как проводник ведомому, не как придворный покровителю. Он склонился перед ней в глубоко почтительном поклоне, предназначенном живому святому.

Иста вытянула руку и поймала его ладонь, не дав закончить жест бесконечного уважения:

— Нет. Не сейчас. Никогда. Никогда больше.

Он сглотнул, дрожа, превратил официальное прощание в нервный кивок и сбежал.

Глава пятая

Пережидая долгий весенний дождь, они ещё на два дня задержались в Касилшасе, со всех сторон окружённые гостеприимством, которое начинало казаться Исте несколько навязчивым. Её приглашали в семинарскую трапезную не отведать скромной пищи, а почтить своим присутствием настоящие банкеты в её честь, причём старшее духовенство и местная знать чуть ли не дрались за место у стола рейны. К ней продолжали обращаться как к сьере ди Аджело, но всё же пришлось на время забыть об уже привычных простых манерах и вспомнить тонкости дворцового этикета, столь крепко засевшие в голове, что едва ли даже времени удалось бы стереть их. Иста была любезна, внимательна к гостям; она расточала комплементы, улыбалась и, стиснув зубы, посылала Фойкса сообщить вечно ускользающему ди Кэйбону, что ему немедленно нужно завершить все свои изыскания или Бастард знает что ещё. Пришло время двигаться дальше.

Следующие дни прошли куда как лучше: приятная езда от одного священного источника к другому по цветущим полям и долам давала

именно тот отдых, которого Иста ожидала от паломничества. Неуклонно продвигаясь на северо-запад, они миновали Баосию и оказались в соседней провинции — Толноксо. Долгие часы, проводимые в седле, сменялись одухотворёнными прогулками к местам, представляющим собой исторический или теологический интерес, — к колодцам, руинам, рощам, источникам, знаменитым захоронениям, стратегически важным возвышенностям и бродам. Юная часть отряда прочёсывала все места боевой славы в поисках наконечников от стрел, осколков мечей и костей и, обнаружив какое-нибудь пятно, спорили, был ли это след крови какого-нибудь героя. Ди Кэйбон обзавёлся новой книжкой для своей переносной библиотеки, скрывавшейся в седельной сумке; в этой брошюре были изложены истории и легенды региона, и, когда появлялась возможность, он зачитывал оттуда выдержки. И несмотря на вереницу весьма непритязательных постоялых дворов и священных приютов, совсем не соответствующих тому, к чему привыкла рейна или даже младшая дочь провинкара, Иста давно так не спала даже в собственной постели… очень давно, уже и не вспомнить когда. К великой радости, тот странный сон больше не возвращался.

В первые дни после Касилшаса на утренних церемониях ди Кэйбон блистал результатами своих поспешных штудий, без зазрения совести подглядывая в сборник уроков по теологии. Но дальше на суд публики появился более интересный и смелый материал — предания о героических деяниях Шалионских и ибранских святых и одержимых богами мучеников, выполняющих волю своих божеств. Ди Кэйбон за уши притягивал связи между этими сказаниями и местами, которые паломникам предстояло осмотреть, но Иста так легко не поддавалась. От историй о чудесах, которые творили мужчины и женщины, бывшие сосудами для божественной силы, светились восторгом глаза не только у Ферды и Фойкса, но даже у Лисе, однако на Исту эти тайные намёки никак не действовали. Он беспокойно ждал, что рейна скажет, но она холодно благодарила его. Служитель кланялся и разочарованно уходил, укрепившись в намерении сделать намёк ещё прозрачнее.

Перелом в секретной кампании ди Кэйбона наметился, только когда они достигли изножья холмов на западной границе и прибыли в городок Виниаска, как раз во время праздника, посвящённого середине весны. День гуляний приходился

на расцвет сезона, когда до дня Матери оставалось столько же, сколько прошло со дня Дочери. В Виниаске в эту пору возобновлялось движение торговых караванов из Ибры через заснеженный перевал, что означало приток вина, масла, сушёных фруктов, рыбы и массы других деликатесов из этой тёплой страны, а также экзотических товаров с дальних берегов.

За городскими стенами между каменистой речкой и сосновой рощицей раскинулась ярмарочная площадь. От жарящихся за палатками кабаньих туш поднимался аромат, от которого текли слюнки, на лотках красовались предметы, сделанные руками девушек, во имя богини соревнующихся в рукоделии. Проходя мимо прилавков с вышивкой, шитьём и шерстяными изделиями, Лисе вздрогнула. Ди Кэйбон и Фойкс вернулись из разведки и грустно сообщили, что в палатке с едой попробовать стряпню дают только судьям.

Еда, конечно, очень важна, но и про молодой задор забывать не стоит. Несмотря на то что праздник устраивался в честь девушек, молодые люди тоже были не прочь побороться за взоры прекрасных глаз в разнообразных состязаниях на смелость и ловкость. Стража Исты, воодушевившись происходящим, умолила своего командира

отпустить их и разбежалась попытать счастья, хотя Ферда и успел разделить ребят на пары, чтобы они в любой момент могли откликнуться на зов своей рейны. Суровость Ферды мгновенно улетучилась, когда он выяснил, что будут скачки. Отпрашиваться было больше не у кого, и поэтому он обратился к Исте. Она, спрятав улыбку, отослала его готовить скакуна.

— Мой курьерский конь, — страстно заявила Лисе, — покажет всем этим деревенским пони, что их место у плуга!

— Боюсь, женский заезд был раньше, — ответила Иста. Она видела, как мимо провели победителей — лошадь и девушку, всю в бело-голубых гирляндах, окружённую счастливыми родственниками.

— Тот заезд был для *девчонок,* — немного презрительно возразила Лисе. — А сейчас к скачкам готовятся девушки постарше и дистанция будет длиннее, я видела.

— А ты уверена, что это не грумы, или чьи-то родственники, может, вообще владельцы коней?

— Нет, они же привязывали на рукава ленты цветов богини. И внешне на наездниц похожи.

Прямо, как Лисе. Девушка изо всех сил старалась казаться спокойной, но не смогла удержаться

и встала на цыпочки.

— Что ж, — Иста от души забавлялась, — если хоть Фойкс меня не бросит, то…

Фойкс усмехнулся и покорно ей поклонился.

— О! Спасибо, миледи! — воскликнула Лисе и побежала к конюшням постоялого двора, где они оставили коней, с такой скоростью, словно уже оседлала своего гнедого.

Иста прогуливалась под руку с Фойксом вдоль наскоро сколоченных площадок для состязаний, стараясь смотреть все раунды, в которых участвовала её доблестная охрана. Соревнование по собиранию на копьё колец со столбиков выиграл один из её ребят; прыжки с лошади с целью завалить молодого бычка увенчались победой этого самого бычка. Все призы приносились рейне, чтобы она посмотрела на них, а затем передавались на хранение Фойксу; Иста чувствовала себя и владычицей, и матерью одновременно. Она пожалела грязного, прихрамывающего борца с быком не менее ласково, чем поздравляла его более удачливых товарищей.

В начале пути Иста приняла отряд охраны как неизбежную помеху и не обращала на него внимания. Но за те дни, что они вместе провели в дороге, она выучила имена, запомнила лица,

узнала историю жизни каждого — в большинстве своём они были весьма коротки. Они перестали быть для неё безликими солдатами, ответственными за её безопасность, и превратились в великовозрастных детей. Но она старалась не обращать внимания на такие изменения. Она не хотела чувствовать себя ответственной за них. *Мне не везло с сыновьями.* Однако преданность должна быть обоюдной, иначе она становится предательством в зародыше.

Пока соперники готовились к заезду, Фойкс отыскал для Исты удобное место на склоне холма, откуда поверх голов болельщиков открывался вид на дорогу. Галантным жестом офицер расстелил на земле плащ, который носил в руках, благо день выдался тёплый и ясный, и Иста благодарно расположилась на нём. Отсюда были отлично видны старт и финиш, отмеченные большими пнями. Участникам скачек предполагалось проехать около двух миль, обогнуть холмик, поросший дубами, и вернуться обратно той же дорогой.

Около двадцати лошадей и наездников толклись в том месте, где дорога расширялась. Ферда ди Гьюра, верхом на своём чёрном лоснящемся звере, как раз регулировал стремена и украдкой

поглядывал на остальных, когда появилась Лисе на длинноногом гнедом. Офицер удивлённо посмотрел на неё, но особого восторга не выказал. Судя по выражению лица Лисе, он отпустил какую-то колкость. На секунду замявшись, девушка, видимо, нашлась, что ответить. Ферда наклонился к ней и сказал ещё что-то, на этот раз дольше. Покраснев, она пришпорила коня и отъехала прочь: гнев мгновенно улетучился, уступив место задумчивости, а потом на губах девушки появилась кривая улыбка.

— И что же там произошло? — вслух поинтересовалась Иста.

Фойкс, расположившийся у её ног, фыркнул:

— Ну, думаю, братец решил щегольнуть перед Лисе, заявив, что ей даже не стоит с ним соревноваться. И боюсь, он не сумел сдержать удивление как следует, — он полулежал, опираясь на локоть, и светился от удовольствия, которое, судя по всему, относилось отнюдь не к предстоящему заезду.

— А ты почему не внизу с ними? — спросила Иста. — Рёбра всё ещё беспокоят?

— Нет, леди. Просто наездник из меня никудышный, — молодой человек хитро прищурился. — Когда мне захочется, я тоже выберу состязание по

себе. То, где нужно побольше сообразительности.

Долго придётся выбирать, подумала Иста, мы же всё-таки на деревенской ярмарке.

Следуя указаниям, которые выкрикивали двое заводил, всадники, толкаясь, выстроились в неровную линию поперёк дороги. Служитель богов городка Виниаска, чью талию украшал бело-голубой пояс, взгромоздился на пень, благословил присутствующих, посвятив скачки богине, и поднял над собой голубой платок. Рука опустилась. Под крики всадников и зевак лошади ринулись вперёд.

Сначала позиции отыгрывались в жуткой борьбе — один всадник даже упал, — но уже на полпути к повороту участники растянулись. Гнедой Лисе и вороной Ферды мчались в первых рядах. Иста с замиранием сердца следила за расстоянием, её губы приоткрылись, дыхание участилось. Когда всадники появились у купы дубов, эти двое уже уверенно лидировали. Спутники Исты разразились радостными криками.

Когда же и дубы остались позади, Лисе через плечо бросила взгляд на Ферду и на его во всю старающегося вороного, а затем пригнулась, прильнув к холке своего коня. Стройный гнедой словно бы оторвался от земли и понёсся по

воздуху, неумолимо увеличивая отрыв от преследователя.

Иста обнаружила, что ликует вместе со всеми:

— Да! Давай! Ха!

Когда Лисе стала приближаться к финишному пню, соперников уже разделяло расстояние в десяток лошадей. Но девушка вдруг осадила скакуна. Шаг коня замедлился, а последние несколько метров он и вовсе практически топтался на месте. Вороной Ферды, разбрасывая хлопья пены, молнией пронёсся мимо, и только тогда Лисе отпустила поводья, позволив гнедому демонстративно дотрюхать до финиша. Конь выглядел так, словно вовсе не прочь пробежать с той же скоростью дистанцию побольше, и Иста напомнила себе, что курьерские лошади преодолевают и двадцать пять километров без остановки. В воплях зрителей чувствовалось замешательство. Все бросились к финишу, запрудив дорогу.

Фойкс покачивался взад-вперёд, одной рукой обхватив колени, а другой зажав рот, и издавал булькающие звуки.

Ферда, красный от напряжения и гнева, приподнялся на стременах. Тем не менее все чествования достались ему, хотя озадаченные жители время

от времени недоумённо поглядывали на Лисе. Девушка же, гордо задрав носик, повела своего скакуна в город к конюшням вслед за горе-победителем. На лице у Ферды было написано, что ему хочется сорвать с себя бело-голубую гирлянду и в гневе бросить к ногам обидчицы, но он боится оскорбить богиню и хозяев праздника.

— Если твой брат пытается ухаживать, — обратилась Иста к Фойксу, — посоветуй ему избрать другой… хм… метод.

— Ни за что на свете, — отозвался Фойкс, справившись наконец с собой. Но смешки всё же иногда вырывались наружу. — Если я начну ему советовать, он мне спасибо не скажет. И заметьте, леди, я, не раздумывая, брошусь наперерез стреле, пущенной рокнарским арбалетом в брата. Такое уже случалось. Но, мне кажется, должны существовать пределы братскому самопожертвованию…

Иста сухо улыбнулась:

— Может, это как раз одно из его проявлений? Понимаю… — Фойкс пожал плечами:

— Ну… кто знает? Время покажет.

— Верно. — Всё это напомнило Исте дворцовые политические игры в миниатюре. Нужно посоветовать Лисе не сеять раздор в их маленьком

отряде, не важно, случайно или намеренно. Что касается Фойкса… то ему вряд ли нужен чей-либо совет.

Фойкс встал, глаза его сверкали:

— Я должен поздравить братца с победой. Такой случай упускать нельзя.

Он повернулся и с изяществом, достойным кардегосского дворца, помог ей подняться с земли.

Ближе к вечеру, когда Лисе уже вернулась к Исте, Фойкс решил поучаствовать в состязании по рубке дров. Он выполнял, простые, но требующие силы упражнения, сняв рубашку, чтобы покрасоваться перед дамами. На мускулистом торсе не было видно серьёзных шрамов, но Иста заметила, что кое-где остались небольшие пятна. Она решила, что мечом он владеет так же красиво, как и работает топором. Но офицер то ли ещё не так оправился от ранений, как утверждал, то ли что-то задумал, потому что радостно занял второе место. Он хлопнул победителя по плечу, поздравил его, купив бутыль эля, и удалился, весело насвистывая.

* * *

Вплоть до вечера Исте не удалось поговорить со своей горничной с глазу на глаз. После ужина они

вышли на балкон лучшей на постоялом дворе комнаты с видом на городскую площадь. Внизу на мощёной мостовой праздник продолжался, начались музыка и танцы в кружевном свете сотен красивых резных фонариков, развешанных по всей площади на деревьях перед храмом. Веселье пока ещё не превратилось в буйство, поскольку девушек тщательно опекали их родственники. Ближе к ночи, когда все юные создания уйдут, наступит время для серьёзной пьянки.

Иста уселась на стул, вынесенный сюда специально для неё; Лисе опёрлась на деревянные перила и с тоской смотрела на танцоров.

— Ну, — немного спустя подала голос Иста, — что вы с Фердой наговорили друг другу перед заездом? Что вас так распалило?

— Ох, — Лисе полуобернулась, поморщившись. — Да глупости всякие. Он сказал, что нечестно с моей стороны участвовать, ведь мой конь слишком хорош и быстр для деревенских соревнований. Будто *его собственный* вороной не лучшее, что можно найти в Кардегоссе! А потом он ещё заявил, что эти скачки не для женщин, хотя вокруг было полно девушек! Ещё бы, это скачки во имя богини! Мужчины же могут выступать только от имени женщины, а он взялся

защищать вашу честь.

— Да уж, не совсем логично, — пробормотала Иста.

— Он был отвратителен. Что ж! Я ему показала.

— Мм-м… Но ты же ещё показала, что он был в чём-то прав. Твой конь во много раз превосходит виниаскских кляч.

— Его конь тоже. Если бы я по этой причине не стала участвовать, то и он бы не стал.

Иста молча улыбнулась, а Лисе, немного подождав, вернулась к созерцанию танцующих. В местных деревенских танцах мужчины и женщины плясали то отдельно, хороводом, взявшись за руки, то вместе, следуя сложному рисунку, который, перекрикивая музыку, задавал заводила. Многие из фигур требовали немалой энергии и сопровождались кружением верхних и нижних юбок и ритмичным топаньем ног.

Иста не могла решить, повлечёт ли трудности вспышка, промелькнувшая между двумя её приближёнными, или наоборот. Честно говоря, она не знала, действительно ли её горничная, столь поспешно принятая на работу, — *девушка.* Девицы-курьеры наверняка заботятся о том, чтобы не забеременеть, иначе они потеряют средство

к существованию, но это отнюдь не значит, что они воздерживаются от сексуального общения, или невинны, или просто ничего не знают об этой стороне отношений. А если невинность основывается на незнании, то худшего средства защиты не придумаешь.

При дворе Иаса Иста не могла не узнать способы, как мужчина и женщина — или любая другая комбинация участников — могут доставить друг другу удовольствие, не рискуя получить последствия в виде детей. И рейна понятия не имела, ни сколько способов эти самые девицы-курьеры обсудили в своих спальнях, ни научили ли своих питомиц таким секретам дамы, что присматривают за ними и которые сами в молодости были курьерами. В любом случае, будучи фермерской девочкой и видя спаривание животных собственными глазами, Лисе знала обо всём гораздо больше, чем Иста в её годы. Но эмоции всегда готовы учинить смуту при дворе физиологии.

Кроме всего прочего, было неясно, что входит в намерения одного из братьев ди Гьюра: собирается ли он честно ухаживать, или просто пытается соблазнить. А если задуматься о пропасти, что разделяет безземельного младшего аристократа и дочь простого, хотя и владеющего землёй фер-

мера, то она, может, и не смутит последнего, но для первого окажется непреодолимой. Остаётся уповать на приданое, что в случае с Лисе весьма сомнительно.

За то малое время, что оба брата провели в беззаботном общении с Лисе, она, без сомнения, успела обратить на себя их внимание. Девушка красива и привлекательна, а молодые люди пышут здоровьем и силой… в общем, Иста решила не кидаться латать брешь, дабы не нажить трудностей посерьёзнее.

Всё же она запустила удочку:

— Так как тебе братья ди Гьюра?

— Ферда сначала был ничего, но теперь стал сильно нос задирать.

— Мне кажется, он принимает ответственность, возложенную на него, слишком близко к сердцу.

Лисе пожала плечами:

— А Фойкс… Фойкс — тоже ничего.

Умер бы Фойкс, услышав столь прохладный отзыв? Вряд ли. Иста решилась на рискованный выпад:

— Надеюсь, никто из моей гвардии не делал тебе непристойных предложений. Дабы содержать в чистоте имя своей леди, горничная сама должна быть выше всего этого.

— Нет, они всецело преданы служению богине, — девушка фыркнула, — если только Ферда не сделал это служение очередным объектом своего самодовольства, — она задорно улыбнулась, и на её щеке появилась ямочка. — А вот наш добрый служитель времени не терял. Он приставал ко мне в первую ночь, в Палме.

Иста удивлённо моргнула:

— А! — осторожно отозвалась она. — Не следует забывать, что не все служители Ордена Бастарда той ориентации. — Иста раздумывала, как бы сформулировать следующий вопрос. — Вовсе не нужно сносить оскорбления, и не важно, какое социальное положение занимает обидчик. Тем более что ты — моя подчинённая. Если возникает такая проблема, следует обязательно обратиться ко мне.

Лисе покачала головой:

— Всё это вполне могло меня обидеть, но он умудрился быть очень милым. Он покорно выслушал отказ и отправился попытать счастья с горничной.

— Но мне не поступало никаких жалоб! — Девушка усмехнулась:

— Ну, не думаю, чтобы у неё были какие-то претензии. Когда, некоторое время спустя, они

вышли из её комнаты, девица вовсю хихикала. Это заставило меня задуматься, а не много ли я потеряла.

Иста попыталась сохранить строгую мину и не засмеяться, но у неё не получилось:

— Да уж!

Лисе широко улыбнулась в ответ и снова принялась с завистью наблюдать за танцующими. Вскоре Иста уже не могла это выносить и отпустила девушку на праздник. Лисе восторженно приняла столь неожиданный подарок и, чем немало удивила Рейну, перемахнула через перила балкона, повисла на одной руке, спрыгнула на землю и убежала.

Странное ощущение — остаться одной. Несколько проходящих мимо мужчин немного грубовато, но всё же дружелюбно окликнули Исту, но, не зная, что ответить, она решила промолчать. Мужчины отреагировали уже более резко и менее дружелюбно. Немногим раньше Лисе несколько раз уже отшучивалась, и их пьяненькие поклонники отправлялись восвояси, громогласно хохоча. *Это не мой мир.* А когда-то, возможно, она им правила из туманного Кардегосса.

На соседнем балконе появился Ферда ди Гьюра

и, увидев, что рейна в гордом одиночестве наблюдает за несостоявшимися певцами серенад, растворяющимися в ночи, вежливо пожурил её за то, что она опрометчиво отпустила горничную. Офицер исчез, чтобы затем появиться у выхода с постоялого двора и нырнуть в толпу в поисках Лисе. Когда они, уже вместе, вернулись, кулаки у обоих были крепко стиснуты. Какая бы перепалка ни произошла между ними, к тому времени когда Иста могла их услышать, оба уже шли молча.

Иста направилась к кровати. Шумное празднество продолжалось ещё несколько часов, но рейну это уже не беспокоило.

* * *

Глубокой ночью во сне она открыла глаза и обнаружила, что снова оказалась во дворе таинственного замка. На этот раз вокруг было темно, — может, всё происходит этой ночью? Та же ущербная луна, что озаряла Виниаску болезненным, неровным светом. Но тени не казались непроницаемыми, в воздухе висело странное сияние, словно луч из белого огня. Он пересекал двор, вёл вверх по ступеням и исчезал в уже знакомой тяжёлой двери в конце галереи. Истинное «я», принадлежащее сну, не осмеливалось при-

коснуться к нему, хотя отвести взгляд от свечения не было сил. И она последовала за ним — по лестнице, вдоль перил. Сквозь дверь.

В спальне было темнее, чем во дворе, ставни наглухо закрыты, ни один лунный блик не просачивался внутрь, но освещение всё же присутствовало: луч белого огня шёл прямо из сердца мужчины, лежащего на кровати. Бледное пламя охватывало его тело, словно он горел, поднималось из груди и струилось прочь… и Исте хотелось понять, что перед ней — луч или путеводная нить. И куда ведёт эта путеводная нить. Она скользнула взглядом вдоль повисшей в воздухе линии света, ей хотелось схватить её, чувствовать, как эта нить тянет её куда-то, словно канат, вытаскивающий из воды тонущую женщину.

Призрачная рука Исты потянулась к лучу, сжала его; линия оборвалась, рассыпалась в пальцах на светящиеся осколки.

Мужчина на кровати очнулся, хрипло вздохнул и приподнялся. Увидев её, он вытянул вперёд горящую руку.

— Вы! — выдохнул он. — Леди! Помогите мне во имя бога… — *Какого бога?* Иста, чуть ли не на грани истерики, не смогла удержаться от этой мысли. Она не осмелилась взять эту жуткую горя-

щую руку, несмотря на то что она тянулась к ней. *Кто вы?* Его широко распахнутые глаза, казалось, пожирали её:

— Она говорит! — его голос дрогнул. — Миледи, молю, не уходите…

Она открыла глаза в тёмной комнатке на постоялом дворе в Виниаске.

Единственный звук, который нарушал тишину, — мерное дыхание Лисе, спящей на соломенном тюфяке в другом конце комнаты. Праздник, судя по всему, закончился, последние подвыпившие гуляки разошлись по домам или отключились там, докуда успели добрести.

Стараясь не шуметь, Иста спустила ноги на пол и прокралась к запертым дверям балкона. Она отодвинула щеколду и выскользнула наружу. Источниками света были только два стенных фонаря, тускло освещавших с двух сторон вход в храм на противоположной стороне площади. Рейна подняла глаза к ночному небу, к ущербной луне. Она знала, что это та же самая луна, что была в видении. Место и мужчина, где бы они ни были, так же реальны, как и она сама. Видел ли тот странный мужчина сегодня сон об Исте, такой же, как Иста о нём? Что видели его тёмные будоражащие глаза, что заставило его так отча-

янно тянуться к ней и была ли она для него такой же загадкой, как и он для неё?

Его голос был глубок, но искажён болью, страхом или изнеможением. Однако говорил он на ибранском, языке Ибры, Шалиона и Браджара, а не на рокнари или дартакане — хотя и с северо-Шалионским произношением и рокнарскими интонациями.

Я не могу помочь тебе. Кем бы ты ни был, я не могу помочь. Молись своему богу, если хочешь спасения. Хотя я бы тебе не советовала этого делать.

Она вышла из потока лунного света, заперла двери балкона и поспешила к кровати как можно тише, чтобы не разбудить Лисе. Иста накрыла голову пуховой подушкой. Она скрыла всё, кроме того, что рейна не хотела видеть, — жгущие разум глаза. Когда она завтра проснётся, события минувшего дня покажутся сном по сравнению с этим. Она сжала пальцами простыни и стала ждать рассвета.

* * *

Когда на следующее утро после восхода солнца Лисе причёсывала волосы Исты, в дверь комнаты постучали и послышался голос Фойкса ди

Гьюры:

— Миледи? Лисе?

Лисе подошла и распахнула дверь, ведущую в галерею, опоясывающую внутренний двор гостиницы. Фойкс, уже одетый по-дорожному, кивнул ей и поклонился Исте, которая встала за плечом своей горничной.

— Доброе утро, миледи. Мудрейший ди Кэйбон нижайше просит прощения, но он не в состоянии вести утренние молитвы. Ему очень плохо.

— О нет! — воскликнула Иста. — Насколько это серьёзно? Нужно послать в храм за целителем?

Виниаска гораздо меньше Валенды, достаточно ли велик местный Орден Матери, чтобы поддерживать целительство на должном уровне?

Фойкс потёр губы, чтобы не улыбнуться:

— Не думаю, что это необходимо, миледи. Может, он вчера съел что-нибудь не то. Или это… ээ-э… похмелье.

— Когда я в последний раз его видела, он не был пьян, — усомнилась Иста.

— Мм-м… ну, это было раньше. А потом он вышел со всеми из здешнего храма, и что ж, совсем уже поздно ребята его принесли. Нельзя сказать, чтобы можно было поставить диагноз через закрытую дверь, но, судя по стонам и

звукам, доносившимся оттуда, я бы назвал это похмельем. До ужаса знакомо, вызывает массу воспоминаний. Слава богам, уже подзабытых воспоминаний, но всё же.

Лисе подавила смешок.

Иста хмуро посмотрела на неё и сказала:

— Замечательно. Скажи своим людям оставить сборы и отправить лошадей обратно к кормушкам. Вместо этого, мы пойдём на утреннюю службу в храм, а потом решим, ехать ли нам дальше… В конце концов, мы никуда не спешим.

— Отлично, миледи, — Фойкс кивнул, отсалютовал, развернулся и зашагал прочь.

Утренняя служба длилась час, но Исте показалось, что обряд укоротили, тем более что народу было немного, да и сам храмовый служитель имел бледный, нездоровый вид. После она с Лисе и Фойксом побродила по тихому городку. Ярмарочные палатки разбирали и складывали. Они прогулялись вдоль реки, по тем местам, где проходили скачки, и Фойкс уговорил Лисе дать полный отчёт о заезде, указав все мелочи, касающиеся лошадей и наездников, которые Иста едва ли заметила. Лисе объяснила, что её потрясающая скорость во второй части скачек была отчасти кажущейся: дело в том, что остальные

кони к тому времени уже стали выдыхаться. Исту порадовало то, что их пятимильная прогулка совсем её не утомила, как это было в тот день, когда она решила сбежать из Валенды, и, судя по всему, дело было вовсе не в более подходящей обуви и одежде.

Мудрейший ди Кэйбон вышел из комнаты только после полудня, цвет его лица напоминал тесто. Иста взглянула на него, отменила все планы по отбытию на сегодняшний день и отослала беднягу обратно в постель. Он уполз обратно, жалобно бормоча слова благодарности. Отсутствие у него жара Исту успокоило. Диагноз Фойкса — похмелье — казался вполне обоснованным, потому что служитель появился к ужину, стыдливо пряча глаза, съел тост, выпил чаю и решительно отказался от разбавленного водой вина.

* * *

На следующее утро ди Кэйбон был на вид совершенно здоров, хотя утренняя молитва снова была зачитана из книжки. Отряд Исты пустился в путь, когда воздух ещё был прохладен, они пересекли вброд каменистую реку, держа путь на север, и начали подъём на холм, оставив Вианеску позади.

Местность, по которой они ехали, находилась на сухой стороне гор и отличалась скудной растительностью: кое-где росли сосны и вечнозелёные дубы, пространство между ними заполнял низкорослый кустарник, и то тут, то там из жёлтой листвы торчали камни. Почва была слишком бедна для земледелия, если не считать лоскуты рукотворных садов, террасами спускавшихся по склонам, но скоро и эта малонаселённая область вблизи Вианески стала совсем дикой. Дорога петляла вверх-вниз, и одна небольшая долина ничем не отличалась от другой. Иногда попадались старые мосты и акведуки, не в самом лучшем состоянии, пересекавшие ручьи, которые бежали с дальних вершин, возвышающихся по левую руку, но чаще всего кони и мулы пересекали потоки вброд по камням. У одного такого ручья чуть позже полудня они остановились перекусить. Главным даром этой части страны была вода — чистая, прозрачная и холодная.

К вечеру нужно было добраться до священного места, затерявшегося среди холмов, до деревни, где родилась служительница Матери, святая целительница, чьи чудесные деяния вершились уже вдали от этого места. Там, подумала Иста, когда их отряд двинулся дальше, они бу-

дут ещё незаметнее. Суслики, которые то и дело выскакивали на дорогу и неодобрительно фыркали, наблюдая за проезжающими, не станут писать доносы и пользоваться их именем, чтобы впоследствии привлечь побольше путешественников. После посещения деревни маленькой кавалькаде предстоит спуститься с гор к более простым дорогам равнин Шалиона. А потом повернуть на юг, к Баосии, к дому?

Иста не хотела возвращаться. Но как долго будет продолжаться это странное паломничество, как долго ей удастся удерживать подле себя этих молодых людей, бесцельно таская их по деревенским тропкам? Их скоро призовут выполнять более жестокий долг, ведь Шалионские лорды готовят кампанию на севере. *Что ж, пусть все мы будем успешно увиливать от службы как можно дольше.* Погода стояла мягкая, время года было подобрано весьма удачно; тёплый вечер дышал ароматом горного тимьяна и полыни. Скоро их сменит резкий запах крови, пота и железа.

Карабкаясь по лесистому склону, а затем устремляясь вниз, тропа стала шире. Ферда и ди Кэйбон ехали впереди, за ними — молодой гвардеец и Фойкс. Лисе пристроилась рядом с Истой, остальные тянулись следом.

Сначала Иста уловила волну эмоций, идущую извне, — горячую, липкую угрозу, боль и отчаяние, невозможность дышать. Секунду спустя её конь упёрся всеми четырьмя копытами в землю и, дрожа, замер. Он резко дёрнул головой и заржал.

Из тени деревьев появился медведь. Голова опущена, могучие плечи угрожающе напряглись, бронзовый мех, словно вода, переливался в вечерних лучах солнца. Для такого неуклюжего, неповоротливого животного он двигался невероятно быстро. Рёв рассёк тишину.

Все лошади и мулы принялись крутиться на месте и брыкаться. Молодой гвардеец Пежар, тот что ехал впереди Исты, полетел влево, когда его перепуганный скакун резко дёрнулся вправо. Рейна не успела увидеть, упал ли юноша, потому что её собственный конь взвился на дыбы, истошно ревя. Она попыталась придержать поводья, ухватиться за гриву, но поздно. Лука седла ударила в живот, животное ещё раз рванулось, быстро стала приближаться земля, встреча с которой вышибла дыхание. Оглушённая, Иста вскочила на ноги и попыталась ухватить ремень узды.

Лошади галопом неслись прочь, а наездники яростно натягивали поводья, стараясь заставить

их повиноваться. Конь Пежара с опустевшим седлом был уже далеко внизу. Истин жеребец, брыкаясь, летел следом. Распластавшись по земле, юноша в ужасе смотрел на медведя, который, пуская слюну, навис над ним. Неужели животное взбесилось настолько, чтобы напасть? Обычно горные медведи пугливы, они всегда стараются скрыться. И это не самка-мать, защищающая детёнышей, а крупный самец.

Это не медведь. Или — не совсем медведь. Едва дыша, в немом изумлении, Иста подобралась поближе. Несмотря на первое жуткое впечатление, медведь оказался не совсем здоров. Запаршивевший мех — с близкого расстояния это было виднее — кое-где оставлял проплешины, в которых виднелась нездорово тонкая кожа, вовсе не соответствующая размерам её обладателя. Могучие ноги дрожали. Медведь посмотрел на Исту не менее удивлённо, чем она на него.

Ей казалось, что вся медвежья сущность животного была выедена изнутри. В глазах, смотревших на неё, светился разум, совсем не свойственный зверям. *Им завладел демон. И демон почти поглотил его.*

И теперь наездник ищет нового скакуна.

— Как ты *смеешь?* — возмутилась Иста. — Да-

же простой медведь не заслужил такое. Ты из другого мира, демон. Возвращайся к своему проклятому хозяину. Их взгляды скрестились; Иста шагнула вперёд, медведь отступил от белого, как простыня, мальчика. Ещё шаг. Ещё. Медведь-демон опустил голову чуть ли не до земли; широко раскрыв глаза с белой каймой и сопя, он в страхе пятился.

— Рейна, я здесь! — углом зрения Иста увидела Фойкса в развевающемся плаще, который с боевым криком занёс меч для мощного удара. Его губы растянулись, зубы стиснуты в предвкушении удара.

— Нет, Фойкс! — слишком поздно выкрикнула Иста.

Тяжёлый клинок одним махом отсёк медведю голову и воткнулся в землю. Из шеи животного хлынула кровь, голова покатилась по траве. Передняя лапа судорожно дёрнулась, и огромное мохнатое тело рухнуло вниз.

Исте казалось, что она видит демона всеми чувствами, кроме зрения, — осязаемую силу, кровавый огонь, пахнущий раскалённым металлом. Он метнулся к ней, потом вдруг бросился назад, объятый каким-то животным страхом. На какой-то отчаянный момент демон завис в

нерешительности между Фойксом и юношей, лежащим на земле. И потёк в Фойкса.

Глаза Фойкса распахнулись.

— Что? — произнёс он странным тоном, будто с кем-то разговаривал. Потом вдруг его зрачки закатились, и он потерял сознание.

Глава шестая

Лисе первая справилась с конём и поскакала обратно; она спрыгнула с гнедого, смятение и тревога сдавливали горло. Пежар, постанывая, сел и в ужасе посмотрел на обезглавленного медведя. Юноша недоумённо нахмурился при виде Фойкса, лежащего рядом с тушей, всё ещё истекающей кровью.

— Сэр?…

Падая с лошади, Иста ударилась животом, но теперь кости ныли от толчка, вызванного переселением демона. Было такое ощущение, что разум неестественным образом отделен от тела. Она сняла плащ, свернула его и опустилась на колени, пытаясь перевернуть тяжёлое тело Фойкса и уложить голову на импровизированную подушку.

— Подождите, леди, — остановила её Лисе. — Он был парализован, когда упал с коня? У него кости могут быть сломаны…

— А он упал? Я не видела, — это могло объяснить, почему он раньше всех оказался рядом с медведем. — Нет, с ним было всё в порядке. Это он убил зверя.

Что очень жаль.

— Хм, он соскользнул с крупа прямо на нас. Думаю, там сложно было что-нибудь сломать, — Лисе намотала повод на руку, удерживая фыркающего и пятящегося коня, и встала на колени, чтобы помочь. Девушка оглядела впечатляющие доказательства — тушу, меч и голову, лежащую неподалёку.

— Пятеро богов, вот это удар, — она посмотрела на Фойкса. Лицо его цветом напоминало овсяную кашу. — Что это с ним?

Ферда подъехал следом, взглянул на происходящее и слетел с коня, даже не подумав прихватить повод.

— Фойкс! Рейна, что случилось? — он встал на колени рядом с телом брата и ощупал его в поисках ран, явно ожидая увидеть кровавый след от удара когтистой лапы. Ничего не обнаружив, он удивлённо поднял брови и попытался перевернуть Фойкса. Тяжело дыша, подбежал ди Кэйбон без мула.

Иста схватила Ферду за руку:

— Нет, твоего брата не ударили.

— Он отрубил медведю голову, а потом… упал, — подтвердил Пежар.

— Этот медведь взбесился что ли, чтобы так нападать? — выдохнул ди Кэйбон. Наклонившись,

он упёрся руками в колени и тоже внимательно осмотрел Фойкса.

— Он не взбесился, — сказала Иста ровным голосом. — Он был одержим демоном.

Глаза ди Кэйбона широко раскрылись, и он взглядом впился ей в лицо:

— Вы уверены, рейна?

— Полностью. Я… я почувствовала его. *А он почувствовал меня.*

Ферда откинулся на пятки с совершенно ошеломлённым видом.

— И куда оно… — голос ди Кэйбона оборвался, он посмотрел на испуганного юношу-гвардейца, потом поднял глаза на Исту, погружённую в раздумья. Фойкс лежал, словно его оглушили дубинкой. — Оно не вселилось в него, правда же?

— Именно, — Иста облизала губы. — Демон уже отступал. Я пыталась остановить Фойкса, но он видел только взбесившегося медведя, казалось бы, угрожающего мне.

Губы ди Кэйбона повторили слова *«казалось бы?»*. Он посмотрел на неё пристальнее.

То, что служитель поверил, окончательно убедило поражённого Ферду. Его лицо было влажным от слёз:

— Мудрейший, что будет с Фойксом?

— Это зависит… — ди Кэйбон сглотнул, — …в большей степени от сущности демона.

— Этот демон сам был, как медведь, — сообщила Иста всё тем же ровным голосом. — До этого бедного животного он, может быть, и сожрал нескольких других существ, но ещё не сталкивался с человеческим разумом. Он даже не умел говорить. *А теперь в его распоряжении целое пиршество из слов и мыслей. Вопрос в том, как скоро он приступит к трапезе.*

— Это — другой вопрос, — пробормотал ди Кэйбон, откликаясь на мысли Исты. Он набрал в лёгкие воздуха. — Мгновенно ничего не произойдёт, — заявил он уже громко. Исте не понравился слишком душевный тон, которым он это произнёс. — Фойкс сможет противостоять. Если захочет. Неопытному демону требуется время, чтобы вырасти, чтобы научиться.

Чтобы окопаться, подсказала Иста. *Чтобы впитать соки души, чтобы подготовиться к осаде. И значит ли это, что опытный демон, поглотивший множество людских душ, может победить сразу, безоговорочно?*

— В любом случае, мы дадим ему как можно меньше времени, чтобы… как можно меньше времени. В каком-нибудь храме в этой провин-

ции наверняка найдутся средства и служители, способные справиться с этим. Следовало бы отвезти его к главному служителю Тариуна, но нет. Это займёт целую неделю, — он посмотрел на холмы, в сторону далёких равнин. — Храм в Маради ближе всего. Ферда, где твои карты? Нужно найти кратчайший путь.

Стали подъезжать остальные гвардейцы, отловившие в конце концов сбежавших лошадей и мулов. Один из людей привёл жеребца Ферды. Ферда уже было встал и направился к своим седельным сумкам, но быстро обернулся, услышав, что Фойкс зашевелился и застонал.

Фойкс открыл глаза. Он оглядел небо, обеспокоенные лица, кругом нависшие над ним, и поморщился.

— Ох, — выдавил он.

Ферда опустился на колени рядом с головой брата, беспомощно сжимая и разжимая кулаки.

— Как ты? — решился он наконец. Фойкс моргнул:

— Очень странно.

Одной рукой он сделал неуклюжий жест, — как будто ударил лапой, — попытался перекатиться на спину и подняться. Закончилось тем, что он встал на все четыре конечности. Устоять на ногах

ему удалось со второй попытки. Ди Кэйбон держал Фойкса за одну руку, а Ферда за другую, пока тот моргал и двигал челюстью взад-вперёд. Он поднёс ладонь ко рту, промахнулся, попытался снова. Пальцы ощупали лицо, словно желая удостовериться, что это лицо, а не морда.

— Что произошло?

Долгое мгновение никто не осмеливался ответить. Фойкс с растущим удивлением ощущал на себе полные ужаса взгляды окруживших его людей.

— Есть мнение, что в тебя вселился демон, — ответил наконец ди Кэйбон. — Он направлял медведя, когда тот напал.

— Медведь умирал, — заметила Иста. Даже для собственных ушей её голос казался странно далёким. — Я пыталась предупредить тебя.

— Это же неправда, да? — спросил Ферда. В его словах слышалась мольба. — Этого не может быть.

Лицо Фойкса было неподвижно, словно он заглядывал внутрь себя, глаза неподвижно смотрели в одну точку, ничего не видя вокруг.

— Ох, — ещё раз произнёс он. — Да. Это то… это то, что…

— Что? — ди Кэйбон пытался придать голосу

мягкость, но беспокойство ему скрыть не удалось.

— Есть что-то… у меня в голове. Что-то испуганное. Стянутое в узел. Оно как будто бы прячется, словно в пещере.

— Хм.

Становилось ясно, что Фойкс пока не собирается превращаться в медведя, демона или во что-то ещё, а остаётся просто перепуганным молодым человеком. Главы отряда, поддерживая Фойкса, отошли в сторону и устроились на обочине дороги сверяться с картами. Несколько гвардейцев тихо обсудили тушу медведя и решили, что запаршивевшую шкуру снимать не стоит, но всё же не удержались и взяли на память клыки и когти, после чего оттащили бездыханное животное от дороги.

Ферда отыскал карту местности и расстелил её на широком, плоском камне. Затем провёл по ней пальцем линию:

— Мне кажется, чтобы быстрее добраться до Маради, нам нужно проехать по этой дороге ещё около тридцати миль вот до этой деревни. Потом повернуть и спуститься почти прямо на восток.

Ди Кэйбон посмотрел на солнце, уже почти севшее за гребни гор на западе, и на небо, ещё

сиявшее синевой.

— До наступления ночи мы не успеем.

Иста осмелилась коснуться карты белым пальцем:

— Если мы проедем ещё чуть-чуть, то попадём на этот перекрёсток, а там недалеко та священная деревушка, в которую мы собирались. Мы уже обговорили и еду, и корм для лошадей, и спальные места. А завтра выедем пораньше.

Крепкие стены отделят нас от всех медведей. Но не спасут от демона, эту мысль рейна решила оставить при себе.

Ферда нахмурился:

— Ещё шесть миль туда и обратно. Больше, если мы снова перепутаем дорогу. — Такая же развилка днём ранее стоила им нескольких часов. — Полдня потеряно. У нас с собой достаточно еды и корма. Пополнить запасы можно там, где мы повернём на восток, — он помолчал, а потом более осторожно добавил: — Конечно, если вы готовы снести неудобства ночного лагеря, рейна. В конце концов, погода, похоже, портиться не собирается.

Иста молчала. Ей не нравился план, не нравилось то, что она имеет возможность поставить собственный комфорт выше нужды верного офи-

цера. Разделить отряд, отправить самых быстрых всадников с Фойксом вперёд? Эта идея тоже не вызывала восторга.

— Я… мне всё равно.

— Ты можешь ехать верхом? — спросил Ферда у брата. Фойкс сидел, нахмурив брови и погрузившись в себя, как человек, у которого болит живот.

— А? Не лучше, чем обычно. У меня ноет задница, но это не имеет никакого отношения к… тому, — он на секунду замолчал, а потом добавил: — Разве что косвенного.

Ферда объявил командным голосом:

— Тогда мы поедем быстро, чтобы к ночи совершить переход как можно больший.

Среди присутствующих, сидящих на корточках вокруг камня, раздался одобрительный гул. Иста плотно сжала губы.

Фойксу помогли взобраться на нервничающего коня; для того чтобы удержать жеребца потребовалось двое, потому что он сначала уворачивался и фыркал, но со второй попытки смирился. Ди Кэйбон и Ферда решили ехать по обе стороны Фойкса. Чтобы защитить. Слишком поздно.

Иста смотрела им в спины, когда они, словно ничего не произошло, отправились дальше вниз

по дороге. Ощущение присутствия демона, такое жгучее сначала, теперь притупилось. Случайно ли это или он специально прячется в своём новом логове из плоти? Или Иста просто не чувствует его? Она так долго подавляла в себе эту восприимчивость, что теперь она напоминала онемевшую мышцу. Просто причиняла боль.

Лорд ди Кэсерил утверждал, что мир духа и материальный мир существуют рядом, как две стороны монеты или стены; боги не где-то далеко, а прямо здесь, постоянно, и чтобы их увидеть, нужно найти особый угол зрения. Их присутствие так же всепроникающе и невидимо, как луч солнца, касающийся кожи, словно стоишь голым, с завязанными глазами, посреди невообразимого полудня.

Демоны же, в свою очередь, больше напоминают воров, сующих руки в чужие окна. Что теперь происходит внутри Фойкса? И если оба брата подойдут к ней сзади, сможет ли она, не глядя, отличить, кто есть кто?

Иста закрыла глаза, чтобы проверить ощущения. Скрип седла, звук шагов лошадей, лёгкий стук, когда копыто ударяется о камень; запах её коня, её пота, свежий аромат сосен… больше ничего.

Ещё рейну беспокоило, что же увидел демон в Исте, когда они встретились взглядами.

* * *

Они разбили лагерь у очередного прозрачного ручья, когда стемнело уже настолько, что едва хватало света, чтобы найти хворост для костра. Но гвардейцы натащили целую кучу; у Исты появилось подозрение, что не она одна беспокоится по поводу возможного присутствия диких зверей. Для неё и Лисе соорудили шалаш из веток и сучьев, выстлав его наспех срезанной сухой травой. Особо надёжной защитой от медведей он не выглядел.

Фойкс решительно запретил относиться к нему, как к инвалиду, и вызвался вместе со всеми собирать дрова. Иста осторожно наблюдала за ним и заметила, что ди Кэйбон тоже украдкой следит за молодым человеком. Фойкс приподнял бревно внушительных размеров и обнаружил, что оно полностью прогнило и кишит личинками. Он уставился на находку с весьма странным выражением на лице.

— Мудрейший, — тихо произнёс он.

— Да, Фойкс?

— Я превращусь в медведя? Или в чокнутого,

который думает, что он медведь?

— Нет, ни то ни другое, — твёрдо ответил ди Кэйбон. Хотя, положив руку на сердце, Иста подозревала, что и он не знает, как будет на самом деле. — Это пройдёт.

Ди Кэйбон хотел выглядеть уверенно, хотя сам, по-видимому, не был так спокоен. Ведь если демон будет всё меньше походить на медведя, то, значит, будет всё больше походить на Фойкса?

— Это хорошо, — облегчённо вздохнул Фойкс и поморщился. — Потому что вот это кажется вкусным.

Он отпихнул бревно обратно с гораздо большей силой, чем было нужно, и отправился искать валежник посуше. Ди Кэйбон подошёл к Исте:

— Леди…

Пятеро богов, его голос был не менее жалобным, чем секунду назад у Фойкса. Она едва смогла превратить ласковое «Да, ди Кэйбон?» в более строгое «Что?», чтобы он не подумал, что она его передразнивает.

— Я хочу спросить о снах. О снах, навеянных богами, что вы давно видели.

Не так и давно.

— И в чём же дело?

— Ну… как понять, что сон — вещий? Как вы

отличаете пророчество от, как бы назвать, подделки?

— В пророчествах нет ничего хорошего. Всё, что я могу вам сказать, это что они никогда не врут. Они более реальны, чем память, ни больше, ни меньше, — от внезапного подозрения её голос сорвался. — А почему вы спрашиваете?

Он нервно коснулся своего пухлого бедра пальцами:

— Мне кажется, вы единственная, кто может быть мне в этом наставником.

— Ученик учит учителя? — Иста попыталась обратить всё в шутку, хотя в желудке стало холодно. — Храм это не одобрит.

— Не думаю, леди. Кто не станет просить совета у человека более сведущего? Что делать, если столкнулся с задачей, слишком сложной для тебя?

Иста прищурилась. Пятеро богов, — и это обращение было здесь как раз кстати, — какие сны привиделись ему? Неужели худой мужчина, лежащий на кровати в тёмной комнате… Она даже не стала гнать прочь это тайное видение.

— И что же вам приснилось?

— Мне приснились вы.

— Ну, что ж. Люди часто видят во сне тех, кого

знают.

— Да, но это случилось раньше. Однажды во сне я увидел вас, как тогда, в первый день, едущей верхом по дороге в Валенду.

— Может быть… вы, ещё ребёнком, побывали в Кардегоссе либо ещё где-нибудь, где проезжали мы с Иасом? И ваш отец или кто-нибудь другой, посадил вас на плечо, чтобы вам было лучше видно процессию рея.

Ди Кэйбон покачал головой:

— И тогда с вами был сьер ди Феррей? А вы были одеты в лилово-чёрное и ехали по просёлочной дороге на лошади, которую вёл грум? И тогда вам было сорок, вы были грустны и бледны? Не думаю, рейна, — он на секунду отвёл взгляд. — И демон-хорёк тоже знал вас. Что же смог увидеть он, а я нет?

— Не знаю. Вы не пытались выяснить это, прежде чем вернуть его в мир духов?

Он наморщил лоб и покачал головой:

— Я знал слишком мало, чтобы спросить. Следующие сны пришли позже и стали ярче.

— Какие сны, мудрейший? — Иста спрашивала почти шёпотом.

— Мне приснился тот ужин в замке Валенды. Как все мы отправляемся в путь, почти в этом са-

мом составе. Иногда с нами Лисе, Ферда и Фойкс, иногда другие, — он опустил взгляд, а потом посмотрел ей прямо в глаза и признался: — Храм Валенды не посылал меня вам в проводники. Они поручили мне передать извинения Мудрейшей Товии и сказать, что она свяжется с вами, как только вернётся. Я украл ваше паломничество, рейна. И я думал, бог требует от меня этого.

Иста судорожно вдохнула. Чтобы унять дрожь, она обхватила руками деревце, на которое облокачивалась, и постаралась, чтобы её голос звучал нейтрально:

— Продолжайте.

— Я молился. Я повёл нас в Касилшас, чтобы иметь возможность посоветоваться с моими наставниками. Вы… вы поговорили со мной. Сны прекратились. Мне посоветовали постараться действительно стать вашим духовным проводником, тем более что я и так зашёл слишком далеко, и, леди, я старался.

Иста разжала ладонь, стараясь немного успокоить ди Кэйбона, но он едва ли увидел это в сгущающихся сумерках. Так, значит, все его странные заверения о её духовном даре, тогда, в Касилшасе, основывались на более серьёзных источниках, чем старые сплетни. Сквозь редкие

деревья было видно, как из двух ям, выкопанных в песке на берегу ручья, бросая весёлый вызов ночи, стало появляться пламя. Огненные язычки казались… крохотными на фоне огромных холмов. Зубы Бастарда — так называется этот хребет, и, говорят, на перевалах они кусают путешественников.

— Но несколько ночей назад сны вернулись. Новые сны. Точнее, новый, повторившийся три раза. Дорога, очень похожая на эту. И окрестности, напоминающие эти, — белый рукав ди Кэйбона качнулся в темноте. — Меня хватает колонна солдат. Рокнарских солдат. Еретиков-четырёхбожников. Они сбрасывают меня с мула. И…

Он вдруг замолчал.

— Не все пророческие сны сбываются. Или сбываются так, как приснились, — осторожно сказала Иста. Его страдания были искренними, глубокими.

— Нет, это не может сбыться, — чуть ли не яростно воскликнул он. — Ведь каждую ночь они убивают меня различными жуткими способами, — в его голосе послышалось сомнение. — Хотя каждый раз они сначала отрезают мне большой палец.

А они с Лисе смеялись над его похмельем…

Может, он топил сны в вине? Это не сработает. Она сама пробовала, давно, ещё при дворе Иаса.

— Вы должны были мне всё это рассказать! Ещё раньше!

— Но здесь не может быть рокнарцев. Для этого им пришлось бы пересечь две провинции. Вся страна уже на голове стояла бы, — он пытался разогнать тьму светом разума. — Этот сон, должно быть, рассказывает об отдалённом будущем.

Нельзя разогнать тьму светом разума. Всегда нужен огонь. Откуда пришла эта мысль?

Или вовсе не о будущем. Некоторые сны — просто предупреждения. Прислушайтесь к ним, и опасность исчезнет.

В темноте его голос был едва слышен:

— Боюсь, я подвёл богов, и это будет мне наказанием.

— Нет, — холодно ответила Иста. — Боги безжалостны. Если ты им больше не нужен, то ты для них не больше, чем сломанная, задеревеневшая кисточка для художника: тебя выбросят и заменят, — она помедлила. — А если они подхлёстывают тебя, заставляя идти вперёд, это значит, что они всё ещё хотят чего-то. Чего-то, чего у них ещё нет.

— Ох, — тихо произнёс он.

Иста держалась за деревце. Ей хотелось ходить. Можно ли сойти с этой дороги? Возвращаться в Вианеску дальше, чем идти вперёд. Смогут ли они пробраться вдоль русла ручья вниз, к равнинам? Ей представились водопады, колючие лианы, скалы, через которые нельзя ни переехать, ни перевести коней. Её сочтут безумной, если она станет настаивать на таком пути. По спине поползли мурашки.

— И всё же вы правы насчёт рокнарцев, — решила Иста. — Отдельные шпионы в маскировке могут проникнуть незамеченными далеко на юг. Но в любом случае ничего способного превзойти по силе наш хорошо вооружённый отряд, мы встретить не можем. Даже Фойкс в состоянии держать оружие.

— Верно, — согласился ди Кэйбон.

Иста прикусила губу, оглядываясь, чтобы убедиться, что молодой человек ушёл в лагерь и их не слышит:

— А что делать с Фойксом, мудрейший? На какой-то миг я видела — или было такое впечатление, что я видела, — дух медведя. Он был более измученным и угасшим, чем тело зверя, он извивался в огне разложения. Так Фойкс?…

— Он действительно в опасности, но ничего

не случится сразу, — голос ди Кэйбона окреп, когда он почувствовал более твёрдую почву, его живот, обтянутый белым, подобрался. — Он случайно обрёл то, чего порочные и малодушные люди добиваются специально. Поймать демона и кормить его собой в обмен на его помощь — вот способ стать магом. На некоторое время. Для некоторых, если они достаточно умны и аккуратны, — на весьма длительное время.

— И кто обрывает это сосуществование? — Он откашлялся:

— Почти всегда — демон. Рано или поздно. Но поскольку наш элементаль достаточно мал, Фойкс, если попытается, первое время сможет быть хозяином. Я не хочу обсуждать это с ним, не хочу ничего предлагать, и молю вас тоже быть осторожной, рейна. Чем ближе они… сходятся, тем сложнее будет их разделить.

Ди Кэйбон тихо добавил:

— Но откуда они появляются? Какая дыра в аду выплёвывает их в таких количествах? Мой Орден призван быть защитником от таких явлений, так же как армии Орденов Сына и Дочери, сверкая на солнце мечами и щитами, охраняют мир от более материальных зол. Слуги пятого бога бродят в потёмках, вооружённые только

собственным умением мыслить, — он печально вздохнул. — Сейчас мне хочется иметь под рукой оружие посерьёзнее.

— Будем надеяться, что сон сделает ваш ум проницательнее, — сказала Иста. — Утро вечера мудренее.

— Я молюсь, чтобы это было так, рейна.

Он провёл её сквозь кусты к шалашу. Иста сдержалась и не стала желать ему приятных снов. Вообще никаких снов.

* * *

Обеспокоенный Ферда разбудил на рассвете всех, кроме брата. Только когда завтрак уже был готов, он присел на корточки рядом со спальным мешком Фойкса и тронул спящего за плечо. Лисе, проходившая с седлом в руках мимо Исты, остановилась и стала наблюдать за этим проявлением нежной заботы, беспомощно кусая губы.

Они быстро позавтракали, свернули лагерь и вновь пустились в путь по извилистой каменистой тропе. То и дело вздымающиеся холмы не позволяли развить приличную скорость, но Ферда вёл отряд равномерным шагом, и мили постепенно таяли. Утро и дорога оставались позади.

Все ехали молча, погрузившись в раздумья. Иста никак не могла решить, что её беспокоит больше — случай с Фойксом или сны ди Кэйбона. Демон-медведь Фойкса — просто невезение. В то время как видения ди Кэйбона — откровенные предупреждения, к которым не обязательно относиться всерьёз, но и игнорировать тоже не стоит.

Эта цепь опасных совпадений занимала все мысли Исты, нервы были напряжены до предела, зубы непроизвольно стискивались. У неё появилось неприятное ощущение, что она ступила на незнакомую территорию. *Да. В Маради мы поворачиваем домой.*

Решение не принесло облегчения; напряжение осталось, словно туго натянутый шнур. Как непонятная сила, которая в то утро толкнула её, в траурном наряде и шёлковых туфлях, к задним воротам и повела вниз по дороге. *Я должна двигаться. Я не могу сидеть на месте.*

Куда? Зачем?

Здешняя холмистая местность была суше, чем на юге, хотя потоки казались шире от талой воды, сбегающей с гор. Сучковатые сосны становились всё ниже и росли реже, длинные овраги, почти лишённые растительности, стали встречаться всё чаще. Когда отряд достиг верхней точки подъ-

ёма, ди Кэйбон оглянулся назад на дорогу. Он резко придержал мула:

— Что это?

Иста повернулась в седле. Вдали, с гребня холма, спускался всадник, — нет, всадники. Фойкс окликнул брата:

— Ферда? Ты у нас самый зоркий.

Ферда развернул коня и прищурился от яркого света; солнце близилось к зениту и грело всё сильнее.

— Люди на лошадях, — выражение его лица стало жёстче. — Вооружённые, я вижу доспехи, копья. Оружие напоминает рокнарское… Бастард побери, пятеро богов! У них плащи княжества Джокона! Белые птицы на зелёном фоне видны аж отсюда!

Иста различала только зелёные пятна, несмотря на то что тоже прищурилась. Она тревожно спросила:

— Что им здесь делать? На мирной земле? Это охрана во главе торгового каравана? Эмиссары?

Ферда привстал на стременах, вытянул шею:

— Солдаты. Это все солдаты, — он оглядел свою небольшую кавалькаду и коснулся рукояти меча. — Так же как и мы.

— Э-э-э… Ферда? — произнёс Фойкс через секун-

ду. — Они всё ближе.

Иста видела, как он шевелит губами, считая. Ряд за рядом, по двое, по трое, всадники возникали из-за вершины холма. По Истиным подсчётам их количество уже перевалило за тридцать, когда ди Кэйбон, с побледневшим лицом, осенил себя знамением и посмотрел на рейну. Он закашлялся прежде, чем успел что-либо произнести. Слова будто застыли у него в пересохшем горле.

— Рейна? Не думаю, что нам стоит с ними встречаться.

— Уверена в этом, мудрейший, — сердце бешено колотилось. Скачущие впереди рокнарцы тоже их увидели. Всадники указывали на них и что-то кричали.

Ферда опустил руку и скомандовал отряду:

— Поехали дальше!

И пустил коня лёгким галопом. Мулы, везущие багаж, сопротивлялись такой скорости и замедляли тех, кто вёл их в поводу. Мул ди Кэйбона оказался покрепче и поначалу неплохо справлялся, но с каждым шагом всё больше фыркал и прогибался под раскачивающимся грузом. Служитель тоже сгибался всё сильнее и сильнее. Когда, полмили спустя, они достигли нового подъёма, выяснилось, что колонна джоконцев

выделила отряд из двух десятков всадников и послала их вперёд с намерением захватить людей Исты.

Предстояла гонка, но никто не был к этому готов. Мулов можно оставить, но что делать с животным служителя? Ноздри бедного мула расширились и покраснели, белая шкура покрылась пеной, и, несмотря на яростные пинки и покрикивания ди Кэйбона, он то и дело сбивался на неуклюжую рысь. Ди Кэйбона трясло, словно пудинг. Его лицо то бледнело, то заливалось краской, то зеленело. Казалось, что его вот-вот стошнит от напряжения и ужаса.

Если эти всадники окажутся налётчиками, — как, во имя святого семейства, им удалось появиться с юга незамеченными? — то у Исты, вероятно, будет возможность договориться о выкупе для себя и гвардейцев Ордена Дочери. Но к служителю пятого бога они отнесутся как к еретику и скверне — для начала отрежут ди Кэйбону большие пальцы. А потом язык, затем гениталии. Дальнейший сценарий будет зависеть от времени и изобретательности — какую жуткую смерть могут придумать солдаты-кватернианцы, какую жестокость они заставят себя учинить — повесить, посадить на кол или и того хуже? Три ночи

ди Кэйбон всё это видел во сне, и каждый раз по-новому. Какая же смерть может быть более гротескна, чем смерть на колу? — думала Иста.

Местность не позволяла спрятаться. Деревья были слишком низкими, а если найти какое-нибудь поблизости от дороги, то вряд ли им удастся помочь запыхавшемуся служителю забраться на него. Его белое одеяние, несмотря на то что оно заляпано грязью, будет сиять сквозь листву, как маяк. Их отряд ещё полмили проскачет сквозь кустарник, измученный мул будет держаться за ними. Но потом они взберутся на очередной холм и временно окажутся вне зоны видимости преследователей, а на дне вон той промоины…

Иста пришпорила коня, поравнялась с Фердой и крикнула:

— Служитель — нельзя, чтобы его схватили! — Офицер оглянулся, посмотрел на спутников и кивнул.

— Поменяться лошадьми? — предложил он с сомнением.

— Этого мало! — прокричала Иста и указала вперёд. — Спрячем его в канаве!

Она придержала своего жеребца, пропуская остальных вперёд, пока не оказалась рядом с изо всех сил старающимся мулом ди Кэйбона. Фойкс

и Лисе не отставали от своей рейны ни на шаг.

— Ди Кэйбон! — окликнула она служителя. — Снилось ли вам, что вас вытаскивали из канавы?

— Нет, леди! — дрожащим голосом ответил он, подпрыгивая в седле.

— Тогда прячьтесь вон в той и сидите тихо, пока они не проскачут мимо!

Фойкс. Если Фойкса схватят, он тоже окажется в страшной опасности, если кватерниан цы узнают о демоне, затаившемся в нём. Они могут счесть его магом и сжечь заживо.

— А Фойкса с тобой во сне случайно не было?

— Нет!

— Фойкс! Останься с ним, помоги ему, ладно? Пригните головы и, что бы ни случилось, не высовывайтесь!

Фойкс посмотрел на укрытие, на которое она показывала, и, судя по всему, понял план:

— Слушаюсь, рейна!

Они резко осадили своих скакунов прямо у канавы. Теченье не наполняло её до краёв, но всё же укрытием она будет изрядно мокрым и неудобным, особенно для ходящего ходуном от страха внушительного живота ди Кэйбона. Фойкс спрыгнул на землю, бросил поводья Пежару и подхватил пыхтящего служителя, чтобы тот не

свалился с мула.

— Завернитесь в это, спрячьте белое одеяние, — Фойкс накинул свой серый плащ на ди Кэйбона, увлекая его подальше от дороги. Другой гвардеец решительно потянул за собой мула ди Кэйбона; лишившись тяжкого бремени, животное пустилось лёгким галопом. Лёгким галопом дело не обойдётся, — подумала Иста.

— Присматривайте друг за другом! — отчаянно крикнула она вслед уходящим. Оба как раз начинали спускаться в канаву, и было неясно, услышали они напутствие или нет.

Отряд двинулся дальше. Остался ещё один человек, которому не стоит попадаться в лапы грубой солдатне, — решила Иста.

— Лисе! — прокричала она. Девушка подъехала поближе. Конь Исты весь исходил потом и сопел; длинноногий гнедой Лисе скакал, не особо напрягаясь.

— Поезжай вперёд…

— Рейна, я вас не оставлю!

— Слушай меня, глупая девчонка! Поезжай вперёд и предупреди всех о приближении джоконских налётчиков. Подними всех на ноги! Найди подмогу и пошли их сюда!

Понимание отразилось на её лице:

— Слушаюсь, рейна!

— Лети, как ветер! Не оглядывайся!

Лисе, полная решимости, отсалютовала и пригнулась к шее коня. Три-четыре мили, которые они уже проскакали галопом, были для него всего лишь разминкой. Через какие-то секунды гнедой уже обошёл всех лошадей в отряде и начал отрываться.

Да, лети, девочка. Тебе даже не нужно обгонять джоконцев, пока ты можешь обогнать нас…

Когда они добрались до следующего подъёма, где дорога огибала выступ на холме, Иста посмотрела назад. Ни служителя, ни Фойкса видно не было. Первые всадники Джоконы, увлечённые преследованием, пересекли канаву, не глядя вниз и не останавливаясь. Сдавливать грудь стало чуть меньше, даже когда Иста вздохнула.

Наконец, мечущиеся мысли удалось сконцентрировать на собственной судьбе. Если её возьмут в плен, следует ли продолжать скрывать имя? Насколько ценной покажется им младшая двоюродная сестра богатого провинкара Баосии? Достаточно ли будет влияния сьеры ди Аджело, чтобы сохранить жизнь её людям и ей самой? Ведь вдовствующая рейна Шалиона, родная мать рейны Исель, слишком ценный приз, чтобы

так просто попасть в грязные руки джоконских солдат-бандитов. Иста оглядела мрачно настроенных спутников. *Не хочу, чтобы эти верные юноши умирали за меня. Не хочу, чтобы вообще кто-то снова умирал за меня.*

Ферда догнал её и указал назад:

— Рейна, придётся бросить мулов!

Она понимающе кивнула, судорожно вдохнув. Ноги болели от постоянного терния о бока коня.

— Седельные сумки ди Кэбона… нужно от них избавиться… незаметно… книги и бумаги выдадут его, джоконцы могут вернуться и искать его! И мои сумки тоже, там есть письма на моё настоящее имя…

Молодой человек сжал губы и склонил голову, демонстрируя понимание. Затем привстал в стременах и исчез позади. Иста повернулась в седле и ухватилась за ремни, привязывающие сумки. Хорошо, что Лисе привязала их умело; как только Иста потянула, тугие узлы развязались.

Ферда снова нагнал её; теперь на луке его седла лежали две тяжёлые сумки служителя. Рейна оглянулась. Отпущенные мулы, что везли багаж, и белое животное ди Кэйбона начали отставать, потом, спотыкаясь, остановились и благодарно разбрелись подальше от дороги.

Отряд как раз приближался к мосту, перекинутому через мощный горный поток. Ферда выжидательно поднял руку, и Иста бросила ему свою ношу. Он придержал жеребца на середине моста и изо всех сил швырнул сначала первую пару сумок, а потом вторую через каменную балюстраду вниз, навстречу бурлящей воде. Сумки поплыли прочь, натыкаясь на камни, погружаясь всё глубже и глубже. Иста немного жалела книги служителя и кошельки с деньгами, но вместе с ними ушли все дурацкие письма и остальные предметы, способные нарушить её инкогнито.

Эта предосторожность значила гораздо больше, чем неумолимо таящее расстояние между их отрядом и джоконцами. Иста перенесла вес на стремена, готовя уже слабеющего коня к новому подъёму. Быть может, желание отловить отпущенных мулов замедлит преследователей. Хотя бы некоторых. В распоряжении врага, кажется, достаточно людей. Первые ряды колонны разглядеть было можно, но последние едва было видно.

Кто они такие — это ясно. Обе стороны вели жестокие игры в набеги на границе на протяжении многих поколений; на границе, которую Шалионские квинтарианцы медленно продвигали

дальше на север. В пограничных районах люди всегда были готовы к налётам, как будто это была неотъемлемая часть будней. Иногда в эти игры играли по особым правилам, придерживаясь некоторого этикета, заключая почти деловые договоры о выкупах, основанные на весьма странных понятиях о чести. А порой правила вообще отсутствовали, игры не было, а честь растворялась в полных пота и крови кровавых ужасах.

Насколько они отчаянны? Такое впечатление, что они с неба свалились. На расстоянии полутора провинций от границы с Джоконой эти всадники едут по дороге, затерянной между холмами. Свежие силы, намеревающиеся захватить какой-нибудь населённый пункт, или уже потрёпанные в сражениях, жаждущие вернуться домой? Если на них плащи с гербом князя, то это уже значит, что они не случайная шайка полубандитов — младших сыновей лордов, головорезов, ищущих, что бы такое им ограбить, — а вымуштрованные воины, выполняющие какую-то миссию. Возможно.

С очередной вершины, когда её конь уже начал спотыкаться, Иста смогла вновь увидеть ленту дороги на несколько миль вперёд. Стройный гнедой Лисе летел галопом на солидном расстоянии.

У Исты ёкнуло сердце. По склону холма, поросшему кустарником, на Лисе нёсся ещё десяток джоконских всадников. Судя по всему, конный отряд, посланный вперёд на разведку. Иста на глаз попыталась прикинуть угол сближения, расстояние, сравнить скорости. Джоконцы спускались с холма, будто стремясь схватить Лисе, как ястреб — белку, сидящую на ветке. Девушка их ещё не заметила и не могла услышать предупреждающий оклик Исты. Ферда встал в стременах, на его лице отразился беспомощный ужас. Он пришпорил коня, но измученное животное отказывалось скакать быстрее.

Всадники были всё ближе и ближе, — Лисе наконец посмотрела в сторону и увидела их. Наверняка и выносливый гнедой идёт на грани своих возможностей в этой гонке на выживание… Девушка пронеслась мимо главарей отряда. Сверкнул арбалет, в воздухе мелькнула стрела. Ферда в отчаянии вскрикнул, но выстрел, сделанный с большого расстояния со скачущей лошади, оказался неточен.

Отряд джоконцев приблизился к дороге. Их командир сделал рукой какой-то знак. Двое всадников отделились и отправились в погоню за Лисе. Остальные развернулись, перегородили

дорогу и замерли. В ожидании.

Ферда выругался, оглянулся назад, потом снова посмотрел вперёд, крепко сжав зубы: он откинул плащ и коснулся рукой рукояти меча. Затем бросил обеспокоенный взгляд на Исту, видимо придумывая, как бы прикрыть её, если их малочисленный отряд предпримет попытку прорваться сквозь заслон. Иста тоже посмотрела назад. Новые ряды всадников всё продолжали выныривать из-за вершины холма, конца им было не видно.

Стоит пролиться хоть капле крови, ситуация выйдет из-под контроля. Смерть будет платой за смерть.

— Ферда! — крикнула Иста. Получилось карканье. — Выхода нет. Нужно остановиться и сдаться!

— Нет, рейна! — лицо его исказилось мукой. — Клянусь данным мной обетом и честью, нет! Мы умрём, защищая вас!

— Лучше останьтесь в живых и защитите меня с помощью ума и выдержки, Ферда!

Хотя лучшие умы и образцы выдержки остались позади, в канаве. Иста вздохнула, загнала душевный страх, заглушавший даже физический ужас, подальше и заставила себя произнести:

— Своим именем приказываю! Останавливаемся!

Ферда сжал челюсти, но это была уже не решимость. Основная часть джоконцев наступала на пятки, гоня прямо на линию, перерезавшую дорогу впереди. Иста видела арбалеты в руках стоящих всадников. Теперь под ногами стрелков была твёрдая почва.

Ферда поднял руку.

— Остановиться!

Изнурённые лошади, спотыкаясь, встали. Мужчины отбросили назад плащи и потянулись к оружию.

— Оставить мечи в ножнах! — рявкнул Ферда.

Некоторые выразили недовольство вслух. Разочарование, напряжение, лихорадочный румянец… Но подчинились. Все, равно как и Иста, знали правила игры. И не хуже чем она, понимали что произойдёт, если их нарушить.

Джоконцы с копьями, мечами наголо и арбалетами наперевес, плотно сомкнув ряды, окружили их со всех сторон.

Глава седьмая

Иста привстала в стременах, стараясь пересохшим горлом вымолвить хоть слово на порядком подзабытом рокнари:

— Требую условий выкупа, — и дальше на ибранском. — Я — сьера ди Аджело, и провинкар Баосии — мой покровитель! Я гарантирую выкуп за меня и моих людей! Всех до единого! — на всякий случай она повторила на рокнари. — Выкуп за всех!

Один офицер выдвинулся вперёд. Его отличала кольчуга более тонкой работы, изящные украшения в виде листьев, выдавленные на коже уздечки седла, ножен, и зелёная шёлковая, расшитая золотыми и белыми нитями перевязь с изображением летящих джоконских пеликанов. Его характерные для рокнарцев золотисто-бронзовые волосы были собраны в сложную причёску из переплетающихся косичек, сходящихся у шеи в одну. Он окинул взглядом ряды Шалионцев; возможно, при виде одежд и эмблем Ордена Дочери в нём проснулась хоть капля уважения? Иста, которая на протяжении всех недель паломничества всячески гнала от себя мысль о молитвах,

хотя и двигала механически губами на утренних службах, теперь горячо молилась, слушая безумно колотящееся сердце: *Госпожа, в сезон Твоей силы, укрой покровом защиты своих верных слуг.*

На вполне сносном ибранском офицер приказал:

— Сложите оружие!

Ещё миг мучительного колебания, потом Ферда скинул плащ и снял через голову перевязь. Меч и ножны звонко ударились о землю. Кинжал с пояса полетел вслед за ними. Гвардейцы последовали его примеру с той же неохотой. Пять арбалетов и несколько копий были уложены на груду оружия более аккуратно. Взмыленные, чуть ли не дымящиеся лошади стояли смирно, пока Ферду и его ребят заставляли спешиться и сесть на землю чуть поодаль под прицелами луков, в окружении джоконцев с мечами наголо.

Солдат взял коня Исты по уздцы и жестом приказал рейне спуститься. Ноги чуть не подогнулись, когда ботинки коснулись земли. Казалось, будто колени сделаны из заварного крема. Она отшатнулась от протянутой им руки, хотя почти сразу поняла, что он хочет просто подхватить её под локоть и не дать упасть. Подошёл офицер и отдал ей что-то наподобие салюта,

стараясь выглядеть обнадёживающим.

— Шалионская знатная дама, — в этом утверждении всё же слышалась доля вопроса; простое платье вряд ли могло служить подтверждением заявленного статуса. Офицер скользнул по ней взглядом, но не нашёл ни колец, ни брошей, ни других драгоценностей. — Что вы здесь делаете?

— У меня есть право здесь находиться, — Иста вздёрнула подбородок. — Вы прервали моё паломничество.

— Демонопоклонники квинтарианцы! — он ритуально плюнул, но в сторону. — О чём ты молишься, а? Женщина?

Иста подняла бровь:

— О мире. А вам следует обращаться ко мне «сьера», — добавила она.

Он фыркнул, но, судя по виду, принял её слова к сведению или просто потерял интерес. Человек шесть принялись копаться в седельных сумках, офицер разразился тирадой на рокнари, такой быстрой, что Исте было не уследить, направился к зачинщикам и отогнал их подальше от добычи.

Зачем Иста поняла потом, когда подтянулась основная часть колонны. Несколько мужчин с зелёными кошелями на поясе, выдававшими королевских приказчиков, выехали вперёд в

сопровождении старших офицеров. Теперь все седельные сумки выпотрошили и содержимое разложили в гораздо более систематизированном порядке, чтобы составить опись. Приказчики были нужны для того, чтобы проследить за тем, что пятая часть улова, предназначенная князю Джоконы, тщательно высчитана. Один из них прохаживался туда-сюда, непрерывно делая стилом пометки на табличках, внося в список коней и упряжь. Теперь не осталось сомнений, что экспедиция носила более-менее официальный характер, а не была случайным бандитским нападением.

Офицер отчитался перед командованием; Иста дважды услышала слово «Баосия». Один из мужчин, копавшихся в седельных сумках, с победным кличем выпрямился. Иста решила, что он обнаружил какой-нибудь кошель, но он радостно размахивал картами Ферды. Джоконец подбежал к офицерам, тараторя на рокнари:

— Смотрите, милорды, смотрите! Карты Шалиона! Мы больше не будем плутать!

Иста удивлённо моргнула. И стала осматриваться более пристально.

Кони и люди, нагнавшие их, были не менее взмылены и изнурены, чем они сами, и Иста,

помня о замечаниях Лисе насчёт лошадей, теряющих силы к концу скачки, поняла, что её кавалькада, возможно, смогла бы уйти от рокнарцев, если бы не вмешался разведывательный отряд, посланный вперёд на разведку. Все воины потные, потрёпанные, немытые, заросшие щетиной. Их замысловатые причёски из рокнарских косичек растрёпаны и явно не переплетались на протяжении многих дней, а то и недель. Солдаты, подъехавшие позже, имели ещё более плачевный вид. Многие ходили перевязанные, поцарапанные, в синяках, некоторые вели в поводу коней, чьи сёдла пустовали, иногда количество животных в связке доходило до трёх и даже до четырёх. Явно не добыча, поскольку сбруя в большинстве своём рокнарская. Часть их, вполне возможно, — запасные лошади. Но не все. Обоз, прибывший к месту ещё позже, оказался до странности скудным.

Если обозом заканчивается их колонна и среди пленников не видно ни Фойкса, ни ди Кэйбона… Иста позволила разгореться маленькой надежде. Если приказчики, считающие лошадей, считают ещё и людей, то они могут заметить два пустых седла, но к тому времени, когда они пошлют кого-нибудь на поиски недостающих, Фойкс, вместе

со служителем, уже найдут себе укрытие понадёжней. Если Фойкс так же скор на ноги, как на язык, — если демон-медведь не слишком спутал его мысли, — и если джоконцы просто не убили их и не оставили тела на дороге…

Но одно можно сказать с уверенностью. Эти джоконцы не собираются ни на кого тайно нападать. Они явно либо понесли поражение, либо одержали весьма трудную победу. И возвращаются домой, на север. Рейна была исключительно рада за Шалион, но начала серьёзно беспокоиться за себя, Ферду и его гвардейцев.

Распалённые, измученные, выдохшиеся люди на грани своих возможностей превращаются в очень неприятных захватчиков.

Офицер вернулся и сделал ей знак, чтобы она села у обочины, в пятнистой тени маленького корявого деревца, разновидности странной северной флоры с лапчатыми листьями. Обыск сумки Фойкса принёс урожай — кошель с золотом, весьма обрадовавший приказчиков князя, и теперь офицеры смотрели на Исту уже с большим уважением или просто прикидывали её стоимость. Они сняли багаж и с пойманных мулов. Иста отвернулась, отказываясь смотреть, как солдаты, хрипло посмеиваясь, играют с её

одеждой. Офицер выразил желание уточнить, насколько близки её родственные отношения с провинкаром Баосии, и Иста без запинки выдала им всё воображаемое фамильное дерево. Он как будто засомневался, что богатый провинкар предложит за неё выкуп.

— О да! — холодно ответила Иста. — Думаю, он прибудет за мной лично.

А с ним будет тысяча меченосцев, пять тысяч стрелков и кавалерия марча ди Паллиара на закуску. Ей вдруг пришло в голову, что если она не хочет, чтобы за неё умирали, то выбрала не совсем верный путь. Но нет. Ещё есть шанс убежать или быть выкупленной за сумму, представляющую лишь малую часть её реальной стоимости, если конечно никто не раскроет инкогнито. Лисе… Удалось ли ей уйти? Никто из солдат пока не явился, таща за собой упирающуюся девушку или с её бездыханным телом, перекинутым через седло.

Офицеры спорили над картами, пока люди и животные отдыхали, пытаясь отыскать себе хоть кусочек тени; мухи вились вокруг. Офицер, говорящий на ибранском, принёс воды в вонючем кожаном мехе; Иста помедлила, облизала сухие потрескавшиеся губы и глотнула. Вода, в конце

концов, оказалась прохладной. Рейна объяснила, что неплохо бы отнести воду Ферде и его отряду, — рокнарец согласился. Наконец, её посадили обратно на коня, крепко привязав запястья к луке седла, а жеребца, в свою очередь, вплели в связку других, следующих за обозом. Людей Ферды выстроили в линию и погнали далеко впереди под охраной более серьёзно вооружённых солдат. Разведчики снова ускакали вперёд, и колонна возобновила путь на север.

Иста оглядела своих товарищей по плену, точно так же привязанных к лошадям, как она сама. Их оказалось странно мало, около десятка истощённых мужчин и женщин, детей не было вообще. Рядом, в другой цепочке лошадей, ехала женщина постарше. Её платье, уже изрядно ободранное, было умело скроено и изящно украшено, — очевидно, женщина не из простых, и её семья может предложить за неё солидный выкуп. Иста наклонилась к ней:

— Откуда эти солдаты? Если не считать Джоконы.

— Думаю, из какого-то рокнарского ада, — ответила та.

— Нет, туда они, в конце концов, отправятся, — прошептала Иста в ответ.

Уголки губ женщины приподнялись в мрачной улыбке; хорошо, она не глупа. Или уже не глупа.

— Я ежечасно молюсь об этом. Они забрали меня из Раумы в Ибре.

— Ибра! — Иста взглянула налево, туда, где вдали возвышался горный хребет. Должно быть, они переправились из Ибры через какой-нибудь малоизвестный перевал и попали в Шалион, надеясь срезать путь к дому. И преследовали их упорно, раз они решились на этот отчаянный ход.

— Неудивительно, что они словно с неба свалились. — А в какой части Шалиона мы находимся?

— Провинция Толноксо. Этим всадникам предстоит ещё сотня миль, прежде чем они доберутся до безопасных мест, им идти через оставшуюся часть Толноксо и через весь Карибастос. Только тогда они достигнут границ Джоконы. Если смогут, — она помолчала. — Надеюсь, теперь они потеряли фактор неожиданности. Кое-кому из нашего отряда удалось сбежать.

Глаза женщины на секунду вспыхнули:

— Хорошо, — через некоторое время она добавила: — Они внезапно напали на Рауму на рассвете. Их вторжение было хорошо спланиро-

вано — они уже захватили несколько десятков более укреплённых городов вдоль границы. Я привезла дочерей в город, чтобы совершить подношения на алтарь Дочери, ведь моя старшая собиралась — и, молю богиню, всё ещё собирается — замуж. Сначала джоконцам было интереснее грабить, а не разрушать и насиловать. Они не тронули остальных, кто находился в храме, хотя и держали их внутри, угрожая мечами. Но потом они задержались, чтобы снести башню Бастарда и замучить несчастную служительницу, которая там распоряжалась, — женщина поморщилась. — Они застали её ещё в белом одеянии; у неё не было возможности спрятаться. Они убили её мужа, когда тот пытался защитить её.

Женщине, посвятившей себя пятому богу, кватернианцы сначала тоже отрежут большие пальцы и язык. Потом они её изнасилуют, скорее всего, самым долгим и непристойным способом.

— В конце концов, они сожгли её вместе с башней бога. — Женщина вздохнула. — К тому моменту это уже казалось милостью. Но за святотатство они получили сполна, войска марча Раумы напали на них, когда они ещё были в городе. Пусть Сын даст силу деснице марча! Он не знал пощады, ведь служительница была его

единоутробной сестрой. Я думаю, он помог ей получить эту должность, чтобы устроить её жизнь.

Иста понимающе кивнула.

— Мои дочери сбежали во время этой суматохи… надеюсь. Быть может, Мать услышала мои молитвы, потому что я в страхе предложила ей себя в обмен на них. Меня схватили и увезли всадники, чьи ряды были уже сломлены, они отступали; по моей одежде и украшениям они решили, что я могу принести им выгоду.

Теперь на ней действительно не было украшений.

— Жадность пробудила в них уважение ко мне, но с моей горничной они обращались… ужасно. Всё же, мне кажется, она ещё жива. Они бросили всех пленников попроще в лесу, потому что те тормозили подъём в горы. Если бедняги нашли в себе силы держаться вместе и не запаниковать, то теперь, наверное, они уже спаслись. Надеюсь… надеюсь, они не бросили раненых.

Иста кивнула. Она никак не могла понять, о чём думал князь Джоконы Сордсо, дозволяя — нет, направляя — этот разбой. Больше похоже на прощупывание обстановки, чем на первую волну вторжения. Возможно, это попытка взбаламутить Северную Ибру, заставить войска старого

рея развернуть масштабную защиту и таким образом не дать им присоединиться к Шалиону в осенней кампании против Виспинга? Если так, то стратегию вряд ли можно назвать успешной. Если только эти люди, сами того не зная, не были сознательной жертвой…

Не особо тяжело раненные ехали вместе с обозом. Иста предположила, что серьёзно раненых бросали на дороге на сомнительную милость недавних жертв. Один мужчина привлёк внимание Исты. Судя по одежде и упряжи, он был старшим офицером, даже весьма высокого звания. На нём не было ни повязок, ни видимых ран, но он ехал привязанный к седлу, так же как и пленники, время от времени постанывая, на лице его отражалась мука, косички печально повисли. Он бормотал слова, непонятные даже самим рокнарцам, решила Иста. Может, это последствия удара по голове? Его бормотание беспокоило её, от стонов сводило зубы; Иста втайне обрадовалась, когда обоз перестроился и раненого увели подальше от неё.

Через несколько миль они встретили всадников, посланных в погоню за Лисе, оба сидели на одной спотыкающейся лошади, а вторая хромала рядом. Разгневанный командир приветствовал

их изощрёнными рокнарскими ругательствами и пинками; обоих выдохшихся животных отпустили и заменили на менее усталых. Иста спрятала злорадную улыбку. Джоконцы ещё раз сверились с картами Ферды, отправили ещё группу разведчиков, и колонна двинулась дальше.

Час спустя они добрели до деревушки, где Истин отряд собирался свернуть на восток к Маради. Она оказалась абсолютно пустой, ни единой души, ни одного животного, за исключением нескольких кур, кошек и кроликов. *Судя по всему, Лисе забралась далеко,* удовлетворённо подумала Иста. Джоконцы, торопясь, обыскали деревню, таща всё, что могло сойти за пищу и корм, поругались, поджигать здешние домишки или нет, поспорили над картами и наконец поспешили на север, стараясь сократить путь домой. Разум и дисциплина, хотя и с трудом, но всё же не сдавали свои позиции, и от оставшейся позади деревни не поднимался чёрный дым, видимый за много миль и отмечающий места, где побывали рокнарцы.

Солнце скрылось за горами. Сумерки стали сгущаться, когда колонна свернула с лёгкой, но чересчур опасно открытой дороги и принялась карабкаться по тому, что в другое время года

можно было бы назвать высохшим оврагом. Теперь же в глубине его бурлил поток. Ещё через несколько миль они снова повернули на север, продираясь сквозь кустарник туда, где деревья росли плотнее и можно было укрыться. Иста не могла понять, зачем такая скрытность, — ведь они оставили столько отпечатков копыт, сломанных веток и навоза, что даже она сама, с её скудными талантами следопыта, смогла бы выследить их. Джоконцы разбили лагерь в тенистой лощине, разложив только несколько костров, чтобы поджарить украденных цыплят. Лошадям нужно было дать время сжевать корм и зерно, награбленные в деревне, а людям восстановить силы. Пленницам выдали спальные принадлежности не хуже, чем у самих джоконцев, по виду такие же. Еда тоже не отличалась от той, что ели захватчики. В любом случае, на жареную кошатину не похоже. Иста задумалась, не спит ли она в походной постели умершего и какие сны ей это принесёт.

Пусть какие-нибудь полезные. Это была не совсем молитва. Но вещих снов не было, да и обычных приснилось немного, пока она вертелась туда-сюда, периодически засыпая и просыпаясь от странных шорохов, или когда какая-нибудь из

женщин начинала всхлипывать в одеяло, плохо приглушавшее рыдания.

Один из раненых джоконцев умер этой ночью от жара, вызванного ранами. Его похороны на рассвете были поспешными, не все правила были соблюдены, но Брат тем не менее милостью своей принял его душу, подумала Иста. Так или иначе, она не почувствовала присутствия беспокойного духа, когда проходила мимо небольшого холмика земли. Её сын Тейдес умер от заражения крови. Она подловила момент, когда никто из джоконцев не смотрел на неё, и незаметно благословила могилу кватернианским знамением. Пусть это хоть как-то успокоит умершего мальчика, заблудившегося в чужой стране.

Колонна не стала возвращаться на дорогу, а двинулась на север по холмистому бездорожью. Приходилось идти медленно, и Иста чувствовала, как с каждым часом растёт напряжение.

Горы по левую руку становились ниже; уже ближе к вечеру они пересекли невидимую границу с провинцией Карибастос. Дикая местность всё чаще перемежалась населённой, вынуждая рокнарцев делать крюки, чтобы обойти обнесённые стенами города и деревни. Количество речушек и ручьёв уменьшилось. Джоконцы остановились

у одного из них, давая лошадям отдохнуть. Как и полагалось Шалионской провинции, граничащей с Пятью Княжествами, Карибастос был лучше укреплён, его крепости находились в лучшем состоянии, а народ был готов к регулярно происходящим стычкам. Джоконцам лучше идти здесь под покровом темноты. Ещё три перехода, прикинула Иста.

Её, ценную пленницу, снова посадили под дерево, принесли еды и оставили одну. До тех пор пока в низких лучах солнца, клонящегося к закату, не появился говорящий на ибранском офицер в сопровождении двух своих начальников. В руках он держал какие-то бумаги, а на его лице застыло удивлённое, обеспокоенное выражение. Он остановился рядом с Истой, сидевшей прислонившись к дереву. Она ничего не сказала, дав ему заговорить первым.

— Приветствую, сьера, — он как-то странно выделил её титул. Ни слова больше не произнося, он протянул ей бумаги.

Это было письмо, незаконченное, помятое от пребывания в седельной сумке. Уверенный квадратный почерк принадлежал Фойксу. Сердце Исты ушло в пятки ещё до того, как она прочла обращение. Письмо предназначалось Канцлеру

ди Кэсерилу, в Кардегосс. После почтительного безошибочного перечисления всех титулов и регалий великого придворного шёл следующий текст:

«Высокочтимый лорд!

Я в меру сил продолжаю докладывать обстановку. Мы покинули Касилшас и прибыли в Виниаску: на завтра тут намечена ярмарка. Я был рад оставить Касилшас. Мудрейший ди Кэйбон, видимо, не понимает, что такое секретность или хотя бы просто благоразумие. Пока он ходил вокруг да около, уже полгорода знало, что сьера ди Аджело — это вдовствующая рейна, и пришло выразить ей своё почтение, что, как мне кажется, совсем ей не понравилось.

По результатам моих дальнейших наблюдений я начинаю с вами соглашаться; рейна Иста не безумна в обычном смысле, хотя время от времени я чувствую себя рядом с ней странно и как-то по-дурацки, словно она видит, чувствует или знает больше, чем я. Иногда она надолго замолкает и как будто бы полностью погружается в грустные мысли. Не знаю, почему я раньше думал, что женщины болтливы. Было бы легче, если бы она говорила почаще. А что касается того, что поводом для паломничества послужило какое-то

божественное внушение, как вы опасались после долгих молитв в Кардегоссе, то я ещё ничего не могу сказать. Но, если вспомнить, что я провёл несколько недель рядом с вами и бурей чудес и ничего не заметил, то нынешние мои ощущения тоже мало значат.

Праздник в честь Дочери наверняка отвлечёт меня от забот. Продолжу писать завтра».

Далее стояло число следующего дня и продолжались аккуратные строчки.

«Праздник прошёл отлично, — затем следовало два абзаца забавного описания. — *Ди Кэйбон напился до потери сознания. Он утверждает, что сделал это, чтобы избавиться от кошмаров, но мне кажется, что, скорее, наоборот — чтобы вызвать их. Ферда не особенно им доволен, но служитель сблизился с рейной Истой больше, чем любой из нас, так что вполне возможно это ему действительно необходимо. Сначала я счёл его толстым нервным идиотом, о чём я уже писал вам раньше, но теперь я начинаю думать, может, идиотом был как раз я.*

Обо всём этом я напишу, когда мы остановимся в следующий раз; скорее всего это произойдёт в захолустной деревушке, затерянной среди холмов, где родился какой-то святой. Я бы тоже

там родился, если бы у меня был выбор. Я беспрепятственно отправлю это письмо из дома Дочери, из Маради, если мы повернём в ту сторону. Попытаюсь предложить такой маршрут. Не думаю, что стоит рисковать и забираться дальше на север, тем более что я уже перечитал всё, что взял с собой».

На этом письмо обрывалось, полстраницы остались неисписанными. Фойкс, видимо, был чересчур потрясён и не стал рассказывать о медведе, а на следующий день их захватили джоконцы.

Иста подняла глаза. Один из джоконцев, молодой, тёмноволосый, смотрел на неё с довольной, жадной улыбкой. Старший, тот что пониже, с зелёной перевязью, богато расшитой золотом, судя по всему командующий кампанией или один из немногих выживших старших офицеров, задумчиво хмурился. В его глазах можно было прочесть дальновидные стратегические размышления, которые беспокоили его гораздо больше, чем простая жадность. Офицер, знавший ибранский, видимо, тоже понимал ситуацию.

Иста решила предпринять последнюю попытку удержать инкогнито, какой бы тщетной она ни казалась. Она протянула им бумагу с безразлич-

ным видом:

— Какое отношение это имеет ко мне?

Переводчик взял письмо:

— В самом деле, рейна, — он поклонился ей, как было принято при рокнарском дворе, — коснулся земли правой рукой, прижимая большой палец к ладони. Полушутливо, но с долей осторожности.

Командующий сказал на рокнари:

— Так это действительно печально известная мать рейны Исель?

— Видимо, да, милорд.

— Боги осенили нас своей щедрой рукой, — произнёс тёмноволосый, его голос дрожал от волнения. Он сделал кватернианский знак благословения, тронув лоб, пупок, низ живота и сердце; большой палец снова был тщательно прижат к ладони. — По одному их мановению все наши горести возмещены сполна, и теперь мы богаты!

— Я думал, они держат её в замке. Что за беспечность — позволить ей шататься по дорогам вроде этой? — спросил командующий.

— Её охрана не могла предположить, что может встретить нас здесь. Даже мы не могли предвидеть, что окажемся тут, — ответил тёмноволосый.

Командующий хмуро уставился в письмо, хотя

было очевидно, что без помощи своего офицера он едва ли сумеет понять одно слово из трёх. — Этот канцлерский шпион слишком беззаботно болтает о богах. Это непочтительно.

И это тебя беспокоит. Замечательно, подумала Иста. Сложно было воспринимать Фойкса как шпиона. Её оценка его хитрости и сообразительности поднялась на новый уровень, ведь он ни словом не обмолвился о своём задании. Хотя, конечно, если оглянуться назад, то всё обретало чёткий смысл. Если бы он писал кому угодно, а не лорду ди Кэсерилу, то это бы глубоко оскорбило бы Исту, но весь Шалион в руках канцлера, а её собственный долг перед этим человеком безбрежен, как море.

Командующий откашлялся и обратился к Исте на жутком ибранском:

— Думаешь, ты отмечена богами, безумная королева?

Иста, продолжая спокойно сидеть, позволила губам сложиться в загадочную полуулыбку:

— Если бы ты был отмечен богами, тебе не пришлось бы спрашивать. Ты бы знал ответ.

Он отпрянул, сощурив глаза:

— Нечестивая квинтарианка!

Она одарила его лучшим из своих бесстрастных

взглядов:

— Спрашивай у своего бога. Обещаю, с Ним ты скоро встретишься. Твой лоб отмечен Его знаком, а Его руки готовы принять тебя в объятия. — Тёмноволосый что-то спросил; говорящий на ибранском офицер перевёл её холодное замечание; судя по всему, стрела попала в цель. Чтобы выдать такое пророчество, едва ли нужно иметь связь с богами, учитывая непрочное положение джоконских всадников. Губы командующего сжались ещё сильнее, но он больше не пытался вступить с ней в словесную перепалку. Казалось, он наконец осознал, насколько возросла опасность их отступления с появлением её в качестве пленницы. Побег Лисе причинит гораздо больше проблем, чем он полагал ранее.

Женщин перевели поближе к тому месту, где расположился командующий, и к ним были приставлены ещё двое стражей — чтобы присматривать за Истой, в этом она не сомневалась. Это обращало в прах все надежды ускользнуть в лес в темноте во время какой-нибудь суматохи, когда за ней никто не будет наблюдать.

Вечер прошёл неспокойно. Притащили джоконского солдата и высекли его за какую-то провинность — скорее всего, за попытку де-

зертирства. Старшие офицеры сидели тесным кружком и обсуждали, — время от времени они начинали громко и злобно ругаться, но потом быстро понижали голос, — идти ли дальше всей колонной, чтобы в случае чего иметь возможность защитить друг друга, или разбиться на группки и завершить побег в Джокону максимально незаметно.

Так продолжаться долго не может, потому что некоторые больше не дожидались приказа разделиться и бежать. Ещё раньше, во время долгого перехода, Иста от нечего делать считала джоконцев — всего получилось около девяноста двух человек. Будет интересно ещё раз заняться подсчётами завтра, когда рассветёт. Чем меньше их количество, тем хуже они смогут защитить себя, если будут оставаться вместе. Сколько ещё ждать до того, как колонна будет вынуждена разбиться из-за недостатка людей?

У командующего джоконцев были все причины, и внутренние, и внешние, чтобы заставить их продвигаться вперёд как можно быстрее, и поэтому Иста не удивилась, когда её разбудили около полуночи и заставили сесть верхом. Однако на сей раз её отделили от обоза и приставили к ней говорящего на ибранском офицера. Двое

других всадников ехали поблизости. Спотыкаясь и бранясь, колонна двинулась в темноту.

Сначала она думала, что войска Толноксо обрушатся на них сзади, выследив по слишком заметным знакам их пребывания, но эта провинция давно осталась позади. С каждым часом возможная расстановка сил смещалась: теперь более вероятной казалась атака спереди, чем нападение сзади. В этом можно было отыскать тактическую мысль: пусть джоконцы переводят силы, чтобы добраться до поля боя, уже занятого их врагами.

И всё же… может быть, Лисе до сих пор держит в тайне настоящее имя Исты, сообщив властям, что непрошеные проезжающие по провинции схватили знатную даму средней руки, прервав её паломничество? Иста в красках представляла, как провинкар Толноксо медлит, позволяя убегающим джоконцам стать проблемой провинкара Карибастоса. Ди Кэйбон и Фойкс не допустили бы такого, но добрались ли они до безопасного места? Может быть, они до сих пор блуждают по холмам? Побеждённые или введённые в заблуждение демоном Фойкса, который вдруг обрёл силу, сообразительность и волю, начав наконец пожирать подвернувшийся ему острый ум?

Следуя указаниям своих разведчиков, джоконцы покинули реденький лес и вышли на тёмную дорогу, решив преодолеть несколько миль быстрой рысью. Рассвет уже был близок, когда они свернули в русло реки, заполненное водой наполовину, копыта лошадей громко стучали по гальке и мокрому песку. Чтобы поговорить, всадникам приходилось подъезжать как можно ближе и наклоняться друг к другу. Иста облизала пересохшие губы, выгибая ноющую спину насколько позволяли руки, привязанные к луке седла. Между связанными запястьями и кольцом на седле, к которому крепился узел, был оставлен кусок верёвки, как раз такой, чтобы, если поднять руки и согнуться, можно было почесать нос. Прошло много времени с того момента, когда ей позволили попить, поесть и помочиться, и кроме того, внутренняя часть колен была стёрта в кровь.

А что если колонна всё-таки благополучно минует все засады и проскользнёт через границу Джоконы? В таком случае её несомненно передадут князю Сордсо, а он поселит её во дворце, окружит уютом — нет, даже роскошью — и… кучей бдительных слуг. Неужели она сбежала из одного замка, чтобы стать пленницей в другом и,

что гораздо хуже, превратиться в политический рычаг, работающий против тех немногих людей, которых она любит?

Чёрный цвет сменился серым, в темноте стали проявляться очертания, затем они обрели цвет, а небо побледнело в преддверии рассвета. Туман висел низко над водой и клубился у берегов; двигаясь вперёд, лошади мешали его, словно молоко. Только небольшой выступ, обточенный ручьём, возвышался слева, красноватые оттенки его слоёв постепенно становились всё ярче.

Камешек, сорвавшийся с вершины выступа, упал в тёмную воду. Один из стражей Исты резко повернул голову на этот внезапный звук.

Удар — арбалетная стрела вонзилась ему в грудь. Он едва вскрикнул и упал на гальку. Секунду спустя, Иста ощутила его смерть — словно удар молнии по всем чувствам и головокружение. Её конь вдруг рванулся рысью, а затем перешёл на галоп. Вокруг начали кричать, отдавать приказы, ругаться, сыпать проклятиями. Были слышны ответные крики, сверху посыпались стрелы.

Пятеро богов, пусть атака закончится быстро. Ферда и его гвардейцы находятся в непосредственной опасности, потому что джоконцы, прежде чем броситься на нового врага, могут

убить своих самых опасных пленников. Сначала одна, потом ещё одна смерть резанула её внутренние чувства, словно белый огонь, несмотря на то что все внешние чувства были заняты вихрем движения. Иста дёргала стёртые запястья из стороны в сторону, тщетно пытаясь избавиться от пут, но узлы держали крепко и не ослабли даже после целой ночи езды. Если высвободить ступни из стремян, перекинуть обе ноги на одну сторону и спрыгнуть, то скорее растянутся руки, чем развяжутся узлы; конь её просто потащит за собой.

Оглушительный стук копыт, крики и вопли послышались со стороны авангарда колонны. Видимо, отряд кавалерии встретил джоконцев боевым кличем, ударами и звоном металла. Лошади ржали, ревели и падали. Из арьергарда тоже послышались крики. Офицер, ведший в поводу Истиного коня, так резко натянул поводья, что его лошадь встала на дыбы. Он затравленно озирался.

Командующий, не участвующий в рукопашной, подъехал к нему с мечом наголо, крича на рокнари остальным следовать за ним. Они увлекли за собой Исту и её надсмотрщика и бросились в сторону, карабкаясь на берег там, где он был по ниже. Передние ряды мечами прорубали

себе дорогу сквозь арбалетчиков в незнакомых серых плащах, которые спешили к месту боя. Полдюжины джоконцев и Иста прорвались через толпу и углубились в лес, который начинался за деревьями, растущими вдоль реки.

В голове у Исты стучало, зрение затуманивалось, в глазах то темнело, то становилось невыносимо ярко от ослепительных вспышек чужих смертей — столько душ в одно время и в одном месте насильно отделялись от тел. Она не осмеливалась потерять сознание и упасть — на такой скорости ей просто оторвёт руки. Она только могла думать, как это нечестно по отношению к тому несчастному солдату, которого высекли кнутом прошлой ночью, что его же командир без всяких колебаний покинул его…

Она не видела ничего, кроме шеи коня, двигающейся перед ней, его прижатых ушей и мелькания земли внизу. Её глупого напуганного жеребца не нужно было тянуть за собой, он нёсся бок о бок с остальными, да так, что угрожал через некоторое время начать вырываться вперёд и превратить её надсмотрщика в преследователя. Их курс стал загибаться вправо по широкой дуге. Они, наконец, сбросили скорость, когда достигли более лесистой местности, низеньких холмов,

покрытых редкими деревцами, кое-как скрывающими их от взора преследователей. А есть ли вообще эти преследователи?

Командующий в конце концов улучил момент и спрятал меч в ножны. Иста заметила, что на клинке даже не было крови. Он направился прямо в чащу, огибая попадающиеся на пути камни и деревья. Иста подозревала, что он не хотел сбить с толку тех, кто пойдёт по их следу, а был сбит с толку сам. Что ж, он наверняка сумеет определить, где находится север, а учитывая такое небольшое количество народу, то им удастся спрятаться, возможно именно в этом он и хотел удостовериться. Деревья стали расти теснее. Они поднялись на холм и спустились в овраг. Иста пыталась прикинуть сколько миль теперь отделяет их от поля боя. По крайней мере пять или шесть.

Она думала об опасности, угрожавшей ей ещё тогда, когда лошади медленно брели по камням ручья, теперь у неё снова есть возможность перевести дыхание. Её положение едва ли стало хуже, чем раньше. Она не боялась ни изнасилования, ни страшных пыток, единственное, ей предстоит вынести все трудности и лишения, с которыми столкнутся и сами беглецы джоконцы. Эти офицеры потеряли всё — людей, снаряжение,

трофеи, честь и даже дорогу. Но если они сумеют доставить Исту князю Джоконы, он простит им все неудачи. Она — их единственная надежда на спасение. Они не отпустят её за деньги, не послушают никаких угроз, не отдадут её в обмен на жизнь. Так что умышленно её не убьют, нет; но случайная смерть или смерть под горячую руку — да, вполне возможна. Звучит не особенно жизнеутверждающе.

Они проехали по дну оврага около мили. Он становился всё глубже, а склоны, всё более крутые, поросшие лесом, нависали с двух сторон; но впереди, на некотором расстоянии виделся неясный просвет. Они миновали поворот и обнаружили, что овраг выходит на спокойную, прозрачную небольшую речку.

Между склонами, преграждая любой путь к отступлению, стоял одинокий всадник. Исту сковал холод, а может это страх? Конь серовато-угольной масти был взмылен, его красные ноздри раздувались, но он нетерпеливо бил о землю копытом и нервно вскидывал голову, готовый в любой момент сорваться с места. Мужчина, казалось, не запыхался вовсе.

В его тёмно-рыжих волосах не было косичек, они были коротко подстрижены по Шалионской

моде, пряди у висков немного вились. Нижнюю челюсть покрывала аккуратная короткая бородка. На всаднике была кольчуга, тяжёлая кожаная перевязь, по серому плащу шли золотые нити. Плащ был залит кровью. Глаза всадника блеснули, когда он подчитывал перевес сил, потом сузились и засияли.

Он широко поднял меч, приветствуя противника. Рука, сжимавшая рукоять была грязной, со следами запёкшейся крови. На секунду самая обречённая улыбка из тех, что Исте приходилось видеть на мужском лице, сверкнула ярче стали.

Всадник пришпорил коня и ринулся вперёд.

Глава восьмая

Перед лицом столь убедительного натиска замешательство джоконцев длилось слишком долго. Всадник пронёсся мимо двух рокнарцев, ехавших впереди, с такой скоростью, что они даже не успели обнажить клинки, — оба уже пошатывались от полученных кровавых ран; затем он обрушился на джоконца, ведшего в поводу Истиного коня. Тот вскрикнул и увернулся, судорожно хватаясь за оружие; с громким свистом тяжёлый меч всадника рассёк туго натянутый повод. Уже освобождённый, жеребец Исты отпрянул.

Серый конь взвился рядом на дыбы. Клинок взлетел, каким-то непостижимым образом переместился в левую руку, не менее умелую, чем правая, блеснул лезвием и нырнул между руками Исты и седлом, к которому они были привязаны. Она едва успела поджать пальцы, прежде чем острый, словно бритва, металл снова рванулся вверх, разрубая путы, и мелькнул у самого лица. Всадник метнул в неё улыбку, столь же остро отточенную, как и его оружие, издал клич и пришпорил скакуна.

С радостным возгласом Иста освободила запястья от ненавистных верёвок и наклонилась вперёд, чтобы подобрать поводья. Охранявший её рокнарец развернул свою лошадь на месте, врезавшись в коня рейны, чуть не выбив из седла её саму, и успел предупредить её движение. Он потянул поводья через голову Истиного коня.

— Пусти, пусти! — крикнула она, колотя его крепко стиснутую руку. Собственные поводья и меч джоконец неловко сжимал в другой руке; сильно свесившись набок, он еле удерживал равновесие. Повинуясь внезапному порыву, Иста вдруг схватила его за рукав и, стараясь удержаться в стременах, изо всех сил потянула. Изумлённый джоконский офицер выпал из седла и рухнул на галечное дно ручья.

Она надеялась, что её жеребец, шагнув по инерции в сторону, наступил на него, но уверенности не было. Ровные мокрые камни были покрыты слоем водорослей, по которым скользили копыта. Конь споткнулся и дёрнулся. Поводья теперь болтались внизу, норовя запутаться между передних ног животного. Иста перегнулась через луку седла, схватила их, потом упустила, снова ухватила и, наконец, поймала; грязный кожаный ремень скользнул между её не менее грязными

пальцами, и в первый раз за последние несколько дней рейна обрела контроль над собственными передвижениями. Звенели и скрежетали мечи. Она огляделась.

Один из замыкающих офицеров пытался оттеснить нападающего всадника к остальным, в то время как другой рокнарец подбирался поближе, чтобы ударить с незащищённой стороны. Командующий направил свою лошадь поближе к схватке, но левой рукой, неуклюже сжимавшей меч, он прикрывал правую. Кровь сочилась у него сквозь пальцы, бежала вниз по рукаву, от чего поводья сделались скользкими. Другой джоконский солдат, ехавший позади первой троицы и таким образом избежавший первого натиска, сумел снять с седельных ремней арбалет и взвёл тетиву в яростной поспешности; конь его шёл боком и фыркал. Стрелу солдат сжимал в зубах. Он выплюнул смертельный заряд в ладонь, защёлкнул его в нужном положени, и стал поднимать арбалет, чтобы прицелиться. Мишень двигалась, но расстояние было мало.

У Исты не было оружия… подгоняя коня пятками, на которых не было шпор, она пустила его рысью через ручей. Жеребец перескочил поток и нехотя пошёл лёгким галопом. Иста дёрнула

поводья и заставила его протаранить лошадь арбалетчика. Джоконец выругался, когда тетива зазвенела, но стрела ушла в сторону. Он швырнул тяжёлый арбалет в Исту, но та пригнулась, и снаряд пролетел мимо.

Командующий через плечо крикнул стрелку на рокнари:

— Забери женщину! Доставь её князю Сордсо!

Серый всадник, оставив позади на земле двоих истекающих кровью противников, метнулся вперёд; управляя конём одними коленями, он привстал на стременах и занёс меч над головой, готовя сокрушительный удар. Последний несчастный приказ командующего был отсечён вместе с его головой. Иста видела падающее тело, бьющую фонтаном кровь, метнувшуюся в сторону лошадь, ослепительный огонь бьющейся в агонии души, отделённой от своего прибежища, и уловила удивлённую мысль: *Теперь ты веришь моим пророчествам?*

И даже ещё более изумлённую: *Верю ли я?*

Сверкающий клинок и серый жеребец, не останавливаясь, понеслись дальше, к арбалетчику, который уже в полном бешенстве натягивал своё оружие. Меч опять скользнул из правой руки в левую, и его остриё устремилось вперёд, словно

наконечник копья. Сила удара коня и всадника была огромной и рассчитана точно; меч вошёл в грудь стрелка, прошив кольчугу, протащил тело по крупу лошади и пригвоздив тело к дереву, оказавшемуся позади несчастного. От чудовищного толчка лошадь упала, вскочила и, тяжело дыша, унеслась прочь. На секунду тяжёлый меч вырвало из смертоносной руки хозяина, но он немедленно развернул коня, рванул рукоять и освободил клинок. Мёртвый джоконец сполз на землю, орошая корни дерева кровью.

Иста чуть не потеряла сознание от белого вихря кричащих, обезумевших душ, мечущихся вокруг. Она вцепилась в луку седла, заставила себя сохранить вертикальное положение и открыть глаза, перестав обращать внимание на внутреннее зрение. Реки крови, представшие перед её глазами, казались менее жуткими, чем нежелательные видения. Сколько людей умерло?… Командующий, арбалетчик… ни один из двух замыкающих офицеров тоже не шевелился. Одному всаднику удалось скрыться, но направление его бегства было отмечено следами крови. В устье оврага офицер-переводчик, оставив меч в зелёно-красном месиве, вскарабкался на свободную лошадь. Он, не оглядываясь, понёсся галопом вниз по

течению.

Даже не запыхавшись, сжимая в руке меч, с острия которого капала кровь, серый всадник хмуро смотрел некоторое время ему вслед, потом повернулся и задумчиво взглянул на Исту. Он подъехал поближе к ней:

— Миледи, вы в порядке?

— Я… не ранена, — выдохнула она в ответ. Призрачные видения меркли, словно временное ослепление, когда смотришь прямо на солнце.

— Хорошо, — на его лице снова вспыхнула улыбка, на сей раз немного хмельная, — упоение битвой? Его рассудок не подвержен страху, но и разумности в нём тоже было немного. Разумные люди не нападают в одиночку на шестерых отчаянных солдат.

— Мы видели, как вас уводили, — продолжил он. — В поисках вас мы разбили лес на четыре сектора. Я подумал, что вы должны выйти сюда. — Он отвернулся, проверяя, нет ли вокруг каких-нибудь угрожающих движений; удостоверившись в их отсутствии, он довольно прищурился. Всадник вытер клинок полой грязного плаща, поднял его в коротком приветствии и со звонким щелчком спрятал в ножны. — Можно ли узнать имя леди, с которой я имею честь и удовольствие разгова-

ривать?

— Я… — Иста поколебалась. — Сьера ди Аджело, кузина провинкара Баосии.

— Хм, — его брови опустились. — Я Порифорс. — Он повернулся в сторону устья оврага. — Нужно найти моих людей.

Иста разминала руки. Она не решалась коснуться докрасна стёртых запястий, которые кое-где были покрыты коркой, а кое-где кровоточили:

— А мне — моих, я была привязана к этой дурацкой лошади с полуночи прошлой ночи. Без еды и воды, что сначала казалось жестокостью, а теперь — милостью. Если вы хотите довести до конца ваше сегодняшнее героическое поведение, то будьте добры, посторожите это животное и мою стыдливость, пока я пойду искать куст, — она с сомнением оглянулась на овраг. — Или камень, или что-нибудь ещё. Хотя вряд ли моему коню хочется сделать шагов больше, чем мне.

— А, — ответил всадник, тоном забавного сочувствия. — Конечно, сьера.

Он легко спрыгнул с боевого коня и взял у неё поводья. При виде запястий Исты его улыбка потухла. Она свалилась вниз, словно мешок с зерном, но сильные руки подхватили её. От них на её тунике остались грязные красные следы.

Он поддерживал её несколько секунд, пока не убедился, что ноги снова стали её слушаться.

Улыбка опять исчезла, когда он оглядел её с ног до головы.

— У вас юбка залита кровью.

Иста проследила за его взглядом. Складки юбки для верховой езды действительно были заляпаны кровью, свежей и уже подсохшей, в особенности на коленях. Последняя скачка превратила её и без того стёртую кожу в клочья.

— Ссадины от седла. Обычное дело, но чувствуется, что они мои. — Он поднял брови:

— А что же тогда вы зовёте серьёзной раной? Пошатываясь, она проковыляла к обезглавленному командующему:

— Вот это.

Всадник склонил голову, признавая её правоту.

Оставив тела позади, она поспешила дальше, поглубже в овраг, в поисках какого-нибудь камня, скрытого кустами. Когда Иста вернулась, её спаситель стоял на коленях у ручья. Он улыбнулся и протянул ей на древесном листе какой-то предмет. Она присмотрелась и, на секунду смутившись, узнала в этом предмете кусок добротного мыла.

— Ох, — отозвалась она, чтобы не расплакаться. Иста упала на колени и вымыла в прохладном потоке, бежавшем по камням, сначала руки, а потом, уже с большей осторожностью, перешла к запястьям. Сложив ладони лодочкой, она принялась пить одну пригоршню за другой.

Всадник положил свёрток из льняной ткани на плоский камень и развернул его, явив миру кучку чистых тряпок, нарезанных для перевязки. Видимо, это он извлёк из своей седельной сумки, ведь джоконцы давным-давно использовали все бинты на себя.

— Сьера, боюсь, мне придётся вынудить вас проехать верхом ещё некоторое расстояние. Может быть, вы сначала промоете и перевяжете себе колени?

— О да. Спасибо большое, сэр.

Иста уселась на камень, сняла ботинки, насколько она помнила, в первый раз, и осторожно закатала юбку на ноге, отдирая подол там, где он прилип к волдырям, а потом присох. Всадник склонился над ней, вымыл руки, собираясь помочь, но она терпеливо продолжила процедуру сама. Теперь мыло. Болезненно, но становится легче. И виднее. Из глубоких алых ссадин, сочилась желтоватая жидкость.

— Неделю будет заживать, — заметил он.

— Наверное.

Как конный воин, он не раз сталкивался с такими ранами и говорил это со знанием дела. Ещё несколько секунд он наблюдал за ней, словно желая убедиться, что она всё делает правильно, потом размял пальцы, потёр лицо, поднялся и направился к телам погибших.

Он осматривал трупы, не с целью найти трофеи, — он едва ли взглянул на перстни, булавки и кошельки, видневшиеся то тут, то там. Все бумаги, которые ему попадались, он изучал и прятал в складках туники. Этот Порифорс — или ди Порифорс, ведь он не сказал его ли это имя или имя их рода, — без сомнения, офицер, и, судя по всему, очень рассудительный: наверное, какой-нибудь боевой вассал провинкара Карибастоса или вымуштрованный лорд-воин. Письмо Фойкса, вероятнее всего, осталось с брошенной колонной или оказалось у кого-то из сбежавших.

— Скажите, сьера, а кто был ещё среди пленников?

— Благодарение богам, их было немного. Шесть женщин из Ибры и семеро мужчин, которых джоконцы посчитали достаточно ценными, чтобы тащить за собой через горы. Ещё двенадцать,

нет, одиннадцать гвардейцев Ордена Дочери, которых отрядили сопровождать меня в паломничестве, прерванном джоконцами… два дня назад. Всего лишь два дня? Я надеюсь, что один из моих гвардейцев и ещё несколько человек из моего отряда успешно сбежали в Толноксо, где нас и перехватили рокнарцы.

— А была ли в плену ещё какая-нибудь дама из Шалиона? — он нахмурился ещё сильнее.

Иста коротко кивнула, стараясь придумать, что бы ещё полезного сказать этому решительно настроенному офицеру.

— Эти всадники действуют под эгидой князя Сордсо, у них эмблема князя. Они прошли через Ибру, разграбив город Раума, а потом сбежали через перевал, потому что марч Раумы преследовал их слишком рьяно. Тот, кого вы обезглавили, — она кивнула на скорбное тело, — был главным, хотя не думаю, что он был командующим с самого начала. Что касается вчерашнего дня, их насчитывалось девяноста два человека, если только кто-нибудь не дезертировал до того, как мы попали в вашу засаду.

— Толноксо… — он отряхнул руки, встал над последним телом и зашагал к Исте, посмотреть на её успехи. Она как раз завязывала бинт на

втором колене. Его исключительная галантность обостряла, а не притупляла, понимание, что она находится наедине с незнакомцем. — Тогда нет ничего удивительного. Вы сейчас меньше, чем в тридцати милях от границы с Джоконой. За последние два дня колонна преодолела не меньше ста миль.

— Они спешили. Им было страшно, — Иста огляделась. Стали собираться переливчатые зелёные мухи, они грозно жужжали во влажной тени. — Но, к сожалению, не настолько страшно, чтобы с самого начала остаться дома.

Он кисло усмехнулся:

— Может, к следующему разу их страх усилится, — он поскрёб бороду. Она была светлее, чем его тёмно-рыжие волосы, и в ней виднелись серебристые нити.

— Эта ваше первое сражение, сьера?

— Такого плана — да, — она закрепила последнюю повязку и крепко затянула узел.

— Спасибо, что толкнули того парня с арбалетом. Очень своевременно.

Он заметил? Пятеро богов. А она-то думала, он был полностью занят.

— Всегда пожалуйста.

— Я вижу, вы всегда начеку.

— Знаю. — Услышав его удивлённый смешок, Иста подняла глаза и сказала срывающимся голосом: — Если вы будете ко мне слишком добры, я начну рыдать, и мы оба погибнем.

Он казался немного изумлённым, но кивнул:

— Жестокая леди, вы запрещаете мне быть добрым! Значит, так и будет. Нам пора в путь, чтобы перебраться в более безопасное место. Быстро и осторожно, потому что, мне кажется, в живых остались не только ваши люди. Надеюсь, сначала мы встретимся с кем-нибудь из моих. — Он хмуро огляделся. — Я пошлю их сюда забрать всё это и отловить лошадей.

Иста осмотрела пейзаж. Трупы лежали в неестественных позах; изнурённые лошади ушли недалеко. Кричащие видения исчезли, — она не сказала, *благодарение богам*, — но в овраге до сих пор отдавалось эхо их стонов. Ей хотелось скорее покинуть это место.

Всадник помог ей подняться, она благодарно кивнула. С каждой минутой отдыха тело затекало всё больше. Ещё немного, и она не сможет ни ходить, ни ездить верхом.

Или даже просто сесть в седло. Попытка поддержать её ногу закончилась тем, что Иста застонала от боли; тогда он просто взял её за талию и под-

садил. Рейна не была особо высокой, но и не напоминала тростинку, как тогда, когда ей было восемнадцать. Так нечестно, — этому мужчине должно быть столько же лет, сколько ей, но те годы, что посеребрили его бороду, оставили его силу нетронутой. Конечно, патрулируя окрестности, он постоянно тренируется. Он легко и изящно оседлал своего высокого скакуна. Иста подумала, что этот красивый серый в яблоках жеребец тех же кровей, что и длинноногий гнедой Лисе, такой же поджарый, быстрый и выносливый.

Всадник направился вдоль реки вверх по течению. Иста заметила на песке и гальке следы его же коня, идущие им навстречу; радовало то, что других отпечатков копыт видно не было. Спустя несколько минут, следы поворачивали, скорее выворачивали, из редкого леска, тянущегося вдоль реки. Но они поехали дальше вдоль воды. Усталый конь Исты шагал медленно, через силу, и только присутствие другой лошади заставляло его двигаться вперёд. *Прямо как я*, подумала Иста.

Она рассматривала своего спасителя при более ярком свете. Так же, как конь и меч, остальное его снаряжение было отличного качества, но не имело безвкусных украшений из драгоценных

камней или металлических вставок. Офицер небедный, но серьёзно относящийся к своему делу. Чтобы выжить двадцать лет на этой границе, а судя по бороде и обветренному лицу, он провёл здесь не меньше, мужчина должен уделять максимальное внимание тому, чем он занимается.

Это лицо притягивало её взгляд. Совсем не мальчишеское, свежее и румяное, как у Ферды или Фойкса, не старческое, сморщенное, как у ди Феррея, а лицо, полное силы и зрелости. Лицо человека, достигшего апогея жизни. Бледное, хотя и дышащее волей. Прошедшая зима в Карибастосе, видимо, была необычно пасмурной.

Ошеломляющее первое впечатление, это вовсе не то же самое, что любовь с первого взгляда. Но в любом случае, это приглашение задуматься над этим вопросом.

Что такое, в конце концов, она и любовь? Когда ей было восемнадцать, лорд ди Льютес подарил ей яркий, простой, отравленный триумф брака с реем Иасом. Который рухнул вниз в долгий, тёмный туман её вдовства и проклятия, ослепив ум и сердце. Весь расцвет её жизни покрыт чёрной пеленой, и эти долгие годы не изменить, не стереть. У неё не было ни жизни, ни опыта, которым другие женщины обладают к такому возрасту.

Несмотря на повсеместное идеализирование девственности, верности и непорочности — исключительно в отношении женщин, — Иста знала, что множество высокородных леди при дворе Иаса тайно или открыто заводили любовников. Она слабо представляла, как они со всем этим управляются. Такие вольности, конечно, не могли случиться при малом дворе вдовствующей провинкары в Валенде; старая леди терпеть не могла бессмыслицы и поэтому не держала вокруг себя бессмысленных молодых людей, не считая своей позорно безумной дочери Исты. Со времени снятия проклятия Иста дважды отправлялась в Кардегосс; первый раз, сопровождая провинкару на коронацию Исель, второй раз прошлой осенью — навестить маленькую Исару; и оба раза ей не давали покоя придворные. Но в их глазах она видела не желание, а жадность. Они жаждали милостей рейны, а не любви Исты. Нет, Иста не чувствовала любви. Она не чувстововала ничего, воообще ничего, — решила она.

За исключением ужаса в последние три дня, наверное. Но даже страх находился по другую сторону прозрачной грани, разделяющей её разум.

И всё же, она покосилась в сторону, это *поразительный мужчина.* Только час она сможет

оставаться скромной сьерой ди Аджело, способной полюбить красивого офицера. Когда они прибудут на место, сон закончится.

— Почему вы молчите, леди? — Иста кашлянула:

— У меня разбредаются мысли. Мне кажется, я поглупела от усталости, — они ещё не добрались до безопасного места, но когда они, наконец, будут там, она упадёт, словно подрубленное дерево. — Вы тоже, наверное, всю ночь провели на ногах, подготавливая нам такой радушный приём.

Он улыбнулся на это, но сказал только:

— Мне теперь не нужно много спать. Отдохну после полудня. — Его глаза снова принялись её изучать, смущая пристальным взглядом. Казалось, что для него она остаётся какой-то чрезвычайно сложной загадкой. Иста, чувствуя неловкость, отвела глаза в сторону и первая заметила предмет, плывущий вниз по течению.

— Труп, — указала она в его сторону. — Это та же река, вдоль которой ехала колонна джоконцев?

— Да, она тут поворачивает… — Он заставил своего коня войти в покрытую рябью воду до самого брюха, нагнулся, схватил тело за руку и отволок на песок. К огромной радости Исты, мёрт-

вый не был одет в бело-голубые цвета Ордена Дочери. Ещё один несчастный молодой солдат, который теперь никогда не состарится.

Офицер поморщился, глядя на него:

— Похоже, разведчик. Я бы с удовольствием оставил его плыть дальше, в Джокону, пусть доложит о случившемся. Но туда, без сомнения, уже отправились куда более разговорчивые курьеры. Они всегда найдутся. Этот может покоиться с миром. — Он оставил промокшее тело и пришпорил коня. — Их колонне пришлось бы здесь повернуть, чтобы миновать крепость Оби и замок Порифорс. Хотя последний изначально был построен для обороны южной, а не северной стороны. Им следовало бы разделиться, чтобы прошмыгнуть мимо нас по двое и по трое. Так бы они потеряли кого-нибудь, но не всех. Однако их привлекал самый короткий путь.

— И самый верный, раз они знали, что река течёт в Джокону. У них были сложности с определением направления. Не думаю, что такое отступление входило в их первоначальные планы.

Его глаза удовлетворённо сверкнули:

— Мой б… Мой лучший советник всегда говорил, в таких случаях так и получается. И, как

обычно, он оказался прав. Поэтому прошлой ночью мы разбили на этой реке лагерь, ничего не делали и ждали, когда джоконцы сами придут нам в руки. Делом занимались разве что разведчики, которые загнали не по одной лошади, чтобы поддержать связь.

— А до вашего лагеря ещё далеко? Похоже, мой многострадальный конь уже на последнем издыхании. — Животное спотыкалось через каждые пять шагов. — Он мой собственный, и мне не хотелось бы, чтобы он начал хромать.

— Да, мы могли запросто выследить джоконцев только по изнурённым лошадям, которых они оставляли на пути, — он осуждающе покачал головой. По его собственному грациозному жеребцу, даже после утренней гонки, было понятно, что заботятся о животном, как полагается.

Лёгкая улыбка мелькнула на лице офицера:

— Давайте облегчим ношу вашему коню.

Он подъехал к ней вплотную, бросил поводья своему жеребцу на шею, туда же перекинул и её повод, нагнулся, вынул Исту из седла и боком посадил перед собой. Она едва успела сдержать неуместный возмущённый возглас. Завершив все эти неожиданные перемещения, он не попытался сорвать поцелуй, не позволил себе никакой бес-

стыдной вольности, а просто обхватил её одной рукой, чтобы подобрать свои поводья, а другой поймал повод её коня. Ей не хватало только склониться к нему и для уверенности обвить руками. Что очень осторожно она и сделала.

Вблизи его прохладная сила поражала. От него не пахло высохшим потом, как Иста думала сначала, — без сомнения, она сама пахла сейчас хуже, чем он. Кровь, пятнами застывшая на его плаще, источала лёгкий запах, создавая ощущение, что над ним навис холод смерти. Иста опиралась на его руку, не касаясь самых влажных пятен, явственно чувствуя тяжесть своих ног на его бедре. Она не отдыхала в объятиях мужчины уже… уже так давно, что едва это помнила. И сейчас об отдыхе не было речи. Вялое изнеможение и отдых — вещи разные.

Он прижался лицом к её затылку; Исте показалось, что он вдыхает запах её волос. Она тихонько вздрогнула.

Он заботливо прошептал:

— Поймите, я просто жалею вашего коня.

Иста тихо хмыкнула и почувствовала, что из-за её смешка он ослабил объятия. Было замечательно представить, что можно забыть о бдительности, но лишь на секунду. Притво-

риться, что безопасность обеспечивает кто-то другой. Это может длиться ещё совсем недолго; он бы, конечно, никогда не стал бы блокировать ею правую рабочую руку, если бы они не были совсем близко от лагеря. Но, видимо, если будет притворяться она, то и он последует её примеру. Поэтому она ухватилась за него ещё крепче и позволила себе расслабиться. Глаза слипались.

Цоканье копыт по гальке, оклик; Иста знала, что это друзья, ещё до того, как подняла взгляд, потому что мышцы на обнимавших её руках совсем не напряглись. *Твой сон окончен.* Она вздохнула.

— Милорд! — крикнул новый всадник. Сквозь опущенные ресницы Иста видела, как в уже ярком свете утра один из трёх солдат в серых плащах скачет вдоль берега им навстречу. Одетые в кольчуги солдаты пустили коней галопом и окружили их смеющейся толпой.

— Она у вас! — продолжил тот, что кричал. — Я так и знал. — Голос её спасителя звучал довольно и, может быть, немного щеголевато:

— Я знал, что ты знал.

Иста представила, какую героическую картину они собой являют верхом на боевом коне в яблоках и какое это воодушевляющее зрелище

для людей лорда. Этой ночью весь лагерь только и будет об этом шептаться. А командующий поддерживает свою таинственность, и, если это расчёт, она не станет винить его за это. И если, как мужчине, ему приятно галантно обнимать её обессилевшее тело, Иста тоже не могла его в этом винить.

Солдат выдал серию коротких рапортов: пленников удалось отбить, местность очищена от врагов, раненым оказывают помощь или доставляют на носилках в ближайший город, идёт подсчёт потерь.

— Мы ещё не отловили всех беглецов, — ответил командующий. — Хотя я начинаю сомневаться в точности показаний лорда ди Толноксо. В отношении количества джоконцев нам лучше опираться на цифру девяносто, а не двести, как заявлял он. Вниз по течению вы найдёте ещё пятерых убитых. Одного я вытащил из реки в трёх милях отсюда, думаю, он свалился с лошади, когда мы напали на их авангард. Остальные четверо ближе к оврагу где-то в миле от первого, там я пресёк их попытку сбежать с этой леди. Возьмите с собой несколько человек, отловите их лошадей, соберите амуницию и доставьте тела к остальным, чтобы занести их в список, — он бросил

поводья коня Исты одному из солдат. — Позаботьтесь об этом животном, оно принадлежит сьере. Его сбрую принесите мне в палатку. Через некоторое время меня можно будет найти там. Найдите кого-нибудь, кто доставлял в лагерь пленников из обоза и сразу же отправьте его ко мне. После полудня я поеду осматривать раненых и взятых в плен.

Иста подняла голову и спросила солдата:

— Среди людей, взятых в плен джоконцами, было несколько гвардейцев Ордена Дочери. Кто-нибудь из них остался в живых?

— Да, я видел нескольких.

— Сколько их было? — обеспокоенно спросила она.

— Точно сказать не могу, миледи. Они все в лагере, — он указал головой вверх по течению.

— Вы увидите их через несколько минут и услышите подробнейший отчёт об их утренних действиях, — заверил её спаситель. Он обменялся салютами с солдатами, и они разъехались в разные стороны.

— Кому принадлежат эти бравые воины? — поинтересовалась Иста.

— По счастью, мне, — ответил он. — Ах, прошу прощения. Из-за всей этой спешки я забыл

представиться полностью. Эрис ди Льютес, марч Порифорса, к вашим услугам, сьера. Замок Порифорс отвечает за все острые моменты между Шалионом, Иброй и Джоконой, и местные воины — это отточенное лезвие этого меча. Благодарение богам, задача упростилась, когда в руках рейны Исель Ибра утратила свою воинственность. — Иста замерла в его нежных обьятиях:

— Ди Льютес? — в ужасе повторила она. — А вы не родственник?…

Он мгновенно напрягся; всё весёлое дружелюбие сделалось прохладным. В его тоне появилась деланная непринуждённость:

— Великого канцлера и предателя Арвола ди Льютеса? Он мой отец.

Он не был одним из двух главных наследников ди Льютеса, сыновей канцлера от первого брака, которые во времена Исты жили при дворе. Трое его признанных бастардов были девочками, которых давным-давно выгодно выдали замуж. К тому времени как Иста встретилась с ним, он уже дважды был вдовцом, причём его вторая жена умерла за десять лет до этого. И всё же этот Эрис может быть сыном от второй жены. Той, которую ди Льютес на заре зрелости оставил в загородном поместье, чтобы она не мешала ему гоняться за

Иасом при дворе и в открытом поле. Северная наследница, да, теперь Иста вспомнила.

Его голос посуровел:

— Вас удивляет, что сын предателя верно служит Шалиону?

— Вовсе нет, — она подняла глаза, чтобы взглянуть на его лицо, находящееся так близко от её собственного. Точёным подбородком и прямым носом Эрис пошёл в мать, но обескураживающая энергия досталась ему от ди Льютеса. — Он был великим человеком. Вы… немного похожи на него.

Его брови взмыли вверх; он опустил голову, чтобы посмотреть на неё по-новому, смущённо, но настойчиво и жадно. Сначала Иста не поняла, насколько он себя сдерживает, но теперь маска исчезла:

— Правда? Вы встречались с ним? Видели его?

— А вы нет?

— Я не помню. У мамы был портрет, но плохой, — Эрис нахмурился. — Я почти достиг возраста, чтобы отправиться ко двору в Кардегосс, когда он умер. Я вырос. Но… наверное, так было лучше.

Его пыл угас, скрылся в своём тайном логове. Улыбка была смущённой. Зрелый сорокалет-

ний мужчина, делающий вид, что ему нет дела до печали двадцатилетнего мальчишки. Иста разуверилась в собственной бесчувственности, потому что эта непредвиденная вспышка откровения причинила ей столько же боли, сколько нож, всаженный в живот.

Они миновали излучину реки, обнаружив за ней ещё один внутренний изгиб, ведущий на луг, окружённый лесом. Трава была вытоптана, забросана вещами, обычными для полусвёрнутого военного лагеря, всюду виднелись кострища, валялась сбруя. Вдали, между деревьями, стояла шеренга лошадей, несколько человек седлали коней и привязывали багаж к мулам. Люди собирали вещи, садились, некоторые спали, расстелив одеяла прямо на голой земле. На дальнем конце луга, в рощице, стояли офицерские палатки.

Едва увидев ди Льютеса, человек десять окружили его, приветствуя, поздравляя, задавая вопросы, рассказывая ему новости и требуя его дальнейших распоряжений. Знакомая фигура в голубом бежала им навстречу.

— О! О! Она спасена! — радостно вопил Ферда ди Гьюра. — Мы спасены!

Он выглядел так, словно его целую милю тащили по колючему кустарнику, измученный,

бледный от усталости, но здоровый: ни повязок, ни крови, если не считать уже знакомых ссадин от седла и нескольких синяков. Сердце Исты растаяло от облегчения.

— Рейна! — крикнул он. — Благодарение богам! Всем вместе и каждому в отдельности! Хвала Дочери Весны! Я был уверен, что джоконцы всё-таки схватили вас! Я был в состоянии поехать с людьми марча Порифорса искать вас…

— Наш отряд, Ферда. Кто-нибудь ранен? — Иста выпрямилась, опираясь на руку марча, Ферда подошёл к плечу серого в яблоках коня.

Молодой человек провёл рукой по слипшейся от пота шевелюре:

— Одному в бедро попала стрела, пущенная людьми марча, ему не повезло; другой сломал ногу, когда на него свалилась лошадь. Я оставил с ними двоих, пока целители не освободятся от врачевания парней, раненных посерьёзнее. С остальными — всё лучше не придумаешь. Теперь со мной тоже всё хорошо, потому что моё сердце больше не тонет в боли от страха за вас.

За её спиной Эрис ди Льютес застыл, словно камень:

— Рейна? — эхом отозвался он. — Это вдовствующая рейна Иста?

Ферда, ухмыляясь во весь рот, посмотрел на него:

— А как же, сэр! Если вы спасли её, мне должно целовать вам руки и ноги! Мы чуть с ума не сошли, когда считали пленниц и выяснили, что её нет.

Марч смотрел на Исту, словно она прямо у него на глазах превратилась в удивительное существо из сказок. *Ну, может, так оно и есть.* Какую из версий о гибели своего отца от рук рея Иаса он слышал? Какую ложь он считает правдой?

— Простите меня, марч, — сказала Иста ясным голосом, хотя ясности в душе и в помине не было. — Имя сьеры ди Аджело скрывает моё настоящее имя не только из смирения во время паломничества, но и ради безопасности. — Хотя это, видимо, не подействовало. — Но теперь, благодаря вашей отваге, я здесь и могу себе позволить снова стать Истой ди Шалион.

— Что ж, — произнёс он после секундного молчания. — Ди Толноксо ошибся не во всём. Вот это сюрприз.

Она взглянула на него сквозь ресницы. Маска вернулась на место и сидела крепко. Марч очень осторожно спустил Исту вниз, прямо в распростёртые объятия Ферды.

Глава девятая

Иста цеплялась за локоть Ферды, пока он вёл её по вытоптанной траве и воодушевлённо пересказывал предрассветные события, увиденные им в передней части колонны. Иста слышала только одно предложение из трёх, но поняла, что он просто влюблён в исскуство ведения боя от Эриса ди Льютеса. Луг расплывался перед глазами. Казалось, что голова плохо пришита к телу и периодически изменяется в размерах. Глазные яблоки пульсировали, а ноги…

— Ферда, — мягко перебила она юношу.

— Да, рейна?

— Я хочу кусок хлеба и спальник.

— Этот грубый лагерь — не место для вашего отдыха…

— Любой кусок хлеба. И любой спальник.

— Я могу найти здесь нескольких женщин, которые могут сойти за горничных, но они не такие, к каким вы привыкли…

— Сойдёт и твой спальник.

— Рейна, я…

— Если ты сейчас же не дашь мне спальник, я сяду прямо на землю и начну плакать. Прямо

сейчас.

Эта угроза, произнесённая ровным тоном, наконец, подействовала. Он замолчал, забеспокоился о тех вещах, без которых, по его мнению, она не могла обойтись, и которых не было, но всё же достал то, что она просила. Он отвёл её к офицерской палатке, стоявшей среди деревьев, судя по всему, выбрал первую попавшуюся, засунул голову внутрь и пригласил её войти. Внутри было тепло и душно, пахло плесенью, незнакомцем, кожей, лошадьми и маслом для смазки клинков и доспехов. Но на земле лежал спальник. Иста легла на него в ботинках, в юбке, как была.

Ферда вернулся через несколько минут с куском хлеба. Она вытянула руку и слабо махнула ей; он сунул ломоть ей в ладонь. Она принялась его сонно жевать. А когда вернётся владелец палатки… с ним разберётся кто-то другой. Иста не сомневалась, что будь здесь Фойкс, он убедил бы хозяина спальника, что это не кража среди бела дня, а настоящая честь, которую нужно ценить. Но и Ферда справится неплохо. Она беспокоилась о Фойксе и ди Кэйбоне. Бродят ли они всё ещё по бездорожью? Лисе явно удалось сбежать и добраться до Маради, но что она будет делать потом? Может, они нашли друг друга? И… и…

* * *

Она разомкнула веки и посмотрела вверх. Пятна света проникали сквозь грубое переплетение полотна палатки и начинали двигаться, когда лёгкий ветерок принимался раскачивать ветви деревьев. Тело было разбито, голова болела. Не до конца съеденный кусок хлеба лежал там, где она выронила его из рук. Уже вечер? Судя по тому, что светло и по состоянию мочевого пузыря, не позже.

Перепуганный женский голос шёпотом спросил:

— Леди? Вы проснулись?

Она застонала и перекатилась на другой бок, обнаружив что Ферда или кто-то ещё всё же нашёл для неё прислугу. Две грубоватые на вид маркитантки и аккуратная женщина в зелёных одеждах Матери, выдающих в ней служительницу-медика, ждали её пробуждения. Как выяснилось, служительница была вызвана из города одним из курьеров марча. Все трое быстро доказали, что умеют больше, чем высокородные леди при дворе Валенды, которые своими услугами, скорее, досаждали Исте.

Почти половина её личной одежды была от-

нята у рокнарцев — тут наверняка постарался Ферда или кто-то из его гвардейцев, — и теперь лежала кучей на соседней скатке. Обилие воды для умывания, зубочистки и чистящая паста из трав, заживляющие средства и свежие бинты, тщательное расчёсывание и укладка торчащих в разные стороны волос, почти чистая одежда, — когда в начале вечера Иста, прихрамывая и опираясь на руку служительницы, вышла из палатки, она уже чувствовала себя если не рейной, то женщиной точно.

В лагере было тихо, но не пусто; люди небольшими группами ходили туда-сюда, выполняя после сражения загадочные поручения. Никто, видимо, не жаждал снова водрузить её на лошадь, и это избавило Исту от необходимости устраивать истерику, на которую у неё не было сил. Она только могла чувствовать благодарность. Некоторые из её гвардейцев уже помылись, но всё ещё выглядели усталыми; они разложили собственный костёр в роще и раздобыли где-то пару помощниц. Её пригласили сесть на чурбан, наскоро обтёсанный под форму стула и заботливо застеленный одеялами. С этого самодельного трона Иста лениво наблюдала, как готовят ужин для её отряда. Она отправила служительницу-медика

оказать помощь тем, о ком ещё не успели позаботиться; женщина вернулась ободряюще быстро. Наконец, появился Ферда. К великой радости Исты ему тоже, похоже, удалось вздремнуть, но недостаточно.

Когда со стороны костра стал подниматься чудесный аромат, прибыл Эрис ди Льютес в сопровождении десятка солдат и офицеров. Он подошёл к ней и отвесил поклон, достойный королевского двора в Кардегоссе. Он вежливо спросил, как она находит здешние условия, и, услышав заверения, что всё просто замечательно, отнёсся к ним с сомнением.

— Летом в Кардегоссе придворные дамы часто устраивали пикники в лесу, чтобы предаваться деревенским утехам, — ответила она ему. — Было очень модно обедать на ковре, расстеленном в рощице, похожей на эту, в такую же хорошую погоду.

Если забыть о раненых и разбросанном повсюду боевом снаряжении.

Он улыбнулся:

— Надеюсь, вскоре нам удастся устроить вас получше. Мне нужно расправиться с некоторыми делами и отправить рапорты милорду провинкару Карибастоса. Но к завтрашнему утру дорога

уже будет безопасна, её очистят от рокнарских беглецов. Я имею честь пригласить вас воспользоваться гостеприимством замка Порифорс до тех пор, пока не заживут ваши раны и не пройдёт усталость, а ваши люди снова не наберутся сил, и обязуюсь обеспечить вам эскорт, куда бы вы ни пожелали потом отправиться.

Иста сморщила губы, обдумывая предложение. Она чувствовала на себе тяжесть его испытывающего взгляда.

— Порифорс — это ближайшее убежище?

— Это мощная крепость. Есть деревни и города, которые расположены ближе, но их стены тоньше, и, честно говоря, это жалкие местечки. Ещё полдня езды, не больше, и в гораздо лучших условиях, это я обещаю. И… — улыбка тронула его губы, словно вспышка обаяния и теплоты. — Признаюсь, это мой дом; и я буду счастлив и горд показать его вам.

Иста не обращала внимания на то, что сердце таяло, словно воск в огне свечи. Принять его общество — значит продолжать разговаривать с ним, а это может привести к… чему? Она заметила, что Ферда смотрит на неё с горячей надеждой. Молодой офицер-дедикат, не таясь, вздохнул с облегчением, когда она сказала:

— Благодарю, милорд. Мы будем очень признательны за отдых и кров, — помолчав, она добавила: — Может, остальным членам отряда удастся найти нас там, если мы пробудем там подольше. Когда вы будете писать ди Карибастосу, не могли бы вы передать ему, что мы с нетерпением ждём их и пусть он, если возможно, сразу же направит их сюда, если… когда их найдут?

— Безусловно, рейна. — Ферда прошептал ей:

— Если вы будете за стенами крепости, я тоже могу их поискать.

— Может быть, — шепнула она в ответ. — Давай сначала мы хотя бы доберёмся туда.

Приняв настойчивое предложение Ферды, марч сел у их костра, и когда зашло солнце, кашевары, чей пыл усиливало королевское присутствие Исты, подали удивительно разнообразный ужин. Рейна не знала, что можно испечь хлеб, приправленный травами, чесноком и луком, на сковороде прямо над открытым огнём. Эрис отказался от пищи, сказав, что уже поел, но принял кружку с вином, разбавленным водой, или скорее с водой, разбавленной каплей вина.

Он откланялся довольно рано. Иста видела мерцание свечей в его палатке, когда он писал, склонившись над походным столом, который его

слуги таскали с собой во время таких кампаний; он принимал списки погибших, раненых и взятых в плен, раздавал приказы, рапорты и письма, которые уносили в темноту быстрые всадники. Она видела одного джоконца из офицерского состава, которого привели для длительного допроса. Когда Иста вернулась в свою краденую палатку, теперь уже очищенную от снаряжения предыдущего владельца и окуренную ароматными травами, свет, при котором Эрис работал, всё ещё проникал сквозь стены, словно огонёк в бесконечной ночи.

* * *

Утреннее отбытие было отложено из-за каких-то сложностей с войсками Эриса и посыльных из города, куда были отправлены джоконские пленники, что, Иста видела, не давало покоя марчу; но наконец палатки были сложены. Ей привели свежего коня, симпатичного белого мерина, на которого было надето её седло и упряжь. Ещё раньше она приметила, как молодой солдат, приведший животное, объезжал его на лугу, чтобы усмирить его нрав и убедиться, что конь пригоден для леди. Для уставшей леди преклонного возраста. Чтобы сесть верхом, удобнее было

бы воспользоваться скамеечкой, но пришлось обойтись тем, что солдат дрожащими руками подсадил её.

— Надеюсь, он понравится вам, рейна, — сказал юноша, склонив голову. — Я сам выбирал его. С тех пор как главный конюх заболел, нам его очень не хватает; милорд старается выполнять обязанности двоих сразу. Но всё будет проще, когда мы вернёмся в Порифорс.

— Уверена, что так и будет.

Сильно пополнившиеся войска марча ди Льютеса покинули долину реки и зашагали по подсохшей местности. Сорок всадников в серых плащах Порифорса, облачённые в кольчуги и вооружённые по всем правилам, ехали впереди, за ними следовал изрядно поредевший отряд Исты и Ферды. Длинный обоз из мулов, везущих поклажу, и слуг тянулся позади, а его замыкали ещё двадцать всадников, прикрывавшие тыл. Маленькая армия вышла на тракт и свернула на север, на дорогу получше. Разведчики то появлялись, то снова исчезали, то спереди, то с краю, чтобы передать короткие, но судя по всему, ободряющие рапорты офицерам Эриса.

Они спокойным шагом двигались сквозь тёплое утро. Наконец, Эрис улучил минутку, вырвался

из под шквала вопросов своих адъютантов и поравнялся с Истой.

Он весело поприветствовал её, сообщив, что теперь их небольшое войско движется в нужном направлении:

— Рейна, надеюсь, вы хорошо спали? Этот переход не причиняет вам особых неудобств?

— Всё в порядке. Но если речь зайдёт о том, чтобы пуститься рысью, я учиню бунт.

Он усмехнулся:

— Ну тогда мы не будем от вас этого требовать. В полдень мы немного передохнем, а к вечеру доберёмся до Порифорса, где нас уже будет поджидать ужин получше, чем тот, что вы отведали вчера.

— Значит, этот ужин будет просто бесподобным. Буду ждать его с нетерпением, — учтивые ответы машинально сыпались с её губ. Но судя по натянутой улыбке, он хотел большего, чем просто обмен любезностями.

— Кажется, мне стоит попросить прощения за то, что я не узнал вас вчера, — продолжил он. — Придворный из Толноксо, который привёз нам предупреждение о приближающейся колонне, поведал дикую историю, что среди пленников находитесь вы, но все его сведения были ложными. И когда я увидел, как джоконские офицеры уво-

дят женщину, подумал, что это может оказаться правдой. А потом ваше вымышленное имя снова спутало все мои карты.

— Вам совсем не нужно просить прощения. Как выяснилось, я просто перестраховалась.

— Вовсе нет. Я… никогда не думал, что увижу вас. Вот так, во плоти.

— Должна признать, я рада, что вам это удалось. Иначе сегодня утром я проснулась бы в Джоконе, в каком-нибудь малоприятном месте.

Он коротко улыбнулся и покосился на Ферду, который ехал рядом с Истой с другой стороны и слушал все эти благородные речи. Любопытство и страх сцепились в животе у Исты, но верх одержало первое. Она поняла намёк и сделала знак Ферде:

— Мой добрый дедикат, оставь нас ненадолго.

С разочарованным видом Ферда натянул поводья и отстал. Иста и Эрис ехали теперь бок о бок; жемчужно-белый мерин и серый конь, замечательный вид и тонкое равновесие между приличиями и частной жизнью. На рейну накатила волна тоски по Лисе: где же сейчас эта девушка? Наверное, продолжает начатое.

Эрис смотрел на неё из-под полуприкрытых век, словно изучал головоломку.

— Я должен был догадаться с самого начала. С первой минуты, как я вас увидел, я ощущаю тяжесть в вашем присутствии. Но всё же вы не выглядели так, как должна была, по моему мнению, выглядеть светлейшая Иста.

Если это начало обычной учтивой болтовни, то она слишком устала, чтобы её поддерживать. Если это нечто большее… то она устала от этого ещё больше. Наконец, она выдавила:

— А какой вы меня представляли? — Он неопределённо взмахнул рукой:

— Выше. Более голубые глаза. Волосы светлее, цвета золотистого мёда, как пели придворные поэты.

— Придворным поэтам платят за то, чтобы они врали, как дураки, но в юности волосы у меня были действительно светлее. А вот глаза остались те же. Только, может быть, теперь они видят яснее.

— Я не мог представить себе глаза цвета зимнего дождя и волосы, напоминающие тень зимних полей. Долгая печаль поселила вас в этом унылом времени года.

— Нет, я была обычной всегда, — бросила она. Он не засмеялся, хотя тогда стало бы легче говорить. — Уверяю вас, годы не тронули во мне ничего, кроме разума.

Хотя и он время от времени заставляет в себе усомниться.

— Рейна… если, конечно, это не причинит вам боли… Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о моём отце?

Нечего думать, что его интересуют только мои влажные глаза цвета дождя.

— Что ещё можно сказать, кроме того, что знают люди? За что бы ни брался Арвол ди Льютес, всё у него получалось. Оружие, лошади, музыка, стихи, военное искусство, власть… И если в его блеске и был изъян, то он как раз и заключался в его изменчивости, которая губила все попытки… — Иста не договорила, но мысль потекла дальше. Теперь, глядя на те события издалека, она поняла, что далеко не все его благие начинания увенчивались победными финалами. Юный цветок источал аромат, но плод был зелен и гнил… Да. *Я должна была понять это тогда, ещё тогда. А если ума девочки на это не хватало, то где же были боги, у которых нет такого оправдания?* — Он был усладой всех глаз, что смотрели на него.

Но только не моих.

Эрис изучал загривок своего коня.

— Нет, вы не обычная, — сказал он, немного помолчав. — Я видел женщин гораздо красивее

вас, но вы притягиваете мой взгляд… Я не могу объяснить это.

Учтивый придворный, рассудила Иста, никогда не позволил бы себе сказать, что существуют женщины, прекраснее его собеседницы, и чтобы объясниться, подался бы в поэзию. Простую болтовню всегда можно пресечь улыбкой. Но замечания Эриса причиняли беспокойство, заставляли воспринимать их всерьёз.

Он продолжил:

— Я начинаю осознавать, почему отец рискнул жизнью ради вашей любви.

Иста сожалела, что пришлось сдержать стон:

— Лорд Эрис. Остановитесь.

Он удивлённо посмотрел на неё и понял, что она не просит его придержать коня.

— Рейна?

— Вижу, романтические слухи проникли и в Карибастос. Но их тонкий вкус вовсе не пострадает, если я скажу, что Арвол ди Льютес никогда не был моим любовником.

Изумлённый до глубины души, он некоторое время осмысливал её слова. Наконец, он осторожно произнёс:

— Полагаю… теперь у вас нет причины говорить неправду.

— Я никогда не говорила ничего, кроме правды. Болтливые языки молвы и клеветы принадлежат не мне. Я большей частью молчала.

Кто-нибудь ошибался больше? Вряд ли. Эрис наморщил лоб, обдумывая эту мысль:

— Но рей Иас не поверил в вашу невиновность? — Иста потёрла бровь:

— Видимо, нам следует вернуться немного назад. Что вы все эти годы считали правдой о тех роковых событиях?

Он нахмурился:

— Я думал… Я считал… что мой отец был подвергнут пыткам за то, что любил вас. И видя, что он молчит, чтобы защитить вас или спасти свою честь, мучители зашли слишком далеко в своей жестокости, и он умер в подземельях Зангра. После, чтобы скрыть вину Иаса, были пущены слухи о том, что отец разграбил казну и вступил в тайный сговор с реем Браджара. Истину молчаливо признал Иас, когда имущество ди Льютеса не было изъято, как это происходит с настоящими предателями, а перешло к его наследникам.

— А вы проницательны, — отметила Иста. Где-то три четверти передано верно. Недостаёт только тайной сути событий. — Ди Льютес действительно был почти так же смел. Эта сказка так

же хороша, как другие, и даже лучше многих.

Его взгляд метнулся к ней:

— Я обидел вас, леди. Прошу прощения.

Она решила тщательнее следить за своим голосом. Ей отчаянно хотелось, чтобы Эрис знал, что она не была любовницей его отца. Но зачем? Какое теперь это имеет значение? Его мнение о ди Льютесе, отце, который, насколько она могла судить, совсем не помнил о нём, было благородно и романтично, и почему она должна отнять у сына то единственное, что осталось ему от отца?

Уголком глаза Иста рассматривала его высокую, лёгкую фигуру. Ну, этот вопрос решился сам собой, неправда ли?

Бесполезно подменять эту светлую ложь ещё какой-нибудь ложью. Но рассказ о правде, во всей её мрачной полноте и сложности, вряд ли поможет сбыться её тайным романтическим мечтам.

Возможно, узнав его лучше, она осмелится открыть ему всё. *То, что его отец утонул по моему слову? Насколько же я должна узнать его, чтобы рассказать это?*

Иста набрала в лёгкие воздуха:

— Ваш отец не был предателем ни в постели, ни вне её. Он был самым смелым и благородным из тех, кто когда-либо служил Шалиону. И лишь

задание, неподвластное человеческому духу, сломило его.

Крах в самый ответственный момент. А крах — не предательство, даже если оно, как булыжник, упавший в воду, оставило после себя горькие брызги.

— Леди, вы ставите меня в тупик.

Нервы Исты не выдержали. *Неужели так же, как и нервы ди Лъютеса?*

— Это государственная тайна, и Иас умер раньше, чем смог освободить меня от клятвы молчать. Я пообещала, что не скажу ни слова ни одной живой душе. Могу лишь заверить вас, что имя вашего отца можно носить без стыда.

— Ох, — откликнулся он, хмуря брови. — Государственная тайна. Ох.

Боги милостивые, и несчастный человек принимает *это!* Ей хотелось закричать. *Боги, зачем вы привели меня сюда? Разве я и так недостаточно наказана? Неужели это вас забавляет?*

Иста заговорила с лёгкостью в голосе, не ощущая этой лёгкости в душе:

— Но хватит о давно умершем прошлом. Давайте побеседуем о ещё живом сегодня. Расскажите побольше о себе.

Уловка, которая поможет скоротать остаток

пути; если Эрис такой же, как большинство кавалеров, не нужно будет выжимать из себя больше, чем ободряющие возгласы.

Он пожал плечами:

— Да нечего особенно рассказывать. Я родился в этой провинции и прожил здесь всю жизнь. Уже с самого детства я патрулирую границы. Моя мать умерла, когда нам… когда мне было около двенадцати. Меня вырастил её верный… в общем, другие родственники, и в силу необходимости я встал на путь солдата. Порифорс достался мне от матери, и провинкар вручил мне этот замок, когда я подрос достаточно, чтобы управлять им. Огромные владения отца перешли большей частью в руки его прежней семьи, хотя некоторые имения здесь, в Карибастосе, были всё же расчётливо переданы мне… У душеприказчиков, судя по всему, был какой-то сговор, но в то время меня это не занимало.

Эрис замолчал.

Видимо, подошёл к концу. Его отец, блестящий рассказчик, мог целый вечер развлекать присутствующих за столом рассказами, не нуждясь ни в каком ободрении.

Он огляделся, щурясь от яркого света северного солнца, и прибавил:

— Я люблю эту землю. Даже в темноте я узнаю каждую милю.

Иста вслед за ним обвела взглядом горизонт. Горы уменьшились и перешли в широкую, немного холмистую долину, открытую ясному небу. Уже пришло время оливковых рощ, и серебристо-зелёное изобилие то тут, то там спускалось с пологих склонов. Несколько укреплённых деревень, напоминавших слегка позолоченные игрушки, виднелись вдалеке. В этот мирный день скот, впряжённый в плуги, вспахивал далёкие поля. В потоке воды с шумом, чуть приглушённым расстоянием, вертелось колесо плотины, доставляя влагу к садам и рядам виноградников, расположившихся на более плодородной земле. На вершинах из тощей почвы торчали серые скелеты деревьев, иссушенные солнцем, словно старички, притулившиеся на скамейках на рыночной площади.

Кажется, ты тоже опустил некоторые моменты своей жизни. Но последняя реплика была так переполнена истиной, что с ней было сложно не согласиться. Как может человек вот так, словно лицедей, менять одну за другой маски, скрывать свои намерения, но при этом беззаботно, легкомысленно выставлять сердце на всеобщее

обозрение?

Появился разведчик и поприветствовал командующего почтительным салютом. Эрис на несколько секунд отъехал в сторону, чтобы переговорить с ним, потом поднял глаза к солнцу и нахмурился.

— Рейна, я вынужден отбыть по некоторым делам. С нетерпением жду момента, когда снова смогу насладиться вашим обществом.

Мрачно кивнув, он покинул Исту.

Вернулся Ферда, пряча любопытство за широкой улыбкой. Вскоре несколько обозных мулов с поклажей, в сопровождении полдюжины вооружённых солдат проскакали вперёд. Ещё пару миль спустя, дорога привела в большую ровную долину, которую испещряли зелёными и серебристыми пятнами виноградники и деревья. У небольшой речушки пристроилась укреплённая деревня. В оливковой роще, раскинувшейся около воды, слуги натянули несколько палаток, развели огонь и уже готовили еду.

Лорд Эрис, Иста, отряд Ферды и ещё человек десять всадников свернули с дороги в эту рощицу. Оставшаяся часть обоза и солдаты проехали мимо, не задерживаясь.

Иста благодарно улыбнулась, когда Ферда

помог ей спуститься с белого мерина. Уже знакомый юноша увёл животное, чтобы напоить и позаботиться о нём должным образом. Другой молодой солдат пригласил Исту, опирающуюся на руку Ферды, присесть в тени старой оливы, пока готовят поесть. Из сёдел и попон, накрытых одеялами, они соорудили для неё кресло, вполне сносное, чтобы дать отдых усталым конечностям. Лорд Эрис собственноручно принёс ей кружку вина, разбавленного водой, а сам залпом осушил другую, где, как обычно, воды было больше, чем вина.

Он вытер губы и вручил пустую кружку стоящему наготове слуге.

— Рейна, мне нужно немного отдохнуть. Мои люди исполнят любую вашу просьбу. Если вы захотите где-нибудь укрыться, то вторая палатка для вас.

— О! Благодарю. Но всё же эта приятная полутень меня вполне устраивает.

Обе палатки были скромными офицерскими; они быстро ставились и разбирались. Большой командирский шатёр, видимо, услали вперёд вместе с обозом.

Эрис поклонился и зашагал прочь, чтобы нырнуть в свою палатку и исчезнуть. Ничего

удивительного, что он готов улучить момент и поспать, если, как подозревала Иста, он провёл две ночи на ногах. Слуга последовал за ним, но через несколько минут появился снова и уселся, скрестив ноги, у входа.

Служительница, временная горничная Исты, спросила, не нужно ли ей что-нибудь, а потом расположилась рядышком в тени. Иста завела с ней бесполезную беседу, но, впрочем, узнала многое о здешней деревенской жизни. Потом слуги принесли рейне поесть и взволнованно наблюдали за ней, но очень обрадовались, когда она улыбнулась и поблагодарила их.

Деревня была слишком мала, чтобы обеспечивать храм, но узнав, что на главной площади находится источник, посвящённый самой Дочери, Ферда и его гвардейцы ушли после еды туда, приносить благодарность богине за недавнее освобождение. Иста благосклонно отпустила их, хотя сама не чувствовала необходимости искать укромный уголок, чтобы поговорить с богами; такое ощущение, что куда бы она ни пошла, они одинаково давят на неё. Может, есть такое место, где их точно не будет? Вот его и нужно избрать целью паломничества. В этот тихий, бледный послеполуденный час её сморила полудрёма. Слу-

жительница свернулась рядом с ней на одеялах калачиком и просто спала. Сопела она, как подобает леди, чуть громче, чем мурлычущая кошка.

Иста поправила одеяло и прислонилась к коре дерева. Его корявому стволу не меньше пятисот лет. А деревня стоит здесь столько же? Похоже, что да. Шалионские, ибранские, даже некоторое время рокнарские власти, потом снова Шалионские… одни хозяева сменялись другими, словно волны накатывали на берег, а деревня всё стояла, всё продолжала жить. В первый раз за много дней Иста почувствовала, как её тело начинает расслабляться, в этот безопасный час, в этой смене времён. Она позволила себе закрыть глаза, совсем ненадолго.

Мысли теряли очертания, паря на грани сна. Какая-то суета вокруг замка в Валенде, а может быть, в Зангре, какие-то споры об одежде, которая плохо сидит. Летящие птицы. Зала в замке в свете свечей.

Лицо Эриса, искажённое испугом. Его губы сложились в букву «О», руки в ужасе вытянуты вперёд. Он идёт, спотыкаясь. Он издаёт леденящий звук, нечто среднее, между рычанием и криком, переходящим в скорбный вопль.

Иста проснулась, судорожно дыша, крик всё

ещё звенел у неё в ушах. Она села и огляделась, сердце бешено колотилось. Служительница продолжала безмятежно спать. Несколько мужчин устроились в другой части рощи, рядом с пасущимися лошадьми, и играли в карты. Другие спали. Похоже, никто больше не слышал этого душераздирающего звука; никто не повернул голову в сторону палатки Эриса. Слуга, сидевший у входа в неё, ушёл.

Это сон… *правда?* Но он был слишком осязаемым, слишком ясным; он встал поперёк потока мыслей, словно камень посреди реки. Иста заставила себя снова откинуться на ствол оливы, но лёгкость бытия никак не хотела возвращаться. Словно тугие бинты стянули её грудь, мешая дышать.

Очень тихо, опираясь на руку, она встала на ноги. Никто на неё не смотрел. Иста скользнула по солнечному пятну, отделявшему её от соседнего дерева, и снова оказалась в тени. Она застыла у входа в палатку. Если он спит, то как объяснить, зачем она разбудила его? А если он уже проснулся и, скажем, одевается, зачем вторгаться в его уединение?

Я должна выяснить.

Иста приподняла полотно, закрывающее вход,

и шагнула внутрь; глаза привыкали к полутьме. Ткань палатки была достаточно тонкой, и сквозь неё были видны узкие тени листьев оливы, которые шелестели над крышей, освещённые солнцем, чьи лучи пробивались сквозь переплетение нитей.

— Лорд Эрис? Лорд Эрис, я… — её шёпот оборвался.

Туника Эриса и сапоги были сложены на одеяле справа. Он лежал лицом вверх на походной койке слева от Исты, накрытый лишь лёгкой льняной простыней. Голова была ближе к двери. Тонкий серо-чёрный шнурок стягивал его бицепс, символизируя какую-то особую молитву, обращённую к Отцу Зимы.

Посеревшие веки были сомкнуты. Он не двигался. Кожа была бледная и прозрачная, словно воск. С левой стороны груди на белом льне виднелось ярко-алое пятно.

Дыхание Исты замерло, не давая ей закричать. Он упала на колени возле койки. *Пятеро богов, его убили!* Но как? С тех пор как слуга вышел, в палатку никто больше не заходил. Неужели слуга предал своего хозяина? А может, он был рокнарским шпионом? Её дрожащая рука приподняла простыню.

Рана под его левой грудью зияла, словно маленький тёмный рот. Из неё медленно сочилась кровь. Видимо, удар кинжала, направленный в сердце. *Он ещё жив?* Она прижала руку к этому своеобразному рту и почувствовала клейкий поцелуй на ладони, стараясь уловить биение или трепетание сердца. Она не могла различить. Осмелится ли она прижать ухо к его груди?

Вспышка жутких воспоминаний пронеслась у неё пред внутренним взором: тот высокий, худой мужчина из сна и алая кровь, ручьём текущая сквозь её пальцы. Иста отдёрнула руку.

Я видела эту рану раньше. Она чувствовала, как мечется её собственный пульс, стучит в шее, в лице, барабанит по ушам. Голову словно забили ватой.

Это именно та рана, она была готова поклясться, с точностью до мельчайших деталей. Но мужчина был не тот.

Боги, боги, боги, что это за кошмар?

Она продолжала смотреть, её губы раскрылись. Обнажённая грудь лорда выгнулась, впуская в лёгкие воздух. Начиная с краёв, рана стала стягиваться, тёмный след сжался и побледнел. Сгладился. Через секунду он превратился в розовый шрам с коричневой коркой. Эрис, поста-

нывая, задышал и пошевелился.

Иста поднялась на ноги, стиснув липкую ладонь. Едва дыша, она выскользнула из палатки и, моргая, оказалась на ярком свету. Она чувствовала, что бледна. Тенистая рощица как будто вертелась у неё перед глазами. Она быстро обошла палатку, укрывшись между ней и толстым стволом старой оливы, и пока никто не видит, попыталась восстановить дыхание. Иста слышала скрип койки, движения по другую сторону непрозрачной ткани стен, вздох. Она раскрыла правую ладонь и посмотрела на карминный след, пересекавший её.

Я не понимаю.

Спустя одну или две минуты, она почувствовала, что может ходить, не спотыкаясь, дышать, не постанывая, и изображать на лице полное бесстрастие. Она добралась до своего сидения и рухнула. Служительница зашевелилась и села:

— Рейна? Ох, уже пора ехать?

— Думаю, да, — ответила Иста. Она с удовольствием отметила, что голос не дрожит и не срывается на писк. — Лорд Эрис встаёт… По-моему.

Он откинул полотно, закрывающее вход, и вышел; для этого ему пришлось наклонить голову. Он был уже в сапогах. Он выпрямился, закреп-

ляя последнюю застёжку на тунике. На своей незапятнанной, недырявой тунике. Эрис потянулся, поскрёб бороду и улыбнулся, как мужчина, поспавший часок-другой после полуденного перекуса. Только вот он ничего не ел…

Подбежал слуга, чтобы помочь хозяину надеть через голову накидку и перевязь. Человечек принёс ещё и плащ, расшитый по краям золотой нитью, и расправил его на плечах Эриса, чтобы ткань ниспадала вниз красивыми складками. Пара ленивых приказов заставила людей начать готовить их кавалькаду к отбытию.

Служительница принялась собирать свои вещи и упаковывать их. Направляясь к лошадям, мимо прошёл Ферда, и Иста мягко позвала.

Она смотрела мимо него. Намеренно ровным голосом она сказала ему:

— Ферда. Загляни в мою правую ладонь и скажи, что ты видишь. — Он склонился над её рукой и ужаснулся:

— Кровь! Миледи, вы поранились? Я позову служительницу…

— Спасибо, со мной всё в порядке. Я просто хотела знать… видишь ли ты то же самое, что вижу я. Вот и всё. Можешь идти дальше.

Иста вытерла руку об одеяла и протянула де-

дикату, чтобы он помог ей встать. Помолчав, она добавила:

— И никому не говори об этом.

Он изумлённо сморщил губы, но отсалютовал и пошёл дальше.

Вторая часть пути оказалась короче, чем ожидала Иста, — пять миль вверх до следующей вершины, а потом переход через достаточно широкий поток. Дорога несколько раз сворачивала в разных направлениях, петляя по пологому склону, и затем пошла рядом с небольшой рекой. Эрис разъезжал вдоль колонны, но в результате оказался рядом с Истой и Фердой.

— Посмотрите туда, — он указал вперёд широким жестом. — Замок Порифорс.

Ещё одна укреплённая деревня, гораздо более крупная, чем предыдущая, пристроилась у воды, у подножья высокой скалы. Вершину скалы, с которой открывался вид на всю долину, венчала прямоугольная корона, украшенная башнями. Гладкие зубчатые стены, испещрённые бойницами, были искусно высечены из камня, в свете дня отливавшего золотом. Прихотливая резьба, белым кружевом обрамляющая стены, была образцом искусства рокнарских каменщиков, построивших Порифорс как оплот Джоконы против

Шалиона и Ибры.

Лицо Эриса на секунду приняло странное выражение: одновременно нетерпение и напряжение, жажда и нежелание. И лишь на малую, едва заметную долю секунды на нём отразилась безграничная усталость. Но потом он с радостной улыбкой повернулся к Исте:

— Поехали, рейна! Мы уже почти добрались.

Почти весь обоз и большинство солдат отделились от них в деревне. Эрис повёл остатки своих воинов и отряд Ферды через малые стены, потом по узенькой дороге, идущей вверх по склону, где можно было двигаться только по одному. Низенькие кусты отчаянно цеплялись корнями, словно пальцами, за камни. Ноги лошадей скользили и подгибались, когда они преодолевали последний подъем. Приветственные возгласы донеслись сверху, эхом разносясь среди скал. Если бы они штурмовали замок, камни и стрелы посыпались бы на них так же незамедлительно.

Кавалькада обогнула стены и подошла к подъёмному мосту, перекинутому через естественную расщелину — её глубина добавляла стенам ещё футов двадцать высоты. Эрис, теперь возглавляющий отряд, махнул рукой и издал радостный возглас, а затем галопом пронёсся под аркой во-

рот, выбивая копытами барабанную дробь.

Иста последовала за ним более чинным шагом и неожиданно очутилась в буйно цветущем саду. Прямоугольный парадный двор был уставлен огромными кашпо с цветами и мясистыми растениями. Одна из стен была сплошь закрыта цветочными горшками, закреплёнными на вделанных в камень металлических кольцах, — настоящий фейерверк цветов: сиреневых, белых, красных, голубых, розовых, перемежающихся зелёными лозами, вьющимися по бледному грубому камню. У другой стены росло абрикосовое дерево, разросшееся до неимоверных размеров, которое переплеталось с не менее древним миндальным деревом — оба в цвету. В дальнем конце двора аркада стройных каменных колонн поддерживала балкон. Искусно выточенные ступени, словно белый алебастровый водопад, спускались во двор.

Высокая молодая женщина с сияющим от радости лицом буквально спорхнула с этих ступеней. Её тёмные волосы были забраны у висков назад, подчёркивая румяное личико цвета слоновой кости; оставшиеся локоны, словно текучий шёлк, свободно ниспадали на плечи. Лёгкая ткань обтягивала её стройное тело, точно парус, раздуваясь

на бегу. Эрис спрыгнул с серого в яблоках коня и бросил поводья груму, едва успев раскрыть руки и принять её неистовые, благоухающие объятия.

— Милорд! Милорд! Хвала пятерым богам, ты вернулся живым!

Молодой солдат возник рядом с головой мерина Исты и встал, готовый в любой момент помочь ей спешиться. Он с нескрываемой, даже немного забавной завистью наблюдал эту трогательную сцену приветствия.

— Какая потрясающе красивая молодая леди, — сказала Иста. — Я не думала, что у лорда Эриса есть дочь.

Юноша заставил себя повернуться к ней и поспешил поддержать ей стремя:

— Ох, дочь милорда живёт не здесь, рейна…

Иста как раз утвердилась на ногах, когда к ней подошёл Эрис; молодая женщина крепко держалась за его плечо:

— Рейна Иста, — произнёс Эрис, задыхаясь от гордости и долгого поцелуя. — Имею честь и счастье представить вам мою жену, Катиллару ди Льютес, марчессу Порифорса.

Тёмноволосая женщина с непередаваемой грацией сделала реверанс:

— Вдовствующая рейна, я безмерно рада, что

вы почтили наш дом своим присутствием. Надеюсь, мне удастся сделать всё возможное, чтобы превратить ваше пребывание здесь, в обществе моего мужа и меня, в незабываемое удовольствие.

— Да ниспошлют вам пятеро богов удачный день, леди Порифорса, — выдавила Иста. — Несомненно, вам всё удастся.

Глава десятая

В сопровождении двух улыбающихся фрейлин молодая марчесса повела Исту по прохладному, полутёмному сводчатому проходу под балконом, ведущему во внутренний двор. Ферда и служительница-медик Исты последовали за ними сначала нерешительно, но лорд Эрис жестом подтвердил приглашение. Внутренний двор украшал маленький мраморный бассейн в форме звезды, вода в нём была кристально прозрачной; вокруг стояло ещё несколько кашпо с цветами. Леди Катиллара взлетела по лестнице на галерею второго этажа и остановилась, поджидая остальных и озабоченно наблюдая за тем, как служительница помогает Исте преодолевать ступени. Ферда поспешил предложить руку. На лице Исты отразилась смесь благодарности и досады.

Звук их шагов по доскам отдавался эхом; они подошли к углу, над которым возвышалась небольшая башенка, и тут лорд Эрис вдруг резко остановился:

— Катти, нет! Только не эти комнаты!

Леди Каттилара застыла перед резными двойными дверями, которые как раз собиралась

открыть её фрейлина, и неуверенно улыбнулась Эрису:

— Милорд? Но это же лучшие комнаты в доме. Мы не можем предложить вдовствующей рейне ничего хуже!

Эрис приблизился к ней и, понизив голос, сквозь зубы прошептал:

— Ты в своём уме?

— Но их вымыли и прибрали к её приезду…

— Нет, Катти!

Она испуганно смотрела на него:

— Я… Простите меня, милорд. Я… Я придумаю что-нибудь ещё. Что-нибудь.

— Сделай милость, — огрызнулся он, раздражение так и сквозило в его лице и в голосе. С заметным усилием он снова принял вежливый и гостеприимный вид.

Леди Каттилара натянуто улыбнулась:

— Рейна Иста. Не могли бы вы… отправиться в мои комнаты и немного отдохнуть до обеда там? Прошу сюда…

Она проскользнула обратно; все повернули назад к таким же дверям в другом конце галереи. На какую-то секунду Иста казалась рядом с Эрисом.

— А что не так с теми комнатами? — спросила она.

— Там крыша протекает, — буркнул он. Иста посмотрела на безоблачное голубое небо:

— А.

Дальше этих новых дверей мужчин не пустили.

— Рейна, тогда я принесу ваши вещи сюда? — уточнил Ферда.

Иста выжидательно взглянула на Эриса.

— Временно, да, — ответил тот, видимо сочтя такой вариант размещения гостей более удобным. — Пойдём, ди Гьюра. Я покажу тебе и твоим людям ваши спальные места. И вы наверняка захотите проведать своих коней.

— Хорошо, милорд. Спасибо. — Ферда отсалютовал Исте и последовал за Эрисом вниз.

Иста вошла в комнаты сразу за фрейлиной, которая остановилась, придерживая дверь. Женщина улыбнулась и присела в реверансе.

Иста сразу же почувствовала какую-то лёгкость оттого, что оказалась в том месте, которое определённо можно было назвать женскими покоями. Мягкий свет струился сквозь изящные решётки, закрывающие узкие окна в дальнем конце комнаты. Гобелены, вазы со свежими цветами, чёткие белёные углы. Закрытая дверь вела в какую-то прилегающую комнату, и Иста предпо-

ложила, что в спальню Эриса. Вдоль стен стояли сундуки, разнообразно украшенные, отделанные мозаикой, кованые; женщины Каттилары быстро прибрали лежащие на виду ворохи одежды и другие свидетельства беспорядка и положили на один из сундуков мягкую, словно пёрышко, подушку, чтобы рейна могла сесть отдохнуть. Иста посмотрела сквозь решётки, за которыми открывался вид на крышу ещё одного внутреннего двора, и, наконец, решила усадить своё ноющее тело.

— Какая милая комната, — заметила Иста, чтобы облегчить леди Каттиларе неудобство от такого внезапного вторжения в её будуар.

Каттилара благодарно улыбнулась:

— Все мы были бы рады видеть вас за нашим столом, но я подумала, что вы, наверное, захотите сначала вымыться и отдохнуть.

— О, вы правы, — с жаром заверила её Иста. Служительница сделала реверанс хозяйке дома и твёрдо сказала:

— И я прошу вас, леди, помимо всего прочего, рейне следует сменить повязки.

Каттилара удивлённо моргнула:

— Вы ранены? Муж мне не сказал в письме…

— Совсем нестрашные ссадины. Но мытьё и

отдых — прежде всего, — Исте вовсе не хотелось пренебрегать своими ранами. Её сын, Тейдес, как говорят, умер оттого, что не уделил должного внимания ране, едва ли посерьёзнее царапины, но от неё пошло заражение крови. Иста подозревала, что осложнения имели сверхъестественный характер; и молитвы, которыми мальчик был окружён, канули в пустоту.

Леди Каттилара сгладила всеобщую неловкость и развила бурную деятельность, раздавая своим фрейлинам и горничным указания. Принесли чай, сухофрукты и хлеб, притащили тазы, лохань и воду для мытья. Служительница и женщины Каттилары позаботились не только об Истином теле, но и вымыли её волосы. К тому моменту когда банные процедуры были закончены и Исту облачили в халат из гардероба хозяйки, Катти была снова весела.

Повинуясь её распоряжениям, леди приносили Исте на рассмотрение охапки одежды, а Каттилара открывала шкатулки с драгоценностями.

— Муж сказал, что все ваши вещи разграбили джоконцы, — едва дыша сказала Каттилара. — Я молю вас принять всё, что вам понравится.

— Поскольку моё путешествие планировалось как паломничество, я взяла с собой совсем

немного, так что потеря невелика, — ответила Иста. — Боги сжалились над моими людьми, а всё остальное можно без труда возместить.

— Вы многое испытали, — продолжила Каттилара. Она ахнула от ужаса, когда служительница обнажила весьма уродливые раны на коленях Исты.

— Джоконцам пришлось ещё хуже, в конце концов. Спасибо вашему мужу и его солдатам.

Каттилара засияла от удовольствия, услышав эту косвенную похвалу марчу:

— Ну разве он не совершенство? Я безумно влюбилась в него с первого взгляда, увидев, как однажды осенним днём он вместе с отцом въезжает в ворота Оби. Мой отец — марч Оби, самой крупной цитадели в Карибастосе, ближайший приближённый провинкара.

Иста изогнула губы:

— Уверяю вас, лорд Эрис верхом на коне действительно производит умопомрачительное впечатление.

Каттилара заливалась соловьём:

— Он был просто очарователен, но так печален. Его первая жена умерла от родов несколько лет назад, давая жизнь дочери Лавиане, и говорили, что после этого он даже не смотрит на других

женщин. Тогда мне было четырнадцать. Отец сказал, что я слишком юна, и это девичье увлечение, но я доказала ему, как он ошибся. Три года я осаждала отца, чтобы завоевать милость милорда, и, наконец, этот чудесный приз достался мне!

Верно.

— Вы давно поженились?

— Скоро будет четыре года, — она с гордостью улыбнулась.

— Дети?

Её лицо погрустнело, голос потух:

— Ещё нет.

— Что ж, — сказала Иста, стараясь облегчить эту тайную скорбь, столь ясно отразившуюся на лице девушки, — вы же ещё так молоды… Давайте лучше посмотрим платья.

Сердце Исты упало при виде того, что предлагала Каттилара. Вкусы марчессы склонялись к светлым, воздушным, летящим нарядам, которые, без сомнения, подчёркивали её длинную, стройную фигуру. Иста подозревала, что сама она в них, со своим не особо высоким ростом, будет напоминать гнома, завернувшегося в занавеску. Рейна попыталась обойтись без столь грубых сравнений:

— Всё же я ещё в трауре по своей недавно усоп-

шей матери. И моё паломничество было грубо прервано джоконскими всадниками на полпути. Может быть, есть что-нибудь в цветах, отвечающих моей скорби?…

Старшая из дам Каттилары взглянула на Исту, потом на яркие шелка и, похоже, верно поняла её. Поиски по сундукам и по другим местам увенчались наконец несколькими платьями и нарядами более строгого фасона, без рюшей, в чёрно-сиреневых тонах. Иста улыбнулась и покачала головой, отказываясь от шкатулки с драгоценностями. Каттилара посмотрела на содержимое, а потом вдруг сделала реверанс и убежала.

Иста слышала, как она прошла по галерее и почти сразу свернула; потом сквозь стену зазвучали голоса: один принадлежал Каттиларе, а другой — мужчине. Видимо, лорд Эрис уже вернулся в свои покои. Его тембр и интонации узнать было несложно. Лёгкие шаги заспешили обратно, но затем замедлились и превратились в поступь леди. Каттилара вошла и вытянула руку вперёд, на её губах играла довольная улыбка.

На протянутой ладони лежала роскошная серебряная траурная брошь, украшенная аметистами и жемчугом.

— У моего мужа осталось немного вещей, унаследованных от отца, — застенчиво произнесла она, — а это одна из них. Будет честью для него, если вы наденете её в память о прошлом.

Иста, удивлённая увиденным, усмехнулась:

— И правда. Узнаю эту брошь. Лорд ди Льютес прикалывал её к шляпе, сообразно случаю.

Её подарил ему рей Иас, это один из последних его многочисленных подарков, которые уже можно было приравнять к половине королевства, ещё до того, как всё рухнуло в небытие.

Каттилара смотрела на неё лучащимися глазами, и Иста могла поклясться, затуманенными романтической дымкой. Марчесса, видимо, разделяла героические теории мужа о падении его отца. Иста до сих пор не была уверена, что Эрис поверил в то, что у неё не было сексуальных отношений с мужчиной, чьи любовные похождения были едва ли не менее известны, чем подвиги на поле брани, а не просто согласился с ней из вежливости. Неужели он вообразил себе, что она до сих пор носит траур по ди Льютесу? Или по Иасу? По утраченной любви или ещё чему похлеще? Эта брошь — двусмысленное послание, если это послание вообще.

Плоть Эриса, когда Иста коснулась его исчезнув-

шей раны, была плотной и холодной на ощупь, как воск. Но теперь он восстал, ходит, ездит верхом, разговаривает, целует жену, смеётся или ворчит, как положено настоящему мужу. Исте было бы проще убедить себя, что у неё случилась галлюцинация или приснился сон, но Ферда же подтвердил реальность крови на ладони. Иста взяла у Каттилары эту тайну его намерений и сказала:

— Благодарю, и передайте мою благодарность вашему мужу. — Каттилара была чрезвычайно довольна собой.

Иста легла на кровать леди Каттилары; ещё влажные волосы рейны разметались по льняному полотенцу, в другом конце комнаты на стуле сидела служительница-медик и пристально наблюдала за своей подопечной. Каттилара выставила своих леди вон и вышла сама, чтобы почётная гостья могла отдохнуть перед тем, как накроют ужин. Иста решила, что марчесса отправилась присматривать за приготовлениями. В тишине полутёмной комнаты усталость и потрясающее ощущение чистой кожи и одежды подарили Исте ощущение — иллюзию? — что она наконец-то оказалась в святилище. Головная боль, скорее всего, следствие ссадин и ночной

кошмарной езды… только это не относится к непрекращающемуся звону нервов. Её веки сомкнулись.

От холодного дыхания на щеке Иста раздражённо распахнула глаза. Неудивительно, что в замке — как и во всех старых крепостях — есть привидения, и вполне нормально, что они явились взглянуть на гостя… Она перекатилась на бок. Рядом парило едва заметное белое пятно. От её недовольного и хмурого взгляда ещё два призрака отделились от стены и присоединились к первому, словно их притягивало тепло её тела. Древние духи, бесформенные, угасшие, на пороге полного забвения. Милостивого забвения. Губы Исты сурово прошептали:

— Прочь, бестелесные. Я не могу ничем вам помочь.

Она взмахнула рукой, разгоняя призраков, словно туман, и они исчезли. Ни одно зеркало не отразит эти видения, никто больше не сможет их увидеть.

— Рейна? — раздалось сонное бормотание служительницы.

— Всё в порядке, — ответила Иста. — Мне просто что-то приснилось.

Не приснилось, а внутреннее зрение снова

дало о себе знать. Против воли, без приглашения, несмотря на негодование. И всё же… в этот яркий день она попала в очень мрачное место. Может быть, внутреннее зрение ей всё же понадобится.

В дарах богов всегда скрыт острый крюк.

Вспоминая живой, устрашающий сон, увиденный раньше, Иста не решалась позволить себе заснуть. Так она дремала до тех пор, пока Каттилара и её фрейлины не пришли помогать ей собираться.

Старшая леди уложила волосы Исты так, как рейна привыкла, убрав пряди с лица и оставив остальную часть свободно спускаться на плечи. Прекрасные локоны Каттилары образовывали прелестный водопад; Иста подозревала, что её собственная тускло-пепельная копна, спутанная на затылке, больше напоминала мочалку. Но сорочка лавандового цвета и верхнее платье из чёрного шелка, заколотое на груди траурной брошью, создавали вполне приемлемый внешний вид. Подать себя нужным образом — вот следующая задача.

Летняя жара в северной провинции настала рано. Столы были расставлены во дворе, и еду подали, когда клонящееся к западу солнце коснулось крыш, удлинив тени присутствующих. В

дальнем конце двора, лицом к фонтану в форме звезды, стоял главный стол, ещё два располагалось перпендикулярно ему.

Иста обнаружила, что сидит по правую руку от лорда Эриса, а леди Каттилара устроилась рядом с ней. Если в кольчуге и коже, забрызганной кровью, Эрис производил ошеломляющее впечатление, то в сером наряде, слегка украшенном золотом, и благоухающий вербеной, он был просто неотразим. Он тепло улыбнулся. Сердце Исты перевернулось; но она собрала остатки силы воли и ответила на приветствие немного прохладно; а затем заставила себя отвести от него взгляд.

Ферда получил почётное место рядом с марчессой. Старшие мужчины, одетые в одежды храмовых служителей, сели слева от Эриса, причём их от марча отделял пустой стул. Один из старших офицеров направился было к нему, но лорд Эрис сделал пальцами знак, и офицер, понимающе кивнув, направился к другому столу. Увидев это, леди Каттилара перегнулась через Исту и прошептала мужу:

— Милорд, имея честь принимать сегодня вечером столь почётных гостей, нам следует всё же использовать это место.

Глаза Эриса потемнели:

— Как раз сегодня этого делать не стоит, — глядя на жену, он хмуро сдвинул брови и пальцем коснулся рта. Предупреждая?

Каттилара вернулась на место, поджав губы. Она через силу раздвинула их, улыбаясь Исте, и сказала Ферде какую-то вежливую банальность. Иста обрадовалась, увидев оставшихся гвардейцев из отряда Ферды тоже помытыми и одетыми в чистое, сидящих за другими столами. Офицеры Эриса, женщины Каттилары и служители храма занимали остальные места. За едой рейне обязательно представят важнейших жителей города, расположенного у подножия замка.

Старший служитель поднялся и дрожащим голосом стал произносить молитвы в благодарность за победу, одержанную накануне, за чудесное спасение рейны, за скорейшее выздоровление раненых, а затем благословил грядущую трапезу. Он отдельно, даже несколько неясно, упомянул стойкость Ферды и его людей в этот сезон Дочери, за что, как заметила Иста, офицер-дедикат остался ему чрезвычайно благодарен.

— И, как обычно, мы с особым усердием молим Мать, ввиду её сезона, который уже не за горами, о излечении лорда ди Арбаноса.

Он сделал благословляющий жест в сторону

стула, стоящего по левую руку от лорда Эриса, и марч кивнул, тихо вздохнув. Едва слышный шёпот пробежал по столам, за которыми сидели офицеры, кое-кто даже открыто нахмурился.

Когда слуги начали сновать туда-сюда, неся кувшины с вином и водой и подавая первые блюда, Иста спросила:

— Кто такой лорд Арбанос?

Каттилара бросила опасливый взгляд на Эриса, но тот тут же ответил:

— Иллвин ди Арбанос, мой знаток лошадей. В последние два месяца он… плохо себя чувствует. Как видите, я сохранил его место за столом, — в последней реплике так и читалось упрямство. Помолчав, он добавил: — Помимо всего прочего, Иллвин мой единоутробный брат.

Иста сделала глоток из кубка с разбавленным водой вином, прокручивая в голове фамильные древа. Ещё один неизвестный внебрачный сын ди Льютеса? Но великий придворный славился тем, что признавал всё своё разбросанное по стране потомство, регулярно молясь в Башне Бастарда и делая туда внушительные подношения на содержания своих отпрысков. Может быть, этого родила замужняя женщина, но младенца оставили в семье, благодаря уступчивости

мужа-рогоносца?... Имя оправдывает такую версию. Тихо, но не тайно, особенно если этот ди Арбанос метил на место марча и его амбициям пошли навстречу.

— Это большая трагедия, — произнесла Каттилара.

— Слишком большая, чтобы омрачать этот праздничный вечер, — прорычал Эрис. Не особенно ласково.

Каттилара затихла; но потом, взяв себя в руки, всё же стала рассказывать о своей семье из Оби, о братьях и их пограничных стычках с рокнарцами в кампаниях последних лет. Иста отметила, что лорд Эрис положил себе на тарелку совсем немного и едва касался этого немногого вилкой.

— Вы совсем не едите, лорд Эрис, — решилась наконец Иста. Он вслед за ней посмотрел на свою тарелку и горько улыбнулся:

— У меня небольшой жар и несварение желудка. Считаю, что голодание — для меня самое эффективное лечение. Это скоро пройдёт.

Несколько музыкантов, расположившихся в галерее, заиграли весёлую мелодию, и Эрис, но не Каттилара, счёл это хорошим предлогом прервать и без того прихрамывающую беседу. Немного спустя, он извинился и отправился об-

судить что-то со своим офицером. Иста обратила внимание, что на столе, перед пустующим стулом лорда ди Арбаноса, стоял полный набор приборов. Кто-то положил поперёк тарелки только что срезанную белую розу в качестве дара или подношения богам.

— В вашем обществе, видимо, очень скучают по лорду ди Арбаносу, — сказала Иста Каттиларе.

Она оглядела двор и увидела, что муж разговаривает возле другого стола, и ничего не слышит:

— Очень скучают. На самом деле мы уже отчаялись надеяться, что он поправится, но Эрис не хочет слушать… это очень грустная история.

— А этот человек сильно старше марча?

— Нет, это младший брат моего мужа. Почти на два года младше. Большую часть жизни они были неразлучны… Управляющий замка, как говорит мой отец, после смерти матери мальчиков, растил их вместе и относился к ним одинаково. Иллвин был знатоком лошадей у Эриса с тех пор, как я себя помню.

Их матери? Иста вернулась к рассмотрению гипотетического генеалогического древа.

— Так этот Иллвин… не приходится сыном канцлеру ди Льютесу?

— О нет, вовсе нет, — горячо возразила Кат-

тилара. — Я всегда считала, что в своё время это была одна из самых романтичных историй. Говорят… — она снова осмотрелась, немного покраснела и, подвинувшись к Исте, понизила голос. — Когда лорд ди Льютес оставил леди Порифорса, мать Эриса, чтобы оказаться при дворе, она полюбила своего управляющего, сьера ди Арбаноса, а он — её. Ди Льютес вряд ли возвращался в Порифорс, а дата рождения лорда Иллвина… в общем, всё было ясно. Тайна была известна всем, но сьер ди Арбанос признал Иллвина сыном только после смерти несчастной леди, матери мальчика.

Вот ещё один повод для ди Льютеса не вспоминать о своей невесте с севера… но что было причиной, а что следствием? Рука Исты коснулась броши на груди. Иллвин стал серьёзным пятном на тщеславии и могуществе ди Льютеса. Было ли это великодушным жестом прощения — законно отдать ребёнка настоящему отцу — или простым способом выставить мальчишку-бастарда из длинной вереницы наследников ди Льютеса?

— А что за болезнь мучает его?

— Это не совсем болезнь. Очень неожиданная… трагедия или жестокий случай. Раздутый слуха-

ми и догадками. Произошедшее стало причиной безграничной печали для моего мужа и потрясением для всего Порифорса… ой, он возвращается сюда.

Лорд Эрис выпрямился и направился обратно к своему месту во главе стола. Офицер, с которым он разговаривал, поднялся, отсалютовал ему и покинул двор. Каттилара заговорила почти шёпотом:

— Мой муж очень нервничает, когда об этом говорят. Я расскажу вам всё наедине, попозже, хорошо?

— Благодарю, — ответила Иста, толком не понимая, как реагировать на всю эту таинственность. Она только знала, каким будет её следующий вопрос. *Лорд Иллвин случайно не высокий, худощавый мужчина с волосами цвета морозной ночи?* В конце концов, ди Арбанос-младший вполне может оказаться коротышкой, круглым, как бочка, лысым или с огненно-рыжей шевелюрой. Она может спросить, Каттилара ответит, и узел в животе у Исты развяжется сам собой.

Тарелки убрали. Несколько солдат, выделенные офицером Эриса, принесли множество коробок, сундуков, мешков и груды оружия, брони и свалили всё это кучами прямо перед главным столом.

Трофеи, добытые в утреннем сражении, сообразила Иста. Лорд Эрис и леди Каттилара вместе поднесли рейне небольшой сундучок и открыли его перед ней.

Иста едва не отпрянула от запаха смерти и плача, который поднимался от безделушек, горкой лежащих внутри. Она поняла, что чувствует эту вонь не носом. Она, судя по всему, первая, кому досталась часть добычи, отнятой у злополучных джоконцев. Холмик из изящных колец, булавок и браслетов, созданных искуснейшими мастерами, чтобы подчеркнуть женственность, сиял в тусклом свете заходящего дня. Какие из них так недавно были украдены в Рауме? Какие из них предназначались джоконским девушкам, которые никогда больше не увидят своих обожателей? Иста выровняла дыхание, натянула подходящую улыбку и выдавила из себя несколько соответствующих случаю слов, благодаря лорда Эриса и его людей за смелость и быстроту, проявленные в ответ на вторжение всадников; голос пришлось повышать, чтобы все эти похвалы были услышаны и за дальними столами.

Меч тонкой работы был преподнесён Ферде, который даже не пытался скрыть восторг. Каттилара раздала какую-то часть сокровищ

своим фрейлинам, Эрис вручил ещё одну груду офицерам, сопроводив подарки шутками и комментариями, остальное передали служителю в качестве подношения в городской храм. Молодой дедикат, видимо личный помощник старшего служителя, с благодарностями и благословениями принял дар, чтобы распорядиться им должным образом.

Иста провела пальцами по содержимому сундучка. По коже побежали мурашки. Ей не нужно это наследство мёртвых. Что ж, есть одно решение. Она нашла колечко в форме табуна золотых коней, свитого в круг, для своей храброй горничной, — где сейчас Лисе? Но после секундных размышлений рука потянулась к изогнутому кинжалу с ручкой, украшенной драгоценными камнями. В нём сочетались и элегантность, и практичность, что как раз подходило всаднице. Вздохнув от воспоминания, что все деньги остались на дне реки в Толноксо, Иста выбрала несколько украшений на продажу. Отложив колечко и кинжал в сторону, она подвинула сундучок к Ферде.

— Ферда. Выбери для брата, что понравится. Ещё четыре штуки возьми для наших раненых и тех, кто с ними остался. Отыщи что-нибудь

подходящее для ди Кэйбона. Все твои ребята тоже могут взять, что приглянется. Проследи, чтобы остальное перешло к Ордену Дочери с моей величайшей благодарностью.

— Конечно, рейна! — Ферда улыбнулся, но потом улыбка потухла. Он нагнулся к Исте поближе через пустующий стул марчессы. — Я хотел спросить вас. Теперь, когда вы доставлены в действительно безопасное место и некоторое время можете находиться под надёжной защитой марча, можно мне уехать на поиски Фойкса, Лисе и служителя?

Я не знаю что происходит с этим местом, но безопасным его точно не назовёшь. Но вслух произносить этого нельзя. Помимо этого нельзя приказывать ему готовить людей, чтобы отбыть завтра. *Сегодня же ночью.* Непрактично, невозможно. Невежливо. Воины Дочери утомлены не меньше, чем она. Тем более что половина их лошадей ещё только идут в замок, а грумы из Порифорса медленно ведут их небольшими переходами.

— Как и всем нам, тебе нужно отдохнуть, — Иста тянула время.

— Я буду спать лучше, если буду знать, что случилось с ними.

Рейна понимала справедливость этого, но мысль, что она останется здесь одна, запертая, словно в ловушке, без собственного эскорта, заставляла звенеть и без того измученные нервы. Она нерешительно нахмурилась, когда леди Каттилара снова заняла своё место.

Лорд Эрис тоже вернулся и, подавив усталый вздох, опустился на стул. Иста спросила его о письмах, отправленных, чтобы узнать, что случилось с теми, кто отделился от её отряда. Он выслушал слова Ферды о беспокойстве за брата, как показалось Исте, с особой симпатией, но высказал мнение, что ответ ещё не успел прийти. По общему молчаливому соглашению никто не упомянул о сложностях, связанных с демоном-медведем.

— В любом случае, мы знаем, что Лисе добралась до провинкара Толноксо, — возразила Иста. — Предупредить о приближении всадников мог кто угодно, но то, что среди пленных нахожусь я, могла знать только она. И если девушка в безопасности, то она наверняка догадается организовать поиски твоего брата и нашего доброго служителя.

— Это… верно, — Ферда сморщил губы, разрываясь между этими доводами и тревогой. — Если

только её послушали. И дали ей кров…

— Станции канцлерских курьеров предоставят ей кров в любом случае, даже если да Толноксо откажется, хотя если он не оценит отвагу девушки, не обеспечит ей достойный приём и не будет ей содействовать, то он лично выслушает моё мнение. И мнение канцлера ди Кэсерила тоже, это я обещаю. Благодаря письмам лорда Эриса все скоро узнают, где нас подобрали. И если наши заблудшие овечки доберутся до Порифорса, в то время как ты разыскиваешь их, Ферда, то ты всё равно их упустишь. В любом случае, ты не можешь отправиться сегодня же ночью, в темноте. Давай посмотрим, какое решение — или послание — принесёт завтрашнее утро.

Ферде пришлось согласиться со всеми этими рассуждениями.

Прохладные сумерки опустились на двор. Музыканты уже закончили играть, никто этим вечером не танцевал, не представлял пьес. Мужчины проследили, чтобы остатки вина не пропали даром, и начались последние молитвы и благословения. Служитель, опираясь на руку своего помощника, нетвёрдой походкой ушёл, за ним потянулись и остальные представители деревенского храма. Офицеры Эриса немного даже

благоговейно выполнили все условности этикета, положенные вдовствующей рейне, и почли за честь опуститься на колени и поцеловать её овеянные легендами руки. Но когда они уходили прочь, на их лицах появлялась озабоченность тем приказом, который им предстояло исполнить, и Иста напомнила себе, что находится в действующей цитадели.

Когда она встала, Каттилара предупредительно подхватила её под локоть:

— Теперь я могу проводить вас в ваши комнаты, рейна, — сообщила она с улыбкой. Она быстро взглянула на Эриса. — Они не очень просторные, но… крыша там в лучшем состоянии.

Еда и вино, вынуждена была признать Иста, объединились и решили отбить у неё всякое желание двигаться.

— Благодарю, леди Каттилара. Замечательно.

Эрис формально поцеловал Исте руки и пожелал спокойной ночи. Иста не поняла, были его губы прохладными или тёплыми, поскольку её смутило, что ощущение, оставшееся на коже после поцелуя, её беспокоило. Но всё же не жгло; хотя, когда он посмотрел на неё своими чистыми серыми глазами, она покраснела.

Как всегда окружённая стайкой женщин, мар-

чесса взяла Исту за руку и повела по очередному сводчатому проходу под галереей, а затем по короткой аркаде. Они снова свернули, прошли под ещё одной чередой нависающих строений и оказались в маленьком квадратном дворике. Ещё не окончательно стемнело, но вверху, над головой, в тёмно-синем небе зажглась первая звезда.

Аллея, украшенная каменными арками, вела вдоль стены, тонкие алебастровые колонны были увиты резными лозами и цветами в рокнарском стиле…

Не жаркий полдень, не прохладная лунная ночь, но тот же самый двор, что являлся Исте в снах, всё совпадает, до последней детали, безошибочно, всё именно так, словно кто-то долотом и шилом врезал этот образ ей в память. Иста почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Она никак не могла понять, удивлена лиона.

— Думаю, мне лучше сесть, — сказала она слабым голосом. — Прямо сейчас.

Каттилара взглянула на неё и заметила, что ладонь рейны, лежащая на её руке, дрожит. Она послушно отвела Исту к скамейке, одной из тех, что были расставлены в аллее по периметру, и села рядом с ней. Отшлифованный временем мрамор под пальцами Исты ещё хранил тепло

дня, хотя воздух уже становился холоднее, мягче. Она крепко обхватила каменный край, потом заставила себя сесть прямо и глубоко вдохнуть. Судя по всему, это место — самая старая часть замка. Тут не было вездесущих кашпо с цветами; только искусство рокнарских каменщиков не позволяло ему казаться суровым.

— Рейна, с вами всё в порядке? — недоверчиво спросила Каттилара.

Иста обдумывала разнообразные варианты лжи и правды, подходящие случаю, — *У меня болят ноги. И голова.* Потом выжала из себя:

— Всё будет хорошо, если я минутку отдохну, — Иста рассматривала обеспокоенные черты марчессы. — А вы пока мне расскажете, что же обрушилось на лорда Иллвина.

Иста изо всех сил старалась отводить взгляд от той двери, в дальнем левом углу галереи, к которой вели ступени. Каттилара помолчала, нахмурившись:

— Скорее не что, а кто. По крайней мере, мы так думаем. — Иста подняла брови:

— На него кто-то напал?

— Ну, нечто вроде этого, — она взглянула на своих фрейлин и сделала знак, чтобы они отошли: — Оставьте нас, пожалуйста.

Марчесса проследила, что они расположились на скамейке в другом конце двора, а потом доверительно понизила голос:

— Около трёх месяцев назад из Джоконы прибыло весеннее посольство, чтобы организовать обмен пленниками, договориться о выкупах, оформить грамоты, позволяющие торговцам пересекать границы, в общем, исполнить всё, для чего организуются такие делегации. Но в этот раз самым неожиданным их предложением стала овдовевшая сестра князя Сордсо Джоконского. Старшая сестра, уже два раза побывавшая замужем, как я думаю, за жутко богатыми джоконскими лордами, которые сделали то, что делают все старые лорды. Не знаю, может быть, она отказалась ещё раз так пожертвовать собой, а может, она уже потеряла цену на этом своеобразном рынке замужеств — ей было около тридцати. Хотя она была всё ещё очень привлекательна. Княжна Юмеру. Скоро выяснилось, что её окружение жаждало отдать её в жёны брату моего мужа, если он ей понравится.

— Интересно, — невозмутимо откликнулась Иста.

— Эрис решил, что это хороший знак, что это станет способом заручиться поддержкой Джоко-

ны в предстоящей кампании в Виспинге. Если Иллвин захочет. Вскоре стало очевидно, — в общем я никогда не видела, чтобы хоть одна женщина так же вскружила ему голову. Его язык больше привык к горьким остротам, чем к медовым комплиментам.

Если Иллвин лишь немного младше Эриса…

— А лорд Иллвин — сьер ди Арбанос? — раньше был женат?

— Да, теперь он сьер ди Арбанос. Он унаследовал титул отца почти десять лет назад, как мне кажется, и кроме этого, наследовать было больше нечего. Нет, женат он не был. Обручён раза два, но сговор по какой-либо причине расстраивался. Отец посвятил мальчика Ордену Бастарда, чтобы ребёнок получил образование, но по словам лорда Иллвина, в нём так и не проснулось призвание. Но время шло, люди начали строить всякие предположения. Я видела, как это раздражает его.

Иста вспомнила, как сама строила всякие предположения насчёт ди Кэйбона, и поморщилась. И всё же, даже если эта княжна Юмеру потеряла товарный вид, союз с младшим лордом-квинтарианцем, бастардом ко всему прочему, был бы мезальянсом для такой благородной кватернианки. Её дедом по материнской линии был сам

Золотой Генерал, если Иста верно вспомнила схему древних браков Пяти Княжеств.

— В случае свадьбы она собиралась менять вероисповедание?

— Честно говоря, я в этом не уверена. Иллвин был настолько увлечён ею, что сам скорее перешёл бы в её веру. Они были замечательной парой. У него тёмные волосы, у неё золотистые локоны; у принцессы была классическая рокнарская кожа, оттенка свежего мёда, и цвет волос идеально сочетался с ней. Всё было… в общем, понятно, к чему всё шло. Но один человек был несчастен.

Каттилара глубоко вздохнула, на её взгляд набежала тень:

— В свите принцессы был один придворный, которого снедали ревность и негодование. Он хотел, чтобы Юмеру принадлежала ему, и не мог видеть, как её отдают в лапы врага. Положение и состояние лорда Печмы едва ли превышали ранг и богатство бедного Иллвина, но, само собой, у него не было той боевой славы, что окружала брата моего мужа. Однажды ночью… однажды ночью она отослала слуг и Иллвин… пришёл к ней, — Каттилара сглотнула. — Нам кажется, что Печма это увидел и последовал за ним. На следующее утро Иллвина нигде не было, но когда

фрейлины принцессы вошли в её комнату, они обнаружили там ужасающую сцену. Они пришли и разбудили нас с мужем… Эрис не позволил мне войти в ту комнату, но говорят… — марчесса говорила едва слышно, — лорда Иллвина нашли обнажённым, запутавшимся в простынях, без чувств, истекающего кровью. Княжна лежала мёртвой у окна, как будто она хотела сбежать или позвать на помощь; из груди её торчал отравленный рокнарский кинжал. Лорд Печма, его конь и сбруя, а также отряд, находившийся в распоряжении этого рокнарца, исчезли из Порифорса.

— Ох, — только и произнесла Иста. Каттилара ещё раз сглотнула и потёрла глаза.

— Люди моего мужа и слуги княжны вместе отправились искать убийцу, но он успел скрыться. Посольство превратилось в погребальный кортеж и увезло тело принцессы обратно в Джокону. Иллвин… так и не пришёл в себя. Мы не знаем, случилось ли это из-за подлого рокнарского яда, обнаруженного на кинжале, которым пронзили Иллвина, или он упал и ударился головой, или его ударил кто-то другой. Но мы с ужасом полагаем, что разум покинул его. Мне кажется, этот кошмар мучает Эриса сильнее, чем опечалила бы смерть Иллвина, потому что муж всегда полагался на

ум брата.

— А… как это приняли в Джоконе?

— Не очень хорошо, даже несмотря на то что зло рокнарцы привезли с собой. На границе всегда положение напряжённое. Что сослужило неплохую службу вам, потому что, когда прибыл курьер от провинкара Толноксо, люди моего мужа были в полной боевой готовности.

— Неудивительно, что лорд Эрис всё время на взводе. Действительно жуткие события. — *Действительно, крыша протекает.* Иста могла быть только благодарна Эрису, что его твёрдость не позволила поселить её в той комнате, где встретила смерть княжна Юмеру. Рейна понимала жуткий расчёт Каттилары. Страшно и мучительно, да. Но в этом нет ничего опасного. Ни богов, ни видений, ни сверкающих белых огней, которые не обжигают. Нет смертельных алых ран, которые открываются и закрываются так же просто, как кто-то застёгивает и расстёгивает тунику.

Я взгляну на этого лорда Иллвина, хотела сказать она. *Не могли бы вы провести меня к нему?* Но как она объяснит своё болезненное любопытство, сомнительное желание попасть в комнату больного мужчины? Всё равно, сейчас она совсем не хотела смотреть на сражённого недугом лорда.

Наоборот, она жаждала оседлать коня, нет, сесть в повозку, которая увезёт её подальше отсюда.

Сгущающаяся темнота выпивала цвет из предметов; лицо Каттилары стало белым пятном.

— День был длинным. Я устала, — Иста поднялась на ноги. Каттилара вскочила, чтобы помочь ей подняться по ступеням. Рейна стиснула зубы и позволила левой ладони ухватиться за руку молодой женщины; Иста медленно шла по лестнице, правой рукой держась за перила. Дамы Каттилары, продолжая беседовать между собой, последовали за ними.

Когда они достигли вершины лестницы, дверь в дальнем конце двора распахнулась. Иста резко обернулась. Низенький, кривоногий мужчина с короткой серой бородой появился на пороге, неся ворох грязных тряпок и накрытое крышкой ведро. Увидев женщин, он свалил свою ношу у двери и поспешил вперёд.

— Леди Катти, — позвал он скрипучим голосом, склонив голову. — Ему нужно ещё козьего молока. И побольше мёда в нём.

— Не сейчас, Горам, — раздражённо поморщив носик, Каттилара махнула, чтобы он ушёл. — Я скоро приду.

Он снова склонил голову, но при виде Исты

его глаза под мохнатыми бровями сверкнули. От любопытства или просто так, Иста едва ли могла различить в темноте, но когда она повернула вслед за Каттиларой к комнатам, ожидавшим её на другом конце галереи, его взгляд, словно рука, упёрся ей в спину.

Горам заковылял прочь. Рейна оглянулась и увидела, как дверь в другом конце снова открылась и закрылась, оранжевая полоса света свечи замерцала, сузилась и потухла.

Глава одиннадцатая

Фрейлины Каттилары завернули Исту в изящную, прозрачную ночную рубашку и уложили в постель, застланную тончайшим расшитым бельём. Иста попросила оставить на столе горящую свечу в стеклянном шарообразном подсвечнике. Женщины на цыпочках вышли из спальни рейны через комнату, в которой должны были ночевать горничная и служительница-медик, чтобы в любой момент прийти на зов госпожи, и закрыли за собой внешнюю дверь покоев. Иста села, опираясь на гигантскую гору подушек, и стала смотреть на колеблющийся огонёк свечи, разгонявший окружающую тьму, обдумывая дальнейшие действия.

Можно не спать целыми днями до тех пор, пока комната не начнёт раскачиваться и перед глазами, словно искры, сыплющиеся из пламени, не начнут мелькать странные, бесформенные галлюцинации. Это она уже пробовала; тогда, когда боги в первый раз потревожили её сны, когда она думала, что сходит с ума, а Иас позволил ей так думать. Закончилось это плохо. Разум и сны можно утопить в вине. Но лишь ненадолго. Это

она тоже испробовала, и сработало это ещё хуже, потому что продолжалось достаточно долго. От богов не скрыться даже в безумии; напротив, эффект будет обратным.

Она подумала о том, что находится в той, ничем не отличающейся от этой комнате, разве что не окуренной ароматными благовониями, расположенной в другом конце галереи. Более того, она точно представляла себе, где там стоит кровать, как лежат ковры, как выглядит комната, а главное — её обитатель. Не нужно даже смотреть. *Только вот Горама я раньше не видела.* Но есть подозрение, что его существование тоже подразумевалось заранее.

Итак, ты, кем бы из Пятерых ты ни был, притащил меня сюда. Но Вы не можете заставить меня пройти в ту дверь. И открыть её самостоятельно Вам не по силам. Вы не сумеете даже поднять листок; согнуть металл или мою волю вне Вашей власти. Боги предлагают состязание. И она может противостоять им весь день.

Но не ночь. В любом случае, мне нужно спать. И мы все это знаем.

Иста вздохнула, наклонилась и задула свечу. Запах горячего воска защекотал ноздри, и блеск потухшего пламени оставил разноцветные раз-

воды на сетчатке глаза. Она перекатилась набок и подмяла плечом подушку. *Вы не можете открыть ту дверь. И Вам не заставить сделать это меня, какие бы сны Вы не наслали.*

Делайте то, что задумали. Самое плохое, что могли, Вы мне уже сделали.

* * *

Сначала сон был бесформен, пуст. Потом пришли обычные видения, чьи беспокойные абсурдные смыслы, тая, перетекали друг в друга. Наконец, она вошла в какую-то комнату, и всё изменилось; эта комната была осязаемой, квадратной, её углы были чёткими, как в любом реальном месте, только здесь Иста ни разу не была. Это не спальня лорда Иллвина. И не её собственная спальня. Судя по свету, проникавшему сквозь резьбу ставен, снаружи был солнечный день. По характерному стилю рейна поняла, что это одна из комнат замка Порифорс, а потом сообразила, что однажды уже мельком видела её в свете свечи. Лорд Эрис запретил…

Теперь вокруг было тихо и пусто. Покои были тщательно вымыты и убраны. Кроме неё, никого не было… но, постойте. Дверь открылась.

Немного туманный свет, льющийся сквозь

ставни со двора, уставленного цветами, осветил знакомую фигуру. Она заполнила весь дверной проём, протиснула полные бёдра внутрь; дверь захлопнулась позади. На секунду сердце Исты наполнилось радостью, что ди Кэйбон жив и невредим.

Только… это был не ди Кэйбон. Или не только ди Кэйбон.

Он был толще, ярче, белее. Бесполый. Плоть раздулась, чтобы вместить в себя то, что вместить невозможно? Одежды его были безукоризненно чисты — уже только по этому Иста могла почувствовать разницу — и сияли, словно луна. Над изгибом улыбки, которую задорно оттеняли несколько подбородков, сверкали глаза бога. Шире, чем небо, бездоннее, чем морские глубины; взгляд многократно отражался внутри себя самого, каждый слой был лишь множеством других слоёв, повторяемых бесконечно много или бесконечно мало. Глаза, которые одновременно могут смотреть на каждого, на каждое живое существо в мире, снаружи и изнутри, с одинаково неослабевающим вниманием.

Милорд Бастард. Иста не произнесла его имя вслух, чтобы он не принял это за молитву. Вместо этого она только сказала:

— Неравная встреча, не так ли? — Он подался вперёд, перегибаясь через огромный живот:

— Ты мала, но сильна. Я, как ты знаешь, не могу поднять даже листок. И не могу гнуть железо. Моя Иста.

— Я не твоя.

— Мной, как и влюблённым, руководит надежда и предчувствие, — улыбка ещё сильнее растянула толстое лицо.

— Или как крыса, которой руководит желание совершить подлость.

— Крысы, — он задумчиво вздохнул, — примитивные, пугливые и прямолинейные создания. Очень ограниченные. Чтобы совершить подлость, требуется мужчина. Или женщина. Подлость… правда, победа… поимка медведя…

Она вздрогнула, услышав этот возможный намёк на Фойкса.

— Ты хочешь от меня чего-то. Языки богов источают мёд только тогда, когда им что-нибудь нужно. А когда что-то нужно мне, — когда я молилась, распростёрши по земле лицо и руки, в слезах и в страхе, годами, — где были вы тогда? Где были боги в ту ночь, когда умер Тейдес?

— Сын Осени отправил в путь многих людей в ответ на твои молитвы, дражайшая Иста. Но они

свернули с дороги и не пришли. Потому что он не мог согнуть их волю и направить их шаги. Их разбросало ветром, словно листья.

Его губы сложились в улыбку, мрачнее и серьёзнее которой Иста никогда не видела:

— Теперь молится другой, и его отчаяние не меньше, чем было твоё тогда. Он так же дорог мне, как Тейдес был дорог Брату Осени. И я послал тебя. Ты свернёшь с пути? Так, как сделали те, кто шёл к Тейдесу? Тем более теперь, когда до конца путешествия осталось всего несколько шагов?

Повисло молчание.

Исту душила ярость. И что-то ещё, более сложное, какая-то кипящая смесь, которую даже она не могла выделить и назвать. Болевая горячка, может быть. Рейна выдавила сквозь зубы:

— Господин Бастард, ты действительно бастард. Ублюдок. — Он только раздражающе ухмыльнулся:

— Когда появится человек, способный тебя рассмешить, мрачная Иста, разгневанная Иста, железная Иста, только тогда твоё сердце излечится. Ты не молила об этом: такую награду не могут дать даже боги. Нам не всегда доступны даже такие простые вещи, как искупление ваших грехов.

— В последний раз, когда я пыталась следовать святым, запутанным, непонятным наставлениям богов, меня предали и втянули в убийство, — разошлась она. — Но от тебя мне не нужно искупление. Я не хочу быть частью Тебя. Если я решусь, я буду молить о забвении; чтобы меня замарали, уничтожили, стёрли, как бестелесных духов, которые действительно умирают и только так бегут от скорби мира. Что боги могут дать мне?

Он поднял брови, на его лице отразилась деланная благосклонность:

— Как «что»? Занятие, дражайшая Иста!

Он подошёл ближе; доски опасно скрипнули у него под ногами. Она чуть не сделала шаг назад, представив, что они оба провалятся сквозь пол в комнату под ними. Он держал руки, не касаясь, чуть выше её плеч. В крайнем беспокойстве, Иста заметила, что обнажена. Он наклонился вперёд так, что глобус его могучего брюха коснулся её, и прошептал:

— Твой лоб отмечен моим знаком.

Его губы тронули её лоб. След жёг, словно клеймо.

Он вернул мне дар второго зрения. Прямое, непосредственное понимание мира духов, *Его*

мира. Она вспомнила, как губы Матери точно так же обожгли её кожу тогда, давным-давно, в том самом видении, которое привело к таким гибельным последствиям. *Ты можешь впечатать в меня свой дар, но я не обязана его открывать. Я отказываюсь от него и готова противостоять тебе!*

Глаза бога сверкнули яркой искрой. Его руки скользнули по её голой спине, крепче прижимая её к своему телу; он снова наклонился и впился ей в рот откровенно похотливым поцелуем. Её тело вспыхнуло от постыдного возбуждения, что разозлило Исту ещё больше.

Тёмные бездны вдруг исчезли из его глаз, которые находились так близко от её. Человеческие глаза расширились, а потом совсем округлились. Мудрейший ди Кэйбон охнул, убрал язык и отскочил, словно испуганный телёнок.

— Рейна! — всхлипнул он. — Простите меня! Я, я, я… — его взгляд метнулся по комнате, вернулся к Исте, стал ещё изумлённей, бросился к потолку, к полу, к дальней стене. — Я даже не знаю, где я…

Теперь он не её сон, в этом Иста была уверена. Это она была его сном. И когда проснётся, он будет помнить его так же живо. Где бы он ни был.

— У вашего бога, — усмехнулась она, — отвратительное чувство юмора.

— Что? — непонимающе переспросил он. — Он был здесь? И я упустил его?

Его лицо стало безумным.

Если это такие реальные сны, то каждый…

— Где вы сейчас? — быстро спросила Иста. — Фойкс с вами?

— Что?

Иста открыла глаза.

Она лежала на спине в своей спальне, запутавшись в тонких льняных простынях и прозрачной ночной рубашке Каттилары. Одна. Рейна выругалась.

Вероятно, сейчас около полуночи; в крепости тихо. Вдалеке сквозь оконные решётки слышалось тихое мерное жужжание насекомых. Ночная птица мелодично выводила трель. Тусклый лунный свет проникал внутрь, разгоняя угольно-чёрную темноту.

Она думала, чьи же молитвы привели её сюда. Бастарду, как богу последней надежды, молятся многие, не только те, чьё происхождение вызывает сомнения. Это мог быть любой житель Порифорса. За исключением, предположила Иста, мужчины, который не может очнуться от

бескровного обморока. *Если я найду того, кто сделал со мной это, я сделаю так, чтобы он никогда больше не захотел распевать молитвенные стишки перед сном…*

Лёгкий скрип и шорох шагов послышался со стороны галереи.

Иста поспешила избавиться от простыней, спустила босые ноги на доски и неслышно прокралась к окну, которое выходило во двор. Она отперла внутреннюю деревянную ставню и потянула на себя; к счастью, она не скрипнула. Иста прижалась лицом к металлическим кружевам внешней решётки и выглянула наружу. Ущербная луна ещё не зашла за скат крыши. Её неверный свет падал на галерею.

Привыкшие к темноте глаза Исты могли различить высокую изящную фигуру леди Каттилары в бледном платье, в одиночестве скользящую вдоль перил. Она остановилась у двери в дальнем конце, тихонько открыла её и исчезла внутри.

Мне нужно последовать за ней? Красться и подсматривать, подслушивать под окнами, подглядывать, словно вор? Нет уж, я не стану! И плевать на то, какой любопытной Ты заставляешь меня быть, будь Ты проклят…

Никакими силами боги не заставят её про-

никнуть вслед за леди Каттиларой в спальню её сражённого недугом деверя. Иста закрыла ставню, развернулась, прошла обратно к кровати и зарылась в одеяла.

Она лежала и слушала.

Спустя несколько секунд бессильной ярости Иста встала снова. Она осторожно придвинула табурет к окну, уселась, опираясь головой на железную решётку, и стала смотреть. Ещё через некоторое время дверь опять приоткрылась, ровно настолько, чтобы выпустить стройную женщину. Каттилара вернулась и спустилась по лестнице. В руках у неё ничего не было.

Видимо, она проверяла, как забоятся о больном. А это входит в обязанности хозяйки замка, если дело касается столь благородного человека, столь важного офицера, столь близкого родственника, так ценимого мужем. Возможно, лорду Иллвину нужно было обеспечить какое-то ночное лечение, дать какое-то обнадёживающее средство, которое прописали целители. Существует десяток обычных, безобидных объяснений.

Хорошо, всего лишь несколько.

Одно или два, наконец.

Иста зашипела сквозь зубы и вернулась в постель. Она долго ещё ворочалась, пока не за-

снула.

* * *

Для той, кто по ночам тайно порхает по замку, леди Каттилара появилась в комнатах Исты достаточно рано, почти сразу после рассвета, принеся с собой весёлую гостеприимность и изъявив желание сводить Исту в деревенский храм на утреннюю службу, чтобы возблагодарить богов. Собравшись с силами, Иста подавила в себе болезненное напряжение, которое вызывало присутствие молодой марчессы. Когда рейна вышла в уставленный цветами парадный двор и обнаружила Пежара, державшего под уздцы её коня, отказываться уже было поздно. Мышцы всё ещё немилосердно ныли, создавая ощущение, что вот-вот рассыплются окончательно, но она позволила усадить себя в седло. Пежар повёл коня в поводу вполне благопристойным шагом. Леди Каттилара шагала летящей походкой впереди процессии, держа голову прямо и свободно покачивая руками, с таким видом, словно вот-вот запоёт вместе со своими фрейлинами какой-нибудь гимн.

Деревня Порифорс была населена достаточно густо и сразу же производила впечатление

места, которому резко не хватает укреплений, или, наоборот, вокруг которого царит мир, и они вовсе ни к чему. Местный храм был маленьким и древним, алтарями четырёх богов служили лишь небольшие ниши, окружавшие центральный двор, а Башней Бастарда и вовсе оказалась одна из временных построек, которая отжила своё уже много лет назад. Тем не менее после службы старый служитель выразил желание показать рейне все маленькие сокровища его храма. Ферда знаком приказал Пежару ждать Исту и откланялся, сказав, что оставит их ненадолго. Иста дёрнула уголком губ, выражая недовольство по поводу момента, который он выбрал.

Сокровища же, напротив, оказались не такими уж маленькими, потому что после удачных предприятий лорда Эриса на долю храма выпадали весьма щедрые пожертвования. Имя лорда Иллвина тоже часто встречалось в полных энтузиазма речах служителя. Да, преступление, приведшее к таким печальным последствиям, действительно просто ужасно. Увы, деревенские целители не смогли ничем помочь, но есть ещё надежда, что более сведущему человеку из какого-нибудь крупного города Шалиона или Ибры удастся сотворить чудо, когда люди, посланные

лордом Эрисом, доставят такого сюда. Служитель упомянул самые интересные истории, связанные с происхождением младшего брата марча, а вслед за этим перешёл к планам постройки нового храма, требующим одобрения и покровительства марча и марчессы. Вскоре вернулся Ферда.

Лицо его было мрачным. Он на секунду опустился на колени у ниши Леди Весны, закрыв глаза и шевеля губами, а потом приблизился к Исте.

— Простите меня, мудрейший, — Иста безжалостно прервала монолог служителя. — Мне нужно поговорить со своим офицером-дедикатом.

Теперь уже вдвоём они вернулись в нишу Леди Весны:

— Что случилось? — тихо поинтересовалась Иста. Он ответил ей вполголоса:

— Прибыл утренний курьер от Лорда ди Карибастоса. Ни словечка ни о Фойксе, ни о ди Кэйбоне, ни о Лисе. Поэтому прошу отпустить меня и ещё двух моих людей на поиски, — он с понятным восхищением посмотрел на леди Каттилару, которая взяла на себя заботу внимательно слушать служителя. — Здесь вы в лучших руках, чем можно вообразить. Дорога до Маради

и обратно займёт всего несколько дней, лорд Эрис взялся одолжить нам хороших свежих коней. Думаю, я вернусь раньше, чем вы снова сможете отправиться в путь.

— Я… не нравится мне всё это. Если что-нибудь случится, я не смогу обойтись без вашей помощи.

— Если войска лорда Эриса не смогут защитить вас, то горстка моих гвардейцев тем более окажется бессильной, — возразил Ферда. Он поморщился. — Как, боюсь, мы уже доказали. В обычной ситуации я бы безропотно покорился вашему мнению, — он понизил голос, — но существует угроза медведя.

— Ди Кэйбон справится с такими осложнениями лучше, чем любой из нас.

— Если он жив, — хмуро заметил Ферда.

— Я уверена, что жив. — Иста решила не объяснять, откуда она это знает. Но за Фойкса она поручиться не может.

— Я знаю брата. Он может быть сильным и убедительным. И хитрым, если первое не сработает. Если… его воля принадлежит ему и управляется его разумом… Не уверен, что ди Кэйбон справится с ним. Я смогу. Я знаю парочку способов. — На секунду лицо юноши озарилось улыбкой, полной

братской любви.

— Мм-м, — протянула Иста. Умение убеждать, видимо, у них семейное.

— Есть ещё Лисе, — добавил он неопределённым тоном. Насчёт Лисе он распространяться не стал, и Иста милосердно решила не выспрашивать.

— Я ужасно хочу, чтобы она снова была рядом, — добавила она через секунду. — И ди Кэйбон тоже. — Может быть, даже особенно ди Кэйбон. Что бы там бог ни задумал, запутавшийся молодой служитель тоже в этом замешан.

— Так позволите покинуть вас, рейна? Дедикат Пежар будет исполнять при этом крошечном дворе всё, что вы прикажете. Он сделает это с удовольствием.

Иста пропустила эту вспышку кардегосского высокомерия мимо ушей. Если бы Порифорс был обычным провинциальным двором, Ферда был бы без сомнения прав.

— Вы отправляетесь прямо сейчас? — Он опустил голову:

— Сразу же, прошу вас. Если что-то случится, то чем раньше я доберусь туда, тем лучше. — В ответ на её угрюмое молчание он прибавил: — А если всё будет в порядке, тем скорее я вернусь.

Она задумчиво облизала нижнюю губу:

— Тем более что, как ты выразился, существует угроза медведя.

Поимка медведей, как сказал бог. Его проклятое животное сбежало. Нет смысла молить бога о защите; если бы он мог сдерживать демонов и не давать им проникать в материальный мир, то он так бы и сделал, не допустив, чтобы слабость его служителя зависела от слабости человека.

— Хорошо, — вздохнула она. — Иди. Но возвращайся поскорее.

Он натянуто улыбнулся:

— Кто знает? Я могу встретить их на дороге из Толноксо и вернуться ещё до того, как стемнеет.

Он опустился на колено и благодарно поцеловал ей руку. Она ещё только успела вздохнуть, а его плащ уже исчез за дверью храма.

Обед, к неудовольствию Исты, был накрыт в честь вдовствующей рейны на главной площади деревни и сопровождался выступлением детского хора, исполнявшего песни, гимны и плавные, не очень ритмичные мелодии местных танцев. Лорда Эриса не было; молодая марчесса добропорядочно выполняла все обязанности хозяйки замка, что наверняка служило предметом гордости для её заботливых родителей. Несколько

раз Иста отметила, что Каттилара смотрит на самых маленьких певцов с нескрываемой тоской в глазах. Когда мальчишки наконец справились с последним куплетом, когда вся деревня приложилась с поцелуем к рукам рейны, Исте разрешили сесть на коня и сбежать. Тайно, чтобы никто не заметил, она вытерла о гриву животного пальцы, на которых остался липкий след от поцелуя простуженного парнишки. На этот раз она была почти счастлива видеть своего коня. Почти.

* * *

Спешившись в цветущем парадном дворе, Иста пыталась решить, пугает ли её изящно высказанное предложение леди Каттилары, что за ужином за рейной будет ухаживать женщина тех же лет, что и высокая гостья, когда со стороны закрывающихся ворот послышался возглас:

— Эй, замок Порифорс! Курьер из замка Оби!

Иста развернулась на каблуках, услышав знакомый звонкий голос. Верхом на соловом толстом и взмыленном пони во двор въехала Лисе. На ней был плащ с изображением замка и леопарда, в руках девушка держала пакет, судя по всему официальный, с которого свисали восковые печати. Рубашка под плащом была такая же мокрая

от пота, как и пони, а лицо Лисе потемнело от загара. При виде пёстрых горшков с цветами, губы девушки округлились.

— Лисе!!! — восторженно воскликнула Иста.

— Ха, рейна! Значит, вы таки здесь! — она выдернула ступни из стремян, перекинула ногу через шею пони и спрыгнула на землю. Улыбаясь во весь рот, она на придворный манер опустилась на колени у ног Исты; Иста тотчас подняла её собственными руками. Она едва сдерживалась, чтобы не заключить девушку в объятия.

— Как ты сюда добралась? На этой лошади? Ферда нашёл тебя?

— Ну, добралась я сюда даже верхом на этом тунеядце. Ферда? С ним всё в порядке? Привет, Пежар!

Стоящий у локтя Исты сержант-дедикат вовсю улыбался:

— Благодарение Дочери, ты справилась!

— Если те басни, что я слышала, правда, то вам пришлось потуже, чем мне!

Иста беспокойно сказала:

— Ферда уехал часа три назад… Ты должно быть встретилась с ним по дороге из Толноксо?

Лисе нахмурилась:

— Я приехала по дороге из Оби.

— Ох. Но как ты туда… Ох, давай, давай, садись рядом и расскажи мне всё! Как я соскучилась по тебе!

— Хорошо, милая рейна, но сначала мне надо вручить письма, потому что сегодня я ещё курьер, и позаботиться об этой зверушке. Слава богам, не я его хозяйка. Он приписан к почтовой станции на полпути сюда из Оби. А ещё мне не помешает ведро воды.

Иста махнула рукой Пежару, тот кивнул и исчез. Подошли Каттилара и её дамы. Марчесса немного смущённо улыбнулась сначала девушке, потом Исте:

— Рейна?…

— Это моя самая верная и храбрая горничная Анналисс из Лабры. Лисе, поклонись Катилларе ди Льютес, марчессе Порифорса и этим леди… — Иста стала перечислять титулы фрейлин Каттилары, которые изумлённо смотрели на девушку-курьера. Каждое новое имя Лисе принимала лёгким дружеским реверансом.

Вернулся Пежар с ведром, в котором плескалась вода. Лисе схватила ведро и окунула в него голову. Она вынырнула со вздохом облегчения, а её мокрая чёрная коса чуть не обрызгала попятившихся дам.

— Ах! Вот так-то лучше. Пятеро богов, Карибастос в это время года — жаркое местечко.

Лисе поставила ведро с остатками воды перед пони и дружелюбно похлопала его по шее.

Животное слегка оттеснило Пежара и опустило нос в воду, а юноша сказал:

— Мы были уверены, что ты успела предупредить жителей той деревни на перекрёстке, но куда ты направилась потом, мы вычислить не могли.

— К тому времени как я туда добралась, мой славный курьерский конь уже выдохся, но мой плащ и канцлерский жезл убедили местных дать мне новую лошадь. У них не было солдат, способных сразиться с джоконцами, поэтому они остались прятаться, а я, выжимая из бедного коня всё возможное, поскакала на восток. Жителям удалось скрыться?

— Мы добрались туда к закату, их уже и след простыл, — ответил Пежар.

— Что ж, замечательно. После этого самого заката я доехала до курьерской станции на главной дороге в Маради, и когда я убедила тех, кто был там, что я не брежу, они отправили кого-то на поиски. Или, по крайней мере, так я подумала. Я переночевала там и на следующее утро уже более

степенным шагом отправилась в Маради, где провинкар Толноксо как раз выводил войска, чтобы начать погоню. Зная, как быстро перемещаются джоконцы, я боялась, что уже слишком поздно.

— Так оно и оказалось, — подтвердила Иста. — Но курьер добрался до замка Порифорс как раз вовремя, и лорд Эрис успел устроить засаду на пути джоконцев.

— Да, это наверное один из тех парней, что выехали прямо с моей курьерской станции, да благословят их пятеро богов. Один из них сказал, что родился здесь. Я надеялась, что он знает, что говорит.

— Ты слышала что-нибудь о Фойксе и мудрейшем ди Кэйбоне? — взволнованно поинтересовалась Иста. — С тех пор, как мы их спрятали в канаве, я их не видела.

Лисе покачала головой и нахмурилась:

— Я рассказала о них на курьерской станции и предупредила лейтенантов лорда ди Толноксо, чтобы отрядили кого-нибудь на их поиски. Я не могла точно сказать, захватили ли их, как и вас, джоконцы, или они сбежали, в какую сторону пошли по дороге, или вообще бросились по кустам. Поэтому я пришла в храм в Маради, нашла старшего служителя Ордена ди Кэйбона и рассказала

ей все наши беды, что наш служитель бродит по дорогам и нуждается в помощи. Она взялась послать нескольких дедикатов искать его.

— Это ты хорошо придумала, — заметила Иста, её голос потеплел от одобрения.

Лисе благодарно улыбнулась:

— Но этого мало. Я провела день в канцлерском бюро в Маради, но от лорда ди Толноксо не было никаких вестей. Поэтому я вспомнила о короткой южной дороге и вызвалась отправиться курьером в Оби. Вспомнив, что это достаточно крупная крепость, я решила, что вероятнее всего вас спасут её солдаты и доставят туда. И тогда я полетела — не думаю, что какой-нибудь курьер ехал по этой дороге быстрее, чем я в тот день. — Она убрала с загорелого лица влажную прядь, пальцами откинув её назад. — Когда к ночи я добралась до крепости, ещё ничего не было известно. Но наутро все мои труды увенчались успехом, потому что пришло письмо от марча Порифорса, где говорилось, что вы спасены. Лорд Оби и его люди тоже поехали наперехват джоконцам, но днём вернулись.

— Марч Оби — мой отец, — заметила Каттилара, в её голосе звучали заботливые нотки. — Вы его видели?

Лисе отвесила свой уникальный полупоклон-полуреверанс:

— Он находится в добром здравии, миледи. Я попросила его отправить меня курьером в Порифорс, чтобы как можно скорее вернуться к рейне. — Девушка протянула пакет. — Он отослал меня сегодня на рассвете. Это я получила лично из его рук. Тут наверняка есть что-нибудь для вас… а! — её глаза блеснули, увидев, что к ним приближается управляющий замком Порифорс: безземельный дворянин в летах, очень напоминавший Исте ди Феррея, только этот был не толстый, а тощий. Грум Горам следовал за ним. К заметному облегчению Лисе, управляющий забрал пакет и поспешил прочь, приказав груму позаботится о курьерской лошади.

— Вы, наверное, утомились, — сказал леди Каттилара, в очередной раз удивляясь Лисе. — Такое тяжёлое испытание!

— Да, но я люблю свою работу, — весело ответила Лисе, хлопнув ладонями по грязному плащу. — Мне дают коня и стараются поскорее унести ноги у меня с дороги.

Иста ухмыльнулась. Действительно, веская причина для радости.

Но всё-таки получается, что Ферда отправился

выполнять не совсем бессмысленное задание, хотя и не встретил Лисе по пути. Рейна надеялась, что сейчас он уже добрался до Маради, вскоре обнаружит своего брата с медведем внутри и его спутника под опекой храма.

Лисе, собираясь вести своего пони вслед за Горамом, раскланивалась во все стороны.

Иста мягко сказала:

— Когда моя горничная позаботится о пони, ей, как и мне раньше, будет нужна ванна. И прошу ей тоже выдать одежду. Все её вещи, как и мои, украли джоконцы.

Даже несмотря на то что весь скромный гардероб Лисе умещался в седельную сумку, Иста решила, что носы фрейлин леди Каттилары вынесут запах лошадей и пота простой девушки.

— И молю задать мне корм, милая рейна! — крикнула Лисе через плечо.

— Он будет достоин твоей безумной скачки, слава которой дойдёт до самого Кардегосса в моём следующем письме, — пообещала Иста.

— Главное, чтобы побыстрее, а меню — на ваше усмотрение!

* * *

Лисе долгое время провела в конюшне, но в конце концов явилась в новые покои Исты. Дочери мелких местных лордов, фрейлины Каттилары, которые чуть не надорвались, прислуживая вдовствующей рейне, отнеслись к обслуживанию Лисе с меньшей серьёзностью. Но ванну девушка принимала под строгим присмотром Исты. Лисе то и дело таскала с подноса куски хлеба и сыра, оливки и сухофрукты и одну за другой осушала чашки тёплого травяного чая. Её курьерскую форму отдали слугам, чтобы они её как следует выстирали.

Наряды Каттилары подходили Лисе и по возрасту, и по росту лучше, чем Исте, разве что для девушки-курьера глубокие вырезы на груди могли показаться слишком откровенными. Лисе смеялась от восторга и благоговения, помахивая струящимся изящным рукавом, и Иста улыбалась этому восхищению непривычной роскошью.

Ещё один человек был искренне рад появлению Лисе; служительница-медик наконец могла поручить кому-то ухаживать за ранами Исты и вернуться к семье и своим обязанностям в храме. Лисе ещё не успела высохнуть, а служительница

уже закончила давать указания, вручила девушке кучу бинтов и мазей, собрала вещи, получила от Исты щедрое вознаграждение за труды и умчалась домой.

* * *

Обед был накрыт в небольшой зале, окна которой выходили во двор с фонтаном в виде звезды; за столом собрались исключительно особы женского пола во главе с леди Каттиларой. Ни один стул не был по традиции оставлен пустым.

— А лорд Эрис не будет сегодня обедать? — спросила Иста, усевшись по правую руку от марчессы. *Он вообще когда-нибудь обедает?* — Думаю, небольшой жар, который его мучает, вас тревожит.

— Его военные походы тревожат меня куда больше, — со вздохом призналась леди Каттилара. — Он взял с собой отряд и отправился патрулировать северную границу. Моё сердце не найдёт себе места, пока он не вернётся. Когда он уезжает, я готова умереть от страха за него, но я всего лишь улыбаюсь, и он ни о чём не догадывается. Если с ним что-нибудь случится, я, наверное, с ума сойду. Ой. — Чтобы скрыть свой промах, она пригубила вино из кубка и подняла его перед

Истой. — Я уверена, вы всё понимаете. Я бы хотела, чтобы он всю жизнь был рядом со мной.

— Но разве военные подвиги не делают его ещё более… — *прямо таки потрясающе* привлекательным? Удержи его дома и он, возможно, утратит то, чем вы так восхищаетесь.

— О нет, — серьёзно ответила леди Каттилара. Отрицая сказанное, но не споря с этим, как заметила Иста. — Я прошу его писать мне каждый день, когда он в отъезде. Если бы он забыл, я бы рассердилась на него, — уголки её губ приподнялись, глаза весело сверкнули, — на целый час, наверное! Но он не забывает. В любом случае он должен вернуться к ночи. Я буду сидеть в северной башне и смотреть на дорогу. Когда появится его конь, моё сердце сначала остановится, а потом забьётся в тысячу раз быстрее, — её лицо затуманилось в предвкушении.

Иста поспешно засунула в рот огромный кусок хлеба.

Еда была отличной. Леди Каттилара или её повар не стали пытаться подражать изыскам или тому, что они считали изысками кухни Кардегосса, и подали свежую простую пищу. Сегодня на столе было больше сладостей, что Иста нашла отнюдь не лишним, а Лисе исключительно

одобрила, взяв себе внушительную порцию. В этом окружении девушка вела себя очень тихо, и рейна сочла это страхом перед таким обществом. Иста подумала, что с большим удовольствием выслушала бы рассказы Лисе, чем местные сплетни. Когда рейна и её горничная наконец сбежали от дам и вернулись в квадратный каменный дворик, Иста сказала Лисе об этом и пожурила за стеснительность.

— Верно, — согласилась девушка. — Думаю, это из-за платья. Я чувствую себя разиней, среди этих благородных девиц. Не знаю, как они управляются с этими одёжками. Мне казалось, что я вот-вот что-нибудь на себя переверну или порву что-нибудь.

— Давай пройдёмся по колоннаде. Я, по совету служительницы, разомну свои ссадины, а ты поучишься правильно шуршать шелками, чтобы не ударить лицом в грязь. И расскажешь мне о своих приключениях подробнее.

Лисе, как положено леди, сбавила шаг и подстроилась под темп прихрамывающей Исты; они двинулись по аллее. Иста осыпала девушку вопросами о её путешествии. Не то чтобы Исте было нужно подробное описание масти, недостатков, преимуществ и повадок всех лошадей, которых

Лисе сменила за последние несколько дней, но голос девушки казался музыкой, и было совершенно не важно, о чём она говорит. Сама Иста могла мало что рассказать о своих приключениях, уж конечно не то, как они с джоконцами ели конину и что она воспринимала происходящее как наказание. Совсем не хотелось вспоминать зелёных мух, слетающихся отведать запёкшейся крови.

Проходя мимо колонны, Лисе провела пальцами по искусной резьбе:

— Похоже на каменную парчу. Замок Порифорс оказался гораздо красивее, чем я думала. А лорд ди Льютес и правда так великолепно владеет мечом, как утверждает марчесса?

— Да, правда. Он убил четверых врагов, которые хотели сбежать вместе со мной. Двоим удалось скрыться. — Она не забыла о них. Теперь, оглядываясь назад, она была даже рада, что среди избежавших смерти был офицер-переводчик. Слишком часто она беседовала с ним с глазу на глаз, чтобы представить его среди безликой массы погибших. Должно быть, это женская слабость, так же как отказ есть животных, которых кто-то назвал домашними питомцами.

— А правда, что марч вёз вас в своём седле?

— Да, — коротко ответила Иста. Глаза Лисе лучились от удовольствия:

— Как мило! Жалко, что он женат, а? А он на самом деле так красив, как считает его жена?

— Не могу сказать, — буркнула Иста. Но потом неохотно призналась: — Но всё же он очень даже привлекателен.

— Как здорово, когда такой лорд у твоих ног. Я рада, что в конце концов, вы попали в такое замечательное место.

Иста не дала вырваться словам *«Он вовсе не был у моих ног!»* и только сказала:

— Я не собираюсь задерживаться тут надолго. — Лисе подняла брови:

— Служительница сказала, что ездить верхом вам ещё нельзя.

— Скорее, мне не стоит. Это просто неприятно. Но если нужно, я смогу. — Иста проследила за восхищённым взглядом Лисе, осматривающей двор, освещённый косым вечерним светом, и попыталась придумать причину своей тревоги, не упоминая ночные кошмары. Нормальную, разумную причину для женщины, которая уже совсем не безумна. Она потёрла лоб:

— Здесь совсем рядом Джокона. Не знаю, в каких отношениях состоят сейчас княжества

Джокона и Бораснен, но всем отлично известно, что моя дочь выбрала порт Виспинг объектом своих монарших притязаний. То, что планируется, — это не просто пограничный набег. Тем более что весной здесь случилось событие, которое не способствовало установлению мирных отношений с князем Джоконы.

Иста не смотрела в сторону угловой комнаты.

— Вы имеете в виду то, что джоконский придворный пырнул ножом знатока лошадей Порифорса? Мне рассказал об этом Горам, когда мы вместе мыли моего толстого пегенького пони. Странный парень — я даже подумала, что он немного глуповат, — но своё дело знает. — Она прибавила: — Послушайте, рейна, вы хромаете сильнее, чем моя вторая лошадь. Присядьте отдохнуть.

Она выбрала тенистую скамейку в дальнем конце двора, ту самую, на которой прошлым вечером расположились фрейлины Каттилары, и с озабоченным видом усадила на неё Исту.

Немного помолчав, девушка искоса посмотрела на рейну:

— Забавный старичок, этот Горам. Он хотел знать, кто выше по званию: вы или княжна. Потому что княжна — дочь князя, а вы — дочь

простого провинкара. И Сара, вдова рея Орико, стала вдовствующей рейной позже вас. Я сказала, что провинкар Шалиона превзойдёт по знатности любого рокнарского князя, и, кроме всего прочего, вы — мать самой рейны Шалиона-Ибры, и тут уж соперников у вас быть не может.

Иста заставила себя улыбнуться:

— Думаю, он не часто встречает рейн на своём пути. Твои ответы его успокоили?

Лисе пожала плечами:

— Похоже на то, — она нахмурилась. — Разве не странно, что человек лежит без движения столько месяцев?

Теперь настала очередь Исты пожать плечами:

— Паралич, пробитые головы, сломанные шеи… утопление… иногда так случается.

— Но некоторые выживают, не так ли?

— Думаю, те кто остаётся в живых, не приходят в себя так… быстро. Но многие из них, после того как придут в себя, остаются жить совсем недолго, только если за ними ухаживают тщательнейшим образом. Это медленная, уродливая смерть для мужчины. Да и для любого. Лучше умереть быстро и сразу.

— Если Горам ухаживает за лордом Иллвином хотя бы вполовину менее усердно, чем он холит

лошадей, то тогда всё понятно.

Иста заметила, что низенький коренастый человечек собственной персоной вышел из угловой комнаты и, глядя на них, сел на корточки у балюстрады. Немного спустя он поднялся, спустился по лестнице и пересёк двор. Чем ближе он подходил, тем короче становились его шаги, тем ниже, на манер черепахи, опускалась его голова, а руки сильнее цеплялись друг за друга.

Он остановился на некотором расстоянии от них, согнул колени и склонил голову сначала перед Истой, потом перед Лисе, а затем снова перед Истой, словно желая удостовериться, что его поклон замечен. Глаза его были цвета неполированной стали. Они, не мигая, смотрели из-под кустистых бровей.

— Ага, — сказал он, наконец, неглядя на женщин. — Это о ней он постоянно толкует, ошибки быть не может. — Он сморщил губы, и его взгляд вдруг остановился Лисе. — Вы спросили её?

Лисе криво улыбнулась:

— Здравствуй, Горам. Ну, я как раз к этому и вела.

Он обхватил себя руками и принялся раскачиваться из стороны в сторону:

— Тогда спросите. — Лисе вскинула голову:

— А почему бы тебе самому не спросить? Она не кусается.

— Н…не… — пробормотал он мрачно, сердито рассматривая свои ботинки. — Вы.

Лисе смущённо пожала плечами и обратилась к Исте:

— Рейна, Горам хочет, чтобы вы зашли проведать его хозяина.

Иста откинулась назад и надолго замолчала.

— Вы та, о ком он постоянно говорит.

— Думаю, — ещё помолчав, сказала Иста, — ни один мужчина не захочет, чтобы незнакомые люди видели его в больном состоянии.

— Всё в порядке, — подал голос Горам. Он моргнул и впился в неё тяжёлым взглядом.

Лисе, прищурив глаза, приложила руку ко рту и прошептала Исте в ухо:

— В конюшнях он был разговорчивее. Мне кажется, вы его пугаете.

Иста была в состоянии сопротивляться простым мягким убеждениям. Но в этом странном клубке она не могла найти ни конца ни начала. Настойчивый взгляд, деревянный язык, молчаливое давление ожидания… Она могла проклясть бога. Но грума — нет.

Она оглядела двор. Сейчас не полночь, не пол-

день; ничто не напоминает картинку из снов. Во сне не было ни Горама, ни Лисе, время дня тоже было иным… может быть, это неопасно. Она набрала в лёгкие воздуха:

— Ну что ж, Лисе. Давай вернёмся к делам паломничества и навестим очередную развалину.

Лисе помогла ей встать, на лице у девушки было написано нескрываемое любопытство. Иста медленно поднялась по ступеням, опираясь на её руку. Горам беспокойно смотрел на рейну, шевелил губами, будто бы мысленно подталкивал её вверх.

Женщины последовали за грумом в конец галереи. Он открыл дверь, отступил и снова поклонился. Иста помедлила, а потом вслед за Лисе вошла внутрь.

Глава двенадцатая

Комната оказалась светлее, чем Иста видела во сне, ставни в дальней стене были распахнуты, за ними виднелось голубое небо. Всё вокруг казалось лёгким, воздушным. В спальне не пахло, как в комнате больного, не было свисающих с потолочных балок букетиков трав, тяжёлый запах которых скрывал вонь фекалий, рвоты, пота и отчаяния. Просто свежий воздух, в котором улавливались нотки мебельного воска и лёгкой, вовсе не неприятной примеси присутствия мужчины. Совсем даже не неприятной.

Иста заставила себя посмотреть на кровать и застыла на месте.

Постель была прибрана. Он лежал поверх покрывала, не как больной, а как человек, который прилёг на секунду посреди дня, полного забот. Или как умерший, облачённый в лучший наряд, в ожидании церемонии погребения. Длинный, худой, точь-в-точь как во сне, но одетый иначе: не как пациент или спящий, а как принято при дворе. Жёлто-коричневая туника, вышитая переплетающимися листьями, затягивалась у шеи. Штаны в тон были заправлены в доходящие до

икр сапоги, натёртые до блеска. Коричневый плащ, аккуратно расправленный на кровати, и меч в ножнах, лежащий поверх ровных складок; его узорчатая рукоять покоилась рядом с немощной левой рукой. На пальце поблёскивало кольцо с печатью.

Его волосы были не просто зачёсаны назад, а заплетены у висков над металлическим обручем, украшавшим лоб. Длинная, морозно-чёрная копна была собрана в косу, перекинутую через правое плечо, доходившую до коричневых завязок туники и там, на конце, рассыпавшуюся на свободные пряди. Он был побрит, и, судя по всему, недавно. Аромат лавандовой воды коснулся ноздрей Исты.

Она заметила, что Горам с болезненным вниманием смотрит на неё, сжимая и разжимая ладони.

Вся эта тихая красота, должно быть, плод его работы. Почему лакей так преданно ухаживает за этим человеком, распростёртым на кровати, когда он утратил все силы и не может ни наказать, ни вознаградить?

— Пятеро богов, — выдохнула Лисе, — он мёртв. — Горам засопел:

— Нет, не мёртв. Он не разлагается.

— Но он же не дышит!

— Дышит. Это заметно на зеркале, видите? — Он обогнул кровать и взял со стоящего рядом сундука небольшое зеркальце. Глядя на девушку из под лохматых бровей, он поднёс его к ноздрям лорда Иллвина. — Видите?

Лисе перегнулась через неподвижное тело и с подозрением посмотрела:

— Это твой палец отпечатался.

— Нет!

— Ну… может быть… — Лисе выпрямилась и резко отступила, словно приглашая Исту занять освобождённое ей место у постели и судить самой.

Под беспокойным взглядом Горама Иста подошла поближе, пытаясь придумать, что сказать ворчливому старичку:

— Ты хорошо о нём заботишься. Печально, что сьер ди Арбанос был сражён вот так.

— Да, — ответил Горам, сглотнул и добавил: — Ну… давайте, леди.

— Прости?

— Ну… поцелуйте его.

На какой-то миг она так сильно стиснула зубы, что челюсть свело. Но на пронизанном мукой, напряжённом лице Горама не было ни намёка на

весёлость, на издёвку.

— Я тебя не понимаю. — Он пожевал губу:

— До такого состояния его довела княжна. Я подумал, может, у вас получится разбудить его. Вы же рейна, в конце концов. — Немного поколебавшись, он прибавил: — Вдовствующая рейна.

К вящему ужасу Иста поняла, что он абсолютно серьёзен. Как можно ласковее она сказала:

— Горам, это детская сказка. А мы, увы, уже не дети. — Тихий сдавленный звук заставил её обернуться. Лицо Лисе перекосилось, но, слава пятерым богам, она изо всех сил старалась сдержать смех.

— Вы могли бы попытаться. Это же не больно, — он снова начал тревожно раскачиваться из стороны в сторону.

— И всё же, боюсь, ничего хорошего не получится.

— Это не больно, — упрямо повторил он. — Попробуйте хоть что-нибудь.

Он, должно быть, потратил много часов, чтобы тщательно подготовить эту обстановку, своего хозяина к её приходу. Что за отчаянная надежда руководила его столь странными действиями?

Может быть, ему тоже снятся сны. От этой мысли у неё перехватило дыхание.

Воспоминание о втором поцелуе Бастарда обожгло ей лицо. Что, если это не непристойная шутка, а ещё один дар? Что, если он даст ей возможность сотворить чудо исцеления, например, сейчас? *Вот как боги соблазняют святых.* Её сердце учащённо билось от тайного волнения. *Жизнь за жизнь, и волей Бастарда мой грех будет искуплен.*

Словно зачарованная, она подалась вперёд. Вблизи свежевыбритая кожа Иллвина казалась слишком тонкой, слишком туго обтягивала челюсть. Его губы телесного цвета были немного разомкнуты, и через них виднелись ровные белые зубы.

Когда её губы коснулись его рта, она не почувствовала ни тепла, ни холода…

Иста выдохнула в эти полуотверстые губы. Она вспомнила, что язык — священный орган Бастарда, так же как лоно принадлежит Матери, мужские гениталии — Отцу, сердце — Брату, а мозг — Дочери. Мироздание рассудило так, поскольку язык — источник лжи, утверждают еретики-кватернианцы. Она осмелилась незаметно, минуя его зубы, дотронуться языком до кончика его языка, точно так же, как бог вторгся во сне в рот ей. Её ладонь застыла у него над

сердцем, не решаясь опуститься, ощутить бинт, охватывающий его грудную клетку, скрытый под расшитой туникой. Грудь не начала вздыматься. Тёмные глаза, а Иста уже наизусть знала их цвет, удивлённо не распахнулись. Он остался неподвижным.

Она проглотила стон разочарования, подавила досаду и выпрямилась. Нашла затерявшийся где-то голос:

— Вот видишь. Ничего хорошего в этом нет. *Глупая надежда и глупый провал.*

— Эх, — протянул Горам. Он сощурил глаза и пронзил её взглядом. Он тоже был разочарован, даже подавлен. — Должно быть, нужно что-то другое.

Выпустите меня отсюда. Слишком больно.

Лисе, которая стояла в стороне и наблюдала за происходящим, посмотрела на Исту взглядом, полным раскаяния. Лекция об обязанностях горничной не допускать до своей госпожи ничего причиняющего беспокойства, глупого или странного, видимо, предстоит ей позже.

— Но вы именно та, кто нужна, — настойчивым тоном повторил Горам. Судя по всему, смелость вернулась к нему. Или тщетность её поцелуя рассеяла его благоговейный трепет перед ней. В

конце концов, она — всего лишь вдовствующая рейна, не способная вдохнуть жизнь в практически мёртвого человека. — Невысокая, вьющиеся волосы, ниспадающие вдоль спины, серые глаза, спокойное лицо… нет, печальное, он сказал, печальное. — Он оглядел её с ног до головы и коротко кивнул, как будто бы убедившись, что печаль в ней присутствует в должном размере. — Именно вы.

— Кто сказал… Кто описал меня тебе? — возмущённо спросила Иста.

Горам мотнул головой в сторону кровати:

— Он.

— Когда? — голос Исты прозвучал резче, чем ей того хотелось. Лисе буквально подпрыгнула.

Горам развёл руками:

— Когда приходит в себя.

— Он приходит в себя? Я думала… леди Каттилара дала мне понять… что после удара ножом он так и не приходил в сознание.

— Эх, леди Катти, — сказал Горам и вздохнул. Иста не смогла понять, был ли этот вздох комментарием, или он просто прочищал нос. — Но, видите, он в сознании не остаётся. Он приходит в себя каждый день, около полудня, но очень ненадолго. В основном, мы стараемся в это время

засунуть в него столько пищи, сколько сможем, пока он не начнёт давиться. Но ему и этого не хватает. Видите, он тает. Леди Катти в голову пришла замечательная идея вливать козье молоко ему в горло по тоненькой кожаной трубочке, и это заметно помогает, но этого тоже мало. Он уже слишком похудел. С каждым днём его хватка слабеет.

— А когда он приходит в себя, он вменяем? — Горам пожал плечами:

— Эх.

Не очень обнадёживающий ответ. Но если он вообще приходит в себя, то почему не сейчас, от её поцелуя, или не в любое другое время? Почему именно тогда, когда его брат вдруг без причины засыпает… Иста испугалась собственной мысли.

Горам прибавил:

— Да, иногда. Но некоторые сказали бы, что он бредит. — Вступила Лисе:

— Это что-то сверхъестественное. Какое-то роднарское колдовство?

Иста вздрогнула от одного упоминания. *Я не собиралась спрашивать об этом. Не собиралась предполагать это. И* со *сверхъестественным ничего общего иметь не хочу.*

— В княжествах колдовство запрещено, на Ар-

хипелаге тоже. — И не только по теологическим причинам. В Шалионе его также не приветствуют. Дай только возможность, последнюю степень отчаяния, преступность или высокомерие, — и заблудший демон станет для кватернианца не меньшим искушением, чем для кинтарианца. Более того, кватернианца, заключившего договор с демоном, обвинят в вероотступничестве скорее, если он обратится за помощью к своему храму.

Горам снова пожал плечами:

— Леди Катти считает, что так действует яд с рокнарского кинжала, поскольку рану не лечат должным образом. Я не раз травил крыс в конюшнях, но никогда не видел, чтобы яд действовал вот так.

Лисе приподняла бровь, изучая неподвижное тело, лежащее на кровати:

— Ты давно ему служишь?

— Уже третий год.

— Грумом?

— Грумом, сержантом, посыльным, рабочим, в общем, всем. Теперь сиделкой. Остальные слишком напуганы. Боятся тронуть его. Я — единственный, кто может сделать всё без содрогания.

Девушка склонила голову набок; удивление не исчезло с её лица:

— А почему его волосы заплетены по-рокнарски? Впрочем, должна признать, это ему идёт.

— Он ездит туда. Ездил. Был разведчиком марча. Он как раз подходил для этого, знает язык. Однажды он сказал мне, что отец его матери был рокнарцем, хотя сама она училась пятикратному знамению.

Снаружи послышались шаги, и грум встревоженно поднял глаза. Дверь распахнулась. Голос леди Каттилары строго произнёс:

— Горам, чем ты занимаешься? Я слышала голоса… ох. Прощу прощения, рейна.

Скрестив руки на груди, Иста повернулась в её сторону. Леди Каттилара присела в поклоне, всё же успев сердито посмотреть на грума. Поверх тонкого платья, в котором она присутствовала за обедом, был повязан передник, а за ней стояла служанка с кувшином, накрытым крышкой. Глаза хозяйки замка распахнулись шире, когда она заметила изящное одеяние больного. Её ноздри гневно расширились.

Горам сгорбился, опустил взгляд и снова спрятался за стеной неразборчивого бормотания.

Иста, тронутая его виноватым видом, попыталась выгородить его:

— Вам следует простить Горама, — мягко сказа-

ла она. — Я спросила его, нельзя ли мне увидеть лорда Иллвина, чтобы… — Действительно, зачем? Посмотреть, похож ли он на своего брата? Нет, это слабый аргумент. *Проверить, похож ли он на героя моих кошмаров?* Ещё хуже. — Я поняла, что лорда Эриса очень беспокоит состояние брата. И решила написать одной знакомой очень опытной целительнице в Валенду, Мудрейшей Товии; может быть, она могла бы дать какой-нибудь совет. Поэтому мне хотелось описать его самого и симптомы болезни как можно более точно. Для неё чем точнее диагноз, тем лучше.

— Вы чрезвычайно добры, рейна, предлагая услуги вашей собственной целительницы, — ответила леди Каттилара растроганно. — Мой муж действительно очень опечален трагедией, произошедшей с его братом. И если тот учёный целитель, за которым мы уже послали, будет твёрд в своём нежелании ехать так далеко — а такие Целители, какие нам нужны, обычно пребывают в преклонных летах, — мы будем очень благодарны вам за помощь. — Она с сомнением посмотрела на служанку с кувшином. — Думаете, вашей целительнице следует знать, как мы кормим его козьим молоком? Это не очень приятная процедура. Иногда он начинает давиться.

Намёк был ясен, каким бы недобрым и отталкивающим он ни казался. Зная, сколько сил приложил Горам, чтобы его поверженный господин предстал перед глазами рейны в достойном свете, у Исты не было сил смотреть, как с длинного тела снимают придворные одеяния и подвергают нелицеприятной процедуре, какой бы необходимой она ни была.

— Мне кажется, что мудрейшая Товия достаточно знает об уходе за больными, так что не вижу надобности указывать это.

На лице леди Каттилары отразилось облегчение. Жестом приказав служанке и Гораму продолжать, она вывела Исту и Лисе обратно в галерею и пошла с ними по направлению к комнатам Исты. Сумерки сгущались; двор уже накрыла темнота, хотя облака высоко над головой на фоне темнеющего неба ещё сохраняли персиковый оттенок.

— Горам — человек обязательный, — извиняющимся тоном обратилась Каттилара к Исте, — но, боюсь, он глуповат. Хотя он лучший из людей лорда Иллвина, раз взялся прислуживать своему господину. Остальные слишком напуганы. У Горама раньше была тяжёлая жизнь, и он не брезглив. Я бы не смогла управиться с Иллвином

без него.

Язык Горама неуклюж, но руки — вовсе нет; по мнению Исты, он был примером слуги-дурака.

— Похоже, он на редкость верен лорду Иллвину.

— Неудивительно. Думаю, в молодости он был слугой офицера, а потом, во время одной из злосчастных кампаний рея Орико, его взяли в плен и продали в рабство кватернианцам. В любом случае, Иллвин отыскал его; мне кажется, это случилась в очередном его путешествии в Джокону. Не знаю, купил ли его Иллвин, или заполучил другим способом, но, видимо, с этим было связано какое-то неприятное происшествие. С тех пор у Иллвина появился Горам. По-моему, он слишком стар, чтобы покинуть хозяина и отправиться куда-нибудь. — Взгляд Каттилары метнулся вверх. — О чём бедняга пытался с вами говорить?

Лисе только открыла рот, но Иста успела ущипнуть её за руку до того, как девушка успела что-либо произнести. Иста ответила:

— Боюсь, он выражался не очень ясно. Я надеялась, что он давно живёт в замке и сможет рассказать мне о юности братьев, но выяснилось, что это не так.

Каттилара, не скрывая сочувствия, улыбнулась:

— Вы имеете в виду те времена, когда ди Льютес был ещё жив и молод? К сожалению, канцлер — к тому времени он уже был канцлером рея Иаса или ещё только влиятельным придворным? — не часто появлялся в Порифорсе.

— Вот видите, — холодно откликнулась Иста. Она позволила Каттиларе проводить себя и Лисе в их комнаты и вернуться наблюдать, как ухаживают за больным.

Или чем ещё она занималась в отношении Илливина. Иста раздумывала, нет ли ещё чего-нибудь в козьем молоке, кроме мёда, или что за странными специями могли приправлять еду, которую он ел один раз в день. После чего он начинал неразборчиво бредить, спать целыми днями, не просыпаясь.

Соблазнительно разумное предположение. Не единовременная доза яда с рокнарского кинжала, а регулярное отравление, исходящее от человека, близкого к дому? Но это бы вызвало весьма заметные симптомы. Ей стало стыдно, что такая мысль пришла ей в голову. *Хотя такой вариант причиняет меньше тревог, чем сны про нить белого огня.*

— Зачем вы ущипнули меня за руку? — поинтересовалась Лисе, когда дверь за ними закрылась.

— Чтобы ты замолчала.

— Ну это-то я поняла. Но почему?

— Марчесса не одобрила рвения грума. Я хотела уберечь его от трёпки или, в конце концов, от выговора.

— Ох, — Лисе нахмурилась, осознавая это. — Простите, что я позволила ему побеспокоить вас. В конюшнях он казался безобидным. Мне понравилось, как он обращается к лошадьми. — Через секунду она добавила: — Хорошо, что вы отнеслись к нему по-доброму, не стали насмехаться и не отказали ему в просьбе. *В этом нет никакой доброты.*

— Он же приложил столько сил, чтобы сделать своё предложение как можно более привлекательным.

Лукавый блеск, вернувшийся в глаза Лисе, никак не вязался с её тоном:

— Это верно. И всё же… от этого стало как-то грустнее.

Исте оставалось только согласно кивнуть.

* * *

От того, как Лисе просто, без лишних церемоний подготовила её ко сну, у Исты стало легко на душе. Девушка весело пожелала ей спокойной ночи и отправилась спать в соседнюю комнату, чтобы в любой момент услышать зов госпожи. По просьбе Исты она снова оставила горящую свечу, и Иста, усевшись на подушках, принялась обдумывать открытия, которые принёс день.

Пальцы отбивали барабанную дробь. Исту обуяло то же беспокойство, что заставляло её без устали шагать вдоль зубчатых стен замка Валенды до тех пор, пока на ногах не образовывались волдыри, от туфель не начинала отваливаться подмётка, а фрейлины не принимались молить о милосердии. Это было хоть какое-то средство, способное приостановить поток мыслей, но всё же не избавить от него.

Несмотря на то что все происшествия, приведшие её в Порифорс, казались цепью случайностей, Бастард утверждал, что она оказалась здесь не случайно. Боги расчётливы, заметил как-то лорд ди Кэсерил, они готовы воспользоваться малейшим шансом. И он не прикидывался, — сам будучи человеком, осенённым богом, — что это

великое благо. Иста усмехнулась, соглашаясь с ним.

Но всё же, как боги откликаются на молитвы? Количество молитв не счесть, а чудеса происходят крайне редко. Вероятно, боги сваливают свою работу на других. Ведь как бы пространен бог ни был, в единицу времени он может вместить лишь одну душу и проникнуть в мир сущего: через дверь, окно, трещину, щель, игольное ушко…

Демоны же, пусть их и легионы, не столь пространны, в их глазах нет бесконечной глубины, как в *тех* глазах, но они ограничены точно так же; разве что, могут прогрызть в краях своего живого существа отверстия и таким образом расширить свои владения.

Но у кого на совести те молитвы, что заставили её прийти сюда? Может быть, это были молитвы не конкретно о ней, а просто о помощи, и тот факт, что выбор пал на неё, — очередная злая шутка Бастарда. Она заведомо исключила лорда Иллвина, потому что считала, что он лежит без чувств, но, если Горам говорит правду, у его хозяина случаются периоды… если не вменяемости, то хотя бы бодрствования. И Горам сам обращался к ней с мольбами, если не словесно, то хотя бы действиями. Кто-то в качестве прощения

положил белую розу поперёк пустой тарелки Иллвина. Леди Каттилара явственно тоскует о ребёнке, а её муж… не то, чем кажется.

Дурацкая идея отправить по дорогам Шалиона женщину средних лет, привести её сюда и зачем? Неудавшаяся святая, неудавшаяся колдунья, неудавшаяся рейна, жена, мать, дочь… ну, роль любовницы она на себя никогда не примеряла. В её ряду скорбей, это ещё хуже, чем неудача. Сначала, узнав, что лорд Эрис — родственник ди Льютеса, она решила что настал час божественной расплаты за её давнее, хладнокровное убийство и грех, о которых она поведала ди Кэйбону в Касилшасе. Боялась, что в наказание в ней воскресят застарелую вину: *Принесите ведро воды для тонущей женщины!*

Но теперь… кажется, все её эгоистические ожидания издевательски разрушены. Не она, а кто-то другой теперь центр внимания богов. Её губы изогнулись в горькой усмешке. А она всего лишь… кто? Та, кого искушают заняться любовью?

Конечно, искушают. Бастард прямо воспламенил её своим сладострастным поцелуем. Его ищущий язык нёс в себе и более таинственное послание, но эту часть его она восприняла очень ясно, и телом, и разумом.

Но ради чего будить в ней это спящее желание здесь, сейчас? Зачем вообще? В маленькой, захолустной Валенде не подавали блюд, от которых начинали течь слюнки, даже если бы проклятие не сковало Исту ниже талии так же, как и выше. *Там* её даже сложно было обвинить в невыполнении женского долга влюбляться. Она попыталась представить себе ди Феррея или ещё какого-нибудь господина из окружения провинкары объектом желания и фыркнула. *Вот именно.* Так или иначе, скромная леди должна жить потупив взор. Этому её научили ещё в одиннадцать лет.

Занятие, сказал Бастард.

А не *любовное приключение.*

Но что за занятие? Исцеление? Но если и так, то простым поцелуем результата не добиться. Похоже, при первой попытке она что-то упустила, что-то, что лежит на поверхности. Что-то неуловимое. Важное. Или скрытое? Но для второй попытки ей может не хватить смелости. Она пожелала, чтобы в следующий раз бог выражался яснее, но потом спохватилась и взяла желание обратно.

Но если ситуация и так настолько плачевна, то сможет ли она усугубить её ещё больше? Может, здесь она оказалась по тем же причинам, по ка-

ким молодые целители пробуют новые методики и лекарства на безнадёжных больных? И поэтому они не виноваты в своих — чаще всего неизбежных — неудачах. *Умирающий в Порифорсе есть.* Эта туго закрученная домашняя трагедия — всего лишь случай из практики. Два брата, бесплодная жена, замок… возможно, решение вовсе не за пределами её возможностей. Это не вопрос будущего целого королевства или судьбы всего мира. Не то, ради чего боги призвали её на службу в первый раз.

Но зачем в ответ на молитвы послать именно меня, если ты отлично знаешь, что без Тебя я сделать ничего не смогу?

Из этого можно было вывести очевидную мысль.

Если я не откроюсь Тебе, то Ты не сможешь поднять даже лист. Если ты не вольёшься в меня, я не смогу сделать… что?

Станут ли ворота для вылазки проходом или, наоборот, препятствием зависит не от того, из чего они сделаны, а в каком положении находятся. Свободная воля двери. Все двери открываются в двух направлениях. Она не могла быть уверена, что приоткрыв врата своей замкнутости и выглянув наружу, ей всё же удастся удержать

крепость.

Но я не вижу…

Она по очереди прокляла богов в пяти стихах, в этакой злостной пародии на детскую молитву перед сном, перекатилась набок и накрыла голову подушкой. *Я не сопротивляюсь. Я уклоняюсь.*

* * *

Если какой-нибудь бог и проник в её сны, то Иста, раскрыв глаза посреди ночи, об этом не помнила. Невзирая на все призраки, бередившие ей ум, тело требовало своё. Она вздохнула, спустила ноги с кровати и пошла приоткрыть тяжёлую деревянную ставню, чтобы впустить немного света. Судя по серебряному блеску ущербной луны сейчас около полуночи, решила она. Ночь была тихой и ясной. Иста нашарила под кроватью ночной горшок.

Закончив, она со звоном водворила крышку на место, нахмурилась тому, каким громким показался этот звук в окружающей тишине, и задвинула ёмкость обратно. Иста вернулась к окну, собираясь закрыть ставни.

Шорох крадущихся шагов послышался со двора, а потом быстро метнулся вверх по ступеням. Иста задержала дыхание, глядя через металлический

узор решётки. Снова Катти, вся в мягких, словно светящихся шелках, точно вода, обтекающих её тело в такт его движениям в свете луны. Девчонка так может простудиться.

В этот раз у неё не было в руках кувшина с козьим молоком. С ней даже не было свечи. Иста не могла разглядеть, прижимала ли она к груди какой-то крошечный, но гораздо более опасный пузырёк, или просто придерживала лёгкое платье.

Марчесса тихо приоткрыла дверь в комнату лорда Иллвина и исчезла внутри.

Иста стояла у окна и смотрела в темноту, вцепившись руками в холодную металлическую листву.

Хорошо. Ты победил. Я больше не выдержу.

Скрежеща зубами, Иста порылась в своей одежде, теперь аккуратно развешанной по крючкам вдоль стены, вытащила чёрный шёлковый халат и накинула его поверх бледной ночной рубашки. Ей не хотелось будить Лисе, в потёмках пробираясь через внешнюю комнату к двери. А окно открывается? Сначала она не была уверена, что железный прут, придерживающий решётку, удастся вытащить из каменного паза, но после некоторых усилий он поддался. Решётка распах-

нулась наружу. Иста подтянулась к подоконнику и перекинула через него ноги.

Босые ступни рейны создавали меньше шума, скользя по доскам галереи, чем туфельки Катти. Заметив, что под дверью тёмной комнаты напротив не появилась полоска оранжевого света, Иста совсем не удивилась, обнаружив, что внутренние ставни окна Иллвина тоже открыты навстречу лунному свету. Но для Исты, прижавшейся к краю извилистых металлических лоз, увивающих окно, Катти была лишь едва различимой тенью, двигающейся среди ещё более тёмных теней, шорохом, дыханием, скрипом досок, слабее мышиного писка.

Отметина на лбу Исты горела, как свежий ожог.

Темно, хоть глаз выколи. Я хочу видеть.

Внутри комнаты затрещала ткань.

Иста сглотнула, или по крайней мере попыталась. И стала молиться на свой лад: возносить молитвы в ярости — точно также, как это делают это в песне или труде. Если молитвы идут от сердца, утверждали служители, боги их обязательно услышат. А сердце Исты кипело.

Я отказалась от зрения, как от внутреннего, так и от внешнего. Я не младенец, не девственни-

ца, не скромная жена, страшащаяся оскорбить. Мои глаза не принадлежат никому, кроме меня. Если у меня не хватит смелости смотреть на мир, добрый или злой, прекрасный или уродливый, любым зрением сейчас, то когда ещё? Уже слишком поздно для невинности. Моя единственная надежда — болезненное утешение мудрости. Которая может перерасти знание.

Дай мне истинные глаза. Я хочу увидеть. Я должна знать.

Господин Бастард. Да будет проклято твоё имя.

Открой мне глаза.

Боль во лбу вспыхнула, а затем исчезла.

Сначала она увидела пару старых призраков, витающих в воздухе: не любопытных, ведь такие угасшие холодные духи уже не испытывали эмоций, а слетевшихся, словно мотыльки на свет. Потом руки Катти, нетерпеливо отмахивающиеся от них, словно от надоедливых насекомых.

Она тоже их видит.

Иста отложила обдумывание этого факта на потом, потому что перед её глазами возник тот молочный огонь, который она видела во сне. Иллвин был источником этого белого свечения, которое бежало вдоль его тела, как горящее

масло. Катти была гораздо темнее, плотнее, но постепенно её лицо, тело, руки обрели форму и чёткость. Она стояла у дальнего края кровати Иллвина, и нить белого огня бежала сквозь её согнутые пальцы. Иста повернула голову, чтобы проследить за этой нитью, которая выходила за дверь, пересекала двор. Было отчётливо видно, что текучее движение идёт прочь, вовне, а не к фигуре, распростёртой на кровати.

Он снова был одет в удобную некрашеную льняную рубаху, хотя волосы так и остались заплетёнными. Катти наклонилась, развязала узел на его поясе и распахнула полы его одеяния от плеча до щиколоток. Теперь он лежал обнажённым, если не считать белую полосу бинта, охватывающую грудь прямо под сердцем и закрывающую то место, откуда сочилось и текло бледное пламя.

Лицо Катти было спокойно, холодно, на нём не было никакого выражения. Она коснулась бинта. Белый свет, словно шерсть, намотался на её тёмные пальцы.

Единственное Иста могла сказать с уверенностью: Каттилара не была вместилищем какого-нибудь бога. Божественный свет, во всех его оттенках, внутренний взор отличит без-

ошибочно. Иста знала ещё лишь одну причину, способную породить такое колдовство.

Так где же демон? Раньше Иста не ощущала его пагубного присутствия; в обществе Каттилары она чувствовала только раздражение. Раздражение, способное замаскировать более глубокую тревогу? Если оглянуться назад, то не полностью, несмотря на то что Иста ошибочно принимала своё напряжение по поводу марчессы за обычную зависть. *Частично ошибочно,* честно поправила она себя с усмешкой. Иста постаралась разглядеть происходящее как можно более отчётливо, расширив внутренний обзор так, чтобы уловить весь живой свет, что в печальном беспорядке витал вокруг комнаты.

Не свет: темнота, тень. Парящий в груди Каттилары тугой тёмно-фиолетовый узел, завернувшийся сам в себя. Он прячется? Если так, то не очень удачно, как кот, забравшийся в мешок, но забывший убрать хвост.

Но кто из них хозяин, а кто слуга? Понятие маг, как ни странно, применимо к обоим духовным состояниям; невзирая на то, что служители считали их с теологической точки зрения разными, на практике, извне различить это очень сложно.

Кажется, я могу различить. Но я же смотрю

изнутри. Этим демоном повелевала Каттилара, а не наоборот; её воля преобладала, её душа управляла этим прекрасным телом. Пока.

Каттилара провела ноготком по торсу Иллвина, от горла к пупку и ниже. Огонь будто бы сгущался там, где она касалась, словно прокладывая новые русла.

Она опустилась рядом с ним на кровать, наклонилась и принялась ласкать его тело, от плеч вниз и от щиколоток вверх, перемещая фонтан света в нижнюю часть живота. Ласки стали более откровенными. Серые веки так и не распахнулись, но другие части тела Иллвина стали откликаться на такое внимание. Он был жив если не в отношении разума, то в отношении плоти точно. Заметно.

Они, что же, любовники? Иста удивлённо подняла брови. Хотя она и не была знатоком по этой части, это были самые безразличные прикосновения, какие ей доводилось видеть. Их целью было возбудить, а не доставить удовольствие, они не несли никакой радости той, что их осуществляла. Если бы *её* руки могли коснуться этой кожи, цвета слоновой кости, тугих мускулов и смуглой бархатной чувственности, то её пальцы бы не были грубыми, резкими, скрюченными от

напряжения. *Её* ладони были бы открыты, они впитывали бы наслаждение. Тогда бы… если у неё вообще когда-нибудь хватит смелости дотронуться до кого-нибудь. Страстью здесь была злость, а не желание. *Господин Бастард, в этой постели пренебрегают вашими дарами.*

Катти шептала:

— Да. Всё верно. Давай же. — Её пальцы сосредоточенно работали. — Это нечестно. Твоё семя плодоносно, а у моего мужа превратилось в воду. Но зачем оно тебе? Зачем тебе вообще что-нибудь? — Её руки снова замедлились. Глаза блеснули и её голос продолжил: — Мы могли бы воспользоваться им. И никто никогда не узнает. Появится ребёнок. И, в конце концов, это будет наполовину ребёнок Эриса. Сделай это сейчас, пока ещё есть время.

Тёмный узел у неё в груди затрепетал?

Молчание, а потом голос Катти снова зашептал:

— Я не хочу второсортного брата. Я всё равно никогда ему не нравилась. Я не понимала его глупых шуток. Для меня нет другого мужчины, кроме Эриса. И не будет. Отныне и навсегда.

Узел как будто бы снова съёжился. *Да,* подумала Иста, *боюсь, ты не та беременность, которой*

она так жаждет.

Руки Каттилары раскрылись: обрамлённая её ладонями болезненно тугая плоть выплюнула из кончика струю белого огня.

— Вот. Так будет дольше держаться.

Она слезла с кровати, которая скрипнула под ней, и запахнула рубашку на Иллвине. Потом осторожно подняла простыню и накрыла его ею. Пока она огибала кровать, её рука порхала над белой линией, не касаясь пламени. Иста пригнулась, пряча лицо и волосы за широким чёрным рукавом. Скрип открывающейся и закрывающейся двери, щелчок щеколды. Шаги на цыпочках, спешащие прочь.

Иста посмотрела через балюстраду. Катти пересекала мощёный двор внизу, шелка, струящиеся на бегу вдоль длинной линии света. Света, который не отбрасывал теней и нигде не отражался. Она и он исчезли под аркой.

Что это за колдовство, Каттилара? Иста в недоумении покачала головой.

Мне следует питать свои изголодавшиеся глаза. Может быть, насытившись, они смогут научить меня… чему-нибудь.

А если нет, то мне всё равно удалось перехватить кое-что.

Иста заметила, что петли двери в комнату Иллвина были отлично смазаны. Тяжёлая резная дверь легко поддалась. Отсюда было слышно тихое похрапывание, доносившееся из соседней комнаты, куда вела внутренняя дверь. Горам, или ещё кто-нибудь, спал, готовый прийти на зов хозяина, если случится чудо и Иллвин проснётся и позовёт. Осторожно, чтобы не задеть нить света, она обогнула сундуки и ступила на коврик рядом с постелью Иллвина. С другой стороны, не с той, где была Катти. Иста аккуратно приподняла простыню, так же как и Катти, распахнула его рубаху и принялась изучать лежащее перед ней тело.

Временно не обращая внимания на очевидное, она попыталась рассмотреть кружащийся свет, надеясь прочесть в нём какое-нибудь послание. Самое яркое пламя сейчас приходилось на низ живота, его мерцание было заметно над пупком, губами, лбом и сердцем. Свет надо лбом и губами был совсем тусклым. Иста была уверена, что Иллвин похудел с тех пор, как она в первый раз увидела его во сне, щёки совсем впали, рёбра… раньше рёбра заметны не были, а теперь она могла буквально сосчитать их. Под его кожей была даже видна линия тазовой кости. Иста пальцем дотронулась до неё, но потом замерла.

Иллвин едва заметно шевельнулся: слабая, но вполне узнаваемая судорога желания… или, быть может, отголоски такого движения, передавшегося по пламенеющей нити, словно волна, пришедшая с дальнего берега? Минуты текли; Иста могла перечесть удары собственного сердца. Могла пересчитать удары его сердца. Они участились. Сначала дёрнулись его губы, но только чтобы испустить низкий стон.

Напряжение, дрожь, яркая вспышка света и всё кончено. Холодный огонь растёкся по его телу, а потом, пульсируя, собрался у своего источника — над повязкой под сердцем. Выкачивая… что?

Его плоть снова была тревожно мертва.

— Так, — выдохнула Иста. — Это… любопытно.

Мудрость или даже знание, обходили её стороной. Но всё же некоторые моменты, свидетельницей которых она стала, вполне ясны. А некоторые… нет.

Она бережно запахнула его рубаху и затянула пояс. Вернула на место простыню. И снова присмотрелась к линии света. Она отчётливо помнила сон.

Осмелюсь ли я?

Просто глядя на него, ничего не добьёшься. Иста потянулась вперёд, обхватила нить пламе-

ни ладонью и застыла.

Горам, шлю тебе привет.

Она пристроила бедро на кровати и наклонилась вперёд. Коснувшись губами рта Иллвина, она вложила в поцелуй больше ласки. И сжала ладонь.

Свет брызнул в разные стороны.

Глаза Иллвина раскрылись; он вдохнул её дыхание. Опираясь другой рукой на подушку рядом с его головой, Иста заглянула ему в глаза, такие же тёмные, как в первых снах. Его рука ожила, обхватила её затылок, сжав волосы.

— О… Этот сон получше.

Его голос с мягким северным рокнарским акцентом, вязкий, словно выдержанный мёд, оказался глубже, чем она помнила из собственных видений. Он поцеловал её в ответ, сначала осторожно, потом более уверенно, не столько с доверием, а скорее слепо обходясь без него.

Иста разжала ладонь. Свет потёк снова, стал выходить из Иллвина, спеша прочь. С болезненным вздохом он снова замер, не успев сомкнуть веки. Блеск из полуопущенных ресниц пугал своей безжизненностью. Она нежно закрыла ему глаза.

Иста не совсем понимала, что произошло в тот момент, когда линия света исчезла целиком,

насколько хватало глаз. Значит, и там, где она заканчивается, тоже? И если так, то… потерял сознание кто-то другой? Эрис? В объятиях Катти?

Однажды, оставленная наедине с незнанием, безумным нетерпением и ужасом, она стала причиной несчастья. Ночь, когда Арвол ди Льютес умер в подземельях Зангра, точно так же была пронизана неясным колдовством. Так же полна жгучих видений.

Но всё произошло по вине иной Исты. Отличной от нынешней.

Страх, который пульсировал у неё в голове, мог лишь закалить её. *В выносливости, и ни в чём больше, я теперь ас.* Любое нетерпение она теперь могла проглотить, словно горькую микстуру целителей. Незнание… она может двигаться вперёд. Словно войско со знамёнами или, напротив, обречённое на гибель, — это она определить не могла. Но теперь Иста не была готова затеять ночную работу вроде той, до тех пор пока не будет чётко знать, что ей предстоит совершить — чудо или убийство.

Поспешно, с некоторым сожалением, она поднялась с постели лорда Иллвина, расправила простыни, запахнула поплотнее свой чёрный халат и выскользнула за дверь. Она на цыпоч-

ках пробежала по галерее, открыла решётку на своём окне и забралась внутрь. Затем вернула металлический прут запора на место. Закрыла внутренние ставни. Села на кровать и стала смотреть на щель в них.

Немного спустя показался далёкий оранжевый отблеск пламени свечи и в галерее послышались шаги ног, обутых в туфельки. Через несколько минут они вернулись той же дорогой. Только медленно, задумчиво. Удивлённо? Снова шорох шагов, на сей раз вниз по ступеням.

Я плохо подхожу для этого мрачного задания. Бастард не её бог. Иста не сомневалась ни в своём происхождении, ни в объектах своих неуклюжих, низких, безнадёжных желаний. *Но я, действительно, несчастье, которое приходит не вовремя.* Но сколько бы божественных посланников не было отправлено сюда, она — единственная, кто достиг цели. *Вот так.*

Во что бы то ни стало, Иста решила на следующий день увидеть, как Иллвин приходит в сознание. То, что покажется другим полным бредом, сумасшедшей вполне может быть ясным как день.

Глава тринадцатая

Солнце едва показалось из-за горизонта, а леди Каттилара уже кипела готовностью сопроводить Исту в храм на утренние службы, потом на состязание девушек по стрельбе из лука, а затем на полдник. На этот раз Иста уже придумала себе оправдания.

— Боюсь, я вчера слишком устала. Ночью мне было плохо, у меня был жар. Сегодня мне хотелось бы спокойно остаться у себя и отдохнуть. Прошу вас, не думайте, что меня нужно ежесекундно развлекать, марчесса.

Леди Каттилара доверительно понизила голос:

— По правде говоря, в городе Порифорс развлечений мало. Это граница, и мы так же просты и суровы, как и наша работа. Но я написала отцу, Оби — это второй город в Карибастосе после двора самого провинкара. Уверена, для отца будет честью принять вас у себя сообразно с вашим рангом.

— Я ещё недостаточно окрепла для путешествий, но когда это произойдёт, Оби станет самой желанной остановкой на моём пути.

Оби находится дальше от опасностей границы,

чем Порифорс, и поэтому население там больше, — Иста не удержалась от этой мысли.

— Но это мы решим потом.

Леди Каттилара понимающе кивнула, но была довольна туманным согласием рейны. *Да уж, представляю, как ты обрадуешься, когда сплавишь меня куда-нибудь.* Или — нечто обрадуется. Иста присмотрелась к ней.

Внешне она казалась такой же, как и раньше: мягкие зелёные шелка и лёгкие ткани обтягивали многообещающее женское тело. Но внутри…

Иста взглянула на заботливо склонившуюся над ней Лисе, которая как раз заканчивала заплетать ей волосы и готовилась подавать верхнее платье. У здорового человека душа соответствует телу, это дух, окутанный материей, которую он кормит и питает, из-за чего он практически не заметен для внутреннего зрения, так же как и для обычного. При нынешней обострённости восприятия, данной богом, Исте показалось, что она может различить что-то, если не разум или эмоции, то душу в целом. Душа Лисе была яркой, метущейся, расцвеченной переплетением энергии и полностью сконцентрированной в одной точке. У служанки, которая ждала, когда ей прикажут унести использованную воду, душа была

спокойней, только её омрачало пятно негодования, хотя в целом она девушке подходила.

Душа Каттилары была самой тёмной и плотной, испещрённой постоянным напряжением и тайными страданиями. Под её поверхностью скрывался ещё один слой, более тёмный и плотный, словно красную бусину опустили в бокал красного вина. Сегодня утром демон заперся тщательнее, чем накануне ночью. Он прячется? От кого?

От меня, сообразила Иста. Отметины бога, невидимые для глаз смертных, сияли перед демоном, словно факелы дозорных во тьме. Но поделился ли он соображениями с той, в ком он живёт? И давно ли у леди Каттилары этот своеобразный седок? Умирающий медведь был изодран в клочья, словно демон был жадной опухолью, запустившей щупальца во все уголки его существа, пожиравший и вытеснявший медвежью душу. Какой бы душа Каттилары ни была, пока она полностью принадлежала хозяйке.

— Лорд Эрис вернулся вчера вечером и ваше сердце успокоилось? — спросила у неё Иста.

— О да, — улыбка Каттилары потеплела и стала более таинственной.

— Уверена, скоро ваши молитвы Матери пре-

вратятся из прошений в благодарности.

— О, надеюсь, что так и будет! — Каттилара вздохнула. — У мужа есть дочь Лавиана, премилый ребёнок, ей сейчас девять, и она живёт с бабушкой и дедушкой по материнской линии, но я знаю, он хочет сына. Если я рожу ему мальчика, он будет почитать меня превыше всех женщин!

Возможно, превыше памяти о первой жене? Неужели ты состязаешься с умершей женщиной, девочка? Затуманенный свет воспоминаний предложил исход, с которым не сможет справиться ни одна живая душа. Но, несмотря на это, в Исте проснулась жалость:

— Я помню этот мучительный период ожидания… разочарования каждый месяц… Моя мать писала мне суровые письма, давая советы по поводу диеты, как будто бы я была виновата в том, что моя матка оставалась пустой.

Лицо Каттилары осветилось неподдельным интересом:

— Как несправедливо! Рей Иас был достаточно стар, гораздо старше Эриса. — Она задумчиво помолчала, а потом застенчиво спросила: — А вы… делали что-нибудь особенное? Чтобы понести Исель?

Иста поморщилась, припомнив, как всё про-

исходило:

— Каждая фрейлина в Зангре, не важно, рожала ли она или нет, знала массу способов, которые жаждала испробовать на мне.

Каттилара задала неожиданный вопрос:

— Они давали что-нибудь Иасу?

— Свежей, юной невесты ему было достаточно.

Сначала. Странно застенчивая похоть Иаса со временем угасла, чему, помимо всего прочего, поспособствовало хорошо скрываемое разочарование от рождения девочки. Возраст и проклятие всё больше сказывались на нём. Иста подозревала, что вместо того, чтобы глотать горькие снадобья, перед тем как отправиться в её покои, он поднимал боевой дух на ложе своего любовника. А если она осталась бы бесплодной, смог бы лорд ди Льютес убедить Иаса оставить полумеры и допустить его прямо к ней в постель? И сколько бы она бесполезно прождала, прежде чем дать на это согласие? Праведный гнев от таких уговоров жёг бы её ещё яростнее от того, что скрывал бы настоящее искушение, ведь Арвол ди Льютес действительно был впечатляющим мужчиной. И странная злость Каттилары на деверя была Исте вполне понятна.

Иста моргнула, потому что ей пришло в голову,

как хитро заставить Каттилару — и её демона — не путаться под ногами в полдень, когда придёт время пробуждения Иллвина. Жестокая уловка, но действенная. Она мягко добавила:

— Что же до меня, то последнее, что я испробовала, прежде чем забеременеть Тейдесом, это припарки из цветков пальчиковой лилии. Насколько я помню, это средство мне посоветовала леди ди Вара, старая нянюшка. Леди ди Вара ручалась, что всё получится. К тому времени у неё было уже шестеро детей.

Взгляд Каттилары вдруг наполнился решимостью:

— Пальчиковая лилия? Не уверена, что знаю этот цветок. Он растёт здесь, на севере?

— Не знаю. Но несколько дней назад я видела парочку на лугу, где Эрис разбил лагерь. Уверена, Лисе сможет узнать это растение.

За спиной у Каттилары Лисе протестующе подняла брови; но Иста знаком приказала ей молчать. Рейна продолжила:

— Старая нянюшка говорила, что эти цветы следует собирать собственноручно, босиком, в полдень, когда солнце наиболее плодородно. Их нужно срезать серебряным ножом, вознося молитвы Матери, потом бутоны завернуть в повязку

из хлопка — или шёлка, для леди, — и носить её на талии до тех пор, пока снова не окажешься в постели с мужем.

— А какие слова в молитве? — спросила леди Каттилара.

— Ничего особенного, главное — чтобы они были искренними.

— И это сработало?

— Разве можно сказать с уверенностью?

На самом деле она никогда не прибегала к знахарству, несмотря на предложения доброжелателей. За исключением молитв. *И мы все знаем, чем это закончилось.* Иста как раз составляла в уме очередную приманку, когда рыбка сама прыгнула в сеть:

— Рейна… раз сегодня в полдень не будет женского праздника… можно мне одолжить у вас горничную Лисе, чтобы она помогла мне отыскать эти дивные цветы?

— Конечно, марчесса. — Иста улыбнулась. — Я отдохну и напишу письма.

— Я позабочусь, чтобы вам принесли полдник, — пообещала Каттилара и откланялась. Отправилась искать серебряный ножик и шёлковый шарф, — догадалась Иста.

— Рейна, — прошептала Лисе, когда на лестни-

це стихли шаги марчессы. — Я ничего не знаю о растении, о котором вы говорите.

— Вообще-то, это короткий зелёный стебель с маленькими цветочками, расположенными в ряд, колокольчики Матери, так их называют. Но это не важно. Я лишь прошу тебя увезти марчессу от Порифорса настолько, насколько тебе удастся её уговорить. Позволь ей нарвать любых цветов, главное, чтобы они не были ядовитыми.

Правда, есть некоторое искушение… Иста вспомнила детские встречи с плющом, вызывающим волдыри, и крапивой и усмехнулась. Но то, что происходит с Каттиларой — дело серьёзное, и с этим шутить нельзя, как бы девушка ни раздражала Исту. — Замечай, если она вдруг внезапно захочет вернуться, или начнёт необычно себя вести, или говорить что-то странное. Задерживай её до тех пор, пока сможешь.

Лисе нахмурилась, одна бровь оказалась ниже другой:

— Зачем?

Иста ответила не сразу:

— Когда начальник станции вручает тебе запечатанный пакет, ты заглядываешь внутрь?

— Что вы, рейна! — возмутилась Лисе.

— Мне нужно, чтобы в этом ты стала моим

курьером. — Лисе прищурилась:

— Ох, — она исполнила свой поклон-реверанс.

— Обряд не причинит марчессе ничего дурного. Хотя… было бы хорошо, если бы ты незаметно свела её с дороги и постаралась не обижать.

То, что демон не осмеливался показываться при Исте, отнюдь не значит, что он не показывается вообще. Иста ещё не знала его силы и возможностей.

Сбитая с толку, Лисе подчинилась и вернулась к своему занятию. Иста съела лёгкий завтрак прямо в комнате, открыла ставни навстречу утреннему свету и погрузилась в гору перьев и бумаги.

Сначала она написала короткую, но колкую записку провинкару Толноксо, в которой не в самой вежливой форме изложила своё недовольство обращением с её курьером и неудачей в поисках Фойкса и мудрейшего ди Кэйбона и потребовала действенной помощи Ферде. Более сердечное письмо она адресовала старшему служителю в Маради, прося Храм о помощи страдающему Фойксу и его спутнику. Лисе добралась до Порифорса достаточно быстро; что же может задерживать этих двоих?…

Иста подавила своё растущее беспокойство,

углубившись в сочинение письма канцлеру ди Кэсерилу в Кардегосс, где восхваляла Лисе, Ферду, Фойкса и весь их отряд за верность и смелость, которые они недавно проявили. Затем она принялась за вежливое нагромождение фраз для Валенды, уверяя всех, что она находится в безопасности, и опуская все неприятные подробности последних приключений. Ещё одно менее официальное, но тоже успокаивающее письмо для Исель и Бергона, сообщавшее, что с ней всё в порядке, но только ей хочется отправиться дальше… Иста бросила взгляд сквозь металлическую решётку в сторону противоположного конца галереи и отложила в сторону неоконченное письмо, уже не уверенная в том, что ей хочется отправиться дальше прямо сейчас.

Некоторое время рейна задумчиво сидела, водя по щеке кончиком пера, а потом снова открыла письмо лорду ди Кэсерилу и добавила постскриптум:

«Внутреннее зрение вернулось ко мне. Здесь сложилась довольно сложная ситуация».

* * *

Наконец, появился паж и увёл Лисе на полуденную прогулку с марчессой. Немного спустя

пришла горничная и принесла на подносе полдник для Исты, за ней следовала женщина из свиты марчессы, которую, судя по всему, отрядили составить Исте компанию. Рейна попросила служанку поставить поднос на стол, а потом безжалостно отправила разочарованную фрейлину прочь. Когда их шаги стихли, Иста прошла через внешнюю комнату и скользнула наружу. Солнце, как Иста мрачно отметила, стояло высоко и нагревало двор своими жаркими лучами, делая тени темнее и отчётливее. В противоположном конце галереи она постучала в резную дверь лорда Иллвина.

Дверь приоткрылась. Скрипучий голос Горама начал:

— Так ты заставила этого дурака-повара готовить мясо помягче… — и вдруг оборвался. — Рейна.

Он сглотнул и склонил голову, но не пригласил её внутрь.

— Добрый день, Горам. — Иста подняла руку и открыла дверь пошире. Напуганный старичок беспомощно отступил.

В комнате было сумеречно и прохладно, только полосы света падали сквозь ставни на плетёные коврики, от чего приглушённые цвета их нитей

казались ярче. Иста отметила некоторую схожесть с её первым видением, но отвлеклась от этого, взглянув вторым зрением на Горама.

Его душа выглядела странно, она не была похожа ни на одну из тех, что ей доводилось видеть. Она напоминала изорванную тряпку, побывавшую в купоросе или изъеденную молью до такой степени, что от неё осталась лишь пара ниток. Иста подумала об измученном медведе. Но в Гораме не было демона, и он не умирал. *И всё же, что-то с ним не так. Не совсем так.* Она заставила себя вновь обратиться к его сморщенной физической сущности:

— Я бы хотела побеседовать с твоим господином, когда она проснётся, — сказала она ему.

— Он, хм, не всегда говорит так, что можно что-то понять.

— Это не страшно.

Голова грума снова ушла в плечи на манер черепахи:

— Леди Катти это не понравится.

— Она ругала тебя вчера, когда я ушла? *И насколько сурово?*

Он, глядя себе в ноги, кивнул.

— Ну, сейчас она занята. Она уехала из замка. И не надо говорить ей, что я здесь была. Когда лорду

Иллвину принесут еду, забери поднос и отошли слугу. Так никто не узнает.

— Ох.

Он какое-то время словно бы переваривал её слова, но потом отступил, позволяя ей войти.

Лорд Иллвин лежал на кровати всё в той же льняной рубахе, только волосы теперь были распущены и зачёсаны назад, как в первый раз, когда Иста увидела его во сне. Неподвижный, словно мертвец, но всё же не лишённый частички души; нельзя сказать, что его душа была такой же собранной, как у Лисе, или такой же изорванной, как у Горама. Такое ощущение, что её насильно вырвали у него из сердца и теперь она вытекала из него тем, уже знакомым потоком белого огня. Едва различимая часть её всё же оставалась в пределах тела.

Иста села на сундук у стены справа от Иллвина и стала рассматривать его застывший профиль.

— Он скоро проснётся?

— Похоже, что да.

— Тогда делай то, что делаешь обычно.

Горам нервно кивнул и подтащил к противоположной стороне кровати табурет и маленький столик. Когда в дверь постучали, он чуть не подпрыгнул. Иста отклонилась назад, чтобы остаться

незамеченной, пока грум принимал тяжёлый поднос, накрытый льняным полотенцем, и отсылал слугу. Парень, судя по всему, был рад сбежать побыстрее. Горам уселся на табурет, сцепив руки и тоже стал смотреть на Иллвина. В комнате воцарилась почти осязаемая тишина.

Полоса белого огня постепенно начала истончаться. И скоро превратилась в тоненькую ниточку. Тело Иллвина как будто наполнилось жизнью, душа окрепла перед внутренним взглядом Исты, но продолжала странно волноваться.

Губы Иллвина раскрылись. Вдруг он вздохнул, а потом выдохнул. Глаза раскрылись и диким взглядом уставились в потолок. Иллвин дёрнулся вверх, закрыв глаза.

— Горам? Горам! — в его голосе слышалась паника.

— Я тут, м'лорд, — взволнованно откликнулся Горам.

— А. Вот'ы'де, — речь Иллвина была смазанной. Его плечи опустились. Он потёр лицо, уронил руки на покрывало, посмотрел на ноги, морщины на высоком лбу стали отчётливее. — Этой ночью мне снова приснился отчаянный сон. Сияющая женщина. Пятеро богов, на сей раз она была как живая! Я прикасался к её волосам…

Горам посмотрел на Исту. Иллвин повернул голову, чтобы проследить за его взглядом. Тёмные глаза расширились:

— Вы! Кто вы? Я ещё сплю?

— Нет, на сей раз, нет. — Иста помедлила. — Меня зовут… Иста. И здесь я по некоторой причине, но по какой — не знаю.

С его губ слетел смешок, полный боли:

— А. Я тоже.

Горам поспешил поправить ему подушки; он откинулся на них, как будто бы последнее усилие утомило его. Горам подоспел с ложкой, на которой лежал кусок тушёного мяса, приправленного травами и чесноком:

— Съешьте мясо, м'лорд. Ешьте, ешьте быстрее. — Иллвин взял кусок в рот, хотя было заметно, что он пытался сопротивляться; он проглотил его и отмахнулся от следующей порции. Он снова повернулся к Исте:

— Теперь… вы больше не светитесь в темноте. Вы мне действительно снились?

— Да.

— Ох, — он озадаченно поднял брови. — Откуда вы знаете? — Ему не удалось увернуться от настойчивой ложки и пришлось снова замолчать.

— Лорд Иллвин, что вы помните из событий

той ночи, когда вас закололи? Тогда, в спальне принцессы Юмеру?

— Закололи, меня? Меня не… — его рука наткнулась на повязку, скрытую под рубашкой. — Проклятие, Горам, почему ты постоянно обматываешь меня этой дурацкой тряпкой? Я же говорил тебе… Я же говорил тебе.

Он развязал бинты, размотал их и сбросил под кровать. На коже не было никаких следов.

Иста встала, подошла к постели и перевернула бинт. Ткань была влажной от тёмной, красно-коричневой крови. Рейна, подняв брови, продемонстрировала это Иллвину. Он сердито нахмурился и замотал головой.

— Я не ранен! У меня нет жара. Почему я так много сплю? Я слабею… У меня ноги подгибаются, как у новорождённого телёнка… Я не могу думать… Пятеро богов, молю, только не паралич, не хочу быть слюнявым калекой… — Его голос стал резче от смятения. — Эрис, я видел, как Эрис упал к моим ногам. Кровь… Где мой брат?…

Горам отозвался преувеличенно мягко:

— Сейчас, м'лорд, сейчас. С марчем всё в порядке. Я говорил вам уже пятьдесят раз. Я вижу его каждый день.

— Почему он не приходит ко мне? — теперь его

голос был жалобным, как всхлипывание усталого ребёнка.

— Он приходит. Но вы спите. Не волнуйтесь вы так. — Горам коротко посмотрел на Исту. — Вот, съешьте мясо.

Значит, Эрис тоже был в спальне Юмеру той ночью? События уже расходятся с чистенькой версией Каттилары.

— Вас заколол лорд Печма? — спросила Иста.

Иллвин удивлённо моргнул. Он проглотил кусок, который Горам успел впихнуть в него, и ответил:

— Печма? Этот безмозглый дурак? Он ещё в Порифорсе? И вообще, какое отношение Печма имеет ко всему этому?

Иста терпеливо уточнила:

— Лорд Печма был там?

— Где?

— В спальне княжны Юмеру.

— Нет! С чего ему там быть? Золотая сука обращалась с ним, как с рабом, так же как и со всеми остальными, впрочем. Обман-обман…

Голос Исты стал жёстче:

— Золотая сука? Юмеру?

— Мать и Дочь, она была безжалостно красива! Иногда. Но когда забывала смотреть на меня,

она казалась обычной. Такой же, как я видел её раньше, в Джоконе. А когда её янтарные глаза останавливались на мне, я вёл себя, как раб. Нет, не вёл. Был рабом. Но она остановила взгляд на бедняге Эрисе… Так происходит со всеми женщинами…

Что ж, это верно…

— Она увидела его. Она захотела его. Она взяла его так же легко, как будто бы подобрала, подобрала что-то с земли… Я понял это и пошёл за ними. Она уложила его на кровать. Её губы слились с его…

— Мясо, — встрял Горам и запихнул ему в рот очередной кусок.

Экзотическая женщина, мужественный мужчина, полуночный визит, отвергнутый воздыхатель… роли те же, только исполнители отличаются от версии Каттилары? Не Печма, а Иллвин, убийца, вторгшийся в альков в самый интимный момент? Всё сходится; совсем не сложно предположить, что Юмеру отправили свести с ума Иллвина, чтобы обеспечить какой-то союз с Джоконой, и не важно, по личным или политическим причинам, но Юмеру переключается на старшего, более могущественного брата. Каттилара — препятствие на этом пути, но это

не больше чем ухаб, который помогут сгладить коварные яды.

Гораздо сложнее представить, что соблазнительнице удалось вытеснить Каттилару из сердца Эриса. Катти, по всей видимости, относилась к Исте как к старшей тётке с трагически-романтичным прошлым, и тем не менее марчесса при каждом удобном случае заявляла ей о своих правах на Эриса. Было ли это чувство собственности частью её характера или стало следствием пережитых тревог?

Новая история казалась всё более правдоподобной. Отверженный, практически бесправный бастард положил глаз на прекрасную княжну, и тут её уводит старший брат, у которого уже есть красавица-жена, и ему ничего больше не нужно; богатый, обворовывающий бедного… Достаточный мотив для братоубийства в порыве яростной ревности. Некоторые совершают такое, кем бы они ни были, квинтерианцем или кватернианцем, к какой бы расе ни принадлежали и в каком бы климате ни обитали.

Значит, так: Иллвин, напав в приступе ревности на брата и его любовницу, закалывает ножом суку-княжну, а потом Эрис, в ужасе вырвав нож у него из рук, наносит смертельный удар брату и

оставляет его умирать на простынях?

Постойте-ка. Иллвин сначала был тщательно раздет догола, а его незапятнанные кровью вещи удивительно аккуратно сложены на стуле, нож был перенесён к телу Юмеру и только потом их оставили умирать. Иста задумалась, с сомнением сморщив нос.

От лорда Печмы и его коня тоже как-то избавились. Укрывательство — не в духе Эриса, но, быть может, он боялся мести со стороны князя Джоконы за смерть прекрасной — или обычной — сестры? Достаточный повод для того, чтобы взять себя в руки, подтасовать события и свалить вину на беглого джоконского придворного. В таком случае придворного запросто могли убить и закопать. У Эриса, несомненно, хватило бы силы и нервов для таких действий. Такое виденье произошедшего оставило бы неверность Эриса своей спавшей жене в тайне. А публичные молитвы Эриса и заботы о здоровье брата — ещё один отвлекающий манёвр или плод вины.

Ещё одна чистенькая история. В неё только лишь не укладывается присутствие демона Каттилары и смертельная рана, которую два брата делят между собой. И тот факт, что Каттилара, похоже, знает больше о происходящем, чем Эрис.

И сны Исты. И нить огня. И посещение бога. И…

— Мне кажется, — произнёс лорд Иллвин тихим голосом, — я схожу с ума.

— Ну что ж, — сухо заметила Иста, — вам нужен опытный проводник по этой стезе? Если так, то я та, кого вы ищете.

Он воззрился на неё в полном смятении.

Из сна, приснившегося ей в палатке, она помнила скорбный стон Эриса при свете свечи. Но что это, картина прошлого или будущего?

Иста не сомневалась, что мужчина, распростёртый перед ней, способен, когда находится в здравом уме и твёрдой памяти, на тонкую и умную ложь. Совершенно ясно, что весь его здравый ум и твёрдая память разбежались сейчас, как мальчишки-попрошайки. Сейчас он может бубнить, бредить, мучиться галлюцинациями, но никак не лгать. Поэтому… какие существуют способы, которыми трое людей могут убить двоих из них одним ножом? Иста потёрла лоб.

Горам отвесил ей невесёлый поклон:

— Леди. Прошу вас. Дайте ему возможность поесть. И облегчиться.

— Нет, не отпускай её! — рука Иллвина дёрнулась было к ней, но безвольно упала.

Иста кивнула обеспокоенному груму:

— Я отойду ненадолго. Совсем недалеко. И скоро вернусь, — добавила она, обращаясь к взволнованному Иллвину. — Обещаю.

Она вышла в галерею и оперлась на стену, скрестив руки на груди. Рейна принялась следить за линией света, которая стала совсем тоненькой, но не разорвалась.

Так. Иллвин не видел брата и не разговаривал с ним; Эрис тоже не видел, как Иллвин приходит в себя. После той ночи у обоих не было возможности обменяться впечатлениями или теми обрывками впечатлений, которые остались у них в памяти.

Леди же Каттилара видела обоих. И разговаривала с обоими. Рассказывала то, что считала нужным.

Посмотрим, удастся ли нам что-нибудь изменить.

Иста подождала, пока Горам заканчивает помогать своему хозяину справить личные нужды, укладывает его обратно в постель, впихивает в него ещё пищу, устраивает больного поудобнее, стараясь уложиться в то время, которое его господину отведено. Нить начала медленно крепнуть. Потом это стало совсем заметно. Иста протянула руку и обхватила её, замкнув в круг большой и

указательный пальцы.

Господин Бастард, веди меня своей волей. Или своей прихотью.

Она пожелала, чтобы нить стала короче, сматываясь у неё в ладони, словно клубок. Похоже, помимо второго зрения, в дар Бастарда входило ещё нечто, потому что нить скручивалась без усилий. Сначала Иста пыталась изобразить, будто наматывает её на руку, но потом обнаружила, что может тянуть её, просто желая этого. Рейна не сводила глаз с арки напротив, ведущей в соседний двор.

По камням, залитым солнцем, шёл лорд Эрис.

Одет он был легко, сообразно с жарким полуднем, подол серого плаща с золотым кантом покачивался в такт шагам на уровне икр. Марч сиял чистотой, борода была ровно подстрижена. Он широко зевнул, озабоченно посмотрел в сторону угловой комнаты и, увидев, что Иста перегнулась через балюстраду, отвесил ей вежливый поклон.

Только что вздремнул, не так ли? И я точно знаю, как долго ты не спал прошлой ночью.

С трудом Иста отвела взгляд от его элегантной внешности.

Душа его оказалась серой, странно бледной, ли-

шённой центра, она как будто тащилась за ним, оставляя после себя след, напоминающий дым.

А. Да. Теперь я вижу. Иста выпрямилась и направилась к лестнице, чтобы встретить марча на полпути.

Они оказались лицом к лицу, хотя она стояла на две ступеньки выше того места, где остановились его обутые в сапоги ноги. Эрис вежливо ждал, глядя на неё немного удивлённо:

— Рейна?

Она обхватила его волевой подбородок рукой, почувствовав ладонью щетину его бороды, наклонилась вперёд и поцеловала его в губы.

Его глаза расширились, он изумлённо промычал, но не отпрянул. Она пыталась ощутить вкус его губ: прохладные, словно вода, и такие же безвкусные. Иста грустно отступила. *Значит, и это не сработало.*

Его губы тронула смущённая, очаровательно кривая улыбка, и он поднял брови, словно желая спросить: *Что это, леди?* Как будто бы женщины каждый день без предупреждения целуют его на лестнице и он считает невежливым уклоняться.

— Лорд Эрис, — решилась Иста, — и давно вы умерли?

Глава четырнадцатая

Улыбка Эриса стала натянутой и настороженной. Он обеспокоенно, даже озабоченно смотрел на Исту, словно опасался, что у безумной рейны прямо у него на глазах случился приступ, и ему как добропорядочному хозяину, придётся отвечать за последствия:

— Мадам… вы шутите? — Это приглашение отказаться от своих слов. Откровенное предложение: *Прошу, не делайте этого…* — Обычно, над моими поцелуями не глумятся!

— Моя жизнь вообще не располагает к шуткам. — Он нервно усмехнулся:

— Признаюсь, в последнее время меня мучает жар, но, уверяю вас, до могилы мне ещё далеко.

— У вас нет жара. Вы даже не потеете. Температура вашей кожи ничем не отличается от температуры воздуха. Если бы климат здесь не был таким знойным, многие это заметили бы.

Он продолжал недоумённо взирать на неё. *Пятеро богов. Он действительно ничего не знает.* Её сердце сжалось.

— Думаю, — осторожно сказала она, — вам следует побеседовать со своим братом.

На его лице отразилась боль:

— Я бы побеседовал с ним, если бы мог. Я ежечасно молюсь об этом. Но отравленная рана не позволяет ему прийти в себя.

— Он приходит в сознание. Каждый полдень, когда вы ненадолго погружаетесь в сон. Это единственный час, когда вы спите. Ваша жена не говорила вам об этом? Она почти каждый день отправляется проведать его.

А иногда и ночью. Только тогда её беспокоит забота о другом, мне кажется.

— Рейна, поверьте мне, это неправда.

— Я самолично только что разговаривала с ним. Пойдёмте. — Недоверчивое выражение не исчезло с его губ, но когда она развернулась и стала подниматься по ступеням, он последовал за ней.

Они вошли в прибранную спальню Иллвина. Горам, сидевший и выполнявший свои обязанности, при виде лорда Эриса вскочил на ноги, отвесил ему отрывистый, неуклюжий поклон и услужливо пробормотал нечто, что, скорее всего, должно было означать «М'лорд».

Взгляд Эриса остановился на неподвижном теле, лежащем на кровати. Губы марча разочарованно вытянулись:

— Всё по прежнему. — Иста попросила:

— Лорд Эрис, сядьте.

— Я лучше постою, рейна, — в его хмуром взгляде сквозило всё меньше удивления.

— Держитесь.

Линия белого огня между двумя братьями была короткой и толстой. Теперь, разобравшись в чём дело, Иста чувствовала присутствие демона — тусклое фиолетовое сияние, своеобразный канал, который был причиной всему. Он расходился в три стороны, но только одно его разветвление было наполнено душой. Рейна обхватила нить, связующую двух мужчин, и сжала наполовину. Белое пламя было вынуждено хлынуть обратно в тело Иллвина.

У лорда Эриса подогнулись колени, и он рухнул на пол.

— Горам, помоги марчу сесть на стул, — распорядилась Иста. *Держись*, скомандовала она про себя невидимой нити, и нить выровнялась.

Иста подошла к постели Иллвина и принялась изучать узлы света. *Поднимайтесь*, приказала она им и стала подталкивать их руками, подгоняя к губам и ко лбу Иллвина, как делала ночью Каттилара… только с другой теологической целью. Свет потёк так, как рейна хотела. *Оставайся таким.* Она подняла голову и стала ждать резуль-

татов. *Мне кажется, должно получиться.*

Горам поспешно притащил от стены кресло из полированного резного дерева и поставил его с другой стороны кровати хозяина. Он поднял Эриса, изумлённо наблюдавшего за происходящим, и усадил. Эрис закрыл рот и потёр лицо внезапно ослабевшими, дрожащими руками. Он потерял дар речи? Иста без зазрения совести стащила табурет Горама, поставила его у изножья кровати и уселась, чтобы лучше видеть лица братьев.

Глаза Иллвина раскрылись; он вдохнул, подвигал челюстью. Потом приподнялся на дрожащем локте и тут заметил брата, сидящего по правую руку и изумлённо взирающего на него.

— Эрис! — его голос зазвенел от радости. Неожиданная улыбка преобразила его лицо; Иста удивлённо отпрянула, разглядев в нём очень привлекательного мужчину. Горам бросился поправлять подушки за спиной у своего господина. Иллвин приподнялся повыше, потрясённо приоткрыв рот. — Значит, ты жив! А я им не верил… они не смотрели мне в глаза, и я думал, что они жалеют меня и поэтому обманывают… Но ты спасся! *Я* спасён. Пятеро богов, мы все спасены!

Он откинулся назад, тяжело дыша, но продолжал улыбаться; он даже расплакался, но потом

взял в себя в руки.

Эрис с замиранием смотрел на брата.

Иста с облегчением отметила, что говорил Иллвин теперь чётко, хотя его нижние конечности были парализованы. Она уповала на то, что мысль его тоже прояснилась. Ровным тоном, который ни в коей мере не отражал то, что она чувствовала, Иста спросила:

— Почему вы решили, что ваш брат мёртв?

— Боги, а что мне оставалось думать? Я буквально *чувствовал,* как этот проклятый нож вошёл в него… по рукоять — или вместо меня в битвах участвовал кто-то другой! Я рукой ощутил вибрацию, когда кинжал пронзил его сердце. Меня чуть не вывернуло.

Пятеро богов, только не братоубийство… Несмотря на то что в животе стало нехорошо, Иста совладала с голосом и продолжила:

— Как это случилось? Расскажите мне всё. С самого начала.

— *Она* увела его в свои комнаты. — Он добавил, обращаясь к Эрису: — Я был в панике, потому что Каттилара узнала об этом от служанки, сующей нос не в своё дело, и вознамерилась пойти за тобой. Я чувствовал, что в ней было что-то неестественное…

— В ком из них? — уточнила Иста. — В княжне Юмеру?

— Да. В сверкающей золотой девчонке. Эрис, — он криво усмехнулся, — если бы ты перестал каждый раз заваливаться на спину от поцелуев честолюбивых соблазнительниц, ты бы очень сильно облегчил жизнь своим родственникам.

Эрис, в глазах которого светилась та же радость, что и в Иллвине, покорно склонил голову:

— Клянусь, я их не поощряю.

— Ну это, поверьте мне, истинная правда, — заверил Иллвин Исту. — Не скажу, что это очень утешает остальных мужчин, когда женщины стаями проносятся мимо и виснут у него на шее. Тогда он похож на поварёнка, который кормит куриц.

— Я ничего не делаю. Они сами бросаются на меня. — Он взглянул на Исту и сухо прибавил: — Даже на ступенях.

— Ты мог бы уворачиваться, — назидательно предложил Иллвин. — Попробуй как-нибудь.

— Я пытаюсь, разрази тебя гром. Ты слишком хорошего мнения о моей зрелости, если думаешь, что у меня ещё есть силы интересоваться кем-то помимо Катти.

Иста не до конца понимала, как это утвержде-

ние вяжется с его поведением при их первой совместной поездке, но, вполне возможно, он так галантен со всеми спасёнными дамами, чтобы отвлечь их от рыданий и истерик. С сожалением, она решила прервать этот — судя по всему не первый на эту тему, но очень жизнеутверждающий — обмен шутками. Бог заманил её в этот лабиринт скорбей в равной степени любопытством и тайным чувством долга, но задерживаться здесь она не собиралась:

— Так почему же вы пошли в спальню княжны Юмеру? Если пошли, конечно.

Эрис помолчал, его легкомысленное настроение мгновенно улетучилось. Он потёр лоб, потом подбородок и руки:

— Даже и не знаю. В тот момент, это казалось мне хорошей идеей.

Вступил Иллвин:

— Каттилара считала, что княжна подсунула тебе любовное зелье и ты не мог контролировать свои действия. Ты знаешь, как я отношусь к её фантазиям, но… я действительно надеялся, что это так. Потому что остальные версии казались мне ещё хуже.

— То, что я влюбился в Юмеру?

— Нет. Об этом я не думал. — Иста сурово взгля-

нула на него:

— А о чём вы подумали?

Иллвин словно ушёл в себя, его лицо стало мрачным:

— Она произвела такое же впечатление на меня. Сначала. Но потом увидела Эриса и забыла обо мне. Бросила меня на землю, как мешок с отрубями. И… разум вернулся ко мне. Я наконец вспомнил, где видел её раньше. Хотя не совсем её. Эрис, помнишь, как года три назад я ездил в маленький джоконский городок? Я тогда притворился продавцом лошадей. Тогда же я привёз Горама и план замка Хамавик.

— Да…

— Я купил пару голов скота у лорда Хамавика. Я переплатил ему, чему он очень обрадовался; этот идиот стал разговорчивым, принимая меня за дурака. Он пригласил меня на обед в поместье на берегу моря, по чему я должен был понять, как он меня надул… если бы, конечно, сам этого не знал. Он принялся показывать мне свои богатства, среди которых оказалась и его жена. Джоконская княжна, внучка самого Золотого Генерала, — как мне поведал её муж, будто бы она была чистокровным товаром, который он приобрёл по впечатляющей цене. Видимо, так

оно и было, потому что вдовствующая регентша Джоэн не отдаёт своих детей задаром. Пятеро богов, он был отвратительным старым козлом. А жена действительно была золотой, только тише и грустнее неё я женщин не видел. Безжизненная. Запуганная. И на ибранском она могла связать лишь несколько слов.

— Но это же другая княжна, — возразил Эрис. — У князя Джоконы несколько сестёр. Ты, похоже, принимаешь одну за другую. Юмеру говорила уверенно и остроумно.

— Да. Даже придумывала двуязычные каламбуры. Но если у неё нет сестры-близнеца с тем же именем, я голову даю на отсечение, это та же женщина, — Иллвин вздохнул и нахмурился.

— Катти в ярости направилась в спальню княжны, я бросился за ней. Я боялся… не знаю чего, но подумал, что хотя бы смогу предупредить тебя и предотвратить скандал.

— Мой верный адъютант.

— Это выходило за пределы военных обязанностей, как мне кажется. Ты бы остался у меня в долгу, и я не преминул бы взыскать его с тебя. Я умолял Катти хотя бы позволить мне войти первым, но она проскользнула у меня под локтем. Мы появились как раз в самый неподходящий

момент. Если говорить без обиняков.

Мёртвые, заметила Иста, не краснеют. Но могут выглядеть пристыженными.

— Катти пришла в бешенство, и даже я не могу винить её за это, — продолжил Иллвин. — И если бы тот разукрашенный сверх всякой меры кинжал лежал бы под грудой одежды, а не поверх неё, я бы успел удержать твою жену. Но она с криком бросилась на княжну. Намереваясь искромсать ей лицо. По вполне понятным причинам.

— Это я помню, — медленно, словно сомневаясь в чём-то, сказал Эрис. — Припоминаю.

— Ты отпихнул золотую шлюху в сторону, я перехватил руку Катти, в которой она сжимала нож, и, между нами говоря, всё было бы в порядке, если бы ты не совершил пируэт, соскочив с кровати. Неужели похоть так завладела тобой, что ты ни минуты больше не мог оставаться в том, что ещё было на тебе? Если бы такое случилось со мной… ладно, не важно. Но лучший рыцарь Карибастоса, запутавшийся в собственных штанах… Пятеро богов, Эрис! У Катти не хватило бы духу всадить кинжал в тебя, даже если бы она захотела, но ты, споткнувшись, свалился на нас. — Его негодование утихло, из голоса исчезли взволнованные нотки. — Я *почувствовал*, как нож входит в твоё

тело. И честно говоря, я был уверен, что мы тебя прикончили.

— Катти не виновата! — поспешно воскликнул Эрис. — Эта скорбь у неё в глазах… всё равно, что ещё раз быть пронзённым кинжалом. Неудивительно, что она… А потом… потом я ничего не помню.

— Ты упал к моим ногам. Глупая девчонка вытащила клинок из тебя. Я закричал: «Катти, нет!» Но слишком поздно. Хотя не уверен, что кинжал удержал бы поток крови, который так и хлестал из тебя. Одной рукой я пытался зажать твою рану, другой — удержать Катти за рукав, но она выскользнула из-под накидки. Юмеру закричала и залезла обратно на кровать, пытаясь дотянуться до тебя, до сих пор не понимаю, зачем. Катти вонзила нож прямо ей в живот. Юмеру схватилась за рукоять и посмотрела на меня с бесконечной грустью. Тихим, потерянным голосом она произнесла «Ох!». Тем… тем самым голосом, который я запомнил с нашей первой встречи, — он уже почти шептал. — Она только сказала «Ох!». На лице Катти вдруг появилось странное выражение и после этого я уже ничего не помню. — Он утонул в подушках. — Почему я не могу?…

Руки Исты дрожали. Она спрятала их в склад-

ках юбки:

— А что вы помните после этого, лорд Иллвин? — спросила она.

— Я очнулся здесь. В голове гудело. Я чувствовал себя разбитым и больным. А потом снова очнулся здесь. И снова. И снова. И снова. И… Со мной что-то произошло. Может, меня сзади ударили?

— Каттилара сказала, что тебя заколол Печма, — ответил Эрис. Он откашлялся. — Тебя и Юмеру.

— Но его там не было! Он следовал за нами? И, кроме того, я не… — Иллвин провёл рукой по груди под тугой льняной повязкой — на ладони остался алый след… — о! … ранен?

— Кто этот Печма? — гнула свою линию Иста.

— Писарь Юмеру, — пояснил Эрис. — Он ужасно одевался и был предметом постоянных шуток со стороны её свиты. Всегда есть такой безвольный бедняга. Когда Каттилара сказала, что на Иллвина напал он, я ответил, что это бред. Она заметила, что пусть лучше это не будет бредом, потому что иначе мы рискуем ввязаться в войну с князем Сордсо, когда тело княжны доставят домой. Ведь никто из джоконцев не заступится за Печму. И она оказалась права. Ещё она сказала, что нужно терпение и Иллвин поправится. Я уже было на-

чал сомневаться, но теперь вижу, что это так!

Иста поинтересовалась:

— Вы больше двух месяцев ничего не едите и даже не задумываетесь почему?

Иллвин оторвал взгляд от окровавленной руки и удивлённо посмотрел на Эриса, а потом прищурился.

— Я ем. Только пища сразу из меня выходит. — Эрис пожал плечами. — Но, кажется, и этого достаточно.

— Но теперь же с ним всё в порядке, — медленно произнёс Иллвин, — верно?

Иста помедлила:

— Нет. Неверно.

Она перевела взор на безмолвного слушателя их разговора, прислонившегося к дальней стене:

— Горам. Что ты думаешь о княжне Юмеру?

Из его горла послышался звук, напоминающий собачье рычание:

— Она была плохой, вот что.

— Почему ты так думаешь?

Его лицо сморщилось:

— Когда она смотрела на меня, мне было до смерти страшно. Я старался держаться от неё подальше.

Иста присмотрелась к его изодранной душе.

Конечно, старался.

— Я даже подумал, что именно Горам помог мне избавиться от наваждения, — печально вставил Иллвин, — но теперь, боюсь, это было просто последствием невнимательности Юмеру ко мне.

Иста изучала Горама. Эти шрамы на душе только отвлекают, решила она; это старые раны, давние и тёмные. Если, как она уже начинала подозревать, однажды он был одержим демоном, ты это было задолго до нынешних дней. Демон оставил…

— Юмеру была колдуньей, — объявила Иста. Короткая, жёсткая ухмылка мелькнула на лице Иллвина:

— Я так и думал! — он помолчал. — А откуда вы знаете? — И через несколько мгновений добавил. — Кто вы?

Я видела потерянного ею демона, это Иста решила пока не говорить. Она отчаянно хотела, чтобы ди Кэйбон был рядом и помог своими теологическими познаниями распутать этот клубок. Иллвин вдруг посмотрел на неё с осторожностью, обеспокоенно, но, подумала она, не недоверчиво.

— Говорят, что в юности вы учились в семинарии, лорд Иллвин. И вы не могли забыть всё напрочь. Учёный служитель Ордена Бастарда

сказал мне, что если существо, которым владеет демон, умирает, и у души, отбывающей в иной мир, нет сил доставить демона обратно к богам, то он переселяется в другое существо. Колдунья умерла, а демона нет ни в одном из вас, поверьте мне. Кто остаётся?

Стало заметно, что Эрису нехорошо. Для ходячего трупа это некоторое достижение, решила Иста.

— Он у Катти, — прошептал марч.

Рейна отметила, что на этот счёт он с ней спорить не стал. Она одобрительно кивнула, чувствуя себя учителем, который хвалит ученика за правильно решённый пример:

— Да, теперь он у Катти. И это она заставляет его удерживать в вас жизнь. Или, по крайней мере, душу. До тех пор, пока его можно заставить делать это.

Рот Эриса открылся, потом снова закрылся. Наконец, он произнёс:

— Но… это же опасно! Они сжирают людей заживо… Маги и колдуны отдают демонам свои души. Катти нужно вылечить; я вызову теологов из храма, пусть они изгонят эту дрянь из неё…

— Подожди, Эрис, — задумчиво перебил его Иллвин. — Думаю, над этим стоит сначала по-

размыслить…

Снаружи из галереи донёсся топот бегущих ног. Двух пар. Дверь распахнулась. Каттилара, с растрёпанными волосами, босая, в измятом платье для верховой езды, ворвалась внутрь, тяжело дыша. За ней последовала не менее запыхавшаяся Лисе.

— Эрис! — воскликнула марчесса, бросившись к мужу. — Пятеро богов! Пятеро богов! Что с тобой сделала эта женщина?

— Простите, рейна, — прошептала Лисе Исте на ухо. — Мы были как раз посреди того луга, когда она вдруг воскликнула, что с её мужем что-то не так, подбежала к лошади и понеслась прочь. Остановить её можно было только арбалетной стрелой.

— Уф. Ничего страшного. — Иста подавила приступ тошноты от воспоминания о том, как она, хоть и успешно, провела Катти. — Что ж, достаточно. Жди вместе с Горамом, но молчи и не перебивай. Каким бы странным тебе ни показалось то, что ты услышишь.

Лисе покорно поклонилась и облокотилась на стену рядом с Горамом, который поприветствовал её кивком. Девушка с сомнением посмотрела на леди Каттилару, которая всхлипывала в сла-

бых объятиях лорда Эриса.

Каттилара схватила его за руку, удостоверилась в её бессилии и подняла заплаканное лицо навстречу взгляду мужа:

— Что она с тобой сделала? — вопросила она.

— Что ты со мной сделала, Катти? — нежно спросил он в ответ. Он перевёл глаза на брата. — С нами обоими?

Каттилара огляделась, воззрившись на Исту и Иллвина:

— Вы обманули меня! Эрис, что бы они ни говорили, они лгут! — Брови Иллвина поползли вверх:

— Хорошенькое обвинение, — пробормотал он.

Иста попыталась не обращать внимания на отвлекающие внешние слои души марчессы. Демон плотно закрылся, но Иста всё равно видела его, плотного и мерцающего, старающегося спрятаться в самом себе, словно другого пути скрыться не было. Он как будто дрожал.

От страха? Почему? Что, он думает, я смогу с ним сделать? Даже больше: что знает он, а я нет? Иста недоумённо нахмурилась.

— Катти. — Эрис гладил её выбившиеся из причёски волосы, поправлял локоны; она приглушённо всхлипывала ему в плечо. — Пришло

время сказать правду. Сейчас. Посмотри на меня.

Он взял её за подбородок, повернул её лицо к себе и улыбнулся в её влажные от слёз глаза так, что её собственное сердце, подумала Иста, просто расплавилось бы. Но на бьющуюся в истерике Катти это подействовало куда как хуже. Она выскользнула из его слабых объятий и свернулась комочком у его ног, плача ему в колени, словно заблудившийся ребёнок; из того, что она причитала, можно было понять только постоянно повторяющиеся слова «Нет, нет!».

Иллвин закатил глаза к потолку и раздражённо потёр лоб не менее слабой рукой, чем у его брата. Такое ощущение, что сейчас он выменял бы остатки своей души на то, чтобы сбежать из комнаты. Он повернулся и встретил сочувствующий взгляд Исты; она подняла два пальца: *Подождите…*

— Да, да, — шептал Эрис жене. Его рука, лежащая у неё на волосах, ласково покачивала её голову из стороны в сторону. — Я правлю Порифорсом. Все жизни в моих руках. Я должен знать всё. Да.

— Отлично, Эрис, — пробубнил Иллвин. — Поспорь с ней хоть раз.

Иста приложила руку к губам, потому что Эрис говорил. *Пусть лучше она услышит это от него.*

Она не будет ему сопротивляться или будет, но, по крайней мере, не так долго.

— Что случилось после того, как ты заколола… колдунью? — спросил Эрис. — Как ты поймала её демона?

Катти всхлипнула, сглотнула, судорожно вдохнула и закашлялась. Хриплым голосом она ответила:

— Он просто пришёл ко мне. Я ничего не сделала. Там были я и Иллвин, но он больше испугался Иллвина. — Жёсткая улыбка мелькнула на её лице. — Демон пообещал мне всё, если я сбегу. Но я жаждала только одного. Я жаждала, чтобы ты вернулся. Я заставила его вернуть тебя. Он до сих пор хочет сбежать, но я никогда не дам ему это сделать, никогда.

Воля против воли. Демон, как подозревала Иста, оказался опытным, поднаторевшим в краже жизней. Но в некоторых аспектах Каттилара оказалась сильнее. Даже не сильнее: одержимей. Если демон счёл Катти более податливым материалом, чем Иллвин, то это оказалось для него интересным сюрпризом. И несмотря на всю неприязнь, которую вызывала в ней Катти, Иста почувствовала мрачное удовлетворение от того, что демон так жестоко ошибся.

— Вы понимаете, — обратилась к ней Иста, — что демон вытягивает из Иллвина жизнь, чтобы Эрис… двигался?

Катти вздёрнула голову:

— Это справедливо. Он заколол Эриса, так что пусть расплачивается!

— Постойте-ка! — вмешался Иллвин. — В этом виноват не только я!

— Если бы ты не схватил меня за руку, этого не случилось бы!

— Да, если бы Эрис не запутался, если бы Юмеру потянулась в другую сторону или мало ли ещё что. Но мы все сделали так, как сделали. И демон тоже. — Его губы вытянулись в ниточку.

— Да, — медленно произнесла Иста. — Четверо сделали то, осмелюсь сказать, чего не хотел ни один из них. Но я не уверена насчёт… пятого действующего лица.

— Верно, — откликнулся Иллвин. — Эти демоны паразитируют на невзгодах и беспорядках; это их природа, и магия, которой они наделяют своих владельцев, тоже проистекает из хаоса и разрушения. Так учили меня служители.

Он откинулся на подушки и тревожно посмотрел на невестку.

— Что ж, этот демон был послан сюда, — ска-

зала Каттилара. — Специально. Он намеревался соблазнить Иллвина или Эриса, а то и обоих, и передать замок Порифорс во владения Джоконы. Я не позволила этому случиться. Так же, как солдат сталкивает осадную лестницу со стены крепости.

Она отбросила волосы назад и сердито посмотрела вокруг, не осмелится ли кто-нибудь усомниться в этом её достижении.

Иллвин сморщил губы от такого откровения. Брови Эриса огорчённо опустились.

— А лорд Печма? — напомнила Иста.

— С Печмой всё оказалось просто. Демон знал про него всё. — Каттилара презрительно фыркнула. — После того, как я должным образом подготовила Иллвина и отвела Эриса в нашу постель, мне оставалось только найти Печму, обвинить его и убедить, что его повесят на рассвете, если он немедленно не сбежит. Остальное он сделал сам. Он, наверное, до сих пор в бегах.

Эта женщина провела беспокойную ночь, — признала Иста. Изощрённая злоба подготовки обнажённого Иллвина поразила рейну. Маленькая месть за то, что он не питал иллюзий по поводу выбора братом невесты?

— Эрис ни в чём не виноват, — страстно про-

должила Катти. — Почему тогда страдать должен он один? — Она обратила охваченное злостью лицо к Исте. — А вы… что бы вы ни сделали, чтобы приковать его к этому стулу, отпустите его!

Иста коснулась губ:

— Очень часто страдают те, кто ни в чём не виноват, — заметила она. — Это не ново в подлунном мире. Я, как вы выразились, отпущу его через некоторое время, но только сначала нужно всё спокойно обсудить. Храм утверждает, что демоны требуют непосильную плату за свои чудеса. До каких пор, вы полагаете вам удастся продержаться? — Каттилара сжала зубы:

— Не знаю. До тех пор, пока я дышу и у меня есть воля! Потому что, если магия демона прекратится, Эрис умрёт.

— Если… это действительно так, — вступил вдруг Иллвин, — то тогда нынешнее положение событий — не самый плохой вариант. Я смогу вытерпеть… половину, скажем. Может, пусть половина дня отныне будет принадлежать Эрису, а половина — мне?

И тогда он не будет братоубийцей? Или будет, но только на четверть? В его глазах появилась надежда. Каттилара просияла, услышав о таком компромиссе, посмотрела на Иллвина, словно

что-то прикидывая.

Иста молчала, продумывая вероятные варианты. *Скорее невероятные,* поправил её жестокий разум.

— Думаю, — решилась она наконец, — это не сработает или сработает, но ненадолго. Как ни подавляй демона, он всё равно будет медленно пожирать Катти, иначе он уже утратил бы силу и перестал бы поддерживать заклинание. Мудрейший ди Кэйбон говорил мне, что демоны всегда покоряют своих владельцев, дай только время.

— Но если так можно спасти Эриса, я готова рискнуть! — заявила Каттилара.

Эрис резко выдохнул и покачал головой в знак протеста.

— В принципе, я тоже готов, — угрюмо пробубнил Иллвин.

— Но это не риск. Это факт, не поддающийся сомнению. И Эрис всё равно умрёт, а Катти будет уничтожена.

— Но *когда,* как скоро, *вот* в чём вопрос! — возразила Каттилара. — Ещё множество событий произойдёт до того момента.

— Да, я могу рассказать вам о некоторых из них, — ответила Иста. — Я уверена, Иллвин ознакомился с теологической частью смертельной

магии в семинарии. Однажды у меня тоже была возможность узнать её поближе. Эрис в данный момент неживой. Демон поймал его отделившуюся душу и привязал её к родному телу. В некотором смысле к знакомому, подходящему обиталищу. Но душа отрезана от своего бога и одновременно лишена подпитки из материального мира. Эрис не может поддерживать жизнь иным способом, кроме как выкачивать её из Иллвина, не может ни увеличить, так скажем, её концентрацию в себе, ни зачать новую.

Каттилара вздрогнула и протестующе дёрнула плечами.

Иста чувствовала, что чересчур углубляется в мрачные подробности:

— И поэтому его судьба не будет ничем отличаться от судьбы заблудших призраков. Медленно угасать, размываться, забывать себя, мир, воспоминания, любовь, ненависть, всё. Это что-то вроде дряхлости. Я видела стаи слепых духов. Это тихое проклятие, для них — милосердное. Но всё же вовсе не милосердное для мужчины, располагающего телом, мне кажется.

— Вы хотите сказать, он потеряет разум? — в ужасе переспросил Иллвин.

— Это… не очень хорошо, — заметил Эрис. —

Хотя терять мне меньше, чем тебе.

Он попытался улыбнуться брату. Попытка печально провалилась.

Иста прикусила губу и двинулась дальше:

— И у меня появилась идея, почему демон даёт Иллвину так мало времени; только чтобы успеть — да и то немного — поесть. Почему доли такие разные. Полагаю, что когда Иллвин приходит в себя, демон… теряет возможность поддерживать тело Эриса в должном состоянии. С каждым часом, который отведён для жизни Иллвина, тело Эриса гниёт. Со временем разложение станет ощутимым для всех окружающих. — Для её повышенной чувствительности это заметно уже, если знать, как смотреть. *Мне не нравится этот новый способ обучения.* — Разве такой судьбы вы желаете своему красивому мужу, леди Каттилара? Старческий разум, запертый в разлагающемся теле?

Губы Каттилары твердили *«Нет, нет»,* но она не издала ни звука. Марчесса спрятала лицо в коленях Эриса.

Боги, почему я должна выполнять это омерзительное задание? Иста осталась непреклонной:

— Иллвин тоже умирает, у него забирают больше жизни, чем он может дать. Но если Иллвин

умрёт, Эрис тоже… Их мать одновременно потеряла бы обоих сыновей. И уверяю вас, она этого не хотела бы. Какой конец выиграет эту жестокую гонку — не знаю. Но это и есть арифметика магии демона: две жизни за одну, причём последняя тоже вычитается. И все ваши страдания пройдут впустую. Верны ли мои рассуждения с теологической точки зрения, лорд Иллвин?

— Да, — прошептал он. Он сглотнул, голос вернулся к нему. — Магия демона, говорят служители, порождает больше хаоса, чем производит порядка. Цена всегда выше, чем сам приз. Некоторые кто связывается с демонами, пытаются заставить расплачивать других, а приз оставить себе. Но это редко продолжается долго. Однако также говорят, что отдельные очень мудрые и искусные теологи, храмовые маги, умеют использовать демона согласно его природе, а не вопреки ей и таким образом добиваются положительных результатов. Но я никогда не мог этого понять.

Иста ещё не до конца была уверена насчёт следующего шага, но он, казалось бы, логично вытекал из всего предыдущего разговора. Она совсем не доверяла логике; следуя её законам, ничего не стоит прийти медленно, шаг за шагом в трясину греха и окунуться в неё с головой, как

это однажды уже с ней случилось.

— Я уже выслушала мнения всех участников, кроме одного. Думаю, этот демон уже обладает даром речи. Интересно, правда, откуда, тем более что он умеет придумывать… двуязычные каламбуры, но тем не менее. Я поговорю с ним. Леди Каттилара, вы можете выпустить его на время?

— Нет! — под взглядом Исты она нахмурилась и добавила: — Это же не часть меня, в этом-то и проблема. Он пытается сбежать. Он попробует украсть моё тело.

— Хм, — протянула Иста. Она не до конца доверяла Каттиларе, но это утверждение могло быть правдой.

— Привяжите её к стулу, — лаконично предложила Лисе, стоящая у стены. Иста через плечо посмотрела на девушку; Лисе подняла брови и пожала плечами. Её поза казалась расслабленной, но глаза были широко раскрыты и в них светилось изумление, как будто она смотрела пьесу и хотела увидеть следующий акт.

— Вы не понимаете, — сказала Каттилара. — Потом он не захочет возвращаться обратно.

— Я берусь удержать его, — пообещала Иста. Иллвин удивлённо воззрился на неё:

— Как?

— Не думаю, что у вас получится, — усомнилась Каттилара.

— А он — думает, иначе он не боялся бы меня так.

— Ох, — Каттилара поморщилась.

— Мне кажется, — задумчиво произнёс Эрис, — допрос этого пленника наиболее важен. От него зависит защита Порифорса. Ты решишься сделать это, милая Катти, для меня?

Она вздохнула, нахмурилась и сжала зубы.

— Я знаю, ты смелая, — добавил он, глядя на неё.

— Ой, ну хорошо! — она состроила гримаску и поднялась на ноги. — Но не думаю, что из этого что-нибудь получится.

Молодая марчесса грустно наблюдала за тем, как Горам с помощью Лисе стаскивает наполовину парализованного Эриса с кресла и усаживает его на пол, прислонив к краю кровати. Каттилара сама заняла освобождённое им место и положила руки на деревянные подлокотники. Горам поспешил сделать из поясов и ремней Иллвина импровизированные путы.

— Подложите ткань, — обеспокоенно посоветовал Эрис. — Так ремни не будут впиваться ей в кожу.

Иста посмотрела на шрамы, опоясывающие её собственные кисти, словно браслеты.

— Щиколотки тоже привяжите, — настояла Каттилара. — И потуже.

Под заботливым взором марча Горам осторожничал, но Лисе в конце концов затянула ремни так, что Каттилара осталась довольна. Когда Лисе закончила, путы представляли собой нагромождение узлов.

Иста пододвинула свой табурет и села напротив Каттилары, ногой чувствуя, что сильное, хоть и обмякшее тело Эриса привалилось к её юбкам.

— Давайте, леди Каттилара. Отпускайте демона, пусть он выходит.

Глаза Каттилары закрылись. Иста тоже прикрыла веки, стараясь разглядеть внутренние границы вторым зрением. В данном случае демону нужно было не только позволить выйти, но ещё и заставить его.

— Давай же, выходи, — пробормотала Катилара, будто мальчишка, палкой выковыривающий барсука из норы. — Вылезай!

Фиолетовый свет хлынул во все стороны, — Иста призвала всю свою чувствительность, чтобы не упустить ни детали. Внешне изменилось только выражение лица Каттилары: тревожное

напряжение уступило место томной улыбке, кончик языка сладострастно пробежал по губам. Марчесса поморщилась, словно растягивая мышцы лица в непривычных направлениях. Фиолетовое свечение охватывало всё её тело, вплоть до кончиков пальцев. Она втянула лёгкими воздух.

Глаза открылись и расширились от ужаса при виде Исты.

— Пощади нас, Сияющая! — воскликнула Каттилара. Все присутствующие вздрогнули от этого пронзительного крика.

Молодая женщина принялась биться и метаться в путах:

— Выпустите нас, развяжите нас! Мы приказываем вам! Пустите, пустите!

Она вдруг прекратила вырываться и замерла, переводя дыхание, её черты приняли коварное выражение. Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, открыла их снова, приняв прежний обеспокоенный вид:

— Вот видите, это бесполезно. Это глупое создание, как его ни проси, не хочет выходить. Развяжите меня.

Фиолетовый свет, отметила Иста, продолжал заполнять тело Каттилары от края до края. Жестом

рейна остановила Лисе, которая уже разочарованно двинулась вперёд.

— Нет, это существо лжёт. Оно ещё здесь.

— Ох, — Лисе вернулась к своему месту у стены. Лицо Каттилары снова исказилось, наполняясь гневом:

— Отпустите! Болваны, вы даже не представляете, что навлекли на Порифорс! — Она вырывалась и брыкалась с впечатляющей силой, раскачивая кресло. — Бежать, бежать! Мы должны бежать! Все должны бежать! Бегите, пока можете. *Она* идёт. *Она* идёт. Пустите, пустите… — голос Каттилары становился всё громче, пока не сорвался на бессловесный вопль. Кресло начало падать: Горам поймал его и принялся держать, не обращая внимания на скрежет и толчки.

Безумная борьба не прекращалась, Каттилара покраснела от усилий, дыхание стало пугающе хриплым. Неужели демон настолько отчаян, что попытается освободиться, устроив смерть Каттилары? *Да,* решила про себя Иста. Она без труда могла представить, как он бросается на стену, чтобы сломать своей владелице шею, или заставляет её броситься вниз головой с балкона. Жуткая боль, причиняемая телу Каттилары, совершенно бесполезна, тем более что Эрис… ну, у Эриса нет

выбора, кроме как неподвижно сидеть. Так что это неверная тактика.

— Хорошо, — вздохнула Иста. — Возвращайтесь к нам, леди Каттилара.

Фиолетовое свечение начало пульсировать внутри бьющегося в муках тела Каттилары. Свет отступал, но потом вдруг возвращался обратно. Каттилара не в состоянии взять контроль в свои руки?

Этого Иста не ожидала. О, нет… *Я же обещала ей, что сдержу его…*

— Остановись, — произнесла Иста. — Бог послал меня разрубить этот узел. Отпусти Эриса, а я освобожу тебя.

Поверит ли он ей? Гораздо важнее, сможет ли эта угроза подтолкнуть Катти снова занять доминирующее положение?

Катти-демон застыла, прекратив борьбу, глядя перед собой широко распахнутыми глазами. Белое пламя жизни потоком хлынуло обратно к Иллвину. Внезапно с лица Эриса исчезло выражение ужаса и сменилось пустотой. Вялой, бледной неподвижностью. Он завалился набок, словно тряпичная кукла. Словно труп. Блестящий рыцарь Порифорса превратился в груду останков, в гору порченого мяса, для переноски которого

понадобится двое человек.

Но душа его не исчезла в вихре белого пламени, как все те, что Иста видела раньше. Его призрак только чуть-чуть отлетел в сторону от местоположения тела, но в остальном остался прежним. Исту охватил ужас. *Пятеро богов. Он уже отверженный. Боги не могут дотянуться до него. Что я наделала?*

— Ммм-мм… ВЕРНИТЕ ЕГО! — Каттилара в бешенстве возвратила себе власть над собственным телом, будто спущенный с цепи мастиф опрокинул быка. Фиолетовое свечение схлопнулось в тугой оборонительный шарик, белый огонь потёк по прежним руслам. Дыхание снова ворвалось в грудь Эриса; он моргнул, подвигал челюстью, разминая лицо, самостоятельно сел, оттолкнувшись от пола, и, оставшись наполовину парализованным, огляделся вокруг.

Иста была потрясена. Уловка сработала, побудив Каттилару к действиям, но то, что при этом обнаружилось… то, что она едва ли понимала. *Больше никаких уловок. У меня кишка тонка для этого.*

Каттилара тяжело дышала в своих путах и зло смотрела на Исту.

— Ты. Ты, жуткая старая стерва. Ты обманула

меня.

— Таким образом я обманула и демона. Может быть, вы пожалеете о сказанном? — рейна сделала знак Гораму и Лисе, и они принялись бережно разматывать ремни, удерживавшие марчессу.

Иллвин, до этого встревоженно наблюдавший через край кровати за братом, снова откинулся на подушки и в смятении перевёл взгляд на Исту:

— Леди, как вам это удаётся? Вы и сами, случайно, не колдунья? Не сменили ли мы одного врага-демона на другого, более сильного?

— Нет, — ответила Иста. — Мои нежданные способности берут начало совсем в другом месте. Спросите у… питомца Катти. Он знает.

И, подозреваю, лучше, чем я. Если власть над демоном или власть демона делает человека магом, а бог делает человека святым, то каким же двояким гибридом станет тот, кто попадёт в руки демона и бога одновременно?

— Тогда — осенённая богом, вы хотите сказать? — спросил он. Ещё не веря, но уже настороженно.

— Да, к моей бесконечной печали.

— Как это случилось?

— Один страдающий ублюдок молился богу, у которого не было времени помочь ему, и Он

свалил эту работу на меня. Или, по крайней мере, Он представил мне это так.

Иллвин заполз поглубже под простыню:

— Ох, — чуть слышно произнёс он, когда до него дошёл смысл сказанного ею. Через секунду он прибавил: — Я поговорю с вами об этом попозже. Когда будет, хм, больше свободного времени.

— Посмотрим, что я смогу сделать.

Эрис поднял практически безжизненную руку и погладил жену по щиколотке:

— Катти. Так не может продолжаться дальше.

— Но, любовь моя, что же нам делать? — она склонила голову и обратила на Исту душераздирающий взор. — Вы не можете забрать его *сейчас.* Так быстро. *Сейчас я* его не отдам.

Она потёрла красные полосы на запястьях, когда их наконец освободили от пут.

— У него и так уже было больше времени, чем отведено многим людям, — с укором заметила ей Иста. — Он принял все опасности воинского призвания много лет назад; и, когда вы связали себя с ним узами брака, вы приняли их тоже.

Но как же быть с тем, что он отвержен? Смерть тела — и без того великая скорбь. Медленное угасание призраков, душ, которые отреклись от богов, — саморазрушение. Но Эрис не выбирал

это изгнание; его вынудили. Это не самоубийство души, это убийство…

Иста колебалась:

— Нет, это случится не сегодня, не в этой суматохе. Времени осталось совсем немного. Его хватит на то, чтобы привести в порядок дела, пока Эрис ещё в состоянии управлять своим разумом; если он не будет медлить, то успеет написать прощальные письма. Но не более, мне кажется.

Она видела опасную, болезненную истощённость Иллвина. *Этот клубок оказался гораздо более запутанным, чем мне показалось вначале. И даже моё второе зрение не в силах увидеть выход.*

Эрис постарался сесть прямо:

— Ваши слова разумны, мадам. Я вызову нотариуса из храма, чтобы… пересмотреть завещание…

— Это нечестно! — снова набросилась Каттилара. — Иллвин убил тебя, а теперь получит все твои владения!

Подбородок Иллвина дёрнулся вверх:

— Я вовсе не голодранец. Мне не нужны поместья ди Льютесов. Чтобы не навлечь на себя позора, я отказываюсь от всяких притязаний на них. Пусть они перейдут к моей племяннице,

или к Храму… или к ней даже. — Движением губ он указал на жену брата. Потом помолчал. — За исключением Порифорса.

Эрис улыбнулся, разглядывая носки своих сапог:

— Хороший мальчик. Мы никому не уступим Порифорс. Держись за него и ты останешься верным мне даже тогда, когда могила поглотит все мои надежды и чаяния.

Каттилара разрыдалась.

Иста оторвала усталое тело от табурета. Она чувствовала себя так, будто бы её избили палками.

— Лорд Иллвин, вы не возражаете, если ваш брат попользуется вами ещё некоторое время? Вы готовы?

— Эх, — пробурчал он без всякого энтузиазма. — Делайте то, что нужно. — Он поднял глаза на неё и с хорошо скрываемой настойчивостью прибавил: — Вы придёте ко мне снова, да?

— Да, — она махнула рукой и разорвала связь.

Иллвин упал на спину. Эрис вскочил на ноги, снова став воплощением силы:

— Ах!

Он обнял всхлипывающую Каттилару и вывел прочь, шепча ей успокаивающие нежные слова.

Да, горько подумала Иста. *Ты поймал её. Готова поспорить, ты даже не пытался уклониться… Ты связался с ней…* Так бы и продолжалось, она была уверена в этом. Чего же ещё ожидать от мужчины, который в седельной сумке держит кусок мыла? Виски пульсировали.

— Лисе, мне нужно прилечь. У меня голова болит.

— Ох, — Лисе поспешила к ней, предлагая руку и поддержку. В качестве горничной возможности девушки были весьма ограничены, но Исте приходилось признать, что она — лучшая из придворных, которых ей доводилось встречать. — Может быть, следует потереть вам виски лавандовой водой? Однажды я видела, как леди делают это.

— Спасибо. Это было бы замечательно.

Иста оглянулась на Иллвина, который снова лежал неподвижно, лишённый жизни и разума.

— Позаботься о нём, Горам.

Он отвесил поклон, посмотрел на неё исполненным безмолвного отчаяния взором и вдруг рухнул на колени и поцеловал край её юбки.

— Благословенная, — пробормотал он. — Освободите его. Освободите всех нас.

Иста проглотила комок, выдавила бесчув-

ственную улыбку, вырвала подол у него из рук и позволила Лисе вывести себя наружу.

Глава пятнадцатая

Словно пелена опустилась на Порифорс в тот вечер. Хозяин с хозяйкой замка удалились на тайное совещание, и все запланированные развлечения были внезапно отменены. Иста была только рада тому, что её наконец-то предоставили самой себе. Лисе доложила, что перед закатом главные офицеры Эриса отправились к своему командиру и позже вышли от него с крайне удручённым видом. Иста надеялась, что марч догадался оставить в стороне настоящую историю смерти Юмеру и сочинил другую легенду о внезапной — или застарелой? — смертельной болезни. И поскольку правда о смерти джоконской княжны касалась марчессы, Иста не могла себе представить, чтобы Каттилара горела желанием публично покаяться, а Эрис позволил ей это.

Сон Исты в эту ночь не тревожили ни боги, ни видения, хотя всё же сновидения были подпорчены мрачными, странными кошмарами о жутких путешествиях на истощённых или умирающих лошадях и о скитаниях по полуразрушенным замкам причудливой архитектуры, за ремонт которых она была каким-то образом ответствен-

на. Проснулась она едва ли отдохнувшей, но с нетерпением принялась ждать полудня.

Она отправила Лисе помочь Гораму и предупредить его о её визите, затем лично осмотрела поднос с едой, который собирались нести наверх больному. Горничная передала этот поднос за дверь спальни лорда Иллвина, откуда, немного спустя, появилась Лисе и направилась к комнатам Исты.

— Горам даст нам знак, открыв дверь, когда будет готов, — сообщила Лисе. Девушка была подавлена, взволнована вчерашними мрачными чудесами и обеспокоена отсутствием вестей от Фойкса, хотя Иста заверила её, что он наверняка находится у главного служителя Маради. Лисе мало успокоили объяснения Исты о том, что Каттилара одержима более могущественным демоном, чем Фойкс, уже два месяца, а внешне это никак не проявляется. Рейна только желала, чтобы её сердце могло принять все эти уверения.

Наконец, резная дверь на противоположном конце галереи распахнулась, и Лисе сопроводила Исту туда.

Иллвин, одетый в тунику и штаны, сидел на кровати; его волосы были зачёсаны назад и стянуты на затылке.

— Рейна, — произнёс он и склонил голову. На его лице осторожность смешивалась с удивлением. Судя по всему, Лисе или Горам, а то и оба, сообщили ему статус и имя Исты совсем недавно, практически сразу, как он вернулся в сознание. — Простите. Клянусь, я молил о помощи, а не о вас!

Его речь снова была не совсем чёткой. Иста сообразила, что в то время, как у неё был целый день, чтобы обдумать события, Иллвин не располагал и часом. Она вздохнула, подошла к краю кровати, взяла немного белого огня с нижней части его тела и направила пламя выше. Иллвин моргнул и сглотнул.

— Всё не так… Я не хотел обижать… — теперь он говорил смущённо, но чётко, хотя и запинаясь. Он попытался приподнять ноги, но потерпел неудачу и недоверчиво посмотрел на них.

— Подозреваю, — заметила Иста, — рейна — не то качество, из-за которого меня сюда прислали. Статус не имеет для богов никакого значения в отличие от нас. Между рейной и горничной с их точки зрения нет различия.

— Но, согласитесь, горничных всё-таки больше. — Она безрадостно улыбнулась:

— Таково, видимо, моё призвание. И это не мой выбор. Я притягиваю богов. Как кровь — мух.

Он взмахнул слабой рукой, возражая против такой метафоры:

— Признаюсь, никогда не думал о богах как о мухах.

— Если честно, я тоже. — Она вспомнила, как смотрела в те тёмные бесконечности. — Однако размышление об их истинной природе вредит моему… разуму, как мне кажется. Вытягивает из меня нервы.

— Но, должно быть, боги знают, что делают. Откуда вы узнали, что мне снилось? Я видел вас три раза, когда просыпался во сне. Дважды вы сияли сверхъестественным светом.

— Мне тоже снились те сны.

— Даже третий?

— Да.

Это всё же не сон, но её смущал их внезапный поцелуй. Хотя после действий Каттилары он казался весьма скромной слабостью… Он откашлялся:

— Приношу извинения, рейна.

— За что?

— А… — Он взглянул на её губы и отвёл взгляд. — Просто так. — Она попыталась не думать о вкусе его губ. Горам подтащил к кровати Иллвина немного покосившееся кресло для неё и поставил

в изножье табурет для Лисе, а сам прислонился к дальней стене и принялся слушать. Исте и Иллвину было одинаково, как ей казалось, сложно смотреть друг на друга.

— Предположим, — начал он снова, — что то, что вы тут оказались не, случайно, а благодаря молитвам… ну, — смущённо прочистил горло, — некого человека, должны распутать клубок событий. Так?

— Скажем лучше, восстановить их цепь. Потому что способ распутать их от меня пока ускользает.

— Я подумал, что у вас есть власть над демоном Катти. Почему вы не изгоните его?

— Я не знаю как, — печально призналась она. — Бастард дал мне второе зрение — вернул его мне, лучше сказать, потому что боги тревожат меня уже не первый раз. Но бог не дал мне никаких указаний, за исключением того, что они каким-то образом связаны с мужчиной, которого я вижу в снах. — *И наоборот.* Если задуматься… не было ли появление ди Кэйбона в конце загадочного второго поцелуя Бастарда каким-то намёком? — Бог послал мне духовного проводника, мудрейшего ди Кэйбона, и я жажду выслушать его совет, прежде чем следовать дальше. Насколько я знаю,

он изучал материалы о том, как отправить демона обратно к хозяину. Уверена, он тоже должен был оказаться здесь. Но я потеряла его в пути, и теперь беспокоюсь о нём. — Она помолчала. — Не нужно спешить. Не вижу ничего хорошего в том, чтобы избавить Эриса от тела и обречь его на существование заблудшего духа. — Он замер:

— Духа? Вы уверены?

— Я видела его вчера, когда чары на время потеряли силу. Ничего… не произошло, а должно было. Когда смерть распахивает двери души перед богами, появляется белая вспышка; это великое событие. Проклятие — это не только тишина, это ещё и медленное застывание. — Она потёрла усталые глаза. — Более того, если бы я знала, как ему найти путь к богам, уверена, Эрис смог бы убедить свою жену отпустить себя. Ведь если он не сможет убедить её, то кто тогда? Боюсь, не я. И даже если она его отпустит… демон, с которым она связана, производит впечатление могущественного и искушённого. Если ей больше не нужно будет непоколебимой волей держать это создание в подчинении, чтобы сохранять в Эрисе видимость жизни, и эта непоколебимая воля превратится в тоску… Катти станет крайне уязвимой для инсинуаций демона.

Он задумчиво хмыкнул.

— На ваш взгляд у неё достаточно сильный характер? — Он нахмурился:

— Раньше я ответил бы «нет». Хорошенькая девочка, обожает Эриса, но клянусь, что если она поднесёт горящую свечку к своему милому правому ушку, то я смогу задуть пламя через левое. Однако Эрис, видимо, не против. — Он криво улыбнулся. — Впрочем, раз эта красотка так яростно на меня клевещет, то моё мнение о её уме растёт и даже голова уже начинает пухнуть. Всё же… она выстояла против чар Юмеру, а я… нет.

— Подозреваю, Юмеру недооценила её. И вот ещё что, — ответила Иста. — Как княжна Джоконы, истая кватернианка, связала себя с демоном? И сумела скрыть его или каким-то другим способом избежала обвинения? Они там жгут колдунов и магов, хотя как их служители препятствуют тому, чтобы демоны перепрыгивали сквозь огонь к другим людям, я не знаю. Должно быть, они как-то привязывают их к хозяевам, прежде чем избавиться от обоих.

— Так оно и есть. Для этого есть определённый обряд и молитва. Грязное дело, и что хуже всего, не всегда срабатывает. — Он помолчал. — Катти сказала, что колдунья была послана.

— Кем? Её братом князем? Тем более что наследники её последнего мужа переправили её обратно в дом князя.

— Думаю, да. Но… сложно представить, что Сордсо Пьяница увлекается демонологией во славу Джоконы.

— Сордсо Пьяница? Так жители Карибастоса называют молодого князя?

— Все зовут его так по обе стороны границы. Он решил посвятить промежуток времени между смертью отца и регентством матери не изучению искусства управления государством и военного дела, а вину и стихоплётству. Впрочем, он весьма неплохой поэт, и, судя по тем стихам, которые мне доводилось читать, у него довольно меланхолическая лира. Мы все надеялись, что он последует своему призванию, которое принесёт ему больше удачи, чем стезя князя. — Он коротко ухмыльнулся. — Лорд Карибастоса с радостью предоставил бы ему дворец и назначил бы пенсию, а сам бы снял все тяготы правления Джоконой с его узких плеч.

— Видимо, теперь князь не столь невнимателен. Именно он оправил в Ибру колонну всадников, которая потом бежала к востоку от Раумы, перевалила через горы и повстречала мой

отряд. Среди них были офицеры, представлявшие волю князя. Лисе рассказывала вам об этом?

— Только вкратце. — Он посмотрел на девушку, которая утвердительно кивнула в ответ. Иллвин помолчал, тёмные брови сошлись на переносице. — Раума? Странно. Почему Раума?

— Я решила, что, чтобы убедить Лиса Ибры попридержать армию дома ввиду грядущей кампании, а не посылать их на подмогу сыну для взятия Виспинга.

— Мм, может быть. Только Раума расположена слишком глубоко на территории Ибры, чтобы нанести такой удар. Плохие пути к отступлению, что, впрочем, всадники и сами уже поняли.

— Лорд Эрис тоже отметил это, сообщив, что из трёхсот всадников, покинувших Джокону, вернулось только трое.

Иллвин присвистнул.

— Молодчина Эрис. Хорошенькая новость для Сордсо!

— Только вот они чуть не восполнили все потери, попытавшись увезти меня с собой. Но это вряд ли было частью их изначального плана. У них даже не было карт Шалиона.

— Я давно знаю марча Раумы. Могу представить, какой тёплый приём он устроил джоконцам. Он

был одним из наших лучших врагов до тех пор, пока мы все не породнились с Иброй. Замужество вашей дочери сняло огромное давление с западного фланга Порифорса, за что я ей бесконечно благодарен, рейна.

— Рей-консорт Бергон — замечательный мальчик.

Иста не смогла бы оставить без ласкового слова никого, кто был бы очарован её дочерью так же, как молодой муж-ибранец Исель.

— Хотя его папаша был ещё тем кактусом. Засохший, колючий, норовящий ободрать пальцы до крови.

— Что ж, теперь это наш кактус.

— Это верно.

Иста выпрямилась и обеспокоенно вздохнула:

— В конце концов, слухи о том, что благородная леди Джоконского двора дала убежище демону и попыталась магией склонить к измене Шалионскую крепость, подавить не удастся. Я напишу предупредительное письмо главному настоятелю Менедалю в Кардегосс и Канцлеру ди Кэсерилу.

— Хорошая мысль, — неохотно признал он, — но я до сих пор нахожусь в смятении от того, как близко Юмеру подобралась к исполнению намеченного. И ведь не настоятеля Кардегосса

притащило за волосы в этот богом забытый край Шалиона. А вас. Более неподходящий отклик на мои молитвы я вряд ли могу представить.

При взгляде на неё уголки его губ смущённо приподнялись.

— В те моменты, когда вы были в ясном уме, вы молились Бастарду?

— Лучше сказать, когда я просыпался. Всё кажется сплошным туманом… вчера? Да, прямо вчера. Да, я молился отчаянно. Это всё, что мне оставалось. Я даже не мог произнести правильные слова вслух. Я выплакивал их сердцем. И обращал их к моему богу, которого оставил, — когда я вырос, я перестал уделять много времени молитвам. Если бы он сказал: *Отстань, парень, ты хотел жить сам по себе, так теперь кушай, что сготовил,* — я бы счёл, что Он прав. — Он добавил помедленнее: — Но почему вы? Разве что у этого узла корни уходят вглубь, к отцу моего брата и придворной политике Кардегосса.

Эта его внезапная догадка причинила Исте неудобство:

— Да, у меня есть старый, сухой остаток вины перед прежнем лордом ди Льютесом, но к Эрису это никакого отношения не имеет. И *нет,* Арвол *не* был моим любовником!

Её горячность заставила Иллвина отпрянуть:

— Я этого не говорил, леди! — Она привела в порядок дыхание:

— Не говорили. Это леди Каттилара считает эти старые бредни романтической сказкой, да пощадят меня боги. А Эрис, судя по всему, делает из меня свою эдакую духовную мачеху.

К её вящему удивлению, Иллвин фыркнул:

— Этого ему бы очень хотелось.

Ласково-сердитый кивок едва ли пролил свет на то, как истолковать это загадочное замечание.

Она довольно колко заметила:

— До тех пор, пока я не услышала, как вы двое разговариваете друг с другом, я уже практически склонилась к решению, что ревнивец-убийца — вы. Презренный незаконнорождённый брат, без отца, без титула, имущества, доведённый до крайности последней утратой.

В его сухом полусмешке не чувствовалось обиды:

— Мне приходилось сталкиваться с такими заблуждениями и раньше. Но верно как раз обратное. Это у *меня* всю жизнь был отец. А у Эриса была мечта. Мой отец взял на себя практическую сторону воспитания нас обоих, и он старался быть хорошим отцом и для Эриса, хотя это удавалось

ему только благодаря дополнительным усилиям. Его же любовь ко мне не знала преград. Но Эрис никогда не ревновал и не обижался, потому что однажды всё должно было измениться. Однажды его великий отец призовёт его ко двору. Туда, где он очень могуществен. Это случится тогда, когда сын станет достаточно хорош для этого, станет искусен во владении мечом, конём, превратится в прекрасного офицера. Блистательный лорд ди Льютес посадит его по правую руку от себя, представит своей богатой свите и скажет влиятельным друзьям: *Смотрите, вот мой сын, разве он не хорош?* Эрис никогда не носил свою лучшую одежду; она была уложена в сундуки, подготовлена к путешествию. К тому времени, когда отец позовёт его. На сборы Эрису понадобилось бы не больше часа. А потом ди Льютес умер, и… мечта так и осталась мечтой.

Иста печально покачала головой:

— Все те пять лет, что я знала его, Арвол ди Льютес едва ли упоминал Эриса. И никогда не говорил о вас. Если бы он не погиб в подземельях Загара той ночью… приглашение ко двору могло так и не прийти, мне кажется.

— Когда я вспоминаю об этом, мне тоже так начинает казаться. Умоляю вас, только не говорите

это Эрису.

— Я вообще не знаю, что ему говорить.

У меня есть свои страхи. И как бы то ни было, лучше не откладывать их в долгий ящик.

— У меня… Моим отцом был живой человек, — продолжил Иллвин. — Строгий, когда нужно: как мы ругались, когда я был моложе! Я так рад, что он дожил до времени, когда мы оба стали взрослыми мужчинами. Здесь, в Порифорсе, мы заботились о нём, когда его разбил паралич: увы, не очень долго. Тогда мне хотелось думать, что он ушёл, чтобы присмотреть там за нашей матерью, потому что несколько раз мы видели, как он ищет её. — Его глубокий голос дрогнул. — К тому времени прошло двадцать лет со дня её смерти. Жизнь так непрочно держалась в нём, что его смерть в сезон Отца не показалась горькой. Я держал его за руку до последней секунды. Ладонь была прохладная, сухая, почти прозрачная. Пятеро богов, к чему это я? Так вы заставите меня болтать без умолку. — *Ты уже болтаешь*, подумала она; но заметив, что он старательно подавил подозрение, мелькнувшее в его глазах, она тоже сделала вид, что не заметила этого. — Вот как я был бастардом. — Он помолчал и взглянул на неё. — А вы, та кто утверждает, что видела их в лицо, верите,

что боги соединяют нас с теми, кого мы любили? Тогда, когда наши души взмывают ввысь?

— Не знаю, — Иста сама удивилась прямоте своего ответа. О ком он думает? Об Эрисе в будущем или о старом сьере ди Арбаносе? — Наверное, я не любила никого настолько, чтобы знать. Думаю… это не пустая надежда.

— Хм.

Она отвела взгляд от его лица, чувствуя, как этот задумчивый изгиб бровей незваным гостем вторгается ей в душу. На глаза ей попался Горам, который снова покачивался из стороны в сторону, сцепив руки. Внешне обычный седой, стареющий слуга. Внутренне… обнажённое, ободранное существо, выжженное, словно деревня, разорённая отступающими войсками.

— Как вы встретились с Горамом? — обратилась Иста к Иллвину. — Где?

— Я был на разведке в Джоконе, и, как обычно, у меня выдалась свободная неделя. Мне удалось собрать планы замка и городов удивительно быстро. — Короткая улыбка, вспыхнувшая на его губах, указывала, что раздобыл он нечто большее, чем просто планы, но он продолжил: — Я направлялся под видом торговца лошадьми в Хамавик, и мне посчастливилось приобрести

больше товара, чем я рассчитывал. Таким образом, мне оказался необходим ещё один грум. Как рокнарский торговец, я, если подвернётся случай, выкупаю Шалионских пленников. Человеку, не имеющему семьи, вряд ли можно надеяться на выкуп со стороны родных. Гораму не оставалось даже этого, потому что он уже практически потерял разум и память. Я счёл это следствием удара по голове в последней битве, хотя шрамов видно не было, результатом плохого обращения или лихорадки. А может быть, и того и другого. Совершенно ясно, никому больше не пришло бы в голову купить его, и я заключил очень выгодную сделку. Как выяснилось. — Улыбка снова осветила его черты. — По возвращении в Порифорс я освободил его, но он попросил оставить его у меня в услужении, потому что не знал, где теперь находится его дом.

У стены Горам утвердительно закивал. Иста задержала дыхание:

— А вы знали, что он был одержим демоном? — Иллвин аж подпрыгнул:

— Нет!

Горам выглядел не менее ошарашенным. Лисе развернулась на девяносто градусов и изумлённо воззрилась на грума. Глаза Иллвина сузились от

внезапной мысли:

— А откуда вы знаете, рейна?

— Я вижу. Вижу его душу. Одни клочья и лохмотья. — Иллвин моргнул и осел на подушки. Через секунду он крайне осторожно спросил:

— А мою вы видите?

— Да. Для меня это плотный белый огонь, вытекающий из вашего сердца и идущий к вашему брату. А *его* душа напоминает духа, который уже начинает распадаться и размываться. Она находится *внутри* его тела, но не *прикреплена* к нему. Она только… парит в нём. У Лисе душа яркая, многоцветная, очень сконцентрированная, прочно связанная с плотью, которая создаёт её.

Лисе, по-видимому, сочтя, что ей сделали комплимент, весело улыбнулась.

Задумчиво помолчав, Иллвин сказал:

— Должно быть, это отвлекает.

— Да, — коротко ответила Иста. Он откашлялся:

— То есть вы утверждаете, что Горам был магом? — Горам в ужасе замотал головой:

— Я не такой, леди!

— Горам, а что ты можешь вспомнить? — спросила Иста. Морщинистое лицо задвигалось от напряжения:

— Я знаю, что шёл с армией Орико. Помню палатки рея, все из красно-золотого шёлка, блестящего на солнце. Помню… как иду среди пленников, в цепях. Работаю, какая-то работа в поле, жаркое солнце.

— Кем были твои рокнарские хозяева? — Он покачал головой:

— Их я помню плохо.

— Корабли? Ты когда-нибудь бывал на корабле?

— Не думаю. Лошади, да. Там были лошади. — Иллвин вставил:

— Мы и раньше разговаривали о том, что он может вспомнить, тогда я пытался найти его семью. Должно быть, он был пленником несколько лет, видимо, с того времени, как князь Бораснен в первый раз попытался напасть на крепость Готоргет, за два года до того, как она пала. И по тому, что говорил Горам, у меня сложилось впечатление, что как раз в этой кампании он и участвовал. То, как его взяли в плен, он тоже не помнит. Вот почему я решил, что его разум пострадал от лихорадки совсем незадолго до того, как он мне попался.

— Горам, можешь вспомнить то, что случилось после того, как лорд Иллвин выкупил тебя? — поинтересовалась Иста.

— О да. От этого не больно.

— А можешь припомнить хоть что-нибудь из того, что случилось до встречи с лордом Иллвином?

Горам отрицательно потряс головой:

— Какое-то тёмное место. Оно мне нравилось, потому что там было прохладно. Хотя и воняло.

— Разум и воспоминания вырваны с корнем, демон выскочил, но Горам всё же не умер, — задумчиво произнесла Иста. — Оставить живого хозяина для демона не так-то легко. Так говорит ди Кэйбон. Они каким-то образом сплетены друг с другом. Смерть человека вынуждает демона покинуть обиталище. Так случилось с Юмеру, так случается при кватернианских сожжениях.

— Не сжигайте меня! — запричитал Горам. Он ссутулился, почти сгорбился и испуганно уставился на свою грудь.

— Никто тебя сжигать не будет, — твёрдо сказал Иллвин. — Не в Шалионе, в любом случае, и теперь в этом нет никакой надобности, ведь она говорит, что демон ушёл. Всё в прошлом. Верно? — он выразительно посмотрел на Исту.

— Всё в прошлом. — И большая часть Горама тоже. Она не могла понять, был ли он и раньше только слугой, или чем-то большим.

— Хамавик… — пробормотал Иллвин. — Это какой-то намёк. И Горам, и княжна Юмеру были там в одно время. Не мог ли этот… недуг Горама иметь какое-то отношение к демону Юмеру?

Довольно заманчивое предположение. И всё же…

— По демону Катти не скажешь, что он вырос на солдатах. Он кажется… не знаю, как сказать. Слишком женским. Думаю, мы можем ещё раз попробовать выудить из него информацию. Мне кажется, то, как он вёл себя вчера, более характерно для демона, чем для человека. Иначе определить мага было бы гораздо проще.

Лисе, заметила Иста, выглядела крайне встревоженной. Неужели она видит будущее Фойкса в изможднённом, перепуганном, недоумённом лице Горама? И где же сейчас мальчишка? Иста ещё не настолько отчаялась, чтобы начать молиться, учитывая её отношение к этой процедуре, но понимала, что если так и будет продолжаться, она скоро дойдёт до этого.

Иста продолжила:

— Мудрейший ди Кэйбон сказал мне, что обычно демоны встречаются крайне редко. Но только не в последние несколько лет. Храм не видел такой активности со дня смерти рея Фонсы пять-

десят лет назад. Пока не могу вообразить, что за прореха в аду Бастарда выплёвывает в таких количествах в наш мир эти создания, но чувствую, что скоро смогу.

— День смерти Фонсы, — слова Иллвина стали звучать менее чётко. — Странно.

— Ваше время практически истекло, — сообщила Иста, мрачно наблюдая за тем, как утолщается белая нить. — Но я могу дать вам ещё пару минут.

— Тогда, как вы заметили раньше, Эрис начнёт гнить, — печально возразил Иллвин. — Разгар лета. Нехорошо выйдет… если от него начнут отваливаться куски и падать в суп… Мы можем?… — Его голос затухал. Он приподнялся в порыве отчаяния. — Нет! Должен быть другой путь! Мы должны найти другой путь! Леди… приходите снова?…

— Да, — отозвалась она. Услышав это заверение, он разжал пальцы, сжимавшие покрывало, и скользнул вниз. Его лицо снова сковал восковой покой.

* * *

Остаток дня Иста провела у себя в комнате, с нетерпением ожидая, когда же солнце наконец

сядет, а потом снова взойдёт. Она писала очередные письма в Кардегосс, а потом, когда солнце наконец зашло, принялась ходить кругами по двору так, что даже Лисе через некоторое время сдалась, уселась на скамейку и стала наблюдать за госпожой оттуда. Следующее утро Иста посвятила составлению нового едкого письма провинкару Толноксо, несмотря на то что первое ещё вряд ли успело дойти до цели, а уж тем более спровоцировать какие-либо активные действия.

Снаружи на лестнице послышались быстрые шаги; Иста перестала снимать излишки чернил с кончика пера и увидела, как за решёткой окна мелькнула коса Лисе. Девушка добралась до комнаты Исты и просунула голову в дверь:

— Рейна, — сказала она, едва дыша. — Что-то происходит. Лорд Эрис выехал с отрядом вооружённых людей. Я иду в северную башню, может быть, удастся что-нибудь рассмотреть.

Иста резко встала, едва не опрокинув стул:

— Я пойду с тобой.

Они поднялись по извилистым ступеням на смотровую площадку вслед за спешащим занять положенное место арбалетчиком в серо-золотом плаще Порифорса. Все трое подошли к северо-восточной оконечности башни и выглянули за

зубцы.

С этой стороны замка — с другой скала обрывалась в реку — земля уходила вдаль более плавно, небольшими холмами. Дорога, бледная от сухой пыли, вилась на восток вдоль иссушенного, солнечного пейзажа.

— Это дорога из Оби, — пояснила Лисе.

По дороге неслись два всадника, остальные детали скрадывались расстоянием. Но даже отсюда Иста видела, что один из всадников был плотного телосложения, а второй — ещё более плотного. На том, что потолще, была какая-то коричневая накидка, наброшенная поверх периодически мелькавших белых одеяний. Тяжёлый шаг коня, старающегося скакать галопом под весом мудрейшего ди Кэйбона, можно было различить даже издалека, по крайней мере намётанным глазом Исты.

Немного позади них галопом следовала дюжина других всадников. Эскорт?… *Нет.* Зелёные плащи Джоконы прямо *здесь*, под хмурым взглядом самого Порифорса? Иста судорожно вздохнула. Солдаты-преследователи постепенно приближались к летящей впереди паре.

Стук каблучков и шорох шёлков — леди Каттилара появилась на вершине башни и побежала

смотреть вниз. Она встала на цыпочки и наклонилась вперёд, её бледная грудь взволнованно колыхалась:

— Эрис… пятеро богов, ох, Отец Зимы, защити его… Иста проследила за её взглядом. Внизу, прямо под Порифорсом, Эрис верхом на своём сером в яблоках коне вёл конный отряд вниз по дороге. Кони похуже едва успевали за широкими скачками серого жеребца, и Лисе пробормотала что-то одобрительное по поводу его ходовых качеств.

От частого дыхания губы Каттилары приоткрылись; глаза расширились и наполнились тревогой. Она тихонько застонала.

— В чём дело? — прошептала ей Иста. — В любом случае, вам не следует беспокоиться, что его убьют.

Каттилара угрюмо взглянула на неё, дёрнула плечиком и вернулась к созерцанию дороги.

Перегруженный конь ди Кэйбона трудился изо всех сил, но всё же стал заваливаться назад. Второй всадник — да, это точно Фойкс ди Гьюра — подстегнул своего скакуна и подтолкнул служителя вперёд. Жеребец Фойкса взвился на дыбы посреди дороги, дёргая поводья. Фойкс крепко ухватил повод левой рукой поближе к шее животного, правой взялся за рукоять меча

и приподнялся в стременах, чтобы оглядеть преследователей.

Нет, Фойкс! беспомощно подумала Иста. Фойкс владеет мечом мощно, но у него нет искусности, чудесной быстроты лорда Эриса; он сможет справиться с одним или с двумя врагами, может быть, с тремя, но потом остальные сразят его. Он ещё не видел всадников, спешащих на подмогу, потому что те как раз пересекали лощину. Он пожертвует собой, чтобы спасти служителя, пожертвует без надобности…

Рука молодого человека отпустила рукоять и взмыла вверх, пальцы сжимались и разжимались. Мышцы напряглись. Тоненький фиолетовый лучик вырвался из его ладони, леди Каттилара перестала дышать от изумления. Лисе никак не отреагировала; Иста решила, что девушка этот свет не воспринимает.

Первая лошадь преследователей споткнулась и, сбросив всадника, кувырнулась через голову. Ещё двое не успели придержать поводья и на всем скаку налетели на упавших. Ещё несколько коней встали, некоторые шарахнулись в сторону, другие бросились врассыпную. Фойкс развернул своего жеребца и понёсся вслед за ди Кэйбоном.

Так. Значит, Фойкс так и живёт с медве-

жонком. И, судя по всему, пытается научить питомца танцевать. Губы Исты беспокойно изогнулись, когда она подумала о последствиях.

Но сейчас важнее другие тревоги. После очередного подъёма и спуска ди Кэйбон встретился с Эрисом. Гнедой конь служителя споткнулся, остановился и замер, широко расставив ноги; серый в яблоках жеребец застыл рядом. Обмен жестами, указаниями. Эрис выбросил руку в воздух, и весь отряд собрался вокруг него. Ещё один взмах руки, слова приказов стёр ветер, и на той высоте, где находилась Иста, разобрать их не представлялось возможным. Сверкнули мечи, натянулись луки, поднялись копья, отряд растянулся и двинулся дальше по дороге.

Конь ди Кэйбона, то и дело спотыкаясь, шагом поковылял к Порифорсу, а тучный наездник повернулся в седле, чтобы через плечо наблюдать за тем, как Фойкс минует вершину холма. В зоне видимости вооружённого отряда Фойкс появился быстро, Эрис послал ему широкий жест рукой, а ди Кэйбон помахал в свою очередь, что окончательно убедило Фойкса в доброжелательности намерений незнакомцев. Молодой человек направил коня вперёд, коротко переговорил с Эрисом, развернулся и обнажил меч.

На какое-то время все перестали дышать. Иста слышала, как кровь стучит в ушах; в кустах принялась выводить ясную, тягу, чую, безразличную трель какая-то глупая птица, будто бы на дворе стояло мирное и беззаботное утро. Эрис поднял меч высоко над головой и резко опустил его, давая сигнал к бою. Отряд ринулся вперёд.

Воины Порифорса взмыли на холм и стремительно обрушились на джоконцев, так что первые ряды не успели снизить скорость и повернуть. Всадники обоих авангардов мгновенно перемешались. Джоконцы, оказавшиеся в тылу, дёргали коней за поводья и всячески старались улизнуть, но не в их силах было опередить арбалетные стрелы. Всадник в зелёном плаще завалился набок и выпал из седла. Расстояние до поля боя было слишком велико, и лучник, оказавшийся на башне вместе с Истой, крепко выругался, проклиная свою беспомощность, потом взглянул на рейну и пробубнил слова извинения. Иста мановением королевской руки позволила ему говорить всё, что вздумается, вцепилась в горячий, крошащийся камень и наклонилась вперёд, щурясь от яркого света.

Меч Эриса танцевал на солнце, посылая вокруг яркие вспышки. Серый в яблоках жеребец

оказался в самом центре лягающихся и истошно ржущих лошадей. Джоконский солдат ухитрился отстегнуть копьё, поднял его над головой своего коня и неуклюже метнул. Копьё пролетело над крупом лошади того, кем как раз в этот момент занимался меч Эриса. Эрис качнулся назад. Каттилара вскрикнула, когда копьё, разбрызгивая кровь, вышло с другой стороны.

— Милорд убит! — воскликнул стрелок, перегнувшись через стену не менее напряжённо, чем женщины. — О… нет. Он поднимает руку с мечом. Благодарение пятерым богам.

Всадники рассыпались, джоконский воин завертелся в седле. Копьеносец увидел просвет и, пригнувшись к холке коня, ринулся туда, стараясь догнать убегающих товарищей. Арбалетная стрела просвистела над самой его шеей, чтобы придать смелости на сем славном пути.

Проклятие, наконечник копья всё-таки оставил след на плече у Эриса; Иста видела, как удар от столкновения тряхнул руку джоконца, чуть не выдрав древко из его пальцев. И всё же меч Эриса беспрепятственно продолжает разить врагов… Внезапно ей стало трудно дышать; Иста резко развернулась и бросилась к ступеням, ведущим вниз.

— Лисе, за мной!

— Но рейна, неужели вы не хотите увидеть, чем всё это закончится?

— За мной!

Не дожидаясь, что девушка последует за ней, Иста поддёрнула фиолетовые юбки и побежала вниз по тёмному витому коридору башенной лестницы. Второпях она чуть не упала, но ухватилась за стену и помчалась дальше, не сбавляя скорость.

За дверь, через ещё один двор, вниз под арку, в другой каменный двор. Вверх по ступеням. Её шаги эхом разнеслись по галерее. Она распахнула резную дверь в комнату Иллвина.

Горам скорчился справа от Иллвина, подвывая от страха. Льняная туника Иллвина была расстёгнута и приспущена. Услышав, как Иста вошла, грум оглянулся через плечо и крикнул:

— Леди, помогите!

Подбежав поближе, она увидела, что его руки, залитые кровью, сжимают плечо Иллвина. Рукав туники тоже был алый. Иста заметалась по комнате, пока не нашла тряпку, из которой можно было соорудить повязку, свернула её чистой стороной наружу и протянула груму; Горам отнял руки, только чтобы схватить эту тряпку и

прижать её к рваной ране, зиявшей у Иллвина на плече.

— Это не я! Не я! — запричитал Горам, врящая выпученными глазами с белым ободком. — Это просто *случилось*.

— Да, Горам, я знаю. Всё в порядке, — успокоила его Иста. — Ты всё сделал правильно.

У неё было великое искушение снова разорвать нить белого пламени и вернуть уродливую отметину законному владельцу. Но сейчас не самый подходящий момент, чтобы Эрис без чувств выпал из седла. В конце концов, сомкнутые серые веки Иллвина не двигались, не дрожали, не сжимались от боли. Раз он в бессознательном состоянии, рану можно будет обработать как следует, промыть её солёной водой, сшить края. Интересно, — от мыслей у Исты кружилась голова, — если демон позволит ему проснуться сегодня в полдень, останутся ли на плече следы от иглы, или они перекочуют к его брату?

Дверь распахнулась; наконец-то, Лисе.

— Лисе, беги скорей и найди какую-нибудь женщину, умеющую обращаться с ранами, — искусство Матери здесь должно быть в почёте, — скажи ей захватить мыло, мази и иглы. Да, пусть ещё слуга принесёт воды.

— Что? Зачем? — не скрывая любопытства, девушка подбежала поближе.

— Лорд Иллвин серьёзно ранен.

Отсюда Лисе уже разглядела кровь. Она отрывисто выдохнула:

— Да, рейна. Но как?…

— Ты сама видела копьё.

— Ох! — Глаза Лисе стали просто огромными, она развернулась и убежала.

Горам быстро заглянул под повязку и сразу вернул её на место. Иста посмотрела ему через плечо. Рана оказалась не такой глубокой, как она боялась; тягучий поток крови уже пошёл на убыль.

— Хорошо, Горам, продолжай держать.

— Да, леди.

Иста ждала, переминаясь с ноги на ногу, пока наконец в галерее не послышались шаги. Лисе открыла дверь, пропуская вперёд женщину в переднике, несущую в руках корзину; за ней следовал слуга.

— Лорд Иллвин… — начала Иста и взглянула на Горама, — упал с кровати и ударился плечом. — Как ещё объяснить? Выдумка Исте не нравилась. Она быстро продолжила: — Позаботьтесь о нём, перевяжите. Помогите Гораму убраться. Не раз-

говаривайте об этом ни с кем, кроме меня, лорда Эриса и леди Каттилары.

Те солдаты из спасательного отряда Порифорса, кто не отправился преследовать джоконцев, как раз в этот момент, должно быть, сопровождают новых гостей к воротам, — сообразила Иста. Она направилась к двери:

— Лисе, пойдём.

Глава шестнадцатая

Иста миновала арку, отделявшую их от парадного двора, как раз в тот момент, когда раскрасневшийся и запыхавшийся ди Кэйбон вываливался из седла прямо на руки одному из людей Эриса. Солдат помог служителю сделать несколько шагов, чтобы добраться до узкой полоски тени между стеной и миндальным деревом и там рухнуть. Он обеспокоенно потрогал лицо да Кэйбона, переговорил со слугой, и тот мгновенно умчался. Ди Кэйбон выпутался из своей маскировочной коричневой накидки и уронил её на устланные лепестками камни.

Фойкс, не менее взмокший и запыхавшийся, соскочил с коня, бросил поводья и подошёл к служителю.

— Проклятие, Фойкс, — просвистел ди Кэйбон, подняв на него глаза. — Я же говорил тебе: прекрати играть с этой штукой.

— Ладно, — проворчал Фойкс в ответ. — Поезжай обратно и ложись на обочине, если тебе это не нравится и ты хочешь стать добычей джоконских псов. Им тебя на целый месяц пиршества хватит.

Вернулся слуга и по знаку солдата медленно вылил ведро воды ди Кэйбону на голову, намочив его грязно-белые одежды. Ди Кэйбон не стал отодвигаться или протестовать, а косо сел, задрал подбородок и открыл рот.

Фойкс благодарно кивнул и взял оловянную кружку воды, которую зачерпнул другой слуга из второго ведра, осушил её до дна, налил ещё, потом ещё и так без конца. Потом, с сожалением на лице, набрал ещё одну кружку, присел на корточки рядом с ди Кэйбоном и поднёс питьё к губам служителя. Ди Кэйбон взял кружку трясущимися руками и принялся шумно пить.

Заметив приближение Исты, солдат уважительно отсалютовал ей и шепнул:

— Этот вот совсем недалёк от теплового удара. Когда такой большой мужчина перестаёт потеть — это плохой знак. Но не волнуйтесь, рейна, мы позаботимся о нём как следует.

Фойкс вскинул голову.

— Рейна! — воскликнул он. — Благодарение пятерым богам! Целую вам руки и ноги!

Он влил ещё кружку воды ди Кэйбону в рот и встал на одно колено перед её юбками, схватив её руки и запечатлев на каждой горячий поцелуй.

— Ох! — в качестве менее формального, но

искреннего дополнения он прижал её кисть к своему влажному лбу. Он не стал вставать, а перенёс вес на другое бедро и сел, скрестив ноги; он старался отдышаться и, воспользовавшись моментом безопасности, позволил своим широким плечам опуститься.

Тут Фойкс заметил Лисе и заулыбался:

— Значит, ты тоже сюда добралась. Я должен был догадаться.

Она ухмыльнулась в ответ:

— Должен был.

— Мы неслись по вашему следу от самого Маради. Но всех самых быстрых лошадей кто-то уже забрал.

Её улыбка сделалась довольной. Он прищурился:

— Милое платье. Какая перемена! — Лисе смущённо отступила на шаг:

— Я только взяла поносить.

Услышав цоканье копыт, Фойкс кое-как поднялся на ноги. Лорд Эрис в сопровождении ещё одного всадника въехал в ворота верхом на своём сером в яблоках жеребце, спешился и перебросил поводья груму.

— Что ж, рейна, — губы Эриса тронула улыбка. — Заблудшие овечки вернулись к вам.

Фойкс поклонился ему:

— Только благодаря вашей помощи, сэр. Снаружи у меня не было времени представиться. Фойкс ди Гьюра к вашим услугам.

— Если бы даже я раньше не встречал вашего брата, ваш меч и враги были бы весьма надёжной рекомендацией. Эрис ди Льютес. Порифорс — мой замок. Позже я окажу вам достойный приём, а сейчас мне нужно выслушать разведчиков. На этой дороге не должно было быть джоконцев. Мы взяли двух пленников живьём, и я с нетерпением хочу выяснить, как им удалось подобраться так близко незамеченными. — Он печально взглянул на Исту. — Теперь мне ещё сильнее не хватает Иллвина. Он владеет рокнари лучше, чем кто бы то ни было.

Эрис махнул дедикату Пежару, который появился во дворе, на ходу застёгивая тунику и привязывая меч, подгоняемый желанием поприветствовать своего вернувшегося офицера. — Вот один из ваших людей. Он покажет вам что здесь и как. — Эрис подозвал слугу: — Проследи, чтобы у этих двоих было всё, что им потребуется, пока я не вернусь. Сделай всё, что попросит рейна или Пежар.

Слуга понимающе ему поклонился. Эрис иско-

са, с осторожностью наблюдал за ди Кэйбоном, полулежащим на камнях двора.

Служитель сделал рукой усталый жест — усечённую форму благословения, словно откладывая более сложное приветствие на потом.

Эрис повернулся было к своему коню, но Иста успела схватить марча за рукав. Она потянулась и дотронулась до его туники, порванной и окровавленной на правом плече; она проникла пальцами в дыру и нащупала только прохладную, гладкую кожу. Она молча перевернула ладонь перед ним, демонстрируя тёмно-красное пятно.

— Когда у вас выдастся свободная минутка, марч, я советую вам прийти осмотреть рану вашего брата. Новую рану вашего брата.

Его губы в ужасе приоткрылись; он встретил её ровный взгляд и вздрогнул:

— Хорошо.

— Поэтому ведите себя осторожно. Надевайте кольчугу.

— Мы спешили… — он коснулся дыры на плече и нахмурился ещё сильнее. — Конечно.

Эрис мрачно кивнул ей и вскочил на нетерпеливо бьющего копытом коня. Сделав знак второму всаднику следовать за ним, марч поскакал прочь.

Фойкс повертел головой и с тревогой в глазах посмотрел на Пежара:

— Ферда здесь? С ним всё в порядке?

— Да, сэр, но он поехал искать вас, — ответил Пежар. — Сейчас он, наверное, как раз добрался до Маради. Думаю, он сделает круг и вернётся сюда через несколько дней, проклиная всё на свете за то, что впустую перевёл столько подков.

Фойкс поморщился:

— Надеюсь, он поедет не той же дорогой, что мы. Марч Оби описывал мне её совсем иначе.

Почему же ты сейчас не в храме Маради? — хотела спросить Иста, но решила подождать. Душа Фойкса была столь же сильной и сосредоточенной, как у Лисе, но внутренний взор видел тень медведя, клубком свернувшуюся у него в животе. Демон, видимо, почувствовал её интерес и сжался плотнее, словно впав в зимнюю спячку. Иста поманила слугу, стоящего неподалёку:

— Проследи, чтобы эти люди как можно быстрее пришли в себя, особое внимание удели служителю и позаботься, чтобы им предоставили комнаты рядом с моими покоями.

— Хорошо, рейна.

Она обратилась к Фойксу:

— Нам нужно поговорить о… обо всём. И как

можно скорее. Пежар проведёт вас ко мне в каменный дворик, когда вы отдохнёте и будете в состоянии что-либо воспринимать.

— Да, — поддержал её он, — мы должны услышать всё, что с вами приключилось. Вчера в Оби только и говорили о засаде лорда Эриса.

Иста вздохнула:

— Столько несчастий случилось с тех пор, что я уже почти забыла об этом.

Его брови взмыли вверх:

— О? Тогда мы поспешим.

Он поклонился и отправился помогать слуге убеждать ди Кэйбона снова занять вертикальное положение. Фойкс в последнее время поднаторел в этом деле, словно поднимать толстяка на ноги и заставлять сделать шаг стало его второй натурой. Недовольное ворчание ди Кэйбона тоже уже превратилось в формальность. И хотя со взмокшего служителя не лилась вода, а шёл пар, ему определённо стало лучше.

Со стороны галереи послышалась лёгкая поступь Каттилары. Мужчины повернули головы. Несмотря на перегрев и усталость, ди Кэйбон восхищённо улыбнулся. Фойкс моргнул, но остался спокойным.

— Где милорд? — с тревогой в голосе спросила

Каттилара.

— Он выехал вместе с разведчиками, — ответила Иста. — Удар копья, вероятно, поразил другую цель.

Глаза Каттилары расширились, и она посмотрела в сторону каменного дворика.

— Да, — подтвердила Иста. — О нём уже позаботились.

— Ох. Хорошо.

На взгляд Исты, вздох облегчения Катти был преждевременным. Девушка ещё не до конца обдумала случившееся. Но наверняка обдумает позже.

— К полудню лорд Эрис, без сомнения, вернётся.

Бросив короткий взгляд на рейну, Каттилара поджала губы. Иста продолжила:

— Леди Каттилара ди Льютес, марчесса Порифорса, позвольте представить вам моего духовного проводника мудрейшего Шивара ди Кэйбона и Фойкса ди Гьюра, офицера-дедиката Ордена Дочери. Вы уже встречались с его командиром и братом.

— О да, — Каттилара рассеяно сделала реверанс. — Добро пожаловать в Порифорс.

Она остановилась, неуверенно поглядев на

Фойкса. Секунду они, словно незнакомые коты, неподвижно смотрели друг на друга. Обе тени внутри них так плотно сжались в присутствии Исты, что трудно было понять реакцию демонов на эту встречу, однако о радостном приветствии не могло быть и речи. Лисе, заметив, что хорошенькая марчесса не производит на Фойкса того же впечатления, что на других мужчин, просияла.

Иста указала на замершего в ожидании слугу и сказала, специально выделяя слова:

— *Лорд Эрис* отдал этого человека в их распоряжение. Служитель опасно перегрелся на солнце, и ему требуется немедленный уход.

— Да-да, — с отсутствующим видом согласилась Каттилара. — Прошу вас, ступайте. Я устрою вам должный приём… позже.

Она сделала реверанс ещё раз. Фойкс поклонился, и марчесса упорхнула вверх по ступеням. Фойкс и ди Кэйбон последовали за слугой и Пежаром под арку, направляясь туда, где расположились гвардейцы Ордена Дочери.

Объятая беспокойством Иста смотрела Каттиларе вслед. Она вдруг вспомнила, что по свидетельству лорда ди Кэсерила, демоны знают ещё способы медленно убить своего хозяина.

Опухоль, например. Быть может, что-нибудь в этом роде уже начало развиваться? Она попыталась обследовать душу Каттилары, найти в ней нездоровое чёрное пятно гниения. Но чувства марчессы были так спутаны, что сказать определённо было невозможно. Иста могла представить себе последствия: пылкая Каттилара, безумная от надежды, утверждает, что недомогание — это симптомы долгожданной беременности, и ревностно оберегает быстро увеличивающийся живот, который несёт в себе не жизнь, а смерть… Иста поёжилась.

Иллвин прав. Нужно найти другой путь. И как можно скорее.

* * *

Прошло менее часа, когда двое заблудших пришли к Исте в каменный дворик. Оба выглядели свежее, видимо, наспех приняв ванну и залив водой всех окружающих. Влажные волосы были расчёсаны, и в сухой одежде, — может быть, не до конца чистой, но по крайней мере и не вызывающе грязной, — они пытались создать в её честь видимость этакого ободранного аристократизма.

Иста указала служителю на каменную скамейку в тени арки и села рядом. Фойкс и Лисе

устроились у её ног. Лисе потратила некоторое время, красиво раскладывая складки непривычной юбки.

— Рейна, расскажите нам о сражении, — бодро начал Фойкс.

— Твой брат видел больше. Обратись к нему, когда он вернётся. А сначала я хотела бы выслушать ваш рассказ. Что случилось после того, как мы бросили вас на дороге?

— Ну, я бы не сказал, что бросили, — возразил ди Кэйбон. — Скорее, *спасли.* Укрытие оказалось удачным, или бог услышал мои молитвы, идущие от сердца. И от потрохов. Я даже не осмеливался шептать.

Фойкс хмыкнул, соглашаясь:

— Да уж. Мы проторчали битый час, скорчившись в холодной воде, — хотя теперь это кажется вполне приятным моментом, — и слушали цокот джоконских копыт у нас над головой. Наконец, мы выбрались из канавы и последовали за вами, стараясь держаться поближе к кустам и подальше от дороги. Как мы продирались! К тому времени как мы добрались до деревни на перекрёстке, уже успело стемнеть. Бедные жители как раз начали подбираться к домам. Ещё более обедневшие после того, как в деревне побывала джоконская

саранча. Но могло быть и хуже. Сначала они решили, что Лисе — сумасшедшая, но ко времени нашего появления, они уже почитали её святой, посланной самой Дочерью.

Лисе усмехнулась:

— Когда я, вопя во всё горло, въехала в деревню, меня немудрено было счесть сумасшедшей. Однако спасибо канцлерскому плащу. Я рада, что они послушались. У меня не было времени выяснять это.

— Теперь мы знаем точно. Служитель уже окончательно выдохся…

— Ты и сам был не лучше, — проворчал ди Кэйбон.

— …и поэтому мы воспользовались гостеприимством местных и остались в деревне на ночь. Меня никогда не перестанет удивлять, что люди, у которых осталось столь мало, готовы разделить последний кусок с незнакомцем. Да ниспошлют на них пятеро богов море благословений, ведь пережитых ими горестей хватит по крайней мере на год. Я уговорил их одолжить нашему доброму служителю мула, но они послали с нами мальчика, который должен был привести скотину обратно. Так, наутро, вслед за Лисе мы отправились в Маради. Я бы предпочёл последовать за

вами, рейна, но у нас не было соответствующего снаряжения. Мне нужна была армия. Богиня, должно быть, услышала мои молитвы, потому что несколько часов спустя мы повстречались с одной. Провинкар Толоноксо выделил нам коней, и я был рад присоединиться к его войску. Мы облегчили им задачу и провели к деревне на перекрёстке. Там мы снова оказались к вечеру и, пользуясь случаем, вернули мула, хозяин которого был просто счастлив. — Фойкс посмотрел на ди Кэйбона. — Может быть, лучше было отправить ди Кэйбона дальше, в храм Маради, там бы он встретился с Лисе, но он наотрез отказался оставлять меня одного.

Ди Кэйбон пробубнил, нехотя соглашаясь:

— Я два жалких дня проторчал в обозе у ди Толоноксо. Те части меня, что касались седла, давно превратились в сплошные ссадины, но даже мне было ясно, что мы движемся очень медленно.

— Да, несмотря на всё моё нытьё, — поморщился Фойкс. — Люди Толоноксо сдались у самой границы, заявив, что колонна джоконцев разобьётся на крохотные отряды и так сбежит и только у жителей Карибастоса, хорошо знающих местность, есть шанс отловить их. Я сказал, что нам нужно поймать вполне определённый отряд.

Ди Толоноксо предложил мне забрать коня и попробовать сделать это самому, и я чуть было не согласился на это, только чтобы позлить его. А нужно было соглашаться; я бы как раз подоспел к радушному приёму лорда Эриса. Но у служителя была навязчивая идея всеми правдами и неправдами отвезти меня в Маради, да и я сам беспокоился за Лисе, так что позволил убедить себя.

— Вовсе не навязчивая идея, — возразил ди Кэйбон. — Я волновался. Поскольку видел тех мух.

Фойкс раздражённо запыхтел:

— Да оставь ты в покое этих треклятых мух! Это же не чьи-то домашние животные. В той навозной куче их ещё миллион. И в Толоноксо поголовье мух не уменьшилось. Не нужно жалеть их!

— Не в этом дело, ты и сам знаешь.

— Мухи?… — удивлённо переспросила Лисе.

Ди Кэйбон повернулся к ней и стал объяснять, в его голосе слышались яростные, гневные нотки:

— Это случилось после того, как мы оставили солдат Толоноксо и наконец добрались до храма в Маради. На следующее утро я пришёл к Фойксу в комнату и застал его с мухами.

Лисе сморщила носик:

— Ой. Он их давил?

— Нет. Нет, они маршировали. Парадным строем, взад-вперёд по крышке стола, небольшими шеренгами.

— Боевые мухи, — пояснил неугомонный Фойкс.

— Он опробовал своего демона, вот как это называется, — кипел ди Кэйбон. — И это после того, как я ему строго-настрого запретил трогать это создание!

— Но это же были просто мухи, — Фойкс смущённо улыбнулся. — Хотя, должен признать, они справлялись получше тех, кого мне приходилось тренировать.

— Ты начал погрязать в колдовстве, — служитель нахмурился. — И на этом не остановился. Что ты сделал, чтобы конь джоконца споткнулся?

— Ничего противоестественного. Я хорошо усвоил твой урок. Ведь ты его бог знает сколько раз повторил! Ты не можешь отрицать, что сумятица и беспорядок проистекают из природы демона. А тут как раз такая заманчивая кочка! И ты не можешь не согласиться, что это оказалось удачной идеей! Если маги вашего ордена могут, то почему не могу я?

— Их специально для этого обучают! Они всегда

находятся под присмотром!

— Пятеро богов, а меня учишь ты. И присматриваешь за мной тоже ты. Или, лучше сказать, изводишь меня и постоянно шпионишь. Очень близкие вещи, на мой взгляд. — Фойкс ссутулился. — В любом случае, — вернулся он к своему рассказу, — в Маради нам сказали, что Лисе отправилась в крепость Оби в Карибастосе, посчитав, что вероятнее всего она найдёт рейну там. А если не рейну, то кого-нибудь, кто сможет отправиться на её поиски. Поэтому мы последовали за ней с той скоростью, которой я мог добиться от ди Кэйбона. Мы прибыли туда два дня спустя после отъезда Лисе, но выяснили, что рейна спасена и невредимой доставлена в Порифорс. Остаток дня мы дали отдых стёртым о седло различными частям ди Кэйбона…

— И твоим тоже, — пробубнил ди Кэйбон.

— И отбыли в Порифорс, — голос Фойкса стал выразительнее, — по дороге, которую марч Оби описал как совершенно безопасную и верную. Вторая часть его утверждений себя оправдала. Слёзы Дочери, я решил, что джоконцы вернулись за реваншем, и уже было подумал, что мы проиграем гонку прямо под стенами конечной цели.

Ди Кэйбон беспокойно потёр лоб усталой рукой.

Думается, утренний опасный перегрев оставил ему затяжную головную боль.

— Меня очень тревожит демон Фойкса, — сказала Иста.

— Меня тоже, — отозвался ди Кэйбон. — Я думал, в храме смогут помочь ему, но это оказалось не так. Орден Бастарда потерял святую из Раумы.

— Кого? — спросила Иста.

— Служительницу бога из Раумы — это город в Ибре, расположенный неподалёку от пограничных гор, — она была смертной посредницей бога, способной совершать чудо… Вы помните хорька, рейна? И то, что я вам о нём рассказывал?

— Да.

— Если речь идёт о слабых элементалях, поселившихся внутри животного, то для того, чтобы вынудить демона переселиться в умирающего служителя, который вернёт его богу, достаточно убить животное в присутствии этого служителя.

— Таким и был конец того хорька, — кивнула Иста.

— Бедняжка, — вздохнула Лисе.

— Верно, — признал ди Кэйбон. — Убийство невинного животного, но что вы хотите? Обычно такое случается крайне редко. — Он набрал в грудь побольше воздуха. — Чтобы избавиться

от магов, кватернианцы используют похожую схему. Лечение, которое хуже, чем сама болезнь. Но иногда — такое случается один лишь раз за долгое время — появляется святой, которому бог даровал некоторое умение.

— Какое умение? — терпеливо задала вопрос Иста, хотя терпения у неё не было и в помине.

— Умение извлекать демона и возвращать его богу, причём бывший хозяин создания остаётся при этом живым. Если всё происходит так, как нужно, то душа и разум пациента остаются невредимыми или почти невредимыми.

— И… и в чём заключается это умение? — Он пожал плечами:

— Не знаю.

Голос Исты стал резким:

— Неужели в семинарии Касилшаса вы проспали все занятия, ди Кэйбон? Вы же, кажется, мой духовный проводник! Клянусь, вы не можете провести перо с одной страницы на другую!

— Это не умение, — поспешил поправиться он. — Это чудо. Невозможно выучиться чудесам по книге.

Иста сжала зубы, испытывая гнев и стыд одновременно.

— Да, — тихо произнесла она. — Знаю. — Она

откинулась на спинку скамейки. — И… что случилось с той святой?

— Её убили. Те же джоконцы, что настигли нас на дороге в Толоноксо.

— А! — выдохнула Иста. — *Та* служительница. Я слышала о ней. Внебрачная сводная сестра марча Раумы, так сказала мне одна из пленниц.

Её изнасиловали, замучали и заживо сожгли вместе с *Башней Бастарда. Так боги награждают своих слуг за верную службу.*

— Она сестра марча? — заинтересовался ди Кэйбон. — Точнее… была ею.

Лисе возмутилась:

— Какое святотатство, убить святую! Лорд Эрис сказал, что из трёх сотен солдат, выехавших из Джоконы, только трое вернулись обратно. Теперь понятно, почему.

— Какая потеря, — вздохнул служитель. — Но ведь можно сказать, что за неё отомстили.

— Я бы больше восхищалась вашим богом, ди Кэйбон, — выдавила Иста сквозь зубы, — если бы он заранее обеспечил защиту одной жизни, а не стал мстить за неё после, отняв ещё триста жизней. — Она с трудом вдохнула. — Второе зрение вернулось ко мне.

Он резко повернулся к ней, его застывший

взгляд впился ей в лицо:

— Как это случилось? Когда? — Иста усмехнулась:

— Вы при этом присутствовали, или почти присутствовали. Не думаю, что вы забыли *тот* сон.

Его розовое от жары лицо покраснело, потом побледнело. Он что-то хотел сказать, но никак не мог. Откашлявшись, он попробовал ещё раз:

— Так это *действительно* было? — Иста коснулась лба:

— Он поцеловал меня в бровь, как когда-то сделала и его Мать, взвалив таким образом на меня нежелательную ношу. Я сказала вам, что здесь произошли весьма печальные события. Так вот это — самое малое из них. Вы не слышали в Оби слухов о том, что здесь, в Порифорсе, два или три месяца назад от руки собственного ревнивого придворного погибла княжна Юмеру? Или о странной болезни сьера Иллвина ди Арбаноса?

— О да, — ответил Фойкс. — После вашего спасения это одна из самых главных сплетен. Лорд Оби выражает огромную скорбь по поводу лорда Иллвина и говорит, что лорду Эрису его, должно быть, очень не хватает. По его словам, он был знаком с братьями ещё задолго до того, как стал тестем лорда Эриса, и утверждает, что они уже

двадцать лет правят этим уголком Карибастоса вдвоём и для него они — правая и левая рука, сжимающая поводья.

— Так вот это не настоящая история преступления.

Фойкс выглядел заинтересованным, но, судя по всему, отнёсся к этому утверждению скептически; на лице ди Кэйбона читался интерес, смешанный с тревогой.

— Три дня я продиралась сквозь ложь и увёртки. Когда-то Юмеру, может, и была княжной, но когда она приехала сюда, она уже была колдуньей, одержимой демоном. *Её послали* — так сообщили мне, и этому я верю, — чтобы склонить Порифорс к измене и передать его в руки Джоконе. То, как это могло повлиять на грядущую кампанию в Виспинге, особенно если предательство осталось нераскрытым до самого последнего момента, я предоставляю твоему военному воображению, Фойкс.

Фойкс медленно кивнул. Очевидно, он без труда закончил её мысль. Что случилось бы…

— В тайной схватке были убиты Юмеру и лорд Эрис. — Ди Кэйбон моргнул:

— Рейна, вы, наверное, хотели сказать лорд Иллвин? Лорда Эриса мы только что видели.

— Нет, всё верно. Демон переметнулся к жене Эриса, видимо ошибочно недооценив её, но марчесса сразу же покорила его и заставила вернуть уже отделившуюся душу Эриса обратно в тело, вытягивая жизнь из его младшего брата, Иллвина, чтобы заставить двигаться труп мужа. Это какой-то вид смертельной магии, так что прошу вас, мудрейший, при первом же удобном случае объяснить мне её теологическую подоплёку. Потом Каттилара заявила, что ранен лорд Иллвин, что княжну убил джоконский подданный, которого марчесса запугала и вынудила бежать.

— Так вот что я почувствовал при встрече с ней, — прошептал Фойкс с долей облегчения. — Другого демона.

— Я присутствовала при всех признаниях, — преданно подтвердила Лисе. — Это всё правда. Мы даже допрашивали демона, хотя из этого мало что получилось. И когда сегодня утром лорд Эрис был ранен джоконским копьём, то рана появилась на теле Иллвина. — Она задумчиво добавила: — Крови было, как от заколотого поросёнка. Ну, наверное, так и должно было быть, ведь, мне кажется, они и свиней копьями закалывают.

Иста взглянула на солнце и заметила, что тени

в каменном дворике укоротились.

— Через некоторое время у вас будет возможность поговорить со свидетелем и потерпевшим в одном лице. Но ди Кэйбон, послушайте. Я не знаю, зачем ваш бог привёл меня в этот дом скорбей. Не знаю, что или кого можно спасти из этого жуткого узла событий. Я только знаю, что тем или иным способом нужно вытащить демона из леди Каттилары. Он жаждет сбежать, желательно вместе с её телом, но если ему представится шанс убежать вместе с другим, он убьёт её. Эрис начинает разлагаться и телом, и, боюсь, разумом. Хуже всего то, что у меня есть подозрение, что его душа уже отвержена. Лорд Иллвин медленно умирает, потому что заклинание вытягивает из него больше жизни, чем его тело может восстановить. Когда он умрёт, настанет конец и его брата, а Каттилару поглотит её демон.

Она замолчала, перевела дыхание и оглядела полные ужаса лица, обращённые к ней. Никто из них, — у неё по спине побежали мурашки, — не смотрит на неё как на сумасшедшую. Они смотрят на неё так, будто бы она сейчас скажет, как быть дальше.

Из арки послышались шаги ног, одетых в сапоги. Иста подняла глаза и увидела лорда Эриса,

который вошёл, оглядел её маленький королевский совет и направился в их сторону. Он остановился, поклонился ей и несколько смутился под неуверенными, ищущими взглядами новых гостей.

— Лорд Эрис, — сказала Иста, ответив на его поклон кивком головы. — Я только что ввела своего капитана эскорта и духовного проводника в курс событий в Порифорсе. Им необходимо знать всё, дабы давать мне дельные советы и охранять меня должным образом.

— Понимаю, — Эрис превратил гримасу в натянутую улыбку. Он помолчал немного, обдумывая, что бы сказать — извиниться, может быть, за то, что мёртв? — а потом, вероятно сдавшись, перешёл к более важным делам: — Я разослал разведчиков, но они ещё не вернулись. Пленники не очень хотят сотрудничать, однако создаётся впечатление, что их отряд отвлекал внимание от некой более крупной силы, нацеленной на то, чтобы разорвать связь между Порифорсом и Оби. Нападение на Ди Гьюра и служителя было несколько преждевременным, но ничего, кроме криков, нам выжать не удалось. Мы предпринимаем все предосторожности — наполняем баки водой, предупреждаем жителей города,

отправляем гонцов в близлежащие земли. От моих людей, охраняющих границу, я не слышал ничего о надвигающейся силе, но… В последние несколько дней меня часто отвлекали от выполнения обязанностей.

Иста разжала губы и взволнованно выдохнула:

— Нападение со стороны Джоконы? Почему сейчас? — Он пожал плечами:

— Запоздалое возмездие за смерть их княжны? Этого мы ожидали и раньше. Или… гораздо менее запоздалая попытка заполучить приз, столь недавно упущенный.

Его взгляд казался тяжёлым. Несмотря на жару, Исте стало холодно:

— Я не хочу навлекать такие беды на кого бы то ни было, тем более на вас. Быть может… мне лучше переправиться в Оби?

Сбежать? Весьма привлекательная трусость. Оставить этот замок, этот узел, оставить эти измученные, погрязшие во мраке души прогибаться под все увеличивающимся весом их ошибок, страданий и любви… она может сбежать. Может.

— Вполне возможно, — он нерешительно кивнул ей. — Но только если мы будем полностью уверены в безопасности дороги, в ином случае мы таким образом просто передадим вас в руки

джоконцев, словно подарок. Этим вечером мне нужно уехать. Мне нельзя останавливаться на полпути. Вы это понимаете. — Он прибавил с особой горячностью: — Вы не должны меня останавливать.

— Я не знаю как, — вздохнула она, — так что это вам не грозит. За остальное поручиться не могу.

— Скоро мне нужно будет немного отдохнуть…

— Иллвину необходимо иметь возможность поесть, особенно сейчас, — встревоженно возразила она.

— Иначе и быть не может. Только сначала я хотел бы осмотреть его новую рану.

— Ага! Мне кажется, это верный ход.

Осознав, что он хочет, чтобы его проводили, Иста поднялась и последовала за ним вверх по ступеням, её спутники, не скрывая любопытства, двинулись следом. Приход такого количества людей взволновал Горама, и рейна попыталась ласково успокоить его; рука Лисе, положенная груму на плечо, подействовала на него лучше. Следуя указаниям марча, Горам снял с Иллвина новую повязку. Эрис быстро осмотрел рану опытным взглядом и нахмурился. Фойкс и ди Кэйбон недоверчиво рассматривали окровавленную дыру на тунике Эриса, пока он склонился над

безмолвным братом. Когда марч отвернулся, они подошли к кровати и шёпотом потребовали у Лисе объяснений.

Рука Эриса сжималась и разжималась на рукояти меча. Он тихо обратился к Исте, стоявшей немного поодаль:

— Признаюсь, я не совсем сожалел о том, что этим утром на дороге появились джоконские солдаты. Думаю, какая-то часть меня всё же хотела надеяться на лучшую смерть. Менее… постыдную, чем первая, не позорящую честь моего отца. Но вижу, что мой план потерпел неудачу.

— Да, — отозвалась Иста.

— У меня такое ощущение, что я заблудился в каком-то тёмном, злом лабиринте и не могу найти выход.

— Да, — опять согласилась Иста. — Но, по крайней мере… вы в этом лабиринте не одни.

На его губах вспыхнула улыбка; он сжал ей руку:

— Верно. Моя компания растёт не по дням, а по часам, с тех пор как боги привели вас сюда. Это лучшее утешение, чем я мог ожидать.

Принесли поднос с едой. Лорд Эрис откланялся; Иста знала, что он поспешил добраться до тихой гавани своей кровати прежде, чем наступит

полдень. Рейна выставила своих подданных наружу, чтобы дать Гораму время совершить всё необходимое, но приказала ди Кэйбону остаться помогать груму и наблюдать за происходящим.

Облокотившись на перила галереи, Иста смотрела, как Эрис уходит, увлекая за собой прозрачный дым своей исчезающей души. Она потёрла ладонь, которая ещё горела от его пожатия.

Я могу сбежать. Никто больше не может, а я могу.

Если захочу.

Глава семнадцатая

Фойкс, со смятением в глазах, пристроился у балюстрады рядом с Истой и тоже стал смотреть Эрису вслед:

— Удивительный человек, — заметил он. — Если джоконская колдунья преследовала цель стереть Порифорс со стратегической карты, лишить его мощи… то своим провалом она всё же добилась некоторого успеха, искалечив такого командующего. Даже хуже, чем искалечив, да простит меня Дочь.

Лисе опёрлась на перила с другой стороны от Исты, прислушиваясь к их разговору и беспокойно хмурясь.

— Что ты почувствовал в том демоне, когда увидел леди Каттилару в парадном дворе? — спросила Иста у Фойкса.

Он пожал плечами:

— Ничего определённого… раздражение, тревогу.

— Ты не видел, как он сидит в её душе, словно тень?

— Нет, рейна. — Он помолчал. — А вы?

— Да.

Он откашлялся:

— А… вы видите моего? — он рассеянно потёр живот.

— Да. Он напоминает призрачного медведя, прячущегося в берлоге. Он с тобой разговаривает?

— Нет… не совсем. Ну, чуть-чуть. Не словами, но я чувствую его, если сесть и прислушаться. Он теперь доволен и ведёт себя спокойней, чем первое время. Словно ручной. — Он криво улыбнулся. — Когда служитель мне не докучает, я учу его делать некоторые штуки.

— Да, я видела одну такую там, на дороге. Вы оба молодцы, но это опасно. А ты не можешь разобрать, чем он был или где он был до того момента, как нашёл тебя?

— Медведем, блуждающим по лесу. До этого, скорее всего, птицей, потому что ни медведь, ни я не можем видеть горы сверху, а теперь у меня, по-моему, есть такое воспоминание. Странно, но мне не кажется, что мне это приснилось. Пожирание огромных насекомых, тьфу. Но тогда они не казались тьфу. Тьфу! А до этого… не знаю. Думаю, он и сам не помнит, как появился, ведь мы тоже не помним, как были вечно хнычущими младенцами. Он существовал, но разума у него не было.

Иста выпрямилась, растягивая ноющую спину:

— Когда мы вернёмся в комнату Иллвина, обрати внимание на его слугу Горама. Мне кажется, он однажды был так же одержим демоном, как и ты сейчас.

— *Грум* был магом? Ха. Но, почему бы и нет? Если демон может вселиться в медведя, то что мешает ему оказаться в простолюдине?

— Не думаю, что он всегда был простолюдином. Подозреваю, что он был офицером кавалерии армии Орико, до того как его взяли в плен и обратили в рабство. Изучи Горама внимательно, Фойкс. Он может стать твоим зеркалом.

— Ох, — произнёс Фойкс и немного сжался. Лисе нахмурилась ещё сильнее.

Наконец, резная дверь открылась и Горам жестом пригласил всех внутрь. Простыни сменили, окровавленную льняную рубашку убрали; Иллвин был одет в тунику и штаны, волосы стянуты на затылке. Иста была благодарна за то, что он предстал перед её друзьями в столь презентабельном виде. Горам принёс ей кресло и, беспрестанно кланяясь, усадил у кровати Иллвина.

Ди Кэйбон сообщил Исте благоговейным шёпотом:

— Я лично видел, как раны исчезли. Только что.

Поразительно.

Лорд Иллвин осторожно потёр правое плечо и улыбнулся Исте:

— Кажется, я пропустил весёленькое утро, рейна, если не сказать, очень весёленькое. Мудрейший ди Кэйбон только что поведал мне о своих приключениях. Рад, что заблудшие товарищи вернулись к вам. Надеюсь, теперь у вас на сердце стало легче.

— Гораздо легче.

Ди Кэйбон занял стоявший в ногах кровати табурет — весьма ненадёжная подпорка для его живота. Иста представила Фойкса и вкратце точно описала его встречу с медведем, упомянув и о небольшом представлении, которое они с демоном устроили на дороге. Горам беспокойно топтался с другой стороны кровати, засовывая во время пауз Иллвину в рот куски пищи.

Иллвин, нахмурившись, оттолкнул кусок хлеба и сказал:

— То, что такой конный отряд так близко подобрался к Порифорсу означает либо то, что джоконские головорезы совсем отбились от рук, либо то, что за ними следует куда более грозная сила. А что говорят разведчики?

— Их разослали, но они ещё не вернулись, —

ответила Иста. — Лорд Эрис сказал нам, что готовится к обороне и отправил гонцов в соседние земли.

— Хорошо. — Иллвин откинулся на подушки. — Пятеро богов, помогите мне, дни проносятся, словно часы. Так совсем скоро всё кончится!

Она прибавила:

— Я наказала вашему брату носить кольчугу.

— А, — произнёс он. — Да.

Он поджал губы и снова потянулся к неуловимой ране на плече. Потом он посмотрел на ноги, погрузившись в неясные думы. Исте хотелось знать, так же ли мечется его ум, как её.

Она сделала глубокий вдох:

— Горам. — Грум не донёс очередную ложку до цели:

— Леди?

— Ты когда-нибудь был в Рауме? — Он удивлённо моргнул:

— Я такого места не знаю.

— Это город в Ибре. — Он покачал головой:

— Мы воевали с Иброй раньше. Да? Я знаю, что был в Хамавике, — сообщил он в качестве компенсации. — Лорд Иллвин нашёл меня там.

— На твоей душе остались шрамы от присутствия демона. Ужасные шрамы. И всё же… если во

время плена ты был магом, располагал возможностями демона, ты мог бы бежать или как-то улучшить своё положение.

Горам выглядел так, будто его отругали за какой-то промах. Иста раскрыла ладонь, чтобы успокоить его, и продолжила:

— Вокруг… слишком много демонов. Будто бы действительно случился какой-то огромный выброс, как говорил служитель. Это действительно так, мудрейший?

Ди Кэйбон в раздумье потёр подбородок:

— Уже начинает казаться, что так.

— В храме отмечают на карте те места, где их встречали? Демоны появляются из какого-то определённого места или из всех мест сразу?

На его круглом лице появилось задумчивое выражение:

— Не сказал бы, чтобы из одного места, но согласно тем докладам, что мне приходилось слышать, демоны чаще всего объявляются ближе к северу.

— Хм, — Иста расправила усталые плечи. — Лорд Иллвин, помимо всего прочего, ди Кэйбон поведал мне, что служительница Бастарда из Раумы была святой, чьим даром было извлекать демонов из душ их носителей и возвращать их

каким-то чудесным образом богу. Джоконские наездники убили её.

Иллвин выдохнул сквозь сжатые губы:

— Какая жестокая утрата, особенно сейчас.

— Да. Иначе он бы потащил Фойкса прямо к ней, а не приехал бы сюда. Но теперь я начинаю думать, что это было не просто несчастное совпадение. Когда я была пленницей джоконцев и находилась в обозе, мне случилось увидеть нечто странное. Офицер высокого ранга, может быть сам командующий, ехал среди нас; руки его были привязаны к седлу, как у пленника или раненого, неспособного держаться в седле. Лицо его выглядело измождённым… он не мог управлять своей речью и поэтому бормотал что-то неразборчивое, иногда вскрикивал, словно от страха, или плакал. Я подумала, что его разум повредило ранение в голову, но на нём не было ни повязок, ни пятен крови. И теперь мне интересно, если бы тогда у меня было второе зрение, что за следы могла бы обнаружить я в его душе?

Иллвин нахмурился, слушая это описание. Его ум сразу угадал тот вывод, который Иста не решилась высказать вслух:

— Вы хотите сказать, что это был ещё один маг на службе у Джоконы? И он командовал ко-

лонной?

— Почему бы и нет? Что, если святая из Раумы не сдалась без боя, не погибла напрасно? Что, если она вырвала с корнем его демонические силы, несмотря на то что подверглась всеобщему поруганию? В начале кампании мы всегда сжигаем поля врагов, закапываем их колодцы, лишаем всех ресурсов. Мне кажется, святая, способная по своей воле изгонять демонов, — это мощный ресурс против врага, располагающего магами. Может быть, их больше, чем двое. Почему Раума, спросили вы меня вчера. А что, если убийство святой, которое мы сочли случайным уроном от нападения, и было первоначальной целью?

— Но демоны неохотно работают вместе, — возразил ди Кэйбон. — Один маг, занимающий высокое положение при джоконском дворе, может натворить много бед, если склонен ко злу. Или если склонен к верности, — уступил он. — Верности Джоконе. Но созвать и возглавить легион демонов — это под силу только самому Бастарду. Невообразимая гордыня для человека, а тем более для кватернианца. И помимо всего прочего, такое опасное средоточие демонов породит хаос вокруг.

— На этой границе начинается война, — заме-

тила Иста. — Более мощное средоточие хаоса мне сложно представить. — Она потёрла лоб. — Лорд Иллвин, думаю, вы достаточно изучили придворную жизнь Джоконы, расскажите что-нибудь о ней. Что представляют из себя ближайшие советники Сордсо и его командиры?

Он обратил на неё пронизывающий взгляд:

— По большей части это старые пни, унаследованные им от отца. Первый канцлер приходился ему дядей по линии отца, но он недавно скончался. Нынешний генерал Джоконы на службе уже много лет. Личные друзья Сордсо и приятели гораздо моложе, но у него не было шанса позволить им занять какую-нибудь ключевую позицию. Ещё слишком рано говорить о том, кто из них займёт боевой, а кто государственный пост, но все они — сыновья богатых родителей, у которых нет возможности или желания изучить хоть что-нибудь. Мы с Эрисом уже прикидывали, кто из них выдвинется, когда старики начнут наконец умирать. Ах да, ещё его мать, княгиня Джоэн — вдовствующая княгиня Джоэн. Вместе с дядей и генералом она была регентшей Сордсо до тех пор, пока он не достиг совершеннолетия. Я как раз хотел прощупать дорогу, когда она несколько лет назад взяла бразды правления в свои руки, но

Эриса вдруг схватил приступ уважения к её полу и печальному вдовству. В любом случае, это происходило как раз в пору последней болезни рея Орико, которая закончилась его смертью, и мы опасались, что Кардегосс окажется не в состоянии уберечь нас от нами же совершённых ошибок. Даже более того, не сможет удержать победу.

— Расскажите мне о Джоэн, — медленно попросила Иста. — Вы когда-нибудь видели её? Ведь если бы Юмеру придерживалась первоначального плана, то Джоэн стала бы вашей тёщей.

— Обескураживающая мысль. Благодаря чарам Юмеру этот момент меня нисколько не тревожил. Я никогда не встречался с Джоэн лицом к лицу. Она лет на десять-пятнадцать старше меня и практически исчезла в женских покоях к тому времени, когда я повзрослел настолько, чтобы интересоваться политикой княжеского двора. Я даже скажу, что из всех княгинь недавней истории Джоконы она была беременна больше всех — добросовестно выполняла свой долг перед мужем. Но, несмотря на все старания, с детьми ей не везло. Из дюжины, произведённой ею на свет, только трое оказались сыновьями, причём двое из них умерли в младенчестве. Было несколько выкидышей, и некоторые дети родились мёртвы-

ми. Семь девочек дожили до брачного возраста, и теперь у Сордсо налажены брачные союзы со всеми Пятью Княжествами. Да, она является прямой наследницей Золотого Генерала. Это восполняет неудачи её мужа и сына, а может быть, наоборот, порождает их, уж не знаю.

Золотой Генерал, Рокнарский Лев, задумалась Иста. В те времена, во времена правления рея Фонсы, этот блестящий лидер кватернианцев мечтал в первый раз за многие века объединить Пять Княжеств и волной пройтись по слабым кинатрианским королевствам. Но он умер раньше срока в возрасте тридцати лет в результате смертельной магии, осуществлённой стареющим реем Фонсой, который ночью заперся в башне и принёс себя в жертву. Ритуал умертвил обоих правителей и избавил Шалион от рокнарской угрозы, но навлёк на наследников Фонсы проклятие, которое продержалось вплоть до дней Исты и дольше. Золотой Генерал оставил после себя только войны за наследство и нескольких маленьких детей, самой младшей из которых была Джоэн.

Неудивительно, что она выросла, глядя на него как на героя. Но если Джоэн не могла пойти по стопам своего великого отца, поскольку пол не

позволял ей заниматься военным делом и политикой, возможно, она жаждала воссоздать его в сыне? Все эти беременности… Иста сама пережила две и не строила иллюзий насчёт истощения женского организма и энергии.

Иста нахмурилась:

— Я думала о том, что сказал демон Катти. *Она* идёт, прокричал он, как будто бы это было какое-то ужасное событие. Сначала я подумала, что это относится ко мне, потому что моё несколько божественное состояние наводит на демонов ужас, но… я не шла, я была уже здесь. Поэтому в таком толковании смысла нет. И вообще не многое из того, что он сказал, имело смысл.

Иллвин задумчиво заметил:

— Если кто при дворе Джоконы действительно занялся колдовством, чтобы напасть на Шалион, должен сказать, у него это не особенно получается. Оба его агента-демона — Юмеру и командующий колонной — пали при первом же испытании их могущества, если, конечно, ваши догадки верны.

— Возможно, — признала Иста. — Но не без продвижения к цели. Святая из Раумы убита, и Порифорс… занят другим.

На это он резко вскинул голову:

— Но Эрис же до сих пор возглавляет нас, верно?

— В данный момент — да. Но уже ясно, что его резервы на исходе.

Иллвин, вспомнив о долге, засунул в рот кусок хлеба и принялся старательно его жевать. Он поморщился от пришедшей в голову мысли, проглотил и сказал:

— Мне кажется, здесь есть кое-кто, кто посвящён в тайный план, если таковой существует, кто бы из придворных Сордсо за ним ни стоял. Сам демон. Нам нужно расспросить его ещё раз. Более настойчиво. — Ещё немного подумав, он добавил: — И может быть, будет лучше, если на этот раз Эрис при этом присутствовать не будет.

— Я, кажется… понимаю, о чём вы. Может быть, завтра, здесь?

— Можно устроить. Не уверен, что Катти согласится, если её не будет убеждать Эрис.

— Нужно будет её заставить, — сказала Иста.

— Эту часть я предоставляю вам.

С некоторой долей облегчения, — если Иста правильно прочитала его мысли. Вслух она произнесла:

— Но все ли это джоконские маги или двое из многих? Если все те элементали, которых за

последнее время нашли в Шалионе, сбежали или появились из одного источника, то сколько их было отловлено, согласно первоначальному плану? И как? Вполне возможно, что этими двумя пожертвовали, как командир, располагающий большим количеством людей, пошлёт некоторых из них закрывать брешь, понимая, что понесёт потери, но осознавая, что победа стоит этого. Но только не в том случае, если у него мало солдат. Разве что в полном отчаянии… — Она принялась постукивать пальцами по ручке кресла. — Нет, это не может быть Джоэн. Она не станет вселять демона в собственную дочь. — Иста взглянула на Горама. — Разве что только если она не осведомлена о его природе и последствиях, но в этом случае мне трудно представить, как она может контролировать одного мага, не говоря уже о многих.

Иллвин странно посмотрел на неё:

— Я вижу, вы сильно любите свою дочь.

— А как её не любить? — улыбка Исты стала нежной. — Она — яркая звёздочка Шалиона. Она выше всех моих надежд, я едва ли её заслуживаю, ведь в свои тёмные времена я так мало смогла для неё сделать.

— Хм. — Он понимающе улыбнулся. — А вы го-

ворите, что никого не любили настолько, чтобы надеяться на встречу на небесах.

Она сделала извиняющийся жест:

— Думаю, боги дают нам детей, чтобы мы поняли, что такое настоящая любовь и в конце концов могли присоединиться к Ним на равных. Это урок для тех из нас, чьи сердца слишком тупы и бездеятельны, чтобы узнать любовь иным способом.

— Бездеятельны? Или просто…

Нить белого огня начала утолщаться; его руки бессильно упали на покрывало. Горам печально воззрился на гору еды, ещё оставшейся на подносе. Иста смотрела, как Иллвин оседает, как его глаза закрываются, и скрежетала зубами от бессилия. Ей нужен этот ум, чтобы распутать загадку, но тело Эриса столь же необходимо. Она жаждала, чтобы на дворе стояла зима и она могла украсть ещё часок для Иллвина. Но стояла дикая жара, и марчу нельзя было позволить начать гнить.

— Приходите снова, сияющая Иста, — выдохнул он напоследок. — Приведите Катти…

Ушёл. Всё равно, что каждый день смотреть, как он умирает. Иста не хотела, чтобы это вошло в привычку.

* * *

Иста повернулась в сторону ступеней, ведущих в каменный дворик:

— Мудрейший, пойдёмте со мной. Нам нужно поговорить.

— А я, рейна? — с надеждой спросила Лисе.

— Ты… будь готова в любой момент явиться на мой зов. — Поняв намёк, Лисе направилась к скамейке в дальнем конце двора. После недолгого колебания, Фойкс, ничуть не раздосадованный тем, что его не пригласили на разговор, последовал за ней. Через секунду они уже сидели, склонив головы друг к другу.

Иста провела ди Кэйбона к скамейке, стоящей в тени галереи, и жестом приказала ему сесть. С усталым вздохом он исполнил её желание. Дни, проведённые верхом в крайнем нервном напряжении, сказались на нём; вечно грязные белые одежды теперь свободно висели на нём, а ремень ему пришлось затянуть потуже. Иста, помня широту и изобилие бога в теле приснившегося ей ди Кэйбона, не могла счесть это исхудание благом.

Она села рядом с ним и начала:

— Вы сказали, что присутствовали при изгнании элементаля, когда наездника хорька

разлучали с этим миром. Опишите точно, как это происходило. Что вы видели?

Он пожал толстыми плечами:

— Ну, своими жалкими глазами я мог мало что увидеть. Главный служитель Тариуна привёл меня к служителю, кто взялся исполнить это задачу. Это оказалась очень старая женщина, хрупкая, как бумага; она лежала в кровати храмовой больницы. Казалось, что она уже на три четверти покинула этот мир. В этом вещественном мире так много чудесного, что уйти из него мне будет очень сложно, но она сказала, что пережила столько боли, что теперь с радостью перейдёт в лучшее царствие. Она искренне желала единения со своим богом, словно измученный путешественник жаждет оказаться в постели.

Иста заметила:

— Человек, перед которым, я знаю, в самых необычайных обстоятельствах однажды предстало тайное видение, сказал мне, что видел, как умершие души цветут в саду богини. Но он был посвящённым Госпожи Весны. Думаю, у каждого бога есть своя метафора: красивые животные у Сына Осени, сильные мужчины и прекрасные женщины у Отца и Матери. А что же у Бастарда?

— Надеюсь, он принимает нас такими, какие

мы есть.

— Хм.

— Но, нет, — продолжил ди Кэйбон, — для этого не требовались какие-то специальные действия или молитвы. Служительница сказала, что они ей не нужны. И поскольку она умирала, я не стал спорить и спросил: как это, умирать? Она взглянула на меня уголком глаза и довольно резко ответила, что когда узнает, то обязательно сообщит мне об этом. Старший служитель приказал мне перерезать хорьку горло над тазиком, что я и сделал. Старая дама вздохнула, фыркнула, как будто услышала ещё одно глупое замечание, вроде моего, которое было скрыто от нас. А потом замерла. Для того чтобы перейти от жизни к смерти, ей понадобилась лишь одна секунда, но ошибиться было невозможно. Это не сон. Это опустошение. Так оно и было. Если не считать того, что тело потом пришлось убрать.

— Это… не сильно может нам помочь, — вздохнула Иста.

— Вот, что видел я. Думаю, она видела больше. Но я едва ли могу себе представить, что конкретно.

— Во сне, — в том сне, в котором были вы, — бог поцеловал меня дважды. Первый раз в бровь, —

она коснулась отметины, — как однажды уже делала Его Мать, и я поняла, что это дар второго зрения, дар видения мира духа, так же как его видят сами боги, потому что уже получала его когда-то. А потом Он поцеловал меня во второй раз, в… губы. Глубже, возбуждающе. Мудрейший, скажите мне, что значит этот второй поцелуй? Вы *должны* знать, ведь вы тоже были там.

Он сглотнул и покраснел:

— Рейна, у меня нет догадок. Рот — это личный теологический знак Бастарда, след его присутствия в нашем теле, так же как и большой палец. Может быть, Он дал вам ещё ключи, помимо меня?

Иста покачала головой:

— На следующий день Горам, посчитав, что рейна, пусть даже вдовствующая, способна снять заклятие, наложенное княжной, предложил мне поцеловать своего хозяина. И в какой-то момент я решила, что смогла распутать узел, что это будет поцелуй, дарующий жизнь, как в детской сказке. Но ничего не получилось, и с лордом Эрисом тоже, потому что позже я испытала этот способ и на нём. К счастью, я не стала продолжать пробовать дальше, а то моей хорошей репутации в замке пришёл бы конец. Этот поцелуй точно что-то

означает, только не знаю, что это — ещё один дар или бремя. — Иста глубоко вздохнула. — На мой взгляд у нашего узла три конца. Два из них можно развязать только вместе; если я изыщу какое-нибудь средство изгнать демона Каттилары, то Иллвин будет освобождён, а марчесса спасена. Но на что можно надеяться Эрису? Я видела его душу, мудрейший. Он уже отверженный, или мои внутренние глаза слепы. Плохо, если мы окончательно умертвим его, оставив душу скитаться без бога. Хуже, если мы навлечём на него проклятие и отправим в небытие.

— Я… хм… мне известно, что некоторые души, перенеся особо ужасную смерть, задерживаются в этом мире на несколько дней и погребальная церемония и молитвы помогают им найти свой путь. Покинув двери смерти до того, как они окончательно захлопнутся.

— Значит, храмовые обряды помогут ему найти путь к богу? Довольно странная картина: Эрис самолично приходит на свои похороны и ложится на смертный одр.

Он поморщился:

— Три месяца всё-таки многовато. Выбор — испытание для тех, кто запутался во времени. И *этот* выбор — последний из тех, что предлагает

нам время. Может ли определить ваше внутренне зрение, осталось ли у него ещё время на решение?

— Могу, — тихо сказала Иста. — Оно может. Но я хочу другого ответа. Этот мне не нравится. Я возлагала надежду на поцелуй, но эта версия не прошла.

Он задумчиво поскрёб нос:

— Вы утверждаете, бог говорил с вами. Что Он сказал?

— Что я была послана сюда в ответ на молитвы, скорее всего, Иллвина. Бастард увещевал меня не сворачивать с пути во имя смерти моего сына, которой боги пренебрегли. — Иста гневно нахмурилась при воспоминании об этом, и ди Кэйбон немного отстранился от неё. — Я спросила Его, что такое могут дать мне боги, забравшие Тейдеса, за что мне не захотелось бы плюнуть им в лицо. Он ответил: *занятие.* Все его льстивые речи были сдобрены такими раздражающе ласковыми словами, за которые любой смертный был бы мгновенно отправлен моими слугами в ближайшую грязную лужу. Его поцелуй жёг мне бровь, словно клеймо. Его поцелуй в губы… — она замялась, но потом упрямо продолжила, — возбудил меня как любовницу, которой я ни в коем

случае не была.

Ди Кэйбон отпрянул ещё дальше, встревоженно стараясь успокоить её улыбкой и помахивая ладонями из стороны в сторону, словно плавниками:

— Конечно нет, рейна. Никто про вас так не подумает. — Иста воззрилась на него и сказала:

— Потом Он исчез, оставив вас расхлёбывать кашу. И поговорить. Если это пророчество, то оно не предвещает вам ничего хорошего, мудрейший.

Он осенил себя кинтарианским знамением:

— Верно, верно. Хм. Если первый поцелуй — духовный подарок, значит и второй тоже, да, видимо, так.

— Да. Но Бастард не сказал, что это. Судя по всему, это очередная его шуточка.

Ди Кэйбон посмотрел на неё, пытаясь определить, что это: молитва или ругательство. Видимо, догадался правильно, вздохнул и попробовал привести в порядок мысли:

— Хорошо. Но Он же всё-таки *сказал.* Он сказал: *занятие.* Хотя это и напоминает шутку, он, наверное, был серьёзен. — И осторожно добавил: — Волей-неволей, вы снова святая.

— Скорее, неволей. — Иста нахмурилась. — Мы все ничто. Гибриды духа и материи. Посредники

богов в мире материи, куда им нет входа. Двери. Он стучит в мою дверь и просит войти. Он прощупывает меня языком, словно любовник, выявляя те желания, что таятся внутри. Он не так прост, как любовник, он хочет, чтобы я раскрылась перед ним, чтобы я сдалась. Но позвольте заметить вам, я презираю его метафоры!

Ди Кэйбон снова протестующе замахал на неё руками. Исте захотелось пристукнуть его.

— Но вы же действительно, не женщина, а крепость!

Она сдержала рычание, постыдившись того, что обрушила гнев, вызванный богом, на несчастную голову служителя:

— Если вы не знаете, как разгадать вторую часть загадки, почему тогда вы оказались там, во сне?

— Рейна, я не знаю! — Ди Кэйбон помолчал. — Но, может быть, утро вечера мудренее. — Он съёжился под её сверкающим взглядом. — Я постараюсь осмыслить это.

— Постарайтесь уж.

В другом конце двора Фойкс и Лисе сидели уже ближе друг к другу. Фойкс держал руку девушки в своей, а она её не отнимала. Она слушала его, по мнению Исты, слишком доверчиво. Рейна резко

поднялась и позвала её. Чтобы привлечь внимание Лисе, пришлось звать дважды. Девушка поспешно вскочила на ноги, но след её улыбки, словно аромат, остался витать в воздухе.

* * *

Леди Каттилара в отчаянной попытке до конца выдержать роль хозяйки замка перед новыми гостями устроила ужин в той же зале, где она и её дамы развлекали Исту во второй вечер. Эрис снова куда-то уехал; присутствовали несколько его офицеров — и то, чтобы быстро и хорошо поесть, а не разыгрывать из себя придворных. Каттилара усадила Фойкса как можно дальше от себя, но всё-таки за главным столом, так как этого требовал его статус офицера охраны при Исте. Несмотря на расстояние, Исте показалось, что эти двое весь вечер на протяжении долгого ужина присматривались друг к другу. Но вовсе не как влюблённые.

Мудрейший ди Кэйбон, хоть и нервничал, однако всё же вознёс вечернюю молитву с достойным удивления красноречием, осторожно обходя стороной мольбы о божественном благословении. Беседы, которые начались как только подали еду, хромали на обе ноги; служитель нашёл спасение

от них в старательном пережёвывании пищи. Но, как Иста заметила с одобрением, он тем не менее не переставал слушать.

По правую руку от Исты, отделяя её от Фойкса и Лисе, сидел один из старших офицеров Эриса. Он оказался достаточно вежлив, совсем не стеснялся её ранга, но был очень озабочен. После обмена мнениями по поводу еды и вина, он вдруг спросил её:

— Милорд сказал, что очень болен. Вы слышали об этом?

— Да. Я знаю. Мы обсуждали с ним это.

— И действительно, я заметил, что он был бледен, не ел и не спал, как следует, но такого я не ожидал… если это действительно так серьёзно, может быть, лучше заставить его отдохнуть? — он взглянул на Каттилару, словно желая найти союзника против своего могущественного командира, для его же блага.

— Отдых не излечит то, чем страдает он, — ответила Иста.

— Боюсь, что езда верхом в такую погоду может только усугубить его болезнь.

— Не понимаю, как.

Каттилара, расположившаяся слева, посмотрела на неё сердито.

— Не знал, что вы целительница, рейна, — заметил он.

— Я вовсе не целительница. Увы.

— Скорее, наоборот, — обиженно пробормотала Каттилара. Офицер неуверенно моргнул, но, в конце концов, сообразил и перевёл разговор в русло, менее неприятное для марчессы:

— Бандиты из княжеств обычно не осмеливаются подходить так близко к Порифорсу, уверяю вас, рейна. Но в то утро мы основательно покусали их, и, думаю, они воздержатся от дальнейших попыток.

— Мне кажется, что на сей раз это больше, чем просто бандиты, — возразила Иста. — Скорее солдаты, о чём свидетельствуют их плащи, ведь обычные бандиты не станут таким образом выдавать себя. Возможно, князь Сордсо Пьяница наконец занялся чем-то более военным, чем раньше, или кто-то ещё при его дворе испытывает ваши защитные силы?

— Я бы никогда не подумал, что это Сордсо, но после несчастной смерти своей сестры Юмеру, я слышал, с ним произошла огромная перемена. Если так и будет продолжаться, нам придётся придумывать ему новое прозвище.

— О?

Воодушевившись, он начал рассказывать более безопасную сплетню, чем та, с которой он начал:

— Говорят, что он как следует занялся своей армией, что раньше ему было совсем несвойственно. И бросил пить. Помимо этого он распрощался со всеми своими дружками и собутыльниками. И, совсем уж внезапно, женился на наследнице Борсаснена. Ещё он взял себе двух официальных любовниц, которых рокнарцы считают жёнами, чтобы избавить их потомство от клейма бастардов. Об этом он тоже раньше особенно не беспокоился, хотя советники постоянно настаивали на его женитьбе. Похоже, он полностью переродился. Не говоря уже о том, что теперь он пышет энергией, хотя, вполне вероятно, этому способствуют три новые жены. Мы надеемся, что эта чудесная добродетель не задержится в нём надолго. Он был неплохим поэтом; и не хотелось бы терять такой талант, — он ухмыльнулся.

Иста подняла брови:

— Не похоже на того человека, которого описал мне лорд Иллвин, но, боюсь, у лорда Иллвина в последние несколько месяцев не было возможности пристально следить за событиями в Джоконе, да и вообще где бы то ни было.

Офицер вскинул голову:

— *Иллвин* описал? Он уже говорит? Он разговаривал с вами, рейна? О, какие обнадёживающие новости!

Иста оглянулась на Каттилару и прислушалась, крепко сжав зубы:

— У него случаются краткие периоды сознания. С тех пор как я приехала сюда, я разговариваю с ним практически каждый день. Нет сомнений, что его разум невредим, но сам он очень слаб. Думаю, что сейчас его здоровье вне опасности, — теперь настала её очередь мрачно посмотреть на Каттилару.

— А мы… а мы боялись, что его разум покинул нас, когда Иллвин не проснулся. Его ум для Порифорса такая же потеря, какой… станет и меч Эриса…

Он почувствовал на себе хмурый взгляд Каттилары и скрыл смущение, впившись зубами в очередной кусок.

К великому облегчению Исты, мучительный ужин был прерван только формальной музыкальной интерлюдией. Ди Кэйбон отправился в комнату наконец-то как следует отдохнуть, Фойкс в сопровождении офицера Эриса пошёл выяснять, какую помощь его маленький отряд может оказать Порифорсу в обмен на предо-

ставленные еду и ночлег. А заодно, если Иста верно оценивала сообразительность Фойкса, вытянуть из офицера побольше подробностей об оборонительных сооружениях замка и его обитателях. Скорее всего, очередное письмо Фойкса в Кардегосс будет насыщено разнообразными сведениями. Иста не знала, рассказал ли он уже канцлеру ди Кэсерилу о своём новом питомце, или продолжает скрывать эту дыру под ворохом новостей.

Глава восемнадцатая

Лисе как раз причёсывала волосы Исты перед сном; этот процесс девушке, видимо, нравился, — Иста подозревала, что он вызывает у горничной счастливые воспоминания о конюшне, — когда вдруг кто-то робко постучал в дверь внешней спальни. Лисе отправилась открывать и через секунду вернулась:

— Это один из пажей лорда Эриса. Он говорит, что лорд ждёт внизу и умоляет об аудиенции.

Брови Исты взлетели вверх:

— В такое время? Хорошо. Скажи ему, что я сейчас же спущусь.

Лисе пошла передавать сказанное, а Иста сбросила халат и снова надела льняную рубашку цвета лаванды и чёрное шёлковое платье. Её рука ненадолго задержалась над траурной брошью, лежащей на столе, а потом взяла её и, как и раньше, сколола под грудью мягкую ткань. Неожиданно подходящее украшение для состояния Эриса, решила она. В сопровождении Лисе, несущей свечу в стеклянном подсвечнике, чтобы освещать дорогу, рейна вышла на галерею.

Лорд Эрис стоял у подножия лестницы, высоко

подняв факел и настойчиво глядя вверх. Он был в сапогах, меч висел на поясе, словно хозяин замка только что вернулся с очередного объезда. Иста обрадовалась, заметив, что под серо-золотым плащом поблёскивала кольчуга. После дневной жары ночной воздух казался мягким и ласковым, пламя давало неверный свет, обрисовывая бледные черты Эриса.

— Рейна, я должен поговорить с вами. Наедине.

Иста жестом указала на скамейку в дальнем конце двора, и он кивнул.

— Подожди здесь, — тихо сказала Иста Лисе, девушка приняла это к сведению и уселась на ступени. Иста спустилась и пересекла двор бок о бок с лордом Эрисом. Он передал факел пажу, но мальчику было не дотянуться до скобы на резной колонне, и Эрис, коротко улыбнувшись, забрал факел обратно и закрепил его. Он отправил пажа составить компанию Лисе. Иста и Эрис сели на разные края каменной плиты, ещё не растратившей накопленного днём тепла. Звёздная бездна неба, заключённая крышами в квадрат, казалось, поглощала золотистый свет свечи Лисе и факела, не давая ничего взамен. Лицо Эриса тенью проступало на ещё более глубокой тени, но его

глаза блестели.

— Напряжённый выдался день, вы вновь обрели спутников, а они привели нам отряд джоконцев, — начал он. — Два моих патруля, с южной и с западной стороны, вернулись ни с чем. А от двух других нет никаких вестей, и это меня беспокоит. — Он помолчал. — Каттилара не обрадовалась моему возвращению. Должно быть, она злится на меня.

— За то, что вы выполняли свой долг? За это она вас обязательно простит.

— Но она не простит мне то, что я умираю. В этом я становлюсь ей врагом и одновременно наградой.

— Да? Она продолжает думать, что вас можно вернуть. Или хотя бы не дать вам уйти. Мне кажется, она не замечает того, что с вами делает эта задержка, её ослепляют внешние проявления. Если она вообще видит исчезающих призраков, то не думаю, что она до конца понимает природу их проклятия.

— Проклятие, — выдохнул он. — Верно сказано. Это многое объясняет.

— С теологической точки зрения, я полагаю, именно об этом и идёт речь, хотя возможно мудрейший ди Кэйбон может уточнить термин. Я не

знакома с языком схоластики, но вижу явление само по себе. Вы отрезаны от материального мира, но при этом у вас нет пути к вашему богу. Но это случилось не по вашей воле, как обычно происходит с настоящими, заслужившими такую судьбу духами. Это произошло из-за чужого вмешательства. И это… неправильно.

Он вытянул, а затем стиснул руки.

— Так не может продолжаться. Теперь я даже не притворяюсь, что ем. И пью только маленькими глотками. Руки, лицо и ноги цепенеют. Я стал замечать это в последние десять дней, сначала совсем немного, а теперь становится всё хуже и хуже.

— Звучит не очень обнадёживающе, — согласилась Иста. Она замолчала. — Вы молились?

Он коснулся левого рукава, и Иста вспомнила чёрно-серую ленту, скрывавшуюся под ним.

— В человеческой жизни необходимость бога то приходит, то уходит. Каттилара хотела ребёнка, я выполнял обязанности мужа… но если Отец Зима и услышал меня, то не подал мне никакого знака. Я не получал никаких предзнаменований, не обманывал себя. Ответом на мои молитвы была тишина. Но в последнее время эта тишина стала… более пустой. Рейна, — его взгляд, сияю-

щий в темноте, будто пронзал ей душу, — сколько мне ещё осталось?

Она чуть не ответила *«не знаю».* Но уход от ответа отдаёт трусостью. Ни один целитель Матери не сможет сказать ему больше, чем она. *Откуда я знаю?* Она изучила его обычным и внутренним зрением:

— Я видела достаточно много призраков, но больше старых, чем недавно ушедших из жизни. Их становится всё больше, как видите. Через два месяца после смерти большинство из них сохраняют очертания тела, в котором они были при жизни, но становятся более тусклыми, теряют цвет. Они медленно тают. Спустя год второе зрение уже не способно различить человеческие черты, хотя они всё ещё напоминают по форме тело. Через несколько лет они становятся белой дымкой, потом и дымка бледнеет, пока окончательно не исчезает. Но, как мне кажется, время может быть разным в зависимости от силы характера человека, с которого всё началось. — И от потрясений во время призрачного состояния? Эрис — уникальный случай в её опыте. Требования к его призрачной душе сразили бы любого живого. Как его измученный, унылый дух выдерживает их?

Великодушные, владея многим, много и отдают. Но даже они когда-то иссякнут без поддержки… Её разум не посмел закончить мысль. Но она заставила себя. — *…их бога.*

— И как я выгляжу сейчас?

— Цвета практически нет. — И против воли добавила: — Вы начинаете расплываться по краям.

Он осторожно пощупал лицо и пробормотал:

— Вот как. Тогда многое проясняется.

Некоторое время он сидел молча, а потом хлопнул себя по колену:

— Однажды вы сказали мне, что обещали Иасу, что не расскажете о настоящей судьбе моего отца ни одной живой душе. Хм. Что ж. Вот я перед вами. Рейна, я должен знать.

Иста удивлённо фыркнула:

— Для мёртвого, вы замечательный правовед. Хороший бы был выпад, точный, острый, если бы я не лгала вам с самого начала. Иас никогда не просил меня о таком обещании. Тогда он вообще едва ли разговаривал со мной. Та история, которую я вам поведала, была лишь щитом, чтобы скрыть малодушие.

— *Малодушной* я бы вас не назвал, миледи.

— Человек учится большему, чем приписывать свои решения страху. С возрастом, с каждой ра-

ной, с каждым шрамом учится.

— Тогда я прошу у вас правду как погребальный дар. Она нужна мне больше, чем цветы.

— А. — Она выдохнула. — Да. — Её пальцы пробежали по гладкому, прохладному аметисту и серебряной филиграни броши, приколотой к платью. *Ди Лъютес носил её на шляпе. В тот последний день она тоже была на нём, я это отчётливо помню.* — Я рассказываю это только в третий раз.

— Говорят, третий раз стоит всех остальных.

— Что те, кто говорит, могут знать? — Она снова фыркнула, но на этот раз не так резко. — Думаю, что ничего. Всё же моими слушателями оказались лучшие люди, как раз сообразно моему рангу и преступлению. Святой, честный служитель, мёртвый сын мёртвого… что ж. — В уме она рассказывала это достаточное количество раз; репетировать не придётся. Она выпрямила спину и начала:

— Всем известно, что отец Иаса, рей Фонса, отчаявшись от того, что потерял сыновей и власть под натиском альянса Золотого Генерала, убил своего врага ритуалом смертельной магии, отдав взамен свою жизнь.

— Да, так гласит история.

— Но не все знают, что от этого ритуала кое-что осталось — коварное проклятие, обрушившееся на головы наследников Фонсы и на всё то, что они предпринимали. Сначала на Иаса, потом на его сына Орико. На Тейдеса. На Исель. На бесплодную жену Орико Сару. И на меня, — она вздохнула. — На меня.

— Правление Иаса не принесло процветания Шалиону, — признал он осторожно. — И правление Орико тоже.

— Иас Неудачливый. Орико Немощный. Прозвища, данные народом, не отражают даже малой толики действительности. Иас знал о проклятии, знал о его происхождении и о том, как оно действует, но он не рассказывал об этом Орико до тех пор, пока не оказался на смертном одре. Но он поделился этим знанием с Арволом ди Льютесом, с товарищем по детским играм, маршалом, канцлером, со своей правой рукой. Возможно, как делал и Орико позже со своими фаворитами, Иас пытался использовать Арвола как клещи, с помощью которых можно управлять делами Шалиона, не касаясь власти проклятыми руками. Уловка не сработала. Но она нашла отклик в амбициях Арвола ди Льютеса и в его неуёмной энергии. В его самонадеянности. Поверьте мне,

ваш отец любил Иаса по-своему. Иас поклонялся ему, он полностью зависел о его суждений. И именно Арвол выбрал для него меня.

Эрис дёрнул себя за коротко подстриженную бороду.

— А тот слух, который распускали злые языки о том, что… э-э-э… их связывает нечто большее, чем приятельские отношения, нужно считать политической клеветой?

— Нет, — просто ответила она. — Они были любовниками уже многие годы, об этом знал весь Кардегосс, но не выпускал это знание за пределы толстых стен. Об этом мне сказала моя собственная мать прямо перед свадьбой, чтобы я вступила в брак уже осведомлённой. Тогда я сочла её бессердечной. Теперь я понимаю, что она поступила мудро. Она очень беспокоилась. Сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, что это было предложение сойти со скользкого пути, но в тот момент я истолковала смысл сказанного иначе. И несмотря на все эти прозрачные предупреждения, которые, как я выяснила позже, она передавала мне по настоянию лорда ди Льютеса для того, полагаю, чтобы я не стала препятствием главным образом для него и в меньшей степени для Иаса, я не осознавала, что это значит. Да и

как я могла осознать — романтичная девушка, гордая тем, что казалось величайшей победой на любовном фронте: быть избранной невестой самого рея? Я кивала и соглашалась, желая казаться опытной и разумной.

— Ох, — произнёс он очень тихо.

— Так что, если вы когда-либо осуждали свою мать за то, что она не осталась верной своим обетам, за то, что она пустила отца Иллвина к себе в постель, будьте уверены, нарушив их, она не опередила ди Льютеса. Видимо, её мать была не так проницательна и честна, как моя, готовя дочь к этому высокому браку. Или она была менее осведомлённой.

Он задумчиво поднял брови:

— Это объясняет… многое из того, чего я не понимал, будучи мальчиком. Я думал, отец в гневе отрёкся от неё, не вынеся унижения, и поэтому больше не вернулся сюда. Никогда не думал, что это она отреклась от него.

— О, я уверена, что лорда ди Льютеса сильно задела её измена, — заметила Иста. — Насколько она была оправдана — не имеет значения. Гордость не позволяла ему вернуться, но чувство справедливости, нужно отдать ему должное, удерживало его от преследования и мести. Или,

быть может, это был стыд. Надеюсь. — Она сухо добавила: — В любом случае, у него было её приданое, которое можно было добавить к его и без того обширным владениям в качестве компенсации за душевные раны.

Он посмотрел на неё:

— Вы считали его жадным.

— Больше никому не удалось накопить столько. И всё же я не стала бы называть это жадностью, ведь он едва ли знал всё то, что имел, а жадный считает каждую монетку.

— И как бы вы тогда это назвали?

Иста нахмурилась.

— Утешение, — решилась она, наконец. — Его владения были своего рода волшебным зеркалом, отражавшим его таким, каким он хотел быть.

— Это, — ответил он через некоторое время, — грозное суждение, рейна.

Она склонила голову, признавая его правоту:

— Он был очень сложным человеком. — Она набрала в лёгкие побольше воздуха и продолжила: — Арвол и Иас не предали меня, скрывая свою любовь. Они предали меня, умалчивая о проклятии. Я вышла замуж за Иаса, не подозревая об опасности, в которой оказалась, в которой оказались мои ещё не рождённые дети. Видения

начались тогда, когда я забеременела Исель. Боги, пытавшиеся ворваться в меня. Я думала, что схожу с ума. А Иас и Арвол позволили мне так думать. Целых *два года.*

Он отпрянул, различив яростные нотки в её голосе:

— Это… просто верх жестокости.

— Это трусость. И презрение к моему разуму и воле. Они наблюдали за мной, видели последствия своей скрытности, но не решались поведать мне причину всего. Я была всего лишь девочкой, неспособной вынести это тяжёлое бремя. Но способной принести в эту тьму детей Иаса. И лишь боги не считали, что я ни на что не годна. Ведь Они пришли именно ко *мне.* Не к Иасу. Не к ди Льютесу. А ко мне.

Её губы изогнулись:

— Теперь, думая о прошлом, я не понимаю, что произошло с Арволом? Он был бы единственным блестящим героем, который спас Иаса, если бы смог. Это была уже его привычная роль. И действительно, некоторое время казалось, что боги предначертали ему такую судьбу. Наконец — неужели даже богам надоела наша тупость? — сама Мать Лета явилась ко мне, даже не во сне, а в бодрствовании. Я молилась — тогда я ещё не

научилась относиться к богам с подозрением. Она рассказала мне о проклятии, которое может разрушить и унести из этого мира человека, который трижды отдаст жизнь за угасающий Дом Шалиона. Я была молода, я сходила с ума от беспокойства за своих малышей, и я восприняла Её слова слишком буквально, заключив, что Она хочет, чтобы я придумала опасный ритуал, чтобы обеспечить этот парадокс.

— Действительно, опасный. И, хм… — он поморщился, — парадоксальный.

— Я рассказала всё Иасу и Арволу, мы принимали решение вместе. Арвол, уступив нашим слезам, согласился попробовать себя в роли героя. В качестве способа мы выбрали утопление, потому что слышали, что некоторые утопленники возвращаются иногда к жизни. И мы не просчитались. Арвол изучил этот вопрос, собрал об этом множество историй, осмотрел выживших и умерших жертв. И принесли в подземелья Зангра бочку, верёвку и лебёдку. Установили алтари всех богов. Арвол позволил себя раздеть, связать и, подвесив за ноги, опустить в воду, до тех пор пока не прекратились судороги, пока свет его души не возник у меня перед внутренним зрением.

Он хотел что-то сказать, но она рукой сделала

ему знак, чтобы предупредить неправильное истолкование:

— Нет. Ещё нет. Мы вытащили его, выкачали воду у него из горла, восстановили биение сердца и молились до тех пор, пока он не закашлялся и снова не начал дышать. *И я видела, что проклятие дало трещину.*

Мы запланировали исполнение ритуала на три следующие друг за другом ночи. На вторую ночь всё шло так же, но как только его волосы коснулись поверхности воды, он сдавленно потребовал остановиться и сказал, что не вынесет этого ещё раз. Он закричал, что я пытаюсь убить его из ревности. Иас засомневался. Я была потрясена, меня тошнило, но я заставила разум взять верх. Способ Арвол выбрал сам, и однажды это уже сработало… Я рыдала от страха за своих детей, от тщетности того, что мы подошли так близко, буквально на ширину ладони, к их спасению. От злости на его клевету. От того, что из-за его гордости мои надежды воспарили так высоко, а потом рухнули так низко из-за его слабости. — Она просто добавила: — Я верила в его оценку самого себя, как видите.

В ночи лощине за стенами замка тонко и громко жужжали какие-то насекомые. Это было един-

ственным звуком. Эрис забыл дышать. Его тело, наверное, стало отвыкать от этого. Интересно, через какое время он это заметит?

— Когда мы вытащили его во второй раз, он уже умер, и ни наши слёзы и молитвы, сожаления и взаимные обвинения, а их и потом было немало, не вернули его к жизни. Иас наполовину решил, что обвинение в ревности, озвученное Арволом, было правдой; и даже я иногда соглашалась с этим. Вина лежала… на Иасе — за слабость и на мне — за нетерпение и отсутствие мудрости. Ведь если бы Иас встал против меня, я бы сдалась, и если бы я прислушалась к своему сердцу, а не к разуму, и дала бы Арволу больше времени, кто знает, может быть, через неделю к нему вернулась бы решимость? Теперь я этого никогда не узнаю. Боги покинули меня. Проклятие осталось неразрушенным, и его последствия оказались страшнее, чем когда бы то ни было. Так было до тех пор, пока новое поколение не произвело на свет другого человека, гораздо более подходящего для того, чтобы освободить мир от этого проклятия. — Она вздохнула. — Вот как получилось, что я убила вашего отца. Если вы действительно хотели это узнать.

Он долгое время молчал, забыв о дыхании, но,

наконец, сказал:

— Леди, это не похоже на признание. Это обвинение. — Иста откинулась назад:

— Обвинение Арвола? Да, — медленно произнесла она, — и это тоже. Если бы он не вызвался, я бы не стала его упрекать. Если бы он умер при первой попытке, я бы решила, что это не по силам ни одному человеку или мой план просто провалился. Но то, что он показал, что такое возможно, а потом *сдался*… этого не выдержало моё сердце. Позже я узнала, что не такой смерти требовали боги. Никто не может заставить чью-то душу стать настолько широкой, чтобы впустить бога в мир, однако именно эта широта, а не просто смерть, и была нужна. Арвол ди Льютес был великим человеком. Но… недостаточно великим.

Он смотрел в темноту. Факел почти догорел, но наверху лестницы всё ещё мерцала свечка Лисе. Девушка сидела положив подбородок на руки, веки её слипались; паж давно заснул, свернувшись калачиком на её юбках.

— Если бы мой отец был жив, — сказал он, наконец, — как вы думаете, он призвал бы меня к себе?

— Если бы он заставил свою душу быть настолько широкой, чтобы наш замысел удался,

то, думаю, позже, в ней нашлось бы достаточно места и для вас. Те души, что однажды вместили бога, никогда не схлопываются до прежних размеров, насколько я знаю. Если бы он даже не попытался… что ж, в то же время он никогда не был настолько малодушен, чтобы не рисковать. Поэтому не знаю.

— Мм-м, — даже этот короткий звук тем не менее таил в себе боль. Эрис взглянул на небо, определяя по звёздам время.

— Рейна, я не даю вам отправиться в постель.

Не наоборот ли? О чём он думает этими долгими, одинокими бессонными ночами? Тем не менее она поняла намёк и поднялась. Эрис тоже встал, его боевое одеяние заскрипело.

Он взял её за руку и отвесил полупоклон, коснувшись прохладным лбом внешней стороны её ладони.

— Рейна, благодарю вас за этот похоронный венок из правды. Знаю, он стоил вам очень дорого.

— Он сплетен из засохшего и горького терновника. Хотела бы я вам преподнести последний дар получше.

Я жажду этого всем своим раскалывающимся сердцем.

— Мне не нужны цветы помягче.

Лисе, увидев, что они пересекают двор, растолкала пажа и встала на вершине лестницы, чтобы принять Исту из рук Эриса.

Эрис торжественно попрощался с ними и зашагал прочь, засыпающий паж потащился за ним. Эхо отдаляющихся шагов, доносившееся из арки, отдавалось в ушах Исты, словно приглушённый барабанный бой.

* * *

Иста долго не могла заснуть. Когда серый предрассветный свет стал проникать в комнату, она услышала на некотором отдалении стук и голоса, но усталость приковала её к подушке. Рейна погрузилась в мрачный сон, где она сидела за столом рядом с леди Каттиларой. Марчесса, сиявшая фиолетовым светом, потчевала гостью до тех пор, пока Иста не почувствовала, что её живот вот-вот лопнет, а потом стала топить её разум в вине, так что вскоре Иста не могла подняться со стула, потому что конечности оказались парализованы.

И только гораздо более громкий стук в дверь спальни вывел её из странного сонного заточения. Она с облегчением вздохнула, обнаружив, что находится в собственной кровати, а телу вернулись прежние пропорции и подвижность,

если не считать того, что оно чувствует себя как угодно, но только не отдохнувшим. Судя по ярким полосам, просачивающимся сквозь ставни, на дворе уже день. Послышались шаги Лисе, а потом голоса: один глубокий и встревоженный, принадлежащий Фойксу, и другой — резкий, срывающийся от волнения, свойственного ди Кэйбону. Иста уже почти слезла с кровати и накинула чёрный халат, когда дверь, разделяющая спальни, открылась и Лисе просунула голову внутрь.

— Рейна, произошло нечто очень странное…

Иста проскользнула мимо неё. Фойкс уже был одет в голубую тунику, штаны и сапоги, меч тоже оказался при нем, лицо раскраснелось от напряжения; белая нижняя рубашка сидела на ди Кэйбоне косо, пуговицы не соответствовали петлям, на ногах вообще ничего не было.

— Рейна. — Фойкс склонил голову. — Вы видели что-нибудь или слышали какие-нибудь звуки со стороны покоев лорда Иллвина или на галерее сегодня на рассвете? Ваша спальня расположена ближе, чем наши.

— Нет… Может быть. Но я заснула. — Она поморщилась, вспомнив неприятный сон. — Я очень устала. А там что-то *происходило?*

— Леди Каттилара пришла туда на рассвете в сопровождении нескольких слуг, которые вынесли лорда Иллвина на носилках. Чтобы доставить его вниз в храм для молитв и консультации с храмовыми целителями, как сказала она.

— Храмовым целителям следовало бы прийти к нему прямо в Порифорс, мне кажется, — забеспокоившись, заметила Иста. — Лорд Эрис отправился с ними?

— Марча сегодня нигде нет. Я узнал обо всём этом, когда один из его офицеров спросил *меня,* не видел ли я его.

— В последний раз я видела Эриса ночью. Около полуночи он пришёл во двор поговорить со мной. Лисе была с нами.

Девушка кивнула. Судя по всему, она проснулась раньше Исты — Лисе была одета и на столе стоял поднос с утренним чаем и свежим хлебом, — но не намного раньше, потому что происходящее оказалось новостью и для неё.

— Что ж, — продолжил Фойкс. — Мне было как-то не по себе; возможно, это последствия кошмаров, которые мучили меня сегодня ночью и которые заставили меня усомниться в местной пище, но в любом случае, я придумал причину и отправился вниз к храму, посмотреть, что про-

исходит. Леди Каттилара там не появлялась. Я порасспрашивал местных. И выяснилось, что она вызвала из гарнизона обозную повозку и упряжку лошадей. Никто не знает, что она туда погрузила, но повозку, которой правил Горам и один из слуг, час назад видели выезжающей из городских ворот в сторону южной дороги.

Иста задержала дыхание:

— И с тех пор ни её, ни Эриса не видели?

— Нет, рейна.

— Значит она их украла. Забрала Эриса и похитила Иллвина, чтобы поддерживать в нём жизнь.

Фойкс пристально посмотрел на неё:

— Значит, это дело рук марчессы, так? А не лорда Эриса?

— Лорд Эрис никогда не оставил бы Порифорс и свой пост. Даже ради слёз жены, — уверенно сказала Иста. *Он решительнее Иаса. Такой, каким всегда был ди Льютес.*

— Но вы говорили, что её демон хотел сбежать, — напомнил ди Кэйбон. — Возможно, он взял над ней верх?

— Зачем тогда брать такой груз? — резонно возразила Лисе. — Тела леди Каттилары, шкатулки с драгоценностями и одной быстрой лошади для

этого достаточно.

Фойкс взглянул на неё с уважением.

— Не то чтобы взял верх, мне кажется, — медленно проговорила Иста. — Но, может быть, демон убедил её, что для целей их обоих необходим побег? В таком случае он согласился бы ей помогать во всём.

— Она жаждет, чтобы её мужу вернулась жизнь или чтобы эта странная полусмерть длилась бы бесконечно, — сказал Фойкс. — Но как на это может повлиять увоз его и несчастного лорда Иллвина?

— Эмм-м, — протянул ди Кэйбон. Все лица обратились к нему.

— В чём дело? — резко спросила Иста.

— Ах… мм-м… Должно быть, я что-то такое сказал… леди Каттилара подошла ко мне вчера после ужина. Чтобы получить духовное наставление, как решил я. Мы говорили обо всех этих ужасных событиях. Бедненькая девочка, слёзы, словно маленькие драгоценности, сверкали на её щёчках.

Иста закатила глаза:

— Не сомневаюсь. И что дальше?

— Я пытался дать ей совет и одновременно утешить, внушить ей понятие о той опасности, которой она подвергает мужа. Я рассказал о фи-

зической опасности, которая грозит его брату, а также о пагубном влиянии демона на её собственную душу. Я сказал, что большую часть демонской магии излечить невозможно. Только чудо может изменить неизбежный ход событий. Она спросила меня, где можно отыскать это чудо, как будто бы оно где-то лежит, как в амбаре. Я сказал, что только святые могут передавать его нам от своего бога. Она поинтересовалась, где можно найти святого. Я ответил, что в самых странных и неожиданных местах; святые могут быть как высокого, так и низкого происхождения. Я заметил, что считаю, что *вы*, рейна, именно тот святой, которому вверенно распутать этот клубок ужасов. Она сказала, хм, в общем, некоторые странные и необоснованные слова; она как будто считает, что вы её враг. Я заверил её, что это не так. Она возразила, что для этого лучше подойдёт любой другой святой, и попросила меня послать за одним из них, будто бы святые, как целители, приходят из Храма по вызову. Ну, некоторые святые действительно являются целителями, но не… Я предположил, что она вряд ли получит от богов ещё какой-нибудь ответ; большинство людей вообще ничего не получают. Но, боюсь, она не очень интересуется тонкостями теологии.

— Она хочет определённый обряд, — сказала Иста. *Как однажды хотела и я.* — Торговую сделку. Заплатить монету, получить товар. Только торговца она пока не нашла.

Он пожал плечам:

— Боюсь, что так.

— И теперь она забрала и живого, и мёртвого и отправилась в паломничество. Чтобы искать чудо. Чтобы заказать его.

— Дороги здесь совсем небезопасны, как мы вчера выяснили, — заметил Фойкс, в его голосе чувствовалось беспокойство. — Лорд Эрис не позволит своей жене разгуливать по ним, не важно во имя какой цели.

— А ты думаешь, у него был выбор? В повозке одни носилки или двое? Что, если оба брата лежат там бок о бок, словно вязанки дров? Демон мог помочь ей это устроить, бездействие обоих для него облегчение.

Ди Кэйбон почесал голову:

— Она скорее будет искать способ вылечить лорда Эриса, чем кого-либо другого. Он же её муж.

— А Иллвин — нет, — коротко ответила Иста. — И Эрису нужно вовсе не лечение. Их необходимо вернуть. Фойкс, собирай своих людей и готовьте

коней. Лисе, забинтуй мне ноги, чтобы я могла ехать верхом, не хочу раздирать ссадины.

Ди Кэйбон возмутился:

— Рейна, вам тоже не следует разъезжать по местным дорогам!

— Согласна, но у Фойкса нет достаточной власти, чтобы заставить слуг Каттилары действовать вопреки её приказаниям. И кому-то же нужно совладать с её демоном.

— Думаю, это могу сделать я, рейна, — откликнулся Фойкс. Он осторожно взглянул на ди Кэйбона.

— А ты одновременно сможешь выдержать крики, слёзы и отчаяние женщины?

— А, — произнёс он, представляя себе это малоприятное зрелище. — А вы сможете?

— Думаю, да.

На самом деле я этого жду не дождусь.

— Я, хм, буду признателен вам за это, рейна.

— Отлично. Предупредите офицеров Эриса… — Глаза её сузились. — Подозреваю, что Эрис не хотел бы, чтобы эта история выплыла на поверхность. Ди Кэйбон. Если мы не вернёмся… через сколько, Фойкс? Через два часа?

— У них быстрые лошади и час форы — через два или три часа.

— Если мы не вернёмся через три часа, скажи старшему офицеру Эриса, куда мы отправились, и пусть он пошлёт за нами людей. — Иста повернулась к Фойксу: — Поторопись. Встретимся в парадном дворе, как только будут готовы лошади.

Он отсалютовал ей и ушёл. Лисе уже скидывала своё тонкое платье и туфли. Иста выставила протестующего ди Кэйбона за дверь на галерею.

— Но я поеду с вами, рейна! — кричал служитель. — Фойкса нельзя оставлять без присмотра!

— Нет. Ты нужен здесь. А если пляшущему мишке Фойкса понадобится ошейник, я лучше справлюсь с этим.

— И ты слишком толстый, и едешь медленно, — донёсся из окна голос Лисе, в котором не было и тени сочувствия, за ним последовал грохот надеваемых сапог.

Ди Кэйбон покраснел.

Иста положила руку ему на плечо.

— Местность тут сухая, канава вряд ли найдётся. Моему сердцу будет спокойнее, если я буду знать, что вы здесь, в безопасности.

Он покраснел ещё гуще, но тем не менее печально кивнул и подчинился. Иста захлопнула дверь и поспешила переодеваться для верховой

езды.

Глава девятнадцатая

Оказавшись перед выездом в парадном дворе, Иста с изумлением рассматривала коня, которого Лисе привела для неё. Высокий, сверкающей белой масти, мягкий серый нос, грива и хвост, словно шёлковые знамёна, — Ферда просто изошёл бы на поэзию. Все пятна, которые обычно остаются после стойла, аккуратно смыты, и только едва заметные жёлтые разводы напомнили Исте пятна на белых одеяниях ди Кэйбона. Конь фыркнул и ткнулся в неё носом, большие влажные тёмные глаза глядели дружелюбно.

— Что это? — спросил Иста, пока Лисе вела коня к скамеечке, чтобы рейне было легче оседлать его.

— Мне сказали, что его зовут Пух. Это сокращение от Лопух. В конюшне я попросила привести для вас самую вышколенную лошадь, они просто умоляли взять его, потому что с тех пор, как лорд Иллвин заболел, этот жеребец только и делает, что ленится, ест и толстеет.

— То есть это личный конь лорда Иллвина? — уточнила Иста, перекидывая ногу через широкую спину животного. Конь стоял спокойно, пока она

осторожно пристраивала перевязанные коленки и искала ступнями стремена. — Понятное дело, это не боевой конь.

— Да, у него есть другой жеребец для этого — злющий рыжий грубиян, весь в шрамах, к которому никто, кроме самого лорда Иллвина, и близко не подходит. — Лисе взлетела в седло курьерской пегой лошади, которая протестующе пошла боком и даже собралась взбрыкнуть, но успокоилась под строгой рукой девушки. — Он нападает на грумов. Они даже показывали мне следы общения с ним. Очень впечатляет.

Рука Фойкса взмыла вверх и опустилась, он и Пежар верхом на своих скакунах направились к воротам; Лисе, Иста и ещё полдюжины оставшихся гвардейцев Ордена Дочери последовали за ними. Они выстроились вереницей, чтобы спуститься по крутой дорожке, ведущей мимо деревни. За её стенами они свернули на дорогу из Толоноксо, по которой Иста прибыла сюда так много дней назад. Фойкс взял резвый, но не убийственный шаг, и они принялись взбираться на холмы, спускаться по склонам и пересекать ровные участки. Кличка Лопух оказалась клеветой, потому что конь тотчас же отвечал на малейшее движение Исты, стоило ей только тронуть повод

или шевельнуть пяткой, так что даже казалось, что достаточно только подумать о своём желании. Его рысь напоминала, скорее, покачивание на волнах, лёгкий галоп заставлял вспомнить паланкин. Доброта животного успокоила Исту, потому что от седла до земли расстояние было впечатляющее. Конечно, у лорда Иллвина и должна быть высокая лошадь.

Проезжая по влажному, поросшему лесом берегу реки, их отряд подвергся нападению больших жужжащих лошадиных слепней. Иста морщилась и старалась прихлопнуть тех, до которых могла дотянуться, когда насекомые жадно опускались на шелковистые бока Пуха. Они противно хрустели и оставляли у Исты на ладони кровавый след. Пегая лошадь Лисе брыкалась и возмущённо ржала. Фойкс через плечо оглянулся назад; только Иста видела лёгкое фиолетовое мерцание, сорвавшееся с его пальцев, но мерзкие слепни от лошади Лисе отстали. В качестве компенсации они стали в больших количествах досаждать Истиному коню, но прежде чем она успела пожаловаться, кавалькада выехала на солнце и слепни остались позади.

Они миновали крутой подъём с равнины и остановились напоить лошадей в деревне, непо-

далёку от оливковой рощицы, в пяти милях от Порифорса. На сей раз в тени милосердно не оказалось кровососущих насекомых. Пежар отправился расспросить местных жителей о преследуемой повозке. Иста обнаружила, что стоит и потягивается рядом с Фойксом в тени огромного ствола оливы, пока взмокшие лошади шумно хлебают воду из ручья.

— Продолжаешь развлекаться с мухами? — мягко поинтересовалась Иста. — Я видела твой фокус. Только больше не надо, пожалуйста, или я расскажу обо всём служителю.

Парень покраснел:

— Но это же было хорошее дело. Кроме того, я хотел сделать Лисе приятное.

— Хм, — она помедлила. — Прислушайся к моему совету и не используй магию, чтобы ухаживать за ней. Главное — не поддавайся искушению вызвать её благосклонность напрямую.

Судя по смущённой улыбке, он отлично знал, что она имеет в виду; значит, мысль о каком-нибудь любовном заклинании уже не раз приходила ему в голову.

— Мм-м. — Голос Исты продолжил:

— Потому что, если ты так сделаешь, а она узнает, это разрушит её веру не только в тебя, но

и в её собственный разум. Она больше никогда не будет уверена, что та или иная мысль или чувство действительно принадлежит ей. Она начнёт постоянно сдерживаться, подозревать, заниматься самокопанием. А эта дорога ведёт к безумию. Если ты возьмёшь боевой молот и сломаешь им ей обе ноги — это и то будет менее жестоко и более похоже на поступок любящего человека.

Его улыбка стала приклеенной:

— Как прикажете, рейна.

— Я говорю с тобой не как рейна. И даже не как осенённая богом. Я говорю как женщина, которая прошла по этому пути до конца и вернулась, чтобы доложить о возможных трудностях. Если от той сообразительности, что была при тебе с самого начала, осталась хотя бы половина, если ты действительно ищешь любви, а не простого удовлетворения, то ты прислушаешься к моим словам как мужчина.

На этот раз поклон у него получился гораздо более задумчивым, а от ухмылки не осталось и следа.

Вернулся Пежар и принёс новости, что повозка и её сопровождающий действительно останавливались в этой роще и провели здесь времени достаточно, чтобы распрячь и напоить четверых

лошадей; повозка покинула это место не более получаса назад. Фойкс довольно поморщился и сделал их отдых как можно более коротким.

Ещё четыре мили езды после длительного подъёма привели их на вершину холма. Наконец, они увидели цель, подпрыгивающую на ухабах дороги: уменьшенный расстоянием крытый верх повозки, украшенный эмблемой гарнизона Порифорса, виднелся в ярком солнечном свете. Фойкс приказал отряду следовать за ним. Они уже успели сильно сократить расстояние, когда кто-то сидящий в повозке заметил преследователей. Невидимый возница подстегнул упряжку, но медлительные лошади-тяжеловозы, обременённые грузом, который они тащили за собой, не могли соревноваться с быстрыми скакунами преследователей.

Гвардейцы Фойкса с двух сторон окружили громыхающую повозку, чтобы перехватить ведущую пару поводьев. И заставляя своего коня обогнуть телегу, Иста слышала протестующий голос Каттилары. Повозка поехала медленнее, а потом и вовсе остановилась.

Каттилара, одетая в элегантное серо-золотое платье для путешествий, расположилась на сидении кучера и на все лады бранила перепуганного

Горама, который сидел скорчившись, закрыв глаза и крепко сжимал поводья трясущимися руками. Иста прищурилась от света материального мира и попыталась добиться максимальной чувствительности внутреннего зрения, чтобы не просто найти духов, прячущихся в мире материи, а разглядеть душу отдельно. Должно быть, так боги видят мир. К великому облегчению Исты, демон Каттилары не распространился по хозяйке, не владел ею, а снова плотно сжался внутри. Ещё один слуга, одна из молоденьких фрейлин Каттилары и паж Эриса сидели в повозке, прижавшись друг к другу.

Две едва различимые фигуры лежали внутри рядом со слугами. Несмотря на преграду из полотна и дерева, которая мешала обычному зрению Исты, она с лёгкостью нашла то, что искала. Тонкую нить белого огня, вяло текущую из одного тела в другое; на уровне ощущений Иста нащупала сеть фиолетовых лучей, расходящуюся в три стороны, — проводник заклинания.

Она сжала пальцы, и Пух без малейших возражений остановился. Иста дала поводьям упасть ему на холку и вытянула руки, позволив своему духу следовать за телом. Позволив в первый раз выплыть за пределы тела. *Бастард, помоги мне.*

Будь ты проклят. Она ещё не осмеливалась, не пыталась разбить сеть колдовства демона, но установила собственную связь и призвала вернуться почти иссякшее пламя души. Белая линяя между Иллвином и Эрисом вспыхнула, как загоревшаяся в ночи солома.

Изнутри послышался глубокий голос Эриса, в нём слышались раздражённые нотки, как будто бы марча только что разбудили:

— Что это такое? Иллвин?

Визгливая брань Каттилары вдруг прекратилась. Она сунула голову под тент повозки, а затем снова выпрямилась. Задыхаясь, она буравила Исту взглядом.

Внутри повозки слышалось движение: скрип, шаги сапог по деревянному полу. Эрис высунул голову и огляделся.

— Ад Бастарда! Где мы?

Знакомый пейзаж, похоже, ответил на его вопрос, потому что он нахмурился и посмотрел на всхлипывающую жену:

— Каттилара, *что ты наделала?*

С другой стороны телеги напряжённый Фойкс с облегчением вздохнул и благодарно отсалютовал Исте. Лиловый огонёк в его ладони угас.

Каттилара развернулась у себя на сиденье и

умоляюще обвила руками мужа. Горам отпрянул с её пути.

— Милорд, милорд, нет! Прикажи этим людям уйти! Скажи Гораму ехать дальше! Мы должны бежать! Она злая, она хочет довершить твою смерть!

Он машинально стал гладить её волосы. Его непонимающий взгляд упал на Исту, которая криво ухмыляясь, наблюдала за этой сценой:

— Рейна? В чём дело?

— Что вы помните, лорд Эрис? — Его брови сошлись на переносице:

— Каттилара срочно послала за мной, чтобы я помог ей в конюшнях гарнизона. Я пришёл туда и увидел эту повозку, стоящую наготове, а потом… потом ничего, — он нахмурился ещё сильнее.

— Вашей жене пришло в голову увезти вас прочь и искать для вас спасения за пределами Порифорса. В какой степени на неё повлиял демон, не знаю, но в любом случае, он *помогал* ей в этом. Иллвина принесли в повозку раньше, полагаю, как вашего уполномоченного представителя. — Эрис вздрогнул:

— Оставить пост? Оставить *Порифорс? Сейчас?* — Каттилара дёрнулась, услышав в его голосе сталь. Слёзы на сей раз не помогли, они

оказали лишь смягчающий эффект. Когда он повернулся и посмотрел в лицо жене, Иста видела, как напряглись сухожилия его рук, выступив, словно канаты, на его бледной коже.

— Каттилара. Подумай. Это бегство предаёт веру в меня, ломает все данные мною обеты. Провинкару Карибастоса, рейне Исель и рею-консорту Бергону… моим людям. Это невозможно.

— Это *не* невозможно. Предположим, ты заболел, ох, какой-нибудь другой болезнью. С любым такое может случиться. Ты *болен.* Теперь твой пост должен занять другой офицер.

— Единственный, кому я могу доверить Порифорс при нынешнем положении вещей, это Иллвин. — Он помолчал. — Был бы Иллвин, — поправился он.

— Нет, нет, нет! — Она откровенно колотила его кулаками в приступе отчаяния и ярости.

Иста изучала пульсирующие нити пламени. *Могу ли я сделать это?* Она не была в этом уверена. *Что ж, я уверена в том, что можно попробовать. Итак.* Она тихо опустила свои настоящие руки из плоти и крови на подол и снова потянулась призрачными руками. Всё так же не трогая сети демона, она уплотнила связывающий Иллвина и Эриса луч.

Эрис упал на колени; губы его удивлённо раскрылись.

— Если вы хотите, чтобы он ходил и двигался, — обратилась Иста к Каттиларе, — вам следует поддерживать его в таком состоянии самостоятельно. Не надо больше красть.

— Нет! — крикнула Каттилара, когда Эрис, наполовину потеряв сознание, упал на неё. Горам подхватил его, не давая тяжёлому телу упасть с повозки. Каттилара в ужасе смотрела на бледное смущённое лицо Эриса, не желая принимать суровую действительность. Пламя её души поднималось по её телу и собиралось около сердца.

Да! — подумала Иста. *Ты сможешь. Давай, девочка!*

Вдруг Каттилара, испустив стон и белую вспышку, потеряла сознание. Из её сердца вырвался необузданный белый поток, принявшийся беспорядочно метаться в границах заклинания. Иста снова вытянула прозрачную руку. Пламя унялось, успокоилось. Не очень быстро, иначе его запасы иссякнут сразу же, но и не очень медленно, чтобы всё же выполнить цель. Вот… так. Её внутренний взгляд проверил линии. Тоненькая струйка жизни продолжала течь из Иллвина только для того, чтобы поддерживать связь. Иста не осмелива-

лась касаться искусной сети демона, она вообще не была уверена, что ей не удастся порвать её, даже если она попытается. Эрис моргнул, размял челюсть, нетвёрдо встал на ноги, одной рукой опираясь на плечо Горама.

— О, *благодарю* вас, — пробормотал Фойкс в благословенной тишине.

— Иногда, во время первого приступа скорби, я вела себя и не так, — сквозь зубы ответила ему Иста, поёжившись от неприятного воспоминания. — Почему, во имя пятерых богов, никто не успокоил меня, почему все отвернулись от моих страданий? Этого я не узнаю никогда.

Из повозки донёсся хриплый голос:

— Демоны Бастарда, *теперь* ещё что?

Вспышка радости озарила черты Эриса:

— Иллвин! Вылезай наружу!

Шлёпанье босых ног; Иллвин, одетый только в льняную рубашку и напоминающий человека, проснувшегося слишком рано после вчерашней попойки, споткнувшись, высунулся из повозки и застыл, моргая от яркого утреннего света, ухватившись за раму, на которую натягивался тент.

Взгляд Иллвина упал на Исту, и его лицо просияло.

— Безмозглый! — восторженно воскликнул он.

Это странное приветствие, как запоздало сообразила Иста, относилось к коню, который принялся прясть ушами, пыхтеть, раздувать ноздри и чуть не — но всё же не окончательно — сдвинулся с точки, где наездник приказал ему стоять.

— Рейна, — продолжил Иллвин, склонив перед ней голову. — Надеюсь Лопух подошёл вам? Пятеро богов, почему никому не пришло в голову урезать его рацион?

— Он почти настоящий рыцарь, — заверила его Иста. — На мой взгляд, он очень фигурист.

Иллвин посмотрел вниз на Катти, теперь покоящуюся на трясущемся плече Горама.

— А это что такое? С ней всё в порядке?

— Это временно, — пояснила Иста и ему, и Эрису, который смотрел на свою жену всё более неуверенно. — Я, ээ… устроила так, что она на некоторое время поменялась с вами местами.

— Не знал, что вы это можете, — осторожно заметил Иллвин.

— Я тоже не знала, до тех пор как секунду назад не попробовала. Заклинание демона продолжает действовать, теперь оно просто… перераспределено.

Эрис, с суровым от печали лицом, всё же опустился на колени и взял Каттилару на руки.

Иллвин ощупал правое плечо и нахмурился; он нахмурился ещё сильнее, когда его взгляд коснулся красного пятна, расползавшегося по плечу Каттилары. Он отступил с дороги, пропуская брата и его ношу внутрь повозки. Иста вручила поводья Лисе и перебралась из седла на сиденье повозки; Иллвин протянул ей руку, помогая перебраться.

— Нам нужно поговорить, — сообщила она ему. Он кивнул, от души с этим соглашаясь.

— Горам, — добавил он. Грум с явным облегчением посмотрел на хозяина. — Разворачивай повозку и направляйся обратно в Порифорс.

— Да, милорд, — радостно ответил Горам.

Иста нырнула внутрь вслед за Эрисом и Иллвином, а Фойкс принялся отдавать команды своим людям, помогая развернуть упряжку с повозкой обратно. Эрис уложил Каттилару, чья голова безвольно свисала вниз, на тюфяк, который недавно покинул сам. Под полотняным тентом после яркого солнечного света снаружи стоял полумрак и пахло плесенью, но глаза Исты быстро привыкли. Слуга, фрейлина Каттилары и паж испуганно забились в заднюю часть повозки и прятались среди трёх или четырёх небольших дорожных сундуков. Весьма скромные запасы,

но среди багажа без сомнения где-то скрывается шкатулка с драгоценностями марчессы.

Эрис отослал слугу и фрейлину вперёд к Гораму. Паж, глаза которого были круглыми от беспокойства, опустился рядом с хозяином; марч ободряюще потрепал парнишку по волосам. Эрис сел, скрестив ноги, рядом с головой жены. Иллвин помог Исте устроиться на втором тюфяке. Согнув колени, она почувствовала, как под бинтами лопнула корка ссадин. Иллвин сел было рядом с ней, тоже скрестив ноги, но поняв, что узкая рубашка не даст ему этого сделать, примостился на коленях.

Эрис смотрел на жену:

— Никак не могу смириться с тем, что она решила, что я смогу покинуть Порифорс.

— Ничего такого она не решала, — возразила Иста. — Отбросьте эту мысль. — Она помолчала. — Трудно, когда вся твоя жизнь зависит от решения других, а ты не можешь сделать ничего, чтобы хоть как-то повлиять на результат.

Повозка окончательно развернулась и медленно двинулась назад. К тому времени как они преодолеют десять миль, отделявшие их от замка, упряжка лошадей просто выдохнется.

Эрис коснулся плеча Каттилары, на котором

проступило красное пятно от раны, скрывавшейся под тканью:

— Так нельзя.

— Так будет, пока мы не доберёмся до Порифорса, — мрачно сообщил Иллвин. Он шевелил руками, разминал ладони и дёргал плечами, будто бы заново привыкая к телу, которое стало ему чужим.

— Остаётся только надеяться, что во время моего отсутствия гарнизон не впал в панику, — сказал Эрис.

— Как только мы приедем, — заметила Иста, — нам ещё раз нужно попытаться допросить демона Каттилары. Я должна знать, что происходит в Джоконе и, самое главное, кто всё это затеял.

Иста повторила Иллвину историю офицера о внезапных переменах, произошедших с Сордсо Пьяницей.

— Очень странно, — откликнулся Иллвин. — Раньше Сордсо не испытывал таких семейных чувств.

— Но… Сможем ли мы расспросить это существо? — спросил Эрис, не сводя глаз с Каттилары. — В прошлый раз нам это не очень-то удалось.

Иста, немного всё же сомневаясь, покачала

головой:

— Тогда у меня не было советов ди Кэйбона. Не было помощи Фойкса ди Гьюра. Мы можем напустить одного демона на другого, и, может быть, это даст какой-нибудь положительный результат. Или… просто результат. Когда мы вернёмся, я посоветуюсь со служителем.

— Тогда я посоветуюсь с братом, пока это возможно, — сообщил Эрис.

— А я посоветуюсь с доброй порцией еды, — заявил Иллвин. — В этой повозке есть что-нибудь?

Эрис наказал пажу поискать; мальчик порылся в запасах и нашёл ломоть хлеба, мешочек сушёных кожистых абрикосов и мех с водой. Иллвин устроился поудобнее и принялся старательно жевать, пока Эрис излагал ему рапорты лазутчиков Порифорса.

— Нам не хватает вестей с северной дороги, — заметил Иллвин, когда Эрис закончил свой быстрый доклад. — Мне это не нравится.

— Да. Меня очень беспокоят два отряда, которые и сами не вернулись, и не прислали курьера. Я как раз подумывал послать за ними очередной патруль, когда мои утренние дела были так неожиданно прерваны. — Он недовольно посмотрел на лежащую без сознания жену. — Или

отправиться за ними самому.

— Умоляю тебя, не стоит, — сказал Иллвин, потирая плечо.

— Ну… да. Возможно, при сложившейся обстановке это было бы не очень мудро. — Его взгляд на Каттилару, если это возможно, сделался ещё более тревожным. Она казалась пугающе беззащитной. Напряжение от беспрестанных хитростей и уловок сошло с её лица, снова уступив место природной красоте.

Он поднял глаза и вымученно улыбнулся Исте:

— Не беспокойтесь, рейна. Даже если какая-то невидимая сила приближается к нам с той стороны, они ничего не смогут сделать против Порифорса. Стены крепкие, гарнизон верный, осадные машины подвести крайне сложно, тем более что замок стоит на цельной скале. Нельзя прорыть подкоп, поддержка из Оби прибудет раньше, чем нападающие успеют разбить лагерь.

— Если только одновременно не нападут и на Оби, — пробормотал Иллвин.

Эрис отвернулся:

— Последние несколько дней я часто разговаривал с храмовым нотариусом и под его присмотром изложил свою последнюю волю. У управляющего

замком есть допуск к моим бумагам. Я назначил тебя душеприказчиком и опекуном маленькой Лавианы.

— Эрис, — сказал Иллвин, в его голосе слышалось сомнение. — Замечу, что нет никакой гарантии, что и я выберусь из этой переделки живым.

Его брат кивнул:

— В таком случае содержать Лавиану будет её дедушка, и он же сохранит для неё владения ди Льютесов. При любых обстоятельствах, ввиду того, что у нас с Катти нет детей, я собираюсь вернуть её под опеку лорда Оби.

— Каттилара вряд ли послушается, если это предложу сделать я, — согласился Иллвин. — Спасибо тебе от нас обоих.

Эрис понимающе кивнул:

— Если же… если же ты не сможешь взять это бремя во имя Лавианы на себя, то тогда Порифорс переходит во власть провинкара Карибастоса, который передаст его, кому сочтёт нужным. Я написал ему, чтобы предупредить… мм, пока только о том, что я болен и чтобы он на всякий случай подыскал мне замену.

— Ты предусмотрел всё. Как бы неприятно это ни было. — Иллвин уныло улыбнулся. — Ты все-

гда заботился о нас, как отец. Разве не понятно, какому богу так не терпится забрать тебя к себе? Но пусть Он подождёт ещё немного. — Он бросил взгляд на Исту.

Но его не ждёт никакой бог, подумала Иста. *Именно это и означает «отверженный».* Эрис пожал плечами:

— Дни грызут меня, как мыши грызут труп. Я это уже чувствую, всё отчётливее и отчётливее. Как это ни печально, но я тут слишком засиделся. Рейна… — Его взгляд был неприятно пронзительным. — Вы *можете* отпустить меня? Вы *приехали* сюда поэтому?

Иста ответила не сразу:

— Я едва ли знаю, что в моей власти, а что нет. Но если я действительно могу творить чудеса, то это не будет моим первым деянием. Ведь природа чудес такова, что человек не имеет права выбирать, какое чудо свершить, он лишь может сказать «да» или «нет». Только магию демона можно подчинить своей воле. Подчинить бога невозможно.

— И всё же, — задумчиво протянул Иллвин, — говорят, что Бастард наполовину демон. Мне кажется, он отличается от остальных членов святого семейства. Быть может, и его чудеса иные?

Иста нахмурилась в замешательстве:

— Не… не знаю. Во сне он был так же далёк от меня, как и его Мать, явившаяся ко мне в видении двадцать лет назад. Я просто попыталась несколько перераспределить силу, которая связывает вас троих. Я не пробовала разорвать сеть, удерживающую эту силу, не пробовала заставить демона поступить против воли своей хозяйки, хотя и так понятно, что тогда он бросит всё и постарается улететь как можно дальше.

— Попробуйте сейчас, — предложил Эрис.

Иста и Иллвин одновременно начали протестовать, а потом посмотрели друг на друга.

— Потому что, если вы не сможете сделать этого, я тоже должен об этом знать, — терпеливо настаивал Эрис.

— Но… есть только один способ попробовать — сделать это. А потом я не смогу вернуть всё на круги своя.

— Я не предлагаю вам возвращать.

— Но я боюсь оставить вас проклятым.

— Ещё более проклятым, чем теперь?

Иста посмотрела в сторону, признавая поражение. Она видела следы глубокого душевного истощения на его лице; с каждым часом он всё больше стремился оборвать свои мучения, даже

если за ними его ждёт ничто.

— Но… но что, если это не то, зачем я была послана сюда? Что, если я делаю ошибочные выводы снова? Я была бы счастлива, если бы мне было дано исцелить вас. Я не хочу убивать ещё одного ди Льютеса.

— Однажды вы это уже сделали.

— Да, но не магией. Утоплением. Этот способ не подействует на вас. За последние пятнадцать минут вы ни разу не вздохнули.

— Ах, да, — он смутился и попытался вдохнуть. Глаза Иллвина расширились:

— Что это за история?

Иста посмотрела на него, скрипнула зубами и сказала:

— Арвол ди Льютес умер не на допросе в подземелье Зангра. Иас и я утопили его, ошибочно пытаясь сотворить чудо во имя Шалиона. Обвинение в измене было чистейшей клеветой.

Что ж. С каждым разом рассказ становится всё более кратким. Ещё несколько секунд Иллвин сидел с разинутым ртом. Наконец, он выдавил:

— Ох. Мне всегда казалось, что расплата за измену была странно жестокой.

— Ритуал не состоялся, потому что Арволу не хватило смелости. — Она замолчала. А потом

выпалила: — Но я могла спасти его в последний момент, если бы призвала чудо исцеления. Даже тогда, когда он лежал мёртвый у наших ног. Мать, богиня целительства, стояла по правую руку от меня, на… грани восприятия. Если бы только мою душу тогда не наполнили ярость, страх, скорбь, что там не осталось места, куда мог бы войти бог. — В трёх первых признаниях отсутствовало это уточнение, отметила про себя она. Иста снова взглянула на Иллвина. — Или если бы я любила, а не ненавидела его. Или если бы… не знаю.

Иллвин откашлялся:

— Большинству людей не удаётся совершить чудо. За такое упущение расплачиваться не нужно.

— За моё — нужно. Я была призвана. — Она задумалась, а повозка, скрипя, ехала дальше. *Теперь я снова призвана. Но зачем?* Она подняла глаза на Эриса. — Как бы изменилась наша жизнь, если бы ваш отец всё-таки призвал вас ко двору? Быть может, мы опустили в бочку не того ди Льютеса. — Перед её глазами появилось видение. — Каким он был двадцать лет назад, Иллвин?

— Ох, таким же, как сейчас, — отозвался Иллвин. — Не таким искусным и опытным, может

быть. И плечи были поуже. — Воспоминания разбудили улыбку на его губах. — Не таким рассудительным.

— Не таким мёртвым, — проворчал Эрис, хмуро глядя на руки, которые он снова разминал. Проверяет, не оцепенели ли? Или теперь оцепенели ещё больше?

— Когда я была молода и красива при дворе Кардегосса… — Когда Эрис ещё не был женат даже в первый раз. Когда всё ещё было возможно. Смогла бы она сделать ди Льютеса своим любовником и превратить лживую клевету в правду? Ведь тогда мрачное проклятие Фонсы губило все побеги надежды, появлявшиеся при дворе… на какие ужасы была бы обречена эта сладкая мечта, в каких бедах утонул бы блеск юности Эриса? Правдиво или ложно утешительное для Эриса предположение, что Арвол держал сына на расстоянии для его же блага? Она едва не пожала плечами. — Было всё равно слишком поздно.

Эрис удивлённо моргнул, упустив нить рассуждений, но Иллвин горько усмехнулся:

— Представьте, что бы было, если бы вы встретили его прежде, чем вышли замуж за Иаса; но до тех пор, пока вы взвешиваете все свои «если бы»… — сухо посоветовал он и как-то странно

посмотрел на неё.

— До этих пор все *мои* «если бы» обречены на провал.

Повозка подпрыгнула и качнулась, ознаменовав таким образом поворот дороги. Иста высунулась наружу и выяснила, что они вернулись в укреплённую деревушку и снова остановились в оливковой роще, чтобы напоить лошадей. Солнце достигло зенита, становилось всё жарче и жарче.

Иста ненадолго вылезла из повозки, чтобы размять почти зажившие ноги и попить. Лисе продолжала держать белого коня лорда Иллвина за повод, давая ему напиться из ручья. Иллвин выглянул и с тоской посмотрел на него, а потом вдруг быстро исчез за тентом. Из-за полотна послышались голоса, какой-то спор между Иллвином, Горамом и слугой. Несколько минут спустя Иллвин появился снова, весь сияющий и довольный: теперь помимо рубахи на нём были кожаные штаны грума и сапоги слуги. Штаны были стянуты на талии и едва доходили ему до икр, но сапоги скрывали этот недостаток.

Иллвин потребовал своего коня и, улыбаясь, уселся верхом. На лице мужчины светилась радость от того, что он снова владеет своим телом и может передвигаться в этом ярком мире, как по-

желает, хотя теперь, возможно, он острее ощущал всю хрупкость момента. Он позволил Лисе увеличить длину стремян, поблагодарил её, устроился в седле поудобнее и весело отсалютовал Исте.

На Гораме, к великому облегчению Исты, теперь были льняные штаны, найденные, судя по всему, среди нехитрого скарба, а злополучный слуга так и остался босиком. Гвардейцы Ордена Дочери помогли кое-где скатать полотно тента, потому что полуденная жара делала духоту более грозным врагом, чем дорожная пыль. Не то чтобы, была вынуждена признать Иста, лорд Эрис вообще заметил это. Они двинулись дальше. Фойкс приказал четверым всадникам ехать впереди грохочущей повозки и двоим — позади, Лисе и Иллвин ехали по бокам телеги, так что можно было беспрепятственно говорить.

Выехав из деревни, они четыре мили тащились вверх, свернули направо вдоль склона и начали спускаться в широкую долину, на страже которой стоял Порифорс. Они объехали очередную купу деревьев, когда Фойкс вдруг вскинул руку. Маленький отряд остановился.

Иллвин приподнялся на стременах, глаза его расширились. Иста и Эрис пробрались к голове повозки и выглянули наружу. Эрис поджал губы

и скрипнул зубами; из них двоих только Иста сдавленно вдохнула, пуская в лёгкие шершавый горячий воздух.

Прямо перед ними, не сбавляя шага, на дорогу сворачивала колонна кавалерии. Белые пеликаны Джоконы сияли на их плащах цвета зелёной морской волны. Блестело оружие. Наконечники копий длинной вереницей сверкали на солнце, словно драгоценности, украшающие платье придворного, складками разложенного по равнине.

Глава двадцатая

Низкий стон сорвался с губ Горама; грум, посерев от страха, сжался и вцепился в поводья упряжки.

— Назад, назад, — прошептал Эрис слуге и фрейлине Каттилары, оттаскивая их за собой в глубь повозки.

Он хлопнул Горама по плечу:

— Давай! Поезжай сквозь них, если получится.

Он встал и махнул Фойксу, мчащемуся рядом верхом на своём жеребце, поминутно поглядывая то вперёд, то назад. «Поехали!».

Фойкс отсалютовал ему, вынул меч и развернул коня на месте. Ехавшие впереди четыре гвардейца Ордена Дочери достали оружие и выстроились по обе стороны от него, готовясь расчищать путь для повозки. Сколько колонн джоконских солдат уже успело скрыться за поворотом дороги видно не было, однако их число продолжало увеличиваться: они вереницей текли вниз по наклонной части долины, и ни конца ни края им, судя по всему, не предвиделось. Горам подхлестнул упряжку. Повозка заскрипела и, громыхая, поехала вперёд.

Джоконцы, оказавшиеся совсем рядом, оглянулись, желая узнать, что это с грохотом несётся на них. Послышались крики, скрежет оружия, ржание взвившихся на дыбы и резко разворачиваемых лошадей.

Эрис схватил Исту за руку и оттащил её назад, на середину повозки, — весьма сомнительное укрытие. Корпус тряхнуло, Иста упала на колени, не успев сделать это заблаговременно. Когда лошади в упряжке понеслись быстрее, парадный конь Иллвина скакал теперь рядом с повозкой, перейдя на неровный галоп. Иллвин наклонился вперёд и крикнул:

— Эрис! Мне нужно оружие! — Он протянул свободную руку брату, чей взгляд суматошно метался по сторонам.

Иллвин посмотрел вперёд.

— Быстрее!

Выругавшись, Эрис схватил первое, что попалось ему на глаза, — вилы, прикреплённые вдоль внутренней стены повозки. Он перебросил их Иллвину, тот уставился на него в крайнем отчаянии, но всё же ухватил их, проведя рукой по острым зубцам.

— Я-то подумал о мече.

— Прости, — сказал Эрис, доставая клинок. —

Он занят. А *мне* нужна лошадь.

Он повернулся к Лисе, ехавшей по ту сторону повозки.

— Нет, Эрис! — крикнул Иллвин, пытаясь переорать грохот колёс, стук копыт и голоса, доносившиеся спереди. — Назад! Ты свихнулся?

Он указал на лежащую без сознания Каттилару.

Эрис резко обернулся и вдохнул сквозь зубы, чтобы сдержать досаду. Он осознал, кому теперь придётся принять на себя все его раны.

— Оставайся с рейной! А вот и мой меч! — Иллвин пришпорил позаимствованными сапогами белого коня; широкий круп животного вздрогнул, и жеребец поразительно резво понёсся вперёд. Рубашка Иллвина распахнулась под напором воздуха и обнажила торс. Его собранные на затылке волосы чёрным потоком струились за спиной.

Иста, ухватившись за боковые стенки повозки, застыла с открытым ртом. Не та лошадь, не то оружие, не те доспехи — это если полуобнажённого рассматривать как *одетого не в те доспехи,* — крича как безумный, Иллвин сжал вилы правой рукой и направил их словно копьё на джоконского солдата, летящего на него с мечом наперевес. В последний момент Иллвин едва

заметным движением колена заставил грузного белого коня увернуться и отскочить от лошади джоконца. Зубья вил скользнули по рукояти опускающегося вражеского клинка. Поворот, рывок, захват, и теперь уже Иллвин сжимает рукоять меча, а джоконец, выпав из седла, чуть было не падает под копыта лошадей двух гвардейцев Фойкса, скакавших следом. Иллвин издал победный клич и взмахнул мечом, однако, бросив задумчивый взгляд на жалкое орудие, которое он крепко держал в другой руке, он решил оставить его при себе.

Хотя их дикая облава и имела некоторый успех — джоконцы сошли с дороги и рассыпались по сторонам, — командир вражеской кавалерии быстро сориентировался, собрал рассеявшийся отряд и бросился в погоню. Судя по всему, в повозке не нашлось ничего более значимого, кроме четырёх мешков и нескольких зачерствевших хлебных корок, чтобы бросить в преследователей, хотя паж Эриса тщательно обыскал всё в поисках более подходящих снарядов. Фрейлина Каттилары держалась за хрупкую руку своей хозяйки и причитала.

Оказавшись по правую сторону от повозки, Лисе обнажила свой новый кинжал, правда, он

казался весьма жалким дополнением к мечам мужчин. Эрис метнулся к Исте и увлёк её за собой в глубь повозки, опустился на одно колено и выхватил меч, приготовившись броситься на любого врага, посмевшего проникнуть внутрь.

Белый конь пронёсся вдоль борта повозки; сверкнув на солнце, меч со звоном упал на доски. Эрис швырнул его к босым ногам слуги, который с благодарностью поймал клинок и занял пост в конце повозки. Несколько минут спустя белый конь промчался с другой стороны, а его хозяин наклонился, чтобы бросить в повозку ещё один меч. Иллвин потряс вилами и на его губах, словно луч света, мелькнула улыбка, после чего он развернул жеребца и исчез из поля зрения.

С места кучера послышался крик Горама. Эрис бросился вперёд. Иста увидела лишь мелькнувшие пятки, когда он, сгруппировавшись, прыгнул на невидимого врага. Марч рубил мощно, быстро, уверенно. Казалось, что белый луч огненной энергии, соединявший его с Каттиларой, стал толще, плотнее. *Слишком быстро,* подумала Иста в отчаянии. *Она не сможет долго держаться так. Это оставит её без сил…*

Повозка с грохотом миновала узкий поворот. Иста ползала на коленях по днищу, собирая в

ладони брызги белого пламени и направляя их в Каттилару, неподвижно лежащую на тюфяке. Заплаканное лицо фрейлины то краснело, то бледнело от жары и ужаса. Позади Лисе один из воинов Ордена Дочери вылетел из седла и упал на обочине дороги, истекая кровью, а его конь, прихрамывая, сделал ещё несколько шагов, рухнул и тоже замер. Иста попыталась повернуться и посмотреть, что с ними стало, но колесо угодило в выбоину, и повозка опять подпрыгнула, а когда Иста пришла в себя, гвардеец и конь уже исчезли из виду. Промчавшийся галопом джоконец как-то неловко воткнул меч между бортиком повозки и полусобранным брезентовым верхом и получил такой же неуклюжий удар от пажа Эриса, который, стоя на коленях, отбивался мечом, который добыл Иллвин.

Впереди, но на этот раз громче, послышались крики и проклятия на двух языках. Демоническая красно-фиолетовая вспышка промелькнула перед внутренним зрением Исты, когда она, скорчившись, посмотрела вниз. Из-под досок днища послышался скрежет металла. Повозка качнулась из стороны в сторону и потом вдруг подпрыгнула на левом заднем колесе. Три женщины повалились в кучу; и даже Иста

вскрикнула. Она слышала, как сломалась задняя ось, и повозка просела назад. Слуга от толчка выпал наружу. Эрис скользнул по доскам назад, едва успев отвести остриё своего клинка от рыдающей фрейлины.

Марч судорожно огляделся.

— Лисе! — позвал он.

— Я здесь! — пегий конь вместе со всадницей уже снова скакал рядом с повозкой, замедляя шаг.

Спереди снова донеслись крики, на этот раз сопровождающиеся треском и лошадиным ржанием. Накренившаяся повозка съехала с дороги и со скрипом остановилась. Эрис бросил меч, подхватил неподвижное тело жены и передал его в руки испуганной Лисе.

— Забери её, забери её! И скачи, если сможешь. Скачи в Порифорс.

— Да, да! — поддержала его Иста.

В поле зрения появился конь Фойкса; наездник круто осадил его.

Иста указала вниз:

— Фойкс, это дело рук твоего демона?

— Нет, рейна! — он перегнулся через луку седла и взглянул на неё; его глаза были широко раскрыты. Теперь тень медведя внутри его уже

не сжималась в комок, а стояла на призрачных лапах и мотала косматой головой из стороны в сторону.

— Рейна?... — осипшим голосом неуверенно позвала Лисе, стараясь покрепче держать свою неподвижную ношу.

— Да, забирай Каттилару и скачи прочь, иначе мы потеряем их обоих! Фойкс, отправляйся с ней, проложи им дорогу!

— Рейна, я не могу...

Давайте! — крик чуть не разорвал Исте лёгкие.

Оба коня унеслись прочь. На мече Фойкса, расчищающего путь, блестели тяжёлые алые разводы. Крики, скрежет металла, звон спущенной тетивы арбалета, мягкое хлюпанье клинка, пронзающего плоть — чью? — всё это эхом отдавалось в ушах Исты. А мерный стук копыт двух коней постепенно растворялся в этом шуме.

Иста проползла вперёд, ухватилась за край сидения кучера и выглянула наружу. Посреди дороги лежал паланкин, украшенный зелёной тканью с золотой отделкой. Одна из лошадей упряжки дёргалась и брыкалась: её передние ноги застряли в задней части паланкина. Острые щепки расколовшегося дерева впились ей в шкуру. Другая лошадь упала, запутавшись в упряжи,

и истекала кровью, испуская душераздирающие стоны. Около дюжины носильщиков в богато расшитых зелёных одеждах лежали вокруг, крича от боли, а те, кто ещё мог передвигаться, суетились вокруг раненых. Ещё трое пытались удержать рвущихся прочь лошадей и вытащить четвёртого из-под обломков.

Повозке удалось преодолеть где-то половину пути речного склона по направлению к тому месту, где дорога сворачивала к Порифорсу. Иста прикинула, что если бы не это досадное препятствие, то они бы наверняка смогли бы прорваться сквозь передние ряды колонны, но смогли ли бы они оторваться от врага, неясно.

Горам замер, подняв руки вверх; Иста проследила за его испуганным взглядом и увидела джоконского солдата, стоящего посреди дороги и нацелившего арбалет на несчастного грума. Появлялись всё новые и новые джоконцы, до тех пор, пока повозка не оказалась окружённой дюжиной воинов, держащих настороженные пальцы на спусковых крючках арбалетов.

Один из джоконцев осторожно приблизился и столкнул Горама с сиденья. Горам ударился о землю, поднялся, и, обхватив себя руками, принялся всхлипывать. Солдат вернулся, чтобы схватить

Исту и стащить её вниз. Она не стала сопротивляться, чтобы поберечь ноги. Эрис появился из-за козел и замер, сжимая в руках меч, но не пуская его в ход. Было заметно, как у него напряглось лицо, когда его взгляд скользнул по фигуре стрелка. Его губы сложились в странную ухмылку при мысли о том, что если арбалетные стрелы так мало могут ему повредить, то не лучше ли прямо сейчас броситься в атаку, повергнув врагов в оцепенение — полное оцепенение. Улыбка увяла, зубы сомкнулись, когда он представил себе все возможные последствия этого безрассудного поступка… Медленно, очень медленно, он опустил клинок.

Арбалетчик жестом приказал ему бросить оружие. Эрис здраво оценил количество стрел, направленных на Исту, и подчинился. Клинок со звоном ударился о гравий. Джоконец подобрал его меч, а Эрис, не торопясь, спустился с сиденья кучера. Ещё секунду джоконцы медлили — или боялись — его схватить.

Ещё двое носильщиков, одетых в зелёное, помогали маленькой, на вид испуганной женщине, укутанной в тёмно-зелёные шелка, выбраться из-под странным образом накренившегося балдахина. Иста задержала дыхание.

Внутренне зрение открывало перед ней такое зрелище, какое ей ещё не доводилось видеть. Душа этой женщины бурлила и кипела, источая яркое свечение по контуру её тела, но к центру становилась интенсивнее, до тех пор пока Исте не стало казаться, что она в полночь смотрит в тёмный колодец. Тёмный, но не пустой. Из чёрной бездны во все стороны расходились слабые цветные жгуты света, напоминающие огромную паутину, которая переплеталась, пульсировала и становилась всё более сложной. Исте пришлось отказаться от внутреннего взгляда, чтобы сосредоточится на внешности женщины.

Внешне женщина представляла собой странную смесь изящного стиля, возраста и непривлекательности. Она была чуть выше Исты. Тусклые, седые каштановые вьющиеся волосы, как принято при рокнарском дворе, были заплетены в косички и украшены нитями драгоценных камней в форме маленьких цветочков. На землистом лице, испещрённом морщинами, не было следа ни пудры, ни помады. Многослойное платье украшали узоры из переплетающихся птичек, вышитые золотистыми шёлковыми нитями. Под ним скрывалось худое тело, обвисшие груди и вздутый живот. Поджатые губы выражали край-

нее недовольство. Взгляд её бледно-голубых глаз обжёг Исту. Испепелил.

На идущем неровным шагом коне подъехал молодой офицер; он осадил жеребца, спрыгнул на землю рядом с женщиной и бросил поводья, которые тотчас же подхватил подоспевший солдат. При виде Исты офицер словно окаменел. О его высоком ранге свидетельствовали скорее украшения из золота и драгоценных камней на упряжи его лошади, чем покрой его собственной одежды, но его талию охватывал зелёный пояс с золотой отделкой, украшенный вышитой цепочкой белых летящих пеликанов. Высокие скулы подчёркивали его привлекательное и подвижное лицо, а волосы, заплетённые в тугие мелкие косички, прилегающие к голове, в ярком свете дня отливали золотом. Его душа… терялась в густой дымке фиолетового цвета, распространявшейся вдоль очертаний его тела.

У них есть маг. Происхождение вспышки неведомой силы, которая выбила крепления оси повозки и снесла задние колёса, теперь открылось перед внутренним зрением Исты, потому что свечение внутри его тела всё ещё пульсировало и дрожало, словно отзвук боли или эхо. Но, несмотря на это, под взглядом Исты демон словно

бы сжался, замкнулся в самом себе.

Пажа и фрейлину, цепляющихся друг за друга, тоже извлекли из повозки и, подгоняя остриём меча, поставили рядом с Эрисом. Марч подмигнул им, как будто бы пытаясь подбодрить, и снова повернулся к старой даме и офицеру. Ни Иллвина, ни гвардейцев Ордена Дочери видно не было. Убежали? Захвачены в плен? Убиты?

Иста осознала, что её простая дорожная одежда лишена каких-либо украшений и знаков, свидетельствовавших о её высоком положении, а лицо покрыто потом и грязью. Ей в голову пришла вполне логичная мысль. Может ли она сойти за фрейлину или служанку? Скрыть от её захватчиков ценность добычи, организовать побег, воспользовавшись их невнимательностью? Или же они просто бросят её солдатам в качестве дешёвого лакомого кусочка, чтобы они замучили её и выбросили, как ту несчастную служанку богатой женщины из Раумы?

Взгляд офицера-мага остановился на Гораме; глаза молодого человека на секунду расширились, а потом сузились, сделавшись задумчивыми. Или он… узнал его? Задумчивыми, но не смущёнными. *Он видит разрушенную душу Горама. Но это его не удивляет.* Офицер взглянул

на Эриса, и его губы раскрылись от настоящего удивления.

— Матушка, она сияет ужасным цветом, а её страж покойник! — сказал он на рокнари женщине, стоявшей рядом.

Он пристальнее посмотрел на Исту, и в его взгляде появился страх: словно он убедился в том, что это *она* сотворила чудо и оживила Эриса. Или представил себе, что она приберегла ещё одного телохранителя-зомби и тот вот-вот появится из-под земли у его ног.

Должно быть, это вдовствующая княгиня Джоэн собственной персоной, ошарашенно догадалась Иста. *И князь Сордсо.* Этот подтянутый, стройный молодой человек вовсе не был похож на пьяницу. И всё же — Сордсо ли был в этом подвижном теле? Свет демона, казалось, преобладал в нём. Офицер сделал шаг назад; женщина схватила его за руку, яростно впившись пальцами в кисть.

— Она обладает властью бога, мы погибли! — крикнул он с растущим ужасом.

— Она вовсе не то, что ты думаешь, — прошипела дама ему на ухо. — Она ничего из себя не представляет. Она едва ли способна видеть хоть что-то. Её душа вся в шрамах и порезах. Она боится *тебя.*

Это было в большой степени правдой. У Исты во рту всё пересохло, голова раскалывалась; казалось, что она оказалась в бушующем море паники.

Голубые глаза женщины сузились и победно сверкнули:

— Сордсо! Посмотри на неё! Это же сама Иста, такая, какой её нам описывали! Это половина добычи, за которой мы пришли сюда, и она уже у нас в руках! Это дар Самих богов!

— Но на неё больно смотреть!

— Нет, она — пустое место. Она принадлежит тебе. Давай, я тебе покажу. Возьми её! — она тряхнула руку молодого человека. — Уничтожь её. — Одна из извивающихся нитей, идущих из её тёмного живота, как будто бы вспыхнула, засветилась. Другой конец этой нити, отметила Иста, связывал её с телом Сордсо на манер пуповины.

Молодой человек облизал губы; фиолетовый свет снова заполнил его тело до краёв, сделался ещё ярче. Он поднял руку, повторяя жесты, которые привык использовать для обращения с материальными предметами, чтобы направить силу, которая не имела ничего общего с материей. Пурпурное сияние сорвалось с его ладони и обвилось вокруг Исты, словно змея.

Ноги поддались первыми, подогнувшись под ней и уронив её в грязь. Все ссадины разом треснули, и она почувствовала, как под изорванными, пропитанными потом бинтами начала струйками сочиться кровь. Её позвоночник самопроизвольно выпрямился, щёлкнув всеми позвонками, и заставил её беспомощно наклониться вперёд. Под каждой ключицей откуда ни возьмись возникли комки ужасающей боли. В животе тоже стало как-то нехорошо, хотя, может быть, это было следствием страха. Иста успела заметить, как оправленные бородой губы Эриса разомкнулись, глаза потемнели от смятения при виде того, как она на глазах у всех присутствующих рухнула вниз без видимой причины. Она вытянула руки, чтобы упасть на них, но и локти подогнулись под её весом. Голова становилась всё тяжелее и тяжелее, так что рейна едва успела подставить мягкую щёку, вместо того чтобы приземлиться носом прямо в острый гравий и грязь.

— Вот видишь? Точно так же нам будут кланяться и Шалион, и Ибра, — голос Джоэн подрагивал от удовольствия. Иста видела носы её зелёных туфель, торчащих из-под платья, и начищенные до блеска сапоги Сордсо. Сапоги беспокойно топтались на месте. На некотором расстоянии, словно

в тумане, Иста слышала низкие, сбивчивые, глухие всхлипывания Горама. Благодарение богам, крики раненой лошади прекратились; должно быть, кто-нибудь милосердный перерезал ей горло. *Пусть найдётся ещё один милосердный человек и перережет горло мне.*

— Должна признать, — голос княгини Джоэн доносился теперь сверху, — я не понимаю природу этого покойника… — туфли прошуршали по гравию в сторону Эриса. Иста поняла, что не в состоянии даже стонать. Она могла только моргать; капелька скатилась с ресницы и упала в грязь рядом с носом.

С верхней части склона вдруг донеслись крики. Голова Исты была повёрнута в противоположную сторону, — рейна могла видеть только край дороги и долину внизу. За спиной послышался топот солдатских сапог. Она слышала звон тетивы арбалетов, у неё перехватило дыхание от страха за Эриса. Цоканье копыт. Цоканье *множества* копыт лошадей, летящих, несущихся, скользящих по склону. Безумный боевой клич в исполнении знакомого дорогого голоса.

Сордсо резко выдохнул. Его сапоги захрустели по гравию; что-то бормоча, он извлёк обладательницу зелёных туфель из поля зрения. Сапоги

снова пронеслись мимо лица Исты; рядом гальку скребло конское копыто. Иста умудрилась чуть-чуть повернуть голову. Княжеского коня, в седле которого расположилась Джоэн в окружении неудобных складок её шикарного платья, бегом уводил носильщик, поминутно с ужасом оглядывающийся на вершину холма.

Послышался удар. Невидимая тяжесть, словно ладонь придавившая Исту к земле, стала менее ощутимой. Звон меча, который Сордсо извлёк из ножен, так резанул Исте слух, что она дёрнулась и сумела повернуть голову в другую сторону. Кто-то из арбалетчиков оказался настолько безрассудным, что на секунду отвёл взгляд от Эриса, и теперь марч уже сцепился с ним. Несколько арбалетчиков, стоявших рядом, выпустили стрелы в воздух и теперь судорожно перезаряжали оружие. Эрис сдёрнул кинжал с пояса поверженного врага и взмахнул им как раз вовремя, чтобы принять удар Сордсо. Удар металла — да. В ладони у Сордсо начал собираться фиолетовый свет. Он метнул его вперёд.

Обжигающая фиолетовая молния прошла сквозь Эриса, но без видимого результата, и погасла, едва коснувшись земли. Сордсо удивлённо вскрикнул и резко метнулся в сторону, словно бы

для того, чтобы отразить удар кинжала, который чуть не выбил меч у него из рук. И этот манёвр закончился бегством.

Лавина всадников смяла их. Джоконские стрелки были отброшены назад и повержены. Звенели мечи, кололи копья, направляемые кричащими воинами в серо-золотых плащах. Прямо перед лицом Исты откуда ни возьмись появилась четвёрка копыт, размером с обеденную тарелку, которые, гарцуя, остановились рядом. Три ноги коня были покрыты шелковистыми и белыми волосками, а четвёртая залита алой кровью.

— Вот конь, которого вы хотели, — раздался голос Иллвина сверху; он, видимо, хотел произнести фразу быстро, но из-за того, что запыхался, желаемого не достиг. Рядом с обеденными тарелками, скрежеща о гравий, появились ещё четыре копыта. На этот раз в интонациях Иллвина появились резкие нотки:

— Пятеро богов! *Она ранена?*

— Думаю, она под воздействием магии, — выдохнул Эрис. Он опустился на колени рядом с Истой и принял её в прохладные, неживые, гостеприимные объятия. Марч поднялся на ноги и передал её выше в руки брату. Она с безвольным стоном опустилась вниз животом поперёк коле-

ней Иллвина.

Иллвин выругался и крепко сжал её бедро, скрытое юбкой, чтобы не дать ей упасть. Через плечо он крикнул кому-то, но явно не Эрису:

— Забери Горама!

— Они перестраиваются! — сообщил Эрис. — Поехали! Звонкий хлопок по белому крупу коня едва ли был необходим для того, чтобы сдвинуть их; животное уже сорвалось с места. Они мчались вниз по склону, подальше от дороги.

Источник ужасающего алого потока тотчас был обнаружен: прямо под покачивающимся на скаку носом Исты на правом плече Пуха зиял багровый порез, из которого без перерыва сочилась кровь. Внизу головокружительно проносилась земля. Жеребец сбавил скорость, мышцы под шкурой набухли; Иллвин откинулся в седле, его ладонь теперь сжимала её бедро, словно тисками. Внезапно они заскользили вниз по крутому склону, поднимая брызги грязи и разбрасывая камни, передние ноги коня напряглись; он чуть было не сел на широкий круп. Иллвин снова крикнул. Кусты хлестали Исту по лицу и царапали щёки. Стоит только хоть ненадолго потерять равновесие, и они все трое покатятся кувырком вниз, кости превратятся в труху, а кишки в кашу…

Бесконечное скольжение завершилось не так страшно, как могло: они на всей скорости въехали в речку, протекавшую рядом с Порифорсом. Вокруг стали появляться другие всадники. Иллвин разжал железную хватку, который сжимал бедро Исты, а потом рассеянно и ободряюще погладил её по ягодице.

Иста обнаружила, что власть над собственным телом к ней возвращается, и выплюнула смесь крови, воды и грязи, забившуюся в рот. Что произошло с князем-магом? Очевидно, что его отвлекли от её персоны. *На какую-то секунду.* Но вместе с осознанием того, что тело снова принадлежит ей, появились и новые ощущения:

— Меня сейчас стошнит, — пробормотала она в красный бок коня.

На блаженную секунду они практически остановились. Иллвин наклонился и обнял её длинными руками, чтобы перевернуть и посадить вертикально перед собой. Она бессильно обхватила его скользкое от пота худое тело; грудь его постоянно вздымалась и опускалась. Рубаха вместе с вилами потерялась где-то по пути. На губах запеклась кровь. Его настоящее, живое тело было горячим от напряжения. Но серьёзных ран у него не было — это Иста проверила на ощупь.

Его трясущаяся рука дотронулась до её лица, нежно стирая безбожно налипшие на её щёки лошадиную кровь, пот и грязь:

— Милая Ис… рейна, вы ранены?

— Нет, это кровь вашего несчастного коня, — успокоила она его, предположив, что его испугала кровь. — Меня всего лишь немного потрясло.

— Немного. А. — Его брови выгнулись, губы расслабились, сложившись в улыбку.

— От этой поездки у меня на животе наверняка останутся синяки.

— Ох. — Его рука, лежащая поперёк её живота, неуклюже потёрла её ушибы. — Честное слово, мне очень жаль.

— Не нужно просить прощения. Что случилось с вашими губами? — Она пальцем коснулась израненного края.

— Удар древком копья.

— Ничего себе.

— Всё же лучше, чем острым концом, уж поверьте. — Они снова двинулись в путь. Иллвин оглянулся через плечо. Они находились на дороге поменьше, практически на тропинке, которая бежала вдоль реки в сторону, противоположную той, куда вела главная дорога. Теперь они ехали в окружении солдат в серо-золотых плащах. —

Не стоит задерживаться снаружи. Джоконская колонна, которую мы встретили, как говорят разведчики, уже подходит к стенам замка. Но до этих пор в обозах осадных орудий замечено не было. Вы сможете держаться за меня, если мы поскачем лёгким галопом?

— Конечно. — Иста села поровнее, отвела волосы ото рта; чьи это были волосы, она сказать точно не могла. Она почувствовала, как под ней напряглись его ноги, и белый конь безо всяких переходов понёсся длинными, убаюкивающими шагами.

— А где вы нашли этот отряд? — выдохнула она, крепче цепляясь за его скользкую кожу, чтобы качало как можно меньше.

— Это вы послали его ко мне, за что вам большое спасибо. Вы ещё и провидица? Я встретил этих воинов по дороге как раз тогда, когда ехал за ними в Порифорс.

А. Значит, ди Кэйбон выполнил приказ. Немножко рановато, но Иста вовсе не собиралась ругать его за это.

— Просто на сей раз благоразумие было вознаграждено. Для разнообразия. Вы видели Лисе с Каттиларой и Фойкса? Мы отправили их прорываться.

— Да, они промчались мимо нас, когда мы поднимались на вершину холма, чтобы обрушиться на джоконцев. Теперь они должны быть за стенами в безопасности. — Он посмотрел через плечо, но не стал понукать коня, из чего Иста заключила, что на данный момент им удалось оторваться от погони. Длинные скачки коня стали укорачиваться, дыхание участилось, появился присвист; Иллвин расслабился и позволил жеребцу пойти шагом.

— А что случилось там на дороге? — спросил он. — Почему вы оказались на земле? Это действительно была магия?

— Действительно. Судя по всему, Сордсо Пьяница превратился в Сордсо Мага. Но откуда у него демон, я не знаю. Но я согласна с вами: это должен знать демон его покойной сестры. Если нам придётся встретиться с Сордсо в бою… не знаете, есть ли у демонской магии зона действия? Не важно, я спрошу у ди Кэйбона. Или, может быть, Фойкс знает из собственного опыта. Не буду его за это винить.

— Три мага, сообщил Фойкс. По меньшей мере, — сказал Иллвин. — Столько он, как ему кажется, сумел различить среди джоконских офицеров.

— Что? — глаза Исты расширились. Она подумала о странных жгутах, напоминающих гнездо змей и расходящихся из живота вдовствующей княгини Джоэн. Одна из этих змей впивалась в Сордсо, в этом сомнений быть не могло. — Тогда их должно быть больше трёх.

Дюжина? Двадцать?

— Вы видели ещё магов?

— Я видела нечто. Нечто сверхъестественное. — Он снова бросил взгляд через плечо.

— Что там видно? — поинтересовалась Иста.

— Эриса нет. Чтоб ему пусто было. Он всегда уходит последним. Я ему тысячу раз говорил, что такая бравада не пристала ответственному военачальнику. Но на мальчишек-новобранцев, приходится признать, это производит впечатление. Ад Бастарда, это производит впечатление и на *меня*, хотя я знаю лучше… эх.

Иллвин снова оглянулся, мрачная улыбка приподняла уголок его окровавленных губ. Он позволил коню продолжать идти медленно и нахмурился. Теперь стало отчётливо заметно, что жеребец прихрамывает. Но замок Порифорс возвышался уже практически прямо над головой. Последние жители текли в городские ворота. Голоса беглецов казались напряжёнными, но

паники не было.

Эрис подъехал к ним верхом на джоконском коне, видимо, раздобытым Иллвином так же, как и до этого мечи. Позади марча сидел бледный как полотно паж и храбро сдерживал слёзы. Внутренний взор Исты проверил бледную нить пламени, тянущуюся к сердцу марча; где бы Катти ни была, она всё ещё жива. Поток уже не тёк с той бешеной скоростью, как раньше, но продолжал оставаться плотным.

Горам, что Исту очень обрадовало, тоже сидел позади другого солдата, а перепуганная фрейлина Каттилары хваталась за третьего. Босоногого слуги видно не было. Эрис махнул рукой брату, тот помахал в ответ. Марч мрачно и обеспокоенно посмотрел на Исту.

— Пора внутрь, — предложил Иллвин.

— Я не возражаю, — откликнулся Эрис.

— Отлично.

Усталые кони из последних сил преодолели извилистый подъём и въехали в парадный двор.

Лисе приняла Исту из рук Иллвина, когда он опустил её вниз; подбежал Фойкс и предложил руку. Иста благодарно опёрлась на неё, потому что иначе она бы бесполезной грудой рухнула бы на камни.

— Рейна, позвольте проводить вас в ваши комнаты… — начал было он.

— Куда вы поместили леди Каттилару?

— Мы уложили её в спальне, женщины заботятся о ней.

— Хорошо. Фойкс, найди ди Кэйбона и приведи его ко мне. Сейчас же.

— Я должен осмотреть наши укрепления, — сказал Эрис. — Я приду к вам, как только смогу. Если смогу. Иллвин?…

Иллвин прервал объяснения, которые давал груму насчёт раненого коня.

Эрис взглядом указал на внутренний двор, где располагались его покои и покои его жены:

— Делай то, что должен.

— О да, — Иллвин поморщился и последовал за Истой. Дикий восторг, который поддерживал его на протяжении всей стычки на дороге, начал сходить на нет. Когда они проходили под аркой, ведущей в дворик с фонтаном, он начал прихрамывать, как и его конь, еле переставляя ноги от усталости и истощения.

Глава двадцать первая

Комната Каттилары сохранила вид женского уголка, который Иста отметила в первый день своего пребывания в Порифорсе. Но только теперь фрейлины марчессы были скорее встревожены, чем гостеприимно настроены: тревога, гнев, испуг и вина сменялись в них зависимости от того, насколько та или иная была посвящена в подробности плана бегства. Они смотрели на взлохмаченную, еле дышащую, залитую кровью рейну в немом ужасе. Иста безжалостно выгнала их всех, приказав принести воду для умывания, питьё и еду для Иллвина и для всех участников утренней погони, которые, казалось, уже давным-давно, а не этим утром выехали, едва ли успев проглотить чай с хлебом.

Иллвин подошёл к тазику, стоящему рядом с кроватью Каттилары, и отжал мокрое полотенце; он взглянул на Исту и вежливо вручил его сначала ей. Красный грим, который она стёрла с лица, выглядел устрашающе. Как выяснилось, не вся кровь принадлежала коню; она осторожно промокнула царапины. Иллвин прополоскал полотенце и, отжав его снова, вытер запачканное

потом и кровью лицо и покрытый грязью торс; после чего принял кружку питьевой воды из рук Лисе и осушил её одним глотком. Покончив с этим, он подошёл к Исте и тоже стал осматривать Каттилару, которая лежала на кровати, всё также одетая в платье для путешествий. Правый рукав был отрезан, и на уже знакомую рану на плече был наложен компресс.

Она была мила, как спящий ребёнок; только грязное пятнышко марало её белоснежные щёчки. Но на её личике оно казалось скорее изящным украшением. Однако палец Иллвина указал на появившиеся совсем недавно синяки под её глазами:

— Её тело слишком хрупко, чтобы поддерживать Эриса так же успешно, как само себя.

И он знает, о чём говорит. Иста взглянула на его впавшие щёки и ощетинившиеся рёбра:

— На недели или месяцы её не хватит, верно. Но на несколько часов или дней… Думаю, настала её очередь. И я знаю, кто меньше всего нужен Порифорсу в данный момент.

Иллвин поморщился и посмотрел через плечо на открывающуюся дверь. Фойкс пропустил вперёд себя встревоженного ди Кэйбона:

— Благодарение пятерым богам, вы спасены,

рейна! — искренне обрадовался служитель. — И леди Каттилара тоже!

— Спасибо вам, мудрейший, — ответила Иста, — за то, что вы послушались моих приказов.

Он с беспокойством посмотрел на неподвижную фигуру марчессы:

— Она не ранена, нет?

— Нет, не ранена, — успокоила его Иста. — Пока. Но я вынудила её на время отдать жизненные силы её души Эрису, так же как это делал лорд Иллвин. Теперь нам нужно каким-то образом заставить её демона говорить. Не знаю, был он хозяином или слугой княжны Юмеру, но в любом случае он был свидетелем, а то и результатом махинаций вдовствующей княгини Джоэн. Иллвин вчера заметил верно: демон должен знать, что она делала, потому что сам является частью её действий. Тем более что он сбежал… с её поводка. — Если задуматься, весьма ободряющий факт. — Это значит, что контроль Джоэн над демонами не нерушим.

Ди Кэйбон взирал на неё с тревогой в глазах, и Иста поняла, что для него это, наверное, звучит, как бред сумасшедшей. Бровь Иллвина тоже приподнялась в некотором изумлении, и он уточнил:

— Вы сказали, что Джоэн выглядела ещё более странно, чем Сордсо. Как?

Сбивчиво Иста попыталась описать то, что позволило ей увидеть внутреннее зрение при встрече у сломанного паланкина с вдовствующей княгиней, которую она видела так недолго, но зато хорошо запомнила, и с одержимым демоном князем Сордсо. И то, как демонический огонь Сордсо словно сковал все её кости.

— До этих пор все демоны передо мной сжимались, отступали, хотя я так и не знаю почему. Я и не представляла, что я так уязвима для них. — Она мрачно взглянула на Фойкса.

— То, что вы описали, мне кажется странным, — задумчиво произнёс ди Кэйбон, потирая подбородок. — Один демон, паразитирующий на одной душе, — явление нормальное. Но для других больше места нет. Демоны не терпят, когда их сородичи находятся от них в непосредственной близости, а уж тем более в одном и том же теле. Я не представляю, какая сила может связать их вместе, если не считать, конечно, Самого Бога.

Иста, размышляя, кусала губу:

— То, что было внутри Джоэн, никак не напоминало то, что виднелось внутри Сордсо. Сордсо одержим обычным демоном, таким же как у

Каттилары или Фойкса, только у князя он преобладает, а не подчиняется. Так же как у Катти, тогда, когда мы выпустили его, чтобы расспросить, а потом едва загнали обратно. И Джоэн отвечал не сын, а демон.

Услышав это, ди Кэйбон поморщился.

Иста взглянула на Фойкса, стоящего позади него; на лице молодого человека отразилось едва ли не большее отвращение. Он был так же пропитан потом и заляпан грязью, как любой из них после утренних приключений, но кровавых ран на нём заметно не было.

— Фойкс.

Он вскинул голову:

— Рейна?

— Можешь помочь мне? Я хочу вернуть Каттиларе немного жизненных сил и перегнать демона ей в голову, чтобы он был в состоянии говорить, но не мог подавить её волю. Не мог сломать ту сеть, что поддерживает Эриса. Сейчас не самый подходящий момент, чтобы отдать военачальника Порифорса в лапы смерти… окончательно.

— И вы, Рейна, ждёте, когда лорд Эрис будет готов, и тогда отпустите его душу? — полюбопытствовал Фойкс.

Иста покачала головой:

— Не уверена, что это является частью моей миссии, даже если я попытаюсь. Я боюсь оставить его среди призраков, отрезанных от богов. А он уже висит на волоске.

— И ждёт, когда будем готовы *мы*, что гораздо более вероятно, — пробормотал Иллвин.

Фойкс нахмурился и посмотрел на Каттилару:

— Рейна, я готов выполнить то, что вы прикажете, если это в моих силах, но я не понимаю, чего вы хотите. Я не вижу ни огня, ни света. А вы?

— Я тоже сначала не видела. Моя восприимчивость выражалась лишь только в смеси ощущений, страхов, догадок и снов. — Иста размяла пальцы и сжала кулак. — А потом Бог открыл мне глаза на его царство. Какой бы ни была реальность, моё внутреннее зрение видит её как переплетение пятен света и тени, цветов и линий. Какая-то часть их напоминает сеть, какая-то — мощный поток.

Фойкс смущённо потряс головой.

— Так как же ты обращался с мухами? И с лошадью, которая споткнулась? — терпеливо спросила Иста. — Ты что-нибудь ощутил? Это можно выразить какой-то другой метафорой? Может быть, вместо этого, ты слышишь что-то? Или перемещаешь в пространстве?

— Я… — он пожал плечами, — я просто хочу этого. Я мысленно представляю то, что должно случиться, и так и случается. Я чувствую… себя странно.

Иста покусала палец, не сводя с Фойкса глаз. А потом, повинуясь какому-то порыву, встала напротив него.

— Наклони голову, — приказала она.

Он удивился, но подчинился. Она схватила его за тунику и склонила ещё ниже.

Господин Бастард, раздели свой дар между нами. Нет, не так. Пропади пропадом Твои Глаза. Она коснулась губами его потного лба. Вот. *Теперь всё верно.*

Медведь взметнулся от боли. На какую-то секунду показалось, что в расширенных зрачках Фойкса мелькнул фиолетовый огонь. Она отпустила юношу и отступила назад; он, шатаясь, выпрямился. У него на лбу потух едва заметный белый огонёк.

— *Ох.* — Он коснулся того места, куда пришёлся поцелуй и изумлённо оглядел помещение и всех присутствующих. Закрыть рот ему всё никак не удавалось. — И это вы видите? Постоянно?

— Да.

— И как же вы не падаете, когда ходите?

— К этому привыкаешь. Внутренний взгляд, как и обычный, впрочем, учит выделять то, что нужно, а на остальное не обращать внимания. Можно смотреть, но не видеть, а можно пристально рассматривать. И ты сейчас поможешь мне с Каттиларой.

Губы ди Кэйбона сжались от удивления и тревоги; он неуверенно потирал руки:

— Рейна, возможно, это может причинить ему вред…

— Такой же, как и несколько сотен джоконцев, которые вот-вот нападут на Порифорс, мудрейший. Надеюсь, ваша благоразумность подскажет вам, что в таком случае важнее. Фойкс, ты видишь… — Она повернулась и обнаружила, что юноша с любопытством и ужасом в глазах рассматривает собственный живот. — Фойкс, иди сюда!

Он сглотнул и оторвался от того, что рассматривал:

— Мм-м. Да, Рейна, — он искоса посмотрел на неё. — А вы можете видеть себя?

— Нет.

— Должно быть, это к лучшему. Вдоль всего вашего тела мерцают языки пламени, острые языки пламени. Теперь понятно, почему демоны

вас боятся…

Она взяла его за руку и решительно подвела к ложу Каттилары.

— Теперь посмотри. Видишь свет демона, который сжался в комок у неё в груди? И белый поток, который течёт из её сердца к сердцу её мужа?

Рука Фойкса медленно провела вдоль белой линии, что вполне доказало его восприимчивость.

— А теперь загляни под линию белого огня и увидишь, что её поддерживает демон.

Он посмотрел вдоль линии белого огня, а потом на тоненькую струйку, которая всё ещё тянулась от Иллвина, а потом снова перевёл взгляд на Каттилару:

— Рейна, а не слишком ли быстро?

— Да. Поэтому у нас немного времени. Иди сюда, посмотрим, что можно сделать. — Сначала она, как и раньше взмахнула руками над телом Каттилары; но потом, просто из любопытства, опустила руки и просто пожелала. Гораздо проще подчинить себе белый огонь, обращаясь с ним, как с чем-то материальным, но, как выяснилось, на самом деле материальные руки вовсе ни к чему для выполнения задуманного. Огонь души Каттилары собрался вокруг сердца, струясь прочь, как и раньше. Иста не стала пытаться вме-

шиваться настолько, чтобы перекрыть дыхание Эрису. По крайней мере, она знала, что до тех пор, пока существует это пламя, марч, где бы он ни был, остаётся… на ногах.

— А теперь, Фойкс. Попробуй переправить демона ей в голову.

Фойкс неуверенно приблизился к кровати и взялся за босые ступни Каттилары. Внутри него вспыхнул свет; Исте показалось, что его медведь угрожающе зарычал. Фиолетовый демон Каттилары метнулся вверх. Внутренним зрением Иста проверила сеть, поддерживающую жизнь Эриса, и попробовала сжать защитное кольцо вокруг шеи Каттилары. Для белого пламени он сработает, а вот для демона?

Судя по всему, сработало, потому что глаза Каттилары внезапно распахнулись; теперь в них появился чуждый марчессе жёсткий блеск. Казалось, что даже черты её лица изменились, мышцы под кожей задвигались по-другому:

— Глупцы! — выдохнула она. — Мы же сказали вам, что нужно бежать, а теперь слишком поздно! Она настигла вас! Нас снова заберут в плен, все слёзы пошли даром!

Голос её был хриплым и прерывающимся, потому что движения лёгких не согласовывались с

тем, что произносили губы.

— Она? — переспросила Иста. — Княгиня Джоэн?

Демон попытался кивнуть, но понял, что не в состоянии сделать это, и опустил ресницы Каттилары в знак согласия. Иллвин неслышно поставил стул с другой стороны кровати, сел и опёрся локтём на колено, пристально наблюдая за происходящим. Лисе отошла назад и устроилась на одном из сундуков, расставленных вдоль стены.

— Я видела на дороге Джоэн, — сказала Иста. — Из чёрной дыры в её животе будто бы тянулось множество светящихся змей. И что находится на другом конце каждой змеи? Маг?

— Да, — прошептал демон. — Так она подчинила нас всех своей воле. Всех нас воле её одной. Как это больно!

— Одна из этих линий вела к князю Сордсо. Ты хочешь сказать, что эта женщина способна отдать демону *собственного сына?*

Демон неожиданно горько рассмеялся. Выражение лица Каттилары снова изменилось:

— Наконец! — прокричал демон на рокнари. — Он был последним. Она всегда больше любила сыновей. Мы, дочери, всегда были ненужными

разочарованиями. Золотой Генерал не мог возродиться в *нас*, это уж точно. В лучшем случае мы были предметом для совершения выгодных брачных союзов, а в худшем — тягловыми лошадьми для тяжёлых работ или кормом…

— Это голос Юмеру, — в мрачном смятении прошептал Иллвин. — Не той Юмеру, что явилась к нам в Порифорс, а той, что я видел однажды мельком в Хамавике.

— Но откуда Джоэн взяла всех этих элементалей? — спросила Иста.

Голос демона поменялся; снова зазвучал ибранский:

— Выкрала из Ада, конечно.

— Но *как?* — удивился ди Кэйбон. Он стоял в ногах кровати позади Фойкса, глаза его были широко раскрыты.

Демон попытался изобразить пожатие плечами, приподняв брови Каттилары:

— Это сделал для неё древний демон. Нас похитили из Ада ещё маленькими и несмышлёными, посадили на её поводок, кормили и обучали…

— Кормили? — в тоне Иллвина слышалась тревога.

— Кормили душами. Именно так ей удалось получить такое большое количество; она выра-

щивает демонов на всех подвернувшихся душах, кроме своей собственной. Сначала на животных, на слугах, рабах, военнопленных. А потом, когда Джоэн постигла все тонкости этого искусства, в ход пошли только те, чьи таланты и способности были необходимы для получения конечного результата. Она помещала нас в тела этих людей, до тех пор пока мы не пожирали ту часть их души, которая была ей нужна, а потом извлекала нас оттуда. И так продолжалось, пока мы не стали пригодны для того, чтобы превратиться в наездников для её лучших рабов-магов. И даже для княжон! Тем более если это была весьма посредственная княжна.

— Горам, — обеспокоенно сказал Иллвин. — Мой грум Горам тоже был одним из них? Он стал пищей для демона?

— Он? О да. Как нам кажется, он был Шалионским начальником кавалерии. Хотя нашей пищей он никогда не был. Сначала она скормила нам зяблика, потом маленькую служанку. Потом Шалионского учёного, наставника. Она позволила нам сожрать его целиком, ведь в любом случае его бы подвергли пыткам за то, что он был приверженцем Бастарда. Ещё джоконскую куртизанку. Как ни странно, они совсем неплохо

ужились с учёным, потому что оба интересовались мужчинами. Джоэн презирала её за те самые умения, которые и хотела забрать, поэтому она оставила её в живых, но без разума, и отправила погибать на улицы.

Судя по всему, Иллвину и ди Кэйбону стало нехорошо; лицо Фойкса не выражало вообще ничего. Вступил ди Кэйбон:

— То есть ты хочешь сказать, что княгиня Джоэн вытаскивает демонов из жертв так, что последние остаются в живых? Отделяет их от душ, как это делала святая из Раумы?

Губы демона сложились в неприятную ухмылку:

— Как раз наоборот. Для Джоэн целью было связать, а не разделить. Когда мы поглощали то, что было нужно, она вытаскивала нас, разрывая душу на части. Забирая то, что хотела, и выбрасывая остальное, словно мусор. Процесс, весьма неприятный для обеих сторон, уверяю вас, но это помогало ей удерживать нас в спокойном и покорном состоянии.

Иста не понимала, почему демон вдруг стал таким сговорчивым, но решила воспользоваться таким настроением и надавить:

— *Древний* демон, — напомнила она. — Что

это?

— А, наследство Джоэн, — ответил демон. Теперь, поняла Иста, он говорил голосом учёного, чётким и сухим; в его ибранском слышался акцент, свойственный центральной части Шалиона, не такой мягкий, как северный говор Катти. И марчесса не говорила такими округлыми фразами. — Вы хотите, чтобы мы поведали эту историю? Враги наших врагов вовсе нам не друзья. И всё же, почему бы и нет? Мы знаем, что нас ждёт, так почему бы не узнать вам? Глупцы.

Последнее было сказано неожиданно спокойным тоном. Демон выдержал паузу, пока тело обеспечивало ему дыхание, и продолжил:

— В дни славы Золотого Генерала, люди с Архипелага толпами стекались к нему в поисках постов при его дворе и добычи в его кампаниях. И среди них был очень старый маг, который долгое время скрывал демонскую магию от жителей Архипелага, которые были кватернианцами, каждый раз хитро ускользая от преследователей. Его демон был ещё старше него, на многие десятки жизней. Хаос и смятение, которые несла в себе война, привлекали их, словно сладкий аромат. И это оказалось страшной ошибкой, потому что Рокнарский Лев был возлюбленным детищем Са-

мого Отца и поэтому обладал множеством даров, среди которых было и внутреннее зрение.

Старого мага поймали, обвинили, осудили и сожгли. Однако воспользовавшись хитростью, накопленной за многие десятки лет, древний демон покинул умирающего мага и миновал все препятствия, расставленные служителем-кватернианцем. Но поскольку он не мог прыгнуть настолько далеко, чтобы оказаться вне опасности, он избрал человека, которого Золотой Генерал ни за что не сожжёт, — его трёхлетнюю дочь Джоэн.

— Княгиня Джоэн была магом все эти годы? — изумлённо воскликнул ди Кэйбон?

— Не совсем. — Демон коротко и горько улыбнулся губами Каттилары. — Золотой Генерал чуть не сошёл с ума от ярости и горя. Он обратился к своему богу с молитвой и получил новый дар. Отец дал ему способность поместить демона в своеобразную капсулу, погрузить его в сон внутри девочки. Дальнейший план Льва заключался в следующем: когда Шалион будет захвачен, он тайно схватит и увезёт святого Бастарда, если, конечно, таковой существует, который сможет безопасно извлечь демона из его дочери с помощью запрещённого кватернианцами ритуала. И

с этими мыслями он уехал на войну.

— Но из-за совершённого Фонсой самопожертвования Рокнарский Лев умер раньше, чем успел осуществить свои планы и вернуться. Разъединённые княжества погрузились в очередную эпоху пограничных стычек с квинтарианскими королевствами. А демон всё ждал смерти своей владелицы, чтобы снова получить свободу действий в мире людей. И он ждал пятьдесят лет.

А потом, спустя три года, произошло нечто. Капсула раскрылась, выпустив демона в душу Джоэн. Но это был уже не тот податливый ребёнок, которого демон когда-то избрал своей жертвой, а жестокая, решительная, озлобленная и стойкая женщина.

— Но как? — недоумевал ди Кэйбон.

— Да, — поддержал его Иллвин. — Почему капсула держалась на протяжении пятидесяти лет, а потом вдруг раскололась? Если только не…

— Я знаю как, — сказала Иста, её охватило холодное удовлетворение. — Думаю, я даже могу точно назвать день и час, когда это случилось. Это я расскажу вам позже. Но тише, пусть он продолжает. Что случилось потом?

Демон прищурил глаза, в них сквозило что-то вроде уважения:

— В тот момент Джоэн была в отчаянном положении. Вместе со своими главными врагами — генералом Джоконы и братом её последнего мужа — была регентшей при князе Сордсо. А Сордсо был юным пьяницей, который ненавидел их всех. Генерал и его дядя тайно сговорились схватить Сордсо и вместо него возвести на трон Джоконы его дядю.

— А, — грустно протянул Иллвин. — Как раз тогда я и предлагал напасть на Джокону. Момент был лучше не придумаешь, как раз начиналась эта дворцовая распря… но, ладно.

— Джоэн была вне себя, — продолжил демон. — Она верила — или убедила себя в этом, — что древний демон — это тайное наследство, оставленное ей великим отцом, которое нужно использовать в этот несчастный час, чтобы спасти его внука от предателей. Поэтому она ничего никому не сказала и начала учиться у него. Древний демон был весьма польщён такой прилежной ученицей и научил её всему, полагая, что скоро они поменяются ролями и он завладеет ею. Но он недооценил её железную волю, закалённую четырьмя десятками лет хорошо сдерживаемой ярости. И он стал больше, чем её рабом.

— Да, — прошептала Иста. — Это я понимаю.

— Со-регенты Джоэн стали первыми врагами, которые привлекли её внимание. Вполне понятно, потому что их связывала личная давняя ненависть. Что ж, дядя умер тихо. Генерала же ждала более сложная судьба — в скором времени он превратился в одного из ближайших соратников Джоэн.

— Джоан, кватернианка, по их меркам совершила святотатство, — заметил ди Кэйбон; его лицо непрерывно двигалось от напряжения. — Но плохой кватернианец — это не то же самое, что хороший квинтарианец. У неё нет достаточных знания, чтобы справиться с *одним* элементалем, не говоря уже о множестве.

— Верно, — выдохнула Иста, — нет.

Демон Катти продолжил:

— Вскоре пленённые демоны перестали быть для неё только спасением для Сордсо; они стали её счастьем. Наконец-то, наконец-то она может повелевать, и все будут, мило улыбаясь, подчиняться ей. Все, кроме Сордсо.

Голос демона и язык, на котором он говорил, снова изменились:

— И она взяла *меня*, когда я отказалась выходить замуж за квинтарианского незаконнорожденного лорда; когда она это делала, её глаза

светились триумфом. Я всегда, всегда и всё делала так, как велела она, всё, до последнего. Но только не Сордсо, её золотого мальчика. Ох, как радуется моё сердце даже в этой смерти при жизни, когда я думаю о том, что она наконец взяла и моего брата Сордсо. — Губы Катти — Юмеру — растянулись в жестокую улыбку. — Я говорила ему, что не нужно с ней спорить. И он послушал? Конечно же нет. Ха!

— Каттилара сказала, что тебя прислали заставить Порифорс изменить Шалиону, — обратилась Иста к демону. — И, как мне кажется, не без помощи куртизанки…

Лицо Иллвина, сидящего напротив, выражало смесь воспоминаний, сожалений и ужаса. Иста не могла понять, как эти полупереваренные души могут сосуществовать в одном разуме одновременно — или они всё же существуют отдельно друг от друга?

— И мать наказала тебе привязать к себе Иллвина или Эриса? — спросила Иста. — Или обоих?

Улыбка Юмеру стала мягче:

— Лорда Иллвина. Сначала он нам показался очень даже ничего. Но потом мы увидели Эриса… Зачем довольствоваться вторым сортом, вторым человеком в гарнизоне, а потом усложнять себе

жизнь бунтом и захватом власти, если можно просто-напросто взяться сразу же за главу Порифорса? — после чего демон добавил на ибранском: — Лорд Эрис, да, — и, — Эрис. Да. Мм. — А потом вздохнул, из-за чего язык определить было невозможно, — *Ах.*

— Видимо, по этому поводу разногласий у него не возникло, — сухо отметил Иллвин. — Служанка, княжна, куртизанка и, несомненно, учёный оказались единодушны. Весь план превратился в дым при взгляде на него. Не удивлюсь, если та птица тоже была самкой. Если это так, то она наверняка с удовольствием села бы ему на палец. Значит, план Джоэн был разрушен магией ещё более древней, чем магия древнего демона. — Он нахмурился от удивления и боли. — К счастью для меня. — Теперь осталась одна боль.

На секунду показалось, что тщательно скрываемое утомление чуть не всплыло на поверхность, словно вся тяжесть мира навалилась ему на плечи. Потом его тёмные глаза вспыхнули, и он выпрямился.

— Так как же этот древний демон высвободился из плена? Рейна, вы сказали, что знаете.

— Это только моя догадка. Время совпадает, понимаете? Именно три года назад в День Дочери

проклятие, оставшееся после смерти Золотого Генерала, было снято со всего Шалиона и моего Дома: всё, что осталось после него, извращённые дары богов, — всё было собрано и передано богам через избранного Ими святого. И если в тот день было возвращено всё, то и способность удерживать демона в капсуле тоже.

Иллвин встретился взглядом с ди Кэйбоном; служитель задумчиво кивнул.

Иста заметила:

— Интересно, если бы Арволу, Иасу и мне удалось бы снять проклятие двадцать лет назад, то и Джоэн получила бы своего демона на два десятка лет раньше? И кто тогда бы стал хозяином?

Ди Кэйбон уставился на Каттилару с крайним любопытством, судя по всему охваченный теологическим интересом.

— А мне хотелось бы знать, уж не действия ли этого самого рокнарского старого мага повлекли за собой выброс демонов, который обрушился на Шалион в день Фонсы? — Историческую теорию пришлось оставить в стороне, потому что тот выброс демонов, с которым они столкнулись теперь, был гораздо более животрепещущим вопросом.

Почему это существо нам всё рассказывает? — недоумевала Иста. Чтобы посеять в их малочис-

ленных рядах страх и смятение? Поделиться собственными душевными страданиями? Она оглядела невозмутимого Фойкса, задумчивого ди Кэйбона и сосредоточенного и проницательного Иллвина. Если в этом заключался план демона, то он с треском провалился. Быть может, в нём теперь столько человеческих черт, что ему просто нравится внимательная аудитория. Или в момент отчаяния, когда вся надежда на побег потеряна, это склонное к одиночеству существо наперекор своей природе ищет союзников?

Открылась дверь; Иста испуганно оглянулась. Вошёл лорд Эрис и почтительно кивнул ей. Исту порадовало, что на нём снова была кольчуга. В конце концов, перегрев от ношения доспехов на жаре ему не грозит. Вместе с ним появились горничные с подносами, гостеприимная обстановка и заметно оправившийся Горам с ворохом одежды и амуниции для Иллвина.

Все без всяких церемоний накинулись на еду, расставленную на подносах. Эрис подошёл к постели и печально посмотрел на жену. Демон ответил ему тем же, но ничего не сказал. Иста понадеялась, что в его взгляде не было слёзной тоски, свойственной Каттиларе. Неужели и в её — Исты — глазах стоит то же самое выражение,

когда она смотрит на него?

— Она пришла в себя? — Эрис удивлённо помял руку. — Как же тогда я…

— Каттилара спит, — сообщила ему Иста. — Мы открыли демону доступ к её губам, чтобы он мог говорить. Что он и сделал.

— Эрис, как дела снаружи? — поинтересовался Иллвин. Он попеременно то жевал кусок мяса, завёрнутый в ломоть хлеба, то прикладывался к чашке с холодным чаем и одновременно позволял груму себя одевать.

— По подсчётам моих разведчиков, около пятнадцати сотен джоконских солдат. По пять сотен в каждой колонне. Только что вернулись двое из разведывательной группы. Поскольку кольцо блокады вокруг Порифорса уже сомкнулось, боюсь, ещё десятка ребят мы уже не дождёмся. Я никогда не терял так много разведчиков сразу.

— Осадные орудия? — спросил Иллвин с набитым хлебом ртом, засовывая ногу в сапог, который поддерживал стоящий на коленях Горам. Сапоги пропавшего слуги были отброшены в сторону. Сапоги мертвеца? Сейчас не время об этом думать.

— Об этом никто не докладывал. Обычные обозы, не больше.

— Уф.

Эрис взглянул на Исту. Она не представляла, что отразилось у неё на лице, но он попытался заверить её:

— Порифорс уже не раз выдерживал осады, рейна. Стены города тоже надёжны. Внизу у меня сотня людей и половина горожан — бывшие солдаты гарнизона. Для обеспечения подкрепления из города существуют туннели. Помнишь, Иллвин, что было пятнадцать лет назад, когда Лис Ибры прислал сюда три тысячи солдат? Мы сдерживали их полмесяца, до тех пор пока ди Карибастос и ди Толноксо — отец нынешнего провинкара — не освободили нас.

— Не думаю, что Джокона собирается выставить против нас осадные орудия, — усомнился Иллвин. — Мне кажется, на сей раз нам придётся встретиться с магами.

И он вкратце пересказал брату то, что поведал демон. Пока он говорил, Горам, бледный, но полный решимости, тщательно зачесал волосы хозяина назад и туго стянул на затылке, а потом встряхнул кольчугу, чтобы её было легче надеть.

— Если эта сумасшедшая Джоэн притащила с собой на поводке дюжину или больше магов, — заключил Иллвин, натягивая кольчугу, — то не

сомневайся, она собирается спустить эту свору на нас. Если это не месть за смерть её дочери, то она просто нападает на Шалион, чтобы полностью сорвать запланированную маршалом ди Паллиаром кампанию против Бораснена. Ранний удар, но тяжёлый; и если этот удар удастся, она ворвётся в северную часть Шалиона раньше, чем Исель и Бергон успеют должным образом собрать войска… По крайней мере, я бы так поступил на месте джоконцев. Если бы я был сумасшедшим, но не *дураком*.

Эрис коротко ухмыльнулся:

— Я едва ли могу себе представить, кто теперь старшие офицеры Сордсо.

— Они действуют сообща, — мрачно сообщила Иста, — если не сказать единодушно.

Иллвин поморщился и по молчаливому требованию Горама вытянул руку, чтобы позволить груму затянуть наручи.

— Эрис, — обеспокоено продолжила Иста, — несмотря на ваше странное состояние, вы не обладаете внутренним зрением, верно?

— Ничего подобного тому, что вы описываете, рейна. Моё зрение, скорее, даже ухудшилось. Всё вокруг не кажется мутным или туманным, но куда-то исчез цвет. Но зато я теперь лучше вижу

ночью, почти так же, как днём.

— Значит, вы не видели, не ощутили удары, которые на вас обрушил Сордсо, когда вы столкнулись на дороге?

— Нет… а что вы видели?

— Тот яркий свет, который отмечает перед моим внутренним взором магию демонов. Иссушающую молнию или нечто вроде того. Или, скорее, Сордсо предполагал, что это будет иссушающая молния. Но она прошла сквозь вас, не причинив никакого вреда, как будто бы вас там вообще не было.

Они оба посмотрели на ди Кэйбона, который неуверенно развёл пухлыми ладонями:

— Если уж так, то его действительно там не было. Ни как живой души, ни как демона. Настоящие отверженные призраки отлучены как от реальностей материального, так и духовного миров.

— То есть, получается, он невосприимчив к магии? — начала Иста. — И всё же магия поддерживает его… Мудрейший, я не совсем понимаю.

— Я подумаю об этом…

Внезапно в комнате появился клубок фиолетовых линий, которые вспыхнули и исчезли. Фойкс отпрянул. Секунду спустя остальные последовали

его примеру, потому что все сосуды, было ли в них вино или вода, треснули, разбились, разлетелись на осколки. Глиняная кружка Эриса развалилась прямо у него в руках на полпути ко рту, так что ему пришлось отскочить, чтобы не забрызгать серо-золотой плащ.

— Маги Джоэн, судя по всему, не дремлют, — лишённым эмоций голосом произнесла Иста.

Фойкс, широко раскрыв глаза, в смятении огляделся. Внутри него тень медведя поднялась на задние лапы и рычала.

— Но с *какой целью* они это сделали? Это предупреждение? Если они могут сделать вот так, то почему бы не разорвать нам желудки, не расколоть черепа и покончить с этим сразу же?

Ди Кэйбон поднял трясущуюся руку:

— Свободные демоны не могут убивать *напрямую…*

— Это может делать только демон смерти Бастарда, — сказала Иста. — Я видела, как это происходит.

— Однако это особый случай. Свободные же демоны, те, что проникли в мир материи… в общем, они могут попробовать убивать *напрямую,* но смерть открывает душе путь к богам. И решит ли душа последовать по этому пути, или нет, —

вопрос только её воли, в этот момент путь ведёт в обе стороны. И демона легко отловить.

— И именно поэтому они оставляют людей, когда те умирают… — завершил мысль Фойкс.

— Да, но при использовании магии для того, чтобы убить живое существо, между магом и жертвой возникает связь. Сама попытка и отдача будет стоить магу очень многого. — Он замолчал и задумался. — Однако если маг использует магию, чтобы заставить споткнуться вашу лошадь, такого риска нет.

Запыхавшийся солдат в серо-золотом плаще ворвался в комнату:

— Лорд Эрис! Джоконский герольд стоит у ворот и просит о переговорах.

Эрис втянул воздух сквозь сжатые зубы:

— Видимо, это действительно предупреждение. Уведомление. Что ж, теперь я весь — внимание. Иллвин, Фойкс, мудрейший ди Кэйбон, рейна, вы пойдёте со мной? Мне нужны ваши мнения и советы. Но только стойте за зубцами стены, чтобы вас по возможности не было видно.

— Хорошо. — Иста задержалась, чтобы снять защитное кольцо с шеи Каттилары и убедиться, что демон ведёт себя тихо. Фойкс молча наблюдал за этим, встав за плечом рейны, словно телохра-

нитель. Имя Лисе не значилось в списке Эриса, но тем не менее девушка встала, скрестив руки на груди и ссутулив плечи, чтобы казаться как можно меньше и незаметнее.

Иллвин, направившийся было к двери вслед за Эрисом, вдруг замер и выругался:

— Баки!

Эрис резко обернулся; братья внимательно посмотрели друг на друга. Иллвин хлопнул марча по плечу:

— Я проверю, встретимся у ворот.

— Быстрее, Иллвин, — Эрис жестом призвал всех следовать за ним, а Иллвин повернул на галерею и побежал.

Глава двадцать вторая

Они пересекли двор с цветами и вслед за Эрисом поднялись по ступеням. Над воротами замка располагалась небольшая площадка, огороженная перилами. Эрис миновал стрелков, расставленных вдоль стены, взобрался на площадку, встал, широко расставив ноги, и посмотрел вниз. Иста выглянула в створ между каменных зубцов.

Справа, там, где дорога поворачивала на Оби, она видела, как джоконцы ставят лагерь в ореховой роще, как раз вне зоны поражения стрел и катапульт. Появлялись палатки, лошадей сгоняли в ровные линии. В дальней части рощи слуги, некоторые из которых были одеты в форму носильщиков паланкина, ставили большие зелёные шатры. Слева, в долине, идущей вдоль реки, появилась новая колонна воинов, направляющаяся к стенам замка. В её обозе несколько солдат уже притащили за собой ворованных овец и другой скот и передали кашеварам этот обед с копытами.

Вдалеке местность казалась удивительно мирной — пустой, — понадеялась Иста. Горело только два амбара, которые, видимо, стали местами

последнего отчаянного сопротивления. Враг не сжигал — или пока не сжигал — поля и посевы. Быть может, он предполагал заполучить их урожай? Третья колонна, судя по всему, заняла позицию с другой стороны замка, вдоль хребта.

Мост замка был поднят, ворота закрыты. По ту сторону глубокой расщелины, которая проходила вдоль стены, обнажив голову, стоял джоконский офицер-парламентёр. В этот жаркий день голубой флаг, говоривший о цели его прихода, безвольно свисал с древка копья, которое он сжимал в руке. По обе стороны от него расположились два стража, одетых в кольчуги, поверх которых были накинуты плащи цвета морской волны.

Офицер-парламентёр поднял голову, и у Исты перехватило дыхание. Там внизу стоял тот же переводчик, что был среди тех солдат, что бежали из Раумы. И эта его новая должность парламентёра награда или наказание? Исту он не заметил, потому что она наблюдала за происходящим через амбразуру; но, судя по тому, как тревожно расширились его глаза, он узнал в Эрисе того безумца с мечом, который чуть не отхватил ему голову. Каменное выражение, застывшее на лице Эриса, не позволяло понять, было ли это узнавание взаимным.

Джоконец облизал губы и откашлялся:

— От имени князя Сордсо я пришёл к замку Порифорс под флагом переговоров, — громко начал офицер на чистом ибранском. Он вцепился в голубой флаг, словно в щит, и сапогом вбил тупой конец древка поглубже в иссушенную землю. Считалось, что застрелить вестника — плохой тон, это не одобрят ни командование, ни товарищи. Однако с точки зрения парламентёра — весьма слабое утешение. — Вот требования князя Джоконы…

— Тебя не беспокоит, кватернианец, — Эрис перебил его заученную речь, — что твой князь превратился в одержимого демоном мага? Будучи благочестивым человеком, разве ты не должен его сжечь, вместо того чтобы подчиняться ему?

Стражники никак не отреагировали на это замечание, и у Исты появилась мысль, что их избрали на эту роль за незнание ибранского. По лицу офицера мелькнула тень; он, наверное, в общем готов был признать, что в словах врага есть доля правды, но вместо этого резко ответил:

— А *вы*, говорят, умерли уже несколько месяцев назад. И ваши войска не беспокоит, что ими командует ходячий покойник?

— Видимо, нет, — отрезал Эрис. Он не обратил

внимание на то, что среди стрелков, сгрудившихся у него за спиной, послышался шёпот. Во взглядах, которыми они обменялись, можно было прочесть целую гамму эмоций, начиная от неверия, тревоги и удивления; один из арбалетчиков даже тихонько охнул. — Но зато я знаю, что для вас я представляю некоторую сложность. Как, в конце концов, вы убьёте меня? Даже для мага это станет весьма сложной задачей.

Сделав над собой усилие, офицер-парламентёр вернулся к заученной речи:

— Вот условия князя Джоконы. В качестве залога вашего сотрудничества вы обязуетесь выдать нам вдовствующую рейну Исту. Все офицеры и солдаты гарнизона должны сложить оружие, выйти из ворот и сдаться на нашу милость. Выполните эти условия, и вам сохранят жизнь.

— Уж не для того ли, случайно, чтобы отдать в пищу демонам? — пробормотал ди Кэйбон, скорчившись у амбразуры, расположенной чуть поодаль. *Гораздо более милосердная судьба,* не могла не подумать Иста, *чем та, что обычно ожидает служителя Бастарда при встрече с разгорячёнными солдатами-кватернианцами.*

— Ступай прочь, джоконец, не вынуждай меня плюнуть в тебя, — заявил Эрис.

— Молю вас, лорд Эрис, поберегите слюну. Я слышал, что в скором времени такую жидкость найти будет крайне сложно.

Как раз в этот момент на парапет поднялся Иллвин и, услышав эту перепалку, кисло усмехнулся. Он мимоходом взглянул через плечо Исты на растущий вражеский лагерь. Эрис посмотрел на брата сверху вниз; Иллвин опёрся на стену у ног марча и окинул взглядом парадный двор. Тихим голосом, чтобы джоконцы ничего не слышали, он доложил:

— Они добрались до обоих баков. Из них течёт, словно из решета. Я отправил людей искать хоть какие-нибудь уцелевшие ёмкости и попытался заделать бреши парусиной, чтобы хоть как-то замедлить поток. Но ничего хорошего не вышло.

— Хорошо, — так же тихо откликнулся Эрис. Повысив голос, он обратился к парламентёру: — Мы, конечно же, отказываемся выполнить ваши требования.

Парламентёр мрачно и удовлетворённо склонил голову, словно именно это и ожидал услышать:

— Милосердие князя Сордсо и вдовствующей княгини Джоэн больше, чем вы того заслуживаете. Они дают вам день на размышления. Завтра

я снова приду сюда, чтобы услышать ваш новый ответ. Если, конечно, вы сами раньше не пришлёте за мной.

Поклонившись, он начал пятиться, стражи прикрывали его; он отошёл на приличное расстояние, прежде чем осмелился повернуться к Порифорсу спиной.

Это не просто ожидаемый ответ: это скорее желаемый результат.

— Что будет дальше? — обеспокоенно спросил ди Кэйбон. — Штурм? Они действительно выждут день?

— Я не стал бы им доверять, — заметил Эрис, спрыгивая с переговорной площадки.

— Штурм будет, — кивнула Иста. — Но, как мне кажется, солдаты участвовать в нём не будут. Я готова поставит что угодно на то, что Джоэн хочет поиграть со своими новыми игрушками. Порифорс — это первый шанс испробовать отряд магов в действии. И если результаты порадуют её…

Фиолетовая линия, но на сей раз только одна, вспыхнула перед внутренним взором Исты.

Все тетивы арбалетов, находившихся в руках солдат, расставленных на стене, одновременно лопнули. Послышались вскрики, потому что многие стрелки получили по пальцам. Один

из взведённых арбалетов выстрелил. Стрела вонзилась в бедро солдата, стоящего рядом. Мужчина застонал, оступился и рухнул с парапета вниз на мощёный двор, где и замер. Его товарищ некоторое время с ужасом смотрел на свой арбалет, а потом отбросил его в сторону, словно оружие жгло ему руки, и поспешил на помощь раненому.

Над замком взметнулась ещё одна тёмная вспышка.

— Что на этот раз? — мрачно пробормотал Фойкс, глядя на ряд поражённых стрелков. Некоторые, уже отвязавшие от пояса запасную тетиву, поняли, что она рассыпается прямо в руках.

Несколько секунд спустя над крышами замка взвился клуб дыма.

— Горят конюшни, — сообщил Иллвин; он резко подался вперёд, что никак не согласовывалось с его лаконичной репликой. — Фойкс, ты мне нужен.

Он побежал вниз по лестнице; длинные ноги за шаг преодолевали по три ступеньки.

Теперь дело приняло серезный оборот, подумала Иста; в животе стало как-то нехорошо.

Глаза Лисе казались огромными:

— Рейна, можно я пойду с ними? — выдохнула

она.

— Да, иди, — отпустила её Иста. Девушка умчалась прочь. Умелые руки никогда не бывают лишними… *А теперь я.* Она наконец спустилась со стены.

Эрис, пробежавший мимо, окликнул её:

— Леди, вы присмотрите за Каттиларой?

— Конечно.

Удачное занятие. Или, может быть, Эрис, как благоразумный командующий, предпочитает согнать весь бесполезный балласт вместе.

Иста застала фрейлин Каттилары в истерическом состоянии; в конце концов их вопли и всхлипы были сведены к хорошо скрываемому истерическому состоянию. Каттилара продолжала лежать без движения, только мягкие щёчки марчессы заметно впали, черты лица заострились. Свет демона плотно сжался внутри неё, не предпринимая — пока — попыток занять господствующее положение. Иста только печально вздохнула и проверила, чтобы пламя жизни продолжало беспрепятственно течь в Эриса.

* * *

На протяжении бесконечного вечера Иста несколько раз предпринимала вылазки из ком-

наты Каттилары, чтобы осмотреть последствия очередной вспышки демонской магии, промелькнувшей у неё перед внутренним зрением. Только самое первое покушение на запасы воды было заранее организовано. После этого атаки стали хаотическими, повторяющими друг друга. Люди падали и ломали кости. Лошади, которых после спасения из пылающих конюшен, поместили во двор с фонтаном в форме звезды, неистово ржа и брыкаясь, обрушили галерею. Вместе с ней упало осиное гнездо. Трое людей умерло, крича и задыхаясь от укусов; ещё нескольких человек затоптали обезумевшие от укусов кони.

В других дворах начались пожары поменьше. И без того малое количество воды быстро шло на убыль. Большая часть мяса, вне зависимости от способа хранения, начало тухнуть и вонять; хлеб и фрукты покрылись зелёной плесенью и стали взрываться, казалось бы, от одного взгляда. В муке завелись личинки. Верёвки и кожаные ремни гнили и рассыпались прямо в руках. Горшки трескались. Доски ломались. На доспехах и мечах ржавчина появлялась быстрее, чем румянец на девичьих щёках.

Все, кто хоть когда-нибудь страдал лихорадкой, лежали теперь со страшными приступами;

красивый обеденный зал Каттилары заполнялся тюфяками со стонущими, мучающимися жаром, бьющимися в ознобе и бреде людьми. Ди Кэйбона приставили заботиться о больных, которые невероятно быстро превращались в умирающих. К вечеру лица солдат и слуг, попадавшимся Исте навстречу, перестали быть испуганными; теперь их отличала мёртвенная бледность и отстранённое, потрясённое выражение.

На закате Иста поднялась на северную башню, самую высокую из всех, чтобы оценить обстановку. Лисе, пропахшая дымом и прихрамывающая, потому что копыта обезумевших лошадей оттоптали ей ноги, медленно тащилась вслед за рейной. Солдат в серо-золотом плаще шёл за ними, чтобы сгрузить груду камней в кучу таких же импровизированных снарядов, сваленную на смотровой площадке, обменяться парой мрачных замечаний с товарищами, чьи лишённые тетивы луки и арбалеты были отброшены в дальний угол, а потом развернуться и вновь направиться вниз по винтовым ступенькам.

В ровном свете садящегося солнца долина являла собой странно красивое и мирное зрелище. В ореховой роще в зелёных шатрах, судя по всему, наслаждались ужином; единственным запахом

были тонкие ароматы еды, поднимавшиеся от костров, на которых готовили джоконские повара. Небольшие группки всадников сновали туда-сюда, неся вахту или доставляя срочные сообщения, совершая вечерний объезд. Все был одеты в зелёные плащи.

От города, окружённого стенами, тоже поднимались клубы дыма, но здесь они были чёрными и страшными. В отличие от замка, находившегося высоко на скале, город располагал выходом к воде, и поэтому большинство пожаров до этих пор удавалось потушить. Но те немногие маленькие фигурки, движущиеся по улицами, выглядели одеревеневшими от усталости. Люди внутри периметра стен сидели скорчившись, или еле передвигали ноги, или лежали и спали, поверженные утомлением. Или были мертвы.

Из лестничного пролёта донёсся стук тяжёлых сапог, Иста оглянулась и увидела, как на площадке появился Иллвин, сжимавший руках засаленный узел. Даже в мягком закатном свете его лицо было грязным и бледным. Копоть и пот смешались, на лице остались полосы, растёртые руками в попытке стереть весь этот грим с глаз. Иллвин несколько часов назад снял доспехи и подпалённый плащ, и теперь простая льняная

рубаха с дырками от искр облепила его торс.

— А, — произнёс он голосом, словно исходившим из недр шахты, — вот вы где.

Она приветливо кивнула; он встал рядом с ней, и они вместе принялись созерцать бедствие, постигшее Порифорс, скрывавшийся за своими обманчиво чистыми и крепкими стенами.

Конюшни выгорели полностью. Поверх углей лежали почерневшие брёвна и месиво из осколков черепицы, разбросанной поверх них, словно капли крови. Сейчас дыма больше видно не было, но один из углов кухни тоже почернел и покосился. Дворик с фонтаном в форме звезды представлял собой руины: одна из галерей обрушилась, вместо воды в фонтане плескалась грязь. Вдоль одной из стен были привязаны лошади; с высоты башни было видно, что их спины образовывали ромбовидную фигуру. Кое-где мелькавшие люди передвигались бегом и пригнувшись.

— Вы видели ди Кэйбона недавно? — Спросила Иста у Иллвина.

Он кивнул:

— Он так и остаётся в комнатах больных. Теперь тюфяками заполнено два зала. Ещё десяток ребят слегло с дизентерией. А учитывая то количество

воды для мытья, которое у нас осталось, для того, чтобы разнести эту дрянь по всей крепости, никакие демоны не понадобятся. Ад Бастарда. Если так будет продолжаться, Сордсо завтра же может взять замок, прихватив с собой только шесть пони, верёвочную лестницу и детский хор из кватернианского храма. — Он скрипнул зубами, которые белели на его закопчённом лице. — Ох. — Он протянул ей узел. — Не хотите жареной конины? Она ещё не прогнила. Пока. — Иста с сомнением посмотрела на его:

— Не знаю. Это Пух?

— Нет, по счастью.

— Нет… сейчас нет, спасибо.

— Вам нужно поддерживать силы. Пятеро богов знают, когда мы сможем поесть в следующий раз. — Он выудил кусок и, исполненный сознания долга, пожевал его. — Лисе?

Он протянул ей узел.

— Нет, спасибо, — тихо вслед за Истой повторила девушка. Отказавшись следовать собственному совету, он передал узел бывшим арбалетчикам, а теперь камнеметателям, которые приняли его с благодарностью и безо всякого отвращения. Послышался треск: ещё одно бревно конюшен не выдержало и рухнуло, подняв облако пепла.

Иллвин подошёл к стороне башни, выходившей во внутреннюю часть замка, и оглядел разруху.

— И всё это всего лишь за один день. Меньше. Слёзы Бастарда, во что же это превратится через неделю?

Иста трясущимися руками оперлась на нагретый солнцем камень рядом с ним:

— Это я принесла вам столько несчастий, — сказала она тихим голосом. — Мне очень жаль.

Иллвин вскинул брови; он пристроил локоть на камень рядом и внимательно посмотрел на неё:

— Не уверен, что вы можете присвоить эту честь только себе, леди. Всё началось гораздо раньше, чем вы прибыли сюда. И если бы ваше присутствие не сподвигло джоконцев напасть сейчас, то они бы всё равно напали через месяц или около того — на цитадель, оба опытных командующих которой умерли и сгнили, или и того хуже. И тогда никто не смог бы объяснить, откуда столько ужасов обрушилось на наши несчастные головы. — Иста потёрла бровь:

— Но мы же не знаем, играет какую-то важную роль моё присутствие или нет, если не считать того, что я являюсь заложницей для Джоэн.

Быть может. Она посмотрела вниз на камни двора, лежащего далеко внизу. *Есть и другие*

способы избежать превращения в заложника.

Он проследил за её взглядом, его глаза проницательно прищурились. Он протянул два пальца и аккуратно развернул её лицо за подбородок к себе:

— Ваше присутствие играет важную роль для *меня,* — сказал он. — Любая женщина, способная пробудить мужчину от смерти поцелуем, заслуживает особого внимания, как мне кажется.

Иста горько усмехнулась:

— Я не пробуждала вас поцелуем. Я только раздробила и перенаправила поток пламени вашей души, как потом я сделала и с Каттиларой. А поцелуй был… просто слабостью.

Лёгкая улыбка коснулась его губ:

— А мне казалось, вы сказали, что это мне приснилось.

— Ух… — *Ох.* Так она сказала. Его улыбка стала немного безумной. Наконец, она выдавила. — И всё же это был глупый порыв.

— Что вы, по-моему, это был просто замечательный порыв. Вы себя недооцениваете, леди.

Иста покраснела:

— Боюсь, я не умею вести такие… — она сглотнула, — такие игривые разговоры. Когда я была молода, я была глупа. Теперь я стара и скуч-

на. — *Сначала слишком глупа, потом слишком безумна, потом слишком скучна, а потом слишком поздно.* — Это не моё.

— В самом деле? — Он повернулся, опёрся на стену и с видом крайнего любопытства взял её руку. Испачканный сажей палец принялся чертить тёмные линии у неё на ладони. — А почему бы и нет? Говорят, что я неглуп. Я и сам бы мог догадаться, после некоторых разведывательных операций. Набросать план Замка Исты, обозначить точки его обороны…

— Найти слабые места? — она твёрдо отняла руку.

— Хорошо, мне нужно было проводить разведывательные операции потщательнее.

— Лорд Иллвин, сейчас неподходящее время и место для этого!

— Действительно. Я так устал, что едва могу встать. А удержаться на ногах вообще вряд ли получится.

Ненадолго повисло молчание. Его губы расплылись в улыбке:

— Ха. Я видел, у вас дёрнулся уголок рта.

— Нет. — Теперь он и правда дёрнулся, потому что Иста вспомнила про птицу, свившую гнездо в роще.

— Нет, ещё лучше, она ухмыляется.

— Я не ухмыляюсь.

— Поэты молят своих дам об улыбке, а прошу вас хоть раз всего лишь ухмыльнуться.

Каким-то непостижимым образом его палец снова массировал её ладонь, следуя вдоль каждой мышцы. Ощущения были просто потрясающие. Ей захотелось, чтобы он размял ей плечи, ноги, шею, в общем всё, что болит. А болит всё.

— По-моему, вы говорили, что в вашей семье главный соблазнитель — Эрис. — Она попыталась собраться с духом и снова отнять руку, но не смогла.

— Вовсе нет. За всю жизнь он не соблазнил ни одной женщины. Они все сами подстерегают его и вешаются на шею. Впрочем, не без причины, уверяю вас. — Он коротко улыбнулся. — Это то же самое, что быть спарринг-партнёром лучшего фехтовальщика Карибастоса. Я всегда проигрывал. Но если я встречался с третьим по счёту фехтовальщиком Карибастоса, то этот бедняга оказывался в очень и очень затруднительном положении. Эрис всегда оказывался лучше во всём, за что бы мы ни брались. Но есть одна вещь, которую он вряд ли может делать, — и я в этом вполне уверен, — а я могу.

Во всём виноват массаж ладони, он усыпляет бдительность. Она, не задумываясь, спросила:

— И какую же?

— Любить вас, сладкая Иста.

Она отшатнулась. Она уже слышала это обращение, но в устах *Другого.*

— Не называйте меня так.

— Горькая Иста? — он поднял брови. — Своенравная Иста? Сердитая, злобная, вздорная Иста?

Она фыркнула; он расслабился, губы снова сложились в улыбку:

— Что ж, без сомнения, мне придётся пополнить словарный запас.

— Лорд Иллвин, будьте серьёзны.

— Конечно, — тотчас же согласился он. — Как прикажете, рейна. — Он отвесил ей лёгкий поклон. — Я не так молод и у меня есть о чём сожалеть. Я совершил ряд ошибок, — он поморщился, — достаточно отвратительных, как вы уже знаете. Но были и ошибки полегче: поцелуи, которых не случилось, признания, которых я не сделал, потому что сначала было неподходящим время, потом место, а потом не было шанса… И, как это ни удивительно, эти маленькие печали мучают больше всего. Мне кажется, этой ночью все наши шансы сведены на нет. И поэтому я

хотя бы на одно уменьшу количество своих сожалений…

Иллвин придвинулся ближе. Сама себе поражаясь, она не отшатнулась. Как-то его длинная рука обняла её ноющие плечи. Он притянул её к себе. А он всё же высокий, — подумала Иста; если она не запрокинет голову, то носом врежется ему в грудь. И она посмотрела вверх.

На его губах замер вкус гари, солёного пота и самого длинного дня в её жизни. Ну, и вкус конины тоже, но не надо забывать, что конина была свежая. Его тёмные глаза мерцали под опущенными ресницами, а её руки обхватили его жёсткий торс и ласково сжали. И это она говорила про ди Кэйбона: *внешне скрывать то, что желаешь внутри?…*

Несколько минут спустя — много ли? Мало ли? — он поднял голову и немного отодвинул её от себя, чтобы пристально посмотреть на неё. Ирония в его улыбке сменилась удовлетворением. Иста моргнула и отступила.

Лисе, сидящая на другом конце площадки, скрестив ноги и опираясь на парапет, смотрела на них с раскрытым ртом. Двое солдат даже не притворялись, что наблюдают за джоконцами. На их лицах застыло выражение, свойственное

людям, которые смотрят за тем, как кто-то исполняет хитрый трюк, который они сами ни за что не осмелились бы повторить, например проглотить огонь или влезть по лестнице в пылающий дом.

— Временем, — прошептал Иллвин, — ты должна воспользоваться сама. Оно не будет тебя ждать.

— Это верно, — откликнулась Иста.

То что случилось, значило очень много; мощёный двор внизу вдруг перестал казаться привлекательным решением всех проблем. И именно это было его целью, она в этом не сомневалась.

Тёмно-фиолетовая вспышка искрами рассыпалась у неё перед внутренним зрением, и Иста повернула голову вслед за ней. Откуда-то снизу донёсся яростный крик. Она вздохнула, слишком утомлённая, чтобы искать ему объяснение:

— Я даже не хочу смотреть.

Голова Иллвина повернулась на крик. Но поскольку он тоже ничего не увидел, то согласился с тем, что и так ужасов уже было чересчур. Однако потом он вдруг взглянул на неё, прищурив глаза:

— Ты оглянулась раньше, чем мы услышали крик, — заметил он.

— Да. Я вижу магические атаки как вспышки

света перед моим внутренним взглядом. Это словно маленькие молнии, летящие от источника к цели, или горящие стрелы. Я не могу определить, каков будет эффект, потому что на вид они все одинаковые.

— А ты можешь отличить мага от обычного человека, просто посмотрев на него? Я, например, не могу.

— Ох, могу. Демоны Каттилары и Фойкса представляются мне субстанцией из света и тени, заключённой в их душах, которые в свою очередь заключены в тела. Демон Фойкса до сих пор сохраняет очертания медведя. Душа Эриса тряпкой волочится за ним, изо всех сил стараясь удержаться.

— А с какого расстояния ты можешь понять, что человек — маг?

Она пожала плечами:

— Думаю, что с такого же, с какого могу разглядеть человека обычными глазами. Не дальше: моё внутреннее зрение даёт возможность видеть души сквозь материальную оболочку, если приглядеться, сосредоточиться и, может быть, даже закрыть глаза, чтобы уменьшить помехи. Палатки, стены, тела, — всё прозрачно перед богами и перед божественным зрением.

— И как обстоят дела со зрением у мага?

— Я не уверена, но Фойкс мало что мог, до тех пор пока я не поделилась с ним своим даром. Но его элементаль ещё совсем неопытный.

— Уф. — Он постоял некоторое время с более и более отсутствующим видом. — Иди сюда. — Он взял её за руку и перевёл на западную сторону башни, которая выходила как раз на ореховую рощу. — Как ты думаешь, сможешь ли ты назвать точное количество магов Джоэн? Сколько их в лагере, если смотреть отсюда?

Иста моргнула:

— Не знаю. Но сейчас попытаюсь.

Нижние части деревьев уже погрузились во тьму, но вершины продолжали сиять золотисто-зелёным в последних лучах солнца. Сквозь листву виднелось пламя костров и белые квадраты палаток. Ветер доносил звук голосов людей, но на таком расстоянии уже невозможно было различить смысл сказанного на рокнари. В дальнем конце рощи зелёные шатры и палатки, украшенные знамёнами, начали светиться, словно зелёные фонарики, внутри которых зажгли свечу.

Иста набрала в лёгкие воздуха и постаралась собраться с мыслями. Закрыв глаза, она дала

волю ощущениям. Если ей удастся почувствовать отсюда Джоэн и Сордсо, то почувствуют ли они её? И если Джоэн может чувствовать её присутствие… Иста ещё раз вдохнула, отогнала эту пугающую мысль и снова позволила душе полностью развернуться.

Более пяти сотен огоньков душ, словно светлячки, мерцали среди деревьев: джоконские солдаты и обслуга армии двигались по роще, выполняя привычные обязанности. Некоторое количество душ светились более ярким, жёстким и насыщенным светом. Да, были видны нити-змеи, ведущие от этих разбросанных по лагерю фиолетовых пятен к одной тёмной пульсирующей точке. Во время того как Иста смотрела, в зависимости от передвижений владельца, одна линия пересекала другую, проходя сквозь друг друга, словно нити нематериальной пряжи, которые не путались и не связывались.

— Да, я их вижу, — сообщила она Иллвину. — Часть держится рядом с Джоэн, часть распределена по лагерю. — Она зашевелила губами, считая количество. — Шестеро находятся в командных палатках, ещё двенадцать устроились в начале рощи, ближе к Порифорсу. Всего восемнадцать.

Она присмотрелась, полуобернулась по на-

правлению к реке и второму лагерю джоконцев, расположенному рядом с городом, и снова закрыла глаза. Потом решительно развернулась к бивуаку третей колонны, разбитому на вершине холма к востоку от замка и перекрывающему дорогу на Оби и долину вверх по течению реки.

— Судя по всему, все маги находятся в главном лагере Джоан. Я не вижу связующих щупалец, ведущих к другим лагерям. Да, конечно. Она хочет держать магов как можно ближе, чтобы поминутно наблюдать за ними.

Она закончила осмотр и открыла глаза.

— Большинство магов укрыто в палатках. А один стоит под деревом и смотрит в нашу сторону.

Иста не видела его физического тела, скрытого от глаз листвой, но могла точно указать дерево.

— Хм, — протянул Иллвин, глядя у неё из-за плеча. — А Фойкс может отличить, кто есть кто? Кто из джоконцев — маг, а кто — нет?

— О да. То есть он должен знать. Он видел вспышки магии, те самые, что разбили чашки, вместе со мной, и потом, там, на крыше, где всё началось тоже. — Иста оглянулась и посмотрела на напряжённое, замкнутое выражение лица Иллвина. В его глазах светилась мысль, какое-то

знание, которое, судя по всему, не доставляло ему никакого удовольствия. — О чём ты думаешь?

— Я думаю… что согласно вашим словам, Эрис невосприимчив к магии, но вот маги вовсе не неуязвимы для стали. Это Каттилара доказала на бедняжке Юмеру. Если бы Эрис смог бы добраться только до них и каким-то образом избежать полутора тысяч остальных джоконцев… — Он вздохнул и повернулся: — Лисе.

Девушка вскинула голову:

— Лорд Иллвин?

— Пойди найди моего брата и скажи ему подняться сюда ко мне. Если сможешь, приведи заодно и Фойкса.

Лисе, широко раскрыв глаза, кивнула, еле-еле встала на ноги и побрела к спуску с башни. Иллвин продолжал смотреть на лагерь князя Сордсо и княгини Джоэн, словно стараясь запомнить каждую деталь. Иста тяжело облокотилась на парапет рядом с ним, изучая этот так внезапно ставший далёким и холодным профиль.

Он посмотрел на неё и виновато улыбнулся:

— Мне не даёт покоя одна идея. Боюсь, ты сочтёшь, что я очень рассеянный.

Иста бы никогда не стала применять этот эпитет к нему, однако ободряюще улыбнулась ему.

Слишком скоро на лестнице послышались звуки шагов. В светящихся сумерках появился Эрис в сопровождении Лисе и Фойкса. Эрис походил на труп едва ли больше остальных обитателей Порифорса, только у него на лице не было уже привычных пятен пота. Невозмутимость Фойкса только прикрывала истощение. Он провёл весь вечер в попытках убрать последствия магии по всему замку. Но проку от этого оказалось мало. Ди Кэйбон окрестил его старания абсолютно бесполезными по различным теологическим причинам, которые никто выслушивать не стал, и лишь попросил Фойкса помочь ему с больными.

— Эрис, иди сюда, — позвал Иллвин. — Посмотри. — Брат подошёл к западному парапету. — Пятеро богов — свидетели, мы знаем эту землю, как свои пять пальцев. Рейна Иста утверждает, что у Джоэн всего восемнадцать магов. И двенадцать из них находятся в ближайшей к нам части лагеря, вон там… — он указал рукой. — Ещё шестеро скрываются в командных палатках, которые, как мне кажется, охраняются более тщательно. Если быть достаточно быстрым, до них вполне реально добраться. Как ты думаешь, сколько магов тебе удастся сразить мечом?

Эрис поднял брови:

— Думаю, до скольких удастся подобраться, столько и сражу. Но сомневаюсь, что они будут стоять на месте, пока мы будем нападать на них. Как только они услышат стук копыт, они сразу же повскакивают и возьмутся за клинки.

— А если мы нападём под прикрытием темноты? Ты говорил, что теперь видишь в темноте лучше, чем любой другой.

— Хм, — Эрис посмотрел на рощу пристальнее.

— Рейна Иста, — Иллвин резко повернулся к ней. И где теперь *сладкая Иста?* — Что происходит, когда привязанный поводком маг погибает?

Иста нахмурилась. Само собой, вопрос был скорее риторическим:

— Ты же сам видел. Демон, вместе с той частью души, которую успел впитать в себя, перепрыгивает в того, до кого успел дотянуться. А тело мага умирает. Какова же дальнейшая судьба оставшихся обрывков его души, сказать затрудняюсь.

— И ещё один момент, — сказал Иллвин, в его голосе слышалось воодушевление. — Поводок, значит, рвётся. Или это только демону Каттилары удалось сбежать из-под контроля вместе со смертью Юмеру. Более того, в тот момент мятежный демон превратился во врага Джоэн, с навязчивой

идеей сбежать от своей бывшей госпожи как можно быстрее. Сколько демонов нужно отсечь от её связки, вынудить перепрыгнуть в неподготовленных людей или даже заставить восстать против госпожи, чтобы Джоэн была вынуждена отступить?

— Если только у неё нет в запасе ещё магов, ещё одной готовой упряжки этаких свежих лошадок, — заметил Эрис.

— Нет, — медленно проговорила Иста. — Не думаю, что она так может. Все должны быть здесь, должны быть прикованы к её сети, ведь иначе они улетят, если не от неё, то друг от друга. По словам Юмеру, на создание этого отряда, на выращивание в них тщательно отобранных, выкраденных качеств и умений у Джоэн ушло три года. И без нового визита к той задней двери Бастардова Ада, которую умеет отворять её древний демон, я сомневаюсь, что ей удастся восстановить потери. И в любом случае, сначала она получит только неразумных, бесформенных, ничего не знающих элементалей. Мы, конечно, знаем, что она их разводит заранее, но когда имеешь дело с хаосом, нельзя быть уверенным ни в чём. И всё же… демон Каттилары боится повторного пленения; и если это не заблуждение

Юмеру, то можно сделать вывод, что таковое возможно. И я не знаю, насколько быстро Джоэн сможет это осуществить.

— Но если не один, а несколько освобождённых демонов разлетятся в различных направлениях, ей будет наверняка сложнее, — заметил Иллвин.

Эрис облокотился на каменную стену и посмотрел на брата:

— Ты подумываешь о вылазке. Об охоте на магов.

— Ну да.

— Это невозможно. Меня наверняка ранят, а Катти придётся принять всё это на себя.

Иллвин отвёл глаза:

— Я подумал, что рейна могла бы снова переключить тебя на меня. Специально для такого случая.

Иста протестующее выдохнула:

— Ты понимаешь, что это значит? Раны Эриса станут твоими.

— Да, что ж… — Иллвин сглотнул. — Но тогда Эрис продержится немного дольше, чем думают враги. Рядом со мной можно посадить целителей и женщин, которые будут перевязывать открывающиеся раны. Отвоёвывать драгоценные минуты.

Эрис нахмурился:

— А потом… что? С твоим последним вздохом связь оборвётся? И все раны в одно мгновение вернутся ко мне?

Иста изо всех сил старалась, чтобы её голос не сорвался на крик:

— И оставят вашу душу прикованной к изрубленному телу, которое не может ни умереть, ни быть исцелённым?

Эрис задумчиво произнёс:

— У меня и так уже нет ощущения, что я нахожусь в собственном теле… Быть может, я к нему больше не прикован. Быть может… — Его изумительные серые глаза встретились с Истиными, и неожиданный блеск, мелькнувший в них, испугал её до глубины души… — Меня можно отпустить.

— Навстречу смерти, за которой ничего нет? Нет! — отрезала Иста.

— Конечно нет! — поддержал её Иллвин. — Я предлагал вылазку с возвращением в Порифорс. Остальные поедут с тобой, чтобы охранять тебя и расчищать путь к магам. И чтобы доставить тебя обратно.

— Мм-м, — Эрис пристально посмотрел в темноту. — Как ты думаешь, сколько людей для этого

потребуется?

— Идеальный вариант — сотня, но сотни у нас нет. Пятьдесят тоже могут справиться.

— У нас нет и пятидесяти. Иллвин, у нас нет даже двадцати пеших.

Иллвин оттолкнулся от парапета. Воодушевление исчезло с его лица:

— Двадцать — это слишком мало.

— Слишком мало, чтобы выехать? Или чтобы вернуться?

— Если слишком мало, чтобы вернуться, значит, и слишком мало, чтобы выехать. Я не могу требовать этого от кого бы то ни было, тем более что сам не еду, так как вынужден буду остаться здесь.

— С другой стороны, — возразил Эрис; в нём просыпалась какая-то решимость, которая не могла не тревожить, — с каждым часом нас становится всё меньше и меньше. Хуже другое, лорд ди Оби скоро отправится к нам на выручку. Он и так никогда не был особо медлительным, а ради своей дочери вообще пойдёт на всё. Не зная о засаде Джоэн, он заведёт свои войска прямо в ловушку.

— Он будет здесь не раньше чем послезавтра, — сказал Иллвин.

— Я не был бы так уверен. Если сегодняшний курьер был захвачен джоконским заслоном и не добрался до Оби, то он сразу же всё поймёт, ведь, как мы знаем, до него дошли вести о нападении на Фойкса и служителя. Крепость Оби и так уже стоит наготове. — Эрис нахмурился сильнее. — И чем дольше мы ждём, тем в худшем состоянии оказываемся.

— Это верно, — признал Иллвин.

— И, — его голос стал тише, — тем в худшем состоянии оказываюсь я. Люди продолжают умирать без всяких взмахов мечей и стычек. Если так будет продолжаться, то к завтрашнему наступлению темноты силы Сордсо смогут беспрепятственно войти в замок, усеянный трупами, лишь один из которых будет в состоянии передвигаться. И я останусь с врагом один на один, лишённый поддержки.

— Ох, — потрясённо выдохнул Иллвин.

— Неужели ты об этом не подумал? Я удивлён. Рейна, — он повернулся к Исте, — я и так уже отверженный призрак. Освобождение от тела ничего не изменит. Так пусть это произойдёт тогда… когда в этом остаётся ещё хоть капелька чести. Хоть капелька пользы.

— Эрис, вы не можете просить этого у меня.

— Нет, могу. — Его голос стал ещё тише. — И вы не сможете отказать мне.

Исту трясло от того, что он предлагал, и от того, что, как представила она, произойдёт в дальнейшем. Приходилось признать, что одинокая судьба будет вполне логичным завершением событий.

— Эрис, нет, это слишком отчаянно, — запротестовал Иллвин.

— Отчаянный — это тот, кто ищет смерти. А я её уже нашёл. Так что я вне этой категории. И если рисковать, так это стоит сделать как можно быстрее, до наступления рассвета.

— *Этой* ночью? — переспросил Иллвин. Даже он, самолично предложивший план, был потрясён таким внезапным приближением часа его воплощения в жизнь.

— Именно этой ночью. Нас вынудили занять исключительно оборонительную позицию, и поэтому джоконцы даже и подумать не могут, что при нынешнем нашем состоянии, мы предпримем атаку. И если боги когда-то одарили меня умением находить подходящий момент на поле битвы, то клянусь вам, это как раз такой момент.

Иллвин раскрыл было рот, но слов не последовало.

Эрис слегка улыбнулся и снова повернулся

к ореховой роще, утопающей в сгущающихся сумерках. Но Иста напомнила себе, что для него большой разницы в свете уже не существовало.

— Итак, как же я смогу найти этих магов, чтобы не тратить время на кромсание обычных людей?

Фойкс откашлялся:

— Я могу отличить их.

За их спинами у Лисе, снова сидевшей у стены скрестив ноги и сжавшейся в комочек, перехватило дыхание. Эрис взглянул на Фойкса:

— Ты поедешь со мной, ди Гьюра? Это достойное сопровождение. Мне кажется, ты менее уязвим для магических атак, чем любой другой.

— Я… дайте мне посмотреть вниз.

Фойкс тоже подошёл к парапету и, опёршись на него, стал смотреть на лагерь. Иста видела, как он открывал и закрывал глаза, пуская в ход внутреннее зрение, чтобы оценить обстановку.

Эрис обратился к Исте:

— Рейна, вы устроите это? Ни я, ни Иллвин не сможем говорить с вами; нам придётся положиться на ваше мнение, когда настанет момент оборвать связь.

Мне страшно во всех смыслах этого слова. Физически. Магически. Морально. Особенно последнее.

— Думаю, я смогу отсечь Иллвина от вас. А как быть с Каттиларой?

— Избавим её от этого, — сказал Эрис. — Пускай спит.

— Чтобы проснуться вдовой? Не думаю, что она когда-нибудь сможет простить вам это предательство. Пусть она молода и глупа, но она уже не ребёнок и никогда им больше не станет. В любом случае её придётся разбудить и покормить, чтобы у неё были силы, которые она могла бы отдать вам, а не потерпеть неудачу, не будучи в ней виноватой.

Иллвин заметил:

— Боюсь, что как только Катти услышит это, она придёт в бешенство. И очень сомневаюсь, что её демон будет на нашей стороне.

Над головой начали зажигаться звёзды. Розовые облака, застывшие вдоль горизонта на западе, стали сереть. Как равнодушна красота в этом мире…

— Я должна подумать о Каттиларе, — сказала Иста. *Потому что, судя по всему, никто больше здесь не хочет этого делать.*

Из темноты донёсся голос Фойкса:

— Лорд Эрис, если вы решитесь на эту вылазку, я поеду с вами. Если рейна отдаст меня в ваше

распоряжение.

Иста молчала на протяжении трёх исполненных боли ударов сердца, а потом сказала:

— Я отпускаю тебя.

— Благодарю вас, рейна, за дарованную мне честь, — формальной репликой ответил Фойкс.

— Пойдём, — позвал Эрис Иллвина. — Нужно посмотреть, осталось ли в замке Порифорс хоть какое-то уцелевшее снаряжение, подходящее для такой необычной охоты. За мной, Фойкс.

Он зашагал по направлению к ступеням. Иллвин сделал шаг назад, схватил руку Исты и прижал её к губам:

— Скоро увидимся.

— Да, — прошептала Иста. Он сжал её кисть, а потом отпустил.

Глава двадцать третья

Уже почти наступила полночь, когда лорд Эрис наконец отправился отдыхать в свои покои, так что по другую сторону двери можно было разбудить и накормить Каттилару. Паж снял с марча только сапоги и уселся у изножья кровати, намереваясь охранять покой господина. Иста отметила про себя, что измотанный парнишка заснёт раньше, чем пройдёт пять минут. Эрис лёг на спину, в свете единственной в комнате свечи его глаза были тёмными и огромными.

— Будьте ласковы с ней, — попросил он умоляющим голосом. — Она и так вынесла слишком много.

— Я буду справедлива, — ответила Иста. Эрис принял её слова кивком головы. Когда они отвернулись, Иллвин, оценивавший положение дел, прежде чем вернуться к чересчур насыщенному событиями бдению, взглянул на Исту и удивлённо поднял бровь:

— Будь осторожна не только с ней, но и с её демоном, я имею в виду не так, как этого хочет Эрис, — прошептал он Исте. — После всей этой катавасии с повозкой, уверен, она пойдёт на всё

ради своих целей.

— Я буду, — ровным голосом сказала Иста, — справедливой. — Она впустила Фойкса и Лисе в спальню леди Каттилары и аккуратно, но твёрдо закрыла дверь у него перед носом.

Самая сообразительная из фрейлин Каттилары принесла поднос с едой. По изможднному взгляду и осторожности, с которой девушка поставила поднос, Иста поняла, каких усилий ей всё это стоит. Рейна приказала фрейлине отойти и сесть на сундук. Иста приблизилась к кровати Каттилары, Лисе пристроилась рядом.

— Фойкс, встань у неё в ногах. Следи за демоном, — распорядилась Иста. Фойкс кивнул и сделал так, как велели. Исте было грустно ещё раз просить его о помощи, потому что юноша буквально валился с ног от усталости. Перед выездом ему жизненно необходимо поспать хотя бы пару часов. Но Джоэн научила её относиться к демонам с особой осторожностью.

Иста призвала на помощь внутреннее зрение и сомкнула ладонь вокруг льющегося из сердца Катти потока пламени души, уменьшая тончайшие струйки, связывающие Каттилару с Эрисом. Иста представила себе, как в соседней комнате жизнь схлынула с его лица, и в груди защемило.

Тень демона оживлённо задвигалась, но он не попытался противиться контролю. Глаза Каттилары распахнулись, воздух ворвался в лёгкие. Она резко села, потом покачнулась, словно у неё закружилась голова. Лисе сунула в руку марчессе оловянную кружку воды. Наблюдая, как она судорожно глотает влагу, прижимая кружку к пересохшим губам, Иста подумала, что и воды у них скоро не будет. Лисе перенесла поднос на маленький столик около кровати и сняла льняную салфетку. Их взору предстала безвкусная чёрствая пища, разложенная по разномастным старым битым тарелкам.

Катти, не опуская кружку, воззрилась на поднос:

— Что это? Еда для слуг? Или для заключённых? Неужели хозяйку Порифорса свергла с трона узурпаторша?

— Это последнее и лучшее из того, что осталось неиспорченным, мы сохранили это специально для вас. Мы окружены джоконской армией, нас держит в осаде отряд магов. Магия их демонов пожирает всё, что находится в этих стенах, и выплёвывает пережёванное на нас. Воды больше нет. Мясо кишит личинками. Половина дворов сгорела, треть лошадей лежит мёртвыми. Внизу

люди умирают от болезней и ран, несмотря на то что они даже не подходили к армии Джоэн и Сордсо на расстояние полёта стрелы. Джоэн ведёт войну изобретательно, жестоко и эффективно. Чрезвычайно эффективно. Поэтому ешьте, ведь это всё, что получит Эрис сегодня ночью.

Каттилара сжала зубы, но предварительно засунула в рот кусок чёрствого хлеба:

— Мы могли сбежать. Нам надо было сбежать! Мы бы с Эрисом были уже в сорока милях отсюда, вдали от всего этого. Пропади ты пропадом, безмозглая стерва!

Фойкс и Лисе вздрогнули, услышав это оскорбление, но Иста остановила их взмахом руки.

— Эрис не был бы вам благодарен. И кто это — мы? Вы можете точно сказать, чей голос говорит в вас сейчас? Ешьте.

Катти неизящно вгрызлась в ломоть хлеба, яростный голод не давал ей с презрением отказаться от предложенной пищи. Лисе держала кружку наготове, потому что заострившиеся черты Каттилары давали понять, насколько сильно она нуждается в воде. Иста позволила ей несколько минут жевать и глотать, до тех пор пока марчесса не стала это делать заметно медленнее.

— Сегодня ночью, — снова начала Иста, — Эрис отправляется на рискованную вылазку, авантюру, которая может спасти нас всех. Или он умрёт при попытке.

— Вы хотите, чтобы он умер, — пробормотала Катти. — Вы ненавидите его. Вы ненавидите меня.

— Вы ошибаетесь в обоих случаях, хотя, должна признать, иногда у меня возникает сильное желание отшлёпать вас. Сейчас, например. Леди Каттилара, вы жена воина и командира, вы дочь воина и командира. Вы не могли превратиться в суровых условиях приграничных земель в столь отъявленную рабу собственных прихотей.

Каттилара отвернулась, видимо, чтобы скрыть краску стыда, залившую её лицо:

— Эта глупая война длится вечно. И будет длиться вечно. Но если Эриса не станет, его не станет *навсегда.* И все блага мира исчезнут вместе с ним. Боги заберут его и оставят меня ни с чем, и за это я их проклинаю!

— Я проклинала их много лет, — сухо ответила Иста. — Резкая перемена взглядов, если честно.

Каттилара в ярости, вне себя, она корчится от невыносимой боли. Но ведь рассудок остался при ней?

Что происходит сейчас здесь, в этом кошмаре наяву? Где разум? Какой абсурд, ведь мне, единственной из женщин, приходится призывать не забывать о разуме.

— Продолжайте есть. — Иста выпрямила усталую спину, скрестила руки на груди. — У меня есть для вас предложение.

Каттилара посмотрела на неё с подозрением.

— Вы можете принять его или отказаться, но учтите, другого выбора у вас не будет. В этом отношении моё предложение напоминает чудо. Сегодня ночью Эрис предпринимает вылазку против магов Джоэн. Иллвин вызвался взять на себя все его раны, в том числе и смертельные. Но мне кажется, что *два* тела, подпитывающие разящую руку Эриса и принимающие его раны, смогут провести его дальше, чем одно. Возможно, это и есть та грань, та маленькая разница, которая отделяет почти удачу от почти неудачи. Вы можете стать частью этого предприятия или отвернуться от него.

Фойкс в крайнем изумлении заметил:

— Но, рейна, лорд Эрис ни за что этого не пожелает!

— Верно, — холодно ответила Иста. — Никто другой не предложит вам этого выбора, Катти-

лара.

— Вы не можете делать это у него за спиной! — возмутился Фойкс.

— Я уполномоченный исполнитель этой авантюры. Теперь это женское дело, Фойкс. Помолчи. Каттилара… — Иста набрала в грудь воздуха, — вы уже вдова и будете ею, но та скорбь, которую вы будете нести в себе всю оставшуюся жизнь, будет разной в зависимости от выбора, что вы сделаете сегодня ночью.

— А как лучше? — откликнулась Каттилара. Теперь из глаз у неё текли слёзы. — Без Эриса всё — прах.

— Я не сказала «лучше». Я сказала «разной». Вы можете согласиться исполнить роль, предписанную вам, а можете лечь и остаться не у дел. Если вы не примете предложенную роль, а он потерпит поражение, вы так никогда и не узнаете, смогли бы вы что-нибудь изменить. Если же вы согласитесь, а он всё равно потерпит поражение, то вы будете знать это. Эрис уберёг бы вас от этого выбора так же, как отец оберегает любимого ребёнка. В этом Эрис не прав. Я предлагаю вам выбор для женщины, сделайте его здесь, на едином дыхании. Он хочет избавить вас от боли этой ночью. Я же забочусь о ваших ночах в последую-

щие двадцать лет. В этом нет ничего ни дурного, ни хорошего. Но время на изменение решения утекает так же быстро, как вода из Порифорса.

— Вы думаете, он умрёт в этой битве, — рассердилась Каттилара.

— Он умер три месяца назад. Я боролась не против его смерти, а против его проклятия. Я проиграла. За свою жизнь я дважды видела богов в лицо, и это обожгло меня так, как, боюсь, не может обжечь ничто в материальном мире. Но я боюсь этого для него. Этой ночью он балансирует на грани настоящей смерти, смерти, которая длится вечно, и некому вытащить его из этой пропасти. И даже боги не смогут спасти его, если он в неё упадёт.

— Ваш выбор — отсутствие выбора. Смерть в любом случае.

— Нет: смерть может быть разной. Вы получили от него больше, чем любая женщина. Теперь колесо повернулось. Будьте уверены, однажды оно повернётся в вашу сторону. В этом все равны. Он уйдёт первым, но не единственным. Он будет не один, ведь он, как мне кажется, поведёт за собой длинную вереницу джоконцев.

— Поведёт, или я ничего в этом не понимаю, — прорычал Фойкс.

— Да. Неужели вы думаете, что никто из этих джоконцев не любим так же, как Эрис? У вас есть шанс позволить Эрису уйти в покое, с ясным разумом, без помех, сосредоточившись на мече, который является его символом. Я не позволю вам отпустить его взволнованным, лишённым решимости, рассеянным и печальным.

Каттилара прорычала:

— Но почему, почему я должна отдавать его смерти… или богам, или вам, или всем? Он *мой.* Моя жизнь принадлежит ему.

— Значит, когда он уйдёт, в вас останется пустота, в которой будет слышаться эхо его голоса.

— Все эти бедствия — не моих рук дело! Если бы люди делали так, как сказала я, этого бы не было. Все против меня…

Еда на подносе иссякла. Вздохнув, Иста коснулась белого пламени и снова расширила канал. Каттилара осела назад, проклиная всё вокруг. Поток белого огня из сердца Катти был медленным и сердитым, но ещё на несколько часов этого хватит.

— Я бы дала ей возможность попрощаться, — грустно сказала Иста. — Замечание лорда Иллвина об удержанных поцелуях и несказанных словах не дают мне покоя.

На лице Фойкса отразился ужас:

— Но её замечания, мне кажется, всё же не стоит передавать лорду Эрису.

— Я рассудила так же. Пятеро богов, зачем меня прислали сюда? Ступай, Фойкс, отдохни, сколько сможешь. Сейчас это твой первейший долг.

— Слушаюсь, рейна. — Он взглянул на Лисе. — Ты придёшь проводить нас? Позже?

— Да, — прошептала Лисе.

Фойкс хотел было что-то сказать, но голосовые связки отказались ему повиноваться; он благодарно кивнул и откланялся.

* * *

Иста тоже отправилась к себе прилечь на несколько часов. Она жаждала сна без сновидений, боялась видений, но ей удалось только подремать, звуки агонии, просачивающиеся сквозь решётку из медленно разлагающегося замка, казалось, заполняли всё вокруг. Наконец Лисе, чьё лицо освещал огарок свечи, стоящий в медном основании подсвечника, стеклянная часть которого лежала где-то грудой осколков, пришла разбудить её. Иста к этому времени уже проснулась и оделась. Унылое траурное одеяние стало грязным и кое-где износилось, но чёрное

платье отвечало её настроению и сливалось с темнотой.

Лисе последовала за ней, подняв повыше бледный огонёк, когда Иста открывала дверь, ведущую на галерею. Рейна миновала несколько ступенек и застыла. Дыхание перехватило.

Высокий угрюмый мужчина стоял на несколько ступеней ниже неё, так что его лицо как раз находилось напротив её, в той же самой позе, в какой стоял мёртвый Эрис, когда она поцеловала его. Лицо мужчины и его очертания были немного размыты; Иста решила, что он немного похож на Эриса, немного на Арвола, совсем чуть-чуть на её умершего отца, хотя ди Баосия был ниже и толще. На Иаса, сочла она, он похож был меньше всего.

Одет он был так же, как офицер Порифорса, — в кольчугу и серо-золотой плащ; но кольчуга сверкала, плащ отглажен и безупречен, вышивка горела, словно огонь. Его волосы и борода были ровного серого цвета, острижены так же коротко, как у Эриса, чистые и гладкие. Колеблющийся свет свечи не оставлял отблесков ни у него на лице, ни в бесконечных глубинах его глаз; напротив, они светились своим собственным лучезарным светом.

Иста сглотнула и вздёрнула подбородок. Колени стали ватными:

— Я не ожидала увидеть Тебя здесь. — Отец Зимы одарил её мрачным кивком:

— На полях сражений присутствуют все боги. Какие родители не будут с беспокойством ждать, стоя у ворот, снова и снова поглядывая на дорогу, когда же их дети вернутся домой из долгого и опасного путешествия? Ты сама ждала у этих ворот, и тщетно и не зря. Помножь эту муку на тысячи и пожалей меня, сладкая Иста. Потому что мой великой души сын задерживается, он заблудился в дороге.

Его глубокий голос отдавался у неё в груди до звона костей. Она едва могла дышать. Вода застилала глаза и падала вниз с неморгающих век.

— Я знаю, Сир, — прошептала она.

— Он не слышит моего зова. Он не видит света в моём окне, потому что отделён от меня, он слеп, он глух, он спотыкается, и некому взять его за руку и привести ко мне. Но ты можешь коснуться его в окружающей его тьме. А я могу коснуться тебя в той тьме, что окружает тебя. Возьми эту нить и проведи его по лабиринту, куда мне хода нет.

Он подался вперёд и поцеловал её в лоб. Его губы жгли, как ледяной металл. В священном

трепете она протянула руку, тронула его бороду, как тронула бороду Эриса в тот день, и ощутила мягкое покалывание. Он склонил голову, и слеза, словно снежинка, упала ей на ладонь, растаяла и испарилась.

— Теперь я проводник от Твоего имени? — оцепенев, спросила она.

— Нет, мои врата.

Он загадочно улыбнулся ей — белая вспышка среди ночи молнией прошлась по всем чувствам, и оцепенение превратилось в слепоту.

— Ещё немного я буду ждать его.

Он отступил назад, и лестница снова была пуста. Потрясённая, Иста не двигалась. Точка на левой ладони, где его слеза коснулась кожи, была холодной, словно лёд.

— Рейна? — очень осторожно сказала Лисе, стоявшая у неё за спиной. — С кем вы разговариваете?

— Ты видела мужчину?

— Мм-м… нет.

— Жаль.

Лисе приподняла подсвечник:

— Вы плачете.

— Да. Знаю. Пойдём. Думаю, тебе лучше подержать меня за руку, пока мы спускаемся.

Каменный двор, арка, двор в форме звезды, знакомый своими резкими очертаниями, и большие ворота, ведущие в парадный двор, остались позади в тёмной дымке. На протяжении всего пути Лисе не отпускала её руки и хмурилась, чувствуя, как она дрожит.

Освещённый факелами двор был полон людей и лошадей. Большая часть цветочных горшков разбилась, упав со стен, или накренилась, сыпля вниз сухую землю. Суккуленты были сплющены, более нежные цветы завяли и покосились, напоминая сушёную зелень. У дальней стены два спиралевидных дерева роняли сухие листья, которые падали на кучу гниющих лепестков.

Фойкс первый заметил её появление; он повернулся и застыл с раскрытым ртом. Нет сомнений, что вокруг неё облако божественного света, как будто бы бог рядом, ведь он коснулся её так недавно. *Я несу ношу, которую я обязана доставить по назначению.* Иста оглядела двор, нашла Эриса и Иллвина, но её внимание отвлёк конь, которого они рассматривали. С некоторого расстояния.

Это был высокий каштановый жеребец с длинной мордой. Уздечка, к которой крепились шоры, скрывавшие глаза, заканчивалась крепкими удилами. Один из грумов держал его за кольцо

рядом с верхней губой. Прижав уши к голове, конь сердито ржал, показывая длинные жёлтые зубы, и брыкался. Иллвин стоял на приличном отдалении от животного и казался печальным.

Иста подошла к нему и сказала:

— Лорд Иллвин, вы знаете, что этот жеребец одержим элементалем?

— Об этом мне только что сказал Фойкс, рейна. Это объясняет очень многое в поведении этой зверюги.

Иста взглянула сквозь полуопущенные ресницы на извивающуюся лиловую тень внутри животного.

— Но он ещё мал, неопытен и глуп.

— Это объясняет ещё больше. Ад Бастардов. Я хотел дать Эрису проклятого коня. Его серый в яблоках хромает, так же как и остальные оставшиеся лошади — гниение стрелки, которое развивается неестественно быстро; надеюсь, что Эрис вскоре доставит наши благодарности тому джоконскому магу, которому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Это действительно очень хороший боевой конь?

— Нет, но никто не расстроится, если Эрис загонит его до смерти. На самом деле, думаю, грумы

будут просто счастливы, если так случится. Видят пятеро богов, я пытался, но безуспешно.

— Хм, — протянула Иста. Она сделала шаг вперёд; двое грумов, сдерживающих морду животного, предупредительно крикнули. Она прищурила глаза, приблизилась и положила осенённую богом руку жеребцу на лоб. Маленькая шестиконечная отметина жгла ей кожу, белоснежная для обычного зрения, невыразимо сияющая для внутреннего.

— Уберите шоры.

Грум в отчаянии посмотрел на Иллвина, но тот кивнул, хотя не преминул вытащить меч и держать его наготове, напряжённо наблюдая за происходящим.

Глаза коня оказались фиолетовыми с коричневым ободком. У большинства лошадей пурпурный зрачок, напомнила себе Иста, но обычно в них нет такого глубокого блеска. Глаза застыли при виде неё. Она ответила им взглядом. Животное вдруг успокоилось. Иста встала на цыпочки, взялась за одно ухо и прошептала в него:

— Веди себя хорошо с лордом Эрисом. Иначе я заставлю тебя мечтать о том, чтобы я выпустила тебе кишки, связала ими и скормила богам.

— Собакам? — поправил её грум, держащий

кольцо.

— И им тоже, — согласилась Иста. — Отстёгивайте кольцо и отходите.

— Леди?..

— Всё в порядке.

Грум отступил. Конь, дрожа, растопырил уши, демонстрируя внимание, и согнул шею, чтобы покорно ткнуться мордой Исте в грудь. Он оставил на чёрном платье несколько рыжих волос и удивительно спокойно выпрямился.

— И часто ты так делаешь? — поинтересовался Иллвин, подходя к ней. Крайне осторожно он вытянул руку и попробовал погладить животное по шее.

— Нет, — вздохнула Иста. — Сегодня день откровений. — Иллвин был одет в лёгкие льняные штаны и всё ту же рубаху с искристой нитью, видимо, уже подготовился к предстоящей роли. Эрис выглядел почти так же, как в тот день, когда Иста увидела его впервые, от чего у неё перехватило дыхание. Только сейчас на кольчуге и плаще не было пятен крови. Ещё не было. Подойдя к ней, он мягко улыбнулся:

— На одно слово, рейна, прежде чем я уеду. На два слова.

— На сколько хотите. — Он понизил голос:

— Сначала, я хочу поблагодарить вас за то, что подарили мне возможность умереть лучшей смертью. Менее постыдной, низкой, глупой, чем моя первая.

— Даже в таком количестве наши люди могут удивить, — мрачно заметил Иллвин.

В дальнем конце двора коней готовил едва ли десяток солдат. Среди них был Пежар; лицо у него лихорадочно горело, заметила Иста. Ему следовало бы лежать на соломенном тюфяке, а не отправляться на вылазку. Сколько людей в Порифорсе ещё могут передвигаться пешком?

Эрис коротко улыбнулся брату и не стал спорить, пытаться поправить его, не стал вырывать у него из рук последнюю надежду. Он повернулся к Исте:

— И у меня есть просьба.

— Я сделаю всё, что в моих силах.

Его ясные глаза пронзительно взглянули на неё; она почувствовала себя мишенью.

— Если этой ночью ди Льютесу удастся умереть достойно, позвольте ему завершить то, что он оставил незаконченным много лет назад. Пусть та победа, которую мне удастся завоевать, навсегда поглотит ту старую жестокую ошибку. Пусть заживёт та рана, что нанёс вам другой ди

Льютес.

— *Ох,* — выдавила Иста. *Ох.* Она не могла позволить голосу дрогнуть; всё-таки она при исполнении обязанностей. — Мне передали для вас послание.

Он поднял брови; это заявление застало его врасплох:

— Ни один курьер не проникал сегодня сквозь джоконскую блокаду. Кто отправил послание?

— Я только что встретилась с Ним на лестнице. Вот оно. — Иста сглотнула, чтобы голос не изменил ей:

— Ваш Отец призывает вас к Себе, к Своему Двору. Вам не следует собирать вещи; вы отправитесь туда, облечённый той славой, что окружает вас. Он с нетерпением ждёт у ворот Своего замка, чтобы поприветствовать вас, Он уже приготовил для вас место рядом с Собой за Его высоким столом, среди великих душой, благородных и возлюбленных детей. Я говорю правду. Склоните голову.

Широко распахнув глаза, поражённый до глубины души, он подчинился. Она коснулась губами его лба, его бледной нетеплой и нехолодной кожи, нетронутой потом. Её губы как будто оставили ледяной след, который испарился в тяжёлом ночном воздухе. Перед её внутренним

зрением появилась новая линия, тонкая нить серого света протянулась от неё к нему. *Это линия жизни.* Она может, откуда-то Иста знала это, неразрывно растянуться от одного края земли до другого. *Ох.*

— Нет сомнений, — прошептал он в благоговейном трепете, — мы благословлены.

— Да. Потому что мы благословили друг друга. Да пребудет покой в вашем сердце. Так будет хорошо.

Она отступила в сторону, позволив Иллвину обнять брата. Иллвин отнял Эриса от груди и, держа за плечи, с изумлённой улыбкой заглянул в эти странные ликующие глаза, которые как будто созерцали происходящее из великой, ускользающей дали. И всё же прохладные губы ласково улыбнулись ему. Иллвин помог ему сесть на болезненно покорного рыжего жеребца, в последний раз проверил подпругу, стремена и сбрую и привычным жестом хлопнул брата по затянутой в кожу ноге. Потом отступил.

Иста огляделась — в глазах щипало, зрение застилала влажная пелена — и увидела Лисе, стоящую у коня Фойкса. Юноша уже был в седле. Он отсалютовал Лисе, как принято в Ордене Дочери, — коснувшись лба. Она ответила ему

курьерским салютом, сначала дотронувшись до сердца. Встретившись взглядом с Истой, Фойкс отсалютовал и ей; она осенила его пятикратным знаком благословения.

По тихому приказу командира жалкая дюжина людей Эриса оседлала коней. Никто ничего больше не сказал.

— Лисе, — Иста запнулась и откашлялась. — Лисе, — начала она снова, — пойдём со мной. Пора отправляться в башню.

И Лисе, и Иллвин последовали за ней, и они направились обратно к арке. За спиной Иста слышала скрип открывающихся ворот Порифорса, металлический скрежет цепей подъёмного моста разнёсся среди умирающих цветов. Иллвин на секунду обернулся, глядя в испещрённую огнями тьму, но Иста запретила себе смотреть назад.

Глава двадцать четвёртая

Ноющие ноги Исты несли её вверх по узким ступеням башни, камень стен под ладонями был шершавым на ощупь, — вперёд, выше, к квадрату неожиданно яркого света. Вдоль парапета с северной и южной сторон стояли ряды свечей, воткнутых в капельку собственного воска; в неподвижном ночном воздухе их пламя горело ровно и ясно. Жар будто бы поднимался к чёрному звёздному небу, но всё же здесь, на вершине башни, воздух не был таким спёртым и затхлым, как внизу во дворе.

После их прихода площадка, казалось, была переполнена людьми. Иста обозрела приготовления, которые были произведены по её приказу, и облегчённо вздохнула. С одной стороны на тюфяке, накрытом простыней, безмолвно лежала одетая в платье леди Каттилара. Другой тюфяк рядом с ней, тоже застеленный старой простыней, был пуст. Женщина-швея, держащая наготове иголку и нитки, Горам и мудрейший ди Кэйбон, одеяния которого снова были безжалостно запятнаны, с нетерпением ждали их прихода. Этой небольшой компании вполне достаточно;

те немногие целители и служители Ордена Матери, что остались в живых в осаждённом городе, лежали, сражённые лихорадкой, или не могли пробраться по разрушенным туннелям в замок для оказания помощи.

Иллвин, появившись из тёмного проёма лестницы, заслонил рукой глаза от света свечей:

— Рейна, как же ты собираешься смотреть вниз и наблюдать за продвижением моего брата?

— Следить за ним я буду иными глазами. Слугам нужно видеть вас.

Она коснулась материальной рукой серой нити, словно желая ещё раз увериться в её существовании; нить спиралью выходила из её сердца и исчезала внизу во тьме.

— Теперь я его не потеряю.

Он пробормотал что-то вроде мрачного согласия, набрал в грудь побольше воздуха и сел на пустующую подстилку. Отложив меч в сторону, он стянул с себя пёструю, влажную от пота рубаху и закатал штанины. Горам помог ему снять сапоги. Иллвин вытянул длинные ноги и лёг на спину; лицо его было не столько спокойным, сколько суровым, тёмные расширенные глаза смотрели на звёзды. Влажные клочки облаков пересекали сияющий небосвод, словно серые перья.

— Я готов.

Его голос был хриплым, но не от недостатка воды, подумала Иста.

Она слышала, как внизу в замке скрежетали цепи, медленно поднимавшие мост, бряцала сбруя и эхом отдавался от стен замирающий вдали стук копыт. Серая нить дрожала в озере лежащей внизу тьмы, словно леска, на которую попалась крупная рыба.

— У нас немного времени. Нужно начинать.

Она опустилась на колени между двумя подстилками.

Иллвин взял её ладонь и прижал к губам. Отнимая руку, Иста ласково коснулась его гладкой брови. Рейна сосредоточилась. И отрешившись от грустной картины, представшей перед её обычными глазами, потянулась к комку света и тени, каким сейчас являлся для неё мир духов. Она догадывалась, что боги наверняка упростили его для неё, что на самом деле он сложнее, недоступнее. Но это дано ей, и это нужно сделать.

Она укрепила соединение с тонкой белой струйкой, тянущейся из сердца Иллвина, и раскрыла канал. Огонь души хлынул из него и, присоединившись к вялому, сердитому потоку, идущему из Каттилары, понёсся в ночь, следуя серой нити,

но не касаясь её. Жизнь сошла с лица Иллвина, сделав черты неподвижными, восковыми. Иста вздрогнула.

Она отвернулась и перевела взгляд на спящую Каттилару. Демон у неё в груди зашевелился. Слишком сильно напряжено всё вокруг, это может привести к фатальным последствиям. То, что предстояло сделать Исте, было действительно опасно, опасно для всех, но она не могла поступить иначе. Слишком много душ пошло на риск этой ночью…

Она обратилась к Каттиларе, перемещая пламя её души по направлению к голове. Демон попытался последовать за ним. Она положила отмеченную снежинкой руку на горло Каттиларе, удивлённо отметив, что пальцы начали источать серый свет. Демон отпрянул, в ужасе закричав. Глаза Каттилары раскрылись.

Она попыталась приподняться, но только обнаружила, что тело парализовано:

— Вы! — прорычала она Исте. — Будьте прокляты, отпустите меня.

Иста позволила себе тяжело вздохнуть:

— Эрис уехал. Пожалейте его врагов, потому что смерть спускается к ним из темноты верхом на коне-демоне, неся с собой меч и огонь. Многие

разделят его путь в объятия Отца этой ночью, их души, словно изорванные знамёна, предвестят его приход. Пришло время сделать выбор. Вы поможете ему в этом последнем пути или будете препятствовать?

Голова Каттилары заметалась из стороны в сторону:

— Нет! Нет! Нет!

— Сам бог ожидает его, Он Сам, затаив дыхание, ждёт вашего решения. Сердце Эриса рвётся к руке его Отца, словно птица-вестник. И даже если заставить его вернуться, он проведёт остаток жизни, который, думаю, будет весьма краток, у окна, тоскуя о последнем приюте. Он не станет благодарить вас. Он не сможет любить вас, потому что сердце его будет принадлежать иному миру. Он может даже начать ненавидеть вас, зная, какой славы вы лишили его. В последний момент, в последний миг перед выбором задумайтесь не о том, чего желаете вы, а чего жаждет он; подумайте не о своём благополучии, а о его более великом благе.

— Нет! — воскликнула Каттилара.

— Что ж, хорошо. — Иста потянулась, чтобы разорвать соединение, уголком глаза наблюдая за мятущимся и бунтующим демоном.

Каттилара отвернулась и прошептала:

— Да.

Иста замерла и выдохнула.

— Я молю, — тихо произнесла рейна, — чтобы боги услышали меня и донесли моё тихое «да» до своего пятикратного царствия раньше, чем громкое «нет». Да будут мои слова услышаны, чтобы я услышала вас. — Она судорожно сглотнула. — Крепко держите демона. С ним будет нелегко справиться.

— Мне будет больно? — спросила Каттилара. Её глаза наконец встретились с Истиными. Голос было бы не слышно, если бы не звенящая тишина, царившая на площадке. На наблюдавших за происходящим людях даже не шелестела одежда.

Да, нет, понятия не имею.

— Думаю, да. Все роды болезненны.

— Ох. Хорошо. — Она снова отвернулась, но уже ничего не отвергала. Глаза её были влажными, но лицо всё так же напоминало резную слоновую кость.

Иста подняла руку, но её вмешательства не потребовалось. Лицо Каттилары расслабилось, белый огонь с удвоенной силой хлынул у неё из сердца и присоединился к пламени Иллвина, образовав мощный поток, с рёвом низвергшийся

через парапет. *Ты не один, Эрис. Сердца тех, кто любят тебя больше всех, теперь рядом с тобой.* Она надеялась, что на том конце белой линии их дар принёс его телу вдохновение.

Иста поднялась и подбежала к парапету, приказав остальным готовить перевязки, ткань и жгуты. Она смотрела в темноту, которую, словно ленты, пересекали дороги, в темноту, где равнины напоминали туманные одеяла, скомканные на разорённой постели, а деревья в чёрной роще стояли неподвижно, как часовые. Во вражеском лагере горело несколько дозорных костров, джоконские всадники медленно перемещались из стороны в сторону вне зоны досягаемости арбалетного выстрела. Сгусток движущихся теней приблизился к деревьям, проскользнув между патрульными.

Она обратилась к иному зрению и проследила направление белого потока и тонкой серой нити, туда, где двигались двенадцать искорок, верхом на огоньках послабее. Можно было различить сероватое мерцание Эриса; отмеченная фиолетовым тень Фойкса светилась ещё ярче. Она отчётливо видела всё, что происходило внизу, когда Эрис пустил подсвеченный демоническим огнём контур коня галопом. Марч быстро

приближался к неподвижному, яркому пятну магического света, словно ястреб, несущийся на ничего не подозревающую добычу.

— Вы видите Фойкса? — прошептал прерывающийся голос Лисе ей в ухо.

— Да. Он рядом с Эрисом.

Никаких криков тревоги не было слышно до тех пор, пока не рухнула первая палатка. Когда же наконец тишину ночи разрезали вопли и звон стали, конный патруль ринулся обратно в лагерь. Внезапно, над лагерем, искрясь, взвилась змея колдовского огня. Голубоватая вспышка огня души взметнулась вверх, отделяясь на глазах у Исты от комка неистового фиолетового свечения, который метнулся прочь, увлекая с собой вырванные клочья души. Голубоватая вспышка зашлась в агонии и потухла, исчезнув *где-то.* Фиолетовый комок приземлился на движущуюся среди деревьев искорку души; оба — и демон, и новый его носитель — рухнули на землю, переживая это соединение. Но змея больше не появлялась.

— Один есть, — сообщила Иста.

Атакующие не перекрикивались, не звали друг друга, они двигались в мрачной, полной решимости тишине. Бледные очертания другой палатки, скрывающей в себе ещё одну лиловую змею,

закачались из стороны в сторону, затряслись и обрушились вниз. Джоконский маг собирал силы, чтобы сразить нападающего. Иста видела, как вспышка магической энергии пронзила Эриса, и слышала, как оборвался удивлённый вопль мага. Она даже решила, что еле слышный из дали, текучий звук ознаменовал отрубленную голову. Ещё один фиолетовый комок отделился от белого вихря. Потрясённое и кувыркающееся лиловое создание, не разбирая дороги, ворвалось в коня, нёсшего на себе джоконского всадника. Животное споткнулось, заметалось из стороны в сторону, сбросило седока и, встав на дыбы, устремилось прочь по дороге в Оби. Выпущенная змеиная голова потянулась вслед, словно ища, куда бы ударить, а потом потухла, рассыпавшись искрами.

— Двое, — сказала Иста.

Из-за деревьев взметнулось неровное пламя, жёлтое и яркое, поглотив в себе палатку. За рощей в больших зелёных палатках стали зажигаться огни. Иста не сомневалась, что в тот момент, когда был нанесён первый удар, маги спали, но теперь, разбуженные Джоэн, если до этого сами не проснулись от шума, они уже были на ногах. Как быстро смогут сбитые с толку джоконцы

организовать защиту? Нанести ответный удар? Ещё одна белая вспышка, но на сей раз без фиолетового спутника, взметнулась вверх. Погиб кто-то из простых вражеских солдат или один из товарищей Эриса? Иста поняла, что с точки зрения бога, в этом нет никакой разницы. Все рождения и смерти равны в том царстве.

— Трое, — доложила она, когда прорыв продолжился.

— Мы побеждаем? — выдохнула Лисе.

— Зависит от того, что ты считаешь победой.

Только на четвёртой палатке нападающие встретили сопротивление. Три магические змеи объединили свои усилия. Судя по всему, Эрис оказался невидим для них, потому что они сосредоточили внимание на Фойксе. Очевидно, они решили, что другой маг представляет более серьёзную опасность для них, и посчитали Фойкса главой или ядром вражеской атаки. Свет душ закачался, заметался, завертелся перед мало что различающими чувствами Исты. Медведь, рыча, попал под огненную сеть. Однако четвёртая и пятая змеи лишились голов, и клочья душ, мечась в предсмертной агонии, взмыли вверх навстречу лучащейся заре. Из дальней мерцающей зелёной палатки до Исты донёсся женский крик, но

расстояние и яростная интонация говорящей мешали разобрать смысл рокнарских слов.

— Мне кажется, они взяли Фойкса, — сказала Иста. За спиной она услышала сдавленный вдох.

— Помогите! — крикнула швея. Побледневшая Лисе развернулась и бросилась на своё место подле Каттилары.

На правом бедре и Каттилары, и Иллвина появились длинные тёмные порезы. Красно-коричневые пульсирующие мышцы, белесые полосы сухожилий — потом обе раны-близнецы наполнились алой жидкостью. Швея и Лисе, Горам и ди Кэйбон поспешили втереть мази и перевязать порезы, остановить кровь.

Да. Да, подумала Иста. Её стратегия сработала. Если бы принимающий был один, то рана бы дошла до кости. Половина раны вполовину менее опасна. Она чуть не разразилась громким, мрачным смехом, представляя смятение противника Эриса, который чувствовал удар, резким движением вытаскивал клинок из кости, рукой ощущал звон и знал, насколько сильно он ударил, — и вот, рана заживает прямо у него на глазах… И действительно, дикий вой, который эхом разнёсся над рощей, вполне мог принадлежать этому солдату. *А вы думали, что обрушили*

все возможные кошмары на Порифорс, и сидели себе спокойно. Теперь смотрите, чем Порифорс отплатит вам. Мы выстоим, мы выстоим.

Ещё совсем недолго.

Иста снова попыталась рассмотреть то, что происходило под сенью деревьев. Она могла проследить за движением Эриса среди палаток по крикам ужаса, которые испускали враги при виде его бледного лица и смертоносного клинка. И по вихрям белого огня, рвущимся вверх там, где он прошёл. Он уже лишился коня; Иста не могла точно сказать, когда это произошло. Оставалось надеяться, что он не один, что есть ещё кто-то, кто прикроет его со спины.

Думаю, теперь он всё же один.

Сзади донёсся странный вязкий звук. Она оглянулась и увидела, что её помощники изо всех сил прижимают тряпки и повязки к животам Иллвина и Каттилары. *Это арбалетный выстрел.* Интересно, Эрис вынул стрелу и бросил её в изумлённых противников или оставил её на месте, словно эмблему. Для любого другого, в любое другое время, удар был бы смертельным. *Скоро этих ударов станет больше. Клянусь богами, ди Льютес знает, как умереть трижды, и даже три раза трижды, если нужно.*

Она упала на колени рядом с парапетом, цепляясь пальцами за камень.

Ей казалось, будто огромный тёмный ледник, ледяная плотина в её душе начала таять, словно на неё обрушился жар тысячи летних солнц. Лёд раскалывался, рассыпался на части. И неизмеримо глубокое и столь же широкое озеро льдисто-зелёной воды поднималось выше, выжидательно волновалось от края до края, тревожа воду от самой кромки до необозримых глубин. *В парадном дворе я передала благословение тебе. Но теперь ты вернул это благословение мне. Мы обменялись спасением. Пятеро богов следят за нашими деяниями в этот предрассветный час.*

Вы, пятеро, должны внушать нам благоговейный страх. Но, мне кажется, и мы должны внушать благоговейный страх Вам.

— Семь, — прошептала она вслух.

Но потом что-то пошло не так. Задержка, а затем отступление. Много, слишком много искорок душ металось вокруг него. *Теперь он окружён, путь к бегству отрезан. Десятки врагов, что бежали прочь, возвращаются; воодушевлённые собственным количеством, они набрались смелости сразить его.*

В кругу врагов твой Отец приготовил для тебя

пир, за тем столом, который Он накрыл для тебя так давно. Всё перед тобой…

Ещё один вязкий звук и ещё. Сзади раздался резкий голос Лисе:

— Леди, слишком много ран! Вы должны остановить это! — Ди Кэйбон напряжённо прогрохотал:

— Рейна, помните, вы обещали лорду Эрису, что Каттилара будет жить!

А некий толстый бог обещал жизнь Иллвина мне, если я не подведу Его. Если мы оба останемся в живых. Данный богом любовник, упрямый и наглый, как облезлый бродячий кот, сумевший втереться мне в доверие. Только если я буду продолжать его кормить.

Она посмотрела через плечо. Тело Иллвина подпрыгнуло вверх, подброшенное мощным ударом, пришедшимся Эрису в спину, и Горам, с безумным выражением лица, перевернул хозяина на живот, чтобы осмотреть алую дыру. Белая кисть Каттилары отделилась от руки, и Лисе бросилась останавливать фонтан крови.

Время пришло. О да, время пришло. Иста схватила поток белого пламени, несущийся у неё мимо плеча. Струя оборвалась. Белые брызги посыпались в разные стороны из её сжатого кулака. Фиолетовый канал распался. Белый огонь,

постоянный спутник её внутреннего зрения в последние дни, иссяк.

Неуверенная тишина, а затем в тени рощи раздался нелепый, истеричный вопль триумфа, несущийся из полусотни джоконских глоток.

Ледяная плотина взорвалась. Стена воды ринулась вверх, достигла верхней точки и рухнула вниз, размывая берега, разнося границы души всё шире и шире, вымывая накопившиеся за всю жизнь камни, булыжники, комки сгнившего мусора. Всё это, кипя и рыча, изливалось вовне. Иста широко раскинула руки, открыла рот, отправляя прошлое в небытие.

Серая нить, практически исчезнувшая из виду в ярких вспышках, уплотнилась и достигла размеров туго натянутого каната. Этот канат стал двигаться сквозь её новую, расширенную, душу, всё быстрее и быстрее, до тех пор, пока не начал словно бы дымится от трения, как перегруженная плетёная верёвка, которая вот-вот загорится. В какую-то секунду удивлённая, бьющаяся в агонии и пребывающая в экстазе душа Эриса прошла сквозь неё.

Да. Все мы, каждое живое существо — врата между двумя царствами: царством материи, которое дарует нам рождение, и царством духа,

где мы рождаемся в смерти. Эрис упустил свои врата, навеки потерял дорогу к ним. И мне было дано ненадолго уступить ему свои. Но такой великой душе врата нужны просторные: так вбей мои створки, сломай мои стены, проложи широкий путь и беспрепятственно войди, я позволяю тебе. И прощай.

— Да, — прошептала Иста. — Да.

Он не оглянулся. Представляя, что он увидел, переступив порог, Иста совсем не удивилась.

Всё окончено, Сир. Надеюсь, вы сочтёте, что я выполнила своё задание хорошо.

Она не слышала голоса, не видела светящегося силуэта. Но ей показалось, будто бы кто-то ласково коснулся её лба там, где болело и ныло уже столько часов подряд, будто бы голову стягивал плотный железный обруч, — и боль ушла. Конец боли был словно утреннее пение птицы.

Это действительно утреннее птичье пение, смутно сообразила она, здесь, в милом сердцу царстве материи, из кустов у подножья замка доносилась весёлая, беззаботная трель. Серые перья облаков на фоне меркнущих звёзд только начали окрашиваться огненно-розовым цветом, разливающимся от востока к западу. Тонкая нить лимонно-жёлтого цвета очертила горизонт на

востоке.

Иллвин застонал. Иста обернулась и увидела, что он сидит, опираясь на ди Кэйбона, и срывает пропитанные кровью повязки со своего нетронутого ранами тела. Его губы в смятении раскрылись, когда он увидел следы произошедшего, которые становились краснее по мере того, как краски дня возвращались в мир.

— Пятеро богов. — Он сглотнул поднимающийся ком. — В конце явно было плохо. Не так ли.

Это был не вопрос.

— Да, — ответила Иста. — Но теперь он ушёл. Он вне опасности.

Внизу, в роще, охваченные ужасом джоконцы, она знала это, каким-то непостижимым образом, разрубали тело Эриса на куски, разрывали его на части, боясь, что он ещё может вновь собраться и напасть на них. Но нет необходимости сообщать сейчас об этом Иллвину.

Рядом, сжавшись в комочек, лежала Каттилара. Она тихо-тихо всхлипывала, едва дыша, и так крепко прижимала к себе губку, которой ей затыкали рану на животе, что между её пальцев струилась кровь. Швея неуклюже и бесполезно гладила её по плечу.

Мир вокруг Исты потемнел, как будто заря,

испуганная представшей перед ней картиной, снова спряталась за линией горизонта. Проникший к ней в голову, словно обычный путник, Голос, уже такой знакомый, ироничный и безграничный, произнёс:

Моё Слово. Как тут просторно стало, а?

— А *Ты* что здесь делаешь? Я думала, это поле боя теперь принадлежит твоему Отчиму.

Ты пригласила Меня. Давай, давай, не отпирайся: Я слышал, как ты шептала там, в углу.

Иста не была уверена, что у неё остались на это эмоции. Ярости, по крайней мере, точно не осталось. Эта свободная тишина может быть как результатом покоя, так и следствием потрясения. Но Бастард — бог, к которому следует относиться с особой осторожностью.

— А почему Ты не появишься передо мной?

Потому что Я стою позади тебя. В Голосе появились тёплые, весёлые нотки. Давление огромного живота будто обожгло ей спину, одновременно она почувствовала, как его бёдра непристойно прижались к её ягодицам и огромные руки опустились ей на плечи.

— У Тебя отвратительное чувство юмора, — слабо сказала она.

Да, а ты сразу же понимаешь все Мои сальные

шуточки. Я люблю женщин с острым слухом. Он выдохнул ей в ухо. *Клянусь, в пару к ним у тебя должен быть острый язычок.*

Её рот наполнился огнём.

— Зачем я здесь?

Чтобы завершить победу Эриса. Если сможешь.

Голос исчез. Темнота превратилась в бледный свет полосатой зари. Она обнаружила, что стоит на коленях на смотровой площадки башни в объятиях обеспокоенного Иллвина.

— Иста? Иста! — говорил он ей в ухо. — Рейна, дорогая, не пугай, пожалуйста, несчастного голого рыцаря. Скажи что-нибудь, ладно?

Она моргнула затуманенными глазами. Он лишь частично голый рыцарь, разочарованно отметила она. Заляпанные кровью лохмотья, оставшиеся от льняных штанов, всё ещё прикрывали его бёдра. И всё же он являл собой потрясающее зрелище — тёмные склеивающиеся волосы спутанной массой спускались ему на лицо и плечи, потные, со следами копоти, вонючие, все в красных разводах. Но все шрамы на его теле были старыми, залеченными, бледными. Он облегчённо выдохнул, когда увидел, что она смотрит на него, и наклонился, чтобы поцело-

вать. Она ладонью преградила дорогу его губам:

— Подожди, не сейчас.

— *Это* что ещё такое? — удивился он.

— Ты что-нибудь слышал? Или видел?

— Нет, но готов поклясться, что ты и видела, и слышала.

— Но ты не станешь клясться и утверждать, что я безумна?

— Нет.

— Однако ты не видел божественного света, не слышал голосов. Так откуда ты знаешь?

— Я видел лицо брата, когда ты благословила его. И твоё, когда он благословил тебя. Если это безумие, я побегу по дороге в той одежде, что сейчас на мне, босиком.

— А я медленно побреду.

— …Хорошо.

Он помог ей подняться на ноги. Лисе встревожено спросила:

— Рейна, а что с Фойксом? — Иста вздохнула:

— Фойкс упал в гуще солдат и магов. Но я не видела, как возносится его душа, не видела, как бежит демон. Боюсь, он в плену, возможно, ранен.

— Это… нехорошо, — сказал ди Кэйбон, продолжая стоять на коленях у подстилки Иллвина. Зубы

у него немного постукивали, выбивая нервную дробь. — А вы не думаете… не думаете, что Джоэн может привязать его к своему отряду магов?

— Думаю, может, дайте только время. Единственное, чего я не знаю, так это то, сколько он сможет противиться ей.

Пятеро богов, я не хочу потерять ещё одного мальчика.

— Совсем нехорошо, — согласился Иллвин.

Он едва успел вздохнуть, стараясь удержаться на ногах, когда воздух прорезал крик Горама:

— Леди Катти! Нет!

Иста резко развернулась. Каттилара уже стояла на ногах, окровавленное платье складками ниспадало вниз. Глаза её были расширены, рот приоткрыт. Свет демона внутри достиг краёв её тела и яростно пульсировал.

— Демон поднимается! — крикнула Иста. — Он забирает её. Хватайте, не дайте ей сбежать!

Горам, оказавшись ближе всех, попытался схватить Катти за руку. В её ладони возник фиолетовый огонёк, и она швырнула его в грума. Он упал, корчась о боли. Иста сделала шаг марчессе навстречу, преграждая путь к спуску с башни. Каттилара было подалась вперёд, но потом вдруг отшатнулась, подняв руки, чтобы прикрыть

глаза. Она затравленно огляделась. Колени напряглись, и она прыгнула к стене.

Лисе рванулась за ней и ухватила Катти за лодыжку. Та принялась извиваться, ругаться и хватать Лисе за волосы. Иллвин метнулся вперёд, на секунду замер, примериваясь, и точно ударил её по боковой части головы. Полупарализованная, она осела на пол.

Иста подбежала и опустилась рядом с ней на колени. Она как будто видела демона, словно опухоль, распустившего щупальцы в теле Каттилары. Он обвился лозой-паразитом вокруг дерева её души, высасывая силы, жизнь и свет. Крадя составляющие личности — язык, знания и воспоминания, которые, ввиду полной хаотичности собственной природы, не мог создать сам.

Ох. Теперь я знаю, как сделать это.

Она потянулась призрачными руками и взяла демона, отдирая упирающиеся щупальцы от души Каттилары. Он неохотно поддавался, дёргаясь, словно морское существо, которое вытаскивают из воды. Иста подняла материальную руку и, растопырив пальцы, принялась, словно комки вычесанной шерсти, отводить обратно тянущиеся вслед за демоном обрывки Каттиной души. Так до тех пор, пока у неё в руке не остался только

демон. Она с сомнением поднесла его к лицу.

Да, подсказал Голос. *Всё правильно. Продолжай.*

Она пожала плечами, засунула демона в рот и проглотила.

— А теперь что? Собираешься доводить эту метафору до логического завершения? Очень на Тебя похоже.

Я избавлю тебя от этого, сладкая Иста, — произнёс изрядно повеселевший голос. *Но мне нравится твоё отвратительное чувство юмора. Думаю, мы поладим, правда?*

В её закованной в броню душе не было трещины, куда бы демон мог вклиниться, зацепиться и удержаться; и не только потому, что сейчас её душу наполнял бог. Она чувствовала, как демон, сжавшийся от ужаса, вышел с другой стороны её души. Прямо в руки своего Владыки. Ушёл.

— А что происходит с частичками душ, которые остались в нём? — обеспокоено спросила она. Но Голос снова исчез или по какой-то причине не счёл нужным ответить.

Каттилара сжалась на площадке башни, тяжело дыша и коротко всхлипывая.

Иллвин с виноватым видом откашлялся и потряс рукой:

— Демон пытался заставить тебя разбиться насмерть и таким образом освободиться, — сказал он ей.

Она повернула к нему опустошённое лицо. Прерывающимся голосом она выговорила:

— Я знаю. Хотела бы, чтобы ему это удалось. — Иста жестом подозвала швею, Горама и Лисе:

— Отведите её в постель, позовите её фрейлин. Обеспечьте ей все удобства, которые ещё можно найти в замке. Не позволяйте ей оставаться одной. Я зайду к ней, когда смогу.

Она смотрела, как вниз по спиральной лестнице уводят уставшую всхлипывать Каттилару, которая бессильно опиралась на швею и упорно сторонилась Лисе.

Иста повернулась и обнаружила, что Иллвин и ди Кэйбон тревожно перегнулись через парапет с восточной стороны, разглядывая джоконский лагерь в лучах восходящего солнца. Наполовину скрытый деревьями, он весь находился в движении. Клубы дыма всё ещё поднимались от тех палаток, которые нападающие успели сжечь. Отбившаяся от стада осёдланная лошадь убегала от солдата, пытающегося её поймать; влажный утренний воздух доносил до них ругательства на рокнари. Иста в надежде склонила голову, но

конь не оказался рыжим жеребцом Иллвина.

— Так что случилось, рейна? — спросил ди Кэйбон, растерянно глядя вниз. — Мы выиграли или проиграли?

— Это была великая охота. Эрису удалось убить семерых магов, прежде чем они сразили его. Он запнулся на восьмом. Думаю, это была колдунья. Интересно, была ли она молода и прекрасна, так что он не смог заставить руку двигаться достаточно быстро?

— Ах, — грустно протянул Идллвин. — Это было бы для Эриса настоящей погибелью.

— Быть может. В любом случае, джоконцы поняли, как малы его силы, и стали объединяться против него. Но освобождённые демоны разбегались в разных направлениях, и Джоэн ни одного не смогла поймать.

— Увы, у нас нет ещё двух Эрисов, чтобы довершить начатое, — возразил Иллвин. — Настал черёд обыкновенного мужчины попробовать свои силы.

Он расправил плечи и нахмурился. Иста покачала головой:

— Джоэн сделала нам больно, теперь мы ответили ей тем же. Но ещё не нанесли ей поражение. У неё на поводке осталось ещё одиннадцать ма-

гов и едва тронутая армия. Она в ярости; её атаки усилятся, пощады не будет.

Ди Кэйбон осел на парапет, толстые плечи ссутулились:

— Тогда Эрис ездил зря. Мы пропали.

— Нет. Эрис выиграл для нас всё. Нам нужно только протянуть руки и забрать приз. Вы же, мудрейший, не спросили меня, что я сделала с демоном Каттилары.

Его брови поползли вверх, и он повернулся к ней:

— Вы снова связали его внутри неё, как и раньше?

— Нет. — Губы Исты сложились в улыбку, которая заставила его отшатнуться. — Я съела его.

— Что?

— Не смотрите на меня так; это метафора вашего бога. Я наконец поняла тайну второго поцелуя Бастарда. Теперь я знаю, как святая из Раумы извлекала демонов из этого мира и возвращала их законному Владыке. Потому что теперь, судя по всему, эта честь выпала мне. Прощальный подарок Эриса, или лучше, нечто, что он сделал возможным. — Она вздрогнула от скорби, которой она ещё не разрешала вырваться наружу. — Иллвин.

Её голос был резким, требовательным; он вырвал его из печальной вялости, которая, казалось, охватила его, потому что он всем весом опирался на стену и смотрел в никуда. За последний час он потерял, напомнила она себе, пугающее количество крови, тем более для и без того истощённого человека. Его кровь, смешанная с Каттиной, лужицами собиралась по всей смотровой площадке. Все его раны закрылись, словно б их и не было, если не считать шва, пересекающего плечо. Он оглянулся и по совиному моргнул.

— Какой самый быстрый и надёжный способ мне оказаться лицом к лицу с Джоэн?

Ни на минуту не задумавшись, он ответил блестяще и просто:

— Сдаться.

Потом с ужасом в глазах посмотрел на неё и зажал рот руками, будто бы у него с губ сорвалась жаба.

Глава двадцать пятая

Иста как раз закончила мыться или, скорее, обтирать себя тряпкой, смоченной в кружке воды. Когда Лисе вернулась в её спальню. В руках она сжимала ворох белых одеяний, так что внутреннюю дверь ей пришлось открывать бедром.

— Это лучшее, что женщинам Каттилары в спешке удалось найти, — сообщила она.

— Хорошо. Положи всё на кровать. — Иста снова запахнула перепачканный чёрный халат и подошла осмотреть принесённое. Конечно, это не назовёшь купанием в полном смысле слова, но то, что чистой одежды будет касаться менее липкая кожа, не казалось чем-то неправильным. — Как марчесса?

— Сейчас она спит. Или лежит без сознания. Глядя на неё, точно не скажешь. Она вся бледная, даже посерела как-то.

— В любом случае, хорошо. Кровь, пролитая на башне, даёт ей право на покой.

Иста перебирала ворох платьев. Льняная рубаха цвета свежих сливок, украшенная тончайшим шитьём, на вид была достаточно короткой, чтобы не путаться в ней ногами. Изящное платье, вы-

шитое сверкающими белыми нитями, от которых подол делался тяжелее, совершенно очевидно, было нарядом для празднования Дня Бастарда. Неизвестная вышивальщица пустила по его краю очаровательную вереницу крошечных переплетающихся мышей и воронов.

— Замечательно, — пробормотала Иста, беря платье в руки. Она заметила, что снежинка с левой ладони исчезла, хотя холодное ощущение на коже осталось.

— Миледи… а вам не кажется это некоторой *провокацией* — отправиться в руки кватерниан-цев, одетой в цвет Бастарда?

Иста мрачно улыбнулась:

— Пусть они так считают. Думаю, настоящее значение этого им не разгадать. Нужно поторопиться. Завяжи, пожалуйста, ленты на спине потуже.

Лисе подчинилась, стянув ей изящную талию. Иста надела платье, встряхнула широкими рукавами и сколола ткань под грудью серебряной аметистовой траурной брошью. Значение этой фамильной ценности, с тех пор как она вступила во владение ею, изменилось раз десять. Все старые беды, которые она символизировала до этого, полностью исчезли прошлой ночью. Теперь Иста

носила её, предаваясь горькой скорби о Эрисе и о тех, кто отправился с ним. В этот час всё в ней должно быть по-новому.

— Теперь волосы, — сказала она, усаживаясь на скамеечку. — Главное — быстро и аккуратно. Не хочу быть похожей на безумную, повалявшуюся под забором, или на стог сена после удара молнией. — Она улыбнулась, вспомнив. — Заплети их в косу.

Лисе напряжённо сглотнула и начала расчёсывать пряди. И произнесла в четвёртый, а то и в пятый раз после того, как они спустились в башни:

— Мне очень хочется, чтобы вы взяли меня с собой.

— Нет, — с сожалением ответила Иста. — В обычной ситуации безопаснее быть служанкой ценного заложника, чем оставаться в рассыпающейся на глазах крепости, вот-вот готовой сдаться. Но если мне не удастся сделать то, что я намереваюсь сделать, Джоэн сделает из тебя пищу для демонов, заберёт себе твой разум, воспоминания и отвагу. Или заменит тобой магов-рабов, которых Эрис убил прошлой ночью, и приставит ко мне не как служанку, а как стражника. А то устроит ещё что похуже.

Если Исте удастся… она понятия не имела, что случится потом. Святые не менее восприимчивы к оружию, чем маги, как доказала её предшественница из Раумы.

— А что может быть хуже? — длинные движения расчёской прекратились. — Думаете, она уже поработила Фойкса и его медвежонка?

— Через час я это узнаю.

Что может быть хуже, если Лисе попадёт в руки Джоэн, — вдруг пришло в голову Исте. Это будет совершенный, жуткий союз двух сердец: скормить Лисе медведю Фойкса и позволить чувствам Фойкса свести его с ума от ужаса и печали, когда их души воссоединятся… Потом она задумалась, чей ум чернее и изощрённее: Джоэн, чтобы сделать такое, или её собственный, чтобы подумать так о Джоэн. *Похоже, я всё же не очень-то приятный человек.*

Это хорошо.

— Тут есть несколько белых лент. Вплести их?

— Да, пожалуйста. — Сзади послышался знакомый приятный шорох заплетаемой косы. — Если у тебя будет шанс, я хочу, чтобы ты сбежала. *Это* теперь твой первостепенный долг передо мной, мой курьер. Донести всё то, что произошло здесь, несмотря на то что тебя могут счесть сумасшед-

шей. Лорд ди Кэсерил поверит тебе. Доберись до него любой ценой.

Из-за спины не доносилось ни звука.

— Скажи *«обещаю, рейна»,* — твёрдо приказала Иста. Непродолжительное упрямое молчание, а потом шёпот:

— Обещаю, рейна.

— Хорошо.

Лисе туго затянула последний узел, Иста поднялась. Белые шёлковые туфельки леди Каттилары Исте не подошли, но Лисе опустилась на колени и завязала у рейны на щиколотках ленты прелестных белых сандалий, которые оказались впору.

Лисе провела её через внешнюю спальню и открыла ведущую на галерею дверь, через порог которой Иста перешагнула.

Снаружи лорд Иллвин опирался на стену, скрестив руки на груди. Судя по всему, он тоже отыскал чашку воды, чтобы умыться, и несмотря на то, что воняло от него всё равно знатно, на ладонях и на свежевыбритом лице не было пятен грязи и крови. Одет он был в цвета придворного траура, в лёгкие ткани, подходящие для северного лета: чёрные сапоги, чёрные льняные штаны, чёрная туника без рукавов, отделанная тонкими лавандовыми полосами, фиолетовый парчовый

пояс с чёрными кистями, перехватывающий талию. День стоял жаркий, и он отказался от лавандового плаща, который Горам, беспокойно топчущийся рядом, держал, перекинув через руку. Грум собрал волосы хозяина в элегантную причёску из кос, как в первый, раз, когда она увидела его; морозно-чёрная коса, спускавшаяся на спину, была перетянута лавандовым шнурком. При виде Исты Иллвин выпрямился и отвесил ей принятый при дворе поклон, только усечённую его версию, потому что, как догадывалась она, полную ему мешала исполнить слабость, вызванная потерей крови.

— Что это? — с подозрением спросила она.

— Уж не думал, что ты так медленно соображаешь, милая рейна. А на что это похоже?

— Ты со мной не пойдёшь. — Он улыбнулся ей:

— То, что Порифорс, отдавая в плен вдовствующую рейну Шалиона-Ибры, не предоставляет ей сопровождающего, весьма превратно отразится на чести Порифорса.

— А я что говорила, — проворчала Лисе.

— Но теперь крепостью командуешь ты, — запротестовала Иста. — Тебе ни в коем случае нельзя покидать её.

— От Порифорса остались одни руины. Уже

практически нечего защищать, да и некому, но это я пока хочу скрыть от Сордсо. Утренние переговоры о твоей сдаче подарили нам то время, которое мы не смогли бы купить кровью. Так что если это последняя вылазка Порифорса, я по праву требую участия в ней. По несчастной логике этой ситуации, благодаря моей *недавней* бредовой идее, я не мог поехать со всеми и в полпрыжка исправить мою стратегию. Такая логика не имеет здесь права на существование.

— Если бы ты поехал со всеми, это бы ничего не изменило.

— Знаю.

Она в замешательстве изучала его:

— А ты случаем, впав в это отчаянное настроение, не пытаешься превзойти своего брата?

— Я никогда не мог превзойти его; и не вижу необходимости пытаться сделать это сейчас. — Он взял её за руку и большим пальцем принялся выводить успокаивающие круги у неё на ладони. — В юности я был отдан в учение Ордену моего бога, но я упустил его тихий зов. Я не упущу зов дважды. Тем более что я не вижу, как мне это сделать, потому что он стучит у меня в голове и орёт мне в ухо «Услышь!» так, что скоро обрушатся потолочные балки замка. Я провёл зрелость

бесцельно, хотя и славно послужил моему брату, но у меня не было лучшего направления. А теперь есть.

— Возможно, лишь на час.

— Часа будет достаточно. Если это правильный час. — Осиротевший паж Эриса влетел в каменный дворик и ещё у основания лестницы крикнул:

— Рейна? Они ждут вас у бокового входа.

— Иду, — ласково откликнулась Иста. Она хмуро посмотрела на Иллвина. — А джоконцы позволят тебе пойти со мной?

— Они будут счастливы заполучить ещё одного знатного пленника, причём без всяких усилий. И ещё это отличное прикрытие, под которым я смогу осмотреть их лагерь и подсчитать силы.

— И много ты насчитаешь, будучи пленником? — она недоверчиво покосилась на него. — Чем же ты будешь прикрываться?

Он поджал губы:

— Трусостью, милая Иста. Они думают, что мы предаём тебя в страхе за своё имущество, и поэтому решат, что я пошёл с тобой, чтобы спасти собственную шкуру.

— Не думаю, что им в голову придёт такая мысль.

— Тем лучше для моей бедной репутации.

Она моргнула, почувствовав странную лёгкость в голове:

— Если я потерплю фиаско, из тебя сделают пищу для демонов. Настоящий пир для джоконского мага-офицера. Может быть, для самого Сордсо.

— Да, но если тебе всё удастся, рейна! Ты подумала о том, что произойдёт потом?

Под его неуютным, тёмным, настойчивым взглядом она отвела глаза:

— То, что будет после, меня не касается.

— Так я и подумал, — торжествующим тоном произнёс он. — И ты обвиняешь *меня* в том, что я отчаялся! У меня больше нет аргументов. Пойдём?

Она поняла, что опирается на его руку, всё ещё пытаясь решить, удалось ли ему её убедить, или только смутить. Он повёл её вниз по ступеням, как будто бы они вдвоём возглавляли какую-то процессию, то ли свадебную, то ли коронационную, то ли просто праздничную, или вообще танцевали на паркете дворца рея.

Иллюзия пропала, когда они прошли мимо печальных руин двора в форме звезды, — здесь лежали распухшие трупы ещё двух лошадей, умерших сегодня утром, — миновали тень ар-

ки и попали в суматоху, царившую в парадном дворе. Дюжина человек — почти все в замке, кто мог стоять, — толпилась на стенах и глазела на джоконское посольство, замершее в ожидании по ту сторону укреплений. Две короткие круглые башни выдавались наружу из передней стены парадного двора, позволяя обстреливать с двух сторон внешние ворота. Ещё несколько солдат и широкая знакомая фигура в незнакомой одежде стояли у левой башни, в которой скрывалась боковая дверь. Иста и Иллвин, сопровождаемые Горамом и Лисе, остановились рядом с ними.

— Мудрейший. — Иста благосклонно кивнула ди Кэйбону. Он избавился от отличительных одежд своего Ордена не только потому, что его замызганные тряпки можно было, не задумываясь, бросить в огонь. Теперь на нём была дикая смесь разномастных вещей, которые в большинстве своём едва сходились на нём. Любой цвет, только не белый, — отметила про себя Иста.

— Рейна, — он сглотнул. — Прежде, чем вы пойдёте… Я хотел попросить у вас благословения.

— Тогда хорошо, что мы встретились; потому что, прежде чем идти, я хотела попросить благословения у вас.

Она встала на цыпочки, опёрлась на его грустно

уменьшившийся живот и поцеловала служителя в лоб. Если бог и передал послание ему, то оно было столь неуловимым, что даже её внутренний взор не различил его. Ди Кэйбон ещё раз сглотнул и положил руку ей на лоб. Какое бы церемониальное благословение он ни задумал, ничего не вышло, потому что он разрыдался; ему только удалось выдавить:

— Да поможет нам Бастард.

— Шш-ш, — попыталась утешить его Иста. — Всё хорошо.

Или, учитывая обстоятельства, всё хорошо, насколько это возможно. Она пристально посмотрела на него. Часы, проведённые без сна, болезнь, насланная магами, требование от него того, чем он не обладал, заметно сказались на нём. Кровавый ритуал на северной башне измучил его окончательно. Его бог, подумала она, поставил его душу слишком близко к прорыву, доводя его практически до срыва, хотя сам служитель едва ли понимал это. Богам несказанно повезло, что они направили на исполнение Своего задания в Порфорс двух таких мулов… *Неужели ди Кэйбон — их вторая палочка-выручалочка?*

Пятеро богов, а можно ли помолиться о том, чтобы её бремя перешло к нему? Осознание этого

потрясло Исту, и она моргнула, чтобы очистить помутневшее зрение. У неё было отвратительное ощущение, что ответ — *да. Да. Да!* Пусть ответственность за все беды перейдёт к другому, не к ней, не *снова* к ней…

Если только не считать того, что шансы ди Кэйбона выжить, не говоря уже об успехе, ещё меньше, чем у неё. Она подавила отчаянное желание броситься на служителя, умоляя занять её место. *Нет.*

Я заплатила за это место. Его цена не оставила от меня ничего. Я не отдам его никому.

— Выше нос, ди Кэйбон, или идите прочь, — сердито пробормотал Иллвин. — Твои слёзы ей только мешают.

Ди Кэйбон снова сглотнул, беря себя в руки.

— Простите. Простите. Мне так жаль, что мои ошибки привели вас сюда, рейна. Мне не нужно было присваивать себе руководство вашим паломничеством. Это было слишком самонадеянно.

— Ну всё же, если бы не вы, богам пришлось бы заставлять совершать ошибки кого-то ещё. — *Ещё кого-то, кто свернул бы с дороги.* — Если вы хотите помочь мне, то останьтесь в живых и будьте очевидцем. Так или иначе, вашему Ордену

необходимо знать всю правду об этом.

Он энергично закивал, а потом вдруг застыл, как будто бы факт освобождения от обязанностей оказалось осознать сложнее, чем думал. Он поклонился и отступил назад, нахмурив брови.

Иллвин снял меч и передал его Гораму.

— Сохрани это до моего возвращения. Не вижу смысла вручать отцовский клинок Сордсо как подарок, если только этот меч сам не станет смыслом.

Горам склонил голову и попытался изобразить решимость, но вместо этого его черты отразили муку.

Иста обняла Лисе, которая, покосившись на ди Кэйбона, умудрилась не расплакаться. А потом Иллвин повёл Рейну в темноту, к проходу под башней. Дверь распахнулась к свету, солдат крякнул и бросил сверху нечто, что упало с глухим стуком, а потом посторонился, позволяя им двоим пройти.

Загадочным предметом оказалась узкая доска, которую он перебросил через глубокую расщелину под стенами замка. Иллвин замер, и Иста решила, что он, скорее всего, вспомнив, какие беды обрушились на Порифорс вчера, задумался, а не догадался ли какой-нибудь подлец закол-

довать этот самодельный мостик. Он быстро взглянул на неё, ободряюще улыбнулся через плечо и решительно ступил на доску. Та опасно прогнулась в середине, но всё-таки выдержала.

Иста посмотрела на джоконское посольство, расположившееся напротив ворот в ожидании сдающихся. Десяток всадников — в основном солдаты — и три офицера. Князя Сордсо Иста узнала сразу же. Офицер-переводчик беспокойно стоял рядом. Другой офицер, тяжеловооружённый, затянутый в кожаные доспехи, с бронзовой кожей и серо-бронзовыми волосами, тоже оказался магом-рабом, Иста видела, как фиолетовое пламя демона заполняло его тело. Так же как и от Сордсо, от его живота в сторону стоящих в отдалении зелёных палаток тянулась кручёная лента света.

Прикованным полосой света оказался и другой всадник, а точнее, всадница: женщина в дамском седле, по рокнарскому обычаю, боком сидела позади слуги на обитом мягким материалом сидении, располагавшемся на крупе коня; её ноги изящно упирались в специальную подставку. На колдунье было платье со шлейфом, какие принято носить при дворе, голову украшала широкополая шляпа, завязанная тёмно-зелёными лентами под подбородком. Женщина была млад-

ше Джоэн, но не отличалась ни молодостью, ни красотой. Она пристально наблюдала за Истой.

Иста последовала за Иллвином, не сводя глаз с его лица, чтобы не смотреть на дно расселины, словно специально подчёркнутое скалами и блеском битого стекла. Сандалии Каттилары скользили под влажными ступнями. Иллвин потянулся, крепко схватил её за руку и вытащил её на твёрдую, пыльную землю. Доску тотчас же убрали, втащили в боковую дверь, которую сразу же захлопнули.

Женщина подъехала ближе. Но как только Иста подняла глаза, чтобы встретить её взгляд, демонский свет внутри колдуньи стал меркнуть, и скоро Иста видела только кожу и одежду. Осталось только выражение лица, а цвета души исчезли. У Исты перехватило дыхание, и она снова посмотрела на Сордсо. Теперь он был обычным золотоволосым молодым человеком верхом на гарцующем чёрном коне. Никто из магов больше не вскидывал руки, прикрываясь от божественного сияния Исты, демоны внутри них больше не сжимались при виде неё — она сама *не видела* демонов внутри них.

У меня украли внутренне зрение. Я слепа.

Не хватало чего-то ещё. Давление бога, которое

сзади подталкивало её вперёд, словно во сне, с самого кровавого рассвета на северной башне, тоже пропало. Теперь за спиной висела лишь тишина. Бесконечно пустая, лишь мгновение назад бывшая бесконечно полной. Иста судорожно пыталась сообразить, когда в последний момент она ощущала руки бога у себя на плечах. Она была уверена, что Он был с ней в парадном дворе, где она разговаривала с ди Кэйбоном. Она *думала,* что Он с ней, ступая на доску, переброшенную через расщелину.

Но когда я оступилась Его со мной уже не было.

Бесполезное обычное зрение затуманилось от ужаса и утраты. Она едва могла дышать, как будто бы её грудь туго стянули крепкими верёвками. *Что я сделала не так?*

— Кто это? — спросил Сордсо, указывая на Иллвина. Маг с бронзовой кожей направил коня к князю и удивлённо посмотрел на Иллвина, который холодно взглянул на него в ответ.

— Думаю, это сьер Иллвин ди Арбанос собственной персоной, ваша светлость. Незаконный брат лорда Эриса, бич наших пограничных земель.

Светлые брови Сордсо поползли вверх:

— Новый командир Порифорса! Спроси его, где

другая женщина, — он сделал знак переводчику.

Офицер подъехал к Иллвину:

— Эй, ди Арбанос! По соглашению вы должны были привести вдовствующую Рейну и дочь марча Оби, — сказал он на ибранском. — Где леди Каттилара ди Льютес?

Иллвин отвесил ему лёгкий, ироничный поклон. Глаза его были льдисто-чёрными.

— Она вместе с мужем. Когда прошлой ночью, глядя с башни, она почувствовала, что он погиб, то бросилась с парапета и передала свою скорбь скалам. Теперь она лежит и ждёт, пока её похоронят, если вы уйдёте, как обещали, а мы сможем добраться до кладбища. Вместо неё пришёл я, заодно я буду слугой и хранителем рейны Исты. Увидев однажды вашу армию и весьма сомнительную дисциплину, рейна не захотела приводить с собой горничных.

Брови переводчика сошлись на переносице не только от услышанного завуалированного оскорбления. Он повторил новость для Сордсо и всех остальных. Колдунья подтолкнула своего всадника, заставляя подъехать ближе.

— Это правда? — спросила она.

— Тогда ищите сами то, что вам нужно, — сказал Иллвин. — Думаю, отсюда Сордсо смог бы

распознать то, что осталось от его сестры Юмеру, если бы она всё ещё была… ну, *жива* не совсем подходящее слово, не так ли? Если бы она всё ещё была внутри леди Каттилары, скрывающейся за этими стенами.

Переводчик подпрыгнул в седле, удивившись то ли тому, что Иллвин сказал, то ли тому, на каком языке это было сказано, — Иста не была уверена. Сордсо, офицер с бронзовой кожей и колдунья хором повернули голову к Порифорсу, выражение на их лицах было напряжённое и одновременно отсутствующее.

— Ничего, — выдохнул Сордсо через секунду. — Он пропал.

Колдунья покосилась на Иллвина:

— Этот тип слишком много знает.

— Моя бедная невестка умерла, а до существа, которое вы потеряли, вам не добраться, — сказал Иллвин. — Может, покончим на этом?

По кивку князя двое солдат спешились. Сначала они обыскали пояс и сапоги Иллвина на предмет спрятанных ножей; он стерпел прикосновения их рук с видом скучающего недовольства. Его длинное тело напряглось, когда один из солдат подошёл к Исте, и расслабилось немного только тогда, когда мужчина опустился на колени перед

её белоснежной юбкой:

— Вам нужно снять обувь, — обратился к ней переводчик. — Вы отправитесь к августейшей Матери босиком и без головного убора, как подобает женщине низкого звания и еретичке-квинтарианке.

Иллвин вздёрнул подбородок и сжал челюсти. Что бы ему не хотелось сейчас сказать, сжатые зубы не позволили словам вырваться. Забавный ход, — подумала Иста, — они не стали требовать у Иллвина снять сапоги. Это неравенство лишь подчеркнуло его неспособность защитить её.

Горячие руки мужчины схватили ленты, столь недавно завязанные Лисе вокруг щиколоток Исты. Она стояла не шевелясь, не сопротивляясь. Он снял с неё сандалии и отбросил их в сторону. Затем поднялся на ноги, отступил и снова влез на коня.

Сордсо подъехал к ней и оглядел с головы до ног. То, что он увидел, заставило его мрачно ухмыльнуться. Или, скорее, то, что он не увидел. В любом случае, теперь он не боялся повернуться к ней спиной, потому что он жестом приказал ей следовать за его конём. Иллвин попытался предложить ей руку, но офицер с бронзовой кожей вытащил меч и сделал ему знак клинком

идти позади неё. Сордсо взмахнул, и процессия тронулась в путь по выжженной, испещрённой трещинами земле.

Иста едва обращала внимание на медный жаркий полдень, через который шагала. Она судорожно продумывала сложившуюся ситуацию, мысли проносились вихрем — но всё было тщетно. Молча осыпала Бастарда проклятиями. Потом тихими молитвами. Ничего не происходило.

Как джоконские маги делают это? Отрицая бога в мире материи? Конечно, *эти* противники не могут подавить *этого* бога?…

Это не провал Бога, это её провал; врата её души почему-то снова захлопнулись, сломались, покосились под натиском камней страха, злости или унижения, перекрыв путь…

Она совершила ошибку, какую-то ужасную ошибку, в течение этих последних убежавших в никуда минут. Может быть, ей следовало всё же передать задание, передать бога ди Кэйбону. Может быть, то, что она оставила всё себе, было ужасной самонадеянностью, фатальной самонадеянностью. Какая наглость считать, что такое задание доверено ей. Кто достаточно глуп, чтобы доверить такое задание *ей?*

Боги. Дважды. Загадка, как столь безграничные

существа могут так безгранично ошибаться? *Знала, что им нельзя доверять. И вот я здесь… снова.*

Острые камешки резали ступни. Процессия свернула в сторону рощи и двинулась по низине, заполненной грязью, которая поглощала стук копыт и воняла прелой водой и лошадиной мочой. Они преодолели небольшой подъём. Иста слышала чавканье жижи под ногами Иллвина, его частое и неровное дыхание, которое выдавало, как бы он ни пытался это скрыть, его истощение. Роща нависала над ними, её тень на фоне немилосердно жарящего солнца была настоящим благословением.

Ох. Вовсе не благословением. Они шли по дороге мёртвых. С левой стороны, словно свидетели процессии, специально были разложены трупы солдат Порифорса, которые погибли прошлой ночью во время вылазки Эриса. На них не было одежды, вокруг выставленных на всеобщее обозрение ран жужжали радужные зелёные мухи.

Она посмотрела на ряд бледных тел и сосчитала. Восемь. Восемь из четырнадцати, которые выехали против полуторатысячной армии. Значит, остальные шестеро ещё живы и находятся в плену в джоконском лагере, возможно раненные.

Среди неподвижных силуэтов не было мускулистого тела Фойкса. Но зато был Пежар.

Иста взглянула ещё раз и пересчитала: *пятеро ещё живы.*

Здесь же был и девятый, но трупом это было назвать сложно. Скорее… куча. Рядом с ней в землю было воткнуто копьё, на которое была насажена обезображенная голова Эриса, смотрящая невидящим взглядом на джоконский лагерь. Когда-то потрясающие глаза были вырезаны обезумевшим от страха солдатом, который пытался отомстить павшему врагу.

Слишком поздно. Он ушёл раньше, чем ты добрался до него, джоконец. Её босая нога наткнулась на какой-то сук, и Иста зашипела от боли.

Иллвин шагнул вперёд и подхватил её под локоть, прежде чем она успела споткнуться и упасть.

— Они издеваются над нами. Смотри в сторону, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Не упади в обморок. Постарайся, чтобы тебя не стошнило.

С ним самим вот-вот случится и то и другое, — подумала она. Лицо его было серее, чем у любого из трупов, однако глаза горели ярче, чем у любого из виденных Истой мужчин.

— Не в этом дело, — прошептала она в ответ, — я потеряла бога.

Его брови дрогнули от ужаса и смятения. Бронзовокожий офицер с мечом наголо жестом скомандовал им двигаться туда, где заканчивалась роща, но не стал заставлять Иллвина отойти от Исты. Должно быть, внешне она тоже была на грани обморока.

Она решила, что замечание Иллвина насчёт *издевательства* верно. Если бы они оба скрывали в себе какие-то ещё нерастраченные возможности, или хотя бы силы, то это зрелище окончательно лишило бы их и этого, — этакая яростная пощёчина самодовольным врагам. Если бы она была колдуньей или хотя бы имела при себе меч, то Сордсо жизнью поплатился бы за ту ухмылку, которую он позволил себе, когда Иста споткнулась у останков Эриса. Но, судя по всему, неудавшаяся святая для джоконцев особой опасности не представляла.

— Они хотели, чтобы Катти прошла мимо этого, — едва дыша прошептал Иллвин. — Прибавьте и это к их счёту, и я, клянусь богами, приду забрать его…

Он переводил взгляд от палатки к палатке, прикидывая путь ночного нападения, подмечая

состояние людей и лошадей. Тоненькие серебристые полоски скользили по его щекам, но он не считал ниже своего достоинства вытирать их на глазах у толпы подшучивающих рокнарцев, собравшихся посмотреть на их своеобразный парад. Иста недостаточно хорошо знала солдатский рокнари, чтобы перевести оскорбления, однако Иллвин, сомневаться не приходилось, понимал всё отлично. Он продолжал настойчиво шептать:

— Они не собираются сворачивать лагерь. Они готовят нападение. Мы удивлены? Ха. Но сразу видно: они не знают, насколько мы на самом деле слабы. Иначе готовились бы к прогулке…

Он пытается отвлечься от надругательства над телом брата? Иста молила, чтобы эта уловка помогла. Она изо всех сил пыталась расширить собственные ослеплённые чувства, пыталась найти бога хоть где-нибудь. Ничего. Джоэн и Сордсо поместили голову Эриса на её пути, чтобы ознаменовать её провал, это удар по её отчаянию. *Ди Льютес чувствовал себя таким же опустошённым, когда его волосы коснулись воды во второй раз?*

И всё же символ, выставленный врагами, одновременно напоминал о триумфе. Присутствие в

отсутствии. *Странно.*

Бог может отсутствовать, но я всё ещё здесь. Быть может, это задание предназначено для материи, а что материя делает лучше всего: продолжает существовать. Итак. Она глубоко вздохнула и продолжила идти.

Они подошли к самой большой из зелёных палаток. Одна её сторона была закатана наверх, открывая помещение, оказавшееся переносным тронным залом. На земле были расстелены толстые ковры. В дальней части располагался помост, на котором стояли два резных кресла, украшенных золотыми листьями, вокруг были разбросаны подушки. Благочестивый тёмно-зелёный цвет, выражавший степенное вдовство и материнство, был повсюду, он даже перебивал цвет зелёной морской воды, характерный для джоконского вооружения, и никогда этот цвет не казался Исте столь отвратительным.

Вдовствующая княгиня Джоэн, одетая в другое, но так же искусно отделанное многослойное платье, — пятеро богов, неужели они встретились на дороге только вчера? — сидела в том кресле, что было пониже и поменьше. Её фрейлина стояла на коленях на подушках, а несимпатичная, круглолицая молодая женщина, судя по всему её дочь,

скорчилась у ног матери. Иста не могла сказать, кто из них маг. Дюжина офицеров выстроились в линию по обе стороны от тронов. Интересно, — подумала Иста, неужели все выжившие демоны Джоэн присутствуют на этом… на этой демонстрации.

Двенадцать. Фойкс неподвижно стоял среди джоконских офицеров. Лицо его было в синяках и царапинах, но чистым; одет он был в джоконскую форму и плащ с летящими белыми пеликанами. Выражение лица несколько ошеломлённое, странная улыбка словно вымученная и неестественная. Исте даже не нужно было второе зрение, чтобы сказать, что новая светящаяся змея соединяет его с женщиной на помосте и что клыки этой змеи глубоко врезались ему в живот. Глаза Иллвина тоже нашли Фойкса: он, если это возможно, стиснул челюсти ещё сильнее.

Возможностей для новых издевательств было предостаточно. По счастью, времени было мало. Бронзовокожий офицер вытолкнул Исту вперёд, на ковры, в центр, ближе к Джоэн. Иллвина остриём меча остановили в двух шагах позади Исты, и она больше сожалела о том, что не видит его, чем о том, что он видит её. Какое же последнее унижение готовят для неё?

Ох. Вовсе не унижение. А контроль. Унижение потешило бы только потрёпанных вылазкой офицеров Сордсо. Женщины здесь более практичны.

Иста моргнула, увидев Джоэн в первый раз без внутреннего зрения, без тёмной угрозы демона, сидящего у неё в животе, словно смолянисто чёрная дыра, в которую можно свалиться и исчезнуть навсегда. Без демона она была просто… маленькой, угрюмой пожилой женщиной. Совершенно не способной вызывать уважение и верность; казалось, от неё легко сбежать. Маленькая. Пятеро богов, но она была маленькой; все её способности сжались в ней: единственный её оплот и сила. Железная воля без ума.

Мать Исты однажды заполнила дом властью от края до края. Муж провинкары правил Баосией, но внутри собственного замка даже он жил с её разрешения. Старший брат Исты, унаследовав владения отца, счёл, что проще перенести столицу в другой город, чтобы сбежать от вечного детства, которое ожидало его в доме матери, чем пытаться заявить о своих правах там. Но даже в самых тяжёлых случаях старая провинкара знала границы, и занимала пространства не больше, чем могла заполнить.

Джоэн же, как показалось Исте, старалась

заполнить Джокону своей властью, как женщины заполняют хозяйство, причём теми же самыми способами; но *никто другой* не мог распространить её так далеко. В безграничном мире бесконечного пространства можно двигаться согласно своей воле, но нельзя забывать оставлять место для воли других. Ведь даже боги контролируют не всё. Люди порабощают тела друг друга, но молчаливая воля души священна и нерушима больше, чем что-либо другое. Джоэн же берёт своих рабов целиком. То, что Джоэн делает с врагами, можно назвать войной, но то, что она делает со своими людьми, носит имя кощунство.

Князь Сордсо занял положенное по рангу место, запрыгнув в кресло, повинуясь привычному движению тела, которое не удалось искоренить демонской дисциплине. Он поморщился, осматривая комнату. Взгляд матери упал на сына, и он сел ровно, изобразил внимание.

Исту снова привлекла круглолицая княжна, сидевшая у ног Джоэн. Девушке на вид было около четырнадцати, но она была хилой для своего возраста, пальцы были корявыми, глаза странными — поздний ребёнок, который родился недоумком, обычно такие долго не живут. Она была из тех княжон, которые не смогут сбежать

из дома с помощью замужества в дальней стране. Рука Джоэн опустилась на голову девочки, только совсем не ласково, и тогда Иста поняла: *Она использует дочь в качестве временного хранилища для демона. Презренная душа её собственной дочери — стойло для него.*

Для демона, которого она хочет поселить во мне.

Джоэн поднялась навстречу Исте. С отчётливым акцентом она произнесла на ибранском:

— Добро пожаловать к моим вратам, Иста ди Шалион. Я Мать Джоконы.

Её рука отпустила голову девочки, словно вытащив оттуда что-то, и разжала пальцы.

Внутри Исты расцвёл бог.

Внутреннее зрение снова ворвалось в мозг Исты, словно ослепительный луч света, луч, о котором едва ли можно мечтать, осветил странный пейзаж. Она снова увидела всё, хватило одного взгляда: двенадцать демонов, извивающиеся, искрящиеся ленты силы, бьющиеся в агонии души, плотный, тёмный волнующийся демон Джоэн. Тринадцатый демон, безумно нёсся по воздуху к Исте, таща за собой зловещую пуповину.

Иста разжала зубы в жестокой улыбке и одним махом проглотила его.

— Добро пожаловать к моим, Джоэн из Джоконы, — сказала Рейна. — Я — Уста Ада.

Глава двадцать шестая

Волна света прошла вдоль тёмно-фиолетовой нити, протянувшееся между Джоэн и Истой, её цвет и сияние как будто бы усиливались. Может быть, первой реакцией поражённой Джоэн было усилить связь? На какую-то головокружительную секунду Иста задумалась, кто же всё-таки рыбак, а кто рыба. Потом она почувствовала, как упирающийся, перепуганный демон перешёл в руки Бастарда внутри неё.

Ты подцепила бога на крючок, Джоэн. И что ты будешь делать теперь? Словно галера забросила крюк на материк, полагая, что может потащить его за собой.

— В ней бог-демон! — закричала Джоэн. — Убейте её! *Да. Это выход…*

Но когда Джоэн закричала, время в восприятии Исты растянулось, словно холодный мёд, капающий с ложки в зимнее утро. Но она понимала, что так бесконечно быть не может.

С чего начать? Спросила Иста у Того, что присутствовало внутри неё.

Начни с центра, — было ей ответом. — *А потом станет понятно.*

Она вытянула вперёд материальные руки и заставила призрачные руки двинуться вдоль нити. Войти по этому каналу в тело Джоэн. Обхватить тёмную массу и вытащить её. Масса сопротивлялась, волновалась, плевалась и расплёскивала, словно воду, едкие фиолетовые тени. Она жгла её призрачные руки, словно купорос, так, что рейна сжала зубы от неожиданной боли, которая будто бы ударила сначала в центр её существа, а потом растеклась во все части тела, как шок от раны, отдающийся во всём теле. Существо было очень плотным и уродливым. И огромным.

Он отвратителен.

Согласен, — поддержал её бог. — *Но в любом случае продолжай. Закончи начатое Эрисом.*

Её материальные ладони были слишком слабы, чтобы поддерживать дымящуюся волю. Действуя только призрачными руками, она отводила назад лоскуты души Джоэн, спутавшиеся с демоном. Пока она делала это, Джоэн посылала вперёд щупальца холодного пламени, которые обвивали демона и тянули его обратно. Демон кричал.

Отпусти, — потребовала Иста, — *отпусти его, найди себе занятие получше. Даже теперь у тебя есть выбор.*

Нет! — откликнулся разум Джоэн. — *Это дар*

мне, это мой шанс! Никто не отнимет его у меня, даже вы все, вместе взятые! Ты так беспомощна, что не смогла сохранить жизнь собственному сыну! А мой займёт подобающее ему место, я пообещала!

Иста отступила, но Присутствие поддержало её. *Если она не останется, она должна прийти.* — сказало Оно. — *Продолжай.*

Твои попытки добиться порядка порождают лишь большее разрушение, — сказала Иста Джоэн. — *Ты мучаешь и губишь те души, которые, как ты считаешь, должны любить тебя. У тебя есть истинные дары, в каком бы зачаточном состоянии они сейчас ни были. Отпусти его, отыщи их в себе и живи.*

Бьющийся белый огонь был отрицательным ответом. В нём Иста не могла разглядеть ни малейшего шёпота сомнения.

Хорошо.

Иста поднесла огромного фиолетово-чёрного демона к губам и втолкнула его внутрь. Проникая глубже, он растягивался, менял форму, от его крика делалось больно во рту, огнём прокатывался по пищеводу. *Внутри него есть души,* — догадалась она. — *Много кусочков старых душ, переваренных, склеенных вместе. Души умерших, умерших*

давно. Что делать с ними?

Умершие принадлежат Нам; ты призвана не для того, чтобы определять их судьбу. Души ещё живые, разорванные на части, потому что их приковали к миру материи — вот о ком ты должна заботиться от Нашего имени.

А что с этой? Белый огонь живой души Джоэн, вцепившийся в демона, как раз входил в неё. Душа царапалась и кусалась.

Передай её Мне из рук в руки.

Ей предстоит не тихая судьба отверженной. И в самом деле белое пламя будто бы выло у Исты в ушах, раздирая барабанные перепонки. *Ей не поможет исцеление небесами.*

Нет, — с сожалением согласился Голос. — *Не поможет. Она перейдёт вместе с демоном в небытие.*

Перед Истой предстало странное видение, лишённая размеров пустота, изображение перетекло, судя по всему, из от Него к ней: мутный омут демонской энергии, бесформенной, безликой, в ней не было ни разума, ни воли, ни песни, ни речи, ни воспоминаний, ни даров Высшего Порядка — Ад Бастарда. Вместилище чистого разрушения. Из этого омута в мир материи тянулась тоненькая контролируемая струя. Обратно вли-

вался неровный поток. Удерживая жизнь мира в равновесии на грани горячей смерти, которая есть хаос, и холодной смерти, которая есть покой. Она наконец поняла, почему связка демонов Джоэн так раздражала её, если не считать прямую угрозу Порифорсу с их стороны. Возможно ли, чтобы такой водоворот хаоса породил свою собственную течь между двумя мирами, такую, чтобы даже богам было бы тяжело залатать? Так много божественного внимания к одной крошечной точке…

Немного человеческого внимания Меня очень порадует, — прошептал Голос. Но, отметила про себя Иста, он не подтвердил и не опроверг её догадку. — *Приведи ко мне остатки моего маленького братства, сладкая Иста, как можно быстрее. Но прежде чем у тебя это начнёт получаться быстро, тебе придётся попрактиковаться.*

То есть моё первое испытание подразумевает целую дюжину демонов за раз. — В животе жгло так, будто бы её заставили проглотить кусок расплавленного свинца. — *Вместе с этой тошнотворной, испорченной дрянью?*

Ну, — приветливо произнёс Голос, — *получается, что так; если ты останешься в живых*

после этого, ни один другой заблудившийся в мире материи демон не представит тебе особой сложности в дальнейшем…

Иста хотела начать возмущаться и спросить: *Что ты имеешь в виду под этим «если»,* но потом решила сдержаться. Спор с этим Присутствием приведёт только к тому, что от бесконечных витков мысли у неё закружится голова и Он снова посмеётся над ней.

Ты больше не оставишь меня? — спросила она с подозрением.

Я не оставлял тебя и раньше… как и ты Меня, должен отметить. Настойчивая Иста.

Она ещё раз направила внутренний взор вовне. Пытаться увидеть бога с помощью него так же бесполезно, как стараться разглядеть собственный затылок. Рот Джоэн был открыт, глаза закатились, тело оседало. Где-то внизу груди Исты первый приступ боли начинал сходить на нет, словно бог забрал древнего демона и его царапающуюся госпожу в Своё царство. Следуя за ними, но не спеша ни к ней, ни к Джоэн, дюжина спутанных, звенящих нитей света дрожала и дёргалась от попыток демонов, стремящихся сбежать из пугающего присутствия их бога. Человеческие тела, в которых они жили, только-только начинали

двигаться, повинуясь судорожным движениям своих седоков.

По одному или всех сразу? Иста протянула призрачные руки, схватила первую попавшуюся нить и протянула её сквозь прозрачные пальцы и дотянулась до демона в фрейлине Джоэн. Экземпляр оказался весьма развитым, в нём кружились части четырёх душ. Белое пламя жизни было гораздо более различимо, чем у Джоэн, и Иста отвела назад, может быть не до конца, обрывки души. Рейна проглотила демона. Спина фрейлины выгнулась, и женщина начала терять сознание. На этот раз демон перешёл в объятия бога без каких бы то ни было сложностей, практически сразу.

Эти нити. Узнаю их. С помощью одной из них мне удалось прошлой ночью привести Эриса к последнему приюту невредимым.

Их украли у нас, очень давно. Пойми, демон не мог создать их. В Голосе послышалась ярость, и если бы лишь бледное отражение её обрушилось на Исту, её бы раздавило насмерть. Иста коснулась новой нити, повторяя то, что делала ранее — тянула и отводила обрывки души назад. На этот раз душа принадлежала одному из офицеров; его рот открылся, выпуская крик. *У*

меня нет никакого порядка, — забеспокоилась Иста. — *Что-то я делаю неправильно.*

Ты блистательна, — заверил её Голос.

Это несовершенно.

Так же как и всё, что было остановлено в определённый момент. И тем не менее ты — блистательна. Как замечательно, что Мы жаждем душ, овеянных славой, а не непогрешимых, иначе Мы давно бы иссохли и сидели в одиночестве со Своей совершенной правотой. Поэтому продолжай несовершенно, сияющая Иста.

Ещё один, затем ещё один. Демоны стекались к ней, текли сквозь неё; быстрая, но неприятная процедура. Следующий демон принадлежал Сордсо, и он представлял собой самый сложный набор из тех, что Исте доводилось видеть. Один слой душ над другим, и всё это пронизано замученным, скованным пламенем души молодого человека. Эта композиция была составлена на удивление любовно. Исте казалось, что она различает кусочки солдат, учёных, судей, рыцарей и отшельников. Все известные доблести Золотого Генерала, тщательно отобранные и отсортированные: очищенный набор совершенной мужественности. Ужасно. Как может быть нечто, созданное из душ, быть таким бездушным?

Никакой поэзии. Никакой.

Один тёмный кусок души отличается от других, — заметила она, когда очередной фрагмент протёк сквозь её пальцы.

Да, — сказал бог. — *Этот человек ещё живёт в царстве материи.*

Где? Это?… Мне следует попытаться?…

Да, если сможешь это выдержать. Это не очень приятно.

Иста свернула кусочек тьмы и спрятала его в глубине разума. Он продолжал пульсировать там, горячий и плотный. Где-то на границе её материального поля зрения бронзовокожий джоконский офицер стал медленно поднимать меч и поворачиваться. Чёрной тенью оказался Иллвин, который тоже начал двигаться вместе… нет, вслед за ним. Иста не обращала внимания на это и продолжала освобождать душу. Рот Сордсо раскрылся в бессловесном крике, подумала она, но не как тот, кого лишили чего-то. Это больше похоже на ярость. Может быть, это вопль торжества. Или безумия.

И следующая нить… последняя.

Она посмотрела и материальным, и внутренним зрением на мёртвенно бледного Фойкса, одетого в зелёный плащ и стоящего среди оше-

ломлённых джоконских офицеров. Внутри него фиолетовая тень больше не напоминала медведя, а неровно распространилась по всему телу юноши. Исте даже показалось, что оба склонились перед ней, глядя на неё с восхищением.

Она сосредоточилась на нити, которую сжимала в призрачной руке. Поднесла к губам. И перекусила её.

Хорошо, — сказал Голос.

Ох. Мне нужно было спросить разрешения?

Ты хранитель моих Врат в мир материи. А привратнику лорда не пристало каждый раз бегать к нему с вопросом, пускать или отправить подобру-поздорову того или иного посетителя, будь он в шелках или в отрепьях; в ином случае лорд сам мог бы стоять на воротах. Привратник должен уметь судить сам.

Судить? — она отпустила конец нити. Она скользнула в Фойкса; теперь он свободен. Или… кем бы Фойкс теперь ни был, он свободен.

Лицо Фойкса дёрнулось; губ приоткрылись, приобрели решительное выражение. Потом, через секунду, они растянулись в жуткой, деланной улыбке абсолютного согласия. Лживая лживость; вероломство. *Он не такой простой, как кажется.*

Иста едва слышала крики и суматоху, разносящиеся по палатке. Голоса стали затихать, отдаляться, очертания тел становились всё менее чёткими. Она последовала за чарующим Голосом.

* * *

Иста словно подошла к вратам самой себя и выглянула наружу. Головокружительное ощущение цвета и красоты, сложности и пестроты, музыки и песни, всё продуманно до мелочей, наполнили её чувства. Неужели мир выглядит таким же умопомрачительным для новорождённого младенца, который, так же как и она, не знает названий того, что видит, и не знает самих понятий? Но у ребёнка, напомнила она себе, есть лицо матери, её грудь, и уже от этого он начинает дальнейшее знакомство с миром, на познание которого не хватит и жизни.

Этот мир больше и сложнее, чем мир материи, который дал рождение моей душе и который так и остался за пределами моего понимания. Так с чего мне начать?

Что ж, Иста, — ответил Голос. — *Ты остаёшься или уходишь? Ты не можешь вечно торчать у меня на пороге, словно кошка, знаешь ли.*

У меня не хватает слов. Я хочу видеть Твоё лицо.

Внезапно она оказалась в воздушном помещении, похожем на залу Порифорса. Она быстро взглянула вниз и с облегчением обнаружила, что ей даровано не только излеченное от ран, лёгкое, свободное от боли тело, но и одежда — очень похожая на ту, что была на ней, но без пятен и дыр. Иста подняла голову и отшатнулась.

На этот раз на Нём было тело и лицо Иллвина. Перед ней стояла здоровая, полнокровная его версия, не переставшая, однако, быть высокой и худощавой. Его парадное одеяние блистало серебряной вышивкой по белому полотну, перевязь была шёлковой, рукоять меча и кольцо-печать сияли на свету. Волосы, заплетённые в рокнарские косички и собранные на затылке в толстый пучок, были непогрешимо белы. Бездонные глубины Его глаз уничтожали любую иллюзию сходства с человеком, несмотря на то, что их чернота всё же напоминала цвет глаз одного мужчины.

— Я бы с удовольствием взглянула, — призналa она едва слышно, — на Иллвина с белыми волосами.

— Тогда тебе придётся вернуться и немного

подождать, — заметил Бастард. Его голос мало отличался по глубине и низким нотам от оригинала; он даже копировал его характерные для севера интонации. — Тебе следует воспользоваться этим шансом, а то вдруг к тому времени, как его волосы побелеют, их уже вовсе не останется?

Его тело и лицо стали примерять облик всех возможных Иллвинов во множестве различных возрастов: он был прямым и горбатым, стройным и толстым, лысым или нет. Только улыбка на его губах оставалась прежней:

— Я желаю… это. — Даже самой Исте было не до конца ясно, на кого указывала её рука: на бога или на мужчину. — Можно войти?

Его улыбка стала мягче:

— Выбор твой, моя Иста. И раз ты не отвергаешь меня, я не стану отвергать тебя. И всё же, если ты выберешь долгий путь домой, я буду ждать тебя.

— Я могу сбиться с пути. — Она отвела глаза. Безграничный покой наполнял её. Ни боли, ни страха, ни сожалений. Их бесконечные отсутствия уступили место… чему-то ещё. Чему-то новому, чему-то, о чём она даже не мечтала. Если это то, что испытал Эрис, тогда вовсе неудивительно, что он не оглянулся назад. — Так, значит, это моя смерть. И почему я её боялась?

— Говоря как эксперт в этой области, я не сказал бы, что ты вообще боялась её, — сухо ответил Он.

Она оглянулась:

— Раем может быть не только прекращение боли, хотя и это уже кажется раем. А в следующий раз… будет больно?

Он пожал плечами:

— Раз ты возвращаешься в мир материи, защита, которую я могу предложить тебе, весьма ограничена и, увы, не исключает боли. Эту смерть выбирать тебе. Другой может не быть.

Уголки её губ против воли поползли вверх:

— Хочешь сказать, что я могу снова оказаться у этих врат уже через четверть часа?

Он вздохнул:

— Надеюсь, что нет. Мне придётся обучать нового привратника. А я питаю слабость к рейне. — Глаза Его сверкнули. — Так же как и мой великий душой Иллвин. Это он молил Меня о тебе, в конце концов. Учти мою репутацию.

Иста учла Его репутацию:

— Она ужасна, — отозвалась она.

Он только ухмыльнулся — такой знакомой, украденной, останавливающей биение сердца белозубой ухмылкой.

— Как обучить? — прибавила она, решив

немного позанудствовать. — Ты никогда ничего не объясняешь.

— Выучка тебя, сладкая Иста, напоминает натравливание сокола на добычу. Сделать это крайне сложно, и в конце концов можно получить больную птицу со стёртыми лапами и скучное ожидание ужина. Но с таким размахом крыльев, как у тебя, мне гораздо легче просто стряхнуть тебя с запястья и позволить лететь.

— И камнем упасть вниз, — проворчала Иста.

— Только не ты. Уверен, что полпути к бездне ты будешь падать и жаловаться, а потом расправишь крылья и воспаришь.

— Не всегда. — Её голос сделался тише. — Не в первый раз. — Он слегка склонил голову, соглашаясь.

— Но тогда не я был твоим сокольничим. Мы подходим друг другу, ты же знаешь.

Она отвернулась и оглядела эту странную, совершенную нереальную комнату. Преддверие, подумала она, граница между тем, что внутри, и тем, что снаружи.

— А моё задание? Оно выполнено?

— Выполнено, и выполнено очень хорошо, моё истинное, выросшее, медлительное дитя.

— Да, я долго иду к чему бы то ни было. К про-

щению, например. К любви. К моему богу. Даже к моей собственной жизни. — Она склонила радостно голову. *Выполнено* — это хорошо. Значит, можно остановиться. — А джоконцы убили меня, как приказала Джоэн?

— Нет. Ещё нет.

Улыбаясь, Он подошёл к ней и поднял за подбородок её лицо. Он приблизил губы к её губам, так же нахально, как Иллвин в тот вечер — вчера? — на вершине башни. Только вкус Его рта не отдавал кониной, а был полон аромата, и в Его глазах не было неуверенности.

Его глаза, мир, её ощущения начали меркнуть.

Бездонные глубины превратились в тёмные глаза, покрасневшие от безумных слёз. Аромат стал запахом сухой, солёной плоти, потом снова благоуханием бога, и опять плотью. Благодатная тишина наполнилась шумом и криками, потом всё стихло, а затем загрохотало в полную силу. Лишённое боли парение сменилось непомерной тяжестью, заныла голова, захотелось пить, а потом всё это растаяло в блаженстве.

Думаю, Он поднял ногу и подталкивает кошку к решению. И она не сомневалась, что может уклониться от этого удара, метнувшись в ту или в другую сторону. Но в какую сторону Ему хочется,

чтобы она метнулась, — совершенно очевидно. Тревожное *«ещё нет»* позволяет допустить, что Он не возвращает её в тело, пронзённое мечами. *Бастард подталкивает меня к этому, будь Он проклят.* Проклинать собственного бога оказалось неизмеримо приятно. Этого бога она может проклинать всегда, и чем более изобретательно, изощрённо, тем шире будет он ухмыляться. Он действительно подходит настоящей Исте.

Изменения замедлились, прекратились, остались сухие губы, вес и тяжесть, шум и боль. Остались дорогие, потемневшие от горя, прищуренные, очень человеческие глаза. *Да.*

И более того, мой бог лукавит. Он поставил здесь это блюдце со сливками ещё до того, как стал держать перед ней дверь. Он всё отлично знал. Она улыбнулась и попыталась вдохнуть.

Иллвин отнял что-то безумно ищущий язык от её рта и выдохнул:

— Она жива, ох, пятеро богов, она снова дышит!

Тяжестью оказались, как выяснила Иста, руки Иллвина, сжимающие её тело. Она посмотрела вверх, на ветви деревьев, на голубое небо и на его лицо, склонившееся над ней. Это лицо раскраснелось от жары, искажено ужасом, маленькие

капельки крови тонкими линиями пересекали его от одной щеки к другой. Она подняла слабую руку, дотронулась до алых бусинок и с облегчением выяснила, что кровь не его.

Пересохшими, потрескавшимися губами она прошептала:

— Что случилось?

— Именно это, я надеялся, вы нам и расскажете, — послышался хриплый голос Фойкса. Она заметила его фигуру, нависавшую над ними. На нём всё так же были джоконские кольчуга и плащ, и он стоял в весьма убедительной, угрожающей позе, свойственной стражу в присутствии пленников. Она и Иллвин сидели на земле неподалёку от зелёных командных палаток. У зрачков Фойкса был белый ободок, но его, судя по всему, тревожили отнюдь не смыкающиеся ряды джоконцев.

— Вас провели в палатку, — продолжил Фойкс уже тише. — Вы были… обычной. Беспомощной. А потом вдруг из вас забил свет бога, причём так ярко, что на какое-то мгновение я ослеп. Я слышал, как Джоэн приказала вас убить.

Хватка Иллвина на её руке стала ещё крепче.

— А когда я снова обрёл способность видеть, — продолжил Фойкс, оглядываясь вокруг и стараясь

вести себя подобающе стражу, — все демоны ринулись в вас, будто бы расплавленный металл течёт в форму. Я видел, как вы проглотили их всех, и душу Джоэн тоже. Всё это случилось в одно мгновение.

— Всех, кроме одного, — пробормотала Иста.

— Эх. Ур. Да, верно. Я почувствовал, когда вы меня освободили от щупалец Джоэн. В ту секунду я чуть не вылетел из палатки, но разум вовремя вернулся ко мне. Князь Сордсо и некоторые офицеры стали обнажать мечи… пятеро богов, этот скрежет, казалось, продолжался вечно. Костяшки Сордсо на рукояти были белыми.

— Я пытался встать между ними и тобой, — сипло сообщил Иллвин Исте. Он потёр нос и моргнул.

— Да, — подтвердил Фойкс. — Без оружия. Я видел, как вы бросились туда, и неизвестно, чем бы всё это закончилось. Но Сордсо вдруг развернулся и пронзил Джоэн.

— К тому моменту она уже была мертва, — прошептала Иста.

— Я видел. Она начала падать, и его клинок проткнул её как раз… вовремя. Так. Он ударил очень сильно, повернулся и свалился с помоста. Полуосвобождённые маги ринулись бежать,

но некоторым пришло в голову, клянусь, то же самое, что и Сордсо. У одной из женщин Джоэн оказался кинжал, и она собиралась наброситься на тело госпожи, несмотря на то, что оно уже лежало на земле. Не думаю, чтобы её волновал вопрос, есть ли в нём жизнь, или нет, — ей только нужно было ударить. Все толкались, кричали, бежали в разные стороны. Поэтому я прыгнул перед Иллвином и перед вами, заорал: «Назад, пленники!» и обнажил меч.

— Причём жутко убедительно, — пробормотал Иллвин. — Я даже хотел кинуться на тебя, но руки были заняты.

— Вы упали, рейна. Вы… посерели, перестали дышать и упали замертво. Я думал, вы умерли, потому что я не видел в вас души, её задуло, словно факел. Иллвин пытался поднять вас, упал сам, пополз, — я не решался помочь и позволил ему оттащить вас сюда, притворяясь, что охраняю вас. Мне кажется, большая часть джоконцев тоже посчитала, что вы умерли. Погибли от собственных чар, словно Фонса и Золотой Генерал от смертельной магии. Поэтому… вы тут лежали, а мы думали, что делать дальше.

То, что последовало за этим, угадать было несложно. Предположить что-нибудь другое

было как раз труднее. Иллвин смотрел ей в лицо, словно мужчина, чьи поцелуи вырвали возлюбленную из лап смерти, и теперь он боится пошевелиться, будто бы от этого вокруг начнут твориться нежданные чудеса. Иста сонно улыбнулась этому забавному смущению.

— Все демоны ушли, — сообщила она отрешённым, мечтательным голосом, на случай если у них остались сомнения. — За этим меня послали сюда, и я сделала то, что требовалось. Но Бастард позволил мне вернуться. — Сюда, где она сидит на земле посреди вражеского лагеря в окружении сотен очень даже живых и взволнованных джоконцев. *Отвратительное чувство юмора.* Для неё этот промежуток времени казался бесконечным, а для других после кровавой смерти Джоэн прошло всего лишь несколько минут. Каким бы обезглавленным ни было сейчас войско джоконцев, некоторые офицеры недолго будут оставаться в замешательстве. В том блаженном состоянии, в котором она пребывала, трудно было чего-нибудь испугаться, но добиться от себя крупицы благоразумия ей удалось. — Думаю, нам нужно убираться отсюда. Прямо сейчас.

— Ты можешь идти? — неуверенно спросил Иллвин.

— А ты? — не осталась в долгу она. Это ему придётся скорее ползти, учитывая его нынешнее ослабленное состояние. Ему следовало бы лежать в постели, решила она. Желательно, в её.

— Нет, — пробормотал Фойкс. — Продолжайте тащить её. Или несите. Вы сможете ещё некоторое время притворяться трупом, Рейна?

— О да, — заверила она его и благодарно осела в объятия Иллвина.

Иллвин напрочь отказался тащить её, опираясь на то, что так он может ещё больше разодрать и расцарапать её и без того практически кровоточащие ноги, но и нести её на руках он был не в силах. Короткий спор, в котором Иста, будучи трупом, решила не участвовать, закончился тем, что Фойкс помог Иллвину подняться на прогибающиеся ноги и перекинуть её кверху задом через плечо, так чтобы руки и ноги безжизненно болтались. Это напомнило Исте поездку на Пухе. Она постаралась сдержать улыбку при этом воспоминании, боясь выпасть из предписанной ей роли. Белое платье было забрызгано кровью, продолжением той струи, предположила Иста, что пересекла лицо Иллвина. Представив её источник, она вздрогнула.

Они зашагали прочь.

— Поворачиваем налево, — приказал Фойкс. — Продолжаем идти.

Ещё несколько джоконских солдат подбежали к ним; Фойкс указал мечом назад, на командные палатки и крикнул:

— Быстрее! Вы нужны там! — Солдаты поспешили туда, куда приказал их мнимый офицер.

Иллвин выдавил сквозь зубы:

— Фойкс, можешь говорить на лёгком лагерном рокнари, но молю, более сложные предложения предоставь мне. Этот плащ всё не скроет.

— С радостью, — выдохнул Фойкс. — Вон туда. Мы уже почти у привязи лошадей.

— Думаешь, они нам позволят вот так подойти и украсть лошадей? — спросил Иллвин. В вопросе звучало скорее любопытство, чем возражение. Иста посмотрела снизу вверх сквозь ресницы на солдат, бездельничающих в тени. Некоторые из них стояли и смотрели в сторону зелёных палаток.

— Да. — Фойкс хлопнул по своему зелёному плащу. — Я же джоконский офицер.

— Ты полагаешься не только на это, — заметила Иста, её замечание прозвучало не менее невозмутимо, чем у Иллвина.

— Да, *почему* ты так уверен, что они не остано-

вят нас и не станут расспрашивать? — поинтересовался Иллвин, в его голосе появились нервные нотки, когда несколько голов повернулись в их сторону и стали следить за их продвижением.

— А вы остановили и расспросили Юмеру?

— Нет, сначала нет. Какое это имеет к этому отношение? — Иста прошептала:

— Я не очень точно выразилась несколько ранее. В лагере остался один маг. Но он на нашей стороне. Мне показалось, что это хорошая идея. И бог не стал возражать.

Иллвин напрягся и, судя по всему, внимательно посмотрел на Фойкса.

— Осталось двое, — сказал Фойкс. — Или маг и колдунья. Если это точно вас классифицирует, рейна. Я не уверен.

— Я тоже. Спросим у ди Кэйбона, — согласилась она.

— Хорошо, — подтвердил Фойкс. — И всё же не делайте ничего, что может показаться странным. Не хочу предпринимать ничего особенного, и у любого отвлекающего манёвра есть свои пределы.

— Верно, — пробормотал Иллвин. Они сделали ещё несколько шагов.

— Что ж, — произнёс Фойкс, останавливаясь

перед шеренгой лошадей, — каковы будут ваши предпочтения, знаток лошадей?

— Всё равно, главное, чтобы были седло и уздечка.

Но выбор уже был сделан за них. В конце ряда высокий и страшный каштановый жеребец поднял голову и радостно заржал. Он начал водить крупом из стороны в сторону, задевая лошадей, привязанных к нему. Он принялся прясть ушами и чуть ли не заплясал, когда они подошли поближе, он поднимал и опускал голову, счастливо фыркая.

— Глаза Бастарда, рейна, вы можете унять это глупое чудище? — спросил Фойкс. — А то люди уже начинают поглядывать.

— Я?

— Ему нужны вы.

— Тогда поставьте меня.

Иллвин подчинился и позволил ей скользнуть через его руки на землю; он заботливо заглянул ей в глаза, от чего стало почти так же хорошо, как от поцелуя, и помог ей удержаться на ногах. За эту помощь она была особенно благодарна.

Иста приблизилась к одержимому демоном животному, которое снова опустило морду и положило её на окровавленный лиф её платья, что

могло быть признаком повиновения, любви или безумия. Рейна с восхищением осмотрела его. На нём до сих пор была сбруя с толстым подгубным ремнём. Множество порезов пересекали его тело, но они уже начали заживать с неестественной скоростью.

— Да, да, — прошептала она успокаивающе. — Всё хорошо.

Ты не мог последовать за ним туда, куда он отправился. Ты сделал всё, что мог. Теперь всё хорошо. — Она попыталась столкнуть сонную вялость, сказав Иллвину: — Мне кажется, я лучше поеду на этом. Если ты не хочешь, чтобы он последовал за нами и душераздирающе ржал. — Она встала на цыпочки и посмотрела вдоль зазубренного края его позвоночника. — А седло нужно всё-таки найти, — прибавила она.

Фойкс стащил седло из кучи сбруи, наваленной рядом с шеренгой, и Иллвин затянул ремни, пока Фойкс отвязывал ещё двух коней.

— Как его зовут? — спросила Иста Иллвина, когда он подставил руки, чтобы подсадить её. Путь от земли до холки оказался весьма длинным, что было очень характерно для его коней. Она кое-как разложила юбки на воинском седле и позволила тёплым рукам Иллвина вставить

её ступни в стремена. Его пальцы грустно задержались над ссадинами и порезами на её ногах. Иллвин откашлялся:

— Лучше я не буду говорить. Это… бранное слово. Он никогда не был конём для дам. На самом деле, и для умственно здорового мужчины тоже.

— Да? А *ты* на нём ездил, — Она погладила выгнутую шею. Конь повернул голову и ткнулся носом ей в босую ногу. — Что ж, если отныне ему суждено быть дамским конём, лучше ему обзавестись новым именем. Думаю, Демон — подойдёт.

Брови Иллвина поползли вверх и на напряжённых губах вспыхнула усмешка:

— Мило.

Он развернулся и взял своего коня под уздцы; прежде чем залезть в седло ему пришлось немного помедлить, собирая силы. Он с предательским стоном уселся верхом, что выдало, насколько он истощён. По взаимному безмолвному сговору они спокойным шагом поехали по прилегающей равнине. Позади в роще что-то загорелось; Иста слышала приглушённый треск пламени и крики с требованием воды. Сколько хаоса, обычного и сверхъестественного, обрушилось на джоконский лагерь вместе со смертью Джоэн? Она не оглядывалась.

— Поворачиваем налево, — сообщил Иллвин Фойксу.

— А не стоит ли нам скрыться за тем холмом на севере?

— Так и получится. Тут неподалёку есть овраг, который скроет нас быстрее. Но будем ехать медленно, овраг могут патрулировать. По крайней мере, я поставил бы там людей.

Положенное по сценарию молчание продолжалось. Шум лагеря остался позади, и пустынные окрестности принялись навевать ощущение иного, тихого, сонного жаркого вечера, не имеющего никакого отношения к войне, магии, богам и безумию.

— При первой же возможности, — обратилась Иста к Иллвину, — приведи ко мне Горама.

— Как пожелаете, рейна, — повернувшись в седле, Иллвин окинул взглядом местность, которую они уже пересекли.

— Нам нужно попытаться каким-то образом повернуть к Порифорсу? — спросил Фойкс, проследив поверх деревьев за его взглядом в сторону груды камней. Грязный дым всё ещё продолжал подниматься от неё. — Думаю, я смогу провести вас туда, но только под покровом темноты.

— Нет. Если нам удастся расчистить овраг, я

предполагаю пробиться к марчу Оби.

— Не знаю, сможет ли рейна ехать так далеко, — возразил Фойкс, откровенно указывая не только на Исту, а на них обоих, едва не валящихся из седла. — Или вы собираетесь встретиться с ним по дороге?

— По дороге мы не поедем. Если он там, где я подозреваю, нам осталось преодолеть не больше десяти миль. А если он ещё не там, то туда скоро доберутся его разведчики.

Они спустились в овраг, где тут же обнаружили обещанный Иллвином джоконский отряд. Все вместе — неожиданное направление, офицерская форма Фойкса, отвлекающая магия, джоконская сбруя их лошадей и изысканный, высокомерный придворный рокнари, — дало нужный результат: все последующие пикеты начинали кланяться и расшаркиваться уже при их появлении. Иллвин отвечал несчастным солдатам, осеняя себя кватернианским знамением, но когда их компания исчезала за очередным поворотом, он незаметно касался языком большого пальца, прося прощения у пятого бога. Они пустили лошадей рысцой.

Иллвин вёл их вперёд, всё больше забирая на северо-восток, используя все укрытия, все низины, которые попадались по пути — ручейки,

рощи и рощицы. Прежде чем остановиться, напиться самим и напоить лошадей, они проехали четыре или пять миль. И хотя столбы дыма всё ещё портили голубое небо позади, Порифорс уже исчез из виду за грядой низких, пологих холмов.

— Ты всё ещё чувствуешь своего медведя? — спросила Иста Фойкса, когда он закончил макать голову в ручей.

Он сел на колени и нахмурился:

— Не так, как раньше. Джоэн сделала что-то с нами. Надеюсь, ничего плохого.

— У меня такое впечатление, — осторожно произнесла Иста, — что из-за всех этих событий вы срослись быстрее, чем если бы всё шло, как обычно. У вас нет ни раба, ни господина, вы слились. Видимо, демон не крал твою душу, а ты не присваивал его силу. Вы делились этим друг с другом без принуждения.

Фойкс казался смущённым:

— Я всегда любил кормить животных…

— Разделить вас лежит за пределами моих нынешних возможностей, да и тебе это не нужно. Вы достигли того самого любопытного с теологической точки зрения состояния, но отнюдь, как мне кажется, не уникального. Мне всегда было интересно, откуда в храме появляются маги. Теперь я

знаю. Подозреваю, что в обязанности святой из Раумы, помимо всего прочего, входило оценить, кто сможет нести эту силу, не поддавшись ей. Скорее всего, тебе придётся пройти обучение в Ордене Бастарда. Уверена, твой Орден отпустит тебя, если я потребую этого.

Лицо Фойкса сморщилось:

— Я — служитель Бастарда? Не думаю, что отец очень обрадуется. И мать тоже. Я уже представляю, как она рассказывает об этом своим подругам-леди. Ой. — Вопреки себе самому он ухмыльнулся. — Не могу дождаться, когда увижу выражение лица Ферды, хотя… — Он пронизывающим взглядом взглянул на неё. — А вам тоже нужно будет пройти обучение, рейна?

Она улыбнулась:

— Мне нужен наставник, Фойкс. Женщины моего ранга приглашают наставников, которые будут поступать так, как мне удобно. И мне будет удобно уже очень скоро, а вот им — не уверена.

Упоминание о Ферде и надежда услышать новости о нём пересилили в Фойксе его изначальное желание пощадить Исту, и он первым направился к лошадям и заставил спутников продолжить путь.

— Сверни плащ и засунь в седельную сумку, —

посоветовал Иллвин, усаживаясь в седло. — Будь на то воля Бастарда, следующие разведчики, которые встретятся нам, будут принадлежать ди Оби. Храмовый маг ты в зародыше или нет, но шальная стрела не прибавит тебе здоровья.

— Ах да, — согласился Фойкс и поспешил последовать рекомендации.

Иллвин покосился на рыжего жеребца, везущего Исту так осторожно, что она запросто могла бы держать в руках чашку с водой, и ни одна бы капля не упала на землю, и удивлённо покачал головой, словно из всех чудес, свидетелем которых он был в последнее время, это чудо было самым необъяснимым.

— Ты выдержишь? — спросил он её. — Осталось уже немного.

— После того, как я пешком прошла *ту* милю, поездка верхом не представляет никакого труда, — заверила она его. — Я боялась, что бог покинул меня, а Он всего лишь прятался внутри. — *И заставил меня нести Его в себе.* Очередная шуточка Бастарда, решила она про себя, если учесть, что перед этим Он явился перед ней в виде столь объёмного мужчины. Он знал? Даже она, кто видела воочию троих из них, не могла представить себе, как далеко простираются

границы божественного предвидения.

— Вы были вся тёмная, — подтвердил Фойкс. — Это было благоразумно. Вряд ли джоконские маги позволили бы вам подойти к Джоэн, если бы вы пылали, словно корабль, объятый священным огнём. Они не настолько глупы. Но когда вы вспыхнули… — он замолчал. Фойкс не страдал отсутствием красноречия; но теперь Иста начинала понимать, почему лорд ди Кэсерил утверждал, что только лишь поэзия может состязаться с богами. Наконец, Фойкс выдавил. — Никогда не видел ничего подобного. Однако рад, что мне довелось. Но если на мою долю больше не выпадет увидеть такое, я не сильно расстроюсь.

— Я ничего не видел, — сказал Иллвин, в его голосе слышалось глубокое сожаление. — Но я понял, когда что-то начало происходить.

— *Я* очень рада, что ты был там, — заверила его Иста.

— Но проку от меня было мало, — вздохнул он.

— Ты стал свидетелем. А для меня это значит очень многое. И тот поцелуй. Не думаю, что это так уж мало.

Он покраснел:

— Прошу прощения, рейна. Я потерял рассудок. Я думал, что смогу таким образом вырвать тебя из

лап смерти, как однажды сделала для меня ты.

— Иллвин?

— Да, рейна?

— Ты вырвал меня из объятий смерти.

— Ох. — Некоторое время он ехал молча. Но однажды зажёгшаяся на его лице улыбка уже не угасала.

Наконец, он поднял голову и привстал на стременах, призвав на помощь остатки сил.

— Ха, — прошептал он. Иста проследила его взгляд. Через секунду она различила прозрачный, тоненький дымок разожжённых с крайней осторожностью костров, выдававший присутствие скрытого в низине ручья лагеря. Костров было множество. Иста, Иллвин и Фойкс свернули за холм и перед ними распростёрлось море палаток. Сотни людей и лошадей, больше, чем сотни, — Иста не могла точно сосчитать, потому что часть их даже не была видна.

— Оби, — удовлетворённо произнёс Иллвин. — Быстро он. Хотя хорошо, что они не пришли раньше.

— Хорошо, — облегчённо выдохнула Иста. — Я сделала то, что должна была.

— Верно, и мы благодарны тебе за это, ведь в противном случае мы бы уже умерли каким-ни-

будь жутким, сверхъестественным образом. Хотя, с другой стороны, мне ещё предстоит выгнать пять сотен обычных джоконцев из окрестностей Порифорса. Не знаю, собирался ли Оби ждать до заката, но если ударить прямо сейчас… — Его глаза уже так знакомо затуманились, когда он смотрел вниз и прикидывал количество людей. Иста не решилась ему мешать.

К ним подъехал патруль:

— Сьер ди Арбанос! — удивлённо воскликнул офицер, ожесточённо размахивая руками в сторону Иллвина. — Пятеро богов, вы живы!

Всадники сгрудились вокруг них, создав нечто наподобие эскорта, и повели их в часть лагеря, отмеченную палатками побольше, где, без сомнения, расположилось командование.

Из-за деревьев послышался голос, и знакомая фигура вынырнула из зелёной листвы:

— Фойкс! Фойкс! Благодарение Дочери! — к ним бежал Ферда; Фойкс спрыгнул на землю и крепко обнял радостного брата.

— А это что за люди? — поинтересовался Иллвин у офицера марча Оби, кивнув на незнакомый отряд всадников в чёрно-зелёных одеяниях. Всадники расступились, давая дорогу толпе пеших, часть которых бежала, часть тяжело перева-

ливалась, а часть медленно и благопристойно шествовала, но все, как один, звали Исту.

Иста разрывалась между радостью и смятением.

— Избави меня Бастард, это мой брат ди Баосия, — произнесла она глухим голосом. — И ди Феррей, и леди Хьюлтер, и служительница Товия, в общем, все.

Глава двадцать седьмая

Лорд ди Баосия и сьер ди Феррей поспешили к Исте. Рыжий жеребец прижал уши к голове, заржал, щёлкнул зубами, и оба мужчины отступили на несколько шагов.

— Пятеро богов, Иста, — крикнул ди Баосия, отвлекшись на время от главного, — что это за *лошадь?* Кто настолько сошёл с ума, чтобы посадить тебя на такое животное?

Иста погладила шею Демона:

— Он очень мне подходит. Вообще-то он принадлежит лорду Иллвину, но, думаю, я позаимствую у него этого коня навсегда.

— У обоих его хозяев, судя по всему, — пробормотал Иллвин. Он окинул взглядом лагерь. — Рейна, Иста, любовь моя, сначала мне придётся доложить обстановку марчу Оби. — Его лицо стало жёстким. — Его дочь всё ещё находится в осаждённом замке, если стены продолжают держаться, о чём я очень молю.

А с ней вместе ди Кэйбон и Лисе, подумала Иста, и присоединила свою безмолвную молитву к его. Она чувствовала, что стены ещё стоят, хотя на самом деле, она лишь могла сказать, что Горам

жив; но она уже не раз ошибалась.

— Благодаря вестям, что мы привезли, — продолжил Иллвин, — полагаю, войско двинется вперёд уже через час. Боюсь предположить, какие слухи здесь ходят о судьбе моего брата. Сделать нужно многое.

— Да пребудут с тобой пятеро богов. Из всех забот, что обрушились на тебя в последнее время, я теперь самая малая. Тут и так забалуют меня до отчаяния, я их знаю. — Она сурово прибавила: — И позаботься о себе, пожалуйста. Не заставляй меня бегать за тобой.

На *его* губах мелькнула улыбка:

— А ты побежишь за мной в Ад Бастарда, милая колдунья?

— Не задумываясь, тем более что теперь я знаю дорогу.

Он перегнулся через луку седла, поймал её руку и поднёс к губам. Она ответила ему пожатием, тоже притянула его кисть к своим губам и тихонько укусила сустав пальца, отчего глаза его вспыхнули. Нехотя, они отпустили друг друга.

— Фойкс, — окликнул офицера Иллвин. — Ты мне нужен. Мне без твоего свидетельства не обойтись.

Ди Баосия решительно повернулся к Фойксу:

— Вас мне нужно благодарить, молодой человек, за спасение моей сестры?

— Нет, провинкар, — возразил Фойкс, вежливо отсалютовав ему. — Это она спасла меня.

Ди Баосия и ди Феррей недоумённо воззрились на него. И тут Иста осознала, что за странное зрелище они собой представляют: Фойкс, серый от переутомления, одетый в джоконскую форму; Иллвин со впавшими глазами, воняющий словно бродяга, но при всём при том одетый в элегантный траурный наряд; и она сама в разодранном белом праздничном платье, заляпанном запёкшейся кровью, босая, вся в синяках и царапинах, а растрёпанные волосы придают ей окончательно безумный вид.

— Присмотри за рейной, — обратился Фойкс к Ферде, — а потом возвращайся в палатку Оби. Мы поведаем вам длинную и странную историю.

Он хлопнул брата по плечу и последовал за Иллвином.

Временно оказавшись вне угрозы нападения норовистого жеребца Исты, Ферда подошёл к плечу Демона и вынул Рейну из седла. От усталости у Исты кружилась голова, но она решительно удержалась на ногах.

— Последи, чтобы об этом жутком коне поза-

ботились как следует. Прошлой ночью он верно служил лорду Эрису. Твой брат тоже участвовал в этой знаменательной вылазке, перенёс плен и суровое обращение. Ему нужен отдых, может быть, тебе удастся убедить его прилечь среди всей этой суеты. Мы на ногах с самого утра вчерашнего дня, пережили бегство, осаду и… кое-что и похуже. Прошлой ночью лорд Иллвин потерял много крови. Убедись, чтобы ему сразу принесли поесть и попить. — Задумавшись на некоторое время, она добавила: — А если ему взбредёт в голову в нынешнем состоянии принять участие в битве, положи его на лопатки и сядь сверху. Хотя, я всё же думаю, у него достаточно рассудительности.

Как только солдат Оби отвёл коня рейны подальше, ди Феррей схватил Исту, практически оттащив её от Ферды:

— Рейна! Мы так беспокоились о вашей безопасности! *Вовсе не без оснований, если говорить честно.*

— Ну, теперь я действительно в безопасности. — Она успокаивающе погладила руку, вцепившуюся ей в локоть.

Подплыла леди Хьюлтер под руку со служительницей Товией:

— Иста, Иста, детка!

Ди Баосия пристально смотрел вслед Иллвину:

— Ну раз вы теперь все вместе, мне, пожалуй, тоже стоит отправиться к ди Оби. — Он улыбнулся Исте вымученной улыбкой. — Да, да, хорошо.

— А ты привёл и свои войска, брат? — спросила Иста.

— Да, пять сотен всадников — это всё, что мне удалось собрать впопыхах, когда эти люди ворвались ко мне, размахивая твоим тревожным письмом.

— Тогда тебе просто необходимо отправиться к Оби. У твоего отряда будет шанс заслужить ту монету, которую ты им платишь. Шалион должен гарнизону Порифорса… очень много, но, конечно, прежде всего освобождение.

— Ах. — Он забрал с собой Ферду и ди Феррея и поспешил вслед за остальными мужчинами, отчасти из любопытства, а отчасти, как подозревала Иста, желая сбежать от назойливой свиты.

Вопрос о пересказе пережитых приключений, который может показаться бредом сумасшедшей, очень легко удалось отложить на потом, спросив об их собственном путешествии. Одно только «Как вы успели так вовремя?» породило ответ, который растянулся на столько, что они успели дойти до палаток ди Баосии и дальше. За пятью

сотнями всадников, как выяснила Иста, следовало ещё сотня слуг, грумов и горничных, чтобы обеспечивать должный комфорт двенадцати леди из Валенды и Тариона, которые сопровождали леди Хьюлтер в возложенной на себя ею же самой миссии вернуть Исту домой. Ди Феррей, ответственный за них всех, был заслуженно наказан, решила Иста. Но то, что он заставил весь этот караван пройти такое расстояние всего лишь за неделю, а не за месяц, само по себе было чудом, и её уважение к нему, никогда не бывшее низким, поднялось на очередную ступень.

Иста прервала поток слов, попросив умыться, поесть и спать, именно в таком порядке; служительница Товия, самая деловая из всех фрейлин Исты, посмотрев на пятна крови на её платье, поддержала её. Старшая целительница умудрилась выставить из палатки, куда Исту привели для мытья и медицинского осмотра, всех, кроме двух горничных, своей помощницы и леди Хьюлтер. Исте пришлось признать, что приятно и уютно чувствовать прикосновения этих знакомых рук, наносящих целебную мазь и накладывающие повязки на раны. Изогнутая швейная иголка Товии была тонкой и острой, а руки быстрыми и умелыми, когда служительница сшивала кожу

там, где было необходимо.

— Боги, откуда эти *синяки?* — ужаснулась служительница Товия.

Иста нагнулась, чтобы рассмотреть заднюю часть собственного бедра, куда указывала целительница. На нём виднелось пять тёмных фиолетовых пятен. На губах Исты мелькнула улыбка, когда она расправила ладонь и приложила к синякам пять пальцев.

— Пятеро богов, Иста, — воскликнула леди Хьюлтер, — кто посмел с вами так обращаться?

— Они остались с… со вчерашнего дня. С тех пор, как лорд Иллвин спас меня от джоконской армии. Какие у него красивые, длинные пальцы! Интересно, он играет на каком-нибудь музыкальном инструменте? Нужно будет это выяснить.

— Лорд Иллвин — это тот странный высокий субъект, который приехал с вами? — с подозрением спросила леди Хьюлтер. — Должна сказать, мне совсем не понравилось, как он поцеловал вам руку.

— Не понравилось? Просто он очень торопился. Позже я дам ему потренироваться, чтобы он улучшил технику.

Леди Хьюлтер казалась обиженной, а служительница Товия только усмехнулась.

Исту уложили в палатке под тщательным надзором дам, но, услышав стук копыт большого количества лошадей, несущихся по лагерю, она вскочила и, не обращая внимания на ночную рубашку, высунулась наружу. Был ещё только ранний вечер; когда конница ди Оби обрушится на Порифорс, благодаря летнему солнечному дню в запасе останется ещё несколько светлых часов. Время, подумала Иста, выбрано как нельзя верно. Крайнее смятение, беспорядок и испуг царят в джоконском стане после жутких событий полудня, и шансы, что возник новый, достойный лидер, — если учесть бездумное мрачное подчинение, установленное Джоэн, — крайне малы.

Иста поддалась уговорам любящих людей и улеглась в постель. Но, судя по всему, та Иста, которую они любят, воображаема; это женщина, которая живёт только лишь у них в мозгу, полуикона, полупривычка.

Но эти размышления ничуть её не опечалили, потому что теперь она знала, что есть тот, кто любит настоящую Исту. И она заснула, думая о нём.

* * *

Иста проснулась от кошмаров, но, судя по всему, принадлежащих не ей, а кому-то другому, и

услышала, как за брезентовой стеной спорят два женских голоса.

— Леди Иста хочет выспаться после всего, что ей пришлось пережить, — твёрдо говорила леди Хьюлтер. — Я бы не стала её беспокоить.

— Нет, — смущённо отвечала Лисе, — рейна наверняка хочет услышать новости из Порифорса. Мы выехали до рассвета, чтобы передать их ей как можно быстрее.

Иста выпуталась из простыней:

— Лисе! — крикнула она. — Заходи!

Выяснилось, что она проспала всю летнюю ночь напролёт; и этого оказалось достаточно.

— Ну посмотри, что ты наделала! — окончательно расстроилась леди Хьюлтер.

— Что такое? — изумление Лисе было искренним. У неё не было многолетнего опыта расшифровки витиеватых изречений старшей фрейлины Исты. Перевод должен звучать каким-то таким образом: *сегодня я больше не хочу никуда ехать, а теперь из-за тебя, наглая девчонка, мне придётся.*

Изящно выпорхнуть из палатки — это Иста уже поняла — ей сегодня не суждено. Ей даже не удалось толком подняться на немеющие от боли ноги до того, как полотно откинулось в сторону,

впуская яркие лучи солнца и улыбающуюся Лисе. Иста обняла её; девушка ответила тем же. Улыбка и присутствие Лисе говорили сами за себя. *Порифорс освобождён. И этой ночью никаких ужасных смертей не случилось.* А всё остальное можно узнать по порядку.

— Садись, — сказала Иста, отпуская руки девушки. — Расскажи мне всё.

— Леди Исте нужно сначала одеться и только потом принимать посетителей, — твёрдо сообщила леди Хьюлтер.

— Отличная мысль, — поддержала её Иста. — Идите и найдите мне что-нибудь из одежды. Какое-нибудь платье для верховой езды.

— О, Иста, *сегодня* вы никуда больше не поедете, после всего, что вам пришлось пережить! Вам нужен отдых.

— На самом деле, — вступила Лисе, — марч Оби прислал нескольких офицеров проследить, чтобы лагерь был свёрнут и как можно быстрее доставлен в Порифорс. Вас ждёт Ферда и несколько людей вашего брата. Рейна, они готовы сопровождать вас, как только вы будете готовы. Если, конечно, вы не предпочтёте ехать в карете вместе с обозом.

— Она, конечно же, поедет с нами в карете, —

сказала леди Хьюлтер.

— Соблазнительно, — соврала Иста, — но нет. Я поеду на своём коне.

Леди Хьюлтер обиженно фыркнула и ретировалась. Иста продолжила, обращаясь к Лисе:

— Кстати, ты посмеёшься, когда увидишь моего нового коня. Он достался мне как военный трофей, но, думаю, мне удастся уговорить Иллвина отдать мне его в качестве придворного подарка. Это должно его позабавить. Между прочим, этот конь — дикий рыжий жеребец Иллвина.

— Одержимый блудным элементалем?

— Да, он проникся ко мне внезапным обожанием и преклоняется передо мной совсем не так, как свойственно коням. Увидишь, как он изменился, а если нет, только шепни мне, и я тотчас же напомню ему, что его бога следует бояться. Но продолжай, милая Лисе.

— Ну, замок и город спасены, джоконцы разбежались или попали в плен — большинство из них бросилось на север, но вполне возможно, что ещё какое-то количество продолжает рыскать по округе.

— Они, скорее всего, просто заблудились, — сухо сказала Иста. — Им это не впервой.

Лисе усмехнулась:

— Мы взяли в плен князя Сордсо и его свиту, что бесконечно обрадовало лорда Иллвина и марча ди Оби. Говорят, князь сошёл с ума. Правда, что вы магией заставили его зарезать вдовствующую княгиню?

— Нет, — ответила Иста. — Я только рассеяла ту магию, которая не позволяла ему так поступить. Мне кажется, что это, скорее, был дикий порыв, о котором он вскоре пожалел. К тому времени, как меч пронзил её, Джоэн уже была мертва; Бастард забрал её душу. Интересно, что почувствовал бы Сордсо — облегчение или сожаление, — если бы узнал об этом. В любом случае, я должна сказать ему об этом. Продолжай. Что с Каттиларой и нашим храбрым служителем?

— Мы наблюдали со стен за тем, как джоконцы уводят вас. Потом некоторое время стояла тишина, а потом со стороны больших зелёных палаток донёсся шум, мы никак не могли понять, что происходит. Леди Каттилара удивила нас всех. Как только вы и лорд Иллвин стали заложниками, или это мы так думали, она поднялась с постели. Она отправила своих фрейлин защищать стены, потому что все мужчины уже были слишком слабы для этого. Судя по всему, дамы устроили там перестрелку, потому что заклинания джокон-

ских магов не подействовали на их спортивные луки. Некоторым леди удалось произвести ряд весьма удачных выстрелов. Конечно, эти стрелы не могли пробить кольчугу, но я видела, как сама леди Катти попала одному джоконскому офицеру прямо в глаз. Мудрейший ди Кэйбон стоял рядом с ней: она поклялась, что Порифорс не падёт до тех пор, пока она остаётся его хозяйкой. А я, я бросала камни, — если запустить им как следует с высокой башни, то к тому времени, как он достигнет цели, ударит он очень здорово, даже если рука у тебя не особо сильная.

Мы понимали, что джоконцы только прощупывают почву, но всё равно дрались до крови. Думаю, если бы они предприняли организованную атаку, нам не удалось бы долго продержаться, но в любом случае нам удалось отбить у них охоту напасть на замок сразу же. А потом было уже поздно, потому что появились силы марча ди Оби и смели их под корень. Леди Катти была великолепна, когда открывала ворота пред отцом. Я думала, что она, как раньше, бросится к нему и разревётся, но она держалась стойко.

— А что с Горамом?

— Он защищал стены вместе с нами. Утром он был слишком утомлён, у него был жар, и поэтому

лорд Иллвин не отправил его к вам, но наказал мне рассказать вам об этом. Тем более что если вы сегодня же возвращаетесь в Порифорс, то не стоило заставлять его дважды проезжать десять миль.

— Верная мысль. Да. Я выезжаю прямо сейчас. — Она оглянулась: леди Хьюлтер ворвалась в палатку в сопровождении горничной, несущей охапку одежды. — О, замечательно.

Радость Исты испарилась, когда она поняла, что за платья принесла ей горничная: многослойные шелка, годящиеся только для придворных мероприятий, и все тёмно-зелёных вдовьих оттенков.

— Но это вовсе не платья для верховой езды.

— Конечно нет, дорогая Иста, — отозвалась леди Хьюлтер. — Это вы наденете, чтобы позавтракать с нами.

— Я только выпью чашку чая и съем кусок хлеба, если это можно найти в лагере, и отправлюсь сейчас же.

— О *нет*, — возразила леди Хьюлтер, будто бы поправляя ошибающегося ребёнка. — Еду уже готовят. Вам обязательно нужно поесть, прежде чем вы покинете лагерь. И нам очень хочется отметить ваше присутствие здесь, с нами, как и должно быть.

Это празднество займёт часа два, прикинула Иста, а то и все три.

— Одним ртом больше, одним ртом меньше — погоды не сделает. Вам всем просто необходимо поесть, прежде чем начнут сворачивать лагерь. Нельзя пропускать приём пищи.

— Леди Иста, мыслите разумно! — Голос Исты стал жёстче:

— Я поеду. Если вы не принесёте мне одежду, о которой я просила, я отправлю Лисе поискать мне что-нибудь в лагере. А если ничего не найдётся, я отправлюсь прямо в ночной рубашке. Даже голышом, если придётся.

— Я отдам вам свою одежду, рейна, — тотчас же предложила Лисе, которую очень позабавила последняя перспектива.

— Знаю, что отдашь, Лисе, — Иста погладила девушку по плечу.

Леди Хьюлтер обиженно выпрямилась, а может быть, это была, скорее, защитная реакция:

— Леди Иста, вам не стоит быть такой дикой! — Её голос стал тише. — Нельзя, в конце концов, чтобы люди подумали, что вас мучают *старые недуги.*

На какой-то опасный момент у Исты появилось искушение испробовать, насколько широко

распространяются магические возможности, дарованные ей Бастардом. Но цель была слишком мелка и недостойна, даже немного жалка. Будучи прирождённым льстецом, леди Хьюлтер проложила себе путь в свет, став компаньонкой старой провинкары; последние два десятка лет она наслаждалась величием и положением в обществе, обеспеченными ей августейшей покровительницей. И совершенно ясно, что ей очень хочется продлить такое приятное существование; и так и могло бы случиться, если бы Иста заняла место матери и стала вести такой же образ жизни. Как и было до последних событий.

Иста повернулась к горничной:

— Милая, принеси мне одежду для верховой езды. Если можно — белую, если нет, то любого цвета, но только не зелёную.

Губы девушки в панике приоткрылись; она смотрела то на Исту, то на леди Хьюлтер, разрываясь между двумя представительницами власти. Глаза Исты сузились.

— Ну *почему* вам вообще нужно ехать в Порифорс? — спросила леди Хьюлтер. Её сморщенное лицо тщательно старалось скрыть расстройство и чуть ли не слезы. — В сопровождении армии вашего брата мы могли бы вернуться в Валенду

прямо отсюда!

Нужно будет серьёзно подумать о леди Хьюлтер, решила Иста, ведь за многие годы службы она всё же заслужила долю уважения. Но сейчас Иста собирается уехать. Она разжала зубы и мягко сказала:

— Похороны, леди Хьюлтер. Сегодня в Порифорсе хоронят мёртвых. Присутствовать — моя священная обязанность. И я хотела бы, чтобы вы привезли мне подобающий наряд, когда доберётесь до замка.

— А, *похороны,* — произнесла леди Хьюлтер, в её голосе слышалось облегчение. — Похороны, конечно.

Она сопровождала старую провинкару на множестве таких церемоний. В последние годы, сухо подумала Иста, это было их первейшим развлечением, и скорее всего самым частым. И леди Хьюлтер понимала, что такое похороны.

Этого она не поймёт. Но это неважно. На какой-то миг старая леди вновь утвердилась в привычной роли. Она даже вдруг просияла.

Она даже снизошла до того, что отправилась искать Исте платье для верховой езды, пока Лисе пошли седлать Демона, а Иста заглотнула кружку чая и кусок хлеба. Усевшись в седло, Иста с

удивлением отметила, что бледно-бежевый цвет платья хорошо сочетается с ореховой мастью жеребца. Поездка хоть как-то растрясёт её застоявшееся тело. Голова раскалывалась от ноющей боли, но Иста знала её причину; и избавление ждёт в Порифорсе. Ферда сделал знак баосийскому отряду, Лисе поехала рядом с рейной. Они отправились вперёд сквозь светлый утренний воздух.

* * *

Когда отряд Исты въехал в Порифорс, взвод солдат как раз вытаскивал очередную груду обломков из ворот замка. Иста с одобрением понаблюдала за их работой. Здания отстроят ещё не скоро, но при таком количестве рабочих рук очистка будет завершена в ближайшее время.

Парадный двор уже успели подмести. Кособокие цветы в двух или трёх сохранившихся горшках, оставленные на стенах, как будто начали выпрямляться. Иста тихо поблагодарила того, кто во всей этой суматохе всё же вспомнил о несчастных растениях и полил их. Интересно, кто же это был? Абрикосовое и миндальное дерева, практически полностью обнажённые, всё же перестали ронять листья. Рейна понадеялась, что

они в конце концов восстановятся.

Но мы можем сделать больше, чем просто надеяться, вдруг сообразила Иста и потребовала: *Живите. Именем Бастарда приказываю вам.* Если это и придало деревьям особую силу, то внешне ничего не изменилось. Оставалось верить, что конечный результат не окажется весьма странным.

Сердце Исты метнулось навстречу лорду Иллвину, появившемуся в проёме арки. Он был вымыт, волосы аккуратно заплетены, на нём красовалась форма офицера Порифорса; вполне возможно, ему удалось поспать пару часов. Лорд ди Баосия, ниже ростом и более внушительный по габаритам, семенил рядом, пыхтя и тщательно стараясь не отставать. У другого плеча ди Баосии шествовал ди Кэйбон и энергично размахивал руками в сторону рейны. К радости Исты, вслед за ними тащился крайне усталый Горам.

Очень осторожно Горам обхватил морду коня Исты, принимая с подозрением новоявленную покладистость животного. Иста выскользнула из седла прямо в распростёртые объятия Иллвина, успев на пути к земле тайно обнять его в ответ.

— Приветствую тебя, Иста, — произнёс лорд ди Баосия. — Теперь, хм, с тобой всё в порядке?

На его лице застыло немного изумлённое выражение, что, впрочем, случилось бы с любым командующим, оказавшимся в замке Порифорс в это утро. Но теперь он улыбался ей не так рассеянно, как привыкла Иста; теперь — появилось у неё подозрение — его внимание полностью принадлежало ей. И ощущения от этого были какими-то странными.

— Спасибо, брат, со мной всё в порядке; я немного устала, но, без сомнение, не так, как многие здесь. — Она взглянула на ди Кэйбона. — Как кормят больных?

— С полудня сегодняшнего дня, благодарение богам, смертей больше не было, — он от всего сердца осенил себя божественным знамением. — Некоторые уже даже встали на ноги, хотя, как мне кажется, остальным придётся ещё долго приходить в себя после менее сверхъестественных недугов. Большинство уже доставлено в город и вверено заботам храма или родственников.

— Рада это слышать.

— Фойкс и лорд Иллвин поведали нам о великих деяниях и чудесах, что вы свершили вчера по воле Бастарда среди джоконских палаток. Это правда, что вы умерли?

— Я… не уверена.

— А я уверен, — пробормотал Иллвин. Его руки каким-то непостижимым образом забыли отпустить её; в этот момент их пожатие стало крепче.

— У меня было очень странное видение, которое, обещаю вам, мудрейший, я перескажу вам, когда не будет никакой спешки.

Или хотя бы части этого видения.

— Несмотря на весь мой страх, мне бы тоже хотелось бы оказаться там и стать свидетелем, рейна! Я бы считал тогда, что на мою долю выпало истинное благословение.

— О? Тогда подождите минутку. У меня есть ещё одно задание, которое не даёт мне покоя. Лисе, забери, пожалуйста, моего коня. Горам, подойди.

Удивление и настороженность отразились лице Горама, но он подчинился, через силу приблизившись к ней и покорно склонив голову.

— Рейна, — его руки судорожно сжимали одна другую, он умоляюще взглянул на своего хозяина. Глаза Иллвина беспокойно сузились, и он пристальнее посмотрел на Исту.

Иста в последний раз оглядела глубокие провалы в душе Горама, положила ладони груму на лоб и направила поток белого огня жизни, льющийся из её рук, в тёмные, зияющие пустоты.

Огонь заплескался внутри них, но потом медленно успокоился, как будто бы найдя своё место. Она облегчённо вздохнула, почувствовав, что неприятное давление в голове исчезло.

У Горама подкосились ноги, и он упал на плиты двора; рот его остался раскрытым. Грум спрятал лицо в ладони. Секунду спустя его плечи начали вздрагивать:

— Ох, — произнёс он отсутствующим голосом. Он начал всхлипывать, — это от шока, предположила Иста, и от более сложных чувств, которые теперь обуревают его. В последних ночных снах были намёки на это.

— Лорд Иллвин, брат, позвольте мне представить вам бывшего капитана кавалерии рея Орико Горама ди Хиксара, служившего под командованием лорда Дондо ди Джиронала. В последнее время он, против воли, был оруженосцем и грумом у Сордсо Джоконского. В известном смысле.

Горам, продолжая всхлипывать, поднял лицо, застывшее, словно маска. Только теперь на этом лице не было вялости; с восполнением провалов в памяти его черты заострились.

— Ты вернула ему разум и все воспоминания? Но, Иста, это же чудесно! — воскликнул Иллвин. — Теперь он может отыскать свою семью и

наконец-то вернуться домой!

— Может отыскать то, что от неё осталось, — пробормотала Иста. — Но теперь его душа принадлежит только ему, теперь она цела.

Серые, словно сталь, глаза Горама встретились с её взглядом, и он не отвёл их. Эти глаза были наполнены изумлением и смесью других эмоций. И одна из этих эмоций очень напоминала боль. Иста мрачно кивнула ему, понимая в чём дело. Он нервно дёрнул головой в ответ.

— Мудрейший, — продолжила она, — вы просили у меня дара быть свидетелем, и вы получили его. Проводите, пожалуйста, капитана ди Хиксара в его комнату. Ему нужно отдохнуть, до тех пор пока он не придёт в себя, пока его разум и воспоминания не займут должное им место. А потом, когда он будет готов, ему не помешает ряд духовных наставлений.

— Верно, рейна, — отозвался ди Кэйбон, радостно осеняя себя знамением. — Я почту это за честь.

Он помог Гораму — ди Хиксару — подняться на ноги и повёл его прочь через арку. Иллвин смотрел им вслед, а потом перевёл задумчивые тёмные глаза на Исту.

Ди Баосия тихо подал голос:

— Иста, что произошло?

— Княгиня Джоэн имела обыкновение с помощью своего демона красть понравившиеся части душ других людей, чтобы потом передать эти части своим магам. И среди таких людей часто оказывались военнопленные. Князь Сордсо представлял собой самое сложное из её творений, состоящее из огромного количества таких кусочков. И когда вчера демон Сордсо прошёл сквозь меня, бог позволил мне узнать и удержать часть души капитана ди Хиксара, сплетённую со всеми остальными, и теперь вернуть её законному владельцу. Это часть миссии, возложенной на меня Бастардом, — выслеживать демонов в этом мире, разлучать их с носителями и переправлять их в Его ад.

— И эта миссия… уже завершена, да? — уточнил он с надеждой в голосе. Или, скорее даже, с тревогой. Он оглядел то, что осталось от Порифорса. — Вчера, правильно?

— Нет, боюсь, это только начало. За последние годы Джоэн устроила целое нашествие элементалей. И они проникли во все уголки Пяти Княжеств и в королевства, хотя больше всего их, конечно же, в Джоконе. Женщина, которая до этого исполняла мою миссию, была убита в

Рауме. Это нелёгкое, нелёгкая… должность. Если я верно поняла бога — а Он просто обожает всякие неясности и загадки, — думаю, Ему нужен преемник, которого будут лучше охранять, хотя всё это, э-э-э, весьма сложно объяснить с теологической точки зрения.

При этих словах глаза Иллвина сверкнули. Он пробормотал:

— Теперь кое-что проясняется.

— Он сказал, что он не хочет растить нового носителя для этого бремени, — добавила Иста. — А сейчас он испытывает слабость к рейне. Это Его точные слова. — Она сделала небольшую паузу, чтобы подчеркнуть последнюю фразу. — Я слышу голос призвания. И иду на него. *А ты, братец, можешь либо помочь мне, либо убраться* с *дороги.* — Я собираюсь создать нечто вроде передвижного двора, маленького и лёгкого на подъём; миссии, данные богами, могут оказаться весьма утомительными. Мой секретарь, которого я назначу в ближайшее время, должен встретиться с вашим и выписать мой вдовий доход, потому что я очень сомневаюсь, что мои новые обязанности позволят вернуться в Валенду.

Ди Баосия несколько секунд переваривал всё это, потом откашлялся и осторожно сказал:

— Мои люди ставят лагерь у источника к востоку от замка; ты расположишься там, Иста, или вернёшься в те комнаты, в которых жила здесь?

Иста посмотрела на Иллвина:

— Это решать хозяину Порифорса. Но пока крепости нужно некоторое время на восстановление, я не буду обременять её людей заботой о моём весьма обширном дворе. Некоторое время я поживу в лагере.

Иллвин коротко кивнул ей, благодаря за деликатность, но в этом движении читалось безмолвное: *но только до тех пор, пока не будут похоронены погибшие.*

Брат предложил проводить её к своим палаткам, тем более что он сам шёл в этом направлении, а Иллвин формально поклонился, прощаясь с ней только на некоторое время.

— Сегодня у меня много неотложных дел, — прошептал он, — но позже мне нужно обсудить с тобой вопрос об отряде охраны, который будет сопровождать твой передвижной двор.

— Совершенно с тобой согласна, — ответила она. — И некоторые другие вопросы тоже обсудить не мешает.

— И призвания.

— Это тоже.

* * *

Пежар и двое его убитых товарища из отряда Ордена Дочери были преданы земле за стенами замка Порифорс тем же вечером. На похоронах присутствовала Иста и все её подданные. Несколько раньше к Исте пришёл чрезвычайно расстроенный ди Кэйбон, сообщив, что не сможет совершить должный обряд, потому что у него нет священных животных, показывающих выбор богов; те, что принадлежали храму Порифорса, были заняты и чуть ли не сходили с ума от усталости ввиду количества похорон.

— Мудрейший, — с ласковым укором обратилась Иста к нему, — нам не нужны животные. У нас есть я.

— А! — произнёс он, отшатнувшись назад. — Ох. Раз уж вы снова стали святой, то тогда конечно.

Теперь она в свете заходящего солнца по очереди опускалась на колени рядом с каждой завёрнутой в саван фигурой, клала руку на лоб усопшему и молила богов ниспослать ей знак. Ритуал больших храмов, таких как, например, Храм Кардегосса, предполагал, что каждый Орден предоставляет священное животное, соответствующее по цветам и полу богу, которого пред-

ставляет, и служителя-грума, который умеет с ним обращаться. Животных по очереди подводят к одру и по их поведению служители определяют, какой бог принял к себе душу умершего и к кому следует направлять молитвы, а также, что немаловажно, на чей алтарь нужно возлагать более материальные подношения. Такой обряд приносит утешение живым, поддерживает Храм и редко преподносит сюрпризы.

Иста всегда недоумевала, как животные, специально выдрессированные для этой цели, чувствуют присутствие того или иного бога. Она обрадовалась, когда обнаружила, что не возникает никаких священных видений, а просто приходит какая-то твёрдая уверенность. Пежара и первого из его товарищей приняла к себе Дочь Весны, которой они так верно служили, — это Иста почувствовала сразу, о чём и не преминула сообщить. Но последний солдат, как выяснилось, отличался от своих друзей.

— Странно, — сказала она Ферде и Фойксу. — Лаонина забрал Отец Зимы. Может быть, это дань уважения его смелости в вылазке Эриса? Или у него где-то есть ребёнок? Он же не был женат, да?

— Хм, нет, — ответил Ферда. Он взглянул на

белые одеяния ди Кэйбона и сглотнул, словно почувствовав приступ стыда за поведение погибшего дедиката.

Иста отошла от могил:

— Тогда я даю тебе задание выяснить это и убедиться, что о ребёнке, если он жив, заботятся должным образом. Я напишу священному генералу ди Джаррину. Я выделю этому ребёнку некоторую сумму на воспитание, а потом, когда он вырастет, предоставлю ему место рядом с собой, которое он сможет занять, если захочет.

— Хорошо, рейна, — откликнулся Фреда и незаметно утёр слезу тыльной стороной ладони.

Иста удовлетворённо кивнула. Будучи ответственным офицером, Ферда не замедлит исполнить её волю, в этом она была уверена.

Тенистая роща, выделенная для захоронения убитых защитников замка, выходила к живописной реке; многие могилы ещё только копали, и скорбящие друзья и родственники убитых наблюдали за исполнением ритуала Истой и её спутниками. Рейна едва могла себе представить, какие слухи ходили о ней в Порифорсе, но уже через час к ди Кэйбону потянулась нескончаемая вереница просителей, молящих царственную святую благословить умерших.

В результате Иста вплоть до заката в сопровождении ди Кэйбона и Лисе ходила от могилы к могиле и оглашала судьбы ушедших душ. Погибших было много, но не столько, сколько могло бы быть, если бы жертвы Порифорса не остановили бы триумфальное шествие магов Джоэн по Шалиону. Иста не отказывала никому, кто просил её о помощи, ведь она могла оказать её. Каждый скорбящий хотел поведать ей историю своего умершего; но при этом, как она выяснила позже, вовсе не ожидая от неё ничего, кроме того, что она его выслушает. Уделит ему внимание. *Рейна, посмотри на этого человека; оживи его у себя в голове, у нас в головах; ведь в царстве материи он живёт теперь только в наших воспоминаниях.* И она слушала до боли в ушах и в сердце.

Уже после заката вернувшись в лагерь брата, Иста, сама словно труп, рухнула на койку. Наступила ночь, а у неё в мозгу всё носились имена, лица, обрывки жизни людей. Как могут боги вмещать в себя эти истории целиком? *Ведь они помнят нас до мельчайших подробностей.*

Наконец, окончательно утомившись, она повернулась набок и заснула.

Глава двадцать восьмая

Похороны Эриса состоялись на следующее утро в маленьком храме города Порифорс; словно бы присутствующие прощались с каким-то самым что ни на есть обычным лордом, павшим в самой что ни на есть обычной битве. Провинкар Карибастоса с войском прибыл слишком поздно, чтобы, как и все, встать под оружие, но как раз вовремя, чтобы вместе с марчем ди Оби, ди Баосией, Фойксом и одним из старших офицеров Эриса нести опечатанный гроб. Более почётный эскорт представить себе было сложно.

В качестве священного животного Отца Зимы привели старого пса — борзую, чья шерсть для такого случая была так тщательно расчёсана, что отливала серебром. Когда грум-служитель подвёл его к одру, пёс тотчас же уселся рядом и уже больше не покидал своего поста. В обычное время весьма красноречивый, Иллвин сегодня был крайне бледен и немногословен. Он только произнёс: *«Он был человеком великой души…»*, а потом голос отказал ему, он отступил назад и занял место рядом с Истой. Любая дальнейшая попытка продолжить окончательно сломила бы его.

Чтобы избавить его от необходимости говорить, ди Оби и ди Карибастос взяли на себя вознесение соответствующих молитв и перечисление всех заслуг их недавнего родственника и вассала.

Леди Каттилара тоже была бледна и молчалива. Она едва ли сказала пару слов Иллвину или он ей; они обменялись только формальными репликами. Между ними никогда не будет дружбы, это было совершенно очевидно; но кровь, которую они пролили на вершине башни, пробудила в них, как показалось Исте, взаимное уважение. Каттилара, плотно сжав зубы, даже вежливо кивнула Исте. Для них троих этот утренний обряд был скорее излишним прощанием, общественным долгом, который нужно выполнить, а не часом ухода близкого человека.

После предания тела земле и прощального обеда военные увели Иллвина на совет. Леди Каттилара собрала вещи и, оставив одну из своих фрейлин распоряжаться вместо себя, отправилась в Оби в сопровождении отряда одного из своих братьев. Она не успеет добраться до места до наступления темноты; но Иста, помня об ужасе, который она пережила в Зангре после смерти Иаса, хорошо понимала нежелание Каттилары спать лишнюю ночь в опустевшей супружеской

кровати. Каттилара увезла вниз по восточной дороге глубокую печаль в сердце, но, подумала Иста, в этой печали нет едкой примеси ненависти, гнева или вины. Что потом придёт на смену этой пустоте, Иста не знала, но чувствовала, что исцеление наступит быстро.

* * *

На следующий день почти сразу же после полудня лорд Иллвин пришёл к Исте в лагерь ди Баосии. Они карабкались по извилистой тропинке, ведущей вдоль источника, отчасти ради открывающегося вида на долину и замок Порифорс, а отчасти для того, чтобы избавиться от сопровождения фрейлин рейны, менее атлетически сложенных, чем Лисе. Иллвин галантно расстелил на камне плащ, чтобы Иста смогла сесть. Лисе бродила рядом, с тоской глядя на раскидистый дуб, залезть на который ей не позволяло платье.

Иста кивком указала на пояс Иллвина, где теперь висели ключи, ранее принадлежавшие Эрису и Каттиларе:

— Вижу, провинкар Карибастоса утвердил власть над Порифорсом за тобой.

— По крайней мере, на некоторое время, — от-

ветил Иллвин.

— На некоторое время?

Он задумчиво посмотрел в ту сторону, где из камней поднимались мощные стены цитадели:

— Это сложно объяснить. Я родился в Порифорсе… прожил здесь практически всю жизнь… но всегда был здесь чужим и не надеялся, что что-нибудь изменится. Теперь он принадлежит моей племяннице Лавиане — девятилетней девочке, которая живёт в половине провинции отсюда. Но это мой дом в большей степени, чем любое другое место. Мне принадлежат десяток маленьких имений в Карибастосе — то, что осталось мне от матери, — но это просто имущество, там я едва ли бывал. И всё же нельзя оставлять Порифорс без защиты.

— И защищать обязательно должен ты? — Он пожал плечами:

— Это стратегически важная пограничная крепость.

— Мне кажется, что вот-вот этой границы не станет. — Он коротко усмехнулся:

— Верно. Всё меняется у нас на глазах. Я и сам участвую в этом изменении. Мне даже не нужен талант Эриса, чтобы сказать, что сейчас как раз благоприятный момент, это шанс, который нель-

зя упустить.

— Надеюсь, что это так. Мне кажется, что маршал ди Паллиар и канцлер ди Кэсерил въедут в ворота Порифорса уже через неделю. И если письма моего брата, ди Карибастоса и Фойкса — и моё письмо — не заставят их приехать сюда, то тогда они не те люди, за которых я их принимала.

— А они увидят это, как ты думаешь? Здесь, сейчас как раз настал момент развернуть стратегию Джоэн в обратную сторону: неожиданно ворваться в Джокону, пока она в раздроблённом состоянии, смести всё на своём пути, развернуть фланг Виспинга — и кампания будет завершена, ещё не успев начаться.

— Для того чтобы увидеть такой исход, внутреннего зрения не требуется, — заметила Иста. — Если всё удастся, ди Паллиар просто захлебнётся в потоке восторженных похвал его великолепной стратегии.

Иллвин мрачно ухмыльнулся:

— Бедняжка Джоэн, она лишена даже этой чести. Ей следовало бы быть генералом.

— Кем угодно, но только не кукловодом-неудачником, — согласилась Иста. — А что будет с Сордсо? Он мне не кажется таким уж безумным, несмотря на то что вчера, когда я прошла по дво-

ру мимо него, он начал всхлипывать и целовать мне подол. Его душа принадлежит теперь только ему, хотя, прежде чем изодранные в клочья нервы соберутся в одно целое, пройдёт достаточно долгое время.

— Да, трудно сказать, что лучше: оставить его в заложниках или отпустить, чтобы он стал плохим командиром для врага.

— Он поговаривает о религиозном призвании и даже собирается обратиться в кинтарианство. Но я понятия не имею, как долго эта блажь у него продлится.

Иллвин улыбнулся:

— Может быть, после всего, что случилось, его стихи станут ещё лучше.

— Не удивлюсь. — Зубчатые стены замка неподвижно бледнели в ярком свете дня, скрывая работы, ведущиеся внутри; Иста даже слышала слабое эхо молотков. — К тому времени, как будущий муж Лавианы вступит во владение Порифорсом, замок превратится в тихую заводь, такую как Валенда. Это место заслужило покой, мне кажется. — Она взглянула на Иллвина, который с улыбкой глядел на неё. — Сейчас меня занимают две мысли.

— Только две?

— Две тысячи, но это самые важные. Первая из них заключается в том, что моему передвижному двору требуется королевский сенешаль: опытный, знающий офицер, желательно хорошо знакомый с этой провинцией, чтобы направлять мой путь и защищать меня.

Он ободряюще поднял брови.

— А вторая состоит в том, что маршалу ди Паллиару будет нужен грамотный осведомитель, офицер, который знает Джокону и джоконцев лучше, чем все остальные, кто говорит на придворном и на разговорном рокнари и располагает множеством карт, схем и планов, чтобы помочь выстроить верную стратегию относительно этого района. И боюсь, это два взаимоисключающих поста. — Он задумчиво коснулся пальцем губ:

— Хочу только напомнить, и это пришло в голову не мне одному, что армии, собирающейся в поход на север, было бы очень и очень кстати иметь под рукой средство борьбы против магов. На случай, если в предстоящей кампании они ещё встретятся. Ресурсы, ушедшие на обеспечение безопасности такой святой, сложно назвать бесцельно потраченными. Так что сенешаль святой и осведомитель маршала, как выясняется, будут работать не так уж и далеко друг от друга.

Иста подняла брови:

— Хм? Возможно… Только нужно учитывать, что святые служат не Шалиону, не даже Храму, а богу, и следуют туда, куда укажет он. Можно провести некоторое время среди палаток маршала, но не внутри них. Что ж, ди Кэсерил поймёт это; и, думаю, ему удастся вбить это в голову ди Паллиару лучше, чем любому другому.

Он с отсутствующим видом посмотрел на дорогу:

— Думаешь, они приедут через неделю?

— В худшем случае через десять дней.

— Уф. — Его длинные пальцы теребили ключи, висящие на поясе. — Между тем… Я пришёл сюда, чтобы пригласить тебя снова занять комнаты в замке Порифорс; теперь у нас дела обстоят лучше. Если захочешь, конечно. Судя по ветру, погода должна измениться; завтра ночью пойдёт дождь.

— Только, надеюсь, ты меня приглашаешь не в бывшие комнаты Юмеру.

— Нет, там мы поселили князя Сордсо и его стражников.

— И не в покои Каттилары.

— Ди Карибастос и его свита заняли всю галерею. — Он откашлялся. — Я подумал, что те, в которых ты жила раньше, вполне подойдут. Как

раз напротив моих. Хотя… я не уверен, что там хватит места, чтобы разместить всех твоих дам.

Исте удалось сдержать улыбку или хотя бы улыбнуться не так широко, как хотелось:

— Благодарю вас, лорд Иллвин. С радостью.

Его тёмные глаза вспыхнули. И техника поцелуев руки сильно улучшилась, подумала она.

* * *

Иста отослала привезённый из Валенды гардероб вперёд; даже за вычетом всех степенных нарядов во вдовьих зелёных цветах, которые она оставила в лагере брата, впредь ей больше не придётся ходить в вещах с чужого плеча. Немного спустя ди Баосия проводил её из лагеря. Фойкс отправился с ней, легко и быстро превратившись из воина в придворного.

Превращение ди Баосии происходило не так быстро и легко, но в общем и целом он достойно воспринял разумность новой Исты, решила она. Он избегал тревожных разговоров о поедании демонов, редко упоминал бога, но в остальном относился к практической стороне её нового призвания с должным вниманием, за что рейна была ему чрезвычайно благодарна.

— Нужно определить число твоей личной стра-

жи, — заметил он, когда она въезжали в ворота Порифорса. — Содержание слишком большого количества людей истощит твои средства, а слишком малого — может оказаться ложной экономией.

— Совершенно верно. Мои потребности, как мне кажется, будут зависеть от местности. Прибавь это к списку пунктов, которые вам предстоит обсудить с моим сенешалем; он лучше знает, что требует этот регион.

— Ваш сенешаль одновременно будет распоряжаться и лошадьми, как и при брате? Или мне стоит подыскать тебе для этой цели человека?

— У сьера ди Арбаноса и так будет много обязанностей. У меня на примете есть ещё один кандидат, хотя не уверена, что он примет моё предложение. Я обращусь к тебе, если что.

— Что? Не ди Гьюра ли это? — спросил ди Баосия. Фойкс согласно кивнул головой. — Или его доблестный братец?

— Ферду призывает к участию в предстоящей кампании его кузен маршал ди Паллиар, поэтому ему придётся уехать почти сразу же. И даже в качестве офицера моего двора Фойксу придётся много ездить по стране, исполняя указания Храма. А работа с лошадьми требует ежедневного

исполнения. Я ещё не придумала, как назвать пост, который будет занимать Фойкс. Может быть, королевский маг? Повелитель демонов?

— Я буду вполне доволен, если вы оставите за мной прежнее звание: *офицер-дедикат,* рейна, — поспешно вставил Фойкс с некоторым беспокойстве в голосе, поглядывая на её недовольно поджатые губы.

— Тогда сначала я найду тебе работу, а потом звание, — согласилась она. — Нужно, чтобы тебе было чем прихвастнуть, когда мы будем наносить визиты, дабы от моего имени поддерживать легенду о королевском высокомерии.

У него на губах мелькнула улыбка:

— Как прикажете, рейна.

Они пересекли каменный дворик и поднялись на галерею; Иста едва справилась с дрожью, проходя мимо места, где однажды встретила бога. Из-за открытой двери её двойных покоев донёсся знакомый, но неожиданный голос.

— Ты ей не нужна, — сурово говорила леди Хьюлтер. — Не нужна. Теперь здесь есть я, и, уверяю тебя, я лучше подхожу под все её требования, чем ты когда-либо будешь. Так что беги обратно в конюшню, или откуда ты там взялась. Прочь, прочь!

— Мадам, этого не может быть, — удивлённо возразила Лисе.

Брови Фойкса взметнулись вверх, а потом мрачно опустились. Иста жестом приказала ему потерпеть и вошла в комнату, мужчины последовали за ней.

— В чём дело? — поинтересовалась Иста.

Красные пятна полыхали на щеках леди Хьюлтер; она помолчала, а потом набрала в грудь воздуха:

— Я только что объясняла этой грубой девице, что теперь, когда закончилось это безрассудное паломничество, дорогая Иста, вам будет нужна более подходящая фрейлина. А не девица-конюх.

— Напротив, Лисе очень нужна мне.

— Она не подходит на роль фрейлины рейны. Лисе даже не леди!

Лисе почесала голову:

— Ну, это правда. Фрейлина из меня никудышная. У меня лучше получается быстро ездить верхом.

Иста улыбнулась:

— Действительно. — Её улыбка стала напряжённой, когда она поняла, что за спор они прервали своим появлением. Неужели леди Хьюлтер решила, что ей удастся одурачить Лисе

и отослать прочь в полной уверенности, что она здесь лишняя?

Леди Хьюлтер нервно дёрнулась под холодным взглядом Исты:

— Теперь, когда вы находитесь в более *спокойном* состоянии, леди Иста, пришло время подумать о безопасном возвращении в Валенду. Уверена, ваш добрый брат обеспечит вам на обратный путь более достойный эскорт.

— Я не собираюсь обратно в Валенду. Я последую за армией в Джокону, чтобы продолжить охоту на демонов во имя Бастарда, — отчеканила Иста. — Миссии, данные богами, не имеют ничего общего с безопасностью. — Уголки её губ поползли вверх, но результат мало походил на улыбку. — Разве вам ещё ничего не объяснили, дорогая леди Хьюлтер?

— Я объяснила, — отозвалась Лисе. — Причём несколько раз. — Она шёпотом обратилась к рейне: — Всё в порядке. У меня тоже была тётушка, которая в этом возрасте была не в себе, бедняжка.

— Нет, — леди Хьюлтер было повысила тон, но потом спохватилась и начала заново: — Это слишком опасно. Умоляю вас передумать, дражайшая Иста. Милорд ди Баосия, вы теперь глава

семьи, вы и должны настоять на том, чтобы она вела себя разумно!

— По правде говоря, — заметила Иста, — он уже десять с половиной лет глава семьи.

Ди Баосия усмехнулся и пробормотал:

— Да уж, во всей Баосии, но не в Валенде…

Иста взяла руку леди Хьюлтер и твёрдо положила её на ладонь брата:

— Вы наверняка очень устали, дорогая леди, вы приехали так далеко, так быстро, и всё это зря. Мой брат позаботится о вашей безопасности на пути домой уже завтра, а может быть, и сегодня.

— Но я уже перенесла свои вещи сюда… — Иста окинула взглядом гору багажа:

— Слуги отнесут всё это обратно. Ди Баосия, с тобой я поговорю позже.

Несколькими не очень вежливыми движениями Исте удалось выставить их за дверь. Остаётся надеяться, что ди Баосии всё же удастся выстоять, потому что леди Хьюлтер покинула комнату в полном отчаянии, с видом потерпевшей полное поражение.

— *Откуда* взялась эта женщина? — изумился, тряхнув головой, Фойкс.

— Она досталась мне в наследство.

— Мои соболезнования.

— Она оправится. Брат подыщет ещё какой-нибудь уголок в нашем семействе, чтобы её туда пристроить. Это, конечно, не будет ей льстить так, как должность при рейне, но зато у неё будет возможность блеснуть бывшими заслугами. Она не бездельничает, умеет быть в своём роде полезной. Но грустно, что она собственноручно разрушает благодарность, которую ей нужно было бы воздать.

Фойкс взглянул на Лисе, на лице которой застыло немного грустное выражение.

— Боюсь, особой благодарности я к ней не испытываю. — Лисе потянула себя за косу:

— Неважно.

— Она пыталась внушить тебе, что я тебя уволила? — спросила Иста.

— О да. Но ей это не очень-то удалось, когда я прикинулась дурочкой и притворялась, что не понимаю её уловок. — Лисе было улыбнулась, но потом вдруг снова помрачнела. — Но это правда. Я действительно не благородная леди.

Иста улыбнулась:

— Думаю, мы встретимся с Исель и Бергоном в Виспинге до конца этого года, если не раньше. По моей просьбе и за твои заслуги ты станешь леди — сьера Анна Лисе ди… ещё раз, как называется

та деревушка, населённая овечками?

— Тенерет, рейна, — выдохнула Лисе.

— Сьера Анна Лисе ди Тенерет, фрейлина вдовствующей рейны Исты. Звучит неплохо, как думаешь, Фойкс?

Он ухмыльнулся:

— Да… Думаю, моей матери это тоже понравится. Ну что ж, Бастард знает, но я хотел ей кое-что предложить… Бастард.

— А, ты, значит, тоже надеешься продвинуться по социальной лестнице? Ну что ж, это вовсе не невозможно; в этом году перед молодыми офицерами открывается масса возможностей для продвижения, как мне кажется.

Фойкс изящно поклонился Лисе:

— Я могу надеяться, леди?

Лисе посмотрела на него с задумчивой улыбкой, медленно пересекла комнату и принялась раскладывать вещи Исты:

— Спросите у меня ещё раз, в Виспинге, дедикат.

— Спрошу.

* * *

Иста приказала ди Кэйбону привести Горама к ней в каменный дворик. Она села на скамейку в

тени колоннады, где они разговаривали в первый раз, чтобы иметь возможность сравнить.

Горам ди Хиксар, как и раньше, был одет в форму грума, тело осталось таким же коротким, колченогим, борода — седой. Но он перестал горбиться, как черепаха; теперь он двигался со статью, положенной мужчине, владеющему мечом. Походка была упругой. Вежливый поклон вполне соответствовал обстановке.

— Мудрейший ди Кэйбон наверняка рассказал тебе о том, что мне нужен старший грум? — начала Иста.

— Да, рейна. — Ди Хиксар неловко откашлялся и сглотнул слюну, отдавая должное её присутствию. Прежний Горам, подумала она, не задумываясь, сплюнул бы.

— Ты можешь взять на себя его обязанности? — Он поморщился:

— Работа, да. Но, рейна… Я не уверен, что вы понимаете, кем я был. Э-э-э. Почему меня не выкупили.

Она пожала плечами:

— Капитан, отвечающий за лошадей, воин, бывший убийца, разрушитель жизней — причём не только вражеских, но и дружеских — мне продолжать? В общем, парень, на чьих похоронах,

вместо хвалебных речей, будут говорить: *Что ж, какое облегчение.*

Он вздрогнул:

— Вижу, что исповедоваться вам мне вовсе не нужно.

— Нет. Я всё видела. — Он отвёл глаза:

— Все мои грехи вернулись… странно, странно, рейна. Избавление от грехов обычно считается чудом, сотворённым богами. Но ваш бог вернул мне все мои грехи. Грум Горам… был в сотни раз лучше, чем Горам ди Хиксар когда-либо будет. Я был серостью, но меня спасли, и в этом вовсе не было моей заслуги — три года рядом с двумя лучшими людьми Карибастоса. Не лучшими воинами, а именно лучшими людьми, понимаете?

Она кивнула.

— Я едва ли знал, что такие люди существуют. Да и не хотел знать. Я, скорее, смеялся бы над их добродетелями. Лорд Иллвин подумал, что тогда, в парадном дворе, я упал перед вами на колени от радости. Но вовсе не радость сразила меня. А стыд.

— Знаю.

— Я не хочу быть… тем, что я есть. Раньше я был счастливее, рейна. Но все считают, что я должен ползать на коленях от благодарности.

Иста иронически улыбнулась ему:

— Поверь мне, я к этим «всем» не отношусь. Но теперь твоя душа принадлежит только тебе. Сделай из неё то, что ты хочешь. Все мы, каждый, создаём себя сами. И в конце жизненного пути мы преподносим наши души нашим Покровителям, словно ремесленник — творение своих рук.

— Если это так, то я — какой-то неказистый горшок, рейна.

— Ты ещё не завершён. Наши Покровители разборчивы, но это, на мой взгляд, вовсе не значит, что им невозможно угодить. Бастард сказал мне, я слышала это из Его собственных уст…

Ди Кэйбон затаил дыхание.

— …что богам не нужны безупречные души, им нужны великие. И, мне кажется, именно из такой тьмы вырастает величие, так же как цветы вырастают из земли. Я вовсе не уверена, что величие может существовать без этой тьмы. Ты был осенён богом в той же степени, что и любой присутствующий здесь. Не отчаивайся, потому что боги, думаю, ещё не отчаялись.

Тусклые серые глаза покраснели, подёрнулись дымкой слёз:

— Но я слишком стар, чтобы начинать сначала.

— У тебя больше времени, чем у Пежара, который в два раза младше и которого похоронили за стенами замка два дня назад. Встань над его могилой и, пользуясь даром дыхания, жалуйся на то, что у тебя мало времени. Если посмеешь.

Стальные нотки в её голосе заставили его отпрянуть.

— Я предлагаю тебе честное начало. Но не отвечаю за то, чем это кончится. Попытка может завершиться провалом, но это лучше, чем заведомо обречь себя на провал, отказавшись от шанса.

Он долго набирал в грудь воздух:

— Тогда, если так, сознавая всё, что вы знаете обо мне, — а это больше, чем я когда-нибудь смогу рассказать кому-то, живому или мёртвому, — то отныне я принадлежу вам, рейна, если вы захотите принять меня.

— Спасибо, капитан: я принимаю. Как мой старший грум вы получите указания от моего сенешаля. Мне кажется, вы сочтёте его весьма сносным командиром.

Горам улыбнулся при этих словах и отсалютовал на прощание.

Ди Кэйбон некоторое время стоял рядом с ней и смотрел, как Горам покидает двор. На лице у него читалось беспокойство.

— Что ж, мудрейший? Как вам теперь быть свидетелем? — Он вздохнул:

— Знаете, быть осенённым богом не такое уж… хм… удовольствие, как я думал ещё в Валенде, когда мы только двинулись в путь. Я был просто в восторге от того, что бог выбрал меня для выполнения такой миссии.

— Я пыталась донести до вас это ещё в Касилшасе.

— Да. Но теперь, думаю, я понимаю лучше.

— Знаете, моему двору понадобится и служитель тоже. И раз я теперь своеобразный дедикат Бастарда в этом мире, то, думаю, вы подойдёте мне как нельзя лучше. Скорее всего, мы отправимся в Пять Княжеств. И если вы продолжаете мечтать о судьбе мученика, как утверждали раньше в своих проповедях, у вас есть неплохой шанс.

Он весь покраснел:

— Пятеро богов, но это были очень глупые проповеди. — Он глубоко вдохнул. — Очень бы хотелось, чтобы часть про мученика миновала меня, а что касается остального, — я отвечу *да,* рейна, с огромной радостью. Даже несмотря на то, что мне не снились пророческие сны, указывающие мне дорогу. Или, скорее, *именно* потому,

что мне не снились эти вещие сны. Не думаю, что мне захочется ещё когда-нибудь их увидеть. — Он помолчал и добавил с неосознанной тоской в голосе: — Вы сказали, что встречались с Ним лицом к лицу во сне? Или в видениях?

— Да, — улыбнулась Иста. — И однажды он говорил вашими устами. А это значит, что Кто-то вовсе не считает, что вы недостойны носить цвета Его Ордена, мудрейший, раз Он так использует ваше тело.

— Ох. — Ди Кэйбон моргнул, пытаясь принять сказанное. — Это так? В самом деле? Боги!

Он моргнул ещё несколько раз. Когда он начал откланиваться, рот его всё никак не мог закрыться.

* * *

Вечером после ужина, когда солнце уже село и белые звёзды начали зажигаться на кобальтовом небе, куполом раскинувшемся над каменным двориком, Лорд Иллвин поднялся по ступеням и постучал в дверь Исты. Лисе, сделав дружеский реверанс, впустила его во внешнюю комнату. С крайним удивлением на лице он протянул руки Исте:

— Смотри. Это выросло на абрикосовом дере-

ве в парадном дворе. Я как раз только что там проходил.

Лисе взглянула:

— Это абрикосы. Вполне логично, что они выросли на абрикосовом дереве… не правда ли? — Она замолчала.

Фрукты были крупными и яркими, с красным румянцем на тёмно-золотистой кожице. Иста, склонившаяся над ними, почувствовала сладкий аромат.

— Приятно пахнут.

— Да, но… сейчас не сезон. Моя мать посадила это дерево, когда родился я, а миндаль предназначался Эрису. Я знаю, когда эти деревья начинают плодоносить, я наблюдаю за ними всю жизнь. А не несколько месяцев. Осталось немного цветков, которые не успели опасть, но большая часть листьев уже на земле. Эти два абрикоса висели среди остатков листвы, и заметил я их совершенно случайно.

— А как они на вкус?

— Я побоялся их попробовать. — Иста улыбнулась:

— Может быть они появились и не в сезон, но это вовсе не несчастье. Думаю, это больше похоже на дар. Так что с ними всё в порядке. — Она ногой

толкнула дверь во внутреннюю комнату. — Заходи. Давай их попробуем.

— Мм-м, — протянула Лисе. — Я могу оставаться на виду, если вы оставите дверь открытой, но не уверена, что мне удастся стать глухой.

Иста кивком головы указала Иллвину на дверь спальни:

— Прости, нам надо минутку поговорить.

Лёгкая улыбка мелькнула у него на губах, он вежливо склонил голову и скрылся во внутренней комнате. Иста захлопнула за ним дверь и повернулась к Лисе:

— Я, кажется, рассказала тебе ещё не все правила поведения рассудительной фрейлины…

И она коротко, ясно и очень вежливо объяснила ей, в чём дело. Пока Лисе слушала, глаза её сияли, словно звёзды, сверкавшие над каменном двориком. У Исты камень с души спал, когда она увидела, что девушка не испытала ни смущения, ни удивления. Но и такого энтузиазма Иста не ждала. Не успев договорить, она обнаружила, что уже стоит в спальне и дверь за ней плотно закрыта.

— Думаю, мне стоит пойти посидеть на ступеньках, дорогая рейна, — донёсся голос Лисе сквозь толщу деревянных стен. — Там прохлад-

нее. И, думаю, мне захочется сидеть там *очень и очень долго.*

Иста услышала стук внешней двери.

Глаза Иллвина искрились безмолвным смехом. Он вручил ей один из абрикосов; Иста взяла фрукт; её пальцы, случайно коснувшись его руки, немного вздрогнули.

— Что ж, — сказал он, поднося свой абрикос к губам. — Тогда давай смелее…

Вслед за ним она надкусила плод. Вкус оказался не менее чудесным, чем внешний вид и аромат. И несмотря на все ухищрения, дело закончилось тем, что сок потёк у неё по подбородку.

— Что же это такое…

— Постой, — он придвинулся ближе, — давай я тебе помогу… Поцелуй оказался долгим; пахнущие абрикосом пальцы Иллвина ласково зарылись в её волосы. Когда они прервались, чтобы дать друг другу возможность подышать, Иста заметила:

— Я всегда боялась, что для того, чтобы мне найти любовь, понадобится божественное вмешательство… оказалось, я была права.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, посмотри на себя, горько-сладкая Иста. Святая, маг, вдовствующая рейна Шалиона-Ибры, разговаривает с богами в те

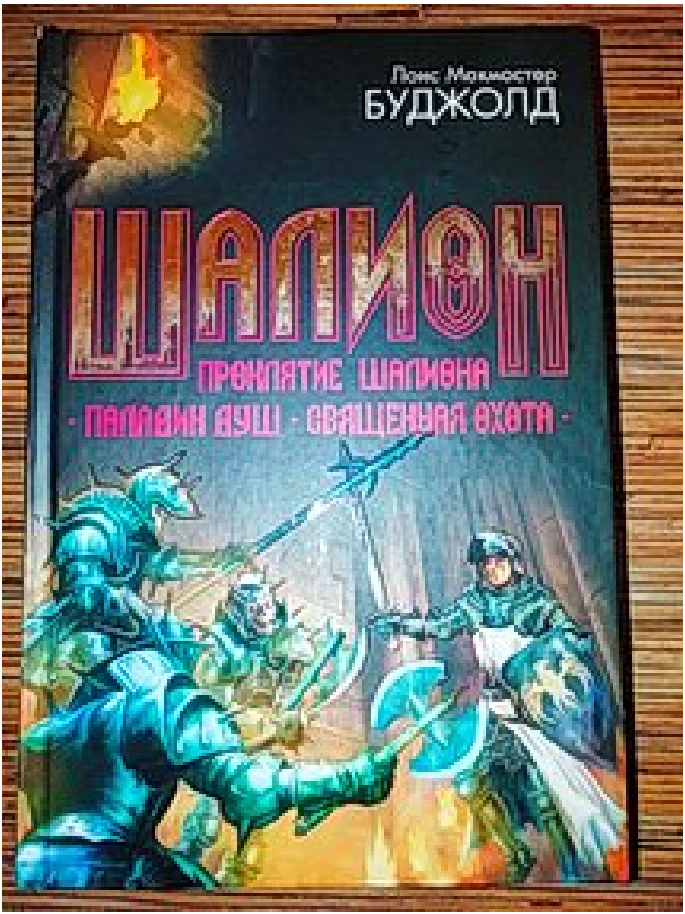
моменты, когда не проклинает их, — мужчина должен быть бесшабашным маньяком, чтобы подумать о вас в этом смысле… Но это хорошо. Это остановит моих соперников.

Она не удержалась и — захихикала. Услышав себя, она засмеялась ещё громче — от неожиданности, от радости, от удивления. Он пил её смех, словно сок этих чудесных абрикосов.

А я боялась, что уже забыла, как это делается.

В длинной чёрной тунике, штанах и сапогах он казался высоким и прекрасным; но без всего этого, он будет выглядеть ещё лучше, подумала она, увлекая его за собой. Этой тёплой ночью одеяла и простыни были ни к чему. Она оставила свечи зажжёнными, чтобы иметь возможность получше разглядеть дары бога.

Лоис Буджолд


Лоис Макмастер
БУДЖОЛД
ШАЛИОН
ПРОКЛЯТИЕ ШАЛИВИНА
- ПАЛЛАВИН ЯУШ - СВЯЩЕННАЯ ОХОТА -

Священная охота

Глава 1

Принц был мёртв.

Стражники у ворот замка не посмели проявить неподобающей радости по этому поводу, поскольку король оставался ещё в живых. На их лицах, подумал Ингри, скорее было написано тайное облегчение, да и это выражение исчезло, когда копыта коней эскорта Ингри прогрохотали по камням прохода, ведущего в узкий двор. Стражники узнали его — и поняли, кто его послал.

Ингри чувствовал, как во влажном воздухе тихого осеннего утра липнет к потному телу кожаный камзол. Булыжник двора дохнул на всадников холодом, сохранённым высокими побелёнными стенами. Гонец, отправившийся налегке, доскакал отсюда, из охотничьего замка принца, до королевской резиденции в Истхоме всего за два дня. Ингри и его люди, хоть и более тяжело вооружённые, пробыли в пути ненамного дольше. Конюх подбежал, чтобы взять поводья коня, и Ингри спешился, поправляя портупею и лишь на мгновение задержав руку на надёжной рукояти меча.

Управитель покойного принца Болесо, рыцарь

Улькра, рысцой выбежал из-за башни; кто знает, чем он занимался с тех пор, как отряд Ингри был замечен на дороге… Сутулый и дородный, Улькра совсем запыхался от спешки и беспокойства и неуклюже поклонился.

— Добро пожаловать, лорд Ингри. Угодно вам подкрепиться и утолить жажду?

— Мне ничего не нужно. А вот о воинах следует позаботиться. — Ингри кивнул в сторону полудюжины сопровождающих его всадников. Лейтенант отряда, рыцарь Геска, благодарно кивнул, и управитель, поманив слуг, распорядился увести коней и проводить солдат в замок.

Ингри следом за Улькрой поднялся по ступеням, ведущим к сколоченной из толстых дубовых плах двери башни.

— Что вы успели сделать?

— Я ждал распоряжений, — понизив голос, ответил управитель. Тревога прочертила на его лице глубокие морщины; Ингри не удивился: люди, служившие принцу, никогда особой инициативой не отличались. — Мы только перенесли тело на холод. Оставить принца там, где мы его нашли, было нельзя. А виновницу мы заперли.

Надо понимать, в предвидении неприятного расследования?

— Я сначала посмотрю на тело, — решил Ингри.

— Да, милорд. Сюда. Мы освободили одну из кладовок.

Они прошли через тесный холл. Огонь в огромном камине почти потух, и рдеющие под слоем серого пепла угли не разгоняли сумрака в неуютном помещении. Облезлая борзая грызла в углу кость и зарычала на вошедших. Мужчины спустились по лестнице и оказались в кухне, где повариха и судомойки при их появлении замолкли и съёжились. Ещё несколько ступеней вели в холодную кладовку, скупо освещавшуюся двумя подслеповатыми окошками, вырубленными высоко в каменной стене.

Маленькая комнатка была освобождена от мебели, в ней установили двое козел и положили на них доски; на них покоилась закутанная в саван фигура. Ингри по привычке коснулся лба, губ, пупка и паха и положил на сердце ладонь с растопыренными пальцами: по одному ритуальному жесту в честь каждого из пяти богов.

«Дочь-Мать-Бастард-Отец-Сын… Где же вы все были, когда такое случилось?»

Пока Ингри ждал, чтобы глаза привыкли к полумраку, Улькра сглотнул и пробормотал:

— Священный король… как он принял новости?

— Трудно сказать, — ответил Ингри с вежливой уклончивостью. — Меня послал хранитель печати Хетвар.

— Конечно.

Ингри мало что мог понять по выражению лица управителя, кроме очевидного: Улькра очень рад переложить ответственность за дальнейшее на чьи-нибудь плечи. Неловко нагнувшись, управитель откинул покрывало, скрывавшее его покойного господина. Ингри, хмурясь, взглянул на тело.

Принц Болесо кин Стагхорн был младшим из выживших… из всех сыновей священного короля — не позволил себе даже мысленной ошибки Ингри. Болесо был ещё совсем молодым человеком, хотя уже несколько лет назад достиг полной телесной силы. Высокий и мускулистый, он отличался, как и все члены семьи, длинным подбородком, скрытым под короткой каштановой бородкой. Тёмные волосы теперь были спутаны и пропитаны кровью. Бьющая через край энергия принца иссякла, и, лишившись её, лицо потеряло прежнюю притягательность, так что Ингри даже удивился про себя, как мог он когда-то считать

принца красивым. Ингри сделал шаг вперёд и обхватил обеими руками череп, нащупывая раны. Раны… Расколотая кость подалась под нажимом пальцев; лоб в двух местах был глубоко рассечён, на ранах запеклась почерневшая кровь.

— Каким оружием нанесены раны?

— Собственным боевым молотом принца. Он был на подставке вместе с латами, в спальне.

— Как неожиданно… и для самого Болесо тоже. — Ингри мрачно задумался о судьбе принца. Всю свою короткую жизнь Болесо, по словам Хетвара, то пользовался любовью и вниманием, то оказывался совершенно забыт и родителями, и слугами, и естественная надменность, присущая его происхождению, стала разъедаться опасной жаждой почестей, славы, воздаяния за пренебрежение. Надменность — или это была тревога? — в последнее время скрылась под чем-то ещё, какой-то ужасной неуравновешенностью.

«А то, что лишается равновесия, — падает…»

На принце была короткая шерстяная вышитая мантия, отороченная мехом и вся теперь запятнанная кровью. Должно быть, он был в неё одет в момент смерти. Ничего больше видно не было… Никаких ран на бледной коже. Когда управитель сказал, что он ждал распоряжений, он явно чего-

то не договаривал. Приближённые принца были так потрясены ужасным событием, что даже не осмелились ни обмыть, ни переодеть мертвеца. Тело принца покрывала пыль… нет, не пыль. Ингри провёл рукой по складке ледяной плоти и настороженно взглянул на появившиеся на пальце пятна — мутно-синие, лимонно-жёлтые и ядовито-зелёные там, где порошки смешались. Краска? Пудра? На тёмном мехе одежды тоже были заметны неясные разводы.

Ингри выпрямился, и его взгляд упал на что-то, что раньше показалось ему грудой мехов у дальней стены. Он подошёл поближе и опустился на колени.

Перед ним был мёртвый леопард. Точнее, самка леопарда, как обнаружил Ингри, перевернув зверя. Мех был мягким и шелковистым. Ингри коснулся холодного закруглённого уха, жёстких белых усов, золотистой шкуры, испещрённой тёмными пятнами, потом поднял тяжёлую лапу с кожистыми подушечками и мощными когтями. Когти были опилены. Вокруг шеи животного оказался туго затянут красный шёлковый шнур, его конец был обрезан. Ингри почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы, но постарался скрыть свою реакцию.

Ингри поднял глаза. Наблюдавший за ним Улькра побледнел ещё сильнее.

— Это зверь не наших лесов. Откуда, ради всего святого, он взялся?

Улькра прочистил горло.

— Принц купил его у каких-то дартаканских купцов. Он собирался завести в замке зверинец или, может быть, натаскать леопарда для охоты. Так он говорил.

— Как давно это произошло?

— Несколько недель назад. Ещё перед тем, как здесь останавливалась его благородная сестра.

Ингри потрогал красный шнур и позволил бровям вопросительно подняться.

— А это как случилось?

— Мы нашли зверя повешенным на балке в спальне принца, когда мы… э-э… вошли туда.

Ингри сел на пятки. Он начинал догадываться, почему до сих пор ни один жрец из храма не был вызван для погребальных обрядов. Раскраска на теле, красный шнур, дубовая балка — ясный намёк на то, что зверь не просто был убит, а принесён в жертву — кем-то, кто был привержен древней ереси, запретной лесной магии. Знал ли об этом хранитель печати, когда посылал сюда Ингри? Если и так, то он и виду не подал.

— Кто повесил леопарда?

С явным облегчением — теперь он говорил правду, которая не могла ему повредить — Улькра ответил:

— Я не видел, так что ничего не могу сказать. Зверь был жив, привязан в углу и лежал совершенно спокойно, когда мы привели девушку. Никто из нас больше ничего не видел и не слышал… до тех пор, пока не начались крики.

— Чьи крики?

— Ну… этой девушки.

— Что она кричала? Или это были… — Ингри поспешно проглотил конец фразы: *просто крики.* Он догадывался, что подобное заключение чересчур обрадовало бы Улькру. — Какие-то слова она произносила?

— Она звала на помощь.

Ингри поднялся и отвернулся от пятнистого тела экзотического животного. Его кожаный дорожный костюм заскрипел. Теперь его тяжёлый взгляд не отрывался от управителя.

— И что вы сделали?

Улькра отвернулся.

— Мы получили приказание охранять отдых принца… милорд.

— Кто слышал крики? Вы… кто-нибудь ещё?

— Двое телохранителей принца, которым было велено ждать его соизволения.

— Трое сильных мужчин, присягнувших охранять принца. Где вы находились?

Лицо Улькры могло быть высечено из камня.

— В коридоре. Рядом с дверью.

— В коридоре, меньше чем в десяти шагах от совершавшегося убийства… и никто ничего не сделал.

— Мы не смели… милорд. Ведь *он* нас не звал. Да к тому же и крики… смолкли. Мы решили, что девушка… э-э… покорилась. Вошла в спальню она достаточно охотно.

«Охотно? Или понимая безнадёжность сопротивления?»

— Это ведь не служанка-потаскушка. Девушка из свиты собственной сестры принца Болесо хоть и небогатая, но не бесприданница, доверенная её милости не кем-нибудь, а кин Баджербанком.

— Принцесса Фара сама уступила её брату, милорд, когда он попросил об этом.

Под нажимом, если верить сплетням.

— Это сделало её придворной дамой в этом замке, разве не так? — Улькра поморщился. — Даже последний слуга заслуживает защиты от своего господина.

— Любой аристократ в подпитии может ударить слугу и не рассчитать силу удара, — упрямо ответил Улькра. Ингри показалось, что интонация его слишком уж хорошо отрепетирована. Сколько раз повторял Улькра это оправдание в тишине ночи за последние полгода?

Отвратительный случай с убитым слугой послужил причиной ссылки принца Болесо в эту дыру. Всем известная страсть принца к охоте делала такое наказание сомнительным, но по крайней мере оно помешало жрецам вцепиться в редеющие волосы хранителя королевской печати. Слишком малая расплата за убийство, слишком большая — за несчастный случай; Ингри, который по поручению Хетвара осматривал комнату на следующее утро, прежде чем её привели в порядок, не счёл случившееся ни тем, ни другим.

— *Любой аристократ* не станет сдирать кожу с убитого и расчленять труп, Улькра. Не только вино оказалось повинно в том кошмарном поступке. Принц был безумен, и все мы это знаем. — И когда король и его приближённые позволили себя уговорить — последовали призывы к верности, соблюдению приличий и защите репутации высочайшего дома (о необходимости

позаботиться о душе принца никто и не вспомнил), — скандал оказался замят.

Ожидалось, что Болесо вернётся ко двору ещё через полгода, должным образом раскаявшийся или по крайней мере притворяющийся таковым. Но Фара прервала своё путешествие из земель своего супруга, графа-выборщика, к постели занедужившего отца, чтобы навестить брата, и тут-то её хорошенькая, как предположил Ингри, фрейлина попалась на глаза скучающему принцу. Каких только сплетен не гуляло в свите принцессы, прибывшей в Истхом незадолго до того, как до столицы дошли трагические новости, — про несчастную девушку говорили, и что она пожертвовала добродетелью из страха перед неукротимым вожделением принца, и что она расчётливо воспользовалась возможностью удовлетворить свои амбиции.

Если тут был расчёт, то он не оправдался. Ингри вздохнул.

— Проводите меня в спальню Болесо.

Апартаменты покойного принца занимали верхний этаж центральной башни. Коридор, который вёл к спальне, оказался коротким и тёмным. Ингри представил себе мерцающий свет свечей, придворных, сбившихся в дальнем конце

и ожидающих, пока прекратятся крики, и ему пришлось усилием воли разжать стиснутые зубы. На прочной двери изнутри оказался дубовый засов, да ещё и железный замок.

Убранство комнаты было по-деревенски простым: кровать под балдахином, коротковатая для высокого принца, несколько сундуков, подставка для лат и оружия у окна. Широкие доски пола кое-где прикрывали ковры, и на одном из них виднелось тёмное пятно. Немногочисленная мебель оставляла достаточно места, чтобы жертва попыталась увернуться… а потом, загнанная преследователем в угол, обернулась и замахнулась…

Окна справа от подставки с оружием были узкими, со вставленными в свинцовые переплёты толстыми неровными кружками стёкла. Ингри потянул створку, распахнул ставни и выглянул наружу. От скалы, на которой высился замок, разбегались покрытые зелёными лесами холмы, и в жидком осеннем солнечном свете над долинами поднимался туман, похожий на призрачные потоки. У подножия скалы виднелась деревушка с расчищенными вокруг полями — источник, несомненно, продовольствия, дров, слуг для замка, грубых и простых.

Падение с подоконника на камни внизу было

бы смертельным, а перепрыгнуть на стену не удалось бы даже существу достаточно миниатюрному, чтобы протиснуться в окно. К тому же в темноте и под дождём… Бежать этим путём невозможно, разве что к собственной гибели. И стоит повернуться от окна, как под шарящей рукой перепуганной жертвы окажется подставка с оружием. Боевой топор с рукоятью, выложенной золотом, всё ещё оставался на ней.

Такой же выделки боевой молот валялся на смятой постели. Его зазубренная головка, очень похожая на лапу хищника, была покрыта засохшей кровью, как и ковёр на полу. Ингри отметил совпадение формы головки с ранами на голове принца. Молотом взмахнули, держа его двумя руками, со всей силой, которую мог породить ужас. Однако это была всего лишь сила женщины, в конце концов. Принц, наполовину оглушённый — и, несомненно, разъярённый, — продолжал приближаться. Второй удар оказался смертельным.

Ингри прошёлся по комнате, огляделся и бросил взгляд на балку. Улькра, стиснув руки перед собой, попятился. Прямо над кроватью свисал обрезанный красный шнур. Ингри поставил ногу на постель, вытащил кинжал, потянулся, срезал

шнур и спрятал его за пазуху.

Спрыгнув на пол, Ингри повернулся к застывшему у двери Улькре.

— Болесо будет погребён в Истхоме. Прикажите обмыть его раны и тело — тщательно обмыть, уложить в соль и подготовить к перевозке. Найдите телегу и лошадей — лучше две пары, учитывая, какая грязь на дорогах — и умелого возницу. Пусть принца сопровождают его гвардейцы; их неумелость ему больше не повредит. Прикажите убрать комнату и навести порядок в башне, назначьте смотрителя и со свитой и ценными вещами отправляйтесь в столицу. — Ингри ещё раз оглядел комнату. Больше тут ничего не удастся обнаружить. — Сожгите леопарда. Развейте пепел.

Улькра сглотнул и кивнул.

— Когда вы пожелаете отправиться, милорд? Вы проведёте ночь здесь?

Следует ли ему, сопровождая пленницу, ехать вместе с медлительным кортежем или же скакать вперёд? Ингри хотелось как можно скорее покинуть замок — хотелось так сильно, что даже мускулы сводило, — но с приближением осени дни стали коротки, и светлого времени оставалось уже немного.

— Прежде чем решать, мне нужно поговорить с узницей. Отведите меня к ней.

Идти пришлось недалеко: этажом ниже располагалась лишённая окон, но тёплая и сухая кладовка. Не темница и, безусловно, не комната для гостей: такой выбор ясно говорил о неопределённости положения девушки. Улькра постучал в дверь и крикнул:

— Миледи, к вам посетитель. — Отперев дверь, он широко распахнул её перед Ингри.

Из темноты сверкнули горящие глаза, словно там, как в полном шорохов лесу, таилась огромная кошка. Ингри отшатнулся, и рука его рванулась к рукояти меча. Клинок с шипением наполовину выскользнул из ножен; Ингри сильно ударился локтём о притолоку, так что боль пронизала руку от плеча до кончиков пальцев, и попятился назад, чтобы получить свободу манёвра.

Улькра в изумлении схватил Ингри за руку и вытаращил на него глаза.

Ингри замер на месте и поспешно высвободил руку, чтобы управитель не почувствовал, как он дрожит. Первым делом нужно было подавить неистовый порыв, пронзивший его тело, не дать проявиться его проклятому дару — соблазн не

обрушивался на него так неожиданно с тех пор… в общем, уже давно.

«Я не позволю тебе, волк-у-меня-внутри! Ты не получишь свободы!»

Ингри решительно спрятал меч в ножны, медленно разжал пальцы и вытер ладонь о кожаные штаны.

Заставив свой разум вооружиться здравым смыслом, он снова заглянул в комнатку. С соломенного тюфяка на полу поднималась похожая на привидение молодая женщина. О её удобствах, похоже, достойным образом позаботились: на постели лежало стёганое покрывало, кувшин с водой и кружка позволяли утолить жажду, в углу виднелся накрытый крышкой ночной горшок. Эта темница удерживала пленницу, но пока ещё не наказывала.

Ингри облизнул сухие губы.

— Не вижу вас в этом закутке. — «А то, что видел, отвергаю». — Выйдите на свет.

Девушка подняла подбородок, встряхнула тёмной гривой волос и подошла. На ней было тонкое бледно-жёлтое полотняное платье с вышивкой вокруг выреза — если и не придворный наряд, то, уж во всяком случае, одежда высокопоставленной женщины. Тёмная полоса тянулась поперёк

лифа. На свету в густых тёмных волосах вспыхивали красноватые блики. Сверкающие карие глаза исподлобья смотрели на Ингри. Для девушки пленница была довольно высокой: одного роста с жилистым и поджарым Ингри.

Карие глаза с тёмным ободком вокруг радужки, почти янтарные… вовсе не горящие зелёным светом… нет…

Бросив настороженный взгляд на Ингри, Улькра начал говорить, представляя их друг другу так формально, как если бы объявлял о прибытии на устроенный принцем пир:

— Леди Йяда, это лорд Ингри кин Волфклиф, прибывший по поручению хранителя печати Хетвара. Вы передаётесь на его попечение. Лорд Ингри, это леди Йяда ди Кастос, по матери кин Баджербанк.

Ингри заморгал. Хетвар называл её просто леди Йяда…

«Леди Йяда, не слишком значительная представительница рода Баджербанк, да помогут нам все пять богов…»

— Это ведь ибранское имя.

— Шалионское, — холодно поправила его девушка. — Мой отец был лордом-дедикатом ордена Сына, капитаном крепости квинтарианцев

на западной границе Вилда. Там я и выросла. Отец женился на вилдианской леди из рода кин Баджербанк.

— Ваши родители… умерли? — неуверенно спросил Ингри.

Девушка с холодной иронией склонила голову.

— В противном случае я была бы под лучшей защитой.

Она не потеряла самообладания и не плакала… по крайней мере не плакала недавно. И уж точно не была безумна. За четыре дня, проведённых в этом закутке, у неё было время обдумать своё положение, но девушка держала себя в руках, и лишь еле заметная дрожь в голосе выдавала страх или гнев. Ингри оглядел пустой коридор и перевёл взгляд на Улькру.

— Отведите нас куда-нибудь, где мы сможем сесть и поговорить. Куда-нибудь, где нам не помешают… и где будет светло.

— Э-э… — После минутного размышления управитель поманил их за собой. Он без колебаний, как заметил Ингри, повернулся к девушке спиной. Похоже, эта узница не кидалась на своих тюремщиков, не царапалась и не кусалась. Её шаги, когда она двинулась следом за Ингри, были твёрдыми. Свернув в другой коридор, Улькра ука-

зал на скамью под окном, выходящим на задний двор замка.

— Это подойдёт, милорд?

— Да. — Ингри помедлил, глядя, как леди Йяда, грациозно подобрав юбки, усаживается на полированное сиденье. Следует ли ему удержать Улькру как свидетеля или отослать, чтобы поощрить девушку к откровенности? Не станет ли она снова агрессивной? Непрошеный образ Улькры в коридоре этажом выше, ожидающего, пока стихнут крики, смутил Ингри.

— Вы можете заняться своими делами, управитель. Вернитесь через полчаса.

Улькра, хмурясь, неуверенно взглянул на девушку, потом с поклоном удалился. Люди Болесо, вспомнил Ингри, не имели привычки сомневаться в разумности приказов вышестоящих. Может быть, от тех, кто позволял себе такое, принц так или иначе избавлялся. Эти остались. Пена. Отбросы.

С некоторой неловкостью — скамья была короткой и сидеть приходилось слишком близко друг к другу — Ингри сел рядом с девушкой. Его предположение о том, что принц выбрал просто хорошенькую мордашку, оказалось ошибочным. Красота леди Йяды была сияющей. Если только

Болесо в добавление к безумию не страдал ещё и слепотой, девушка должна была поразить его с первого взгляда. Широкий лоб, прямой изящный нос, скульптурных очертаний подбородок… одну щеку украшал огромный синяк, и на светлой коже шеи виднелось ещё несколько — синие, как сливы, отпечатки пальцев. Ингри поднял руку и коснулся синяков; девушка слегка поморщилась, но вытерпела обследование. Руки Болесо были, похоже, крупнее, чем у Ингри. Нежная кожа излучала завораживающее тепло. Глаза Ингри, казалось, затянул золотистый туман, и его пальцы стиснули горло леди Йяды. Ингри резко отдёрнул руку; тихий стон девушки заглушил его судорожный вздох.

«Что это было?..»

Чтобы скрыть смущение, Ингри бросил:

— Я — офицер на службе хранителя королевской печати. Мне поручено доложить ему обо всём, что я услышу или увижу. Вы должны правдиво рассказать мне о том, что здесь произошло. Начните с самого начала.

Леди Йяда откинулась на спинку скамьи, растерянность в её глазах сменилась напряжённым вниманием. Ингри уловил её запах — не аромат духов и не зловоние крови, а собственный за-

пах женщины, и под её пристальным взглядом впервые задумался о том, как выглядит сам — и как пахнет. Конский пот, холодная сталь оружия, запылённая кожаная одежда… тёмная щетина на усталом лице. Меч и кинжал, опасно широкие полномочия… Как это она не отшатывается от него?

— С какого начала? — спросила она.

Мгновение он непонимающе смотрел на девушку.

— С вашего приезда в этот замок, мне кажется. — Разве было и иное начало? Нужно будет вернуться к этому вопросу позднее.

Леди Йяда сглотнула, потом взяла себя в руки и начала:

— Принцесса торопилась добраться до резиденции своего отца и выехала с совсем небольшой свитой. В дороге она плохо себя почувствовала. Ничего особенного, но её месячные сопровождаются жестокими головными болями, и если она не имеет возможности спокойно отдохнуть, то может разболеться всерьёз. Мы свернули сюда, поскольку никакого пристанища ближе не оказалось, и к тому же принцесса Фара желала увидеться с братом. Думаю, она помнила принца по тем временам, когда он был моложе и не та-

кой… трудный.

«До чего же тактично!»

Ингри не мог решить, является ли этот оборот речи образчиком дипломатии или проявлением суховатой иронии. Скорее просто осторожностью, если судить по замкнутому и напряжённому лицу, подумал он. Девушка, несомненно, напрягала ум, и ей было не до остроумия.

— Нас приняли радушно, если и не с той роскошью, к которой принцесса привыкла, то по крайней мере предоставив в наше распоряжение всё, что этот замок может предложить.

— Вы когда-нибудь раньше встречались с принцем Болесо?

— Нет. Я всего несколько месяцев как поступила на службу к принцессе. В её штат меня устроил отчим. Он сказал… — Леди Йяда запнулась. — Сначала всё казалось обычным… для охотничьего домика вельможи. Дни проходили спокойно: принц приглашал придворных сестры на охоту, а если вечерами мужчины и становились шумными и много пили, то принцесса и её дамы при этом не присутствовали: принцесса по большей части лежала в своих покоях. Я дважды передавала принцу её жалобы на шум, но он никакого внимания на это не обратил. Мужчины

натравливали собак на дикого кабана, которого удалось поймать живьём, бились об заклад, и происходило всё как раз под окнами принцессы. Егеря Болесо очень беспокоились о собаках… Жаль, что здесь не было графа Хорсривера — он унял бы их одним словом: граф, когда пожелает, бывает очень резким на язык. Мы прожили здесь три дня, пока принцесса не была готова двинуться дальше.

— Принц Болесо ухаживал за вами?

Губы девушки сжались в тонкую линию.

— Я бы этого не сказала. Он вёл себя одинаково несносно в отношении всех женщин из свиты его сестры. Я ничего не знала о его… предпочтении до того утра, когда мы должны были отправиться в путь.

Девушка снова сглотнула.

— Моя госпожа, принцесса Фара, тогда сказала мне, что я должна остаться. Что, может быть, это и не очень мне по душе, но вреда не принесёт. Потом можно будет найти мне супруга. Я умоляла её не оставлять меня здесь. Принцесса не пожелала встретиться со мной глазами. Она сказала, что такая сделка не хуже любой другой, а по сравнению со многими ещё и лучше, и что я должна подумать о своём будущем. Что жен-

щины, как и мужчины, должны служить своему господину. Я ответила, что сомневаюсь, чтобы большинство мужчин согласились… боюсь, я выразилась довольно грубо. После этого принцесса отказалась со мной разговаривать. Они уехали, оставив меня здесь. Я не стала хвататься за стремя принцессы — боялась вызвать насмешки людей принца. — Леди Йяда обхватила себя руками, словно пытаясь закутаться в своё попранное достоинство. — Я говорила себе, что, может быть, принцесса права. Что такая судьба не хуже любой другой. Болесо не был уродлив или стар… и не казался больным.

Ингри не смог удержаться, чтобы не примерить перечисленные качества к себе. Можно было надеяться, что и он не попадал ни в одну из этих категорий. Впрочем, на память приходили и некоторые иные свойства… развращённость, например.

— Я не понимала, насколько он безумен, пока принцесса и её свита не уехали, а тогда было уже слишком поздно.

— Что случилось дальше?

— Вечером меня отвели к его покоям и втолкнули внутрь. Принц меня ждал. Он был одет в мантию, но под ней ничего не было, и всё его тело

оказалось расписано красками из вайды, марены и крокуса… древними символами, которые иногда ещё бывают видны на старых деревянных постройках или в лесу — там, где раньше были капища. В углу был привязан леопард принца — ему дали какое-то снадобье, и зверь уснул. Принц сказал… как выяснилось… он вовсе не влюбился в меня. Даже вожделения он не испытывал. Ему понадобилась девственница для какого-то обряда, о котором он узнал… или придумал… — не уверена, он к этому моменту говорил уже не очень ясно, — и я оказалась единственной подходящей, потому что другие две дамы, сопровождавшие принцессу, были одна замужняя, а другая — вдова. Я пыталась отговорить его, напомнить, что такие обряды — гнусная ересь и что он совершает ужасный грех против установленных его же собственным отцом законов… я пригрозила, что убегу и обо всём расскажу. Принц ответил, что затравит меня собаками, что они растерзают меня, как растерзали кабана. Я пообещала обратиться в храм в деревне. Принц заявил, что в храме служит всего лишь аколит и к тому же трус. Он сказал, что убьёт любого, кто даст мне убежище… даже этого священнослужителя. Он не боялся жрецов, говорил, что церковь — фактиче-

ски собственность кин Стагхорнов и что любого священнослужителя он может купить за гроши.

При помощи обряда принц хотел пленить дух леопарда, как это, по преданиям, делали древние воины кланов. Я сказала, что у него ничего не получится. Болесо ответил, что уже делал подобное несколько раз и что намерен захватить духов всех обладающих мудростью животных. Он полагал, что это каким-то образом даст ему власть над Вилдом.

Ингри изумлённо перебил девушку:

— Древние воины Вилда забирали себе лишь по одному духу зверя — по одному на протяжении всей жизни. И даже это грозило безумием. Всегда имелась опасность неудачи… и даже хуже.

«Как мне известно по собственному нескончаемому опыту».

В бархатном голосе леди Йяды стало чувствоваться волнение.

— Болесо подвесил леопарда на шнуре, а меня ударил и швырнул на постель. Я сопротивлялась. Принц что-то бормотал — то ли заклинания, то ли проклятия, не знаю. Тут я поверила, что он уже делал подобное раньше, — его ум был настоящим зверинцем, полным завывающих хищников. Предсмертные конвульсии леопарда отвлекли

Болесо, и мне удалось вывернуться. Я попыталась убежать, но бежать было некуда. Дверь была заперта. Принц сунул ключ в карман.

— Вы звали на помощь?

— Наверное… Я плохо помню. Потом оказалось, что я сорвала голос, так что, должно быть, я кричала. Не было никакой надежды вылезти в окно. Окутанный тьмой лес за ним казался бесконечным… Я звала на помощь дух отца, молила того бога, которому он служил…

Ингри не мог не подумать, что в таких отчаянных обстоятельствах девушке полагалось бы призывать свою истинную покровительницу — леди Весны, богиню, для которой девственность свята. Очень странно, что женщина молила о помощи Сына Осени.

«Впрочем, сейчас его сезон…»

Сын Осени был богом молодых мужчин, жатвы, охоты, товарищества — и войны. Может быть, оружия тоже?

— Вы повернулись, — сказал Ингри, — и вам под руку попалась рукоять боевого молота.

Карие глаза широко раскрылись.

— Откуда вам это известно?

— Я видел спальню.

— Ох… — Леди Йяда облизнула губы. — Я уда-

рила его. Он кинулся на меня и… и зашатался. Я ударила его снова. Он остановился. Упал и не поднялся. Он не был ещё мёртв — его тело сотрясали судороги, когда я стала шарить в кармане мантии, чтобы достать ключ. Я едва не упала в обморок… во всяком случае, я помню, что стояла на четвереньках, а в комнате словно потемнело. Я… он… Наконец мне удалось отпереть дверь и позвать придворных.

— А они что? Рассвирепели?

— Скорее испугались, чем рассвирепели, я думаю. Они все препирались и винили друг друга, и меня, и вообще всех на свете. Даже самого Болесо. Прошло очень много времени, пока они сообразили, что нужно меня запереть и послать гонца.

— А вы что делали?

— По большей части сидела на полу. Меня ужасно мутило. Мне задавали такие глупые вопросы! Убила ли я его? Неужто они думали, будто он сам себя ударил? Я порадовалась своей темнице, когда меня наконец туда отвели. Не думаю, что Улькра заметил засов, которым я могла запереть дверь изнутри.

Да, любопытно… Самым безразличным тоном, какой он только мог придать своему голосу, Ингри спросил:

— Удалось принцу Болесо совершить над вами насилие?

Девушка подняла голову, и глаза её сверкнули.

— Нет.

В голосе леди Йяды прозвенела искренность и что-то похожее на триумф. В безвыходной ситуации, брошенная всеми, кто должен был оберегать её, девушка обнаружила, что сдаваться не обязательно. Многозначительный урок.

«И чрезвычайно опасный».

Всё таким же ровным голосом Ингри спросил:

— Принц сумел завершить обряд?

На этот раз леди Йяда заколебалась.

— Не знаю… Я не уверена, каковы были его намерения. — Она опустила глаза и стиснула руки. — Что теперь будет? Рыцарь Улькра сказал, что передаёт меня на ваше попечение. Куда вы меня отвезёте?

— В Истхом.

— Хорошо, — откликнулась она с неожиданной горячностью. — Священнослужители наверняка там мне помогут.

— Вы не боитесь суда?

— Суда? Я защищалась! Меня обманом заманили в этот кошмар!

— Возможно, — тихо ответил Ингри, — что най-

дутся могущественные люди, которые не захотят, чтобы вы об этом заявили. Подумайте сами. Вы ведь не можете доказать попытку изнасилования. Найдётся полдюжины свидетелей того, что вы пошли в комнату Болесо добровольно.

— Да, добровольно — если бы я бежала из замка, меня растерзали бы в лесу звери. Добровольно — чтобы не обречь на мучительную смерть любого, кто отважился бы мне помочь. — Девушка с внезапным изумлением уставилась на Ингри. — Вы мне не верите?

— Верю. — «О да, верю!» — Но не я буду вас судить.

Леди Йяда нахмурилась и прикусила губу так сильно, что кожа побелела. Через мгновение она решительно выпрямилась снова.

— В любом случае если насилие и происходило без свидетелей, то о незаконном обряде этого сказать нельзя. Все придворные видели леопарда. Они видели тайные символы на теле принца. Это уже не мои утверждения, а вполне материальные доказательства, которые каждый может потрогать собственными руками.

«Теперь уже нет».

Даже если она виновна, девушка сохранила невинность души. В этом Ингри не сомневался.

«Ах, леди Йяда, вы даже понятия не имеете, чему пытаетесь противостоять…»

Ингри услышал приближающиеся шаги. Подняв глаза, он увидел Улькру, который каким-то странным образом одновременно и подобострастно семенил, и грозно нависал над ними.

— Что вам будет угодно, милорд? — нервно пробормотал управитель.

«Быть в любом другом месте, только не здесь, и делать всё что угодно, только не то, что приходится».

Ингри два дня провёл в седле. Он слишком устал, неожиданно решил он, чтобы проскакать сегодня ещё хоть милю. Болесо вряд ли так уж не терпится быть погребённым и предстать перед божественным судом. А Ингри вовсе не горит желанием как можно скорее доставить эту несчастную наивную девочку её земным судьям. Она не боится того, чего бояться следует… Да помогут ему пятеро богов, она, похоже, вообще ничего не боится.

— Дадите ли вы мне слово, — обратился он к леди Йяде, — что если я облегчу ваше заточение, вы не попытаетесь бежать?

— Конечно, — ответила девушка, словно даже несколько удивлённая тем, что ему понадобилось

её об этом спрашивать.

Ингри повернулся к управителю.

— Поместите леди в удобную комнату. Верните ей все её вещи и найдите приличную служанку, если здесь таковую можно найти, чтобы помочь собраться в дорогу. Мы выедем в Истхом, сопровождая тело принца, завтра на рассвете.

— Да, милорд, — ответил Улькра, с облегчением склонив голову.

Ингри пришла неожиданная мысль.

— Скажите, управитель, не сбежал ли кто-нибудь из людей принца после его смерти?

— Нет, милорд. Почему вы спрашиваете?

Ингри неопределённо повёл рукой, не желая раскрывать причину своего любопытства. Настаивать на ответе Улькра не решился.

Ингри поднялся на ноги. Его мышцы, казалось ему, так же громко протестуют против любого движения, как и скрипучая кожа дорожной одежды. Леди Йяда благодарно поклонилась ему и последовала за управителем. Прежде чем свернуть на лестницу, она оглянулась через плечо и бросила на Ингри серьёзный доверчивый взгляд.

Его долг — доставить её в Истхом. Только и всего. Передать в руки… вовсе не дружественные руки. Пальцы Ингри стиснули рукоять меча.

«Только и всего».

Глава 2

Кортеж выехал из ворот замка в предрассветном тумане. Ингри приказал шестерым гвардейцам Болесо ехать впереди крестьянской телеги, которая лишь из милосердия могла быть названа катафалком, и шестерым — позади. На телегу взгромоздили поспешно сколоченный длинный ящик, наполненный солью грубого помола, которая должна была уберечь тело от разложения, — это и стало последним ложем принца. В грустной попытке придать процессии торжественность рыцарь Улькра велел накрыть гроб оленьей шкурой и увить опоры навеса над ним траурными лентами — взамен балдахина, который едва ли выдержал бы ухабы на местных дорогах. Если солдаты и попытались начистить оружие ради своей печальной вахты, их усилия пропали незамеченными в густом тумане. Ингри больше следил за тем, чтобы ящик привязали к телеге крепкими верёвками.

Возница, которого выбрал Улькра, был местным крестьянином, хозяином и телеги, и запряжённых в неё коней; он умело преодолел первые опасные повороты узкой дороги. Рядом с ним

сидела его угрюмая жена, ловко управлявшаяся с деревянным тормозом, заставлявшим колёса отчаянно визжать на спусках. Эта степенная пожилая женщина окажется лучшей дуэньей для пленницы, подумал Ингри, чем чумазая и перепуганная служанка, которую предложил было Улькра; к тому же за женщинами присмотрит и возница. Ингри доверял собственным солдатам, но хорошо помнил о засове с внутренней стороны двери временной темницы; что бы ни думала по этому поводу леди Йяда, Ингри не сомневался: Улькра совсем не случайно выбрал именно такое помещение.

Побелённые стены и острые зелёные черепичные крыши башен замка растаяли как сон среди серых призраков деревьев. Дорога расширилась и сделалась более прямой. Ингри молча отсалютовал двоим своим солдатам, замыкавшим процессию, и направил коня мимо повозки и сопровождающих её людей принца туда, где четверо его воинов окружали леди Йяду.

Пленница ехала на собственной лошади — то ли из конюшен графа Хорсривера, то ли подаренной её семейством. Это была изящная гнедая кобыла, чистокровная и явно очень резвая. Она застоялась в конюшне и теперь танцевала и

фыркала, нервно прижимая уши. Вздумай леди Йяда дать кобыле шпоры и поскакать в сторону от дороги, догнать её было бы нелегко. Впрочем, всадница пока не проявляла никаких поползновений сделать это; она ловко сидела в седле, изредка натягивая поводья, чтобы не позволить своей лошади обгонять остальных. Этим утром леди Йяда была одета, как подобает знатной даме, выехавшей на охоту: в коричневый отделанный золотистой тесьмой жакет и юбку с разрезом, из-под которой выглядывали начищенные сапожки. Её строго зачёсанные назад волосы удерживала вязаная сеточка, а лёгкий шарф цвета сливок скрывал тёмные отпечатки пальцев Болесо на шее.

В намерения Ингри не входила праздная болтовня с пленницей, поэтому он ограничился вежливым кивком и направил коня к голове колонны. Некоторое время все ехали молча. С ветвей деревьев капала влага, и мелодичное журчание пересекавших дорогу ручьёв, для которых были проложены трубы из выдолбленных древесных стволов, казалось таким громким, что его не заглушали ни скрип колёс, ни удары копыт. Кортеж миновал последний поворот, дорога стала ровнее, лес отступил, и неожиданно путники

оказались на залитом светом пространстве.

Солнечные лучи лились сквозь брешь в горной гряде на востоке, превращая влажный воздух в расплавленное золото и окрашивая дальние склоны яркой зеленью. О присутствии человека — вероятно, артели углежогов — говорила единственная струйка дыма, поднимавшаяся над густыми чащами, окружившими деревушку и распаханные вокруг неё поля. Этот пейзаж не слишком порадовал Ингри. Мрачно оглядев грязную дорогу впереди, он придержал коня, чтобы убедиться: кортеж благополучно миновал последние деревья. Когда Ингри снова развернул коня, он оказался рядом с леди Йядой.

Она смотрела вперёд, и в её глазах, которым яркий свет придал золотисто-карий оттенок, читалось спокойное удовольствие.

— Как же сверкают эти холмы! Я просто обожаю предгорья — между безжизненными вершинами и обработанными полями равнин.

— Здесь опасная и не слишком гостеприимная местность, — ответил Ингри, — но как только мы минуем пустоши, дорога станет лучше.

Леди Йяда искоса взглянула на Ингри и приподняла брови, увидев кислое выражение его лица.

— Вам не нравятся здешние места? Земли,

составляющие моё приданое, столь же пустынны — они лежат к западу отсюда, там, где горы понижаются. — Она поколебалась, прежде чем продолжить: — Мой отчим разделяет ваше мнение об этих безлюдных дорогах, что и неудивительно: он горожанин, главный строитель храма в Баджербридже, и больше всего любит деревья в виде балок, досок и дров. Он всегда говорит, что лучше бы я сделала приданым своё лицо, а не те мрачные леса. — Леди Йяда неожиданно поморщилась, и свет в её глазах потух. — Он так радовался, когда одна из моих тёток Баджербанк нашла мне место в свите принцессы — благородной графини Хорсривер. И вот теперь…

— Он рассчитывал, что под присмотром принцессы вам будет легче заполучить супруга?

— Что-то в этом роде. Он надеялся, что мне улыбнётся удача. — Леди Йяда пожала плечами. — Только я уже успела понять, что высокородные лорды интересуются приданым ещё больше, чем сельские дворяне. Мне следовало предвидеть… — губы девушки твёрдо сжались, — следовало рассчитывать скорее на знатного соблазнителя. Врасплох меня застали еретические обряды и явное безумие принца.

Слушая леди Йяду, Ингри задумался о том, не

был ли тем аристократом, которого привлекла красота фрейлины принцессы, сам граф Хорсривер. Уже четыре года женатый на дочери священного короля, он так и не обзавёлся наследником; может быть, для этого нашлась и другая причина, кроме невезения? Если так, вполне понятно желание принцессы избавиться от девушки при первой возможности, и ревность к прелестной сопернице могла заставить её закрыть глаза на ожидающую ту не слишком завидную участь… Знала ли Фара об опасных планах брата?

«Ты хочешь сказать, о других планах, помимо изнасилования?»

«С какого начала?» — спросила леди Йяда вчера. Как будто могла выбирать из дюжины…

— Что вы думаете о графе Хорсривере? — осторожно поинтересовался Ингри. Граф владел многими землями, происходил из древнего рода, но больше всего значения в настоящий момент ему придавал его голос выборщика — одного из тринадцати, участвующих в избрании нового священного короля. Впрочем, подобные политические соображения казались неподходящими для этой хорошенькой головки, какой бы разумной она ни была.

На лице леди Йяды появилось задумчивое вы-

ражение, но никакого испуга или виноватого смущения Ингри не заметил.

— Не знаю. Он странный… Я чуть не сказала «молодой человек», хотя на самом деле он едва ли кажется молодым. Наверное, дело отчасти в ранней седине у него в волосах. Он очень умён, временами это даже смущает. И часто бывает угрюмым. Иногда он молчит целыми днями, словно погружённый в собственные мысли, и тогда никто не смеет заговаривать с ним, даже сама принцесса. Сначала я думала, что это следствие его увечья: искривлённой спины и странной формы лица, но на самом деле он, кажется, совсем не обращает на свою внешность внимания. Это ничуть его не останавливает… — Девушка взглянула на Ингри с запоздалой подозрительностью. — Вы хорошо знаете графа?

— Мы мало виделись с тех пор, как стали взрослыми, — ответил Ингри. — Я с ним в довольно близком родстве через его покойную мать. Я несколько раз встречался с ним, когда мы были детьми. — Ингри помнил юного лорда Венсела кин Хорсривера низкорослым неуклюжим мальчишкой, со слюнявым ртом и не особенно острым умом. Может быть, косноязычным его делала застенчивость; но Ингри тогда не испытывал

симпатии к младшему кузену, который не мог за ним угнаться в играх, и не старался с ним подружиться. К счастью, думал теперь Ингри, в детстве он хоть не пытался мучить беднягу… — Его отец и мой умерли почти одновременно.

Только престарелый граф Хорсривер умер тихо и достойно — от самого обычного апоплексического удара. А не в расцвете лет, с пеной на губах, с лихорадочными стонами, эхо которых, казалось, разлеталось по коридорам замка из какой-то камеры пыток глубоко под землёй… Ингри решительно отогнал воспоминания.

Девушка искоса взглянула на него.

— Каким вы помните отца?

— Ему принадлежал замок Бирчгров, одна из крепостей старого графа Касгута кин Волфклифа. — «А я хозяином замка не являюсь». Заметит ли быстрый ум девушки несоответствие или она просто сочтёт его младшим сыном? — Бирчгров запирает долину реки Бирчбек там, где она впадает в Лур. — Всё это не было, конечно, ответом на заданный девушкой вопрос. Каким образом разговор коснулся этого опасного предмета? Тон леди Йяды, заметил Ингри, был таким же подчёркнуто безразличным, как его собственный, когда он спросил её о графе Хорсривере.

— Так мне и рассказал рыцарь Улькра. — Девушка вздохнула, глядя прямо перед собой. — Он также сказал, что, по слухам, ваш отец умер от укуса бешеного волка, когда пытался завладеть его духом, и что дух волка также достался и вам, только обряд прошёл не так, как следовало, и вы долго и тяжело болели. Близкие боялись за вашу жизнь и рассудок, поэтому Бирчгров унаследовал ваш дядя, а не вы. Потом семья отправила вас в паломничество, и вам стало лучше. Я не знала, что и думать: правда ли это всё, и если правда, то почему ваш отец решился на такой отчаянный поступок. — Только выпалив эту тираду, леди Йяда повернулась к Ингри; её взгляд был тревожным и вопросительным.

Конь Ингри фыркнул и вскинул голову, когда тот невольно рванул поводья. Усилием воли Ингри разжал пальцы, а мгновением позже — и стиснутые зубы. Потом наконец ему удалось прошипеть:

— Улькра — сплетник. Это большой недостаток.

— Он вас боится.

— Недостаточно боится, по-видимому. — Ингри резко развернул коня, притворившись, что ему нужно проверить, всё ли в порядке в кортеже, и

вернулся в голову колонны уже по другой стороне дороги. Леди Йяда взглянула на него и открыла рот, словно собираясь заговорить, но Ингри сделал вид, что не заметил этого.

Необходимость отдавать распоряжения, когда кортеж достиг крутого подъёма, достаточно отвлекла Ингри, чтобы помочь ему восстановить спокойствие, или по крайней мере вытеснила ярость, заменив её тревогой. Дорога шла круто вверх по краю обрыва, копыта усталых коней скользили в грязи, и телега начала опасно крениться. Жена возницы завопила, предупреждая об опасности. Ингри спрыгнул с коня и возглавил наиболее сообразительных из солдат: они начали толкать неуклюжую повозку сбоку и сзади, не позволяя ей скатиться в пропасть.

Ингри расплатился за это ушибленным плечом и грязью на своём кожаном дорожном костюме; он едва не уступил соблазну предоставить телегу её собственной судьбе. Ингри видел внутренним взором, как она валится вниз, разламываясь на части, а гроб кувыркается среди камней и выбрасывает наружу голый труп Болесо в облаке соли. Только в этом случае телега потянула бы за собой и ни в чём не повинных трудолюбивых коней, а они в отличие от принца такой участи

не заслуживали. К тому же, учитывая, что сам Ингри находился между телегой и обрывом, он сам оказался бы раздавлен, так что сопровождающим пришлось бы использовать надёжную кожу его одежды как вместилище для его останков. Эти мрачные мысли достаточно развлекли Ингри, чтобы снова в седло он сел хоть и запыхавшись, но в лучшем настроении.

В полдень кортеж остановился на широкой поляне рядом с дорогой, у древнего колодца. Солдаты достали хлеб и холодное мясо, которое получили в дорогу от повара в замке, однако Ингри, прикинув расстояние и остающееся до сумерек время, решил, что в первую очередь нужно позаботиться о лошадях. Животные были покрыты грязью, и по приказу Ингри недовольные приближённые принца стали помогать вознице распрягать их и чистить, прежде чем принялись за еду сами. Самые крутые подъёмы и спуски остались позади; немного отдохнув, решил Ингри, кони смогут тянуть телегу до темноты, когда можно было рассчитывать добраться до городка Ридмера, где имелась возможность раздобыть более подобающее транспортное средство.

Более нарядное транспортное средство, мысленно поправился Ингри. Провонявшая навозом

телега представлялась ему вполне подобающим катафалком для Болесо. Оказавшись ближе к Истхому, нужно будет послать вперёд гонца, чтобы обеспечить смену лошадей, а также сообщить тем, кому принц небезразличен, о необходимости организовать пышную церемонию. Правда, этим людям скорее окажется небезразличен высокий ранг покойника и возможность продемонстрировать своё рвение. Да, гонца нужно послать сегодня же вечером.

Ингри вымыл руки в маленьком бассейне у колодца и получил от своего лейтенанта, рыцаря Гески, ломоть хлеба с олениной. Запустив в него зубы, Ингри оглянулся, высматривая пленницу и сопровождающую её женщину. Жена возницы копалась в корзине рядом с распряжённой телегой, а леди Йяда прохаживалась в стороне. Её костюм сделал бы её совершенно незаметной среди деревьев, окружающих поляну… Однако пленница, похоже, вовсе не думала о бегстве; вместо этого она наклонилась к развалинам какого-то строения рядом с колодцем и подняла каменную плитку, потом направилась к усевшемуся на поваленное дерево Ингри.

— Посмотрите, — сказала она, протягивая Ингри серый блестящий осколок.

Ингри взглянул на камень и увидел на выветрившейся поверхности спиральный узор.

— Точно такой же символ Болесо нанёс на своё тело — красной мареной, рядом с пупком. Вы его заметили?

— Нет, — буркнул Ингри. — Тело было уже обмыто.

— Ох… — растерянно протянула девушка. — Но он там был!

— Я не подвергаю сомнению ваши слова. — «Хотя другие, конечно, усомнятся. Понимает ли она это?»

Леди Йяда оглядела поляну.

— Как вы думаете, не было ли здесь когда-то лесного святилища?

— Очень может быть. — Ингри проследил за её взглядом: пни, оставшиеся от когда-то срубленных деревьев, молодая поросль… Для каких бы священных или святотатственных целей ни использовалось это место прежними хозяевами, по всей видимости, в последний раз здесь трудился топор обычных бродячих дровосеков. — Колодец наводит именно на такие мысли. Поляна была расчищена, заброшена, расчищена снова и, похоже, не один раз. — Всё это происходило, наверное, вследствие приливов и отливов борьбы дарта-

канских квинтарианцев против лесных ересей, так долго раздиравшей эти земли, — четыре столетия назад, когда Аудар Великий ещё только завоёвывал Вилд.

— Интересно, как выглядели те древние обряды, — задумчиво проговорила леди Йяда. — Жрецы порицают принесение в жертву животных, но… Когда я ещё ребёнком жила в квинтарианской пограничной крепости, я несколько раз бывала… бывала вместе со своей подругой на осенних празднествах местного народа. Жители болот не принадлежат к той же расе, что и вилдиане, и говорят на другом языке, но я почти могла вообразить, что вернулась в древние времена. Больше всего это походило на празднество или пикник на природе… Я хочу сказать, что люди пели гимны и совершали обряды, прежде чем убить животных, и какая разница, произносить молитвы после того, как мясо уже пожарено, или до того? Так по крайней мере говорила моя подруга, — добавила леди Йяда. — Жрец в крепости никогда с этим не соглашался, да и вообще они всё время спорили. Думаю, моей подруге очень нравилось дразнить того священнослужителя.

Квинтарианские священнослужители никогда не возражали против пиршества как такового:

они боролись с тем, что кланы Древнего Вилда пользовались не только мясом своих священных животных. Колдуны оскверняли души воинов племени, вселяя в них духов животных, делая воителей яростными и непобедимыми, но одновременно лишая их возможности предстать перед богами в конце жизни. Впрочем, Ингри сомневался, чтобы на любом празднестве, разрешение посетить которое могла получить эта юная девушка, пожиралось что-нибудь, кроме мяса.

— Говорят, жители болот разрисовывают себя кровью.

— Это правда, — задумчиво ответила леди Йяда. — По крайней мере все гонялись друг за другом, разбрызгивая кровь, и очень веселились. Было много грязи и вони, выглядело это довольно глупо, но вполне безвредно. Конечно, то племя не приносило в жертву людей. — Девушка оглядела поляну, словно представив себе когда-то происходивший чудовищный обряд.

— Действительно, — сухо заметил Ингри, — в этом и состояло коренное отличие квинтарианцев от древних вилдиан. — Пусть обе стороны и почитали одних и тех же богов… — Так что когда Аудар, прозванный Великим, перебил четыре тысячи захваченных в плен воинов на Кровавом

Поле, он, по преданию, и не думал возносить молитвы — что сделало бойню вполне соответствующей квинтарианской доктрине, а вовсе не ересью. Преступлением, может быть, но отнюдь не человеческим жертвоприношением. Как важно тонко разбираться в теологии!

Это избиение целого поколения молодых воинов, в которых жили духи животных, сломало хребет вилдианского сопротивления восточным завоевателям. На протяжении последующих полутора сотен лет земли Вилда, обряды, сам народ насильственно переделывались на дартаканский манер, пока огромная империя Аудара не распалась в кровавых междоусобицах его гораздо менее великих потомков. Ортодоксальное квинтарианство пережило вскормившую его империю. Преследуемые магические обряды с использованием животных и дарующие мудрость гимны лесных племён в обновлённом Вилде исчезли и были почти забыты, если не считать сельских суеверий, детских считалок и изредка возникающих слухов о привидениях.

Ну… не то чтобы совсем забыты… и не всеми.

«Отец, о чём ты думал? Почему взвалил на меня это богохульство? Чего ты пытался добиться?»

Всё те же старые, мучительные вопросы, на

которые нет ответов… Ингри выбросил их из головы.

— Теперь все мы стали новыми вилдианами, — задумчиво сказала леди Йяда. Она коснулась своих по-дартакански тёмных волос и кивнула в сторону Ингри. — Почти у всех выживших вилдианских кланов есть дартаканские прародители. Мы все полукровки, до единого человека, и уж во всяком случае, до единого лорда. Так что мы унаследовали грехи и Аудара, и лесных племён. Насколько мне известно, в жилах моего отца-шалионца тоже была дартаканская кровь. Он всегда говорил, что происхождение аристократов очень смешанное, сколько бы они ни гордились своими родословными.

Ингри жевал свой хлеб с олениной и ничего не ответил.

— Когда ваш отец дал вам вашего волка, — начала леди Йяда, как…

— Вам бы лучше поесть, — перебил её Ингри, не успев прожевать. — Впереди у нас ещё долгий путь. — Он поднялся, отошёл от девушки и двинулся к корзинам с продовольствием. Есть он больше не хотел, но ещё больше не хотел выслушивать болтовню леди Йяды. Выбрав не самое червивое яблоко, Ингри принялся медлен-

но грызть его. Всё время, пока кортеж оставался на поляне, он старался держаться подальше от девушки.

Во второй половине дня путники достигли местности, где холмы стали более округлыми, а селения — более частыми и окружёнными более просторными полями. Солнце коснулось вершин деревьев, когда кортеж встретил неожиданное препятствие: каменистый брод на реке, который отряд Ингри с лёгкостью преодолел на пути в замок, из-за дождей превратился в мутную бурную стремнину.

Ингри остановил коня и огляделся. Телега, на которой везли гроб Болесо, не была водонепроницаемой: её не обили шкурами, не обмазали дёгтем, — так что можно было не опасаться, что поток подхватит её и унесёт, утащив следом лошадей. А вот шанс, что телега пропустит воду и завязнет, был велик. Ингри приказал четверым всадникам тянуть за верёвки, привязанные к телеге, чтобы помочь направить её в нужную сторону, и махнул вознице; тот принялся погонять усталых коней, чтобы как можно скорее преодолеть преграду. Вода доходила до брюха лошадей, телегу начало сносить, но благодаря усилиям всадников её удалось удержать, и в конце кон-

цов упряжка выбралась на противоположный берег. Только тогда Ингри направил через брод леди Йяду.

Однако взгляд его всё ещё следил за продвижением телеги; Ингри резко обернулся, только когда гнедая кобыла поскользнулась, упала и скрылась под водой. Течение унесло леди Йяду так быстро, что она не успела даже вскрикнуть. Ингри выругался и ударил своего коня шпорами, посылая его вперёд. Он растерянно оглядывался, высматривая темноволосую головку в кипящей пене… одежда девушки наверняка сразу намокнет, юбки потянут её вниз… вон она!

Холодная вода плескалась вокруг колен Ингри; он повернул коня вниз по течению и увидел, как из бурлящего вокруг трёх валунов потока показалась голова, потом рука. Рука ухватилась за камень.

— Держитесь! — закричал Ингри. — Я сейчас вас вытащу!

Две руки… Леди Йяда подтянулась и, лёжа животом на камне, начала выползать из воды; к тому моменту, когда Ингри заставил своего фыркающего коня приблизиться к валунам, девушка, ловя ртом воздух, уже поднялась на ноги. С неё ручьём текла вода. Краем глаза Ингри заметил,

что её кобыла, разбрызгивая грязь, выбралась на берег ниже по течению и ускакала в лес. Ингри выругался вполголоса и жестом послал одного из солдат следом за беглянкой.

Послушался ли тот его, Ингри уже не видел: теперь он мог дотянуться до леди Йяды. Он наклонился и протянул руку, девушка потянулась навстречу…

Багровый туман затопил его мозг, мешая видеть. Стиснув руки леди Йяды, Ингри нырнул в поток, столкнув девушку с камня. Под воду… нужно удерживать её, не позволяя вынырнуть… Вода хлынула Ингри в рот, он закашлялся и принялся отплёвываться, потом потерял опору и ушёл под воду с головой. Ничего не видя, он попытался оттолкнуться от дна. Какая-то дальняя часть его рассудка вопила:

«Что ты делаешь, глупец!»

Главное, удерживать её под водой…

Течение развернуло Ингри, он ударился головой обо что-то твёрдое, в багровом тумане вспыхнули зелёные искры… Он погрузился в беспамятство.

Сознание вернулось к Ингри вместе с паническим страхом. Однако холодный воздух коснулся его лица — каким-то чудом его голова оказалась

над водой, — и он закашлялся, выплёвывая воду. Тело казалось удивительно слабым и тяжёлым, двигаться было трудно, словно в густом масле.

— Перестаньте вырываться! — прозвучал у самого его уха резкий голос леди Йяды. Что-то теснее обхватило его шею, и Ингри смутно понял, что это рука девушки. Он должен её спасти… утопить… спасти…

«Она умеет плавать!»

Запоздалое осознание этого так поразило Ингри, что он на мгновение даже перестал барахтаться. Что ж, он тоже немного умеет плавать: ему удалось однажды выжить во время кораблекрушения, цепляясь за плавающие вокруг доски. Теперь единственным, что плавало рядом, была, по-видимому, леди Йяда… Но ведь вес его оружия и сапог потянет их на дно… тут ноги Ингри коснулись чего-то твёрдого. Течение вынесло их в мелкую заводь, и леди Йяда вытащила его на благословенный безопасный берег.

Ингри вывернулся из её рук и на четвереньках отполз по замшелым камням подальше от реки. По его лицу текла розоватая вода, становившаяся всё более красной. Смахнув влагу с глаз, Ингри, моргая, огляделся. Их окружал густой лес. Ингри не мог судить о том, далеко ли их унесло течени-

ем, но ни брода, ни телеги, ни всадников видно не было. После удара головой о камень его трясло.

Леди Йяда, пошатываясь, выбралась из воды и двинулась к нему, протягивая руку, чтобы помочь подняться. Ингри с криком отпрянул и схватился за ствол тонкого деревца — отчасти чтобы иметь опору, отчасти…

— Не прикасайтесь ко мне!

— Что? Лорд Ингри, у вас рассечена голова…

— Не подходите ближе!

— Лорд Ингри, если вы только позволите…

Его голос прозвучал хрипло:

— Мой волк пытается вас убить! Он сорвался с привязи! Держитесь подальше!

Девушка остановилась и вытаращила на Ингри глаза. Её волосы растрепались, вода стекала с них сверкающими каплями, беззвучно капая на мох; Ингри не мог отвести зачарованного взгляда от этой капели, как от каких-то странных водяных часов…

— Три раза, — выдохнул он. — Это был третий раз… Вы что, не поняли: я только что пытался вас утопить! Волк дважды делал такие попытки раньше — когда я впервые увидел вас, я чуть не обнажил меч, чтобы убить на месте. Потом, когда мы сидели на скамье, я вас чуть не задушил.

Девушка побледнела, но продолжала пристально смотреть на Ингри. Она и не подумала с криками бежать прочь. Он хотел, чтобы она убежала, и не важно, будет ли она при этом кричать… лишь бы сумела ускользнуть…

— Бегите!

Вместо этого леди Йяда тоже оперлась на древесный ствол и начала снимать полные воды сапожки. Только после того как она справилась со вторым, она ответила:

— Это был не ваш волк.

Голова Ингри ещё кружилась после удара о валун, а в животе бурчало: похоже, он нахлебался воды, и его сейчас вырвет. Он непонимающе посмотрел на леди Йяду.

— Что?

— Это был не ваш волк, — повторила девушка. Она поставила сапожки рядышком на землю и ровным голосом добавила: — Я каким-то образом могу чуять вашего волка. Не чуять, конечно, на самом деле я просто не знаю, как иначе описать это чувство.

— Он… я… пытался вас убить!

— Это не был ваш волк. И вы сами тоже ни при чём. Запах был иным, все три раза.

Теперь Ингри мог только таращить глаза, не

находя слов.

— Лорд Ингри… Вы так и не спросили меня, куда делся дух леопарда Болесо.

К ужасу Ингри, теперь он уже не просто таращился, а таращился, разинув рот.

— Он проник в меня. — Карие глаза смотрели на него в упор.

— Я… он… Извините меня, — прохрипел Ингри. — Меня сейчас вырвет.

Он попытался укрыться за своим тоненьким деревцем. Ему хотелось бы надеяться, что выворачивающие его наизнанку спазмы дадут ему время собраться с мыслями, но мысли, казалось, разбежались по всей речной долине. Он чуть не утопил свою пленницу, а теперь ещё и это… Сплошные наказания, и никакого вознаграждения.

Когда Ингри, спотыкаясь, вышел из-за дерева, леди Йяда спокойно выжимала воду из своего жакета. Ингри сдался и тяжело уселся на поваленное дерево. Оно было мокрым, ну да он был ещё мокрее: кожа его костюма мерзко чавкала и хлюпала.

На его взгляд, леди Йяда выглядела так же, как и раньше. Да, конечно, она была промокшей, грязной и растрёпанной, но солнце ласкало её своими закатными лучами, как возлюбленную.

Тень её не напоминала тень огромной кошки. Никакого запаха, кроме собственного — мокрой кожи, пота, крови, — Ингри тоже не чувствовал.

— Не знаю, хотел ли Болесо, чтобы дух леопарда вселился в меня, — продолжала леди Йяда тем же ровным голосом, словно не заметив прервавшего разговор происшествия. — Это случилось, когда я коснулась умирающего принца в поисках ключа. Духи остальных животных остались привязаны к нему и вместе с ним ушли. Их он держал крепче… или просто не успел завершить обряд в отношении леопарда. Дух леопарда был ужасно испуган, он спрятался во мне, но всё равно я могла его чувствовать. Я не знала, что делать или что может сделать дух… Люди Болесо — глупцы. Я ничего не сказала им, а они не спросили.

— Ваша защита… Это может стать вашей защитой! — с неожиданным воодушевлением воскликнул Ингри. — Принца убил испуганный дух леопарда, вы были в этот момент одержимы им… Имел место несчастный случай.

Девушка моргнула, глядя на Ингри.

— Нет, — ответила она рассудительно, — я же только что вам объяснила: дух леопарда не вселился в меня до тех пор, пока я не коснулась уже умирающего Болесо.

— Но вы же можете описать всё иначе. Никто не сможет опровергнуть ваших слов.

Леди Йяда бросила на Ингри обиженный взгляд.

«Нужно будет ещё вернуться к этой теме».

— Ну ладно. А потом?..

— Той ночью, уже оказавшись взаперти, я видела очень яркие сны. Жаркие леса, прохладные долины… Я валялась в золотистой траве с другими молодыми кошками, пятнистыми, с мягким мехом, но с острыми зубами. Потом незнакомые люди… сети, клетки, ошейник. Путешествие на корабле, путешествие в повозке. Новые люди, жестокие или добрые. Одиночество. В этих снах не было слов, только чувства, образы, сильные запахи. Наводнение запахов, целый новый континент ароматов…

Сначала я подумала, что схожу с ума, но потом решила, что это не так. Кладовка, в которой меня заперли, очень походила на клетку, и люди — жестокие или добрые — приносили мне еду и убирали помещение. Всё было знакомым… даже успокаивающим.

На вторую ночь мне снова снились сны леопарда, но на этот раз… — Голос леди Йяды дрогнул, но тут же снова сделался ровным. — На этот раз

мне явило себя Присутствие. Ничего нельзя было увидеть в том тёмном лесу, но запахи были такими восхитительными… никакие благовония не сравнятся. Каждый осенний аромат леса и поля — яблоки и вино, копчёное мясо и сухие листья, холодный синий воздух… я вдыхала благоухание осенних звёзд и плакала от их красоты. Дух леопарда начал скакать от восторга, как собака, прыгающая вокруг хозяина, или кошка, которая трётся о щиколотку хозяйки. Он мурлыкал, выгибался, повизгивал.

После этого на дух леопарда сошло умиротворение. Он больше не казался ни яростным, ни испуганным. Он просто… лежит удовлетворённый и ждёт. Нет, даже более чем удовлетворённый: полный радости. Я не знаю, чего он ждёт.

— Чьё-то присутствие… — повторил Ингри. «Нет, она сказала иначе — Присутствие». — Как вы думаете — это был бог? То, что явилось вам в темноте?

Только разве он сомневался? Сияющая — так сам Ингри назвал леди Йяду, и это было совсем не зрительное впечатление, как Ингри ни пытался сам с собой спорить. Даже в первые моменты, полные растерянности, он не принял сияние за чисто физическую красоту.

На лице девушки внезапно отразилась ярость; она прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Оно приходило не ко мне, Оно приходило к этой проклятой кошке. Я плакала и умоляла, чтобы Оно явилось мне, но Оно не пожелало. — В голосе леди Йяды появилась задумчивость. — Может быть, Оно и не могло. Я ведь не святая, достойная того, чтобы во мне поселился бог.

Пальцы Ингри нервно теребили мох. Рана на голове наконец перестала кровоточить, и кровь больше не стекала ему на брови.

— Ходили слухи — хоть квинтарианские жрецы это и отрицают, — что древние жители Вилда пользовались духами животных, чтобы общаться с богами.

Прелестный подбородок девушки решительно вздёрнулся, глаза сверкнули так яростно, что Ингри едва не отшатнулся. Только теперь — да и то всего на краткий миг — он увидел, какой же безумный страх скрывается, да и всё время скрывался, за её самообладанием.

— Ингри, будь вы прокляты, вы должны рассказать мне, обязательно должны рассказать, иначе я и вправду сойду с ума, — *как вы обрели дух вашего волка?*

Это было не праздное любопытство, подогретое

услышанными сплетнями. Леди Йяда испытывала отчаянную потребность в знании. И как же много дал бы он сам, тогда, в первые минуты растерянности и страха, за опытного наставника, который научил бы его, что делать… Или хотя бы за такого же растерянного компаньона, разделяющего его ощущения, относящегося с доверием к его признаниям, а не отметающего их, не называющего несчастную жертву безумной, осквернённой, проклятой? Всё то, что Ингри не мог бы объяснить даже симпатизирующему слушателю, эта девушка только что испытала на собственном опыте.

Ингри всё ещё казалось, что он вытягивает из колодца памяти вёдра на верёвке, которая обжигает его руки; стиснув зубы, он начал:

— Мне было всего четырнадцать. Всё свалилось на меня без всякого предупреждения, меня подвергли обряду, ничему не научив. Мой отец уже несколько дней, а может быть, и недель был обеспокоен чем-то, чем ни с кем не желал делиться. Он подкупил храмового волшебника, чтобы тот совершил обряд. Мне неизвестно, кто и как поймал волков. Волшебник исчез сразу же после… то ли потому, что боялся наказания за неудачу, то ли потому, что намеренно предал нас. Я так и

не смог ничего выяснить — да у меня тогда и не было сил задавать вопросы.

— Волшебник? — отозвалась леди Йяда; она стояла, прислонившись к стволу деревца. — Рядом с Болесо я не видела никакого волшебника… если только он не скрывался где-то неподалёку. Если сам Болесо был одержим демоном, я этого не заметила, да и не могла заметить: это ведь возможно только для человека, награждённого божественным даром, или для такого же волшебника.

— Нет, только жрец заметил бы… — Ингри заколебался. — В Истхоме какой-нибудь просвещённый священнослужитель наверняка заметил бы, если бы у Болесо на службе был демон. Если же принц пленил его недавно, уже отправившись в изгнание… ему мог и не встретиться жрец, обладающий таким даром. — Впрочем, какова бы ни была одержимость Болесо, всё началось гораздо раньше, ещё прежде, чем он убил своего слугу.

— Я и предположить не могу, какими силами наградил Болесо тот зверинец, что обитал в нём, — сказала леди Йяда. — Теперь я знаю вещи, которые вижу не глазами. Леопард, похоже, дал мне какое-то понимание, способность воспринимать, но… — она горестно стиснула руки, — не

выражаемые словесно. Почему ваш волк не оказывает вам такой же помощи?

«Потому что я десять лет и даже больше делал всё, чтобы изувечить его, крепко сковать. Я думал, будто нахожусь в безопасности, но теперь ваши вопросы пугают меня сильнее, чем волк-у-меня-внутри».

— Вы сказали, что было ещё что-то другое… какой-то запах, не мой и не волчий. Нечто третье.

Девушка с несчастным видом нахмурила брови, словно пытаясь дать описание чему-то, что невозможно выразить человеческим языком.

— Я как будто могу чуять души… или это может леопард, а до меня его знание доходит обрывками. Я могу обонять Улькру и знаю, что его можно не бояться. Некоторые придворные Болесо — другое дело, им мне лучше не попадаться. Ваша душа представляется мне двойственной: вы сами и что-то ещё в глубине, что-то тёмное, древнее, заплесневелое. Оно не шевелится.

— Мой волк? — Но его волк был совсем молодым…

— Я… может быть. Но есть ещё третий запах. Его источник обвивает вас, как растение-паразит, его побеги и корни питаются вашим духом. И оно *шепчет*… Думаю, это какое-то заклятие или

одержимость.

Ингри долго молчал, всматриваясь в себя. Как может она отличать одно от другого? Дух его волка был, несомненно, чем-то вроде паразита.

— Оно всё ещё на прежнем месте?

— Да.

Голос Ингри прозвучал резко:

— Значит, как только моё внимание окажется чем-то отвлечено, я могу попытаться убить вас снова.

— Возможно. — Глаза девушки сузились, а ноздри раздулись, как будто она пыталась уловить что-то, для чего телесные чувства не годились. Так же бесполезно, как пытаться видеть пальцами, как пробовать нечто на вкус ушами… — Пока не удастся его выкорчевать.

— Почему вы не обращаетесь в бегство? — тихо спросил Ингри. — Вам следовало бы бежать прочь.

— Разве вы не понимаете? Мне нужно добраться до храма в Истхоме. И как раз вы везёте меня туда со всей возможной скоростью.

— Мне жрецы никогда не могли помочь, — с горечью сказал Ингри, — иначе я уже избавился бы от своего проклятия. Я многие годы пытался — обращался к теологам, к волшебникам, даже

к святым. Я отправился в Дартаку, чтобы найти святого Бастарда, который, по слухам, изгонял демонов из человеческих душ и уничтожал незаконных волшебников. Даже он не смог избавить меня от духа волка, потому что, по его словам, дух принадлежит этому миру, а не другому. Даже Бастард, которому подчиняются легионы демонов хаоса и который может призывать и изгонять их по своей воле, не властен над ним. Если уж святые не могут помочь, обычные священнослужители и вовсе бесполезны. Они хуже чем бесполезны — они опасны. В Истхоме церковь — орудие тех, кто обладает властью, а вы, несомненно, их прогневили.

Взгляд леди Йяды был пронизывающим.

— Кто наложил на вас заклятие? Был ли это кто-то из власть имущих?

Ингри открыл рот, потом закрыл и задумался.

— Не уверен… не мог бы сказать. Всё в таком тумане… Я даже не помню — если что-то не напоминает мне — о своих попытках убить вас. Мгновение невнимательности с моей стороны может оказаться для вас смертельным.

— Тогда я буду всё время вам напоминать, — сказала леди Йяда. — Теперь — когда мы оба знаем, в чём дело — это должно даваться легче.

Только Ингри открыл рот, чтобы возразить, как из лесу донёсся треск и окрик:

— Лорд Ингри!

Потом другой голос прокричал:

— Я слышал голоса на берегу! Сюда!

— Они приближаются! — Ингри заставил себя, шатаясь, подняться на ноги. — Бегите, прежде чем они нас найдут! — Он умоляюще простёр руки к девушке.

— В таком виде? — с возмущением спросила она, показывая на свою мокрую одежду и босые ноги. — Промокшая насквозь, без денег, без оружия? Я должна скрыться в лесу — и для чего? Чтобы меня растерзали медведи? — Она решительно покачала головой. — Нет. Болесо явился из Истхома. Ваше заклятие тоже оттуда. Именно там можно обнаружить источник всей этой скверны. Я не сверну с пути.

— Кто-нибудь в столице убьёт вас, чтобы заставить молчать. Попытки уже были предприняты. Могут убить и меня.

— Тогда будет лучше, если вы никому не проболтаетесь.

— Я не проболтаюсь… — возмущённо начал Ингри, но в этот момент появились спасатели — двое гвардейцев Ингри верхом продирались

сквозь подлесок. Ингри и хотел бы продолжить разговор, но теперь не мог.

— Милорд! — радостно воскликнул Геска. — Вы спасли её!

Поскольку Йяда не стала исправлять эту ошибку, промолчал и Ингри. Стараясь не встречаться с девушкой глазами, он сделал шаг вперёд.

Глава 3

Когда они добрались туда, где на берегу ожидал кортеж, солнце уже скрылось за вершинами деревьев. К тому времени, когда Ингри и его пленница сменили промокшую одежду и сели на своих вновь пойманных коней, сквозь спутанные ветви только кое-где прорывались оранжевые лучи заката. Голова Ингри под наскоро сооружённой повязкой болела, ушибленное плечо задеревенело, но он прогнал даже мысль о том, чтобы ехать на повозке, сидя на гробу Болесо. В сгущающихся сумерках путники двинулись дальше по лесистой долине. Из канав поползли холодные щупальца тумана. Ингри как раз собрался отдать приказание зажечь факелы, когда далеко впереди на дороге показался свет, вскоре превратившийся в цепочку раскачивающихся фонарей. Ещё несколько минут, и стук копыт был заглушён приветственными криками. Гвардеец, которого Ингри отправил утром вперёд, чтобы подготовить в Ридмере встречу траурной процессии, привёл с собой не только жрецов из храма, но и упряжку свежих коней, а также кузнеца со всеми его инструментами. Ингри от всей души

похвалил расторопного солдата, лошади были перепряжены, и кортеж двинулся дальше более быстрым шагом. Через несколько миль огни над стенами Ридмера указали дорогу к открытым, несмотря на ночное время, воротам города.

Ридмер был довольно крупным поселением с несколькими тысячами жителей, и в нём располагалось местное церковное управление. Тем не менее храм на центральной площади выглядел совсем по-деревенски: стены пятиугольного деревянного здания покрывала резьба, изображающая переплетающиеся растения, животных, сцены из мифов, а дранка на крыше явно только недавно сменила солому. Как бы то ни было, храм был вполне подходящим местом для того, чтобы оставить в нём на ночь тело Болесо. Взволнованный настоятель с помощью членов городского совета принялся распоряжаться церемонией; из толпы любопытных горожан удалось составить вполне приличный хор, и все знатные и богатые жители потянулись в храм, чтобы выразить свою верноподданническую скорбь. То обстоятельство, что гроб был закрыт, вызвало, как заметил Ингри, некоторое разочарование. Ингри воспользовался своими ранами как предлогом уклониться от участия в церемонии.

Окружающие храм дома, по-видимому, были довольно спешно приспособлены для выполнения новых функций. Резиденция настоятеля располагалась в одном здании с конторой храмового нотариуса; библиотека и скрипторий оказались под одной крышей со школой леди Весны для городских детишек; госпиталь Матери Лета занимал помещение позади местной аптеки. Ингри проследил, как леди Йяду передали под надзор суровой храмовой служительнице, расплатился с кузнецом за новые колёса к телеге, а с возницей и его женой — за их труды, велел лейтенанту Геске разместить коней в конюшне, а солдатам и вознице найти ночлег, после чего наконец отправился в госпиталь, чтобы наложить швы на рану на голове.

К своему облегчению, Ингри обнаружил, что местная служительница Матери была не просто знахаркой или повитухой: на плече её зелёного одеяния виднелся шнур дедиката. Быстро и умело женщина зажгла восковые свечи, обмыла голову Ингри едким мылом и принялась зашивать рану.

Сидя перед ней на скамье, глядя на собственные колени и стараясь не морщиться при каждом уколе иглы, Ингри поинтересовался:

— Скажите, есть ли в храме Ридмера волшебники? Или святые? Или младшие святые? Или… или хотя бы учёные?

Женщина рассмеялась.

— Да откуда им тут взяться, милорд? Три года назад настоятель из ордена Отца привозил волшебника для расследования обвинения в магии против местной жительницы, только тот ничего не обнаружил. Настоятель как следует отчитал доносчиков и велел им оплатить свои дорожные расходы. Этот волшебник, скажу я вам, оказался совсем не таким, как я ожидала, — брюзгливым стариком в белых одеждах Бастарда, не слишком-то довольным, что его вытащили в такую даль посреди зимы. Вот в школе при храме, где я училась, был младший святой, — женщина вздохнула при воспоминании о тех временах, — и хотела бы я обладать хоть половиной его здравого смысла, не говоря уже о дарованных богами проницательности и искусстве. Что касается учёных, то, кроме матери Марайи, ведающей школой леди Весны, и самого настоятеля, никого не найдётся.

Ингри был разочарован, но не удивлён. И всё равно волшебника или святого… хоть кого-нибудь, способного подтвердить или опровергнуть

тревожащие утверждения леди Йяды, найти нужно. И поскорее.

— Ну вот, — с удовлетворением кивнула служительница-дедикат, завязывая последний узелок. Когда она дёрнула нитку, Ингри чуть не вскрикнул и притворился, будто закашлялся. Ножницы щёлкнули, и это сказало ему, что пытка закончена. Ингри с трудом выпрямился.

У задней двери раздались голоса и шаги, и служительница Матери обернулась. В госпиталь вошли две жрицы, один из членов городского совета, леди Йяда и рыцарь Геска. Слуги несли следом постельные принадлежности.

— Это ещё что такое? — спросила целительница, бросая на леди Йяду подозрительный взгляд.

— С вашего позволения, дедикат, — поклонился член городского совета, — эта женщина переночует здесь, поскольку больных сейчас под вашим надзором нет. Сопровождающие её женщины будут спать в одной с ней комнате, а я — снаружи у двери. Этот человек, — он кивнул в сторону лейтенанта гвардейцев, — обещал выставить у дома часового.

Служительницу Матери такая перспектива явно не порадовала; сопровождающие леди Йяду женщины тоже смотрели мрачно.

Ингри обвёл взглядом помещение. Здесь было чисто, но уж очень голо…

— Здесь?..

Леди Йяда с иронией подняла брови.

— Согласно вашему приказу, меня не отвели в городскую тюрьму, за что я благодарна. Единственная свободная комната в доме настоятеля предназначена для вас. Гостиница забита вашими гвардейцами, а зал в храме — свитой Болесо. Во время предписанного бдения, мне кажется, большая часть будет спать, а кое-кто — пить. Почему-то ни одна добропорядочная жительница Ридмера не пожелала пригласить меня в свой дом. Так что мне ничего другого не остаётся, как воспользоваться гостеприимством богини. — Улыбка леди Йяды была ледяной.

— Ох… — после паузы пробормотал Ингри, — понятно.

Горожанам, которые знали Болесо только по слухам, убийца золотого принца должна казаться… ну, едва ли не героиней. Она не только представлялась опасной преступницей, но на любого, кто был бы замечен в сочувствии ей, легла бы тень измены.

«Чем ближе к Истхому, тем ситуация будет становиться хуже».

Ингри, который не мог предложить более приемлемого решения, только неловко поклонился и позволил служительнице Матери проводить себя до двери.

— Отправляйтесь-ка вы теперь в постель, милорд, — посоветовала та, поднимаясь на цыпочки, чтобы ещё раз осмотреть наложенный ею шов; доброе расположение духа быстро вернулось к целительнице. — После такого удара по голове вам бы лучше полежать день или два.

— Мои обязанности, к сожалению, этого не позволят, — вздохнул Ингри. Довольно неуклюже поклонившись служительнице Матери, он пересёк площадь, направляясь к дому настоятеля с намерением выполнить хотя бы первую часть предписания.

Священнослужитель, закончив чтение молитв над телом Болесо, ждал Ингри. Ему не терпелось обсудить дальнейшие церемонии, а главное, услышать новости из столицы. Настоятель выразил беспокойство по поводу ухудшающегося здоровья священного короля, и Ингри, который сам уже четыре дня не получал никаких известий, предпочёл ответить обнадёживающе, но уклончиво. Настоятель произвёл на него впечатление искреннего, добродетельного пастыря

душ и истинной опоры своего провинциального храма, но человека, далёкого от учёности и тонкостей теологии. Это был не тот церковник, у которого можно было бы искать разрешения духовных проблем леди Йяды.

«Или моих собственных…»

Ингри решительно перевёл разговор на практические надобности для предстоящего путешествия в столицу, потом сослался на боль от ран и улизнул в свою комнату.

Это оказалась тесная, но благословенно уединённая каморка на втором этаже. Ингри на минуту распахнул окно, взглянул на тусклые масляные лампы у входа в храм и гораздо более яркие звёзды на небе, натянул одолженную настоятелем ночную рубашку и осторожно опустился на постель. Он попытался, несмотря на ноющее плечо и шум в голове, обдумать свалившиеся на него трудности, но скоро уснул.

* * *

Снились Ингри волки.

Он предполагал, что временем для совершения обряда должна была бы быть глухая полночь, но отец позвал его в зал замка в середине дня. В узкие щели окон, выходивших на бурный Бирчбек

в шестидесяти футах под стенами замка, лился прохладный, лишённый теней свет, в подсвечниках на стенах горели восковые свечи, и их тёплое медовое сияние мешалось с сумраком пасмурного дня.

Лорд Ингалеф кин Волфклиф был спокоен, хотя напряжение последних дней оставалось заметно; сына он встретил обнадёживающей улыбкой. У юного Ингри от волнения и страха перехватило горло. Храмовый волшебник, Камрил, с которым Ингри познакомился только накануне вечером, стоял в готовности; на его обнажённом теле, прикрытом лишь набедренной повязкой, виднелись нанесённые краской древние символы. Ингри-подростку он казался старым, но теперь, во сне, Ингри понял, что на самом деле Камрил был совсем молод. Знание последующих событий заставляло Ингри высматривать в лице жреца признаки замысленного им предательства. А может быть, Камрил просто переоценил свои силы, и к несчастью привели невезение и некомпетентность? Тревога в его бегающих глазах могла говорить и о том, и о другом — или обо всём сразу.

Потом взгляд юного Ингри остановился на волках — прекрасных и опасных, и отвести от них

глаза он больше не мог. Седой охотник, присматривавший за животными, должен был умереть от бешенства за три дня до отца Ингри.

Старый волк был огромен и силён, и верёвки приводили его в ярость. Под густым серым мехом перекатывались могучие мышцы; на шкуре виднелись старые шрамы и новые порезы, так что мех покрывали пятна свежей крови. Зверь рвался с привязи и скулил. Его мучила болезнь, хотя тогда этого ещё никто не знал. Через несколько дней из пасти волка должна была хлынуть пена, открыв страшную истину, но сейчас волк просто пытался вылизываться, чему мешали кожаные ремни, стягивавшие его пасть. Волк глухо рычал.

Молодой волк, только что достигший зрелости, пятился от своего старшего товарища, явно испытывая страх; его когти отчаянно скребли по камням пола. Егерь считал это проявлением трусости, но потом Ингри пришёл к заключению, что зверь знал о заразе. В остальном же его поведение было поразительно покладистым: молодой волк вёл себя, как хорошо выдрессированная собака. Волк сразу обратил внимание на Ингри, потянулся к нему, принялся принюхиваться, проявляя несомненное обожание. Ингри влюбился в него с первого взгляда; ему ужасно захотелось

погладить тёмный с металлическим отливом удивительно густой мех.

Волшебник велел Ингри и его отцу раздеться до пояса и встать на колени на холодном полу на расстоянии нескольких шагов, лицом друг к другу. Он пропел несколько фраз на древнем языке Вилда, старательно выговаривая слова и постоянно заглядывая в мятую бумажку, засунутую за пояс. Заклинание казалось Ингри почти понятным, но смысл его всё время мучительно ускользал…

По знаку Камрила старый егерь подтащил большего волка к лорду Ингалефу; при этом он выпустил из рук поводок молодого зверя, и тот сразу же подполз к Ингри. Ингри прижал его к себе; волк извернулся и лизнул его в лицо. Руки мальчика зарылись в густой мех, лаская зверя, который с тихим радостным повизгиванием принялся вылизывать его ухо. Шершавый язык щекотал кожу, и Ингри с трудом сдерживал неподобающий смех.

Пробормотав что-то над клинком, Камрил вложил жертвенный нож в руку лорда Ингалефа, потом поспешно отскочил: старый волк щёлкнул на него зубами. Лорд Ингалеф теснее обхватил начавшего вырываться зверя. При по-

пытке запрокинуть голову волка ремни на морде соскользнули, и страшные клыки вонзились в левую руку лорда Ингалефа; волк затряс головой, терзая плоть. Выдохнув проклятие, лорд Ингалеф сумел навалиться на волка и своим сильным телом прижать к полу. Блеснул клинок, рассекая шкуру и мышцы. Хлынула алая кровь. Рычание смолкло, челюсти разжались, мохнатое тело безвольно обмякло и осталось неподвижным.

Лорд Ингалеф выпрямился, отшвырнув от себя нож и тело волка. Клинок зазвенел по камням пола.

— Ох… — выдохнул лорд Ингалеф; выражение его широко раскрытых глаз было загадочным. — Сработало! Как… как странно это ощущается…

Камрил бросил на него встревоженный взгляд, а егерь поспешил наложить повязку на искалеченную руку.

— Милорд, не следует ли… — начал Камрил.

Лорд Ингалеф резко мотнул головой и здоровой рукой показал на Ингри.

— Сработало! Продолжайте!

Волшебник взял второй нож, сверкающий недавно наточенным лезвием, с подушки, на которой он лежал, и снова начал что-то бормотать, потом вложил нож в руку Ингри и отступил в

сторону.

Ингри неохотно стиснул рукоять, глядя в блестящие глаза своего волка.

«Я не хочу тебя убивать, ты слишком красив. Я хочу, чтобы ты остался со мной».

Могучие челюсти распахнулись, Ингри увидел сверкающие белые клыки, и сердце мальчика замерло; однако волк только лизнул его руку. Холодный чёрный нос ткнулся в сжимающий нож кулак, и Ингри сморгнул слёзы. Волк уселся прямо перед Ингри и запрокинул голову, глядя в лицо своего убийцы с полным доверием.

Нельзя опозориться, нельзя причинить ненужные страдания, снова и снова нанося удары… Рука Ингри скользнула по шее волка, нащупывая твёрдые мускулы и мягкое биение артерии. Зал погрузился в серебристый туман. Ингри размахнулся, ударил, рванул нож изо всех сил. Он ощутил, как плоть подалась и горячая кровь хлынула из раны, окропляя густой мех. Тело волка в его объятиях обмякло.

Тёмная волна затопила рассудок Ингри, как поток крови. Волк проживал одну жизнь за другой, охотился, выслеживал добычу… замки и битвы, конюшни и скакуны, сталь и пламя… охота за охотой, добыча за добычей, но всегда

вместе с людьми, а не с волчьей стаей; память уходила всё глубже, туда, где ещё не было огня, а заснеженные леса, освещённые луной, тянулись бесконечно. Много, слишком много лет… глаза Ингри закатились.

Испуганные крики, голос отца: «Что-то пошло не так! Проклятие, Камрил, держите его!»

— У него судороги, он прикусил язык, милорд…

Потом он оказался в другом месте, в другом времени, и его волк был связан… нет, связан был он сам, и красный шёлковый шнур шелестел, прорастая сквозь него, как лоза. Его волк рвал красные щупальца клыками, но побеги снова вырастали с пугающей быстротой. Они опутали голову Ингри, мучительно сжали её…

Кошмар наполнили незнакомые голоса. Волк убежал. Воспоминание о сновидении поблекли и утекли как вода.

— Да он не может спать — глаза полуоткрыты, видите?

— Нет, не нужно его будить! Я знаю, что полагается делать в таких случаях: отвести обратно и уложить, иначе начнутся судороги или ещё что-нибудь.

— Тогда я не стану его трогать — у него же в руке меч!

— А как иначе его отведёшь?

— Принеси ещё свечу, женщина! Ох, да будут благословенны пять богов — вот его собственный человек!

Молчание, потом неуверенное:

— Лорд Ингри… лорд Ингри…

Пламя свечи раздвоилось, заколебалось… Ингри моргнул, охнул, попытался вырваться из плена сна. Голова у него раскалывалась. Он стоял на ногах. Шок от этого открытия заставил его наконец полностью проснуться.

Он стоял, и стоял в храмовом госпитале, если комнату за аптекой можно было так назвать. Он был одет в ночную рубашку настоятеля, выбивавшуюся из штанов, ноги его были босы, а правая рука сжимала обнажённый меч.

Вокруг Ингри толпились член городского совета, женщины, присматривавшие за леди Йядой, и гвардеец, стоявший на часах у дома. Впрочем, сказать, что они толпились вокруг, было бы неверно: ночевавшие в доме жались к стенам, а гвардеец заглядывал в дверь.

— Я… — Ингри пришлось сглотнуть и облизнуть сухие губы, прежде чем он смог выдавить: — Я проснулся.

«Что я здесь делаю? Как я здесь оказался?»

По-видимому, он ходил во сне. Ему приходилось слышать о таком, хотя раньше с ним ничего подобного не случалось. И дело было не просто в том, что он блуждал в темноте: он сумел частично одеться, найти своё оружие, каким-то образом незаметно спуститься по лестнице, выйти в дверь — которая, несомненно, на ночь запиралась, так что требовалось нащупать и повернуть ключ, — пересечь площадь и войти в другое здание.

«Именно туда, где спит леди Йяда. Милосердные боги, пусть она спит дальше!»

Дверь в спальню была закрыта… Ингри с внезапным ужасом взглянул на меч, однако клинок был сух и чист. С него не капала кровь… пока.

Гвардеец, с опаской косясь на меч Ингри, подошёл и подхватил его под левую руку.

— С вами всё в порядке, милорд?

— Я вчера ударился головой, — пробормотал Ингри. — Снадобья, полученные от дедиката, вызвали странные сновидения. Простите меня…

— Не проводить ли мне вас… э-э… обратно в постель?

— Да, — с благодарностью ответил Ингри. — Да, будьте так добры. — Его язык с трудом выговорил редко произносимую фразу. Ингри бил озноб, и винить за это следовало не только ночной холод.

Он терпеливо вынес помощь гвардейца, когда тот вывел его из здания и провёл через тёмную безмолвную площадь к дому настоятеля. Слуга, который не слышал, как уходил Ингри, теперь проснулся и спросонья перепугался. Ингри снова пробормотал что-то о выпитом на ночь снадобье, к чему сонный привратник отнёсся с полным пониманием, и позволил гвардейцу отвести его в комнату, уложить и даже с сержантской заботливостью укутать одеялом. Потом воин на цыпочках удалился, прикрыв за собой дверь.

Ингри дождался, пока шаги часового стихли, выбрался из постели, нащупал огниво и с трудом трясущимися руками зажёг свечу. Посидев несколько минут на краю постели, чтобы прийти в себя, он обследовал каморку. На двери имелся замок, но его можно было открыть изнутри, а значит, воспрепятствовать своей попытке снова выйти Ингри мог, только выбросив ключ из окна или подсунув его под дверь. Утром это вызвало бы нежелательные объяснения. Ингри пожалел, что гвардеец, уходя, не запер его снаружи, но и это тоже привело бы утром к неловкости. Пришлось бы придумывать правдоподобные оправдания, а Ингри чувствовал себя совершенно неспособным к мыслительным усилиям. В конце концов

он засунул меч и кинжал в сундук, расставил на крышке предметы, которые при падении произвели бы шум, и увенчал это неустойчивое сооружение жестяным умывальным тазом.

Задув свечу, Ингри улёгся, но, полежав некоторое время, снова поднялся, достал из седельной сумы моток верёвки, обвязал себе лодыжку, а другой конец затянул вокруг ножки кровати. Только после этого он снова неуклюже залез под одеяло.

Голова его болела, ушибленное плечо жгло как огнём. Ингри вертелся в постели, верёвка всё время мешала ему найти удобное положение. Ну, по крайней мере свою функцию она выполняла. От полного изнеможения Ингри начал засыпать, но тут же вздрогнул и проснулся. Так он и лежал, глядя в темноту и стиснув зубы. На веки его, казалось, налип песок.

«Лучше так, чем видеть сны».

Его снова посетило волчье сновидение — в первый раз за многие месяцы, хотя теперь он мог вспомнить лишь бессвязные обрывки. К тому же, похоже, сна ему следовало бояться не только по этой причине.

«Как я оказался в таком положении?»

Всего неделю назад он был счастливым человеком, по крайней мере достаточно довольным

жизнью. В его распоряжении имелись удобные покои во дворце хранителя печати Хетвара, слуга, конь и оружие, пожалованные господином, жалованье, достаточное для удовлетворения его потребностей. Вокруг него кипела жизнь столицы. К тому же его положение в свите хранителя печати было хоть и необычным, но достаточно высоким. Он пользовался репутацией доверенного помощника — не совсем телохранителя, не совсем секретаря, но человека, которому поручались важные миссии, не нуждавшиеся в огласке. Как курьер Хетвара он доставлял тайные послания и завуалированные угрозы. Ингри не мог, подобно некоторым придворным, хвастаться своими подвигами, но он слишком многое уже потерял, чтобы слава представляла для него соблазн. Безразличие служило ему ничуть не хуже известности, а его господину служило даже лучше. Самой большой наградой для Ингри оказывалось обычно удовлетворённое любопытство.

Бастард и его ад, всего три дня назад он был спокоен! Он полагал, что доставка в столицу тела Болесо и его убийцы окажется безрадостным, но достаточно простым делом, ничуть не выходящим за пределы возможностей опыт-

ного, жёсткого, ловкого слуги короля, которого не тревожит ни волк-у-него-внутри, ни другие сверхъестественные явления.

Верёвка снова помешала ему вытянуть ногу. Правая рука Ингри стиснула воображаемую рукоять меча. Будь проклята эта девчонка с её леопардом! Ну что ей стоило покорно лечь под Болесо, как любой соблюдающей собственные интересы шлюхе, раздвинуть ноги и не думать ни о чём, кроме драгоценностей и нарядов, которые она таким образом, несомненно, заработает! Скольких неприятностей можно было бы избежать! Ингри не пришлось бы лежать привязанным к собственной кровати, с кровавой вышивкой на голове, с мучительной болью в мышцах, дожидаясь свинцового рассвета.

Не пришлось бы гадать, не лишился ли он рассудка.

Глава 4

Из Ридмера кортеж выступил позже, чем рассчитывал Ингри, из-за того, что настоятель пожелал устроить Болесо торжественные проводы с хоровыми песнопениями. Новая повозка была вполне подходящей — крепкой и надёжной; её задрапировали траурными полотнищами, чтобы скрыть яркие краски, раз уж нельзя было избавиться от запаха пива, которое на ней раньше перевозили. Повозку тянули шесть лошадей — огромных серых тяжеловозов с мощными телами и огромными копытами, в гривы и хвосты которых вплели оранжево-чёрные ленты. Колокольчики на их блестящей упряжи обвязали чёрным сукном, за что Ингри, голова которого всё ещё раскалывалась, был искренне благодарен. По сравнению с тяжёлыми бочками, которые кони обычно перевозили, эта упряжка, решил Ингри, потащит повозку по холмам и долам, как детские санки.

Помогая Ингри сесть в седло, рыцарь Геска скривился, но, поймав взгляд начальника, от комментариев воздержался. Ингри побрился, его одежду храмовые служители привели в порядок,

однако поделать с налитыми кровью глазами и серым опухшим лицом он ничего не мог. Стиснув зубы, Ингри выпрямился в седле, понимая, что придётся вытерпеть медленное шествие к городским воротам под колокольный звон и песнопения, сквозь клубы курений — именно такие проводы покойного принца город Ридмер считал подобающими. Ингри дождался, пока поворот дороги скроет кортеж от глаз горожан, и только тогда приказал вознице пустить коней рысцой. Тяжеловозы казались единственными жизнерадостными членами компании; застоявшись в конюшне, они взбрыкивали с неуклюжей игривостью и явно рассматривали поездку как какой-то лошадиный праздник.

Леди Йяда появилась столь же опрятной, как и накануне; её амазонка была ещё элегантнее прежней — голубовато-серая, отделанная серебряным шнуром. Девушка явно хорошо выспалась ночью. Ингри одновременно испытывал по этому поводу и облегчение, и раздражение: ему-то отдохнуть не удалось. Впрочем, свежий утренний воздух взбодрил его, насколько это было возможно.

Стал похож на человека, подумал он, и горькая шутка заставила его снова стиснуть зубы. Кос-

нувшись бока своего коня шпорой, он поскакал вдоль колонны, проверяя, всё ли в порядке.

Новая дуэнья Йяды, пожилая служительница храма в Ридмере, ехала в повозке. Она с подозрением поглядывала на свою подопечную, проявляя гораздо большее недоброжелательство, чем деревенская женщина из окрестностей замка, которая лучше знала, что представлял собой Болесо. Ещё больше жрица, похоже, опасалась Ингри. Ингри мог только гадать, рассказала ли она леди Йяде о том, как ночью лунатик-Ингри явился в госпиталь.

Приближённые Болесо сегодня тоже казались не в духе: с приближением к Истхому они всё более опасались наказания, которое ожидало их за то, что они не уберегли своего отправленного в изгнание господина. Все они кидали мрачные взгляды на жертву-убийцу Болесо, и Ингри вознамерился держать их подальше и от выпивки, и от пленницы до тех пор, пока не сдаст всю компанию и их мёртвого предводителя под присмотр кому-нибудь другому. Накануне вечером Ингри отправил храмового курьера к хранителю печати Хетвару с сообщением о продвижении кортежа. Если Хетвар оставит всё на его усмотрение, решил Ингри, Болесо будет доставлен к месту последнего

упокоения галопом, с рекордной скоростью.

Хоть на самом деле и не галопом, всё же тяжеловозы бежали быстро. Расстилавшаяся вокруг местность становилась более обжитой: широкие дороги содержались в порядке, а редкие пастбища, окружённые непроходимыми лесами, сменились рощами посреди просторных полей, и на горизонте всегда можно было разглядеть не один хутор. Навстречу кортежу начали попадаться путники — не только крестьяне, но и богато одетые всадники или торговцы с навьюченными мулами; все они поспешно останавливались на обочинах, завидев траурную процессию. Исключением оказалось стадо тощих чёрных свиней, выбежавшее из дубового леса. Свинопас не ожидал повстречать торжественный кортеж, его полудикие свиньи сбились в кучу, и гвардейцы, кто весело, а кто раздражённо, принялись расчищать дорогу, с криками и проклятиями охаживая животных мечами в ножнах.

Ингри прислушался к себе: похрюкивающая добыча оставила его совершенно равнодушным, и это было хорошо. Он в мрачном молчании сидел на коне, ожидая, пока стадо снова скроется в лесной чаще. Леди Йяда, как он заметил, тоже спокойно ждала, хотя на лице её появилось

странное выражение, как будто девушка пыталась разобраться в своих ощущениях.

В дороге Ингри не пытался с ней заговорить. Гвардейцы, выполняя его приказание, тесно окружали всадницу, а когда кортеж останавливался, чтобы дать отдых коням, за девушкой по пятам следовала храмовая служительница. Однако взгляд Ингри постоянно возвращался к леди Йяде, и он не раз встречался с ней глазами: леди Йяда серьёзно смотрела на него — не со страхом, а скорее озабоченно. Можно подумать, что это он её подопечный… Ингри чувствовал растущее раздражение. Ему казалось, что они теперь на одном поводке, подобно паре борзых. Усилие, которое ему приходилось делать, чтобы не заговорить с леди Йядой, требовало всей его энергии и внимания, и Ингри всё больше ощущал усталость.

Наконец долгий и утомительный день подошёл к концу, и копыта лошадей застучали по мощёной мостовой вольного королевского города Реддайка. Дарованные городу привилегии избавляли его от власти и местного графа, и настоятеля храма; правил здесь городской совет. К несчастью, церемонии от этого не стали менее пышными; Ингри пришлось терпеть, пока горожане торжественно вносили гроб с телом Болесо

в храм — каменное строение в дартаканском стиле, с пятью приделами под единым куполом.

Поскольку город был довольно велик, в нём оказалась не одна гостиница, а целых три, и Ингри хватило догадливости велеть курьеру заказать в них комнаты. Средняя из гостиниц оказалась наиболее чистой, и Ингри лично проводил леди Йяду и её дуэнью на второй этаж, где для них были приготовлены спальня и маленькая гостиная. Он внимательно оглядел помещение. Небольшие окна выходили на улицу, и добраться до них снизу было бы нелегко. Засовы на дверях оказались сделаны из крепкого дуба.

«Хорошо».

Ингри достал из кармана ключи от комнат и вручил их леди Йяде. Служительница нахмурилась, но не посмела возражать.

— Держите двери постоянно на замке, — сказал Ингри, — и задвиньте засовы.

Брови леди Йяды поползли вверх, и она с недоумением обвела взглядом уютную комнату.

— Разве здесь есть что-то, чего следует особенно опасаться?

«Только то, что мы принесли с собой».

— Прошлой ночью я ходил во сне, — неохотно признался Ингри. — Прежде чем меня разбудили,

я успел добраться до вашей двери. — Леди Йяда медленно кивнула и бросила на Ингри задумчивый взгляд. — Я буду в другой гостинице. Я знаю: вы дали мне слово не пытаться бежать, но всё равно я хочу, чтобы вы находились взаперти и не попадались никому на глаза. Вам лучше не выходить в общий зал. Я распоряжусь, чтобы ужин подали в ваши комнаты.

— Благодарю вас, лорд Ингри, — только и сказала девушка.

Коротко поклонившись, Ингри вышел.

В общем зале, куда вёл короткий коридор, Ингри обнаружил двоих приближённых Болесо и одного из своих гвардейцев, уже чокавшихся кружками с пивом.

— Вы остановились здесь? — спросил Ингри одного из солдат.

— Мы повсюду, милорд, — ответил тот. — Мы заполнили все гостиницы в городе.

— Это лучше, чем спать на полу в храме, — проворчал гвардеец.

— Точно. — Придворный Болесо отхлебнул одним глотком полкружки. Его дородный товарищ пробормотал что-то, что можно было счесть согласием.

Какой-то переполох и крики перед гостиницей

привлекли внимание Ингри; он подошёл к занавешенному окну и выглянул наружу. Открытая тележка, запряжённая парой приземистых лошадок, приткнулась к обочине: одно колесо у неё слетело, заставив тележку пьяно накрениться. Фонари на тележке раскачивались, тени плясали по стенам домов. Решительный женский голос сказал:

— Ничего страшного, голубушка. Бернан всё сейчас починит. Вот поэтому-то я…

— Велела захватить ящик с инструментами, — закончил за говорившую усталый мужской голос откуда-то из-за тележки. — Сейчас я до него доберусь, только вот это вытащу.

Появился слуга и подставил к накренившейся тележке деревянную лесенку. Вместе со служанкой они помогли спуститься на землю невысокой кругленькой фигуре, закутанной в плащ.

Ингри отвернулся от окна, безразлично подумав, что поздним путешественникам будет нелегко сегодня найти приют в Реддайке. Дородный придворный осушил свою кружку, рыгнул и спросил у трактирщика, как пройти в уборную. Пошатываясь, он двинулся впереди Ингри по коридору.

Туда как раз вошла женщина в плаще; её слу-

жанка что-то искала на полу, ругаясь себе под нос и загородив проход. Необъятных размеров плащ на женщине был в дорожной грязи, да и вообще видал лучшие дни.

Дородный придворный разразился руганью и заорал:

— Прочь с дороги, ты, толстая свинья!

Из складок плаща донеслось возмущённое «Ха!», женщина откинула капюшон и наградила наглеца уничтожающим взглядом. Её нельзя было назвать ни юной, ни старой; вьющиеся светлые волосы матроны выбились из косы и свирепо торчали во все стороны, образуя нимб вокруг раскрасневшегося то ли от оскорбления, то ли от вечерней прохлады лица. Ингри насторожился: люди Болесо были не из тех, кому простолюдины могли противоречить, не опасаясь насилия. Однако глупая женщина словно не замечала кольчуги и меча, да и размеров противника и его сомнительной трезвости тоже.

Женщина расстегнула пряжку на плече и позволила плащу соскользнуть на пол; она оказалась одета в зелёное облачение ордена Матери… и была вовсе не толстой, а очень беременной. Если это акушерка-дедикат, подумал Ингри, то ей очень скоро понадобятся её собственные услуги.

Женщина похлопала себя по плечу и зловеще откашлялась.

— Видишь это, молодой человек? Или ты так пьян, что у тебя глаза смотрят в разные стороны?

— Что я должен видеть? — буркнул дородный придворный, на которого какая-то нищая беременная акушерка не произвела никакого впечатления.

Женщина взглянула на своё обтянутое зелёной тканью плечо и раздражённо надула губы.

— Ох, проклятие! Херги, — она обернулась к служанке, которая только что поднялась на ноги, — они снова свалились! Надеюсь, я не потеряла их на дороге…

— Они у меня, госпожа, — пропыхтела служанка. — Сейчас я их приколю. Снова.

В руках служанка сжимала не один, а целых два шнура, говорящих о высоком ранге жрицы, и, высунув кончик языка, принялась прилаживать их на положенное почётное место. Зелёно-жёлто-золотой шнур говорил о том, что женщина — целительница ордена Матери; другой — бело-серебряный — принадлежал волшебнице ордена Бастарда. При виде первого придворный Болесо если и не проявил уважения, то всё же насторожился; однако именно второй заставил

его побледнеть.

Губы Ингри раздвинула первая за этот день улыбка. Он похлопал по плечу придворного.

— Лучше извинитесь перед просвещённой госпожой, а потом дайте ей пройти.

Толстяк скривился.

— Не может быть, чтобы это были её шнуры!

Кровь, похоже, отхлынула не только от его лица, но и от мозгов.

«Тому, кто не хочет признать ошибку, суждено её повторить…»

Ингри предусмотрительно отодвинулся в глубь коридора; это, кстати, позволяло ему лучше видеть то, что должно было последовать.

— У меня нет времени возиться с тобой, — раздражённо бросила волшебница. — Если ты желаешь вести себя как в свинарнике, то свиньёй ты и будешь до тех пор, пока не научишься приличным манерам. — Она взмахнула рукой, и Ингри с трудом удержался от того, чтобы не пригнуться. Его нисколько не удивило, когда толстяк упал на четвереньки, а его отчаянный крик перешёл в хрюканье. Волшебница фыркнула, подобрала юбки и ловко обошла его. Её служанка, качая головой, подняла плащ и последовала за госпожой. Ингри вежливо поклонился жен-

щинам и двинулся следом за ними, не обращая внимания на отчаянное копошение на полу. Двое солдат обеспокоенно выглянули в дверь.

— Простите меня, просвещённая, — любезно обратился к жрице Ингри, — но долго ли продлится ваш весьма наглядный урок? Я спрашиваю только потому, что завтра утром этот человек должен быть в силах сидеть в седле.

Светловолосая женщина, нахмурившись, обернулась к нему; пряди её волос, казалось, старались разлететься во всех направлениях.

— Это ваш человек?

— Не совсем. И хотя я не несу ответственности за его поведение, я несу ответственность за то, чтобы он прибыл по назначению.

— Ах… Ну ладно, я, конечно, верну ему человеческий облик, прежде чем уеду. Да и вообще чары сами по себе утратят силу через несколько часов. А пока пусть остальные извлекут урок. Понимаете, я очень спешу. В Реддайк прибыла торжественная процессия, сопровождающая принца Болесо, который, как говорят, был убит. Вы не видели кортеж? Я ищу командира.

Ингри коротко поклонился.

— Вы его нашли. Я Ингри кин Волфклиф, к вашим услугам и к услугам богов, которым вы

служите, просвещённая.

Долгое мгновение женщина пристально смотрела на Ингри.

— Да, так и есть, — сказала она наконец. — Хорошо. Та молодая женщина, Йяда ди Кастос… Вы знаете, что с ней сталось?

— Она на моём попечении.

— Вот как? — Взгляд стал ещё более пронзительным. — Где она?

— Ей отведены комнаты на втором этаже этой гостиницы.

Служанка с облегчением вздохнула; волшебница бросила на неё полный триумфа взгляд.

— Три — волшебное число, — пробормотала она. — Разве я не говорила?

— В этом городе всего три гостиницы, — рассудительно ответила служанка.

— Не посланы ли вы храмом, — с надеждой спросил Ингри, — чтобы взять всё в свои руки?

«И освободить от ответственности меня».

— Нет… по правде говоря, нет. Но я должна её увидеть.

Ингри заколебался.

— Кто она вам? Или вы ей?

— Старая приятельница, если она меня ещё помнит. Я просвещённая Халлана. Я узнала о

её затруднительном положении, когда новость насчёт принца дошла до моей семинарии в Сатлифе… То есть мы узнали об убийстве Болесо и о предполагаемой виновнице, так что я решила, что она в затруднительном положении. — Взгляд, который женщина всё ещё устремляла на Ингри, не стал более доброжелательным. — Мы были уверены, что кортеж поедет этой дорогой, но я опасалась, что нам придётся догонять его.

Семинария в Сатлифе, городе милях в двадцати пяти к югу от Реддайка, была знаменита своими целителями и врачами; жрица, накануне наложившая шов на рану Ингри, должно быть, научилась своему искусству именно там. Ингри мог бы обшарить три соседних графства в поисках храмового волшебника и даже не подумать о том, чтобы заглянуть в Сатлиф… Вместо этого волшебница сама нашла его.

Может ли она чувствовать присутствие его волка? Несчастье навлёк на Ингри храмовый волшебник, а позже другой храмовый волшебник помог ему научиться держать зверя связанным. Не может ли случиться, что эта женщина послана… кем или чем, Ингри и предположить не мог, — чтобы помочь Йяде связать её леопарда? Каким бы невероятным ни казалось прибытие

волшебницы, едва ли оно было совпадением… Мысль об этом заставила Ингри внутренне ощетиниться. Если уж на то пошло, он предпочёл бы совпадение.

Ингри сделал глубокий вдох.

— Думаю, у леди Йяды сейчас не много найдётся друзей. Она будет вам рада. Вы позволите мне проводить вас, просвещённая?

Женщина одобрительно кивнула.

— Да, будьте так добры, лорд Ингри.

Он провёл женщин по коридору к лестнице; позади них вообразивший себя свиньёй придворный всё ещё оставался на четвереньках, тыкался головой в дверь и хрюкал.

— Милорд, что нам с ним делать? — спросил Ингри его перепуганный приятель.

Ингри бросил на них беглый взгляд.

— Присматривайте за ним. Проследите, чтобы с ним ничего не случилось, пока не закончится наглядный урок.

Придворный посмотрел вслед удаляющейся волшебнице и сглотнул.

— Да, милорд. А… что-нибудь ещё?

— Можете раздобыть для него отрубей.

Волшебница, в сопровождении служанки поднимавшаяся по лестнице, обернулась, и её губы

дрогнули. Потом, держась за перила, она тяжело двинулась дальше, и Ингри поспешил за ней.

К своему удовольствию, он обнаружил, что дверь в помещение леди Йяды заперта; Ингри негромко постучался.

— Кто там? — раздался её голос.

— Ингри.

Последовала пауза.

— Вы не бродите во сне?

Ингри поморщился.

— К вам посетительница.

Леди Йяда мгновение озадаченно молчала, потом раздался скрежет ключа в замке и скрип отодвигаемого засова. Дверь распахнула служительница-дуэнья, с удивлением воззрившаяся на волшебницу и её служанку. Ингри последовал за женщинами в комнату.

Леди Йяда, стоявшая у окна, растерянно смотрела на вошедших.

— Йяда? — столь же растерянно пробормотала волшебница. — О боги, дитя, как же ты выросла!

На лице девушки вспыхнула такая радость, какой Ингри ещё ни разу на нём не видел.

— Халлана! — воскликнула леди Йяда и кинулась вперёд.

Две женщины упали друг другу в объятия; раз-

дались радостные восклицания. Наконец леди Йяда отстранилась, продолжая держать более низкорослую волшебницу за плечи.

— Как ты здесь оказалась?

— Новости о приключившемся с тобой несчастье дошли до семинарии Матери в Сатлифе. Я теперь там преподаю, знаешь ли. Ну и ещё, конечно, были сны.

— Как же ты туда попала? Ты должна рассказать мне всё, что с тобой случилось с тех пор… Ох, лорд Ингри, — девушка с сияющим лицом повернулась к нему, — это та самая моя подруга, о которой я вам рассказывала. Она была послана орденом Матери в крепость моего отца на западной границе, а орден Бастарда поручил ей исследования, так что она следовала обоим своим призваниям — собирала гимны мудрости жителей болот и лечила их, чтобы привлечь в крепость и обратить в квинтарианство. Тогда она, конечно, была моложе. А я… я была неуклюжим подростком. Халлана, я так до сих пор и не понимаю, как это ты позволяла мне целыми днями таскаться за тобой… только я так была тебе за это благодарна!

— Ну, если не считать того, что я вовсе не была невосприимчива к твоему обожанию… чего

только не внушат человеку боги! — ты очень мне помогала. Ты не боялась ни болот, ни лесов, ни зверей, ни жителей болот. Ты готова была лезть в любую чащобу и безропотно терпела выговоры за то, что вся перемазалась и исцарапалась.

Йяда рассмеялась.

— Я всё ещё помню, как ты и тот противный педантичный жрец спорили за обедом о теологии. Просвещённый Освин так распалялся, что буквально вылетал из столовой. Будь я старше и не так поглощена собственными делами, я обеспокоилась бы состоянием его здоровья. Бедный тощий спорщик!

Волшебница хихикнула.

— Это шло ему на пользу. Освин был таким образцовым служителем Отца, всегда так беспокоился по поводу всяческих правил — если он им не следовал, то они должны были следовать за ним. Его всегда так раздражало, когда я говорила об этом.

— Ох, ты же выглядишь такой… ну-ка, скорее присядь! — Леди Йяда и служанка Херги общими усилиями усадили Халлану в самое лучшее кресло. Волшебница с благодарностью уселась, отдуваясь и стараясь поудобнее устроить свой огромный живот. Служанка кинулась подстав-

лять ей под ноги скамеечку. Леди Йяда придвинула стул и села напротив, а Ингри устроился на скамье у окна, откуда мог за всем наблюдать: в тесной комнатке ему было бы слышно каждое слово. Дуэнья настороженно, но с почтением смотрела на жрицу.

— Ваше двойное служение — очень необычная вещь, просвещённая, — сказал Ингри, кивнув в сторону шнуров на плече Халланы. Удерживавшая их пряжка опять расстегнулась, и шнуры висели косо.

— О да. Это получилось случайно, если, конечно, можно говорить о случайности там, где проявляется воля богов. — Халлана пожала плечами, и шнуры свалились. Служанка со вздохом подняла их и вернула на место. — Я сделалась целительницей, как и мои мать и бабушка, и когда моё ученичество закончилось, начала работать в храмовом госпитале Хелмхарбора. Однажды меня позвали к умирающему волшебнику. — Халлана помолчала и проницательно взглянула на Ингри. — Что вам, лорд Ингри, известно о том, как становятся храмовыми волшебниками? Или волшебниками незаконными?

Брови Ингри поползли вверх.

— Человек вступает во владение демоном хао-

са, которому каким-то образом удалось сбежать от Бастарда в материальный мир. Волшебник принимает его в свою душу и питает его. В обмен демон служит ему… или ей, — поспешно добавил Ингри. — Обретение демона делает человека волшебником примерно так же, как приобретение коня делает человека всадником, — по крайней мере так меня учили.

— Совершенно верно, — одобрительно кивнула Халлана. — Только, конечно, это не делает его сразу же умелым наездником. Управлению конём — или демоном — нужно учиться. Немногим известно, что храмовые волшебники иногда завещают демонов своему ордену, чтобы передать следующему поколению всё, что успели узнать. Поскольку, когда волшебник умирает, если он не уносит демона с собой к богам, демон вселяется в любое находящееся рядом живое существо, которое может его питать… совершенно неподходящее дело — позволить могучему демону вселиться в бродячую собаку. Нечего улыбаться, такое случалось. Так вот, если всё сделать как следует, обученный демон может быть направлен в душу избранного наследника, не растерзав её при этом в клочья.

Йяда слушала как зачарованная, наклонив-

шись вперёд и стиснув руки.

— Ты знаешь, мне ведь никогда не приходило в голову спросить тебя, как ты стала тем, кем стала. Я просто принимала это как нечто само собой разумеющееся.

— Тебе тогда было всего десять. В этом возрасте весь мир кажется тайной. — Халлана переменила позу, с трудом находя более удобное положение. — Орден Бастарда в Хелмхарборе подготовил жреца, очень учёного молодого человека, для восприятия могущества его учителя. Всё вроде бы шло как запланировано. Старый волшебник — он был совсем уже слаб, скажу я вам — мирно испустил последний вздох. Его преемник простёр руки и стал молиться, а глупый демон перепрыгнул через него и нырнул прямо мне в душу. Никто такого не ожидал, и уж меньше всех — высокомерный молодой жрец. Он был в отчаянии. Я тоже расстроилась. Как мне лечить людей, если во мне будет жить демон хаоса? Я некоторое время пыталась избавиться от него, даже совершила паломничество к святому, который, по слухам, обладал властью над сбежавшими демонами Бастарда.

— Не в Дартаку ли? — спросил Ингри.

Волшебница подняла брови.

— Откуда вы знаете?

— Счастливая догадка.

Халлана только фыркнула в ответ на эту неуклюжую отговорку.

— Ну так вот… Мы вместе совершили все обряды, но бог отказался забрать демона обратно.

— Дартака… — мрачно кивнул Ингри. — Кажется, я когда-то встречался с тем святым. Совершенно никчёмный человек.

— Вот как? — Взгляд Халланы снова сделался пронизывающим. — Ладно… Раз уж мне оказалась навязана эта тварь и я не смогла от неё избавиться, нужно было научиться управлять демоном, иначе он мог подчинить меня своей власти. Вот так я и прошла ученичество в ордене пятого бога. В крепость на границе я отправилась в период величайшего разочарования, решив пожить простой жизнью и попытаться снова найти призвание, которое я утратила. Ох, Йяда, я была так огорчена, когда через несколько лет узнала о смерти твоего отца… Он был благородным человеком во всех отношениях.

Леди Йяда склонила голову, и на лицо её набежала тень.

— Крепость не зря была окружена высокими стенами. Недовольные восстали, была совершена

попытка усмирить их… я ведь видела только солнечную сторону жизни людей болот и их доброту. А они, в конце концов, были просто обычными людьми.

— Что случилось с тобой и с твоей благородной матерью, когда твой отец погиб?

— Она вернулась к своим родственникам — и моим тоже — на север Вилда. Через год она выбрала себе нового супруга, тоже служившего храму, хотя и не воина… её брат всё время подшучивал над этим. Она не любила моего отчима так, как любила отца, но он за ней ухаживал, да и обеспеченная жизнь её привлекала. А умерла она… э-э… — Йяда умолкла, бросив взгляд на живот Халланы, и прикусила губу.

— Я ведь целительница, — напомнила ей жрица. — При родах?

— Через четыре дня. У неё началась лихорадка.

Дуэнья, зачарованно слушавшая разговор, осенила себя знаком Священного Семейства, поймала взгляд Ингри и смутилась.

— Хм-м, — пробормотала Халлана, — интересно, не было ли… Ладно, не важно — всё равно теперь поздно… А ребёнок?

— Мой маленький братишка выжил. Отчим его обожает. Как раз из-за него он так быстро

женился снова.

Ингри впервые услышал о том, что у леди Йяды имеется такой близкий родственник.

«А я и не догадался спросить…»

— И оказалось, что тебе пришлось жить… не с теми, с кем ты ожидала, — задумчиво сказала Халлана. — И наоборот. Как к этому отнеслись твой отчим и его молодая жена?

Йяда пожала плечами.

— Они были достаточно добры ко мне. Моя мачеха замечательно ухаживает за братишкой.

— И на сколько же она… э-э… старше тебя?

Йяда сухо улыбнулась.

— На три года.

Халлана фыркнула.

— Значит, когда у тебя появился шанс найти себе другое пристанище, она была рада с тобой попрощаться?

— Ну, она не возражала. Должность при дворе принцессы Фары мне нашла жена моего дяди Бадженбанка. Тётушка твердила, что отчим и мачеха отвратительно вульгарны и мне лучше воспитываться подальше от них, чтобы ко мне не пристали манеры простолюдинки.

На этот раз волшебница фыркнула неодобрительно. Просвещённая Халлана, сообразил Ингри,

не добавила, называя себя, к своему имени «кин» — обязательного свидетельства принадлежности к аристократическому роду.

— Но, Халлана, — продолжала Йяда, — хоть ты и целительница, я не могу себе представить, как тебе удаётся одновременно вынашивать ребёнка и держать в узде демона. Я всегда думала, что демоны ужасно опасны для беременных.

— Так и есть, — поморщилась Халлана. — Распространять хаос — естественное свойство демона: в этом источник его силы в материальном мире. Сотворение ребёнка, при котором материя рождает совершенно новую душу, — высочайшая и наиболее сложная из известных форм упорядочения хаоса. Учитывая, как много опасностей подстерегает младенца и без вмешательства демона, совершенно необходимо держать их подальше друг от друга. Это трудно. Настолько трудно, что некоторые жрецы не советуют волшебницам рожать детей или женщинам стремиться получить власть над демоном, пока они не состарятся. Ах, да что там… многие из жрецов — просто самодовольные дураки, но это уже другая тема. Как бы то ни было, я не сочла нужным отказываться от собственной жизни ради чьих-то теорий. Опасности, которым я

подвергаюсь, не большие — и не иные, — чем те, которые угрожают любой женщине, если я окажусь достаточно искусной, чтобы управлять демоном. Ну, есть, конечно, опасность, что демон вселится в ребёнка, пока меня будут отвлекать роды. Ах, дети ведь и так сверхъестественные существа! Секрет безопасности заключается в том, чтобы… как бы объяснить? Чтобы избавляться от излишков хаоса — постоянно выбрасывать хаос из себя понемножку. Благодаря этому мой демон становится пассивен, а ребёнку ничто не грозит. — Нежная материнская улыбка озарила лицо Халланы. — К несчастью, в результате всем, кто меня окружает, в эти месяцы приходится нелегко. У меня имеется келья на землях семинарии, куда я стараюсь удалиться на время беременности.

— Ох… не чувствуешь ли ты себя там одинокой?

— Ничуть. Мой дорогой супруг каждый день приводит ко мне двоих старших детей, а вечерами является без них… За это время я успеваю так много прочесть, так много изучить: подобное уединение — вещь совершенно замечательная! Мне хотелось бы почаще оказываться в своей келье, но дюжина детей, пожалуй, была бы ошибкой… да и мой супруг, пожалуй, не согласился

бы.

Служанка Херги, которая тихо и незаметно сидела у ног госпожи, захихикала совершенно непочтительным образом.

— Всё это, знаете ли, не особенно отличается от мысленной самодисциплины, которую должен соблюдать любой храмовый волшебник. Всё время приходится использовать хаос, никогда не пытаясь изменить его природу, ради достижения благих целей, — осторожно, спокойно, не поддаваясь соблазну лёгких путей. Благодаря этому мне удалось спасти своё врачебное призвание: один блестящий мыслитель указал мне на то, что хирург разрушает, чтобы исцелить. Так я и научилась правильно использовать дарованную мне силу в области, к которой лежала моя душа. Я была так счастлива, что вышла замуж за того мыслителя.

Йяда рассмеялась.

— Я так рада за тебя! Ты заслуживаешь всего самого хорошего.

— Ах, только Отец знает, поддерживая равновесие своей справедливостью, чего мы заслуживаем. — Лицо волшебницы снова сделалось серьёзным. — Расскажи-ка ты мне, моя милая, что на самом деле случилось в том холодном замке.

Глава 5

Смех Йяды резко оборвался. Ингри, спокойно поднявшись, послал дуэнью вниз, за ужином, который ему не удалось заказать, велев ей увеличить количество блюд. Благодаря этому он избавился и от её заинтересованных ушей. Женщина выглядела разочарованной, но ослушаться не посмела.

Ингри неслышно проскользнул на своё место у окна, не желая мешать леди Йяде исповедоваться подруге. Впрочем, на взгляд Ингри, волшебницу привели сюда гораздо более тайные причины, нежели дружба.

Он слушал внимательно, пытаясь обнаружить несоответствия, но рассказ Йяды ничем не отличался от того, что за последние дни услышал от неё он сам, только теперь всё описывалось по порядку. Впрочем, просвещённой Халлане девушка более откровенно призналась в испытанном ею страхе. Волшебница слушала с таким напряжением, что, когда дело дошло до снов, навеянных духом леопарда, лицо Халланы можно было бы счесть высеченным из камня. Йяда довела свой рассказ до своего чуть не кончившегося несча-

стьем падения на переправе и умолкла, искоса взглянув на Ингри.

— Думаю, будет лучше, если о дальнейшем расскажет лорд Ингри.

Ингри дёрнулся на своей скамье и покраснел.

На мгновение ему показалось, что красный туман вернулся, и его рука судорожно стиснула подоконник, рядом с которым он сидел. Он с ужасом осознал, что снова позволил себе непредусмотрительность: его подвела смутная уверенность в том, что волшебница в силах защитить и себя, и Йяду. Однако волшебники не были защитой от смертельного удара клинка. Он позволил себе находиться в обществе женщин, оставаясь вооружённым. А теперь ещё ему предстояло раскрыть самые страшные свои секреты…

— Я пытался её утопить, — выпалил Ингри. — Три попытки убить леди Йяду я предпринимал и раньше… по крайней мере насколько мне известно. Клянусь, такого намерения у меня не было. Леди Йяда говорит, что на мне лежит какое-то заклятие.

Волшебница надула губы и сделала долгий, задумчивый выдох. Потом она откинулась в кресле и закрыла глаза; лицо её стало совершенно неподвижным. Когда глаза её снова открылись,

на лице её появилось какое-то странное выражение.

— Ни один волшебник в последние дни заклятия на вас не накладывал. Вас ничто не связывает — никакие духовные нити к вам не тянутся. Никакой демон Бастарда в вашей душе не поселился, но что-то другое в ней скрывается. Что-то очень тёмное.

Ингри отвёл глаза.

— Я знаю. Это мой волк.

— Если та тёмная тварь — волк, то я — королева Дартаки.

— Мой волк всегда был странным… Однако он скован.

— Хм-м… Можно мне коснуться вас?

— Не знаю, насколько это… безопасно.

Брови Халланы поползли вверх; она оглядела Ингри с ног до головы, заставив его остро ощутить, как грязен его дорожный костюм и какая разбойничья щетина на лице.

— Пожалуй, отрицать опасность я не стану. Йяда, что ты видишь у него внутри?

— Видеть я ничего не вижу, — с несчастным выражением лица ответила девушка. — Похоже на то, что леопард чует волка, а я подслушиваю… поднюхиваю, если можно так выразиться. Ка-

ким-то образом до меня доходят эти незнакомые ощущения. Там действительно таится тёмный дух волка, который ты увидела, — по крайней мере пахнет он тёмным, как опавшие листья, старое кострище и лесные тени. И ещё что-то третье… шепчущее. У него очень странный запах. Едкий.

Халлана кивнула.

— Я вижу его душу — своим духовным зрением. Я вижу тёмного духа. Я не вижу и не слышу ничего третьего. Оно ни в коем случае не порождение Бастарда, не порождение духовного мира, которым правят боги. И всё же… его душа имеет странные извивы. Прозрачное стекло, которого не видит глаз, может быть обнаружено на ощупь. Я должна рискнуть проникнуть глубже.

— Не надо! — в панике воскликнул Ингри.

— Госпожа, следует ли… — пробормотала служанка, на лице которой отразилось беспокойство. — Особенно теперь…

Губы Халланы беззвучно произнесли что-то похожее на ругательство.

— Нужно подумать.

В этот момент раздался стук в дверь: вернулась дуэнья в сопровождении слуг, нагруженных подносами, и человека, которого Халлана назвала Бернаном; он тащил большой деревянный ящик.

Бернан оказался жилистым пожилым мужчиной с внимательными глазами; его зелёный кожаный камзол был прожжён в нескольких местах, как у кузнеца. Бернан с явным удовольствием принюхивался к подносам, когда их проносили мимо, и не он один: аппетитный запах мяса со специями и жареным луком, доносившийся из-под крышек блюд, сразу напомнил Ингри, как он голоден и устал.

Лицо Халланы просветлело.

— Вот и хорошо, сначала поедим, а потом начнём думать.

Слуги быстро накрыли стол в маленькой гостиной, после чего волшебница отослала их, добавив, что предпочитает, чтобы ей прислуживали её собственные люди, и шёпотом поделившись с Ингри:

— Я сейчас устраиваю такой беспорядок, что не решаюсь есть при посторонних.

Ингри предусмотрительно отправил дуэнью ужинать в общий зал и не велел ей возвращаться, пока её не позовут. Бросив на Халлану любопытный взгляд, женщина неохотно удалилась.

Бернан доложил, что кони благополучно размещены в конюшне храма, колесо тележки починено, а на ночлег волшебницу ждёт к себе

местная целительница, обучавшаяся когда-то в Сатлифе. Ингри, хоть ничего такого не планировал, оказался за столом с женщинами. Бернан поднёс всем чашу для омовения рук, а жрица быстро пробормотала молитву.

Херги повязала своей госпоже салфетку размером со скатерть и стала помогать, ловко подхватывая падающие кубки, опрокидывающиеся кувшины, разлетающиеся куски жаркого; чаще всего ей это удавалось, хотя и не всегда.

— Пейте своё вино, — посоветовала волшебница. — Через полчаса оно прокиснет. Мне нужно будет покинуть гостиницу до того, как хозяин обнаружит, что с пивом в бочках тоже не всё в порядке. Ну, зато все блохи, вши и клопы не переживут моего присутствия, так что, пожалуй, обмен будет равноценный. Лучше мне не задерживаться: иначе подохнут и все мыши, бедняжечки.

Леди Йяда была, по-видимому, так же голодна, как и Ингри, и за столом на некоторое время воцарилось молчание. Халлана наконец нарушила тишину, решительно поинтересовавшись природой несчастья Ингри, связанного с волком. У Ингри, несмотря на голод, перехватило горло, но всё же он сумел пересказать Халлане свои пу-

таные воспоминания о давних событиях — более подробно, чем поведал о них Йяде. Обе женщины слушали его заворожённо. Ингри несколько смущало то, что Бернан, удалившийся со своей тарелкой на скамью у окна, и Херги, умудрявшаяся что-то жевать, не прекращая ухаживать за своей госпожой, тоже слушали его рассказ. Что ж, слуги храмовой волшебницы должны уметь хранить секреты…

— Проявлял ли ваш отец и раньше интерес к жертвоприношениям животных и древней магии Вилда? — спросила Халлана, когда Ингри кончил описывать обряд.

— Насколько мне известно, нет, — ответил Ингри. — Всё это показалось мне очень внезапным.

— И почему он совершил такую попытку именно тогда? — пробормотала Йяда.

— Все, кто что-нибудь знал, погибли или бежали, — пожал плечами Ингри. — К тому времени, когда я поправился достаточно, чтобы задавать вопросы, не осталось никого, кто мог бы мне что-то рассказать. — Его ум шарахался от разрозненных обрывков воспоминаний о тех мучительных неделях. Некоторым вещам лучше оставаться забытыми.

Халлана запустила зубы в кусок жаркого, про-

жевала и спросила:

— Как случилось, что вы научились держать своего волка связанным?

«Вот это и есть одна из таких вещей».

Ингри потёр шею, но это не принесло ему облегчения.

— Древний закон Аудара, который гласит, что тех, кто осквернён духами животных, следует сжигать заживо, ни разу не применялся на памяти даже стариков. Наш местный жрец, знавший меня с рождения, приложил все старания, чтобы избавить меня от такой участи. Как оказалось, следователь храма, посланный расследовать случившееся, постановил, что, поскольку преступление было совершено не по моей воле, а навязано мне лицами, повиноваться которым предписывал мне долг, — всё равно что отрубить человеку руку за то, что его ограбили. Так что я был формально прощён, и жизнь мне сохранили.

Йяда с острым интересом выслушала эти подробности — прецедент относился и к её случаю тоже. Её губы приоткрылись, но потом девушка только покачала головой и не сказала ни слова.

Ингри сочувственно кивнул ей и продолжал:

— И всё же меня не могли просто отпустить.

Иногда я вёл себя как здравомыслящий человек, но бывали случаи… Я не могу ничего отчётливо вспомнить. Так что наш жрец принялся исцелять меня.

— Каким образом? — спросила волшебница.

— Первым делом, конечно, он заставлял меня молиться. Потом последовали ритуалы — те древние обряды, какие только ему удалось узнать. Некоторые, я думаю, он воссоздавал из обрывков. Ни один из них не подействовал. Потом жрец переключился на проповеди и увещевания: он и его аколиты читали их сутками, сменяя друг друга. Это было самым утомительным видом исцеления. Наконец мы решили изгнать волка силой.

— Мы? — подняла бровь Халлана.

— Это не было сделано… против моей воли. К тому времени я отчаялся.

— М-м-м… Да, могу себе представить… — Халлана сжала губы, потом после долгой паузы спросила: — Какую же форму приняло это изгнание?

— Мы перепробовали всё, кроме необратимых увечий. Голод, побои, огонь и вода. Всё это не смогло изгнать волка, но я по крайней мере научился владеть собой, и периоды помрачения стали короче.

— В подобных обстоятельствах, думаю, учились вы весьма быстро.

Сухой тон Халланы заставил Ингри бросить на неё настороженный взгляд.

— Такие меры явно действовали. Во всяком случае, лучше было тонуть в Бирчбеке, пока мои лёгкие не начинали разрываться, чем сутками выслушивать проповеди. Наш жрец не давал поблажки ни мне, ни своим аколитам, хотя это давалось ему нелегко. Он полагал, что по крайней мере этим возвращает долг моему отцу, которого он, как ему казалось, не удержал от ужасного греха.

Ингри сделал глоток из своего кубка.

— Через несколько месяцев было решено, что я достаточно оправился, чтобы получить свободу. К тому времени замок Бирчгров был передан моему дяде. Меня отправили в паломничество в надежде, что удастся найти более полное исцеление. Я был этому рад, хотя по мере того как надежды таяли, а я повзрослел достаточно, чтобы избавиться от своих надзирателей, мои поиски сделались просто блужданиями. Когда у меня кончались деньги, я брался за всё, что подворачивалось под руку. — Любое занятие казалось лучше, чем возвращение домой. А потом наступил день, когда

всё изменилось… Я повстречал лорда Хетвара, когда он был послан ко двору короля Дартаки. — О тех отчаянных усилиях, которые ему пришлось приложить, чтобы быть принятым хранителем печати, Ингри не стал упоминать. — Он удивился тому, что аристократ Вилда служит чужакам так далеко от дома, так что я рассказал ему мою историю. Его не смутил мой волк, и он предложил мне место в своей охране: так я оплатил бы своё путешествие обратно на родину. Я был ему полезен в дороге, и хранителю печати было угодно взять меня на постоянную службу. С тех пор я достиг более высокого положения, — Ингри с гордостью сжал губы, — за некоторые заслуги.

Он снова взялся за наперчённое мясо, а потом собрал с тарелки ароматную подливку кусочком свежего хлеба. Леди Йяда оторвалась от еды некоторое время назад и теперь сидела, погрузившись в задумчивость, водя пальцем по краю своего пустого кубка. Подняв взгляд и встретившись глазами с Ингри, она слабо улыбнулась ему. Халлана отмахнулась от Херги, которая протягивала ей второй пирожок с яблоками, и служанка сложила перепачканную салфетку.

Волшебница внимательно посмотрела на Ингри.

— Теперь чувствуете себя лучше?

— Да, — неохотно признался тот.

— Вы имеете какое-нибудь представление о том, кто накинул на вас эту узду?

— Нет. Думать об этом трудно. Меня, пожалуй, больше смущает то, что между припадками я её не чувствую. Я начинаю не доверять собственному рассудку. Такое ощущение, будто я пытаюсь разглядеть изнутри собственные глазные яблоки.

Ингри поколебался, но всё же взял себя в руки и спросил:

— Вы можете снять с меня заклятие, просвещённая?

Халлана неуверенно вздохнула; у неё за спиной Бернан делал Ингри отчаянные знаки, а Херги осмелилась даже запротестовать вслух.

— Вот что я могу сделать сейчас без всякой опаски, — сказала волшебница. — Добавить хаоса в вашу душу. Разрушит ли это власть той странной тьмы, которую чует в вас Йяда, я не знаю. Ничего более сложного попробовать я не рискну. Не будь я беременна, я могла бы попытаться… ладно, не важно. Да, да, я вижу тебя, Бернан, смотри не лопни, — бросила она взволнованному слуге. — Если я не выпущу хаос в лорда Ингри, мне придётся

переморить мышей, а мыши мне нравятся.

Ингри потёр руками усталое лицо.

— Я согласен, чтобы вы попытались, но… сначала лучше меня сковать.

Халлана подняла брови.

— Вы считаете это необходимым?

— Предусмотрительным.

Слуги волшебницы, несомненно, одобряли предусмотрительность в любой форме. Пока Ингри складывал у двери меч и кинжал, Бернан открыл свой ящик с инструментами, порылся в нём и достал два куска надёжной цепи. Получив разрешение Ингри, он надел ему на щиколотки стальные кольца, соединённые цепью, и стянул их болтами. То же самое Бернан проделал со скрещёнными запястьями Ингри и проверил надёжность оков, подёргав и покрутив цепи. После этого Ингри уселся на пол, опираясь спиной на скамью у окна, и Бернан скрепил между собой скобами цепи на ногах и руках Ингри. Тот чувствовал себя полным идиотом, сидя скрючившись и упираясь подбородком в колени. Зрители выглядели несколько смущёнными, но никто не стал возражать.

Просвещённая Халлана тяжело поднялась с кресла и, переваливаясь, подошла к Ингри. Вз-

волнованные леди Йяда и Херги встали у неё по бокам. Волшебница засучила рукава, сцепила пальцы и с лёгким треском суставов вытянула руки вперёд.

— Прекрасно, — сказала она весёлым голосом, ещё более зловещим из-за прозвучавшего в нём отработанного оптимизма целительницы. — Сразу скажите мне, если станет больно. — Она приложила тёплую ладонь ко лбу Ингри.

Первые несколько секунд исходящее от руки Халланы тепло было приятным, но вскоре стало обжигающим. Странная дымка сгустилась перед глазами Ингри. Неожиданно в его мозгу словно взревело пламя кузнечного горна, и образы перед глазами начали двоиться, изгибаться, меняться.

Комната всё ещё была доступна чувствам Ингри, но одновременно он находился в каком-то другом месте. И там…

Там он был обнажённым. Плоть над его сердцем вспучилась, потом лопнула. Изнутри проросла лоза… нет, вена, проросла и принялась извиваться, опутывая Ингри. Он почувствовал, как вторая жаркая выпуклость возникла на лбу; проросшая из неё лоза-вена потянулась вниз. Ещё одно щупальце высунулось из живота, другое — из гениталий. Их подвижные кровоточащие

концы что-то бормотали. Ингри обнаружил, что изменился и его язык: он вывалился изо рта, превращаясь в пульсирующую извивающуюся трубку.

В принадлежащей материальному миру комнате тело Ингри начало биться и всё сильнее дёргать цепи. Глаза Ингри закатились, но он продолжал видеть наклонившуюся над ним просвещённую Халлану; волшебница отпрянула, когда из открытого рта Ингри вырвался вопль. Теперь её немного разведённые в стороны руки не касались его, но между ними продолжало бушевать лиловое пламя, спиралью ввинчиваясь в его чудовищно трансформировавшийся язык.

Длинное щупальце извивалось и дёргалось, его неразборчивый шёпот превратился в шипение, но пламя оно с жадностью пожирало. Другие четыре отростка также пришли в возбуждение; они продолжали бормотать, заливая Ингри кровью. Источаемый ими жаркий металлический запах и скользкие прикосновения доводили его до безумия. Тело Ингри в материальном мире выгнулось с силой, едва не переломавшей ему кости, волосы встали дыбом, гениталии напряглись. Ингри упал на бок и попытался, сотрясаясь конвульсиями, перекатиться по полу туда, где

лежал его меч.

Йяда упала на колени; её глаза широко раскрылись. Во второй реальности появился леопард…

Его мех, как шёлк, переливался над мощными мышцами, белоснежные клыки сверкали, в янтарных глазах вспыхивали золотые искры. Подобно котёнку, играющему с клубком ниток, он вцепился в извивающиеся шипящие щупальца, рванул их когтями и начал грызть. Лозы-вены хлестали его, обжигая кислотой, оставляя чёрные полосы на прекрасной пятнистой шкуре. Леопард зарычал, и этот звучный рёв сотряс всё тело Ингри. Откуда-то из глубин его души ему ответило другое рычание.

Челюсти Ингри начали менять форму…

«Нет! Нет! Я отвергаю тебя, волк-у-меня-внутри!»

Ингри стиснул зубы. Он боролся с волком, боролся с опутавшими его щупальцами, боролся с собственным телом, которое продолжало стремиться к стене, у которой лежал меч.

«Бороться… Убить… Убить всех…»

Перекрученная цепь натянулась ещё сильнее, стальная скоба лопнула. Щиколотки и запястья Ингри оставались скованными, но теперь были свободны друг от друга. Тело его выпрямилось,

теперь он мог выгибаться и перекатываться, поворачиваться и ползти. Меч был уже так близко… Вокруг раздавался топот охваченных паникой людей.

Руки Ингри в материальном мире были теперь такими же скользкими от крови, как его второе тело в призрачной реальности, орошаемое странной красной жидкостью, источником которой был он сам. К своему ужасу, Ингри почувствовал, что стальные кольца начинают соскальзывать с его окровавленных рук. Если ему удастся освободить правую руку, если он дотянется до меча… тогда никто не выйдет из этой комнаты живым. Возможно, даже он сам.

Первым делом он одним ударом разделается с этим надоедливым слугой, потом прикончит визжащих женщин. Леди Йяда уже стояла на коленях, как ожидающая удара палача жертва; рассыпавшиеся волосы скрывали её лицо. Резкий взмах меча, и беременная жрица… Разум Ингри в ужасе отпрянул от представившейся ему картины.

Ингри издал жуткий вопль, такой яростный, что он вывернул наизнанку отрицание, превратив его в согласие.

«Помоги им! Спаси её, поддержи меня, волк!

Бери мою силу, бери…»

Челюсти Ингри удлинились, сверкнули острые, как кинжалы, белые клыки. Он принялся рвать зубами лозы-вены, рыча и тряся головой, как делает волк, чтобы сломать хребет кролику. В рот ему хлынула горячая кровь, и он ощутил боль от собственных укусов. Он грыз и тянул, выдирая тварь из своего тела. И вот она оказалась не внутри, а перед ним, извиваясь, как какое-то отвратительное морское чудовище, которое вытащили на смертельный для него воздух. Он ударил гадину когтистой лапой. Леопард прыгнул и покатил вопящий красный клубок по полу. Тварь ещё недолго цеплялась за жизнь…

Потом всё кончилось.

Вторая реальность исчезла, леопард слился с леди Йядой, а его волк… куда он делся?

Тело Ингри обмякло. Он лежал на спине рядом с дверью, со всё ещё скованными щиколотками, но окровавленные руки его были свободны. Над ним стоял Бернан с бледным, как пергамент, лицом, сжимая трясущимися руками короткий стальной лом.

На мгновение воцарилась тишина.

— Ну, — раздался ясный напряжённый голос Халланы, — лучше нам больше такого не де-

лать…

Из коридора донёсся топот, потом последовал стук в дверь и испуганный голос гвардейца спросил:

— Эй, там все живы? Лорд Ингри?

Его перебила дуэнья:

— Неужели это он так вопил? Ох, скорее, скорее ломайте дверь!

До находившихся в комнате донёсся третий голос:

— Если вы взломаете дверь в моей гостинице, придётся вам платить! Эй вы там! Откройте!

Ингри потрогал свою челюсть — нормальную человеческую челюсть, не волчью морду — и прохрипел:

— У нас всё в порядке…

Халлана стояла, расставив ноги и быстро дыша, и смотрела на Ингри широко раскрытыми глазами.

— Да, — крикнула она, — лорд Ингри споткнулся и опрокинул стол. Тут сейчас некоторый беспорядок. Мы сами всё сделаем, не беспокойтесь.

— Судя по вашему голосу, у вас не всё в порядке.

Ингри сглотнул, прокашлялся и постарался

заставить свой голос звучать нормально:

— Я сейчас спущусь. Слуги просвещённой жрицы наведут… наведут тут порядок. Уходите.

— Мы перевязываем его порезы, — добавила Халлана.

Люди за дверью недоверчиво прислушались, потом начали спорить, но наконец ушли.

Все в комнате, за исключением Бернана, который всё ещё не выпускал из рук лом, облегчённо вздохнули. Ингри обессиленно растянулся на полу, чувствуя себя так, словно все его кости превратились в кашу. Через некоторое время ему удалось поднять руки. С левого запястья тяжело свешивалась цепь; окровавленная правая рука была свободна. Ингри бессмысленно смотрел на неё, не замечая ни содранной кожи, ни острой боли. Судя по тому, что из волос его текла липкая струйка, его яростные рывки привели к тому, что шов на голове разошёлся.

«Если так пойдёт дальше, я буду мёртв до того, как доберусь до Истхома, и неизвестно, переживёт меня леди Йяда или нет».

Йяда… Ингри в панике извернулся, чтобы окинуть взглядом комнату. Бернан с угрожающим рычанием поднял свой лом. Йяда всё ещё стояла на коленях рядом с Ингри. Лицо её было смер-

тельно бледным, огромные глаза потемнели.

— Нет, Бернан… — прошептала она. — С ним теперь всё в порядке. Заклятие снято.

— Мне приходилось видеть человека, страдающего падучей, — задумчиво произнесла Халлана. — Это определённо не тот случай. — Она обошла вокруг Ингри, разглядывая его поверх своего огромного живота.

Краем глаза наблюдая за ломом в руках Бернана, Ингри осторожно перекатился на бок, чтобы лучше видеть Йяду. От этого движения комната рывками закружилась вокруг него, и у Ингри вырвался хриплый стон. Впрочем, Йяда не отскочила от него. Она сидела на полу, опираясь на руки, и, поймав его взгляд, выпрямилась.

— Со мной ничего не случилось, — сказала она, хотя никто её ни о чём не спрашивал: все следили за гораздо более впечатляющими подвигами Ингри.

Теперь Халлана повернулась к девушке:

— Что с тобой происходило?

— Я упала на колени — в этой комнате, но одновременно я неожиданно оказалась в теле леопарда… Теле духа леопарда — мне было ясно, что не во плоти. Ох, как же он оказался могуч! И великолепен! Мои чувства необычайно обостри-

лись. Я всё могла видеть, но онемела. Нет, даже не онемела — я не знала, что такое слова. Мы были в каком-то другом месте, очень просторном — по крайней мере достаточно просторном, чтобы… Вы, — взгляд Йяды обратился на Ингри, — тоже были там, передо мной. Из вашего тела произрастали какие-то красные чудовища. Они казались частью вас, но одновременно нападали на вас. Я кинулась на них и попыталась перегрызть. Эти твари обжигали мне рот. Потом вы начали превращаться в волка… человека-волка, какой-то странный гибрид… казалось, вы не можете решить, кем быть. По крайней мере голова у вас стала волчья, и вы тоже принялись рвать мерзкие щупальца. — Девушка искоса с любопытством взглянула на Ингри.

Ингри не решился спросить: а была ли в галлюцинации леди Йяды на нём набедренная повязка… Недвусмысленное возбуждение его тела только теперь начинало сходить на нет, под влиянием растерянности и боли.

— Когда мы вырвали из вас эти обжигающие, цепляющиеся щупальца, стало видно, что это не отдельные твари, а одна. Сначала она казалась клубком спаривающихся змей, выкатившимся весной из-под куста, потом перестала шипеть и

исчезла, а я снова оказалась здесь, в этом теле. — Йяда поднесла к глазам изящную руку, словно ожидая увидеть кожистые подушечки и когти. — Если такое испытывали воины Древнего Вилда… то я начинаю понимать, почему они стремились к обладанию духами зверей. Не считая, конечно, сражения с этой тварью… да и то мы выиграли. — В сузившихся глазах леди Йяды, подумал Ингри, был не только страх, но и удивительное радостное возбуждение. — А ты видела моего леопарда? — обратилась леди Йяда к Халлане. — И исходящую кровью тварь, и волка?

— Нет, — огорчённо пропыхтела волшебница. — Ваши души были ужасно взволнованы, но чтобы заметить это, мне не требовалось второго зрения. Как ты думаешь, ты могла бы вернуться в то место? По собственной воле?

Ингри попытался покачать головой, обнаружил, что мозг словно болтается в черепе, и пробормотал:

— Нет!

— Я не уверена, — ответила Халлане Йяда. — Меня туда увлёк леопард. И нельзя сказать, что это было «то место» — мы оставались здесь.

Взгляд Халланы сделался, хотя такое и не казалось возможным, ещё более пронизывающим.

— Ты не ощутила присутствия кого-нибудь из богов — там, в «том месте»?

— Нет, — ответила Йяда, — нет. Раньше я не могла бы сказать с уверенностью, но после снов, подаренных мне леопардом… определённо нет. Я бы знала, если бы Он вернулся. — Несмотря на всё пережитое, на лице девушки расцвела улыбка. Улыбка предназначалась не ему, понял Ингри, но всё равно ему захотелось подползти к Йяде. Ну уж это было бы безумием чистой воды…

Халлана расправила плечи, что, учитывая её положение и размеры, произвело устрашающий эффект, и поморщилась.

— Бернан, помоги лорду Ингри подняться. И сними с него цепи.

— Вы уверены, что это разумно, просвещённая? — с сомнением спросил слуга, бросая взгляд на лежащий в углу меч Ингри: кузнец отбросил его туда, изготовившись ударить Ингри ломом.

— Лорд Ингри, каково ваше мнение? Вы до сих пор не ошибались.

— Не думаю, чтобы я… мог двигаться. — Дубовый пол был жёстким и холодным, но у Ингри так кружилась голова, что он всё-таки предпочитал горизонтальное положение вертикальному.

Двое слуг против его воли подняли Ингри и

подтащили к креслу, в котором раньше сидела жрица. Бернан с помощью молотка освободил его от цепей, а Херги, щёлкая языком, принесла таз с водой, мыло, полотенца и свою кожаную сумку, в которой оказались медицинские инструменты и лекарства. Женщина умело обработала раны Ингри, новые и прежние, и до него с опозданием дошло, что волшебница в её теперешнем состоянии, конечно, могла путешествовать только в сопровождении собственной акушерки-дедиката. Ингри предположил, что Херги — жена кузнеца, если таково было основное занятие Бернана.

Йяда добралась до собственного кресла; она явно не могла оторвать взгляда от ловких рук Херги; её губы вздрагивали при каждом движении иглы целительницы. Херги аккуратно наложила швы на рану на правой руке Ингри, смазала мазью и перевязала полосой чистого полотна; ссадины и царапины на левой руке были промыты и перевязаны тоже. Ингри решил, что теперь правая рука болит гораздо меньше, чем спина или щиколотки… впрочем, возможно, одна боль просто служила отвлечением от другой. У него мелькнула мысль, что следовало бы снять сапоги, пока это ещё возможно: иначе потом их придётся разрезать. Сапоги были хорошие, и лишиться их

было бы жалко; цепи и так уже оставили на коже глубокие царапины.

— Так насчёт того места, где вы оказались… — снова начала Халлана.

— Оно не было реальным, — пробормотал Ингри.

— Ну да… Но всё-таки, пока вы были… э-э… в необычном состоянии, как вы воспринимали меня, если вообще воспринимали?

— Из ваших рук текло разноцветное пламя. Текло мне в рот. Оно вызвало неистовство у щупальца, которым стал мой язык, а уж оно передало его остальным… точнее, как мне кажется, другим частям твари. Получилось так, как будто ваше пламя выгнало чудовище оттуда, где оно пряталось. — Ингри пошевелил языком, удостоверяясь, что от ужасного уродства действительно ничего не осталось, и с отвращением обнаружил, что лицо его покрыто липкой пеной. Он попытался вытереть её повязкой, но Херги перехватила его руку, не дав испортить свою работу. Неодобрительно покачав головой, она протянула ему влажную тряпку. Ингри начал стирать пену, стараясь не вспоминать о своём отце.

— Язык — собственный символ Бастарда в нашем теле, — задумчиво протянула Халлана.

Как лоб — символ Дочери, живот — Матери, гениталии — Отца, а сердце — Сына.

— Эти вены-щупальца… или что это было такое… части заклятия, похоже, росли из всех моих теологических мест.

— Это должно что-то означать. Интересно, что именно? Не существует ли манускриптов, посвящённых легендам Древнего Вилда, которые помогли бы разгадать загадку… Когда вернусь в Сатлиф, пороюсь в библиотеке, хотя, боюсь, там хранятся по большей части медицинские трактаты. Дартаканские жрецы-квинтарианцы во время завоевания больше интересовались уничтожением местной магии, чем сохранением хроник. Такое впечатление, что они стремились сделать древние силы леса недоступными даже для самих себя. Впрочем, я не так уж уверена, что это было ошибкой.

— Когда я была в теле леопарда… когда я была леопардом, — сказала Йяда, — я тоже видела фантастические формы, но потом всё это оказалось от меня скрыто. — В голосе девушки проскользнуло лёгкое сожаление.

— Я, со своей стороны, — пальцы волшебницы забарабанили по ближайшей горизонтальной поверхности, которой оказался её собственный

живот, — не видела ничего, если не считать успешной попытки лорда Ингри вырваться из цепей, которые удержали бы и лошадь. Если духи животных даровали древним воинам подобную силу, неудивительно, что они так высоко ценились.

Если древние воины расплачивались за это такой болью, то, на взгляд Ингри, может быть, и не стоило высоко ценить обретённые способности… Если воины лесных племён вели себя так же, как он… Ингри хотел спросить, какие звуки издавал, но это было бы слишком унизительно.

— Если бы было что видеть, я должна была бы увидеть, — с возрастающим волнением сказала Халлана. Она рухнула на ближайший стул. — Проклятие! Нужно подумать. — Через мгновение она, прищурившись, взглянула на Ингри. — Вы говорите, заклятие исчезло. Раз уж мы не можем сказать, что это было, можете вы теперь по крайней мере вспомнить, кто его на вас наложил?

Ингри наклонился вперёд и потёр глаза. Как он подозревал, они ещё больше налились кровью.

— Лучше бы мне снять сапоги. — По знаку Халланы Бернан опустился на колени и помог Ингри стянуть сапоги. Щиколотки Ингри и в самом деле распухли и посинели. Не поднимая глаз, Ингри

наконец ответил Халлане:

— Я не ощущал заклятия, пока впервые не увидел Йяду. Оно могло быть наложено на меня когда угодно — неделю, месяц, год назад. Сначала я решил, что оно очень старое, — я винил своего волка… насколько вообще мог думать об этом. Если бы не слова леди Йяды… и то, что случилось только что, я мог бы продолжать так считать. Если бы мне удалось убить леди Йяду, я наверняка продолжал бы так полагать.

Халлана закусила нижнюю губу.

— Подумайте хорошенько. Приказание убить пленницу скорее всего было получено вами между тем временем, когда в столицу дошли вести о смерти Болесо, и вашим отбытием в охотничий замок. До того не было причины, после — времени. Кого вы видели в этот промежуток?

События, если смотреть на них с этой точки зрения, выглядели ещё более пугающими.

— Немногих. Вечером меня вызвал к себе лорд Хетвар. Курьер всё ещё был у него. Хранитель печати собрал глав кланов — принца Ригильда, королевского сенешаля, графа Баджербанка, Венцела кин Хорсривера, Альку кин Оттербайна, близнецов кин Боарфордов… Разговор был коротким: лорд Хетвар сообщил мне новость и дал

инструкции.

— В чём они заключались?

— Доставить тело Болесо, привезти его убийцу… — Ингри поколебался. — Сделать всё без шума.

— Что это значит? — с искренней озадаченностью спросила леди Йяда.

— Уничтожить все свидетельства опрометчивых поступков Болесо.

«В том числе и его последнюю жертву?»

— Что? Разве вы не обязаны вершить королевское правосудие? — с возмущением воскликнула Йяда.

— Строго говоря, я служу хранителю печати Хетвару, а его главная цель, — осторожно добавил Ингри, — охранять интересы Вилда и его королевского дома.

Йяда растерянно умолкла, хмуря брови.

Храмовая волшебница похлопала пальцем по губам. Она по крайней мере шокированной не выглядела. Однако когда она заговорила снова, стало ясно, что её быстрый ум уже устремился в другом направлении.

— Никакой дух не может существовать в мире материи без телесной поддержки. Волшебники придают силу заклинаниям с помощью своих

демонов, что необходимо, но недостаточно: сами демоны, в конце концов, получают питание через тело волшебника. Однако наложенное на вас заклятие питалось вашей силой. Я подозреваю… м-м… Как ты сказала, Йяда, это магия-паразит. Заклятие каким-то образом было вызвано в вас, лорд Ингри, и с этого момента его поддерживала ваша собственная жизнь. Если это странное колдовство хоть сколько-нибудь схоже с моим, оно, как вода, стекает вниз: ничего не создаёт, только крадёт силы хозяина.

Интуитивно Ингри понял, что имеет в виду Халлана, но ему вовсе не хотелось, чтобы так о нём думала леди Йяда. Многие мужчины способны убить ради прихоти власть имущих, хотя единственное заклятие, которое для этого требуется, обычно заключается в звоне монет в кошельке. Ингри приходилось охранять своего господина и обнажать ради него меч… так не было ли это тем же самым?

— Но… — Прелестные губы леди Йяды крепко сжались. — У хранителя печати Хетвара есть, должно быть, сотни офицеров, солдат, наёмных убийц. Он послал с вами полдюжины своих гвардейцев. Тот… тот, кто наложил заклятие, мог воспользоваться любым из них. Почему за мной

послали единственного человека в Истхоме, о котором известно, что в нём живёт дух волка?

На лице Халланы на мгновение появилось странное выражение — озарение, удовлетворение? Однако волшебница ничего не сказала, только откинулась на спинку стула — наклониться вперёд ей было бы затруднительно.

— Насколько широко разошёлся слух о вашем несчастье? — наконец спросила она.

Ингри пожал плечами.

— Сплетни общеизвестны, однако значение моей особенности придаётся разное. Моя репутация полезна для Хетвара: немногие решаются мне противоречить.

«Или долго терпеть моё общество, приглашать в свой дом, а главное, знакомить с представительницами своего клана. Что ж, к этому я давно привык».

Йяда широко раскрыла глаза.

— Вас выбрали потому, что вину можно было свалить на вашего волка! Выбор сделал Хетвар. Значит, он и есть тот, кто наложил заклятие!

Эта мысль Ингри не понравилась.

— Не обязательно. Лорд Хетвар обсуждал ситуацию ещё до того, как появился я. Любой, с кем он говорил, мог предложить мою кандидатуру. —

Однако роль, которую Йяда приписала волку, была весьма вероятной. Ингри ведь и сам готов был бы обвинить в гибели своей подопечной волка-у-себя-внутри. Он сам бы вынес себе приговор и не был бы способен защищаться. Даже если бы он пережил покушение на леди Йяду… он вспомнил, как чуть не погиб накануне при переправе. Так или иначе, и жертву, и её палача заставили бы молчать.

Ингри пришёл к двум чрезвычайно неприятным заключениям. Первое заключалось в том, что ему по-прежнему предстояло везти леди Йяду туда, где её, возможно, ожидала смерть. Утонуть в реке, может быть, оказалось бы менее мучительно, чем погибнуть от яда в тюремной камере, и уж тем более такая смерть не была бы сопряжена с кошмаром неправого суда и последующей казни.

Второе же заключалось в том, что тайный могущественный враг окажется весьма недоволен, когда они оба явятся в Истхом живыми.

Глава 6

Ингри всю ночь мучили кошмары, хотя утром он не мог их вспомнить; проснулся он, чувствуя лёгкую лихорадку. Сквозь окошко крохотной, но всё-таки отдельной комнаты под самой крышей гостиницы пробивались солнечные лучи. Рассвело. Пора отправляться в путь.

Первое же движение пробудило боль во всём его избитом и исцарапанном теле, так что Ингри поспешно отказался от намерения сесть. Однако и лёжа облегчения он не испытывал. Ингри осторожно повернул голову, и по шее словно пробежало пламя. Взгляд его упал на груду посуды, которую он составил на полу у двери. Всё это неустойчивое сооружение выглядело нетронутым. Хороший знак.

Повязки на правой руке и на запястьях Ингри оставались на месте, хоть сквозь них и проступила кровь. Ингри пошевелил пальцами. Итак, прошлый вечер ему не примерещился, какими бы невероятными ни казались все вчерашние ужасы. По мере того как воспоминания возвращались, Ингри ощутил болезненную судорогу в животе.

Ингри со стоном заставил себя подняться и доковылял до умывальника. Зачерпнув левой рукой ледяной воды, он плеснул себе в лицо, но это ничему не помогло. Натянув штаны, он присел на край постели и попытался надеть сапоги, но на опухшие щиколотки налезать они отказались. Ингри признал своё поражение и уронил сапоги на пол. Он осторожно снова прилёг поверх сбитого одеяла. Всякие мысли в голове вытесняло что-то вроде гудения. Ингри пролежал ещё около получаса, судя по перемещению светлых квадратов по полу, и за всё это время единственным, о чём он оказался в силах подумать, было смутное огорчение невозможностью натянуть сапоги.

Скрипнула дверь, и за звоном рассыпавшейся посуды последовали изумлённые ругательства Гески. Морщась, лейтенант пробрался между раскатившимися по полу кружками и мисками. Геска был одет в кожаный дорожный костюм с накинутым поверх серо-голубым плащом гвардейцев Хетвара и явно привёл себя в порядок ради торжественного сопровождения траурного кортежа: светлые волосы были расчёсаны, добродушное лицо выбрито. На Ингри он посмотрел с ужасом.

— Милорд…

— Ах, Геска… — Ингри всё же удалось прохрипеть: — Как там наш свинский парень?

Геска покачал головой, всё ещё под впечатлением от увиденного.

— Иллюзия развеялась где-то к полуночи. Мы отправили его в постель.

— Проследи, чтобы он не попадался просвещённой Халлане.

— Ну, тут проблем не будет. — Геска встревоженно смотрел на синяки и забинтованные руки Ингри. — Лорд Ингри, что всё-таки случилось с вами вчера вечером?

Ингри заколебался.

— А что об этом говорят?

— Солдаты, сидевшие в зале, доложили мне, что вы заперлись с волшебницей, а потом часа через два из комнаты неожиданно донёсся ужасный шум — вопли и грохот, так что с потолка этажом ниже посыпалась штукатурка. Впечатление было такое, словно там кого-то убивали.

«Почти…»

— Волшебница и её слуги потом вышли из гостиницы, как будто ничего не случилось, а вы, хромая, отправились к себе, не сказав никому ни слова.

Ингри постарался, насколько возможно, вспом-

нить те отговорки, к которым прибегла Халлана.

— Да… Я нёс… нёс блюдо с окороком и нож и споткнулся о стул. — Нет, про стул она ничего не говорила… — Опрокинул стол и при этом порезал руку.

Геска сморщился: ему явно никак не удавалось соотнести описанное событие со странной коллекцией синяков и повязок на Ингри.

— Мы фактически уже готовы отправляться. Здешний жрец ждёт, чтобы благословить гроб Болесо. Вы будете в состоянии ехать верхом? После случившегося…

«Неужели я выгляжу так ужасно?»

— Ты передал моё письмо лорду Хетвару курьеру храма?

— Да. Женщина уехала на рассвете.

— Тогда… Скажи солдатам, что они пока свободны. Я жду инструкций. Лучше задержимся здесь и дадим лошадям отдых.

Геска молча поклонился, но по его глазам было понятно, что лейтенант удивлён: зачем было выжимать из людей и животных последние силы, чтобы неизвестно зачем потратить здесь сэкономленное время? Геска поднял с пола миски и кружки, поставил их на умывальник и, бросив на Ингри ещё один озадаченный взгляд, вышел.

Ингри написал последний отчёт хранителю печати сразу по прибытии в Реддайк, сообщая об остановке кортежа в этом городе и прося о том, чтобы его сменили под тем предлогом, что ему не по силам выполнение всех положенных церемоний. В письме, таким образом, не было ни слова о храмовой волшебнице. Ингри не упомянул и о происшествии на переправе; ни о чём, связанном с пленницей, Ингри не упомянул вообще. Обязанность докладывать лорду Хетвару обо всём происходящем вступила теперь в схватку с поселившимся в сердце Ингри страхом. Страхом и яростью…

«Кто и как наложил на меня это чудовищное заклятие? Почему кому-то понадобилось превращать меня в безмозглое орудие? И не может ли такое случиться снова?»

Собственная ярость пугала Ингри, хотя как раз страх и питал гнев, перехватывая горло и заставляя боль пульсировать в висках. Ингри откинулся на подушку, пытаясь вернуть себе трудно давшуюся самодисциплину, рождённую жреческими пытками в Бирчгрове. Постепенно ему удалось заставить мышцы расслабиться.

Прошлой ночью он выпустил своего волка на свободу. Он сам снял с него цепи. Был ли волк

снова на привязи сегодня утром? И если нет, что дальше? Как ни болело всё тело Ингри, духовно он не ощущал разницы ни с каким другим утром своей взрослой жизни. Так чем же была его настороженность сейчас, в Реддайке, — просто данью старой привычке или проявлением здравого смысла? Объяснялось ли его нежелание делать хоть шаг в сторону Истхома в неведении простой предусмотрительностью? Физическое состояние Ингри давало ему благовидный предлог для промедления, но было ли оно укрытием охотника или прибежищем труса? Ингри никак не удавалось разорвать этот мучительный замкнутый круг мыслей.

Новый стук в дверь заставил Ингри отвлечься от бесплодного самокопания. Резкий женский голос произнёс:

— Лорд Ингри! Мне нужно вас видеть.

— Войдите, мистрис Херги. — Ингри с опозданием вспомнил о том, что так и не надел рубашку. Ну да Херги — опытная целительница-дедикат, а не робкая девица. Было бы, конечно, вежливее принять её сидя…

— Хм-м. — Губы Херги сжались в тонкую линию, когда она с деловым блеском в глазах оглядела Ингри. — Рыцарь Геска не преувеличивал. Что ж,

ничего не поделаешь: встать вам всё-таки придётся. Просвещённая госпожа желает увидеться с вашей пленницей до своего отъезда, а я хотела бы отправиться в путь как можно скорее. Нам и сюда-то добраться было нелегко; я с ужасом думаю о том, что нам ещё предстоит. Так что вставайте. Ох, погодите-ка… лучше будет сначала…

Женщина поставила свою кожаную сумку на умывальник и стала рыться в ней. Найдя квадратную бутылку синего стекла, она вытащила пробку и налила в ложку отвратительного вида сироп. Ингри опёрся на локоть и только собрался спросить «Что это?», как ложка оказалась у него во рту. Жидкость была мерзкой на вкус, но Ингри пришлось проглотить её: выплюнуть снадобье под суровым взглядом Херги он не решился.

— Смесь настоя коры ивы и ромашки, спирт и ещё несколько полезных ингредиентов. — Целительница оглядела Ингри с ног до головы, надула губы и отмерила ему ещё одну ложку. Коротко кивнув, она заткнула бутылку пробкой. — Должно помочь.

— Какая гадость… — Ингри сглотнул поднявшуюся к горлу желчь.

— Э, вы скоро перемените мнение, обещаю. А теперь давайте посмотрим, как держатся повяз-

ки. — Херги умело разбинтовала руки Ингри, смазала раны мазью и наложила свежие бинты, потом промыла шов у него на голове какой-то едкой жидкостью и одела Ингри, решительно отводя его руки, когда он пытался сделать это сам. — Не вздумайте запачкать новые повязки, лорд Ингри. И перестаньте сопротивляться. Вы меня только задерживаете.

Ингри не приходилось принимать такие услуги от женщины с шестилетнего возраста, но теперь боль чудесным образом исчезла и сменилась ощущением расслабленности, словно он плыл по тёплым волнам. Ингри перестал сопротивляться умелым рукам Херги; к тому же он вдруг смутно понял, что напряжённая сосредоточенность целительницы к нему не имеет отношения.

— Просвещённая Халлана хорошо себя чувствует? После того, что случилось вчера вечером?

— Ребёночек повернулся. Теперь роды уже совсем скоро — может быть, завтра, может — через неделю. А отсюда до Сатлифа — двадцать пять миль по плохим дорогам. Вот я и хочу, чтобы она благополучно добралась до дома. Как можно скорее, лорд Ингри, так что не вздумайте её задерживать: что бы она у вас ни потребовала, выполняйте без споров, будьте так добры. — Хер-

ги свирепо шмыгнула носом.

— Хорошо, мистрис, — покорно ответил Ингри и, мгновение поколебавшись, добавил: — Ваше снадобье, похоже, здорово действует. Вы не оставите мне всю бутылку?

— Нет. — Целительница опустилась на колени, чтобы обуть Ингри. — Ох, а ведь сапоги не налезут. Нет ли у вас с собой другой обуви? — Она решительно поднялась и принялась рыться в его седельной сумке, извлекла старые высокие ботинки на шнуровке и натянула на Ингри. — А теперь вставайте.

Резкая боль в руке, за которую его потянула Херги, показалась благословенно далёкой, как новости из чужой страны. Женщина безжалостно потащила Ингри за собой.

Просвещённая Халлана уже ожидала в зале той гостиницы, где содержали леди Йяду, на другом конце главной улицы Реддайка. Волшебница взглянула на повязки на руках Ингри и вежливо проговорила:

— Надеюсь, утром вы чувствуете себя лучше, лорд Ингри?

— Да, благодарю вас. Снадобье помогло, хотя из него получился странный завтрак. — Ингри улыбнулся, несмотря на опасение, что улыбка у

него получится довольно бессмысленная.

— Ох, конечно… — Халлана взглянула на Херги. — Сколько ты ему дала? — Женщина в ответ показала два пальца. Ингри не мог решить, была ли гримаса Халланы одобрительной или осуждающей; Херги в ответ только пожала плечами.

Следом за женщинами Ингри поднялся в комнату на втором этаже. Дуэнья с некоторой опаской открыла им дверь. Ингри с сомнением огляделся, опасаясь увидеть следы своего вчерашнего неистовства, но обнаружил лишь полустёртые пятна крови на полу и выщербины в дубовых досках. Услышав об их приходе, из спальни вышла Йяда. Она была одета в тот же серо-голубой дорожный костюм, что и накануне, но сменила сапожки на более лёгкие кожаные туфельки. Ингри внимательно взглянул на неё; выражение бледного лица девушки было серьёзным и задумчивым.

Ингри с беспокойством задумался о собственном изменившемся восприятии. Йяда казалась ему не столько другой, сколько что-то приобретшей, обладательницей какой-то странной энергии. От неё исходил лёгкий тёплый запах, похожий на аромат нагретой солнцем сухой травы. Ингри почувствовал, как губы его приоткрылись,

чтобы распробовать солнечную эманацию, — напрасная попытка, ведь это не было физическим ощущением.

Вокруг Халланы тоже чувствовалась головокружительная атмосфера сверхъестественного — частично из-за её беременности, но главным образом из-за окружающего её нематериального вихря, напомнившего Ингри порыв ветра после удара молнии: её приручённого демона. Две обыкновенные женщины — Херги и дуэнья — неожиданно показались плоскими и бесцветными, словно нарисованные углём на бумаге контуры.

Просвещённая Халлана обняла Йяду и вложила ей в руку письмо.

— Нам нужно как можно быстрее отправиться в дорогу, иначе мы не доберёмся домой до темноты, — сказала волшебница девушке. — Я бы предпочла вместо этого сопровождать тебя, но… Всё это очень меня беспокоит, особенно… — Кивком головы она указала на Ингри, явно имея в виду заклятие, которое было на него наложено, и тот согласно кивнул. — Тут следует разбираться храму, даже не говоря о… ну, не важно. Да сохранят тебя в пути пять богов! Это письмо к главе моего ордена в Истхоме: я прошу его обратить

внимание на всё связанное с обвинением. Если повезёт, он продолжит с того места, где я вынуждена остановиться. — Халлана снова без особого доверия посмотрела на Ингри. — Я поручаю вам, милорд, позаботиться о том, чтобы письмо попало по назначению. И никуда больше.

Ингри махнул рукой, выражая неуверенное согласие, и губы Халланы сжались ещё сильнее. Будучи доверенным агентом Хетвара, Ингри знал, как вскрывать письма, не оставляя следов, и сейчас он был уверен: волшебница догадывается, что ему известны эти шпионские уловки. Однако Бастард — божественный покровитель шпионов, и у его жрицы наверняка найдётся козырь в рукаве. И к помощи какого из своих священных орденов она намерена прибегнуть? Во всяком случае, если Халлана и обеспечила своему письму магическую защиту, новые способности Ингри не позволяли ему её обнаружить.

— Просвещённая… — Голос Йяды неожиданно прозвучал тихо и неуверенно.

«Просвещённая, а не дорогая Халлана», — отметил Ингри.

Херги уже протянула руку, чтобы открыть дверь перед своей хозяйкой, и теперь недовольно нахмурилась, когда Халлана снова повернулась

к девушке.

— Да, дитя?

— Нет… ничего. Пустяки. Это просто глупость с моей стороны…

— Позволь мне самой судить об этом. — Халлана опустилась в кресло и ободряюще кивнула головой.

— Мне этой ночью приснился очень странный сон. — Йяда нервно стала прохаживаться по комнате, потом села на скамью у окна. — Новый.

— Странный?

— Необыкновенно живой. Я сразу вспомнила его утром, когда проснулась, а все остальные сновидения изгладились из памяти.

— Продолжай. — Лицо Халланы казалось высеченным из камня: с таким вниманием она слушала Йяду.

— Он был очень короткий: что-то вроде видения. Мне казалось, я вижу… не знаю, как сказать… посланца смерти в виде жеребца. Он был чёрный как уголь, без единого пятнышка или отблеска света на шкуре, с раздувающимися красными ноздрями, из которых шёл дым, с огненными гривой и хвостом. Жеребец скакал галопом, но очень медленно. От его копыт летели искры, а пылающие отпечатки подков превращали всё во-

круг в пепел. И вообще кругом клубился пепел… Всадник был так же чёрен, как и конь.

— Хм-м… Кто ехал на коне — мужчина или женщина?

Йяда нахмурила брови.

— Этот вопрос кажется почему-то неправильным. Ноги всадника переходили в рёбра коня, словно их тела были одним целым. В левой руке всадник держал цепь и вёл на привязи огромного волка.

Брови Халланы поползли вверх, и она посмотрела на Ингри.

— Ты узнала этого… именно этого волка?

— Я не уверена. Может быть. Волк был чёрным с оловянным отливом, совсем как… — Голос Йяды стих, потом снова окреп. — Во сне по крайней мере он показался мне знакомым. — Карие глаза Йяды скользнули по Ингри, и их задумчивое выражение смутило его. — Только на этот раз он был волком целиком. На нём был ошейник с шипами, и шипы были обращены внутрь и впивались в шею. С его морды капала кровь, превращая пепел в лужицы чёрной грязи. Потом пепел забил мне глаза и рот, и больше я ничего не видела.

Просвещённая Халлана надула губы.

— Да, дитя, действительно, живой сон… Я долж-

на буду всё обдумать.

— Ты предполагаешь, что он может быть вещим? Может быть, это просто следствие… — Йяда обвела рукой комнату, напоминая о странных событиях прошлого вечера, и искоса взглянула на Ингри сквозь ресницы.

— Вещие сны, — наставительно проговорила Халлана, — могут быть пророческими, содержать предостережение или указание. Как тебе кажется, твой сон из таких?

— Нет. Он был совсем кратким — я уже об этом говорила. Правда, очень напряжённым…

— Что ты чувствовала? Не когда уже проснулась, а во время сновидения? Ты боялась?

— Не то чтобы боялась… Во всяком случае, не за себя. Скорее я испытывала ярость… досаду. Я как будто пыталась догнать кого-то и не могла.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Потом Йяда спросила:

— Просвещённая… что мне делать?

Халлана, чьи мысли явно были очень далеко, заставила себя улыбнуться.

— Ну, молитва никогда не помешает.

— Разве это ответ на мой вопрос?

— В твоём случае, возможно, как раз ответ. Твой сон не кажется мне утешением.

Йяда потёрла лоб, словно у неё болела голова.

— Не хотела бы я ещё увидеть подобные сны.

Ингри тоже хотелось спросить: «Просвещённая, что мне делать?» — но какой ответ, в конце концов, мог он от неё услышать? Оставаться на месте? Но если он не явится в Истхом, Истхом явится к нему, со всеми положенными церемониями. Ехать дальше, как предписывает ему долг? Ни одна жрица храма не могла бы дать ему иного совета. Бежать и заставить Йяду бежать? Согласится ли она? Он однажды, в лесу у реки, уже предлагал ей это, и она вполне разумно отказалась. Но что, если организовать всё более ловко: ночью и так, чтобы никто не догадался, кто обеспечил ей коня, деньги, одежду… охрану?

«Об этом нужно будет ещё поговорить».

А может быть, можно поручить её покровительству жрицы, её подруги, — тайком переправить в Сатлиф? Будь такое убежище доступным, Халлана наверняка уже предложила бы… Готовые сорваться с языка слова Ингри превратил в кашель, опасаясь, что получит указание удалиться и молиться.

Херги помогла своей госпоже подняться из кресла.

— Да будет твоё путешествие благополучным,

просвещённая, — сказала Йяда, криво улыбнувшись. — Мне очень не хотелось бы думать, что из-за меня ты подвергаешься опасности.

— Не из-за тебя, дорогая, — рассеянно ответила Халлана. — Или по крайней мере не из-за тебя одной. Всё это оказалось гораздо более сложным, чем я ожидала. Мне необходимо посоветоваться с моим дорогим Освином. У него такой логический ум.

— Освином? — переспросила Йяда.

— Моим супругом.

— Погоди, — глаза Йяды сделались круглыми от изумления, — это ведь не тот… не тот Освин? Наш Освин, просвещённый Освин из пограничной крепости? Тот надутый сухарь? С руками и ногами, как палки, и шеей, как у цапли, проглотившей лягушку?

— Тот самый. — Супругу Освина ничуть не смутило такое нелестное описание; выражение её лица смягчилось. — Уверяю тебя, с возрастом он исправился. И он теперь почти лысый. И я тоже… ну, надеюсь, я тоже немножко исправилась.

— Ну и чудеса творятся на свете! Не верю своим ушам! Ведь вы же непрерывно спорили и ссорились!

— Только по поводу теологии, — мягко воз-

разила Халлана. — Понимаешь, нам обоим это очень важно. Ну… Всё-таки по большей части мы расходились во мнениях насчёт богов. — Губы волшебницы дрогнули от какого-то невысказанного вслух воспоминания. — И раз мы разделяли одну страсть, со временем за ней последовали и другие. Освин отправился за мной в Вилд, когда срок его службы в храме закончился, — я ещё сказала ему, что он делает это, чтобы оставить за собой последнее слово. Таких попыток он не оставляет до сих пор. Освин теперь преподаёт в семинарии, а что касается споров — они для него величайшее блаженство. Я поступила бы жестоко, если бы лишила его такой возможности.

— Просвещённый господин здорово управляется со словами, — подтвердила Херги, — и мне представить страшно, что он мне скажет, если я не доставлю вас домой в целости и сохранности, как обещала.

— Да, да, дорогая Херги. — Улыбаясь, волшебница наконец заковыляла из комнаты под бдительным присмотром служанки. Проходя мимо, Херги одобрительно кивнула Ингри — благодаря его если не за содействие, то по крайней мере за молчание.

Ингри взглянул на Йяду: на лице девушки, смот-

ревшей вслед подруге, было написано раскаяние. Йяда поймала его взгляд и грустно улыбнулась. Чувствуя странную теплоту, Ингри улыбнулся ей в ответ.

— Ох! — вскрикнула Йяда, невольно поднося руку к губам.

— Что такое? — озадаченно поинтересовался Ингри.

— Вы умеете улыбаться! — Судя по её тону, это было таким же чудом, как если бы Ингри вдруг отрастил крылья и взлетел к потолку. Ингри даже поднял глаза, представив себе такую картину. Крылатый волк? Ингри потряс головой, чтобы прогнать глупую мысль, но это вызвало только головокружение. Может быть, и хорошо, что Херги увезла с собой ту бутылку…

Йяда подошла к окну, выходившему на улицу, и Ингри присоединился к ней. Вместе они смотрели, как Херги осторожно сажает свою госпожу в починенную тележку под бдительным присмотром Бернана. Грум — или кузнец, или кто бы он ни был — взялся за вожжи, щёлкнул языком, и приземистые лошадки потрусили по улице и свернули за угол. Дуэнья начала возиться с седельными сумками, распаковывая вещи, приготовленные в дорогу, но, как и гроб Болесо, не

погруженные из-за приказа Ингри задержаться на день.

Он стоял очень близко от Йяды, глядя через её плечо, — так близко, что мог бы коснуться нежной кожи там, где из сетки выбилось несколько прядей волос. Йяда не отодвинулась, хотя, оглянувшись, оказалась лицом к лицу с Ингри. В её взгляде не было ни страха, ни отвращения; только пристальное внимание.

И это при том, что она видела не только чудовище, рождённое заклятием, но и его волка; его скверна, его способность к насилию были теперь для Йяды не сплетней, не слухом, а непосредственно пережитым опытом. Который невозможно отрицать…

«Она и не отрицает. Так почему же она не отшатывается в ужасе?»

Ингри чувствовал растерянность. Ведь всё можно повернуть наоборот: как он-то сам относится к её леопарду? Он видел его — в той странной реальности — так же отчётливо, как она видела его компаньона-волка. Логически рассуждая, она осквернена так же, как и он. И тем не менее ночью ей являлся бог, и лёгкого касания его плаща было достаточно, чтобы вызвать восторженное возбуждение… Все теологические

теории, которые жрецы храма вдалбливали в упирающегося подростка-Ингри, таяли как снег под безжалостными лучами какого-то великого Факта, маячившего где-то на границе рассудка Ингри. Зверь Йяды был ослепительно прекрасен. Ужас, похоже, обрёл новый, очаровывающий оттенок, о чём Ингри никогда и не подозревал.

— Лорд Ингри, — заговорила Йяда, и её тихий голос взволновал кровь Ингри, — я хотела бы последовать совету просвещённой Халланы и вознести молитвы в храме. — Девушка бросила настороженный взгляд на дуэнью. — Без помех.

Мысли Ингри едва ли не со скрипом пришли в движение. Отвести пленницу в храм, оставив компаньонку в гостинице, было замечательной возможностью: в этот час храм будет безлюден, и они смогут поговорить, не скрываясь и в то же время наедине.

— Никто не удивится, если я провожу вас в храм, леди, молить богов о милосердии.

Губы девушки дрогнули.

— Скажите лучше о правосудии, и я соглашусь с вами.

Ингри отодвинулся от Йяды и согласно кивнул. Предоставив дуэнье освобождение от её обязанностей на час, Ингри следом за леди Йя-

дой вышел из гостиницы. Осторожно ступив на мокрый булыжник, девушка взяла Ингри под руку и двинулась по улице, не глядя на спутника. Вскоре перед ними вырос храм, выстроенный из местного серого камня, — типичный образец основательности времён царствования внука великого Аудара; впрочем, вскоре дартаканские завоеватели показали, что и они способны пасть жертвами кровавых междоусобиц.

Ингри и Йяда вошли через кованые ворота в обнесённый высокой стеной двор и оказались перед величественным портиком. Внутренность храма после яркого утреннего солнца казалась сумрачной и холодной; только узкие полосы света падали вниз через круглые окна, расположенные под потолком. Три или четыре коленопреклонённые или распростёртые фигуры виднелись перед алтарём Матери. Ингри почувствовал, как на мгновение напряглась рука леди Йяды: девушка сквозь арку бросила взгляд на установленный в зале Отца гроб Болесо, накрытый богато расшитым покрывалом; рядом с ним стоял караул из солдат городской стражи. Однако в этот час залы Дочери и Сына были безлюдны, и Йяда решительно направилась к алтарю Сына.

Девушка грациозно опустилась на колени;

Ингри последовал её примеру, хотя и далеко не с изяществом. Камень пола был таким жёстким и холодным… Йяда молча смотрела вверх. Какую молитву возносит она Сыну?

— Что, — тихо начал Ингри, — случится с вами, как вы думаете, по прибытии в Истхом? Что вы намерены делать?

Йяда искоса, не поворачивая головы, взглянула на Ингри. Таким же тихим голосом она ответила:

— Думаю, что меня допросят королевские судьи или храмовые следователи, а скорее всего и те, и другие. Не сомневаюсь, что жрецы проявят интерес, особенно после последних событий и письма просвещённой Халланы. Я намерена говорить чистую правду, потому что это моя лучшая защита. — Губы Йяды искривила лёгкая улыбка. — К тому же, говорят, так легче всего запомнить собственные слова.

Ингри только вздохнул в ответ.

— Каким вы представляете себе Истхом?

— Ну… я там никогда не бывала, но мне всегда казалось, что это великолепный город. Самым роскошным, конечно, должен быть королевский дворец, но принцесса Фара столько рассказывала и о причалах на реке, о стекольных мастерских,

о школах при главном храме… и о Королевском колледже тоже. Дворцы, сады, лавки с модной одеждой, скриптории… Говорят, лучшие ювелиры и прочие ремесленники живут в столице. И ещё актёры разыгрывают представления — не только в дни священных праздников, но и для удовольствия знати в резиденциях вельмож.

Ингри решил испробовать другой подход.

— Случалось ли вам видеть, как стая стервятников кружит вокруг тела какого-нибудь крупного и опасного зверя — быка или медведя, — который умирает, но ещё жив? Большинство ждёт в сторонке, но некоторые подскакивают, вырывают клок и тут же убегают. По мере того как идёт время, любители падали придвигаются всё ближе, и вид этого стягивающегося кольца привлекает издалека родичей трупоедов, которые боятся упустить лакомый кусочек, когда наконец начнётся пиршество.

Леди Йяда с отвращением поморщилась и вопросительно взглянула на Ингри.

— И что?

Ингри позволил прозвучать в своём тихом голосе зловещей нотке:

— Сейчас Истхом очень похож на такую стаю. Скажите, леди Йяда, кто, по-вашему, будет избран

следующим священным королём?

Йяда заморгала.

— Мне кажется, принц-маршал Биаст. — Старший и более вменяемый брат Болесо в последнее время под руководством советников отца зарабатывал себе воинскую славу на северо-западной границе.

— Так думали очень многие, пока священного короля не поразила долгая болезнь, а теперь ещё и паралич. Если бы удар случился лет через пять, королю, по мнению Хетвара, удалось бы ещё при своей жизни добиться избрания Биаста. Или же если бы старик скончался скоропостижно — тогда Биаста удалось бы усадить на трон, воспользовавшись трауром, до того как оппозиция успела бы собраться с силами. Мало кто предвидел эту полужизнь-полусмерть, длящуюся месяцами и дающую возможность манёвра тёмным силам… впрочем, как и всем остальным. Люди стали задумываться, перешёптываться, испытывать искушение… — Священный король уже на протяжении пяти поколений избирался из представителей клана Стагхорнов, и другие кланы давно уже начали подумывать о том, что пришла их очередь занять престол.

— Кто же тогда?

— Если бы священный король скончался этой ночью, никто, даже хранитель печати Хетвар, не смог бы сказать, кого изберут на следующей неделе. А если уж этого не знает Хетвар, сомневаюсь, что кто-нибудь может что-нибудь предсказать с уверенностью. Однако, судя по тому, какие ходили слухи и кому вручались взятки, Хетвар полагал, что свою кандидатуру может неожиданно выставить Болесо.

Брови Йяды изумлённо поднялись.

— Это был бы никуда не годный кандидат!

— Глупый и управляемый, да, а значит, с точки зрения некоторых, идеальный. Я лично думаю, что эти люди недооценивали того, насколько опасным стало его сумасбродство, и пожалели бы, если бы добились своего. Так я думал ещё до того, как узнал, что в эту гремучую смесь добавилась и магия. — Ингри нахмурился. Уж не знал ли Хетвар о нечестивых развлечениях принца? — По крайней мере хранитель печати был достаточно обеспокоен, чтобы поручить мне доставить сто тысяч крон выборщику — старшему настоятелю храма в Уотерпике, — рассчитывая, что тот проголосует в пользу Биаста. Его преосвященство поблагодарил меня, как мне показалось, довольно двусмысленно.

— Хранитель печати подкупил старшего настоятеля!

Наивное изумление в голосе Йяды заставило Ингри поморщиться.

— Единственное, что в такой сделке было необычным, — это моё участие. Хетвар чаще пользуется моими услугами, чтобы передать угрозу. Тут у меня не много соперников. Я получаю особенно большое удовольствие, когда в ответ меня пытаются подкупить или припугнуть. Одно из немногих доступных мне развлечений — позволить устроить западню, а потом… разочаровать. Думаю, что, послав меня, Хетвар преследовал двоякую цель — по крайней мере настоятель очень нервничал. Этот факт Хетвар явно собирается использовать… ну, для чего он вообще использует такие вещи.

— Хранитель печати поверяет вам свои секреты?

— Иногда поверяет. Иногда нет. — «Как вот теперь, например». — Он знает, что у меня любознательный ум, и скармливает мне иногда лакомые кусочки. Но я не выпрашиваю их — иначе не получу ничего. — Ингри сделал глубокий вдох. — Ладно… Раз вы не восприняли мои намёки, позвольте мне высказаться прямо. Там, в

замке, вы не просто защищали свою добродетель, и вы не просто нанесли обиду царствующему роду Стагхорнов, превратив смерть одного из его членов в публичный скандал. Вы разрушили политическую схему, которая кому-то стоила сотен тысяч крон и многих месяцев тайных приготовлений, и к тому же угрожаете сделать общим достоянием вину принца в незаконной магии самого опасного вида. Из того, что на меня было наложено заклятие, я делаю вывод, что в Истхоме имеется могущественная личность — или целая группа, — которой вовсе не хочется, чтобы вы кому бы то ни было сообщили правду о Болесо. Их попытка тайно разделаться с вами не удалась. Предполагаю, что следующая попытка будет не столь тайной. Уж не воображали ли вы, что будете героически разоблачать зло перед судьёй или следователем столь же мужественным и честным, как вы сами? Может быть, такие люди и существуют, не знаю; но одно могу вам гарантировать: вы будете иметь дело только с придворными совсем другого сорта.

Ингри, следивший краем глаза за леди Йядой, заметил, как гордо приподнялся её подбородок.

— Меня это… возмущает, — заключил Ингри. — Я отказываюсь быть участником расправы. Я

могу организовать ваше бегство — по торной дороге, с деньгами и без опасности повстречаться с голодным медведем. Сегодня ночью, если пожелаете. — Ну вот: его готовность изменить своему долгу теперь высказана вслух. Йяда всё ещё молчала, и Ингри мрачно смотрел в пол.

Когда девушка заговорила, её тихий голос вибрировал от с трудом сдерживаемых чувств.

— Какой удобный выход! Так вам не придётся никому противодействовать, не придётся ради собственной чести разглашать опасные истины. Для вас всё будет идти так же, как раньше.

Ингри резко поднял голову и увидел, как побледнела Йяда.

— Едва ли, — процедил он. — У меня на спине теперь тоже нарисована мишень. — Его губы раздвинулись в улыбке, от которой обычно шарахались даже смелые мужчины.

— И это доставляет вам удовольствие?

Ингри задумался.

— Во всяком случае, пробуждает интерес.

Йяда забарабанила пальцами по камню пола. Звук оказался похож на клацанье когтей.

— Ну, с политикой мы разобрались. А как насчёт теологии?

— А что?

— Ингри, рядом со мной прошёл бог! Почему так случилось?

Ингри открыл рот, но так и не нашёл, что ответить.

Йяда продолжала всё тем же яростным шёпотом:

— Всю свою жизнь я молилась, и все мои молитвы оставались без ответа. Я уже почти перестала верить в богов, а когда верила, то только проклинала их равнодушие. Они предали моего отца, который верно им служил. Они предали мою мать — или оказались бессильны, а это ещё хуже. И если бог прошёл рядом со мной, то ведь пришёл он не ради меня! Как это сочетается с вашими расчётами?

— Высокая придворная политика, — медленно проговорил Ингри, — самая безбожная из известных мне вещей. Если вы намерены явиться в Истхом, вы выбираете смерть. Мученичество, может быть, и великолепно, но самоубийство — это грех.

— А что ждёт в Истхоме вас, лорд Ингри?

— Мой патрон — сам хранитель печати. — «По крайней мере я надеюсь». — У вас не будет никого.

— Не может быть, чтобы все жрецы в Истхо-

ме были развращены. И есть ещё родичи моей матери.

— Граф Баджербанк был на том совещании, где обсуждалось моё поручение. Вы так уверены, что он явился туда ради вас? Сомневаюсь.

Йяда подобрала юбки, чтобы не касаться ими Ингри.

— Теперь, — объявила она, — я буду молить богов указать мне путь. Лучше, если вы помолчите. — Девушка распростёрлась на полу в позе глубочайшего смирения, раскинув руки и отвернувшись от Ингри.

Ингри тоже улёгся и стал смотреть в потолок, чувствуя гнев, головокружение и боль. Действие снадобья Херги заканчивалось. Его печальные и далёкие от благочестия мысли начали путаться. Ингри позволил своим усталым глазам закрыться.

Через какой-то неопределённый отрезок времени голос Йяды ехидно поинтересовался:

— Вы молитесь или спите? И чем бы вы ни были заняты, не пора ли закончить?

Ингри открыл глаза и обнаружил, что Йяда стоит над ним. Значит, он задремал, раз не слышал, как она поднялась.

— Я в вашем распоряжении, леди. — Ингри

попытался сесть, с трудом подавил стон и снова осторожно опустился на пол.

— Угу… Что ж, я не удивлена, знаете ли. Вы хоть взглянули потом на то, что сделали с теми бедными цепями? — Леди Йяда со вздохом протянула Ингри руку. Удивляясь силе девушки, он обхватил её запястье обеими руками; Йяда откинулась назад, как моряк, вытягивающий якорь, и Ингри, шатаясь, поднялся.

Когда они вышли из-под портика на осеннее солнце, Ингри поинтересовался:

— И какое же указание вы получили в ответ на свои молитвы, леди?

Йяда закусила губу.

— Никакого. Впрочем, мои мысли пришли в больший порядок, так что по крайней мере такую пользу спокойная медитация мне принесла. — Брошенный на него искоса взгляд показался Ингри загадочным. — Ну, в некоторый порядок… Просто я… я не могу перестать думать о…

Ингри вопросительно хмыкнул.

— Я никак не могу поверить, что Халлана вышла замуж за Освина! — завершила фразу Йяда.

В зале гостиницы они обнаружили дуэнью, сидящую за одним столом с рыцарем Геской. Наклонившись друг к другу, они что-то обсуждали;

перед ними стояли пивные кружки и тарелки с хлебными крошками, сырными корками и огрызками яблок. Прогулка под тёплыми солнечными лучами пошла на пользу мускулам Ингри, и он надеялся, что входит в зал твёрдыми шагами, а не хромает на обе ноги. При виде Ингри дуэнья и Геска подняли головы и умолкли.

— Геска, — спросил Ингри, вспомнивший, что ещё не завтракал, — как здесь кормят?

— Сыр превосходный, но пиво лучше не пить — оно прокисло.

Йяда широко раскрыла глаза, но от комментариев воздержалась.

— Ах… Спасибо, что предупредил. — Ингри наклонился и взял последнюю хлебную корочку с тарелки. — И о чём же вы двое тут беседуете?

На лице дуэньи отразился испуг, но Геска с некоторым вызовом ответил:

— Я рассказываю всякие истории про лорда Ингри.

— Истории про лорда Ингри? — спросила Йяда. — И много их?

Ингри с трудом удержался, чтобы не поморщиться.

Обрадованный интересом слушателей, Геска ухмыльнулся:

— Я как раз собрался рассказать, как на свиту Хетвара напали разбойники в Алденнском лесу, когда хранитель печати возвращался из Дартаки, и как он стал приближённым Хетвара. В конце концов, это ведь я дал хранителю печати добрый совет.

— Вот как? — пробормотал Ингри, пытаясь определить, чем вызвана нервная болтовня Гески.

— У нас был большой отряд, — продолжал Геска, обращаясь к женщинам, — и мы были хорошо вооружены, но напала на нас банда разбойников, которых в лесу собралось сотни две, — уволенных из армии солдат, дезертиров, бродяг. Они уже давно опустошали окрестности, а наш отряд показался им достаточно богатым, чтобы решиться напасть. Я сидел как раз позади Ингри в фургоне, когда началась схватка. Ну, разбойники скоро обнаружили, какую ошибку совершили. Поразительное владение мечом!

— Я не такой уж умелый воин. Это разбойники никуда не годились.

— Я не сказал «умелое» — я сказал «поразительное». Я повидал мастеров фехтования, и ни вы, ни я к ним не относимся. Но эти ваши приёмы… они не должны были сработать, а вот поди ж ты…

Когда стало ясно, что никто не может справиться с вами, если вам хватает места, чтобы взмахнуть мечом, один из разбойников — настоящий медведь — попытался схватиться врукопашную. Я был тогда футах в пятнадцати от вас, да мне и приходилось решать собственные проблемы, а всё же я разглядел: вы подкинули меч в воздух, ухватили разбойника за голову, сломали ему шею, подхватили падающий меч и зарубили головореза, кинувшегося на вас сзади, — и всё одним движением.

Ингри не сохранил воспоминаний об этом эпизоде, хотя схватку с разбойниками, конечно, помнил… по крайней мере её начало и конец.

— Геска, ты выдумываешь истории, чтобы похвастаться перед дамами. — Геска был лет на десять старше Ингри, и, возможно, немолодая дуэнья показалась ему подходящим объектом для заигрываний.

— Ха! Если бы я вздумал хвастаться, я рассказывал бы про себя! Ну так вот: увидев такое, остальные разбойники разбежались. Тех, кто бежал недостаточно быстро, вы уложили… — Геска умолк, не докончив рассказа, и Ингри неожиданно догадался почему: когда он пришёл в себя после схватки, оказалось, что он методически

приканчивает раненых. Руки у него были по локоть в крови… Побледневший Геска тогда схватил его за плечи и вскричал: «Ингри! Ради Отца, пощадите хоть некоторых, чтобы их можно было отправить на виселицу!» Ингри не то чтобы забыл… он просто избегал этих воспоминаний.

Чтобы замаскировать своё смущение, Геска отхлебнул пива, слишком поздно вспомнил, каково оно на вкус, и был вынужден проглотить мерзкое пойло. Скривившись, он вытер губы.

— Вот тогда-то я и порекомендовал Хетвару нанять вас на постоянную службу. Мои резоны были чисто эгоистическими: я хотел сделать так, чтобы вы никогда не оказались моим противником в схватке. — Геска улыбнулся Ингри, но глаза его остались серьёзными.

Ответная улыбка Ингри получилась такой же натянутой.

«Хитришь, Геска? Как это на тебя непохоже… И что ты пытаешься мне сообщить?»

Головная боль — результат удара о камень при переправе — возобновилась. Ингри решил, что лучше ему вернуться в собственную гостиницу и позавтракать там. Призвав дуэнью к выполнению долга и велев женщинам запереться в своей комнате, Ингри удалился.

Глава 7

Поев в общем зале своей гостиницы, Ингри поднялся в свою комнату и рухнул на постель. Он уже на сутки с лишним опаздывал с выполнением предписания ридмерской целительницы: отлежаться после удара по голове, — и теперь в душе смиренно перед ней повинился. Однако как бы плохо он себя ни чувствовал, уснуть Ингри не мог.

Какой прок строить планы организации тайного бегства Йяды под покровом ночи, если сама она отказывается бежать? Необходимо её принудить! Разве не грозит ей смерть на костре, если станет известно о поселившемся в ней духе леопарда? Ингри представил себе языки пламени, вздымающиеся вокруг её тела, их яростные оранжевые ласки, пылающее пропитанное маслом платье — так всегда одевают жертв, чтобы ускорить их конец… или судороги тела повешенной на дубовой перекладине виселицы Йяды — злобную и бессмысленную пародию на жертвоприношение Древнего Вилда. Может быть, королевские палачи повесят её, как её леопарда, на шёлковом шнуре, чтобы почтить её высокое происхож-

дение? Хотя, как приходилось слышать Ингри, лесные племена не были знакомы с шёлком и вешали своих высокородных женщин на верёвке, свитой из блестящих волокон крапивы.

«Нужно найти себе другой предмет для размышлений…» Однако мысли Ингри отказывались покинуть этот мрачный замкнутый круг.

Сначала это были вестники, посланные к богам, — добровольные жертвы Древнего Вилда. Священные посланники, которые должны были доставить молитвы прямо на небеса в суровый час великой нужды, когда все обычные слова молящихся, казалось, падали в пустоту и растворялись в бесконечном молчании.

«Как это случилось с моими молитвами».

Но потом, под длящимся на протяжении нескольких поколений напором на восточной границе, племена стали испытывать настоящий ужас. Битвы проигрывались, земли приходилось уступать; горести росли и мудрость слабела; в те дни, полные отчаяния, героических добровольцев становилось всё меньше, и качество стали заменять количеством.

Сначала в жертву приносили тех, кто не очень жаждал такой чести, потом — тех, кто вовсе её не желал; под самый конец жертвами станови-

лись пленные солдаты, заложники, захваченные маркитантки, а то и хуже. Священные деревья несли на себе небывалый урожай. Как гласили страшные рассказы квинтарианских жрецов, это были дети — вражеские дети.

«Какой помрачённый ум способен назвать врагом испуганного ребёнка?»

Под конец, возможно, маги древних лесных племён задумались о том, что же за молитвы несли богам в своих кровоточащих сердцах эти нескончаемые жертвы…

«Проклятие, неужели нельзя подумать о чём-нибудь полезном!»

Резкие слова Йяды, сказанные в храме, впивались, казалось, в кожу Ингри, как жалящие насекомые.

«Вам не придётся никому противодействовать, не придётся ради собственной чести разглашать опасные истины…»

Священное Семейство, какой властью, по мнению этой глупой девчонки, он обладает в Истхоме? Его самого не трогают из милости, благодаря ограждающей руке Хетвара. Ингри, конечно, придаёт этой руке определённую силу, да, но это же можно сказать о любом другом гвардейце хранителя печати; может быть, Хетвар

и ценит те уникальные возможности, которые несёт в себе сверхъестественный дар Ингри, но в сплетаемой хранителем печати политической сети Ингри — далеко не главная нить. Ингри никогда не был источником милостей, а потому сейчас ему не к кому было бы обратиться. Если у него и были возможности спасти или оправдать Йяду, они, несомненно, иссякнут, как только они минуют городские ворота.

Мысли Ингри становились всё более мрачными, как он с отвращением отметил, но выхода он так и не мог придумать. В конце концов Ингри задремал. Сон не принёс ему облегчения, однако это было всё-таки лучше, чем продолжать беспокойно ворочаться на постели.

Ингри проснулся, когда осеннее солнце скрылось за крышами, и отправился в гостиницу Йяды, чтобы проводить девушку в храм на вечернюю молитву.

При виде его Йяда, подняв бровь, протянула:

— Что-то вы вдруг сделались благочестивы, — но, глянув на его страдальческое лицо, смягчилась и позволила снова отвести себя в храм.

Когда оба они преклонили колени перед алтарём Брата — залы Матери и Дочери снова были полны молящихся, — Ингри тихо произнёс:

— Выслушайте меня. Я должен решить, едем ли мы завтра дальше или остаёмся здесь ещё на день. Вы не можете просто подставить шею палачу, не имея никакого плана, не попытавшись даже добросить до берега верёвку — иначе эта верёвка сделается той самой, на которой вас повесят, а меня сводит с ума мысль о том, что вас принесут в жертву, как принесли вашего леопарда. Как мне кажется, вам обоим этого должно было хватить.

— Ингри, подумайте как следует! — так же тихо ответила Йяда. — Даже если предположить, что мне удастся скрыться, куда мне идти? Родичи моей матери не станут меня прятать, а бедный мой отчим слишком слаб, чтобы бороться с высокородными противниками; кроме того, в его доме в первую очередь и станут меня искать. А иначе… Женщина, никому не известная, без сопровождающих — я сразу покажусь подозрительной, стану удобной добычей для любого злоумышленника. — Похоже, Йяда тоже обдумала положение.

Ингри сделал глубокий вдох.

— А если с вами поеду я?

Последовало долгое молчание. Искоса бросив взгляд на девушку, Ингри заметил, что она замерла, глядя перед собой широко раскрытыми глазами.

— Вы готовы на такое? Изменить своему долгу, своим товарищам по оружию?

Ингри стиснул зубы.

— Возможно.

— Но даже и в этом случае — куда мы направимся? Ваши родичи тоже, я думаю, нас не примут.

— Я ни при каких обстоятельствах не вернусь в Бирчгров. Нет. Нам придётся вообще покинуть Вилд, перебраться через границу — может быть, в Альвианскую лигу или в Кантоны через северные горы. А может быть, в Дартаку. Я по крайней мере говорю и пишу на дартакане.

— А я нет. Я стану вашей бессловесной… кем? Обузой, служанкой, любовницей?

Ингри покраснел.

— Мы могли бы выдать вас за мою сестру. Готов поклясться, что буду обходиться с вами с почтением. Я не трону вас.

— До чего же трогательно! — Губы Йяды сжались в тонкую линию.

Ингри помолчал, чувствуя себя, как человек, пересекающий реку по льду, когда слышит под ногами первый тихий треск.

«Что, по её мнению, должны означать эти слова?»

— Как я понимаю, ибранский был родным язы-

ком вашего отца. Вы им владеете?

— Немного. А вы?

— Тоже немного. Тогда мы могли бы отправиться на Полуостров — в Шалион, Ибру или Браджар. В этом случае вы не были бы бессловесны. — К тому же, как слышал Ингри, там всегда нашлась бы работа для солдата — пограничные стычки с еретическими прибрежными княжествами, исповедующими четырёхбожие, никогда не прекращались, а потому наёмникам не задавали вопросов: лишь бы они были квинтарианцами.

Йяда снова вздохнула.

— Я сегодня целый день думала о том, что сказала Халлана.

— О чём именно? Она говорила так много…

— Значит, нужно обратить внимание на то, о чём она умолчала.

Эти слова так сильно напомнили Ингри любимое изречение лорда Хетвара, что он вздрогнул.

— А разве такое было?

— Она сказала, что отправилась искать меня — в момент, крайне для неё неудобный и даже, может быть, опасный — по двум причинам: потому что до неё дошли слухи и «из-за снов, конечно». Только Халлана могла упомянуть о второй причине между прочим. То, что мне

снились странные сны, кошмары почти такие же пугающие, как и моя жизнь наяву, я считаю результатом страха, усталости и… дара, который я получила по милости Болесо. — Йяда облизнула губы. — Но почему Халлане начала сниться я и мои злоключения? Она — до мозга костей жрица, совсем не еретичка, хоть и прокладывает свой собственный путь в теологии… Она говорила с вами о своих снах?

— Нет. Но я и не подумал спросить.

— Халлана задавала много вопросов, делала свои выводы, наблюдая за нами, но мне никаких указаний не дала. Это ведь тоже умолчание. Всё, что в конце концов я от неё получила, — это письмо. — Йяда коснулась вышитого жакета на груди. Ингри показалось, что он слышит хруст бумаги из какого-то внутреннего кармана. — По-видимому, она ожидает, что я передам его адресату. Поскольку письмо — единственная надежда, которую она мне дала, мне совсем не хотелось бы подвергать его непредсказуемым опасностям бегства с… с человеком, которого я впервые увидела четыре дня назад. — Йяда помолчала. — Особенно в роли вашей сестрёнки, да помилуют меня пять богов!

Ингри не понял, что так обидело девушку в его предложении, но что она отказывается от

бегства, было ясно. Он тяжело бросил:

— Значит, завтра мы продолжаем путь в столицу, сопровождая гроб Болесо. — Это даст ему ещё дня три для того, чтобы придумать новые доводы или новый план, — чем не занятие для бессонных ночей…

«Какой уж там сон!»

Ингри проводил Йяду сквозь сгущающиеся сумерки в её гостиницу и передал на попечение дуэньи. Та теперь смотрела на него с откровенным подозрением, хотя от вопросов воздерживалась. Возвращаясь к себе, Ингри размышлял о том, не следует ли ему быть более внимательным к тому, о чём умалчивает Йяда. Таких моментов определённо хватало.

Подойдя к своей гостинице, Ингри заметил, как от стены отделилась тёмная фигура. Рука Ингри легла на рукоять меча, но тут человек вышел на свет от фонаря, и Ингри узнал Геску. Лейтенант поклонился и сказал:

— Пройдитесь со мной, Ингри. Я хотел бы сказать вам словечко наедине.

Брови Ингри поползли вверх, но он охотно повернул в сторону городской площади. Шаги двоих мужчин по булыжнику отдавались эхом; Ингри и Геска свернули на улицу, ведущую к воротам,

потом уселись на скамью под навесом у колодца. Мимо них прошла служанка с двумя полными вёдрами на коромысле; по улице направлялась домой семья — женщина несла фонарь, а мужчина на плече — маленького мальчика. Малыш вцепился ручонками в волосы отца, и тот, смеясь, пытался освободиться. Увидев у колодца двоих вооружённых воинов, мужчина насторожился, но ленивые позы Ингри и Гески успокоили его, и семейство поспешило дальше. Вскоре шаги смолкли вдалеке.

Молчание затягивалось. Геска смущённо барабанил пальцами по скамье.

— Что-нибудь не в порядке в отряде? — решил помочь ему Ингри. — Или сложности с людьми Болесо?

— Хм-м… — Геска решительно расправил плечи. — Может, вы мне скажете… — Он снова заколебался, закусил губу, потом отрывисто бросил: — Уж не влюбились ли вы в эту проклятую девчонку, Ингри?

Ингри напрягся.

— Почему ты так решил?

В голосе Гески прозвучал лёгкий сарказм:

— Ну, если внимательно посмотреть на вещи… Что, в самом деле, могло бы навести на такую

мысль? Может быть, дело в том, что вы при любой возможности беседуете с ней наедине? Или в том, что вы нырнули за ней в воду, как сумасшедший? Ещё вот вас поймали полуодетым, когда вы в полночь пытались проскользнуть к ней в спальню. А уж голодное выражение ваших глаз, когда вы думаете, будто никто на вас не смотрит? Разве не от любви круги у вас под глазами делаются всё темнее? Да, признаю: только Ингри кин Волфклиф способен воспылать страстью к девице, которая раскалывает черепа своим любовникам! — Геска фыркнул. — Для вас это, понятно, не препятствие, а приманка.

— У тебя, — сказал Ингри холодно, — сложилось совершенно неверное представление. — Его охватили растерянность и страх: уж очень правдоподобной выглядела игривая интерпретация событий с точки зрения Гески… и к тому же подобный повод был бы весьма убедителен как прикрытие для смертоносного действия заклятия… Следом пришло ещё более пугающее подозрение: а так ли уж ошибается Геска? — Да и любовник был всего один.

— Что?

— Которому она раскроила голову. — После минутного размышления Ингри добавил: —

Впрочем, должен признать: хоть её охотничья добыча немногочисленна, зато очень весома. — Помолчав ещё мгновение, Ингри заключил: — В любом случае я ей не нравлюсь, так что твои опасения — чепуха.

— Ничего подобного. Она считает вас весьма привлекательным, хотя и мрачным.

— Откуда ты это взял? — Ингри стал поспешно перебирать события последних дней — разве Геска хоть раз разговаривал с пленницей?

— Она обсуждала вас с дуэньей… или дуэнья обсуждала вас с ней. Эта тётка любит поговорить, нужно только дать ей возможность. Со служительницами Матери такое случается.

— Со мной она не слишком разговорчива.

— Это потому, что вы её пугаете, а я нет. По крайней мере контраст в мою пользу — очень полезно, с моей точки зрения. Вам приходилось когда-нибудь подслушивать, как женщины говорят о мужчинах? Мужчины — примитивные хвастуны, когда заходит речь об их победах, но женщины… Я предпочёл бы живьём лечь под нож анатома Матери, чем выслушивать вещи, которые дамы изрекают в наш адрес, когда думают, будто никто другой их не слышит. — Геску передёрнуло.

Ингри с трудом удержался, чтобы не спросить: «А что ещё говорила обо мне Йяда?» До него только теперь дошло, что девушке нужно было чем-то заполнить бесконечные часы, которые она проводила взаперти с приставленной к ней женщиной, а пустая болтовня скрывает опасные секреты лучше, чем молчание. Ингри заставил себя равнодушным тоном поинтересоваться:

— Есть ли что-нибудь ещё, о чём мне следовало бы знать?

— Ну как же! — Геска заговорил фальцетом, подражая женскому голосу. — Леди полагает, что ваша улыбка неотразима!

Собственную улыбку Гески Ингри счёл издевательской ухмылкой. Однако то ли сумерки ещё не настолько сгустились, чтобы скрыть свирепый взгляд Ингри, то ли его глаза загорелись в темноте угрожающим огнём, но Геска быстро поднял руку и заговорил серьёзным тоном:

— Послушайте, Ингри, мне не хотелось бы, чтобы вы наделали глупостей. Перед вами карьера на службе у хранителя печати, о которой я и мечтать не могу, и тут играет роль не только знатное происхождение. Я, может быть, когда-нибудь дослужусь до капитана гвардии. Вы — человек образованный, владеете двумя языками, и Хетвар

разговаривает с вами как с равным — не только по крови, но и хитроумию — и ценит ваши советы. У меня, когда я вас слушаю, голова идёт кругом. Впрочем, я и не хотел бы ходить по дорожкам, которые суждены вам: у меня от высоты голова кружится. Но чего я не хотел бы ни в коем случае — это оказаться тем гвардейцем, которого пошлют вас арестовать.

Ингри немного смягчился.

— Что ж, это хорошо.

— Да.

— Мы выезжаем завтра на рассвете.

— Хорошо.

— Если я смогу натянуть сапоги.

— Я приду, чтобы помочь.

«А я отправлю эту любопытную сплетницу дуэнью обратно в Ридмер и найду на её место кого-нибудь другого… Или никого».

Женские пересуды и сами по себе раздражают, но что, если она начнёт болтать о странных событиях, сопровождавших визит Халланы?

«Что, если она уже распустила слухи?»

Ингри и Геска поднялись и двинулись обратно по еле освещённой улице. У дверей гостиницы Геска отсалютовал Ингри и отправился дальше, а Ингри задумчиво посмотрел ему вслед.

«Итак, Геска за мной следит».

Но с какой стати? Праздное — или злонамеренное — любопытство? Собственные интересы, как он говорит? Беспокойство за товарища по оружию? А если до него дошли странные слухи? Ингри подумал о том, что как бы ни скромничал Геска, притворяясь человеком необразованным, написать короткое сообщение вполне ему по силам. Фразы могут быть корявыми, выражения не слишком изысканными, грамматика хромающей, но практической цели — сообщить о своих наблюдениях — Геска достигнет.

И если перед Хетваром окажутся донесения обоих посланных — а такое было бы вполне в духе Хетвара, — то нежелание Ингри упомянуть о некоторых событиях окажется очень красноречивым.

Ингри выругался про себя и вошёл в гостиницу.

* * *

На следующий день осенние пейзажи проплывали мимо Ингри незамеченными: всё его внимание было поглощено Йядой, которая в сопровождении новой дуэньи — испуганной молодой служительницы ордена Дочери, кото-

рую настоятель храма в Реддайке оторвал от её обычных занятий учительницы в местной школе — ехала рядом с катафалком.

В момент отъезда Йяда улыбнулась Ингри, и он чуть не улыбнулся в ответ, но тут вспомнил о насмешках Гески, и лицо его застыло в такой странной гримасе, что Йяда сначала широко раскрыла глаза, а потом поспешно отъехала в сторону. Ингри пришпорил коня и занял место во главе отряда, чувствуя, что мышцы лица начинает сводить судорога.

Ингри удивлялся собственному безумству, посетившему его накануне в храме. Конечно, Йяда должна была отказаться от плана бегства, даже несмотря на грозящую ей в столице опасность, с человеком, который уже три раза пытался её убить. Или пять раз? Как только ему пришло в голову предложить девушке подобный выбор?

«Думай же, думай!»

Может быть, она согласится, если найти ей другого сопровождающего? Но где взять человека, которому можно было бы доверять? Возникшее у Ингри видение: он похищает леди Йяду и скачет прочь, перекинув её через седло — даже ему самому показалось чем-то совершенно бессмысленным. Он знал, что его волк может дать ему

необыкновенную силу, но на что способна Йяда с её леопардом, пусть она и женщина? Она уже прикончила Болесо — человека более физически сильного, чем Ингри, пусть на её стороне и была неожиданность нападения. Йяда сама от себя такого не ожидала, насколько Ингри понял… Если она пожелает воспротивиться Ингри… если он… если она… Эти странно захватывающие размышления были наконец прерваны воспоминанием о ещё одной шпильке Гески: «Для вас это приманка», — и Ингри нахмурился ещё сильнее.

«Да не влюблён я в неё ничуть, лопни твои глаза, Геска!

И вожделения не испытываю.

Почти».

Ничего такого, с чем он по крайней мере не мог бы справиться.

Остаток дня Ингри провёл, не улыбаясь Йяде, не глядя на неё, не разговаривая с ней и вообще никак не показывая, что замечает её присутствие. Такое поведение оказалось заразительным: Геска подъехал, собираясь что-то сказать, но, бросив единственный взгляд на Ингри, передумал и предусмотрительно переместился в другой конец колонны. Никто больше не пытался приблизиться к Ингри, а уж придворные Болесо шарахались

от одного его взгляда. Немногие приказания Ингри выполнялись с похвальной поспешностью.

Выехали из Реддайка они поздно и продвигались медленно: лошади почти всё время шли шагом. В результате ни до какого крупного города добраться не удалось и пришлось остановиться на ночь в Миддлтауне — захолустном городке, который тем не менее от Истхома отделяло меньше миль, чем Ингри хотелось бы. Он безжалостно отправил свиту Болесо ночевать вместе с их покойным господином в местный храм, а единственную гостиницу занял сам со своей пленницей, её дуэньей и гвардейцами Хетвара. В сумерки Ингри обошёл городские стены — из-за размера Миддлтауна прогулка оказалась совсем короткой. Нечего было и думать о том, чтобы сегодня уединиться с Йядой в храме: тесное строение было набито битком. Для следующего ночлега, решил Ингри, нужно будет выбрать город побольше. А ещё через день… но больше ночлегов не предвиделось.

Геска предпочёл улечься в общем зале гостиницы, лишь бы не делить комнату с Ингри, и тот рано отправился в постель, чтобы дать отдых своему израненному телу.

Планируя проделать не такой уж длинный

путь, Ингри на следующий день не стал требовать от своих людей особой спешки. Он ещё пил горький травяной чай в зале гостиницы, когда из своей комнаты в сопровождении новой дуэньи спустилась леди Йяда. На этот раз Ингри постарался ответить на её приветствие без гримас.

— Ваша комната была достаточно удобной? — с формальной вежливостью поинтересовался Ингри, искоса глянув на двоих гвардейцев, расположившихся за соседним столом.

— Да, удовлетворительной, — кивнула девушка. Её взгляд был хмурым, но Ингри счёл это гораздо предпочтительнее повергающей его в растерянность улыбки.

Ингри собрался было спросить о том, что Йяде снилось, но спохватился: эта тема могла оказаться далеко не нейтральной. Может быть, потом он отважится ехать некоторое время с ней рядом: леди Йяда была, несомненно, способна понять намёк и вести беседу так, чтобы чужие и скорее всего недружественные уши не уловили ничего подозрительного.

Стук копыт и звон сбруи заставили Ингри и Йяду повернуться к окну.

— Эй, хозяин! — прокричал хриплый голос, и трактирщик поспешил наружу встречать новых

гостей, по дороге отправив слугу в конюшню за грумами, которые должны были забрать лошадей прибывших господ.

Йяда насторожилась и следом за трактирщиком двинулась к двери. Ингри, допив содержимое своей кружки, последовал за ней; его левая рука по привычке легла на рукоять меча. На деревянное крыльцо они с Йядой вышли одновременно.

Перед гостиницей спешивались четверо вооружённых всадников. Один из них явно был слугой, ещё двое носили знакомые мундиры, а четвёртый… у Ингри от удивления перехватило дыхание. Удивление сменилось настоящим шоком.

Граф-выборщик Венсел кин Хорсривер медлил в седле, сжимая поводья затянутыми в перчатки руками. Молодой граф был довольно тщедушен; из-под тёмно-красного кожаного камзола выглядывала расшитая золотом туника. Широкий куний воротник скрывал увечье молодого человека, одно плечо которого было заметно выше другого. Русые волосы, тронутые преждевременной сединой, неровными спутанными прядями падали на плечи. У Венсела было длинное лицо с выступающим лбом, которое не казалось уродливым только благодаря блестящим про-

ницательным голубым глазам, которые в этот момент пристально смотрели на Ингри. Появление здесь этим ясным осенним утром графа оказалось, конечно, неожиданностью, но шок, который испытал Ингри, был вызван другим.

Отчасти это был запах, улавливаемый не обонянием, отчасти какая-то не воспринимаемая зрением тень, нечто, что делало присутствие Венсела неизмеримо более ощутимым, чем присутствие всех, кто находился поблизости. Запах казался немного кислым, как запах мочи, тёплым и сладким, как запах сена…

«В нём обитает дух животного!

Как и во мне…

А я раньше никогда этого не замечал».

Ингри резко повернул голову и взглянул на Йяду. Лицо девушки тоже застыло от изумления.

«Она чувствует… обоняет… или видит? И для неё это, как и для меня, новость. Давно ли Венсел обзавёлся?..»

Эти неожиданные открытия, похоже, были взаимными: Венсел склонил голову к плечу, и глаза его расширились, перебегая с Ингри на Йяду. Челюсть у него отвисла, но граф быстро справился с собой и превратил гримасу в кривую улыбку.

— Ну-ну, — пробормотал он. Затянутая в

перчатку рука поднялась к виску в воинском приветствии Ингри, потом коснулась сердца, когда Венсел поклонился Йяде. — Как странно мы трое повстречались. Я не сталкивался с подобной неожиданностью… дольше, чем вы можете себе представить.

Хозяин гостиницы принялся рассыпаться в приветствиях, но достаточно было еле заметного кивка графа, чтобы один из его гвардейцев отвёл трактирщика в сторону — несомненно, чтобы сообщить ему, какие услуги потребуются для его знатных гостей. С привычной вежливостью Ингри протянул руку, чтобы взять под уздцы лошадь графа, хоть и не испытывал никакого желания к нему приближаться. Животное фыркнуло и попятилось, так что Ингри пришлось крепче сжать повод. Лошадь была в пене — её явно всё утро гнали галопом.

«Что бы ни привело его сюда, времени Венсел не терял».

Продолжая пристально глядеть на Ингри, Венсел сделал глубокий вдох.

— Ты именно тот человек, который мне нужен, кузен. Лорд Хетвар внял твоей просьбе освободить тебя от участия в церемониях, столь красноречиво выраженной в твоих лаконичных

посланиях, так что мне поручено возглавить траурный кортеж. Это к тому же мой долг перед семьёй, поскольку я единственный её член, который не обессилел от горя, не сражён тяжёлой болезнью или не задержан бездорожьем на полпути от границы. Подобающий катафалк и свита следуют за мной и будут ожидать в Оксмеде. Я рассчитывал ещё вчера встретить вас там, но твои планы, похоже, переменились.

Ингри облизнул губы.

— Это большое для меня облегчение.

— Я так и подумал. — Венсел перевёл взгляд на Йяду, и сарказм исчез из его голоса. — Леди Йяда, не могу выразить, как я огорчён случившимся… тем, какое зло вам причинили. Мне жаль, что меня не было в замке, чтобы это предотвратить.

Йяда склонила голову, принимая извинения, хотя и не выражая готовности простить.

— Мне тоже жаль, что вас там не было. Мне вовсе не хотелось испачкать руки царственной кровью… как и столкнуться с другими последствиями.

— Да, — протянул Венсел. — Кажется, нам нужно обсудить гораздо больше, чем я думал. — Он, не разжимая губ, улыбнулся Ингри и спешился. Теперь, став взрослым, Венсел был всего на

пол-ладони ниже своего кузена; по каким-то непонятным Ингри причинам люди всегда считали его более высоким, чем он был на самом деле. Понизив голос, Венсел добавил: — Всякие тайные и странные вещи, о которых ты предпочёл не сообщать даже хранителю печати. Кто-нибудь, возможно, и осудил бы тебя за это, но будь уверен: я придерживаюсь другого мнения.

Венсел отдал несколько распоряжений своим гвардейцам; Ингри передал повод его коня слуге, и грумы поспешили увести лошадей в конюшню.

— Где мы могли бы поговорить? — спросил Венсел. — Без помех.

— В зале гостиницы.

— Веди, — пожал плечами граф.

Ингри предпочёл бы следовать за ним, но был вынужден идти вперёд. Оглянувшись, он заметил, как Венсел вежливо предложил Йяде руку, но девушка уклонилась от этой чести, притворившись, будто приподнимает юбку, чтобы подняться на крыльцо.

— Уходите, — приказал Ингри двоим заканчивавшим завтрак гвардейцам Хетвара; те вскочили при виде графа и изумлённо вытаращили глаза. — Можете забрать свою еду с собой.

Побудьте снаружи и проследите, чтобы нас никто не тревожил. — Растерянную дуэнью Ингри тоже выпроводил и закрыл дверь.

Венсел бросил безразличный взгляд на старомодный зал гостиницы с его усыпанным тростником полом, засунул перчатки за пояс и сел за один из столов, указав Ингри и Йяде на скамью напротив. Ингри заметил, что руки графа, неподвижно лежащие на крышке стола, остаются напряжёнными.

Ингри не мог определить, дух какого животного несёт в себе Венсел. Конечно, насчёт Йяды он тоже ничего не знал, пока его собственный волк не вырвался на свободу. Даже теперь, если бы не труп леопарда и появление его духа во время их борьбы с заклятием, Ингри затруднился бы дать имя тому странному дикому существу, присутствие которого он ощущал в Йяде.

Гораздо больше волновал Ингри другой вопрос: когда? Когда Венсел обрёл магического помощника? Ингри виделся с графом всего один раз со времени своего возвращения из дартаканского изгнания четыре года назад. Венсел тогда только что женился на принцессе Фаре и вместе с новобрачной отправился в богатые семейные владения в нижнем течении Лура, в двухстах

милях от Истхома. Потом, когда в середине зимы чета вернулась в столицу на празднование Дня Отца, Ингри был в отсутствии: выполнял поручение хранителя печати в Кантонах. Так что вместе они оказались только на пиру в королевском дворце, да и то увиделись мельком: король вручал сыну, принцу Биасту, маршальские копьё и знамя, Венсел принимал участие в церемонии, а Ингри был всего лишь одним из членов свиты хранителя печати.

При той мимолётной встрече граф любезно кивнул своему опозоренному и лишённому наследства родичу, не проявив ни удивления, ни отвращения, однако и не выказав никакого желания увидеться после пира. Ингри тогда подумал, что Венсел больше не тот невзрачный подросток, которого он помнил: должно быть, ноша, которая легла на его плечи после ранней смерти отца и династического брака, заставила его повзрослеть и придала странную серьёзность. Не скрывалось ли уже тогда за этой серьёзностью нечто странное? Следующая их встреча произошла в покоях Хетвара всего неделю назад. Венсел был молчалив и мрачен, как и остальные присутствующие, и старался не встречаться глазами с кузеном — чувствуя себя униженным из-за истории с

фрейлиной своей жены, как решил тогда Ингри. Он не мог припомнить, чтобы во время той встречи Венсел произнёс хоть слово.

Венсел обратился к Йяде, огорчённо потупившись:

— Госпожа моя супруга причинила вам большое зло, леди Йяда, и я уверен, что справедливые боги послали ей обрушившееся на неё горе в наказание. Сначала она лгала мне, уверяя, что вы по собственной воле остались в замке Болесо, — до тех пор, пока гонец не принёс ужасное известие. Клянусь, я не давал ей повода для ревности. Я испытывал бы гораздо больший гнев, если бы её предательство так явно не несло в себе воздаяния. Фара всё время плачет, а я… я просто не знаю, как распутать весь этот клубок и спасти честь моего имени. — Только теперь он поднял голову.

Сила чувств, отражавшаяся во взгляде Венсела, решил Ингри, связана не только с замешательством, которое вызывает леопард Йяды.

«По-моему, принцесса Фара не так уж ошибается в своей ревности, как уверяет Венсел».

Четыре года брака, а великий и древний род Хорсриверов всё ещё не имеет наследника… Что за этим кроется — бесплодие, неприязнь или какое-то странное бессилие? Может быть, это и есть

причина страхов Фары, обоснованных или нет?

— Я тоже не знаю, как вам быть, — ответила Йяда. Ингри не мог определить, что скрывается за холодностью её тона — подавленный гнев или страх, и искоса взглянул на Йяду. Её прелестное лицо было подчёркнуто неподвижным. Ингри внезапно очень захотелось знать, что именно видит девушка, глядя на Венсела.

Венсел, хмурясь, склонил голову.

— Так кто это такой? Наверняка не барсук… я предположил бы, что скорее рысь.

Йяда гордо подняла подбородок.

— Леопард.

От изумления рот Венсела приоткрылся.

— Как же… и откуда этот дурак Болесо взял… и почему… Миледи, мне кажется, вам следует рассказать мне обо всём, что случилось в замке.

Йяда взглянула на Ингри, и тот медленно кивнул. Похоже, Венсел так же впутан в эту историю, как и они с Йядой, а Хетвар ему доверяет…

«Только вот знает ли Хетвар о живущем в Венселе духе животного?»

Йяда коротко и ясно изложила события той ночи, строго придерживаясь фактов и не позволив себе ни намёка на собственные чувства и предположения. Голос её был ровен и спокоен.

Венсел выслушал её с напряжённым вниманием и тоже воздержался от комментариев. Обратив острый взгляд на Ингри, он резко спросил:

— Так где же волшебник?

— Что?

Венсел кивнул в сторону Йяды.

— Такое не случается само собой. Требовалось участие волшебника, незаконного, несомненно: он не только занимался запретной магией, но и помогал этому болвану Болесо в его делишках.

— Леди Йяда… На основании свидетельства леди Йяды у меня сложилось впечатление, что Болесо сам совершил обряд.

— В его спальне мы были наедине, — сказала Йяда. — Даже если я видела такого человека в замке, я никогда не догадывалась, что он может оказаться волшебником.

Венсел рассеянно почесал шею.

— Хм-м, возможно. И всё-таки… Болесо никогда не освоил бы такой обряд самостоятельно. Он поселил в себе много существ, вы говорите? О боги, ну и глупец! Нет, если его наставник не был с ним, он наверняка должен был побывать в замке незадолго до… Может быть, он переоделся или прятался в соседней комнате… Или сбежал.

— Я и в самом деле гадал, не было ли у Бо-

лесо сообщника, — признал Ингри. — Однако рыцарь Улькра утверждает, что ни один слуга после смерти принца не покинул замок. Да и лорд Хетвар наверняка даже меня не послал бы схватить столь опасного человека без поддержки служителей храма. — Да, случись такое, на Ингри могло бы свалиться нечто не столь безобидное, как временное превращение в свинью.

«Нечто вроде заклятия?»

Что, если в конце концов его стремление убить было заложено не в Истхоме? Ингри постарался, чтобы выражение его лица не выдало этой новой мысли.

— Возможно, Хетвар и не мог заподозрить истинного положения вещей. — Но зачем тогда хранитель печати так настаивал на секретности? Только из политических соображений?

— Несомненно, донесение о трагедии, которое Хетвар получил в тот первый день, было искажённым и неточным, — скривился Венсел. — О леопарде, как и о других вещах, не было сказано ни слова. И всё же… Хотелось бы мне, чтобы ты схватил волшебника, кем бы он ни был. По крайней мере, — граф снова взглянул на Йяду, — признание такого человека могло бы помочь даме из свиты моей супруги, защищать которую

— мой долг.

Неоспоримость этого довода заставила Ингри поморщиться.

— Сомневаюсь, что я остался бы в живых и в здравом уме, случись мне спугнуть волшебника.

— С этим можно поспорить, — возразил Венсел. — И уж ты-то должен был бы знать, кого следует искать.

Может быть, заклятие притупило ум Ингри? Или виновато всего лишь его собственное отвращение к порученному делу? Ингри откинулся на стуле и, не имея возможности отразить эту атаку, решил попробовать напасть с другого фланга:

— А с каким волшебником столкнулся ты? И давно ли?

Светлые брови Венсела поползли вверх.

— Разве ты не догадываешься?

— Нет. Я не чувствовал твоей… особенности ни у Хетвара, ни на награждении Биаста, когда мы с тобой виделись в последний раз.

— Правда? Я не был уверен, то ли мне удалось скрыть от тебя свою беду, то ли ты просто решил проявить сдержанность. Во всяком случае, я был тебе благодарен.

— Я ничего не почувствовал. — Ингри едва не добавил: «Мой волк был тогда связан», однако это

означало бы признание в том, что теперь волк на свободе, а Ингри вовсе не был уверен в том, насколько может доверять Венселу.

— Приятно слышать. Ну, со мной это случилось примерно тогда же, когда и с тобой, если желаешь знать. Когда умер твой отец… или, может быть, я должен сказать: когда умерла моя мать. — Заметив вопросительный взгляд Йяды, Венсел пояснил: — Моя мать была сестрой отца Ингри. В результате я мог бы оказаться наполовину Волфклифом, если бы не все девицы из рода Хорсривер, становившиеся жёнами Волфклифов. Чтобы определить истинную близость нашего родства, требуются перо и бумага для подсчётов.

— Я знала, что вы родичи, но не предполагала, что настолько близкие.

— Да, между нами связи тесные и перепутанные. И я уже давно подозреваю, что все эти одновременно случившиеся трагедии каким-то образом связаны между собой.

— Я знаю, что тётушка умерла, пока я болел, — медленно проговорил Ингри, — но до сих пор не догадывался, что её смерть последовала так быстро за смертью моего отца. Никто со мной об этом не говорил. Я предположил, что её свело в могилу горе или одно из тех загадочных недомоганий,

что случаются у стареющих женщин.

— Нет. Это был несчастный случай. И произошедший в очень странный момент.

Ингри поколебался.

— Если говорить о связях… Ты видел волшебника, который поселил в тебе дух зверя? Может быть, и в твоём случае это был Камрил?

Венсел покачал головой.

— Что бы ни сделали со мной, это случилось, когда я спал. И если ты думаешь, что пробуждение моё было приятным…

— Ты не заболел и не впал в беспамятство?

— По-видимому, не столь сильно, как ты. С тобой явно что-то пошло не так… я хочу сказать, не считая того ужаса, который обрушился на тебя из-за случившегося с твоим отцом.

— Почему ты никогда ничего мне не говорил? Моё несчастье не было секретом. Как жаль, что я тогда не знал, что не одинок!

— Ингри, мне тогда было всего тринадцать, и я был перепуган до смерти. Больше всего я боялся, что моё осквернение станет всем известно и со мной начнут делать то же, что делали с тобой. Я знал, что не выживу. Я никогда не был таким сильным, как ты. От одной мысли о пытках, которым подвергали тебя, я чувствовал себя больным.

Моей единственной надеждой было молчание. А к тому времени, когда мне стало ясно, что рассудка я не лишусь, и мужество начало возвращаться ко мне, ты уже уехал, отправился в изгнание, высланный своим перепуганным дядей. Как же я мог с тобой связаться? Послать письмо? Его наверняка перехватили бы и прочли. — Венсел глубоко вздохнул и заговорил уже более твёрдым голосом: — Как странно теперь обнаружить, что мы связаны подобным образом. Нас могут сжечь всех вместе, привязав к одному столбу.

— Меня не сожгут, — возразил Ингри и выругал себя за предательскую дрожь в голосе. — Храм меня помиловал.

— Власти, которые даровали такую милость, могут и лишить её, — мрачно сказал Венсел. — И всё равно остаёмся Йяда и я. Нас ждёт не объятие, лицом к лицу, чего боялась моя жена, а своего рода священный союз спиной к спине.

Эти слова не заставили Йяду поморщиться, но на Венсела она посмотрела с новым напряжённым интересом, сведя брови. Возможно, она заново оценивала человека, которого, как ей казалось, знает и который оказался совершенным незнакомцем.

«Как и для меня…»

Взгляд Венсела переместился на перевязанные руки Ингри.

— Что случилось с твоими руками?

— Споткнулся о стол и порезался ножом, — ответил Ингри как можно более равнодушно. Краем глаза он заметил, как Йяда с любопытством взглянула на него, и взмолился в душе, чтобы она не вздумала сообщить подробности происшествия. Пока, во всяком случае, Венселу об этом знать рано.

Вместо этого Йяда спросила:

— Что собой представляет ваше животное? Вы знаете?

Венсел пожал плечами.

— Я всегда считал, что это конь. Мне кажется, такое предположение соответствует обстоятельствам, какими бы странными они ни были. — Венсел задумчиво вздохнул, и его холодные голубые глаза оглядели Йяду и Ингри. — В Вилде уже много столетий не было воинов, в которых жили бы духи животных, за исключением, может быть, немногих отшельников в лесной чаще. А теперь имеется трое таких — и даже не в одном поколении, а в одной комнате. Мы с Ингри, как я давно подозреваю, связаны друг с другом, но вы, леди Йяда… Я не понимаю. Вы не вписываетесь

в картину. Я очень хотел бы, Ингри, чтобы ты занялся поисками того таинственного волшебника. По крайней мере охота на столь важного свидетеля могла бы отсрочить суд над леди Йядой.

— Это было бы очень кстати, — с готовностью согласился Ингри.

Венсел с беспокойством оглядел комнату.

— Мы теперь в руках друг у друга. Я полагал, что ты верно хранишь мою тайну, Ингри, но, как выяснилось, ты просто о ней ничего не знал. Я так долго боролся со своим несчастьем в одиночку, что мне трудно научиться доверять другим.

Ингри с кислым видом кивнул.

Венсел расправил плечи, поморщившись, как будто они болели от напряжения.

— Что ж, мне нужно подкрепиться, а потом помолиться у останков моего родича-принца. Кстати, как сохраняется его тело?

— Оно засыпано солью, — ответил Ингри. — В замке оказался большой запас — для засолки дичи.

Слабая улыбка осветила лицо Венсела.

— Как же откровенно ты выражаешься!

— Я не приказывал освежевать его и выпотрошить, так что результат окажется не очень хорошим.

— Ну, тогда удачно, что погода прохладная. Однако всё равно нам лучше поторопиться. — Венсел вздохнул, опёрся ладонями о стол и устало поднялся на ноги. На мгновение Ингри ощутил таящуюся в нём тьму, потом перед ним снова оказался просто измученный молодой человек, на которого так рано легла опасная ноша. — Потом поговорим ещё.

Граф вышел на крыльцо, и его гвардейцы вскочили на ноги, готовые сопровождать его в храм. Прежде чем покинуть зал гостиницы, Ингри коснулся руки Йяды, и девушка повернула к нему напряжённое лицо.

— Как вы считаете, что за животное обитает в Венселе? — спросил он, понизив голос.

— Говоря словами просвещённой Халланы, — прошептала Йяда в ответ, — если в нём живёт жеребец, то я — королева Дартаки. — Йяда прямо посмотрела в глаза Ингри. — Ваш волк не очень похож на обычного волка, и его жеребец — на обычного жеребца. Но одно я скажу вам, Ингри: они очень похожи друг на друга.

Глава 8

Ингри поднялся к себе, чтобы упаковать седельные сумки, потом решил найти Геску. Вещи лейтенанта исчезли из угла в зале, где раньше лежали, и Ингри двинулся по грязной центральной улице — больше похожей на деревенскую, чем на городскую, по его мнению, — в сторону маленького бревенчатого храма, где рассчитывал обнаружить Геску. Ингри раздумывал, в какой из полудюжины конюшен, используемых для коней отряда, искать лейтенанта, если его не окажется в храме, но это оказалось ненужным: Геска стоял под портиком и разговаривал с графом Хорсривером — может быть, выслушивал его распоряжения.

Геска оглянулся, услышав шаги Ингри, смутился и умолк; Венсел просто кивнул кузену.

— Ингри, — спросил Венсел, — где рыцарь Улькра и остальная свита Болесо? Остались в замке или следуют за вами?

— Следуют за нами — по крайней мере такое приказание я отдал. Быстро ли они двигаются, я не знаю. Улькра не может ожидать тёплого приёма в столице.

— Не важно. К тому времени, когда у меня появится время заняться ими, они, несомненно, уже будут здесь. — Венсел вздохнул. — Моим коням требуется отдых. Распорядись, пожалуйста, об отъезде в полдень. Так мы доберёмся до Оксмида до темноты.

— Как угодно, милорд, — поклонился Ингри и кивком указал на ворота неловко ёжащемуся Геске. Венсел коротким взмахом руки попрощался с ними и вошёл в храм.

— И что же граф Хорсривер пожелал тебе сказать? — тихо поинтересовался Ингри, когда они с Геской вышли на улицу.

— Ну, жизнерадостным его не назовёшь… Страшно подумать, какую жизнь он устроил бы нам, если бы и в самом деле испытывал симпатию к своему зятю. Одно ясно: вся эта история ему не нравится.

— Это я уже понял.

— И всё-таки этот молодой человек многого стоит, несмотря на свою внешность. Я так подумал ещё на его свадьбе с принцессой Фарой.

— Как это?

— Э-э… Да ничего такого особенного он не делал… Он просто никогда…

— Что никогда?

Геска задумчиво поджал губы.

— Ну… трудно сказать. Он никогда ни в чём не ошибался, не нервничал, не опаздывал и не приходил раньше времени… никогда не бывал пьян. Такое трудно не заметить. Внушительный, вот как я его назвал бы. Кое в чём он напоминает мне вас… в тех случаях, когда требуются мозги, а не мускулы. — Геска поколебался и предусмотрительно решил не продолжать сравнений, чтобы окончательно не завязнуть в трясине.

— Мы с ним кузены, — равнодушно бросил Ингри.

— Конечно, милорд. — Геска искоса взглянул на Ингри. — Граф очень заинтересовался визитом просвещённой Халланы.

Ингри поморщился.

«Что ж, это было неизбежно».

Несомненно, он ещё услышит от Венсела множество вопросов по поводу событий в Реддайке.

В храме Миддлтауна служил всего лишь молодой аколит, который впал в панику при появлении траурного кортежа — о такой чести для своего храма он узнал всего за полдня. Однако ради каких бы церемоний ни прибыл граф Хорсривер, было ясно, что они начнутся не здесь. Отряд выступил в путь ровно в полдень; Венсел

распоряжался с такой мрачной целеустремлённостью, какой Ингри даже в самом скверном настроении не смог бы достигнуть. Он мысленно поаплодировал кузену и оставил бледному аколиту достаточно увесистый кошелёк, чтобы утешить его.

Миддлтаун ещё не успел скрыться за поворотом дороги, когда Венсел придержал своего гнедого, поравнялся с Ингри и буркнул:

— Проедем вперёд. Я хочу поговорить с тобой.

— Хорошо. — Ингри пустил своего коня галопом, ободряюще кивнув Йяде, которая ехала рядом с повозкой. Венсел удостоил девушку лишь загадочным взглядом.

Когда расстояние между всадниками и кортежем стало достаточным, чтобы никто не мог подслушать разговора, Венсел повернулся в седле, но спросил только:

— Где ты нашёл эту телегу для перевозки бочек с пивом?

— В Ридмере.

— Ха… По крайней мере эта часть похорон будет соответствовать вкусу бедняги Болесо. Украшенный серебром королевский катафалк едет из Истхома и будет ждать в Оксмиде. Надеюсь, ни один мост по дороге под ним не обвалится.

— Действительно… — Ингри постарался сдержать неуместную улыбку.

— Моя свита должна обеспечить мне в Оксмеде удобное размещение. И тебе тоже, если пожелаешь. Советую тебе воспользоваться этой возможностью. В городе нельзя будет найти пристанище ни за какие деньги, как только туда прибудет двор.

— Спасибо, — искренне поблагодарил кузена Ингри. Ему случалось слышать о дуэлях между отчаявшимися придворными за обладание сеновалом, когда во время королевских путешествий свите оказывалось негде разместиться. Уж Венселу-то достанется самое лучшее помещение.

— Расскажи мне об этой просвещённой Халлане, Ингри, — отрывисто бросил Венсел.

Что ж, по крайней мере он не стал упрекать Ингри в том, что тот не упомянул о волшебнице раньше. Ингри, впрочем, усомнился: следует ли ему испытывать облегчение по этому поводу…

— Я счёл её именно той, кем она назвалась: приятельницей леди Йяды, знавшей её с детства. Она была целительницей в крепости ордена Сына на западной границе в то время, когда крепостью командовал отец леди Йяды, лорд-дедикат.

— Я слышал о лорде ди Кастосе, да. Йяда гово-

рила о нём. Однако меня беспокоит странное совпадение. Волшебник, имевший какое-то отношение к неожиданной проблеме леди Йяды, исчезает из замка, и всего через несколько дней волшебник — или волшебница, также связанная с леди Йядой, посещает её в Реддайке. Так два это разных волшебника или один и тот же?

Ингри покачал головой.

— Не могу себе представить, как просвещённая Халлана могла бы тайно пробраться в замок Болесо. Уж незаметной её никак нельзя назвать. Халлана на последних неделях беременности, что, кстати, налагает большие ограничения на использование ею демона. Ради безопасности она живёт в отшельнической келье в Сатлифе. Признаю, моё доказательство косвенное, но я уверен: Болесо уже по уши погряз в своих ужасных экспериментах, когда полгода назад убил слугу. Это означает, что его подручный-волшебник должен был тогда находиться в Истхоме или где-то поблизости.

Венсел с сомнением нахмурил брови.

— Принимать правду за ложь такая же ошибка, как принимать ложь за правду, — продолжал Ингри. — Жрица с двойным посвящением — женщина в высшей степени необычная, но

невозможно поверить, чтобы она была на побегушках у Болесо. Ей это не подходит, хотя бы потому, что она совсем не глупа.

Венсел склонил голову, обдумывая услышанное.

— Не была ли она тогда тем кукольником, который управлял марионеткой-Болесо?

— Менее невероятно, — неохотно признал Ингри, — но всё равно… нет.

Венсел вздохнул.

— Тогда попробуем упростить дело. Мы имеем двух разных волшебников, но не связаны ли они между собой? Не мог ли пособник Болесо после несчастья бежать к Халлане? Не сообщники ли эти двое?

Такая мысль смутила Ингри. Он неожиданно вспомнил, что предположение — ложный след? — будто заклятие было наложено на него в Истхоме, исходило от Халланы.

— По времени такое, пожалуй, было возможно.

Венсел печально хмыкнул, глядя вперёд между ушами своего коня.

— Насколько мне известно, просвещённая жрица написала письмо. Ты с ним уже ознакомился?

«Будь ты проклят, Геска!»

И будь проклята сплетница-дуэнья. Многое ли

ещё известно Венселу?

— Оно было передано не мне. Халлана вручила его леди Йяде. Запечатанным.

Венсел отмахнулся от этого возражения:

— Не сомневаюсь, что тебя обучили, как преодолевать подобные преграды.

— Конечно — когда дело касается обычных писем. Тут же речь идёт о послании храмовой волшебницы. И думать не хочется о том, что могло бы случиться с письмом — или со мной — при попытке его вскрыть. Может быть, вспыхнуло бы пламя. — Ингри предоставил Венселу самому решать, имеет ли он в виду, что сгорело бы — письмо или он сам. — И я не уверен, что передавать письмо Хетвару безопасно. По крайней мере будет нужно, чтобы вскрывал его храмовый волшебник. Только даже хранителю королевской печати может оказаться нелегко заставить жреца вскрыть письмо, адресованное главе его собственного ордена.

— Тогда придётся использовать незаконного волшебника. — Заметив кислый взгляд Ингри, Венсел пробормотал: — Ты должен признать, что Хетвар, если пожелает, сможет найти такого.

— Начни мы бесконечно множить гипотетических волшебников, как бы не пришлось

подвешивать их к балкам потолка, как окорока, чтобы все поместились. — И всё-таки, с горечью напомнил себе Ингри, странное заклятие, наложенное на него, так и оставалось необъяснённым.

Венсел коротко и невесело кивнул, потом, после короткого молчания, сказал:

— Ну, если говорить об окороках и о том, как их нарезают… Не то чтобы ты, кузен, так уж хорошо лгал — просто никто не решается уличить тебя во лжи. Возможно, это обстоятельство создало у тебя преувеличенное представление о собственной изворотливости. — Голос Венсела зазвучал более жёстко. — Что на самом деле случилось, когда вы заперлись в той комнате?

— Если бы было что-то, о чём я обязан доложить, мой долг — доложить первым делом лорду Хетвару.

Брови Венсела поползли вверх.

— Вот как? Первым делом? И всё-таки… ничего? Я видел твои отчёты Хетвару. Количество не упомянутых в них событий впечатляет. Леопарды. Волшебницы. Странные ссоры. Падение в реку. Твой романтичный лейтенант Геска даже утверждает, будто ты влюбился — о чём тоже нет ни слова в твоих письмах, хотя это я и мог

бы понять.

Ингри вспыхнул.

— Письма могут попасть не по адресу. Или оказаться прочитанными глазами врага. — Ингри в упор посмотрел на графа.

Венсел открыл и закрыл рот. Некоторое время ему пришлось заниматься только своим конём — на дороге оказалась глубокая лужа. Когда её удалось объехать и кузены снова поскакали стремя к стремени, Венсел сказал:

— Прости, если я кажусь тебе излишне обеспокоенным. Я могу очень многое потерять.

С фальшивой жизнерадостностью Ингри ответил:

— Ну а я, со своей стороны, уже всё потерял, граф-выборщик.

Венсел прижал руку к сердцу, признавая поражение, но тихо добавил:

— Я должен думать и о своей жене.

Теперь настала очередь Ингри смущённо замолчать. То, что брак Венсела был вызван политическими соображениями и до сих пор оставался бесплодным, не означало отсутствия супружеской любви — как с той, так и с другой стороны. Действительно, предательство принцессы Фары по отношению к своей фрейлине

говорило о пламенной ревности, которая не могла быть порождена скукой и равнодушием. А дочь священного короля была ценным завоеванием для такого невзрачного молодого человека, как бы знатен он ни был.

— Кроме того, — легкомысленным тоном продолжал Венсел, — быть сожжённым заживо — весьма мучительная смерть. Не рекомендую. Думаю, что этот исчезнувший волшебник может оказаться угрозой нам обоим. Он знает многое, чего знать не должен бы. Нам нужно найти его первыми. Если окажется, что он не представляет опасности для нас лично, я буду рад передать его в руки Хетвара.

А если волшебник окажется опасен для него, что тогда намерен предпринять Венсел? И, о Священная Пятёрка, как именно?

— Оставляя в стороне вопросы долга, должен сказать, что это не тот арест, совершить который в моих силах — для собственного блага или нет.

— А если бы был в силах? Разве знание тебя не привлекает?

— Ради чего?

— Ради выживания.

— Мне и так удаётся оставаться в живых.

— Удавалось до сих пор. Однако помилование,

дарованное тебе храмом, отчасти зависит и от уверенности в том, что твой волк скован, а он теперь на свободе.

Ингри настороженно взглянул на Венсела.

— Как это?

Губы Венсела скривила слабая улыбка.

— Я мог бы догадаться об этом по одному тому, как ты теперь воспринимаешь меня, но в том нет необходимости: я могу видеть твоего зверя. Он смирно лежит у тебя внутри — по многолетней привычке, — однако ничто не сдерживает его, и тебе достаточно его позвать… Рано или поздно какой-нибудь проницательный жрец заметит это или ты сам сделаешь ошибку, так что всё раскроется. — В тихом голосе Венсела прозвучало напряжение. — Есть альтернативы тому, чтобы отсечь себе руку из страха перед собственным кулаком, Ингри.

— Откуда тебе знать?

На этот раз Венсел колебался дольше.

— В замке Хорсривер замечательная библиотека, — уклончиво ответил он наконец. — Некоторые из моих предков собирали предания, а один был знаменитым учёным. В замке хранятся документы, которых, я уверен, нет больше нигде; среди них есть и такие, что были написаны

сотни лет назад. Записи, которые жрецы Аудара без колебаний сожгли бы. Там есть совершенно поразительные свидетельства очевидцев — как-нибудь я тебе расскажу парочку исторических анекдотов… В общем, вещи достаточно захватывающие, чтобы побудить к чтению даже не слишком любознательного подростка… а потом, как оказалось, совершенно необходимые ему для того, чтобы выжить. — Венсел посмотрел Ингри в глаза. — Ты ответил на своё так называемое осквернение тем, что бежал прочь от любого знания. Я ответил на своё тем, что кинулся искать знания. Как ты полагаешь, кто из нас теперь лучше ориентируется в ситуации?

Ингри сделал долгий выдох.

— Ты даёшь мне много пищи для размышлений, Венсел.

— Ну так размышляй! Только на этот раз не отворачивайся от понимания, умоляю тебя. Не поворачивайся ко мне спиной, — добавил он тихо.

«Вот уж ни за что! Я просто не рискну».

Ингри кивнул Венселу, стараясь не выдать своих мыслей.

Кортеж достиг каменистого брода; к счастью, поток оказался не таким бурным, как тот, что

пришлось пересекать три дня назад, но всё-таки Ингри всё внимание обратил на то, чтобы переправа прошла благополучно. Ещё через милю повозка с гробом едва не завязла в грязи, а потом конь одного из гвардейцев охромел, потеряв подкову. На привале, устроенном, чтобы напоить лошадей, двое из приближённых Болесо устроили драку — ссора между ними тлела уже давно, а теперь разгорелась ярким пламенем. Обычная угроза Ингри едва не оказалась бесполезной; когда драчунов растащили, Ингри отвернулся, побледнев от беспокойства (которое, к счастью, все приняли за гнев): в следующий раз ведь может случиться, что угрозы окажется недостаточно, и он будет вынужден действовать…

Ингри снова сел в седло, стараясь не показать, как встревожен. Невозможно было отрицать: Венсел погрузил его разум в хаос. От странного разговора с графом у Ингри осталось тревожное ощущение: они фехтуют в темноте, нанося удары наугад. Оба они открывали опасные секреты, делали обманные финты и парировали выпады… но на равных ли?

«Мне кажется, Венсел скрывает больше…»

Но ради справедливости нужно признать, что он вроде бы и открыл больше.

Раньше Ингри думал, что тревога по поводу наложенного на него заклятия — его самая неотложная проблема. Мысль о том, что известные Венселу легенды могут содержать ключ к этой тайне, вдвойне взволновала Ингри. Могло оказаться, что у него появился союзник. Однако в равной мере было возможно, что он обнаружил своего неизвестного врага. И как получается, что Венсел смотрит на незаконных волшебников как на мелкую неприятность, с которой ничего не стоит справиться? Ингри бросил взгляд на графа, который ехал во главе кортежа; тот допрашивал теперь одного из охранников Болесо, но до Ингри не доносилось ни слова. Солдат был крупным парнем, но сейчас он съёжился, словно стараясь сделаться меньше.

Венсел разбросал множество приманок, но всё же не новые тайны так занимали Ингри, захватывали и заставляли дрожать…

«Что известно Венселу о моём отце и своей матери, о чём я не знаю?»

Оксмид был больше Реддайка, но в его большом каменном храме покойного принца ожидали лишь весьма умеренные церемонии: весь город был охвачен лихорадочными приготовлениями к ожидавшимся на следующий день торжествен-

ным событиям. Ингри с огромным облегчением передал попечение о траурной процессии Венселу, который, в свою очередь, привлёк к делу своего распорядительного сенешаля, многочисленную свиту и толпу жрецов из храма. Принцесса Фара и её дамы, как с радостью узнал Ингри, не выехали навстречу кортежу, а ожидали его прибытия в столице. Сумерки ещё не сгустились, когда Ингри и гвардейцы хранителя печати вместе с пленницей покинули храм и следом за Венселом по извилистым улицам направились к отведённому им дому.

Выехав на многолюдную площадь, Венсел придержал коня, и Ингри тоже натянул поводья. Рынок на площади торговал допоздна, снабжая всем необходимым придворных и их слуг, уже начавших съезжаться для участия в конечном этапе последнего путешествия Болесо. Ингри не сразу понял, что привлекло внимание Венсела, но потом проследил за взглядом графа: на углу среди толчеи играл скрипач, положив у ног потрёпанную шляпу. Он явно был более искусен, чем большинство бродячих музыкантов, и извлекал из своего инструмента странную печальную мелодию, растворявшуюся в золотом вечернем воздухе.

После паузы Венсел заметил:

— Это очень старинный напев. Интересно, знает ли он, насколько старинный? И он играет… почти правильно.

Венсел не поворачивался к своим спутникам, пока скрипка не умолкла. Когда Ингри смог увидеть его лицо, он удивился странному выражению — напряжённому, но лишённому гнева или страха; казалось, Венсел едва сдерживает слёзы, скорбя по какой-то невосполнимой потере. Через мгновение Венсел прогнал с лица непонятное выражение и поехал дальше, не оглянувшись на скрипача и не послав никого бросить монету в его шляпу, хотя музыкант с надеждой смотрел в сторону знатных всадников.

Наконец они добрались до большого дома, который предназначался для Венсела; он располагался на тихой улице в богатом купеческом квартале. Блестящие медные гвозди украшали крепкие доски входной двери. Ингри передал повод своего коня Геске, вскинул на плечо седельные сумки и проследил, как служанка проводила леди Йяду и её дуэнью на второй этаж. Судя по растерянности служанки, она знала леди Йяду раньше, и случившееся с девушкой так же смущало домочадцев графа Хорсривера, как и их

господина.

Прежде чем заняться пачкой донесений, прибывших в его отсутствие, Венсел сказал Ингри:

— Ужин будет подан через час — для тебя, леди Йяды и меня. Возможно, другой возможности поговорить без свидетелей нам долго не представится.

Ингри кивнул.

Его проводили в маленькую комнатку на верхнем этаже, где уже дожидались таз и кувшин с горячей водой. Комнатка явно принадлежала слуге того богатого купца, чей дом занял Венсел, но Ингри было всё равно: он был рад уединению в любом случае. Свита Венсела, должно быть, ютится в ещё большей тесноте или даже ночует на сеновале, да и Геске с его солдатами вряд ли досталось более удобное помещение. Ингри надеялся, что они найдут утешение в угощении, которое им приготовил повар графа Хорсривера.

Ингри быстро и тщательно вымылся. Его гардероб был слишком ограниченным, чтобы на одевание потребовалось много времени: он взял с собой только дорожную одежду, не рассчитывая на светские приёмы. Одевшись, Ингри бросил взгляд на постель, но преодолел искушение, не испытывая уверенности, что сумеет заставить

себя снова встать. Вместо этого он спустился по узкой лестнице, намереваясь осмотреть дом и окрестные улицы и заодно проверить, если конюшня окажется рядом, распорядился ли Геска накормить коней. Однако на лестничной площадке Ингри помедлил, услышав из зала на первом этаже голос Венсела, и двинулся в том направлении.

Венсел разговаривал с дуэньей Йяды, слушавшей его с испугом в широко раскрытых глазах. Услышав шаги Ингри, Венсел обернулся и поморщился.

— Вы свободны, — бросил он дуэнье, которая сделала реверанс и заторопилась в комнату, судя по всему, отведённую пленнице. Венсел знаком предложил Ингри идти вперёд, но у двери в столовую покинул его, чтобы посовещаться о чём-то со своим клерком.

Ингри, как и намеревался, вышел из дома и в сгущающихся сумерках обошёл его со всех сторон. Когда он вернулся к парадному входу, его уже ждал слуга, который и проводил Ингри в комнату на втором этаже. Это оказалась не парадная столовая, почти не уступающая роскошью залу в графской резиденции, а уютный покой с окнами, выходящими на огородные грядки и конюшни.

Тяжёлая дверь, на взгляд Ингри, должна была заглушать все звуки. Маленький круглый стол в комнате был накрыт на троих.

Йяда явилась в сопровождении служанки, которая присела перед Ингри и поспешно ретировалась. Йяда была одета в соломенно-жёлтое шерстяное платье с высоким воротом. Наряд производил впечатление изящной скромности, хотя Ингри заподозрил, что кружево воротника должно было в первую очередь скрыть позеленевшие синяки на шее девушки. Венсел вошёл сразу же следом за Йядой; ярко горевшие свечи заставили сверкать драгоценности на его богатой одежде. Не только богатой, но и чистой, отметил Ингри, пожалев, что в его собственных седельных сумках ничего подобного не оказалось.

Решив блеснуть изысканными манерами, Ингри церемонно усадил Йяду и придвинул кресло для Венсела, прежде чем сел сам. Сидя на равном расстоянии друг от друга, все трое чувствовали неловкость, пока слуги, которые явно получили ясные указания, не расставили накрытые крышками блюда и не удалились. Еда оказалась превосходной, хотя и в деревенском стиле: фаршированный фазан с бобами, ветчина с соусом и приправами, запечённые в тесте яблоки и кув-

шины с тремя сортами вина.

— Ах, — пробормотал Венсел, поднимая серебряную крышку с блюда, на котором оказался окорок, — могу ли я рискнуть попросить вас нарезать мясо, лорд Ингри?

Йяда бросила на Венсела настороженный взгляд. Ингри ответил кузену в равной мере напряжённой улыбкой и ловко отрезал несколько ломтей. После этого, спрятав руки под столом, он натянул манжеты на свои повязки и стал ждать, какую ещё колкость придумает Венсел. В результате за столом воцарилось молчание; все занялись едой.

Через некоторое время Венсел произнёс:

— До меня доходили только слухи о трагических событиях в Бирчгрове, в результате которых погиб твой отец, а ты… выжил. Рассказы были такими путаными… и, безусловно, обрывочными. Не мог бы ты ввести меня в курс дела полностью?

Ингри, с напряжением ожидавший вопросов насчёт Халланы, в растерянности заколебался, потом собрался с мыслями. Целые годы он хранил молчание обо всём, что тогда произошло, а теперь рассказывал о них в третий раз за одну неделю. От повторений его рассказ сделался более гладким,

как будто описание медленно вытесняло в его уме само событие. Венсел ел и слушал, хмурясь.

— Твой волк отличался от того, которого выбрал твой отец, — сказал он, когда Ингри закончил рассказ, описав, насколько это было в его силах, беспорядок в своих мыслях, рождённый присутствием духа волка и начавшейся после случившегося лихорадкой.

— Ну да. Во-первых, он не был болен… по крайней мере так же, как другой волк. Я с тех пор гадаю, не страдают ли животные падучей или какой-то другой подобной болезнью.

— Откуда егерь твоего отца взял его?

— Не знаю. К тому времени, когда я поправился достаточно, чтобы начать задавать вопросы, егерь уже умер.

— Ха! А вот я слышал, — слегка подчёркнутое «я», многозначительная пауза… — что это был не тот волк, что изначально тебе предназначался. Мне говорили, что бешеный волк загрыз другого, пойманного с ним одновременно, накануне того дня, когда должен был состояться обряд, а нового нашли той же ночью сидящим у клетки — снаружи.

— Значит, ты слышал больше, чем рассказывали мне. Так могло случиться, я думаю.

Венсел нервно постучал ложкой по столу, потом спохватился и положил ложку на место.

— Твоя мать что-нибудь рассказывала тебе о твоём жеребце, — поинтересовался Ингри, — в то утро, когда ты проснулся переменившимся?

— Нет. Тем утром она умерла.

— Но не от бешенства!

— Нет. И всё-таки я с тех пор всё думаю… Она умерла, упав с лошади.

Ингри надул губы; глаза Йяды широко распахнулись.

— Конь тоже погиб, — добавил Венсел. — Переломал ноги, и грум прирезал его… как мне сказали. К тому времени, когда я начал задавать себе вопросы, моя мать была давно похоронена, а от коня ничего не осталось. Я долго медитировал у могилы матери, но так и не ощутил её ауры. Ни призраков, ни ответов… Я очень тяжело пережил её смерть — такую скорую, всего через четыре месяца после смерти отца. И я заметил сходство с твоим случаем, Ингри… но если брат и сестра Волфклиф составили какой-то план, имели какую-то цель, никто ничего не мог мне сказать.

— Или они противостояли друг другу, — задумчиво сказала Йяда, переводя глаза с одного мужчины на другого. — Как два замка-соперника

на противоположных берегах Лура: каждый возводит всё более высокие стены.

Венсел кивнул, признавая её возможную правоту, но было заметно, что такая мысль не очень ему понравилась.

— С тех пор ты должен был придумать не одну теорию, Венсел, — сказал Ингри.

Граф пожал плечами.

— Предположения, догадки, фантазии… Мои ночи были полны ими, пока я совсем не изнемог под этим грузом.

Ингри погонял вилкой по тарелке последнюю клёцку и тихо спросил:

— Почему же ты так ни разу и не поговорил со мной?

— Ты отправился в Дартаку. Насколько мне было известно, твоё изгнание могло стать вечным. Потом твоя семья потеряла всякий твой след. Ты мог погибнуть — никто ничего о тебе не знал.

— Да, но потом? Когда я вернулся?

— Мне казалось, что ты нашёл себе безопасное убежище под покровительством Хетвара. Ты был в большей безопасности, получив прощение от жрецов, чем я со своими секретами. Знаешь, я даже тебе завидовал. Разве поблагодарил бы ты меня, если бы я вернул тебя к сомнениям и

неразберихе?

— Может быть, и нет, — неохотно признал Ингри.

В дверь комнаты резко постучали. Йяда вздрогнула, но Венсел просто крикнул:

— Войдите!

В дверь просунулась голова графского клерка, который доложил:

— Послание, которого вы ожидали, милорд, прибыло.

— А, хорошо, спасибо. — Венсел отодвинул кресло и поднялся на ноги. — Простите меня. Я вернусь через несколько минут. Прошу вас, продолжайте ужин. — Он показал на ожидающие на столе блюда.

Как только Венсел вышел, появились слуги, чтобы убрать пустые тарелки и подать новые блюда и вина; потом, молча поклонившись, они удалились. Ингри и Йяда посмотрели друг на друга и принялись исследовать блюда; на них оказались фрукты и сладости, и Йяда повеселела.

Ингри взглянул на закрытую дверь.

— Как вы думаете, принцесса Фара знает о жеребце Венсела?

Йяда выбрала себе медовый марципан и съела его, прежде чем ответить. То, как она нахму-

рилась, подумал Ингри, к качеству лакомства отношения не имело.

— Это объяснило бы некоторые вещи, которые были мне непонятны. Их отношения представлялись мне странными, хоть я и не ожидала, чтобы брак столь высокородной особы, как принцесса, оказался похож на брак моей матери — и первый, и второй. Пусть граф и некрасив, думаю, Фара хотела бы, чтобы он был в неё влюблён и оказывал ей больше знаков внимания, чем он это делает.

— Он не особенно любезен?

— О, граф всегда вежлив. Холодно вежлив. Я никогда не могла понять, почему в его присутствии Фара казалась испуганной: ведь он не только руку на неё не поднимал, он ни разу голос не повысил. Однако если она боялась не его… или не только его, а за него, тогда, наверное, это всё объясняет.

— Так был он в неё влюблён?

Йяда нахмурилась ещё сильнее.

— Трудно сказать. Он так часто бывал мрачным, отстранённым и молчаливым, иногда по многу дней. Изредка, если в замке Хорсривер ожидались гости, он встряхивался и блистал любезностью и остроумием — граф ведь действительно прекрасно образован. И всё же сегодня он с вами был более разговорчив, чем когда-либо за

столом в присутствии своей жены. Впрочем… вы представляете для него интерес в той области, куда ей дороги нет. — Глаза Йяды скользнули по Ингри, и он понял, что девушка воспользовалась своим внутренним зрением.

«Теперь и вы тоже», — неожиданно осознал Ингри.

— У него было совсем мало времени на то, чтобы убедиться, что эта новая ситуация не угрожает его безопасности. Может быть, в этом и кроется объяснение того, почему он так настойчив. А ведь он давит на нас, вам не кажется? — По крайней мере Ингри явно чувствовал давление со стороны Венсела.

— О да. — Йяда задумчиво помолчала. — Или у него выплеснулось давно подавляемое желание… Ведь с кем до сих пор мог он даже заговорить о таком? Он обеспокоен, да, но и ещё… Не знаю, как сказать: взволнован? Нет, тут какое-то другое чувство, более тонкое и странное. Нельзя же предположить, что это радость… — Губы Йяды скривились.

— Конечно, нет, — сухо проговорил Ингри.

Дверь распахнулась, и Ингри поднял глаза. Это вернулся Венсел. Извинившись, он снова уселся за стол.

— Вы закончили свои дела? — вежливо поинтересовалась Йяда.

— Более или менее. Если я этого ещё не говорил, то позволь мне, Ингри, поздравить тебя с тем, как быстро ты справился со своей миссией. Не похоже, чтобы мне удалось повторить твой успех, к сожалению. Наверное, придётся отправить вас завтра с леди Йядой вперёд, поскольку её присутствие в траурной процессии… э-э… может вызвать неловкость. Это мероприятие превращается чуть ли не в парад — предстоит ехать шагом до самого Истхома, да помилуют меня пятеро богов.

— Куда меня поместят в Истхоме? — напряжённо спросила Йяда.

— Эта проблема всё ещё решается. К завтрашнему утру я буду знать. Вас не ждёт ничего ужасного, если мне удастся поставить на своём.

Ингри пристально оглядел своих собеседников, позволив себе воспользоваться своим новым зрением.

— Вы двое очень отличаетесь друг от друга. Твоё животное, Венсел, гораздо более тёмное. Дикая кошка Йяды напоминает мне тень, испещрённую солнечными пятнами, но твой зверь… он уходит вниз, всё глубже и глубже. — Далеко за пределы восприятия Ингри…

— Конечно. Думаю, что леопард был в самом расцвете сил, — сказал Венсел. Он улыбнулся Йяде, словно желая подчеркнуть, что его слова доброжелательны. — Его сила свежа и чиста. Воин Древнего Вилда был бы горд иметь такого зверя, если бы в те времена существовал клан кин Леопард.

— Но я ведь женщина, а не воин, — сказала Йяда, в свою очередь пристально взглянув на Венсела.

— Женщины Древнего Вилда принимали в себя священных животных. Разве вы об этом не знаете?

— Нет. — В глазах Йяды вспыхнул интерес. — Правда?

— О, обычно не как воительницы, хотя были и такие женщины. В некоторых племенах женщины становились знаменосицами, и тогда им воздавался самый высокий почёт. Однако был и ещё один вариант… ещё одна связь со священными животными, которую женщины выбирали чаще. Впрочем, говоря «чаще», я имею в виду пропорцию: ведь таких женщин было очень мало.

— Знаменосицами? — странным тоном переспросила Йяда.

— Ещё одна связь? — одновременно переспро-

сил Ингри.

В ответ губы Венсела изогнулись в улыбке рыболова, удачно закинувшего удочку.

— Самые могучие воины Вилда создавались с помощью обряда, вселявшего дух священного животного в человека. Однако можно было создать и кое-что ещё, если дух животного при жертвоприношении вселить в другого зверя.

Йяда стряхнула с себя зачарованность и спросила:

— Вы думаете, что Болесо пытался… нет, подождите!

— Я так ещё и не сумел понять, что затевал Болесо, но если он собирался следовать этой древней магии, то он всё понял неправильно. Животное в конце его жизни приносили в жертву, так что дух его вселялся в тело молодого зверя, всегда той же породы и пола. Всё то, чему научилось первое животное, передавалось вместе с его духом второму, а потом, в конце жизни второго, через жертвоприношение — третьему… и так далее. Так создавалась огромная плотность жизни, пока наконец в какой-то момент — через пять, шесть, десять поколений — зверь становился уже не зверем, а чем-то другим.

— Богом-зверем? — выдохнула Йяда.

Венсел развёл руками.

— Возможно — в каком-то смысле. Иногда говорят, что боги именно таковы: вся жизнь мира вливается в них через ворота смерти. Они вбирают в себя нас всех. И всё-таки боги нечто ещё более загадочное, потому что вбирают, не разрушая, и становятся более самими собой с каждым добавлением. Великие священные животные были чем-то иным.

— Сколько же времени требовалось, чтобы создать такое животное? — спросил Ингри. Его сердце билось всё быстрее, и он понимал, что участившееся дыхание выдаёт его острый интерес. И что Венсел всё замечает…

«Почему мне вдруг стало так страшно от этой сказочки Венсела?»

Сама кровь Ингри, казалось, откликнулась на слова Венсела.

— Десятилетия, целые жизни… иногда столетия. Таких животных чрезвычайно ценили: они были ручными и необыкновенно умными, они понимали человеческую речь. Однако эта великая преемственность подвергалась многим опасностям, и не только по воле случая. Когда мужчина или женщина Древнего Вилда принимали в себя дух великого животного,

они становились не просто могучими воинами. Они делались много могущественнее и опаснее. Немногие из священных созданий пережили нашествие Аудара. Многих принесли в жертву раньше времени, просто чтобы спасти от дартаканской армии. Жрецы Аудара особенно усердствовали в истреблении таких животных из страха перед тем, во что они могут превратиться. Или в кого они могли бы превратить нас…

— В волшебников? — выдохнула Йяда. — В волшебников Древнего Вилда? Не одним ли из них пытался стать Болесо?

Венсел взмахнул рукой.

— Давайте не будем путаться в названиях. Волшебник — даже незаконный, если он не связан правилами храма — это человек, одержимый демоном беспорядка и хаоса, священной тварью Бастарда, и магия, которой он владеет, имеет своим источником разрушение. Сила подобных демонов ограничена равновесием между миром материи и миром духов. Древние племена тоже имели таких волшебников, обязанных подчиняться власти белого бога.

Великие священные животные принадлежали этому миру, и боги никогда не держали их в своих руках. Они не были частью силы богов и не

были источником разрушения. Явление нигде, кроме Вилда, неизвестное… Хотя их магия была чисто духовной, они могли воздействовать и на тела, управляемые разумом и духом. Власть шаманов очень отличалась от могущества племенных волшебников, и они даже не всегда бывали союзниками, хоть и принадлежали к одному клану. Это было одним из противоречий, которые ослабили нас во время дартаканского нашествия. — Взгляд Венсела сделался далёким, словно он всматривался в те древние события.

Йяда переводила глаза с Венсела на Ингри.

— Ох… — выдохнула она.

Ингри чувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Ему казалось, что стены его крепости рушатся от подкопов Венсела.

«Нет, нет! Всё это чепуха, бессмыслица, детские сказки! Венсел просто придумал жестокую шутку, чтобы посмотреть, проглочу ли я наживку…»

Вслух же он прошептал:

— Каким образом?

— Каким образом этот мудрый волк явился к тебе, хочешь ты сказать? — Венсел пожал плечами. — Хотел бы я это знать. Когда Аудар Великий, — в его устах это имя прозвучало зловеще, — вырвал сердце Вилда при Кровавом Поле

— там, где находилось святилище Священного древа, которое он осквернил, — даже тогда ему не удалось уничтожить всех. Некоторые из воинов и шаманов не присутствовали на обряде, случайно опоздав, и не попали в засаду.

Йяда бросила на Венсела ещё более острый взгляд. Тот явно видел, какой интерес пробудил у своих слушателей, и продолжал:

— Даже полтора столетия преследований после победы Аудара не уничтожили всех знаний, как ни старались жрецы. Кое-что сохранилось, хотя по большей части не в виде письменных свидетельств, как в библиотеке замка Хорсривер, — их, конечно, специально собирали некоторые из моих предков, но ведь нужно было иметь, откуда собирать… Однако в глухих уголках, в горах и в болотах, на бедных хуторах — Кантоны, например, быстро сбросили дартаканское ярмо — традиции, если и не породившие их знания, сохранялись долго. Они передавались от поколения к поколению как тайные семейные или деревенские обряды, пусть их смысла уже никто и не понимал. То, чего даже Аудар не смог добиться, свершило Время-разрушитель. Я не думал, что после всех безжалостных гонений священные животные сохранились, но, похоже, выжили по

крайней мере… два. — Голубые глаза Венсела впились в Ингри.

Мысли Ингри метались и, казалось, отчаянно скребли когтями по полу клетки. Ему удалось выдавить из себя только какой-то нечленораздельный звук.

— Чтобы тебя утешить, — продолжал Венсел, — могу сказать, что это объясняет твою долгую болезнь. Твой волк оказал на твою душу гораздо более сильное влияние, чем простые звери твоего отца или Йяды на них. Четыре столетия кажутся невозможно долгим временем — сколько же поколений волков они вместили? — и всё-таки… — Пристальный взгляд Венсела заставил Ингри поёжиться. — Да уж, действительно, вниз, всё глубже и глубже… ты очень точно подметил. Воины, принявшие в себя дух зверя, с лёгкостью управляли своими животными: ведь обычные звери с готовностью подчинялись более мощному человеческому разуму. В Древнем Вилде, если бы тебе было суждено вместить в себя великое животное, этому предшествовало бы долгое приготовление и обучение, и ты получил бы поддержку других таких же воинов. Тебя не бросили бы, тебе не пришлось бы на ощупь искать свой путь, спотыкаясь в ужасе и сомнениях, едва не

впадая в безумие. Так что неудивительно, что ты ответил на это тем, что искалечил себя.

— Разве я искалечен? — прошептал Ингри.

«И каким же чудовищем я оказался бы, если бы не был искалечен?»

— О да.

Йяда, проницательно взглянув на Венсела, поинтересовалась:

— А вы — нет?

Тот поднял руки ладонями вверх.

— В меньшей мере. У меня свои тяготы.

«Насколько в меньшей мере, Венсел?»

Сейчас Ингри не столько волновала мысль о том, что он, возможно, обнаружил источник наложенного на него заклятия, как предположение, что он может видеть перед собой своё зеркальное отражение.

Венсел снова повернулся к Ингри.

— Как бы то ни было, твоё неведение оказалось для тебя спасительным. Если бы служители храма заподозрили, какого зверя ты на самом деле носишь в себе, они так легко не простили бы тебя.

— Не так уж легко мне это далось… — пробормотал Ингри.

Венсел помолчал, словно обдумывая новую

мысль.

— Пожалуй… Связать великого зверя — это должно было потребовать немалых трудов. — На его губах промелькнула уважительная, даже боязливая улыбка. Потом Венсел взглянул на свечи, уже почти догоревшие в канделябре посередине стола. — Становится поздно. Завтра нас ждут новые заботы. Нам предстоит на некоторое время расстаться, но, Ингри, умоляю тебя: не делай ничего, что снова могло бы привлечь к тебе внимание, до тех пор, пока у нас не будет возможности поговорить.

Ингри едва позволял себе дышать.

— Я всегда думал, что мой волк — источник насилия, ярости, разрушения, убийства. Что ещё способен он… способен я совершить?

— Это будет следующим уроком. Я преподам его тебе, когда мы оба окажемся в Истхоме. А пока, если ты дорожишь жизнью, храни свой секрет — и мой тоже. — Венсел устало поднялся из-за стола и распахнул дверь перед Ингри и Йядой — ясное указание на то, что и ужин, и откровенная беседа закончены. Ингри, едва державшийся на ногах, мог только поблагодарить за это богов.

Глава 9

Кровать в комнате слуги заскрипела под весом Ингри, который рухнул на неё и стиснул руки на коленях. Интроспекция была привычкой, которой он всегда избегал, боясь того, что может ему открыться. Этой же ночью он наконец заставил своё восприятие обратиться внутрь.

Ингри прорвался сквозь привычный смутный страх, как сквозь густой туман, отметя в сторону цепляющиеся побеги самообмана, мешавшие его внутреннему зрению. Тратить на них время и внимание он больше не хотел. Когда-то он воспринимал живущего в нём волка как нечто вроде закапсулированного комка в животе, лишнего органа, не выполняющего никакой функции. Этого комка, волка, теперь не было на прежнем месте. Не было его и в сердце, и в уме Ингри, хотя попытка заглянуть в собственный разум показалась ему похожей на попытку увидеть свой затылок. Зверь действительно не был больше связан. Так где же?..

«Он в моей крови», — понял Ингри. Не в какой-то части организма, а повсюду. Волк не скрывался теперь в Ингри; он был им. От него не избавиться,

как если бы это был кулак, который можно отрубить, или глаз, который можно вырвать: такие простые хирургические меры не помогут.

Ингри открылась возможная причина того, почему жители болот устраивали такие кровавые жертвоприношения, — причина, даже для них самих теперь скрытая в глубине веков. Они вечно враждовали с жителями Древнего Вилда и бились с воинами, несущими в себе духов животных, и шаманами лесных племён. Среди их пленников, должно быть, иногда оказывались такие, которых опасно было оставлять в живых. Так не преследовали ли когда-то кровавые жертвы мрачную практическую цель?

Не могло ли чисто физическое разделение — крови и тела — служить и духовному, освобождая душу от греха?

Начавшийся ещё в древности путь вёл, казалось, в кровавую трясину. Испытывая скорее холодное любопытство, чем какое-либо иное чувство, Ингри порылся в седельной сумке и вытащил шнур, снятый с балки в спальне Болесо. Положив его на постель рядом со своим кинжалом, он поднял взгляд к потолку, на который единственная свеча бросала странные тени. Да, такое можно совершить, это величайшее прине-

сение себя в жертву. Связать себе ноги, подтянуть за шнур к балке, завязать узел… повиснуть вниз головой. Полоснуть острым как бритва клинком по горлу. Ингри мог выпустить своего волка в горячем алом потоке, положить конец своим мучениям, прямо здесь и сейчас. Избавить себя от всякого осквернения окончательным и бесповоротным отказом подчиниться.

«Я могу отвергнуть тёмную силу»…

Вступив в ещё более непроглядную тьму.

Так что же, его душа, отвергнутая богами, просто тихо истает, как, по слухам, случается с разлучёнными с телом, проклятыми призраками? Такая судьба казалась не столь уж ужасной. Или… если он ошибается в цели обряда, превратится ли его растерянный дух под действием этой неизвестной силы в нечто… иное? Нечто невообразимое?

Знает ли об этом Венсел?

Все приманки, которые раскидал молодой граф, все его ухищрения ясно показывали, что Венсел думает об Ингри.

«В его глазах я добыча, и он следит, как я спасаюсь бегством».

Что ж, он мог лишить Венсела этого удовольствия.

Ингри поднялся, провёл рукой вдоль балки, нащупал узкую щель между нею и досками потолка, просунул в неё шнур и снова уселся, глядя на свисающую из теней петлю. Он коснулся шнура, и хотя разум его казался холодным и отстранённым, рука задрожала. Такое количество крови… на полу будет огромная лужа, которую утром придётся вытирать какой-нибудь перепуганной служанке. А может быть, кровь просочится сквозь пол в расположенную этажом ниже комнату? Сообщит о случившемся, капая в темноте, растекаясь по подушке или лицу спящего?

«Что это, гром? Уж не протекает ли крыша?»

Потом высекут огонь, и в ярком свете свечи станет виден алый дождь. Наверное, начнутся крики…

Не расположена ли этажом ниже как раз комната леди Йяды? Ингри прикинул расположение коридоров и двери, в которую ушла дуэнья. Может быть. Какое это имеет значение?

Ингри долго оставался неподвижным, еле дыша, балансируя на острие ночи.

«Нет…»

Кровь Ингри стремилась к Йяде, но не таким образом. Он вспомнил маленькое чудо, которым была её улыбка. Не обычная нервная вежливая

гримаса, никогда не достигающая глаз, какой его приветствовало большинство женщин. Да, кажется, Йяда была единственной, кто улыбался ему глазами — без страха, без скрытого отвращения. Даже, пожалуй, с симпатией к человеку, которого она по непонятным причинам находила привлекательным. Его волк был не менее опасен для неё, чем для любой другой женщины из тех, на кого Ингри не смел поднять глаз, кого не смел коснуться; Йяда не была в безопасности… нет, тут дело заключалось в другом. Она была так же опасна для Ингри, как и он для неё.

Эти мысли произвели очень странное действие на сердце Ингри. Он всегда отметал поэтические описания — его сердце не перевернулось, не вывернулось наизнанку, не начало — уж это абсолютно точно — танцевать. Оно продолжало биться у него в груди как обычно, разве что чуть-чуть быстрее. Так почему же он так наслаждался незнакомым и опасным ощущением? Оно не было особенно приятным. Однако то, что Ингри лелеял в темноте своих снов, отличалось от грубой похвальбы большинства известных ему мужчин, расписывавших наслаждения от удовлетворённого вожделения; он уже давно заметил это.

Рука Ингри выпустила шнур, пальцы разжались.

«Так если я всё-таки решу не устраивать тебе столь кровавого пробуждения, Йяда, что же дальше?»

Ингри дошёл до конца дороги отрицания; идти по ней дальше, не утонув в собственной крови, он не мог.

«Думаю, у меня есть три варианта выбора».

Увязнуть в кровавой трясине и никогда больше не вынырнуть из неё. Жить в бесчувственной неподвижности, как раньше, — хотя было ясно, что ни течение событий, ни безжалостный Венсел не позволят ему и дальше оставаться в параличе. Или… повернуть и двинуться по неизведанному пути.

«Так что же это всё значит? И не занялся ли мой разум исключительно поэтической чепухой?»

В спальне Ингри было так тихо, что он слышал шум крови в собственных ушах, похожий на дыхание животного.

Не может ли он перестать отвергать себя и отвергнуть взамен мнение других? Ингри попробовал на вкус непривычные фразы: «Нет, вы все ошибаетесь: и жрецы, и королевский двор, и народ на улицах. Вы всегда ошибались. Я не… не…»

«Не что? Неужели я только так и способен мыслить — этими отчаянными отрицаниями?»

Ах, проклятая привычка!

«Если я поверну и пойду по новому пути… Я ведь не знаю, куда он ведёт. Или где закончится. Или кого я там повстречаю».

Эта мысль испугала Ингри больше, чем петля, нож и видение пролитой крови.

«Впрочем, если мне удастся найти более непроглядную тьму, чем та, что уже окружает меня, я очень удивлюсь».

Ингри поднялся, сунул кинжал в ножны и спрятал шнур в седельную сумку, потом разделся и растянулся на постели слуги. Простыни были старыми, протёртыми и заплатанными, но чистыми: только в богатом доме даже слуги могли пользоваться такой роскошью.

«Я не знаю, куда иду, но я так устал находиться там, где я есть!»

После краткого свидания с Венселом на рассвете, посвящённого исключительно практическим вопросам, Ингри и леди Йяда отправились в путь. Гвардейцы Хетвара всё ещё сопровождали их, радуясь тому, что избавились от общества мёртвого принца, дюжины мрачных придворных и багажа. Ингри даже отправил обратно дуэнью-де-

диката; её место заняла пожилая служанка дома Хорсриверов, сидевшая теперь за спиной Гески. Маленький отряд выехал из долины Оксмида и в свете рождающегося дня свернул на дорогу, извивающуюся по плодородным полям, составляющим графство Стагхорн.

Следуя примеру Хорсривера, Ингри бесцеремонно пустил коня вперёд, знаком предложив Йяде следовать за собой. Он, конечно, заметил, как прищурился Геска, но пренебрёг этим: лишь бы оказаться подальше от ушей любопытного лейтенанта.

Этим утром Йяда была необычно бледна и молчалива; под её глазами лежали тёмные тени. На поклон Ингри она ответила еле заметной улыбкой. Может быть, она наконец поняла, что впереди её ждёт западня? Теперь, когда слишком поздно…

— Мы не можем по-прежнему блуждать в потёмках, не составив никакого плана действий, — решительно начал Ингри. — Мой план вы отвергли. Можете вы предложить что-нибудь лучшее?

— Бегство — это не то, что я назвала бы планом. — Йяда искоса взглянула на Ингри. — И с каких это пор «я» превратилась в «мы»?

Ингри, сжав губы, промолчал.

«В первый же момент, когда я увидел тебя в замке, да помогут мне пять богов».

— После того, что случилось в комнате на втором этаже гостиницы в Реддайке, — произнёс он вслух.

Йяда примирительно кивнула.

— Есть проблема, которая касается нас обоих, помимо того судебного разбирательства, которое вас ждёт, дева-кошка, — продолжал Ингри.

— О, это всё связано, лорд-пёс.

Губы Ингри помимо его воли дрогнули. Неужели он и в самом деле настолько редко улыбается, что это ощущение может казаться таким странным?

— Граф Хорсривер обещал сделать что может, чтобы защитить вас. Он сказал мне сегодня утром, что вы должны поселиться в столице в принадлежащем ему доме. Вас будут окружать его слуги. Это лучше, чем какая-нибудь сырая темница, и к тому же своего рода знак. Думаю, что угрожающее вам судилище состоится не сразу. Может быть, у нас есть немного времени.

— Он желает иметь меня под рукой, — задумчиво сказала Йяда.

— По просьбе Венсела хранитель печати Хетвар

назначил меня вашим тюремщиком на это время. — Нет нужды говорить девушке, как захватило у него дух при таком неожиданном подарке судьбы. — Судя по письму, которое привёз мне курьер, Хетвар рад, что вы пока не будете привлекать к себе внимание.

Йяда вскинула глаза на Ингри.

— Значит, Венсел желает иметь под рукой нас обоих. Зачем?

— По-моему… — Ингри запнулся и неуверенно продолжал: — По-моему, он сейчас в некоторой растерянности. Так много всего происходит одновременно — и похороны, и горе его жены, а тут ещё болезнь священного короля и — да не допустит этого леди Лета, но такое кажется весьма вероятным — приближающиеся выборы. Биаст и его свита прибудут в Истхом, и принц наверняка привлечёт зятя к делам своей партии. А под всем этим кроются сверхъестественные секреты Венсела, старые и новые. Если Венселу удастся хоть один кусочек мозаики удержать на месте, пока у него не появится время им заняться, тем лучше. Для него. Что же касается меня, то я не собираюсь оставаться на месте без движения.

— Что вы намерены предпринять?

— Пока у меня есть всего одна идея. Если, как

я подозреваю, в Истхоме имеется несколько влиятельных лиц, которые предпочли бы не предавать суд над вами огласке и замять скандал, может быть, она и сработает. Ваши родичи могли бы напомнить о древнем законе кланов и предложить заплатить цену крови.

Йяда втянула воздух и удивлённо подняла брови.

— Неужели храм согласится на то, чтобы его законники не участвовали в таком важном деле?

— Если главы кланов Стагхорн и Баджербанк придут к соглашению, у ордена Отца не останется выбора. Однако у меня есть некоторые сомнения, и первое из них вот какое: король сейчас не в состоянии рассматривать какие-либо предложения. Хетвар даже сомневался: понял ли старик, что Болесо… э-э… погиб. Биаст, когда прибудет в столицу, может быть, и был бы готов вести переговоры, но ему будет не до того. В последнее время от суда в Истхоме было трудно добиться чётких решений, и ситуация, пожалуй, ещё ухудшится, прежде чем начнёт исправляться. Однако граф-выборщик Баджербанк — сила, с которой нельзя не считаться. Если его удастся убедить, что ради чести его дома он должен вам помочь, а Венсел поддержит вашу просьбу, то что-нибудь,

возможно, и получится.

— Цена крови принца не может быть низкой. Она окажется не по карману моему бедному отчиму.

— Значит, Баджербанк должен будет развязать свой кошелёк. Может быть, ему тайком поможет Венсел.

— Вам приходилось встречаться с графом Баджербанком? Не думаю, чтобы у него была репутация щедрого человека.

— Ну… — Ингри заколебался, потом честно ответил: — Да, он скуповат. — Ингри искоса взглянул на девушку, освещённую тёплыми лучами утреннего солнца. — Но если деньги…

— Взятка? — пробормотала Йяда.

— …найдутся где-нибудь ещё, думаю, будет не так трудно уговорить его действовать от имени клана. Земли, составляющие ваше приданое, — насколько они велики?

Ответила Йяда со странной сдержанностью:

— Примерно тридцать миль с запада на восток у подножий хребта Ворона и двадцать миль с юга на север — до самого водораздела у границ Кантонов.

Ингри растерянно заморгал.

— Это гораздо больше того, что я раньше понял

из ваших слов. Лесные угодья — хороший источник дохода: они могут давать дичь, древесину, уголь, мачтовый лес для флота, может быть, ещё и полезные ископаемые… Вам хватит заплатить за принца, на мой взгляд! Сколько деревень и хуторов на ваших землях, сколько домовладений платят налоги?

— Ни одного. На этих землях никто не живёт, никто там не охотится, никто даже не заезжает туда.

Странное напряжение в голосе Йяды заставило Ингри насторожиться.

— Почему?

Йяда смущённо пожала плечами.

— Это — проклятые земли. Полные призраков шепчущие леса. Израненный лес — вот как они называются. Действительно, деревья там кажутся больными. Всех, кто туда попадает, преследуют видения крови и смерти, как говорят.

— Болтовня, — фыркнул Ингри.

— Я там была, — твёрдо ответила Йяда. — После того как моя мать умерла и наконец выяснилось, что я унаследовала эти земли, я отправилась туда, чтобы всё увидеть самой: я полагала, что имею на это право и что таков мой долг. Лесник не хотел меня туда сопровождать, но я настояла.

Грумы моего отчима и моя горничная были в ужасе. Мы целый день ехали в глубь леса, потом остановились на ночлег. Земли так негостеприимны: сплошные ущелья и обрывы, камни и непролазные заросли, мрачные лощины и бурные потоки. В середине находится единственная плоская широкая долина, где растут огромные дубы, которым не одна сотня лет. Это самое мрачное место, проклятое святилище Древнего Вилда. Местные легенды говорят, что та равнина — как раз и есть место последней кровавой битвы, хотя на эту сомнительную честь претендуют ещё два графства у хребта Ворона.

— Многие древние святилища со временем превратились в крестьянские поля.

— Но не это. Той ночью мы там спали, хоть и против воли моего эскорта. И нам снились сны. Грумам привиделось, что их растерзали дикие звери, и они с криками проснулись. Моей горничной приснилось, что она тонет в крови. Утром все рвались поскорее оттуда уехать.

Ингри обдумал слова Йяды… а также её умолчания.

— Но сами вы не спешили покинуть долину?

На этот раз, прежде чем ответить, Йяда колебалась так долго, что Ингри чуть не повторил

вопрос, но придержал язык. Его терпение было вознаграждено, когда Йяда наконец прошептала:

— Сны снились всем, но мне потребовалось некоторое время, чтобы понять: моё сновидение отличалось от остальных.

Молчание, напомнил себе Ингри, обладает собственной силой. Он решил подождать ещё. Йяда взглянула на него из-под ресниц, словно оценивая его способность воспринять рассказ о сверхъестественных событиях.

Начала она, по мнению Ингри, издалека.

— Случалось ли вам видеть раздающего милостыню человека, окружённого толпой изголодавшихся нищих? Они вьются вокруг него, как ураган, и пусть каждый в отдельности слаб, все вместе они сильны и устрашающи. «Дай нам, дай, ибо мы голодаем!» Только сколько бы вы им ни давали, пока не отдадите всё, что имеете, этого всё равно не будет достаточно; они могут растерзать вас на части и сожрать, но всё равно не насытятся.

Ингри настороженно кивнул, не особенно понимая, к чему клонит Йяда.

— В моём сновидении ко мне из деревьев вышли люди. С окровавленными руками, многие обезглавленные, в ржавых доспехах Древнего

Вилда. Некоторые несли символы тотемов — черепа животных, изукрашенные разноцветными камнями, другие были одеты в шкуры — оленя и медведя, коня и волка, бобра и выдры, кабана и быка. Безликие, расплывчатые, страшно изувеченные… Огромная толпа вопила вокруг меня, как если бы я была их королевой, явившейся раздать какое-то странное богатство. Я не понимала их языка, а их знаки вызывали только растерянность. Я их не боялась, хоть истлевшие руки цеплялись за мою одежду, пока вся она не пропиталась холодной чёрной кровью. Они чего-то от меня хотели, но я никак не могла догадаться, чего именно. Однако я знала, что это им причитается.

— Ужасный сон, — сказал Ингри как можно более ровным голосом.

— Я их не боялась, но они разбили моё сердце.

— Они были так жалки?

— Нет… на самом деле нет. В своём сне я разорвала себе грудь, достала бьющееся сердце и протянула гиганту, которого сочла их предводителем. Он был одним из обезглавленных воинов — его голова в боевом шлеме висела на широком золотом поясе, и он держал древко с туго свёрнутым знаменем. Он низко поклонился мне, положил моё сердце на каменный алтарь и рас-

сёк пополам обломком меча, который сжимал в руке. Половину он с великим почтением вернул мне, а вторую половину поместил на остриё древка знамени, и толпа разразилась криками. Я не могла понять, была ли это клятва верности, требование жертвы или выкупа, до тех пор… — Йяда умолкла и сглотнула.

Потом она заговорила снова:

— До тех пор, пока Венсел прошлым вечером не сказал: «Знаменосец». Я почти забыла свой сон под грузом новых бед, но при этих его словах увиденное во сне снова предстало мне — так ярко, что это было похоже на удар. Вы и представить себе не можете, каким чудом мне удалось не упасть в обморок.

— Я… ничего такого не заметил. Вы просто выглядели заинтересованной.

Йяда с облегчением кивнула:

— Это хорошо.

— И что же нового вы в результате поняли в своём сне?

— Я подумала… Я думаю теперь, что той ночью мёртвые воины сделали меня своей знаменосицей. — Правая рука Йяды выпустила поводья и коснулась сердца в священном жесте; Ингри показалось, что пальцы её судорожно сжались. — И

ещё я неожиданно вспомнила, что сердце — знак и символ Сына Осени. Сердце — символ мужества. И верности. И любви.

Ингри подумал о том, что начал разговор, имея в виду тонкую политику, намереваясь придумать основательный, разумный, практичный план. Как случилось, что он снова по пояс провалился в трясину сверхъестественного?

— Это был всего лишь сон. Давно ли он вам привиделся?

— Несколько месяцев назад. Мои спутники не могли дождаться, когда же мы вернёмся обратно, и подгоняли коней. А я ехала медленно и всё время оглядывалась назад.

— И что увидели?

— Ничего. — Йяда нахмурила брови, словно вспомнив о боли, которую испытала. — Ничего, кроме деревьев. Остальные боялись тех мест, но моё сердце они влекли. Мне хотелось вернуться — одной, если мой эскорт не пожелает меня сопровождать, и попытаться понять… Но прежде чем мне удалось улизнуть, меня отослали к принцессе, и… — Взгляд Йяды сделался напряжённым. — Но Израненный лес продать нельзя.

— Наверняка найдётся кто-нибудь, кто не слышал этих местных легенд.

Йяда покачала головой.

— Вы не понимаете.

— Разве эти земли майорат?

— Нет.

— Может быть, они заложены?

— Нет! И никогда не будут! Как смогла бы я их выкупить? — Йяда невесело рассмеялась. — Меня не ожидает выгодный брак; скорее теперь мне вообще не найдётся супруга. Надежд на наследство у меня тоже нет.

— Но если такой ценой можно спасти вашу жизнь, Йяда…

— Вы не понимаете… Да помогут мне пять богов, я и сама не вполне понимаю, но мёртвые воины поручили мне этот лес. Я не могу сложить с себя ответственность, пока… долг не выплачен.

— Долг? Какой платы могут желать призраки? Или просто нечто вам привидевшееся? — раздражённо бросил Ингри.

Йяда огорчённо поморщилась и лёгким движением руки отмела его сомнение.

— Не знаю. Но чего-то они от меня хотели.

— Тогда придётся найти другой способ, — пробормотал Ингри.

«Или вернуться к этому разговору позднее».

Теперь была очередь Йяды бросить на Ингри

задумчивый взгляд.

— И каковы же ваши планы насчёт поиска того, кто наложил на вас заклятие?

— Никакого плана у меня нет, — признался Ингри. — Хотя после Реддайка… хм-м… не думаю, чтобы новое заклятие могло быть на меня наложено так, что я ничего не замечу. И не воспротивлюсь. — Смущённый тем, с каким сомнением Йяда подняла брови, Ингри более решительно добавил: — Я намереваюсь быть начеку и не позволю больше себя использовать.

— Мне кажется… вы уверены, что мишенью для нападения была в самом деле я? Может быть, не вы должны были стать орудием моего уничтожения, а я — вашего? Кого вы оскорбили?

От этой неуютной мысли Ингри ещё больше нахмурился.

— Многих. Это моё призвание. Только я всегда полагал, что враг просто пошлёт наёмных убийц.

— Вы думаете, обычный наёмный убийца захочет с вами связываться?

Губы Ингри дрогнули в улыбке.

— Он мог бы назначить более высокую цену.

На губах Йяды тоже промелькнула улыбка.

— Может быть, ваш враг — скряга и не хочет

платить целое состояние за убийство воина-волка.

Ингри усмехнулся.

— Боюсь, моя репутация более красочна, чем то может быть доказано с мечом в руке. Противнику нужно было бы послать просто достаточно много солдат или пристрелить меня сзади в темноте. Это не так уж и трудно сделать. Человека, когда он один, убить нетрудно, как бы мы ни хвастались своей ловкостью.

— Действительно… — печально пробормотала Йяда, и Ингри проклял свой болтливый язык. Через некоторое время девушка добавила: — И всё-таки это не бессмысленный вопрос. Что случилось бы с вами, если бы заклятие сработало?

Ингри пожал плечами.

— Я был бы опозорен. Изгнан со службы хранителю печати Хетвару. Может быть, казнён. Правда, если бы мы оба утонули, это сочли бы несчастным случаем. Несколько человек, наверное, порадовались бы, что я избавил их от дилеммы, но ожидать от них благодарности я не стал бы.

— Но одно можно сказать наверняка: как влиятельная сила в столице вы были бы устранены.

— Я не играю в столице никакой роли. Я просто

один из довольно странных слуг Хетвара.

— До чего же благородно со стороны Хетвара так вам благодетельствовать.

Ингри только открыл и снова закрыл рот.

— М-м…

— Когда я в первый раз увидела зверя Венсела, я сразу подумала о графе как о возможном авторе заклятия. Я ещё больше укрепилась в этой мысли, когда Венсел раскрыл свою тайну: он ведь практически прямо сказал, что считает себя шаманом.

«Так вы тоже об этом подумали?»

Йяда, напомнил себе Ингри, не знала Венсела в детстве, когда тот был болезненным вялым ребёнком. Но значит ли это, что она переоценивает — или сам Ингри недооценивает — его кузена?

— Только в этом случае, — продолжала Йяда, — непонятно, как нам обоим было позволено живыми покинуть его дом сегодня.

— Расправа была бы слишком очевидной, — ответил Ингри. — Наёмный убийца бывает единственным свидетелем своего преступления, но заклятие вообще никаких свидетелей не оставляет. Тот, кто его наложил, был то Венсел или нет, стремился к полной тайне. Вероятно… — Ингри нахмурился: его одолевали сомнения.

— Граф никогда не казался мне человеком, рядом с которым приятно находиться, но этот новый Венсел пугает меня до смерти.

— Ну, меня-то нет. — Ингри внезапно замер, вспомнив, как близко он подошёл к смерти от собственной руки всего двенадцать часов назад. Была бы его смерть в доме Венсела такой незаметной, чтобы не вызвать вопросов?

«На этот раз дело было не в заклятии. Я собирался сделать это по собственной воле. После того как Венсел припугнул меня моим волком».

— Что заставило вас так помрачнеть? — спросила Йяда.

— Ничего.

Губы Йяды раздражённо скривились.

— Ну конечно!

После нескольких минут молчания Йяда сказала:

— Мне непременно нужно узнать, что ещё известно Венселу о Кровавом Поле, или, как он называет то место, долине Священного древа, — раз уж он, по его словам, такой знаток Древнего Вилда. Порасспрашивайте его, если — точнее, когда — снова с ним увидитесь. Но только не рассказывайте ему о моём сне.

Ингри согласно кивнул.

— Приходилось ли вам обсуждать с ним ваше наследство?

— Никогда.

— А с принцессой Фарой?

Йяда поколебалась.

— Только в том смысле, что оно ничего не стоит как приданое.

Ингри побарабанил пальцами по затянутому в кожаный дорожный костюм бедру.

— И всё-таки это был всего лишь сон. Большинство душ должны были быть забраны богами в момент смерти, если поляна в вашем лесу действительно Кровавое Поле или место какого-то другого сражения. Те несчастные, от кого отказались боги, превратились в призраков и растаяли столетия назад — по крайней мере так учили меня жрецы. Четыреста лет — слишком долгий срок для того, чтобы призраки сохранились в неприкосновенности.

— Я видела то, что видела. — Тон Йяды не предполагал объяснений.

— Может быть, именно такое действие на души людей оказывает единение с духами животных. — Ингри, казалось, посетило вдохновение. — Вместо того чтобы истаять, как обычные призраки, они остаются прокляты навеки, обре-

чены на холодную безмолвную пытку. Попадают в западню между миром материи и миром духов. Вся боль смерти остаётся с ними, вся радость жизни исчезает… — От внезапно охватившего его страха Ингри сглотнул.

Взгляд Йяды сделался отсутствующим.

— Надеюсь, что это не так. Те воины были изранены и измучены, но не показались мне мрачными — они, по-моему, находили радость во мне. — В углах глаз Йяды, обращённых на Ингри, собрались морщинки. — Вы только что сказали, что это был всего лишь сон, а теперь поверили в него и видите в нём будущее, на которое обречены. Нельзя идти по этой дороге в обе стороны сразу, каким бы восхитительно мрачным ни делала вас перспектива беспросветного будущего.

Ингри от изумления только фыркнул, но губы его растянулись в лёгкой улыбке. Он немедленно вернул себе серьёзный вид.

— Так куда же, по-вашему, ведёт дорога?

— Я думаю… — медленно сказала Йяда, — что если бы я смогла вернуться туда, я узнала бы об этом. — Веки Йяды на мгновение опустились, потом она бросила на Ингри оценивающий взгляд. — Мне кажется, что и вы могли бы узнать тоже.

Разговор был прерван появлением на дороге свиты какого-то лорда, торопящегося на траурную церемонию в Оксмид. Ингри знаком велел своим людям отъехать на обочину, высматривая знакомые лица среди встречных. С некоторыми он обменялся короткими приветствиями. Это были люди графов Боарфордов — братьев-близнецов, путешествующих вместе с супругами в украшенной коврами повозке, подпрыгивающей на рытвинах. Почти сразу за этим отряду Ингри пришлось уступить дорогу процессии жрецов — дедикатов и настоятелей, богато разодетых и едущих на породистых конях.

Когда порядок восстановился, обнаружилось, что Геска следует вплотную за Ингри, глядя на него с мрачным подозрением. Ингри дал коню шпоры, и дальше путешественники скакали галопом.

Глава 10

День уже клонился к концу, когда Ингри и его спутники перевалили через низкие холмы к северо-востоку от столицы. Их взгляду открылся город и раскинувшаяся за ним к югу широкая равнина. Река Сторк серебрилась в лучах заходящего солнца, огибая подножие городской цитадели; дальше её извилистое русло скрывал осенний туман. По воде деловито сновали купеческие корабли — некоторые направлялись вниз по течению к холодному морю в восьмидесяти милях от столицы, другие везли товары с побережья в Истхом. Йяда привстала на стременах и стала разглядывать открывшийся вид.

Ингри всмотрелся в её лицо: Йяда казалась наполовину зачарованной, наполовину настороженной. Истхом, вероятно, был самым большим городом, который ей приходилось видеть, пусть дюжина провинциальных дартаканских городов и превосходила его размером, а уж столица Дартаки была больше Истхома раз в шесть.

— Столица делится на две половины — Храмовый город и Королевский город, — объяснил Ингри. — В верхней части, вон на тех скалах,

расположен храм, резиденция верховного настоятеля и дворцы всех священных орденов. На берегу реки, в нижней части города, размещаются склады, жилища купцов, а вон там, за стеной, — верфи; там же в Сторк выходят трубы канализации. Резиденция священного короля и дворцы знати находятся в противоположном от причалов конце Королевского города. — Рука Ингри указывала на те части столицы, о которых он говорил. — В старые времена Истхом состоял из двух деревень, принадлежавших двум разным племенам. Они враждовали и сражались друг с другом, пока ручей, разделявший деревни, не заполнился кровью. Говорят, только внук Аудара, захватив эти земли и превратив Истхом в свой западный оплот, уничтожил все различия и застроил город новыми каменными зданиями. Теперь ручей почти нельзя разглядеть из-за окружающих его домов, да никто и не подумает умирать ради этой сточной канавы. Мне эту историю рассказал Хетвар; он считает её весьма нравоучительной, только я не очень уверен, какую он из неё извлекает мораль.

Отряд направился к восточным воротам столицы, ведущим в Королевский город. Местные каменщики отличались редким искусством, и

вдоль извилистых улиц высились дома из золотистого камня; стёкла окон блестели из глубоких проёмов. Крыши из красной черепицы сменили дранку или всегда готовую вспыхнуть солому: раньше пожары чаще уничтожали поселения-близнецы, чем войны. Городские стены были хорошо укреплены, хотя городские дома, теснившиеся внутри, начали уже выплёскиваться за их пределы, делая грозные укрепления довольно бессмысленными.

Наконец Ингри, Йяда и их эскорт свернули в узкую извилистую улицу в торговом квартале и спешились перед небольшим каменным домом в ряду таких же строений, примыкавших друг к другу, хотя явно выстроенных в разное время и разными мастерами. Ингри подумал, что граф Хорсривер, должно быть, владеет всеми домами на улице — эта ценная собственность скорее всего досталась ему как приданое принцессы Фары. Дом не был ни так велик, ни так богат, как тот, где они останавливались в Оксмиде, но выглядел достаточно удобным, тихим и уединённым.

Ингри спешился и передал коней — своего и Йяды — людям Гески.

— Передай милорду Хетвару, что я явлюсь к нему, как только удостоверюсь в должном при-

смотре за пленницей. И пришли сюда моего слугу Теско, если обнаружишь его достаточно трезвым. Пусть он захватит те вещи, которые мне понадобятся на ближайшие несколько дней, — в первую очередь чистую одежду. — Ингри поморщился: все кости у него болели, шов на голове чесался, сводя его с ума, дорожная кожаная одежда пропахла конским потом и была покрыта грязью. Леди Йяда, которая, стягивая перчатки, осматривалась вокруг, выглядела такой же свежей и элегантной, какой была утром.

Привратник распахнул перед ними дверь; служанка, выполнявшая роль дуэньи, вдвоём с горничной проводила Йяду в отведённую для неё комнату, а мальчик-слуга следом отнёс туда их багаж. Ингри опустил на пол седельные сумки и обвёл взглядом узкий холл.

Привратник неуклюже поклонился ему.

— Мальчик сейчас вернётся и проводит вас в вашу комнату, милорд.

— Это не к спеху, — хмыкнул Ингри. — Если мне предстоит нести ответственность за содержание здесь пленницы, мне лучше всё тут осмотреть. — Он двинулся к ближайшей двери.

Дом имел достаточно простую планировку. На первом этаже находились кладовые, кухня

и каморка, где жили повариха и судомойка, столовая, гостиная и закуток под лестницей, в котором ютился привратник. Ингри выглянул в единственную ведущую наружу дверь: за ней виднелся огороженный со всех сторон двор с колодцем. На втором этаже оказались две спальни и комната, предназначенная для хозяйского кабинета. Поднявшись на площадку следующего этажа, Ингри за одной из дверей услышал женские голоса — там были покои, отведённые Йяде. Самый верхний этаж занимали помещения для слуг.

Спустившись вниз, Ингри обнаружил, что мальчик-слуга тащит его седельные сумки в одну из спален на втором этаже. Мебели там было мало — узкая кровать, умывальник, единственное кресло и покосившийся гардероб. Ингри усомнился в том, что в доме кто-то жил до того, как гонец, посланный графом Хорсривером, явился сюда прошлой ночью с распоряжениями. Лёгкие шаги и скрип кровати этажом выше сказали Ингри, что комната леди Йяды находится прямо над его спальней. Такая близость была и обнадёживающей, и смущающей. Услышав на лестнице шаги, Ингри распахнул дверь.

Йяда как раз подняла руку, чтобы постучаться к

нему. В другой руке она держала немного помятое письмо просвещённой Халланы. Позади девушки виднелась дуэнья — шпионка Венсела? — с подозрением посматривавшая на свою подопечную.

— Лорд Ингри, — проговорила Йяда, вернувшись к формальному тону, — просвещённая Халлана поручила вам доставить это письмо. Вы это сделаете? — Её пристальный взгляд безмолвно напомнил Ингри о словах волшебницы: «Тому, кому оно адресовано, и никому другому».

Ингри взял письмо и взглянул на нацарапанное на нём имя.

— Вы знаете, кто это, — он вгляделся пристальнее, — просвещённый Льюко?

— Нет. Но если Халлана доверяет ему, он должен быть надёжным человеком и обладать острым умом.

«Разве это что-то доказывает? Халлана и мне доверяла».

Служитель храма, и умный, и порядочный, может оказаться врагом для осквернённых древней магией…

Ингри по-прежнему было до смерти любопытно узнать, что сообщает о нём и о странных событиях в Реддайке Халлана. Единственным способом выяснить всё это, не вскрывая письма самому,

было присутствовать при том, как его вскроет адресат. И если он доставит послание по пути во дворец Хетвара, он избавится от необходимости скрывать его существование или лгать своему господину, а Хетвар не сможет потребовать у него письмо. Если хранитель печати будет недоволен, Ингри сможет притвориться, будто не сомневается: добросовестное выполнение поручения — именно то, чего ожидал бы Хетвар от своего верного помощника.

— Да. Я передам письмо.

Йяда закивала, и Ингри подумал: не прочла ли она эти его мысли по глазам. А может быть, девушка так же проницательно судила о людях, как и Халлана…

— Не выходите из дома, — добавил Ингри. — Так лучше для вашей безопасности. И заприте дверь своей комнаты тоже. Полагаю, что все удобства, которые может предоставить этот дом, в вашем распоряжении. — Ингри бросил взгляд на стоящую позади Йяды дуэнью, и та почтительно поклонилась, подтверждая его слова. — Я не знаю, что потребует от меня лорд Хетвар, так что ужинайте без меня, когда пожелаете. Я вернусь, как только смогу.

Ингри сунул письмо за пазуху, вежливо покло-

нился Йяде и спустился по лестнице. Ему хотелось вымыться, надеть чистую одежду и поесть, но все эти приятные вещи приходилось отложить.

Поручив привратнику передать распоряжения своему слуге на случай, если Теско появится до его возвращения, Ингри вышел из дома.

Знакомые запахи и звуки странно приободрили его. Ингри шёл по извилистым мощённым булыжником улицам, потом пересёк полузасыпанный ручей и стал взбираться по крутой лестнице, ведущей в Храмовый город. После двух крутых поворотов он, запыхавшись, оказался перед воротами в башне и через них вошёл в верхнюю часть города. В тёмном углу у маленькой часовни, в которой прохожие оставляли подношения, чтобы обеспечить безопасность столицы, мерцало несколько свечей, и Ингри задумчиво сделал священный знак Пятёрки. Выйдя снова на вечерний свет, Ингри свернул направо.

Ещё через несколько минут он вышел на площадь перед храмом, миновал колонны портика и оказался на священной территории.

Двор был открыт свету небес, и посередине его на плитах очага ровно горел священный огонь. Сквозь арку, ведущую в один из пяти увенчанных огромными куполами приделов храма, Ингри

увидел приготовления к какой-то церемонии — по-видимому, похоронам: перед алтарём Отца стоял катафалк, окружённый скорбящими родственниками. Ещё несколько дней, и вокруг тела принца Болесо тоже будут проводиться те же обряды.

Служители храма выводили во двор священных животных, которым предстояло совершить своё маленькое чудо — сообщить о том, кто из богов готов забрать душу усопшего. Каждого зверя служитель в одеждах соответствующего цвета должен был подвести к катафалку, а жрец по поведению животного решить, в чьи руки попадает ожидающая решения душа. От этого зависели не только молитвы плакальщиков, но и более материальные вещи — на какой алтарь попадут и соответственно какому ордену достанутся приношения родственников покойного. Ингри был бы склонен смотреть на обряд с цинизмом, если бы не то обстоятельство, что ему не раз приходилось видеть, каким неожиданным для всех участников оказывался результат божественного выбора.

Женщина в зелёном одеянии ордена Матери принесла большого зелёного попугая, который, сидя у неё на плече, издавал встревоженные

крики. Молодая служительница в голубых цветах леди Весны крепко прижимала к себе сойку, а лохматый серый пёс лежал у ног пожилого жреца Отца. Парень в красно-коричневой мантии ордена Сына привёл брыкающегося рыжего жеребёнка, шкура которого отливала медью, а белки выкаченных глаз сверкали в отблесках огня. Животное фыркало и вырывалось, едва не сбивая с ног служителя, и Ингри, осмотревшись, понял причину этого.

Следом за остальными во двор медленно вышел огромный белый медведь — высотой не уступающий пони, а в ширину вдвое его превосходящий. Глаза-щёлки медведя имели цвет замёрзшей мочи и отличались примерно такой же выразительностью. От ошейника животного тянулась длинная толстая серебряная цепочка, и конец её держал служитель в белых одеждах Бастарда. Молодой человек явно с трудом сдерживал страх и постоянно переводил взгляд с медведя на идущего рядом мужчину огромного роста, бормочущего какие-то успокоительные слова.

Этот гигант производил не меньшее впечатление, чем медведь. Он был не только высок, но и широкоплеч, а густые рыжие волосы, завязанные в хвост, падали ему на спину, еле удерживаемые

массивными серебряными пряжками — такими же массивными, как позвякивающие на руках браслеты. Блестящие голубые глаза смотрели на окружающих с дружелюбным смущением, и Ингри затруднился бы сказать, отражается ли в этих глазах сообразительность или тупость. Одежда великана — камзол, штаны и развевающийся плащ — была скроена просто, но окрашена в ослепительно яркие цвета и расшита замысловатыми узорами. На огромных сапогах сверкали серебряные накладки, а рукоять длинного меча украшали грубо огранённые драгоценные камни. В ножнах на поясе висел не кинжал, а топор, тоже с рукоятью в драгоценных камнях; лезвие его выглядело острым как бритва.

Темноволосый человек в такой же, хоть и менее яркой, одежде прислонился к колонне, сложив на груди руки; он тоже был высоким, хоть и на голову ниже своего спутника. На происходящее он смотрел с выражением глубочайшего сомнения, не обращая никакого внимания на умоляющие взгляды, которые бросали на него храмовые служители.

Ингри отвернулся от занятной сцены и переключил внимание на женщину в белой мантии Бастарда; на плече её виднелись шнуры жрицы,

а руки были полны свежевыстиранного белья: женщина явно спешила по какому-то хозяйственному делу. Ингри еле успел ухватить её за рукав, прежде чем жрица скрылась в ведущем куда-то в глубь храма проходе. Жрица неохотно остановилась и недовольно взглянула на Ингри.

— Простите меня, просвещённая. Я привёз письмо для просвещённого Льюко и должен вручить его ему в собственные руки.

Выражение лица жрицы тут же сделалось если не более дружелюбным, то, во всяком случае, весьма заинтересованным. Она оглядела Ингри с ног до головы, и он подумал, что сейчас вполне похож на усталого после долгой дороги гонца.

— Тогда идите за мной, — сказала жрица и резко развернулась, направившись туда, откуда пришла. Хоть ноги у Ингри и были длинными, ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы не отстать.

Женщина провела Ингри через незаметную боковую дверь на лестницу, ведущую ко дворцу верховного настоятеля; по узкому извилистому проходу они вышли к длинному двухэтажному каменному зданию. Войдя в него и поднявшись по ещё одной лестнице, они попали в путаницу коридоров, и Ингри порадовался, что жрица

не ограничилась указаниями, а решила его проводить. Они миновали несколько хорошо освещённых комнат, где трудились писцы, судя по склонённым головам и скрипу перьев.

Дойдя наконец до нужной двери, жрица постучала в неё. Спокойный мужской голос откликнулся:

— Войдите!

За дверью оказалась узенькая комнатка; впрочем, возможно, она казалась узкой из-за обилия заполняющих её вещей. Вдоль стен тянулись забитые книгами полки; книги лежали и на столах, вперемешку с бумагами и множеством самых разнообразных предметов. В углу на подставке виднелось седло.

Человек, сидевший в кресле у окна за одним из столов, оторвался от бумаг, которые просматривал, и вопросительно поднял брови. Он тоже был одет в белые одежды ордена Бастарда, однако его мантия выглядела поношенной, а на плече отсутствовали говорящие о ранге шнуры. Пожилой жрец был худым и высоким, с коротко остриженными седыми волосами. Ингри принял бы его за клерка или секретаря какого-нибудь вельможи, если бы не то почтение, с которым служительница Бастарда склонилась перед ним.

— Просвещённый, этот человек привёз для вас письмо. — Она взглянула на Ингри. — Как ваше имя, сэр?

— Ингри кин Волфклиф.

Женщине его имя явно ничего не сказало, но брови человека за столом поднялись ещё выше.

— Спасибо, Марда, — сказал он, вежливо отпуская жрицу. Та снова почтительно поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

— Просвещённая Халлана поручила мне доставить вам это письмо, — сказал Ингри, делая шаг к столу и протягивая конверт.

Просвещённый Льюко отложил свои бумаги и резко выпрямился.

— Халлана! Надеюсь, с ней ничего не случилось?

— Нет… то есть с ней было всё в порядке, когда я её видел в последний раз.

Льюко настороженно взглянул на письмо.

— Дело… сложное?

Ингри помедлил, прежде чем ответить.

— Халлана не показывала мне письма. Но я думаю, что сложное.

Льюко вздохнул.

— Ну, всё-таки это не ещё один белый медведь… Не думаю, чтобы Халлана подарила мне белого

медведя. Вернее, надеюсь…

Ингри на мгновение забыл о цели своего прихода.

— Я видел белого медведя во дворе храма. Он… э-э… производит большое впечатление.

— Он совершенно устрашающий, на мой взгляд. Грумы просто рыдали. Да помилует нас Бастард, неужели они в самом деле собираются использовать его во время похорон?

— Именно так это выглядело.

— Нам следовало просто поблагодарить князя и отправить медведя в зверинец. Куда-нибудь подальше от столицы.

— Как он здесь оказался?

— В качестве сюрприза. Его привезли на лодке.

— Какого же размера должна быть для этого лодка!

Льюко улыбнулся изумлению Ингри и сразу стал выглядеть на несколько лет моложе.

— Я её вчера видел: она привязана у причала ниже по течению. Совсем не такая большая, как можно было бы ожидать. — Льюко провёл рукой по волосам. — Что касается медведя, то это дар, а может быть, взятка. Его привёз этот рыжеволосый великан с какого-то острова в холодном южном море — то ли князь, то ли пират, кто его

разберёт. Князь Джокол, которого его преданная команда ласково называет Джокол Раскалыватель Черепов, как мне говорили. Я полагал, что белого медведя нельзя приручить, но этот князь растил своего любимца с тех пор, когда тот был крошечным медвежонком, — что делает его дар, пожалуй, ещё более ценным. Страшно представить, что за путешествие они проделали — те моря знамениты своими штормами. Подозреваю, что этот князь совершенно безумен. Как бы то ни было, на содержание медведя он пожертвовал храму несколько больших слитков чистого серебра — что, похоже, и лишило смотрителя храмового зверинца решимости отказаться от такого дара. Или взятки.

— Взятки ради чего?

— Раскалыватель Черепов желает увезти на свой обледенелый остров вместо белого медведя священнослужителя-квинтарианца. Каждый жрец должен быть горд и счастлив совершить такой подвиг ради веры. Храм объявил, что добровольцы могут прибыть в столицу. Об этом объявляли дважды… Если никто не объявится ко времени отплытия князя, придётся принимать меры — возможно, вытаскивать подвижника из-под кровати. — На лице Льюко снова про-

мелькнула улыбка. — Я могу позволить себе посмеиваться: меня-то не пошлют. Ну ладно… — Льюко снова вздохнул, придвинул к себе письмо — так, чтобы восковая печать оказалась сверху — и низко склонился над ним.

Веселье покинуло Ингри, он снова насторожился. Его кровь — *та самая* кровь, — казалось, быстрее побежала по жилам. Льюко не носил на плече шнура волшебника, от него не пахло демоном… и тем не менее храмовые волшебники перед ним отчитывались… обращались к нему с самыми сложными своими проблемами…

Льюко положил руку на печать и на мгновение закрыл глаза. Что-то словно вспыхнуло вокруг него; Ингри ничего не увидел и ничего не учуял, но волосы у него на голове зашевелились. Он почувствовал что-то похожее на тот мучительный трепет, который ощутил однажды в прошлом; тогда источник был гораздо мощнее, но восприимчивость Ингри — слабее. В конце своего бесплодного паломничества в Дартаку, в присутствии сухонького, сгорбленного, усталого, совершенно обыкновенного с виду человека, который спокойно сидел перед Ингри, а через него мира материи касался бог…

«Льюко не волшебник, он святой, по крайней

мере отмеченный богом».

И он знает, кто такой Ингри; похоже, он живёт здесь в храме уже давно, судя по состоянию его кабинета, а Ингри никогда раньше его не видел… или не замечал. Определённо, Льюко не бывал среди тех настоятелей, которые являлись к хранителю печати или в королевский дворец: помнить их всех входило в обязанности Ингри.

Льюко поднял глаза; теперь в них уже не было заметно веселья.

— Вы служите хранителю печати Хетвару, не так ли? — мягко поинтересовался он.

Ингри кивнул.

— Это письмо было вскрыто.

— Но не мной, просвещённый.

— Кем же?

Ингри лихорадочно думал. Письмо попало от Халланы к Йяде, потом к нему… Йяда? Наверняка нет. Оставляла ли его где-нибудь Йяда, вынимала ли из кармана своей амазонки? Она была в этой одежде всё время, за исключением… за исключением того ужина с графом Хорсривером. А Венсел выходил из-за стола, чтобы ознакомиться со срочным сообщением… ну да! Графу ничего не стоило заставить дуэнью позволить ему порыться в вещах пленницы, но неужели Венсел рассчитывал,

что какой-то шаманский трюк позволит ему провести волшебника?

«Но ведь Льюко не волшебник… или всё-таки волшебник?»

— Без доказательств любое моё предположение может оказаться клеветой, просвещённый, — уклончиво ответил Ингри.

Взгляд Льюко стал пугающе пронзительным, и Ингри испытал облегчение, когда внимание жреца снова переключилось на письмо.

— Что ж, посмотрим, — пробормотал Льюко и вскрыл письмо, сломав печать.

Несколько минут он внимательно читал послание, потом потряс головой и поднялся, чтобы наклониться ближе к окну. Дважды он переворачивал исписанный лист вверх ногами, а один раз, искоса взглянув на Ингри, поинтересовался:

— Говорит ли вам что-нибудь фраза «разорвал свой цеп»?

— Э-э… может быть, «цепи»?

— Ах, конечно! — обрадовался Льюко. — Так гораздо понятнее. — Он стал читать дальше. — А может быть, и нет…

Он дочитал до конца, нахмурился и начал читать письмо заново, рассеянно махнув рукой куда-то в угол:

— По-моему, где-то там есть складной стул. Присядьте, лорд Ингри.

К тому времени, когда Ингри разыскал стул, разложил его и уселся, Льюко оторвался от письма.

— Жаль мне того шпиона, которому пришлось расшифровывать это, — с сочувствием сказал он.

— Халлана пользовалась шифром?

— Нет. Просто такой у неё почерк. Да ещё, как я понимаю, писала она в спешке. Нужна привычка — а уж у меня она есть, — чтобы всё это разобрать. Что ж, мне случалось тратить силы, получая за труды меньшую награду. Не от Халланы — она всегда пишет о важных вещах, это один из её не слишком удобных для окружающих талантов. Её ласковая улыбка прячет священное неистовство. И безжалостность. Спасибо Отцу за смягчающее влияние Освина… хоть оно и невелико.

— Вы хорошо её знаете? — поинтересовался Ингри.

«И знаете ли, почему этот образец добродетели пишет именно вам из всех служителей храма в Истхоме?»

Льюко свернул письмо и постучал им по столу.

— Я был назначен её наставником, много лет назад, когда она так неожиданно сделалась волшебницей.

Но ведь учить волшебника может только другой волшебник. Значит… Как прыгающий по воде камешек, ум Ингри скользнул мимо двух настойчивых вопросов и остановился на третьем:

— Как может человек сделаться бывшим волшебником? И не пострадать при этом? — Ингри помнил, что в обязанности того дартаканского святого входило лишать силы незаконных волшебников, которые, как говорили, отчаянно сопротивлялись этой процедуре. Льюко совсем не походил на такого ренегата.

— Есть способ отказаться от подобного дара. — На лице Льюко было написано наполовину сожаление, наполовину радость. — Если человек своевременно решит проделать всё необходимое.

— Разве это не мучительно?

— Я не говорил, что дело лёгкое. — Голос Льюко стал ещё тише. — На самом деле тут требуется чудо.

Так что же представляет собой этот человек?

— Я уже четыре года служу в Истхоме. Удивительно, что наши пути ни разу до сих пор не пересекались.

— Но это не так. В определённом смысле… Я очень хорошо знаком с вашим делом, лорд Ин-

гри.

Ингри напрягся: ведь Льюко недаром выбрал такое слово — «дело».

— Вы были тем храмовым волшебником, которого посылали на расследование в Бирчгров? — Ингри нахмурился. — Мои воспоминания о том времени перепутаны и отрывочны, и вас я не помню.

— Нет, то был другой человек. Моё участие заключалось в другом. Храмовый следователь привёз мне из замка пепел, чтобы я восстановил записку с признанием.

Ингри нахмурил брови.

— Разве это не такая задача, которую просвещённая Халлана назвала бы слишком крутой для храмовой магии? Разве по силам кому-нибудь восстановить порядок из хаоса?

— Ну, в определённой мере… Увы, месяц работы и, возможно, год моего служения — и, как выяснилось, ради совершенной малости. Я был в ярости. Что вы помните о просвещённом Камриле? Молодом священнослужителе, которого совратил ваш отец?

Ингри напрягся ещё больше.

— После знакомства, которое длилось в течение часа за ужином и ещё четверти часа во

время обряда… не слишком много. Всё внимание Камрила было поглощено моим отцом. Я для него был незначительным добавлением. И откуда вы, в конце концов, знаете, кто кого совратил? — язвительно заключил Ингри.

— Это-то было ясно. Менее ясно — как удалось уговорить Камрила. Он согласился не за деньги и, думаю, не потому, что ему угрожали. Была какая-то причина — Камрил, наверное, думал, будто совершает доброе дело, чуть ли не героическое, но что-то получилось ужасно неправильно.

— Как вы можете судить о том, что было у него на сердце, раз вы даже не знаете, о чём он думал?

— Ну, об этом мне гадать не пришлось — всё было написано в его письме. Как только мне удалось его восстановить… Три страницы, кричавшие о горе, вине, раскаянии. И ни единого факта, о которых мы бы уже не знали, — поморщился Льюко.

— Если Камрил написал признание, то кто его сжёг? — спросил Ингри.

— Об этом я могу только гадать. — Льюко откинулся в кресле, проницательно глядя на Ингри. — И всё же я уверен в своей догадке больше, чем во многих вещах, в отношении которых имеются неопровержимые свидетельства. Известна

ли вам разница между волшебником, который повелевает своим демоном, и волшебником, который находится у него в подчинении?

— Халлана говорила о чём-то подобном. Мне это показалось ужасно сложным.

— Изнутри-то нет. Разница очень проста. Пропасть между человеком, который пользуется силой в своих целях, и силой, которая использует в своих целях человека… иногда не шире муравьиного шага. Я знаю, я сам однажды подошёл опасно близко к этой пропасти. Я уверен: после несчастья, погубившего вашего отца, а вас… вас сделавшего тем, чем вы стали, власть над Камрилом захватил демон. То ли волшебника ослабило отчаяние, то ли с самого начала демон был сильнее — этого теперь никто не узнает, но в глубине души я уверен: последним, что сделал Камрил, было написанное им признание, а первое, что сделал демон, захватив власть, — это сжёг его.

Ингри раскрыл рот, потом закрыл его. Он уже давно отвёл Камрилу роль предателя, и теперь ему неприятно было осознать, что молодой волшебник, в свою очередь, мог оказаться каким-то странным образом предан.

— Так что, видите ли, — мягко продолжал Лью-ко, — судьба Камрила занимает меня… более того,

не даёт мне покоя. Боюсь, что не могу, увидев вас, не вспомнить о ней.

— Не удалось ли служителям храма узнать, жив Камрил или мёртв?

— Нет. Было одно сообщение о незаконном волшебнике в Кантонах лет пять назад, которым мог оказаться Камрил, но след его оказался потерян.

Ингри начал произносить вопрос: «Кто…», но передумал и спросил:

— Что вы такое?

Льюко развёл руками:

— Теперь всего лишь простой храмовый надзиратель.

«Надзиратель над кем?»

Может быть, над всеми храмовыми волшебниками Вилда? «Всего лишь» и «простой» казались совсем не подходящими к данной ситуации словами.

«Этот человек может быть для меня очень опасен, — напомнил себе Ингри. — Он уже знает слишком много».

И, к несчастью, узнает ещё больше… Льюко снова взглянул на письмо и начал задавать Ингри вопросы о том, что произошло в Реддайке. Удивляться тут было нечему, да Ингри и не сомневался: большая часть событий описана

Халланой.

Ингри обо всём рассказал — честно и подробно, но так немногословно, как только мог. Беда заключалась как раз в деталях, каждая новая фраза была чревата новыми вопросами. Однако сжатый отчёт Ингри как будто удовлетворил священнослужителя; по крайней мере то, как освободился волк Ингри, Льюко обсуждать не стал.

— Кто, по-вашему, наложил на вас это заклятие, создал эту странную алую тварь, лорд Ингри?

— Я очень хотел бы это знать.

— Что ж, теперь это хотим узнать мы оба.

— Я рад, — сказал Ингри и, к своему удивлению, обнаружил, что так оно и есть.

Затем Льюко спросил:

— Что вы думаете насчёт леди Йяды?

Ингри сглотнул; его разум походил на птицу, которую подстрелили в полёте.

«Он спрашивает, что я думаю о ней, а не что чувствую», — твёрдо напомнил себе Ингри.

— Она, несомненно, проломила Болесо голову. И он, несомненно, этого заслуживал. — За этой краткой эпитафией последовало молчание, показавшееся Ингри бесконечным. Может быть, Льюко тоже знает, каким полезным инструментом может оказаться молчание? — Милорд

Хетвар не желает скандала в связи со смертью принца, — добавил Ингри. — Думаю, что возможные последствия нравятся ему даже меньше, чем вам. — Льюко продолжал молчать. — В Йяде теперь живёт дух леопарда. Он… прекрасен. — «О пятеро богов, я должен сказать что-нибудь Йяде в защиту…» — Думаю, что она более осенена богом, чем о том догадывается.

На это ответ последовал. Льюко выпрямился в кресле, его взгляд стал холодным и пронизывающим.

— Откуда вы это знаете?

Вызов, прозвучавший в словах священнослужителя, заставил Ингри вздёрнуть подбородок.

— Оттуда же, откуда я знаю это про вас, благословенный. Я чувствую это в своей крови.

Искра, пролетевшая между ними, показала Ингри, что он вступил на запретную территорию. Однако Льюко откинулся на спинку кресла и сложил руки домиком.

— В самом деле?

— Я же не полный идиот, просвещённый.

— Я думаю, что вы далеко не идиот, лорд Ингри. — Льюко постучал пальцем по письму, отвёл глаза, потом снова взглянул на Ингри. — Да, думаю, мне следует выполнить категорическое

требование моей Халланы и обследовать эту девицу. Где её содержат?

— Её скорее разместили, чем содержат — пока что. — Ингри описал Льюко дом в купеческом квартале.

— Когда ей будет предъявлено обвинение?

— Думаю, что после похорон Болесо — они состоятся совсем уже скоро. Я буду знать больше после того, как поговорю с хранителем печати Хетваром. Именно к нему я и обязан явиться, покинув вас. — Ингри надеялся, что Льюко поймёт намёк. Да, ему необходимо уйти отсюда, пока вопросы священнослужителя не сделались слишком неудобными… Ингри поднялся.

— Постараюсь побывать у леди Йяды завтра, — сказал Льюко, тоже поднимаясь.

Ингри удалось заставить себя быть любезным.

— Благодарю. Буду вас ждать. — Поклонившись, он вышел из комнаты, горячо надеясь, что не кажется улепётывающим, как кролик.

Закрыв за собой дверь, Ингри тяжело перевёл дух. Был ли этот Льюко потенциальным союзником или потенциальным врагом? Ингри вспомнил прощальное напутствие Венсела: «Если дорожишь жизнью, храни и свои, и мои секреты». Было ли это угрозой или предостере-

жением?

По крайней мере ему в разговоре с Льюко удалось избежать всяких упоминаний о графе Хорсривере. В письме о Венселе не могло идти речи — его появление осложнило жизнь Ингри уже после расставания с Халланой, благодарение богам. Но что будет завтра? Что будет через полчаса, когда Ингри в своей дорожной одежде предстанет перед Хетваром, чтобы доложить о своём путешествии и всех происшествиях?

Хорсривер. Халлана. Геска. А теперь ещё и Льюко. Хетвар. Ингри почувствовал, что начинает путаться в том, кому из них что сообщал.

Сориентировавшись, Ингри вернулся к тому проходу, что вёл во двор храма, стараясь, чтобы шаги его звучали уверенно.

Только тогда до него дошло, что, доставив письмо Халланы Льюко, он также — без всякой помощи заклятия, — возможно, выполнил волю своего неведомого врага.

Глава 11

Как раз когда Ингри вошёл в проход, ведущий во двор храма, до него донеслись отчаянные крики. Ингри ускорил шаги — сначала из любопытства, потом в панике: крики сменились визгом. Всюду звучали испуганные голоса. Когда Ингри выбежал в центральный двор, рука его сжимала рукоять меча; он завертел головой, высматривая источник переполоха.

Из арки, ведущей к алтарю Отца, выплеснулась странная толпа. Впереди всех бежал огромный белый медведь, стиснув зубами ногу покойника — старика в одеждах богатого торговца. Закостенелый труп подскакивал и дёргался, как огромная кукла, когда медведь с рычанием мотал головой. Вцепившись в конец серебряной цепи, за ним бежал, спотыкаясь, аколит Отца. Те родичи усопшего, что были посмелее, высыпали следом, выкрикивая советы и требования.

Перепуганный аколит, что-то бормоча срывающимся голосом, попробовал приблизиться к зверю, дёрнул за цепь, ухватил руку трупа и потянул на себя. Медведь встал на дыбы, и огромная лапа нанесла удар. Аколит с визгом отлетел

назад, прижимая руку к окровавленному боку.

Ингри обнажил меч и кинулся вперёд, резко затормозив перед разъярённым зверем. Краем глаза он заметил князя Джокола, вырывающегося из рук пытающегося удержать его спутника.

— Нет, нет, — кричал рыжеволосый гигант голосом, в котором звучала мука, — Фафа просто решил, что ему дали еду. Ах, не причиняйте ему вреда!

Говоря «ему», как, изумлённо моргнув, понял Ингри, Джокол имел в виду медведя…

Медведь выпустил добычу и снова поднялся на задние лапы. Он поднимался всё выше… выше… выше… Ингри пришлось запрокинуть голову, чтобы расширившимися глазами охватить нависающее над ним чудовище — разинутую пасть, массивные плечи, могучие растопыренные лапы со страшными жёлтыми когтями…

Всякое движение вокруг для Ингри замедлилось. В нём вспыхнуло другое восприятие — в чёрной ярости в его помутившийся разум ворвался волк. Крики во дворе храма превратились в далёкий рокот. Меч в руке стал невесомым, его остриё поднялось и описало зловещую сверкающую дугу. Взгляд Ингри наметил путь стали — в сердце медведя и обратно, прежде чем зверь даже

заметит это движение, завязнув в другом, более медленном течении времени.

Именно в этот момент Ингри скорее ощутил, чем увидел вспыхнувшее вокруг медведя еле заметное сияние бога — как если бы в темноте погладили кошку, и от её шкурки полетели искры. Красота этого сияния поразила Ингри. Его обострившиеся чувства сделали отчаянное усилие в безнадёжной попытке сохранить тающее видение бога, и неожиданно разум Ингри переселился в медведя.

Он увидел свою внезапно укоротившуюся фигуру — двойной образ человека в кожаной одежде с мечом в руке и огромного, тёмного, яростного волка с серебристым мехом, в ореоле яркого света. Так же как сердце Ингри рванулось вслед за сиянием бога, чувства ошарашенного медведя потянулись к Ингри, и на мгновение тройственный круг замкнулся.

Смеющийся голос бога прошептал: «Как я посмотрю, у зверёныша Брата шкурка стала погуще. Это хорошо. Пожалуйста, продолжайте…» Разум Ингри словно взорвался под давлением этих слов, услышанных не ушами, а каким-то иным способом.

На мгновение медведь замер, и его воспомина-

ния хлынули в Ингри. Направляющаяся к алтарю Отца процессия, все эти животные вокруг… Смердящий страх аколита… но и успокоительный знакомый запах хозяина, дающий опору в этом непонятном мире камня. Надоедливые голоса… Смутное ощущение движения, остановка… да, его недавно кормили, и он позволил вывести себя сюда… А потом медвежье сердце возрадовалось, ощутив всеобъемлющее присутствие бога. Зверь со счастливой уверенностью двинулся к катафалку. И вдруг растерянность и боль: человечек на конце цепи стал тянуть его куда-то в сторону, мешая его счастью. Медведь рванулся вперёд, надеясь завершить данное ему богом задание. Другие мелкие существа забегали вокруг, загораживая дорогу. Алая ярость, как волна прилива, затопила его существо, и он схватил этот странно пахнущий кусок холодного мяса и побежал туда, куда манил его смеющийся свет божества… божества, которое непонятно как было всюду и нигде…

Чудовищный медведь зарычал от боли и горя, нависая над Ингри, как лавина из меха и мускулов.

Ингри показалось, что из глубины его существа — из сердца, живота, гениталий — вырвалось

единственное слово: *«Лежать!»* Приказание пролетело через отделяющее его от медведя пространство, как камень, выпущенный из катапульты.

Меч Ингри, взметнувшийся для удара, теперь прочертил серебряную дугу и упал на камни у его ног. В те же камни ткнулся и нос медведя. Огромный зверь распростёрся перед Ингри, закрыл передними лапами голову и оттопырил задние. Жёлтые глаза смотрели на Ингри с растерянностью и благоговением.

Ингри огляделся. Аколит в окровавленных белых одеждах на четвереньках отползал в сторону, глядя на Ингри ещё более вытаращенными глазами, чем раньше — на медведя. Медвежьи когти лишь слегка задели его бок — иначе ему бы несдобровать. Ярость медведя всё ещё кипела в мозгу Ингри. Переступив через свой зазвеневший по камням меч, он шагнул к аколиту, сгрёб его за шиворот и прижал к камням священного очага. Служитель был такого же роста, как Ингри, и шире его в плечах, но и не пытался сопротивляться его хватке. Ингри пригнул аколита к языкам пламени; ноги того болтались, не доставая до пола, а визг сделался таким высоким, что стал неслышным.

— Сколько тебе заплатили за то, чтобы ты скрыл благословение бога? Кто посмел совершить подобное святотатство? — прорычал Ингри в испуганное лицо аколита. Его напряжённый низкий голос отдался от камня стен, как шелест бархата, а в его собственных ушах прозвучал как кошачье мурлыканье.

— Прости… прости меня! — проверещал аколит. — Арпан… Арпан сказал, что вреда не будет…

— Врёт он! — взвизгнул служитель в одеянии ордена Отца и попытался улизнуть, волоча за собой своего серого пса и с опаской косясь на огромного белого медведя.

Аколит в белых одеждах взглянул в глаза склонившегося над ним Ингри и умоляюще прошептал:

— Я во всём признаюсь! Только не надо… не надо…

«Чего не надо?»

Ингри усилием воли заставил себя выпрямиться и разжать руки. Аколит встал на ноги, но колени его подогнулись, и он, дрожа, свернулся окровавленным клубком у священного очага.

— Нидж, ты дурак! — завопил служитель Отца. — Заткнись!

— Я не могу противиться! — простонал служитель Бастарда. — У него глаза светятся серебром, и голос такой страшный — колдовской!

— Тогда тебе лучше бы послушаться, — проговорил без всякой симпатии кто-то у Ингри за плечом.

Резко обернувшись, Ингри увидел просвещённого Льюко, запыхавшегося и встревоженного, внимательно оглядывающего странную сцену.

Ингри глубоко вздохнул, отчаянно стараясь унять колотящееся сердце и вернуть времени нормальное течение. Свет, тени, цвета, звуки — всё это обрушивалось на него, как удары боевого топора, а люди вокруг, казалось, пылали, как факелы. До Ингри постепенно дошло, как же много народа собралось во дворе храма, таращась на него и разинув рты: человек тридцать родственников умершего, жрец, проводивший обряд, пятеро служителей разных богов, князь Джокол и его встревоженный спутник, а теперь ещё и просвещённый Льюко… который единственный из всех совсем не казался ошеломлённым.

«Я позволил своему волку вырваться на свободу, — со смутным ужасом подумал Ингри. — В присутствии сорока свидетелей. Во дворе главного храма Истхома.

По крайней мере мне, кажется, удалось развеселить бога в белом…»

— Просвещённый, просвещённый, помоги мне, будь милосерден… — бормотал пораненный аколит, цепляясь за полу мантии Льюко. Тот посмотрел на него с растущим отвращением.

Теперь уже дюжина людей кричала одновременно; раздавались обвинения в подкупе и угрозах, неубедительные оправдания. Родственники усопшего разделились на две группы. Судя по обрывкам споров, долетавших до Ингри, речь шла о наследстве; впрочем, ком взаимных упрёков стремительно рос: люди припоминали друг другу старые обиды, оскорбления и несправедливости. Несчастный жрец, назначенный проводить обряд, сделал несколько слабых попыток восстановить порядок среди своей паствы, одновременно отдавая распоряжения служителям, которые и не думали его слушать. Потерпев неудачу и в том, и в другом, жрец выбрал себе более лёгкую жертву.

Он накинулся на князя Джокола и дрожащей рукой указал на медведя.

— Убери отсюда эту тварь! — прорычал жрец. — Сейчас же убирайся отсюда и не вздумай вернуться!

Огромный рыжеволосый воин был, казалось, готов расплакаться.

— Но мне же обещали жреца! Мне он обязательно нужен! Если я не привезу на свой остров жреца, моя прекрасная Брейга не выйдет за меня замуж!

Ингри сделал шаг вперёд и вложил в свой голос всю властность самого доверенного помощника хранителя печати Хетвара… и, может быть, что-то ещё:

— Храм Истхома предоставит тебе жреца-миссионера в обмен на твои серебряные слитки, князь Джокол. Или, может быть, я не расслышал обещания вернуть их? — Ингри обратил на смутившегося жреца тяжёлый взгляд.

Просвещённый Льюко спокойным тоном, удивительно отличавшимся от криков вокруг, пообещал:

— Храм выполнит своё обещание, князь, как только мы разберёмся в этом прискорбном внутреннем происшествии. Похоже на то, что твоего замечательного медведя пытались использовать для бессовестного жульничества. А сейчас не мог бы ты ради безопасности отвести Фафу на свою лодку? — Повернувшись к Ингри, Льюко тихо сказал: — А вы, милорд, очень обяжете меня, если

проводите их и проследите, чтобы они благополучно добрались до места и по дороге не съели никого из бедных маленьких детей.

Ингри с облегчением вздохнул, получив шанс сбежать.

— Конечно, просвещённый.

Льюко опустил глаза и добавил:

— И позаботьтесь о своей руке.

Ингри проследил за его взглядом: из-под повязки на правой руке по пальцам снова текла кровь. Должно быть, только начавшая заживать рана снова стала кровоточить, пока Ингри наказывал провинившегося аколита. Ингри тогда ничего не почувствовал.

Когда Ингри поднял голову, на него был устремлён пылающий взгляд голубых глаз. Джокол, склонив голову, быстро обменялся несколькими словами со своим темноволосым спутником, потом поклонился Льюко и Ингри.

— Да. Нам этот человек нравится, верно, Оттовин? — Он толкнул Оттовина локтём в бок, отчего менее стойкий человек не удержался бы на ногах, направился к медведю и взялся за серебряную цепь. — Пойдём, Фафа.

Медведь тоненько взвыл и завозился, но остался лежать.

Льюко положил руку на плечо Ингри и почти неслышно прошептал:

— Позвольте ему встать, лорд Ингри. Думаю, зверь уже успокоился.

— Я… — Ингри подошёл к медведю и поднял с камней свой меч. Медведь снова завозился и прижался чёрным носом к сапогу Ингри, жалобно глядя на него сверху вниз. Ингри сглотнул и хриплым голосом пробормотал: — Встань.

Ничего не произошло. Медведь заскулил.

Ингри потянулся в глубь своего существа и из самых глубин извлёк то же самое слово; только теперь оно имело вес, превратившись в песнопение, от которого собственные кости Ингри завибрировали.

— Встань.

Огромный зверь развернулся, как пружина, и подбежал к хозяину. Джокол упал на колени и начал гладить любимца. Его большие руки зарылись в густой мех. Рыжеволосый гигант бормотал какие-то ласковые слова на языке, незнакомом Ингри, а белый медведь тёрся головой о вышитый камзол, пачкая его слюной.

— Пойдём, мой добрый друг, друг Фафы, — сказал Джокол, поднимаясь и махнув рукой Ингри. — Пойдём, и ты разделишь со мной чашу.

Дёрнув за цепь, Джокол оглядел продолжавшую препираться толпу, презрительно фыркнул и двинулся к воротам. Верный Оттовин поспешил следом. Ингри присоединился к островитянам, заняв такую позицию, чтобы между ним и медведем оказался Джокол.

Маленькая, но впечатляющая процессия покинула храм, предоставив просвещённому Льюко успокаивать возбуждённых людей. Ингри услышал, как тот сказал провинившемуся аколиту и всем вокруг: «Это был просто отблеск света». Оглянувшись через плечо, Ингри встретился с Льюко глазами, и жрец одними губами произнёс: «Завтра». Ингри подумал, что это не слишком обнадёживающее обещание наверняка будет выполнено.

«У него глаза светятся серебром, и голос такой страшный — колдовской…»

Ингри ощутил знакомую боль — наказание аколита не пошло на пользу его спине, да и пораненной руке тоже; к этому добавился звон в ушах и жжение в сорванном горле.

Память помимо воли вернула Ингри к его давним мучениям в Бирчгрове. Багровая боль, когда его голову держали под водой, а лёгкие готовы были разорваться… невозможность даже застонать

в этом леденящем холоде… Из всех способов побороть волка этот оказался самым эффективным, и озабоченные жрецы прибегали к нему часто, до тех пор, пока ясность сознания не вернулась к Ингри. Умение молчать, удивительное в таком ещё почти ребёнке, было выковано и закалено в холоде реки: более несгибаемое, чем воля его мучителей, более сильное, чем страх смерти.

Ингри стряхнул тревожное воспоминание и озаботился тем, чтобы выбрать дорогу к причалу по самым малолюдным улицам. Предостережение Льюко перестало казаться шуткой, когда их окружила толпа возбуждённых детей, визжащих от восторга и тычущих в медведя пальцами. Джокол широко улыбнулся, а Ингри замахал руками, отгоняя любопытных. Его обострившиеся чувства наконец успокоились, сердце перестало колотиться. Джокол и Оттовин переговаривались на своём непонятном диалекте, бросая в сторону Ингри выразительные взгляды.

— Благодарю тебя за помощь бедняжке Фафе, лорд Ингрири… — обратился к Ингри Джокол. — Ингорри.

— Ингри.

Джокол виновато сморщился.

— Боюсь, я очень глуп в твоём языке. Ну, может,

со временем мой рот научится…

— Ты хорошо говоришь по-вилдиански, — дипломатично ответил Ингри. — Я по-дартакански говорю не так свободно, а твоего языка не знаю вообще.

— Ах, дартаканский… — пожал плечами Джокол. — Трудный язык. — Его голубые глаза сощурились. — А писать ты можешь?

— Да.

— Это хорошо. Я не могу. — Великан печально вздохнул. — Она все перья ломает. — Он показал Ингри свою могучую руку. Ингри кивнул, выражая сочувствие: он ничуть не усомнился в словах островитянина.

Белый медведь ковылял быстро, и вскоре процессия добралась до ворот в городской стене, ведущих к причалу. Целая роща мачт вырисовывалась на фоне рдеющего закатного неба. По большей части у набережной теснились плоскодонные речные баржи, но среди них виднелось и несколько морских кораблей, поднявшихся по Сторку. Такие суда не плавали выше Истхома: дальше холмы стискивали реку, и через пороги и перекаты можно было только сплавлять плоты и бочки, когда вода стояла достаточно высоко.

Ладья Джокола, привязанная к далеко высту-

пающему в воду причалу, была совсем на другие корабли не похожа. Она была не меньше сорока футов в длину, а в середине раздавалась изящно, как женские бедра. Нос и корма одинаково загибались и были украшены искусно вырезанными головами морских птиц. Палубы ладья не имела, и команде в плавании приходилось терпеть все капризы погоды, хотя сейчас позади единственной мачты был раскинут большой шатёр.

На реке ладья казалась достаточно большой, но, на взгляд Ингри, для открытого моря была безумно мала. Это впечатление ещё усилилось, когда через борт перелез белый медведь и с усталым вздохом плюхнулся посередине ладьи на, по-видимому, своё привычное место. Ладья закачалась, но постепенно остановилась; Джокол накинул цепь на крюк, вбитый в мачту. Оттовин с опасливой улыбкой показал Ингри на шаткую доску, служившую сходнями, — сам он пробежал по ней с привычной лёгкостью. В сумерках сияние ламп, горевших в шатре, казалось удивительно гостеприимным; их вид напомнил Ингри о маленьких деревянных корабликах со свечами, которые они с отцом пускали по реке в День Сына. То были счастливые времена — волки ещё не сожрали их мир.

Две дюжины островитян радостно приветствовали и своего князя, и медведя, к которому явно привыкли. Все это были сильные мужчины, пусть никто из них и не мог равняться ростом с Джоколом; почти все они были так же молоды, как их вождь, хотя Ингри заметил несколько седых голов. У кого-то, как у Джокола, волосы были стянуты в хвост, у других — заплетены в косы, а один парень был острижен наголо: судя по его покрытой сыпью и воспалённой коже, это было скорее всего отчаянной попыткой стравиться с паразитами. Все спутники Джокола носили добротную одежду и, судя по количеству оружия, вместе с вёслами аккуратно уложенного вдоль бортов, все были хорошо вооружены. Слуги, воины, матросы, гребцы? Ингри решил, что все они одинаково делали всю необходимую работу: тут не было места бессмысленному делению — бурное море такого бы не позволило.

Доставив медведя, Ингри хотел бы уйти, но подумал о том, что, как человек хранителя печати Хетвара, не должен отказываться от гостеприимства Джокола, чтобы не вызвать дипломатических осложнений. Он только надеялся, что ритуал будет коротким. Джокол жестом пригласил Ингри в шатёр, который оказался до-

статочно просторным. Он был сделан из шерсти, пропитанной для защиты от влаги жиром; Ингри решил, что его нос скоро привыкнет к запаху. Внутри на козлах были установлены два стола со скамьями по бокам и ещё одной в глубине — к ней-то Джокол и провёл Ингри. Сам князь и его помощник Оттовин уселись с двух сторон от гостя; остальная команда суетилась вокруг, быстро расставляя блюда с угощением.

Светловолосый молодой человек с рыжеватой бородкой, окружавшей, как ореолом, его подбородок, поклонился сидящим во главе стола и принялся раздавать деревянные чаши. Другой дружинник шёл за ним следом и наполнял чаши какой-то беловатой жидкостью — сначала чашу гостя, потом Джокола, потом Оттовина. От чаш поднимался густой пар. Оттовин, чей вилдианский заметно уступал умениям Джокола, помогая себе знаками, объяснил Ингри, что напиток приготовлен не то из молока, не то из крови кобылицы. Попробовав его, Ингри решил, что неверно понял: речь, должно быть, шла о кобыльей моче… По крайней мере, судя по попытке изобразить ржание, которую в пояснение предпринял Оттовин, лошади явно имели отношение к напитку. Что ж, решил Ингри, ради вежливости он выпьет,

давясь, эту гадость, а потом распрощается. Можно сослаться на необходимость явиться к Хетвару и дипломатично улизнуть.

Дружинники установили перед шатром жаровню и устроили импровизированную кухню; долетевший оттуда запах жарящегося мяса неожиданно заставил Ингри проглотить слюну.

— Мы будем есть мясо скоро, — заверил его Джокол с улыбкой хозяина, стремящегося угодить гостю.

Поесть Ингри где-нибудь всё равно было нужно: появляться перед хранителем печати после того, как он на голодный желудок осушил чашу этого крепкого питья, было бы неблагоразумно. Он кивнул, и Джокол хлопнул его по плечу и широко улыбнулся.

Однако улыбка Джокола погасла, когда его взгляд упал на кровоточащую правую руку Ингри. Князь ухватил за рукав пробегавшего мимо дружинника и тихо отдал ему какой-то приказ. Через несколько минут явился пожилой воин с миской горячей воды, корпией и бинтами. Потеснив на скамье Оттовина, он знаками попросил Ингри показать свою пораненную руку и выразительно покачал головой, когда, сняв заскорузлую повязку, обнаружил свежую рану и прежние баг-

ровые синяки. Оттовин, наклонившийся, чтобы лучше видеть, тихо присвистнул и сказал что-то на своём языке; в ответ Джокол только хмыкнул и любезно поднёс к губам Ингри чашу с напитком, прежде чем лекарь принялся стягивать и сшивать края раны. К тому времени, когда дело было сделано, рука забинтована, а дружинник с поклоном удалился, Ингри хотелось только одного: положить идущую кругом голову на колени и закрыть глаза. Было ясно, что в ближайшем будущем никуда он с ладьи не уйдёт.

Как и обещал Джокол, еда появилась быстро и в изобилии. К удовольствию Ингри, не было подано ни сушёной рыбы, ни сухарей, ни других отвратительных припасов мореходов: провизия явно была только что куплена на городском рынке. Повара во дворцах столичной знати могли бы, возможно, приготовить и более изысканные блюда, но угощение было вкусным и вовсе не похожим на походный рацион, которого ожидал Ингри. Сосредоточившись на еде, Ингри не успел остановить дружинника, наполнявшего чаши, как только питьё в них убывало.

Уже давно наступила ночь, когда сидящие за столом начали сопротивляться попыткам заново наполнить их тарелки. Осуществление

задуманного Ингри плана — дать времени и еде возможность протрезвить его достаточно, чтобы можно было отправиться во дворец хранителя печати — явно затянулось… Свет ламп озарял разгорячённые и лоснящиеся от жира лица вокруг.

Гул голосов смолк, когда один из дружинников обратился к Джоколу с какой-то просьбой. Тот улыбнулся и покачал головой, но потом кивнул и указал на Оттовина.

— Они желают услышать сказание, — шепнул Джокол Ингри. Оттовин поднялся, поставил одну ногу на скамью и прочистил горло. — Этой ночью мы их много услышим.

Чаши были наполнены новым напитком. Осторожно попробовав его, Ингри нашёл, что на вкус он напоминает смесь сосновых иголок с ламповым маслом; даже дружинники Джокола пили его понемногу.

Оттовин начал напевный речитатив, ритмично отдававшийся от стенок шатра. Слова мелодичного языка островитян дразнили Ингри — они были почти узнаваемы, а иногда из плавного потока выныривали знакомые созвучия. Были ли то заимствования из вилдианского языка или просто совпадения, Ингри определить не мог.

— Он рассказывает историю Йетты и трёх ко-

ров, — шепнул Ингри Джокол. — Это любимое сказание моих людей.

— Ты можешь перевести? — прошептал в ответ Ингри.

— Увы, нет.

— Слишком трудно?

Голубые глаза Джокола потупились, и гигант покраснел.

— Нет, слишком непристойно.

— Как, неужели ты не знаешь всех этих коротеньких словечек?

Джокол радостно хихикнул, откинулся на спинку скамьи, скрестил ноги и стал отбивать такт рукой. Ингри догадался, что ему только что удалось удачно пошутить — несмотря на языковой барьер и даже никого не обидев. Он пьяно ухмыльнулся и отхлебнул ещё жидких сосновых иголок. Тут дружинники, теснившиеся на скамьях, разразились громким хохотом, и Оттовин поклонился и сел. Ему вручили полную чашу, и он осушил её — этого, по-видимому, требовала традиция — одним глотком. Островитяне одобрительно завопили, потом начали выкрикивать имя своего князя; тот кивнул и, в свою очередь, поднялся на ноги. Всякое движение и разговоры смолкли, стало так тихо, что Ингри даже мог

слышать плеск волн за бортом.

Джокол сделал глубокий вдох и начал. После нескольких первых фраз Ингри понял, что слышит стихи — ритмичные и музыкальные. Вскоре ему также стало ясно, что выступление Джокола не будет ни коротким, ни простым.

— Сказание о подвигах, вот что это, — сообщал Ингри шёпотом Оттовин, прикрыв рот рукой. — Хорошо! Теперь он редко сочиняет что-то, кроме любовных песен.

Звук голоса Джокола убаюкивал Ингри, как покачивание колыбели или ровный шаг лошади под седлом. Ритм ни разу не нарушился; Джокол ни разу не задумался, подыскивая нужное слово. Слушатели иногда хихикали, иногда охали, в остальном же сидели неподвижно, как зачарованные. Рты их были приоткрыты, глаза блестели.

— Неужели он всё это выучил наизусть? — изумлённым шёпотом спросил Ингри у Оттовина, но, встретив недоумённый взгляд, прибег к языку знаков, постучав себя пальцем по лбу. — Все слова у него в голове?

Оттовин с гордостью улыбнулся.

— И эти, и многие, многие сотни других. Почему, по-твоему, мы зовём его Раскалывателем

Черепов? Он заставляет наши головы лопаться от своих сказаний. Моя сестра Брейга станет счастливейшей из женщин, да.

Ингри откинулся на спинку скамьи, отхлебнул ещё сосновых иголок и задумался о природе слов… и догадок.

Наконец Джокол закончил своё невероятно длинное повествование, и дружинники разразились восхищёнными воплями, ещё усилившимися, когда князь осушил чашу. Немедленно раздались требования новой саги и разгорелся шумный спор о том, какой именно, но Джокол, скромно улыбнувшись, отказался продолжать.

— Скоро, скоро! Новая песнь для вас будет готова скоро! — пообещал он, похлопав себя по губам, и с задумчивой улыбкой опустился на скамью.

Теперь пришла очередь кого-то из дружинников; на этот раз сказание не было стихотворным, и, судя по хохоту слушателей, достаточно непристойным, чтобы князь Джокол постеснялся его перевести.

— Ах, — сказал он, наклоняясь к Ингри, чтобы снова наполнить его чашу, — ты становишься не таким мрачным. Это хорошо! А теперь я сложу в твою честь сказание об Ингорри.

Джокол поднялся на ноги; лицо его было се-

рьёзным и сосредоточенным. Снова полились стихи, суровые и временами зловещие, судя по уважительному и даже боязливому вниманию слушателей. Ингри скоро догадался, что Джокол повествует о мошенничестве во время похорон и о том, как Ингри спас от медведя провинившегося аколита и вообще восстановил порядок: его имя и имя Фафы повторялись в каждой строфе. Имена богов также звучали совершенно отчётливо, как, к ужасу Ингри, и слово «колдовской». Судя по настороженным взглядам, которые стали бросать на Ингри дружинники, на диалекте острова это слово значило то же самое, что и на вилдианском…

Ингри с интересом смотрел на Джокола, размышляя о том, каким человеком нужно быть, чтобы на закате увидеть безобразную сцену в храме, а к полуночи превратить её в героическую поэму. Вот это импровизация! Такие сказания ночью у лагерного костра лишали слушателей сна и заставляли вздрагивать от каждого шороха… Судя по звучанию стихов и сопровождающим их жестам, Джокол оказался очень наблюдателен… не то чтобы собственные воспоминания Ингри были такими уж точными. Впрочем, как будто никаких упоминаний о волке не было…

На этот раз, когда Джокол закончил повествование, раздались не восторженные крики, о что-то похожее на благоговейный вздох. Потом началось заинтересованное обсуждение, а из задних рядов, как догадался Ингри, донеслось несколько критических замечаний. Улыбка Джокола, когда он поднял чашу, была лукавой.

После этого воспоминания Ингри о пиршестве сделались отрывочными. Новое угощение и новая выпивка… о желаниях его не спрашивали. Некоторые дружинники расстелили свои подстилки и захрапели на них, не обращая внимания на шум. Ингри подумал, что так же, возможно, они спали и во время штормов. Оттовин, добросовестный помощник Джокола, отвратил возможное несчастье, запретив пьяное состязание: дружинники вознамерились кидать боевые топоры в живую мишень. Джокол, промочив пересохшее горло ещё одной чашей сосновых иголок, расправил плечи и с любопытством улыбнулся Ингри; тот ответил ему тем же.

— Завтра вечером, — сказал Джокол, — я заставлю их слушать любовные песни, в честь моей прекрасной Брейги. Иначе — никаких сказаний. Ты, лорд Ингорри, молод, как и я, — скажи, у тебя есть любимая?

Ингри растерянно заморгал, поколебался, но ответил:

— Да. Да, есть. — Он тут же подскочил на месте, изумлённый тем, что произнёс такие слова.

«Проклятие на эту кобылью мочу!»

— Ах! Это хорошо. Счастливец! Но ты не улыбаешься. Она что, тебя не любит?

— Я… я не знаю. У нас другие тревоги.

Брови Джокола поползли вверх.

— Родители мешают? — с сочувствием спросил он.

— Нет. Это не… Дело в том… Ей может грозить смертная казнь.

Джокол взглянул на Ингри с изумлением и сделался серьёзным.

— Не может быть! За что?

Должно быть, винные пары, мешавшие ему ясно мыслить, решил потом Ингри, заставили его видеть в этом сумасшедшем южанине такого подходящего слушателя, по-братски готового разделить самые сокровенные тайны его сердца. Может быть… может быть, к утру никто уже и не вспомнит этих слов…

— Ты слышал о смерти принца Болесо, сына священного короля?

— Ох, конечно.

— Она раскроила ему голову его собственным боевым топором. — Такое утверждение показалось Ингри недостаточно ясным, и он пояснил: — Он пытался её изнасиловать. — Все сверхъестественные подробности не имели значения.

Джокол присвистнул и сочувственно пощёлкал языком.

— Печальная история. — Через секунду он добавил: — Девица, судя по всему, хорошая, сильная. Однажды моя прекрасная Брейга и Оттовин убили двух конокрадов, которые проникли на ферму их отца. Оттовин тогда был меньше.

«Ну и братец!»

— И что из этого вышло?

— Ну, я предложил ей выйти за меня замуж. — Джокол расплылся в улыбке. — Лошади-то были мои. Цена крови конокрадов оказалась невысокой — они ведь совершили позорное деяние. Я добавил её к свадебному дару, чтобы порадовать отца Брейги. — Джокол ласково взглянул на своего будущего шурина, который наполовину соскользнул со скамьи и теперь похрапывал, подложив руку под голову.

— У нас в Вилде правосудие совершается не так легко, — вздохнул Ингри. — Да и цена крови

принца мне не по карману.

Джокол с интересом взглянул на Ингри.

— У тебя нет земли, лорд Ингорри?

— Нет. У меня есть только рука, которая держит меч. Да и то… — Ингри пошевелил своей забинтованной рукой и печально вздохнул. — Больше ничего.

— Думаю, у тебя есть кое-что ещё, лорд Ингорри. — Джокол постучал себя пальцем по голове. — У меня хорошее ухо. Я знаю, что услышал, когда мой Фафа поклонился тебе.

Ингри окаменел. Его первым испуганным желанием было всё отрицать, но под проницательным взглядом Джокола солгать он не сумел. Однако необходимо было предотвратить опасные сплетни на эту тему, даже и облечённые в стихотворную форму…

— Об этом, — сказал Ингри, прижав руку к губам, а потом к сердцу, чтобы обозначить вещи, которые нельзя произнести вслух, — следует молчать, иначе жрецы объявят меня вне закона.

Джокол надул губы и нахмурился, обдумывая услышанное.

Пропитанные алкоголем мысли Ингри плескались у него в голове, но вынесли на берег его рассудка новое опасение. На лице Джокола не

было написано ни испуга, ни отвращения, только живой интерес, и ведь даже хорошее ухо не сможет узнать того, чего никогда раньше не слышало…

— То, что тогда было… — Ингри показал на своё горло и на грудь, — ты когда-нибудь слышал подобное?

— Ну да, — закивал Джокол.

— При каких обстоятельствах? Где?

Джокол пожал плечами.

— Когда я просил лесную колдунью благословить моё путешествие, она говорила точно таким же голосом.

Эти слова, казалось, кололись так же, как сосновые иголки в напитке.

«Лесная колдунья… Лесная…»

Однако Джокол, по-видимому, не имел отношения к сверхъестественному: от него не пахло демоном, в нём не скрывался дух зверя, его не терзало, как мерзкий паразит, никакое заклятие. Он смотрел на Ингри с добродушием, которое так легко — и так смертельно опасно — принять за тупость.

За стенками шатра что-то стукнуло, раздался серебристый звон, потом низкое рычание и полупридушенный вопль.

— Фафа по крайней мере бдительно несёт стражу, — удовлетворённо пробормотал Джокол, поднимаясь на ноги. Он толкнул Оттовина носком сапога, но его будущий родич только повернулся на другой бок и что-то буркнул во сне. Джокол подхватил Ингри своей огромной рукой под локоть и повлёк за собой.

— Я не могу… — начал было Ингри, — ик…

Ладья раскачивалась у него под ногами, хотя полотнища шатра висели неподвижно в безветренном воздухе ночи. Лампы еле горели… Джокол с понимающей улыбкой поддерживал Ингри, пока они не вышли из шатра. Фафа, натянув свою цепь, принюхивался к человеку, испуганно прижавшемуся к борту.

Джокол успокоительно пробормотал что-то на своём языке в ухо медведю, и тот потерял интерес к возможной добыче, снова растянувшись у мачты. Ингри споткнулся: на этот раз ладья действительно начала раскачиваться, и Джокол еле успел поддержать его.

— Лорд Ингри… — проговорил из темноты задыхающийся голос Гески. Потом лейтенант выпрямился, прочистил горло и выбрался на освещённую оранжевым светом лампы доску, служившую сходнями. Глаза его сверкнули бел-

ками, когда он оглянулся на Фафу.

— Ох, — пробормотал Ингри, — Геска! Берегись медведя. — Ингри улыбнулся собственному остроумию. Не только же здоровенному островитянину блистать умением обращаться со словами. — Да. Я как раз собирался повидаться с лордом Хевваром… Хетваром.

— Лорд Хетвар, — сообщил Геска ледяным тоном, вновь обретая достоинство, — лёг спать. Он велел мне — после того как я вас найду — сообщить, что утром вам надлежит явиться к нему, не откладывая.

— Ах… — глубокомысленно пробормотал Ингри, — тогда мне лучше сейчас немного поспать. Верно?

— Да, пока есть возможность, — буркнул Геска.

— Твой друг? — поинтересовался Джокол, кивнув в сторону Гески.

— Более или менее, — ответил Ингри, размышляя: «более» или «менее»? Однако у Джокола, похоже, сомнений не возникло, и он передал Ингри с рук на руки его лейтенанту. — Нет нужды…

— Лорд Ингорри, — прервал его Джокол, — благодарю тебя за компанию… и за всё остальное тоже. Человек, который способен перепить моего Оттовина, всегда желанный гость на нашем ко-

рабле. Надеюсь, мы ещё увидимся — в Истхоме.

— Я… я тоже. Передай от меня привет дорогому Фафе. — Ингри попытался непослушным языком выговорить ещё какую-нибудь любезность, но Геска решительно потянул его к сходням.

Спуск на берег представлял собой нешуточный вызов, потому что доска, служившая сходнями, оказалась подвержена тем же странным колебаниям, что и ладья, будучи при этом значительно уже. Ингри после краткого размышления решил проблему, опустившись на четвереньки. С успехом преодолев опасность свалиться в Сторк, он сел на берегу и торжествующе сказал Геске:

— Видишь? Не так уж я пьян. Джокол ведь князь, знаешь ли. Вот ради дипломатии я и…

Геска с кряхтением поднял Ингри на ноги и закинул его руку себе на плечо.

— Замечательно. Расскажите всё это завтра хранителю печати. А я спать хочу. Пошли.

Ингри, разум которого немного прояснился, хоть тело и отказывалось слушаться, попытался переставлять ноги одну за другой, так что им с Геской удалось миновать ворота и двинуться вверх по тёмной извилистой улице.

Геска ворчливо сказал:

— Я разыскивал вас по всему городу. В доме,

где вы оставили пленницу, мне сказали, что вы отправились в храм, а в храме — что вас увёл пират.

— Да нет, хуже, — ухмыльнулся Ингри, — поэт.

Геска взглянул на него с таким выражением, словно голова у Ингри была приставлена задом наперёд.

— Три человека в храме сказали мне, что вы зачаровали огромного белого медведя. Один считал это чудом Бастарда, двое других утверждали обратное.

Ингри вспомнил родившийся в нём голос и поёжился.

— Ты же знаешь, какую чепуху несут перепуганные люди. — Ноги понемногу начинали его слушаться, и он снял руку с плеча Гески. Как бы то ни было, если грозный медведь снова не вмешается в таинство похорон, что-либо подобное едва ли повторится. Никакой голос бога не звучал сейчас в ушах Ингри, а животные явственно отличались от людей. — Не будь таким доверчивым, Геска. Можно подумать, что стоит мне сказать, — Ингри нащупал в глубине собственного существа тот глубокий бархатный рык, — «стой!», и ты вдруг…

Тут до Ингри дошло, что он продолжает путь в одиночестве.

Он обернулся. Геска застыл на месте, освещённый слабым светом уличного фонаря.

Холодный комок повернулся у Ингри в животе.

— Геска! Это не смешно! — Он вернулся и, сердито бросив: «Прекрати!», толкнул лейтенанта в плечо. Тот слегка пошатнулся, но не двинулся с места. Ингри протянул забинтованную руку, которая, однако, дрожала, и схватил Геску за подбородок. — Ты издеваешься надо мной?

Широко раскрытые, полные ужаса глаза Гески моргнули — это было единственным его движением.

Ингри облизнул губы и сделал шаг назад. Горло у него перехватило, казалось, он не сможет выдавить ни звука. Ему пришлось два раза глубоко вздохнуть, прежде чем удалось снова найти в себе тот же голос.

— Двигайся.

Паралич покинул Геску. Он судорожно вздохнул, попятился к ближайшей стене и выхватил меч. Тяжело дыша, они смотрели друг на друга. Ингри внезапно почувствовал себя даже чересчур трезвым. Он успокоительным жестом протянул руки ладонями вперёд, моля богов, чтобы Геска не кинулся на него.

Геска медленно вернул меч в ножны и через несколько мгновений хрипло сказал:

— Дом, где содержится пленница, за углом. Теско ждёт вас, чтобы уложить в постель. Дойдёте один?

Ингри сглотнул; ему пришлось сделать большое усилие, чтобы не шептать.

— Думаю, что дойду.

— Хорошо. Хорошо. — Геска попятился вдоль стены, потом повернулся и поспешно нырнул в темноту, оглянувшись через плечо.

Стиснув зубы, еле позволяя себе дышать, Ингри двинулся в другую сторону и свернул за угол. Фонарь у входа в дом Хорсривера бросал ровный свет, освещая ему дорогу.

Глава 12

Ингри не пришлось колотить в дверь, чтобы разбудить слуг: привратник, хоть и в ночной рубашке и с накинутым на плечи одеялом, вышел на первый же тихий стук. Решительный вид, с которым он снова запер двери, был ясным намёком на то, что привратник рассчитывает: это беспокойство было последним за ночь. Ингри ждала горящая свеча в стеклянном подсвечнике, чтобы он не споткнулся на лестнице.

Поблагодарив привратника, Ингри начал преодолевать ступени. Сверху, с площадки, навстречу ему лился свет: на столе горела лампа, а на ступени следующего лестничного марша стояла свеча. Рядом с ней, обхватив колени руками, сидела леди Йяда, закутавшись в халат из какой-то тёмной материи. Ножны меча Ингри задели за стену в узком пространстве лестницы, и этот звук заставил девушку поднять голову.

— С вами всё в порядке! — хриплым голосом прошептала Йяда, протирая глаза.

Ингри от неожиданности заморгал и поспешно огляделся. Последний раз, когда женщина в беспокойстве ждала его, случился… в незапамятные

времена. Поблизости не было видно ни дуэньи, ни его слуги Теско.

— А разве мне что-то грозило?

— Приходил Геска, часа три или больше тому назад, и сказал, что к лорду Хетвару вы так и не явились.

— Ох… Да, меня отвлекли.

— Я воображала себе всякие ужасы, случившиеся с вами.

— А в их число не входил огромный белый медведь и пират-поэт?

— Нет…

— Тогда не такие уж ужасы вы себе воображали.

Брови Йяды поползли вверх. Она поднялась и сделала шаг с лестницы на площадку; благоухающее, несомненно, спиртным дыхание Ингри заставило её отшатнуться и помахать в воздухе рукой, разгоняя винные пары.

— Вы пьяны?

— По моим стандартам, безусловно. Хотя я в состоянии ходить, разговаривать и с ужасом ожидать завтрашнего дня. Я провёл вечер, пируя с двадцатью пятью безумными южными мореходами и белым медведем на их ладье. Они меня накормили. Вы Теско не видели?

Йяда кивнула в сторону закрытой двери покоев Ингри.

— Он явился с вашими вещами. Думаю, он уснул, дожидаясь вас.

— Неудивительно.

— Что с письмом? Я тревожилась, не попало ли оно не в те руки.

Ох… Так это о письме она беспокоилась, поэтому и дожидалась тут в темноте…

— Благополучно доставлено. — Ингри на мгновение задумался. — Ну, доставлено во всяком случае. Насколько благополучно… Я не рискую гадать, не грозит ли нам опасность со стороны Льюко. Он одевается как храмовый клерк, хотя таковым и не является.

— Вы однажды говорили о том, какого сорта храмовые клерки займутся моим делом… Что вы думаете о нём? Он честен или нет?

— Я… не думаю, что его можно подкупить. Отсюда, однако, не следует, что он окажется на вашей стороне. — Ингри поколебался. — Его коснулся бог.

Йяда склонила голову к плечу.

— Вы сами сейчас выглядите так, словно вас коснулся бог.

Ингри вздрогнул.

— Как вы можете это определить?

Белые пальцы Йяды протянулись в танцующих тенях к его лицу, словно обводя его контуры.

— Я однажды видела, как одного из солдат моего отца после падения тащила лошадь. Он не особенно пострадал, но поднялся совершенно потрясённым. Ваше лицо более сосредоточено и не покрыто кровью и грязью, но выражение глаз такое же. Слегка безумное.

Ингри почти прижался щекой к её руке, но леди Йяда слишком быстро её убрала.

— У меня выдалась очень странная ночь. Что-то случилось в храме. Льюко завтра придёт повидаться с вами, кстати. И со мной тоже. Думаю, я в беде.

— Тогда сядьте и всё мне расскажите. — Йяда потянула Ингри вниз и заставила сесть рядом с собой на ступеньку. Глаза её были огромными и тёмными от новой тревоги.

Ингри, запинаясь, рассказал девушке о происшествии во дворе храма, о встрече с белым медведем и его богом. За время рассказа Йяда дважды охнула и один раз захихикала, а описание Джокола, его ладьи и его стихов выслушала с зачарованным выражением лица.

— Я подумал, — говорил Ингри, — что пове-

дение Фафы — дело рук белого бога, который разгневался на нечестных служителей. Но сейчас, когда я возвращался с Геской, это случилось опять. Колдовской голос… Я не знал, что им обладает мой волк… или я. Пятеро богов, я теперь не могу быть уверен, что не зазеваюсь и такое снова не случится. У меня никогда раньше не было подобной способности.

— Жители болот, — задумчиво сказала Йяда, — утверждают, что их гимны были когда-то колдовскими… Давным-давно.

— Или где-то в дальних краях. — «Лесная колдунья на южном острове…» — То, что происходит с нами, происходит здесь и сейчас, и это смертельно опасно. Хотел бы я знать: известно ли Венселу о колдовской силе? И обладает ли ею он сам? Почему он не воспользовался ею в отношении нас? Кстати, думаю, что он вскрыл и прочёл письмо Халланы, пока мы сидели за ужином. Просвещённый Льюко говорит, что письмо было вскрыто.

Йяда резко выпрямилась и судорожно вздохнула.

— Ох! О чём говорилось в письме?

— Я его не читал, но, как я понял, в нём подробно описаны события в Реддайке. Так что по крайней мере с того момента, когда он снова

присоединился к нам за ужином, Венсел знал о заклятии и знал, что я это от него скрыл. Вы не почувствовали перемены в нём, когда он вернулся?

Йяда нахмурила брови.

— Пожалуй, он показался мне более откровенным. Может быть, в надежде на то же самое с вашей стороны?

Ингри пожал плечами.

— Возможно.

— Ингри…

— М-м?

— А вы что-нибудь знаете о знаменосцах?

— Не больше, чем о шаманах. Я читал некоторые дартаканские сообщения о битвах с воинами Древнего Вилда. Дартаканцы не питали пламенной любви к их знаменосцам. Воины, нёсшие в себе духов животных, да и все воины кланов вообще отчаянно защищали свои штандарты. Если знаменосец не желал отступать, воины бились вокруг него — или неё, если Венсел говорит правду — до последнего человека. Поэтому-то солдаты Аудара всегда старались повергнуть знамёна врага на землю как можно скорее. В летописях говорится, что долгом знаменосца, среди прочего, было перерезать горло тем собственным воинам, которые были ранены слишком тяжело, чтобы их

можно было унести с поля битвы. Это считалось почётной смертью. Раненый, если он был ещё в силах говорить, должен был благословить знаменосца и поблагодарить его меч.

Йяда поёжилась.

— Об этом я не знала.

Её взгляд на мгновение сделался отсутствующим; Ингри не мог догадаться, какие мысли сейчас занимают девушку. Воспоминание о сновидении в Израненом лесу? Но ведь воины, уже погибшие, едва ли могли бы ожидать столь ужасной услуги от своей знаменосицы…

— Попробуйте узнать, — сказала Йяда, — что известно Венселу, когда будете расспрашивать его про Священное древо.

— М-м… Вот ещё одна встреча, перспектива которой меня не радует. Не думаю, что Венсел будет мной доволен после сегодняшнего представления. Хоть всё это и походило на фарс, я привлёк к себе внимание жрецов. Я боюсь Льюко.

— Почему? Если он друг и наставник Халланы, он не может быть бесчестным человеком.

— Ох, не сомневаюсь, что он может быть верным другом, но и беспощадным врагом тоже. Очень неприятно было бы, окажись он на стороне наших противников. — Может быть, он так

думает просто по привычке? Ингри вспомнил искренне желающих ему добра жрецов в Бирч-гров, подвергавших его пыткам ради здравия его рассудка. Те события сделали боль для Ингри единственной, хоть и ненадёжной границей между его друзьями и его врагами.

— На чьей стороне, по-вашему, вы сами? — нетерпеливо спросила Йяда.

Мысли Ингри были остановлены на полном скаку.

— Я не знаю. Каждая стена, на которую я опираюсь, уходит в сторону, и я двигаюсь по кругу. — Ингри поднял голову и увидел совсем рядом глаза Йяды, янтарные в колеблющемся свете. Зрачки Йяды были огромными, они, казалось, впивают в себя Ингри. Он мог бы упасть в них, как в глубокий колодец, и, в свою очередь, выпить до дна. Да, Йяда обладала притягательной красотой, под которой таилось волнующее свободолюбие духа леопарда. Однако помимо этого… было и что-то ещё. Ингри хотелось дотянуться до этой тайны, тайны столь важной. — Я на той стороне, где ты. И не только ты.

— Тогда, — выдохнула Йяда, — это же можно сказать и обо мне.

Ох… Ни время, ни его сердце, конечно, не

остановились, и всё же Ингри на мгновение почувствовал себя так, словно сделал шаг с огромной высоты, но не начал падать. Веса не было.

— Милая моя мыслительница…

На то, чтобы преодолеть малое расстояние — не больше ширины ладони, — которое разделяло их губы, не потребовалось и секунды. Глаза Йяды широко раскрылись.

Её губы были именно такими нежными, как он и ожидал, и тёплыми, как солнечный свет. Первое прикосновение было робким и целомудренным, но тело Ингри сотряс оглушительный удар, прокатившийся по всем его членам. Руки Ингри дрожали, и он унял дрожь, обвив одной рукой талию Йяды, а другой зарывшись в её распущенные тёмные волосы. Тёплые ладони легли ему на плечи, пальцы судорожно впились в мышцы. Губы Йяды ответили на его поцелуй.

Следом за тем первым ударом Ингри окатила волна желания, воспламенив его чресла, заставив вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как он так обнимал женщину… Нет, так он женщину никогда не обнимал! Поцелуй внезапно сделался страстным, а вовсе не целомудренным. Он не мог оторваться от губ Йяды, и её белые руки всё крепче стискивали его. Их сердца начали

биться в едином ритме.

И тут они проникли сквозь друг друга…

Волшебный поцелуй неожиданно перестал для них быть просто красивой фразой. В этом поцелуе на самом деле не было никакой романтики — он пугал до потери дыхания. Йяда задохнулась, Ингри охнул, и они отстранились друг от друга, хотя продолжали держаться за руки — не как влюблённые, скорее как люди, цепляющиеся друг за друга, чтобы не утонуть.

Глаза Йяды, и раньше широко раскрытые, теперь стали огромными — одни зрачки с узенькой золотой полоской вокруг.

— Что ты?.. — выдохнула девушка в тот же момент, когда Ингри прошептал:

— Что ты сделала?

Одна рука Йяды прижалась к сердцу под тёмной тканью одежды.

— Что это было?

— Не знаю. Я никогда… не чувствовал…

Скрипнули половицы, что-то звякнуло… Ингри отпрянул от Йяды в тот момент, когда дверь его комнаты распахнулась. Йяда обхватила себя руками, словно ощутив внезапный холод, и шёпотом бросила неподобающее короткое слово. Ингри только успел бросить на неё лукавый взгляд, ко-

гда из комнаты на еле освещённую лестничную площадку выглянул заспанный Теско.

— Милорд? — вопросительно протянул он. — Я услышал голоса… — Парень удивлённо заморгал, увидев сидящую на ступеньке пару.

Йяда поднялась, взяла свою свечу, подарила Ингри безмолвный пламенный взгляд и упорхнула наверх.

На мгновение позволив себе безответственное мечтание, Ингри представил себе, как обнажает меч и обезглавливает слугу. К несчастью, площадка была слишком тесной для такого взмаха. С долгим вздохом Ингри прогнал видение и поднялся на ноги.

Теско, возможно, почувствовал неудовольствие Ингри из-за его несвоевременного вмешательства и с настороженным поклоном распахнул дверь перед своим господином. Неуклюжего парня приставили к Ингри, когда он ещё только стал доверенным лицом Хетвара. Ингри привык сам о себе заботиться, так что обращался со слугой с равнодушием, которое постепенно преодолело изначальный ужас Теско перед устрашающей репутацией хозяина — пожалуй, даже слишком. В тот день, когда Ингри обнаружил, что Теско прикарманивает то немногое, чем он владеет, он

подтвердил свою репутацию наглядной демонстрацией, после чего остальные слуги Хетвара принялись вовсю дрессировать своего младшего собрата: ведь если бы Ингри выгнал Теско, заменить его пришлось бы кому-нибудь из них.

Ингри позволил Теско стянуть с себя сапоги и отдал некоторые распоряжения на утро. После этого он рухнул на кровать, но уснуть не смог.

Он был слишком возбуждён, чтобы спать, слишком пьян, чтобы мыслить ясно, и слишком измучен, чтобы подняться с постели. Кровь, казалось, пенится в его жилах, поёт в ушах. Ингри с острым вниманием вслушивался в каждый шорох с верхнего этажа. Продолжает ли Йяда дышать в том же ритме, что и он? Ингри всё ещё был возбуждён, но что-нибудь предпринять по этому поводу боялся: если Йяда так же ощущает каждый удар его сердца, как он — её…

Они, конечно, шли к этому моменту полного слияния уже не один день. Ингри чувствовал себя так же связанным с Йядой, как если бы они были парой гончих на одной сворке.

«Ну так кто же охотник? И что собой представляет дичь?»

Тяжкий звон сковывающей их цепи отдавался в костях Ингри — цепи тоньше паутинки и

крепче стали.

Ингри не было нужды вслушиваться в скрип кровати, на которой ворочалась Йяда. Он знал о ней всё с такой же точностью, как знал положение собственного тела, и даже протянул в темноте к ней руку.

«Это же иллюзия. Я просто схожу с ума от безответного вожделения…»

Только теперь вожделение не казалось таким уж безответным. На лице Ингри на мгновение появилась совершенно идиотская улыбка.

Должно быть, он всё-таки уснул, потому что Теско пришлось вытащить его из постели на пол, чтобы разбудить. Руки у слуги дрожали: он испытывал ужас перед сонным Ингри, но не меньший — перед возможностью ослушаться приказания. Продрав глаза, Ингри заверил Теско, что ослушание обошлось бы ему дороже. Через некоторое время ему удалось сесть, хоть всё тело у него и болело.

Ингри позволил Теско помочь себе в умывании, бритьё и одевании — чтобы не задеть рану на правой руке: новая повязка, наложенная лекарем на ладье, была насквозь пропитана сочащейся кровью, но времени менять её уже не было. Грязный бинт с левого запястья Ингри решил снять:

та рана почти зажила, остались лишь розовые шрамы, коричневые струпья и позеленевшие синяки. Рукав тёмно-серого камзола, который Ингри носил в городе, достаточно хорошо их скрывал. Натянув сапоги, надев портупею с мечом и сунув за пояс кинжал, Ингри счёл себя выглядящим достаточно пристойно, если не считать покрасневших глаз и бледного лица.

Он с отвращением отказался от хлеба, с жадностью выпил кружку чая и спустился по лестнице. Подняв глаза, он обнаружил, что два этажа для него не препятствие.

«Йяда всё ещё спит. Это хорошо».

Воздух снаружи был холодным и влажным, света хватало только на то, чтобы Ингри мог разглядеть дорогу. На противоположный конец Королевского города он добрался с головой всё ещё тяжёлой, но всё же благодаря прогулке соображающей несколько лучше.

Рассвет возвращал миру цвета. Надёжный камень широкого фасада дворца Хетвара приобрёл оттенок свежего масла. Ночной привратник сразу же узнал Ингри, выглянув в скважину тяжёлой резной двери, и распахнул одну створку, чтобы тот мог войти в сумрачную тишину богатого жилища. Ингри отмахнулся от пажа, который

хотел доложить о нём, и решительно поднялся по лестнице в кабинет хранителя печати. Вокруг бесшумно суетились слуги, распахивая ставни, растапливая камины, таская воду на кухню.

Ингри удивлённо заморгал и замедлил шаги, когда, свернув за угол коридора, обнаружил, что у кабинета Хетвара, прислонившись к стене, стоит знаменосец принца-маршала Биаста, лорд Симарк кин Стагхорн. Они с Ингри обменялись приветствиями как старые знакомые.

— Принц здесь? — тихо спросил Ингри.

— Угу.

— Давно вы прибыли?

— Мы были у ворот столицы два часа назад. Принц бросил повозки и свиту в болоте возле Ньютемпла. Мы скакали всю ночь. — Симарк повёл плечами, и с его одежды посыпались комья высохшей грязи.

— Это вы, Ингри? — донёсся из кабинета голос Хетвара. — Идите сюда.

Симарк, подняв брови, посмотрел на Ингри; тот поспешно проскользнул в кабинет. Сидевший за своим столом хранитель печати знаком велел ему закрыть за собой дверь.

Ингри поклонился принцу-маршалу, который сидел, вытянув перед собой ноги в заляпанных

грязью сапогах, в кресле напротив Хетвара, потом — хранителю печати. Оба они ответили на его приветствие, и Ингри, заложив руки за спину, стал ждать вопросов.

Биаст выглядел таким же усталым, как и его знаменосец. Принц Биаст был немного ниже ростом, чем его младший брат Болесо, и не такой широкоплечий, но всё равно, как и все Стагхорны, отличался атлетическим сложением, тёмными волосами и длинным подбородком — бритым в отличие от привычки других членов семьи. Глаза Биаста были проницательны, и если он и обладал таким же темпераментом и чувственностью, как младший брат, эти качества находились под жёстким контролем. Биаст сделался наследником своего отца всего три года назад, после безвременной кончины старшего сына короля — Бизы. Пока на него не легли многотрудные обязанности наследника, средний принц стремился к военной карьере, и походы оставляли ему мало времени и для придворной дипломатии, в чём был силён Биза, и для сомнительных развлечений Болесо.

Хетвар был уже одет для выхода — не со своей обычной простотой, а в траурный придворный наряд; поверх отделанного мехом камзола лежала тяжёлая цепь, говорящая о его ранге. По-

видимому, он собирался вскоре присоединиться к погребальной процессии Болесо перед тем, как она достигнет столицы. Хранитель печати был человеком среднего роста, среднего сложения, среднего возраста; потворство плоти не входило в число его слабостей, несмотря на все соблазны, окружающие его при дворе. Ингри подумал о том, что просвещённому Льюко свойственны такие же обманчиво мягкие манеры, скрывающие несгибаемую властность. Эта мысль показалась ему любопытной и тревожной.

Чего были лишены и принц-маршал, и хранитель печати — так это какого-либо намёка на сверхъестественную силу, что было совершенно очевидно для вновь обретённого Ингри внутреннего чувства. Это открытие не принесло ему особого облегчения. Магическая власть иногда проявлялась; материальная же власть проявлялась всегда, и в этом кабинете было трудно забыть о том, что и принц, и Хетвар обладают ею в полной мере.

Хетвар провёл рукой по редеющим волосам и бросил на Ингри суровый взгляд.

— Вам давно уже было пора сюда явиться.

— Да, сэр, — без всякого выражения ответил Ингри.

Тон Ингри заставил хранителя печати поднять брови, и он посмотрел на Ингри с пристальным вниманием.

— Где вы были вчера вечером?

— А что вам об этом сообщали, милорд?

Губы Хетвара дрогнули: осторожность Ингри его позабавила.

— Мой камердинер утром рассказал мне какую-то совершенно невероятную историю. Надеюсь, слухи о том, что вчера вы заколдовали огромного белого медведя во дворе храма, не соответствуют действительности. Что на самом деле там произошло?

— Я зашёл в храм, чтобы выполнить поручение, по пути сюда, милорд. Действительно, служитель не сумел удержать новое священное животное, которое его и поранило. Я… э-э… помог справиться со зверем. Когда жрецы вернули его бывшему хозяину, просвещённый Льюко велел мне проводить их через город к пристани — ради безопасности. Это я и сделал.

При упоминании имени Льюко глаза Хетвара блеснули. Так, значит, ему известно, кто Льюко такой…

— Хозяин зверя, Джокол, — продолжал Ингри, — называет себя князем южных островов,

и я счёл недипломатичным отказаться от его гостеприимства. Напитки этих островитян оказались крепкими, а сказания — длинными. Когда Геска спас меня от них, было слишком поздно являться к вам.

Биаст фыркнул, бросив выразительный взгляд на бледное лицо Ингри; рассказ Ингри явно его позабавил. Прекрасно. Лучше быть героем пересудов о пьяной глупости, чем виновным в незаконной магии и странных чудесах.

— Просвещённый Льюко присутствовал при происшествии с медведем, — продолжал Ингри, — и только его свидетельство я назвал бы надёжным.

— У него своеобразные обязанности в храме.

— Так я и понял, милорд.

Неожиданно замершие руки Хетвара оказались единственным признаком того, какое впечатление произвели на него эти слова. Хранитель печати нахмурился и пожал плечами.

— Достаточно рассказов о прошлом вечере. Как мне сообщили, ваше путешествие с гробом Болесо было не таким благополучным, как вы сообщали в своих письмах.

Ингри склонил голову.

— Что содержалось в донесениях Гески?

— Донесениях Гески?

— Разве он вам не докладывал?

— Он доложил мне о прибытии вчера вечером.

— Не раньше?

— Нет. А в чём дело?

— Я заподозрил, что он пишет кому-то донесения. Я решил, что он докладывает вам.

— Вы видели эти письма?

— Нет.

Брови Хетвара поползли вверх.

Ингри сделал глубокий вдох.

— Во время путешествия произошли некоторые события, о которых даже Геска не знает.

— Например?

— Известно ли вам, милорд, что принц Болесо баловался запретной магией? Приносил в жертву животных?

При этих словах принц Биаст резко вздёрнул голову; хранитель печати поморщился и признал:

— Рыцарь Улькра сообщал мне о некоторых странностях. Оставить такого энергичного молодого человека без дела было, возможно, ошибкой. Надеюсь, вы уничтожили ненужные следы, как я приказал: нет смысла пачкать имя умершего.

— Это не были праздные развлечения. Принц Болесо предпринимал серьёзные и успешные

попытки, пусть и необдуманные и неуместные; они прямиком вели к тому, что я могу назвать только буйным помешательством. Это обстоятельство заставляет меня, естественно, гадать, как долго подобные святотатства продолжались. Венс… Можно предположить, что принцу в какой-то момент помогал незаконный волшебник. По свидетельству леди Йяды Болесо высказывал какие-то безумные предположения о том, что нечестивые обряды дадут ему сверхъестественную власть над кланами Вилда. Принц повесил леопарда в ту ночь, когда пытался изнасиловать её; леди Йяда убила его, защищаясь.

Хетвар встревоженно взглянул на Биаста, который внимательно слушал, всё больше хмурясь.

— По свидетельству леди Йяды… — проговорил хранитель печати. — Полагаю, вы видите, какие с этим связаны проблемы.

— Я видел леопарда, шнур, на котором он был повешен, следы раскраски на теле Болесо, беспорядок в его спальне. Улькра и слуги могут всё это подтвердить. Я вполне верю девушке. Я поверил ей сразу же, но позже другие события подтвердили, что в этом я прав.

Хетвар махнул рукой, предлагая Ингри продолжать. Выражение его лица никак нельзя было

назвать довольным.

— Мне стало ясно… как выяснилось… — Найти слова оказалось труднее, чем Ингри ожидал. — Кто-то в Истхоме… или где-то ещё… составил заговор, чтобы разделаться с моей пленницей. Мне неизвестно, кто и почему. — Говоря это, Ингри краем глаза следил за Биастом; принц выглядел изумлённым. — Мне удалось узнать только одно — каким образом.

— И кто же был этот убийца?

— Я.

Хетвар заморгал.

— Ингри!.. — начал он с угрозой.

— Чтобы понять это, мне потребовалось четырежды покушаться на её жизнь; разобраться во всём мне помогла храмовая волшебница, которую мы повстречали в Реддайке, некая просвещённая Халлана. Она когда-то была ученицей просвещённого Льюко, кстати. На меня было наложено заклятие. Халлана говорит, что обычный демон тут ни при чём и с силами белых богов это тоже никак не связано.

Хетвар оглядел Ингри с ног до головы.

— Поймите, друг мой, я не обвиняю вас — пока — в том, что вы бредите, но мне непонятно, как кто-нибудь, не говоря уж об обычной молодой

девушке, смог бы выжить в схватке с вами.

Ингри поморщился.

— Как оказалось, леди Йяда умеет плавать… и обладает другими талантами тоже. Волшебница в Реддайке разрушила заклятие, к счастью для нас всех. — Это было достаточно близко к истине. — На мой взгляд, все эти события выглядят чрезвычайно странно.

— На взгляд Гески тоже, по-видимому, — пробормотал Хетвар.

Совершенно спокойным ровным голосом Ингри сказал:

— Я нестерпимо разъярён тем, что кто-то так меня использовал.

Он хотел, чтобы его голос всего лишь передал умеренное неудовольствие, однако по жару, охватившему всё его тело, и дрожи в руках понял, насколько близки к истине его слова. Биаст фыркнул, озадаченный странным противоречием между смыслом сказанного и тоном, но Хетвар, внимательно наблюдавший за Ингри, замер на месте.

— Я гадал, не вы ли этот кто-то, милорд, — продолжал Ингри с тем же смертельно опасным спокойствием.

— Нет, Ингри! — воскликнул Хетвар; глаза его

широко раскрылись, но руки остались лежать на крышке стола и не потянулись к рукояти церемониального меча. Ингри мог видеть, какого усилия это стоило хранителю печати.

На протяжении четырёх лет Ингри наблюдал, как Хетвар говорит правду или лжёт — в зависимости от потребностей момента. Так что же было ему выгоднее сейчас? Голова Ингри раскалывалась, а кровь, казалось, кипела в жилах. Был ли Хетвар злоумышленником, чьим-то орудием, невинным человеком? Ингри сообразил, что ему нет нужды гадать.

— *Скажите правду!*

— Не делал я этого!

Упавшая тишина была похожа на удар топора. Биаст неожиданно оказался словно приклеенным к своему креслу.

«Может быть, мне было бы лучше откусить себе язык…»

— Это очень приятно узнать, — поспешно сказал Ингри, намеренно придавая себе менее напряжённую позу. «Скорее, скорее нужно выпутываться из этой неловкости!» — Как здоровье священного короля?

Однако молчание всё ещё длилось; Хетвар пристально смотрел на Ингри и, не отводя от

него глаз, только сделал повелительный жест в сторону растерянного Биаста.

Тот вопросительно взглянул на хранителя печати и облизнул губы.

— Я побывал у постели отца, прежде чем приехать сюда. Его состояние хуже, чем я думал. Меня он узнал, но говорит он совсем неразборчиво, а к тому же ужасно пожелтел и ослаб. Он снова уснул почти сразу же… — Принц помолчал, и голос его зазвучал ещё печальнее. — У него кожа как бумага. Он ведь всегда… он никогда… — Биаст умолк — прежде чем, как подумал Ингри, голос ему совсем изменит.

— Вы должны, — сказал Ингри, тщательно подбирая слова, — подумать об опасности того, что выборы состоятся очень скоро.

Хетвар кивнул. Биаст тоже кивнул, но очень неохотно. Опущенные веки только отчасти скрывали панику, отразившуюся в глазах принца; его взгляд в сторону Хетвара явно содержал вопрос: позволено ли его странному воину-волку так свободно рассуждать о высокой политике. На мрачном лице хранителя печати ответа он не прочёл.

— Я практически уверен, — продолжал Ингри, — что запретные эксперименты Болесо

имели целью захват королевской власти.

— Но он же младший сын! — воскликнул Биаст и поспешно поправился: — Был…

— Такое бывает возможно исправить… Благодаря магии вас можно было бы убить, не попавшись. Как я убедился на собственном опыте.

Хетвар неожиданно впал в глубокую задумчивость.

— Дело в том, — пробормотал он, — что было куплено и продано больше голосов, чем имеется выборщиков. Я никак не мог понять, в чём тут ловушка.

— Насколько можно быть уверенными в том, что принц-маршал унаследует престол? — спросил Ингри Хетвара, дипломатично поклонившись Биасту. — Если священный король умрёт, когда так много знати собралось в Истхоме на похороны Болесо, выборы могут произойти очень быстро.

Хетвар пожал плечами.

— Хокмуры и их союзники из восточных провинций давно готовятся именно к такой ситуации, как нам хорошо известно. Их клан потерял престол четыре поколения назад, но они всё ещё жаждут власти. Они не заполучили, насколько я могу судить, достаточно голосов, но если учесть

колеблющихся… Если Болесо тайком пытался сплотить именно их, то после его смерти они снова рассеялись.

— Считаете ли вы, что теперь колеблющиеся примкнут к партии его брата? — Ингри бросил взгляд на Биаста, который всё ещё с несчастным видом переваривал намёк на братоубийство.

— Может быть, и нет, — протянул Хетвар, нахмурив брови. — Члены клана Фоксбриар, хоть и знают, что их лорду не победить, способны воспользоваться неразберихой. Если выборщики долго не смогут прийти к определённому решению, как бы дело не дошло до мечей.

Биаст всё ещё оставался хмурым, но при этих словах его рука решительно сжала рукоять меча. Этот жест не прошёл мимо внимания хранителя печати; он предостерегающе поднял руку.

— Если бы принц Биаст был устранён… — осторожно заговорил Ингри, — впрочем, даже не важно, был бы он устранён или нет… мне кажется, что заклятие, способное заставить убить, с тем же успехом может тайно заставить проголосовать за нужного человека.

Ингри думал, что Хетвар и до сих пор относился к его словам с полным вниманием; как оказалось, он ошибался.

— Действительно, — выдохнул хранитель печати. Более неподвижным он уже не мог сделаться, но теперь от его неподвижной фигуры веяло леденящим холодом. — Скажите, Ингри… вы способны ощущать подобные заклятия?

— Теперь способен.

— Хм-м… — Хетвар окинул Ингри оценивающим взглядом.

«Значит, теперь я спасён. По крайней мере в том, что касается угрозы со стороны Хетвара. Может быть».

Хетвар издал наполовину вздох, наполовину стон и снова пригладил волосы.

— А я-то ещё думал, что разбираться предстоит только с подкупом, принуждением, угрозами, двуличием… — Новая мысль заставила его глаза сузиться. — И кого вы подозреваете в незаконной магии? Раз уж не меня?

Ингри вежливо склонил голову — принося извинения, но не признавая своей вины. «Если дорожишь жизнью, храни и свои, и мои секреты…»

— У меня нет достаточных доказательств. Такое обвинение очень серьёзно.

Хетвар поморщился.

— Ваш дар к преуменьшению, как я смотрю, не изменил вам. Этим придётся заняться храму,

знаете ли.

Ингри с несчастным видом кивнул. Он хотел, чтобы маг — даже в мыслях он предпочитал не уточнять: волшебник или шаман, — который наложил на него заклятие, был повержен, но совсем не стремился разделить его участь. Впрочем, знать, что Хетвар по крайней мере будет той стеной, которая защитит его тылы, было огромным облегчением. Ингри только надеялся, что не разрушил её, испытывая на прочность.

И если Хетвар — не сообщник человека, злоумышлявшего на жизнь Йяды, то, может быть, мольба о справедливости будет услышана? Когда ещё у Ингри появится шанс встретиться с Биастом лицом к лицу? Он сделал глубокий вдох.

— Остаётся ещё дело леди Йяды. Если вы желаете прикрыть безумие и богохульство Болесо, то суд над ней — последнее, чего можно хотеть. Позвольте расследованию вынести решение о самозащите, а ещё лучше — о несчастном случае, и отпустите её.

— Она убила моего брата, — возразил Биаст, хотя и не с такой горячностью, как мог бы.

— Тогда пусть она заплатит пристойную цену крови, как это было принято в Древнем Вилде, — не слишком высокую, конечно. Честь будет

спасена, а тайна сохранена, — добавил Ингри осторожно.

— Такой прецедент едва ли хорош для члена королевской семьи, — покачал головой Хетвар. — Это всё равно что объявить охоту на Стагхорнов, а то и всех знатных лордов. Имелись очень веские причины для того, чтобы орден Отца затратил столько усилий для искоренения этого обычая. Богатые могли бы без страха покупать жизни бедняков.

— А разве сейчас это не так? — спросил Ингри.

Хетвар предостерегающе кашлянул.

— Гораздо предпочтительнее, чтобы её казнь свершилась быстро и безболезненно. Может быть, можно даровать ей милость — отсечение головы мечом вместо виселицы или костра.

«А я — ваш доверенный меченосец».

— В этом деле всё более запутано, чем кажется на первый взгляд. — Ингри не хотелось разыгрывать эту карту, но суровое выражение лиц Хетвара и принца привело его в ужас. Он посеял идею в их головах; может быть, нужно время, чтобы она укоренилась. «Неужели её жизнь должна оказаться в опасности только потому, что я побоялся заговорить?» — Я думаю, что её коснулся бог. Преследовать её опасно.

Биаст фыркнул.

— Коснулся убийцы? Сомневаюсь. Если так, пусть боги пошлют ей защитника.

Ингри с трудом сдержался: у него было такое ощущение, будто он получил удар под ложечку.

«Похоже, что именно это они и сделали. Не очень хорошего, правда. Можно было бы ожидать, что боги окажутся способны на большее…»

Вслух Ингри сказал другое:

— Как случилось, милорды, что трон священного короля так обесценился? Когда-то он был действительно священным. Как смеем мы превращать его в товар, который можно покупать и продавать тому, кто даст большую цену? С каких пор принёсшие клятву богам воины сделались торговцами?

Эти слова задели Хетвара; он явно возмутился.

— Я использую все дары, которыми меня благословили боги, в том числе разум и способность предвидеть. Моя задача диктует, какими инструментами мне пользоваться. Я служил Вилду ещё до вашего рождения, Ингри. Золотого века никогда не существовало — всегда был только железный.

— Боги в этом мире не имеют других рук, кроме наших. Если их подведём мы, на кого же им

рассчитывать?

— Ингри, перестаньте! — Биаст тёр лоб, как будто у него болела голова. — Хватит. Чтобы участвовать в процессии, мне нужно ещё умыться и переодеться. — Он поднялся и, морщась, расправил плечи.

Хетвар немедленно поднялся тоже.

— Конечно, принц-маршал. Мне тоже следует отправляться. — Он, хмурясь, повернулся к Ингри. — Мы продолжим этот разговор, когда вы вернёте себе доброе расположение духа, лорд Ингри. До того не обсуждайте ни с кем эти темы.

— Побеседовать со мной желает просвещённый Льюко.

Хетвар шумно выдохнул воздух.

— Льюко, ну как же. Он редко бывает покладистым, как говорит мой опыт.

— Противиться храму я могу, только подвергаясь огромной опасности.

— Вот как? Это новый поворот. Я полагал, что вы противитесь, кому только пожелаете.

Кто из них первым опустил бы глаза, Ингри не был уверен, но принц Биаст уже подошёл к двери, и Хетвар поневоле последовал за ним.

— Вы лучше не лгите Льюко, — махнул хранитель печати рукой. — Позже я с ним поговорю. И с

вами тоже. — Опустив глаза, Хетвар добавил: — И не закапайте мой ковёр.

Ингри вздрогнул и схватился левой рукой за правую. Бинты промокли насквозь.

— Что случилось с вашей?.. Нет, расскажете мне потом. Явитесь на траурную церемонию в храм. Оденьтесь соответственно, — распорядился Хетвар.

— Милорд… — Ингри поклонился удаляющейся спине хранителя печати. Симарк, которому надоело ждать и который отправился разглядывать гобелены в зале, поспешил присоединиться к принцу.

Итак, Хетвар собирается поразмыслить, прежде чем действовать. Ингри не видел в этом особенно обнадёживающего знака.

Было уже позднее утро, и в Истхоме кипела жизнь, когда Ингри вышел на улицу и свернул к реке. Йяда уже проснулась — он чувствовал это сердцем. Проснулась, и в данный момент ничем особенно не обеспокоена. У Ингри стало немного легче на душе. Без ставшей его постоянным состоянием паники он позволил своим ногам самим выбирать скорость передвижения, и они решили не спешить. Является ли эта странная восприимчивость взаимной? Нужно будет спросить Йяду.

Ингри устало потащился в сторону дома.

Глава 13

Привратник снова распахнул дверь перед Ингри. Тот сразу же взглянул на ведущую на верхний этаж лестницу. Йяда была у себя, запершись с дуэньей, как ей и было велено. Ингри пришло на ум, что если слуг Хорсривера и одного несколько потрёпанного воина и хватит, чтобы не дать сбежать кроткой наивной девушке, такие защитники окажутся печально беспомощными в случае нападения извне. Ингри, возможно, удалось бы уложить одного убийцу — ну, нескольких, — однако целеустремлённому врагу было бы достаточно послать многочисленный отряд, и трагический исход был бы обеспечен.

Что же касается незаметного, магического нападения… тут исход не был столь очевиден. Не окажется ли колдовской голос средством защиты? Бурление в крови странной силы всё ещё смущало Ингри. Граф Хорсривер в отличие от него самого наверняка знает обо всех новых способностях Ингри. Уклончивое обещание Венсела чему-то научить его и привлекало, и смущало.

Привратник протянул Ингри слегка помятый листок бумаги.

— Это для вас принёс посланец из храма, милорд.

Сломав печать, Ингри обнаружил короткую записку от просвещённого Льюко; почерк был крупный и твёрдый.

> «Как выяснилось, сегодня мне придётся заняться вопросами дисциплины среди служителей храма, нарушения которой вы вчера помогли обнаружить, за что я очень благодарен. Я нанесу визит вам и леди Йяде завтра сразу же после похоронных обрядов».

Ингри хорошо понимал, что жрецы храма постараются как можно скорее разделаться с жульничеством своих аколитов — ведь им предстояли церемонии государственной важности. Пожалуй, лёгкое раздражение, которое сквозило в кратких строках записки, не было плодом его воображения. В сердце Ингри облегчение мешалось с разочарованием. Льюко смущал его, но кто лучше него смог бы объяснить Ингри, что значил смеющийся голос, который прозвучал в его ушах во время вчерашней суматохи во дворе храма? Тайная надежда на то, что Льюко объявит загадочное явление простой галлюцинацией,

чем дальше, тем больше казалась Ингри безосновательной.

Ингри поднялся в свои покои, где Теско сменил повязку на его руке и помог снять закапанную кровью одежду. Шов, наложенный лекарем островитян, не разошёлся, рана начала затягиваться. Однако постоянные кровотечения начали смущать Ингри; хотя каждый раз существовало вполне разумное их объяснение — по большей части собственной неосторожностью Ингри, — его взбудораженное воображение рисовало ему картину нечестивого возлияния… «И если мелкая магия требует небольших кровавых жертвоприношений, то что случится, если прибегнуть к магии огромной?»

Постель манила Ингри, и он растянулся на кровати. Мысль о еде всё ещё вызывала отвращение, но сон, возможно, поможет его ранам зажить. Однако стоило Ингри лечь, как его охватило новое беспокойство. Он с самого начала предполагал, что стремление таинственного злоумышленника разделаться с Йядой имеет исключительно политические причины или рождено желанием отомстить за Болесо. Может быть, подобный взгляд — просто следствие того, что Ингри так долго сотрудничает с хранителем

печати? Однако попытка взглянуть на события более широко привела лишь к неопределённости и растерянности.

«Я с каждым днём знаю всё меньше и меньше».

Так что же ждёт его в конце: унылая жизнь деревенского идиота? Наконец физическая усталость разогнала абсурдные образы, и Ингри провалился в беспокойный сон.

Проснулся он позже, чем намеревался, умирая от жажды, но с таким ощущением, будто выплатил своему телу некоторую часть накопившихся долгов. Воодушевлённый этим обстоятельством, он через Теско передал на кухню распоряжение о том, чтобы ужин ему и пленнице был подан в столовой на первом этаже. Ингри снова оделся, причесал волосы, огорчился тому, что не располагает лавандовой водой, и решил завтра же велеть Теско её купить, почистил зубы, побрился второй раз за день и, наконец, в сгущающихся сумерках, сделав глубокий вдох, спустился вниз.

Йяда уже ждала его; сияние свечей в канделябрах заставляло её саму в её светлом платье походить на горящую свечу. Она обернулась при звуке шагов Ингри, и от улыбки, осветившей её лицо, у Ингри перехватило дыхание.

Он не мог накинуться на неё, как голодный волк, хотя бы потому, что рядом стояла дуэнья, сжав губы и сложив руки перед собой. Стол, как к своему ужасу обнаружил Ингри, слуги без размышлений накрыли на троих. Служанка принцессы, без сомнения, была шпионкой Хорсривера, так что отослать её означало бы навлечь на себя бог знает какие неприятности.

Как бы ни менялись его взгляды на то, кто может оказаться союзником, а кто — врагом, он должен, решил Ингри, заботиться не только о репутации Йяды, но и о своей собственной, иначе охрану пленницы могут поручить кому-нибудь другому. Однако позволить себе улыбнуться он мог — и улыбнулся. Он мог позволить себе коснуться руки Йяды, с официальной вежливостью поднося её к губам. Аромат кожи Йяды, казалось, обострил все его чувства. Близость девушки была столь ослепительна, что Ингри с трудом сохранил самообладание.

Отчаянное ответное пожатие, такое крепкое, что ногти её впились в кожу Ингри, было единственным способом, которым Йяда могла сообщить: «Я тоже это чувствую». Она пригасила улыбку, ограничившись любезным кивком высокородной дамы, и позволила Ингри отодвинуть

для неё кресло. Лакеи начали подавать на стол.

— По-моему, я впервые вижу вас не в кожаном дорожном костюме, лорд Ингри. — По тону Йяды было ясно, что ей нравится то, что она видит.

Ингри коснулся тонкой чёрной ткани своего камзола.

— Леди Хетвар заботится о том, чтобы свита её мужа не посрамила чести их дома.

— Значит, у неё хороший вкус.

— Вот как? Прекрасно. — Ингри удалось отхлебнуть вина, не поперхнувшись. Его мысли бежали по слишком многим дорожкам одновременно: возбуждение, которое испытывает его тело, политические сложности, смертельная опасность, нависшая над ними с Йядой, незабываемое потрясение от того мистического поцелуя. Ингри уронил кусочек мяса с вилки и попытался незаметно поднять его.

— Просвещённый Льюко не появился.

— Ох… Да, он прислал записку: он собирается прийти завтра, после похорон.

— Есть ли какие-нибудь новости о вашем белом медведе? Или о вашем пирате?

— Пока нет, хотя слухи уже долетели до милорда Хетвара.

— Как прошла ваша встреча с хранителем

печати?

Ингри склонил голову набок.

— Как, по-вашему, могла она пройти? — «Разве ты не чувствуешь, где я и что происходит со мной, как чувствую это в отношении тебя я?»

Йяда слегка кивнула и медленно проговорила:

— Напряжённо… в противоречиях. И ещё было… происшествие. — Взгляд Йяды, казалось, проникал Ингри под кожу. Девушка мельком посмотрела на дуэнью; та продолжала жевать и слушать.

— Верно. — Ингри сделал глубокий вдох. — Полагаю, что хранителю печати Хетвару можно доверять. Впрочем, его заботы — исключительно политические, а я всё меньше и меньше считаю ваши неприятности связанными с политикой. Там присутствовал принц-маршал Биаст, чего я не ожидал. Он не загорелся сразу идеей платы за кровь, но по крайней мере у меня был шанс заронить эту мысль ему в голову.

Йяда погоняла вилкой по тарелке лапшу.

— Думаю, боги мало интересуются политикой. Для них важны только души. Заглядывайте в души, лорд Ингри, если хотите догадаться о желаниях богов. — Лицо девушки, когда она подняла глаза, было серьёзным.

Помня о присутствии мрачной дуэньи, Ингри перевёл разговор на менее важную тему: стал расспрашивать Йяду о том, как она провела день. Девушка подхватила его лёгкий тон и с юмором рассказала об увлекательной книге по домоводству — по-видимому, единственной книге, которая нашлась в доме. После этого темы для разговора иссякли, и воцарилось молчание. Ингри, конечно, надеялся на большее, но по крайней мере они были в одной комнате, живые и здоровые.

«Мне, пожалуй, стоит пересмотреть свои представления о флирте».

Резкий стук в дверь, беготня слуг, голоса… Ингри напрягся, вспомнив, что оставил меч в своей комнате и вооружён всего лишь кинжалом на поясе, потом успокоился, узнав голос Венсела. Граф-выборщик вошёл в столовую; Ингри поднялся ему навстречу, а дуэнья испуганно вскочила и сделала реверанс.

— Добрый вечер, Ингри, леди Йяда, — кивнул им Венсел. Он был одет в придворный траурный наряд, покрытый дорожной пылью, и выглядел смертельно усталым. Таящаяся в нём темнота казалась неподвижной, словно её что-то сдерживало или подавляло. Венсел обвёл взглядом

столовую.

— Вы можете быть свободны, — сказал он дуэнье. — Заберите с собой свою тарелку.

Женщина снова присела и поспешно удалилась. Слуги графа были хорошо вымуштрованы: она не забыла плотно прикрыть за собой дверь.

— Вы ужинали? — вежливо поинтересовалась Йяда.

— Что-то ел, — отмахнулся Венсел. — Только налейте мне вина, пожалуйста.

Йяда наполнила кубок из графина, и Венсел, взяв его, опустился в кресло, вытянул ноги и откинул голову на спинку.

— У вас всё хорошо, миледи? Мои слуги заботятся о вас должным образом?

— Да, благодарю вас. Мои физические потребности вполне удовлетворены. Мне не хватает новостей.

Венсел склонил голову.

— Нет никаких новостей, по крайней мере тех, которые касались бы вашего положения. Болесо привезли в храм, и там его тело пробудет ночь. К этому времени завтра по крайней мере балаган закончится. — Венсел поморщился.

«И начнётся другой — судилище над Йядой?»

— Я тут подумал, Венсел… — Ингри вкратце ещё

раз изложил свою идею насчёт платы за кровь. — Если ты в самом деле стремишься восстановить честь своего дома, кузен, это могло бы оказаться подходящим средством, если, конечно, удастся уговорить Стагхорнов и Баджербанка. Хотел бы подчеркнуть, что это в твоих силах.

Венсел бросил на Ингри проницательный взгляд.

— Ты, как я посмотрю, не такой уж бесстрастный тюремщик.

— Если тебе был нужен именно такой тюремщик, не сомневаюсь, что ты нашёл бы подходящего человека, — сухо ответил Ингри.

Венсел поднял свой бокал в приветствии, которое лишь отчасти было шутливым, и осушил его до дна. Через несколько мгновений он произнёс:

— Если говорить о косвенных доказательствах, судя по тому факту, что я до сих пор не арестован за гнусную магию, ты сохранил наши секреты.

— Да, мне до сих пор удавалось не упоминать о тебе в своих разговорах. Не знаю, насколько долго я смогу это продолжать. К несчастью, я привлёк к себе некоторое внимание жрецов. Ты ещё не слышал о белом медведе?

Губы Венсела скривились.

— Сегодняшняя не слишком благочестивая

похоронная процессия только сплетнями и занималась. Рассказы, которые я слышал, были весьма красочны, но противоречивы. Я, наверное, был единственным человеком, слышавшим их, для кого всё случившееся было совершенно ясно. Поздравляю тебя с открытием… Я не ожидал, что ты так быстро освоишь эти умения.

— Мой волк никогда раньше не говорил таким голосом.

— Священные животные бессловесны. Подобная власть исходит от человека. Впрочем, целое отличается от каждой из составных частей: они изменяют друг друга, по мере того как сливаются.

Ингри несколько мгновений обдумывал услышанное; слова Венсела показались ему не слишком обнадёживающими и дразняще уклончивыми. О том, втором голосе, слышанном им в храме, он решил не упоминать.

— К тому же, — добавил Венсел, — твой волк раньше и в самом деле был связан, отделён от тебя, хоть и заключён у тебя внутри. Уверяю тебя: ни жрецы, ни я на этот счёт не заблуждались. Тайной для меня остаётся другое: как ему удалось освободиться. — Венсел поднял брови, приглашая Ингри к откровенному признанию.

Ингри не обратил внимания на намёк.

— На что ещё он… я… мы способны?

— Колдовской голос — великая и загадочная сила, гораздо более определяющая твою сущность, чем ты думаешь.

— Поскольку мне практически ничего не известно, это не такое уж откровение, Венсел.

Граф пожал плечами.

— Действительно, шаманы лесных племён обладали и другой властью. Видения, которые не обманывали… Они могли исцелять недуги тела и души, раны, лихорадку. Иногда им удавалось следовать за человеком, чей разум погрузился во тьму, и возвращать его. Бывало, что они использовали свою силу для обратного: погружали жертву во тьму, насылали болезнь, даже смерть. Некромантия, требовавшая человеческих жертвоприношений…

«Наложение заклятий?» — молча задался вопросом Ингри.

— Да, они были могущественны, — продолжал Венсел медленно, — и всё же даже в дни величайшей славы Древнего Вилда могущественны недостаточно. Их врагов — безжалостных врагов шаманов и воинов, в которых жили духи животных — оказалось слишком много. Пусть это

послужит нам уроком, Ингри. Мы одиноки, и тайна — наша единственная надежда на спасение.

Йяда глубоко вздохнула и прошептала:

— Мне говорили, что великий Аудар победил магию Вилда одним мечом — мечом и храбростью.

Венсел фыркнул.

— Дартаканская ложь. Аудар собрал всех святых и волшебников из храмов Дартаки. Для нашего поражения в долине Священного древа потребовалось предательство богов.

Ингри догадался, куда клонит Йяда, и подхватил:

— И какие же записи о сражении при Кровавом Поле хранятся в твоей библиотеке в замке Хорсриверов — ведь дартаканские летописи о многом умалчивают?

Губы Венсела скривились в странной полуулыбке.

— Их достаточно много, чтобы понять: всё, чему тебя учили в дни теперешнего упадка Вилда, — подтасовка.

— Какие бы нечестивые обряды ни совершали шаманы, Аудар победил. В этом нет лжи, — сказал Ингри.

Венсел раздражённо дёрнул плечом.

— Не нечестивые обряды, а великое, пусть и рождённое отчаянием, деяние. Вилд подвергался ужасному давлению. За время жизни одного поколения мы лишились половины наших земель. Цвет нашей молодёжи умирал от дартаканских копий.

— Описания сражений, которые я читал, — возразил Ингри, — единодушно говорят о том, что армия Аудара была лучше организована и обучена, она лучше управлялась и снабжалась. Некоторые вещи для того времени кажутся просто чудом: дартаканцы строили дороги сквозь леса почти с такой же скоростью, как наступали.

— Ну, не с такой же, конечно, но действительно, захват ими владений любого племени приводил к полному опустошению. Против всех ресурсов Дартаки и половины богатств наших земель одной храбрости было недостаточно. Священный король — последний истинный правитель нашего народа и, кстати, один из моих предков Хорсриверов — собрал шаманов всех племён, каких только мог найти, и все вместе они начали великий ритуал, который должен был сделать воинов — носителей духов неуязвимыми. Могучие бойцы, которых нельзя было ни ранить, ни убить, должны были встать на пути дартаканцев

и отбросить их за реку Лур навеки. Тела и души этих мужей должны были соединиться с самой священной землёй Вилда, и она обновляла бы их силы, чтобы даровать победу. Священные гимны, которые обеспечили бы такую связь, должны были звучать в течение трёх дней; голоса должны были слиться в хор неслыханного никогда ранее величия. Обряд наделил бы людей силой самого леса.

Йяда, слушавшая затаив дыхание, прошептала:

— Так что же помешало этому?

Венсел покачал головой и так стиснул губы, что они побелели.

— Всё бы получилось, если бы Аудар, которому помогали и волшебники, и сами боги, не напал слишком быстро. С невероятной скоростью его армия прошла сквозь леса и холмы, вместо того чтобы остановиться на отдых и двинуться дальше с рассветом, дартаканцы нанесли удар в темноте. Это была вторая ночь великого обряда, мы были не готовы, мы были уязвимы… племенные шаманы устали и растратили силу. Король уже получил священную связь с землёй, но воины — ещё не совсем.

— Вы… мы ведь всё равно сражались? — на-

стойчиво спросила Йяда.

— О, яростно! Но у Аудара было в три раза больше войска. Я… никто не думал, что он соберёт такую огромную армию и двинет её так далеко и так быстро.

— И всё-таки победить воинов, раны которых магически исцеляются, трудно. Так что же случилось?

— Когда тела погребены в одном рву, а головы — в другом, в полумиле от первого, даже такие наделённые сверхъестественной силой воины умирают… со временем. Дартаканцы первым делом убили священного короля, без которого обряд не мог быть закончен, хотя его и не обезглавили… Ему переломали руки и ноги, бросили в ров, завалив телами его соратников. Он ещё многие часы оставался жив… пока не утонул в крови своих любимых товарищей. — Глаза Венсела блеснули.

— Люди Аудара работали всю ночь и весь день, — продолжал он, — обагрённые кровью по пояс и почти обезумевшие от того, что им пришлось делать. Некоторые не выдерживали ужаса, они садились на землю, раскачивались и рыдали… Дартаканцы перебили всех, кого нашли поблизости от Священного древа: и тех, кто сдался, и тех, кто продолжал сопротивляться,

шаманов, воинов, женщин, детей. Они не хотели рисковать. Они уничтожили все святилища, убили всех попавшихся им животных, спилили и сожгли Древо жертвоприношений. Старший сын и наследник священного короля был казнён последним, под конец дня, после того, как стал свидетелем всего этого. Когда в священных пределах не осталось ничего живого, кроме деревьев, дартаканцы ушли оттуда и запретили кому-либо там бывать. Они словно хотели похоронить вместе с нами свои собственные грехи. Проливались дожди, выпадали снега многих зим, люди умирали, и Священное древо было забыто, как была забыта древняя слава Вилда.

Ингри поймал себя на том, что слушает страстный рассказ Венсела о тех древних событиях затаив дыхание. На какие ещё откровения можно вызвать кузена?

— Говорят, Аудара привело в ярость нарушение племенами заключённого договора, а впоследствии он жалел о кровопролитии. Ради спасения своей души он принёс огромные дары в храм.

— Свой собственный храм! — фыркнул Венсел. — Он жертвовал правой рукой то, что награбил левой. А договор, заключённый насильно, — это не договор, а разбой. Проникновение

дартаканцев на наши земли было постоянным, а так называемые договоры служили им только для оправдания.

— Ну, не знаю, — с сомнением протянул Ингри. — Из хроник следует, что сначала дартаканцы намерения воевать не имели. Они начали завоёвывать Вилд, после того как на протяжении жизни двух поколений отбивались от набегов. Как только они устанавливали границу, им только и приходилось, что её защищать: неуправляемые кланы постоянно нападали на укрепления дартаканцев, так что тем приходилось выдвигать крепости вперёд… и всё начиналось сначала.

— Ты ведь и сам наполовину дартаканец, Ингри. — Тон Венсела снова стал сухим.

— Теперь это можно сказать о большинстве из нас.

— Да. Я знаю.

— Однако некоторым воинам кланов удалось бежать, — сказала Йяда, пристально глядя на Венсела. Ингри заметил, как крепко она стиснула лежащие на коленях руки. — Они, наши предки, продолжали бороться. Мы сопротивлялись, и со временем мы победили. Появился новый Вилд.

Венсел фыркнул.

— Империя Аудара пала из-за склок и глупости

его внуков, а вовсе не из-за героизма уцелевших кланов. То, что возникло через полтора столетия, — это просто тень прежнего величия, насмешка над Древним Вилдом, лишившимся своей сущности и своей красоты, скованным дартаканской квинтарианской ортодоксальностью. Те, кто посадил на трон эту пародию священного короля, думали, будто возрождают что-то, но они были слишком невежественны, чтобы даже представлять себе, как много было утрачено. Дни великой свободы, дни жизни в единении с лесом миновали, были погребены под сетью дорог и мельниц, городов и ферм, под тяжким камнем храмов Аудара. Полтораста лет слёз, страданий, кровопролитий не дали ничего. Новые владыки кланов, все эти гордящиеся своим богатством графы-выборщики — вкупе с настоятелями-выборщиками, что за насмешка! — самодовольно поздравляли друг друга с победой, но воздвигнутый ими роскошный трон служит опорой лишь ягодицам слабого человека. Им следовало бы рыдать на пепелище, оплакивать то древнее предательство.

Венсел наконец заметил, какими глазами смотрят на него оба его слушателя.

— Ух! Урок окончен, дети. — Венсел с усилием

втянул воздух. — Я становлюсь болтлив. Сегодня был отвратительный и слишком долгий день. Мне следует отправиться домой. — Он стиснул зубы. — К моей супруге.

— Как она переносит всё это? — напряжённым голосом поинтересовалась Йяда.

— Не слишком хорошо.

Ингри внезапно забеспокоился: какое давление на судей Йяды может исходить от принцессы? Из всех Стагхорнов принцесса Фара в наибольшей степени могла жаждать крови: ей было необходимо смыть собственную вину. И к словам Фары наверняка прислушается не только её муж, но и брат, принц Биаст.

Венсел отодвинул кресло, потёр переносицу и поднялся на ноги. Его окружённые тёмными кругами глаза, подумал Ингри, слишком стары для лица молодого человека.

Ингри проводил графа до крыльца, потом проскользнул обратно в столовую и закрыл дверь, прежде чем снова появилась дуэнья. Йяда хмурилась, чем-то явно озабоченная.

— Интересно, — медленно проговорила она, — какие сны снились Венселу?

— М-м?..

Йяда побарабанила пальцами по столу.

— Он говорил о Кровавом Поле не так, как рассказывал бы человек, знакомый с историей только по записям или рассказам. Он произвёл на меня впечатление очевидца.

— Как это случилось с тобой, да? Только вам снились разные времена.

— Мой сон касался настоящего времени, мне кажется. Почему ему снилось прошлое? И почему вообще ему могли сниться мои воины?

Ингри обратил внимание на собственническую нотку в голосе девушки.

— Он, по-видимому, считает, что это были его люди. — Ингри помедлил. — Его отец был знаменит своей одержимостью историей. То же самое говорили о его деде, насколько я помню рассказы моего отца и тётки. Венсел не разделял этой страсти в детстве, я точно знаю, но, возможно, заразился ею позднее, когда прочёл их труды. Должно быть, он отчаянно стремился найти объяснение тому, что с ним случилось. Не снился ли тебе снова Израненный лес, — добавил Ингри, — уже после того как ты оказалась в столице?

Йяда покачала головой.

— В этом не было… нужды. Задание, каково бы оно ни было, я уже получила. Ничто для меня с тех пор не изменилось и не потускнело. — Де-

вушка взглянула в лицо Ингри. — Так было до тех пор, пока не появился ты, хочу я сказать.

Понимая, что наедине они побудут недолго, Ингри разрывался между желанием снова поцеловать Йяду и страхом. Что ещё мог бы открыть им поцелуй? Его забинтованная рука стиснула пальцы Йяды, и на её сводящих его с ума губах мелькнула благодарная улыбка.

Глаза Йяды сузились.

— Шаман клана… Воин, обладающий духом животного… Знаменосец… Священное древо… Почему все эти символы ожили здесь и сейчас? Мы все трое связаны друг с другом — вы с Венселом родством и той старой трагедией, мы с Венселом… недавними событиями, мы с тобой… — Йяда сделала глубокий вдох. — Нам следовало бы попытаться всё это понять.

— Нам следует попытаться остаться в живых, Йяда.

— Я не так уж уверена, — тихо ответила девушка, — что речь идёт именно о наших жизнях.

Рука Ингри крепче сжала руку Йяды, несмотря на пронизавшую её боль.

— Ты не должна чувствовать себя обречённой!

— Почему же? Или ты считаешь, что обречённость — только твоя участь? — Брови Йяды

насмешливо поднялись. — Она очень тебе идёт, должна признаться. Только это несправедливо. — Она наклонилась к Ингри, и он замер от ужаса и наслаждения, когда её губы коснулись его губ. Однако на этот раз не произошло ничего, кроме нежного прикосновения плоти к плоти.

Прежде чем Ингри смог припасть к губам Йяды в поисках того священного огня, что опалил их накануне, дверь открылась и вошла дуэнья. Ингри неохотно выпустил руку Йяды. Он хорошо понимал, что женщина не может не заметить его учащённого дыхания.

Дуэнья без улыбки обвела взглядом Ингри и Йяду и присела в реверансе.

— Прошу прощения, милорд. Граф велел мне быть всё время рядом с госпожой.

— Я очень признательна ему за заботу, — проговорила Йяда голосом настолько невыразительным, что Ингри не смог понять, было ли это насмешкой или искренней благодарностью. Йяда взяла свой кубок, осушила его и поставила на стол. — Не следует ли нам теперь удалиться в ту унылую комнату?

— Если вам угодно, миледи… Так граф и сказал.

Под тупым упрямством женщины Ингри

ощутил искреннее беспокойство. Власти графа-выборщика было достаточно, чтобы держать слуг в страхе, но не чувствовали ли они… или не испытывали ли — чего-то ещё?

— Может быть, и лучше пораньше лечь, — неохотно согласился Ингри. — Мне предстоит сопровождать лорда Хетвара на траурной церемонии завтра утром.

Йяда кивнула и поднялась на ноги.

— Я буду признательна, если потом вы посетите меня и обо всём расскажете.

— Непременно, леди Йяда.

Ингри смотрел вслед Йяде… было ли это капризом его воображения или и в самом деле с её уходом в комнате стало темнее?

Глава 14

Площадь перед храмом была уже запружена толпой придворных в траурных одеждах и зевак, когда Ингри утром туда прибыл. Он заметил у ворот храма нескольких гвардейцев Гески, из чего следовало, что хранитель печати уже внутри. Ингри ускорил шаги и протолкался к воротам. Люди, узнававшие его, торопились убраться с дороги.

Яркая синева неба говорила о том, что день может оказаться не по-осеннему жарким, и Ингри с облегчением вступил в тень, отбрасываемую портиком. Его парадная одежда была тяжёлой и неудобной: длинный траурный плащ мешал идти и цеплялся за меч. Солнечные лучи заливали центральный двор храма, в середине которого на каменных плитах очага пылал священный огонь, и Ингри заморгал, войдя в тень и тут же снова выйдя на свет. Высмотрев леди Хетвар, которую сопровождали Геска и её старший сын, Ингри подошёл к ней и поклонился. Дама кивнула в ответ, одобрительно оглядела траурный наряд Ингри и немного подвинулась, чтобы освободить ему место позади себя, рядом с Геской. Лейтенант нервно покосился на Ингри, но ничем больше

не обнаружил последствий их последнего странного приключения, и Ингри начал надеяться, что Геска не стал распространяться о сверхъестественном инциденте.

По другую сторону от священного огня Ингри заметил рыцаря Улькру и нескольких слуг Болесо; это было хорошо — значит, они прибыли в Истхом, как им и было велено. Улькра вежливо поклонился Ингри, хотя те придворные Болесо, которые сопровождали его гроб, постарались не встречаться с Ингри глазами — то ли помня о его неприязни, то ли просто побаиваясь его.

Из каменного коридора, ведущего внутрь храма, донеслось пение хора; эхо заставляло слитные голоса звучать подобающе далёкими и печальными. Поющие аколиты медленно выступили во двор: пять раз по пять, квинтет для каждого из богов, — одетые в голубые, зелёные, красные, серые и белые одежды. Позади них шестеро вельмож — Хетвар, близнецы Боарфорды и ещё три графа-выборщика — несли носилки с телом принца.

Тело Болесо было туго обёрнуто пахучими травами под роскошной одеждой, однако распухшее лицо оставалось на виду. Задержка, связанная с путешествием в столицу, привела к такой степени разложения, когда следовало бы хоронить

тело в закрытом гробу, но погребение столь высокородного человека требовало присутствия свидетелей, и чем больше, тем лучше, чтобы предотвратить возможность появления самозванцев в будущем.

Следом за носилками шли ближайшие родственники покойного. Биаста, роскошно одетого, но выглядящего очень усталым, сопровождал Симарк со штандартом принца-маршала, в знак траура свёрнутым вокруг древка. Граф Хорсривер поддерживал под руку принцессу Фару в строгом чёрном платье. Тёмные волосы принцессы, стянутые в узел и не украшенные ни драгоценностями, ни лентами, подчёркивали смертельную бледность её лица. Фара в отличие от братьев не была высокой, и длинный подбородок Стагхорнов у неё не был так заметен; она не была красавицей, но гордая осанка и умение держаться обычно скрадывали недостатки. Сегодня же принцесса выглядела осунувшейся и больной.

Присутствие духа жеребца в Хорсривере казалось так хорошо скрытым, что могло быть принято просто за мрачность.

«Нужно узнать у Венсела, как он это делает».

Ингри начал догадываться, каким образом кузену удаётся избегать разоблачения жрецами,

но цена его ужаснула.

Ингри с облегчением обнаружил, что священный король не покинул ради похорон своей постели и не был принесён в храм на носилках. Уж очень походило бы на то, что одни носилки следуют за другими…

Ингри направился за леди Хетвар, когда она заняла положенное место у входа в увенчанный куполом зал Сына. Огромное пространство заполнилось толпой; менее знатные придворные заглядывали в арку, ведущую во двор. Вельможи опустили носилки перед алтарём Сына, хор затянул новый гимн, а верховный настоятель Фритин вышел вперёд, чтобы совершить церемонию проводов принца. Ингри пошире расставил ноги, заложил руки за спину и приготовился вытерпеть скучный обряд. К счастью, речи оказались формальными и краткими и никто не упомянул странных обстоятельств смерти Болесо. Даже Хетвар ограничился несколькими банальностями о трагически оборвавшейся молодой жизни.

Из центрального двора донёсся шорох: толпа раздвинулась, освобождая дорогу процессии со священными животными. Вели их другие служители, чем накануне, а Фафу, грозного белого медведя, заменила миниатюрная пушистая ко-

шечка, уютно свернувшаяся в руках женщины в белых одеждах Бастарда. Мальчик, который вёл рыжего жеребёнка, оказался тем же самым; поскольку на этот раз его подопечного не приходилось успокаивать, паренёк глазел по сторонам и, встретившись глазами с Ингри, испуганно вздрогнул, узнав его.

Грумы проявляли чрезвычайную осторожность, подводя животных к носилкам, чтобы они смогли сообщить, забирает ли душу Болесо соответствующий бог. Никто из присутствующих особенно не ожидал, что голубая сойка Дочери или зелёный попугай Матери проявят какой-нибудь интерес, но толпа заволновалась, когда к носилкам подвели рыжего жеребёнка. Животное проявило полное равнодушие, так же как серый пёс и белая кошечка. Служители растерянно переглянулись. Биаст мрачно нахмурился, а принцесса Фара была, казалось, готова упасть в обморок.

Неужели душа Болесо проклята, отвергнута Сыном Осени, на которого, казалось бы, была самая большая надежда, и не востребована даже Бастардом? Неужели Болесо обречён стать истаивающим со временем призраком? Или он был так осквернён духами животных, принесённых им

в жертву, что оказался в ловушке между миром материи и миром душ и был обречён на те самые муки, которые Ингри когда-то описывал Йяде?

Верховный настоятель поманил к себе Биаста, Хетвара и просвещённого Льюко, который держался так незаметно, что Ингри даже не сразу его увидел. После того как они тихо посовещались, грумы начали заново подводить священных животных к носилкам.

Жара и напряжение неожиданно оказали на Ингри странное действие. Зал поплыл у него перед глазами, правая рука начала болеть. Ингри незаметно попятился к стене, надеясь найти опору в её прохладном камне. Этого оказалось недостаточно. Как раз в тот момент, когда к носилкам подвели рыжего жеребёнка, Ингри рухнул на пол бесформенной грудой; только тихо звякнул о камни его меч.

И тут неожиданно оказалось, что Ингри стоит в том, другом месте, в безграничном пространстве, где он однажды уже бывал, но только теперь, похоже, схватки не предвиделось: Ингри по-прежнему был в парадной одежде, и лицо его оставалось человеческим.

Из рощи по-осеннему пахнущих опадающей листвой деревьев вышел рыжеволосый молодой

человек. Он был высок, одет в кожаный охотничий костюм и леггинсы, за плечом висели лук и колчан. Его блестящие глаза сверкали, как лесной поток, нос осыпали веснушки, широкий рот смеялся. Голову молодого человека венчала корона из осенних листьев — бурых дубовых, красных кленовых, жёлтых берёзовых. Широко шагая, он вытянул губы и свистнул, и резкий высокий звук пронзил душу Ингри, как стрела.

Из тумана появился огромный тёмный волк с отливающим серебром мехом; он подбежал к молодому человеку, приоткрыв пасть и вывалив язык, припал к земле, лизнул ногу охотника и перекатился на бок. Рыжеволосый юноша присел на корточки и почесал зверю живот. Шею волка, примяв густую шерсть, охватывал ошейник из осенних листьев — таких же, как корона на голове охотника. Волк, казалось, смеялся… Молодой человек выпрямился и широко расставил ноги.

Из чащи с большим достоинством, но так же нетерпеливо выбежал пятнистый леопард. Рядом с ним с растерянным видом шла Йяда. Шея леопарда была обвита гирляндой лиловых и жёлтых осенних цветов, Йяда держала её, как поводок, но трудно было понять, кто из них кого ведёт. Йяда была в том же запятнанном жёлтом платье,

в котором Ингри увидел её в первый раз, — том самом, что она носила во время трагической схватки с Болесо, и капли крови на нём казались свежими и сверкали, как рубины. На лице Йяды, когда она увидела весёлое лицо рыжеволосого охотника, растерянность сменилась изумлением и ужасом. Леопард потёрся о ногу молодого человека, едва не опрокинув его, и его раскатистое мурлыканье прозвучало как прерывистая песня.

Юноша взмахнул рукой; Ингри и Йяда тут же повернулись к нему.

Перед ними в мучительной неподвижности застыл Болесо. Он тоже выглядел так, как в ночь своей смерти: на нём была короткая мантия, под которой виднелись нанесённые краской на восковую кожу узоры. Их тусклые цвета вызвали у Ингри головную боль: они были неправильны, противоречили друг другу. Ингри пришёл на ум невежда, который, услышав незнакомый язык, начинает ему подражать, или ребёнок, ещё не умеющий писать, но усердно, глядя на старшего брата, покрывающий лист бумаги бессмысленными каракулями.

Для Ингри кожа Болесо была прозрачна. В клетке его рёбер вихрились лающие и скулящие, рычащие и воющие сгустки тьмы. Кабан, пёс,

волк, олень, бобёр, лис, сокол, даже перепуганный кот…

«Результаты давних экспериментов?»

Да, сила в этом сборище была, но она тонула в хаосе, в оглушительным шуме. Ингри вспомнил слова Йяды: «Сам его ум был похож на звериннец».

Бог мягко произнёс:

— Он не может войти в мои врата, пока не избавится от этих духов.

Йяда сделала шаг вперёд и умоляюще протянула руки к Сыну Осени.

— Чего ты хочешь от нас, господин?

Взгляд бога охватил всех стоящих перед ним.

— Освободите его, если будет на то ваша воля, чтобы он смог войти в царство богов.

— Ты желаешь, чтобы мы определили судьбу другого человека? — прошептала Йяда. — Не только в земной жизни, но в вечности?

Сын Осени склонил набок украшенную венком голову.

— Ты же однажды сделала для него выбор, не так ли?

Губы Йяды приоткрылись, потом сжались — не то от страха, не то от благоговения.

Он тоже должен бы испытывать благоговение,

подумал Ингри. Должен был бы упасть на колени… Вместо этого он чувствовал головокружение и гнев. Преклонение Йяды перед богом вызывало у него одновременно острую зависть и отвращение: как будто он смотрит на солнце в маленькую дырочку, в то время как Йяда свободно любуется светилом.

«Но если бы мои глаза видели всё шире, не ослепил бы меня этот свет?»

— Ты готов… готов взять его на свои небеса, господин? — с изумлением и яростью спросил Ингри. — Он убивал — не ради защиты собственной жизни, а из-за безумия и злобы. Он пытался украсть власть, по праву ему не принадлежащую. Если я правильно догадываюсь, он покушался на жизнь собственного брата. Он был готов изнасиловать Йяду, если бы смог, и продолжать убивать — для собственного развлечения!

Сын Осени поднял руки. Они сияли, словно на них падал свет осеннего солнца, отражённый лесным потоком.

— Мои руки изливают милосердие, как полноводную реку, воин-волк. Разве ты хотел бы, чтобы я отмеривал его в соответствии с заслугами человека, как аптекарь из пипетки? Хотел бы ты стоять по пояс в чистой воде, оделяя по капле

людей, умирающих от жажды на иссушенном берегу?

Ингри растерянно молчал, но Йяда решительно ответила:

— Нет, господин, я этого не хотела бы. Допусти его к своей реке, пусть он погрузится в её бурное течение. Его потери — не выигрыш для меня, заслуженное им наказание меня не порадует.

Бог ослепительно улыбнулся девушке. По её лицу текли серебряные слёзы — они казались благословением.

— Это несправедливо, — прошептал Ингри. — Несправедливо по отношению ко всем тем, кто… кто пытался не свернуть с пути.

— Ах, но я же не бог правосудия, — протянул Сын. — Разве вы оба предпочли бы предстать перед Отцом?

Ингри судорожно сглотнул: он совершенно не был уверен, что этот вопрос — риторический; не был он уверен и в том, что случится, если он скажет «да».

— Пусть выбирает Йяда. Я подчинюсь.

— Увы, от тебя требуется большее, чем просто отойти в сторону, воин-волк. — Бог показал на Болесо. — Он не сможет войти в моё царство, отягчённый всеми этими изувеченными духами. Эта

дверь — не для них. Изгони их из него, Ингри.

Ингри оглядел животных, заточенных за рёбрами Болесо.

— Выпустить их из этой клетки?

— Если ты предпочитаешь такую метафору, то да. — Медные брови бога сошлись на переносице, но в глазах сверкало веселье. Волк и леопард теперь сидели с обеих сторон от стройных обутых в охотничьи сапоги ног и не мигая смотрели на Ингри.

Ингри прочистил горло.

— Как это сделать?

— Позови их.

— Я… я не понимаю…

— Соверши то, что делали твои предки друг для друга, творя последние очистительные обряды Древнего Вилда. Разве ты не знал? Когда они обмывали тело и заворачивали в саван, шаманы занимались душой усопшего. Каждый должен был помогать товарищу, был ли он просто воином, владевшим духом животного, или великим магом, пройти сквозь врата в конце жизни, и каждый мог рассчитывать на такую помощь. Великая цепь — рука в руке, голос за голосом, прошедшие очищение души, возносящиеся непрерывным потоком… — Голос бога смягчился. — Отзови эти

несчастные создания, Ингри кин Волфклиф. Спой песнь, которая дарует им покой.

Ингри стоял, глядя на Болесо. Широко раскрытые глаза принца смотрели на него с мольбой.

«Думаю, глаза Йяды тоже были широко раскрыты и умоляли той ночью. Разве проявил ты к ней милосердие, мой никчёмный принц? И к тому же я совершенно не умею петь».

Ингри заметил, что Йяда пристально и с надеждой смотрит на него.

«Во мне нет милосердия, леди. Придётся мне позаимствовать его у тебя».

Ингри сделал глубокий вдох и потянулся в глубь собственного существа. Потом проследил взглядом за одним вьющимся в клетке из рёбер духом и протянул руку.

— Выйди на свободу!

Первый дух пролетел у него между пальцев, испуганный и растерянный, и исчез вдали. Ингри взглянул на бога.

— Куда?..

Взмах сияющей руки обнадёжил его.

— Всё хорошо. Продолжай.

— Выйди…

Один за другим тёмные вихри вырывались из Болесо и рассеивались в ночи… или в лучах

рассвета. Что бы это ни было, все духи уплывали в какое-то «сейчас» вне времени, как казалось Ингри. Наконец Болесо, всё ещё безмолвный, был освобождён от всех пятен тьмы.

Ингри увидел перед собой юного бога, сидящего на рыжем жеребёнке и протягивающего руку принцу. Болесо с сомнением и страхом смотрел на него снизу вверх, и Ингри услышал, как Йяда судорожно втянула воздух. Но тут Болесо вскарабкался на спину жеребёнка позади бога. На лице принца было написано изумление, хотя и не радость.

— Думаю, что его душа всё ещё ранена, господин, — сказал Ингри с непонятно откуда взявшейся уверенностью.

— Ах, но я знаю великолепного целителя там, куда мы отправляемся, — ликующе рассмеялся бог.

— Господин… — прошептал Ингри, глядя, как бог без помощи узды разворачивает своего скакуна.

— Да?

— Если каждый племенной шаман освобождал своего товарища, а тот — своего… — Ингри с трудом сглотнул. — Что случится с самым последним шаманом?

Взгляд Сына Осени был загадочным. Он протянул руку, почти коснувшись сияющим пальцем лба Ингри. На мгновение Ингри показалось, что бог ничего ему не ответит, но потом Сын Осени пробормотал:

— Это нам ещё предстоит выяснить.

Он ударил пятками рыжего жеребёнка, и они исчезли.

Ингри заморгал.

Он наполовину лежал на жёстком камне, наполовину сидел, привалившись к стене, глядя вверх, на купол храма Сына. Его окружало кольцо обеспокоенных людей — Геска, встревоженная леди Хетвар, двое-трое незнакомцев.

— Что случилось? — прошептал Ингри.

— Вы потеряли сознание, — хмурясь, ответил Геска.

— Нет… Что случилось у катафалка? Только что?

— Сын Осени забрал душу принца Болесо, — сказала леди Хетвар, оглянувшись через плечо. — Этот милый рыженький жеребёночек буквально уткнулся в него носом — тут уж сомневаться не приходится. Все испытали облегчение.

— Да. Половина моих солдат билась об заклад, что он отправится к Бастарду. — На лице Гески

промелькнула кривая улыбка.

Леди Хетвар неодобрительно покачала головой.

— Это неподходящая тема для пари, Геска.

— Конечно, миледи, — послушно кивнул Геска, стирая с лица улыбку.

Ингри приподнялся и сел, опираясь на стену. Движение заставило зал начать медленно кружиться, и он крепко зажмурился, потом осторожно открыл глаза. В то время, пока длилось его видение, Ингри казался себе невесомым, лишённым тела, но теперь его сотрясал озноб, рождающийся где-то в животе, хотя холодно ему не было, — словно тело приходило в себя после шока, отрицаемого рассудком.

Леди Хетвар наклонилась вперёд и положила матерински заботливую руку на влажный лоб Ингри.

— Не заболели ли вы, лорд Ингри? Вы ужасно горячий.

— Я… — Ингри хотел было решительно отвергнуть такое предположение, но передумал. Ему ничего так страстно не хотелось, как немедленно оказаться подальше от этого полного странных событий места. — Боюсь, что заболел. Умоляю меня простить, и передайте мои извинения ва-

шему супругу. — «Нужно повидаться с Йядой». Ингри поднялся, опираясь на стену, и начал продвигаться к выходу. — Нехорошо было бы, если бы я вывалил свой завтрак на пол посреди церемонии.

— Безусловно, — горячо поддержала его леди Хетвар. — Уходите скорее. Геска, помогите ему. — Дама проследила, как Геска подхватил Ингри, и только после этого снова повернулась к сыну.

У алтаря снова запел хор, и жрецы двинулись к выходу из зала. Люди зашевелились, готовясь последовать за процессией. Ингри был благодарен шуму, который заглушил его собственные шаги. Ему показалось, что на другом конце зала просвещённый Льюко вытягивает шею, пытаясь высмотреть его, и Ингри постарался не встречаться глазами со жрецом. Держась за стену — отчасти ради опоры, отчасти чтобы не позволить толпе себя увлечь, — Ингри вышел из зала. К тому времени, когда они добрались до портика, Геска уже стал для него обузой.

— Оставь меня, — выдохнул Ингри, стряхивая руку лейтенанта.

— Но, Ингри, леди Хетвар сказала…

Ингри даже не понадобился его колдовской голос: Геска отшатнулся от одного его мрачного

взгляда. Он остался стоять, растерянно глядя вслед пробирающемуся сквозь толпу Ингри.

К тому времени, когда Ингри добрался до лестницы, ведущей в Королевский город, он уже почти бежал. Он перепрыгивал через бесконечные ступени по две, по три зараз, рискуя покатиться вниз и сломать шею, а когда добрался до скрытого под строениями ручья, мчался так, что полы длинного плаща буквально вихрем взвивались вокруг сапог. Постучавшись в дверь дома, он был вынужден наклониться и опереться руками о колени, чтобы отдышаться, и едва не оправдал сказанное леди Хетвар: его желудок бунтовал так же бурно, как и лёгкие. Когда изумлённый привратник открыл дверь, Ингри не удержался на ногах и ввалился в холл.

— Леди Йяда… Где она?

Прежде чем привратник успел открыть рот, ответ на вопрос Ингри дали быстрые шаги на лестнице. Йяда летела вниз под отчаянные вопли дуэньи:

— Госпожа! Вам нельзя! Вернитесь и лягте в постель!

Ингри выпрямился и стиснул руки девушки.

— Как вы…

— Я видела…

— Пойдёмте! — Ингри потащил Йяду за собой в гостиную, бросив через плечо слугам: *«Прочь!»*; всех их — привратника, мальчика-слугу, дуэнью и горничную — как ветром сдуло. Ингри захлопнул за собой дверь.

Ингри и Йяда больше не держались за руки; теперь они приникли друг к другу, но это объятие ничего романтического в себе не имело: оно было выражением ужаса. Ингри не мог бы сказать, кто из них дрожит сильнее.

— Что ты видела?

— Я видела *Его,* Ингри. И слышала. И это был не сон, не благоухание в темноте — ясное видение при свете дня. — Йяда отстранилась, чтобы посмотреть в лицо Ингри. — И тебя я тоже видела. — Йяда смотрела так, будто не верила собственным глазам, хотя её недоверие относилось явно не к видению. — Ты стоял лицом к лицу с богом и не придумал ничего лучше, как спорить с ним! — Она схватила Ингри за плечи и встряхнула.

— Он забрал Болесо…

— Я видела! Ох, благодаря милости Сына с меня снят мой грех! — Слёзы текли по лицу реальной Йяды так же, как это было в видении. — Благодаря тебе тоже, Ингри… О, что за деяние! — Йяда

покрывала поцелуями лицо Ингри, её прохладные губы скользили по его покрытому потом лбу, щекам, векам.

Ингри слегка отстранился и сквозь стиснутые зубы прошипел:

— Я ничего такого не делал. Подобные вещи со мной просто не случаются!

Йяда вытаращила на него глаза.

— Я сказала бы, что они очень часто с тобой случаются.

— Нет! Да! О боги! Я чувствую себя так, словно превратился в какой-то проклятый громоотвод во время грозы. Чудеса… Я должен держаться подальше от всех этих похоронных чудес, а они минуют цель и наваливаются на меня! Я не хочу, я не могу…

Левая рука Йяды стиснула правую руку Ингри, и девушка опустила глаза.

— Ох!

Повязка снова была насквозь пропитана кровью. Йяда, ничего не говоря, подошла к комоду, порылась в ящике и нашла льняное полотенце.

— Иди сюда и сядь. — Йяда подвела Ингри к стулу, сняла повязку и туго перевязала рану чистой тканью. Дыхание у них обоих наконец стало ровным. Йяде не пришлось бегом пересечь

половину Истхома, но Ингри не удивился тому, что она запыхалась.

— Твою руку нужно показать лекарю. Что-то с ней не так, — сказала Йяда, завязывая узелок.

— Не стану спорить.

Йяда наклонилась и отвела потную прядь со лба Ингри. Её глаза что-то искали в его лице — что именно, он не знал. Взгляд Йяды смягчился.

— Может быть, я и прикончила Болесо…

— Нет, всего лишь убила.

— …Но благодаря тебе я не обрекла его душу на проклятие богов. Это кое-что… это много!

— Да. Если ты так считаешь. — Значит, то, что он сделал, он сделал для неё. Если его поступки порадовали Йяду, может быть, оно того стоило. Йяда и Сын…

— Так вот в чём дело… вот для чего мы были направлены сюда. Ради избавления недостойной души Болесо. Мы выполнили волю бога, и теперь, когда всё кончилось, нас можно бросить на произвол нашей собственной судьбы.

Уголки губ Йяды поползли вверх.

— Как это типично для тебя, Ингри: всегда видеть во всём тёмную сторону.

— Кто-то же должен оставаться реалистом посреди всего этого безумия!

Теперь и брови Йяды поползли вверх. Она подсмеивалась над Ингри.

— Сплошная тьма и уныние — ещё не реализм. Все прочие цвета тоже реальны. Ведь и я была избавлена, хоть и недостойна…

Ингри мог бы почувствовать обиду, если бы смех Йяды не был так похож на пузырьки, щекочущие кожу при купании в горячем источнике.

Йяда втянула воздух.

— Ингри! Если единственная душа, прикованная к миру материи духами животных, причиняет богам такое страдание, что ради её избавления они совершают чудеса руками таких неподходящих помощников, как мы, что же должны значить для них четыре тысячи душ?

— Ты думаешь об Израненном лесе? О своём сне?

— Сомневаюсь, что всё уже закончено. По-моему, мы ещё даже и не начали!

Ингри облизнул губы. Он видел, куда ведёт её озарение, и только сожалел о том, что это так очевидно. Если освобождение единственной души сопровождалось для него таким смутным ужасом…

— И не начнём, если меня сожгут, а тебя повесят. Я не говорю, что ты не права, но сначала

лучше заняться тем, что важнее.

Йяда в страстном отрицании замотала головой.

— Я всё ещё не понимаю, что от меня требуется. Но что требуется от тебя — это я видела. Если твой огромный волк превратил тебя в шамана Древнего Вилда, последнего шамана — а так сказал сам бог, — то ты и в самом деле последняя надежда тех воинов. Очищение… те, кто пал при Кровавом Поле, так и не получили очищения, не были освобождены. Мы должны туда отправиться. — Йяда подпрыгнула на стуле, словно готовая немедленно пешком отправиться в путь.

Руки Ингри стиснули запястья Йяды — и не только для того, чтобы удержать её на месте.

— Должен напомнить, что для этого имеются препятствия. Ты под арестом и ждёшь суда, а я — твой тюремщик.

— Ты уже предлагал раньше помочь мне бежать. И теперь я знаю куда! Разве ты не понимаешь? — Глаза Йяды горели.

— И что потом? За нами пошлют погоню и вернут обратно, может быть, даже ещё до того, как мы сумеем что-нибудь предпринять, и обвинения против тебя станут ещё более суровыми, а меня уберут от тебя подальше. Давай сначала

разрешим все проблемы в Истхоме — таков логический порядок, — а уж потом отправимся. Если твои воины ждали четыреста лет, они наверняка могут подождать ещё немножко.

— Могут ли? — Йяда нахмурила брови. — Ты уверен? Откуда ты знаешь?

— Нам нужно сосредоточиться на одной проблеме зараз — самой срочной.

Рука Йяды коснулась сердца.

— Мне именно эта проблема представляется наиболее срочной.

Ингри стиснул зубы. Йяда была прекрасной, любящей, страстной, её коснулся бог — но всё это не означало, что она всегда права.

«Бог не просто коснулся её — он лично даровал ей искупление, совершив ради этого чудо!»

Что же удивляться, что она так пылает! Ингри чувствовал, что может растаять в её сиянии.

Однако искупление коснулось лишь её души, её прегрешения. Тело Йяды, её преступление всё ещё были подвластны миру материи, политике Истхома. Ингри не знал, ради чего призвал его бог, но ведь не для того же, чтобы вместе с Йядой совершить явную глупость.

Ингри сделал глубокий вдох.

— Мне не снился твой сон об Израненном лесе.

Я могу полагаться лишь на твоё — хоть и очень живое — его описание. Призраки тают, лишённые пищи, которую раньше получали от своих тел. Почему же с этими такого не произошло? Не думаешь же ты, что они четыре столетия были замурованы в искалеченных деревьях?

Ингри хотел пошутить, но Йяда восприняла его слова совершенно серьёзно.

— Мне так кажется. Что-то в этом роде… Нечто живое поддерживало их в мире материи. Помнишь, Венсел говорил, что Аудар прервал великий обряд?

— Я не доверяю ничему, что говорит Венсел.

Йяда с сомнением взглянула на Ингри.

— Он же твой кузен!

Ингри не мог понять, считает ли она этот аргумент доводом в пользу Венсела или наоборот.

— Я не понимаю Венсела, — продолжала Йяда, — но эти слова показались мне правдивыми — они словно отдались в глубине моей души. Великий обряд, который даровал воинам силу самой земли Вилда, чтобы они смогли победить. — На лице Йяды отразилась тревога. — Но победить им не удалось, верно? И Вилд, который возник снова, был совсем не тем, который они потеряли. Венсел говорит, что новый Вилд — пре-

дательство по отношению к прошлому, хотя я не понимаю почему. Древние воины больше не могли выбирать, каким быть миру.

В дверь дома кто-то постучал, заставив Ингри недовольно поморщиться. До него донеслись шаги привратника, потом голоса. Слов Ингри разобрать не мог, но, судя по тону, привратник против чего-то возражал. Ингри раздражённо стиснул зубы — таким несвоевременным было это вмешательство.

«Что ещё?»

Глава 15

Раздался небрежный стук, и дверь тут же распахнулась. Из холла донёсся голос привратника:

— Нет, просвещённый, не смейте туда входить! Лорд-волк приказал…

Просвещённый Льюко решительно вошёл в комнату и закрыл за собой дверь; испуганных причитаний привратника не стало слышно. Жрец был в той же одежде, в которой Ингри видел его утром, — в белой мантии своего ордена, более новой и чистой, чем накануне в рабочей комнате, но по-прежнему лишённой всяких знаков ранга. Скромный и незаметный человечек, в суете Храмового города наверняка почти невидимый… Нельзя было бы утверждать, что Льюко запыхался, но лицо его горело, как если бы жрецу пришлось быстро идти под лучами полуденного солнца. Жрец остановился, чтобы поправить мантию и отдышаться, не отводя от Ингри и Йяды пронзительного тревожного взгляда.

— Я всего лишь второстепенный святой, — наконец сказал он, осеняя себя знаком Пятёрки и задерживая руку на сердце, — но ошибиться в том, что произошло, было невозможно.

Ингри облизнул губы.

— Вам известно, сколько ещё людей видели… то, что видели вы?

— Насколько я знаю, из наделённых Взглядом присутствовал только я. — Льюко склонил голову набок. — Вы имеете иные сведения?

«Венсел».

Если появление бога было замечено Льюко, Венсел, как казалось Ингри, тоже не мог остаться в неведении.

— Я не уверен…

Льюко с подозрением сморщил нос.

— Ингри… — нерешительно вмешалась в разговор Йяда.

— Ох… — Ингри вскочил на ноги, чтобы представить священнослужителя Йяде, благодарный за ту передышку, которую дали ему эти формальности. — Леди Йяда, это просвещённый Льюко. Я каждому из вас рассказывал… о другом. Не угодно ли сесть, просвещённый? — Он придвинул третье кресло. — Мы вас ждали.

— А вот о вас я не могу сказать, чтобы вы вели себя ожидаемо, — ответил Льюко, со вздохом опускаясь в кресло и вытирая с лица пот. — Напротив, с каждым часом вы ведёте себя всё более неожиданно.

Уголки губ Ингри дрогнули в ответ на замечание жреца. Он вновь уселся рядом с Йядой.

— Для меня самого тоже. Я не знал… Я не собирался… Но что именно вы видели? Со своей стороны? — Ингри, конечно, не имел в виду сторону зала и по выражению лица Льюко понял, что пояснять это не нужно.

Льюко глубоко втянул воздух.

— Когда животных в первый раз подвели к катафалку принца, я испугался, что результат окажется неясным. Мы всегда стараемся избегать подобных ситуаций: они очень огорчают родственников. А в данном случае вообще могла произойти катастрофа… Грумы обычно получают указания поощрить действия своих животных — чтобы не возникло сомнений. Подчёркиваю: поощрить, а не подделать или скрыть. Боюсь, что подобная политика навела некоторых аколитов на неподобающие мысли, что и закончилось вчерашним жульничеством. Мы провели расследование, и все ордена выразили возмущение, когда выяснилось, что это не единственный случай — некоторые наши служители и раньше не могли устоять перед посулами и взятками. Подобные преступления, оставшись безнаказанными, оказываются привлекательными для

слабых душ.

— Разве они не боялись гнева своих богов? — спросила Йяда.

— Даже гнев богов нуждается в помощи человека, чтобы проявить себя. — Льюко со значением посмотрел на Ингри. — Если уж говорить о гневе богов, то ваши действия позавчера оказались замечательно эффективными, лорд Ингри. Я ещё никогда не видел, чтобы преступление было раскрыто, а виновник покаялся настолько быстро.

— Счастлив был услужить, — проворчал Ингри и, поколебавшись, добавил: — Сегодня утром это случилось во второй раз. Я за три дня повстречал двух богов. Случай с белым медведем теперь выглядит как прелюдия — тогда, в этом страшном звере, себя явил ваш бог.

— Так это и должно было быть — чтобы во время похорон случилось чудо.

— У меня в голове, когда я стоял перед медведем, прозвучал голос…

Льюко напрягся.

— Что он сказал? Вы можете вспомнить точно?

— Едва ли я мог бы забыть! «Как я посмотрю, у зверёныша Брата шкурка стала погуще. Это хорошо. Пожалуйста, продолжайте…» И ещё он смеялся, — раздражённо сказал Ингри. — Это

не очень мне тогда помогло. — Немного успокоившись, Ингри добавил: — Голос меня испугал. Теперь я думаю, что испугался тогда недостаточно.

Льюко откинулся в кресле и надул губы.

— Как вы думаете, это ваш бог вселился в медведя? — настойчиво спросил его Ингри.

— О, — махнул рукой Льюко, — без сомнения. Знаки священного присутствия Бастарда те, кто его знает, узнают безошибочно. Вопли, неразбериха, люди, бегающие кругами, — единственно, чего не хватало, так это пожара, и я даже на минуту подумал, что вы и это обеспечите. — Льюко сочувственно кивнул Ингри. — Ожоги, которые получил аколит, через несколько дней заживут. Он не смеет жаловаться на то, насколько суровым было наказание.

Йяда удивлённо подняла брови.

Ингри откашлялся и пробормотал:

— Ну а сегодня утром явился не ваш бог.

— Нет. Может быть, это и к счастью. Это был Сын Осени, да? Я заметил лишь какую-то рябь у стены, ощутил Присутствие и увидел вспышку оранжевого света, когда жеребёнок наконец подошёл к телу Болесо. Увидел, — добавил Льюко, — не глазами, знаете ли.

— Теперь знаю, — вздохнул Ингри. — Йяда тоже там была. В моём видении.

Льюко резко повернул голову.

— Пусть она вам расскажет, — продолжал Ингри. — Это было её… её чудо, мне кажется.

«А вовсе не моё».

— Вы вдвоём разделили видение? — изумлённо спросил Льюко. — Расскажите!

Йяда кивнула и мгновение оценивающе смотрела на жреца, словно решала, можно ли ему доверять, потом оглянулась на Ингри и начала:

— Это была для меня полная неожиданность. Я была в этом доме, в своей комнате наверху. На меня вдруг обрушилось странное ощущение, жар, и я почувствовала, что опускаюсь на пол. Моя дуэнья решила, что я упала в обморок, и перетащила меня на постель. В тот первый раз, в Реддайке, я в большей мере осознавала то, что меня на самом деле окружало, но теперь… Я целиком погрузилась в видение. Первое, что я разглядела, был Ингри в своём придворном траурном одеянии — в том, которое на нём сейчас, но раньше я его никогда не видела. — Йяда помолчала, глядя на одежду Ингри, словно хотела добавить что-то ещё, но покачала головой и продолжала: — Рядом с ним бежал его волк — огромный, тёмный, но та-

кой великолепный! Я была соединена цветочной гирляндой с моим леопардом, и он тянул меня вперёд. И потом из-за деревьев вышел бог…

Ровный голос Йяды описывал события именно так, как всё происходило с Ингри, хоть и с иной точки зрения. Голос девушки дрогнул только один раз — когда она повторяла слова бога: дословно, насколько помнил Ингри. По-видимому, Йяда испытывала то же, что и он: сказанное богом отпечаталось в памяти буквами неугасимого огня. Ингри отвёл глаза, когда Йяда процитировала и его собственные не слишком любезные возражения, и стиснул зубы.

К концу рассказа в глазах Йяды блеснули слёзы.

— …И Ингри спросил бога, что случится с последним шаманом, раз не останется уже никого, кто мог бы даровать ему очищение, но бог не ответил. Мне показалось, что он этого не знал. — Йяда с трудом сглотнула.

Льюко опёрся локтями о стол и устало потёр глаза.

— Осложнения… — недовольно пробормотал он. — Теперь я понимаю, почему всегда боюсь получать письма от Халланы.

— Может всё это отразиться на участи Йяды,

как вы думаете? — спросил Ингри. — Если она даст соответствующие показания? Как идёт подготовка к суду? Думаю… можно предположить, что такие новости вы узнаете одним из первых. — Если, конечно, сходство Льюко с Хетваром не ограничивается возрастом и стилем разговора.

— О да. Сплетни в храме разносятся даже быстрее, чем при дворе, могу поклясться. — Льюко пососал нижнюю губу. — По-моему, орден Отца назначил пятерых судей для предварительного расследования.

Это была существенная новость: мелкие преступления или те, которые было решено считать таковыми, рассматривались всего тремя судьями, а иногда и одним, а если обвиняемому особенно не везло, то младшим служителем, ещё только обучающимся судейскому ремеслу.

— Вы что-нибудь о них знаете?

«Что-нибудь, что плохо о них говорит?»

Услышав этот вопрос, Льюко поднял бровь.

— Все они — высокородные придворные, опытные в расследованиях серьёзных преступлений. Ответственно относящиеся к делу… Допрашивать свидетелей они могут начать уже завтра.

— Угу, — кивнул Ингри, — я видел рыцаря Улькру, а значит, и все слуги Болесо тоже прибы-

ли в столицу. Таким образом, ничто больше не задерживает расследования. Меня вызовут как свидетеля?

— Поскольку вас там не было в момент смерти принца, то вряд ли. А вы желали бы что-то сообщить?

— Может быть… а может быть, и нет. Насколько опытны эти ответственно относящиеся к делу судьи в вопросах сверхъестественного?

Льюко хмыкнул и откинулся в кресле.

— Ну, это всегда представляет проблему.

Йяда нахмурила брови.

— Почему?

Льюко оценивающе взглянул на девушку.

— Так много того, что относится к сверхъестественному, да и к священному тоже, представляет собой внутренний, душевный опыт… А поэтому любые свидетельства неизбежно оказываются сомнительными. Люди лгут. Люди обманываются. Людей можно убедить или запугать, и они поверят, будто видели то, чего на самом деле не видели. Откровенно говоря, люди иногда просто бывают безумны. Каждый начинающий судья из ордена Отца очень быстро убеждается в том, что если будет сразу же отметать все подобные свидетельства, то не только избавит себя от бес-

конечных тягостных препирательств, но и будет прав в девяти случаях из десяти. По этой причине условия, при которых подобные заявления принимаются к рассмотрению, законом очень строго ограничиваются. Как правило, трое сенситивов храма с безупречной репутацией должны поручиться друг за друга и за свидетеля.

— Вы ведь храмовый сенситив, не так ли? — спросила Йяда.

— Я лишь один из нескольких.

— В этой комнате находятся трое сенситивов!

— М-м… может быть, присутствующие и сенситивы, но, боюсь, им не хватает таких качеств, как принадлежность к храму и безупречная репутация. — Скептический взгляд Льюко скользнул от Йяды к Ингри.

Халлана, подумал Ингри, могла бы оказаться свидетельницей, чьим словам судьи поверят. Однако сейчас её трудно привлечь… Впрочем, если понадобится прибегнуть к тактике проволочек, можно будет потребовать, чтобы за ней послали в Сатлиф. Ингри отложил эту мысль на будущее.

Йяда потёрла лоб и жалобно спросила:

— Вы не верите нам, просвещённый?

Льюко плотно сжал губы.

— Верю. Да, я вам верю, да поможет мне Бастард.

Однако доверия достаточно для действий частного лица, а доказательства, убедительные с точки зрения закона, — это совсем другое дело.

— Действий частного лица? — переспросил Ингри. — Разве вы действуете не от имени храма, просвещённый?

Льюко сделал неопределённый жест.

— Я занимаю пост в храме и слежу за соблюдением порядка… и в то же время бог слегка коснулся меня — этого мне достаточно, чтобы понимать: к большему стремиться не следует. Я никогда не могу быть уверен, чем являются мои случайные озарения — следствием моей неспособности принять или нежелания бога дать. — Льюко вздохнул. — Ваш господин Хетвар не желает этого понять. Он требует от меня помощи в самых неподходящих делах и бывает недоволен отказом. Волшебники моего ордена в его распоряжении; боги — нет.

— Так вы ему отказываете? — Твёрдость жреца произвела на Ингри впечатление.

— Достаточно часто, — поморщился Льюко. — Что же касается великих святых, им никто не может приказывать. Мудрые священнослужители лишь следуют за ними и ждут, что случится.

Льюко на мгновение погрузился в воспомина-

ния, а Ингри задумался о том, каков может быть опыт жреца в этом отношении. Что-то, несомненно, драгоценное и мучительное.

— Я-то ни в какой мере не святой.

— И я тоже, — горячо сказала Йяда. — И всё же…

Льюко обвёл их взглядом.

— Вот именно: и всё же. Вас обоих бог коснулся сильнее, чем можно было бы ожидать для людей с такой сильной волей. Ведь только отказ от собственной воли позволяет святому оказаться той дверью, через которую бог входит в мир. Легенды о том, что благодаря духам животных воины Древнего Вилда оказывались более открыты для своих богов и передавали их волю, как делают это священные животные у нас на похоронах, неожиданно стали казаться мне более убедительными.

«Так, значит, прощение, которое я получил от храма, действительно под угрозой, как утверждает Венсел?»

Ингри решил, что должен иносказательно задать этот вопрос.

— Йяда не более ответственна за получение духа леопарда, чем я — духа волка. Ей его навязали другие. Разве не может храм даровать ей прощение подобно тому, как оно было даровано мне?

Бессмысленно оправдать её в одном тяжёлом преступлении и тут же обвинить в другом.

— Интересный вопрос, — сказал Льюко. — Что на этот счёт говорит хранитель печати?

— Я пока не сообщал лорду Хетвару о леопарде.

Брови Льюко поползли вверх.

— Он не любит осложнений, — уныло пробормотал Ингри.

— Какую игру ведёте вы, лорд Ингри?

— Я не стал бы говорить об этом и вам, если бы письмо Халланы не вынудило меня.

— Вы могли бы потерять письмо Халланы по дороге, — мягко — уж не с сожалением ли? — сказал Льюко.

— Я думал об этом, — признался Ингри. — Только подобная мера дала бы лишь небольшую отсрочку. Простите меня, просвещённый, — добавил Ингри, — но я мог бы задать тот же вопрос вам. Мне представляется, что ваша верность правилам оказывается очень гибкой.

Льюко поднял руку и растопырил пальцы.

— Говорят, большой палец потому символ Бастарда, что именно им бог нажимает на чашу весов правосудия, чтобы склонить их в нужную ему сторону. В этой шутке больше правды, чем кажется. И всё же каждое правило создаётся в

ответ на какое-то давнее несчастье. Именно так возникли правила моего ордена, лорд Ингри. Мы вооружаемся тем, что оказывается нужно в данный момент.

Ингри с огорчением осознал, что это обстоятельство делает Льюко равно непредсказуемым и в качестве друга, и в качестве врага.

Йяда оглянулась, когда в дверь снова постучали. Ингри затаил дыхание от внезапного страха, что это может оказаться Венсел, сделавший выводы из утренних событий так же быстро, как и Льюко. Однако судя по возражениям привратника, донёсшимся из холла, это не мог быть граф… Наконец дверь комнаты приоткрылась, и привратник испуганно доложил:

— Посланец к просвещённому Льюко, милорд.

— Хорошо, — кивнул Ингри, и привратник, с облегчением вздохнув, впустил посетителя.

Вошёл человек в ливрее принца Болесо, судя по отсутствию меча и нерешительности — слуга. Это был немолодой сутулый человек с клочковатой бородой.

— Прошу прощения, просвещённый, мне срочно нужно… — Глаза человека расширились, когда он взглянул на Ингри: он его, несомненно, узнал, и голос его неожиданно стих. — Ох…

Сначала Ингри непонимающе смотрел на него, но тут кровь словно кинулась ему в голову кипящим потоком: он понял, что чует демона, отчётливо ощущает грозовой запах, окружающий этого человека. Один из волшебников Льюко, явившийся на доклад к своему господину? Нет, не похоже: Льюко явно не узнавал пришедшего, хотя тело его напряглось… «Он тоже чует демона или как-то иначе его чувствует!»

Воспоминание о голосе сказало Ингри больше, чем внешность… если убрать с лица слуги бороду и одиннадцать прошедших лет…

— Ты!

Слуга начал хватать ртом воздух.

Ингри вскочил с такой поспешностью, что его кресло отлетело в сторону и ударилось в стену. Слуга попятился, взвизгнул, развернулся и вылетел в дверь, захлопнув её за собой.

— Ингри, что?.. — начала Йяда.

— Это Камрил! — бросил через плечо Ингри, устремляясь в погоню.

К тому времени, когда он миновал обе двери и выбежал на улицу, человек в ливрее Болесо уже свернул за угол, но звук шагов и изумлённый взгляд прохожего указали Ингри, куда скрылся беглец. Ингри откинул плащ, стиснул рукоять

меча и кинулся следом. Он успел добежать до поворота как раз вовремя, чтобы увидеть, как Камрил, испуганно оглянувшись, нырнул в переулок. Ингри ускорил шаги. Смогут ли ярость и молодость состязаться с ужасом и годами?

«Он же волшебник! О пятеро богов, что мне делать, если я его поймаю?» Ингри стиснул зубы, выбросил вопрос из головы и бросился на беглеца, протянув руку к его воротнику. Вцепившись в ткань, он рванул Камрила так, что тот развернулся, впечатал его в ближайшую стену и навалился всем телом…

— Нет, нет, помогите! — заскулил, ловя ртом воздух, Камрил.

— Ну так наложи на меня заклятие, что же ты? — прорычал Ингри. Волшебники и шаманы, говорил Венсел, давно соперничают… Где-то на окраине сознания Ингри промелькнула мысль: кто же из них оказывался сильнее и не предстоит ли ему выяснить это на собственном опыте?

— Я не смею! Он явится и снова поработит меня!

Ответ был настолько странный, что Ингри на мгновение замер; его рука, стискивавшая горло Камрила, немного ослабила хватку.

— Что?

— Демон с-снова захватит меня, если я п-попытаюсь его вызвать, — заикаясь, пробормотал Камрил. — Вам незачем, незачем бояться меня, лорд Ингри!

— Не могу обещать тебе того же со своей стороны — стоит только вспомнить о мучениях моего отца!

Камрил сглотнул и отвёл глаза.

— Я знаю…

Ингри немного отодвинулся.

— Что тебе здесь нужно?

— Я шёл за священнослужителем… от самого храма. Я увидел его в толпе… Я хочу… мне нужно… я собирался сдаться ему. Я никак не ожидал встретить вас.

Ингри сделал шаг назад, его брови поползли вверх.

— Ну, против этого я не возражаю. Пошли.

На всякий случай не выпуская руки Камрила, Ингри отвёл его обратно в дом. Волшебник был бледен и дрожал, но постепенно отдышался и, когда Ингри втолкнул его в гостиную и закрыл дверь, даже бросил на него возмущённый взгляд, поправляя ливрею.

— Просвещённый… благословенный… я…

Взгляд Льюко сделался пронизывающим. Он

указал на кресло, которое Йяда подняла с пола.

— Сядь. Так ты Камрил, верно?

— Да, просвещённый. — Камрил рухнул в кресло. Йяда вернулась на прежнее место, а Ингри, скрестив руки на груди, прислонился к стене.

Льюко положил ладонь на лоб Камрила. Ингри не имел представления о том, что произошло, но Камрил ещё больше обмяк в кресле, а запах демона сделался слабее. Дыхание Камрила выровнялось, а судя по взгляду, устремлённому в никуда, он освободился от невидимой ноши.

— Ты и в самом деле из слуг Болесо? — спросил Ингри, кивнув на ливрею Камрила.

Глаза Камрила обратились на Ингри.

— Да. Точнее, был. Он… он… Болесо выдавал меня за своего личного прислужника.

— Значит, это ты был тем незаконным волшебником, который помогал ему в запретных обрядах. Я… Высказывалось предположение, что таковой должен иметься. Но я ни разу не видел тебя в замке.

— Я очень, очень старался не попадаться вам на глаза. — Камрил сглотнул. — Рыцарь Улькра и остальные добрались до столицы вчера поздно ночью. Я только с ними мог попасть в Истхом. Приехать раньше я никак не мог. — Последние

слова Камрила явно предназначались Льюко.

— Кто-нибудь из свиты Болесо знал, кто ты такой на самом деле? — продолжал допрашивать Камрила Ингри.

— Нет, знал только принц. Я… мой демон требовал соблюдения тайны… ему иногда удавалось подчинить себе волю Болесо.

— Пожалуй, — мягко вмешался Льюко, — тебе следовало бы начать с самого начала, Камрил.

Камрил съёжился.

— Как это — с начала?

— Ну, например, с того, как ты сжёг одно важное признание.

Камрил испуганно вскинул глаза.

— Откуда вы об этом знаете?

— Мне пришлось восстанавливать его для расследования. С огромным трудом.

— Ещё бы! — Ужас, который Камрил испытывал перед Льюко, уступил место чему-то вроде профессионального преклонения.

Льюко предостерегающе поднял палец.

— Я предположил, что уничтожение того документа означало, что ты утратил контроль над своей силой.

Камрил повесил голову.

— Так и было, просвещённый. Тогда и началось

моё… моё рабство.

— Ага… — Лёгкая удовлетворённая улыбка тронула губы Льюко, когда его предположение подтвердилось.

— Не могу сказать, чтобы это было началом моего кошмара — всё было ужасно ещё и до того, — продолжал Камрил. — Но демон воспользовался моим отчаянием после несчастья, случившегося в Бирчгрове, и захватил власть над моим телом и моим рассудком. Я… мы… он бежал вместе с моим телом, власть над которым так его радовала, и началось странное существование. Изгнание… Первой заботой демона было держаться подальше от храмов, а в остальном… мы предавались тем странным удовольствиям материального мира, которых эта тварь жаждала. Ну, я-то не назвал бы это удовольствиями… Хуже всего были те месяцы, когда демон решил поэкспериментировать с болью. — От одного воспоминания Камрила передёрнуло. — Потом, как и все прочие его увлечения, это прошло… к счастью. Клянусь, у него сообразительности, что у майского жука. А когда Болесо нашёл… нас и заставил себе служить, демон начал бунтовать от скуки, но восстать против принца не посмел. У Болесо были способы заставить себя слушаться.

Льюко облизнул губы и наклонился вперёд.

— Как тебе удалось вновь вернуть себе контроль? Такое очень редко случается — после того как демон вырвался из-под власти волшебника.

Камрил кивнул и с опаской взглянул на Йяду.

— Это из-за неё.

Йяда изумлённо раскрыла глаза.

— Что?!

— В ночь, когда Болесо умер, я находился в соседней комнате. Я должен был помочь ему наложить заклятие на леопарда. В стене было отверстие, через которое мы могли всё видеть и слышать.

Взгляд Йяды стал ледяным, и Камрил поёжился. Так, значит, подвластный демону или нет, этот мерзавец собирался, облизываясь, смотреть, как её будут насиловать? Рука Ингри, праздно лежавшая на рукояти меча, стиснула её.

Камрил стойко выдержал угрожающие взгляды и продолжал:

— Болесо полагал, что духи животных, которых он захватил, позволят ему привязать к себе все кланы. По его теории леопард был животным вашего клана, леди Йяда, из-за шалионского происхождения вашего отца. Болесо намеревался использовать его для того, чтобы подчинить

себе ваш разум и волю, чтобы сделать из вас идеальную любовницу. Дело было отчасти в вожделении, отчасти в желании испробовать свои силы перед тем, как выйти на политическую арену, отчасти в подозрениях, которое его безумие заставляло его питать ко всем вокруг, — он боялся без такого полного контроля над ней приблизиться к любой женщине.

— Неудивительно, — сказала Йяда, и голос её дрогнул, — что он даже и не пытался за мной ухаживать.

— Это ужасный грех и святотатство, — тихо сказал Льюко, — пытаться подчинить своей власти волю другого человека. Свободная воля священна и неприкосновенна даже для богов.

— Так дух леопарда должен был войти в Йяду? — озадаченно спросил Ингри. — Это ты вселил его в неё?

«Как когда-то вселил в меня волка?»

— Нет! — Камрил растерянно посмотрел на Ингри, потом снова взял себя в руки. — Его захватил Болесо — только-только захватил, когда леди Йяда вырвалась, и тут… случилось что-то, чего никто не ожидал. Не знаю, как ей хватило смелости схватить боевой молот и ударить Болесо, но смерть… смерть открывает для богов дверь в

наш мир. Всё случилось так быстро… Я всё ещё возился с духом леопарда, когда душа Болесо была вырвана из его тела, и бог… Для нас это был ужасный шок… мой демон… Болесо отчаянно сопротивлялся, но не мог освободиться от осквернения духами животных и скрыться от бога.

Леопард, ещё не успевший закрепиться в Болесо, был вырван и случайно попал… нет, ему было приказано вселиться в леди. Я услышал музыку — словно далёкие звуки охотничьего рога на рассвете, — и моё сердце едва не разорвалось. А мой демон завопил от страха, ослабил хватку в моём разуме и обратился в бегство — скрылся в единственном доступном ему месте: глубоко в моей душе, — и свернулся в комочек. Он всё ещё там прячется, — Камрил коснулся груди, — но я не знаю, долго ли это будет продолжаться. — Помолчав, Камрил добавил: — После гибели Болесо я убежал и спрятался в своей комнате. Я рыдал так, что некоторое время не мог дышать. — Теперь он тоже заплакал, тихо всхлипывая и раскачиваясь в кресле.

Льюко шумно выдохнул воздух и потёр шею.

С того места, где он стоял, прислонившись к стене, Ингри прорычал:

— Мне известно другое, более раннее начало,

Камрил.

Камрил взглянул на него с ещё большим страхом, но согласно кивнул головой.

Ингри был полон возбуждения, хоть и не ожидал услышать ничего для себя приятного. Наконец-то он что-то узнает! Он пристально смотрел на жалкого волшебника.

«Может быть, что-то прояснится…»

— Как ты познакомился с моим отцом? Или как он познакомился с тобой?

— Лорд Ингалеф сам пришёл ко мне, милорд.

Ингри нахмурился; Льюко кивнул.

— Его сестра, леди Хорсривер, примчалась к нему в ужасном страхе и молила о помощи. Она рассказала ему какую-то отчаянную историю о том, что её сын Венсел одержим злым духом Древнего Вилда.

Льюко резко поднял голову.

— Венсел!

Ингри с трудом сдержал готовое вырваться проклятие. Достаточно оказалось одной фразы, чтобы на столе оказались выложены совсем другие карты — и к тому же в присутствии Льюко!

— Подожди… Он стал одержим до смерти своей матери? Не после?

— Конечно, до. Она думала, что это случилось,

когда умер его отец, примерно за четыре месяца до её приезда в Бирчгров. Мальчик тогда очень странно переменился.

Значит, Венсел ему солгал. Или лгал Камрил? Впрочем, могли лгать и оба, напомнил себе Ингри. Вот только оба говорить правду никак не могли.

— Продолжай.

— Ваш отец и его сестра составили план спасения её сына, как они считали. Леди Хорсривер боялась открыто обратиться в храм, отчасти боясь, что её сына могут сжечь, если жрецам не удастся избавить его от одержимости… — Камрил сглотнул. — Она хотела бороться с магией Древнего Вилда с помощью магии Древнего Вилда.

Действительно, ведь храмовым волшебникам не удалось изгнать волка из Ингри; матушка Венсела не так уж ошибалась, выбрав иной путь для помощи сыну. Ингри сквозь зубы прорычал:

— Мне прекрасно известно, к каким ужасным последствиям привёл этот план! Бешеный волк, который убил моего отца, — несчастье оказалось случайностью или так и было замыслено?

— Я… я… я до сих пор этого не знаю. Егерь на смертном одре говорил со мной, но он к этому времени был уже наполовину безумен. Он не был

подкуплен, чтобы так сделать, в этом я уверен. Он не догадывался, что пойманные им животные больны, иначе он обращался бы с ними с большей осторожностью.

— Где находился юный Венсел, когда всё это случилось? — с любопытством спросила Йяда.

— Мать оставила его в замке Хорсриверов, насколько я знаю. Она хотела сохранить свои действия от него в тайне до тех пор, пока не сможет обеспечить ему помощь.

Так какие же выводы из этого следуют?

— Она его боялась? Не только боялась за него? — спросил Ингри.

Камрил заколебался, потом склонил голову.

— Да.

Значит… если на человека может быть наложено заклятие, которое заставит его совершить убийство по воле того, кто его наложил, насколько же легче сделать такое с волком… или с жеребцом? Была ли смерть леди Хорсривер, которую затоптал её конь, случайностью?

«Ну вот, теперь ты подозреваешь Венсела в том, что он убил собственную мать!»

Ингри почувствовал, как кровь стучит у него в висках, вызывая мучительную головную боль.

Но все вопросы, связанные с его волком, получи-

ли наконец ответы. Смертельная смесь семейной преданности, добрых намерений, ошибочных суждений… и тайной сверхъестественной злобы? А может быть, последняя составляющая была менее зловещей — просто намерением, которое не удалось осуществить? Хотел ли невидимый противник убить лорда Ингалефа или только приготовленных для обряда животных?

— Мой волк… Что ты можешь сказать насчёт моего волка, который появился так таинственно?

Камрил беспомощно пожал плечами.

— Когда его воздействие на вас оказалось таким тяжёлым, я подумал, что его прислали с той же целью, что и бешеных животных.

Так, может быть, его послал Венсел?

«И не держит ли он меня на невидимом поводке? Который тянется туда — в Бирчгров?»

Ингри с усилием разжал зубы и расправил плечи, чтобы справиться с мучительным напряжением. Йяда заметила это и с беспокойством посмотрела на Ингри.

Льюко, крепко зажмурив глаза, тёр переносицу.

— Лорд Ингри, леди Йяда, вы оба недавно виделись с графом Хорсривером и имели возможность

взглянуть на него не только взглядом смертных. Что вы можете сказать по поводу этого обвинения?

— Вы ведь тоже его видели, — осторожно ответил Ингри. — Что вы почувствовали?

Льюко раздражённо взглянул на него, и Ингри решил, что тот сейчас рявкнет: «Я первый спросил!», но вместо этого жрец глубоко вздохнул, чтобы взять себя в руки, и сказал:

— Мне его душа представляется тёмной, но не более тёмной, чем у многих, играющих со смертью, не боясь её. Мне приходило в голову, что его следует пожалеть — и тех, кто рядом с ним, тоже. Но не в таком смысле!

— Ингри! — заговорила Йяда таким тоном, что было ясно: она хочет спросить: «Не лучше ли промолчать?»

Венсел был прав: стоит храму начать копать, конца этому не будет, пока вся правда не выйдет наружу. Единственный надёжный путь к безопасности — молчание. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы удалось найти и расспросить Камрила до того, как это сделают жрецы… Ингри мрачно гадал: в чём же ещё Венсел окажется прав?

— Венсел несёт в себе дух животного, да. Я не

могу судить о том, добрый это дух или злой. Я предполагал, что это Камрил вселил в него духа во время того же нечестивого обряда, который наградил меня волком, однако теперь выясняется, похоже, что это не так.

— Нет, нет, — продолжая раскачиваться, пробормотал Камрил. — Я этого не делал.

— Вы раньше ничего об этом не говорили, — обратился к Ингри Льюко; его тон внезапно стал очень сухим.

— Нет, не говорил, — точно таким же тоном ответил ему Ингри.

— Безумные обвинения, — протянул Льюко, — ненадёжный свидетель, ни намёка на доказательства — и третий по знатности и влиянию вельможа… Какие ещё радости принесёт мне сегодняшний день? Нет, не отвечайте, очень вас прошу.

— Боги, — сказала Йяда. — О них вы не забыли?

Льюко бросил на неё мрачный взгляд.

У Ингри рассказ Камрила вызвал новые вопросы. Зачем жертвовать одним ребёнком, чтобы спасти другого? Что можно было выиграть, осквернив наследников обоих родов? Радость Ингри от того, что старые загадки разрешились,

померкла.

— Как превращение нас с отцом в обладающих духами животных воинов могло помочь Венселу?

— Этого леди Хорсривер мне не говорила.

— Как, ты даже не спросил? Мне это представляется странным пренебрежением знаменитой храмовой дисциплиной, волшебник: отбросить все правила по одному слову женщины.

Глядя в пол, Камрил неохотно ответил:

— Она была… Её коснулись боги. К прискорбию.

Новая мысль заставила Ингри похолодеть. Если обладание духом животного закрывает дорогу к богам, как это случилось с Болесо, что сталось с душой лорда Ингалефа? К тому времени, когда Ингри поправился достаточно, чтобы быть в силах задавать вопросы, похороны отца давно состоялись. Никто не сказал ему, что лорд Ингалеф отвергнут богами.

«Но ведь никто не сказал мне и обратного».

Последний путь отца Ингри был окружён глухим молчанием…

«Должно быть, он остался отверженным! В Бирчгрове не было шамана, который мог бы очистить его душу!»

Ох… нет… Шаман там был. По крайней мере потенциально… На сердце Ингри стало легче.

«Не мог ли я спасти…»

Ингри загнал в глубь души мучительные вопросы и уставился на Камрила в горестном враждебном молчании. Молчание Льюко было не таким красноречивым, но всё же, когда их взгляды встретились, это было похоже на столкновение мечей. Ингри заподозрил, что не только он предпочитает получить все возможные сведения и только потом выдавать информацию точно отмеренными порциями. Жрец резким движением поднялся на ноги.

— Тебе лучше отправиться со мной в храм, Камрил, пока я не смогу лучше позаботиться о твоей безопасности. Нам с тобой ещё есть что обсудить. — «Наедине» сказано не было, но явно подразумевалось.

Камрил понятливо кивнул и тоже встал. Ингри стиснул зубы. О какой безопасности шла речь? О том, чтобы не дать демону Камрила снова его поработить? Или о том, чтобы оградить его от Венсела? Или от пронырливых храмовых следователей? Или от Ингри?

«О да, уж пусть Льюко постарается защитить Камрила от меня!»

Ингри проводил пастыря и заблудшую овцу до двери; Льюко простился с ним и с Йядой, пообещав — или то была угроза? — скоро снова увидеться с ними. Теперь, когда разговор со священнослужителем закончился, дуэнья сочла своим законным правом утащить подопечную в её комнату. Йяда, лицо которой было затуманено печальными размышлениями, не противилась.

Ингри тоже поднялся к себе, прыгая через две ступеньки, сбросил придворный наряд и натянул одежду, в которой ему было бы легче двигаться и которая не цеплялась бы за ножны меча. Ему предстояло кое с кем увидеться, и увидеться без промедления.

Глава 16

В ранних сумерках осеннего дня Ингри шёл по кривым улочкам Королевского города. Он миновал древний Рыбачий храм, построенный для матросов и грузчиков с причалов, обогнул городскую ратушу и рынок на площади позади неё. Рынок уже закрывался; лишь несколько торговцев ещё не убрали свои товары из-под навесов или с циновок на земле: печальные остатки нераспроданных овощей и фруктов, увядающие цветы, никому не приглянувшаяся сбруя, перерытые груды одежды, новой и поношенной. Ингри поднялся на холм и оказался в квартале богатых домов, окружающих королевский дворец; он предусмотрительно обошёл стороной ту улицу, где находилась резиденция Хетвара и где шанс встретить людей, которые его знали, был особенно велик.

Дворец графа-выборщика Хорсривера был свадебным подарком принцессы Фары; его фасад из тёсаного камня украшал карниз с изображениями скачущих оленей. Флаг над дверью с гербом древнего клана Хорсриверов — бегущий жеребец над волнами реки — говорил о том, что граф на-

ходится в своей резиденции.

В резиденции, да, но, как сообщили Ингри одетые в ливреи стражники у дверей, домой он ещё не вернулся: вместе с принцессой Фарой граф отправился после похорон на поминальный пир в королевском дворце. Ингри не стал разубеждать привратников в предположении, будто он принёс какое-то важное сообщение от хранителя печати, и позволил проводить себя в кабинет графа, любезно снабдить стаканом вина и оставить дожидаться хозяина.

Не притронувшись к вину, Ингри принялся беспокойно бродить по комнате. Лучи заката лежали на толстых коврах и полупустых книжных шкафах. Пыльные тома на полках, должно быть, были получены по наследству вместе с домом. На огромном резном письменном столе не было ни неоконченной работы, ни писем, а многообещающий ящик оказался заперт. Ингри решил, что это и к лучшему: не успел он различить тихие шаги в холле, как дверь распахнулась и вошёл Венсел. Предстоящий разговор обещал и так быть нелёгким, и совсем ни к чему было бы попадаться за чтением чужих писем. Впрочем, Ингри сомневался в том, что это удивило бы его кузена.

Граф всё ещё был облачён в тёмные придвор-

ные одежды, в которых Ингри видел его в храме. Входя в кабинет, он как раз снимал длинный плащ. Закрыв за собой дверь, он перекинул плащ через руку и обошёл вокруг Ингри, который проделал такой же манёвр; они настороженно кружили по комнате, словно соединённые невидимой верёвкой. Наконец Венсел бросил плащ на кресло и остановился, прислонившись к письменному столу, однако эта поза вовсе не говорила о том, что напряжение покинуло его или что граф позволит Ингри воспользоваться преимуществом, которое давал тому более высокий рост. Взгляд, который он бросил на кузена, был откровенно оценивающим; в качестве приветствия Венсел только пробормотал:

— Ну-ну…

Ингри занял стратегическую позицию у книжного шкафа, сложив руки на груди.

— Итак, что ты видел?

— Мои чувства были загнаны вглубь, как это всегда бывает, когда мне грозит общение со жрецами храма. Однако они едва ли мне понадобились бы: всё и так было ясно. Сын Осени не мог забрать Болесо, пока тот не прошёл очищения, но в конце концов всё-таки забрал. Из присутствующих лишь двое могли совершить необходимые

действия, и я точно знал, что я тут ни при чём. Значит… Твои умения быстро совершенствуются, шаман. — Ингри не понял, был лёгкий поклон Венсела насмешкой или нет. — Если бы Фара знала достаточно и была способна понять, что произошло, она поблагодарила бы тебя, лорд-волк.

Ингри поклонился с тем же слегка насмешливым выражением.

— Похоже на то, что ты — не единственный источник, из которого я могу почерпнуть умения, лорд-конь.

— О, у тебя появились чудесные новые друзья — до тех пор, пока им не вздумается тебя предать. Если богам вздумалось поиграть с тобой, кузен, они делают это ради собственных интересов, а не твоих, кузен.

— И всё же, возможно, мне дарована возможность спасти не только Болесо. Я мог бы избавить тебя от твоей тайной ноши, от опасности быть сожжённым заживо жрецами. Как ты посмотришь на то, чтобы я освободил тебя от духа коня? — Делая такое предложение, Ингри ничем не рисковал: он не сомневался, что Венсел скорее согласится на то, чтобы с него живого содрали кожу.

Уголки губ Венсела дрогнули.

— Увы, тут имеется небольшое препятствие. Я ещё не умер. Души, всё ещё привязанные к материи, не расстаются со своими верными спутниками — ты ведь не смог бы лишить меня жизни священными песнопениями. — Ингри не знал, что прочёл Венсел у него на лице, но граф добавил: — Не веришь? Тогда попробуй.

Ингри облизнул губы, прикрыл глаза и потянулся в глубь себя. На этот раз отсутствовало яркое великолепие поддержки бога, но Ингри мог с уверенностью положиться на уже обретённый опыт — один раз ему всё удалось. Он нащупал тёмный комок внутри Венсела, протянул руку и пророкотал:

— Выйди!

Это было всё равно что попытаться опрокинуть гору.

Тёмная тень немного пошевелилась, но не тронулась с места. Венсел удивлённо поднял брови и быстро втянул воздух.

— Ты силён! — признал он.

— Но недостаточно силён, — в свою очередь, признал Ингри.

— Увы.

— Значит, и ты не сможешь меня очистить, —

сделал вывод Ингри.

— Не смогу, пока ты жив.

Ингри почувствовал, что его старательно намеченный путь между Венселом и храмом опасно сужается. И если он не сделает выбор до того, как полностью лишится свободы манёвра, он рискует вызвать недовольство их обоих. Несомненно, гораздо лучше иметь одного могущественного врага и одного могущественного друга, чем двух жаждущих его крови врагов. Но кто из них кем окажется? Ингри глубоко вздохнул.

— Я сегодня неожиданно повстречал старого знакомого. Мы с ним долго беседовали. — Венсел вопросительно взглянул на Ингри. — Камрила. Помнишь его?

Ноздри Венсела раздулись, он со свистом втянул воздух.

— Ах…

— Кстати, он оказался именно тем человеком, которого ты искал. Помнишь, ты настаивал, что Болесо наверняка привлёк к своим делишкам незаконного волшебника? Камрил как раз им и оказался. Мне не удалось обнаружить его в замке, потому что он узнал меня и спрятался.

Глаза Венсела заинтересованно заблестели.

— Не такое уж это совпадение. Незаконных

волшебников не так много, а храм прилагает все усилия к тому, чтобы их стало ещё меньше. О Камриле Болесо мог по крайней мере слышать, а потом втайне разыскать. — Венсел помолчал. — Должно быть, у вас был любопытный разговор. Камрил выжил?

— Временно.

— Где он сейчас?

— Не могу сказать.

«В точном смысле слова…»

— Знаешь, я вот-вот устану шутить с тобой. У меня сегодня был долгий и трудный день.

— Что ж, хорошо. Перейдём к делу: у меня есть вопрос, Венсел. Почему ты старался заставить меня убить Йяду? — Не то чтобы это был выстрел совсем наугад, но всё же Ингри затаил дыхание, ожидая результата.

Венсел замер, как готовая к броску змея; лишь глаза его слегка блеснули.

— Откуда у тебя такие сведения? Не от Камрила ли? Это не тот обвинитель, которому следовало бы верить.

— Нет. — Ингри повторил собственные слова Венсела: — Из присутствующих лишь двое могли совершить необходимые действия, и я точно знал, что я тут ни при чём. Значит… — Помолчав,

он добавил: — Мне нужно узнать, каким образом ты наложил заклятие. Подозреваю, что с помощью некромантии.

Венсел долго молчал, словно взвешивая многие возможности.

— В определённом смысле, — со вздохом, словно придя к нелёгкому решению, ответил он. — Не стану называть это ошибкой, потому что если бы мой замысел удался, он неизмеримо облегчил бы мне жизнь. Назову это неудачным ходом — из-за непредвиденных последствий. Хочу только подчеркнуть: я не играю против тебя.

— Против кого же ты тогда играешь? — Ингри оттолкнулся от стены и начал кружить по комнате. — Сначала я думал, что всё дело в политике.

— Не напрямую.

Ингри решительно отказался обращать внимание на холодный комок в животе, на гул в ушах, на собственную растерянность.

— Что на самом деле здесь происходит, Венсел?

— А как ты думаешь?

— Думаю, ты готов на всё, чтобы защитить свои секреты.

Венсел склонил голову к плечу.

— Когда-то так и было. Хотя, — тихо добавил

он, — теперь это уже недолго будет играть роль.

Ингри чувствовал себя сжавшейся пружиной. Его рука поглаживала рукоять кинжала. Этот жест не остался незамеченным Венселом.

— Что, если я освобожу твою душу? — так же тихо проговорил Ингри. — Каковы бы ни были твои силы, сомневаюсь, что они сохранятся, если я отрежу тебе голову и швырну её в Сторк.

По крайней мере Венсел соблаговолил принять угрозу всерьёз: он стоял совершенно неподвижно.

— Ты даже и представить себе не можешь, как будешь жалеть о подобном поступке. Если ты стремишься избавиться от меня, то это был бы совершенно неподходящий способ, мой наследник.

Ингри растерянно моргнул.

— Я не наследник главы клана Хорсривер.

— Что касается титула и владений — нет. По законам же Древнего Вилда племянник — следующий ближайший родственник после сына. И поскольку, похоже, моё бессильное тело не способно дать Фаре сына, ты — наследник моей крови, если будешь в живых, когда я в следующий раз умру. Это не мой выбор, и он меня не радует, пойми. Так действует магия.

Разговор повернул слишком неожиданно и

в совершенно непредвиденном направлении: Венсел ответил на удар Ингри мощной контратакой; несомненно, именно поэтому Ингри чувствовал себя так, словно висит вниз головой над пропастью, ничего перед собой не видя. Рука его соскользнула с рукояти кинжала.

— *В следующий раз* умрёшь?

— Помнишь, я рассказывал тебе, как создавались духи животных для шаманов, благодаря накоплению одной жизни за другой, одной смерти за другой? Что-то подобное было проделано и с человеческими душами. Один раз.

— О боги, Венсел, это что, ещё одна из твоих страшилок?

— Эта страшилка не даст тебе уснуть ночью, обещаю. — Венсел сделал глубокий вдох. — На протяжении шестнадцати поколений моя душа передавалась от отца к сыну, кроме тех случаев, когда она переходила от брата к брату. Это ужасное наследство, Ингри. Смерть плоти не освободит меня из мира материи, она только отправит меня в тело следующего мужчины моей крови. В настоящий момент это твоё тело. Моя кровь передалась тебе и со стороны матери, и со стороны отца, хоть непутёвый клан Волфклифов и подарил тебе твою знаменитую угрюмость. —

Венсел поморщился.

Ингри с ужасом представил себе: не великое священное животное, а такой же человек… И если духи, нагромождённые в теле одного животного, сливались и превращались в нечто сверхъестественное, каким же странным должно стать объединение человеческих душ?

— Ты часто лгал мне, Венсел. Почему я должен верить этой твоей истории?

Расхаживая по комнате, Ингри всё ближе подходил к столу, словно притягиваемый привязью. Венсел откинул голову, чтобы взглянуть на угрожающе склонившегося к нему Ингри, и его глаза сверкнули смесью чувств, показавшихся Ингри слишком странными, чтобы в них разобраться: гнев и презрение, страдание и жестокость, любопытство и враждебность.

— Хочешь, я тебе покажу? Это, пожалуй, будет подходящим наказанием твоей самонадеянности.

— Ах, Венсел, — выдохнул Ингри, — хоть раз скажи мне правду!

— Ну, раз ты просишь так настойчиво… — Венсел развернулся так, что их лица оказались на расстоянии всего нескольких дюймов друг от друга, и положил ладони на виски Ингри. — Я

— последний священный король Вилда… или Древнего Вилда, чтобы отличить его от современной карикатуры.

Письменный стол не позволил Ингри отстраниться.

— Но ты говорил, что последний настоящий священный король погиб при Кровавом Поле.

— Ничего подобного… или погиб дважды — как смотреть на вещи. — Пальцы графа ласкали виски Ингри, выводя круги на потной коже. Он тихо продолжал: — Я был юношей, наследником великого рода, охотившимся на прибрежных лугах Лура ещё до того, как Аудар родился и начал пачкать пелёнки. Дартаканцы постоянно давили на наше племя, захватывали наши земли, вырубали наши леса, посылали миссионеров, которые оскверняли наши святыни, а потом солдат, которые отбивали тела миссионеров. Мой народ сражался и погибал, я видел смерть моего отца, смерть священного короля.

По мере того как Венсел говорил, перед внутренним взором Ингри представали картины, слишком яркие, чтобы быть плодом его воображения.

«Вот это — настоящий колдовской голос: заставляет меня вспомнить то, чего я никогда не

видел».

Тёмные леса, зелёные долины, частоколы, окружающие деревенские дома-мазанки, горький дым, поднимающийся над соломенными крышами… Всадники в кожаных доспехах, выезжающие из ворот, отправляясь на битву, — или возвращающиеся, окровавленные и поникшие, под траурный звон оружия в холодном воздухе… Голоса измученных воинов в зимнем тумане… слова на языке, непонятном Ингри, но очень напоминающем раскатистую поэзию Джокола.

— Следующие выборы сделали меня священным королём, потому что я к тому времени был признанным вождём своего несчастного народа, и за мной следовали мои сыновья. Воины превратили меня в свой факел, и я горел для них в сгущающихся тенях. Наши сердца были горячи, но боги отвергли наши жертвы и отвернулись от нас.

Смуглый юноша, взволнованный и решительный, с магическими знаками на нагом теле, стоял на высокой ветке дуба, освещённый колеблющимся светом факелов. Его шею охватывала петля из свитой из волокон крапивы верёвки, из многочисленных порезов текла кровь. Юноша простёр руки и заговорил; его громкий голос

дрожал. Потом он кинулся вниз, как мог бы нырнуть с высокой скалы в озеро… и у самой земли его полёт был остановлен рывком, сломавшим ему шею.

Веки Венсела затрепетали.

«Был ли то один из его принцев-сыновей, отправленный священным королём посланцем к богам?»

Это было похоже на то, что Ингри испытал у реки, когда его голову держали под водой до тех пор, пока ему не стало казаться, что череп его лопнет. Видения, рождённые произнесёнными шёпотом словами, текли полноводным потоком.

— Мы сделали Священное древо частью заклинания, которое должно было дать нам неуязвимость, и я, священный король, был его осью.

Поющие в ночи голоса взмывали ввысь. Деревья шелестели, словно их коснулся порыв ветра. Глубокие звуки заставили волосы Ингри зашевелиться.

— Однако мы не могли рисковать тем, что в битве нарушится преемственность власти священного короля: если бы я пал, заклинание утратило бы силу, и все, кто был им связан, в тот же миг были побеждены. Поэтому мой старший сын…

Светловолосый бородатый мужчина, на лице которого были написаны вера и напряжённое ожидание… И черты лица, и его выражение напоминали юношу на ветке дуба — не были ли они братьями или кузенами?

— …и я наложили на себя нерасторжимые узы, чтобы королевская власть, душа, живущий во мне дух коня — всё это вместе без промедления перешло бы к другому, независимо от того, где и как встретят смерть наши тела. Так должно было продолжаться, пока победа не будет нашей. — Венсел помолчал. — Теперь ты начинаешь видеть, к чему это ведёт?

Ингри издал слабый звук — полустон, полувздох. Венсел повернулся так, чтобы смотреть прямо ему в глаза. Когда он снова заговорил, его дыхание коснулось лица Ингри.

— Войско Аудара захватило меня в первые же часы битвы. Моё израненное тело они завернули в моё королевское знамя и кинули меня в первый из выкопанных ими рвов. Расправу они начали, не дожидаясь окончания битвы. Я умер со ртом, полным чёрной крови и земли…

Зловоние — жуткая смесь запаха крови и мочи, которое ощутил Ингри, едва не вывернуло его наизнанку.

— …и проснулся в теле моего сына… к тому времени пленника. Не было такого ужаса, на который нас не заставили бы смотреть. Под конец удар топора по шее был как долгожданный поцелуй возлюбленной… Я думал, этим всё кончится. Вкус поражения был как горький пепел у меня на языке.

Холодные щепки пня, уже орошённые кровью, впились в шею Ингри. Краем глаза он увидел блестящий полукруг, описанный топором, услышал, как устало крякнул его палач, с хрустом перерубив ему хребет.

— …Потом я проснулся в теле моего второго сына, в нескольких милях от поля битвы, на границе. Бойню на Кровавом Поле я покинул страшным путём — на крыльях нашего колдовства. Разум сына не был подготовлен к моему появлению. Мне пришлось бороться с ним за власть над голосом, движением, зрением. Все мы трое, попавшие в ловушку в его черепе, были какое-то время безумны. Но сначала я завоевал тело сына, а потом начал войну за освобождение Вилда.

Ингри сглотнул, стараясь вернуть себе контроль над собственным голосом — ему был нужен его звук, чтобы удостовериться: он всё ещё хозяин

своего рассудка.

— Я слышал об этом принце. Он был знаменитым военачальником, сражался с Аударом на протяжении двадцати лет — до поражения и смерти.

— До поражения — да. Что же касается смерти… Сыну моего сына было всего двадцать, когда я отнял у него его тело. Долина Священного древа к тому времени была покинута…

Мокрый лес, окутанный ледяным туманом, лишённые листвы деревья, тянущиеся из чёрной трясины… Корявые стволы, из трещин которых сочится смола, как гной из старческих глаз…

— Все воины, соединённые обрядом, были мертвы — погибли в битве или умерли от старости, — как те немногие, кто избёг резни на Кровавом Поле. Все, кроме одного.

Глаза Венсела, как теперь казалось Ингри, тоже снились ему. Эти зрачки всасывали в себя видения… «Видения, которые не лгут», — однажды сказал Венсел. Возможно… Однако Ингри тоже знал, как лгать, говоря правду, знал, как обманчива истина и своевременное молчание.

«Тому, что я вижу, я верю. Но чего я не вижу?»

— Сопротивляться нам не удавалось. Многие смерти последовали быстро друг за другом — сре-

ди изгнанных членов клана Хорсривер, среди тех, в ком текла кровь древних королей. Я оказался заперт в бесполезном для меня теле ребёнка, и моё нетерпение пожирало его — родственники сочли нас безумными. Потребовалось ещё тридцать лет и новые смерти, прежде чем я снова обрёл власть. Однако клана, который был бы готов сражаться за нас, больше не было. Я занялся политикой в попытке завоевать Вилд изнутри. Я копил богатства, обретал влияние, я научился сгибать тех людей, кого не мог сломать. Я высматривал трещины в королевском доме Дартаки и расширял их.

Видения тускнели, словно бессильные призраки, когда породившая их страсть начала остывать.

— Одного из графов Хорсриверов называли делателем королей, — слабым голосом пробормотал Ингри. — Это тоже был ты?

— Да, и его сыном, и сыном его сына. Я перепрыгивал из тела в тело, и во мне жизнь обретала невиданную густоту. Но мои сыновья больше не были добровольными жертвами. Боги, говорят, собирают души, не разрушая их, — это и есть доказательство, если бы таковое требовалось, что я не бог. Чтобы завоёванные умы не поглотило

безумие, власть должна была принадлежать только одному… К тому времени вопроса о том, чьему, уже не возникало.

Полтораста лет я боролся, рассчитывал, истекал кровью и умирал, осквернив свою душу той давней фатальной ошибкой, из-за которой я пожирал души детей моих детей. И в один восхитительный момент я уже решил, что добился своего, что обновлённый Вилд возродился. Однако новый король не обладал колдовской силой, в нём не звучала песнь этой земли, он не слышал зова древнего леса. Боги сжульничали. Я не был избавлен от своей вечной пытки. Моя война закончилась, но не была выиграна.

Вот так и появились странные, знаменитые своей нелюдимостью графы Хорсриверы…

— Разве ты не можешь освободиться от того заклятия? — прошептал Ингри. — Как-нибудь?

Лицо Венсела исказилось, голос загремел:

— Неужели ты думаешь, что я не пытался?

Крик заставил Ингри поморщиться.

— Для этого нужно чудо, я думаю.

— О, боги давно охотятся за мной. — Улыбка Венсела была злобной. — Теперь они ужасно меня изводят. Они меня хотят, но я их не хочу, Ингри.

Ингри пришлось сделать усилие, чтобы его

голос можно было расслышать.

— Чего же ты хочешь?

Выражение лица Венсела сделалось далёким, как будто горе, так долго сдерживаемое, превратило его в камень.

— Чего я хочу? За прошедшие столетия я очень многого хотел, но теперь мои желания сделались совсем простыми, как и подобает беспомощной старости. Такие простые вещи… Я хочу вернуть себе свою первую жену, и своих сыновей на рассвете их жизни…

Видение снова вспыхнуло перед глазами Ингри, слепя яркими цветами: смеющаяся женщина, стайка детей, скачущих на конях по топкому берегу Лура и восхищённо следящих за серой цаплей, взлетевшей в золото рассвета.

Мгновение Ингри мог прочесть в глазах Хорсривера: «Будь ты проклят за то, что заставил меня вспомнить!» Картины смерти в потоке крови, отчаяние поражения несли в себе менее пронзительную боль. Дрожащие пальцы Венсела сильнее сжали голову Ингри.

— Я хочу получить обратно свой мир.

«Ах… этот образ ты показал мне против воли… Он у тебя вырвался невольно».

Ингри облизнул губы.

— Но ты не можешь его получить. Это никому не удалось бы.

Красочная картина сменилась сухой, абсолютной тьмой, и Ингри понял, что больше видений не будет.

— Я знаю. Такое не по силам всем богам вместе, какое бы чудо они ни совершили. Моё желание несбыточно.

— Ты боишься, что боги уничтожат тебя?

На лице Венсела снова промелькнула странная улыбка.

— Я не боюсь — я об этом молю.

— Или… ты боишься наказания, которое тебя ждёт? Боишься, что они обрекут твою душу на вечные мучения?

Венсел поднялся на носки и прошептал прямо в ухо Ингри:

— Это было бы лишним. — К бесконечному облегчению Ингри, граф отпустил его и сделал шаг назад. Склонив голову набок, он пристально взглянул в лицо Ингри. — Но ты всё об этом узнаешь на собственном опыте, если тебе не повезёт.

Если бы не поток обжигающих образов, которые Венсел обрушил на него, Ингри счёл бы слова кузена бредом сумасшедшего. Какие бы откровения он ни намеревался вытряхнуть из Венсела,

ничего подобного он не ожидал. Он был поражён до глубины души, и Венсел, несомненно, понял это по тому, как бессильно Ингри привалился к столу, хоть он и старался не выдать себя дрожью. Не поверить увиденному… хотел бы Ингри, чтобы такое оказалось возможно.

Ингри попытался найти прорехи в рассказе Венсела. Их оказалось достаточно — в описании и давних событий, и относительно недавних, — но самым странным было то, что Венсел даже не упомянул об армии призраков в Израненном лесу Йяды. Как мог Хорсривер скорбеть о Кровавом Поле и даже не вспомнить о своих покинутых, проклятых товарищах? Венсел признал, что наложил убийственное заклятие, пытаясь расправиться с Йядой, когда не мог уже больше отпираться, но причину этого он по-прежнему скрывал. Не были ли эти умолчания связаны друг с другом?

В дверь комнаты постучали, и оба мужчины вздрогнули.

— Что там? — крикнул граф; его резкий тон должен был отбить всякое желание его тревожить.

— Милорд, — раздался голос дворецкого, — её милость готова отправляться и умоляет вас присоединиться.

Венсел раздражённо сжал губы, но сдержался и ответил:

— Передай ей, что я сейчас приду. — Шаги удалились, и Венсел со вздохом повернулся к Ингри. — Мы должны посетить её отца. Не слишком приятный вечер нас ожидает. Нам с тобой предстоит продолжить наш разговор.

— Я тоже хотел бы продолжить, — кивнул Ингри, задумался над своими словами и решил, что не станет прояснять двусмысленность — продолжать ли разговор или продолжать оставаться в живых.

Венсел всё ещё настороженно оглядел его с ног до головы.

— Понимаешь ли, наше семейное проклятие асимметрично. Если моя смерть принесёт тебе несчастье, то противоположного сказать нельзя.

— Тогда почему ты не убьёшь меня на месте? — Несмотря на всё своё воинское искусство, Ингри не сомневался, что граф смог бы это сделать. Каким-нибудь образом…

— Это вызвало бы осложнения, которых, пожалуй, лучше избежать. Заклятие просто заменит тебя кем-то другим, возможно, менее подходящим. Скорее всего твоим кузеном Бирчгровом… если только ты не обзавёлся каким-нибудь от-

прыском в Дартаке, о котором я ничего не знаю.

— Я… я тоже о таком не знаю. Неужели тебе неизвестно, кто станет твоим наследником после меня?

— Ситуация со временем меняется, и контролировать события я не могу. Ты мог погибнуть в Дартаке. У Фары мог родиться сын. — Губы Венсела скривились. — Другие люди могли родиться или умереть. Я уже давно научился не тратить силы понапрасну, пытаясь разрешить проблемы, которые смоет поток времени. — Венсел прошёлся по кабинету, словно пытаясь сбросить напряжение, сковывавшее его тело. Ингри пожалел, что не может позволить себе того же.

Снова повернувшись к Ингри, Венсел бросил:

— Похоже, мы на некоторое время оказываемся связаны друг с другом, хотим мы того или нет. Как насчёт того, чтобы поступить ко мне на службу?

Ингри покачнулся. У него имелась тысяча вопросов, на которые никто, кроме Венсела, скорее всего не мог бы ответить. Близкое общение с графом могло кое-что ему открыть.

«А если я скажу „нет“, долго ли я проживу?»

Ингри решил протянуть время.

— Я многим обязан лорду Хетвару. Думаю, мне нелегко будет оставить его службу, а ему — нелег-

ко меня отпустить.

Венсел пожал плечами.

— А если я попрошу его уступить тебя мне? Едва ли он откажет в такой услуге супругу принцессы Фары.

«Конечно, но я могу попросить Хетвара ответить уклончиво или затянуть дело».

— Если Хетвар согласится, не возражаю.

— Похвальная лояльность. Я не могу упрекнуть тебя за неё — я и сам рассчитываю на такое же твоё отношение.

— Должен признать, что твоё предложение меня заинтересовало.

Венсел сухо улыбнулся, давая понять, что уловил всю уклончивость ответа Ингри.

— Не сомневаюсь. — Он вздохнул и направился к двери, показав тем самым, что разговор закончен. Ингри послушно последовал за ним.

— Скажи мне ещё одно, — попросил Ингри, прежде чем уйти.

Граф Хорсривер поднял брови, с любопытством взглянул на Ингри и кивнул.

— Что случилось с Венселом? Тем пареньком, которого я знал?

Хорсривер коснулся лба.

— Его воспоминания всё ещё существуют — в

море других.

— Но не сам Венсел? Он уничтожен?

Граф пожал плечами.

— Где находится четырнадцатилетний Ингри, кроме как здесь? — Он показал на голову Ингри. — Может быть, он тоже уничтожен? Они оба оказались жертвами одного и того же врага. Если есть что-нибудь, что я ненавижу сильнее, чем богов, — это время. — Хорсривер жестом предложил Ингри выйти из кабинета. — Прощай. Будь добр, найди меня завтра.

В рассуждениях Венсела была какая-то ужасная ошибка, но в своём ошалелом состоянии Ингри никак не мог её нащупать. Оказавшись снова на улице, он заморгал от ярких лучей заката. Его удивило, что Истхом всё ещё стоит: разве не должен был город рассыпаться в прах за ту небольшую вечность, что Ингри провёл в доме Хорсривера? От него не должно было остаться камня на камне.

«Как это случилось со мной?»

Умолчания… Умолчания… События, оставшиеся неупомянутыми. Почему, испытывая такое отвращение к течению времени, Венсел теперь так торопится? Что заставило его отказаться от привычного уединения и проявлять такую

активность? Ингри не сомневался: Хорсривер испытывает сильное давление, и это вызывает у него безмолвную ярость.

Покачав раскалывающейся головой, Ингри двинулся в сторону дворца хранителя печати.

Глава 17

Ингри прошёл полпути до резиденции Хетвара, прежде чем реакция на случившееся проявилась в полной мере, заставив его колени подогнуться. Низкий выступ стены дома вполне подошёл в качестве скамейки, и Ингри упал на него, обхватив руками голову и прижавшись спиной ко всё ещё тёплому камню. Его ощущения странным образом напоминали те, что он испытывал, когда его волк пытался вырваться наружу: он погрузился в закруживший его поток времени, а потом словно упал на землю после приснившегося полёта. Только на этот раз не тело, а рассудок оказался в состоянии, когда защитная реакция опережает мысль в отчаянном стремлении выжить.

Проходившая мимо почтенная дама помедлила и пристально взглянула на раскачивающегося, обхватив себя руками, Ингри, но потом, отдав должное его возрасту, полу и вооружению, предпочла не интересоваться его самочувствием. Через некоторое время дрожь унялась, и разум Ингри вновь начал функционировать.

«Рассказ Венсела правдив… О пятеро богов!»

Не Венсела, а Хорсривера, поправил себя Ин-

гри. Много ли от Венсела уцелело в этом щуплом кособоком теле, сказать было невозможно.

Вторая его мысль была окрашена завистью. Жить вечно! Как мог человек не стать счастливым, имея столько возможностей исправить старые ошибки, накопить богатства, власть, знания? Однако размышления развеяли зависть. За свои многие жизни Хорсривер заплатил многими смертями; заклятие не давало ему никакой защиты от всех сопряжённых с этим ужасов. «Быть сожжённым заживо — весьма мучительная смерть. Не рекомендую», — сказал однажды Венсел, и Ингри тогда счёл эти слова шуткой. Теперь, оглядываясь назад, он предположил, что скорее тот поделился пережитым.

Сделает ли человека уверенность в собственном выживании более смелым в битве? Действительно, многие из предков Венсела… нет, иначе — Хорсривера… умирали не в своей постели. А может быть, знание того, какие страдания несёт смерть, сделает человека более трусливым? Ингри только что пережил, по милости Хорсривера, две самые чудовищные кончины, и одного воспоминания о них было достаточно, чтобы его чуть не вырвало. Призрачные образы других смертей множились, как отражения в двух стоящих

напротив зеркалах, и от осознания их бесчисленности желудок Ингри снова судорожно сжался.

Потом Ингри осознал, что показанное ему Хорсривером было не единственной ценой, заплаченной за вечную жизнь. У Ингри не было детей, он даже никогда не задумывался о том, что значит иметь сына, но перспектива, нарисованная Хорсривером, вызвала в нём смутное, но тем не менее яростное желание защитить… Может быть, оно коренилось в его собственном детском стремлении заслужить одобрение отца, в светлых воспоминаниях о лорде Ингалефе, благодаря которым Ингри представлял себе, каким должен быть настоящий отец.

Что должен был чувствовать Хорсривер, глядя, как растут сыновья его сыновей, и зная, какая их ждёт участь? Каково было зачинать ребёнка, всё предвидя наперёд? Открывал ли он им ожидающий их кошмар, как открыл его Ингри? Или он нападал без предупреждения? Или бывало и так, и иначе? В каком возрасте овладевал он телами своих потомков? И какая разница была Хорсриверу — вторгаться ли в душу испуганного ребёнка, растерянного юноши или взрослого мужчины, прожившего собственную жизнь, делавшего собственный выбор, возможно, имеющего жену и

детей? Какова бы ни была разница, у Хорсривера было достаточно времени, чтобы перепробовать все варианты…

И дело не только в разных телах и разных жёнах. Куда девались души всех захваченных заклятием сыновей? Связанные вместе, поглощённые, но полностью не уничтоженные… Заклятие, похоже, украло у несчастных не только жизни, но саму вечность. Хорсривер тащил обломки душ через следующие поколения, через следующие века, весь этот перепутанный клубок истаивающих призраков. Не приходилось ли Хорсриверу — эта мысль поразила Ингри больше остальных, — не приходилось ли Хорсриверу своей рукой убивать любимого сына, зная о приближении собственной кончины, чтобы избавить его душу от погружения в этот ужас?

«Думаю, что такое могло случаться раз или два».

За четыре столетия, когда насилие часто безвременно обрывало жизни, наверняка возникали самые разные ситуации.

Опасный, могущественный, владеющий магией, бессмертный… и безумный. Оглядываясь назад, Ингри по-иному оценил едкую разговорчивость Венсела. Его странное поведение, вспышки

энергии, перемежающиеся отшельничеством, всё ещё удивляли Ингри, но теперь он не искал им объяснений, подходящих обычному человеку. Ингри по-прежнему не понимал Венсела, но ему наконец открылась вся глубина этого непонимания. «Смотри на души», — сказала ему Йяда. Вот уж действительно…

Сколько ещё повторений потребуется, прежде чем Венсел утратит свой даже уже теперь хрупкий рассудок и станет настолько невменяемым, что уже не сможет считаться нормальным человеком? Продолжающее действие заклятия на посторонний взгляд станет, возможно, казаться какой-то семейной болезнью, когда одного кровного родственника за другим поражает безумие — кого в юности, кого в зрелом возрасте…

«Только одно повторение, мне кажется».

Следующий переход будет отличаться от прежних, если Ингри проживёт дольше Венсела. Об этом позаботится его волк. Будет отличаться, но совершенно не обязательно в лучшую сторону.

«Нет, не в лучшую…»

Если не считать того момента, когда Ингри получил дух волка, сегодняшний день стал самым ошеломляющим в его жизни — он начался со встречи лицом к лицу с богом, а кончился

ужасными откровениями Венсела. Ингри ничего так не хотел, как дотащиться до дому, прижать к себе Йяду и выплакать новости, уткнувшись ей в плечо. До дому? Здание, где содержалась Йяда, домом Ингри не было.

«Но где бы ни была Йяда, там место и мне».

В хаосе и неразберихе битвы знамя, высоко поднятое над сражающимися и умирающими, было местом, где собирались растерянные и потерявшие командиров воины, местом, где можно перегруппировать силы, найти надёжного товарища, спиной к окровавленной спине которого можно продолжать биться.

«И нужно предупредить её об опасности трансформации».

Ингри с ужасом осознал, что жуткое наследие Венсела висело над его головой многие годы, а он ничего не подозревал. Выбор времени, когда его тело будет захвачено, был полностью во власти Венсела. Граф в любой момент мог перерезать себе горло, по своей воле совершив сверхъестественное переселение. Впрочем… поразмыслив, Ингри решил, что Йяда может оказаться единственным человеком во всём Вилде, способным с одного взгляда определить подделку. Определить, но не обязательно понять, что произошло,

а лживые измышления Венсела, произнесённые ртом Ингри и голосом Ингри, наверняка окажутся искусными и убедительными.

Ингри заставил себя подняться на ноги и снова пошёл по улице, стараясь не шататься, как пьяный. Движение несколько взбодрило его тело и освежило ум. Дойдя до жёлтого каменного фасада дворца Хетвара, который был ему домом последние четыре года, Ингри помедлил, вспомнив о своём первом паническом порыве кинуться к патрону. Он внезапно почувствовал, что совершенно не представляет, что сказать Хетвару, однако хранитель печати ведь велел ему явиться. По крайней мере нужно узнать, не ждут ли его новые распоряжения. Ингри свернул к двери.

— У милорда посетители, — предупредил его привратник.

Ингри едва не удрал, но вместо этого скромно сказал:

— Передай, что я подожду, и узнай, что милорду угодно мне приказать.

Привратник отправил пажа, который тут же вернулся с известием:

— Господин желает, чтобы вы явились в его кабинет, лорд Ингри.

Ингри кивнул, поднялся по широкой лестни-

це и свернул в знакомый коридор. Наступали сумерки, и слуга зажигал свечи в настенных подсвечниках. На стук в дверь раздался ответ Хетвара:

— Войдите.

Ингри повернул ручку и проскользнул внутрь, но тут же с трудом подавил импульс сбежать. Вокруг письменного стола Хетвара сидели принц Биаст, просвещённый Льюко и сам настоятель-выборщик, Фритин кин Боарфорд. У стены стоял Геска; напряжённая поза лейтенанта выдавала в нём человека, которому нелегко даётся отчёт перед начальством. Глаза всех присутствующих обратились на Ингри.

— Вот и хорошо, — сказал Хетвар. — Мы как раз обсуждали вас, Ингри. Оправились ли вы после утреннего нездоровья?

Выражение лица хранителя печати было откровенно насмешливым. Быстро перебрав в уме возможные варианты, Ингри решил, что ответа на этот вопрос не существует; поэтому он просто кивнул и стал всматриваться в своих неожиданных слушателей.

Настоятель Фритин приходился дядей графам-близнецам Боарфордам; это был представитель предыдущего поколения, избравший служение

храму, поскольку слишком большое число старших братьев лишало его надежды унаследовать родовые земли. Его долгая карьера была типичной для священнослужителя и вполне достойной: если он и покровительствовал своим родичам, то всегда заботился о том, чтобы они ревностно служили храму. Его назначение в Истхом, сопровождавшееся важным постом выборщика, произошло около семи лет назад, ознаменовав кульминацию карьеры и возможности оказывать покровительство.

По наблюдениям Ингри, Фритин и Хетвар вполне уживались: оба они были прежде всего людьми практичными. Благодаря им Храмовый город и Королевский город чаще действовали сообща, чем противостояли друг другу, хотя бывали и исключения. В настоящий момент некоторая напряжённость была вызвана приближающимися выборами, поскольку Хетвар полагал, что Фритин ещё не определился с тем, кому отдаст голос: настоятель по матери был в родстве и с Хокмурами, и с Фоксбриарами. Фритин сумел использовать своё положение главы храма для того, чтобы пока что не пообещать свой голос никому. Не приходилось сомневаться, что он собирался извлечь пользу из такого положения вещей.

Ингри никогда не был уверен, что верховный настоятель снисходительно смотрит на его волка. Прощение Ингри даровал его предшественник; бумага с его подписью была единственной собственностью Ингри, которую он берёг все последние десять лет; сейчас она хранилась в комнате Ингри в этом самом дворце. Ингри не было известно, является ли отвращение Фритина ко всему сверхъестественному следствием его теологических взглядов или личного отношения: настоятель так же не жаловал мистику, как и Хетвар.

«Так зачем же, интересно, он привёл Льюко?»

Льюко как раз грыз палец и пристально смотрел на Ингри, что вызвало у того новый приступ беспокойства. Вежливо кивнув жрецу, Ингри стал ждать, когда кто-нибудь заговорит.

«Кто угодно, только не я. Пятеро богов, я недостаточно сообразителен для такой опасной компании».

Верховный настоятель сразу перешёл к делу.

— Просвещённый Льюко сообщил нам, что вы утверждаете, будто пережили чудо сегодня утром в храме.

На мгновение Ингри задумался о том, как бы прореагировал Фритин, если бы он ответил:

«Нет, я совершил чудо. Мне очень не хотелось, но бог так меня упрашивал…» Вместо этого Ингри ответил:

— Со мной не случилось ничего, что я мог бы доказать в суде, милорд. По крайней мере так мне сказали.

Льюко смущённо поёжился под спокойным взглядом Ингри.

— Я там был, — холодно сказал настоятель.

— Да, милорд.

— Я не видел ничего. — К чести Фритина, хоть в его голосе мешались подозрение и тревога, тревога всё-таки преобладала.

Ингри склонил голову, сохранив ничего не говорящее выражение лица. Если это кого-то и злит… Пусть сначала *они* выскажутся.

Принц-маршал Биаст с надеждой проговорил:

— Можно считать, что раз Сын Осени забрал душу Болесо, это свидетельствует против обвинений в звериной магии.

— Считать можно всё что угодно, — добродушно кивнул Ингри. — И как только единственного свидетеля Камрила обнаружат утонувшим в Сторке, некому будет опровергнуть такое заключение. Я, во всяком случае, предпочту промолчать.

Верховный настоятель дёрнулся, уловив замас-

кированное оскорбление. Или совет? А может быть, угрозу? Ингри надеялся, что определить это точно окажется нелегко. Проницательные глаза Льюко блеснули вновь пробудившимся любопытством.

— Такого не случится, — сказал настоятель. — Камрил находится под стражей. Его ждёт правосудие.

— Это хорошо. Тогда каким бы способом ни была спасена душа Болесо, по крайней мере его поступки получат оценку, которой заслуживают.

Биаст поморщился.

Хетвар решительно вмешался:

— Так скажите нам, лорд Ингри, когда вы обнаружили, что леди Йяда также заражена духом животного? — Ах, значит, они сравнивали то, что каждому из них говорил Ингри… Что ж, теперь этому не поможешь.

— В первый день после отъезда из замка.

С обычным своим обманчивым спокойствием Хетвар поинтересовался:

— И вы не сочли нужным сообщить об этом мне?

Стоящий у стены Геска, изо всех сил старавшийся сделаться невидимым, поёжился.

«А кому же, как не Хетвару, ты писал свои до-

носы, Геска?»

Похоже, Хорсриверу, судя по тому, как своевременно тот их встретил. А если так, то остаётся ли и сейчас Геска его агентом?

— При первой же возможности, — ответил Ингри, — я сообщил о проблеме храму в лице просвещённой Халланы. Она направила меня к просвещённому Льюко. — «Ну, в определённом смысле…» — Я ожидал указаний священнослужителей, поскольку дело явно попадает в ведение храма, однако, увы, из-за переполоха с белым медведем вовремя их не получил. К тому времени, когда у меня появился шанс всё рассказать, другие события заслонили это. — Другие события? Или то же самое, только с другой точки зрения? Кто, кроме богов, может заглядывать за все углы одновременно? Эта новая мысль не успокаивала. Ладно, переложим вину на святого — Льюко как раз со своего рода сухим одобрением смотрел, как Ингри выкручивается — и посмотрим, кто осмелится отчитывать *его.*

Ну конечно, не Хетвар: хранитель печати нахмурился, но переменил тему:

— Понятно. С девицей мы разберёмся в своё время. До нас дошло более недавнее обвинение. Что вы скажете об утверждении Камрила, будто

Венсел кин Хорсривер также скрывает в себе дух животного?

Ингри сделал глубокий вдох.

— Я скажу, что такое тяжкое обвинение, несомненно, заслуживает тщательного разбирательства со стороны храма.

— И что это разбирательство обнаружит?

Насколько умело способен Венсел скрывать свою тайну? Несомненно, лучше, чем Ингри — свою…

— Полагаю, что это будет зависеть от компетентности следователей.

— Ингри! — Особый тон Хетвара, шипение сквозь зубы, заставил и Геску, и Биаста поморщиться, но на этот раз Ингри не поддался.

— Этот человек — граф-выборщик, а мы накануне выборов. Я полагал, что Хорсривер — верный приверженец законного наследника.

Ингри поклонился Биасту, и тот ответил ему благодарным кивком. Фритин заморгал, но ничего не сказал.

— Если с ним всё в порядке, — продолжал Хетвар, — мне нужно об этом знать! Я не могу позволить себе лишиться его поддержки из-за несвоевременного ареста.

— Что ж, — равнодушно ответил Ингри, — то-

гда решение очень простое: дождитесь, пока он проголосует, а потом схватите его.

Биаст сморщился так, словно, откусив кусок яблока, обнаружил половинку червяка. Выражение лица Хетвара показало, что на мгновение он допустил такую возможность. Фритин не позволил себе никакой реакции, и Ингри снова задал себе вопрос: кому настоятель обещал свой голос?

Не увеличился ли только что шанс Камрила поцеловаться с водами Сторка?

«Разве мне есть до этого дело? — Ингри вздохнул. — Пожалуй… — Ингри пришёл к мрачному выводу: в этой комнате не было никого, кому он достаточно доверял бы, чтобы сообщить о последних открытиях насчёт Хорсривера. — Мне необходима Йяда».

Ингри стиснул руки за спиной. «Моя очередь».

— Верховный настоятель, — обратился он к Фритину, — вы — и теолог, и выборщик. Если хоть кто-нибудь может ответить на мой вопрос, то это вы. Можете ли вы сказать мне, в чём в точности заключается теологическое различие между священной властью короля Древнего Вилда и её современной формой, одобряемой квинтарианской ортодоксией?

Хетвар вытаращил глаза. На его лице явно чи-

тался вопрос: «Откуда, во имя пяти богов, взялся этот вопрос, Ингри?» Однако хранитель печати откинулся в кресле и знаком предложил настоятелю отвечать: ему явно было очень любопытно узнать, куда их заведёт неожиданный поворот разговора.

Фритин побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— В древности священный король избирался главами тринадцати сильнейших племенных кланов. Теперь выборщиками являются представители восьми великих домов и пятеро священнослужителей. Правам крови и первородства отдаётся предпочтение, — Фритин бросил взгляд в сторону Биаста, — по образцу Дартаки. Поскольку выборы священного короля в Древнем Вилде чаще всего бывали прелюдией к войне между племенами, более мирная передача власти от поколения к поколению, несомненно, знаменует собой благословение богов. — Новый поклон в сторону Биаста содержал явный намёк: «И пусть это так и останется».

— Это политический ответ, — проговорил Ингри, — а я спрашивал о другом. Был ли в древности священный король всегда воином, в котором жил дух животного, или… шаманом? — Вот теперь и

выяснится, безопасно ли было упоминать именно этот термин.

Льюко выпрямился в кресле; разговор явно интересовал его всё больше.

— Я слышал о чём-то подобном. Древний священный король был центральной фигурой многих межплеменных обрядов. На самом деле он был скорее магом, чем святым.

Ингри попытался представить хоть кого-нибудь из последних священных королей в роли мага, но это ему не удалось.

«Не были они, по правде сказать, и святыми».

— Так какая… сверхъестественная сила покинула современных священных королей?

— Да? — пробормотал Льюко, и Ингри не понял, что означала вопросительная интонация — предостережение или одобрение.

— И что осталось? Что теперь делает священного короля священным?

Верховный настоятель поднял брови.

— Благословение пяти богов.

— Простите меня, просвещённый, но благословение пяти богов я получаю на каждом праздничном богослужении. Это же не делает меня священным.

— Совершенно верно, — почти неслышно бурк-

нул Хетвар.

Ингри, не обращая на него внимания, продолжал гнуть своё:

— Может быть, в благословении, которое получает король, есть что-то ещё, кроме благочестивых добрых пожеланий?

Настоятель высокопарно ответил:

— Есть ещё молитва. Пятеро настоятелей-выборщиков молятся о том, чтобы боги направили их выбор, и каждый просит своего бога о знамении.

Ингри подумал, что ему случалось доставлять парочку таких *знамений* — в позвякивающих кошельках. Не делало же это его посланцем богов!

— Что ещё? Есть ли ещё какие-то отличия? Должно же быть что-то большее! — Ингри почувствовал, что напряжение, прозвучавшее в его голосе, может выдать, как важен для него ответ, и постарался взять себя в руки. Из компании выборщиков теперь выпали пять древних кланов: три перестали существовать, два утратили влияние. Их незаметно заменили священнослужители, и кто мог бы сказать, что они — менее истинные представители народа? Однако выборы когда-то превратили Хорсривера в короля-мага, превратили его в нечто выдающееся.

«Да он и так никогда не перестал быть таким, разве не так?»

Не пуст ли современный священный король в какой-то своей части, потому что Хорсривер благодаря своему бессмертию удерживает нечто, что ему следовало бы отдать?

Биаст, который во время этого разговора беспокойно ёрзал в кресле, перебил Ингри:

— Если обвинение против Венсела соответствует истине, я очень тревожусь о безопасности своей сестры.

Ингри не испытывал к Фаре пламенной любви после того, что она сделала с Йядой, но, вспомнив об участи предыдущей жены-матери Хорсривера, не мог не согласиться с принцем.

— Ваша тревога кажется мне обоснованной, милорд.

Это признание заставило Хетвара выпрямиться в кресле.

— Слова принца напомнили мне, милорд хранитель печати, — добавил Ингри, — что граф Хорсривер намекал: он желал бы взять меня к себе на службу. Умоляю вас: если он попросит, откажитесь отпустить меня. Я опасаюсь отказать ему сам: мне не хотелось бы вызвать его враждебность.

Хетвар нахмурил брови, лихорадочно оценивая варианты. Настоятель пристально взглянул на Ингри и процедил:

— Два осквернённых духами человека под одной крышей? Почему он стремится к этому?

— Вы торопитесь с выводами, настоятель, — возразил Ингри. — Граф обвинён, но ещё не осуждён.

Фритин повернулся к Льюко.

— Просвещённый…

Льюко развёл руками.

— Мне нужно присмотреться к графу и получить помощь моего бога… которого я не могу заставить.

Фритин, нахмурившись, снова взглянул на Ингри.

— Я хотел бы, чтобы вы высказались более ясно, лорд Ингри.

Ингри пожал плечами.

— Подумайте, настоятель, чего вы от меня требуете. Если вы желаете, чтобы я свидетельствовал о невидимом и сверхъестественном, вы не можете быть особенно разборчивы. Вы должны верить или всему, или ничему. И я сомневаюсь, что вы захотите видеть во мне посланца богов, передающего вам их приказания. — Предоста-

вив Фритину переваривать это своё замечание, Ингри продолжал: — Что же касается желания Венсела взять меня на службу — он говорит, что вспомнил о нашем родстве. С опозданием, надо отметить. — Что ж, это в определённом смысле было правдой.

— Вы готовы оставить мою сестру без защиты в доме, куда боитесь отправиться сами, — возмутился Биаст. Наморщив лоб, он медленно протянул: — Вы ведь преданны лорду Хетвару, не так ли?

«Он ни разу не предал меня… до сих пор».

Ингри молча поклонился.

— И если обвинение не ложно, — продолжал Биаст, — кто лучше вас защитит принцессу от… от любого магического нападения её супруга или поможет ей бежать в случае необходимости? И вы могли бы наблюдать и сообщать…

— Шпионить? — заинтересованно спросил Фритин. — Как вы думаете, Хетвар, он сумеет это сделать?

Ингри поднял брови.

— Вы желаете, чтобы я принёс ложную присягу господину? — любезно поинтересовался он.

— Прекратите, Ингри, — рявкнул Хетвар. — Ваши кладбищенские шутки неуместны на этом

совете.

— Так это была шутка? — пробормотал Биаст.

— Насколько он вообще умеет шутить.

— Удивляюсь, как вы такое терпите.

— Его странный стиль бывает полезен. Время от времени. Ингри ходит собственными кривыми путями и приносит находки, о которых логически мыслящий человек и не догадался бы. Я никогда не мог решить, талант это или проклятие. — Хетвар откинулся в кресле и бросил на Ингри острый взгляд. — Так могли бы вы это сделать?

Ингри поколебался. Согласие превратило бы в официальное поручение то, что он и так уже делал: подбирался с двух концов к середине в отчаянной надежде, что собранные им осколки наконец образуют какой-то узор. И он сам будет решать, что предпринять лучше…

Он мог бы отказаться. Мог бы. Вместо этого Ингри медленно произнёс:

— Признаюсь, мне тоже хотелось бы лучше понять Венсела. — Взглянув на Биаста, он добавил: — И почему вы вдруг задумались о безопасности сестры, если это не беспокоило вас все четыре года её замужества?

Биаст смутился.

— Последние четыре года меня это мало зани-

мало. Мы встретились всего один раз после её свадьбы, да и переписывались редко. Я полагал… полагал, что о ней хорошо позаботился отец и она довольна жизнью. У меня были собственные обязанности. Только когда мы с ней поговорили вчера… точнее, когда я начал её выспрашивать, я узнал, какой несчастной она себя чувствует.

— Что вам сказала принцесса? — спросил Хетвар.

— Она не думала, что… э-э… события в замке окончатся так плачевно. Да, она знала, что Болесо сделался слишком буйным, но рассчитывала, что он и леди Йяда… э-э… будут удовлетворены друг другом. Эта девица могла бы успокоить Болесо. Фара остро переживает то, что у неё нет детей, хотя, должен сказать, мне неясно, чья тут вина — его или её. Фаре показалось, что её супруг положил глаз на её новую фрейлину, потому что именно он представил её супруге.

«Это что-то новенькое», — подумал Ингри. Йяда считала, что предложение сделать её фрейлиной Фары исходило от тётки Баджербанк, но, может быть, кто-то побудил старую даму вспомнить о племяннице? Не подумывал ли Венсел о наследнике, который встал бы между ним и Ингри? Или у него были другие причины желать, чтобы Йяда

оказалась в его власти?

«Совсем другие, пожалуй. Он не стал бы так затрудняться без веских оснований, вот только то, что для него — веские основания, другим людям и в голову не пришло бы».

— Леди Йяда говорит, что граф обращался с ней достойно, — вставил Ингри. — Несомненно, вы можете сказать, что она настолько наивна, что не поняла бы непристойных поползновений, только таковые не в привычках Венсела. Я склонен думать, что вина за всё случившееся лежит в основном на Фаре, хотя и признаю: Болесо уже далеко зашёл по своему тёмному пути, и рано или поздно его нужно было остановить. — Быстрый взгляд Хетвара напомнил Ингри о необходимости соблюдать приличия, и Ингри добавил ради опечаленного Биаста: — Мне очень жаль, что это произошло столь трагически.

Принц-маршал печально хмыкнул, но это не было выражением несогласия.

Верховный настоятель прочистил горло.

— Должен заметить, лорд Ингри, что на основании ваших признаний просвещённому Льюко… и некоторых других признаков можно заключить, что ваш волк больше не скован. Вы можете лишиться прощения храма.

В ровном голосе священнослужителя не было угрозы или страха перед сверхъестественными способностями Ингри; он просто хотел оказать на него давление. Что ж, Ингри знал, как отвечать на подобные действия.

— Это произошло не по моей воле, милорд. — Такое утверждение было вполне безопасным: ведь проверить его невозможно. — Произошёл несчастный случай, когда просвещённая Халлана снимала с меня заклятие. Таким образом, в определённом смысле это деяние самого храма. — «Да, возложим вину на отсутствующих». — Хотя я не могу сказать, что случившееся произошло по воле богов, два бога уже поспешили воспользоваться моим новым состоянием. — Уж не передёрнуло ли при этих словах настоятеля Фритина? Ингри перевёл дыхание. — А теперь и вы желаете им воспользоваться, посылая меня охранять принцессу Фару. Мне представляется, что вы поручаете мне — человеку, которому вы не доверяете — очень важное дело. Или вы намерены сначала воспользоваться мной, а потом разделаться? Предупреждаю: плавать я умею.

Фритин долго размышлял, но потом решил не хватать приманку:

— Тогда в ваших интересах продолжать оста-

ваться полезным, не так ли?

— Я понял. — Ингри отвесил Фритину преувеличенно глубокий поклон. — Я к вашим услугам, настоятель.

Перепалка заставила Хетвара смущённо хмыкнуть. Не то чтобы он сам никогда не прибегал к угрозам, но всё-таки обычно хранитель печати находил более мягкие способы заставить Ингри выполнять свою волю, — обстоятельство, которое Ингри ценил хотя бы из эстетических соображений.

— Поскольку вы приводите столь убедительные доводы, — продолжал Ингри, — я буду шпионить для вас. — Теперь уже Хетвар откровенно морщился, как краем глаза заметил Ингри. — И охранять принцессу. — Ингри поклонился Биасту; тому хватило сообразительности ответить на поклон.

— Теперь встаёт вопрос о том, что нам делать с пленницей, — сказал Хетвар. — Раз Венсел под подозрением, сомнительным кажется и его любезное предоставление своего дома леди Йяде. Может быть, пора перевести её в более надёжное место.

Ингри замер. Ему не дадут охранять Йяду? Он сказал, осторожно подбирая слова:

— Не откроет ли это ваших подозрений Венселу преждевременно?

— Никоим образом, — бросил верховный настоятель. — Сразу было ясно, что такая перемена после похорон неизбежна.

— Мне кажется, теперешнее место не стоит менять, — возразил Ингри. — Оттуда Йяда не сделает попытки убежать, доверяя правосудию храма. Я ведь говорил: девушка наивна, — не удержался от шпильки в адрес Фритина Ингри.

— Да, но вы же не можете охранять два места одновременно, — вполне логично указал Биаст.

Хетвар, наконец заметивший, как напрягся Ингри при обсуждении перемещения Йяды, поднял руку, кладя конец спору:

— Это мы можем обсудить позднее. Благодарю вас, лорд Ингри, за то, что вы добровольно берётесь за столь трудное дело. Когда, как вы думаете, вы смогли бы поселиться в резиденции Хорсривера?

— Сегодня вечером! — потребовал Биаст.

«Нет! Сначала мне нужно увидеться с Йядой!»

— Боюсь, это выглядело бы странно, если бы я явился туда прежде, чем он попросит вас об этом, лорд Хетвар. Да вам и не следует слишком легко давать согласие. К тому же я нуждаюсь в еде и

отдыхе. — Последнее утверждение по крайней мере было чистой правдой.

— Я хочу, чтобы моя сестра уже теперь имела охрану, — настаивал Биаст.

— Тогда, может быть, вы сами могли бы её посетить.

— Но у меня нет сверхъестественной силы, которую я мог бы противопоставить Венселу!

«Похоже, вы начинаете понимать, что я пригожусь вам несожженным? Что ж, хорошо!»

— Может быть, храм мог бы пока поставить на стражу волшебника?

— Тех, кто мог бы справиться с заданием, сейчас нет в столице, — ответил Льюко. — Я пошлю кому-нибудь из них срочный вызов, если позволите, — поклонился он Фритину. Тот кивнул.

— Успокойтесь, принц, — обратился Хетвар к Биасту, который уже открыл рот, чтобы возразить. — Думаю, сегодня мы всё равно не сможем ничего предпринять. — Он с усталым кряхтением поднялся из-за стола. — Ингри, пойдёмте со мной.

Ингри извинился перед остающимися сидеть в кабинете вельможами, не забыв специально поклониться и Геске — просто чтобы тот не переставал дрожать. Если Геска — шпион Венсела, как

граф отнесётся к сообщению об этом совещании? Впрочем, Хорсривер должен был предвидеть, что Камрилу предъявят обвинение. По крайней мере Геска сможет подтвердить, что подозрение на графа бросил не Ингри.

«Да. Пусть пока Геска побегает. А мы пойдём по следу и посмотрим, куда он приведёт».

Ингри последовал за Хетваром по устланному ковром скупо освещённому коридору. Наконец они отошли достаточно далеко от двери в кабинет, чтобы оставшиеся там не могли их услышать.

— Милорд!

Хетвар обернулся и остановился под одним из настенных подсвечников. Теперь стало видно, каким встревоженным стало лицо хранителя печати.

— До сих пор я полагал, что острый интерес Венсела к приближающимся выборам вызван заботой об интересах его шурина. Поэтому я с ним говорил обо всём откровенно. Теперь у меня появились основания гадать, не движет ли Хорсривером, как Болесо, совсем другое желание.

— Он предпринял какие-то новые шаги, если не считать его странного интереса к Йяде?

— Скорее его прежние действия теперь вы-

глядят в ином свете. — Хетвар потёр лоб и на мгновение зажмурил глаза. — Охраняя Фару, держите ушки на макушке: меня интересуют… скажем так, признаки нездорового личного интереса Венсела к тому, кто станет следующим священным королём.

— Я совершенно уверен, что Венсела не интересует просто политическая власть, — сказал Ингри.

— Ваши слова не успокаивают меня, Ингри, особенно после того как один лорд-волк на одном дыхании произнёс «королевская власть» и «магия». Я очень хорошо понимаю, что вы не обо всём там, в кабинете, рассказали.

— Безумные догадки таят собственные опасности.

— Несомненно. Мне нужны факты. Я не хочу терять влиятельного союзника из-за обидных ложных обвинений, но не хочу и оказаться беззащитным перед опасным врагом.

— Моё любопытство в этом вопросе не уступает вашему, милорд.

— Хорошо. — Хетвар хлопнул Ингри по плечу. — Отправляйтесь и позаботьтесь о еде и отдыхе: они вам необходимы. Вы, знаете ли, выглядите как покойник. Вы уверены, что утром

упали в обморок не потому, что больны?

— Я от души предпочёл бы, чтобы это было так. Льюко рассказал о моих признаниях?

— Насчёт вашего так называемого видения? О да, и это была очень красочная история. — Хетвар помолчал. — Впрочем, она, похоже, утешила Биаста.

— Вы поверили рассказу?

— А вы верите в случившееся? — Хетвар склонил голову к плечу.

— О да, — выдохнул Ингри, — да.

Хетвар взглянул Ингри в глаза, потом смущённо отвёл взгляд.

— Мне жаль, что я пропустил это зрелище. Так что вы и бог на самом деле сказали друг другу?

— Мы… спорили.

На лице Хетвара расплылась искренняя, хоть и невесёлая улыбка.

— И почему это меня не удивляет? Могу только пожелать богам удачи, когда дело касается вас. Да получат они от вас более вразумительные ответы, чем это когда-либо удавалось мне. — Хетвар повернулся, собираясь уйти.

— Милорд!

Хетвар снова взглянул на Ингри.

— Да?

— Если… — Ингри сглотнул. — Я прошу о милости. Если случится так, что мой кузен Хорсривер в ближайшие дни неожиданно умрёт, умоляю вас распорядиться, чтобы в отношении меня немедленно было предпринято храмовое расследование. Пусть Льюко привлечёт лучших волшебников, каких только сможет найти.

Хетвар нахмурился, пристально глядя на Ингри. Он начал что-то говорить, но тут же сжал губы.

— Как я понимаю, — сказал он наконец, — вы решили, что можете просто сказать мне такую вещь и уйти прочь, а?

— Если вы поклянётесь исполнить мою просьбу…

— Вы, кажется, путаете клятву и проклятие.

— Поклянитесь!

— Что ж… Хорошо.

Ингри поклонился и двинулся к выходу. Хетвар не позвал его обратно, хотя сказанное шёпотом проклятие и в самом деле долетело до его ушей.

Глава 18

Когда привратник распахнул перед Ингри дверь дома-тюрьмы, Йяда сидела на нижней ступеньке лестницы, сгорбившись и тесно обхватив себя руками. Дуэнья сидела на несколько ступенек выше, с беспокойством поглядывая на свою подопечную. Увидев Ингри, Йяда вскочила на ноги; её глаза искали в его лице что-то, о чём он не мог догадаться, — однако она, похоже, нашла то, что искала, потому что кинулась вперёд, схватила его за руку, потащила в боковую комнатку и захлопнула дверь перед недовольной, но не посмевшей возражать дуэньей.

— Что это было? — потребовала ответа Йяда. — Что с тобой случилось?

— А что ты… Ты тоже что-то видела?

— Видения, Ингри, ужасные видения. Посланные не богом, в этом я поклянусь. Вскоре после того как ты ушёл, на меня нашло… колени подкосились. Мир вокруг на этот раз не исчез полностью, но картины, которые я видела, были ярче воспоминаний, хотя и не такие, как галлюцинации. Ингри, я видела Кровавое Поле! Я видела моих воинов! Не израненных и обесси-

ленных, какие мне приснились в Израненном лесу, но из более ранних времён, когда они ещё были живы… — Йяда запнулась. — И умирали.

— Ты ощутила присутствие Венсела? Ты его видела, слышала его голос?

— Нет… не такого, как он сейчас. Эти видения рождались в твоём рассудке, мне кажется. Разве не так?

— Да. Картины из древних времён, да. Древний Вилд. Резня при Кровавом Поле.

Йяду передёрнуло, и она поднесла руку к лицу. В памяти Ингри вновь прозвучал жуткий звук, с каким топор перерубает кость.

«Она тоже всё это ощутила».

— Почему мы разделяем подобные видения? Что произошло между нами? — спросила Йяда.

— Эти картины, эти видения… Мне их показал Венсел. Он не просто воин, владеющий духом животного, как ты, и не просто шаман вроде меня. Он гораздо больше. Заблудившийся во времени, наделённый страшной силой и испытывающий чудовищную боль. Он думает… он утверждает, что он — священный король.

— Но священный король — это старый лорд Стагхорн, он стал им ещё до моего рождения. Как может быть два священных короля?

— Мне кажется, тут какая-то тайна, до сути которой я ещё не докопался. Я отправился к Венселу, чтобы выбить, если понадобится, из него правду. Вместо этого он вбил в меня…

Ингри подвёл Йяду к креслу и сам сел рядом, не выпуская её рук. Медленно и запинаясь он рассказал девушке о своём устрашающем разговоре с графом. Йяда, по-видимому, разделяла с Ингри только мистические видения, не улавливая их смысла, и он подумал, что последние часы Йяде пришлось провести в растерянности и беспокойстве: даже сейчас её зрачки были расширены, а тело сотрясал озноб.

— Венсел утверждает, что я — наследник его души, и моё тело будет захвачено после его смерти силой того древнего заклинания независимо от его или моей воли. Как давно мне грозит такая опасность, я не знаю. Может быть, раньше был какой-то другой родич между ним и мной, который потом умер, но… но, возможно, моим предшественником был мой отец, и только после его смерти… Это поднимает ещё один вопрос, на который я не знаю ответа: чего отец хотел добиться при помощи волчьего обряда.

— Другой мой сон… — выдохнула Йяда. — О пылающем всаднике, держащем на поводке волка…

скачущем по пеплу… Это был ты! Ты в двух своих обличьях!

— Ты думаешь? Может быть…

— Ингри, я узнала долину Священного древа! Я узнала своих воинов! Я была связана с ними так же, как я связана с тобой, хоть я и не знаю — как именно. И если Венсел сказал правду, он связан с ними тоже.

— В рассказе Венсела много прорех, но об этом он не лгал, — с уверенностью сказал Ингри. — Наложенные древним заклятием узы — основа всего этого кошмара.

— Тогда круг замкнулся. Ты привязан ко мне, я — к моим призракам, они — к Венселу, а Венсел, похоже, к тебе. Не пытается ли Венсел совершить какое-то магическое действо, раз мы все оказались здесь?

— Не уверен. Заклятие касается не одного Венсела. Во-первых, он не может избрать своего наследника, иначе он наверняка выбрал бы кого-нибудь другого, а не меня. В этом есть смысл: заклятие должно было работать в хаосе битвы, когда священный король и его наследник могли пасть в один и тот же час, как и случилось при Кровавом Поле. Перемещение души должно было происходить без участия и без желания

связанных обрядом лиц королевской крови. Поэтому отчасти заклятие зависит от тех мёртвых воинов из Израненного леса, владевших духами животных, — сама земля Древнего Вилда, то, что осталось от силы населявших её кланов, выбирает наследника. Венсел — только сосуд, в который эта сила вливается. — Ингри в этом рассуждении чудилась загадочная и дразнящая истина.

Глаза Йяды сузились.

— Так что же, нам всем троим следует отправиться на Кровавое Поле? И если так, что мы должны сделать, оказавшись там?

— И кто — уж не боги ли? — подталкивает нас к этому? — пробормотал Ингри. Он, хмурясь, откинулся в кресле. — До сих пор заклятие касалось меньшего числа участников — только Хорсриверов и мёртвых воинов, по замкнутому кругу на протяжении шестнадцати поколений. Ты… ты вломилась в него снаружи. Заклятие распространилось на меня. Границы заклятия теперь не такие, как были раньше, — границы между жизнью и смертью, между духом и материей, между кровными родичами… между Вилдом и другими землями. Перемены, в первый раз за столетия начались перемены.

Йяда потёрла лоб.

— Какую роль играю во всём этом я? Наполовину внутри, наполовину снаружи… где моё место? Я жива, они — мертвы. Я женщина, они, мне кажется, по большей части мужчины. Мой леопард даже не из зверей Вилда! Я ничем не помогла душе Болесо — только наблюдала разинув рот. Это ты нужен богам, Ингри: ты мог бы освободить души тех древних призраков! — Уверенный взгляд Йяды сделался требовательным.

— Дверь в стене одновременно и внутри здания, и снаружи, — медленно проговорил Ингри. — Две половины, как и у тебя, благодаря крови твоего отца. И ты тоже востребована, хотя, я думаю, против воли Венсела. Разве призраки не выбрали тебя — из всех, кто той ночью спал и видел сны в Израненном лесу?

Йяда заколебалась, потом гордо выпрямилась.

— Да, меня.

— Ну, тогда… — А что тогда? Измученный мозг Ингри не мог найти ответа. — После видений дела приняли новый оборот. Венсел очень хочет держать меня с собой рядом. Он соблазнял меня высоким положением среди своих приближённых. Даже не соблазнял — принуждал.

Новая тревога заставила Йяду нахмуриться.

— А Хетвар, — продолжал Ингри, — вместо

того чтобы меня защитить, пожелал, чтобы я шпионил за Венселом. Камрил посеял у жрецов подозрение насчёт того, что Венсел владеет духом животного; ни храм, ни хранитель печати ещё не знают, насколько больше всего таится в Хорсривере. Я ничего им не рассказал. Не знаю, к чему привело бы разоблачение или долго ли Венселу удастся хранить свои тёмные секреты. Я даже не представляю, насколько я сам опутан этой паутиной. В дополнение ко всему Биаст теперь боится своего шурина и желает, чтобы я охранял Фару, — поморщился Ингри.

— Биаст, может быть, боится не напрасно, — медленно сказала Йяда. — Я определённо не хотела бы, чтобы к моим несчастьям прибавилась смерть ещё кого-то из Стагхорнов.

— Ты не понимаешь. Если меня отправят к Хорсриверу, я больше не буду тебя охранять, тебя передадут другому тюремщику, и возможно, переведут в другое место, куда мне не так легко будет проникнуть… и откуда трудно будет бежать.

Йяда напряглась.

— Я не должна быть… не должна быть ограничена в своих передвижениях, когда всё закончится. Когда будет пора отправляться.

— Когда что закончится?

Йяда беспомощно развела руками.

— Всё это, чем бы оно ни было. Когда бог-охотник загонит ту дичь, на которую охотится. Разве ты не чувствуешь этого, Ингри?

— Чувствую, да. От напряжения меня просто лихорадит, но ясно я ничего не вижу.

— Что затевает Венсел?

Ингри покачал головой.

— Я всё меньше уверен в том, что он что-то затевает, помимо того, что охраняет свои старые секреты. Его разум настолько переполнен, что иногда кажется, что ему трудно сосредоточиться на настоящем. Не то чтобы от этого он становился менее опасным… Чего он на самом деле боится? Ведь убить его, похоже, нельзя. — Казнь не остановит графа, да и из темницы он, если захочет, может исчезнуть — тем же ужасным способом, — как бы его ни охраняли и в какую глубокую камеру ни запрятали бы. Ингри решил, что совсем не хочет, чтобы Венсела заточили.

Губы Йяды дрогнули, когда ей пришла новая озадачивающая мысль:

— И как же на протяжении всех этих столетий происходят похороны графа, если его душа никогда не устремляется к богам?

Ингри задумался: действительно, ведь никакие

слухи не ходили… Потом он махнул рукой:

— Он же занимал тело следующего наследника, который обычно и организовывал все обряды. Держу пари: он давно наловчился устраивать всё так, как ему хочется. Ну а если раз-другой ему это не удалось… что ж, некоторые люди ведь превращаются в призраков.

Странность всей этой ситуации вновь завладела воображением Ингри. Каково было Хорсриверу смотреть, как его тело хоронят, снова и снова? Каково было прилюдно скорбеть, зная, что оплакивать следует не отца, а сына?

Йяда кивнула: подобные же размышления заставили её погрустнеть.

— Если бы древним заклятием занялся храм, что смогли бы сделать священнослужители?

— Не уверен… Ничего, мне кажется, если только не при помощи колдовства или чуда.

— Боги уже по колено увязли во всей этой истории — и без особого почтения к храму.

— Похоже на то, — вздохнул Ингри.

— Так что же нам делать?

Ингри потёр болевшую шею.

— Ждать, пожалуй. Пока. Я отправлюсь к Хорсриверу и буду шпионить, но вовсе не только ради Хетвара. Может быть, мне удастся узнать

что-то, что прояснит ситуацию, найти недостающий кусочек головоломки.

— Но какой ты подвергнешься опасности! — забеспокоилась Йяда. Ингри только пожал плечами. Девушку такой ответ не устроил: — В твоём молчании мне чудится какая-то ужасная неопределённость.

— Неопределённость? — фыркнул Ингри. — Сегодняшний неласковый денёк едва не заставил меня развалиться на части.

Йяда снова всплеснула руками.

— Пока я тут прохлаждалась в этом доме!

Ингри наклонился к Йяде, мгновение поколебался, всё ещё опасаясь того, что сделал с ним тот первый поцелуй, но всё же приник к губам девушки. Йяда не отстранилась. На этот раз не было внезапного шока, ни для него, ни для неё мир не померк, — но только потому, что теперь их соединяла нерасторжимая связь. Ингри отчётливо её ощущал — словно текущий сквозь них могучий поток. Телесное возбуждение приглушила усталость, а сладость губ Йяды заслонило отчаянное беспокойство. Девушка прижалась к Ингри не из-за вожделения или любви, а в страстном стремлении найти опору — не в его сомнительных дарованиях, а в Ингри целиком,

включая волка. Это чудо согрело сердце Ингри.

Йяда немного отодвинулась и откинула волосы со лба Ингри, всё ещё встревоженная, но уже улыбаясь.

— Ты сегодня ел? — практично поинтересовалась она.

— Когда-то давно.

— Ты выглядишь ужасно усталым. Нужно поесть.

— Хетвар тоже так говорил.

— Значит, так оно и есть. — Йяда поднялась. — Я распоряжусь, чтобы на кухне занялись твоим ужином.

Ингри прижал прохладную руку девушки к своему лбу, прежде чем неохотно выпустил её.

На полпути к двери Йяда оглянулась через плечо.

— Ингри…

— М-м? — Ингри поднял голову, которая уже успела опуститься на скрещённые на столе руки.

— Если Венсел в самом деле в каком-то мистическом смысле священный король, а ты в самом деле его наследник… что это для тебя значит?

«Страшную угрозу».

— Ничего хорошего мне это не сулит.

— Ха! — Йяда покачала головой и вышла.

На следующее утро Ингри проснулся позже, чем намеревался, а распоряжения — принесённые Геской — прибыли раньше, чем он ожидал.

Поправляя только что надетые камзол и пояс с ножнами, Ингри спустился по лестнице и увидел в холле бывшего своего лейтенанта. Геска наклонился к уху Ингри, бросил недовольный взгляд на привратника, который мешкал у двери в кухню, что-то говоря мальчишке-слуге.

— Вы должны явиться к графу Хорсриверу.

— Уже? Быстро сделано. А что насчёт пленницы?

— Я должен занять ваше место и сторожить её здесь.

Ингри напрягся.

— От чьего имени — Хетвара или Хорсривера?

— Хетвара и верховного настоятеля.

— Они не намерены перевести её куда-то в другое место?

— Никто мне об этом не говорил.

Глаза Ингри, изучавшие нервничающего лейтенанта, сузились.

— И кому ты докладывал о собрании у Хетвара прошлым вечером?

— С чего это мне кому-то докладывать?

Ингри небрежно — ничуть не обманув этим

Геску — сделал шаг вперёд, так что лейтенанту пришлось попятиться к стене, и заставил Геску посмотреть ему в глаза.

— Можешь признаться, что ходил к Хорсриверу. Раз уж мне предстоит служить ему, как я служил Хетвару, не сомневайся: я скоро стану его доверенным лицом.

Геска открыл рот, но сумел только, не выдавив из себя ни слова, покачать головой.

— Отпереться не получится, Геска. Я знаю о твоих письмах Венселу. — Это был ещё один выстрел наобум, но по тому, как дёрнулся лейтенант, Ингри понял, что попал в цель.

— Откуда вы… Я не думал, что это принесёт вред! Ведь он — союзник лорда Хетвара. Я просто решил услужить другу хозяина.

— Почему-то мне кажется, что не задаром.

— Н-ну… я ведь небогатый человек. А граф — не скряга. — Геска нахмурился, снова насторожившись. — Так откуда вы узнали? Готов поклясться: вы ничего не видели.

— Благодаря такому своевременному прибытию Венсела в Миддлтаун. Ну и по другим признакам тоже.

— Ох… — Геска, скривившись, поник.

Так что же так огорчило лейтенанта: то, что он

не устоял перед соблазном и предал господина, или просто то обстоятельство, что его разоблачили?

— Катишься по наклонной плоскости, а? Человек попадает в зависимость, не только когда пользуется милостями, но и когда оказывает услуги. Поэтому я, например, избегаю и того, и другого. — Ингри улыбнулся своей самой волчьей улыбкой, чтобы иллюзия его неуязвимости не вызвала у Гески сомнений.

Голос Гески сделался еле слышным:

— Вы собираетесь меня выдать?

— Разве я тебя в чём-нибудь обвинил?

— Это не ответ — особенно от вас.

— Верно, — вздохнул Ингри. — Если бы ты признался Хетвару, не дожидаясь обвинения, дело скорее всего кончилось выговором, и он тебя не выгнал бы. Хетвар не рассчитывает, что ему будут служить безупречно честные люди, но предпочитает точно знать пределы их стойкости. Это, наверное, даёт ему приятную уверенность.

— А каковы пределы вашей стойкости? И какова его уверенность в вас?

— Мы не позволяем друг другу терять бдительность. — Ингри осмотрел Геску с головы до ног. — Что же, бывают и худшие тюремщики.

— Ага, и не такие красотки пленницы.

Ингри сменил шутливый тон на откровенно угрожающий:

— Пока леди Йяда под твоим присмотром, ты будешь обращаться с ней со всей доступной тебе вежливостью, Геска. В противном случае тебе придётся беспокоиться о большем, чем гнев лорда Хетвара, жрецов, Хорсривера и самих богов.

Под свирепым взглядом Ингри Геска съёжился.

— Да бросьте, Ингри! Я же не чудовище.

— А вот обо мне этого сказать нельзя, — выдохнул Ингри. — Понятно?

Геска едва осмеливался дышать.

— Вполне.

— Вот и прекрасно. — Ингри сделал шаг назад, и хотя во время разговора он не тронул Геску и пальцем, тот поник, как человек, только что избавленный от железной хватки на горле, и принялся ощупывать шею, словно размышляя, появятся ли на ней синяки… или отметины клыков.

Ингри поднялся в свою комнату и растолкал Теско, чтобы слуга снова собрал его немногочисленное имущество для отправки во дворец Хорсриверов. Тем временем Ингри размышлял о том, какое воздействие на Венсела может оказать

информация о собрании у Хетвара в изложении Гески. Поскольку сам Ингри не собирался делать глупости и пытаться что-то скрыть от графа, он сомневался, что того особенно взволнует полученный Ингри приказ шпионить за ним. К тому же Венсел наверняка узнал от Гески о том факте, что Ингри не раскрыл самых тёмных его тайн. В целом, решил Ингри, мелкое предательство Гески принесло больше пользы, чем вреда.

По лестнице, согнувшись под грузом хозяйских вещей, спустился Теско; Ингри двинулся ему навстречу, поднялся ещё на этаж и постучал в дверь Йяды. К его удовлетворению, прежде чем дверь приоткрылась и из неё выглянула полная подозрительности дуэнья, раздался скрежет засова: женщины выполнили его совет держать дверь на запоре.

— Мне нужна леди Йяда.

Девушка протиснулась мимо дуэньи на лестничную площадку и вопросительно посмотрела на Ингри.

Ингри поклонился.

— Меня уже вызывают к графу Хорсриверу. Моё место здесь на некоторое время займёт Геска.

Знакомое имя заставило лицо Йяды просветлеть.

— Не так плохо!

— Может быть. Я постараюсь вернуться и сообщить, если мне… э-э… удастся приблизиться к пониманию событий.

Йяда кивнула. Выражение её лица было скорее задумчивым, чем испуганным, хотя догадаться о её мыслях Ингри не мог. Она знала не больше, чем он, но Ингри уже оценил её талант задавать очень тревожные вопросы. Он подумал, что очень скоро ему станет не хватать её проницательности.

Вместо прощального поцелуя под бдительным взглядом дуэньи Ингри ограничился тем, что стиснул девушке руку. Странное течение, соединяющее их, было ощутимо даже в этом кратком пожатии.

— Мне будет известно, если вас куда-то переведут.

Йяда кивнула и выпустила его руку.

— Я тоже буду прислушиваться.

Коротко поклонившись, Ингри заставил себя уйти.

Как и накануне, Ингри двинулся вверх по извилистым улицам Королевского города; на этот раз за ним тащился пыхтящий Теско, нагруженный его имуществом. Привратник резиденции Хорсриверов явно был уже предупреждён, потому что

их сразу же проводили в новую комнату Ингри. В отличие от каморки под самой крышей, отведённой ему в Миддлтауне, это оказалась просторная комната на третьем этаже, где обычно размещали высокородных гостей, с альковом для Теско. Оставив слугу раскладывать его немногочисленную одежду, Ингри отправился осматривать здание, размышляя о том, ожидает ли Венсел, что он заберёт из дворца Хетвара и остальное своё имущество, и к какому заключению придёт, если он этого не сделает.

Проходя мимо гостиной на втором этаже, двери которой украшала изящная резьба, Ингри заглянул внутрь и увидел Фару и одну из её дам. Почтенная матрона склонилась над шитьём, а принцесса стояла у окна, мрачно глядя наружу. Серебристый утренний свет подчёркивал напряжение, написанное на её квадратном бледном лице. Фара была невысокой и плотной; к старости она станет сутулой, подумал Ингри. Какой-то шорох привлёк внимание принцессы, она обернулась, и глаза её широко раскрылись, когда она узнала Ингри.

— Вы — лорд Ингри?

— Да, принцесса. — Ингри поклонился, коснувшись рукой сердца.

Фара, хмурясь, оглядела его.

— Биаст сказал мне вчера вечером, что вы должны поступить на службу к моему мужу.

— А также… к вам.

— Да. Это он мне сказал тоже. — Фара оглянулась на свою фрейлину. — Оставьте нас. Пусть дверь будет открыта. — Дама поднялась, сделала реверанс и проскользнула мимо Ингри. Фара поманила его в гостиную.

Она ещё раз настороженно оглядела Ингри и тихо сказала:

— Брат сказал мне, что вы будете меня охранять.

Так же тихо и невыразительно Ингри поинтересовался:

— Вы ощущаете потребность в том, чтобы вас охраняли, принцесса?

Фара неуверенно пожала плечами.

— Биаст сказал, что на Венсела падает серьёзное подозрение. Что вы об этом думаете?

— Можете ли вы сказать, обосновано ли оно, миледи?

Фара покачала головой — жест не был отрицанием — и решительно подняла свой длинный подбородок.

— А вы разве не можете?

— Обладание духом животного не оскверняет человека; оскверняет его то, для чего он духом пользуется. По крайней мере мне хотелось бы в это верить. Прощение, дарованное мне храмом, подтверждает это. Возникало ли у вас подозрение, что ваш супруг обладает сверхъестественной силой?

Этот уклончивый ответ заставил Фару нахмурить её густые чёрные брови.

— Нет… да. Не знаю. Венсел был странным с самого начала, но я считала его просто нелюдимым. Я пыталась развеселить его, и иногда… иногда мне это удавалось, однако потом он снова впадал в свою чёрную меланхолию. Я молила Мать просветить меня, я… я старалась быть хорошей женой, как нас учит храм. — Голос Фары дрогнул, но она продолжала говорить, ещё больше нахмурившись: — А потом он привёз эту девушку.

— Леди Йяду? Разве она вам не понравилась — сначала?

— О, сначала! — Фара гневно тряхнула головой. — Сначала — да, пожалуй. Но ведь Венсел… ухаживал за ней.

— И как она отвечала на эти знаки внимания? Вы делали ей замечания?

— Она притворялась, что это её смешит. Мне

смешно не было. Я следила за ним, следила за ней. Венсел со времени нашей свадьбы даже не смотрел на других женщин… да и до свадьбы тоже, но с неё он не сводил глаз.

Ингри попытался придумать вопрос, который позволил бы ему услышать версию Фары насчёт событий в охотничьем замке, хотя надобности в этом, пожалуй, не было. Фара не обладала ни выдающимся интеллектом, ни изворотливой хитростью, ни сверхъестественными способностями — дело было просто в оскорблённых чувствах женщины. И никаких следов магии Ингри не чувствовал тоже — Венсел не взял на себя труд наложить на жену заклятие. Только вот почему?

Однако мысли Фары текли в другом направлении.

— То, в чём обвиняет Венсела Биаст… — пробормотала она, остро взглянув на Ингри, — может быть, всё так и есть. В конце концов я же ничего не могу различить, глядя на вас. Если вы действительно скрываете в себе волка, он так же невидим, как грехи любого мужчины. Насчёт Венсела это объяснило бы… многое. — Фара втянула воздух и резко бросила: — Каким образом вы получили прощение храма?

Брови Ингри поползли вверх.

— Думаю, мне попался особенно милосердный храмовый следователь. Он пожалел больного сироту. Постепенно мне удалось дать некоторые доказательства того, что я способен контролировать своего зверя, и они удовлетворили занимавшихся моим делом жрецов… не настолько, конечно, чтобы передать в мои юные руки управление замком. А потом… потом мне оказал поддержку Хетвар.

— Если Венсел так хорошо управляется со своим зверем, что даже я не заметила его присутствия, разве этого недостаточно, чтобы он получил такое же прощение? — спросила Фара, и в её голосе прозвучала умоляющая нота.

Ингри облизнул губы.

— Об этом вам следует спросить верховного настоятеля. Я тут ничего решить не могу. — Не думала ли Фара о том, как ей защитить супруга? Сможет ли Венсел выдержать такое же расследование, как то, от которого так долго страдал Ингри? Хорсриверу нужно было скрыть гораздо больше, однако, похоже, и могущество его неизмеримо превосходило силы подростка-Ингри. Если он того пожелает… Возможно, он окажется вынужден благодаря частичному разоблачению

прибегнуть к какой-то уловке.

Да, можно было бы ожидать, что такая задача целиком поглотит его внимание…

«Он отчаянно стремится к чему-то другому».

К чему?

Фара, как только смогла представить себе такую возможность, явно сочла обвинение Венсела в обладании духом животного пугающе правдоподобным. Она выглядела так, словно наконец справилась с давно мучившей её головоломкой; последние кусочки мозаики всё быстрее и быстрее занимали свои места. Да, конечно, она боялась: и за мужа, и за себя.

— Почему бы вам самой не задать эти вопросы Венселу? — сказал Ингри.

— Прошлой ночью он не приходил ко мне. — Фара потёрла глаза, словно желая этим жестом объяснить, почему они так покраснели. — Он теперь приходит редко… Биаст велел мне ничего ему не говорить, но я не знаю…

— Венселу уже известно о том, что ему грозит обвинение. Вы не выдадите ничьего секрета, если спросите его.

Фара робко взглянула на Ингри.

— Значит, он уже так вам доверяет?

— Я его ближайший родич. — «На некоторое

время». — В таком опасном положении он стремится получить поддержку человека из своего клана. — «Так сказать…»

Фара стиснула руки.

— Тогда я рада, что вы здесь.

«Ну, это ещё как посмотреть».

К несчастью, Ингри не мог откровенно высказать Фаре своё мнение о её поступке с леди Йядой и одновременно сохранить её расположение. Ингри застыл на месте: обострившиеся чувства предупредили его о приближении Венсела ещё до того, как в коридоре послышались лёгкие шаги и кто-то откашлялся за дверью.

— Лорд Ингри, — сердечно приветствовал его Венсел, — мне доложили, что вы уже прибыли.

Ингри поклонился.

— Доброе утро, милорд.

— Надеюсь, вы нашли свою комнату удобной?

— Да, благодарю вас. Мой слуга Теско полагает, что наше положение в свете улучшилось.

— Так и должно случиться. — Поклон, которым Хорсривер приветствовал жену, был вежлив, но довольно небрежен. — Пойдёмте со мной, Ингри. Леди, прошу нас извинить.

Ответный поклон Фары был в равной мере безразличным, и только лёгкая скованность выдала

её взбудораженные чувства.

Ингри последовал за Венселом в его кабинет. Венсел решительно закрыл за ними дверь, и Ингри повернулся так, чтобы не оказаться к хозяину спиной. У Хорсривера было вполне достаточно времени, чтобы подготовить магический удар, если бы у него возникло такое желание, однако опасения Ингри оказались напрасны: Венсел просто указал ему на кресло, а сам присел на край письменного стола. Покачивая ногой, он разглядывал Ингри сузившимися глазами.

— Хетвар очень быстро отпустил тебя, — заметил он.

— Геска сообщил тебе почему?

— О да.

— Биаст очень беспокоится за сестру, а Фара, как я понимаю, мечтает тебя спасти. Как тебе удалось завоевать любовь жены, я и представить себе не могу.

— Я тоже. — Хорсривер поморщился и принялся нервным жестом теребить прядь своих подёрнутых сединой светлых волос. — Подозреваю, что её гувернантки перед свадьбой отравили её слишком большой дозой придворной поэзии. Я похоронил десятки жён и теперь не позволяю себе привязываться к ним. Я не могу объяснить

тебе, чем все эти женщины мне кажутся. Это одна из самых изощрённых пыток моего теперешнего состояния.

— Словно целуешь труп?

— Словно ты труп, который целуют.

— Мне показалось, что она об этом не догадывается.

Граф пожал плечами.

— Я по привычке, которая теперь кажется мне бессмысленной, вступил в этот союз ради того, чтобы зачать ещё одного сына, а для этого тело следует каким-то образом возбудить. К счастью, данное тело ещё молодо, и простачок Венсел был бы вполне увлечён своей принцессой, мне кажется.

Позволяет ли Хорсривер этой полупереваренной душе всплывать на поверхность, когда он притворяется любящим мужем? И в какую растерянность должна повергать Фару внезапная замена растерянного влюблённого мальчика её ночей холодным как лёд незнакомцем за завтраком? Может ли Хорсривер давать волю другим своим прежним душам, когда того требует дело? У бедной принцессы голова должна идти кругом, если ей приходится следить за столькими личинами супруга.

По какой-то причине на Венсела напала разговорчивость, и Ингри решил воспользоваться представившейся возможностью.

— Зачем ты привёз леди Йяду? Учитывая последствия, это кажется ошибкой.

— Возможно, — поморщился Венсел. — Некоторые вещи видишь, только оглядываясь назад.

— Фара сочла её новой кобылкой для жеребца-Хорсривера.

Граф нахмурился ещё сильнее.

— Ну конечно — я же говорю, Фара романтична.

— Если не ради этого, то из-за чего же? Из-за Израненного леса? И не только потому, что Йяда унаследовала угодья? — Ингри не привык делиться информацией, но в данном случае она могла оказаться приманкой. — Йяда рассказывала мне о своём сне.

— Да, — мрачно кивнул Венсел. — Значит, тебе и в самом деле известно… Я не был уверен.

— Тебе она тоже рассказала?

— Нет, но я видел этот сон одновременно с нею, хотя и с другой точки зрения. Это ведь был больше чем сон: это было событие. Даже будучи всего лишь марионеткой богов, она не могла не взволновать моих вод так, чтобы рябь не добе-

жала до меня. — Венсел вздохнул. — С тех пор она представляет для меня огромную загадку. Я взял её к своему двору, чтобы понаблюдать, но не смог обнаружить ничего необычного. Если боги предназначили её на роль наживки, я на неё не клюнул. Йяда, несомненно, оказалась связана заклятием во время того ночлега на Кровавом Поле, но она осталась слепой и бессильной, как самая обычная девушка.

— До тех пор, пока в охотничьем замке не случилось неожиданного несчастья.

— Да, действительно.

— Неужели всё это произошло по воле богов? Включая смерть Болесо?

Венсел задумчиво скривил губы.

— Противиться богам — всё равно что играть в шахматы с партнёром, который всегда видит на несколько ходов дальше, чем ты. Однако даже боги не в силах заглядывать в бесконечность. Наша свободная воля затуманивает их взгляд, хоть их глаза и зорче наших. Боги не столько планируют, сколько пользуются представившейся возможностью.

— Зачем тогда ты послал меня убить Йяду? Простая предосторожность? — Ингри постарался, чтобы голос его прозвучал равнодушно, как если

бы вопрос имел для него лишь теоретическое значение.

— Вовсе нет. Поскольку она расправилась с Болесо, её наверняка ожидает виселица, а я не могу даже представить себе более точного воспроизведения обряда Древнего Вилда — символического жертвоприношения посланца к богам, — чем казнь невинной девицы под песнопения жрецов. Смерть открывает богам дверь в этот мир. Её смерть при подобных обстоятельствах дала бы им доступ к долине Священного древа, закрытой для них вот уже на протяжении четырёх столетий.

— А убийство Йяды такой роли не сыграло бы? В чём разница?

Венсел просто пожал плечами и отвернулся.

— Если только, — продолжил свою мысль Ингри, — заклятие не предусматривало чего-то большего, чем просто убийство.

Венсел снова взглянул на Ингри. На его лице была написана ирония, которая, как заметил Ингри, маскировала явное раздражение: похоже, Ингри удалось докопаться до чего-то существенного.

— С помощью заклятия её душа после убийства была бы привязана к твоей, а потом истаяла бы, как призрак. Благодаря этому Йяда и её связь со

Священным древом оказались бы недоступны богам. Это вариант очень, очень древнего обряда, и я пролил ради него слишком много своей крови — приходилось спешить.

— Прелестно! — Ингри не удалось на этот раз сохранить равнодушный тон. — Убийство заодно с уничтожением души!

Венсел развёл руками, словно говоря: «А что оставалось делать?»

— Гораздо хуже: излишняя трата сил. Обретённый ею дух леопарда сделал бы то же самое. Если бы я знал заранее… Это был мастерский ход, нужно отдать должное богам — моим противникам. Впрочем, может быть, всё было и не так: то ли мы с ними, отражая выпады друг друга, загнали себя в тупик, то ли оказались жертвами идиотизма Болесо. — Венсел поколебался. — В мои планы не входило связывать ваши души до убийства, однако это случилось, не так ли? — Венсел пристально смотрел на Ингри, и до того дошло, что не только он пытается докопаться до чего-то. Ох, не хочет ли Хорсривер сказать, что возникшая между Йядой и Ингри мысленная связь — его рук дело?

Молчание Ингри заставило Венсела добавить с фальшивым добродушием:

— Уж не решил ли ты, кузен, что влюбился в

неё? Или она в тебя? Увы, должен разрушить эту романтическую иллюзию. На самом деле я думал, что ты — хоть, наверное, и не она — достаточно трезво мыслящий человек.

Эту приманку Ингри чуть не схватил.

«Выскочить из воды, в пене и брызгах…»

Но тут он вспомнил, как хитрые инсинуации Венсела едва не заставили его перерезать себе горло.

«Этому ловкачу и магия не требуется, чтобы вить из меня верёвки».

Удивительная связь между Ингри и Йядой и в самом деле могла быть побочным действием разрушенного заклятия Венсела, но Венселу она больше не была подвластна.

«А ему не нравится всё, чего он не может контролировать, особенно когда это так близко касается его дел».

Каковы бы эти дела ни были…

«А теперь нас с Йядой связывает нечто большее, чем то, что было создано тобой, Венсел».

Ингри сумел пожать плечами и переменить тему разговора.

— Как бы то ни было, теперь я служу тебе. Каковы будут мои обязанности, милорд?

Судя по выражению лица Хорсривера, он не

очень поверил в спокойствие Ингри, но не стал расспрашивать его дальше.

— По правде сказать, у меня не было времени подумать об этом.

— Изобретаешь на ходу, верно?

— Да, в этом, если и ни в чём другом, я весьма похож на богов. Может быть, стоит подарить тебе коня.

— Хетвар избавлял меня от таких расходов. Я в случае надобности ездил на его лошадях, за корм которым он платил сам.

— О, эти расходы я возьму на себя. Если у тебя будет хороший скакун, это послужит к чести моего дома.

Ингри тут же вспомнил о смерти последней матери-супруги Хорсривера, будто бы погибшей, упав с коня, но вслух сказал только:

— Что ж, благодарю, милорд.

— Этим утром можешь делать что хочешь, но потом тебе предстоит сопровождать меня.

— Я в твоём распоряжении, кузен.

Губы Венсела насмешливо дрогнули.

— Не сомневаюсь.

Ингри счёл, что это можно счесть разрешением удалиться, и покинул кабинет.

Что бы Венсел ни затевал, не всё он изобретал

на ходу. У него явно была определённая цель. И если это был титул священного короля, как опасался Хетвар, причины стремиться к нему у Хорсривера были совсем не те, которые мог представить себе хранитель печати.

«Да и я тоже. Пока».

Ингри покачал головой: в ближайшие часы ему было о чём подумать.

Глава 19

В тот день, неустанно бродя по зданию, Ингри заглянул в каждый уголок резиденции Хорсриверов, но мало что из этого почерпнул. Венсел прибыл в столицу — к постели умирающего священного короля — всего несколько недель назад, а Фара, несмотря на свою фатальную задержку в охотничьем замке, почти сразу присоединилась к нему. Городская резиденция не производила впечатления обжитого дома, словно супруги остановились в ней проездом. Здесь не было скрыто никаких древних тайн, хотя только Пятёрка богов знала, что Ингри удалось бы раскопать в замке Хорсриверов; однако оплот клана лежал в двухстах милях на север, в среднем течении Лура, и Ингри сомневался, что попадёт туда прежде, чем события завершатся.

Как и обещал — или пригрозил — граф Хорсривер, в середине дня он взял Ингри с собой в конюшню, каменное строение, расположенное ниже по склону холма. Главы великих кланов, живя в столице, держали своих коней на пастбищах за городской стеной, выше по течению Сторка, за стеклодувными и кожевенными ма-

стерскими. Так же поступал и Хорсривер, но несколько лошадей для нужд графа и графини, а также для гонцов находились в конюшне, которая в соответствии с высоким положением владельца была роскошной: центральный проход вымощен цветным камнем, перегородки между стойлами — из полированного дуба, железная решётка ворот украшена переплетающимися бронзовыми листьями. Ингри, к своему изумлению, в одном из стойл заметил красивую гнедую кобылу Йяды.

Кобыла беспокойно мотала головой, и Ингри не стал подходить к ней, опасаясь удара копытом.

— Эту красотку я знаю. Я так и думал, что она — одна из ваших.

— Да, — рассеянно кивнул Венсел. — Для Фары она оказалась слишком горячей. Я порадовался, когда нашёлся кто-то, кто смог на ней ездить.

Он остановился у стойла на противоположной стороне коридора; тёмно-серый мерин потянулся к нему, но фыркнул и попятился, когда подошёл Ингри.

— Его имя Волк, — любезно сообщил Венсел. — Так его назвали из-за цвета, но теперь можно предположить, что имело место тайное предназначение. Кто я такой, чтобы спорить с судьбой?

Он твой.

Волк был, несомненно, прекрасным скакуном, мускулистым и длинноногим; его шкура стараниями графских конюхов блестела, как начищенное серебро. Ингри предположил, что конь способен скакать очень быстро. На что ещё он мог оказаться способен — на ум Ингри снова пришло смертоносное заклятие, — можно было только гадать. И не рассматривал ли Венсел коня в качестве взятки? Это было вполне возможно. Что ж, дарёному коню в зубы не смотрят — по крайней мере в присутствии дарителя.

— Спасибо, милорд, — так же любезно, как Венсел, ответил Ингри.

— Не желаешь ли испытать его?

— Попозже, пожалуй. Я сейчас не одет для верховой езды. — Со времени обряда в Бирчгрове, наградившего Ингри духом волка, лошади в его присутствии вели себя нервно, и Ингри предпочитал знакомиться с ними без свидетелей и в огороженном загоне, где легче было укрощать испуганное животное и достигать взаимопонимания (или по крайней мере взаимного изнеможения). Этого коня, пожалуй, будет нелегко заставить подчиняться…

— Жаль.

В дальнем стойле Ингри заметил непохожее на коня животное. Хмурясь, он заглянул за загородку и удивлённо отпрянул. Олень с великолепными рогами поднял голову от охапки сена, фыркнул и отбежал в дальний конец стойла, заставив заволноваться коней.

— Думаю, твоё присутствие пугает его, — с сухой насмешкой протянул Венсел.

Сделав несколько кругов по просторному стойлу, благородное животное замерло, но не вернулось к своему сену. Его прекрасные тёмные глаза смотрели на людей настороженно. Ингри решил, что олень находится здесь довольно давно, поскольку он не пытался вырваться из стойла: только что пойманные животные иногда гибли в отчаянных попытках освободиться.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Ингри Венсела, стараясь не показать своих чувств. — Приготовить на ужин? Подарить шурину? — Олень был изображён на гербе Стагхорнов, но что за магический дар может иметь в виду Венсел?

Граф глянул на нервное животное поверх плеча Ингри, и губы его изогнулись в странной улыбке.

— Когда играешь против таких изобретательных противников, как те, с которыми приходится

иметь дело мне, всегда лучше не ограничиваться одним планом. Однако весьма вероятно, что олень попадёт на вертел. А теперь пойдём отсюда.

Уходя из конюшни, Хорсривер не оглянулся, и Ингри спросил:

— Ты часто сейчас ездишь верхом ради удовольствия? Насколько я помню, ты очень интересовался лошадьми своего отца. — Это было, пожалуй, единственным, о чём его медлительный подросток-кузен был готов болтать часами.

— В самом деле? — рассеянно отозвался Венсел. — Боюсь, теперь я испытываю к лошадям такие же чувства, как и к жёнам. Они живут так недолго, и я устал избавляться от них.

Не придумав ничего, что можно было бы сказать на это, Ингри молча последовал за Хорсривером.

По дороге он размышлял о том, насколько последователен Венсел в своём безумии. Основания для попыток убить Йяду и поспешный отказ от них были слишком странными, чтобы оказаться ложью, однако из этого не следовало, что сам Венсел понимает их правильно. Впрочем, эксцентричная тактика, которую использовал Венсел в борьбе с богами, должно быть, раньше бывала

успешной. Назвав Йяду приманкой, которую подбросили ему боги, он явно не ошибся, и одной этой угрозы было бы достаточно, чтобы вызвать его злобу. Если Венсел говорит правду, он уже четыре столетия ускользает от охотящихся на него богов.

Богам следовало бы затаиться в каком-нибудь узком проходе и позволить Венселу резвиться до полного удовлетворения, пока не окажется, что обратной дороги ему нет. Однако странная настойчивость Венсела, когда все они встретились на дороге в Истхом, теперь получила объяснение: мысли бедняги, должно быть, бежали в пяти направлениях одновременно.

«Да, но так же бежали мысли и его противников-богов».

Тут Ингри осознал весьма пугающую вещь: возможно, во время той судьбоносной встречи вовсе не Йяда, а он сам был приманкой богов.

«И Венсел заглотил меня целиком».

На следующий день принцессу Фару пригласили свидетельствовать перед судьями, назначенными разбирать обстоятельства смерти Болесо.

Первой реакцией принцессы было гневное возмущение тем, что дочери священного короля приказывают явиться в суд, как простой под-

данной; Ингри счёл, что оскорблённая гордость просто маскирует её тайные страхи. Однако какой-то умный царедворец — без сомнения, это был Хетвар — устроил так, что вызов Фаре передал Биаст. Поскольку принц-маршал был заинтересован не столько в том, чтобы прикрыть сомнительные поступки сестры, сколько в том, чтобы выяснить правду, его хладнокровные доводы перевесили нервные возражения Фары.

Так и получилось, что Ингри оказался в составе поднимающейся на крутой холм Храмового города процессии: за принцем-маршалом его знаменосец Симарк вёл иноходца, на котором сидела Фара, а следом шли две фрейлины, сопровождавшие принцессу в охотничий замок, и два близнеца-пажа. Когда они добрались до храма, Симарк был отправлен узнать, где находятся судьи, а Фара ненадолго улизнула от брата, отправившись вместе со своими дамами преклонить колени перед алтарём Матери. Ингри не мог догадаться, хочет ли принцесса воззвать к богине, которая в прошлом так явно игнорировала её молитвы, или просто пользуется подходящим предлогом для того, чтобы собраться с мыслями в уединении храма.

Как бы то ни было, Ингри вдвоём с Биастом

стоял посреди двора, когда из храма Дочери появилась неожиданная фигура.

— Ингорри!

Радостно махая руками, по каменным плитам мимо священного очага к Ингри спешил князь Джокол. Как обычно, за гигантом-островитянином словно тень следовал верный Оттовин; Ингри подумал, не получил ли молодой человек от своей грозной сестрицы приказание обеспечить благополучное возвращение её жениха из странствий. Джокол, как и раньше, был облачён в яркие одежды, но теперь его левую руку обвивала ещё и ярко-голубая лента — знак обращения с мольбой к леди Весны.

— Что привело тебя сюда, Джокол?

— Эх, — пожал плечами великан, — пытаюсь я всё получить жреца, что обещан мне, но отмахиваются они от меня. Сегодня главаря, верховного настоятеля, я пытаюсь увидеть, вместо тех глупых служителей, кто всегда велит мне уйти и явиться потом.

— Так ты молишься о назначении жреца? — Ингри показал на левый рукав Джокола.

Островитянин прижал правую руку к ленте и расхохотался.

— А ведь стоило бы! Обратиться через голову

настоятеля, а?

Ингри подумал, что Джоколу было бы естественно обратиться за покровительством к Сыну Осени или, учитывая последние события, к Бастарду, хоть молиться этому богу несчастий и не всегда безопасно.

— Леди Весны ведь не является твоей обычной покровительницей?

— О, она много мне дарует! Сегодня я молю у неё поэтического вдохновения.

— Я думал, что богом поэзии является Бастард.

— Он, конечно, тоже — вдохновляет хмельные песни и всё такое. И ещё — великие сказания о том, как стены рушатся и всё кругом горит, — ах, замечательные сказания, от них волосы встают дыбом. — Джокол замахал руками, пытаясь знаками изобразить ужасающие трагедии, пригодные для эпических поэм. — Но не сегодня. Сегодня замыслил я прекрасную песнь для моей возлюбленной Брейги, чтобы знала она, как тоскую я по ней в этом каменном городе.

За спиной Джокола Оттовин закатил глаза; Ингри счёл это безмолвным выражением сомнения в том, что сестра его — подходящий объект для песни, а вовсе не в достоинствах песни как таковой. Ингри вспомнил о том, что леди Весна,

будучи богиней девственниц, к тому же покровительствует учёности, общественному порядку и — да, и лирической поэзии.

Биаст снизу вверх смотрел на великана, не в силах скрыть глубокого впечатления, которое тот на него произвёл.

— Это, случайно, не хозяин вашего белого медведя, Ингри? — поинтересовался он.

Несмотря на горячее желание отказаться от всякой связи с белым медведем, отныне и во веки веков, Ингри не мог пренебречь своими светскими обязанностями.

— Простите меня, милорд. Позвольте представить вам князя Джокола из Арфрастпекки, а также его родича Оттовина. Джокол, это — принц-маршал Биаст кин Стагхорн. Сын священного короля, — добавил Ингри на случай, если Джокол нуждался в таком указании, чтобы не заблудиться в дебрях высокой политики Истхома.

Однако островитянин оказался вполне в курсе, хоть и не проявил чрезмерного почтения. Он осенил себя знаком Святого Семейства и поклонился, а Биаст ответил ему тем же — как два равных вождя, не являющихся ни вассалами, ни союзниками друг другу, однако готовых рассматривать определённые перспективы на будущее.

Многообещающее знакомство князя и принца было прервано вернувшимся Симарком, который тащил за руку служителя в серых одеждах. Убедившись, что проводник по лабиринту строений, образующих храмовый комплекс, им обеспечен, Биаст отправился за сестрой к алтарю Матери.

Понятливый Джокол тут же распрощался с Ингри.

— Должен я приложить старания и найти этого типа — настоятеля. Много времени на это уйдёт, так что мне лучше отправляться, а?

— Подожди, — остановил его Ингри. — Я тебе скажу, к кому лучше обратиться. В здании позади этого, на втором этаже… Нет, вот как будет лучше! — Ингри одним прыжком догнал юного дедиката в белых одеждах Бастарда и ухватил его за рукав. — Ты знаешь, как пройти в кабинет просвещённого Льюко?

Паренёк испуганно кивнул.

— Отведи туда князя. — Он вручил рукав дедиката изумлённому Джоколу. — И передай, что лорд Ингри шлёт ему пополнение его коллекции.

— Этот Льюко поможет мне увидеть верховного настоятеля? — с надеждой спросил Джокол.

— Или поможет, или обратится через голову

Фритина. Ты только пригрози, что подаришь ему Фафу, — это заставит его потрудиться тебе на пользу. — Ингри ухмыльнулся: его выходка вполне могла сойти за подобающую молитву богу злокозненных шуток.

— Он обладает властью в храме?

Ингри пожал плечами.

— Он представляет власть того бога, который не станет по крайней мере дожидаться помощи священнослужителей.

Джокол надул губы, потом кивнул и улыбнулся.

— Очень хорошо! Благодарю тебя, Ингорри! — Он быстро зашагал следом за дедикатом, сопровождаемый верным Оттовином.

Ингри показалось, что кто-то рассмеялся ему в ухо; но это не был Симарк, который озадаченно смотрел вслед Джоколу. Особенности акустики храма, должно быть… Ингри встряхнул головой и принял позу почтительного внимания: приближался сопровождающий дам Биаст.

Принц, окинув взглядом двор, устремил на Ингри странный взгляд, неуверенный и вопросительный. Ингри подумал о том, что все присутствующие встречались здесь в прошлый раз всего два дня назад, во время похорон Болесо.

Может быть, Биаст гадает, верить ли в совершенное Ингри-шаманом чудо освобождения души его брата? Или — это, пожалуй, смутило бы Ингри ещё больше, — поверив в чудо, Биаст теперь размышляет о том, какие последствия могут проистечь из случившегося тогда?

Как бы то ни было, служитель в серых одеждах провёл Фару и её свиту через лабиринт зданий, занятых храмовыми клерками и службами различных орденов; некоторые из них были новыми и выстроенными с определённой целью, но большая часть представляла собой древние приспособленные для новых нужд строения. Дорога вела между двумя бывшими резиденциями кланов — одна из них теперь была приютом для подкидышей, находящихся под присмотром служителей Бастарда, другая — госпиталем Матери, под колоннадой которого суетились целители в зелёных мантиях, а в обширном саду прогуливались выздоравливающие.

На следующей улице располагалось большое трёхэтажное здание из такого же жёлтого камня, что и дворец Хетвара; в нём находилась храмовая библиотека и залы заседаний ордена Отца. Просторный холл огибала лестница; поднявшись по ней, можно было попасть в уединённое, обшитое

деревянными панелями помещение.

Разбирательство уже началось: из двери как раз выходили двое слуг, которых, как показалось Ингри, он видел в охотничьем замке; оба явно испытывали облегчение после окончания допроса. Узнав принца-маршала и принцессу, слуги, почтительно кланяясь, поспешили убраться с дороги. Биаст в отличие от Фары, шею которой уязвлённая гордость сделала негнущейся, в ответ вежливо кивнул. Первым же человеком, которого Фара увидела, войдя в дверь, оказался управитель замка рыцарь Улькра, и принцесса фыркнула, как испуганная лошадь. Улькра поклонился с не менее смущённым видом.

В дальнем конце зала стоял длинный стол, и за ним, спинами к задёрнутым занавесями окнам, сидели пятеро судей. Двое из них носили серо-чёрные мантии и красные наплечные шнуры служителей Отца, трое остальных — нагрудные цепи королевских судей. Сбоку за маленьким столиком расположился писец с перьями, чернильницей и стопкой бумаги. Вдоль стен зала тянулись скамьи, и на одной из них сидел ещё один священнослужитель — тощий высокий мужчина с растрёпанными седеющими волосами в серых одеждах. Красный шнур у него на пле-

че был перевит золотой нитью — знак высшей учёности в области юриспруденции. Советник при судьях?

Судьи поднялись на ноги, чтобы выразить своё почтение принцу-маршалу и принцессе; двое дедикатов были посланы за мягкими креслами для благородных телес Стагхорнов. Пока происходила вся эта суматоха, Ингри подошёл к Улькре, который при виде его нервно сглотнул, но вежливо ответил на приветствие.

— Вас уже допрашивали? — любезно поинтересовался Ингри.

— Я должен был быть следующим.

— Вы собираетесь говорить правду, — понизив голос, спросил Ингри, — или лгать?

Улькра облизнул губы.

— Чего, по-вашему, желал бы лорд Хетвар?

Не считает ли он Ингри всё ещё человеком Хетвара? То ли Улькра необыкновенно проницателен, то ли не слышал последних сплетен?

— На вашем месте я больше заботился бы о том, чего желает будущий господин Хетвара. — Ингри кивнул в сторону принца Биаста, и Улькра настороженно проследил за его взглядом. — Он ещё молод, но не останется таким навсегда.

— Можно предположить, — прошептал Уль-

кра, — что он хотел бы защитить сестру от обвинений и упрёков.

— В самом деле? — уклончиво пробормотал Ингри. — Давайте узнаем. — Он поманил Биаста, который с любопытством смотрел на Улькру.

— Да, Ингри?

— Милорд, рыцарь Улькра никак не может решить, предпочли бы вы, чтобы он говорил чистую правду или приукрасил её, чтобы избавить вашу сестру от огорчений. Сами судите, что это говорит о вашей репутации.

— Ш-ш, Ингри! — в ужасе зашипел Улькра, испуганно оглянувшись через плечо на судей.

Биаст растерялся. Ответил он осторожно:

— Я обещал Фаре, что никто здесь не станет её стыдить, но, безусловно, никто не должен нарушать клятву говорить правду перед судьями и перед богами.

— Вы прямо сейчас определяете путь, которым пойдёт ваш суд, принц. Если вы отучите людей говорить в вашем присутствии неприятную правду, вам придётся научиться видеть то, что скрывается за красивой ложью, потому что во всё ваше царствование, сколь бы кратким оно ни оказалось, вы тогда ничего другого не услышите. — Ингри говорил ровным тоном, словно выбор

Биаста не имел для него никакого значения: сам он готов и к тому, и к другому.

Губы Биаста дрогнули.

— Как это Хетвар говорил о вас? Что вы бросаете вызов, кому только пожелаете?

— Противлюсь любому нажиму. Это больше всего нравится Хетвару. Он не дурак.

— Совершенно верно. — Глаза Биаста сузились. Потом, к удивлению и радости Ингри, он повернулся к Улькре и коротко бросил: — Говорите чистую правду. — Потом, тяжело вздохнув, добавил: — С Фарой я сам разберусь.

Улькра, широко раскрыв глаза, поклонился и поспешно удалился — должно быть, опасаясь, что иначе Ингри впутает его ещё в какие-нибудь неприятности. В этот момент принесли кресла; Ингри с искренним уважением поклонился Биасту, который ответил ему довольно ироничным кивком, и занял место на задней скамье, откуда ему были виден и весь зал, и все, кто входил в дверь.

Сидя там, Ингри предался бесполезным теперь размышлениям: будь у Болесо друг, которому хватило бы мужества воспротивиться самым опасным затеям принца, свернул бы Болесо на кривую дорожку, приведшую его к смерти?

Болесо всегда был самым неуправляемым из королевских детей. Может быть, ничто не могло бы его спасти.

Судьи коротко посовещались шёпотом и вызвали Улькру; управитель принёс клятву говорить правду и приготовился отвечать на вопросы: он заложил руки за сутулую спину и расставил ноги, словно эта воинская поза придавала ему мужество. Вопросы задавались строго по делу: следователи, похоже, уже имели представление о том, что произошло в охотничьем замке.

Насколько мог судить Ингри, Улькра совершенно точно описал события, приведшие к смерти Болесо, которым он был свидетелем. Он не обошёл вниманием ни леопарда, ни свои подозрения насчёт занятий Болесо запретной магией, хотя и постарался оправдать своё молчаливое пособничество верностью господину. Нет, он не догадывался, что личный слуга Болесо был на самом деле незаконным волшебником Камрилом. (Так, значит, судьи уже слышали о существовании Камрила — уж не от Льюко ли?) В какой-то момент учёный жрец с боковой скамьи молча передал судьям записку, в результате чего управителю было задано несколько особенно точно направленных вопросов.

Неприкрытая мерзость намерений Болесо в отношении Йяды, на взгляд Ингри, была показана совершенно ясно, хоть Улькра и постарался выгородить себя. Судя по тому, как застыло лицо Фары, принцесса впервые услышала точный отчёт о последствиях, к которым привело её решение оставить свою фрейлину в замке. Фара не заплакала от стыда, но её напряжённая поза говорила о многом.

«Прекрасно!»

После того как судьи отпустили Улькру и тот со всей возможной поспешностью покинул зал, настала очередь Фары. Ингри, играя роль почтительного придворного, помог ей подняться с кресла и воспользовался этим, чтобы шепнуть:

— Я буду знать, если вы солжёте.

Принцесса холодно взглянула на него и прошептала в ответ:

— Какое мне до этого дело?

— Неужели вы пожелаете вложить в мою руку такое оружие, леди?

Поколебавшись, Фара ответила:

— Нет.

— Хорошо. Вы начинаете думать, как подобает принцессе.

Ингри ободряюще пожал Фаре руку, и она с

изумлением взглянула на него; изумление сменилось задумчивостью, как будто перед принцессой открылся новый путь, о существовании которого она раньше не подозревала.

Вопросы, заданные Фаре судьями, были краткими и почтительными, насколько это позволяли закон и справедливость. Принцесса отвечала правдиво, хотя, как и Улькра, строила фразы так, чтобы смягчить собственную вину, а описания оснований для своей ревности постаралась избежать, что Ингри счёл вполне удачным. Однако самые важные, на взгляд Ингри, свидетельства — то, что требование оставить Йяду в замке исходило от Болесо и было без раздумий выполнено Фарой, а Йяда не являлась ни соблазнительницей, ни добровольной участницей — прозвучали достаточно ясно. Наконец Фару с дипломатичным выражением благодарности судьи отпустили, и принцесса с облегчением зажмурилась, отворачиваясь.

После того как Фара подала такой пример, две её дамы тоже отвечали откровенно и даже сообщили о нескольких происшествиях, неизвестных Фаре, которые изображали намерения Болесо в ещё более мрачном свете. Биаст выглядел всё более огорчённым, но не сделал попытки вме-

шаться в допрос, хотя судьи не скрывали того, что не забывают о присутствии принца-маршала и внимательно следят за его реакцией. Учёный жрец, как заметил Ингри, тоже исподтишка бросал на Биаста острые взгляды. Если бы Биаст в нужные моменты хмурился или фыркал, сделались бы вопросы менее проницательными, а ответы на них — более благоприятными для репутации его покойного брата? Возможно; тем не менее Биаст слушал с настороженной беспристрастностью, как человек, более всего желающий узнать правду. Ингри начал надеяться, что теперь принц более благосклонно отнесётся к идее платы за кровь.

Когда свита принцессы собралась покинуть зал, Ингри отправил пажа за иноходцем принцессы; мальчик поклонился и своим высоким ясным голосом ответил:

— Сейчас, лорд Ингри.

Учёный жрец резко повернул голову и уставился на Ингри, хмурясь, а потом склонился к уху одного из судей. Брови того поползли вверх, судья кивнул и тоже посмотрел на Ингри; подняв руку, он громко обратился к нему:

— Лорд Ингри! Не могли бы вы задержаться?

Несмотря на любезный тон, это, несомненно,

был приказ, а не просьба или приглашение. Ингри поклонился и остановился. Биаст, провожавший сестру к дверям, раздражённо нахмурился, разрываясь между необходимостью удовлетворить стремление Фары как можно скорее покинуть зал и желанием услышать, чего судьи хотят от лорда-волка.

— Я догоню вас, милорд, — сказал ему Ингри. Биаст, на лице которого была ясно написана решимость всё потом подробно выспросить, кивнул и последовал за сестрой.

Ингри встал перед судейским столом в такой же позе, как раньше Улькра, и стал ждать, стараясь скрыть острую тревогу. Он полагал, что сегодня — а может быть, и вообще — его допрашивать не будут.

Учёный священнослужитель встал за судьями, сложив руки на груди и пристально глядя на Ингри. Со своим похожим на клюв носом и скошенным подбородком он напоминал цаплю, высматривающую рыбку или лягушку на мелководье.

— Как я понимаю, лорд Ингри, на похоронах Болесо вы испытали нечто, имеющее самое прямое касательство к настоящему разбирательству.

Он наверняка поговорил с Льюко… Много ли

служитель Бастарда открыл этому жрецу Отца? Два ордена обычно не стремились к тесному взаимодействию…

— Я потерял сознание из-за духоты. Всё остальное не является тем свидетельством, которое, как мне кажется, можно представить суду.

К удивлению Ингри, учёный священнослужитель одобрительно кивнул, однако тут же возразил:

— Это не суд, а расследование. Как вы заметили, я не потребовал, чтобы вы принесли присягу.

Имело ли это обстоятельство какой-то тонкий юридический смысл? Судя по тому, как закивали судьи, имело… Даже писец отложил перо, явно не собираясь делать записи, хотя смотрел на Ингри с зачарованным интересом. Значит, сейчас разговор носит не столь уж официальный характер… хотя в такой компании Ингри не видел в этом для себя преимуществ.

— Случалось ли вам раньше терять сознание от духоты? — спросил один из судей.

— Э-э… нет.

— Пожалуйста, опишите ваше видение, — сказал учёный священнослужитель.

Ингри медленно моргнул. Если он откажется говорить, какие меры воздействия применят к

нему судьи? Они, наверное, заставят его принести присягу, и тогда и ответы, и молчание будут иметь для него гораздо более тяжкие последствия. Лучше уж так…

— Я оказался с леди Йядой и неприкаянной душой Болесо… в каком-то месте — в бескрайнем пространстве. Я мог видеть сквозь плоть принца Болесо. Он был полон мятущихся от страха и боли духов убитых животных. Потом явился Сын Осени… — Ингри облизнул губы и постарался говорить как можно более ровным голосом. — Бог повелел мне вызвать духов животных из Болесо, и леди Йяда поддержала его. Я сделал то, о чём меня просили. Бог забрал душу Болесо и удалился. Я пришёл в себя, лёжа на полу храма. — Что ж, не так плохо: очень похоже на бред сумасшедшего и без упоминания некоторых особенно скользких моментов.

— Как? — с любопытством спросил священнослужитель. — Как вы их вызвали?

— Это было всего лишь видение, просвещённый. Нельзя же ожидать, чтобы во сне события были вполне объяснимы.

— И тем не менее!

— Мне… мне был дарован голос. — Нет нужды уточнять, когда и кем…

— Колдовской голос? Вроде того, каким вы воспользовались, чтобы укротить взбесившегося белого медведя за два дня до того?

При этом вопросе двое судей подняли головы и с интересом посмотрели на Ингри.

«Проклятие!»

— Я слышал, как это так называли.

— Вы могли бы воспользоваться им снова?

Ингри еле удержался от того, чтобы прибегнуть к колдовскому голосу немедленно: погрузить всех в зале в неподвижность и бежать… А может быть, лучше спрятать своего странно освободившегося волка в сердце так, чтобы он стал невидимым?

«Глупец, они и так его не видят».

— Не знаю.

— Если вернуться к рассматриваемому делу, — решительно заговорил священнослужитель, — имеются свидетельства, что леди Йяда осквернена духом умерщвлённого леопарда. Как учит нас храм и как это подтверждает, по-видимому, ваше видение, такое осквернение отлучает душу от богов.

— Душу умершего, — осторожно поправил его Ингри. Оба они с Йядой несли в себе духов животных, и всё же с обоими говорили боги. А вот с Болесо — нет, вдруг понял Ингри. Он собрался

было объяснить, как шаманы Древнего Вилда очищали души своих павших товарищей, но вовремя одумался. Не хватало ещё объяснять судьям, откуда он об этом узнал.

— Именно. Поэтому мой вопрос, лорд Ингри, таков: если леди Йяда будет казнена по приговору суда, сможете ли вы удалить оскверняющий её дух животного, как вы это сделали для принца Болесо?

Ингри окаменел. Первое, что ему вспомнилось, были обеспокоенные слова Венсела о том, что Йяда окажется, как это делалось в Древнем Вилде, принесённой в жертву посланницей, которая откроет долину Священного древа богам. Венсел полагал, что эта угроза устранена благодаря поселившемуся в Йяде духу леопарда… Не так уж это надёжно, раз Ингри может разрушить такую защиту.

«А я мог бы».

Пятеро богов, будьте вы прокляты все вместе и поодиночке, уж не таков ли нечестивый план Сына и Бастарда?

«Уж не поэтому ли вы согнали нас всех сюда?»

Мысли Ингри путались, и он попытался потянуть время.

— Почему вы спрашиваете об этом, просве-

щённый?

— С теологической точки зрения тут есть тонкость, которую мне очень хотелось бы прояснить. Казнь, строго говоря, — это наказание тела за преступления, совершённые в мире материи. Вопрос о спасении души казнённого не должен решаться иначе, чем в случае любой другой смерти; если же душа окажется обречена на отлучение от богов, то это непростительный грех, который ляжет на тех, кого закон обязывает совершить казнь. Казни, следствием которой станет столь ужасное несчастье, надлежит противиться; если же такой опасности не будет — казнь может быть осуществлена. — Ответом на эти слова было общее молчание, и священнослужитель сочувственно спросил: — Вы уследили за моей мыслью, милорд?

Ингри уследил. Скрежеща когтями, его волк сопротивлялся поводку, за который его тянули.

«Если я скажу, что могу очистить душу Йяды, то предоставлю им свободу повесить её с чувством честно исполненного долга».

Если же он скажет, что не может… это будет ложью, но что ему остаётся?

— Это было всего лишь… — прошептал он, прочистил горло и заставил себя громко повто-

рить: — Это было всего лишь видение, просвещённый. Вы ожидаете от него слишком многого.

Тёплый голос, похожий на шелест осенних листьев, пробормотал где-то между ухом Ингри и его рассудком: «Если ты отрекаешься от меня и от себя перед этой маленькой компанией, братец волк, что же ты будешь делать, оказавшись перед компанией гораздо более великой?»

Ингри не знал, покрылось ли его лицо смертельной бледностью, хотя некоторые из судей встревоженно посмотрели на него; он прилагал все усилия, чтобы не пошатнуться или, да не допустит такого Пятёрка, не потерять сознание. Прекрасное было бы подтверждение только что произнесённому им отречению!

— Хм-м, — протянул учёный священнослужитель, глядя на Ингри сузившимися глазами, — это тем не менее очень важный вопрос.

— Может быть, я упрощу его для вас? Если такой способностью я не обладаю, ваши сомнения остаются при вас. Если же обладаю… то использовать её я отказываюсь. — «Вот тебе — съешь!»

— Разве вас нельзя принудить? — В тоне священнослужителя не было угрозы — одно только чистое любопытство.

Губы Ингри раздвинулись в улыбке, которая

вовсе не была добродушной; некоторые из судей инстинктивно отшатнулись назад.

— Вы могли бы попробовать, — выдохнул Ингри. Вот тогда-то, когда мёртвое тело повешенной Йяды окажется у его ног, его волк покажет, на что в действительности он способен… прежде чем самого Ингри убьют.

— Хм-м… — Учёный священнослужитель похлопал рукой по губам. Как ни странно, выражение его лица было скорее удовлетворённым, чем огорчённым. — Очень, очень интересно. — Он оглядел судей. — У вас есть ещё вопросы?

Старший судья, даже не пытаясь скрыть растерянности, ответил:

— Нет… в данный момент нет. Благодарю вас, просвещённейший, за ваши… всегда заставляющие задуматься комментарии.

— Да, — пробурчал себе под нос другой судья, — уж на вас можно положиться: всегда подкинете какую-нибудь кошмарную мысль, которая никому другому и в голову не придёт.

Блеск в глазах учёного священнослужителя сказал Ингри, что он воспринял эту жалобу скорее как комплимент.

— Тогда мы благодарим вас, лорд Ингри.

Это явно был долгожданный знак того, что Ин-

гри может удалиться. Он поклонился и двинулся к дверям, с трудом удерживаясь от того, чтобы не побежать. Выйдя на галерею, он глубоко втянул воздух, но, прежде чем сумел окончательно прийти в себя, услышал позади шаги. Обернувшись, Ингри обнаружил, что странный священнослужитель вышел из зала следом за ним.

В качестве приветствия тощий жрец осенил себя знаком Пятёрки — быстро, но очень точно, и это явно не было для него простой формальностью. Ингри снова поклонился ему, положил было руку на рукоять меча, но счёл, что этот жест может показаться слишком угрожающим, и заложил руки за спину.

— Могу я чем-нибудь услужить вам, просвещённый?

«Например, перекинуть через перила галереи вниз головой?»

— Прошу прощения, лорд Ингри, но я только что сообразил: меня представили до того, как прибыла принцесса Фара со свитой. Я просвещённый Освин из Сатлифа.

Ингри заморгал; после мгновенного замешательства его мысли потекли в новом, совершенно неожиданном направлении.

— Освин Халланы?

Священнослужитель улыбнулся со странной растерянностью.

— Из всех моих званий это, боюсь, самое истинное. Да, я Освин Халланы, за мои грехи. Она много рассказывала мне о вашей встрече в Реддайке.

— Она хорошо себя чувствует?

— Хорошо, и произвела на свет чудесную девчушку, рад я сообщить. Я молю леди Весны сделать её похожей на мать, а не на меня: иначе, когда она вырастет, ей на многое придётся жаловаться.

— Я рад, что она здорова… что они обе здоровы. Меня беспокоила просвещённая Халлана. — «Во многих смыслах». Он коснулся своей всё ещё забинтованной правой руки, вспомнив, как ему, охваченному кровожадным безумием, почти удалось дотянуться до меча.

— Будь у вас время получше её узнать, она вас не беспокоила бы.

— А?

— Она повергала бы вас в ужас, как и всех остальных. Впрочем, мы каким-то образом выжили и на этот раз. Понимаете, это она послала меня сюда. Просто выгнала из дома. Многие женщины так делают после родов, но по другим причинам.

— Вы уже говорили с просвещённым Льюко?

— Да, мы долго беседовали с ним после моего приезда вчера вечером.

Ингри постарался тщательно подобрать слова для следующего вопроса.

— И ради кого Халлана прислала вас сюда? — До Ингри с опозданием дошло, что устрашающий теологический экскурс Освина мог иметь целью помешать казни Йяды, а не ускорить её.

— Н-ну… трудно сказать.

— Почему?

В первый раз Освин заколебался, прежде чем ответить. Он взял Ингри под руку и повёл по галерее — подальше от двери зала, куда дедикат в серых одеждах как раз вводил ещё двоих слуг из охотничьего замка. Освин облокотился на перила и задумчиво посмотрел вниз. Ингри встал с ним рядом, ожидая продолжения разговора.

Когда Освин снова заговорил, голос его был странно почтителен.

— Вы, лорд Ингри, человек с большим опытом сверхъестественного, как я понимаю. Боги говорят с вами в видениях наяву, лицом к лицу.

— Нет! — начал Ингри и умолк. Стоит ли снова отрицать? — Ну… в определённом смысле. В последнее время со мной случалось много странного, и с каждым днём всё больше. Но глухим это

меня не делает.

Освин вздохнул.

— Не могу себе представить, как в таких обстоятельствах можно оглохнуть. Поймите: я ни разу в жизни не испытал касания бога, хоть и старался служить своему богу как можно лучше в меру своих сил, как учит нас храм. Вот только Халлана… Она — единственное чудо, которое случилось со мной. Эта женщина, похоже, получила сверхъестественного сверх меры. Когда-то я даже обвинял её в том, что она похитила мою часть, а она в ответ обвинила меня в женитьбе на ней только ради усреднения божественного присутствия в семье. Боги разгуливают по её снам, как по собственному саду, а мне снится только, что я заблудился в своей старой семинарии и бегу без всякой одежды, опаздывая на экзамен, о котором совсем позабыл.

— Вы бежите сдавать экзамен или принимать его?

— И то и другое — бывает по-всякому. — Лоб Освина прорезали морщины. — А ещё мне иногда снится, что я брожу по дому, который разваливается на глазах, а у меня нет инструментов, чтобы его восстановить. Ладно… — Освин сделал глубокий вдох и отмахнулся от воспоминаний. — На

следующую ночь после того, как родилась наша дочь, мы с Халланой спали рядом и увидели один и тот же знаменательный сон. Я проснулся, крича от страха. Халлана же ничуть не испугалась и сказала, что сон означает необходимость нам обоим немедленно отправиться в Истхом. Я спросил её, не сошла ли она с ума: ей ещё нельзя подниматься, а уж тем более путешествовать. На это она ответила, что если положить в тележку матрац, то она всю дорогу будет отдыхать. Мы спорили целый день, а на следующую ночь нас посетил тот же сон. Халлана заявила, что это решает вопрос. Я напомнил ей, что у неё есть обязанности по отношению к новорождённой и остальным детям: она не может ни бросить их, ни тащить за собой в столицу. Халлана согласилась остаться, если поеду я, и я порадовался победе. В тот же день я отправился верхом в Истхом, и только отъехав на десять миль, понял, как ловко она меня провела.

— Как это?

— Расставшись с Халланой, я лишился возможности остановить её. Не сомневаюсь: в этот самый момент она едет сюда, отстав от меня не больше чем на день. Интересно, взяла ли она с собой детей? Страшно подумать… Если вы увиди-

те её или её слуг раньше меня, передайте, что я снял комнаты для всех в гостинице «Ирис» рядом с госпиталем Матери.

— Она должна… э-э… путешествовать с теми же слугами, которых я видел в Реддайке?

— О да — Бернаном и Херги. Они её без себя не отпустят. Понимаете, Бернан — один из ранних успехов Халланы в целительстве с помощью демона. Херги привезла его, едва не доведённого до самоубийства болями, которые ему причиняли камни в почках, уже отчаявшись спасти его жизнь и рассудок. Халлана разрушила камни прямо в его теле, и они тут же вышли — через день Бернан был как новенький. С тех пор эти супруги следуют за Халланой, какую бы глупость она ни затеяла. — Освин фыркнул. — Я изобретаю самые изощрённые доводы, которые, милостью Отца, позволяют мне найти мой разум и учёность, но всеми моими доказательствами я не могу воздействовать на людей так, как это удаётся ей, — просто стоя рядом. Это совершенно несправедливо! — Освин попытался придать себе возмущённый вид, но сумел только тоскливо вздохнуть.

— Как насчёт сна? — напомнил ему Ингри.

— Прошу прощения. Обычно я не столь болт-

лив. Должно быть, на меня повлияли споры с Халланой… Я рассказал свой сон просвещённому Льюко, а теперь вам. Приснились пятеро: Халлана, я сам, Льюко и двое молодых мужчин, которых я никогда не видел — до сегодняшнего дня. Одним из них оказался принц Биаст: я едва не свалился со скамьи, когда он вошёл в зал. Второй был очень странным — рыжеволосым великаном, который говорил на непонятном языке.

— Ах, — сказал Ингри, — это, несомненно, князь Джокол. Попросите его, когда увидите, угостить от моего имени Фафу рыбкой. Вы, если хотите, можете найти его прямо сейчас: я только что отправил его к Льюко. Может быть, он всё ещё там.

Освин вытаращил глаза и сделал движение в сторону, словно собираясь помчаться в указанном направлении, но покачал головой и продолжал рассказ:

— Во сне… Я учёный человек, но мне трудно описать… Всех нас пятерых коснулись боги, и даже хуже: они надели нас и носили как рукавицы. Мы были разбиты вдребезги…

«Боги теперь всё время преследуют меня», — вспомнил Ингри слова Хорсривера. Да, похоже на то…

— Что ж, если вы поймёте, что всё это значило,

дайте мне знать. Были ещё какие-то действующие лица в вашем сне? — «Я или Йяда, например?»

Освин покачал головой.

— Нет, только мы пятеро. Пока что — сон не показался мне законченным, что взволновало меня, но ничуть не удивило Халлану. Я и жажду, и боюсь снова уснуть — чтобы узнать больше… только теперь у меня бессонница. Халлана обожает блуждать в темноте, но я предпочитаю знать, куда нужно ступать.

Ингри мрачно улыбнулся.

— Мне недавно один человек, гораздо дольше меня общающийся с богами, сказал, что причина того, что боги не показывают нам наш путь более ясно, заключается просто в том, что они сами этого не знают. Не знаю, смотреть на это как на обнадёживающее обстоятельство или наоборот. По крайней мере отсюда можно сделать вывод, что они не мучают нас исключительно для собственного развлечения.

Освин похлопал рукой по перилам.

— Мы с Халланой много спорили о том, насколько боги провидят будущее. Они же боги. Если кто и может его провидеть, то как раз они.

— Возможно, и никто не может, — пожал плечами Ингри.

Выражение лица Освина было таким, как если бы ему приходилось проглотить мерзкое лекарство, польза от которого сомнительна.

— Я порасспрашиваю Льюко. Может быть, этот Джокол что-нибудь знает.

— Сомневаюсь, но всё равно желаю успеха.

— Думаю, мы скоро снова встретимся.

— Меня теперь ничто не удивит.

— Где я смогу вас найти? Льюко говорил, вас послали шпионить за графом Хорсривером, который, кажется, тоже запутался в этой паутине.

— Мне кажется весьма удачным, — прошипел сквозь зубы Ингри, — что граф Хорсривер уже знает о моём шпионстве — слишком много сплетен об этом ходит.

Освин возмущённо вскинул голову.

— Это не сплетни, и круг тех, кому всё известно, очень узок. Льюко тоже был послан сон, судя по его словам.

Да уж, как всё запутано…

— Держитесь подальше от Хорсривера. Он опасен. Если вам нужно будет со мной увидеться, пошлите в резиденцию записку, но только не сообщайте в ней ничего важного — вполне возможно, что записка будет перехвачена и прочитана врагами прежде, чем попадёт в мои руки.

Освин нахмурился, но кивнул. Они вместе спустились по лестнице и вышли на улицу. Распрощавшись со священнослужителем, Ингри поспешно направился в Королевский город.

Глава 20

Ингри не испытал особого изумления, когда, спустившись с холма и перейдя бывший ручей, обнаружил, что улицу перегораживает повозка Халланы.

Две коренастые лошадки, пыльные и потные после дальней дороги, уныло стояли, повесив головы; на облучке, упёршись локтями в колени, сидел Бернан, из-за его плеча выглядывала Херги, а из-под навеса высунулась Халлана; прикрыв рукой глаза от солнца, она с сомнением осматривала улицу, явно слишком узкую для повозки.

Херги похлопала Бернана по плечу и, указывая на Ингри, закричала:

— Смотри! Смотри!

Халлана обернулась, и её лицо просветлело.

— Ах! Лорд Ингри! Замечательно! — Она похлопала Бернана по другому плечу. — Вот видишь, разве я не говорила? — Кузнец устало кивнул, то ли соглашаясь, то ли в полной безнадёжности. Халлана перешагнула через него и спустилась из повозки.

Свою поношенную мантию она сменила на изящный дорожный костюм: тёмно-зелёный

жакет поверх светлого льняного платья, подчёркивающего талию. Наплечные шнуры отсутствовали — уж не путешествует ли она инкогнито? Халлана оставалась низенькой и пухленькой, но выглядела гораздо более подвижной; её волосы были заплетены в аккуратные косы и уложены вокруг головы. Ни детей, ни других видимых признаков хаоса заметно не было.

Ингри вежливо поклонился Халлане, а она осенила его благословением, хотя знак Пятёрки в её исполнении больше напоминал рассеянное ощупывание тела.

— Я так рада видеть вас, — сказала Халлана. — Я ищу Йяду.

— Каким образом? — не удержался от вопроса Ингри. Как можно было предположить, Халлана теперь снова полностью распоряжалась своим демоном.

— Обычно я просто езжу по городу, пока что-нибудь не случается.

— Такой способ представляется… странным и неэффективным.

— Вы говорите совсем как Освин. Он предпочёл бы нарисовать сетку на карте города и по порядку отмечать осмотренные квадраты. Найти вас мне удалось гораздо быстрее.

Ингри попытался оценить логику Халланы, но отказался от такой затеи.

— Кстати, насчёт просвещённого Освина… Он велел мне сказать вам, что для всех вас снял комнаты в гостинице «Ирис» рядом с госпиталем Матери на Храмовом холме.

Эта новость была встречена тихим стоном Бернана, а Халлана просветлела ещё больше.

— О! Вы уже встречались, как замечательно!

— Вас не удивляет то, что вас ждали?

— Освин временами бывает очень нудным, но он не глуп. Конечно, он должен был догадаться, что мы явимся. Рано или поздно.

— Просвещённый господин будет нами недоволен, — мрачно предсказала Херги. — Раньше он нас ругал.

— Ерунда, — отмахнулась супруга Освина, — вы же выжили. — Она повернулась к Ингри, и её голос сделался серьёзным: — Рассказал он вам о нашем сне?

— Немного.

— И всё-таки: где Йяда?

Пока что все прохожие представлялись Ингри обычными горожанами, но он предпочёл не рисковать.

— Не следует, чтобы кто-нибудь видел меня

разговаривающим с вами, а уж тем более подслушал наш разговор.

Халлана показала в сторону повозки, навес над которой скрыл бы их от любопытных взглядов; Ингри кивнул и последовал за волшебницей в тёмное нутро. С трудом пробравшись между многочисленными узлами, он уселся на скамье, неловко пристроив рядом меч. Халлана, скрестив ноги, уселась на матрац и вопросительно посмотрела на Ингри.

— Йяду содержат в частном доме неподалёку от причалов, — тихо сказал Ингри. — Её тюремщиком стал теперь рыцарь Геска — гвардеец Хетвара, но дом принадлежит графу Хорсриверу. Слуги там — шпионы графа, а на молчание Гески полагаться нельзя. Вы не должны там появляться под своим именем. Пусть вас туда отведёт просвещённый Льюко, может быть, как целительницу, присланную судьями. Это даст вам возможность выгнать слуг и поговорить с Йядой наедине.

Глаза Халланы сузились.

— Интересно. Так муж Фары всё-таки не друг Йяде — или слишком большой друг? А может быть, проблему составляет эта несчастная принцесса?

— Фара — это целый клубок проблем, но интерес

Венсела к её фрейлине — не просто вожделение, как она считает. Венсел обладает тайными силами, и цели его непонятны. Хетвар отправил меня шпионить за ним, как раз чтобы попытаться эти цели узнать. Мне не хотелось бы, чтобы воды оказались ещё более взбаламучены.

— Вы считаете его опасным?

— Да.

— Для вас? — Брови Халланы поползли вверх.

Ингри закусил губу.

— Возникли подозрения, что в нём обитает дух животного… вроде моего. И это… ещё не вся правда. — Ингри поколебался. — То заклятие, что было разрушено в Реддайке, — его рук дело.

Халлана шумно вздохнула.

— Так почему он не арестован?

— Нет! — резко бросил Ингри. Когда Халлана вытаращила на него глаза, он продолжал более спокойно: — Нет. Во-первых, я не знаю, как доказать такое обвинение, а во-вторых, преждевременный арест привёл бы к несчастью. — «По крайней мере для меня».

Халлана по-дружески похлопала его по руке.

— Бросьте, лорд Ингри, уж мне-то вы можете рассказать больше.

Ингри испытал огромное искушение так и

сделать.

— Думаю… что ещё не время. Я в такой ситуации… ещё не… Я хожу по кругу, ожидая, что что-нибудь случится.

— Ох… — На лице Халланы появилось выражение сочувствия. — Такая ситуация мне хорошо знакома. — После недолгого молчания она добавила: — Мои соболезнования.

Ингри провёл рукой по волосам. Они отрастали вокруг швов, из которых давно пора было вынуть нитки.

— Я не могу задерживаться: мне нужно присоединиться к принцу Биасту и принцессе Фаре. Ваш супруг присутствовал на расследовании событий в замке сегодня утром и, наверное, сможет рассказать вам о нём больше, чем я. Льюко тоже кое-что знает. Я не уверен… — голос Ингри дрогнул, — могу ли вам полностью доверять.

Халлана вскинула голову и сухо ответила:

— Полагаю, вы не хотели меня оскорбить.

Ингри покачал головой.

— Я продираюсь сквозь путаницу лжи и полуправды, странных событий и странных рассказов. Очевидная вещь — применение закона, например, арест Венсела — может оказаться ошибкой, хоть объяснить этого я не могу. Всё неопределён-

но, как будто сами боги затаили дыхание. Что-то вот-вот случится.

— Что именно?

— Если бы я знал, если бы я только знал… — Ингри услышал напряжение в собственном голосе и заставил себя остановиться.

— Ш-ш, — стала утешать его Халлана, словно успокаивая пугливую лошадь. — Можете вы по крайней мере поверить в то, что я буду двигаться с оглядкой, говорить мало, слушать и ждать?

— А сможете вы?

— Если только мои боги не потребуют от меня иного.

— Ваши боги! Хорошо, что не ваше начальство из храма.

— Что ж, я сказала то, что сказала.

Ингри кивнул и перевёл дыхание.

— Расспросите Йяду. Она — единственная, кому я доверил всё, что мне удалось узнать. Остальным известны лишь части головоломки. Мы с Йядой связаны больше, чем… — Голос Ингри прервался. — Больше, чем привязанностью. Мы с ней разделили два видения наяву. Йяда сможет рассказать вам всё подробно.

— Хорошо. Я проникну к ней незаметно, как вы советуете.

— Не уверен, что боги и я хотим одного и того же. В чём я абсолютно уверен — это что Венсел и боги преследуют разные цели. — Ингри нахмурил брови. — Освин сказал, что вы разбились вдребезги — в вашем сне. Я не понял, что это означает.

— Мы тоже.

— Не уничтожат ли нас боги, используя в своих целях? — Халлана не захватила с собой детей — почему? Ради скорости, для простоты? Или ради безопасности? — «Их, а не собственной?»

— Возможно. — Голос Халланы был абсолютно ровным.

— Не слишком вы обнадёживаете меня, просвещённая.

Кто-нибудь, может быть, назвал бы улыбку Халланы загадочной, но Ингри счёл её сардонической. Он поклонился ей с таким же выражением и выглянул из тележки, высматривая возможных соглядатаев. Через плечо он сообщил Халлане:

— Если вы сразу же отправитесь к Льюко, вы, может быть, ещё застанете там своего мужа, а также рыжеволосого островитянина, чья речь бывает вдохновлена то ли мерзким хмельным пойлом, то ли священным поцелуем леди Весны.

— Ага! — воскликнула Халлана с внезапным энтузиазмом. — Это та часть моего пророческого

сна, против которой я не возражаю. Этот островитянин в самом деле такой милый?

— Я… не думаю, что могу ответить на этот вопрос, — сказал Ингри после удивлённой паузы. Он вылез из тележки, обогнул её и кратчайшим путём отправился к резиденции Хорсривера.

* * *

Распахнув перед Ингри дверь, привратник сообщил:

— Миледи и принц-маршал ожидают вас в Берёзовом зале, лорд Ингри.

Намёк был ясен, и Ингри поспешил подняться на второй этаж. Комната оказалась той же самой, в которой он встретил Фару в первый день своей так называемой службы Хорсриверу, — вероятно, приглушённые цвета и простая мебель делали её любимым прибежищем принцессы. Там собралась теперь небольшая компания: Биаст и Симарк о чём-то переговаривались над блюдом с хлебом и сыром, а ко лбу полулежащей на диване Фары одна из её дам прикладывала холодный компресс. В воздухе отчётливо чувствовался острый запах лаванды.

Когда вошёл Ингри, Фара села и встревоженно посмотрела на него. Лицо её было бледно, вокруг

глаз лежали серые тени. Ингри вспомнил слова Йяды о мучительных головных болях, которыми страдала принцесса.

— Лорд Ингри, — Биаст любезно указал ему на кресло, — надолго же вас задержал этот жрец.

Ингри в ответ просто кивнул: у него не было никакого желания сообщать о встрече с Халланой.

Фара не стала дожидаться окончания обмена дипломатическими банальностями.

— О чём он вас спрашивал? Он ещё что-то хотел узнать про меня?

— Он ничего не спрашивал ни о вас, миледи, ни о том, что случилось в замке, — успокоил её Ингри. Фара с очевидным облегчением откинулась на спинку дивана. — Его вопросы… — Ингри поколебался, но всё же докончил: — …носили в основном теологический характер.

Биаст, похоже, не испытал такого же облегчения, как сестра. Его брови сошлись на переносице.

— Вопросы жреца касались нашего брата?

— Не напрямую, милорд. — Ингри не видел причины скрывать от Биаста сути вопросов Освина, хотя и не собирался открывать другой своей связи с учёным священнослужителем. — Он желал узнать, могу ли я очистить душу леди Йяды

от духа её леопарда в случае её смерти, как я, по-видимому, очистил душу покойного принца. Я ответил, что не знаю.

Биаст начал чертить на ковре какой-то узор носком обутой в сапог ноги, потом заметил это и заставил себя остановиться. Голос его, когда принц поднял глаза, прозвучал более спокойно:

— Вы и в самом деле видели бога? Лицом к лицу?

— Он явился мне как молодой знатный охотник необыкновенной красоты. У меня не возникло ощущения… — Ингри помолчал, не зная, как выразить свою мысль. — Вам приходилось видеть, как дети заставляют тени танцевать на стене, шевеля руками? Тень — это не рука, но отбрасывается ею. Молодой человек, которого я видел, был, мне кажется, тенью бога — тем упрощением, которое я был способен воспринять… как будто за тем, что я видел, скрывалось нечто неизмеримо большее и совсем не похожее на обманчивую тень, чего я не мог осознать, не… разбившись вдребезги.

— Дал ли он вам какие-нибудь указания… для меня? — Почтительная надежда в голосе Биаста лишила вопрос всякого высокомерия. Он оглянулся на свою внимательно слушающую

сестру. — Или для кого-то ещё из нас?

— Нет, милорд. Разве вы чувствуете надобность в указаниях?

Биаст безрадостно усмехнулся.

— Я ищу хоть какую-то опору в наше неустойчивое время.

— Тогда вы обращаетесь не по адресу, — с горечью ответил Ингри. — Боги ничем не поделились со мной, кроме намёков и сводящих с ума загадок. Что же касается моего видения — наверное, я так должен это называть, — то оно касалось только похорон Болесо. В тот момент бог интересовался исключительно его душой. Когда настанет наш час, мы также можем удостоиться столь же пристального внимания.

Фара, нервно теребившая складку юбки, пристально посмотрела на Ингри. Вертикальные морщины, прорезавшие её лоб между густыми бровями, углубились: она размышляла над этим мрачным утешением с настороженностью обжёгшегося, но всё ещё тянущегося к огню ребёнка.

— Вчера вечером я довольно долго беседовал с просвещённым Льюко, — начал Биаст и остановился. Взглянув на сестру, он предложил: — Фара, не стоит ли тебе прилечь ненадолго? Ты плохо выглядишь.

Фрейлина принцессы усердно закивала:

— Мы можем задёрнуть занавеси в ваших покоях, миледи, так что там будет темно и тихо.

— Может быть, так и следует сделать. — Фара наклонилась вперёд и несколько мгновений смотрела в пол; фрейлине пришлось помочь ей встать. Биаст также поднялся.

Ингри решил воспользоваться моментом и под предлогом вежливого сочувствия попытаться достичь своих целей:

— Мне очень жаль, что вы нездоровы, миледи. Однако если при расследовании будет вынесено заключение о самозащите, вам, может быть, больше не будет нужды снова подвергаться таким неприятностям.

— Я в силах сделать то, что должна, — холодно ответила Фара, но на мгновение на её лице промелькнула неуверенность: как будто мысль об отказе от обвинения показалась ей новой и привлекательной. Принцесса достаточно любезно кивнула Ингри, прощаясь, хоть ей тут же пришлось прижать руки к вискам. Взгляд, который подарил Ингри Биаст, показался тому многозначительным. Может быть, ему удастся, подумал Ингри, устранить угрозу суда над Йядой постепенно, распутывая паутину по одной нити

зараз, а не в шумной и драматической манере; если получится — прекрасно. Недаром такова излюбленная тактика Венсела…

Биаст проводил сестру до двери, поручил её фрейлине и оглядел коридор, прежде чем закрыть дверь. Хмурясь, он посмотрел на Ингри и своего знаменосца Симарка, словно сравнивая их, хоть Ингри и не мог догадаться, по какому признаку: то ли физической угрозы, то ли личной преданности. Симарк, на несколько лет старше своего господина, был знаменит своей воинской доблестью; возможно, Биаст счёл его достаточной защитой на случай, если лорд-волк вдруг нападёт, или решил, что уж вдвоём с Симарком они с ним справятся. Ингри не стал исправлять эту утешительную ошибку принца-маршала.

— Как я уже говорил, я побеседовал с Льюко, — сказал Биаст. Он снова сел к низкому столу, на котором стоял поднос, жестом пригласив Ингри присоединиться. Ингри придвинул кресло поближе и приготовился слушать. — Руководство ордена Бастарда — сам Льюко и ещё двое могущественных храмовых волшебников — подробно расспросило Камрила.

— Прекрасно. Надеюсь, они поджарили ему пятки над огнём.

— Что-то в этом роде. Как я понял, они не рискнули доводить его до такого состояния, когда его демон мог бы захватить власть. Такая возможность, как заверил меня Льюко, пугает Камрила гораздо больше, чем любая угроза пыток, к которым могли бы прибегнуть следователи. — Биаст с сомнением наморщил лоб.

— Я могу это понять.

— Ну да, вы-то можете. — Биаст откинулся в кресле. — Меня больше смутило признание Камрила в том, что мой брат и в самом деле планировал меня убить, как вы и предположили. Но как вы узнали?

Так вот почему он настоял, чтобы Фара удалилась: эту болезненную тему он предпочёл обсуждать лишь в самом узком кругу. Ингри пожал плечами.

— Я не провидец. Для любого претендента, стремящегося к короне священного короля, не имея той поддержки, которую имеете вы, это был бы логический шаг.

— Да, но мой собственный брат… — Биаст умолк и закусил губу.

Ингри воспользовался возможностью вытянуть ещё одну нить паутины:

— Выходит, леди Йяда спасла вашу жизнь, как

и свою собственную, а душу вашего брата — от ужасного преступления и огромного греха. Или это сотворил ваш бог — через неё.

Биаст помолчал, обдумывая слова Ингри, и снова вернулся к прежней теме:

— Не знаю, чем я заслужил ненависть своего брата.

— Мне кажется, под конец он был уже совершенно безумен. Не какие-то ваши поступки, а болезненные фантазии Болесо представляются мне причиной всего этого.

— Я не представлял себе, что он так… так не в себе. Когда случилась та неприятность со слугой, я написал отцу, что мне следовало бы вернуться домой, но он ответил, что приказывает мне оставаться на посту. Усмирение одного замка на границе и уничтожение нескольких банд разбойников теперь представляется мне менее жизненно важным делом по сравнению с теми новостями, которые я мог бы узнать в Истхоме. Думаю, отец хотел, чтобы скандал меня не коснулся.

А возможно, хотел защитить от более опасных вещей… Или отправка Биаста на границу во время такого кризиса была делом рук других заинтересованных лиц? Не виден ли тут отпечаток

копыта жеребца Хорсриверов?

Биаст вздохнул.

— Я рассчитывал, когда придёт время, получить корону из собственных рук отца, ещё при его жизни, как бывало со всеми королями-Стагхорнами до меня. Ещё три года назад отец всё уже приготовил для избрания и коронации моего старшего брата Бизы, безвременно почившего. Теперь же я должен сам бороться за корону или позволить ей упасть…

— Биза умер от внезапной болезни, не так ли? — Ингри тогда не было в Истхоме: он выполнял поручение Хетвара в Нижнем порту и опоздал к похоронам принца. Знамя принца-маршала, принадлежавшее брату, Биаст получил всего через несколько недель после этого. Не счёл ли больной рассудок Болесо такую замену заманчивым прецедентом?

— От столбняка. — Воспоминание заставило Биаста вздрогнуть. — Я в то время был в свите Бизы в его морском лагере в Хелмхарборе. При спуске на воду новых кораблей несколько человек заболели столбняком. Да избавят меня пятеро богов от такой судьбы! С тех пор я испытываю ужас перед постелью умирающего, и сердце у меня обрывается при мысли, что это снова мне

предстоит… Я пять раз на дню молюсь о выздоровлении отца.

Ингри видел умирающего священного короля несколько недель назад, ещё до того, как у него случился удар. Старик уже тогда был совершенно жёлтым и изможднным, двигался с трудом и говорил тихо и неразборчиво.

— Думаю, что нам теперь следует вымаливать для него другое благословение…

Биаст, не споря, отвёл глаза.

— Обвинение против Болесо, если только это не клевета со стороны Камрила, заставляет меня гадать: кому я могу верить. — Взгляд, который принц бросил на Ингри, оставил у того странное ощущение.

— Каждого человека нужно оценивать по достоинству.

— Требуется способность здраво оценивать людей — в этом-то и проблема. Сумели ли вы уже оценить моего зятя?

— Э-э… не вполне.

— Представляет ли он такую же опасность, как Болесо?

— Он… умнее. — То же самое, начал чувствовать Ингри, можно было сказать и о Биасте. — Я не хотел оскорбить… — добавил он в запоздалой

попытке проявить такт.

Биаст поморщился.

— По крайней мере я надеюсь, что он не так безумен.

Последовало молчание.

— Приходится ведь кому-то доверять…

— Я не доверяю никому, — буркнул Ингри.

— Даже богам?

— Им — меньше всего.

— М-м-м… — Биаст потёр шею. — Что ж, предстоящее обретение короны в таких обстоятельствах меня не радует, однако я вовсе не собираюсь позволить, чтобы над моим мёртвым телом её возложило на себя чудовище.

— Правильно, милорд, — сказал Ингри. — Этого и держитесь.

Симарк, который слушал разговор, сложив руки на груди, поднялся и подошёл к окну — желая, по-видимому, по высоте солнца определить время. На его вопросительный взгляд Биаст кивнул и устало поднялся. Ингри тоже встал.

Принц провёл рукой по волосам жестом, подумал Ингри, позаимствованным у Хетвара.

— Есть ли у вас для меня ещё какой-нибудь совет, лорд Ингри?

Ингри был всего на год или на два старше

Биаста; тот наверняка не мог видеть в нём царедворца, умудрённого жизнью.

— Во всех вопросах политики вам лучший совет даст хранитель печати Хетвар, милорд.

— А в других вопросах?

Ингри заколебался.

— Что касается дел храма, то Фритин разбирается в них лучше всех, но опасайтесь его приверженности своему клану. Если же говорить о… э-э… практической теологии, лучше обратиться к Льюко.

Биаст некоторое время размышлял над довольно зловещим намёком, содержащимся в этом упоминании «практической теологии».

— Почему?

Ингри растопырил пальцы и коснулся кончиком большого всех остальных — от указательного до мизинца.

— Потому что большой палец дотягивается до всех прочих. — Слова родились словно где-то в другом месте и вылетели изо рта Ингри помимо его воли — он даже вздрогнул от неожиданности.

Биаст тоже, казалось, увидел в них что-то, далеко превосходящее их простой смысл, потому что бросил на Ингри странный взгляд, рассеянно

сжав руку в кулак.

— Я буду держать это в уме. Присматривайте за моей сестрой.

— Сделаю всё от меня зависящее, милорд.

Биаст кивнул, жестом велел Симарку следовать за собой и вышел.

* * *

Ингри обошёл дом и удостоверился, что Фара, как и предполагалось, отдыхает в своих покоях, а граф отправился во дворец священного короля. Что же там было такого, что заставило Венсела пренебречь новостями по поводу расследования? Тот факт, что он не стал сопровождать жену на допрос, удивления не вызывал: Венсел давно научился так незаметно избегать окрестностей храма, что это уже даже не вызывало пересудов. Однако какое бы злодеяние Венсел ни замыслил, он уже не одну неделю осуществлял свои планы в отношении тестя, и Ингри не стремился оказаться с ним рядом. Пока не стремился…

В данной ситуации требовалась скорее изворотливость рассудка, чем сила руки, однако если пренебречь нуждами тела, то и ум теряет остроту; поэтому Ингри отправился на кухню, чтобы раздобыть еды. Лакей, накрывавший для него стол,

пожаловался Ингри на Теско, поэтому, пообедав, Ингри заставил своего слугу вернуть те деньги, которые тот мошеннически выиграл в кости. Приведя Теско в состояние должного смирения, Ингри велел ему вытащить нитки из шва у него на голове и сменить повязку на правой руке. Длинная рваная рана как будто закрылась, но всё ещё болела, так что Ингри осторожно поправил наложенный Теско бинт.

«Всё могло бы уже и зажить».

В узкие амбразуры окон сочился тусклый свет осенних сумерек; Ингри уселся на свою новую постель и погрузился в размышления. Приближающийся траур положил конец светским развлечениям принцессы; необходимости сопровождать графа тоже не предвиделось. Если новый господин Ингри пожелает отправить его с каким-либо несвоевременным поручением, то как сможет он выполнить просьбу Биаста — охранять Фару — или выбранную им по собственному желанию задачу спасти Йяду? Отправить вместо себя кого-то из гвардейцев Хетвара, а самому остаться в Истхоме и шпионить? Такое решение было бы связано с многочисленными сложностями. Публично взятое им на себя обязательство служить графу оказалось, на взгляд Ингри, опас-

ной ловушкой; похоже, Хетвар плохо продумал свой план.

Сможет ли он противостоять Хорсриверу? Их силы коренились в одной и той же магии; Хорсривер имел гораздо больше опыта, но был ли он сильнее? И что значила сила в том безграничном священном пространстве, где видения обретали действенные формы?

Как, в конце концов, можно свои сверхъестественные силы упражнять и на чём? Безумие, охватывавшее Ингри в битве, нельзя было отрепетировать: оно возникало только в момент отчаянной надобности. Что же касается колдовского голоса… можно ли противиться его приказаниям? Отвергать? Разрушать? И ослабевает ли его действие со временем, как колдовство Халланы в отношении вообразившего себя свиньёй гвардейца? Ингри не мог себе представить, чтобы нашлись добровольцы, на которых можно было бы опробовать его таланты. Впрочем, неожиданно подумал Ингри, Халлана вполне одобрила бы такую попытку, а Освин наверняка стал бы делать подробные записи. Вообразив себе такую картину, Ингри против воли улыбнулся.

«Сколько лет моему волку?»

Вопрос неожиданно озадачил Ингри. Он осто-

рожно заглянул внутрь себя, и ощущение снова напомнило ему попытку увидеть собственные глаза изнутри. Многочисленные волчьи души, как ему показалось, слились в единое целое, словно их границы не были такими уж непроницаемыми; волки превратились в Волка, чего в отношении человеческих душ не сумели добиться на протяжении многих поколений мучительного каннибализма графы Хорсриверы. Ингри просеивал обрывки волчьих воспоминаний, являвшиеся ему в первый ужасный момент инициации и потом, в сновидениях. Положение тела казалось непривычным, запахи вспоминались ярче, чем зрительные образы. Бедную деревушку недавних дней было трудно отличить от лесного поселения древних времён.

Неожиданно в памяти Ингри всплыло очень странное ощущение — вкус кожаного панциря на щенячьих зубах… Наказание, когда его поймали на месте преступления, не уменьшило удовольствия для зудящих дёсен. Доспехи были совсем новыми, их удалось утащить в дальний угол тёмного и полного дыма зала… Имевшиеся на нём украшения чувствовались на зуб — особенно выжженный на груди силуэт волчьей головы с оскаленной пастью.

«Мой волк не моложе Древнего Вилда, а то и старше!»

Так же стар, как и конь Венсела? Наверняка старше, потому что волк, постоянно возрождаясь, прожил четыреста с лишним лет до того, как был так кроваво вселён в Ингри. Часть этого времени он прожил в Кантонах, судя по сохранившимся воспоминаниям о ледяных пиках. Это было долгое счастливое время, охватившее жизни нескольких поколений приручённых волков — на крошечном хуторе в забытой долине, где сезоны и жизни совершали вечный неторопливый круговорот… Несчастное стечение обстоятельств грозило оборвать последовательность, но этого не случилось… что означало одно: некто, способный долгое, долгое время направлять события, мог распоряжаться случайностями.

«Должен был распоряжаться», — невесело поправил сам себя Ингри.

Ингри подумал, что если когда-нибудь ещё увидит бога, то может об этом спросить.

«Я мог бы спросить сейчас. Я мог бы помолиться».

Однако такого желания он не испытывал: молиться сейчас было бы всё равно что сунуть руку в огонь священного очага в храме. Ингри на

собственном опыте убедился, что обращаться к богам значительно безопаснее, когда нет шанса, что они ответят.

Ингри откинулся на подушки и стал искать в себе то мощное течение, что соединяло его с Йядой. Тихий напев потока сразу же принёс ему успокоение. Йяда сейчас не страдала, не была утомлена, если не считать всё усиливающейся скуки. Отсюда не следовало, конечно, что она в безопасности: привычный комфорт дома-тюрьмы был обманчив. Хорсривер утверждал, будто возникшая между Ингри и Йядой связь оказалась непредвиденным следствием убийственного заклятия, и этому можно было поверить. Разве время от времени не случается, что зло порождает добро? Ингри подумал, что должен придумать способ увидеться с Йядой — как можно скорее и втайне. И им нужно обмениваться мыслями. Нельзя ли использовать их странную связь для передачи сообщений?

«Один раз дёрнуть — „да“, два раза — „нет“».

Ну, может быть, и не так, но какой-то способ должен найтись…

Мрачные размышления Ингри были прерваны пажом: постучав в дверь, он передал распоряжение графа явиться к нему. Ингри вооружился,

накинул длинный придворный плащ и спустился в холл; Хорсривер, который, должно быть, совсем недавно вернулся, собирался куда-то снова.

Что-то тихо приказав перепуганному груму, граф вежливо кивнул Ингри.

— Куда мы направляемся, милорд?

— Во дворец священного короля.

— Разве вы только что не вернулись оттуда?

Венсел покачал головой.

— Время почти пришло. Думаю, король не проживёт до утра. Есть такой особый восковой оттенок кожи, — граф провёл рукой по лицу, — который предсказывает приближающуюся смерть.

Уж Хорсривер должен знать такие вещи… и с той, и с другой стороны, неожиданно понял Ингри. Они оказались одни в холле — слуги были посланы, чтобы поторопить Фару, — и Ингри, понизив голос, поинтересовался:

— Следует ли мне подозревать тебя в убийстве с помощью сверхъестественных сил?

Венсел пожал плечами, явно ничуть не обиженный таким предположением.

— Его смерть наступит без чьей-либо помощи. Когда-то — давным-давно — я мог попытаться ускорить её или — что труднее — попытаться отсрочить. Теперь же я просто жду. Промелькнёт

несколько дней, и всё свершится. — Хорсривер вздохнул.

Смерть, старая знакомая, не смущала Венсела, и всё же его равнодушная усталость казалась Ингри маской. Глубоко внутри таилось какое-то напряжённое предвкушение, проявлявшееся только в нетерпеливых взглядах, которые граф бросал на лестницу, где должна была появиться Фара. Наконец принцесса вышла из своих покоев — бледная, застывшая, в чёрных одеждах.

Ингри с фонарём в руке шёл впереди по тёмным улицам Королевского города: единственный сопровождающий, которого пожелал иметь Хорсривер. Вечерний воздух был холодным и сырым, к полуночи камни мостовой станут скользкими от росы, но в безоблачном небе сияли первые звёзды. Венсел, на руку которого опиралась Фара, вёл себя с неизменной холодной вежливостью. Ингри напряг чувства — все свои чувства, — но не обнаружил в сгущающихся сумерках новой угрозы.

«Ну конечно. Угроза — это мы, Венсел и я».

Факелы у входа во дворец священного короля бросали колеблющиеся отсветы на стены. Теперь уже только воспоминания связывали это строение с брёвнами и дранкой: дворец был каменный,

как и все жилища знати в Истхоме, выстроенные в последние годы дартаканского правления. Гвардейцы поспешили распахнуть кованые двери и низко склонились перед дочерью короля и её супругом. Воины казались угнетёнными тем, насколько все их пики и мечи бессильны защитить их господина от охотника, который придёт за ним этой ночью. Хотя спальня короля находилась в дальнем конце здания, голоса слуг, сопровождавших принцессу и её спутников через еле освещённые душные залы, звучали приглушённо и печально.

Впереди льющийся из открытой двери свет играл на полированных досках пола. Ингри сделал глубокий вдох и следом за графом и принцессой вошёл в спальню короля.

Глава 21

В комнате оказалось менее многолюдно, чем ожидал Ингри. У изголовья постели сидели облачённый в зелёную мантию целитель-дедикат и сопровождающий его аколит; их унылое спокойствие говорило о том, что все ухищрения медицины уже бесполезны. В углу ждал священнослужитель в серых одеждах ордена Отца, демонстрируя невостребованную пока терпеливую готовность выполнить свой долг. В соседней комнате, невидимый и, к счастью, почти неслышный из-за толстых стен, пел гимны пятиголосый храмовый хор. Голоса певцов казались хриплыми и усталыми; возможно, скоро им представится возможность отдохнуть…

Ингри присмотрелся к лежащему на кровати королю. В нём не было заметно тёмных сил, как в Венселе или самом Ингри; это не был ни шаман, ни волшебник, ни святой; король был обычным человеком, хоть и приковывающим взгляд даже на пороге смерти. Это был уже совсем не тот Стагхорн, о котором трогательно вспоминал Хетвар: юный принц-маршал, получивший знамя из рук своего царственного отца и прославившийся по-

бедой в полузабытой теперь пограничной стычке с Дартакой. Когда Ингри вернулся в Вилд в свите хранителя печати, король был бодр и активен, несмотря на поседевшую голову и все выпавшие ему на долю печали. Тяжёлая болезнь за последние месяцы быстро состарила его, словно беря реванш за потерянное время.

Теперь король был близок к тому, чтобы уснуть последним сном. Ингри искренне надеялся, что Фара успела раньше обменяться с отцом последними словами, потому что больше у неё такой возможности не будет. Тонкая, покрытая пятнами жёлтая кожа и в самом деле имела тот восковой оттенок, который Хорсривер назвал предвестником кончины. Хриплое дыхание короля было неровным, и за каждым вдохом следовала пауза, когда все присутствующие смотрели на умирающего, чтобы при следующем вдохе отвести глаза.

Лицо Фары было бледным, но сосредоточенным; она осенила себя знаком Пятёрки, поцеловала отца в лоб и отошла от постели. Жрец Отца положил руку ей на плечо и пробормотал:

— Он прожил хорошую жизнь, миледи. Не страшитесь.

Взгляд, который бросила на священнослужителя принцесса, был лишён и страха, и надежды, да

и вообще какого-нибудь выражения. Ингри отметил, что Фара сохранила самообладание; сам он, услышав подобную банальность в столь трагический момент, испытал бы искушение проткнуть жреца мечом. Фара только прошептала:

— Где мой брат Биаст? Он должен бы быть здесь, и верховный настоятель тоже.

— Он приходил раньше, миледи, пробыл долго и скоро вернётся. Думаю, что верховный настоятель и хранитель печати будут его сопровождать.

Принцесса кивнула и отодвинулась от жреца. Рука священнослужителя повисла в воздухе, словно собираясь снова утешительно похлопать Фару по плечу. К счастью, он вовремя опомнился и отошёл от принцессы в её окаменелой печали.

Хорсривер стоял, немного расставив ноги, глядя на происходящее — образец благородного супруга, поддерживающего безутешную дочь короля. Его лицо не выражало никаких чувств, кроме подобающих опечаленному придворному, и только взгляд Ингри различал: Хорсривер был готов к прыжку, как кот у мышиной норки. Но что ещё должно было случиться в этой комнате, кроме давно ожидаемой смерти старика, пусть это и был король? Хорсривер уже многие неде-

ли находился в Истхоме. Чего он ждал, помимо окончания царствования? И если присутствие в столице было столь жизненно важным для его планов, как же должна была его взбесить необходимость покинуть Истхом из-за несвоевременных похорон Болесо!

«В этой комнате два священных короля! Как такое возможно?»

Ингри вспомнил свой вопрос, заданный в кабинете Хетвара: что делает королевскую корону священной? Тогда удовлетворительного ответа он не получил, да и сам мог только догадываться; а вот Хорсривер, как подозревал Ингри, знал это точно.

Ингри внезапно обнаружил, что принадлежащий Хорсриверу дух коня больше не представляет собой тугой комок, а распространился на всё тело графа, хлынул в его кровь. Он был спокоен… нет, насторожен! В этот момент и напряжение, и терпение Хорсривера казались буквально сверхчеловеческими!

Ингри почувствовал, как его собственная кровь забурлила в жилах. Казалось бы, многие наложившиеся друг на друга жизни его волка и жеребца Хорсривера должны были делать каждого из них квинтэссенцией всего волчьего

и всего конского, но на самом деле было иначе: такие обретшие мудрость животные чем дольше жили, тем больше приближались к какому-то единому образу.

«Они очень похожи друг на друга, — сказала когда-то Йяда. — Так и есть».

Певцы допели гимн и умолкли; тихие шорохи говорили о том, что у них начался перерыв. Помощник целителя Матери был послан на поиски принца Биаста; сам целитель отошёл к угловому столу и налил себе стакан воды. С постели донёсся хриплый вздох — за которым не последовало другого.

Лицо Фары застыло ещё больше, глаза её блестели от непролитых слёз. Хорсривер сделал шаг вперёд и протянул ей кружевной носовой платок, который Фара судорожно стиснула в руке. Граф не стал произносить глупых утешений. Он не сказал ничего вообще.

Он немного отодвинулся от постели, потом поднялся на носки и протянул руки, как сокольничий, подзывающий свою птицу.

Ингри насторожился и вытянул шею. Все его чувства обострились. Он не мог видеть душ, как это способны были, по слухам, делать святые; он заметил отлетевшую душу только потому, что от

неё что-то отделилось и разлилось в воздухе, как пряное благоухание. Ингри уже ощущал раньше присутствие бога, и этот опыт помог ему заметить появление чего-то огромного, отчего волосы у него на голове зашевелились, как от холодного дуновения в темноте. Однако этот бог явился не к нему; схватив свою добычу, он исчез прежде, чем зрачки Ингри расширились в бесплодной попытке увидеть невидимое.

Загадочный аромат сохранился, прохладный и свежий, как лес весной: вода, сосны, влажная земля, солнечный свет… имеет ли запах смех? Он возбудил Ингри, заставил напрячься, поднять голову и широко раскрыть глаза. Ингри в полной растерянности втянул воздух. Что он должен сделать? Оттолкнуть Фару в сторону? Напасть на Хорсривера? Не мог же он кинуться с мечом на запах леса, как безумец, рассекая воздух… Зла Ингри не чувствовал; опасность в этом была, было могущество… и красота тоже.

Ингри поймал момент, когда Хорсривер откинул голову, впивая королевскую суть. Граф покачнулся, словно на его протянутую руку — руку сокольничего — сел огромный орёл. Хорсривер зажмурился, обхватил себя руками и удовлетворённо вздохнул. Когда его глаза открылись снова,

они сияли.

«Священный огонь, — подумал Ингри. — Как быстро всё произошло! И что именно случилось?»

Не мог же Хорсривер… нет, он не напал из засады на отлетающую душу короля, не присоединил её к уже обитающим в нём искалеченным душам. Заклинание бессмертия действовало на тело и душу графа, в этом случае его собственный труп остался бы пустой скорлупой…

Ингри озадаченно шепнул Венселу:

— Уж не украл ли ты благословение богов?

Лёгкое злорадство, прозвучавшее в ответе Хорсривера, заставило сердце Ингри замереть.

— Это, — выдохнул граф, обводя себя рукой, — никогда не принадлежало богам. Мы создали его сами, и оно должно оставаться здесь. Два с половиной столетия назад его отняли у меня, а теперь оно вернулось. На некоторое время.

Жрец Отца, ничего не заметивший, поспешил к постели священного короля, над которым склонился целитель. Они тихо посовещались, священнослужитель осенил мёртвое тело и себя знаком Пятёрки и затянул молитву.

Итак… Венсел уличён в ещё одной лжи или полуправде; Ингри больше ничему не удивлялся.

В этой комнате не было двух священных королей, а было два претендента, взаимно изувеченных, каждый из которых препятствовал полноте власти другого. Теперь же появился единственный священный король, наконец обретший целостность. Ингри поёжился под ужасной тяжестью улыбки суверена.

— Сначала позаботимся о главном, — выдохнул Венсел, лизнул палец и приложил его ко лбу Ингри. Ингри отшатнулся, но было слишком поздно. Он ощутил, как его связь с Йядой лопнула, словно струна, и он едва не застонал от горя и гнева. Прежде чем Ингри успел сделать вдох, связь восстановилась, но теперь все его мысли принадлежали не Йяде, а Хорсриверу. Царственная воля оседлала впавшего в панику Ингри, как опытный всадник — необъезженного коня. От неожиданности у Ингри потемнело в глазах, колени подогнулись. Хорсривер, сведя брови, вгляделся ему в лицо, потом удовлетворённо кивнул. — Да. Так годится.

Фара обернулась к мужу, и глаза её широко раскрылись, а дыхание со свистом вырвалось из груди. Если она могла своими смертными глазами разглядеть хотя бы десятую часть того грозного величия, которое видел Ингри взглядом

шамана, то не приходилось удивляться её внезапному преклонению. Хорсривер снова лизнул палец и коснулся лба жены; потом он склонился к ней, что можно было по ошибке счесть проявлением сочувствия и утешения. Когда Хорсривер выпрямился, остекленевшие глаза Фары смотрели прямо перед собой. Ингри подумал, что и его собственные глаза должны выглядеть так же.

Заботливо обвив рукой талию жены, граф повернулся к жрецу Отца.

— Передайте моему шурину, когда он появится, что я отвёз принцессу домой, чтобы она могла прилечь. Боюсь, случившееся несчастье вызвало одну из её ужасных головных болей.

Жрец, неожиданно начавший проявлять необыкновенную услужливость, закивал.

— Конечно, милорд. Я очень сочувствую вашей потере, миледи, но душа вашего отца теперь вознеслась в лучший мир.

Губы Хорсривера скривились.

— Воистину, все люди рождаются, беременные собственной смертью. Опытный взгляд видит, как растёт плод день ото дня.

Жрец поморщился, услышав такую сомнительную метафору, и попробовал возразить:

— Не уверен, что…

Хорсривер поднял руку, и священнослужитель умолк.

— Тихо. Передайте принцу-маршалу, что мы увидимся утром. Не особенно рано… Пусть он начинает приготовления, какие сочтёт нужными.

— Да, милорд, — поклонился жрец. Стоявший по другую сторону постели целитель поклонился тоже.

— Ингри, — повернулся к своему приближённому Хорсривер, и губы его раздвинула издевательская улыбка. Тихий зловещий шёпот отдался в костях Ингри: — К ноге!

В ярости, растерянности и отчаянии Ингри поклонился и последовал за своим господином.

Хорсривер быстро потащил Фару и Ингри по пустым коридорам королевского дворца. Тихо брошенное им слово заставило гвардейцев у входа, не задавая вопросов, отсалютовать и распахнуть двери. Ночные улицы были погружены во мрак и окутаны туманом. Поворачивая за угол, Ингри оглянулся; раскачивающиеся фонари и глухо звучащие в тумане голоса сказали ему о том, что Биаст и его знатные спутники спешат к смертному ложу короля. До Ингри донёсся голос Хетвара, и он подумал о том, что тот, должно быть, несёт дубовый ларец с королевской печатью,

которая так долго находилась на его ответственности, и серебряный молоток, чтобы разбить её у постели почившего властителя.

Хорсривер и его спутники не имели при себе фонарей и были одеты в чёрное; Ингри усомнился, что кто-нибудь из сопровождающих Биаста их заметил. Спустившись с холма, Хорсривер не свернул в сторону своей резиденции, как ожидал Ингри, а двинулся в сторону конюшни, ворота которой оказались распахнуты настежь и внутри горело несколько фонарей.

Со скамьи у стены вскочил грум и боязливо поклонился графу.

— Всё готово, милорд. Одежду я отнёс в кладовую.

— Хорошо. Подожди немного.

Хорсривер пропустил Фару и Ингри вперёд; в колеблющихся тенях Ингри разглядел нескольких осёдланных коней — рыжего жеребца Хорсривера, серого Волка и гнедую кобылу; позади сёдел были приторочены сумки. Когда люди проходили мимо стойла, где находился олень, тот фыркнул и замотал рогатой головой; его острые копыта нервно застучали по устилающей пол соломе.

Хорсривер показал Ингри на фонарь, и тот снял его с крюка; потом граф отвёл их к открытой

двери кладовой. Там на стенах была развешана сбруя; свет фонаря отразился в начищенном металле пряжек. На пустых подставках для сёдел были разложены три комплекта одежды. Ингри узнал собственный кожаный костюм для верховой езды, рядом с которым на полу стояли сапоги. На другой подставке оказалась женская амазонка из тёмно-красной материи, отделанная золотой вышивкой.

— Переодевайтесь, — бросил Хорсривер, показав на одежду. — И приготовьтесь к поездке.

Фара с каменным лицом сбросила плащ, который с шорохом упал на каменный пол.

— Мне нужно помочь с пуговицами, милорд, — проговорила она ровным голосом.

— Ах да. — Хорсривер поморщился и умело расстегнул ряд крошечных жемчужных пуговок на спине бархатного платья принцессы. Ингри сбросил длинный нарядный плащ, лёгкие туфли и вышитый серебром камзол и натянул кожаную одежду; он был полностью готов ещё до того, как на пол соскользнули платье и нижние юбки Фары. Ни одного из них не смутила эта неожиданная интимность: волнение, растерянность и ужас не оставляли места для более мелких чувств. Ингри надел сапоги и выпрямился, застё-

гивая пояс с ножнами для меча и кинжала. Его ужасный господин всё ещё был занят вознёй с туалетом жены.

Когда граф поднял руки, чтобы помочь Фаре надеть жакет, Ингри заметил блеск новых кожаных ножен у него на поясе. Новые ножны — новый кинжал? Ингри незаметно вышел из кладовой в центральный проход. Не удастся ли ему сбросить с себя оковы? Если он может думать о сопротивлении, может быть, ему удастся воспротивиться и на деле? Нужно только отвлечь внимание Хорсривера…

«Йяда, что с тобой сейчас происходит?»

Судить об этом Ингри больше не мог. События явно были хорошо подготовлены; теперь, когда Ингри надёжно связан, не затеет ли граф фатальное нападение на дом-тюрьму?

Всё ещё пятясь, Ингри открыл запор на воротах стойла, где содержался олень, и распахнул их. Пальцы его онемели.

«Беги!» — прошептал он. Олень дважды подпрыгнул на месте, фыркнул и промчался мимо Ингри, стуча копытами по цветным камням пола. Скорость была так велика, что Ингри не уследил взглядом за растворившимся в темноте снаружи животным. Ингри замер на месте, когда

Хорсривер выглянул из кладовой и нахмурился.

«Стоять!» — бросил он, и Ингри ничего не оставалось, как покориться.

Он всё ещё боролся… не столько с неспособностью, сколько с отсутствием желания двигаться, когда граф появился снова, переодетый в кожаный костюм и сапоги, крепко держа за плечо Фару. Бросив искоса взгляд на пустое стойло, он, к разочарованию Ингри, только кисло улыбнулся.

— Ты меня почти пугаешь, — бросил он, проходя мимо Ингри. — Такое вдохновение и такой правильный поступок. Может быть, мне нужно тоже ткнуться в тебя носом.

Ничего больше не говоря, он подвёл Фару к стойлу, где беспокойно фыркала гнедая кобыла Йяды.

— Я боюсь этой лошади, милорд, — пробормотала Фара.

— Это долго не продлится, обещаю, — ответил Хорсривер. Ингри ничего не было видно за дощатой стенкой и коваными воротами, кроме настороженных ушей лошади и макушек: светлой — Хорсривера и тёмной — Фары, но он услышал скрип новой кожи ножен, когда из них выскользнул кинжал. Тихо произнесённые графом слова, которые Ингри почти понял, заставили волосы

у него на голове зашевелиться. Потом раздался влажный удар, резкий визг, рывок, от которого задрожали стенки стойла, — и падение тяжёлого тела, недолго бившегося и наконец затихшего.

Две головы снова проплыли над загородкой. Когда Хорсривер и Фара вышли в проход, принцесса тяжело опиралась на графа; её била дрожь. Если кровь и забрызгала её костюм для верховой езды, в темноте это было незаметно.

— Что вы со мной сделали? — простонала она.

Острый взгляд шамана показал Ингри, что внутри Фары мечется испуганный дух лошади.

— Ш-ш, — стал успокаивать Фару Хорсривер; он снова коснулся её лба пальцем, и глаза принцессы остекленели. Тень лошади тоже затихла, хотя Ингри показалась, что она не столько успокоилась, сколько одеревенела. — Всё будет хорошо. А теперь пошли.

Снова появился перепуганный грум.

— Милорд, что это было?

— Приведи коней.

Грум вывел трёх осёдланных лошадей в тёмный двор перед конюшней. Хорсривер с помощью грума усадил Фару на её гнедую кобылу; граф самолично проверил подпругу, вдел ноги Фары в стремена и расправил её юбку, после чего вложил

в дрожащие руки принцессы поводья.

— В седло, — приказал Хорсривер Ингри, вручая ему поводья серого мерина. Ингри так и сделал, хотя конь пятился от него, а потом начал брыкаться, пытаясь сбросить всадника. Хорсривер обернулся и снова раздражённо бросил «Тихо!», и конь тут же успокоился, продолжая, впрочем, выкатывать глаза и фыркать. Граф закрыл за ними ворота конюшни, после чего грум помог ему сесть в седло. Хорсривер, не глядя, вдел ноги в стремена, наклонился и положил руку на лоб грума.

— *Отправляйся домой. Усни. Всё забудь.*

Глаза грума осоловели, и он, зевая, отвернулся.

Подняв руку, Хорсривер крикнул Ингри и Фаре:

— *Следуйте за мной!* — Развернув коня, он шагом поехал по тёмной улице. Копыта скрежетали по мокрому от тумана булыжнику, и звук отдавался от стен домов.

Когда всадники проезжали по пустой рыночной площади, Хорсривер свесился с седла, прижал руку к животу, рыгнул и выплюнул что-то на камни мостовой. Проезжая мимо, Ингри принюхался и почуял запах не желчи, а крови.

«Он тоже расплачивается кровью за свой кол-

довской голос, как и я?»

Граф делал это не так заметно… И сколькими же внутренними сокровищами заплатил он напрасно за убийственное заклятие, наложенное на Ингри, если сказал, что потратил слишком много крови?

Ночная стража у юго-восточных ворот пропустила их по одному слову графа. Ему даже не пришлось прибегать к колдовскому голосу: солдаты почтительно отдали ему честь и сочувственно поклонились Фаре. Оказавшись за городской стеной, Хорсривер пустил своего коня рысью. На первом же перекрёстке путники свернули на дорогу, ведущую к Сторку. Над холмами позади них, разливая бледное сияние, взошла луна, и на дорогу легли длинные расплывчатые тени всадников.

«Куда мы направляемся? И зачем мы ему? Что мы должны будем сделать, оказавшись на месте?»

Ингри заскрипел зубами: ему так и не удалось послать сообщение или оставить весточку… Он попытался представить себе, что подумают слуги, обнаружив утром беспорядок в конюшне: исчезновение трёх коней и оленя, убитую кобылу, придворную одежду, разбросанную по кладо-

вой… Они покинули Истхом быстро и бесшумно, но совсем не тайком. Хотя бы из-за Фары за ними наверняка пошлют погоню.

«Значит, каковы бы ни были планы Хорсривера, он рассчитывает сделать всё быстро, прежде чем нас настигнет погоня. Не следует ли мне попытаться задержать его?»

Ингри было поручено следить за Хорсривером и охранять Фару. До сих пор первое происходило само собой, но второе ему явно не удавалось, хоть он и скакал сейчас рядом с принцессой. Он предпринял попытку разрушить планы Хорсривера, выпустив оленя, но она оказалась напрасной. Его опасение, что жена нужна Хорсриверу для какого-то ужасного кровавого жертвоприношения, было, по-видимому, ни на чём не основанным. Её нельзя было повесить на дереве, отправив с поручением к богам, теперь, когда в ней поселился дух кобылицы, да и девственницей, несмотря на своё бесплодие, она не была. Да и не думал Ингри, что Хорсривер пожелает что-то передать богам, кроме нечестивого их отрицания. А где же они, боги, этой ночью, когда происходят столь странные события?

Олень в гербе Стагхорнов, конь — в гербе Хорсриверов. Фара в замужестве стала Хорсривер,

каким бы неудовлетворительным для неё ни был этот брак; две или три представительницы рода Хорсриверов украсили и её семейное древо, причём совсем недавно. Всё это были сёстры-дочери-внучки графа, как сообразил Ингри. Переплетение семейных нитей поражало воображение, если думать о графе как об одном человеке, а не о дюжине. Клан. Клан… Так что такое клан?

Знаменосец священного короля по традиции бывал его близким родичем. Симарк приходился Биасту двоюродным братом и служил знаменосцем и его старшему брату Бизе. Знаменосец покойного короля служил ему всю жизнь и умер за полгода до своего господина; король всё откладывал новое назначение, возможно, предчувствуя свой конец и не желая видеть на месте старого друга нового человека. А может быть, тут потрудился Хорсривер, преследуя собственные нечестивые цели? Священному королю ради чести короны требовался знаменосец столь же высокородный, как он сам. Это могла оказаться и знаменосица… Ингри искоса взглянул на Фару; принцесса вцепилась в поводья, лицо её было бледным и несчастным. Она не особенно хорошо ездила верхом, и эта ночь могла оказаться для

неё нелёгким испытанием.

Хетвар спустит с него шкуру за это… если он останется в живых. Что ж, если он останется в живых, Хетвар может спускать с него шкуру, сколько пожелает. А кроме того, если выживут они оба с Фарой, то для судей Йяды ситуация станет весьма запутанной. Если будет создан прецедент, если Йяда будет наказана за обладание духом леопарда, то, логически рассуждая, тот же приговор судьи должны будут вынести и Фаре с её кобылицей.

«Думаю, что-нибудь тут можно будет выгадать. И если это не удастся мне, то уж Освину удастся, можно держать пари».

Достигнув Сторка, путники свернули на ведущую на север вдоль реки дорогу. Сквозь деревья, росшие вдоль берега, пробивались яркие отсветы лунного света, отражённого водной поверхностью. Стук копыт и скрип кожи не могли заглушить тихого журчания воды и шелеста опавших листьев.

Ингри послал Волка вперёд, чтобы поравняться с рыжим высоким жеребцом Хорсривера.

— Куда мы направляемся, сир?

Хорсривер повернул голову, и его зубы блеснули, когда он улыбнулся, услышав почтительное

обращение.

— Разве ты не догадываешься?

На север… Они могли бежать в Кантоны, но почему-то Ингри так не думал. Двухдневная скачка приведёт их к подножию хребта Ворона…

— В Израненный лес, на Кровавое Поле.

— К Священному древу. Молодец, мой сообразительный волчонок.

Ингри подождал, но больше Хорсривер ничего не добавил. Граф дал коню шпоры и поскакал галопом, и его спутникам пришлось последовать его примеру.

Рассудок Ингри оставался, по-видимому, свободен; только его чувства оставались подчинены мистической королевской власти. Что за странное заклятие… нет, тут было что-то другое, совсем не похожее на того ограниченного магического паразита, с которым Ингри боролся и которого победил в Реддайке. Теперь Ингри имел дело с огромной и древней силой. Более древней, чем сам Хорсривер? В ней не чувствовалось зла, хотя все её дары в оскверняющих руках Хорсривера рождали отчаяние и безнадёжность.

Ужасная харизма королей… воины стремились приблизиться к ним, чтобы приобщиться к их благодати, и вовсе не только ради материаль-

ных выгод. Соблазн героизма, благословенное самопожертвование могли дарить единственную награду — смерть, и всё же люди стекались под знамя короля. Обманчивое обещание безупречности на службе чему-то высокому и светлому…

Тогда, столетия назад, сияние королевской короны не было заслугой одного Хорсривера. Он получил его по наследству — из незапамятных времён, когда ещё не существовало письменности, чтобы разложить годы по порядку, но племенные кланы жили на этой земле уже так давно, что казались столь же древними, как сам великий тёмный лес. Какая бы магия ни окружала короля, она создавалась долгое, долгое время.

Члены древних кланов, даже по их собственным признаниям, были надменными, высокомерными, кровожадными жестокими безумцами. Потребовалось нечто столь могущественное, как сияющее величие королевского сана, чтобы подчинить их какому-то подобию общих законов. В последние дни, конечно, их подстёгивал страх перед Аударом, но страх мог с такой же лёгкостью разметать воинов, подобно листьям в бурю, как и собрать их в единую силу. Какой энергией должен был обладать Хорсривер, сколько сил потратить, чтобы добиться даже начала великого

обряда у Священного древа, не говоря уже о том, чтобы заставить его принести плоды? И если такова была последняя вспышка его угасающей королевской силы, каков же был этот человек в расцвете могущества?

Вставшая над рекой луна превратила поднимающийся туман в колышущееся море света. Священный король взмахнул рукой и повёл своих спутников по ровной прямой прибрежной дороге. Казалось, они летят меж облаков. Глаза Ингри слезились от ледяного ветра, хлещущего в лицо при отчаянной скачке. Конь его без усилий нёсся вперёд, и Ингри, откинув голову, впивал мчащуюся навстречу ночь. Неудачи остались позади, впереди, возможно, ждала гибель, но в этот серебряный миг он был на вершине славы.

Глава 22

К тому времени, когда луна поднялась высоко, покрытые пеной кони начали спотыкаться. Королевский курьер уже давно остановился бы, чтобы сменить лошадей, и Ингри начал гадать, не собирается ли Хорсривер загнать своих скакунов до смерти. Однако граф наконец позволил своему жеребцу перейти на усталый шаг, а потом свернул с дороги к одинокому крестьянскому дому в деревьях у реки. У крыльца висел фонарь, свет которого казался красноватым и тусклым в голубом сиянии луны.

К забору были привязаны три свежие лошади. К спешившимся путникам подбежал вскочивший с соломенной подстилки грум в ливрее Хорсривера и стал пересёдлывать коней. Хорсривер позволил Ингри и Фаре только съесть по ломтю хлеба с сыром, выпить по кружке эля и посетить уборную за домом, после чего скачка возобновилась. Фара была бледна и понура, но воля священного короля заставила её, вцепившись в поводья, опять скакать галопом.

Даже Ингри качался в седле к тому времени, когда они остановились снова — у ещё одного

крестьянского дома, скрытого за холмом; на дороге глубокой ночью им никто не повстречался, а деревни, всё реже попадавшиеся на берегах ставшего узким Сторка, они объезжали стороной. Фара буквально упала на руки подхватившего её супруга.

— Она не сможет больше сегодня скакать, сир, — пробормотал Ингри.

— Ну и ладно. Даже мы с тобой не смогли бы ехать, не делая остановок. Мы здесь передохнем.

Место для отдыха тоже явно было подготовлено заранее: из дома появилась испуганная крестьянская девушка и увела Фару внутрь. Граф направился следом за ещё одним грумом в ливрее Хорсривера — наверняка заблаговременно посланным сюда — вокруг полуразвалившегося дома к дощатому сараю. Оглядев приготовленных для них свежих лошадей, Венсел довольно хмыкнул. Это были не крестьянские клячи — скакунов прислали сюда из графских конюшен.

Бегство из столицы было, похоже, хорошо спланировано. Преследователи стали бы наводить справки в придорожных гостиницах и конюшнях, где торопящийся путник мог бы нанять свежих коней, но не нашли бы никаких следов — ни очевидцев, ни оставленных усталых лошадей.

Остановки и расспросы в крестьянских домах на всём протяжении от Истхома до северной границы только отняли бы драгоценное время даже у людей, обладающих такими возможностями, как принц-маршал и хранитель печати. И им пришлось бы тратить силы на обследование ещё полудюжины дорог, ведущих из столицы во всех направлениях.

«В какой степени я могу сопротивляться этому королевскому заклятию?» — в тупом отчаянии гадал Ингри. Если бы ему хоть раз удалось собрать в кулак волю и разум… Может быть, если бы он сумел оказаться там, куда до него не долетал голос Венсела, фальшивый покой, в который был погружён Ингри, рассеялся бы? Или он сумел бы сбросить с себя транс, если бы внимание Венсела отвлеклось? Ингри жаждал королевского одобрения так же страстно, как собака — кости с хозяйского стола или маленький мальчик — улыбки отца, и навязанное ему раболепие заставляло Ингри скрипеть зубами; то, что Хорсривер так небрежно украл сыновнюю преданность, которой лорд Ингалеф не сумел воспользоваться при жизни, зажигало огонь ярости в сердце Ингри. И всё же он тянулся к своему господину, как усталый озябший ребёнок тянется

к теплу очага.

Ингри уселся рядом с Венселом на крыльце крестьянского дома, свесив вниз затёкшие от бесконечной скачки ноги, и стал глядеть на речную долину, освещённую заходящей луной. Грум принёс им простую еду — хлеб с ветчиной, хотя на этот раз напитком послужило молодое вино. Винограднику при ферме досталось, должно быть, в изобилии солнца и дождя, потому что вино было сладким и благоуханным; оно лилось в горло, как жидкое золото. Близость господина и накопившаяся усталость сделали голову Ингри лёгкой и пустой, как у пьянчуги, уверенного, что он, если пожелает, сможет подняться на ноги и идти. Ингри снова приложился к кувшину с вином.

— Как красиво, милорд, — сказал он, обводя рукой посеребрённый лунным светом простор.

Губы Венсела искривила странная гримаса.

— Я видел достаточно озарённых луной пейзажей. — Через мгновение он добавил: — Наслаждайся ими, пока можешь.

Двусмысленное замечание, подумал Ингри.

— Почему мы так гоним коней? От какого врага должны мы ускакать? От погони из Истхома?

— И от неё тоже. — Венсел потянулся. — Вре-

мя мне враг. Благодаря хитрой уловке клана Стагхорнов — когда сыновья становились священными королями при жизни отцов — прошло сто двадцать лет со времени последнего междуцарствия. Усилия, которых потребовало бы создание другой такой ситуации, кажутся мне теперь чрезмерными. Я воспользуюсь этой возможностью. — Хорсривер оскалил зубы. — К данному случаю добавление «или умру» неприменимо.

Итак, подозрения Хетвара, по-видимому, были обоснованы: Хорсривер жаждал избрания и манипулировал голосами выборщиков… а может быть, и жизнью и смертью потенциальных соперников?

— Значит, всё это затеяно ради того, чтобы снова сделать тебя священным королём?

Хорсривер фыркнул.

— Я и есть священный король. Мне не нужно им делаться.

Однако что-то ему было нужно — какая-то недостающая часть, вырванная им у отлетающей души короля-Стагхорна. Нечто… то ли магия, то ли некий фрагмент Вилда — безусловно, не политической природы.

— Ну, стать священным королём по имени и

по форме — избранным и торжественно коронованным.

— Если бы я желал получить титул короля этой несчастной земли, я получил бы его многие годы назад, — равнодушно бросил Венсел. — Когда к тому же обитал в лучшем теле.

«Я обладаю лучшим телом», — не мог не подумать Ингри. Но действительно: если бы Венсел желал победить на выборах, им следовало бы скакать к Истхому, а не прочь от него. Хорсривер стремится к чему-то другому, к чему-то большему. Чему-то гораздо более странному… Ингри боролся за ясное понимание, продираясь сквозь туман, рождённый усталостью, вином на пустой желудок и подавляющей аурой Хорсривера.

— Если ты не желаешь выиграть выборы сам, то чего ты хочешь?

— Отсрочить выборы.

Ингри заморгал слипающимися глазами.

— Наше бегство к этому и приведёт?

— Наверняка. Отсутствия одного графа-выборщика, — Хорсривер ткнул себя в грудь, — было бы недостаточно, но Биаст должен будет отвлечься на поиски сестры накануне похорон отца, как только узнает о её исчезновении. Я принял и кое-какие другие меры: противоречивые обеща-

ния, которые я дал разным кандидатам, заставят их препираться несколько дней. — Хорсривер невесело усмехнулся.

Ингри не знал, что на это сказать, хотя произнесённое Венселом слово «междуцарствие» продолжало грохотать в его уме, обретая всё больший странный вес. Ингри заставил разум пробиться сквозь мягкое сияние навязанной ему преданности и спросил:

— Для чего предназначался олень?

— Как, разве ты не догадался?

— Я полагал, что ты собираешься принести его в жертву и поселить его дух в Фаре, чтобы она смогла забрать что-то у своего отца. Но потом ты предпочёл кобылу…

— Когда играешь против богов, неожиданная уловка иногда даёт лучший результат, чем глубокие планы. Даже они не могут предусмотреть любой поворот событий. Оленя я задумал использовать давно — в нём накопились жизни четырёх поколений, но смерть священного короля наступила раньше, чем животное было готово. Не знаю — может быть, они замедлили первое или ускорили второе.

— Ты собирался сделать шаманкой… Фару? Или кого-то ещё?

— Кого-нибудь. Я ещё не решил кого. Если бы мне не удалось вместо того завладеть тобой, пришлось бы использовать незрелое животное. Твой волк больше мне подходит, хоть он недостаточно… ручной. Он сильнее и умнее.

Ингри с трудом удержался от того, чтобы не завилять хвостом от этой похвалы.

«Больше подходит для чьих целей?»

Его обессилевший ум мучительно пытался сложить целое из кусочков. Шаман, знаменосец, священный король, заповедное Священное древо… И, несомненно, кровь. Кровь непременно должна быть пролита. Если собрать всех этих людей вместе, чего удастся достичь? Целью едва ли была какая-то материальная выгода. Что такого затеял Венсел, что сами боги стремятся проникнуть в мир материи, чтобы воспрепятствовать ему? К чему может стремиться Венсел помимо ослепительного блеска короны священного короля?

Чьё величие превосходит величие короля? Может быть, Венсел возмечтал о чём-то большем, чем власть в мире материи? Четвёрка однажды, в легендарном прошлом, превратилась в Пятёрку; может ли Пятёрка превратиться в Шестёрку?

— Так во что ты хочешь превратиться? В полу-

бога? В бога?

Венсел подавился своим вином.

— Ах, молодость! Какие амбиции! И ты же утверждаешь, что сам видел бога. Отправляйся спать, Ингри. Ты бредишь.

— Так во что? — упрямо повторил Ингри, хотя и поднялся на ноги, чтобы отправиться на покой.

— Я говорил тебе, чего хочу. Ты забыл.

«Я хочу получить обратно свой мир».

Когда-то Венсел в отчаянии выкрикнул эти слова в лицо Ингри. Ингри их не забыл, да и не мог бы забыть, даже если бы хотел.

— Нет, не забыл. Но это же недостижимо.

— Именно. Отправляйся спать. Мы выезжаем рано.

Ингри, спотыкаясь, вошёл в дом и обнаружил, что для него приготовлена койка. Улёгшись, он долго смотрел в темноту, не в силах уснуть, несмотря на усталость. Наверняка его подчинение Хорсриверу было не абсолютным, иначе оно его так не мучило бы. Величие плохо подходило кособокой фигуре Венсела, напоминая золочёные доспехи, выкованные для юноши в расцвете молодости, надетые на иссохшего старика. Несоответствие проглядывало сквозь образовавшиеся щели…

И всё же, несмотря на несоответствие, образ излучал силу, и Ингри ощущал её, как жар, исходящий от очага. Даже на самого среднего воина Древнего Вилда королевский сан ложился, как мантия, сотканная из света; на что же это бывало похоже, когда случай вручал корону человеку необыкновенных дарований, когда душа изливалась в форму священного долга одним сверкающим потоком, как при отливке безупречного колокола?

«Такой колдовской голос мог бы заставить горы сдвинуться с места».

Ингри мысленно отшатнулся от этого видения.

Возложенные на него обязанности — вызнать секреты Хорсривера и защитить Фару — в любом случае не позволяли ему покинуть Хорсривера. Может быть, попытка бежать была бы преждевременной. Лучше успокоить подозрения Венсела и продолжать наблюдать, выжидая, пока не подвернётся удобный шанс. Положиться на то, что погоня их настигнет? Молиться?

Став взрослым, Ингри перестал молиться перед сном. Однако сон приносил сновидения, а в сновидениях иногда являлись боги. Сны Ингри не были садом для их прогулок, какими, по словам Освина, являлись сны Халланы, но в эту ночь Ин-

гри молился о том, чтобы боги просветили его.

Однако какие бы сны ему ни снились, при пробуждении они исчезли. Ингри подскочил от неожиданности, когда грум потряс его за плечо. Умывание, поспешный завтрак… Хорсривер снова погнал их вперёд, прежде чем песок в часах пересыпался наполовину…

Холмистая равнина становилась всё менее обжитой, но всё же в разгар дня на дороге попадались и люди, и животные: крестьянские телеги, караваны торговцев, всадники, стада овец, коров, свиней. Хорсривер уже не гнал лошадей галопом, как прошлой ночью, чтобы не привлекать излишнего внимания; там, где дорога шла в гору или становилась совсем уж грязной, всадники ехали шагом. Тем не менее Ингри не сомневался: всё было рассчитано так, чтобы заставить коней покрыть как можно большее расстояние за минимум времени. В середине дня ещё в одном ветхом крестьянском доме путников ждала еда и свежие лошади.

Ингри бросал на Фару внимательные взгляды. Всё, что ей пришлось вынести накануне — допрос, смерть отца, потом принуждение к отчаянной скачке, — заставило бы изнемочь любую женщину, да и большинство мужчин. Поселившийся в

Фаре дух кобылы, как подозревал Ингри, давал ей выносливость и физическую силу, которых она от себя не ожидала. Что касается другой силы… ею Фара, возможно, обладала и сама.

Ингри гадал, учитывая то воздействие, которое оказывала на него самого королевская аура Хорсривера, как она повлияет на женщину. Поэтому он наблюдал за Фарой, видя в ней своего двойника женского пола: она была ослеплена, поражена переменой, произошедшей в её супруге… но счастлива Фара не была. Она уже обладала тем, о чём другие могли лишь безнадёжно мечтать… и в то же время была лишена всего. Лицо Венсела не выражало ничего, кроме холодной настороженности, как если бы она была лошадью сомнительных достоинств, которую ему навязали, и Фара ёжилась под его неодобрительным взглядом. Может быть, Фара и не отличалась блестящим умом и храбростью, но предавать её было небезопасно. Она в прошлом уже восставала против предполагаемой неверности Венсела, хоть и с трагическими последствиями. Так была ли она полностью в его подчинении, как он, по-видимому, думал?

А сам Ингри? Он попытался заглянуть себе в душу. Они с волком были теперь неразделимы,

но Ингри показалось, что сверхъестественная составляющая его личности больше подчинялась чарам Венсела, чем рациональная часть. Его рассудок, тот, что мыслил словами, оставался относительно свободным. Ингри удалось однажды, когда он был более молод, испуган и впечатлителен, чем теперь, сковать волка, и если тот и готов лизать руку священного короля, то так ли уж безусловна власть Хорсривера над Ингри в целом?

«Он стремится быстро достичь цели. Нужно сопротивляться. Я должен организовать задержку».

Хорсривер снова пустил своего коня шагом, глядя налево. Вскоре он свернул по тропе к реке, и лошади заскользили по покрытому опавшей хвоей склону, поросшему редкими соснами. Мягкая почва сменилась у берега галькой; теперь путникам предстояло пересечь Сторк в его верхнем течении не по шаткому мостику, а преодолев брод. С хребта Ворона низвергались многочисленные ручьи, и хотя вода в реке не бурлила так, как это было во время достопамятной переправы кортежа Болесо, поток был широким и глубоким, несмотря на засуху, из-за которой в осеннем воздухе стояла пыльная дымка.

Граф направил своего коня вперёд, выбирая

более мелкие места. Фара послушно последовала за ним.

«Если я не буду слишком долго размышлять…»

Ингри въехал в воду выше по течению, дождался, пока лошади оказались по брюхо в воде, которая едва не сбивала их с ног, и рванул поводья, заставив своего коня врезаться в скакуна Фары.

Обе лошади споткнулись, и кобыла Фары упала. Ингри заблаговременно вытащил ноги из стремян, выпрыгнул из седла, проскользнул между брыкающихся ног лошади и вцепился в Фару.

Принцесса успела ухватиться за одно стремя; её нащупавшая дно кобыла вполне могла вытащить её на противоположный берег, но рывок и вес Ингри заставили Фару выпустить стремя. Испуганный крик Фары сменился бульканьем, когда принцесса погрузилась в воду с головой. Хорсривер обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ингри пытается вытащить Фару на поверхность; быстрое течение потащило их от брода.

— *Ни с места!* — рявкнул граф, и Ингри дёрнулся в ответ на колдовской окрик, подумав одновременно, что если Хорсривер и обладает сверхъестественной властью над людьми и жи-

вотными, то над стремительным потоком он не властен. Вода была холодной, но не лишила Ингри сил, и на этот раз он постарался не удариться головой о камень. Однако тут же обнаружилось ещё кое-что: как немедленно убедился Ингри, Фара плавать не умела. Он крепче обхватил бьющуюся женщину, но, вытащив Фару, сам ушёл под воду. Теперь его борьба за жизнь стала такой же неподдельной, как и её.

Всё же Ингри удалось раза три затянуть Фару туда, где течение было самым быстрым: его длинные ноги позволяли ему отталкиваться от камней на дне, но вскоре они оказались в заводи, достаточно мелкой для того, чтобы даже Фара смогла достать до дна. Скользя и падая, Ингри и Фара выбрались на берег.

Ингри оглядел окрестности. Течение протащило их мимо зарослей кустарника и крутых скалистых обрывов, стискивавших реку, а на противоположном берегу густо росли молодые ивы. Венсел, особенно если он задержался, чтобы поймать коней, найдёт их нескоро. Ингри хорошо представлял себе, какую задержку может вызвать подобное происшествие, и надеялся ещё больше затянуть дело.

Фара закашлялась. Её кожа посинела от холода,

она дрожала, цепляясь за Ингри. Ей бы, подумал Ингри, следовало поплакать, но к его большому тайному облегчению принцесса не стала лить слёз.

— Вы спасли меня! — выдохнула Фара.

Ингри счёл, что не в его интересах поправлять её.

— Это мой долг, миледи. К тому же я был виноват — мой конь толкнул вашего.

— Я думала… я думала, что мы оба утонем.

«Я тоже».

— Ну что вы, миледи!

— Удалось нам… — Фара заколебалась, и её тёмные глаза вопросительно взглянули на Ингри, — удалось нам скрыться?

Ингри глубоко втянул воздух и медленно выдохнул. Удаление от священного короля, как он и надеялся, произвело отрезвляющий эффект — но недостаточный. Нежеланная связь с Венселом, сменившая его связь с Йядой, всё ещё существовала, всё ещё пронизывала всё его тело. Граф, находившийся где-то выше по течению, был встревожен, но далёк от паники.

— Не думаю. Однако, может быть, нам удастся его задержать.

— Ради чего?

— За нами будет погоня. Вас будут искать, и может быть, догонят раньше, чем рассчитывает Венсел. Биаст наверняка очень испугался за вас. — Граф, возможно, предполагал, что их не хватятся до утра следующего дня, но ведь Йяда сразу что-то почувствовала… Не сочла ли она, что он убит? Удалось ли ей с кем-нибудь связаться — с Льюко, с Халланой? Прислушался ли Геска к её мольбам обратиться к ним посреди ночи? Слегка припугнув Геску ради Йяды, Ингри теперь жалел, что не напугал его гораздо сильнее.

«Да помогут ей пять богов! И нам тоже.

Если они так заинтересованы в нас, как казалось, тогда где же, будь они прокляты, где они сейчас?»

Фара вышла на солнце, но всё равно продолжала дрожать; плотная одежда облепила её коренастое тело, мокрые волосы, выбившиеся из причёски, жалкими прядями свисали на лицо. Ингри был не в лучшем состоянии — его намокшая кожаная одежда противно скрипела и хлюпала при каждом движении. Отойдя в сторону, он вытащил из ножен свои клинки и предпринял безуспешную попытку вытереть их досуха.

— Куда Венсел меня везёт? — дрогнувшим го-

лосом спросила Фара. — Вам это известно?

— В место, которое раньше именовалось Священным древом, — на Кровавое Поле. В Израненный лес.

— Лес Йяды? Её приданое? — Фара изумлённо вытаращила глаза. — Так это всё каким-то образом связано с ней?

— Всё как раз наоборот. Венсел стремится овладеть лесом, а не наследницей. Это очень, очень древний лес… и проклятый.

Лицо Фары вытянулось, выражая наполовину облегчение, наполовину ещё более сильную тревогу.

— Зачем? Зачем он оторвал меня от смертного одра папы, какое злодеяние он замыслил? Почему он осквернил меня этим… этим… — Фара стала раскачиваться, хватаясь руками за грудь, словно в попытке вырвать из себя нежеланного жильца.

Ингри схватил её за ледяные руки и удержал.

— Перестаньте, леди! Не знаю, зачем вы ему потребовались. Йяда полагала, что мне предстоит очистить призраков Израненного леса от духов животных, как я это сделал в отношении принца Болесо. Если Венсел хочет от меня именно этого, я не понимаю, почему он не скажет обо всём пря-

мо: такое поручение не было бы недостойным.

Фара с мольбой взглянула на Ингри.

— Не могли бы вы изгнать и из меня эту мерзость? Как вы сделали с моим братом? Прямо сейчас!

— Это невозможно, пока вы живы. Похоже, шаманы Древнего Вилда очищали души воинов только после их смерти.

— Тогда нужно, чтобы вы пережили меня, — медленно проговорила Фара.

— Не знаю… не знаю, что с нами случится.

Лицо Фары окаменело, и в голосе прозвучал металл:

— Я могла бы обеспечить нужную последовательность событий.

— Нет, леди! — Ингри крепче стиснул руки Фары. — Мы ещё не в столь отчаянном положении, хотя готов поклясться, что попытаюсь очистить вашу душу, если вы умрёте раньше меня.

Принцесса вцепилась в Ингри, и на мгновение на её лице появилось пугающе собственническое выражение.

— Может быть… этого и окажется достаточно. — Отстранившись, Фара обхватила себя руками.

Ингри подумал о том, что его предположение, будто Венсел отказался от использования Фары

в качестве священного гонца, может оказаться ошибочным: ведь он, Ингри, способен очистить её душу после смерти, как очистил душу её брата. Не ради этого ли тащит его за собой Венсел? Сходятся ли тут концы с концами? Не особенно… но Ингри пока что ни в чём не видел особого смысла.

— Значит, вы и Венсела не могли бы очистить, пока он жив, — продолжала Фара, нахмурив брови.

— Венсел… Видите ли, Венсел не просто обладает духом коня — как это случилось с вами. Он… одержим. Думаю, «одержим» — самое подходящее слово… одержим духом или целой связкой душ… По крайней мере он утверждает, что является воплощением последнего священного короля Древнего Вилда. — «И не только утверждает…» — Ему сохраняет жизнь, хочет он того или нет, могучее заклятие, связывающее его с Кровавым Полем.

Голос Фары прозвучал хрипло:

— Не думаете ли вы, что он безумен?

— Да. Однако он не *лжёт*, — неохотно добавил Ингри. — По крайней мере в том, что касается того ужасного обряда.

Фара бросила на Ингри долгий взгляд. Он почти

ожидал, что она спросит: «А сами вы не безумны?» — ответа на этот вопрос Ингри не знал, — но вместо этого Фара сказала:

— Я почувствовала, что он изменился. Он и в самом деле изменился прошлой ночью, когда умер папа.

— Да. Он вернул себе магию сана священного короля или по крайней мере какую-то недостающую её часть. Теперь он стал… ну, не знаю, кем он стал, но он явно стремится опередить время.

Фара покачала головой.

— Венсел никогда не обращал внимания на время. Эта его особенность ужасно меня раздражала.

— Существо, обитающее в теле Венсела, — на самом деле не Венсел. Нужно всё время помнить об этом.

Фара потёрла виски.

— У вас болит голова? — осторожно поинтересовался Ингри.

— Нет, и это очень странно.

Как им ещё больше задержать Хорсривера? Разделиться, чтобы ему дольше пришлось их искать? Это была бы хитрая уловка: Ингри мог прыгнуть в реку и позволить потоку, который не подчиняется воле священного короля, унести

его на многие мили вниз по течению. Ингри попытался вспомнить, проезжали ли они мимо порогов… Но нет: он не мог оставить женщину в одиночестве дрожать на берегу в ожидании, пока её найдёт сверхъестественное чудовище — её супруг.

— Принц-маршал Биаст поручил мне охранять вас. Мы не можем разделиться.

— Хорошо, милорд, — с благодарностью кивнула Фара.

— Венсел в первую очередь будет искать нас вдоль берега. Давайте по крайней мере углубимся подальше в лес.

Этого, конечно, было бы недостаточно для того, чтобы совсем скрыться от Хорсривера: Ингри уже чувствовал его зов, с каждым мгновением становившийся всё более настойчивым. К тому же, сказать по правде, он испытывал ужасное любопытство в отношении Кровавого Поля. Он хотел его увидеть, это было ему необходимо. И самым быстрым способом удовлетворить любопытство было позволить Венселу туда их отвезти.

«Да, но не слишком быстро».

Они с Фарой были, возможно, всем, в чём нуждался Венсел, но Ингри не был уверен, что и ему этого достаточно.

«Мне нужна Йяда — в этом нет сомнений».

Знает ли об этом Хорсривер? Может быть, как раз тут кроется причина его стремления их разлучить?

«Верь в богов, и они всё тебе даруют?»

Ох, едва ли… Ингри неожиданно подумал, что богам, возможно, так же трудно полагаться на него, как и ему — на них, и его вдруг на мгновение охватило отчаянное странное желание показать им, как следует делать дело.

Должно быть, эти безумные мысли придали ему устрашающий вид — Фара отступила на шаг в сторону.

— Я последую за вами, милорд, — сказала она слабым голосом.

Они начали продираться сквозь кустарник, через гниющие стволы поваленных разливом реки деревьев — к каменистому склону, на котором густо росли сосны. Потом они пересекли залитую солнцем лужайку, поросшую высоким чертополохом; головки репейника образовали прерывистые узоры на их влажной одежде. За колючими зарослями ежевики снова начался лес, и летящие тонкие паутинки начали липнуть к лицам Ингри и Фары. Препятствия принесли определённую пользу, решил Ингри: они с Фарой

согрелись, а их одежда стала высыхать.

Однако совсем скоро они услышали, как сквозь чащу ломится какое-то крупное животное. Ничего более опасного, чем то, что они уже пережили, ожидать Ингри и Фару не могло, но это не означало, что опасностью можно пренебречь. Ингри замер на месте, стиснув рукоять меча, а Фара съёжилась у него за спиной. Из отбрасываемых деревьями танцующих теней появился, недовольно фыркая, жеребец Хорсривера.

Вздох Венсела, когда он увидел беглецов, выражал и гнев, и облегчение. Всякое желание скрыться покинуло душу Ингри, растаяв от близости повелителя. Ингри вежливо приветствовал графа.

— Благодарю, лорд Ингри, — сказал, подъезжая, Венсел.

— Сир…

— Моя лошадь споткнулась, — сказала Фара, хоть супруг её ни о чём и не спрашивал. — Я чуть не утонула. Лорд Ингри вытащил меня.

Ингри не стал поправлять её: в конце концов, всё зависит от точки зрения, решил он. Его собственная точка зрения находилась по большей части под водой…

— Да, я видел, — отозвался Венсел.

«Не всё видел, иначе не стал бы так искренне меня благодарить».

Взгляд, который бросил на Ингри Хорсривер, был задумчив, но совсем не подозрителен.

— Подсади её, — распорядился граф, протягивая руку Фаре, и Ингри пришлось подставить ладони под покрытый грязью сапог принцессы, помогая ей сесть на коня позади супруга. Сам он устало поплёлся позади всадников, позволяя жеребцу проложить дорогу сквозь заросли и смести всю паутину.

Путникам потребовалось больше часа, чтобы снова выбраться на дорогу; там им пришлось свернуть на восток и пройти ещё полмили к тому месту, где Венсел привязал лошадей. Тут, к тайному удовлетворению Ингри, выяснилось, что кобыла Фары при падении повредила ногу. Венсел снял с неё седельные сумки и отпустил на свободу; Ингри было велено нагрузить своего коня дополнительным грузом, а Фару граф снова усадил на своего жеребца. Теперь они двигались на запад гораздо медленнее, чем раньше.

Потеряно часа четыре, а то и больше… Этого недостаточно.

«Что ж, начало положено».

К тому времени, когда они добрались, свернув

с тропы, до маленького нищего селения, едва ли заслуживающего названия хутора, Ингри добавил ещё два часа проволочек. Солнце скрылось за деревьями. Хорсривер, хмурясь, оценил угасающий свет, сочащийся между стволами, и махнул рукой в сторону строений. Забор из гнилых досок служил слабой защитой от диких зверей и уж совсем не мог бы остановить злоумышленников.

— Мы не можем сегодня ехать дальше. Луна встанет только после полуночи. — Лицо графа скривила мрачная гримаса. — И к тому же, даже если мы не застрянем в горах, где нет дорог, нам не удастся выехать после следующей перемены коней раньше рассвета послезавтра. Целые сутки потеряны… Что ж, отдыхайте. Силы вам понадобятся.

Венсел совершенно равнодушно оглядел убогое пристанище, вид которого заставил Фару отшатнуться. Вид неряшливой старухи, беззубой и изъясняющейся на неразборчивом диалекте, вызвал у неё такое отвращение, что она прибегла к помощи Ингри в качестве горничной. Сам он в конце концов улёгся на одеяле у порога принцессы, отделённый от неё всего лишь рваной занавеской; Фара сочла это проявлением преданности, и Ингри не стал объяснять, что вос-

пользовался предлогом отказаться от кишащего насекомыми соломенного тюфяка, который ему предложили. Если Венсел и спал этой ночью, Ингри не видел, где именно.

Несмотря на неудобства ночлега, оба они — и Фара, и Ингри — на следующее утро проснулись поздно: и физические, и духовные силы их были на исходе. Без особой спешки, но и не допуская задержек, Венсел снова заставил их скакать по сельской дороге, местами превращавшейся в еле заметную тропу, огибавшей подножия хребта Ворона.

Горы были обрывисты, но не особенно высоки; на их зелёно-бурых склонах не лежал снег, хотя сверкающие на солнце отвесные утёсы казались ледником. Местность походила на сбившееся складками одеяло; ручьи проложили глубокие ущелья, за скалами иногда открывались уединённые долины. Осень превратила летнюю зелень в смесь золотых, коричневых, рыжих тонов; кое-где, как раны, нанесённые мечом, пламенели алые листья. Буйство красок подчёркивалось тёмной окраской хвои сосен и елей. Позади ближайших гор сутулые вершины незаметно уходили в голубую дымку на горизонте; казалось, холмы рядами устремляются в бескрайний поту-

сторонний мир.

Как же, во имя Пятёрки богов, удалось Аудару Великому спешным броском переправить через эти горы армию, гадал Ингри. Несмотря ни на что, его уважение к дартаканцу росло. Пусть он не обладал сверхъестественной харизмой священных королей, с которыми сражался, Аудар, должно быть, был великим полководцем.

Теперь путники находились в графстве Баджербанк. Ингри вспомнил об этом, когда им пришлось огибать Баджербридж — шахтёрский городок, расположенный в неожиданно густонаселённой речной долине, врезающейся в предгорья, как зелёное копье. Столбы дыма, от которого осенняя дымка становилась ещё более плотной, поднимались не только над городом, но и повсюду, отмечая плавильни и кузницы. Ингри подумал, что где-то здесь живёт семья отчима Йяды. Пятиугольный храм, большое бревенчатое строение, видневшееся за городскими стенами, даже на расстоянии впечатлял.

Хорсривер и его подневольные спутники ненадолго выехали на главную дорогу, чтобы переправиться через реку по каменному мосту. Под арками моста скользили плоты: по каменистому руслу ловкие парни с шестами сплавляли

лес. Дорога была забита повозками горняков и караванами мулов, везущих слитки металла. Хорсривер, не задерживаясь, миновал оживлённый участок, потом свернул вверх по течению реки по тропе, уводившей в лесные чащи.

Взглянув на солнце, граф пустил коней галопом, но вскоре был вынужден двигаться более осторожно: тропа стала опасной. Лошади с трудом одолевали подъёмы и скользили на спусках. Подниматься по склонам приходилось чаще, чем спускаться, пока наконец, обогнув утёс, путники не оказались в закрытой со всех сторон долине.

Здесь их ждал не крестьянский дом или хутор, а просто разбитый среди деревьев лагерь. Двое грумов подбежали, чтобы увести усталых коней. К деревьям были привязаны три свежие лошади: на этот раз выносливые пони, а не быстрые скакуны, которых Хорсривер предпочитал для скачки по дорогам. Измученная Фара медленно спешилась и в ужасе оглядела ожидающее её пристанище: разложенные под ёлками подстилки. Это было ещё хуже, чем убогая хижина, в которой они ночевали накануне. Если принцессе и приходилось останавливаться в лагере во время королевских охот, Ингри не сомневался, что её ждал шёлковый шатёр, услужливые служанки и

всевозможные удобства. Здесь же всё явно было принесено в жертву быстроте.

«Мы теперь путешествуем налегке и долго здесь не пробудем».

— Вы привезли его? — требовательно спросил Хорсривер старшего грума.

Тот почтительно поклонился.

— Да, милорд.

— Принеси.

Оставив усталых коней на попечение другого слуги, кривоногий грум заковылял к груде мешков и склонился над одним из них. Хорсривер, Фара и Ингри подошли поближе. Грум выпрямился, сжимая в руках древко футов семи в длину, обёрнутое древним ветхим холстом, перевязанным бечёвкой. Хорсривер удовлетворённо вздохнул, беря шест из рук грума. Пальцы графа нежно скользнули по холсту, потом он упёр древко в землю у своих ног, на мгновение прислонился к нему лбом и зажмурился.

Ингри отвёл обессилевшую Фару к одной из подстилок и позаботился о том, чтобы она смогла сесть, не упав. Потом он повернулся к Хорсриверу; грум вернулся к коням и принялся их рассёдлывать.

— Что это, сир? — спросил Ингри, кивнув в

сторону древка. Близость странного предмета заставляла волосы шевелиться у него на голове.

Хорсривер невесело усмехнулся.

— Истинный король должен иметь своё священное знамя, Ингри.

— Но это же наверняка не то знамя, которое развевалось над Кровавым Полем?

— Нет, то знамя было изрублено на куски и погребено вместе со мной. Это — знамя, которое было моим, когда я в последний раз был истинным королём, пусть только для остатков преданных мне кланов, когда я из болотных дебрей нападал на гарнизоны Аудара. Оно было свёрнуто после того, как я погиб в битве, и передано, как считалось, моему сыну и наследнику. Немного утешения я получил от этого… но всё равно я был рад иметь знамя. Я спрятал его в башне замка Хорсриверов, и три столетия оно лежало там в ожидании лучших времён. Лучшие времена так и не наступили; вместо этого я поднимаю его сегодня… но всё же поднимаю!

Хорсривер осторожно прислонил древко к стволу огромной ели — так, что ветви дерева поддерживали и прикрывали знамя, — потянулся и опустился на подстилку. Ингри последовал его примеру: он оказался между Хорсривером и

принцессой. Ингри не мог оторвать взгляда от свёрнутого знамени.

— Я чувствую… в нём есть колдовская сила, сир. — На самом деле, говоря по правде, знамя заставляло его дрожать.

Хорсривер удовлетворённо облизнул губы.

— Прекрасно, мой умненький волчонок. Раз уж ты такой сообразительный, не догадался ли ты ещё, какую *другую* обязанность имеет знаменосец?

— А? — растерянно переспросил Ингри. Когда Венсел не лгал и не запугивал, он явно развлекался тем, чтобы заставлять его чувствовать себя круглым дураком, мрачно подумал Ингри.

— А ведь ты очистил Болесо — что было не таким уж лёгким делом, — протянул Хорсривер. — Ах, я устал от попыток направить твои мысли в нужное русло, но этот случай искупает все неудобства. — Венсел искоса взглянул на Фару, словно желал убедиться, что она слушает. Ингри насторожился: Венсел старался не смотреть на жену и обращался к ней только с самыми необходимыми распоряжениями.

— Ты говорил, что знаменосцы перерезали горло тем своим раненым товарищам, кого нельзя было унести с поля битвы, — сказал Ингри. Ужас-

ная обязанность… но Ингри внезапно догадался, что этим дело не ограничивалось. Очищение души… души призрака?

Хорсривер заговорил снова:

— Сложи части головоломки. Душа павшего воина, обладавшего духом животного, должна была освободиться от этого спутника, прежде чем она могла отправиться к богам. Однако воин погибал в битве, когда не было времени для должных обрядов, а иногда и возможности унести тело. Когда приходилось бросать даже раненых, до мёртвых руки уж вовсе не доходили. Однако никакая духовная сущность не может существовать в мире материи без поддержки материального тела: не сомневаюсь, что тебя обучили этому жрецы-ортодоксы. Чтобы душа воина не блуждала, превратившись в призрак и истаяв, знаменосец был обязан привязать её к себе, дать ей убежище и отнести туда, где шаман соответствующего клана мог бы её очистить. Впрочем, в случае необходимости годился любой шаман.

— Пятеро богов! — прошептал Ингри. — Неудивительно, что воины так отчаянно защищали знаменосцев. — Не была ли попытка Венсела связать его с Йядой каким-то вариантом этой древней магии?

— Да, потому что они несли в себе надежды их погибших родичей попасть на небеса. Поэтому-то каждый отряд, который возглавлялся или включал в себя воинов, обладавших духами животных, обязательно имел такого священного знаменосца.

Что же касается собственного знаменосца священного короля… — Хорсривер помолчал, потом, расправив плечи, продолжал: — Он должен был оказать такую же услугу своему господину в том случае, если в нём обитал дух животного. Не все избранные короли удостаивались подобной чести, хотя многие, особенно в тревожные времена, несли в себе таких духов. Однако независимо от этого знаменосец священного короля выполнял ещё одну важнейшую обязанность, и не только в том случае, если его господин погибал в проигранном сражении… хотя можешь не сомневаться: если священный король погибал на поле битвы, надежды на победу не было… Воды! — Венсел облизнул сухие губы и обессиленно сгорбился.

Ингри нашёл в груде сумок полупустой мех с водой и принёс его рассказчику. Венсел запрокинул голову и жадно напился, не обращая внимания на затхлость воды. Вздохнув, он растянулся на подстилке, опираясь на локоть, словно тяжесть

событий, о которых он рассказывал, медленно вдавливала его в землю.

— Долгом королевского знаменосца было в случае смерти повелителя поймать и удержать священную сущность королевского сана, а потом вручить избранному наследнику. Эта величайшая магия Древнего Вилда передавалась из поколения в поколение, с незапамятных времён до… до сегодняшнего дня.

— У лорда Стагхорна — покойного короля — в момент смерти не было знаменосца, — неожиданно вспомнил Ингри. — Об этом позаботился ты?

— Да, такова была одна из необходимых, но недостаточных предосторожностей, — пробормотал Хорсривер. — Если бы истинное междуцарствие было легко устроить, их случалось бы больше, уверяю тебя… и случайно, и по чьей-то воле.

Хорсривер поморщился и продолжал:

— Королевский знаменосец и по традиции, и в силу глубочайшей необходимости должен был обладать несколькими качествами. Он — или она, — граф бросил острый взгляд на Фару, — принадлежал обычно к тому же клану и был близким кровным родичем короля, хотя не обязательно наследником. Его выбирал король,

а наделял необходимыми умениями королевский шаман… это мог делать и сам король, если он был одновременно шаманом. После этого королевского знаменосца представляли всем воинам клана, обладающим духами животных. Так что мы сейчас имеем всё необходимое для избрания знаменосца, хоть и в урезанном виде. Соответствующей церемонии тоже не будет… Не под священные гимны, а в молчании поедет последняя знаменосица Древнего Вилда рядом со своим возлюбленным господином. — Взгляд, который Хорсривер бросил на Фару, был полон мрачной иронии.

Фара, слушавшая всё это, стиснув зубы, открыла рот, чтобы заговорить, но Венсел поднял руку, а его губы сложились в беззвучный приказ, отданный колдовским голосом. На этот раз Ингри смог ощутить, как заклятие — вместе с её собственными страхом и гневом — заткнуло, словно кляп, рот Фаре. Губы женщины дрогнули и сжались в тонкую линию, но глаза горели яростью.

— Ради чего? — прошептал Ингри. «Он же просвещает нас не просто так, в этом я уверен». Теперь, в ретроспективе, Ингри ясно видел, что Хорсривер уже давно готовит его к чему-то.

Венсел заколебался, потом с болезненным

кряхтением выпрямился, повернулся и выплюнул в темноту сгусток крови. Металлический запах коснулся ноздрей Ингри. Граф взглянул на почтительно приблизившихся грумов, которые закончили возиться с лошадьми.

— Нужно развести костёр. И приготовить еду, пожалуй. Надеюсь, они захватили достаточно припасов. Ради чего, спрашиваешь ты? Скоро увидишь.

— Могу ли я ожидать, что останусь в живых? — Ингри взглянул на Фару.

«Останемся в живых мы оба…»

Губы Венсела тронула усмешка.

— Можешь. — Поднявшись, он растворился в пахнущей хвоей темноте.

Ингри так и не понял, что означала последняя реплика графа: то ли пророчество, то ли разрешение.

Хорсривер разбудил Ингри в предрассветных сумерках; граф сам подбрасывал в костёр сучья, чтобы развести яркий огонь. Все путники спали, не раздеваясь; грумы, по-видимому, должны были свернуть лагерь и отвести в конюшню усталых лошадей. Ингри и Фаре оставалось только натянуть сапоги и позавтракать чёрствым хлебом с сыром, радуясь тому, что им хотя бы дали

по кружке горячего чая.

Как заметил Ингри, предназначенные для них пони были не особенно нагружены. В седельных сумках оказалась еда, которой должно было хватить на день, и овёс для лошадей, но большую часть запасной одежды, в основном принадлежащей Фаре, и всё, что могло бы потребоваться для ночлега, должны были увезти с собой грумы. Это встревожило Ингри, хоть он и не стал делиться своими опасениями со всё ещё лишённой голоса принцессой.

Сквозь ночной туман, оседавший каплями на ветвях деревьев, начали пробиваться серые лучи рассвета. Фара дрожала от холода и сырости, когда Ингри подсаживал её на коренастую вороную лошадку с коротко подстриженной гривой и белыми чулками на ногах. Хорсривер довольно неуклюже привязал древко знамени, расположив его горизонтально, к своему стремени. Вскочив в седло, он взмахом руки велел Ингри и Фаре следовать за собой: как он и распорядился накануне, в полном молчании. Ингри оглянулся на грумов. Старший из них встревоженно смотрел вслед всадникам, а младший уже снова завернулся в одеяло, рассчитывая поспать ещё немного в тепле.

Хорсривер двинулся в ложбину между двумя холмами — сначала путники ехали по дороге, потом по протоптанным оленями тропам. Ингри, скакавшему последним, всё время приходилось уворачиваться от низко нависших ветвей. Тропа сузилась так, что сучья со скрипом царапали его кожаную одежду, как когти хищника. Копыта лошадей шуршали опавшими листьями, иногда скользя по скрытой ими грязи.

Разгорающийся день заставил мягкий занавес тумана подняться, и стволы берёз стали чётко видны — казалось, они впитали в себя белизну тумана. Бледно-голубая чаша безоблачного неба обещала тёплый день. На всадников и коней напали кусачие чёрные мошки, и лошади принялись взбрыкивать, пытаясь избавиться от мучителей. Когда Хорсривер завёл их в лощину, из которой не оказалось выхода, так что путникам пришлось возвращаться по своим следам, Ингри понял, что как бы хорошо граф ни знал эти места раньше, теперь всё неузнаваемо переменилось.

«Так насколько давно?..»

Выбравшись из лощины, всадники стали подниматься по склону следующего хребта.

Хорсривер продвигался вперёд медленно, но

безостановочно. Проведя в дороге несколько часов под палящим солнцем, путники остановились у чистого источника, чтобы напоить и покормить лошадей, дать им отдых и отдохнуть самим. В рассеянном солнечном свете жёлтые листья падали на гладкую, как стекло, поверхность маленького пруда. Не все деревья ещё облетели, и их кроны скрывали окрестности. Хорсривер поднялся на вершину холма и долго смотрел вдаль. То, что он увидел, явно удовлетворило его, поскольку, спустившись, он тут же приказал Фаре и Ингри садиться в сёдла.

«Мы на землях Йяды», — догадался Ингри. Он не был уверен, когда именно они пересекли границу её владений; может быть, это случилось вблизи их последнего лагеря. Окрестности внезапно вызвали в нём острый интерес, и он даже готов был простить лесу чёрных мошек. Эти земли нельзя было назвать обширным поместьем, хотя, если бы их растянуть на равнине, подумал Ингри, они по площади не уступили бы небольшому графству. Горы и ущелья, дикие и каменистые, были трудны для передвижения; их красота скорее потрясала, чем очаровывала.

«Да, такова и Йяда».

Разум Ингри всё время ощущал отсутствие

Йяды, как язык ощупывает болезненную пустоту на месте вырванного зуба. Всё, что Ингри обнаруживал в себе, было пламенным вторжением Хорсривера. Молчаливая свита короля, состоящая всего из двух человек, казалась Ингри позабытой богами.

Солнце клонилось к горизонту, когда, проехав по очередному ущелью и свернув налево, путники неожиданно оказались на открытой возвышенности. Натянув поводья, они стали оглядывать открывшуюся им картину.

Крутые зубчатые отроги окружали долину примерно двух миль в ширину и четырёх — в длину, ограничивая её в дальнем конце скальной стеной. Долина была плоской и ровной, как поверхность озера. Ближе к возвышенности, с которой смотрели Хорсривер и его спутники, росли высокая трава и пожелтевшие камыши — наполовину высохшее болото. Дальше несколько корявых дубов стояли как часовые на опушке тёмного и густого леса. Даже в разгар листопада косые лучи садящегося солнца не могли проникнуть в эту чащу. Несмотря на то что Ингри от деревьев отделяло достаточно большое расстояние, исходящие от них миазмы несчастья заставили его отшатнуться.

Ингри в ужасе резко втянул воздух и с усилием оторвал взгляд от дубов. Только тут он заметил, что Хорсривер пристально смотрит на него.

— Чувствуешь, да? — поинтересовался граф.

— Да. — «Но что? Что я чувствую?» Будь он волком, решил Ингри, шерсть на нём встала бы дыбом.

Хорсривер спешился и отвязал от стремени древко знамени. Он бросил быстрый неодобрительный взгляд на свою жену, и Фара, смотревшая на него широко открытыми глазами, сгорбилась и потупилась. Хорсривер покачал головой; этот жест, будь в нём больше чувства, выражал бы отвращение; сделав несколько шагов вперёд, Хорсривер вручил знамя Ингри.

— Подержи пока. Я не хочу, чтобы оно упало.

Левое стремя Ингри имело металлический упор для копья; он поднял знамя и вставил древко в предназначенное для него углубление, потом перехватил поводья правой рукой. Его лошадь была слишком усталой, чтобы доставить ему какое-нибудь беспокойство. Хорсривер снова вскочил в седло и знаком приказал Ингри и Фаре следовать за собой.

Тропа зигзагом вела вниз сквозь редкий подлесок. Оказавшись в долине, Ингри был вынужден

спешиться, передать знамя Хорсриверу и мечом проложить проход сквозь заросли ежевики высотой в человеческий рост; растения, казалось, обладали не шипами, а острыми клыками. Некоторые их них проткнули даже его кожаную одежду, и продвижение Ингри оказалось отмечено каплями крови из царапин. Добравшись до высохшего болота, Хорсривер снова спешился и развернул знамя.

Древняя бечёвка рассыпалась от первого же прикосновения ножа, и хрупкий холст с шуршанием развернулся. На выцветшей ткани, сотканной из волокон крапивы, стал виден герб дома Хорсриверов — бегущий белый жеребец на зелёном поле над тремя волнистыми синими линиями; в угасающем свете дня это было скорее похоже на серого коня на сером поле над серой рекой, исчезающей в тумане… На этот раз Хорсривер заставил Фару взять знамя. Он пробормотал несколько слов, которые Ингри едва расслышал и совершенно не понял, однако новый тёмный поток, хлынувший от Хорсривера к Фаре, он ощутил. Спина молчаливой — не по своей воле — Фары выпрямилась, словно закованная в латы, подбородок поднялся; только в глазах всё так же плескался немой ужас.

Хорсривер передал поводья своего коня Ингри, а сам взялся за узду вороной лошадки Фары и повёл её между кочек, осторожно выбирая дорогу. Ингри скоро понял почему: всюду проглядывали обманчивые ровные участки — трясина, из которой всадник не смог бы выбраться. Ингри позаботился о том, чтобы направлять коня в точности след в след за лошадкой Фары. Воздух был ещё тёплым, несмотря на то, что от болота тянуло сыростью; когда же путники вступили в длинные тени дубов, словно выползшие им навстречу, их охватил такой пронизывающий холод, что дыхание стало вырываться клубами пара.

Приблизившись к первому из дубов, Ингри решил, что название «Израненный лес» подходит этому месту как нельзя более: огромное старое дерево казалось больным, листья, всё ещё не опавшие с поникших ветвей, не стали сухими и бурыми, а сделались вялыми почерневшими бесформенными ошмётками. Ствол и сучья были искривлены совершенно несвойственным дубам образом, а из болезненных наростов сочилась чёрная слизь.

Из дерева вышел воин. Не из-за дерева, не из-под него; он вышел из ствола, словно откинув занавес. Его кожаные доспехи сгнили от старости.

С его копья, на которое он опирался, как старик — на посох, свешивался клок какого-то меха. Светлая борода воина была покрыта засохшей кровью, на теле всё ещё виднелись смертельные раны: удары топора рассекли доспехи, отрубленная рука свисала с пояса, привязанная тряпкой. На проржавевший шлем был надет череп барсука, слепо глядящий дырами глаз, а чёрно-белая шкура, лежащая на шее воина, всколыхнулась, когда тот медленно повернулся, чтобы по очереди оглядеть всех пришельцев.

Ингри только теперь осознал, что в какой-то момент, пересекая болото, они перешли из знакомого мира в другой, где подобные встречи стали возможны; его совпадение с миром материи, доступным смертным глазам Ингри, было всего лишь иллюзией. Фара тоже оказалась способна видеть призрака; её тело оставалось всё таким же застывшим, лицо бесстрастным, но по щекам проложили блестящие дорожки слёзы. Ингри решил не привлекать к этому внимания Хорсривера, чтобы тот не отобрал у Фары и способность плакать, как отобрал способность говорить.

Воин выпрямился и обрубком руки сделал знак Пятёрки, коснувшись лба, губ, живота, паха и сердца, хотя растопырить пальцы на сердце, как

следовало бы, не мог.

— Священный повелитель, наконец-то ты пришёл, — сказал он Хорсриверу. Его голос звучал как шум холодного ветра в голых ветвях. — Мы ждали долго.

Лицо Хорсривера напоминало вырезанную из дерева маску, но в глазах стояла бесконечная ночь.

— Да, — выдохнул он.

Глава 23

Часовой повёл их в глубь леса, хромая и опираясь на копьё, как на посох. Хорсривер по-прежнему держал под уздцы лошадь Фары. Принцесса крепко сжимала древко знамени, и лишь дрожь её руки и неровный шаг лошади заставляли полотнище колыхаться в неподвижном воздухе сумерек. Конь Ингри фыркал и взбрыкивал, а конь Хорсривера, которого Ингри вёл в поводу, дёргал узду и упирался, выкатив глаза. Ингри не нравилось, что обе его руки заняты поводьями лошадей, поэтому он спешился и отпустил животных. Те сразу же поскакали обратно, но, миновав первые деревья, устало остановились и принялись щипать жёсткую траву на болотных кочках. Ингри повернулся и последовал за знаменем священного короля.

Как только они оказались на опушке, из деревьев начали выходить всё новые воины, изувеченные не меньше, чем встретивший путников часовой: большинство из них были обезглавлены и носили свои головы по-разному — привязанными за волосы или бороду к поясу или перекинутыми через плечо в самодельных

тряпичных сумках. Ингри не сразу удалось оторвать ошеломлённый взгляд от чудовищных ран и начать разглядывать оружие или украшения, говорившие о принадлежности к разным кланам или о личности павшего воина.

«Посмотри на предметы, которые я выбрал; по ним ты меня узнаешь», — безмолвно кричали пояса, ожерелья, черепа и шкуры тех животных, чей дух жил в каждом из воинов и чью силу они надеялись получить. Везде была видна выцветшая вышивка — на воротниках, перевязях, полах плащей. «Это дело рук моей жены, дочери, сестры, матери… Посмотри, какая тонкая работа, как тщательно подобраны цвета. Я был любим когда-то…»

Высокий солдат, чья голова всё ещё держалась на наполовину перерубленной шее, покрытой чёрной запёкшейся кровью, приблизился к Ингри. Он носил на плечах волчью шкуру и смотрел на Ингри с таким изумлением, словно это Ингри был призраком, а сам он — живым человеком. Воин протянул к Ингри руку, и тот сначала отшатнулся, но потом, стиснув зубы, позволил призраку себя коснуться. Это было больше, чем дуновение ветра, но меньше, чем прикосновение плоти; по коже Ингри разлился холод.

Другие воины в волчьих шкурах окружили Ингри; среди них оказалась и женщина — седая, сутулая, в рваном платье, отороченном волчьим мехом; её золотые браслеты были украшены искусно сделанными маленькими волчьими головами с глазами из граната.

«Некоторые из этих людей могут оказаться моими предками», — сообразил Ингри; и не только Волфклифы — благодаря бракам его прадедов в его жилах текла кровь дюжины других кланов. Ингри было неприятно думать о себе как о незваном госте на этом кладбище; мысль о том, что призрачные воины взволнованы тем, что увидели своего потомка, которого не чаяли встретить, разрывала ему сердце.

«Пятеро богов, помогите мне! Помогите! Помогите…» — в чём?

Ингри изумлённо заморгал, когда к шествию присоединилось с полдюжины черноволосых израненных воинов в плащах дартаканских лучников времён Аудара. Они старались держаться подальше от Хорсривера, но жались к Ингри. Другие призрачные воины, казалось, не возражали против их присутствия; равные в смерти, за четыре столетия они, похоже, заключили собственный солдатский мир. Как было известно

Ингри, Аудар приказал увезти павших солдат своей армии и не хоронить их в проклятой земле, куда не было доступа ни людям, ни богам; однако битва была жаркая и происходила в темноте, так что не приходилось удивляться, что некоторые тела остались незамеченными.

За королевским знаменем толпа призраков текла, как похоронная процессия, как река печали, сопровождаемая шёпотом молитв.

Вечерний сумрак поглотил все тени в долине, но небо оставалось ещё светлым, и переплетение ветвей дубов выделялось на его фоне, как зловещая чёрная паутина. Хорсривер, по-видимому, стремился попасть в середину леса, но шёл не напрямик — он словно пытался что-то найти. Тихое «Ах!» сказало Ингри, что граф нашёл то, что искал. Лес расступился вокруг длинной низкой насыпи. Хорсривер остановился рядом с ней, помог Фаре слезть с усталого коня, потом подвёл женщину к насыпи и воткнул в землю древко знамени.

Как только лошадка получила свободу, она испуганно потрусила прочь, каким-то образом умудряясь не коснуться ни одного из собравшихся вокруг любопытствующих призраков. Впрочем, как понял Ингри, тут было больше, чем любопытство: воинами двигало лихорадоч-

ное возбуждение. Его кровь вскипела в ответ на их волнение. Вокруг теснилось всё больше призраков, и Ингри всей душой ощутил, какое это множество — четыре тысячи погибших. Он попытался сосчитать их, потом начал пересчитывать отряды, но сбился со счёта и отказался от этого занятия. К тому же ему и так трудно было сохранить здравый рассудок…

Хорсривер опустился на колени на насыпи, разгрёб редкую траву, которой она поросла, и запустил пальцы в тёмную землю.

— Это и есть тот ров, в котором я был зарыт, — светским тоном сообщил он Ингри. — И я, и многие другие. Впрочем, моя кровь не пролилась у Священного древа — Аудар был слишком предусмотрителен. Это упущение следует исправить. — Хорсривер устало поднялся на ноги. — Всё будет исправлено, — кивнул он призракам, которые смущённо переминались вокруг.

По краям толпы те, кто явился последним, пытались протолкаться вперёд; те немногие, кто мог, вытягивали шеи, чтобы увидеть происходящее в центре. Призраки переговаривались друг с другом, но для Ингри их голоса звучали глухо: так человек, находящийся под водой, слышит разговор тех, кто стоит на берегу. Ингри коснулся

грязной повязки на правой руке; она защищала от повреждения заживающую рану. Рука по крайней мере не кровоточила.

«Пока».

Ингри с усилием прочистил горло.

— Что мы здесь делаем, сир?

На лице Хорсривера промелькнула слабая улыбка.

— Завершаем, Ингри. Если ты сделаешь своё дело, а моя знаменосица — своё, то мы завершим начатое у Священного древа.

— Тогда не скажешь ли ты нам, как это сделать?

— Да, — вздохнул Хорсривер, — пора. — Он взглянул на небо. — Ни солнце, ни луна, ни звёзды не станут свидетелями в час, когда день ушёл, а ночь не наступила. Какой момент был бы более подходящим? Долгим было приготовление, долгим и трудным, но само свершение… Ах, свершение произойдёт просто и быстро. — Он вытащил кинжал из-за пояса — тот самый, которым воспользовался, чтобы перерезать горло кобыле Йяды, — и Ингри напрягся. Как бы ни действовала на него королевская харизма, если Хорсривер повернётся к Фаре, он должен будет… Ингри попытался положить руку на рукоять

меча, но обнаружил, что рука ему не повинуется; сердце его заколотилось в панике из-за этого неожиданного препятствия.

Однако Хорсривер вложил рукоять кинжала в вялую руку Фары, потом взялся за древко знамени и воткнул его глубже в землю, чтобы знамя стояло прямо без посторонней помощи.

— Лучше, пожалуй, сделать это, стоя на коленях, — задумчиво пробормотал он. — Женщина слаба.

Хорсривер снова повернулся к Ингри.

— Фара, — кивнул он в сторону своей жены, — сейчас перережет мне горло. Как моя знаменосица, она короткое время будет удерживать мою королевскую ауру и мою душу. Ты должен, пока силы не оставили её, очистить мою душу от духа коня. Если тебе это не удастся, ты в полной мере станешь моим наследником. Что случится в таком случае, даже я не могу предсказать, хоть и уверен, что ничего хорошего не произойдёт… и это сохранится навеки. Так что не подведи, мой королевский шаман.

Ингри почувствовал, как кровь шумит у него в ушах, а в животе свернулся холодный комок.

— Я думал, что ты не можешь умереть. Ты же говорил, что заклятие удерживает тебя в этом

мире.

— Слушай внимательно, Ингри. Эти деревья, вся живая сеть Священного древа прикованы к душам моих воинов и поддерживают их существование в мире материи. Все они, — Хорсривер широким жестом указал на толпящихся вокруг призраков, — создают мою королевскую ауру, привязывающую их ко мне. Дух моего коня, — Хорсривер коснулся своей груди, — моя шаманская сила соединяют деревья с воинами. Я уже говорил тебе, что священный король был осью, вокруг которой закручено заклинание, дарующее неуязвимость. Достаточно разрубить любое звено цепи, и круг распадётся. То, что должен сделать ты, — единственное звено, до которого ты можешь дотянуться.

«А разве ты не можешь?»

Нет, конечно, нет… Хорсривер связан своим собственным заклятием, он как ключ, запертый в шкатулке.

— Значит, всё затеяно только ради этого? Чтобы ты мог совершить изысканное самоубийство? — возмущённо воскликнул Ингри. Он ещё раз попытался сдвинуться с места, заставить своё тело повиноваться, но сумел добиться только того, что его начала бить дрожь.

— Можно, пожалуй, сказать и так.

— Скольких же людей ты убил, чтобы устроить этот спектакль? — «Так же равнодушно, как ты натравил меня на Йяду!»

— Не так много, как ты думаешь. Люди ведь умирают и сами по себе. — Губы Хорсривера скривились. — И сказать, что я скорее умер бы, чем прошёл бы через всё ещё раз, — одновременно было бы и совершенно верно, и не имело бы к истине никакого отношения.

Разум Ингри метался в поисках выхода.

— Но заклятие будет разрушено!

— Тут всё взаимосвязано. Да.

— Что же тогда случится с ними? — Ингри кивнул в сторону окруживших их призраков. — Отправятся ли они к богам тоже?

— К богам, Ингри? Здесь нет богов.

«Так и есть», — понял Ингри. Не это ли так глубоко встревожило его, как только он оказался в долине? Древнее заклятие, поддерживаемое волей этого нечестивого священного короля, создало преграду, непреодолимую для них. Похоже, так было на протяжении столетий… Война Хорсривера с богами зашла в тупик, и его воины постепенно превратились в его заложников.

Хорсривер заставил Фару опуститься на коле-

ни и сам встал на колени спиной к ней. Обвив правой рукой женщины свою шею, он слегка коснулся губами побелевших пальцев Фары. В памяти Ингри всплыло яркое воспоминание: волк, который лизнул его в ухо за мгновение перед тем, как он перерезал зверю горло…

Разрушение извращённого заклятия, на века запоздавшее очищение Кровавого Поля не казалось Ингри непростительным грехом, если не считать самоубийства Венсела. Однако пятеро богов противились этому, и Ингри не понимал почему…

«Не понимал до последнего момента».

Избавившись от тягот мира материи, учили жрецы, люди жаждут вручить свои души богам, как если бы это были объятия их возлюбленных, за исключением тех, кто отворачивается от Пятёрки и предпочитает медленное одинокое разрушение души. Боги испытывают взаимное стремление принять души к себе. Однако между Хорсривером и его воинами, обладающими духами животных, не существовало договора об одновременном самоубийстве. В момент падения своей твердыни Хорсривер замыслил убить вместе с собой и своих бессмертных заложников — свершить вечную месть, своим абсолютным

отрицанием призвать смерть, уходящую за пределы смерти.

— Твоя душа истает? Погоди! Все эти души будут отлучены от богов?

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

«Но недостаточно много!»

Ещё один вопрос с запозданием пришёл на ум Ингри. Йяда, по её словам, отдала этим воинам половину своего сердца. Они всё ещё владели ею, она каким-то образом находилась здесь. Что случится с той частью души Йяды, которую она связала с призрачными воинами, когда они растворятся в дыму? Способна ли жить женщина, имея всего половину сердца?

— Подожди, — прошептал Ингри; потом, потянувшись в глубь собственного существа, выкрикнул: — *Подожди!*

Словно рябь пробежала по рядам призраков, земля дрогнула, и Фара подняла глаза, ловя ртом воздух.

— И споришь ты тоже слишком много, — рявкнул Хорсривер, крепче прижимая кинжал в руке Фары к своему горлу.

Из раны хлынула кровь; Хорсривер сосредоточенно смотрел прямо перед собой, потом его губы облегчённо приоткрылись, и он повалился

вперёд, выскользнув из рук Фары. Она вцепилась в древко знамени, чтобы тоже не упасть; губы её раскрылись в беззвучном крике.

Мир магии соскользнул с мира материи, разрывая соединявшие их узы, и Ингри обнаружил, что образы перед его глазами двоятся, как это было в Реддайке. Хорсривер лежал лицом вниз на могильном холме; Фара, едва не лишившаяся сознания, склонилась над ним, выронив окровавленный нож. Но над могильным холмом поднялся…

Чёрный жеребец, чёрный как уголь, как безлунная ночь в бурю… Его ноздри выдыхали пламя, от хвоста и гривы разлетались оранжевые искры. Жеребец ударил копытом по могильному холму, и отпечаток копыта вспыхнул призрачным огнём, тут же погасшим. На коне сидела человеческая фигура, ноги которой переходили в рёбра жеребца, сливаясь с ними.

Эта жестокая древняя сила ничуть не походила на жалкий зверинец Болесо.

«Я не знаю, что мне делать, и здесь, в этом месте, бога рядом со мной нет».

Ингри охватило бешенство; вырвавшийся у него испуганный стон превратился в вызывающее рычание. Он выпрыгнул из своего окаменев-

шего тела, приземлившись на все четыре лапы, и взрыл мощными когтями податливую землю. На этот раз превращение было полным; он не остался полуволком-получеловеком, как в Реддайке.

Жеребец фыркнул. Ингри оскалил острые клыки и зарычал. Его чуткий нос уловил в воздухе резкий запах, похожий на вонь палёной гнилой шерсти, и затряс головой, разбрызгивая слюну.

Жеребец спустился с насыпи и стал кружить вокруг Ингри, разбрасывая искры.

«Если я проиграю эту схватку, то, что вернётся в моё тело, не будет мной».

Это окажется обретший новую форму Хорсривер. В предвидении этого он и не стал связывать Ингри новыми заклятиями: Ингри сражался теперь за большее, чем просто жизнь.

«Итак…»

Ингри, в свою очередь, обошёл жеребца, низко опустив голову. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Лапы его чувствовали влажную прохладу земли. Опавшие листья шуршали, как и в реальном мире, и волчье обоняние Ингри ловило их разнообразные запахи. Жеребец взвился на дыбы и ударил его копытами.

Ингри отскочил, но слишком поздно: одно из копыт тяжело ударило его в бок, и он с визгом

покатился по земле. Как возможно, чтобы иллюзия испытывала нехватку воздуха? Ингри понял, что должен сосредоточиться так же, как во время боя на мечах; более того, теперь ему приходилось следить за четырьмя смертоносными орудиями, а не за одним.

«Что нужно сделать, чтобы убить лошадь при помощи клыков?»

Ингри попытался вспомнить собачьи бои, которые ему приходилось видеть, травлю кабанов, завершение охоты на оленя…

«Что угодно — лишь бы удалось».

Он подобрал под себя лапы и прыгнул, целясь в живот коня, вцепился в мягкую плоть и рванул её клыками. На теле жеребца осталась длинная рана, но Ингри еле успел увернуться от грозных копыт. Нечто — не кровь, а какая-то чёрная жидкость — обожгло его пасть, как когда-то обжигали красные щупальца. Нет, гораздо хуже… Из пасти Ингри хлынула обильная пена.

Призраки окружили их со всех сторон, как будто и в самом деле следили за травлей дикого зверя. На кого делали они ставки, кого подбадривали криками? На кон — и не ими — были поставлены не их жизни, а бессмертные души. То, что Хорсривер устремлялся к забвению, к разру-

шению своей души, было печально, но даже боги не могли спорить с его волей в этом отношении. Гораздо более страшным грехом было то, что он пренебрёг волей своих воинов.

«Йяда наверняка лила бы слёзы», — мелькнула у Ингри неясная мысль. Ему пришлось снова отскочить: зубы жеребца щёлкнули у самого его горла, когда тот, прижав уши, изогнул неожиданно ставшую похожей на змею шею.

«Их пять! Я должен остерегаться пяти орудий!»

«Дело плохо».

Он был слишком мал, а жеребец — слишком велик. Настоящие волки нападали на подобную добычу стаями, а не в одиночку.

«Где мне взять другого меня?»

Никакой дух не может существовать в мире материи без… Ингри взглянул на своё человеческое тело, бессмысленно топчущееся на краю поляны.

«Болван. Глупец. Бесполезный сын…»

Что ж, всё или ничего!

Он вытянул силу из своего тела — всю, сколько мог. Пустая оболочка пошатнулась и свалилась на кучу листьев. Всё вокруг словно замедлилось, и чувства Ингри, и без того острые, обрели сверхъестественную восприимчивость. Его волчье тело стало одновременно тяжёлым, как прошлое, и

невесомым, как будущее.

«Да. Это состояние мне знакомо. Я уже ходил по этой дорожке раньше».

Неожиданно оказалось, что Ингри всего вдвое меньше жеребца. Тот попятился, но медленно, так медленно, словно воздух сделался густым маслом. Разум Ингри лениво представил себе смертельный удар, который сейчас будет нанесён, наметил дугу прыжка. Однако эта позаимствованная сила скоро истощится.

«Времени нет. Вперёд!»

Ингри прыгнул, вонзил клыки в шею жеребца и отчаянно затряс головой. Он не мог встряхнуть жеребца, как кролика, но под его весом противник упал… что-то сломалось, что-то хлынуло наружу. Столпившиеся вокруг сражающихся призраки отпрянули, словно стремясь укрыться от оскверняющих их брызг.

Тварь, которую сжимали челюсти Ингри, затихла, потом стала таять, как сосулька. Ингри сплюнул и попятился. Жеребец утратил форму, превратился в чёрную лужу, которая впиталась в землю, как пролитые чернила. Всё. Не осталось ничего.

Венсел поднялся на подгибающихся ногах, освобождённый от своего чёрного скакуна. Он

снова выглядел как человек, но его лицо…

— Я рад, что мне не пришлось использовать того оленя, — сказал один из нескольких ртов. — Ему не хватило бы силы. — Другой рот ухмыльнулся. — Хорошая собачка Ингри.

Ингри попятился, рыча. На голове Венсела появлялись и исчезали лица, как всплывающие и снова уходящие под воду утопленники в реке. Одно лицо сменяло другое без всякого порядка — это были все графы Хорсриверы, жившие на протяжении четырёх столетий. Юноши, старики, яростные, печальные, бритые, бородатые, покрытые шрамами… безумные. Юный Венсел промелькнул, как растерянный беспризорный ребёнок; его тупой взгляд оживился, когда он узнал Ингри; он посмотрел на него с мольбой, хотя Ингри и не смог бы сказать, о чём тот умоляет…

Ещё ужаснее выглядело тело. Увечья, шрамы, зияющие раны возникали и пропадали; Ингри видел следы всех смертельных ударов, когда-либо полученных Хорсривером. Самыми отвратительными были ожоги — широкие полосы лишившейся кожи плоти, обугленное изжарившееся тело. Они смердели так, что чувствительный волчий нос Ингри невыносимо

страдал; чихая и скуля, он попятился ещё дальше и принялся, как собака, тереть нос лапой. Хорсривер выворачивался наизнанку, показывая, каково ему приходилось на самом деле и что скрывала благообразная ироничная маска, едкое остроумие, вспышки гнева, равнодушие. Каждый день, каждый час, рассветы и закаты, падающие, как тяжкий молот, время, не имеющее конца…

Хуже всего были глаза.

Ингри осторожно обошёл поляну, стараясь держаться подальше от могильного холма и от того множества, которое было Хорсривером. Наконец он добрался до своего распростёртого на земле тела. Оно показалось ему пугающе бледным и мёртвым — более бледным и мёртвым, чем толпящиеся вокруг безголовые призраки. Он толкнул себя носом, потрогал лапой и жалобно заскулил, но Ингри-человек не пошевелился. Может быть, он уже и не дышит? Определить этого Ингри не мог. В своём волчьем виде, сообразил Ингри, он не обладает человеческим голосом — а значит, и колдовским голосом тоже. Он лишился важной части своей силы. Может ли он хотя бы проникнуть внутрь себя-человека?

«Пятеро богов, что, если мне это не удастся?»

Не планировал ли этого Хорсривер? Теперь,

когда волк и большая часть души Ингри не могли ему помешать, безмолвное неподвижное тело представляло собой пустой дом, куда можно было вселиться. Если бы разрушить заклинание не удалось, Хорсривер мог бы нуждаться в теле наследника, и теперь оно было готово для него без тех осложнений, которые раньше беспокоили графа. Ингри взглянул на кошмарное существо, которое было Хорсривером. Нет, не такого исхода тот желал, но если он окажется перед перспективой *пройти через всё ещё раз,* что ж, возможно, он представившейся возможностью и воспользуется. Судя по тому спокойствию, с которым Хорсривер наблюдал за Ингри, он это прекрасно осознавал. Чувствуя, как его охватывает дрожь, Ингри снова потрогал лапой своё бесчувственное тело.

Из леса донеслись стук копыт и испуганное ржание. Ингри резко обернулся. Не могло ли случиться, что дух-жеребец ожил? Нет, то была реальная лошадь: Ингри чувствовал дрожь земли под её копытами, чего не было во время его схватки со сверхъестественным противником. Потом стук копыт смолк, а по сухим листьям зашуршали более лёгкие шаги, быстро приближающиеся.

Призраки подались в стороны, освобождая

проход, и многие руки поднялись в неуклюжих приветствиях. Воины благословляли и молились, неловко осеняя себя знаком Пятёрки: руки касались лбов и губ висящих на поясе голов, потом животов и гениталий и, наконец, небьющихся сердец. Ингри-волк поднял голову и принюхался, задохнувшись от неожиданной догадки.

«Я знаю этот чудесный запах, запах солнечного света на траве».

Между рядами призраков бежала Йяда. На ней была коричневая амазонка, жакет покрывали пятна пота, на юбке засохли брызги грязи и всюду виднелись прорехи, словно девушка скакала галопом сквозь колючие заросли. На разгорячённое лицо падали пряди тёмных волос. Йяда резко остановилась, и её тяжёлое дыхание сменилось стоном, когда она медленно двинулась к телу Ингри и опустилась перед ним на колени. Лицо девушки покрыла смертельная бледность.

— Нет, о нет… — Она перевернула тело и положила голову Ингри себе на колени, с отчаянием глядя на безжизненные черты и бледные губы. — Я опоздала!

«Она не может меня видеть, — понял Ингри. — Она никого из нас не видит».

За исключением вполне материальной Фары,

всё ещё скорчившейся рядом с телом Венсела. Йяда бросила на эту пару короткий изумлённый взгляд и, стиснув зубы, снова занялась Ингри.

— Ох, любимый… — Она склонила залитое слезами лицо и прижалась губами к губам Ингри. Ингри-волк в отчаянии прыгал вокруг неё — он-то не мог ощутить теплоту губ Йяды или вдохнуть её пахнущее мёдом дыхание. Обезумев от горя, Ингри потеребил рукав Йяды лапой, потом лизнул её в ухо.

Йяда резко втянула воздух, потом потёрла ухо и огляделась. Не почувствовала ли она холодное дуновение, как было с Ингри, когда к нему прикоснулась рука призрака? Ингри снова лизнул Йяду в ухо, и девушка издала звук, который в других обстоятельствах мог бы оказаться смехом: ей, по-видимому, стало щекотно. Она положила тело Ингри на спину, ощупала его («Ах, если бы я мог чувствовать это прикосновение!») и нахмурилась.

— Ингри, что с тобой сделали? — На теле не было ран, кости не были переломаны, однако замотанная тряпкой правая рука, как увидел Ингри-волк, кровоточила, так что кожаный камзол стал скользким от крови. Йяда нахмурилась ещё сильнее, прижав к груди его окровавленную руку.

«Если бы я только мог пошевелить пальцами…» — Или ты сам?.. — проницательно добавила Йяда. — Ты попытался совершить какой-то смелый и глупый поступок, так? — Взгляд Йяды ещё раз скользнул в сторону трупа Венсела и Фары.

Хорсривер фыркнул, и Ингри с рычанием повернулся к нему. На том лице Хорсривера, которое в этот момент обратилось к Йяде, было написано изумление и отвращение.

— Что ж ты вечно являешься туда, где тебе нечего делать, девчонка! — сказал Хорсривер, ни к кому не обращаясь — или, может быть, обращаясь к Ингри; Йяда, во всяком случае, его не услышала. — Ничего не понимаешь, но всё равно суёшься! Что ж, испей тогда чашу предательства богов! Я уже многие столетия знаком с его вкусом.

Хорсривер отвернулся от Йяды и взглянул на толпу призраков.

— Собрались все, — выдохнул он. В его страшных глазах было равнодушие и безжалостное спокойствие. — Теперь уже недолго, клянусь вам, мои любимые.

Взгляды, которыми ответили ему воины, не говорили о любви, подумал Ингри, — только о настороженности и отчаянии. Вокруг них повис-

ла слабо светящаяся дымка, и Ингри заметил, что фигуры уже начали бледнеть. Душа только что убитого человека, если не уходила сразу же к богам через врата смерти, могла быть избавлена от вечного отлучения благодаря священным ритуалам похорон, как это случилось с Болесо. Однако до определённого предела… Скоро отлучение становилось необратимым, и душа, отвергшая богов, обрекала себя на постепенное разрушение. Для павших у Кровавого Поля воинов время неопределённости продлилось не на дни или недели, но на века. Теперь их связь с Израненным лесом распалась, и они надолго не задержатся, подумал Ингри. Сколько им остаётся? Часы? Минуты?

Йяда попыталась подняться, чтобы подойти к Фаре, но вдруг охнула и снова опустилась на землю. Её рука коснулась сердца, потом — лба; губы Йяды изумлённо приоткрылись, потом сжались от боли. Ингри отчаянно заскулил.

Толпа призраков ещё раз расступилась, и вперёд вышел воин-гигант. Его голова была привязана к широкому золотому поясу за седые косы, в руке он держал древко, увенчанное остриём, со свёрнутым знаменем зелено-бело-голубого цвета. Взгляд из-под седых бровей устремился на Хорсривера, и тот вздрогнул, узнав воина, и

поднял руку, словно намереваясь ответить на приветствие — хоть воин и не проявил к нему почтения; рука Хорсривера повисла в воздухе, когда он с опозданием это понял. Воин опустился на колени рядом с Йядой, озабоченно склонился над ней и положил руку девушке на плечо.

Ингри взволнованно прыгал вокруг них, опустив голову так, чтобы оказаться в поле зрения воина. Тот вопросительно взглянул на волка. Спина Йяды согнулась, окровавленная рука Ингри-человека выскользнула из её вялых пальцев, и белая рука Йяды упала рядом. «Ох», — выдохнула девушка; её широко раскрытые глаза потемнели. Йяда была смертельно бледна, и когда Ингри-волк снова лизнул её в лицо, она не прореагировала.

Ингри попятился и поднял голову. Встав на задние лапы, он опёрся передней о плечо воина и принюхался; что-то было насажено на тонкий, похожий на лист ивы наконечник древка. Бьющееся сердце… нет, половина сердца. И билось оно всё медленнее.

«Он низко поклонился мне, положил моё сердце на каменный алтарь и рассёк пополам обломком меча, который сжимал в руке. Половину он с великим почтением вернул мне, а вторую

половину поместил на остриё древка знамени, и толпа разразилась криками. Я не могла понять, была ли это клятва верности, требование жертвы или выкупа…»

«И то, и другое, и третье», — подумал Ингри.

Он не мог разобраться в том, что может сделать в этом нереальном мире. Пусть обладание волчьей мордой лишило его колдовского голоса, силы он не лишился.

«Я победил жеребца Хорсривера, и он исчез. Может быть, я способен на большее».

Хорсривер явно считал его обессиленным, бесполезным после того, как он сделал то, что должен был сделать; возможно, он намеревался просто бросить его, неспособного воссоединить тело и дух, чтобы он умер в одиночестве, когда призраки воинов и поддерживающая их магия истают. Ингри, одинокий волк, счёл бы, что Хорсривер не ошибается.

«Однако я не один, ведь верно? Теперь не один. Так она сказала, и так оно и есть. Истина… Как случилось, что я превыше всего стал любить истину?»

— Значит, мне суждено умереть от любви? — прошептала Йяда, приникнув к груди Ингри. — Я всегда считала, что это просто фигура речи. Так

мы умрём вместе? Нет! О Сын Осени, сейчас ведь твой сезон, так помоги нам!

«Здесь нет богов…»

Но Ингри-то был здесь!

«Нужно попробовать что-то ещё. Хоть что-нибудь!»

Может быть, предводитель призраков обладает какой-то властью: он ведь знаменосец. Знамя — священный символ Древнего Вилда, обещающий спасение, даже если все другие надежды мертвы. Ингри, скуля, потеребил лапой обутую в сапог ногу призрака, потом несколько раз ткнулся носом в ножны, висящие на золотом поясе рядом с головой. Поймёт ли воин его мольбу? Призрак развернулся так, чтобы его глаза смогли взглянуть на Ингри. Седые брови удивлённо поднялись. Воин выпрямился и вытащил из ножен обломок меча.

«Да!»

Ингри подтолкнул носом его руку, потом повернулся и вцепился зубами в собственный бок.

Кивнуть воин не мог, но он поклонился Ингри, потом опустился на колени, и Ингри опрокинулся на спину, смешно задрав в воздух лапы и подставив живот.

«Если это её спасёт…»

Острый обломок рассёк ему грудь.

«Йяда не говорила, что это так больно!»

Ингри сдержал вой и не позволил себе конвульсивно отпрянуть в сторону. Призрачная рука погрузилась в его разверстую грудь и вынырнула, окрашенная алым. Обломок меча рассёк пополам скользкий комок на ладони воина, половину которого призрак подбросил вверх. Окровавленная рука опустилась снова и поднялась пустой, и Ингри-волк обрёл способность дышать. Рана на его груди закрылась, и он поднялся с земли.

Высоко на острие древка билось целое сердце, и билось всё сильнее.

Йяда резко втянула воздух, выпрямилась и удивлённо осмотрелась по сторонам. Она встретилась глазами с Ингри-волком, узнала его и ошеломлённо воскликнула:

— Так вот ты где! — Она обвела взглядом толпу призраков, сгрудившихся вокруг и наблюдавших за странной операцией. — Вот вы все где! — Йяда поднялась на ноги и поклонилась знаменосцу, осенив себя знаком Пятёрки. — Я искала тебя, милорд маршал, но не могла увидеть.

Призрак с глубоким почтением поклонился Йяде. Рука Йяды легла на загривок Ингри, поглаживая густой мех. Он прижался к ней, на-

слаждаясь лаской. Йяда опустила глаза — не так уж и опустила, поскольку голова огромного зверя доходила ей почти до груди.

— Как случилось, что вы все порознь? Что вообще здесь происходит? — Взгляд девушки обежал поляну и остановился на многоликом Хорсривере. — Ох… — Она невольно отпрянула, но тут же гордо выпрямилась. — Так вот как ты выглядишь на самом деле, когда не прячешься в тени. Что ты делаешь на моей земле?

Хорсривер старался сохранять полное равнодушие, но последние слова Йяды вызвали у него ярость.

— На твоей земле! Здесь — Священное древо!

— Я знаю, — холодно ответила Йяда. — Это моё наследие. Ведь ты кончил свои дела здесь, не так ли?

Облик Хорсривера на мгновение перестал меняться; насмешливо скривив губы, он бросил:

— Действительно, мы уходим. Жаль, что тебе удастся насладиться своим наследием так… недолго. — Улыбка сделалась издевательской, и Ингри грозно зарычал. Рука Йяды крепче вцепилась ему в шерсть.

— А они? — Йяда оглядела украшенного золотым поясом знаменосца и остальных воинов.

— Я их последний истинный священный король. Они должны следовать за мной.

— В забвение? — возмущённо спросила Йяда. — Им придётся умереть за тебя дважды? Что же ты за король!

— Я ничем тебе не обязан и не обязан ничего объяснять.

— А вот им ты обязан всем!

Хорсривер не мог — со сменяющими друг друга по всему черепу лицами — отвернуться, но спиной к Йяде он всё же встал.

— Это в прошлом. Всё давно закончено.

— Нет!

Хорсривер резко повернулся и прорычал:

— Они последуют за мной во тьму, и боги, которые отвергли нас, будут отвергнуты в свою очередь. Забвение и месть! Они создали меня, и ты не можешь этого изменить!

— Я не могу… — Йяда поколебалась, потом посмотрела на знамя, на древко которого опирался маршал, слушая их разговор. Повернувшись к могильному холму, она указала на распростёртое тело Венсела и склонившуюся над ним безмолвную Фару. — Ты умер, как я понимаю. Смерть кладёт конец королевской власти вместе со всем, что происходило на протяжении жизни в мире

материи. Мы отправляемся к богам нагими и равными друг другу, как и при рождении; иными оказываются только наши души — вследствие того, что мы с ними сделали. Потом кланы избирают нового короля. — Йяда с вызовом оглядела призрачных воинов. — Не так ли?

По их рядам пробежал странный шорох. На лице знаменосца, опиравшегося на древко, отразилась смесь печали и нечестивой радости. Только теперь Ингри догадался, что это, должно быть, первый знаменосец Хорсривера, павший при Кровавом Поле. Его тело, несомненно, погребено в том же рве: Хорсривер говорил, что королевское знамя было разломано и брошено на его тело, а знаменосец никогда не отдал бы его, пока был жив. Королевскому знаменосцу полагалось быть хранителем королевской власти до собрания кланов и вручить её следующему избранному королю; так бы и произошло, если бы могущественное незавершённое заклятие не задержало события на многие мучительные века.

— Ты умер, — настаивала Йяда. — Это — собрание кланов Древнего Вилда, последнее собрание. Воины могут избрать нового короля, такого, который не предаст их в смерти.

— Другого не существует, — фыркнул Хорсри-

вер.

Шорох становился всё громче, пробегая по толпе, подобно огню. Знаменосец выпрямился и повернулся к Йяде, приветствуя её неуклюжим знаком Пятёрки. Его призрачные губы растянулись в улыбке. Он выпустил древко знамени, и Йяда подхватила его и крепко сжала.

«Как же так, — подумал Ингри, — мы, живые, не можем коснуться этих призрачных предметов, они текут сквозь пальцы, как вода…»

Йяда стиснула древко обеими руками и сильно встряхнула его. Над её головой развернулось и заколыхалось в безветренном воздухе знамя. На красном поле скалила клыки чёрная волчья голова Волфклифов.

Ингри заморгал своими человеческими глазами и с усилием поднялся на ноги. Он снова был в своём теле — ощущение было таким потрясающим! Ингри глубоко втянул воздух. Его волк исчез… Нет. Ингри прижал руку к сердцу.

«Он здесь».

Волк с радостным рычанием мчался по его венам. И было ещё кое-что… Связь между ним и Хорсривером, та, что раньше соединяла его с Йядой, а потом была разорвана Хорсривером, чтобы привязать Ингри к его королевской ауре… Эта

связь вибрировала от напряжения, притяжение делалось более мощным.

Хорсривер потянулся к Фаре, рывком поднял её на ноги и сунул ей древко своего знамени.

— *Держи!* — Фара в ужасе взглянула на супруга и вцепилась в древко, словно от этого зависела её жизнь. Сила древней королевской магии, питаемая смертью и муками, скрытыми под могильным холмом, была велика.

Ингри облизнул губы и прочистил горло. Теперь он снова владел колдовским голосом.

— *Что ты можешь сказать, Фара?*

Он явственно ощутил, как заклятие молчания, наложенное на Фару Хорсривером, слетело с неё, как распрямившаяся пружина, кувыркаясь в воздухе. Фара с шумом втянула воздух.

Хорсривер повернулся к ней — в первый раз на его лице проступили черты Венсела — и протянул к ней руку.

— Жена моя!..

Фара дёрнулась, словно пронзённая стрелой, и зажмурилась от боли. Открыв через несколько секунд глаза, она взглянула на Йяду, потом на Ингри и, наконец, на Хорсривера.

— Я пыталась быть тебе женой, — прошептала она. — Ты же никогда не старался стать мне

мужем.

И она склонила знамя; серое полотнище растеклось по земле шёлковой лужицей. Фара поставила ногу на древко, и сухое дерево треснуло, разломившись пополам.

Глава 24

Хорсривер отступил на шаг; половина его лиц, казалось, перекосилась от гнева, а на остальных появилось выражение ироничной безнадёжности и отвращения; только на одном лице промелькнуло покорное достоинство. Руки Хорсривера бессильно упали, и связь, соединявшая его с Ингри, растаяла в воздухе, как гаснут в темноте разлетевшиеся от костра искры. Глаза с невероятной мукой воззрились на Ингри, и на лицах отразилось горькое сожаление.

Ингри обнаружил, что цепляется за древко знамени в руках Йяды, чтобы не упасть. Огромная тяжесть королевской ауры Хорсривера не то чтобы исчезла, но давление, испытываемое Ингри, теперь исходило не из одной точки, а словно со всех сторон. Затем наступил момент затишья, безмолвной неопределённости, и поток королевской магии изменил течение, хлынув наружу. Вместе с этим ощущением к Ингри пришёл неопределённый страх, несравнимый ни с чем, что он испытал за все долгие часы бесконечных потрясений.

— Ты обнаружишь, — прошипел Хорсривер, —

что власть священного короля изнутри выглядит иначе. И моё отмщение от этого только удвоится. Что же касается забвения… я всё равно его достигну. — Голос Хорсривера превратился в тихий вздох.

Хотя Хорсривер не сошёл с могильного холма, он словно отдалился, наконец замолк, сделавшись похожим на утопленника под водой. Лишившись обеих поддерживавших его сил — духа жеребца и королевской ауры, — он стал всего лишь одним из призраков среди многих; его отличало от них лишь множество лиц и какая-то странная плотность.

«Да, — подумал Ингри, — он тоже воин Кровавого Поля, павший на этой священной и проклятой земле; он теперь не больше, чем остальные призраки, но и меньшим он стать не может.

Но во что превратился я?»

Ингри чувствовал, как мистическая королевская аура обволакивает его, проникает внутрь. Она не дала ему ощущения огромной гордости и силы, бьющей через край; напротив, Ингри казалось, что из него вытекла вся кровь.

И Йяда, и Фара, обнаружил Ингри, смотрели на него, открыв рты, с одинаковым выражением благоговения, слегка окрашенным физическим

желанием, — теми чувствами, которые раньше вызывал Хорсривер. Подобные взгляды должны были бы заставить любого мужчину гордиться собой, но Ингри казалось, что обе женщины готовы съесть его живьём.

Но не Йяда и Фара — «нет, и они тоже» — вызывали у Ингри панику: больше всего его пугали призраки. Они сгрудились вокруг, зачарованно глядя на него и пытаясь прикоснуться; эти холодные руки высасывали из него тепло. Страстное желание заставляло их забыть о всяком порядке: призрачные воины отталкивали друг друга и даже лезли на плечи тех, кто оказался впереди.

«Изголодавшиеся нищие…»

«Никакой дух не может существовать в мире материи без поддержки материального существа», — в растерянности вспомнил Ингри древний закон. Четыре тысячи всё ещё несущих на себе проклятие призраков толпились на земле Кровавого Поля, которая больше не питала их. Теперь все они были привязаны…

…к нему.

— Йяда… — Его голос прозвучал как стон. — Я не могу поддержать их всех. Мне не справиться.

Тело Ингри становилось всё холоднее и холоднее от прикосновений призраков. Он вцепился

в протянутую руку Йяды, как утопающий, и на мгновение её живое тепло хлынуло в него, но тут же девушка охнула, ощутив ужасный ненасытный голод призрачных воинов.

«Они растерзают нас обоих, высосут досуха».

И когда не останется тепла, которым они могли бы делиться, их с Йядой заледеневшие трупы останутся на земле, и от них в ночной воздух поднимется только туман… И все души, попавшие в ловушку Кровавого Поля, истают, брошенные, преданные, отчаявшиеся.

— Йяда! Отпусти! — Ингри попытался отнять у неё руку.

— Нет! — Она вцепилась в него ещё крепче.

— Ты должна! Бери Фару и беги отсюда! Скорее! Призраки пожрут нас обоих, если ты этого не сделаешь.

— Нет, Ингри! Не это было нам предначертано! Ты должен очистить их, как очистил Болесо, чтобы они могли уйти к богам. Ты же можешь это сделать, таково твоё предназначение, клянусь!

— Не могу… Их слишком много. Мне не выдержать, и боги здесь не присутствуют!

— Они ждут у ворот.

— Что?

— Они ждут у ворот — там, в колючем кустар-

нике. Аудар проклял эту землю, а Хорсривер защищал её от богов в своей ярости и чёрном отчаянии. Но прежних королей нет, и провозглашён новый!

— Я всего лишь король призраков и теней, король мёртвых. — «И скоро присоединюсь к своим подданным».

— Открой границы своих владений Пятёрке. Пятеро смертных принесут их сюда, но ты должен допустить их: позвать богов. — Йяда теперь дрожала так же, как сам Ингри; оглядев толпящихся призраков, она прошептала: — Поторопись, Ингри…

Испуганный так, что почти не сознавал, что делает, Ингри огляделся взглядом волка. Да, он мог ощутить в темноте границы своего осквернённого королевства — неправильный круг, охватывающий большую часть долины, пропитанный древним горем. Граница лежала за болотом, перед самыми зарослями ежевики. Только теперь Ингри осознал тот факт, что его первое действие в качестве последнего из существующих шаманов Древнего Вилда этой ночью осталось незамеченным им самим: это случилось, когда он обнажил меч и проложил дорогу — «дорогу для нас всех» — сквозь непроходимые

заросли, разрушая неприкосновенность Кровавого Поля.

У порога тех врат, которые он создал, нетерпеливо, как просители в приёмной короля, ожидали Сущности. Как их впустить сюда? Ингри подумалось, что для этого подошли бы гимны и славословия, песнопения и молитвы великой красоты и сложности — совместные труды поэтов и музыкантов, учёных и священнослужителей.

«Придётся им обойтись мной одним».

Пусть так и будет.

— Войдите, — прошептал Ингри хрипло. «Я могу сделать лучше!» — *Войдите!* — рявкнул он колдовским голосом.

Отзвуки, казалось, разорвали ночь надвое; толпа из четырёх тысяч призрачных воинов всколыхнулась в предчувствии — это было похоже на огромную волну, обрушившуюся на берег. Ингри собрал все силы, чтобы выдержать напор: он чувствовал, как всё его существо всасывается чудовищным водоворотом… однако призраки затихли, не менее голодные, но сдерживаемые теперь поразительной новой надеждой.

Казалось, прошла вечность, прежде чем в тёмном лесу раздался первый звук, говорящий о присутствии человека, и показался тусклый оран-

жевый огонёк. Кусты затрещали под чьими-то ногами, донеслось приглушённое ругательство, возникший было спор резко пресёк голос Халланы:

— Вон, вон там! Освин, сверни левее!

На поляне появилась самая неожиданная, на взгляд Ингри, процессия. На спотыкающейся лошади ехал просвещённый Освин; позади него, обхватив мужа за талию одной рукой, а другой указывая, куда ехать, сидела Халлана. Следом показался принц Биаст на таком же измученном коне; на его лице появилось растерянное выражение, когда он, разинув рот, оглядел толпу призрачных воинов. Замыкали шествие пешие — просвещённый Льюко и князь Джокол, державший в руках факел. Бывшие когда-то белыми одежды Льюко были пропитаны потом, покрыты дорожной пылью, а с одной стороны заляпаны до бедра болотной грязью.

— Халлана! — Йяда радостно замахала волшебнице рукой, словно с её появлением кончались все неприятности. — Идите сюда, скорее!

— Ты *их* ожидала? — спросил девушку Ингри.

— Мы отправились из столицы все вместе и последние два дня мчались сломя голову. Пятеро богов, что это было за путешествие! Всем распоря-

жался принц-маршал, я ускакала галопом вперёд уже под конец — мне сердце говорило, что нужно спешить… и я так ужасно боялась!

Просвещённый Льюко дохромал до Ингри и поспешно осенил его знаком Пятёрки; следом топал запыхавшийся Джокол. На его лице расплывалась безумная улыбка, которой, как подумал Ингри, островитянин должен был встречать самые свирепые штормы, когда похожие на горы волны грозили поглотить его утлую ладью и все разумные люди цеплялись за снасти и вопили от ужаса.

— Хо! Ингорри! — радостно воскликнул Джокол, направо и налево кивая призракам, словно это были родичи, с которыми он давно не виделся. — Отличная песня из этого получится!

— Так вы и есть смертные вместилища богов? — спросил Ингри Льюко. — Вы все сделались святыми?

— Я уже был святым, — пропыхтел Льюко, — и тут имеет место что-то другое. Если мне позволительно делать предположения… — Он окинул взглядом запруженную призраками поляну и пристально взглянул на Ингри.

Освин и Халлана слезли со своего загнанного коня и приблизились тоже, поддерживая друг

друга и рассматривая призрачных воинов с трепетом и изумлением; однако Ингри мог бы поклясться, что за этим крылось научное любопытство, едва ли менее странное в своём роде, чем безудержный энтузиазм Джокола.

— Если мне позволительно делать предположения, Освин, — повторил Льюко, обращаясь к коллеге, — как догадался Ингри, это было продолжением их старого спора, — я сказал бы, что все мы превратились в священных погребальных животных.

Освин сначала ответил ему несколько обиженным взглядом, но потом задумался. Халлана хихикнула. Для столь усталой женщины она явно была в странно радостном настроении.

— Ингри должен очистить моих призраков, — твёрдо сказала Йяда. — Я ведь говорила вам, что так всё и произойдёт.

Значит, их прибытию предшествовали два дня споров, догадался Ингри, — в этой компании, какой бы она ни казалась странной, спорщики были устрашающе компетентными.

«У богов в этом мире нет других рук, кроме наших».

И если взяться за руки…

Биаст высмотрел сестру, бессильно опустившу-

юся на низкий могильный холм рядом с телом супруга, и поспешил к ней. Упав на колени, он прижал Фару к себе. Склонив друг к другу головы, брат и сестра о чём-то быстро и тихо заговорили. Фара дрожала, но пока не плакала.

— Йяда, — пробормотал Ингри, — не думаю, что нам стоит тянуть, раз есть надежда добиться успеха. — Он оглянулся на воинов, которые перестали толкаться и спорить и смотрели на него в напряжённом молчании. «Как если бы я был их последней надеждой попасть на небеса». — Как я… что я… Что мне делать?

Йяда обеими руками стиснула древко знамени с волчьей головой и расправила плечи.

— Ты — король-шаман. Что тебе кажется правильным, то и будет. — Рядом с ней знаменосец с золотым поясом согласно поклонился.

Четыре тысячи, как же их много!

«Не имеет значения, с чего я начну, — лишь бы начать».

Ингри медленно повернулся и заметил высокого воина в плаще из волчьей шкуры, который раньше к нему подходил. Он поманил его к себе, вглядываясь в бледные черты. Призрак улыбнулся и ласково кивнул, словно подбадривая Ингри, потом преклонил колено, стиснул левую

руку Ингри и склонил голову. Ингри, как зачарованный, провёл по лбу воина указательным пальцем правой руки, по которому от повязки на запястье текла струйка крови. Ингри очень смутило впечатление, что он коснулся плоти, а не призрачного холода, как раньше, и он задумался о том, что это говорит о его изменившемся статусе.

— *Выйди,* — прошептал Ингри, и дух волка, живший в воине, такой древний и изможднный, что казался всего лишь тёмной тенью, проскользнул у него между пальцев. Воин поднялся с колена и взглянул на ожидающих священнослужителей, потом протянул руку к просвещённому Освину — наполовину в приветствии, наполовину в мольбе. Освин искоса взглянул на Халлану, которая быстро закивала, и взял руку призрака. Воин-волк радостно улыбнулся и растаял в воздухе.

— Ох, — выдохнул Освин. — Ох, Халлана, я не знал… — Голос его дрожал, на глаза навернулись слёзы.

— Ш-ш, — успокоила его она. — Теперь, я думаю, всё будет в порядке. — Волшебница облизнула губы, глядя на Ингри так, словно он был помесью святыни, ради которой она проделала долгое путешествие, и её любимого ребёнка.

Ингри снова огляделся, смущённый необходимостью делать выбор, и поманил к себе ещё одного воина. Тот преклонил колено и неуклюже протянул Ингри голову, которую держал в руках. Ингри повторил кровавое прикосновение, хоть и не знал, какое значение имеет это последнее возлияние, и освободил тёмный дух сокола, исчезнувший в ночной тьме. Воин снова протянул руку Освину, и на этот раз Ингри разглядел, что, прежде чем исчезнуть, обезглавленный воин обрёл целость.

«Значит, Отец торопится забрать тебя…»

Вперёд вышла молодая женщина, в руках которой было знамя с головой рыси Линкслейков — клана, мужская линия которого пресеклась два столетия назад. Коснувшись её руки, Ингри был поражён: за женщину со знаменем цеплялись ещё две души. Рысь знаменосицы оказалась облезлой и грустной, а два других духа — такими израненными, что их невозможно было опознать. Ингри кровью нанёс на лоб женщины три параллельные чёрточки, что, по-видимому, оказалось достаточным, и она радостно направилась к Джоколу, который расцвёл, гордо выпрямился и поцеловал женщине руку и что-то шепнул, прежде чем она исчезла. Ингри мог бы поклясться, что

услышал тихий весёлый смех, который звучал ещё мгновение после ухода знаменосицы.

«Ах вот что! Джокол — животное Дочери! Леди Весны знаменита щедростью своих благословений».

Следующим оказался тощий старик, устремившийся к Льюко, который посмотрел на него весьма задумчиво.

«Льюко, естественно, представляет Бастарда».

— Принц Биаст, — тихо позвал Ингри. — Боюсь, мне потребуется ваша помощь. — «Конечно, кому, как не ему, осуществлять выбор Сына».

— Подозреваю, что меньше всего этой ночью потребуюсь я, — пробормотала Халлана, кинув острый взгляд на могильный холм. — Я посижу с бедняжкой Фарой, пока не понадоблюсь. Ей несладко пришлось.

— Спасибо, просвещённая, — ответил ей Ингри. — Фара терпела издевательства от начала до конца и всё же в самый нужный момент вспомнила о том, что она — принцесса.

Биаст подошёл и встал рядом с Ингри, настороженно посматривая на него. На его лице были написаны смешанные чувства — и растерянность, и вызов. Безуспешно пытаясь помочь себе иронией, он пробормотал:

— Не следует ли мне называть вас здесь «сир»?

— Вам нет надобности как-нибудь меня называть: достаточно выполнить то, что от вас требуется. С Фарой всё в порядке? — Ингри кивнул в сторону всё ещё поникшей принцессы, к которой подходила Халлана.

— Я предлагал отвести её туда, где ждут Симарк и слуги священнослужителей, но она отказалась. Она говорит, что желает быть свидетельницей…

— Она это заслужила. — К тому же она была единственной, кто знал обо всём, что делал Хорсривер, — с момента смерти её отца до… до того, что могла принести с собой эта ночь. Если ему удастся выжить, это могло оказаться важным.

«Если же не выживу, то, возможно, ещё более важным…»

— Воины по большей части окажутся вашими, как я подозреваю, — сказал Ингри Биасту. — У древних королей было две обязанности: вести своих воинов в бой и приводить их обратно, домой. О второй из них Хорсривер в своём безумии и отчаянии забыл. Что касается этих воинов Древнего Вилда, их долг перед королём выполнен; остаётся только долг короля перед ними. Эта ночь, — вздохнул Ингри, — будет долгой.

Биаст сглотнул и коротко кивнул.

— Продолжайте.

Ингри оглядел призрачных воинов, которые снова начали напирать, и обратился к ним, повысив голос, хотя в этом, возможно, и не было надобности: каждое его слово было слышно повсюду на Кровавом Поле:

— Не опасайтесь быть забытыми, родичи. Моя вахта не закончится, пока вы не будете освобождены от вашей.

Перед ним преклонил колено молодой светлобородый воин — первый из длинной череды юношей, многие из которых были ужасно изувечены. Ингри выпускал на свободу одного животного за другим — кабанов и медведей, лошадей и волков, оленей и рысей, соколов и барсуков. Биаст присматривался к каждому из тех, кто проходил через его руки, словно видя в них собственное пугающее отражение.

Армии Аудара потребовалось два дня на то, чтобы убить всех, кто остался на Кровавом Поле; Ингри не мог себе представить, как ему удастся очистить их за одну ночь, однако в этом лесу, казалось, со временем творились какие-то странные вещи. Ингри не был уверен: то ли с ним происходило нечто подобное тому, когда его — шамана — охватывало боевое безумие,

то ли боги подарили ему кусочек собственного божественного времени, того самого, благодаря которому они одновременно могли заботиться обо всех душах в мире. Ингри знал одно: каждый воин получал от священного короля мгновение полного внимания; и хоть и не Ингри задолжал им, расплачиваться приходилось ему.

«Действительно, вот что значит оказаться наследником!»

Потом он начал думать о том, что кончится раньше: череда воинов или его собственная жизнь. Может быть, они кончатся одновременно, в точном соответствии…

Когда в середине ночи к нему подошли дартаканские лучники, Ингри был озадачен: они не владели духами животных, и освобождать их было не от чего. В какую ловушку магии они угодили, какое сочетание бессилия богов, ночной битвы и кровавого жертвоприношения привело их к столетиям плена, он не мог себе представить. Он всё равно благословил их собственной кровью и прочёл в их глазах благодарность, когда направил души в руки ожидающих богов.

Женщина из клана Волфклифов с золотыми головками волков на браслетах поцеловала Ингри в лоб, когда он благословил её своей кровью,

а потом, для собственного удовлетворения — в губы, прежде чем повернуться к Халлане. Губы Ингри заледенели от её поцелуя, но зато на губах женщины появилась слабая краска, как воспоминание о счастье, так что Ингри счёл, что обмен того стоил.

Небо начало сереть перед рассветом, побледневшие звёзды скрылись за облаками, когда Ингри подошёл к горькому окончанию своего дела. Около двух дюжин призраков держались поодаль, отвернув бледные лица от богов.

Ингри взглянул на Освина.

— Просвещённый, что мне делать с ними? — Он показал на призрачных воинов, которые были не в силах уйти от него, но и не желали приближаться.

Освин сделал глубокий вдох и неохотно ответил, словно вспоминая давно заученный урок:

— Небеса плачут, но свободная воля священна. Без возможности сказать «нет» согласие не имело бы смысла. Как насильственный брак не является браком, но преступлением и насилием, так и боги не желают или не могут подвергать насилию наши души. — Будучи добросовестным учёным, Освин не мог не добавить: — По крайней мере исключения из этого правила мне неизвестны.

«Эти воины тоже пали при Кровавом Поле; мой долг по отношению к ним неизменен. Что бы дальше ни было…»

Ингри прибёг к колдовскому голосу, приказал отчаявшимся призракам по очереди приблизиться, очистил от духов животных, каждому даровал каплю своей крови… И отпустил. Освобождённые от любых уз призраки истаяли даже прежде, чем достигли первых деревьев.

Теперь перед Ингри оставались двое: знаменосец, всю ночь простоявший рядом с Йядой у королевского знамени Волфклифов, и то существо, рядом с которым — и ради которого — он когда-то отдал жизнь при Кровавом Поле. Ингри понадобился весь остаток сил, чтобы подозвать к себе Хорсривера; усилие было так велико, что оба они оказались на коленях.

«Этот призрак не то, что другие».

Хорсривер лишился духа коня и королевской ауры, но по-прежнему оставался сгустком душ: поколения Хорсриверов мучительно пытались пробиться к поверхности. Ингри осторожно потянулся к обрывку души Венсела в этой массе и прошептал:

— Приблизься… — потом громче ещё раз: — Приблизься! — Дрожь пробежала по стоящему

перед ним существу, но никакая душа не отделилась от спутанного клубка. Ингри подумал, что совершил тактическую ошибку: ему нужно было попытаться разобраться с Хорсривером с первым, до того, как он потратил силы на остальных. Смог бы он справиться с древним проклятием, разъединить то, что оно так долго объединяло? Или подобное деяние было не под силу смертному? Ингри был почти уверен в этом. Почти…

Некоторые из лиц, поочерёдно мелькавших перед Ингри, с тоской смотрели в сторону божественных врат — пятерых свершавших выбор богов людей; те устало опирались друг на друга, измученные почти так же, как сам Ингри. Другие лица отворачивались с горечью и гневом в ужасных глазах…

— Каково ваше совместное желание? — спросил Ингри стоящее перед ним существо. — Я не могу вернуть вам потерянные столетия. Я не дал вам свершить месть, отлучив от богов другие души, ибо это было бы не правом священного короля, а его осквернением. Что же остаётся? Я готов даровать вам помилование, если вы его примете.

«У богов — океаны сострадания».

— Милосердия! — прошептали те голоса Хор-

сривера, что жаждали приобщения к богам. — Милосердия! — прошептали остальные Хорсриверы, отворачиваясь. Одно и то же слово говорило о противоположных, исключающих друг друга стремлениях… Мог ли Ингри с помощью физической или магической силы подтащить это раздираемое противоречиями существо к какому-нибудь алтарю? И следовало ли пытаться?

Этой ночью для Ингри время замедлило свой бег, но теперь его оставалось мало. Что произойдёт, если рассвет наступит до того, как будет принято решение? И если Ингри позволит рассвету лишить его выбора, разве это не будет само по себе решением? Ингри был бы не первым человеком — и не первым королём, — суждение которого определялось бы крайней усталостью… Раньше он думал, что самый ужасный долг короля — вести воинов в битву, которую невозможно выиграть, но та новая невозможность, перед которой он оказался, изменила его взгляды. Глядя на Хорсривера, Ингри подумал: «Какой же великой душой должен был он обладать когда-то, чтобы боги до сих пор жаждали получить её, даже теперь, совершенно разрушенную».

Ингри оглянулся на свидетелей: трое храмовых священнослужителей, принц, принцесса, князь,

двое королевских знаменосцев — одна живая, другой мёртвый. Вспышка ревности давно погасла в Биасте. Сейчас он даже не хотел власти священного короля. На лице мёртвого воина не было никакого выражения.

Ингри стиснул кровоточащую правую руку так, чтобы кровь потекла струйкой, и щедро оросил все сменяющие друг друга лица призрака Хорсривера. Глубоко втянув полный тумана ночной воздух, он прошептал:

— Милосердия! — и отпустил Хорсривера.

Медленно, словно дым, поднимающийся от погребального костра, Хорсривер начал растворяться в воздухе; скоро колеблющиеся очертания душ уже нельзя было отличить от клубов тумана. Мёртвые глаза знаменосца на мгновение закрылись, словно он не хотел этого видеть. Из всех присутствующих, Ингри был уверен, призрачный воин был единственным, кто понял сделанный Хорсривером выбор… все выборы. На поляне стало очень тихо.

Ингри попытался встать, не сумел, попытался снова. Мгновение он стоял, упираясь руками в колени, чувствуя головокружение и слабость. Он не думал, что потерял этой ночью столько крови, что не выживет, но тем не менее кровавые пятна

на земле вокруг и на его одежде были очень впечатляющими.

«Когда столько пятен, всегда кажется, что крови пролито больше, чем в действительности».

Наконец Ингри выпрямил спину, взглянул на последнего оставшегося призрака и на Йяду, всё ещё сжимающую в руках знамя с волчьей головой. Высоко на острие древка всё ещё билось призрачное сердце.

Ингри поклонился знаменосцу.

— Я хотел бы просить вас об ответном даре, милорд знаменосец: ещё одном мгновении вашего времени.

Призрачный воин сделал жест, говоривший о согласии и некотором любопытстве.

— Всё моё время теперь принадлежит вам, сир.

Ингри сделал шаг вперёд и положил руку на плечо Йяды. Девушка устало улыбнулась ему; её бледное и покрытое грязью лицо сияло. Ингри оглянулся на членов священного квинтета.

«Да!»

— Просвещённый Освин, просвещённая Халлана, не подойдёте ли вы сюда?

Супруги переглянулись и приблизились.

— Да, Ингри? — пробормотала Халлана.

— Будьте добры, возьмитесь за концы древ-

ка и подержите его горизонтально — не очень высоко.

Халлана и Освин с некоторой опаской протянули руки к знамени, словно сомневаясь, что, будучи материальными, смогут удержать его, и встали так, как просил Ингри. Знамя Волфклифов развернулось и повисло, как будто великий Волк склонил голову к земле.

Ингри повернулся к Йяде.

— Возьми меня за руку.

Девушка нерешительно коснулась его окровавленной правой руки, но Ингри стиснул её пальцы, и она ответила ему более крепким пожатием. Ингри повернул её так, чтобы они оба оказались лицом к знамени.

— Перепрыгни через древко вместе со мной, если согласна, чтобы мы были союзниками ночами, подобной этой, и любовниками — во все остальные.

— Ингри… — Йяда искоса бросила на него неуверенный взгляд, — ты просишь меня выйти за тебя замуж?

«Более или менее», — хотел он сказать, но вовремя одёрнул себя: на самом деле имело место только «более».

— Да. Тебе следует выйти замуж за короля. Сей-

час тебе предоставляется великий шанс. — Он оглянулся: серьёзное лицо Освина озарилось пониманием, а Халлана широко улыбнулась. — Лучших свидетелей не найдёшь: трое добропорядочных священнослужителей, принц, а также князь — поэт, который, несомненно, создаст бессмертную поэму об этом прежде, чем мы проделаем половину пути до Истхома.

Джокол, который подошёл поближе, чтобы лучше видеть и слышать, радостно закивал.

— Ну, Ингорри, молодец! Прыгайте, прыгайте, Йяда! Моей прекрасной Брейге это понравилось бы, да!

— Принцесса. — Ингри немного неуверенно поклонился Фаре, которая скромно сидела на могильном холме; она мрачно, но достаточно доброжелательно ему кивнула. — А также ещё один свидетель. — Ингри поклонился знаменосцу. Он не знал, могут ли призраки удивляться, но озадаченная улыбка воина сказала ему, что тот никак не ожидал такого употребления священного знамени, которое он охранял четыре столетия. — Потом, если захочешь, будут другие церемонии, с более нарядной одеждой или ещё чем-то. Столько, сколько пожелаешь. Только бы свидетели не возражали, — добавил он скромно.

— Одной или двух обычно бывает достаточно, — пророкотал Освин, улыбаясь.

Ингри открыл рот, собираясь продолжать уговоры, но Йяда двумя пальцами коснулась его губ, призывая к молчанию. Ингри покачнулся: ноги едва держали его. Йяда задумчиво взглянула на него, потом повернулась к Халлане и Освину и знаком попросила их опустить древко пониже. Те послушно наклонились: теперь еле живой и бледный священный король наверняка смог бы преодолеть барьер.

Глядя друг на друга, Ингри и Йяда взялись за руки и прыгнули.

Приземлившись, Ингри покачнулся — голова у него кружилась всё сильнее, — но Йяда поддержала его. Они обменялись поцелуем; Ингри легко и быстро коснулся губ Йяды, но девушка обхватила руками его лицо и поцеловала его более крепко. «Да, — подумал Ингри, наслаждаясь нежностью и теплом её губ, — это и есть единственное живое „сейчас“».

Они оторвались друг от друга, смущённо улыбаясь, и Ингри снова поднял знамя. Бьющееся сердце исчезло с острия древка.

«Но какую половину получил каждый из нас?»

Ингри не был уверен, что он это знает.

Знаменосец преклонил колено, отвязал свои седые косы от золотого пояса и обеими руками поднял голову. Ингри тоже опустился на колени и последней каплей крови щедро оросил морщинистый лоб. Древний дух жеребца, отпущенный им на свободу, был совсем измождён, но Ингри подумал, что в своё время это был прекрасный быстрый скакун.

Знаменосец поднялся, став целым; он, словно испытывая облегчение, расправил плечи, серьёзно кивнул Ингри, протянул руку Освину и, не оборачиваясь, исчез.

Настоящая тьма в первый раз за эту ночь коснулась глаз Ингри; только теперь он понял, что уже многие часы видел всё со сверхъестественной ясностью только благодаря призрачному свету. Джокол с кряхтением присел у маленького костра и пошевелил угли; Ингри и не заметил, что князь развёл огонь, чтобы согреть Фару, пока ждал появления подопечных леди Весны. Оранжевое пламя вспыхнуло ярче и бросило золотые отблески на усталые лица собравшихся у костра людей.

Биаст с сомнением взглянул на королевское знамя Волфклифов, на древко которого, как на посох, опирался Ингри.

— Что вы собираетесь с ним делать?

«Действительно, что?»

Ингри выпрямился и растерянно взглянул на знамя. Древко в его руках казалось ничуть не менее материальным, чем сломанное Фарой знамя Хорсривера; однако это знамя было не из мира материи, и Ингри сомневался, что сможет вынести его за пределы Израненного леса. Сомневался он и в том, что знамя переживёт рассвет, о приближении которого говорили первые лучи, заставившие посереть туман, висящий между искривлённых деревьев. Королевская власть Ингри была более ограничена местом, временем и необходимостью, чем, похоже, догадывался Биаст, иначе призрачный знаменосец не смотрел бы на него так печально, подумал Ингри.

Ему не хотелось покорно передавать королевское знамя Биасту, хоть это и могло бы оказаться политически предусмотрительным. Знамя несло на себе герб Волфклифов, а не Стагхорнов, оно принадлежало ночи, а не дню, да и вообще…

«Пусть он заработает своё собственное знамя».

— В Древнем Вилде, — сказал Ингри, — королевский знаменосец охранял штандарт с момента смерти прежнего короля до избрания нового. — «И теперь я знаю почему». — Потом его ломали и сжигали на погребальном кост-

ре почившего короля, если события позволяли провести такую церемонию. — Если же нет, как подозревал теперь Ингри, с ним поступали так, как подсказывало озарение, необходимость или неизбежность. Он рассеянно огляделся.

— Йяда, нам нужно очистить и землю тоже, прежде чем мы покинем долину. Очистить огнём, мне кажется. И нам нужно скоро отправляться.

— Прежде, чем поднимется солнце? — спросила Йяда.

— Так представляется правильным.

— Ты должен знать.

— Я и знаю.

Йяда проследила за его взглядом.

— Лесничий моего отчима говорил, что эти деревья больны. Он ещё тогда хотел сжечь лес, но я ему не позволила.

— А мне ты позволишь?

— Это твоё владение.

— Только до рассвета. Завтра оно снова станет твоим. — Ингри искоса посмотрел на Биаста, чтобы убедиться: тот понял намёк.

— Может быть, это и к лучшему, — вздохнула Йяда. — Может быть, это необходимо. Может быть… пришло время. А что… — она облизнула губы, — делать с телом Венсела?

Просвещённый Льюко озабоченно нахмурился.

— Не думаю, что мы сейчас сможем увезти тело с собой. Наши лошади устали, и им предстоит ещё доставить нас обратно к обжитым местам. Придётся кого-нибудь послать за телом потом. Может быть, нам стоит завалить его камнями, чтобы защитить от диких зверей.

— Последний король из рода Хорсриверов так и не удостоился погребального костра, как это подобает воину, — сказал Ингри. — Ни один из павших здесь не удостоился… за исключением немногих, сгоревших той ночью в своих хижинах. Не знаю, была ли идея Аудара похоронить своих врагов во рву теологическим актом, частью его проклятия или просто военной необходимостью. Чем больше я узнаю о Кровавом Поле, тем больше склоняюсь к мысли, что на самом деле даже тогда этого никто не знал. А теперь поздно: нам остаётся один последний час. Мы сожжём этот лес. — «Ради Венсела. Ради всех павших».

Йяда послюнила палец и подняла вверх.

— Ветер дует с запада, и пожар не распространится, даже если не пойдёт дождь.

Ингри кивнул.

— Биаст, господа, не поможете ли вы Фаре

добраться до опушки? Может ли кто-нибудь привести коней?

— Это могу сделать я, — жизнерадостно сказала Халлана и удивила всех, кроме Освина, вскарабкавшись на могильный холм и громко и довольно по-матерински прокричав в сложенные ладони:

— Кони! Кони!

Освина это явно смутило, но когда через несколько минут, с треском продираясь сквозь кустарник, появились лошади, волоча по земле поводья и возбуждённо фыркая, неожиданностью для него это, по-видимому, не оказалось. Джокол и Льюко, следуя безмолвному указанию Ингри, собрали хворост и осторожно сложили вокруг тела Хорсривера. Льюко позаботился о том, чтобы забрать кошелёк, кольца и прочие представляющие интерес для будущих наследников вещи графа. Йяда положила поверх кучи хвороста обломки знамени Хорсривера. Тем временем Халлана помогла овдовевшей принцессе сесть в седло. Все двинулись сквозь туманные тени леса в сторону болота; Фара ни разу не оглянулась назад.

Оглянулся Биаст; развернув коня, он спросил Ингри, подкидывавшего ветки в огонь:

— С вами всё будет в порядке?

— Да, — ответил Ингри. — Поезжайте к проходу в зарослях ежевики. Мы с Йядой вас догоним.

Йяда с суровым лицом взялась за древко красно-чёрного знамени, сделала несколько шагов назад и поднесла полотнище к огню; потом она передала древко Ингри. Тот крепко стиснул его обеими руками, зажмурился и подкинул штандарт к небу. Открыв глаза, он схватил Йяду за руку и приготовился увернуться от падающих пылающих клочьев, но этого не понадобилось.

Знамя взлетело высоко вверх и рассыпалось сотнями ярких искр, озаривших всё вокруг.

— Ох, — удивлённо пробормотала Йяда, — а я думала, что нам придётся пробираться по лесу с факелами.

— Я так и знал, что это не понадобится, — ответил Ингри. Схватив Йяду за руку, он повёл её вперёд. Биаст, отставший от остальных, широко раскрыв глаза, смотрел на разгорающееся золотое сияние. — Но идти нам пора. Да, определённо. — Позади них в чаще что-то очень, очень сухое вспыхнуло с рёвом, рассыпая тучи искр. — И побыстрее.

Конь Биаста, несмотря на усталость, рвался подальше от огня, но принц-маршал сдерживал его, не позволяя обогнать Ингри и Йяду, бегущих

мимо искривлённых уродливых дубов к болоту. Биаст бросал на Ингри и Йяду задумчивые взгляды, явно решая, кого из них посадить позади себя, чтобы скакать к спасительной прогалине, если ветер переменится. К счастью, на взгляд Ингри — у него уже не оставалось сил на ещё один спор, — слабый ветерок не раздувал пожар, и он распространялся от могильного холма в центре со скоростью пешехода. Биаст, Ингри и Йяда если и не сильно опередили неотвратимо охватывающее дубы пламя, то всё же достигли опушки, не подвергаясь опасности.

Йяда поддерживала Ингри, пока они не добрались до врат в зарослях ежевики; тут Биаст, видя, как спотыкается Ингри, спешился, подсадил Ингри в седло, а сам повёл коня под уздцы. Им не потребовалось другого освещения, кроме далёкого зарева, чтобы подняться по извилистой тропе из долины. Когда они достигли открытой возвышенности, оказалось, что все остальные сгрудились там вокруг небольшого костра, который развели Симарк, Оттовин, Бернан и Херги.

Льюко помог Ингри, которого бил озноб от предрассветного холода, слезть с коня Биаста. Увидев, как священнослужитель перекинул руку Ингри себе через плечо, чтобы довести того до

костра, Халлана оставила Фару, вокруг которой хлопотала Херги, и поспешила им навстречу. Ингри решил, что ругательство, которое Халлана пробормотала себе под нос, пугает его больше, чем собственное бессилие.

Жрица, как и подобает целительнице, нахмурилась и принялась отдавать распоряжения.

— Быстро — принесите ему горячее питьё и горячую еду, — бросила она Бернану и Освину. — И все одеяла и плащи, какие только у нас есть.

Ингри опустился на расстеленную на земле попону: оставаться на ногах ему уже было не под силу.

— Не пролил ли он слишком много крови? — встревоженно спросила Халлану Йяда.

Та уклончиво ответила:

— С ним всё будет в порядке, если нам удастся согреть его и накормить.

Тут же рядом появилась Херги со своей кожаной сумкой, и Ингри пришлось вытерпеть обмывание и перевязку своей покрытой заскорузлой кровавой коркой правой руки, хотя рана на ней закрылась — опять, — а синяки пожелтели и побледнели. Остальные суетились вокруг с совсем излишней, на взгляд Ингри, озабоченностью: несли ему еду и одеяла, подкидывали

дрова в огонь. Ингри устал, голова у него кружилась, а озноб был таким сильным, что он едва не расплескал странного вкуса травяной чай, приготовленный Херги, прежде чем донёс кружку до онемевших губ. Однако Йяда неумолимо снова и снова подносила ему питьё и заставляла есть, хоть в лагере оказалось и не так много еды. Вот что показалось Ингри удачной мыслью — так это её решение залезть к нему под одеяла, чтобы согревать собственным телом. Девушка сжала ледяные руки Ингри в своих горячих, и постепенно дрожь унялась; теперь Ингри чувствовал только глубокую, глубокую усталость.

— Как вы оказались здесь? — спросил Ингри просвещённого Льюко, который уселся рядом, жуя сушёное яблоко, нашедшееся у кого-то в седельной сумке. — Мне не удалось оставить сообщение, хоть я и хотел это сделать, — после того как мы покинули королевский дворец, Хорсривер наложил на нас с Фарой заклятие.

— Тем вечером я сопровождал Халлану на встречу с Йядой. Мы обсуждали с ней всё случившееся, как вдруг Йяда заволновалась и стала говорить, что с вами случилось что-то ужасное.

— Я больше не чувствовала тебя, — вмешалась Йяда, — и испугалась, что тебя убили. — Она

хотела бы придвинуться ещё ближе к Ингри, но их уже и так ничто не разделяло; поэтому она только крепче сжала его руки.

— Нашу связь разрушил Хорсривер.

— Ах… — выдохнула Йяда.

Льюко с любопытством поднял брови, но ограничился тем, что продолжил рассказ:

— Леди Йяда настаивала на том, чтобы мы отправились выяснить, что случилось. Халлана согласилась. Я… предпочёл не спорить. Ваш рыцарь Геска тоже предпочёл не спорить — по крайней мере с Халланой, хотя и последовал за нами, выполняя свой долг стражника. Мы вчетвером явились во дворец Хорсривера, где нам сообщили, что вы отправились к умирающему королю. В королевском дворце Биаст, прощавшийся с почившим отцом, сказал, что вы направились обратно, в резиденцию Хорсриверов. Мы были уверены, что не могли разминуться с вами в темноте. Халлана… воспользовалась своими умениями, как она это иногда делает, и повела нас в графскую конюшню.

— Представляю, какая там была сцена, — пробормотал Ингри.

— Это ещё мягко сказано! До того момента Биаст сомневался, что произошло нечто странное, —

помимо обычного недомогания его сестры, — но никто не мог бы превзойти его в организации погони, как только он убедился в похищении принцессы. Халлана поспешила за Освином и Бернаном с Херги с их тележкой и обнаружила, что с Освином беседует князь Джокол — он всё пытался раздобыть жреца, который отправился бы на его остров, — так что она привела их всех. Я не был уверен, что следует брать с собой всю эту разношёрстную компанию, но… но считать до пяти я умею. По крайней мере, — вздохнул Льюко, — Джокол не захватил с собой своего белого медведя.

— А он хотел? — растерянно спросил Ингри.

— Да, — ответила Йяда, — но я его отговорила. Он очень славный парень.

Ингри предпочёл не комментировать это заявление.

— Вот тут я и решил, — продолжал Льюко, — что боги на нашей стороне… Я бы сказал: «Да помогут им боги» — вы только представьте себе, что за путешествие ожидало бы нас — и их — с участием белого медведя, — только разве можно так сказать, когда дело касается Их самих? — Льюко передёрнуло. — Фафе пришлось бы ехать в тележке, хотя этот зверь достаточно велик,

чтобы можно было ехать на нём самом. — Льюко задумчиво поморгал. — Интересно, не было ли это путешествие островитян за жрецом просто уловкой прекрасной Брейги, чтобы избавиться от медведя, прежде чем у него появится привычка спать в ногах супружеской постели?

Глаза Йяды загорелись, и она хихикнула.

— Могло быть и хуже — супругам не осталось бы места на ложе. Судя по всему, прекрасная Брейга — решительная девица. Только, ради пятерых богов, не говорите об этом в присутствии Джокола.

— Мне такое и в голову бы не пришло. — Льюко потёр лицо, чтобы скрыть ухмылку, и продолжал: — Биаст взвалил все дела в Истхоме на плечи Хетвара — достаточно крепкие, на мой взгляд, чтобы это выдержать, — и мы уже мчались по дороге вдоль реки на север всего через четыре часа после того, как вы покинули столицу. Мы воспользовались возможностью получать свежих лошадей на курьерских станциях храма и станциях королевской почты и по очереди спали в тележке, пока не добрались до Баджербриджа.

— Вы ехали по главной дороге до самого шахтёрского городка? — спросил Ингри, мысленно представив себе карту. — Это должно было сэко-

номить вам время. Мы свернули на запад по заброшенному просёлку — ради секретности, как я думаю.

— Да. Никакого сомнения в том, куда вы направляетесь, у нас не было. Такое обилие сновидений! Я не понимал почему, пока… ну, теперь я знаю, почему их было так много. После Баджербриджа мы сменили тележку на верховых лошадей и опередили эскорт принца; гвардейцы, наверное, нас ещё догонят, если не заблудились в лесах Йяды.

Йяда задумчиво кивнула, оценивая такую возможность.

— С ними лесничий моего отчима. Рано или поздно они дорогу найдут — только, может быть, через другой перевал. — Она взглянула в сторону долины. — Да и дым им покажет, куда ехать.

Халлана, которая отошла в другой конец лагеря, поманила Йяду к себе, и та поднялась, чтобы узнать, чего хочет волшебница. Ингри потянулся; теперь он согрелся и чувствовал себя вполне прилично, несмотря на головную боль. Выбравшись из-под одеял, он прошёл к краю возвышенности и оглядел чашеобразную долину Кровавого Поля — Священного древа — Израненного леса.

«Моё королевство — всё-что-когда-то-было…»

Ингри расстелил на земле одеяло и уселся на

него, обхватив руками колени и не сводя глаз с серой пелены дыма и тумана. Горячее золотое сияние, рассекавшее тьму, превратилось в тлеющее багровое кольцо; его тёмная сердцевина всё росла. Кровавый свет отражался от низко нависших угольно-чёрных туч; издалека, из-за гряды холмов донеслось ворчание грома, и Ингри ощутил влажный запах приближающегося дождя, мешавшийся с вонью дыма. Ингри подумал о том, не таким ли было утро после резни и не смотрел ли сам Аудар на долину с того же места, где сейчас находился он, размышляя о последствиях столкновения королей.

Биаст подошёл и встал рядом с Ингри, сложив руки на груди и глядя на долину. Принц-маршал казался слишком напряжённым для того, чтобы стремиться к беседе, но Ингри всё равно протянул ему руку, и Биаст принял приглашение — опустился рядом с Ингри на одеяло и устало вздохнул.

— Что вы теперь будете делать? — спросил он Ингри.

— Отсыпаться, надеюсь… прежде чем придётся ехать обратно.

— Я имел в виду более общую перспективу.

«Я знаю».

Ингри вздохнул и слегка улыбнулся.

— Потом я стану стремиться к тому, о чём только может мечтать придворный… — Ингри сделал паузу, чтобы дать Биасту время насторожиться, и закончил: — Жениться на богатой наследнице и вести праздную жизнь в её сельских владениях.

— Праздную жизнь? В этой глуши?

— Ну, может быть, супруга найдёт мне одно или два дела.

— Она может. — Биаст от неожиданности и облегчения засмеялся.

— Если только её не повесят.

Принц поморщился и отмахнулся от подобного опасения.

— Такого не случится — уж по крайней мере после всего, что тут произошло. Если вы не полагаетесь на меня и Хетвара, что ж, не сомневаюсь, что Льюко и Освин найдут что сказать в защиту леди Йяды. При такой поддержке правосудие проявит разумный подход и… — голос Биаста дрогнул — не от сомнения, а от смущения, — и милосердие.

— Хорошо, — вздохнул Ингри.

— Благодарю вас за то, что вы спасли жизнь Фары — и не единожды, насколько можно судить по её словам. Привлечь к её охране лорда-волка

было одним из моих самых удачных решений… если только тут можно говорить об удаче.

Ингри пожал плечами.

— Я сделал не больше, чем мне диктовал долг перед вами, но и не меньше, чем потребовала бы совесть от любого человека.

— Любой человек не смог бы совершить того, что я видел этой ночью. — Биаст смотрел в землю, стараясь не встречаться с Ингри глазами. — Если вы захотите стать… если будете претендовать на трон моего отца, не знаю, кто смог бы вам воспротивиться, король-волк. — «Уж точно не я», — казалось, говорили его поникшие плечи.

«Вот и дошло до дела».

Ингри показал на долину.

— Моё королевство имеет размер четыре мили на две, и ни одна живая душа его не населяет, а царствование длилось от заката до рассвета. Павшие и в самом деле наделили меня королевской властью, но под конец я вернул её, как должен делать любой король, например, ваш отец. — Хотя Хорсривер такой обязанностью пренебрёг, и в этом-то и крылся один корень проблемы. — Вы тоже, принц, отдадите корону, когда придёт ваш черёд.

Если подумать, решил Ингри, то его географии

не хватало одного измерения. Восемь квадратных миль на четыре столетия — а то и больше, потому что вся история Древнего Вилда сосредоточилась на этом клочке земли в ту кошмарную ночь… и так ужасно исказилась потом. Это было похоже на бездонную пропасть под обманчиво спокойной поверхностью озера, которое эта долина так напоминала; время уходило в невообразимые глубины на этой земле… «Всё глубже и глубже. Моё королевство больше, чем кажется». Ингри решил не тревожить Биаста этими рассуждениями и только сказал:

— Если на мне и остаётся какая-то королевская аура, её удовлетворит это маленькое королевство.

Биаст заметно приободрился, и лицо его прояснилось, когда выяснилось, что лорд-волк с его устрашающей силой не желает играть более заметную роль в политике Истхома. Принц обвёл взглядом горизонт, возможно, в поисках признаков приближения своего отставшего эскорта, ничего не обнаружил, поднял с земли несколько камешков и стал кидать их вниз.

— Скажите мне правду, лорд Ингри, — неожиданно сказал Биаст и едва ли не в первый раз посмотрел тому в лицо. — Что делает власть свя-

щенного короля священной?

Ингри так долго колебался с ответом, что Биаст уже начал разочарованно подниматься, когда наконец Ингри выдохнул:

— Вера. — Брови Биаста озадаченно поползли вверх, и Ингри уточнил: — Способность сохранять веру.

Губы Биаста беззвучно приоткрылись, словно что-то острое вонзилось ему в сердце. Не говоря ни слова, он вновь опустился на одеяло. Довольно долго ни один из них не нарушал тишины. Они сидели рядом в дружеском молчании, глядя, как мерцающее пламя очищает землю, как исправляет святотатство запоздалый погребальный костёр Священного древа и Кровавого Поля.

Эпилог

В тот день Ингри покинул принадлежащий Йяде лес, судорожно цепляясь за седло; его коня вёл в поводу один из наконец-то прибывших гвардейцев Биаста. Всю следующую неделю он пролежал пластом в доме отчима Йяды в Баджербридже. Однако как только Ингри смог стоять, не падая в обморок, их поженили — или поженили снова — в парадном зале дома, и с этого момента он смог наслаждаться, выздоравливая, обществом Йяды не только все дни, но и все ночи. Для того чтобы совершить некоторые вещи, не обязательно покидать постель.

Принц Биаст и его свита поспешили в Истхом, где их ждали неотложные дела; известие о том, что Биаст избран священным королём, достигло Баджербриджа на следующий день после бракосочетания. Князь Джокол и Оттовин задержались ровно настолько, сколько было нужно, чтобы оживить свадебные торжества и поразить горожан Баджербриджа, а потом вернулись на свой корабль.

Халлана в сопровождении своих верных слуг тоже немедленно вернулась в Сатлиф к детям,

но просвещённые Освин и Льюко задержались, чтобы сопровождать в столицу Йяду, которая формально всё ещё оставалась под арестом. Даже под их нажимом колёса храмового и королевского судопроизводства вращались медленно, в результате чего прошло ещё несколько дней, прежде чем судьи вынесли приговор: убийство Болесо было самозащитой. Освин без промедления составил прошение о церковном оправдании Йяды и Фары, приводя в обоих случаях одни и те же аргументы: духи животных были женщинам навязаны против их воли. Закулисное выкручивание рук, в результате которого помилование было немедленно даровано, заставило просвещённого Льюко только криво улыбнуться.

Фара провела траур в уединении, заботливо опекаемая братом. Если обладание духом лошади делало её менее востребованной для какого-нибудь нового политически выгодного брака, то это скорее доставляло ей мрачное удовлетворение, чем вызывало сожаление. Постоянные головные боли принцессу больше не мучили.

Ингри так и не узнал, какими средствами воспользовались Льюко и Освин, чтобы Джокол получил для своего острова вожделенного священнослужителя. Ингри и Йяда пришли на

пристань, чтобы пожелать князю и его спутникам счастливого плавания. Молодой жрец выглядел смущённым и цеплялся за борт ладьи, словно опасался приступа морской болезни уже при плавании по реке, но старался держаться храбро. Кто-то сообразительный предложил подарить Фафу, белого медведя, Биасту в связи с его избранием на престол; теперь зверь обитал на пригородной ферме, где ему был предоставлен собственный пруд.

Так или иначе, к тому времени, когда Ингри и Йяда в сопровождении просвещённого Льюко выехали из Истхома на юго-восток, в долину Лура, в воздухе уже кружились снежинки. Ингри, несмотря на холод, торопил спутников: и так было весьма вероятно, что он безнадёжно опоздал, и это казалось ему невыносимым. До слияния Лура и Бирчбека они добрались в день зимнего солнцестояния, День Отца, и это совпадение заставило сердце Ингри забиться новой надеждой, несмотря на собственные предчувствия и предостережения учёного жреца.

— Боюсь, это бесполезная затея, кузен, — покачал головой Ислин Волфклиф, хозяин замка в Бирчгрове. — За все десять лет, что я здесь живу, я ни разу не видел призрака в замке и не слышал

ни о чём таком. Но ты, конечно, можешь свободно здесь распоряжаться, если надеешься что-то найти. — Ислин с беспокойством посмотрел на Ингри и его спутников и зевнул. — Когда устанешь бродить в темноте и холоде, знай, что тебя ждёт тёплая перина на постели. Меня она тоже ждёт, так что прошу меня извинить.

— Конечно, — вежливо кивнул Ингри. Ислин поклонился гостям и покинул зал замка.

Ингри огляделся вокруг. Восковые свечи в посеребрённых подсвечниках разливали тёплый медовый свет, огонь, горящий в каменном очаге, разгонял зимний холод по углам. За узкими окнами не было видно ничего, кроме полуночной тьмы, но из-за стены доносилось журчание быстрого Бирчбека, не сдавшегося морозам, хоть вдоль берегов уже образовался лёд. Здесь почти ничего не изменилось с того дня, когда Ингри и его отец принесли кровавые жертвы, и все же… всё было иным.

«Замок меньше, чем я помнил, и выглядит совсем по-деревенски. Как может каменное строение уменьшиться в размерах?»

Йяда встревоженно сказала:

— Твой кузен за ужином был очень молчалив. Как ты думаешь, может быть, его пугают живу-

щие в нас духи животных?

Губы Ингри тронула лёгкая невесёлая улыбка.

— Может быть, немного и пугают, но я думаю, его больше заботит, не воспользуюсь ли я своим влиянием при дворе, чтобы отобрать у него замок. — Ислин был только немного старше Ингри и унаследовал владения всего три года назад.

— А ты бы этого хотел? — с любопытством спросила Йяда.

Брови Ингри сошлись к переносице.

— Нет. Меня здесь преследовали бы слишком мучительные воспоминания: они перевешивают хорошие… Лучше, пожалуй, оставить позади и те и другие. За исключением одного.

Йяда повернулась к Льюко.

— Так что, святой, открывает вам ваше дарованное богами зрение? Прав ли Ислин? Действительно ли здесь нет призраков?

Льюко, который с момента прибытия в замок по привычке притворялся простоватым, смиренным и незаметным обычным священнослужителем, покачал головой и улыбнулся.

— В здании настолько древнем, обширном и давно обитаемом было бы удивительно не встретить хотя бы нескольких. А что говорит вам ваше восприятие шамана, Ингри?

Ингри поднял голову, закрыл глаза и принюхался.

— Мне кажется, что время от времени я чую в воздухе странные тёмные сгустки. Однако в это время года такое неудивительно. — Он открыл глаза. — А ты, Йяда?

— Боюсь, я слишком плохо обучена, чтобы говорить с уверенностью. Так что дальше, просвещённый?

Льюко пожал плечами.

— Если бог коснётся меня сегодня ночью, все призраки в округе слетятся, привлечённые моей аурой. Мои молитвы тут ни при чём, как вы понимаете: такое просто случается или нет. Я буду молиться, чтобы мне было позволено поделиться с вами вторым зрением: в конце концов боги перед вами, Ингри и Йяда, в долгу. Если вы окажетесь способны принять их дар, я думаю, они вам это даруют. Сосредоточьтесь и сохраняйте спокойствие, и посмотрим, что случится. — Льюко осенил себя знаком Пятёрки и сложил руки на груди. Священнослужитель, казалось, ушёл в себя; губы его шевелились в безмолвной молитве.

Ингри сделал всё, что мог, чтобы изгнать из своего разума все желания и страхи; он подумал, не сойдёт ли за сосредоточенность та глубокая

усталость, которую он испытывал.

Наконец Льюко открыл глаза, сделал шаг вперёд и молча поцеловал в лоб сначала Йяду, потом Ингри. Губы его были холодными, но Ингри ощутил странное благодетельное тепло, охватившее его.

— Ох! — воскликнула Йяда, с интересом оглядывая зал. — Просвещённый, это он и есть? — Она показала в угол; Ингри разглядел там плывущий в воздухе еле заметный бледный сгусток, едва ли более материальный, чем клуб пара, вырывающийся изо рта морозной ночью.

— Да, — подтвердил Льюко, проследив за её взглядом. — Бояться тут нечего, хотя пожалеть следует. Эта душа давно отлучена от богов, она бессильна и скоро истает.

Предположение, что Йяда, разделившая с ним и ужас, и триумф в долине Священного древа, может бояться призрака, показалось Ингри абсурдным. Его собственные страхи касались другого.

— Просвещённый, может ли это быть мой отец?

— Вы ощущаете присутствие его волка, как ощущали духов животных в других людях?

— Нет, — был вынужден признать Ингри.

— Тогда это какая-то другая душа, давно заблудившаяся. Умирающая, не найдя смерти. — Льюко осенил призрак знаком Пятёрки, и тот снова исчез в стене.

— Зачем бы богам даровать нам второе зрение, если видеть нечего? — сказал Ингри. — В этом нет смысла. Должны быть и ещё призраки.

Льюко оглядел опустевший зал.

— Давайте обойдём замок дозором и посмотрим, не встретим ли кого. Только, Ингри, не особенно надейтесь. Призраков Кровавого Поля поддерживало могучее заклинание и все живые существа долины. Лорд Ингалеф, боюсь, был всего этого лишён.

— У него оставался его волк, — упрямо возразил Ингри. — Может быть, это что-то изменило. — Слыша в голосе Ингри отчаяние, Йяда сжала его руку; выйдя из зала, они направились в сторону, противоположную той, которую выбрал Льюко, чтобы обойти как можно большую часть замка, пока странный дар не покинул их.

Зимний сумрак сделал замок холодным, сырым и унылым даже без встреч с призраками, но Ингри обнаружил, что видит в темноте даже лучше, чем раньше. Они с Йядой обходили коридоры и комнаты, касаясь руками стен. Выйдя из глав-

ной башни, они прошли по внутренней галерее, опоясывающей замковую стену. Оказавшись в тепле конюшни, согретой дыханием коней, Йяда прошептала:

— Смотри, ещё один!

Бледный сгусток тумана словно в тревоге подлетел к ним, но тут же растворился в воздухе снова.

— Это не он? — спросила Йяда.

— Думаю, нет: этот был таким же, как и первый. Пошли дальше.

Пробираясь по снегу, завалившему узкий дворик, Ингри пробормотал:

— Я явился слишком поздно. Нужно было приехать сюда раньше.

Йяда крепче стиснула его руку.

— Перестань! Ты не знал. А даже если бы знал, ты тогда ещё не обрёл необходимой силы.

— Но меня угнетает мысль, что было время, когда можно было его спасти, и оно протекло у меня между пальцами. Уж не знаю, кого в этом винить: себя самого, моего дядю, храм или богов…

— Тогда не вини никого. Мои родители оба умерли, когда их время ещё не пришло. Да, они отправились каждый к своему богу, что послужило мне некоторым утешением, но… недостаточ-

ным. Достаточного утешения никогда не бывает. Смерть — это не испытание, которому подвергается человек, так что не нужно себя упрекать.

Ингри, в свою очередь, сжал руку Йяды и наклонился, чтобы в лунном свете поцеловать её волосы.

Они поднялись по лестнице на стену и добрались до самой верхней точки укреплений; там они остановились, глядя на крутые берега Бирчбека. Вода быстрого потока переливалась, как чёрный шёлк, между блестевшими стальным блеском ледяными закраинами. Снег на склонах казался голубым в свете низко стоящей луны; чёрные ветви деревьев на его фоне выделялись, словно рисунок углём. Лишь кое-где чернела густая хвоя елей, а в ущельях таинственно шептались падубы. Голые стволы берёз сливались со снегом, обманывая глаз.

Ингри и Йяда постояли, оглядывая окрестности; скоро Йяда начала ёжиться, несмотря на тёплую одежду, и Ингри обнял её, чтобы согреть. Она благодарно улыбнулась ему.

«Я согреваю тебя так же, как ты — меня, любимая».

На этот раз Ингри заметил призрака раньше Йяды, хотя она сразу же почувствовала, как

он напрягся, и проследила за его взглядом. В нескольких шагах от них в воздухе плавала фигура, словно облако тумана в лунном свете. Этот призрак был более плотным и высоким, чем виденные ими раньше. Внутри напоминающей человека тени виднелась другая, похожая на клуб дыма в тумане.

Руки Ингри судорожно сжались вокруг Йяды, потом он выпустил жену и подтолкнул к лестнице.

— Приведи просвещённого Льюко, скорее!

Йяда кивнула и убежала.

Ингри стоял молча и неподвижно, едва осмеливаясь дышать: туманный образ мог исчезнуть, как исчезли призраки, встреченные ими ранее. У фигуры, казалось, были голова и ноги, но различить лица Ингри не мог. Его воображение пыталось наделить призрак чертами отца, но тут Ингри с печалью обнаружил, что не может с точностью вспомнить, как выглядел лорд Ингалеф. Внешность отца никогда не имела для Ингри такого уж значения: достаточно было его надёжного присутствия и теплоты, его раскатистого голоса, рокочущего в груди, к которой прижималось детское ухо…

Иллюзия безопасности…

«Я мог бы и сам уже стать отцом, но дать абсолютной безопасности я не могу. Это всегда бывает иллюзией. Простят ли меня мои дети, когда узнают об этом?»

Скрип снега под бегущими ногами и тяжёлое дыхание сообщили Ингри о приближении Йяды с Льюко, торопливо поднимавшихся по крутой лестнице. Льюко помедлил, добравшись до площадки, и вгляделся в смутный образ.

— Ингри, это?..

— Я… — начал отвечать Ингри. Он хотел сказать: «Да, я думаю, это он», но вместо этого выдохнул: — Да, это он, я уверен. Просвещённый, что мне делать? Я хотел бы задать тысячу вопросов, но у него нет рта. Не думаю, что он способен говорить. Я даже не знаю, слышит ли он меня.

— Пожалуй, вы правы. Время для вопросов и ответов давно миновало. Вы можете только очистить эту душу и отпустить. Так ведь и должен поступить шаман, по-моему.

— А когда я очищу и отпущу его, заберёт ли Отец Зимы его душу? Или она безнадёжно отлучена от богов? Неужели нет никаких обрядов, которые могли бы помочь?

— Все погребальные обряды давно совершены, Ингри. Вы можете сделать только то, что можете:

очистить его душу. Я могу молиться. Однако если времени прошло слишком много, от души вашего отца могло остаться недостаточно, чтобы она могла обратиться к богу, а тогда даже бог будет бессилен. Возможно, вы сумеете только освободить вашего отца из плена.

— Ради исчезновения…

— Да.

— Как Хорсривера. — Ненависть, которую Хорсривер питал к невозвратимому времени, стала теперь Ингри более понятна.

— Более или менее.

— Какая от меня польза, если я могу отправить души четырёх тысяч незнакомцев к их богам, но ничем не могу помочь четыре тысячи первому, который значит для меня так много?

— Я не знаю.

— И это суть всей мудрости храма?

— Такова суть моей мудрости, и такова вся известная мне истина.

Так не была ли мудрость храма, как и безопасность отцовских объятий, иллюзией? И так было всегда?

«Разве я предпочёл бы, чтобы Льюко солгал мне в утешение?»

Ингри не мог вернуться сквозь завесу времени

и опыта к детскому восприятию, да и не был уверен, что захотел бы, даже если бы мог. Йяда подошла к нему и положила руку на плечо, утешая своей близостью, раз уж Ингри отказано в утешении благополучным разрешением его проблемы. Он мгновение наслаждался исходящим от неё теплом, потом отстранил её и сделал шаг вперёд.

Из кошеля на поясе Ингри достал острый новый нож, специально купленный в Истхоме. Тонкое лезвие отразило лунный диск… Йяда одновременно с Ингри стиснула зубы, когда нож вонзился в его правый указательный палец. Ингри выдавил каплю крови и протянул руку к туманной фигуре.

Кровь пролилась сквозь неё на утоптанный снег, разбрызгавшись маленькими чёрными каплями.

Судорожно втянув воздух, Ингри крепче сжал нож. Льюко едва успел удержать его от попытки вонзить клинок в руку глубже.

— Нет, Ингри, — прошептал священнослужитель, — если капля крови не принесла благословения, не принесёт его и ведро.

Ингри медленно выдохнул воздух и, как только Льюко выпустил его руку, спрятал нож в кошель. Какая бы часть королевской ауры ещё ни остава-

лась у него, над этой душой она, похоже, власти не имела.

«Но я должен был попробовать».

Ингри в последний раз бросил долгий взгляд на призрака, гадая, что сказать. «В добрый путь» показалось бы издёвкой. «Покойся с миром» — пожалуй, немного лучше… Ингри нерешительно облизнул губы в морозном искрящемся воздухе.

— Что бы ты ни собирался совершить, начатое тобой закончено, и закончено хорошо. Принесённая тобой жертва была не напрасной. — Ингри подумал, не сказать ли «Я тебя прощаю», но решил этого не говорить — было бы напыщенно, глупо и не к месту… Через несколько мгновений он просто добавил: — Я люблю тебя, отец. — И закончил колдовским голосом: — *Выйди!*

Тёмное пятно — дух волка — выскользнуло из туманной фигуры и растворилось в воздухе.

Сама туманная фигура исчезла более медленно, с последним голубым лунным лучом.

— Бог не забрал его, — прошептал Ингри.

— Он забрал бы, если бы мог, — ответил ему Льюко. — Отец Зимы тоже оплакивает эту потерю.

У Ингри, по крайней мере пока, слёз не было, хотя все его тело сотрясала дрожь. Он чувствовал,

как его покидает второе зрение — дар возвращался к дарителю. Йяда снова приблизилась и перевязала палец Ингри куском чистого полотна. Они ещё какое-то время постояли, обнявшись.

— Что ж… — Просвещённый Льюко осенил их знаком Священного Семейства. — Всё закончено. — Его голос стал более мягким. — Не пора ли нам вернуться в тепло, милорд и миледи?

— Сейчас, — вздохнул Ингри. — Закат луны над Бирчбеком стоит того, чтобы немного помёрзнуть.

— Как пожелаете. — Льюко улыбнулся и, поплотнее запахнув мантию, стал спускаться по лестнице, внимательно глядя под ноги, чтобы не поскользнуться.

Ингри подошёл к Йяде сзади и положил подбородок ей на плечо; оба они смотрели на раскинувшуюся перед ними долину.

— Я знаю, что надеялся ты на другое для лорда Ингалефа, — через некоторое время сказала Йяда. — Мне очень жаль.

— Да, на другое… Но всё равно это лучше, чем ничего, и несравненно лучше, чем вечное сомнение. По крайней мере здесь всё закончено. Я могу уйти и не оборачиваться назад.

— Но здесь — дом твоего детства.

— Он был им, но я больше не ребёнок. — Ингри так крепко обнял Йяду, что она наполовину охнула, наполовину рассмеялась. — Мой дом имеет новое имя, и зовут его Йяда. Вот там я и буду жить.

Теперь уже Йяда рассмеялась так громко, что с её губ слетел клуб пронизанного лунным светом пара.

— Кроме того, — продолжал Ингри, — думаю, что зимой в Баджербридже теплее, чем в Бирчгрове.

— В долинах теплее, да. На верхних склонах всегда бывает много снега, если ты по нему соскучишься.

— Прекрасно.

Несколько раз медленно втянув морозный воздух, Ингри прошептал:

— По-моему, он не испытывал ни боли, ни страданий. Что ж… Я видел судьбу, которая меня ожидает. Я не буду её бояться.

— Меня и Фару тоже, — задумчиво проговорила Йяда, — если ты не переживёшь нас и не очистишь по очереди наши души.

— Трудно решить, какая очерёдность пугает меня больше. — Ингри повернул Йяду лицом к себе и взглянул в её встревоженные глаза, широко

раскрытые, тёмные, с янтарным ободком вокруг радужки. — Я должен молиться о том, чтобы уйти последним, но я не знаю, как я это вынесу.

— Ингри, — Йяда ледяными руками сжала его лицо и повернула так, чтобы смотреть ему в глаза, — год назад разве мог ты даже вообразить, что будешь стоять здесь, сделавшись тем, кем ты стал?

— Нет.

— Я тоже не могла вообразить всего, что со мной произошло. Так что, может быть, нам не следует быть особенно уверенными насчёт своего будущего. То, чего мы не знаем, гораздо больше того, что знаем, и будущее наверняка не перестанет нас удивлять.

Мысли Ингри вернулись к той ночи в Оксмиде, когда в припадке чёрного безумия он едва не перерезал себе горло. Он всё ещё не был уверен в том, была ли в том вина Хорсривера или его собственная.

«Мне будет всего этого не хватать».

— Я неожиданно повстречал четыре тысячи душ, которые согласились бы с тобой, знаменосица.

— Тогда позволь их мнению направлять твои решения.

— Ах… — Унылое полуночное настроение уступило место покою, рождённому теплом Йяды.

— И ты напрасно называешь себя последним шаманом, — добавила Йяда. — Ты сам мог бы создать великих священных животных и магов, населённых духами зверей.

— Я не стал бы делать такого ни с кем, не будучи уверенным, что найдётся способ вывернуться.

— Ну конечно. И разве ты думаешь, что храм вечно будет противиться древней лесной магии? Может быть, они придумают какую-то свежую версию, подходящую к новым временам.

— Это потребует от священнослужителей долгих размышлений. Пятеро богов свидетели: мы видели достаточно несчастий, вызванных прежними порядками.

— Тем не менее храм управляется со своими волшебниками, хотя и не всегда успешно. Посмотри на бедного Камрила… И всё-таки то, чему жрецы научились, позволяет им не отказываться от использования демонов. Мы с тобой оба знаем священнослужителей, способных придумать новшества.

— Ах… — В глазах Ингри вспыхнула новая надежда.

— Ты очень высокомерен, лорд-волк. — Руки

Йяды назидательно встряхнули голову Ингри.

— Да? Что ты ещё придумала, милая моя кошка?

— Как можешь ты утверждать, что ещё нерождённые поколения не станут горько тебя оплакивать? Не в твоей власти диктовать их сердцам.

— Ты пророчествуешь, леди? — лукаво поинтересовался Ингри, но в этот момент его охватила дрожь, как будто он услышал колдовской голос.

— Давай примиримся со своей судьбой и посмотрим, что получится.

Губы Йяды были тёплыми, как лучи встающего солнца, разгоняющего лунный холод. Она потёрлась щекой о щеку Ингри и счастливо вздохнула.

— У тебя холодный нос, волчонок. И ты не такой уж колючий — должно быть, это признак здоровья. Если нам предстоит когда-нибудь стать предками, а не просто потомками, то, пожалуй, стоит вернуться на ту пуховую перину, которую нам обещал твой кузен.

Ингри усмехнулся и разжал объятия.

— В постель так в постель — ради наших потомков.

— И я смогу отогреть ноги о твою спину, — практично решила Йяда.

Ингри взвизгнул в шутливом ужасе и был вознаграждён звонким смехом Йяды. Её смех обрадовал его сердце, как обещание рассвета этой самой длинной ночью года.

Держась за руки, они спустились по заснеженной лестнице.

Лоис Макмастер Буджолд

LOIS McMASTER BUJOLD
THE SPIRIT RING
КОЛЬЦА ДУХОВ
BAEN
"Don't miss this one!"
—VOIS

Кольца духов

Глава 1

Фьяметта повернула ком теплой красной глины, держа его в пальцах.

— Вы полагаете, батюшка, оно уже готово? — спросила она с тревогой. — Можно его разбить?

Ее отец накрыл ком ладонью, проверяя температуру.

— Еще нет. И положи его! В руках он быстрее не остынет.

Она вздохнула от нетерпения, но положила глиняный шар на рабочий стол под лучи утреннего солнца, лившиеся сквозь железную решетку окна.

— А вы не могли бы наложить на него остужающее заклятие?

— Вот я наложу остужающее заклятие на тебя, девочка, — засмеялся он. — Слишком уж много в тебе от стихии огня. Даже твоя мать это говорила. — Мастер Бенефорте машинально перекрестился и склонил голову, как положено, когда вспоминают покойников. Смех в его глазах поугас. — Не гори так жарко. Жар до утра сохраняют угли, если их сгрести в кучу.

— Но с ними спотыкаешься в темноте! — воз-

разила Фьяметта. — Что горит жарко, горит ярко! — Она уперлась локтями в стол и, ерзая туфелькой по плиткам пола, посмотрела на плод своих трудов. Глина с золотым сердцем. В воскресных проповедях епископ Монреале частенько повторял, что человек есть прах. А прах ведь та же глина! На нее нахлынуло ощущение, что она едина с шаром на столе. Буроватый, неуклюжий снаружи (она опять вздохнула), но исполненный тайного обещания, если бы только его можно было взломать.

— Вдруг оно получилось с изъяном, — сказала она тревожно. — Пузырек воздуха… грязца…

Неужели он не чувствует его? Чистого, высокого тона, точно биение маленького сердца?

— Тогда ты его опять расплавишь и начнешь все сначала, пока не получится. — Ее отец пожал плечами. — Вина будет твоя, и поделом! Незачем было торопиться залить форму без меня. Ну, металл не пропадет. То есть не должен пропасть. Я тебя поколочу, как настоящего подмастерья, если ты позволишь себе такие штуки, на которые горазды подмастерья. — Он свирепо нахмурился, но не всерьез, как заметила Фьяметта.

Ее тревожила не потеря металла. Но она не собиралась открывать свою тайну, рискуя на-

влечь на себя неодобрение или насмешки. Когда она услышала шаги отца в прихожей, то тут же поплевала на фигуру, стерла ее рукавом, а символические предметы — соль, засушенные цветы, кусочек самородного золота, зерна пшеницы — смахнула со стола вместе с листком указаний, переписанных самым лучшим ее почерком. Фартук, в который она их смахнула, приютился на краешке стола, жутко бросаясь в глаза. Отец ведь разрешил ей применить только золото, а не… Она прислонилась бедром к высокому табурету, потерла кожаный фартук, прикрывавший ее серое шерстяное платье, и втянула носом знобящий весенний воздух, который проникал в комнату сквозь незастекленное окно. «Но он сработал! Мой первый вклад сработал. Или хотя бы… не навредил».

Тяжелую дубовую входную дверь сотряс стук, и сквозь нее пробился мужской голос:

— Мастер Бенефорте! Эй, в доме! Просперо Бенефорте, вы что, спите?

Фьяметта вскарабкалась на стол, прижала лицо к решетке, заглядывая за край оконной ниши.

— Двое мужчин… дворецкий герцога мессер Кистелли, батюшка. И. — она просияла, — капитан-швейцарец.

— Ха! — Мастер Бенефорте поспешно снял собственный кожаный фартук и расправил тунику. — Может, он наконец принес мою бронзу! Пора бы уж! Никто не отодвинул засовы на двери нынче утром? — Он высунул голову в другое окно, выходившее во внутренний дворик, и взревел:

— Тесео, отвори дверь! — Его седеющая борода металась влево и вправо. — Где этот ленивый мальчишка? Беги открой дверь, Фьяметта. Только подбери волосы под чепчик, ты растрепана хуже прачки!

Фьяметта спрыгнула на, пол, развязала ленты простенького чепчика из белого полотна и принялась зачесывать пальцами черные кудри, которые выбились наружу, пока она была поглощена работой. Затем завязала ленты потуже, но все равно пышные кудри вырывались из-под чепчика сзади и ниспадали заметно ниже плеч. Она пожалела, что поторопилась и не заплела их в косу на заре; прежде чем мчаться разводить огонь в маленьком горне с тиглем в углу мастерской до того, как отец проснется и спустится вниз. Еще лучше было бы надеть кружевной чепчик из Брюгге, который ей прошлой весной подарил отец в день ее пятнадцатилетия.

Стук возобновился.

— Эй, в доме!

Фьяметта, пританцовывая, пробежала по каменному полу прихожей, отодвинула засов, открыла дверь и сделала реверанс.

— Доброе утро, мессер Кистелли. — И чуть смущеннее:

— Капитан Окс!

— А, Фьяметта. — Мессер Кистелли кивнул ей. — Мне нужен мастер.

Мессер Кистелли носил длинные черные одеяния будто ученый муж. Гвардеец, Ури Окс, был одет в ливрею герцогского дома — короткая черная туника с рукавами в красные и золотые полоски, черные чулки-трико. В это мирное утро он не надел ни металлического нагрудника, ни шлема, не взял с собой пики — только меч свисал с его бедра. Каштановые волосы прикрывала черная бархатная шапочка с кокардой герцога Монтефолья. Кокарду — пчела на цветке — ему сделал мастер Бенефорте, и позолоченная медь выглядела совсем как золото, не выдавая относительной бедности капитана. Швейцарец половину своего жалованья посылал на родину матери, шепотом рассказывал мастер Бенефорте, покачивая головой, то ли в восхищении от такой сыновней преданности, то ли осуждая такую,

нерасчетливость — Фьяметте это так и осталось неясным. Однако чулки обтягивали ноги капитана Окса без единой морщинки, не повисая складками, как у тощих юных подмастерьев или у высохших стариков.

— От герцога? — с надеждой спросила Фьяметта. Кожаный кошель, свисавший с пояса мессера Кистелли рядом с его очками, выглядел пузатеньким самым многообещающим образом. Но с другой стороны, герцог всегда обещает, говаривал батюшка. Фьяметта проводила их в большую мастерскую, где их встретил мастер Бенефорте, приветственно потирая руки.

— Доброе утро, почтенные господа! Уповаю, вы принесли мне добрые вести о бронзе, которую герцог Сандрино обещал для моей великой работы? Шестнадцать чушек меди, вот как! Не меньше. Все уже устроено?

Мессер Кистелли только плечами пожал на такую настойчивость.

— Еще нет. Хотя, думается мне, мастер, к тому времени, когда будете готовы вы, будет готов и металл. — Он чуть насмешливо приподнял бровь, и мастер Бенефорте нахмурился. Фьяметта затаила дыхание: он умел учуять даже легкий намек на оскорбление, точно охотничья собака — дичь.

Однако мессер Кистелли продолжал, погладив кошель на поясе:

— Я принес вам от его светлости деньги на дрова, воск и плату подручным.

— Даже я не такой великий заклинатель, чтобы сотворить бронзу из воска и поленьев. — проворчал мастер Бенефорте. Но руку за кошелем протянул.

Мессер Кистелли чуть повернулся.

— О вашем умении, мастер, речи нет. Его светлость усомнился в быстроте вашей работы. Быть может, вы набираете слишком много заказов в ущерб всем?

— Я должен использовать свое время с толком, иначе моим домашним будет нечего есть, — уничтожающе сказал мастер Бенефорте. — Если его светлости герцогу будет угодно, чтобы его супруга перестала заказывать украшения, ему следует поговорить с ней, а не со мной.

— Солонка! — требовательно сказал мессер Кистелли.

— Тружусь над ней не покладая рук. Как я уже докладывал вам.

— Да, но окончена она?

— Осталось только наложить эмаль.

— И, быть может, действенное заклятие? —

заметил мессер Кистелли. — Его вы уже наложили?

— Нет, не наложил! — произнес мастер Бенефорте тоном оскорбленного достоинства. — Ваш господин ждет от меня не призрачного заклятия знахаря или знахарки. Это заклятие неотъемлемое, накладывается с каждым ударом моего чекана.

— Герцог Сандрино поручил мне узнать, как продвинулась работа, — сказал мессер Кистелли чуть уступчивее. — Пока еще не объявлено, но мне ведено сообщить вам под секретом, что идут переговоры о помолвке его дочери. И он желает, чтобы солонка была кончена вовремя для пира в честь помолвки.

— А! — Лицо мастера Бенефорте просветлело. — Случай, достойный моего творения. А на какое время назначен пир?

— На конец месяца.

— Так скоро! А кто же предполагаемый счастливый жених?

— Уберто Ферранте, сеньор Лозимо.

Наступила многозначительная пауза.

— Теперь я вижу, почему его светлость так торопится.

Мессер Кистелли опустил ладони, кладя конец

дальнейшим обсуждениям.

— Фьяметта! — Мастер Бенефорте повернулся к дочери и снял с пояса связку ключей. — Сбегай за золотой солонкой в сундуке у меня в спальне. Только не забудь запереть и сундук и дверь.

Фьяметта взяла ключи и вышла чинной походкой скромной девицы — не приплясывать же под взглядом капитана! Зато по лестнице из внутреннего дворика на верхнюю галерею она взбежала, прыгая через две ступеньки.

В большом обитом железом сундуке в ногах кровати ее отца хранились десяток переплетенных в кожу книг, несколько толстых пачек бумаг и заметок, перевязанных лентами (она с тревогой попыталась припомнить, уложила ли она их в прошлый раз строго по порядку) и лакированная шкатулка. Сундук благоухал запахами бумаги, кожи, чернил и магии. Она вынула тяжелую шкатулку, заперла сундук, а потом и комнату железными ключами с бородками прихотливой формы. Она почувствовала, как предохранительные заклятия скользнули на место вместе с засовами — легкое жжение в кончиках пальцев. — Очень мощные, раз их вообще можно ощутить, памятуя, как ее отец стремится овладевать все новыми тонкостями своего искусства.

Она спустилась в мастерскую. Ее легкие кожаные туфельки ступали по каменному полу почти бесшумно. Приближаясь к двери, она услышала голос капитана, и его слова заставили ее замереть у косяка.

— .. так матушка вашей дочери мавританка или арапка?

— Да эфиопка же! — вставил мессер Кистелли. — Она была вашей рабыней?

— Нет, она была христианкой, — ответил отец Фьяметты. — из Бриндизи. — В его тоне Фьяметта различила сухость, относящуюся то ли к христианкам, то ли к Бриндизи, этого она решить не могла.

— Она, видимо, была красавица, — учтиво заметил капитан.

— Что так, то так. Да и я не всегда был такой дряхлой развалиной, каким стал сейчас. До того, как мне перебили нос, а волосы поседели.

Капитан Окс виновато хмыкнул, давая понять, что он вовсе не намекал на наружность мастера. Мессер Кистелли, человек тоже далеко не первой молодости, одобрительно усмехнулся.

— Она унаследовала ваш талант в вашем искусстве, мастер Бенефорте, хотя и не ваш нос? — осведомился мессер Кистелли.

— Она бесспорно куда искуснее моего косорукого подмастерья, который годится только, чтобы дрова носить. Ее рисунки и модели очень хороши. Ей я этого, конечно, не говорю, ведь нет ничего мерзее гордой женщины. Я позволил ей работать с серебром. А только что — и с золотом.

Мессер Кистелли испустил надлежащее изумленное «о» и добавил:

— Но я имел в виду ваше другое искусства.

— А-а. — Голос мастера Бенефорте куда-то ускользнул, оставив вопрос без ответа. — Такая напрасная трата усилий обучать дочь, которая все плоды вашего обучения и ваши секреты отдаст мужчине, ставшему ее мужем. Хотя, ежели некие благородные особы будут не доплачивать то, что положено художнику моего ранга, ее знания, возможно, окажутся единственным приданым, какое я за ней дам. — Он испустил тяжкий многозначительный вздох в сторону мессера Кистелли. — Я вам не рассказывал, как папа пришел в такой восторг от прекрасной золотой медали, которую я ему вычеканил для его облачения, что удвоил мою плату?

— Да, несколько раз рассказывали, — быстро вставил мессер Кистелли, — но без толку.

— Он намеревался, кроме того, сделать меня

мастером монетного двора, но тут мои враги нашептали ему всякие клеветы, обвинив меня облыжно в некромантии, и я год гнил в темнице замка Святого Ангела…

Фьяметта слыхивала и эту историю. Она отступила на два-три шага, шумно зашаркала подошвами по плитам и вошла в мастерскую. Осторожно поставила ореховую шкатулку перед отцом и отдала ему ключи. Он улыбнулся, обтер руки о тунику и, шепотом произнеся какое-то слово, открыл крышку. Потом отогнул края шелковой обертки, извлек содержимое и поставил среди прямоугольничков солнечного света на столе.

Золотая солонка засверкала, заискрилась, и у обоих посетителей перехватило дыхание. Фигуры были укреплены на овальном основании из черного дерева, богато изукрашенном. Прекрасная нагая женщина и сильный бородатый мужчина с трезубцем в руке (фигуры из золота величиной в ладонь) сидели, сплетя ноги.

— Как иные заливы заходят внутрь земли, — увлеченно объяснял мастер Бенефорте символический смысл этого.

Корабль (Фьяметте он казался более похожим на лодку) возле руки морского царя был самой

тонкой работы и предназначался для соли; греческий храмик под изящно задрапированной рукой Земли-царицы служил перечницей. Вокруг мужчины резвились морские кони, рыбы и какие-то непонятные ракообразные; возле женщины радовались жизни счастливые создания суши.

У капитана отвисла челюсть, а мессер Кистелли отцепил очки от пояса, водрузил их на нос и жадно впился глазами в чудесную работу. Мастер Бенефорте, зримо надуваясь гордостью, указывал на мельчайшие, но важные детали и упивался изумлением своих посетителей. Первым опомнился мессер Кистелли:

— Да, но действует ли она?

Мастер Бенефорте щелкнул пальцами:

— Фьяметта! Принеси мне две рюмки и вина — кислого, которое Руберта употребляет для стряпни, а не хорошего кьянти. И еще белого порошка, которым она травит крыс в кладовой. И побыстрее!

Фьяметта убежала, наслаждаясь своей тайной. «Дельфинов нарисовала я! И зайчиков». Позади нее раздался громовой голос мастера Бенефорте, вновь призывающего Тесео, подмастерья. Она пронеслась через дворик в кухню и, прежде чем Руберта успела выговорить ей за спешку, объ-

явила:

— Батюшке нужно…

— Да, девочка, побьюсь об заклад, обед ему тоже будет нужен, а огонь в печи погас. — Руберта ткнула деревянной ложкой в сторону выложенной голубым кафелем печи.

— Только и всего! — Фьяметта нагнулась, открыла чугунную дверцу и повернула лицо так, чтобы взглянуть в темный квадрат. Она на мгновение привела свои мысли в полный порядок.

— Пиро! — еле выдохнула она. Над погасшими углями взметнулись и затанцевали яркие голубовато-желтые языки пламени. — Этого должно хватить. — Она с удовольствием ощутила у себя на языке жар заклятия. Ну, хотя бы одно у нее получается. Вот даже батюшка об этом знает. А если одно, так почему бы и не другое?

— Спасибо, душенька, — сказала Руберта, повернувшись, чтобы взять чугунный котелок. Ароматы, веявшие над доской для рубки, свидетельствовали, что она намерена сотворить чудеса из лука, чеснока, розмарина и весеннего ягненка.

— Не стоит благодарности — Фьяметта быстро положила на поднос все, что требовалось для показа, а рядом поставила две рюмки ве-

нецианского стекла — две прозрачные рюмки, уцелевшие из набора, которые разбили возчики, когда они переехали сюда, в Монтефолью, почти пять лет назад. Отец забыл упомянуть про соль и перец, и она быстро сняла баночки с высокой полки, водрузила на поднос и отнесла все это в мастерскую, держа спину прямо.

Улыбаясь про себя, мастер Бенефорте насыпал немножко соли внутрь корабля. На мгновение он словно обратил взгляд внутрь себя, прошептал что-то и перекрестился. Фьяметта потрогала мессера Кистелли за локоть, заметив, что он уже открыл рот, чтобы заговорить: она знала, что сейчас все решается. Гудение солонки, ответившее на шепот мастера Бенефорте, было низким, бархатным, но очень, очень слабым, хотя музыкальным и красивым. Еще год назад она бы его не ощутила. Как вот теперь мессер Кистелли.

— Перец, батюшка? — Фьяметта протянула ему банку.

— Сегодня нам перец не понадобится. — Он покачал головой, а потом положил полную ложку крысиного порошка в рюмку и обвязал ниткой ее ножку. После чего налил вина в обе рюмки. Порошок растворялся медленно, на поверхность поднимались мелкие пузырьки.

— Где этот пентюх? — . — пробормотал мастер Бенефорте, когда миновало несколько минут пустого ожидания. К счастью для Тесео, он не успел раздражиться еще больше: хлопнула наружная дверь, и подмастерье ввалился в мастерскую — шапочка съехала на ухо, один чулок обвисал, шнурки развязались. В подрагивающих руках он сжимал что-то, завернутое в тряпку.

— Мастер, на мусорной куче я только одну изловил, — виновато сообщил Тесео. — Вторая тяпнула меня и убежала.

— Ха! Может, придется взамен попробовать на тебе! — Мастер Бенефорте нахмурился. Тесео побледнел.

Мастер Бенефорте взял у него тряпку, в которой, как оказалось, была заключена крыса — большая, злобного вида, с желтыми обломанными зубами и облезлой шерстью. Тесео пососал прокушенный большой палец. Крыса лязгала зубами, шипела, извивалась и пищала. Крепко держа ее за шкирку, мастер Бенефорте взял тонкую стеклянную трубочку, опустил ее в рюмку с ниткой, набрал немножко ставшего мутно-розовым вина, влил его в крысиное горло и почти сразу опустил зверька на пол. Крыса снова лязгнула зубами, побежала, вдруг закружилась и начала кусать себя

за бока. Потом свалилась в судорогах и издохла.

— Теперь смотрите, добрые господа, — сказал мастер Бенефорте.

Его гости наклонились поближе, а он взял щепотку соли и бросил ее в рюмку с нетронутым вином. Ничего не произошло. Тогда он взял щепотку побольше и бросил в отравленное вино. Соль будто вспыхнула, ее гранулы оранжево засверкали, с поверхности жидкости поднялось голубоватое пламя, словно зажгли коньяк, и продолжало гореть с минуту. Мастер Бенефорте неторопливо помешал жидкость трубочкой. Теперь она стала такой же прозрачной и рубиновой, как вино в нетронутой рюмке. Он взял обвязанную рюмку.

— Ну… — Его взгляд упал на Тесео, который пискнул, совсем как крыса, и испуганно попятился. — Ха! Недостойный пентюх, — бросил мастер Бенефорте презрительно. Он посмотрел на Фьяметту, и его губы изогнулись в странно-вдохновенной улыбке. — Фьяметта, выпей!

Мессер Кистелли охнул, а капитан протестующе сжал кулаки, но Фьяметта выпрямилась, одарила их гордой уверенной улыбкой и взяла рюмку из рук отца. Она поднесла ее к губам и осушила залпом. Капитан Окс снова подскочил,

когда ее лицо исказилось, и в глазах мастера Бенефорте мелькнула легкая тревога, но она подняла руку, успокаивая их.

— Солено-кислое вино. — Она провела языком по зубам и слегка срыгнула. — На завтрак!

Мастер Бенефорте с торжеством улыбнулся дворецкому герцога:

— Действует ли она? Как будто бы да. Что и засвидетельствуете своему господину.

Мессер Кистелли захлопал в ладоши:

— Чудесно! — Однако его глаза то и дело обращались на Фьяметту.

А она с сожалением подавляла злокозненное желание схватиться за живот, упасть на пол и завизжать. Случай, хоть и мимолетный, был удобнейшим, однако мастер Бенефорте не понимал шуток, если шутили над ним, а его уважение к мести не распространялось на воздаяния за оскорбления, которые он наносил другим. «Такая напрасная трата усилий обучать дочь…» Фьяметта вздохнула.

Мессер Кистелли прикоснулся к золотому великолепию:

— И долго ли это будет сохраняться?

— Солонка — вечно, ибо такова неприступная природа золота. Заклятие очищения — лет

примерно двадцать, если вещь как-нибудь не повредят и если ею не станут пользоваться без нужды. Молитва активации будет выгравирована на дне, ибо я убежден, что она переживет меня.

Мессер Кистелли почтительно шевельнул бровями:

— Так долго!

— Моя работа стоит полной цены, — сказал мастер Бенефорте.

Мессер Кистелли понял намек и отсчитал положенное герцогом жалованье, после чего Фьяметта была отправлена запереть в кованом сундуке и солонку, и кошель.

Когда она вернулась, мессер Кистелли уже ушел, но капитан Окс задержался и беседовал с ее отцом, как бывало часто.

— Идемте, Ури, во двор, — говорил мастер Бенефорте, — Взгляните на своего воинственного двойника до того, как я одену его в глиняную тунику. Я кончил накладывать воск всего два дня назад. Глина выдерживалась несколько месяцев.

— Кончили? Я и не думал, что вы так продвинулись, — сказал капитан Окс. — Так вы пригласите герцога осмотреть его нового воина?

Мастер Бенефорте кисло улыбнулся и прижал

палец к губам.

— Я бы и вам не сказал, если бы мне не требовалось кое-что проверить напоследок. Я намерен отлить его втайне и приподнести моему нетерпеливому герцогу Монтефолья законченную статую. Пусть-ка мои враги обвинят меня тогда в медлительности!

— Но вы ведь работаете над ней более трех лет, — с сомнением сказал Окс. — Впрочем, всегда лучше обещать меньше и сделать больше, чем наоборот.

— Верно. — Мастер Бенефорте проводил молодого человека в открытый двор. Плиты там все еще укрывал утренний сумрак, хотя по стене прямо на глазах сползала полоса света, по мере того как солнце поднималось по небосводу. Фьяметта шла позади тихо-тихо, чтобы не привлечь внимания отца и не получить какого-нибудь докучного поручения, которое помешает ей послушать их разговор.

Под холщовым навесом стояла бугристая фигура в полтора человеческих роста, закутанная в полотно, будто в саване, призрачная в сером свете. Мастер Бенефорте встал на табурет и осторожно размотал предохранительные полотняные полосы. Первой появилась высоко

поднятая сильная мужская рука, держа фантастическую отрубленную голову со змеями вместо волос, искаженную смертной гримасой. Затем спокойное героическое лицо под крылатым шлемом, затем — мало-помалу и вся нагая фигура. Правая рука сжимала узкий изогнутый меч. Выпуклые мышцы словно играли, и под воздетым с торжеством жутким трофеем статуя была будто сжатая, готовая взметнуться пружина. Ее почти прозрачная поверхность была покрыта золотисто-коричневым воском, от которого исходило легкое благоухание меда.

— Поистине, — благоговейно прошептал Ури, подходя ближе, — поистине это магия, мастер Просперо! Он словно вот-вот сойдет с пьедестала. Даже лучше гипсовой модели!

Мастер Бенефорте довольно улыбнулся.

— Тут нет магии, юноша. Чистое искусство, и только. Когда он будет отлит, то прославит мое имя вовеки! Просперо Бенефорте, мастер скульптор. Невежественные болваны, называющие меня просто златокузнецом и медником, будут полностью посрамлены и онемеют в тот день, когда с него на площади совлекут покрывало. «Ювелир герцога»! Ха!

Ури как завороженный смотрел на восковое

лицо героя.

— Я правда выгляжу так? Боюсь, вы слишком мне польстили, мастер Бенефорте!

Тот пожал плечами:

— Лицо идеализировано. Персей был греком, а не швейцарцем, не в рябинах, точно сыр. Бесценным для меня было ваше тело — как модель. Отлично сложенное, сильное, но без бугристости, столь частой у силачей.

Ури притворно задрожал:

— Великолепно или нет, но уж больше вы меня не уговорите служить нагой моделью зимой, пока сами сидите, кутаясь в меха.

— Так я же следил, чтобы в жаровне было полно углей. А мне казалось, что вы, горные козлы, к холоду не чувствительны.

— Когда не стоим на месте. Наши зимы заставляют нас трудиться как следует! А вот застывать, извернувшись точно веревка, это меня доконало. Целый месяц отделаться от насморка не мог.

Мастер Бенефорте равнодушно махнул рукой.

— Оно того стоило. А теперь, раз вы уже здесь, снимите-ка правый сапог. Меня что-то беспокоит ступня. При отливке статуи я должен буду загнать металл вниз почти на пять локтей. С головами забот не будет, ведь огонь устремляется вверх, но

это же должен быть Персей, а не Ахилл, а?

Капитан покорно снял сапог и зашевелил пальцами ноги. Мастер Бенефорте сравнил плоть и воск, а потом удовлетворенно буркнул:

— Ну, если что-нибудь не получится тут, я сумею исправить.

— В этой восковой плоти видна каждая жилочка, — сказал Ури, наклоняясь ближе. — Я готов удивиться, что вы не изобразили мои заусеницы и мозоли, такой он живой. А из глины он выйдет таким же прекрасным в бронзе? Плоть ведь так нежна! — Он запрыгал на одной ноге, натягивая сапог.

— Ха! Это я могу показать вам наглядно. Мы только что отлили хорошенькую безделицу из золота. Я сколю глину у вас на глазах, и вы сами увидите, сохранятся ли заусеницы моей статуи.

— Ах, батюшка! — поспешно перебила Фьяметта. — Можно я сама его освобожу от глины? Ведь все остальное я делала одна!

Конечно, конечно, он ощутит ее заклятие, если возьмет глину в руки, оно же так свежо!

— Как, ты все еще шляешься без дела? Разве тебе нечем заняться? Или просто понадеялась еще разок поглазеть на голого мужчину? — Мастер Бенефорте дернул подбородком в сторону своего

воскового Персея.

— Вы же хотите поставить его на площади, батюшка. И все девицы его увидят, — сказала Фьяметта, оправдываясь. Неужели он заметил, как она подглядывала, пока он лепил модель?

У живого Персея — Ури — лицо стало таким, словно это была для него новая и неприятная мысль. Он вновь взглянул на статую, будто собираясь попросить о бронзовой набедренной повязке.

— Ну, — мастер Бенефорте снисходительно усмехнулся ее смущению, — ты смелая хорошая девочка, Фьяметта, и заслуживаешь награды за кислое вино, которое выпила на завтрак и тем помогла мне сразить этого Фому неверного, Кистелли. Идемте! — И он повел обоих назад в мастерскую. — Вот увидите, капитан. Работать с воском так просто, что это и ребенку под силу.

— Батюшка, я уже не ребенок, — перебила Фьяметта.

— Как будто бы да. — Его улыбка стала пустой. Глиняный шар лежал на столе, где она его оставила. Фьяметта взяла самую маленькую стамеску с полки-подставки на стене, на миг сжала шар в ладонях и вознесла безмолвную молитву. Неслышное гудение заклятия перешло в совсем

уж неуловимое мурлыканье. Отец и капитан оперлись локтями на стол справа и слева от нее, внимательно следя за каждым ее движением. Она принялась постукивать стамеской, отбивая кусочки глины. Заблестело золото.

— А! так это кольцо! — сказал Ури, наклоняясь еще ниже. Фьяметта улыбнулась ему.

— Маленькая львиная маска, — продолжал он с интересом, пока ее пальцы осторожно убирали иглой остатки глины. — Только поглядите на эти крохотные клыки! Как он ревет! — Капитан засмеялся.

— В клыки должен быть вставлен рубин, — объяснила Фьяметта.

— Гранат, — поправил мастер Бенефорте. — Рубин будет ярче.

— И дороже.

— Кольцо, по-моему, будет хорошо смотреться на руке вельможи, — заметил Ури. — И вы вернете цену рубину.

— Это кольцо для меня, — сказала Фьяметта.

— А? Но оно ведь будет впору только мужчине.

— Оно для большого пальца, — объяснила Фьяметта.

— Форма, которая обошлась мне в такое количество золота, какого хватило бы на два простых

кольца, — вставил мастер Бенефорте. — В следующий раз, давая обещание, я буду точнее.

— И это магическое кольцо, мадонна?

Мастер Бенефорте погладил бороду и ответил «нет» вместо нее.

Фьяметта покосилась на отца из-под защитной завесы ресниц. Он не улыбался, но и не хмурился, но она ощутила, что под личиной равнодушия он внимательно следит за ней. Она резко повернулась, положила кольцо на ладонь капитана и затаила дыхание.

Он покрутил кольцо в пальцах, погладил мизинцем крохотные волны львиной гривы, но не попробовал его примерить. В его глазах появилось недоумение.

— Знаете что, мастер Бенефорте? Вы горько жаловались на своих ленивых и неуклюжих подмастерьев. И сейчас мне в голову пришла мысль… что, если я напишу моему брату Тейру в Бруинвальд? Ему только семнадцать, но он с самого детства работал там на рудниках и в кузницах. Он очень сметливый и пособлял мастеру Кунцу у печи. Так что его не придется обламывать и обучать всему с самого начала, как невежественного мальчишку-подмастерья. Он уже много знает о металлах, особенно о меди. И наверное, успел

подрасти и стать куда сильнее, чем был, когда я его видел в последний раз. Именно то, что вам нужно для вашего преславного Персея.

— Вы часто пишете брату? — осведомился мастер Бенефорте, следя, как он крутит кольцо в пальцах.

— Нет… Господи, я же не был дома четыре года! Жизнь рудокопа тяжела и скудна. Даже и сейчас меня пробирает дрожь, когда я вспоминаю эти темные душные туннели. Я два раза предлагал Тейру место в гвардии герцога, но он отвечал, что ему и думать противно о том, чтобы стать солдатом. Я-то говорю, он не понимает, что для него лучше. Но хоть славные знамена герцога не выманили его из той черной ямы, ваша слава искуснейшего художника его прельстит. — Рука Ури сомкнулась на кольце, он отдал его Фьяметте и рассеянно потер ладонь.

— Так он помогал медь выплавлять? — сказал мастер Бенефорте. — Да… Ну что же, напишите ему. Посмотрим, как все обернется.

Капитан улыбнулся.

— Сейчас же и напишу, — сказал он, изящно поклонился Фьяметте, пожелал мастеру Бенефорте доброго утра и удалился быстрым шагом.

Фьяметта села на табурет, держа кольцо, и ис-

пустила тяжелый вздох разочарования.

— Вы правы, батюшка. Бесполезно. Я просто не могу творить магию.

— Ты так думаешь? — мягко спросил мастер Бенефорте.

— Заклятие не сработало! Я вложила в него все сердце и душу, и ничего не произошло! Он даже на минутку кольца на палец не надел. — Она подняла глаза, вдруг осознав, что выдала свою тайну, но лицо мастера Бенефорте было скорее задумчивым, чем сердитым. — Но… но я ведь не была такой уж непослушной, батюшка. Вы не сказали, что я не должна накладывать заклятие на кольцо.

— Ты не спрашивала, — ответил он резко. — Тебе известно, что я никогда тебя этому не учил. Магия металлов слишком опасна для женщин. Во всяком случае, так я всегда думал. Но теперь я начинаю думать, не опаснее ли оставлять тебя необученной.

— Я для кольца пользовалась только заклинаниями, дозволенными Церковью, батюшка!

— Да, я знаю… Ты считаешь, что ты так уж непрозрачна, Фьяметта? — добавил он, заметив, как она расстроена. — Я мастер, дитя. Даже другой мастер не сумел бы воспользоваться моими

книгами и инструментами так, чтобы я об этом не узнал.

— Но моя магия не удалась. — Она понурила голову.

Он взял кольцо и поднес его к свету.

— Мне следовало бы побить тебя за твои хитрости и обман… — Он отбросил край фартука, свернутого на краю рабочего стола, осмотрел то, что лежало внутри, и неодобрительно сжал губы. — Ты воспользовалась заклинанием истинной любви мастера Клюни, так?

Она горестно кивнула.

— Эти чары не сотворяют истинной любви, дитя. Это было бы неразрешимым противоречием, ибо чувство, вызванное магически, не может быть истинным. Чары лишь позволяют узнать истинную любовь.

— О!

— Но твое кольцо, возможно, сработало, хотя магия мастера Клюни не для упражнений подмастерий. Оно истинно открыло, что красивый, хотя и рябой капитан Окс — не твоя истинная любовь.

— Но… он мне нравится. Он добрый, учтивый. Держится благородно, не как грубияны-солдаты.

— Он просто первый мужчина, которого ты

увидела, а вернее, заметила. И уж конечно, ты видела его целиком.

— Я в этом не виновата, — огрызнулась она.

— Все твои хихикающие подружки! Без них ты до такой нескромности не додумалась бы.

— Мне скоро шестнадцать, батюшка. Вы же знаете, соседскую Маддалену в прошлом месяце помолвили. Она уже примеряет свадебный наряд. А утренние новости? Дочке герцога Джулии всего двенадцать.

— С ней чистая политика, — сказал мастер Бенефорте. — И отнюдь розами не благоухающая. Да прикуси язычок, не то, если пойдут слухи, я буду знать, кто в них виноват. Сеньору Ферранте уже не тридцать пять, и говорят о нем всякое. Его второй жене еще не было шестнадцати — твоя ровесница, ты только подумай! — когда она умерла родами два месяца назад. Вряд ли ее судьба кажется тебе такой уж завидной.

— Да нет, нет! И все-таки… вдруг чуть не все выходят замуж. Кроме меня. Всех мужчин получше разберут, а вы меня будете держать при себе, пока я не стану толстой старухой, просто чтобы я была под рукой для вашего чародейства. «Немножечко твоей крови в эту новую чашу из сырой древесины, доченька, одну капельку»,

пока я с ног не свалюсь. Кровь девственницы. Волосы девственницы. Слюни девственницы. Урина девственницы. В иные дни я чувствую себя магической коровой.

— Твои уподобления слишком уж замысловаты, моя Фьяметта.

— Вы понимаете, о чем я! А тогда помолвите меня с каким-нибудь старым петухом с тощими ногами и лысым, как яйцо.

Мастер Бенефорте подавил смех:

— Что же, богатым вдовушкам неплохо живется.

— Ха! Тут нет ничего смешного, батюшка. — Она замолчала, а потом произнесла тихо:

— Или вы уже попробовали, но меня никто не захотел взять, потому что я такая чернушка. Или бесприданница.

— Мою дочь никто бесприданницей не назовет! — прикрикнул он, на этот раз слишком уязвленный, чтобы сохранить насмешливость, которая выводила ее из себя. Но тут же совладал с собой и продолжал:

— Охлади свою пылающую душу, Фьяметта, пока я не отолью моего великого Персея и герцог не наградит меня, как я того достоин. И в мужья я тебе куплю не какого-нибудь нищего солдата.

У твоих подружек-болтушек рты поразеваются и языки отнимутся — почаще бы! — от зависти, когда они увидят свадебную процессию дочери Просперо Бенефорте! — Он отдал ей кольцо. — А потому сохрани эту золотую безделицу, как напоминание, что доверять надо своему отцу, а не своему невежеству. Маленький лев еще зарычит на твоей свадьбе.

«Я же выпила твое отравленное вино. Какого еще доверия ты требуешь?» — Фьяметта опустила кольцо в самую глубину своего кармана и пошла за метелкой, чтобы смахнуть с рабочего стола кусочки глины.

Глава 2

Сапоги Тейра Окса скользили по снегу на тропе, уводившей из деревушки Бруинвальд в долине к навесу над шахтой рудника. Он задумчиво пнул в серо-белую кучу у тропы, и она разлетелась безобразными комьями — не облаком холодной серебристой пыли, как несколько недель назад, и не весенними комочками напополам с брызгами. Да уж лучше весенняя снежная слякоть — любой предвестник наступления теплых дней. Свинцовый рассвет сулил еще один свинцово-серый зимний день. Зима словно бы решила длиться вечно. Ну да дневного света он увидит мало. Тейр вновь вскинул кирку на плечо, а свободную руку сунул под мышку в тщетной попытке согреться. Сверху донесся крик, он поднял глаза и поспешно отпрыгнул к краю тропы, благоразумно укрывшись за деревом. Мимо пронеслись деревянные сани с тяжелым кулем руды, на котором восседал мальчишка и вопил, как конный татарин. За первыми санями почти сразу промелькнули вторые: видимо, мальчишки устроили гонки: кто первым достигнет дна долины. Да как бы не с переломанными костями, если они не подберут

ноги перед следующим поворотом. Однако мальчишки благополучно скрылись за поворотом, и Тейр ухмыльнулся. Два года назад свозить руду к речке внизу было его любимой зимней работой, но тут он вырос, раздался в плечах, и все, не сговариваясь, начали поручать ему работу потяжелее.

Он подошел к деревянному сараю, укрывавшему подъемник, и мехи вентиляционного устройства, и с радостью спрятался там от леденящего утреннего ветра, который свистел над склонами, срываясь с голых вершин. Там уже был рудничный надзиратель — он наливал дневную порцию ворвани в их фонари. Хенци, приятель Тейра, снял запор с блока, проверил барабан и шестерни ворот. Может, в будущем году им будет по карману установить машину побольше, так чтобы в движение ее приводила упряжка волов или лошадей. Ну а пока руду все равно надо поднимать, а потому двое дюжих мужчин бежали в колесе, которое поворачивалось под их напряженными ногами. Тяжелая работа. Но зато они видят дневной свет!

— Доброе утро, мастер Энтльбух, — сказал Тейр надзирателю со всей учтивостью, надеясь, что его поставят вертеть колесо. Но мастер Энтльбух крякнул что-то невнятное и сунул ему фонарь.

Вошел Фарель, рудокоп, притоптывая, чтобы стряхнуть снег с сапог, и тоже получил фонарь, заправленный ворванью, корзины и деревянные лотки для черной медной руды.

— Мастер Энтльбух, а священник придет окурить рудник от кобольдов? — с тревогой спросил Фарель.

— Нет, — буркнул мастер Энтльбух.

— Они там совсем обнаглели. Вчера опрокинули два фонаря. А цепь водяного насоса, она не просто от ржавчины лопнула…

— От ржавчины, — сердито ответил надзиратель. — Потому что кто-то смазал ее кое-как, не иначе. Ну а фонари — можно сказать «кобольд», а можно «косорукий», и второе, на мой взгляд, вернее будет. Так что отправляйтесь вниз и отыщите нынче хорошую руду, пока мы все с голоду не поумирали. Вы двое начинайте в верхнем забое.

Тейр и Фарель уложили свои инструменты в ведро и начали спускаться по деревянной лестнице.

— Нынче он что-то лютует, — шепнул Фарель над головой Тейра, едва они спустились на несколько перекладин в обшитом досками стволе. — Об заклад побьюсь, не хочет раскошелиться священнику на ладан.

— Скорее не может, — вздохнул Тейр. Немногие жилы, которые они теперь выламывали, становились из месяца в месяц все беднее, и руды вымывалось столько, что плавильня мастера Кунца работала не больше двух раз в месяц. Не то Тейр был бы сейчас в плавильне, чистил бы остывшие печи, подбрасывал топливо в ревущий огонь и следил бы, как мастер Кунц превращает черные куски в чистый дышащий жаром жидкий металл. Работай он у мастера Кунца, так не стучал бы зубами от холода. Не наняться ли к углежогам? Да только раз плавильня простаивает, так и древесный уголь мало кому требуется. Управляющий грозил закрыть рудник, если добыча не вырастет. Потому-то, сказал дядя Тейра, надзиратель так злится. Ну что же… надо просто остерегаться кобольдов.

Они добрались до низа, и Хенци спустил ведро с инструментами. Тейр натянул капюшон на светлые волосы, чтобы в них не набилась каменная пыль, и надежно укрыл затылок и шею. Они пошли по наклонной штольне в оранжевом мерцании фонарей, и на уши Тейра навалилось тягучее безмолвие камня. На многих эта тишина наводила жуть, но Тейр ощущал в ней что-то утешительное, терпеливое, неизменное,

материнское. Другое дело неожиданный шум, внезапный стон смещающейся каменной глыбы — вот они были страшны.

Шагов через пятьдесят штольня разделилась на две уводящие в недра горы кривые галерейки, оставшиеся от выработки богатых медных жил. Одна круто уходила вниз, и Тейр обрадовался, что сегодня не будет таскать по ней вверх корзины с рудой. Чернели дыры, из которых после выработки жилы забрали крепежные стойки. Тейр с Фарелем пошли по верхней горизонтальной галерке. Вскоре она уперлась в каменную стену.

Фарель аккуратно поставил фонарь так, чтобы его не могли задеть летящие осколки, и взял кирку.

— Ну давай, малый.

Тейр встал так, чтобы при размахе не задеть Фареля, и они принялись долбить тусклые пятна на камне — остатки медной жилы. Через полчаса такой работы оба начали задыхаться.

— Неужто олух Энтльбух еще не запустил мехи? — Фарель утер мокрый лоб.

— Пойди покричи, — предложил Тейр, сгребая в корзину отбитую руду, чтобы Фарель захватил ее с собой. И половины не набралось. В наступившей тишине Тейр уловил отголоски стука кирок

в нижней галерейке. Порода была твердой, жилы узкими, и за последние три месяца они продвинулись на какие-то пятнадцать футов. Тейр надел сшитые ему матерью кожаные наколенники и начал долбить стенку внизу, пока не задохнулся. Тогда он разогнул ноющее тело, встал и оперся на кирку, чтобы немного отдышаться.

Фарель еще не вернулся. Тейр огляделся, потом подошел к стене забоя и прислонился к ее выщербленной иззубренной поверхности. Он прижал растопыренные пальцы к пятну руды и закрыл глаза. Гомон его мыслей растворился в неясной тишине, единой с тишиной камня. Он стал камнем. Он ощущал прожилки руды, словно сухожилие, тянущееся в его руке. Истончающийся через десять футов, сходящий на нет… и все же в нескольких футах дальше… словно косой удар меча — богатейшая жила, самородная медь, будто застывшая ледяная река, молящая о свете, чтобы она могла засиять…

— Этот металл зовет меня, — прошептал про себя Тейр. — Я его чувствовал. Я чувствую!

Но кто ему поверит! И откуда эти видения? Или они — ложь, приманки дьявола? Штуси, кожевник, когда-то в горячке бормотал о видениях, а потом у него из носа выполз длинный

червяк, и он умер. Видение Тейра пульсировало опасностью, мучительно смутной, исчезающей, как туман, едва его пустоту заполняла неясность именно этого вопроса. Что?.. Его руки вцепились в камень.

Уголком глаза он уловил какое-то движение — гаснет фонарь? Или возвращается Фарель? Он, краснея, отпрянул от стены. Но шарканья сапог не было слышно, а фонарь мигал не больше обычного.

Вот оно! Тень в колеблющихся тенях… этот странной формы камень зашевелился! Тейр застыл едва дыша.

Камень распрямился — смахивающий на бурую корягу человечек, высотой фута в два с чем-то вроде кожаного фартука рудокопа на чреслах. Он хихикнул и отпрыгнул в сторону. Черные глазки блестели в лучах фонаря, точно отполированные камешки. Он подскочил в корзинке Тейра и снова положил в нее кусок руды.

Тейр сохранял неподвижность. Впервые за все время, проведенное в рудниках, он увидел гнома так близко и так ясно, а прежде — только уголком глаза вроде бы движение, но стоило ему повернуться туда, и оно как будто сливалось со стеной. Человек снова хихикнул и наклонил острый

подбородок к плечу с комично вопросительным видом.

— Доброе утро, малыш, — прошептал Тейр завороженно, надеясь, что того не спугнет звук его голоса.

— Доброе утро, мастер-металльщик, — ответил кобольд дребезжащим голоском.

Он впрыгнул в корзинку, посмотрел через край на Тейра и выпрыгнул. Его движения были быстрыми и дергающимися. Тощие руки и ноги завершались длинными приплюснутыми пальцами с суставами, как узлы на корнях.

— Я не мастер. — Тейр улыбнулся, присел на корточки, чтобы не возвышаться угрожающе, и нащупал на поясе фляжку, в которую его мать перед зарей налила козьего молока. Осторожно он протянул руку к бато — широкому деревянному блюду, на которое укладывались куски лучшей руды, перевернул его, потряс, стряхивая грязь, а потом налил в него молока и приглашающе придвинул к человечку.

— Пей, если хочешь.

Тот снова захихикал и подскочил к краю. Он не поднял блюда, а наклонил голову и принялся лакать, будто кошка, — острый язычок так и мелькал. Но его блестящие глазки не отрываясь

смотрели на Тейра. Молоко было выпито быстро. Кобольд сел, тоненько, но вполне внятно рыгнул и утер губы похожей на веточки кистью.

— Вкусно!

— Матушка наливает его на случай, если мне до обеда захочется пить, — машинально ответил Тейр и тут же почувствовал себя глупо. Уж наверное ему следовало схватить эту нечисть, а не пускаться с ней в разговоры. Сдавить хорошенько: пусть скажет, где скрыто золото, или серебро, или клад. Однако лицо, морщинистое, как печеное яблоко, выглядело скорее почтенным, а не злым или угрожающим.

Человечек бочком подскочил к Тейру. Тот напрягся. Медленно прохладный узловатый палец вытянулся и прикоснулся к запястью Тейра. «Вот сейчас и схватить его!» Но он не мог, не хотел пошевелиться. Кобольд проскакал по неровному полу и потерся о пятно жилы в стене. Он расплылся, словно бы таял… «Удирает!» — Мастер Кобольд, — с отчаянным усилием прохрипел Тейр, — скажи мне, где я найду свое сокровище?

Кобольд задержался, его полуприкрытые веками глазки уставились прямо на Тейра. Ответом был скрипучий полунапев, словно ворот запел, поднимая тяжелый груз:

— Воздух и огонь, мастер металльщик, воздух и огонь. Ты земля и вода. Иди к огню. Ледяная вода тебя погасит. Холодная земля закроет твой рот. Холодная земля хороша для кобольдов, а не для мастеров-металльщиков. Могильщик, могильщик, иди к огню и живи!

Он втаял в жилку, оставив после себя только замирающее хихиканье. Загадки! Задай проклятущему гному прямой, простой вопрос, а в ответ услышишь загадку. Мог бы заранее знать! А голосишко звучал так, что слова получали двойной смысл. Могильщик! Хмурый рудокоп? Или человек, который сам себе вырубает могилу? И о ком это? О нем, о Тейре? От стынущего на коже пота его до костей пробрал озноб. Дрожа, он упал на колени. Сердце у него колотилось, в ушах стоял рев, точно в печи мастера Кунца, когда работают мехи. И в глазах потемнело… нет, огонек в фонаре стал маленьким, тусклым… Но ворвани же было вдосталь!

В уши режуще ворвался голос Фареля:

— Богоматерь, ну и смердит же здесь! — А потом:

— Эй, малый, э-эй!

Сильные пальцы сомкнулись на плече Тейра и грубо подняли на ноги. Тейр зашатался. Фарель

выругался, закинул руку Тейра себе на шею и повел по штольне.

— Дурной воздух, — сказал Фарель. — Вентиляционные мехи вовсю работают. Наверное, трубу засорило. Черт! Может, кобольды закупорили.

— Я видел кобольда, — сказал Тейр. Сердце у него стучало все так же, но в глазах прояснялось, хотя что можно толком увидеть среди теней в сердце горы?

— Камнем в него швырнул? — сказал Фарель с надеждой.

— Напоил молоком. Ему как будто понравилось.

— Олух! Господи помилуй! Мы стараемся очистить рудник от нечисти, а не приваживать новых! Покорми его, так он заявится опять со всей своей братией. Понятно, почему от них тут деваться некуда!

— Да я в первый раз увидел кобольда. И он вроде был очень приветлив.

— Брр! — Фарель покачал головой. — Скверный воздух, вот что. От него всякое привидится.

Они вышли к началу развилки. Воздух тут был достаточно свежим. Фарель посадил Тейра возле деревянной трубы, через которую мехи гнали воздух в нижние штольни.

— Посиди тут, а я сбегаю за мастером Эптльбухом. Потерпишь, а?

Тейр кивнул, и Фарель скрылся в туннеле. Тейр услышал, как он, стоя у ствола, орет, перекрикивая скрип и стоны деревянных механизмов. Тейра все еще бил озноб. Он покрепче обхватил руками грудь и поджал ноги под себя. Фарель забрал фонарь, и вокруг сомкнулась чернота.

Наконец вернулся Фарель с мастером Энтльбухом, который поднес фонарь к лицу Тейра и с тревогой вгляделся в него. Он расспросил Тейра, что он чувствовал, и пошел назад по штольне с Фарелем, стуча палкой по деревянной трубе. Потом вернулся Фарель с фонарем и инструментами Тейра.

— Обвал проломил трубу. Мастер Энтльбух сказал, чтоб в верхнем забое сегодня не работали. Как оправишься, спустись в нижний, поможешь подносить корзины.

Тейр кивнул и встал на ноги. Фарель открыл свой фонарь, чтобы Тейр мог взять огня для своего. «Воздух и огонь, — подумал Тейр. — Жизнь».

Теперь ему стало заметно легче, и он спустился по нижней галерейке в поисках других рудокопов. Он осторожно ступал по крутому наклону, чтобы не расплескать ворвань, и еще более осто-

рожно слезал по приставной лестнице вниз еще на тридцать футов. Эта нижняя галерейка осталась после выработки извилистой жилы, сначала уходившей вниз, а затем повернувшей вверх. В дальнем конце четверо парами посменно рубили породу и сортировали отколотые куски, что заодно служило и отдыхом. Они поздоровались с ним обычным тоном — Никлаус бодрым, Бирс унылым, а остальные двое не слишком бодро и не слишком уныло.

Тейр наложил отобранную руду в корзину, поднял ее на плечо и пошел вниз-вверх по галерейке к стволу. Там ссыпал руду в кожаное ведро, взобрался по перекладинам, повесив корзину на локоть, воротом поднял ведро, пересыпал руду в корзину, отнес ее к стволу клети, опрокинул руду в большую деревянную бадью и крикнул Хенци, который взялся за большой ворот, и бадья исчезла из вида в стволе. А Тейр пошел насыпать корзину еще раз, а потом еще раз, пока не потерял счет. Он совсем изнемог от работы и голода, когда Хенци наконец спустил ведро с хлебом, сыром, пивом и ячменной водой. Всему этому рудокопы в нижнем забое оказали куда более приветливый прием, чем прежде Тейру.

После обеденного перерыва к ним присоеди-

нился Фарель.

— Мы с мастером Энтльбухом выпилили разбитый кусок трубы, и он пошел за новым целым, отпиленным по мерке.

Фареля встретили обычным бурканьем. Тейр поработал киркой и молотом там, где порода была особенно твердой — камень звенел, осколки разлетались во все стороны. Руки, спина и шея у него все сильнее ныли, рудничные запахи словно набивались в голову — запахи холодной сухой пыли, нагретого металла, горящей ворвани, ее едкого дыма (ведь ворвань эта была не самой лучшей), пропотевшей шерсти, дыхания его товарищей, разившего луком и сыром.

Когда они наконец отбили достаточно хорошей руды, чтобы наложить корзину с верхом, Тейр и Фарель понесли ее вместе. Они прошли полпути до лестницы, когда в оранжевом свете фонаря мелькнула изогнутая фигурка, скользящая вдоль стенки штольни.

— Проклятое демонское отродье! — крикнул Фарель. — Проваливай!

Он выпустил ручку корзины, взмахнул киркой и запустил ее в кобольда. Тихо охнув, фигурка слилась с камнем.

— Ха! Вроде бы я его задел! — сказал Фарель и

шагнул к кирке, которая вонзилась в стену.

— Зря ты, — сказал Тейр, волей-неволей выпустив и свою ручку. Он поставил фонарь на руду. — Они кроткие создания и никакого вреда вроде бы не чинят — просто, что ни случится, винят их.

— Не чинят, как бы не так! — проворчал Фарель, дергая кирку, которая крепко застряла. Он дернул еще раз, потом уперся ногой в стену и рванул. Кирка выскочила, отломив большой кусок породы, а Фарель отлетел назад и стукнулся затылком о крепежную стойку. — Не вредят! — завопил он, потирая голову. — Это, по-твоему, не вредят? — Он поднялся с пола.

От новой дыры поползла щель, странно темнея на глазах у Тейра. Из нее засочилась вода.

— О-ох! — прохрипел Фарель, глядя через его плечо.

Гора застонала — глубокие содрогания, которые Тейр каким-то образом слышал не ушами, а нутром. Капли превратились в струйку, потом в струю, которая ударила в противоположную стену. Из глубины штольни донеслись треск, крики и агонизирующий вопль.

— Кровля рушится! — с ужасом взвизгнул Фарель. — Бежим! — Он бросил кирку и кинулся

вверх по штольне. Тейр побежал за ним, испуганно поднимая руки, чтобы не стукнуться в темноте лбом о поперечный брус крепи.

У подножия лестницы они остановились.

— Но ведь ничего больше не обвалилось, — сказал Тейр растерявшемуся Фарелю.

— Пока, — ответил Фарель. Его рука появилась из ниоткуда, нашаривая Тейра. Тейр схватил ее. Она была ледяной от пота.

— Похоже, там внизу кого-то поранило, — сказал Тейр.

Он услышал, как сглотнул Фарель.

— Я сбегаю за мастером Энтльбухом, — сказал Фарель не сразу. — Приведу подмогу. А ты вернись, посмотри, что случилось.

— Ладно. — Тейр повернулся и побрел назад по штольне. Он ощущал всю тяжесть горы, нависающей сверху. Если гора еще содрогнется, бревна крепи переломает, как лучинки. «Холодная земля закроет твой рот, могильщик...» Оттуда, куда он брел, больше не доносились ни вопли, ни крики, только шипение воды.

Впереди показалась накренившаяся корзина с рудой и фонарь на ней — он все еще горел. Вода, бившая из стены, стекала по наклонному полу. Тейр взял фонарь и пошел дальше, скользя и

спотыкаясь на мокрых камнях. У изгиба выработанной жилы колыхалась лужа. Она тянулась до того места, где кровля штольни скашивалась ей навстречу. Неудивительно, что он ничего не слышал. Люди в забое оказались в воздушном кармане, слой воды гасил их крики. А вода, хитро пробираясь сквозь все трещинки, какие могла отыскать, все сжимала и сжимала этот карман.

Мокрая голова разорвала непрозрачную мерцающую поверхность, человек сплюнул и начал судорожно глотать воздух. Рядом возникла вторая голова. Тейр поспешно протянул руку и помог рудокопам выбраться из воды — второй цеплялся за первого. У него был оглушенный вид, лоб рассечен, и из-за стекавшей с него воды казалось, что кровь из раны льет рекой. Глаза первого были выпучены от страха.

— Остальные шли за вами? — спросил Тейр.

— Не знаю, — пропыхтел Матт, первый. — Никлауса вроде бы камнями придавило.

— А Бирс остался с ним?

Храбрый Бирс. Во всяком случае, храбрее Тейра, это уж так. Будь у отца Тейра такой вот храбрый напарник шесть лет назад, он бы жил и жил!

Матт покачал головой:

— Я думал, он с нами. Только он воды до ужа-

са боится. Знахарка ему нагадала, что никакая смерть ему не страшна, если он не утопист. Он воду даже не пьет. Только пиво.

А вода поднималась и лизала носки Тейра. Он попятился. Они все вглядывались в воду, но ни одной головы больше не вынырнуло. Человек с кровоточащей раной во лбу пошатнулся.

— Уведи-ка ты его отсюда, а не то нам придется его нести, — сказал Тейр. — Помощи ждать уже недолго. Я… посторожу тут. Скажи им там, наверху, чтобы качали воздух. Может, это задержит воду.

Матт кивнул, обнял раненого за пояс, и они пошли вверх по штольне. Тейр стоял и смотрел, как поднимается темная вода. Чем дольше они будут ждать, тем глубже она будет становиться, и тем труднее будет… «Ледяная вода тебя погасит». Головы не выныривали. Вода вновь уже лизала носки Тейра, и вновь он отступил. Он подавил крик отчаяния, и у него вырвался только писк, как у раненого кобольда. Тейр поставил лампу на пол в нескольких шагах от воды, повернулся и вошел в воду.

Когда она поднялась выше сапог и ледяная волна захлестнула ему пах, он на миг перестал дышать, но продолжал идти, пока его подошвы

не оторвались от пола. Он набрал в грудь побольше воздуха, повернулся и начал продвигаться дальше, отталкиваясь от ушедшей под воду кровли. Ниже… ниже… Он ощущал нарастающее давление в ушах, они все больше немели. И тут — подъем, слава Богу! Дальше галерейка уходила вверх. Он начал отталкиваться быстрее. Если воздушного кармана там не окажется… тогда он…

Его рука с плеском вырвалась в несопротивляющийся воздух, а затем и голова. Он задышал так же судорожно, как Матт. И было не совсем темно. Чей-то фонарь продолжал гореть. Его ноги нащупали пол, и он зашлепал по сухому камню. У него даже глаза замерзли, кожу на голове стянуло, пальцы изогнулись в окостенелые клешни. Знобкий оранжеватый воздух казался горячим.

У края воды стоял Бирс и рыдал.

На полу у стены забоя что-то копошилось. Никлаус! Он осыпал Бирса проклятиями. И вдруг прервал их.

— Тейр? Это ты?

Тейр встал на колени в сумраке возле Никлауса и больше на ощупь разобрался, что произошло. Ногу Никлауса придавило краем косо упавшей плиты. Кость была раздроблена, мышцы раздавлены и нога уже опухала, как определили пальцы

Тейра. Проклятая плита была такой большой! Тейр схватил кирку, подсунул ее конец под плиту и нажал. Плита только чуть оторвалась от пола.

— Бирс, помоги мне! — потребовал Тейр, но Бирс захлебывался слезами, словно ничего не слышал и не видел — настолько завороженный своей воображаемой погибелью, что не замечал того, что происходило у него за спиной. Тейр подошел и потряс его за плечо — сначала легонько, потом изо всех сил. — Полоумный, очнись! — закричал он в лицо Бирсу.

Бирс не перестал рыдать, но помогать ему начал. С помощью кирки, лопаты, лома, подкладывая под них камни после каждого нажима, они, кряхтя, приподняли плиту. Никлаус закричал, когда кровь хлынула в его онемевшую ногу, но все-таки успел выдернуть ее и откатиться в сторону.

— Вода продолжает подниматься, — сказал Тейр.

— Так было предсказано! — простонал Бирс. Тейр сжал кулаки и надвинулся на него.

— Знахарка правду сказала. Тебе суждено утонуть. Я сам суну твою голову под воду и подержу там, если ты мне не поможешь.

— Втолкуй ему, Тейр! — прохрипел Никлаус с

пола. Бирс попятился, подавляя скулящие рыдания, а с ними и свой ужас.

— Возьми Никлауса под другую руку. Набери воздуха и отталкивайся, это же просто. Те двое выбрались.

Они подтащили Никлауса к воде и вошли в нее. Тейр оттолкнулся подошвами и нырнул под свод. Замахав руками, Бирс с паническим воплем отпрянул.

Ну что же. Таща за собой Никлауса, у которого, во всяком случае, хватило ума свободной рукой цепляться за стену и помогать отталкиваться, Тейр плыл. На этот раз тепло быстрее высасывалось из его ноющих мышц и костей. Когда они всплыли на поверхность, у Никлауса глаза закатились от напряжения и боли.

Но их там ждали мастер Энтльбух с Фарелем и еще двумя рудокопами. Втроем они быстро уложили Никлауса на одеяло и зашагали по штольне.

— Кто-нибудь остался? — спросил мастер Энтльбух.

— Бирс. — Тейр расчихался, его бил озноб, по телу пробегали судороги.

— Его что, придавило?

— Нет. Но его всего скрутил ужас перед водой

из-за какого-то дурацкого предсказания.

— А ты не можешь сплавать за ним?

— Он бы сам выбрался, если бы захотел. — Шерстяной капюшон, туника и башмаки набрякли, налились свинцовой тяжестью от воды, обременяли его тело. В раздражении Тейр сорвал брызжущий капюшон через голову, будто хомут, и он шмякнулся на пол.

Гора снова застонала. Бревна крепи загудели, как волынка, и внутри них словно защелкали градины.

— Вот-вот обвалится! — Голос мастера Энтльбуха напрягся. — Мы должны очистить этот забой сейчас же.

Приглушив свой внутренний вопль, Тейр повернулся и третий раз вошел в воду. Тело у него так онемело, что он почти не почувствовал холода. В голове стучало, перед его крепко зажмуренными глазами свивалось странное красное кружево, но тут он вновь вдохнул воздух. Когда он с трудом выбрался из воды на этот раз, сухого камня до стены забоя оставалось не больше ярда. Там скорчился Бирс, молясь или просто выкрикивая «Боже! Боже! Боже!» Тейру показалось, что блеет баран.

— Идем! — заорал Тейр. — Нас тут погребет!

— Я утону! — взвизгнул Бирс.

— Не сегодня, — рявкнул Тейр и ударил его в подбородок стиснутым кулаком. К его удивлению, Бирс стукнулся о стену и упал, оглушенный первым же ударом. Тейр в первый раз ударил кого-то со всей своей силой взрослого мужчины, не как в щенячьих потасовках с другими мальчишками. Челюсть Бирса как-то странно скособочилась. Но это потом. Тейр зажал голову Бирса под мышкой и втащил его в ледяную воду.

Но и оглушенный, Бирс начал вырываться, едва они погрузились под воду. Тейр еще крепче зажал его голову, цепляясь и отталкиваясь другой рукой. Его легкие гнали воздух к плотно сомкнутым губам, и он невольно выдохнул немного. «Ледяная вода тебя погасит…» Но не сегодня, не сегодня, не сегодня. Господи, спаси меня для веревки…

Он вынырнул в ошеломляющую непроглядную черноту. Мастер Энтльбух ушел и унес фонарь. Свободная рука Тейра заметалась, ища стену, или пол, или кровлю — хоть что-то, чтобы разобраться. Наконец он задел стену, которая словно ожгла его вытянутые пальцы. Его ноги отыскали наклонный пол. Холод согнул его почти пополам, руки и ноги были в узлах, словно под кожу загнали грецкие орехи. Он выбрался из воды со своей

ношей. Бирс хрипел, выплевывал воду и, значит, был жив и не утоп. Тейр боялся выпустить его в темноте, хотя Бирс извернулся и изверг ему на колени кварту проглоченной воды. Тейр поднялся на ноги и поволок Бирса по штольне.

Лестница нижнего ствола оказалась кошмарным препятствием, Тейр никак не мог, втолкнув Бирса на нижнюю перекладину, заставить своего оглушенного товарища вскарабкаться по ней. Он грозил, ободрял.

— Лезь же, лезь! Хватайся руками! Поднимай ноги!

У него самого пальцы почти парализовало, они загнулись в растопыренные клешни. И тут же из галерейки под ними донеслось почти ритмичное потрескивание, а затем оглушительный грохот. Сапоги Бирса исчезли из-под носа Тейра. «Упал!» — панически подумал Тейр, но тотчас ему на голову посыпались камешки, так отчаянно выкарабкивался Бирс из ствола. «Нет, он пришел в себя». Тейр тоже начал карабкаться, а когда выбрался в верхнюю штольню, побежал вперед, словно скорчившийся заяц.

Он присоединил свои вопли к хриплым крикам Бирса у ствола подъемника. Казалось, прошла вечность, прежде чем им спустили бадью. Тейр

свалил в нее Бирса, а сам полез вверх по перекладинам. На полпути он чуть не потерял сознание, но серый свет над головой тянул его к себе как серебряное обещание рая. Когда он выбрался в сарай, Хенци извлекал Бирса из бадьи. Тейр стоял, обхватив руками колени, легкие у него работали, как мехи.

— А инструментов ты никаких не вынес? — обеспокоенно осведомился у него мастер Энтльбух.

Тейр уставился на него, как бык, которого ударили обухом по лбу. Бирс, едва встал на ноги, промямлил что-то невнятное, но, судя по тону, злобное, замахнулся на Тейра, но удар пришелся мимо, и Бирс свалился на пол. За дверью сарая под хлещущим ветром шуршала весенняя ледяная крупа.

— Я пойду домой, — сказал Тейр.

* * *

Окостенев от холода, он наконец добрел до своего домика. Мать с ужасом оглядела его, тут же стащила с него задубевшую одежду, уложила в собственную постель между двумя пуховыми перинами, куда сунула нагретые камни, напоила горячей ячменной водой, подслащенной медом, и

ни словом не заикнулась ни об инструментах, ни даже о пропавшем капюшоне. Но прошло целых два часа, прежде чем он наконец перестал дрожать и трястись словно в пляске святого Витта. Матери он отрывисто рассказал о случившемся, опуская подробности, но все равно лицо у нее потемнело, губы сжались. И она не отходила от него ни на шаг, пока у него не перестали стучать зубы.

Когда его голос стал почти обычным и она наконец уверилась, что он, наверное, останется жив, то прошла через комнату к полке над очагом и вернулась с листом бумаги, который похрустывал, пока Она его разворачивала.

— Вот, Тейр. От твоего брата Ури. Пришло утром. Он нашел для тебя очень хорошее место.

Ури все еще пытается заставить его взять пику наемника? Красная сургучная печать уже была сломана: их полная дурных предчувствий мать каждое редкое послание встречала со скрытым ужасом, ожидая известия о болезнях, воспалившихся ранах, ампутациях, о проигрыше всех денег или гибельной помолвке с какой-нибудь из шлюшек, вьющихся возле казарм, — о любой из смертельных опасностей, угрожающих солдату.

Но Тейра отталкивали вовсе не опасности

солдатского ремесла. Вся жизнь состоит из опасностей. И он охотно ковал бы мечи. Ему случалось видеть работу миланских оружейников, от которой дух захватывало. Но затем взять это произведение искусства и воткнуть его в живого человека… нет! Он испустил страдальческий вздох и взял письмо.

Его руку до плеча пронизало странное ощущение. Пальцы согрелись. И пока он читал, усталость отпустила его, и он сел в кровати. Стать вовсе не солдатом… Его глаза быстрее побежали по строкам: «… подмастерьем золотых дел мастера герцога и мастера мага… чудесная бронзовая статуя, изготовляющаяся для его светлости герцога… нуждается в сильном смышленом юноше… такой случай…» Тейр погладил лист. Солнце уже жарко греет на южных склонах за перевалом в Монтефолье. Летом солнце будет пылать как плавильная печь! Он облизнул губы.

— А как думаешь ты? — спросил он у матери. Она мужественно собралась с духом.

— Я думаю, тебе следует отправиться туда. Пока дьявольская гора не съела тебя, как твоего отца.

— Но ты останешься одна.

— Твой дядя приглядит за мной. А мне будет легче знать, что ты в Монтефолье, а не в этом

мерзком руднике день за днем. Если бы Ури думал сделать из тебя солдата, другое дело. Ты знаешь, как против я была, когда он пошел в наемники. Ведь так часто мальчики возвращаются домой — если возвращаются! — либо искалеченными и больными, либо совсем другими — черствыми, жестокими. Но это…

Тейр поглядел на письмо.

— Но знает ли мастер маг, что у меня нет дара к чародейству?

Его мать поджала губы.

— Признаюсь, вот это мне не по душе. Этот мастер Бенефорте — флорентиец. Может, он искусен в черной магии, а то и в еще худших черных чарах, которые также опасны для юношей, как и для девушек. Однако он работает для герцога Монтефолья, который, по словам Ури, для владетельной особы очень благороден.

— Монтефолья! — Он никогда прежде не замечал, каким теплом веет от самого этого названия.

— Ты умеешь читать и писать на двух языках и в латыни немножко разбираешься. Когда брат Гларус учил тебя, он как-то сказал мне, что ты мог бы отправиться в Падую и выучиться на доктора. Я часто об этом мечтала, но тут убило твоего отца,

и жизнь стала тяжелой.

— Я латынь не любил, — осторожно признался Тейр, вдруг сообразив, что есть судьбы и похуже, чем стать солдатом. Но его мать не продолжила этого разговора, а отошла помешать бурлящую над очагом гороховую кашу — с добавкой ветчины в честь чудесного спасения Тейра из рудника.

Он опять заполз под пуховую перину и прижал письмо к груди. Тело у него все еще было холодным, как застывшее сало, но от бумаги словно исходило тепло. «Могильщик, могильщик, иди к огню…» Он засмеялся и приглушил смех, когда его мать обернулась с улыбкой, хотя и не поняла, что его развеселило. Монтефолья. «Клянусь Богом и кобольдом, думается, я так и сделаю!» Он откинулся на подушку и смотрел, как на беленом потолке между темными балками играют отблески огня, точно отражаясь от воды, и грезил о жарких летних днях.

Глава 3

Руберта, домоправительница, помогла Фьяметте надеть через голову тяжелое платье из красного бархата и расправить его складки на нижней юбке из тонкого полотна. Фьяметта погладила эти широкие складки, которые потребовали столько бархата, и удовлетворенно вздохнула. Платье было куда великолепнее, чем она смела надеяться. Мастер Бенефорте неожиданно достал его из старого сундука, когда Фьяметта посетовала, какой жалкой будет она выглядеть на герцогском пиру в сером шерстяном платье, таком простом! Платье это принадлежало матери Фьяметты. Фьяметта с Рубертой неделю перекраивали его и перешивали. Судя по мерке, Фьяметта теперь была почти такого же роста, как ее мать, хотя и более худощавой. Странно! Мать ей помнилась высокой, а не миниатюрной — высокой, смуглой и такой теплой!

Фьяметта вытянула руки, и Руберта натянула на них рукава, которые тут же привязала к платью в плечах, а затем для контраста распушила у локтей рукава нижнего платья. Красные бархатные рукава были вышиты серебряными нитями,

что гармонировало с серебряной каймой по всему чудесному подолу.

— Не дергайся так, душечка, — мягко попеняла Руберта и даже прикусила губу, стараясь завязать банты по всем правилам. Она отступила на шаг и оглядела Фьяметту с взыскательной гордостью. — А теперь волосы.

— Да-да, пожалуйста! — Фьяметта послушно села на табурет.

Нет уж, сегодня она не наденет шапочку, какие носят девочки, и не заплетет простую косу, падающую на спину. Вместе с платьем из сундука появилась сетка для волос из серебряных нитей и жемчужин, чудом не потемневших от времени. Руберта разделила волосы Фьяметты на две одинаковые, правда, кудрявящиеся волны, свернула их валиками у затылка, а затем закрепила сетку, скрывшую их пышность, оставив возле ушей по кокетливому локону. Фьяметта жадно посмотрелась в зеркальце и с восторгом начала поворачивать голову то так, то эдак, любуясь колыханием локонов.

— Спасибо, Руберта! — Она обхватила опоясанную передником талию домоправительницы и крепко ее обняла. — Ты такая искусница.

— Ах, твои туфельки — они же остались на

кухне! Сейчас принесу.

Руберта торопливо вышла, а Фьяметта посмотрела на себя в зеркальце под разными углами и опять провела ладонью по мягким богатым складкам. Она забрала в рот нижнюю губку и, подчиняясь порыву, встала и подбежала к сундуку в ногах своей кровати.

Раздвинув белье, она нашла плоскую дубовую шкатулку и открыла ее. Там покоилась смертная маска ее матери. Многие люди хранили восковые маски дорогих сердцу покойников. Просперо Бенефорте отлил маску матери Фьяметты в бронзе, которой его искусство придало теплый коричневый оттенок, такой же, какой отличал ее кожу при жизни. Темные глаза над мягким изгибом носа и широкого рта были закрыты словно во сне. Только сон был странно грустным. Фьяметта приложила маску к груди и поверх нее взглянула в зеркальце. Она скосила глаза в усилии слить маску и платье в одно неясное пятно. Потом спустила маску к подбородку и сравнила два лица. Какая часть более бледного принадлежала Просперо Бенефорте, а какая — этой исчезнувшей женщине? Переносица у Фьяметты была заметно выше, а подбородок изящнее, чем у этого темного лица, но в остальном… «Кто я? И чья я? Кому я

принадлежу, матушка?» По галерее приближались шаги Руберты. Фьяметта поспешно уложила маску в шкатулку и снова ее заперла. Руберта протянула в дверь начищенные туфельки.

— Поторопись! Отец ждет тебя внизу. Фьяметта сунула ноги в туфельки и, выпорхнув из спальни, побежала по верхней галерее, выходящей на двор. Спускаясь по лестнице, она подобрала платье, а потом расправила складки и дальше пошла чинно, ведь она была причесана, как знатная девица. И платье было не платьем рабыни или служанки, но доказывало, что ее мать была истинно христианской женой великого мастера. Фьяметта гордо вздернула подбородок.

Мастер Бенефорте ждал в выложенной каменными плитами прихожей. Он тоже выглядел великолепно, решила Фьяметта. Плащ черного бархата ниспадал до колен, головной убор из той же материи обвивал голову наподобие тюрбана, а конец щегольски колыхался сбоку. Туника из бархата цвета темного меда с вырезом у самой шеи, где сияла белизной, выглядывая из-под него, полоска полотна, завершалась сборчатыми складками, черные чулки-трико дополняли его наряд. Вопреки седине в волосах мастер Бенефорте все еще не носил длинных одежд почтенных

старцев, и темные цвета, которые он предпочитал, указывали на зрелость, еще полную сил. На грудь он надел гармонирующую с туникой золотую цепь, свое собственное изделие, свидетельствовавшее о его искусстве.

Он обернулся, услышав шаги Фьяметты:

— А, вот и ты. — Он оглядел ее с головы до ног, и в его глазах появилось какое-то отрешенное выражение. Он что-то буркнул и помотал головой, будто отгоняя видение.

— Я хорошо выгляжу, батюшка? — спросила Фьяметта с испугом.

— Ты выглядишь хорошо. Ну-ка! — Он протянул к ней руку.

Через его ладонь был перекинут серебряный пояс чудесной работы. Фьяметта с удивлением взяла его. Он был сделан в форме серебряной змеи, круглой и гибкой, почти как веревка. Сверкающие чешуйки, совсем такие же, как у настоящей змеи, накладывались друг на друга, пряча то, что скрепляло их воедино. Голова была литого серебра, тоже совсем как настоящая, а глазами служили два мерцающих зеленых осколочка… изумруда? Стекла?

— Надень, — сказал мастер Бенефорте.

— Как? Я не вижу застежки.

— Просто оберни вокруг талии. Он удержится.

— Он заколдован, правда?

— Просто маленькое заклятие, чтобы оберечь тебя.

— Спасибо, батюшка. — Она надела змею как пояс, заведя кончик хвоста за голову, и действительно этот пояс держался крепко. И только тогда она сообразила спросить:

— А он снимается?

— Когда захочешь.

Фьяметта сняла, а потом снова надела его.

— Вы его только сейчас сделали? — А она-то думала, что он дни и ночи трудится, чтобы закончить солонку.

— Нет. Он у меня довольно давно. Я только его почистил и обновил заклятие.

— Он был матушкин?

— Да.

Фьяметта погладила пояс, ее пальцы заскользили по чешуйкам. Они отвечали слабым музыкальным звуком, почти неуловимым для слуха.

Солонка герцога стояла в ожидании на скамье у стены. Новая шкатулка для нее была изнутри обита атласом и сделана из того же черного дерева, что и основание солонки, с золотыми замочками и золотыми ручками по бокам. Фьяметта помога-

ла собирать шкатулку и полировать ее. Ей бы и в голову не пришло, что ее отец чего-то опасается, но он открыл шкатулку, чтобы в последний раз проверить, все ли в порядке, а затем перепроверил надежность замочков, после чего ушел в мастерскую и выглянул в окно.

— А! Наконец-то! — Услышала она его голос, и он сразу же вернулся в прихожую, чтобы отодвинуть засов и впустить капитана-швейцарца и двух гвардейцев. Нагрудники гвардейцев сверкали, как зеркала, а капитан Окс был одет в свою лучшую и самую чистую ливрею — новая куртка с золотыми пуговицами была выдана в честь помолвки.

— Все готово, мастер Просперо? — Капитан с улыбкой кивнул на шкатулку из черного дерева. — Приказать моим людям нести ее?

— Пожалуй, понесу ее я сам, — сказал мастер Бенефорте, подняв шкатулку. — Пусть один идет впереди, а ругой сзади.

— Очень хорошо.

Сам капитан и Фьяметта пошли по сторонам ювелира.

— Дверь до моего возвращения держи на засове, Тесео, — крикнул через плечо мастер Бенефорте, и подмастерье с неуклюжим поклоном закрыл

за ними дверь. Мастер Бенефорте постоял, пока не услышал звук задвигаемого засова, а тогда кивнул и пошел вперед по булыжной мостовой.

Был солнечный день две недели спустя после святого праздника Пасхи и еще достаточно прохладный, чтобы не изнемогать в бархате. За недели, прошедшие с того дня, когда Фьяметта отлила свое кольцо, почки на деревьях успели развернуться. Она стиснула львиное кольцо на левом большом пальце и подставила гранат (со вздохом) лучам солнца, так что в нем заиграли огоньки. Тот же свет отражался от желтых кирпичей, камней и черепичных крыш. Тускло-бурая зимой, Монтефолья в долгие летние дни казалась золотым городом. Они прошли улицу с большими домами, между которыми стояли дом и мастерская ее отца, а затем свернули в более древний, более тесный квартал. В боковом проулке, тянувшемся к воде, Фьяметта увидела лодки и пристань. Несколько ленивых озерных чаек с криком устремлялись вниз и снова взлетали. Может быть, батюшка, когда летом снова возьмет ее удить рыбу, все-таки научит ее тайному заклинанию, которым пользуется, наживляя крючок. Узкое озеро тянулось на одиннадцать миль к северу от Монтефольи к предгорьям Альп, по ту

сторону которых лежала родина капитана Окса. Неделю назад через перевал Монтефолья прошли первые в этом году караваны, как слышала Фьяметта. Хотя путь этот проходил выше и был труднее прославленного Бреннерского перевала дальше к востоку, но маленькому герцогству вполне хватало своего перевала. Монтефолья была горным суровым краем, который от полной нищеты спасали только небольшая торговля и рыболовство на озере.

На восточном берегу к северу от города монахи монастыря Святого Иеронима разбили виноградники, сеяли на террасах яровую пшеницу, содержали яблоневый сад и разводили овец. Главная дорога пролегала по восточному берегу под каменными стенами монастыря. Западный берег был слишком крутым и скалистым, там вились только козьи тропы. Фьяметта увидела на белой пыльной ленте нескольких всадников и медленно ползущую повозку, запряженную волами. В скрипториуме Святого Иеронима переписывались и иллюминировались книги для библиотеки герцога — гордости замка, который стоял на утесе, господствуя над расстилавшимся перед ним городом. Герцог гордился тем, что в его библиотеке не было ни единой современной

дешевой печатной книги, а только каллиграфически безупречные рукописи, переплетенные в кожу с богатым тиснением, — более ста томов. На взгляд Фьяметты, это было стеснительным ограничением, по, возможно, герцог Сандрино так ценил каллиграфию потому, что, умея читать, писать не умел. Старые люди нелепо цеплялись за непонятно что.

— А как празднуется помолвка? — спросил мастер Бенефорте у капитана, и поотставшая Фьяметта поспешила нагнать их.

— Ну, герцогиня устроила иллюминацию в саду вчера вечером с живыми картинами и мадригалами. И пение было очень приятным.

— Я бы занимался костюмами для них всех, если бы герцог не требовал ее. — Мастер Бенефорте приподнял черную шкатулку. — Удивляюсь, как этот олух ди Римини ничего не испортил! Он не способен толком нарисовать даже дверную ручку.

Капитан иронично улыбнулся на эту шпильку по адресу самого сильного соперника мастера Бенефорте среди местных искусных ремесленников.

— Он справился. Для вашего утешения скажу, что была скверная минута, когда свеча подожгла

головной убор, но мы успели облить бедную даму водой вовремя и погасили огонь, так что она осталась цела и невредима, если не считать ее перьев. Я знал, что поступил правильно, когда потребовал, чтобы позади сцены поставили ведра с водой.

— Ха! Но насколько я понял, будущий жених хотя бы сегодня утром приехал вовремя.

— Да. — Капитан нахмурился. — Должен признаться, мне не понравилась его свита. Видно, что с ними шутки плохи. И пятьдесят дружинников, по-моему, слишком много для подобного случая. Не знаю, о чем только думал герцог Сандрино, когда разрешил сеньору Лозимо взять с собой их столько. Он говорит, что это честь, положенная его будущему зятю.

— Ну, Уберто Ферранте был кондотьером до того, как два года назад унаследовал Лозимо, — рассудительно заметил мастер Бенефорте. — Он прожил тут недостаточно долго, чтобы заручиться верностью местных людей. А этим он, предположительно, доверяет.

— Унаследовал, как бы не так! Подкупил папскую курию, чтобы она не признала права более близкого родственника, и снова, чтобы получить разрешение на брак с наследницей. Полагаю,

кардинал Борджиа хотел, чтобы Лозимо владел гвельф для уравновешивания притязаний Венеции и гиббелинов.

— Насколько я могу судить по собственному моему опыту с курией, вы совершенно правы. — Мастер Бенефорте кисло улыбнулся. — Хотя меня и удивляет, откуда у Ферранте взялись деньги.

— Честолюбивые замыслы Милана мне кажутся более настоятельной угрозой. Бедная Монтефолья, зажатая точно орех в таких щипцах!

— О, Милан — назидательный пример того, как высоко может подняться простой солдат! Уповаю, сеньор Ферранте не слишком близко ознакомился с жизненным путем покойного Франческо Сфорцы. Женись на дочери, потом сделай себя хозяином страны… Запомни, Ури.

— Увы! — вздохнул капитан. — Я не знаю ни единой наследницы. — Он задумчиво помолчал. — Собственно, именно это Ферранте и проделал в Лозимо. Будем надеяться, он не повторит того же в Монтефолье.

— Думается, наш герцог и его сын в достаточно крепком здравии, чтобы воспрепятствовать подобному, — сказал мастер Бенефорте и погладил черную шкатулку. — И быть может, я сыграю свою маленькую роль, чтобы оно и впредь оста-

лось крепким.

Капитан уставился на носки своих сапог.

— Ну, не знаю. Зато знаю, что герцог Сандрино не слишком рад этой помолвке, а герцогиня Летиция и того меньше. Не вижу, какие у Ферранте могут быть средства, чтобы настоять на своем, и все же чувствую… из-за приданого шли жаркие споры.

— Жаль, что сеньор Ферранте не моложе, а мадонна Джулия не старше.

— Или и то и другое. Я знаю, герцогиня настояла, чтобы в брачном договоре было указано, что венчание будет через год, не раньше.

— А тем временем конь сеньора Ферранте, быть может, сбросит его ногами вверх, чтобы он сломал шею.

— Добавлю это к моим молитвам, — улыбнулся капитан, но он словно бы не шутил.

Они умолкли, переводя дух перед крутым подъемом к замку. Прошли в ворота с двумя квадратными массивными башнями из тесаного камня и желтого кирпича, обычного для более новых построек в Монтефолье. Солдаты проводили их через мощеный двор и вверх по великолепной новой лестнице, которую построил нынешний герцог, чтобы как-то смягчить и украсить суровую

громоздкую архитектуру своего родового гнезда. Мастер Бенефорте мимоходом выбранил резьбу перил и пробормотал свой обычный приговор:

— Надо было нанять настоящего скульптора, а не деревенского камнереза…

Они прошли через два темных зала к двери, ведшей во внутренний сад. Тут среди цветов и фруктовых деревьев были расставлены столы для пира.

Гостей как раз рассаживали, как и надеялся мастер Бенефорте, считая эту минуту наиболее подходящей для представления плода своего искусства. Семья герцога, а также сеньор Ферранте, аббат монастыря Святого Иеронима и епископ Монтефольи — два сана, один человек — восседали за длинным столом на возвышении под балдахином из гобеленов. Ниже прямоугольником стояли четыре стола для гостей рангом пониже.

Герцог Сандрино — приятно дородный мужчина пятидесяти лет с носом и ушами благородных пропорций, мыл руки в серебряном тазике, полном горячей воды, в которой плавали лепестки роз. Тазик держал его дворецкий мессер Кистелли. Десятилетний сын и наследник герцога сеньор Асканио сидел справа от отца. Служитель

в ливрее сеньора Ферранте подставлял под сапоги своего господина скамеечку с кожаным верхом и в форме сундучка с резным гербом Лозимо. Видимо, скамеечка была каким-то капризом сеньора Ферранте, так как ноги у него и по длине, и по общему виду казались здоровыми. Но возможно, шелковые чулки-трико скрывали старую военную рану, все еще дающую о себе знать. Фьяметта твердо решила не глазеть по сторонам, но тем не менее старалась запомнить как можно больше подробностей великолепной выставки бархата, шелков, шляп, гербов, драгоценных украшений и причесок, окружавших ее.

Мадонна Джулия, сидевшая между матерью и своим нареченным, была в весенне-зеленом бархатном платье с золотой вышивкой и в — ха! — шапочке, какие носят девочки. Правда, эта зеленая шапочка была богато вышита золотыми нитками и усажена мелкими жемчужинами. В падавшую на спину белокурую косу были вплетены зеленые ленты. Может быть, герцогиня Летиция намеренно старалась подчеркнуть юность дочери? Легкий румянец смущения на щеках Джулии еще усиливал се контраст с сеньором Лозимо, сидевшим по другую ее руку. Смуглый, мужественный, сильный, явно верный

поклонник Марса. Губы сеньора Ферранте улыбались, не показывая зубов. Может быть, зубы у него гнилые?

Аббат-епископ сидел слева от сеньора Ферранте — несомненно, и чтобы оказать ему эту честь, и чтобы у Ферранте был достойный собеседник, если девичье щебетание или стыдливое молчание Джулии ему наскучит. Аббат Монреале в юности был доблестным рыцарем, но, получив тяжкую рану, дал на смертном одре обет посвятить свою жизнь Церкви, если Господь его пощадит. И свой обет он исполнил блистательно: теперь, убеленный сединами, он пользовался славой как великий ученый и отчасти мистик. На пир он явился в облачении епископа, а не настоятеля: белое свободно ниспадающее одеяние, красная мантия с золотой каймой, положенная его сану, и шапочка из белой парчи на тонзуре. Кроме того, именно Монреале ежегодно проверял и мастерскую и душу Просперо Бенефорте, после чего продлевал церковное разрешение практиковать белую магию. Отвесив поклон герцогу, его семье и сеньору Ферранте, мастер Бенефорте поклонился аббату с глубоким и искренним почтением.

Как они заранее отрепетировали, мастер Бенефорте преклонил колено и открыл шка-

тулку черного дерева, а Фьяметта с грациозным реверансом преподнесла солонку герцогу. Белоснежная скатерть послужила прекрасным фоном сверкающему золоту и ярким эмалям. Сидевшие за столом, подчиняясь единому порыву, захлопали в ладоши, и мастер Бенефорте просиял. Герцог Сандрино улыбнулся с видимым удовольствием и попросил, чтобы сам аббат благословил первую соль, которой дворецкий поспешил наполнить сияющий золотой корабль.

Мастер Бенефорте ждал затаив дыхание. Ведь наступила минута, когда, как он сказал Фьяметте после их репетиции, герцог должен будет оправдать его упования и насыпать в его сложенные ладони золотые дукаты щедрым жестом на глазах у всех гостей. В предвкушении он прицепил под плащом пустой кошель, чтобы быть готовым к этой золотой минуте. Но герцог всего лишь — правда милостиво — указал им на приготовленные для них места за нижним столом.

— Ну, у него достаточно забот. Подождем, — пробормотал мастер Бенефорте себе в бороду, пряча горькое разочарование, когда они сели.

Слуга принес им серебряный тазик для омовения рук — работы ее отца, как заметила Фьяметта. Подали вино, блюда с жареными равиоли, на-

чиненными рубленой свининой с душистыми травами, и сливочный сыр, осыпанный сахарной пудрой. Пир начался. Затем последовали корзины с хлебом, испеченным из чистой белой муки, и подносы с телятиной, курами, ветчиной, колбасами и говядиной. И снова вино. Мастер Бенефорте настороженно посматривал на верхний стол. Но ни над одной тарелкой там не взметнулось голубое пламя. Фьяметта поддерживала вежливую беседу с сидевшей по другую ее сторону женой кастеляна, пухлой толстухой, которую звали дама Пия.

Когда дама Пия на минуту встала из-за стола в ответ на кивок мужа, мастер Бенефорте наклонился поближе к дочери и понизил голос. Фьяметта скрепила сердце, готовясь выслушать ворчание по поводу желанных герцогских дукатов, но вместо этого он неожиданно спросил:

— Ты заметила маленькое серебряное кольцо на правой руке сеньора Ферранте, дитя? Ты стояла к нему ближе, чем я.

Фьяметта недоуменно заморгала:

— Да, теперь вспоминаю, когда вы сказали.

— Что ты о нем думаешь?

— Ну-у… — Она попыталась мысленно воссоздать кольцо. — Оно показалось мне на редкость

безобразным.

— А его форма?

— Маска. Лицо младенца, по-моему. Не то чтобы по-настоящему безобразное, но… оно мне просто не понравилось. — Она засмеялась. — Ему бы заказать вам, батюшка, перстень покрасивее.

К ее удивлению, он мелко перекрестился, словно отгоняя беду.

— Не говори так. И все же… как он посмел носить его открыто на глазах у аббата? Или оно попало к нему случайно и он не знает, что это такое. Или он как-то приглушил его.

— Мне оно показалось новым, — сказала Фьяметта. — Батюшка, что вас тревожит?

У него был обеспокоенный вид.

— Я почти уверен, что это кольцо духов. Но если оно действует, где он мог скрыть… — Он замолк, крепко сжал губы и продолжал исподтишка поглядывать на верхний стол.

— Черная магия? — шепнула Фьяметта с возмущением и страхом.

— Не… обязательно. Однажды я… э… видел подобное, и оно не было великим грехом. И Ферранте ведь сеньор. Такому человеку подобает обладать силами, которые невместны для простых людей, но правителю приличествуют.

Таким, как великий герцог Лоренцо во Флоренции.

— Я думала, магия бывает либо белой, либо черной.

— Когда ты доживешь до моих лет, дитя, ты узнаешь, что в этом мире нет ничего совсем белого или совсем черного.

— А аббат Монреале с этим согласится? — спросила она недоверчиво.

— Да-да, — вздохнул он и поднял брови так, будто пожал плечами. — Ну, у сеньора Ферранте есть еще год, чтобы показать себя в истинном свете. — И он скрючил пальцы, словно обрывая разговор, так как вернулась дама Пия.

Слуги унесли мясные блюда — то немногое, что от них осталось, — и перед гостями появились подносы с финиками, инжиром, ранней земляникой и сластями. Фьяметта и дама Пия сотрудничали в выборе и нанесли большой урон корзиночкам с сушеными вишнями. В дальнем конце сада заиграли музыканты, и музыка вплеталась в гул разговоров, звяканье тарелок и ножей. Дворецкий герцога и его помощники разливали сладкие вина в ожидании заключительных здравиц.

Из замка выбежал мессер Кистелли, вступил

под балдахин, осенявший высокий стол, и, наклонив голову, что-то зашептал герцогу на ухо. Герцог Сандрино нахмурился и что-то спросил. Мессер Кистелли пожал плечами. Герцог покачал головой словно с досадой, но наклонился к герцогине, произнес несколько слов и встал, чтобы пойти за своим мажордомом в замок.

Жена кастеляна, перегнувшись через Фьяметту, попросила мастера Бенефорте починить ее серебряный кувшинчик, у которого отвалилась ручка. Фьяметта заметила, что ее отцу отнюдь не польстило, что ему предлагают работу, для которой хватило бы и подмастерья. И тут его взгляд упал на дочь.

Он слегка улыбнулся:

— Его может починить Фьяметта. Это будет твой первый собственный заказ, дитя.

— О! Ты можешь его починить? — Дама Пия поглядела на нее с сомнением, но и некоторой почтительностью.

— Я… наверное, мне следует прежде посмотреть на него, — ответили Фьяметта осторожно, пряча охватившую ее радость.

Дама Пия посмотрела на высокий стол:

— Пока герцог не вернется, пить здравицы они не начнут. И что могло его так задержать?

Пойдем ко мне в комнату, Фьяметта, посмотришь кувшинчик теперь же.

— Как вам угодно, дама Пия.

Когда они встали, вернулся мессер Кистелли, и на этот раз заговорил с сеньором Ферранте. Тот недоуменно поморщился, но, видимо, подчинился требованиям своего хозяина. Он махнул двум своим людям, приказывая следовать за собой. Повстречай Фьяметта их на улице, то без колебаний сочла бы их брави. Старший, свирепого вида бородач, лишившись нескольких передних зубов, был раньше представлен обществу как главный лейтенант Ферранте. Капитан Окс, любезничавший с дамой за одним из нижних столов, поднял голову, нахмурился и последовал за ними. Ему пришлось убыстрить шаги, чтобы нагнать их.

Жена кастеляна подождала, чтобы мужчины скрылись за дверью, и повела Фьяметту в замок. Пока они шли через зал, Фьяметта с любопытством оглядывалась. В глубине за открытой дверью кабинета она увидела герцога. Он стоял у своего письменного стола рядом с двумя забрызганными дорожной грязью людьми — одним был священник с озабоченным лицом, другим явно разгневанный знатный сеньор. Но тут сеньор Ферранте и те, кто его сопровождал, заслонили

от нее дверь, и она пошла дальше за супругой кастеляна.

Комнаты кастеляна находились в одной из квадратных башен. Дама Пия сняла кувшинчик с полки в своей тесной спальне, где негде было повернуться между сундуками и кроватью, и с тревогой следила, как Фьяметта, отойдя к узкой амбразуре, служившей окном, долго его рассматривала. Втайне Фьяметта обрадовалась, что починка оказалась более сложной, чем она предполагала. Ручка в виде изогнувшейся русалки, не только отломилась, но и треснула, так что просто припаять ее на место было бы недостаточно. Фьяметта заверила жену кастеляна, что сделает все быстро, они завернули кувшинчик в полотняную тряпку и направились назад в сад.

Когда они шли через залу, Фьяметту испугал сердитый голос герцога Сандрино, доносившийся из кабинета. Он стоял, опираясь сжатыми кулаками на стол. Перед ним, скрестив руки, стоял сеньор Ферранте, выставив подбородок, багрово покраснев. Его бас произнес в ответ отрывистые слова, но так тихо, что Фьяметта их не расслышала. Двое приезжих следили за происходящим. Лицо сеньора сияло злорадной злобой. Священник был бледен. Капитан Окс словно бы

небрежно прислонялся к косяку, но его рука лежала на эфесе меча. Дама Пия испуганно сжала плечо Фьяметты.

Голос герцога Сандрино то гремел, то прерывался:

— ...ложь и убийство... черная некромантия! Неопровержимое доказательство... моя дочь никогда... оскорбление моему дому! Убирайся вон немедленно, или готовься к войне и потерять свою гнусную голову, кондотьерское отродье!

Брызгая слюной от ярости, герцог Сандрино укусил свой большой палец и потряс им перед лицом сеньора Ферранте.

— Мне готовиться не нужно! — взревел в ответ Ферранте, наклоняясь к нему. — Твоя война начнется сейчас же!

И Фьяметта, остолбенев, увидела, как сеньор Ферранте левой рукой выхватил кинжал и на том же движении полоснул им по горлу герцога Сандрино с такой силой, что кинжал рассек шею почти пополам и ударился о кость. Удар был нанесен столь неистово, что Ферранте не удержался на ногах и упал со своей жертвой на стол, словно обнимая ее. На его одежде появились багровые полосы.

С гневным криком, похожим на скорбный

вопль, капитан Окс выхватил меч из ножен и ринулся вперед. В тесноте кабинета меч был немногим полезнее кинжала, а оба брави уже выхватили свои. Щербатый лейтенант пронзил сердце знатного приезжего ударом почти столь же внезапным и сильным, каким был удар его господина. Старый мессер Кистелли увернулся, но слишком медленно — кинжал второго браво повалил его на пол. Ури мечом отклонил кинжал, опускавшийся еще раз, и схватился с браво врукопашную.

Священник воздел руку, и сеньор Ферранте взмахнул в его сторону сжатым кулаком. Серебряное кольцо зловеще сверкнуло, священник с криком прижал ладонь к глазам, и сеньор Ферранте вогнал кинжал в его незащищенную грудь.

— Я должна предупредить мужа! — Жена кастеляна, уронив кувшинчик, подхватила юбки и побежала в сад. Лейтенант оглянулся на шум, нахмурился и шагнул в сторону Фьяметты. Глаза у него были ледяными. В полном ошеломлении Фьяметта вихрем повернулась и кинулась следом за дамой Пией.

Она почти ослепла от солнечного света. На середине сада жена кастеляна, уцепившись за

мужа, выкрикивала предупреждения, а он только качал головой, словно ничего не понимал, хотя Фьяметте казалось, что та объясняет все ясно. Она лихорадочно искала взглядом в белом свете дня большой черный головной убор своего отца. Вон он! Кивает какому-то человеку. Лейтенант высунул голову в дверь, потом кинулся обратно. Фьяметта бросилась на грудь мастера Бенефорте, впиваясь пальцами в его тунику.

— Батюшка! — еле выдохнула она. — Сеньор Ферранте только что убил герцога!

Из двери спиной вперед выскочил Ури. Его меч был в крови.

— Предательство! — закричал он, и изо рта у него брызнула кровь. — Убийство и предательство! Монтефолья, к оружию!

Солдаты Ферранте, столь же растерявшиеся, как и монтефольские, начали собираться в группы. Лейтенант, преследовавший капитана Окса, позвал своих товарищей на помощь.

— Дьявол! — прошипел мастер Бенефорте сквозь стиснутые зубы. — Платы мне не получить! — Его пальцы сомкнулись на локте дочери, и он повернулся, оглядываясь по сторонам. — Этот сад — смертельная ловушка. Нам надо выбраться отсюда сейчас же!

Мужчины вынимали из ножен мечи и кинжалы. Невооруженные хватали ножи со столов. Женщины визжали и стонали.

Мастер Бенефорте пошел, но не к двери, а к столу на возвышении. Туда же направились лейтенант и капитан Окс, пробираясь бегом через толпу. Щербатый лейтенант прыгнул и взмахнул мечом над скатертью. Он снес бы голову маленькому сеньору Асканио, если бы капитан Окс не отбил его удара своим мечом. Аббат Монреале вскочил и опрокинул стол на щербатого лозимонца в тот момент, когда тот изогнулся для нового удара. В сумасшедшем нырке мастер Бенефорте умудрился поймать свою солонку, пока она описывала в воздухе сверкающую дугу, и завернул ее в полу плаща.

— Быстрей, Фьяметта! К двери! Фьяметта судорожно дернула юбку, придавленную тяжелым столом.

— Батюшка, помогите!

Герцогиня Летиция прижала к себе дочь и не то прыгнула с ней, не то упала в гобелены позади возвышения. Ури рванулся вперед, схватил Асканио и толкнул его к аббату Монреале.

— Уведите мальчика, — еле выговорил он. Аббат захлестнул красную мантию вокруг пе-

репуганного Асканио и отразил удар браво пастырским посохом, а затем без раздумий пнул его с силой в пах.

— Святой Иероним! Ко мне! — взревел Монреале, и к нему на помощь тут же бросились его приор и дюжий секретарь.

Новый выпад браво был отражен странным движением епископского посоха; внезапно лицо лозимонца утратило всякое выражение, и он, пошатываясь, побрел по краю возвышения, опустив меч. Его свалил один из монтефольских гвардейцев, бросившийся в свалку. Мастер Бенефорте почти уже у двери услышал крики Фьяметты и поспешил обратно.

Ури, защищая аббата с Асканио и тех, кто окружил их, вступил в смертельный поединок с щербатым лейтенантом. Он дышал с каким-то странным бульканьем. Делая выпад, Ури отшвырнул ногой сундучок-скамейку сеньора Ферранте. Сундучок свалился на землю боком и открылся. Из него на ноги Фьяметты посыпались крупные куски соли.

А вместе с солью — и высохший трупик новорожденного младенца. Фьяметта закричала и отпрянула, оторвав подол защемленной юбки. Ури покосился на ее вопль, его глаза расши-

рились, и щербатый лейтенант всадил меч в новую куртку капитана. Фьяметта увидела, как из спины капитана на пять дюймов высунулось лезвие. Щербатый повернул меч, уперся ногой в живот Ури, дернул, и меч вышел из тела с отвратительным чмоканьем. Из обеих ран хлынула кровь — спереди и сзади. Капитан упал. Фьяметта застонала, нагнулась и со всей мочи швырнула в лозимонского лейтенанта тяжелый поднос. Мастер Бенефорте ухватил ее за локоть и потащил к двери.

Но ее загораживали дерущиеся люди. Мастер Бенефорте отступил в растерянности. Он сунул завернутую в плащ солонку Фьяметте, покачал головой и прорычал:

— Смотри не урони! И больше не отставай от меня ни на шаг, черт побери!

Он схватил с ближайшего стола флакон и обнажил свой собственный парадный кинжал с рукояткой, инкрустированной драгоценными камнями. Зеркально гладкое лезвие, еще ни разу не пускавшееся в ход, блеснуло в солнечном луче.

Вновь мастер Бенефорте попытался проложить себе путь через единственный выход из сада. Внезапно закупоривших дверь людей вышвырнули

наружу спешившие на помощь монтефольские гвардейцы. Мастер Бенефорте проскочил в образовавшуюся брешь. У порога на него замахнулся кто-то из людей Ферранте. С воплем он парировал удар и выплеснул содержимое флакона в лицо нападавшего. Лозимонец взвизгнул и прижал к глазам свободную руку. Мастер Бенефорте отвел его меч, и они оказались внутри.

— Магия? — ахнула Фьяметта.

— Уксус, — огрызнулся ее отец.

На мраморной лестнице кипела еще одна схватка. Мастер Бенефорте без предупреждения перекинул Фьяметту через баллюстраду и прыгнул за ней. Они помчались по двору к воротам между башнями, за которые теперь шел жаркий бой между дружинниками Ферранте и Монтефольи.

Сам сеньор Ферранте размахивал там мечом, подбодряя своих людей:

— Удержите ворота, и они все у нас в руках! Удержите ворота!

Почти небрежно его меч блеснул и перерезал горло кинувшемуся на него солдату в ливрее Монтефольи. В честь помолвки солдат привязал к кокарде с цветком и пчелой ленты цветов Ферранте, и пока он падал, они взметнулись вверх.

— Господи Иисусе, это же бойня! — простонал мастер Бенефорте.

Сеньор Ферранте обернулся, увидел его, отступил назад, глаза его сузились, и он выставил сжатый правый кулак, кольцом вперед.

— Дурак! — глухо проворчал мастер Бенефорте и быстро помахал рукой в странном жесте, ритмично перебирая пальцами.

Фьяметту словно ударило в живот ощущение двух столкнувшихся чар. В столкновении этом не было никаких тонкостей. Серебряное кольцо засветилось, внезапно испустило ослепительную вспышку и оглушительный треск.

Завопил сеньор Ферранте, а не мастер Бенефорте. Он уронил меч и ухватил левой рукой правое запястье; запахло паленым мясом и еще чем-то — этот запах Фьяметта не узнала.

— Убейте их! — взревел сеньор Ферранте, топая ногами от жгучей боли, но солдаты в панике пятились от мастера Бенефорте. А он отпрыгнул на несколько шагов, размахивая кинжалом. Фьяметта припустила во весь дух, и они вместе выскочили из ворот замка, напрягая все силы.

У подножия холма Фьяметта обернулась. Сеньор Ферранте указывал на нее, потрясая кошельком и что-то выкрикивая. Из ворот выско-

чили два брави. Когда они добрались до первых домов, мастер Бенефорте юркнул между двумя лавками в проулок, а из него в другой проулок, они запетляли между чьим-то сушащимся бельем и перепрыгнули через спящую собаку. Фьяметта ловила ртом воздух. Ее словно пырнули в бок кинжалом — такая боль пронизывала ее измученные легкие и набитый яствами желудок.

— Остановись, Фьяметта…

Они вышли на берег озера позади домов. Мастер Бенефорте привалился к стене из бурых кирпичей. Он тоже задыхался, наклоняя голову. Правой рукой он массировал живот прямо под грудью, словно отгоняя боль. Когда он поднял лицо, оно не было пунцовым, как у Фьяметты, но свинцово-бледным, глянцевым от пота.

— Мне не следовало… так предаваться обжорству, — буркнул он. — Даже если платил герцог. — А потом добавил странным, еле слышным голосом:

— Я не могу больше бежать! — У него подогнулись колени.

Глава 4

— Батюшка!

Нельзя, чтобы он упал! Ей его не поднять. Она подлезла отцу под мышку и закинула его руку себе на плечо, другим локтем прижимая к боку завернутую в плащ солонку. Он повис на ней невыносимой тяжестью. — Мы должны идти, мы должны вернуться домой!

Ужас сжал ей горло, но вызванный жуткой серостью его лица, а не мыслью о брави, которые рыскали в их поисках по закоулкам, как два охотничьих пса.

— Если Ферранте… захватит замок… он захватит и город. А если он… захватит город… наша старая дубовая дверь не остановит его солдат. Особенно если они будут думать, что внутри их ждут сокровища. И если он… захватит… город… то захватит и герцогство. Нам некуда бежать.

— С пятьюдесятью людьми? — сказала Фьяметта.

— Пятьдесят человек… и удобная минута. — Он помолчал. — Нет. Только город. Потом подождет подкреплений и заберет остальное. — Его лицо поморщилось от боли. Он обхватил туловище ру-

ками и согнулся, еле удерживаясь на ногах. — Ты беги, моя Фьяметта. Господь не допустит, чтобы они тебя схватили. Их надолго охватит кровожадное безумие. Мне доводилось видеть, как люди… становятся такими.

От каменной набережной отходило несколько деревянных пристаней. Маленькая рыбачья лодка терлась о сваи. В ней был только загорелый мужчина: он как раз забросил чалку за тумбу, а потом повернулся к своему квадратному парусу из грубого коричневого холста, который, подходя к пристани, приспустил. Теперь он расправил складки и спустил его до конца, затем выпрыгнул на пристань и взял чалку, чтобы отбуксировать лодку на ее обычное место с подветренной стороны.

— Лодка! — шепнула Фьяметта. — Идемте!

Мастер Бенефорте скосил глаза на пристань, его борода вздернулась.

— Может быть… — И они, спотыкаясь, побрели к пристани.

— Мастер лодочник, — сказала Фьяметта, когда они подошли поближе, — вы не одолжите нам вашу лодку? — Тут она вспомнила, что у нее нет ни единой монеты, и у мастера Бенефорте тоже.

— А? — Крестьянин обернулся, сдвинул шляпу

на затылок и тупо уставился на них.

— Мой отец заболел. Вы сами видите. Я хочу… отвезти его в монастырь Святого Иеронима к брату Марио, целителю. — Она оглянулась через плечо. — Сейчас же.

— Так мне надо рыбу выгрузить, мадонна. Может, тогда.

— Нет. Сейчас же. — Когда он недовольно насупился, она сорвала серебряную сетку с волос и протянула ему. — Возьмите. В моей сети столько жемчужин, сколько в вашей — рыб. Отдаю вам их по равному счету, и не спорьте со мной!

Удивленный рыбак взял сетку.

— Ну-у… никогда еще я не выуживал жемчуг из озера Монтефолья!

Фьяметта подавила стон и кое-как усадила мастера Бенефорте на край пристани, откуда он тяжело соскользнул в открытую лодку и с тревогой указал на узел у нее под мышкой. Она сунула ему свою ношу, и он прижал укутанную солонку к груди. Вид у него стал хуже — рот открылся от боли, ноги судорожно согнулись в коленях. Она прыгнула к нему, борясь со своими юбками. Лодка заплясала. Ошарашенный лодочник сбросил ей с пристани чалку, а потом, посмотрев на горсть жемчужин, — и свою соломенную шляпу.

Шляпа, кружась, опустилась на дно лодки. Фьяметта села, пригнулась, взяла тяжелое весло и оттолкнулась от сваи.

Из проулка вышел человек в ливрее Ферранте, увидел их и что-то крикнул через плечо. А потом побежал к пристани, держа в руке обнаженный меч.

Фьяметта крикнула, показывая рукой:

— Берегись, лодочник! Эти двое украдут твои жемчуга.

И с досады изобьют до смерти, испуганно подумала она. Злобные волки.

— Что? — Крестьянин обернулся и в панике уставился на двух брави, которые почти добежали до пристани. Он крепче сжал в кулаке свое сокровище.

Фьяметта нашла веревку, поднимавшую парус, и повисла на ней, перехватывая руками по очереди. Теплый летний ветер был слабым, но ровным, а главное — задувал с юга, относя их от берега, даже пока она возилась с парусом и не могла взяться за весло. Они отплыли от пристани на добрые сорок футов, когда два вопящих брави подбежали к ее краю.

Они грозили Фьяметте мечами, выкрикивая непристойные и свирепые угрозы, а потом повер-

нулись, чтобы разделаться с беднягой, который помог ей. Но тут крестьянин попятился, схватил длинное весло и кинулся на них, держа его наперевес, будто рыцарь — копье на турнире. Оно ударило одного машущего мечом браво прямо в центр стального нагрудника, и он с воплем слетел спиной в воду, погрузившись с головой. А крестьянин, теперь крутя весло, точно дубину, поразил второго браво в подбородок так, что треск разнесся по всему озеру. Тот попятился, потерял равновесие и рухнул в воду следом за товарищем.

К тому времени, когда они, отправив на дно озера тяжелое оружие и доспехи, чтобы такой ценой спастись от смерти, и мокрые насквозь прошлепали на берег, их победитель бесследно исчез. Теплый воздух наполнил коричневый парус маленькой лодки. Сердитые фигуры на берегу трясли кулаками, в бессильной злобе кусали пальцы и выглядели такими же крохотными и слабыми, как гномы.

Мастер Бенефорте, с величайшей тревогой следивший за ними через борт, разжал побелевшие пальцы и со вздохом вновь опустился на дно лодки. Его лицо все еще было смертельно бледным, но дышал он чуть легче. Но все равно ему было

плохо, и он страдал от боли, раз не выбранил ее за то, как она управляется с лодкой. Она почти жалела, что не слышит язвящих слов, они бы ее успокоили. Сдало ли его сердце, или в такое состояние его ввергли злые чары сеньора Ферранте? Или и то и другое?

— Жемчуга в этой сетке стоят куда дороже такой дырявой посудины, — сказал он затем, но словно просто делал вывод, а не сердился. — Не говоря уж о дневном улове. — Рыба, которую он подразумевал, лежала под крышкой в деревянной бочке на носу, а рядом сохли сложенные сети.

— Но не в этом случае, — упрямо возразила Фьяметта.

— Справедливо, — прошептал он. — Совершенно справедливо, — и утомленно откинулся, сдвинув головной убор так, чтобы он служил подушкой.

Фьяметта, сидя на корме рядом с кормилом, ослабила веревку так, чтобы лучше подставить парус легкому ветерку. Вокруг царили чудесный мир и тишина, нарушаемые только поскрипыванием снастей, шлепками маленьких волн да побулькиванием воды за кормой. День, предназначенный для прогулок, а не для кровавой резни.

Парус был небольшим, лодка не слишком быстрой, ветер слабым. Упрямый всадник или двое, скача по белой дороге вдоль восточного берега, вполне могли их опередить. Воды у них сколько угодно, и уж конечно, в пище они не нуждаются — ее желудок все еще был переполнен после пира. Но рано или поздно им придется пристать к берегу. Где будут ждать, мужчины с жестокими лицами… Зеленая полоса берега затуманилась — на глаза ей навернулись слезы и заструились по щекам влажными противными змейками. Она нагнула голову и утерла их рукавом. На красном бархате запеклись темные пятнышки. Кровь капитана Окса. Она ничего не могла с собой поделать и разрыдалась всерьез. И все-таки продолжала править веслом, чтобы лодка плыла прямо между двух берегов. Как ни странно, мастер Бенефорте не потребовал, чтобы она перестала распускать нюни, не то он ее выдерет, а только тихо лежал и смотрел на нее, пока она не справилась с собой.

— Что ты успела увидеть в замке, Фьяметта? — спросил он немного погодя, даже не подняв головы. Голос у него теперь был усталым, медленным, и если не смысл, то тон вопроса ее чуть-чуть успокоил. Дрожащим голосом она перечислила

людей, слова и удары, какие запомнила.

— Хм… — Он задумчиво пожевал губами. — Сначала я подумал, что сеньор Ферранте давно замыслил это коварство: убить герцога на пиру, забрать его дочь и герцогство… Но это было бы глупо, потому что дочь он уже получил, а убить мог бы тайком, выбрав подходящую минуту, если таково было его намерение. Но если, как думаешь ты, эти двое привезли такие черные вести, что герцог решил разорвать помолвку, вот тогда сеньору Ферранте пришлось поспешить с исполнением своего коварного замысла. Дальнейшее докажет, насколько находчив он оказался… или наоборот. Теперь уж он должен довести дело до конца. Как печальна судьба Монтефольи! — Он вздохнул, но Фьяметта не поняла, имел он в виду герцога или герцогство.

— Но что нам делать, батюшка? Как добраться домой?

Его лицо сморщилось от страдания, смешанного со злостью.

— Мои начатые работы… драгоценности, деньги — все пропало! Мой великий Персей! О злополучный день! Если бы я из глупого тщеславия не пожелал вручить солонку прямо на пиру, мы могли бы затаиться, и пусть власть

имущие сами решают свои дела. Фортуна крутит свое смертоносное колесо, растаптывая одного герцога, вознося другого. Может, если бы Ферранте утвердился правителем Монтефольи, он бы подтвердил мои заказы. Ну а теперь… теперь он меня знает. Я обжог его. Боюсь, это было опасной ошибкой!

— Может, — с робкой надеждой сказала Фьяметта, — может, сеньор Ферранте будет побежден. Вдруг его уже сразили?

— Хм. Или Монреале удастся забрать из замка маленького Асканио. Я бы не стал сбрасывать Монреале со счетов. Но в таком случае начнется усобица. Избави меня, Господи, от дел власть имущих! Но ведь только их покровительство открывает возможность для создания великих произведений. Мой бедный Персей! Венец моей жизни!

— Но Руберта и Тесео?

— Они-то сбегут. А моя статуя этого не может. — Он мрачно задумался.

— Но… если солдаты войдут в наш дом… может, они не заметят Персея, — предположила Фьяметта, напуганная тем, как волнение ухудшило его и без того плохое состояние.

— В нем семь футов, Фьяметта! Не заметить его

довольно-таки трудно!

— Вовсе нет. Он же сейчас облеплен глиной и стоит во дворе глыба глыбой. А такого большого не унести. Уж конечно, солдаты будут искать золото и драгоценности, которые могут припрятать на себе.

Но вдруг они возьмут… бронзовую маску? Она маленькая, ее унести нетрудно.

— А потом поищут вина, — простонал мастер Бенефорте. — И тогда напьются. И начнут все крушить. Глина и мой гений — они так хрупки! — Казалось, он тоже вот-вот заплачет.

— Вы спасли солонку.

— Проклятое изделие! Так бы и швырнул ее в озеро. Пусть накликает беду на рыб. — Однако он этого не сделал и только крепче прижал к себе узел.

Фьяметта зачерпнула озерной воды для них обоих оловянной кружкой рыбака, которую нашла под скамьей. Мастер Бенефорте попил, зажмурился от яркого света и потер морщинистый лоб скрюченными пальцами.

— Вас беспокоит солнце, батюшка. Почему бы вам не надеть эту соломенную шляпу, чтобы защитить глаза.

Он взял шляпу, перевернул и брезгливо фырк-

нул. «Воняет!» Но все-таки надел, и его могучий нос укрыла тень. Он потер грудь. В ней все еще таилась боль. Глубокая, щемящая, решила Фьяметта, заметив с каким трудом он перевернулся на бок, а потом опять на спину в поисках облегчения.

— Почему, батюшка, вы не прибегли к магии, чтобы спастись из замка? — Она вспомнила, как сеньор Ферранте поднял сверкающее кольцо на сжатой в кулак руке. — Или… вы к ней прибегли?

«Будь я ученым магом, я бы попробовала спасти храброго капитана!» Но попробовала ли бы? В ту минуту она себя не помнила от ужаса и смятения. И еле-еле спаслась вопреки собственной предательской юбке.

— Магия на службе насилия губительна. — Мастер Бенефорте вздохнул. — Но я прибегал к магии, и, Господи помилуй меня, творил насилие, даже убийства. Я ведь рассказывал тебе, как отомстил капралу Баргелло за смерть моего брата. Мне тогда только двадцать исполнилось. Я был горяч и глуп, но грех я совершил великий, хотя папа и даровал мне прощение. Но с помощью магии я насилия не творил никогда. Даже в двадцать я не был настолько глуп. И пустил в

ход кинжал.

— Но кольцо сеньора Ферранте? Я дважды видела, как он творил им насилие.

— Но один раз оно прожгло его и другой службы не сослужило. — Мастер Бенефорте улыбнулся в бороду, но тут же его улыбка угасла. — Это кольцо оказалось полно зла даже больше, чем я думал.

— А что такое кольцо духов, батюшка? Вы говорили, что видели такое кольцо у владетеля Флоренции, и это не было грехом.

— Кольцо духов, ныне на пальце Лоренцо Медичи, дитя, сделано мной! — с тихим вздохом признался мастер Бенефорте и с тревогой взглянул на дочь из-под полей шляпы. — Церковь запретила эти кольца, и по веской причине, но я счел, что то, как мы взялись за него, даст мне возможность создать сильный талисман, но остаться чистым. Не знаю… Видишь ли, если сохранять труп умершего без покаяния и не погребенного (что есть нарушение святого закона), то, только что отлетевши, дух остается возле тела. И если сделать все надлежащим образом, этого духа можно подчинить чьей-то воле.

— Обратить в рабство? — Фьяметта нахмурилась: это слово оставило на ее языке неприятный привкус железа.

— Да… или… в кабалу. А во Флоренции дело обстояло так: у сеньора Лоренцо был друг, который запутался в долгах, а потом смертельно заболел. И сеньор Лоренцо заключил с ним договор. За службу его души в кольце после его естественной кончины Лоренцо обещал содержать его семью. И клятву эту, насколько мне известно, сеньор Лоренцо свято блюдет по сей день. И еще он поклялся освободить дух покойного, когда почувствует приближение собственной смерти. Магия духов чрезвычайно сильна. Мне кажется, в том, что мы сделали, греха не было. Но реши какой-нибудь узколобый инквизитор иначе, гореть бы Лоренцо и мне спина к спине на одном костре. А потому сохрани мой рассказ в тайне, дитя. — Мастер Бенефорте добавил, вспоминая:

— Тело мы спрятали в старом сухом колодце под одной из новых построек Медичи в самом сердце Флоренции. Сила кольца уменьшается, если забрать его далеко от былого телесного приюта.

Фьяметта задрожала:

— Вы видели мертвого младенчика, когда сундучок с солью раскрылся?

— Да, видел. — Мастер Бенефорте испустил тяжкий вздох.

— Это не мог быть… малый грех.

— Да. — Губы мастера Бенефорте сурово сжались. — Ты стояла ближе. Ты не разглядела, была это девочка?

— Да, — Боюсь… это была собственная мертворожденная дочь сеньора Ферранте. Противно естеству…

— Мертворожденная? Или убитая? Но конечно же, только бедняки тайно придушивают нежеланных дочерей.

Мастер Бенефорте склонил голову.

— В этом секрет, видишь ли. Дух убитого… обладает особыми силами. Особой злобой. Убитый, некрещеный, непогребенный младенец… — он поежился, несмотря на жару.

— И вы все еще считаете, что в мире нет ничего совсем черного.

— М-м… — Он скорчился в лодке. — Признаюсь, — прошептал он, — я боюсь подумать, какого цвета сердце Уберто Ферранте.

— Младенец не может по своей воле отдать свой дух в кабалу. Значит, ее поработили, — сказала Фьяметта нахмурясь. — Принудили без ее ведома.

Губы мастера Бенефорте изогнулись.

— Но это позади. Я выпустил ее из кольца. Она

унеслась и той вспышке, которую ты видела.

Фьяметта выпрямилась.

— Ах, батюшка, как хорошо! Спасибо!

Он поднял брови, сбитый с толку ее горячностью, тронутый вопреки себе.

— Ну… не знаю, хорошо ли это обернется. Сеньор Ферранте, наверное, на многое пошел, лишь бы подчинить эти силы своей воле. И ярость его будет безгранична — сразу лишиться плода стольких стараний! Ожог на пальце — ничто в сравнении с потерей такого могущества. Но ожог будет служить ему напоминанием. О да. Он меня не забудет.

— Но вы всегда хотели, чтобы вас помнили.

— Да, — вздохнул он. — Но боюсь, такая слава может оказаться слишком губительной.

День тянулся и тянулся. Под южным ветерком тяжелая лодка двигалась еле-еле, ее и пешком можно было бы обогнать, но зато ровно и непрерывно. Берег менялся: крестьянские дома, виноградники, рощи справа, осыпи, колючие кусты, каменные обрывы слева. К большому облегчение Фьяметты, мастер Бенефорте некоторое время дремал. Она молилась, чтобы, проснувшись, он почувствовал себя лучше. И правда, когда его глаза открылись в косых лучах предвечернего

солнца, он впервые сел прямо.

— Как мы плывем?

— По-моему, озеру придет конец тогда же, когда и дневному свету.

Она почти пожалела, что озеро не тянется на север без конца, но когда холмы у этой последней излучины разошлись, за ней оказалась не уходящая вдаль водная гладь, а замыкающий берег и крохотная деревушка Сеччино, примостившаяся на его краю.

— Ну, пока ветер не стихнет…

— Последний час он стал капризным, — призналась Фьяметта и снова поправила парус.

Мастер Бенефорте смотрел на бирюзовую чашу неба, изогнувшуюся между холмами.

— Будем уповать, что вечером не разразится буря. А если ветер совсем стихнет, у нас есть весла.

Она поглядела на весла с тревогой. Тщетной оказалась ее последняя надежда избежать страшного берега, пусть даже ветер и стих бы совсем, что как будто и должно было произойти. Последние полчаса они еле продвигались вперед. Поверхность озера стала совершенно шелковой, и пошлепывание с борта маленьких поднятых ветром волн совсем стихло. До деревни оставалась еще миля. Фьяметта наконец сдалась и

опустила парус.

Она вставила тяжелые весла в уключины и хотела пересесть на среднюю скамью, но мастер Бенефорте сердито фыркнул.

— Пусти-ка! — сказал он. — Твои детские ручонки и до ночи туда не догребут.

Он прогнал ее со скамьи взмахом руки и сел на весла. Крякнув, он погнал лодку вперед сильными гребками, всплескивая воду и оставляя крутящиеся воронки на зеркальной поверхности. Но минуты через две он опустил весла, и его лицо вновь стало серым даже в оранжевых отблесках заката. Он отдал ей весла без возражений и некоторое время сидел молча.

Уже смеркалось, когда Фьяметта наконец уткнула нос лодки на галечный пляж. Ковыляя на затекших ногах, они выбрались из лодки и втащили ее еще повыше на берег. Мастер Бенефорте бросил чалку на хрустевшую под ногами гальку.

— Мы останемся тут на ночь? — с тревогой спросила Фьяметта.

— Нет, если мне удастся раздобыть лошадей, — сказал мастер Бенефорте. — Тут не спрятаться. Я вздохну свободнее, только когда мы переберемся через границу. Укроемся где-нибудь, где сеньору Ферранте до нас не дотянуться, и тогда подумаем,

что делать дальше.

— А мы… когда-нибудь вернемся домой?

Он поглядел на юг над темнеющей водой озера.

— Мое сердце осталось у меня во дворе в Монтефолье, спрятанное под глиной. Клянусь Господом и всеми святыми, я не могу долго оставаться в разлуке с моим сердцем.

На протяжении следующего часа им пришлось убедиться, что рыбаки — не большие любители лошадей. Лодкам ведь не требуются дорогое сено и ячмень. Один покачивающий головой хозяин хижины отсылал их к другому с радушием, которое заметно убывало по мере того, как сгущался мрак. Под конец Фьяметта и ее отец оказались в сарае на самом конце деревни, где стоял жирный белый одер с разбитыми коленями, седой мордой в жесткой щетине и самого почтенного возраста.

— А вы уверены, что нам не придется тащить его на себе? — уныло спросил владельца мерина мастер Бенефорте. Фьяметта поглаживала бархатистую морду и слушала. У нее никогда прежде не было лошади.

Хозяин принялся подробно описывать силу и многочисленные достоинства своего коняги, добавив, что он ему просто сын родной.

— Дедушка, — проворчал в бороду мастер Бенефорте. Но после дальнейших переговоров сделка была заключена: драгоценный камень и лодка за мерина. Мастер Бенефорте выковырял алмаз из рукоятки кинжала под подозрительным взглядом продавца. Но резко возразил, когда тот потребовал еще алмаз за седло. Слово за словом — и сделка чуть было не оказалась расторгнутой.

Тем не менее владелец мерина предложил им хлеба, сыра и вина. Мастер Бенефорте ответил, что не хочет есть, но немного вина они с Фьяметтой выпили. А сыр и хлеб завернули на дорогу.

Восходящая луна как раз выплыла из-под восточной гряды холмов, когда крестьянин наконец подсадил Фьяметту позади ее отца уа широкую теплую лошадиную спину. Прогнутость крупа оказалась удобным седлом. Ночь была ясной, и луна, хотя и шла на ущерб, светила достаточно ярко, чтобы можно было видеть дорогу перед собой. А быстрота, на которую был способен их скакун, делала ее вполне безопасной. Мастер Бенефорте усмехнулся, ударил каблуками по жирным бокам мерина, и тот затрусил вперед. Когда деревушка осталась позади, мерина такая перемена в его жизни, видимо, подбодрила и он… сказать, перешел на быструю рысь, было бы,

пожалуй, слишком сильно. Но, во всяком случае, на вполне пристойную рысцу.

Крепкое красное вино вдобавок ко всем ужасам и тяготам этого дня заставило глаза Фьяметты сомкнуться. Она прислонила голову к отцовской спине и задремала, убаюкиваемая мерным покачиванием и ровным перестуком лошадиных копыт. Бывший хозяин мерина убедительно предостерегал их против демонов, бродящих вокруг по ночам. Но после событий дня демоны казались Фьяметте куда безобиднее людей. И темнота ее совсем не страшила при условии, что люди в ней не бродят.

Внезапный рывок белой лошади разбудил Фьяметту. В ушах у нее шумела кровь. Ее отец бил мерина, стараясь заставить его бежать быстрее. И нет — Дробные звуки рождались не у нее в голове, а врывались в ее уши извне. Конский топот на дороге позади них. Ее подбрасывало, она соскальзывала и потому обхватила мастера Бенефорте обеими руками вокруг пояса, а затем, принудив свою раскалывающуюся от боли голову обернуться, посмотрела через плечо.

— Сколько их? — спросил мастер Бенефорте напряженным голосом.

— Я… я толком не вижу. — Всадники, да, тем-

ные силуэты на дороге позади, холодный блеск металла. — Но больше двух. Четверо.

— Мне бы купить черную лошадь! Эта проклятая животина сияет точно луна, — простонал мастер Бенефорте. — А укрытия тут и плевка шлюхи не стоят! — Тем не менее он повернул мерина на купающийся в серебристом тумане луг к рощице молодых деревьев.

Но было поздно. Позади них раздался крик, послышались ругательства и улюлюканье — преследователи увидели их и погнали своих коней быстрым галопом.

На полпути через луг мастер Бенефорте натянул поводья так, что завернул морду мерина назад, и выхватил кинжал.

— Слезай и беги к деревьям, Фьяметта.

— Батюшка, нет!

— Помочь ты не можешь, только помешать. Мне нужно сосредоточиться. Беги, черт побери!

Фьяметта возмущенно фыркнула, но тут же соскользнула с крупа, удержалась на ногах и попятилась. На луг выскочили четыре темных всадника и развернулись веером, готовясь к стремительному нападению с трех сторон. Впрочем, не такому уж стремительному: их лошади, подчиняясь натянутым поводьям, перешли на

медленную рысь, словно приближение в темноте к мастеру магу гасило охоту наброситься на него. «Они же не знают, как он болен!» — подумала Фьяметта.

Главарь указал на нее и отдал команду одному из своих подчиненных, и тот сразу же повернул в ее сторону с куда более убедительным рвением. Фьяметта подобрала юбки и помчалась к роще. Деревья росли густо — если она успеет добежать туда, верхом ему между ветками не пробраться. А если нет… Бросив панический взгляд через плечо, она увидела, что остальные трое приближаются к мастеру Бенефорте, а он ждет их, подняв кинжал. Драматичность момента несколько портил белый мерин, который пытался опустить голову и начать щипать траву.

— Свиньи! — донесся до нее голос мастера Бенефорте. — Грязь! Подъезжайте и будете зарезаны, как режут свиней вроде вас!

Мастер Бенефорте часто говаривал, что лучшая защита — это нападение, потому что почти все люди в сердце своем трусы. Но тяжелое дыхание лишило его слова необходимой грозности.

Однако человек, посланный за Фьяметтой, ее, совершенно очевидно, ничуть не боялся. Она нырнула в хлещущие ветки, опередив его лишь

на несколько шагов. Он натянул поводья так, что его лошадь вздыбилась, и спешился. Он даже меча не обнажил. Сапоги у него были тяжелые, а ноги длинные. Она петляла между стволами, спотыкаясь в легких туфельках о неровности почвы. Он надвигался, в рывке схватил ее за юбку и опрокинул ничком. Она больно ударилась подбородком, выплюнула землю. Тут он навалился на нее, вдавливая в траву. Она извернулась, готовая вцепиться ему в глаза. Он запыхался, но хохотал: в темноте блестели его зубы и белки. Он сжал ее запястья одной рукой. У нее жгло легкие, не хватало дыхания, чтобы закричать. Она попыталась укусить его за нос. Он еле успел отдернуть голову и грязно выругался.

Одной рукой, не торопясь, он принялся снимать с нее украшения. Серебряные серьги и ожерелье, не очень дорогие, если не считать чудесной работы, он сунул за пазуху. К счастью, проволочки поддались, прежде чем порвали мочки ее ушей, но боль все равно была жгучей. Ему пришлось лечь ей поперек груди и использовать обе руки, чтобы отогнуть ее большой палец и сдернуть львиное кольцо. Она пыталась ударить его ногами, но не доставала. Он подставил кольцо под луч луны, буркнул «ха!», обрадованный его тяжестью,

а затем небрежно положил на землю, приподнялся на ладонях и оглядел ее тело. В пятне лунного света среди теней листвы блестели грани зеленых глаз серебряной змеи.

— Ого! — воскликнул он, ухватил свободной рукой пояс и дернул. Но пояс не поддался. Он снова дернул, сильнее, так что приподнял бедра Фьяметты. Его рука выпустила пояс, скользнула вниз и больно ущипнула ее сквозь толстый бархат.

Глаза змеи зажглись красным огнем. Серебряная головка приподнялась, качнулась из стороны в сторону, изогнулась, широко разинулся рот, и два серебряных клыка глубоко вонзились в шарящую руку.

Насильник завопил, как приговоренный к смерти, — пронзительный, нелепо высокий вопль для такой могучей груди. Он прижал руку к плечу и скатился с Фьяметты, сжался в комок, не переставая вопить. Теперь уже слова.

— О Господи, я горю! Я горю! Черная колдунья! О Господи, я горю!

Фьяметта, выпрямившись, сидела на прелых листьях. Он катался по земле как одержимый, спина его судорожно выгибалась. Фьяметта пошарила вокруг себя, нащупала львиное кольцо, надела его на большой палец, вскочила и побе-

жала, продираясь сквозь весенние кусты.

Конечно, они решат, что она постарается убежать отсюда подальше. А потому она сделала круг и вернулась к опушке. Там, проломив кусты, лежал ствол старого бука с вывороченными корнями. Она вытянулась в его тени и замерла на лесном мусоре настолько неподвижно и беззвучно, — насколько позволяли ее тяжело вздымающаяся грудь и прерывистое дыхание.

Она слышала, как перекликаются нападавшие, но мастер Бенефорте безмолвствовал. Жертва змеиного укуса, все еще вопя, наконец добрел до своих товарищей, и его безобразные стенания поутихли. Нестройный хор их хриплых грубых голосов звучал по-прежнему в отдалении от нее.

Медленно Фьяметта справилась с дыханием. Потом послышался удаляющийся лошадиный топот. Но все ли они уехали или кого-то оставили? Она ждала, напрягая слух, но только шуршали ветки, пищали комары и где-то раздалась соловьиная трель. Луна, уже в зените, сплетала тени листьев в парчовый узор.

Настороженно вглядываясь в полумрак широко открытыми глазами, Фьяметта тихонько вышла на край луга. Никакой браво не выскочил из засады. Она увидела только белую лошадь на

середине луга, опустившую голову в молочный туман. Она услышала, как на зубах мерина хрустит сочная луговая трава, и начала красться по росистому холодному ковру.

Неподалеку от мерина она увидела труп отца. Он лежал, изогнувшись, на спине, посеребренная борода торчала вверх, открытые глаза мутнели в лунном свете. Лозимонские брави забрали его солонку, плащ, золотую цепь, украшенный драгоценными камнями кинжал и ножны, а также перстни, но она другого и не ждала. Забрали они и его тунику, шляпу и башмаки, оставив ему только разорванную льняную рубашку и черные чулки-трико, наполовину расшнурованные. Вид был тягостно непристойный. Словно старика застигла смерть, — когда он собирался одеться.

Она боязливо ощупала его, ища колотые раны. Но их не было. Она прижала ухо к уже покрывшейся росой груди. Но что можно услышать, когда сердце разорвалось? И кто услышит ее сердце, если оно разорвется сейчас.

Видимо, его сразил недуг, прежде чем он успел нанести хотя бы один удар, защищаясь. Быть может, это усилие оказалось для него роковым. Ей казалось, что день этот лишил ее способности чувствовать, но выяснилось, что она еще может

плакать. Только ее глаза плакали словно без ее участия, словно она разделилась пополам. Другая ее половина спокойно оттащила неподвижное тело к краю овражка, по которому во время дождя с луга стекала вода. Она ухватила мерина за поводья — лозимонцы, видимо, побрезговали старым одром, — отвела его туда, поставила в самом низком месте и взгромоздила мастера Бенефорте поперек покачивающейся спины. Покинутую оболочку мастера Бенефорте. Где бы ни пребывал сейчас ее отец, здесь его не было.

Белые волосатые уши мерина подергивались, его как будто смущала необычная поклажа. Руки ее отца болтались над землей, его волосы свисали вниз, прямые и какие-то непривычные. Она, чтобы вести лошадь, встала с другой стороны, придерживая ногу пустой оболочки, уравновешивая ее. Все еще плача и испытывая непонятное спокойствие, она вывела лошадь на дорогу и пошла на север.

Глава 5

От зимы до лета было всего два дня пути, удовлетворенно заметил про себя Тейр. Он похлопал по плечу крупного бурого мула, которого вел во вьючном караване караванщика Пико. Накануне утром они миновали снежные высоты Монтефольского перевала — голые скалы, коварный лед, кусающийся царапающий ветер. Нынче вечером они двигались по обсаженной тополями дороге, радуясь зеленой сени, укрывавшей их от пылания солнца, заходящего за волнистую гряду холмов. Он пошевелил пальцами: ноги у него были теплыми.

Длинные пушистые уши мула, свисавшие по сторонам морды, вдруг чутко насторожились, и он ускорил усталый шаг. Впереди Пико остановился, снял жерди, перегораживавшие ворота пастбища, и впустил туда караван. Судя по тому, как они повеселели, всем восьми мулам место это было хорошо знакомо, но Тейру тут все было в новинку.

— Ведите их до рощи, — крикнул Пико через плечо двум своим сыновьям и Теяру, указывая на купу деревьев в глубине пастбища. — Там

и устроимся на ночлег. Снимем с них вьюки и пустим пастись.

Мул пытался подтолкнуть Тейра к сочной траве на бережках ручья, но Тейр послушно увел его в рощу и привязал к дереву.

— Тебе же будет вольготнее без вьюка, — утешил он его. — Сможешь покататься по траве.

Мул подергал длинными ушами, словно возражая, вздернул кремовую морду и шумно фыркнул. Тейр ухмыльнулся.

Он снял тяжелый вьюк — слитки меди и шкуры, а потом вьюк со второго мула, который следовал за первым на веревке, и пустил обоих пастись. Мулы тяжело зарысили к ручью, радостно взвизгивая. Старый белый одер с вогнутой спиной, одиноко бродивший по пастбищу, поглядывал на это вторжение с интересом, но и с подозрительностью. Выражение его длинной седой морды напомнило Тейру лицо ученого монаха, старого брата Гларуса, когда тот оглядывал компанию новых шумных учеников.

Тейр повернулся помочь Зильо, младшему сыну Пико, с тяжелыми вьюками двух его мулов — казалось, вьюки вот-вот его раздавят. Зильо благодарно улыбнулся и прямо-таки затанцевал, точно мул, с которого сняли узду.

Пико, его сыновья и Тейр составили вьюки вместе, а сверху положили яркие полосатые попоны изнанкой кверху, чтобы просушить и проветрить. Мальчики принялись распаковывать скудные принадлежности для устройства ночлега, а Пико уже разводил огонь на старом кострище, благо рядом лежала куча хвороста. Тейр с интересом оглядывался по сторонам. По ту сторону дороги тянулся длинный оштукатуренный дом в два этажа со службами позади него во дворе. Штукатурка была розоватой, как и высокая оштукатуренная стена, опоясывающая все строения и дом. Верх стены щетинился вцементированными в него ржавыми гвоздями и битым стеклом, однако широкие деревянные ворота были гостеприимно распахнуты.

— Если хочешь, можешь переночевать на постоялом дворе, — сказал Пико, проследив взгляд Тейра и кивнув на дом, — коли устал спать на земле. У Катти, хозяина, постели хорошие. Но запомни одно: он великий сквалыжник и за свои простыни семь шкур сдерет. Правду сказать, погонщикам мулов он предпочитает прелатов — если сумеет их заполучить.

— Спать вы там будете?

— Нет, я всегда остаюсь с моими мулами и моим

грузом, разве что дождь льет или там метель. Он и так с меня много берет за пастбище и хворост. Ну да место хорошее, трава отличная, и мулам тут нравится. А если отправишься пораньше, так летом я успеваю добраться домой в Монтефолью еще засветло. А в те вечера, когда костер дождь заливает, жена Катти всегда хорошим ужином накормит. Ветчина у нее — прямо редкостная. Да, чуть не забыл, я обещал привезти окорок соседу, который за моим домом присматривает, пока меня нет. Напомни, когда я пойду туда расплатиться.

Тейр кивнул, вытащил из сумки обмылок и пошел к ручью умыться. Вода была ледяной, но освежающей, а вечерний воздух — таким теплым, что он не удержался от соблазна, вымыл волосы, а потом вымылся до пояса, а потом (гораздо быстрее) еще ниже. Тич, старший сын Пико, долговязый пятнадцатилетний юнец, с интересом следил за ним. Потом стянул сапог, попробовал ногой воду и взвыл — таким холодом его обожгло.

— Водичка в самый раз, — мягко сказал Тейр. Тич прыгал на одной ноге, стряхивая капли.

— Горец полоумный! — крикнул он, тыча мокрой ступней в сапог.

— В руднике вода куда холоднее.

— В таком случае избави меня Господи от рудника! — истово воскликнул Тич. — Мне подавай пути-дороги. Вот это жизнь! — И он раскинул руки, словно обнимая сгущающиеся вечерние сумерки, будто все вокруг до горизонта принадлежало ему. — Ты бы лучше с нами остался, Тейр, чем корпеть взаперти в темной душной мастерской.

Тейр с улыбкой покачал головой:

— Все дело в металле, Тич. Сотни людей трудятся, чтобы медь, которую мы везем, попала в руки мастера, а кому честь? Ему, кому же еще. А потом… — Тейр замялся, не решаясь открыть свою мечту, которая вряд ли нашла бы сочувствие. «Я хочу научиться делать замечательные и прекрасные вещи». — А потом, темнее и душнее, чем в руднике, там не будет.

— Ну да, конечно, кто к чему привык, — согласился Тич, по доброте сердечной избегая спора.

К ним неторопливо подошел Пико и востребовал энергию Тича для других целей:

— Пошевеливайся, малый. Почисти-ка мулов.

Тейр натянул пропыленную шерстяную тунику и чулки. С ними придется потерпеть до Монтефольи, а там подыскать прачку. Может, она

согласится, чтобы он в уплату поработал — наколол дров или еще что-нибудь. Сопровождая Пико, Тейр еще не израсходовал ни единой монеты из своего скудного запаса и надеялся растянуть их подольше, чтобы не слишком зависеть от щедрости своего брата Ури.

Он предложил обмылок Пико, а Тич вступил в перепалку со своим десятилетним братом Зильо, пытаясь разделить с ним работу. Зильо горячо возражал против этого плана. Но тут голоса мальчишек затихли в отдалении, потому что он и Пико уже перешли через дорогу, направляясь к постоялому двору. Солнце у них за спиной уже касалось гряды, и их тени ложились далеко вперед перед ними. Тейр ускорил шаг. Розовый дом словно притягивал его, суля какую-то неясную радость. Просто ему очень хочется пить, решил Тейр.

Он вошел следом за Пико, который уже громко призывал Катти. Большая выбеленная комната была уставлена столами на козлах и скамьями. В очаге тлела ровная горка углей, готовых воспламенить поленья из аккуратного штабелька рядом, когда в свои права вступит ночная прохлада. У стены на козлах многообещающе выстроились бочонки с кранами.

Из заднего помещения, вытирая руки грязным льняным полотенцем, вышел мастер Катти: поседевшие волосы, брюшко — более дань возраста, чем обжорства. Он быстро семенил на коротких ногах.

— А, Пико! — дружески приветствовал он гостя. — Я видел, как ты свернул на луг. Знаешь, что приключилось в Монтефолье? — Его улыбка была дружеской, но в глазах пряталась озабоченность.

Пико оторвал взгляд от бочонков, настораживаясь: слишком тихо было это сказано.

— Нет. А что?..

— Четыре дня назад герцога Сандрино убили на пиру.

— Что! Да как же это? — У Пико отвисла челюсть. Приятное тепло в животе Тейра исчезло. Туда словно сунули кусок льда.

Катти покачивался на каблуках, мрачно смакуя эффект, который произвела его новость.

— Говорят, у него вышла ссора с сеньором Лозимо на пиру в честь помолвки его дочери Джулии. Были обнажены кинжалы… и последовало обычное. Страшная резня, как я наслышался от тех, кто ехал оттуда. Отряд сеньора Ферранте захватил Монтефолью. Во всяком случае, пока.

— Боже ты мой! И они разграбили город? —

спросил Пико.

— Не слишком. У них все еще хватает забот с…

— Мой брат служит в гвардии герцога! — в ужасе перебил Тейр.

— А? — Катти поднял брови. — Ну так он потерял службу, вот что я думаю. — И добавил помягче:

— Говорят, части гвардейцев удалось бежать с маленьким сеньором Асканио и своими ранеными и укрыться за стенами монастыря Святого Иеронима вместе с аббатом Монреале.

А части, следовательно, не удалось. Но Тейр легко представил себе, как Ури защищает маленького сеньора, увозит его в надежные монастырские стены. И конечно, ворота закрылись за ним последним.

— Солдаты Ферранте маршируют перед монастырем и угрожают, но пока не осмеливаются напасть на монахов. Пока. Ферранте держит герцогиню и мадонну Джулию заложницами и послал в Лозимо за новыми подкреплениями с распоряжением поторопиться.

Пико присвистнул.

— Скверное дело!.. Ну да я-то живу в стороне от города, и особо у меня поживиться нечем. Благодарение Пресвятой Деве, на этот раз я взял

Зильо с собой, а не оставил у соседа, как часто делал. Пожалуй, мне лучше будет подождать денек-другой у тебя, Катти, если позволишь попользоваться твоим лугом, пока не придут вести, как там и что.

— А по-моему, ты за свой металл можешь взять хорошую цену что с той, что с другой стороны, — возразил Катти. — Им ведь требуются доспехи, оружие, бронза для пушек…

— Куда вернее, что у меня его отберет та или другая сторона, — буркнул Пико. — Нет. Разумнее будет направиться через предгорья в Милан. Хотя за время пути мулы съедят добрую часть прибыли. — Он взглянул на Тейра. — Ты волен отправиться в Монтефолью, если хочешь, Тейр. Узнать про своего брата. Хоть мне и жаль лишиться твоей крепкой спины.

— Сам не знаю… — Тейра сковали сомнения и тревога.

— Переночуй, — предложил Катти. — Решишь утром.

— Да, так лучше будет, — согласился Пико. — А тогда, глядишь, узнаем что-нибудь повеселее. — Он похлопал Тейра по плечу с неуклюжим сочувствием.

Тейр кивнул с благодарностью, против воли

соглашаясь.

— А окорок тебе еще требуется? — напомнил он.

— Пожалуй, что нет… Вот что, Катти, если у твоей хозяйки есть ее большие копченые колбасы, я бы взял одну. Поджарим ломти нынче на ужин, а остального хватит до Милана.

— Вроде бы еще остались после последней свиньи. Висят в коптильне, но…

— Вот и хорошо. Тейр, выбери для нас одну, ладно? А мне надо сообщить моим ребятишкам дурные вести. — Хмурясь, Пико вышел и пересек дорогу.

Катти пожал плечами и повел Тейра через дом на задний двор. Тейр сразу распознал коптильню в сараюшке по ароматной сизой дымке, которая просачивалась между стрехами и соблазнительно повисала в неподвижном вечернем воздухе… Следом за Катти Тейр нырнул в дымную полутьму. Катти нагнулся и бросил пару мокрых яблоневых полешек на угли в яме посреди земляного пола. От новой волны душистого дыма у Тейра защекотало в носу, и он чихнул.

— Осталось четыре. — Катти встал на цыпочки и ткнул в один из бурых, завернутых в реднину цилиндров, которые свисали с закопченной бал-

ки. Тот закачался. — Выбирай любую.

Тейр взглянул вверх и как завороженный уставился на то, что лежало в полутьме на балках. Поперек них была уравновешена доска. А на доске покоился нагой труп седобородого мужчины, завернутый точно в саван в ту же реднину, что и колбасы. Кожа трупа сморщилась и задубела от дыма — Пико верно говорил, — заметил Тейр после мгновения ошеломленного молчания. — Твоя жена и правда коптит редкостную ветчину.

Катти проследил направление его взгляда.

— Этот-то? — буркнул он с отвращением. — Я как раз хотел рассказать Пико. Беглец из Монтефольи. Да только ему не повезло. И ни единой монетки, когда дело дошло до уплаты.

— А ты часто так разделываешься с постояльцами за неуплату? — осведомился Тейр изумленно. — Предупрежу Пико, чтобы он расплатился не мешкая.

— Да нет же, он сюда уже мертвым попал, — раздраженно воскликнул Катти. — Три дня назад. А священник в отъезде. А из соседей никто не согласится, чтобы мертвяка, неотпетого колдуна, похоронили в их земле. Как я и сам, сказать по чести. А чертова девка не платит. Вот он и полеживает тут и будет лежать, пока за него не

заплатят. Так я жене и сказал. И пусть со злости убирается к своей сестрице, коли хочет, но я не позволю, чтобы меня надула служанка сдохшего флорентийца! — Катти скрестил руки на груди, подчеркивая свою решимость.

— Почтенный хозяин, по-моему, ест и пьет он мало. Так сколько вы хотите взять с него за дым?

— Да, но видел бы ты, сколько жрет мерин, на котором он приехал! — простонал Катти. — На крайний случай я заберу конягу. Только я бы лучше взял в залог кольцо. Кольцо-то копыт не откинет, а от этого одра всего ждать можно. — Он нетерпеливо отмахнулся от клуба дыма, сдернул колбасу с крюка и махнул Тейру, чтобы он вышел из коптильни первым.

— Видишь ли, — продолжал Катти, набрав в легкие побольше воздуха, — утром три дня назад эта полуэфиопка в грязном бархате привезла его, перекинув через спину белого одра, которого ты, думается, видел на пастбище. Она сказала, что им удалось спастись от резни в Монтефолье, а потом их ограбили, а его убили люди сеньора Ферранте, которые нагнали их за Сеччино. Да только убит он не был — у него на теле нет ни единой раны, а ее не ограбили — у нее же на большом пальце золотой перстень, его бы не проглядел и слепой

бандит. Я сразу заподозрил, что не все чисто, но она словно бы очень горевала, а у моей хозяйки ум за разум заходит, ну она и приняла ее, позволила привести себя в порядок и успокоиться. А я чем больше раздумывал, тем сильнее становились мои подозрения.

Чтобы одурачить старого Катти, надо встать ни свет ни заря. Она заявила, что старик был флорентийским магом, а ей приходится отцом. Про флорентийца я верю, только думаю, что она-то была его рабыней. Его по дороге хватил удар, а может, сгубила черная магия. А она забрала все его вещи, припрятала их, вывалялась в грязи, растрепала волосы, да и заявилась сюда со своей сказочкой, задумав подбросить его мне, а сама бы кружным путем вернулась за его сокровищем. И есть доказательство: перстень-то мужской! Небось сняла с пальца своего господина. Ну, я разгадал ее замысел и обличил ее.

— И что дальше? — спросил Тейр.

— Она стала визжать как припадочная и не отдала краденый перстень. Кричала, что будь ее отец жив, он бы превратил меня в клопа в собственной моей постели. Ну, ей-то, думается, пиво в мочу не превратить. Заперлась в лучшей моей комнате, сыплет на меня проклятиями сквозь

дверь, грозит поджечь мой дом и не желает выйти! Сам посуди, это ли не доказательство? А она одержимая, верно?

— Прямо кажется, что она боится, как бы ее не ограбили еще раз, — пробормотал Тейр.

— Совсем ополоумела. — Катти нахмурился, затем смерил Тейра угрюмым взглядом, и в его глазах засветился слабый огонек надежды. — Знаешь, парень ты рослый, крепкий. Получишь кувшин пива, если вытащишь ее из моей лучшей комнаты, ничего там не сломав и не разбив. Что скажешь?

— А почему ты сам ее не выгонишь? — Светлые брови Тейра поднялись.

Катти пробурчал что-то о «старых костях» и «бешеной кошке». Тейр подумал, что, может, Катти так и видит себя клопом. Но в силах ли маг превратить человека в насекомое? А если да, то будет это насекомое величиной с человека или крохотное? Ну, он подумывал, не потратиться ли ему на пиво, чтобы вечером было чем запивать жареную колбасу. Из залы доносилось заманчивое благоухание, исходившее от бочонков.

— Попробовать можно, — осторожно согласился Тейр.

— Вот и хорошо! — Катти встал на цыпочки

и похлопал его по плечу. — Идем, я тебя провожу. — И он повел Тейра в дом.

На втором этаже Катти показал на закрытую дверь и шепнул: «Тут!»

— А как она ее заперла?

— Там есть засов, но не слишком крепкий. Так она чем-то подперла дверь. Думается, придвинула к ней кровать.

Тейр оглядел деревянную дверь. Снизу донесся мужской голос:

— Катти! Эй, Катти! Ты что, уснул там? Спускайся-ка и налей мне пивка, не то я сам себя угощу.

Катти в отчаянии заломил руки.

— Ты уж постарайся! — подбодрил он Тейра и поспешил вниз.

Тейр еще минуту смотрел на дверь. Странное неясное томление, которое он раньше принял за жажду, теперь стало сильнее, жгло и сводило его внутренности. Во рту у него пересохло. Пожав плечами, он подошел к двери, навалился на нее боком, уперся ногами в пол. Дверь не шелохнулась, он нажал сильнее. Изнутри донесся зловещий треск. Тейр замер. Неужто он лишился обещанного пива? Он снова нажал и продолжал нажимать под скрип дерева о дерево, напомнивший ему стоны ворота в руднике.

Дверь приоткрылась, он всунул в щель голову и заморгал.

Чугунные болты вырвались из скобы засова, и он торчал, ничего не запирая. Кровать с четырьмя столбиками, поддерживавшими полог, отодвинулась под напором дубовой двери. И в двух шагах от него стояла очень смуглая девушка в красном платье с длинными льняными нижними рукавами. В высоко поднятых руках она держала тяжелый расписанный цветочками ночной горшок из обожженной глины. Под глиняной крышкой грозно плескалось его содержимое.

У Тейра перехватило дыхание. Он никогда еще не видел ничего подобного. Полуночно черные волосы, клубящиеся, как грозовая туча. Кожа, точно поджаренный хлеб, дышащая жаром средиземноморского полудня. Миниатюрная, стройная, хотя и округлая, где требуется, фигура напомнила ему вырезанных из орехового дерева ангелов в руинвальдской приходской церкви. Сверкающие глаза теплого карего цвета — цвета палочек корицы, которыми так дорожила его мать. Она выглядела… она вся выглядела удивительно теплой. А она отпрянула, яростно глядя на него.

Так не годится! Он протиснулся в дверную щель

так, что кровать отъехала с новым отчаянным скрипом, а он прижал ладонь к ладони, надеясь, что жест этот выглядит мирным. Его руки показались ему такими же огромными, как головки сыра, и такими же нескладными. Он сглотнул и наконец вспомнил, что следует выдохнуть.

— Привет вам. — Он вежливо наклонил голову в ее сторону и откашлялся.

Она отступила еще на шаг. Руки с ночным горшком чуть опустились.

— Вам не следует здесь оставаться. То есть надолго, — сказал Тейр. Ее руки дрожали. — Этот сквалыга-хозяин не приносил вам никакой еды?

— Да… то есть со вчерашнего утра, когда ушла его жена, — ответила она, запинаясь и не спуская с него настороженных глаз. — У меня была бутыль вина, и я растягивала ее как могла, но уже все выпила.

Она не спускала с него взгляда, словно он был каким-то чудовищем. Но не такой же он все-таки великан. Он чуть-чуть согнул колени, сгорбил плечи и тщетно попытался съежиться. А впрочем, как ему и выглядеть в тесной комнатушке? Другое дело в зале или под открытым небом.

Тут его глаза приковало кольцо на ее большом пальце, всунутом в ручку горшка. Львиная маска

с красным камнем в пасти, казалось, пылала жаром Сахары и притягивала его точно огонь. Он кивнул на кольцо:

— Катти хочет присвоить вот этот перстень?

Она улыбнулась с горечью:

— Хочет-то хочет, да не может. Он два раза пытался, но даже ухватиться за него не сумел. Носить это кольцо дано только одному мужчине. Я докажу это. — Она тряхнула буйной гривой кудрявых волос и поставила горшок на пол. — Я собиралась разбить его о голову Катти, но до твоей мне не дотянуться. — Она поморщилась и оттолкнула горшок ногой, сдернула кольцо с пальца и с угрюмым торжеством протянула ему. — Вот попробуй надень, и увидишь, что у тебя ничего не получится.

Кольцо засияло у него на ладони. А когда он зажал его в кулаке, оно показалось ему живым бьющимся сердцем. Сам не зная как, он надел его на безымянный палец левой руки и поднял, подставляя под последний солнечный луч — золотую полоску света, которая пробилась в щель ставней и яркой чертой легла на стену. Крохотная львиная грива замерцала поющими волнами, маленький камень вспыхнул огнем. Тейр повернул руку, и красные отблески затанцевали на стене

точно хоровод фей. Он отвел взгляд и увидел, что смуглая девушка смотрит на него с выражением глубочайшего ужаса, совсем исказившего нежные черты ее прекрасного лица.

— Э… простите, — извинился он, сам не зная за что. — Вы же сами велели, чтобы я его надел. Вот, возьмите! — Он дернул, но кольцо уперлось в складочки кожи на суставе.

— Погонщик мулов? — прошептала она. — Мое кольцо привело ко мне вонючего погонщика мулов? Глупого немецкого верзилу?

— Швейцарского, — поправил Тейр, все еще дергая кольцо.

Глупый швейцарский верзила — верно. Наверное, она углядела его в окно, когда они заводили мулов Пико на пастбище. Он стал таким же красным, как камешек в львиной пасти. Его сустав побагровел, побелел и начал пухнуть.

— Вы уж простите, оно застряло. — Он начал в смущении крутить кольцо, но стянуть с пальца все равно не смог. — Может, если намылить… У меня во вьюке есть кусочек мыла. Можете пойти со мной. Я не собираюсь красть ваше кольцо, мадонна. Я направлялся в Монтефолью. Мой брат устроил меня подмастерьем золотых дел мастера, или собирался, но теперь не знаю, что будет. Мой

брат Ури — капитан в гвардии герцога, понимаете? И я не знаю… я боюсь… я не знаю, жив он или мертв.. — Он стал дергать и крутить кольцо еще отчаяннее, потому что ее было окаменевшее лицо вдруг залили слезы, но ничего не получалось. Кольцо безнадежно застряло. — Простите! Не могу ли я… не могу ли я помочь, мадонна? — Он протянул к ней ладони, предлагая… но что он мог предложить? Ну во всяком случае, свои руки.

К его ужасу, она опустилась на пол, пряча лицо в ладонях, и зарыдала. Он неловко сел рядом с ней.

— Я сниму кольцо… Как-нибудь сумею. Пусть даже придется палец отрубить, — в отчаянии пробормотал он.

Она безнадежно покачала головой и проговорила, всхлипывая:

— Дело не в нем. Но все, все это…

Тейр помолчал, а потом сказал очень мягко:

— Это же правда, ваш отец в коптильне? Мне так жаль. Здешний хозяин просто чудовище, боюсь, что так. Я проломлю ему голову, если хотите.

— О… — Она опустила руки на пол и устало оперлась на них. Некоторое время рассматривала их, потом подняла глаза на Тейра и вгляделась

в его лицо. — Ты не очень похож на Ури. Вот не думала, что его младший брат настолько выше него и шире в плечах. И ты такой светловолосый, такой бледный в сравнении с ним!

— Я почти всю зиму работал в руднике и совсем не видел солнца. — Наверное, ей он кажется противнее белого червя, вывороченного вместе с камнем… Его мысль оборвалась, заметалась.

— Вы знаете моего брата Ури? — Он добавил с еще большей настойчивостью:

— Вам известно, что с ним произошло?

Она выпрямилась и протянула ему руку с грустной иронией:

— Привет тебе, Тейр Окс. Я Фьяметта Бенефорте. Просперо Бенефорте мой отец. Ты прибыл как раз вовремя, чтобы стать подмастерьем прокопченного трупа. — Ее губы сжались, подавляя гневное рыдание.

— В письме Ури не было ничего про дочь, — растерянно брякнул Тейр и стремительно схватил ее за руку, чтобы она не успела ее отдернуть. — Он всегда пишет слишком уж коротко, говорит матушка.

— Когда я в последний раз видела капитана Окса, — ее голос стал тише, — ему пронзили грудь мечом. Он защищал маленького сеньора Асканио

от кровожадных прислужников Ферранте. Не знаю, жив он или умер, или вместе с другими ранеными ему удалось добраться до целителей в монастыре Святого Иеронима. Но рана была не из легких. — Она высвободила руку из его пальцев и начала пощипывать смятый бархат юбки, сбившейся комом на коленях. — Сожалею, что не могу сказать ничего утешительного или более нового. Мы с отцом бежали, спасая свои жизни, или, вернее, попытались их спасти.

— Что произошло? — В животе у него стыл лед, лед, лед Короткими отрывочными фразами она рассказала о страшном кошмаре последних четырех дней. Тейр вспомнил горе и ощущение неизбывной утраты, которые пережил, когда его отец погиб в руднике. В тот зимний день он сидел на уроке брата Гларуса в школе, и новости об обвале услышал в сбивчивом пересказе. После долгих дней отчаянных и тщетных усилий добраться до погребенных священник освятил место обвала, погибшие остались лежать там, похороненные под глыбами, и Тейр больше не видел отцовского лица. А Фьяметте пришлось везти тело одной, ночью. Тейр ужасался тому, что ей пришлось вынести, но и испытывал непонятную зависть. Пусть ее отец умер, но он хотя бы не был

лишен последних услуг, какие могли оказать ему живые, пусть окуривание и копчение не входят в благочестивые обряды, какие принято совершать над покойными отцами семейств.

— …во второй раз, когда он попробовал сорвать его у меня с пальца, я пнула его в колено и заперлась здесь. Это было… это было вчера, — закончила она, уперлась подбородком в колено и повернула лицо к Тейру, чуть покачиваясь. — А как ты попал сюда?

Он коротко рассказал о письме брата и как в обмен за свой труд он обрел в Пико проводника, а в его сыновьях — приятных спутников.

— Нет, но сюда! На этот постоялый двор, как раз вовремя, чтобы встретиться со мной.

Тейр заморгал. Он обладал редкой способностью находить потерянное, но заявить об этом дочери настоящего мага было бы бахвальством — не придавать же сверхъестественный смысл щемящему чувству в животе и комку в горле, мешавшему дышать.

— Пико всегда останавливается тут. Между Бергоа на границе и Сеччино найти ночлег можно только здесь.

— Так, значит, я все-таки сделала все правильно? — растерянно прошептала она. Ее рука

сжалась в кулак. — Ты легко надел мое кольцо…

Тейр снова подергал кольцо.

— Я сниму его. Обещаю.

— Нет. — Она села совсем прямо и растопырила пальцы, повернув розовые ладони вниз. — Оставь его себе. Пока. Уж с твоей руки жирный Катти сдирать его не станет.

— Я не могу его взять, оно слишком дорогое! — Но только что ему делать, пока сустав не станет тоньше? — Вот что, мадонна Бенефорте. У меня есть горстка монет. Думаю, их хватит, чтобы выкупить тело вашего отца у этого алчного скряги. Чтобы забрать его из коптильни и помочь вам предать его честному погребению.

Она наморщила лоб.

— Да, но где? Здешние невежественные крестьяне все боятся похоронить его на своей земле, потому что он был магом. А я не допущу, чтобы его зарыли посреди дороги.

— Вчера я проходил через деревню Бергоа. Там есть церквушка и священник. Я помогу вам отвезти его туда завтра.

Она наклонила голову и прошептала: «Благодарю тебя». Теперь, когда одиночество и страх уже не придавали ей сил, она, заметил Тейр, с ног валилась от усталости.

— Мне… мне после этого надо будет отправиться на юг, — сказал Тейр. — Я должен узнать судьбу моего брата.

Она подняла голову.

— Будет тем опаснее, чем ближе ты окажешься к Монтефолье. Наемники сеньора Ферранте будут красть, грабить, чтобы насытить свою алчность, убивать всех, кто вздумает им воспротивиться, или… или насильно брать себе на службу. Или ты думаешь предложить свои услуги гвардейцам герцога, если они все еще удерживают монастырь?

Тейр покачал головой:

— Я не создан быть солдатом. Разве что мне пришлось бы оборонять Бруинвальд, как люди Швица нанесли поражение арманьякам в битве Сант-Якоб-андер-Бирс. Но я не могу вернуться домой к матери, не зная твердо, что случилось с Ури. Если он ранен, я должен так или иначе отвезти его домой.

— А если он умер?

— Если умер… мне надо знать. — Тейр пожал плечами. — Но вам, бесспорно, нельзя ехать туда, мадонна Бенефорте. Может священник в Бергоа сможет найти для вас безопасное убежище, пока я, пока мы не вернемся.

— Ты вернешься?

— Залогом будет ваше кольцо. Раз я не могу его снять, то должен буду вернуться с ним, ведь так?

Ее пухлые губы сжались в страдальческом недоумении.

— Но это же изначально неверно?

— Долг — это обязательство. Его нужно уплатить.

— Ты необычный человек. Погонщик мулов. Рудокоп. — Она подняла бровь. — Маг?

— Нет, я не маг. Я хотел стать подмастерьем вашего отца, это так, но думал, что буду больше таскать дрова и поднимать чушки. Просто прислуживать.

— Я единственная наследница моего отца. — Она закусила нижнюю губу крепкими белыми зубами. — Твоя крепость, как подмастерья, будь она подписана, входила бы теперь в мое наследство. Хотела бы я знать, что из остального еще не забрали лозимонцы?

— Значит, так, — бодро сказал Тейр. — Добрая встреча, мадонна, хоть и в дурные времена.

— Добрая встреча, погонщик мулов, — прошептала она. Ее кривоватая улыбка не была злой, а брови вопросительно хмурились, словно она начинала свыкаться с ним или с мыслями о

нем. — Хотя времена очень дурные.

Он неуклюже поднялся на ноги и протянул ей руку, помогая встать.

— Идемте-ка поедим.

— Не думаю, что Катти откажется от моих монет.

— Нет-то нет, да только, раз его жена ушла, неизвестно, чем он нас угостит, — предостерегла Фьяметта. — Как я поняла, вся готовка лежала на ней и еще много чего.

— Если хотите, можете поужинать моей жареной колбасой у костра Пико. И переночевать можно на нашей стоянке Пико против не будет.

Она поморщилась:

— Да уж лучше спать под деревом, чем провести еще одну ночь под крышей Катти!

Они пошли к лестнице, которая вела в залу. Снизу доносились мужские голоса На площадке Фьяметта внезапно замерла и жестом остановила Тейра.

— Ш-ш! — прошептала она и внимательно прислушалась, наклонив голову набок. — Господи, мне знаком этот голос. То, как он шепелявит.

— Друг? — с надеждой спросил Тейр.

— Нет. Словно бы голос того, кто предводительствовал брави Ферранте в ту ночь, когда они

убили моего отца.

— А вы бы его узнали, если бы поглядели на него сквозь перила?

(В перилах были прорезаны декоративные трилистники) Она покачала головой.

— Его лица я не видела.

— Меня они не знают, — шепнул Тейр немного подумав. — Спрячьтесь тут, а я пойду посмотрю, что происходит.

— Поверни кольцо камнем внутрь Они могут его узнать, — шепнула Фьяметта, и он, кивнув, повернул львиную маску к ладони и слегка согнул пальцы.

Она села на ступеньку, соскользнула на следующую и прижала глаз к резному отверстию Ахнула, и ее руки сжались в кулаки — видимо, она его все-таки узнала Тейр спокойно спустился в залу.

Туда успели забрести трое-четверо завсегдатаев. Примостившись на скамьях, они отхлебывали из кружек. Грязная одежда выдавала в них крестьян или батраков. Двое приезжих стояли, попивая пенящееся пиво и разговаривали с Катти. Они, несомненно, приехали сюда верхом, о чем свидетельствовали забрызганные грязью сапоги, короткие плащи, куртки и толстые чул-

ки-трико.

Кроме кинжалов, которые носили все, у обоих были стальные мечи. Ни эмблем, ни цветов, которые указывали бы, что они служат сеньору Ферранте или какому-то другому сеньору. Старший, бородатый, запрокинул кружку, допил пиво и поставил ее. Тейр увидел, что у него не хватает нескольких передних зубов. Сам он незаметно пристроился среди крестьян.

— Ну, так веди нас к нему, хозяин, и мы посмотрим, тот ли он вор, которого мы ищем, — сказал бородатый, утирая губы рукавом.

— Уплатите его должок и забирайте, — пробурчал Катти. — Я знал, что тут чем-то скверным попахивает. Вот сюда.

Катти зажег фонарь и повел их через дом на задний двор. Тейр пошел за ними, а следом еще и пара любопытных батраков. Небо еще хранило отблески заката, хотя над западными холмами уже горела вечерняя звезда.

Катти с фонарем и бородатый нырнули в коптильню. Вышли они оттуда почти сразу же. Лозимонец сказал своему товарищу, не бривше-муся дня три:

— Нашли его. Сходи за лошадьми.

Тот опасливо взглянул на быстро темнеющее

небо.

— А не лучше ли переночевать тут? Уедем утром пораньше.

Голос бородатого перешел в угрожающее ворчание.

— Если мы задержимся или опять дадим маху, ты пожалеешь, что не повстречался с ночной нечистью. Он сказал: без проволочек. Иди за лошадьми!

Тот пожал плечами и затрусил за угол дома. Катти радостно потирал руки Тейр подошел к нему.

— Так ты выгнал эту бешеную кошку из моей лучшей комнаты? — сказал Катти.

— Да.

— И где она?

— Убежала по дороге.

— В темноте? Проклятие! Перстня-то я не забрал! Ну хоть мерин мне остался. Скатертью ей дорога! Вроде бы я и от второй заботы сейчас избавлюсь.

Вернулся младший товарищ бородатого, ведя трех лошадей. Две — под легкими кавалерийскими седлами, а третья с пустым вьючным седлом. Он разложил на земле большую старую холстину и бросил рядом пару веревок.

— А кто они? — шепотом спросил Тейр у Катти.

— Гвардейцы из Монтефольи. Седобородый мертвяк у меня в коптильне, оказывается, вор. Украл из замка драгоценную золотую солонку, говорят они. Ну и избавят меня от него.

— Так труп же не солонка. А вешать его поздновато, — сказал Тейр.

Лозимонцы вошли в коптильню, откуда тут же донеслось глухое постукивание, а затем вышли с телом старика на доске. Выдернув доску из-под трупа, они принялись закатывать его в холстину.

— А зачем он им? Да и чьи они гвардейцы? Герцога или сеньора Ферранте?

— Какая разница, были бы их монеты полновесными, — буркнул Катти.

Лозимонцы обмотали сверток веревкой, подняли его и кряхтя уложили поперек вьючного седла. Бородач принялся приторачивать его, а младший нырнул в коптильню еще раз, вышел с двумя окороками и повесил их через свое седло.

— Нехорошо это, мастер Катти, — торопливо зашептал Тейр. — Не позволяйте, чтобы они его забрали. У меня во вьюке есть монеты. Я сейчас же за ними сбегаю и выкуплю его у вас вместо них.

— Не трудись, — оборвал его Катти. — Я возьму их монеты. Они предложили сделку повыгоднее.

— Что бы они ни предложили, я дам больше.

— Где тебе, погонщик! — Катти отмахнулся от него и, расплываясь в улыбках, подошел к лозимонцам. — Вижу, вам понравились мои окорочка. И не зря, уж поверьте. Так сколько же это будет? Выкуп за него, да две кружки пива, да два окорока, получаем… — Он начал подсчитывать на пальцах.

Тейр понял, что сейчас произойдет. Он отступил к коптильне и выхватил длинное полено из поленницы у стены.

Младший вскочил на свою лошадь, а старший ухватил считающего Катти за плечо и притянул к себе.

— Получай, хозяин. — В складках его плаща блеснула сталь кинжала, вонзившегося в живот Катти.

Катти вскрикнул от боли и неожиданности, попятился, ухватившись за живот, а браво отшвырнул его от себя. Двое батраков, стоявшие в сторонке, не сразу сообразили, что случилось, но тут же двинулись на него. Бородач щербато ухмыльнулся и вспрыгнул на лошадь. Его товарищ уже поскакал к дороге, дергая повод вьючной

лошади. Тейр изо всех сил метнул полено ему в спину, но без толку. Оно пронеслось по воздуху и попало в цель, но плащ и куртка смягчили удар. Из-под лошадиных копыт взметывались комья грязи, и брави скоро исчезли в сгущающейся тьме.

Тейр бросился за ними, огибая дом. Но когда он добрался до ворот, эхо конского топота уже затихало вдали. Посреди дороги стояла Фьяметта и смотрела на юг вслед исчезнувшим всадникам. Лицо ее как-то сразу осунулось, темные глаза казались огромными.

— Они украли тело вашего отца, — еле выговорил Тейр. — Я не сумел им помешать.

— Знаю. Я видела.

— Но зачем? Что за безумие! И забрали два окорока. Не собираются же они его съесть!

— О… — пробормотала она. Отчаяние на ее лице сменилось напряжением мысли. — Наверное… но это чудовищно… он не может… я должна помешать… — Она сделала несколько шагов, сжимая кулаки точно в забытьи.

Тейр схватил ее за рукав:

— Куда ты побежишь по дороге ночью одна!

Она извернулась и посмотрела через луг на смутное белое пятно среди мулов Пико — на свою

белую лошадь.

— Так я поеду верхом.

— Нет!

— Что?! — Она блеснула на него глазами из-под нахмуренных бровей.

— Я поеду. Завтра. — Она гневно вздохнула, и он поспешил добавить:

— Мы поедем вместе.

Она заколебалась. Разжала кулаки и обвела взглядом темноту вокруг. Плечи ее поникли.

— Не знаю, что мне… как… да. Ты прав. Хорошо.

И повернувшись, она побрела за ним к дому.

Глава 6

Суматоха на постоялом дворе еще усилилась из-за того, что туда явились две семьи беглецов из Монтефольи как раз тогда, когда высокий светловолосый швейцарец и батраки вносили в дом раненого Катти. Все немного пришло в порядок, только когда пришла жена Катти, за которой сбегала запыхавшаяся соседка. Фьяметта неуверенно попятилась, когда в дверь влетела хозяйка — так-то она отплатила этой женщине за ее доброту! Но мадонна Катти, хотя и сурово нахмурилась, ни в чем винить ее не стала, а, наоборот, поручила Фьяметте принести воды и тазики новым постояльцам и приготовить им постели, а сама занялась мужем. Несколько раз она выходила из спальни прикрикнуть на своих конюхов и указать слугам из Монтефольи, чтобы они приготовили и подали на всех ужин из хлеба, сыра, копченой колбасы, вина и пива. Фьяметта не прикоснулась к колбасе.

По просьбе мадонны Катти Пико вместе с мулами, грузом и сыновьями перебрался во двор, после чего ворота были крепко заперты на ночь. Монтефольцы перепугались, узнав, что бесчин-

ствующие солдаты, от которых они бежали, рыщут так далеко к северу, и решили уехать дальше, едва рассветет. Ну а пока, считая отцов, братьев, слуг, конюхов Катти, Пико с сыновьями и швейцарца, на постоялом дворе собралось четырнадцать вооруженных мужчин. Опасным мог оказаться только большой конный отряд. «Но сеньор Ферранте заполучил то, что ему требовалось, — с тоскливой уверенностью думала Фьяметта. — Сегодня ночью они не вернутся». Да, постоялому двору ничего не угрожает, пока сеньор Ферранте не появится здесь победителем во главе своей дружины.

Фьяметта двигалась точно заводная кукла. Работа помогала не думать, не чувствовать. Но неизбежно она закончила все приготовления, и ей больше нечем было занять себя. Шум голосов, суета затихли, люди задували свои свечки и ложились. Из спальни вышла жена Катти с окровавленными бинтами и рубашкой мужа, чтобы положить их в холодную воду отмачиваться. Воду принесла ей Фьяметта из колодца во дворе. В свете фонаря они поставили ведро у черного хода снаружи.

— Как мастер Катти? — виновато спросила Фьяметта.

— Если рана не загноится, — вздохнула мадонна Катти, — жив он, наверное, будет. В его жирное брюхо кинжал вошел не очень глубоко. Если он попросит есть, ничего ему не давай. — Она сунула смятые бинты и рубашку в ведро, а потом устало выпрямилась и вытерла руки о передник.

— Мне горько, что я навлекла на вас все эти беды.

— Если бы алчный старый дурень отправил тебя к попу в Бергоа, как я просила его во имя милосердия, эти беды выпали бы на долю кого-то другого! — сердито сказала мадонна Катти. Она посмотрела на темный дом и поджала губы. — Опасайся он взаправду духа мертвого колдуна, так похоронил бы его как подобает, а не засовывал бы в мою коптильню. А теперь она будет проклята. Наверняка мое мясо все протухнет и зачервивеет.

— Мой отец был не из тех, кто прощает обиды, — неохотно признала Фьяметта. — Но думаю… но боюсь, сейчас его духу не до этого. — Ее пальцы мяли складки юбки.

— О? — Мадонна Катти внимательно на нее посмотрела. — Ну… ложись-ка спать, девочка. Но завтра утром уезжай.

— Могу я взять мою лошадь? — спросила Фья-

метта робко.

— И лошадь, и все остальное. Я не хочу, чтобы здесь осталось что-то твое! — Она покачала головой, и Фьяметта следом за ней вошла в дом.

Веранда или лоджия на втором этаже, выходившая на задний двор, обычно использовалась для сушки белья, но на эту ночь превратилась в спальню для служанок двух монтефольских семейств. Себе Фьяметта постелила поближе к перилам. Теперь она пробралась между громко храпящими, измучившимися за день женщинами, сняла верхнее платье, положила его поверх одеяла и сдернула льняное нижнее, которое напуском укрывало серебряную змею от жадности Катти. Не замечая ночной прохлады, она облокотилась на перила и оглядела двор. Тусклая ущербная луна поднялась по небосклону на четверть. У дальней стены вдоль коновязи стояли мулы Пико. С наваленным у их ног сеном, чтобы они вели себя поспокойнее. Из коптильни все еще сочился дым — туманное облачко в смутном лунном свете. Пико, его сыновья и швейцарец легли в маленькой крепости, сложенной из вьюков возле мулов. Она видела, как поблескивают остриженные в кружок светлые волосы швейцарца, когда он заворочался на своей постели.

Фьяметта потерла большой палец на левой руке, там, где прежде было кольцо. «Что я наделала? Мое кольцо привело его ко мне? Неужели он и вправду — моя истинная любовь? А он это знает?» Не о том она думала, когда отливала это кольцо с заклятием истинной любви в первый день весны. Она бы не смогла объяснить, о чем мечтала в своем неясном стремлении почувствовать себя любимой. Она смотрела на бесформенный бугор одеяла внизу во дворе и тщилась испытать пылкую страсть или хотя бы нежный интерес. Ничего. Не то чтобы он внушал ей неприязнь. Просто он был тут, пугающе настоящий, живой. И бесспорно дружелюбный — точно большой избалованный щенок мастифа, который никогда не получал шлепков и радостно тычется носом, чтобы его приласкали.

Ей и в голову не приходило, что она сразу же не воспылает любовью к своей истинной любви. Но ведь она ожидала кого-то, ну, пониже ростом. Не зеленого юнца. С более полированными манерами. И во всяком случае, лучше одетого. И побогаче.

«Для погонщика мулов он почти не пахнет».

Ее охватило бессмысленное желание содрать кольцо с его пальца и постучать им по ближай-

шему столу, словно ее заклятие можно было выбить, как что-то в нем застрявшее. Но даже на таком расстоянии она ощущала все то же еле уловимое успокоительное гудение магии. Когда швейцарец надел кольцо, заклятие ничуть не воспротивилось, а обвило его палец, мурлыча, точно безмятежно счастливая кошка, только что наевшаяся до отвала рыбой и сливками. Правильно сотворенное заклятие оставалось скрытым даже от внутреннего глаза ученого мага. А чувствам обычного человека открывалось, только если было наложено неумело, не обладало нужной силой — режущий диссонанс, ни на что не воздействующий. Первые попытки Тесео были почти мучительно громкими и сыпали видимые искры. Но присутствие заклятий мастера Бенефорте было почти неразличимо. Они действовали согласно природе, а не вопреки ей.

«Видишь ли, если сохранять труп умершего без покаяния и не погребенного, только что отлетевший дух можно подчинить чьей-то воле».

Замыслил ли сеньор Ферранте обрести новое кольцо духов? Убитый мастер маг должен быть источником великой силы. Сеньор Ферранте, конечно, не останется нечувствительным к подобной ироничной симметрии: принудить того,

кто уничтожил его кольцо, самого войти в другое. А если Ферранте разграбил их дом, одному Богу известно, что еще он отыскал там для утоления своей жажды власти.

Она перебирала в уме прошедшие дни. Ночь и день, чтобы лозимонцы добрались до замка со своими ранеными и магической солонкой. День на то, чтобы занятый осадой сеньор Ферранте сообразил, что они оставили гнить на лугу куда более могучий источник колдовства. День на то, чтобы они вернулись и ничего не нашли, день, чтобы расспрашивать по дороге о необычном трупе…

Она потерла ноющие виски. Смерть отца должна бы положить конец ее страхам за него. Ведь положено считать, что мертвые, навеки чуждые страдании, обрели исцеление и утешение в объятиях Господа Иисуса и святых. В ту первую ночь к ее горю примешивалось странное чувство облегчения, будто у нее с плеч свалился груз, которого она прежде не замечала, будто ее мир вдруг широко раскинулся над ней, стал доступным. Нежданно она стала хозяйкой своей жизни, могла поступать, как сочла бы нужным. В ее сердце билась тихая радость, пока ее горло душили рыдания. Конечно же, радость была великим

грехом. Ей следовало чувствовать только горе и страх перед миром, в котором она осталась без защитника. Только горе, а не былую обиду.

И вот беды мастера Бенефорте вновь омрачили се жизнь, точно черная стая ворон-падальщиц, и вновь ей на плечи лег груз. «Это нечестно. Ты умер. Я должна быть свободна от тебя». И теперь ему грозила не смерть, но вечная погибель, а черную магию ей не пересилить.

«Что мне делать? Я прошла лишь часть обучения. Ты сам не счел нужным обучать меня. Ты виноват, что я не знаю, с чего начать. Я только слабенькая девушкам».

Завтра она вместе со служанками монтефольцев отправится на север. А рослый дурак швейцарец пусть едет куда хочет, только не туда, куда она. Пусть свалится в первую же канаву, ей-то что. Век бы его не видеть. И Монтефолью, и ее дом. И ее спаленку, теплую, уютную…

Дрожа, с носом, заложенным из-за непролитых слез, она завернулась в одеяло и спрятала лицо, насколько удалось, в тощую подушку. Вихрь ее мыслей наконец замер под властью сна.

Фьяметта очнулась от тревожного сновидения, в котором бродила по своему дому в Монтефолье, преобразившемуся в непонятный лабиринт.

Он стоял в развалинах, заброшенный; гнилые половицы галереи предательски крошились под ее ногами, ставни свисали на одной петле, стены осыпались. Она пыталась разжечь огонь, но не могла, а в дверь колотили вооруженные кредиторы, требуя свои деньги, которые мастер Бенефорте спрятал, а она не могла отыскать, хотя лихорадочно обшаривала комнату за комнатой…

Ее подушка была сырой и холодной, а одеяло сверху увлажнила роса, но под ним тепло ее собственного тела согревало ее. Ущербная луна плыла в зените, бросая лишь смутные лучи во двор. Все еще полная безотчетной тревоги, рожденной сном, она перекатилась на бок и посмотрела между планками, скользнув взглядом по верху стены, огораживающей двор. Но там не мелькали угрожающие тени вооруженных мужчин, под куполом ночного неба царила тишина. Только ее страхи лишали этот сонный мирок безмятежности, хотя от мулов у коновязи и веяло успокоительным животным теплом. Все же что-то, неясно почему, было не так. Она целую минуту вглядывалась в темноту и только тогда поняла, что именно.

Последние струи дыма из коптильни завива-

лись вниз, а не вверх, скапливаясь посреди двора в туманное облако, точно там вдруг разлилось озерко. Но дым сгущался, сжимался. Бесформенная, ищущая форму субстанция… Ее сердце застучало по ребрам. Она затаила дыхание, встала на колени, забыв о холоде, прильнула лицом к щели.

Серебристо-серый дым сгустился в мужскую фигуру: ноги в чулках, тупика со сборчатыми складками, большой головной убор, с полосой материи, завернутой на манер тюрбана, дымный ее конец щегольски ниспадал сбоку. Убор задрался кверху, в сторону лоджии, в сторону Фьяметты. Ниже колечки дыма завивались в бороду. Лунный луч вызвал блеск в дымных глазах — серебряный, точно обводка тучки, заслонившей солнце.

— Батюшка? — прошептала Фьяметта. Слово застряло у нее в горле. Она сглотнула.

Фигура поманила ее с видимым усилием — при этом движении от ее плеча отделились клочки дыма. Леденящий узел внутри нее вдруг сменился странней нелепой радостью. «Я рада, что вижу тебя…» Но ведь призраки — грозное явление, они должны внушать ужас? Однако мастер Бенефорте выглядел таким… совсем обычным. Нетерпеливым и раздраженным, как всегда. Она словно

услышала его голос — он приказывал, давал ей поручения, грозил избить за неловкость, за мешканье — угрозы, которые он почти никогда не приводил в исполнение, кроме тех случаев, когда находился в тисках безденежья. Но в такое время она научилась быть осторожной… Прозрачная фигура снова ее поманила.

Фьяметта перебралась через перила, повисла на руках и спрыгнула во двор. Она подбежала к привидению, но остановилась, борясь с желанием прикоснуться к нему, боясь — было видно, что он лишь с трудом удерживает дым воедино. Она читала это в его выражении, в том знакомом напряженном сосредоточении, которое преображало его лицо, когда он творил свои тонкие чары. Его дымные ладони повернулись к ней, губы шевелились.

— Батюшка, я вас не слышу.

Он покачал головой, снова зашевелил губами Ничего. Он указал на юг.

— Что вы хотите мне сказать? — Она подпрыгивала, разделяя его разочарование.

«Дура», — произнесли его губы. Это слово она распознала по давней своей привычке. Но то, что последовало, было слишком быстрым и сложным. Ее руки сжались, как у него.

Младший сын Пико, разбуженный ее голосом, привстал, сел, протер глаза и прищурился на дымную фигуру через вьюк. Он взвизгнул от ужаса, кинулся к постели отца и забрался под одеяло, разбудив Пико на середине раскатистого храпа. Разинув рот, Пико натянул одеяло на сына и до собственного подбородка. Тейр все в той же тунике и штанах приподнялся, потом встал, широко раскрыв глаза. Тич, старший сын Пико, продолжал безмятежно храпеть.

Тейр глубоко вдохнул и осторожно подошел к ней, став даже бледнее обычного, переводя взгляд с ее лица на лунно-дымное.

— Это ваш отец, мадонна Бенефорте? Что он говорит?

Смутная фигура в смертной муке начала разрываться на клочья под ночным ветром. Его рассеивающиеся руки протянулись к ней, ее — к нему. Внезапно дым собрался в белую сферу величиной с французский теннисный мяч, а затем она вновь разлетелась с одним-единственным словом:

— Монреале!

— Монреале? — недоуменно повторил Тейр. — О чем он?

— Монреале! — Фьяметта гневно топнула но-

гой. — Ну конечно, он будет знать, что делать. И он спасет батюшку, если это хоть кому-то по силам. Но только… — Она запнулась. — Если верить этим болтливым служанкам, он внутри осажденных стен.

Швейцарец кивнул, словно не поняв, что это не просто интересная новость, но крушение всех надежд.

— Внутри стен осажденных солдатами Ферранте, — объяснила Фьяметта.

— Солдаты Ферранте что-то нравятся мне все меньше, — мягко сказал он.

— О, конечно, их это очень огорчит, — огрызнулась Фьяметта. — Без сомнения, они разбегутся и пропустят нас внутрь.

Он виновато улыбнулся, смущенно выставив ладони.

— Мы что-нибудь придумаем. Но прежде надо добраться туда. Во всяком случае, мне. А вам не лучше ли будет отправиться завтра на север с другими мои тефольцами? Безопаснее?

— Ты меня не бросишь в придорожной канаве? — возмущенно вскричала она. Он попятился, отрицательно помахивая своими большими руками. — Это мое дело. Может быть… только может быть, я позволю тебе сопровождать меня.

Вот и все.

— Благодарю вас, мадонна, — сказал он с глубокой серьезностью.

— Не смей насмехаться надо мной. — Губы Феи мечты подозрительно искривились.

Он открыл рот, закрыл его, а затем удовлетворился той безопасной глуповато-дружеской улыбкой, с которой смотрел на нее, пока она угрожала ему ночным горшком. Она вдруг заметила, что вся дрожит от холода, что ночной ветер треплет ее тонкое нижнее платье.

Проснувшиеся служанки в лоджии плакали и молились. И с их легкой руки в гостинице воцарился хаос, почти равный тому, который вызвала рана Катти. К тому времени, когда история с появлением призрака была вновь и вновь рассказана теми, кто его видел, тем, кто не видел, обрастая все новыми леденящими душу подробностями, мадонна Катти пришла в отчаяние.

— Я разорена, я разорена!

— Не думаю, что он сюда вернется! — процедила Фьяметта сквозь зубы.

— Я позову священника и освящу мою коптильню!

— Как? Того самого священника, которому вам нечем было заплатить, чтобы похоронить его?

Они обменялись сердитым взглядом. Служанки, всхлипывая, болтали всякий вздор. Тич громко негодовал, что его не разбудили поглядеть на привидение. Фьяметта вернулась в свою ледяную постель и накрыла голову подушкой. Никто не осмелился подойти к ней.

Нескончаемая ночь потом все-таки отступила перед туманным оранжево-розовым рассветом. Голова Фьяметты раскалывалась, во рту пересохло, а под веки словно насыпали песка. Она натянула свое погубленное верхнее бархатное платье. Ей хотелось одного: уехать отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Во всяком случае, Тейр не заставил себя ждать. Он уже оделся, скатал и упаковал постель, едва встал с нее. В зале они позавтракали, сидя на скамье, сухим хлебом, запивая его пивом. Задержал их только белый мерин, никак не дававший себя поймать. Мадонна Катти посмотрела-посмотрела, как они несколько минут гоняются за ним по росистой траве, покачала головой и сходила за миской овса, приманила его и сама взнуздала. Поводья она вручила Тейру, который вручил их Фьяметте.

— Ты что, не умеешь ездить на лошади? — спросила Фьяметта у своего непрошеного спутника.

Он покачал головой:

— Матушка держала только двух-трех коз. Корова была нам не по карману, а о лошади и говорить нечего. — После неловкой паузы он добавил:

— Но я могу вести ее на поводу, ну, как мула.

— Ну-у… ладно, — сказала Фьяметта с сомнением. Она стояла рядом с мерином, еле доставая носом до его холки. — Подведи его к изгороди, чтобы я могла на него забраться.

— Это просто, — сказал Тейр, обнял ее за талию и вскинул на лошадь, как трехлетнюю девочку, а в ответ на ее яростный взгляд добавил виновато:

— Вы куда легче воловьей шкуры, полной чушек, мадонна Бенефорте!

Она расправила юбки, положила вьюк Тейра перед собой, ухватилась за длинную грязную гриву, сглотнула и сказала, кивнув:

— Ну, веди.

Белому мерину не хотелось покидать сочное пастбище, но теперь он покорился судьбе и послушно зашагал по дороге рядом со швейцарцем. Мадонна Катти смотрела им вслед, словно желала удостовериться, что они и их злосчастья действительно покинули ее дом. Утренний свет был ровным и золотистым, зажигая искорки в клочьях тумана на лугах, отбрасывая им под

ноги четкие черные тени тополей и кипарисов вдоль дороги. Влажный, нагревающийся воздух благоухал весенними цветами и свежим запахом ручейков, журчавших поперек дороги там, где она уходила вниз, а потом снова поднималась. Солнце и тепло лошадиной спины мало-помалу изгоняли ночной озноб из костей Фьяметты. Если бы не свинцовая усталость, не ноющая боль во всем теле, ехать так было бы даже приятно.

Тейр размашисто шагал рядом с мерином, иногда ласково поглаживая его по шее. Казалось, ночное происшествие никак на него не подействовало. Когда они поднялись по очередному склону, он посмотрел через плечо на Фьяметту.

— Ваш отец сказал «Монреале». А вы назвали его аббатом. Это не тот епископ Монреале, про которого мой брат упоминал в письмах?

— Да, тот самый. Хотя в отличие от римских прелатов он исполняет обязанности, которые налагают на него оба сана, говорит батюшка. Говорил. Отцом аббата Монреале был савойский сеньор, который женился на знатной ломбардской девице. Монреале был младшим сыном и отправился попытать счастья, служа капитаном во французском войске, когда они изгоняли англичан из Бордо. Твой брат Ури любил слушать,

как он рассказывал о тех временах, а делал он это охотно, хотя теперь и притворяется, будто стыдится такого прошлого. Монреале все уговаривал Ури тоже стать монахом и служить Богу, а не герцогу Сандрино. Вроде бы это стало для них привычной шуткой, да только шуткой это не было. — Фьяметта закусила губу: теперь это навсегда перестало быть шуткой.

— Батюшка и аббат были вроде бы приятелями. Вначале, думается, потому, что оба были лучшими магами в Монтефолье, ну и конечно, батюшка старался заслужить милость Монреале, чтобы тот, как епископ, давал ему разрешение заниматься белой магией. Но мне кажется, они по-настоящему нравились друг другу. Когда Монреале посещал городской собор по делам епархии, они иногда сидели у нас в саду за вином и беседовали. А то отправлялись вместе на озеро поудить рыбу. Батюшка больше интересовался, как овладеть магией на практике, а Монреале занимала суть колдовства в отношении его обязанностей духовного пастыря, так мне кажется. Иногда батюшка обращался к нему за подсказкой, когда работал над новым заклинанием. Монреале должен быть осведомлен в магии духов, должен был ее изучать, чтобы бороться с ней.

— Какая магия духов?

— Черная некромантия. — И она рассказала про серебряное кольцо с младенческим личиком, которое носил сеньор Ферранте, о ларце с высохшим засоленным трупиком и о связи между ними, которую заподозрил, нашел и уничтожил мастер, Бенефорте.

— Боюсь, такое колдовство выше моего разумения, — смиренно сказал Тейр.

— Да, я вижу, — вздохнула Фьяметта, но честность заставила ее добавить:

— И выше моего тоже, Но не разумения Монреале. Ни мастера Бенефорте — что уж теперь скрывать! Хотя Фьяметта была почти уверена, что ее отец, не поведал аббату-епископу о том, что сделал во Флоренции. Если ее смутные представления были верны, то теперь сеньор Ферранте покачивал духом мастера Бенефорте на ниточке над бездной вечной погибели. Даже и сейчас его душе грозила опасность быть навеки отторгнутой от Бога.

— Надеюсь, осада оставит аббату Монреале хоть немного времени, чтобы помочь одной несчастной гибнущей душе! — сказала она.

Тейр, сдвинув брови, смотрел на уходящую вдаль дорогу.

— Если сеньор Ферранте подчинил дух вашего отца и если магия духов так могущественна, как вы думаете, тем большая опасность грозит беднягам, которых старается спасти Монреале. Судьба вашего отца соприкасается с тем, что сейчас навлекает на него беды. Он постарается помочь. — Его лицо посуровело. — Мне надо только доставить вас туда благополучно.

Фьяметта вцепилась в гриву, пока Тейр и мерин перебирались через каменистое ложе ручья под склоном. А потом спросила:

— А в чем, Тейр, твоя магия? Твой брат должен был подозревать в тебе какой-нибудь талант, иначе он не попытался бы устроить тебя подмастерьем к магу.

Тейр растерянно искривил губы.

— Сам не знаю. Настоящий мастер меня никогда не испытывал. Я умею находить воду лозой. И матушка говорит, что мне дано отыскивать потерянное. Один раз я отыскал маленькую дочку мельничного засыпки Хельгу, когда она заблудилась в метель. Но искали-то ее мы все, и, значит, мне могло просто повезти. И я давно думал… — он откашлялся, слегка смутившись, — думал, что умею чуять руду в породе. Но я боялся сказать: ведь, ошибись я, все на меня разозлились бы. Ис-

кать жилу, которой нет, — чертова работа. — Он поколебался, а потом застенчиво признался:

— Я один раз видел кобольда. Совсем недавно. — Он вертел львиное кольцо на пальце, словно собирался добавить что-то, но потом покачал головой. — А вы, мадонна Бенефорте? Вы, наверное, очень искусны?

Она нахмурилась. Да, ей следовало быть искусной. Но…

— У меня хорошо получается с огнем, — сказала она наконец. — Даже батюшка позволял мне зажигать огонь для него. И у меня хорошее латинское произношение, говорит… говорил батюшка. — Ее лицо просветлело при этом воспоминании. — Самое лучшее, что мне удалось, это когда я с разрешения батюшки помогла ему наложить заклятие от бесплодия для мадонны Туры, жены торговца шелковым товаром. У нее не было детей, хотя со дня свадьбы прошло четыре года. Заклятие требовало уравновешивания мужского и женского элементов, понимаешь? Мы изготовили его в виде пояса из маленьких серебряных кроликов. Так он позволил мне нарисовать и вылепить кроликов — всех разных. Мне пришлось завести двух живых кроликов, чтобы рисовать с них. Белых французских. Лоренцо и Цецилию.

У них родились крольчата — я просто в них влюбилась — такие мягонькие! Они входили в заклинание. Но потом они нарожали еще крольчат, и все время подкапывались под свою загородку в огороде, и съели все травы Руберты, и замусоривали весь дом своими орешками, а убирать за ними батюшка заставлял меня! Ну и когда заклинание было завершено, батюшка сказал, что нам надо съесть всех кроликов. Конечно, тридцать шесть их было все-таки слишком, но все равно я еще долго не могла простить Руберту, нашу кухарку. Жаркое из кролика, равиоли из кролика, кроличья колбаса… Я предпочитала оставаться голодной, — добавила она добродетельно, но тут же несколько подпортила страстную повесть о мученичестве своих любимцев, добавив:

— Вот Лоренцо я съесть помогла, потому что он меня всегда кусал.

Она нахмурилась на ухмылку Тейра, и он мигом посерьезнел.

— А Цецилию я выкрала и отпустила на волю за городом.

— И получилось? — спросил Тейр, когда она умолкла.

— Что? А, заклятие! Да, мадонна Тура разрешилась мальчиком в прошлом месяце. Надеюсь, с

ними ничего не случилось.

Шелка, конечно, приманка для грабителей. Но быть может, мадонна Тура успела бежать к другим родственникам…

Тейр подставил львиное кольцо солнечным лучам и пошевелил пальцами, чтобы оно заблестело.

— А это кольцо магическое, мадонна?

От этих слов она похолодела, такими похожими они были на слова его… покойного?.. брата.

— Да… но только ничего не получилось, и я носила его просто как украшение. — Она настороженно посмотрела на него, но он сказал только:

— Оно очень красивое.

Все это время она жила от часа к часу, не заглядывая вперед — и вот она в дремучем лесу (или, во всяком случае, едет через чью-то рощу) с почти незнакомым мужчиной. Неделю назад она сочла бы подобное верхом непристойности. Но теперь все эти охранительные запреты казались зыбкими и фальшивыми. И тем не менее — навстречу какой судьбе она едет?

Приданым ей должны были послужить деньги за большого бронзового Персея, но мастер Бенефорте не дожил, чтобы отлить его, а герцог Сандрино — чтобы вознаградить за него.

Предположительно она унаследует дом, хотя он, разумеется, уже разграблен. Разве что отцовские кредиторы предъявят на него права, отсудят его и деньги поделят между собой, оставив ее в полной нищете… С беззащитными вдовами и сиротами в судах случалось и не такое. Без денег свободное будущее, которое ей предстояло, было страшным. Богатая молодая женщина обладала властью над своей жизнью, равной только ее власти над своим имуществом. Нищая молодая женщина… точно то же. Только по-иному.

Но если сеньору Ферранте удалось захватить Монтефолью, надеяться ей не на что. Получить хоть часть своего наследства она сможет, только если Ферранте потерпит поражение.

Она посмотрела на Тейра, шагающего рядом. Его волосы заблестели ярче львиного кольца, когда они вышли из гудевшей насекомыми рощи на солнце. Ее уколола совесть: она тревожится о деньгах, когда не известно, какая судьба постигла его брата Ури. Или известно? А она только постаралась смягчить страшную правду? Рану он получил, несомненно, смертельную. Но хотя бы из-за неуверенности их пути соединились. Знай он твердо, что его брат погиб, зачем бы ему было сопровождать ее? В свидетельство кольца ей не

верилось. «Как ты можешь быть моей истинной любовью? Ты же меня совсем не знаешь. Наверное, тебя ослепляют какие-то магические чары, а чуть ты узнаешь, какая я на самом деле, так возненавидишь меня». Глаза ей затуманили слезы. «Дура, перестань распускать июни!» — сурово одернула она себя.

На исходе утра они добрались до луга и рощицы, где мастер Бенефорте был убит… или умер своей смертью. Лошадь паслась, пока Тейр дал отдых ногам. Фьяметта бродила по лугу, но чувства, что ее отец здесь с ней, у нее не возникло. В свете солнца луг выглядел красивым и безмятежным. Вскоре они продолжили путь, Тейр, шагая под еще припекающим солнцем, рассказал ей кое-что о своей жизни. От природы он был не слишком словоохотливым, но рассказывать и правда как будто было не о чем. Он немного учился у местного священника — Фьяметта с облегчением услышала, что он хотя бы умеет читать и писать. Младшая сестра умерла от чумы — возможно, судя по году, во время той же вспышки, которая унесла мать Фьяметты. Гибель отца в руднике положила конец учению и обрекла Тейра на тяжкий труд в долине, а его брат Ури выбрал более многообещающую жизнь наемника. В руднике,

видимо, царила беспросветная скука. Она и не догадывалась, сколько человеческих рук, сколько работы, сколько сожженных деревьев требовалось, чтобы поблескивающие слитки металла обрели свое назначение в мастерской ее отца. Тейр ни разу не видел города, ни разу не покидал Бруинвальдскую долину до последних дней. Он был поражен и преисполнился благоговения, услышав, что ей довелось пожить и в Риме, и в Венеции. Он взирал на убегающие вдаль холмы и разбросанные среди них фермы, точно они были каким-то чудом. Фьяметта с горечью решила, что в практических делах толку от него будет не больше, чем от младенца.

Ури оказался превосходным натурщиком для Персея. Она рассматривала Тейра, прикидывая, для какой статуи мог бы послужить натурщиком он. Среди греческих героев она не нашла никого. Аякс слишком уж воинственен, Улисс слишком уж хитер. Геркулес, пожалуй, слишком уж туп. Гектор был жирным семейным человеком, которому не повезло с братом… Это было бы дурным предзнаменованием, если вспомнить печальный конец Гектора. Ну, так какой-нибудь северный герой. Роланд? Рыцарь короля Артура? Кто-то из Библии? Святой? Нет, это было бы еще нелепее.

Почему-то Тейр никак не укладывался в героическую форму. Фьяметта вздохнула.

К середине дня долина расширилась — они приближались к северной оконечности озера и деревне Сеччино. Тейр объявил, что вполне свеж и готов идти дальше. Фьяметте не хотелось останавливаться в деревне — вдруг ее узнают? Хотя сейчас у нее украсть нечего, и вряд ли рыщущий браво или кто-нибудь еще заинтересуется ею, разве что по пустой злобе. Держа мерина на поводу, Фьяметта позволила ему пастись, а Тейр пошел в деревню купить еды. Он вернулся с сыром, хлебом, свежей редиской, крутыми яйцами и вином. Почти казалось, что они выехали на загородную прогулку, как в былые лучшие времена. Тейр уговорил ее подкрепиться, и она правда потом почувствовала себя лучше. Но тревога возобладала над сонливостью, и они отправились дальше почти сразу же после еды.

Когда наступил вечер, до монастыря Святого Иеронима все еще оставалось шесть-семь миль. Они устроили привал, немного поели из оставшихся припасов и допили вино, разведя его водой.

— Дальше, наверное, идти будет все опаснее, — боязливо сказала Фьяметта. — Сеньор Ферранте, уж конечно, выставит дозорных вокруг мона-

стыря.

— Но вы же говорили, что у него не хватало людей?

— Сначала их у него было всего пятьдесят. Возможно, он вызвал из Лозимо еще конников, но пешие его солдаты никак не могли сюда добраться. И ему нужно оставить отряд в городе.

— Значит, разумнее всего нам попытаться проникнуть в монастырь сегодня ночью. Если мы не видим их, то и они нас не видят.

— Не знаю… В восточной стене монастыря возле леса есть боковая дверь. По-моему, нам лучше попробовать там. За главными воротами следят, конечно, строже. Можно пройти кружным путем через овечье пастбище и виноградники.

— Ну так ведите!

— Да, но я не знаю, когда свернуть с дороги. Чем позднее, тем лучше, но…

Тейр понюхал воздух:

— Думается, пока еще не надо, Я не чую запаха лагерных костров.

— А!

Они устало побрели вперед. Справа за деревьями темной бездной простиралось озеро. Крестьянские домики слева были погружены во тьму и жуткую тишину. В камышах по берегу

квакали лягушки. Остывающий воздух обрел липкую влажность. Старый мерин начал беспокоиться и упираться, так что Тейру приходилось тащить его за повод. Фьяметта спешилась. Ноги у нее подгибались. Нет, плыть на лодке было куда легче! Время от времени она нюхала воздух, и они с Тейром внезапно остановились, как по уговору.

— Жареная баранина, — шепнул Тейр. — На юге. Откуда дует ветер.

— Да, я тоже заметила. — Она заколебалась. — Вон та каменная стенка — ограда дальнего монастырского овечьего пастбища. Значит, мы уже близко. Но как нам пробраться через лес с этим глупым конягой?

— Оставим его на пастбище, — предложил Тейр. — Ему тут будет хорошо. И никто в здравом уме на него не польстится, чтобы ездить верхом, А солдаты есть его не станут, пока им хватает овец.

Вероятно, Тейр так же устал тащить одра, как тот устал, что его тащат. Но мысль была дельной. Вглядываясь, вслушиваясь, Фьяметта увела их с дороги в низину, затененную дубами. Стенка оказалась Тейру по пояс, но он сделал ее еще ниже, бесшумно сняв два верхних ряда камней. Наконец им удалось заставить упирающегося

мерина переступить через нее. Фьяметта сняла уздечку с поводьями и запихнула ее во вьюк Тейра, который он затем вскинул себе на спину. Мерин отошел, подозрительно обнюхивая ощипанную овцами траву. Фьяметта почувствовала, что стала куда более незаметной.

Пригибаясь, она повела Тейра вверх на холм и вокруг широкого пастбища. Выглянув из-за каменной глыбы, Тейр молча указал на низинку в дальнем конце. Там в оранжевых отблесках костра двигались мужские силуэты, ветер доносил голоса вместе с запахом дыма. Солдаты Ферранте ужинали краденой святой бараниной.

Только чуть зашуршав, Фьяметта и Тейр перелезли через следующую стенку и скрылись в винограднике. По нему они добрались до леса, который Фьяметта обошла с востока по верху склона. Как ни осторожно они ступали по бурьяну, их шаги отдавались у нее в ушах свистом серпов. Наконец она решила, что пора свернуть под деревья, надеясь выйти к боковой двери в стене монастыря. Она вглядывалась в густую тень под ветвями с глубокой тревогой. Около монастырской стены, конечно же, должно быть больше солдат! Тейр, перебрав несколько сухих сучьев, выбрал толстую обломившуюся ветку, в

которой сохранилось еще достаточно сока, чтобы она не переломилась при первом же ударе. «Пресвятая Дева! Почему я не убежала на север, пока могла?» Ухватив Тейра за свободную руку, Фьяметта скользнула с ним в лес.

Глава 7

Все шло хорошо, пока они не споткнулись о спящего солдата.

Он лежал на земле, завернувшись в серое одеяло, и в тусклом свете луны походил на обломок упавшего стола. Он был поставлен следить за тем местом, куда направлялась Фьяметта — за ложбиной на опушке леса, откуда было хорошо видно поле по ту сторону ворот. На каменной стене над маленькой дверью ярко горели два фонаря, отбрасывая полукружье света на зеленую траву. Несомненно, вход охраняли люди, остерегавшиеся ночного нападения. Фьяметта вся сосредоточилась на своей цели, которая была так близка, сулила столько надежды и, слава Богу, оказалась такой достижимой, и мысленно уже бежала по зеленому дерну. Она даже не смотрела под ноги, пока ствол, на который она нарочно наступила, чтобы получше видеть, не продавился, судорожно не дернулся, и не вскочил, изрыгая проклятия. Она отпрянула с криком ужаса. В ушах болезненно отдался свист извлекаемого из ножен меча.

Перед ее глазами поплыли образы бойни на пи-

ру: сверкающий металл, вонзающийся в плоть.

Тейр сбросил вьюк и встал между Фьяметтой и солдатом, крепко сжимая сук в правой руке. Солдат во всю силу своих легких завопил «Лозимо! Лозимо!» и рубанул Тейра по шее. Тейр подставил сук, и лезвие застряло в нем. Он чуть было не вырвал меч из рук солдата, но тут наполовину перерубленный сук переломился. Тейр поднырнул под меч и ухватил обеими руками запястье правой руки солдата с мечом.

Солдат продолжал звать на помощь. Видимо, где-то близко были его товарищи. Тейр молча боролся с ним, стараясь боднуть разинутый рот. Оба натужно кряхтели, пытаясь взять верх, и тут из укрытия на опушке в нескольких сотнях шагов к югу выскочил второй солдат. Он держал арбалет, взводя его на бегу. Зубцы механизма потрескивали, будто кости. Он остановился на расстоянии верного выстрела и заложил в желоб короткую толстую стрелу, металлически блеснувшую в тусклом свете. Он прицелился в Тейра, выжидая, чтобы не попасть в товарища. Тейр обернулся на предостерегающий крик Фьяметты, увидел арбалет и извернулся, подставляя под него противника.

Арбалетчик был волосат — курчавая шапка во-

лос, густая, вьющаяся черная борода. В ее гущине блеснули зубы — он оскалился, прицеливаясь снова. Фьяметта ничего не могла придумать, и вдруг ее осенило — она ведь может поджечь его бороду! Он кружил вокруг борющихся, выжидая подходящее мгновение, и Фьяметта начала творить привычное домашнее заклинание, сощурив глаза, стиснув руки, чтобы перебороть страх.

В ушах у нее зазвучал голос отца: «Нет, Фьяметта! Это грех!» Рот у нее полуоткрылся, — она стремительно обернулась, но ничего не увидела, никакой сгустившейся из дыма фигуры.

С земли перед арбалетчиком взметнулись листья, пыль, комочки грязи, обломки веток и превратились в мужскую фигуру. Лесной мусор, гниющие останки старого бука сложились в ноги, тунику со сборчатыми складками, большой головной убор… Батюшка! С растерянным воплем арбалетчик попятился, и пущенная стрела унеслась в лес.

Хрустнули кости запястья под рукой Тейра, и его противник с воплем боли выронил меч. Арбалетчик взвыл — мусорная фигура рассыпалась, смерчем закружилась вокруг его головы, засыпая пылью глаза, прутьями — бороду. Тейр нагнулся, схватил с земли меч, оттолкнув противника. Он

описал мечом прихотливую восьмерку, выдававшую его неопытность, но все равно достаточно грозную. Арбалетчик со стоном прижал ладонь к глазам.

«Бегите!» — неизвестно откуда донесся голос мастера Бенефорте.

Фьяметта бросилась к Тейру, ухватила его свободную руку и дернула, — Бежим к двери!

Задыхаясь, он кивнул. Они выскочили из ложбины. Длинные ноги давали Тейру преимущество, и Фьяметта подпрыгивала на бегу, потому что он почти тащил ее за собой. Ее лопатки холодели в предчувствии удара арбалетной стрелы — тяжелая сталь сокрушает ребра, вонзается в легкие…

Казалось, они никогда не доберутся до двери, маячащей в озерке света, точно отступающий мираж. Фьяметта ударилась о нее, забарабанила кулаками, хрипло повторяя «помогите!», но голос ее был способен только шептать, а руки стали слабыми, как у ребенка. Но от ударов Тейра дубовая дверь задрожала на невидимых железных петлях. И он взревел «Помогите!», не поддавшись ложной гордости.

— Кто идет?! — донесся сверху ворчливый бас. Фьяметта отступила на шаг и задрала голову, по

различила лишь две смутные головы — одну с тонзурой, другую в шлеме. Глаза ей слепил свет фонарей.

— Помогите! Дайте нам убежище во имя Господне! Нам нужно увидеть аббата Монреале!

Голова в шлеме свесилась ниже.

— Да я же ее знаю! Дочка герцогского золотых дел мастера. А вот мужчину в первый раз вижу.

— Его зовут Тейр Окс, он брат вашего швейцарского капитана, — нетерпеливо крикнула Фьяметта. — Он ищет своего раненого брата. Впустите же нас побыстрее, за нами гонятся!

— Аббат запретил нам отпирать дверь, — сказала голова с тонзурой.

— Так спустите нам веревку, — начал Тейр рассудительным тоном, но на слове «веревка» он испустил вопль: в ярде от него арбалетная стрела отбила кусок камня и рикошетом отлетела в темноту. В ярком свете, они с Фьяметтой были отличными мишенями. Тейр заслонил ее от мрака у них за спиной.

— Девушку-то можно бы впустить, — заявил шлем.

— Грешно допускать ее в эти стены. Уж лучше его.

— Ха! Ваш приют, брат, полон сейчас вопящих

баб. Не лукавь!

— Не мешкайте! — вскричала Фьяметта, когда в дубовую дверь впилась новая стрела и задрожала с басистым гудением.

Наконец сверху упала веревка с узлами. Тейр подсадил Фьяметту. Ей казалось, что ее руки, такие маленькие, не выдержат веса тела. Но надо было взобраться побыстрее, чтобы успел влезть на стену и он. Ободрав ладони в кровь, она все-таки добралась до верха и перевалилась на животе за стену в вихре юбок.

— Тейр, быстрее!

Солдат и монах стояли на деревянном помосте, довольно шатком, построенном наспех, чтобы можно было сторожить дверь. Солдат в шлеме вгляделся в темноту, поднял собственный арбалет и с проклятием пустил стрелу в ответ на прожужжавшую над самой его головой.

— Может, это научит сукиных детей держать головы пониже! — буркнул он, пригибаясь.

Тейр, в свою очередь, перекатился через стену и упал на помост, который заходил ходуном. Монах поспешно втянул веревку. Солдат снова выглянул из-за каменного края — осторожно, так что снаружи были видны только его глаза да шлем, Фьяметта с панической быстротой ощупа-

ла Тейра, но крови на нем не нашла.

Вероятно, глаза арбалетчика все еще были запорошены, хотя, судя по силе ударов его стрел, он преследовал их почти до самой стены.

— Мне надо… увидеть аббата, — задыхаясь прошептала Фьяметта монаху, припавшему к помосту. — Дело не терпит отлагательства.

— Святые мощи, что так, то так! — буркнул солдат. Монах нахмурился.

— Если нас разрешили от обета молчания, это еще не значит, что нам дозволены непотребные речи в святых стенах.

— Я обета молчания не давал.

Монах поморщился: видимо, спор этот начался уже давно. Он повернулся к Тейру:

— Зачем она хочет видеть аббата?

— Из-за моего отца, — ответила Фьяметта. — Боюсь, ему угрожает страшная опасность. Опасность для его души. Мы были свидетелями того, что сеньор Ферранте прибегал к черной магии.

Солдат перекрестился, и монаха ее слова, видимо, встревожили.

— Ну… скажи ей, пусть идет за мной, — объявил он Тейру и слез по треугольным распоркам между столбами помоста — как оказалось, на монастырское кладбище.

— Но почему ты сам ей не скажешь? А мне тоже идти? — спросил Тейр, ничего не понимая.

— Да-да, — нетерпеливо ответил монах.

— Он избегает говорить с женщиной, — объяснила Фьяметта шепотом.

— А-а! — Тейр заморгал. — Он что, не верит в силу разрешения, которое получил от своего аббата?

Фьяметта мрачно улыбнулась на маячившую внизу тонзуру:

— Может, в сердце своем он монах-ослушник.

Монах ответил ей испепеляющим взглядом, но вид у него стал вдвойне растерянным. Они спустились следом за ним — Тейр первым, и помог Фьяметте благополучно спрыгнуть с последней распорки. Монах молча сделал им знак следовать за ним, вошел через другую дверь в темный коридор, провел их через еще более темную комнату и вышел во внутренний двор. Затем в их сопровождении поднялся по лестнице на галерею и постучал в дверь. Ее приоткрыл другой монах и высунул голову наружу. Из щели полился оранжевый свет свечей. Фьяметта с облегчением узнала брата Амброза, секретаря аббата Монреале, дюжего мужчину, питавшего слабость к кошкам, кроликам и другим зверькам.

Она несколько раз встречала его в обществе аббата-епископа.

В силу старой привычки их проводник молча указал на Тейра и Фьяметту.

— Фьяметта Бенефорте! — удивленно воскликнул секретарь. — Откуда ты?

— Ах, брат Амброз, помогите мне! Я должна увидеть аббата Монреале!

— Входи, входи!.. Благодарю тебя, брат! — сказал он их безмолвному проводнику. — Можешь вернуться на свой пост.

Секретарь провел их в небольшую келью, место занятий аббата. Там стоял письменный стол, и восковые свечи лили свет на бумагу и гусиное перо, которое секретарь, видимо, только что отложил. Другой канделябр ярко пылал на маленьком аналое под небольшим деревянным распятием на стене напротив, перед которым молился аббат Монреале. Он поднялся с колен, едва они вошли.

Теперь на нем было серое одеяние его ордена с откинутым капюшоном. Только ключи на поясе напоминали о его сане. Его словно вырезанное из камня лицо выглядело усталым и озабоченным. Бахромка седых волос окружала его тонзуру — их цвет гармонировал с его одеянием, которое придавало массивность его внешности, хотя

годы аскетической умеренности сделали его тело худым.

Он взглянул на них, и седые брови удивленно поднялись:

— Фьяметта! Ты спаслась! Я рад видеть тебя живой и невредимой. — С ласковой улыбкой он подошел и взял ее руки. Она поцеловала пастырское кольцо на его пальце, сделав глубокий реверанс. — Твой отец с тобой? Он сейчас мне очень нужен!

— Ах, отче, — начала она, ее лицо сморщилось, по щекам поползли слезы усталости. В лесу она крепилась, но не выдержала, когда почувствовала себя в безопасности под защитой Монреале. — Он умер, — всхлипнула она.

Монреале с удрученным видом подвел ее к скамье у стены и усадил. С любопытством посмотрев на Тейра, он жестом пригласил сесть и его. — Что произошло, дитя?

Фьяметта хлюпнула носом и справилась со своим голосом.

— Из замка мы, по-моему, выбрались раньше вас.

— Да.

— Мы бежали в лодке. Внезапно батюшке стало очень худо. Я думаю, у него заболело сердце от

того, что ему пришлось долго бежать, и от ужаса, и от того, что он плотно поел на пиру.

Монреале кивнул. Сам он целителем не был, но, по обязанности надзирая за монастырскими целителями, хорошо узнал и физические и духовные людские недуги.

— В Сеччино батюшка купил лошадь, и мы поехали дальше прямо ночью. Но солдаты, которых послал в погоню за нами сеньор Ферранте, настигли нас. Батюшка вступил с ними в бой, а я спряталась. Потом я нашла его на лугу, мертвым, но без единой раны. Думаю, у него разорвалось сердце. Они ограбили его, раздели донага. Я отвезла его тело на постоялый двор, где меня нашел Тейр… ах! Тейр, спроси о своем брате! Он младший брат капитана Окса, — объяснила она. — Как раз направлялся в Монтефолью и… так спроси же, Тейр! — Не только ее тут снедала жестокая тревога, но швейцарец был терпеливее.

— Вы видели моего брата, святой отец? — спросил Тейр. Голос у него оставался ровным, но пальцы крутили львиное кольцо. — Он здесь?

Монреале обернулся к Тейру:

— Сожалею, сын мой. Я видел, как твой брат упал, но среди тех, кого мы унесли, его не было. Я… полагал, что удар он получил смертельный,

но мы должны были торопиться, и я не могу поклясться, что он испустил свой последний вздох. Боюсь, я не могу утешить тебя надеждой, что он жив, но не тревожься о его душе — он был очень благородным человеком, если это может дать тебе утешение. Однако… все-таки возможно, что он еще жив и находится в замке с другими ранеными. Его тело не выдали с остальными после вчерашних переговоров. Я… сказать правду, я не узнавал. Я был занят другим.

— Ничего, — сказал Тейр. Вид у него был ошеломленный. Он рассчитывал, что так или иначе он избавится от своих опасений, а теперь ему и дальше предстоит терзаться. Он сгорбился, машинально поглаживая кольцо правым большим пальцем. Монреале внимательно в него всматривался.

— Переговоры? — повторила Фьяметта. — Но что произошло?

— Да-да. Уцелевшие гвардейцы герцога Сандрино окружили нас — меня и сеньора Асканио. Мы бежали через ворота, хотя теперь задним числом я думаю, нам следовало бы остаться и вступить с ними в бой… рассуждая по-военному. Мы прошли, обороняясь, через город и заперлись в монастыре. С тех пор тут нашли убежище

множество беглецов. Не хватает места их размещать. — Он покачал головой, — Столько крови пролилось и так внезапно! Словно кара. Я должен остановить кровопролитие, пока оно подобно чуме не охватило всю Монтефолью.

— Что вы делаете?

— Сеньор Ферранте тоже ищет остановить эту непредвиденную войну. Он вступил в переговоры со мной, как заменяющим канцлера бедному Асканио. Малыш сейчас спит в моей келье.

— Перемирие с сеньором Ферранте? — в ужасе спросила Фьяметта.

— Я обязан взвесить его предложение. Мы здесь в нелегком положении. Гвардейцы герцога ни в чем не уступали лозимонцам, пока ими командовал герцог Сандрино, но теперь они рассеяны, растеряны, лишились своих офицеров.

— Но не могли бы вы послать за помощью… куда-нибудь?

Губы Монреале уныло сжались.

— В том-то и дело. Много лет герцог Сандрино умело балансировал между Миланом и Венецией. Призвать кого-то из них в герцогство, оставшееся на произвол судьбы, и — ам! — Монтефолья будет проглочена в один миг. Призови второго изгнать первого — и Монтефолья превратится в поле

сражения.

— Неужели сеньор Ферранте решится напасть на монастырь? — сказал Тейр с возмущением. — Как может такое дело сойти ему с рук?

— Легко. — Монреале пожал плечами. — Сколько раз уже насильники сравнивали монастыри с землей! И если он победит, кто сможет его покарать? Если он утвердит свою власть в Монтефолье вдобавок к Лозимо, справиться с ним будет трудно. Конечно, Венеции или Милану это вполне по силам, но они оставят тогда Монтефолью себе — так какая выгода от этого маленькому сеньору Асканио?

— Ну а папские войска? — спросила Фьяметта, цепляясь за соломинку.

— Слишком до них далеко. Даже если бы гонфалоньер отправил их при нынешнем тревожном положении в Романье.

— Но ведь герцогиня Летиция внучка папы!

— Но не того! — вздохнул аббат. — Быть может, и следующих выборах звезда ее семьи вновь взойдет, при ныне здравствующем его святейшестве. В курси практические доводы восторжествуют над правом и справедливостью. С какой стати посылать им войска, чтобы вернуть герцогство слабой женщине и ребенку? Ведь если они ни-

чего не предпримут, оно достанется сильному опытному мужчине и к тому же испытанному гвельфу.

— Вы тоже так решаете? — с негодованием спросила Фьяметта. — Практические доводы, а не право и справедливость?

— Такова политика, дитя. Не знаю, смогу ли я спасти герцогство для Асканио, но, думается, его жизнь я спасу. Ферранте предлагает отправить Асканио с матерью и сестрой в Савойю, в изгнание, с выплатой им содержания в обмен на мир. И это не самое плохое предложение. При подобных обстоятельствах его можно даже назвать почти великодушным. — Монреале выглядел как человек, который вынужден есть лимон и делать вид, будто он сладкий.

— Нет! Тогда ведь Ферранте получит все! — возмущенно вскричала Фьяметта.

Аббат Монреале нахмурился на ее вспышку:

— Так мне надо сражаться до последнего… монаха? Сожалею, Фьяметта, но среди монастырской братии мало кто годится для такой схватки. Я без колебаний воззвал бы к меньшому из них приять мученический венец во имя веры, но принести их в жертву гневу не значит послужить святому делу. Я не уступаю Ферранте ничего, чего бы он

не мог — и с большой охотой! — забрать сам!

— Но сеньор Ферранте убил герцога!

— Нельзя требовать от обычного человека, чтобы он не оборонялся. Когда герцог Сандрино бросился на него, Ферранте должен был защищаться.

— Отче, я видела, как все произошло! Герцог Сандрино нападал только словами, хотя и злыми. Сеньор Ферранте выхватил кинжал первым и тут же его заколол.

Аббат Монреале насторожился:

— Мне рассказывали иное.

— Посланник Ферранте? Со мной была мадонна Пия. Мы обе это видели. Спросите ее, если не верите мне.

— Ее здесь нет. Насколько мне известно, и она и кастелян были схвачены вместе с герцогиней и мадонной Джулией. — Монреале потер шею, словно она заныла, подошел к узкому окну и уставился во мрак. — Я не верю тебе, дитя. Но это мало что меняет. Войско Лозимо уже выступило, и когда оно прибудет, противиться Ферранте — значит просто сделать хуже неизбежный исход. Я видывал осады и знаю, до чего они доводят людей.

— Но сеньор Ферранте пользуется черной

магией! Разве вы не видели на пиру мертвого младенца?

— Не видел… что?! — Монреале вздрогнул, словно ужаленный осой.

— Младенца в ларце, в подставке под ногами Ферранте, которую Ури столкнул с помоста перед тем, как его пронзили мечом. — Она попыталась припомнить точно эту минуту всеобщего замешательства. Монреале был по ту сторону перевернувшегося стола, защищая Асканио, размахивая посохом в сумятице нападавших и спешивших на помощь, и пятился, пятился в глубину помоста.

— Подставку я видел, но не видел, как она открылась.

— А я видела. Она опрокинулась почти мне на ноги. Мою юбку защемило столом. Подставка была полна кусками соли, а среди них — этот жуткий ссохнувшийся трупик. Батюшка сказал, что дух девочки был в порабощении в безобразном серебряном кольце Ферранте с детской головкой — на его правой руке. Неужели вы ничего не почувствовали? Ферранте с помощью кольца ослепил человека и хотел сделать то же с батюшкой, но батюшка, сделал что-то… и кольцо обожгло самого Ферранте. Батюшка сказал, что

он освободил дух младенца, но как, я не знаю.

Аббат Монреале в волнении обернулся к своему секретарю:

— Брат Амброз, ты видел?

— Я был сбоку от вас, святой отец Лозимонец прицелился снести вам голову мечом, и я отбивался от него стулом. Я очень сожалею.

— Не извиняйся! — Монреале расхаживал взад и вперед. — Кольцо… Кольцо! Ну конечно! Будь я про… то есть Господи меня помилуй! Так вот что в нем было.

— Так вы почувствовали что-то? — с облегчением сказала Фьяметта.

— Да, но мне следовало почувствовать больше! Что мог сделать Ферранте, чтобы спрятать… — Он повернулся к своему массивному книжному шкафу, словно притягиваемый магнитом, но покачал головой. — Попозже. Как жаль, что здесь нет твоего отца, Фьяметта.

— А что вы увидели в этом кольце, отче?

— Оно словно бы заключало простое заклятие против вшей и блох, которое мог бы носить кто угодно в амулете или ладанке у себя в кармане. Я еще подумал, какое странное щегольство — заключать такой пустяк в серебро. Да, что-то было не так, но я подумал, что причина в плохой от-

ливке. Однако если заклятие против вшей и блох маскировало другое — для отвлечения внимания… а уж за ним… — Он с шипением выпустил воздух сквозь сжатые зубы, и лицо у него посерело. — А что почувствовала ты, дитя?

— Уродливость.

— Устами младенца… Ты меня устыдила. — Он грустно улыбнулся. — Но ведь ты же дочь своего отца.

— Об этом-то я и начала вам рассказывать. Люди сеньора Ферранте явились на постоялый двор, куда я приехала с телом батюшки…

И Фьяметта быстро описала свои неприятности с мастером Катти, его алчность, коптильню, странное похищение трупа щербатым браво и явления мастера Бенефорте в дыму и в лесном мусоре. Тейр подтвердил подробности их возвращения. С куда большими колебаниями Фьяметта поведала о признании мастера Бенефорте, касавшемся его предыдущего опыта с кольцом духов, хотя не назвала ни герцога Лоренцо, ни Флоренцию: пусть Медичи исповедуется сам. Она сказала, как страшится, что сеньор Ферранте намерен сделать дух мастера Бенефорте своим новым и более могущественным рабом. Слушая ее, аббат Монреале сутулился все больше.

— Батюшка взывал к вам, — заключила Фьяметта, — просил вас о помощи. Святой отец, что нам следует делать теперь?

Монреале глубоко вздохнул:

— Перед вашим приходом, дитя, я молился, прося Господа умудрить меня, ниспослать знак, показавший бы, что я поступаю правильно, соглашаясь на перемирие. Самая страшная опасность, заключенная в молитве. Порой Бог ниспосылает ответ. — Он устало кивнул секретарю. — Брат Амброз, порви договор.

Дюжий монах осторожно взял документ, который писал, когда впустил Фьяметту с Тейром, и медленно разорвал его пополам. В его устремленном на Монреале взгляде одобрение мешалось со страхом.

— Итак, монастырь ворота не откроет. Святой отец, так что же нам следует делать теперь?

Монреале зажмурился и потер морщинистый лоб.

— Тянуть время брат. Посылать кроткие ответы и тянуть время. — Он посмотрел на Тейра, потом на Фьяметту. — Отведи этих измученных детей в странноприимный дом. Я пойду в часовню предаться размышлениям перед службой. Если можно будет снять кого-то с поста пропеть ноч-

ные псалмы. — Он добавил вполголоса:

— Наконец-то я понял, почему так много говорится о том, чтобы братия училась обходиться без сна.

Его секретарь пробормотал «аминь», взял свечу и сделал знак Тейру и Фьяметте выйти из кельи прежде него.

По пути в странноприимный дом возле главных ворот они прошли через двор с крытым колодцем. Даже в этот поздний послеполуночный час возле него в очереди за водой стояли два монаха, солдат и женщина. Один из монахов держался за ручку ворота, но не вращал ее.

— Как она, брат? — спросил Амброз, проходя мимо.

— Плохая, — ответил тот. — Совсем замутнела. Вот мы и ждем, чтобы ил осел, а потом опять начнем черпать.

Наконец он завертел ручкой и разлил воду из колодезного ведра в сосуды, которые держали солдат и женщина. Потом спустил ведро и вновь начал ждать. Брат Амброз пошел за солдатом.

— Не хватает воды? — спросил Тейр.

— Надо бы, чтобы пошел дождь и наполнил наши цистерны, — ответил Амброз. — Обычно тут живет семьдесят человек братии. А теперь

мы приняли пятьдесят — шестьдесят гвардейцев герцога Сандрино, среди них много раненых, а еще их семьи и те, что бежали от бесчинств в городе. Сейчас тут набито более двухсот человек. В лазарете теснота. Аббат Монреале думает приют отдать женщинам, а если еще будут раненые, укладывать их в часовне.

Когда они приблизились к лазарету, солдат с ведром свернул туда, и через его плечо Фьяметта увидела длинное помещение под каменным сводчатым потолком. Между деревянными кроватями были разложены соломенные тюфяки, и на всех лежали завернутые в одеяла тела. В тусклом мерцании двух масляных светильников блеснули остекленевшие горячечные глаза на заросшем щетиной лице. Между рядами пробирался монах в опущенном на лоб капюшоне, в глубине кто-то стонал от боли — протяжно, словно мычала корова. Через другую дверь брат Амброз провел их в странноприимный дом, единственное место в монастыре, куда в обычное время допускались посторонние. Он поручил Фьяметту усталой пожилой женщине в ночном балахоне. Ее седые волосы были заплетены на ночь в косу, падавшую на спину. Фьяметта узнала в ней белицу из приюта при городском соборе.

Амброз увел Тейра через трапезную для посетителей туда, где спали мужчины. Тейр неуверенно оглянулся через плечо и, прежде чем скрыться за дверью, помахал ей левой рукой.

В женском спальном помещении каменный потолок нависал, как в лазарете, но оно было меньше, и теснота в нем царила еще большая. И здесь между кроватями постелили тюфяки, а то и просто насыпали солому, прикрыв сверху одеялом. На них вповалку лежали двадцать пять женщин и вдвое больше маленьких детей и девочек-подростков. Мальчиков постарше, очевидно, положили спать с мужчинами.

Фьяметта пробралась между спящими к дверце в глубине, за которой прятался нещадно использовавшийся и смрадный нужник. Теперь ей стало попятно, почему аббат полагал, что монастырь не выдержит долгой осады, даже если бы им удалось отразить штурм прибывших из Лозимо подкреплений, а это само по себе представлялось весьма сомнительным. В прошлую ночь, в это самое время, она воображала, что стоит им пробраться к Монреале, и он каким-то образом все уладит. И, судя по этой спальне, она была не единственной монтефолькой, которая думала так. Но теперь…

Когда она вышла из нужника, белица проводи-

ла ее к куче соломы, на которой уже спали две девушки. Фьяметта сбросила погибшие туфли и улеглась рядом с ними. Пока хороша была и такая постель.

Глава 8

Ури… Тейр замигал слипающимися глазами, увидел каменный свод мужской спальни и раскинулся на жесткой постели — тонкий слой соломы, накрытый одеялом. Скверный сон, разбудивший его, рассеялся словно туман, когда он попытался вспомнить, что ему привиделось. Судя по тому, как болело его тело, солома не спасла его от каменного пола, хотя, конечно, синяками он был обязан бешеному лозимонцу, с которым дрался накануне ночью. Как же мучается сейчас Ури, тяжко раненный, брошенный в темницу его врагами? Какой ужас его терзает? У него, Тейра, есть солома, одеяло и свобода. А Ури, возможно, лежит на голых камнях.

Некоторые уже встали, другие продолжали спать. Рядом с Тейром заросший щетиной, пропахший застарелым потом монтефольский гвардеец закрыл глаза, перекатился на другой бок, стянув с себя одеяло, громко пустил ветер и снова захрапел. Тейр с трудом поднялся и встал в очередь к нужнику. Ну во всяком случае, темница Ури вряд ли так набита людьми.

Мучиться одеваясь ему не пришлось: он спал

в одежде Своей единственной, потому что во вчерашней схватке потерял все, что имел. Ну так, значит, ему самое место здесь среди неимущих монахов, пусть нищим он стал случайно, а не по обету. Он посвятит свою нищету Богу, как здешняя братия, добавив молитву поскорее его от нее избавить.

В трапезной монах давал всем по ломтю ржаного хлеба и наливал пива или разбавленного вина. Ломти были не очень толстыми, но, хотя хлеб оказался вкусным, попросить добавки при таких обстоятельствах Тейр не решился. Пиво же пришлось в самый раз и отлично промыло его пересохшие к утру рот и глотку.

Едва к нему вернулся голос, Тейр принялся расспрашивать об Ури всех, кто мог бы знать его брата. Они были с ним обходительными ради Ури, рассказывали свои страшные истории о кровавых схватках и спасении, но никто из них не видел своего капитана позже и не знал о его судьбе больше, чем аббат Монреале или Фьяметта. От мучительной неуверенности у Тейра заныла шея.

В трапезной были и женщины, но Фьяметты среди них не оказалось. Они говорили вполголоса, кроме одной бой-бабы, чьи гнусавые

жалобы оглашали трапезную, пока она внезапно не опустилась на пол и не разрыдалась. Другая женщина увела ее в их спальню. Тейр потирал львиное кольцо и прикидывал в нерешительности, не спросить ли о Фьяметте какую-нибудь женщину. Но прежде чем он собрался с духом, его за плечо потрогал брат Амброз:

— Тейр Окс? Тебя хочет видеть аббат Монреале, Тейр слизнул прилипшие к пальцам крошки, допил пиво, вернул кружку брату-трапезнику и последовал за Амброзом.

Секретарь провел его через двор, по коридорам, по галерее и вверх по деревянным ступенькам. Они вышли на плоскую крышу над кельей, где накануне их принял аббат. На севере изгибался контрафорс часовни. Угол крыши занимала деревянная голубятня. Рядом с ней, откинув капюшон, стоял Монреале. Амброз остановился и жестом остановил Тейра.

На руку аббата, зашумев крыльями, робко опустилась сизая голубка. Казалось, Монреале заговорил с ней, он прикоснулся губами к ее головке и поднял руку. С воркованием она, гремя крыльями, взмыла в небо, дважды облетела часовню и исчезла вдали.

Похрустывая подошвами по высохшему го-

лубиному помету, они направились к аббату, который обернулся на их шаги, улыбнулся им обоим и обвел взглядом небосвод.

— Ни один голубь еще не вернулся, отче? — почтительно осведомился Амброз.

Монрале вздохнул и покачал головой:

— Ни единый. Ни единый! Я страшусь за судьбу вверенных мне созданий Божьих.

Амброз наклонил голову, уловив двойной смысл, и оба посмотрели на юг в голубую утреннюю дымку, приставив ладонь козырьком ко лбу. Потом Монреале решительно опустил руку и повел их назад по лестнице в свой кабинет, а затем через внутреннюю дверь в соседнюю келью.

Тейр остолбенел. Большие высокие окна прекрасно освещали обширное помещение со шкафами и ларцами для книг по стенам. Полки были заставлены всевозможными медными, керамическими и глиняными сосудами, флаконами из цветного стекла и таинственными коробочками с латинскими надписями. Два больших рабочих стола — один на середине кельи, другой у стены — были завалены всякими документами и тетрадями в матерчатых переплетах, носившими следы частого употребления. В углу в высоком бочонке стояли посохи из разных пород дерева и

длинным рылом вверх торчал мумифицированный крокодил — кожистые губы были вздернуты, открывая челюсть, наполовину лишенную зубов. С балок свисали сумки, и в одной красной шелковой сетке виднелся полупрозрачный клубок сухих сброшенных змеями кож. Еще один угол занимал оштукатуренный очаг. В нем, вычищенный, готовый к употреблению, стоял небольшой тигель, формой напоминавший улей.

Брат Амброз достал из шкафа круглое зеркало величиной с тарелку, вделанное в деревянную раму, и поставил его на стол в центре. Рядом он положил тамбурин — небольшой, обтянутый белесым пергаментом. Монреале сдвинул бумаги и расположил вокруг зеркала с тамбурином сушеные травы по четырем сторонам света, еле слышно бормоча что-то по-латыни. Брат Амброз закрыл ставни, и в выбеленной комнате стало темно и прохладно. Потом секретарь сделал знак Тейру, из деликатности и осторожности остававшемуся у двери, подойти ближе и наблюдать, но прижал палец к губам, показывая, что надо молчать.

Из флакончика голубого стекла Монреале уронил капельку прозрачной жидкости на центр зеркала, и она блистающей пленкой растеклась

по нему. Монреале подул на нее, и зеркало засветилось — но не отраженным светом. Тейр смотрев, вытягивая шею и затаив дыхание.

В зеркале закружился, заплясал вихрь разноцветных пятен. Тейр щурился, стараясь разобраться в этих желтых и оранжевых узорах. Внезапно он понял, что смотрит на черепичные крыши, смотрит вниз на город с большой высоты. Город в зеркале уходил назад с нечеловеческой скоростью птичьего полета. Впереди вырисовались желтые каменные и красные кирпичные стены замка, и движение словно устремилось по крутой дуге к вершине его башни и на мгновение прервалось, давая передышку. Тейр, совсем завороженный, сглотнул легкую тошноту. И тут же внизу под ним задергался внутренний двор, куда вела великолепная мраморная лестница, затем в зеркале возникла вторая точно такая же башня, На ее вершине два арбалетчика натягивали тетиву своего оружия, а худой, смуглый бритый мужчина в красном одеянии прислонялся к желтой кирпичной кладке стены и указывал пальцем. Тейр отогнал невольный страх, что смотрят они прямо на него. Худой крикнул, арбалетчики прицелились и выстрелили. Все дернулось, накренилось. Еще один арбалетчик

на первой башне позади птицы был к ней гораздо ближе. Тейр увидел, услышал, как зазвучала его тетива, посылая стрелу, вид в зеркале утонул в слепящей вспышке, и оно потемнело. Тут Тейр понял, что зазвучал тамбурин, но в его мыслях звук этот неразрывно связался с тем, что он видел в зеркале. Монреале охнул, как человек, которого пнули в живот.

— Нет… — простонал брат Амброз. — Еще одна!

Монреале уперся кулаками в стол. Его губы сомкнулись на словах, не напоминавших молитву.

— Они ждали. Ждали наготове, — сказал он яростно. — Каким-то образом они отличают моих птиц от всех остальных, — Он повернулся и раздраженно прошелся по келье. — Все-таки придется вечером испытать нетопырей. Даже у Ферранте не найдется арбалетчика, способного поразить в темноте летящего нетопыря.

— Но и мы в темноте мало что увидим, — сказал брат Амброз с сомнением.

— Зато услышим больше.

— Главным образом храп.

— Да. Но если сеньор Ферранте действительно настолько предался черной магии, как его обвиняют, ночью в замке должно твориться немало такого, о чем мы и не думали.

Брат Амброз помрачнел, перекрестился, кивнул и начал открывать ставни.

Аббат Монреале расправил сгорбившиеся плечи и с вымученной улыбкой обернулся к Тейру. Лицо его было бледным, в складках усталости, кожа под глазами опухла от бессонницы. Тейр спал на соломе и каменном полу, чувствуя себя мучеником. Теперь он подумал, что Монреале вообще не смыкал глаз, и решил не жаловаться на неудобства своей постели.

— Вы поставили меня в тупик, малый. Ты и Фьяметта. И пока ни молитва, ни рассудок не подсказали мне, где выход. А потому я буду еще молиться, а также отыскивать для моего бедного измученного рассудка новые предпосылки для новых поисков. Но как ты видел, мои птицы ко мне не возвращаются.

— Они — магические лазутчики? — спросил Тейр. Зеркало теперь отражало только потолочные балки.

— Таково их назначение. И во всяком случае, их постигает судьба пойманных лазутчиков. — Аббат потер морщины, глубоко залегшие между его бровями. — Амброз, ты узнал человека в красном одеянии на башне?

— Нет, отче. А вы?

— Нет… то есть чем-то он мне знаком. Но никакого имени в памяти у меня не всплывает. То ли я видел его в толпе, то ли очень давно. Что же, рано или поздно я припомню. Мои бедные голубки! — Он повернулся к Тейру. — Мне нужен более умелый лазутчик. Человек. Который сам вызвался бы. Такой, чье лицо никому в Монтефолье не известно.

Тейр посмотрел по сторонам. В келье не было никого, кроме них троих, и почему-то ему показалось, что аббат говорит это не для Амброза.

— Узнай: это опасно. Я пробовал не только птиц. И потерял одного из наших братьев.

Тейр сглотнул и сказал с усилием, так что его голос прозвучал в тихой келье неестественно громко:

— Отче, я тоже потерял брата. Что вы хотите, чтобы я сделал?

Монреале улыбнулся и хлопнул Тейра по плечу.

— Хорошо сказано! Да благословит тебя Бог, юноша. — Он откашлялся. — Нам известно, что подручные сеньора Ферранты разыскивают по всей Монтефолье людей, знающих металлы, а сам он объявил о награде, которую получит любой мастер литейщик, который теперь же

явится к нему. Твой брат рассказывал о рудниках и плавильнях Бруинвальда. По-твоему, ты мог бы выдать себя за литейщика?

— Простого — да. Думаю, что выдавать себя за мастера мне долго не удалось бы.

— Сгодится и так. Я хочу, чтобы все было именно очень просто. Тебе надо только проникнуть в замок. И какую бы тебе ни поручили работу, высматривай укромные местечки, чтобы помещать там кое-какие мелкие предметы, которые я тебе дам. Там, где люди разговаривают. Там, где выставляются часовые, в обеденном зале. Если… если ты сумеешь попасть в кабинет герцога или в любую другую комнату, которой сеньор Ферранте пользуется особенно часто, это было бы лучше всего. Если бы тебе удалось передать один из них герцогине Летиции… ну, вряд ли простого литейщика допустят в башню, где заперты пленники. Но если сможешь, сделай!

— Но что это будут за предметы, отче?

— Это я должен обдумать и приготовить их. Сегодня ночью под защитой темноты и заклятия, которое я наложу, мы спустим тебя со стены. Стоит тебе отойти от монастыря, и вражеских солдат ты вряд ли встретишь. В Монтефолью постарайся войти, когда на заре откроют городские ворота.

— Зачем сеньору Ферранте нужны литейщики?

— Если бы я знал! Может быть, ты сумеешь разведать, э? Полагаю, он хочет привести в порядок пушки герцога Сандрино. Например, треснувшую бомбарду, которая разнесет бедный наш монастырь, если ее починят. Более легкие пушки все с отрядом незаконнорожденного отпрыска Сандрино в Неаполе, а то бы очи уже долбили наши стены. Кто мог предвидеть, что сейчас неподходящее время отдавать войско внаем? Они ведь даже дальше отсюда, чем папские войска. Но Милан поддерживает мир, Венеции в этом году хватает забот с турками на Адриатике, и ей пока не до Монтефольи. Лозимо же предстояло связать себя с нами узами брака. Мне следовало бы… — Монреале умок, слепо глядя на тени того, что могло бы быть. — Ну что же! — Он стряхнул с себя мрачность. — Какая у тебя есть одежда, сын мой?

Тейр развел руками:

— Только та, что на мне. Свой вьюк я потерял вчера ночью за стеной.

— Хм! Может быть, брат Амброз подыщет тебе что-нибудь не столь… деревенское у тех, кто нашел здесь убежище. Такую одежду, в кото-

рой ты больше походил бы на того, кого будешь изображать. Да, кстати… — Монреале помолчал. — Откуда у тебя это кольцо?

Тейр прикоснулся к маленькой львиной маске.

— Правду сказать, оно не мое, отче. Это кольцо мадонны Фьяметты.

— А! Это многое объясняет. — Лицо аббата просветлело. — Работа Просперо Бенефорте? Как я не догадался. Советую тебе оставить его у Фьяметты. Литейщики подобных колец не носят. Тебе не следует привлекать к себе внимание, ты понимаешь?

— Я не могу его снять, отче! — И в доказательство Тейр подергал кольцо.

— Хм? — Монреале взял левую руку Тейра и нагнулся над ней, вглядываясь. По внутренней стороне его тонзуры щетинились отрастающие волосы, но ближе к макушке начиналась лысина, гладкая и блестящая. — А-а! Заклятие истинной любви мастера Клюни, бьюсь об заклад. — Он распрямился, улыбаясь. — И оно действует.

— Разве? — сказал Тейр. — Объясните Фьяметте, она будет так довольна! Она думала, что с магией у нее ничего не получилось.

Он умолк. Заклятие истинной любви? Что это за заклятие? И как оно действует? Его охватил

смутный страх. Так новое неясное томление — порождено магией? От этой мысли делалось не по себе… Да нет же! Странно, что Фьяметту у него могут отнять. Но она же ему не принадлежит! Его левая рука властно сжалась.

— Его отлила Фьяметта? Не мастер Бенефорте? Прости, но я должен посмотреть на него поближе. — Он взял руку Тейра, но не уставился на нее пытливым взглядом, а закрыл глаза. Тейр наморщил лоб. Аббат Монреале долго молчал, а когда выпрямился и открыл глаза, лицо его стало очень серьезным.

— Брат Амброз, будь добр, сходи за Фьяметтой Бенефорте.

Оставшись наедине с Тейром, Монреале скрестил руки на груди и прислонился к рабочему столу. Он задумчиво пожевывал нижнюю губу, глядя на свои сандалии. Потом пронзительно посмотрел на юношу:

— Тебе нравится эта девица, сын мой?

— Я… Очень нравится, отче, — твердо ответил Тейр. — То есть… так мне кажется. Нет, не кажется, а я знаю, что нравится. Но как воздействует на меня кольцо?

— На тебя? — Никак. А вот ты, однако, воздействуешь на него. Принуждаешь его. Пожалуй,

это можно выразить так. Считается, что заклятие Клюни обнаруживает истинную любовь, но это не совсем верно. Точнее будет сказать, оно обнаруживает верное сердце. — И он улыбнулся Тейру, продолжая пристально смотреть на него.

Тейр облегченно вздохнул. Значит, он не околдован. Ну да он так и не думал.

— Но честны ли твои намерения? — спросил Монреале. — Клюни тут не всегда дает точный ответ.

— Мои намерения? — повторил Тейр растерянно. — Какие намерения?

— Ты помышляешь о женитьбе или поддаешься греховной похоти? — объяснил Монреале.

Женитьба? Его словно отбойным молотком ударили по затылку. Тейр заморгал. Он — муж? Как… Как взрослый мужчина? Внезапно перед ним разверзлась бездна зрелости.

— Но… я не… Отче, если бы все было, как задумывалось… как я думал, когда письмо брата позвало меня в Монтефолью… Ури устроил так, чтобы мастер Бенефорте взял меня в подмастерья. Понимаете? Ну а бедняку подмастерью ни о чем таком и помышлять нельзя. Много лет. А тогда она бы уж давно была замужем за каким-нибудь богачом. Смел ли я даже подумать, что мог бы…

сделать ее своей. Правда, мадонна Бенефорте нуждается в ком-то… — Тейр умолк. Голова у него шла кругом. Похоть? Но женившись, он бы получил право на похоть. Благословение!

— Из-за смерти отца Фьяметта очень нуждается в ком-то, — сказал Монреале. — Родственников у нее здесь нет. Женщине не следует жить одной без хозяина в доме, а юной девушке и подавно. Положение же Фьяметты Бенефорте еще хуже. Ей отовсюду грозят опасности. Да, бесспорно, ты ей неровня, но свидетельство кольца… необычно. Впрочем, ты просто слишком молод и беден, чтобы думать о семейной жизни.

Но он же ни о чем таком не думал, пока сам Монреале не произнес этих слов.

— Но твоя молодость не мешает мне послать тебя навстречу опасности, которая, боюсь… — Монреале умолк. — Помилуй меня, Господи! — Это было сказано почти шепотом, как молитва, но затем его голос снова стал звучным. — Редким счастливцам, сын мой, дано найти свое истинное призвание, свою истинную любовь или истинную веру. — Он кивнул на кольцо. — В нем не таится никакого зла для тебя.

В кабинете послышались шаги, и, наклонив голову, в келью вошел Амброз, а за ним Фьяметта.

Ее буйные кудри были на этот раз заплетены в толстую косу, что придавало ей более чинный и взрослый вид, хотя такому впечатлению несколько мешали соломинки, кое-где прилипшие к ее грязному бархатному платью. Если бы она выглядела не такой усталой и озабоченной, подумал Тейр. Накануне она засмеялась каким-то его словам, и ему захотелось, чтобы она опять засмеялась. Ее смех был как родниковая вода в жаркий день. К желанию как-то избавить ее от забот и тревог внезапно примешалась мысленная картина: она смеется на брачном ложе, ее смуглое нежное тело проглядывает в белой пене ночной сорочки…

Монреале придал лицу строгое выражение и указал на львиное кольцо.

— Его сделала ты, Фьяметта?

Она перевела взгляд с него на Тейра, а потом снова на него и сказала тихо:

— Да, отче.

— Под надзором своего отца?

Фьяметта сглотнула.

— Нет, отче. То есть и да, и нет.

Седые брови Монреале поднялись.

— Так как же? — да или нет?

— Нет! — Ее чеканный подбородок задрался. —

Но он знал о нем.

— По-видимому, заниматься сомнительными кольцами — это родовая черта Бенефорте, — сухо сказал Монреале. — Ты же знаешь, что мастер Бенефорте не записывал тебя в свои подмастерья.

— Я училась ювелирному мастерству много лет, вы же знаете, отец Монреале.

— Работа по металлу меня не касается.

— Вы знали, что я помогала ему с заклятиями.

— Да, помощью, какая положена магу, имеющему разрешение. Но это не работа помощника. И не работа неумелого любителя. Откуда у тебя такие знания?

— Я ведь очень часто ему помогала, отче. — После долгого выжидательного молчания она добавила неохотно:

— Заклинание я нашла в одной из книг батюшки. Вложить его в кольцо было нетрудно. Как лить золото, я уже знала. И просто старалась во всем следовать правилам. И как будто ничего не вышло. Даже вспышки не было. Сначала я огорчилась, мне показалось, что я не сумела, потому что… потому что Ури не надел его на палец. Я хотела подарить его ему.

— А! — сказал Монреале с внезапным интересом, но тут же замаскировал его откашлива-

нием.

— Но потом оказалось, что его никто не может надеть. Тот солдат и вор — хозяин постоялого двора хотели завладеть им ради золота, но не смогли. — Она покосилась на Тейра. — А… а оно действует, отче?

— Об этом мы поговорим позже. Так ты читала книги отца. С его разрешения?

— А… э… нет.

— Фьяметта, это грех непослушания.

— Вовсе нет. Он мне не запрещал. То есть… я не спрашивала. Но потом я узнала, что он все время следил за мной и ничего не говорил, А это почти позволение, правда?

Тейр мог поклясться, что аббат Монреале сдержал улыбку, услышав этот логичный вывод, но его лицо сохранило суровость.

— Мастер Бенефорте не обращался ко мне за разрешением для тебя.

— Он собирался. Но последнее время был просто слишком занят солонкой, и Персеем, и всеми другими заказами. Но я уверена, он собирался.

Монреале снова поднял брови.

— Ну хорошо, — Фьяметта вздохнула. — Я не уверена. Но мы об этом говорили, правда, правда! Я его просила, уж не знаю сколько раз. Отец Мон-

реале, я хочу стать магом! Я могу многое делать. Я знаю! Лучше, чем Тесео. Это несправедливо!

— Но и не одобрено, — сказал Монреале. — И не проверено надлежащим образом. Я видывал, как такая гордыня губила души, Фьяметта.

— Так дайте мне ваше одобрение! Батюшки нет, чтобы ходатайствовать за меня. И думается, я теперь могу просить за себя сама. Ведь больше некому. Я хочу стать хорошей, так помогите мне!

— Ты опережаешь меня, Фьяметта, — мягко сказал Монреале. — Прежде положены раскаяние, исповедь и епитимья. А потом отпущение грехов. А я еще даже не кончил мою проповедь о раскаянии.

Карие глаза Фьяметты загорелись предвкушением при этом проблеске юмора и поддержки за внешней строгостью Монреале. Она выпрямилась, чуть не запрыгав.

— Ах, поскорее наложите на меня епитимью, отче!

— Ты пойдешь к алтарю Пресвятой Девы в часовне и на коленях будешь молиться о ниспослании тебе терпения и смирения. Когда ты почувствуешь, что молитва твоя услышана, пойди вкуси полуденную трапезу, а затем возвращайся ко мне сюда. Мне немедленно нужен

умелый помощник для брата Амброза, который утомлен не менее меня. Сегодня днем мне необходимо завершить кое-что перед вечерней.

— Какое-то заклятие? И вы позволите, чтобы я… я помогала вам?!

— Да, дитя.

Она затанцевала вокруг аббата, а потом изо всех сил обняла, забыв про его сан. Он отстранил ее, невольно улыбнувшись.

— Но прежде ты должна укрепить свой дух в молитве, не забывай! И не требовать: «Матерь Божья, даруй мне терпение и даруй сейчас же!»

— Но откуда вы знаете? — Глаза Фьяметты заискрились.

— Хм! Ну что же, полагаю, ты можешь попытаться. Кто я такой, чтобы судить, что сделает Богоматерь в неизреченной своей милости? Чем быстрее наградит она тебя терпением, тем скорее я смогу поручить тебе что-нибудь. А, да! Еще одно. Я посылаю твоего друга Тейра по одному делу, и, боюсь, большое золотое кольцо на его руке будет слишком бросаться в глаза. Я могу его сиять с помощью небольшого заклинания, но ты можешь просто снять его пальцами.

— Но… оно застряло. Я сама видела. Как же я его сниму, если Тейр не смог?

— Попросту говоря, ему этого не хочется.

— Нет, я правда старался, отче! — сказал Тейр.

— Я знаю. И когда не надо будет так торопиться, поговорю с тобой о структуре заклятия мастера Клюни.

Недоуменно хмурясь, Фьяметта повернулась к Тейру. Он послушно протянул к ней руку, и ее тонкие смуглые пальцы сомкнулись на львином кольце. Оно соскользнуло к ней в ладонь так легко, будто было смазано жиром.

Монреале протянул ей длинный ремешок:

— Советую, Фьяметта, носить его на шее, чтобы никто не видел. Пока не сможешь его вернуть. — Он посмотрел на нее загадочным взглядом.

Палец Тейра стал каким-то легким, холодным, опустевшим без его… нет, ее кольца. Он потер чуть ноющее место, уже чувствуя, как ему недостает уверенности, которую дарило прикосновение к кольцу.

За дверью послышалось шарканье сандалий, в филенку осторожно постучал монах, а потом всунул голову в щель.

— Отче? Герольд сеньора Ферранте у ворот.

— Иду, иду! — Монреале махнул, чтобы он удалился. — Тейр, днем отдыхай. Когда настанет время, я пошлю брата разбудить тебя. Фьяметта,

жду тебя здесь после полуденной трапезы. Идите. — Он выпроводил их через кабинет в коридор, а сам задержался у стола с братом Амброзом. Тейр спустился следом за Фьяметтой по лестнице в прохладу галереи по сторонам двора. На залитой солнцем траве важно прохаживались голуби, тщетно поклевывая землю в поисках крошек.

Между колоннами, поддерживающими арки галереи, стояли каменные скамьи. Соблазнившись, Тейр сел, и Фьяметта опустилась на край той же скамьи. Ее пальцы коснулись нового жесткого ремешка на шее, прижались к губам и легли на прохладный камень.

Вздохи ветра в соседнем лесу, птичий щебет и звонкие трели, приглушенные звуки голосов в монастыре — все навевало обманчивое ощущение мира и покоя. Тейру очень хотелось, чтобы так было на самом деле. Красота дня казалась жестоким обманом. За стенами, потея, кряхтя, угрожая, рыскали тупые звери вроде того, с кем он дрался в прошлую ночь. И он хотел оградить от них Фьяметту.

Фьяметта же все еще хранила блеск в глазах и вся кипела радостью, так что Тейру вспомнилась подпрыгивающая крышка на материнском чайнике.

— Аббат Монреале верит в меня. — Она захлебнулась смехом. — Хочет, чтобы я помогала… но с чем, хотела бы я знать?

— Может, с соглядатными предметами? — сказал Тейр.

— Соглядатными предметами?

— Он хочет, чтобы я выдал себя за литейщика и пронес в замок Монтефольи соглядатные предметы и попрятал их там и сям. Его птицы-лазутчики перехватываются, понимаете?

— Он хочет, чтобы ты выбрался из монастыря? Несмотря на осаду?

— Мы же пробрались. («Еле-еле!») Он пошлет меня, когда стемнеет.

Фьяметта замерла. Тейр ждал, что она скажет «побереги себя» тем тоном, каким говорила это его мать каждое утро, когда он уходил на рудник.

— Дом моего отца на другом конце города, если идти от замка. Вряд ли ты сможешь туда выбраться и посмотреть, стоит ли он еще, но если представится случай… это последний дом на вид Новара. Самый большой, квадратный. — Она помолчала, и в ее голосе наконец-то зазвучала тревога. — Аббат Монреале ведь не поручает тебе ничего слишком сложного, правда?

— Нет.

Он отвел взгляд от нее на залитую солнцем траву, где полувзрослый кухонный котенок подбирался к голубям. Большие уши, серая шерсть в черную полоску, и не по росту большие белые лапы. Усы у него топорщились, глаза косили — таким напряженным стал его взгляд. Он припал к земле, виляя всей задней частью туловища в подготовке к прыжку.

Женитьба? Жар и мягкость этой девушки принадлежат ему одному? А что, если… Но ведь аббат Монреале сказал бы что-то, если бы…

— Мадонна Бенефорте, — выпалил он, — вы же еще не помолвлены?

Она отодвинулась и неуверенно посмотрела на него.

— Нет. А почему ты спросил?

— Да просто так, — промямлил он.

— Вот и хорошо, — сказала она слабым голосом, вскочила и попятилась вдоль скамьи.

— Мне то в часовню… Прощай. — И она убежала по галерее.

В траве котенок прыгнул и промахнулся. Голубь улетел в всполохе крыльев Котенок задрал голову, хлеща хвостом и скаля зубы пока последняя надежда не исчезла за краем крыши.

Котенок смущенно побрел к галерее, подошел к Тейру и лег возле ею ноги Потом посмотрел на него и громко жалобно мяукнув, будто Тейр мог вытащить из кармана бескрылых голубей, как фокусник-маг на ярмарке Но в ту минуту Тейр ну никак не чувствовал себя магом Он подобрал котенка и почесал у него за ухом.

— А что бы ты сделал, кис-кис, если бы схватил его? Он же куда больше тебя. — Котенок неистово замурлыкал и потыкался мордочкой в ладонь Тейра

— В моих горах водятся птички, которые запросто позавтракали бы тобой. Сначала тебе нужно подрасти. — И Тейр вздохнул.

Остаток утра Тейр провел, помогая замученным хлопотами монахам. Крутил колодезный ворот, носил воду солдатам на стенах, помог расставить столы на козлах для полуденной трапезы, а потом — убрать их.

Он полагал, что никак не сумеет заснуть, но из почтения к аббату улегся на свое соломенное ложе. После жары и суеты снаружи спальня клалась особенно тихой и прокладной. За плечо его тряс монах, и он с радостью очнулся от еще одного мучительного сна, который, к счастью, не помнил. Последние багровые лучи солнца,

оглаживая вершины холмов, проникали горизонтально в прорези окон, и в них танцевали оранжевые пылинки.

После ужина из жареного хлеба с тончайшим ломтиком сыра и долькой чеснока брат Амброз повел Тейра в прачечную поискать одежду на него. Они подобрали короткую стеганую коричневую куртку и настоящие вязаные чулки-трико из выкрашенной красной шерсти, которые пришлись ему впору. Одежда была не новой, но зато только что выстиранной. Тейр никогда не носил чулок-трико, а только штаны, скроенные и сшитые матерью «на вырост». Он смущенно оглядел свои алые бедра, такие яркие и словно бы ничем не прикрытые. Красная шапочка довершила его наряд.

Они вышли из прачечной, углубились в лабиринт монастырских переходов и очутились в дворике у подножия колокольни, где уже сгущались светлые сумерки. Брат Амброз остановился там. По толстым плетям обвивавшего колокольню плюща неуклюже спускался монах, поблескивая голыми ногами, полы его одеяния были заткнуты за пояс. В зубах он держал холщовый мешок. Амброз охнул — одна обутая в сандалию нога соскользнула и заболталась в

воздухе, однако монах удержался и благополучно завершил спуск.

Тяжело дыша, он одернул свое одеяние и сунул Амброзу бугрящийся мешок. Бугры двигались.

— Вот твои нетопыри. А теперь я могу пойти поесть?

— Благодарю тебя, брат. Это ведь не было так уж трудно?

Монах одарил его взглядом небратской нелюбви.

— В следующий раз, — просипел он, — попробуй сам. Хватая их, я чуть не сорвался, а два меня укусили. — Он предъявил крохотные ранки на пальце и выдавил из них бисеринки крови в подтверждение своих слов. — Спой эту песню, сказал ты, и они сами залетят в мешок. Ха! Куда там!

— Тебе надлежало пропеть заклинание с истинной любовью и добротой, — попенял ему Амброз.

— К не-то-пы-рям? — Губы монаха искривились от негодования.

— К любому созданию Божьему!

— Как же, как же! — Монах насмешливо ему поклонился. — А теперь я иду ужинать — если на кухне хоть что-нибудь осталось, пока аббату не понадобилось ведро уховерток! — И он возмущенно удалился.

Брат Амброз взял поудобнее шевелящийся мешок и повел Тейра дальше.

Рабочую келью аббата Монреале озаряли свечи. Фьяметта сидела на перевернутом бочонке, упираясь локтями в стол. Тейр с тревогой вгляделся в нее. Она казалась уставшей, но довольной. Аббат расхаживал по келье.

— Отлично, — сказал он, когда Амброз и Тейр вошли. — Тейр, оглядись-ка и скажи, видишь ты тут что-нибудь новое.

Недоумевая, Тейр послушно обошел стол. Сушеный крокодил все так же ухмылялся в своем углу, а расположил ли аббат по-другому хаос на своем столе, Тейр решить не мог.

— Нет, отче.

Монреале улыбнулся Амброзу с некоторым торжеством.

— А перед Фьяметтой на столе — что? Нет, не гляди!

— …Поднос.

— Но что на подносе?

— Я… я не знаю.

— Отлично. — Монреале провел ладонью перед глазами Тейра. И Тейр сразу же посмотрел на поднос.

На подносе аккуратными рядами лежали две-

надцать маленьких тамбуринов, обтянутых белым пергаментом, — таких крохотных, что каждый можно было спрятать в ладони. Тейр готов был поклясться, что мгновение назад их там не было.

— Вы сделали их невидимыми, отче? — Тейр взял тамбуринчик и оглядел его со всех сторон.

— Нет. И жалею, что не могу. Как не могу сделать их меньше или придать им вид более обычных предметов. Просперо Бенефорте что-нибудь да придумал бы, не сомневаюсь. — Монреале грустно вздохнул. — Но у нас нет времени на поиски. Ну, их хотя бы нелегко заметить. И все же, когда будешь их размещать, подыскивай такие места, где они будут укрыты от взглядов. Обязательно сухие и так, чтобы ничто не касалось пергамента. Последи, чтобы они могли свободно дрожать.

— А зачем они?

— Это маленькие уши. Уши и рты в гармонизированных парах. Все, что ухо услышит в замке Монтефольи, его рот скажет слушающему монаху здесь в монастыре. Поскольку к каждому рту придется приставить монаха, постарайся укрывать их там, где могут сказать что-то важное, хорошо?

— Попытаюсь, отче. А надолго их хватит?

— На день или около того. Я еще не нашел

способа сделать это заклятие менее летучим. А потому приводи их в действие, только когда спрячешь. Это подобие соглядатного заклятия, которое я накладываю на моих птиц, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь использовал его без посредства живого существа. Я было подумал о тараканах, но они ведь склонны убегать в безопасные щели, если только их не покалечить. Но тогда они погибают.

А Тейр-то думал, что про уховерток было сказано в шутку!

— Не знаю, пробовал ли кто-то это раньше и потерпел неудачу, или хотя бы отчасти преуспел, но скрыл… Слишком много скрытности в этих делах. Если бы все колдуны объединяли знания во имя общего блага, а не берегли бы ревниво свои секреты, как далеко мы продвинулись бы! Даже в Церкви нас разделяют гордыня и страх. Я размышлял над этим уже довольно долго, но лишь сегодня додумался расщепить пергамент и поделить тонкие половинки между ухом и ртом, чтобы использовать их конгруэнтность. Я не нашел способа заставить ухо слышать, если живое есть только с одной стороны. Но теперь два — это одно, а одно — два.

— А нельзя ли мне иметь при себе рот, чтобы

вы могли говорить со мной?

— Увы, как ни жаль! Но ты ведь не ученый маг и не можешь все время обновлять заклятие и говорить так громко, чтобы тебя слышали. — Он тревожно нахмурился. — Надеюсь, такое расстояние не станет им помехой. Ведь испытать их мы могли только через двор. Молю Бога, чтобы расстояние между замком Монтефольи и нашим монастырем оказалось не слишком большим для них.

Монреале начал укладывать половину тамбуринчиков в старую холщовую сумку среди запасной одежды и прочего, что могло быть у молодого литейщика, ищущего работы. Амброз осторожно подвесил свой мешок к потолочной балке. Тейр спросил у Фьяметты:

— День прошел для вас удачно?

— Да, — ответила она весело. — Хотя делала я почти то же, что для батюшки. И, кажется, он будет пользоваться моей помощью, как подмастерья, хоть и не имеющего разрешения. — По ее тону Тейр не понял, довольна она или досадует. Но в ее глазах светилась сдержанная уверенность в себе. Он невольно улыбнулся ей в ответ, а она прошептала, прикрыв рот ладонью:

— Расщепить пергамент придумала я! Вспомни-

ла, как батюшка расщеплял кожу, чтобы сделать потайной карман в своем кошеле.

Монреале взял последний тамбуринчик и рассеянно оглядел его.

— Каким благом было бы… Что, если бы каждый год Церковь собирала в книгу лучшие из новых найденных заклинаний и рассылала их копии во все епархии. Многие предпочли бы такую славу хранению своих секретов… Ну что же. Вот так. — Монреале завязал новую сумку Тейра. — Ты хочешь еще о чем-нибудь спросить?

О чем? Все же было так просто! А давящую внутри него тяжесть Монреале убрать не мог. Но кобольд же обещал, что он останется жив, если отправится к огню. Но чего стоит слово кобольда?

— Отче Монреале, могу ли я полагаться на слово демона?

— Что-о?! — Монреале в изумлении стремительно обернулся. — Какого демона?

— Кобольда. Мы их называем горными демонами. Я разговаривал с одним в руднике.

— А-а! — Монреале вздохнул с облегчением. — Не пугай меня так, малый. Кобольды не демоны.

— Правда?

— И совсем не похожи на них. Кобольды — и наяды, и дриады, и все им подобные — они… э…

естественные сверхъестественные народцы. Так сказать. У каждого есть своя практическая магия, согласная его природе, но она врожденная, а не выученная. Никто из них не способен превзойти свою природу в отличие от мага-человека, объединяющего магию духовную и практическую. Отцы Церкви определили их как отдельное творение Божье, но не принадлежащее телу Христову, как люди, и не подвластное людям, как, например, лошади. Они просто… другие. В сравнении с людьми они живут очень долго, во всяком случае, некоторые, но они смертны. Касательно природы их душ существуют разные мнения и даже ереси, однако толком ничего не известно. Их создал Бог, и значит, у них есть назначение, но ведь Бог создал львов, и волков, и головных вшей. И мы не обязаны терпеть от них докуку. К счастью, духовная магия Церкви в случае нужды лишает силы их практическую магию. — Монреале заметно увлекся, и Тейр воспользовался этим.

— Но тогда, что такое демон?

— А!.. — Монреале запнулся и помрачнел. — Боюсь, демоны для нас почти то же, что турки. Наши братья. Демоны — человеческого происхождения, а потому их зло неизмеримо опаснее для нас, чем злокозненные шутки тихого народца.

Фьяметта посмотрела на него. От страха ее глаза сузились. От страха… перед чем? Тейр не осмеливался искать ответа.

— Но что такое демоны по-настоящему, отче?

Монреале беспокойно нахмурился:

— Фьяметта, пойми. Ты не должна обсуждать это без надлежащего духовного руководства, иначе ты можешь впасть в ересь или в заблуждение. Для тебя все должно быть очень ясным. Если ты будешь постигать магию, как надеешься, то перед тобой откроются… некие соблазны, неведомые непосвященным.

— Это имеет какое-то отношение к батюшке? — быстро спросила она.

— Увы, да. — Монреале помолчал. — Демоны — это призраки.

— Батюшка не демон!

— Пока нет, ты права. Но ему, возможно, угрожает опасность стать им. Видишь ли, души, получившие последнее отпущение грехов, отправляются к Богу. Некоторые чистые души возносятся к нему даже без отпущения. Но порой… почти всегда при внезапной безвременной кончине, причина которой — несчастный случай или убийство, дух не отлетает.

— Так говорил и батюшка.

— Да. Со временем большинство из них исчезает, подобно дыму под ветром, потерянные для человека и Бога. Или, во всяком случае, для человеческого зрения. Вот таких можно на время заключить в кольцо или иную материальную матрицу, питать и удерживать.

— Как удерживать?

— Такие ритуалы существуют в избытке. Причем действенные смешаны с множеством вздора, безобидного или ужасного. Грех создания кольца духов не только в том, что душе препятствуют вознестись к Богу, но и в этих ритуалах. Когда тщащийся стать магом верует, будто великие преступления даруют великую власть, он часто по-глупому путается и ошибается. Как, наверное, смеется Люцифер! Бесконечный гнусный вздор. Я ненавижу эту чушь. Когда дух перестают удерживать, он понемногу исчезает.

— Разве он не попадает в ад?

— Ад, как открыл нам Святой Августин, это не место. Это вечность. Что совсем не конец времени. Ад — здесь и сейчас. Как и рай. В определенном смысле. — Он заметил ошеломленные лица Тейра и Фьяметты и помахал рукой. — Но оставим это. Есть еще одна категория призраков. Иногда каким-то образом дух удерживает себя

сам без тела, кольца или иного материального якоря. Некоторые становятся пожирателями греховности и питаются страхом, гневом, отчаянием — и тщатся побуждать к таким грехам, чтобы поддерживать себя. Некоторые выискивают колдуний и магов, чтобы соблазнить их, заручиться их помощью. Таково происхождение истинных демонов. Они, благодарение Богу, очень редки. Гораздо более редки, чем рассказы легковерных невежд внушают вам.

Монреале потер лицо, разглаживая глубокие складки тревоги.

— Однако, судя по вашему описанию, призрачная сила Просперо Бенефорте уже почти настолько велика. Создать временное тело даже из такой невесомой субстанции, как дым, было немалым свершением. А в руках Ферранте, порабощенный кольцом, получая в пищу, то, чем будут его кормить, он может стать ужасным.

— Батюшка не станет творить зла!

— Просперо Бенефорте был человеком. Очень неплохим человеком по людским меркам. Не отягощенным ленью и чревоугодием… ну, быть может, иногда уступал гордости и гневу. И алчности. Но все мы, даже лучшие из нас, в чем-нибудь да грешны. Возможно, некоторое время он бу-

дет противиться Ферранте. Но рано или поздно приманка жизни, во всяком случае продолжения существования в мире воли, может оказаться неотразимой. Я своими слабыми силами не сумел бы противостоять подобному соблазну и лишь уповал бы на Божье милосердие, моля о спасении.

Фьяметта сидела словно оледенев. Тейр понял, что она ищет, как избежать этого нового неожиданного ужаса.

— Он взывал к вам, — напомнила Фьяметта.

— Да, — признал Монреале. — Уповаю, он не назвал мое имя вместо Божьего. Я дам тебе особые молитвы, Фьяметта. А пока мы попробуем остановить Ферранте с помощью всех средств, дарованных нам Господом.

Аббат Монреале отвел Тейра на южную стену к месту далеко в стороне и от главных ворот, и от боковой двери. Чтобы добраться туда, им пришлось пройтись по крыше прачечной. Луны не было, а брат Амброз затемнил свой фонарь. Тейр прищурился, пытаясь взглядом проникнуть в глубь ближнего леса. Если он не сумеет разглядеть солдат, может, и они не сумеют разглядеть его.

Монреале и Амброз казались тенями монахов.

Только льняные рукава Фьяметты белели смутным пятном. Тейр все думал, а вдруг Монреале накинет ему на плечи плащ-невидимку, но Монреале лишь произнес нараспев какое-то заклятие. Быть может, из-за всей этой магии вокруг он стал более восприимчив к ней — во всяком случае, на этот раз он почувствовал, как при словах Монреале его окутало что-то неясное.

— И они совсем не смогут меня увидеть? — прошептал Тейр.

— Почти, — так же тихо ответил Монреале. — Это заклятие сродни тому, которое я наложил на мои ушки. Оно рассеется через несколько часов. Если солдаты Ферранте увидят неясное пятно, услышат какой-то звук, они решат, что это какое-нибудь животное, или подумают, что им почудилось. Но если ты наткнешься на кого-то, как вчера ночью, заклятие тебе не поможет, так что остерегайся.

Неужто они пришли в монастырь только вчера ночью?

— Да, отче. — Тейр взял веревку, проверил ее, вскинул ноги и, сев верхом на парапете, натянул шапочку поплотнее.

Фьяметта стояла на крыше, обхватив себя руками от холода. Ее юбка была как черная колы-

шущаяся вода. Ее лица Тейр не разглядел.

— Тейр… — сказала она. — Побереги себя. Э… новая одежда тебе очень к лицу.

Тейр кивнул, испытывая прилив бодрости. Он пропустил веревку между руками и начал спускаться.

Глава 9

Оставшиеся темные часы Тейр продремал под деревом вблизи дороги, в четверти мили от северо-восточных ворот Монтефольи. Наконец за восточными холмами разлилось золото зари. Он перевернулся на бок и уставился на пыльную дорогу. Он не хотел войти в город первым. Или вторым. Слишком заметно. Пожалуй, третьим. Дорога оставалась странно безлюдной для такого часа и в такой близости от города. Значит, все, кто мог, старались держаться подальше от солдат. Но в конце концов по дороге проехал всадник — скорее всего лозимонец, а затем прошел старик, катя тачку с овощами. Дав ему отойти, Тейр вышел на дорогу.

Впереди возникла городская стена, и Тейр сглотнул. Сложенная из тесаных камней и кирпича подревнее и поновее, она спускалась до берега озера и убегала вверх, обнимая Монтефолью, оберегая ее от бед. Длиной в милю, не меньше, решил Тейр. И Рим такой же? В ясном утреннем свете город казался волшебным, чарующим. «И это построили люди? Так какие еще чудеса способны сотворить люди?» Правда, местами стена

нуждалась в починке, где выкрошились камни. Он еще больше повеселел. Что удерживало его в Бруинвальде, когда в конце дороги его ждало подобное? Ури пытался рассказать ему.

Мысль об Ури, который, возможно, уже много дней лежит раненый среди жестоких врагов без ухода и помощи, подстегнула Тейра, и он вскоре догнал старика с тачкой. Ворота помещались в арке квадратной башни, крытой красной черепицей. Там старика остановили трое стражей. Невооруженный мужчина в городской ливрее и двое лозимонцев с мечом на боку. На обоих все еще были пышные ливреи, сшитые для процессии в честь помолвки — праздничные зеленые с золотыми полосками туники, и зеленые короткие плащи с вышитыми на них гербами Ферранте. Теперь эта праздничная одежда стала грязной и рваной — после схватки, для которой отнюдь не предназначалась, и недели осады.

— Редька? — сказал городской стражник недовольно, копаясь в содержимом тачки. — Только редьку вы нам и везете?

Впрочем, в тачке, кроме редьки, лежали пучки салата и весеннего лука.

— Наши молодцы привезут что-нибудь, не по-хорошему, так по-плохому, — проворчал более

высокий из лозимонцев. — Не забудь сказать своим соседям. Если мужичье припрятывает припасы, мы их отыщем!

Старик пожал плечами, не решаясь возразить, и покатил тачку дальше, а городской страж посмотрел на Тейра.

— Какое у тебя тут дело? Ты ведь не здешний. Тейр робко мял в руках шапочку.

— Ищу работу, господин хороший. Мне говорили, что в замке требуются литейщики.

Городской страж хмыкнул и записал имя Тейра, который назвался Тейром Вилем, а также его дело в свою книгу.

— А откуда ты?

— Из Мейсена. Альтенбурга, — наугад брякнул Тейр. Как-то раз он повстречал калеку-рудокопа из Альтенбурга, полуослепшего, с руками, изъеденными едким кадмием. Место это казалось очень удачным — так далеко отсюда!

— Немецкий литейщик, а? — сказал лозимонец пониже. — Они будут рады заполучить тебя.

Тейр обрадованно обернулся к нему:

— А вы не знаете, куда мне пойти и с кем поговорить, господин хороший?

— Иди в замок. Направо и прямо по главной улице. Там спроси секретаря сеньора Ферранте,

мессера Никколо Вителли. Рабочих он нанимает.

— Спасибо вам, господин! — И Тейр поторопился уйти.

Улицы были узкими, точно овраги между высокими каменными домами и лавками. Небо вверху превратилось в голубую ленту. Теперь, глядя на город не с высоты, а изнутри, Тейр не узнавал ничего, кроме красок.

В это утро людей на улицах почти не было. Внезапно Тейра будто что-то ударило: ведь куда проще сначала посмотреть, что сталось с домом Фьяметты, прежде чем в замке его поставят работать, только Богу известно, над чем и как. Он остановил прохожего, гнувшегося под вязанкой хвороста и спросил, как пройти на Виа Новара.

Оказалось, что лежит она в противоположной стороне от замка. Посреди мощенной булыжником главной улицы тянулась сухая сточная канава. Виа Новара он нашел почти у восточной стены города и зашагал по ней вверх.

Вот этот большой квадратный дом?! Тейру он показался дворцом. Весь из тесаного камня, окна внизу защищены затейливыми чугунными решетками — точно виноградные лозы с резными листьями, на втором этаже более высокие окна закрыты деревянными ставнями. Как подходит

этот дом для Фьяметты! Он будет хранить ее будто живую драгоценность в своих стенах, будто маленькую ломбардскую принцессу. Неудивительно, что она так о нем тревожилась.

Толстая дубовая дверь была вделана в арку из белого мрамора, приятно контрастировавшего с желтоватостью тесаного камня стен. Дверь стояла распахнутая и охранялась вооруженным лозимонцем в зеленом плаще с гербом. На улице поблизости молоденький лозимонский конюх со свежим румяным лицом держал поводья двух лошадей. На одной была простая кожаная сбруя. Второй, крупный ухоженный гнедой с броской белой звездочкой во лбу и белыми чулками щеголял золочеными удилами, зелеными, усаженными золотыми бляхами поводьями и такими же ремнями сбруи, но вдобавок украшенных шелковыми кистями. Тейр нерешительно остановился.

— Чего тебе надо? — подозрительно спросил солдат.

— Мне сказали, что секретарь сеньора Ферранте мессер Вителли нанимает литейщиков, — начал Тейр с тяжелым северным выговором и хотел добавить «а я сбился с дороги и заблудился в городских улицах», но тут солдат пожал плечами

и понимающе махнул рукой.

— Так иди.

Тейр в растерянности проскользнул мимо него и остановился в выложенной каменными плитами прихожей, давая глазам свыкнуться с полумраком. Справа от него дверь вела в пустую мастерскую — рабочие столы, повсюду разбросаны инструменты — скинуты со стоек по стенам, понял Тейр. Столы сдвинуты, один опрокинут. Грабители, видимо, тут пошарили, но пока не забрали инструментов. Тейр пошел дальше на залитый солнцем внутренний двор.

Во дворе был собственный колодец. Небольшой пруд высох. Возможно, прежде здесь был разбит сад, но теперь от него мало что осталось. Он превратился в подобие мастерской, где виднелись начатые и брошенные воплощения каких-то сатанинских замыслов. Взгляд Тейра выискивал смысл в словно бы хаотичном нагромождении воротов, кирпичной кладки, канав и помостов.

Мастер Бенефорте построил горн прямо у себя во внутреннем дворе. Ниже в яме стояла большая глиняная глыба, истыканная мелкими трубками, обхваченная железными обручами, окруженная подпорками. В глыбе чувствовалось что-то смутно человеческое, какое-то стихийное болотное

чудовище тщилось обрести форму. Несомненно, тот великий Персей, о котором говорила Фьяметта. Древесный уголь в яме указывал, где из формы вытапливали воск, высушивая и готовя ее для расплавленной бронзы. Вокруг фигуры был насыпан земляной вал, там и сям проткнутый глиняными трубками. Надо всем был натянут холст, чтобы предохранить обожженную глину на случай дождя.

С деревянной галереи, опоясывавшей двор вверху, донесся басистый голос:

— Тут тоже ничего.

Послышались шаги, и, обернувшись, Тейр увидел, что на него, опираясь на перила, смотрит сверху обладатель басистого голоса.

Могучего сложения человек лет тридцати в кольчуге поверх стеганой куртки и в кожаных сапогах для верховой езды. Начальник, судя по его мечу и уверенному виду. Темные волосы были подстрижены в кружок так, чтобы не выбиваться из-под шлема. Он был брит, хотя на его подбородке и щеках темнела уже пробивающаяся свежая щетина. Его лицо выглядело бы тяжелым, если бы не живые черные глаза, которые теперь изучали Тейра без малейшего страха, будто взвешивая. Опирающаяся на перила рука была забинтована

полоской белого полотна.

Еще шаги, и на галерее напротив появился еще один мужчина. Тейр придал своему лицу полную неподвижность, потому что узнал его — человечек в красном одеянии, которого он видел на башне в зеркале Монреале отдающим распоряжения арбалетчикам.

— Здесь тоже ничего, — сказал он, поглядел вниз и увидел Тейра. — Кто это? — Он нахмурился. Тейр вновь сдернул шапочку.

— Простите меня, господин. Я литейщик, и страж у городских ворот сказал, что мне надо пойти к мессеру Вителли.

— А! — Человечек перестал хмуриться. — И он послал тебя сюда? Что же, ты меня нашел.

Тейр подумал, что его проклятому таланту отыскивать потерянное недостает разборчивости. Он не знал, насколько он готов к встрече с мессером Вителли. Хотя тот выглядел щуплым писарем, несколько обделенным подбородком, с блестящими глазами, как у дрозда, и каким-то подергиванием в каждом движении. Так почему же Тейру стало не по себе?

— А ты случайно не мастер литейщик? — осведомился Вителли.

— Нет, мессер.

— Жаль. Но по виду ты достаточно силен. Считай себя нанятым. А загадки ты разгадывать умеешь?

— А?

— Силен, но не слишком сообразителен. Поднимись сюда.

Тейр послушно поднялся по лестнице на галерею и остановился перед человечком в красном. К ним неторопливо подошел человек в кольчуге.

— Мы кое-что ищем, — сказал Вителли Тейру. — Книгу, а может, связку бумаг. И запрятано это хорошо.

Дальше на галерее стоял открытый ларец, доверху полный книг и бумаг.

Тейр указал на ларец:

— А там его нет, мессер?

— Нет. Но ищи похожее. Они все ценные, но не то, что мы ищем.

Человек в кольчуге пробасил:

— А почему ты так уверен, что она вообще существовала, Никколо? По-моему, мы только зря теряем время. Или же Бенефорте сжег ее давным-давно.

— Она должна существовать, ваша милость. И если она была у него, он бы ее ни за что не уничтожил. Ни один маг на это не способен. То

есть если он уже прошел эту часть пути.

Ваша милость? Так значит, это сеньор Ферранте собственной персоной? Тейр прикинул, не выхватить ли ему свой маленький кинжал и не попытаться ли покончить с ним теперь же. Однако его кинжал больше привык резать хлеб. А человек в кольчуге совсем не походил на дьявола во плоти, каким его рисовал себе Тейр. Обычный человек, даже привлекательный. И он в кольчуге, и не подставляет спину. Видно, это привычка — даже проходя мимо них в следующую комнату, спиной он к ним не повернулся, не допустил даже Вителли оказаться позади себя. Затем из комнаты вышел еще один солдат в зеленом плаще, и удобный миг был упущен.

— Помогай ему, — приказал Вителли Тейру, указывая на солдата. — Простукивайте каждый кирпич, проверяйте каждую доску. Ни одной не пропустите.

— Слушаю, мессер. — И солдат кивнул Тейру, чтобы он следовал за ним.

И вот Тейр начал простукивать камни, проверять штукатурку, скорчившись на полу, просовывать свой кинжал в щелку за щелкой. Так они проверили одну комнату, потом вторую.

Вителли просунул голову в дверь:

— Кончайте с этим этажом. Пойдем проверим подвалы.

«А я бы пошел вверх, а не вниз», — подумал Тейр машинально, но удержался и не сказал этого вслух. Нет уж, сейчас не время блистать своим талантом — или удачей, или тем, чем бы это ни было. Вот в этом он не сомневался. И он ползал по полу, не обращая внимания на потолок.

Следующая комната, как он, вздрогнув, сообразил, когда они в нее вошли, принадлежала Фьяметте. Деревянная кровать была разломана, матрас распорот во время первых поисков сокровищ золотых дел мастера. — Два сундука были перевернуты, их содержимое вытряхнуто на пол, хотя теперь от него осталось только несколько старых полотняных рубашек. Конечно же, Фьяметта одевалась не только в них. Но все из хороших тканей, без сомнения, забрали. Испытывая странное чувство, словно было поругано что-то чистое, Тейр поставил сундуки на дно, собрал рубашки, неумело сложил их и убрал в сундук. Хохотали ли солдаты, отпуская грязные шуточки, копаясь в ее одежде? Тейр не желал, чтобы кто-нибудь смеялся над Фьяметтой, над ее достоинством, которое она так упрямо хранила.

— Иди-ка сюда! — скомандовал солдат нетер-

пеливо, заметив, что он оставил поиски. Тейр послушно начал простукивать стены. В стенах ничего не было, в этом он не сомневался. Одна стена, две, три…

— Эгей! — воскликнул солдат с пола в углу. — Нашел! — Он вытащил короткую половицу, подцепив ее кинжалом. Под ней лежал сверток бумаг, перевязанный шелковой лентой. Солдат схватил сверток, торжествующе взмахнул им, ухмыльнулся и побежал искать своего господина. Тейр последовал за ним.

Сеньора Ферранте и мессера Вителли они нашли на кухне — они только что выбрались из овощного подвала, перемазанные и злые.

— Вот, ваша милость! — Солдат возбужденно протянул сверток.

— Ха! — Вителли схватил его, сдернул ленту и разложил листы на кухонном столе, щели которого желтели напоминаниями о муке, пошедшей на тесто для неисчислимых хлебов и клецок. Вителли лихорадочно читал, но почти тут же лицо у него вытянулось:

— Проклятие! Чистейший вздор!

— Не то значит? — сказал уныло солдат, теребивший плоский кошель у себя на поясе. — Я их нашел под половицей…

— Почерк не Бенефорте. Наверное, дневник девчонки. Хе! Кое-что о магии, да, но годной только для подмастерья. Сплетни, любовные заклятия и прочая бессмыслица! — Вителли презрительно смахнул листы на пол.

Когда Ферранте и Вителли отвернулись, Тейр поспешно их подобрал, снова перевязал лентой и спрятал в ящике буфета, где хранилась оловянная посуда — старая, вся в вмятинах и царапинах. В дверях Ферранте остановился, пропуская вперед Тейра, Вителли и горько разочарованного солдата.

— Больше я сегодня не могу тратить время зря, — сказал сеньор Ферранте, когда они вышли во двор. — Можешь взять людей и попробовать еще раз днем, Никколо, если хочешь. Но нам придется просто обойтись без нее.

— Но она должна где-то быть. Должна! — упрямо сказал секретарь.

— По твоим словам. А если он все держал в голове и не записывал?

Вителли застонал при одной мысли об этом. Ферранте рассеянно посмотрел по сторонам.

— Когда я стану здешним герцогом, я, пожалуй, отдам тебе этот дом.

— Буду премного доволен, ваша милость, —

сказал Вителли, чуть успокаиваясь.

— Отлично.

Вителли вышел на солнечный свет и заглянул под холст.

— Ваша светлость, распорядиться, чтобы эти слитки доставили в замок вместе с книгами?

Сверкающие слитки в штабеле весили примерно по сто фунтов каждый, прикинул Тейр. Наверное, поэтому их и не утащили при первом разграблении до того, как явился какой-нибудь офицер Ферранте и заявил о его правах.

— Пока оставь. — Ферранте пожал плечами. — Они ведь не разбегутся. Пока мы не найдем мастера литейщика, который способен изготовить пушку более опасную для наших врагов, чем для нас, не все ли равно, где им лежать. — Ферранте отвернулся. — Идем, немец.

Тейр поднял свою сумку. У дубовой двери Ферранте остановился и сказал стражу:

— Я знаю, ты там шарил, искал драгоценности.

— Нет, ваша милость! — негодующе возразил солдат.

— А? Не ври мне, не то я вздерну тебя на дыбу. Если ты и твои приятели прикарманили какой-нибудь камешек или пару монет, мне все равно. Но если я узнаю, что кто-то вынес отсюда хоть

один клочок бумаги, пусть даже список ночных горшков, его голова будет торчать на пике еще до заката. Ты понял?

— Да, ваша милость. — Солдат вытянулся и стоял столбом, а Ферранте и Вителли сели на своих лошадей. Мальчик-конюх сбегал за двумя солдатами, которые обыскивали сад и сарай с инструментами. Они были в шлемах и нагрудниках. Эти двое пошли за двумя всадниками, а недавний страж и мальчик шагали впереди.

Ферранте пошевелил пальцем, и Тейр пошел рядом с его стременем. Солдаты подозрительно косились на каждого прохожего, который оказывался слишком близко к маленькой процессии. Впрочем, монтефольцы при приближении Ферранте торопились исчезнуть — сворачивали в переулки, заходили в лавки или распластывались у стены. Никто не выкрикивал угроз или приветствий. Словно сеньор Ферранте был заключен в круг безмолвия, который двигался вместе с ним.

Всего четыре телохранителя? Сеньор Ферранте так храбр? Он ехал, держась очень прямо и не снисходил до того, чтобы смотреть по сторонам, как его солдаты. В городе жили тысячи монтефольцев. Если бы они все высыпали на улицу,

Ферранте и его охрана были бы сметены, несмотря на превосходство в оружии. Так чего они ждут? Тейр не понимал. Или герцога Сандрино так сильно не любили? И горожане не видели разницы, будет ли их угнетать прежний тиран или новый? Или же превращение Ферранте из зятя в узурпатора, из друга во врага было слишком внезапным и все пребывали в растерянности? Какую власть имеет Ферранте над монтефольцами? Страх, это ясно, и все же… Конечно, легко вообразить, как рассвирепевшая толпа ринется на улицу, чтобы отомстить за своего герцога, да только кто захочет первым броситься на обнаженные мечи? Тейр здесь чужой, и все это его не касается. Разве? Жив ли Ури? Улица повернула, и впереди вырос замок на крутой скале. Тейр весь похолодел.

— Ну что же, немец, — добродушно спросил Ферранте с седла, — в отливке пушек ты разбираешься?

Тейр пожал плечами, поправляя сумку.

— Я работал в плавильнях, ваша светлость, — выплавлял металл из руды. Чистил печи, помогал подносить топливо и чушки. Приводил в движение мехи. И помогал с отливкой в песчаных ямах. Но только небольших предметов — блях, подсвечников… И один раз помог отлить церков-

ный колокол.

— Хм… А как бы ты починил треснувшую бомбарду? Если бы понадобилось?

— Я… Смотря, какая трещина, ваша милость. Если продольная, так я слышал, что на ствол надевают раскаленные железные обручи и они его стягивают. Ну а если трещина поперечная, так, пожалуй, проще взять эту бомбарду за образец и отлить новую. Придется только добавить металла, потому что кое-что останется в горне и в желобах.

— Так-так! — Ферранте посмотрел на него с легким одобрением. — Я видел, как военные инженеры стягивали пушки обручами. Вроде бы ты свое дело знаешь. Отлично. Если я хорошего мастера не найду, сойдешь и ты.

— Я… постараюсь, ваша милость, — неуверенно ответил Тейр.

— Ну, об этом я позабочусь! — Ферранте усмехнулся.

Для убийцы он был словно бы в очень благодушном настроении, и Тейр осмелился спросить:

— А что вы искали в этом доме, ваша милость?

— Тебя, немец, это не касается. — Улыбка исчезла с губ Ферранте.

Тейр понял намек и замолчал. Они уже при-

ближались к холму, где дорога уходила круто вверх к замку. Уголком глаза Тейр заметил, как какой-то человек метнулся и спрятался за колодой, из которой поили лошадей. Один из трех молодых людей, остановившихся у перекрестка, не спускал глаз с Ферранте. А его товарищи нарочито отвернулись. Ферранте заметил смотрящего, но не ответил на его взгляд. Подбородок у него вздернулся, зубы сжались. Он перебросил поводья в правую, забинтованную, руку, а левую положил на эфес меча. По переулку, пошатываясь и распевая, приближалась компания еще из полудюжины молодых людей, видимо, хмельных. Они сталкивались, хватаясь друг за друга, но пели как-то не очень громко. Телохранители Ферранте ощетинились, точно псы, но мечей не выхватили, поглядывая на своего господина в ожидании распоряжений.

Тейр огляделся, куда бы ускользнуть — в лавку, в проулок, — но ничего подходящего не увидел. В доме справа от него двери были заперты, окна закрыты ставнями. А впереди стоящие трое присоединились к шестерым и все вместе выбежали на улицу. Все — с обнаженными мечами. Теперь они не улыбались, не шутили и не пели. Их лица отражали решимость, гнев, страх, сомнение.

Один, совсем еще мальчик, не старше Тейра, вдруг так позеленел, что Тейру показалось, он вот-вот перегнется пополам и его стошнит.

Двое бросились было вперед, но тут же попятились, потому что товарищи не сразу последовали за ними. Некоторые начали выкрикивать оскорбления — и Ферранте и его телохранителям, но больше, чтобы раззадорить себя, с горечью подумал Тейр. Лицо Ферранте стало чугунным. Он кивнул. Его солдаты обнажили мечи. Вителли, у которого был только кинжал, остановил свою лошадь. Ветераны Ферранте хранили молчание, куда более зловещее, чем выкрики нападавших. Они все подобрались. Да, читать их не учили, но арифметику они знали достаточно, чтобы определить, что десять больше шести. Впрочем, робости в них не чувствовалось, только сосредоточенность, словно им предстояла неприятная, но привычная, хорошо знакомая работа. Юный конюх Ферранте выхватил кинжал и оглянулся через плечо на своего господина, ища поддержки. Ферранте кивнул ему. У Тейра заклокотало в горле. Обнажить нож или нет? И ведь он не с теми, с врагами!

Наконец молодые люди кинулись на Ферранте, подгоняемые воплями своего вожака, который

теперь осыпал красочными проклятиями не лозимонцев, а своих нерадивых товарищей. Трое солдат ринулись им навстречу, и залязгали, заскрежетали лезвия.

Щегольски одетый юноша в голубой куртке и ярко-желтом трико проскользнул между двумя дерущимися стражниками, не спуская глаз с Ферранте. Навстречу ему, размахивая кинжалом, бросился маленький конюх. Схватка была неравной, кинжал — почти бесполезен, и меч монтефольца погрузился в грудь мальчика. Он закричал. Голубая куртка замер, словно ошеломленный и удивленный тем, что сделал.

— Трус! — побагровев, взревел Ферранте, выхватил левой рукой меч и пришпорил могучего гнедого. Его горящие темные глаза грозно впились в Голубую куртку. Тот посмотрел на его лицо, выдернул меч из груди мальчика, разбрызгивая алую кровь, повернулся и кинулся наутек.

Ему почти удалось выманить Ферранте в сторону от телохранителей. К позолоченной уздечке коня протянулись руки, нападающие испустили свирепый вопль. Ферранте повернул к ним и вновь дал шпоры коню. Гнедой с пронзительным ржанием взвился на дыбы, забил копытами, одно из которых угодило в цель с громким чмокающим

звуком. Солдаты кинулись на помощь Ферранте.

Перед Тейром вырос монтефолец с занесенным мечом, и он еле успел вытащить кинжал и отбить удар, а потом, не зная, что делать, прыгнул вперед и заключил своего противника в медвежьи объятия, парализуя руку с мечом. Тот вырывался, и они дышали друг на друга чесноком, луком, отчаянным напряжением и ужасом.

— Отвяжись, дуралей, — прохрипел Тейр в ухо монтефольца у самых своих губ. — Я на вашей стороне!

Монтефолец попытался ударить его макушкой в подбородок.

Сбоку — словно яркая вспышка, и Тейр повернул своего противника в тот миг, когда другой монтефолец сделал выпад. Его меч пронзил спину его товарища насквозь и пропорол живот Тейра. Тейр отпрыгнул с криком от боли и неожиданности, а его противник рухнул на булыжник. Второй монтефолец охнул и выдернул свой меч так поспешно, будто мог взять назад роковой удар.

Тейр потрогал живот. Его трясущаяся рука стала красной, а по новой коричневой тунике расползалось темное пятно. Но рана, почувствовал он, была поверхностной, ни один внутренний орган задет не был. Он мог выпрямиться, двигаться — и

он попятился. Монтефолец не преследовал его, а с плачем старался оттащить в сторону павшего товарища.

Тейр обернулся на оглушительный перестук. Из замка на выручку скакали шестеро лозимонских всадников в зеленых плащах. Они врезались в нападавших сзади, разбрасывая их в стороны, кладя конец их попытке. Те больше не рвались к Ферранте, каждый думал, как спастись самому. Лозимонцы преследовали их вверх по переулку. Тейр ощупал себя сзади: слава Богу, он не уронил сумку, ее предательское содержимое не рассыпалось по булыжнику.

Ферранте, тяжело дыша, успокаивал гнедого, рывшего копытом землю. Глаза коня превратились в сплошные белки, ноздри раздувались, почуяв кровь. Поперек седла Ферранте теперь лежал маленький конюх с серым лицом, неподвижными остекленевшими глазами. Ферранте убрал меч в ножны и, что-то бормоча, повернул к себе голову мальчика. Мгновение он ошеломленно смотрел на мертвое лицо, затем зарычал, точно волк.

Двое солдат получили раны. На булыжнике лежали трое мертвых монтефольцев, включая того, с кем боролся Тейр. Два спешившихся всадника

держали вырывающегося Голубую куртку.

Лицо Ферранте из багрового стало свинцовым. Он ткнул в пленника и сказал капитану своей кавалерии:

— Выжмите его. Узнайте имена его сообщников, а потом разыщите их и убейте. — Гнедой тревожно затанцевал под своим неподвижным всадником.

— Ваша милость! — Вителли убрал кинжал, которым не воспользовался, и подъехал вплотную к Ферранте. — На одно слово. — Он понизил голос. — Этого задержите. Узнайте все, что ему известно. Но не тратьте людей на их розыски теперь. Так вы только навлечете на себя месть их семей.

Тейр испустил вздох облегчения. Голос рассудка и милосердия, готовый остановить чудовищную цепь убийств… Его уважение к Вителли возросло.

— А когда прибудет ваше войско, вот тогда сразу хватайте и нападавших, и всю их родню, — продолжал Вителли. — Не оставьте ни единого мстителя. Это произведет для начала полезное впечатление, после чего ваше правление не будет омрачаться смутами.

Брови Ферранте поползли вверх, он уставился

на своего секретаря, словно в легком помрачении, потом буркнул:

— Позаботься об этом, Никколо.

Вителли, чья лошадь пританцовывала, наклонил голову в знак повиновения и сказал:

— Да, кстати. Надо бы выпустить из темниц врагов покойного герцога. Нам понадобится много места.

— Позаботься об этом, — вздохнул Ферранте. Возбуждение схватки на глазах покидало его, сменяясь сонной вялостью. Он посмотрел на Тейра с седла. — Ты ранен, немец. — В его голосе было если не сочувствие, то некоторый интерес.

— Простая царапина, ваша милость, — кое-как выговорил Тейр.

Опытным глазом воина Ферранте оглядел Тейра и согласился с ним.

— Отлично, — кивнул он, — мне нравится, когда люди не хнычут.

Против воли Тейр был польщен его одобрением. «Помни, кто он! Помни, кто он! Помни об Ури!» Он ответил Ферранте неловким поклоном, и Ферранте почему-то сухо улыбнулся.

Последний раз, сжав губы, Ферранте посмотрел на мальчика, откинул волосы с бледного лба и отдал труп одному из кавалеристов. Потом на-

хмурился на прижатую к ране ладонь Тейра и протянул левую руку:

— Влезай. Я отвезу тебя к моему лекарю.

И Тейр оказался в каком-то дюйме от спины Ферранте боком на крупе гнедого, цепляясь за резную заднюю луку седла — ухватиться за сеньора Лозимо он не смел, да и не хотел. Ферранте въехал в ворота между двумя башнями, ссадил Тейра во дворе и поручил солдату отвести его к лекарю.

— Когда тебе поставят заплату на живот, найди моего секретаря. Он покажет, какая работа нужна от тебя.

Глава 10

Тейр пошел за солдатом через двор. Слуга увел коня сеньора Ферранте в противоположном направлении. Слева Тейр узнал лестницу, которую видел в зеркале Монреале. Перешагивая через две ступеньки, Ферранте скрылся в замке. Следом за своим проводником Тейр вошел в куда более скромную дверь в северном углу двора, видимо, предназначенную для слуг. Они миновали выбеленную кухню с каменным полом, где полдесятка потных ругающихся мужчин возились с дровами и бычьей тушей. Две перепуганные старухи месили гору теста. Каморка дворецкого за кухней теперь была занята войсковым аптекарем. Поднявшись по небольшой лестнице и свернув в еще один коридор, они оказались в парадной столовой покойного герцога Сандрино. Ее превратили во временный лазарет, где на соломенных тюфяках лежали раненые и больные — человек десять — двенадцать. Со стен на них смотрели равнодушные к телесной боли глаза румяных полуголых богов и улыбающихся зеленоватых нимф, резвящихся среди листьев аканфа.

Пока его проводник говорил с лекарем, Тейр с

тревогой оглядывал лежащих. Все незнакомые. Ури среди них не было. Вот так. А сколько солдат он видел? Считая тех, кто осаждал монастырь, их, конечно, было больше чем пятьдесят — число почетного эскорта Ферранте. Значит, наиболее быстрые кавалеристы уже добрались сюда из Лозимо. На сколько дней от них отстала пехота? Все это следует разузнать, решил Тейр.

Лекарь Ферранте был приземистым смуглым сицилийцем, очень суетливым. Он больше походил на цирюльника, чем на целителя или мага, и разительно отличался от ученых падуанских врачей, которые щупали пульс, нюхали мочу и важно изрекали свои заключения. А этот, казалось, был бы больше на своем месте, если бы копал могилы. Он поджал пухлые губы и передернул плечами, когда Тейр снял куртку и показал свою рану. Кровотечение прекратилось и края раны из-за эластичности кожи разошлись. Тейр с болезненным интересом вглядывался в багровую мышцу, выпячивающуюся в зияющем разрезе.

Лекарь уложил Тейра на стол, небрежно пробормотал заклинание против нагноения и кривой иглой сшил края раны, а Тейр, скашивая слезящиеся глаза, грыз тряпицу, со свистом выдыхая воздух сквозь сжатые зубы. Но вскоре

лекарь усадил его и обмотал его талию льняной полоской.

— Разрежь нитки и выдерни их через десять дней, если рана не воспалится, — сказал лекарь Тейру. — А воспалится, найди мага. Ну а теперь иди.

Боль то ли притупилась, то ли Тейр привык к ней, но он сумел выговорить «спасибо, господин хороший», сложил окровавленную куртку и осторожно достал из сумки запасную убогую тунику из небеленого холста. Не оставить ли тут маленькое ухо? Что полезного можно тут услышать? Но, если не считать расписных стен, слишком уж тут было похоже на монастырский лазарет. Такие же люди лежали здесь, заросшие щетиной, в беспамятстве или бредящие в жару; тот же запах пота, сохнущей крови, мочи, фекалий и паленой плоти. Памятка о прижигании ран.

Лекарь стоял к нему спиной, Тейр зажал пергаментный дик в кулаке и пошарил взглядом, где бы его спрятать. В углу за столом был свален всякий хлам — промятый панцирь, пустая заплечная сумка, пика, пара шестов для носилок. Тейр хотел было нагнуться, но резкая боль в животе остановила его. Он охнул, прошептал будящие слова, которым его научил аббат Монреале, и уронил

диск на кучу. А потом осторожно распрямился.

Лекарь убрал иглу в кожаный футлярчик к другим, еще более устрашающим орудиям пытки такого же рода и запихнул окровавленное тряпье в мешок для стирки. Тейр, завязывая шнурок туники, спросил небрежно:

— Сколько тут солдат сеньора Ферранте и сколько пленных?

— Пленных? Здесь? — Лекарь ошалело посмотрел на него. — Еще чего!

Опасно ли назвать имя Ури?

— А раненых в плен вы много взяли?

— Да нет. Почти все убежали с этим воинствующим аббатом, а тех, кто был совсем плох, мы обменяли: пусть подъедают запасы врага, а против нас им уже не выступить. Оно и к лучшему. Мне со своими хлопот хватает.

— А… они где теперь? Ну те, которых вы взяли.

— В темнице, где же еще?

— И офицеры? Даже капитан герцога и его придворные?

— Они все едино враги. — Лекарь пожал плечами.

— А сеньора Ферранте за такую суровость не осудят?

Лекарь испустил хриплый невеселый смешок.

— Только не его солдаты! Послушай, ты что, читать умеешь?

— Да, господин хороший. Немножко.

— То-то и оно! А то не повторял бы поповской и бабской чепухи. Я начал лечить в войске одного венецианского кондотьера — не загрязню губ, произнося его имя. Мы гнались за болонцами. Несколько дней. Догнали их у болота, и наш милейший начальник остановился и дал им приготовиться к нашей атаке! Заслужил тем рыцарскую славу и удалился от дел богатеем. А у меня в палатке было полно умирающих, которым жить бы да гнить. Фа! Дайте мне начальника, который в первую голову о своих людях думает. А те крохи забот, какие останутся, пусть получает враг.

— Так, значит, вас восхищает сеньор Ферранте?

— Он настоящий солдат. Чем старше я становлюсь, тем больше мне это нравится. — Лекарь покачал головой.

Тейр обдумал эти слова.

— Но теперь сеньор Ферранте уже не просто солдат. Он правитель.

— А в чем разница? — Лекарь пожал плечами.

— Ну-у… не знаю. Вроде бы какая-то должна

быть.

— Власть — это власть, мой юный философ, а люди — люди. — Лекарь улыбнулся кисловатой улыбкой.

— Я литейщик.

— Оно и видно. — Лекарь хлопнул его по плечу. (Жест этот он, Тейр готов был поклясться, перенял у сеньора Ферранте.) — Сделай нам парочку пушек, а наводить их предоставь тем, кто получше тебя.

Тейр криво улыбнулся в ответ и, схватив сумку, сбежал из залы с расписными стенами.

Он шел через нескончаемые комнаты, светлые со стенами, обшитыми панелями или расписанными фресками, и сумрачные, ничем не украшенные. В небольшой передней двое лозимонских солдат спали на одеялах, сморенные жарой, а еще двое, позевывая, играли в кости. Они даже не посмотрели на Тейра. «Вниз! Мне надо найти вход вниз!» Оттуда Тейр попал в очень большую комнату с мраморным полом. Створки высокой двери были распахнуты навстречу недвижному воздуху и рассеянному солнечному блеску. За ними Тейр увидел сад, огороженный напротив толстой стеной. В светлом мареве сада сонно жужжали насекомые. В башенках на стене

томились арбалетчики. Тейр взглянул, куда падают тени, и решил, что садовая стена тянется по краю обрыва, отвесно уходящего к озеру. Опасаться штурма с этой стороны не приходилось. Да и не только это, угрюмо подумал Тейр. Но может, сеньор Ферранте этого не знает.

Из большой комнаты дверь вела в другую, поменьше, обшитую деревянными панелями. Стол, заваленный бумагами, шкафы с книгами, развернутая карта на столе — все указывало, что это кабинет. Герцога Сандрино? Вдруг сообразив, что ему надо делать, Тейр оглянулся и проскользнул в дверь. Вытащив из сумки маленькое ухо, он пошарил взглядом вокруг.

Деревянный пол испещряли странные бурые пятна, въевшиеся в дубовые половицы. Один книжный шкаф был выше Тейра. Он протянул руку и провел ладонью по верху. Пыль и ничего больше. По мраморному полу застучали шаги. Тейр поспешно пробормотал будящие слова и затолкал круглый тамбуринчик подальше от края. Увидеть его мог бы только человек выше Тейра на полголовы. Он отошел от шкафа.

В кабинет вошел мессер Вителли и подозрительно прищурился на Тейра.

— Что ты тут делаешь, немец?

— Сеньор Ферранте сказал, что вы поставите меня работать, мессер, — ответил Тейр, стараясь дышать ровнее.

— А! — Щуплый секретарь порылся в бумагах рядом с картой, взял одну и сделал знак Тейру следовать за ним в нагретый солнцем сад. Тейр закусил от досады губу и пошел за секретарем. Он оглянулся на каменно-кирпичную громаду замка «Так близко! Мне надо найти вход вниз».

Вителли проводил Тейра в глубину сада напротив конюшен и через калитку, которую отпер и запер. Двое обгоревших на солнце рабочих, голые по пояс, лоснящиеся от пота, неторопливо копали яму. Рядом кучи песка, поленницы, кирпичи и обломки кирпичей указывали на сооружение литейни. Бронзовая бомбарда, позеленевшая временем, была установлена на полозьях. Ее широкая черная пасть задралась к небесам.

— Вот пушка, — сказал Вителли, указывая на лес. Горшок из кухни людоеда. Тейр опустился на колени и начал водить ладонями по заросшим патиной узорам из масок животных, шишек, виноградных лоз, выпукло опоясывавших ствол. Трещина сразу бросалась в глаза. Зазубренная спираль, протянувшаяся на полоборота. Видимо, пушка лопнула, остывая после стрельбы. Такая

трещина, возникни она в момент выстрела, разорвала бы бронзу на куски, и бомбардир был бы убит. Так и случилось бы, если бы из нее выстрелили еще раз. А чугунное ядро, извергнутое этим горшком, без всяких сомнений, пробило бы стену, даже такую массивную, как у монастыря Святого Иеронима.

— Как часто можно из нее стрелять? — спросил Тейр у Вителли.

— Примерно раз в час. Так мне говорили. Прежний ее владелец попытался сократить этот промежуток.

Такая бомбардировка и днем и ночью проломит стену монастыря меньше чем через двое суток, прикинул Тейр. Спиральность трещины не позволяла прибегнуть к самому простому и быстрому способу — к железным обручам, не то бомбардир герцога Сандрино уже делал бы это. Несомненно, бомбарду предназначали для переливки.

— Что скажешь, литейщик? — Тейр понял, что Вителли не спускал с него глаз.

Может, сказать секретарю Ферранте, что бомбарду можно стянуть обручами, так чтобы враги себя взорвали? Нет, с сожалением решил Тейр. Судя по приготовлениям, лозимонцы уже знали,

что следует делать. Но полная переливка требует времени и большого труда, а у Ферранте не хватает людей, и мало ли что может не задаться. Уж об этом, вдруг сообразил Тейр, он позаботится. Он не мастер литейщик, но тут этого и не требуется. Чем больше промашек, тем лучше. Он повеселел.

— Ее нужно перелить.

— А ты можешь?

— Я никогда ничего такого большого не делал. Но, да! Почему не попробовать?

— Ну хорошо. Берись за дело. Составь список всего, что тебе требуется, чтобы завершить работу, и принеси его мне. И вот что, литейщик… — Скрытная улыбка искривила уголки губ секретаря. — У начальника нашей артиллерии есть железная цепь, длиной футов в шесть. Один конец будет приклепан к зарядному ящику, а на другом конце есть кольцо, которое защелкнут на твоей лодыжке. Тебе будет оказана честь зажечь фитиль для первого выстрела твоего нового орудия. И сразу же после этого ты получишь кошелек, полный золота.

Тейр неуверенно улыбнулся:

— Это шутка, мессер?

— Нет. Таков приказ сеньора Ферранте. — Вителли почтил Тейра ироничным поклоном и

направился назад в замок. Улыбка Тейра перешла в гримасу.

От двоих рабочих Тейр узнал, что яму они роют для отливки в песке. Выразительно протянутую ему лопату Тейр отклонил, кивнув на повязку, и принялся осматривать приготовленные материалы, стараясь выглядеть знающим и пренебрежительным, как мастер Кунц. Кирпичей полно, а вот дров маловато. Пара бочонков отличной хорошо выдержанной глины. Песок в кучах был чистым и сухим, но его следовало бы накрыть холстом на случай, если вдруг прольется дождь, о котором молились монахи Святого Иеронима в надежде, что он наполнит их цистерны. Тейр, жмурясь, откинул голову. Небо, хотя и подернутое дымкой, было безоблачным. Ладно. Холстина, чтобы предохранить от мусора. Тейр не забыл, как мастер Кунц начал отливку после того, как его песок посетили деревенские кошки, а рабочие не просеяли песок перед тем, как сыпать его в яму. Расплавленная бронза, соприкоснувшись с кошачьим дерьмом, выбросила облако пара, отливка была испорчена, рабочие избиты, а мастер Кунц следующие две недели швырял камнями в неразумных кошек, вздумавших прогуляться вблизи литейной.

А не подсолить ли песок Ферранте рыбьими головами, например? «Кис-кис, кис-кис!» Но Тейр вспомнил шестифутовую цепь и отказался от этой мысли. Пока.

Завершив предварительный осмотр, Тейр вернулся в замок поискать мессера Вителли — а заодно и другие подходящие тайнички для маленьких ушей. Как только он их все попрячет можно будет сбежать, и пусть дьявол заберет литейную Ферранте с его пушкой. Как только он найдет Ури.

К несчастью, Вителли Тейр нашел в первой же комнате, куда заглянул. В кабинете герцога. Секретарь у окна писал письма в угасающем свете дня. При появлении Тейра он перевернул лист лицом вниз.

— Ну, немец?

— Вы сказали составить список всего, что потребуется, мессер.

Вителли взял новое перо и листок бумаги.

— Так говори.

— Ворот или длинные бревна, цепи и прочее, чтобы сделать его. Железные трубки для душников. Побольше холстин, чтобы оберегать материалы, а также бронзовый лом или новая медь и олово, чтобы восполнять при отливке.

Еще дров. Тех, что есть, хватит только на просушку формы. Древесный уголь и лучшая глина для обмазки кирпичей в горне. Бабу для трамбовки. Пару хороших больших мехов из бычьей шкуры и столько сильных рабочих, чтобы они могли подменять друг друга, когда поддувать надо без остановки. Хватит шестерых.

— Я дам тебе для этого солдат. А сколько еще нужно бронзы?

— Пока не знаю. Фунтов двести, а то и больше. — Увидев, как искривилось лицо Вителли, Тейр добавил:

— Излишки потом можно извлечь из душников, но если не хватит металла, отливка будет погублена. А форма все равно будет разбита, и второй не изготовить, ведь бомбарда-то уже будет расплавлена.

— Значит, еще бронзы. — Уступив необходимости, Вителли заскрипел пером. Тейр все время одергивал себя, чтобы не покоситься на верх шкафа в глубине кабинета. Вителли нахмурился. — Займись делом, немец.

Да, пока не сбежать! Тейр вернулся в сад и у края ямы разметил размеры горна, а потом велел рабочим уложить основание из вырытой земли. Но уже смеркалось, и рабочие повели его на кух-

ню, где угрюмый кашевар выдал им жареного хлеба, немного мясных обрезков и дешевое вино. Изголодавшийся Тейр съел свою порцию на ходу, пока его вели в помещение над конюшней, где рабочие спали вповалку с конюхами. Тейр нашел свободный тюфяк (то есть он надеялся, что свободный) и внимательно вглядывался в складочки, выискивая признаки жизни. Убедившись, что на него никто не смотрит, он укрыл еще одно маленькое ухо под краем рваного одеяла, которое получил от старшего конюха. Оставив сумку на тюфяке, он отклонил предложение своих новых знакомцев выпить с ними вина и сыграть в кости, сославшись на то, что должен найти Вителли и поговорить с ним о воротах.

На самом деле Тейр меньше всего хотел бы сейчас повстречать маленького секретаря, наводившего на него жуть. Он спустился с чердака по приставной лестнице и опасливо прошел через конюшню, полную кавалерийских коней лозимонцев. Трое-четверо замученных конюхов разносили сено и воду. Тихонько пересчитав, Тейр сообразил, что тут поместили лишь часть лошадей, а остальные, видимо, пасутся где-нибудь за стенами города под охраной еще десятка-другого солдат.

Из конюшни он вышел на передний двор с массивными надвратными башнями и мраморной лестницей. Красная черепица на вершинах башен еще блестела в последних отблесках закатившегося солнца, точно эмаль, но тут же померкла, обретя обычный цвет глины на фоне остывающего неба. В амбразурах под краем черепицы маячили две головы в шлемах — посты арбалетчиков.

В двух узких прорезях на половине высоты одной из башен колебалось золотое сияние свечей. Комната, где заперты герцогиня и мадонна Джулия? Сквозь эти тесные отверстия наружу мог вырваться только свет да стрела арбалета.

Незаметное, но нескончаемое, как сердцебиение, шестое чувство Тейра вело его через двор к двери слуг. На этот раз он пошел в сторону от кухни по полутемному каменному коридору, который привел его к массивной двери. На перевернутом бочонке сидел лозимонец с коротким мечом на боку. Рядом к стене была прислонена пика.

Он вперил взгляд в Тейра и схватился за меч.

— Чего тебе тут нужно, малый?

— Я… новый литейщик сеньора Ферранте. Мне… надо осмотреть решетку и всякое такое

внизу, и доложить мессеру Вителли, какие требуются починки.

Более правдоподобной лжи он придумать не сумел. Если она не поможет… Тейр взглянул на пику. «Ури, я иду!»

— А, да! Я знаю, про какую темницу тебе говорили. — Страж многозначительно кивнул. — Сейчас я тебя провожу.

Он встал с бочонка и распахнул дверь. С каменной лестницы за ней донесся крик. По ступенькам с фонарем поднимался еще один лозимонец. Увидев вверху своего товарища, он остановился перевести дух.

— Карло! Помешанный опять выбрался. Будь начеку!

— Он сюда не поднимется.

— Ну так прячется где-то внизу. Будем искать.

— Пока не найдете, я дверь запру. — Он сделал знак Тейру спускаться. — Тут рабочий сеньора, пришел проверить темницу.

— Ладно. — Второй лозимонец кивнул и начал спускаться. Тейр последовал за ним в полном недоумении. Но поскрипывание его кожаных подошв по шершавому камню при каждом шаге укрепляло в нем уверенность. «Вниз, да. Этим путем» У него за спиной в сумраке захлопнулась

тяжелая дверь и железный засов с лязгом вошел в скобу.

На втором повороте коридора тесаные камни стен сменились сплошным природным песчаником. Коридор сузился. Еще поворот — и они оказались в небольшом помещении с нужником. Выходившее на озеро зарешеченное окно, впускавшее вечерний свет, явно было пробито в обрыве под садовой стеной. Туда же выходил и косой желоб нужника.

Дальше коридор стал ниже и вел теперь мимо дверей из вертикальных железных прутьев. Железные их петли были глубоко врезаны в песчаник. А внутри темниц виднелись зарешеченные окошечки, так что они были не такими душными, сырыми и гнусными, как предполагал Тейр. Благодаря сквозным дверям они хорошо проветривалась. Но зато были переполнены — по четыре-пять человек в каждой. Тейр замедлил шаг, пытаясь разглядеть лица, фигуры… Всего Ферранте держал здесь двадцать пленников. Ури среди них не оказалось…

— Эй ты, сюда! — Солдат оглянулся, нахмурясь, и Тейр поспешил нагнать его. Влево ответвлялся еще один коридор и вел… наверх в замок? Слишком темно, чтобы разглядеть. Солдат указал на

пустую темницу в конце ряда. — Вот эта.

— А что не так? — спросил Тейр. От остальных она отличалась только тем, что в ней никого не было.

— А ничего, хоть об заклад побьюсь, — загадочно ответил солдат. — Магия, вот что я скажу. Магия и безумие. — Он мрачно подергал дверь, так что она затряслась на петлях, снял с пояса ключ и отпер ее. — Видишь? Как есть заперта. А помешанный, думается… улетел.

Тейр боязливо вошел в темницу. Ему вдруг представилось, как солдат с криком «ага, попался, лазутчик!» захлопывает за ним дверь. Но тот только почесал нос и услужливо поднял фонарь повыше. Тейр подошел к квадратной дыре оконца, пощупал, потом подергал прутья в нем. Они не шелохнулись. Оконце, собственно, было миниатюрным туннелем, пробитым в камне, имевшим длину фута два. За ним в сизых сумерках поблескивал кусочек озера. На лоскутке неба мерцала одна звездочка. Тейр поспешно отдернул руку: из трещины выскочила сколопендра, заскользила по камню и скрылась за дальним краем отверстия.

Тейр оглядел беленые стены. Помещение было тесным, но не чересчур. Человеку даже более

высокому, чем Тейр, хватило бы места растянуться на обычном соломенном тюфяке, а Тейр и выпрямившись не задел макушкой потолок. Стены выглядели массивными и сплошными. Тейр изнывал под взглядом солдата. «Да уйди же ты»! Он был близко — близко от Ури! Если бы ему хоть ненадолго остаться без надзора!

В коридоре послышались грубые голоса, смешиваясь с какими-то странными звуками… со смехом? Раздался пронзительный визг «иии-иии-иии!»

— А, изловили! — Лозимонец скроил рожу. — Далеко не ушел. Но как он все-таки выбрался? — Покачав головой, он попятился из темницы. Тейр пошел за ним, подгоняемый темнотой, которая словно засочилась из стен, едва фонарь перестал их освещать.

Двое лозимонцев волокли по коридору пожилого мужчину, довольно дородного. Вероятно, в прошлом он выглядел благообразно и величаво. Разорванная грязная бархатная туника по колено и шелковые чулки-трико указывали на высокое положение, седеющие волосы — на почтенный возраст. Но теперь нечесаные волосы торчали во все стороны, заросшие пегой щетиной щеки ввалились, покрасневшие глаза глубоко ушли в

темные глазницы. Он снова завизжал и замахал кистями рук, зажатых в мертвой хватке солдат.

— Где вы его отыскали? — спросил солдат с фонарем.

— Опять внизу, — пропыхтел один из державших, совсем еще юнец. — В том же самом углу. Сначала мы его как-то не приметили, а когда проходили там во второй раз, гляжу — вон он, корчился у стены… Господи! Может, он и вправду скидывается нетопырем.

— Типун тебе на язык! Из-за тебя он снова начнет, — перебил его товарищ, их сержант, но было уже поздно. Лицо пленника возбужденно побагровело, он задергался и забормотал какую-то невнятицу.

— Нетопырь. Нетопырь. В нетопыре суть. Черный Вителли поддельный нетопырь, а я — настоящий. Улечу. Улечу от вас, и вас повесят. Улечу к моей жене, и вам меня не остановить… грязное отребье! Убийцы! — Заговорщицкая ухмылка на его лице сменилась бешеной яростью, и он принялся вырываться и брыкаться уже всерьез. Его втолкнули в темницу и захлопнули дверь.

Он ударил в нее плечом под рваным бархатом, потом еще и еще, а двое солдат навалились на нее со своей стороны, сержант всунул ключ в

замок — с третьей попытки — и повернул его. Замок щелкнул, и лозимонцы с облегчением передели дух.

Безумец продолжал биться в дверь и испускать пронзительный визг, видимо, подражая писку нетопыря, или кружил, трясясь всем телом и взмахивая руками, точно разворачивал нетопыриные крылья. Выглядело это нелепо, но Тейру не было смешно. По изможденному лицу под визг катились слезы, дыхание клокотало в истерзанном горле.

— Улечу. Улечу. Улечу… — Наконец он умолк, скорчился на полу, потом сел, бессильно рыдая.

— Кто этот бедняга? — прошептал Тейр, глядя сквозь решетку.

— Был кастеляном покойного герцога, сеньор Пия. — Сержант пожал плечами, все еще не отдышавшись после недавней схватки. — Думается, боль и кровь сдвинули ему мозги. И не слишком ему нравится, что он сидит под замком в собственной темнице, можешь мне поверить.

— Да только не подолгу сидит, в том-то и беда, — пробормотал молодой. — Но вот как он умудряется? Вителли клянется, что в замке нет ни следа магии.

При имени секретаря глаза пленника сверк-

нули, и растерявшийся Тейр перехватил раскаленный, совершенно ясный, полный ненависти взгляд, но глаза тотчас опустились и бормотание возобновилось. «Он правда сумасшедший или притворяется?» Или и то и другое? Странная мысль! Но во всяком случае, понятно, почему его держат одного, хотя остальные темницы набиты битком.

Тейр осмотрел решетчатую дверь. Прутья смазаны жиром и не тронуты ржавчиной. Петли прочно вделаны в камень. Он простукал все прутья. Все, как следует — ни пустот, ни желобков, указывающих, что их можно сдвинуть. В замках он понимал мало, но этот, казалось, был в полном порядке.

— Мы все это проверяли, — нетерпеливо сказал солдат с фонарем.

— А ключа у него нет? Вы его обыскали? И темницу?

— Два раза. Донага раздевали.

— Донага. Э… А он не мог… то есть… э… вы не…

— Нет, в задницу он ключа не прятал, — сказал сержант со смешком. — И не проглатывал, чтобы срыгнуть. — (Тейр решил не спрашивать, откуда он это знает.) — Просто кому-то придется сторожить его и днем и ночью, — продолжал сержант.

— Мне надо сходить за ужином, — опасливо сказал молодой.

Сержант смерил его зловещим сержантским взглядом, но пожал плечами.

— Нам везде не хватает людей. Попрошу капитана, чтобы нам дали кого-нибудь из выздоравливающих. Дело нетрудное. Сиди себе на скамье напротив двери и смотри. Ну и не спи, конечно.

— Ну, я тут внизу ни за что не заснул бы! — с чувством сказал молодой солдат.

— Пауков боишься, — съязвил его товарищ с фонарем. — Или крыс? В генуэзской тюрьме мы крыс поджаривали и ели.

— И пауков жарили с чесночком и колесной смазкой, не иначе, — огрызнулся молодой, видимо, уязвленный новым упоминанием о мужестве и стойкости, о которых он, конечно, успел наслышаться предостаточно. — О пауках я и не думаю, а вот в стенах что-то прячется. Жуть какая-то.

Тейра встревожило, что никто не возразил, не сказал, что, мол, с пьяных глаз чего не почудится.

— Оставьте мне фонарь, — предложил Тейр, и я за ним присмотрю. Может, соображу, как он это проделывал.

Кастелян теперь сидел на полу, поджав под

себя ноги, раскачивался из стороны в сторону и глядел в пустоту. Лицо у него стало каменным.

Сержант кивнул, и солдат отдал фонарь Тейру.

— Только близко не подходи. Он тебя ухватит сквозь прутья.

— Я закричу.

— А если он тебя за горло схватит?

Солдаты вернулись к своим обязанностям. Под наблюдением сержанта, державшего взведенный арбалет, они вносили ведра с едой в темницы и забирали ведра, служившие ночными горшками, относили их в нужник и опорожняли. Впрочем, никто из пленников в этот вечер как будто не помышлял о том, чтобы напасть на своих стражей или бежать.

Тейр некоторое время следил за раскачивающимся кастеляном, потом прислонился к стене напротив двери и закрыл глаза. Теперь он не так уж и нуждался в фонаре. Добраться до цели он мог бы и не открывая глаз. Она стучалась ему в голову, близко-близко. «Вниз, вниз».

Когда солдаты ушли в дальний конец коридора и скрылись из вида в помещении с нужником, Тейр взял фонарь и, бесшумно ступая, свернул в темноту бокового коридора. Стены задевали его плечи, а проход, казалось, вел вверх, в замок. На

миг он усомнился в своем подземном путеводном чувстве — фонарь отбрасывал перед ним круг оранжевого света на каменный пол, наклон которого был несомненен. Но тут он увидел ступеньки — одна лестница вела вверх, другая вниз. Он начал спускаться. В узком помещении оказались четыре двери, все деревянные и тяжелые. Две не были заперты, но не они были ему нужны. Тейр ощущал это всем своим существом, но все-таки заглянул внутрь. Кладовые. Лари с мукой, бочонки с вином, покрытые густой пылью… запасы на случай осады, будь то враг или непогода. Свет фонаря вызвал ответные зеленые искры в углу — там пробежала крыса. Углы затягивали фестоны паутины. Пауки были меньше крыс, но все-таки не настолько меньше, как хотелось бы Тейру.

Он вернулся в коридор. Вот эта дверь. Он снова ее подергал. Бесполезно. Тогда он попытался выломать се ударом плеча. Железный замок застонал, но выдержал. Почему он не забрал у рабочих какие-нибудь инструменты, не спрятал их под туникой, прежде чем пойти на поиски? Если сходить за ними, сможет ли он вернуться, обмануть солдат второй раз? И через какое время солдаты наверху заметят его отсутствие? «Теперь. Теперь или никогда! Ури, я здесь».

Он присел на корточки, стараясь не разбередить занывшую рану, и тихонько прошептал в черноту под дверью:

— Ури? Ури?

«Почему я боюсь ответа?» Ощущение, что кто-то стиснул его внутренности, не имело никакого отношения к ране.

Пыль на полу у его носа задвигалась, закружилась. Но ниоткуда не тянуло сквозняком. Тейр торопливо выпрямился, и боль обожгла его по шву. Он пятился, пока не уперся в стену, которая показалась ему холоднее льда. Он подавил крик и стоял молча с бешено бьющимся сердцем. «Подожди и увидишь».

Пыль завивалась все выше и выше, и блестевшие в свете фонаря пылинки стягивались в знакомую смутную фигуру… Большой головной убор, вьющаяся борода… «Не думай о нем, как о призраке. Думай о нем как… как о своем будущем тесте!» — растерянно приказывал себе Тейр.

— Привет вам, — прошептал Тейр. Учтивость и паника стискивали ему горло. — М… мастер Бенефорте. Я пришел…

Намек на головной убор словно наклонился в легком поклоне.

Тейр указал на замок:

— Не могли бы вы помочь?..

Насколько мертвый маг способен управляться с материальными предметами? Не в этом ли тайна исчезновений сумасшедшего кастеляна? Такое объяснение немногим отличалось от предположения, что сеньор Пия превращался в нетопыря и проскальзывал между прутьями.

Призрачная фигура словно повела плечами, как человек, готовящийся к трудному делу. Сложенное из пылинок лицо будто сморщилось в ожидании боли. Миг приготовлений, затем пыль собралась воедино и упала. Внутри замка послышался скрежет металла, стих, раздался снова. Лязг — и дверь открылась на ширину пальца. И тишина. Каменное безмолвие.

Тейр перевел дух, протянул руку и распахнул дверь. Крепко сжимая фонарь, он переступил порог и тихонько прикрыл ее за собой.

Это помещение было больше кладовых, и в нем было такое же оконное отверстие, как в темницах над ним, пропускавшее свежий воздух. К одной стене был придвинут стол на козлах, а на нем в беспорядке теснились ящички, флаконы, книги, пергаменты. Все это навело Тейра на воспоминание о магической рабочей комнате аббата Монреале. Среди бумаг стояла подставка под ноги

в виде резного сундучка с кожаным верхом. В двух железных канделябрах торчали наполовину сгоревшие толстые восковые свечи. Прекрасное освещение для того, что творится по ночам. Тейр осторожно извлек сальный огарок из фонаря и зажег часть их. Только тогда он заставил себя пройти через комнату и посмотреть на то, что лежало у дальней стены.

Два продолговатых ящика рядом, каждый на козлах, длиной футов в шесть, сбитые из нетесаных сосновых досок. Сосновую крышку каждого удерживала на месте всего одна веревка, стягивающая ящик посередине.

Тейр осторожно потрогал одну веревку. Она не взвилась, не затянулась у него на шее, не оказалась заклятой как-то иначе. Он дернул скользящий узел, и веревка упала на пол. У Тейра не было тряпицы за пазухой, чтобы прижать к носу, а потому он просто затаил дыхание и сдвинул крышку.

Ну… Собственно, он этого и ждал. Тело мастера Бенефорте, все еще завернутое в ту же реднину, в которой его коптили, лежало на ложе из сверкающей крупной соли. У Тейра вдруг возникло неясное недоумение: почему призрак всегда являлся в одежде, какая была на нем в миг смер-

ти, а не в этом почти прозрачном саване, более подходящем для привидения. Может, бархатный придворный наряд был его любимым. Запах не оказался таким скверным, как он опасался, — главным образом стойкий и почти приятный запах яблоневой древесины. И все же… Тейр пересчитал жаркие летние дни. Конечно, Ферранте (или Вителли) прибегнул к сильному заклятию, предохраняющему от разложения. Бородатое прокопченное лицо казалось оледеневшим. Никакой призрак не мог бы оживить этот тяжелый плотный прах, как оживлял невесомые дым или пыль. Тейр поискал у себя в сердце суеверный страх, но тело перед ним вызывало сострадание, а не ужас. Истерзанный нагой старик, потерявший все, даже свое тщеславие. Тейр вновь укрыл его сосновой крышкой.

Почти против воли он повернулся и дернул узел веревки на втором ящике, потом помедлил, собирая все свое… нет, не мужество, а упование. «Может, это не Ури. В последние дни в Монтефолье погибло много людей». Еще миг он мог уповать. А потом — узнает.

«Ты уже знаешь. Ты знал с самого начала». И — нет! «Это не может быть он!» В приливе решимости Тейр сдвинул крышку.

Из покрова соли выступало лицо его брата — знакомое и такое чужое! Прекрасные черты остались прежними, не были изуродованы. Но веселый дух, блеск и кипение, желания и честолюбие, быстрый ум… каким пустым было это чужое, заострившееся, бледное лицо без них. «Он умер в муках». Только это и сохраняло застывшее лицо.

Тейр посмотрел на нагое тело. В груди чернела зияющая рана, в сравнении с которой ноющий порез на животе Тейра был язвящей насмешкой. «Он умер быстро. Много дней назад». Ну, хотя бы половину терзаний от мыслей, как страдает Ури в темнице, можно забыть. «Если бы ты мог подождать, брат. Продержаться. Я же шел к тебе. Я…» Терзаний, чтобы заполнить пустоту, было более чем достаточно. Зачем Ферранте эта комната и все ее странное содержимое? Чувствуя, что лицо у него онемело, почти как у брата, Тейр еще раз обошел комнату. На свободном пространстве пола на середине виднелись следы мела и еще чего-то ему неизвестного. Да, черная некромантия, чернее не бывает. Тейр мрачно вытащил из-за пазухи тамбуринчик, прошептал магическую формулу и, встав на цыпочки, нашел для него укромное место на высокой полке за флаконом.

Ну вот. Уж этот не даст скучать слушающим монахам Монреале!

Он вернулся к брату и впервые коснулся холодного лица. Только скорлупа, пустая внутри. Ури ушел. Во всяком случае, покинул этот прах. Но далеко ли? Тейр смотрел — и ничего вокруг не видел, внезапно поняв, что оба терзавших его страха были правдой. Ури умер. И Ури был пленником в этом жутком месте. «Как мне освободить тебя, брат?» Приглушенные отголоски громового баса, шелестящее эхо смешка донеслись из-за двери. В ужасе Тейр задвинул крышку на ящике Ури, больно защемив большой палец, лишь бы она не стукнула. Спастись уже поздно? Он вертел головой, выискивая, где бы спрятаться.

Внезапно свечи разом погасли без малейшего дуновения ветерка и комната погрузилась во мрак, который ничуть не рассеивало отраженное озером мерцание звезд за узкой амбразурой. Рука (Тейр не сомневался, что не увидел бы ее и при дневном свете) ухватила его за плечо.

— Ложись, малый! — Шепот у него над ухом, которого не коснулось даже легкое дыхание.

Слишком перепуганный, чтобы возразить, он встал на четвереньки и заполз под стол. Стукнула закрывшаяся дверь, щелкнул, запираясь замок.

Тейр вжался в стену, и в руку ему всунулся комок ткани, будто нос собаки, которая хочет, чтобы ее приласкали. Легкой, мягкой, как тонкое полотно, и он укрылся ею с головой.

Настоящий тяжелый ключ заскрежетал в замке, и он снова щелкнул, отпираясь. Тейр выглянул из-под ткани на скользящий круг желтого света от фонаря в чьей-то руке. Солдаты разыскивают его?

По полу прошагали две пары ног — в сапогах и мягких туфлях.

«Уж лучше бы солдаты!» — подумал он, съеживаясь от страшной догадки.

В каменных стенах глухим эхом отозвался голос мессера Вителли:

— Пахнет горячим воском, ваша милость.

Глава 11

Фьяметта протерла слипающиеся глаза и вскинула руки, потягиваясь, чтобы прогнать сонливость. Разбавленное вино и хлеб, которыми она поужинала, были не настолько обильной трапезой, чтобы ввергнуть в сон, но всю прошлую ночь она проворочалась с боку на бок, шурша соломой, тревожась за Тейра, слушая шорохи, кашель и храп своих соседок в тесноте их спального помещения. Не говоря уж о блохах! Она в кровь расчесала локоть.

Рабочая комната аббата Монреале дышала теплом, которое стены впитали в течение дня, а сияние единственной свечи рядом с ней было золотистым и уютным. Она поерзала по жесткой крышке бочонка, на котором примостилась, положила локти на стол и опустила подбородок на сложенные руки. На подносе перед ней три маленьких тамбуринчика — три рта в пару к маленьким ушам, которые взял Тейр, — хранили упорное молчание. А может быть, их сила уже иссякла? Да нет, за день она так наловчилась подновлять заклятия, что делала это, не замечая, словно бы рассеянно напевая себе под нос. Они

ничего не сообщали, потому что им нечего было сообщить.

Она услышала, как за дверью кабинета аббат Монреале умолк, откашлялся, прошелся взад-вперед и продолжал диктовать брату Амброзу. Письмо к епископу Савойскому, сообщающее об их отчаянном положении, взывающее о помощи — если не военной, то магической. Бесполезное письмо. Как Монреале думает его отослать? День прошел в зловещей горячечной тишине, даже без обычных ругательств и обмена выстрелами из арбалетов между осаждающими и защитниками монастыря на стенах. К воротам не подъехал новый вестник, новый герольд, не искали приюта новые беженцы. Никого и ничего. Будто руки сеньора Ферранте сжимали их все крепче, душили.

Она смотрела на пергаментные кружочки и мысленно приказывала им заговорить. Три другие сегодня ожили — два днем, а один в сумерках, когда она уходила поужинать. Трое монахов унесли их к себе в кельи, где сидели с пером и бумагой наготове, чтобы записать все важное. Ну, надо надеяться, они тоже успешно перебарывают сон. Но как бы то ни было, вечером Тейр был все еще жив и свободен.

Она подавила зевок. Если Монреале заглянет

сюда и увидит, что она клюет носом, он отошлет ее спать, и следующей вести от Тейра она не услышит. Почему большой дурень не сообразил сказать что-нибудь в ухо-тамбуринчик, когда приводил его в действие, не сообщил о себе? Она скрипнула зубами, справившись с новым зевком. Белые кружочки пергамента плавали у нее перед глазами.

И вдруг один из них вспыхнул. Другого слова Фьяметта не нашла, хотя увидела нечто иное. Глубоко вздохнув от облегчения, она выпрямилась. Тамбуринчик донес до ее напряженного слуха голос Тейра, шептавший латинские слова, скверно произнося их. «Скажи мне что-нибудь, Тейр!» Но раздался только шорох, точно на полке что-то подвинули. По каменному полу протопали шаги, и воцарилась грустная задумчивая тишина. Фьяметта отчаянно пыталась вообразить, что крылось за этими звуками. Каменный пол, гулкое эхо… комната из камня? Вырубленная в скале темница герцога? Истинное второе зрение или самообман? Ее рука дернула ремешок на шее, извлекла львиное кольцо из теплого тайничка между грудями и стиснула его. Что видит Тейр? «Да говори же, швейцарский олух!» Но басистый голос, который внезапно донесся из тамбурина,

не был голосом Тейра. Слов она не разобрала. Затем теноровый смешок, приглушенный стук, торопливые шаги, бряканье, шорох. В голове у нее зазвучали слова, но уловила она их не слухом: «Ложись, малый!» Она в ужасе окаменела. Ее отец? Скрип открывающейся двери, незнакомый высокий голос:

— Пахнет горячим воском, ваша милость.

Ваша милость?! Где Тейр? Успел уйти? Сердце у нее бешено заколотилось.

— От твоего фонаря, Никколо!

Скучающий бас принадлежал сеньору Ферранте — в его романском выговоре нельзя было ошибиться.

Она услышала глухой стук, словно что-то тяжелое поставили на деревянный стол.

— Не думаю, — возразил голос… Никколо? — Свечи еще теплые. — И сразу же:

— О-ох! — Шарканье мягких подошв, словно кто-то неожиданно отпрянул.

— Это ты сделал, Никколо? — с интересом осведомился Ферранте.

— Нет!

Ферранте бесчувственно усмехнулся:

— Бенефорте опять взялся за свои фокусы. — И его голос насмешливо продолжал, а воображение

Фьяметты добавило ироничный поклон. — Благодарю тебя, слуга мой, что осветил мой путь.

Посасывание. Обожженных пальцев?

— Он еще не наш слуга, — проворчал Никколо — Аббат Монреале, — зашептала Фьяметта, но тут же напомнила себе, что звук передается от маленького уха ко рту и только. — А что, если это можно изменить? — Отец Монреале! — закричала она. — Скорей идите! Сам сеньор Ферранте!

Из кабинета вбежал Монреале. Позади него шаркнуло, об пол грохнулся стул, был поставлен на ножки, и появился брат Амброз, все еще сжимая запачканное чернилами перо. Оба нагнулись над подносом с тамбуринчиками.

— Ты уверена? — спросил Монреале.

— Его голос я запомнила на пиру. А голоса второго не знаю. Ферранте называет его Никколо. По-моему, они в помещении под замком.

— Амброз, смени ее! — Монреале кивнул на рот-тамбуринчик.

«Я пишу не хуже него, отче!» Фьяметта одернула себя, промолчала и передала поддержание заклятия Амброзу. Его губы беззвучно зашевелились, и он опустился на бочонок.

— Так насколько, — спросил голос Ферранте, — мы осмелимся придать ему сил, прежде чем я

действительно подчиню его своей власти?

— Его надо кормить, — угрюмо ответил Никколо. — И само кормление приближает его к нам. Все предусмотрено. Не спорю, я предпочел бы, чтобы мы отыскали его чертовы записи о кольцах с духами. Мы бы легче всего овладели им с помощью его собственной магии. Но навряд ли он знает много больше моего. И скоро он будет наш.

— Чем скорее, тем лучше. Хватит с меня этой полуночной возни! — И Ферранте выразительно сплюнул.

— Великие свершения требуют некоторых жертв, ваша милость. Повесьте эти три мешка на те крючья. Будьте особенно осторожны с кожаным.

— Поостерегусь.

Шелест, шорохи, пока эти двое располагали те таинственные предметы, которые принесли с собой. Глаза аббата Монреале сощурились, а губы полуоткрылись от напряжения: он, как и Фьяметта, пытался отгадать, какие действия кроются за этими звуками.

— Да говорите же, чтоб вам провалиться! — пробормотал он.

— Теперь бы послать голубку! — вздохнул Амброз.

— Они — дневные птицы. А отправлять нетопыря нет времени, да он бы услышал и увидел немногим больше этого. Шшш! — Монреале сделал ему знак молчать, потому что тамбуринчик снова зазвучал.

— Что же, — раздался голос Ферранте. — Так вызовем Бенефорте сейчас же и вынудим его открыть нам тайну этой его солонки?

— Я уверен, что понял тайну соли, ваша милость. Наши опыты с животными и пленниками не оставили никаких сомнений. Одна только ее способность определять яды уже сделала бы ее неоценимым сокровищем для вашего стола. Но свойство очищать… чистейший гений!

— Очень хорошо. Но я не понимаю тайны перца. И не намерен доверять свою жизнь тому, кто от меня утаивает что-то. Соль бела, перец черен. Так лишь логично заключить, что соль воплощает белую магию, а перец черную.

— Клевета! — прошипела Фьяметта. — Дурак! Он что, думает, что батюшка пал бы… — Рука Монреале сжала ее плечо, и она подавила свое негодование.

— Возможно, конечно, — согласился Никколо. — Однако Бенефорте пришлось бы отвести глаза этому ханже Монреале.

— Быть бы Монреале инквизитором! С таким-то длиннющим носом!

— Духу не хватает.

— Или он хочет, чтобы о нем так думали, — кисло заметил Ферранте.

— Я знаю этот голос, — пробормотал Монреале над ухом Фьяметты. — Никколо… Никколо какой?

— У сеньора Ферранте, — сообщил Амброз, — есть секретарь, отче, Никколо Вителли. Ходят слухи, что он тень Ферранте. Мне говорили, что служит он у Ферранте четыре года. Люди Ферранте его боятся. Я полагал, из-за коварства и пронырливости, но, как видно, за этим кроется и еще что-то.

— Я имел в виду… — Монреале покачал головой. — Но полагаю, именно этот Вителли — причина того, что Ферранте, который в дни своего кондотьерства как будто к магии особо причастен не был, теперь, несомненно, совсем ей предался.

— Животным перец вреда не причинил, — вкрадчиво произнес голос Ферранте с пергамента.

— Еще бы! — пробормотала Фьяметта. — Они ведь лишены дара речи.

— .. и заклинание, выгравированное на дне солонки, отлично воздействовало на соль, — продолжал Ферранте. — Значит, второе должно воздействовать на перец. Думаю, нам надо попробовать еще раз, но на том, кто сможет сообщить о результатах больше, чем собачка мадонны Джулии.

— Мы? — опасливо переспросил Вителли.

— Я произнесу заклинание, — сказал сеньор Ферранте, — а ты положишь перчинку на язык. Только не глотай ее.

— Ах, так! — последовало уязвленное молчание. — Ну что же. Тогда приступим. Нас в эту ночь ждут дела поважнее.

Теперь шорохи и позвякивание подсказывали Фьяметте ясные образы: Ферранте в свете свечи вглядывается в дно солонки ее отца, возвращает солонку на подставку из черного дерева и кладет щепотку перца в миниатюрный греческий храм под золотой рукой богини. Быстрым шепотом она истолковывала звуки для Монреале и Амброза. И действительно, вскоре голос Ферранте произнес нараспев по-латыни заклинание перца.

— А теперь попробуй! — приказал сеньор Ферранте. Мгновение спустя голос Вителли, видимо, старавшегося не сбросить перец с языка, про-

мямлил:

— Я ничо не чусую, вамилось.

— Не может же он бездействовать! Перец. Язык. Ты не испытываешь прилив красноречия?

— Нет.

— Хм. Ты не чувствуешь, что можешь подчинить чужие мысли? Солги мне и убеди меня, что ложь — это правда. Какого цвета у меня волосы?

— Шерпы, вамилось.

— Скажи: рыжие.

— Ры… шерны! — Последнее слово было выкрикнуто так, что могло сместить перец.

— Но скажи: рыжие!

Краткое молчание.

— Бог мой! — прошептал Ферранте. — Перец заставляет говорить правду?

— Наконец-то сообразил! — проворчала Фьяметта.

— Видимо, правда в его мыслях занимает мало места, — заметил Амброз.

— Нет, не выплевывай! — приказал голос Ферранте. — Я должен убедиться. Сколько… сколько тебе лет?

— Тридцать два года, ваша милость.

— Где ты родился?

— В Милане.

— Как… э… тебя зовут.

— Джакопо Шпренгер.

— Что-о! — Голос Ферранте слился с голосом Монреале в возгласе изумления, когда аббат стукнул кулаком по столу, вскричав:

— Что-о! Этого не может быть!

Из тамбурина донеслось перханье и бурчание человека, отчаянно вытирающего рот полотенцем.

— Заклинание вынуждает говорить правду? — спросил Ферранте у секретаря.

— Видимо так, ваша милость, — ответил Вителли-Шпренгер с явной злостью. После недолгой паузы под, кто знает, каким яростным взглядом сеньора Лозимо, секретарь продолжал неохотно:

— Фамилию Вителли я взял… в юности. После… после маленького недоразумения с законом в Болонье.

— Ну… Половина негодяев в моих отрядах напридумывала себе новые фамилии. Но я не предполагал, что ты что-то от меня утаиваешь, милый мой. — Тон Ферранте был снисходительно-прощающим, но в нем пряталась опасная холодность стали.

— Все люди что-то утаивают, — с тревогой сказал Вителли, затем его голос стал вкрадчивым:

— Вам угодно самому проверить перец, ваша милость?

— Нет, — ответил Ферранте с той же иронией в голосе. — Я вполне полагаюсь на тебя. Или на Бенефорте. Но, дьявол, какое сокровище! Только вообрази, каким он будет подспорьем при допросе пленных? Или людей, припрятавших свое золото и драгоценности… — От этой мысли у него даже голос прервался.

— Господи! — простонал аббат Монреале совсем иным тоном. — Неужели не существует магии, самой белой, человеческих намерений, самых чистых, которые невозможно извратить? Если даже сама правда не божественна… — Его губы растянулись в гримасе боли.

— Кто такой Джакопо Шпренгер? — прошептал Амброз. Видимо, как и Фьяметта, он не мог одолеть ощущения, что раз они слышат Ферранте, то и Ферранте может их услышать.

— Возможно ли? Тот в красном на башне… но он стал таким худым! Я расскажу вам, но позже, шшшш! — Монреале наклонил ухо над тамбуринчиком, как и Фьяметта, пытаясь угадать, какие новые приготовления Ферранте и Вителли скрываются за различными шорохами. Однако на этот раз случайное слово, приказание, скрип,

казалось, говорили ему гораздо больше, чем Фьяметте, потому что он начал тихо высказывать догадки Амброзу и ей.

— По-моему, они чертят на полу магическую фигуру. Линии, сдерживающие мистические силы планет или их металлов… священные имена, чтобы подчинять себе или сдерживать силы их духов. Должен сказать, очень странное сочетание высшей и низшей магии.

— Они стараются подчинить дух батюшки этому жуткому кольцу с личиком младенца? — расстроенно спросила Фьяметта.

— Нет… то есть не этой ночью, мне кажется. Я не слышал ни единого звука, указывающего, что они устанавливают тигель. А ты? Видишь ли, кольцо должно быть отлито заново, чтобы металл был жидким в момент заклятия и принял внутреннюю форму духа.

Фьяметта, вспомнив, — как сама создавала львиное кольцо, закивала.

— Кольцо с младенцем они в любом случае не могли бы перелить для твоего отца, — продолжал Монреале. — Серебро предназначено для женских духов. Для Просперо Бенефорте лучше всего подойдет золото. Если они понимают, что делают. Но к несчастью, они как будто это хоро-

шо понимают. И неудивительно, если Вителли — Шпренгер. — Он был блестящим студентом в… — Монреале умолк, так как из тамбуринчика вновь донеслись голоса.

— Черный кот для колдуна, черный петух для солдата, — сказал Вителли. — Передайте мне мешок с котом, ваша милость, через линии, когда я войду в квадрат и замкну его. — И он перешел на латынь, произнося формулу, гораздо чище, чем Тейр или даже Ферранте.

— Заклинает свой нож, — пробормотал Монреале.

— Для чего он ему? — спросила Фьяметта со страхом.

— Чтобы принести в жертву кота, чья жизнь… сказать «душа» я не могу, но чей дух будет отдан призраку твоего отца, чтобы подкрепить его. Подобно еде.

— Он еще жив? — неуверенно спросил Вителли. Ответом ему послужило жалобное «мяу», исполненное мучительной боли.

— Еле-еле, — ответил Ферранте. Фьяметта и Амброз обменялись взглядами, полными ужаса.

— Несчастный кот! — сказал Амброз, судорожно сплетая толстые пальцы.

— Но что они с ним делают? — спросила Фья-

метта.

— То, за что обоих следует сжечь. Шшш! — нетерпеливо оборвал ее Монреале.

Истошный кошачий вопль заглушил латинское бормотание Вителли и тут же оборвался.

— Но батюшка же, конечно, откажется от такого нечистого подношения! — сказала Фьяметта. — Не станет же он… есть? Бедный котик!

Монреале покачал головой. Лицо у него было гранитным. Но затем он удивленно наморщил лоб — Вителли вновь начал читать заклинание.

— Что они… неужели у них два…

Повторилось то же, что было с котом, но на этот раз под черно-заклятым лезвием Вителли квохтал и бился петух. И тут в чистой латыни Вителли прозвучало знакомое имя.

— Ури Окс? — в ужасе повторила Фьяметта — Ах, нет! Так он… так капитан Окс мертв?

— Несомненно, — мрачно сказал Монреале. — Иначе такое заклятие на него не налагали бы. Вот почему его не оказалось ни среди раненых, ни среди убитых, чьи тела выдали… Видно, Ферранте возжелал иметь запасное кольцо.

— Бедный Тейр! — вздохнула Фьяметта. Но где сейчас Тейр? Между тем мгновением, когда он дыханием привел в действие маленькое ухо, и

тем, когда в ужасную комнату вошли Ферранте с Вителли, у него просто не было времени спастись. Но он спасся, иначе его уже обнаружили бы.

— Нет… — поправил Монреале сам себя. — Капитана Окса, несомненно, Ферранте выбрал первым в тот самый день, когда он был убит. В городе у него не было родственников, которые забрали бы его тело для погребения. Это твоего отца, Фьяметта, добавили на всякий случай.

— Ну вот! — В голосе Вителли звучало удовлетворение, затем послышались хлопки, словно он встал и смахивал со своего одеяния следы мела и чего-то похуже.

— Сколько еще времени мы будем терять на это педантство? — сердито спросил Ферранте. — Мне нужны твои кольца. Государственные дела не будут ждать твоих чернокнижных проволочек.

— Бенефорте, ваша милость, весьма опасный дух для заключения в кольцо. Он исполнен вражды и знает слишком уж много. Даже малая ошибка, — Вителли неохотно умолк, затем добавил. — Мне кажется, солдата мы сможем заключить уже завтра ночью. Так разумнее, ибо тогда он поможет нам возобладать над магом. Принесите новую бронзу для кольца. Я позабочусь о топливе. И тогда у вас будет хотя бы одно

кольцо для… э… под рукой.

— Да я и вообще предпочту швейцарца, — заметил Ферранте, повеселев — Он не такой коварный хорек, как флорентиец. Как солдат он, без сомнения, знает, что значит повиновение.

— Так, может быть, мне следует оставить кольцо мага у себя? — предложил Вителли небрежным тоном, не замаскировавшим, однако, жадную дрожь в голосе. — Два кольца, нас двое. Одному вам справляться с двумя будет непросто.

Сеньор Ферранте холодно обронил:

— Нет, я так не думаю.

Воцарившееся молчание было явно тягостным, затем Вителли нарушил его, сказав коротко:

— Так завершим. Не снимете ли вы кожаный мешок с гадюкой, ваша милость?

О том, что происходило в следующие минуты, догадаться было трудно, пока Вителли не сказал:

— Вы совершенно уверены, что на этот раз зажали под кожей головной конец, ваша милость?

— Да! — нетерпеливо рявкнул Ферранте. — Открывай мешок и засовывай руку. Или ты предпочтешь, чтобы это сделал я?

— Ну… если вам угодно, ваша милость. Я развяжу узел.

— А! Попалась. Как раз за головой. Посмотри,

как она тебе улыбается, Никколо. Хе-хе-хе!

— Да… но не так близко, будьте добры, ваша милость. Она только понапрасну истратит на меня свой яд. Ну, давайте. На сегодня мы почти закончили, и я устал до мозга костей.

Ферранте что-то недовольно буркнул. Дробный стук, словно перекладывались сосновые доски, а затем последовали звуки, в которых Фьяметта ничего попять не могла, в которые вплеталась латынь Вителли с добавкой древнееврейского или, возможно, просто бессмысленный набор слов.

— Что они делают сейчас? — спросила она у Монреале.

— Мне кажется, это заклинание, построенное на принципе противоположности, — сказал он, продолжая внимательно слушать. — Как будто совсем новое… Мне кажется, они заставляют гадюку… э… прости Фьяметта… укусить труп пли трупы. Это как будто входит в формулу сохранения…

Снова дробный стук и внезапно крики:

— Берегись! Она бьет хвостом.

— Не урони…

Торопливое шарканье.

— Хватайте ее!

— Сам хватай!

— Уползает под стол… — И после паузы Вителли просительно:

— На вас сапоги, ваша милость.

— Рук они мне не защитят, если пошарить там в темноте. Ты ведь об этом? — холодно сказал Ферранте. — Сам лезь туда за ней. Или вымани чарами, мой маленький маг!

— Я совсем истощен волхованиями, — сказал Вителли и, судя по голосу, сказал чистую правду: тихо и медлительно.

Ферранте снова сплюнул, но возражать не стал, а ограничился распоряжением:

— Возвращайся утром и наведи тут порядок. Когда будешь видеть получше. Поймай ее тогда. Если она не уползет под дверь. А теперь слезай оттуда!

— Хорошо… ваша милость, — устало вздохнул Вителли.

Короткий стук — Вителли слез со стола? — а затем новые шорохи, шелест, шаги, дверь закрывается, скрипит ключ в замке. И нерушимая тишина. Когда за окном рабочей комнаты Монреале раздалась соловьиная трель, Фьяметта подскочила. Свеча уже догорала.

Амброз встряхнулся и начал зажигать новые свечи от старой, пока она совсем не погасла. Более

яркий свет словно вернул всех в настоящее. Монреале потер лицо в глубоких складках. Фьяметта потянулась, разминая затекшие руки. Тамбуринчик безмолвствовал. Конечно, конечно, Тейр успел ускользнуть до того, как вошел Ферранте со своим домашним магом. Ей оставалось только радоваться, что он не стал свидетелем чуткого надругательства над телом и духом его брата.

— Батюшка воспротивился жуткому подношению Ферранте, правда, отче?

Монреале ответил не сразу, хотя вымученно улыбнулся ей.

— Оба некроманта сочли, что преуспели, — сказал он наконец. — Однако они могли и ошибаться, Самообман — обычная ловушка для тех, кто прибегает к черной магии.

Фьяметта сочла, что это слабое утешение возникло из борьбы желания успокоить ее и из честности. Монреале был Монреале, и честность возобладала.

Амброз пододвинул аббату деревянное кресло, а сам тяжело опустился на табурет, уныло морща лоб.

— Кто такой Джакопо Шпренгер, отче? Если не считать, что он также Никколо Вителли, секретарь?

Монреале откинулся на спинку с усталым и расстроенным видом.

— Мне было почудилось, что он — демон, но затем я нашел более правдоподобное объяснение. Лет десять назад мой орден отправил меня изучать высшую духовную сторону чародейства в Болонском университете у кардинала Кардини, дабы Церковь могла поручить мне выдачу разрешений мастерам магам вроде твоего отца, Фьяметта. В то время в моем колледже учился блестящий молодой студент из Милана по имени Джакопо Шпренгер. Он был самого простого происхождения, но стал бакалавром, постигнув семь свободных искусств, и готовился стать самым молодым доктором богословия и чародейства, каких знал ученый мир. На мой взгляд, он был слишком молод. Блистательные способности… без мудрости. Так бывает. — Монреале вздохнул. — Его готовили в инквизиторы. Вновь слишком тяжкое бремя для его возраста, хотя, боюсь, гордыня его была такова, что сам он этого никогда не признал бы. Он начал глубоко изучать черную магию, чтобы помогать инквизиции в разоблачении колдунов и колдуний, творящих зло, прибегая к услугам демонов. Он трудился над трактатом, который намеревался

посвятить папе, озаглавив его «Молот ведьм». Эта тема его захватила. Слишком захватила, как мы поняли, когда было уже поздно. Он соблазнился предметом своих розысков, как иногда случается с чародеями, начал применять свои познания в демонологии и вскоре совсем сбился с пути. Кто охранит охраняющих?

Монреале уставился на язычки пламени свечей и обеими ладонями растер немеющее от утомления лицо.

— Боюсь, я принял немалое участие в обличении его… э… ночных занятий. Его исключили и без шума предали суду, чтобы не бросить тени на репутацию колледжа. Я свидетельствовал против него. Но еще до вынесения приговора он в темнице покончил с собой. Проглотил ядовитый сублимат, который ему кто-то тайком передал. Во всяком случае, так сказали мне. Теперь же я полагаю, что его унесли из темницы живым, лишь изображавшим смерть с помощью каких-то средств — медицинских и магических.

— Кардиналу Кардини, мне и доктору из колледжа правоведения, — продолжал Монреале, помолчав, — было поручено заняться его бумагами. Кардинал Кардини намеревался сперва просто внести его книгу в Индекс запрещенных

книг, пока мы не изучим ее подробнее. У Шпренгера был жадный ум и поразительная память — собранных им заклинаний, наглядных случаев, поверий и всяких россказней хватило бы и на десять фолиантов. Но он не обладал логическим умом. Стиль его был легким, даже убедительным, но ученость — легковесной, невзыскательность — безграничной, а познания в судебных процедурах… доктор права только руками всплескивал. Шпренгер настойчиво рекомендовал, чтобы ведьм, черных колдуний, вынуждали под пыткой называть сообщников! Я знаю, к каким пыткам прибегает святая инквизиция, и что за люди ими занимаются. Только вообразите, сколько бессмысленных обвинений это породит, и каждое приводит к новым арестам, к новым обвинениям… И вскоре вся округа будет ввергнута в ужасающий хаос! Все это вело к прямому безумию. По-моему, в этом воплотилась борьба Шпренгера — дневного Шпренгера — против самого себя, ночного. Я рекомендовал сжечь и книгу, и все его записи.

Амброз, сам понемногу занимавшийся научными изысканиями, вздрогнул. Монреале развел руками.

— Но что делать? Лучше сжечь книгу, чем

несчастных старых знахарок, которые по моему опыту — да и по твоему тоже, ты ведь живал в деревнях — чаще всего либо бормочущие, потерявшие от дряхлости разум старухи, либо жертвы клеветы соседки, ищущей, на кого бы свалить вину за то, что у нее сдохла корова от плохого ухода, а то и за такое естественное явление, как град. И в богословском смысле книга была плохой — в ней даже не упоминалась сила Христова имени, что крайне опасно. И мы все сожгли. Кардинал Кардини колебался, но я чувствовал себя врачом, остановившим гангрену своевременной ампутацией. Как бы то ни было, Шпренгер ко времени своей, как мы думали, смерти, был уже полностью совращен и всецело предался погоне за демопической властью. Но в тот вечер, когда я услышал о его самоубийстве, я мучился, виня себя за то, что одна душа была потеряна для Господа, а Дьявол смеялся надо мной. — Монреале горько покачал головой.

— Что нам делать теперь, отче? — прервала Фьяметта затянувшееся молчание.

Ироническая, полная страдания улыбка изогнула губы Монреале.

— Это известно лишь Богу. Я буду молиться Ему, чтобы Он меня просветил.

— Но вы обязаны помешать им! — с тоской сказала Фьяметта. — Это же черная магия, а вы дали священный обет противостоять черной магии. Завтра они думают поработить бедного капитана Окса. Потом батюшку. А затем прибудет войско Ферранте, и тогда уже не останется никакой надежды!

— Если мы… испробуем что-нибудь, сделать это надо до прибытия лозимонской пехоты, — робко согласился Амброз.

— Знаю и без твоих напоминаний, — вспылил Монреале, с видимым усилием подавил раздражение и расправил поникшие плечи. — Не так это просто. Трудно найти силу, способную остановить Ферранте, которая сама не отдавала бы черной магией. Тайным злом, влекущим гибель души.

— Но… все зависит от вас. Как от солдата. Солдаты нас делают страшные вещи, но они нам нужны, чтобы защищать нас от… других солдат, — сказала Фьяметта.

— О том, что делают солдаты, мне ты можешь не говорить, — сухо заметил Монреале, и Фьяметта покраснела. — Этот гнусный довод мне хорошо знаком. Я слышал, как им оправдывали преступления, каких ты и вообразить не способ-

на. И все же…

— Значит, есть что-то! — Глаза Фьяметты сощурились. — Вы знаете, что могли бы сделать, правда? Какие-то чары.

— Прежде я должен помолиться.

— Вы много молитесь. И все еще будете молиться, когда войско Ферранте подойдет к воротам Святого Иеронима и протаранит их? Когда Ферранте будет взмахом руки повелевать духами? — горячо спросила Фьяметта. — Если вы только молиться станете, так почему бы сейчас же не выдать сеньора Асканио? Не сдаться? И почему вы не сделали этого вчера?

— Мы могли бы, — медленно сказал брат Амброз, — продолжать борьбу. Обвинить тогда сеньора Ферранте в черной магии.

— И какого же Геркулеса пошлем мы арестовать преступников, когда они станут полными хозяевами и возимо и Монтефольи? — тихо сказал Монреале, вновь уставившись на огненные язычки. — Шпренгер, конечно, помнит меня, как я его. Иначе он бы так старательно не прятался от меня. Не знаю, доживу ли я до того, чтобы выступить с обвинениями.

— Так чего же ждать! — вскричала Фьяметта. Руки аббата лежали на коленях, перебирая четки.

Он поглядел на нее из-под кустистых бровей.

— Я не… могучий маг, Фьяметта. Слабее твоего отца, да и некоторых других магов в Монтефолье… Бог свидетель, когда-то я пытался обрести такое могущество. Моим тяжким бременем было обрести понимание, превосходящее мой талант. Те, кто может, обретают. Те, кто не может…

Амброз негодующе охнул и отрицательно махнул руками:

— Нет, отче.

Уголок губ аббата вздернулся.

— Мой добрый брат, по каким меркам ты судишь? Ты думаешь, что здесь в Монтефолье меня удерживает монашеское призвание? Лучшие таланты отправляются в Рим, в Священную коллегию. А те, кто помельче, остаются в глухих провинциях. В дни моей юности я мечтал еще до двадцати пяти лет стать маршалом. Этот воинственный бред я оставил только для того, чтобы возмечтать, как стану кардиналом-магом до тридцати пяти лет… Наконец, Господь ниспослал мне смирение, ибо знал, как я в нем нуждаюсь. Талант Шпренгера — если Вителли действительно он — гораздо сильнее его разума. Теперь после десяти лет обретения хитрости во мраке и тайне он нашел патрона, который защищает его, снабжает

деньгами, позволяет черпать у него жизненную силу — Ферранте ведь обладает огромной волей, можете не сомневаться. Добавьте порабощенного духа с могуществом мастера Бенефорте, и их мощь будет… — Он умолк.

Амброз откашлялся:

— Признаюсь, отче, ваши слова сделали меня совсем больным.

— Я поставлен спасать души, а не жизни! — Пальцы Монреале перебирали и перебирали четки.

— Души можно спасти и потом, — настойчиво сказала Фьяметта — Теряя жизни, вы теряете и жизни и души.

Монреале улыбнулся ей странной улыбкой.

— А ты никогда не желала изучать схоластику, Фьяметта? Впрочем, нет, твой пол воспрещает это.

Фьяметта даже вздрогнула от внезапного озарения.

— Вы страшитесь не того, что потеряете свою душу, вы страшитесь просто потерять.

Страшится того, что недостаточность таланта, в которой он себя винил, подтвердится.

Амброз ахнул, слишком грубым было оскорбление, но усмешка Монреале стала только шире.

В его прикрытых веками глазах нельзя было ничего прочесть.

— Иди спать, Фьяметта, — сказал он наконец. — Амброз, я пришлю брата Перотто следить за этим ртом и поддерживать его всю ночь. Хотя, полагаю, больше пока не будет ничего. — Он встал, расправил одеяние, потер лицо. — Я буду в часовне.

Глава 12

Тейр хранил полную неподвижность. Гадюка поуспокоилась, но, вместо того чтобы заползти под его скрепленные ноги, как в расселину на уступе, она обвилась вокруг его икры и бедра. Видимо, прельстившись теплом. Сквозь тонкую вязку чулка Тейр ощутил прохладу гладких чешуи, когда она заползла чуть повыше. Пока Тейр оставался самым теплым местом в комнате, покидать его гадюка как будто не собиралась. Тейр не осмеливался даже приподнять темный холст, все еще жестко накрывавший его голову и тело. Ему настоятельно требовалось помочиться, и у него нестерпимо свербило в носу Он боялся, что вдруг чихнет, морщил нос, вздергивал и вытягивал нижнюю губу, но это не очень помогало. Сколько прошло времени после того, как два чернокнижника ушли из этого каменною мешка? Вечность? Но мрак оставался все таким же густым, не смягченным первыми серыми лучами рассвета Если бы он хотя бы видел эту проклятую гадину, то померился бы с быстротой ее укуса, постарался бы сжать ее позади головы, но ощупью… Но он долго так не высидит. Холод

каменного пола высасывал последнее тепло из его онемевших ягодиц, а затекшие от неподвижности ноги грозила вот-вот свести судорога.

Он молился, чтобы гадюка наконец уползла, но взамен услышал скрип ключа в замке. Змея крепче сжала в кольцах его ногу. По полу прозвучали легкие шаги ног, явно обутых в сапоги, замерли где-то в углу. Звякнула какая-то посуда, что-то забулькало — словно выливали жидкость из кувшина. А затем… Тейр стал даже еще более каменным — голос Вителли заговорил нараспев по-латыни. Змея дернулась. Вителли повторил слова уже с нетерпением. Змея ослабила кольца, но осталась лежать на коленях Тейра. Ну так она же простая деревенская змея и, наверное, не понимает изысканной латыни секретаря! Тейр с трудом подавил истерический смешок.

Вителли выругался вполголоса:

— Проклятая ползучая дура! Наверное, уже уползла. Придется отправить завтра в Венецию олуха-солдата купить другую.

Сердитое удаляющееся шарканье, скрип запирающегося замка. Змея испустила злобное шипение. Тейр смигнул слезы разочарования и страха, которые поползли вниз, невыносимо щекоча нос. Нет, надо ее схватить…

По полу комнаты что-то прошуршало. Даже в безмолвии камня и ночной тиши Тейр сумел уловить этот звук только потому, что все его чувства были напряжены. Но и змея, очевидно, его услышала. Ее голова приподнялась, закачалась из стороны в сторону, а затем виток за витком пресмыкающееся соскользнуло с ноги Тейра и выползло из-под холста. На это, казалось, ушел целый век. Тейр еще несколько секунд удерживал дыхание, затем с шумом выдохнул, стремительно выкатился из-под стола, послужившего ему тайником, и сразу вскочил на него. Почти опрокинул железный канделябр, но успел, не видя, схватить его, прежде чем он загремел бы, ударившись об пол. Его глаза после непроницаемой тьмы под холстом кое-что различали в смутном отраженном свете звезд, проникавшем сквозь окошко в толще скалы, — очертания стола под ним, ящиков на козлах. Но чтобы углядеть гадюку, такого света было мало.

— Мастер Бенефорте, — произнес он дрожащим голосом. — Вы бы не зажгли мне одну свечку? — Никакого отклика. — Ури? Прошу тебя, — добавил он совсем уж нерешительно.

Трясущимися руками Тейр пошарил по столу. Бумаги, ножи, холодные металлические инстру-

менты. Коробочка. С трутом? Тейр открыл, но в ней был только мягкий порошок. Он чуть было не лизнул палец, чтобы по вкусу определить, что это такое, но вовремя спохватился и тщательно вытер палец о тунику. С пола доносились странные шорохи, щелчки, и вдруг раздался мучительный писк, который Тейр постарался пропустить мимо ушей. Способны змеи влезать по ножке стола? Ему доводилось слышать о змеях на деревьях.

Вторая коробочка, потяжелее, оказалась тем, чем нужно. Сталь и кремень приятной тяжестью легли ему на ладонь. Он выбил искры: при их свете нашел трут и после нескольких попыток сумел зажечь щепочку. Она почти погасла, пока он подносил ее к фитилю; но затем крохотная голубая сфера, пропитанная воском, разгорелась желтым пламенем. Стоя на коленях перед ним, Тейр решил, что еще никогда не видел огня прекраснее. Он поджег от него щепочку и засветил остальные шесть оплывших огарков в канделябре и только тогда поискал взглядом гадюку.

Неудивительно, что ему казалось, будто она никогда не кончит сползать с его ноги. В ней было добрых четыре фута. Она свернулась у стены возле блюдца с молоком. Челюсти ее были широко разинуты, шея расширилась, а из пасти торчали

задние лапы и хвост очень большой крысы. Они судорожно подергивались.

Стремительным прыжком Тейр добрался до змеи, обеими руками крепко сжал вздутую шею, чтобы гадина не смогла заглотить крысу и укусить, подбежал к окошку и пропихнул ее между прутьями. Секунду спустя снизу донесся еле слышный всплеск. Тейр тяжело опустился на пол, глотая воздух. Прошло несколько минут, прежде чем мысли его обратились к другим опасностям.

Оглядевшись, Тейр решил, что молоко Вителли принес для змеи. Не для кота же! Тейр покосился на расчлененный трупик в луже свертывающейся крови в центре сложной геометрической фигуры, вычерченной на полу красным и белым мелом. Осторожно обходя ее стороной, он подергал дверь. Замок и из комнаты нельзя было открыть без ключа. Сколько прошло времени? Стражники наверху, конечно, уже хватились его, искали… Хотя только не тут. Тейр не сомневался, что сюда никто не входит по доброй воле, кроме Ферранте и Вителли.

— Мастер Бенефорте? — прошептал Тейр — Ури? Мастер Бенефорте, вы не можете опять открыть дверь?

И на этот раз духи не откликнулись. Но ведь он

же раньше своими глазами видел здесь Бенефорте. И пригнало его сюда необоримое ощущение, что Ури находится здесь. Он поглядел на рассыпанные по столу бумаги. Духа можно вызвать так, что он явится и против воли, но вряд ли ему настолько повезет, что он сразу же найдет тут запись формулы. Он перевернул листы. Снова латынь — кое-какие слова он узнал.

— Мастер Бенефорте, прошу вас.

— Что-что? — Раздраженный голос был дрожащим, удрученным, и все же более твердым, чем раньше. Не таким вымученным, как во время первых отчаянных попыток Бенефорте сообщить им что-то.

Тейр повернулся, вглядываясь во все углы. Но нигде призрачная фигура не поколебалась в сквозняке, который пригибал огоньки свечей. Только голос.

— Где… где мой брат? Вы его видите там, где вы теперь? Почему он не говорит? — вопросил Тейр в пустоту.

Долгая тишина. Тейр уже решил, что дух Бенефорте покинул комнату и бросил его на произвол судьбы, когда прозвучал тихий неохотный ответ:

— Он более слабая тень. Он же не провел жизнь в подчинении материального мира силам духа,

какого от меня требовали мое ремесло, мое искусство. Теперь, когда моя плоть стала прахом, моим слепым глазам открылись такие видения… Не думал я, что мне будет так не хватать ощущения моей грубой плоти… — Медлительный голос замер в тоске. Казалось, он сосредоточивался в центре геометрической фигуры.

— Как я могу спасти вас? Что мне делать? Вителли сказал, что поработит завтра ночью моего брата.

— Ферранте, — задумчиво пробормотал голос Бенефорте, — возможно, окажется не таким уж плохим господином. Ферранте, Сандрино, Лоренцо… князь — это князь. А служба — служба. Ферранте поговаривает о том, чтобы отлить моего Персея.

— По-моему, он скорее растопил бы его на пушку! — заметил Тейр.

— Да, правда, он больше покровитель искусства войны, чем искусства скульптуры. Но он не бесчувственен и к такой славе. Прославив себя моим Персеем, он сделает меня бессмертным.

— Но вы же мертвы, — растерянно напомнил Тейр. — Три ночи назад вы взывали о помощи, словно для того, чтобы спасти свою душу. Да-да!

— Ну-у… душу… — призрачный голос замер. — К

чему торопиться на тот свет, в конце-то концов?

— А… а вы видите тот свет? — спросил Тейр с благоговейным ужасом.

— Видел проблеск сияния. Оно почти причиняло боль… Нет, не почти, а причиняло!

«Но тебе же вроде положено отправляться туда, а не торчать тут!» Говорил теперь совсем не тот отчаявшийся дух, которого он видел три ночи назад. Тейр похолодел. Насколько черные обряды чернокнижника уже подточили волю Бенефорте?

— Вителли не князь. Вам очень хочется служить ему?

— Миланский неумеха! Посредственная дрянь! Да я бы мог загнать его… — По комнате зигзагом метнулось сияние, словно запечатлевшаяся в глазу яркая вспышка. Вспышка… гнева? Чистой воли? «Твоему отцу, возможно, угрожает опасность стать демоном»…

В нутро Тейра словно засунули кусок льда. Если дух Бенефорте уже совращен, как долго ему еще можно доверять? Он уже, кажется, почти не сопротивляется Ферранте. «Неужели уже поздно? Нет!!!» Но что можно сделать? Трупы… Вителли и Ферранте словно бы нуждаются в них для завершения своих гнусных ритуалов. Нельзя ли их

как-нибудь похитить? Нет, ему не поднять и одного набитого солью ящика, так о двух и думать нечего. И лестницы, по которым надо взбираться, и стражи, мимо которых надо проскользнуть. Сумасшедшая мысль о том, чтобы поджечь комнату, превратить трупы в пепел наткнулась на неодолимое препятствие — отсутствие необходимого топлива. А если трупы будут уничтожены лишь частично, Вителли они ведь все равно могут пригодиться…

Тейр присел на корточки перед замком, улыбаясь от отчаяния, как вдруг странно знакомая искра защекотала уголок его глаза. Он наклонил голову, всматриваясь в дрожащие тени, отбрасываемые сваями. Может, Бенефорте… или Ури?.. пытается принять материальную форму? Эта плавно скользящая тень у стены не крыса и не — пугающая мысль! — не еще одна змея. Тень отделилась от стены, обретая объемность, пробежала и робко укрылась за ножками козел. Человечек… ростом ниже двух футов…

— Господи Боже! — сказал Тейр изумленно. — Вот уж не знал, что у вас тут водятся кобольды.

— В холмах к западу от города их порядочно, — сообщил призрачный голос Бенефорте, словно поддерживая беседу, что совсем уж наводило

жуть.

— А я думал, они обитают в пустынных горах, а к человеческим городам и близко не подходят.

— Вообще-то это так. Но их притягивает магия. Одно время у меня в доме их было целое нашествие. Вылезли из недр у меня под домом, чтобы подглядывать, чем я занимаюсь в мастерской. Назойливы, вечно что-то перетаскивают с места на место, но пакостей не строят, если на них не нападают.

— Наши в Бруинвальде такие же, — согласился Тейр. Смутная фигурка мелькнула и укрылась за ножкой поближе к Тейру. Блеснули глаза-бусины.

— Я как-то изловил одного, — припомнил Бенефорте. — Заставил принести мне самородного серебра и бериллов. Он утверждал, что золота в здешней земле нет ни крупицы. В конце концов я его отпустил, а его родичи стали опасливее и держались от моей мастерской подальше. Больше они мне не досаждали.

— По-моему, их приманивает молоко. Ведь его у них под землей нет. То есть в наших горах. Иногда они крадут его из ведер, оставленных без присмотра, после того как коров или коз подоят. Ну, и кормилица в деревне — ей плохо пришлось, когда

у нее нашли серебряные самородки. Обвиняли ее, что она их украла или спала с рудокопами, которые украли их из рудника. А она отвечала, что получала их от кобольдов за свое молоко.

— Молочко! — Донесся из-под ножки тонкий голосок, полный надежды. — Мы любим молочко!

— Я поставил молоко приманкой в мою ловушку для кобольдов, — согласился Бенефорте. — Дома у тебя они едят почти только хлеб из поганок, которые выращивают под землей возле своих селений. Молоко для них лучше вина. Мне не приходилось слышать, чтобы они крали вино.

— Моя матушка тайно ставит для них молоко в канун Дня Всех Святых, — признался Тейр. — С молитвой об избавлении от бед в руднике. Брат Гларус не одобрил бы. На следующий день плошка всегда сухая.

— Они плавают в каменной толще, точно человек в реке. Странно. — В голосе Бенефорте появилась и решительность. — Теперь я могу их видеть. Хотя мои глаза… Вижу все вокруг, вижу сквозь камень. С тех пор как сюда приехал Вителли, под замком все время болтается полдесятка обитателей каменных недр. Приехал и начал… свою деятельность. По-моему, он их тревожит.

«Вителли нас всех тревожит».

Из-за ножки высунулся палец-прутик, указывая на блюдце с молоком.

— Это не ловушка, господа хорошие? — раздался голосок. — Оно ведь вам не нужно, а?

— Молоко не мое, — ответил Тейр. — Так что пей, если хочешь. Вителли поставил его тут для змеи. Но не пеняй на меня, если оно отравлено.

— Вам требуется моя солонка, — самодовольно заметил Бенефорте.

Тейр взглянул на стол:

— Они забрали ее с собой.

Литое золото! Уж конечно, Ферранте поберег бы ее и без магических свойств.

— А нужна ли мне теперь соль, чтобы распознать… — задумчиво продолжал голос Бенефорте. — Глаза у меня широко открыты, и если я осмелюсь взглянуть…

Тейр ничего не увидел, но волоски у него на руках встали дыбом. Он ощутил чье-то присутствие возле блюдечка. Белая матовая поверхность пошла рябью.

— Вителли подмешал туда опиума, чтобы усыпить змею, — сообщил голос Бенефорте. — Смогу ли я… Посмею ли я…

Над поверхностью молока взметнулось синеватое пламя, втянулось колышащейся лентой

и погасло.

— Теперь оно очищено, — сказал Бенефорте. В голосе у него звучало торжество. — Я бы не сумел сделать этого, пока был задавлен своей плотью.

Тейр тревожно покосился на чертеж и нечистые остатки черного жертвоприношения в его центре. «Ты вчера бы не сумел, бьюсь об заклад!» Кобольд настороженно подкрался к блюдечку.

— Благодарю тебя, господин хороший, — сказал он Бенефорте. Где бы тот ни находился.

Второй кобольд, а затем и третий просочились сквозь камень рядом с первым. Все они встали на четвереньки, опираясь на корявые лапки, и принялись лакать молоко точь-в-точь три тощие амбарные кошки. Эти кобольды с холмов были более светлыми, чем гранитно-серые человечки Бруинвальда, и отливали желтизной монтефольских песчаников. Оба новопришедших были совсем голыми, но их вожак носил фартук, почти такой же, как его горные родичи. Молоко в блюдечке быстро убывало, затем вожак поднял блюдечко (величиной с его голову) и вылизал дочиста. Черные глаза над краем пристально посмотрели на Тейра, и почти сразу же все трое исчезли в камне, даже «спасибо» не сказав.

Тейр замигал и снова подергал дверь. Она оста-

лась запертой.

— Мастер Бенефорте? Как мне спасти вас? И моего брата? «И себя».

— Я слабею, — еле слышно произнес призрачный голос. — И не могу больше говорить.

Тейр грустно решил, что тень мастера Бенефорте уклоняется от ответа. Плохо! Он старался думать, преодолевая усталость, от которой его лицо окостеневало, а в голове будто клубился, туман. Ноги его еле держали.

Ощупал тунику. У него еще оставалось два маленьких уха… Даже три, если он отыщет место получше для того, которое оставил на чердаке конюхов. Аббат Монреале особенно настаивал, чтобы он попробовал каким-то образом передать одно герцогине, заключенной в башне. Что же, вниз он добраться сумел. Монреале надлежало бороться с черной магией. Тейру надлежало выполнять приказания Монреале. Если сумеет. Он стиснул зубы.

Прежде чем думать, как проскользнуть мимо стражи, ему необходимо было найти способ выбраться из этой комнаты. На столе и полках лежало много странных инструментов. На крайний случай можно просто взломать проклятый замок. Но когда Тейр подошел к двери с первым

попавшимся шилом в руке, оказалось, что ему никак не удается вставить острие в скважину или подцепить им шляпку гвоздя. Замок был заклят, защищен так, словно его накрыли невидимым небьющимся стеклом Призраку Бенефорте, естественно, это помехой не было. Призрак Бенефорте мог проходить сквозь стены, когда ему заблагорассудится. Тейр скрипнул зубами.

— Мастер Бенефорте! — Тейр постарался придать своему голосу смирение и жалобность. — Прошу вас, выпустите меня отсюда.

Никакого отклика.

— Ради Фьяметты?

Слышал он только стук собственной крови в собственных ушах.

— Ури, если ты меня любишь! — Он сглотнул подступавшую к горлу панику, глухо отдавшуюся в его голосе. В равнодушной тишине его все больше охватывал ужас. Быть запертым в этом каменном мешке с мертвецами и дурманящими отголосками черного волхования. — Помоги мне!

На этот раз он ощутил присутствие не спокойной собранной силы Бенефорте, а чего-то смятенного, необузданного. Странное синеватое пламя зигзагом соскользнуло по железному

замку, точно молния. Когда замок щелкнул, открываясь, оно отпрянуло, точно раненое. Боль. Цена была заплачена страданием и волей. Да, Ури правда здесь. Немой, но вовсе не обессиленный. И не прислужник Вителли. Пока еще нет.

Тейр наклонил голову.

— Спасибо, брат! — прошептал он и, слегка пошатываясь, зажег сальный огарок в фонаре стражника, который так и простоял все это время у стола, никем не замеченный. С какой стати Ферранте обратил бы внимание на столь привычный и незатейливый предмет, один их тех, какие выдавались всем его солдатам? Тейр задул остатки восковых свечей и выскользнул из комнаты, как мог бесшумнее, и запер за собой дверь. «Как-нибудь я сумею вернуться, Ури. С планом действия. С аббатом. С войском».

Тейр не сразу сообразил, куда ему повернуть в коридоре. Он осторожно прокрался вверх по узкой лестнице, напрягая слух, чтобы уловить подавленный вздох или шорох движения поджидающего в засаде стража. В коридоре, ведущем к темницам, не оказалось ни одного. Лестница вилась вверх, в замок, как змея Вителли. В глубоком мраке наверху Тейр наткнулся на крепкую дубовую дверь. Она, конечно, была заперта. Он

спустился назад в коридор с темницами.

Тут раздувшийся мочевой пузырь подсказал ему, что делать. Судя по едкой вони, темное местечко в конце этого коридора и до него использовалось как отхожее место. Там Тейр и облегчился, стараясь, чтобы струя поменьше журчала. Потом задул фонарь, прошел на цыпочках дальше по коридору, растянулся на каменном полу, подсунул руку под голову, закрыл глаза и притворился спящим. И пока он ждал, чтобы его нашли солдаты, в его воображении кружился причудливый хоровод событий этой ночи. Он начал повторять про себя свой рассказ, но его мысли канули во тьму.

Бешеное ругательство разбудило Тейра. Он заморгал. Тело ныло от холода и жесткости камня, он попытался встать, и его свела судорога. Нога в сапоге пнула его, хотя и не очень сильно.

— Что? Кто? — сипло повторял Тейр в растерянности, которая была притворной лишь наполовину. Он и вправду заснул. Над ним с фонарем, свирепо хмурясь, стоял сержант. На его голос прибежал солдат, размахивая обнаженным кинжалом. Тейр чихнул.

— Откуда ты взялся? — сурово спросил сержант. — Где ты был?

Тейр так расчихался, что у него достало времени привести мысли в порядок.

— Матерь Божия! — просипел он с чувством. — Мне такой жуткий сон приснился! — Он сел, протирая глаза. — Я… я заснул? Виноват, я же обещал посторожить… Помешанный, он же не выбрался опять?

Тейр вцепился в сапог сержанта.

— Нет.

— А-а! Чудесно. Слава тебе. Господи. А то я уже…

— Что ты уже?

— Я уже подумал, что все было на самом деле. Что мне не снилось. А какой час?

— Скоро рассветет.

— Да не может быть! Я только что сходил поссать в конец коридора.

— Ты исчез. Тебя всю ночь нигде не было.

— Да нет же! Вы раздавали ужин узникам. Я сбегал в конец коридора и шел обратно. Слышал, как звякали ведра. А потом… потом…

— Что потом?

— Меня вдруг сморила страшная усталость. Будто на меня что-то нашло, ну я и прилег здесь на минутку. И мне приснился этот чудной сон, и тут вы меня разбудили.

Стражи тревожно переглянулись.

— А чего тебе приснилось, литейщик? — спросил солдат.

— Помешанный кастелян скинулся нетопырем прямо у меня на глазах. А потом и меня превратил в нетопыря. Мы полетели на юг. В Рим. Глупость какая! Я же никогда в Риме не бывал. — Тейр ошеломленно провел рукой по волосам. — С воздуха нам было видно все. Факелы, отражающиеся в Тибре… Папа в белоснежном одеянии стоял на балконе огромного дворца. Кастелян все еще в облике нетопыря, с нетопырьими ушами… только лицо у него было человечье… опустился на плечо его святейшества и зашептал ему на ухо. А папа зашептал ему и коснулся его своим кольцом. А потом мы полетели обратно, — безыскусно закончил Тейр, вовремя прикусив язык, чтобы не добавить: «До чего же у меня руки устали!» Солдаты Ферранте имели веские причины верить в сверхъестественные силы, но и у их доверчивости был предел — Но мы же десять раз проходили здесь! — сказал солдат — Тебя тут не было — Заткнись, Джованни, — перебил сержант Он грубо поставил Тейра на ноги. Хотя сержант был ниже его ростом, но очень силен. Он уставился на Тейра сердитыми встревоженными

глазами — По-твоему, тебя могли заколдовать, литейщик?

— Я… я… не знаю. Меня еще никогда не заколдовывали. Я думал, это был сон.

— Надо, чтоб тебя проверил знающий человек.

Вот это в план Тейра не входило.

— Скоро рассветет? Господи! Мне надо работать. Сеньору Ферранте пушка нужна без промедлений.

— А где ты будешь работать? — спросил сержант, прищурившись.

— В саду, то есть на заднем дворе, не знаю, как вы его называете. Завтра я должен построить горн… то есть сегодня.

— Ладно. Только чтоб я знал, где тебя найти. Джованни, проводи литейщика его милости во двор, понял? И никому ни гугу. Я сам доложу.

Тейр чувствовал, что времени у него остается немного. Рабочие как раз отправились на кухню завтракать — по куску горячей баранины между двумя ломтями хлеба. Каковы бы ни были другие грехи Ферранте, своих людей он кормил хорошо. Тейр ловко избежал вопросов о том, где он провел ночь.

Вместе с рабочими Тейр вышел в промозглый утренний туман и побрел в конец обнесенного

стеной сада к будущей литейне. Ноги скользили по примятой траве. Но туман рассеивался: взглянув прямо вверх, Тейр сквозь его дымку увидел голубой купол безоблачных небес, уже озаренный солнцем, еще не выплывшим из-за восточных холмов. Как ни рад был Тейр свету после ночных черных дел, он предпочел бы, чтобы время замедлилось. Слишком быстро розовые лучи коснулись башен замка — следующей цели Тейра.

Он привычно отдавал распоряжения рабочим, а сам обдумывал, как ускользнуть от них и пробраться в башню. Он расположил кирпичи по надлежащему изгибу будущего горна, принуждая свою раскалывающуюся от боли голову придумывать, придумывать… Он должен доставить ухо герцогине — ко всем чертям остальные два! — и убраться из проклятого замка еще до полудня. А тогда так или иначе пробраться в монастырь и потребовать магической помощи для Ури. Нельзя ли в темноте подплыть к обрыву на веслах, обмотанных тряпкой? Влезть или воспарить к окну каменного мешка? А тогда… что?

Или не попробовать ли убить Вителли сегодня днем, прежде чем он успеет совершить следующие мерзкие ритуалы? Хотя Ферранте

и принимал в них деятельное участие, все же он не стоял за этой вакханалией черной магии. Тейр вздрогнул, вообразив, как нож в его руке погружается в тугую человеческую плоть. Да и возможно ли убить мага? Глупый вопрос! Вспомни мастера Бенефорте. Смерть приходит к магам, как ко всем людям. Или… пожалуй, не как ко всем людям. Не сотворит ли новое убийство нового злобного духа, а то и похуже? Может, Монреале сумеет отчитать его и отправить в загробный мир. Отчитать их всех.

Тейр выкладывал кирпичами дно горна, решив сбежать, когда дойдет до конца ряда. Скажет, что идет по нужде. От тяжелых бревенчатых ворот конюшни в копне сада донесся громкий стук — кто-то выбивал засов кувалдой. Тейр обернулся. Пара шумных лозимонских солдат в стальных и кожаных доспехах, пятясь, тянули толстую веревку. Крики их звучали слишком благодушно, чтобы иметь какое-то отношение к битвам, и товарищи Тейра, было замершие, расслабились и оперлись на лопаты, чтобы наблюдать с удобствами. Вслед за лозимонцами из ворот показалась вереница мулов, привязанных один к другому. Первый — внушительно серый, за ним медово-коричневый с кремовой мордой…

Тейру были хорошо знакомы эти яркие полосатые попоны. Господи, да это же мулы Пико! Что, если их хозяин выдаст, кто такой Тейр, и полчаса спустя Тейр уже будет висеть на вбитом в стену крюке — пойманный вражеский лазутчик? Тейр пригнулся в полувозведенном горне, испуганно озираясь. Черт побери, Пико же сказал, что отправится в Милан прямо через холмы. Какой ангел надоумил его вместо этого отправиться продавать свою медь в Монтефолью? И именно теперь?

Но когда все восемь мулов, поупиравшись, вошли, он не увидел ни Пико, ни его сыновей. Лишь четверо спешившихся лозимонских кавалериста подгоняли животных. Тейр выпрямился, сбитый с толку, настороженный.

— Эй, литейщик! — крикнул первый солдат. — Где нам их сгружать?

Тейр чуть было не ответил: «Кладите чушки попарно вон там!» — но вовремя понял свою ошибку и сказал:

— Что сгружать-то? — и направился к мулам. Они были грязными и в мыле под сбруей. Зеленые мухи с радужными крылышками уже кружили над розовыми свежими ссадинами по краям ремней. Один мул хромал и, остановившись, поджал

правую ногу. Все нагнули морды к траве и бурьяну, чавкая пересохшими от жажды губами.

— Новую медь его милости! — Солдат откинул холст, накрывавший вьюк, и с гордостью указал на толстый слиток.

Тейр уставился на взмыленных, измученных мулов. Пико никогда бы не позволил…

— А где П… где их хозяин? — спросил Тейр. Дурное предчувствие придало непривычную требовательность его голосу.

— Вознесся к Богу, — ухмыльнулся солдат. — Их завещал нам.

Тейр сглотнул:

— А где вы их нашли?

— Вчера несли дозор к северу от озера. Чертовски далеко от дома, и уже решили возвращаться, как наткнулись на стоянку этого олуха в холмах. Лейтенант решил, что этот подарочек придется по вкусу его милости, ну мы их и забрали. Всю ночь их гнали, чтобы поскорее сюда добраться. Упрямые скоты. Под конец пришлось лупить их мечами плашмя, так они упирались.

Да, крупы почти всех мулов покрывали кровавые рубцы. Но ведь кавалеристы Ферранте были столь же жестоки и с собственными лошадями и друг с другом. Потное грязное лицо солдата

выглядело почти столь же измученным, как морды мулов. Но мулов не поддерживало хищное ликование.

— А П… разве хозяин мулов… Думается, он возражал? — Тейр с трудом придавал своему голосу холодное безразличие.

— Ну, испанский клинок лейтенанта скоро покончил с его возражениями. — Солдат помолчал. — Вот мальчишку он, может, и зря. Парень все кидался на нас, когда все уже было кончено. Свихнулся, надо быть, хотя его старший брат головы не потерял и старался его, удерживать. Ну да после последней осады Пизы случались вещи и похуже.

— А он… что он сделал с мальчишкой?

— Да почти снес ему голову. Ну, хоть сразу визжать перестал.

— Убил его? — еле выговорил Тейр.

— Сразу же. — Солдат задумчиво сплюнул. — Могло бы и хуже быть.

Тейр заложил руки за спину и переплел пальцы, чтобы унять дрожь.

— Он… он обоих мальчишек убил?

— Не-а. Тот, что посмышленей, удрал. — Солдат обернулся. — Ага.

Тейр следом за ним посмотрел на двери замка.

В сад спускался сеньор Ферранте в той же кольчуге и кожаных сапогах, что и накануне утром. Белый воротник чистой полотняной рубашки обрамлял его шею, золотая кокарда на шляпе сверкала алмазами. Сбоку от него шел еще один грязный и усталый кавалерист. Пропыленная черная борода обрамляла темный провал рта, в котором не хватало нескольких передних зубов. Тейр похолодел, но не было причин опасаться, что тот запомнил его на постоялом дворе Катти. Уже смерклось, а Тейр держался в стороне почти до самого ужасного конца. «Но мне следовало бы сразу догадаться, что это он, по его манере забирать все, чем можно поживиться», — тоскливо подумал Тейр.

— Ну так, — весело сказал Ферранте, подходя к Тейру, — что хорошенького есть у нас тут, немец?

Тейр подошел к вьюку и сделал вид, будто внимательно рассматривает его содержимое.

— Лучшая швейцарская медь, ваша милость.

— Она нам годится? И ее хватит?

— Да, и ее даже больше, чем нужно. — Тейр провел пальцами по метке мастера Кунца, выдавленной в мягком красном слитке. — Я… слышал про эту плавильню. Очень чистый металл.

— Вот и хорошо. — Сеньор Ферранте повернулся к своим солдатам и снял с пояса кошелек. Высыпал на ладонь горсть золотых монет, поднял ладонь так, чтобы все их увидели, ссыпал назад в кошелек, который отдал их щербатому начальнику для дележа. Солдаты разразились радостными криками.

— Разгрузи мулов, а потом отправь своих людей поесть, — приказал Ферранте лейтенанту. — Мулов отведете за стены к моему конюшему. — Ферранте прошелся вдоль мулов и нахмурился. — Прежде чем пойдете есть, приглядите, чтобы с них сняли сбрую, напоили их и задали им корм. Пусть старший конюх посмотрит, что с задней ногой у бурого. Я хочу, чтобы мои мулы служили подольше.

Ферранте повернулся на каблуках и направился к лестнице в замок.

Под надзором удрученного Тейра голодные солдаты быстро разгрузили мулов и сложили медные чушки на земле возле горна. Рабочие вновь принялись копать. Лопаты с хрустом вонзались в твердую землю. Полоса света все расширялась по мере того, как солнце поднималось выше, добралась до штабеля медных слитков, и его края запылали алым ослепительным огнем. Тейр

сглотнул тошноту.

— Я… схожу в нужник, — сказал он, повернулся и, шатаясь, побрел из сада.

Глава 13

Тейр действительно отправился в нужник — к стоку в стене замка за углом конюшни, которым пользовались конюхи и рабочие… Он вышел оттуда, избежав припадка рвоты, которого опасался, прислонился к стенке стойла и слушал, как лошадь неторопливо жует сено. Это соседство немного его успокоило. Животные немы и безгрешны. Однако Бог отверз уста Валаамовой ослицы, дабы она могла свидетельствовать против несправедливости, если верить рассказу брата Гларуса. Но тогда почему же мулы Пико остались немы?

Тейра охватила непонятная дрожь, ему стало трудно дышать. Ненависть. Гнев, как она обозначена в списке семи смертных грехов. Убийство Зильо, младшего сына Пико, описанное с таким равнодушием, язвило его воображение, вызывало чуть ли не больше ярости, чем смерть Ури. Ведь Ури был мужчиной и сам выбрал свою дорогу. Но у лозимонцев не было причин убивать мальчика. Могли бы отшвырнуть его в сторону, связать или еще как-то с ним сладить… Но праведное негодование вдруг угасло — он вспомнил землистое

лицо маленького конюха, положенного поперек седла Ферранте. В смятении мыслей он потряс раскалывающейся от боли головой.

Через конюшню он вышел в главный двор. Двое конюхов вывели туда мулов Пико и привязали к кольцам на стене во все суживающейся полосе тени. Они их напоили, сняли сбрую, а теперь чистили и втирали гусиный жир в болячки. Мулы выхватывали клочья сена из положенных перед ним кучек, сердито прижимали длинные уши, покусывали друг друга. Тейр прищурился, оглядывая залитый солнцем двор, ослепительно сверкающую мраморную лестницу. Солнце поднялось совсем высоко. Оно всегда поднимается так быстро по утрам! Напротив у основания северной башни по сторонам маленькой арки стояли двое стражей.

Тейр нащупал за пазухой оставшиеся уши, и поглядел на стражников. На вид они казались бдительнее, чем солдат, который устало дремал перед темницей накануне вечером. Можно ли второй раз воспользоваться сказочкой о проверке решеток и запоров?

Пока Тейр собирался с духом, низенькая дверь под аркой распахнулась, и стражи взяли на караул. Оттуда вышел лозимонский офицер, и за ним

три женщины, которые остановились, жмурясь от солнца. Две женщины и девочка, поправил себя Тейр. Первой вышла темноволосая пухленькая матрона лет двадцати пяти в светло-желтом полотняном платье. Вторая, средних лет, была в черно-белом шелковом платье — миниатюрная поблекшая блондинка, рыжеватые волосы, веснушки; лицо, затененное широкополой шляпой, выглядело измученным и осунувшимся. Девочка, почти одного с ней роста, была в светло-зеленом полотняном платье и тугой шапочке, из-под которой на спину падала длинная золотая коса. Она крепко держалась за локоть увядшей дамы.

Офицер сделал им знак идти дальше, растопырив ладони, словно подгонял овец. Нахмурясь, они медленно прошли через двор и по мраморной лестнице вошли в замок. Тейр закусил губу, быстро прошел назад через конюшни и перелез через калитку в сад. Его товарищи отпустили несколько колких замечаний о любителях отлынивать от работы, когда он пробежал мимо кучи кирпича. Но он не успел пересечь и половины сада, когда увидел, что в ворота входят те же женщины по-прежнему в сопровождении офицера. Тейр заколебался, сделал вид, будто выковыривает камушек из башмака. Дама в шелковом платье

опустилась на мраморную скамью в увитой виноградом нише — молодая листва уже давала достаточно кружевной тени. Девочка и брюнетка в светло-желтом под руку, точно оберегая друг друга, пошли по усыпанной песком дорожке. Видимо, благородных узниц вывели подышать воздухом.

Надолго ли? Что, если просто подойти к ним? Офицер прохаживался поблизости и, конечно бы, услышал. Смущенный таким улыбнувшимся ему сомнительным случаем, Тейр отступил к кирпичам и начал укладывать новый ряд, внимательно следя за происходящим в саду. Один раз шляпа герцогини обернулась в его сторону, но тут же снова отвернулась. Прогуливающаяся пара остановилась возле ее скамьи. А потом направилась в его сторону. Тейр затаил дыхание. Офицер шагнул было за ними, но передумал и остался ждать возле герцогини, прислонившись к столбику ниши и скрестив руки на груди.

А молодые женщины подходили все ближе. Девочка, наверное, мадонна Джулия, матрона — что-то вроде фрейлины. Кто-то из рабочих вполголоса отпустил сальную шуточку.

— Барашек ли, баранинка, все одно они для стола его милости, — пробормотал его товарищ,

кисло улыбаясь. — А нам и объедков не достанется, можешь мне поверить.

— Придержите языки, — проворчал Тейр. Землекоп нахмурился, но — возможно устрашившись роста Тейра — проглотил уже готовый непочтительный ответ, и опять взялся за лопату. Тейр обошел основание горна, прикидывая его размеры с видом начальника. Видимо, в этом он преуспел, так как, подойдя, брюнетка спросила у него:

— Что это вы тут затеяли, милейший? Почему уродуете наш бедный сад?

Тейр наклонил голову в неуклюжем полупоклоне и тут же подошел к ней почти вплотную.

— Строим горн, мадонна, чтобы починить вон ту бомбарду! — Тейр указал на позеленелый горшок.

— По чьему приказу? — спросила она, попятившись.

— Сеньора Ферранте, а то чьего же? — Тейр убедительно взмахнул руками и встал настолько близко, что уже мог понизить голос. Он выпалил:

— Я Тейр Окс. Брат вашего капитана Ури Окса. Меня послал аббат Монреале. Я только притворяюсь литейщиком.

Брюнетка крепче сжала локоть девочки.

— Сходи за своей матушкой, Джулия.

— Нет! — запротестовал было Тейр, но Джулия уже убежала. — Нас не должны заподозрить, что мы разговариваем о чем-то секретном. — Он повернулся и начал указывать то на то, то на другое, будто объясняя, как устроен горн. Рабочие, которые не могли их слышать, смотрели, куда он указывает, и больше не следили за ними любопытными глазами. Тейр вытащил из-под туники маленькое ухо и прошептал в ладонь заклинание, а потом небрежно опустил руку, на мгновение повернув тамбуринчик к своей собеседнице. — Это магическое ухо. Если бы будете говорить в него, аббат Монреале и его монахи в Святом Иерониме услышат вас. Спрячьте побыстрее!

Глядя на бомбарду, она вытащила из рукава носовой платок и обмахнулась, словно для прохлады. Платок выпал у нее из руки. Тейр нагнулся поднять его, и платок с ухом исчезли у нее в рукаве. Она кивнула ему в знак благодарности, но отступила, словно ей был неприятен его плебейский запах. А может, ей и вправду был неприятен его плебейский запах. Пот утренних трудов под горячими солнечными лучами насквозь пропитал серую тунику.

Тут мадонна Джулия подвела к ним герцогиню Летицию, у которой, во всяком случае, хватило сообразительности сначала оглядеть строящийся горн, а уж потом посмотреть на Тейра.

— Этот литейщик говорит, что его послал епископ Монреале, — шепнула брюнетка. Тейр сглотнул и поклонился с непритворной неуклюжестью. Деревенского Олуха Представляют Герцогине — на расстоянии эта сцена выглядела убедительно.

Выцветшие голубые глаза Летиции, опухшие и покрасневшие, обрели холодность стали. Она шагнула к Тейру и посмотрела ему в лицо снизу вверх. Ее пальцы судорожно вцепились в его рукав.

— Монрале? — еле слышно сказала она. — Асканио у него?

— Да, мадонна. В монастыре. В полной безопасности.

Опухшие веки закрылись.

— Благодарение Богу! Благодарю тебя, Матерь Божья!

— Но… но монастырь осаждают лозимонцы. Мне надо вернуться туда за помощью. Мой брат убит, и Ферранте и Вителли хотят заключить его дух в магическое кольцо. Я должен помешать им,

но я не знаю как.

Глаза герцогини открылись.

— Просто убить их, — сказала она бесстрастно.

— Я… мне не выпало удобного случая, — пробормотал Тейр, несколько отклонившись от истины. Случаи ему выпадали, но все недостаточно удобные. «Бьюсь об заклад, для Ури они были бы удобными!»

— Будь у меня мои четки черного дерева, клянусь, я сама создала бы удобный случай, — заявила Летиция и отвела глаза, вновь маскируя важность этого разговора. Женщина в желтом скрестила руки на груди.

— Прошу прощения? — сказал Тейр.

— Послушай, любезный, ты не смог бы пробраться в мои покои? В шкатулке там лежат четки из черного дерева. То есть лежат, если их не украли. Их легко узнать по застежкам из золотой проволоки. К ним подвешен шарик из слоновой кости, покрытый тонкой резьбой. Если бы ты сумел найти их и принести мне…

— Треснувшая бомбарда будет потом расплавлена, чтобы хватило металла, — перебил ее Тейр громким голосом. Он широко раскрыл глаза, делая ей знак. Из замка вышел сеньор Ферранте. Он огляделся, увидел женщин, отмахнулся от

отдающего честь офицера и начал спускаться в сад. Офицер последовал за ним и остановился на почтительном расстоянии, прислонившись к стене, выходившей на обрыв. Под мышкой Ферранте держал маленькую лохматую собачонку с выпуклыми карими глазами.

Тейр продолжал:

— Остальное мы восполним, расплавив новые чушки. Сеньор Ферранте дает нам для нашей работы все, что требуется.

Джулия было отпрянула от матери, но тут же увидела собачку.

— Пиппин! — закричала она. Собачка начала отчаянно вырываться. Ферранте почесал ее за ушами, чтобы успокоить, потом нагнулся и отпустил ее. Она кинулась к своей хозяйке, вспрыгнула с тявканьем на ее юбки, после чего начала бегать кругами по саду, но в конце концов вернулась на зов Джулии, которая подхватила своего любимца на руки и принялась осыпать поцелуями лохматую голову. Брюнетка сказала негодующе:

— Как можно, Джулия! Перестань целовать собаку.

— Я думала, он убьет бедненького Пиппина! — Яростный взгляд в сторону Ферранте не оставил

сомнений в том, кто был этот «он». В ее глазах заблестели слезы.

— Я ведь сказал, что хочу взять его на несколько минут, — заметил Ферранте спокойным, даже ласковым тоном. — Вот он — целый и невредимый. Вы должны научиться доверять моему слову, мадонна Джулия, если мы хотим поладить.

Все три женщины взглянули на него с одинаковым отвращением, словно на сколопендру или скорпиона. Ферранте поморщился и переступил с ноги на ногу.

— Поладить? — холодно осведомилась герцогиня.

— Взвесьте выгоды! — Ферранте пожал плечами и добавил не менее холодно:

— Взвесьте невыгоды, если вы не пожелаете.

— Заключить сатанинскую сделку с убийцей моего мужа и господина? Никогда!

— Никогда — долгий срок. Жизнь продолжается. Вам надо позаботиться о ваших детях. Бесспорно, злополучная случайность нас всех удручила. Я никак ее не ожидал и сожалею, что вышел из себя, но меня нестерпимо оскорбили. Гнев — это грех мужчин!

— И вы все еще смеете предлагать, чтобы я

обрекла Джулию на жизнь под подобной угрозой? — вспылила Летиция. — Чтобы она стала второй в моей семье жертвой вашего гнева? А как умерла ваша первая жена? Поистине вы безумны, сеньор.

Ферранте щелкнул зубами. Он изобразил улыбку и вынул кожаный мячик из узорчатой сумки на поясе.

— Вот, Джулия. — Он повернулся к девушке подчеркнуто смягчив голос. — Я принес вам мячик для… э… Пиппина. Почему бы вам не пройти с ним в другой конец сада и не проверить, будет ли он вам его приносить? Бьюсь об заклад, что будет.

Джулия неуверенно посмотрела на мать, которая скрестила взгляд с Ферранте.

— Да, любовь моя, — сухо согласилась Летиция. — Пойди поиграй.

Девочка неохотно опустила собачку на землю и пошла, раза два оглянувшись через плечо. Пиппин побежал за ней, радостно подпрыгивая.

— Ваша светлость? — Женщина в желтом подняла брови, кивнув в сторону Джулии.

— Останьтесь со мной, дама Пия, — сказала герцогиня. — Я хочу, чтобы следующее преступление этого человека было бы совершено при

свидетеле, каким бы оно ни оказалось.

Ферранте досадливо возвел глаза к небу:

— Подумайте, Петиция! Что сделано, то сделано, и никто не может изменить прошлое. Вы должны думать не о прошлом, а о будущем. — Его рука сжалась в кулак, затем разжалась, и он опустил ладонь на кожаный верх сапога рядом с мечом. Тут его взгляд упал на Тейра, который стоял там, стараясь обрести невидимость.

— Иди работай, немец! — Ферранте резко махнул рукой, Тейр поклонился и отошел на наиболее близкое к ним место — к куче разбитых кирпичей. Присел перед ней на корточки и притворился, будто раскладывает их по величине. Ферранте хмуро обозрел рабочих, яму, незавершенный горн, затем подошел к Тейру и понизил голос.

— Что же, литейщик, когда будет готова моя пушка?

«Никогда, сукин ты сын!»

— Если я проработаю весь день, ваша милость, то к закату горн должен быть готов. Тогда его нужно будет обмазать глиной изнутри и дать время глине высохнуть, а потом ее обжечь.

— А сегодня же вечером это сделать можно?

— Можно-то можно, но обжигать ее еще сырой

опасно, как бы не появились трещины.

— Хм! Все равно попробуй! — Ферранте быстро взглянул на солнце. Время, видимо и его припекало.

— Надо будет еще сделать форму бомбарды, ваша милость. Пусть горн потихоньку сохнет, пока мы будем ее делать.

— Ладно, — Ферранте рассеянно смотрел на горн. Видел ли он мысленным взором, как его бомбарда сокрушает стены Святого Иеронима. А дальше что? Бой в проломе, монахи и солдаты Сандрино убиты. Женщины — Фьяметта, Боже Великий! — замучены, укрывшиеся монтефольцы разыскиваются, предаются мечи, тщетно ища спасения в часовне. Будет ли среди них Фьяметта? Уж конечно, она будет драться, как кошка, и ее убьют за это, грязно убьют. Тейр не верил, что Фьяметта способна сдаться, смириться. Перепуганного Асканио вытаскивают из-под кровати приора и перерезают ему горло… как сыну Пико. Хотя Зильо не защищали ни солдаты, ни каменные с гены. Да только конец все равно один.

«Просто убить их».

Тейр был один рядом с Ферранте. Нож в ножнах на поясе нажимал на его бок, как властная рука. Какого еще случая ему ждать? Правда, на Ферран-

те кольчуга, но шея у него обнажена, как… как у мальчика. Но сможет ли он потом спастись? Перемахнуть через ворота конюшни, пробежать через передний двор, прежде чем поднимется тревога? Тейр окаменел, почувствовав, как пика кавалериста на вороном коне впивается ему между лопаток, пока он бежит по дороге. Нет, в это солнечное утро он не хотел умирать. Может, и Ферранте не хочет. «Не мое это призвание. Я пришел в Монтефолью создавать прекрасные вещи из металла, а не трупы из людей. О Господи!» Тейр выпрямился.

Но Ферранте уже повернулся и быстро шел назад к герцогине. Еще один упущенный случай. Хорошо это или плохо? Плачут ли ангелы, или дьяволы скрежещут зубами? Тейр вновь присел перед грудой кирпичей, не спуская глаз с Ферранте и отчаянно напрягая слух, чтобы уловить его слова.

— Мы еще можем все уладить, ваша светлость, самым благопристойным образом, — вновь обратился Ферранте к герцогине, опять владея своим голосом и держа себя в руках. — Смерть Сандрино была несчастной случайностью. Он упал, споткнувшись, и напоролся на кинжал. Мы оба выпили на пиру слишком много неразведенного

вина. Мой лейтенант не понял, что происходит.

— Мы все знаем, что это ложь, ложь и ложь, — отрезала Летиция.

— Но знаем это только мы, — вкрадчиво сказал Ферранте после того, как быстрый взгляд на каменное лицо дамы Пии убедил его, что отрицать бесполезно. Если мы все будем говорить так, то остальные ничего другого знать не будут. Вы спасете честь и высокое положение своей семьи в этом неприятном стечении обстоятельств. Если я женюсь на Джулии и сделаюсь опекуном Асканио, всем станет ясно, что злополучная кончина Сандрино была случайной. Вы ничего не потеряете, даже своего дома, и обретете защитника в моем лице.

— Чтобы ты мог отнять у моего сына его наследство? Чтобы ты мог убить его без хлопот?

— Я бы мог убить его без хлопот прямо сейчас, — крикнул Ферранте. — Отдайте мне должное. Я пытаюсь спасти вас всех.

— Ты просто пытаешься спасти себя. От справедливого возмездия, которое тебя постигнет, если Бог не отвернулся совсем от этого мира.

Ноздри Ферранте раздулись, но он вновь раздвинул губы в улыбке, было с них исчезнувшей.

— Я ведь не бесчеловечен. Я желаю вам добра.

Видите, я даже принес вам четки, о которых вы просили. Мои люди и я — не воры вопреки вашим обвинениям. — Он вытащил из кошеля отполированные черные четки и поднял повыше, чтобы она не могла их взять.

Летиция побледнела, остановила уже приподнятую руку и с легким реверансом приняла, а не выхватила приношение.

— Благодарю вас, ваша милость, — пробормотала она. — Вы не представляете себе, что они значат для меня.

— Думаю, что представляю. — Ферранте улыбнулся. Она пропускала черные шарики через свои белые нежные пальцы, дошла до конца — до черного шарика, удерживаемого на нитке золотой застежкой, торопливо начала перебирать их назад и добралась до другого конца — тоже простого черного шарика. Она подняла глаза, широко открывшиеся от гнева, а Ферранте показал ей шарик из слоновой кости, зажав его между двумя пальцами.

— Вы не его ищете? — спросил он сладким голосом.

— Отдайте! — Летиция рванулась вперед, зашелестев шелком, и тут же остановилась, прижав ладони к бедрам.

— Очень интересная штучка. Я приказал Вителли внимательно его осмотреть.

Дама Пия прижала к груди руки в широких желтых рукавах, но продолжала мужественно стоять у плеча герцогини.

— Замечательное заклинание, — продолжал Ферранте со жгучей иронией. — Способ, каким женщина может убить мужчину, несравненно сильнее ее. Яд, который не подсыпают ни в еду, ни в питье, так что моя солонка не помогла бы. Женщина кладет шарик под язык. Потом соблазняет своего врага поцеловать ее. И кто бы это сделал? Вы или Джулия? Или дама Пия? Как мило — соблазнить меня, пока ее муженек томится в темнице прямо у нее под ногами. Она шепчет слово, отпирающее шарик, и дышит в рот своего ничего не подозревающего любовника. Яд заползает в него в виде змеи из дыма. Он умирает, словно на шее у него затянули удавку — не способным дышать. Полагаю, ей надо поберечься и самой не вдохнуть немножко дыма, э? — Его кулак сомкнулся на шарике.

— Если какой-нибудь мужчина заслужил подобную смерть, так это ты, — прошипела дама Пия.

— А, так моим палачом должны были быть

вы? — промурлыкал Ферранте. — Я этого не забуду. Но нет. Если прибавить это к весьма странному запертому расписному ларцу, который стоит у вас в будуаре, светлейшая Летиция, мне кажется, вас весьма убедительно можно обвинить как отравительницу, прибегающую к черной магии. Поразмыслите над этим.

— Ты обвинишь? Лицемер! Да раздвоит Бог твой лживый язык!

— Можно подумать, что Бог — ваш наемный убийца, если послушать, как вы к нему взываете! — съязвил Ферранте. — Вы ловко храните свои тайны, Прежде мне и в голову не приходило, что у вас есть способности к черной магии. Но это, — он покатал шарик между пальцами, — превосходная работа.

— Его сделала не я! — воскликнула Летиция.

— Так откуда же он у вас?

— От девушки, которая из-за него попала на костер. Она получила его в Венеции от мага-мавра и использовала, чтобы убить изменившего любовника. Я навестила ее в темнице накануне казни из милосердия и во имя Господа нашего Иисуса. Инквизитор со всеми своими орудиями так и не узнал ее тайны, но мне она рассказала и дала его как… как диковинку. Создать что-либо подобное

мне не по силам! — Летиция крепко сжала губы.

— Другого вы сказать не можете. Но взгляните на дело с моей точки зрения. Человек, приказавший тайно удавить свою тещу, неизбежно подвергнется строгому осуждению со стороны ее многочисленной родни, как бы мужчины ни одобряли в душе это деяние. Но благочестивец, который сожжет ее на площади за черное волхование против его жизни, снищет только глубокое сочувствие.

— Судебное убийство, — ледяным тоном сказала Летиция, — остается убийством.

Дама Пия побледнела и еле дышала.

— Но мои-то руки не будут им запятнаны, э? И разве убийств в Монтефолье уже не достаточно? Послушайте, ваша светлость, заключим мир. Сегодня я смиренно прошу и позволяю вам сохранить достоинство, согласившись добровольно. — Благожелательность Ферранте, казалось, вот-вот лопнет по швам.

Летиция отвернулась.

— У меня разболелась голова. Вы слишком долго задержали меня на солнце.

Голос Ферранте стал жестким.

— Завтра у меня будет средство вынудить вас к согласию. И вы пожалеете, что не заключили

выгодной сделки, пока могли.

— Я хочу вернуться в свой покой! — Лицо Летиции превосходило холодностью лица мраморных статуй, кое-где украшавших сад.

— Чтобы и дальше настраивать вашу дочку против меня? — Ферранте убрал шарик из слоновой кости в кошель и отвесил ей учтивый поклон. Петиция и дама Пия посмотрели в глубину сада, где на скамье сидела Джулия, боязливо прижимая к себе собачку. Ферранте проследил их взгляд из-под полуопущенных век. — Мне кажется, настало время оградить ее от вас и вашей прислужницы, столь вам верной. Пока вы не принудили меня к такого рода ухаживаниям, каким наши римские благородные предки обрели своих сабинских супруг.

Потребовалось мгновение, чтобы смысл этой угрозы стал ясен. Глаза Летиции загорелись гневом.

— Ты посмеешь!..

— А вы посмеете тогда отказать мне в разрешении обвенчаться с ней? — Сдвинув брови, Ферранте взвесил эту внезапно его озарившую мысль. — Пожалуй, нет. Не это ли средство против вашего упрямства, Летиция? Конечно, крайнее, но если вы заставите меня быть жестоким, чтобы

быть добрым…

— Чудовище! — вскричала дама Пия и замахнулась на его лицо скрюченными пальцами. Он легко перехватил ее руки и с силой дернул вниз, раздраженно сжав губы. Из ее желтого рукава выпал белый кружок и запрыгал по сухой земле. Она охнула и наступила на него — но опоздала. Вокруг ее туфли словно всколыхнулось оранжевое пламя и погасло.

— Это еще что? — спросил Ферранте, легко отодвинув даму Пию на расстояние руки, как она ни сопротивлялась, и нагнулся за смятым тамбуринчиком.

Через минуту-другую откроется, что он — соглядатай! Тейр выпрямился, нащупывая рукоятку ножа. В последний раз он им пользовался, когда резал за завтраком баранину. Лезвие затупилось. Почему он не подумал его наточить? У него перехватило дыхание.

Он выхватил нож и прыгнул в тот момент, когда Ферранте распрямился. Слишком далеко для удара! Солдат у стены бросился вперед с предупреждающим криком. Ферранте полуобернулся и вскинул руку в кольчуге, отбивая нож. Лезвие скользнуло по колечкам и оцарапало шею Ферранте сбоку. В отчаянной попытке

вернуть удачный случай Тейр повернул нож и ударил. Теперь лезвие впилось в шею Ферранте под затылком. Но Ферранте уже перехватил его запястье с силой, неожиданной при таком неудобном повороте его собственной руки, и нож пошел лишь на кончик острия. Ферранте пытался завладеть рукояткой, и тут Тейра словно молния ударила в пах и по всему телу разлилась слепящая боль — колено искушенного в рукопашной Ферранте нашло цель безошибочно и с силой. Тейр согнулся, его подбородок наткнулся на сапог, и его голова откинулась. Это было хуже, чем попасть под камнепад. Снова пинок — теперь в живот, швы лопнули, и порез начал кровоточить.

В ложбинку у горла Тейра уперся кончик длинного блестящего меча, а он лежал на спине, и моргая, глядел на синее небо над головой, на маячащее над ним темное лицо Ферранте. Тот прижал руку к шее, посмотрел на липкую кровь, окрасившую его ладонь, и выругался. Вздернул меч и отступил на шаг. Подбежали еще два солдата и принялись пинать Тейра, хотя в этом не было никакой нужды.

Герцогиня и дама Пия кричали, цепляясь друг за друга. Фьяметта бы по крайней мере схватила

кирпич и попробовала бы раскроить Ферранте голову. Тейр горько сожалел о своей робости. Будь он посмелее, он мог бы добиться от нее поцелуя или даже чего-то большего, перед тем как умереть, умереть…

Ферранте опирался на меч, тяжело дыша, показывая белки глаз. Минуту спустя, когда стало ясно, что Тейр не повторит своей попытки, он махнул стражам.

— Уведите их в башню! — приказал он, и двое солдат подошли к плачущим женщинам, а офицер следом за ними увел Джулию с ее собачкой из светлого сада.

Тейр мигал слезящимися глазами и старался запомнить небо. Ему хотелось упасть туда, уйти к Богу. Он бы, конечно, предпочел, чтобы его последний взгляд упал на Фьяметту, но никак не хотел, чтобы она оказалась тут, а потому достаточно будет неба. Над ним дрожали и расплывались лица врагов. Смазанное, раздвоенное лицо Ферранте, багровое от ярости и страха.

— Почему, немец? — проскрежетал Ферранте, и блестящий меч вновь прижался к горлу Тейра. Он был похож на желоб, восходящий к небесам, словно укороченный блеском солнца. По нему можно было скользнуть вверх, в синее небо…

— Швейцарец, — хрипло поправил Тейр. Рот у него пересох, на зубах скрипел песок.

— Почему ты пытался меня убить?

Почему. Почему. Ну, так вроде бы следовало. Все этого от него хотели. А он, в сущности, не хотел. Он хотел возвращения Ури куда больше, чем смерти Ферранте.

— Ты убил моего брата! — выплюнул Тейр вместе со сгустком крови.

— А? Не швейцарского ли капитана Сандрино? — Зубы Ферранте блеснули в жутковатой довольной усмешке. Видимо, месть за мертвых братьев была в его мире достаточной причиной, чтобы стало больше других мертвых братьев. Есть ли брат у Ферранте? Так и будет эта цепочка тянуться вечно?

Красное одеяние Вителли, секретаря, захлопало на бегу.

— Ваша милость! — кричал он голосом, полным паники.

— Все не так страшно, как выглядит, Никколо, — произнес Ферранте скучающим голосом, вновь полностью им владея.

— Вы истекаете кровью…

— Царапины. Эй, ты, приведи моего лекаря.

— Позвольте, я ее остановлю… — Вителли про-

вел ладонью над шеей Ферранте, и кровь почти перестала сочиться.

Окровавленными ногтями Ферранте осторожно почесал вокруг ранок, морщась от раздражения.

— Еще бы чуть-чуть, черт побери! Обыщите его, не припрятал ли он еще оружия.

Он кивнул солдату, и тот, встав на колени рядом с Тейром, начал шарить по его избитому телу. Нашел за пазухой его тощий кошель, отдал секретарю, а белый пергаментный кружок небрежно положил на землю. Тейр застонал.

Даже Вителли обратил внимание на кружок только с третьего взгляда.

— Что?.. — Он нагнулся, подобрал его и через секунду выругался. Его пальцы сжали, раздавили тамбуринчик, и между ними вспыхнул и погас оранжевый свет. — Откуда у тебя это?

Тейр мечтательно улыбнулся, плавая в океане боли.

— Отвечай! — завопил солдат и снова его пнул. Тейр охнул и поплыл за отступающей тьмой, которая унесет его от всего этого.

— Ладно! — Вителли протянул руку, умеряя рвение солдата. — Если есть еще, с помощью этого я их отыщу.

— Что это такое? — спросил Ферранте, взяв

левый тамбуринчик и сравнивая его с расплющенным.

— Думается, какое-то приспособление для подслушивания, ваша милость. И… и работа искуснейшая. Я чувствую, есть и другие.

Ферранте перевел взгляд с тамбуринчиков на Тейра и сжал губы.

— Он лазутчик?

— Без сомнения.

— Он назвался братом капитана Сандрино. Ну да одно другому не мешает. — Ферранте махнул солдатам. — Повесьте его на южной башне, так чтобы его было видно с северной.

Солдаты подхватили Тейра под мышки, чтобы поднять. Он смутно вспомнил, что молился Богу спасти его от повешения. «Беру эту просьбу обратно». Ведь ему же была обещана смерть в тисках земли и воды, а не болтаясь в воздухе.

— Погодите, ваша милость… — Вителли подошел, нагнулся и вперил взгляд в распухшее окровавленное лицо Тейра. — Брат капитана Окса? Неужели? Они не очень похожи. Ну, пожалуй, подбородок.

— А это имеет значение?

— Выпал случай…

— Что? — раздраженно крикнул Ферранте. —

Мне не нравится тянуть с этим. Он лазутчик, убийца, ну так вздернуть его в назидание другим.

— Вздернуть… да, но… по-моему, мы можем извлечь пользу из его смерти. Внизу. Э? Кошки, петухи — мелочь в сравнении с человеком. А если он правда брат… другого, тогда… Мне придется переделать мои чертежи. Превосходно, ваша милость, поистине превосходно!

— А! — Ферранте задумчиво потер подбородок — Понимаю. — Он помедлил в непривычной для себя нерешительности — Может, у него есть еще один брат, который прыгнет на меня из темноты? Ну-у… в конце-то концов он приговоренный к смерти преступник. А жаль. Он мне нравился.

— Тем лучше, ваша милость — Глаза Вителли хищно блеснули.

Губы Ферранте сложились в узкую линию, но он обернулся к солдатам:

— Отведите его в темницу. Мы допросим его позже и сами казним.

Двое лозимонцев подняли Тейра на ноги. Сад толчками закружился вокруг него, его затошнило. Новая серая туника была безнадежно испорчена кровавыми пятнами, заметил он со слезами огорчения. Матушка расстроится… Они поволокли его

через сад. Сумрак замка отсек ясность дня. Вокруг него плавало глухое эхо оштукатуренных коридоров. Спотыкаясь на ступеньках, он спустился в речную каменную ночь. За углом — знакомые зарешеченные темницы. В уши ему назойливо ввинтились сердитые голоса…

«… яблоку упасть негде»… «Да не туда же!»… «А что? Все равно нам надо все время за ним следить. Может, расшевелит что-нибудь!». «Нет, уж лучше его не расшевеливать!»

Наконец мир в форме холодного камня прижался к лицу Тейра, его ладони уперлись в ледяную колючесть, и он бережно повернул набок пронизанную болью голову. Из отверстия в толстой стене над ним сочился отраженный голубоватый свет. Где-то лязгнул замок. Послышались удаляющиеся шаги.

Толстая теплая рука вцепилась ему в волосы, повернула голову. Тейр тупо поглядел на красные глаза, небритые щеки, пегую бороду на отвисающих брылях. Кустистые брови поползли вверх.

— В нетопыре суть, — ласково уведомил его сумасшедший кастелян, разжал пальцы, и Тейр вновь хлопнулся щекой о камень.

Глава 14

— Вот и последнему конец! — угрюмо сказал брат Перотто. Поверхность пергаментного тамбуринчика на столе перед ним на миг излучила смутный оранжевый свет. Он померцал в холодных северных отблесках дня в рабочей келье аббата Монреале и угас.

— Вся наша работа! — простонал брат Амброз. Остальные монахи вокруг стола, каждый сжимавший теперь немой тамбуринчик, согласно закивали. Фьяметта потрогала последний тамбурин. Конец! Он ни разу не заговорил, но теперь его магия не просто бездействовала, она исчезла без следа. «Где ты, Тейр?» Фьяметта только что передала Монреале рот, который попеременно говорил то громко, то странно приглушенно, из рукава дамы Пии, как вдруг из него ворвался крик и оборвался в безмолвие. Аббат поспешно собрал остальных слушающих, и они вместе следили за губительными блужданиями Вителли по замку: кабинет Сандрино, лазарет, чердак конюхов. Слова из маленьких ртов, перед тем как они умолкали, исчерпывались двумя-тремя — простыми и деловыми. «Вот еще один, ваша

милость». «Под одеялом. Ха!» До последнего, разоблачающего, найденного высоко на полке там, где творилась черная магия. Фьяметта знала, что всю ночь, после того как, она по распоряжению Монреале ушла спать, этот рот держал брата Перотто в страшном волнении, но что именно он слышал, Перотто толком не объяснил. Во всяком случае ей.

Последние произнесенные шепотом слова Вителли наводили ужас, хотя сказал он мало: «Это ты, Монреале, верно? Узнаю твою руку. Но ты ничего не добился. Твоя судьба предрешена, а твой глупый подручный умрет сейчас же». Треск, и рот перед братом Перотто выбросил с таким трудом вложенную в него магию.

Монреале сгорбился и так побледнел, словно его живот раздирали в клочья. Брат Перотто откинулся на спинку и беспомощно развел руками:

— Что случилось, отче? Все, казалось, шло так хорошо, и вдруг…

— Я страшусь за бедного Тейра, — прошептал Монреале своим коленям.

Фьяметта крепко обхватила себя руками, надавливая на львиное кольцо между грудями. Она все еще ощущала его теплый музыкальный напев, как биение крохотного сердца. А если настоящее

сердце Тейра остановится, узнает ли она это? Она обвела взглядом сидевших вокруг стола монахов в серых одеяниях с капюшонами — серьезных, важных, беспомощных.

— Какой от вас толк? — вскрикнула она с внезапной мукой.

— Что? — резко сказал брат Амброз, но Монреале только приподнял голову.

— Какой от вас толк? Церковь должна ограждать нас от зла. О, вы разъезжаете по деревням, пугаете старых знахарок, дескать, они насылают вшей в волосы, соседок или варят дурацкие любовные зелья, которые в половине случаев и не действуют вовсе, грозите их душам адским огнем, если они будут упорствовать; вы умеете допекать ремесленников, трудящихся в своих мастерских, но когда нам угрожает настоящее зло, какая от вас польза? Вы боитесь сразиться с ним! Вы караете маленькие преступления маленьких людей, что совсем не опасно, но когда являются с войском великие преступления, куда деваются ваши проповеди? Вы умолкаете! Глупых… мальчишек… вешают, а вы рассиживаетесь и молитесь… — По ее щекам покатились слезы, она захлюпала носом, утерла лицо рукавом и закусила тубу. — Ах, что толку…

Брат Перотто начал было гневно объяснять, что невежественным девчонкам подобает смирение, но аббат Монреале сделал ему знак замолчать.

— Фьяметта отчасти права, — сказал он ровным голосом, потом обвел взглядом стол и горько улыбнулся. — Все добродетели сводятся к мужеству перед острием меча. Но мужество должно умеряться благоразумием. Мужество, растраченное понапрасну и не к месту, — это величайшая трагедия. Существуй восьмой смертный грех, им была бы глупость, из-за которой любые добродетели пропадают втуне, как вода, пролитая на сухой песок. И все же… где кончается благоразумие и начинается трусость?

— Вы послали Тейра туда одного, — выпалила Фьяметта, — чтобы он подтвердил мои обвинения Ферранте в черной магии и убийстве. Моего слова, слова невежественной девушки, было мало против столь великого и до-бро-де-тель-но-го сеньора, как Уберто Ферранте. И вот мои обвинения получили достаточно подтверждений из их собственных уст. Так чего же вы ждете теперь? Причин ждать нет, есть только причины поторопиться!

Монреале положил руки ладонями вниз на стол и внимательно посмотрел на них.

— Совершенно верно. — Он со свистом втянул воздух сквозь зубы и сказал:

— Брат Амброз, приведи приора и лейтенанта гвардии покойного Сандрино. Брат Перотто, Фьяметта, вы будете мне помогать. Для начала уберите со стола весь этот хлам.

Каким страстным ни был ее призыв, Фьяметта растерялась — слишком уж внезапным оказался отклик. Холодея от страха, она убирала, распоряжалась, доставала принадлежности его искусства, пока Монреале бросал через плечо все новые распоряжения. Оказалось, что Монреале приготовился — во всяком случае, внутренне. Видимо, предаваясь медитациям, он не только молился. Когда вошел лейтенант гвардейцев, укрывшихся в монастыре, Монреале потребовал, чтобы он оставил достаточно арбалетчиков на стенах, а с остальными сделал вылазку и пробился в город. Ферранте и Вителли будут парализованы чарами, которые он намеревался сотворить, а внезапное нападение, он надеялся, ввергнет лозимонских солдат в смятение, и солдаты Сандрино — теперь Асканио — смогут поднять горожан.

— Лозимонцы успели стать им ненавистными, — рассудил Монреале. — Нашим людям

нужна только надежда на успех, уверенность, что их не ждет неизбежный разгром, и они бросятся вам на подмогу. Сразу же прорывайтесь прямо в замок к герцогине. Впрочем, оставшись без предводителя, лозимонцы скорее всего предпочтут сдаться на выгодных условиях и сами откроют ворота.

Фьяметта, слушая, все больше холодела. Однако лозимонские брави Ферранте, хотя и беспощадны, вряд ли готовы жертвовать собой во имя верности. Тем не менее ее сердце сжималось: ведь не проложат же они себе путь сквозь ряды осаждающих мановением магического жезла? С другой стороны, если не Монреале, кто еще способен собрать воедино все порвавшиеся нити? Даже ее отец воззвал к нему!

Монреале благословил очищенный стол, а брат Амброз обошел келью, помахивая курящейся дымом кадильницей и произнося нараспев латинские слова.

— Надо рассеять отголоски предыдущих заклинаний, — объяснил он.

Фьяметта кивнула: ее отец время от времени точно так же очищал дом, перед тем как браться за исполнение особенно важных, трудных или сложных заказов. Или таких, в удачном ис-

полнении которых он не был слишком уверен. Обряд этот, видимо, очищает не столько комнату, сколько дух, подумала Фьяметта, закашлявшись от дыма.

Монреале сам расположил предметы, необходимые для этого заклинания.

— Это будет более заклинание духа над духом, чем духа над материей. Надо выбрать наилучшие символы для сосредотачивания. И все же я предпочел бы иметь какое-нибудь материальное звено. Прядь, что-то из носильной одежды… Но с тем же успехом я мог бы пожелать, чтобы из-за холмов появилось папское войско. — Он вздохнул, но тут же повеселел. — Однако мне известно настоящее имя Вителли. Без него все, несомненно, пошло бы насмарку, и я бы даже не знал почему. — Он взял новую палочку белого мела и начал тщательно чертить на столе.

Кончив фигуру, Монреале положил нож, обмотанный зеленой с золотом нитью, параллельно жезлу из сухой ивовой ветки, обмотанному красной и черной нитями. Ферранте и Вителли, воин и духовно иссушенный маг. Монреале отступил, разглядывая их.

Достаточно ли?.. Ведь такое расстояние… Больше мили.

«Их следовало бы скрестить острыми концами вниз в знак их сообщничества и зла в них», — подумала Фьяметта, но промолчала. Отец сурово ее наказывал, если она осмеливалась что-либо советовать на людях.

И уж конечно, Монреале лучше знает, что делает.

А он положил кусок сложенной полупрозрачной ткани возле ножа и жезла. Собственно, это была реднина, взятая из монастырской кухни.

— Шелк был бы уместнее, — пробормотал Монреале. — Но она хотя бы новая.

А еще лучше была бы паутина, подумала Фьяметта. Но не посмела предложить, что наберет сколько нужно. Уж конечно, паутины найдется много в темных закоулках монастыря. Таких темных… странных!

— Заклинание, ввергающее в глубокий сон, — объяснил Монреале. — В сущности, такое же, к какому прибегают наши целители, когда пациент опасается ножа. Очень сильное. Но мы должны еще его усилить, чтобы одолеть сразу двоих, причем без их содействия, не говоря уж о том, что один способен оказать упрямое сопротивление. И возможно, он выставил заслоны…

«Так почему бы не наложить заклятия по оче-

реди? Начав с Вителли?»

— Главное, что меня смущает, — пробормотал Монреале, — это белая сущность заклинания, его духовная благотворность. Это камень преткновения.

— Как? — сказала Фьяметта. — Почему? Оно же не убьет их. Разве что тот или другой будет перевешиваться через перила балкона в минуту наложения, а это маловероятно. Заклинание целителя! Что может быть белее?

— А потом, если мы победим, — губы Монреале искривились, — их обоих ждет костер. Такое ли уж белое намерение, пусть средство и законное?

— А если победят они, то будут считаться с законностью?

— Чтобы удержать захваченное, они должны скрыть свои преступления под покрывалом законопослушности. Свидетели обратного окажутся… в большой опасности.

«И я в том числе», — с дрожью сообразила Фьяметта.

— Теперь это потребует настоящей бойни. — Монреале вздохнул. — Ну, я готов. Пока лейтенант не пришел доложить, что собрал своих людей, давайте помолимся.

«Так я и знала!» Однако Фьяметта послушно

опустилась на колени перед распятием на стене кабинета Монреале. Ей было о чем помолиться. Она с грустью вспомнила все молитвы, которые расточала в прошлом во имя пустяков — кружевной шапочки, серебряного браслета, как у Маддалены, пони… мужа. Однако все это было получено: шапочка и браслет от отца, белый мерин… Тейр? Что за непонятная девичья сила, которая вынуждает неумолимый мир к исполнению ее желаний? «Ах, поскорее все кончилось бы!» Наконец оставшийся в живых офицер Сандрино вернулся и коротко побеседовал с Монреале. В тени под стальным шлемом мрачно поблескивали его глаза. Промятый нагрудник был свинцово-тусклым. Не столько вера в успех, сколько решимость заставляла его сжимать челюсти. Но возможно, при встрече с врагом это чувство было надежнее. Предложение десятилетнего герцога самому повести свое войско было тактично отклонено, сообщил лейтенант, но, казалось, оно придало ему сил. Монреале благословил его и отправил в путь, похлопав по кирасе, отозвавшейся глухим лязгом в беленой келье.

Затем Монреале повел Перотто, Амброза и Фьяметту в рабочую комнату. Приор последовал в качестве святителя. Он был более управляющим,

чем магом, целителем и даже, как решила про себя Фьяметта, настоящим монахом. Однако все эти тяжкие дни он оставался правой рукой Монреале во всех житейских хлопотах, заботясь о людях, их размещении, дневном пропитании.

Монреале поставил монахов у стола, где все было приготовлено для заклинания, склонил голову еще в одной, слава Богу, короткой молитве и протянул правую руку Амброзу, а левую Перотто.

— Братья, одолжите мне свою силу.

Фьяметта шагнула к четвертой стороне стола.

— Отче, я с радостью одолжу мою.

На лбу Монреале собрались глубокие морщины.

— Нет… нет, — сказал он медленно. — Я не хочу, чтобы ты попала под ответный удар, если наша попытка окажется неудачной.

— Но моя малая лепта может составить разницу между неудачей и успехом. Да и не такая уж она малая, если на то пошло!

Монреале грустно улыбнулся, хотя брат Перотто негодующе нахмурился.

— Ты добрая девочка, Фьяметта, — сказал Монреале. — Но нет, и, пожалуйста, не отвлекай меня больше.

Он поднял ладонь, предупреждая ее возраже-

ния, и она промолчала, а горло ей сжала судорога. Потом она отошла от стола на ту сторону, где стоял приор, и сплела пальцы за спиной.

— Амброз, Перотто, возьмитесь за руки, — сказал Монреале, что они и сделали, сомкнув кольцо. Монреале крепче сжал их руки в своих.

— Первый удар потребует всего в нас, чтобы одолеть Шпренгера. — Он опустил взгляд на символы на столе — нож и жезл, и начал говорить нараспев ровным тоном целителя.

Фьяметта почувствовала, как накапливается сила, точно над столом возникала невидимая сфера. По сравнению с выразительными широкими жестами ее отца движения Монреале казались очень точными, тщательными, почти чопорными. «Монреале ничего не тратит напрасно». И все же… такая экономность расходует время и внимание, решила Фьяметта. «Изобилие может позволить себе смелость!» Сфера засветилась видимым мерцающим белым огнем, колыхавшимся и на ее поверхности и в самом сердце, по мере того как нарастала ее мощь. А вот это было расточительством. Ее отец всегда утверждал, что заклятие, налагаемое надлежащим образом, должно сохранять невидимость и не излучать жара. Но возможно, попытка объединить си-

лы Амброза и Перотто порождает неизбежное трение. Фьяметта затаила дыхание. «Нанеси же удар, не то Вителли почувствует и будет предупрежден».

Но Монреале все еще выжидал, накапливая силу. Кружевная сфера отбрасывала на стены тени монахов. Затем свет точно вода полился в сосуды ножа и жезла. Они наполнились: лезвие ножа смутно засияло, как луна в тумане. Беззвучно реднина поднялась в воздух, скользнула над двумя светящимися символами и мягко опустилась на них.

Глаза Монреале открылись, он прошептал последний слог своего песнопения. Амброз торжествующе улыбнулся, и даже угрюмый Перотто посветлел. Монреале вздохнул и хотел что-то сказать.

Сухой ивовый жезл вдруг запылал, огонь перебросился на реднину и пожрал ее, оставив черный пепел. Белое пламя, загрязненное багровым, полыхнуло в лицо Монреале, будто неправильно подожженный запал. Освещенное снизу, оно судорожно исказилось. В глазах Фьяметты закружились алые и зеленые пятна, и она беспомощно замигала, прижимая ладони ко рту, чтобы удержать крик.

Глаза Монреале закатились, и он упал, никем не подхваченный: Амброз прижимал руки к глазам, а Перотто сам зашатался. Монреале ударился лбом об стол. Лица всех троих багровели ожогами.

Фьяметта и приор, толкая друг друга, кинулись к столу. Приор опустился на колени возле окровавленного лица Монреале, но побоялся прикоснуться к аббату из опасения прервать новое заклинание. Но прерывать было нечего, почувствовала Фьяметта. Круг и заклятие были разорваны.

— Отец Монреале! Отец Монреале! — испуганно кричал приор. Лицо Монреале побелело, так что пятна ожогов казались еще краснее. От его сгоревших бровей поднимался смрад паленых волос. Преодолев колебания, приор прижал ухо к одеянию на груди Монреале. — Я ничего не слышу.

Фьяметта подбежала к ларцу, схватила лежавшее на нем зеркальце и поднесла его к носу Монреале.

— Затуманилось! Он дышит. Перотто стонал, Амброз лежал в такой же неестественной позе, как и его аббат.

— Что произошло? — спросил приор. — Вител-

ли нанес ответный удар? Но каким образом?

— Да, но… ответный выпад Вителли можно было предотвратить. Следовало бы предотвратить. Беда была в избытке жара и иссушенности прута. Аббат Монреале допустил, чтобы накопился избыток жара.

Приор нахмурился на такое порицание и вытер кровь с шишки, уже вздувавшейся на лбу Монреале. Потом ощупал его голову:

— Кость цела. Думаю, он скоро придет в себя. «А я так не думаю!» Монреале потерял сознание не просто от того, что расшиб лоб. Причина была в заклинании, повернутом против его источника — она не знала, как Вителли устроил это, но словно бы видела темную руку, прижатую к лицу Монреале. Словно кто-то удерживал голову своего врага под водой. Странно! Она помотала головой, чтобы избавиться от этого наваждения. Последнее время вокруг нее было слишком уж много магии, и пять ее чувств будто песком начистили и они стали восприимчивыми до болезненности. Может, Амброз сумеет убрать призрачную руку, когда очнется… Если очнется!

Брат Перотто сел сам без помощи приора. Глаза брата Амброза наконец открылись, но он был оглушен и не мог собраться с мыслями. Еще

постояв в нерешительности, приор побежал за старшим целителем, братом Марио. Целитель приказал еще нескольким монахам унести всех троих и уложить в их постели. Фьяметта подождала, чтобы Марио спросил ее, что произошло, но он и не подумал, а потому она попыталась сама ему рассказать.

— Ты! — Перотто, поддерживаемый двумя монахами, обернулся к ней. — Из-за тебя заклинание не удалось! Тебе здесь не место.

— Из-за меня? Мне приказал быть тут аббат Монреале! — сказала Фьяметта.

— Нечистая… — простонал Перотто.

— Да как вы смеете! — Фьяметта негодующе выпрямилась. — Я девственница.

«К несчастью». И обречена девственницей остаться, судя по помощи, какую теперь получит Тейр! То есть пока лозимонцы не возьмут монастырь штурмом. Не следует ли ей перед тем наложить на себя руки? Но ведь и это обречет ее на вечную погибель. Сердце ей жгли гнев и обида. С какой стати она должна умереть и быть проклятой за преступления мужчин?! Нет уж! Лучше драться, царапаться и избежать судьбы женщин и сирот!

Приор взял ее за локоть и вывел на галерею.

— Нет, нет, он не хотел тебя оскорбить. Но поистине тебе не подобает находиться в этой части монастыря. Вернись в женское помещение, Фьяметта, и оставайся там.

— До каких пор? Пока лозимонцы не хлынут через стены?

— Если аббат не придет в себя в скором времени… — Приор облизнул пересохшие губы.

— Он за-ча-ро-ван! И не придет в себя, пока не снимут заклятие. Наверное, можно найти способ, как его снять. Вителли ведь тоже, как и мы, вынужден действовать на большом расстоянии.

— Я пригляжу, чтобы целители сделали все, что в их силах.

— Здесь требуется не просто целитель!

— Как бы то ни было, нам придется обходиться целителями. Разве что Амброз придет в себя.

— А что вы будете делать, если ни тот, ни другой скоро в себя не придут? Или вообще никогда?

Плечи приора поникли, словно на них легла вся тяжесть забот Монреале.

— Я… я подожду до утра. Может, утро принесет перемены. Но если посланец Ферранте вернется снова нас терзать… может, будет разумнее сдаться на предложенных условиях. Пока не поздно.

— Сдаться Ферранте? И вы думаете, он будет

соблюдать свои условия? — вскричала Фьяметта.

Повисшие вдоль боков руки приора бессильно сжались в кулаки.

— Отправляйся в женское помещение, Фьяметта! Ты не понимаешь первого принципа поведения мужчин!

— Какого принципа? Спасайся сам, и к дьяволу всех остальных? Благодарю вас, я его отлично понимаю!

— Убирайся! — взревел было приор, но тут же понизил голос и прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Убирайся к другим женщинам! И держи язык за зубами!

— Вы хотя бы позволите мне попробовать снять заклятие, если у целителей ничего не получится? — в отчаянии взмолилась Фьяметта.

— Перотто прав. Тебе здесь не место.

Сейчас он изобьет ее от отчаяния и назовет это епитимьей! Фьяметта оскалила на него зубы, увернулась и, держа спину прямой, как доска, вышла из галереи. Ей следовало бы промолчать! Ей следовало бы высказать все! Ей следовало бы… ей следовало бы…

В женском помещении двое младенцев срыгивали, трое орали, а спор между двумя матерями

из-за последнего чистого свивальника завершился таскaнием друг друга за волосы и истошным визгом. Фьяметта сбежала. Увидеть аббата Монреале в лазарете ей сурово помешал брат Марио. В трапезной монтефольский солдат попытался потискать ее грудь, а когда она вырвалась, отпустил ей на ухо непристойную шутку. Старая белица в чепце и сером одеянии отвесила ему пощечину и отругала, упомянув по имени его мать. Он попятился, ухмыляясь и держась за нос, а Фьяметта вновь юркнула в прибежище женской спальни, где вопили и рыгали младенцы и царил невообразимый хаос.

Она бросилась на соломенную подстилку, зарылась в нее лицом, стискивая зубы, чтобы сдержать слезы. Жесткий стебель впивался ей в шею, блоха прыгнула на рукав, а оттуда в волосы, прежде чем она успела ее раздавить. Она перевернулась на другой бок, и соседка больно ткнула ее локтем.

— Лежи на своей стороне, чернявая! — Голос девушки был злобным, но искажали бледное лицо страх и горе. Муки ожидания, что ее убьют со всеми остальными.

Фьяметта чуть было одним словом не подожгла ей волосы, но сжала зубы, не дав огню сорваться с языка, и свернулась в клубочек, вся дрожа. «Ис-

пользуя магию, — сказал тогда Монреале, — ты подвергаешься искушениям, которые неведомы непосвященным». Воистину. Ну а заклятие, заключенное в серебряной змейке, все еще укрытой бархатным платьем? Его действие, хотя оно не оказалось совсем уж смертоносным, назвать благотворным никак нельзя. Неужто батюшка ради своей магии все-таки немножко приобщился к погибели? А если так, то почему не она?

«Святая Мария, Матерь Божья, будь мне оградой!» По приказанию Монреале она молилась Пресвятой Деве о ниспослании терпения, упав на колени на плиты часовни и благоговейно созерцая безмятежный белый мраморный лик статуи с младенцем на руках. Терпение, видимо, принадлежало к чисто женским добродетелям. Во всяком случае, у своего отца она его не замечала. Взгляд Фьяметты упал на зажатую у нее в руке складку все той же бархатной юбки, грязной, порванной. «Святая Мария, Матерь Божья… матушка, кем была ты?» Алый бархат менее выцвел, чем сохранившиеся в памяти Фьяметты обрывочные воспоминания о женщине, которая первой носила это платье. Ее мать умерла, когда Фьяметте было восемь. Умерла в Риме от чумы, скосившей еще многих и многих. Тяжкий год, а

август был в нем самым тяжким месяцем, когда им пришлось совсем худо. Отец — в темнице замка Святого Ангела, брошенный туда по обвинению, сулившему казнь. Фьяметта не помнила смерти матери. Наверное, больная поручила ее чьим-то заботам. Она только смутно вспоминала, как шла за дешевым простым гробом по жарким, душным, вонючим улицам, одетая в жесткое неудобное платье, держась за руку какой-то дородной женщины.

Фьяметту смущало, что она так плохо помнит Рим. Вот Венеция ясно рисовалась в ее воображении — даже то, как отец в дороге усаживал ее на вьюк, привязанный к спине мерно шагающей лошади. Каким волнующим было это путешествие, каким чудесным, сверкающим и надменным оказался город… но в Венеции не было ничего от матушки. Фьяметта высматривала из окошка верхнего этажа, как в гондолах по каналу проезжали мимо купцы-мавры в ярких пестрых тюрбанах; порой видела чернокожего раба какого-нибудь знатного сеньора или дамы, отполированного городской жизнью, почти не уступающего высокомерием своим господам, а один раз мимо проплыл эфиопский посланник со свитой. Но никто из них, казалось, не имел

никакого отношения к матушке, тоненькой смуглой колдунье из Бриндизи… Фьяметта привыкла считать отца могучим магом, но ее мать тоже колдовала. Фьяметта пощупала выпуклость змеиного пояса. Серебро работы батюшки, это несомненно, но вот заклятие… «Матушкино? Да…» Правда? Смуглая женщина улыбнулась Фьяметте из-за плеча белой статуи Пресвятой Девы.

«Матушка, почему вы отказались от своей силы, чтобы выйти замуж за батюшку?» «Я сменяла ее на тебя, голубка, и ни разу об этом не пожалела. Магия — это сила, но дети — это сама жизнь, а без нее не было бы ни магии, ни чего-либо хорошего».

«Батюшка жалел, что я не родилась мальчиком. А вы?» «Нет. Никогда. Не бойся, Фьяметта. Полнота силы приходит к женщине не скоро. Ты должна прожить это время по-своему, вырасти, познать больше жизни… и тогда все, что было моим, станет твоим в недвижном центре». Нет. У отца была не вся сила, ведь он обходил этот центр стороной, будто тот покачивался на конце серебряного шнура, который не разорвать. Пока его не разорвала смерть. Туманное спокойствие Фьяметты исчезло в приливе паники. «Но сила мне нужна теперь же. Сила, а не терпение. Ма-

тушка, Святая Мария, Матерь Божья…» Два лица — прохладный белый мрамор, нежная смуглая улыбающаяся плоть слились воедино в общности материнства. «Ты мое золотое дитятко?» Фьяметта внезапно пробудилась от вопля младенца; ускользнувший сон привел ее в смятение, она изнемогала от усталости, и вновь шум вокруг вверг ее в ужас. Неумолчный гвалт в этой комнате, где тесно от женщин и детей, сведет ее с ума. Лучи заходящего солнца врывались, как лезвия ножей, в узкие прорези окон в западной стене. Фьяметта скатилась с соломы и навестила отхожее место, где смердело. Даже там она не была одна.

Фьяметта посмотрела на темные квадраты отдушин под потолком и пожалела, что они не шире. Две другие женщины вышли. В соседней спальне завязался новый визгливый спор. Напрягшись до головокружения, Фьяметта вскинула руки, уцепилась за грязный подоконник, подтянулась и просунулась в отдушину. Лежа на животе в каменной дыре, она огляделась.

Край свинцовой крыши нависал над этими маленькими окошками точно полог, скрывая их от взглядов снаружи. Крышу тут поддерживали торчащие из стены балки потолка и распорки, образовывавшие подобие треугольников. Далеко

внизу внешняя монастырская стена упиралась в землю, заросшую бурьяном, каменистую, безлюдную. С трудом Фьяметта протиснула в отдушину бедра и вытянулась на балке. Узко, опасно, и все-таки неплохой тайник на случай, если лозимонцы возьмут монастырь? Пожалуй… пока балки не сгорят и крыша не рухнет.

Но здесь она хотя бы совсем одна! Оглушающий шум женской спальни сюда доносился еле-еле. И наконец она разрешила себе заплакать, но беззвучно, чтобы дозорный на крыше или внизу не услышал и не явился бы проверить, в чем дело. Ее слезы скатывались по щекам и падали вниз в солнечном свете, совсем как капли расплавленного золота в мастерской ее отца, которые падали в чашу с холодной водой и превращались в крохотные бусины. Эти капли разлетались брызгами в пыли далеко внизу. Слезы становились жемчужинами, а затем исчезали в тенях, по мере того как мерк свет. Голова, грудь и живот у нее болели от подавленных рыданий.

Все, в ком она искала опору, предали ее. Неудача за неудачей превращали ее доверие в насмешку: отец, Монреале, Тейр… бедный Тейр! Втянут во все это совершенно не готовый. Нет, его винить нельзя… Большой паук, сплетавший

свою паутину в треугольнике к западу от головы Фьяметты, вдруг повис, покачиваясь на нити. И пока он не взобрался по ней назад, Фьяметте чудился повешенный человек. Белокурый молодой человек, синеглазый, беззаботный, несчастливый в любви.

«Я могла бы принести такого паука аббату Монреале, — решила Фьяметта. — Ну и что, если мне придется взять его в руки? Если бы она тогда заговорила! Может, с заклинанием аббата Монреале все получилось бы иначе!» Паук сидел в центре своей паутины, которую чуть покачивал легкий ветерок. В оглушающих сумерках он выглядел черным комочком.

«Я всего лишь слабая девушка. Меня положено спасать. Мне не положено спасать себя. Или их!» Запертая в каменном мешке монастыря, она ничего сделать не может. Мастер маг или слабая девушка, не важно — все равно необходимо подобраться ближе к цели. Не побояться. Не побояться… чего? Смерти? Оставшись здесь, она ее не избежит. Пыток? То же самое.

Вечной погибели?

Ну, совершенно очевидно, что такая опасность не остановила Ферранте и даже не умерила прыти Вителли. Да и кровожадности их брави.

«Будь я мужчиной, то поражала бы этих негодяев сталью». Будь она мужчиной, священник окропил бы ее окровавленный меч святой водой и отпустил бы ей грех прежде, чем трупы успели бы остыть. Но она не мужчина, и вряд ли прошла бы даже десять шагов с мечом в руке. «Не мужчиной, но истинным магом». А если Бог хочет проклясть ее за то, что она применит единственную силу, которую Он даровал ей, воля Его.

В сгущающихся сумерках ее грудь исполнилась решимости. Она протянула руку и сомкнула пальцы на темном пятнышке, которое было пауком, висящим перед ней. Он зашевелился, защекотал ее ладонь. Для заклинания одной силы воли было мало. Необходимо было свести силу в фокус и накопить ее в симбиотической структуре.

— Бене, — прошептала она пауку, — форте! — Почти не видя его, она сдавила ему брюшко. Из ее руки вытянулась тончайшая серебристая нить и зацепилась за балку. Она высвободила юбки и на паутинке кинулась вниз на землю, тверже железа. Ей чуть не выдернуло плечи, когда паутинка натянулась и выдержала ее вес. Она закружилась вправо, потом влево, а потом ее подошвы сильно стукнулись о землю, и она еле удержалась на ногах.

При таком падении ей следовало сломать обе ноги. Значит, заклинание удалось! Она разжала правую руку с липким бесформенным комочком.

— Прости меня, паучок! — К ее горлу подступила рвота, и она поспешно вытерла ладонь о теплую монастырскую стену.

Ошеломленная своим прыжком, слабостью, пронизавшей ее существо, — ценой, какую приходится платить за использование магии, она не сразу сообразила, что стоит ничем не заслоненная у стены, служа отличной мишенью для любого лозимонского арбалетчика, у которого хватило бы наблюдательности заметить ее плавное падение. Паутинка, едва заклятие перестало действовать, разлетелась пылью на ветру, и взобраться по ней наверх она уже не могла. И бедный раздавленный паучок уже никогда не сотворит новой нити. Задыхаясь, она распростерлась на земле. «О Боже! Ты уже воздаешь мне за гордыню? Святая Мария, Матерь Божья». Но у нее над головой не просвистела злобно стрела из арбалета; никто не закричал, поднимая тревогу. В остывающем воздухе разносилось только кваканье первых лягушек и щебет отходящих ко сну птиц. Окостенев от страха, Фьяметта выждала

несколько минут. Уже совсем стемнело.

«Ну вот! Вернуться назад ты не можешь. Иди вперед!» Она изгибалась, высвобождая змеиный пояс из-под платья, а затем застегнула его на талии совершенно открыто. Перевела дух, низко пригнулась, подобрала юбки и побежала к лесу.

Под деревьями мрак был гуще, но у нее под ногами похрустывали сухие ветки, шуршали опавшие листья. Она старалась ступать как можно осторожнее. Только бы пробраться за посты лозимонцев и выйти на дорогу…

Она не вскрикнула, когда на нее прыгнула темная фигура в кожаной солдатской куртке. Она ведь ждала чего-нибудь такого. Но все равно у нее перехватило дыхание, а сердце заколотилось, когда он повернул ее за плечи к себе.

— Ха! — крикнул он. — Попалась!

— Нет, попался ты, — начала она и замолкла в растерянности. Даже в темноте было видно, что он совершенно лыс и не носит ни бороды, ни усов, но под кожаной курткой на нем была шерстяная рубаха, разившая потом.

— Пиро! — произнесла она звонко.

Его рукава запылали, руки словно обвили гирлянды оранжевых цветов. Как зачарованная, она ускользнула в пляшущие тени, пока он вопил

и катался по земле. Она даже не побежала. На его крики соберутся его товарищи — она уже слышала, как они с треском продираются сквозь кусты, — но не следом за ней. Среди лозимонской солдатни найдется не так уж много охотников гнаться за неведомой колдуньей в темноте… во всяком случае так, чтобы ее нагнать. Она шла вперед, испытывая вялость вроде той, которая охватывала ее, когда она выпивала слишком много неразбавленного вина. Она не чувствовала страха, и больше всего ей хотелось спать. Пальцы на руках словно бы распухли, ноги стали деревянными.

В лесу к югу от монастыря был овраг, спускавшийся к озеру и дороге в город. Она соскользнула по его склону, обдирая руки о кору деревьев, за которые хваталась, чтобы замедлить свой спуск. Она ощущала липкость крови на ладонях, но они онемели, и боли не было. На дне оврага между белесыми пятнами камней еле сочилась вода уже почти пересохшего ручья. Она побрела вперед, петляя между камнями.

И вдруг замерла, прижавшись к поваленному стволу, и скрестила руки под грудью, пряча белые рукава. Мимо с обнаженными мечами протопали двое лозимонских солдат. Они торопливо взби-

рались вверх по оврагу туда, откуда доносились крики, и не заметили ее. Видимо, они несли дозор у дороги: во всяком случае, когда она добралась до пыльного тракта, смутно белевшего в безлунной мгле, там никого не было. Озеро казалось полотнищем черного шелка.

Фьяметта повернула на юг и направилась к городу и своему дому.

Глава 15

Миновала вечность, и боль в теле Тейра пошла на убыль, и он, хотя пах продолжал мучительно ныть, сумел привстать и сесть. Окошко выходило на север, и сквозь него не падал луч, который, ползя по стене, отмечал бы время, но темная синева клочка неба за прутьями говорила, что время движется к вечеру. Он осторожно потрогал распухшие губы, коснулся шатающихся зубов и охнул. Счастье еще, что он не перекусил язык! Боль в боках, спине, почках почти заглушала жжение вчерашней вновь открывшейся раны. Его красная шапочка исчезла, как и башмаки. Вязаные чулки-трико были порваны и по ним тянулись широкие дорожки. Он приподнялся, привалился спиной к стене, вытянув перед собой ноги, и наконец огляделся. Сеньор Пия сидел, скрестив ноги на соломенном тюфяке, накрытом обрывком одеяла, уголок которого рассеянно покусывал — как грызут ногти. Красные глаза не мигая смотрели на Тейра. Его прекрасные шелковые чулки-трико тоже все были в дорожках, безвозвратно погубленные, заметил Тейр, испытывая к нему товарищескую симпатию.

— Ты кто? — проскрежетал сеньор Пия, не отводя неподвижного взгляда и не переставая покачиваться.

— Меня зовут Тейр Окс, — промямлил Тейр, еле справляясь с распухшим ртом. — Брат капитана Ури Окса. Я добрался сюда, чтобы увидеться с братом, но его убил сеньор Ферранте. — Он уже столько раз повторял все эти слова, что они прозвучали свинцово и безразлично.

— Брат Ури? Правда? — Взгляд сеньора Пия стал пронзительным. — Да, он упоминал брата… Я видел, как он погиб.

— В письмах он иногда называл ваше имя, сеньор Пия. — Тейр почтительно наклонил голову. Ури и кастелян вместе служили у герцога Сандрино, занимая важные должности, и, наверное, встречались каждый день.

— Ури был хороший малый, — сказал сеньор Пия, глядя теперь прямо перед собой. — Иногда он помогал мне ловить нетопырей в пещерах к западу от озера. После рудника ему пещеры не страшны, говаривал он. — Его пальцы теребили серебряную вышивку на вороте туники — узор из крохотных летучих мышей, рассмотрел теперь Тейр, соприкасающихся кончиками развернутых крыльев. Такая же вышивка окаймляла рукава.

Работа дамы Пии?

— А? — неопределенно отозвался Тейр, памятуя исступление, в которое накануне впал сеньор Пия при упоминании этих летающих зверьков.

— В нетопыре суть, знаешь ли. Умнейшие создания. По-моему, человек мог бы летать не хуже них, если бы придумать крылья легкие, но крепкие… Кожа оказалась слишком тяжелой даже для рук Ури, привыкших к мечу и щиту. В следующий раз испробую пергамент… А ты знаешь, что летучие мыши поедают болотных комаров, которые нас изводят? Шерстка у них мягонькая, как у кротов. И они приучаются не кусать кормящую их руку. В отличие от людей. — Кастелян мрачно задумался. — Подумать только, что люди считают их злом, раз они летают, по ночам. Только поэтому! Тогда как люди совершают убийства при свете дня, лицемеры!

— Конечно, и они создания Божьи, — осторожно ответил Тейр.

— А! Приятно встретить человека, свободного от глупого суеверия.

— Я часто видел летучих мышей в старых штольнях. От них вреда не больше, чем от кобольдов.

— Так ты рудокоп? А да, Ури говорил. И темноты

не боишься? Молодец! — Кастелян повеселел. Товарищеские чувства, которые сеньор Пия питал к летучим мышам, больше походили на увлечение, чем на помешательство, если бы не странный огонек, который вспыхивал в его глазах при их упоминании.

— Я… видел утром даму Пию, — сказал Тейр еще более нерешительно. — Как будто с ней все хорошо. Она преданно остается с герцогиней и мадонной Джулией. Ферранте держит их всех вместе в северной надвратной башне.

— В моих комнатах, — сказал кастелян. — А! — Он напрягся, смигивая слезы и кусая пальцы. Красные глаза теперь смотрели куда-то внутрь.

Тейр стиснул руки. Помешан кастелян или нет, но он уже дважды заведомо выбирался из этой темницы.

— Мой брат… — начал он и умолк. Раздался скрип кожи, рыгание, тщетно подавляемое. Напротив на скамье у стены сидел лозимонский страж, смотрел на них и слушал. Левая его рука была забинтована, а лицо носило следы синяков недельной давности, но к его поясу был пристегнут короткий меч. Тейр сжал губы. Какого черта, пусть слушает во все уши! — Тело моего брата лежит в помещении прямо под нами, — продол-

жал он, повысив голос. — Ферранте и Вителли творят над ним какое-то черное колдовство. Такое черное, что за него гореть и гореть. — Он еще повысил голос. — И гореть с ними будут все их пособники! — Ему показалось, что страж вздрогнул. — И еще они похитили труп Просперо Бенефорте, мастера мага. Хотят сделать его рабом кольца сеньора Ферранте!

— А! — рассеянно сказал сеньор Пия. — Я видел эту комнату. Так вот, значит, что они затевают!

— Все будете гореть! — заорал Тейр, повернувшись к стражу, а потом снова скорчился, закашлявшись от такого усилия. Наверное, он выглядит таким же помешанным, как кастелян. Тут он понизил голос до шепота. — Сеньор Пия, помогите мне! Они удерживают дух бедного Ури с помощью его тела и намерены навлечь на него вечную погибель. Он их пленник, и даже после смерти ему угрожает страшная опасность. Я… я должен освободить его так или иначе. И мастера Бенефорте тоже.

— А! — сказал кастелян, поднимая брови. — Освободить! В том-то и соль, верно?

Тейр растерянно умолк. Кастелян сгорбился, отвернулся и принялся снова грызть одеяло, глядя и никуда. «Он безумен. Все бесполезно!» Тейр

вздохнул, но продолжал, нащупывая:

— Сеньор Асканио… герцог Асканио пока в безопасности у аббата Монреале в монастыре Святого Иеронима, где их осаждают лозимонцы. — Но сеньор Пия промолчал. — …Аббат Монреале наложил заклятие на нетопырей, сделав их своими лазутчиками, но не знаю, добрались ли они сюда.

— А! — воскликнул кастелян. — Сам видишь, какие они хорошие и кроткие создания, раз служат святому отцу. Монреале знает! — Он умудренно кивнул и укусил одеяло. Тейр привалился к стене в отчаянии, вновь сполна ощущая, как болит его тело.

Очнуться его заставили шаги и голоса, приближающиеся по коридору. Перед решеткой возникли двое дюжих лозимонцев, а за ними появился мессер Вителли в своем красном одеянии. Вителли держал флакончик из зеленого стекла, оплетенный соломой. Коротышка вперил взгляд в Тейра, зевнул и пососал нижнюю губу.

— За дело! — приказал он, отступив в сторону, чтобы тюремный сержант смог отпереть дверь. Сержант, опасливо косясь на кастеляна, впустил в темницу дюжих брави. Но сеньор Пия даже головы не повернул.

Один приблизился к Тейру сбоку, рывком усадил и заломил ему руки за спину. Вителли прислонился к стене, зевнув так, что чуть не разорвал рот, затем притронулся к чему-то под своим одеянием и затряс головой, точно собака, отряхивающая воду с шерсти.

— Черт бы его побрал! — буркнул он и выпрямился с глубоким вздохом.

Тейра пробрала дрожь: темная аура Вителли поразила что-то более тонкое, чем его чувства. Ни волны жара, ни вспышки, ни запаха, но, казалось, дыхание магии разорвало ему нутро, не пройдя через его ноздри. Вителли накладывал заклятие, не вложенное в символический предмет, ограниченное и питаемое им, но поддерживаемое его собственными мыслями, заклятие могучее и давящее. И при этом он мог ходить и разговаривать, спокойно, совсем как обычно. Но не успел Тейр охнуть, как это ощущение исчезло, оставив после себя призрачную тошноту. А может, вновь просто сказались побои? Он зажмурился, быстро замигал, и темная аура отступила, осталась только в глазах Вителли, темных глазах.

Солдат за спиной Тейра, ухватив прямые белокурые волосы, задрал его голову, а второй вошел, всунул палочку ему между зубами и зажал его

ноздри. Вителли откупорил флакончик и выплеснул его содержимое в ноющий рот Тейра. Сладкое темное вино с горьковатым послевкусием. Тейр поперхнулся, задергался, захрипел. И проглотил.

— Отлично. — Вителли отступил и перевернул опустевший флакончик. Из него вылилась последняя капля и разбилась о каменный пол кровавым звездным пятном. — Этого должно хватить даже на такого верзилу. Вернитесь через полчаса и снесите его вниз.

Он вышел из темницы, предоставив своим людям запереть ее. Едва он повернулся, его глаза и все лицо вновь стали смутными. Потом и шаги солдат затихли в коридоре. Остался только сидящий страж. Голова Тейра неумолимо опустилась, лоб ударился о камень.

Кастелян поднял лицо. И захихикал. Хихиканье перешло в вой, потом в визг. Он вскочил на ноги.

— В нетопыре суть! — закричал он, схватил вонючее ведро в углу и закружил по тесной темнице. С хитрой усмешкой остановился у двери, сорвал с ведра крышку и выплеснул смрадную мочу в лицо растерявшегося стража.

Тот с возмущенным воплем вскочил со скамьи, в результате, к несчастью, получив добавочную

порцию гнусной жижи. Кастелян просунул руки сквозь решетку, сжимая и разжимая кулаки, а затем, пританцовывая, отступил вглубь, потому что солдат выхватил меч и ринулся на него. Сеньор Пия подскочил, вырвал меч и начал им размахивать, выбивая искры из потолка. Ругаясь, вопя, чтобы сержант принес ключи — он прикончит этого полоумного! — солдат удалился по коридору, с отвращением одергивая тунику и чуть не плача.

— Быстро! — Сеньор Пия бросил меч и нагнулся над Тейром, который одурманенно следил за происходящим, беспомощно валяясь на полу. Перед его глазами мерцали и переливались странные, точно шелковые, узоры. Сеньор Пия подставил ведро под нос Тейра, за волосы задрал его голову еще бесцеремоннее, чем лозимонский браво, и всунул толстые грязные пальцы ему в глотку. А в придачу надавил коленом на его живот.

— Давай, давай, малый, опорожнись! — подбодрил он, когда Тейра вывернуло в вонючее ведро.

Тейру не понадобилось новой помощи, чтобы окончательно очистить желудок. Рот наполнился липкой сладостью вина, горечью желчи и ядовитой едкостью неведомого снадобья, и он отчаянно сплевывал, из глаз катились слезы, из

ноздрей ползли соленые струйки. Сеньор Пия повернул голову, прислушиваясь, потом поднял ведро и аккуратно выплеснул за окошко новое мерзкое его содержимое.

— Пока они не вернулись, слушай! — прошипел сеньор Пия, снова дергая за волосы так, что у него слезы и вовсе брызнули. — Лежи смирно! Притворяйся, будто зелье на тебя действует. Расслабься, как слизняк, не вскрикни, даже если они тебя раскаленной иглой уколют, и они сами тебя отсюда унесут. А ты и дальше притворяйся, пока я не прикажу тебе встать и нанести удар! Слышишь? Ты понял? — Его красные глаза пылали яростью. Тейр с трудом кивнул. Притвориться, что он потерял сознание, было совсем не трудно: мозг его окутывал черный туман. Ну, хотя бы онемение избавило его от боли в избитом теле. Он вытер губы рукавом и услышал снова:

— Лежи смирно!

Услышав шаги стража и сержанта, сеньор Пия вновь схватил меч, принялся прыгать от стены к стене, размахивать им и завывать. Сержант с весьма раздраженным видом посмотрел сквозь прутья.

— Дурень! Позволил ему отобрать меч! Как, по-твоему, я буду отбирать его у бесноватого?

А? Дождаться, чтобы он сам себе глотку перерезал? Надо бы... — Оба отпрыгнули, потому что кастелян, продолжая стремительно кружить по темнице, загремел концом меча по прутьям. Они еще звенели, когда он остановился, хитро наклонив голову, и зачмокал, глядя на лозимонцев. Вне себя от ярости, страж ухватил кольцо с ключами, но сержант хлопнул его по руке.

— Олух безмозглый! Вот дам тебе палок, если не будешь выполнять приказы. Эй, ты! — Последнее было обращено к сеньору Пия, который с жутким смешком протанцевал к окошку, просунул меч между прутьями решетки и выпустил его.

Страж завопил вне себя от бешенства, и сержант ударил его по уху.

— Телепень! Беги за ним, а заодно выкупайся в озере. Все равно тебе никуда не деться. Меч-то лежит на глубине в десять футов, не меньше. Да не прохлаждайся там!

— Я с ним посчитаюсь! — прохрипел злополучный страж, но был вынужден уйти под градом ругательств и определений его умственных способностей, а сержант посмотрел на кастеляна, покачал головой и плюхнулся на скамью, уныло исполняя приказ держать сумасшедшего, заведшего привычку исчезать, под непрерывным

надзором. Пыхтя и потея, сеньор Пия улегся назад на свой тюфяк и уставился из-под всклокоченных седых волос пустым взглядом в потолок.

Двое дюжих брави Вителли явились раньше, чем вернулся обезоруженный страж. Кастелян словно не заметил, как они нагнулись над Тейром. Один пнул его в живот, беззлобно, просто для проверки. Тейр невольно вздрогнул, но закатил глаза и продолжал лежать все так же расслабленно. Это было не трудно, куда труднее было бы попробовать встать на ноги!

Приближалась ночь, в окошко просачивались розовато-оранжевые отблески заката. В полумраке сержант поднял фонарь повыше, дымно-золотистый, точно глаз какого-то ночного зверя. Один лозимонец ухватил Тейра за плечи, другой за ноги. Ощущать, что его несут, было приятно. Он словно отяжелел, как плащ от воды, каждый вздох был мукой. Когда его подняли, Тейр слегка скосил остекленевшие глаза на сеньора Пия, который лежал на боку и встретил его взгляд без малейшего выражения. Его пальцы выбивали на каменном полу какой-то ритм с той же отчужденностью, с какой он грыз одеяло.

«Почему я выполняю план этого помешанного? Да и есть ли у него план?» Но вот же его уносят,

как предсказал сеньор Пия. Лозимонцы, задевая им стены, спустились по узкой лестнице в уже знакомый нижний коридор с четырьмя дверями. Не стоит надеяться, что они запрут его с винными бочонками… нет, конечно. Они втащили его в комнату, где творилась магия.

— Положите вон там. — Вителли неопределенно махнул рукой на середину комнаты, и они швырнули Тейра туда без особой бережности.

— Еще что-нибудь, мессер? — спросил один подчеркнуто почтительно.

— Нет. Можете идти.

Второго разрешения они дожидаться не стали, и их шаги мгновенно протопали вверх по лестнице.

Тейр лежал, как его бросили, ничком, и осмелился приоткрыть глаз. Вителли спиной к нему зажигал восковые свечи, хотя в комнате уже ярко сияли десятки их. Красное одеяние коротышка сменил на облачение из полуночно-черного бархата. В его складках там и сям поблескивало золотое шитье. Символы. Магические знаки или просто нарядная отделка?

Вошел сеньор Ферранте, помахивая кожаным мешочком, который на этот раз явно не содержал никакой живности. Порез на его шее был промыт

и зашит тончайшей шелковой ниткой. Он надел свежую рубашку без следов крови, но кольчуга, пояс с мечом и черные сапоги были теми же.

— У тебя есть все, что надо? — спросил он Вителли.

— Новую бронзу вы принесли?

— Да. — И Ферранте покрутил кожаный мешочек.

— Значит, у нас есть все, что необходимо. Ферранте кивнул и нагнулся, запирая дверь. Большой железный ключ он убрал назад в кошель на поясе. Тейр чуть было не испустил громкий стон. Как, чтобы черт побрал, ему выбраться отсюда на этот раз? «Притворяйся, пока я не прикажу тебе встать и нанести удар». Как, черт побери, сеньор Пия думает проникнуть сюда?!

— Погодите, — сказал Вителли, когда Ферранте направился к ящикам с солью. — Я должен поместить это проклятое сонное заклинание во что-то, в чем оно временно удержится.

— А не можешь ты просто покончить с ним? Даже перемещенное, оно же будет тебя отвлекать.

— Но не так, как меня отвлечет Монреале, если он придет в себя достаточно быстро, чтобы вмешаться в нужную и решающую минуту. А поддерживать его легче, чем наложить заново.

Предусмотрительность и терпение, ваша милость.

Ферранте поморщился, взгромоздился на край стола и начал покачивать ногой в черном сапоге. Он мрачно нахмурился на маленький ларчик, табурет для ног, возле стола и оттолкнул его. Потом вытащил из кошеля оплавленное серебряное кольцо и угрюмо повернул в руке. Только тут Тейр заметил, что повязка с нее снята, но кожа все еще была багровой и припухшей.

— Как ты ни старался, Никколо, Бенефорте освободил дух из кольца без всяких хлопот. Только рукой помахал. И что ты с тех пор ни вытворял и с трупом и с кольцом, силу кольцу не вернуло.

— Так я же говорил вам, что нам необходимо разыскать спрятанные записи Бенефорте о магии духов. Сколько раз я это повторял!

— По-моему, не слишком выгодная сделка, — негромко сказал Ферранте, — променять спасение моей души на такую недолговечную и непрочную силу.

Он хлопнул ладонью о ладонь.

Вителли, стоявший к нему спиной, в раздражении возвел глаза к потолку, но тотчас придал лицу почтительное выражение и обернулся.

— Мы все это уже обсуждали, ваша милость.

Младенец родился хилым. Его мать была при смерти. До утра девочка не дожила бы. Так неужели вы предпочли бы, чтобы ее смерть пропала втуне? Какая в этом заслуга? А уж раз девочка, то и тем более.

— Я вряд ли бы разрешил тебе, Никколо, проделать такое с моим сыном и наследником, каким бы хилым он ни родился, — сухо сказал Ферранте и шумно выдохнул воздух. — И больше хилых девчонок мне не надо. Ты маг. Как сделать, чтобы в следующий раз у меня родился здоровый и крепкий сын?

Вителли пожал плечами:

— Сказано, что женщина дает материальную часть, а мужчина придает бесформенному форму своим семенем. Все в природе стремится к совершенной форме — мужской, как металлы в земных недрах стремятся преобразиться в золото, но многие терпят неудачу, и женщины — результат того.

— Ты хочешь сказать, что мне следовало добавить формы? — Брови Ферранте поднялись. — Она была все время больной. Ее постоянно рвало. Омерзительно. Мне не хватало духа ей докучать. И ведь в городе было полно женщин.

— Вина не ваша, сеньор, я знаю, — умиротворя-

ющe сказал Вителли.

Ферранте нахмурился:

— Ну, с меня хватит малолетних невест. Бледная немочь и плакса Джулия плод не доносит.

— Джулия принесет герцогство, — резко сказал Вителли. — Дайте ей немного времени.

— Герцогство я держу силой оружия. — Ферранте пожал плечами. — То есть вскоре так оно и будет. Какое еще мне нужно право? И какое право мне помогло бы, не будь у меня армии?

— Верно, ваша милость. Но Сфорца взял Милан и по тому, и по другому праву.

— И оставил в живых слишком много Висконти! Они теперь чуть ли не при всех дворах в Италии копят злобу и затевают интриги. — Ферранте, не глядя, повертел кольцо в пальцах, словно гадая, не готовится ли оно к какой-то тонкой мести.

Помолчав, Вителли сказал сухо:

— Отдайте мне серебряное кольцо, ваша милость. Я посмотрю, нельзя ли что-нибудь поправить.

Ферранте улыбнулся неприятной улыбкой.

— Нет, — сказал он негромко, но очень твердо. — Только справедливо, чтобы дух моей умершей дочери служил мне. Но только мне. Я не отдам никого из моих в рабство худородному

миланскому… проклятому знахарю!

Вителли наклонил голову, стискивая зубы.

— Как угодно вашей милости. Будут и другие случаи. Получше.

Он повернулся, расчистил место по другую свою руку, посыпал его серым порошком, потом смел порошок и расположил предметы для простого заклятия крохотный золотой крестик оборотной стороной вверх и кусок прозрачной шелковой ткани. Его лицо обострилось от напряжения, он начал бормотать про себя. Несколько мгновений спустя кусок шелка приподнялся, точно змеиная голова, и легонько опустился на крестик. Вителли умолк, глубоко, облегченно вздохнул и обернулся к Ферранте.

— Готово. Это удержит Монреале… достаточно долго.

— Так разжечь тигель? — спросил Ферранте.

— Нет. Это сделаю я. Снимите со швейцарского лазутчика всю одежду. Я помогу вам приподнять его брата.

Ферранте бросил ему кожаный мешочек, который он поймал на лету. У окна на тесаных камнях стояла маленькая ювелирная тигельная печь. Вителли уже наложил в нее топливо. Теперь он нагнулся к нижней заслонке и прошептал «пи-

ро!». Синеватое пламя начало лизать сосновые плашки и древесный уголь, они занялись и вскоре уже горели ровным огнем. Вителли высыпал звенящее содержимое кожаного мешочка в новый глиняный тигель, не больше его кулака, и поставил его в печь.

Тейр покорно дал себя раздеть, расслабив руки и ноги, дыша глубоко и медленно. Ферранте раздевал его быстро и умело — наловчился на трупах убитых в сражениях? Впрочем, снимать требовалось немного — только погубленные красные чулки-трико да серую тунику. Пол холодил его голую кожу. Дрожат ли одурманенные люди? Долго он не выдержит. Необходимо скоро сбросить притворный сон и нанести удар, или он умрет. Или нанесет удар и умрет. Последняя возможность. Ему дана последняя возможность стать героем, как Ури…

Вителли немного поработал мехами, потом повернулся, чтобы помочь Ферранте извлечь серый окостеневший труп Ури из соляного ложа и опустить его лицом на пол возле Тейра. По плитам рассыпались кристаллы соли, тускло поблескивая. Ферранте снова подошел к Тейру и перевернул его на живот. А где, черт его побери, околачивается дух мастера Бенефорте, пока тут

творится такое? Впрочем, побери его черт, ничего этого не творилось бы. Краткий безумный миг Тейр от всего сердца желал ему такой судьбы. Из пыли на полу не возникла призрачная фигура, не пришла на помощь.

— Беритесь за мехи, — сказал Вителли Ферранте, и по напряжению в его голосе Тейр понял, что сейчас начнется волхование. Вителли взял в левую руку новые палочки зеленого, черного и красного мела, расположив их веером, и скорчился перед Ури. Его напевная латынь звучала почти как молитва. Но Тейр решил, что это не молитва — во всяком случае, не молитва Богу. Вителли извлек из-под своего одеяния глиняную форму кольца и поставил ее на полу между живым и мертвым. Возле головы Тейра он положил нож с костяной рукояткой и очень длинным сверкающим лезвием. Из какой кости рукоятка? Было так трудно удержаться от того, чтобы не сосредоточить взгляд, а Вителли то и дело на него посматривал.

Вителли снова забормотал и начал вычерчивать фигуры между двумя братьями. Тейру вспомнились кот и петух. Пол после вчерашней ночи отскребли дочиста, причем навряд ли служанки, разве что у Вителли имелся прислужник

с отрезанным языком. Мехи ритмично всхлипывали, гудение огня стало басистее.

— Дьявол! — Ферранте отшатнулся. В окно влетел нетопырь и начал описывать по комнате быстрые бесшумные круги, будто ребенок крутил игрушку на веревочке. Вителли, поглощенный своим заклинанием, не мог остановиться и бросил на Ферранте и нетопыря разъяренный взгляд. Ферранте выхватил меч и трижды промахнулся по летающей твари. С проклятием он кинулся за ней.

Вителли завершил строфу, перевел дыхание, бросил через плечо:

— Всего только летучая мышь. Забудьте про нее, черт побери! — И продолжил песнопение.

Ферранте поморщился, остановился, но снова замахнулся на нетопыря, когда тот пролетал мимо, и по счастливой случайности сбил его на пол. Волоча сломанное крыло, нетопырь пополз по полу и стер одну из линий, начертанных Вителли.

Вителли стиснул зубы, прервал песнопение. Его слова казались Тейру вереницей солдат, которые натыкались друг на друга, когда идущий первым остановился без предупреждения. Вителли развел руки, давая выход страшному напряжению, прежде чем сделать шаг.

— Косорукий… — крикнул он Ферранте с подлинной мукой. — Придется начать все с начала. Бери губку и сотри эти линии! — Жутко гримасничая, он тяжело прошел вперед и раздавил раненого нетопыря. Брезгливо подобрал трупик за кончик крыла, держа его подальше от своего одеяния, и выбросил сквозь решетку окна.

Ферранте явно не понравилось столь грубое распоряжение его прислужника, но с каменным лицом он подчинился. Наверное, испытывая неуверенность в тенетах этого волхования. Однако потрудился он на славу, и вскоре пол снова был чистым и сухим. Вителли подобрал форму с ножом, и начал все с начала.

На этот раз он поставил Ферранте внутри линий около Тейра. Тейр косился одним глазом на нож с костяной ручкой. Надо схватить его, опередив Ферранте, а там будь что будет. Если бы он не был так слаб! Достанет ли у него сил встать, а не то чтобы вступить в схватку? Миазмы магии настолько сгустились в комнате, что ему становилось трудно дышать. Словно темная аура Вителли раскинулась от стены до стены. Сбоку возник Вителли, держа в руках щипцы с зажатой в них раскаленной докрасна чашечкой, полной расплавленной бронзы. По его лицу ползли кап-

ли пота, оставляя жирные следы. Когда он зальет бронзу, кольцо остынет почти сразу… заключив в себе дух Ури? Напев достиг крещендо. Кожаные сапоги Ферранте заскрипели, он опустился на колени позади Тейра, ожидая знака, чтобы взять нож. Тейр подумал: сейчас… шорох, пыхтение донеслись со стороны окна, выходящего на озеро. Слишком громкие для летучей мыши.

— Восстань и убей мерзавцев! — взревел сеньор Пия.

Ферранте повернулся, выхватывая меч. «Восстань» было не слишком подходящим словом, но Тейр проделал что-то вроде лягушачьего прыжка, упал на нож и перекатился через него. Едва он сжал в руке костяную рукоятку, как словно жгучая парализующая волна прокатилась до его плеча. Пальцы безвольно разжались, нож со стуком упал и скользнул под козлы. Меловые линии обжигали кожу Тейра, точно тонкие хлысты, когда он пополз через них. Меч Ферранте вышиб искры и большой осколок камня из пола в том месте, где только что находился Тейр.

Вителли перегнулся пополам, судорожно кашляя. Щипцы выпали из его рук. Глиняная чашечка разбилась, и бронза разбрызгалась по холодным плитам пола.

Кастелян протиснулся сквозь окно и стоял с коротким солдатским мечом в правой руке и прутом из решетки в левой. Глаза у него горели, волосы колыхались. Ноги были голыми и волосатыми. Зубы скалились, как у дикого зверя.

Добравшись до козел с ящиком, Тейр наконец кое-как поднялся на ноги. Колени у него подогнулись, но он сумел устоять. Ферранте кинулся было на сеньора Пия, споткнулся на меловых линиях и только-только успел парировать выпад меча и подставить руку под опускающийся железный прут. Ферранте попятился, готовясь обороняться. Кастелян был солдатом, бесспорно, и не уступал Ферранте во владении мечом, но и возраст и дородность составляли немалую помеху. Уже он хрипел, как мехи.

Вителли скорчился на коленях возле Ури, что-то делая с его ртом. Тейр, пошатываясь, добрел до него, ухватил за ватные плечи бархатного одеяния, ударил его об стену.

— Чем бы ни кончилось, моего брата ты не получишь! — Тейр думал грозно закричать, но издал только сипение. Он ухватил Ури за окостенелые лодыжки и поволок его к окну.

Он заглянул туда и с изумлением увидел, как кобольд погружает последний железный прут

в каменную кладку, точно ложку в овсяную кашу. Кобольд ухмыльнулся ему и исчез следом за своей добычей. Тейр поднял Ури и выпрямился. Суставы у него хрустели и поскрипывали, как крепь в руднике. Он нацелил брата на квадратное отверстие окошка и ринулся вперед словно с тараном. Глазомер его не подвел: труп проскочил узкую нишу, не зацепившись, не застряв, и описал дугу в ночном воздухе. Секунду спустя снизу донесся громкий всплеск. Тейр ухватился за край подоконника и обернулся навстречу врагам.

Сеньор Пия все еще дрался с Ферранте, их мечи гремели друг о друга, как молоты двух обезумевших кузнецов. Тейр, одетый в чем мать родила, не мог напасть на человека с мечом. Ну а некромант?

Вителли как раз поднялся на ноги и шагнул к сеньору Пия, бормоча и шевеля пальцами. Тейр схватил железный подсвечник, а другой рукой смахнул со стола кусок шелка с золотым крестиком, хранившие заклятия. Вителли охнул, споткнулся и обернулся к Тейру.

Тейр размахнулся из последних сил, чтобы первым сокрушительным ударом разбить голову мага, ведь второй возможности не будет. Вителли увернулся, и Тейр, увлекаемый инерцией, поте-

рял равновесие. А когда он снова выпрямился, Ферранте пронзил правую руку сеньора Пия, пригвоздив его к дубовой двери. Пия даже не вскрикнул. Ферранте бросил свой меч дрожать в плоти и дереве, схватил короткий меч сеньора Пия, выпавший из его руки, мгновенно обернулся и ринулся на Тейра.

Тейр раз, другой отбил меч подсвечником. Ферранте заставлял его пятиться прямо на тигельную печь. Тейр уже чувствовал ее жар на своих голых ляжках. Он метнулся в сторону и оказался спиной к окну. Ферранте полностью обрел равновесие, двигался плавно и уверенно, будто спокойно примериваясь к Тейру. За спиной Ферранте Вителли тыкал в Тейра пальцами и пронзительно кричал по-латыни. Его темная аура вихрилась вокруг его головы, как смерч.

Тейр решил, что ему не след торчать тут и ждать, пока заклятие, каким бы оно ни было, поразит его. Ферранте сделал новый выпад, он из последних сил ударил подсвечником и вышиб меч из руки Ферранте, но у того в левой руке неведомо откуда появился нож… но не с костяной рукояткой. Тейр стремительно повернулся и нырнул в окно следом за Ури. На этот раз глазомер его подвел: шершавый песчаник ободрал

ему плечи и колени. Но вот он уже летит сквозь темный воздух.

«Человек может летать, как летает нетопырь, без перьев»… Так кастелян прилетел? Куда, черт побери, подевалось озеро?

Он хлопнулся в воду животом. После душной жары в магической комнате холод совсем оглушил его. Вода сомкнулась над его головой, мешая дышать. Он сумел всплыть на поверхность среди щекочущих пузырьков им же взбитой пены, ловя ртом воздух. Холодный, но чистый. Он, казалось, изгонял липкую вялость дурмана из его тела. Наконец-то! Тейр забил ногами и перевернулся на спину, стараясь понять, где находится.

Ночь была безлунной, звезды еле мерцали сквозь смутную дымку. Над поверхностью озера курился туман, заслоняя и то, что можно было бы разглядеть. На фоне огромного сгустка черноты Тейр увидел несколько неясных пятен света — окна в обрыве, а над ними стена замка. Только не туда! Он поплыл как мог бесшумнее в противоположном направлении, высовывая из темной воды только глаза и нос. И вдруг стукнулся о плавающее бревно.

Нет, не бревно. Тело Ури. В лихорадке драки Тейр почему-то вообразил, что оно канет на дно,

откуда Вителли его уже не поднять, но оно оказалось легче воды. Он попытался утопить тело, а оно всплывало. Любой лозимонец на лодке сможет завтра утром подобрать его и вернуть Вителли, и все это окажется напрасным.

Нет, не напрасным. Не напрасным! Но недостаточным. Ури он обрел, только чтобы потерять сеньора Пия. Безумен — пусть, но хитер и смел… как аббат Монреале — святой, герцогиня Летиция вызывающе горда, Асканио невинен, а Фьяметта… Фьяметта… И все-все они — жертвы на алтаре колоссальной самовлюбленности Ферранте, его славы. Откуда у Ферранте право губить жизни их всех?

«Право тут ни при чем. Он дерется, чтобы выжить. И чем больше он будет барахтаться в пучине зла, тем отчаяннее он будет драться. Не может не драться». Так говорил рассудок. В беде на рассудок не обопрешься.

Тейр тоже барахтался. Холодная озерная вода выпивала тепло его тела, обещала ледяной озноб. Ну хотя бы она не так убийственно холодна, как вода в руднике. Может, Ури пропитается водой и уйдет на дно? В растерянности Тейр поплыл, толкая перед собой тело брата, как бревно. Он уже толком не знал, где берег. Лучи свечи или

фонаря не проникали сквозь туман. Попробовав так и эдак, он обрел своего рода равновесие: бил ногами достаточно быстро, чтобы согреваться, но не так быстро, чтобы задохнуться. Пожалуй, он сможет продержаться на воде так не один час. Но что тогда?

Когда он стукнулся о сваю пристани, у него уже исчезло всякое представление, много ли он проплыл и сколько времени это заняло. Ощущение было такое, что позади осталось полпути до Сеччино. За лестницей, пристанью и галечным пляжем маячил город. Когда Тейр, весь мокрый, встал на ноги, в подошвы ему впились острые камешки. Вода ведь больше не поддерживала его тело. Пока было возможно, он буксировал Ури, а потом втащил на берег, как большую рыбу, и почти такого же скользкого. Он выпрямился на подгибающихся коленях и уставился в темноту, кое-где пронизанную полосками слабого сияния, сочащегося в щелки закрытых ставен. Большие здания. Слишком большие для деревни. Залаяла собака и тут же смолкла. Какой это город?

О черт! Конечно, Монтефолья. Все еще Монтефолья… Он что, плавал кругами? Вполне возможно. Тейр обводил взглядом берег, мысленно восстанавливая те приметы, которые скрывала

темнота. Направо — холм и замок, налево большие пристани, нижние стены, а дальше большая городская стена, которая спускается к самой воде. Впереди — узкие петляющие улочки, темные, незнакомые. Ну, ничего страшнее того, что он оставил позади, в них быть не может!

Тейр постоял в нерешительности. Маленькие волны лизали ему лодыжки. Куда ему идти? Надо спрятать Ури. Ему нужно… ему нужно поговорить с Фьяметтой. Надо найти Фьяметту… Да! И рассудок сказал, что в таком случае ему надо прошлепать на глубину и поплыть к монастырю. Он отмахнулся от рассудка, опустился на колени, вскинул Ури на плечо, кряхтя встал на ноги и пошел.

Вверх по каменным ступеням от набережной. Под двойной тяжестью его ноги громко шлепали. Стражи? Хоть один стражник должен тут быть. А! И Тейр нырнул в ближайший проулок при виде человека с фонарем, спускавшегося на набережную. Старик. Городской сторож, не лозимонец. Тейр пошел дальше, не оглядываясь, осторожно ступая в темноте. Но что, если в этих закоулках он наткнется на одну из городских опасностей? И он словно увидел себя со стороны: голый сумасшедший швейцарец, несущий труп… Ну что же,

во всяком случае, грабителя он не заинтересует.

Поворот. Еще поворот. Куда, черт возьми, он идет? Только не назад в замок, чего бы ни требовало его шестое чувство. В проулке он споткнулся о бугор под одеялом, который глухо вскрикнул. Тейр, сгибаясь под своей ношей, только-только сумел на упасть так, чтобы разбить коленную чашечку о булыжник.

— Проклятие! Только не кричи. Я тебя не трону. Забудь, что ты меня видел. Спи! — бормотал Тейр. Только бы избежать шума.

— Тейр? — спросил знакомый мальчишеский голос. — Это ты?

— Тич?! — Тейр окаменел, — Что ты тут делаешь?

— Да ты же совсем голый! — Старший сын Пико вскочил на ноги. Его лицо замаячило в темноте смутным пятном. — Что ты несешь?

— Ури. Моего брата. Ты же знаком с Ури, — растерянно сказал Тейр.

— Это же мертвец! — пробормотал Тич в ужасе, потрогав тело для верности.

— Да, я выкрал его у черного колдуна, который служит Ферранте. А ты почему здесь?

— Тейр, эти разбойники-лозимонцы… они убили отца и Зильо! Перерезали ему горло как

собаке… — От волнения он почти кричал: ведь уже два дня он не встречал ни одного человека, которому мог бы довериться, сообразил Тейр.

— Ш-ш! Ш-ш! Я знаю. Я видел вчера мулов твоего отца, когда их привели в замок.

— Да. Я шел следом. И теперь это мои мулы. Я их всех убью! Вот только придумаю, как пробраться в замок.

— Ш-ш! И не думай! В этом проклятом замке тебе делать нечего. Я сам сегодня ночью еле выбрался оттуда живой.

— А куда ты идешь? — спросил Тич с той же растерянностью, какую испытал Тейр.

— Я… я толком не знаю. Но стоять голым посреди улицы, пока не рассветет, я не могу.

— Возьми мое одеяло! — тут же предложил Тич, хотя и с сомнением в голосе.

— Спасибо! — Тейр завернулся в одеяло и сразу почувствовал себя лучше — и не только потому, что стало теплее. — Я… послушай, как это я вдруг заберу твое единственное одеяло? Пойдешь со мной?

— Но ты-то куда идешь? — повторил Тич свой вопрос.

— В… в один знакомый мне дом. — При этих словах перед ним ясно возник дом Фьяметты,

наконец-то не затуманенный наложившимся на него другим зовом… Тича? Да, он не случайно наткнулся на него в темноте, как не случайно тогда наткнулся на маленькую Хельгу в снегу. И теперь он знал, куда идет. — Там никого нет. Кроме, может быть, лозимонского стража… — добавил Тейр с внезапным сомнением. Может, все-таки разочек довериться рассудку?

— У меня есть кинжал, — сказал Тич. — Если он лозимонец, я его убью, будь спокоен.

— Я… Там посмотрим. Может, и не понадобится. Сначала надо туда добраться, э? — Он крякнул.

— Я… я возьму его за ноги, — мрачно сказал Тич.

— Спасибо.

Тейр понял, что ему придется расстаться с одеялом. Они неуклюже подвесили Ури между собой и пошли дальше в молчании, если не считать указаний, которые Тейр произносил шепотом.

— Поворот. По той улице… правильно. Вверх по склону. Почти дошли.

— Тихое местечко, — сказал Тич. — Дома точно крепости.

Наконец впереди показались знакомые стены дома мастера Бенефорте… Фьяметты. Вон дубовая дверь под мраморной аркой, поблескивающей

даже в темноте. Нигде ни огонька. А дверь, конечно, заперта и под охраной. Они положили свою ношу, и Тейр снова закутался в одеяло.

— А как мы войдем? — прошептал Тич. Тейр не знал, хватит ли ему сил просто забраться в постель, а чтобы перелезть через стену… Он шагнул вперед и постучал в дверь.

— Ты спятил? Ты же сам сказал, что там стража, — прошипел Тич.

Да, конечно, он не мог немножко не спятить к этому времени. Но вот Тичу про это говорить не надо. Тейр понимал только, что устал, устал, устал.

— Значит, если там есть сторож, он выйдет на стук. И тогда ты сможешь его убить, — пообещал Тейр.

Он снова постучал и поставил труп Ури стоймя рядом с собой, обнимая братской рукой холодные восковые плечи, чтобы он не упал. Он ждал, чтобы страж вышел разделаться с ними. Или они с ним. И постучал громче.

Наконец-то изнутри донесся скрип отодвигаемого засова и щелчок щеколды. Тич подобрался. Его рука подрагивала, стискивая обнаженный кинжал. Дверь распахнулась.

На пороге стояла Фьяметта с фонарем в одной

руке и длинным кухонным ножом в другой. На ней все еще было красное платье, но без привязных рукавов. Она попятилась, и ее глаза расширились, когда фонарь осветил ее посетителей. А Тейр ощутил двойную благодарность Тичу за его грязное одеяло, которое он обмотал вокруг пояса, точно юбку.

Фьяметта переводила взгляд с одного брата на другого.

— Боже милостивый! Тейр, как ты разбираешься, кто из вас мертвый?

— Ури красивее! — решил Тейр, после секундного размышления.

— Боюсь, ты прав. Да входите же, входите! Надо закрыть дверь!

И Фьяметта втащила их в дом.

Глава 16

— Что ты сделала со стражами? — Осведомился Тейр, тоскливо оглядывая темную прихожую. Они с Тичем уложили Ури на каменном полу, пока Фьяметта запирала дверь и задвигала засов.

— Со стражем, — поправила она, оборачиваясь. — Он был тут один. Сейчас он заперт в овощном погребе под кухней. Надеюсь, упьется там до бесчувствия. А то мне не удалось отобрать у него меч. — Она вопросительно посмотрела на Тича.

— Вы его туда магией отправили? — с уважением спросил Тейр. Брови Тича поднялись. — О, — сказал Тейр, — простите. Это Тич Пико. Вы его помните? Ну, на постоялом дворе Катти? Сын хозяина мулов. Шайка феррантовских брави убила его отца и брата, и украла его мулов. Тич, это Фьяметта Бенефорте. Ее отец был мастером магом, которого коптил Катти. Это его дом. То есть был его дом.

— Да, помню, я тебя видела, — сказала Фьяметта. — Значит, Ферранте у нас в равном долгу. У нас всех троих.

— Да, мадонна Бенефорте. — Тич кивнул. — Хо-

тите, чтобы я убил этого лозимонца в погребе?

— Не знаю. Но сделать с ним что-то надо. Боюсь, как бы он не выбрался. Ах, Тейр, я так рада, что ты здесь! — Она крепко его обняла.

Тейр покраснел от радости и ахнул от боли.

— Правда? — спросил он, вдруг оробев.

— Я сделала тебе больно? Ах, какая скверная рана! Ее нужно немедленно зашить и перебинтовать! Ты ужасно выглядишь! — Она отскочила, но он умудрился удержать ее теплые руки. Его все еще бил озноб после купания в озере и от ночного воздуха. Но затем он вынужден был отпустить ее, чтобы ухватить одеяло, которое начало соскальзывать. Он затянул его туже, приличия ради. Фьяметта вдруг осеклась и спросила с недоумением:

— Но каким образом ты очутился здесь?

— Искал вас.

— Но как ты догадался прийти сюда? Я сама не знала, сумею ли вернуться, и здесь всего час. Ты думаешь… опять мое кольцо? — Она прикоснулась к груди. Да, кольцо висело там под полотном и бархатом, Тейр в этом не сомневался. Но сам он про кольцо даже не вспомнил. И покачал головой.

— Не знаю. Этот дом был единственным из-

вестным мне местом в Монтефолье, где я мог бы спрятаться. То есть я знал… я чувствовал, что так разыщу вас. А вот откуда я знал, не знаю. Я умею находить потерянное. Всегда умел. А последнее время у меня стало получаться лучше. Я нашел Ури…

— Это дар! Только так. Ури правильно поступил, что отдал тебя в подмастерья моему отцу. Если бы он остался жив! — Она утерла глаза, увлажнившиеся от гнева, усталости и горя.

Торопясь, Тейр начал коротко и путано рассказывать о своем пребывании в Монтефольском замке, завершившемся спасением вместе с телом Ури. Тич слушал разинув рот. Фьяметта стиснула зубы.

— Мы знали, когда тебя схватили днем. Перед тем, как уничтожить последнее ухо, Вителли использовал его, чтобы сообщить Монреале о своем намерении убить тебя, — сказала она. — Я думала, тебя повесят, но такого ужаса я и вообразить не могла.

— Но… как вы покинули монастырь? — спросил он.

Она лукаво подняла бровь:

— Искала тебя. Хотела спасти от петли. Но только еще не придумала, каким образом. Я думала,

они сделают это на заре.

Уголки его губ поползли вверх в медлительной ухмылке.

— Так ведь никто же другой палец о палец не ударил… А! — Ее прервал разнесшийся по дому странный стук словно из отдаления. — Наверное, страж старается выбраться из погреба. Пошли! — Она взяла фонарь и повела их через внутренний двор в кухню. Тейр хромал следом. Тич замыкал процессию.

Широкие натертые воском половицы посреди кухни подпрыгнули: по ним снизу ударило что-то тяжелое. Голова стража, ошеломленно подумал Тейр. Из-под пола вырвались непристойные ругательства, недостаточно приглушенные — пленник услышал их шаги. Мгновение спустя из щели между половицами высунулось лезвие меча, слепо ища жертву. Тейр покосился вниз, удостоверяясь, что стоит на обожженной плитке, покрывавшей пол на одной стороне кухни.

— А как вы его туда засадили? — спросил Тич, тоже старательно огибая деревянную часть пола.

— Без магии, — ответила Фьяметта и зажгла от фонаря воткнутый в бутылку огарок на кухонном столе. — Я хотела употребить магию, зажечь

его. Я только это заклинание умею полностью сотворить в мыслях, без материального символа, чтобы его удерживать. Это дар. Но когда он подошел открыть дверь, я подумала, что мне лучше войти. Ну, я сказала ему, что жила здесь и хочу посмотреть, не сохранилась ли хоть часть моей одежды. Но потом разговор стал… странным. Он впустил меня и сказал, что поможет мне поискать одежду, если я позволю ему… меня… со мной…

Тейр вдруг подумал, что позволить Тичу убить лозимонца — мысль вовсе не такая уж плохая. Он стиснул зубы, но тут же снова их растиснул, когда расшатавшиеся сразу заныли.

— Я сказала ему… сказала, что согласна. — Ее рука прикоснулась к головке серебряной змейки искуснейшей работы, которая обвивала ее талию как пояс. — Но я сказала ему, что мой отец припрятал бочонок вина в овощном погребе позади репы. Вино особого урожая. Понимаете, там правда был спрятан бочонок. Может, он и сейчас там лежит. Когда он спустился посмотреть, я захлопнула крышку подполья и задвинула на нее буфет с оловянной посудой. — Она кивнула на ярко раскрашенный буфет, отодвинутый от стены. — Он настолько ее приподнял, что высунул пальцы. Тут я начала прыгать на ней. И тут вы пришли.

Я решила, если это его не остановит, подожгу ему волосы — во всяком случае, у него волосы имелись, а потом попытаюсь заколоть. — Она умолкла, потому что между половицами снова высунулся меч. — Но я и сейчас могу его поджечь, а ты его заколешь, — предложила она Тичу.

Тейр, вспомнив о своей стычке с Ферранте, даже вздрогнул, представив себе, как малютка Фьяметта схватывается с разъяренным лозимонцем, наверняка испытанным воином.

— Э… подождите минутку, — сказал он, взял фонарь и захромал во двор. Он вроде бы заметил там… ну да, из кучи инструментов под галереей торчал увесистый молот. Он принес его на кухню. — Для начала давайте-ка лишим его меча.

Для приманки он прошелся по половицам, следя за тем, чтобы не наступить ненароком на щель. И действительно, лезвие и проклятия вырвались из щели перед ним. Он поднял молот, такой привычный его руке, и ударил изо всех сил. Молот со звоном отскочил от лезвия, и Тейр чуть не потерял равновесия, вновь вцепился в соскальзывающее одеяло и, отупев от усилия, отдал молот Тичу, который сразу понял, что надо делать, и с восторгом принялся колотить по согнувшемуся лезвию, пока лозимонец тщетно

старался выдернуть меч. Третий удар переломил лезвие. Грохот падения в подвале и новый залп ругательств, когда лозимонец упал на спину.

— Тейр, это ты чудесно придумал, — сказала Фьяметта несколько удивленным тоном. Тейр наморщил лоб: поменьше бы удивления, и похвала была бы слаще.

— Теперь мы на равных, — переводя дух, ухмыльнулся Тейр, размахивая кинжалом. — Давайте вытащим его оттуда!

— Погоди! — перебил Тейр. — Что у вас найдется, чтобы связать его?

Фьяметта задумалась, покусывая губы.

— Если они их не забрали… это не железо, не золото, не серебро… так может быть… погодите? — Она схватила фонарь и убежала. Лозимонец перестал стучать. Вскоре Фьяметта вернулась с длинной железной цепью на шее.

— Это оковы, которые мой отец делал для герцога. У них нет ключа. Их открывает заклинание.

— А вы его знаете? — спросил Тейр.

— Да нет… Я знаю, где оно записано в тетрадях батюшки, но их все забрали Ферранте с Вителли.

— А чтобы их запереть, заклинание нужно?

— Нет, просто защелкиваются. Они так устроены.

Тейр оглядел оковы, затем подошел к двери и посмотрел во внутренний двор, на опирающиеся на столбы каменные арки, которые поддерживали внутреннюю деревянную галерею.

— Ну хорошо! — Он вернулся в кухню и крикнул сквозь щель:

— Эй, ты! Лозимонец!

Ответом была злобная тишина.

— Нас здесь двое вооруженных мужчин (его рука сомкнулась на ручке молота) и очень рассерженная колдунья. Она хочет тебя поджечь. Если ты вылезешь и сдашься, не причиняя нам больше хлопот, я не позволю им убить тебя.

— Откуда мне знать, что ты не свяжешь меня и не прирежешь? — спросил грубый мужской голос.

— Даю слово, — ответил Тейр.

— А чего оно стоит?

— Побольше твоего. Я-то не лозимонец! — свирепо сказал Тейр.

Последовало долгое молчание, пока лозимонец, скорчившись в темноте, раздумывал над возможным выбором.

— Сеньор Ферранте с меня голову снимет за то, что я его подвел.

— Может, тебе потом дезертировать?

Лозимонец, ответил непристойным советом, который Тейр пропустил мимо ушей и тут же прошептал Фьяметте:

— Ты не могла бы… ну, немножечко его подогреть? Не поджечь по-настоящему, а просто показать ему.

— Попробую. — Фьяметта закрыла глаза. Ее нежные губы зашевелились.

Из-под пола донесся вопль и хлопки ладонями.

— Хватит! Хватит! Я сдаюсь.

Тейр предоставил Тичу и Фьяметте отодвинуть буфет с крышки подполья и встал над ней, занеся молот. Медленно, со скрипом крышка поднялась и лозимонец осторожно выглянул наружу. Седые волосы — крепкий мужчина, но уже далеко не юноша. В его курчавых волосах еще поблескивали алые искорки, от головы разило паленым. Он не захватил обломок меча, а выполз наружу и встал с пустыми руками.

Тейр велел Тичу замкнуть один браслет оков на запястье стража, вывел его во двор, обмотал цепь вокруг столба и защелкнул второй браслет. Тейр не выпустил молота из рук, пока Тич не дернул за цепь, проверяя, держат ли браслеты, и лозимонец не ударился о столб. А Тич уперся в столб ногой и держал лозимонца так, чтобы Фьяметта могла

засунуть ему в рот кляп. Тот косился на молот и не пробовал сопротивляться.

Фьяметта увела их назад на кухню.

— Садись на этот стул, — приказала она Тейру. — У Руберты была целебная мазь для ушибов. Бока у тебя… ну просто как у пегой лошади. И ребра сломаны?

— Не думаю. Не то я сюда бы не добрался! — Тейр очень осторожно сел.

Фьяметта рылась в шкафчиках, продолжая говорить:

— Эта скверная рана не заживет, если не стянуть края. Ну, хотя бы она выглядит чисто. Я не целительница, но шить умею. Если… если у меня достанет духа ее зашить, у тебя достанет духа потерпеть?

— Да. — Тейр проглотил стон-задаток.

— А, вот мазь! — Фьяметта вынырнула из глубин резного ларя, сжимая банку венецианского стекла. От светлой мази внутри исходил приятный аромат полевых цветов и свежего масла. Она бережно начала мазать бока Тейра. По ним разлилось теплое, снимающее боль онемение. — Я принесу мою рабочую шкатулку, если только лозимонцы ее не забрали.

Она поставила банку и выбежала из кухни.

Тейр быстро подцепил большой комок мази, сунул руку под одеяло и намазал свой ноющий распухший пах. Ему сразу полегчало, и он удовлетворенно вздохнул.

— А чего ты не дал ей намазать тебя там? — хихикнул Тич, усаживаясь на полу.

— Это могло бы… принести больше вреда, чем пользы, — пробурчал Тейр, очарованный этой мыслью и обозленный, что она пришла в голову Тичу. Черт! Он же еще даже не поцеловал Фьяметту, даже не пытался. И вспомнил, как мучился из-за этого в замке, ожидая смерти. — Господи, у меня все тело болит.

Фьяметта вскоре вернулась, неся корзиночку с крышкой.

— Нам повезло! Я нашла кривую иглу, которой Руберта зашивает начинку в гусе, перед тем, как его зажарить.

— По-моему, замечательно, — сказал Тич со злоехидной усмешкой.

Тейр решил, что не стоит улыбаться, когда губы так болят.

— По-моему, тебе надо лечь навзничь на кухонном столе, — заявила Фьяметта.

— Как кладут гуся, — вставил Тич, но Фьяметта нахмурилась на него, удерживая смех, и он

унялся.

Тейр влез на стол и улегся, пока Фьяметта вдевала нитку в иглу. Она внимательно рассмотрела два стежка, уцелевшие у конца пореза.

— Так я могу! — Решительно выпятив нижнюю губу, она глубоко вздохнула и воткнула иглу в край раны.

Тейр со свистом втянул воздух, вцепился в края стола и устремил взгляд в потолок.

— А как вы думаете, кто-нибудь придет проверить стража? — спросил Тич, встав и вытягивая шею, чтобы лучше видеть. Фьяметта тут же всунула ему в руки горящий огарок, чтобы он ей светил.

— До утра никто не придет, — ответила она, завязывая узелок. Шила она аккуратно, но куда медленнее лекаря Ферранте.

— Или вовсе не придет, — выдавил из себя Тейр. — Им не хватает людей, а все ценное из дома уже унесли. Разве что Вителли явится снова продолжить поиски. Он уверен… Ох!

— Прости.

— Шей-шей! Он уверен, что ваш отец спрятал где-то в доме тайные записи или книги о магии духов. Поэтому я и столкнулся с ними тут позавчера.

— Тайные книги? — Фьяметта сдвинула брови. — У батюшки? Ну… может быть.

— А вы про них что-нибудь знаете?

— Нет. Если это правда, то он прятал их и от меня.

Тейр глядел на потолок сквозь слезы боли.

— Я думаю, они тут есть. Где-то… наверху. Я их почувствовал, когда Вителли велел мне проверять половицы. Конечно… ох!.. Вителли я не сказал.

Фьяметта продолжала сосредоточенно хмуриться.

— Наверху… хм… — Она завязала еще узелок и посмотрела на потолок. Половина позади. Медленно, но верно. Во всяком случае, медленно.

— Вителли они необходимы. Я уверен, что он придет сюда, — просипел Тейр. — Но может, не завтра, его прямо скрутило, когда я помешал его заклинаниям.

— Почти… при завершении… и такие сложные… — задумчиво кивнула Фьяметта. — Бьюсь об заклад, он сейчас валяется совсем больной.

Наступило молчание, и она продолжала прилежно накладывать стежки на порез. Наконец-то последний! Бледнеть Фьяметте было несвойственно, однако сквозь смуглость ее кожи про-

ступил явный зеленоватый оттенок. Сжав губы, она щедро намазала порез целительной мазью, а потом посадила Тейра и для надежности обвязала вокруг его талии полоску ткани, подозрительно смахивавшую на оборку нижней юбки.

— Хорошо… очень хорошо, — галантно прохрипел Тейр. — Лучше лекаря!

— Правда? — Счастливая улыбка изогнула ее пухлые губы.

— Да! — Он спустил ноги со стола на пол и встал. В глазах у него заклубились розовые и черные тучи, комната накренилась. Он вдруг заметил, что согнулся и держится за стол.

— Тич, помоги! — Фьяметта кинулась к Тейру, он махнул рукой, чтобы она держалась подальше, опасаясь раздавить ее, если упадет. Но она мужественно подставила плечо ему под мышку и объявила:

— Ты сейчас же отправишься в постель! Я уложу тебя в комнате Руберты, она тут, за кухней. Только ее кровать лозимонцы не разломали, когда искали сокровища. Тич, фонарь.

К тому времени, когда у Тейра прояснилось в голове, они уже умудрились отвести его в комнату домоправительницы.

— Нет! — заспорил он. — Тайные книги твоего

отца, Фьяметта. Мы должны их найти, укрыть от Вителли. Это очень важно. И тебе нужна моя помощь!

— А тебе нужно лечь здесь! — Фьяметта откинула одеяло на первой настоящей кровати, какую Тейр увидел после нескольких недель. Застеленной льняными простынями!

— Ого! — потрясение пробормотал Тейр. Кровать словно засосала его. Она была коротковатой, но удивительно мягкой. Фьяметта укрыла его, а потом аккуратно сдернула с него одеяло Тича, которое вернула владельцу.

— Но книги… — сказал Тейр почти сдаваясь.

— Я их поищу, — обещала Фьяметта.

— Они наверху. Над вторым этажом.

— Так в доме всего два этажа, верно? — Тич вытянул шею, словно собираясь заглянуть за потолок.

— Я кое-что сообразила, — сказала Фьяметта. — Спи, Тейр, не то от тебя не будет никакого толка.

Уступив, Тейр откинулся на подушку, а Фьяметта с Тичем на цыпочках вышли за дверь. Тейр изнемогал от страшной усталости, но в голове кружились обрывочные воспоминания о событиях последних дней. Ури он спас. Но мастеру Бенефорте по-прежнему грозила опасность. Гер-

цогиня. Дама Пия. Сеньор Пия и его странное пристрастие к летучим мышам… пригвожден к дубовой двери и истекает кровью. Темная аура Вителли, все более грозная, все более мощная…

Но через несколько минут вернулась Фьяметта с большой глиняной кружкой. Она поставила фонарь на пол, и Тейр с трудом сел.

— Ты ел? Думаю, что нет. Но в доме сейчас есть только немного муки, сухой фасоли да подгнившей репы. Но я нашла вино. Выпей! — Она присела на край кровати и помогла ему взять кружку в руки.

Она не добавила в кружку воды. Вино было густое, темно-красное, тяжелое, слегка сладковатое. Тейр отпил его с наслаждением.

— Очень подкрепляет. Спасибо. Я просто с голоду умирал.

— Тебя трясло. — Она озабоченно смотрела на него.

И он смотрел на нее над краем кружки. Предательские убийства в Монтефолье сплели их жизни, как и странное пророчество ее львиного кольца. Может, заклинание мастера Клюни — это самоисполняющееся пророчество? Вначале Тейра поразила прелесть Фьяметты: он был готов полюбить любую девушку, которая дала бы по-

нять, что любит его. Но теперь он не был так уж уверен, что она любит его, кольцо или не кольцо. О чем она думает? Его тревожила мысль, что он и наполовину не постигнул ее. Все так сложно! И она — сложная натура. Всегда ли жизнь с Фьяметтой будет полна всяческими осложнениями? Он приходил к выводу, что всегда.

Он вспомнил, как в саду замка смотрел на длинный сверкающий меч Ферранте. Вот это было просто.

Свободной рукой он неуклюже обнял Фьяметту за талию, наклонился и поцеловал ее. Они столкнулись носами, и поцеловал он только уголок ее рта. Большие карие глаза стали еще больше, и он покорно ждал, что она отшатнется от него.

А она… сама его поцеловала. Сочно. И сумела не промахнуться. Его рука радостно сжала ее плечи. Ее пальцы стиснули змеиную головку серебряного пояса. Было как-то странно целоваться распухшими губами. Когда он оторвался, ее глаза сияли. «Я правильно сделал! — подумал Тейр в восторге. — Только вот что?» Но прежде чем он повторил свой опыт, Фьяметта вскочила. Ну, если вспомнить, как ему ломит все тело, оно, пожалуй, и к лучшему. Она нагнулась и чмокнула его в лоб.

— Спи, Тейр!

Ну, во всяком случае, ушла она улыбаясь. Таинственной девичьей улыбкой. Тейр улегся, и на этот раз сон пришел почти сразу с темнотой.

* * *

Проснулся он в неверном сером свете, сочившемся сквозь полуоткрытые ставни. Он с трудом приподнялся и сел. Таким разбитым он себя не чувствовал со дня обвала и наводнения в руднике. И все-таки ему было много лучше, чем накануне. Головокружение прошло, его больше не тошнило. Тем не менее, решил он, будет неплохо опять испробовать эту мазь. Он свесил голые ноги с маленькой кровати.

Ну во всяком случае, кутаться в одеяло ему больше не придется — поперек постели лежала одежда: довольно ветхая туника из умягченной временем шерсти. Он натянул ее через голову. Несомненно, шилась она для человека пониже ростом, возможно, — для мастера Бенефорте, так как нижний край, которому полагалось бы мести пол, подчеркивая величавое достоинство ученого мужа, ему доставал только до икр, а привязные рукава не налезали на плечи. Их он оставил на кровати, перепоясался куском веревки для

пристойности, а затем выглянул в окно на обнесенный стеной сад позади дома. Да, вон нужник. А серым свет был не потому, что рассветало, а просто все затягивал туман позднего утра. Он спал так долго? Охваченный тревогой, он вошел в кухню и остановился как вкопанный.

Незнакомая женщина в чепце и переднике с деревянной ложкой в руке отвернулась от выложенной голубой плиткой печки и посмотрела на него без всякого удивления.

— А, молодой человек! — Она кивнула, ласково, но оценивающе, словно он был штукой сукна, которое она и хотела бы купить, и опасалась, не выгорит ли оно слишком быстро. Была она средних лет, не столько дородная, сколько крепкого сложения.

— Э… э… — сказал Тейр.

— Каше надо еще увариться, — сказала она, указывая ложкой на черный чугунный котелок. — А потом пирог из сушеных яблок, подслащенный медом. Пирога-то много, а вот яблок мало, но надо довольствоваться и этим. И я сварила питье из трав, которое утром полезней будет крепкого красного вина, а ничего другого в доме нет. И пива тоже. — Она решительно кивнула и ручкой ложки начала подцеплять чугунную дверцу топ-

ки, а открыв, помешала угли.

У Тейра слюни потекли. До чего же вкусно пахнет!

— Тебе, думается, для начала надо нужник навестить. Вон там! — Она неопределенно махнула ложкой на окованную железом дверь, которая вела в сад.

— Да, я как раз туда и шел… э… сударыня. — Тейр помолчал. — Меня зовут Тейр Окс.

— Брат бедного капитана Ури из Бруинвальда, да, я знаю.

— А вы не Руберта ли?

— Домоправительница мастера, да. То есть так было, прежде чем эти лозимонские воры и убийцы напали на нас. — Она скорбно нахмурилась. — Преступление на преступлении… Служить у Просперо Бенефорте было нелегко, но это был великий человек, другого такого в Монтефолье нет. Ну иди, иди. А вернешься, вымой руки вон в том тазу и позови Фьяметту завтракать.

— А где… мадонна Бенефорте?

— Где-то в доме, проверяет, не проглядели ли проклятые грабители какие-нибудь инструменты ее батюшки.

Тейр выполнил все ее указания, а затем вышел через кухню во внутренний двор. Их пленник

лежал на одеяле без кляпа во рту и крепко спал, прижимая к груди бурдюк — с дешевым вином, конечно, а не с отличным красным. Кто-то успел заняться розысками. Наверное, Фьяметта. И она сходила за Рубертой. Тейр успокоил себя мыслью, что у нее хватило благоразумия взять с собой Тича. Хотя, конечно, мальчишка с ножом — плохая защита от солдат с мечами.

Он прошел по плитам прихожей. Ури там не было. Он заглянул в комнату справа — особый очаг в углу, ковры и кресла. Приемная для гостей или важных заказчиков. На козлах были положены наспех сооруженные носилки, а на них лежало прикрытое простыней тело. Тейр вздохнул, вошел и приподнял простыню, чтобы посмотреть на брата, а также, если быть честным, проверить, не тронуло ли его тление. Он растрогался, увидев, что Ури пристойно облачен в другие обноски мастера Бенефорте: вязаные чулки-трико, короткая туника, не новые, не нарядные — не то их забрали бы солдаты, — но надетые заботливыми руками. Фьяметта и Руберта, конечно. Заклятие, наложенное Вителли, для сохранения, видимо, еще действовало. Он вновь укрыл брата и прошел через прихожую заглянуть в мастерскую напротив.

Там на высоком табурете сидела Фьяметта, упершись локтями в рабочий стол. Она так и не выбрала времени, чтобы переодеться самой, и все еще была в рваном бархате, лишившемся рукавов. А выбрала ли она время поспать, спросил себя Тейр. На столе перед ней лежала раскрытая большая книга, переплетенная в кожу, а вокруг валялись бумаги и пергаменты. Она читала, свирепо хмурясь. Но оглянулась на звук его шагов.

— Тейр, ты был прав Я их нашла. — Лицо у нее было измученное.

— Где? — Он подошел к ней.

— Ты был в маленькой угловой комнате с двумя окнами за батюшкиной спальней, где он устроил себе кабинет?

— Да. И Вителли тоже. Он приказал ее обыскать как следует. Я… чувство там было очень сильным, а потому я не слишком усердствовал. Потолок там обшит квадратными панелями с вырезанными в центре розетками. Мы их все простучали. Нигде никакой пустоты. И мы даже содрали пару, а потом я убедил лозимонского солдата, что они все одинаковы.

— Если бы вы содрали их все, то нашли бы, что искали. Стоит повернуть одну из них, и панель вынимается. На самом деле это дно ящика. Не

очень большого. Он был битком набит всем этим Понятно, почему пустота не простукивалась. — Она указала на бумаги. — Если бы их нашли, батюшке грозила бы серьезная опасность.

Тейр кашлянул:

— Костер?

— Ну… не совсем, я думаю. Зависит от того, насколько инквизитор предубежден против флорентийцев. Но вот разрешение на магию и его хлеб насущный оказались бы под угрозой. Тут есть рецепты заклинаний… записи опытов… записи в дневнике о двух ночных посещениях кладбища, хотя, по-видимому, они не дали желаемых результатов. И полный отчет о том, что, насколько я поняла, было отливкой кольца духов для главы дома Медичи, с указанием выплаченных сумм. Имен, правда, нет, только инициалы. Но помечен он годом, когда батюшка последний раз жил во Флоренции. Опасные сведения о людях, которые еще живы. Батюшка как будто проделывал с животными вещи… очень сомнительные. Не просто кольца. Кольца в сравнении — ничто. Мой бедный кролик! Вот, — она открыла страницу, густо исписанную латынью, — вот описание того, как он использовал дух одного из моих кроликов, чтобы оживить отлитого им

медного зайца. Нос у него подергивался, он двигался… — Ее палец остановился на строке, и она перевела:

— «Он прыгал на моем рабочем столе четверть часа, прежде чем его дух был поглощен и мое заклинание утратило силу. Твердость остывающей меди, казалось, быстрее его утомляла. В следующий раз я постараюсь сохранить отливку горячей, чтобы улучшить гибкость». Боже милосердный, это невероятно, Тейр. И он ни словечка…

На этом самом столе. А этого кролика мы потом, наверное, съели на ужин? И я помню, какой тончайшей работы был медный заяц. Он простоял у него на подоконнике полтора года, пока лозимонцы его не похитили. — Гордость, ужас и досада отражались на ее лице. Руки властно легли на книгу, то ли подавляя ее, то ли оберегая — решить этого Тейр не смог.

— Так что нам со всем этим делать? Отдать их аббату? Земные преследования, я думаю, твоему отцу уже не угрожают.

— Если сможем. Если все останемся живы. Я… здесь есть вещи… здесь на этих страницах мысли целой жизни, все труды. Я и подумать не могу, чтобы их уничтожить, но… Тейр, последствия мо-

гут быть жуткими. Вителли ведь не ограничится кроликами! А что, если он захочет создать войско медных солдат из порабощенных духов? Батюшка думал об этом… он назвал их войском големов. Я этого слова не знаю. По-моему, оно даже не латинское. Батюшка так искусно балансировал, пытаясь применять магию, не обрекая себя на вечную погибель. Но другие увидят только власть и потянутся за ней, ни с чем не считаясь. — Она глубоко вздохнула. — Я предпочту отдать книгу Монреале, лишь бы не уничтожить ее. Но я сама ее сожгу, чтобы она не попала в черные руки Ферранте или Вителли.

— В их руки вот-вот попадет вся Монтефолья, — с горечью сказал Тейр. — И словно бы никто не может… или не хочет остановить их. Я пытался, прости меня Господи. И потерпел неудачу.

Даже с трусливым ударом ножа в спину. С молотом я, может, и преуспел бы. Я тебе не нужен, Фьяметта. Тебе нужен герой вроде Ури. Не тот брат лежит сейчас мертвый в той комнате.

— Тейр, не вини себя! Сеньор Ферранте двадцать лет провел в сражениях. Так как же ты мог бы взять над ним верх в поединке?

— Сеньор Пия некоторое время продержался. Вдвоем у нас чуть было не получилось! Пока я не

покинул его, не оставил пригвожденным к двери, точно мученика среди врагов. Но чуть было все не получилось, Фьяметта! Сеньор Ферранте не непобедим. Во всяком случае, пока сюда не добралось его войско. Сегодня вечером, завтра… — Тейр помрачнел.

— Не сегодня. Руберта говорит, что на рынке она услышала, будто лозимонцы замешкались у брода на границе с переправой пушек. Но завтра… завтра они могут быть здесь. — Фьяметта устало провела рукой по лицу. — Утром я отыскала Руберту у ее сестры. Я знала, она там, если осталась жива. Она рассказала, что произошло тут. Когда явились солдаты, Тесео струсил и открыл им дверь. Руберта еле успела перелезть через заднюю стену в саду. Ну, полагаю, это спасло бедную дверь, не то бы ее разнесли в щепки, и все кончилось бы тем же.

— Да, кстати о Руберте. Она зовет завтракать.

Фьяметта вздохнула.

— Наверное, поесть нам следует. Подкрепить силы. Хотя бы для того, чтобы бежать отсюда. — Лицо у нее сморщилось, она ударила кулачком по столу с такой силой, что книга подпрыгнула. — Нет! — закричала она. — Я не хочу спасаться бегством! Этот дом — единственное оставшееся

мне приданое. Лозимонские убийцы забрали все, что можно было унести. Я не пойду замуж без приданого, точно нищая, точно рабыня… — И она расплакалась.

— Фьяметта… Фьяметта… — Тейр растопырил пальцы, не решаясь прикоснуться к содрогающимся плечам. — Твой дар, твоя магия — они сами по себе редкостное приданое. Этого не поймет только круглый дурак. А ты слишком хороша, чтобы повенчаться с дураком. Хотя я бы обвенчался с тобой сию же минуту. Но у меня тоже нет ничего — даже одежды и башмаков! Если бы мы могли… жить в Бруинвальде, я бы вернулся на рудник или в плавильню. Правда, золотых дел мастеру в Бруинвальде дела найдется мало.

Фьяметта подняла заплаканное лицо:

— Но… разве тебе не понравилось бы жить здесь, Тейр? Я бы могла работать в мастерской батюшки — сначала по мелочам, но ведь почти все инструменты уцелели… ты бы носил дрова, строил горны, исполнял бы большие заказы и был бы моим м-м-мужем. Тебе цеховой совет выдаст разрешение сразу. Пока я несовершеннолетняя сирота, моим имуществом распоряжается цех, но если я выйду замуж, распоряжаться им станешь ты. А Руберта по-прежнему могла бы готовить

для нас, и мы были бы счастливы здесь!

Тейра ошеломили все эти практические подробности в картине брачного блаженства. Значит, она много думала об этом. Себе он не позволял почти ничего, кроме смутного томления, но это прекрасный дом, и настолько великолепнее хижины рудокопа, насколько… насколько замок герцогов Монтефольи превосходит дом золотых дел мастера. Конечно, надо будет многое починить и построить заново после разграбления. Ну да он сам все это сделает: глазомер у него есть, и руки ловкие.

— Я был бы очень рад, — сказал он. Как удивится матушка, что он женится таким молодым и так удачно… — А моей матери можно будет переехать сюда? В Бруинвальде зимой так холодно и одиноко!

Да, рано или поздно он должен будет рассказать ей про судьбу Ури. При этой мысли все внутри у него похолодело.

Фьяметта заморгала.

— Ну, места тут много… По-твоему, я ей понравлюсь? — добавила она с сомнением.

— Да! — твердо ответил Тейр. Ему представилось, как его мать тетешкает внука у себя на коленях, а Фьяметта трудится над какой-нибудь

изящной золотой вещицей. Руберта стряпает, а он работает у горна, отливает оловянные подносы, и подсвечники, и другие прочные нужные вещи.

Радужное видение рассеялось при воспоминании о марширующем по дороге войске Ферранте. Фьяметта подумала о том же, и блеск в ее глазах угас.

— Все ни к чему, если победит Ферранте, — вздохнула она.

— Да… Идем завтракать. — Робко, назло Ферранте и всем судьбам, он взял ее за руку, когда они вышли во двор, и ощутил ответное пожатие.

Она остановилась, глядя в яму для отливки, на глиняную глыбу, хрупкую форму для великого Персея.

— Столько работ батюшки остались неоконченными. Если бы мне было дано хоть чем-то утешить его бедную тень, я бы отлила для него эту статую. Прежде чем лозимонцы разобьют форму или время и небрежение разрушат ее. Но нам теперь не раздобыть для нее металла.

— Жаль, что мы не можем вселить Ури в этого старого греческого героя, как кролика в медного зайца, — угрюмо сказал Тейр. — Вот он бы заставил Ферранте улепетывать!

Фьяметта замерла:

— Что?

— Но мы же не можем… или все-таки? Ведь это же будет самая черная магия. Смертный грех.

— Более черный, чем убийство?

Тейр тревожно смотрел на ее сосредоточенное лицо.

— Но предположим… предположим, что дух, дух Ури не будет заклят против его воли? Предположим, его позовут, не как раба, но по доброй его воле, как духа могущественного кольца герцога Лоренцо? — спросила она, задыхаясь. — Вителли ведь уже укрепил дух Ури для заклятия, пусть и гнусными средствами… А у нас есть форма, горн, дрова и написанное заклинание… Ах, Тейр, я ведь его поняла. Не слова, внутреннюю структуру… — Ее плечи поникли. — Но металла у нас нет. Даже сам Вителли не мог бы добыть из воздуха столько бронзы, сколько нужно для отливки героя.

Тейра словно молния ударила: перед его глазами возник ухмыляющийся кобольд и воткнул железный прут в глубь камня точно в кашу…

— Из воздуха я его добыть не могу! — Тейру показалось, будто его задыхающийся голос доносится откуда-то издалека словно из-за моря. — Но клянусь, я могу достать его из-под земли!

Глава 17

— Вот это действительно и прямо воспрещено, — сказала Фьяметта, обводя взглядом своих союзников в большой мастерской.

Друзья. Помощники. Руберта и Тич сидели друг против друга по сторонам двойной фигуры, которую она начертила мелом на полу. По одной оси было положено тело Ури. Повинуясь нелепому неизвинительному порыву, она подсунула ему под голову подушку, словно он спал. Но он не был похож на спящего. Серая окостенелость неопровержимо свидетельствовала о смерти.

На другой оси, скрестив ноги, сидел Тейр, испуганный, но полный решимости. Ставни на окнах были закрыты и заперты, и свечи в важнейших точках фигуры озаряли комнату не только символически, но и вполне реально.

— Если кто-то хочет отказаться, лучше сделать это сейчас.

Тич и Руберта покачали головами, одинаково крепко сжав губы.

— Я готов, — мужественно объявил Тейр. «Мы все помешались!» — подумала Фьяметта. Ну что же, если так, их до этого довел Ферранте. Так зло

— плодит зло. «Но тут не все зло. Я не принуждаю душу Ури. Я только молю ее». Она еще раз прочла указания в заметках своего отца. Если он ничего не упустил, то она помнит все.

— Ты уверена, что мне не надо ничего делать самому? — спросил Тейр.

— Ничего в… в прямом смысле. Думаю, это окажется нелегко. Ты должен будешь уступить власть над собой. — Фьяметта поразмыслила. — Ты должен по-настоящему доверять своему… своему гостю…

Тейр покачал головой, печально улыбнувшись:

— Любому другому… гостю — нет. Ури — да.

— Да. — Она прикусила губу. — Аббат Монреале приступает к каждому заклинанию с молитвой. Здесь это выглядит немного лицемерным, но…

Молиться, но как? Нельзя же просить о благословении их намерения… Фьяметта склонила голову, и ее помощники последовали ее примеру.

— Во имя Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии молим тебя. Господи, помилуй нас! Господи, помилуй нас! Господи, помилуй нас всех.

— Аминь! — прошелестело по комнате. И к ним присоединилось тревожное, безгласное.

Фьяметта последний раз взглянула на заметки, написанные кудрявым латинским почерком ее отца. Словесная часть заклинания была короткой. Она перебрала в уме все слоги, проверяя каждый, и вдруг ее озарило. Суть заклинания заключалась не в латыни, а в субструктуре мысли… Может быть, латынь служит только уловкой, чтобы помешать неучам обрести власть? И ведь Ури не говорил по-латыни, только по-немецки, по-итальянски, да еще мог объясниться с французскими солдатами. Но сейчас, конечно, не время для проверок.

И в любом случае губы ее уже произносили слова, мост звуков, переброшенный через комбинации, секунду за секундой удерживаемые в ее мозгу. Меловые линии служили просто напоминанием о их системе.

— Ури, войди! — И это магические слова? Такие простые и прямые? Ее порывистость испортила заклинание. Придется начать с начала…

Тейр дернулся, его глаза расширились, губы полураскрылись. Плечи, сутулившиеся отчасти от усталости, а отчасти по привычке скрадывать свой рост в неумолимо низких туннелях рудника, выпрямились, расправились, Как у солдата на параде. Поспешное, жадное, почти отчаянное

овладение телом.

— Фьяметта, я здесь. — Голос был Тейра, но с выговором и интонациями Ури, утратившими резкость после долгих лет на юге. А глаза… его глаза были внимательными, блестящими и гневными, такими гневными! — Оставаться трудно. Поторопись!

— Ах Ури, мне так жалко, что тебя убили!

— Но и вполовину не так жалко, как мне! — Этот проблеск мрачной шутливости принадлежал только Ури. Его гнев был обращен не на нее.

— А вина моя! Я отвлекла тебя своим криком!

— Не ты, а то, что выпало из этой проклятой подставки. Мерзость!

Узел сожалений и раскаяния, стягивавший ее сердце, расслабился. Глаза Ури-Тейра закрылись.

— Благословляю тебя, брат, за то, что ты вырвал меня из рук некромантов. — Глаза сильнее зажмурились, словно от нескончаемой муки. — Я так старался воспрепятствовать им. Но они… действуют подло.

— Еще бы! — слабым голосом произнесла Фьяметта. — Да помилует тебя Всемогущий Бог!

— В этом темном месте трудно думать о Боге. Некоторые обретают его в тюремных подземельях, в рудниках, словно краски, шум и суета

жизни ослепляют их, и лишь во мраке они способны видеть ясно. Но я пришел слишком поздно и попал не в твое подземелье, Тень Вителли — это тьма, пустая тьма без Бога. — Его лицо окаменело при воспоминании об этой пустоте, об этой тьме. — Ш-ш-ш, теперь все хорошо! («Ну, навряд ли!» — подумала Фьяметта, посмотрев на серый труп.) — Но можешь ли ты, посмеешь ли ты снова противостоять ему?

Ури-Тейр вздрогнул:

— Вителли?

— Да, но на этот раз у него не будет такого большого преимущества, Ури… Мы нашли заклинание моего батюшки, замечательное заклинание. Вместо того, чтобы заключить твой дух в кольцо, мне кажется, с помощью этого заклинания мы можем открыть тебе доступ в великого Персея. Он же как-никак был тобой, если не считать лица и рябины. Тело не из плоти, но из бронзы, неуязвимое, обладающее колоссальной силой. Наверное, ненадолго, хотя, думаю, с помощью моего огненного заклинания я смогу какое-то время сохранять его горячим и подвижным. И в течение этого времени у тебя будет возможность, неповторяемая возможность, нанести ответный удар Ферранте и Вителли. Я не могу… не хочу

как-либо принуждать тебя или связывать. Но буду молить тебя. Ури, помоги нам.

— Открой мне путь к этой цели, — выдохнул Ури-Тейр, — и я полечу ей навстречу. Великая колдунья! Сандрино доверил мне свою жизнь. И я стоял, точно деревенский дурачок, разинув рот, пока Ферранте отнимал ее. Я не сдержал свою клятву, меня застали врасплох, и я опозорен. Ах, Фьяметта, мне следовало бы предусмотреть предательство, ведь я не доверял Ферранте! Смыть мое бесчестье кровью Ферранте! Я бы пожертвовал душой ради этого!

— Не говори так! — в ужасе вскричала Фьяметта. — Этого я не хочу. Но если крестоносцы могли быть воинами Господними, почему не можешь ты? Вителли хуже любого сарацина. Но для этого нам требуется еще помощь. Для такой отливки батюшка нанял бы десять сильных помощников. А нас только четверо… нет, трое. Я ведь буду творить заклинание. Ты был там, в замке, ты не знаешь, как сеньор Пия принудил кобольдов помогать ему?

— У сеньора Пия давняя дружба с народцем недр. Вот почему они так и кишат вокруг замка. Их объединял взаимный интерес к пещерам и к живущим там существам, — Ури-Тейр поднял

ладони и изобразил крылья летучих мышей. — Одни раз я навестил гнездо кобольдов в обществе сеньора Пня. А вот как вам заручиться их помощью, я не знаю, тем более если надо, чтобы они потрудились. Ведь они ленивы, ненадежны и предпочитают играть с людьми шутки. И очень неприятные, если вы причините им боль. И принуждать кобольдов — затея опасная.

Внезапно его лицо стало растерянным. И голос Тейра вырвался из его собственного рта, произнося слова с трудом, медленно, невнятно;

— Подкупить их. Материнское молоко. Они за него все сделают!

Его рот широко открылся, закрылся, и Ури вернулся в некотором удивлении.

— Это сработает лучше, чем кража дойной козы! Им не часто предлагают подобное угощение! Они к вам валом повалят!

— Но где нам взять… Как все запутывается!

— Странно… — Взгляд Ури-Тейра был теперь устремлен в пространство. — То, что я способен видеть теперь. Больше. Меньше. По-другому. Стены точно стеклянные. Камень словно вода. Но я вижу кобольдов в их теневой форме внутри породы, и они кажутся таким плотными! Люди… вы в вашей плоти… совсем как прежде тени —

искаженные, отъединенные, недостижимые. Но только не сейчас, глядя этими глазами. Так приятно увидеть вас всех еще раз. — Он улыбнулся, но тут же стал угрюмым. Все вы, кроме Вителли. Его тень плотна внутри его плоти. Плотна и темна. Его я страшусь. — Ури-Тейр испустил долгий вздох. — Ты должна торопиться. Даже в эту минуту Вителли приближается к тому, чтобы заключить твоего отца в свое кольцо. Это как поединок. И мастер Бенефорте проигрывает! А подчинив своей воле дух твоего отца, Вителли завладеет всем его могуществом и всеми знаниями. А кто усомнится в способности мастера Бенефорте возобладать над его собственными заклинаниями — твоим заклинанием, нашим заклинанием?

— Когда Вителли собирается отлить кольцо? — напряженно спросила Фьяметта. — Ты знаешь? Ты можешь сказать?

— Сегодня вечером.

— Сегодня вечером! Ах, нет! Ты можешь увидеть батюшку, говорить с ним? Скажи ему…

Но лицо Ури-Тейра болезненно исказилось, с его губ сорвалось последнее жалобное:

— Не могу больше! Прощайте… — И он, задыхаясь, упал навзничь, вновь Тейр и только

Тейр. — Господи! Господи! — Он почти рыдал.

— Было больно? — с тревогой спросила Фьяметта.

— Больно? — Тейр в недоумении помотал головой, остекленевшие глаза закатывались. — Мне тошно. Ури… Ури больно. Вителли причинил ему боль.

— Нам можно пошевелиться? — спросил Тич шепотом. — Не опасно?

— Да, это кончилось, — кивнула Фьяметта. Тич выставил вперед ноги, согнулся, потянулся, а Руберта начала одергивать свои многочисленные юбки.

— Нет, — вдруг спохватилась Фьяметта, — все только начинается. А времени так мало! И все так запуталось. А солдаты Ферранте могут явиться сюда в любую минуту, и… о… — Она задрожала, почти потеряв власть над собой.

— Мы все сделаем шаг за шагом, Фьяметта, — сказал Тейр. — И последний не покажется таким уж большим, едва будет сделан первый. А какой первый? Медь. Для этого нам нужны кобольды. А для этого нам нужно… э… хм… — Он, нахмурившись, уставился на потолок.

— Не думаю, что кормилица упадет с неба, — язвительно заметила Фьяметта, проследив его

взгляд. — Во всяком случае, не такая, которая охотно даст грудь мерзкому демончику из глубины камня. А мы не можем просить об этом живую душу без ее согласия. И значит, мы должны открыть, чем занимаемся. А тогда, если она не согласится, то может выдать нас…

— Ах, дети вы дети! — фыркнула Руберта, и Фьяметта обернулась к ней, удивленная сухостью ее тона.

— По-вашему, только вы одни страдаете из-за этих бед? — осведомилась домоправительница. — Солдаты Ферранте уже много дней шляются по городу, наживая ему врагов. Они ведут себя не как гвардия нового сеньора, а буйствуют, будто завоеватели. Я могу найти десяток женщин, таких несчастных, что они согласятся на куда более плохое, лишь бы нанести ответный удар. Предоставь это мне, девочка. — Кряхтя, Руберта поднялась с пола и уперла руки в бока. — Я бы и сама это сделала, но я четыре года назад согласилась стать домоправительницей твоего батюшки и перестала кормить. Да и старовата я уже для такого. Но это обязанности не для жеманниц. Не понимаю, почему девушек приучают жеманничать — тем, кто боится загрязнить свои ручки, никакая женская работа не подойдет. — Она сер-

дито кивнула и промаршировала из комнаты с неумолимым видом.

Тич поднял брови, словно его насмешила или по крайней мере поставила в тупик ее воинственность.

— Не смей так смотреть на нее, — резко сказала Фьяметта. — Две ночи назад пьяные солдаты Ферранте надругались над ее племянницей. Схватили прямо на улице, когда ей пришлось выйти из дома, потому что им есть было нечего. И она все еще лежала в постели, рыдала, вся набитая, вся в синяках, когда я пришла туда на рассвете за Рубертой. Вся их семья вне себя.

Тич смущенно поежился. Тейр перевел дух и поднялся на ноги:

— Тич, пока ждем, давай-ка начнем укладывать дрова в печь. И перенесем туда оловянные слитки.

— Ладно. — Тич вскочил. Фьяметта поникла, совсем измученная.

— Ах, Тейр, мне кажется, будто я скатила камешек с вершины одной из ваших гор, и смотрю, как он ударился в два других камня, и они покатились, и ударили пять камней… Сегодня вечером на кого-то обрушится гора. Не на нас ли?

— На Ферранте, я уж постараюсь. — Он протя-

нул ей руку, она сжала ее, и он поднял ее на ноги с такой легкостью, словно соломенную куклу.

Фьяметта нагнулась и взяла драгоценную книгу.

— Мне следует еще поучить заклинание. И собрать необходимые символы. Из дома нам лучше выходить пореже. Дым из печки Руберты объяснят тем, что страж стряпает себе еду, но что случится, когда мы запалим горн для отливки? Он нас выдаст.

— К тому времени скорее всего уже смеркнется, ведь полдень миновал, — заметил Тейр. И тебе необходимо немного отдохнуть.

— Да.

Теперь для половинчатых усилий и сомнений места не оставалось. Фьяметта расправила плечи. Она будет плясать на вершине этой валящейся горы или все они будут погребены под обвалом. «Да смилуется над нами Бог. Аминь».

* * *

В дверь с улицы постучали. Конечно, Руберта: ее обычный громовой удар, а затем три нетерпеливых отрывистых стука. Фьяметта побежала из большой мастерской открыть ей. День клонился к вечеру. Конечно, Руберта отсутствовала

не так уж и долго, если вспомнить, насколько щекотливыми и сложными были ее поиски, но Фьяметта считала каждую минуту, все больше отчаиваясь. Где уж тут до спокойствия и упорядоченности мыслей, приличествующих мастеру магу перед наложением важнейшего заклятия, уныло думала Фьяметта. Но ведь она же и не мастер маг! Только бы Руберта не забыла про сушеную руту…

Тич, не знакомый со стуком Руберты, тоже примчался в прихожую, сжимая нож. Фьяметта махнула, чтобы он шел работать, и отодвинула засов на дубовой двери. Распахнув ее, она увидела Руберту в чепце с шалью на плечах, с корзиной и большим кувшином в руках. Рядом с ней безмолвно стояла высокая женщина в длинном плаще с капюшоном, затенявшим ей лицо. Руберта успокоительно кивнула Фьяметте, как бы говоря: «Ну вот, я свое дело сделала!» Фьяметта жестом пригласила женщину войти, а потом заперла дверь и заложила засов.

— Добрый вам день, — сказала Фьяметта женщине. Дама, женщине, а не девушке. В ее черных волосах серебрились седые пряди, а волосы были заплетены в косу и защиплены на затылке. Дама, решила затем Фьяметта: ее одежда была столь же

прекрасно сшита, как платья самой Фьяметты, которые украли лозимонцы.

— Спасибо, что вы пришли. Благослови вас Бог! Руберта объяснила… Ах, простите, меня зовут…

Руберта предостерегающе подняла палец:

— Мы уговорились не называть ничьих имен. Разумно! Фьяметта кивнула:

— Ну, мне вряд ли удастся остаться неизвестной, но вы останетесь безымянной, если вам так угодно. А меня называйте Фьяметтой. — Та кивнула. — Так Руберта объяснила, о чем мы вас просим?

Уж конечно, эта дама не кормилица!

— Да. Я поручила своего маленького свекрови и хорошо поела.

— А я купила хорошего пива, — добавила Руберта, поднимая кувшин. — Чтобы ей было чем подкреплять силы.

— Но Руберта объяснила, кого мы просим вас покормить? — настойчиво спросила Фьяметта, чтобы удостовериться.

— Да. Демона камня, гнома, кобольда, хоть самого дьявола, называйте, как хотите, лишь бы это отозвалось вечной мукой для Уберто Ферранте. — Ее лицо горело той же ненавистью, какую Фьяметта уже не раз видела в глазах монтефоль-

цев. — Лозимонцы убили моего мужа в первый же день. Они закололи моего первенца, моего сыночка, моего цветущего юношу два дня назад в уличной стычке. А второго и третьего моего ребенка уже давно унесла чума. Остался только младенчик, и теперь у меня больше детей не будет! — Она стиснула руки, Фьяметта опустилась на колени и поцеловала их обе.

— Значит, вы так же готовы, как и я. — Она встала. — Пойдемте.

Она повела их через внутренний дворик к кухне, обойдя стороной скованного лозимонца, который теперь бодрствовал снова с кляпом во рту. Он угрожающе рванулся к ним, а когда цепь его остановила, скроил насмешливую рожу. Высокая женщина подобрала свой плащ — не из страха, но словно он был прокаженным, и бросила на него прямой испепеляющий взгляд. Несмотря на оковы, он умудрился ответить непристойным жестом, но тут появился Тейр, поигрывая молотом, и солдат угрюмо сел у столба.

Тейр и Тич проводили женщин в кухню, и Тейр поднял крышку подполья.

Фьяметта зажгла фонарь и помогла женщине спуститься в овощной погреб, помещение вдвое меньше кухни с полками и каменными кувши-

нами по стенам. Тейр также спустился по узким крутым ступенькам. Руберта и Тич тревожно следили за ними сверху. Фьяметта поставила стоймя ящик, и женщина опустилась на него изящно, словно в бархатное кресло.

Стены были обложены булыжником, полом служила утрамбованная земля, но под ней ощущалась твердость камня — почва Монтефольи была скудной. Фьяметта поставила фонарь и присела на корточки рядом с Тейром, который смотрел на стену так, словно видел сквозь камень. Однако какой бы прозрачной она ни была для духа Ури, Фьяметте внутрь заглянуть не удалось. Тейр прижал ладони к шершавой поверхности и наклонил голову, будто прислушиваясь.

— Помажьте камень молоком, — попросил он затем. Безымянная дама поднялась, расстегнула корсаж и нагнулась, чтобы брызнуть молоком туда, куда он указывал. Фьяметта размазала капли и с отчаянием позвала:

— Эй, кобольд, кобольд, кобольд!

— Ты же не бездомных кошек скликаешь! — насмешливо сказал Тич, заглядывая поглубже. — Почему ты не прочтешь какого-нибудь заклинания?

Уязвленная даже больнее оттого, что она и сама

подумала о том же, Фьяметта огрызнулась:

— Если ты такой умный, сам прочитай! Эй, кобольд, кобольд, кобольд!

Сумрак. Тусклый неверный свет фонаря, безмолвие. Ни даже топотка крысы или шороха таракана. Они ждали. Ждали. Ждали.

— Нет — помогло, — буркнул Тич, покусывая палец. Фьяметта с тревогой посмотрела на высокую женщину:

— Еще чуточку.

— Я не тороплюсь, — сказала та. Терпеливое ожидание мести в ее голосе обжигало, точно кислота. Даже Тич присмирел.

— Эй!!! Кобольд, кобольд, кобольд, — снова попробовала Фьяметта, и Тич скривился, словно такое жутко обычное, неколдовское отсутствие даже намека на ритуал глубоко его оскорбляло. Тут глаза у него полезли на лоб.

На стене извивались темные фигурки, сползая по булыжникам. Не порождение мерцающего света фонаря. Два… три… четыре — шесть коряевых человечков. Казалось, не они отбрасывают тени, а тени отбрасывают их. Они бесшумно столпились около сидящей на ящике высокой женщины. Самый смелый подергал ее за юбку и наклонил голову с робкой, но хитрой улыбкой.

— Дама? — пропищал он. — Добрая дама.

Она ответила ему спокойным взглядом.

— Вы получите молоко, — сказал Тейр. — Но не сразу.

— А тебе что за дело, мастер металльщик? — спросил вожак кобольдов, нахмурился и выпятил костлявую грудку.

— Он говорит за меня, — тихо произнесла высокая женщина. Кобольд сник и пожал плечами, словно говоря: «Это я так!» Блестящие черные глазки жадно впивались в нее.

— В саду замка Монтефольи, — сказал Тейр, — сложены медные чушки. Каждый из вас, кто поможет перенести их через землю во двор этого дома, получит позволение пить, сколько он… она… оно пожелает. Когда вся медь будет тут. И не раньше.

— Слишком много работы. Да еще тяжелой, — захныкал кобольд.

— А вы работайте сообща.

— Мы не можем ходить по солнцу.

— День пасмурный, и скоро вечер! Тот угол сада уже накрыла тень.

— Прежде один глоточек, мастер-металльщик, а?

Тейр провел пальцами по мазку молока на

стене и помахал ими под носом кобольда.

— Нравится? Хорошо? Так сначала принеси нам медь.

— Ты обманешь, надуешь нас, э?

— Если вы сделаете, что он просит, — сказала высокая женщина, — вы получите свою награду. Даю вам мое слово! — Ее глаза впились в глаза кобольда, и он отпрянул, как обожженный.

— Слово дамы, слышали? — пропел он своим товарищам.

— Будьте осторожны, малыши, — сказал Тейр. — Прячьтесь от темного человека, которого зовут Вителли. Боюсь, он может причинить вам зло.

Кобольд оскорбленно взглянул на него:

— Будто мы сами не знаем, мастер-металльщик.

— А вы… — Тейр внимательно посмотрел на него, — …вы не видели сеньора Пия? Он убит? Или жив?

Кобольд отпрянул и прильнул к камню.

— Друг Пия жив, но не встает. Много слез в его глазах.

— А дама Пия? Герцогиня? Джулия? Что с ними?

— Их держат слишком высоко в воздухе. Ко-

больдам туда нельзя.

— Хорошо. Отправляйтесь! Чем скорее вернетесь, тем скорее получите вознаграждение. — Тейр вздохнул и встал, памятуя о балках над головой.

Они все поднялись в кухню. Руберта тщательно протерла венецианский бокал, налила в него пива, хлопнула Тича по протянувшейся руке и подала бокал высокой женщине, которая послушно села и начала прихлебывать укрепляющий напиток. Фьяметта, Тейр и Тич вышли во двор.

Когда они с отцом только приехали в Монтефолью, то часто завтракали здесь за деревянным столом на свежем воздухе. Тогда дворик напоминал сад — такой прохладный, мирный! Цветы в горшках, фонтан. Но теперь он от стены до стены был отдан под создание Персея. Деревянный стол задвинули под галерею, завалили инструментами и всяким хламом. Горн — кирпичный улей высотой с Тейра — стоял на основании из утрамбованной земли, выкопанной из ямы для отливки. Оно было облицовано плитками, которыми прежде был красиво вымощен дворик.

Фьяметта заглянула в горн. Тейр уже уложил первый слой сухих сосновых дров. Тич тщательно почистил и накрыл густо обмазанной глиной

деревянный желоб, который наклонно шел от пода горна к отверстию в форме. Ворот из бревен, с помощью которого форму бережно опустили в яму, а потом должны были использовать, чтобы поднять из нее готовую статую, пока оттащили в сторону. Глиняную глыбу стягивали железные обручи, как при отливке колокола, объяснил ей отец. Чтобы форма не развалилась под тяжестью расплавленного металла.

Фьяметта обошла яму, обдумывая, как приготовить все к заклинанию. Тело Ури надо положить у края напротив горна. Во взаимодействие сил сам горн включать нужды нет. Во-первых, Тейру с Тичем пришлось бы все время пересекать ее линии, чтобы подкладывать дрова, следить за плавкой и налаживать мехи. Простой процесс плавки бронзы магии не требовал. Направить нетерпеливый дух Ури в рождающуюся статую надо будет в тот момент, когда Тейр вышибет железную втулку в основании горна, и металл польется в форму. Тут Фьяметта сообразила, что не очень представляет себе, как происходит остывание. Железные обручи надо будет разнять, чтобы освободить… Ури. Но если поспешить, форма может развалиться, и статуя оплывет. А если промедлить, оно слишком затвердеет. Отец

всегда говорил, что самое трудное — соразмерить. И вот она соразмеряет-рассоразмеряет заклятие.

«Нет, я сошла с ума!» Какой-то странный звук донесся с той стороны, где был прикован лозимонец. Фьяметта не сразу сообразила, что это из-под кляпа вырывался вопль. Перепуганный солдат отскочил на длину цепи. По другую сторону столба на него с писком пятились два кобольда с медным слитком между ними. Лозимонец пытался перекреститься и хрипел сквозь тряпку во рту:

— Демоны! Демоны посредь бела дня!

— Урод! Урод-человек! — пищали кобольды.

Собственно, наступили уже сумерки, решила Фьяметта, взглянув на небо. Двор погрузился в тень, а по лиловеющему небу мчались клубящиеся тучи. Становилось прохладно. Собирался дождь.

— Сюда? — Тейр сделал знак кобольдам положить их ношу у горна. Тич бросился на кухню сообщить новость. Когда он возвратился с Рубертой и безымянной женщиной, у ног Тейра как раз появилась вторая пара гномов. Было что-то омерзительно натуральное в том, как земля словно выдавливала их из себя Фьяметте вспомнился ярмарочный шут, который вот так выдавливал из раздутого рта яйцо в скорлупе. Но

они притащили еще слиток. А первая парочка с хихиканьем нырнула в землю. И тут появилась третья, весело стрекоча.

Тейр начал аккуратно укладывать слитки в горн и перекладывать их новыми дровами. Мастер Бенефорте занял всю нижнюю кладовую отборными сосновыми поленьями и оставил их там хорошенько сохнуть специально для этой отливки. Часть забрали лозимонцы. Что, если се отец заранее определил их количество? Ну, Тейр разберется. А из земли все выскакивали и выскакивали новые кобольды. Или те же самые? Она скоро потеряла им счет. Она — но не Тейр.

— Последний? — объявил он Фьяметта подошла к нему. Попятившись, он закрыл чугунную дверцу, через которую накладывал слитки и поленья. Тыльной стороной грязной ладони он отбросил волосы с глаз. Он был большой, теплый, синие глаза сияли. Даже нелепо короткая туника, открывавшая его голые икры, не придавала ему смешного вида.

Его могут сжечь за это. Из-за нее. Но тут было и что-то, не имеющее отношения к Ферранте. Она ощущала силу искусства, необоримо рвущуюся наружу, решимость завершить. Случались дни, когда она ненавидела отца, пожирающего не

только себя, но и других во имя этой решимости. И ей совсем не понравилось обнаружить в себе то, что она ненавидела в огне.

— Тебе страшно? — спросила она Тейра.

— Нет. Да. Страшно, что я могу погубить эти прекрасные приготовления. Ведь даже горн — произведение искусства. Неудивительно, что ею дух медлил тут, лишенный жизни, когда подобное близилось к завершению. Еще чудо, что он не стонет в этом дворе. Если мне удастся, твой батюшка получит выкуп за невесту, достойный тебя, и к черту сына бедного рудокопа!

«Нет!»

— Тейр, ты понимаешь, я ведь не знаю, что сделается со статуей, когда заклятие утратит силу.

«И с Ури тоже».

— С медным зайчиком ничего не случилось, ты сама говорила. Она будет великолепной, вот увидишь! — Он помолчал. — Можно разжечь огонь.

— Это моя работа. — Фьяметта повеселела от приятного воспоминания, — Я всегда все разжигала для батюшки.

Они на миг взялись за руки, потом Тейр отступил, Фьяметта закрыла глаза. «Для вас, батюшка!» И для аббата Монреале, и Асканио, и его матушки, и бедных сеньора Пия и дамы Пии, и Тича, и

Руберты, и ее племянницы, и дамы без имени. Для всей Монтефольи…

— Пиро!

В горне взревело пламя, затем рев перешел в басистое шипение. Тейр взялся за одни мехи, а по ту сторону улья Тич встал ко вторым. В укромном месте под галереей сидела безымянная дама, с интересом следя за происходящим. Вскользнувшееся в горне пламя вызвало ответный одобрительный блеск в ее глазах. Она запахнула в свой плащ кобольда — одного из примостившейся у ее ног кучки — и он с обожанием поднял к ней морщинистое лицо. В сумерках можно было почти убедить себя, что это дети. Почти.

Несколько искр поднялось на волне жара из отверстий горна, но дыма почти не было. Дрова горели жарко, звонко, чисто, как и полагалось. И… и не очень заметно, тихо надеялась Фьяметта. «Но лучше нам не мешкать!» Она позвала на помощь Руберту, и вместе они принесли носилки с телом Ури в сумрак двора. Отблесков горна было достаточно, чтобы не спотыкаться, но для дальнейшего она велела Руберте посветить ей фонарем.

— Я могу начертить фигуру и разложить символы, а потом отдохнуть, пока будет плавиться

бронза. Только нам всем надо будет следить, чтобы не наступить на линии. Я начерчу их так близко к носилкам и яме и так плотно, как сумею. Свети ровнее, чтобы я могла вести непрерывную линию.

— А где мел, деточка?

— В этом заклинании мел не применяется. — Фьяметта опустилась на колени и достала из корзинки с инструментами и различными предметами, которые собрала заранее, острый ножичек. Потом закатала правый рукав и отогнула ладонь, выставляя запястье. Поглядела на свои вены и ойкнула.

Руберта испуганно прижала пальцы к губам и посоветовала слабым голосом:

— Вдоль сухожилий, голубка, а не поперек. То есть если хочешь и после писать и заниматься рукоделием.

— Э… правильно. Хорошая мысль. Спасибо.

Вот это было трудно! «А ты думай, что так готовишься рожать!» Линии надо было чертить собственной кровью мага. Ничья другая не годилась. Ей следовало отдать должное отцу: нелегкий способ! Она вонзила острие в кожу и провела им по своей плоти. Ей пришлось повторить это, прежде чем кровь потекла достаточно обильно,

чтобы ее хватило на все линии, чертить которые нужно было указательным пальцем. Она очистила свои мысли, подошла к носилкам и начала. К тому времени, когда она, шепча формулы, завершила полный круг, в голове у нее был туман. Еще одна трудность с соразмерностью. Она перестала надавливать на руку, и кровь перестала сочиться. Лучше посидеть немножко на земле.

— Уже расплавилась? — прохрипел Тич, почти повисая на мехах — Пора добавлять олово?

— Куда там! — Тейр высунул голову из-за горна и ухмыльнулся ему. — Если добавить олово слишком рано, оно не сплавится, и твои труды и расходы все пропадут впустую. Нам еще не один час понадобится.

Тич застонал. Однако после недолгих переговоров шепотом из угла, где сидела безымянная дама, выбралась пара хихикающих кобольдов и сменила его у мехов, подпрыгивая и повисая на ручке точно пара мартышек. Тич, мокрый от испарины, сел отдохнуть возле Фьяметты. Остальные кобольды присоединились к своим товарищам, то и дело в своих теневых ипостасях с хохотом и уханьем ныряя в горн и выныривая оттуда. Оранжевые отблески огня озаряли демоническое зрелище Лозимонцу оно и вовсе

представилось видением ада. Куда девалась его презрительная насмешливость! Натянув цепь до отказа, он скорчился, хныкал и рыдал, а глаза у него закатывались, посверкивая белками. Руберта обнесла всех разбавленным вином, хлебом и твердой чесночной колбасой. Фьяметта с благодарностью грызла колбасу, но думала. «Нам необходимо как-то ускорить плавку!» Ах, батюшка! «Еще чудо, что он не стонет в этом дворе», — сказал простодушно Тейр. И правда чудо. Где мастер Бенефорте? Почему его тень не устремляется сюда к тому, на чем сосредотачивались все его помыслы? И не в расстоянии тут дело — появился же он у стен монастыря! Она закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем, а только слушать и ощущать. «Батюшка?» Ничего нигде. Если он не здесь, значит, не волен в этом. Скован или полускован. Ей представилось, как Вителли загоняет его во все более и более тесное пространство: комната, начертанная мелом фигура и, наконец, окружность пальца. Когда ему это удастся?

«Очень скоро», — подумала она со страхом. А сам Вителли? Хотя она вела свои приготовления втайне, все равно они должны привлечь его магическое внимание, если он ведет поиски. Если

ее отца и Вителли тут не чувствуется, значит, они целиком заняты друг другом. «Это как поединок. И мастер Бенефорте проигрывает…» Фьяметта открыла глаза, встала и подошла к горну. Тейр опустил с плеч свое одеяние и, голый по пояс, лоснясь потом в жарком свете, просовывал в окошечко длинную железную мешалку.

— Плавится? — с тревогой спросила Фьяметта.

— Начинает.

Она закрыла глаза, сосредоточилась и произнесла нараспев:

— Пиро. Пиро! Пиро! — И умолкла, испытывая головокружение. А когда она открыла рот, ее дыхание превратилось в пар. Огонь ревел, оранжевые искры, закручивая спирали, вылетали из отверстий, и поднявшийся ветер уносил их во мрак.

— Фьяметта, побереги силы. — Широкая ладонь Тейра легла ей на плечо.

— У нас осталось мало времени, я чувствую.

«И я боюсь».

— У нас получится! — Он крепче сжал ее плечо. — Отливка будет великолепной!

В ярком синем блеске его глаз она почти поверила. Пошатываясь, подошел Тич с двойной охапкой сосновых поленьев и со стуком бросил

их у своих ног.

— Последние! — пропыхтел он.

— Как! — воскликнул Тейр. — Уже? — И он с тревогой взглянул в окошечко.

— Больше ни единой щепки не осталось, как ни жалко, — ответил Тич.

— Ладно, положим эти.

Очи вместе побросали поленья в горн, с мехами управлялись кобольды.

Тейр всунул в окошечко мешалку и поворочал ею.

— Пожалуй, надо положить остальное олово. А тогда уже недолго, Фьяметта.

Она кивнула и, отступив на шаг, следила, как отблески огня играют на его лице, пока он размешивал плавящуюся массу. «Он тоже испытывает ее — страсть сотворения». На сердце у нее потеплело, а губы изогнулись в невольной радостной улыбке. «Какой он красивый сейчас. Точно вырезан из слоновой кости. Мой погонщик мулов. Кто бы мог подумать?» Внезапно зубы Тейра оскалились.

— Нет! — простонал он, начал мешать сильнее, потом отступил, не выдержав жара. — Он спекается!

— А что это значит? — в недоумении спросил

Тич, испуганный отчаянием в голосе и на лице Тейра.

— Это значит, что отливка погублена. Металл загустевает. — Он топнул босой ногой, бросил мешалку наземь и выпрямился, весь дрожа. Тич ссутулился. Фьяметта перестала дышать Руберта застонала Кобольды запищали в растерянности.

Тейр откинул голову.

— Нет! — взревел он, — Должен быть способ спасти отливку! Еще дров, еще олова!

— Так больше ведь нет, — робко возразил Тич.

— Как бы не так! Сейчас я подкину дров! — Тейр кинулся через двор к старому деревянному столу и опрокинул его, со стуком сбросив все, что его загромождало. Вопя, как безумный, он ударил по столу молотом. — Сухой дуб! Ничто не горит так жарко! Еще, Фьяметта, Руберта! Все, что есть в доме из дуба! Скамьи, столы, полки, стулья — тащите их сюда. Торопитесь! Кобольды, ко мне! Работайте мехами, чудища. Подсуньте эти доски под решетку, куда сыплется зола, пусть жар поднимается вверх!

Следующие несколько минут превратились в вакханалию разрушения. Тейр один приволок большой рабочий стол, точно в священном безумии, удесятеряющем силы. Фьяметта даже

испугалась, как бы у него снова не лопнул шов, который она наложила с таким старанием. Тейр, Тич и даже кобольды рубили и ломали мебель. Кобольды, казалось, получали большое удовольствие — они радостно повизгивали и урчали. Руберта даже бросила в огонь свои деревянные ложки. Огонь ревел, искры и языки пламени вырывались из отверстий потоком, устремляющимся в небеса. Снаружи это, наверное, походило на сигнальный костер.

Задыхаясь, Тейр открыл окошечко и снова помешал. Лицо у него вытянулось, плечи сгорбились, он скорчился, почти прижимая к коленям опаленные, закопченные щеки и лоб.

— Мало… — еле выговорил он.

— Кончено.

Тейр перевалился на бок, глядя в никуда. Фьяметта перегнулась пополам, испытывая ту же внутреннюю боль. Почти добиться и потерпеть неудачу… Бог не ждет их смерти, чтобы обречь их на вечные муки. Муки эти начинаются здесь, сейчас.

— Оловянная посуда… — прошептал Тейр в дымном безмолвии.

— Что?

— Оловянная посуда! — закричал он. — Несите

мне всю, какая есть у вас в доме! — И, никого не дожидаясь, кинулся на кухню, откуда появился вновь, таща в охапке видавшие виды тарелки, подносы, миски. Торопливо побросал их в пасть горна и кинулся за другими. Фьяметта взбежала на галерею и пронеслась по верхним комнатам. Она вернулась с кружкой, помятым тазиком для омовения рук и парой магических подсвечников, свечи а которых зажигались по слову любого человека — лозимонцы не распознали их замечательного свойства. Руберта принесла оловянные ложки. Всего в горн полетело более ста фунтов металла. Тейр покидал все это туда, хрипло дыша. Размешал, подложил еще дубовых обломков мебели, снова помешал. Всепожирающий огонь ревел, заглушая раскаты грома над озером.

— Плавится! — ликующе взвыл Тейр, оскалившись в безумной улыбке. — Становится жидким. Как прекрасно! Фьяметта, готовься.

Она бросилась к намеченному месту — вершине треугольника между головой Ури и ямой, опустилась на колени среди комьев развороченной земли. Но как она сумеет думать, обрести властное спокойствие мастера мага среди этого сатанинского шума и хаоса? «Для того-то ты и выучила заклинание наизусть. Не думай, делай!»

Она прикоснулась к шести разложенным перед ней травам, ножу, кресту. Помазала порошками лоб и губы. Подчиняясь нежданному порыву, осенила себя торопливо крестным знамением. Воимя-Отца-Сына-и-Святого-Духа. Господь! «Да восхвалим… да восхвалим Господа за все чудеса». Она закрыла глаза, распахнула свои мысли и сердце. Ури был давящей силой, грозной волей, ждущей рядом с ней — на три четверти ярость и на четверть ужас. От его веселого обаяния почти не осталось следа. «Во мне жила любовь к тебе». Она открыла газа, посмотрела на Тейра и кивнула. Тич сдернул, холст, укрывавший желоб. Тейр схватил изогнутый железный лом и выбил втулку из пода горна. Оттуда хлынул поток белого огня, разгоняя сумрак. Он заструился вниз через линию запекшейся крови Фьяметты и полился в отверстие великой глиняной формы — река света, текущая с быстротой разогретого масла.

Ури заструился через Фьяметту. Тысяча тысяч обрывочных воспоминаний, кульминирующих в жуткой тьме его смерти — и все в движении… Ее рот раскрылся, спина изогнулась в агонии. «Жжет, как жжет!» Божья Матерь. Божья…

Над ними в ревущем столбе жара загорелась деревянная галерея. Желтые языки пламени

лизали столбики балюстрады и перила. Входная дверь затряслась под мощными ударами, с улицы донеслись разъяренные крики. Но огонь все разливался и разливался по жилам Фьяметты. Она не осмеливалась пошевелиться, не осмеливалась нарушить… Вот-вот она, вспыхнет, как галерея, превратится в живой факел… Тич бросился к лестнице с жалким ведром воды. Тейр поднял молот с земли.

В прихожей дверь опрокинулась на плиты пола. В проем, увлекаемые инерцией, влетели три лозимонских солдата, держа таран. За ними, продолжая хрипло кричать, вошел с обнаженным мечом их начальник. Бородатый, свирепый, изрыгая ругательства из черного провала рта. Последняя капля сияющего жидкого металла скатилась с желоба в форму. Сила магии внезапно покинула Фьяметту. Словно разжалась державшая ее рука, и она скорчилась на земле, не способная пошевелиться, почти не способная дышать, не зная, преуспела она или потерпела неудачу.

Лозимонцы вбежали во двор и растерянно остановились, несомненно ошеломленные открывшимся перед ними хаотичным зрелищем; горящая галерея, кричащие женщины (Руберта

и безымянная дама бежали за Тичем, тоже с ведрами), прыскающие во все стороны кобольды и страж, дико бьющийся в своих оковах, завывая сквозь кляп, Фьяметта, прижимаясь щекой к земле, захихикала. Тейр стоял, помахивая молотом. Один человек с рабочим инструментом против четырех солдат с мечами. Фьяметта перестала хихикать, перекатилась на другой бок и устремила стекленеющий взгляд в яму. Что произошло там?

«Выпусти меня!» — требовал кто-то. Фьяметта решила, что слышит это не ушами. «Выпусти меня!»

— Тейр, — просипела она, — спрыгни туда, сбей обручи. Железные стягивающие обручи.

Он поглядел на нее, на форму, на лозимонцев, которые медленно двигались вперед, осторожно тыча перед собой мечами, будто их подстерегали невидимые враги. Он соскользнул в яму и начал бить молотом по защелкам обручей. Сердце Фьяметты заколотилось. Что, если еще рано? Что, если форма развалится и Тейра зальет раскаленная добела жидкая бронза… Один обруч распался, второй, третий. Горла Фьяметты коснулось острие меча, прижало к земле. Она подняла глаза на темное бородатое лицо — ни искры ду-

ши, ни искры ума, почти ничего человеческого.

— Бросай молот и вылезай, или я ее проткну! — рявкнул лозимонский лейтенант. Тейр положил молот, подтянулся и перекатился через противоположный край ямы. Он корчился, точно большая лягушка, опираясь на колени и ладони, и растянул губы в усмешке. Глаза у него горели, он с трудом переводил дух.

В яме начала лопаться глина — словно одна за другой разбивались миски. Обваливались куски, разбиваясь на мелкие осколки, рассыпаясь прахом. В глубине трещин проглядывало что-то, красное как кровь.

Что-то стряхивало с себя глину, точно собака — налипший на шерсть снег. Сначала возникла отрубленная голова, схваченная и высоко поднятая сильной рукой. Вишнево-красные бронзовые змеи извивались, как пряди всклокоченных волос. Плечи согнулись, расправились. На свободу вырвалась мускулистая рука, сжимая изогнутый меч. Затем крылатый шлем и дернувшееся кверху мужское лицо. Но не безмятежное лицо неведомого грека, нет!

«Это Ури! — подумала Фьяметта. — Совсем как живой. Даже с рябинами!» Увидев рябины, она невыразимо обрадовалась.

Пышущий жаром взгляд поднялся, нашел щербатого лейтенанта. «Помнишь меня? — безмолвно кричали пылающие глаза. — Ибо я тебя помню!» Бронзовые губы улыбнулись в жуткой угрозе.

Тут лейтенант не выдержал и с криком бросился бежать.

Глава 18

Фьяметта привстала на колени, потом села на пятки. Вопящего щербатого лозимонца схватили двое его подчиненных, не видевших, что происходило в яме. Третий солдат наконец разбил цепь стража там, где она обвивала каменный столб и был вознагражден за свои труды тем, что освобожденный сбил его с ног, кинувшись к выходу. Над их головами в полуночном небе грянул такой оглушительный гром, что дом содрогнулся.

Над краем ямы возникли руки Ури, держащие кривой меч и огненную голову Медузы. Раскаленные бронзовые мышцы напряглись, и он выбрался из ямы, великолепный нагой герой. Как ярко ни пылала галерея, исходящее от него багровое сияние соперничало с ее светом. Только его глаза были золотисто-белыми. Магия, не дающая ему распасться при подобной температуре, смутно подумала Фьяметта. Его очертания выглядели более четкими, более совершенными, чем даже у восковой модели, сотворенной ее отцом. Тейр легко спрыгнул в опустевшую яму за своим молотом, который, видимо, внушал ему столько же уверенности, сколько страха его врагам, как

свидетельствовали их боязливые взгляды.

Горячий бронзовый Ури посмотрел вниз на холодного плотского Ури, а затем поднял глаза на Тейра. Братья обменялись взглядами и даже в пустом золотистом свечении горячего металла Фьяметта уловила сожаление, печаль и что-то похожее на любовь, смешанные с решимостью и гневом.

В синих глазах Тейра блестели подернувшие их слезы. Он поднял молот, торжественно отдавая честь.

— Веди нас, капитан Окс. Во имя Бога, Бруинвальда и герцога Сандрино.

— Следуй за мной, малыш, — ответил Ури с медленной улыбкой, — и я покажу тебе такое, о чем ты сможешь рассказать моим племянницам и племянникам. Обязательно расскажи им! — Бронзовый голос гудел, как трубы органа, — громкий, басистый, способный разбудить мертвых, и все-таки это был голос Ури. Золотистые глаза остановились на Фьяметте, которая как раз поднялась на ноги. — У меня мало времени. Поторопимся!

— Веди! Мы за тобой, — еле выговорила Фьяметта. Пожар пожирал ее дом. Ну и что? Она повернулась к галерее спиной.

Ури устремил взгляд на четверых лозимонцев, которые, подбадривая друг друга, более или менее оправились от испуга. Они стояли плечо к плечу спиной к двери, благоразумно обеспечив себе путь для отступления. Пальцы Ури крепче сжали рукоятку меча, и он мерным шагом направился к ним, под его ногами земля проваливалась, чернела и дымилась.

Щербатый лейтенант с показным мужеством прыгнул навстречу, занося меч. Его меч со звоном скользнул по обнаженному боку, и он чуть не вывихнул плечо. Ури поднял голову Медузы и опустил на череп своего убийцы, разбив его. Лозимонец упал, судорожно дернул ногами и замер. Его подчиненные отступили, пригибаясь, прикрывая друг друга словно на ученьях — пока не добрались до сорванной с петель дубовой двери. Всякое подобие дисциплины было забыто, и они обратились в паническое бегство. Фьяметта чуть было не подобрала меч убитого — на всякий случай. Меч Ури выглядел внушительно, но выдержит ли бронза, а тем более размягченная жаром бронза, удары стальных мечей? Но тут же она сообразила, что сменить оружие Ури не мог бы: его меч был сплавлен с его рукой.

Тейр обнял Фьяметту за плечи, и они после-

довали за Ури на улицу. Фьяметта попятилась при виде собравшейся там толпы. Десятка три мужчин, мальчиков и даже несколько женщин, одетых, полуодетых, в ночных рубашках. Фьяметта узнала нескольких соседей.

Лоренцетти, нотариус, владелец дома рядом, бросился к ней. Лозимонцы разграбили и его дом. Он все еще ходил с перевязанной головой — памяткой о неблагоразумной попытке сопротивляться.

— Фьяметта! Что происходит? Что ты натворила?

— Мой дом горит, — ответила она уныло, а толпа с испуганными криками отпрянула от Ури — правда, всего на шаг-другой. Они таращили глаза и задавали изумленные вопросы. — Мы создали бронзового героя, воина, который сразится за нас с лозимонцами и освободит Монтефолью. Мы идем убить Ферранте. Прошу вас, посторонитесь!

Трое уцелевших лозимонцев остановились и вновь встали плечо к плечу посреди темной улицы дальше за толпой. Они покачивались на носках, смотрели и выжидали. Свечник Бембо, другой сосед Фьяметты, поднял повыше факел, откуда-то появились новые факелы — Фьяметта

не поняла откуда. Их зажигали друг о друга.

Лоренцетти вгляделся, ахнул и пробормотал:

— Так это же Ури Окс, швейцарец Сандрино?! Я играл с ним в кости. Он погиб и остался должен мне дукат… Эй! Ури!

Ури весело отсалютовал ему рукой с мечом в ответном приветствии, Лоренцетти попятился, дико глядя на него и развел руками в поклоне:

— Самые лучшие мои пожелания. Эй там, дорогу!

Повинуясь его жесту, толпа раздалась, и лозимонцы внезапно оказались между двумя рядами своих жертв. Наступила странная внезапная тишина, ничем не прерванная. Затем в воздухе промелькнул булыжник, брошенный разгневанным юношей. Камень лязгнул о нагрудник лозимонца и отскочил. Лозимонец зашатался. Ури пошел по улице между двумя людскими шеренгами, Тейр и Фьяметта, взявшись за руки, будто дети в темноте, шли за ним, не отставая. Толпа взревела — словно пламя в горне, подумала Фьяметта. Лозимонцы повернулись и пустились наутек — на этот раз окончательно, даже не поглядывая через плечо.

По улицам эхом разносились крики. В домах со стуком распахивались ставни на верхних этажах,

в окна высовывались головы, увенчанные ночными колпаками. Раздавались возгласы удивления и страха. Фьяметта оглянулась. Люди двигались за ними, сначала по двое, по трое, затем потоком, затем — могучей рекой. Распахивались двери, из них выбегали мужчины. Замелькали ножи и кинжалы, а у некоторых нашлись и мечи. Оружием стали и орудия мирного труда — топоры и молоты, мотыги, кирка, заржавелый серп, и просто дубинки. К идущим присоединилась толстуха с большой чугунной сковородой в руке. Еще и еще факелы, поднятые высоко над головами. Фьяметта понятия не имела, за кем, по их мнению, следовали люди в задних рядах, но они шли не то на смотр, не то на бой, воодушевленные, полные злобы и решимости, ничего толком не понимая.

А она-то думала, что они бесшумно проберутся по улицам Монтефолье под покровом ночного мрака. Впрочем, Ури вряд ли мог бы остаться незаметным, багряно светясь в темноте. Если инквизиция когда-нибудь решит судить ее за то, что было проделано нынче, свидетелей найдутся тысячи.

Молния расколола небо. Первые редкие крупные капли дождя упали на запрокинутое лицо Фьяметты.

На Ури они тотчас закипали, и вокруг него закурились струйки пара. Увлажнившийся поблескивающий булыжник шипел у него под подошвами. «Слишком холодный!» — мысленно сказала Фьяметта дождю. — «Остановись, перестань, еще не время!» Они подошли к подножию холма и начали подниматься к воротам замка. И никакой надежды пробраться туда тайком, захватить Ферранте врасплох. Лозимонские солдаты уже бегали по стенам, зажигая факелы. Она услышала скрип опускаемой решетки. И тут же тяжелые дубовые створки ворот захлопнулись с гулким стуком, на который эхом отозвался раскат грома над черным озером.

— Нет! — отчаянно вскричала она. — Что нам делать? Ферранте просто переждет, пока… пока…

Ури улыбнулся ей через плечо:

— Посмотрим. — Он остановился в нескольких шагах от ворот. Сверху в него пустили стальную стрелу из арбалета, она ударилась о его плечо и впилась в металл. Он пожал плечами, смахнул ее точно жалящего слепня и продолжал осматривать ворота. — Фьяметта, согрей меня! — сказал он.

— Пиро, — произнесла Фьяметта, с трудом восстанавливая заклинание, приводя в порядок

непослушные мысли. Но такая привычная формула помогла ей успокоиться. — Пиро. Пиро.

Ури поднял руку с мечом:

— Пока достаточно. — Он подошел к дубовым створкам и прислонился к ним. Дерево затлело, а потом заполыхал огонь. Он засунул руки в обугленную дыру и начал выламывать и выщипывать доски, словно древесина была совсем трухлявой. Горящие щепки полетели во все стороны. Фьяметта и Тич кинулись от ворот и пригнулись во рву.

Ури вошел в темный проход между двумя башнями. Дальше вход во двор перегораживала решетка. Из отверстия в стене перепуганный насмерть лозимонский солдат опрокинул на Ури котел горящего масла.

Ури откинул голову и захохотал, будто затрубили в бронзовые трубы. Он поворачивался под огненным потоком, словно человек — под освежающими струями водопада. Неведомо в каком припадке отчаяния лозимонцы вылили на Ури второй котел, потом третий, и только тогда кто-то из офицеров сообразил, что от этого им нет никакой пользы. Языки пламени плясали на сверкающем теле Ури, а он, точно саламандр, подошел к решетке.

Он просунул руку с мечом между прутьями, обхватил один и рванул. Чугунный прут с треском переломился, потом еще один, и еще, пока Ури не смог пройти между оставшимися, расправив плечи. Фьяметта подобрала юбки и побежала за ним через пламя, угасающее на полу прохода. Тейр бежал за ней, но остановился и двумя-тремя точно рассчитанными ударами молота расширил проход в решетке для тех, кто следовал за ними. А за ними бежали люди, не испугавшись нескольких арбалетных стрел, которые кое-как пустили растерянные солдаты Ферранте. Люди бежали кучками по трое, по шестеро, справа и слева, и тут же бросались на поиски мучителей Монтефольи. Подоспевшая следом толпа застряла было в проходе, но затем прорвалась во двор, Фьяметта скорчилась на булыжнике, переводя дух и внимательно следя за происходящим. Ури вошел во двор, точно живой факел. Под налетевшим порывом ветра с дождем он заклубился паром, как поверхность вулканического озерка.

— УБЕРТО ФЕРРАНТЕ! — прогремел он, и стены ответили многоголосым эхом. — Уберто Ферранте! Выходи!

Из дверей замка показались солдаты с обнаженными мечами. Около десятка. И побежали

вниз по мраморным ступенькам, но, увидев, кто бросил им вызов, замерли в оборонительных позах, переглядываясь в ужасе, Из двери вышел сеньор Ферранте и обвел взглядом двор. На нем была его блестящая кольчуга, и неверные отблески огня словно посеребрили ее. На ногах у него были черные сапоги, но он вышел без шляпы, и без шлема. Капли дождя алмазами переливались в его курчавых волосах. Мгновение он сохранял полную неподвижность, потом извлек свой меч — медленно, со скрежетом, от которого у Фьяметты заломило зубы, таким нескончаемым он казался. Затем повернул голову, позвал через плечо «Никколо», вздернул подбородок, взглянул на северную надвратную башню и поднял меч в приветственном жесте, словно говоря кому-то, кого Фьяметта не видела: «Эту смерть я посвящаю тебе!» После чего, весь подобравшись, держа меч наготове, медленно спустился по ступенькам.

Его солдаты, боязливо оглядываясь, образовали перед ним заслон — пока Ури не поднял руки и не направился к ним. Все до единого они кинулись врассыпную. Ферранте следил за ними без удивления. На губах у него играла легкая насмешливая улыбка. Но он все-таки открыл рот и закричал:

— Никколо! — И опять, громче:

— Никколо! Ко мне немедленно!

Решил ли Ферранте, что обречен? Так, во всяком случае, показалось Фьяметте. Тем не менее он продолжал стоять на посеребренной дождем мраморной ступеньке и не пытался спастись.

— Он негодяй, — прошептал Тейр. — И все же…

Фьяметта также почувствовала это:

— Храбр. Или бесшабашен…

Неудивительно, что люди идут за таким человеком. Фьяметта иногда недоумевала, почему ангелы, если верить тому, что о них говорят, тратят столько слез на грешников. «Они оплакивают не зло, они оплакивают погибшее втуне добро в нем».

— Вот так, — сказал Ферранте, облизывая губы. — Бездарный капитан гвардии Сандрино восстает из волн подобно Венере. Я думал, мы тебя убили.

— Да, так, — ответил Ури с той же иронией. — Мой бездарный убийца. Хочешь попробовать еще раз? — Он приглашающе поднял свой раскаленный меч.

Ферранте, подумала Фьяметта, умеет иронизировать лучше. Изящнее. Но гнев Ури пылал зримо в поднимающихся волнах жара, и если его

словам не хватало язвительности, это возмещалось его силой.

Ферранте, полуулыбаясь, наклонил голову и сошел с лестницы.

— Мне кажется… ты больше по части моего секретаря. Но я постараюсь занять тебя, пока он не явится. — Он, сдвинув брови и в раздражении оттягивая губы, крикнул через плечо:

— Никколо!!

— Чем он так занят, что не бежит сюда? — прошептал Тейр.

— По-моему, я знаю, — шепнула в ответ Фьяметта, у которой мучительно сжалось сердце. Но она пока еще не могла броситься в замок на поиски отца, ей надо было оставаться с Ури и раскалять его. Ферранте сделал выпад.

Первый обмен ударами завершился быстро. Лезвие Ферранте отклонило меч Ури, но со звоном отскочило от бронзовой кожи, не оставив на ней ни следа. Ферранте отпрыгнул в сторону, перебирая сразу онемевшими пальцами по рукоятке меча. Ирония исчезла, сменившись всепоглощающей сосредоточенностью. Он опять сделал выпад, стараясь попасть в золотистый глаз Ури, но тут же отпрянул, зашипев от боли, — Ури попытался оглушить его головой Медузы, и она

скользнула по его щеке, оставив за собой полосу мгновенно вздувшихся белых пузырей.

— Он не может победить, он должен обратиться в бегство! Почему он не бежит? — яростно шептала Фьяметта. Она хотела, чтобы Ферранте побежал, показал бы себя трусом, да! Достойным только глубочайшего презрения. А он опять бросился на Ури, делая выпады, отбивая, отбивая…

— Он испытывает себя, — внезапно сказал Тейр. — Он хочет быть самым лучшим. Он хочет знать, что он самый лучший. И хочет, чтобы об этом знали все.

— Он безумен.

— Но почему Ури мешкает? Почему просто не схватит Ферранте и не раздавит его?

Наконец стало ясно, чего добивался Ури: он оттеснил Ферранте к лестнице, тот споткнулся и упал на мраморную ступеньку, и Ури стремительным выпадом прижал острие меча к кольчуге в том месте, где сам он получил смертельную рану. Лицо Ури свела судорога гнева, и он налег на меч всей тяжестью своего металлического тела.

— Никколо! — пронзительно закричал Ферранте. Наконец-то в его голосе прорвался чисто человеческий ужас.

«Он повержен, — думала Фьяметта. — Он по-

вержен». Но это не вызвало у нее радости.

Кольчуга лопнула, и меч погрузился в грудь Ферранте, рассекая плоть и остужая лезвие в крови. Ури долгое-долгое мгновение стоял, наклонившись и удерживая Ферранте в том же положении.

Из дверей замка выскочил Вителли и ударился о мраморную балюстраду, его черное, испещренное символами одеяние развевалось. Он торжествующе размахивал правым кулаком. На указательном пальце сверкало золотое кольцо с изображением бородатого мужчины.

— Ваша милость, вот оно!

Фьяметта испустила беззвучный стон, беспомощно сжимая кулаки. «Мы слишком мешкали». Ферранте перевел глаза на Вителли.

— Ты опоздал… Никколо. Нарочно?

— Нет, сеньор! — Вителли завопил от ужаса, увидев меч в его груди. Но вышло это не совсем убедительно.

— Не… лги мне, Никколо. Ненавижу лжецов. Я видел, как ты прятался там. Выжидал. Видел белки твоих глаз. Будь прокляты твои глаза, Никколо… — Его рот остался открытым, лицо исказила агония. Ури наступил ему на грудь и выдернул меч.

Мгновение Ури колебался, настороженно поглядывая на колдуна. Его лицо так застыло, что он выглядел настоящей статуей. Затем в два прыжка, кроша мрамор, Ури очутился между Вителли и дверью. Вителли, опершись одной рукой о балюстраду, перескочил через нее на мощеный двор. Колени у него подогнулись, он охнул, но устоял на ногах, попятился и расправил бархатное одеяние.

— Ты в моей власти, симулакрум! — заверещал он, вперяя взгляд в Ури. — Хлад скует тебя там, где ты стоишь, и птицы будут вить гнезда в твоих ушах! — Он забормотал, взмахивая руками. Ури, решительным шагом спускавшийся к нему, стал двигаться медленнее. Багряное сияние потускнело, сменяясь блеском бронзы на его носе, ушах, пальцах ног. С мучительным усилием он занес руку с мечом.

— Пиро, пиро, пиропиропиро! — закричала Фьяметта. Ури встряхнулся, вновь став раскаленно-красным, и мягкой кошачьей походкой двинулся вперед, примеряясь для удара.

Вителли бросил на Фьяметту взгляд, говоривший. «Попозже. И тогда ты пожалеешь, что родилась на свет», — но тут же сосредоточился на Ури и начал пятиться, потирая новое кольцо.

Его тихое бормотание участилось, затем перешло в крик:

— Так я освобождаю тебя! Лети, отпущенный, и будь свободен!

Бронзовый Ури остановился как вкопанный. Вителли, торжествующе щурясь, выпрямился и неторопливо приблизился, чтобы хорошенько осмотреть застывшего героя.

— Нет! — простонал Тейр. — Он воспользовался заклинанием твоего отца, Фьяметта. Ну тем, каким он воспользовался, как ты рассказывала, чтобы освободить дух младенца из первого серебряного кольца Ферранте. Мы погибли! Да смилуется над нами Господь. И над Ури тоже! — Он поднял свой молот, косясь на Вителли, и глубоко вздохнул, готовясь вступить в безнадежную схватку. Ухмыляющийся некромант обошел безмолвную статую.

— Нет! Погоди! — прошипела Фьяметта, вскочила и вцепилась в руку Тейра. — Не то, не то… Погоди!

Бронзовый Ури ухмыльнулся. Его шепот эхом отразился от стен замка:

— Ты не можешь меня освободить. Я не заключенный!

Его меч со свистом описал горизонтальный

круг и снес голову Вителли. Но после того, как его слова были услышаны и поняты, а потому последним выражением на этом лице с густыми черными бровями было, когда оно закувыркалось в воздухе, выражение полнейшей растерянности и отчаяния.

Голова упала, покатилась, замерла в неподвижности. Наступила тишина. Хлестал дождь. Фьяметта огляделась. Около ста человек жалось по сторонам двора, глядя во все глаза. В прорезях окон северной башни белели три смутных пятна — три женских лица. Почти все свидетели были монтефольские горожане, да несколько ошалелых лозимонцев, к чьим горлам были прижаты кинжалы. Из дальних закоулков замка доносились крики, истошные вопли, грохот — толпа разделывалась с последними солдатами Ферранте. Кровь Вителли, разлившаяся по булыжнику, чуть курилась паром, застывая. Поднимался пар и от Ури, стоящего под дождем. Багряное свечение угасало, и его поверхность начинала отливать металлическим блеском бронзы. Холод и тоска неизбывного одиночества сменяли в его глазах ликование победы. Вскоре ему придется уйти из своего временного металлического тела. Уйти куда?

И где батюшка? Она вспомнила новое золотое кольцо на теперь мертвой руке Вителли и пошла к трупу. Надо забрать кольцо. Может, аббат Монреале знает, как поступить с кольцом. Конечно же, должен быть способ освободить батюшку из кольца, а кольцо — от воли Вителли. Не может же один мертвец владеть другим?

Тут Фьяметта с ужасом заметила, что к безголовому трупу ползет Ферранте. Сеньор Лозимо не умер, как ей показалось! Видимо, раскаленное лезвие прижигало рану, нанося ее, и, хотя ребра у него были сломаны, Ферранте не истекал кровью так быстро, как Ури.

Она, опережая его, бросилась к кольцу. Тейр последовал за ней, держа молот наготове, хотя вряд ли Ферранте мог теперь кому-то угрожать. И все-таки в его непобедимой воле было какое-то жуткое величие — в воле, волочившей его бесполезное тело по мокрым от дождя булыжникам.

Но чуть только она протянула руку к Вителли, как волна холода отшвырнула ее назад, точно удар дубинки. Ферранте тоже вскинул руку, будто отражал незримый удар. Это усилие, видимо, разорвало что-то у него внутри: он хрипло вздохнул, темные глаза остекленели и остались открытыми. Фьяметта скорчилась на булыжнике,

смотря на то, чего не могло быть.

Над телом Вителли сгущалась фигура, словно ночной мрак обретал осязаемость. Темный человек — чернота более плотная, чем любая тень в освещенном факелами дворе. Фьяметте почудилось, что внутри черного человека она видит другие маленькие полупереваренные призраки, десятки и десятки, изуродованных, корчащихся в смертной муке.

— Ох, нет! — охнул Тейр — Мы сотвори и еще один призрак! Неужто этому не будет конца!

— Нет, — еле выговорила Фьяметта — Хуже… куда хуже! Мы сотворили демона!

Где же батюшка внутри темного человека? Одни из этих призраков выглядел совсем свежим и словно бы испытывал немыслимую боль…

Лицо темного человека обрело выражение, черты стали четкими и знакомыми. Черные глаза открылись, зажглись собственным красным огнем. Выглядел Вителли почти столь же ошеломленным, как Фьяметта. Он растопырил пальцы и уставился на них в изумлении. Один черный палец опоясывало яркое сияние. Вителли откинул голову и захохотал, смакуя свое продолжающееся существование и власть.

— Удалось! Я жив! Теперь я бессмертен! — Тем-

ный человек даже запрыгал от радости и отвесил иронический поклон в сторону Ури, остывающего, оглушенного. — Благодарю тебя!

И все ее вина, с горечью подумала Фьяметта. В одной из своих многочисленных проповедей на эту тему аббат Монреале назвал грехом непоправимую ошибку с роковыми последствиями. Теперь она видела перед собой такую свою ошибку и думала: «Восьмой смертный грех, конечно же, глупость». И невежество. Она не имела представления, как бороться с демоном, ни малейшего. Зато всем своим существом чувствовала, что стоит Вителли окончательно вырваться на свободу, и последствия будут ужасны.

— Что ты сделал с моим батюшкой? — дрожащим голосом спросила она у Вителли-демона.

Едва он перевел на нее красные-глаза, она поняла, что ей не следовало бы привлекать его внимание.

— Его воля теперь принадлежит мне, — прошептал Вителли, словно зашуршал лед. — Ты опоздала. — И улыбнулся адской улыбкой. — Он тоже опоздал! — Его лицо обратилось к воротам.

По булыжнику зацокали лошадиные копыта. Сердце Фьяметты подпрыгнуло, ей захотелось закричать от радости и облегчения. Аббат Монре-

але поспешал к ним на выручку на белом коне!

— Фьяметта! Тейр! — восклицал он. Крик радости замер у нее на губах, едва она вгляделась получше. Во-первых, лошадь. Она знала этого мерина. Даже кавалерийское седло, которое где-то раздобыл Монреале, не могло скрыть прогнутую спину. Он стоял, тяжело, со свистом дыша, на седой морде краснели круги раздувавшихся ноздрей, и выражение у него было самое унылое, а колени дрожали. Нет, аббат Монреале, без сомнения, чудотворец, возлюбленный Господом, раз понудил этого одра подниматься по склонам.

Монреале подобрал серое монашеское одеяние, оголив ноги до колен, а сандалии сбились на сторону, так усердно он лупил пятками по бокам старика мерина. В руках он умудрялся держать поводья, свой пастырский посох и пару салаконов. Волосы под кустистыми бровями торчали во все стороны, а на лбу лиловела огромная шишка.

— Фьяметта! — крикнул он снова и осекся, увидев картину в центре двора.

— Я собирался сказать, — продолжал он странным, мягким, почти домашним тоном:

— Фьяметта, что бы вы ни делали, ни в коем случае не убивайте Вителли.

Его серые глаза вперились в красные глаза

темного человека, Фьяметта с облегчением и благодарностью почувствовала, что перестала служить средоточием внимания Вителли. В эту минуту Монреале выглядел нелепо. Если не считать его глаз.

Все так же пристально глядя на темного человека, Монреале перекинул ногу через понуренную голову мерина и легко спрыгнул на землю. Флаконы он засунул за пояс, поднял посох вертикально и задумчиво провел ладонью по всей его длине. Потом двинулся вперед и вдруг резко остановился, словно получив такой же удар холодом, как Фьяметта.

— Джакопо Шпренгер. Хотя твой дух расстался с телом, ты все еще отчасти существуешь в мире воли. Пока твоя воля свободна, ты еще можешь искренне раскаяться, исповедаться в грехах и подтвердить свою веру. Клянусь тебе, Бог превыше любого зла, какое ты можешь измыслить. Остановись. Остановись не медля и отврати свое лицо от греха!

Голос Монреале звучал страдальчески в своей искренности.

И Фьяметта поняла, что он трясся на разбитом одре всю ночь не для того, чтобы уничтожить Вителли, а чтобы его спасти. И она уловила в

этом страшную опасность. Вителли ничто не помешает обмануть Монреале, притвориться, чтобы аббат ослабил свою защиту. Как бы ни сомневался Монреале, совесть понудит его поверить Вителли.

Но Вителли, гордый своим могуществом, не снизошел до обмана. Темная фигура осенила крестным знамением непотребное место. А следующее ее движение оказалось не таким безобидным: когда в глазах Фьяметты перестали мелькать радужные пятна, а грохот в ушах затих, она увидела, что аббат Монреале стоит на коленях, но не молится. Однако он взмахнул посохом, отвечая ударом на удар. Вителли словно бы съежился, но лишь на миг.

Ури уже был не в состоянии помочь. На глазах Фьяметты он превращался в холодную бронзу, а в ней больше не было огня, чтобы вновь его раскалить. Она даже встать не могла, а упала на колени, потом на четвереньки и, наконец, распростерлась на мокром булыжнике. Пройди мимо какой-нибудь лозимонец, он без всякого труда перерезал бы ей горло, а она бы тупо подставила себя под нож. Тейр испуганно присел на корточки рядом с ней и потрогал ее за плечо.

Кольцо духов! Золото поблескивало на паль-

це безголового трупа всего в двух шагах от нее. Неудивительно, что магия духов столь редка! Так трудна и так ненадежна! Если бы она знала формулу снятия заклятия, как ее отец! И ей будто привиделась эта минута: поднятая рука Ферранте, треск, вспышка серебряного кольца, запах обожженной кожи…

Но ведь она знает кольца! Вложила частицу себя в золото своего львиного кольца. И она удерживалась там… удерживалась там…

— Структурой! — прошептала Фьяметта ошеломленно. Заклятие кануло в жидкий металл, как кристалл квасцов в воду, которой пользуются дубильщики, и создало структуру, такую же изящную и сложную, как узоры инея. У нее не осталось сил, чтобы оживить Ури, это правда. Но какие-то все-таки есть! А золото — более плавкий металл, чем бронза, а в кольце его не больше наперстка. Их хватит. Должно хватить…

— Пиро, — простонала она. — Пиро.

Золотая маска утратила четкость, поплыла, металл расползался каплями, а опоясанный им палец потемнел, зашипел, обуглился. Едкий запах горелого мяса ударил ей в ноздри.

Темный Вителли завопил, а сияние на его пальце-тени погасло. Он стремительно обернулся,

красные глаза, извергая пламя, остановились на Фьяметте. Она язвительно улыбнулась ему из объятий Тейра, не в силах пошевелиться.

Он словно набирал в грудь воздуха, рос, рос, превратился в спираль дыма, и она, извиваясь, заползла в разинутый рот бронзовой головы Медузы, которую Ури высоко поднимал застывшей левой рукой. Змеи на ней стали вишнево-красными и зашевелились. Веки головы разомкнулись, щелки глаз были как две раскаленные до белого каления свинцовые полоски. Лицо исказилось в гримасе, жуткие глаза широко раскрылись и отыскали Фьяметту.

«Он сейчас меня испепелит!»

— Тейр, прочь от меня! Назад! — Она попыталась вырваться из его рук, бессильных ее укрыть, но он в смятении только крепче сжал их, И тут между лей и омерзительной головой возник дождевой человек из удерживаемых воедино, повисших в воздухе алмазных капель, которые в свете факелов вспыхивали маленькими радугами. Насколько тень-Вителли был темен, настолько светло и ясно сиял он. И был изумительно красив Мерцающая туника со сборчатыми складками, большой круглый головной убор, словно из парчи, расшитой дождем Туман

кудрявился бородой у его подбородка, а влажные глаза влажно светились.

— Батюшка! — ликуя, прошептала Фьяметта. Он послал ей воздушный поцелуй… или просто на щеку ей упала холодная капля дождя? Она потерла щеку в трепетном недоумении.

Из глаз Медузы вырвались два огненных луча. Все капли воды, оказавшиеся в них, заклубились облаками пара, но дождевой человек тут же возник снова, став чуть белее, потому что к каплям теперь добавился туман.

— Вылезай-ка оттуда! Она моя! — ворчливо потребовал мастер Бенефорте, пригнулся и сложил ладони ковшиком. Медленно, точно деготь, изо рта медузы наружу поползла чернота, и дождевой человек опрокинул ее в себя. И Фьяметта увидела там корчащегося черного человечка, исходящего в беззвучных воплях Мастер Бенефорте обернулся к аббату:

— Быстрей, Монреале! Отправь нас теперь же вместе, пока я удерживаю его. Долго я так не смогу.

Монреале тяжело оперся на посох. Он выглядел оглушенным.

— Где… где лежит твое тело, Просперо?

— Швейцарский мальчишка знает.

— Тейр! — Аббат Монреале обернулся к нему. — Иди сейчас же, возьми в подмогу этих двоих (как раз подоспели два монаха, видимо, отставшие от своего настоятеля) и принеси сюда смертные останки мастера Бенефорте. Не мешкай.

Тейр кивнул, ухватил свой молот и припустил через двор, махнув монахам, чтобы они следовали за ним. В замок они вошли через боковую дверь.

Монреале осторожно подошел к голове Вителли, подобрал ее и приложил к перерубленной шее. Потом опустился на колени, совершил обряд, побрызгав на труп из одного флакона, и склонил голову в молитве. Человечек внутри дождевого человека забился в конвульсиях и затих.

Когда Монреале поднялся с колен, мастер Бенефорте заметил:

— Мне понравилась эта твоя коротенькая проповедь о свободе воли. Но ведь мне всегда нравились твои проповеди, Монреале. Случалось, они на полдня возвращали меня на стезю добродетели.

— В таком случае жаль, что ты не слушал их чаще! — По губам аббата пробежала улыбка.

— И ты предупреждал нас, как смерть застигает человека врасплох, не готовым к ней. И я никак

не был готов к этой странной полумере. — Он шагнул к Монреале, весь переливаясь, чтобы их не могли услышать охваченные благоговейным ужасом зрители, которые робко подходили все ближе. Он понизил голос до шелеста капель, сбегающих по ставням. — Благослови меня, отче, ибо я согрешил…

Монреале наклонил голову, и голос продолжал шелестеть, пока не появился Тейр с окостенелой, завернутой в реднину фигурой на носилках, которыми служила крышка от большого соснового ящика. Монреале благословил дождевое обличье, а потом повторил обряд над телом, от которого дух отлетел не совсем.

Фьяметта тихонечко приблизилась к дождевому человеку и спросила робко:

— Мы хорошо его отлили, батюшка? Вашего великого Персея?

— Велика дерзость для двух неучей… — начал он и вдруг оборвал свое обличение на полуслове и приподнял перед ней головной убор, точно лишь сейчас увидел ее по-настоящему, и чуть улыбнулся. — Сносно, сносно.

Только сносно?! Ну… да ведь это батюшка. А он добавил:

— Выходи за швейцарца, если хочешь. Он чест-

ный молодой олух и не предаст тебя. Лучшего ты с никакими деньгами не найдешь. Да, кстати о деньгах. Руберте полагается сто дукатов. Так обозначено в моем завещании. Оно у Лоренцетти, нотариуса. Прощай, веди себя хо… — Его радужная оболочка заколыхалась от бешеных прыжков черного человечка внутри. — И, Фьяметта, если уж ты не можешь вести себя хорошо, будь хотя бы осмотрительной! — Он обернулся к Монреале. — Отче, действие твоей проповеди на исходе.

Отошли нас скорее. Пока у меня еще остается воля удерживать его.

— С Богом, мой друг, — прошептал Монреале и осенил его последним крестным знамением.

Рассыпались дождевые капли. И не осталось ничего. Тейр умоляюще простер руки к Монреале:

— Отче! Вы не благословите Ури? Моего брата?

Монреале заморгал, словно приходя в себя.

— Ну конечно, юноша. — Он с трудом обернулся, еле сохраняя равновесие.

Тейр подхватил его под руку, и они вместе приблизились к статуе. Застыла она точно в той позе, которую получила при отливке, но в глазах еще сохранялась, тускнея, живая искорка. Каким ощущал он это металлическое тело? Тот же жар,

который оживил его, не позволил обнять брата или поцеловать на прощание Фьяметту.

А она на коленях молилась ниспослать ей силы и в последний раз пробормотала «пиро!». Но только бронзовые губы стали вишнево-красными.

— Благослови меня, отче, ибо я согрешил, — прозвучал неживой голос будто дальние переливы флейты. — Хотя далеко не так, как мне хотелось бы.

Уголки рта Монреале дрогнули, но он прошептал:

— Не шути. Не трать понапрасну малое время, которое тебе осталось.

— Все мое малое время было истрачено понапрасну, отче, — вздохнул замирающий голос. Монреале согласно склонил голову:

— Это достаточно полная исповедь. Не отчаивайся, ибо это грех. Надейся, юноша.

— А мог ли я надеяться на покой? Я так устал…

— Ты будешь покоиться с совершеннейшим миром. — К тому мгновению, когда руки Монреале опустились, перед ними стояла всего лишь бронзовая статуя.

Но не совсем такая, как в первоначальной отливке, вдруг заметила Фьяметта. Безмятежное греческое лицо не возвратилось. В бронзе навеки

запечатлелись собственные выразительные, далекие от безупречности черты Ури. В уголках губ даже пряталась веселая усмешка, совсем уж чуждая классическому оригиналу.

И с дрожью она убедилась, что изменилось и лицо Медузы. Темный Вителли обрел бессмертие, которого ждал своего рода.

Глава 19

Тейр поднес ладонь к лицу статуи. Хотя бронза перестала светиться, прикоснуться к ней пока еще было нельзя. Но даже если бы Тейр не побоялся обжечься, Ури там все равно уже не было. А дождь скоро остудит металл. Тейр запрокинул голову, чтобы холодные капли смешивались с горячими, ползущими по его щекам, чтобы никто из этих посторонних не стал свидетелем его горя. Ури больше не будет в их мире, они скоро забудут, что он жил и смеялся. «Но клянусь, я буду помнить».

Тейр смигнул влагу с глаз и увидел, что в разбитые ворота вбегают солдаты — монтефольские гвардейцы. Двое-трое удивленно указывали на статую, узнав черты своего покойного капитана, но тут же поспешили дальше. Фьяметта стояла под искрящимися дождевыми каплями, такая маленькая, измученная, насквозь промокшая. Выбившиеся из косы непокорные черные кудри прилипли к коже, словно потеряв упругость. Тейр был бы рад накинуть на нее плащ, но он и сам стоял полуголый в старом одеянии, прилипшем к бедрам. Он натянул его на плечи, дрожа отчасти

от холода, отчасти от пережитого. Вокруг его босых ног разливалась лужа. Фьяметта повернула измученное лицо к Монреале:

— Как вы добрались сюда, отче? Когда вас унесли в монастырский лазарет во власти заклятия Вителли, вы были бледным и неподвижным, точно мертвец. Брат Марио не допустил меня к вам.

Монреале, раздвинув обутые в сандалии ступни, тяжело опирался на посох. Он отвел задумчивый взгляд от остывающей бронзы.

— Заклятие утратило власть надо мной вчера поздно вечером. Это ты сделал, Тейр?

— Я… может быть, отче. Я точно не знал, какое заклятие обезвредил, когда смахнул со стола символы, но Вителли это отвлекло. А я почти тут же выбрался из темницы вместе с телом брата.

— Вот как! — сказал Монреале. — Я очнулся, но мне было очень скверно, и целители продержали меня в постели до утра, а тогда мне прибавилось сил, чтобы поставить на своем. Но я только днем услышал, Фьяметта, что ты исчезла из монастыря, и никто не знал, как давно. Я послал моих птиц, но выяснил только, что Ферранте и Вителли нигде не видно, и что Тейр не висит на стене надвратной башни замка. С офицерами Сандрино мы решили, что должны напасть, как задумали

накануне. Но я знал, что должен подобраться как можно ближе, прежде чем вновь схватиться с Вителли. Его силы явно необычайно окрепли. Мы приготовились к ночному штурму, чтобы темнота скрыла нашу малочисленность… — Он устало потер затылок. Глаза его сощурились и замерцали под воздействием воспоминаний об этих недавних часах.

— Мы сделали вылазку, когда стемнело, и схватка с осаждавшими задержала нас. В конце концов мы прорвались и направились к городу. Лошадей у нас было мало, и они требовались солдатам, но кто-то из братин увидел белого мерина, пасущегося среди наших овец. Наших уцелевших овец. Это одер, которого твой отец купил в Сеччино, Фьяметта? Его бесстыдно ограбили. Но… он, полагаю, все-таки помог мне сберечь силы. А когда мы приблизились к городским воротам, намереваясь вступить в отчаянный бой, с лозимонцами там уже разделалась толпа горожан. И вместо того, чтобы увлечь монтефольцев за собой к замку, мы последовали за ними. К этому времени я узнал, что ты, Фьяметта, ведешь какое-то магическое нападение, и я погнал мерина как мог, в великом страхе, что демонические силы Вителли стали достаточно мощными, чтобы возобладать над

смертью. Как оно и оказалось. — Монреале скорбно вздохнул. — Правда, этот немощный старик вовсе не воображал себя равным противником этой черной силы.

— И все же вы поспешили сюда, — сказал Тейр.

— Отче, без вас мы бы погибли. То есть… — Фьяметта задумчиво сдвинула брови, — никто из нас в одиночку не мог противостоять Вителли. Батюшка мог удерживать Вителли, но не покончить с ним. Вы могли навсегда изгнать его из этого мира, по только если кто-то его удерживал. И мы никогда не ворвались бы сюда без Ури, а он не был бы сотворен без Тейра. Пусть сами по себе мы слабы, ею вместе оказались славным отрядом.

— Ха, — произнес Монреале, полузакрыв глаза и медленно улыбнувшись. — Не этот ли урок преподал мне Господь? Устами младенца…

— Я не младенец, — решительно возразила Фьяметта.

— Дитя, с высоты моего полувека вы все выглядите младенцами. — Монреале крепче обхватил посох и выпрямился с большим трудом. Он несколько мгновений смотрел на бронзовую статую. — Нет, ты не младенец. А потому подвержена всем опасностям, которые грозят взрослым женщинам.

— Отче, — сказал Тейр, — вам надо бы кое-что осмотреть до того, как там что-либо тронут. Я оставил одного из ваших монахов стеречь дверь.

Монреале кивнул:

— Проводи меня, юноша, ибо нам еще нужно сделать многое!

Тейр повел его в замок через вход для слуг и вниз по теперь уже таким знакомым лестницам и коридорам в темницу. Ну, хотя бы тут их не мочил дождь! Монах нес факел перед своим настоятелем. Тейр не совсем понимал, как могут ходы и помещения, пробитые в скале, быть ночью темнее, чем днем, но выглядели они именно так. Силы, которые придавал ему беспощадный ужас, убывали, и он то и дело натыкался на стены. Я начал прихрамывать, все его мышцы словно заржавели, были полны песка; при каждом шаге их пронизывала боль, и они тупо ныли, когда он останавливался.

Решетчатые двери темниц стояли распахнутые, и узников там почти не осталось. Те, кто не ослабел, кинулись принять участие в схватке. Ослабевших и больных уводили и уносили горожане, родственники и не родственники.

Тейр во главе своей маленькой процессии спустился в нижнее помещение. Белый как полотно

монах стоял перед сокрушенной, разбитой в щепу дверью комнаты, где некромант вершил свои черные дела. Первым вошел Монреале, и Тейр зажег от единственной горящей свечи все оставшиеся огарки.

Монреале со свистом выпустил воздух сквозь сжатые зубы. Козлы были опрокинуты, ящик перевернулся и треснул, соль высыпалась, когда Тейр и монах срывали с него крышку, торопясь унести тело мастера Бенефорте. На полу извивались линии сложной двойной фигуры. Одна половина пустовала — Тейр сам забрал оттуда смертные останки, когда перепуганный монах отказался прикоснуться к ним. Вторая половина обрамляла еще один труп. Молодого мужчины, страшно изуродованный, с перерезанным горлом.

— Вот та сила, с помощью которой они сумели все-таки загнать батюшку в кольцо духов, — прошептала Фьяметта, боязливо взглядывая на Монреале. — Новый призрак! Я же видела его внутри Вителли, отче! — Она отвернулась, закрыла глаза и сглотнула, Ведь это мог бы быть он сам, подумал Тейр, решаясь взглянуть лишь искоса.

— Кто этот бедняга, отче?

Монреале облизнул губы, осторожно прибли-

зился и опустился на колени у головы мертвеца. Но какие бы чары ни породило это черное злодейство, они, видимо, уже рассеялись.

— Да, я знаю этого юношу. Один из моих монахов… Лука было его имя. Он тот, кого я послал сюда лазутчиком за два дня до тебя, Тейр, и о ком больше ничего не слышал. Вителли, видимо, выбрал его среди узников для вот этого, после того как ты спасся. У него семья в городе — родители, братья, сестры… Убийство, чернейшее убийство! — Он склонил голову в глубокой скорби и начал читать заупокойную молитву.

Когда он поднялся на ноги, Тейр спросил с беспокойством:

— Может, заколотить дверь досками или как-нибудь еще закрыть вход сюда?

Монреале мрачно пожевал нижнюю губу, а потом обошел помещение, пряча испуг и осматривая все свидетельства некромантии со спокойной внимательностью человека, которому предстоит написать подробный отчет.

— А? Да нет… — Он собрал валявшиеся на столе бумаги и записи. — А вот это тут лучше не оставлять. Нет, Тейр, напротив. Эту комнату надо оставить открытой, с тем чтобы все солдаты, все горожане могли ее увидеть. Пусть свидетельства

козней Вителли и Ферранте станут известны как можно большему числу людей. — Он помолчал. — Во всяком случае, всем тем, кто видел, как бронзовая статуя прошла по городу и сразила мечом двоих. По меньшей мере им.

Он повернулся на каблуках к Тейру и Фьяметте.

— Вы двое знаете, что было вами сделано, и мы еще обсудим это. Но позднее. Первые сообщения архиепископу, в курию и генералу моего ордена напишу я. А пока… не сомневайтесь, что о событиях этой ночи поползут всевозможные и самые невероятные слухи. Уповаю, что связаны они окажутся больше с Вителли, чем с вами. Вы понимаете?

Фьяметта неуверенно кивнула. Тейр покачал головой с искренним недоумением. Монреале поманил его к себе и понизил голос:

— Послушай, юноша. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы Фьяметту допросила инквизиция. В конне первого же дня они се сожгут только за ее слишком острый язычок, и других доказательств им не потребуется. Понимаешь?

— А-а… — Да, Тейр понял.

— Если любишь ее, помоги ей держать голову пониже, а рот на замке. Церковная политика

— мое дело. Если понадобится… кое-кто мне кое-чем обязан, но Фьяметта должна стараться не наступать на ногу соседям и не выглядеть… особенной. Не то может оказаться, что я не сумею предотвратить последствия.

— Э… а выйти замуж и открыть мастерскую в доме отца… это сделает ее особенной?

— Нет. Это было бы превосходно. Вот открыть мастерскую, не выйдя замуж, было бы опасно.

Тейр повеселел:

— Я ей во всем помогу, отче, только бы она позволила!

— Лучше, юноша, будь готов помогать и во многом другом, если понадобится, — сухо бросил Монреале.

— От всего сердца, монсеньер.

Монреале кивнул Тейру и повернулся к двери. Тейр задержался и бросил последний расстроенный взгляд на принесенного в жертву молодого человека в запекшейся луже его же крови:

— Он стал… козлом отпущения за меня. Лука. Он обязан запомнить это имя, как надеется, что другие люди не забудут имени Ури.

Монреале пожевал губами.

— Да, в каком-то смысле… хотя умри ты вчера, это не спасло бы его сегодня вечером. Тем не

менее ты каждое воскресенье будешь ставить ему свечу в монтефольском соборе и молиться о его душе.

— Да, отче, — сказал Тейр, слегка утешенный. Монреале кивнул, и они вышли следом за ним.

В верхнем, теперь опустевшем коридоре Тейр услышал слабый стон.

— Погодите… — Он бросился к последней темнице. Да, на соломе там лежало скорченное тело. — Почему эту дверь не открыли? Где ключ? — крикнул он.

Из комнатки стражи вышел пожилой горожанин, побрякивая связкой ключей.

— Нам сказали, что он помешанный. А когда придет сержант взять ключи?

— Я их возьму, — сказал Монреале, забирая у него связку. Ее он передал Тейру, который нагнулся над скважиной.

Сеньор Пия лежал один в темнице под тонким одеялом. Лицо у него было совсем землистым, остекленевшие глаза, казалось, не узнавали Тейра. Рану в плече ему не перевязали, и на ней комьями запеклась кровь. Судя по множеству синяков, его безжалостно избили, когда поймали в последний раз. Чтобы разрешить свои сомнения, Тейр высунул голову в окошко. В отверстии

с краю сохранился один прут, и к нему были привязаны шелковые чулки-трико, а к их нижнему концу — еще одни. Вдоль обрыва свисала намоченная дождем самодельная веревка! Как просто. Тейр ощутил облегчение, но и легкое разочарование. Значит, сеньор Пия не слетел в темную берлогу Вителли огромным нетопырем вчера вечером, как бы ему этого ни хотелось.

Монреале послал за помощью, так что вскоре бедняга кастелян был уложен на широкую доску, на которой крепкий монах и еще один горожанин понесли его впереди них. Когда они вышли во двор, там возбужденно кричащие люди толпились вокруг герцогини Летиции, освобожденной из башни. Она призвала к себе уцелевших офицеров Сандрино и поручила им очистить замок, во-первых, от еще не схваченных лозимонцев, а во-вторых, от монтефольцев, которые ни за что не позволили бы себе поживиться имуществом своего покойного герцога, но не видели ничего зазорного в том, чтобы отобрать у взятого в плен или убитого лозимонца его добычу. Монреале тут же был втянут в человеческий смерч вокруг герцогини.

Дама Пия кинулась к мужу в страшной тревоге. Однако сеньор Пия как будто узнал ее вопреки

своей крайней слабости и помрачению рассудка. Он чуть-чуть улыбнулся ей, когда она опустилась на колени возле носилок, и взял ее руку. Она тут же приказала оказавшимся рядом мужчинам отнести его в их комнаты в башне, которые вновь из места заключения стали домашним очагом. И, не слушая никаких возражений, увела туда целителя-монаха из свиты Монреале.

Каким-то образом весь этот ночной хаос оставил их с Фьяметтой в стороне, сосредоточился вокруг Монреале и герцогини. Тейр только обрадовался. Дождь стихал, превращаясь в сеющуюся водяную пыль. Тейр обнял Фьяметту за дрожащие плечи.

— Думается, мы можем теперь отнести тело твоего отца к тебе домой.

— Если мой дом еще стоит. А… а Ури?

— Ты о статуе? Оставим здесь, что же еще? Ведь теперь это просто статуя. И без двух упряжек волов ее не украсть.

Фьяметта кивнула. В дрожащем полусвете ее глаза казались очень большими. Они пробрались к крышке от ящика с завернутым телом на ней.

— Тейр, я не смогу нести свой конец, — сказала она с тревогой.

— Да и у меня сейчас вряд ли получится, — чест-

но ответил Тейр. — А свою лошадь ты хочешь забрать?

Белый мерин тоскливо обнюхивал булыжник, на котором не росла трава. Он смирно стоял на месте, и почему-то никто не попытался увести его, пока Монреале смотрел в другую сторону. Тейр просто подошел к нему и почесал за ушами. Мерин потерся о него мордой, царапая ему кожу бляшками уздечки и осыпая его мокрыми белыми волосками.

Тейр отдал поводья Фьяметте и пошел на поиски веревки. В конюшне с гвоздя свисал моток, который никто не стал у него оспаривать. Один конец Тейр привязал к стремени, затянул в тугой петле крышку у верхнего края и завязал другой конец на втором стремени, превратив крышку в подобие волокуши. Белый мерин услышал позади себя скрежет, испуганно раздул ноздри и отпрянул в сторону. Тейру представилось, как взбесившаяся от страха лошадь мчится не разбирая дороги, а позади нее подпрыгивает, только-только не переворачиваясь, мастер Бенефорте, которому уже не придется больше никогда и никуда ездить. Но мерин тут же перешел на свой обычный вялый шаг, и Тейр счел, что может подсадить Фьяметту ему на спину, ничего

не опасаясь. Она обеими руками вцепилась в длинную гриву и почти припала к толстой шее. Тейр повел мерина к разбитым воротам замка и дальше с холма.

Ночь близилась к концу, и улицы Монтефольи затихли. Им повстречались только две компании возбужденных мужчин с факелами, но они прижались к домам по сторонам узкой улицы, давая дорогу мерину с его грузом. Тейр был измучен и постарался просто их не замечать. И они добрались до разбитой двери Фьяметты, так никем и не окликнутые. Стены все еще стояли, не провалилась и черепичная крыша. Приятная неожиданность!

Тейр помог Фьяметте слезть с лошади. Она, спотыкаясь, пошла в дом. Онемевшими пальцами Тейр развязал узлы на стременах и крышке ящика. К этому времени появился Тич с фонарем и увел мерина через ворота в сад. Вместе они привязали его подальше от грядок с весенним луком и салатом, и Тич принес ему ведро воды, которую он жадно выпил и с благодарностью громко фыркнул, обдав Тича брызгами слюны. Но туника Тича особенно не пострадала, так как уже была покрыта коростой грязи и золы.

— Утром надо будет найти для него корм, — то-

ном знатока объявил Тич. — Этой травки надолго не хватит.

— Да уж, ему этого только на один зуб. Утром я помогу тебе отыскать твоих мулов.

Тич удовлетворенно кивнул, и они заперли ворота. С помощью Тича Тейр внес носилки с мастером Бенефорте в парадную комнату и положил его рядом с Ури, которого кто-то перенес в это тихое место.

— Их надо будет поскорее похоронить, — сказал Тейр. — Как положено.

— Завтра в Монтефолье будет много похорон, судя по всему, — заметил Тич.

— Ну, для них выберут время, — ответил Тейр. — Я уж позабочусь!

— Руберта постелила нам в прихожей, — сообщил Тич, — чтоб мы заодно сторожили вход, пока дверь снова не навесят.

Тейр чуть улыбнулся:

— Не думаю, что кто-нибудь посмеет сунуться в этот дом.

Постелила! Какое чудесное слово. Тейр готов был заплакать при мысли о таком добросердечии: ему постелили постель?

Тич тут же улегся, но Тейр, спотыкаясь, вновь вышел во двор, где мерцал свет то ли свечи, то

ли фонаря. Оказалось, что и свечи, и фонаря. Фьяметта прилепила огарок в грязи рядом с ямой для отливки, теперь пустой, и поднимала фонарь повыше, чтобы лучше осмотреть двор.

Там царил полнейший хаос. Брошенный горн, зияющая яма, обломки мебели, разбросанные инструменты. Центральная часть галереи сгорела. Беленая стена была черной от копоти, а по сторонам опасно торчали обгоревшие балки.

— Но пожар-то они погасили! — радостно заметил Тейр.

— Да, — сказала Фьяметта. — Руберта, Тич и соседи. Я не знала… что у меня такие друзья. — Она тяжело опустилась на засыпанные угольками плиты. Останки бархатного платья влажно облепляли ее фигурку. — Ах, Тейр! Мой бедный, бедный дом!

— Ну-ну? — Он осторожно сел рядом с ней и погладил ее трясущиеся плечи. — Утром он, наверное, будет выглядеть получше. Я помогу тебе со всеми починками. Галерея это чепуха. Я ведь ставил крепи в руднике. И такую отстрою тебе галерею, что она никогда не провалится.

Из ее дрожащих губ вырвалось не то рыдание, не то смешок, Тейр не понял.

— Есть ли хоть что-нибудь, чего ты не умеешь?

— Не знаю, — ответил Тейр, подумав. — Я ведь всего не пробовал.

— А ты бы хотел все попробовать? — Ее бровь насмешливо поднялась.

Тейр поглубже вдохнул воздух для храбрости.

— Я хотел бы попробовать стать твоим мужем.

Она часто-часто заморгала и протерла глаза перепачканной в саже рукой.

— Я буду плохой женой. Слишком у меня острый язык. Так все говорят. Тебе ни минуты покоя не будет.

Тейр наморщил лоб.

— Так это «да» или «нет»? Ну послушай, где еще ты отыщешь жениха, готового взять в жены девушку, которая в любую минуту может его подпалить?

— Да никогда! — Она возмущенно выпрямилась. — Но я правда даю волю языку — так батюшка говорил. И у меня мало терпения.

— А у меня много, — отозвался Тейр. — Его хватит на двоих.

— С запустевающей бронзой ты был не слишком-то терпелив! — Уголки ее губ вздернулись.

— Да, но… мне же требовалось, чтобы она была безупречной! — А теперь ему требовалось красноречие. Зачем он начал этот разговор, когда на

него навалилось такое утомление, что в глазах двоится? Он поднял голову и испугался: за черным квадратом крыши небо, стало оранжевым. В городе пожар? — Почему небо такого странного цвета?

Фьяметта, в свою очередь, подняла голову.

— Заря, — сказала она после долгой паузы. — Тучи расходятся.

И правда, темно-синие нагромождения туч были обведены медовой каймой.

— А-а… — Голова у него была словно набита кашей. Фьяметта хихикнула и чихнула. Это ей нужно лежать в постели! И переодетой в сухое! Он притянул ее к себе и обнял, согревая. Она не сопротивлялась. И даже, обняла его за шею. Так они и сидели под светлеющим небом.

— Он выглядит похуже, — сонным голосом заметила Фьяметта.

— А? — Тейр вздрогнул и проснулся.

— Он выглядит похуже. Утром.

Тейр взглянул над вороньим гнездом ее волос на то, что прежде было двором.

— Ну да.

Фьяметта наморщила нос.

— Да.

— Что — да? — спросил Тейр после паузы, сооб-

разив, что понятия не имеет, о чем она говорит.

— Да. Я хочу выйти за тебя замуж.

— О! Отлично! — Он заморгал и крепче обнял ее.

— По-моему, это потому, что ты понимаешь безупречность. Чего она требует.

— Чего?..

— Вот почему я тебя люблю.

На его окаменевшее от усталости лицо пробралась медленная усмешка.

— Конечно. Вот почему я люблю тебя.

Эпилог

Как и замыслил зодчий, утренний свет дня летнего солнцестояния, вливаясь в верхние окна Монтефольского собора, падал широким лучом на аналой. Свет этот заиграл в гранате львиного кольца, когда Фьяметта надела его на палец Тейра. Он блистал, как рубин, как звезда. Золотая львиная маска, казалось, замурлыкала в руке Фьяметты, точно напившаяся вдоволь сливок и всем довольная самая огромная из кошек. Тейр это тоже почувствовал, решила Фьяметта, потому что улыбнулся, будто сам был котом, напившимся сливок. Он обнял ее так, что ребра затрещали, и не отпускал, пока епископ Монреале не кашлянул. А тогда они послушно стали рука об руку, чтобы принять его завершающее благословение. Фьяметта не могла решить, какое одеяние больше подходит Монреале — серое монашеское или вот это облачение из алого шелка и высокая епископская митра. Пожалуй, равно оба. Монреале не принадлежал к тем, кого создает одежда, а потому в любой он выглядел величаво.

И Тейра одежда не делает, продолжала она размышлять, а показывает, какой он. Она то и дело

радостно косилась на него, даже когда благоговейно склонила голову. Его брачный наряд она увидела лишь сегодня — плод заговора между ним, Рубертой и портным. А вот штуку шелка они из бережливости купили одну на двоих, и поэтому его зеленая туника гармонировала с ее распашным платьем. Однако искусный портной сумел заложить подобающее число складок. Благодаря его прямой осанке скромная отделка рукавов и нижнего края позументами выглядела не простенько, а изящно. А сколько знатных сеньоров с тощими кривыми ногами позавидовало бы крепким икрам, которые белые шелковые чулки обтягивали без единой морщинки. Новые блестящие башмаки, а что у него всего одна пара сапог, другим знать не обязательно. Его белокурые волосы были убраны под щегольской головной убор из темно-зеленого сукна с позолоченной бляхой работы самой Фьяметты. «Кусайте пальцы от зависти, монтефольские дамы! Он мой!» Свое обручальное кольцо Фьяметта тоже отлила сама — но на этот раз без заклинания — с маской львицы. Ее крохотные золотые зубы сжимали ограненный зеленый камешек, позаимствованный из глаза серебряной змеи-пояса. Он, как и его пара, оказался при проверке настоя-

щим изумрудом. Ну а целомудренная змея пусть пощурится, пока она не соберет деньги купить замену. Фьяметта чуть повернула руку, чтобы изумруд сверкнул, и наклонила голову ниже, пряча гордую усмешку.

Они повернулись принимать поцелуи, объятия и горячие поздравления свидетелей — кто уж как Лоренцетти, нотариус, пожал им руки. Тич чмокнул ее в щеку. Руберта обняла всех, утирая глаза. Мать Тейра схватила Фьяметту за обе руки и одарила ее ласковой улыбкой, хотя в полных слез глазах все еще пряталось пытливое сомнение. Время рассеет это сомнение, заверил Монреале Фьяметту в беседе с глазу на глаз. И потому Фьяметта улыбнулась в ответ, уповая, что так оно и будет.

Тич самолично доставил вдову Окс из Бруинвальда, в первый раз отправившись в путь со своими мулами. В конце концов ему удалось вернуть их — кроме двух. Без его усердных уговоров и услуг пожилая женщина, возможно, и не решилась бы расстаться с домиком, в котором прошла почти вся ее жизнь, и отправиться в путь, суливший и печаль и радость — на могилу одного сына и на свадьбу другого. Тейр и Фьяметта с тревожным нетерпением ожидали ее приезда,

так как согласились сыграть свадьбу на следующий же день. Она оказалась тихой женщиной, и было видно, как преданно она любит Тейра. Быть может, этот ее взаимный интерес с невесткой поможет им сблизиться. Его свадебный наряд явно привел ее в восторг.

Перед тем как выйти из собора, они свернули в один из приделов, которому более года назад мастер Бенефорте принес в дар несравненное распятие — Христос из белого мрамора на черном мраморном кресте, и теперь оно было приделано к стене железными скобами. В ответ капитул уважил его смиренную просьбу и дозволил установить под столпами Господа Нашего каменный саркофаг. Фьяметта не истолковала эту просьбу как дурное предчувствие, потому что сам он саркофаг так и не заказал. Камнерезчики, которых наняла она, завершили гробницу всего неделю назад, но, как бы то ни было, теперь можно опуститься перед ней на колени и возложить на нее свой свадебный букет.

— Покойтесь с миром, батюшка, — прошептала она.

К жгучему своему сожалению, ей не удалось найти смертную маску матери. Самые тщательные поиски в разгромленном доме не привели ни

к чему, как и расспросы соседей, вернувших себе кое-что из украденного имущества. Даже особый талант Тейра на этот раз не помог, хотя он часами сосредоточенно обходил Монтефолью, мысленно разбив ее на квадраты. Видимо, бронзовую маску увезли из города.

«Я колдунья. И если буду искать со всей душой, я наконец найду вас, матушка, — безмолвно поклялась Фьяметта. — Когда-нибудь. Когда-нибудь».

Поднявшись с колен, она увидела, что позади нее стоит Монреале и глядит на Христа — взглядом не благочестивца, но знатока искусств, как свидетельствовали его слова:

— Чудесно. Пропорции необычны, но они притягивают глаза и мысли.

— Он, говорил мне батюшка, был изваян не с натуры, а по ниспосланному ему видению, когда он был брошен в Риме в темницу по… э… по ложному обвинению, сказал он.

— Да, он мне рассказывал. Видение, во всяком случае, было истинным, — Монреале задумался. — Ну теперь он покоится под взором, перед которым я прах. Благо ему, что у него такой хранитель. Кстати о хранителях. — Аббат обернулся к ней. — У меня есть для тебя свадебный подарок. — Из складок своего одеяния он извлек

сложенный лист пергамента и протянул ей.

Она торопливо развернула похрустывающий лист, прочла и дважды подпрыгнула высоко в воздух…

— Чудесно? Мое цеховое разрешение? Теперь я могу делать и продавать не только металлические безделицы, но творить и продавать заклятия?

— Только с помощью заклинаний, проверенных и одобренных для твоей ступени, — предостерег он. — Официально ты записана как мой подмастерье, так что я отчасти несу ответственность за последствия твоих действий. Следить за тобой ежедневно, как положено мастерам, я не смогу, но не сомневайся, проверять твою мастерскую я буду часто. — Для пущего впечатления он умудрился строго нахмуриться. — И я не потерплю бенефортовских штучек, на какие был горазд твой отец!

— Конечно, монсеньер! — Фьяметта еще раз подпрыгнула и обняла Тейра. — Теперь мы потрудимся?

Тейр ухмыльнулся, разделяя ее сияющий восторг. Монреале понизил голос, чтобы слышала его она одна.

— Я говорю совершенно серьезно, Фьяметта!

Мне пришлось вести себя сугубо осторожно с советом инквизиции касательно дела покойного и проклятого Вителли, чтобы ты не оказалась в нем замешанной. В отчете указано, что дух Ури сам проник в статую, в результате промаха в волхованиях Вителли. Не советую тебе вновь привлекать к себе их внимание.

— Так ведь так и было! — вполголоса возразила Фьяметта. — Я ведь не вынуждала, а только направила его.

— Я постарался не утруждать их умы столь тонким различием. Считай, что дело закончено под моим ручательством как твоего мастера, и не обсуждай его без моего разрешения. А?

Фьяметта улыбнулась:

— Слушаюсь… мастер.

Монреале кивнул с мрачным удовлетворением. Благословив всех присутствующих, он удалился: его ждали дела не только епархии, но и канцлеровские, так как он оказался главным советником герцогини Летиции в ее непривычной роли регентши при малолетнем герцоге Асканио.

Новобрачные и свадебные гости вышли под чудесные лучи утреннего солнца, заливавшего ступени собора. Руберта и Лоренцетти поспешили пешком в дом, чтобы посмотреть, как накрывают

столы — она, и вскрывают бочку вина — он, до того, как там соберутся все соседи, помогавшие тушить пожар.

— Да как я могу поручить этой нанятой девчонке проследить за моими пирогами? — сердито фыркнула Руберта.

Кобольдов не пригласили. Да и после безумного вечера заклинаний и отливки Фьяметта ни разу даже не видела ни единого из этих застенчивых гномов. Однако миска козьего молока, которую она теперь ежевечерне ставила на полу овощного подвала, наутро неизменно оказывалась пустой.

Тейр подсадил свою мать на белого мула, которого одолжил им Тич, а Фьяметту на их белого мерина. Накануне Фьяметта собственноручно мыла и чистила обоих, так что белизну их шерсти не портил ни единый комочек присохшего навоза. На ночь она зашпилила на них старые простыни, чтобы сохранить плоды своего труда. Копыта обоих были вычернены, а в расчесанные гривы и хвосты вплетены яркие ленты. Вогнутую спину мерина маскировали подушечки и цветочные гирлянды, и Фьяметта ловко расправила над попоной зеленую юбку распашного платья и белую — нижнего. Словно польщенный этими заботами, старый коняга грациозно изгибал шею,

гордо шагая по булыжнику. Тейр шел между ним и мулом. Они покружили по улицам и начали подниматься на холм к замку Монтефольи.

Стены окутывало приветливое солнечное сияние, будто не они зловещей преградой вставали там в полуночной тьме шесть недель назад. Всего шесть недель? Словно все это случилось давным-давно и в другом мире. Едва лозимонское войско получило известие о смерти своего вождя и его темного секретаря, как оно повернуло от пограничного брода и отправилось обратно в свою столицу. Родич Ферранте, утвержденный курией его наследником, теперь пытался утвердиться там, и ему меньше всего нужны были лишние неприятности от его соседей.

Цоканье копыт отдалось эхом от каменных стен, когда женщины въехали через ворота между башнями в шумный двор, где кипела жизнь. Кузнецы чинили подъемную решетку, их подмастерья раздували огонь в переносном горне. За работой, опираясь на трость, следил сеньор Пия в летней полотняной одежде и рубахе из египетской ткани. Преданный уход жены помог ему оправиться, хотя он выглядел уже не таким крепким, как прежде, волосы его стали почти совсем седыми, и у него поубыло дородности.

Если не считать чуждой ему прежде нерешительности, рассудок его почти совсем прояснился после горячечного помрачения тех дней безумия, магии и убийств. Он узнал Фьяметту и почтил ее дружеским взмахом руки. Фьяметта помахала в ответ, стараясь придать себе очень занятой вид из опасения, как бы он не подошел и не втянул бы Тейра в новые обсуждения опытов с крыльями летучих мышей — опытов, которыми он намеревался заняться в ближайшем будущем.

Бронзовый Персей-Ури был установлен на каменном пьедестале прямо перед мраморной лестницей. Капитан герцога Сандрино теперь бессменно охранял его замок. Фьяметта вновь закусила губу от непреходящей обиды: герцогиня поручила завершить работу над статуей не ей, а ди Римини. Надо надеяться, что батюшка унесся очень далеко от этой юдоли скорбей, ведь даже его дух пришел бы в черное бешенство при мысли, что величайший труд его жизни попал в руки его соперника. А впрочем, скорее всего в такое же бешенство его привела бы и мысль, что труд этот оказался в руках его дочери. Что же… ди Римини как будто справился. Во всяком случае, статуя пока еще не опрокинулась.

Приходится принимать то, что есть. Герцогиня,

в первые неясные дни своего вдовствования ставшая довольно прижимистой, решила, что можно обойтись без туловища Медузы у ног Персея, которое завершило бы группу, и установить статую в ее нынешнем виде. Конечно, это спасло статую от лап ди Римини, но также дало герцогине предлог уполовинить сумму, которую мастер Бенефорте рассчитывал получить с герцога Сандрино.

Тейр по лицу Фьяметты прочел эти ее мысли — она не раз и весьма бурно высказывала их ему. Сняв ее с лошади у пьедестала, он поцеловал жену в лоб и шепнул:

— Думай о хлебе насущном, любовь моя.

Она кивнула со вздохом покорности судьбе. Полученных денег вместе с окончательным расчетом за солонку хотя бы хватило на уплату всех долгов ее отца. Купив новые инструменты для мастерской и отложив сумму на расходы до получения заказов, Тейр ничего из нее не потратил на починку дома, все сделав сам. Его новая галерея выглядела достаточно прочно, чтобы на ней затевали пляску слоны султана.

Новая мебель и одежда могли подождать. Тейр остудил ее язычок, указав, что Господь обещал лишь хлеб насущный, а не пекарню к нему. И правда, герцогиня вскоре заказала ей украшения

для Джулии из серебра и жемчуга. А мастерская, которую удостоила вниманием герцогиня, конечно же, будет завалена заказами всех знатных дам Монтефольи.

Тейр положил охапку привезенных ими цветов к ногам бронзовогоУри, и Фьяметта деликатно отступила в сторону, чтобы мать Тейра могла в последний, нежданный, раз вглядеться в черты своего погибшего сына. Оценит ли она чудесную плавность линий, победную позу, безупречность отливки? Согреет ли ее сердце эта дань его памяти и его доблести?

— Тейр, — прерывающимся голосом произнесла пожилая женщина, — он же голый! — И, расстроенно прижала ладонь к губам.

— Ну да, матушка, — ответил Тейр с умиротворяющей невозмутимостью. — У итальянцев все статуи такие. Наверное, из-за жаркого климата.

— Господи! Господи!

Тейр почесал в затылке, словно взвешивая, не вскочить ли на пьедестал и не утешить ли ее, поместив букет в стратегическом пункте.

Но она справилась со своим ужасом настолько, что произнесла дрожащим голосом:

— Она… она, наверное, очень хороша…

«Но он же голый!» — почти услышала Фьяметта

ее страдальческий мысленный вопль.

Фьяметта, не зная, то ли засмеяться, то ли огрызнуться, укусила себя за палец и промолчала. Она подняла глаза на бронзовое лицо под крылатым шлемом. Металлические губы чуть-чуть изгибались в уголках. И она поняла.

Ури засмеялся бы.

Послесловие автора

Для любителей редких книг я хотела бы добавить несколько слов о главных исторических источниках «Кольца духов».

Толчком к роману послужил том — вернее три тома, все связанные с историей моей семьи и много лет простоявшие в тесном соседстве на одной из моих книжных полок. Первое семя с моего фамильного древа (и, бесспорно, редчайшая из книг, меня вдохновивших), это ученая монография, которая была опубликована в 1907 году под заглавием «Благодарный мертвец. История народного сказания» и принадлежала перу моего двоюродного деда Гордона Холла Джерулда, бакалавра литературы (Оксфорд) и преподавателя Принстонского университета. Мне эта книга досталась по материнской линии. На 174 убористо набранных страницах дядя Гордон проследил примерно в двадцати странах и на протяжении двадцати веков судьбу очень древнего фольклорного сказания с таким названием. В кратчайшем изложении оно сводится к следующему: молодой человек отправляется на поиски счастья и оказывается свидетелем спора из-за трупа должника,

который должен оставаться непогребенным, пока долги не будут уплачены. Наш герой предлагает свое имущество — самое различное в зависимости от версии, но обязательно все, что у него есть за душой, — и мертвеца погребают. Он идет дальше навстречу новым приключениям, но теперь обретает в них сверхъестественную помощь благодарного духа мертвого должника — награду за благочестивое деяние.

Большое разнообразие вариантов, которые нашпиговывали монографию точно засохшие изюминки и просто молили, чтобы в них снова вдохнули жизнь, неопровержимо свидетельствовало, что речь идет о вселенской теме большой силы.

И тут в игру вступают два других тома, наследие из обширной и крайне эклектичной библиотеки моего отца инженера. «De Re Metallica» Агриколы, написанный в XVI веке по латыни трактат о горном деле и металлургии и переведенный на английский Гербертом и Лу Гуверами. (Да-да, президентом. Он был горным инженером, прежде чем занялся политикой. А его супруга была также знатоком латыни.) Агрикола подсказал героя «Колец духов», скромного сына швейцарского рудокопа, Тейра Окса. Кобольды появились из

примечания к этому же трактату. А «Биография Бенвенуто Челлини», естественно, стала источником для Просперо Бенефорте и еще многого. Агрикола — чтение не из легких, но Челлини я горячо рекомендую всем любопытствующим. Там вы найдете золотую солонку, бронзового Персея, сумасшедшего кастеляна и тысячи других восхитительных и устрашающих подробностей, живописующих ту эпоху, не говоря уж об изумительном эгоистичном чудовище, самом Челлини.

Затем последовали еще десятка два книг справочного характера (кольцо духов, принадлежавшее Лоренцо Медичи, вы найдете в великолепно иллюстрированной «Европе 1492» Франко Кардини), но эти три были семенами, из Которых вырос роман.

Нет никаких сведений, что у Челлини была дочь. И Фьяметта — мое собственное создание.